

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

ТОМЪ СХV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХV.

1909

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ОРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1909

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
ЯНВАРЬ, 1909 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1909 г.

	СТРАН.
I. Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Великой). I—VI. Н. А. Энгельгардта.	7
II. Воспоминанія о цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ и императорѣ Александрѣ III въ юности. Н. Н. Фирсова (Л. Рускина).	44
III. Подъ чужимъ небомъ. (Историческій рассказъ). В. Г. Авефенко.	76
IV. Паденіе искусства. (Листки изъ записной книжки). I — XIX. П. П. Гибдича.	112
V. Страна неожиданностей. (Изъ замѣтокъ японца). I—VII. Р. П. Сементковскаго.	142
VI. Императоръ Вильгельмъ въ Выштынцѣ. К. К. Трионова.	190
VII. Неизданное стихотвореніе Я. П. Полонскаго. Сообщ. С. Уманецъ.	195
VIII. Къ вопросу о днѣ рожденія Н. В. Гоголя. М. Григоревскаго. . .	197
IX. Раздѣленіе Европы на два лагеря. (По дипломатическимъ и другимъ источникамъ). В. Ф. Пуцыковича.	199
X. Какъ мы издавали газету. (Для будущаго историка провинціальной печати). М. Туринскаго.	206
XI. Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). Обновленная Россія (вмѣсто предисловія). I—V. В. В. Глинскаго.	222
XII. Николай Валерьяновичъ Муравьевъ. (Некрологъ). Н. Н. Лендера. иллюстрація: Николай Валерьяновичъ Муравьевъ.	253
XIII. Новый памятникъ въ Царскомъ Селѣ. Е. К. Андреевскаго. иллюстраціи: 1) Гранитный ящикъ въ закрытомъ видѣ поставленный на табуретъ). — 2) Гранитный ящикъ открытъ, на немъ поставленъ вынутый изъ него мраморный ящикъ. — 3) Памятникъ открытый въ 1907 г. въ Царскомъ Селѣ (Софія) въ районѣ расположенія л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка.	259
XIV. Одесскій музей. В. Данилова. иллюстрація: Одесскій музей.	264
XV. Кальварія. П. И. Корневскаго. иллюстраціи: 1) Вечерникъ. — 2) Въ Огройцу. — 3) «Компанія». — 4) Подъемъ на Сіонскія высоты и первая брама Іерусалима. — 5) Къ Пилату. — 6) Подъ тяжестью креста. — 7) Костель св. Креста.	268
XVI. Аудако, колонія прокаженныхъ на островѣ Эзелѣ. А. Э. Зноско-Боровскаго. иллюстраціи: 1) Глазныи флигель въ Аудако. — 2) Часть столовой для церковныхъ службъ. — 3) Два домика для прокаженныхъ мужчинъ. — 4) Одинъ изъ домиковъ для прокаженныхъ женщинъ. — 5) Група прокаженныхъ съ устройтелемъ колоніи Зандеромъ и фельдшеромъ Керге.	289
XVII. Критика и библиографія.	312
1) Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Томъ I, съ 21-ю рисунками. Спб. 1908. в. т. — 2) А. А. Кауфманъ. Русская община въ процессъ ея зарожденія и роста М. 1908. м. Илчкова. — 3) Донесенія французскихъ представителей при русскомъ дворѣ и русскихъ представителей при французскомъ дворѣ. Т. III. 1819—1820. Спб. 1908. (Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. 127-8), л. 4) Дѣла тайнаго приказа. Книга 2-я. Изданіе императорской археографической комиссіи подъ редакціей Н. Я. Гурлянда. Спб. 1908 г. А. X—из. — 5) Ю. В. Арсеньевъ. Геральдика. Лекціи, читанныя въ московскомъ археологическомъ институтѣ въ 1907—8 г. — 6) Э. М. Савезовъ. Лекціи по русской генеалогіи, читанныя въ московскомъ археологическомъ институтѣ въ 1907—8 г. (См. слѣд. стр.).	

гическомъ институтѣ. Первое полугодіе.—В. А. Городцовъ. Первобытная археология. Курсъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ. М. Соколовскаго.—6) М. Грулевъ. Соперничество Россіи и Англіи въ Средней Азій. Спб. 1909.—М. Грулевъ. Очеркъ восстаній пограничныхъ племенъ Индіи за послѣднія 10 лѣтъ. Спб. 1909.—А. Гамилътовъ. Афганистанъ. Переводъ съ англійскаго С. П. Голубинова. Спб. 1908. л. н.—7) Академикъ Истричъ. Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX вѣка. Спб. 1907. А. Фомина.—8) Владимиръ Вобровъ. «Русскія народныя сказки о животныхъ». Исслѣдованіе. Варшава. 1909. Профессора М. Красножена.—9) В. А. Розовъ. Пушкинъ и Гёте. Кіевъ. 1908. м. б.—10) Старые годы. Ежемѣсячникъ для любителей искусства и старины. 1907. Январь—октябрь. А. Я.—11) Письма Владимира Сергѣевича Соловьева. Томъ I. Подъ редакціей Э. Л. Радлова. Спб. 1908. м. л.—12) Профессоръ А. С. Визингъ. Въ туманѣ смутныхъ дней. Харьковъ. 1908. А. М.—13) С. П. Фармаковский. «Возрожденіе Урала». Очерки. Спб. 1908. м. Лендера.—14) П. Засодимскій. «Иль воспоминаній». М. 1908. б. г.—15) «Вѣстникъ общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ». № 1—3. Спб. 1908. м. а.—16) St. Tarnowski. Nystorya literatury polskiej. Tom VI, Czeszc druga. Wiek XIX. 1863—1900. Краковъ 1907. Стр. IX+647. А. Яцимирскаго.—17) Д. Святскій. Историческій очеркъ городовъ Сѣвска, Дмитровска и Юмаринской волости. Орелъ. 1908. Д. Зеленина.—18) Проф. Ю. А. Кузяковскій. Амміанъ Марцеллинъ. Исторія, переводъ съ латинскаго. Выпускъ III. Кіевъ. 1908. в.—18) Очеркъ истории переяславско-бориспольской епархіи (1733—1785), въ связи съ общимъ ходомъ малороссійской жизни того времени. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія Владимира Пархоменко. Издавіе полтавскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Полтава. 1908. в. Руданова.—19) Васенко, П. Г. Дьякъ Иванъ Тимофеевъ, авторъ «Временника». (Къ исторіи перелома въ развитіи древне-русской исторической мысли). Спб. 1908. Я. Бирюнова.—20) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1908 годъ. Книга вторая. Издана подъ завѣдываніемъ М. Б. Любавскаго. М. 1908. в. Р—ва.—21) Персиваль Хисламъ. Господство на Атлантическомъ океанѣ. Переводъ съ англійскаго морского генеральнаго штаба капитана 2-го ранга барона Гревеница. Спб. 1908 г. 297 стр. л. н.—22) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XIII. Юрьевъ. 1908. Стр. XX+240.—0-ля.—23) Списокъ книгъ, приобретенныхъ бібліотекою императорскаго с.-петербургскаго университета съ 1 июля 1904 года по 31 декабря 1906. Спб. 1907. м. а.—24) Древности. Труды славянской комиссіи императорскаго московскаго археологическаго общества. Томъ IV, вып. I. Изданъ подъ редакціей А. Т. Орлова. Москва. 1907. А.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 357

1) Итимныя подробности о герцогинѣ Курляндской.—2) Робертъ Фултонъ во Франціи.—3) Мемуары лэди Черчилъ.—4) Письма Ницше.—5) Письма князя Меттерниха къ графинѣ Ливенъ въ 1818 году.—6) Смерть дочери Паундорфа, лорда Глэнеска, Ашиля Люшера, г-жи Арведъ Варниъ и Фридриха Шульце.

XIX. Первый женскій всероссійскій съѣздъ. Б. Б. Глинскаго. 384

XX. Смѣсь. 408

1) Юбилей Елизаветинскаго института.—2) Юбилей Д. И. Пловадскаго.—3) Юбилей В. П. Ламбина.—4) 25-лѣтіе смоленскихъ курсовъ для рабочихъ въ Петербургѣ.—5) Музей А. Р. Вродовскаго въ Вильнѣ.—6) Московскій отдѣлъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества.—7) Новая влинка въ Петербургѣ.—8) Отъ Высочайше утвержденной комиссіи по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ Петербургѣ.

XXI. Некрологи. 418

1) Альмедингенъ, А. Н.—2) Будиловичъ, А. С.—3) Возковъ, П. Н.—4) Гарничъ-Гарницкій, О. М.—5) Зеевъ, В. А.—6) Каразинъ, П. Н.—7) Логинова, Г. М.—8) Магдсѣланцъ, З. Я.—9) Павловская, Л. Е.—10) Петровскій, Н. О.—11) Пѣвцовъ, В. Г.—12) Гр. Салтасъ, Е. А.—13) Сильвестръ, епископъ.—14) Соколовъ, Н. М.—15) Федоровичъ, Л. В., проф.—16) Хартулари, К. Ф.—17) Шмидтъ, Ф. В.

XXII. Замѣтки и поправки. 432

Объ изданіяхъ «Кружка любителей русскихъ язычныхъ изданій». м. н. Соколовскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ цесаревича Николая Александровича. 2) Гуда Искариотъ. Драматическая поэма въ пяти отдѣленіяхъ Флизы Шмидтъ. Переводъ Н. Тюменева. Отдѣленіи I—II.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1909 году
(ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ).

«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1909 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать девять лѣтъ (1880—1908).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «**Новаго Времени**» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ**, **Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «**Новаго Времени**», и въ **Кіевѣ**, при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

ЦЕСАРЕВИЧЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

ГРАФЪ ФЕНИКСЪ.

(Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Великоѣй).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Qui pourra, grand Dieu, pénétrer,
Ce sanctuaire impénétrable?

J. B. Rousseau.

Dieu! nous voilà dans les brouillards.
Béranger.

Мы хотимъ вести васъ, почтеннѣйшій читатель, въ «подполье» XVIII вѣка, познакомить съ таинственными сообществами, отрасли которыхъ обнимали Европу. Движущей силой сихъ сообществъ, связанныхъ клятвами, странными ритуалами, узнававшихъ другъ друга при помощи секретныхъ словъ, знаковъ, рукопожатій, было вѣяніе духа времени, вдохновеніе предчувствій крушенія старыхъ формъ жизни. Россія не осталась чуждой этому движенію и вдохновенію. И въ ней работали таинственные строители. Рабство миллионовъ было фундаментомъ золотого трона гремящей славою сѣверной Семирамиды. Упоенные роскошью и вѣгой вельможи царицы съ нею господствовали надъ безгласной страной. Но въ ихъ золотой, сверкающей брильянтами толпѣ скользили странныя тѣни, люди пасмурные, одѣтые въ темное платье, сторонящіеся оргій. Эти тѣни собирались гдѣ-то въ «подпольи»... И великій поэтъ той эпохи выразилъ внутрен-

нее противорѣчіе блестящаго царствованія въ бесѣдѣ предостерегающаго голоса съ развращеннымъ сердцемъ покоющагося на ложѣ сладострастія вельможи, сибарита:

Проспись, о сибариты! Ты спишь
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь?
Несчастныхъ голосу не внемлешь...
...«Мнѣ мигъ веселья моего
Дороже, чѣмъ въ исторіи вѣки.
Жить для себя лишь одного.
Лишь радостей умѣть пить рѣки.
Лишь вѣтромъ плыть. Гнестъ чернь ярмомъ.
Стыдъ! Совѣсть!.. слабыхъ душъ тревога...
Нѣтъ добродѣтели! Нѣтъ... Бога». —
Злодѣя! Увы! И грянулъ громъ.

Да, громъ грянулъ, молнія пала, но, сокрушивъ тронъ Людовика XVI, она миновала престолъ рожденной Ангальтъ-Цербстской принцессы. Екатерина спокойно кончила дни свои среди баръ-сибаритовъ и безгласныхъ рабовъ. Но именно монархи и принцы крови стояли во главѣ тѣхъ тайныхъ обществъ и орденовъ, цѣлью которыхъ было уничтоженіе всякихъ титуловъ, всякаго кастоваго неравенства. Ослѣпленные, обманутые, эти принцы вмѣстѣ съ многими аристократами брали въ руки символическій молотокъ и надѣвали символическій передникъ грядущаго царства буржуазіи и демократіи. Преображеніе Европы готовилось издавна, предчувствія его попадаютъ постоянно у поэтовъ и драматурговъ XVIII вѣка. Творецъ изящныхъ, игривыхъ оперетъ-комедій Фаваръ въ «Les trois sultanes» со сцены вдругъ произноситъ устами невольницы гарема пророческія слова, обращая ихъ къ партеру съ безпечными пудреными маркизами и аббатами, къ ломамъ, гдѣ улыбаются принцы и сеньеры Франціи:

Vos grandeurs sont des mascarades;
Jeux d'enfants que tous vos projets;
Lorsque la toile tombe, empereurs et sujets,
Tous sont égaux et camarades ¹⁾.

Огромную роль тайныхъ обществъ и орденовъ «подполья» XVIII вѣка въ дѣлѣ подготовленія революціи, признаетъ и выясняетъ между прочимъ Луи-Бланъ. Наканунѣ французской революціи, сообщество, составленное изъ людей всѣхъ націй, религій, состояній, связанное клятвой хранить тайну и условными символическими знаками, — масонство — получило огромное развитіе и распространеніе во всей Европѣ. Масоны внушали смутный страхъ

¹⁾ Все ваше величіе — маскарадъ; дѣтская игра — всѣ ваши предпріятія; когда упадетъ занавѣсъ, императоры и подданные, всѣ окажутся равными и товарищами.

наиболѣе подозрительнымъ правительствамъ. Папа Климентъ XII предалъ ихъ орденъ анаоемъ; ихъ преслѣдовала инквизиція; ихъ гнали въ Неаполѣ; въ 1779 году, когда именно происходитъ дѣйствіе нашего романа, съ каюдры собора въ Эксъ-ла-Шапель доминиканецъ Грейнеманъ и капуцинъ Шуфъ въ проповѣдяхъ называли франкмасоновъ «предшественниками Антихриста», а Сорбонна отъ лица священнаго факультета теологіи объявила ихъ «достойными вѣчныхъ мукъ»; но уже цѣленія матеріальнымъ огнемъ не рѣшились предложить въ дни Вольтера и энциклопедистовъ; а принцы, правители и аристократы во имя толерантности и просвѣщенія становились во главѣ ордена; въ Германіи то былъ Фридрихъ Великій; во Франціи гроемейстеромъ ордена еще въ 1772 г. сталъ герцогъ Шартрскій, будущій Филиппъ Эгалите, другъ Дантона. Въ рѣдчайшей книгѣ «Recueil précieus de la maçonnerie adoniramite» (1787 г.), въ обрядѣ столовой ложи читаемъ, что на банкетахъ масоны прежде всего пили за здоровье короля, королевы и королевской фамилии, а затѣмъ «du Très-Illustre Frère, Seigneur Duc d'Orléans, Sérénissime Grand-Maître de toutes les Loges Françaises et celle de la Respectable Soeur Caroline, Reine de Naples»; за здоровье послѣдней пили въ знакъ благодарности за покровительство, оказанное королевой гонимымъ масонамъ; далѣе пили за здоровье «de tous les Rois Maçons, Protecteurs de la Maçonnerie» (р. 31). На стр. 66 того же масонскаго катехизиса говорится, что не только масонство имѣетъ покровителями и членами «сыновей нашихъ королей», въ спискахъ своихъ оно вообще видитъ имена величайшихъ принцевъ Европы и прекраснѣйшихъ геніевъ мира, каковы Фридрихи, Гельвеціи, Вольтеры, Лаланды и т. д. Большинство будущихъ героевъ революціи были масоны, какъ указываетъ Луи Бланъ: Гара, Камилль Демуленъ, Дантонъ, Петіонъ — члены ложи «Девяти сестеръ», и т. д. Но особое развитіе приняли тайныя общества, когда въ 1776 году двадцативосьмилѣтній профессоръ каноническаго права Вейсгауптъ создалъ систему «иллюминизма», цѣль которой была низвергнуть все политическое и гражданское устройство міра и «сдѣлать изъ рода человѣческаго, безъ различія націй, званій, профессій, одну счастливую и добрую семью». Цѣли «иллюминизма» были близки къ масонству, въ катехизисѣ котораго на вопросъ: «Скажи мнѣ, кто такой масонъ?» — слѣдоваль отвѣтъ: «Свободный человѣкъ, вѣрный законамъ, братъ и другъ королей и пастуховъ, когда они добродѣтельны». «Cette Société,— читаемъ въ предисловіи катехизиса, — suit la doctrine de la Loi Naturelle». Доктрина естественнаго закона, проповѣданная Руссо, вдохновляла и Вейсгаупта, и маркиза де-Сень-Мартена. Титулы и происхожденіе не имѣли значенія въ масонствѣ. «Священное тройное число» — «свобода, равенство и братство» — лежало въ основѣ кабалистики всѣхъ этихъ сообществъ: масоновъ, иллюминатовъ,

мартинистовъ, сведенборгіанцевъ, тамплиеровъ, ноехитовъ, розенкрейцеровъ и тѣхъ «эклектическихъ системъ», которыя скоро составились изъ всѣхъ «отраслей» страннаго древа тайны, укоренившася во всѣхъ государствахъ и раскидавшася вѣтви на весь земной шаръ. Правда, гонимые отцы іезуиты организовали тоже свое масонство, четыре высшіе градуса котораго соотвѣтствовали четыремъ разрядамъ самихъ членовъ Іисусова ордена; а Вейсгауптъ, какъ воспитанникъ іезуитовъ, хотя и проникшійся къ нимъ неугасимой ненавистью, внесъ всѣ приемы отцовъ въ свою организацію. Явилась тогда какая-то таинственная, вездѣсущая администрація, о которой такъ часто говорятъ писатели XVIII вѣка; «братья изслѣдователи», «вкрадывающіеся братья» шпионили во всѣхъ центрахъ Европы; при всѣхъ дворахъ, во всѣхъ учрежденіяхъ имѣлись «свои люди»; неуловимые доносчики быстро, какъ по телеграфу, передавали изъ одного мѣста въ другое секреты, вывѣданные при дворахъ, въ коллегіяхъ, въ канцеляріяхъ, въ судахъ, въ консисторіяхъ. Въ столицахъ проживали какіе-то таинственные путешественники; ихъ настоящее имя, происхожденіе и званіе, цѣль ихъ пребыванія, источникъ огромныхъ средствъ, которыми они располагали, были загадкою для всѣхъ. То были медики, алхимики, вызыватели духовъ и мистагоги.

Эти агенты «подполья» при каждомъ переѣздѣ въ новую страну мѣняли имя, часто распуская слухъ о своей смерти въ старомъ обликѣ. По всему міру леталъ таинственный, легендарный фениксъ, сгоралъ и возрождался вновь. Въ гуманистическія идеи, въ политическій фанатизмъ, въ восторженный мистицизмъ возрожденія, освобожденія и преображенія міра и человѣка влилась при этомъ муть шарлатанства, пройдохества, честолюбія и алчности къ вліянію и золоту. Въ числѣ этихъ агентовъ «подполья» XVIII вѣка былъ и знаменитый Каліостро, непостижимая смѣсь генія и низости, знаній и невѣжества, великодушія и пройдохества, авантюристъ и миссіонеръ, жрецъ тайны, алхимикъ и врачъ, умѣющій читать сверкающую книгу небесъ. Каліостро появляется подъ разными именами въ разныхъ странахъ. Въ 1779 году онъ явился въ Петербургъ и прожилъ здѣсь около девяти мѣсяцевъ. Этотъ именно эпизодъ и взятъ темой нашего романа.

Въ петербургскомъ обществѣ тогда господствовалъ фривольный и насмѣшливый атеизмъ во вкусѣ Вольтера. Обряды церкви соблюдались лишь для приличія, «для людей». Императрица-вольтеріанка, поклонница и воспитанница методически ясной и поверхностной доктрины энциклопедистовъ, либералка для Европы, феодалка у себя дома, хитрая и ловкая, Екатерина не терпѣла мистической темноты. Но въ Гатчинѣ находился «малый дворъ». Уже изъ одного духа противорѣчія, все отвергаемое «большимъ» дворомъ имѣло успѣхъ при «маломъ». Мистицизмъ и таинственное были въ высшей сте-

пени близки причудливому, странному, мечтательно - романтическому характеру Павла Петровича.

Письма цесаревича къ митрополиту московскому, краснорѣчивому Платону, обыкновенно благословлявшему аристократическихъ дамъ, знаменуя крестъ благоуханной живой розой, письма эти показываютъ въ Павлѣ Петровичѣ глубоко религіознаго человѣка, алчущаго, ищущаго Бога. Можно сказать, что Павелъ всецѣло проникнутъ былъ религіознымъ чувствомъ? Онъ стремится къ Богу съ экстазомъ, съ пламеннымъ мистицизмомъ. Это настроеніе дѣлало Павла отзывчивымъ къ тѣмъ теченіямъ европейской мысли, которыя вели къ увлеченію оккультными знаніями, къ духовидѣнію, къ общенію съ иными мірами. Рядомъ со скептической системой и отчасти какъ реакція ей, всѣхъ обуяла тогда странная жажда чудеснаго. Сухой раціонализмъ, безличный, абстрактный Богъ философовъ не отвѣчали страстнымъ исканіямъ идеала, бурѣ закипающихъ революціонныхъ чувствъ. Мистицизмъ особенно развился въ Германіи. Лафатеромъ и Сведенборгомъ увлекались всѣ. Возникли безчисленныя мистическія ассоціаціи и оккультическія общества. Но духъ вѣка превращалъ ихъ въ горнила грядущаго европейскаго переворота. Секта теософовъ, принявшая средневѣковое наименованіе Розы и Креста, въ лицѣ Шрепфера, открывшаго въ 1772 году ложу въ Лейпцигѣ, привлекла множество адептовъ; идеи розенкрейцеровъ привилъ великой ложѣ Берлина другой апостоль, теософъ и шарлатанъ, Веллнеръ. Это странное состояніе умовъ перешло и въ Россію. Доктрины теософовъ проникли изъ Германіи въ замки курляндскихъ бароновъ; тамъ занимались вызываніемъ духовъ, астрологіей, алхиміей, магіей. Далѣе мистическія ученія распространились въ Петербургѣ и Москвѣ. Здѣсь увлекались мечтаніями Сведенборга. Еще около 1765 года знаменитый адептъ магіи, составитель гороскоповъ и вызыватель духовъ, графъ де-Сенъ-Жерменъ волновалъ чудесными исторіями своими аристократію Петербурга. Въ 1779 году Петербургъ посѣтилъ Месмеръ и увлекъ многихъ темнымъ ученіемъ о міровой жидкости, о цѣпи живыхъ существъ, о токахъ, скопляемыхъ сильною волею человѣка. Только и говорили, что о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершенныхъ Месмеромъ. Скоро масонскія ложи чрезвычайно размножились. P. Deschamps въ своемъ сочиненіи «Les Sociétés secrètes et la Société» утверждаетъ, что въ 1787 году въ Россіи считалось 145 ложъ, а въ Польшѣ 75 (t. II, p. 687). Особенно сильно было вліяніе на русское масонство Сенъ-Мартена. Книга его «О заблужденіи и истинѣ» была переведена, хотя и съ пропусками многихъ мѣстъ. Мечтательный, экзальтированный, великій князь Павелъ Петровичъ увлекался мистикой; онъ любилъ мистеріи, оккультныя ассоціаціи, адептовъ и книги, проповѣдывавшія эти идеи. Къ тому же всѣ принцы той эпохи знали съ очарователями. Шведскій

король былъ напитанъ мистикой и окруженъ ясновидящими; его братъ, герцогъ Зюдерманландскій, по ночамъ въ пустынныхъ паркахъ совершалъ таинственныя заклинанія. Интимнымъ другомъ Павла Петровича, ведшимъ съ нимъ сердечную переписку, былъ прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ, всецѣло преданный теургіи и герметическимъ наукамъ, который, едва вступивъ на престолъ, окружилъ себя магами, духовидцами и теософами. Два авантюриста высокой марки, Веллнеръ и Бишофвердеръ, представляли наслѣдника Фридриха Великаго въ *occulta occultissima*. Вліяніе розенкрейцеровъ и роль престижиджитаторовъ въ Берлинѣ была огромна. Павелъ Петровичъ велъ съ прусскимъ королемъ тайную мистическую переписку и, несомнѣнно, находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ берлинскихъ иллюминатовъ. Кромѣ того, Павелъ Петровичъ во время заграничнаго путешествія посѣтилъ въ Швейцаріи Лафатера и потомъ велъ съ нимъ переписку; что касается Сенъ-Мартена, то онъ былъ весьма близокъ съ августѣйшимъ семействомъ герцоговъ Вюртембергъ-Монтбельяръ. Сенъ-Мартенъ имѣлъ въ числѣ наиболѣе усердныхъ учениковъ многихъ членовъ высокой аристократіи. Одинъ изъ многочисленныхъ русскихъ друзей основателя секты мартинистовъ, приобрѣтенныхъ имъ въ Лондонѣ, былъ Кошелевъ; послѣдній и представилъ Сенъ-Мартена ко двору замка Монтбельяръ; августѣйшая родительница Маріи Ѳеодоровны прониклась къ нему обожаніемъ. Философъ, русскій вельможа и принцесса завтракали втроемъ въ гротѣ Этюпа и вели сладостную бесѣду.

Насколько глубоко было вліяніе герметизма и теософіи на русскую аристократію, видно изъ того, что оно продолжалось и въ XIX вѣкѣ, даже еще въ царствованіе императора Николая Павловича. «Вліяніе энциклопедистовъ на дворъ Екатерины II миновало, уступивъ мѣсто разнаго рода попыткамъ,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ графъ В. А. Сологубъ.—Возникли идеологи, мыслители, искатели соціальной правды и даже философскаго камня, что, впрочемъ одно и то же.

«Съ трудомъ вѣрится, чтобы цѣлое поколѣніе отборныхъ умовъ могло углубляться не только въ изученіе халдейской премудрости и формулъ умозрительной символистики, но еще серьезно занималось алхимическими препаратами, основанными на меркуріи и имѣющими создать золото.

«Послѣ тестя моего, графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго... осталось нѣсколько тысячъ книгъ герметическаго содержанія. Большая часть этой драгоценной бібліотеки поступила въ императорскую публичную бібліотеку... нѣкоторую часть я имѣлъ случай отыскать въ амбарѣ курскаго имѣнія вмѣстѣ съ разными кабалистическими рукописями и частными письмами масонскаго содержанія. Это собраніе... указываетъ на переходъ герметизма къ

иллюминизму, къ мистицизму, къ піетизму, а впоследствии довели къ скептицизму, къ либерализму, къ гегелизму, къ коммунизму и къ нигилизму, уже мечтающему о терроризмѣ. Любопытно было бы прослѣдить, какъ каждый новый токъ мышленія возбуждалъ восторгъ и казался послѣднимъ словомъ отвлеченной мудрости».

Дѣйствительно, идеи мистиковъ-масоновъ XVIII вѣка содержали начала всѣхъ послѣдующихъ «токовъ мышленія», по мѣткому выраженію графа Сологуба. Такъ, просматривая въ публичной библиотекѣ Inventarium книгъ графа Вильгорскаго его bibliotheca magica, мы нашли латинскій трактатъ — полную систему nihil, философскаго нигилизма, изданный въ Венеціи въ 1734 года подъ хитрымъ заглавіемъ: «Nihil, fere nihil, minus nihilo».

Что касается коммунизма, то въ собраніи французскихъ и голландскихъ масонскихъ пѣсень подъ заглавіемъ «La libre maçonpe», первое изданіе которой вышло въ 1766 г., находимъ такой гимнъ:

Lorsque sous le règne d'Astrée,
L'innocence, guidoit nos pas,
L'on ne voïoit point de combats,
Ni la terre de morts jonchée,
En voici, Frères, la raison:
Tout homme étoit un Franc-Maçonn!
Grands et petits, pour être heureux,
Sans nulle plainte, ni murmure.
Partageoient alors entr'eux
Les biens que produit la Nature.
Et voici, Frères, la raison:
Tout homme étoit un Franc-Maçonn! ¹⁾

Коммунистическій принципъ полюбовнаго раздѣла продуктовъ труда между работниками, между великими и малыми ярко выраженъ въ этой старинной пѣснѣ.

Николай Энгельгардтъ.

¹⁾ Когда подъ властію Астреи невинность направляла наши стопы, болѣе не видно было битвъ и земля не поглощала мертвецовъ. И вотъ причина тому, братья; весь человекъ былъ истиннымъ масономъ!

Великій и малый, чтобы быть счастливыми, безъ всякой жалобы и недовольства дѣлили тогда между собою блага, производимыя природой. И вотъ причина тому, и проч.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Вы слышали о графѣ Сень-Жерменѣ, о которомъ рассказываютъ такъ много чудеснаго... Надъ нимъ смѣялись, какъ надъ шарлатаномъ, а Казанова въ своихъ запискахъ говорить, что онъ былъ шпионъ; впрочемъ, Сень-Жерменъ, несмотря на свою таинственность, имѣлъ очень почтенную наружность и былъ въ обществѣ человекъ очень любезный.

«Пиковая дама».

I.

Маркизь Пелегрини и сіёръ Бабю.

Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца 1779 года, въ седьмомъ часу утра по Невской перспективѣ отъ старой московской дороги мимо лиговскихъ огородовъ шелъ человекъ, не возбуждавшій ничего вниманія скромною наружностью, тѣмъ болѣе, что въ столь ранній часъ некому было любопытствовать. Столица сѣверной Семирамиды покоилась еще безпечнымъ сномъ. Подвигался лишь рабочій людъ, охтенскія поселанки въ ихъ чухонскихъ нарядахъ спѣшили съ кувшинами молока, да хозяйки попроче поднялись, чтобы закупить съ возовъ раньше другихъ припасы съ уступкой для почина. Даже слуги богатыхъ домовъ теперь спали, равно какъ и чиновники, хотя по регламенту имъ уже пора было чинить перья и доставать бумаги. Сладко спали и молодые гвардейцы въ караулахъ, безпечно совлеки съ себя амуницію и примостившись на мягкихъ креслахъ и софахъ, присланныхъ имъ на абвахты и въ кордегардіи изъ дому попечительными домашними. Въ счастливое царствованіе мудрой Астреи богъ Морфей вмѣстѣ съ Фортуной занимали главное мѣсто въ капищѣ избалованныхъ петербуржцевъ. Лишь приказная тля, ябедники, крапивное сѣмя въ халатахъ, съ подвязанными зубами, съ суконными мѣшками подъ мышкой и съ чернильнымъ пузырькомъ на шнуркѣ, зацѣпленнымъ за пуговицу, спѣшили въ присутственныя мѣста, въ палаты правосудія, ловить столь же мелкотравчатыхъ раннихъ кліентовъ, да просители и просительницы, вдовы, инвалиды на деревянныхъ ногахъ, а также заимодавцы, пробирались на пышныя крыльца подъ фронтоны вельможъ и баръ, имѣя въ виду проникнуть въ переднія, лишь только поднимутся лѣнливый привратникъ и жирный дворецкій.

Пріятное лѣтнее утро бодрило и веселило идущихъ по Невской перспективѣ. Свѣжій вѣтерокъ тянулъ со взморья и перебиралъ листы старыхъ березъ и липъ, въ два ряда росшихъ вдоль длиннѣйшей столичной улицы.

Человѣкъ, не возбуждавшій, какъ уже сказано, ничего вниманія, шелъ подъ деревьями мѣрнымъ, торжественнымъ и неспѣшнымъ шагомъ. Средняго роста, онъ былъ необыкновенно широкъ и дюжъ въ плечахъ и вообще его можно было назвать «квадратнымъ»—и большая голова на бычьей, короткой и толстой шеѣ, и грудной ящикъ, и спина, все у него было квадратное. Поярковая черная шляпа съ тремя загнутыми краями на манеръ пирога разстегая не имѣла никакихъ украшеній, кромѣ небольшой розетки изъ лентъ зеленого и краснаго цвѣта. Локоны сырцоваго парика упрятаны были сзади въ черный кошелекъ. Съ плечъ спускался черный же длинный женевскій плащъ. Подъ нимъ виденъ былъ синій, грубаго сукна, поношенный «бастракъ», родъ куртки, запрятанной въ короткіе штаны. Сѣрые чулки обтягивали замѣчательно толстыя икры и колѣнки не по росту короткихъ ногъ. Огромныя ступни были въ башмакахъ съ квадратными носками и со стальными пряжками. Человѣкъ этотъ обладалъ порядочнымъ животомъ и необыкновенно бѣлыми, красивыми, аристократическими, съ тонкими пальцами кистями рукъ, выходившими изъ кружевныхъ дорогихъ манжетъ и украшенными перстнями. Руки совсѣмъ не соответствовали вульгарной его фигурѣ. Какъ сказано, шелъ онъ медленно, важно выступая, при чемъ обращалъ лицо свое къ небу навстрѣчу утреннимъ лучамъ весенняго солнца и опирался на короткую трость съ агатовымъ набалдашникомъ. Повернутое къ солнцу лицо незнакомца удобно было рассмотреть. Оливковый отливъ бритыхъ щекъ и губъ и большіе темные глаза обличали въ немъ южанина, а весь обликъ—иностранца, вѣрнѣе всего итальянца. Лобъ его былъ широкъ, съ сильно развитыми надбровными шишками. Черныя брови выгибались двумя правильными дугами. Вообще, верхняя часть лица была красива и благороднаго склада. А носъ былъ приплюснутый, какъ у готтентота, и съ широкими круглыми ноздрями. Небольшой ротъ сложенъ сердечкомъ и окруженъ складками жирныхъ щекъ и двойного подбородка, соединявшася съ шеей отложениями жира. Нижняя часть лица поэтому имѣла крайне незначительное и даже пошлое выраженіе. Когда большіе, темные глаза свои иностранецъ обращалъ къ небу и солнцу, то созерцательная мечтательность дѣлала мягкимъ ихъ взглядъ. Но едва опускалъ взоръ къ предметамъ земнаго горизонта, зрачки его расширялись, какъ у кошки, и глаза принимали подозрительное и скарденное выраженіе. Незнакомецъ дошелъ наконецъ до Владимірской, гдѣ помѣщался обжорный рядъ, посѣщаемый преимущественно простымъ людомъ.

Тутъ сидѣли у лотковъ бабы, предлагая пироги съ печенкою, лукомъ, перцемъ, жареную рыбу, вареное мясо; стояли обмотанныя тряпьемъ мѣдныя балеи со сбитнемъ, и лихіе сбитенщики зазывали виршами непритомливыхъ потребителей горячаго, пѣнистаго, пахнущаго мятой и полынью народнаго напитка; изъ горшковъ, прикрытыхъ собственными тѣлесами дебелихъ торговокъ, можно было получить въ поливанную плошку суточныхъ щей съ приложеніемъ ковриги рѣшетнаго хлѣба; угощались и ситникомъ съ патокой. Трудовой народъ, чернорабочіе, со слѣдами мастерства, ими отправляемаго, на платъи, дворовые, крѣпостные ремесленники на оброкѣ и разный затрапезный и шляющійся людъ густо толпился въ обжорномъ и подкрѣплялся на двѣ копейки мѣдью раннимъ завтракомъ, согрѣвая желудки предъ началомъ дневнаго труда и бездѣлья.

Незнакомецъ свернулъ съ перспективы и вмѣшался въ просто-народную толпу столь естественно, какъ бы онъ самъ принадлежалъ къ ней. Видимо, онъ былъ бы своимъ во всякой народной толпѣ любого европейскаго города, будь то матросы приморскаго порта, или каменщики, или другой рабочій людъ; онъ раздвигалъ стоявшихъ ловкимъ, привычнымъ движеніемъ дюжихъ плечъ, не возбуждая ни удивленія, ни вниманія, какъ вполне свой человѣкъ демосу, рядовой изъ черни, хотя и одѣтый по господскому; скоро очутился онъ у лотка съ масляными, пахучими пирогами; на грубомъ, своеобразномъ французскомъ языкѣ, дополняя рѣчь быстрыми, одушевленными жестами тонкихъ бѣлыхъ пальцевъ, незнакомецъ отлично изъяснилъ бабѣ-пирожницѣ, столь же замавленной, какъ и ея товаръ, что ему требуется, и былъ понятъ, видимо, совершенно удовлетворительно. Баба подала ему огромный пирогъ и плеснула изъ горшка горячихъ щей въ плошку; присѣвъ на тумбу, незнакомецъ принялся съ видимымъ удовольствіемъ угощаться непритомливой снѣдью. Насытившись, онъ вытеръ ротъ и засаленные пальцы тонкимъ дорогимъ платкомъ, заплатилъ, что требовалось, предложивъ торговкѣ взять монету изъ горсти мѣдныхъ, протянутыхъ ей на ладони, и затѣмъ спокойно выбрался изъ толпы и двинулся дальше по перспективѣ. Онъ шелъ не останавливаясь мимо магазиновъ модъ, мимо деревяннаго, выкрашеннаго охрой, длиннаго и приземистаго Казанскаго собора, мимо кирокъ и домовъ съ гербергами, мимо палатъ баръ, свернулъ затѣмъ на Мойку съ берегами, заросшими зеленой муравой и укрѣпленными рядами вбитыхъ внизу черныхъ свай, и наконецъ достигъ площадки предъ Синимъ мостомъ, съ гранитными башенками и покрашенными въ синюю краску цѣпями и парацетами деревянныхъ перилъ.

Здѣсь производился торгъ людьми, какъ семьями, такъ и въ розницу, несмотря на воспрещающій послѣднее указъ человѣко-

любивой императрицы, а также и наемъ вольныхъ и отпущенныхъ господами на оброкъ.

Сей родъ невольничьяго рынка посреди столицы поразилъ бы не привыкшаго къ ужасающимъ злоупотребленіямъ крѣпостного права, странными и часто трагическими картинами. Тутъ важныя управляющіе выбирали изъ толпы подходящихъ людей, какъ на черныя работы, такъ и выискивая искусныхъ ремесленниковъ, музыкантовъ, живописцевъ, танцоровъ; покупали дѣвушекъ, осматривая ихъ съ безцеремонностью истинно-восточной; степной помѣщикъ искалъ годныхъ въ актрисы для заводимаго имъ въ подражаніе важнымъ барамъ домашняго театра, а, можетъ быть, и для своего гарема; старая барыня въ сопровожденіи ливрейнаго лакея выбирала мастерицъ-рукодѣльницъ, кружевницъ и бѣлошвеекъ; проигравшійся щеголь явился съ заспаннымъ малымъ — отпущеннымъ съ нимъ изъ дому провинціальнымъ слугою и, поставивъ его въ рядъ, дѣлалъ видъ, будто пришелъ совсѣмъ не для продажи человѣка, — и это уже показывало, что въ обществѣ начинало распространяться пониманіе гнусности рабовладѣнія; но большинство продавало и покупало совершенно спокойно, съ обычнымъ всякой продажѣ одушевленіемъ, торгуясь, расхваливая или пороча товаръ, уступая и надбавляя, какъ будто рѣчь шла не о живыхъ человѣческихъ душахъ. Да, это и были лишь «ревисскія души».

Раздирательныя сцены происходили, когда разлучали супруговъ или мать съ ея дѣтьми, или продавали старуху-бабушку отдѣльно отъ внучатъ...

Незнакомецъ, казалось, съ негодованіемъ наблюдалъ все происходившее, похаживая по площадкѣ между оживленными группами покупающихъ и продающихъ живой товаръ. Вдругъ громкое французское восклицаніе раздалось за его спиной:

— Господинъ маркизъ! Господинъ маркизъ Пелегрини! Васъ ли я вижу?

Названный маркизомъ съ живостью обернулся.

Предъ нимъ стоялъ одѣтый въ ливрейный кафтанъ съ большими гербовыми пуговицами, но при шпагѣ, съ пышнымъ жабо и манжетами, въ обильномъ парикѣ и шляпѣ съ плюмажемъ невысокій, тощій и носатый человѣкъ съ двумя крупными бородавками на лбу и на щекѣ. Онъ радостно улыбался и потиралъ руки.

— Сіёръ Бабю! Вотъ счастливая встрѣча! — сказалъ маркизъ, широкимъ жестомъ протягивая руку господину въ кафтанѣ.

Тотъ вложилъ въ нее свою и нѣсколько мгновеній они стояли, обмѣниваясь рукопожатіями и многозначительно улыбаясь.

— Давно ли вы пожаловали въ Петербургъ, господинъ маркизъ? — спросилъ, наконецъ, Бабю.

— Не слишкомъ давно, — уклончиво отвѣчалъ Пелегрини.

— Не слишкомъ! Ха! Но слишкомъ много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣчались съ вами въ Парижѣ!—оживленно говорилъ Бабю. — Колесо фортуны нѣсколько разъ оборачивалось для меня то верхомъ, то низомъ, и вотъ я очутился въ этой странной столицѣ просвѣщенія и варварства.

— И что же, вы хорошо устроились здѣсь, сiёръ Бабю?

— Не могу пожаловаться. Я имѣю весьма почетное положеніе и выгодное мѣсто.

— А именно?

— Я состою главнымъ кондитеромъ при поварняхъ господина Бецкаго. Это одинъ изъ первѣйшихъ вельможъ Петербурга и лицо приближеннѣйшее къ императрицѣ,—важно объяснилъ Бабю.

— Знаю, — кивнулъ головой маркизъ. — Очень радъ, что вы нашли примѣненіе своимъ кулинарнымъ талантамъ и знаніямъ. Но помните, въ Парижѣ, когда я встрѣтился съ вами, инныя намѣренія васъ увлекали, любезнѣйшій мой Бабю! Вы искали приблизиться къ источнику любомудрія и стать въ ряды благотворителей челоувѣчества, работая на преображеніе міра по планамъ высшаго художества.

— Да! Да! Я все это помню, господинъ маркизъ, и былыя стремленія не угасли въ моей груди! О, если бы вы знали, сколь тяготитъ меня необходимость быть слугою. Но вы знаете, что у меня престарѣлые родители, братья и сестры. Я добрый сынъ, добрый отецъ, добрый мужъ, добрый другъ и добрый гражданинъ, господинъ маркизъ. И вотъ, я принужденъ былъ направиться въ варварскую Россію, гдѣ многіе соотечественники, какъ я зналъ, нажились около расточительныхъ вельможъ. Отложивъ въ сторону любомудріе и благотвореніе, я занялся кондитерскимъ искусствомъ.

— Впрочемъ, честное ремесло не можетъ мѣшать великому дѣлу любомудрія,—сказалъ успокоительно Пелегрини.—Тѣмъ болѣе, что я слышалъ о Бецкомъ, какъ о вельможѣ просвѣщенномъ.

— Да, это почтеннѣйшій старецъ. Онъ творецъ всѣхъ благотворительныхъ учрежденій для дѣвицъ, для кадетъ, академіи художествъ, воспитательнаго дома. Но, конечно, скромный кондитеръ Бабю не можетъ привлечь вниманія сего вельможи; онъ не подозреваетъ о высокихъ стремленіяхъ того, кто готовитъ къ его столу торты, кремы, сооружаетъ сахарные и карамельные замки и воздвигаетъ храмы изъ желе и мусса!.. Впрочемъ, здѣсь много соотечественниковъ среди прислуги богатыхъ домовъ, и мы составляемъ свой клубъ, гдѣ отдыхаемъ за поучительными бесѣдами и невинными увеселеніями. Многіе изъ насъ дѣятельно служатъ музамъ. Но сами вы, господинъ маркизъ? Если позволите спросить—съ какою цѣлью пожаловали въ Петербургъ?

Пелегрини съ важностью взялъ кондитера подъ руку и заговорилъ внушительно:

— Милѣйшій мой сіёръ Бабю! Вы знаете, что лишь выснія цѣли благотворенія человѣчеству руководятъ мною! Взоръ служителей истины и добродѣтели, строителей великаго храма свободы, равенства и братства обращенъ на сію несчастную страну, гдѣ огустѣлъ мракъ невѣжества, гдѣ дикое самовластіе опираетъ стопы о тлетворное рабство. Отъ сихъ-то неизвѣстныхъ благотворителей прибылъ я сюда съ высокими полномочіями, чрезвычайными силами, наставленіями, рекомендаціями, чтобы потрясти царство застоя, внести сіяніе свѣта во тьму, пролить елей на раны страдалцевъ, объединить людей доброй воли, сокрушить или хотя ослабить цѣпи, лежація на рабахъ, и преподать самой властительницѣ поработенныхъ милліоновъ великія истины!

— Взгляните, сіёръ Бабю,—продолжалъ онъ воодушевленно:— взгляните вокругъ себя! Здѣсь не стѣсняясь идетъ торгъ людьми. Спокойно продаютъ и покупаютъ живыя души человѣческія! Взоръ мерзится симъ скареднымъ и преступнымъ зрѣлищемъ! И это совершается въ столицѣ могущественнѣйшей монархніи, которую прославляютъ философы вѣка, прельщенные ея золотомъ и лестью! Пусть бы пожаловалъ сюда господинъ Вольтеръ, который расточалъ предо мною столько похвалъ русской государынѣ во время моей бесѣды съ нимъ передъ отъѣздомъ въ предѣлы сѣвера!

— Вы совершенно правы, господинъ маркизъ, въ своемъ человѣколюбивомъ негодованіи,—сказалъ кондитеръ.—Но все же я посовѣтовалъ бы вамъ быть осторожнѣе въ рѣчахъ. Васъ могутъ подслушать и донести,—опасливо озираясь, предостерегалъ онъ.

— Но кто же понимаетъ здѣсь французскій языкъ?—возразилъ маркизъ.

— Кто? Да вотъ хотя бы этотъ блѣдный молодой лакей! — указалъ Бабю на стоявшаго въ двухъ шагахъ, бѣдно одѣтаго юношу.—По выраженію его лица я заключаю, что онъ васъ слышалъ и понялъ.

— Пусть! То, что я сказалъ, повторю вездѣ. Замѣтьте, сіёръ Бабю, что меня охраняетъ нѣкоторое тайное преосѣненіе. Земныя власти и враги мнѣ не страшны. Имѣю враговъ ужаснѣйшихъ иного міра. Съ ними борьба труднѣе. Но и противъ тѣхъ я вооруженъ, ибо я есмь человѣкъ. Ничье происхожденіе не превышаетъ сего происхожденія. Я древнѣе всякаго существа въ натурѣ. Ибо я—человѣкъ. Я существовалъ прежде рожденія всякаго сѣмени, однако явился въ міръ послѣ всѣхъ ихъ. Но тѣмъ я былъ выше всѣхъ сихъ существъ, что имъ надлежало рождаться отъ отца и матери, а человѣкъ не имѣлъ матери. Сверхъ сего человѣкъ долженъ былъ всегда сражаться, дабы прекратить безпорядокъ и привести все къ единицѣ; а ихъ дѣло повиноваться человѣку. Но какъ сраженія, къ которымъ обязанъ онъ былъ, могли быть ему только опасны, для сего былъ онъ покрытъ

броней непроницаемою и сверхъ того вооруженъ копіемъ, составленнымъ изъ четырехъ металловъ; сіе копіе имѣло свойство жечь, какъ огонь, и однимъ разомъ ударяло въ два мѣста. Но чевѣкъ прельстился и палъ! Тогда, лишася поворно всѣхъ своихъ правъ, низверженъ былъ въ страну отцовъ и матерей, гдѣ съ того времени и находится, сѣтуя и сокрушаясь о томъ, что видитъ себя смѣшаннымъ съ прочими существами природы. Въ семъ плачевномъ состояніи потерялъ онъ копіе и самая броня исчезла отъ него. Однако, отецъ его, наказывая такимъ образомъ, не хотѣлъ лишить его всей надежды и совершенно предать ярости враговъ; тронуть будучи раскаяніемъ и стыдомъ его, обѣщаль возвратить ему прежнее состояніе, если только употребить къ тому тщаніе, и броню и копіе потерянные. Сего-го несравненнаго оружія исканіемъ челоуѣки должны заниматься! Искатель не утомится, найдетъ его. Указанъ ему пунктъ земной и мѣсто храненія, и дверь въ хранилище! Стучащему—отворять! Ищущій—найдетъ!

Произнося всѣ эти непонятныя слова съ необычайнымъ одушевленіемъ и важной напыщенностью, Пелегрини обращалъ взоры свои къ небу, а при послѣднихъ фразахъ нѣсколько разъ топнулъ о землю ногой.

Сіеръ Бабу слушалъ его съ величайшимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ, хотя едва ли понималъ хотя слово.

— Все сіе суть гіероглифы!— какъ бы самому себѣ въ изясненіе произнесъ кондитеръ, когда маркизъ наконецъ умолкъ.

Бѣдно одѣтый юноша, обратившій на себя ихъ вниманіе, между тѣмъ тоже, очевидно, вслушивался въ рѣчь Пелегрини, который затѣмъ вдругъ повернулся къ нему и, шагнувъ, положилъ на плечо юноши руку, устремивъ пронзительный взоръ прямо въ лицо смутившагося наемника.

II.

Въ Итальянскихъ.

— Молодой челоуѣкъ, вы понимаете по-французски?—спросилъ затѣмъ маркизъ.

— Понимаю,—смущенно на этомъ языкѣ отвѣчалъ юноша.

— И слышали многое изъ сказаннаго мною?—продолжалъ допросъ маркизъ.

— Я имѣю уши, чтобы слушать, и глаза, чтобы видѣть,—пожимая плечами, отвѣчалъ юноша.— И ваша милость изволили изясняться столь громко, какъ бы находясь среди глухихъ.

— Эге! Вы, я вижу, острый слуга! Мнѣ такого и надо. Вѣдь вы пришли сюда наниматься въ услуженіе?

— И въ этомъ ваша милость не ошиблись. Я вольный человекъ и даже польскій шляхтичъ. Обучался наукамъ. Но бѣдность и необходимость помогать больной сестрѣ моей заставляютъ меня искать должности слуги.

— Очень хорошо. А я именно съ тою цѣлью явился на сей невольничій рынокъ, чтобы нанять расторопнаго молодого человека, который могъ бы исполнять разнообразныя порученія. Судьба посылаетъ мнѣ васъ, любезный Казимиръ! Вѣдь не правда ли, васъ зовутъ Казимиромъ?

— Совершенно вѣрно. Но какъ ваша милость узнали мое имя?— изумился Казимиръ.

— Э, любезнѣйшій, я могу прочесть нѣчто большее, если вы позволите мнѣ коснуться вашей головы!

И, говоря это, маркизъ быстро сунулъ руку подъ поношенную шляпу Казимира и мгновенно ощупалъ весь его черепъ.

— О, я читаю, какъ въ открытой книгѣ! Вы большой честолюбецъ, любезный Казимиръ! Ого, вы даже мечтали о духовной карьерѣ... потомъ о свѣтской... Погодите! что это? Вы хотѣли быть кардиналомъ и папой... О, еще выше!.. Вы мѣтили даже на польскій престолъ... *Krol Poniatowski—kier z laski Boskiey!* Чѣмъ онъ лучше васъ? Природный шляхтичъ на крыльяхъ золотой свободы можетъ вознестись до высочайшихъ степеней...

— Боже мой, какъ ваша милость догадались?—смущенно пробормоталъ Казимиръ. Это были сокровеннѣйшія думы несчастливца, утѣшавшагося фантазіей въ горестяхъ дѣйствительности.

— Вы много бѣдствовали... Покушались даже покончить съ собою... Писали стихи... Ага! Безнадежная любовь къ недоступной аристократкѣ...

— Кто вы?—вывертывая голову изъ быстрыхъ пальцевъ Пелегрини, со страхомъ вскричалъ Казимиръ.—Но ваша милость— пророкъ!

— Я показалъ вамъ ничтожнѣйшее изъ моихъ искусствъ, любезный, — съ важностью сказалъ Пелегрини. — Кто я, вы скоро узнаете. Я беру васъ къ себѣ въ услуженіе. О цѣнѣ мы сговоримся. Вы не будете обижены. Покамѣстъ, вотъ вамъ задатокъ,—опуская руку въ карманъ и затѣмъ протягивая ее Казимиру, говорилъ маркизъ.

Казимиръ протянулъ ладонь, и на ней очутились три блестящихъ, новенькихъ червонца. Казимиръ сталъ ловить руку маркиза, намѣреваясь поцѣловать ее. Маркизъ не далъ.

— За ничтожную щепотку блестящаго праха вы хотите, Казимиръ, поцѣловать мнѣ руку! Что бы вы сдѣлали, если бы я открылъ вамъ дверь въ мѣсторожденіе всѣхъ драгоценныхъ металловъ? научилъ спускаться на дно голубыхъ водъ, гдѣ образуются совершеннѣйшіе перлы?! Но довольно о семъ. Отнынѣ вы приобрѣли господина, а я приобрѣлъ слугу.

— Падамъ до ногъ паньскихъ!—вскричалъ Казимиръ.— Вы найдете во мнѣ вѣрнѣйшаго исполнителя всѣхъ вашихъ распоряженій.

— Посмотримъ. Цока же разстанемся. А въ понедѣльникъ утромъ приходите въ Итальянскія; отыщите тамъ домъ придворнаго костюмера синьора Горгонзолло, а въ немъ спросите квартиру графини ди-Санта-Кроче. Запомните хорошенько. А теперь прощайте.

Маркизь въ сопровожденіи сьера Бабю отошелъ, провожаемый низкими поклонами нанятаго имъ слуги.

Нѣсколько времени оба безмолвно пробирались между группами торгующихся, наемниковъ и рабовъ. Выйдя на набережную канавы, маркизь сталъ прощаться съ кондитеромъ.

— Очень радъ, мой достопочтеннѣйшій сьеръ Бабю, что встрѣтилъ васъ,—сказалъ онъ.

— Надѣюсь, что я еще буду имѣть счастье видѣть васъ, господинъ маркизь,—отвѣчалъ кондитеръ,—и насладиться вашей ученой и возвышенной бесѣдой?

— Да! да! Всѣ люди доброй воли должны соединиться. Я еще увижусь съ вами, увижусь!—разсѣянно говорилъ маркизь, какъ будто занятый обдумываніемъ нѣкотораго важнаго предмета.

— Могу спросить васъ, господинъ маркизь, гдѣ остановились?

— Сіе излишне. Пребываніе мое непостоянно. Я самъ навѣщу васъ, любезнѣйшій Бабю.

— Величайшая честь для меня! Домъ Бецкаго укажетъ вамъ всякій. Спросите меня въ службахъ, и я...

— Хорошо, любезный сьеръ Бабю, хорошо, — возразилъ маркизь.—Я найду васъ. А теперь пока разстанемся.

Съ этими словами маркизь кивнулъ головою кондитеру и быстро пошелъ по направленію къ Итальянскимъ.

Эти улицы, узкія и застроенныя высокими для того времени, двухъ-и трехъэтажными каменными домами, содержимыми весьма грязно, хотя и украшенными киріатидами, вазами, балконами и другими архитектурными ухищреніями, сосредоточивали въ себѣ всю почти итальянскую колонію Петербурга. Пѣвцы, пѣвицы, живописцы, искусники всякаго рода, танцоры и танцорки, кончая фокусниками и директорами собачьей комедіи, всѣ ютились здѣсь, занимая соотвѣтствующія своему положенію помѣщенія въ разныхъ этажахъ, въ подвалахъ, на чердакахъ и на заднихъ дворахъ. Запахъ итальянской кухни, обильно сдабривающей кушанья оливковымъ масломъ и лукомъ, распространился въ обѣденные часы. Можно было услышать здѣсь говоры всѣхъ провинцій Италіи и наблюдать экспансивныя семейныя сцены пылкихъ южанъ. Изъ открытыхъ оконъ неслись фіоритуры пѣвицъ и пѣвцовъ, съ балконовъ — напыщенная декла-

мація классическихъ трагедій. Дома здѣсь принадлежали солиднымъ коммерсантамъ-итальянцамъ; банкиры, булочники, торговцы надробными памятниками воздвигли здѣсь зданія, какъ-то напоминавшія архитектурной внѣшностью ремесло ихъ владѣльцевъ. Незнакомецъ, нанявшій себѣ у Синяго моста слугу, вступалъ въ одну изъ этихъ улицъ, когда молодой полицейскій офицеръ, стоявшій на углу, закивалъ ему, улыбаясь и дѣлая рукою знаки. Тотъ подошелъ на зовъ.

— Съ добрымъ утромъ, господинъ полковникъ!—привѣтствовалъ его полицейскій офицеръ по-нѣмецки.

— Съ добрымъ утромъ, господинъ фонъ-Фогель!—отвѣчалъ на томъ же языкѣ названный теперь полковникомъ.

— Однако, сколь ранній часъ выбираете вы, любезнѣйшій докторъ, для своихъ прогулокъ!—продолжалъ, пріятно улыбаясь, фонъ-Фогель.

— Ранніе утренніе весенніе часы—лучшее для сего время. Къ тому же день мой столь занятъ и принадлежитъ столькимъ страждущимъ, что я не имѣю иного времени для необходимаго моціона.

— Да! Да! Вы совершенно правы, полковникъ, вы совершенно правы. Я только что проходилъ мимо вашего дома. Дворъ полонъ ожидающими васъ больными. Хвостомъ стоятъ на лѣстницѣ и даже на улицѣ.

— Цѣлить страждущее человѣчество есть предназначеніе мое, господинъ фонъ-Фогель,—важно сказалъ названный барономъ и докторомъ.—Обладая огромнымъ наслѣдственнымъ состояніемъ моихъ предковъ, замками и помѣстьями, какъ въ Германіи, такъ и въ Испаніи, будучи во всемъ обезпеченъ и къ тому же скромностью личныхъ потребностей избавленъ отъ излишнихъ на себя расходовъ, всецѣло предался я безмездному врачеванію несчастливцевъ.

— Высокій подвигъ, полковникъ! А смѣю спросить, вы прямо начали службу въ испанскихъ войскахъ?

— Да, я поступилъ волонтеромъ. Но именно зрѣлище полей сраженій, крови, ранъ, труповъ, госпиталей и всего ужаса нашего ремесла заставило меня выйти въ отставку и заняться медициной.

— И гдѣ же вы проходили ученый курсъ, полковникъ?

— Мой милѣйшій фонъ-Фогель! Я слушалъ курсы медицины въ Саламанкѣ, въ Падуѣ, въ Парижѣ. Но сіи курсы только убѣдили меня въ ничтожествѣ ученой медицины и презрѣнномъ шарлатанствѣ ученыхъ докторовъ, на трупахъ думающихъ изучить живое тѣло, лечащихъ внѣшнія проявленія болѣзни, не зная и не понимая Архея, обитающаго храмину тѣла человѣческаго, сего Микрокосма и движеній его, отъ первоначальнаго Движителя Макрокосма исходящихъ. Познавъ все, чему учатъ въ университетахъ и академіяхъ, позналъ я, что не знаю ничего. Могъ бы я сіе

невѣжество прикрыть многими дипломами, докторской мантией и беретомъ. Я сего не сдѣлалъ. Я разорвалъ и бросилъ въ огонь шарлатанскіе знаки мнимаго знанія, данные мнѣ невѣждами, именующими себя *doctissimi, sapientissimi doctores*. И самый прахъ отрясъ я отъ ногъ своихъ, и ушелъ...

Полковникъ испанской службы смолкъ и какъ бы углубился въ размышленія.

— Куда же вы ушли, почтеннѣйшій докторъ?— подождавъ, почтительно спросилъ заинтересованный разсказомъ полицейскій чиновникъ.

— Куда? на Востокъ, да!— поднимая голову и обращая глаза къ небу, сказалъ докторъ-полковникъ.— Тамъ, въ Мединѣ, я провѣлъ восемьдесятъ лѣтъ у ногъ нѣкоего мудраго старца и позналъ великія тайны, переданныя мнѣ съ тѣмъ, чтобы я безмездно цѣлилъ страждущихъ всюду, гдѣ встрѣчу ихъ,— а гдѣ нѣтъ страждущихъ? Все человѣчество стонетъ въ узахъ рабства! Зло и страданіе царятъ на сей бѣдной, мрачной планетѣ!

— Восемьдесятъ лѣтъ! Возможно ли сіе, господинъ полковникъ?— съ сомнѣніемъ вскричалъ фонъ-Фогель.— На видъ вамъ не дашь болѣе сорока лѣтъ.

— На видъ! О, мірозпутанные странники юдоли плача! На видъ! Вы о всемъ судите по внѣшности, потому судъ вашъ и не идетъ далѣе внѣшности. Но полно о семъ. Не все ли равно, гдѣ, когда и во сколько лѣтъ приобрѣлъ я мои знанія, если помогаю болящимъ, цѣлю немощныхъ, не взимая за сіе никакой платы?

— Совершенная истина. Вы не похожи на прочихъ пріѣзжихъ докторовъ и врачей, которые здѣсь изрядно наживаются,— сказалъ полицейскій офицеръ.

— Изрядно наживаются?— съ живостью переспросилъ полковникъ испанской службы и безмездный врачъ.— Кто же это именно? Скажите. Я знаю отлично всѣхъ шарлатановъ Европы, выдающихъ себя за медиковъ.

Говоря это, онъ устремилъ глаза, до тѣхъ поръ блуждавшіе въ небесномъ пространствѣ, на ближніе предметы, и взоръ его принялъ подозрительное, скарденное выраженіе. Глаза его забѣгали, какъ высунувшія носъ изъ норы и нюхающія воздухъ мыши. Но это продолжалось лишь нѣсколько мгновений. Полковникъ вновь возвелъ очи къ верхнимъ областямъ близъ солнечнаго диска и принялъ вдохновенную и мечтательную осанку.

— Кто именно, хотите вы знать, изъ иностранцевъ, лечащихъ въ Петербургѣ? Да вотъ хотя бы господинъ Месмеръ, уѣхавшій на дняхъ. Можно сказать, двѣръ и вельможи сошли съ ума отъ него и теперь всѣ только и бредятъ токами, вдохновеніями, вліяніями, чанами и живыми цѣпиями, составляющимися изъ человѣческихъ тѣлъ въ ихъ соприкосновеніи. Господинъ Месмеръ собралъ

здѣсь обильную жатву и оставилъ нѣсколькихъ пламенныхъ послѣдовательницъ.

— Такъ господинъ Месмеръ уже уѣхалъ! Вы это навѣрное знаете?—спросилъ полковникъ.

— Какъ же не знать, если обо всякомъ отъѣзжающемъ за границу изъ столицы обязательно трижды публикуется въ «Вѣдомостяхъ».

— Я этого не зналъ. Такъ господинъ Месмеръ уѣхалъ! Долженъ я, однако, сказать по совѣсти, что сей мужъ, хотя и не получилъ тѣхъ высшихъ тайнъ великаго дѣла врачеванія человечества, которыя мнѣ открыты, однако исполненъ многими силами и добродѣтелями. Но вы упоминали о его послѣдовательницахъ. Кто онѣ?

— Господинъ Месмеръ принять былъ въ Гатчинѣ и, какъ слышно, фрейлина цесаревны Катерина Ивановна Нелидова прониклась его ученіемъ. А затѣмъ и госпожа Ковалинская, супруга правителя дѣлъ князя Григорія Александровича Потемкина, стала погружаться въ месмерическій сонъ и въ томъ снѣ произноситъ прорицанія, подобно древней Сибиллѣ.

— Скажите, господинъ фонъ-Фогель, кто еще изъ иностранцевъ занимается здѣсь врачеваніемъ.

— А вотъ хотя бы проживающіе въ Большой Морской у его сіятельства графа Остермана братья Целье, французскіе глазные лекари, объявили, что они искусство свое ежедневно подтверждаютъ, возвращая зрѣніе множеству слѣпыхъ.

— Презрѣнные обманщики и шарлатаны! Слепцы, ведущіе слѣпцовъ и вмѣстѣ въ ровъ низвергающіеся! А еще кто?

— Изъ Парижа зубной врачъ Шобертъ лечитъ зубы отъ удара воздуха.

— Низкій плутъ и мошенникъ!

— Однако онъ весьма хорошо зарабатываетъ. Но, конечно, больше всѣхъ—нашъ російскій искусникъ.

— Кто это такой?

— О, простой російскій мужичокъ, даже неграмотный, Ерофеичъ! Онъ лечитъ и простыхъ, и вельможъ одинаково удачно своего рода элексиромъ, который даже и получилъ наименованіе «ерофеича» — натираетъ и внутрь даетъ...

— Сей простецъ, можетъ быть, одинъ что-либо знаетъ,—съ важной снисходительностью сказалъ докторъ-полковникъ.—Истина нерѣдко благоволитъ открываться смиреннымъ и младенцамъ. Но скажите, что обо мнѣ говорятъ въ столицѣ?

— Слухъ о вашемъ безкорыстіи, полковникъ, и весьма удачномъ врачеваніи разошелся и достигъ даже высшихъ круговъ. Но сіе готовитъ вамъ неприятели. Многіе доктора на васъ въ претензіи и находятъ недопустимымъ, чтобы лицо, не имѣющее

ученой степени, занималось врачеваніемъ. Такъ что вы напрасно разорвали ваши дипломы, полковникъ!

— Я это зналъ. Во всѣхъ столицахъ міра сіи жадные невѣжды воздвигаютъ на меня гоненія! Безмездность моя—вотъ что ихъ возмущаетъ! Сіи книжники, взявшіе ключъ разумѣнія, и сами не входящіе и другихъ не впускающіе, готовы побить камнями того, кто лечитъ даромъ, нарушая обычаи ихъ гнусной касты! Но сіе мнѣ не страшно. Я имѣю всюду невидимыхъ покровителей.

— Изъ петербургскихъ докторовъ особенно враждебенъ вамъ домашній докторъ князя Потемкина. Но я дамъ вамъ противъ него въ руки оружіе. Мы, полицейскіе, знаемъ многое и получаемъ отовсюду неожиданныя свѣдѣнія. Такъ о семъ докторѣ узнана слѣдующая исторія...

Тутъ полицейскій офицеръ, улыбаясь и краснѣя отъ свойственной нѣмцамъ цѣломудренной скромности, приблизилъ губы къ уху полковника и что-то сталъ ему шептать. Полковникъ вдругъ рѣзко и непріятно засмѣялся.

— Каковъ, голубчикъ, а?—заключилъ Фогель громко.—Ну, я заговорился съ вами. Больные ждуть васъ, а меня призываютъ обязанности службы. Но очень бы хотѣлъ я навѣстить васъ, полковникъ, въ свободные часы и побесѣдовать съ вами. Я происхожу изъ бѣдной, но честной дворянской фамиліи въ Лифляндіи, получилъ образованіе, хотя и домашнее, но достаточное. Необходимость заставила меня изъ полка перейти на полицейскую службу. Но я всегда чувствовалъ влеченіе къ естествоиспытанію, къ химіи и медицинѣ. Если бы вы не отказались посвятить меня хотя въ начатки своего искусства, я бросилъ бы этотъ мундиръ и отдался врачеванію.

— Очень радъ васъ видѣть у себя, любезный мой фонъ-Фогель,—отвѣчалъ покровительственно полковникъ испанской службы.—Приходите ко мнѣ...—онъ задумался.—Приходите черезъ четыре дня...—онъ опять подумалъ.—Да, да! Когда у насъ новолуніе? Да! приходите въ полночь черезъ четыре дня.

— Въ полночь, полковникъ?—переспросилъ офицеръ.

Но тотъ уже повернулся и мѣрнымъ, торжественнымъ шагомъ пошелъ по Итальянской.

III.

Камердинеръ Потемкина.

Въ воротахъ и на дворѣ дома, гдѣ обиталъ полковникъ и врачъ, еще полчаса тому на площадкѣ у Синяго моста узанный, какъ маркизъ Пелегрини, дѣйствительно толпились люди разнаго званія, пола и возраста, одержимые самыми разнообразными, но преимущественно хроническими недугами. Всѣ они съ нетерпѣніемъ ждали

возвращенія чловѣколюбиваго и безкорыстнаго доктора, не бравшаго уже третій мѣсяцъ ни копейки ни съ бѣднаго, ни съ богатаго и не отказывавшаго никому въ совѣтахъ и лекарствахъ, кто только къ нему ни обращался. Въ ожиданіи пациенты передавали другъ другу случаи чудесныхъ исцѣленій безнадежныхъ больныхъ, отъ которыхъ отказались всѣ доктора.

Въ то время, какъ полковникъ подходилъ съ одной стороны улицы къ воротамъ, съ другого ея конца подкатилъ кабриолетъ, запряженный парой вороныхъ, въ которомъ сидѣлъ толстый чловѣкъ, весьма пестро и роскошно одѣтый. Жилетъ, кафтанъ, шляпа, табакерка, перстни, трость, пряжки на башмакахъ и на плифныхъ лентахъ чулокъ, все было по послѣдней модѣ. Онъ самъ правилъ, но сзади кабриолета, между красными, огромными его колесами и рессорами, въ особой сидѣйкѣ помѣщался негръ въ ливреѣ. Появленіе господина въ кабриолетѣ произвело сильное впечатлѣніе на пациентовъ, толпившихся у воротъ.

— Не здѣсь ли живетъ вольнопрактикующій врачъ, полковникъ испанской службы, господинъ Фридрихъ Гвальдо?—спросилъ баринъ изъ кабриолета, остановивъ мощной десницей черныхъ буцефаловъ.

— Врачъ Гвальдо живетъ здѣсь и къ вашимъ услугамъ,—сказалъ подошедшій въ это время полковникъ, выговаривая довольно чисто по-русски.

— Вы господинъ Фридрихъ Гвальдо, вольнопрактикующій врачъ?—переспросилъ толстякъ, переходя на испанскій языкъ.

— Именно я,—отвѣчалъ на томъ же языкѣ полковникъ.

— Въ такомъ случаѣ,—нѣсколько отодвигая тушу свою и освобождая рядомъ съ собою мѣсто, достаточное развѣ для десятилѣтняго ребенка, сказалъ баринъ,—въ такомъ случаѣ потрудитесь сѣсть рядомъ со мною и ѣхать!

— Очень хорошо, государь мой,—спокойно отвѣчалъ врачъ.— Но кто вы сами?

— Я? Вы меня не знаете?—надувая губы и щеки, сказалъ толстякъ.—Впрочемъ, вы иностранецъ и недавно еще въ столицѣ Россійской имперіи. Я испанскій камердинеръ князя Потемкина. Но при самой особѣ свѣтлѣйшаго!—многозначительно поднимая брови и руки съ вожжами, бичомъ и тростью, зажатыми за развѣ въ чудовищномъ кулакѣ, пояснилъ испанецъ.

— Очень хорошо, господинъ камердинеръ. Но что же вамъ отъ меня нужно?

— Что?—пожалъ плечами камердинеръ.— Я уже сказалъ. Садитесь и ѣдьте со мною.

— Куда и на какой предметъ?

— Зачѣмъ вамъ это знать? Развѣ вамъ того не довольно, что сами свѣтлѣйшій изволили прислать за вами кабриолетъ съ личнымъ особы своей камердинеромъ? Чего же вы медлите?

— Мнѣ совершенно этого не довольно. Изъясните, зачѣмъ я понадобился князю?

— Ахъ, Боже мой! Вѣдь вы—врачъ. Отъ васъ, конечно, и потребуютъ врачеванія. Но если хотите знать, то вотъ въ чемъ дѣло. Младенецъ племянницы свѣтлѣйшаго, фрейлины Варвары Васильевны, супруги князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, флигель-адъютанта императрицы, недомогаетъ. Врачи объявили дитя безнадежнымъ. Прослышавъ о вашихъ успѣшныхъ врачеваніяхъ, свѣтлѣйшій посылаетъ за вами. Садитесь скорѣе, ѣдьте!

— Вы видите, господинъ камердинеръ,—указывая на толпившихся въ воротахъ пациентовъ,—что меня здѣсь ожидаютъ многіе страждущіе. Кромѣ того, отпустивъ сихъ, имѣю еще до вечера нѣсколько обязательныхъ визитовъ на домъ къ тяжело болящимъ. Итакъ, передайте князю, что сейчасъ прибыть къ нему никакъ не могу.

— Эге, почтеннѣйшій! Вы знаете свое ремесло! Но разъ вы удостоены быть позваннымъ свѣтлѣйшимъ, то оставьте свои уловки. Всякій знаетъ щедрость князя Потемкина. Въ случаѣ успѣшнаго леченія, онъ васъ осыплетъ золотомъ.

— Сія всѣ и многіе свидѣтели,—холодно отвѣчалъ Гвальдо:— что я лечу и бѣдныхъ и богатыхъ совершенно безвозмездно. Земныя сокровища для меня соръ и паутина. Если бы я пожелалъ—неизсякаемыя рѣки золота пролились на меня! Кромѣ того, имѣю я обыкновеніе не иначе являться къ вельможамъ міра сего, какъ по личному ихъ зову. Итакъ, если княгиня Голицына и ея свѣтлѣйшій дядя желаютъ, чтобы я пользовалъ ихъ болящаго ребенка, пусть супругъ княгини пожелуетъ ко мнѣ лично и пригласитъ меня! А засимъ прощайте, господинъ камердинеръ! Не имѣю еще нисколько времени для бесѣды съ вами!

Говоря это, Гвальдо вступилъ въ ворота дома.

Тщетно толстякъ взывалъ къ нему изъ кабриолета:

— Господинъ Гвальдо! Господинъ Гвальдо! Пойдите! Пойдите!.. Какъ же такъ пренебречь толикимъ вельможей!

Гвальдо ушелъ во дворъ, и пациенты толпой повалили за нимъ.

Камердинеръ Потемкина произнесъ нѣсколько испанскихъ ругательствъ, хлопнулъ бичомъ коней и покатилъ прочь отъ дома дерзкаго врача.

IV.

Графиня ди-Санта-Кроче.

Едва полковникъ Фридрихъ Гвальдо вступилъ на дворъ дома, его окружили пациенты, прося о помощи и торопясь рассказать о своихъ недугахъ, кажется, на всѣхъ языкахъ Европы, такъ какъ тутъ были лица разныхъ національностей пестраго населенія сѣ-

верной Пальмиры. Полковникъ, однако, на нѣмецкомъ языкѣ изъяснилъ, что въ этотъ день приема у него не будетъ, такъ какъ въ настоящій моментъ небесная констеллація, сирѣчь положеніе звѣздъ, не благопріятствуетъ врачеванію. Отвѣтъ сей понимавшими по-нѣмецки переведенъ былъ прочимъ и выслушанъ съ величайшимъ благоговѣніемъ. Врачъ вѣжливо поклонился и поспѣшно скрылся на одну изъ лѣстницъ, выходившихъ въ узкій, сырой, колодцеобразный и достаточно зловонный дворъ итальянскаго дома. Лѣстница, по которой поднимался полковникъ, была тоже темна и смрадна, съ узкими, выщелбленными каменными ступенями, со сводами и толстымъ столбомъ съ мрачными нишами, вокругъ котораго карабкались. Держаться можно было за веревку, продѣтую въ кольца, придѣланныя по стѣнамъ, и замѣнявшую перила. Поднявшись на третій этажъ, выше котораго только былъ чердакъ, господинъ Гвальдо толкнулъ ногою дверь и вступилъ въ небольшую переднюю. Изъ внутреннихъ покоевъ донесся къ нему звонъ струнъ и прекрасный женскій голосъ, пѣвшій итальянскій романсъ:

Placido zefiretto,
Se trovi il car oggetto;
Digli che sei sospiro;
Ma non gli dir di chi ¹⁾.

Пичикатто ригурнели послѣдовало за первымъ куплетомъ романса. Тутъ господинъ Гвальдо довольно пріятнымъ и обработаннымъ баритономъ самъ запѣлъ второй куплетъ:

Limpido ruscelletto,
Se mai t'incontri in lei,
Dille che pianto sei,
Ma non le dir qual ciglio
Crescer ti fe'così ²⁾.

Съ послѣдними строфами куплета, господинъ Гвальдо распахнулъ дверь и съ пѣніемъ, сіяя улыбкой, вступилъ въ обширную и роскошно убранную коврами, гобленами, мягкими мебельями, комнату съ большимъ окномъ, открытымъ и выходившимъ на крыши сосѣднихъ строеній, но черезъ которое обильно лился солнечный свѣтъ и врывалось свѣжее дыханіе весенняго вѣтра. На подоконникѣ стояло множество горшковъ съ цвѣтущими розами. Ароматныя, цвѣтущія деревца въ кадкахъ стояли и въ разныхъ мѣстахъ покоя. На диванѣ полулежала женщина въ легкомъ, кру-

¹⁾ Тихій вѣтерокъ, пролетая около прекрасной, скажи ей, что ты—вздохъ, но не говори—чей.

²⁾ Прозрачный ручеекъ, если ты встрѣтишься съ нею, скажи ей, что ты—слезы, но не журчи о томъ, кто ихъ льетъ.

жевромъ домашнемъ нарядѣ, распахнутомъ на груди и смятомъ. Она была не первой молодости, но разительной красоты. Черные кудри разсыпались около ея классической головки, покоившейся на подушкахъ. Мощныя плечи и грудь, лебединая шея, всѣ ея члены казались взятыми у античной нимфы.

Ближайшее разсмотрѣніе при столь яркомъ утреннемъ свѣтѣ обнаружило бы немало изъяновъ во внѣшности красавицы; взоръ черныхъ большихъ глазъ ея былъ явно утомленъ жизнью, полнота членовъ начинала переходить предѣлы совершенства, но, вѣроятно, вечеромъ она еще поражала истымъ итальянскимъ типомъ. Въ рукахъ ея была гитара, струны которой перебирали прелестныя тонкіе пальцы. Одна ножка свѣшивалась съ дивана, раздвинувъ легкую одежду, и открывалась до колѣна. Золотая туфелька съ краснымъ каблучкомъ упала на коверъ, и можно было любоваться стройностью маленькой ступни.

Столь галантно войдя въ покой прелестной, Гвальдо направился прямо къ дивану и хотѣлъ привлечь къ себѣ красавицу, но она рѣзкимъ движеніемъ отстранила ласку, и лицо ея выразило гнѣвное неудовольствіе.

— Къ чему эти вѣжности, Джузеппе?—сказала она насмѣшливо по-итальянски.—Къ чему это пѣвіе? Ни къ вашему брюху, ни къ докторской профессіи не идутъ такія ухватки.

— Будьте снисходительны, дорогая Лоренца!—на томъ же языкѣ возразилъ названный Джузеппе, совершенно равнодушно однако отходя отъ дивана и садясь въ кресло.—Ваше пѣніе пробудило во мнѣ воспоминанія былыхъ, счастливыхъ дней.

— Вмѣсто воспоминаній я просила бы васъ, Джузеппе, заняться дѣломъ. Я не понимаю, чего мы здѣсь дожидаемся уже третій мѣсяць. Вы заставляете меня проводить дни въ скучномъ затворничествѣ. Если бы не мои соотечественницы, которыя нашлись въ этомъ домѣ и посѣщаютъ меня, я, право, умерла бы со скуки!

— А именно соотечественницы для насъ и опасны, дорогая Лоренца,—наставительно замѣтилъ Джузеппе.—Онѣ могутъ собрать свѣдѣнія о нашемъ прошломъ и распустить невыгодныя слухи про насъ.

—Итакъ, вы хотите, чтобы я лица человѣческаго не видѣла?—съ досадой вскричала Лоренца.

— Вы видите меня, значить, нельзя сказать этого,—смирненно возразилъ Джузеппе.

Красавица съ неудовольствіемъ отвернулась. Послѣдовало краткое молчаніе. Потомъ вдругъ Лоренца засмѣялась, обнажая перловые зубы, и захопала въ ладоши.

— Ахъ, знаете ли, Джузеппе, съ кѣмъ я вчера познакомилась?

— Съ кѣмъ?

— Съ карлицей пѣвицы Габріэлли, что живетъ въ противоположномъ домѣ вмѣстѣ съ другой артисткой, Давіей. Это пѣвицы придворной оперы. Карлица чрезвычайно умная и забавная особа. Она знаетъ весь Петербургъ, рассказала мнѣ много интереснаго о покровителѣ Давіи, сеньорѣ Безбородко. Это знатный и богатый человѣкъ! Карлица увѣряла, что при моей наружности и голосѣ я могла бы обворожить всѣхъ; она сулитъ мнѣ огромный успѣхъ. А между тѣмъ по вашей прихоти я теряю даромъ время, скучая въ этой противной комнатѣ, какъ плѣнница!

— Еще немножко терпѣнія, дорогая Лоренца, и вы будете вознаграждены! Уже сегодня я получилъ приглашеніе отъ князя Потемкина, но принужденъ былъ уклониться, такъ какъ оно было сдѣлано въ небрежной формѣ.

— Зачѣмъ? Зачѣмъ уклонился? Я хочу видѣть Потемкина! Вотъ вельможа!—съ живостью вскричала Лоренца.

— Потемкинъ не уйдетъ отъ насъ. Если разъ рыбка клюнула мою наживку, случая еще не бывало, чтобы она сорвалась съ крючка. Предоставь все моей опытности. Но знакомство съ карлицей Габріэлли весьма кстати. О Габріэлли я много слышалъ. Ей покровительствуютъ господинъ Елагинъ, главный директоръ спектаклей и секретарь императрицы.

— Габріэлли дочь повара, а пріѣзжаетъ ко двору и осыпана брильянтами! Чѣмъ я хуже ея?—сказала Лоренца капризно.

— При моемъ содѣйствіи, дорогая, вы получите здѣсь положеніе выше какой-нибудь актрисы, которая вѣдь является во дворецъ съ тѣмъ, чтобы пропѣть арію, а вельможи обнимаются съ нею за кулисами, какъ съ женщиной легкаго поведенія, и въ обществахъ она не принята. Поприще иное, блистательнѣйшее предстоить вамъ! Немного лишь терпѣнія. Однако знакомство съ госпожою Габріэлли для насъ весьма цѣнно, и я сегодня же буду у нея отъ вашего имени, какъ рожденной графини ди-Санта-Кроче.

При послѣднихъ словахъ оба громко захохотали.

Но затѣмъ Лоренца опять приняла недовольный видъ.

— Терпѣніе! Терпѣніе!—сказала она.—Вамъ хорошо проповѣдывать терпѣніе. Отправивъ меня въ Петербургъ, вы сами отлично проводили время въ Курляндіи, ухаживая за этой сентиментальной нѣмкой, сладкія письма которой столь васъ занимаютъ.

— Вы напрасно меня упрекаете, Лоренца. Я провелъ время прескучно въ проклятомъ замкѣ барона Медема; тощій столъ, тяжеловѣсныя баронессы, унылый климатъ — проклятіе! Но я тамъ сдѣлалъ важныя знакомства. Шарлотта фонъ-деръ-Рекке, рожденная графиня Медемъ, конечно, не болѣе, какъ сентиментальная дура, но въ нашемъ ремеслѣ такія и нужны. Связи и род-

ство ея огромны. Отъ родителя Шарлотты я получилъ весьма важныя рекомендательныя письма.

— Прекрасно! Но тогда чего же вы здѣсь дожидаетесь вотъ уже третій мѣсяцъ? Имѣя столько рекомендацій и дипломовъ, почему вы, Джузеппе, не откроетесь?

— Потому, что я долженъ былъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія и ощупать почву. А, кромѣ того, здѣсь былъ господинъ Месмеръ. А мы никогда не начинаемъ работы въ городѣ, гдѣ уже дѣйствуетъ кто-либо по надлежащимъ полномочіямъ. Теперь господинъ Месмеръ отбылъ. Я это узналъ сейчасъ и на дняхъ выступлю изъ тѣни. Вамъ еще много будетъ работы, Лоренца!

— Ахъ, мнѣ ужъ надоѣло работать на васъ, Джузеппе! Мнѣ надоѣло скитаться по Европѣ изъ одной столицы въ другую! Я утомлена кочеваніемъ и хотѣла бы пристать къ покойной пристани.

— Вы работаете не на меня, Лоренца, а на великое дѣло преображенія человѣчества!—важно сказалъ собесѣдникъ красавицы.— Вы знаете, что и я имѣю начальниковъ и совершаю волю пославшихъ меня.

Лоренца пожала плечами и стала перебирать струны гитары.

— Однако, нужно одѣться!—поднимаясь съ кресла, съ живостью замѣтилъ Джузеппе и вышелъ изъ комнаты. Лоренца посмотрѣла ему вслѣдъ мрачнымъ, полнымъ ненависти взглядомъ черныхъ очей своихъ, потомъ взяла нѣсколько аккордовъ и запѣла:

Placido zefiretto,
Se trovi il car oggetto
Digli che sèi sospiro;
Ma non gli dir di chi.

V.

Придворныя пѣвицы въ домашней обстановкѣ.

Джузеппе-Гвальдо-Пелегрини прошелъ на свою половину, состоящую изъ докторскаго кабинета и весьма небольшой приемной комнаты, гдѣ дожидались обыкновенно больные. Кромѣ простыхъ табуретовъ, въ приемной ничего не было. Въ кабинетѣ имѣлся пультъ съ огромной чернильницей и толстой книгой, развернутой на изображеніи человѣческой фигуры съ распростертыми руками въ пятиконечной звѣздѣ, окруженной іероглифами, да стеклянный узкій шкапъ, въ какіе помѣщаются стѣнные часы, но вмѣсто нихъ тамъ стоялъ полный человѣческій скелетъ и скалилъ челюсти. Кромѣ сихъ предметовъ, въ кабинетѣ на окнахъ свѣтились бутылки съ разноцвѣтными отварами и эссенціями, изъ которыхъ докторъ отпускалъ лекарства пациентамъ, а на коврѣ

стоялъ родъ саркофага на ножкахъ, съ подушками внутри. Въ этотъ саркофагъ таинственный медикъ предлагалъ ложиться пациентамъ обоюго пола, коихъ желалъ осмотрѣть подробно, что производило всегда сильное впечатлѣніе.

Въ потолокъ кабинета былъ люкъ и винтовая лѣстница, ведущіе въ огромный чердакъ, наполненный вещами «реквизита» доктора. Туда онъ и полѣзъ теперь.

Пустота чердака, сумракъ котораго пыльными струями разсѣкалъ свѣтъ, проходившій въ полукруглыя слуховыя окна, наполнена была самыми разнообразными предметами. На веревкахъ развѣшаны были мантіи, восточныя одѣянія, необыкновенные мундиры, зашитые мишурой, кафтаны, принадлежности женскаго туалета въ античномъ вкусѣ. Сундуки и чемоданы разбросаны были по разнымъ угламъ чердака. Нѣкоторые раскрыты, и въ нихъ виднѣлись оружіе удивительныхъ формъ, фоліанты въ пергаментѣ, узкогорлые и пузатые сосуды, машины, инструменты непонятнаго назначенія. Въ этомъ хаосѣ у одного изъ слуховыхъ оконъ помѣщался туалетный столъ съ зеркаломъ, заставленный баночками и скляницами притираний и снадобій гримировки. Владѣлецъ всѣхъ этихъ сокровищъ, скинувъ плащъ и синій «бастракъ», подошелъ къ туалету и тщательно занялся своей особой, умягчая кожу лица различными эссенціями, лоща зубы и ногти, выщипывая волоски, торчавшіе изъ круглыхъ ноздрей готтентотскаго носа и подправляя брови. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принималъ передъ зеркаломъ различныя осанки и придавалъ лицу примѣрныя выраженія вдохновенія, благородства, набожности, экстаза, какъ актеръ, приготовляющій роль. Покончивъ со всѣмъ этимъ, онъ принялся собирать съ веревочъ и изъ сундуковъ различныя части туалета: досталъ тончайшую рубашку съ кружевными манжетами и бѣлоснѣжное жабо, камзолъ и жилетъ, бархатныя бѣлыя короткія панталоны и бѣлые же шелковые чулки, голубой съ дорогими пуговицами и какимъ-то восточнымъ орденомъ кафтанъ, щегольскую шпагу въ богатой отдѣлкѣ и башмаки съ изящными пряжками; къ этому присоединился обильный пудренный парикъ, заботливо заранѣе, видимо, приготовленный, шляпа съ страусовымъ перомъ, табакерка, перстни съ крупными камнями, платокъ и увѣсистый мѣшокъ со шнурками, гдѣ зазвенѣло золото. Собравъ все это, Джузеппе-Гвальдо-Пелегрини сталъ одѣваться и скоро оказался въ великолѣпнѣйшемъ нарядѣ. Оставалось только взять трость съ золотымъ набалдашникомъ.

Въ такомъ нарядѣ спустился онъ съ чердака и вновь вошелъ въ комнату Лоренцы.

Теперь это былъ знатный и богатый господинъ съ самыми изысканными манерами. Правда, въ его движеніяхъ и жестахъ

чувствовались чрезмѣрная напыщенность, и самый нарядъ при богатствѣ былъ слишкомъ крикливъ и эффектированъ.

— Я иду съ визитомъ къ Габріэлли, дорогая Лоренца,—сказалъ онъ съ важностью.—Забылъ тебѣ сказать, что я нанялъ сегодня весьма расторопнаго слугу—поляка изъ мелкихъ шляхтичей. Онъ придетъ завтра утромъ и спроситъ графиню ди-Санта-Кроче. А теперь до свиданія.

Перейдя черезъ улицу, Джузеппе легко отыскалъ квартиру пѣвицъ придворной оперы. Онѣ обитали по столь же узкой и грязной лѣстницѣ и такъ же высоко, какъ и онъ самъ, несмотря на то, что обѣ получали огромныя суммы, не считая драгоценностей, отъ своихъ вельможныхъ покровителей. Въ сумракѣ нащупавъ дверь, гость принялся безъ церемоніи стучать въ нее кулакомъ, такъ какъ ни звонка, ни молотка не было. Женскій голосъ произнесъ за дверью нѣсколько итальянскихъ проклятій, и затѣмъ дверь распахнулась. Изъ нея хлынули клубы мокраго пара и чада подгорѣлаго оливковаго масла. Среди тяжелой атмосферы въ открывшейся комнатѣ посѣтитель увидѣлъ мощную, съ пышной грудью и круглыми бедрами бабу съ крупными чертами лица итальянско-еврейскаго типа. Ея пестрая полосатая юбка была высоко подоткнута и обнаруживала великолѣпныя икры босыхъ ногъ. Въ голыхъ, засученныхъ до плечъ рукахъ она держала мочалку, съ которой текла мыльная вода; цѣлое озеро расплылось по полу вокругъ. Въ перспективѣ покоевъ съ открытыми дверями виднѣлась внутренность кухни, гдѣ слышалось шипѣнье и кипѣнье, именно оттуда и валилъ чадъ; не менѣе мощная и столь же простонародно одѣтая стряпуха виднѣлась тамъ, надъ кострюлями и сковородками съ ложкой въ рукѣ, видимо, приготовлявшая обѣдъ.

— Что вамъ угодно, синьоръ?—спросила итальянка, мывшая полъ.

— Я желалъ бы видѣть, любезная матрона, вашу хозяйку, пѣвицу придворной ея величества оперы, госпожу Габріэлли!—отвѣчалъ, сторонясь отъ воды и мочалки, нарядный посѣтитель.

— Это я сама передъ вами!—спокойно отвѣчала босоногая женщина.

— Вы?! Возможно ли, синьора!—вскричалъ пораженный гость.— Вы знаменитая въ Европѣ пѣвица Габріэлли?!

— Не прикажете ли спѣть вамъ, синьоръ, для доказательства. Да, я—Габріэлли. А вонъ та, на кухнѣ, моя подруга Давія,—продолжала пѣвица, указывая на пию среди кастрюль и оливковаго чада.—Чему же вы изумляетесь? Мы заняты своимъ хозяйствомъ. Мы все дѣлаемъ сами и потому всегда веселы и здоровы. Но кто вы, синьоръ? И что вамъ угодно?

— Графъ Фениксъ ди-Санта-Кроче, синьора!—внушительно произнесъ гость.—Явился засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, при-

нести дань удивленія вашимъ несравненнымъ талантамъ, прославляемымъ всей Европой, и вмѣстѣ съ тѣмъ передать поклонъ моей супруги, графини Серафимы.

— Ахъ, моя карлица Граціэлла рассказывала о ней! Граціэллы нѣтъ дома. Я послала ее за припасами. Она расхваливала красоту и голосъ вашей супруги.

— Трудно хвалить въ вашемъ присутствіи, синьора, чей-либо голосъ или внѣшность! Когда всходитъ сіяющее солнце—меркнутъ крупнѣйшія звѣзды. Но я привезъ вамъ привѣтъ отъ нѣкоторыхъ друзей вашихъ изъ Италіи и вотъ это письмо отъ принца, утраченного въ васъ всю радость жизни.

Говоря это, графъ Фениксъ досталъ письмо и махалъ имъ, не зная, какъ отдать пѣвицѣ въ мокрая ея ручки посланіе меланхолическаго принца.

— Пройдите сюда, графъ!—сказала пѣвица, бросая на полъ мочалку въ лужу мыльной воды. Затѣмъ она отерла руки о пеструю юбку и спустила ее такъ, чтобы скрыть мощныя лядвеи. Графъ Фениксъ осторожно прошелъ въ указанный пріемный покой. Здѣсь пѣвица приняла отъ него письмо съ короной на печати, небрежно разорвала конвертъ, пробѣжала страстныя строки августѣйшаго обожателя и равнодушно бросила письмо на доску камина.

— Онъ надоѣлъ мнѣ еще въ Миланѣ!—сказала она.

— Бѣдный принцъ! Неужели столь разительное въ нашъ безнравственный вѣкъ постоянство не трогаетъ ваше сердце, синьора?—говорилъ графъ Фениксъ.—Впрочемъ, всеобщее обожаніе, которое окружаетъ васъ здѣсь, восторгъ двора, вельможъ, конечно, изгладили изъ вашихъ воспоминаній образъ далекаго юнаго поклонника. Дивный васъ голосъ, мощный геній, пламень духа, обворожительная совершенная красота гремятъ во всей Европѣ! Все цивилизованное челоуѣчество, синьора, сплетаетъ вамъ хвалу!

Габріэлли совершенно равнодушно, повидимому, слушала слащавую лесть гостя, однако она была ей все же пріятна.

— Вы очень любезны, графъ,—сказала она.—Можетъ быть, вы желали бы познакомиться и съ моей подругой?

И, не дожидаясь отвѣта, пѣвица крикнула звучнымъ, гармоничнымъ голосомъ:

— Давія, поди сюда!

Сейчасъ же та явилась изъ кухни, съ пылающими щеками, вся дышащая ароматами лука и другихъ пряныхъ спецій.

— Это соотечественникъ, недавно въ Петербургѣ, графъ ди-Санта-Кроче, о супругѣ котораго намъ сегодня рассказывала Граціэлла!—представила она гостя.

Давія радостно всплеснула руками и засыпала графа потокомъ итальянскихъ словъ, спрашивая о различныхъ своихъ знакомыхъ аристократахъ въ Римѣ, Падуѣ, Миланѣ, Венеціи, Неаполѣ

и еще дюжинѣ другихъ городовъ и городишекъ Италіи. Графъ зналъ весьма многихъ изъ нихъ и, пересыпая отвѣты свои любезностями и похвалами таланту и красотѣ артистки, сообщилъ достаточно новостей. Въ бесѣдѣ приняла участіе и Габріэлли. Пѣвицы усадили графа въ кресло, достали изъ пузатаго шкапчика вино, фрукты, кубки, угощали его и сами исправно пили за его здоровье. Не прошло получаса, какъ живая итальянская артистическая натура установила между гостемъ и пѣвицами самыя пріятныя, откровенныя отношенія. Графъ оказался любезнѣйшимъ кавалеромъ, къ тому же объѣхалъ, казалось, весь свѣтъ, зналъ всѣхъ выдающихся людей, принцевъ, вельможъ. Уже принесена была гитара, и артистки исполнили небесными своими голосами дуэтъ изъ новѣйшей оперы аббата Пьетро Метастазіо; восторженный графъ попеременно становился предъ каждой на колѣни, цѣлуя красавицамъ ручки, хотя онѣ у Габріэлли сильно припахивали сѣрымъ мыломъ, а у Давіи — подгорѣлымъ оливковымъ масломъ. Въ то же время графъ не уставалъ искусно разспрашивать пѣвицъ о петербургскомъ дворѣ и свѣтѣ, о всѣхъ пѣвицахъ и актрисахъ Эрмитажа, о покровителяхъ ихъ, о домахъ вельможъ, ихъ женахъ, любовницахъ и скандальныхъ связяхъ, тайныхъ и полуявныхъ, сихъ любовницъ и женъ, обычныхъ безнравственному вѣку сему. Между прочимъ навелъ онъ рѣчь и на покровителя Габріэлли, стараго директора спектаклей и всякихъ зрѣлищъ, господина Елагина, котораго пѣвица называла просто по батюшкѣ:

— Pierfillieviz!

— Господинъ Елагинъ мнѣ извѣстенъ, какъ мужъ, исполненный высокихъ добродѣтелей, — важно сказалъ графъ Фениксъ, — огромной учености и государственнаго опыта. Я слышалъ о немъ въ бытность мою въ Лондонѣ отъ друга моего герцога де-Бофора; имѣю и письма къ сему достопочтеннѣйшему лицу отъ мужей разсвѣта, восхода солнца, отъ тайнаго мѣста, гдѣ имѣетъ свое пребываніе великая мудрость и господствуютъ миръ, согласіе и тишина!

— Что онъ такое говоритъ? — сказала Давія, очень усердно прикладывая коралловыя уста къ кубку, быть можетъ, потому, что кулинарныя занятія у пылающаго очага пробудили въ ней жажду. — Что онъ говоритъ? О какомъ разсвѣтѣ и тайномъ мѣстѣ? Что за кабалистика! И въ первый разъ слышу о добродѣтеляхъ господина Елагина? Спросите у Габріэлли, она вамъ расскажетъ, что это за добродѣтели! Ха! ха! ха!

— Оставь въ покоѣ моего добраго старичка, Давія, — сказала Габріэлли.

— Добраго! Да, къ тебѣ онъ добръ, и ты съ нимъ дѣлаешь все, что только пожелаешь! Но другимъ въ труппѣ нѣтъ житія отъ этой противной, старой, капризной крысы!

— Я еще разъ говорю тебѣ, Давія, оставь въ покоѣ моего стараго Pierfillieviz!—сердцась говорила Габріэлли.

— Вотъ еще! Ты, кажется, хочешь мнѣ приказывать! Но я никогда еще и никому не подчинялась, тѣмъ болѣе тебѣ! Чѣмъ я ниже тебя? Кажется, ничѣмъ! Хочу и буду говорить, буду!

— Молчи! Молчи!—вскакивая и яростно топая ногой, кричала Габріэлли, черные кудри которой, какъ змѣи, разметались вокругъ головы.

Давія тоже вскочила и встряхнула своими великолѣпными волосами, цвѣта венеціанскаго красноватаго золота, и, вырвавшись изъ-подъ задерживавшей ихъ шелковой сѣтки, они рассыпались по плечамъ и груди пѣвицы, едва прикрытой воздушной рубашкой и коротенькимъ фигаро. Затѣмъ обѣ пѣвицы уперли въ крутя бедра мощныя длани и стали наступать другъ на друга, одновременно пронзительно крича:

— Я буду говорить, буду кричать, всегда, всюду, что твой старикашка—безнравственная обезьяна! Коротышка! Уродецъ! Запыхается! Задыхаеся! Косъ! Глухъ! Скупъ! Носить по три год-одинъ кафтанъ! Всѣмъ надоѣдаетъ! Ничего не смыслить въ искусствѣ! Противный! Отвратительный!

— Онъ лучше въ тысячу разъ твоего жирнаго мопса Безбородко! Пьяницы! Грубіяна! Варвара! который таскается по кабакамъ и непотребнымъ домамъ и заставляетъ тебя дѣлать его любовь съ уличными грязными тварями!

— Это все же лучше, чѣмъ жить со старикомъ, развалиной, немощнымъ подагрикомъ, только потому, что онъ главный директоръ театровъ и даетъ тебѣ первыя роли!

— Я живу со старикомъ, а ты, кромѣ своего бегемота, съ тремя, съ несчастнымъ мальчишкой графомъ Бобринскимъ, котораго растлѣваешь и довела почти до чахотки! И съ братьями, родными братьями!

— Что? Я живу съ родными братьями?

— Да! да! Я знаю. Съ однимъ Рибасомъ и съ другимъ Рибасомъ! Это — смертный грѣхъ. Это — кровосмѣшеніе.

— Фурія!

— Мегера!

— Цыганка!

— Жидовка!

Пѣвицы до того разъярились, что, казалось, готовы были вцѣпиться одна другой въ волосы.

Графъ Фениксъ внималъ перебранкѣ съ полнѣйшимъ спокойствіемъ, улыбаясь и прихлебывая изъ кубка.

— Ты — жидовка. и готова удавиться за горсть червонцевъ!— кричала Давія.

— Ты—цыганка, и у тебя нѣтъ религіи! Ты служишь сатанѣ!— кричала Габріэлли.

— Дура! Обѣ мы пойдемъ въ адъ, если только онъ существуетъ!

— Слышите! Она не вѣруетъ въ ученіе святой церкви! Я — жидовка, говоришь ты, но я вѣрую! Я никогда не позволю себѣ вступить въ связь съ двумя близкими родственниками одновременно, тѣмъ болѣе съ родными братьями.

— Какая святая, подумаешь! Кому ты говоришь? Развѣ я не знаю твоихъ похожденій!

— Ты — кровосмѣсительница. И я донесу на тебя аббату Николу.

— Ха! ха! ха! Донеси хоть самой инквизиціи! Мы — въ Россіи. Здѣсь меня не достанешь. Да и въ Римѣ у меня достаточно знакомыхъ кардиналовъ, которые любятъ жить весело.

— Когда ты умрешь, святая церковь откажетъ тебѣ въ погребеніи!

— Всѣхъ актрисъ лишаютъ погребенія въ освященной землѣ. Да не все ли равно мертвецу!

— Тебя не похоронятъ! Тебя не похоронятъ!

— Нѣтъ — похоронятъ!

— Нѣтъ — не похоронятъ!

— Да вѣдь я — провансю!

Послѣдній аргументъ Дави былъ столь неожиданъ, что Габріелли не нашлась, что сказать, и замолчала.

Громкіе аплодисменты вдругъ раздались въ дверяхъ покоя. Пѣвицы и внимавшій ихъ своеобразному объясненію графъ невольно обернулись туда.

VI.

Россійскій комедіантъ,

Въ дверяхъ стоялъ стройный, изящный и чрезвычайно живописный молодой человекъ. Напудренные длинные, натуральные волосы его были зачесаны назадъ, открывая высокій, мыслящій лобъ; черты лица имѣлъ онъ необыкновенно правильныя, глаза большіе, умные, сѣрые съ поволокой. Одѣтъ онъ былъ чрезвычайно опрятно, со щегольской простотой, въ суконый коричневый кафтанъ французскаго покроя, со стальными пуговицами, шитый шелковый жилетъ, съ брыжами и манжетами. Когда бывшіе въ комнатѣ обернулись, онъ всѣмъ улыбнулся плѣнительно, обнаживъ бѣлые, какъ слоновою кость, зубы. Казалось, появленіе его мгновенно успокоило воспламенившіяся страсти итальянокъ и внесло мѣру, гармонію, учтивую пріятность. Обѣ пѣвицы просіяли и бросились къ нему. Каждую онъ бралъ за обѣ руки повыше локтя и съ какой-то отеческой лаской цѣловалъ въ уста. Потомъ онъ подхватили его подъ локти и ввели въ покой.

— Мы немного повздорили, Жанъ!—небрежно объяснила Габріэлли.

— О, я слышалъ, божественная!—мягкимъ, учтивымъ, пріятнѣйшимъ голосомъ возразилъ по-французски молодой человѣкъ.— Я слышалъ. И долженъ сказать, что наша очаровательная Давія проявила въ спорѣ изумительную находчивость. Аргументъ ея неотразимъ. Но все же я болѣе люблю, когда вы состязаетесь въ своемъ искусствѣ, чѣмъ въ діалектикѣ.

Говоря это, молодой человѣкъ взглядывался въ сидѣвшаго съ важнымъ спокойствіемъ гостя пѣвиць. Удивленіе выразилось въ чертахъ его. Казалось, онъ и узнавалъ, и не узнавалъ эту личность. Наконецъ онъ сдѣлалъ два шага къ нему и учтиво поклонился. Тотъ отвѣчалъ величественнымъ кивкомъ лобастой своей головы, храня на лицѣ холодное равнодушіе. Однако глаза его, блуждавшіе ранѣе гдѣ-то въ потолокъ, вдругъ обратили къ молодому человѣку острый, подозрительный взглядъ и на мгновеніе выразили какъ бы испугъ и оторопѣлость. Но вслѣдъ затѣмъ маслинообразные глаза итальянца вновь вознеслись къ высшимъ сферамъ, полные величавой мечтательности...

— Это нашъ новый знакомый,—представила Габріэлли:—графъ Фениксъ ди-Санта-Кроче!

— Россійскій комедіантъ ея величества, Иванъ Дмитревскій!—назвалъ себя съ новымъ учтивымъ поклономъ молодой человѣкъ.

Графъ снисходительно кивалъ головой.

— Вѣдь это вы, графъ, писали къ господину главному директору спектаклей и зрѣлищъ, статсъ-секретарю императрицы, его превосходительству Ивану Перфильевичу Елагину?—садясь въ кресло, продолжалъ русскій комедіантъ. Обѣ пѣвицы стали по бокамъ кресла, опираясь на спинку его, и заглядывали въ лицо молодого человѣка, оправляя его волосы и жабо.

— Вы не ошибаетесь, господинъ Дмитревскій, вы не ошибаетесь,—на грубомъ французскомъ языкѣ, съ итальянскимъ произношеніемъ подтвердилъ графъ.—Я писалъ господину Елагину!

— Очень хорошо. Встрѣча наша весьма припала кстати. Я именно имѣлъ порученіе отъ его превосходительства Ивана Перфильевича посѣтить васъ и передать приглашеніе господина статсъ-секретаря пожаловать къ нему сегодня въ девять часовъ вечера.

— Хотя я крайне занятъ, но постараюсь прибыть!—отвѣчалъ графъ, все блуждая съ разсѣяннымъ видомъ по верхнимъ областямъ.

Комедіантъ внимательно, хотя и съ учтливой незамѣтностью, разглядывалъ лицо графа Феникса.

— Давно ли вы въ Россіи, графъ, смѣю спросить?—сказалъ онъ.

— И давно, и недавно, господинъ Дмитревскій!—отвѣчалъ неопредѣленно графъ.

— Вѣроятно, вы много путешествовали въ Европѣ? — продолжалъ комедіантъ разспросы.

— О, даже сидя въ этомъ креслѣ, я путешествую, такъ какъ земля со всѣмъ, что на ней пребываетъ, неутомимо несется въ пространствѣ въ востоку!

— Что касается меня,—не обращая вниманія на странную форму отвѣта его собесѣдника, продолжалъ Дмитревскій,—то еще недавно, по порученію его превосходительства Ивана Перфильевича, посѣтилъ я Парижъ и Лондонъ, собственно съ цѣлью какъ лично усовершенствоваться въ искусствѣ, такъ и пригласить нѣсколькихъ выдающихся артистовъ и актрисъ въ труппу ея величества. И могу сказать, приобрѣлъ дружбу величайшаго изъ актеровъ нашего времени, Гаррика, въ Лондонѣ! Вамъ не случилось, графъ, будучи въ Лондонѣ, видѣть Гаррика въ «Лирѣ» или «Макбетѣ».

Графъ въ отвѣтъ промывчалъ что-то, витая въ верхнихъ областяхъ.

— Великій художникъ! Мастеръ несравненный! И посмотрите, какимъ высокимъ почетомъ пользуется онъ въ своей странѣ! На ужинахъ у герцога де-Вофора...

— Графъ говорилъ, что онъ другъ герцога,—замѣтила Габріэлли, которая, стоя около кресла актера, умнымъ взглядомъ перебѣгала во время этой бесѣды съ него на графа и обратно.

— Вотъ какъ?! Дру-у-угъ!—протянулъ Дмитревскій.—О чемъ я говорилъ? Да, Гаррикъ! Волшебникъ! Что бы я далъ за одну десятую его генія! Но я говорилъ о томъ уваженіи, которымъ пользуются актеры въ Лондонѣ. Когда я вошелъ сюда, то услышалъ споръ божественной Габріэлли и несравненной Дави, небесные голоса которыхъ пробуждаютъ въ каждомъ воспоминаніи о потерянномъ раѣ сладости! Не достойно ли горькаго смѣха, что въ наше время, въ просвѣщенный вѣкъ Руссо и Вольтера, Фридриха и Екатерины, актеръ и актриса считаются отверженными существами, ихъ высокое, благородное искусство—заворнымъ ремесломъ, и церковь отказывается погребать самыя тѣла ихъ въ освященной землѣ! Какъ упорно невѣжество! Какъ неискоренимы предрасудки, виѣдренные фанатизмомъ! Но послушайте, прелестныя! — продолжалъ Дмитревскій, обращаясь къ пѣвицамъ. — Вы принимаете столь знатнаго гостя, иностраннаго графа, въ совершенно домашнемъ, легкомъ нарядѣ! Я—свой человѣкъ, російскій комедіантъ, но графъ!..

Неуловимо-насмѣшливая интонація слышалась въ этихъ словахъ актера.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, намъ пора одѣваться и ѣхать на репетицію!—всполошилась Габріэлли.—Графъ насъ засталъ за домашнимъ хозяйствомъ. Онъ извинитъ насъ. Граціэлла ушла на рынокъ. Я мыла полы...

— А, такъ вотъ почему дверь на лѣстницу была распахнута и въ прихожей наводненіе!—весело вскричалъ Дмитревскій.— Столь высокій посѣтитель, иностранный графъ, другъ герцога де-Бофора, и вдругъ—мочалка и мыльная вода!

— А Давія готовила обѣдъ!—со смѣхомъ сказала Габріэлли.

Какъ разъ при этихъ словахъ съ кухни донеслось шипѣнье и клекотанье, и вмѣстѣ съ тѣмъ ворвались клубы чада.

— Ахъ, я совсѣмъ забыла о кухнѣ? Тамъ все перекипѣло, подгорѣло!..—вскричала Давія и кинулась вонъ изъ гостиной.

Вслѣдъ за ней вышла и Габріэлли, одѣваться.

Графъ и Дмитревскій остались наединѣ. Оба нѣсколько времени молчали. Графъ все блуждалъ очами въ верхнихъ сферахъ. Актеръ теперъ разсматривалъ его уже безъ всякой вѣжливости.

— Шевалье Вальдоне!—наконецъ сказалъ актеръ.— А вѣдь это вы!

— Что же изъ этого, милѣйшій мой Жанъ Дмитревскій, что же изъ этого?—равнодушно отвѣчалъ таинственный иностранецъ, и взоръ его, принявъ бѣгающее, мышиное, высматривающее выраженіе, устремился на благородное, прекрасное лицо актера, сверкая наглою злобой.—Пусть я именно то лицо, которое вы встрѣчали въ Лондонѣ подъ именемъ шевалье Вальдоне! Здѣсь, въ Петербургѣ, я—графъ Фениксъ ди-Санта-Кроче и имѣю на сіе званіе и фамилію надлежащій патентъ.

— Работы несравненнаго маэстро Оттавіо Никастро?!—презрительно сказалъ актеръ.

— Увы, нѣтъ! Почтенный Оттавіо кончилъ жизнь на висѣлицѣ въ Венеціи! А развѣ вы пользовались его каллиграфическимъ искусствомъ, милѣйшій? Патентъ мой подлинный. Въ Лондонѣ я былъ incognito. Вотъ почему вы и встрѣчали меня тамъ подъ именемъ шевалье Вальдоне.

Все это онъ проговорилъ съ полной развязностью и спокойствіемъ.

На минуту Дмитревскій потерялъ самообладаніе.

— Встрѣчалъ въ Лондонѣ!—вскричалъ онъ.—Но припомните, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ я встрѣчалъ васъ тамъ! Не приказалъ ли герцогъ де-Бофоръ, котораго вы здѣсь именуете «другомъ», за ваши, обличенные имъ, фокусы съ тѣнями и огненными рукамп, своимъ лакеямъ вышвырнуть васъ на навозную кучу и тамъ отколотить палками? Не удостоилъ ли васъ Гарриксъ полновѣсной оплеухой за кулисами при всей труппѣ за ваше гнусное сводничество? Не изобличила ли васъ собственная жена или особа, которую вы выдавали за свою жену, прелестная, несчастная Лоренца Феличiani? Вспомните, какъ вы гнили потомъ въ долговой тюрьмѣ, и не самъ ли я участвовалъ въ складчинѣ, чтобы выкупить васъ оттуда, движимый человѣколюбіемъ? скажите, не было ли всего этого?!

— Да, вы меня видѣли въ униженіи, въ паденіи, въ минуты злыя, когда мои незримые враги и искусители временно низвергли меня въ бездны порока, преступленія, гибели! Но почему они это сдѣлали со мною? Чтобы отвлечь меня отъ великаго дѣла, которому я служу! — напыщенно сказалъ шевалье Вальдоне, опять подымая очи къ небу.

— Я знаю, что вы ловкій, смѣлый плутъ! Самъ герцогъ де-Борфоръ долго ловился на ваши хитросплетенія и благородныя рѣчи! Но вѣдь тогда были собраны свѣдѣнія о вашихъ приключеніяхъ въ различныхъ столицахъ Европы, гдѣ вы появлялись, неуловимый и измѣнчивый, какъ нѣкій Протей, подъ различными фамиліями. Вы знаете, какія то были свѣдѣнія!

— Если я оставался, по вашимъ же словамъ, неуловимымъ, то что же полиція могла собрать, кромѣ сплетенъ и клеветъ моихъ враговъ? Совершенное другими — приписывали мнѣ. Не отрицаю, ужасныя искушенія преслѣдовали меня, какъ и всякаго, выступающаго на путь совершенства, служенія человѣчеству, строительства храмины всеобщаго блаженства! Черныя силы зла, слуги князя міра сего, мрачныя некроманты и какоманты устремляются противъ рыцаря Соломонова храма, противъ дерзнувшаго потрясти вѣковѣчное царство тираніи, невѣжества, фанатизма и предразсудковъ! Въ борьбѣ онъ иногда слабѣетъ, падаетъ, ниспадаетъ тѣмъ ниже, чѣмъ выше возносился! Но не судите о немъ въ униженіи его! Вновь возстанетъ и явится въ сіяніи славы, силы и мудрости отъ вѣчности предопредѣленный человѣкъ!

Говоря это, Вальдоне всталъ, и весь видъ его преобразился, принявъ вдохновенное выраженіе.

— Не падши — не спасешься, правда, — проговорилъ по-русски актеръ, видимо поколебленный, но старавшійся уклониться отъ впечатлѣнія.

— Молодой человѣкъ, — проникновенно продолжалъ Вальдоне, — развѣ вы не подвержены искушеніямъ? Развѣ въ томъ же Лондонѣ, гдѣ вы встрѣтили меня въ паденіи, временномъ паденіи, и я васъ не видѣлъ среди оргій, за чашей опьяненія, въ объятіяхъ, хотя и прекрасныхъ, но самыхъ дурныхъ женщинъ?

— Нѣтъ, не забылъ. И въ особенности помню, что вы опаснѣйшій шарлатанъ и промышленникъ! — воспламеняясь при этихъ обличеніяхъ, вскричалъ Дмитревскій. — Я жилъ, какъ всѣ актеры, и не выдавалъ себя за провидца, чародѣя, святого и духовидца, какъ вы! Теперь вы отъявились въ Петербургѣ, проникаете къ его превосходительству Ивану Перфильевичу Елагину, очевидно, приславъ ему какія-нибудь столь же достовѣрныя рекомендаціи, какъ и вашъ дипломъ на графское достоинство. И васъ Елагинъ приглашаетъ сегодня, когда у него будетъ засѣданіе капитула всѣхъ здѣшнихъ ложъ! Могу ли я допустить проникновеніе въ

святилище темнаго проходимца, за какого васъ почитаю! Если вы явитесь сегодня къ Елагину, я изблечу васъ при всѣхъ, знайте это!

Актеръ поднялся и грозилъ рукою Вальдоне.

Глаза послѣдняго засверкали.

— Дерзновенный!—грознымъ шопотомъ произнесъ онъ.—Противъ кого ты идешь! Я раздавлю тебя, какъ ничтожнаго червя! Знай, что дни униженія, когда ты видѣлъ меня въ грязи и позорѣ, давно миновали. Предъ тобою мужъ, облеченный высшей властью рѣшить и вязать, возведенный на совершеннѣйшія степени могущества, наставленный въ тайнахъ тайнъ и откровеніяхъ откровеній! Superi incogniti послали меня на изнывающій въ мракѣ невѣжества и порабощенія Сѣверъ совершить великое дѣло, о которомъ, кто услышитъ, у того зазвенитъ въ ушахъ!

— Кто же вы? И гдѣ доказательства вашихъ полномочій? — спросилъ устрешенный и поколебленный актеръ.

— Доказательства достаточныя верховнаго моего посланничества будутъ представлены сегодня мною въ засѣданіи капитула! Кто я—сегодня же узнаютъ и не узнаютъ. Но что ты, хотя и достигшій званія избраннаго шотландскаго мастера, но на столь низкомъ по отношенію ко мнѣ градусѣ находишься, что обязанъ полнѣйшимъ мнѣ повиновеніемъ, сей знакъ тебя удостовѣритъ!

При сихъ словахъ неизвѣстный протянулъ руку и совершилъ предъ трепещущимъ мастеромъ таинственное и странное знаменіе.

Дмитревскій схватилъ его руку и поцѣловалъ.

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ О ЦЕСАРЕВИЧѢ НИКОЛАѢ АЛЕКСАНДРОВИЧѢ И ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ III ВЪ ЮНОСТИ.

I.

Наслѣдникъ-цесаревичъ на Маріинской системѣ въ 1863 году.—Причина выбора имъ этого пути.—Ночлеги въ городѣ Бѣлозерскѣ.—Пѣсня рабочихъ о графѣ Клейнмихелѣ.—Разговоръ его высочества со мной; курганъ царя Синеуса; пророчества Петра I; о положеніи освобожденныхъ крестьянъ; надежды цесаревича.—Царская благодарность дворянамъ.

ВЪ ТОМЪ 1863 года цесаревичъ Николай Александровичъ совершалъ свое путешествіе по Россіи, начавъ его съ Маріинской системы, которая приводила его къ главной цѣли поѣздки, Волгѣ, чрезъ Олонецкую губернію и сѣверную часть Новгородской, т. е. чрезъ области, обдѣленные природой и почти забытыя тѣми, кому бы надлежало знать отечество, — административной бюрократіей. Она, не взирая на указанія самого императора Александра II, который первое свое путешествіе по Россіи посвятилъ такому многострадальному Сѣверу, какъ Вологодская и Архангельская губерніи, продолжала игнорировать эту полосу государства. Мнѣ извѣстно отъ близко стоявшихъ ко двору лицъ (между прочимъ отъ генерала свиты его величества Николая Павловича Литвинова)¹⁾, что такой обходный путь, мало занимательный съ казовой стороны, былъ избранъ самимъ цесаревичемъ именно потому, что онъ желалъ видѣть одну изъ бѣднѣйшихъ частей отечества, дабы усмотрѣть

¹⁾ Онъ былъ шестью годами старше меня, но воспитывался также въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Кромѣ того, между его семьей и моею существовали старинныя дружескія, а потомъ и родственныя связи.

средства къ поднятію благосостоянія ея жителей. Насколько ему удалось ознакомиться съ реальной правдой и съ краемъ изъ-за условныхъ декораций, которыми старались обставлять его путь, осталось вопросомъ.

Маринская система, какъ извѣстно, заканчивается Бѣлозерскимъ каналомъ, обходящимъ бурное озеро между рѣками Ковжей и Шексной, впадающей въ Волгу у Рыбинска. Какъ каналъ, такъ и верхняя часть Шексны лежатъ въ предѣлахъ Новгородской губерніи. На Бѣлозерскомъ каналѣ лежитъ скромный городокъ Бѣлозерскъ, въ древности столица Рюрикава брата Синеуса. Благодаря этому историческому преимуществу, онъ отличается отъ лермонтовскаго Тамбова тѣмъ, что «на картѣ генеральной» «отмѣченъ онъ всегда». Къ 1863 году въ немъ, однако, было не какъ въ Тамбовѣ только «двѣ улицы прямыя», но чуть ли не десятокъ, и даже весьма широкихъ. Зато ни фонарей, ни мостовыхъ, ни будокъ съ будочниками еще не существовало. Этотъ уѣздный городокъ былъ назначенъ по маршруту мѣстомъ ночлега для августѣйшаго путешественника и готовился къ его встрѣчѣ.

Я, полгода ранѣе избранный на новгородскомъ губернскомъ собраніи въ предводители дворянства Бѣлозерскаго уѣзда, согласно желанію дворянъ, готовилъ адресъ для поднесенія его высочеству.

Погода стояла хорошая. Солнце уже зашло, но вечерній мракъ еще не сгущался. Изъ всего уѣзда (размѣры его превосходятъ площадь Саксонскаго королевства, а населеніе едва достигало 80 тысячъ жителей) съѣхались дворяне, нѣкоторые новые чиновники, возникшіе изъ уничтоженнаго крѣпостного права, волостные старшины; сошлись никогда невиданныя у насъ толпы народа къ назначенному для прибытія его высочества времени. Все это скопилось около нарочито устроенной маленькой пристани на каналѣ, противъ одной изъ «прямыхъ» и широкихъ улицъ, какъ разъ противъ чугуннаго обелиска, вновь окрашеннаго грязновато-сѣренькой краской, который возвышался на узкой полоскѣ земли между каналомъ и озеромъ.

Обелискъ сей воздвигнутъ въ память открытія канала въ царствованіе Николая I и, судя по надписи, больше всего въ честь всеильнаго графа Клейнмихеля, тогдашняго министра путей сообщенія, при управленіи котораго былъ сооруженъ каналъ.

Мнѣ и теперь припоминается ироническій куплетъ пѣсни, сложенной рывшими каналъ рабочими. Она чрезъ посредство, вѣроятно, няни запала въ мою дѣтскую память. Каналъ открывался, когда мнѣ было около 7 лѣтъ (тогда наша семья жила въ усадьбѣ около Шексны). Куплетецъ этотъ между прочимъ иронически сообщалъ потомству, что

Графъ Клейнмихель молодецъ,
Для начальничковъ—отецъ.....

Всѣ мы, ожидавшіе прибытія Николая Александровича, конечно, толпились около пристани въ волненіи и парадныхъ одѣяніяхъ. Дворяне во фракахъ, хотя, быть можетъ, помнившихъ, если не царя Гороха, то царя Синеуса. Многіе въ кургузыхъ дворянскихъ мундирахъ (хотя ихъ форма была уже по закону обращена въ казакины) съ посинѣлыми отъ ветхости экс-красными воротниками и побурѣвшимъ золотымъ шитьемъ. Два задорныхъ ополченца въ своихъ затасканныхъ сѣрыхъ кафтанахъ и фуражкахъ съ мѣдными крестами подсмѣивались надъ однимъ изъ нашихъ магнатовъ (въ данный моментъ мировымъ посредникомъ), оставшимъ гвардіи полковникомъ Долгово-Сабуровымъ, который нарочно къ торжественному случаю спилъ себѣ щегольской мундиръ Измайловскаго полка съ блестящимъ шитьемъ, пурпурными отворотами и надѣлъ на свою пышную сѣдую шевелюру каску съ султаномъ. Одинъ изъ мировыхъ посредниковъ блисталъ въ полной парадной формѣ ольгинскаго гусара. Представители только что освобожденныхъ крѣпостныхъ, волостные старшины, нѣсколько сельскихъ старостъ съ ярко отчищенными кирпичикомъ медалями на шеяхъ, стояли въ сторонкѣ, перешептываясь, поглядывая на начальство, т. е. мировыхъ посредниковъ. Городской голова, по прозвищу «Ноги» (потому что онъ всегда бѣгалъ по городу, тряся жидкой сѣренькой бородкой и ничего ни въ чемъ не понималъ), сновалъ около своихъ «гражданъ» и надоѣдалъ намъ всѣмъ ненужными вопросами. Длинный, худощавый исправникъ (послѣдній выбираемый дворянами, «дворянскій», послѣ этого пошли исправники одноформенные, назначаемые губернаторами, именующіе себя «начальниками уѣзда») въ синемъ съ серебромъ гусарскомъ мундирѣ, съ развѣвающимся за плечами бѣлымъ ментикомъ, чуть не плакалъ отъ волненія. Онъ былъ очень нервный человѣкъ. Трепеталъ, что «эти подлые», т. е. мужики и мѣщане, простонародье вообще, обезпokoятъ его высочество.

— Ишь ихъ тьма какая, всю набережную канала, улицы, весь бечевникъ затискали. Не пробьется. Просьбы, я уже вижу, притащили. Орать, каналы, во всю глотку ночью будутъ... Отдохнуть не дадутъ наследнику. А я за все отвѣчай. А что я подѣлаю, что подѣлаю...— плаксиво говорилъ онъ, подбѣгая ко мнѣ каждыя пять минутъ... И потомъ бѣгалъ, оралъ, обращаясь къ толпѣ народа, махая рухами:—Смирно вы, подлецы... Я васъ уже!

Подлецы, т. е. мѣщане, мужики и бабы, собравшіеся встрѣтить царскаго первенца, дѣйствительно виднѣлись всюду, куда взоръ достигалъ, стояли толпами, въ толщу которыхъ даже тонкій и сухой исправникъ проникнуть не могъ. Но они не оправдывали опасеній гусара, стояли мирно; многіе сидѣли, жевали хлѣбъ, нѣкоторыя женщины становились заранѣе на колѣни, крестились, нѣкоторыя утирали слезы. Я успокаивалъ подполковника, однако, безуспѣшно.

Ужъ не знаю, что происходило въ его нервахъ, когда пароходикъ начальника округа путей сообщенія (резидирующаго въ городѣ Вытегрѣ), на которомъ шель его высочество, появился въ прямолинейной перспективѣ канала и, давъ нѣсколько свистковъ, приблизился къ пристани; когда толпа дотолѣ тихаго народа, дѣйствительно, стихійно, восторженно, съ какимъ-то отгѣнкомъ рыданія стала кричать: «ура!»

Дворяне, городскіе сановитые граждане, волостные старшины могли съ грѣхомъ пополамъ охранять отъ «подлецовъ» путь около пристани. Дальше народъ сливался, какъ цементъ, и «ура» было сплошное. Однако исправнику какъ-то удалось при помощи своихъ держимордъ (самъ онъ драться не любилъ) расширить путь. Путь же былъ не дологъ. Ночлегъ для его высочества былъ приготовленъ въ домѣ начальника путевой дистанціи, только улицу перейти, такъ что и экипажа не нужно было.

Его высочество, сходя съ парохода, узналъ меня, привѣтливо поздоровался. Генералъ-адъютантъ графъ Г. А. Строгановъ, сопровождавшій его въ качествѣ ментора, шепнулъ мнѣ (онъ тоже зналъ меня равнѣ): «Пойдемте съ нами, только устройте, чтобы сегодня не было представленія депутацій. Его высочество нѣсколько утомленъ».

Я сдѣлалъ, что могъ; посоветовался съ исправникомъ, головой и посредникомъ и прошелъ въ путевскій домъ вслѣдъ за цесаревичемъ, который, стоя у открытаго окна, отвѣчалъ на непрерывные поклоны и на потрясающія «ура». Потомъ онъ удалился въ отведенныя ему комнаты и принялъ меня со своей обычной мягкостью. Онъ указалъ на стулъ, сѣлъ самъ и попросилъ меня сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о краѣ, по которому онъ проѣзжаетъ, и о самомъ городѣ. Сначала въ комнатѣ оставался графъ Строгановъ, особенно интересовавшійся археологіей, и потому разговоръ шель о древнихъ достопримѣчательностяхъ нашего города. Я передавалъ о нихъ, что зналъ. Цесаревичъ смѣялся, узнавъ, что народъ, храня преданіе о Синеусѣ, доселѣ зоветъ его царь Синійусъ; и легенда о курганѣ его, видимо, забавляла. Суть ея такова. Какъ о Рюрикѣ въ Новгородѣ поддерживается преданіе мѣстечкомъ, носящемъ доселѣ имя Рюрикава Городища, такъ въ Бѣлозерскѣ помнятъ царя Синеуса, надо быть, потому, что на берегу озера, недалеко отъ города, возвышается холмъ, подъ которымъ, по преданію, погребенъ братъ Рюрика. На этомъ холмѣ въ то время (т. е. въ 1863 г.) росли три развѣсистыя ели, весьма почтеннаго возраста. Мѣстные жители вѣрили, что подъ этимъ небольшимъ, несомнѣнно, насыпнымъ, возвышеніемъ, лежитъ не только царь Синеусъ, но и его несмѣтныя сокровища. А добывать кладъ возможно вотъ какимъ путемъ: надо взлѣзть на самую вершину высочайшей изъ трехъ стройныхъ елей и спуститься съ нея

непремѣнно внизъ головой и, спустившись, — *conditio sine qua non* — выхлебать цѣлое ведро (съ позволенія сказать) соплей. Совершившему этотъ подвигъ кладъ дастся въ руки безпрепятственно. Говорятъ, что въ теченіе 1000 лѣтъ, истекшихъ со дня смерти перваго князя Бѣлозерскаго, находились смѣльчаки, отвага которыхъ однако остывала передъ гастрономическою частью программы.

Курганъ этотъ подвергался, года за два до посѣщенія насъ цесаревичемъ, раскопкѣ по инициативѣ и подѣ наблюденіемъ одного, молодого тогда, мѣстнаго помѣщика, Н. Г. Ванифатьева, чловѣка съ университетскимъ образованіемъ, но чуждаго самыхъ элементарныхъ археологическихъ знаній. Только половина насыпи была снята; ниже уровня окружающей поверхности земли раскопокъ не дѣлали. Результатовъ никакихъ. Наслѣдника все это, видимо, занимало. Но археологъ Строгановъ негодовалъ. Обозвавъ нелѣпостями легенду и систему раскопки и самое предположеніе, что курганъ Синеуса могъ сохраниться, генераль-адъютантъ удалился изъ комнаты. Николай Александровичъ со свойственнымъ ему чуткимъ тактомъ, не обрывая разговора (надо полагать для того, чтобъ я не подумалъ, что присутствіе Строганова стѣсняло его), перешелъ къ темѣ, очевидно, болѣе его интересовавшей. Заговорилъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ и по преимуществу тѣхъ, которые всего два года назадъ вышли изъ крѣпостной зависимости. Руководящія нити его общихъ свѣдѣній о русскомъ народѣ и экономической наукѣ указывали, что онъ внимательно, если и не особенно много, читалъ, но, несомнѣнно, думалъ немало. Вопросы, задаваемые имъ, были дѣловиты. Въ то время въ устахъ наследника престола они имѣли большое значеніе. Но, къ сожалѣнію, вскорѣ смерть молодого цесаревича положила конецъ надеждамъ, которыя на него возлагались.

При всемъ этомъ, я долженъ, однако, замѣтить, что въ его общихъ тогдашнихъ впечатлѣніяхъ сказывалось вліяніе декораций, которыми его обставляли его приближенные, можно сказать, по невѣдѣнію и рутинѣ, а административныя и путевскія власти сознательно и съ расчетомъ. Въ особенности послѣднія; онѣ, подѣ предлогомъ заботъ объ удобствахъ великаго князя, не отходили, такъ сказать, ни на шагъ отъ него и Строганова, стараясь выставить въ наилучшемъ свѣтѣ состояніе водной системы, которое на самомъ дѣлѣ (какъ это очень скоро послѣ того обнаружилось офиціально) было ниже всякой критики.

Напримѣръ, цесаревичъ былъ какъ-то печально изумленъ, когда рѣчь зашла о чугунномъobeliskѣ, глядѣвшемъ прямо въ окна его спальни, и я ему передалъ старинную пѣсню о Клейнмихелѣ, и «начальничкахъ», сложенную рабочими на каналѣ.

Меня же не менѣе изумило, что наследнику престола было слишкомъ мало извѣстно о личныхъ многостороннихъ изслѣдова-

нiяхъ сѣверныхъ областей Петромъ Великимъ; о причинахъ избранiя имъ существующихъ направлений водяныхъ системъ, будущихъ видахъ на нѣкоторыя еще не использованныя въ этомъ отношенiи рѣки; о проникаемости преобразователя Россiи даже касательно экономического прогресса отдѣльныхъ группъ мѣстнаго населенiя.

— Здѣсь на берегу озера—между прочимъ сказалъ я,—Петръ I замѣтилъ, прощаясь съ бѣлозерами: «сыты вы будете, а богаты никогда».

— И что же, это пророчество оправдывается?—спросилъ великiй князь.—Жители края сыты нынче?

— Впроголодь, ваше высочество,—отвѣтилъ я:—хотя около озера и водной системы, разумѣется, сытѣе бывають.

Цесаревичъ выразилъ увѣренность, что освобожденiе отъ крѣпостнаго права принесетъ въ этомъ отношенiи большую пользу. При этомъ онъ добавилъ, что августѣйшiй родитель поручилъ ему передавать предводителямъ дворянства благодарность императора за содѣйствiе по проведенiю великаго преобразованiя... Послѣ этого я откланялся, и, оставивъ визитную карточку въ помѣщенiи графа Строганова-старшаго, вернулся къ себѣ домой.

II.

Какъ я былъ представленъ цесаревичу (1857 г.).—Царское: «такъ, хорошо».—Генераль Крыжановскiй; французская бомба.—Народъ охраняетъ сонъ великаго князя (1863 г.); «Онъ нашъ Богъ!»—Генераль-адъютантъ графъ Строгановъ объ освобожденiи крестьянъ.—Адресъ, поднесенный его высочеству.

Два слова о томъ, почему цесаревичъ зналъ меня раньше. Представленъ я ему былъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ концѣ лагернаго времени 1857 года, которое Михайловское артиллерiйское училище (гдѣ я воспитывался въ 1853—57 годахъ), какъ и всѣ военно-учебныя заведенiя проводило въ Петергофѣ, государь назначилъ маневры подъ Оранiенбаумомъ. Въ нихъ должны были участвовать только кадеты и юнкера, конечно, съ соотвѣтственнымъ начальствомъ. Я былъ въ выпускномъ классѣ. Какъ разъ наканунѣ тѣмъ изъ насъ, которые были произведены въ портупей-юнкера, унтеръ-офицеры роздали офицерскiе темляки и нашили на мундиры галуны. Я былъ фельдфебелемъ и поэтому во фронтѣ верхомъ, въ качествѣ уноснаго фейерверкера 1-го орудiя нашей училищной батареи.

Около полудня на маневрахъ нашему первому взводу (2 орудiя) приказано было занять на какомъ-то холмѣ позицiю, замаскированную не особенно высокимъ, но довольно густымъ и цѣпкимъ кустарникомъ. Къ тому же по бокамъ холма и на его склонахъ

были длинныя, неправильныя, изрядно глубокия рытвины въ скользкомъ грунтѣ. Провести орудіе на подходящій пунктъ и, по снятіи орудія, отвести передокъ съ заряднымъ ящикомъ въ удобное мѣсто было не совѣтъ легко. Это составляло обязанность уноснаго фейерверкера.

Когда по снятіи съ передковъ я отводилъ ихъ на мѣсто и продирался сквозь кусты, по скользкимъ ямамъ, я услышалъ совѣтъ рядомъ голосъ царя: «Фельдфебель, какъ твоя фамилія?» Я оглянулся. Государь верхомъ на конѣ стоялъ въ кустахъ, окруженный небольшою группою генераловъ и офицеровъ генеральнаго штаба. Между присутствующими я замѣтилъ генерала Крыжановскаго, начальника нашего училища, уже тогда любимца Александра II.

Я отвѣтилъ на вопросъ государя и не столько видѣлъ, сколько ощущалъ, что онъ слѣдитъ за движеніями предводимой мною четверки лошадей и передка. Когда же я установилъ ихъ, то оглянулся въ сторону группы. Царь, пристально глядя на меня, произнесъ: «Такъ! хорошо!» Нашъ взводъ открылъ пальбу. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ Александръ Николаевичъ со свитой удалился. Вскорѣ послышались сигналы отбоя; намъ приказано было спуститься съ холма въ ближайшую лощину, гдѣ дали «вольно». Небольшой отрядъ пѣхоты (наше прикрытіе) расположился рядомъ съ нами.

Не знаю, какъ случилось, что туда же прибылъ наслѣдникъ Николай Александровичъ съ нѣсколькими офицерами, между которыми былъ опять генералъ Крыжановскій. Крыжановскій былъ человѣкъ и умный и ловкій. Онъ умѣлъ выдвигать впередъ себя, выдвигая очень искусно вѣренное ему артиллерійское училище, а при случаѣ и отдѣльныя личности. Послѣднее не всегда, можетъ быть безъ расчета на ихъ впослѣдствіи преданность ему и усердіе.

Онъ, подозвавъ меня, представилъ цесаревичу какъ вновь произведеннаго фельдфебеля; въ бѣгломъ разговорѣ съ великимъ княземъ намекнулъ и (какъ я узналъ позднѣе) на то, что императоръ слѣдилъ за мною, когда я отводилъ передки, и затѣмъ произнесъ: «такъ! хорошо!» Крыжановскій зналъ, что и менѣе ясно выраженное царемъ одобреніе ведетъ нерѣдко къ благопріятнымъ послѣдствіямъ для того, кто умѣетъ пользоваться случаемъ; я самъ много лѣтъ спустя зналъ министровъ и высокопоставленныхъ придворныхъ, карьерѣ которыхъ первоначальный толчокъ былъ данъ бѣлыми галстуками и мимолетнымъ словомъ высочайшихъ особъ.

Конечно, ничего подобнаго мнѣ не приходило въ голову; начальникъ училища представилъ меня цесаревичу изъ личнаго ли расчета, или изъ расположенія ко мнѣ, какъ первому ученику заведенія, имъ управляемаго, я не знаю. Собственно представленіе

вышло только минутное, формальное. Однако въ началѣ зимы того же года, въ Петербургѣ уже, онъ, Крыжановскій, вновь озаботился обо мнѣ.

Цесаревичу (не помню, по какому случаю) представлялись старшіе фельдфебеля всѣхъ военныхъ учебныхъ заведеній. Послѣ того, какъ мы были представлены, насъ оставили завтракать за столомъ великаго князя. За завтракомъ его высочество Николай Александровичъ, между прочимъ, спросилъ меня, и довольно подробно, объ новой изобрѣтенной въ Франціи гранатѣ, видимо, зная мое описаніе этого снаряда (небольшая компиляція изъ французскихъ специальныхъ журналовъ), первое мое, такъ сказать, литературное произведеніе, попавшее въ печать, если не считать стиховъ въ честь севастопольскаго героя Хрулева (которому Михайловскія артиллерійскія училище и академія давали обѣдъ въ 1856 году), напечатанныхъ въ послѣднемъ номерѣ «Артиллерійскаго Журнала». Никто, кромѣ Крыжановскаго, обратить на эту статейку (особенно въ связи со мной) вниманія великаго князя не могъ. Крыжановскій же встрѣчался съ его высочествомъ Николаемъ Александровичемъ въ интимномъ кружкѣ его августѣйшихъ родителей, которые любили слушать рассказы генерала и нерѣдко призывали его къ себѣ запросто. Съ тѣхъ поръ въ теченіе зимы и весны я былъ четыре раза (кромѣ пасхальнаго розговѣнья) приглашаемъ къ столу или чаю у наслѣдника. Онъ благосклонно относился ко мнѣ и каждый разъ оставлялъ меня у себя часа на два среди его такъ называемаго интимнаго кружка.

Возвращаясь къ ночи, проведенной цесаревичемъ въ городѣ Бѣлозерскѣ.

Часа черезъ полтора послѣ того, какъ я вернулся домой отъ его высочества, ко мнѣ пріѣхалъ гусарь-исправникъ. Теперь онъ сіялъ.

— Ну, что какъ?—спросилъ я.

— Великолѣпно! Великолѣпно! Его высочество изволить почивать спокойно. Я уgomнилъ скотовъ. У меня вѣдь, шалишь!...— подполковникъ воинственно стукнулъ саблей о полъ.—Шалишь! Осадилъ-таки. Просьбы-то ему эти скоты совали было, безпокоили покуда онъ набережную переходилъ, это и вы видѣли, когда наслѣдникъ вошелъ въ приготовленный ему домъ. Народъ хоть ты что! не расходится, стоитъ; а кто и лежитъ. И все орутъ «ура!»... Однако мнѣ удалось, да и становой и квартальный, спасибо, помогли. Растолковали, однако, осламъ, что государь цесаревичъ усталъ, что почивать хочетъ, покой ему надобенъ, что нельзя имъ всю ночь орать. Можете себѣ представить, вѣдь втемяшилось это имъ наконецъ, поняли, какъ рукой сняло: стихли. Ни гу-гу. Гдѣ стояли, тамъ и на ночлегъ расположились, по бечевнику. «Чего вы, я говорю, тутъ валяетесь? Расходитесь, убирай-

тесъ!» Потому, знаете, я боюсь, вдругъ опять загалдятъ. А они мнѣ: «Мы тутъ всю ночь пробудемъ. Стеречь его, наше солнышко, станемъ». Онъ, говорятъ мнѣ, нашъ Богъ! И лежатъ теперь; ни чхнуть!

— Ну, вотъ, видите, а вы ихъ подлецами называли, — замѣтилъ я.

На слѣдующее утро очень рано, болѣе чѣмъ за часъ до назначеннаго его высочествомъ приѣма, ко мнѣ пріѣхалъ старый графъ Строгановъ. Онъ всегда вставалъ очень рано, рано будилъ цесаревича и наблюдалъ, чтобы послѣдній аккуратно бралъ предписанную ему врачами ванну.

Посѣщеніе меня престарѣлымъ генераль-адъютантомъ, повидимому, было визитомъ, отвѣтнымъ на мой, сдѣланный ему мною наканунѣ вечеромъ въ качествѣ мѣстнаго предводителя дворянства. Но были и болѣе важныя причины, какъ оказалось.

— Вамъ уже извѣстно отъ его высочества, — сказалъ онъ мнѣ: — что государю императору угодно было поручить великому князю во время своего путешествія заявлять мѣстному дворянству о благодарности его величества передовому сословію за содѣйствіе, оказанное правительству по мирному и успѣшному введенію въ провинціяхъ закона объ освобожденіи крестьянъ.

Я замѣтилъ, что мнѣ это было уже извѣстно.

— Это порученіе его высочеству, — продолжалъ графъ, — нетрудно будетъ исполнить официально въ крупныхъ городахъ, гдѣ онъ будетъ останавливаться подольше. Но здѣсь у него не хватитъ времени. Послѣ приѣма сейчасъ утромъ ему надо тотчасъ же сѣсть на пароходъ и ѣхать дальше. Поэтому онъ приказалъ мнѣ передать вамъ еще разъ объ этомъ высокомъ порученіи. А вы, какъ предводитель, сообщите его всѣмъ мѣстнымъ дворянамъ официально.

Графъ, высказавъ это, пожалъ мнѣ руку и, казалось, хотѣлъ удалиться. Но ему какъ будто хотѣлось еще что-то сказать. Онъ посмотрѣлъ на часы и, вѣроятно, рассчитавъ, что въ его распоряженіи еще минутъ десять времени, сталъ какъ-то поспѣшно высказывать свои личныя мысли, или, вѣрнѣе, чувства.

— Да, и дѣйствительно, какъ благодарить дворянство. Вѣдь мы (онъ, конечно, подразумѣвалъ все русское дворянство) съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ вынесли такое сильное потрясеніе. Вѣдь надѣлы это принудительное отчужденіе земли. И въ другомъ тоже отношеніи... Вотъ я, на примѣръ; со дня объявленія манифеста за моими мужиками успѣло накопиться, уже ничего не видя, болѣе ста тысячъ рублей недоимки.

И, можетъ быть, прочтя въ моемъ взглядѣ, что при его состояніи это капля въ морѣ, Строгановъ какъ бы спохватился, нахмурился и быстро добавилъ:

— А каково же другимъ. Конечно, воля государя; благое совершилось дѣло; великое, трудное дѣло. Такъ до свиданья.

Я поклонился; графъ всталъ и какъ будто что-то вспомнилъ, поискалъ въ боковомъ карманѣ сюртука и развернулъ какую-то бумагу.

— Да, кстати, изъ города Кириллова пріѣхала депутація. Просятъ цесаревича принять. Тамъ сегодня обѣдъ отъ дворянства и горожанъ. Его высочество принялъ (графъ опять нахмурился). Вотъ они дали мнѣ списокъ лицъ, участвующихъ и приглашенныхъ къ столу. Я никого тамъ не знаю. Вы мѣстный житель и можете помочь.

По-моему, все было ладно, только путейцевъ было слишкомъ много записано, но я не имѣлъ никакихъ основаній сказать это Строганову. Уходя, графъ сказалъ мнѣ:

— Вы тоже занесены въ этотъ списокъ; пріѣзжайте на обѣдъ. Привозите съ собой вашего предмѣстника, бывшего предводителя Качалова ¹⁾.

Старикъ суетливо заторопился, быстро, какъ юноша, вышелъ, спустился съ лѣстницы и вскочилъ въ экипажъ такъ проворно, что я не успѣлъ его проводить, какъ бы надлежало.

Черезъ полчаса мы представлялись его высочеству. Для выигрыша времени Строгановъ распорядился, чтобы приемъ былъ одновременный для всѣхъ сословій, такъ что въ небольшой залѣ путейскаго начальника вмѣстились не всѣ волостные старшины. Я, по уполномочію дворянъ и города, поднесъ его высочеству адресъ.

Съ этимъ адресомъ случилось маленькое, но немало смущавшее старыхъ дворянъ несчастье. Бархатный переплетъ, заказанный заблаговременно, не успѣлъ къ этому дню изъ Петербурга. Мнѣ пришлось вручить августѣйшему гостю обнаженную, такъ сказать, рукопись. Это не помѣшало принять ему ее съ той благодарностью, которую онъ умѣлъ вносить въ свои officialныя отношенія. Въ этомъ адресѣ упоминалось, между прочимъ, что мѣстное дворянство, горожане и народъ молятъ Господа о мирномъ процвѣтаніи отечества (въ то время еще не прекратилось польское возстаніе), но въ случаѣ нежеланной войны (тогда западныя державы относились къ Россіи съ тревожнымъ недоброжелательствомъ) мы будемъ готовы посильно защищать родину. Цесаревичъ выслушалъ чтеніе внимательно и выразилъ общую благодарность.

¹⁾ Впоследствии архангельскаго губернатора, и потомъ директора департамента таможенныхъ сборовъ.

III.

Тенденціозныя декораціи Маринской системы.—Путейцы. Строгановъ оберегаетъ наслѣдника отъ утомительныхъ овацій.—Какъ провинція въ старину встрѣчала властей.

Тотчасъ же послѣ приѣма цесаревичъ сѣлъ на пароходикъ, который быстро побѣжалъ по каналу, направляясь къ Шекснѣ. Начальникъ округа путей сообщенія (официальная резиденція котораго находилась въ Вытегрѣ, Олонецкой губ.) сопровождалъ августѣйшаго путешественника по всей той части Маринской системы, которая была ему, генераль-майору Лебедеву, подвластна, и вся эта часть, издавна извѣстная мѣстнымъ жителямъ отвратительнымъ, доходящимъ до трагизма техническимъ неблагоустройствомъ, была такъ искусно выложена и отполирована ко времени путешествія наслѣдника, что по внѣшности ея узнать нельзя было.

Я говорю: трагизмъ. На Бѣлозерскомъ, напримѣръ, каналѣ были бечевники, по которымъ бурлаки (увѣковѣченные Рѣпнымъ) таскали перегруженныя противозаконно (благодаря благосклонности мѣстнаго путейства) низовыя барки, шагая въ непролазной грязи (за исключеніемъ какого-либо мѣсяца сухихъ Петровокъ), и умирали безъ всякой помощи отъ натуги, дурной пищи, сибирской язвы и лихорадокъ, какъ мухи.

Бечевники, жидкіе мостики которыхъ, страдая хроническимъ искалѣченіемъ, калѣчили людей и лошадей, казались теперь благоустроенными торными дорогами, съ почти живописными мостами, ходъ барокъ по каналамъ вообще, подъ различными благовидными предлогами, былъ приостановленъ на время прохожденія по немъ парохода цесаревича. Бурлаки были расположены идиллически въ различныхъ пунктахъ, на судахъ, плотамъ и около костровъ. Они варили и хлебали уху изъ рыбы, тутъ же выловленной въ Бѣломъ озерѣ, гдѣ попадаются и стерлядки, и заѣдали ихъ жирной пшенной кашей. Въ указанные «начальничками» моменты они звонко оглашали царство царя Сине-уса восторженнымъ «ура», а индѣ и веселыми пѣснями. Полуиздыхающія клячи были отогнаны въ лѣсъ, а ихъ наиболѣе казистыя и здоровыя коллеги (и тѣ и другіе кандидаты въ жертву всевластной сибирской язвы) мирно щипали зеленую мураву на ближайшихъ лугахъ и откосахъ канала.

Самъ начальникъ округа, генераль Лебедевъ, всегда веселый, краснощекій *bont vivant*, очень остроумный краснобай, постоянно вращался около цесаревича и его приближенныхъ и иллюстрировалъ всѣ эти прелести своими забавными рассказами. Расхваливалъ, какъ будто невзначай, порядокъ и усердіе мѣстныхъ ди-

станціонныхъ, своихъ подчиненныхъ, которые, каждый на соотвѣтственномъ протяженіи, сопровождали пароходъ и, конечно, были лично представляемы его высочеству. Лебедевъ какъ-то умѣлъ устраивать, что въ случаѣ остановки или ночлега цесаревичъ большею частью попадалъ подъ гостепріимную кровлю казенныхъ домовъ мѣстныхъ путейскихъ офицеровъ, обставленныхъ всегда прекрасно. Въ маленькихъ городкахъ нашего Сѣвера никто лучше этихъ офицеровъ не ѣлъ, не пилъ, не угощалъ.

Я говорю только о путейскомъ туалетѣ собственно Бѣлозерскаго канала, но соотвѣтственно также были принаряжены и другія части системы, выше и ниже, и Шексна, по которой до самаго Рыбинска предостояло спускаться его высочеству Николаю Александровичу. За этими декораціями не только юный наслѣдникъ русскаго престола, но и его молодые спутники, Перовскій и Строгановъ, и опытный старикъ генераль-адъютантъ и проникательный, тогда уже не очень молодой, вдумчивый Побѣдоносцевъ, не могли прозрѣвать правды, т. е. казнокрадства и страданій рабочаго народа.

Между тѣмъ не дальше, какъ черезъ годъ, на каналѣ и Шекснѣ (особенно около ея Ниловецкихъ пороговъ) сибирка скосила десятки тысячъ лошадей, тысячи рабочихъ и охватила всѣ окрестности.

Намъ, дворянству, только что народившемуся земству, пришлось, съ охолодѣлымъ сердцемъ передъ своимъ безсиліемъ, бороться съ эпизоотіей и добиваться очень малаго.

Послѣ проводовъ августѣйшаго гостя я поспѣшилъ пригласить къ себѣ на квартиру дворянъ, передалъ имъ высочайшую благодарность за успѣшное содѣйствіе правительству по освобожденію крестьянъ; я, конечно, умолчалъ о комментаріяхъ самого Строганова. Тѣмъ болѣе воздержался, что общее настроеніе моихъ собесѣдниковъ стараго, такъ сказать, крѣпостническаго возраста (тогда большинства), вызванное моимъ этимъ сообщеніемъ, повидимому, являлось комментариемъ подобнаго же рода, несмотря на то, что многіе старые дворяне заставили уже себя приноровиться къ новымъ вѣяніямъ. Молодые же, проникнутые сознаніемъ благотворности эмансипаціи, впали въ нѣсколько элегическое настроеніе, причины котораго здѣсь развѣивать было бы неумѣстно.

Обѣдъ въ городѣ Кирилловѣ, какъ я зналъ отъ состоявшаго въ свитѣ молодого графа Перовскаго, былъ принятъ великимъ княземъ Николаемъ Александровичемъ противъ желанія его заботливаго ментора, графа Строганова, который добросовѣстно оберегалъ его силы, припасая ихъ къ неизбѣжному расходу въ большихъ приволжскихъ городахъ. Старикъ Строгановъ, съ одной стороны, зналъ, что официальныя торжества и особенно шумныя оваціи неблагоприятно дѣйствуютъ на слабое здоровье цесаревича. А,

съ другой стороны, ему, по многолѣтнему опыту, было извѣстно, что такое представляютъ вообще провинціальныя стихійныя восторги, «когда пошла писать губернія». Если въ Москвѣ (по свидѣтельству Грибоѣдова) по поводу прїѣзда изъ Петербурга гвардейцевъ «кричали женщины «ура» и въ воздухъ чепчики бросали», то чего же можно было ожидать отъ глухой провинціи, если тамъ появился наслѣдникъ престола.

Еще въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ (какъ мнѣ рассказывали провинціальныя старожилы) тѣхъ самыхъ властей, которыхъ Салтыковъ-Щедринъ окрестилъ помпадурями, когда они прїѣзжали въ уѣздные города на ревизію, встрѣчали, какъ олимпійцевъ. Всѣ чины (кромѣ предводителей дворянства; да и то бывали исключенія) отъ мала до велика скоплялись у городской заставы, не взирая ни на какое ненастье; кланялись чуть не до земли экипажу губернатора и трусили за сей колесницей пѣшечкомъ съ обнаженной головою, до квартиры, отведенной его превосходительству. Простолюдины становились на колѣни. Инвалидная команда кричала «ура». Колокола трезвонили; на соборной паперти выстраивалось духовенство въ парадныхъ ризахъ. Да не однихъ губернаторовъ, и даже позже сороковыхъ годовъ, наша бѣдная глушь встрѣчала съ нелѣпымъ и изнуряющимъ гостепрїимствомъ. Князь А. И. Васильчиковъ (авторъ «Самоуправленія», когда-то другъ и секундантъ Лермонтова) рассказывалъ мнѣ, что, будучи избранъ въ губернскіе предводители дворянства въ пятидесятыхъ годахъ, онъ пожелалъ познакомиться съ собой провинцію и какъ бы поблагодарить уѣздныя дворянства за оказанную ему честь.

«Прїѣзжаю я, — говорилъ Васильчиковъ, и всегда при этомъ задушевно смѣялся, — въ городъ Кирьяловъ ¹⁾ глубокой ночью. Остановился я на любезно прїисканной мнѣ исправникомъ (тогда исправники выбирались изъ дворянъ и дворянами же) ранше квартирѣ. Усталъ я въ дорогѣ; легъ спать; проспалъ нѣсколько часовъ, какъ убитый, проснулся рано. Еще не очухался; сижу въ нижнемъ бѣльѣ на кровати и сапогъ натягиваю. Передо мной, какъ изъ земли, вырастаетъ какая-то фигура: лицо опухлое, подвязано краснымъ платкомъ; волосы подъ гребенку; мундиръ съ краснымъ воротникомъ и фалдочками; а на ногахъ высокія сѣрыя валенки. Руки по швамъ; громко что-то лопочетъ «булу, булъ, бу, булъ». И при этомъ въ комнатѣ распространяется ароматъ перегорѣлой водки. Я ничего не понимаю, отъ смѣху съ трудомъ сдерживаюсь. Что вамъ угодно? спрашиваю.

— Булу, булъ, бу...

¹⁾ Тотъ самый, что въ 1863 г. давалъ обѣдъ великому князю Николаю Александровичу.

Разъяснилось, что это мѣстный косноязычный городничій: счель, дескать, долгомъ и пр... Хотя мнѣ какое же дѣло до городничаго. А онъ, настойчиво булькая, предлагаетъ свои услуги, отдаетъ себя и своихъ подчиненныхъ въ мое распоряженіе. И въ самомъ дѣлѣ я вижу сквозь распахнутую дверь двухъ Держимордъ въ коридорѣ. Точно финалъ II-го акта Гоголевскаго «Ревизора».

— Садитесь, пожалуйста, — приглашаю градоначальника: — позвольте мнѣ только сапоги надѣть.

Городничій не сѣлъ. Стоитъ передо мной и только хрипло что-то мало понятное болтаетъ. Я же только что успѣлъ надѣть правый сапогъ, натягиваю лѣвый, — а ко мнѣ, одинъ за другимъ, цѣлое полчище дворянъ; и знакомыхъ и незнакомыхъ; всѣ обнимаются, цѣлуются; шумно привѣтствуютъ. И вдругъ откуда-то появляются бутылки съ виномъ. Хлопаютъ пробки... Я еще чая не пилъ, не умывался; сижу въ одномъ сапогѣ и долженъ пить спозаранку теплое шампанское, отъ котораго меня тошнить. Долженъ былъ, иначе меня задушили бы объятіями и упрасиваніями.

Приведенный рассказъ Васильчикова типично характеренъ.

Конечно, съ годами возбудительныя свойства губернаторскихъ, губернскаго-предводительскихъ и прочихъ сановничьихъ обаяній ослабѣвали. Но я помню между прочимъ анекдотъ, случившійся въ 1865 году.

Въ нашъ городокъ пріѣхалъ на ревизію губернаторъ Э. В. Лерхе, и между прочимъ сдѣлалъ визитъ одному изъ случившихся въ городѣ, ранѣе ему знакомыхъ помѣщиковъ, Н. Г. Ванифатьеву, тому самому, что пытался раскапывать курганъ Синеуса. Черезъ часъ приблизительно послѣ этого визита мнѣ понадобилось по дѣламъ земской управы заѣхать къ Ванифатьеву (онъ былъ членъ земской управы). Онъ обыкновенно останавливался въ меблированныхъ комнатахъ одного купца, по сему времени изрядно развитого и вообще не глупаго человѣка. Войдя къ Ванифатьеву, я увидѣлъ такую картину. Старуха-хозяйка на колѣняхъ передъ диваномъ обшиваетъ бѣлымъ холстомъ сидѣнье дивана; изъ ея глазъ капаютъ слезы. Мужъ, благоговѣнно сложивъ руки на груди, стоитъ за ея спиной и шепчетъ, какъ я разслышалъ: «Сподобилъ насъ Господь! Сподобилъ нашъ домъ!»—Что это такое? спросилъ я у Ванифатьева. Тотъ хохоталъ.

— А вотъ,—пояснилъ онъ,—Лерхе заѣхалъ ко мнѣ и посидѣлъ на этомъ диванѣ. Губернаторъ! — такъ она обшиваетъ святыню новымъ чехломъ и проливаетъ слезы умиленья. Собираются благодарственный молебень служить!

Что же касается до убѣжденій совсѣмъ темнаго простонародья, никогда изъ своихъ весей не выѣзжавшаго, то они были таковы: передъ губернаторомъ всѣ уѣздныя власти на колѣни становятся; всякій частный проситель обяванъ, ставъ на колѣни, положить

на свою голову просьбу и, по принятіи ея губернаторомъ, буквально бить челомъ о землю. Я самъ слышалъ это отъ мужиковъ въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, и т. д.

Повторяю, къ шестидесятымъ годамъ формы восторженныхъ встрѣчъ значительно смягчились, и для такого высокаго путешественника, какъ цесаревичъ, конечно, были бы относительно сдержанны. Однако дома новы; но предвзвудки стары». Признаюсь, я понималъ старанія генераль-адъютанта Строганова оберегать Николая Александровича отъ стихійныхъ восторговъ провинціи.

IV.

Горицкій монастырь: его древности.—Анекдотъ съ Н. И. Костомаровымъ.—Обѣдъ въ гор. Кирилловѣ.—Гигіеническій надзоръ за его высочествомъ графа Строганова и врача.—Надзоръ стѣсняетъ Николая Александровича.—Мой послѣдній разговоръ съ нимъ.—Его мнѣніе о военной службѣ.—Его утомленный видъ.

Какъ только послѣ отбытія цесаревича лошади были готовы, мы съ моимъ бывшимъ предмѣстникомъ Н. А. Качаловымъ сѣли въ экипажъ и помчались по направленію къ сосѣднему городу Кириллову, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ въ честь его высочества. Разстояніе около 30 верстъ. Не доѣзжая семи верстъ до Кириллова, у Горицкаго женскаго монастыря, большая дорога пересѣкала р. Шексну. Мы тамъ и нагнали цесаревича съ его свитой, прибывшихъ туда на пароходѣ.

Горицкій монастырь, одинъ изъ многолюднѣйшихъ женскихъ монастырей въ Россіи, стоитъ на живописной возвышенности на лѣвой сторонѣ Шексны. Онъ богатъ землей, средствами и древностями. Первыми -- благодаря тому, что туда постригались боярыни крупныхъ дворянскихъ родовъ. Помѣщики всей Новгородской области (включая Ярославль и Вологду) дѣлали туда значительные вклады или дарили земли. Но, къ сожалѣнію, по части древностей въ этой величаво-пригожей и, надо отдать справедливость, трудолюбивой обители «старинны завѣтныя преданья» ни въ комъ не пробуждаютъ «отраднато мечтанья». Я хорошо знаю этотъ монастырь, онъ находится недалеко отъ нашего имѣнія. Я нерѣдко гащивалъ тамъ еще ребенкомъ съ моею матерью. Тамъ позднѣе похоронена моя жена (рожденная Небольсина), и я очень часто туда пріѣзжалъ; не разъ осматривалъ замѣчательныя поварни, кладовыя, больницы, богадѣльни и мастерскія, гдѣ писались недюжинныя иконы (новаго итальянскаго пошиба), вышивались тысячи разныхъ ризъ, епитрахилей, воздуховъ, покрововъ, я часто слушалъ истинно дивное пѣніе (тоже, впрочемъ, новой школы по преимуществу) самыхъ многочисленныхъ въ то время въ Россіи церковныхъ женскихъ хоровъ. Но зато какъ ни добивался узнать

что-либо толкомъ о древностяхъ, ничего не могъ узнать, полагаю потому, что наипросвѣщеннѣйшія изъ инокинъ сами ничего не знали по этой части, кромѣ кельи, въ которой жила Ксенія Годунова. Но и самая эта келья потеряла историческій обликъ, будучи обращена въ придѣлъ одной изъ церквей и расписана «al fresco» свѣжими, яркими ангелами *alle Giotto*. Николай Ивановичъ Костомаровъ (онъ въ 60-хъ годахъ неоднократно пріѣзжалъ лѣтомъ въ нашъ уѣздъ, къ своимъ знакомымъ) пытался проникнуть въ археологическія тайны Горицкаго монастыря и, по крайней мѣрѣ на первый разъ, какъ онъ мнѣ передавалъ, обогатилъ свои матеріалы только такими характерными анекдотами.

Пріѣхавъ въ Горицы, маститый историкъ спросилъ, есть ли въ монастырѣ древности, и на утвердительный отвѣтъ инокинъ, завѣдывавшихъ министерствомъ гостепріимства (и обширнаго хлѣбосольства — Господи, какихъ тамъ подавали стерлядей, что за кочни кислой капусты, что за осетрина, какія соленья, какіе ни съ чѣмъ несравнимые постные супы, квасъ, напоминавшій нектаръ олимпійцевъ), Костомаровъ отозвался просьбой показать ему все, что есть самаго древняго. Его повели къ одному изъ отдаленныхъ зданій: опрятное, двухъэтажное; въ центрѣ небольшая благолѣпная церковь; съ трехъ сторонъ ея всѣ стѣны въ окнахъ, выходящихъ во внутренніе покои.

— А за окнами,—пояснила ему мать Ольга, старая архангельская барышня, тогда уже рясофорная инокиня, завѣдывавшая благородной гостиницей; а за окнами—больница съ одной стороны, съ другой—богадѣльня. Во время службы окна отворяются; вотъ и недугующіе молиться могутъ.

— А древности?—спросилъ Н. И.

— Сейчасъ, батюшка, сейчасъ, голубчикъ мой.

Мать Ольга повела старика въ богадѣльню и показала ему какое-то несчастное изсохшее существо. Старуха съ оступлыми глазами лежала ничкомъ на кровати; подъ грудью подложенъ плоскій камень, что позволяло несчастной держать лицо кверху, къ окну и свѣту.

— Вотъ такъ она лежитъ съ самаго дѣтства,—объясняла мать Ольга:—разслабленная она.

— А древности?

— Да ужъ чего же древнѣе! Слишкомъ 60 лѣтъ не шевельнется. Все на этомъ самомъ камнѣ лежитъ. Чего древнѣе, голубчикъ Николай Ивановичъ! — убѣжденно заявила гостиница. — Какихъ же еще вамъ древностей показывать?

Николай Ивановичъ поблагодарилъ безъ возраженій.

Мы съ Качаловымъ подѣхали къ монастырю, когда осмотръ его цесаревичемъ оканчивался. Его высочество по археологической части былъ нѣсколько счастливѣе Костомарова, благодаря

тому, что графъ Строгановъ, серьезный археологъ, былъ знакомъ съ древностями главныхъ монастырей нашей губерніи лучше, чѣмъ сами монахини и монахи.

Чтобы побывать въ городѣ Кирилловѣ, гдѣ находится историческій, посѣщавшійся Иваномъ Грознымъ первоклассный монастырь св. Кирилла Бѣлозерскаго, цесаревичъ долженъ былъ прервать свое плаваніе по Шекснѣ у Горицкой пристани и ѣхать сухимъ путемъ 7 верстъ въ экипажѣ. Впереди его коляски летѣли, какъ вихрь, расторопный мѣстный исправникъ Т. и становой. За его высочествомъ со свитой катили путейцы, предводимые всегда веселымъ, всегда краснощекимымъ генераломъ Лебедевымъ.

— Какъ пиявки не отстаютъ отъ наслѣдника эти путейцы, — ухмыльнулся Качаловъ, съ которымъ мы замыкали поѣздъ.

Дни были долгіе, лѣтніе. Обѣдъ въ гор. Кирилловѣ, по внушенію графа Строганова, былъ назначенъ относительно рано. Солнце еще стояло высоко, когда мы сѣли за столъ.

Обѣдъ имѣлъ мѣсто въ домѣ помѣщика Воинова, самомъ обширномъ въ городѣ. Зала не особенно изящна, но просторна, тѣмъ болѣе, что по бокамъ раскрывались гостиныя, отдѣленные, по тогдашней модѣ колонками (деревянныя, оклеенныя обоями подъ мраморъ). Столъ — покоемъ. Августѣйшаго гостя посадили въ центрѣ, спиной къ большому открытому балкону, выходившему на площадь. Вѣроятно, о ней свидѣтельствовалъ Некрасовъ, что:

Чудакъ завѣжій изъ столицы
Успѣшно ищетъ дупелей.

Въ данную минуту до осени еще далеко было, площадь была суха и покрыта сплошной толпой народа, горожанъ и крестьянъ. Толпа заливалась и въ сосѣднія улицы и имѣла тотъ же характеръ, какъ и бѣлозерская наканунѣ; «ура» гремѣло несмолкаемое. Несомнѣнно, что того желали и огневой исправникъ, и становой, и городскія власти. Но они были ни при чемъ, эти «ура» были сердечны, искренни, произвольны у кирилловцевъ: для нихъ, какъ и для бѣлозерцевъ, «онъ былъ Богъ». Цесаревичъ сидѣлъ близко къ Строганову, наискось, такъ что они другъ друга видѣли. Я могъ ихъ наблюдать, также какъ и врача цесаревича (не помню фамиліи; очень статный мужчина съ круглымъ добродушнымъ лицомъ, еще молодой, въ военной формѣ).

Я замѣтилъ, что наслѣдникъ состоялъ подъ непрерывнымъ контролемъ и того и другого. Строгановъ и докторъ все время почти не спускали съ него глазъ. Самъ же онъ, при каждомъ новомъ подносимомъ блюдѣ, при каждомъ глоткѣ вина, къ которому онъ прикасался вообще болѣе чѣмъ умѣренно, взглядывалъ мелькомъ на того или другого, и сообразно съ чуть замѣт-

ными для другихъ, но, очевидно ему понятными движеніями головы, или просто выраженіемъ ихъ глазъ, кушалъ или воздерживался. Раза два, либо не понявъ, либо не желая понять сигнала, онъ позволилъ себѣ невинныя вольности, причемъ Строгановъ очень выразительно нахмурился.

Обѣдъ длился, благодаря патріархальности захолустной сервировки, не 20 минутъ, какъ полагается въ Зимнемъ дворцѣ, а полтора часа. Рѣчей, по заблаговременной просьбѣ Строганова, не произносилось. Съ площади непрерывно доносились взрывы потрясающихъ «ура». Раза три, во время стола, по легкому, но явному сигналу Строганова, цесаревичъ поднимался съ кресла, выходилъ на балконъ, и народъ еще восторженнѣе ликовалъ. Черезъ двѣ-три минуты онъ возвращался; и каждый разъ я подмѣчалъ на его лицѣ красивую, но чуточку пессимистическую улыбку, какъ будто онъ не вѣрилъ искренности стихійныхъ восторговъ простонародья. И это жалко, ибо въ такомъ случаѣ онъ ошибался. Кромѣ того, онъ часто имѣлъ довольно сконфуженный видъ. Едва ли возможно было сомнѣваться, что его досадно стѣсняло непрестанное руководство стараго ментора и сознаніе, что оно всѣмъ замѣтно. Послѣ стола онъ благосклонно, правильнѣе любезно и находчиво, разговаривалъ съ нѣкоторыми участниками обѣда. Подъ вечеръ, когда великій князь удалился въ отведенные ему покои, я явился откланяться ему. Онъ принялъ меня такъ же просто, какъ и прежде. Разспрашивалъ меня о моей женитьбѣ; вспоминалъ, что онъ знаетъ моего тестя, сенатора Небольсина, и какъ бы выговаривалъ мнѣ, что я слишкомъ рано покинулъ военную службу.

Я старался объяснить, что на выборной службѣ въ провинціи въ данное реформенное время можно принести пользы не менѣе, чѣмъ въ военной. Онъ соглашался, но пессимистическая улыбка не покидала его, словно онъ не могъ допустить мысли, что родинѣ и царю можно служить внѣ войска. Между тѣмъ онъ, несомнѣнно, зналъ, что за крестьянской реформой, за содѣйствіе которой дворянъ благодарилъ императоръ, готовится рядъ другихъ реформъ: земская, судебная и т. д. И ясно было, что онъ понималъ ихъ значеніе; однако точно въ силу атавизма ему какъ будто не приходило въ голову, откуда же для проведенія реформъ во всѣхъ уголкахъ Россіи черпаются люди.

Признаюсь, мнѣ было грустно такое отношеніе будущаго государя къ великимъ реформамъ, задуманнымъ его отцомъ.

Грустно мнѣ было видѣть, что этотъ, несомнѣнно, много обѣщающій юноша, видимо, страдалъ физически. На обѣдѣ, при официальныхъ пріемахъ, онъ былъ нѣсколько возбужденъ; въ лицѣ играла краска, можетъ быть, потому, что онъ стѣснялся непрерывнымъ надзоромъ своихъ ментора и врача. Но теперь въ своемъ

случайномъ кабинетѣ, углубясь въ кресло, онъ былъ блѣденъ и словно постарѣлъ. Утомленіе, вѣрнѣе переутомленіе, было явное.

Я зналъ, что самое путешествіе было отчасти предписано для развлечения и для возстановленія силъ; что графъ Строгановъ, несомнѣнно, заботливо, любовно, но слишкомъ усердно наблюдалъ не только за его гигиеной, но и за его самыми безобидными поступками. Будили его рано, какъ бы поздно онъ ни легъ; требовали, чтобы онъ садился въ холодную ванну, которую его нервы едва выносили; не откладывали и не пропускали ни одного пункта изнурительной программы путешествія.

V.

Благодѣтельное вліяніе путешествія.—Ослабленіе на югѣ строгановскаго надзора.—Пребываніе цесаревича въ гор. Бердянскѣ.—Севастопольскій герой.—Поѣздка къ меновитамъ.—Серенада и великокняжеское «кукареку».—Что онъ писалъ позднѣе изъ-за границы о своемъ здоровьи.

Впрочемъ, я знаю, что къ концу путешествія по Россіи онъ поступалъ самостоятельнѣе, чѣмъ въ началѣ. Мнѣ извѣстно отъ многихъ, вполне достовѣрныхъ лицъ, участвовавшихъ во встрѣчахъ цесаревича на его дальнѣйшемъ пути, на низовьяхъ Волги, на Дону и т. д., что путешествіе привело къ одной изъ желанныхъ его цѣлей. Оно освѣжило, укрѣпило его, а надзоръ графа Строганова ослабѣлъ, и самъ Николай Александровичъ, чувствуя себя бодрѣе, до нѣкоторой степени эмансипировался. [Весьма характеренъ рассказъ ¹⁾ о пребываніи въ гор. Бердянскѣ. Его высочество пробылъ тамъ около двухъ сутокъ. Начальникомъ города и порта былъ тамъ капитанъ 1-го ранга князь Павелъ Петровичъ Максудовъ ²⁾. Квартира для цесаревича и его приближенныхъ была отведена въ лучшемъ домѣ города, который принадлежалъ тогдашнему городскому головѣ Н. С. Кобозеву. Въ самый день пріѣзда голова давалъ торжественный обѣдъ въ честь августѣйшаго гостя. Великій князь за обѣдомъ былъ веселъ, оживленъ, разговорчивъ. Узнавъ, что его хозяинъ Кобозевъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ забродчиковъ ³⁾ Азовскаго моря, Николай Александровичъ пожелалъ ознакомиться на мѣстѣ съ промысломъ,

¹⁾ Частности этого эпизода мнѣ были вскользь извѣстны отъ лицъ, жившихъ въ то время въ Крыму и на Азовскомъ морѣ. Главныя же подробности сообщены недавно лично княжной Ольгой Павловной Максудовой.

²⁾ Скончавшійся въ 1882 г. въ Таганрогѣ въ адмиральскомъ чинѣ и въ должности мѣстнаго градоначальника.

³⁾ Забродчикъ—владѣлецъ рыбныхъ ловель, по преимуществу осетровъ и другой красной рыбы.

которымъ кормилось много тысячъ народа. Кромѣ того, онъ, интересуясь бытомъ и положеніемъ менонитовъ, колоніи которыхъ были расположены по дорогѣ отъ Бердянска къ Ногайску (частью вблизи самаго города, а частью верстахъ въ сорока отъ него), рѣшилъ, что осмотритъ эти колоніи на другой день.

Объ этой своей поѣздкѣ онъ разговаривалъ съ Кобозевымъ и особенно съ княземъ Максutowымъ, который, видимо, ему полюбился и заинтересовалъ его. Это былъ дѣйствительно располагавшій къ себѣ ветеранъ послѣдней Севастопольской турецкой войны, слѣды которой были еще тогда свѣжи на Черноморскомъ побережьи. Князь Максutowъ въ самомъ началѣ кампаніи принималъ участіе въ знаменитомъ сраженіи подъ Сивопомъ, находясь на линейномъ фрегатѣ «Городъ Парижъ». Затѣмъ онъ сражался на театрѣ войны вплоть до паденія Севастополя, гдѣ провелъ все время осады на 4-мъ бастіонѣ. Въ 1863 г., когда князя Максutowа узналъ лично цесаревичъ Николай Александровичъ, первый былъ совсѣмъ не старый человѣкъ, но зато носилъ на своемъ тѣлѣ, буквально съ головы до ногъ включительно, безъ малаго два десятка воспоминаній боевой жизни, т. е. ранъ и контузій, нѣкоторыя весьма тяжкія. Кромѣ того, ноги его были искалѣчены. Онъ своими ногами и руками потушилъ непріятельскую бомбу, упавшую на крышу порохового погреба 4-го рavelина, и спасъ его отъ взрыва. Ни сапогъ, ни форменнаго головного убора онъ не могъ носить и являлся во дворецъ, когда случалось быть въ Петербургѣ, съ фуражкой, въ широкихъ плисовыхъ сапогахъ, опираясь на костыли. Понятно, что молодой великій князь охотно бесѣдовалъ съ этимъ героемъ; любилъ слушать его рассказы, узнавать отъ него подробности о краѣ, въ которомъ тотъ самъ находился. Вообще искренно, безцеремонно относился къ нему.

Поѣздка на рыбныя ловли благополучно состоялась въ первый же день послѣ обѣда у головы. А утромъ слѣдующаго дня, отправляясь въ задуманную экскурсію къ менонитамъ, цесаревичъ, сѣвъ въ коляску, сказалъ провожавшему его Максutowу:

— Вы, князь, не ждите меня раньше, какъ завтра. За 40 верстъ въ дальнюю менонитскую колонію съѣздить ранѣе не успѣю, тамъ я ночую.

Такимъ образомъ, великій князь уѣхалъ на цѣлыя сутки только въ сопровожденіи одного изъ своихъ приближенныхъ (что случилось съ нимъ едва ли не въ первый разъ послѣ отъѣзда изъ Петербурга), безъ своего зоркаго ментора генераль-адъютанта графа Строганова. Мало того, его отплытіе изъ бердянскаго порта было назначено по желанію графа Строганова на этотъ день; а теперь, очевидно, откладывалось. Выѣхалъ онъ изъ города около полудня. Максutowъ, по старинному обычаю, а главное по своему

болѣзненному состоянію, обыкновенно днемъ отдыхалъ. Онъ собирался лечь и уже на половину раздѣлся, какъ услышалъ нѣкоторый необычный въ такое время на улицахъ мирнаго Бердянска шумъ и возгласы; къ нему прибѣжалъ запыхавшійся городской, извѣстившій, что его высочество изволили вернуться въ городъ. Послѣ его отъѣзда прошло три часа какихъ-нибудь. Звукъ экипажныхъ колесъ уже былъ слышенъ. Старый служака вскочилъ, быстро одѣлся, но не совѣшь. Не успѣлъ еще натянуть на себя форменнаго суртука, когда стукъ экипажа настолько приблизился къ его дому, что онъ выскочилъ на улицу, продолжая, какъ Лаокоонъ со змѣями, бороться ранеными руками съ непослушными рукавами мундира.

Въ это мгновеніе приблизилась коляска съ великимъ княземъ.

— Ага! здравствуйте, Павелъ Петровичъ,—весело окликнулъ его великій князь.—Ловко я васъ обманулъ!

И Николай Александровичъ, смѣясь, какъ веселый ребенокъ, захопалъ въ ладоши. Морякъ, все еще въ видѣ ватиканскаго Лаокоона, впопыхахъ ковылялъ за экипажемъ до самаго порта, куда проѣхалъ экипажъ, такъ какъ цесаревичъ еще по дорогѣ отдалъ приказаніе, чтобы на пароходъ, ожидавшемъ его отплытія, разводили пары. И генераль-адъютантъ Строгановъ тоже почти прибѣжалъ къ пристани. Объ экипажахъ некогда было думать. Строгановъ первымъ дѣломъ суровымъ взглядомъ охладилъ веселость молодого человѣка, который, выходя изъ коляски, спѣшилъ подать руку запыхавшемуся князю Максудову, и подкрѣпилъ свой взглядъ ворчливымъ выговоромъ во всеуслышаніе: «какъ вамъ, Николай Александровичъ, не совѣстно,—сказалъ старый графъ,—безпокоить такъ почтеннаго раненаго человѣка, заставляя его бѣжать за вашей коляской».

Нѣсколько сконфуженный цесаревичъ старался загладить свою вину. До самаго отъѣзда онъ былъ особенно ласковъ съ ветераномъ. Между прочимъ далъ ему свой фотографическій портретъ, сдѣлавъ на немъ собственноручно любезную надпись. Отъѣздъ наслѣдника состоялся въ тотъ же вечеръ, или, вѣрнѣе, въ ту же ночь. Пароходъ, на которомъ долженъ былъ отплыть наслѣдникъ, стоялъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Когда развели пары, великій князь со свитой въ шлюпкѣ отплылъ къ нему, его, конечно, сопровождали на лодкахъ всѣ власти города. А за ними слѣдовалъ рядъ иллюминированныхъ лодокъ, наполненныхъ бердянскими меломанами и меломанками. Они имѣли въ виду угостить высокаго путешественника вокально-инструментальной серенадой. Злые языки мнѣ говорили, что серенада, несмотря на все усердіе исполнителей, больше походила на Katzenmusik. Наслѣдникъ сначала слушалъ ее съ палубы; потомъ спустился на половину трапа, присѣлъ тамъ на корточки и, приложивъ ладони ко рту, пропѣлъ по-суворовски: «кукареку»!

Музыканты, конечно, приняли это «кукареку», какъ знакъ великокняжеской признательности; но посторонніе наблюдатели признали въ ней шутливый откликъ на бердянскую какофонію. За что и какъ принялъ подражаніе Суворову генераль-адъютантъ Строгановъ, исторія умалчиваетъ, хотя мѣстные исторіографы говорятъ, что менторъ выказалъ свое неудовольствіе Телемаку. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ убѣдиться, что за время путешествія «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды» Телемакъ значительно ободрился и эмансипировался.

Однако, позднѣе это не мѣшало,—а можетъ стать даже поощряло,—преданнаго и добросовѣстнаго сановника держаться своей разъ установленной строгой системы и во время заграничнаго путешествія его высочества. Дѣлалось это съ наилучшими намѣреніями; но едва ли самая система была безупречна. *L'enfere est paré de bonnes intentions.*

По заграничнымъ письмамъ цесаревича къ одному изъ лицъ, пользовавшихся его довѣріемъ, мы имѣемъ основаніе заключать, что въ чужихъ краяхъ у него не было ни отдыха, ни покоя: музеи, приемы, торжества, смотры, экскурсіи, обѣды. По его собственнымъ словамъ, онъ часто чувствовалъ такой упадокъ силъ, что съ трудомъ держался на конѣ; а въ картинныхъ галереяхъ ничего не могъ разсматривать, потому что «въ глазахъ чернѣло».

VI.

Императоръ Александръ III въ юности (1857—1861 года).—Два брата.—Неразговорчивость и застѣнчивость.—Трудно привыкать къ величеству (1882 годъ).—Настойчивость и преподаватели.—Примѣры внимательности къ чужому мнѣнію.—Комиссія о голодающихъ и земское училище.—Адъютантъ его высочества П. А. Козловъ.

Его императорскому высочеству великому князю Александру Александровичу (впослѣдствіи императору) я былъ впервые представленъ тоже зимой 1857—1858 года во время одного изъ моихъ посѣщеній его августѣйшаго брата. Окончивъ курсъ Михайловской артиллерійской академіи, я поступилъ въ 1-ю легкую Его Императорскаго Величества батарею, въ которой числился и великій князь Александръ Александровичъ. Позднѣе, въ шестидесятихъ годахъ и началѣ семидесятихъ, когда онъ былъ уже наслѣдникомъ престола, я не разъ во время моихъ пріѣздовъ въ Петербургъ являлся къ нему по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, связаннымъ съ моими обязанностями предводителя дворянства, а потомъ предсѣдателя губернской управы.

Въ 1874 году я былъ командированъ министерствомъ финансовъ въ Лондонъ, въ качествѣ комиссара русскаго правительства

на частичной международной выставкѣ. Президентомъ общей выставочной комисси въ Англіи былъ принцъ Уэльскій (нынѣ король Эдуардъ VII), а почетнымъ предсѣдателемъ русскаго отдѣла числился его императорское высочество Александръ Александровичъ. Лѣтомъ того же года онъ пріѣзжалъ въ Англію вмѣстѣ съ императрицей Маріей Александровной, навѣстившей только что вышедшую замужъ за герцога Эдинбургскаго великую княгиню Марію Александровну. Императрица совмѣстно съ цесаревичемъ удостоила русскій отдѣлъ выставки своимъ посѣщеніемъ, и на меня выпала обязанность быть путеводителемъ августѣйшихъ гостей. Постараюсь вкратцѣ передать мои впечатлѣнія и воспоминанія, относящіяся до намѣченныхъ эпизодовъ. Оговариваюсь, что они чужды политики.

Почти каждый разъ, когда я еще фельдфебелемъ Михайловскаго артиллерійскаго училища бывалъ призываемъ (1857—1858 г.) къ цесаревичу Николаю Александровичу, я видалъ у него великаго князя Александра Александровича, которому тогда было около 15 лѣтъ. Невозможно было не подмѣтить существованіе большой между ними дружбы. Александръ Александровичъ, обыкновенно очень равнодушный къ рѣчамъ собесѣдниковъ вообще, всегда внимательно прислушивался къ тому, что говорилъ его старшій братъ, и, бывало, при этомъ они обмѣнивались любящими, добрыми братскими взглядами. Только цесаревичу удавалось иногда втянуть его въ общій разговоръ, тѣмъ не менѣе по внѣшности и манерамъ они такъ сильно между собой различались, что невольно приходило на мысль сравненіе. Николай Александровичъ былъ худощавъ, строенъ, граціозно гибокъ. Продолговатое лицо его съ античными и тонкими чертами было замѣчательно красиво. Окруженный лицами, ему знакомыми и располагающими къ себѣ, онъ былъ оживленно разговорчивъ, часто очень весель, охотно шутилъ, разговоръ его временами дѣлался весьма интереснымъ, проступала нѣкоторая начитанность, вдумчивость, иногда, впрочемъ, впадавшая въ односторонность, которая, надо полагать, обуславливалась неизбѣжной односторонностью дворцоваго воспитанія. Впрочемъ, это не мѣшало ему внимательно относиться къ мнѣніямъ, противорѣчающимъ его взглядамъ. Случалось, что, увлеченный разговоромъ, онъ словно вовсе позабудетъ о своемъ высочомъ положеніи. Насколько искренно онъ такъ поступалъ, не знаю, но выходило такъ, что окружающіе чувствовали искренность и были совершенно *à leur aise*. Въ его интимномъ кружкѣ, вообще когда въ данной обстановкѣ отсутствовали элементы официальности, онъ желалъ, чтобы его называли просто Николай Александровичъ, безъ всякаго титула. Такъ это было и во время его поѣздки по Россіи, которой я уже коснулся выше.

Однако, достаточно было, чтобы ему доложили о какомъ-нибудь официальном посѣтителѣ, чтобы онъ преобразился. Его на

рѣдкость красивыя, выразительныя глаза и лицо (тогда еще не истомленное болѣзнью) становились мгновенно безстрастны, серьезны, хотя, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, холодно-вѣжливы. Онъ обыкновенно вставалъ (чтобы онъ разговаривалъ иначе, какъ стоя, со случайными официальными посѣтителемъ, я не помню) и, слегка склонившись впередъ своимъ тонкимъ туловищемъ, выслушивалъ данное лицо. Какъ только такой посѣтитель удалялся, великій князь обращался опять въ симпатичнаго собесѣдника.

Великій князь Александръ Александровичъ былъ тогда еще отрокомъ¹⁾. Но все, что я слышалъ и читалъ о немъ, какъ императоръ, всѣ его портреты заставляли вспоминать англійскую поговорку: *the child is the father of the man*²⁾.

Въ придворныхъ кружкахъ было извѣстно, что его бабушка, вдовствующая императрица Александра Федоровна (въ то время она еще была жива), прозвала его «mein Baurschen». Тогда еще онъ не достигъ своего полного роста, но былъ уже широкоплечъ, широкогрудъ, мускулистъ, очень округлъ и лицомъ и тѣломъ. Простъ въ обращеніи до того, напримѣръ, что за завтракомъ у брата пододвигалъ гостямъ фрукты, воды. Однажды я видѣлъ, какъ онъ налилъ воды своему *vis-à-vis*. И все это дѣлалъ молча. Вообще разговаривать не любилъ; и нерѣдко не то конфузился, не то стѣснялся.

Тѣ, кто болѣе или менѣе знавали Александра III императоромъ, говорили, что нѣкоторая застѣнчивость съ людьми мало ему знакомыми сохранялась и тогда. Я знаю, напримѣръ, достоверно слѣдующій характерный фактъ. Будучи проездомъ въ одномъ изъ университетскихъ городовъ, вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ, Александръ III принималъ между прочимъ ученыхъ персоналъ. Одною изъ профессоровъ, бывшаго когда-то его преподавателемъ, государь задержалъ у себя въ кабинетѣ. Когда они остались съ глазу на глазъ, государь усадилъ стараго учителя; сядя самъ, вздохнулъ, какъ будто освободясь отъ конфузливости, которая тяготила его во время официального приѣма, и разговорился такъ охотно и просто, что профессоръ на вопросъ царя:

— Какъ вы находите, много я перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись?—совершенно искренно возразилъ:

— Напротивъ, государь, я дивлюсь, что вы остались совсѣмъ такимъ же, какъ прежде, не взирая на ваше положеніе.

¹⁾ Меня въ началѣ 80-хъ годовъ поразила неизлечимая болѣзнь, вынуждающая жить на чужомъ югѣ, и я не видалъ Александра III послѣ его вступленія на престолъ.

²⁾ Малое дитя—отецъ взрослого человѣка.

— Э, батюшка,—отвѣчалъ Александръ Александровичъ, улыбаясь и дружески трепля профессора по плечу,—вѣдь къ величеству-то не очень легко привыкать...

Я подмѣтилъ между прочимъ, что онъ очень не любилъ, и юношей и взрослымъ, чтобы лица, ему представленныя, у него цѣловали руку или плечо. Онъ ограждался отъ этого, смотря по положенію даннаго лица, либо демонстративно, отступая назадъ, либо преувеличенно крѣпко пожимая руку представлявшагося ему и въ то же время упруго вытягивая свою мускулистую, сильную руку, дабы удержать посѣгителя подальше отъ своего плеча. Такимъ знавалъ я великаго князя около 60-хъ годовъ, когда онъ появлялся изрѣдка между офицерами нашей батареи, къ которой принадлежалъ въ качествѣ, такъ сказать, почетнаго товарища. Конечно, его молчаливость, стѣсненный видъ, привычка не то разсѣянно, не то нетерпѣливо барабанить слегка пальцами по ближайшему предмету, каскѣ, стулу, и проч., стѣсняли окружающихъ. Зато безпритязательность не только искупала все, но возбуждала невольную къ нему симпатію.

Возможно, какъ полагали нѣкоторые, великій князь Александръ Александровичъ сознавалъ недостаточность своей подготовки и не хотѣлъ этого выказывать. А разъ поставивъ себя такъ въ ранней юности, онъ и не хотѣлъ, или даже не могъ, впоследствии измѣниться. Настойчивость же была ему прирождена. Я зналъ отъ достовѣрныхъ лицъ, что его преподавателямъ было не легко исполнять свои обязанности. Какъ они рассказываютъ, онъ обыкновенно изрядно понималъ объясняемый ему предметъ; въ общемъ усваивалъ пройденное. Но часто невѣрно, небрежно выражался, отвѣчая урокъ, искажая его смыслъ, а ужъ если онъ разъ употребилъ какую-нибудь неправильность, то не отступалъ отъ нея и повторялъ ошибку, не взирая на всѣ усилія и толкованія учителя.

Что же касается слуховъ, что онъ вообще не терпѣлъ противорѣчій и сердился за нихъ, то я (конечно, въ очень скромной сферѣ, не имѣвшей касательства къ государственнымъ дѣламъ) имѣлъ не одинъ случай убѣдиться въ противномъ; по крайней мѣрѣ относительно его молодости эти слухи были не основательны.

Нѣсколько разъ въ кружкѣ цесаревича, когда случалось, хотя изрѣдка, что Александръ Александровичъ выражалъ свое мнѣніе и ему возражали, не стѣняясь, онъ спокойно, правда, весьма лаконично, еще разъ повторялъ свои слова и затѣмъ смолкалъ. Правда, хмурился иногда, но не гнѣвался. Помню также, во время посѣщенія имъ лондонской международной выставки онъ заинтересовался въ англійскомъ отдѣлѣ восточными коврами и называлъ ихъ турецкими. Они же были на самомъ дѣлѣ персидскими,

какъ и досконально зналъ. И я это ему сказалъ. Онъ не соглашался, я доказывалъ, онъ выслушивалъ и наконецъ согласился, правда, какъ будто неохотно, но во всякомъ случаѣ добродушно. Въ слѣдующей же залѣ между нами произошелъ подобный же разговоръ по поводу выставленныхъ англійскихъ сѣделъ. Но, однако, ни тогда, ни послѣ и слѣдовъ неудовольствія его высочества я не могъ подмѣтить. А такъ какъ великій князь Александръ Александровичъ былъ человѣкъ прямого нрава, чуждый всякой излишней любезности, то полагаю, что и въ самомъ дѣлѣ противорѣчїями не раздражался. На профессоровъ, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, хотя и безуспѣшно, но повторительно поправлявшихъ ошибки въ его урокахъ, онъ тоже, какъ я знаю, не гнѣвался, хотя оставался при своемъ пониманіи преподаннаго ему урока.

Я могу привести еще болѣе вѣскія доказательства, того, что цесаревичъ Александръ Александровичъ при всей своей прирожденной настойчивости былъ доступенъ къ практическому воспрїятію убѣжденій, противорѣчившихъ его собственнымъ.

Во время голода, поразившаго нашъ край и значительную часть сѣвера Россіи въ 60-хъ годахъ, онъ предсѣдательствовалъ въ особой комиссіи, учрежденной по высочайшему повелѣнію. Комиссія эта, вслѣдствіе препонъ со стороны бюрократіи (упорно отрицавшей самый фактъ голоданія нѣсколькихъ милліоновъ людей), была назначена гораздо позднѣе, чѣмъ бы слѣдовало, она работала, такъ сказать, противъ теченія, идущаго сверху, ибо высшей администраціи удалось заразить недоувѣріемъ къ мѣстнымъ органамъ земскаго самоуправленія высшія сѣферы, не исключая и монарха. Цесаревичъ, приступая къ работамъ комиссіи, въ нѣкоторой степени тоже имѣлъ предубѣжденіе. Между тѣмъ, мнѣ лично (какъ предводителю дворянства въ одномъ изъ наиболѣе пострадавшихъ отъ голода уѣздовъ, а вскорѣ предсѣдателю новгородской губернской земской управы), а тѣмъ болѣе моему предметнику Н. А. Качалову, который по приглашенію великаго князя принималъ дѣятельное участіе въ работахъ комиссіи о голодающихъ, хорошо извѣстно, что ея августѣйшій предсѣдатель весьма внимательно относился къ мнѣніямъ и указаніямъ насъ, земскихъ людей, идущимъ иногда вразрѣзъ его соображеніямъ; что комиссія пользовалась ими и примѣняла ихъ съ пользой.

Размѣры и планъ моихъ настоящихъ очерковъ не дозволяютъ мнѣ вдаваться въ подробности. Объ этомъ предметѣ, о голодахъ на сѣверѣ и отношеніи къ нимъ тогдашней администраціи, я имѣю въ виду написать особо, по приведеніи въ порядокъ соотвѣтствующихъ матеріаловъ ¹⁾).

¹⁾ Въ 1882 г. напечатанъ мой очеркъ объ отношеніи тогдашней администраціи къ голоду. Факты исторически вѣрны, но иначе, какъ въ беллетристической формѣ, въ то время нельзя было напечатать о нихъ; и самое заглавіе по цензурнымъ причинамъ до невозможности скромное: «Фотографія Н. Ф.».

Однако, къ сказанному я долженъ прибавить, что доступность цесаревича къ мнѣніямъ лицъ, ближе его знакомыхъ съ даннымъ дѣломъ, обрисовалась и по другому, значительной важности, вопросу: учрежденію новгородскимъ земствомъ училища для приготовления сельскихъ учителей. Это была одна изъ первыхъ попытокъ сего рода въ Россіи. Министерства внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія очень враждебно къ ней относились, и сумѣли враждебно настроить высшія вліятельныя сферы. Наслѣдникъ цесаревичъ также не безъ скептицизма сначала относился къ такому новшеству. Однако земцамъ, нашедшимъ доступъ лично къ его высочеству, удалось настолько убѣдить его въ пользѣ учительскихъ школъ, что онъ настойчиво содѣйствовалъ тому, чтобы подлежащія министерства разрѣшили ея открытіе. И дабы упрочить существованіе учрежденія, принялъ его подъ свое покровительство. Нельзя не помянуть при этомъ благодарнымъ словомъ Павла Александровича Козлова. Онъ былъ въ то время адъютантомъ государя наследника, пользовался его довѣріемъ и помогалъ немало земскимъ людямъ.

VII.

Неподготовленность. — Избраніе или назначеніе? — Простота и добродушіе. — Представленіе у государыни цесаревны Маріи Федоровны. — Императрица Марія Александровна и цесаревичъ на лондонской выставкѣ (1874 г.). — Государыня и русскій языкъ. — Александръ II, наследникъ цесаревичъ и капитанъ (война 1877 г.).

Тѣмъ не менѣе я не могу не сознаться, что, на мой взглядъ, великій князь Александръ Александровичъ въ нѣкоторомъ отношеніи къ тому положенію, которое выпало на его долю послѣ кончины его старшаго брата, былъ недостаточно подготовленъ. Мнѣ это неоднократно случалось замѣчать. Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Когда я дослуживалъ третье трехлѣтіе въ званіи уѣзднаго предводителя дворянства, то Н. А. Качаловъ, лично извѣстный наследнику цесаревичу, былъ назначенъ архангельскимъ губернаторомъ, а губернское земское собраніе избрало меня на его мѣсто. Его высочество было, какъ я сказалъ уже, почетнымъ покровителемъ нашей губернской земской учительской семинаріи. Земство ежегодно представляло его высочеству отчетъ по этому учрежденію. Обязанность эта возлагалась на председателя губернской земской управы; такимъ образомъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего избранія, мнѣ надо было по этому случаю представляться въ Петербургѣ цесаревичу. Принявъ меня со своей обыкновенной безпритязательностью и сдѣлавъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, касающихся семинаріи и врученнаго мною отчета о ней, Александръ Александровичъ сказалъ:

— Такъ васъ назначили вмѣсто Качалова?

— Да, ваше высочество, земское собраніе выбрало меня на его мѣсто,—отвѣчалъ я.

Онъ продолжалъ разговоръ, не замѣтивъ моей поправки; или, какъ говорили мнѣ потомъ нѣкоторыя лица, знавшія его гораздо лучше меня, потому, что не придавалъ никакого значенія различію службы по выборамъ и по назначенію (хотя, какъ я знаю, около того же времени онъ въ интимномъ кружкѣ избранныхъ высказалъ однажды, что его родитель далъ Россіи такой длинный рядъ либеральныхъ реформъ, что ему, цесаревичу, ничего не останется, какъ даровать конституцію, когда наступитъ время царствовать). Какъ бы то ни было, на мою смѣлую поправку онъ совершенно никакого неудовольствія не выказалъ и даже очень милостиво, просто, спросилъ меня, представлялся ли я государынѣ цесаревнѣ, и на мой отрицательный отвѣтъ онъ какъ бы мимоходомъ замѣтилъ, что ея высочество принимаетъ (насколько я помню) по вторникамъ. Черезъ два года, когда я, вновь избранный губернскимъ земскимъ собраніемъ, пріѣхалъ въ Петербургъ и представлялся съ обычнымъ отчетомъ цесаревичу, онъ сказалъ:

— Поздравляю, вы опять назначены предсѣдателемъ земства.

Кстати замѣчу, что пріемъ у ея высочества Маріи Ѳеодоровны происходилъ необыкновенно просто и безпритязательно. Конечно, какъ водится, желающій представляться долженъ былъ предварительно записаться во дворцѣ въ особой книгѣ. Эту формальность я исполнилъ въ первое посѣщеніе тотчасъ по выходѣ отъ цесаревича. Если записавшееся лицо удостоивается пріема, то дня черезъ два получаетъ извѣщеніе отъ гофмаршала о днѣ и часѣ пріема.

Въ день моего перваго представленія пріемъ былъ назначенъ, помнится, въ два часа. Въ аванзалѣ, изъ которой дверь, охраняемая камеръ-лакеемъ, вела во внутренніе покои великой княгини, было немногочленно: всего шесть человѣкъ, изъ которыхъ съ двумя (кн. П. А. Васильчиковымъ ¹⁾), тогда совѣтникомъ вѣнскаго посольства, и кн. Черкасскимъ) я былъ знакомъ. Симпатичный гофмаршалъ ген. Зиновьевъ присутствовалъ все время, занимая гостей разговоромъ. Ему, какъ всегда, помогалъ въ этомъ отношеніи П. А. Козловъ, адъютантъ наслѣдника, очень умный, образованный и красивый, оживленный, шутливый, но очень нервный молодой человѣкъ. Грустно вспоминать, что онъ такъ рано и внезапно покончилъ свою карьеру трагическимъ сумасшествіемъ.

По приглашенію гофмаршала, слѣдившаго за очередью, представляющіеся входили въ покои цесаревны; но въ сущности ихъ никто не представлялъ; она слѣдила, не знаю, по памяти или по

¹⁾ См. «Ист. Вѣст.» мою ст. «Первый земскій слѣздъ».

запискѣ, которой, однако, я около не могъ замѣтить. Когда одинъ возвращался въ залу, то Зиновьевъ мягкимъ движеніемъ руки и улыбкой приглашалъ итти слѣдующаго; дверь безшумно распахивалась и запахивалась за нимъ камеръ-лакеемъ. Когда очередь дошла до меня, то я нашелъ цесаревну въ просторной квадратной приемной. Она стояла впереди круглаго дивана, на который опустилась, принявъ мой поклонъ и самопредставленіе. Затѣмъ заговорила по-англійски (послѣ датскаго это былъ ея излюбленный языкъ) о нашей земской учительской семинаріи, съ отчетомъ которой нѣсколькими днями раньше я представлялся ея супругу.

Меня не удивили ни англійское обращеніе къ незнакомому русскому земцу, ни ея рѣчь о земскомъ дѣлѣ. Я зналъ, что многимъ высокопоставленнымъ особамъ лица имъ приближенныя сообщаютъ заранѣе нѣкоторыя свѣдѣнія о тѣхъ, которыхъ они имѣютъ въ виду принять. Весьма вѣроятно, что цесаревна не особенно интересовалась земствомъ. Да и понятіе о немъ имѣла весьма слабое, какъ было видно изъ ея немногихъ, слабыхъ вопросовъ. Но тѣмъ не менѣе подобныя мелочи являются часто пріятнымъ знакомъ вниманія для представляющагося, скорѣе иллюзіей.

Кстати, вспоминаю случай, подтвердившій мое мнѣніе, что высокопоставленныя лица далеко не такъ строги, какъ обыкновенно говорятъ, къ промахамъ противъ придворнаго этикета людей не придворныхъ.

Я уже упоминалъ, что въ 1874 году министерство финансовъ командировало меня въ Лондонъ, въ качествѣ комиссара русскаго правительства на международную выставку при South Kensington'скомъ музеѣ... Этотъ музей, основанный въ память принца Альберта, супруга королевы Викторіи, имѣетъ цѣлью содѣйствовать развитію и усовершенствованію съ технической и художественной стороны промышленности, ремесль, искусствъ и пр. Выставка при музеѣ имѣла то же назначеніе. Онѣ устраивались въ началѣ 70-хъ годовъ ежегодно, были международны, по предметамъ, однако, не общія, а только частичныя, т. е. какъ Англія, такъ и приглашенныя ею государства устраивали свои отдѣлы по тремъ-четыремъ отраслямъ искусствъ и промышленности. Сравнительное изученіе отдѣловъ было доступно специалистамъ, ученымъ, техникамъ, а также и рабочимъ. South Kensington'скій музей пріобрѣталъ и отъ иностранныхъ экспонентовъ наиболѣе полезныя для англійской промышленности коллекціи и выставки влялъ ихъ потомъ поочередно въ различныхъ частяхъ Лондона, ради пущей доступности населенію. Вообще дѣло было удачно задумано. Но, къ сожалѣнію, просуществовали эти выставки всего четыре года. Какъ утверждали лица, заинтересованныя дѣломъ, оно было задумано благонамѣренностью бюрократовъ. Я раздѣляю

это мнѣніе. Не въ одной Россіи бюрократія ложно понимаетъ свое истинное назначеніе. Еще Диккенсъ ознакомилъ насъ съ «департаментомъ кругомъ да около» и дорого стоящими націи бесполезными «Powder and Pomatum office» ¹⁾. Но, впрочемъ, это постороннее.

Когда императрица прибыла въ Лондонъ, мы съ товарищемъ, также комиссаромъ русскимъ, полковникомъ Грекомъ, почти постоянно проживавшимъ въ туманной столицѣ Альбіона, рѣшили просить ея высочество удостоить русской отдѣлы выставки посѣщеніемъ.

Она приѣхала съ цесаревичемъ. Представляясь ему, я воспользовался случаемъ и далъ понять, что посѣщеніе имъ и его августѣйшей родительницей русскаго отдѣла выставки значительно повысило бы въ иностранцахъ интересъ къ русскимъ произведеніямъ.

Александръ Александровичъ съ этимъ согласился. Черезъ нѣсколько дней мы получили извѣстіе о днѣ и часѣ, когда пожалуютъ высокіе посѣтителы. Англійская выставочная администрація озаботилась, чтобы государыня, безъ особаго для себя труда, могла видѣть великобританскій и другіе отдѣлы. Между прочимъ, въ виду ея слабаго здоровья, были приготовлены катальныя кресла и служащіе въ ливреяхъ для передвиженія ихъ. Однако государыня, прибывъ съ цесаревичемъ и герцогомъ Эдинбургскимъ въ Albert Hall, отказалась отъ кресель и носилокъ. Въ этотъ день она хорошо себя чувствовала, и весь русскій отдѣлъ и часть англійскаго она обошла безъ посторонней помощи и очень бодро. Я былъ ей представленъ состоявшимъ при ней княземъ Барятинскимъ, и она выразила желаніе, чтобы я сопровождалъ ее и дальше и давалъ ей объясненія. Мнѣ пришлось итти все время съ нею рядомъ съ лѣвой стороны. Съ правой же шелъ герцогъ Эдинбургскій, молодой супругъ великой княгини Маріи Александровны. Государыня съ интересомъ относилась ко всему, что встрѣчалось выдающагося. Довольно долго оставалась она въ образцовой учебной кухнѣ при выставкѣ. Мнѣ болѣе часа пришлось сопровождать и разговаривать съ нею, она дѣлала много вопросовъ, выражала попутно свои мысли. Заговорила она со мной сразу по-русски свободно и чисто. Герцогъ же Эдинбургскій разговаривалъ съ ней только по-нѣмецки, и, очевидно, не понималъ по-русски. Мнѣ казалось, что ему немного досадно это, и поэтому я позволилъ себѣ одно изъ объясненій сдѣлать по-нѣмецки. Марія Александровна внимательно выслушала, но тотчасъ же, какъ бы демонстративно, опять заговорила со мной по-русски. Потомъ мнѣ говорили, что я совершилъ чуть ли не *leze majeste*, заговоривъ по-нѣмецки, когда императрица обращалась ко мнѣ неизмѣнно по-русски.

¹⁾ Департаментомъ Пудро-Помаднымъ.

Однако никто изъ ея окружающихъ не былъ этимъ шокированъ. И сама императрица очень благосклонно отнеслась ко мнѣ, когда я откланивался ей передъ ея отъѣздомъ. Въ заключеніе привожу фактъ, едва ли кому извѣстный не какъ личное воспоминаніе, а какъ матеріалъ для исторіи того времени... Онъ интересенъ, ибо какъ бы подчеркиваетъ нѣкоторыя характерныя черты свойственныя цесаревичу Александру Александровичу и отчасти, императору Александру II.

Я знаю объ этомъ фактѣ отъ артиллерійскаго капитана О. В. Малиновскаго, которому всегда можно было вѣрить. Онъ кончилъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ около 1848 года. Послѣ Севастопольской кампаніи, въ которой участвовалъ и былъ раненъ, вышелъ въ отставку. Безъ малаго двадцать лѣтъ спустя, въ 1877 году, когда Россія объявила войну Турціи, онъ вновь поступилъ въ военную службу и поѣхалъ въ дѣйствующую забалканскую армію. Чинъ его былъ тогда штабсъ-капитанскій. Ему пришлось служить подъ начальствомъ не только своихъ бывшихъ одноклассниковъ, уже генераловъ, но и однокашниковъ гораздо его младшихъ. Офицеръ онъ былъ храбрый, на расторопность котораго начальство полагалось.

Къ сожалѣнію, я запамятовалъ наименованія, встрѣчающіяся въ его разсказѣ, мѣстностей. Это, впрочемъ, не умаляетъ интереса самыхъ фактовъ, подробности которыхъ отчетливо сохранились въ моей памяти.

Однажды начальникъ Малиновскаго отправилъ его съ важными депешами къ военному министру генералъ-адъютанту Милютину, находившемуся въ главной императорской квартирѣ. Кромѣ того, ему поручено было передать какіе-то документы начальнику другой части дѣйствующей арміи, расположенной далѣе. Всего пути въ одну сторону было добрыхъ половина дня. Ъхалъ, или вѣрнѣе скакалъ, капитанъ Малиновскій верхомъ.

Добравшись до императорской квартиры ранѣе полудня, Малиновскій посидѣвши явиться, какъ ему приказано было, къ военному министру, но узналъ, что генералъ-адъютантъ Милютинъ находится у государя и долженъ съ нимъ куда-то немедленно ѣхать. Экипажъ былъ уже поданъ. Малиновскій рѣшился выждать министра въ сторонѣ на верхнихъ ступеняхъ перрона дома, который занималъ императоръ. Идти пришлось недолго. Александръ II спускался съ лѣстницы; въ нѣсколькихъ шагахъ за нимъ слѣдовалъ Милютинъ. Капитанъ приблизился къ послѣднему, чтобы передать депешу. Государь это замѣтилъ, прежде, чѣмъ сѣсть въ коляску, подозвалъ къ себѣ запыленного, забрызганнаго дорожной грязью гонца и задалъ ему нѣсколько вопросовъ. Освѣдомясь о томъ, куда лежитъ его дальнѣйшій путь, царь спросилъ его:

— Значить, ты будешь проѣзжать черезъ квартиру цесаревича?.. Капитанъ утвердительно поклонился.

— Въ такомъ случаѣ представься цесаревичу. Скажи ему отъ меня, что я сію минуту получилъ донесеніе о послѣднемъ дѣлѣ, въ которомъ принималъ участіе отрядъ его корпуса. И скажи его высочеству, что я прошу беречь моихъ солдатъ.

Послѣднія слова государь какъ бы подчеркнул. Въ дѣлѣ, о которомъ онъ упоминалъ (какъ было уже слышно въ арміи), дѣйствительно оказалось съ нашей стороны, судя по результатамъ, много убитыхъ и раненыхъ.

Государь послѣдовалъ къ экипажу. Капитанъ же (какъ онъ мнѣ говорилъ) остался ни живъ, ни мертвъ, хотя вообще человѣкъ онъ былъ не робкій. Порученіе было болѣе, чѣмъ щекотливое, почти опасное. Государь, вѣроятно, далъ его подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго на него только что полученной горькой вѣстью. Малиновскій, подойдя къ Милютину, спросилъ, слышалъ ли послѣдніе слова его величества. Получивъ же утвердительный отвѣтъ, онъ попросилъ позволенія записать эти слова въ присутствіи самого министра, чтобы не вышло какого-нибудь непріятнаго недоразумѣнія.

Затѣмъ, напоивъ своего коня, онъ поскакалъ далѣе и прибылъ въ мѣсто пребыванія наслѣдника къ раннему обѣду. Приближенные цесаревича, узнавъ, что капитанъ имѣетъ порученіе отъ императора, провели гонца немедленно къ большому продолговатому шатру, парусина котораго съ боковъ была подобрана. Въ центрѣ же шатра стоялъ убранный для трапезы столъ, за которымъ еще никто не сидѣлъ. Александръ Александровичъ въ коротенькой тужуркѣ, глубоко въ карманы засунувъ руки, сидѣлъ въ сторонѣ съ нѣсколькими офицерами своей свиты. Когда ему доложили о прибытіи офицера съ порученіемъ отъ его величества, онъ всталъ и, медленно, грузно приблизясь къ стоявшему у входа Малиновскому, спросилъ, что ему нужно?

Капитанъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ передалъ слова императора, которыя дорогой заучилъ наизусть по запискѣ, одобренной министромъ. Цесаревичъ выслушалъ безстрастно. Съ полминуты, бровью не дрогнувъ, пристально и безмолвно поглядѣлъ въ лицо посланца, слегка вздохнулъ и, повернувшись къ нему спиной, не вынимая изъ кармановъ глубоко запущенныхъ туда рукъ, удалился къ обѣденному столу.

Малиновскій стоялъ недвижимъ, не зная: *soll ich gehen, soll ich stehen*. Какой-то адъютантъ сжалился надъ нимъ и сообщилъ, что онъ можетъ отправляться. Этотъ рассказъ напомнилъ мнѣ пятнадцатилѣтняго великаго князя и англійскую поговорку: «*the child is the father of the man*».

Н. Н. Фирсовъ (Л. Рускинъ).

ПОДЪ ЧУЖИМЪ НЕБОМЪ.

(Историческій разсказъ).

I.

ОРУЧИКЪ Шашинъ проснулся поздно. Яркое мартовское солнце давно уже заглядывало къ нему въ окна, и пестрые букеты на миткалевыхъ занавѣскахъ горѣли краснымъ и желтымъ золотомъ. Такіе же золотые лучи сверкали узенькими полосками на бронзовой отдѣлкѣ камина, на зеркалѣ туалетнаго столика и на хрустальной пробкѣ графина.

Проснувшись, Шашинъ приподнялъ голову, скользнулъ взглядомъ по комнатѣ, но тотчасъ зажмурилъ глаза и снова опустился на подушку.

Онъ еще не отдавалъ себѣ полного отчета, гдѣ кончался сонъ и гдѣ начиналась дѣйствительность. И что больше походило на сказку — дѣйствительность, или сонъ?

Во снѣ онъ видѣлъ что-то безтолковое, кошмарное. Онъ скакалъ по изрытому полю, спасаясь съ нѣсколькими фланкерами отъ французскихъ кирасиръ, внезапно налетѣвшихъ изъ-за какой-то длинной полуразрушенной стѣны. А навстрѣчу имъ всѣмъ несся эскадронъ его уланскаго полка, и ему предстояло быть смятымъ и затоптаннымъ въ этой безсмысленной сшибкѣ.

Но такихъ сшибокъ онъ уже много видѣлъ, и ноющее плечо напоминало ему о контузiи, полученной въ одной изъ нихъ.

Ничего не было необыкновеннаго въ этомъ снѣ.

А вчерашняя дѣйствительность гораздо больше походила на сказку.

И передъ зажмуренными глазами Шашина потянулась вся эта сказка.

Вчера гвардія вступила въ Парижъ. На свѣтло-сѣромъ конѣ, молодой и стройный, ѣхалъ императоръ Александръ за красными рядами конвоя. Загадочное выраженіе, торжествующее и словно стыдливое, лежало на его тонкомъ лицѣ. Подлѣ, сосредоточенный и молчаливый, ѣхалъ прусскій король, а позади колыхалась пестрая группа генераловъ и офицеровъ.

Шашинъ былъ далеко. Но, приподымаясь на стременахъ, онъ видѣлъ при поворотахъ стройную фигуру государя, красные мундиры казаковъ, море султановъ на генеральскихъ каскахъ, синіе ряды прусской гвардіи. И видѣлъ несмѣтную народную толпу, заливавшую улицы и площади отъ Пантенской заставы до Елисейскихъ полей, видѣлъ гирлянды, флаги, ковры, спускавшіеся съ балконовъ, нарядныхъ женщинъ въ большихъ раскрытыхъ окнахъ, темные человѣческіе силуэты на крышахъ домовъ. Онъ слышалъ привѣтствія, вылетавшія изъ тысячъ грудей, гулкій топотъ коней и тяжелый шагъ пѣхотинцевъ.

Со вчерашняго дня онъ въ Парижѣ, въ удобной и опрятной комнатѣ, отведенной ему въ квартирѣ аптекаря Робинэ.

Немного уже видѣлъ Парижъ. Съ трехъ часовъ, когда кончился парадъ, онъ шатался по улицамъ, пообѣдалъ въ маленькомъ ресторанѣ, потолкался въ Пале - Роялѣ. Хотѣлъ было зайти въ театръ, но безмѣрная усталость овладѣла имъ, и онъ, не безъ труда отыскавъ свою квартиру, съ вечера завалился спать.

Какъ все это походило на сказку!

Шашинъ еще разъ съ ощущеніемъ невыразимаго блаженства потянулся на широкой, теплой постели, потомъ вдругъ вскочилъ, подбѣжалъ къ окну и раздвинулъ занавѣски. Солнечный свѣтъ ворвался въ комнату словно огненной полосой. А за окномъ въ этой полосѣ горѣли бронзовые зубцы рѣшетки тюльерійскаго сада, ранняя трава въ глубинѣ аллей, мелкіе камни мостовой, балконы, вчерашніе флаги, снующіе подъ ними экипажи, быстро смѣнявшіяся фигуры пѣшеходовъ.

Рано проснувшись, шумная и нарядная улица Риволи врывалась въ окно грохотомъ, гуломъ и криками.

«Парижъ!» нѣсколько разъ повторилъ мысленно Шашинъ, чувствуя какое-то счастливое напряженіе въ каждомъ нервѣ.

Въ теченіе цѣлаго года, отъ самаго Дрездена, гдѣ у нихъ въ полку откуда-то пронеслась вѣсть, что армія будетъ преслѣдовать Наполеона даже въ предѣлахъ Франціи, этотъ Парижъ владѣлъ воображеніемъ молодого поручика. Ему грезился сказочный городъ короля-солнца, Вольтера, революціи, имперіи, городъ крови и роскоши, мадригала и гильотины, побѣдныхъ триумфовъ и баррикадъ, городъ баловъ, театровъ, ресторановъ и обольстительныхъ женщинъ.

И этотъ Парижъ шумѣлъ подъ окнами, залитый блескомъ весенняго солнца, побѣжденный, сдавшійся на великодушіе русскаго императора, взволнованный, развѣнчанный и какъ будто все-таки веселый...

Осторожный стукъ въ дверь заставилъ Шашина отойти отъ окна и набросить на плечи походную шинель. Онъ щелкнулъ задвижкой.

Въ комнату вошелъ съ низкими поклонами Робинэ, маленькій, сухощавый человекъ съ бритымъ лицомъ и выпѣвшими узкими глазами. На немъ были коричневая куртка и клѣтчатый бархатный жилетъ.

— Надѣюсь, вы провели спокойную ночь?—освѣдомился онъ очень любезно.—Хотя наша улица, надо сознаться, довольно шумная, но зато изъ вашихъ оконъ виденъ Парижъ. О, да, вы можете сказать, что находитесь въ лучшей части города.

Шашинъ поблагодарилъ и сказалъ, что очень доволенъ помѣщеніемъ.

— Но и мы довольны, что намъ достался именно такой постоялецъ, какъ вы,—продолжалъ Робинэ.—Вы понимаете, о русскихъ войскахъ рассказываютъ много нехорошаго. Казаки... чортъ побери, это ваши мамелюки. Моя жена ужасно боялась, чтобы къ намъ не назначили кого-нибудь изъ тѣхъ, какихъ мы вчера видѣли: съ такими красными лицами и длинными бѣлыми бородами. Тогда хоть бѣги изъ своего дома. Марго, наша племянница, та ничего не боится. Она самому чорту будетъ дѣлать глазки. Но мы, старики, знаемъ, что такое война.

И Робинэ забавно подмигнулъ однимъ глазомъ.

— Но все обошлось какъ нельзя лучше, и мы будемъ довольны другъ другомъ, не правда ли?—закончилъ онъ.—Порядочные люди всегда умѣютъ устроиться по-пріятельски. Сейчасъ вамъ подадутъ кофе. А если захотите ликеру или спирту, вамъ стоитъ только сказать—у меня въ аптекѣ это всегда найдется. И ужъ можете быть спокойны насчетъ цѣны.

II.

Старая служанка, въ опрятномъ чепцѣ и передникѣ, внесла кофе. Шашинъ попросилъ ее прислать къ нему его вѣстового.

Сысойка явился съ очень довольнымъ лицомъ. На вопросъ поручика, какъ его помѣстили, онъ отвѣтилъ, что чуланъ отличный и постель настоящая.

— Вотъ только развѣ что высоко немного,—добавилъ онъ.—Почти что на крышѣ. Да у нихъ, видно, вся прислуга такъ спитъ. И бабѣ тоже.

По загорѣлому, круглому лицу Сысойки скользнула подозрительная улыбка. Онъ подвинулся на шагъ къ поручику и произнесъ убѣжденно:

— А только, по всему видать, народъ тутъ хорошій

— Ъль что-нибудь?—спросилъ Шашинъ.

— Такъ точно. Позвали меня на кухню, кофе дали, вотъ какъ вамъ. Даже побольше. А притомъ служанка-то ихняя положила на столъ каравай хлѣба, примѣрилась ножомъ, да и спрашиваетъ: комса? Ну, какъ я по ихнему уже научился, то и говорю: давай комса, да еще пол-комсы.

Шашинъ расхохотался.

— Какъ, какъ ты сказалъ?—спросилъ онъ.

— Очень просто: комса да еще пол-комсы, — увѣренно объяснилъ Сысойка.—Комса—это, по-нашему, вродѣ какъ два фунта будетъ.

Шашинъ продолжалъ хохотать.

— Ну, и молодецъ же ты, Сысойка,—сказалъ онъ.—Вижу, что не пропадешь въ Парижѣ. Однако, изъ дому ни подъ какимъ видомъ не отлучайся. Подашь мнѣ одѣться и иди въ свой чуланъ спать. Послѣ похода недурно выспаться.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе,—сочувственно согласился Сысойка.—Лучше нѣтъ военному человѣку, какъ спать.

Черезъ полчаса Шашинъ собрался выйти изъ дому, но въ дверяхъ столкнулся съ дѣвушкой почти высокаго роста, очень хорошенькой, съ быстрыми черными глазами, смугловатой кожей и красивыми, яркими губами подъ темнымъ пушкомъ. Онъ тотчасъ догадался, что передъ нимъ была Марго, и любезно раскланялся.

— Я шла спросить васъ, въ которомъ часу вы желаете завтракать,—сказала она, не безъ любопытства оглядывая молодого человѣка.—Сами мы завтракаемъ въ одиннадцать, и вашъ приборъ будетъ стоять на нашемъ столѣ, но если вамъ удобнѣе, можно подать въ вашу комнату...

Шашинъ довольно откровенно любовался наружностью хорошенькой дѣвушки и обратилъ вниманіе и на ея слегка смуглую шейку, выступавшую изъ открытаго ворота блузы, и на красивыя руки, перехваченныя выше локтя короткими рукавами. Дѣвушка чувствовала этотъ любующійся взглядъ и немножко краснѣла.

— Мерсі, я очень цѣню вашу любезность, но думаю, что меня весь день не будетъ дома,—сказалъ Шашинъ.—Иду бродить по улицамъ, знакомиться съ вашимъ великолѣпнымъ Парижемъ. Вчера я очень мало успѣлъ видѣть. Завтракать и обѣдать предполагаю въ ресторанахъ.

Марго сдѣлала маленькую недовольную гримасу.

— Конечно, вы не захотите скучать съ нами... въ Парижѣ такъ много удовольствій,—произнесла она тономъ разочарованія.—

Дядя Робинэ напрасно радовался, что ему достался постоялецъ, говорящій на нашемъ языкѣ.

— Будьте увѣрены, что я еще воспользуюсь этимъ преимуществомъ,—возразилъ Шашинъ. — Но сегодня я хочу чувствовать себя туристомъ. Осмотрю достопримѣчательности, пообѣдаю въ Пале-Роялѣ, потомъ зайду въ театръ...

— Конечно, конечно...—произнесла тѣмъ же разочарованнымъ тономъ Марго.— На вашемъ мѣстѣ я, вѣроятно, дѣлала бы то же самое. Такъ весело шататься по парижскимъ тротуарамъ. Но позвольте сдѣлать вамъ маленькое предостереженіе? Парижскія улицы въ настоящее время не совсѣмъ безопасны для человѣка, прогуливающегося въ русскомъ мундирѣ. Вы хорошо сдѣлаете, если купите себѣ штатское платье.

— Развѣ?—удивился Шашинъ.—Но, судя по вчерашней восторженной встрѣчѣ со стороны населенія...

— Да, но тутъ стоятъ также императорскія войска, которыя настроены не особенно дружелюбно къ союзникамъ,—объяснила Марго.—Уже были случаи, что русскихъ и пруссаковъ нарочно задѣвали, чтобы вызвать столкновеніе. Вы можете нарваться на непріятность. Лучше всего, если вы пойдете вмѣстѣ съ товарищами. А еще лучше—переодѣться.

Шашинъ поблагодарилъ за предостереженіе, пригнѣпилъ саблю, и на всякій случай засунулъ въ карманъ пистолетъ.

Въ темноватомъ коридорѣ онъ поймалъ руку Марго и поцѣловалъ ее повыше локтя. Дѣвушка засмѣялась.

III.

Парижъ не имѣлъ тогда и половины нынѣшняго числа жителей, но оживленіе, царившее на главныхъ улицахъ города, поражало иностранцевъ. У Шашина кружилась голова отъ толкотни, грохота экипажей, громкихъ разговоровъ прохожихъ, выкрикиваній разносчиковъ, непрерывнаго мельканія пестрой толпы. Черезъ нѣсколько часовъ шатанія по улицамъ онъ уже чувствовалъ себя словно разбитымъ и, чтобъ отдохнуть, присѣлъ къ столику одного изъ пале-рояльскихъ кафѣ.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ онъ замѣтилъ въ толпѣ своего однополчанина, поручика Альбединскаго. Шашинъ очень обрадовался этой встрѣчѣ.

— Присаживайся, рассказывай... Какъ себя чувствуешь въ Парижѣ? Гдѣ тебя помѣстили? Успѣлъ ли что-нибудь видѣть?—забросалъ онъ товарища вопросами.

Альбединскій, бѣлокурый, худощавый, съ серьезнымъ и умнымъ лицомъ, отвѣтилъ своимъ обычнымъ неспѣшнымъ тономъ, что

весь день провелъ въ Луврскомъ музеѣ, дивясь собраннымъ тамъ несмѣтнымъ сокровищамъ искусствъ.

— Вотъ какъ!—протянулъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ Шашинъ.—Впрочемъ, вѣдь ты у насъ ученый. А я, братецъ, упиваюсь уличнымъ движеніемъ. Скажу тебѣ, что эта парижская толпа прямо опьяняетъ меня. Какой шумъ, сколько непринужденности и веселой суетливости!

Въ самомъ дѣлѣ, толпа становилась все многолюднѣе, оживленнѣе и наряднѣе, такъ какъ приближался ранній въ тѣ времена обѣденный часъ. Щеголеватые господа въ цвѣтныхъ фракахъ и высокихъ сапогахъ съ кисточками, офицеры во всевозможныхъ французскихъ и иностранныхъ мундирахъ, дамы въ пестрыхъ шаляхъ и отогнутыхъ съ одного боку шляпкахъ, важнаго вида старики въ длинныхъ, застегнутыхъ наглухо пальто или плащахъ военнаго покроя,—все это медленно двигалось двумя потоками между магазинами и ресторанами, встрѣчаясь съ знакомыми, останавливаясь, перекиваясь, или снѣшно на ходу пробѣгая столбцы тутъ же продававшихся вечернихъ газетъ.

Альбединскій, сначала разсѣянно и какъ будто недовольно всматривавшійся въ праздную толпу, потомъ самъ поддался обаянію движенія.

— Да, тутъ жизнь клокочетъ,—сказалъ онъ.—Эти люди живутъ иначе, чѣмъ мы.

— Понятно, французы! — отозвался Шашинъ. — Они любятъ суетиться и кричать.

— Но почему? Потому что у нихъ каждый чувствуетъ себя гражданиномъ, лично связаннымъ съ тѣмъ, что мы именуемъ націей въ ея совокупности,—тяжеловато объяснилъ Альбединскій.—Просвѣщеніе, а также и гражданскія учрежденія пріучили здѣсь cadaго принимать своею мыслью и чувствами участіе въ общей жизни страны.

— Отсюда истекаетъ и вредная, безпокойная суетливость, родящая многія опасности,—замѣтилъ Шашинъ.

— Потому что просвѣщеніе не успѣло еще утвердить въ умахъ спокойствіе истины,—отозвался Альбединскій.

— Просвѣщеніе! Распространяясь среди низкихъ сословій, оно питаетъ въ нихъ духъ своеволія.

— Если оно само направляется въ ложную сторону. Но есть истинное просвѣщеніе, которое стремится утвердить общее благо на твердомъ установленномъ порядкѣ.

Шашинъ откровенно зѣвнулъ. Его никогда не интересовали разговоры Альбединскаго, котораго въ полку даже недолюбливали за его серьезность и слишкомъ большую начитанность.

— Тебя гдѣ устроили?—перемѣнилъ онъ разговоръ.

«истор. вѣстн.», январь, 1909 г., т. сxv.

6

Альбединскій объяснилъ, что ему отвели помѣщеніе въ домѣ почтеннаго стараго прокурора, философа и масона.

— Человѣкъ большого ума и просвѣщенности, съ которымъ у насъ вчера затянулась бесѣда до поздней ночи,—добавилъ онъ.

Шашинъ усмѣхнулся.

— Повидимому, здѣсь въ Парижѣ всякій находитъ то, что ему приличествуетъ,—сказалъ онъ.—Тебѣ судьба послала философа и масона, а у моего хозяина живетъ прелестная племянница, за которой я неупустительно намѣреваюсь волочиться. Однако, не пора ли намъ подумать объ обѣдѣ. Признаюсь, я весьма склоненъ отвѣдать кухни знаменитыхъ здѣшнихъ ресторановъ. Не пойти ли намъ къ Вери или къ Frères Provençaux?

Альбединскій согласился, и черезъ нѣсколько минутъ товарищи вошли въ большую, убранную зеркалами залу моднаго въ то время Вери.

— Тутъ, въ сосѣдней комнатѣ, обѣдаетъ много русскихъ офицеровъ,—сообщилъ имъ метрдотель.

— Вотъ кстати!—обрадовался Шашинъ.

Альбединскій слегка поморщился.

— Кстати ли?—возразилъ онъ.—Будутъ, навѣрное, много пить, и, пожалуй, затѣютъ какой-нибудь безобразный дебошъ.

— Брось, что за философія!—воскликнулъ Шашинъ, направляясь къ указанной двери.

Ихъ шумно привѣтствовали веселые, хриплые голоса. Небольшая комната была полна уланами и лейбъ-драгунами. Раскраснѣвшіяся лица свидѣтельствовали, что обѣдъ былъ далеко не въ началѣ. О томъ же говорила батарея пустыхъ бутылокъ, выстроенная въ углу.

Въ срединѣ большого стола, словно на предсѣдательскихъ мѣстахъ, сидѣли уланъ Марковъ и драгунъ Пушкиевичъ, оба безъ мундировъ, съ налившимися кровью глазами, и сосредоточенно, разомъ поднимали большіе стаканы и разомъ осушали ихъ. Молоденькій уланъ Гофманъ тотчасъ же снова наполнялъ стаканы шампанскимъ. Огромный штабъ-ротмистръ Юселіанъ, по происхожденію имеретинъ, съ характернымъ лицомъ кавказскаго уроженца, сидѣлъ противъ нихъ, и каждый разъ какъ опускались опороженные стаканы, отмѣчалъ что-то на лежавшемъ предъ нимъ листѣ бумаги.

— Состязаніе?—весело спросилъ Шашинъ, уже не разъ присутствовавшій при такихъ событіяхъ.

Товарищи подтвердили. Оба соперника были равной силы, и соревнованіе утрачивало интересъ.

— Не бросить ли?—произнесъ адъютантъ Черкасовъ.—Здѣсь вѣдь Парижъ, надо бы поосторожнѣе.

Черкасова въ полку не любили, считая его ябедникомъ. Но можно было опасаться за Маркова, который въ пьяномъ видѣ всегда шумѣлъ и затѣвалъ какую-нибудь исторію. Поэтому большинство высказалось за предложеніе Черкасова. Бутылки убрали, а Иоселианъ тщательно сложилъ и засунулъ въ карманъ листъ съ отмѣтками.

— Продолжать на потомъ будемъ,—произнесъ онъ съ своимъ кавказскимъ акцентомъ.

Марковъ попробовалъ протестовать, но его уняли.

Альбединскій, присѣвъ съ Шапинымъ въ концѣ стола, торопился докончить обѣдъ.

— Сегодня парадный спектакль въ оперѣ, государь будетъ,—напомнилъ онъ товарищу.—Пойдемъ? Надо запасться билетами.

Шапинъ согласился, и оба вышли изъ ресторана.

IV.

Зданіе большой національной оперы называлось тогда «Théâtre de la République et des Arts». Наклеенныя на стѣнахъ афиши возвѣщали, что сегодня, 20 марта 1814 года, въ честь пребыванія въ Парижѣ августѣйшихъ союзныхъ государей, дана будетъ опера «Le triomphe de Trajan», съ участіемъ знаменитаго тенора Laus и примадонны Браншю.

Хотя было только пять часовъ, а спектакли начинались въ половинѣ седьмого, густая толпа тѣснилась у кассы. Шапинъ и Альбединскій уже теряли надежду пробиться впередъ, но какой-то внушительнаго вида господинъ сталъ расталкивать публику, крича во все горло:

— Дорогу гостямъ! Дорогу русскимъ генераламъ!

Оба поручика, неожиданно произведенные въ генералы, подвигались за своимъ покровителемъ и, пренебрегая сыпавшимися толчками, протѣснились къ кассѣ и добыли входные билеты.

— Что же мы теперь будемъ дѣлать? Въ театрѣ еще темно,—недоумѣвалъ Альбединскій.

— Однако всѣ идутъ въ партеръ; пойдемъ и мы, — рѣшилъ Шапинъ.

Дѣйствительно, публика шумно разсаживалась въ темной залѣ. Ряды креселъ были уже полны, и только ложи, назначенныя для властей и лицъ высшаго общества, пока пустовали.

Въ шесть часовъ вспыхнули огни въ люстрахъ и масляныхъ лампахъ. Еще черезъ полчаса наполнились ложи. Театральная зала представила блестящее, пестрое и нарядное зрѣлище. Дамы, въ большинствѣ съ бѣлыми лиліями въ волосахъ и на груди, съ брильянтами на обнаженныхъ плечахъ, съ торжествующими улыбками

на подкрашенных губахъ, казались живымъ воплощеніемъ воспринявшихъ надеждъ старой королевской Франціи. Многіе изъ тѣснившихся за ними мужчинъ явились въ камзолахъ вѣка Людовиковъ, въ цвѣтныхъ фракахъ, съ старинными дворянскими шляпами, украшенными перьями и алмазами. Недоставало только напудренныхъ париковъ, чтобы напомнить блестящіе праздники Трианона и Версаля.

Совсѣмъ другая толпа наполняла партеръ. Здѣсь преобладали демократическія фигуры бонапартистовъ и республиканцевъ, застегнутые черные сюртуки съ ленточками «почетнаго легіона», мундиры національной гвардіи, камзолы и фраки съ пелеринами, темные плащи военного покроя, часто прикрывавшіе изрубленные плечи или прострѣленную грудь. На головахъ у всѣхъ были шляпы.

Словно двѣ разныя Франціи сошлись тутъ и съ затаеннымъ недоувѣріемъ взирали другъ на друга...

И все это шумѣло, разговаривало, кричало, волновалось. Немолчный гулъ стоялъ въ громадной, тѣсно переполненной залѣ.

Шашинъ и Альбединскій озирали толпу, переглядывались и недоумѣвали. Для нихъ совсѣмъ необычно было зрѣлище этой развязной, шумливой, жестикулирующей толпы съ шляпами на головахъ, собравшейся словно на площади, а не въ театрѣ.

— Признаюсь, господа парижане довольно по-свински себя держатъ, — замѣтилъ вполголоса Шашинъ. — У насъ эту толкучку разогнали бы.

— Мы не знакомы съ свободою здѣшнихъ нравовъ. У нынѣшнихъ французовъ театръ — учрежденіе народное, а не придворное, — объяснилъ Альбединскій. — И къ тому же привычка сознать себя полноправнымъ гражданиномъ ведетъ къ нѣкоторой грубоватой непринужденности.

— Погоди, вотъ дадутъ имъ короля, забудутъ они свою непринужденность, — проворчалъ Шашинъ, нѣсколько разочарованный въ своихъ представленіяхъ о парижской толпѣ.

Спектакль все еще не начинался, хотя седьмой часъ былъ уже въ исходѣ.

— Вѣроятно, ждуть императора Александра, — сказалъ кто-то позади нашихъ соотечественниковъ.

— Но, надѣюсь, мы увидимъ его? — произнесъ другой голосъ. — Вѣдь вся эта публика собралась только для того, чтобы посмотрѣть на него. И дирекція нарочно поставила «Торжество Траяна», такъ какъ въ этой оперѣ содержится множество намековъ на нынѣшнее положеніе дѣлъ. Лайсъ будетъ олицетворять собою рускаго монарха. Кстати: говорятъ, Александръ прекрасенъ, какъ богъ...

Шумъ въ залѣ усилился. Сидѣвшіе въ заднихъ рядахъ стучали тростями и каблуками. Газетчики бѣгали въ проходахъ, выкрикивая названія вечернихъ изданій.

— Сущая ярмарка!—ворчалъ Шашинъ.

Наконецъ занавѣсъ приподнялся на половину, и публика увидѣла часть декорацій, съ колонною Траяна впереди. Актеръ въ древнеримскомъ костюмѣ нерѣшительно приблизился къ рампѣ и объявилъ, что по внезапной болѣзни перваго тенора Лайса «Торжество Траяна» не можетъ быть дано, и вмѣсто того труппа будетъ имѣть честь исполнить оперу «Весталка».

Театральная толпа разомъ заволновалась. Послышался адскій стукъ тростей, сидѣвшіе въ партерѣ повскакали съ мѣстъ.

— Не хотимъ «Весталки»! A bas la «Vestale»! — кричали во всѣхъ рядахъ и въ ложахъ.

Актеръ, кланяясь на всѣ стороны и прижимая руку къ сердцу, пытался еще что-то сказать. Ему не дали произнести слова.

— A bas la «Vestale»! A la porte le parler! — кричали сотни голосовъ.

Занавѣсъ поспѣшно опустили.

— И это въ ожиданіи нашего государя! — тономъ негодованія проворчалъ, ерзая на своемъ креслѣ, Шашинъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Появился оркестръ, поднялась маленькая фигурка капельмейстера, и вдругъ торжественно и шумно заиграли фанфары.

Едва прокатились первые звуки, какъ ложи заволновались. Сотни рукъ захлопали, мужчины замахали шляпами и бѣлыми платками.

И въ то же время другая, ропщущая, почти негодующая волна прокатилась въ партерѣ. Среди стука тростей и сердитаго шипѣнья послышались возгласы:

— Это еще что такое? Что за новости? Надъ нами смѣются!

Шумъ усиливался. Оркестръ гудѣлъ и рокоталъ, въ ложахъ хлопали и подпѣвали, въ партерѣ шипѣли, стучали, перекидывались остротами.

— Можете вы мнѣ объяснить, почему эта музыка вызываетъ такое волненіе?—обратился Шашинъ къ своему сосѣду, пожилому господину въ черномъ фракѣ и жабо, молча и неодобрительно озиравшемуся на публику.

— Эта музыка—старый національный гимнъ «Vive Henri IV»,—охотно отвѣтилъ пожилой господинъ.—Его сложили въ честь Генриха IV, лучшаго изъ нашихъ королей. И потому роялисты, наполняющіе ложи, рукоплещутъ, тогда какъ ces messieurs, — онъ оглянулся на ряды кресель,—хотятъ показать себя бонапартистами или республиканцами.

— Какъ видно, у васъ политика вносится даже въ театральную залу,—сказалъ Шапинъ.— Но вы, судя по вашему спокойствію, не принадлежите сами ни къ какой партіи?

На пробритыхъ губахъ пожилого господина мелькнула меланхолическая усмѣшка.

— Вы правы. Старшіе члены моей семьи и я самъ перенесли много страданій при всѣхъ трехъ режимахъ, и это даетъ мнѣ право платить имъ одинаковымъ равнодушіемъ. Если бы меня спросили, чего я хотѣлъ бы для своей несчастной и прекрасной родины,— да, прекрасной, милостивый государь! — (онъ ударилъ себя въ грудь) — я сказалъ бы, что хочу для нея монархіи безъ феодальныхъ и клерикальныхъ несправедливостей, или республики безъ гильотины и интригъ, или имперіи безъ войны. Но такого режима не существуетъ.

V.

Цѣлый часъ еще волновался, какъ неуспокоенное море, переполненный залъ Большой оперы. Шумъ то затихалъ, то снова стоялъ раздражающимъ гуломъ. Воздухъ становился тяжелымъ и отъ разгоряченныхъ человѣческихъ дыханій, и отъ копоти масляныхъ лампъ. Публика недоумѣвала, теряла терпѣніе, и можно было ожидать, что въ негодованіи она бросится разносить театральную мебель.

— Вѣдь это недостойно въ отношеніи союзныхъ монарховъ!— говорили въ толпѣ.

Но вотъ въ одной изъ ложъ появился представитель дирекціи и началъ что-то говорить къ публикѣ. Дурно настроенный партеръ заглушилъ его слова неистовымъ шумомъ.

Кто-то всталъ на кресло и громовымъ голосомъ предложилъ выслушать заявленіе дирекціи.

— Вѣдь мы не знаемъ, что намъ хотятъ сказать!

Властный звукъ голоса и справедливое замѣчаніе подѣйствовали. Стучать и кричать перестали.

— Господа, — возгласилъ режиссеръ,— вамъ извѣстно, что мы всегда съ величайшею готовностью идемъ навстрѣчу желаніямъ публики. Но въ настоящемъ случаѣ и мы, и вы должны подчиниться волѣ, одинаково для насъ священной. Несравненная скромность императора Александра препятствуетъ ему присутствовать на представленіи «Торжества Траяна», которое можетъ обратиться въ шумное чествованіе его заслугъ. Вотъ почему дирекція рѣшила перемѣнить спектакль и дать «Весталку». Присутствующіе согласятся, что мы имѣли достаточныя основанія прийти къ такому рѣшенію.

Громъ рукоплесканій пронесся по залѣ. Только что негодовавшая толпа шумно выражала свое одобреніе.

И въ эту минуту въ большой средней ложѣ бельэтажа появилась высокая, стройная фигура императора Александра, рядомъ съ прусскимъ королемъ.

Радостный гулъ потрясъ залу. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, кричали, махали шляпами и платками. Ровно полчаса продолжалось неописанное волненіе. Всѣ стояли спиной къ сценѣ и лицомъ къ ложѣ, изъ которой союзные государи не переставали привѣтливо раскланиваться съ парижанами.

— Какія дивныя минуты!—шепнулъ Шашинъ Альбединскому.

У обоихъ въ глазахъ стояли слезы.

Оркестръ давно уже исполнилъ увертюру, а публика, захваченная властнымъ настроеніемъ, какъ бы забыла объ оперѣ и не спѣшила рассаживаться.

Было ясно, что происходившее на сценѣ не захватитъ сегодняшнюю возбужденную толпу. Сотни головъ продолжали поминутно поворачиваться, чтобы еще разъ взглянуть на Александра. Парижъ чувствовалъ, что въ его рукахъ находится судьба Франціи, и что, можетъ быть, тутъ же, во время этого необычайнаго спектакля, въ его умѣ зрѣетъ рѣшеніе, о которомъ завтра узнаетъ сдавшаяся столица.

Въ срединѣ перваго акта общее вниманіе было привлечено боковой ложей, откуда чьи-то руки выбросили на сцену нѣсколько бѣлыхъ бумажекъ и чьи-то голоса громко вызвали Лаиса.

— Но вѣдь онъ боленъ?—недоумѣвали въ публикѣ.

— Пустое! Онъ явится,—отвѣчали другіе.

И дѣйствительно, Лаисъ тотчасъ появился на сценѣ, какъ будто онъ ожидалъ за кулисою, — свѣжій, радостный, въ черномъ фракѣ съ бѣлымъ цвѣткомъ въ петлицѣ. Довольное и торжественное лицо его какъ бы выражало убѣжденіе, что не можетъ же такой исключительный спектакль обойтись безъ его участія.

Своей гибкой театральной походкой, раскланиваясь и прижимая руку къ сердцу, онъ приблизился къ рампѣ, поднялъ одну изъ бумажекъ, прочиталъ ее и объявилъ:

— Требуютъ національный гимнъ. Дѣло за вами, господа, — добавилъ онъ, обращаясь къ музыкантамъ.

Оркестръ опять заигралъ «Vive Henri IV». Лаисъ запѣлъ... Но вмѣсто всѣмъ извѣстныхъ словъ старинной пѣсенки, онъ запѣлъ сочиненныя для сегодняшняго случая стихи:

Vive Alexandre,
Vive ce roi des rois!
Sans rien prétendre,
Sans nous dicter les lois, etc.

Переждавъ взрывъ восторженныхъ рукоплесканій, артистъ перешелъ ко второму куплету, въ такихъ же лестныхъ выраженіяхъ воспѣвавшему прусскаго короля.

Неожиданное выступленіе Лаиса окончательно подорвало вниманіе публики къ «Весталкѣ». Въ партерѣ переглядывались, переговаривались шопотомъ, иные тихонько напѣвали только что прослушанные куплеты.

Между тѣмъ артистка, исполнявшая партію весталки, добросовѣстно отдавалась своей роли, и въ концѣ акта, словно повиная общему настроенію, поднялась во весь ростъ и, сжавъ вытянутыя руки, съ выраженіемъ религіознаго изступленія въ лицѣ, прокричала звонкимъ, какъ серебро, голосомъ не находившіяся въ либретто слова:

— Vive le roi!

Ея артистически сдѣланное изступленіе мгновенно передалось ложамя. Тамъ поднялся вопль восторговъ. Мужчины, дамы—кричали, рукоплескали, бросали на сцену и въ партеръ бантики изъ бѣлыхъ лентъ и бѣлыя бурбонскія кокарды.

Но партеръ слабо отвѣчалъ такому настроенію. Преобладавшіе въ немъ бонапартисты и республиканцы почувствовали брошенный имъ изъ аристократическаго бельэтажа вызовъ. Жиденькіе хлопки были тотчасъ заглушены поднявшимся смутнымъ ропотомъ.

— Что это такое? Это гадость. Чего, наконецъ, отъ насъ хотятъ?—слышались во всѣхъ рядахъ сдержанныя восклицанія.

Измученная, раздавленная, униженная Франція не сразу соглашалась итти на поводу роялистовъ.

И сотни взглядовъ, но уже смущенныхъ и недоумѣвающихъ, обращались къ ложѣ государей, какъ бы ища объясненія и защиты. Лицо Александра было спокойно и холодно-привѣтливо...

А въ театрѣ уже приводилась въ исполненіе новая роялистская манифестація. Изъ верхней ложи, проходившей какъ разъ надъ украшенной императорскимъ орломъ ложей Наполеона, спустилось широкое бѣлое полотнище и прикрыло этого орла. Затѣмъ, когда занавѣсъ упалъ послѣ перваго акта, изъ той же верхней ложи высунулся господинъ во фракѣ, отдернулъ покрывало, сорвалъ золоченаго наполеоновскаго орла, разломалъ его въ куски и швырнулъ на сцену.

Бурбонская Франція издѣвалась надъ эмблемой народной славы.

И опять смущенные, вопросительные взгляды обратились къ ложѣ государей.

Но она была пуста: союзные монархи незамѣтно удалились изъ театра.

VI.

Поутру Робинэ опять постучался въ комнату Шапина.

— Чортъ возьми, нельзя такъ скоро дѣлать эти дѣла,—произнесъ онъ раздраженнымъ тономъ.—Франція не деревушка, которую можно подарить кому-нибудь между завтракомъ и обѣдомъ. Зачѣмъ вашъ императоръ слушаетъ своихъ нѣмецкихъ совѣтниковъ? Я увѣренъ, что ему лично не пришла бы жалкая мысль возстановить Бурбоновъ.

Робинэ казался очень взволнованнымъ, и его бритое розовое лицо все болѣе краснѣло.

— Развѣ возстановлены Бурбоны?—спросилъ Шашинъ.

— Манифеста еще нѣтъ, но ясно, куда идетъ дѣло,—отвѣтилъ съ негодованіемъ Робинэ.—На дняхъ ожидаютъ въ Парижъ графа д'Артуа, а за нимъ пріѣдетъ и его носатый братецъ, котораго роялисты уже называютъ Божіею милостію Людовикъ XVIII. А, несчастные! Они теперь чувствуютъ, куда вѣтеръ дуетъ. Повылѣзли изъ своихъ норъ и обнюхиваютъ добычу. Покажутъ они себя, если возстановятъ монархію.

— Вы республиканецъ?—спросилъ Шашинъ.

— Да, я республиканецъ. Но я благоговѣю передъ вашимъ императоромъ, освободившимъ міръ отъ кроваваго узурпатора. Только зачѣмъ онъ беретъ на себя эту неблагодарную задачу—возвести на престолъ Франціи бурбоискаго претендента? Людовикъ XVIII помрачитъ его славу. Вѣрьте мнѣ, императоръ Александръ раскается въ своемъ заблужденіи. Не пройдетъ нѣсколькихъ лѣтъ...

— Долженъ вамъ сказать, что я мало занимаюсь политикой,—прервалъ его Шашинъ.—Но тѣмъ не менѣе мнѣ кажется, что послѣ того, какъ ваша республика рушилась, а узурпаторъ лишенъ престола, ничего другого не остается, какъ возстановить старую монархію и старую династію.

— А, вамъ такъ кажется!—воскликнулъ тономъ отчаянія Робинэ.—Но это потому, что вы чужеземецъ. Вы не знаете французской души. Вы думаете, что событія четверти вѣка прошли безслѣдно для народа? Что народъ откажется отъ завоеваній революціи? Что онъ приметъ съ поклонами этихъ ничтожныхъ эмигрантовъ, возвращающихся въ свои обгорѣлые замки? Никогда! Народъ уступитъ силѣ, но реставрація не найдетъ въ немъ друзей. И если завтра появится развѣнчанная тѣнь Бонапарта, вся Франція побѣжитъ за нею.

Робинэ даже приподнялся на цыпочкахъ, чтобы приблизить свое разгоряченное лицо къ лицу Шапина.

— Побѣжить за тѣмъ, кого вы сами называете узурпаторомъ, кто залилъ міръ кровью, кто принесъ вашъ народъ въ жертву своему ненасытному властолюбію!—удивился Шапинъ.

— Да, побѣжить, чтобы спастись отъ реставраціи, въ которой Европа видитъ дѣло мира, а мы видимъ дѣло мести, дрянной мести надъ героями и надъ свободолюбивымъ народомъ!—воскликнулъ Робинэ.—Но чужеземцы не понимаютъ этого. Великодушный Александръ не знаетъ ни нашихъ желаній, ни нашихъ опасеній. Кого онъ слышитъ, съ кѣмъ онъ совѣтуется? Кто его окружаетъ? Нѣмецкіе принцы и дипломаты, стремящіеся унижить Францію, бурбонскіе претенденты, двуличные политики въ родѣ Талейрана, легитимисты, роялисты, эмигранты, папскіе нунціи... А видитъ ли онъ тѣхъ честныхъ патріотовъ, отцы которыхъ своею кровью заплатили за свободу народа? Знаетъ ли онъ истинное настроеніе страны? Увы, его успѣли убѣдить, что пресмыкающіеся передъ нимъ льстецы и обманщики выражаютъ собою волю и мнѣніе націи. Тѣмъ хуже для насъ, чортъ побори!

Шапина, хотя онъ и былъ далекъ отъ политики, невольно начинала увлекать горячность аптекаря.

— По вашему мнѣнію, какъ долженъ былъ бы поступить императоръ Александръ?—спросилъ онъ.

— Но яснѣе ничего быть не можетъ: онъ долженъ созвать учредительное собраніе, выслушать истинный голосъ страны и поддержать рѣшеніе, какое вынесетъ вотумъ народныхъ избранниковъ,—отвѣчалъ Робинэ.

Шапинъ почувствовалъ, что не можетъ съ этимъ помириться.

— Вы забываете, что жребій войны отдалъ Францію на волю союзниковъ, и императоръ Александръ долженъ распорядиться ея судьбами такъ, какъ самъ признаетъ за наилучшее, — возразилъ онъ. — Францію не о чемъ спрашивать; дѣло идетъ о возстановленіи мира въ Европѣ, и только эти соображенія могутъ преобладать.

Робинэ взмахнулъ на него своими узкими глазами и опустилъ голову.

— О, да, вы говорите языкомъ побѣдителей,—произнесъ онъ.

И вся его сухоощавая фигура сразу приняла какой-то жалкій видъ.

— Боже мой, вѣдь я пришелъ пригласить васъ завтракать, — вспомнилъ онъ, вынимая изъ клѣтчатого жилета толстую серебряную луковицу.—Марго навѣрное уже ругаетъ меня. Вотъ что дѣлаетъ проклятая политика!

Шапинъ счелъ неловкимъ отказать и прошелъ съ Робинэ въ маленькую столовую, гдѣ на ослѣпительно бѣлой скатерти ждала ихъ осыпанная сахаромъ ометка и дымилась кастрюлька съ бараньимъ рагу. М-ше Робинэ, худая, смуглая, съ простоватою

наружностью крестьянки, подогрѣвала на конфоркѣ кофе. Марго рѣзала большимъ ножомъ длинный бѣлый хлѣбъ съ хрустящей коркой.

— Вы были вчера въ оперѣ? Ахъ, какой спектакль, какой спектакль! Мнѣ хотѣлось плакать, увѣрю васъ,—обратилась она къ Шашину.

— А вы были? Я не видалъ васъ,—удивился тотъ.

— О, мы сидѣли такъ высоко, что меня нельзя было видѣть,—объяснила Марго.—Меня взяла съ собою тетка, она богатая женщина, и можетъ позволить себѣ такое баловство. Но какое зрѣлище! Какія чувства волновали всѣ сердца! И вашъ императоръ... какая красота и какое величіе! Мнѣ хотѣлось броситься къ его ногамъ, какъ спасителя Франціи...

— Значитъ, вы не раздѣляете мнѣній вашего дядюшки?—удивился Шашинъ.

— Я легитимистка. Я съ нетерпѣніемъ жду, когда Франція увидитъ своего законнаго короля.

— Не удивляйтесь, молодой человекъ,—грустнымъ тономъ сказалъ Робинэ. — То, что вы видите здѣсь, вы теперь найдете въ очень многихъ семьяхъ. Францію раздираютъ партіи. Подъ одной и той же кровлей вы найдете роялистовъ, бонапартистовъ, республиканцевъ. Мы представляемъ міру печальное зрѣлище страстей, раздоровъ, отступничествъ.

— Но бѣлая лилія соединитъ насъ...—заявила Марго.

— Никогда!—воскликнулъ аптекаръ.—Насъ могло бы соединить только честное, умное, патріотическое правительство. А правительство Бурбоновъ не будетъ такимъ. Франціей будутъ управлять чужеземцы.

— И тѣмъ лучше, если мы сами не умѣемъ управлять собою,—замѣтила Марго. — Но бурбонская лилія — это эмблема. Отъ нея вѣетъ нашей прекрасной стариной. Королевская Франція—сколько славныхъ воспоминаній! Мужчины могутъ разсуждать иначе, но мы, женщины, живемъ въ политикѣ сердцемъ. И мы отдадимъ свое сердце нашимъ королямъ.

— Увидимъ, увидимъ. Подождите еще!—ворчалъ Робинэ, съ наслажденіемъ глотая таявшую во рту омлетку.

— Вы пойдете смотрѣть на вѣздъ короля?—обратилась Марго къ Шашину.—Возьмите меня съ собою. Одну меня затолкаютъ, и я ничего не увижу. Хорошо? Я не стѣсню васъ?

Шашинъ охотно согласился на предложеніе.

VII.

Франція получила короля. Но прежде торжественнаго вѣзда Людовика XVIII, по парижской мостовой прогромыхала безъ всякой торжественности коляска, привезшая графа д'Артуа, впослѣдствіи короля Карла X.

Страшное, почти печальное зрѣлище представлялъ этотъ поѣздъ. Небольшая свита, среди которой изъ русскихъ можно было замѣтить только графа Милорадовича, хмуро равнялась вокругъ коляски, словно удивленная малолѣтствомъ улицы. А самъ принцъ тоже словно съ удивленіемъ озирался на этотъ великолѣпный Парижъ, котораго онъ не видалъ почти четверть вѣка, и который такъ измѣнился за это время.

По грубоватому лицу его иногда пробѣгала легкая дрожь, когда глаза его узнавали мѣста, отмѣченныя въ кровавой лѣтописи революціи.

И когда бѣжавшіе за поѣздомъ мальчишки вскрикивали шаловливыми голосами: «vive le roi!» -- брови стараго принца удивленно подымались, какъ будто онъ спрашивалъ: «развѣ въ Парижѣ остались только дѣти, чтобы привѣтствовать возвращеніе своей законной династіи?»

Но вотъ на перекресткѣ двухъ болѣе многолюдныхъ улицъ неожиданно раздался молодой, рѣзкій, одушевленный выкрикъ:

— Vive le roi.

Графъ д'Артуа съ благосклонной улыбкой наклонилъ голову. Глаза его различили русскіе мундиры.

Дѣйствительно, въ небольшой группѣ зѣвакъ стояли Шашинъ и лейбъ-драгунъ Бибииковъ. Они встрѣтились совершенно случайно и, ничего не зная о предстоящемъ вѣздѣ д'Артуа, также случайно оказались въ числѣ зрителей.

Бибииковъ, совѣтъ молоденькій, наивный и восторженный, былъ крайне удивленъ и почти смущенъ холодною, съ какой парижане встрѣчали принца. Онъ даже чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Вѣдь Бурбоны возвращались по желанію русскаго императора. Капитулировавшій Парижъ не имѣлъ права выражать свое несочувствіе. Чего имъ еще надо?

И, повинувся охватившему его возбужденію, онъ сдернулъ съ головы фуражку, потрясъ ею въ воздухъ, и изо всей силы молодой груди крикнулъ: «vive le roi!» Онъ былъ совершенно увѣренъ, что дѣлаетъ именно то, что приличествовало сдѣлать въ данномъ случаѣ русскому офицеру.

Къ нему въ ту же минуту повернулся стоявшій рядомъ господинъ военной наружности и оглянулъ его съ ногъ до головы.

— Есть уличные мальчишки и въ русской арміи, — сказалъ онъ громко своему сосѣду, высокому немолодому человѣку съ сѣдыми кавалерійскими усами.

Бибииковъ вспыхнулъ.

— Прошу васъ взять ваши слова назадъ, — потребовалъ онъ.

— Французскіе императорскіе драгуны не берутъ своихъ словъ назадъ, — возразилъ сдѣлавшій оскорбительное замѣчаніе. — Но если вы умѣете держать въ рукахъ оружіе, то я къ вашимъ услугамъ.

Онъ протянулъ Бибикову свою карточку.

Шашинъ испытывалъ сильнѣйшую досаду. Дернуло же Биби-кова влопаться въ такую глупѣйшую исторію!

— Мнѣ кажется, офицерамъ, послѣ тяжелой войны, слѣдуетъ очень осторожно относиться къ дѣламъ крови,—сказалъ онъ французу.—Было бы проще, если бы вы выразили сожалѣніе о сдѣланномъ вами замѣчаніи...

— Безъ вздоровъ, безъ вздоровъ...— перебилъ его французъ съ нетерпѣливымъ жестомъ рукой.—Морисъ Буа, лейтенантъ, къ вашимъ услугамъ.

И, сунувъ въ карманъ карточку Бибикова, онъ подалъ руку своему товарищу, и оба не безъ торжественности удалились. Но черезъ минуту старшій повернулъ и, фамильярно подмигнувъ обомъ русскимъ, сказалъ:

— Я поищу васъ сегодня, въ пять часовъ, въ кафе «A l'Aigle», въ Пале-Рояль, э?

Бибиковъ молча и серьезно кивнулъ ему головой.

Шашинъ съ досадою стукнулъ саблей о панель.

— Кой чортъ дернулъ тебя орать въ честь чужого короля!— проворчалъ онъ.—Очень пріятно подставлять себя подъ пулю какого-то бреттера. Хоть бы ты по крайней мѣрѣ хорошенько проучилъ его.

Бибиковъ, замѣтно поблѣднѣвшій, кусалъ себѣ губы.

— Конечно, все это чертовски глупо,—сказалъ онъ.—Но къ этому здѣсь надо быть готовымъ: наполеоновскіе рубаки рады разорвать насъ въ клочья. А кричалъ я «vive le roi» потому, что мы, русскіе, стоимъ за монархію. Я увѣренъ, что великій князь оправдаетъ меня.

— Надо купить штатское платье, вотъ что,—рѣшилъ Шашинъ.—Я не намѣренъ подвергаться уличнымъ оскорбленіямъ. Зайдемъ вотъ въ этотъ магазинчикъ.

Шашинъ занялся примѣркой штатскаго костюма, а Бибиковъ обратилъ вниманіе на хорошенькую кассиршу и сейчасъ же вступилъ съ нею въ оживленный разговоръ. Когда Шашинъ расплатился за покупку, Бибиковъ все еще стоялъ, наклонясь надъ конторкой, и что-то объяснялъ на ушко кассиршѣ.

— Подумать только, какъ весело можно проводить здѣсь время,—сказалъ онъ съ маленькимъ вздохомъ, выходя на улицу.—Если бъ она знала, что я завтра стрѣляюсь!.. И замѣть—женщины здѣсь всѣ роялистки.

— Я уже замѣтилъ,—улыбнулся Шашинъ, вспомнивъ Марго.—Однако, намъ надо кое о чемъ позаботиться. Само собою, я буду твоимъ секундантомъ; но надо отыскать второго.

Бибиковъ, подумавъ, сказалъ, что обратится къ Пушкивичу.

— Начальство, конечно, мы не будемъ предупреждать, а потомъ прибѣгнемъ къ великодушію великаго князя, — добавилъ онъ. — Въ пять часовъ я буду съ Пушкивичемъ искать тебя въ Пале-Роялѣ.

VIII.

Марго, увидавъ Шашина въ штатскомъ платьѣ, всплеснула руками.

— Но вамъ такъ лучше, право лучше! — воскликнула она. — И у васъ былъ вкусъ выбрать. Знаете, вамъ бы слѣдовало выйти въ отставку.

— Ради этого травянистаго сюртука и рыжаго жилета? — разсмѣялся Шашинъ. — Хотя, говоря откровенно, я не вижу большого смысла продолжать военную службу послѣ такой кампаніи, какую мы сдѣлали. Кто воевалъ съ Наполеономъ, тотъ можетъ сказать, что не даромъ носилъ мундиръ.

— Маленькій гордецъ! — произнесла Марго и погрозила ему пальцемъ.

— А кто побывалъ въ Парижѣ, тотъ можетъ спокойно кончить вѣкъ въ деревнѣ, — продолжалъ Шашинъ.

— У васъ есть деревня? замокъ?

— Ну, не замокъ, а просторный деревянный домъ, гдѣ хозяйничаетъ моя мать.

— А отецъ?

— Отецъ умеръ.

Марго сидѣла за большимъ овальнымъ столомъ въ гостиной, передъ кусками скроенной матеріи, которые она старательно стачивала. Она откусила нитку крѣпкими бѣлыми зубами и отодвинула работу.

— Расскажите что-нибудь о себѣ и о вашей странѣ, — предложила она. — Мы о ней ничего не знаемъ, кромѣ разныхъ сказокъ, которымъ едва ли можно вѣрить. Когда мы увидели здѣсь ваши войска и вашего императора, мы всѣ подумали, что едва ли русскіе такіе варвары, какими ихъ рисуютъ. Вотъ только эти огромные люди съ длинными бѣлыми бородами напоминаютъ что-то дикое.

— Это старые казаки, которыхъ потребовали на службу, потому что война поглотила много жертвъ, — объяснилъ Шашинъ.

— А какъ вы выучились нашему языку? У васъ есть школы, лицей? Вы дворянинъ? У вашихъ дворянъ есть рабы, какъ было у насъ въ средніе вѣка?

Шашинъ постарался удовлетворить любознательности Марго. И, глядя въ ея внимательные, темные и глубокіе глаза, онъ испытывалъ большое удовольствіе, рассказывая про калужскую усадьбу,

гдѣ прошло его дѣтство, про швейцарца Денуа, занимавшагося его воспитаніемъ, про липовый садъ и дубовый лѣсокъ, про рѣку, гдѣ онъ купался и ловилъ раковъ, про долгіе зимніе вечера, коз ротаемые съ сестрами и съ старой няней.

— Но это прелестно... это такая жизнь, о которой можно мечтать,—повторяла Марго, и на ея лицѣ въ самомъ дѣлѣ появилось мечтательное выраженіе.—Воздухъ, тишина, спокойныя заботы...

— Послѣ Парижа вамъ такая жизнь показалась бы могилкой,—сказалъ Шашинъ.

Марго задумчиво покачала головой.

— Парижъ давно уже пересталъ быть веселымъ городомъ,—возразила она.—Да и во всей Франціи нѣтъ больше веселыхъ людей. Мы пережили столько ужасовъ, видѣли столько крови, насилій, предательствъ, что у всѣхъ у насъ только одно желаніе—отдыха.

— Можетъ быть, возстановленіе монархіи и дастъ отдыхъ.

— Да, можетъ быть, прекратится война. Но у людей накопилось много ненависти. Францію терзаютъ политическія страсти, возбужденное честолюбіе, духъ интриги...

Разговоръ продолжался до тѣхъ поръ, пока m-me Робинэ не напомнила племянницѣ, что пора позаботиться объ обѣдѣ. Шашинъ ушелъ въ свою комнату, написалъ нѣсколько писемъ въ Россію, и отправился въ Пале-Рояль, гдѣ предполагалъ пообѣдать у Вери.

Ровно въ пять часовъ онъ вышелъ изъ ресторана и сейчасъ же встрѣтился съ Бибиковымъ и Пушкивичемъ.

— «Они» сидятъ за столикомъ въ кафе, но я не показался имъ на глаза, имѣя въ виду подойти вмѣстѣ съ тобою,—сообщилъ Бибиковъ.

Всѣ трое пошли по галереѣ, и вскорѣ увидѣли Мориса Буа, сидѣвшаго съ товарищемъ за столикомъ передъ кофейной.

— А, это хорошо, это хорошо,—промолвилъ старый капитанъ, одобрительно кивнувъ Бибикову.—Вы взяли съ собой и вашихъ друзей? У насъ пока только одинъ, но, чертъ возьми, я гожусь за двоихъ.

И онъ стукнулъ по столику длинной красной рукою.

— Стало быть, завтра, въ семь часовъ утра, hein?—продолжалъ онъ, не перемѣняя своей откинутой позы съ вытянутыми ногами.—И въ Булонскомъ лѣсу, не правда ли? Мы будемъ ожидать васъ при вѣздѣ. И повѣрьте, что вы будете довольны выборомъ мѣста. Я знакъ тамъ славную лужайку... помнишь, Морисъ, гдѣ ты ловко уложилъ графчика?

Морисъ скромно кивнулъ головой.

— Что касается условій...—заговорилъ Шашинъ.

— Ъ, что тамъ толковать объ усло́віяхъ,—перебилъ его капитанъ.— Кто же не знаетъ условій въ такихъ случаяхъ? Пятнадцать шаговъ — и чортъ меня возьми, если этимъ не все сказано. Ты меня понимаешь, Морисъ?

Шашину казалось, что капитанъ пьянъ.

— Хорошо, мы договоримся на мѣстѣ,—сказалъ онъ.—До свиданья.

И трое русскихъ отошли.

— Повидимому, намъ предстоитъ дѣло съ большими канальями,—выразился Пушкиевичъ, который мало понялъ изъ разговора, но былъ возмущенъ подмигиваньями и жестикуляціей капитана.—Жаль, что нельзя вызвать ихъ на дуэль на бутылкахъ: я показалъ бы имъ, какъ у насъ пьютъ. А кстати, что мы будемъ теперь дѣлать? Не засѣсть ли намъ въ какомъ-нибудь погребокѣ?

Товарищи отказались. Бибиковъ сознался, что обѣщаль хорошенькой кассиршѣ изъ магазина готового платья сводить ее въ «Théâtre Français», гдѣ сегодня давали трагедію «Магометъ». Шашинъ думалъ посмотрѣть m-me Браншю въ глюковской «Ифигенія» но потомъ склонился на просьбы Бибикова провести вечеръ вмѣстѣ.

— Ну, мнѣ туда не дорога,—заявилъ Пушкиевичъ.—Пошляюсь по улицамъ, да посмотрю, не понравится ли мнѣ какой-нибудь кабачокъ съ мамзелями. А завтра въ шесть часовъ приду будить нашего поединщика.

— И въ порядкѣ будешь?—спросилъ Шашинъ.

Пушкиевичъ съ достоинствомъ подкинулъ головой.

— Что я, младенецъ, что ли?—возразилъ онъ.

IX.

Въ креслахъ «Théâtre Français» Шашинъ нашелъ многихъ изъ своихъ полковыхъ товарищей: принца Филипптальскаго, Альбединскаго, маркиза Босезона, стараго полковника Мезенцова, адъютанта Крещенскаго и другихъ. Былъ также командиръ лейбъдрагунскаго полка Чичеринъ, выдѣлявшійся между всѣми наружностью и манерами утонченнаго дипломата.

Надъ барьеромъ полузакрытой боковой ложи показывалась иногда высокая, статная фигура ротмистра Коннаго полка Алексѣя Орлова, и рядомъ съ нимъ карикатурная, взъерошенная голова извѣстнаго всей арміи Кроссара, который, не занимая никакой определенной должности, путался во всѣ тактическія распоряженія, во время сраженія носился, какъ угорѣлый, по полю на маленькой сумасшедшей лошади и увѣрялъ, что вся кампанія ве-

дется по его стратегическому плану. Онъ сокрушался, что русскіе генералы ничего не понимаютъ въ *grandes opérations militaires*, и смертельно надоѣдалъ всѣмъ штабнымъ и начальникамъ частей.

Русскіе частенько взглядывали на эту ложу, зная что присутствіе Орлова и Кроссара выдаетъ также присутствіе великаго князя. Но золоченая рѣшетка и драпировка скрывали внутренность ложи. Только въ тѣ минуты, когда партеръ, приведенный въ восхищеніе неподобной игрой *m-lle Марсъ*, наполнялъ залу громомъ рукоплесканій, двѣ руки въ бѣлыхъ перчаткахъ выдвигались впередъ и вторили мѣрными хлопками общему восторгу.

Въ антрактѣ Шашинъ пошелъ взглянуть на Бибикова. Юный подпоручикъ сидѣлъ за маленькимъ столикомъ съ хорошенькой кассиршей и усердно угощалъ ее ликеромъ и конфектами.

— Что ты будешь дѣлать послѣ спектакля? — спросилъ его Шашинъ.

— Но... я не знаю!—отвѣтилъ Бибиковъ и покраснѣлъ. — Вѣроятно, поѣдемъ куда-нибудь поужинать...

— Тебѣ не мѣшаетъ хорошенько выспаться.

— О, въ эту ночь я не могу спать! — возразилъ Бибиковъ и совсѣмъ влюбленными глазами взглянулъ на свою спутницу. — Вѣдь это, можетъ быть, послѣдняя ночь въ моей жизни.

И въ его блестящихъ глазахъ на мгновенье промелькнула тѣнь.

— Что вы скажете о *m-lle Марсъ*? — обратилась къ Шашину кассирша.

— *M-lle Марсъ*? О, да, это первоклассная артистка,—отвѣтилъ совсѣмъ равнодушно Шашинъ, котораго завтрашняя дуэль заботила гораздо больше, чѣмъ великіе таланты французской сцены. — Отошлите его пораньше спать, у него поутру очень важное дѣло.

Въ эту минуту въ фойе торопливо вбѣжалъ адъютантъ Крещенскій и, увидавъ Шашина, подошелъ прямо къ нему.

— Вотъ и кстати, что вы здѣсь. Завтра, въ девять часовъ, на Лоншанскомъ полѣ великій князь дѣлаетъ ученье вашему полку,—сообщилъ онъ.

Новость очень озадачила Шашина. Онъ переглянулся съ Бибиковымъ.

— Успѣешь? — тономъ сомнѣнія отозвался послѣдній.

— Лоншанское поле—вѣдь это рядомъ съ Булонскимъ лѣсомъ. Можно и успѣть. Во всякомъ случаѣ, не могу же я отказаться отъ секундантива,—рѣшительно сказалъ Шашинъ.—Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.

Бибиковъ пожалъ ему руку.

Свѣжая, немножко вѣтряная и темная ночь окутывала Парижъ, когда публика «*Théâtre Français*» развѣзжалась и расходилась по улицамъ, вся полная артистическихъ впечатлѣній. Бибиковъ подождалъ каретку, посадилъ туда свою даму и еще разъ крѣпко стис-

нулъ руку товарищу. По молодому, почти безусому лицу его какъ будто пробѣжала тѣнь.

«Глупецъ, ему выспаться надо, а онъ нашель время волочиться», съ досадою подумаль Шашинъ и широкими шагами направилъ къ себѣ домой.

Надъ верхушками тюльерійскаго сада слабо мерцали звѣзды. Шашинъ почему-то вспомнилъ, какъ онъ мальчикомъ, въ деревнѣ, хотѣлъ узнать, которая звѣзда—его. Старая нянька увѣренно показывала ему ее.

«Потому, какъ тебѣ родиться, она прямо къ намъ въ окно глядѣла», объясняла она.

Шашину показалось, что онъ различаетъ теперь эту звѣзду. Крошечная, зеленоватая, она вдругъ мелькнула ему. И тревожно-грустное чувство какъ будто внезапно охватило его, и онъ самъ показался себѣ такимъ одинокимъ, брошеннымъ и ненужнымъ въ этомъ великолѣпномъ Парижѣ, къ которому всегда рвалось его воображеніе.

Онъ донесъ домой это разнѣженное чувство, вмѣстѣ съ ощущеніемъ усталости во всемъ тѣлѣ и какимъ-то смутнымъ запросомъ участія, ласки, родства...

Марго съ подсвѣчникомъ въ рукѣ выглянула изъ своей комнаты, когда онъ проходилъ по коридору.

— Веселились? были въ театрѣ?—спросила она.

— Да. Спите спокойно, дорогая m-ше Марго,— отозвался Шашинъ, и въ его голосѣ прозвучала особенная нѣжность, заставившая дѣвушку проводить его долгимъ, недоумѣвающимъ взглядомъ.

Х.

Утренній воздухъ дышалъ солнцемъ и весной, и удивительно наряднымъ и свѣжимъ казался Парижъ въ прозрачномъ, росистомъ туманѣ, едва окрашенномъ розоватыми отблесками. Старые, просторно разбросанные домики въ Елисейскихъ поляхъ, гдѣ теперь тянутся великолѣпныя улицы дворцовъ, еще спали подѣ узорчатой сѣткой обнаженныхъ деревьевъ. Дальше синѣли и золотились въ первыхъ солнечныхъ лучахъ очертанія Булонскаго лѣса, и странными призраками выступали на окрестныхъ холмахъ почернѣвшія крылья вѣтряныхъ мельницъ.

Шашинъ, Бибииковъ и Пушкиевичъ ѣхали въ наемной коляскѣ. Всѣ трое были въ русскихъ мундирахъ. Возница, завернутый въ нѣсколько воротниковъ и въ полосатое одѣяло, лѣниво помахи-валъ бичомъ, поминутно раскуривалъ трубку и сплевывалъ.

Разговоръ не клеился. Шашинъ и Бибииковъ чувствовали, что не можетъ быть ничего глупѣе, какъ ѣхать на какую-то нелѣпую

дуэль съ какимъ-то совершенно неизвѣстнымъ имъ французскимъ драгуномъ. Пушкиевичъ ровно ни о чемъ не думалъ, и ощущалъ только раннюю жажду.

Передъ самымъ паркомъ они услышали конскій топотъ и, оглянувшись, увидали четырехъ всадниковъ. Впереди ѣхали Морисъ съ капитаномъ, а за ними, на нѣкоторомъ разстояніи, двое молодыхъ парней въ короткихъ курткахъ.

— Это хорошо, очень хорошо,—сказалъ капитанъ, обскакивая коляску. — Надо вамъ замѣтить, мы съ лейтенантомъ не любимъ ждать.

— Я не вижу вашего второго секунданта,—замѣтилъ Шашинъ.

— У него захромала лошадь,—отвѣтилъ капитанъ.—Но развѣ мы не можемъ обойтись безъ него?

— Мы думали, что вы прихватите съ собою доктора,—продолжалъ Шашинъ.

— Докторъ съ нами. Вотъ тотъ молодой человекъ, который ѣдетъ съ конюхомъ. Онъ, положимъ, не докторъ, а фельдшеръ; но не все ли равно? Вдвоемъ они отлично управятся съ мертвымъ тѣломъ. Крѣпкіе парни, чортъ возьми.

Шашинъ невольно взглянулъ на Бибикова и замѣтилъ, что тотъ поблѣднѣлъ. И ему стала еще болѣе противна вся эта глупая исторія.

Коляска вѣхала въ аллею, которая вела къ пруду. Французы соскочили съ лошадей, бросили поводья конюху и пошли по едва пробившейся травѣ въ гущу парка. У небольшой полянки, закрытой толстыми каштановыми стволами, они остановились.

— Недурное мѣстечко, э?—произнесъ капитанъ навстрѣчу приближавшимся русскимъ.—Не многимъ оно нравится, чортъ возьми!—добавилъ онъ съ трескучимъ смѣхомъ, обращаясь къ Морису.

— Противники будутъ стрѣляться до первой крови,—предложилъ Шашинъ.

— Разумѣется, потому что первая кровь будетъ и послѣдней,—пояснилъ капитанъ.—Не правда ли, лейтенантъ?

Морисъ мотнулъ головой.

— Но, можетъ быть, противники желаютъ объясниться? Мнѣ кажется, лейтенантъ Буа могъ бы заявить, что онъ не желалъ оскорбить русскую армію...—попытался вступить въ переговоры Шашинъ.

Капитанъ вытащилъ изъ находившагося у фельдшера ящика пистолеты.

— Ну, разговаривать мы предоставимъ вотъ этой парѣ близнецовъ,—сказалъ онъ, пробуя курки.—Не правда ли, Морисъ?

Пушкиевичъ молча отмѣривалъ шаги. Шашинъ, не скрывая своего недовѣрія, внимательно осмотрѣлъ пистолеты и подаль ихъ Бибикову. Тотъ равнодушно выбралъ одинъ изъ нихъ.

Черезъ минуту противники стояли на отведенныхъ имъ мѣстахъ.

— Стрѣлять въ одно время, по командѣ: un, deux, trois,—объявилъ капитанъ.

Шашинъ опять взглянулъ на Бибикова. Безусое лицо подпоручика было блѣдно, но спокойно. Казалось, что онъ старался ни о чемъ не думать, и что это ему удастся.

— Un, deux, trois!—крикнулъ капитанъ и махнулъ платкомъ. Раздались два выстрѣла.

Бибиковъ покачнулся и упалъ лицомъ внизъ, растопыривъ руки, точно хотѣлъ обнять землю, въ которой долженъ успокоиться навѣки.

Всѣ молча, съ мрачнымъ любопытствомъ, приблизились къ нему. Неподвижность распростертаго тѣла какъ будто удивляла.

Фельдшеръ присѣлъ на корточки, потрогалъ голову и руки, потомъ осторожно перевернулъ тѣло на спину. По лицу убитаго какъ будто еще пробѣгала судорога. Грудь была обильно залита кровью.

— Знакомый ударъ,—сказалъ фельдшеръ.—Въ сердце, и сразу конецъ.

Капитанъ склонилъ голову.

— И подумать, что люди дорожатъ жизнью!—произнесъ онъ философскимъ тономъ.

Шашину ужасно хотѣлось тутъ же, на мѣстѣ, полоснуть его саблею...

Онъ вспомнилъ, что ему надо спѣшить на Лоншанское поле.

— Вы возьмете на себя распорядиться?—обратился онъ къ Пушкевичу.—А я донесу великому князю.

— Здѣсь, сейчасъ вправо, есть сторожка, гдѣ можно найти носилки,—объяснилъ капитанъ.—Наши молодцы сходятъ за ними и помогутъ вамъ.

— Могу я пройти отсюда въ Лоншанъ?—спросилъ Шашинъ.

— Идите все прямо, потомъ влѣво,—указалъ капитанъ.

Шашинъ опустился на колѣни подлѣ тѣла Бибикова, поцѣловалъ его въ лобъ, набожно перекрестилъ, поднялся, кивнулъ Пушкевичу и, не взглянувъ даже на французовъ, спѣшно зашагалъ по указанному ему направленію.

XI.

Великій князь Константинъ скучалъ безъ военныхъ упражненій. Еще на походѣ, при всякой продолжительной стоянкѣ, онъ дѣлалъ ученье какому-нибудь кавалерійскому полку или эскадрону. Ученья эти не пользовались расположеніемъ ни офицеровъ, ни солдатъ, потому что его высочество муштровалъ людей очень

строго, подвергая ихъ немалымъ опасностямъ. Не нравилось тоже, что къ неловкости онъ относился съ безжалостной ироніей, и когда солдатъ падалъ, то не могъ удержаться отъ хохота.

Въ Парижѣ предстояли парадные смотры на глазахъ государя и союзниковъ, и великаго князя очень заботило, чтобы гвардейская кавалерія показала себя въ блестящемъ состояніи. Поэтому онъ считалъ нужнымъ втянуть ее въ строевую работу.

Очередь была за лейбъ-уланами. Эскадроны по порядку проѣзжали переменными аллюрами, брали барьеры и продѣлывали построения.

Старый генералъ Куруга, ближайшій помощникъ великаго князя, суетился среди свиты, волнуясь, распоряжаясь и распекая. Подлѣ него генералъ Чаликовъ, начальникъ легкой кавалеріи, дряхлый и весь сморщенный, но неизмѣнно бодрящійся, балагурилъ и кричалъ хриплымъ голосомъ, стараясь говорить въ рѣму.

Все шло довольно удовлетворительно, какъ вдругъ Чаликовъ замѣтилъ офицера, пѣшкомъ пробиравашагося къ небольшому холму, на которомъ расположилась свита. Офицеръ былъ весь забрызганъ грязью, такъ какъ и въ паркѣ, и въ полѣ было очень сыро.

Чаликовъ подскакалъ прямо къ нему.

— Это кто такой? Уланъ? По какому случаю? Полкъ на ученьи, а вы хотите сдѣлать мнѣ огорченье?—набросился онъ на него.— Почему не въ строю? Опоздалъ? Сладко спалъ, поздно всталъ?

— Являюсь доложить вашему превосходительству, что задержанъ дуэлью подпоручика лейбъ-драгунскаго полка Бибикова съ французскимъ драгунскимъ лейтенантомъ. Не счелъ себя въ правѣ отказать быть секундантомъ, такъ какъ дѣло касалось чести русской арміи,—отрапортовалъ Шашинъ.

Чаликовъ распалился.

— Что такое? Мы здѣсь меньше недѣли, и уже пошли дуэли? Да вы съ ума сошли, если до того дошли. Какой Бибиковъ? Гдѣ?—кричалъ онъ.

— Бибиковъ убитъ,—сообщилъ Шашинъ.

— Убитъ? Это онъ мнѣ говоритъ! Да знаете ли вы, что вамъ предстоитъ?—риэмовалъ Чаликовъ.—Я сейчасъ доложу его высочеству. Васъ подѣ судъ, въ крѣпость, въ солдаты! Развѣ не знаете, что мы пришли къ французамъ съ миромъ и союзомъ?

Удачная рѣма, кажется, поразила самого Чаликова, и въ сморщенномъ лицѣ его выразился смѣхъ.

— Я прошу разрѣшенія лично доложить обо всемъ его высочеству,—сказалъ Шашинъ.

— Лично! отлично! Васъ, стало быть, не пугаетъ гнѣвъ великаго князя?

— Антонъ Степановичъ, что тутъ такое?—раздался тревожный голосъ генерала Куругы.—Кто этотъ поручикъ?

Чаликовъ, какъ умѣлъ, объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Бибиковъ убить? Но объ этомъ надо сейчасъ же доложить его высочеству,—сказалъ Курута.—Идите за мной и стойте подлѣ. Не забывайте, что вы... уже арестованы.

Впереди слышался громкій смѣхъ великаго князя. Его размѣшила комическая фигура Кроссара, который скакалъ по полю въ расшитой шнурками курткѣ и въ уморительной треуголкѣ съ опущенными полями. На рысяхъ эти поля хлопали его по лицу, оставляя мокрыя грязныя пятна.

Курута счелъ минуту удобною и вполголоса доложилъ великому князю о непріятномъ событіи.

Лицо великаго князя тотчасъ омрачилось. Онъ быстро и ловко повернулъ лошадь.

— Поручикъ Шашинъ? Какъ смѣли вы и другіе нарушить волю государя императора, желающаго, чтобы между нашими войсками и французами установились самыя дружескія отношенія? Военный судъ! Въ двадцать четыре часа!—съ волненіемъ проговорилъ великій князь.—И пусть васъ разстрѣляютъ. Эти дуэли надо вырвать съ корнемъ.

Шашинъ въ смущеніи ждалъ, когда его стануть разспрашивать. И дѣйствительно великій князь, продержавъ его подъ своимъ сердитымъ взглядомъ, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Какъ было дѣло?

Шашинъ рассказалъ. Лицо великаго князя продолжало хмуриться, но нельзя было догадаться, возмущало ли его непослушаніе своихъ офицеровъ, или оскорбительное поведеніе французовъ.

— Бибиковъ поступилъ, какъ мальчишка,—произнесъ великій князь.

— И какъ русскій офицеръ, дорожащій честью мундира,—смѣло сказалъ Шашинъ.

Константинъ Павловичъ посмотрѣлъ на него, потомъ на Куруту. Послѣдній выразилъ на лицѣ крайнее затрудненіе.

— Мальчишки!—еще разъ повторилъ великій князь.

Потомъ вдругъ осадилъ лошадь такъ, что Шашинъ едва успѣлъ посторониться.

— Почему не въ строю? Маршъ!—крикнулъ цесаревичъ.

Шашинъ стоялъ, недоумѣвая.

— Мнѣ трудно, ваше высочество. Смерть товарища произвела гнетущее впечатлѣніе,—сказалъ онъ.

— На коня!—крикнулъ Константинъ Павловичъ.

Шашинъ отошелъ, пробрался позади свиты къ полку и съ удивленіемъ увидалъ Сысойку, державшаго подъ попоной его лошадь.

— Ты какъ здѣсь?—спросилъ онъ.

— Приказъ сказывали,—отвѣтилъ вѣстовой.

Шашинъ пожалъ плечами, вскочилъ въ сѣдло и, пошатываясь въ немъ, подѣхалъ къ своему эскадрону.

Черезъ минуту онъ уже скакалъ впереди взвода, полумертвый отъ усталости и волненій, и не понимая, какъ онъ не вываливается изъ сѣдла.

XII.

Утромъ Шашина разбудилъ легкій стукъ въ дверь.

— Это я, Марго. Развѣ вы забыли, что обѣщали взять меня съ собою смотрѣть въѣздъ короля?—услышалъ онъ.—Парижъ уже убранъ флагами, разставляютъ національную гвардію. Вставайте, черезъ полчаса завтракъ будетъ поданъ.

Въ голосѣ Марго слышалось веселое нетерпѣніе. Очевидно, королевскій парадъ, какого она еще никогда не видала, обѣщалъ ей много удовольствія.

Шашинъ сталъ поспѣшно собираться. Но надѣть ли ему штатское платье или военное? Въ виду торжественности случая слѣдовало бы быть въ мундирѣ. Однако, подумавъ, онъ рѣшилъ, что военная форма можетъ опять подать поводъ къ столкновенію, и предпочелъ облечься въ купленный имъ коричневый сюртукъ.

Марго, придѣтая въ черное шелковое платье и суконную перлеринку, въ атласной шляпкѣ того оригинальнаго фасона, который придавалъ тогдашнимъ женщинамъ особую, строгую миловидность, просунула Шашину подъ локоть свою маленькую руку въ черной шелковой перчаткѣ. На ея хорошенькомъ лицѣ играло счастье. Ее безконечно радовали и нарядный видъ улицъ, и чудесное весеннее солнце, и эта близость славнаго русскаго офицера, такого милого и безпритязательнаго, съ которымъ у нея уже установились сочувственныя, почти дружескія отношенія.

— Смотрите, смотрите!—воскликнула она, когда они свернули въ улицу Ришельё.—Ахъ, какъ хорошо!

Въ самомъ дѣлѣ, rue de Richelieu, по которой долженъ былъ направиться королевскій поѣздъ, представляла великолѣпное зрѣлище. Старые, закоптѣвшіе дома ея были почти сплошь расцвѣчены флагами и коврами. На балконахъ, убранныхъ цвѣточными гирляндами, пестрѣли нарядныя группы дамъ и мужчинъ, съ букетами и флагами въ рукахъ. Гирлянды тянулись вдоль стѣнъ, а въ одномъ мѣстѣ цвѣточная цѣпь перекинулась на высотѣ нѣсколькихъ метровъ поперекъ улицы, и на ней повисла корона изъ бѣлыхъ и красныхъ розъ, охваченная пышнымъ вѣнкомъ изъ лилій. Корона какъ будто вѣнчала того, кто долженъ былъ подъ нею проѣхать.

По обѣимъ сторонамъ улицы стояли шпалерами національные гвардейцы, а за ними тѣснилась на панеляхъ довольно густая на этотъ разъ толпа зрителей.

— О, какъ онъ долженъ быть счастливъ возвратиться королемъ въ свою прекрасную Францію!—повторяла Марго, крѣпко опираясь на руку своего спутника.

— И какая благородная задача—принести счастье и миръ своей странѣ!—вторилъ ей Шашинъ, невольно заражаясь ея настроеніемъ.

Движеніе въ толпѣ и гулъ отъ топота лошадиныхъ ногъ указывали на приближеніе поѣзда.

Шашинъ и Марго приподнялись на цыпочкахъ. Но первое, что они увидѣли, почти разочаровало ихъ. Торжественная процессія начиналась самымъ неудачнымъ образомъ. Впереди королевской коляски шли, вли почти бѣжали, спотыкаясь на булыжной мостовой, двадцать четыре женскія фигуры въ бѣлыхъ платьяхъ. По церемониалу, онѣ назывались дѣвицами изъ знатнѣйшихъ семействъ Франціи, привѣтствовавшими короля въ его древней столицѣ. Но ихъ плачевный видъ и наскоро пошитые форменные туалеты возбуждали основательное сомнѣніе и заставляли предполагать, что роль аристократическихъ дѣвицъ исполняли набранныя гдѣ попало статистки.

— Не могли они придумать ничего умнѣе? — возмущалась Марго.

Шашинъ улыбался, какъ и стоявшая за его спиною публика.

Большая, парадная коляска короля была запряжена пугомъ въ четыре пары. Рослые першероны, украшенные цвѣтами, перьями и гербами, медленно и важно переступали ногами, словно гордясь своей торжественной службой.

Людовикъ XVIII, въ мундирѣ національнаго гвардейца, съ голубою лентою Св. Духа черезъ плечо, имѣлъ не очень величественный видъ и не совсѣмъ удачно старался придать своему характерному бурбонскому профилю привѣтливое выраженіе. Старое, по старомодному выбритое лицо его скорѣе говорило о брезгливомъ недовѣрїи къ вѣроломному народу... Рядомъ съ королемъ сидѣла престарѣлая герцогиня Ангулемская, съ набожно опущенными, выцвѣвшими глазами, а на переднемъ сидѣнїи—дрихлый принцъ Конде, высокій, сѣдой, сухой, съ царственной осанкой мумїи стараго режима.

Всѣ трое показались Шашину призраками, вступавшими въ новый міръ изъ другого, уже позабытаго вѣка. На мгновенье у него стало смутно на душѣ. Въ мозгу шевелились досадные вопросы:

«Зачѣмъ понадобилось русскому императору отдавать Францію этимъ призракамъ? Развѣ для того русскія войска вели столько

войнъ, чтобы посадить на престолъ великаго Наполеона этого угрюмаго, выцвѣвшаго старика? И развѣ не чувствуется, до какой степени не на мѣстѣ эти высохшія муміи среди современнаго Парижа?»

Двадцать маршаловъ и генераловъ, на разномастныхъ коняхъ, въ треуголкахъ съ развѣвающимися перьями, сопровождали по обѣимъ сторонамъ королевскую коляску. Наполеоновскіе маршалы, на загорѣлыхъ лицахъ которыхъ, казалось, еще лежала пороховая копоть, а въ глазахъ мерцало блистаніе недавнихъ побѣдъ—въ свитѣ вчерашняго претендента, чуждаго и нелюбимаго...

Историческіе капризы безжалостны въ своей ироніи...

Тѣснившія по сторонамъ улицы народъ молча, словно въ недоумѣніи, провожалъ глазами торжественный кортежъ. Эта молчаливая толпа скорѣе имѣла подавленный, чѣмъ радостный, видъ.

Но вотъ «дѣвицы изъ лучшихъ дворянскихъ родовъ» прошли подъ гирляндой, поддерживавшей цвѣточную корону. Маршалы потѣснились назадъ. И въ ту минуту, какъ коляска очутилась подъ короной, гирлянда быстро опустилась, и цвѣточная эмблема королевскаго достоинства упала на колѣни Людовика XVIII.

Церемоніаль вторично потерпѣлъ неудачу: толпа не отозвалась на подготовленный эффектъ. Нѣсколько вялыхъ кликовъ пронеслось и замерло. Только на балконахъ усердно махали платками и кричали.

Эти крики разомъ стихли, когда послышался мѣрный, тяжелый топотъ императорской гвардіи. Она шла въ нѣкоторомъ разстояніи за королевской коляской, своимъ широкимъ, дружнымъ шагомъ, съ повисшими прострѣленными знаменами, съ рослыми тамбуръ-мажорами впереди батальоновъ. Солдатскія лица были сосредоточены и хмуры.

Шашину опять стало какъ будто неловко и досадно. Ему было жаль этихъ обкуренныхъ порохомъ героевъ, и они въ этомъ торжественномъ шествіи напоминали ему плѣнниковъ, слѣдовавшихъ за колесницами римскихъ триумфаторовъ.

Казалось, молчавшая до сихъ поръ толпа раздѣляла это настроеніе. Съ панелей грянуль и пронесся по всей улицѣ дружный кликъ:

— Vive la garde impériale!

Воодушевленіе усилилось, когда маршалы, въ отвѣтъ на привѣтствія толпы, крикнули:

— Vive la France!

Всѣ поняли, что они уклонились крикнуть: «vive le roi!»

XIII.

Торжественный въѣздъ короля въ «добрый городъ Парижъ» совершился, и праздная толпа, насытившая свое любопытство, медленно расходилась.

Шапинъ предложилъ Марго присѣсть у столика кафе, чтобъ отдохнуть и выпить шоколаду. Онъ сохранялъ нѣсколько задумчивый видъ. Лицо Марго тоже имѣло болѣе серьезное, чѣмъ всегда, выраженіе.

— Знаете, я не очень довѣряю всему этому...— сказала Шапинъ.

— Чему?

— Да вотъ... всему, что дѣлается. Мнѣ кажется, король не поладитъ со своимъ народомъ. Они едва ли любятъ другъ друга.

— О, это потому, что Франція отвыкла отъ своихъ королей,— возразила Марго.— Но она любитъ ихъ. То, что вы принимаете за равнодушіе, не что иное, какъ стѣсненіе, объясняемое долгой разлукой.

Шапинъ недовѣрчиво покачалъ головой. Въ его умѣ бродили мысли, которыхъ онъ не умѣлъ ни выразить, ни истолковать самому себѣ. Но онъ чувствовалъ, что относится отрицательно къ тому, что они сейчасъ видѣли, и что въ такомъ отношеніи есть необъяснимая правда.

И вдругъ мысль его перескочила къ судьбѣ дѣвушки, хорошенькимъ обликомъ которой глаза его продолжали неотступно любоваться.

— Вы, вѣроятно, выйдете замужъ не иначе, какъ за роялиста,—неожиданно сказалъ онъ.

Марго обратила на него удивленный взглядъ.

— Замужъ? Но у меня нѣтъ никакихъ предположеній на этотъ счетъ,—отозвалась она.—И у насъ теперь такъ трудно выйти замужъ. Сотни тысячъ молодыхъ людей погибли на войнѣ. Положимъ, у меня есть небольшое приданое, и ко мнѣ будутъ свататься. Но я не пойду замужъ только для того, чтобъ мой мужъ могъ открыть свою лавочку. А теперь у насъ, кажется, только и бываютъ такіе браки. Только это не для меня. Я, видите ли, очень обыкновенная дѣвушка, и мало чему училась... такъ, больше изъ чтенія... но я иначе смотрю на вещи. Я не изъ тѣста лавочницъ.

Она помѣшала ложечкой шоколадъ и опустила въ него кончикъ бисквита. Разговоръ такъ же внезапно оборвался, какъ начался.

Черезъ минуту Марго, наклонившись надъ чашкой, спросила:

— Русскіе долго останутся въ Парижѣ?

— Не знаю,—отвѣтилъ Шашинъ.—Не думаю, чтобъ долго. А почему вы спрашиваете?

— Такъ...—произнесла Марго.

И добавила съ чуть замѣтной капризной ноткой въ голосѣ:

— Пойдемте лучше толкаться по улицамъ.

Они встали и пошли подъ руку, изрѣдка обмѣниваясь ничего не значащими замѣчаніями. На сердцѣ у обоихъ лежала какая-то смутная досада—на себя и другъ на друга.

На маленькой, обставленной старыми домами площади вниманіе Шашина было привлечено какою-то вознею. Грубые, хриплые голоса доносились изъ столпившейся кучки людей. И вдругъ Шашинъ услышалъ явственно произнесенныя русскія слова:

— Не понимаешь?.. Ахъ ты...

И затѣмъ ругательство, пущенное сочнымъ, словно довольнымъ голосомъ.

— Тутъ какая-то ссора съ нашими,—сказалъ Шашинъ и пошелъ впередъ.

Къ немалому его удивленію, глазамъ его представился Сысойка, на котораго насѣдали двое рослыхъ французскихъ солдатъ. Они, видимо, куда-то тащили его, а онъ упирался и отмахивался свободной лѣвой рукой.

— Ты что тутъ дѣлаешь?—крикнулъ по-русски Шашинъ.

На раскрасившемся лицѣ Сысойки расплылась радостная улыбка.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, какъ же это можно, чтобъ они волокли меня къ своему начальству?—обратился онъ къ подпоручику.—Я имъ русскимъ языкомъ говорю, что я казенный человѣкъ, у меня свое начальство есть. И ничего худого я не сдѣлалъ.

Повидимому, Сысойка былъ слегка пьянъ..

— Что вы хотите отъ этого человѣка?—обратился Шашинъ къ солдатамъ.

— А вамъ какое дѣло?—грубо отозвались тѣ.—Мы васъ не знаемъ. Идите своей дорогой.

Шашинъ тутъ только вспомнилъ, что онъ былъ въ штатскомъ платьѣ.

— Я русскій офицеръ,—сказалъ онъ.—Это мой вѣстовой. Объясните, что онъ сдѣлалъ, и предоставьте мнѣ обсудить его поступокъ.

— Ну, у насъ тоже найдется, кому его судить,—возразилъ французъ.—Онъ ударилъ моего товарища, и ужъ мы похлопочемъ о немъ.. Ну-ка, поворачивайся.

И онъ ткнулъ Сысойку кулакомъ въ лопатку.

— Оставьте его,—внушительно вступился Шашинъ.—Вы понимаете, что я, какъ офицеръ, не могу оставить своего солдата

на произволь чужихъ людей. Дайте ему разсказать мнѣ, въ чемъ дѣло.—Ты пьянъ, Сысойка?—добавилъ онъ по-русски. — Говори, съ чего началось.

— Да что говорить, когда и не было нечего,—отозвался Сысойка.—Иду это я, значить, изъ штабъ-квартиры, почту вамъ несу, а они пристали ко мнѣ. Извѣстно, я въ походахъ обносился, обтоптался, а они смѣются. Толкаются, гогочутъ промежь себя. Я имъ русскимъ языкомъ говорю; отстаньте, черти, такіе-сякіе, кажется, могли бы понять, а они зубы скалятъ. Тутъ я, само собою, старшаго-то съѣздилъ по этимъ самымъ зубамъ. А они меня тащить. Почему же такъ, если у меня свое начальство есть?

Собралась, между тѣмъ, порядочная толпа зѣвакъ.

— Что тутъ разговаривать? Ведите ихъ обоихъ,—слышались голоса.

— Это русскіе, которые живьемъ закапывали въ землю нашихъ плѣнныхъ.

— И которые привели къ намъ Бурбоновъ.

Настроеніе толпы становилось всеѣмъ враждебнымъ. Какой-то гренадеръ огромнаго роста, съ шрамомъ на морщинистомъ лицѣ, схватилъ Шашина за плечо и намѣревался втолкнуть его въ раскрытую дверь кабака.

Испуганная Марго положила руку на другое плечо Шашина.

— Оставьте моего мужа. Это хорошій человекъ, онъ любитъ насъ и нашу Францію,—сказала она взволнованно.—А тотъ дѣйствительно его денщикъ, и они живутъ у насъ, у моего дяди, аптекаря Робинэ.

Общее вниманіе обратилось на нее.

— Мужъ? Скоро же они сыграли свадьбу... Чортъ возьми, дамочка могла бы устроиться и безъ русскаго офицера,—послышалось въ толпѣ.

— Развѣ французскія гражданки не имѣютъ больше права выбирать себѣ мужей?—почти строго произнесла Марго.

Это была кокетливая строгость, сопровождаемая вкрадчивой улыбкой и плутоватымъ взмахомъ глазъ.

— Тутъ есть военные, они понимаютъ, что русскій офицеръ хорошо сдѣлалъ, заступившись за своего солдата,—продолжала Марго.—Вы, капралъ, тоже такъ сдѣлали бы на его мѣстѣ.

Старшему польстило, что его принимаютъ за капрала.

— Ну, если дамочка за него, мы не будемъ спорить,—сказалъ онъ.—Хотя, надо признаться, онъ расшаталъ-таки мнѣ зубы.

— Съ него будетъ взыскано,—пообѣщала Шашинъ.

— Что же, это правильно,—замѣтилъ молодой солдатъ.—У русскихъ тоже есть порядки.

Сысойка, догадываясь, въ чемъ дѣло, принялъ виноватый видъ.

— Не миновать ему палокъ,—засмѣялся толстый портѣе.

— Уйдемъ,—шепнула Шашину Марго и повисла на его рукѣ.

Толпа пропустила ихъ, перемигиваясь и труня на ихъ счетъ. Но старый солдатъ все-таки пихнулъ Сысойку такъ, что тотъ едва не растянулся на мостовой.

XIV.

Прошла недѣля. Шашину жилось очень хорошо. Пріѣхавшій изъ Дрездена офицеръ привезъ ему деньги изъ Россіи, полученныя тамошнимъ нашимъ резидентомъ послѣ выступленія арміи. Служба мало обременяла Шашина. Онъ могъ фланировать по парижскимъ бульварамъ, посѣщать музеи, ѣздить въ окрестности, иногда обѣдать съ товарищами въ модномъ ресторанѣ. Вечера онъ проводилъ чаще всего въ театрахъ, гдѣ блистали Тальма, Флери, Лаисъ, m-Ne Марсъ, примадонна Браншю.

У него развивалась привычка думать и наблюдать. Вмѣшиваясь въ парижскую толпу, онъ удивлялся, что эта чернь, воспитанная на кровавыхъ ужасахъ революціи, оказывалась, въ сущности, очень мирною, преданною порядку и сравнительно культурною. Альбединскій, съ которымъ Шашинъ изрѣдка встрѣчался, пытался объяснить загадку.

— Ты забываешь,—говорилъ онъ:—что культурные навыки были привиты народу еще до революціи. Послѣднюю надо разсматривать, какъ судорожный спазмъ, вызванный несоотвѣтствіемъ режима съ просвѣщенностью страны. А когда судорога утихла, нація вернулась къ своимъ культурнымъ инстинктамъ.

— Но чѣмъ вознаградить она потерю религіи?—спрашивалъ Шашинъ.

Альбединскій соглашался, что нравственныя опустошенія, произведенныя революціей, невозмѣстимы. Но еще остались пути къ спасенію.

— Зажигаются новые очаги вѣры, питаемые глубокими нравственными идеями,—указывалъ онъ.—Среди смуты умовъ неусыпно подвизаются братья-каменщики. Они стремятся возродить человѣчество.

— Это тебѣ твой хозяинъ масонъ наговорилъ?

— Мой хозяинъ человѣкъ рѣдкаго ума и сердца. Онъ уже во многомъ просвѣтилъ меня, и его бесѣды составляютъ мою отраду.

Шашинъ не продолжалъ этихъ разговоровъ, подозревая, что Альбединскій сильно увлеченъ масонствомъ. И онъ не ошибался: при выступленіи нашихъ войскъ изъ Франціи молодой лейбъ-уланъ въ Шомонѣ былъ принятъ въ масонскую ложу.

Съ Марго Шашинъ видѣлся по нѣсколько разъ въ день. Очень часто онъ сопровождалъ ея въ театръ или въ Лувръ. Ихъ отношенія приняла странный, неровный характеръ. Иногда Марго вертѣлась и шалила, какъ ребенокъ, заражая Шашина своею рѣзвостью. А потомъ вдругъ, и обыкновенно безъ всякой причины, на нее «что-то» наплывало, она вся уходила въ мысли, которыми не хотѣла дѣлиться,—и тогда Шашину дѣлалось очень грустно.

Изъ дому онъ получилъ только одно письмо, и оно было печальное. Мать жаловалась, что послѣ безпокойствъ, причиненныхъ нашествіемъ, никакъ не можетъ оправиться. Тогда она, въ своей калужской усадьбѣ, съ ужасомъ ждала, что вотъ-вотъ нагрянутъ «французскіе разбойники» и сожгутъ родовое гнѣздо. «А теперь,—писала старушка,—повадилась я хирѣть, и заботы мои мнѣ въ тягость. Да и годы уже такіе, что пора отдохнуть. Кабы воля Господня, бросилъ бы ты службу, да вернулся бы въ усадьбу, да взялъ бы въ руки хозяйство, да женился бы, и жили бы мы тутъ все вмѣстѣ припѣваючи, пока каждому свой предѣлъ».

Письмо какъ будто потянуло Шашина домой. Но его мечты о родной усадьбѣ дополняла другая мечта:

«Хозяйство, природа, сытая жизнь... все это хорошо. Только и скучна же она, эта калужская тишь да гладь. Если бы Марго... тогда другое дѣло?—мелькало иногда въ его умѣ. — Да нѣтъ, зачѣмъ ей ѣхать на край свѣта изъ своей прекрасной родины».

Разъ утромъ Шашина удивилъ необычайный шумъ въ домѣ. Говорили какіе-то грубые голоса, слышались взволнованныя восклицанія Робинэ, доносился лязгъ ружейныхъ прикладовъ о каменный полъ.

Шашинъ поспѣшно вышелъ на лѣстницу. Тамъ стояло нѣсколько карабинеровъ.

Марго, быстро распахнувъ дверь, бросилась къ нему, заламывая руки.

— Вы не знаете? Они пришли за нимъ... они его сейчасъ уведутъ!—воскликнула она.

— Кого? нашего Робинэ?—изумился Шашинъ.

— Ну, да. Королевскій прокуроръ обвиняетъ его въ какой-то давнишней республиканской демонстраціи,—продолжала Марго.— Вѣдь они теперь всехъ хватаютъ, кто извѣстенъ республиканскимъ образомъ мыслей. И всехъ увозятъ куда-то на корабляхъ.

Дверь опять отворилась, и изъ нея вышелъ Робинэ въ сопровожденіи комиссара. Въ рукахъ у него были маленькій чемоданъ и узелъ.

— Да, мой молодой другъ, вы видите на мнѣ примѣръ политической мстительности,—сказалъ аптекаръ.—Что жъ, сила на ихъ сторонѣ, надо покоряться.

Старикъ, видимо, бодрился, но въ покраснѣвшихъ глазахъ его стояли слезы.

Жена и племянница повисли на его плечахъ. Шашинъ поцѣловалъ его и поторопился уйти, опасаясь быть лишнимъ.

Вечеромъ онъ остался дома. Марго, блѣдная и разстроенная, сидѣла за работой на своемъ обычномъ мѣстѣ въ гостиной.

— Почему вы не пошли въ театръ?—спросила она словно съ досадою.

— Вы спрашиваете меня, какъ чужого,—обидѣлся Шашинъ.

— Что еще за вздоръ!

Шашинъ не отвѣчалъ. Потомъ вдругъ всталъ, отнялъ работу изъ рукъ Марго и, глядя въ ея смущенные глаза, сказалъ:

— Помните, какъ вы тогда выдали меня за своего мужа? Съ тѣхъ поръ я постоянно думаю объ этомъ. Какъ это было бы хорошо!

И они долго, очень долго сидѣли въ уголкѣ гостиной, и говорили безъ конца—о Россіи, о старой усадьбѣ въ Калужской губерніи, о далекой дорогѣ туда и о томъ, какъ хорошо быть въ долгой дорогѣ людямъ, которые везутъ съ собою свое счастье.

— А матушку вы непременно заставите перемѣнить мнѣніе о французской націи,—говорилъ, смѣясь, Шашинъ.

В. Авѣенко.

„ПАДЕНИЕ ИСКУССТВА“

(Листки изъ записной книжки¹⁾).

I.

БЫЛЪ еще ребенкомъ, когда къ намъ въ домъ часто заходилъ какой-то чернобородый длинноволосый художникъ въ черномъ сюртукѣ и желтыхъ короткихъ брюкахъ. Фамилии его я совершенно не помню. Знаю, что онъ рисовалъ портреты, былъ въ Италіи (а можетъ, и вралъ, что былъ), всегда былъ насупленъ и мраченъ, много пилъ, но пьянымъ никогда не былъ, а когда перехватывалъ лишнее, пѣлъ въ саду хриплымъ голосомъ передъ нашей дачей народныя римскія пѣсни и плясалъ тарантеллу.

Изъ всего, что онъ говорилъ,—а онъ говорилъ, подолгу, безъ умолку,—у меня болѣе всего запечатлѣлась одна фраза:

— Падаютъ искусство, падаютъ!

Произносилъ онъ эти слова съ грустью ошканнаго трагическаго актера, причемъ запускалъ всю пятерню въ бороду и печально поникалъ кудлатой головой на грудь.

Разъ отецъ повелъ меня въ его мастерскую. На мольбертѣ стоялъ только что оконченный семейный портретъ экзекутора одного изъ департаментовъ министерства путей сообщенія, гдѣ

¹⁾ Эти листки—какъ бы продолженіе тѣхъ записокъ «Изъ прошлаго», что были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ», т. ХСІХ—С, но въ то же время они представляютъ собою самостоятельное цѣлое. Авторъ.

служилъ мой отецъ. Экзекуторъ сидѣлъ съ видомъ чловѣка, совершенно довольнаго—какъ начальствомъ, съ одной стороны, такъ и поставщиками департамента съ другой. Жена его почему-то была въ бальномъ платьѣ, съ откровеннымъ вырѣзомъ и съ яркой розой между персей. А связующимъ элементомъ счастливыхъ супруговъ была изображена дочка Аичка, съ яблокомъ въ одной рукѣ и самострѣломъ въ другой. Аичка была золотушная, худосочная дѣвчурка, и у нея надъ верхней губой всегда были какія-то болячки. Но художникъ изобразилъ ее почти голенькой, съ крылышками и безъ болячекъ.

Настроеніе хозяина было ужасно. Онъ теребилъ свою бороду, точно хотѣлъ ее вырвать съ корнями. Носъ его сопѣлъ, густыя брови извивались надъ глазами, какъ мохнатые черви.

— Развѣ это искусство!—озлобленно шипѣлъ онъ.—Рыночная требуха, ярмарочная пустельга, андроны! Паденіе, полное паденіе!

Когда открывали академическія выставки (тогда онѣ открывались въ самое темное время, въ ноябрѣ), пріятели отца, собираясь по вечерамъ на вистъ, говорили:

— Былъ я сегодня на выставкѣ. До чего у насъ упало искусство.

Иногда за ужиномъ или обѣдомъ «знатоки и любители» вздыхали:

— Да, былъ Брюлловъ, Егоровъ, Зауэрвейдъ... А теперь—что?

Когда началъ я читать газеты и интересоваться искусствомъ, помню, какъ критики сокрушались о судьбахъ русскаго художества.

«Искусство мельчаетъ,—писали они;—искусство перестаетъ быть само собою. Искусство размѣивается на гроши. Художники катятся по наклонной плоскости внизъ, и Богъ вѣсть, какая бездна ихъ со временемъ поглотить.

Почти то же слышалось отъ любителей другого рода.

— Упалъ театр!—сокрушались они.—Нѣтъ Каратыгина, умеръ Мартыновъ, Дюръ, Асенкова, Семенова... Невозможно ѣздить на спектакли... Плохо... А было время,—помните?

— Ну, какъ не помнить!

— И балетъ теперь...—Конечно, Муравьева... Но помните Эльслеръ, Петица?

— Еще бы!

И общіе вздохи раздаются вокругъ.

Иногда разговоръ пріобрѣталъ литературный характеръ.

— А упала литература послѣ Гоголя!

— Не говорите... Никого нѣтъ.

— Развѣ Гончаровъ...

— Полно, Гончаровъ! Что такое Обломовъ? Тотъ же Подколесинъ! И Захаръ его—тотъ же Гоголевскій Степанъ. Да и Штольцъ—тотъ же Кочкаревъ...

- Ну, это сходство внѣшнее.
- Та же психологія. Одинъ экспедиторъ, другой помѣщикъ, не все ли равно?
- А вотъ Тургеневъ?—раздается робкій голосъ послѣ паузы,
- Тургеневъ не писатель,—морщась отвѣчаютъ съ другого конца стола.—Послѣ «Дворянскаго гнѣзда» все кончилось. «Наканунѣ» вѣдь это сумбуръ какой-то...
- Да-съ—Пушкина и Лермонтова больше нѣтъ,—слышится радостный голосъ...
- Да чего—Пушкина? Марлинскаго второго нѣтъ...
- Крылова нѣтъ...
- Мнѣ, подростку, до слезъ было горько: зачѣмъ судьба кинула меня жить въ эпоху полного оскудѣнія? Всѣ таланты въ прошломъ. Вокругъ «садъ заглохшій». Я ворочался безсонной ночью на постели, и все повторялъ съ болью сердца:
- Падаетъ искусство, падаетъ...

II.

Шли года. Искусство все продолжало падать. Особенно падали Тургеневъ и Гончаровъ; спускаясь со ступеньки на ступеньку, они, по рѣшенію критики, уже были въ пропасти. Достоевскій какъ напечаталъ «Бѣсовъ», такъ и покатился внизъ. Левъ Толстой писалъ «Анну Каренину», и психологія собакъ и лошадей приводила критиковъ въ изступленіе. Бѣлаго паденія литературы они не знали.

Я сталъ проводить цѣлые дни въ Публичной библиотекѣ. Съ священнымъ трепетомъ я взялся за тридцатые и сороковые годы, за тотъ «родникъ, откуда жизнь струится...» Занялся я критикой того времени.

Увы! и здѣсь Гоголь оказался остроумцемъ-хохлою, клеветникомъ на жизнь и написавшимъ очень плохую пьесу «Ревизоръ». Самостоятельности въ этомъ писателѣ не было никакой, просто ловкій подражатель старыхъ малороссійскихъ писателей...

Да и Пушкинъ, собственно говоря... Оказывается, и грамматики не зналъ, помимо всего иного. Характеры Татьяны и Евгенія не выдержаны, у автора чувствуется неудержимая склонность къ порнографіи... «Бѣдная русская литература!» невольно вырывается у критиковъ...

Такъ послѣдовательно я восходилъ на вершину той горы, которая составляла, повидимому, кульминаціонный пунктъ русской литературы: то были Державинъ и Карамзинъ. Тутъ всѣ современники приходили къ одному искреннему мнѣнію: «Россы имѣютъ литературу столь же прекрасную, какъ и прочіе народы Европы,

просвѣщенные лучомъ сивилизаціи». Источникъ мною, такимъ образомъ, былъ найденъ, и я нѣсколько успокоился.

Иногда казалось, что бездна паденія не такъ ужъ велика, какъ рисовали ее любители искусства. Когда открывали памятникъ Пушкина, заодно рѣшили, что Тургеневъ и Достоевскій не такъ уже плохи, какъ объ этомъ думали. Правда, Достоевскій былъ особенно плоховатъ тѣмъ, что не принадлежалъ ни къ какой партіи, печатался почему-то у Каткова (да и Толстой печатался тамъ же!), хотя въ идеяхъ съ Михаиломъ Никифоровичемъ оба расходились, и очень рѣзко. На открытіи памятника много аплодировали обоимъ писателямъ. Тургеневъ увѣрялъ, что одна почитательница съѣла на его глазахъ носовой платокъ Достоевскаго, въ знакъ искренняго и глубокаго уваженія къ автору Алеши Карамазова, который, ахъ «какая прелесть!»

Когда въ январѣ 1881 года умеръ Достоевскій, вдругъ всѣ сознали, что это былъ «колоссъ». Многотысячная толпа широкимъ потокомъ заливала на цѣлую версту Невскій проспектъ и вела себя настолько чинно, что даже казаки, производившіе ученіе на плацу, какъ разъ возлѣ Александро-Невской лавры, куда везли прахъ Федора Михайловича, ничѣмъ не запятали «диктатуру сердца». Впрочемъ, по мнѣнію Лорисъ-Меликова, тогда крамола уже была почти совсѣмъ подавлена, и только 1-е марта нѣсколько не подтвердило этого мнѣнія.

Шумъ, поднятый вокругъ Достоевскаго послѣ его смерти, какъ будто накинулъ тѣнь на послѣдніе годы Тургенева. И ему тоже надлежало полтора года спустя умереть, чтобы вспомнили, что умеръ послѣдній великій талантъ. И опять начались пышные ди-оирамбы покойному писателю, опять заговорили объ осиротѣлости, печальномъ тускломъ періодѣ нашей литературы.

III.

Не безъ изумленія «большая» публика и пресса узнали, что передъ смертью «послѣдній» писатель обратился съ запиской къ «великому писателю земли русской», заклиная его продолжать литературную дѣятельность.

Общество заволновалось.

— Великій писатель? Кто великій писатель? Почему?

Оказывается—Левъ Толстой.

Это многихъ поразило. Нѣкоторые отправились въ книжныя лавки покупать его сочиненія и спрашивали опытныхъ знакомыхъ:

— А что, въ самомъ дѣлѣ, это такъ хорошо?

А тутъ еще помогла и заграничная пресса. Даже изъ Англіи стали сообщать:

— Вѣдь Толстой-то у васъ геній. Вѣдь нигдѣ въ Европѣ нѣтъ ничего подобнаго...

Сначала общество упорствовало.

— Но вѣдь Зола,—согласитесь тоже... А Мопассанъ? А Додэ? А Флоберъ? А Шпильгагенъ? Маркъ Твэнъ, наконецъ?.. Америку-то забыли?

Но зато насъ Америка не забыла. Высшей похвалой американца было то, что въ одной газетѣ про Толстого сказали:

«Это Эдиссонъ отъ литературы!»

Итакъ, на зло любителямъ «паденій», графъ Левъ Николаевичъ не только процвѣталъ здоровьемъ, но иногда и пописывалъ, да такъ, что не только нынѣшнимъ, но и прежнимъ такъ не писалось. Только по той причинѣ и писали о «паденіи», что въ типографіяхъ былъ отлитъ стереотипъ для вступленій въ журнальную статью о современномъ состояніи литературы. Когда внезапно умиралъ кто-нибудь изъ поэтовъ или беллетристовъ, вспоминали:

— Позвольте, да вѣдь это послѣдній талантъ былъ!

Въ 1891 году умеръ Гончаровъ. Нервно раздражительный, самолюбивый, больной глазами, онъ въ послѣдніе годы какъ улитка сидѣлъ у себя на Моховой, выходя только погулять по набережной Невы или въ Лѣтнемъ саду. Помню, разъ, встрѣтивъ меня, онъ заявилъ странную претензію:

— Ужъ вы, пожалуйста, тамъ скажите кому надо, чтобъ мнѣ не присылали повѣстокъ на литературныя собранія. Я человекъ старый—нельзя меня такъ пугать. Развѣ можно восьмидесятилѣтнему старику посылать повѣстки! Они съ ума сошли...

Но эти чудачества не помѣшали ему наканунѣ смерти написать рядъ очерковъ для «Нивы» съ тѣмъ блестящимъ колоритомъ и рисункомъ, предъ которымъ, право, не грѣхъ посторониться лорду Теккерю.

Такъ вотъ, когда его хоронили ¹⁾, вспомнили, что еще недѣлю назадъ былъ живъ писатель, которымъ могла гордиться любая страна. А потомъ умерли Майковъ, Фетъ, Полонскій, Лѣсковъ, Сухово-Кобылинъ, Григоровичъ, и каждый разъ точно всѣ удивлялись:

— Да вѣдь это въ самомъ дѣлѣ русскій писатель.. періода упадка!..

¹⁾ Кстати: полюбуйтесь, въ какомъ видѣ могила Гончарова въ Александровской лаврѣ. Неужели онъ всѣми забытъ и не достоинъ того, чтобъ ему поставили хоть какой-нибудь памятникъ вмѣсто деревяннаго креста? Тургеневъ похоронилъ городъ на свой счетъ и поставилъ надъ могилой бюстъ и плиту. Нельзя ли Гончарову хоть одну плиту положить?

IV.

Русской литературѣ, обществу и театру какъ свѣгъ на голову свалился Антонъ Чеховъ. Съ нимъ никакъ не могли разобраться критики при жизни:

— Съ одной стороны, конечно, талантливъ, а съ другой... Никакъ его не уловишь: скользкій, какъ налимъ.

То, что Чеховъ вложилъ въ уста Тригорина въ «Чайкѣ», издавна мучило его.

Это вѣчное мнѣніе любителя о современномъ упадкѣ литературы: «Хорошо... но Тургеневъ писалъ лучше».

Съ Чеховымъ долго не могли помириться, особенно Москва, и особенно профессора и доценты, пишущіе критику. Долго выскивали они слабую и больную сторону Чехова, и наконецъ съ торжествомъ заявили:

— Онъ некультуренъ.

То самое, въ чемъ обвиняли Толстого!

Видите ли: медицинское образованіе, полученное Чеховымъ, было слишкомъ узко, мало открывало ему горизонтовъ. Ему недоставало силъ «дообразоваться». Онъ сталъ разбиваться на мелочи, пустишки, а долженъ былъ создать что-нибудь «крупное».

Какъ извѣстно, у насъ очень любятъ подходить къ художественному произведенію съ аршинами, и вещь «крупную» мѣшаютъ постоянно съ длинной. Поэтому выходитъ такъ, что «Старосвѣтскіе помѣщики», «Бѣжинъ лугъ» или «Люцернъ» менѣе значительныя вещи, чѣмъ «Гарась Бульба», «Вешнія воды» и «Семейное счастье». Чехова преслѣдовали аршиномъ и критики, и читатели и редакторы.

— Антонъ Павловичъ, дайте солидную вещь: ну, хоть въ десять-пятнадцать листовъ!

А у него было отвращеніе отъ такихъ масштабовъ. Сколько разъ говаривалъ онъ:

— Что можетъ быть лучше маленькаго рассказца или маленькой веселой пьески?

Этими веселыми пьесками особенно его донимали:

— Побойтесь Бога, Антонъ Павловичъ, такое ли теперь время для безпредметнаго смѣха!

Когда я предложилъ ему поставить «Юбилей», онъ въ ужасъ пришелъ:

— Нѣтъ, чтонибудь-другое... Это шутка.

Вотъ какъ запугали человѣка профессора!

Но зато и отомстилъ же онъ имъ! Местъ была ужасна. Фигура профессора-эстетика въ «Дядѣ Ванѣ» — злѣйшая сатира. А

судьба еще помогла окончательно навсегда закрѣпить исторію этой борьбы таланта съ узкой тенденціей.

Чеховъ давно мечталъ о созданіи такой фигуры, и искренно радовался, что она у него «выходить», и наконецъ «вышла». Онъ мечталъ о томъ, какой эффектъ произведетъ это лицо на сценѣ. Но онъ упустилъ изъ вида одно: пьесу надо было представить на заключеніе этихъ самыхъ профессоровъ для экспертизы: а насколько-де она литературна. Ему и въ голову не приходило, что вопросъ «нелитературности» можетъ быть примѣненъ къ нему.

Но профессора выдержали характеръ до конца. Нашли пьесу «нестественной» и на сцену не допустили: слишкомъ потрясены были всѣ основы того, чему они поклонялись всю жизнь.

Когда-нибудь еще оставшіеся въ живыхъ свидѣтели всей этой пошлой траги-комедіи расскажутъ, какъ было дѣло; двое изъ судей ушли туда же, куда ушелъ и Чеховъ, третій оставилъ неблагодарное занятіе экспертизой,—комитетъ весь разсыпался. Но триумвиратъ этихъ ученыхъ, браковавшихъ и поправлявшихъ Чехова, навѣки не умретъ въ исторіи литературы.

Они были настолько увѣрены въ себѣ, что воображали Антона Павловича выправляющимъ подъ ихъ диктовку «Дядю Ваню». Но Антонъ Павловичъ, хотя въ первую минуту былъ ошеломленъ «протоколомъ», однако уперся:

— Ни одного слова не измѣню.

Предложены были компромиссы. Но и на компромиссы онъ не пошелъ. «Некультурный» былъ человѣкъ!

V.

Внезапная его смерть вдругъ открыла тайну. Этотъ милый, скромный, чахоточный Антонъ Павловичъ—вдругъ оказался основателемъ новаго репертуара. И такъ-таки этотъ репертуаръ и назвался «Чеховскимъ». Тутъ есть вліяніе Ибсена, быть можетъ, даже Метерлинка, есть общее и съ Бракко, и съ Пшебышевскимъ, и съ Роветта, но есть и свое, самостоятельное, хмурое, дождливое, сумеречное настроеніе,—то самое, какимъ полны его рассказы.

Съ литературной стороны, быть можетъ, драмы его гораздо слабѣе беллетристики, но среди драматической нашей литературы, гораздо болѣе слабой, чѣмъ наша беллетристика, онѣ стоятъ по своей самостоятельности и оригинальной окраскѣ на первомъ планѣ. Ихъ можно «не любить», какъ не любить ихъ Л. Н. Толстой, за отсутствіе дѣйствія и борьбы, но значенія ихъ отрицать нельзя. Пусть онѣ испорчены напускнымъ сентиментализмомъ, вродѣ заключительныхъ монологовъ въ «Дядѣ Ванѣ» и «Трехъ

сестрахъ», какъ будто приписанныхъ во имя сценичности по чьему-то настоянію, но все же это новое слово.

Направленіе Чехова не было понято сразу. Огромный успѣхъ на Александринской сценѣ «Иванова» окрылилъ его какъ драматурга. Но совершенно не понятая, отвратительно сыгранная «Чайка» до того его напугала, что онъ закаялся писать для театра. За два дня до представленія онъ далъ мнѣ прочесть «Чайку». Возвращая ее, я сказалъ А. П.:

— «Чайка» составитъ эру для драмы.

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня.

— Не думаю, на сценѣ выходитъ, судя по репетиціямъ, что-то не то.

Вышло не только «что-то» не то, а ничего общаго съ пьесой не было. Къ ней подошли актеры съ бытовыми тонами Островскаго, и до чего это было скверно! Чеховъ сбѣжалъ изъ театра. Пьесѣ шикали, чуть не свистали.

Одинъ весьма молодой рецензентъ изъ бойкихъ сказалъ мнѣ:

— У Чехова — расслабленіе спинного мозга: это — бредъ больного, а не пьеса.

Я возразилъ:

— Играютъ скверно, а пьеса превосходная.

Пять лѣтъ спустя, тотъ же рецензентъ въ рядѣ статей ставилъ Чехова и «Чайку» во главѣ новаго движенія драматургіи. То, что было несценичнымъ и смѣшнымъ нѣсколько лѣтъ назадъ, внезапно съ литературной стороны переросло сцену. Оказалось, что не пьеса плоха, а плохъ театръ для ея исполненія.

Чеховъ говорилъ мнѣ:

— Капризная штука сцена: съ Александринскимъ театромъ у меня связано два впечатлѣнія: перваго свѣтлаго, радостнаго, невѣроятнаго успѣха и перваго же ужаснѣйшаго провала. Теперь я ненавижу этотъ театръ. Я не переносу вашихъ актеровъ, потому что они не учатъ ролей и играютъ своими словами...

Ему такъ хотѣлось увидѣть свою пьесу на сценѣ московскаго Малаго театра. За время студенчества онъ привыкъ къ поклоненію передъ «домомъ Щепкина»; но триумвиратъ профессоровъ, какъ я говорилъ выше, помѣшалъ осуществленію этихъ мечтаній, и пьеса попала въ Художественный театръ, гдѣ была сыграна съ той мелочной аналитической обработкой, которая напоминаетъ чеканку Бенвенутто-Челлини.

Наши присяжные драматурги до сихъ поръ какъ будто боятся признаться себѣ, насколько великъ и оригиналенъ сравнительно съ ними Чеховъ. Они попрежнему выкраиваютъ свои пьесы изъ «современныхъ» мотивовъ, говорятъ о роляхъ, объ успѣхѣ, о своихъ прежнихъ заслугахъ, забывая, что заслуги прошлаго въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ театральное, сводятся къ нулю, если

нѣтъ осязательнаго, живого творчества. Для путей, указанныхъ Чеховымъ, они слишкомъ утомлены жизнью, слишкомъ пугливы и косны. Вотъ почему съ такой радостью они присоединяются къ мнѣнію Толстого и говорятъ:

— Чеховъ никогда драматургомъ и не былъ.

VI.

Паденіе театра привело репертуаръ къ Чехову и Ибсену. Паденіе живописи—къ Рѣпину, Сѣрову, Левитану, Коровину, Васнецову и т. д.

Я говорилъ выше о паденіи литературы по отношенію къ Державину и Карамзину.

Такою же схему можно нарисовать въ области живописи и театра.

Чтобы упасть откуда-нибудь, необходимо имѣть два элемента: высоту, съ которой падаешь, и то, что находится ниже этой высоты и обуславливаетъ паденіе.

Для того, чтобы не быть голословнымъ, доказывая «паденіе», нужно установить тѣ высоты, которыя послужили исходнымъ пунктомъ этого движенія.

Обыкновенно говорятъ: «Но вѣдь Пушкинъ, конечно, выше своихъ послѣдователей?»

На это я могу отвѣтить: «Да вѣдь и Шекспиръ выше Пушкина, но что изъ этого слѣдуетъ?»

Пушкинъ гениаленъ. Но почему же «Тамань» Лермонтова, «Хорь и Калинычъ» Тургенева, «Набѣгъ» Толстого, «Налимъ» Чехова—слабѣ любой «повѣсти Бѣлкина»?

Краски у всѣхъ писателей разныя. «Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ»—очаровательна по-своему; «Дѣтство и отрочество» имѣетъ свою неотъемлемую прелесть, какъ имѣетъ свой неуловимый ароматъ княжна Мери, Елена Инсарова, Нина Зарѣчная, Мароинька. Ихъ нельзя сравнивать, нельзя говорить: это лучше, это хуже; это выше, это ниже; это паденіе литературы, это высшія ея точки. Пусть этой аптечной номенклатурой и классификаціей по этикетамъ занимаются критики-профессора въ стилѣ beau-frère дяди Вани, но для литераторовъ нѣтъ такихъ подраздѣленій, нужныхъ развѣ для энциклопедическихъ словарей, гдѣ необходимо всѣхъ писателей разставить по мѣстамъ и наклеить на нихъ ярлыки съ обозначеніемъ ихъ доброкачественности.

Возвращаюсь къ театру.

Вспоминаю, что было сорокъ лѣтъ назадъ. Старыя, милыя воспоминанія юности, когда сердце трепетало восторгомъ, и все казалось полно дивнымъ очарованіемъ. Вспоминаю, какъ съ сердеч-

нымъ трепетомъ вступалъ я въ храмъ искусства и какъ трепеща выносилъ оттуда неизгладимыя впечатлѣнія.

Только теперь, разбираясь въ этихъ впечатлѣніяхъ, вызывая ихъ изъ дымки минувшихъ лѣтъ, я начинаю прозрѣвать ихъ въ истинномъ свѣтѣ, и они встаютъ передо мною не такими, какими тогда казались, а такими, какъ были на самомъ дѣлѣ.

Отчего не взглянуть прямо въ глаза прежнимъ иллюзіямъ? Отчего не разобраться въ той путаницѣ понятій, которая охватываетъ каждого юношу и потомъ нерѣдко остается безъ переоцѣнки на всю остальную жизнь?

Прошедшее, особенно связанное съ молодостью, съ временемъ надеждъ и ожиданій, всегда кажется особенно привлекательнымъ. Но неужели нельзя сорвать съ себя эти розовыя очки и взглянуть трезво и прямо на это прошлое, не умаляя хорошаго, не возвышая дурного и оставаясь только справедливымъ?

Никакими иллюзіями по отношенію къ нашему времени я не одержимъ. Лучше, чѣмъ кто-нибудь, я вижу наши недостатки, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы все современное намъ можно было назвать періодомъ упадочности.

VII.

Конецъ шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія.—Вечеръ.— Еще свѣтло, а въ театръ уже идутъ.— Начинались тогда спектакли въ семь часовъ. Поэтому истые любители приходили въ театръ къ шести, когда было еще темно въ залѣ. Процессъ зажиганія люстры, повидимому, многимъ нравился болѣе всего дальнѣйшаго представленія. То былъ періодъ газа, когда для зажиганія его спускался сверху кольцеобразный балкончикъ, гдѣ стоялъ газовщикъ съ фитилемъ, напоминавшимъ удочку. До этого, когда еще люстра состояла изъ масляныхъ лампъ, ее зажигали надъ потолкомъ, и потомъ спускали въ залу уже зажженную. Вѣроятно, это появленіе свѣтила было еще торжественнѣе и еще болѣе волновало сердца зрителей.

Контингентъ лицъ, забравшихся спозаранку въ залу, представляла по преимуществу молодежь. Менѣе состоятельные брали мѣста наверху, въ «раю», съ такой тропической температурой, что ему вѣрнѣе было бы присвоить наименованіе ада; болѣе состоятельные помещались въ оркестрѣ, гдѣ за полтинникъ оркестровый капельдинеръ изъ евреевъ сажалъ желающихъ за барабанъ. Пребываніе въ этомъ почтенномъ мѣстѣ зрителей сопряжено было съ тремя неудобствами. Во-первыхъ, приходитъ надо было задолго до начала, такъ какъ мѣстъ было количество весьма ограниченное; во-вторыхъ, необходимо было быть въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ,

дабы не отличаться отъ «артистовъ оркестра»; а, въ-третьихъ, барабанъ и литавры отъ усердія «артистовъ» напоминали скорѣе артиллерійскія батареи, чѣмъ музыкальные инструменты. Послѣ иного «антракта» минутъ пять оглушенные зрители ничего не слышали изъ того, что говорилось въ пяти шагахъ отъ нихъ на сценѣ.

Хотя у студентовъ формы тогда не было, но черный сюртукъ и бѣлый галстукъ составляли иногда препоны немалыя. Капельдинеръ, завидя подъ верхнимъ одѣяніемъ коричневый или сѣрый пиджакъ, выходилъ изъ себя.

— Не пуцу-сь, — злобно хрипѣлъ онъ (у него была горловая чахотка).— Вамъ говорено по русскому, чтобы видъ былъ у васъ музыкантскій. Вы еще въ халатѣ придете! Подите вонъ!

Юноша не сдавался.

— Но, милый другъ, пиджачокъ у меня коричневый, вы взгляните попристальнѣе. Издали онъ совсѣмъ черный.

— Оставьте пожалуйста,—это чистый гаванъ! Опять же галстукъ? Вы скажете—бѣлый?

— Галстукъ красный, но вы мнѣ достанете изъ уборной отъ портного бѣлый.

— Удивительные господа! — иронизировалъ неумолимый придверникъ.— Неужели вамъ трудно дома оторвать кусочекъ колена отъ юбки или простыни и повязать на шею вмѣсто галстука, чѣмъ беспокоить меня, какъ будто и дѣла у меня только вамъ галстуки доставать? Да и мѣста нѣтъ сегодня.

Онъ съ варварской жестокостью поворачивался, чтобы идти, но упорный студентъ хваталъ его за фалды.

— Я вамъ дамъ шесть гривенъ,—таинственно шепталъ онъ.

Пауза. Лицо мучителя, искривленное иронической улыбкой, медленно поворачивается къ жертвѣ.

— Рубль! — говоритъ онъ, и очи его свѣтятся наслажденіемъ кота, играющаго съ мышью.

Театралъ беретъ его за руку.

— Послушайте, вы меня знаете третій годъ, вы знаете, какъ часто я бываю у васъ, и какъ я всегда платилъ вамъ чистыми деньгами, — съ мольбой въ голосѣ говоритъ онъ. — Почему же вы хотите съ меня взять вдвое? Вѣдь мѣсто за креслами стоитъ семьдесятъ пять... А сколько я вамъ приводилъ товарищей?

Капельдинеръ морщитъ лобъ, что-то соображая.

— Н-ну! — роняетъ онъ: — я посажу васъ въ самый уголъ и дамъ вамъ галстукъ, а вы мнѣ дадите слово, что ни въ одномъ антрактѣ не встанете съ мѣста.

— А какъ же курить?

— Я не курю, а вамъ курить надо?.. Прощайте!

Фалды опять въ рукахъ студента:

— Ладно,—пустите только.

Въ антрактахъ капельдинеръ зорко наблюдаетъ за своимъ зрителемъ, и чуть тотъ пошевелится, грозитъ пальцемъ.

Несмотря на то, что съ шестидесятыхъ годовъ въ Александринскій театръ втерлась оперетка, оркестръ отъ этого не улучшился, а игралъ чортъ знаетъ что. А публика такъ была къ нему «привыкши», что объ упраздненіи его въ эту эпоху нечего было и думать. Оркестръ игралъ подъ чавканье купчихъ, жевавшихъ яблоки, подсолнухи и щелкавшихъ орѣхи, а наверху хлопали бутылки «баварскаго» кваса и кислыхъ щей. Въ креслахъ такъ и несло смазными сапогами и коровьимъ масломъ отъ усердно смоченныхъ волосъ, особенно по воскресеньямъ, когда Гостинный дворъ и Апраксинъ рынокъ являлся въ театръ, приказчики наверхъ, а хозяйева въ ложи и партеръ, надъ входомъ въ который красовалась надпись: «въходъ вкресла».

Видъ Александринскій театръ имѣлъ совѣмъ иной, чѣмъ теперь. Только превосходная орнаментация царскихъ и министерскихъ ложъ говорила о чудесномъ стилѣ Росси. Ложи были наивно размалеваны какимъ-то фантастическимъ трафаретомъ. Занавѣсъ представлялъ собою написанное чуть не въ натуральную величину зданіе Александринскаго театра, тщательно выкрашенное гробовой «вохрой». Но къ чему нельзя привыкнуть! Когда убрали этотъ желтый домъ, истые театралы вздохнули о немъ, какъ о старинномъ неизмѣнномъ другѣ, свезенномъ на кладбище.

VIII.

Требованія зрителей и печати къ артистамъ и репертуару того времени были минимальны. Печать поощряла оперетку, какъ до того поощряла мелодраму. Островскій былъ вознесенъ печатью всего лѣтъ на десять, а потомъ стали кричать, что онъ исписался. Уже «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» показалось слабой вещью, а затѣмъ каждое новое произведеніе, по мнѣнію рецензентовъ, говорило объ «увяданіи прежняго таланта». Конечно, это былъ вздоръ, и «Лѣсъ» былъ нисколько не слабѣ «Бѣдной невѣсты», а, быть можетъ, и гораздо сильнѣе. Но кто-то порѣшилъ, что «Гроза»—лебедная пѣснь Островскаго, и всѣ ему повѣрили. И на ряду съ провалами Островскаго царилъ во всю Дьяченко съ «оригинальными» и Крыловъ съ «переводными» пьесами. Шекспиръ, Шиллеръ—были забыты. Самойловъ тщетно силился ихъ возобновить: въ отрепанныхъ декораціяхъ, сборныхъ костюмахъ, съ сбродной труппой, не умѣвшей носить оружія и супервестовъ, они проваливались безвозвратно. Серьезная драма внушала какой-то ужасъ. Когда потомъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ,

М. Г. Савина, талантливая, полная силъ, рвущаяся къ истинной комедіи и драмѣ, пробовала въ свои бенефисы ставить Ибсена и Шекспира, ей говорили:

— Оставьте, бросьте это! У васъ есть отечественные авторы, играйте «Надо разводиться»...

И играли «Надо разводиться».

Надо правду сказать, Сосницкій, Самойловъ, Каратыгинъ 2-й, «остатки прежнихъ поколѣній», были равно и противъ оперетки, и противъ Островскаго: они, «старые могикане», острили, что искусство не въ одномъ бытѣ и не въ одномъ канканѣ. Сосницкій писалъ въ письмахъ къ друзьямъ, что «гулупы и очищенное» заполнили сцену¹⁾. Только когда пріѣзжали заморскіе гости—Ристори, Дависонъ, Ольриджъ,—онъ отдыхалъ душою и начиналъ вѣрить, что искусство не погибло, а еще гдѣ-то существуетъ. Каратыгинъ говорилъ, что, уступая теченію времени, напишетъ пьесу, все дѣйствіе будетъ происходить въ торговыхъ баняхъ. Это мѣсто уравненія сословій, гдѣ всѣ сходятся во имя единой идеи — чистоты. Онъ особенно напиралъ на дешевизну обстановки: возъ вѣшниковъ и мочалокъ, а костюмовъ никакихъ. За сборы онъ ручался.

Обстановкой тогда отличались только опера и балетъ, но то, что тратилось на «Конька-Горбунка», никогда не перепало драмѣ. На Александринской сценѣ существовалъ десятокъ павильоновъ (т. е. комнатъ), которые были изготовлены для всевозможныхъ случаевъ. Ни артисты, ни публика, ни авторы никакихъ особыхъ требованій не предъявляли, и если начальство соблаговоляло сдѣлать что-нибудь новенькое, то восторгамъ не было границъ.

Чтобы не быть голословнымъ, я позволилъ себѣ рассказать, въ какомъ видѣ шли «основныя» пьесы репертуара. Здѣсь вопросъ касается не только внѣшняго воспроизведенія пьесы на сценѣ, но и внутренняго строя исполненія ихъ режиссерскимъ управленіемъ и артистами.

IX.

Начну съ «Горе отъ ума».

Комедія эта съ дѣтскихъ лѣтъ была мнѣ настолько знакома, что я зналъ ее всю наизусть задолго до поступленія въ гимназію. Грибоѣдовы были намъ родственниками, чрезъ Акинѣевыхъ, и у

¹⁾ И. И. Сосницкій велъ обширную переписку съ своимъ молодымъ другомъ А. М. Читау-Огаревой. Переписка эта была вся въ моихъ рукахъ, и въ началѣ 80-хъ годовъ я напечаталъ изъ нея часть, возможную для опубликованія по тому времени. Появилась она въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Цензурную часть матеріала я возвратилъ владѣлицѣ. Когда же впоследствии я обратился къ ней съ цѣлью разработать и остальную половину, оказалось, А. М. все сожгла. Я сдѣлалъ непростительную ошибку, не снявъ копій съ писемъ, гдѣ говорилось о Гедеоновыхъ, П. С. Оедоровѣ и др.

матери былъ экземпляръ 2-го изданія (миніатюрнаго) съ вписанными нецензурными стихами. Отдѣленный сорока годами отъ времени дѣйствія комедій, все же я сознавалъ ярко и ясно весь укладъ Фамусовскаго дома, и даже Фильки и Ѳомки были мнѣ хорошо знакомы, вихрастые, неопрятные, изнывающіе безъ дѣла на ларѣ передней. Когда въ первый разъ пріѣхалъ я въ театръ смотрѣть Грибоѣдовскую комедію, я ждалъ какой-то литургіи...

Вотъ что я увидѣлъ.

Представьте себѣ огромную залу, выклеенную голубыми обоями. Направо, налево и посрединѣ по двери, съ атласными голубыми драпировками. Налево, ближе къ публикѣ окно, за нимъ голубое пространство неба. Очевидно, дѣйствіе происходитъ въ шестомъ этажѣ, такъ какъ жилыхъ строеній чрезъ стекла не видно. Окно безъ зимней рамы. Дверь рядомъ, очевидно, тоже ведетъ черезъ наружную стѣнку въ «воздушное пространство», такъ какъ за окномъ нѣтъ никакого намека на выступъ зданія, въ которомъ помѣщается комната Софьи.

Но все это вздоръ и пустяки. А вотъ послушайте главное.

Была такая артистка Лядова-Сариотти, небездарная, высокая, полная, не первой молодости, недурно играющая кокотокъ и кокетокъ сомнительнаго тона. Вообразите эту особу одѣтою въ кисейное платье съ откидными рукавами, въ прическѣ эпохи франко-прусской войны.

Это Софья Фамусова.

Рядомъ съ ней толстенъкая, маленькая, тоже въ бѣломъ кисейномъ платьѣ Лиза, г-жа Стрѣльская. Несмотря на всѣ ухищренія режиссеровъ, она не можетъ играть мольеровскую субретку. Непосредственный русскій говоръ даетъ совершенно «нежелательную» окраску. И даже когда, весьма неожиданно, Лиза говоритъ Софьину фразу (такъ искони вѣковъ велось въ театрѣ, со времени первой описки писаря):

Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить, какъ вашъ,—

даже это не кажется неестественнымъ, а какъ-то проходитъ у публики между ушей.

Чацкій. Вообразите рослаго, здороваго, не первой молодости человѣка въ пиджакѣ, съ неподвижнымъ деревяннымъ лицомъ и говоромъ въ носъ. Онъ говоритъ однимъ тономъ и монологъ перваго акта при свиданіи съ Софьей, и послѣднее «Карету мнѣ, карету!» и монологъ втораго акта о «судьяхъ». Когда онъ произноситъ послѣднюю фразу:

И въ воздухъ чепчики бросали,—

залъ усиленно аплодируетъ. Актеръ подходитъ къ рампѣ и кланяется. Ему кричатъ: «bis!»

Онъ прижимаетъ руку къ сердцу, но не повторяетъ монолога. Это артистъ Нильскій. Онъ хвастается, что, несмотря на требованіе публики, никогда не бисируетъ, хотя въ прежнее время даже умирающіе повторяли предсмертные монологи, для чего воскресали на пять минутъ и потомъ погибали вновь.

Въ первомъ актѣ Чацкій при словахъ:

Мы съ вами въ уголкѣ...

оглядывается, ищетъ глазами уголокъ, находитъ и, показывая на него пальцемъ, торжественно заключаетъ:

и кажется, что въ этомъ ¹⁾.

Фамусова играетъ актеръ Зубовъ. Онъ изображаетъ скорѣе экзекутора Яичницу. При словахъ:

Его величество король былъ Прусскій вѣдь,

онъ благоговѣнно встаетъ. Но надо правду сказать, что болѣе другихъ Фамусовыхъ онъ былъ «болтливъ, неугомоненъ, скоръ», онъ суетился, у него была «прыть» «въ лицѣ, въ движеніяхъ суета». Вѣдь самъ Павелъ Аванасьевичъ сознается, что у него:

день цѣлый

Нѣтъ отдыха, мечусь какъ будто угорѣлый.

Впрочемъ, нынче это принимаютъ за метафору, и играютъ Фамусова ходячимъ лунатикомъ.

У Зубова хуже всего было то, что онъ прескверно читалъ стихи. Московскаго барина, племянника Максима Петровича, пожалованнаго «высочайшей» улыбкой, въ немъ не было и слѣда. Это просто былъ выслужившійся чиновникъ, напускающій иногда на себя важность. Сидѣлъ онъ, конечно, лицомъ къ публикѣ, и все, что возможно, докладывалъ въ залу, даже съ нѣкоторымъ подмигиваньемъ. Быть можетъ, по нынѣшнему времени это пока-

¹⁾ Къ немалому изумленію, я недавно видѣлъ такую же трактовку этой фразы при исполненіи «Горя отъ ума» труппой московскаго Художественнаго театра. Никто не станетъ спорить, что и синтаксически и этимологически можно освѣтить эту фразу одинаково и съ удареніемъ на что и съ удареніемъ на этомъ. Но что вы подѣлаете съ логикой? Чацкій, для котораго прошла любовь возсталъ съ неотразимой силой, вдругъ забываетъ гдѣ были эти таинственные милые вечера, въ какомъ уголкѣ: онъ даже сомнѣвается, точно ли въ этомъ. Да и дальнѣйшая фраза: «вздоргнешь, чуть скрипнетъ столикъ, дверь», указываетъ на тонкія неувимыя чары дѣтства, которыя разбиваются реальной интонаціей Чацкаго самымъ варварскимъ образомъ. Впрочемъ, находятъ сторонники и этого толкованія. Если бы Грибоѣдовъ всталъ изъ гроба, и у него спросили бы, какъ надо говорить эту фразу, быть можетъ, онъ бы отвѣтилъ: «вы играете хорошо, а это все вздоръ!»

жется чудовищнымъ, но смѣю увѣрить, что въ иные моменты онъ выходилъ буквально изъ рамокъ пьесы, подходилъ къ рампѣ и обращался къ публикѣ. Такъ, онъ говорилъ:

Ни дать, ни взять она
Моя покойница жена,

и даже при томъ какъ бы призывалъ публику въ свидѣтели.

Х.

Былъ такой актеръ Пронскій, человѣкъ совершенно бездарный, прямолинейный. Ему поручали играть Скалозуба. Что это было! Онъ игралъ идиота квартальнаго, это вмѣсто «созвѣздія маневровъ и мазурки!» Тридцатилѣтній полковникъ, ловкій и по-своему свѣтскій, у него превращался въ гарнизонную крысу. Впрочемъ, надо правду сказать: этому безсмертному историческому типу у насъ не повезло: восхищались впоследствии актеромъ Киселевскимъ, но онъ игралъ опять-таки не красиваго молодого армейца, который «давно полковникъ, а служитъ недавно» (всего 13 лѣтъ), а какого-то старичка-шаркуна изъ жандармскихъ офицеровъ стараго образца; убѣжденнаго въ своемъ значеніи, довольнаго собою блестящаго арапчеевца не было и помина.

Говорить ли о томъ, что характеристика Скалозуба, какъ цензурная, на сцену не допускалась? Софья не рѣшалась сказать:

...весело мнѣ страхъ

Выслушивать о фрунтѣ и рядахъ:

Онъ слова умнаго не выговорилъ средо...

Произносились только послѣдняя фраза.

Еще ужаснѣе было трактованье Молчалина. Это было что-то низкопоклонное, извивающееся, глупое. Даже красоты не наводили на себя актеры. Оставалось только удивляться, чѣмъ прельстилась Софья Павловна, предпочтя этого ужа представителю Чацкому. Еще болѣе казалось страннымъ, что Хлестова, первая гостя въ домѣ, шла подъ руку съ нимъ въ игральную комнату и играла съ нимъ въ вистъ! Нельзя было себѣ представить, чтобы такой Молчалинъ ѣздилъ верхомъ на прогулку въ Сокольники и служилъ въ архивахъ. Повидимому, режиссеры и не подозревали, что архивъ тогда, въ 20-хъ годахъ XIX вѣка, былъ завѣтной мечтою всей золотой молодежи Москвы, и туда могли попадать только потомственные дворяне, для чего Фамусовъ и далъ Молчалину чинъ ассессора, о чемъ онъ ему непрестанно напоминаетъ ¹⁾.

¹⁾ Чинъ коллежскаго ассессора, какъ извѣстно, давалъ право на потомственное дворянство. Законъ, уничтоженный въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Что касается гостей Фамусовскаго дома, то это былъ сбродъ какихъ-то несчастныхъ дворовыхъ, среди которыхъ нѣсколько паръ балетныхъ артистовъ по строгимъ правиламъ хореографіи танцовали какой-то нѣмецкій вальсъ. О современныхъ Грибоѣдову костюмахъ не было и помину: просто фраки официантовъ шестидесятихъ годовъ и юбки съ легкимъ намекомъ на недавніе кринолины.

Первыя три дѣйствія играли въ сборныхъ декораціяхъ, какія попадались подъ руку. Второй актъ представлялъ почему-то длинную красную комнату съ намалеванными по стѣнамъ картинами, изображавшими бури въ стилѣ Айвазовскаго и ярко-желтые закаты солнца. Тутъ же стояли писаные шкапы съ фоліантами такихъ необычайныхъ размѣровъ, что они могли бы быть впору развѣ доктору философіи Фаусту.

Что касается сцены бала, то декорація здѣсь употреблялась настолько неопредѣленнаго стиля, что когда потомъ давали пьесу Островскаго «Самозванецъ и Шуйскій», то пиръ у Дмитрія былъ поставленъ въ залѣ Фамусова. Специально для комедіи были написаны только послѣднія сѣны, представлявшія желтый холстъ съ двумя «малярной работы колонками, шатавшимися при проходѣ мимо нихъ, и шестью ступеньками вверхъ, во второй этажъ.

Насколько ярко было предубѣжденіе зрителей противъ возможности играть «Горе отъ ума» въ соответствующихъ эпохѣ костюмамъ, видно изъ того, что даже такой чуткій художественный критикъ, какъ Гончаровъ, громко высказывался противъ мысли изобразить балъ 20-хъ годовъ. Онъ увѣрялъ, что московская аристократія покажется зрителямъ «бѣглецами съ толкучаго рынка». Вотъ какого мнѣнія были лучшіе художники объ умѣньѣ актеровъ носить костюмъ и вотъ какъ смотрѣли современники кринолина на одну изъ изящнѣйшихъ эпохъ поздняго empire!

XI.

«Ревизоръ», поставленный за тридцать лѣтъ до этого самимъ Гоголемъ, конечно, носилъ яркіе слѣды первоначальной постановки. Въ гардеробахъ и бутафорскихъ складахъ нашихъ театровъ костюмы и вещи сохраняются безконечное время. До сихъ поръ старые портные называютъ вещи именами тѣхъ артистовъ, которые надѣвали ихъ впервые: «брюки Павла Васильева», «жилетъ Виноградова» и т. д., а уже лѣтъ тридцать, какъ умерли эти артисты. Изъ исполнителей перваго представленія «Ревизора» я засталъ главное дѣйствующее лицо—Сосницкаго, игравшаго Сквозника-Дмухановскаго, и, конечно, это была та самая фигура, которою такъ восхищался въ свое время Гоголь.

Мундиры чиновниковъ и ихъ фраки, даже гримы, дошли въ неприкосновенности до конца шестидесятыхъ годовъ, вопреки всякимъ желаніямъ автора. Бобчинскій и Добчинскій не были толстенькими кругленькими гладенькими человѣчками: это были вертлявые, сухіе водевильные старички въ клоунскихъ парикахъ съ кокомъ, торчащимъ спереди пирамидкой, съ приподнятыми кверху бровями и въ узенькихъ бланжевыхъ штанахъ. Но Хлестаковъ, городничиха и Марья Антоновна не преминули одѣваться въ модныя платья, дамы даже съ кринолинами. При этомъ барышня была въ кисейномъ туалетѣ. Вообще иначе, какъ въ кисейномъ платьѣ, до середины пятидесятыхъ годовъ актрисы на сцену не появлялись. Ситецъ впервые былъ введенъ въ пьесѣ Островскаго «Не въ свои сани не садись», по взаимнымъ настояніямъ автора и исполнительницы Дуни — Читау. Кисея еще въ семидесятыхъ годахъ царила полновластно, особенно въ Москвѣ.

Хлестакова неизмѣнный грешіег Нильскій изображалъ въ синей визиткѣ и широчайшихъ коричневыхъ штанахъ съ бѣлымъ лампасомъ, что считалось шикомъ въ шестидесятыхъ годахъ. Линская, игравшая, городничиху, брала изъ гардероба платья «посмѣшнѣй и поярче», кажется, тѣ самыя, что она надѣвала въ «Женихъ изъ долгового отдѣленія». Декорацій не было никакихъ: просто три стѣны — у городничаго краснаго цвѣта, а у Хлестакова—бѣлаго.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда умеръ Сосницкій, рѣшили заново поставить Гоголевскую комедію. Съ внѣшней стороны это, конечно, явилось шагомъ впередъ: Хлестакова-Монахова одѣли во фракъ, городничихѣ дали платье, какъ будто отчасти напоминающее тридцатые годы. Самойловъ далъ необычайную по типичности фигуру екатерининскаго секундъ-майора Растаковскаго. Но этимъ и ограничились режиссерскія потуги. Текстъ остался плохо выправленнымъ, а новая мизансценъ была куда слабѣе прежней. Сосницкій, при поднятіи занавѣса, шелъ окруженный чиновниками на авансцену, вынимая изъ кармана письмо, и встревоженнымъ голосомъ говорилъ:

— Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ...

При новой же постановкѣ, режиссеръ посадилъ дѣйствующихъ лицъ «по-мольеровски» въ рядъ, вытянувъ ихъ на стульяхъ вдоль рампы, лицомъ прямо въ публику. Когда Яблочкина спрашивали:

— Зачѣмъ же это вы?

Онъ отвѣчалъ.

— Естественнѣе: въ гостяхъ всегда сидятъ, а не стоятъ.

XII.

Если не церемонились такъ съ Гоголемъ и Грибоѣдовымъ, то тѣмъ наипаче мало церемонились съ европейскими классиками. Съ тѣхъ поръ, какъ Каратыгинъ 1-й сошелъ въ могилу и унесъ съ собою свой громовый голосъ и гигантскій ростъ, «трагика» на сценѣ не осталось. Но у театраловъ осталось живо воспоминаніе о томъ, что такое истый трагикъ. И иной посѣдѣлый любитель пояснялъ въ трактирѣ «Фениксъ» неофитамъ:

— Теперь не то-съ. Теперь вотъ хоть бы Самойловъ. Талантъ ограмаднѣйшій. Но между прочимъ—оглушить не можетъ. На каблукъ станеть, и все-таки для Людовика XI будетъ низокъ.

— А Людовикъ нешто былъ столь огроменъ?—интересовались непосвященные.

— Людовикъ-то? Изумительно! Можно сказать, хигантъ. Особенно, когда говорилъ:

Я повелитель твой и папа!

такой, знаете, ростъ, такой ростъ...

Взглядъ этотъ раздѣляло и театральное начальство. Когда разъ обратился съ просьбой о дебютѣ провинціальный актеръ небольшого роста, ему отвѣтили:

— Въ «Гамлетѣ»—гм... А какъ же ростъ? Съ вашимъ ростомъ...

Но проситель былъ не изъ робкихъ.

— Вы изволите быть туги на ухо?..

— А что?

— Я не въ «тамбуръ-мажоры» прошусь, а на сцену.

Единственнымъ трагикомъ оставался старикъ Леонидовъ—прекрасный, какъ говорятъ, человѣкъ и товарищъ, но безбожно вывшій на сценѣ. Онъ игралъ по строгому рецепту Каратыгина и былъ невыносимъ, хотя хорошо гримировался и отлично носилъ костюмъ.

Когда ставили Шекспира—актеры старались всѣми силами не попасть въ число исполнителей. Классическая пьеса была какимъ-то карцеромъ, куда сажали за неспособность. Можно себя представить, какъ такой режимъ содѣйствовалъ развитію литературныхъ вкусовъ! Плоды его сказываются и теперь. Донинѣ, получивши Шекспировскую роль, артистъ, заглянувъ въ нее, по традиціи скажетъ:

— Чортъ, въ стихахъ!

Неумѣнье играть Шекспира переносили на автора. Въ наши дни такому же испытанію подверглись Ибсенъ и Чеховъ. Провалятъ пьесу такъ, что отъ нея живого мѣста не останется, а потомъ говорятъ:

— Скучица дьявольская! Жвачка какая-то!

Въ шестидесятыхъ годахъ совершенно чужда была режиссеру стилизація пьесы. Было три сорта исполненія: бытовая, салонный и трагическій. Между этими тремя соснами блуждали пошехонцы-режиссеры, не находя выхода. Когда явился Ибсенъ, они недоумѣвали:

— Позвольте: какъ же это? Маргарита Готье и Арманъ Дюваль— это ясно—салонная игра, Любимъ Торцовъ—бытовая, Шейлокъ— трагическая. А скандинавца этого какъ играть? По-лапландски?

Единственно, что помогало въ прежнее время классикамъ,— «разовая» система. Все-таки «наиграть» можно было. Съ омерзѣніемъ челоуѣкъ размахетъ себѣ физиономію, надѣнетъ какія-то красныя тряпки съ зубцами, повымарааетъ гдѣ можно роль, и смотришь: къ десяти часамъ ужъ дома, а тамъ гости за самоварчикомъ ждутъ.

— Что, батюшка, уже?

— Отбарабанилъ, милые!

Стилизація, одинъ изъ основныхъ законовъ искусства, совершенно была забыта въ шестидесятые годы. Профессоръ Неффъ писалъ образа въ томъ же стилѣ, какъ «Нимфъ въ гротѣ»; при постановкѣ балета на сюжетъ сказки русскія избы декораторы писали не въ сказочныхъ тонахъ, а стараясь возможно ближе подойти къ изображенію настоящихъ избъ. Художники думали, что для изображенія «чуда-юда рыба-китъ» необходимо срисовать изображеніе кита изъ атласа естественной исторіи, а не пользоваться его изображеніями въ нашей старинной живописи, гдѣ изображался «излеваннй пророкъ Іона изъ чрева китова». вмѣсто стилизаціи была модернизация. Людмила пѣла оперу съ буклями à la императрица Евгенія; архитекторы строили на выставкахъ зданія въ «русскомъ стилѣ», руководствуясь орнаментомъ малороссійскихъ полотенецъ; въ «Королѣ Лирѣ» англичане ходили въ козловыхъ ботинкахъ съ резинками. Оперетка помогала этому: тамъ можно было выходить всѣмъ богинямъ въ корсетахъ и современныхъ лифахъ.

ХІІІ.

Много разъ видѣлъ я «Гамлета». Господи! что это было. Кромѣ Самойлова, который по внѣшности походилъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ другихъ исполнителей, на датскаго принца¹⁾, все остальное

¹⁾ Внѣшность «Гамлета» большое мѣсто для артистовъ. Въ большинствѣ случаевъ его изображаютъ наши лицедѣи съ бритой актерской физиономіей, въ парикъ съ завитыми кудрями. Исключеніемъ являлись Далматовъ и Сумбатовъ, которые, по стопамъ Самойлова, рискнули на бороды, а первый артистъ даже рискнулъ надѣть свѣтлый парикъ. Лучшіе гримы «Гамлета» теперь у Мунэ-Сюлли и Томазо Сальвини. Вначалѣ Сальвини тоже выходилъ бритый, но потомъ пришелъ къ убѣжденію въ ошибкѣ, и въ послѣдній свой пріѣздъ игралъ въ Маломъ театрѣ съ бородой.

представляло засаленную колоду картъ съ бубновыми королями, трефовыми дамами и червонными валетами. Въ костюмахъ была вопіющая разнокалиберщина. Отношенія къ Даніи не было никакого, проникновенія эпохой, желанія возсоздать на мрачномъ кровавомъ фонѣ средневѣковья свѣтлую фигуру питомца Виттенберга, конечно, не было и въ поминѣ. Сѣвера, той снѣжной вьюги, подъ пѣніе которой создавалась легенда о призракѣ короля, не было и слѣда. Ни шкуръ, ни оленьихъ и медвѣжьихъ мѣховъ, ни стараго мрачнаго Эльсинорскаго дворца, ни свиты, ни придворныхъ.

Впрочемъ, и впослѣдствіи не повезло «Гамлету». До сихъ поръ онъ не былъ какъ надо поставленъ на императорской сценѣ. Когда авторъ этихъ строкъ ставилъ въ началѣ 90-хъ годовъ свой переводъ, большинство критиковъ нашло постановку роскошной, достойной Шекспира, и пр. Въ сущности все было очень плохо: и декорациа, писанныя нѣмецкими художниками въ Кобургѣ, и странные костюмы, сдѣланные почему-то по рисункамъ графа Соллогуба и лишеныя всякой красоты, и сама постановка, которой руководилъ въ Петербургѣ покойный П. М. Медвѣдевъ. Онъ былъ милый человѣкъ, но лишеныя всякой эрудициа. Я не могу забыть, какъ онъ спорилъ со мной, что «при Гамлетѣ» мебели не было.

— Я вамъ и книгу покажу,—увѣрялъ онъ.—Голыя стѣны и больше ничего, ни одного стула.

Онъ же говорилъ артисту, игравшему короля:

— Что вы какіе жесты дѣлаете? Да неужели вы никогда не видѣли, какъ короли разговариваютъ? Вѣдь они вотъ какъ всегда рукой поводятъ.

И онъ показывалъ какъ.

Если это было въ началѣ 90-хъ годовъ, что же было четвертью вѣка раньше?

Когда умирали, одинъ за другимъ, всѣ герои драмы, когда, по выраженію автора, накоплялась гора «царственной дичи», убитой судьбою для невѣдомаго торжества, придворные сохраняли паразитическое хладнокровіе. Царица отравлена—имъ хоть бы что. Принцъ кричитъ: «Измѣна!» Они смотрятъ на него съ такимъ видомъ, точно хотятъ сказать:

— Съ чего это тебя такъ развозить?

Король убитъ,—трупъ Лаэрта давно уже лежитъ у суфлерской будки и судорожно дышитъ огромнымъ животомъ. Самъ Гамлетъ, несмотря на рану, вопитъ и мечется, а придворные смотрятъ куда-то въ первый ярусъ, а одинъ усердно чиститъ свой носъ.

Д. В. Аверкіевъ по этому поводу иронически замѣтилъ въ рецензіи:

— Характеръ холодныхъ сѣверныхъ натуръ выдержанъ даже у статистовъ превосходно: они остаются мертвенно-неподвижными, что бы вокругъ нихъ ни происходило...

XIV.

Пьесы Островскаго ставились такъ же примитивно, какъ и все остальное. Три стѣнки на сценѣ, въ каждой по двери. Если нужно окно, рядомъ съ дверью ставили окно, заставляя архитекторовъ ломать голову: что за странный планъ дома изображенъ режиссерами? Съ одной стороны сцены, вдоль рампы, ставили диванъ, съ другой—столъ и два стула. Это повторялось неизмѣнно полстолѣтія. Сторожилы говорятъ на это:

— Зато какъ играли тогда!

Да въ общемъ играли скверно. Если отдѣльные блестящіе таланты Самойлова, Сосницкаго, Линской, Павла Васильева—сверкали самоцвѣтными камнями, то въ общемъ—это было изъ рукъ вонъ плохо,—именно въ шестидесятыхъ годахъ. Актрисъ не было. Струйская была актриса очень средняго дарованія, Читау героиня уже не играла, Подобѣдова II и Яблочкина I тоже были под сомнѣніемъ. Просмотрите афиши тѣхъ временъ, и вы поймете, почему литературныя вещи проваливались. Бурдинъ, игравшій Краснова, Несчастливцева, Маргаритова, заранѣе обрекалъ на гибель главные роли пьесъ Островскаго, а вмѣстѣ съ ними и самыя пьесы. Ходили смотрѣть не пьесы, а отдѣльныхъ актеровъ. Было какое-то гастролерство, безъ признаковъ ансамбля.

Вообще литература рѣдко уживалась съ «ходовымъ» репертуаромъ. Посмотрите, что имѣло успѣхъ по преимуществу за семьдесятъ пять лѣтъ существованія Александринскаго театра. Впервыхъ—оперетка. Большаго успѣха, чѣмъ «Прекрасная Елена», не имѣло ни одно «литературное произведеніе». Затѣмъ шелъ въ 70-хъ годахъ Николай Потѣхинъ,—его «Злоба дня» явилась какимъ-то откровеніемъ; Дьяченко и Крыловъ всегда отбивали лавры у Сухово-Кобылина и Островскаго.

Отсюда, конечно, неуспѣхъ классиковъ и постепенная отвычка артистовъ играть серьезно. Стали играть для публики, а не для дѣла. Не театръ руководилъ публикой, а публика театромъ. И въ печати неоднократно высказывалось мнѣніе, что заправилы казеннаго театра должны «прислушиваться» къ требованіямъ времени и удовлетворять ихъ, а не итти впереди толпы, не вести ее за собою. Въ этомъ отношеніи режиссеръ Яблочкинъ оказался нецѣннымъ человѣкомъ.

— Наконецъ и въ Александринскій театръ поѣхала аристократія! — говорили въ обществѣ. — Вмѣсто купцовъ и пропойцъ наконецъ мы увидѣли настоящее, европейское искусство.

Дѣло, конечно, шло объ Оффенбахъ. Не знаю, что сказала бы тѣнь Каратыгина, трагика, но «молодыя силы» театра съ усердіемъ, облеклись въ трико, распѣвали фолишонныя куплеты. Сазоновъ,

которому никакъ нельзя было отказать въ талантѣ, бросилъ работать и въ короткой рубашонкѣ, съ обручемъ на рыжемъ парикѣ, запѣлъ:

Три богини спорить стали...

Самойловъ рѣзко отпарировалъ натискъ оперетки, и въ этомъ отношеніи оказался болѣе стойкимъ, чѣмъ въ Москвѣ Провъ Садовскій. Павелъ Васильевъ, Зубровъ, Степановъ—тоже сторонились отъ нея. Но большинство не устояло,—и опереточная волна захлестнула ихъ.

XV.

Исключительный успѣхъ выпалъ на долю «Смерти Іоанна Грознаго» графа Алексѣя Толстого.

Нечего грѣха таить: если бы не связь Алексѣя Константиновича съ Александромъ II—никогда бы его пьеса не увидѣла свѣта рамы въ такой «блестящей» постановкѣ. Хотя о блескѣ ея да позволено мнѣ высказать особое мнѣніе.

Алексѣй Толстой росъ вмѣстѣ съ будущимъ царемъ-Освободителемъ. «Сынъ любви», онъ жилъ въ домѣ своего отца, котораго звалъ «дядей»,—въ домѣ знаменитаго Перовскаго, одного изъ талантливѣйшихъ людей первой половины девятнадцатаго вѣка. Отецъ легко далъ ему, при своей силѣ и связяхъ, графство и передалъ ему свою любовь къ литературѣ. Перовскій и писатель Погорѣльскій, какъ извѣстно, одно лицо,—и одна изъ самыхъ удивительныхъ дѣтскихъ сказокъ—«Черная курица»—была написана имъ для наслѣдника престола, причемъ герой сказки былъ названъ Алешей, въ честь сына-племянника.

Алексѣй Константиновичъ былъ искренній поэтъ, хотя писалъ поэтическія произведенія подчасъ плохими стихами и иногда римовалъ невозможными созвучіями. Подъ вліяніемъ Делавиня и Шекспира,—а можетъ быть и Бульверъ-Литтона,—онъ написалъ свою трилогію. Если въ ней нѣтъ прелести Пушкинскаго стиха,—зато она безконечно выше всѣхъ историческихъ драмъ Кукольника, Полевого, Чаева, Аверкіева и даже Островскаго. Что Годуну приданы одновременно черты Макбета и министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева, что Грозный похожъ на Людовика XI,—это не бѣда; все-таки послѣ «Бориса» Пушкина—это лучшія наши драмы,—и товарищъ дѣтства автора, государь, отдавъ распоряженіе поставить «Смерть Іоанна» на драматической сценѣ, не стѣсняясь средствами, санкціонировалъ, такъ сказать, правоспособность русскаго драматическаго театра, бывшаго до этихъ поръ въ глазахъ дирекціи только печальнымъ пасынкомъ природы.

Если Тургеневъ никогда не мечталъ быть драматическимъ писателемъ, то А. К. Толстой всегда мечталъ объ этомъ. Ему, несомнѣнному художнику, тяжело было видѣть, какъ нестройно и плохо идетъ его «Смерть Іоанна»,—но это не помѣшало ему написать еще двѣ трагедіи, представленія которыхъ, впрочемъ, не довелось автору увидѣть на сценѣ. Даже близость «Іоанна Дамаскина къ калифу» не помогла. Цензура видѣла въ изображеніи царя Θεодора посягательство на личность монарха и все сводила къ вопросу *lesae maiestatis*. Когда, уже въ девяностыхъ годахъ, я въ качествѣ товарища предсѣдателя Художественно-Литературнаго кружка хлопоталъ у Θεоктистова—тогдашняго начальника по дѣламъ печати—о пропускѣ «Власти тьмы» Льва Толстого для представленія, онъ въ недоумѣніи спрашивалъ:

— Зачѣмъ вамъ нужна эта мерзость?

Но въ концѣ концовъ пропустилъ ее. Когда же я заикнулся о «Царѣ Θεодорѣ», онъ даже голосъ возвысилъ:

— Ну, ужъ это извините! Обращайтесь лично къ государю...

Въ 1897 году мы «Θеодора» дали, при необыкновенномъ колоссальномъ успѣхѣ,—никакихъ ужасовъ не произошло, и всѣ страхи свелись на упреки цензурному вѣдомству: съ чего это такъ долго пьеса была подъ запретомъ.

XVI.

Въ первомъ представленіи «Іоанна» былъ пропущенъ только схимникъ. Потомъ его возстановили, и игралъ его Самойловъ. Въ виду желанія Александра II видѣть пьесу на сценѣ, художники, археологи, архитекторы, всѣ соединились, чтобы возсоздать полную картину царскаго обихода середины XVII вѣка.

У насъ въ литературѣ и до сихъ поръ свято хранится преданіе, что постановка трагедіи была изумительной, что ничего подобнаго потомъ не было, что такія «силы», какъ Шварцъ, Шишковъ, Бочаровъ, археологъ Прохоровъ, создали нѣчто на удивленіе вѣковъ. Больше всѣхъ постарался надъ укрѣпленіемъ этого мнѣнія Стасовъ. Онъ искренно вѣрилъ въ то, что это было именно такъ. Смотря на все сквозь призму восторженности, онъ не могъ говорить иначе.

Но мнѣніе это крайне преувеличено.

Видѣлъ я постановку «Іоанна» нѣсколько разъ. Нѣкоторыя декораціи дожили до XX вѣка, и множество разъ были употребляемы въ пьесахъ Аверкіева, Островскаго и Чаева. Главное достоинство постановки было то, что она вся была сдѣлана заново, и, вѣроятно, обошлась въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Блеска—золота, жемчуговъ, бархата, мѣховъ—было сколько угодно. Все это слѣпило глаза и приводило въ восторгъ общество и печать. Но это было хорошо по своему времени; теперь такая постановка едва ли бы кого

удовлетворила,—и, кажется, минулъ достаточно длинный срокъ, чтобы мы, оглянувшись, могли теперь смѣло сказать правду.

Въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи моемъ въ академіи художествъ ¹⁾ я говорилъ, какъ нашъ лекторъ, археологъ Прохоровъ, каялся предъ нами въ историческихъ ошибкахъ, надѣланныхъ подъ его руководствомъ Шварцемъ, изготовлявшимъ рисунки для «Смерти Іоанна». А это было въ 1877 году — всего десять лѣтъ послѣ постановки трагедіи. Съ тѣхъ поръ археологія шагнула значительно впередъ, и мы въ правѣ предъявлять болѣе строгія требованія.

Сперва о костюмахъ. Несмотря на всю скудость матеріаловъ по исторіи одеждъ эпохи Грознаго, все же у насъ есть кое-что,— начиная съ «Посольства къ Германскому Императору» и кончая «Царственной книгой». Желаніе со стороны нѣкоторыхъ изслѣдователей видѣть въ послѣдней книгѣ преднамѣренную иконописную стилизацію едва ли можетъ выдержать критику. Авторы, иллюстрируя событія конца царствованія Василія и начала Іоанна, изображая очень характерно многія подробности одежды, ни въ чемъ не расходятся съ иноземными художниками, и мы въ правѣ приписать имъ подлинное историческое значеніе.

Дѣло въ томъ, что на всѣхъ этихъ рисункахъ нижнія одежды бояръ изображены болѣе длинными, чѣмъ верхнія, — какъ и до сихъ поръ у священниковъ риза всегда короче, чѣмъ нижній парчевый хитонъ. Это придаетъ особенно яркій, чисто азіатскій характеръ боярскому костюму. Шапки самыя разнообразныя. Бороды не лопатой, а или клиномъ, или подстрижены округло. У нѣкоторыхъ бороды совсѣмъ короткія. Волосы тоже подстрижены и отнюдь не торчатъ во всѣ стороны. На всѣхъ портретахъ, дошедшихъ до насъ, даже Михаила и Алексѣя, — тоже волосы короткіе. Русской прически съ проборомъ — ни у кого нѣтъ.

Царскій орнатъ съ золотыми бармами и шапкой Мономаха тоже анахронизмъ. Бармы во всякомъ случаѣ должны быть стараго типа, фіолетовыя, шитыя жемчугомъ, а не украшенныя образами, какъ у царя Алексѣя. Шапка Мономаха — вопросъ еще болѣе сложный. Сомнительно, чтобы она употреблялась въ иныхъ случаяхъ, кромѣ короновація. Этого мнѣнія держится и академикъ Н. П. Кондаковъ. А у насъ, съ легкой руки художниковъ шестидесятыхъ годовъ, сажаютъ Грознаго даже за обѣдъ въ этой шапкѣ.

Наконецъ самая парча имѣла на костюмахъ Шварца (за небольшими исключеніями, какъ костюмъ Годунова) чисто церковный характеръ. Парча половины XVI вѣка представляла совершенно иныя сочетанія цвѣтовъ и рисунковъ. Она была мягче, рисунокъ былъ шире и стильнѣе. Парчевыя шубы — были мунди-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. С, стр. 425.

ромъ. Конечно, въ шитыхъ жемчугомъ сапогахъ и такихъ шубахъ по улицамъ бояре не ѣздили, а тѣмъ болѣе не ходили. Онѣ допускались при торжественныхъ въѣздахъ и выѣздахъ, при церемоніяхъ, при приѣмѣ пословъ. Захудалымъ боярамъ выдавались шубы на время отъ казны, хранившіяся въ нижнихъ помѣщеніяхъ подъ Грановитой палатой. Приѣзжали же даже во дворецъ въ простыхъ суконныхъ, ентовыхъ, лисьихъ и куньихъ шубахъ, — такъ, какъ теперь ѣздятъ попы и архіереи, и переодѣвались внизу.

XVII.

То же можно сказать и про декораціи Шишкова. Спора нѣтъ, онѣ написаны были весьма грамотно, даже свѣжо и красочно до пестроты. Но давали ли онѣ укладъ теремной жизни XVI вѣка?

Онѣ представляли декоративныя копія съ реставраціей Солнцева.

Копія добросовѣстныя, но не передававшія уклада жизни государевой. Это все были нежилыя комнаты, и внѣ всякаго археологическаго проникновенія. Въ ту пору, въ 60-хъ годахъ, Грановитая палата вѣнчалась простымъ выбѣленнымъ потолкомъ. Шишковъ не стѣсняясь тоже выбѣлилъ Грановитую палату Грознаго, — хотя, уничтоженная пожаромъ, она совершенно намъ невѣдома, и для возсозданія ея представляется широкой просторъ для творчества художника.

Главнѣйшимъ недостаткомъ декорацій было то, что всѣ стѣны Кремля точно накануне вышли изъ-подъ кисти мастера. Это не конецъ царствованія Грознаго, гдѣ за многія торжества, празднества и безчинства въ теченіе долгихъ лѣтъ тускли и блекли старыя палаты. Іоаннъ послѣдніе годы царенія не думалъ о реставраціи покоевъ. Вѣчная копоть отъ восковыхъ свѣчей, густымъ слоемъ, какъ въ старыхъ церквахъ, покрыла своды потолковъ. Отъ cadaго угла вѣяло ужасомъ. Рѣки крови, пролитыя во дворцѣ, должны сообщать мрачный, гнетущій характеръ всему фону пьесы. Задача cadaго декоратора именно въ этомъ и заключается. Онъ долженъ создать такой фонъ, на которомъ съ наибольшей характерностью проступило бы дѣйствіе пьесы. Если же фонъ, самъ по себѣ художественный, не только не помогаетъ дѣйствующимъ лицамъ, а мѣшаетъ впечатлѣнію общаго, отвлекая ненужными деталями вниманіе зрителя, — подобная работа декоратора прямо-таки вредна.

Въ послѣдніе годы у насъ стали обращать серьезное вниманіе на стильность. Поняли, что костюмы имѣютъ такое же отношеніе къ декораціи, какъ на каждой картинѣ цвѣта одежды къ фону. Отсюда прямымъ слѣдствіемъ явилось основное положеніе: дан-

ная декорація и костюмы дѣйствующихъ лицъ должны быть подчинены вѣдѣнію одного художника, — только тогда можетъ быть достигнута общая гармонія цвѣтовъ. Въ прежнее время объ этомъ рѣшительно не думали. Съ этой стороны сдѣланы большіе шаги впередъ, и едва ли показалось бы теперь достойнымъ восхищенія то, что восхищало тогда нашу публику.

Возьмите хоть бы первую сцену «Іоанна Грознаго». Уже съ поднятіемъ занавѣса публика была поражена роскошью и блескомъ боярской думы:— всюду роспись, золото, ковры. Бояре въ парчѣ и драгоценныхъ камняхъ. Палата залита яркимъ солнечнымъ свѣтомъ.—И всѣ восторгались этой картиной.

Но такъ ли замыселъ автора?

Смутная, тревожная сцена насильственного выбора царя, столкновение Сицкаго съ Годуновымъ—скорѣе мрачнаго, чѣмъ веселаго характера. Боярская дума — это правительствующій сенатъ того времени, присутственное мѣсто, которое носило на себѣ гораздо болѣе печать дѣловитости, чѣмъ роскоши. Разумѣется, никакихъ ковровъ тутъ быть не могло,—а были шкапы съ дѣлами, приказные, дьяки и прочіе служащіе. Дѣло происходитъ зимой, передъ обѣдней,—едва забрезжилъ день. Дума поднята была съ ьогъ на экстренное засѣданіе, такъ какъ царь потребовалъ немедленнаго отвѣта. Ничего этого въ первой постановкѣ не было, и никто на это не предъявлялъ никакихъ требованій.

XVIII.

Иногда бываетъ эпоха какого-то гипноза, какой-то общей галлюцинаціи, которая длится мѣсяцы и годы. Иногда, подъ вліяніемъ такого гипноза бездарный писатель, актеръ или живописецъ признается современниками великимъ, вѣнчается на ряду съ геніями, и когда неожиданно спадаетъ повязка съ глазъ, всѣ, какъ въ извѣстной сказкѣ Андерсена, убѣждаются, что король-то голый.

Каждый періодъ литературы можетъ насчитать нѣсколько такихъ увлеченій. Вспомните Марлинскаго, повѣсти котораго ставили выше «Героя нашего времени». Вспомните Нестора Кукольника—это расплывчатое, дряблое дарованіе жидкаго романиста, писавшаго пошлыя итальянскія повѣстухи. Ихъ забывали такъ же скоро, какъ и вѣнчали. А Загоскинъ, Лажечниковъ?.. о современникахъ и говорить не буду...

«Раздувалъ» болѣе всѣхъ постановку Грознаго Стасовъ. Когда-нибудь найдется біографъ для почтеннаго Владимира Васильевича,— и напишетъ во весь ростъ его мощную, велегласную фигуру, сыгравшую крупную роль въ исторіи искусства.

У него были всѣ элементы проповѣдника. Какъ про него выразился одинъ критикъ,—«у Стасова зычное перо». Онъ писалъ

удивительно зычно. Голосъ его звучалъ, какъ съ колокольни, и онъ не понималъ дряблага мелкаго звона,— звонять такъ именно во всю Ивановскую, чтобъ Кремль сотрясался. Его и карикатуристы всегда изображали играющимъ на тромбонѣ въ общемъ оркестрѣ критиковъ.

Но самой отличительной чертой Стасова было не то, что онъ зычно ругался, а то, что онъ зычно восхищался. Его восхищенію не было границъ: онъ ревѣлъ, какъ органъ, славословящій боже-ство, — онъ восхищался всю жизнь, восхищался всѣмъ своимъ существомъ, искренно, я бы сказалъ даже: свято. Для него недостатокъ не было въ томъ, что служило предметомъ восхищенія. Когда онъ гремѣлъ панегирикомъ въ честь художника, ему робко замѣчали:

— Владимиръ Васильевичъ, а техника?..

— Да будетъ проклята техника!—слышалось въ отвѣтъ.—Техника, сковывающая мысль,— не техника. Къ чорту всѣ академіи, палитры и кисти, если онѣ кастрируютъ мозгъ!

Стасовъ — рѣдкій примѣръ друга, который клалъ за своихъ ближнихъ животъ свой. Ужъ если онъ кого полюбитъ, такъ, не смотря ни на что, будетъ о немъ трубить на всѣхъ углахъ и перекресткахъ. И надо правду сказать, онъ съ гораздо бѣльшимъ удовольствіемъ трубилъ хвалебные гимны, чѣмъ низводилъ и унижалъ. У него доставало мужества сказать, какъ онъ сказалъ про Виктора Васнецова по поводу его иконъ:

— Я этого не могу понять, поэтому молчу.

Но то, что, ему казалось, онъ понимаетъ, составляло вѣчную пицу для дальнѣйшихъ похвалъ. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ облюбовалъ Шварца, Гартмана и Горностаева. И вотъ все, что бы они ни дѣлали, находило въ немъ самага яраго панегириста. Всѣ русскія полотенца, преобразенныя въ наличники избъ, сказать по правдѣ, отзывали порядочнымъ безвкусіемъ и нелѣпницей, — но Стасовъ чуть ли не писалъ о нихъ изслѣдованія и увѣрялъ, что это и есть «русскій стиль», Шварца онъ до послѣднихъ дней считалъ величайшимъ знатокомъ русскихъ древностей, и ничего не хотѣлъ слышать, когда ему говорили объ ошибкахъ художника.

XIX.

Облюбовавъ «Смерть Іоанна», онъ тридцать лѣтъ кричалъ объ удивительной постановкѣ, равной которой была только постановка «Руслана и Людмилы» по рисункамъ тѣхъ же художниковъ. Но вотъ въ концѣ девяностыхъ годовъ частный театръ Литературно-Художественнаго общества поставилъ «Царя Ѳедора Іоанновича». Поставилъ наскоро, но съ большимъ нервнымъ подъемомъ. Произошелъ тотъ гипнозъ, о которомъ я говорилъ выше. Весь Петер-

бургъ повѣрилъ, что царь Ѳедоръ—неврастеникъ, какимъ его изображалъ игравшій актеръ, и всѣ повалили смотрѣть пьесу. Для полноты гипноза тутъ было и долготнее запрещеніе пьесы, и то, что у насъ давно не ставили пьесъ изъ русской исторіи. Но гипнозъ былъ таковъ, что Стасовъ, несмотря на неприязнь къ «Новому Времени», органически связанному съ этимъ театромъ, опять забилъ въ тулумбасы, — заявивъ, что со временъ «Іоанна Грознаго» не было ничего подобнаго. Не могу не сознаться, что главнѣйшій эффектъ постановки «Ѳедора» заключался не въ «превосходно скомпанованныхъ» декораціяхъ, какъ писалъ Стасовъ (онѣ просто были, кромѣ берега Яузы, заимствованы изъ старыхъ альбомовъ Шишкова), не въ великолѣпныхъ костюмахъ,—совершенно невѣрныхъ,—а, повторяю, въ томъ подъемѣ нервовъ и въ томъ общемъ желаніи сыграть во что бы то ни стало, съ малыми средствами, какъ можно лучше. И вотъ—наибольшій успѣхъ изъ постановки имѣлъ казакъ, карьеромъ скакавшій по авансценѣ, звонъ колоколовъ, которымъ завѣдывалъ звонарь Аничкова дворца, разсвѣтъ въ саду Шуйскаго подъ соловьиный свистъ и пр.

Похвала Стасова хотя и была мнѣ лестной,—потому что я завѣдывалъ всей обстановкой, — но тѣмъ не менѣе я вступилъ съ нимъ въ споръ, доказывая, что и костюмы и декораціи не соотвѣтствуютъ пьесѣ. Изумленію Владимира Васильевича не было предѣловъ. Тутъ я убѣдился, что всѣ археологическія его свѣдѣнія не восходятъ далѣе того, что въ шестидесятыхъ годахъ проповѣдывалъ Прохоровъ. Особенно сказалось это въ одномъ его замѣчаніи: отчего ни у кого изъ бояръ нѣтъ высокихъ горлатныхъ шапокъ?

Я началъ ему доказывать, что высокія горлатныя шапки—достояніе эпохи царя Алексѣя, и мы на сто лѣтъ дадимъ ошибку, если пустимъ ихъ на сцену. Но онъ стоялъ на своемъ:

— Шварцъ, иллюстрируя «Князя Серебрянаго»...

Что съ нимъ было дѣлать?

Если бы при страстности, темпераментѣ и эрудиціи, Стасовъ обладалъ художественнымъ чутьемъ — это была бы титаническая фигура. Но теперь его пафосъ иногда кажется чуть не комичнымъ. Вѣдь онъ нѣкогда возвелъ въ гениальное произведеніе картину Моллера «Іоаннъ на островѣ Патмосѣ». Онъ восхищался экспрессіей лицъ, глубокимъ проникновеніемъ сюжетомъ и прочее и прочее, не замѣчая искусственности, слащавости и красочности картины. Мнѣніе его настолько было твердо, что даже въ полномъ собраніи сочиненій онъ помѣстилъ свою стародавнюю статью, несколько отъ нея не отрекаясь.

Стасовъ договаривался до парадоксовъ.

— Развѣ для живописи существуютъ картины?—спрашивалъ онъ.—Бетховенъ говорилъ, что искусство должно высѣкать огнен-

ную искру изъ груди человѣка! Когда это достигнуто,—обо всемъ остальномъ можно подумать когда-нибудь потомъ.

Ясно, что почтенный критикъ смѣшивалъ идейную философію съ искусствомъ. Когда онъ увидѣлъ у Страннолюбскихъ снятую съ выставки запрещенную картину Ге—«Распятіе», онъ воскликнулъ:

— Это первое «Распятіе» въ мірѣ!

Ему не было дѣла до того, что въ трепаныхъ, неувѣренныхъ линіяхъ торса было такое слабое знаніе анатоміи, такъ была забыта натура, такое сказалось неряшество; для него художникъ долженъ былъ высѣкать огненную искру—и больше ничего. Превосходная экспрессія головы Христа закрыла отъ Стасова все остальное, и когда Рѣпинъ осмѣлился замѣтить о «неумѣннн Ге писать и рисовать», онъ, несмотря на любовь къ «высшему изъ русскихъ живописцевъ», какъ онъ называлъ Рѣпина, все же не постѣснялся печатно приравнять его къ герою Крыловской басни, который говорилъ:

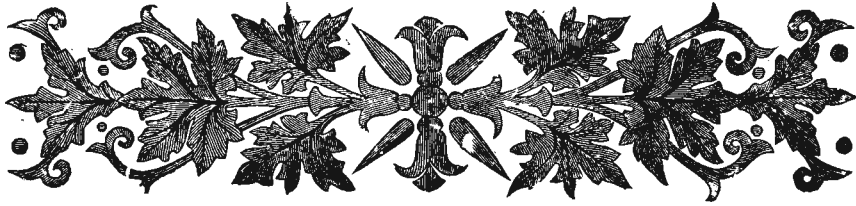
«Тебя безъ скуки слушать можно».

Къ счастью, Стасовъ почти никогда не писалъ о драматическомъ театрѣ и потому не сбивалъ своимъ пафосомъ съ пути истиннаго молодыхъ артистовъ, какъ онъ сбивалъ въ живописи Рѣпина, Перова, Ге и Влад. Маковского.

П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СТРАНА НЕОЖИДАННОСТЕЙ.

(Изъ замѣтокъ японца).

ВѢтъ десять тому назадъ я познакомился въ Петербургѣ съ однимъ японцемъ. Возрастъ его опредѣлить было трудно. Мнѣ казалось, что ему лѣтъ тридцать. Сосредоточенный, скромный, мало разговорчивый, онъ производилъ впечатлѣніе незначительнаго человѣка. Иногда только взглядъ его черныхъ косыхъ глазъ выражалъ затаенную наблюдательность. Звали его Камо Икку. Онъ раньше былъ уже въ Россіи, затѣмъ уѣхалъ въ Европу и снова вернулся къ намъ съ единственною цѣлю, какъ онъ утверждалъ, довершить свое образованіе, потому что вѣрилъ въ образовательную силу путешествій.

Мы съ нимъ сошлись: я интересовался Японіей, онъ интересовался Россіей,—интересовался настолько, что уже на родинѣ усвоилъ себѣ русскій языкъ, а по пріѣздѣ къ намъ говорилъ на немъ свободно. Онъ пробылъ въ Россіи около трехъ лѣтъ.

Въ 1901 г. онъ уѣхалъ къ себѣ въ Японію. Но мы переписывались вплоть до войны, когда наша переписка прекратилась и болѣе не возобновлялась. И вотъ недавно я получаю изъ Японіи толстый пакетъ. Раскрывая конвертъ, я невольно вспомнилъ о Камо Икку, хотя адресъ былъ написанъ не его рукой. Писалъ мнѣ его братъ: его самого уже не было въ живыхъ. Во время войны онъ, состоя при штабѣ генерала Куроки, простудился, сильно занемогъ и скончался на родинѣ отъ послѣдствій этой болѣзни. Къ

этимъ свѣдѣніямъ братъ добавлялъ, что передъ смертью Камо Икку велѣлъ мнѣ переслать свои замѣтки, писанныя имъ еще въ Россіи по-русски, чтобы практиковаться въ этомъ языкѣ. Онъ ихъ перевелъ для своего правительства, а мнѣ велѣлъ послать оригиналъ въ знакъ памяти о нашемъ знакомствѣ и съ разрѣшеніемъ воспользоваться ими для какой угодно цѣли.

Я прочелъ ихъ внимательно, и онѣ мнѣ показались настолько интересными, что я рѣшилъ предать ихъ гласности.

Затѣмъ предоставляю слово покойному Камо Икку.

I.

Мы, японцы, очень многимъ обязаны нашему правительству. Оно покончило съ феодальнымъ строемъ, со всѣми безчинствами дайміосовъ, организовало наши вооруженныя силы, двинуло народное просвѣщеніе, дало намъ парламентъ. Мое знакомство съ русской исторіей привело меня къ выводу, что и въ Россіи роль правительства была очень значительна, а изъ моихъ бесѣдъ съ русскими я вынесъ впечатлѣніе, что они считаютъ правительство всесильнымъ, т. е. своего рода божествомъ, которое, смотря по тому, въ чьихъ рукахъ находится власть, можетъ превратить страну въ адъ или рай. Поэтому, когда я пріѣхалъ въ Россію, меня прежде всего заинтересовала организація правительства. Чтобы ознакомиться съ нею, я могъ обратиться къ книгамъ, изъ которыхъ я узналъ бы, какъ обширны права центральной власти, каковъ кругъ вѣдомства разныхъ учреждений и т. д. Но книги были въ моемъ распоряженіи и на родинѣ, и при томъ умъ у меня по преимуществу практическій. Меня больше интересовалъ вопросъ, какъ правительственныя учрежденія непосредственно соприкасаются съ жизнью, въ какомъ взаимодействіи они съ нею находятся. Всякое правительство—своего рода дерево, вросшее корнями въ почву, т. е. въ народъ. Если корни здоровы, получаютъ достаточное количество доброкачественныхъ соковъ, то дерево процвѣтаетъ, и наоборотъ. Поэтому я обратился къ другому способу рѣшенія занимавшаго меня вопроса, именно къ изученію здѣшнихъ правительственныхъ учреждений, или, какъ русскіе ихъ называютъ, присутственныхъ мѣстъ. Почему они ихъ такъ называютъ, я не могъ выяснитъ въ точности, но думаю, что, если и есть какое-нибудь историческое основаніе ихъ такъ называть, то лучше было бы отказаться отъ этого названія, потому что, какъ убѣдилъ меня опытъ, на нихъ часто оправдывается знаменитое изреченіе Аристофана: «Присутствуя, отсутствуешь»; да и у самихъ русскихъ есть поговорки: «Отсутствіе всякаго присутствія», или: «Присутствіе полного отсутствія», и эти поговорки могутъ

дискредитировать учрежденія, которыя по идеѣ должны пользоваться почетомъ.

Какъ бы то ни было, я рѣшилъ познакомиться съ русскими присутственными мѣстами, и мнѣ было довольно безразлично, съ какимъ именно мѣстомъ познакомиться. Я исходилъ изъ той мысли, что общій культурный уровень страны долженъ налагать однообразный отпечатокъ на официальные ея учрежденія. Я не допускалъ, чтобы въ одной и той же странѣ существовали учрежденія, дѣйствующія идеально, и на ряду съ ними такія, которыя дѣйствуютъ ниже всякой критики. Къ этому выводу привелъ меня и опытъ. Я очень внимательно присматривался и во Франціи, и въ Германіи къ правительственнымъ учрежденіямъ и убѣдился, что они по своему типу въ каждой изъ этихъ странъ мало чѣмъ разнятся: германскія учрежденія скроены по одному образцу; то же можно сказать и о французскихъ. Кромѣ того, меня очень интересовала одна специальная область народнаго образованія. Поэтому я рѣшился посѣтить вѣдомство педагогическое ¹⁾, которому подчинена эта область, съ тѣмъ, чтобы, такъ сказать, убить двухъ зайцевъ за разъ. Я и посѣтилъ его. Руководствуясь практикой другихъ странъ, я явился не слишкомъ рано и не слишкомъ поздно, именно въ десятомъ часу, но швейцаръ мнѣ сказалъ, что раньше двѣнадцати никого въ присутствіи нѣтъ. Пришлось вернуться домой и заѣхать во второй разъ. Кажется, по-русски въ этихъ случаяхъ говорятъ: «Не спросясь броду, не суйся въ воду».

Когда я въ часъ опять пріѣхалъ въ вѣдомство, я засталъ тамъ картину очень оживленной жизни. Въ вестибюлѣ было по меньшей мѣрѣ десять сторожей или курьеровъ. Они сидѣли на скамьяхъ, нѣкоторые какъ будто хотѣли подняться, но тотчасъ же снова сѣли, и только одинъ всталъ, чтобы меня спросить, что мнѣ нужно. Отсюда я заключилъ, что они разныхъ чиновниковъ и посѣтителей принимаютъ различно, другими словами, что въ вестибюлѣ даннаго учрежденія есть то, что по-русски называется лицепріятіемъ. Въ Германіи и во Франціи я нигдѣ не встрѣчалъ ни этого лицепріятія, ни такой массы сторожей.

На вопросъ вставшаго сторожа, что мнѣ нужно,—я отвѣтилъ, что желаю видѣть секретаря. Этотъ отвѣтъ вызвалъ нѣкоторое замѣшательство среди сторожей. Они начали высказывать догадки о томъ, кого у нихъ слѣдуетъ считать секретаремъ, и наконецъ одинъ изъ нихъ, должно быть, самый бойкій, рѣшительно повелъ меня въ присутственное мѣсто.

¹⁾ Тутъ есть преднамѣренная неясность. Очевидно, Камо Ирку изъ деликатности пожелалъ скрыть настоящее названіе вѣдомства и называетъ его просто педагогическимъ, хотя почти всѣ наши министерства завѣдываютъ учебными заведеніями. Р. С.

Мы миновали комнату внушительнаго вида съ высокимъ потолкомъ и огромными сводами. За маленькимъ письменнымъ столомъ тутъ сидѣлъ презентабельный чиновникъ въ вицъ-мундирѣ и читалъ газету, не обративъ на меня никакого вниманія. Въ другой комнатѣ было много чиновниковъ, но уже не въ вицъ-мундирахъ, а въ пиджакахъ. Они попарно или группами вели оживленную бесѣду, такъ что я въ первую минуту подумалъ, что случилось что-нибудь особенное. Сторожъ указалъ мнѣ на стулъ возлѣ загородки, которою была отдѣлена та часть комнаты, гдѣ чиновники вели оживленную бесѣду. Я сѣлъ, а сторожъ осторожно открылъ дверь, находившуюся передо мною, и вошелъ въ нее, быстро закрывъ ее за собою. До меня, однако, успѣлъ донестись взрывъ женскаго смѣха. Сторожъ почти тотчасъ же вернулся и попросилъ меня подождать.

Мнѣ пришлось ждать долго и, прислушиваясь къ разговорамъ чиновниковъ, я имѣлъ полную возможность убѣдиться, что ничего особеннаго не произошло, а что чиновники просто бесѣдуютъ о разныхъ частныхъ дѣлахъ до начала занятій. Меня эти разговоры очень мало интересовали, тѣмъ болѣе, что до меня доносились только отрывки. Я уже началъ чувствовать себя неловко, слышавъ, что мнѣ, можетъ быть, вовсе не слѣдовало слышать, какъ сторожъ снова появился и прошелъ въ ту комнату, откуда раздавался женскій смѣхъ. Онъ, однако, тотчасъ же вышелъ и пригласилъ меня вступить въ мѣсто веселія. Я всталъ, вошелъ и засталъ такую картину: группа какихъ-то барышень кинулась въ одну дверь, такая же группа барышень кинулась въ другую дверь, а за ними послѣдовали, хотя и не съ такою поспѣшностью, молодые люди, очевидно, собесѣдники барышень. Я не могъ понять, какое все это имѣетъ отношеніе къ присутственному мѣсту: нигдѣ, ни на родинѣ, ни въ Европѣ, я ничего подобнаго не видалъ. Барышни, миловидныя, нарядныя, веселыя, очень непринужденныя, произвели на меня впечатлѣніе нашихъ гейшъ, и я подумалъ, что русскіе, должно быть, очень любятъ женщинъ этого рода, если держать ихъ даже въ присутственныхъ мѣстахъ.

Комната походила на библіотеку съ громадными шкапами, въ которыхъ, вѣроятно, хранились дѣла вѣдомства. Я въ ней остался одинъ. Все это было очень занимательно, хотя я и оказался въ непріятномъ положеніи: стоялъ я одинъ посреди комнаты и не зналъ, куда итти. Слѣва и справа доносились до меня заглушенные возгласы и хихиканье.

Наконецъ одна изъ гейшъ, т. е. барышень, вышла смѣясь изъ комнаты направо и, не взглянувъ на меня, сѣла у окна, гдѣ стоялъ маленькій письменный столикъ. Она наклонилась надъ бумагами, потомъ сдѣлала серьезный видъ и тогда уже спросила, что мнѣ угодно.

Я приблизился къ столу. Должно быть, что-нибудь въ моей наружности ее поразило, потому что она украдкою во время дальнѣйшаго разговора меня внимательно разсматривала.

На ея вопросъ я отвѣтилъ, что мнѣ нуженъ секретарь.

— У насъ никакихъ секретарей нѣтъ,—возразила она, но, видимо, была занята мною, а не тѣмъ, что говорить.

— Да что вамъ собственно нужно?—переспросила она.

— Я бы хотѣлъ, чтобы секретарь доложилъ директору о моемъ желаніи видѣть его.

— Да у насъ и директора нѣтъ,—улыбнулась она, и улыбка эта готова была перейти въ смѣхъ.—Директоры,—сдержалась она:—бываютъ въ департаментахъ, гимназіяхъ, театрахъ...

— Ну,—поправился я:—вашего начальника, вашего шефа...

Тутъ она не выдержала и расхохоталась. Смѣхъ у нея былъ звонкій, серебристый, заразительный. Я подумалъ: настоящая гейша.

— Шефы у насъ бываютъ въ полкахъ,—проговорила она сквозь смѣхъ и добавила:—вы—китаецъ? Садитесь, пожалуйста! Я въ жизни еще ни одного китайца не видѣла, т. е. виновата, видѣла, но не въ европейскомъ костюмѣ.

Я присѣлъ у столика: эта гейша меня заинтересовала, но еще больше меня заинтересовалъ вопросъ: что она собственно дѣлаетъ въ этомъ присутственномъ мѣстѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я на ея вопросъ:—я не китаецъ, я—японецъ.

— Вотъ японцевъ я еще совсѣмъ не видала. Скажите, пожалуйста,—удивилась она.—И вы такъ прекрасно говорите по-русски. Вы, должно быть, уже давно въ Россіи?

— Нѣтъ, недавно; но я по-русски говорилъ уже на родинѣ.

— Развѣ васъ тамъ обучаютъ этому языку?

Разговоръ нашъ принималъ салонный характеръ.

— Да, обучаютъ въ нѣкоторыхъ школахъ,—отвѣтилъ я.

— Да зачѣмъ онъ вамъ нуженъ? Что намъ, на примѣръ, дѣлать съ вашимъ японскимъ языкомъ?

— Вашъ взглядъ,—замѣтилъ я:—кажется, раздѣляется въ Россіи всѣми, потому что даже на восточномъ факультетѣ петербургскаго университета японскій языкъ преподается только урывками. Но не всегда такъ было...

— Не всегда? Скажите, пожалуйста! Когда же у насъ обучали японскому языку?

— Да, я думаю, вамъ это изъ исторіи извѣстно.

— Изъ исторіи?—переспросила гейша, какъ бы припоминая.— Нѣтъ, ни въ гимназіи, ни на курсахъ намъ ничего подобнаго не говорили.

— Ахъ, вы были на курсахъ,—полюбопытствовалъ я, въ свою очередь.—На какихъ именно?

— На бестужевскихъ, въ нашемъ женскомъ университетѣ. Я, правда, не кончила, потому что подвернулось это мѣсто—оно хорошо оплачивается—а соединить курсы со службою очень трудно. Но я слушала и всемірную исторію, и русскую исторію. Профессоръ всемірной читалъ намъ преимущественно о Лютерѣ, а профессоръ русской особенно любилъ царствованіе Іоанна Грознаго и смутное время.

— Какое же отношеніе все это имѣетъ къ вашей теперешней службѣ?—спросилъ я съ удивленіемъ, вызваннымъ отчасти тѣмъ, что дѣвушка, которую я принялъ за гейшу, собственно говоря, оказалась чиновницею.

— Да никакого,—отвѣтила она.—Какое же отношеніе можетъ быть между здѣшнею службою и курсами? А я въ самомъ дѣлѣ думала, что вы Россію знаете!

Мнѣ не хотѣлось спасовать передъ хорошенькою барышнею.

— А вы, хотя и русская,—возразилъ я:—но все-таки не знаете, когда русскихъ обучали японскому языку. У васъ былъ великій императоръ...

— Ну-у-у!—протянула дѣвушка иронически.—Что же вы мнѣ расскажете о нашемъ «великомъ» императорѣ?

— Напрасно вы иронизируете,—возразилъ я, желая блеснуть своимъ знакомствомъ съ русскою литературою.—Вашъ знаменитый критикъ Бѣлинскій, и тотъ называетъ его великимъ и утверждаетъ, что все въ Россіи получило начало отъ него, а я вамъ сообщу, что и обученіе русскихъ японскому языку введено имъ.

— Скажите, пожалуйста,—продолжала иронизировать моя собесѣдница:—кто же этотъ великій императоръ? Если Петръ I, то слава его давно миновала. Милюковъ доказалъ какъ дважды два четыре, что величіе его покоится на весьма шаткомъ основаніи.

«Вотъ тебѣ и гейша!—подумалъ я.—Какъ я ошибся: передо мною сидѣла очень образованная дѣвушка, знавшая такихъ историковъ, о которыхъ я никогда не слыжалъ».

Самолюбіе мое еще болѣе пострадало, и я хотѣлъ во что бы то ни стало возстановить свою репутацію.

— А все-таки,—возразилъ я,—Петръ Великій ввелъ въ 1705 г. обученіе русскихъ японскому языку, потому что Россія уже тогда черезъ Камчатку вплотную подошла къ Японіи, и потому что онъ, предвидя значеніе, которое Тихій океанъ можетъ имѣть для его отечества, хотѣлъ, чтобы русскіе познакомились съ Японіею непосредственно.

— Ахъ, скажите, пожалуйста,—перебила меня дѣвушка:—такъ вотъ мы кому обязаны этимъ милымъ Портъ-Артуромъ.

— Простите меня,—возразилъ я:—не Петръ Великій двинулся черезъ Сибирь въ Камчатку и вообще на Дальній Востокъ; двинулся туда самъ русскій народъ, а ваше правительство, за исключеніемъ Петра, было такъ недальновидно, что дало заглухнуть обученію русскихъ японскому языку и не возобновляло его даже тогда, когда Россія прочно основалась на Тихомъ океанѣ.

— Сейчасъ видно,—замѣтила дѣвушка:—что вы японецъ. Вы бредите Тихимъ океаномъ, а намъ онъ совсѣмъ не нуженъ.

Какъ я былъ посрамленъ! Дѣвушка, которую я принялъ за гейшу, рѣшила въ присутственномъ мѣстѣ судьбы Россіи.

Этотъ политическій разговоръ меня интересовалъ, но въ то же время я совѣстился злоупотреблять временемъ, которое отнималъ у чиновницы, изъ любезности къ иностранцу откладываяшей исполненіе своихъ официальныхъ обязанностей. Поэтому я обратился къ ней съ вопросомъ:

— Такъ какъ же мнѣ быть?

— Ахъ, это вы насчетъ секретаря и шефа,—разсмѣялась она снова.—Такъ вотъ что: шефа нѣтъ — онъ выдерживаетъ карантинъ.

— Карантинъ?—удивился я.—На какой границѣ?

Дѣвушка такъ и покатила со смѣху. Она долго не могла успокоиться, наконецъ проговорила:

— Не на границѣ, а у себя на квартирѣ.

— Развѣ у васъ, въ Россіи, выдерживаютъ карантинъ въ собственной квартирѣ?—спросилъ я, все болѣе недоумѣвая.

Дѣвушка замахала обѣими руками.

— Ахъ, бѣдненькій, ничего-то вы въ нашихъ порядкахъ не понимаете,—воскликнула она.—У дочки шефа какая-то болѣзнь: онъ боится заразить дѣтей чиновниковъ и потому на службу не ходитъ,—ему носятъ бумаги на домъ.

— И давно уже продолжается этотъ... карантинъ?—поинтересовался я.

— Собственно было бы хорошо, если бы онъ продолжался долго, но, дорожа интересами службы, шефъ нашего полка—я теперь всегда буду его такъ называть: уморили вы меня!—ограничилъ его двумя недѣлями, которыя уже на исходѣ. Если вы зайдете въ четвергъ, то, вѣроятно, застанете его превосходительство.

— Въ субботу, можетъ быть, вѣрнѣе будетъ?

— Да, если хотите навѣрное застать, то заходите въ субботу. Но, можетъ быть, у васъ дѣло важное, не терпящее отлагательства?—спохватилась дѣвушка.

— Нѣтъ, ничего важнаго нѣтъ. Я зайду въ субботу.

— Заходите, заходите, — приглашала дѣвушка:—съ вами весело.

— Развѣ вы такъ скучаете на службѣ?

— Съ этой вѣчной перепиской бумагъ и регистраціей входящихъ и исходящихъ, вы думаете, весело? Кто же этимъ интересуется? У насъ—никто. Можетъ быть, въ Японіи это считаютъ веселой работой, а у насъ это—каторга... Заходите же, заходите!

Я ушелъ и остался доволенъ этимъ первымъ моимъ посѣщеніемъ русскаго присутственнаго мѣста. Оно мнѣ дало нѣкоторый матеріаль для размышленій; но ясности въ моихъ мысляхъ еще не было, и я съ интересомъ ждалъ субботы, когда мнѣ предстояло свиданіе съ самимъ шефомъ.

II.

Но мнѣ не пришлось ждать субботы. Совершая въ четвергъ свою послѣобѣденную прогулку, я лицомъ къ лицу столкнулся съ своей знакомой чиновницей. Я поклонился; она мнѣ мило улыбнулась.

— А шефъ былъ сегодня,—заявила она мнѣ.—Можете завтра прійти: онъ навѣрное будетъ.

— Мерси,—отвѣтилъ я.—Карантинъ, значить, конченъ?

— Все въ нашей власти. Захотимъ—карантинъ будетъ; не захотимъ—карантина не будетъ.

— Однако, какого вы дурного мнѣнія о шефѣ,—возразилъ я.

— Скажите, пожалуйста, я о немъ дурного мнѣнія!—удивилась она.—Да онъ прекраснѣйшій человѣкъ. Я никакъ себѣ не могла представить, что бывшій кавалергардъ, конногвардеецъ или что-то въ этомъ родѣ можетъ быть такимъ хорошимъ человѣкомъ.

— Развѣ вашъ шефъ былъ чѣмъ-то въ этомъ родѣ?—удивился я, въ свою очередь.—Вѣдь педагогическое вѣдомство не имѣетъ ничего общаго съ кавалеріей. Тутъ требуются спеціальныя знанія.

— Можетъ быть, у васъ, въ Японіи; только не у насъ.

Разговоръ обѣщаль быть интереснымъ; поэтому я спросилъ:

— Вы позволите мнѣ немного васъ проводить, или...

— О, нѣтъ, нѣтъ,—уловила она мою мысль:—на этотъ счетъ у меня вольно. Можете, можете, если хотите.

Мы пошли рядомъ.

— Такъ скажите, почему шефъ вамъ такъ нравится?—продолжалъ я разговоръ.

— Онъ очень, очень милъ.

— То-есть?

— Онъ не придирчивъ, не взыскателенъ, пріятенъ въ обращеніи, приходитъ на помощь кому и чѣмъ только можетъ, угощаетъ насъ иногда конфектами, шутитъ съ нами,—словомъ, у него масса достоинствъ, и мы всѣ его очень любимъ.

— Вы, однако, какъ-то странно выразились насчетъ карантина.

— Ну-у-у!—протянула она.—Это у насъ общая болѣзнь. Бываютъ, впрочемъ, начальники очень аккуратные, чрезвычайно исполнительные, но, слава Богу, у насъ не такой шефъ.

— Почему же—слава Богу? Развѣ вы исполнительности на службѣ не одобряете?

Она взглянула на меня, какъ смотреть на наивнаго или невѣняемаго человѣка.

— Нѣтъ,—пожала она плечами:—вы нашей Россіи совсѣмъ не знаете, хотя и читали Бѣлинскаго и знаете о Петрѣ Великомъ или, если хотите, о Петрѣ Величайшемъ съ его дубинкою, больше, чѣмъ я знаю.

— Имѣть васъ учительницей было бы для меня болѣе, чѣмъ пріятно,—пошутилъ я.

— Вотъ и комплиментъ... дальневосточный... Нѣтъ, знаете, я на Дальній Востокъ не поѣду, и вашъ Тихій океанъ мнѣ совсѣмъ не нуженъ.

— А все-таки скажите мнѣ ваше мнѣніе объ исполнительности на службѣ?

— Извольте. Хотя это—вопросъ большой, но я надѣюсь его исчерпать, если вамъ не наскучитъ проводить меня до моего дома, который, спѣшу васъ успокоить, уже въ двухъ шагахъ. Начинаю. Можете ли вы мнѣ объяснить, почему я курсами увлекалась, а службою—нисколько?

— Я думаю, что могу,—отвѣтилъ я.—Курсы были вамъ по душѣ, а служба не по душѣ.

— Какой вы догадливый! Можетъ быть, вы, кромѣ того, сообразили уже, что человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души?

— Да, я объ этомъ слышалъ.

— Ну, вотъ и прекрасно. Прежде курсы, а теперь кое-что, о чемъ вамъ нѣтъ надобности знать, удовлетворяетъ потребностямъ моей души, а служба—потребностямъ тѣла. Эти послѣднія потребности—низменнаго свойства, и чѣмъ легче мнѣ достается то, что нужно для ихъ удовлетворенія, тѣмъ больше силъ и времени у меня оказывается для удовлетворенія не низменныхъ потребностей моей души. Теперь, надѣюсь, вы поняли?

— Нѣтъ, еще не совсѣмъ.

— И за что только я васъ похвалила! Вотъ и сообразительность!—воскликнула она и остановилась такъ круто, что какой-то господинъ, шедшій за нами, чуть не наскочилъ на нее.—Такъ вы ничего до сихъ поръ не поняли? А я уже дома. Вотъ мой подъѣздъ, и разговоръ нашъ конченъ. Можете сами остальное сообразить. Однако, мы вѣдь собственно еще не знакомы. Позвольте представиться: меня зовутъ Клавдіей Иконниковой.

И она быстро мнѣ сдѣлала реверансъ, а затѣмъ продолжала, насупивъ брови и повернувъ ко мнѣ свое хорошенькое ушко:

— Ну, теперь я приготовилась выслушать имя неудобнопроизносимое и труднозапоминаемое. Скорѣе, скорѣе, я устала ждать и ѣсть страшно хочу.

— Да меня зовутъ просто: Камо Икку.

— Повторите, повторите...

— Камо... Икку...—повторилъ я съ разстановкой.

Она двумя пальцами притянула меня за рукавъ къ самому подъѣзду. Затѣмъ, глядя на меня въ упоръ, таинственно прошептала:

— Скажите, вы не суевѣрны?

— Не замѣтилъ за собою. А что?

— Камо Икку, Клавдія Иконникова, ка-и, и-ка,—повторила она нѣсколько разъ.—Какая аллитерація! Это вѣдь предзнаменованіе, что съ нами вмѣстѣ что-нибудь случится, что-нибудь экстраординарное. Какъ вы думаете, что это могло бы быть? Только, смотрите, не влюбитесь въ меня... мнѣ Тихій океанъ не нуженъ.

И она такъ быстро шмыгнула въ подъѣздъ, что я не успѣлъ даже съ нею проститься.

«Превеселенькая гейша», подумалъ я и направился домой, а на другой день, въ четвергомъ часу, по указанію Клавдіи Иконниковой, снова входилъ въ солидный вестюбилъ мѣста ея служенія.

Сторожа взглянули на меня уже какъ на стараго знакомаго. Никакого замѣпательства между ними не произошло, они продолжали мирно сидѣть и бесѣдовать, и только тотъ бойкій сторожъ, который проводилъ меня въ прошлый разъ въ мѣсто веселія, спросилъ,—и мнѣ показалось, что онъ отнесся ко мнѣ какъ-то игриво,—кого я желаю видѣть: не секретаря ли опять? Я вынужденъ былъ отвѣтить, что именно секретаря, хотя и зналъ, что подъ секретаремъ мы оба разумѣемъ милую мою гейшу.

— Доложу. Пожалуйте,—пригласилъ онъ меня, и мы опять прошли черезъ знакомыя мнѣ комнаты. Но онѣ представляли уже нѣсколько иной видъ. Произошла перемѣна, сразу бросившаяся мнѣ въ глаза. Чиновникъ въ первой комнатѣ уже не читалъ газету, а усердно что-то писалъ. Въ слѣдующей комнатѣ чиновники уже не разговаривали группами, а сидѣли каждый на своемъ мѣстѣ и тоже усердно писали. Словомъ, это было настоящее присутственное мѣсто, хотя я и тутъ уловилъ нѣкоторое «отсутствіе» въ то время, когда сторожъ проникъ въ мѣсто веселія и закрылъ за собою дверь. Ближайшій ко мнѣ чиновникъ за перегородкой, какъ я замѣтилъ, писалъ не дѣловую бумагу, а ноты, что было очень странно, такъ какъ ноты, повидимому, не имѣли никакого отношенія къ данному вѣдомству. Должно быть, страстный музы-

кантъ, подумалъ я и вспомнилъ, какъ моя милая гейша любить что-то, о чемъ она умолчала. Но я не имѣлъ времени заняться этими размышленіями: вышелъ сторожъ и широкимъ жестомъ руки пригласилъ меня вступить въ мѣсто веселія.

Но и эта комната произвела на меня совсѣмъ другое впечатлѣніе. Никакого хихиканія и подавно смѣха не было слышно. Гейша сидѣла, углубленная въ бумаги, а неподалеку отъ нея за такимъ же столикомъ, котораго я въ прошлый разъ не примѣтилъ, засѣдалъ молодой человѣкъ очень приличнаго вида, тоже углубленный въ свои бумаги. Теперь я готовъ былъ вѣрить, что попалъ въ присутственное мѣсто, если бы только не ноты, которыя писалъ чиновникъ въ большой комнатѣ.

Я подошелъ къ Клавдіи Иконниковой. Она на секунду подняла голову, поздоровалась со мною, но лицо у нея было очень серьезное, и сказала, опять углубляясь въ свои бумаги:

— Его превосходительства, къ сожалѣнію, еще нѣтъ, но онъ сейчасъ будетъ, а пока пройдите къ Виктору Петровичу: онъ желаетъ васъ видѣть.

И мнѣ показалось, что она легкимъ движеніемъ руки указала мнѣ на дверь за ея спиной. Она имѣла теперь такой солидный видъ и говорила такъ внушительно, что я немедленно направился по ея указанію. Но я не успѣлъ сдѣлать и трехъ шаговъ, какъ мнѣ послышалось, что она меня зоветъ по имени. Я явственно слышалъ: «Камо», но дальше слѣдовало уже не Икку, а какое-то странное слово, въ родѣ: «грядеши». Я не успѣлъ еще сообразить, что это значитъ, какъ она съ прежнею внушительною громко сказала:

— Иванъ Аванасьевичъ, проводите.

Тотъ, кого она назвала Иваномъ Аванасьевичемъ, всталъ и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Мы направились въ противоположную дверь и вошли въ очень маленькую комнату безъ всякой мебели, кромѣ нѣсколькихъ стульевъ и большого письменнаго стола, за которымъ засѣдалъ еще молодой человѣкъ, но уже подулысый и тучной комплекціи, быстро захлопнувшій тетрадь, лежавшую передъ нимъ. Онъ внимательно выслушалъ то, что ему вполголоса доложилъ Иванъ Аванасьевичъ, затѣмъ всталъ, почтительно подаль мнѣ руку и вѣжливымъ жестомъ пригласилъ меня сѣсть противъ него у письменнаго стола. Иванъ Аванасьевичъ вышелъ.

— Его превосходительство сейчасъ будутъ,—сказалъ молодой человѣкъ,—а пока позвольте съ вами познакомиться. Я состою чиновникомъ особыхъ порученій при его превосходительствѣ. Моя фамилія—Верховскій, и я готовъ служить вамъ чѣмъ только могу. Надолго ли вы пожаловали къ намъ, баронъ?

Это неожиданное обращеніе меня окончательно убѣдило, что я нахожусь въ присутственномъ мѣстѣ, и въ то же время хорошенькій обликъ моей милой гейши какъ-то вдругъ померкъ. Я ей не говорилъ, что я—японскій баронъ, что мой родъ внесенъ въ пятый разрядъ квазоку, т. е. высшаго нашего дворянства, а она ужъ это знала и доложила объ этомъ сидѣвшему передъ мною чиновнику особыхъ порученій. Не разыграла ли она роль провокатора, вступая со мною въ политическій разговоръ и относясь презрительно къ своему начальству и къ правительству вообще. Вотъ такъ гейша! мелькнуло у меня на умѣ. Но мнѣ некогда было предаваться этимъ размышленіямъ: надо было сосредоточить вниманіе на чиновникѣ особыхъ порученій и отвѣтить на его вопросъ. Меня, однако, такъ возмутилъ этотъ сыскъ, что я на первый разъ промолчалъ, сдѣлавъ видъ, что не разслышалъ вопроса.

— Вамъ наша страна нравится?—спросилъ чиновникъ по возможности еще вѣжливѣе.—Вы, кажется, уже второй разъ гостите у насъ?

И это онъ уже зналъ. Значить, толки о томъ, что шпионство чрезвычайно развито въ официальной Россіи, вполне подтвердились.

Я опять промолчалъ.

— Клавдія Николаевна мнѣ говорила,—продолжалъ чиновникъ, нисколько, повидимому, не смущаясь моимъ молчаніемъ:—что вы даже великолѣпно усвоили себѣ русскій языкъ?

— Да,—отвѣтилъ я:—я говорю по-русски. Но скажите, пожалуйста, откуда у васъ такія точныя свѣдѣнія обо мнѣ?

Я нарочно поставилъ вопросъ ребромъ, не желая разыгрывать глупую роль передъ этимъ русскимъ чиновникомъ и въ то же время желая выяснить, съ кѣмъ я имѣю дѣло въ лицѣ г-жи Иконниковой. Но чиновникъ нисколько не смутился и отвѣтилъ мнѣ очень чистосердечно:

— Ахъ, вы удивляетесь, баронъ, что мы навели справки о васъ! Но его превосходительство, освѣдомившись о вашемъ посѣщеніи, велѣлъ узнать въ точности, кто вы. Знаете, съ нимъ былъ непріятный случай. Онъ тогда служилъ по другой части, вѣдающей не людей, а животныхъ, хотя и благородныхъ...

— О богиня солнца,—подумалъ я:—и этотъ чиновникъ относится къ шефу иронически.

— Долженъ васъ предупредить,—продолжалъ между тѣмъ чиновникъ:—что нашъ начальникъ добрѣйшій души человекъ. Мы всѣ его очень уважаемъ и любимъ. Но у него есть маленькая слабость: онъ увлекается сельскимъ хозяйствомъ. И вотъ приходится къ нему французъ, настоящій французъ съ чисто парижскимъ прононсомъ и развиваетъ передъ нимъ планъ, какъ надо воздѣлывать въ Россіи пшеницу или что-то въ этомъ родѣ по новому способу, который даетъ изумительные урожаи...

Тутъ чиновникъ придалъ своему лицу какое-то особенное выраженіе и продолжалъ:

— Des récoltes miraculeuses!

Онъ произнесъ эти слова такъ, что я ни на минуту не могъ усомниться, что мнимый французъ оказался евреемъ, но именно евреемъ, долго прожившимъ во Франціи, вылощеннымъ, ловкимъ. Я прямо изумился актерскимъ способностямъ русскаго чиновника особыхъ порученій.

— Ну, и нашъ добрѣйшій генералъ попался. Французъ выманилъ у него изрядную сумму на какіе-то опыты въ его имѣніи и, понятно, былъ таковъ. Съ тѣхъ поръ генералъ всегда наводитъ въ полиціи справки о посѣщающихъ его иностранцахъ.

Образъ моей милой гейши снова просвѣтлѣлъ; всякія сомнѣнія исчезли, и я весело замѣтилъ:

— Ну, меня вашему генералу нечего бояться. Я не съ проектами къ нему прѣѣхалъ: я хочу просто у него поучиться.

— Чему?—широко раскрывъ глаза, спросилъ чиновникъ.

— Какъ чему? Понятно, организаціи той части управленія, которою онъ уже много лѣтъ завѣдуетъ. Это—такая важная отрасль. И мы въ Японіи хотѣли бы ее устроить съ примѣненіемъ опыта, вынесеннаго всѣми цивилизованными народами.

— Да, да,—отвѣтилъ какъ-то нерѣшительно и уклончиво чиновникъ. Прежняго оживленія въ немъ уже не было. Но онъ тотчасъ же снова оживился.

— Ну, какъ вамъ нравится наша сѣверная Пальмира?—спросилъ онъ.—Не правда ли, Невскій хорошъ? Люди только какіе-то унылые, веселиться не умѣютъ:

Въ Пальмирѣ Сѣвера прекрасной
Брожу, какъ сирота несчастный,
Питая мрачный духъ тоской.

Онъ предекламировалъ эти стихи великолѣпно. Такъ и чувствовался восторгъ, который въ немъ вызываетъ сѣверная Пальмира, и уныніе, овладѣвающее имъ при видѣ насупленныхъ, мрачныхъ людей, бродящихъ по улицамъ. Да это настоящій актеръ, подумалъ я.

— Но Рылѣевъ,—продолжалъ чиновникъ,—имѣлъ полное основаніе «питать мрачный духъ тоской»: онъ замышлялъ грандіозный государственный переворотъ...

— Вы говорите,—спросилъ я,—о знаменитомъ декабристѣ?

— Да, о немъ. О, это была поэтическая натура, и онъ могъ ходить мрачный. Но съ чего это нынѣшніе люди ходятъ такими мрачными? Впрочемъ, мы говорили о красотахъ Петербурга. Очень красивый городъ, не правда ли? Знаете, я особенно люблю ту часть Невскаго, гдѣ памятникъ Екатерины II, гдѣ хранятся со-

кровища всемірной и отечественной литературы и... много макулатуры,—скорчилъ онъ уморительную гримасу, такъ что я невольно разсмѣялся.—Кстати, вы бывали уже въ нашихъ театрахъ? Я всегда отдыхаю въ нихъ душой послѣ утомительной канцелярской работы: она, знаете, сушитъ, а театръ оживляетъ. Я его страстно люблю, я даже пописываю пьесы.

Я весь превратился въ слухъ: курсы, ноты, пьесы, благородныя животныя, сельское хозяйство—на все это я набрелъ въ вѣдомствѣ, которое не имѣетъ съ ними рѣшительно ничего общаго.

— Да,—замѣтилъ я:—канцелярская работа не всегда интересна. Но не такъ легко соединить ее съ другою дѣятельностью...

— Вы думаете?—возразилъ чиновникъ.—Вѣдь весь день посвящается службѣ, а вечеромъ чиновникъ въ правѣ же располагать? Не знаю, баронъ, какъ у васъ, въ Японіи, а у насъ отлично умѣютъ соединять двѣ профессіи.

— Одна—для души, другая—для тѣла,—повторилъ я слова моей милой гейши.

— Скажите, баронъ, у васъ въ Японіи люди тоже такъ устраиваются?—спросилъ онъ какъ-то радостно.

— Нѣтъ, не замѣтилъ; но понять это можно.

— Еще бы! Совмѣстительства вообще одобрить нельзя, и оно отчасти даже ограничено закономъ. Но вы не станете же утверждать,—началъ онъ меня оспаривать, хотя я ему вовсе и не возражалъ:—что, если у меня есть талантъ, то я обязанъ принести его въ жертву службѣ?

— Ни въ какомъ случаѣ,—согласился я.—Бэконъ былъ великимъ канцлеромъ и въ то же время великимъ ученымъ, Гёте—великимъ поэтомъ и въ то же время... министромъ, Фридрихъ II—монархомъ, писателемъ и въ то же время любилъ играть на флейтѣ.

Чиновникъ особыхъ порученій взглянулъ на меня, словно желая убѣдиться, говорю ли я серьезно. Но на лицѣ моемъ онъ не уловилъ и тѣни ироніи. Тогда онъ продолжалъ:

— *Toute proportion gardée.* У насъ, въ Россіи, химики, флотскіе офицеры, профессора баллистики, а подавно чиновники бываютъ композиторами и воздухоплавателями, артиллеристы—художниками, археологи—директорами театровъ, а писателями—всѣ понемногу. Специальныя учебныя заведенія, въ родѣ юридическихъ, горныхъ, инженерныхъ, готовятъ одно—музыкантовъ, другое—публицистовъ, третье—писателей и поэтовъ. И разныя вѣдомства, въ родѣ морского, финансоваго, цензурнаго и др., специализируются одно—на музыкѣ, другое—на поэзіи и т. д. Бываетъ и такъ, что люди, стяжавшіе себѣ извѣстность, въ качествѣ литературныхъ критиковъ, становятся замѣчательными бухгалтерами, дипломаты—выдающимися славистами, офицеры—эко-

номистами. Россія въ этомъ отношеніи—своеобразная страна. Не даромъ нашъ знаменитый поэтъ говоритъ о ней: «Умомъ Россію не понять». И, знаете, баронъ, особенно интересно то, что у насъ душа и тѣло, какъ вы мѣтко выразились, находятся иногда въ совершенномъ разладѣ: тѣло служитъ правительству, а душа тому, что не только не имѣетъ ничего общаго съ правительствомъ, но даже діаметрально ему противно...

Какая обίδα! Какъ разъ въ эту минуту въ комнату вошелъ сторожъ и вполголоса доложилъ:

— Его превосходительство пріѣхали-съ.

— Вы позволите, баронъ? Я сію минуту вернусь.

И онъ поспѣшно покинулъ комнату, а съ нимъ вмѣстѣ вышелъ и сторожъ.

III.

Я остался одинъ, и мнѣ это было пріятно: хотѣлось немного разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, что было не такъ легко. Въ первую минуту я только ясно понялъ, что между моей милой гейшей, чиновникомъ, писавшимъ ноты, и этимъ чиновникомъ особыхъ порученій есть большое сходство, и я задавался вопросомъ: какъ шефъ могъ съ успѣхомъ завѣдывать довѣренной ему отраслью управленія при помощи чиновниковъ, душа которыхъ отсутствуетъ? Командиръ полка при такихъ условіяхъ, разсуждалъ я, шелъ бы во время войны на вѣрное пораженіе, а шефъ, свиданіе съ которыхъ мнѣ предстояло черезъ минуту, былъ также командиромъ полка: приходилось выдерживать бой съ многообразными затрудненіями и препятствіями, дружно итти на врага, рѣшать разные сложные вопросы, бороться, можетъ быть, съ недостаткомъ денежныхъ средствъ и т. д., а его полкъ состоялъ изъ такихъ офицеровъ и солдатъ, какъ моя милая гейша, какъ чиновникъ, переписывавшій въ большой комнатѣ ноты, или какъ только что сидѣвшій предо мною симпатичный чиновникъ особыхъ порученій. И мнѣ казалось, что съ такимъ полкомъ о побѣдѣ трудно мечтать...

Двери широко распахнулись, въ нихъ стоялъ сѣдой, хотя еще молодежавый на видъ генералъ, широкимъ движеніемъ руки приглашавшій меня войти:

— Прошу, баронъ!

У него была такая величественная осанка, такая красивая голова, такая увѣренность во всякомъ движеніи, такая ласковость взгляда, что я почувствовалъ себя пигмеемъ въ сравненіи съ богомъ, только что сошедшимъ съ Олимпа.

Я послѣдовалъ за нимъ. Викторъ Петровичъ ушелъ, закрывъ за собою дверь, и мы съ генераломъ остались одни въ огромномъ

кабинетѣ, прекрасно обставленномъ солидною мебелью и письменнымъ столомъ такой величины, какого я еще въ жизни не видывалъ. У этого письменнаго стола поперекъ къ нему была поставлена мягкая, очень изящная скамья, въ родѣ партъ, съ бумагою и солидными письменными принадлежностями на столикѣ. Генераль послѣ дружественнаго шэкъ-хенда усадилъ меня на эту скамью, а самъ занялъ мѣсто въ гигантскомъ креслѣ передъ своимъ исполинскимъ столомъ. Я почувствовалъ себя школьникомъ въ присутствіи доброжелательнаго учителя.

Опустившись въ свое кресло-монстръ, онъ еще разъ ласково взглянулъ на меня и потомъ спросилъ меня чуть-чуть надтреснутымъ баскомъ:

— Вы, я слышалъ, прекрасно говорите по-русски. Но все-таки французскій языкъ вамъ, можетъ быть, удобнѣе?

По этому вступленію я понялъ, что разговоръ будетъ обстоятельный въ соотвѣтствіи съ внушительностью кабинета и величественностью его хозяина.

— Нѣтъ, я по-русски говорю свободнѣе,—отвѣтилъ я медленно и чинно, какъ слѣдовало въ данной обстановкѣ.

— Mais c'est surprenant, это просто удивительно,—поправился онъ тотчасъ же:—какъ вы овладѣли русскимъ языкомъ!

— Вы удивляетесь, ваше превосходительство, что японцы дѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, чтобы основательно познакомиться съ такою великою и могущественною странюю, какъ Россія?

Генераль выслушалъ меня внимательно, еще ласковѣе взглянулъ на меня и сказалъ:

— Mais sans cérémonies, baron: général suffit.

Я не сразу понялъ, въ чемъ дѣло, но потомъ сообразилъ, что шефъ оказываетъ мнѣ особенное вниманіе, позволяя называть его просто генераломъ.

А онъ продолжалъ:

— О, мы въ долгу передъ вами. И въ вашей странѣ есть много интереснаго, можетъ быть, и поучительнаго. Я охотно пользуюсь вашимъ посѣщеніемъ, чтобы выяснитъ себѣ вопросъ, который меня давно занимаетъ. Скажите, рыбный тукъ у васъ очень распространенъ и примѣняется съ успѣхомъ?

— Да, генераль, онъ у насъ распространенъ и примѣняется съ успѣхомъ въ сельскомъ хозяйствѣ: онъ оказывается прекраснымъ удобреніемъ.

— Да, но у васъ вездѣ море, а Россія страна—континентальная. У меня, напимѣръ, имѣніе въ одной изъ центральныхъ губерній. Какъ же мнѣ доставлять туда рыбный тукъ?

— Въ Японіи рыбу варятъ, потомъ прессуютъ и перевозятъ въ видѣ товара.

— Вотъ какъ! Это очень, очень интересно. Долженъ вамъ сказать, что я страстный сельскій хозяинъ, и если бы не обязанности службы, я всецѣло посвятилъ бы себя моему имѣнію. Моя мечта—быть маленькимъ Цинциннатомъ. У меня есть свое Тускулумъ, но рѣдко приходится въ немъ бывать: надо служить царю и отечеству. Итакъ, у васъ рыбу прессуютъ и перевозятъ, какъ товаръ. Вы знаете и приемы, какъ это дѣлается?

— Приемы очень просты. Рыбу варятъ въ чанахъ, жиръ снимаютъ для другихъ цѣлей, а остальную массу прессуютъ, и она идетъ на удобрение полей.

— Но скажите, какіе у васъ прессы?

— Прежде были простые деревянные, очень несложной конструкціи. Теперь рыбный тукъ у насъ изготовляется en grand, и для этого существуютъ усовершенствованные прессы, которые мы пока выписываемъ изъ Америки.

— Не знаете ли вы фирмъ, отъ которыхъ получаютъ эти прессы?

— Нѣтъ, не запомнилъ.

— Жаль, очень жаль, — воскликнулъ генералъ съ истиннымъ сокрушеніемъ.—У насъ, представьте себѣ, тоже примѣняютъ рыбный тукъ въ Остзейскомъ краѣ, но въ какой примитивной формѣ! При уловѣ рыбы отдѣляютъ мелкую, безвкусную, и ее прямо выбрасываютъ на поля. Но скажите, баронъ, вы такъ прекрасно освѣдомлены въ этомъ вопросѣ; вы, вѣроятно, также интересуетесь сельскимъ хозяйствомъ? У васъ въ Японіи есть имѣніе?

— Было, генералъ, но я его продалъ.

— Продали,—удивился генералъ.—Почему?

— Я намѣренъ посвятить себя другой дѣятельности, а пока путешествую по Европѣ.

— Какъ любознательный человѣкъ, путешествуете, но у насъ въ общемъ мало любопытнаго.

— О, нѣтъ,—возразилъ я и подумалъ: чего стоитъ одинъ этотъ русскій Цинциннатъ, сидящій теперь передо мною!

— Напримѣръ?—спросилъ онъ.

— Вы позволите, генералъ,—отвѣтилъ я:—обратиться къ дѣлу, которое привело меня къ вамъ. Это послужитъ отвѣтомъ и на вашъ вопросъ.

— Пожалуйста, пожалуйста,—пригласилъ меня сановникъ, какъ будто насторожившись.

— Вѣдомство, вамъ подчиненное, устроено, конечно, образцово, а у насъ въ Японіи такого вѣдомства еще почти не существуетъ. Не могъ ли бы я осмотрѣть ваши заведенія, потолковать съ вашими специалистами, словомъ, уяснить себѣ, какъ все это дѣло поставлено въ Россіи. Я уже изучалъ постановку его въ другихъ европейскихъ государствахъ...

— Ну, тогда вы у нас найдете мало новаго: мы еще не вышли изъ періода подражанія. Знаете что, баронъ? Я васъ познакомлю съ чиновникомъ особыхъ порученій...

— Съ Викторомъ Петровичемъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отрицательно махая рукой, остановилъ меня генераль.—Викторъ Петровичъ—премилый малый, состоитъ также при моей особѣ; но онъ не спеціалистъ по этой части. Я имѣю въ виду Келестина Ивановича. Сколько разъ онъ уже ѣздилъ за границу, чтобы фундаментально изучить соотвѣтственныя тамошнія учрежденія. О, это—голова,—генераль послалъ въ пространство воздушный поцѣлуй,—рекомендую: голова, какихъ мало!

— Очень будетъ пріятно.

— Вы съ нимъ потолкуете, а я всегда радъ васъ видѣть.

Онъ всталъ; я послѣдовалъ его примѣру. Аудіенція была, по-видимому, кончена, и мнѣ оставалось только откланяться.

— Вы долго намѣрены еще гостить въ Россіи?—спросилъ меня генераль, какъ бы на прощанье.

— Я пробуду въ Европѣ еще годъ или два.

— Не соскучитесь по Японіи?

— Когда дѣло есть, скучать некогда.

— Да какое у васъ собственно дѣло?

— Я изучаю Европу для того, чтобы быть полезнымъ своей странѣ.

— Ага, вы получили выгодную командировку отъ вашего правительства!

— Я въ вознагражденіи не нуждаюсь, у меня есть состояніе. Вотъ развѣ по семьѣ немного скучаю.

— Вы оставили семью въ Японіи?

— Да, моя жена морскихъ путешествій не переноситъ.

Генераль взглянулъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Вы продали имѣніе, разстались съ семьей, подвергаете себя неудобствамъ скитальческой жизни для пользы родины. Какое же официальное положеніе вы занимаете?

— Никакого.

— Ну, такъ на какое положеніе вы мѣтите? Хотите быть дипломатомъ, министромъ?

И онъ милостиво коснулся моего плеча.

— У насъ,—продолжалъ онъ:—люди дѣлаютъ карьеру нѣсколько иначе: начинаютъ *ab ovo*, а не вступаютъ прямо *in medias res*. Впрочемъ, и у насъ бываютъ исключенія: князь Черкасскій въ прежнее время, Сергѣй Юльевичъ Витте—теперь. Но,—заключилъ онъ весело, уже рѣшительно потрепавъ меня по плечу:—*cela revient au même*. Надо достигнуть цѣли, какимъ путемъ бы ни итти.

А мнѣ почему-то вспомнилась русская поговорка: «попъ поща хвалить, только глазомъ мигаетъ».

Я воспользовался этимъ милостивымъ настроеніемъ шефа, чтобы освѣдомиться, какъ мнѣ повидать Келестина Ивановича?

— Викторъ Петровичъ вамъ это устроитъ,—проговорилъ генералъ успокоительно. Новый шэкъ-хендъ, и онъ меня отпустилъ, проводивъ почти до дверей.

Моя довольно продолжительная бесѣда съ шефомъ произвела на Виктора Петровича прекрасное впечатлѣніе: онъ удвоилъ свою любезность.

— Сельское хозяйство процвѣтаетъ?—спросилъ онъ.

Я улыбнулся.

— Ну, а какъ вы будете учиться у шефа?—продолжалъ онъ спрашивать.—Не правда ли, нашъ генералъ—милѣйшій человѣкъ?

— Учиться я буду не у генерала, а у Келестина Ивановича.

Не успѣлъ я произнести этихъ словъ, какъ я Виктора Петровича не узналъ. Куда дѣвалась его дородность, его простодушный, шутливый видъ? Передо мною стоялъ маленькій человѣкъ, хлыщеватый, юркій, съ хитрымъ, бѣгающимъ взглядомъ, пожимавшій мнѣ съ чувствомъ руку. «Баронъ, встрѣча съ вами для меня истинное наслажденіе», привѣтствовалъ меня этотъ маленький человѣчекъ. И велѣдъ затѣмъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, передо мною опять стоялъ Викторъ Петровичъ, а тотъ маленький человѣчекъ безслѣдно исчезъ.

Что за актеръ, что за актеръ, подумалъ я и сказалъ:

— Если мы встрѣтимся съ Келестиномъ Ивановичемъ, вы меня не предупреждайте; я его узнаю изъ тысячи людей.

— Шутки въ сторону,—остановилъ меня Викторъ Петровичъ.— Онъ въ самомъ дѣлѣ замѣчательный человѣкъ: ходячая энциклопедія, говорю вамъ, ходячая энциклопедія; онъ вездѣ бывалъ и все знаетъ. Спросите его о чемъ угодно, и онъ, ни минуты не задумываясь, дастъ вамъ самый обстоятельный и точный отвѣтъ. Японію, напримѣръ, онъ гораздо лучше васъ знаетъ. Хотите пари держать?

— Такъ почему же шефъ,—спросилъ я смѣясь:—справлялся у меня о фирмахъ, поставляющихъ въ Японію прессы для изготвленія рыбнаго тука? Онъ бы у него спросилъ.

— Да просто шефу въ голову не пришло. Слушайте, баронъ. Когда мы встрѣтимся съ Келестиномъ Ивановичемъ, я его спрошу объ этихъ фирмахъ, и вы убѣдитесь, что онъ ихъ знаетъ всѣ до одной.

Раздался электрическій звонокъ.

Викторъ Петровичъ опять засуетился.

— Это генералъ меня зоветъ. Не уходите: дѣло навѣрное васъ касается.

И, не дождавшись отвѣта, онъ ушелъ въ кабинетъ шефа.

Я не зналъ, что съ собою дѣлать, и рѣшилъ освѣдомиться у моей милой гейши, чѣмъ я вызвалъ ея неудовольствіе.

Я уже направился къ двери, какъ Викторъ Петровичъ вернулся и радостно началъ меня за что-то благодарить. Я ничего не понималъ.

— Благодарю, благодарю, — говорилъ онъ: — этимъ я вамъ обязанъ.

И онъ быстро сталъ прибирать свой столъ, укладывая разбросанные бумаги въ ящикъ.

— Идемъ, — продолжалъ онъ все въ томъ же радостномъ настроеніи: — идемъ.

— Куда? — спросилъ я.

— Гдѣ вы сегодня обѣдаете?

— Да у себя въ отелѣ.

— Вы не заняты сегодня вечеромъ?

— Нѣтъ, я свободенъ.

— All right. Мы обѣдаемъ втроемъ съ вами и Келестиномъ Ивановичемъ у Донона.

— Да вѣдь мнѣ надо говорить съ нимъ о дѣлѣ?

— Дѣловые разговоры съ нимъ ведутся лучше всего за обѣдомъ: онъ тогда въ ударѣ, и вы можете вывѣдать у него все, что у него только есть за душой.

— Что же! Согласенъ.

— Превосходно, — воскликнулъ Викторъ Петровичъ.

— Но что собственно привело васъ въ такое радостное настроеніе? — полюбопытствовалъ я.

— Который теперь часъ? Четверть пятого. Шефъ, когда ему нечего дѣлать, засиживается иногда до семи, приходится сидѣть и мнѣ. А благодаря вамъ, я теперь свободный человѣкъ, т. е. почти на три часа раньше.

Онъ вдругъ призадумался.

— А что, — спросилъ онъ потомъ: — не взять ли намъ къ Донону и нѣкоторыхъ изъ нашихъ дамъ? Совсѣмъ весело будетъ.

— Да какое же отношеніе имѣютъ онѣ къ моей бесѣдѣ съ Келестиномъ Ивановичемъ? — спросилъ я, хотя и чувствовалъ, что при оригинальныхъ взглядахъ Виктора Петровича на службу и дѣловыя бесѣды это — вопросъ въ сущности праздный. — И потомъ, — прибавилъ я: — вашъ ранній уходъ со службы имѣетъ оправданіе, а чѣмъ же оправдать уходъ дамъ?

— Чѣмъ? — спросилъ Викторъ Петровичъ, и все лицо его опять смѣялось. — Нѣтъ, знаете, баронъ, вы совсѣмъ еще не въ курсѣ дѣла. Долженъ вамъ доложить, — и онъ сѣлъ на подоконникъ, привлекая и меня туда: — что у нашего шефа при опредѣленіи служащихъ два правила: одно — просвѣтительное, другое — эстетическое. Начинаю съ просвѣтительнаго: къ намъ на службу принимаются

только лица съ высшимъ, преимущественно университетскимъ, образованіемъ...

— Это очень похвальное правило, — поспѣшилъ я одобрить шефа. — Ваши университеты готовятъ, конечно, между прочимъ и къ той отрасли административной дѣятельности, которая поручена вашему вѣдомству?

— Нѣтъ, нѣтъ, баронъ, — возразилъ Викторъ Петровичъ, и я видѣлъ, какъ его дородное тѣло сотрясалось отъ сдерживаемаго смѣха: — вы ни Россіи, ни нашихъ университетовъ еще совѣтъ не знаете. Ну, скажите, пожалуйста, какое отношеніе могутъ имѣть университеты къ нашему вѣдомству? Въ университетахъ преподаютъ науку, а въ канцеляріи у насъ занимаются регистраціей входящихъ и исходящихъ, счетоводствомъ, бухгалтеріей и т. д.

— Такъ зачѣмъ же требовать отъ вашихъ чиновниковъ вышшаго образованія? — спросилъ я.

— А куда же дѣнутся университетскіе? Вы думаете, что они кушать не хотятъ? Нѣтъ, правило, котораго придерживается нашъ шефъ, теперь практикуется во многихъ министерствахъ, въ государственномъ банкѣ, даже въ таможенномъ вѣдомствѣ, гдѣ не университетскимъ тоже нѣтъ никакого хода.

— Вѣроятно, у васъ въ университетахъ преподаютъ, какъ у насъ, товаровѣдѣніе, сельское хозяйство?..

— Что вы, что вы! Наши университеты — не курсы счетоводства Езерскаго.

Точка зрѣнія Виктора Петровича меня очень заинтересовала, и я рѣшилъ собрать по этому поводу подробныя свѣдѣнія у людей болѣе компетентныхъ, чѣмъ мой милый чиновникъ особыхъ порученій. Его же я только спросилъ:

— А эстетическое правило?

— Шефъ принимаетъ въ свое вѣдомство только хорошенькихъ женщинъ. Вы развѣ не замѣтили, что у насъ настоящій цвѣтникъ? Одна Клавдія Николаевна чего стоитъ.

— А развѣ шефъ — ловеласъ?

— О, нѣтъ. Онъ примѣрный семьянинъ, но дурнушекъ не выносить, а хорошенькимъ дѣлаетъ всякаго рода послабленія. Значитъ, если мы хотимъ пообѣдать съ нѣкоторыми изъ нашихъ дамъ, надо выбирать самыхъ хорошенькихъ: имъ все сходить. Вы меня поняли, баронъ?

Понялъ-то я, понялъ, но все, что я слышалъ, представляло для меня столько неяснаго, что я, должно быть, имѣлъ довольно глупый видъ. По крайней мѣрѣ Викторъ Петровичъ меня спросилъ:

— Вы какъ будто задумались, баронъ, а времени терять нечего. Такъ идетъ?

Онъ взялъ меня подъ руку и увлекъ за собою въ сосѣднюю комнату, гдѣ сидѣла моя милая гейша, повидимому, вся погруженная въ бумаги.

Гейша встрѣтила насъ сухо; на меня она даже не взглянула.
— Мы къ вамъ съ просьбой, Клавдія Николаевна,—обратился къ ней Викторъ Петровичъ.

— Начальство не проситъ, а приказываетъ.

— Какое ужъ я вамъ начальство!

— Такъ въ чемъ же ваше приказаніе?

— Не отобѣдаете ли вы сегодня съ нами у Донона?

— Съ кѣмъ собственно?

— Съ барономъ, съ Келестиномъ Ивановичемъ и мною.

Гейша наморщила свой хорошенькій носикъ.

— Я герцоговъ, князей, маркизовъ, виконтовъ, бароновъ и, какъ они тамъ всѣ называются, недолюбиваю.

— Да вѣдь японцы самая демократическая нація въ мірѣ, — возразилъ Викторъ Петровичъ.

— Кто это вамъ сказалъ?—спросила гейша серьезно.

— Они всѣ на одно лицо, слѣдовательно, они всѣ равны.

— Баронъ Камо Икку, что вы на это скажете? — обратилась гейша ко мнѣ.

— Не могу согласиться съ Викторомъ Петровичемъ, что всѣ японцы на одно лицо, но вспомните: ка-и, и-ка, и если экстраординарное должно надъ нами совершиться, то пусть оно начнется съ веселаго обѣда,—отвѣтилъ я смѣясь.

— Ничего не понимаю,—сказалъ Викторъ Петровичъ:—но я того мнѣнія, что всякій кавалеръ долженъ имѣть даму, а такъ какъ насъ будетъ трое мужчинъ, то двухъ дамъ не хватаетъ. Клавдія Николаевна, добудьте намъ еще двухъ дамъ,—я намѣчаю Елену Васильевну и Ольгу Семеновну, а мы тѣмъ временемъ все приготовимъ и черезъ полчаса васъ ждемъ. Согласны?

— А если мы не приѣдемъ, то вы отобѣдаете одни,—возразила гейша и какъ-то странно взглянула на меня, словно она въ чемъ-то сомнѣвалась и искала разгадки своимъ сомнѣніямъ въ моей особѣ, а Викторъ Петровичъ шепнулъ ей, вѣроятно, полагая, что я не слышу, потому что, простившись съ гейшей, я уже уходилъ:

— Бываютъ званые вечера съ итальянцами, почему же не быть званому обѣду съ японцемъ? Это—шикъ: *nouveau style*!

Онъ меня догналъ уже въ большой комнатѣ. Тутъ я замѣтилъ, что чиновникъ за перегородкой все еще пишетъ ноты. Когда мы прошли, я не утерпѣлъ и спросилъ Виктора Петровича:

— А тотъ чиновникъ, у самой перегородки, тоже кончилъ курсъ въ университетѣ?

— Какъ же, какъ же, по восточному факультету.

— Въ такомъ случаѣ, не научился ли онъ играть на самизенѣ, какъ наши гейши?

— Не знаю, что такое самаюзъ, никогда не видѣлъ. Но чиновникъ этотъ прямо виртуозъ на балалайкѣ. Онъ играетъ уди-

вительно и даже сочиняетъ пьесы для этого инструмента. Но простите... Здѣсь телефонъ. Я сейчасъ переговорю съ Келестиномъ Ивановичемъ.

Келестинъ Ивановичъ оказался дома, изъявилъ полную готовность съ нами отобѣдать, и мы съ Викторомъ Петровичемъ немедленно отправились къ Донону. Сторожа въ вестибюль стояли, какъ солдаты, шпалерами, когда мы проходили.

IV.

Къ обѣду насъ собралось, кромѣ двухъ чиновниковъ особыхъ порученій, трехъ служащихъ дамъ и меня, еще одинъ молодой офицеръ, какъ оказалось, хорошій знакомый Виктора Петровича, присоединившійся къ нашей компаніи экспромтомъ. О дѣловыхъ разговорахъ при такихъ обстоятельствахъ трудно было думать, да въ нихъ и не представлялось особенной надобности.

Человѣка вообще можно сравнить съ кокосовымъ орѣхомъ. Наружная кожа и волокна, иногда жесткія и грубыя, иногда нѣжныя и мягкія, наконецъ косточка соотвѣтствуютъ у человѣка наслоеніемъ его души и внутреннему ея зерну. Иногда трудишься, трудишься, чтобы добраться до этого зерна, а глядишь: орѣхъ оказался пустышкой. И досаднѣе всего то, что часто орѣхъ съ самой неподатливой скорлупой оказывается совершенно негоднымъ.

Къ моему счастью, Келестинъ Ивановичъ былъ орѣхъ съ скорлупой довольно прозрачной. На вопросъ Виктора Петровича, предложенный, правда, послѣ четвертой рюмки водки, какія американскія фирмы снабжаютъ Японію прессами для рыбнаго тука, онъ, ни минуточки не колеблясь, отвѣтилъ: «Лильпопъ и Рау», причемъ осталось даже неизвѣстнымъ, одна ли это фирма, или двѣ, и говоритъ ли онъ серьезно, или шутить. Келестинъ Ивановичъ все время шутилъ и острилъ. Потребность шутить и острить была однимъ изъ наслоеній его души. Другое состояло въ томъ, что онъ сквозь эти шутки и остроты придавалъ себѣ вдругъ видъ человѣка серьезнаго, знающаго и даже авторитетнаго. Только что вы имѣли дѣло съ Келестиномъ Ивановичемъ балагуромъ, какъ вдругъ передъ вами предстанетъ Келестинъ Ивановичъ чиновникъ особыхъ порученій V-го класса, чинный, степенный, солидный, компетентный въ своемъ дѣлѣ и преисполненный чувства собственного достоинства. Я невольно спрашивалъ себя, какъ въ Россіи создаются подобные типы, и вся жизнь Келестина Ивановича раскрылась мнѣ съ необычайною отчетливостью, хотя я о ней почти ничего не зналъ, кромѣ двухъ-трехъ отрывочныхъ фактовъ, долетѣвшихъ до моего слуха во время перемѣны блюдъ и напитковъ. Онъ пріѣхалъ молодымъ человѣкомъ изъ Франціи въ

качествѣ гувернера дѣтей одной очень высокопоставленной особы, сумѣлъ приобрести ея расположеніе,—и административная карьера его была сдѣлана. Но, конечно, одѣ а протекція не привела бы его къ этому; тутъ сыграли существенную роль и его способности, главнымъ образомъ его умѣнье примѣняться къ требованіямъ и вкусамъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ онъ зависѣлъ. Мнѣ незначѣмъ было знать этихъ лицъ, чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ, какъ онъ проходилъ свое служебное поприще. Для этого достаточно было знать хотя бы только теперешняго его шефа, русскаго Цинцинната. Я живо себѣ представлялъ, какъ Келестинъ Ивановичъ, побывавъ для отдыха лѣтомъ на родинѣ, куда онъ, конечно, ѣздилъ на казенный счетъ, возвращался черезъ Берлинъ или Вѣну, заглядывалъ или не заглядывалъ въ разныя нѣмецкія и австрійскія учебныя заведенія и дѣлалъ шефу обстоятельный словесный докладъ, въ которомъ нововведенія по сельскому хозяйству играли не послѣднюю роль, а самоувѣренность, природженное остроуміе и находчивость съ успѣхомъ восполняли недочеты доклада. Таковы были наслоенія; но въ чемъ состояло зерно души Келестина Ивановича? Въ чемъ бы оно ни состояло, для меня было ясно, что оно не имѣетъ ничего общаго съ вѣдомствомъ, при которомъ онъ состоялъ. Было ли это зерно честолюбіе, или желаніе, скопивъ деньги, поселиться на склонѣ лѣтъ въ любимой Франціи, съ которою онъ поддерживалъ оживленныя сношенія,— не все ли равно? Я зналъ о немъ все, что мнѣ нужно было. Мы, однако, условились съ нимъ посѣтить интересовавшія меня заведенія въ день, который онъ мнѣ назначить. Затѣмъ я обратилъ особенное вниманіе на засѣдающаго съ нами за трапезою офицера, увлеченнаго разговоромъ съ одною изъ нашихъ дамъ.

Несмотря на молодые свои годы,—ему было на видъ около тридцати лѣтъ,—онъ былъ уже ротмистромъ. Симпатичное его лицо, дышавшее здоровьемъ, и привѣтливое его обращеніе неволью къ нему располагали. Наши дамы, за исключеніемъ Клавдіи Николаевны, встрѣтили его очень дружелюбно; она же его какъ-то игнорировала, и я не могъ понять причины этой холодности, которую она сегодня распространяла, повидимому, и на меня, хотя украдкою и наблюдала за мною, а офицера какъ бы совсѣмъ не замѣчала. Онъ платилъ ей тѣмъ же и разговаривалъ преимущественно съ двумя другими дамами или съ Викторомъ Петровичемъ, который послѣ выпитаго имъ вина былъ душою нашей компаніи, а Келестинъ Ивановичъ вторилъ ему иногда очень удачно своими *bons mots*, которыхъ у него былъ ко всякому случаю неисчерпаемый запасъ.

Тѣмъ не менѣе мы во время обѣда перебросились съ ротмистромъ нѣкоторыми замѣчаніями. Онъ мнѣ сообщилъ, что я—второй японецъ, съ которымъ онъ встрѣчается. Первый былъ японецъ,

прикомандированный для изученія военнаго дѣла къ одному изъ полковъ, расположенныхъ въ Петербургѣ.

— Очень милый и способный господинъ,—аттестовалъ онъ его.

— Да,—замѣтилъ я,—наше военное министерство посылаетъ въ Европу лучшихъ офицеровъ.

— Какъ въ Европу?—спросилъ ротмистръ.—Развѣ японскіе офицеры прикомандировываются и къ другимъ арміямъ?

Мнѣ показалось страннымъ, что русскій ротмистръ никогда не задавался подобнымъ вопросомъ раньше.

Затѣмъ ротмистръ меня еще спросилъ: не проще ли было бы взять иностранныхъ инструкторовъ для обученія японскихъ войскъ? Вопросъ этотъ убѣдилъ меня, что онъ не имѣетъ никакого представленія о постановкѣ у насъ военнаго дѣла, не знаетъ, что у насъ много военныхъ школъ и академія, организованныя по европейскому образцу, и что мы въ иностранныхъ инструкторахъ давно уже не нуждаемся. Въ то же время вопросъ этотъ меня убѣдилъ, что ротмистръ невысокаго мнѣнія о нашей арміи, которая, однако, въ войнѣ съ Китаемъ выказалась не съ дурной стороны. Я поддался чувству патриотизма и указалъ ротмистру на этотъ фактъ.

— О, да,—поспѣшилъ онъ согласиться:—мнѣ рассказывали, что вы тогда очень быстро справились съ китайцами.

— Въ восемь съ половиною мѣсяцевъ,—подтвердилъ я.

— Да, да, что-то въ этомъ родѣ. Но, знаете, съ китайцами воевать нетрудно: пушечное мясо,—замѣтилъ онъ пренебрежительно.

— Въ военной доблести имъ, однако, отказать нельзя. Помните эпизодъ съ адмираломъ Тингомъ?

По выраженію лица ротмистра я замѣтилъ, что онъ о подобномъ эпизодѣ даже не слыхивалъ; поэтому я ему напомнилъ о немъ въ двухъ словахъ.

— Еще до объявленія войны мы разгромили непріятельскія суда въ Чемульпо, затѣмъ уже послѣ объявленія войны быстро заняли всю Корею, разбили китайцевъ у Тюренчена, двинулись на Лаоянъ; вторая наша армія подъ командою маршала Ойямы высадилась въ Бицзыво, взяла штурмомъ Портъ-Артуръ, соединилась съ первою арміею и окончательно разгромила китайцевъ. Вамъ эти факты, конечно, памятны ¹⁾.

— Да, да,—согласился ротмистръ.—Съ китайцами воевать нетрудно,—повторилъ онъ.—Но о какомъ собственно эпизодѣ, доказывающемъ доблесть китайской арміи, вы хотѣли рассказать?

¹⁾ Тутъ Камо Икку сдѣлалъ слѣдующую приписку, уже послѣ войны съ Россіей: «Нашъ главный штабъ былъ до того увѣренъ въ безопасности русскихъ военачальниковъ, что буквально повторилъ въ войнѣ съ Россіей планъ кампаніи съ Китаемъ... и не ошибся». Р. С.

— Вотъ къ этому эпизоду я и перехожу. Послѣ того, какъ все это случилось, третья наша армія высадилась въ Чифу, чтобы занять Вейхавей. Въ этомъ портѣ нашли себѣ убѣжище остатки китайскаго флота; съ суши портъ защищаль генераль Тай. Но и тутъ китайцамъ не повезло: имъ пришлось капитулировать. Выговорили они себѣ очень почетныя условія—свободный выходъ всѣхъ китайскихъ войскъ. Условія капитуляціи были подписаны. Въ тотъ же день ни адмирала Тинга, ни генерала Тая, ни многихъ офицеровъ уже не стало: они покончили жизнь самоубійствомъ, не желая пережить своего позора.

— Это неудивительно,—возразилъ ротмистръ иронически:—въ варварскомъ Китаѣ правительство все равно бы ихъ повѣсило. А вы мнѣ вотъ что скажите,—продолжалъ онъ:—у васъ люди ходятъ въ какихъ-то рясахъ. Солдаты во время ученья поднимаютъ, что ли, эти рясы?

Дружный смѣхъ двухъ дамъ нѣсколько смутилъ ротмистра, потому что онъ свой вопросъ, повидимому, предложилъ совершенно серьезно. Я вывелъ его изъ неловкаго положенія, сдѣлавъ слѣдующее поясненіе:

— Японская армія давно уже обмундирована по французскому образцу, съ небольшими измѣненіями.

— Вотъ какъ!—удивился ротмистръ.—А я этого, представьте, не зналъ: я думалъ, что только японцы, пріѣзжающіе въ Россію, одѣваются по-европейски.

Дальнѣйшую нашу бесѣду прервала Клавдія Николаевна. Она меня совершенно неожиданно спросила:

— Скажите мнѣ, баронъ... Ахъ, какъ мнѣ трудно васъ такъ называть!..

— Называйте меня просто Камо Икку,—предложилъ я:—это мнѣ будетъ напоминать родину.

-- Вы разрѣшаете? Мерси. Мнѣ хотѣлось бы относиться къ вамъ серьезно, а баронъ—что такое баронъ?.. Такъ вотъ, повторите мнѣ имена тѣхъ китайскихъ героевъ: я хочу ихъ запомнить.

Ротмистръ разсмѣялся.

— Какія странныя фантазіи бываютъ у дамъ!—замѣтилъ онъ. Но Клавдія Николаевна его не слушала.

— Такъ повторите ихъ имена,—обратилась она ко мнѣ.

— Адмирала звали Тингомъ, генерала Таемъ, какъ звали остальныхъ офицеровъ—не припомню,—отвѣтилъ я, рѣшительно не понимая, къ чему клонится вопросъ.

— Ихъ надо было запомнить. Красивыхъ поступковъ такъ мало на свѣтѣ, а умереть, чтобы не пережить своего поворота, когда не удалось отстоять родину,—это красиво, Камо Икку, это красиво!

Стало вдругъ какъ-то тихо. Всѣ еще прислушивались къ словамъ дѣвушки, произнесеннымъ съ дрожью въ голосѣ.

— Какая вы странная, Клавдія Николаевна,—нарушила молчаніе наконецъ та дама, которая особенно охотно бесѣдовала съ ротмистромъ.—Всегда скажете что-нибудь такое!

Это послужило сигналомъ къ возобновенію общаго разговора. Всѣ какъ бы торопились замѣть неловкую сцену.

Изъ двухъ дамъ, приглашенныхъ Клавдіей Николаевной, младшая, Елена Васильевна, увлекавшаяся ротмистромъ, не представляла для меня никакого интереса. Это была одна изъ тѣхъ женщинъ-гейшъ, все вниманіе которыхъ направлено на то, чтобы занимать и развлекать мужчинъ въ ожиданіи надлежащей мзды, но, конечно, не въ видѣ наличныхъ денегъ, а въ видѣ супружескаго счастья или несчастья. Другая дама, Ольга Семеновна, уже добилась этого счастья или несчастья; она была уже въ гавани послѣ плаванія по пріятнымъ волнамъ исполненія обязанностей гейши этого рода и теперь бредила о своихъ дѣтяхъ или по крайней мѣрѣ постоянно говорила о нихъ, при чемъ у нея то и дѣло срывались съ устъ слова: «святыя чувства матери», или: «вы знаете, я—мать». Меня эти слова вначалѣ даже заинтересовали, но въ то же время мнѣ показалось страннымъ, что она послѣ службы не спѣшитъ къ любимымъ дѣтямъ, а принимаетъ приглашеніе на обѣдъ у Донона. Кромѣ того, я не могъ уяснить себѣ, какъ она соединяетъ исполненіе «святыхъ» обязанностей матери съ этой службой. Вѣдь мужъ, вѣроятно, тоже гдѣ-нибудь служитъ, и дѣти, слѣдовательно, находятся на попеченіи у няньки или бонны. Для оправданія этого манкированія обязанностями матери я сдѣлалъ предположеніе, что Ольга Семеновна и ея мужъ—люди очень недостаточные, и что имъ во что бы то ни стало нуженъ заработокъ; но богатый костюмъ, который она носила даже на службѣ, и дорогія кольца на ея пальцахъ опровергали это предположеніе. Къ тому же Ольга Семеновна, произнося свои любимыя слова, такъ томно закатывала глаза, что я въ ея искренность вѣрить не могъ. И мнѣ показалось, что отъ этой женщины я не узнаю, что такое русская мать.

Такимъ образомъ компанія утратила для меня интересъ. Мнѣ хотѣлось еще только побесѣдовать съ Викторомъ Петровичемъ объ одномъ занимавшемъ меня вопросѣ, но при общемъ разговорѣ за обѣдомъ это было неудобно. Я рѣшилъ выждать болѣе благопріятнаго случая. Затѣмъ мнѣ очень хотѣлось проникнуть въ душу Клавдіи Николаевны, которая въ общемъ мнѣ представлялась загадкою, но и для этого требовался болѣе благопріятный случай, чѣмъ этотъ обѣдъ, а конца ему не предвидѣлось. Викторъ Петровичъ и Келестинъ Ивановичъ были оба въ ударѣ и смѣшили компанію до упаду. Елена Васильевна и Ольга Семеновна хохотали и по временамъ даже взвизгивали отъ удовольствія, ротмистръ имъ вторилъ своимъ здоровымъ, сочнымъ смѣ-

хомъ, Клавдія Николаевна также принимала участіе въ общемъ веселіи, хотя иногда какъ-то странно замирала, и тогда на ея красивомъ лицѣ выступало что-то въ родѣ пресыщенія или даже отвращенія, а я, не чувствуя въ себѣ способности смѣшить публику и находя, что перевоплощенія Виктора Петровича и особенно *bons mots* Келестина Ивановича становятся однообразными, предавался своимъ размышленіямъ.

Что это былъ за странный обѣдъ! Мнѣ, пріѣзжему иностранцу, хотѣлось для пользы родины познакомиться съ организаціей одной изъ отраслей народнаго образованія въ великомъ и могущественномъ государствѣ. Для этого я избралъ прямой путь и обратился къ лицу, поставленному во главѣ этой отрасли управленія. Онъ меня направилъ къ чиновнику-спеціалисту. По словамъ другого чиновника, съ этимъ спеціалистомъ лучше всего говорить о дѣлахъ за обѣдомъ. Ничего подобнаго со мною ни во Франціи, ни въ Германіи не случалось. Тамъ я встрѣчалъ совершенно другое отношеніе къ дѣлу: мнѣ просто показывали заведенія, которыя меня интересовали, и давали съ большою готовностью всѣ необходимыя справки; тѣмъ дѣло и кончалось: я не терялъ ни лишняго времени, ни лишнихъ денегъ. Въ Россіи же оказывалось, что для достиженія простой цѣли мнѣ приходилось итти какимъ-то окольнымъ путемъ, и что этотъ путь былъ въ высшей степени несообразенъ. Зачѣмъ мы собственно собрались у Дюнона? Не для меня же, конечно. Собрались мы просто потому, что милѣйшему Виктору Петровичу гораздо больше улыбалась мысль объ обѣдѣ, чѣмъ мысль о томъ, чтобы провести лишнихъ три часа на службѣ. И тотчасъ же у него возникаетъ мысль о пиршествѣ: надо отпраздновать радостное событіе, что три часа украдены у службы. Но мало ли какая несообразная мысль приходитъ въ голову человѣку! Меня еще болѣе удивляло то, что онъ тотчасъ же нашелъ людей, готовыхъ поддержать его шальную мысль: Келестина Ивановича, Клавдію Николаевну, Елену Васильевну, Ольгу Семеновну, ротмистра. Очевидно, въ Россіи пиршества составляютъ обиходное явленіе, а о пиршествѣ въ данномъ случаѣ могла быть рѣчь, потому что я себѣ и представить не могъ, чтобы люди обыкновенно съѣдали и выпивали столько, сколько нами было съѣдено и выпито за этимъ обѣдомъ, счетъ по которому я опредѣлялъ не менѣе чѣмъ въ 100 рублей, т. е. около 25 рублей съ кавалера, такъ какъ приглашенныя нами дамы, понятно, не платили. Эти 25 рублей для меня, какъ человѣка обезпеченнаго, конечно, ничего не значили, но для Келестина Ивановича и Виктора Петровича они составляли—я въ этомъ не сомнѣвался—нѣкоторую брешь въ ихъ мѣсячномъ содержаніи. Можно ли было такъ непроизводительно бросать деньги? Можно ли было такъ легкомысленно относиться къ обязанностямъ службы?

Эти размышленія отравляли мнѣ всякое удовольствіе, и я охотно ушелъ бы, если бы не опасался нарушить правила вѣжливости. Къ счастью, Виктору Петровичу для довершенія своего сегодняшняго легкомыслія пришла въ голову мысль закончить вечеръ въ какомъ-нибудь увеселительномъ заведеніи. Эту мысль поддержали и солидный Келестинъ Ивановичъ, и ротмистръ, и Елена Васидьевна, и Ольга Семеновна, окончательно, повидимому, забывшая о «святыхъ чувствахъ матери». Только мы съ Клавдіей Николаевной отговорились, она—тѣмъ, что сегодня вечеромъ отозвана, а я, что у меня отъ выпитаго вина съ непривычки разболѣлась голова. Викторъ Петровичъ, къ моей досадѣ, отнесся къ этимъ нашимъ отговоркамъ, какъ къ чему-то, что само собою разумѣлось, и даже какъ-то особенно пристально перевелъ свой взглядъ съ меня на Клавдію Николаевну и обратно. Но это ее нисколько не смутило.

— Ну, ну,—сказала она:—вамъ все еще не надоѣло дурачиться.

Во всякомъ случаѣ мы компаніи не разстроили. Она направилась въ какой-то «Буффъ» или «Фарсъ», а мы съ Клавдіей Николаевной, простившись первоначально, все-таки какимъ-то образомъ оказались одни у подъѣзда ресторана, гдѣ посѣтителей ожидали извозчики, и я предложилъ проводить ее до дому.

Она согласилась.

Когда мы уѣли и извозчикъ тронулъ, она мнѣ сказала:

— Ну, теперь экстраординарное начинается.

Я отъ души расхохотался.

V.

На другой день послѣ этого русскаго пиршества я чувствовалъ нѣкоторое недомоганіе и не зналъ, чему его приписать. Въ сущности я уже не столько выпилъ, чтобы заболѣть, хотя, несмотря на мою воздержность, я, чтобы, какъ здѣсь любятъ выражаться, не разстроить компаніи, вынужденъ былъ выпить больше, чѣмъ полагается нормальному человѣку. Вообще у русскихъ какая-то страсть заставлятъ пить другихъ, когда имъ самимъ пить хочется. Должно быть, въ нихъ совѣсть говоритъ, и они успокаиваютъ ее тѣмъ, что приглашаютъ другихъ дѣлать то, что въ душѣ признаютъ вреднымъ для себя. Потомъ они говорятъ: «что жъ, я, какъ всѣ», и находятъ себѣ въ этомъ утѣшеніе или извиненіе.

Какъ бы то ни было, я на другой день чувствовалъ недомоганіе, усилившееся настолько, что я позвалъ врача, перваго русскаго врача, котораго я въ жизни видѣлъ.

Это былъ сравнительно еще не старый человѣкъ, но, какъ мнѣ сказали, пользовавшійся широкой извѣстностью. Онъ заѣхалъ ко мнѣ только вечеромъ, страшно усталый, какъ онъ заявилъ. Тѣмъ не менѣе онъ отнесся ко мнѣ внимательно, и скоро выяснилось, что мое недомоганіе—пустяки, легкая простуда, такъ что онъ мнѣ только посоветовалъ посидѣть дома денекъ-другой.

— Вы, японцы,—замѣтилъ онъ, когда консультація была кончена:—повидимому, любите обращаться къ докторамъ. Мои компатріоты въ такомъ случаѣ, какъ вашъ, врача бы не позвали.

— Отчего же не предупредить то, что можно предупредить, — отвѣтилъ я.

— У насъ, батенька,—возразилъ врачъ:—разсуждаютъ иначе. Сперва даютъ развиться болѣзни, потомъ зовутъ врача, и если онъ не вылечитъ болѣзни въ 24 часа, то называютъ его невѣждою или мальханщикомъ.

— Однако въ Петербургѣ,—замѣтилъ я:—кажется, очень много врачей.

— Какъ собакъ нерѣзанныхъ, — разсмѣялся докторъ: — но спросите, есть ли у нихъ практика? Они сидятъ по большей части безъ больныхъ.

— Такъ что же они дѣлаютъ въ Петербургѣ?—удивился я.— Вѣдь русская деревня такъ нуждается въ медицинской помощи: въ Россіи въ десять разъ меньше врачей, чѣмъ въ Японіи.

— Если вы имѣете въ виду знахарей, то у насъ ихъ, вѣроятно, несравненно больше, чѣмъ у васъ, особенно знахарокъ.

— Нѣтъ,—возразилъ я:—я говорю о врачахъ съ европейскимъ медицинскимъ образованіемъ.

— У насъ такихъ врачей приходится одинъ на 10,000 душъ. Значитъ, у васъ ихъ приходится одинъ на тысячу душъ?!

— Да, такова официальная цифра.

Врачъ разсмѣялся.

— Ну, батенька,—сказалъ онъ:—и въ Шотландіи, гдѣ врачей больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было на свѣтѣ, ихъ гораздо меньше.

— Что дѣлать? Измѣнить фактовъ не могу. Но, возвращаясь къ нашему разговору, позвольте все-таки васъ спросить, что же дѣлаютъ врачи въ Петербургѣ, не имѣя пациентовъ?

— Что они дѣлаютъ? Спросите лучше, чего они не дѣлаютъ. Кто что можетъ! Кто оперы или симфоніи сочиняетъ, кто пишетъ комедіи, повѣсти или газетныя статьи, кто издаетъ газету, кто переводитъ медицинскія и немедицинскія книги, кто служитъ въ томъ или другомъ министерствѣ или частномъ учрежденіи, банкѣ или конторѣ, кто лѣсомъ торгуетъ, кто товаръ развѣшива- ать...

— Товаръ развѣшиваетъ?—переспросилъ я съ удивленіемъ.

— Да, да. У насъ есть одно учрежденіе, отпускающее медицинскіе инструменты и разныя перевязочныя средства въ огромномъ количествѣ. Въ аптекахъ и въ инструментальныхъ магазинахъ товаръ учитывается и отпускается ремесленниками и фармацевтами, иногда барышнями, а въ этомъ учрежденіи, вмѣсто барышенъ и ремесленниковъ, дѣйствуютъ врачи, впрочемъ, тоже окружившіе себя барышнями.

— Не можетъ быть!

— Кому же, батенька, охота ѣхать въ провинцію? Вы думаете, тамъ сладко живется? Всякій хочетъ жить въ Петербургѣ: здѣсь веселѣе, да и мѣстечко подходящее лучше вымотришь, и легче обзаведешься протекціей, безъ которой у насъ и шагу ступить нельзя. А то, что вы мнѣ сообщили объ Японіи, интересно. Значитъ, Японія насъ въ медицинскомъ отношеніи куда перещеголяла? Экъ, подумаешь, какой вы патриотъ,—расхохотался онъ и простился со мною, какъ съ человѣкомъ, къ которому относиться серьезно нельзя.

Въ прихожей, надѣвая галоши, онъ еще разъ переспросилъ:

— Значитъ, японскіе врачи увлекаются европейской наукой? Все что-нибудь новенькое услышишь. Занятно! Небось, у васъ между врачами и европейскія знаменитости есть?

Мнѣ стало неловко за доктора.

— Конечно,—возразилъ я:—вы больше меня знаете о работахъ Ямакавы Тсуруды и особенно о бактериологическихъ изслѣдованіяхъ Китагато.

— Это все японскія знаменитости? Интересная коллекція!

Представленіе о моей родинѣ, какъ о культурной странѣ, было ему, видимо, совершенно чуждо.

— Конечно, намъ до Европы еще далеко, — обидѣлся я:—но наши врачи работаютъ усердно, а особенно меня радуетъ, что всѣ они, и тѣ, которые пользуются извѣстностью, и менѣе извѣстные, устриваются такъ, чтобы имѣть всю жизнь возможность внимательно слѣдить за наукой и совершенствоваться въ своей спеціальности. Это служить гарантіей, что японскіе врачи если еще не сравнялись съ европейскими, то скоро съ ними сравняются.

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, докторъ все внимательнѣе сталъ вглядываться въ меня.

— Хо-хо!—воскликнулъ онъ, когда я кончилъ:—да вы попали что ни на есть въ самый больной нашъ пунктъ. Нашъ заурядный врачъ, а такихъ, какъ во всякой профессіи, подавляющее большинство, довольствуется на всю жизнь тѣми знаніями, которыя онъ пріобрѣлъ въ школѣ, а затѣмъ дополняетъ ихъ только практикой, рутинной.—И, вздохнувъ, онъ продолжалъ:—Мы только на словахъ любимъ науку, а профессію свою мы по большей части проклинаяемъ. Это—общая наша болѣзнь, общее правило, и исклю-

ченія его только подтверждаютъ. И не только врачи, не только врачи, смѣю васъ увѣрить. Вездѣ вы натолкнетесь у насъ на то же явленіе: мы не любимъ дѣла, которое мы избрали или къ которому мы приставлены. А въ Японіи, говорите вы, даже заурядные врачи любятъ свою профессию? Богъ въ помощь, батенька, Богъ въ помощь!

И столько было чистосердечія и въ то же время грусти и добродушія въ его словахъ, что я съ чувствомъ пожалъ протянутую мнѣ на прощанье руку.

На другой день я былъ здоровъ и рѣшилъ разыскать православнаго священника, къ которому меня просилъ зайти одинъ изъ священниковъ православной миссіи въ Токио.

Я засталъ о. Василія, очень стараго человѣка, за письменнымъ столомъ. Онъ такъ былъ углубленъ въ чтеніе, что горничной, доложившей ему о моемъ приходѣ, пришлось два раза его окликнуть. Наконецъ онъ отозвался и велѣлъ меня просить. Но, когда я вошелъ, онъ, видимо, неохотно разстался съ книгою. Только снявъ очки, бросивъ на меня болѣе внимательный взглядъ и увидѣвъ совершенно незнакомое лицо японца, онъ окончательно пришелъ въ себя и сталъ меня разглядывать съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Онъ всталъ и, кажется, не зная, какъ меня привѣтствовать: рукопожатіемъ или какимъ-нибудь другимъ способомъ. Наконецъ онъ рѣшился мнѣ протянуть руку, но все еще недоумѣвалъ, какъ со мною быть. Чтобы прекратить всѣ его сомнѣнія, я первый сказалъ:

— Здравствуйте, батюшка.

— Милости прошу,—пригласилъ онъ.—Садитесь, пожалуйста, Чѣмъ могу служить?

— Я вамъ привезъ поклонъ отъ отца Петра Маркевича,—сказалъ я, послѣдовавъ его приглашенію.

— Поклонъ?—переспросилъ отецъ Василій, который, очевидно, былъ тугъ на ухо, и опустилъ свое грузное тѣло въ кресло:—отъ кого поклонъ?

— Отъ отца Петра Маркевича. Вы съ нимъ товарищи по семинаріи.

Отецъ Василій долго рылся въ своихъ воспоминаніяхъ.

— А!—воскликнулъ онъ равнодушно.—Не тотъ ли это Пегуша, съ которымъ мы, прости Господи, у отца ректора яблоки по ночамъ таскали? Живъ? Такой же старецъ, какъ и я?—спросилъ онъ еще.

— Отецъ Петръ очень бодръ.

— Бодръ? Куда его занесло! Представьте себѣ, совсѣмъ потерялъ его изъ виду, чуть ли не съ семинарскихъ партъ. А онъ вспомнилъ обо мнѣ, вспомнилъ черезъ шестьдесятъ лѣтъ. Неисповѣдимы пути Господни.

— Говорятъ, что подъ старость люди любятъ вспоминать молодость.

— Коли молодость была хороша, отчего же и не вспомнить? Но я только подъ старость сталъ жить настоящею жизнью, а въ молодости какая ужъ была жизнь! Вспоминать нечего. Развѣ какъ мы вотъ съ Петрушей яблоки таскали. Товарищъ былъ хорошій, зато насъ обоихъ хорошо въ день субботній драли. Помню я его, помню. Такъ онъ теперь въ Японіи? При нашей миссіи состоятъ? Дѣла, должно полагать, у него немного. Что же, подъ старость отдохнуть не грѣшно.

— Нѣтъ, отецъ Петръ не отдыхаетъ: работы у него много. Въ Японіи теперь немало православныхъ: ихъ болѣе тридцати тысячъ человекъ.

— Тридцать тысячъ? Откуда они понаѣхали?

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ: отецъ Василій, очевидно, и понятія не имѣлъ объ успѣхахъ православія въ Японіи.

— Въ Японіи,—поправилъ я его:—тридцать тысячъ японцевъ, принявшихъ православіе.

— Неисповѣдимы пути Господни,—повторилъ отецъ Василій равнодушно, какъ заученный урокъ.—Чудеса, по истинѣ чудеса. Значитъ, и православныхъ храмовъ въ Японіи много?

— Да, немало.

— Много? И благолѣшіе въ нихъ есть?

— Нѣкоторые храмы очень изящны, съ прекрасными иконами, работы по большей части ученицъ православнаго женскаго училища въ Токио.

— Ученицъ? Чудеса, поистинѣ чудеса.

Я все болѣе убѣждался, что отецъ Василій не имѣетъ никакого представленія о дѣлахъ православной миссіи въ Японіи; поучать его я не признавалъ нужнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ произносилъ слова: «чудеса, поистинѣ чудеса», съ какимъ-то поддѣльнымъ удивленіемъ, какъ будто только для того, чтобы придать занимательность разговору. Отецъ Петръ его тоже не интересовалъ, а между тѣмъ мнѣ очень хотѣлось знать, что интересуется самого отца Василія, чтобы составить себѣ понятіе о жизни православнаго духовенства въ Россіи.

— Не мѣшаю ли я вамъ?—спросилъ я.—Вы, кажется, были заняты, когда я вошелъ.

— Занятъ ли? По буднямъ—ничего. Вотъ въ великіе праздники съ предпразднествами и попразднествами труденько: все же старость, немощи тамъ разныя. А по буднямъ ничего. Такъ Петруша, то бишь отецъ Петръ, обо мнѣ вспомнилъ. Спасибо ему, и вамъ спасибо, что не полѣнились заѣхать къ старику.

Тутъ отецъ Василій, взглянувъ на меня, какъ будто немного оживился.

— Книжку одну дочитывалъ,—продолжалъ онъ:—вотъ что я хотѣлъ васъ спросить... Конечно, всякій при своемъ дѣлѣ и тамъ должности состоитъ... У васъ тоже, надо полагать... Но бываетъ и свободное время... Да и въ Писаніи сказано: «еще не будете яко дѣти»... а дѣтямъ подобаетъ играть во всякія игры. Сказано еще: «пискахомъ вамъ, а не плясасте». «Пискахомъ» это значитъ: мы играли на свирѣли. Всякія игры допустимы во благовременіе и когда въ нихъ нѣтъ корысти, когда онѣ не ведутъ къ спорамъ или—Боже упаси—къ ссорамъ. Любилъ я, какъ почти все іереи, въ картишки переброситься, сперва въ ералашъ, преферансъ, потомъ въ винтъ. Но карты не благоволительная игра, особенно винтъ: ссоры, непріятности, крикъ, шумъ, гамъ, сидишь до утра, вино пьешь. Нѣтъ, я карты бросилъ. Другую игру полюбилъ—шахматы. Только новая бѣда: очень ужъ головоломная игра. А вотъ шашки—тѣ такъ мнѣ подъ старость по нутру пришлись: отдай все, да и то мало! Чувствуешь, что живешь, когда играешь—и не грѣшишь; даже никакихъ дурныхъ помысловъ—одно благо-раствореніе души. Я даже теоріею этой игры занимаюсь. Все у меня есть, все перечиталъ...

Отецъ Василій съ нѣкоторой гордостью провелъ своею жирною рукой по воздуху, указывая на полки, уставленные книгами.

— И Николая Михайловича Карамзина...

— Историка?—спросилъ я.

— Историка Карамзина? Да, да, историка. Любилъ онъ шашки. Читалъ я и руководство Александра Дмитріевича Петрова, тоже не брезгавшаго шашками, несмотря на свои отвѣтственныя служебныя обязанности. Съ нимъ я былъ лично знакомъ, когда священнослужительствовалъ въ Польшѣ. Преумнѣйшій былъ человекъ, и какой шахматистъ, на весь міръ знаменитый! Настоящій былъ шахматный Суворовъ, всѣхъ побивалъ. Былъ онъ въ Парижѣ, но, какъ Суворову не удалось сразиться съ Наполеономъ, такъ и Петровъ не сразился съ Морфи. Только у первыхъ это была случайность, а у Петрова съ Морфи—ха-ха-ха!—разсмѣялся отецъ Василій совершенно неожиданно громко и весело:—нѣтъ, у нихъ это не была случайность. Морфи, какъ вы полагаете, убоялся нашего русскаго витязя, струсилъ, говорю вамъ, постыдно струсилъ,—почти крикнулъ онъ.

Я отца Василя не узнавалъ: онъ жестикулировалъ, помахивалъ головой, прищелкивалъ языкомъ, утратилъ всякую неувѣренность въ себѣ, смотрѣлъ на меня прямо и рѣшительно.

— Да, постыдно струсилъ,—продолжалъ онъ.—Къ слову пришлось, расскажу вамъ, какъ Александръ Дмитріевичъ меня-то огрѣлъ. Возвращался онъ изъ Петербурга, куда ѣздилъ по дѣламъ службы, въ Варшаву по желѣзной дорогѣ, тогда только что открывшейся на всемъ своемъ протяженіи, а я сажусь на по-

ѣздъ въ Гроднѣ. Сѣлъ въ вагонъ, осмотрѣлся, вижу, ѣдетъ Александръ Дмитріевичъ, весь углубленный въ шахматную игру съ самимъ собою. Такая хорошенькая у него была шашечница, складная, съ дырками, чтобъ вставлятъ фигуры, хоть на перекладныхъ играй! Думаю, подсѣсть къ нему или не подсѣсть? А долженъ вамъ сказать, что я тогда уже маленько самъ игралъ. Подсѣлъ, разговорились о томъ, о семъ, о варшавскихъ знакомыхъ, о повстаніи, которое тогда уже кончалось, а Александръ Дмитріевичъ шашечницы не складываетъ, и подумалъ я, что онъ, можетъ, желаетъ сыграть партію, вмѣсто того, чтобъ о пустякахъ калякать. Говорю, такъ и такъ, не сыграть ли намъ партійку? Александръ Дмитріевичъ воззрился на меня и спрашиваетъ: «А вы играете, батюшка?»—«Что же, отвѣчаю, игра смиренная, и іерею можно, особливо въ дорогъ». — «Поиграемъ», согласился Александръ, Дмитріевичъ. Начали. Ужъ я старался, старался, даже потъ прошибъ, пыхчу, кровь въ голову такъ и бросается, поджилки трясутся: шутка ли, съ самимъ Александромъ Дмитріевичемъ играю! И ничего, игра идетъ, какъ слѣдуетъ: онъ у меня даже еще ни одной пѣшечки не взялъ. Думаю, ужъ постой за іерейскую честь, не посрамлю своего сана, какъ онъ вдругъ откидывается на спинку сидѣнья и тихимъ голосомъ говоритъ, точно мнѣ обиду причиняетъ: «Нѣтъ, знаете, батюшка... ужъ лучше я самъ съ собою». Тутъ я только понялъ, какую смѣлость на себя принялъ, предложивъ Александру Дмитріевичу со мною играть, и огрѣлъ же онъ меня за эту смѣлость, огрѣлъ, самъ того не замѣчая, потому что лукавства въ немъ не было никакого. Только теперь, когда я прочелъ его книги, я вполне уразумѣлъ, что это былъ за великій умъ. Вотъ у меня всякія книги и статьи по шашечной игрѣ: и Гоняева, и Панкратова, и Саргина, и журналъ Бодянского, но все же лучше Александра Дмитріевича никто не писалъ: сейчасъ видно, что гений. Одно меня сокрушаетъ: иностраннымъ языкамъ не обученъ; испанскаго не знаю, а, говорятъ, тамъ прекрасныя книги по шашечной игрѣ писаны. Скажите, пожалуйста,—игра эта очень древняя, съ Востока къ намъ пришла,—играютъ ли у васъ, въ Японіи, въ пашки?

О. Василій, предлагая мнѣ этотъ вопросъ, смотрѣлъ на меня умилно и съ напряженнымъ вниманіемъ, точно отъ моего отвѣта очень многое для него зависѣло.

— Кажется, мало,—отвѣтилъ я.

— Какъ вы думаете, — продолжалъ онъ меня допрашивать: — индійскаго, японскаго или китайскаго происхожденія шапки? Есть указанія, только неясныя, сбивчивыя, невразумительныя. По-санскритски шаши значитъ—луна, а на лунѣ есть пятна, знаете, какъ черныя поля на шашечницѣ. Затѣмъ въ Китаѣ есть городъ Ша-ши...

Я ничего не зналъ о происхожденіи шашекъ и спросилъ:

— Почему, батюшка, васъ это такъ интересуесть?

Онъ взглянулъ на меня, точно я сказалъ явную несообразность. Но потомъ спохватился и отвѣтилъ:

— Пишу статейку одну, такъ хотѣлось бы знать, откуда идетъ эта игра. Если китайцы ее выдумали — умный народъ. Такъ въ Японіи въ шашки не играютъ?— спросилъ онъ еще, и мнѣ показалося, что я утратилъ для него всякій интересъ.

Я зашелъ къ о. Василию менѣ всего, чтобы бесѣдовать о шашечной игрѣ, а вообще придерживался правила говорить съ людьми только о томъ, что ихъ интересуесть, потому что въ противномъ случаѣ бесѣда бываетъ по большей части бесплодна. Въ виду этого я рѣшилъ проститься съ о. Василиемъ. Онъ меня не удерживалъ и еще разъ равнодушно поблагодарилъ за то, что я къ нему заѣхалъ. Но вдругъ онъ снова оживился.

— Вы не скоро вернетесь въ Японію?— спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ еще, не скоро.

— Не сообщите ли вы мнѣ адреса о. Петра: онъ могъ бы навести справки... о происхожденіи шашекъ... Онъ по-китайски знаетъ?

— Какъ же, знаетъ,— отвѣтилъ я.

— Ну, вотъ и прекрасно,— обрадовался о. Василий и поспѣшно досталъ листъ бумаги.—Напишите мнѣ его адресъ.

Я исполнилъ его просьбу, и мы простились.

VI.

Когда я очутился на улицѣ, я подумалъ, что въ Россіи всегда находишь то, чего не ищешь. Ну, могъ ли я себѣ представить, когда шелъ къ о. Василию, что я у него найду, можетъ быть, очень интересныя для другихъ воспоминанія о шахматистѣ Петровѣ, который, въ свою очередь, представлялъ для меня неожиданность: будучи виднымъ русскимъ бюрократомъ, онъ приобрѣлъ всемирную извѣстность, какъ шахматистъ. Чудеса, по истинѣ чудеса, повторялъ я слова о. Василия. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ: пошелъ я въ присутственное мѣсто, чтобы ознакомиться съ интересовавшею меня отраслью управления, спросилъ секретаря и вмѣсто него получилъ милую мою гейшу и затѣмъ чиновника особыхъ порученій, который въ сущности оказался не чиновникомъ особыхъ порученій, а прекраснымъ актеромъ и, можетъ быть, столь же прекраснымъ драматургомъ; вмѣсто начальника педагогическаго вѣдомства, я натолкнулся на страстнаго сельскаго хозяина, на русскаго Цинцинната; чиновники этого вѣдомства оказались либо гейшами, либо молодыми людьми съ высшимъ образованіемъ, но не

подготовленными къ дѣятельности своего вѣдомства и интересовавшимися чѣмъ угодно, на примѣръ, игрою на балалайкѣ, только не тою отраслюю управленія, которой они посвятили офиціально свою дѣятельность. Врачи занимались тоже чѣмъ угодно, а практикою только, если могли ею заниматься, въ крупныхъ центрахъ; на медицинскую же дѣятельность въ деревнѣ, т. е. почти во всей странѣ, смотрѣли какъ на своего рода ссылку или каторгу. Священникъ находилъ, что онъ началъ жить настоящею жизнью только съ того счастливаго дня, когда ему вздумалось играть въ пашки. Очевидно, чтобы найти то, чего я искалъ, надо было приняться иначе за дѣло: на примѣръ, обратиться къ настоящимъ гейшамъ, чтобъ уяснить себѣ канцелярскіе порядки въ Россіи, или къ сельскимъ хозяевамъ, чтобъ изучить педагогическую часть, или къ балалаечникамъ, чтобъ составить себѣ вѣрное представленіе о русскихъ чиновникахъ, или къ винтерамъ, чтобы понять, что такое русскій священникъ. Но эта мысль показалась мнѣ слишкомъ несообразною, и, не зная, какъ мнѣ быть, я рѣшилъ довѣриться русскому «авось». Не даромъ же я былъ въ Россіи.

Предаваясь этимъ размышленіямъ, я дошелъ до Доминика и тутъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ Викторомъ Петровичемъ. Голубые его глаза мнѣ смѣялись, пухлыя губы улыбались, вся элегантная его фигура выражала радостное возбужденіе.

— Баронъ,—привѣтствовалъ онъ меня, приподнимая свою мѣховую шапочку.

— Вы не на службѣ?—спросилъ я.

— Шефъ,—подмигнувъ онъ мнѣ:—прислалъ только что записку: извиняется, что не можетъ быть, — не совсѣмъ здоровъ. А чѣмъ я хуже его? Онъ нездоровъ, а я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы обдѣлать одно маленькое дѣлишко. Но сперва надо перекусить: не дѣлать же дѣла натошакъ! Доминикъ насъ ждетъ, баронъ.

Я испугался: неужели опять пиршество?

Викторъ Петровичъ сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло.

— Только закусить, -- произнесъ онъ успокоительно: — всего четверть часа, и все готово.

Сказавъ это, онъ стремительно взялъ меня подъ руку, и я не успѣлъ опомниться, какъ мы уже сидѣли у Доминика, и вмгъ былъ заказанъ завтракъ, столь обильный, что онъ мнѣ показался хорошимъ обѣдомъ. Викторъ Петровичъ ѣлъ и пилъ, не торопясь, но тѣмъ не менѣе все у него исчезало съ неимоверной быстротой, и въ то же время онъ успѣвалъ тараторить безъ умолку.

— Такъ вотъ какое у меня дѣлишко, — говорилъ онъ, выпивая вторую рюмку водки.—Ставлю новую пьесу.

— Ѣдете на репетицію?

— Ça viendra, но пока їду только къ одной актрисѣ предлагать пьесу. О, я знаю, эта крадечка меня поддержитъ, и все пойдетъ, какъ по маслу. Дорожка уже проторена.

И онъ весело захихикалъ.

Я не зналъ, что сказать. Викторъ Петровичъ имѣлъ какую-то особенную способность меня озадачивать. Но вопросъ, имъ затронутый, меня очень интересовалъ. Поэтому я поспѣшилъ спросить:

— Развѣ у васъ въ Россіи пьесы одобряются къ представленію актрисами?

— А у васъ въ Японіи?—сдѣлалъ онъ контръ-вопросъ.—Впрочемъ, у васъ, можетъ быть, настоящаго театра еще нѣтъ, и вы пробавляетесь маріонетками или балаганами? Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, — поправился онъ:—припоминаю, у васъ какія-то чудовища разгуливаютъ по сценѣ, а женскія роли, можетъ быть, какъ у насъ въ старину, все еще исполняются мужчинами. То-то вы удивляетесь, что у насъ пьесы проводятся черезъ актрисъ.

Тонъ Виктора Петровича показался мнѣ ужъ черезчуръ развязнымъ. Я отвѣтилъ:

— Простите, я ничему не удивляюсь. Вы, русскіе, вообще странная нація. У васъ, на примѣръ, чиновники педагогическаго вѣдомства—оріенталисты и виртуозы на балалайкѣ...

— Ха-ха-ха,—разсмѣялся онъ:—или... или... пишутъ пьесы.

На него рѣшительно не было возможности сердиться.

— Вы напрасно думаете, — сказалъ я: — что японскій театръ находится еще въ младенческомъ состояніи. Онъ во многомъ уже напоминаетъ европейскій. На примѣръ, послѣднія двѣ драмы нашего извѣстнаго беллетриста Юдзи: «Маки-но-ката» и «Кикю-то-кири»...

— «На темномъ гирибирифирѣ», — продекламировалъ вдругъ Викторъ Петровичъ, разсмѣялся и пояснилъ: — Такъ мы въ гимназіи пародировали знаменитое «Видѣніе мурзы» Державина, и ваша японская драма напомнила мнѣ золотое дѣтство. Впрочемъ, и у насъ есть фамиліи драматурговъ, которыя вамъ должны показаться странными. Какъ вамъ, на примѣръ, нравится: Сухово-Кобылинъ?

Я съ досадою отложилъ ножикъ и вилку. Рѣшительно съ Викторомъ Петровичемъ нельзя было говорить серьезно.

— Я умолкаю, я умолкаю, — извинился онъ. — Итакъ, васъ удивило, что у насъ, въ Петербургѣ, проводятъ пьесы черезъ актрисъ. Да вѣдь это—самый естественный путь.

— Не думаю,—возразилъ я: — мнѣ кажется, вы сильно преувеличиваете. Вѣдь у васъ есть директоры театровъ, при нихъ, вѣроятно, какіе-нибудь совѣты или комитеты, рассматривающіе пьесы?

— Какъ же, какъ же,—поспѣшилъ согласиться Викторъ Петровичъ:—все это есть. И тѣмъ не менѣе...

Улыбка заиграла на его лицѣ, но онъ сдержался и продолжалъ:

— Я вамъ дамъ историческую справку. Кажется, когда говорятъ серьезно, то всегда начинаютъ съ исторіи. Правда, у насъ часто вмѣсто всякаго серьезнаго разговора получается только исторія. Во всякомъ случаѣ вотъ моя справка. «Въ началѣ бѣ правительство... вся тѣмъ быша, и безъ него ничто же бысть, еже бысть». Правительство создало у насъ между прочимъ и театръ, и такъ какъ Россія—самодержавное государство, то и театръ управлялся у насъ самодержавно—только театральные самодержцы у насъ назывались директорами. Назначались они изъ придворныхъ чиновъ, изъ генераловъ, изъ археологовъ, изъ контрольных чиновниковъ, изъ кассировъ...

— Вы опять шутите, Викторъ Петровичъ!

— Нѣтъ, на этотъ разъ я не шучу, а говорю очень серьезно. И васъ, баронъ, кажется, теперь ужъ не должно удивлять, что завѣдываніе такой легкомысленною частью, какъ театръ, у насъ поручалось, напримѣръ, контрольнымъ чиновникамъ или археологамъ. А вотъ что удивительно: русскій театръ въ рукахъ такихъ управителей не только не погибъ, а, напротивъ, по временамъ даже процвѣталъ. Повторяю: «Умомъ Россію не понять». Тѣмъ не менѣе въ обществѣ существовало глухое недовольство положеніемъ театрального дѣла, и правительство отреклось отъ своей театральной монополіи въ столицахъ, предоставивъ частнымъ лицамъ открывать свои театры. Это была реформа номеръ первый. Затѣмъ послѣдовала реформа номеръ второй. Одобреніе пьесъ для правительственныхъ театровъ было изъято изъ рукъ театрального самодержца и довѣрено приглашаемой имъ коллегіи литераторовъ.

— Обѣ реформы,—замѣтилъ я:—представляются мнѣ очень существенными. Слѣдовательно, теперь у васъ, въ Россіи, во главѣ разныхъ театровъ стоятъ: собственникъ или директоръ и затѣмъ коллегіи специалистовъ, принимающія или отвергающія пьесы. Эта организація мнѣ очень нравится. У насъ все это находится еще въ зародышѣ.

— Ну, наконецъ-то вы поняли, баронъ, что я говорю съ вами серьезно,—сказалъ Викторъ Петровичъ.—Буду продолжать столь же серьезно. Вы не совсѣмъ вѣрно резюмировали положеніе дѣлъ. Общество очень настаивало, чтобы самодержавное правленіе прекратилось въ правительственныхъ театрахъ, но когда частныя лица открывали театры, они заботились о томъ, чтобы ихъ самодержавная власть не потерпѣла ущерба. Мы, русскіе, вообще очень любимъ самодержавіе, но только не въ правительствѣ...

— Вы говорите, что въ частныхъ театрахъ нѣтъ коллегій, отвергающихъ или принимающихъ пьесы?

— Этого нельзя сказать. Иногда такіе комитеты бываютъ, но все равно они не играютъ никакой роли: вершаетъ всѣ дѣла хозяйская воля.

— А кто хозяева?

— Актеры, актрисы, журналисты, архитекторы, инженеры, купцы, фавориты актрисъ и т. д.

— А изъ кого состоятъ комитеты тамъ, гдѣ они существуютъ? Конечно, изъ специалистовъ по литературной и сценической части?

— Дались вамъ эти специалисты. У насъ кто палку взялъ, тотъ и специалистъ. Напримѣръ, подрядчикъ можетъ прекрасно судить о пьесахъ, если онъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ хозяиномъ театра. Нѣтъ, у насъ въ Россіи членами театральныхъ комитетовъ бываютъ всѣ. Почему, напримѣръ, автору знаменитой книги «Борьба желудка съ психикой» не быть судьбою драматическихъ произведеній?

— Борьба желудка съ психикой, говорите вы? Это что такое? Что-то очень ученое, кажется?

— Не скажу, но у насъ развелось много сторонниковъ Фридриха Великаго...

— Простите, не понимаю.

— «Alle Kulkur kommt vom Magen», сказалъ великій король. Его русскіе сторонники также утверждаютъ, что вся человѣческая культура идетъ отъ желудка; значить, отъ желудка идетъ и театръ, и авторъ книги, доказавшій это, — несомнѣнно, специалистъ по театральной части. Затѣмъ естественными специалистами по театральной части считаются у насъ антропологи. Такъ, одинъ изъ нашихъ писателей сдѣлалъ великое открытіе: онъ открылъ совсѣмъ гладкихъ женщинъ.

— Вы говорите: совсѣмъ гладкихъ женщинъ?—удивился я.

— Ну да, гладкихъ, какъ паркетный полъ. Вы думаете, что совсѣмъ гладкихъ женщинъ, какъ полъ, быть не можетъ? Ошибаетесь. Что значитъ по-нѣмецки: Glatte Saal?

— Зала съ хорошо вылощеннымъ поломъ.

— Glatte Frau?

— Салонная дама, вылощенная, льстивая...

— Вотъ видите, баронъ: можно лощить полъ, можно лощить и женщину, — такъ почему же не быть дамъ гладкой?

И Викторъ Петровичъ не могъ удержаться отъ искушенія продекламировать знаменитые гейневскіе стихи. Въ его голосъ звучала иронія и въ то же время радостное возбужденіе, когда онъ прощался съ постылымъ городомъ и бѣжалъ отъ него въ горы, на лоно природы: «Lebet wohl, ihr glatten Säle, glatte Herren, glatte Frauen». Но вдругъ онъ весь преобразился и замогильнымъ голосомъ, словно пасторъ, началъ торжественно благословлять: «Миръ вамъ, блестящія залы, гладкія дамы, мужчины».

Я невольно расхохотался.

— Неужели у васъ есть такіе плохіе переводчики?

— Плохіе! Да какъ только объ этомъ великомъ открытіи стало извѣстно, академія наукъ немедленно включила этого ученаго въ число наипочетнѣйшихъ академиковъ по разряду антропологии. А въ театрѣ гладкія дамы могутъ особенно пригодиться. Поэтому знаменитаго переводчика пригласили членомъ всѣхъ существующихъ и не существующихъ театральныхъ комитетовъ. Но въ настоящіе знатоки театрального дѣла попадаютъ тѣ, кто докажетъ, что всѣ наши выдающіеся писатели—соціалисты. Такъ, одинъ ученый профессоръ заявилъ, что въ «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина ясно намѣчается «та директива, которую избрали себѣ главари партіи» соціалистовъ-демократовъ, и какъ только въ театральномъ мірѣ узнали о такомъ великолѣпномъ открытіи, тотчасъ къ профессору было послано тридцать тысячъ курьеровъ: «Пожалуйте къ намъ принимать и отвергать пьесы».

— Развѣ у васъ такъ дорожатъ, чтобы театральные критики были непремѣнно соціалистами?

— Бываетъ.

— Но развѣ пьесы у васъ оцѣниваются не съ художественной, а съ политической точки зрѣнія?

— Чаще всего—съ кумовской. Но кумовьями у насъ бываютъ только одинаково-мыслящіе въ политическомъ отношеніи.

— Теперь кое-что для меня уяснилось,—замѣтилъ я.

— Кое-что? Я думалъ все. Ахъ да; вотъ что я забылъ вамъ еще сказать. У насъ раздаются общія жалобы, что хорошихъ пьесъ нѣтъ, но въ театральныхъ комитетахъ пьесъ не читаютъ.

— То-есть какъ не читаютъ?

— Да просто не читаютъ.

— Но почему же?

— Причинъ много, но дѣло сводится къ слѣдующему: пьесы неизвѣстныхъ авторовъ не стоитъ читать, потому что онѣ въ принципѣ признаются дребеденью; извѣстные же авторы дѣлятся на одинаково и инако-мыслящихъ; пьесы одинаково-мыслящихъ одобряются безъ чтенія, а пьесы инако-мыслящихъ отвергаются тоже безъ чтенія. Такъ, на примѣръ, пьеса Чехова, не сходящая теперь съ репертуара, была забракована на этомъ основаніи.

— У васъ, однако, легко быть критикомъ.

— Очень легко, тѣмъ болѣе, что эта критика ни къ чему не обязываетъ: хозяинъ театра рѣшитъ вопросъ и безъ критиковъ.

— Значитъ, все дѣло въ директорѣ?

— Ну, гдѣ же ему читать пьесы! Да и незачѣмъ: кто-нибудь подскажетъ, другъ-пріятель, какой-нибудь человѣчекъ, который всюду втирается, актеръ, актриса. Я вотъ дѣйствовалъ черезъ друзей-пріятелей, а нынче для разнообразія хочу попробовать черезъ актрису.

— Теперь я почти все понял. Скажите мнѣ еще только, какъ же поступаютъ театры, чтобы оправдать свой образъ дѣйствія по отношенію къ авторамъ неизвѣстнымъ или инако-мыслящимъ?

— Ахъ, это дѣлается очень просто! На запросы и письма не отвѣчаютъ...

— Да развѣ можно не отвѣчать на письма?

— Скажите, баронъ: Японія на лунѣ? Вы въ самомъ дѣлѣ точно съ луны свалились. Кто же въ Россіи отвѣчаетъ на письма? Развѣ какая-нибудь мелкота, а человѣкъ, сознающій свое достоинство, никогда на письма не отвѣчаетъ. Да ему и некогда.

— Онъ могъ бы завести секретаря.

— Ну, еще чего захотѣли! Отвѣчать на письма хорошо для Европы. Тамъ, говорятъ, считаютъ невѣжами тѣхъ, кто на письма не отвѣчаетъ, а у насъ считаютъ невѣжами тѣхъ, кто этого требуетъ: «Вишь выискался, паца какая! Сейчасъ видно, что грубиянъ».

— А съ рукописями что же дѣлаютъ?

— Да просто выбрасываютъ ихъ, а если авторъ спохватится и потребуетъ возвращенія, то ему ее возвратятъ съ заявленіемъ: «Не прочитана за недосугомъ; кромѣ вашей пьесы, у насъ лежатъ раньше поступившихъ десять тысячъ пятьсотъ пятнадцать».

— Теперь мнѣ все ясно. Но вы сильно преувеличиваете, Викторъ Петровичъ!

— Напишите пьесу и постарайтесь ее провести—вы тогда убѣдитесь, преувеличиваю ли я. Одно вамъ могу сказать. Не устраивайте въ Японіи театральнаго дѣла такъ, какъ оно у насъ устроено, если только у васъ драматурги не любятъ кумовства и хорошенькихъ актрисъ. Я люблю и то, и другое, поэтому російскими театральными порядками вполне доволенъ. Вѣдь если бы пьесы у насъ опѣивались компетентными судьями по внутреннему ихъ достоинству, то, пожалуй, мои пьесы никогда не увидѣли бы рамы. А теперь мы съ моимъ другомъ-скульпторомъ блаженствуемъ.

— Развѣ вашъ другъ-скульпторъ тоже пишетъ пьесы?

— Какъ же! Ему, конечно, это никогда бы въ голову не пришло, если бы онъ не влюбился въ одну хорошенькую актрису. Онъ драматизировалъ свою пантомиму любви съ нею, и пьеса пошла.

— Это просто невѣроятно.

— Честное слово... Ай-ай-ай, — воскликнулъ Викторъ Петровичъ:—какъ я съ вами заболтался: вѣдь ужъ половина четвертаго, и кралечка меня ждетъ.

Онъ стремительно вскочилъ, мы расплатились и ушли. Съ извозчика онъ мнѣ еще крикнулъ:

— А когда же къ намъ въ вѣдомство?

— Забыли? Завтра же торжественный осмотръ.

— Ахъ, да,—замахалъ онъ мнѣ шапочкой, и голубые его глаза мнѣ весело смѣялись.

VII.

Какіе сердечные люди эти русскіе, подумаль я и зашагалъ по Невскому. Погода была прекрасная: солнце сіяло во-всю, легкій морозецъ пощипываль лицо, люди казались свѣжими, бодрыми, жизнерадостными, мужчины заглядывались на хорошенькихъ женщинъ, кучера весело покрикивали, молодецки правя рысаками, витрины магазиновъ искрились, сверкали, словомъ, картина уличнаго движенія была восхитительная, но на меня, находившагося еще всецѣло подъ впечатлѣніемъ разговора съ Викторомъ Петровичемъ, она дѣйствовала какъ-то своеобразно. Я проходилъ мимо Александринскаго театра, возвышавшагося надъ памятникомъ Екатерины. Великая императрица очень интересовалась театромъ, сама писала пьесы. Что бы она сказала, если бы Викторъ Петровичъ ей изложилъ то, что онъ мнѣ только что изложилъ, конечно, безъ тѣхъ преувеличеній и шутокъ, къ которымъ его артистическая натура была такъ склонна? Что сказала бы она, эта выдающаяся правительница, съ точки зрѣнія того вопроса, который меня главнымъ образомъ занималь, — вопроса о взаимодѣйствіи правительства и общества тамъ, гдѣ они непосредственно соприкасаются? Я натолкнулся на новую область этого взаимодѣйствія—на театральное дѣло. И что же я увидѣлъ? Оно находится въ рукахъ самого правительства и частныхъ лицъ — тоже своего рода правительства по отношенію къ людямъ, имѣющимъ съ ними дѣло. Пьесы часто возвращаются нечитанными, судьями являются лица, совершенно некомпетентныя въ театральномъ дѣлѣ, актеры и актрисы принимаютъ или отвергаютъ пьесы, смотря по тому, въ какихъ отношеніяхъ они находятся съ авторами, политика играетъ часто роль при оцѣнкѣ пьесы, театръ съ его огромнымъ воспитательно-образовательнымъ значеніемъ превращается въ орудіе той или другой партіи. И гдѣ корень этого зла? Кого въ немъ винить? Правительство назначало военныхъ, археологовъ, контрольныхъ чиновниковъ или кассировъ—директорами театра. Но эти контрольные чиновники или археологи ни на минуту не задумывались принять отвѣтственный постъ: они, можетъ быть, сами его добивались, можетъ быть, интриговали или унижались, чтобы его получить. Что же это были за люди, какъ слабо дѣйствовала ихъ голова, или какъ низко стояли они въ нравственномъ отношеніи, если могли братья за дѣло, къ которому совсѣмъ не были подготовлены, если они съ легкимъ сердцемъ осмѣливались вершать театральныя дѣла послѣ того, какъ всю жизнь командовали полками, дѣлали раскопки или исполняли бухгалтерскую работу! Хороши были и тѣ люди, которые брали на себя еще болѣе отвѣтственную роль

оцѣнивать драматическія произведенія, не имѣя для этого никакихъ данныхъ: сомнительные переводчики или ученые, военные, инженеры, агитаторы, для которыхъ единственнымъ художественнымъ критеріемъ служила политика. И всѣ эти люди готовы были отречься отъ своего мнѣнія, если хозяинъ, который имъ платитъ, прикажетъ, или если смазливенькая актриса ихъ попроситъ. И каково должно быть общество, выдѣляющее изъ своей среды такихъ субъектовъ, терпящее подобное надругательство надъ тѣмъ, что должно быть для него священнымъ! Нѣтъ, говорилъ я себѣ, мнѣ нечему учиться въ странѣ, гдѣ не понимаютъ, что честное исполненіе каждымъ гражданиномъ прямыхъ своихъ обязанностей служить главнымъ условіемъ процвѣтанія и общества и государства.

Поглощенный этими мыслями, я незамѣтно дошелъ почти до Николаевского вокзала, тутъ сообразилъ, что мнѣ пора вернуться, пошелъ назадъ, но все еще не могъ отдѣлаться отъ тѣхъ мыслей, которыя вызвалъ во мнѣ разговоръ съ Викторомъ Петровичемъ. Такъ я миновалъ Аничковъ мостъ и дошелъ почти до Караванной. Тутъ я очнулся и сталъ обращать вниманіе на тѣнившуюся вокругъ публику. Какъ разъ въ это время мнѣ навстрѣчу шла шикарная барыня, разнаряженная и раскрашенная, бросавшая на меня благосклонные взгляды, должно быть, въ увѣренности, что и монголамъ «ничто человѣческое не чуждо» и что у нихъ водятся деньги. Вотъ и настоящая русская гейша,—подумалъ я, но вниманіе мое было тотчасъ отвлечено милымъ знакомымъ личикомъ ненастоящей моей гейши, шедшей позади размалеванной красавицы. Клавдія Николаевна показалась мнѣ особенно привлекательной по сравненіи съ нею. Она меня уже признала и, протягивая руку шепнула мнѣ:

— На красавицъ заглядываетесь?

Но тонъ у нея былъ грустный.

— Ну, — отмахнулся я. — А вы со службы? Рано отдѣлались: шефа сегодня нѣтъ.

— А вы уже знаете?

Мы пошли рядомъ.

— Настъ забыли?

— Былъ нездоровъ. Но завтра непременно буду. Мы потомъ съ Келестиномъ Ивановичемъ собираемся осмотрѣть ваши заведенія.

— Нечего сказать, интересно. Впрочемъ, вы бредите Петромъ съ дубинкою.

— Не понимаю васъ.

— Ахъ, вы не повѣрите, какъ мнѣ все казенное противно! Но послушайте: вы кто собственно будете?

— Какъ кто? Я—японецъ.

— Знаю: баронъ и прочее. Но вѣдь и японцы бываютъ разные. Или вы всѣ одинаково мыслите, чувствуете; вы не только всѣ на одно лицо, но и на одну душу?

— Для врага—да; но для друзей у насъ бываютъ разные оттѣнки душевной жизни. Когда я васъ сегодня увидѣлъ, мнѣ стало весело, а теперь мнѣ почему-то грустно.

— Я васъ чѣмъ-нибудь обидѣла? Скажите, пожалуйста! Это не входило въ мои намѣренія. Я просто хочу знать, кто вы такой. Васъ, бароновъ, въ Японіи много?

— Вы хотите сказать: высшаго дворянства? Около четырехъ съ половиною тысячъ.

— А всего населенія?

— Около сорока пяти миллионѡвъ.

— И вы, бароны, живете потомъ и кровью этихъ сорока пяти миллионѡвъ?

Я окончательнѡ убѣдился въ глубокомъ моемъ заблужденіи, когда принялъ эту дѣвушку за гейшу, и въ то же время почувствовалъ потребность быть съ нею откровеннымъ. Меня тронуло ея желаніе прежде, чѣмъ вступить въ близкое знакомство съ чело-вѣкомъ, узнать въ точности, кто онъ, какіе у него общественные и политическіе взгляды.

— У меня,—отвѣтилъ я:—было нѣсколько помѣстій, но я ихъ продалъ и теперь живу на проценты съ реализованнаго капитала.

— Кому вы продали ваши помѣстья?

— Крестьянамъ.

— И, конечно, дорого съ нихъ взяли?

— Цѣна на землю у насъ высокая.

— Но вы взяли не больше другихъ?

— Нѣтъ, меньше.

— А вы не могли отдать крестьянамъ землю даромъ?

— Не могъ.

— Почему?

Вопросы эти и отвѣты чередовались съ большою быстротою, при чемъ дѣвушка смотрѣла на меня очень внимательно. Это былъ формальный допросъ, но я отъ него не уклонялся, потому что вѣрилъ въ ея искренность и благородство побужденій. На послѣдній вопросъ мнѣ, однако, трудно было отвѣтить въ двухъ словахъ, и я задумался, прибирая краткій, но въ то же время ясный отвѣтъ. Дѣвушка этого не поняла.

— Не хотите отвѣчать—не надо.

— Нѣтъ, хочу,—возразилъ я:—но это не такъ легко. Вы многого не знаете, что сдѣлало бы мой отвѣтъ для васъ убѣдительнымъ.

— А чего же я не знаю?

— Прежде всего, не знаете меня.

— Но я васъ спрашиваю именно для того, чтобы васъ узнать.

— Если бы вы знали, что я—честный человекъ, понятно, не въ индивидуальномъ, а въ общественномъ значеніи этого слова, вы бы всѣхъ этихъ вопросовъ не задали.

Дѣвушка утвердительно закивала головой.

— Все дѣло, значитъ, въ моей честности. Честный человекъ не можетъ сознательно жить на счетъ другихъ. Элементарная нравственность требуетъ, чтобы онъ самъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ.

Дѣвушка еще усиленнѣе закивала головой.

— Но вы сомнѣваетесь, что потомокъ прежнихъ феодаловъ—они были и въ Японіи: феодальный строй лишь весьма недавно у насъ отмиренъ, лѣтъ тридцать тому назадъ—захочетъ жить собственнымъ трудомъ; вы находите, что онъ обязанъ возратить унаслѣдованное имъ состояніе тѣмъ, отъ кого онъ его получилъ незаконнымъ образомъ. Не такъ ли?

Дѣвушка взглянула на меня, и я въ глазахъ ея прочелъ благодарность, вѣроятно, за то, что я вѣрно ее понялъ.

— Не было бы ничего легче,—продолжалъ я:—какъ закидать васъ фразами, которыя я часто слышу здѣсь въ Россіи и нерѣдко слышалъ и въ остальной Европѣ. Но я помню, какъ вы отнеслись къ поступку китайскихъ офицеровъ послѣ взятія нами Вей-ха-вея, я помню это, Клавдія Николаевна, и не могу отдѣлаться фразами передъ человекомъ, понимающихъ любовь къ родинѣ такъ, какъ вы ее понимаете. Сохраняя за собою состояніе, унаслѣдованное отъ предковъ, я знаю, что вмѣстѣ съ тѣмъ принимаю на себя огромную отвѣтственность: я долженъ оправдать это передъ своею совѣстью, предъ своей родиной и передъ тѣми, кто часто непосильнымъ трудомъ и безконечными лишениями помогъ нажить это состояніе. Я задавался вопросомъ объ этой отвѣтственности уже смолоду, я работалъ, насколько мнѣ позволяли силы и способности, надъ своимъ образованіемъ, а потомъ покинулъ любимую жену и дѣтей и странствую теперь по Европѣ и Россіи, чтобы собрать знанія, необходимыя моей родинѣ, которую я желалъ бы видѣть столь же просвѣщенной, богатой и счастливой, какъ самыя культурныя изъ европейскихъ странъ. Вотъ вамъ моя исповѣдь. Если она васъ удовлетворитъ, буду очень радъ, а любовь къ родинѣ я понимаю такъ же, какъ вы ее понимаете и какъ понимали ее тѣ китайскіе офицеры, которые не могли пережить своего позора. Но это я могу доказать только дѣломъ, а не словами.

Мы оба остановились. Дѣвушка смотрѣла на меня теперь до-вѣрчиво.

— Камо Икку, — произнесла она тихо:—а не лучше ли было бы все-таки... раздать ваши деньги... тѣмъ крестьянамъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я, когда мы тронулись въ обратный путь:— это было бы не лучше. Я подготовляю себя къ государственной дѣятельности и хочу быть совершенно независимымъ въ матерьяльномъ отношеніи. Занимая государственный постъ, я, можетъ быть, отблагодарю и крестьянъ, работавшихъ на моихъ предковъ: труды ихъ не пропадутъ даромъ, посѣянные ими сѣмена могутъ дать хорошую жатву для всей страны. Я бы этого очень хотѣлъ. Если это мнѣ не удастся, я раздамъ свои капиталы и буду самъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Но пока я не хочу походить на вашихъ и иностранныхъ бюрократовъ, вынужденныхъ...

Дѣвушка не дала мнѣ договорить.

— Еще бы, еще бы,—сказала она.— Но, Камо Икку, почему вы поучаетесь только у этихъ бюрократовъ, а не хотите познакомиться и съ нами?

— Съ кѣмъ же это? Вѣдь вы сами чиновница, — проговорилъ я нерѣшительно, озадаченный ея словами.

— Чиновница!—разсмѣялась она.. Да, я—чиновница, если хотите, но чиновница, какъ я вамъ уже докладывала, только для тѣла...

Она не договорила. Смѣхъ ея оборвался.

— Какъ я несчастна, какъ я несчастна, — вырвалось у нея стономъ: — если бы вы только знали!.. Этотъ разладъ между тѣломъ и душой меня съ ума сведетъ. Но что же вы хотите! Не могу же я съ голоду умереть!

Я ничего не понималъ. Только смутныя догадки толпились у меня въ головѣ. Я сказалъ наугадъ:

— Вы своимъ положеніемъ недовольны?

Дѣвушка какъ будто успокоилась. Мы свернули въ улицу, гдѣ она жила.

— Всего не расскажешь,—промолвила она минуту спустя.— Но вы хорошій человекъ; теперь я это знаю, и вы должны съ нами познакомиться. Хотите, завтра? Можетъ быть, мы больше пригодимся для вашей Японіи, чѣмъ Петръ Величайшій съ дубинкой и всѣ бюрократы. Кромѣ официальной Россіи, существуетъ еще неофициальная, и, повѣрьте, она интереснѣе. Такъ хотите?

Мы стояли у ея подъѣзда.

— Очень хочу,—отвѣтилъ я:—но вѣдь я завтра днемъ занятъ.

— Мнѣ вашего дня не надо. Вечеромъ-то вы свободны?

— Весь мой вечеръ въ вашемъ распоряженіи.

— Вотъ и прекрасно.

Она меня снова притянула слегка за рукавъ къ подъѣзду.

— У васъ въ карманѣ есть что-нибудь въ родѣ записной книжки? У аристократовъ всегда такія вещи водятся.

Я вынулъ записную книжечку.

— Вотъ вамъ адресъ.

Она заглянула въ мою книжечку.

— Фу, какія каракули! Ну, такъ записывайте. И будьте ровно въ восемь.

Она продиктовала мнѣ адресъ. Затѣмъ взглянула на меня и, подмигнувъ мнѣ, сказала:

— Я васъ товарищамъ отрекомендую съ лучшей стороны. Экстраординарное случилось: японскій баронъ и русская нигилистка другъ друга поняли.

Сказавъ это, она, какъ въ тотъ разъ, быстро шмыгнула въ подъѣздъ, а я стоялъ чуть не съ разинутымъ ртомъ. Вотъ тебѣ и гейша, вотъ тебѣ и чиновница, подумалъ я: положительно въ Россіи всегда находишь то, чего не ищешь.

Р. И. Сементковскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ ВЪ ВЫШТЫНЦѢ.

СЕНЬЮ 1901 года, въ день свиданія нашего императора съ президентомъ французской республики, германскій императоръ Вильгельмъ неожиданно приѣхалъ въ русское приграничное мѣстечко Выштынецъ, только что передъ этимъ пострадавшее отъ пожара.

Нѣмецкія заграничныя газеты того времени подняли бурю изъ-за сухости приѣма, причемъ якобы одинъ русскій офицеръ съ намѣреніемъ не оказалъ императору должнаго ему уваженія, что вызвало сильное неудовольствіе Вильгельма, и что о случаѣ этомъ русскими жандармскими властями производится дознаніе, и пр., и пр. Насколько это было близко къ дѣйствительности, судить было трудно, какъ какъ русская печать, за рѣдкими исключеніями, фактъ посѣщенія германскимъ императоромъ русской территоріи обошла молчаніемъ, а результатъ дознанія составлялъ канцелярскую тайну; извѣстно было лишь то, что офицеръ, навлекшій на себя подозрѣніе, былъ, «по волѣ начальства», переведенъ съ прусской на австрійскую границу.

На дняхъ мнѣ удалось узнать подробности этого происшествія отъ самого полковника Д., бывшаго въ то время командиромъ отряда въ мѣстечкѣ Выштынецъ, Сувалкской губерніи.

Вотъ его разсказъ:

Въ концѣ лѣта 1901 года, служа въ Петроковской губ., я вынужденъ былъ потребовать удовлетворенія отъ своего начальника. Мое высшее начальство мудро рѣшило перевести насъ обо-

ихъ въ другія бригады, и я попалъ въ мѣстечко Выштынецъ, расположенное на самой чертѣ прусской границы. По другую сторону границы тянулись прусскіе казенные лѣса и имѣнія германскаго императора, куда онъ каждую осень пріѣзжалъ для охоты.

Вскорѣ по моемъ пріѣздѣ въ Выштынецъ, большая часть мѣстечка, расположенная вдоль приграничнаго выштынецкаго озера и населенная евреями, выгорѣла до основанія и нѣсколько сотъ жителей, лишившись всего своего имущества, осенью остались безъ крова.

Благодаря сосѣдству имѣнія германскаго императора, вѣсть о пожарѣ достигла вышихъ берлинскихъ сферъ скорѣе, чѣмъ до нашего сувалскаго губернатора. Не прошло и двухъ сутокъ, какъ получена была изъ Петербурга телеграмма, разрѣшавшая безошлинный пропускъ изъ-за границы чрезъ выштынецкую таможенную вещь и продуктовъ для погорѣльцевъ, пожертвованныхъ пруссаками, на пять тысячъ марокъ.

Каждый день изъ-за границы пріѣзжали возы съ мясомъ, хлѣбомъ, продуктами, теплымъ платьемъ, чаемъ и пр.

Каждый же день пріѣзжали прусскіе агенты и раздавали денежное пособіе отъ имени августѣйшаго сосѣда.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ пожара и раздачи пособій пріѣхалъ въ свое имѣніе для охоты императоръ Вильгельмъ и въ тотъ же день приказалъ своему оберъ-егермейстеру дать знать нашимъ властямъ въ Выштынецѣ, что завтра же онъ пришлетъ туда своего генералъ-адъютанта для передачи погорѣльцамъ пяти тысячъ рублей, пожертвованныхъ русскимъ императоромъ.

Прусскій оберъ-егермейстеръ, не зная, что нашъ войтъ гмины (староста) простой крестьянинъ, даже малограмотный, и полагая, что войтъ—это нѣчто въ родѣ ихъ ландрата, послалъ оповѣщеніе на имя нашего выштынецкаго войты, который рѣшилъ, что сообщать кому-либо о предстоящемъ пріѣздѣ германскаго императора нѣтъ надобности, и всѣ его приготовленія къ приему царскаго посланца ограничились тѣмъ, что онъ самъ не пошелъ на полевую работу, а ожидалъ, сидя у себя въ хатѣ.

Въ Выштынецѣ, кромѣ меня, еще жили: ротмистръ пограничной стражи и три чиновника таможенной заставы, и никто изъ насъ о полученномъ войтомъ извѣщеніи не зналъ.

Разъ, возвращаясь съ развѣзда по границѣ, я встрѣтилъ гулявшую по берегу озера мою жену и, отправивъ лошадей, пошелъ съ нею пѣшкомъ. Около почтоваго отдѣленія насъ нагналъ канцелярскій чиновникъ таможи, сказавшій, что онъ идетъ дать телеграмму начальнику округа о томъ, что кавалькада изъ 10—12 прусскихъ офицеровъ сейчасъ проскакала мимо заставы въ мѣстечко Выштынецъ, не остановившись, какъ бы то слѣдовало, у заставы, а сзади ихъ пронеслись, также вскачь, три параконныхъ эки-

пажа, которые также не остановились для предъявленія легитимационныхъ билетовъ, несмотря даже на окликъ ихъ досмотрщикомъ. Была ли послана эта телеграмма, или когда узнали, что въ числѣ пріѣхавшихъ офицеровъ былъ и германскій императоръ, она была взята обратно—я не знаю.

Поднявшись на гору, я увидѣлъ, что по срединѣ площади выгорѣвшаго мѣстечка стоитъ группа верховыхъ прусскихъ офицеровъ въ блестящихъ парадныхъ мундирахъ и каскахъ, а одинъ изъ нихъ, отдѣлившись шаговъ на десять, былъ въ фуражкѣ русскаго образца.

Будучи въ старомъ пальто, запачканномъ о сѣдло, невымытый и запыленный послѣ семидесятиверстной ночной поѣздки по чертѣ границы, я не считъ возможнымъ подойти къ иностраннымъ расфранченнымъ офицерамъ. Пойти домой переодѣться я также не могъ. Пришлось бы проходить чрезъ ту же площадь а главное—кавалкада могла уѣхать до моего возвращенія, и я остановился на площади, прикрываясь бывшими тутъ развалинами сгорѣвшаго дома, и сталъ наблюдать издали.

Прусскій оберъ-егермейстеръ въ парадной формѣ съ разноцвѣтными перьями, скакалъ верхомъ по улицамъ мѣстечка, разыскивая войта и собирая народъ на площадь. По случаю рабочаго времени улицы были пусты, и на площади собралось не болѣе человѣкъ 10-ти.

Егермейстеръ, проѣзжая мимо меня, спросилъ:

— Говорите ли вы по-нѣмецки?

Не желая быть переводчикомъ, я отвѣтилъ: «нѣтъ», и онъ по-скакалъ къ молельнѣ, откуда вызвалъ человѣкъ 40—50 евреевъ, объявивъ имъ, что пріѣхалъ германскій императоръ и привезъ имъ пособіе.

Не ранѣе, какъ черезъ 20—30 минутъ, на площади собрались 60 евреевъ и войтъ.

Вильгельму, видимо, наскучило ждать, и онъ спросилъ войта:

— Гдѣ же народъ? Гдѣ жители этого мѣстечка?

Войтъ, знавшій по-нѣмецки, отвѣтилъ:

— Всѣ жители мѣстечка въ полѣ и вернутся не ранѣе вечера.

— Но вѣдь вы, вчера получили оповѣщеніе, что сегодня долженъ былъ пріѣхать мой адъютантъ и привезти пособіе погорѣльцамъ, а я вижу только нѣсколькихъ евреевъ. Почему не собрались и христіане мѣстечка? Гдѣ ваше начальство, которому я могъ бы передать деньги?—вновь спросилъ императоръ.

— Ваше величество! — сказалъ войтъ, — христіане не погорѣли, и потому ихъ выдача пособія не интересуетъ и они не могли терять рабочаго времени, чтобы смотрѣть на раздачу пособія. Въ Выштынцѣ никакого начальства не живетъ, а деньги могу принять я, для передачи начальнику уѣзда.

Императоръ, видимо, недовольный отвѣтомъ, подозвалъ къ себѣ оберъ-егермейстера, и отдалъ ему какое-то приказаніе.

Егермейстеръ, подскакавъ къ стоявшему вдали (не мѣстному) еврею, что-то сказалъ ему, а еврей, подбѣжавъ ко мнѣ, сказалъ:

— Егермейстеръ спрашиваетъ, не нужно ли чего-нибудь русскому офицеру?

Я отвѣтилъ, что мнѣ ничего не нужно и что, вѣроятно, онъ не такъ понялъ слова егермейстера и просилъ повторить ихъ по нѣмецки, но еврей повторить не могъ и, видимо, уже отъ себя сталъ разъяснять, что если бы я попросилъ, то и мнѣ дали бы пособие, почему я сказалъ, чтобы онъ оставилъ меня въ покоѣ и убирался къ чорту.

Еврей побѣждалъ передать мои слова егермейстеру, не упустивъ и того, что я прогналъ его къ чорту, а тотъ доложилъ императору.

Вильгельмъ, обратившись къ толпѣ съ рѣчью, упомянулъ, что онъ ихъ сосѣдъ, а потому, узнавъ о постигшемъ ихъ несчастіи, первымъ пришелъ на помощь; сказалъ, что Выштынецъ ранѣе принадлежалъ Пруссіи и что мостовыя на площади и улицахъ есть остатокъ того времени.

Въ концѣ Вильгельмъ сказалъ, что, видясь на дняхъ съ своимъ лучшимъ другомъ русскимъ императоромъ и узнавъ, что нашъ государь пожертвовалъ въ пользу погорѣльцевъ 5000 руб., онъ просилъ у него эти деньги переслать имъ чрезъ него, какъ сосѣда, и вотъ онъ привезъ 5000 руб. въ пакетѣ, запечатанномъ печатью русскаго императора. При этомъ Вильгельмъ вынулъ изъ кармана пакетъ и передалъ его войту, сказавъ:

— Да здравствуетъ мой лучший другъ и вашъ Императоръ Николай II! Ура!

Затѣмъ Вильгельмъ подалъ руку войту, который поцѣловалъ ее, и, объѣхавъ мѣстечко, уѣхалъ за границу. Вильгельмъ, видимо, разсчитывалъ, что если, по нераспорядительности нашего войта, никто изъ нашихъ приграничныхъ властей не былъ для его встрѣчи, то, вѣроятно, узнавъ о его посѣщеніи Выштынца, они будутъ искать случая принести извиненіе на свое отсутствіе и поблагодарить его за оказанное имъ сочувствіе погорѣльцамъ, а чтобы предоставить имъ этотъ случай, Вильгельмъ приказалъ тому же оберъ-егермейстеру, что если бы кто изъ русскихъ въ ближайшее воскресенье пожелалъ быть на обѣднѣ въ его дворцовой церкви, то выдать имъ пропускные билеты для проѣзда черезъ выставленные кругомъ царскаго имѣнія военные караулы и заставы. Егермейстеръ же опять не придумалъ ничего лучшаго, какъ дать три билета тому же выштынецкому войту и три въ таможенную заставу.

И вотъ въ воскресенье къ дворцовой церкви подѣхали два воза. На одномъ были управляющій заставою и два канцелярскихъ чиновника, а на другомъ—войтъ, писарь и сторожъ.

По окончаніи литургіи Вильгельмъ, узнавъ, что въ кирхѣ есть русскіе, пошелъ было къ нимъ, но, дойдя до середины кирхи и увидѣвъ, кто пріѣхалъ, повернулъ назадъ и вышелъ изъ церкви, приказавъ телеграммою вызвать нашего начальника уѣзда, какъ приграничнаго комиссара, который и прибылъ на другой день.

Изъ Пруссіи дня черезъ два я сталъ получать нумера газетъ, гдѣ описывалось посѣщеніе Вильгельмомъ мѣстечка Выштынецъ, при чемъ оцѣнку факта неудавшейся встрѣчи дѣлали разнo, видя въ этомъ чью-то интригу и увѣряя, что будто бы я умышленно не желалъ представиться императору и что будто бы Вильгельмъ сказалъ при этомъ: «Если онъ не признаетъ меня, какъ нѣмецкаго императора, то долженъ былъ подойти на мое предложеніе, такъ какъ я былъ въ мундирѣ русскаго генерала».

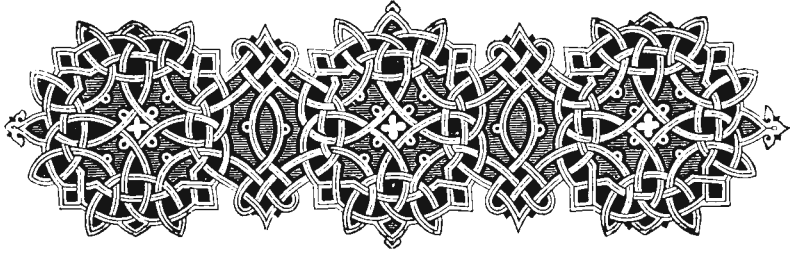
Лѣвыя газеты увѣряли, что Вильгельмъ выбралъ именно тотъ день для своей поѣздки, когда нашъ императоръ встрѣчался съ президентомъ французской республики, чтобы заставить газеты рядомъ съ извѣщеніемъ о свиданіи помѣстить сообщеніе и о его посѣщеніи русской территоріи и сказанной имъ рѣчи, но что это ему не удалось и рѣчь пришлось сказать предъ кучкою евреевъ, и лишь всего двѣ русскія газеты, и то дней черезъ 10—15, коротко сообщили объ этомъ фактѣ.

Польское приграничное населеніе рѣшило, что я умышленно отказался подойти къ Вильгельму, какъ женатый на полькѣ и желая этимъ выразить свой протестъ за только что проведенный въ Познани школьный законъ, и стало такъ шумно выказывать мнѣ свои сочувствія, что лишило меня возможности переѣзжать границу и вызвало дознаніе со стороны нашихъ вержболовскихъ жандармовъ, на которомъ и подтвердилось все рассказанное, такъ какъ удалось найти того еврея, который передалъ мнѣ слова егермейстера.

Вскорѣ я уѣхалъ въ Петербургъ и уже въ Выштынецъ не возвращался.

К. К. Трионовъ.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ Я. П. ПОЛОНСКАГО.

РЕДИ бумагъ, оставшихся послѣ недавней смерти моей матери, я нашелъ нѣсколько никогда еще не бывшихъ въ печати стихотвореній извѣстнаго нашего поэта, нынѣ покойнаго, Якова Петровича Полонскаго. Въ ихъ числѣ— одно очень изящное стихотвореніе «Дядька», записанное (вѣроятно, со словъ самого поэта) собственной рукой моего, также теперь умершаго, отца Игнатія Алексѣевича Уманца, бывшаго однокурсникомъ и близкимъ товарищемъ Я. П. Полонскаго по московскому университету. Это стихотвореніе, ниже здѣсь приведенное, я не разъ слыхалъ изъ устъ моего отца, но не цѣликомъ, а лишь нѣкоторыя его строфы, и мнѣ было очень пріятно найти въ нашихъ семейныхъ бумагахъ полный и четко написанный текстъ этой нигдѣ не напечатанной прелестной вещицы, остроумно характеризующей, въ шутливой формѣ, преждее наше студенчество начала прошлаго вѣка, представители котораго, богатые маменькины сынки, жили обыкновенно подъ строжайшимъ надзоромъ приставленныхъ къ нимъ крѣпостныхъ дядекъ, словно малолѣтніе, и въ ихъ сопровожденіи ходили даже на университетскія лекціи.

Очень можетъ быть, что приводимое стихотвореніе рисуетъ живой портретъ кого-нибудь изъ прежнихъ университетскихъ товарищей поэта, такъ какъ въ немъ разбросаны намеки на разные эпизоды жизни опекаемаго дядькой студента.

Д Я Д Ъ К А.

Шалить мой баринъ молодой!
 Онъ думаетъ, что самъ-большой..
 Никакъ интрижку завести
 Задумалъ, Господи прости!
 Давно ли вышелъ изъ пеленокъ!
 Нѣтъ, я на то не погляжу,
 Что онъ студентъ: студентъ-ребенокъ!
 Ей-Богу, маменькѣ скажу!

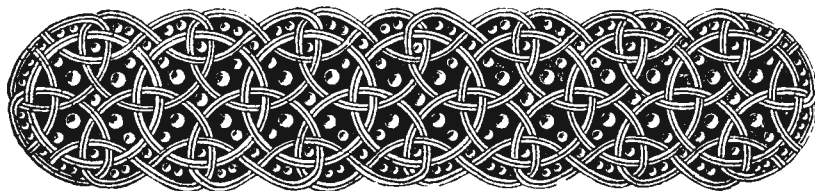
Весь въ папеньку—ни дать ни взять!
 Въ картишки, можетъ быть, играть
 Изволить, на мою бѣду,
 А увѣряетъ, что въ саду
 Играла музыка... Дурачить!
 Нѣтъ, я сквозь пальцы не гляжу:
 Я вижу все, что это значить..
 Ей-Богу, маменькѣ скажу!

Намедни ночью слышу стукъ,
 Инъ даже бросило въ испугъ:
 Я думалъ—воры, раза три
 Проснулся... Что ни говори,
 А кто-то влѣзъ къ нему въ окошко..
 Въ окошко! Право, удружу,
 Не увѣрай меня, что кошка!
 Ей-Богу, маменькѣ скажу!

Вчера на дрожкахъ не одинъ
 Приѣхалъ,—вижу, господинъ,
 Шинель, фуражка на бекрень..
 Ну, мнѣ шинели снять не лѣнь,—
 Такъ, вишь, шинели не снимаетъ!
 Что за диковинка: гляжу,—
 Мой баринъ двери запираетъ..
 Ей-Богу, маменькѣ скажу!

Сегодня вздумалъ я спросить:
 А кто вчера изволилъ быть?
 Да, говоритъ, товарищъ мой.
 Товарищъ? А зачѣмъ съ косою?..
 Да такъ, для шутки... Что за шутки!
 Вѣдь, я сквозь пальцы не гляжу!
 Ну, говоритъ, молчи!—Нѣтъ, дудки!
 Ей-Богу, маменькѣ скажу!

Сообщ. С. Уманецъ.

КЪ ВОПРОСУ О ДНѢ РОЖДЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ.

ВАДЦАТАГО марта 1909 года исполняется столѣтняя годовщина со времени рожденія Николая Васильевича Гоголя. Приближаются дни, когда, выражаясь его собственными словами, «всѣ люди встрѣтятся, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеніи—и загремѣтъ дружнымъ рукоплесканіемъ благодарный гимнъ тому, котораго ужъ много лѣтъ какъ нѣтъ въ живыхъ». Къ сожалѣнію, до послѣдняго времени въ литературныхъ трудахъ и монографіяхъ, посвященныхъ характеристикѣ личности и творчества Гоголя, днемъ его рожденія ошибочно указывается 19 марта. В. И. Шенрокъ въ первомъ томѣ своихъ матеріаловъ для біографіи Н. В. пишетъ: «Н. В. Гоголь родился 19 марта 1809 года въ мѣстечкѣ Сорочинцы, находящемся на границѣ Полтавскаго и Миргородскаго уѣздовъ»¹⁾. Въ изданіи сочиненій Гоголя подъ редакціей Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока²⁾, которое профессоромъ Д. Н. Овсянико-Куликовскимъ признается «образцовымъ»³⁾, на страницѣ 9-й біографическаго очерка говорится, что «19 марта 1809 года у В. А. Гоголя родился старшій изъ оставшихся въ живыхъ ребенокъ, будущій знаменитый писатель». Такая же дата рожденія Н. В. указывается профессоромъ Овсянико-Куликовскимъ⁴⁾ и въ сочиненіи Н. Котляревскаго,

¹⁾ См. ст. Кулиша. «Отеч. Записки» 1852, стр. 4.

²⁾ Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1901.

³⁾ Гоголь. 2 дополн. изд. Спб. 1907, стр. 224.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 1.

вышедшемъ въ печати въ 1908 году¹⁾. Эта дата является, очевидно, простымъ авторскимъ недосмотромъ, такъ какъ при изданіи названныхъ сочиненій была уже полная возможность точно установить день рожденія Гоголя. Извѣстно, что на Гоголевской выставкѣ, устроенной въ Нѣжинѣ по случаю 50-лѣтія со дня кончины Н. В. (1852—1902 г.), имѣлась, между прочимъ, подъ № 912 «Метрическая выпись о рожденіи и крещеніи Гоголя въ Преображенской церкви въ Сорочинцахъ» (изъ коллекцій фотографіи І. Хмѣлевскаго въ Полтавѣ)²⁾. Эта выпись изъ метрической книги является безусловно вѣрнымъ документомъ для установленія даты рожденія Гоголя.

Благодаря любезности настоятеля Преображенской церкви о. Севастіана Павловича, мы имѣли возможность видѣть самую метрическую книгу,—хранящуюся бережно въ ризницѣ этой церкви,—гдѣ находится запись о рожденіи и крещеніи великаго русскаго писателя. Въ концѣ этой книги, на правой ея сторонѣ ясно и отчетливо записано подъ № 25: «20 марта у помѣщика Василя Яновскаго родился сынъ Николай и окрещенъ 22 марта. Восприемникомъ былъ «господинъ полковникъ Михаилъ Трахимовскій. Молитвословаль и крестилъ священнонамѣстникъ Іоаннъ Бѣлопольскій».

Такимъ образомъ, днемъ рожденія Николая Васильевича Гоголя слѣдуетъ считать 20 марта 1809 года.

Эти данныя о времени его рожденія были опубликованы Н. В. Гиляровскимъ, посѣтившимъ мѣстечко Великія Сорочинцы, Миргородскаго уѣзда, съ спеціальною цѣлью собрать здѣсь вѣрныя свѣдѣнія о днѣ и мѣстѣ рожденія Гоголя³⁾. Но они прошли незамѣченными въ печати, чѣмъ только и можно объяснить, что въ самыхъ послѣднихъ трудахъ о Гоголѣ дата его рожденія—19 марта—осталась не исправленною.

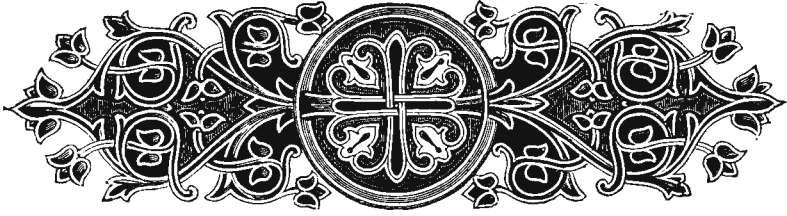
М. Григоревскій.

¹⁾ «Н. В. Гоголь». 1829—1842 г. 2 изд. Спб. 1908, стр. 1. См. также и у Сиповскаго: «исторія русской словесности», ч. III, вып. 1. Спб. 1907, стр. 120. А. Н. Пыпинъ днемъ рожденія Гоголя указываетъ 10 марта. См. «Исторія русской литературы». Изд. 2. Спб. 1903, стр. 524.

²⁾ См. «Гоголевскій Сборникъ», изд. Гогол. Комис. при историко-филол. инстит. въ Нѣжинѣ подъ ред. проф. Сперанскаго. Кіевъ. 1902, стр. 433.

³⁾ Гоголевщина. «Русская Мысль». 1900, II. «На родинѣ Гоголя» (изъ поѣздки по Украинѣ). Москва. 1902. 64 стр.

РАЗДѢЛЕНІЕ ЕВРОПЫ НА ДВА ЛАГЕРЯ.

(По дипломатическимъ и другимъ источникамъ).

ТЕПЕРЬ, въ виду новаго тревожнаго (общаго) политическаго настроенія въ Европѣ, съ германскихъ газетныхъ столбцовъ самаго разнообразнаго ихъ направленія буквально ежедневно не сходить та мысль, что тройное соглашеніе Россіи, Франціи и Англии во всякомъ случаѣ—большая опасность для Германіи (Die Triple-Entente eine grosse Gefahr fur Deutschland). Никакія разувѣренія на этотъ счетъ не помогаютъ. Даже послѣдняя рѣчь германскаго канцлера по внѣшней политикѣ, сказанная 24 ноября (7 декабря) въ рейхстагѣ для успокоенія общественнаго мнѣнія, едва ли произвела хоть мимолетное успокоеніе. А между тѣмъ онъ тамъ рѣшился сдѣлать даже нѣкоторыя довольно сенсационныя на этотъ счетъ заявленія, при всей его въ данномъ случаѣ осторожности. Именно онъ съ рѣдкою для него откровенностью въ такихъ случаяхъ сказалъ, что будто бы нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ свое послѣднее съ нимъ свиданіе увѣрилъ его въ томъ, что не существуютъ ни открытыя, ни тайныя соглашенія Россіи и Англии, которыя бы были такъ или иначе направлены противъ германскихъ интересовъ (die eine Spitze gegen deutsche Interessen haben). На это здѣсь продолжаютъ отовсюду возражать, что опасность для «интересовъ Германіи» уже въ самомъ фактѣ подобнаго соглашенія¹⁾, которое рано или поздно должно развиваться противъ

¹⁾ Любопытно здѣсь отмѣтить одно курьезное на этотъ счетъ извѣстіе и такое же опроверженіе его, при заключеніи этихъ строкъ. Въ официальной «Nord-

этихъ интересовъ, и что не даромъ же Англія, забывъ вѣковое свое враждебное соперничество съ Россіею, послѣдила вступить съ нею въ недавно еще казавшееся едва вѣроятнымъ соглашеніе, вступивъ раньше этого въ подобное же соглашеніе съ Франціею... Словомъ, здѣсь, несомнѣнно, болѣе значенія придають недавнему мѣткому заявленію англійскаго перваго министра Асквита, что Европа теперь раздѣлилась на два противоположные лагеря: противъ стараго тройнаго союза, образованнаго еще Бисмаркомъ, возникло такое же тройное (пока) соглашеніе Россіи, Франціи и Англіи, и что этимъ будетъ направляться политика Европы въ наше время и пр. И невзирая на всѣ подобныя, хоть и особенно откровенныя на этотъ разъ, увѣренія князя Бюлова, здѣсь снова (какъ и почти все лѣто) начинаютъ плакаться не только на одиночество (*Vereinsamung*) Германіи, но и на окруженіе (*Einkreisung*) ея противниками и врагами, въ томъ числѣ и Россіею.

Тревожное положеніе въ этомъ смыслѣ здѣсь проявлялось задолго до нынѣшняго восточнаго кризиса, вызваннаго Австріею. Уже даже свиданіе нашего государя съ англійскимъ королемъ (никогда не ѣздившимъ въ Россію) въ Ревелѣ здѣсь на всѣ лады толковалось, какъ лишь желаніе короля Эдуарда подготовить коалицію противъ Германіи. Съ наступленіемъ же послѣдняго восточнаго кризиса, когда, вопреки всѣмъ опроверженіямъ, Австрія такъ или иначе готовится къ войнѣ съ Сербіею и Черногоріею, если еще не съ кѣмъ-нибудь, положеніе въ Европѣ, по общему признанію, становится все болѣе и болѣе тревожнымъ. Особенно же таковымъ его здѣсь считаютъ съ тѣхъ поръ, какъ Италія стала уже явно колебаться насчетъ вѣрности тройному союзу (Австріи)...

Поэтому именно теперь представляется особенно своевременнымъ напомнить, кто же собственно виноватъ въ томъ, на что нѣмцы особенно жалуются, т. е. что будто бы Россія, забывъ всѣ традиціи и взаимныя сосѣдскія историческія услуги, отшатнулась отъ Германіи. У меня на этотъ счетъ есть свѣдѣнія изъ первыхъ, до сихъ поръ не опубликованныхъ дипломатическихъ и

deutsche Allg. Zeitung» отъ 11 декабря читаемъ: «Императорскій русскій посоль графъ Остенъ-Сакенъ заявилъ статсъ-секретарю фонъ-Шену, что вложенныя въ уста русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Извольскаго (на основаніи отчета о свиданіи съ нимъ одного нѣмецкаго корреспондента) выраженія, что образъ дѣйствій Германіи въ балканскомъ вопросѣ дѣлаетъ необходимымъ заключеніе формальнаго союза между Россіею и Англіею,—никогда не были сказаны г. Извольскимъ ни въ этой, ни въ подобной формѣ». Развѣ это не характерно, что въ уста нашего министра (и это уже не въ первый разъ) въ здѣшней печати настойчиво влагають именно тѣ мысли насчетъ союза Россіи и Англіи, коихъ здѣсь такъ опасаются? Но вѣдь нѣчто подобное можетъ потомъ случиться само собою на основаніи элементарныхъ причинъ, о коихъ говорилъ князь Бюловъ недавно. (См. ниже).

другихъ источниковъ. Покойный графъ П. А. Шуваловъ, бывшій здѣсь посломъ въ теченіе 10 лѣтъ (съ 1885 по 1895 г.), меня даже просилъ, въ свое не такъ давнее здѣсь предпоследнее (т-е редь кончиною) пребываніе, сдѣлать въ нашей патріотической печати нѣкоторыя необходимыя ради истины разъясненія, если не разоблаченія, на этотъ счетъ. Первоначально онъ желалъ, чтобы это появилось въ печати даже при жизни его, но потомъ выразилъ желаніе, что лучше уже послѣ смерти его напечатать это...

Дѣло въ томъ, что отшатнулась вовсе не Россія отъ Германіи, а какъ разъ наоборотъ, Германія отъ Россіи, причеиъ еще нанесена была нашему отечеству рѣдкая, если не небывалая, дипломатическая обида! Извѣстное соглашеніе между Россіею и Германіею, ловко устроенное Бисмаркомъ вскорѣ послѣ назначенія сюда графа Шувалова посломъ, достигнуто было хотъ и всемогущимъ тогда канцлеромъ съ великими его усиліями и даже съ значительными уступками со стороны Германіи въ пользу Россіи. Когда Бисмаркъ—это было еще при Вильгельмѣ I, конечно,—въ большой тайнѣ предложилъ его Россіи, то императоръ Александръ Александровичъ съ особенною осторожностью отнесся къ этому и согласился далеко не сразу. Хотя конвенція,—постояннымъ договоромъ въ смыслѣ тройного или ему подобнаго союза ее пока нельзя было назвать,—представлялась значительно выгодною и Россіи, такъ какъ она виолнѣ развязывала намъ руки въ счетахъ, хотя бы подобныхъ настоящему по дѣлу о присоединеніи Босніи и Герцеговины, съ Австріею и вообще по всѣмъ дѣламъ на Балканскомъ полуостровѣ, не исключая и Царегграда, государь сначала не рѣшался на этотъ шагъ; государь предполагалъ, что Бисмаркъ все-таки желаетъ какъ-нибудь перехитрить его. Государь, какъ это слѣдовало изъ разговоровъ съ графомъ Шуваловымъ, именно предполагалъ, что, быть можетъ, при извѣстномъ договорѣ между Германіею и Австріею, а потомъ и Италіею, есть какое-либо тайное, тоже особое соглашеніе, которое могло бы потомъ ослабить или даже парализовать предлагаемое ему Бисмаркомъ соглашеніе противъ Австріи.

Но Бисмаркъ, при помощи графа Шувалова, рѣшился на необычный и, кажется, даже небывалый дипломатическій шагъ. Именно, заявивъ, что онъ питаетъ къ императору Александру неограниченное довѣріе, предложилъ представить на его разсмотрѣніе подлинный договоръ между Германіею и Австріею, договоръ, коимъ нѣмцы такъ гордились, какъ чѣмъ-то незыблемымъ, для убѣжденія Александра III въ томъ, что при этомъ актѣ не существуетъ никакихъ особыхъ тайныхъ дополненій, въ видѣ приложений. Этотъ особенный знакъ довѣрія со стороны Бисмарка къ нашему императору, такъ какъ еще никогда въ подлинникахъ, хранимыхъ, какъ говорится, за семью печатями, международные тайные

договоры не были показываемы третьимъ лицамъ или представителямъ несоюзныхъ державъ, произвелъ на государя такое хорошее впечатлѣніе, что конвенція вскорѣ послѣ того была заключена.

Вотъ какъ ее опредѣлялъ по ея значенію самъ преемникъ Бисмарка, графъ Каприви въ разговорѣ съ (преемникомъ своимъ потомъ) позднѣйшимъ канцлеромъ, княземъ Гогенлоэ. Въ недавно надѣлавшихъ такого шуму мемуарахъ этого третьяго германскаго канцлера, подѣ числомъ 13 декабря 1891 г., на этотъ счетъ читаемъ: «Когда я рассказалъ графу Каприви, что Шуваловъ называетъ его именно однимъ *«l'гор honnête homme»*, онъ сказалъ мнѣ, что это относится къ тому, что Бисмаркъ съ Россіею заключилъ такой договоръ, по коему мы гарантировали Россіи свободу дѣйствій (*freie Hand*) въ Болгаріи и Константинополѣ, Россія же обязывалась въ войнѣ съ Франціею (Германіею) оставаться нейтральною. Этому договору истекъ (тогда) срокъ, когда Каприви вступилъ въ министерство, и онъ его не возобновилъ, ибо его обнаруженіе взорвало бы тройной союзъ. Я боюсь, что Австрія насъ за это не поблагодарить». Здѣсь кстати мимоходомъ замѣтить, что, очевидно, замѣчаніе князя Гогенлоэ насчетъ словъ графа Шувалова, что Каприви слишкомъ честный человекъ, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что самъ Каприви считалъ себя такимъ, а не Шуваловъ его. Послѣдній въ разговорѣ со мною (даже недавно, передъ своею кончиною повторилъ это) именно эту конвенцію считалъ важнымъ для Россіи на Ближнемъ Востокѣ актомъ ¹⁾, а съ другой стороны и (единственною) своею крупною заслугою передъ Германіею.

По этой конвенціи, начало которой, впрочемъ, было положено въ видѣ разныхъ попытокъ еще при князѣ Орловѣ, предшественникѣ графа Шувалова, Германія обязалась вовсе не вступаться за Австрію въ тѣхъ случаяхъ, если она нападетъ на Россію изъ-за балканскихъ и другихъ конфликтовъ, или же если даже своими вызывающими дѣйствіями заставитъ Россію выступить противъ нея. Какъ только стала извѣстна сущность этой конвенціи, уже послѣ ея прекращенія, то либеральная германская пресса, а

¹⁾ Графъ Шуваловъ, имѣвшій золотое оружіе за блистательныя побѣды въ 1877 г. его гвардейскаго корпуса на Балканскомъ полуостровѣ и пр., считалъ, какъ русскій патриотъ, особенно важнымъ нашу полную свободу дѣйствій на этомъ полуостровѣ. И въ этомъ смыслѣ, конечно, дѣйствовалъ при заключеніи конвенціи съ Германіею. За нимъ, какъ за вліятельнымъ и тонкимъ дипломатомъ, хотѣ лишь и боевымъ генераломъ, а не изъ школы Меттерниховъ и Талейрановъ, адѣсь, конечно, всѣ сверху донизу сильно ухаживали. А Вильгельмъ II прямо считалъ его своимъ другомъ. Но онъ никогда не терялъ изъ виду русскихъ національныхъ интересовъ при всемъ этомъ, о чемъ мнѣ постоянно и говорилъ.

особенно вождь тогдашнихъ свободомыслящихъ, покойный Евгений Рихтеръ, и другіе прямо называли ее «измѣною Бисмарка» Австріи въ пользу Россіи. А какъ тревожились въ Австріи, узнавъ тогда, что такая конвенція противъ нея была заключена союзной съ нею Германіею? И это понятно почему. Будь нѣчто подобное той конвенціи и по наше время, никогда бы она не рѣшилась на такой шагъ, какъ присоединеніе Босніи и Герцеговины. Германія вѣдь при Бисмаркѣ (тогда) вовсе не стояла за ея плечами на Балканскомъ полуостровѣ, въ качествѣ союзницы *en tout cas*, какъ это оказывается теперь, о чемъ здѣшняя офиціозная пресса не разъ заявляла и что на этихъ же дняхъ, къ общей сенсаціи, прямо подтвердилъ самъ канцлеръ въ парламентѣ¹⁾.

Конечно, такое же обязательство въ сущности тогда приняла на себя и Россія въ отношеніи Франціи, не помогать ей въ случаѣ нападенія ея на Германію или же своими явно вызывающими дѣйствіями принужденія послѣдней взяться за оружіе. Но по крайней мѣрѣ мы тогда не только ни въ какихъ союзахъ или даже краткосрочныхъ конвенціяхъ съ Франціею не состояли, но даже не имѣли на таковыя никакой надежды.

Когда я въ февралѣ 1892 г. былъ въ Парижѣ и посѣтилъ нашего тамъ посла, между нами между прочимъ завязался такой довѣрчивый разговоръ:

— Скажите ради самого Бога, — говорилъ не безъ явнаго удивленія баронъ Моренгеймъ:— что совершилось въ вашемъ Берлинѣ, развѣ какая-либо измѣна со стороны Германіи, что вдругъ такая радикальная и быстрая перемѣна нашего курса въ отношеніи здѣшней республикѣ?! Чего только здѣсь ни дѣлали для сближенія и потомъ какого-либо союза съ Россіею? И все было напрасно, такъ что здѣсь уже совсѣмъ было оставили всякую надежду на это, считая старую традиціонную дружбу Петербурга къ Берлину и здѣшній республиканскій образъ правленія недолимыми препятствіями къ тому. И вдругъ недавно такая перемѣна фронта! Когда нами здѣсь получено было, сверхъ всякаго ожиданія, распоряженіе изъ Петербурга о настоятельной необходимости интимнаго сближенія съ Франціею и подготовленія ея къ союзу съ Россіею, то

¹⁾ Правда, что, если буквально разбирать выраженія, канцлеръ въ своей рѣчи, надѣлавшей такого шуму въ Европѣ и сказанной имъ явно для успокоенія общественнаго мнѣнія (4 декабря н. ст. въ германскомъ парламентѣ), говорилъ о сохраненіи Германіею въ отношеніи Австріи «союзной вѣрности» по восточнымъ дѣламъ, лишь на конференціи или по дѣламъ конференціи, на коей настаиваютъ Россія и Англія особенно. Но здѣсь всѣ поняли (о чемъ пресса и не стѣснялась сообщить), что это сдѣлано изъ предосторожности князя Бюлова и что такой тоже тонкій дипломатъ между строкъ далъ понять, что эта вѣрность союзной Германіи распространится, если нужно будетъ, по всѣмъ дѣламъ Австріи и на Востокъ, лишь бы сама Австрія всегда оставалась «вѣрною союзницею» по дѣламъ Германіи, что теперь подхвачено всею печатью, какъ какая-то заповѣдь!

никто столько этому не удивлялся, какъ я, парижскій посолъ Россіи, котораго вы видите теперь здѣсь!??

Баронъ Моренгеймъ говорилъ все это даже съ нѣкоторымъ волненіемъ и просилъ сохранить его слова объ этомъ въ тайнѣ, что я и дѣлалъ до сихъ поръ... Я, конечно, отвѣтилъ ему, что зналъ тогда, т. е. что, насколько мнѣ извѣстно, Германія сама отказалась отъ продолженія конвенціи, заключенной при Бисмаркѣ съ Россіею.

По возвращеніи въ Берлинъ, я передалъ графу Шувалову мой разговоръ съ парижскимъ посломъ. И графъ мнѣ между прочимъ по секрету сообщилъ, что дѣйствительно канцлеръ Каприви въ самой непредупредительной формѣ, чѣмъ въ Петербургѣ еще болѣе были недовольны, отказался отъ возобновленія нашей конвенціи. Она будто бы была для берлинскаго (тогдашняго) правительства «zu complicirt» (слишкомъ сложная),—а потому и неудобна. Да притомъ же онъ, Каприви, какъ будто бы считаетъ невозможнымъ совѣтовать императору продолженіе этого обязательства, какъ какъ оно крайне связало бы союзную Германіи Австрію на Балканскомъ полуостровѣ и могло бы, въ случаѣ освѣдомленія объ этомъ въ Австріи, даже совсѣмъ разстроить тройной союзъ... Вотъ что «отшатнуло» Россію отъ Германіи и въ сущности, по исторической логикѣ, теперь повело къ тому, что дѣйствительно Европа раздѣлилась на два не дружественные лагеря.

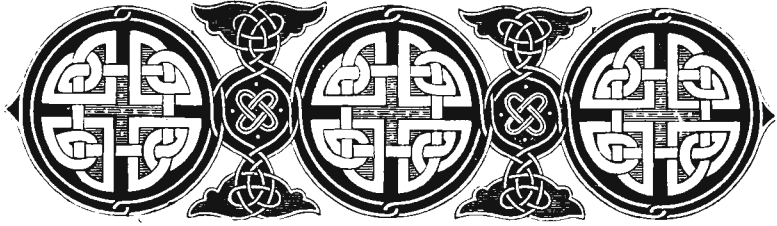
Въ сущности даже не Каприви, или по крайней мѣрѣ не одинъ онъ, былъ виновенъ въ томъ, что Россія наконецъ вынуждена была отдѣлиться отъ современной Германіи, при политической дальновидности императора Александра III, какъ отъ ненадежной союзницы... Этотъ канцлеръ былъ прежде всего солдатъ, хоть и либеральный генералъ въ управленіи. И самъ едва ли могъ такъ дѣйствовать противъ Россіи, за которою Вильгельмъ II, однако, и послѣ паденія Бисмарка такъ же ухаживалъ, какъ и въ первые годы послѣ того, какъ очутился на тронѣ. А настоящимъ виновникомъ этого нужно считать нынѣшняго посла Германіи въ Константинополь, барона Маршала, такъ называемаго здѣсь вѣрнаго друга Турціи! Это онъ былъ тогда въ Берлинѣ статсъ-секретаремъ, т. е. имперскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. И генералъ Каприви, конечно, во всемъ его слушался по иностраннымъ политическимъ дѣламъ... Въ его политическихъ талантахъ именно теперь сами нѣмцы очень разочаровались. Почти изо дня въ день въ печати повторяется, что и Турція, этотъ вѣрный другъ Германіи, въ чемъ онъ все увѣрялъ (*Die hohe Pforte, treuer Freund Deutschlands*), теперь уже танцуетъ по дудкѣ Англии (*so tanzt, wie England pfeift*),—что уже пишутъ, съ сожалѣніемъ и ироніею, даже здѣшніе генералы. И надеждъ на привлеченіе обновленной Турціи къ прежней дружбѣ съ Германіею теперь здѣсь мало,—какъ ни стараются въ этомъ отношеніи германская дипломатія не только въ

Константинополь, но и здѣсь. И на этотъ счетъ въ Берлинѣ тѣмъ болѣе печалятся, что теперь отношенія Германіи къ Турціи были важнѣе, или «экономическіе интересы Германіи на Востокѣ были гораздо болѣе значительны, чѣмъ во времена Бисмарка», какъ объ этомъ прямо заявилъ князь Бюловъ въ своей вышеупомянутой рѣчи въ рейхстагѣ.

Достойно еще нашего вниманія, что въ сущности самъ нынѣшній канцлеръ не отрицаетъ того, насчетъ чего авторъ этихъ строкъ здѣсь старается привести историческія доказательства. Въ своей рѣчи въ рейхстагѣ 19 ноября онъ заявилъ: «Пусть послѣ-Бисмарково время (т. е. Каприви и Вильгельмъ II) совершило промахи (насчетъ оттолкновенія Россіи, конечно),—да, оно совершило промахи, но враждебности противъ Германіи въ концѣ концовъ покоятся однако на элементарныхъ первопричинахъ». Къ таковымъ князь Бюловъ причисляетъ и то, что: «вѣдь и князю Бисмарку не удалось воспрепятствовать тому, чтобы мысль о возмездіи Германіи со стороны Франціи такъ распространялась, равно какъ и тому, чтобы въ Россіи послѣ турецкой войны проявлялось враждебное Германіи настроеніе». Однакоже такое полусознаніе и желаніе оправдать дальнѣйшую германскую политику въ отношеніи Россіи и Англіи именно старыми «элементарными первопричинами» мало вяжется одно съ другимъ. И въ заключеніе всего этого особенно кстати привести вѣрныя слова Бисмарка, приложимыя къ этому какъ нельзя болѣе. Не даромъ же онъ передъ самою смертью тревожился, что отнынѣ, благодаря такой кабинетной политикѣ, «проволока (дружбы) между Петербургомъ и Берлиномъ порвана». Вотъ что онъ высказалъ насчетъ (вообще) такихъ промаховъ: «Ошибки въ области кабинетной политики великихъ державъ мстятъ за себя не немедленно, ни въ Петербургѣ, ни въ Берлинѣ, но безвредными онѣ не остаются никогда. Историческая логика въ своихъ ревизіяхъ еще точнѣе, чѣмъ высшая прусская счетная камера».

В. Ө. Пуцковичъ.

КАКЪ МЫ ИЗДАВАЛИ ГАЗЕТУ.

(Для будущаго историка провинціальной печати).

ТО БЫЛО глубокой осенью 1905 года. И нашъ дотолѣ тихій и сонный городъ извѣдалъ всѣ прелести революціи: перестрѣлку боевой дружины съ войсками, блокаду городской думы, разоруженіе полиціи, организацію милиціи, стрѣльбу въ портретъ Государя и всѣ виды забастовокъ, начиная отъ второклассниковъ-гимназистовъ, требовавшихъ себѣ «восьмичасового рабочаго дня», такъ что пришлось бы накинуть ежедневно урока по три, до сознательныхъ ассенизаторовъ включительно. По примѣру столицъ начинали возникать политическія партіи.

Удаленные и безъ того отъ столицы, теперь изъ-за двукратной желѣзнодорожной забастовки мы оказались совершенно отрѣзанными отъ міра. Даже когда наладилось движеніе поѣздовъ, ни грузовыя, ни посылокъ дорога не принимала, и ѣздить рисковали только завзятые смѣльчаки, которымъ дѣла никакъ не позволяли избѣжать опаснаго путешествія между двумя станціями.

Особенно жутко становилось на душѣ у мирнаго обывателя оттого, что неизвѣстно было, что дѣлается въ столицахъ. Сначала почта совсѣмъ не дѣйствовала, не выходили и обѣ мѣстныя газеты. Потомъ стала приходить столичная почта, начали выходить и наши газеты, внезапно превратившіяся въ ультра-красныя и печатавшія только о «побѣдоносныхъ выступленіяхъ объединившагося пролетаріата». Тайнственная рука къ тому же устраи-

вала какъ-то такъ, что подписчики «Новаго Времени», «Петербургскихъ Вѣдомостей» и другихъ умѣренныхъ органовъ печати никакъ не могли получить своихъ газетъ. «Товарищъ», «Наши Дни», «Новая Жизнь» доходили до насъ совершенно благополучно, а умѣренныя газеты изо дня въ день фатально пропадали на почтѣ. Сунулся было одинъ многолѣтній подписчикъ «Новаго Времени» справиться на почтѣ о причинахъ такого удивительнаго однообразія въ выборѣ пропадавшихъ газетъ, но былъ наказанъ жестокимъ отвѣтомъ почтовой дѣвицы, еще упоенной недавними триумфами почтовой забастовки:

— Настоящія газеты приходятъ какъ слѣдуетъ, а судьба рептилій насъ не интересуетъ.

При такихъ условіяхъ мы, провинціалы, находились въ полной паникѣ. Начитавшись газетъ и наслушавшись вызванныхъ ими комментаріевъ въ клубѣ, можно было прийти къ заключенію, что близокъ конецъ міра, что «союзъ союзовъ» безъ слѣда поглотилъ прежнее правительство и что право на жизнь осталось только за сознательнымъ пролетаріатомъ.

Обывателю, не принявшему участія въ освободительномъ движеніи, ходя по улицамъ, только и оставалось гадать о томъ, на какомъ именно фонарномъ столбѣ суждено ему преждевременной смертью искупить грѣхи своего отсталого поведенія.

Страшно стало ему и заглядывать въ мѣстные свободные органы свободнаго слова. Тамъ надобѣвшій всему городу литераторъ, еще такъ недавно способный за одинъ милостивый взглядъ написать похвальное слово любому приставу, теперь не мирился даже на демократической республикѣ, требовалъ немедленной муниципализаціи земель, домовъ, фабрикъ и капиталовъ, настаивалъ на обязательной редукаціи дохода, превышавшаго полторы тысячи рублей въ годъ, провозглашалъ коммунизацию семьи и, опредѣленно, по фамиліямъ и именамъ называя не угодившихъ емъ улицъ, пригвождалъ ихъ «къ позорному столбу», обрекалъ ихъ въ жертву народному гнѣву въ расплату «за долгіе годы насилія и тираніи». Кой-кто изъ этихъ обреченныхъ дѣйствительно поплатился, если не жизнью, то по крайней мѣрѣ погромомъ въ усадьбѣ или экспроприаціей въ магазинѣ. Впослѣдствіи уже, когда первый страхъ прошелъ, мы стали провѣрять списки этихъ «тирановъ» и, къ нашему удивленію, нашли, что почти всѣ они чѣмъ-нибудь да обидѣли до «дней свободы» господина литератора, по преимуществу отказомъ въ бутербродахъ, или непомѣщеніемъ объявленія въ его газеткѣ.

Но это выясненіе мотивовъ пришло потомъ, а на первыхъ порахъ не привыкшему еще ко всѣмъ прелестямъ новаго режима обывателю становилось страшно. Еще сильнѣе страха дѣйствовало чувство отвращенія при видѣ тѣхъ потоковъ лжи, которые изо

дня въ день со страницъ «прогрессивной» прессы выливались на головы самыхъ почтенныхъ гражданъ. Про извѣстнаго своей заботой о рабочихъ купца писали, что онъ своими побоями вогналъ въ гробъ дюжину рабочихъ, про добродѣтельнѣйшаго директора гимназiи,—что онъ на дняхъ растлилъ двухъ ученицъ своей гимназiи, про помѣщика, дѣйствительнаго друга крестьянъ,—что онъ съ пьяныхъ глазъ на охотѣ за отсутствiемъ дичи сталъ стрѣлять въ загонщиковъ. И всегда съ точнымъ указанiемъ именъ и фамилiй дѣйствующихъ лицъ, времени и мѣста дѣйствiя. Близкiе знакомые возмущались, но кой-кто еще по старой привычкѣ вѣрить каждому печатному слову начиналъ серьезно задумываться: а вдругъ и въ самомъ дѣлѣ это правда? Можетъ, раньше все обстояло благополучно только потому, что газетамъ былъ ротъ зашитъ? Кто знаетъ силу сплетни и клеветы въ провинци, тотъ пойметъ, что эти толки становились весьма серьезными, небезразличными.

Что оста. алось дѣлать оплеванному и оклеветанному обывателю? Итти по слѣзному къ губернатору? Но, во-первыхъ, и про него писали немнѣгимъ лучше, а, во-вторыхъ, на всѣ жалобы онъ отвѣчалъ только заявленiемъ, что старыя правила о печати отмѣнены, а новыя не получены изъ Петербурга. Итти съ судъ? Но тамъ были заняты дѣлами поважнѣе и обѣщали разобрать жалобу не раньше, какъ черезъ два года, да еще при содѣйствiи умѣлаго адвоката, а между тѣмъ всѣ адвокаты въ нашемъ округѣ оказались, какъ этого и слѣдовало ожидать, на лѣвой сторонѣ и за веденiе «черносотенныхъ» дѣлъ не брались.

Надъ этой ложью приходилось задумываться тѣмъ больше, что и столичныя газеты, даже солидныя, но, видимо, еще не успѣвшiя разобратъся въ потокѣ новорожденныхъ изданiй, стали перепечатывать сообщенiя о фактахъ, существовавшихъ только въ фантазiи мѣстныхъ литераторовъ да на страницахъ ихъ газетъ.

Становилось яснымъ, что бороться съ ложью можно только путемъ печатнаго слова, а для этого нужно было завести свою газету.

Къ тому же начинали и въ дѣятельности гг. освободителей и друзей народа выясняться весьма любопытныя стороны, о которыхъ нельзя было молчать: прогрессивный учитель каждый вечеръ возсѣдалъ съ гимназистками въ ложѣ кафе-шантана, председатель забастовочнаго комитета, получивъ изъ «центра» 200 рублей на поддержанiе борьбы труда съ капиталомъ, на эти деньги погасилъ свой долгъ у портного; издатель прогрессивнаго органа независимой мысли ходилъ по всѣмъ табачнымъ магазинамъ и грозилъ, что завтра же напечатаетъ о безакцизной продажѣ папиросъ, если не сдадутъ на годъ объявленiя на первой страницѣ въ его газету съ уплатой денегъ впередъ до копейки.

Глава мѣстныхъ социаль-революціонеровъ собралъ на двухъ заводахъ по полтиннику съ рабочаго и на эти деньги укатилъ съ своей дамой въ столицу, гдѣ забылъ и думать про довѣрчивыхъ простаковъ.

Наконецъ кому удалось выбраться въ столицу и въ другія губерніи, привозили вѣсти, что шествіе объединеннаго пролетаріата тамъ было вовсе не такъ побѣдоносно, какъ объ этомъ трубили мѣстныя газеты, и что до превращенія Россіи въ федерацію демократически-республиканскихъ штатовъ довольно далеко. Надо было этими правдивыми извѣстіями положить конецъ тревогамъ растерявшагося обывателя, а сдѣлать это можно было при помощи своей газеты и только.

Такъ въ концѣ концовъ въ декабрѣ 1905 г. небольшой кружокъ единомышленниковъ рѣшилъ издавать свою газету. Рѣшеніе это было очевь смѣло: ни у кого изъ насъ не было тѣхъ капиталовъ, безъ которыхъ невозможно созданіе печатнаго органа, особенно въ наши дни, да и та программа, съ которой мы выступали, слишкомъ рѣзко противорѣчила господствовавшему въ тѣ дни настроенію, поэтому мы не могли не предвидѣть, что изъ-за нея намъ придется сильно воевать. Знали мы также, что наши противники въ борьбѣ съ нами насчетъ средствъ особенно церемониться не будутъ и пойдутъ на все, чтобы только зажать ротъ газетѣ, которая такъ некстати рѣшалась нарушить ихъ безраздѣльное господство надъ умами обывателей. Однако, какъ ни мрачно были мы настроены, дѣйствительность впослѣдствіи превзошла всѣ наши ожиданія.

Итакъ, прекрасно сознавая, что мы выступаемъ на путь, вовсе не усыпанный розами, мы все-таки рѣшили съ перваго января выпускать свою газету.

II.

Прежде всего надо было добыть денегъ. Это было тѣмъ затруднительнѣе, что, взывая къ чужому карману, мы вовсе не могли обѣщать выгоды отъ такого помѣщенія капитала: на быстрый материальный успѣхъ нашей газеты могли рассчитывать менѣе всего, а люди, настроенные скептически, прямо-таки говорили намъ, что едва ли удастся намъ выпустить даже первый номеръ, какъ бы мы ни стремились къ этому. Поэтому надежды на собраніе обильной дани у насъ было мало.

Но на этотъ разъ скептики оказались неправы. Стоило одному изъ нашего кружка явиться на биржу, гдѣ у него не было почти никакихъ знакомствъ, потому что его дѣятельность не давала поводовъ встрѣчаться съ купцами, и объяснить тамъ и положеніе вещей и задачу нашей газеты, подписной листъ сейчасъ же былъ

заполненъ. Почти незнакомому человѣку давали кто сто, кто двѣсти рублей, а кто и больше. И впоследствии, если на что намъ не приходилось жаловаться, такъ это на отсутствіе денежной помощи. Трогательно было видѣть, какъ сравнительно бѣдные люди приносили намъ свои трудовыя деньги безъ всякой надежды на обратное ихъ полученіе. Никогда не забуду старика отставного военнаго доктора, который выигралъ на свой единственный билетъ 500 рублей, пришелъ подѣлиться половиной своего выигрыша съ нами и ни за что не хотѣлъ сказать своей фамиліи для свѣдѣнія даже одного редакціоннаго комитета. Это живое сочувствіе незнакомыхъ людей, готовыхъ подѣлиться послѣднимъ рублемъ, давало новыя силы для труднаго дѣла. И впоследствии, когда наша газета уже дышала на ладанъ, эти же доброты помогли намъ разсчитаться со всѣми до послѣдней копейки, и мелкіе служащіе одного страхового общества, уже прекрасно зная о томъ, что черезъ недѣлю наша газета попадетъ въ списокъ прекратившихся изданій, сложились по пяти рублей и купили у насъ одинъ пай только для поддержанія нашей кассы.

Собравъ необходимыя для начала деньги, надо было приступать и къ организаціи газеты и къ приему подписки. Для этого нужно было найти помѣщеніе для конторы, и вотъ тутъ-то начались наши мытарства.

Нашъ городъ какъ разъ въ ту пору переживалъ строительную лихорадку, и свободныхъ помѣщеній всякаго рода въ центрѣ было сколько угодно. Пришедшее со днями свободы финансовое затрудненіе менѣе всего располагало къ открытію новыхъ предприятий. Поэтому всѣ, кто нуждался въ приличномъ помѣщеніи для конторы, могъ снять его очень дешево, только мы составляли исключеніе. Домовладѣлецъ очень охотно показывалъ намъ на выборъ нѣсколько помѣщеній, но какъ только узнавалъ, что намъ нужно помѣстить въ его домѣ контору умѣренной газеты, немедленно вспоминалъ, что нѣсколько дней тому назадъ его жена сдала уже всѣ эти помѣщенія подъ другое дѣло и получила задатокъ. Проклиная всячески свою роковую забывчивость, домовладѣлецъ съ тысячею извиненій заявлялъ, что до лѣта его домъ не можетъ быть для насъ полезенъ. Въ другомъ домѣ хозяинъ не страдалъ такой забывчивостью, но зато заламывалъ съ насъ такую цѣну, на которую могъ согласиться только человѣкъ, завѣдомо стремившійся прогорѣть, а намъ, дѣйствовавшимъ на чужія деньги, приходилось всячески избѣгать обвиненія въ расточительности.

Такъ бились мы съ помѣщеніемъ для конторы двѣ недѣли, пока истощившееся терпѣніе не заставило насъ обратиться туда, съ чего бы намъ слѣдовало начать: къ одному изъ крупнѣйшихъ нашихъ пайщиковъ, въ домѣ котораго какъ разъ пустовало очень

удобное для насъ помѣщеніе. Шли мы къ нему въ полной увѣренности, что отказа не встрѣтимъ, но надежда эта жестоко насъ обманула.

— Не могу, господа, при всемъ желаніи не могу. Паевъ еще хоть шесть штукъ куплю, а пустить васъ къ себѣ невозможно.

— Да почему же?

— Потому что вонъ у меня въ домѣ-то сколько магазиновъ, и въ каждомъ по зеркальному стеклу. Ежели господа освободители вашу редакцію разносить придутъ, кто мнѣ ихъ вставитъ-то? А не ровень часъ и бомбочку подложить. Такъ у меня въ бельэтажѣ собственная семья обитаетъ, и жизнью жены да дѣтей я даже ради хорошаго дѣла рисковать не согласенъ. Къ тому же, сами изволите знать, какова у насъ городская-то управа, лѣвѣй лѣвой. А отъ нея и расцѣнка имуществъ, и налоги, и повинности, и санитарія, все зависитъ. Теперь ежели я васъ къ себѣ пушу, такъ этого она мнѣ не проститъ. Ужъ были въ этомъ родѣ и намеки.

Тутъ только поняли мы причину удивительной слабости памяти у другихъ домохозяевъ и серьезно задумались, какъ бы не оправдались пророчества тѣхъ, кто сомнѣвался, что намъ удастся выпустить даже одинъ номеръ...

Вдругъ помощь пришла оттуда, откуда мы могли менѣе всего ея ожидать.

Содержатель одной изъ самыхъ фешенебельныхъ гостиницъ, завѣдомый кадетъ, самъ съ удивительной любезностью предложилъ подъ нашу контору три номера у себя за баснословно дешевую цѣну. Пришлось принять съ благодарностью неожиданную услугу, раздумывать о мотивахъ которой тогда намъ было некогда.

Наладивъ дѣло съ помѣщеніемъ, мы наткнулись на новое затрудненіе—съ телефономъ, безъ котораго газета не можетъ прожить ни минуты. Городская управа, распоряжающаяся телефонами, категорически заявила, что по множеству причинъ «раньше лѣта» поставить особаго телефона она намъ не можетъ. Мотивы, при желаніи, можно было принять за благовидные. Пришлось воспользоваться новой любезностью хозяина нашей гостиницы и работать на его телефонѣ. Правда, приходилось ежеминутно бѣгать въ другой конецъ и беспокоить хозяина, такъ какъ телефонъ былъ въ его квартирѣ. Но выбора для насъ не оставалось.

III.

Оставалось подыскать типографію. Здѣсь особенныхъ затрудненій мы не ожидали, потому что какъ разъ передъ этимъ освободилась одна типографія, постоянно печатавшая газеты, изъ-за того, что администрація закрыла одну ультра-радикальную газету;

вѣрнѣе, однако, что газета сама себя закрыла, изнывая подъ бременемъ хроническихъ дефицитовъ. Сознаться въ недостаткѣ сочувствія радикальной газетѣ было неудобно, поэтому былъ пущенъ рядъ такихъ статей, изъ-за которыхъ нельзя было администраціи не закрыть газету даже въ медовый мѣсяцъ свободы. Впослѣдствіи это самозакрытіе, дававшее возможность не платить по счетамъ и не возвращать подписныхъ денегъ, а къ тому же приносившее ореолъ страданій за идею, стало постояннымъ приѣмомъ радикальной прессы.

Упрекнуть владѣльца той типографіи, куда мы обратились, въ желаніи намъ повредить, нельзя было никакъ, но онъ только что перенесъ типографскую забастовку, сильно сказавшуюся на его карманѣ, и находился, какъ и всѣ тогда владѣльцы типографій, въ полной и рабской зависимости отъ народившагося и у насъ «союза рабочихъ печатнаго дѣла». Союзъ этотъ, во главѣ котораго, кстати сказать, неисповѣдимыми путями оказался еврей-аптекарь (вся связь его съ печатью исчерпывалась тѣмъ, что онъ заказывалъ печатные бланки и рецепты для своей аптеки), держалъ хозяевъ въ полной рабской зависимости: смѣщалъ и назначалъ рабочихъ, дѣлалъ вычеты «на общее дѣло» изъ ихъ заработка, заводилъ въ типографіи свои порядки, не освѣдомляясь вовсе о согласіи ея хозяина.

Всегда при типографіи работало три накладчика. Въ одно прекрасное утро хозяинъ получаетъ меморандумъ союза съ извѣщеніемъ, что пленарное собраніе союза постановило увеличить у него въ типографіи число накладчиковъ съ 3 до 5.

Прочелъ хозяинъ этотъ меморандумъ и равнодушно повѣсилъ на гвоздикъ въ увѣренности, что тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Но черезъ три часа явились рабочіе и заявили, что они немедленно уйдутъ съ работъ, если требованіе союза не будетъ безотлагательно осуществлено. Пришлось осуществить и платить жалованіе двумъ совершенно неужнымъ рабочимъ.

При такомъ положеніи вещей хозяинъ прежде, чѣмъ дать намъ отвѣтъ насчетъ цѣны, заблагоразсудилъ переговорить съ рабочими, мнѣніе которыхъ уже не трудно было угадать. Узнавши, что наша программа ничего общаго съ программами ни минималистовъ, ни максималистовъ не имѣетъ, рабочіе, конечно, по указкѣ «союза», заявили, что печатать новую газету на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ печаталась закрытая радикалка, имъ будетъ совсѣмъ невыгодно, и потребовали при переходѣ на новую газету увеличенія себѣ заработной платы. Это требованіе казалось нелѣпымъ потому, что наша газета должна была по формату и числу полосъ ничѣмъ не отличаться отъ закрытой, стало быть, для рабочихъ съ технической стороны никакой перемѣны не было. Но они такъ повысили заработную плату съ тысячи буквъ набора, что цѣна

набора нумера съ 32 рублей возросла до 40. Это сильно измѣняло наши выкладки, но выбора не было, потому что мы знали, что при диктатурѣ «союза» рабочіе во всѣхъ другихъ типографіяхъ съ этой цѣны не сбавятъ. Особенно обидно платить эти деньги было потому, что двѣ другія газеты, социаль-демократовъ и кадетская, печатались въ сосѣднихъ типографіяхъ по прежней расцѣнкѣ, и ни о какихъ прибавкахъ тамъ рабочіе не подымали и рѣчи.

Необходимость заставила отступить, а это дало поводъ нашимъ доброжелателямъ распускать среди нашихъ пайщиковъ слухи, будто мы совсѣмъ не умѣемъ взяться за дѣло, на всемъ переплачиваемъ и зря швыряемъ деньгами. Слава Богу, однако, намъ наши пайщики вѣрили безусловно.

Появляясь безпрестанно въ типографіи передъ выходомъ перваго нумера, секретарь нашей газеты замѣтилъ, что среди наборныхъ кассъ все время снуетъ редакторъ закрытой газеты и ведетъ съ рабочими тайнственные переговоры, заглядывая въ доставленный матеріалъ. Смыслъ этихъ переговоровъ раскрылся въ день выхода перваго нумера, когда мы доставили матеріалъ для второго. Рабочіе, еще вчера такъ охотно набиравшіе нашего первенца, на другое утро, не говоря ни слова, разобрали весь заготовленный матеріалъ, включая даже заголовокъ газеты и годовыя объявленія, и, какъ одинъ человѣкъ, заявили, что будутъ набирать второй номеръ только въ томъ случаѣ, если плата за наборъ будетъ увеличена на 20⁰/₀.

Такая цѣна перевернула бы совершенно нашъ бюджетъ, а, кромѣ того, связь стачки съ прежними визитами отставнаго редактора бросилась въ глаза слишкомъ ярко. Нашъ издатель попробовалъ было бороться съ забастовкой, на уступки не пошелъ, а вызвалъ въ типографію фабричнаго инспектора. Каково было его удивленіе, когда обнаружилось, что фабричнымъ инспекторомъ былъ не кто иной, какъ негласный редакторъ нашей главной конкурентки, кадетской газеты. Поведеніе его въ качествѣ безпристрастнаго примирителя интересовъ труда и капитала дѣлало честь его партійной стойкости. Онъ сразу, даже не выслушавъ, въ чемъ дѣло, сталъ на сторону рабочихъ, отъ имени которыхъ сталъ говорить откуда-то появившійся аптекаръ, предсѣдатель союза. Нашъ издатель, однако, рѣшительно заявилъ, что въ присутствіи предсѣдателя союза онъ не намѣренъ вести переговоры и потребовалъ его удаленія изъ типографіи. Встрѣтивъ такой неожиданный отпоръ и услыхавъ о нашемъ намѣреніи предъявить къ редактору закрытой газеты обвиненіе въ подстрекательствѣ къ забастовкѣ, и рабочіе и инспекторъ сбавили тонъ, предсѣдатель союза удалился, крича о насиліяхъ буржуазіи, какъ будто содержаніе аптеки не являлось буржуазнымъ дѣломъ. Но денеж-

ныя требованія оставались прежними. Закрыть газету, выпустивъ съ такими хлопотами первый номеръ, было слишкомъ обидно. Принять условія—значило заранѣе устранить всякую возможность того, чтобы предприятие окупалось. Экстренное собраніе пайщиковъ махнуло рукой на доходы и сдѣлало прибавку, взявъ, однако, письменное обязательство отъ владѣльца типографіи, что больше никакихъ надбавокъ не будетъ. На эти переговоры ушло полдня. Когда рабочіе стали снова на работу, стало яснымъ, что второй номеръ выйдетъ съ громаднымъ запозданіемъ. Такъ это и случилось. На другой день подписчики получили нашу газету только послѣ обѣда. Самое цѣнное свойство газеты—аккуратность ея доставки—было нарушено сразу.

Такія опаздыванія по винѣ типографіи вначалѣ повторялись всякій разъ, какъ газета должна была принести наиболѣе интересный матеріалъ. Когда въ наборъ былъ сданъ результатъ выигрышей или выборовъ, непременно или ломалась машина, или разсыпался наборъ въ послѣднюю минуту. Интересную новость узнавали первой не изъ нашей газеты, и это создавало репутацію, что она во всемъ опаздываетъ. Особенно сильно попортилась несчастная машина въ концѣ марта 1906 года, передъ самыми выборами въ первую государственную думу. Тогда номера газеты были заполнены списками кандидатовъ нашей партіи, ея воззваніями и защитой отъ тѣхъ клеветъ, которыми наши противники осыпали кандидатовъ нашей партіи. Выходъ газеты въ эти дни былъ для насъ особенно важенъ, мы предполагали увеличить вдвое ея тиражъ, но коварная машина испортилась въ послѣднюю минуту, а исправленія ея заняли столько времени, что, когда возобновился выходъ газеты, наша партія была разбита уже на голову и намъ ничего не оставалось, какъ только сообщать объ успѣхахъ нашихъ противниковъ.

«Союзъ печатнаго дѣла» вначалѣ портилъ намъ много крови. Имъ установлена была особая цензура, своей жестокостью и безапелляціонностью далеко превосходившая официальную. Когда доставлялся матеріалъ, особенно невыгодный для господъ освободителей, потому что разоблачалъ наиболѣе некрасивыя ихъ дѣянія, вѣчно околачивавшійся въ типографіи представитель бюро союза, давалъ знакъ наборщикамъ, и тѣ заявляли, что набирать такой матерьялъ противно ихъ убѣжденіямъ: рука не подымается. Приходилось по нѣсколько разъ передѣлывать одну и ту же замітку, выпуская изъ нея самую соль. Скоро, однако, эта тиранія союза стала менѣе давать себя чувствовать. Во-первыхъ, въ самомъ союзѣ начались нелады, рабочіе увидели, что они совершенно напрасно ожидали отъ него всѣхъ обѣщанныхъ благъ. Очень охотно принимая членскіе взносы, «союзъ» съ гораздо меньшей охотой выдавалъ ссуды; назначая въ каждую типографію

всѣхъ «освободителей», которыхъ союзу нужно было пристроить, онъ тѣмъ самымъ понижалъ недѣльный заработокъ отдѣльнаго рабочаго. Среди освободителей, поставленныхъ союзомъ, весьма многіе не имѣли понятія о типографскомъ дѣлѣ, учиться ему не желали, а, стоя у наборныхъ кассъ, только разглагольствовали о лозунгахъ пролетаріата. Между тѣмъ въ субботу они получали не меньше самыхъ опытныхъ наборщиковъ, которымъ это было очень обидно. Акціи союза совсѣмъ упали, когда обнаружилось, что его секретарь растратилъ половину кассовой наличности съ одной пѣвичкой. Дѣло замаяли, но довѣріе рабочихъ было потеряно навсегда. Съ другой стороны, съ каждымъ днемъ улучшалось отношеніе рабочихъ къ нашей редакціи, потому что опытъ показывалъ имъ, что мы уже вовсе не такіе изверги, какими имъ насъ расписали господа прогрессисты. Не на словахъ, а на дѣлѣ мы всячески о нихъ заботились: не обсчитывали, не штрафовали зря, платили за всякую сверхъурочную работу, помогали по мѣрѣ силъ больнымъ, внимательно прислушивались къ ихъ нуждамъ и заступались не разъ за нихъ въ статьяхъ нашей газеты. Да и обращеніе наше куда было деликатнѣе господъ прогрессистовъ, которые на словахъ кричали о великихъ страданіяхъ пролетаріата, а сами и всячески ихъ обсчитывали, и обращались съ ними такъ надменно и грубо, какъ этого не позволилъ бы себѣ ни одинъ «буржуй». Это невольное сравненіе должно было располагать рабочихъ въ нашу пользу, и когда газета закрылась, свершилось чудо: тѣ самые рабочіе, которые вначалѣ смотрѣли на насъ, какъ на волковъ, поднесли нашему редактору адресъ съ выраженіемъ благодарности за хорошее и сердечное къ нимъ отношеніе. Легко себѣ представлять, какъ разозлилъ этотъ адресъ союзъ.

IV.

Бумагу для газеты намъ пришлось брать у мѣстнаго раввина, который оказался комиссіонеромъ финляндскихъ бумажныхъ фабрикъ. Забастовки 1905 года сдѣлали то, что до лѣта 1906 года русскіе магазины не могли достать необходимаго запаса бумаги. Только у раввина былъ большой запасъ. Волей-неволей пришлось къ нему обратиться. Во-первыхъ, онъ запросилъ съ насъ гораздо дороже, чѣмъ съ другихъ. Во-вторыхъ, ему никакъ не удавалось сразу поставить намъ большой запасъ бумаги, а доставлялъ онъ ее для cadaго нумера въ обрѣзъ. И это нѣсколько разъ задержало своевременный выходъ газеты, потому что въ типографіи все было набрано и приходилось часами ждать, обрывая телефонъ, пока привезутъ со склада столько бумаги, что можно будетъ начать печатаніе.

Этимъ не исчерпывалась наша зависимость отъ лѣвыхъ. Они проникли въ самую глубь нашего дѣла, такъ какъ ставленниками лѣвыхъ партій оказались и наши корректоры, и нашъ первый конторщикъ. Свою лѣвизну они упорно скрывали, запросили подходящую цѣну, жаловались на свое бѣдственное положеніе, и поэтому мы ихъ взяли. Быстро приглядѣвшись къ почеркамъ сотрудниковъ, корректоры открывали «лѣвымъ» тайны нашихъ псевдонимовъ, что въ провинціи, да еще въ то боевое время, было весьма неудобно. Конторщикъ по книгѣ гонораровъ еще лучше зналъ всѣхъ нашихъ дѣйствительныхъ сотрудниковъ. Это было весьма неудобно для сотрудниковъ, стѣсняло ихъ чрезвычайно, и поэтому многіе весьма полезные сотрудники перестали у насъ работать только потому, что не рисковали оглашать свое участіе въ умѣренной газетѣ. Невыгодно было для насъ и то, что чрезъ конторщика всѣ знали дѣйствительное положеніе нашей кассы, имена нашихъ пайщиковъ, размѣръ тиража нашей газеты. Приходилось вести все дѣло съ раскрытыми картами, а всякій коммерческій человекъ пойметъ, какъ это неудобно. Правда, черезъ мѣсяць мы смѣнили и корректоровъ, и конторщика, но наши противники уже знали то, чего имъ вовсе знать не слѣдовало, а конторщикъ, уходя, потерялъ, конечно, совершенно неумышленно, адреса подписчиковъ, самое важное въ газетномъ дѣлѣ. Приходилось на ихъ возстановленіе тратить недѣли, во время которыхъ газету разсылали «по памяти», доставка ея стала болѣе чѣмъ не аккуратной, и это сразу же дало себя знать по подпискѣ на ближайшій мѣсяць.

Наши противники великолѣпно знали о каждомъ нашемъ шагѣ изъ-за нашего помѣщенія. Управляющій гостиницы почему-то особенно любилъ ходить у дверей нашего номера, всматриваясь во всякаго, кто приходилъ; хозяинъ съ сверхъестественною любезностью самъ бѣгалъ къ намъ, когда насъ вызывали по телефону, но зато онъ, сидя тутъ же у самага аппарата, по нашимъ отвѣтамъ прекрасно возстановлялъ содержаніе разговора, а, кромѣ того, его память ни за что не могла сохранить вѣрно номеръ того телефона, который насъ вызывалъ. Слѣдуя его указаніямъ, мы соединялись совсѣмъ не съ тѣмъ, кто насъ вызывалъ, и получали въ отвѣтъ или удивленіе, или ругань, а хуже всего, мы такъ-таки и не могли узнать, кому же на самомъ дѣлѣ мы были нужны. Въ городѣ составилось впечатлѣніе, что по телефону насъ не дозвонишься.

Приходитъ однажды одинъ нашъ пайщикъ въ страшномъ волненіи и просить у издателя объясненій по поводу его удивительнаго поведенія. Оказывается, утромъ онъ поручилъ дочери спросить насъ по телефону, когда удобнѣе всего завезти намъ деньги за новые паи, которые желалъ купить, но барышня получила отвѣтъ о томъ, что никакихъ паевъ мы продавать не намѣрены,

въ формѣ, совсѣмъ не подходящей для особы женскаго пола. Не вѣрить ему мы не могли такъ же, какъ и были увѣрены, что никто изъ насъ и нашихъ служащихъ ни на что подобное не способенъ. Приходилось объяснять шутками телефона.

Другой разъ приходитъ содержатель лучшихъ банъ въ нашемъ городѣ и говоритъ, что совсѣмъ напрасно мы прибѣгали къ такимъ приемамъ, чтобы получить съ него годовое объявленіе на первой страницѣ: онъ далъ бы объявленіе и безъ всякихъ угрозъ. Видя наше удивленіе, онъ сообщилъ, что только что по телефону нашъ редакторъ грозилъ ему пропечатать про то, что творится въ его нумерахъ, если онъ не дастъ намъ крупнаго объявленія. Но какъ разъ въ то время нашъ редакторъ уѣзжалъ въ Петербургъ. Мы нарочно заставили при банщикѣ говорить всѣхъ нашихъ служащихъ, и онъ сразу же заявилъ, что ничей голосъ не похожъ даже отдаленно на того, кто ему грозилъ. На этотъ разъ намъ удалось убѣдить его въ полной нашей непричастности къ шантажу, но черезъ недѣлю буквально та же самая исторія повторилась съ содержателемъ мѣстнаго кафе-шантана. Такое повтореніе «шутокъ телефона» грозило большими неприятностями, и послѣ серьезнаго разговора съ владѣльцемъ гостиницы мы вынуждены были напечатать объявленіе о томъ, что наши агенты по сбору объявленій снабжены соответствующими бланками редакціи и что никакихъ переговоровъ по телефону на этотъ счетъ наша контора не ведетъ.

И помимо телефона, въ гостиницѣ творилось что-то неладное. Многіе знакомые жаловались, что, сколько разъ они ни заходили въ нашу контору для подписки или сдачи объявленія, швейцаръ заявлялъ имъ, что контора почему-то сегодня не открылась и никто изъ причастныхъ къ газетѣ не приходилъ. Насъ упрекали, что такъ вести дѣло нельзя, и не вѣрили нашимъ заявленіямъ, что весь составъ служащихъ былъ налицо какъ разъ въ то самое время, когда къ намъ заходили. Этотъ швейцаръ, по отзыву другихъ постояльцевъ гостиницы, аккуратный на рѣдкость, насъ угнеталъ изо дня въ день своею халатностью. Газеты, письма и даже телеграммы на имя нашей редакціи онъ передавалъ намъ, въ лучшемъ случаѣ продержавъ ихъ у себя двое сутокъ, или же затеривалъ ихъ окончательно. Пропадала или опаздывала масса заказовъ и сообщеній, цѣнныхъ только при условіи своевременнаго ихъ обнаруженія. Но съ почтой намъ не везло вообще. Намъ пришлось убѣдиться, что въ пропажѣ корреспонденціи и умышленномъ ея задержаніи виноватъ не одинъ только швейцаръ, но и сама почтовая контора, съ которой надо было бороться уже официально путемъ, грозя жалобами по начальству. Но больше всего намъ вредила земская почта. Очень много нашихъ подписчиковъ жило въ уѣздѣ; изъ нихъ многіе были подписаны на

десятки экземпляровъ, съ тѣмъ, чтобы раздавать ихъ крестьянамъ въ видѣ противоядія тому ежедневному потоку радикальныхъ газетъ, которыми тогда гг. освободители засыпали деревню. Сочувствуя вполне этому дѣлу, мы особенно заботились о доставкѣ газеты именно этимъ подписчикамъ, но всѣ старанія наши оставались тщетными. Изъ ста номеровъ они въ лучшемъ случаѣ получали десять, да и тѣ въ невозможномъ видѣ, съ помарками, дырами и т. п. Всѣ наши жалобы здѣсь встрѣчали однѣ только насмѣшки и развязный отвѣтъ, что они не казенное учрежденіе и обязаны доставлять корреспонденцію только по мѣрѣ возможности (?). Опровергнуть такую удивительную теорію было бы слишкомъ легко, но земская почта какъ щитомъ прикрывалась прогрессивной управой, и поэтому приходилось мириться съ обстоятельствами.

Подвохи устраивались намъ и тамъ, гдѣ мы этого могли менѣ всего ожидать. Сотрудники наши состояли исключительно изъ нашихъ политическихъ единомышленниковъ, слѣдовательно, довѣрять имъ мы могли вполне. Но и здѣсь насъ ждало жестокое разочарованіе. Среди нашихъ сотрудниковъ былъ учитель, принимавшій самое дѣятельное участіе въ организациі партіи. Въ газетѣ писалъ онъ сравнительно мало, потому что совершенно не владѣлъ перомъ, но зато доставлялъ много матеріала для провинціальной хроники. Раньше онъ исколесилъ Россію и служилъ въ очень многихъ губерніяхъ, гдѣ у него вездѣ остались друзья-пріятели. Однажды онъ приноситъ матеріалъ самый сенсаціонный: письма къ себѣ земскаго врача изъ сосѣдней губерніи о дѣяніяхъ мѣстнаго земскаго начальника, который расхищалъ крестьянскія деньги, открыто бралъ взятки совсѣмъ ужъ не по чину, уничтожалъ за деньги документы изъ судебныхъ дѣлъ и т. п. Въ доказательство всего этого врачъ обѣщался доставить письменныя свидѣтельства пострадавшихъ. И дѣйствительно, недѣли черезъ двѣ тотъ же самый учитель доставилъ намъ объемистую пачку этихъ свидѣтельствъ. Всѣ они были написаны разными почерками и стилями, снабжены точными подписями и адресами авторовъ. Картина злоупотребленій получилась возмутительная, и корреспонденція врача по сравненію съ оправдательными документами казалась даже слишкомъ умѣренной и мягкой. Кое-кто совѣтовалъ напечатать всѣ эти документы цѣликомъ. Но редакторъ ограничился помѣщеніемъ только письма врача. И оно произвело сильное впечатлѣніе. Номеръ покупали нарасхватъ, многія столичныя газеты перепечатали эту статью. Редакторъ чувствовалъ себя совершившимъ немалый гражданскій подвигъ. Особенно возликовалъ онъ, когда «жертвы» прислали намъ благодарственныя письма, доставленныя, конечно, чрезъ того же учителя и написанныя тѣми же самыми почерками, что и оправдательные документы. Но черезъ мѣсяцъ

редакторъ получилъ приглашеніе отъ прокурора, сообщившаго, что земскій начальникъ возбудилъ противъ редактора и противъ автора статьи обвиненіе въ клеветѣ. Немедленно прокурору были доставлены всѣ наши оправдательные документы, свято хранившіеся въ нестеряемомъ шкапу редакціи. Черезъ нѣкоторое время, однако, оказалось, что врачъ-обличитель умеръ лѣтъ десять тому назадъ, «жертвы», снабжавшія насъ и оправдательными документами и благодарственными письмами, не существовали никогда. Изъ всей этой исторіи не мертвыми душами оказались только нашъ учитель да земскій начальникъ, не совершавшій даже во снѣ ничего подобнаго тому, что про него было у насъ написано.

Учитель находилъ въ себѣ еще достаточно смѣлости для того, чтобы вывертываться. Сначала хотѣли было огласить его образъ дѣйствій, но потомъ рѣшили, что это значило бы открыто признать присутствіе предателя въ нѣдрахъ нашей партіи, а это было неудобно тогда, передъ самыми выборами въ первую думу; затѣмъ нашъ редакторъ отъ этого не избѣжалъ бы суда, такъ какъ формально прикосновенность учителя къ этому дѣлу доказать было нельзя: предусмотрительно онъ давалъ всѣ письма безъ конвертовъ, самыя же письма были безъ обращенія къ нему. Ограничились тѣмъ, что махнули на него рукой, посоветовавъ ему забыть про существованіе и нашей газеты и нашей партіи. Редактору пришлось изъ-за излишней довѣрчивости сѣсть на скамью подсудимымъ, хотя дѣло, тянувшееся два года и доведшее редактора до тяжелой нервной болѣзни, и кончилось его полнымъ оправданіемъ. Оно пришло, однако, слишкомъ поздно, когда газета была уже закрыта, а до тѣхъ поръ наши противники имѣли возможность иногда прибавлять къ названію нашей газеты эпитетъ: «клеветническая».

V.

Главнымъ, однако, орудіемъ борьбы съ нами явились наши же разносчики. Разноску газеты мы сдали единственной артели, занимающейся въ нашемъ городѣ этимъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что другія газеты она доставляла очень аккуратно. На насъ все время сыпались жалобы подписчиковъ, получавшихъ нашу газету чуть ли не черезъ нумеръ. Никакіе штрафы не помогали и къ нимъ разносчики относились весьма равнодушно. Затѣмъ почему-то разноска именно нашей газеты отражалась удивительно губительно на ихъ желудкѣ. Не проходило недѣли безъ того, чтобы съ кѣмъ-нибудь изъ разносчиковъ не приключилось такого жестокаго желудочнаго припадка, который совершенно не позволялъ имъ приняться за разноску газеты: жена заболѣвшаго въ такомъ случаѣ не могла покинуть больного, и шестая часть всѣхъ подписчиковъ—они были у насъ

подѣлены между шестью разносчиками — оставалась безъ газеты. Хуже всего, что болѣзнь не позволяла имъ даже предупредить насъ, и мы узнавали о ней только изъ типографіи, откуда спрашивали, что дѣлать съ невзятыми нумерами. Приходилось разсылать нумера съ своей прислугой, которая по неопытности страшно задерживала это дѣло, и кто получалъ газету позднимъ вечеромъ, а кто совсѣмъ оставался безъ нея.

Еще хуже обстояло дѣло съ розничной продажей. Намъ разносчики говорили, что не берутъ газеты, потому что никто будто бы ея не спрашиваетъ, а знакомые жаловались, что сколько разъ они ни спрашивали ее у разносчиковъ, у тѣхъ ея не оказывалось. Это ставили намъ на видъ въ доказательство нашего неумѣнія организовать дѣло. Тогда нашъ секретарь рѣшилъ уподобиться Гаруну-аль-Рапиду и, идя изъ редакціи домой, у всѣхъ разносчиковъ спрашивалъ свою газету, и вездѣ получалъ одинъ и тотъ же, видимо, кѣмъ-то продиктованный, отвѣтъ: «да эта газета уже двѣ недѣли какъ не выходитъ». Это заставило насъ организовать свою артель, но управа заявила, что необходимо предварительно узнать на этотъ счетъ мнѣніе «союза печатнаго дѣла». Оттуда послѣдовалъ отвѣтъ, что «интересы трудящихся массъ будутъ жестоко нарушены увеличеніемъ числа конкурирующихъ единицъ». Разыгравъ эту комедію, управа отказала выдать промышленныя свидѣтельства. Но «лѣвныя» газеты свободно продавали на улицахъ мальчишки, не имѣвшіе никакихъ промышленныхъ свидѣтельствъ и тѣмъ не менѣе невозбранно терзавшіе уши прохожихъ выкрикиваніемъ названій своихъ органовъ. Завели было такихъ же мальчишекъ и мы. Но въ первое же утро ихъ кто-то избилъ, а затѣмъ какіе-то добровольцы отправили часть ихъ въ полицію, гдѣ составили протоколы о привлеченіи къ судебной отвѣтственности за торговлю безъ исправки соответствующихъ свидѣтельствъ. Наша контора заплатила штрафъ и дала подписку, что впредь мальчишекъ съ газетой высылать не будетъ.

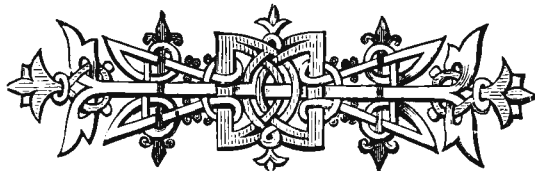
Въ концѣ концовъ выходило такъ, что мы издаемъ нашу газету только для себя самихъ. По уѣзду она не расходилась изъ-за уѣадной почты, въ городѣ подписчики получали ее изрѣдка, что заставляло ихъ пользоваться другими изданіями, розницу устроить было намъ не по силамъ, такъ что о распространеніи газеты нечего было и мечтать. И силы и деньги мы тратили даромъ, поэтому черезъ полгода послѣ начала изданія пришлось его приостановить въ ожиданіи лучшаго будущаго.

Какъ только газета закрылась, разносчики наши сообщили намъ, что и за болѣзнь, и за потерю нумеровъ они получали отъ нашихъ «товарищей слѣва» столько, что никакіе штрафы не были имъ страшны; отсюда же имъ платили и за то, что они не брали

газету для розничной продажи и распространяли слухи о ея гибели чуть ли не съ перваго дня ея существованія.

Тяжело и больно даже теперь беречь старыя раны, вспоминая, какъ, несмотря на всѣ усилія и жертвы, погибло хорошее, нужное дѣло. Но пусть эти правдивыя строки послуживъ урокомъ для тѣхъ, кто слишкомъ жестоко нападаетъ на наши умѣренныя партіи за ихъ неумѣнье противопоставить свою русскую прессу тучѣ еврейскихъ радикальныхъ газетъ. Слишкомъ трудное это дѣло, чтобы могло оно удаться сразу. И слишкомъ грязны тѣ приемы борьбы, которые приходится на себѣ испытывать. Зато съ тѣмъ большимъ уваженіемъ должны мы привѣтствовать мужественныхъ борцовъ, трудящихся надъ великимъ дѣломъ созданія чистой, патріотической русской печати.

М. Туринскій.

КРАМОЛА, РЕАКЦІЯ И ТЕРРОРЪ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!

Гой, ты, родина моя!
Гой, ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья,
Вѣтеръ, степь да тучи!..
(Гр. А. К. Толстой).

I. Обновленная Россія.

(Вмѣсто предисловія).

I.

ВѢДЪ преобразованій въ государственномъ строѣ Россіи былъ осуществленъ въ десятилѣтіе 1861—1870 гг., каковой именно періодъ и получилъ въ нашей исторіи наименованіе «эпохи великихъ реформъ». Въ предыдущихъ очеркахъ, посвященныхъ обрисовкѣ «кануна» этой эпохи и самой «эпохи», были указаны главнѣйшіе моменты изъ жизни того знаменательнаго времени, когда надъ страню пронеслась живительная волна воздуха, подъ благотворнымъ воздѣйствіемъ которой, казалось, она должна была преобразиться вся сверху донизу, во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ и элементахъ и вступить въ широкое и ровное русло новаго историческаго бытія, гдѣ все сулило ей благоденствіе, покой, миръ и тишину. Но такъ только рисовалось въ пламенномъ ожиданіи, такъ страстно

¹⁾ См. «Годы смуты и борьбы», «Борьба за конституцію», «Наканунѣ реформъ», «Эпоха реформъ» — «Историческій Вѣстникъ» за 1905, 1906, 1907 и 1908 гг., а также отдѣльное изданіе — «Борьба за конституцію». Историческіе очерки 1612—1861 гг.»

хотѣлось думать и въ это вѣрить, дѣйствительность же жестоко опровергла эти ожиданія, и «великая» эпоха оказалась осложненною такими обстоятельствами и подробностями, которыя наложили на нее густыя тѣни, произвели въ ней зловѣщія бреши, разросшіяся съ теченіемъ времени въ зіяющія бездны, сгладить, сравнять и пополнить которыя выпадаетъ только на долю текущихъ дней съ ихъ законодательной будничной и кропотливой работой въ государственной думѣ.

Мы видѣли, съ какими треніями, недостатками и при наличіи какихъ компромиссовъ осуществилась главнѣйшая реформа—крестьянская; немало затрудненій и дефектовъ обнаружилось и при проведеніи прочихъ реформъ, и только нѣкоторымъ исключеніемъ явилась реформа судебная, для осуществленія которой нашелся и достаточный контингентъ людей и которая сама по себѣ въ значительной мѣрѣ примирила многіе нетерпѣливые общественные элементы съ правительственной властью.

Озирая пройденный путь преобразованій, извѣстный экономистъ А. А. Головачевъ въ своей книгѣ «Десять лѣтъ реформъ»¹⁾ такъ обрисовываетъ дефекты знаменитыхъ реформъ, анализируетъ живую наличность, при которой онѣ протекали, и устанавливаетъ сумму выводовъ, съ которыми историку того времени нельзя не согласиться. «Многіе думали—говоритъ онъ:—что крестьянская реформа есть только первый шагъ къ уничтоженію не только однѣхъ грубыхъ формъ крѣпостного права; но и самыхъ его принциповъ, которыми прониклись всѣ сферы нашей жизни, и что за этимъ первымъ шагомъ послѣдуютъ другіе въ томъ же направленіи, но этого не случилось. Хотя законодательная дѣятельность съ того времени не остановилась и реформы слѣдовали одна за другой, но онѣ какъ-то мало трогали наши крѣпостныя замашки, которыя остаются въ жизни попрежнему и поражаютъ наблюдателя, въ особенности въ провинціи. Въ столицахъ, конечно, замѣтно иное, но въ провинціи повсюду вы замѣчаете старые порядки, даже въ новыхъ учрежденіяхъ, и интересъ къ общественнымъ дѣламъ, который одушевлялъ общество передъ крестьянской реформой и вскорѣ послѣ нея, исчезаетъ совершенно. Каждая новая реформа все менѣе и менѣе интересуетъ общество, и послѣдняя—въ городскомъ управленіи—совершается почти незамѣтно. Объ ней вовсе не говорятъ въ обществѣ.

«Сравнивая въ этомъ отношеніи 1860 и 1870 годы, приходится убѣдиться, что общество наше не только не подвинулось впередъ, но сдѣлало нѣсколько шаговъ назадъ. Прежде мы замѣчали всеобщій интересъ къ вопросамъ общественной жизни; всюду были

1) «Десять лѣтъ реформъ 1861—1871 гг.» А. А. Головачева.

слышны сужденія и толки, не только о главномъ, крестьянскомъ вопросѣ, но и о многихъ другихъ, несмотря на то, что они представлялись въ отдаленномъ будущемъ. Серьезныя статьи въ печати вызывали также сужденія въ обществѣ. Правда, сужденія эти шли часто и вкривь и вкосъ, но по крайней мѣрѣ видно было, что люди старались объяснить себѣ то, чего не понимали, видно было, что они думали, и что думы эти ихъ интересовали. Въ общественныхъ собраніяхъ появлялись люди, которыхъ возмущали прежніе порядки, которые ставили себѣ цѣлью общественную пользу и старались противодѣйствовать интригѣ и кумовству. Но вотъ проходитъ десять лѣтъ, и все измѣнилось. Людей, которыми руководилъ бы не личный интересъ, а общественная польза, какъ-то не видать; если же они и являются, то въ видѣ исключеній и безъ большого вліянія. Напротивъ, приверженцы стараго порядка вещей, прежде робко выражавшіе свое мнѣніе, теперь какъ будто устыдились своей прежней скромности и, вслѣдъ за «Московскими Вѣдомостями», набросились на все живое и разумное въ обществѣ. Интрига, кумовство и личный интересъ попрежнему стали царствовать, и не только въ дворянскихъ, но и въ земскихъ собраніяхъ. Исключенія, конечно, есть, но эти исключенія ничего не доказываютъ, мы говоримъ о большинствѣ случаевъ. Несмотря на то, что многія изъ прежнихъ предположеній осуществились и возможность обсужденія достоинствъ и недостатковъ стараго и новаго законодательства сдѣлалась доступнѣе,—этихъ сужденій не слышать, и даже литература никого не интересуется. Послѣдняя, прежде имѣвшая такое значеніе и вліяніе, въ настоящее время утратила ихъ совершенно. Всѣ наши умники, повидимому, думаютъ, что они уже все знаютъ и что литература имъ ничего новаго не скажетъ. Что касается этого послѣдняго обстоятельства, то намъ кажется, что въ немъ надо винить нѣкоторые органы нашей печати и больше никого. Беззащѣтная полемика нѣкоторыхъ органовъ, ихъ соперничество между собою и желаніе уронить въ глазахъ публики своего противника, а главное—полицейско-сыскное направленіе, которому нѣкоторые посвятили себя преимущественно, достигли, наконецъ, того, что мало-развитое общество не думало отличать хорошаго отъ дурного и потеряло вовсе довѣріе къ печатному слову».

Обращаясь къ констатированію все того же надвинувшагося на Россію общественнаго индифферентизма къ реформамъ, авторъ продолжаетъ: «Значительныя реформы, произведенныя въ это время, могли бы, кажется, возбудить въ обществѣ интересъ и сочувствіе къ нимъ. По временамъ это и дѣйствительно было замѣтно, но вскорѣ опять наступили охлажденіе и апатія, какъ будто русское общество, истративъ всѣ свои нравственныя силы на крестьянскую реформу, сдѣлалось неспособно интересоваться

общественными вопросами на болѣе продолжительное время. Не говоря уже о тѣхъ реформахъ, которыя не прямо касались общества, сколько было такихъ, которыя во всякой другой странѣ произвели бы глубокое впечатлѣніе? Уничтоженіе откуповъ, отмѣна подушной подати съ мѣщанъ, земскія учрежденія, судебная реформа, новый законъ о печати и, наконецъ, новое городское положеніе. Само собою разумѣется, что первенствующее значеніе въ этомъ перечнѣ имѣютъ земская и судебная реформа, и онѣ произвели на нѣкоторое время сенсацію въ обществѣ. Въ особенности это было замѣтно при введеніи въ дѣйствіе мирового института въ столицахъ, гдѣ личный составъ мировыхъ судей могъ стоять въ уровень съ высотой положенія. Въ провинціи же этого не было замѣтно. Отъ земскихъ учреждений добродушные мечтатели ожидали многого; даже нѣкоторые органы печати увлеклись этими ожиданіями, но прошло нѣсколько лѣтъ, и пришлось разочароваться. Въ настоящее время ¹⁾ ни земскія, ни судебныя учрежденія никого не интересуютъ; но хуже всего то, что отъ нихъ и не ожидаютъ ничего особеннаго. При такомъ положеніи вещей невольно представляется вопросъ: гдѣ же причина этого равнодушія?»

Многіе полагаютъ, думаетъ авторъ, что причина эта кроется въ неудачномъ выборѣ дѣятелей, въ руки которыхъ попало проведеніе реформъ въ жизнь, по мнѣнію же другихъ—причина органическая, лежащая въ основѣ неустойчивости русскаго характера, способнаго на быстрое воспламененіе и вслѣдъ за симъ скоро остывающаго. Допуская, что оба эти фактора сыграли въ дѣлѣ общественной апатіи извѣстную роль, г. Головачевъ полагаетъ, однако, что роль эта не была доминирующей, и что все дѣло заключалось какъ въ несовершенствѣ самыхъ реформъ по ихъ существу, такъ и въ ложности способовъ ихъ осуществленія. На первомъ мѣстѣ, по утверженію изслѣдователя, необходимо отмѣтить «отрывочность» реформъ. «Въ этомъ отношеніи даже крестьянская реформа не избѣгла этого недостатка,—говоритъ онъ:—она была составлена и введена отдѣльно отъ судебной реформы и при сознаваемой несостоятельности нашихъ судебныхъ учреждений, потребовала новыхъ специальныхъ органовъ судебной власти въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, ихъ сѣздовъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій для разрѣшенія возникавшихъ споровъ между помѣщиками и крестьянами. По судебной реформѣ такая отрывочность замѣчается въ учрежденіи должности судебныхъ слѣдователей при старой системѣ судовъ. Эти новыя должности потребовали огромныхъ суммъ безъ всякой особенной пользы.

¹⁾ Эти строки относятся къ 1872 г., когда именно и вышла книга г. Головачева.

Создаются также земскія учрежденія для завѣдыванія хозяйственными нуждами въ губерніяхъ, но въ ихъ вѣдѣніе передаются далеко не всѣ эти нужды, — и рядомъ съ ними остаются особыя земскія присутствія и казенныя палаты. Всѣ эти новыя учрежденія ставятся въ полную зависимость отъ губернаторовъ, которые руководствуются прежнимъ наказомъ. Наконецъ, въ вопросахъ финансовыхъ, гдѣ необходимость радикальныхъ реформъ была всего настоятельнѣе, въ видахъ и интересахъ самого правительства, и гдѣ недостатокъ нашей податной системы былъ признанъ еще до освобожденія крестьянъ, все дѣло ограничивается замѣною откупной системы акцизною, изданіемъ новаго устава о торговлѣ и промыслахъ и наконецъ уставомъ о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ. Между тѣмъ упадокъ цѣнности денежной единицы и новыя реформы потребовали увеличенія бюджетовъ всѣхъ вѣдомствъ; министерству финансовъ оставались только два средства для покрытія постоянно возрастающихъ государственныхъ нуждъ — это займы и возвышеніе налоговъ, — и оно пользовалось этими средствами весьма широко. Словомъ, вездѣ замѣчаются только попытки къ отдѣльнымъ улучшениямъ частныхъ... въ этихъ попыткахъ нѣтъ ничего общаго, и онѣ часто исходятъ изъ началъ, совершенно не соответствующихъ началамъ крестьянской реформы. Такъ, въ основѣ этой послѣдней положено освобожденіе труда, между тѣмъ какъ возвышеніе подушной подати, государственнаго земскаго сбора, падающаго также на душу, и установленіе налога на промыслы не могутъ считаться освобожденіемъ труда: налоги эти падаютъ прямо на трудъ, а не на имущество. Условія ценза не одинаковы въ земскомъ и городскомъ положеніи; условія гласности въ судебныхъ учрежденіяхъ одни, въ земскихъ другія. Эта непослѣдовательность и различіе въ принципахъ значительно подрываютъ самый авторитетъ законовъ. Но, кромѣ этого вреда въ отдѣльныхъ реформахъ, есть еще большій. При такомъ порядкѣ являются рядомъ учрежденія, основанныя на старыхъ и новыхъ началахъ, и между ними возникаютъ столкновенія, которыя не только отнимаютъ и время, и силы, и средства, нужныя для настоящаго дѣла, но часто подрываютъ въ обществѣ довѣріе къ новымъ учрежденіямъ — а это опаснѣе всего. Новыя учрежденія и помимо всякаго противодѣйствія, вслѣдствіе необходимости, встрѣчаются съ затрудненіями и, главное, съ недостаткомъ опытности; но если къ этому присоединяется еще противодѣйствіе со стороны разныхъ учреждений, основанныхъ на старыхъ началахъ, учреждений, власть имѣющихъ и чувствующихъ, какъ эта власть уходитъ изъ ихъ рукъ, что не можетъ быть пріятно, тогда или вовсе не будетъ полезнаго результата дѣятельности новыхъ учреждений, или онъ будетъ едва замѣтенъ. При такихъ обстоятельствахъ даже лучшіе люди теряютъ энергію и оставляютъ дѣятель-

ность, изъ опасенія подвергнуться обвиненію въ неблагонамѣренности, чему бывали примѣры не одинъ разъ. Такимъ образомъ, исполненіе, быть можетъ, и хорошо задуманной реформы попадетъ въ руки жалкой посредственности, которая только портитъ дѣло».

По мнѣнію писателя, «составители первоначальныхъ проектовъ не вполне были убѣждены какъ въ насущной необходимости тѣхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ имѣлось въ виду при составленіи новыхъ положеній, такъ и въ несостоятельности прежняго порядка, а потому мы не видимъ въ новыхъ законахъ огражденія отъ вліянія старыхъ принциповъ». Последнее слово пессимистической рѣчи автора сводится къ тому, что «новыя сѣмена свободнаго труда, самоуправленія, независимаго суда и нѣкоторой свободы слова брошены не на расчищенное поле, а среди старыхъ плевелъ крѣпостныхъ порядковъ. Мудрено ли послѣ того, что молодыя растенія глоснуть, а люди, болѣе прозорливые, утратили энтузіазмъ первыхъ дней? Они думаютъ, что слѣдуетъ начинать новый періодъ реформъ, установивъ прежде всего общія начала для этихъ реформъ».

Экономія мѣста не позволяетъ привести всѣ частичныя указанія компетентнаго изслѣдователя по каждой реформѣ въ отдѣльности, да это и не входитъ въ общій планъ нашихъ очерковъ. Важно лишь отмѣтить показаніе живого умнаго современника, принимавшаго дѣятельное участіе въ событіяхъ тогдашней жизни, что эпоха реформъ оказалась безвильною поднять народный духъ, вызвать творческій энтузіазмъ и пролить на общественную дѣйствительность тѣ свѣтлые лучи, въ потокѣ которыхъ она ожила бы и расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ. Черезъ десять лѣтъ періода реформъ все осталось какъ бы пришибленнымъ, съ печатью на немъ некультурности, пошлости и непроизводительности. Какой-то разбродъ и уныніе—съ одной стороны и сѣрый цвѣтъ—съ другой, вотъ то наслѣдіе, которое перешло отъ громкаго десятилѣтія къ послѣдующему времени. А. А. Головачевъ писалъ свою книгу уже тогда, когда свободѣ слова были положены ограничительные предѣлы, почему онъ и не могъ ставить точекъ на *i* и говорилъ испытаннымъ русскою литературою въ такихъ случаяхъ эзоповымъ языкомъ. Указывая на необходимость «начать новый періодъ реформъ», онъ имѣлъ въ виду именно тотъ періодъ преобразования отечественной жизни, который только теперь, почти сорокъ лѣтъ спустя, переживаемъ мы. Онъ именно имѣлъ въ виду представительный строй правленія, т. е. то, къ чему въ той или иной формѣ этого представительства стремились всѣ передовые умы нашей интеллигенціи и во имя котораго пролилась кровь 14 декабря 1825 года. До осуществленія же этого представительства онъ полагалъ, что никакія частичныя реформы значенія

имѣть не будутъ, не дадутъ осязательныхъ и животворныхъ результатовъ, не будутъ совершенны и производительны. Казенщина полицейско-бюрократическая ихъ задавить и вытравить изъ нихъ всѣ жидительные соки. А потому людямъ, умудреннымъ опытомъ жизни, остается лишь принять выжидательное положеніе, а силамъ молодымъ, не перебродившимъ и рвущимся къ жизни,—удѣлъ безвременно гаснуть и гибнуть. Многія дальнѣйшія страницы нашихъ очерковъ и будутъ посвящены въ настоящей ихъ части повѣствованію объ этой трагической гибели и параллельно этимъ драмамъ молодыхъ жизней мы увидимъ и то мертвящее оцѣпенѣніе, которое исподоволь, но плотно охватывало всѣ силы страны, обрекая ея реальную видимость на ту печальную картину, которую поэтъ охарактеризовалъ словами: «въ небѣ крикъ орлиныхъ стай, волчій голосъ въ полѣ» и «свистъ полночный соловья, вѣтеръ, степь да тучи»... Но прежде, чѣмъ приступить къ этому повѣствованію, мы должны обрисовать, какъ бы въ подтвержденіе выводовъ Головачева, наступленіе періода апатіи на живыхъ конкретныхъ группахъ, которыя представляли собою вліятельную социальную Россію, вершившую судьбами народной жизни, дававшую ей тонъ и отъ нея имени говорившую передъ судомъ исторіи.

II.

Близко стоявшій въ тѣ годы къ придворной жизни князь В. П. Мещерскій въ не разъ уже цитированныхъ нами воспоминаніяхъ¹⁾ даетъ нижеслѣдующія любопытныя свѣдѣнія о настроеніяхъ, царившихъ въ придворныхъ, великосвѣтскихъ и высшихъ административныхъ сферахъ. Въ Зимнемъ дворцѣ царило настроеніе мягкое, грустное, и въ атмосферѣ чувствовалось разочарованіе и неудовольствіе по поводу большинства явленій русской общественной жизни. Печать этой грустной разочарованности прежде всего лежала на самомъ государѣ императорѣ, и вотъ двѣ сценки, приводимыя княземъ Мещерскимъ, обнаруживающія такое его душевное состояніе. «Запомнился одинъ моментъ на вечерѣ въ Китайской гостиной у ихъ величествъ въ эту осень (1864), и гдѣ главнымъ страдательнымъ лицомъ была бѣдная и милая графиня Блудова, — повѣствуетъ издатель «Гражданина». — Она только что вернулась изъ своего имѣнія въ Смоленской губерніи и полна была впечатлѣніями отъ новаго крестьянскаго житья-бытья, на которое она смотрѣла очами своей прекрасной души. Сидѣла она за чайнымъ столомъ, неподалеку отъ императрицы, и въ извѣстную минуту съ нею рядомъ сѣлъ государь.

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій. Мои воспоминанія. Часть первая (1850—1864 гг.).

«Государь началъ ее разспрашивать про ея поѣздки въ деревню, и я вижу, какъ во время разговора лицо графини какъ бы озаряется какимъ-то вдохновеніемъ сердца, и затѣмъ капнули изъ глазъ двѣ-три слезинки умиленія, то была минута, когда она говорила государю о благодарности къ нему народа.

«Государь слушалъ ее, потомъ я вижу, какъ его свѣтлое и доброе лицо вдругъ отуманилось и съ грустью въ глазахъ и на челѣ, смѣнившешю улыбку, онъ говоритъ графинѣ Блудовой: ah, chère comtesse, c'est de l'idylle.

«Графиня смутилась и даже испугалась.

«— Comment de l'idylle, c'est la pure verité, pouvez vous douter de la reconnaissance du peuple russe?

«— Helas,—съ той же грустью отвѣчаетъ государь,—je ne crois plus à la reconnaissance humaine.

«Бѣдная графиня, собиравшаяся тронуть, утѣшить государя, въ этотъ годъ немало пострадавшаго, была въ этотъ вечеръ какъ убитая словами государя. Ее мучила мысль, сколько же долженъ былъ пострадать бѣдный государь, если такъ рано и такъ скоро онъ могъ прійти къ такому разочарованію. И дѣйствительно, во многомъ онъ долженъ былъ обмануться, многое должно было его глубоко огорчить, если вспомнить, что два года передъ тѣмъ, сияя восторженною радостью, онъ сказалъ 19 февраля 1861 года Аннѣ Федоровнѣ Тютчевой: aujourd'hui c'est le plus beau jour de ma vie».

Разсказывая въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній о представленіи одного губернатора зимою 1865 года государю, Мещерскій сообщаетъ слѣдующее: «Государь его принялъ въ своемъ кабинетѣ и, послѣ нѣсколькихъ словъ, говоритъ ему: ну, садись и разсказывай мнѣ все, что у тебя въ губерніи дѣлается... А самъ государь сталъ ходить по кабинету. Приемъ обратился въ экзаменъ. Онъ началъ говорить по порядку: съ дворянства.

«— Что, дворянство очень на меня сердится за освобожденіе крестьянъ?—спросилъ полухути государь.

«Губернаторъ отвѣтилъ, что этого чувства онъ никогда не замѣчалъ въ дворянствѣ.

— Il font bonne mine à mauvais jeu,—сказалъ государь,—ils veulent se rattraper sur le земство... А у тебя оно спокойно?—спросилъ серьезно государь.

«Губернаторъ отвѣтилъ, что спокойно.

«— Столичныя земства¹⁾, —сказалъ государь,—даютъ дурной примѣръ, къ сожалѣнію. Они вздумали было меня учить, что дѣлать... Я надѣюсь, что губернаторы сумѣютъ сдерживать нетерпѣ-

¹⁾ Указаніе на адресъ московскаго земства и земскія собранія въ Петербургѣ.

ливые и слишком увлекающіеся умы въ губерніи—съ тактомъ и энергіей...

«Я спросилъ губернатора, какъ говорилъ государь эти слова: съ гнѣвомъ или спокойно?»

«... Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—безъ всякаго гнѣва, а скорѣе добрымъ голосомъ и совсѣмъ спокойно.

«Вспоминаю, что, когда губернаторъ заговорилъ о народѣ и его благодарности, государь сразу его прервалъ.

«— Ну, насчетъ народной благодарности ты можешь мнѣ не говорить: я ни въ чью благодарность не вѣрю.

«Вообще губернаторъ, послѣ получасоваго свиданія съ государемъ, вынесъ впечатлѣніе, что онъ слишкомъ разочарованъ въ людяхъ и въ особенности въ идеяхъ реформъ». Задавшись вопросомъ, откуда явилось это столь быстро наступившее разочарованіе, князь Мещерскій даетъ слѣдующій посильный отвѣтъ: «Увы, причинъ этому было много... Десять лѣтъ прошло съ начала его царствованія... Сколько людей наговорили ему въ эти десять лѣтъ худого о худомъ и хорошемъ, и какъ мало, напротивъ, люди говорили ему хорошаго о хорошемъ и въ извиненіе худого. Печать на $\frac{1}{4}$ говорила о благодарности и на $\frac{3}{4}$ говорила во имя отрицанія, обличенія и осужденія. Подпольная и заграничная русская публицистика была полна доносами, обвиненіями и злобою. Каждый день подавались государю въ разныхъ видахъ всѣ людскіе злые отзывы и злыя сплетни... Это одна сторона. А другая еще понятнѣе. Въ первые дни своего царствованія государь только жилъ для мечтанія и желанія добра. Онъ могъ, слѣдовательно, ожидать отъ людей довѣрія и терпѣнія къ своимъ прекраснымъ и благолюбивымъ стремленіямъ. Но нѣтъ; едва онъ дѣлалъ благое дѣло, никто не успѣвалъ еще сказать: спасибо, какъ начиналось нетерпѣливое требованіе другого, еще и еще; нервная похоть къ новому и къ реформѣ была главнымъ двигателемъ всѣхъ, и, что бы ни дѣлалъ государь, всѣ дѣла встрѣчала критика однихъ и нетерпѣливыя требованія другого отъ другихъ... Ему не давали услышать и увидать благодарность на дѣлѣ... трудно ли было при этихъ условіяхъ, окружавшихъ царя, не разочароваться».

Видоизмѣнилась нѣсколько къ началу 1865 г. и домашняя обстановка Александра II въ смыслѣ оказываемаго на него политическаго давленія. Князь Мещерскій свидѣтельствуетъ: «Даже въ домашнемъ кругу его мы знали о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ обычаяхъ, которые были въ связи съ перемѣною въ настроеніи и во взглядахъ государя. Такъ, напримѣръ, гостиная императрицы была уже не та. Прежде, съ начала царствованія, въ Петербургѣ говорили объ этой гостиной, потому что въ ней разъ или два раза въ недѣлю бывали небольшіе вечера, гдѣ велись оживленныя бесѣды о вопросахъ русской жизни, и на которые приглашались

люди, называвшіеся въ обществѣ умными или достойными вниманія. Вечера эти имѣли живой смыслъ и благотворное вліяніе, внося въ придворную атмосферу много правдивыхъ отголосковъ жизни. Тогда же говорилось много о благомъ вліяніи императрицы на многія дѣла и на многіе государственные взгляды. Но въ 1864 году уже этихъ вечеровъ исчезли и слѣды. И всѣ знали съ грустью, что императрица старалась отстраняться отъ всякаго прямого вмѣшательства въ дѣла. Почему? Увы, отвѣтъ былъ очень простъ: потому, что стали находиться люди, которые этому умному, умѣряющему и спокойному вліянію императрицы признавали нужнымъ мѣшать, дабы другія менѣе умѣренные и менѣе спокойныя вліянія не могли ея вліяніемъ парализоваться. Вечера бывали, но они имѣли характеръ свѣтскій и абсолютно не политическій, или же заключались въ чтеніи какой-нибудь беллетристической вещи. Только по средамъ, когда государь уѣзжалъ на охоту, императрица собирала у себя за обѣдомъ иногда людей для политической бесѣды...»

Идейный, политическій Standpunkt, къ которому стягивались придворныя вліянія и около котораго они боролись, сводился къ слѣдующему: какой программѣ дѣйствій слѣдовать, какъ въ вопросахъ внутренняго управленія, такъ и въ вопросахъ соотношенія съ политическими общественными либеральнаго характера. Въ то время, какъ одна придворная группа сводила вопросъ къ ярко окрашенной націоналистической политикѣ (особенно въ польскомъ вопросѣ) и къ противодѣйствию либеральнымъ «требованіямъ вѣка», другая—проповѣдывала компромиссы, политику уступокъ, согласную съ духомъ времени и западно-европейскими правовыми теоріями. По свидѣтельству все того же кн. Менцерскаго, «при дворѣ тогда... мягкое направленіе очень сильно брало верхъ надъ тѣмъ, которое въ Муравьевѣ¹⁾ находило гениальнаго борца за русскую народность и за русское единодержавіе. Борьба была неравная, ибо за Муравьева въ то время были только двѣ женщины, Анна Федоровна Тютчева и графиня Блудова, послѣ кончины отца пожалованная въ камеръ-фрейлины и переѣхавшая во дворецъ. Императрица, несмотря на этихъ двухъ близкихъ къ ней женщинъ, была поколеблена сильнымъ вліяніемъ придворныхъ политикановъ противъ Муравьева. Я назвалъ князя Суворова²⁾, но онъ былъ недостаточно уменъ, чтобы имѣть сильное вліяніе; онъ только громко кричалъ и ругался, а тутъ же были люди умные, коихъ космополитическое вліяніе было гораздо сильнѣе Суворовскаго. Два графа Шувалова, отецъ графъ Андрей Петровичъ и

1) Муравьевъ-Виленскій, усмиритель польскаго востанія и противникъ эмансипаціи крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ землею.

2) С.-петербургскій генералъ-губернаторъ.

сынъ его графъ Петръ ¹⁾, затѣмъ князь Павелъ Андреевичъ Долгоруковъ, затѣмъ Мраморный дворецъ; тутъ же были Иванъ Матвѣевичъ Толстой, баронъ Ливенъ, постоянный habitué государя, графъ Вѣльгорскій, затѣмъ съ своими острыми шутками князь Вяземскій и, наконецъ, графъ Алексѣй Толстой ²⁾, одинъ изъ друзей государя, имѣвшій за собою право всегда правдиваго и всегда смѣлаго и откровеннаго голоса. Еще ближе подходило вліяніе вступившей тогда въ положеніе приближенной императрицы, женщины умной и живой, Анастасіи Николаевны Мальцевой, урожденной княжны Урусовой, и вотъ всѣ эти лица вмѣстѣ представляли при дворѣ силу, противодѣйствовавшую, съ одной стороны, общественному мнѣнію, крѣпко поддерживавшему, съ Катковымъ во главѣ, Муравьева, а съ другой стороны, такимъ одинокимъ представителямъ русскаго настроенія, каковыми были графиня Блудова и А. Ф. Тютчева».

Около этихъ придворныхъ группъ соотвѣтственно располагались и бюрократическія министерскія теченія, причемъ въ періодъ, послѣдовавшій послѣ 1863 г. и удачнаго усмиренія поляковъ, умѣренно-либеральныя и оппортунистическія теченія получили перевѣсъ, благодаря чему, съ одной стороны, быстро осуществилась судебная реформа, а съ другой—состоялось удаленіе на покой графа Муравьева. Но если чиновному Петербургу съ Валуевымъ во главѣ удалось свалить виленскаго диктатора, то съ Катковымъ дѣло не обошлось такъ легко: положить предѣлъ его «оппозици во имя его величества» не удалось, а раздавшійся вскорѣ (въ 1866 г.) Каракозовскій выстрѣлъ упрочилъ его положеніе и смель съ арены дѣйствій его петербургскихъ высокопоставленныхъ враговъ. Если еще въ теченіе 1865 г. оставалось подъ сомнѣніемъ, въ какую сторону склонятся дворцовые вѣсы и какое вліяніе получить преобладающее значеніе, то злополучный день 4 апрѣля 1866 г. разрѣшилъ всѣ колебанія въ опредѣленномъ направленіи. Онъ смель всѣ иллюзіи либеральной партіи и, хотя не остановилъ осуществленія намѣченнаго круга реформъ, поставленныхъ уже къ разрѣшенію, но для новыхъ и въ особенности для идеи «увѣнчанія зданія», о коемъ какъ-никакъ, а все же позволяли себѣ робко мечтать и Валуевъ и великій князь Константинъ Николаевичъ ³⁾, уже не оставалось никакой надежды. Въ этомъ отношеніи 4 апрѣля 1866 г. и 1 марта 1881 г. сыграли въ жизни Россіи свою историческую роль: они остановили извѣстный наклонъ событій и затормозили каждый на много лѣтъ то, къ чему хотя нерѣшительно, однако съ громадными треніями и препятствіями

¹⁾ Впослѣдствіи шефъ жандармовъ послѣ смѣны князя Долгорукова.

²⁾ Извѣстный поэтъ.

³⁾ «Историч. Вѣстникъ» 1908 г., № 12. «Эпоха реформъ», гл. LVII.

подвигался, ходъ предыдущихъ событій. Если нѣкоторые симптомы реакціи можно прослѣдить и въ періодъ 1863—1865 гг., то опредѣленно о ней говорить, какъ о фактѣ неминуемомъ или какъ о заключительномъ аккордѣ для періода 1855—1865 г., было бы неосмотрительно и бездоказательно. Придворная партія уступокъ и компромиссовъ, какъ мы то видѣли изъ показаній кн. Мещерскаго, дѣлала свое дѣло, и въ пользу ихъ противниковъ оставалось чрезвычайно немного; бюрократія же съ Валуевымъ во главѣ, во всякомъ случаѣ, была далека отъ союза съ сочувствующими Муравьеву и Каткову, прозорливо усматривая въ нихъ тѣ силы, которыя, въ случаѣ торжества, сметутъ ихъ съ арены дѣйствій. Политическій радикализмъ, отъ котораго дальновидно отрецивался уже тогда Герценъ, сыгралъ именно на руку и Муравьеву и Каткову, послѣднему въ особенности. Вотъ почему мы видимъ въ дѣйствіяхъ министерства Валуева политику противодѣйствія, рѣзкаго и даже грубаго, проповѣди «публициста Страстного бульвара», котораго онъ безуспѣшно спѣшитъ убрать съ поля журнальной работы, съ одной стороны, а съ другой—политику заигрыванія съ представителями умѣреннаго либерализма, обосновавшимися въ «Голосѣ» Краевскаго, тогда только что основанномъ.

III.

Валуева, конечно, нельзя разсматривать, какъ выразителя либеральныхъ общественныхъ тенденцій, но это была та бюрократическая сила, которая подъ давленіемъ правильно веденной кампаніи могла бы сослужить нужную въ данный моментъ общественную службу. «Общественное мнѣніе» 1864 г., выдвинутое либеральными общественными элементами, было противъ политики крутого усмиренія Муравьевымъ польскаго возстанія и вотъ, по свидѣтельству кн. Мещерскаго, Валуева «болѣе всего сердилъ несомнѣнный успѣхъ Муравьева въ Вильнѣ, котораго, надо отдать справедливость Муравьеву, онъ достигалъ, не взирая на то, что Валуевъ всѣми силами старался мѣшать Муравьеву и даже хвастался этимъ... Эта политическая ненависть къ Муравьеву ложилась темнымъ пятномъ на Валуева, ибо если ему не удавалось на дѣлѣ мѣшать Муравьеву въ Вильнѣ, то все же на совѣсть Валуева легла отвѣтственность за то, что анти-муравьевская партія желала вооруженія противъ него государя. У государя явилось, подъ вліяніемъ всякихъ наговоровъ и сплетенъ, враждебное чувство къ Муравьеву. Муравьевъ это зналъ, и потому, исполнивъ главную часть своей задачи,—усмиривъ мятежъ и вернувъ краю спокойствіе,—онъ сослался на свою старость, чтобы хлопотать о своемъ уходѣ изъ Вильны при первой же возможности. Это торжество анти-муравьевской интриги при дворѣ, достигнутое уси-

ліями всей космополитической и всей либеральной партіи въ Петербургѣ, было однимъ изъ важнѣйшихъ по своимъ печальнымъ послѣдствіямъ политическихъ событій этого времени, ибо отсутствіе симпатій и полного довѣрія къ Муравьеву сверху подорвало довѣріе и къ плану и къ программѣ этого великаго государственнаго человѣка какъ разъ въ минуту, когда то и другое надо было упорно и энергично продолжать въ Западномъ краѣ, и создало порядокъ вещей — неопредѣленный, переменчивый и шаткій... Въ этомъ историческомъ роковомъ недоразумѣніи значительная доля вины принадлежитъ Валуеву; хотя надо сказать и то, что всякій, знавшій близко Валуева, не могъ не злиться, не негодовать на Валуева за это: *la plus folle femme ne peut donner que ce qu'elle a*; Валуевъ не могъ давать государственнымъ вопросамъ того, чего у него не было; а у него не было ни русскаго духа, ни русскаго чувства, или было и того и другого такъ мало, что весь онъ отдавался въ распоряженіе какихъ угодно — европейскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ — вліяній культуры и политики, съ полнѣйшимъ подобострастіемъ, но русскаго духа, русскаго разума стыдился и стыдился потому, что не зналъ ихъ и не имѣлъ ихъ.

Если въ отношеніяхъ къ Муравьеву и польскому вопросу положеніе, занятое Валуевымъ, рисовалось подъ угломъ націоналистическихъ требованій страннымъ для министра внутреннихъ дѣлъ, то таковымъ же страннымъ оно оказалось въ его отношеніяхъ къ Каткову и къ его газетѣ «Московскія Вѣдомости», являвшимся въ тѣ дни центромъ націоналистическихъ тенденцій и патріотическаго подъема духа. Въ своей ненависти къ Каткову и его органу министръ сталъ, при всей своей антипатіи къ демократическимъ теоріямъ, дѣликомъ на сторону только что основаннаго тогда Краевскимъ «Голоса», явившагося замаскированнымъ офиціозомъ министерства народнаго просвѣщенія Головнина и сосредоточіемъ сепаратистическихъ вѣяній и польскихъ вождедѣній. Объ этой страннѣйшей нашей общественной жизни, въ связи съ земскими теченіями, князь Мещерскій повѣствуетъ такъ: «Въ то время начала создаваться партія либераловъ-аристократовъ въ аристократическихъ сферахъ петербургскаго общества. Назывались тогда уже нѣкоторыя грансеньерскія имена и политическіе салоны, гдѣ на будущее земство смотрѣли, какъ на арену для политической роли дворянства, думали о будущихъ политическихъ рѣчахъ, о будущихъ петиціяхъ, — и пока либералы-демократы предвкушали близкое наступленіе торжества всеобщаго, слѣдовательно, окончательнаго пораженія дворянства, либералы-аристократы мечтали о руководящей политической роли дворянства посредствомъ земства.

«Валуевъ смотрѣлъ на разрабатываемое подъ его главенствомъ земское положеніе скорѣе академически, чѣмъ съ точки зрѣнія какой-либо политической доктрины. Какъ во многихъ мысляхъ

Валуева, и въ этомъ академическомъ взглядѣ на созидавшееся земство была доля наивнаго. Валуевъ исходилъ изъ мысли, что, создавая въ губерніяхъ цѣлую область земскихъ, то есть хозяйственныхъ заботъ, онъ этимъ давалъ умамъ сферу дѣятельности, которая могла ихъ оживлять, занять и отвлечь отъ политическихъ мечтаній въ общей, такъ сказать, сферѣ. Развѣ это не было наивно?

«А затѣмъ, говоря о земствѣ, какъ о всесловномъ органѣ хозяйства въ губерніи, онъ не менѣе наивно представлялъ его себѣ какимъ-то оркестромъ, въ которомъ будутъ гармонично разыгрываться всѣ мотивы земскаго self government, всѣ инструменты провинціальной жизни, и гдѣ дирижеромъ въ каждой губерніи будетъ губернаторъ.

«Все это было очень идилично и мило, но дѣло въ томъ, что либералы того времени интересовались будущимъ земствомъ вовсе не потому, что хозяйство въ губерніи и уѣздѣ переходило изъ рукъ губернской администраціи къ земскимъ собраніямъ и управѣ, а исключительно тѣмъ, что созданіе губернскаго земства неизбежно должно повлечь за собою центральное земство, то есть, по мнѣнію однихъ ¹⁾, земскій соборъ, а по мнѣнію другихъ ²⁾— земскую палату. Но о палатѣ лордовъ, или о второй палатѣ, консервативной,—надо это прибавить для характеристики того времени—въ этихъ кружкахъ интеллигенціи считалось даже преступленіемъ и думать».

Тогда силою, руководящею интеллигенціею и въ особенности чиновническою интеллигенціею, былъ органъ Краевскаго «Голосъ». Онъ былъ всемогущъ въ официальномъ мірѣ, онъ пользовался особенною протекціею выступившаго тогда во всемъ блескѣ своего могущества Головнина, новаго министра народнаго просвѣщенія, и такъ какъ этотъ же «Голосъ» воспѣвалъ будущее земство, то и Валуевъ ему покровительствовалъ, не взирая на то, что называлъ его демократическое направленіе антипатичнымъ.

«Это было тоже характернымъ курьезомъ,—говоритъ князь Мещерскій.—Валуевъ покровительствовалъ «Голосу» и самымъ искреннимъ образомъ являлся врагомъ, политическимъ, Каткова. Въ то время умный и ловкій Головнинъ, не желая себя ставить въ фальшивое положеніе относительно общественнаго мнѣнія и боговъ популярности, цензуру сдалъ Валуеву, и первое употребленіе, которое изъ нея сдѣлалъ Валуевъ, скопировавъ и переведя для примѣненія къ нашей печати правила наполеоновскаго режима съ его системою предостереженій, было преслѣдованіе Каткова. Катковъ, чувствуя совершенно основательно свою нравственную силу въ то время, не хо-

¹⁾ Славянофиловъ.

²⁾ Умѣренныхъ западниковъ-конституціоналистовъ.

тѣль склоняться передъ Валуевымъ въ польскомъ вопросѣ, и кончилось тѣмъ, что Валуевъ далъ «Московскимъ Вѣдомостямъ» третье предостереженіе, думая газету на время прекратить. Но Катковъ не подчинился; онъ сталъ все-таки выпускать «Московскія Вѣдомости» и платить штрафы. Валуевъ потерпѣлъ фіаско. Государь лично вмѣшался въ это дѣло и, бывши въ Москвѣ, протянулъ Каткову руку и благодарилъ его за его патріотическія статьи и снялъ запреты съ газеты его.

«Отъ этого рикошетомъ выигралъ «Голосъ», ибо Валуевъ, изъ ненависти къ Каткову, давалъ волю Краевскому, который ею воспользовался, между прочимъ, для того, чтобы въ угоду Валуеву при всякомъ случаѣ ругать Каткова.

«Но Валуевъ издавалъ свой собственный органъ. Это была официальная газета «Сѣверная Почта», изъ которой онъ замыслилъ сдѣлать нѣчто въ родѣ французскаго «Moniteur Universel». Но и эта мечта Валуева оказалась наивностью. Валуевъ создалъ особый отдѣлъ, полуофициальный, гдѣ думалъ помѣщать руководящія и даже полемическія статьи по вопросамъ внутренней политики. Онъ даже самъ писалъ для газеты статьи.

«Но, разумѣется, ничего не вышло, кромѣ комичнаго, ибо всѣ знали, что Валуевъ за слишкомъ усердную полемику противъ «Сѣверной Почты» могъ отвѣчать предостереженіями, и потому никто о «Сѣверной Почтѣ» не говорилъ въ печати, и она глѣхла».

Такова была общественная фізіономія и роль въ тогдашнихъ событіяхъ политико-общественнаго характера вершителя судебъ нашей внутренней политики. Вторымъ лицомъ, къ которому приковывалось общее вниманіе, былъ канцлеръ князь Горчаковъ, по ироническому прозвищу Тютчева — «le narcississe de l'écriture», всегда влюбленный въ себя и въ свои элегантныя политическія ноты, весь цѣликомъ упедшій въ красивыя фразы и тонкости французской стилистики. Князь Горчаковъ создалъ себѣ главнымъ образомъ историческое имя умѣло составленною нотою европейскимъ державамъ въ періодъ польской смуты, когда на Россію надвинулось вмѣшательство европейскихъ дворовъ въ ея внутреннія дѣла. Однако, его отпоръ не былъ актомъ личнаго состоянія передъ государемъ, ибо имъ на всякій случай былъ составленъ и болѣе мягкій и уклончивый отвѣтъ, который онъ рядомъ съ первымъ и предложилъ на выборъ Александру II; и только настоянія націоналистической партіи склонили государя къ принятію именно твердаго тона въ обращеніи къ сосѣдямъ. Государь чрезвычайно высоко цѣнилъ Горчакова и какъ человѣка и какъ руководителя дѣлами нашей внѣшней политики, почему по всей справедливости изъ всѣхъ тогдашнихъ министровъ онъ пользовался наибольшою близостью ко двору.

Послѣ него вторымъ лицомъ въ кругу этой близости былъ тогдашній петербургскій генералъ-губернаторъ князь Суворовъ, который въ бытность свою генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ прославился своимъ крайнимъ баронофильствомъ и анти-русскимъ настроеніемъ. По переѣздѣ въ столицу Суворовъ, подъ давленіемъ царившаго здѣсь моднаго настроенія реформаторскаго и оппозиціоннаго характера, сталъ либераломъ съ постоянной шуткой на устахъ и непрерывнымъ крикливымъ и шумнымъ балагурствомъ. Характеризуя и этого вліятельнаго друга Зимняго дворца, князь Мещерскій говоритъ: «Поставивъ себѣ странную задачу быть въ одно время другомъ государя и самымъ популярнымъ въ общественномъ мнѣніи человекомъ, называя для смѣха своимъ другомъ и Чернышевскаго и Михайлова, князь Суворовъ много надѣлалъ вреда своимъ неукротимымъ чудачествомъ. Около него образовалась какая-то атмосфера распущенности въ языкѣ сперва, а потомъ въ принципахъ и дѣйствіяхъ, какого-то духовнаго переимства относительно служебнаго долга, обязанностей, принциповъ, которые многихъ сбивали съ толку и разными окольными путями отражались иногда и въ иныхъ сферахъ общества, и въ средѣ учащейся молодежи. Съ рекомендаціями князя Суворова толкались по Петербургу, ища занятій, всевозможные косматые нигилисты: князь Суворовъ любилъ съ ними заигрывать ¹⁾. Я видѣлъ его въ приемной болѣе любезничающимъ съ ними, чѣмъ съ какимъ-нибудь почтеннымъ генераломъ. А между тѣмъ, всѣми этими шутками и чудачествами пробавлялся князь Суворовъ одинъ, а возлѣ него должностныя лица относились ко всему, къ чему Суворовъ относился балагуромъ, серьезно, а въ области серьезнаго Суворовъ всегда былъ безгласенъ, и пока, шутя съ разными нигилистами и называя Михайлова и К^o mes amis, князь Суворовъ невольно ободрялъ ихъ шалить, тотъ же Суворовъ не умѣлъ быть серьезнымъ, не умѣлъ мѣшать, не могъ мѣшать, чтобы то здѣсь, то тамъ не попадались эти юные шалуны, входя въ категорію политическихъ преступниковъ... И всѣ его считали добрякомъ... Да, пожалуй, онъ былъ добрякъ, то есть то, что принято называть добрымъ человекомъ, но это качество было въ немъ отрицательное. Именно въ это время я его помню далеко не добрымъ, ибо никто не шелъ такъ зло, такъ пристрастно противъ Муравьева и противъ русскаго народнаго чувства, какъ Суворовъ. Пользуясь своею близостью ко двору и снисходительностью царя къ его языку, онъ не останавливался ни предъ какою сплетнею, ни предъ какою клеветою, чтобы чер-

¹⁾ О популярности князя Суворова среди молодежи свидѣтельствуетъ и г. Пантелѣевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Между прочимъ и онъ, когда предпринялъ свое политическое tourné по Россіи въ цѣляхъ организаціи провинціальныхъ отдѣловъ «Земли и Воли», то выѣхалъ онъ въ свою конспиративную поѣздку, имея въ карманѣ именно рекомендательное письмо князя Суворова. Авт.

нить Муравьева въ глазахъ государя; мало того, онъ дѣлалъ изъ симпатіи къ Муравьеву какое-то политическое, будто бы, вредное настроеніе умовъ, вездѣ, гдѣ могъ, мѣшалъ всякому проявленію уваженія и симпатій къ Муравьеву и немало содѣйствовалъ тому, чтобы въ глазахъ государя дискредитировать ту единственную вѣрную и мудрую политику въ Западномъ краѣ, которую создалъ Муравьевъ и которая кончилась въ Вильнѣ не потому, что Муравьевъ ушелъ, а потому, что сама политика была подорвана въ самомъ главномъ—въ довѣрїи къ ней царя».

Во главѣ Третьяго Отдѣленія стоялъ князь В. А. Долгоруковъ. «Надъ домомъ шефа жандармовъ пересталъ мерещиться грозный образъ Дубельта, съ поднятыми угрожающими кулаками, и смѣнило его сладкое видѣніе—добраго, съ милою улыбкою князя Василя Андреевича,—повѣствуетъ князь Мещерскій.—И тогда, во исполненіе печальнаго закона человѣчества, всѣ крайніе либералы воспользовались этою доброю и честною личностію, чтобы храбро свершать свои походы въ область социализма и записываться въ политическіе дѣятели... Онъ былъ поляйшимъ олицетвореніемъ не только вельможи стараго благороднаго закала, но и необыкновенно деликатнаго человѣка. Нѣкоторые говорили про него, что онъ былъ простъ умомъ, но этого никакъ нельзя было про него сказать; напротивъ, у него былъ тонкій и быстро охватывающій умъ, но главный недостатокъ этого ума былъ тотъ, что онъ не умѣлъ сосредоточиваться и углубляться въ предметы, и предпочиталъ скользить по поверхностямъ вопросовъ. Это былъ общій, такъ сказать, недостатокъ его ума; и затѣмъ, для шефа жандармовъ умъ его имѣлъ тотъ недостатокъ, что онъ слишкомъ подчинялся его добродушію и той деликатности, про которую я сейчасъ писалъ.

«Привѣтливая, добрая и благородная улыбка никогда не покидала князя Василя Андреевича, даже тогда, когда отъ него требовали, чтобы онъ являлся грознымъ представителемъ своего страшнаго вѣдомства. А улыбка эта была отраженіемъ его постоянно свѣтлаго и привѣтливаго настроенія духа. Изъ разговора съ нимъ получалось впечатлѣніе, что умъ князя Василя Андреевича никакъ не могъ усвоить себѣ представленіе о какомъ-нибудь подлестѣ или о какомъ-нибудь зломъ политическомъ преступникѣ. Онъ не понималъ ни нравственнаго уродства, ни жизни, посвященной преступному замыслу. Онъ не вѣрилъ ни въ полноту преступнаго замысла, ни въ полноту испорченности человѣка, и все, что до него доходило, онъ торопился относить на счетъ увлеченія, на счетъ заблужденія, и гораздо болѣе боялся строгости на своемъ мѣстѣ, чѣмъ опасности отъ политическихъ злоумышленниковъ, и ни разу, это можно навѣрное сказать, не останавливался на мысли, что будь онъ строгъ въ извѣстныхъ случаяхъ, или допусти онъ строгость, онъ, вѣроятно, спасъ бы Россію отъ ужасной послѣдующей эпохи политическаго растлѣнія. На бѣду

тогда былъ цѣлый триумвиратъ мягкостей, коимъ центръ былъ князь В. А. Долгоруковъ: онъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ и министръ юстиціи Замятинъ. Передъ этимъ триумвиратомъ Муравьевъ въ Вильнѣ и графъ Бергъ въ Варшавѣ являлись какими-то страшными звѣрями апокалипсиса. Валуевъ былъ помѣшанъ на своей *idée fixe*, что полнота оркестра требуетъ и рѣзкихъ звуковъ того или другого инструмента (это были будущіе анархисты). Замятинъ все говорилъ: «надо помягче, надо помягче», а тогдашній шефъ жандармовъ усовѣщевалъ Огрицко во имя порядочности. И какъ, будучи военнымъ министромъ при императорѣ Николаѣ, князь Василий Андреевичъ Долгоруковъ никакъ не могъ себѣ представить мысли о возможности пользоваться войною, чтобы набивать себѣ карманъ и, вслѣдствіе этого, кражи и хищенія интендантства доходили до невѣроятныхъ размѣровъ, такъ и въ царствованіе Александра II онъ никакъ не могъ себѣ представить, чтобы люди захотѣли воспользоваться добротой и довѣріемъ государя къ либерализму, для обращенія его въ оружіе противъ самого государя, и этимъ именно пользовались люди, чтобы работать смѣло и дружно противъ власти и порядка.

«И на бѣду, врагъ по своему характеру всякихъ энергичныхъ мѣръ противъ начавшейся тогда заразы социализма, князь Василий Андреевичъ Долгоруковъ являлся въ то же время сообщникомъ Валуеву въ его борьбѣ противъ Муравьева и русской партіи въ польскомъ вопросѣ; это было неизбежное послѣдствіе его кроткаго и миролюбиваго характера; не одобряя крутыхъ мѣръ противодѣйствія, какъ шефъ жандармовъ, въ области политическихъ дѣлъ, князь В. А. Долгоруковъ не симпатизировалъ и крутымъ мѣрамъ Муравьева въ Вильнѣ, какъ бы разумны онѣ ни были, и какъ бы ни были очевидны благіе ихъ результаты. Этимъ Валуевъ и пользовался, чтобы въ своемъ ратоборствѣ противъ Муравьева окрылиться поддержкою князя Долгорукова, и благодаря именно этому сталъ возможенъ фактъ, что такъ скоро послѣ блестящихъ успѣховъ Муравьева Валуеву удалось сломать ему шею. Этому же тогда помогъ и начинавшій выступать въ роли государственнаго человѣка графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ. Онъ былъ въ роли Дубельта при князѣ Долгоруковѣ».

Таковъ былъ бюрократическій ареопагъ, который налаживалъ къ исходу первой половины 60-хъ годовъ дѣло внутренней политики Россіи, гдѣ одновременно слышались высокія слова: «правда и милость да царствуетъ въ судѣ», и производилась вмѣстѣ съ тѣмъ публичная и позорная казнь надъ Чернышевскимъ, безъ твердо установленныхъ обстоятельствъ его виновности, гдѣ вершители этой политики одною рукою набрасывали проекты подобія конституціи, а другою готовили приказы о гоненіяхъ на дворянство за его вольнолюбивыя, хотя, быть можетъ, и сословно-эгоистическія, мечтанія...

IV.

Если, по показаніямъ г. Головачева, интеллигенція, и по преимуществу провинціальная, помѣстная, обрѣталась въ состояніи унынія и индифферентизма, то и печать, уже къ тому періоду выросшая въ значительную силу, съ которой высшая бюрократія, съ одной стороны, заигрывала, а съ другой—уже начала считаться и мѣряться вліяніемъ, нельзя сказать, чтобы обрѣталась въ радужномъ состояніи и пылала какими-нибудь пламенными надеждами. За нею было уже открыто признано значеніе политической силы и, хотя ее старались держать въ черномъ тѣлѣ, тѣмъ не менѣе понимали, что безъ нея обойтись уже нельзя. Первымъ проявленіемъ такого сознанія нужно признать отношеніе реформированнаго правительства къ Каткову и его «Московскимъ Вѣдомостямъ», о чемъ указанія были уже сдѣланы княземъ Мещерскимъ.

Мы видѣли, каково было настроеніе, царившее въ бюрократическихъ сферахъ, и здѣсь Каткову не приходилось искать себѣ друзей и поддержки. На его сторонѣ въ Петербургѣ стояли Блудова и Тютчева, какъ представительницы дворцовыхъ сферъ, и Горчаковъ и Д. Милютинъ (военный министръ), являвшіеся представителями умѣреннаго чиновнаго либерализма. Остальные министры были противъ него, и главнымъ образомъ Головинъ и Валувевъ. Зато на его сторонѣ были провинціальныя дворянскія организациі и вообще крупное землевладѣніе, мирившееся съ его тогда еще эмансипаціонными взглядами и не совсѣмъ еще остывшими англomanскими тенденціями главнымъ образомъ за патріотизмъ, выказанный имъ въ польскомъ вопросѣ. Такимъ образомъ, если въ началѣ 60-хъ годовъ Чернышевскій являлся властителемъ думъ либеральной и радикальной интеллигенціи, тянувшей въ сторону социалистическихъ идей, то Катковъ къ 1864 г. былъ центромъ вниманія дворянской Россіи, въ которой тлѣлись и временами вспыхивали порывы націоналистическаго энтузіазма. Столичная бюрократія была противъ того и другого. Съ Чернышевскимъ ей, чуввшей въ немъ практическаго «политика» и подозрѣвавшей его причастность къ революціоннымъ организаціямъ, удалось скоро справиться. На Катковѣ же она сорвалась и была Александромъ II принесена въ жертву большинству мнѣнія страны, т. е. дворянства, которое въ данномъ случаѣ нѣсколько схватилось съ Валувевымъ за его неискреннюю политику въ земскомъ вопросѣ. Не будь этой дворянской поддержки на сторонѣ публициста Страстного бульвара, ему бы не уцѣлѣть въ неравномъ спорѣ и въ лучшемъ случаѣ пришлось бы просто проститься съ «Московскими Вѣдомостями», оставшись при своемъ старомъ «Русскомъ Вѣст-

никѣ», и въ худшемъ лишившись и послѣдняго, какъ равно оставились и за порогомъ университета.

Катковъ въ русской литературѣ первый открыто бросилъ въ «Современной лѣтописи» перчатку своему, если не личному другу, то старому доброму знакомому, Герцену. Это съ его стороны было большою смѣлостью и тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ даже благонамѣренная «Сѣверная Пчела» не приняла цѣликомъ стороны Каткова. Въ польскомъ вопросѣ новый редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» опять-таки сталъ на свой рискъ и страхъ (при очень слабой петербургской поддержкѣ) въ совершенно независимое положеніе, поддерживавъ Муравьева и выдвинувъ его имя, какъ національное знамя, причемъ воспользовался случаемъ, чтобы отпустить шпильку по адресу петербургской бюрократіи. Въ одной изъ своихъ статей за тотъ періодъ онъ говорилъ: «Наша сѣверная столица находилась года два тому назадъ въ такомъ положеніи, что Россіи, при совершенномъ отсутствіи революціонныхъ элементовъ въ нѣдрахъ ея народа, грозила почти такая же мистификація, которая разыгралась въ царствѣ Польскомъ. Какая тому причина? Не что иное, какъ лишь то, что эти элементы захватили частицу власти и дѣйствовали ея обаяніемъ на всѣхъ и все».

С. Н. Невѣдѣнскій въ своей біографіи М. Н. Каткова ¹⁾ даетъ много любопытныхъ свѣдѣній о немъ за тотъ періодъ, наблюдая постепенность эволюціонированія его мысли отъ западничества къ национализму, которое создало ему такое опредѣленное мѣсто въ исторіи нашей общественности и которое чуть было не послужило поводомъ къ прекращенію его газетной дѣятельности. «Направленіе Каткова, — говоритъ г. Невѣдѣнскій, — стало, начиная съ 1863 года, замѣтно обособляться. Онъ предвидѣлъ въ 1862 году, что пойдетъ своимъ путемъ. Такъ и случилось. Первымъ шагомъ, съ которымъ онъ выступилъ на отдѣльную дорогу, было рѣзко обличительное отношеніе къ нигилизму. Онъ видѣлъ въ немъ не только болѣзненное, но и вредное явленіе. Катковъ первый началъ предвидѣть опасность отъ распространенія революціонизма въ средѣ молодежи какъ для нея самой, такъ и для дѣла предпринятой реформы. Онъ поставилъ въ свое время въ упрекъ Герцену, что тотъ не помогаетъ этому дѣлу, а, напротивъ, своею радикальною проповѣдью возстановляетъ правительство противъ преобразованій и, такимъ образомъ, вредитъ Россіи. Чего не могъ сдѣлать въ этомъ отношеніи Герценъ, то было, какъ извѣстно, выполнено дѣйствіями революціонеровъ-террористовъ.

«Вторымъ не менѣе самостоятельнымъ шагомъ Каткова было патріотическое отношеніе къ національному вопросу. Со времени

¹⁾ «Катковъ и его время». С. Невѣдѣнскаго.

«Истор. вѣстн.», январь, 1909 г., т. схv.

польскаго возстанія онъ рѣзко ополчился противъ либеральнаго и федеративнаго космополитизма—и голосъ его нашелъ отвѣтъ въ патріотическомъ чувствѣ русскаго народа. По польскому вопросу Катковъ высказывалъ мысль о политической необходимости поглощенія Польши Россіей. Онъ разошелся изъ-за этого взгляда съ Аксаковымъ; противъ него возстала въ этомъ отношеніи и большая часть либерально настроенныхъ органовъ печати, — между прочимъ и тѣ, которые получали субсидіи отъ правительства. Катковъ сталъ почти одинъ въ печати со своею патріотической программой... Кромѣ польскаго вопроса, обстоятельства внутренней жизни Россіи вызывали вопросы о другихъ, входящихъ въ составъ русскаго государства, народностяхъ. Всѣ принадлежація къ западной окраинѣ національности поспѣшили сорвать дань съ эпохи господства либеральныхъ взглядовъ. Послѣ польскаго вопроса лѣтописи публицистики украсились вопросами финляндскимъ, остзейскимъ, даже бессарабскимъ. На Востокѣ, впрочемъ, народилися только вопросъ армяно-грузинскій, но и то онъ имѣлъ мѣсто болѣе среди молодежи, учившейся въ столицѣ... Катковъ отвѣчалъ на всѣ эти вопросы и порознь въ отдѣльныхъ статьяхъ о Польшѣ, Финляндіи, Остзейскихъ губерніяхъ, о Закавказьѣ, и въ общихъ статьяхъ, въ которыхъ развиваетъ убѣжденія національнаго патріотизма...»

До 1862 г. Катковъ отрицалъ свою принадлежность къ какой-либо партіи, но по своимъ симпатіямъ, своему кругу знакомства, по своимъ научнымъ убѣжденіямъ почти цѣликомъ тяготѣлъ къ западникамъ, и изъ статей его историко-общественной категоріи за тотъ періодъ выглядывалъ на читателя корректный, сухой и педантичный англоманъ, влюбленный въ парламентаризмъ. Событія 1862—1866 гг. заставили его проститься съ прошлымъ и выкинуть національное знамя, подъ сѣнь котораго стеклись многіе и многіе русскіе люди. «Каткова стали считать представителемъ, какъ говорили въ заграничной и отчасти русской печати, особой партіи, которую называли то ультра-русской, то старо-русской, то молодою русскою,—говоритъ г. Невѣдѣнскій.—Противоположность этихъ квалификацій національнаго направленія служить указаніемъ, что оно не было въ сущности достояніемъ ни стараго, ни молодого поколѣнія, а просто было выраженіемъ патріотизма въ народѣ. О Катковѣ спорили въ иностранной прессѣ, его вліянію приписывали репрессивныя мѣры противъ полонизма послѣ усмиренія возстанія «The foremost journal in Russia» (органъ, дающій направленіе въ Россіи), писалъ въ 1865 году корреспондентъ «Times» про «Московскія Вѣдомости». Легко понять, что отношеніе заграничной печати къ публицисту было почти исключительно враждебнымъ—его клеймили и позорили, онъ изображался представителемъ темныхъ началъ угнетенія и пораженія.

«Но въ обвиненіяхъ, направленныхъ противъ Каткова, все-таки сквозило уваженіе, которое внушало иностранной прессѣ его національное направленіе. Въ немъ видѣли представителя той стихійной русской силы, которая отстаивала русскую территорию въ теченіе вѣковъ отъ ударовъ съ востока и запада. Этими чертами вѣззалась его личность въ памяти иностранныхъ публицистовъ, высказавшихъ этотъ взглядъ на Каткова почти черезъ четверть вѣка въ статьяхъ, вызванныхъ его смертью.

«Національное направленіе стало для Каткова предметомъ культа, къ которому онъ относился съ пріемами страстнаго, почти религіознаго благоговѣнія. Русская политика обратилась для него въ символъ вѣры, отступленіе отъ котораго онъ считалъ величайшей ересью. Съ яростью и озлобленіемъ нападалъ онъ на всѣхъ ея противниковъ. Обстоятельства, заставившія Каткова такъ сильно замкнуться въ патріотическомъ направленіи, лежали отчасти въ немъ самомъ, отчасти въ условіяхъ времени. Во-первыхъ, характеръ Каткова былъ склоненъ къ страстному, одностороннему увлеченію тѣмъ, что притягивало его вниманіе. Онъ былъ фанатикомъ своихъ идей, относившимся ревниво и подозрительно къ окружающему. Во всемъ ему чудилась опасность, и онъ готовъ былъ считать преступленіемъ даже малѣйшую своеобразность въ направленіи. Кто не за насъ, тотъ противъ насъ, было его девизомъ. Затѣмъ, окружающія условія также вызывали обостреніе его патріотической программы. Ему приходилось бороться съ очень могущественнымъ вліяніемъ, — эта борьба захватывала всю его душу и побуждала его постоянно обращаться къ народному сознанію русскихъ людей, искать въ немъ поддержку и опору.

«За исключеніемъ славянофиловъ, раздѣлявшихъ все-таки въ главныхъ чертахъ національную политику Каткова, большая часть органовъ русской печати шестидесятихъ годовъ скептически и враждебно относилась къ патріотической программѣ Каткова. Къ ней относились, какъ къ чему-то отсталому и затхлому. Оказывалось такъ, что интересы русскаго знамени находили враговъ не только въ органахъ печати тѣхъ національностей, сепаратистскія стремленія которыхъ клеймилъ Катковъ, но и со стороны органовъ русской прессы. Это слѣдуетъ въ особенности сказать относительно русской политики въ Западномъ краѣ. Противъ нея высказывались не только либеральные органы печати, но и начавшій появляться консервативный органъ старопомѣщичьей партіи «Вѣсть».

«Начавшійся въ 1863 году «Голосъ» сталъ самымъ яркимъ представителемъ антагонизма Каткову. Кто-то изъ писателей этой газеты заявилъ какъ-то прямо, что онъ не можетъ безъ враждебнаго чувства развернуть «Московскія Вѣдомости» («Московск. Вѣд.» 1863 г., № 212). «Голосъ» обвинялъ Каткова въ сепаратизмозманіи,

въ томъ, что ему постоянно мерещится призракъ разъяренныхъ стихій, что онъ имѣетъ въ виду запугиваніе общества. Катковъ, конечно, не оставался въ долгу.

«Не подлежитъ сомнѣнію, что эта борьба имѣла существенное вліяніе на отношеніе Каткова къ либерализму. Онъ пересталъ видѣть въ немъ проявленіе теоретическихъ увлеченій и началъ подозревать его въ антинаціональныхъ и иныхъ своекорыстныхъ расчетахъ. Онъ указывалъ не только на праздность заявленій противнаго лагеря, но и на продажность своихъ антагонистовъ, которыхъ онъ обвинялъ въ полученіи негласныхъ субсидій отъ извѣстной партіи въ средѣ петербургскаго officialнаго міра».

И Катковъ имѣлъ основаніе бросать своимъ принципиальнымъ литературнымъ недругамъ некрасивое обвиненіе, ибо онъ самъ только что прошелъ съ чистою совѣстью черезъ искусство, передъ которымъ на берегахъ Невы его противники не устояли. Еще такъ недавно, не больше 10 лѣтъ тому назадъ, когда печати, какъ политической силы, какъ силы болѣе или менѣе свободнаго мнѣнія, не существовало, ее третировали съ высоты бюрократическаго величія и административнаго произвола, en canaille. Времена перемѣнились; ей не дали настоящей свободы, но за нею начали ухаживать и вмѣстѣ съ тѣмъ для уловленія сердецъ пишущихъ выдвинули впервые средство подкупа, принципъ рентиліи, который получилъ въ девяностыхъ годахъ XIX вѣка у насъ такое широкое право гражданства, съ благословенія щедрой руки того, въ чьей власти находились ресурсы народной казны. Для первой половины шестидесятыхъ годовъ такой методъ воздѣйствія былъ еще новъ, а потому въ интересахъ собиранія свѣдѣній о ростѣ тогдашняго общественнаго сознанія считаемъ полезнымъ зарегистрировать въ нашихъ очеркахъ и эту страницу отечественной жизни. Со словъ Каткова рассказываетъ по сему предмету г. Невѣднскій ¹⁾: «Послѣ того, какъ состоялись въ московскомъ университетѣ торги, передавшіе въ его руки изданіе «Московскихъ Вѣдомостей», было выражено Каткову отъ лица тогдашняго министра народнаго просвѣщенія сожалѣніе, что условія, предложенныя имъ университету, слишкомъ тяжелы, и опасеніе, чтобы изданіе не изнемогало подъ ихъ тяжестью (Катковъ обязался платить всего въ казну 74.000 руб., изъ нихъ университету 27.000 руб. за казенныя объявленія и, сверхъ того, 5% за сборъ суммъ, поступающихъ въ редакцію отъ присутственныхъ мѣстъ чрезъ правленіе университета). При этомъ ему было сказано, что министръ желаетъ сдѣлать для него что-нибудь полезное. Такъ какъ условія, предложенныя Катковымъ казнѣ, были почти вдвое выше прежняго дохода, то, по мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, было бы

¹⁾ «Катковъ и его время» С. Невѣднскаго.

справедливо, чтобы казна сдѣлала для «Московскихъ Вѣдомостей» уступку въ платѣ за разсылку газеты по почтѣ¹⁾. Катковъ отказался отъ этого предложенія. На вторичное приглашеніе министра народнаго просвѣщенія указать, что можно сдѣлать для газеты въ смыслѣ устраненія неудобствъ, встрѣчаемыхъ ею отъ административныхъ вѣдомствъ, Катковъ указалъ на неудобство задѣлки постъ-пакетовъ въ экспедиціи почтамта и просилъ о предоставленіи этого непосредственно редакціи съ разрѣшеніемъ отправлять пакеты прямо на станціи желѣзныхъ дорогъ или въ протокольное отдѣленіе почтамта, мимогазетной экспедиціи. Министръ народнаго просвѣщенія, вошедши въ всѣ подробности этого ходатайства, предложилъ оказать содѣйствіе Каткову въ устраненіи заявленнаго имъ затрудненія». Но это состояться не могло, и почтамтъ, предложившій Каткову перевести вопросъ на денежную компенсацію, не встрѣтивъ сочувствія издателя газеты, получилъ отъ него отказъ. Далѣе министръ лично обращался къ Каткову съ предложеніемъ открыть въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» педагогическій отдѣлъ, вызываясь присылать для помѣщенія въ этомъ отдѣлѣ разные статьи, причемъ было сказано, что такъ какъ этотъ отдѣлъ придалъ бы газетѣ особое значеніе для министерства народнаго просвѣщенія, то оно закупало бы ежегодно отъ 2 до 2^{1/2} тысячъ экземпляровъ для разсылки по учебнымъ заведеніямъ¹⁾, но Катковъ не пошелъ и на эту сдѣлку. Наконецъ, когда въ 1863 г. Катковъ ополчился противъ политики Велепольскаго, Головинъ предложилъ ему издать собраніе его передовыхъ статей для разсылки книги по учебнымъ заведеніямъ, но и эту сдѣлку Катковъ отвергъ, не желая косвенной субсидіей, разсчитанной притомъ на его авторское самолюбіе, пятнать себя и связывать себя руки²⁾. Катковъ оставался такимъ образомъ свободенъ; тогда петербургскіе его враги, главнымъ образомъ въ лицѣ столь неудачно дѣйствовавшаго въ цѣляхъ подкупа Головина, рѣшились донять его на «законномъ основаніи» при помощи денежныхъ штрафовъ и красныхъ цензорскихъ чернилъ. «Положеніе цензоровъ Каткова было поистинѣ ужасно,—повѣствуетъ г. Невѣдѣнскій.—Завѣдывавшій «Московскими Вѣдомостями» во время борьбы съ полонизмомъ цензоръ Петровъ, какъ разсказываютъ, дрожалъ отъ страха, когда носили печатные столбцы отъ Каткова назадъ въ типографію для окончательнаго напечатанія. Зато редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» заставляли платить немало штрафовъ. «Московскія Вѣдомости», какъ вспоминаетъ за 1863 годъ Катковъ, были (за исключеніемъ «Вѣсти»), какъ кажется, единственной газетой, съ которой взысканы были штрафы администраціей. Штрафовъ взыскано было съ насъ шесть въ теченіе одного мѣсяца, всего на сумму 950 рублей, что безъ малаго, сколько

¹⁾ Это составило бы въ пользу издателя отъ 15,000 до 18,000 рублей.

²⁾ Эта сдѣлка давала бы издателю лишнихъ 30,000 рублей дохода.

мы знаемъ,—прибавлялъ онъ,—равняется ежемѣсячному казенному жалованію, которое получалъ тогда издатель «Голоса» за услуги, оказываемыя его газетой или отечеству, или Россіи, ибо эти два термина, по сужденію нѣкоторыхъ остроумныхъ политиковъ, у насъ не совпадаютъ между собою. Въ 1864 г. Катковъ заплатилъ штрафовъ относительно меньше—по собственному его показанію 550 р. Вопросъ объ угожденіи или неугожденіи антинаціональному вліянію былъ поставленъ до нельзя просто: смотря по желанію, получай или плати».

Ведя борьбу противъ субсидируемыхъ газетъ, указывая на ненужность офицозовъ, обрушиваясь на политику Головнина и Валуева, Катковъ игралъ въ опасную игру и, наконецъ, дождался того, что въ концѣ концовъ на него посыпались предостереженія и временныя запрещенія ¹⁾ на основаніи новыхъ правилъ о печати, вошедшихъ въ силу 1 сентября 1865 г. Онъ временно вынужденъ былъ сократить, приостановить свою дѣятельность, пока наконецъ онъ не удостоился личной аудіенціи у государя, пожелавшаго, въ бытность свою въ Москвѣ, съ нимъ повидаться (послѣ покушенія Каракозова и смѣны нѣкоторыхъ министровъ), причемъ выразилъ ему свою царскую волю, чтобы онъ продолжалъ изданіе газеты и, въ случаѣ столкновенія съ администраціей, всегда обращался къ нему лично. Положеніе его было спасено и онъ окрѣпъ въ небывалую до тѣхъ поръ у насъ общественную силу, передъ авторитетомъ которой склонилась даже бюрократія. Изъ періода этой борьбы любопытно отмѣтить, что противъ московскаго публициста были пущены въ ходъ не только домашнія средства, но Валуевъ и Головнинъ прибѣгли и къ воздѣйствію иностранной печати. Такъ и противъ него тогда писали «Revue de deux mondes», «Journal des Débats», «Nord», причемъ по странной ироніи судьбы враждебныя ему статьи писались тою же самою рукою, которая вела полемику и съ Герценомъ, а именно все того же Шедо-Ферроти. У Герцена и Каткова, стоявшихъ въ тѣ дни на противоположныхъ барьерахъ въ роли смертоносныхъ дуэлянтовъ, оказалась точка соприкосновенія—общій врагъ въ лицѣ правительства Валуева, взявшаго на себя неблагоприятную задачу пролавирировать между политическими Сциллой и Харибдой. Такимъ образомъ, подъ угломъ тогдашней политики министерства внутреннихъ дѣлъ вреднымъ оказывались и Герценъ, и Чернышевскій, и Катковъ, каждый въ своеобразномъ освѣщеніи ихъ вреда. Подъ покровительствомъ же оказался «Голосъ», и въ отношеніяхъ безразличности—Аксаковскій «День», который, хотя въ тѣ дни и не отступалъ отъ историческихъ завѣтовъ создателей славянофильства, но въ польскомъ вопросѣ стоялъ враждебно къ Каткову.

¹⁾ Первое запрещеніе пало на «Современникъ», второе на «Русское Слово», третье на «Вѣсть».

V.

Ко второй половинѣ 60-хъ годовъ мы видимъ значительно измѣнившуюся картину состоянія нашей печати противъ того, что она представляла собою въ исходѣ предыдущаго десятилѣтія. Къ этому періоду относится возвышеніе и ростъ газеты, какъ такого литературнаго явленія, которое воплощаетъ собой моментъ дня въ его разнообразномъ освѣщеніи. Главными выразителями общественнаго мнѣнія, сосредоточивающагося именно около этого момента дня въ Москвѣ являются «Московскія Вѣдомости» Каткова съ ихъ оппозиціей правительству, но все же съ либеральными тенденціями въ пользу реформъ той эпохи, какъ судебной, такъ и земской. Въ Петербургѣ общественное мнѣніе, и по преимуществу мнѣніе, руководимое бюрократіей, выражалъ «Голосъ» съ его оппортунистической политикой, съ отпечаткомъ на немъ неискренности и подозрительной благонамѣренности. Ежемѣсячники нѣсколько теряютъ свое значеніе, хотя попрежнему изъ редакціонныхъ кабинетовъ «Современника» и «Русскаго Слова»¹⁾ даются интеллигенціи тѣ пароли и лозунги, которые подвигаютъ ее къ оппозиціи въ политикѣ и создаютъ изъ нея ту враждебно правительству настроенную силу, которая замыкается въ своихъ опредѣленныхъ идеалахъ, въ своемъ опредѣленномъ научно-философскомъ міросозерцаніи, корнями своими опускающемся къ свобододолюбивымъ демократическимъ мечтаніямъ конца XVIII и первой четверти XIX вѣка. Здѣсь остаются традиціи декабристовъ, петрашевцевъ и всего того движенія, которое создало и осуществило, хотя и не полностью, эпоху великихъ реформъ и освободительнаго движенія 60-хъ годовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ уже говорено было въ предыдущей части нашихъ очерковъ, отсюда же и главнымъ образомъ изъ редакціи «Русскаго Слова» продолжаетъ развиваться то своеобразное русское общественное теченіе, которое получило наименованіе «нигилизма» съ его гражданскими браками, коммунами и всяческими отрицаніями, теченіе, запечатлѣнное въ нашей литературѣ беллетристами съ Тургеневымъ во главѣ. Изъ редакціи же «Современника» выходитъ знаменитый въ свое время романъ Чернышевскаго «Что дѣлать», хотя и написанный въ казематѣ Петропавловской крѣпости, но явившійся по странной ироніи судьбы тѣмъ сильнѣйшимъ орудіемъ, посредствомъ котораго бывшій духовный руководитель «Современника» распропагандировалъ въ пользу

¹⁾ Къ тому же времени относится и появленіе «Вѣстника Европы» М. М. Стасюлевича, журнала западнической либеральной окраски, довольно скоро завоевавшего себѣ прочное положеніе въ широкихъ кругахъ интеллигенціи. О его роли еще придется говорить далѣе, какъ равно дальше будетъ рѣчь и о народженіи новой общественной фракціи — почвенниковъ — съ братьями Достоевскими во главѣ.

соціализма нашу учащуюся молодежь. Изъ суровой политической тюрьмы въ то странное и полное противорѣчій время оказалось возможнымъ вліять на общество въ отрицательномъ направленіи и создавать тѣмъ самымъ дѣльные кадры будущихъ борцовъ, вся ненависть которыхъ сосредоточится на тѣхъ, по мановенію коихъ тюрьма поглотила автора агитаціоннаго романа. Изъ крѣпости, подъ бой музыкальныхъ часовъ, наигрывавшихъ звуки молитвопѣнія, по направленію Зимняго дворца и всего того, на чемъ этотъ дворець стоялъ, безшумно, но искусною рукою выдвигалось грозное орудіе разрушенія...

Характеризуя этотъ романъ, явившійся въ свое время кораномъ молодежи, С. А. Венгеровъ въ своихъ очеркахъ по исторіи русской литературы ¹⁾ говоритъ: «Въ романѣ суровая фигура аскета и провозвѣстника общественно-политическаго движенія послѣдующей эпохи Рахметова, а также великодушный поступокъ Лопухова, покидающаго родину, чтобы дать возможность любимой имъ женѣ сойтись съ человѣкомъ, котораго та полюбила, казалось, ясно говорили о первостепенномъ значеніи самопожертвованія въ общественной и личной жизни. Но все вниманіе читающей публики по преимуществу сосредоточивалось на героинѣ романа Вѣрѣ Павловнѣ, съ легкимъ сердцемъ принимающей приносимыя для нея жертвы и видящей рядъ розовыхъ сновъ. Въ этихъ снахъ аллегорически были воплощены политико-экономическіе идеалы Чернышевскаго о равномѣрномъ распредѣленіи богатства, о первенствующей роли трудящихся и т. д. Будущее рисовалось въ такихъ исключительно свѣтлыхъ очертаніяхъ, что отпадало самое важное при осуществленіи всякихъ новыхъ идеаловъ—тѣ жертвы, которыя выпадаютъ на долю піонеровъ. А между тѣмъ именно эта-то роковая окраска создала успѣхъ роману въ несерьезныхъ кругахъ средней публики; быть новымъ человѣкомъ, à la Вѣра Павловна, на которой не лежало никакихъ обязанностей и жизнь которой текла легко и весело, было очень заманчиво, а подражать ей было такъ легко. И тутъ-то и крылось фатальное дѣйствіе романа. Опасность и проклятiе всякой невѣрной и ложно освѣщенной мысли заключается въ томъ, что уродливые выводы изъ нея получаютъ несравненно болѣе скорое приложеніе къ дѣйствительности, чѣмъ зерно истины, кроющееся въ каждой новой идеѣ. Такъ случилось съ писаревскою рѣзкостью, такъ вышло съ проповѣдью неограниченной свободы чувствъ, положенной въ основу «Что дѣлать».

Романъ Чернышевскаго въ конкретной формѣ отвѣтилъ на запросъ модной тогда беллетристики 60-хъ годовъ—на ученіе о практическомъ реализмѣ и объ идеализмѣ политическомъ. На его осно-

¹⁾ С. А. Венгеровъ. «Очерки по исторіи русской литературы».

вахъ практическаго реализма укрѣпилось движеніе въ пользу тогдашнихъ коммунъ, въ пользу гражданскихъ браковъ, браковъ фиктивныхъ; онъ же далъ сильный толчокъ развитію «женскаго вопроса» съ его артелями, эмансипаціей отъ семейнаго безправія и стремленіемъ къ реалистическому образованію; онъ же далъ соки революціонному идеализму, объявивъ послѣдній какъ *sine qua non* для всякаго представителя мыслящаго пролетаріата, въ кадры котораго слѣбшили записаться всѣ тѣ, кто считалъ необходимымъ порвать всякую связь съ историческимъ прошлымъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, стоящихъ такъ или иначе въ близости и родствѣ съ традиціями дореформенной Россіи.

Объ этомъ прошломъ новѣйшее поколѣніе рѣшительно ничего не хотѣло слышать, и все, что ему напоминало о немъ, встрѣчало съ его стороны насмѣшку, презрѣніе и ненависть. И. С. Аксаковъ при всей чистотѣ своихъ идеаловъ, какъ имѣющій съ этимъ историческимъ прошлымъ тѣсную теоретическую связь, стоялъ поэтому къ этому поколѣнію на значительно большемъ разстояніи, чѣмъ его предшественники — основатели славянофильства — къ своимъ современникамъ. Несмотря на свой голосъ въ пользу независимости поляковъ, несмотря на свои горячія симпатіи къ реформамъ, несмотря на сыпавшіяся на него цензурныя невзгоды, онъ тѣмъ не менѣе не пользуется въ тотъ періодъ никакимъ вліяніемъ и, во всякомъ случаѣ, меньшимъ, чѣмъ какое досталось ему на долю лѣтъ 15 спустя, когда патріотическая волна снова выдвинула его на авансцену общественной жизни. А вмѣстѣ съ тѣмъ, если вчитаться глубже въ его тогдашнія писанія, то мы увидимъ, что онъ единственный въ тогдашней нашей литературѣ подходилъ въ практическомъ отношеніи всего ближе къ тому вопросу, около котораго блуждала разными тропами и въ разномъ направленіи мысль современниковъ. Мы подразумеваемъ тутъ вѣчное указаніе славянофиловъ о необходимости созванія земскаго собора, каковое созваніе и должно было явиться тѣмъ увѣнчаніемъ зданія, о которомъ мечтали и котораго такъ страстно желали всѣ тогдашнія прогрессивныя фракціи. Такъ, говоря еще въ 1862 г. объ обнародованіи основныхъ положеній судебной реформы, онъ писалъ въ своей газетѣ «День»¹⁾: «Мы считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ способы, которыми совершались и вводились въ общественное вѣдѣніе и сознаніе два главныя законодательныя дѣйствія въ Россіи — уложеніе царя Алексѣя Михайловича и отмѣна крѣпостнаго права. Читатели сами увидятъ существенное различіе между законодательнымъ приѣмомъ, сопровождавшимъ составленіе судебного проекта, и приѣмами, употребленными для этихъ двухъ актовъ. Укажемъ на нихъ вкратцѣ.

¹⁾ Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова, т. IV.

«Составленіе уложенія царя Алексѣя Михайловича, или, говоря нынѣшнимъ бюрократическимъ языкомъ, составленіе проекта уложенія было поручено комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ боярина Никиты Одоевскаго, изъ боярина кн. Прозоровскаго, окольничаго князя Никиты Волконскаго и двухъ дяковъ. Независимо отъ сего указалъ государь, какъ сказано во вступленіи къ уложенію, «для того своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла... выбрать изъ стольниковъ и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ московскихъ и изъ жильцовъ въ чину по два человѣка, также всѣхъ городовъ изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ взять изъ большихъ городовъ, опричь Новгорода, по два человѣка, а изъ новгородцевъ съ пятины по человѣку, а изъ меньшихъ городовъ по человѣку; а изъ гостей трехъ человѣкъ, а изъ гостинной и изъ суконной сотенъ и изъ слободы и изъ городовъ съ посадовъ по человѣку добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобъ его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людѣми утвердити и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла по нынѣшнему его государеву указу и соборному уложенію, впредь были ни въ чемъ нерушимы».

«Выборные люди, явившись, выражали свои желанія и мнѣнія въ формѣ челобитныхъ, на что есть указаніе въ самомъ уложеніи. Комиссія во время своихъ работъ была съ ними, какъ видно, въ постоянныхъ совѣщаніяхъ и докладывала государю отдѣльно о всякой вновь проектируемой статьѣ закона. Затѣмъ, проектированное уложеніе было доложено въ полномъ его составѣ государю, въ присутствіи тогдашняго государственнаго совѣта или боярской думы, и потомъ всѣмъ «выборнымъ людѣмъ, которые къ тому общему совѣту выбраны въ Москвѣ и изъ городовъ, чтено, чтобы все то уложеніе было прочно и неподвижно... И указалъ государь . . . все уложеніе написать на списокъ и закрѣпить тотъ списокъ», кромѣ высшихъ официальныхъ лицъ, «выборнымъ дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и торговымъ, и посадскимъ людѣмъ Московскаго государства и всѣхъ городовъ Россійскаго царства». «Такой законодательный порядокъ, свидѣтельствующій о взаимной довѣренности власти и земства, о единствѣ и цѣльности всего общественнаго организма, вскорѣ сдѣлался невозможнымъ, благодаря цивилизаторскимъ операціямъ Петра Великаго» и т. д. Такимъ языкомъ и такъ между прочіемъ, пользуясь обстоятельствами, говорилъ вождь славянофильства о необходимости созыва земскаго собора и учрежденія у насъ народнаго представительства съ функціями только совѣщательными, хотя и нравственно обязательными для власти. Языкъ, которымъ высказывались мысли, по существу своему либеральныя, экскурсіи въ область допетровской старины, несочувствіе новшествами Петра на западной образецъ—все это не могло по тогдашнимъ временамъ

явиться средствомъ для достиженія популярности и широкаго вниманія, почему и рѣчи Аксакова проходили мимо современниковъ, не возбуждая въ массѣ сочувствія и должнаго въ себѣ вниманія. Къ нему не было ненависти, которую впоследствии вылили на голову Каткова, но не было и серьезнаго отношенія. Поэтому и славянофильство 60-хъ годовъ оставалось не у дѣлъ и не оказывало на общественные слои ни осязательнаго положительнаго, ни отрицательнаго вліянія. Въ немъ не было того жара и перца, къ которому уже привыкли обыватели, предпочитавшіе потому обращаться скорѣе въ разрѣшеніи очередныхъ вопросовъ къ другимъ общественнымъ приходамъ, гдѣ въ зависимости отъ вкусовъ и потребностей мысли и находили искомые отвѣты.

Необходимо отмѣтить, что, начиная съ 1862—1863 гг., провинція начинаетъ обслуживаться мѣстными газетами и главнымъ образомъ официальными губернскими и епархіальными «вѣдомостями», роль которыхъ сводится на первыхъ порахъ къ распространенію въ населеніи административныхъ распоряженій и правительственныхъ приказовъ. Въ силу такой сужености задачи ихъ вліяніе на читателей въ смыслѣ выработки и установки взгляда на событія современности должно быть признано очень незначительнымъ. Такимъ образомъ, въ роли руководителей общественнаго мнѣнія остаются перечисленные выше столичные органы печати, которые и являются тѣми каналами, черезъ посредство которыхъ обыватели просвѣщаются относительно дѣйствій и намѣреній правительства, съ освѣщеніемъ этихъ дѣйствій по тѣмъ или инымъ политическимъ угломъ зрѣнія. Какъ мы видѣли къ тому времени уже народилась и довольно обильная подпольная литература, которая наравнѣ съ литературою зарубежною преслѣдуетъ цѣли спеціально революціонныя. Успѣхъ этой литературы къ исходу первой половины шестидесятыхъ годовъ нѣсколько ослабѣваетъ, но тѣмъ не менѣе въ наличности имѣлись общественныя напластованія, которыя воспитались на этой литературѣ, прониклись ею и стали ея ревностными послѣдователями, принявъ въ руководство своею жизненною дѣятельностью тѣ лозунги и императивы, которыя она успѣла твердо установить и обосновать. Главною массою потребителей этой литературы явилось молодое поколѣніе учащихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, образовавшихъ изъ себя къ указанному періоду уже достаточно подготовленную армію, готовую къ непрестанному враждебному дѣйствію противъ правительственныхъ начинаній. Армія эта уже успѣла креститься боевымъ огнемъ, успѣла потерпѣть уроны, причемъ выбывшіе изъ ея строя не вернулись со смиреніемъ къ домашнимъ очагамъ для мирныхъ занятій, а, поклявшись отомстить за полученныя раны, начали постепенно формировать изъ себя на всемъ протяженіи родины небольшія кон-

спиративныя группы исключительно въ цѣляхъ непрерывной политической агитаціи и съ реформаторскими видами относительно всего русскаго соціального и экономическаго строя.

Эти конспиративныя кружки сыграли значительную роль въ русской жизни, и изъ нихъ вышли, главнымъ образомъ, тѣ дѣятели русской революціи и эмиграціи, съ которыми въ дальнѣйшемъ намъ придется непрестанно встрѣчаться. Эти дѣятели, какъ увидимъ далѣе, за рубежомъ отчизны стали въ оппозицію и къ родоначальнику политической эмиграціи, къ Герцену, и признали себя исключительными преемниками завѣтовъ декабристовъ — съ одной стороны, и послѣдовательными учениками Н. Г. Чернышевскаго, съ другой, имя котораго и поставили во главу русскаго революціоннаго движенія новаго времени.

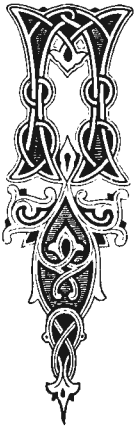
Таковы были главнѣйшія общественныя категоріи, стоявшія къ началу второй половины 60-хъ годовъ въ преддверіи новаго періода отечественной жизни, который мы окрещиваемъ именемъ періода «крамолы, реакціи и террора». Періодъ этотъ хронологически охватываетъ собою время отъ 1866 по 1893 годъ, гдѣ опять-таки мы встрѣчаемся съ двумя подраздѣленіями, изъ коихъ первое относится къ годамъ 1866—1881, а второе къ годамъ 1881—1893 г. Оба эти, почти равные между собою, періоды имѣютъ каждый свой специфическій отгѣнокъ, свой особый историческій смыслъ и значеніе, въ зависимости отъ личностей и характеровъ тѣхъ, кому суждено было держать въ своихъ рукахъ нити народнаго управленія, благо и судьбу этого народа, призваннаго къ тому времени «на свободный трудъ», но безъ права голоса по вопросамъ своихъ нуждъ, потребностей и горестей. Около права этого голоса завязывается упорная борьба, борьба въ дыму пороховыхъ выстрѣловъ и взрывовъ, съ побѣдителями и побѣжденными и съ смѣнами программъ наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій. А тотъ, во имя котораго шла эта борьба, тѣмъ временемъ совершалъ свое великое и таинственное дѣло: заселеніе русской земли, трудовую обработку ея и предоставленіе всѣмъ ее населяющимъ средствъ къ существованію. Русская государственность, русская торговля и промышленность крѣпли и ширились, благодаря его поту, труду и терпѣнію, а самъ онъ, творя свое дѣло и сплошь и рядомъ погибая подъ его тяжестью, непрестанно вѣрилъ только въ двѣ силы, которыя должны рано или поздно скрасить его невеселое бытіе—въ Бога и царя, лишь порою грустно опуская голову и шепча про себя старую русскую историческую присказку: «до Бога высоко, до царя далеко!..»

Б. Глинскій.

НИКОЛАЙ ВАЛЕРЬЯНОВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

(Некрологъ).

ЕРВАГО декабря 1908 г. скончался російскій посоль при римскомъ дворѣ Николай Валерьяновичъ Муравьевъ. Смерть его была вполнѣ неожиданной. Еще за нѣсколько дней до кончины покойному Муравьеву прочили новыя блестящія назначенія. Одни называли его кандидатомъ на постъ русскаго посла въ Парижѣ, другіе—на постъ посла въ Константинополѣ. И среди этихъ толковъ неумолимая смерть приготовила печальный фактъ: Н. В. Муравьевъ скончался скоропостижно.

Покойный Николай Валерьяновичъ былъ однимъ изъ выдающихся русскихъ людей. Онъ принадлежалъ къ роду Муравьевыхъ, давшему графовъ Муравьева-Амурскаго и Муравьева-Вилenskaго. Покойный отличался богатой инициативой, энергіей, а его большая служебная карьера дала ему возможность проявить свои дарованія на разнообразныхъ поприщахъ. Онъ былъ прокуроромъ, былъ министромъ и, наконецъ, судьба поставила его на дипломатическое поприще.

Ник. Вал. Муравьевъ пробылъ министромъ юстиціи одиннадцать лѣтъ. Время его управленія этимъ министерствомъ памятно до сихъ поръ. Это былъ выдающійся министръ, стремившійся неуклонно и твердо къ независимости судебнаго вѣдомства, къ созданію ему стойкаго и властнаго авторитета, и нельзя сказать, чтобы эти стремленія Н. В. Муравьева оставались безрезультатны. Нѣтъ! Судебное вѣдомство стояло при немъ очень высоко. Н. В. былъ настоящимъ кормчимъ, твердымъ руководителемъ всей по-

литики вѣдомства. Онъ имѣлъ немало враговъ, но, какъ всѣ твердые и прямолинейные люди, имѣлъ зато искреннихъ и преданныхъ друзей и неліцемерныхъ сторонниковъ.

— У Николая Валерьяновича инициативы и самостоятельности хоть отбавляй,—говорили про него его доброжелатели, и имя его не разъ называлось въ Петербургѣ, когда предстояло замѣщеніе какого-нибудь важнаго и отвѣтственнаго правительственнаго поста.

Н. В. Муравьевъ былъ прекрасный ораторъ. Еще въ бытность его прокуроромъ петербургской судебной палаты онъ выступалъ блестящимъ обвинителемъ въ знаменитомъ процессѣ о злодѣяніи 1 марта 1881 года, жертвою котораго палъ императоръ Александръ II.

Рѣчь его въ сенатѣ обратила на себя общее вниманіе.

— Злодѣйское преступленіе 1 марта,—говорилъ Н. В. Муравьевъ,—было тягчайшимъ звеномъ въ кровавой цѣпи злодѣяній русской соціально-революціонной партіи. Партія составила такой планъ дѣйствій, при которомъ злодѣяніе было бы обставлено всѣми возможными шансами успѣха. Г.г. сенаторы и г.г. сословные представители! призванный быть на судѣ обвинителемъ величайшаго изъ злодѣяній, когда-либо совершившихся въ русской землѣ, я чувствую себя совершенно подавленнымъ скорбнымъ величіемъ лежащей на мнѣ задачи. Трудно, милостивые государи, быть юристомъ, слугою безличнаго и безстрастнаго закона въ такую роковую историческую минуту, когда и въ себѣ самомъ и вокругъ все содрогается отъ ужаса и негодованія...

Онъ закончилъ свою рѣчь такъ:

— Съ корнемъ вырветъ русскій народъ адскіе плевелы русской земли и тѣсно, дружно сомкнется несчетными рядами благомыслящихъ гражданъ, и всѣ кровавые замыслы мрачныхъ заговорщиковъ 1 марта разобьются о вѣрную русскую грудь.

Теперь эта рѣчь Н. В. Муравьева читается какъ отрывокъ изъ исторіи, а въ то время она горѣла огнемъ негодованія и жгла своимъ вдохновеніемъ.

Другое замѣчательное выступленіе покойнаго было въ знаменитомъ дѣлѣ восьмидесятихъ годовъ—въ процессѣ Скопинскаго банка. Тутъ звучали другіе мотивы. Въ судѣ широко разыгрывалась типичная траги-комедія провинціальной общественности.

— Всеобщее оживленіе,—говорилъ Н. В. Муравьевъ,—охватившее всѣ стороны русской общественной жизни послѣ окончившейся Крымской войны, отразилось и въ скромномъ уѣздномъ городѣ Скопинѣ знаменательнымъ для него событіемъ: городское общество рѣшило учредить банкъ. Широкимъ потокомъ притекали деньги въ бѣдный и неизвѣстный до этого времени городъ. Золотой дождь лился на его гражданъ. Стоило имѣть какой-нибудь доступъ къ начальству банка да подписать клочокъ бумаги для того, чтобы

свободно брать изъ банка десятки и сотни тысячъ рублей... Но какъ молнія прорѣзаетъ тьму и внезапно освѣщаетъ пространство, какъ ударъ грома и потоки дождя благодатной грозой очищаютъ воздухъ, такъ и «виновень» суда присяжныхъ разрѣшитъ всѣ

Николай Валерьяновичъ Муравьевъ.

тягостныя наши недоумѣнія, устранить дурныя поползновенія и успокоить негодующихъ честныхъ людей.

Прокурорскія рѣчи Н. В. Муравьева всегда были яркія, выпуклыя, полныя темперамента. Можно было бы привести много красивыхъ судебныхъ рѣчей Николая Валерьяновича...

Но покойный выступалъ ораторомъ не только въ судѣ. Многимъ, вѣроятно, памятенъ его рѣчи, произнесенныя въ Вильнѣ въ 1898 году при открытіи памятника графу Муравьеву, въ которыхъ выражались его твердые, какъ бы преемственные въ роду Муравьевыхъ, національные взгляды.

— Тамъ, гдѣ вѣками утверждалось наше царство,—говорилъ Н. В. Муравьевъ,—гдѣ издавна высоко вѣетъ наше знамя, тамъ мы хозяева и судьбы въ своихъ дѣлахъ и не потерпимъ посторонняго вмѣшательства. Такъ мыслить и дѣйствовалъ тотъ, кого противники старались укорить въ жестокости и суровости, которая была лишь дальновидной и непреклонной справедливостью. Оружіе подавило явный бунтъ, и внутреннее подпольное броженіе затихло... Незримо присутствуя здѣсь межъ нами, да соединить насъ чтимый нами дѣятель въ достойномъ его дружномъ возгласѣ: за родную единую Русь, за правду въ ней, за честныхъ и стойкихъ русскихъ людей.

Въ 1894 году Н. В. Муравьевъ былъ назначенъ министромъ юстиціи. Выдающійся представитель прокуратуры, человекъ желѣзной энергіи, онъ вызвалъ занятіемъ этого поста большія ожиданія и въ министерствѣ юстиціи и за его стѣнами. Съ интересомъ всѣ слѣдили въ Петербургѣ за тѣми новшествами, которыя введетъ Н. В. Муравьевъ. Его взглядъ отчетливо сказался въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ, произнесенныхъ 4 января 1894 года представителямъ судебного вѣдомства при приѣмѣ ихъ въ министерствѣ юстиціи.

— Судебная часть какъ живое дѣло, непрестанно идущее впередъ, нуждается въ значительныхъ усовершенствованіяхъ и упрощеніи. Представители суда съ ихъ цѣннымъ и богатымъ запасомъ практики должны находить въ этихъ стѣнахъ не безучастную къ себѣ холодность, а терпѣливое привѣтливое вниманіе, благожелательное руководство и дѣйствительную въ чемъ слѣдуетъ поддержку. Мнѣ не приходится говорить о важности столь коренныхъ устоевъ нашей дѣятельности, какъ безпристрастіе, нелицепріятіе, и я едва рѣшаюсь упомянуть объ отвращеніи отъ всего, что отзывается искательствомъ, фаворитизмомъ, безпринципностью... Я душевно желалъ бы встрѣтить въ этихъ моихъ понятіяхъ сознательное единомысліе съ вами не на словахъ только, а на дѣлѣ.

И дѣйствительно, во время нахождения Н. В. Муравьева во главѣ министерства юстиціи у него было немало случаевъ, когда онъ вполне оправдывалъ эту намѣченную программу.

Люди съ инициативой, съ темпераментомъ въ концѣ концовъ менѣе счастливы, чѣмъ люди апатичные и равнодушные. Здоровье первыхъ скоро изнашивается. Такъ было и съ Н. В. Муравьевымъ. Моложавый, мужественный на видъ, онъ уже во время продолжительнаго управленія министерствомъ юстиціи нерѣдко жаловался на усталость, на недомоганіе.

— Скверная вещь,—сказалъ однажды Н. В. Муравьевъ одному сенатору.—Работаю, а замѣчаю, что долго мнѣ не прожить. Сердце стало что-то плохо дѣйствовать... Какъ бы оно совсѣмъ не измѣнило мнѣ.

Эти слова, какъ можно судить теперь, были въ устахъ Н. В. Муравьева пророческими. Его неожиданная кончина въ Римѣ во время дипломатическаго выѣзда произошла именно отъ паралича сердца.

Покойный, хотя и провелъ всю жизнь на государственной службѣ, но въ душѣ не былъ чиновникомъ, не былъ замкнутымъ и сухимъ формалистомъ... Живая и дѣятельная его натура сказывалась во всякомъ дѣлѣ, за которое онъ принимался, онъ всегда искалъ вѣрнаго практическаго выхода изъ кипы чиновничьихъ «усмотрѣній».

Н. В. Муравьевъ отличался большой общительностью. Благодаря своимъ личнымъ качествамъ и своему ораторскому таланту, онъ всегда былъ виднымъ лицомъ на большихъ петербургскихъ совѣщаніяхъ, въ великосвѣтскихъ гостиныхъ, въ дѣловыхъ салонахъ столицы. Чуждый замкнутости, онъ появлялся всюду непринужденно, часто бывалъ въ театрахъ, въ министерской ложѣ можно всегда было видѣть на первыхъ представленіяхъ элегантную фигуру министра юстиціи и его чрезвычайно моложавое симпатичное лицо.

До 1894 года Н. В. Муравьевъ былъ оберъ-прокуроромъ уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената. Эта его служба продолжалась въ теченіе трехъ лѣтъ. Кромѣ судебной дѣятельности, покойный много труда посвятилъ юридической литературѣ не только въ специальныхъ изданіяхъ, но и въ общихъ. Его труды печатались въ большихъ ежемѣсячникахъ, напимѣръ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Кромѣ того, имъ было напечатано нѣсколько своихъ трудовъ отдѣльными изданіями, напимѣръ, книга «Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности».

Дипломатическая служба не составляла завѣтной мечты Н. В. Муравьева, онъ смолоду вращался въ другой сферѣ, но она отвѣчала его стремленіямъ къ широкой государственной дѣятельности, и назначеніе въ Римъ улыбалось ему, такъ какъ оно сопряжено было съ пребываніемъ въ новой обстановкѣ, болѣе привлекательной, чѣмъ шаблонная обстановка петербургскихъ министерствъ.

Назначеніе Николая Валерьяновича посломъ въ Италію давало ему вмѣстѣ съ тѣмъ тайную надежду поправить свое здоровье въ благословенномъ климатѣ этой страны.

На этомъ новомъ посту Н. В. Муравьевъ оказался вполне на высотѣ задачи. Его дипломатическимъ заслугамъ приписывается, между прочимъ, твердая позиція римскаго кабинета во время про-

исшедшаго столкновенія Австріи съ Турціей и славянскимъ міромъ. Русско-итальянское соглашеніе по поводу балканскихъ дѣлъ—одна изъ выдающихся страницъ въ лѣтописяхъ русской дипломатіи. Отъ положенія, которое займетъ Италія, зависѣло разрѣшеніе вопроса: кто будетъ сильнѣе въ этомъ столкновеніи—Австрія или ея противники? Судьба рушила дѣло не въ пользу Австріи, которая оказалась въ вопросѣ о Босніи морально побѣжденной.

Въ виду энергіи Н. В. Муравьева можно думать, что вообще въ дипломатическомъ воздѣйствіи на Италію онъ игралъ не послѣднюю роль и оказывая вліяніе при итальянскомъ дворѣ при всѣхъ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ.

Несмотря на недолгое свое пребываніе въ Римѣ, Н. В. Муравьевъ много сдѣлалъ. Шаткія прежде отношенія между Италіей и Россіей упрочились. При немъ былъ заключенъ нашъ торговый договоръ съ Италіей, одинаково выгодный для обѣихъ сторонъ.

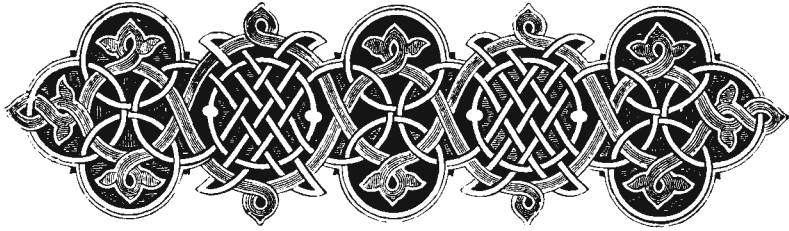
Въ Римѣ Н. В. Муравьевъ пользовался большой популярностью не только въ дипломатическихъ сферахъ, но и въ обществѣ и даже въ народѣ. Оваціи, которыя были сдѣланы Н. В. Муравьеву во время пребыванія русской эскадры, достаточно подчеркнули это.

Похороны Н. В. Муравьева въ Римѣ происходили при самой торжественной обстановкѣ. За колесницей шли представитель итальянскаго короля и многочисленные представители русской колоніи. Итальянскій король возложилъ вѣнокъ на его гробъ. Итальянскіе министры, президіумъ итальянской палаты депутатовъ и сената присутствовали на отпѣваніи.

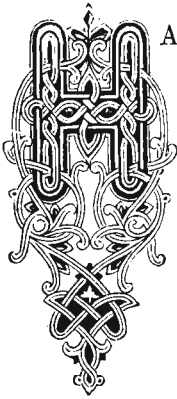
Н. В. Муравьевъ погребенъ на римскомъ кладбищѣ Тестаціо.

Н. Лендеръ.

НОВЫЙ ПАМЯТНИКЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

А СТРАНИЦАХЪ «Новаго Времени» лѣтомъ 1894 года было сообщено, что 10-го іюля, при производствѣ работъ для прокладки водопроводныхъ трубъ въ Царскомъ Селѣ, въ районѣ расположенія лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка, рабочіе дорылись до стараго фундамента. Въ немъ они нашли высѣченный изъ гранита кубъ въ $\frac{3}{4}$ аршина; внутри куба оказался мраморный ящикъ въ 5 квадр. вершковъ по основанію и въ 2 вершка вышины, съ мраморной же крышкой, которая завершается выточеннымъ шаромъ, играющимъ роль ручки. Въ мраморномъ ящикѣ найдена небольшая золотая, фигуры аналоя, коробочка, въ которой слышался запахъ ладана и благовонныхъ маслъ. Мраморная крышка, прикрывая мраморный ящикъ, лежала на золоченой доскѣ; вся находка была прикрыта гранитной пирамидальной крышкой. На доскѣ четко вырѣзана и хорошо сохранилась надпись: «Сія церковь, во имя Святаго Великаго царя и равноапостольнаго Константина, заложена въ Петербургской губ., въ городѣ Софіи іюля 11-го, въ лѣто отъ созданія міра 7201 (1783), отъ Рожд. Христ. 1783, царствованія же Благочестивѣйшей, самодержавнѣйшей Государыни Императрицы всероссійской Екатерины вторыя въ двадесятое, при наслѣдникѣ Ея, Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, супругѣ Его благовѣрной государынѣ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и при благовѣрныхъ Государяхъ, великихъ князьяхъ Александрѣ Павловичѣ и Константиנѣ Павловичѣ».

«Нашлись старцы, которые помнят Царское Село лѣтъ 70 съ лишнимъ, а между тѣмъ они не только не помнятъ церкви въ этой мѣстности, но и не слышали о ней ничего; сохранили они въ памяти только то, что до постройки казармъ Кирасирскаго полка на томъ мѣстѣ было чистое поле.

«Весьма вѣроятно, что церковь была въ свое время воздвигнута и, простоявъ годъ-другой, сгорѣла. Поставить на мѣстѣ жертвенника тотъ или иной знакъ, какъ это принято, видимо, упустили, а можетъ быть и поставили, но затѣмъ онъ былъ по недосмотру уничтоженъ».

Этой замѣткой «Новаго Времени», а можетъ быть и просто фактомъ находки была вызвана постановка памятника на томъ мѣстѣ. Дворцовое вѣдомство поставило и

Гранитный ящикъ въ закрытомъ видѣ (поставленный на табуретъ).

Гранитный ящикъ открытъ, на немъ поставленъ вынутый изъ него мраморный ящикъ.

освятило въ маѣ прошлаго года небольшой, очень хорошо исполненный, цинковый, покрытый сѣросеребристой краской памятникъ въ полторы сажени высоты. На восточной его сторонѣ находится образъ свв. Константина и Елена, а подъ образомъ утверждена мѣдная доска съ надписью:

«На семъ мѣстѣ стоялъ святой престолъ Цареконстантиновской церкви, построенной въ 1783 году и упраздненной въ 1817 году, церковная утварь и архивъ которой переданы Скорбященской церкви при госпиталѣ Царскосельскаго дворцоваго вѣдомства».

Памятникъ окруженъ чугунной рѣшеткой; той же церкви переданы и предметы, найденные въ землѣ 10-го іюля 1904 г. (см. рисунки).

Изъ документовъ, хранящихся при этой церкви и любезно предоставленныхъ священникомъ настоятелемъ ея о. Іаковомъ Чер-

Памятникъ, открытый въ 1907 г. въ Царскомъ Селѣ (Софія) въ районѣ расположенія л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка.

вяковскомъ для просмотра, видно, что деревянная церковь, состоявъ 17 лѣтъ въ XVIII столѣтїи и столько же въ XIX-мъ, была упразднена. Императоръ Александръ I, чрезвычайно внимательно входившій во все, посѣтивъ однажды Софію и зайдя въ храмъ, нашелъ, что онъ пришелъ въ ветхость и вообще имѣеть много недостатковъ,—а потому отдалъ распоряженіе объ исправленіи его на счетъ казны.

Архитекторъ Руско, командированный графомъ Литтой, осмотрѣвъ церковь, опредѣлилъ, что исправить ее починкой невозможно, а является необходимымъ перестроить ее вновь, на что потребуется 34,637 руб. 52 коп. Эта точно до копеекъ исчисленная сумма не была принята, такъ какъ была признана слишкомъ значительною и непомѣрною.

Тогдашній митрополитъ с.-петербургскій, эстляндскій и финляндскій (впослѣдствїи ему повелѣно быть «купно» и новгородскимъ) Михаилъ, получивъ отъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, князя Алекс. Ник. Голицына запросъ: находить ли онъ нужнымъ дѣлать столь значительный расходъ на исправленіе церкви?—не затруднился въ отвѣтѣ, такъ какъ въ самомъ запросѣ отвѣтъ былъ прозрачно изображенъ: кн. Голицынъ къ запросу прибавляетъ:— «тогда какъ прихожане уже теперь почти всѣ перешли въ новый городъ—Царское Село».

По мнѣнію митрополита Михаила, софійскую Цареконстантиновскую церковь слѣдовало бы упразднить; деньги же, пишетъ онъ, предположенныя по смѣтѣ, пригодятся, если государю императору будетъ угодно, на постройку новой, особой церкви въ новомъ городѣ.

Императоръ Александръ I, вполне согласившись съ заключеніемъ митрополита, велѣлъ упразднить софійскую церковь съ тѣмъ, чтобы зданіе ея было разобрано, а причтъ церковный перевести въ госпитальную церковь.

Съ тѣмъ вмѣстѣ государь хотѣлъ знать, на какихъ основанїяхъ слѣдовало бы устроить дѣла кладбищенской церкви въ Софіи и не представится ли возможнымъ священника Царкосельскаго дворца возвести въ благочинные надъ всѣмъ состоявшимъ въ старомъ городѣ Софіи духовенствомъ?

Отвѣчая на заботливый запросъ царя, митрополитъ Михаилъ сообщилъ оберъ-прокурору Голицыну, что полагалъ бы: упразднить церковь и переведа священника, діакона и двухъ церковниковъ съ просвирней, съ утварью и съ колоколами,—кромѣ сторожей,—въ госпитальную церковь, назначить имъ «денежное и хлѣбное жалованье» въ томъ самомъ размѣрѣ, въ какомъ они его получали до тѣхъ поръ; квартиры назначить имъ въ зданїи госпиталю, причемъ впредь до разсмотрѣнїя въ вѣдѣнїи госпитальной причта должна оставаться кладбищенская церковь съ опре-

дѣленными къ ней сторожами и понамаремъ. Разобранный же отъ строенія церкви матеріаль передать тамошнему гражданскому начальству. Для ближайшаго надзора за духовенствомъ стараго и новаго города назначить, съ правами благочиннаго, священника придворной церкви протоіерея Павла. Государь, одобливъ всѣ предположенія митрополита, съ тѣмъ вмѣстѣ, повелѣлъ софійскій соборъ обратить въ полковую церковь лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка.

Все это тогда же было оберъ-прокуроромъ сообщено министру финансовъ и управлявшему въ то время Царскимъ Селомъ генералу Захаржевскому, память о которомъ и понынѣ живетъ въ Царскомъ Селѣ; рассказывается много анекдотовъ о той чистотѣ, которую онъ тамъ завелъ и которой неустанно требовалъ.

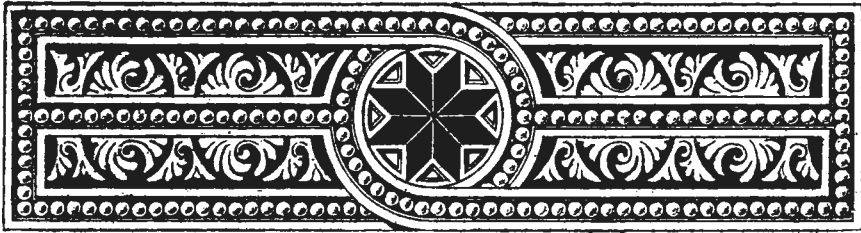
Улица, идущая прямо отъ Софійскаго собора къ пересѣченію съ Павловскимъ поссе, тогда же была названа Захаржевскою. У одного изъ жителей Царскаго хранится пространная собственноручная записка Захаржевскаго объ општрафованіи владѣльца дома—дѣда этого царскосела—на 30 рублей ассигнаціями за то, что противъ дома его генералъ, проѣзжая мимо для осмотра лѣса, т. е. бревенъ, досокъ и прочаго строительнаго матеріала, оставшагося отъ строенія Цареконстантиновскаго храма и переданнаго въ его вѣдѣніе, усмотрѣлъ три куска «испитаго лимона», небрежно выброшеннаго на пролегающую возлѣ дома дорогу, только что «отчищенную», подметенную и вдобавокъ надлежащимъ способомъ приведенную въ пристойный для проѣзда высокихъ особъ видъ.

Указъ объ упраздненіи храма былъ полученъ священникомъ Цареконстантиновской церкви 30 сентября 1817 г., а 3-го октября, при содѣйствіи ни въ чемъ никогда не мѣшковавшаго ген. Захаржевскаго, исполненіе всего требовавшагося было учено.

Памятникъ, котораго рисунокъ здѣсь изображенъ, находится въ Софіи, между зданіями—конюшней одного изъ эскадроновъ и солдатской баней л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка.

Е. Андреевскій.

ОДЕССКІЙ МУЗЕЙ.

ОДЕССА обогатилась новымъ культурно-просвѣдительнымъ и научнымъ учрежденіемъ—музеемъ императорскаго общества исторіи и древностей. Собственно, музей существуетъ въ Одессѣ давно, но до настоящаго времени онъ занималъ только часть зданія, которое теперь цѣликомъ отведено подъ музей. Половину зданія занимала публичная библіотека, года четыре тому назадъ переведенная въ собственное зданіе на Херсонской улицѣ. Было тѣсно и музею, и публичной библіотекѣ. Коллекціи музея не могли быть расположены такъ, чтобы были вполне доступны для осмотра, не были разобраны и помѣщались въ подвалахъ. 14 ноября 1908 года послѣдовало второе открытіе музея въ новомъ просторномъ помѣщеніи, которое очень долго можетъ быть заполняемо археологическими коллекціями, такъ какъ нѣкоторые залы музея почти еще пусты.

Устройствомъ и обогащеніемъ музей главнымъ образомъ обязанъ профессору новороссійскаго университета Э. Р. Штерну, который съ неутомимою энергіею производитъ постоянныя раскопки въ области древнихъ греческихъ колоній по берегамъ Чернаго моря. Это наиболѣе богатая полоса культурной жизни Черноморскаго побережья въ отдаленныя отъ насъ времена, и ей принадлежитъ въ музей самое видное мѣсто. Такимъ образомъ, хотя произведенія греческаго искусства въ музей преобладаютъ, тѣмъ не менѣе они всѣ касаются жизни мѣстнаго края, и музей можетъ по справедливости быть названъ областнымъ. Такъ смотритъ на музей и на его цѣли само общество исторіи и древностей.

Коллекціи музея обнимаютъ культурную жизнь черноморскаго побережья отъ древнѣйшихъ культурныхъ эпохъ до XVIII вѣка.

Культурная жизнь на югѣ Россіи начинается въ очень давнія времена, и уже въ періодъ ново-каменнаго вѣка, относимаго въ южной части Россіи ко времени отъ половины четвертаго до второго тысячелѣтія до Р. Х., здѣсь видна осѣдлая культурная жизнь. Это такъ называемая «трипольская» культура, названная такъ по мѣсту главнаго открытія въ селѣ Трипольѣ Кіевской губерніи, произведеннаго кіевскимъ археологомъ В. В. Хвойко. Профессору Э. Р. Штерну преимущественно принадлежитъ выясненіе историческаго значенія «трипольской» культуры. Въ противоположность распространеннымъ взглядамъ о большей древности микенской

Одесскій музей.

культуры и о культурномъ вліяніи съ юга на сѣверъ, профессоръ Э. Р. Штернъ доказываетъ несомнѣнно большую древность «трипольской» культуры и обратное теченіе культуры—съ сѣвера на югъ. Путь этого культурнаго движенія изъ Россіи, изъ Черниговской, Кіевской и Бессарабской губерній по Балканскому полуострову до Фессалии, по островамъ черезъ Трою до Крита. Въ Греціи эта культура сталкивается съ культурою Востока, и такимъ образомъ вырабатывается высокая греческая культура.

Предметы «трипольской» культуры въ музей добыты профессоромъ Э. Р. Штерномъ въ имѣніи Петрены, Бѣлецкаго уѣзда Бессарабской губерніи. Среди обычнаго геометрическаго орнамента посуды особенно обращаетъ тутъ вниманіе неумѣлое дѣтское изображеніе фигуры человѣка. Художникъ два раза нарисовалъ туловище съ руками въ поискахъ реальности изображенія: можетъ быть, онъ стремился такимъ образомъ къ рельефности его.

Слѣдующая культурная эпоха, представляемая коллекціями музея, — періодъ греческаго вліянія. Греки колонизовали берега

Чернаго моря, создавъ множество колоній, и поэтому культурная исторія Черноморскаго побережья неразрывно связана съ культурою Греціи. Эта культура, начинающаяся съ VII вѣка до Р. Х., представлена въ музеѣ богатѣйшими собраніями предметовъ греческой керамики. Преимущественно витрины съ предметами античнаго искусства заполнены раскопками изъ Керчи и изъ села Парутина, древней Ольвіи. Особенно интересны находящіеся здѣсь греческіе сосуды съ многочисленными чернофигурными изображеніями сценъ изъ мѣлологіи. Тутъ Гераклъ, всходящій на колесницу, Гермесъ, передающій Ахиллеса на воспитаніе Хирону, Елена и Менелай, сцены изъ жизни Діониса-Вакха, Аполлонъ, Аѳина, Амуръ и Психея и пр.

Въ отдѣльномъ залѣ помѣщены раскопки греческой культуры на островѣ Березани, гдѣ древнее поселеніе прекратило свое существованіе уже въ началѣ V вѣка до Р. Х., вслѣдствіе, вѣроятно, физическихъ причинъ. По раскопкамъ на Березани, систематически производимымъ профессоромъ Э. Р. Штерномъ, можно судить о древнѣйшей іонійской культурѣ. Греческое населеніе Березани занималось преимущественно рыбнымъ промысломъ. Какъ памятникъ этого занятія, является одинъ обломокъ сосуда, находящійся въ музеѣ, съ изображеніемъ группы рыбаковъ съ растянутою сѣтью. Но жизнь на Березани должна была быть не совѣтъ спокойною. Степные варвары, привлекаемые на Березань поживою, часто беспокоили мирныхъ рыбаковъ, и, можетъ быть, остаткомъ одного изъ такихъ набѣговъ является одинъ черепъ съ острова, пробитый вонзеннымъ въ него костянымъ кинжаломъ.

Послѣдовательно смѣняются на черноморскомъ побережьи культурныя вліянія Милета, Аѳинъ и позднегреческой эпохи послѣ паденія Аѳинъ. Эллинистическія вліянія доходятъ здѣсь до III вѣка по Р. Х.

Далѣе археологическія коллекціи музея указываютъ на культуру готовъ въ IV вѣкѣ по Р. Х., первоначальную христіанскую культуру, небогато, впрочемъ, представленную въ собраніяхъ музея, и, наконецъ, на культуру генуэзцевъ, создавшихъ большую торговую колонію Каффу, или, какъ она называется въ нашей «Задонщинѣ», «Хафесту градъ». Кругомъ славились генуэзцы своею торговлею, и Мамай, разбитый Димитріемъ Донскимъ, очевидно, привлеченный славою ихъ, бѣжитъ въ Каффу. Но генуэзцы не приняли Мамаю: «Побѣжи ты, поганый Мамаю, отъ насъ! Позадѣнешь и намъ отъ земли русской». И убили его. Немудрено! Торговые интересы генуэзцевъ были связаны почти со всѣмъ Старымъ Свѣтомъ. Оттого въ коллекціяхъ музея періода торговаго процвѣтанія генуэзцевъ въ Крыму находятся арабско-персидскіе и китайско-персидскіе черепки. Памятникомъ величія генуэзцевъ

служать находящіяся въ музеѣ нѣсколько надписей на камняхъ, остаткахъ городскихъ стѣнъ.

Со времени владычества турокъ культурная жизнь на югѣ падаетъ, и коллекціи музея уже мало представляютъ слѣдовъ культурной жизни населявшихъ черноморское побережье народовъ вплоть до XVIII вѣка, когда Югъ снова оживаетъ, благодаря дѣятельности императрицы Екатерины II.

Такова живая книга одесскаго музея. Посѣтитель переходитъ отъ витрины къ витринѣ, и передъ его глазами проходитъ вся культурная исторія береговъ Чернаго моря. Какъ будто не напрасно музей стоитъ на его обрывистомъ берегу, вблизи порта. Наблюдая его кипучую жизнь, пароходы всѣхъ странъ, лѣса ихъ мачтъ и трубъ, движеніе поѣздовъ, зритель читаетъ послѣднюю страницу незаконченной еще книги. Въ музеѣ онъ прочитаетъ всѣ ея предыдущія страницы.

В. Даниловъ.

КАЛЬВАРІЯ¹⁾.

I.

Отъ Вильны до Кальваріи.

ОМУ не приходилось бывать въ городѣ Вильнѣ, тотъ навѣрно имѣеть очень мало представленія, а, можетъ быть, и совсѣмъ даже не слыхалъ объ одномъ изъ величайшихъ чудесъ Литвы и всего Сѣверо-Западнаго края, объ одномъ изъ тѣхъ чудесъ, какими вообще такъ изобилуетъ католическій міръ. Это чудо—Кальварія. Съ самой ранней весны и до глубокой осени, въ праздникъ и въ будни, въ жару и ненастной порою стекаются сюда богомольцы со всѣхъ сторонъ Сѣверо-Западнаго края. Идутъ въ одиночку, идутъ компаніей, въ большую «урочистосць» наѣзжаютъ они сюда цѣлыми поѣздами или приходятъ многолюдной «процессіей». Входятъ въ Вильну, запружаютъ улицы и площади города, отдыхаютъ на тротуарахъ и папертяхъ костеловъ, часто и ночуютъ тамъ — и съ торжественнымъ пѣніемъ, иногда даже съ музыкой шествуютъ въ Кальварію. Идутъ зажиточные и бѣдняки, духовенство и міряне, простолюдины, купцы, господа и чиновники, здоровые и недужные... Хромые, слѣпые, прокаженные, дѣйствительные и поддѣльные, пробираются сюда на костыляхъ, на носилкахъ, въ телѣжкахъ, чтобы показать людямъ свою нищету и уродство... Всѣ спѣшатъ въ Кальварію, ибо это мѣсто обогрено кровью Иисуса и освящено его стопами, тамъ великій жертвенникъ его, гдѣ обиженный природой и людьми

¹⁾ Лобное мѣсто Голгооа.

простолудинъ можетъ непосредственно передать въ руки Божества свои наболѣвшія сердца и трудовые гроши, тамъ неизсякаемый источникъ благодати, гдѣ онъ, безпомощный и темный, омывъ свои воображаемыя прегрѣшенія, черпаетъ миръ и силу терпѣнія...

Кальварія расположена верстахъ въ шести отъ Вильны, неподалеку отъ живописнаго берега рѣки Вилии, среди обширнаго и красиваго лѣса. Исторія ея несложна. Еще въ средніе вѣка въ этомъ мѣстѣ, на высокой горѣ, получившей впоследствии названіе Кальваріи, построенъ былъ небольшой костелъ, сначала деревянный, а потомъ и каменный. Впоследствии при костелѣ основанъ былъ доминиканскій орденъ. Но какъ костелъ, такъ и орденъ долго владели самое жалкое существованіе, такъ какъ, при малолюдствѣ и бѣдности края, тутъ же, въ Вильнѣ, существовало уже много другихъ костеловъ, болѣе древнихъ и знаменитыхъ. Надо было спасти святыню и отстоять ея существованіе. Ее спасъ виленскій епископъ Юрій Бялзоръ; мало того, что спасъ, онъ сдѣлалъ ее достопримѣчательностью. Побывавъ въ Палестинѣ, онъ обошелъ страстный путь Иисуса, и въ голову его закралась мысль... Условія были благоприятны: таинственный полумракъ лѣса, великолѣпные берега Вилии, обиліе ручьевъ, холмовъ и овраговъ, немощь и темнота народа, алчущаго милости и чудесъ... И вотъ въ теченіе самаго короткаго времени въ 1663 году въ непроходимыхъ дебряхъ Кальваріи выросло нѣсколько десятковъ часовенъ, воротъ и другихъ священныхъ евангельскихъ мѣстъ,—открылся «кровавый путь Иисуса»... Съ тѣхъ поръ уже около трехсотъ лѣтъ, не потухая, горятъ тамъ трудовыя свѣчи, около трехсотъ лѣтъ, не умолкая, раздаются горячія молитвословія народа...

Еще съ вечера въ Вильнѣ замѣчалось необычайное движеніе. Канунъ большой «урочистосци», и потому богомольцевъ появилось больше обыкновеннаго. Откуда-то изъ далекой Жмуди прибыла даже цѣлая процессія, съ крестами, хоругвями, вѣнками изъ свѣжей зелени, собранной въ попутныхъ лѣсахъ Литвы. Ее встрѣтили далеко за околицей, — жгли фейерверки, пускали ракеты и съ торжествомъ проводили въ городъ. Обошли замѣчательные костелы—Острую Брамъ, святого Казимира, побывали у Петра и Павла, гдѣ на распятіи время отъ времени чудеснымъ образомъ волосы вырастаютъ, и на ночь отправились въ Кальварію... Всю ночь по улицамъ города проходилъ и проѣзжалъ народъ. Завтра ожидается его еще больше, такъ какъ мѣстные ксендзы съ вечера огласили и отъ себя двѣ процессіи: одну отъ бернардиновъ, а другую отъ Острой Брамъ. Многіе въ эту ночь совсѣмъ не спали, желая приготовиться къ завтрашнему торжеству: одни не имѣли соотвѣтствующаго платья и украшеній, другіе изготовляли для крестнаго хода нужныя декораціи, третьи не ложились, боясь про-

спать. Утромъ, съ восходомъ солнца у костеловъ толпилось уже нѣсколько тысячъ народа въ праздничныхъ одеждахъ. Нѣсколько десятковъ молодыхъ дѣвушекъ, приготовившихся нести иконы и другія принадлежности крестнаго хода, были одѣты въ подвѣчные наряды и увѣнчаны живыми цвѣтами; сотни двѣ дѣтей-подростковъ, собранныхъ для декораціи, имѣли на себѣ бѣлыя длинныя рубахи. Многіе, сознавая важность предстоящаго паломничества, вышли босикомъ. Тутъ же, съ флейтами, трубами и литаврами, толпились костельные музыканты, готовые по первому знаку ударить по своимъ инструментамъ и открыть шествіе. Ждали очень долго, такъ какъ, сгорая нетерпѣніемъ, собрались сюда слишкомъ рано.

Но вотъ въ толпѣ послышалось магическое: «Ксендзъ!» Всѣ обнажили головы и стали выстраиваться, а дѣти и дѣвушки гурьбой хлынули въ костель. Черезъ минуту, сопровождаемая торжественнымъ колокольнымъ звономъ, вышла оттуда процессія. На улицѣ она на минуту остановилась, формируясь и ожидая сигнала къ выступленію. Наконецъ вышелъ изъ костела и ксендзъ, окруженный толпой костельныхъ служителей, облаченныхъ въ бѣлыя одежды. Сказавъ народу нѣсколько напутственныхъ словъ, онъ затянулъ вдругъ высокимъ, протяжнымъ голосомъ религіозный гимнъ, который тотчасъ же былъ подхваченъ оркестромъ и десяткомъ тысячъ мужскихъ и женскихъ голосовъ. Еще моментъ—и разлилась по городу задушевная мелодія духовной пѣсни, тоскливая, какъ смерть, широкая, какъ необъятный просторъ моря...

Rozmyslajmy dzis, wierni Chrzescijane!
Jako Pan Chrystus cierpiel za nas rany !).!

Процессія тронулась и медленно потянулась по пыльнымъ улицамъ города. Впереди бѣжали дѣти, быстро семеня своими коротенькими ножками и, несмотря на неоднократныя замѣчанія блюстителя порядка, лысаго старика съ огромной булавою въ рукахъ, рѣзвились по-дѣтски. За ними слѣдовали хоругви, фонарики, иконы, увѣшанныя длинными лентами и окруженные нарядной толпой молодыхъ дѣвицъ. Потомъ пошли музыканты, пѣвцы, ксендзъ съ клиромъ и костельными служителями. А позади безконечной лентой, тянулся народъ... И всѣ пѣли, пѣли одной общей грудью, однимъ могучимъ голосомъ... Казалось, будто вся эта пестрая масса, нарядная, но страдающая, нарочно сговорилась собраться сюда въ этотъ день, чтобы разъ навсегда выплакать все свои слезы, разъ навсегда расквитаться со своими тяжелыми чувствами...

¹⁾ Поразмыслимъ днесъ, вѣрные христіане,
Какъ Господь Христосъ терпѣлъ за насъ раны.

Вечерникъ.

Placz że dzisiaj, duszo wszelka,
Łzy wylewaj!!¹⁾.

Городъ уже проснулся. На балконахъ, въ окнахъ и на крышахъ домовъ виднѣлся народъ. Многіе у своихъ квартиръ развѣсили пестрые ковры, гирлянды цвѣтовъ, поставили кресты и иконы. Къ ногамъ паломниковъ сверху падали живые цвѣты, посылались горячія привѣтствія...

Процессія все увеличивалась и увеличивалась. И когда, протиснувшись сквозь узкія улицы города, вышла она на просторъ, то представляла уже безконечную ленту самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и отгѣнковъ. Теперь шли уже среди полей. По обѣимъ сторонамъ пыльной дороги виднѣлась дозрѣвающая рожь, мѣстами луга, сады и огороды—жалкіе, чахлые, некрасивые... Но на нихъ никто и не смотритъ, двѣ попутныя деревушки, съезжившіяся въ тѣсной лощинкѣ, на свои нивы, кажись, давно рукой махнули... Оно и понятно: не о хлѣбѣ единомъ бытъ бываетъ человѣкъ... Тутъ, неподалеку, въ густой чащѣ лѣса уже триста лѣтъ живетъ великая сила, дающая всѣмъ духовную пищу, а окрестному населенію и пропитаніе. А она уже близко, уже слышится ея могучее дыханіе: по пути то и дѣло начинаютъ встрѣчаться огромные балаганы съ разными съѣстными припасами; кіоски съ рожанцами, крестиками, иконками и другими священными предметами; ночлежные дома, чайныя, пивныя и квасныя лавки; вездѣ толкается много разнаго народу... А изъ нѣдръ огромнаго лѣса, къ которому подходитъ процессія, уже доносится глухое эхо духовныхъ пѣснопѣній. Одинъ крутой поворотъ, и на невысокомъ бугоркѣ, окруженная огромными соснами и толпой богомольцевъ, показалась первая часовня Кальваріи «Вечорникъ».

II.

Вечорникъ²⁾.—Искупленіе Иуды.—«Въ Огройцу»³⁾.—Моленіе о чашѣ.—Предательскій поцѣлуй.

Вечорникъ это бивуакъ Кальваріи. Сюда прежде всего направляются всѣ богомольцы, чтобы, отдохнувъ отъ продолжительнаго путешествія, начать обходъ страстнаго пути, который, извиваясь по лѣсу, тянется на цѣлыхъ семь верстъ. На этомъ пути разбросано 37 часовенъ, воротъ и отдѣльныхъ картинъ изъ послѣднихъ дней жизни Іисуса, тридцать семь остановокъ, или «стацій».

1) Плачь же сегодня, всякая душа,
Слезы проливай...

2) Часовня Тайной вечери.

3) Геесимаускій садъ.

Въ Огроуду.

У каждой такой «стаціи» богомольцы, склонивъ колѣни, должны выслушать извѣстное наставленіе отъ своего проводника и прочесть установленную молитву; переходъ же совершать неторопливо, чинно, съ обнаженными головами и торжественными пѣснопѣніями. Неудивительно поэтому, что обходъ этого пути затягивается на нѣсколько часовъ и сильно утомляетъ даже самаго здороваго человѣка. Вечорникъ сборный пунктъ Кальваріи. Тутъ, въ пріятномъ холодкѣ лѣса, на измятой и выжженной солнцемъ травѣ богомольцы ночуютъ, тутъ же отдыхаютъ днемъ, закусываютъ. Къ услугамъ ихъ у Вечорника, какъ и вездѣ по лѣсу, раскинуто много балагановъ, гдѣ они могутъ укрыться въ ненастную погоду и за невысокую плату купить себѣ хлѣба, булокъ, колбасы, чаю, квасу, а при желаніи и водки... Тутъ же, какъ барышники на оживленной ярмаркѣ, взадъ и впередъ снуютъ проводники. Ихъ больше шестидесяти человѣкъ. Злобно враждуя другъ на друга за каждого паломника, иногда бранясь ожесточенно, собираютъ они у себя «компанію» и, помолвившись у Вечорника, ведутъ ее въ путь. Такъ отправляется компанія за компаніей, каждая со своимъ проводникомъ, поочередно. И тѣ, что ближе, и тѣ, что подальше, и тѣ, что скрылись въ глубокомъ лѣсу, всѣ ноютъ по-своему, весь лѣсъ поетъ и стонетъ...

Вотъ собралась одна партія, выкинула свое знамя—огромный зонть, перевязанный бѣлымъ платочкомъ, и по знаку своего проводника опустила предъ часовней на колѣни. Сзади за нею составляется уже новая партія, объединяющаяся подъ другимъ флагомъ, потомъ третья...

— Идя къ Вечорнику,—начинаетъ торжественно проводникъ,—помни, о человѣкъ, какъ Христосъ унивился до умыванія ногъ ученикамъ Своимъ!..

Всѣ стоятъ на колѣняхъ, устремивъ свои взоры въ глубь часовни, откуда глядитъ на нихъ кроткій ликъ Иисуса на Тайной вечери съ учениками.

— Вспомни и кровавыя стопы Христа, увѣнчаннаго вѣнкомъ терновымъ! — продолжаетъ проводникъ.—Вспомни неизреченную милость Его, давшаго намъ въ снѣдь свое Святое тѣло!..

Голосъ его все крѣпнеть и крѣпнеть, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и возбужденіе народа.

— А ты, грѣшникъ, не распинаешь ли Христа ежедневно и ежечасно своими дурными дѣлами? — неожиданно заканчиваетъ проводникъ.—Не уподобляешься ли ты Іудѣ предателю и друзьямъ его!..

Изъ часовни глядитъ на нихъ и Іуда—мрачный, злой, какъ разбойникъ съ проѣзжей дороги...

Помолились, поцѣловали въ часовнѣ крестъ, опустили въ кружку свою сильную лепту, покосились на Іуду и пошли дальше,

Ихъ мѣсто заняла новая партія, потомъ процессія одна и другая, затѣмъ опять партія и т. д... Я смотрѣлъ на эту картину и вчужѣ пожалѣлъ... несчастнаго Іуду... Сколько злобныхъ жестовъ, плевковъ и проклятій излилось здѣсь на его несчастную голову!.. Было время, когда возбужденная чернь не разъ выкалывала ему глаза... Насколько здѣсь его обижали, можно судить хотя бы изъ того, что въ концѣ концовъ даже сами ксендзы за него заступились, отгородивъ его отъ толпы деревянной перегородкой. Въ одной Кальваріи онъ давно уже искупилъ свой грѣхъ, который и былъ-то невмѣняемъ, такъ какъ еще отъ вѣка predetermined самимъ Богомъ... Между тѣмъ Іуда проклятъ, проклятъ навѣки... И попадись онъ сюда живой, отъ него бы и косточки не осталось, и попадись сюда не въ добрый часъ всякій иновѣрецъ, его бы въ клочки разорвали... Какъ изгаживается, однако, Божье дѣло, коль скоро къ нему прикоснется человѣкъ своими нечистыми руками!..

Отъ Вечорника по широкой песчаной дорогѣ богомольцы спускаются къ рѣкѣ Вилии и вдоль живописнаго берега ея направляются «до Огройца». Какъ сама дорога, такъ, въ особенности, Геѣсиманія имѣютъ очень красивый видъ. У дороги, на берегу рѣки, возвышается, между прочимъ, довольно изящная по стилю православная церковь, а при ней архіерейская дача Тринополь. Когда-то здѣсь былъ католическій монастырь ордена тринитаріевъ. Закрытый русскимъ правительствомъ еще въ началѣ прошлаго столѣтія, впоследствии, какъ это ужъ водится у насъ, онъ обращенъ былъ въ церковь и вмѣстѣ съ богатѣйшими угодьями, полями, лугами, лѣсами и огромнѣйшимъ садомъ переданъ во владѣніе виленскому Духовскому монастырю. На монастырской землѣ находятся теперь и всѣ кальварійскія часовни. Такой безцеремонный захватъ православнымъ духовенствомъ чужой собственности да еще пребываніе въ самомъ кругу католическихъ святыхъ православнаго архіерея не можетъ не оскорблять религіозныхъ чувствъ каждаго католика. Одно еще хорошо: имъ не возбраняютъ свободно обходить эти святыни.

Геѣсиманія, или Огройць, расположена на склонѣ довольно крутой горы, которой присвоено и соответствующее евангельское названіе: «Оливна». Вмѣсто оливковыхъ деревьевъ, здѣсь гордо тянутся къ небу прекрасныя ели и сосны. Въ Огройцу три часовни, расположенныя неподалеку одна отъ другой. Тутъ все расчитано, измѣрено шагами, скопировано съ Іерусалима. «Отъ мѣста молитвы Іисуса до мѣста Его «пойманна 30 кроковъ!»¹⁾ — выкрикиваетъ проводникъ. «Отъ Пилата до Ирода 350 кроковъ», — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. И такъ по цѣлой Кальваріи.

¹⁾ Крокъ—шагъ.

Въ Огройцу, у подножія горы расположена первая часовня. Здѣсь, отдыхая послѣ послѣдней вечера, размышлялъ Онъ о предстоящихъ страданіяхъ; тутъ упорно боролись въ Немъ божеское и человѣческое естества... А ученики у ногъ Его уже спали мирнымъ сномъ... Одинъ лишь Петръ—впечатлительный, нервный, предчувствуя что-то недоброе, долго боролся со сладкою дремотой и смыкающимися глазами тревожно глядѣлъ на своего учителя... Но потомъ и онъ отдался природѣ... Остался Онъ одинъ со Своими тяжелыми думами... Цѣпляясь за голыя скалы, сталъ Онъ подниматься на гору. Кругомъ мертвая тишина; надъ садомъ нависла темная ночь... Вотъ Онъ остановился, упалъ на колѣни и молится. Эта картина—одна изъ лучшихъ въ цѣлой Кальваріи. «Посмотри, человѣкъ, какъ молится Господь Богъ!—воскликаетъ проводникъ.—Какими кровавыми потоками орошаетъ Онъ холодную землю!..» А Онъ все молится, облокотившись руками о мертвую скалу,—молится горячо и продолжительно... «Отче! Если хочешь—да минуетъ меня чаша сія»... Но чаша эта предопредѣлена отъ вѣка; она уже близко. Безжизненная скала протягиваетъ Ему единственный свой знакъ—сухую вѣтку терновника; а тамъ, внизу, съ зажженными факелами за Немъ уже охотятся слуги синедриона... Онъ сталъ спускаться къ ученикамъ... «Рабби, здравствуй!..» И лобзаніе, предательское лобзаніе Иуды... «Рабби, здравствуй!..» А на лицѣ столько ехидства и сатанинской злобы!.. Подбѣжалъ Петръ—помятый, сонный—и отрубилъ ухо архіерейскому слугѣ... «Вложи мечъ свой въ ножны!»—приказалъ ему учитель... Его стали вязать. И всѣ такіе злые, ни одно лицо не выражаетъ состраданія,—всѣ злы, какъ звѣри лютые!.. «На колѣни!—воскликаетъ проводникъ:—можно ли стоять здѣсь, гдѣ вяжутъ Иисуса, гдѣ Его, точно злодѣя, бросаютъ на землю, толкають, заушаютъ...» Голосъ проводника начинаетъ дрожать, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ сердцахъ богомольцевъ начинаютъ вырастать тяжелыя чувства обиды и состраданія. Многіе плачутъ...

III.

У потока Кедрона.—Тяжелый подъемъ.—Царство нищихъ.—У Анны и Каіафы.—Отреченіе Петра.—Въ темницѣ.—Судъ Пилата.—«Се человѣкъ». — Наказанный книжникъ.

Отсюда начинается уже страстный путь: отсюда Его, связаннаго, избитаго, ведутъ по всѣмъ мытарствамъ, вплоть до Голгофы. Богомольцы медленно плетутся по извилистой лѣсной тропинкѣ, вздыхаютъ и жалостливо поютъ...

«Компанія».

«Prędko k' Niemu przyskoczyli,
O zemie Co uderzyli;
Z głowy, z brody włosy rwali,
Opak Mu ręce związali...» ¹⁾).

И этих тоскливых мелодій не могут развеселить угрюмыя вѣковья сосны, молчаливо толпящіяся у дороги; и горькаго «жалю» народа не можетъ согрѣть яркое солнце, весело играющее въ густой чащѣ лѣса...

«Czy jego kowią spłynęły,
Uszy i usta wyschnęły;
Wszystkie żyły w Nim porwano,
Krew świętą z Niego wylano...» ²⁾).

По дорогѣ то и дѣло начинаютъ попадаться нищіе; одни сидятъ на травѣ, другіе на камняхъ; нѣкоторые вырыли себѣ въ песокѣ берлоги и, окопавшись землею, сидятъ неподвижно. Лишь худыя руки ихъ тянутся къ богомольцамъ, и печальныя уста взываютъ о милосердіи:

«Во имя кровавыхъ ранъ Іисуса...»

Многіе расположились группами и каждую партію богомольцевъ встрѣчаютъ дружнымъ тріо или квартетомъ. Есть много калѣкъ— безрукихъ, безногихъ, слѣпыхъ и увѣчныхъ. Какой-то молодой юноша неподвижно лежитъ въ небольшой телѣжкѣ. При немъ мать съ огромной миской окрошки. Когда проходитъ партія, недужный открываетъ свою огромную пасть, и мать ложка за ложкой вливаетъ туда пищу. Больной, повидимому, принимаетъ ее неохотно, — брезгливо сжимаетъ ротъ, сплевываетъ... Несчастный! Сколько мисокъ окрошки долженъ влить онъ ежедневно въ свою грѣшную утробу!.. Такъ между тѣмъ надо.

Довольно крутой спускъ; на днѣ глубокаго оврага, извиваясь по камнямъ, весело журчитъ небольшой ручеекъ. Надъ нимъ любовно свѣсили свои зеленѣющія вѣтви тысячелѣтніе дубы и молодыя нарядныя ивы. Картина, достойная кисти самаго прихотливаго художника. Потокъ Кедронъ... Богомольцы медленно спускаются къ ручью. Тамъ, на мосту, ихъ встрѣчаетъ огромная статуя Христа, которая, черезъ костельнаго служителя съ сонливымъ лицомъ,

¹⁾ Скоро къ нему подскочили,
О земь его ударили;
Съ головы, съ бороды волосы рвали,
Потомъ ему руки связали...

²⁾ Очи его кровью запалили,
Уши и уста высохли;
Всѣ жилы его порваны,
Кровь святая съ него вытекла...

Подъёмъ на Сіонскія высоты и первая брама Іерусалима.

принимаетъ отъ нихъ пожертвованія и благословляетъ въ дальнѣйшій путь.

Для паломниковъ Кальваріи воды Кедрона такъ же священны, какъ въ Палестинѣ—воды Иордана; имъ приписываютъ цѣлебныя свойства. Богомольцы обходятъ мостъ и босыми ногами пробіраются черезъ потокъ. Каждый при этомъ считаетъ нужнымъ зачерпнуть изъ него воды, испить ея и умыть свое лицо. Многіе не прочь бы и выкупаться, если бы потокъ былъ хоть чуточку поглубже.

Отъ Кедрона идетъ крутой подъемъ на Сіонскія высоты, къ первой «брамѣ» Иерусалима. Это одинъ изъ самыхъ трудныхъ переходовъ Кальваріи. Отсюда Иисуса безчеловѣчно влекли на гору—и потому добрая половина богомольцевъ проходитъ этотъ путь ползкомъ на колѣняхъ. Тяжелый путь! Вотъ опустились они у самага потока на колѣни и медленно ползутъ на гору... И простыя деревенскія бабы, и нарядныя дамы, и барышни, приподнявъ свои юбки, мѣсятъ голыми колѣнями рыхлый песокъ; мужчины черпаютъ его голенищами сапогъ... Многіе ползутъ босикомъ. Какой-то миловидный мальчикъ, лѣтъ четырехъ, слѣдуя за своей матерью, долго недоумѣвающе озирался по сторонамъ, а потомъ и самъ опустился на колѣни.. Но это ему скоро надоѣло.

— Мама, встань! Мама, встань!..

Но мать совсѣмъ его не замѣчала. Грузно переставляя свои толстыя ноги, обливаясь потомъ, она ползла за другими, сосредоточенная, молчаливая... Такъ и всѣ: у каждаго на лицѣ самая глубокая сосредоточенность, всѣ взоры обращены впередъ, гдѣ, прикрытая густыми вѣтвями сосенъ, гордо возвышается первая брама Сіона—конечная точка этого мучительнаго подъема; тамъ они благоговѣйно поцѣлуютъ макушку горы и вздохнуть облегченно..

Путь сугубо тяжелъ. Кромѣ острыхъ, рѣжущихъ песковъ подъема, имъ приходится преодолѣть еще и другое, не менѣе трудное препятствіе—грозный строй нищихъ. Тутъ ихъ—легионы, тутъ—ихъ царство... Зарывшись въ песокъ, они тянутся къ паломникамъ всѣми своими членами, хватаютъ ихъ за полы и неистово зываютъ о помощи. Никогда еще не приходилось мнѣ видѣть такой богатой коллекціи калѣкъ и уродовъ; но никогда также не скорбѣлъ я такъ душою за людской обманъ и нахальство, какъ въ этомъ святомъ мѣстѣ... Здѣсь всѣ выѣзжаютъ на добрыхъ чувствахъ богомольца, здѣсь приняты и всѣ мѣры къ тому, чтобы воспламенить въ немъ эти желанныя чувства... Однимъ онъ платитъ за проклятаго предателя Іуду, за чудотворящій крестъ, цѣлебную воду—за всю сумму воспринятыхъ впечатлѣній, другимъ—за стаканъ холоднаго чаю или кусокъ тухлой колбасы, проводникамъ—за умѣло сыгранную роль, нищимъ—за оригинальную декорацію...

«Во имя кровавыхъ ранъ...»

Къ Пилату

И всѣ таятся къ богомольцамъ и выставляютъ себя напоказъ. У кого отсѣчена рука или нога, у того изъ грязнаго лохмотья нескромно глядягъ на Божій свѣтъ оголенные остатки этихъ членовъ; у кого сифились изуродовалъ лицо,— оно все какъ на ладони:

извольте любоваться; у кого на спинѣ ракъ — обнажена и спина съ кровоточащей язвой... Скрюченныя руки, ноги, искривленныя судорогой лица, обнаженныя плечи и бедра, тяжелые стоны и предсмертное хрипѣнье... А сколько здѣсь самага наглаго притворства! У одного голова перевязана окровавленной тряпкой; а попробуйте снять ее — и, вмѣсто ожидаемыхъ язвъ, вы увидите совершенно здоровое тѣло... Одинъ «умирающій» долгое время неподвижно лежалъ въ пескѣ съ язвой, кишащей живыми червями... Кто-то захотѣлъ оказать ему серьезную помощь. «Позволь, несчастный, обмыть и перевязать твою ужасную рану!..» Сняли повязку, а тамъ... на здоровой ногѣ — кусокъ разложившейся падали...

И сыплются къ нимъ отъ богомольцевъ мѣдные гроши, и наполняются ихъ бездонныя мѣшки разной живностью. А пройдетъ партія — и вся эта ватага «безнадежныхъ страдальцевъ» открываетъ самую жестокую брань изъ-за дѣлежа. А съ закатомъ солнца во мгновеніе ока расплзается она по своимъ берлогамъ, и тамъ, подъ кровомъ ночи, снявъ свои бинты и повязки, предается самому необузданному разгулу...

Брама Сіона, какъ и всѣ другія брамы, которыхъ въ Кальваріи восемь, представляетъ собою несложную деревянную вышку съ воротами и двумя боковыми калитками. Для чего сдѣланы калитки — неизвѣстно, такъ какъ пройти черезъ нихъ считается большимъ грѣхомъ. «Тамъ только Іуда проходитъ», заявляютъ богомольцы и всѣ до одного протискиваются сквозь среднія ворота...

За Сіонской брамой начинается городъ, и передъ паломникомъ одна за другой вырисовываются картины суда надъ Іисусомъ. Вотъ часовня Анны, въ 330 «крокахъ» отъ нея — Каіафы. Интересна въ особенности послѣдняя. Грозный первосвященникъ важно возсѣдаетъ на тронѣ и выслушиваетъ показанія лжесвидѣтелей, а слуги его тѣмъ временемъ задерживаютъ Петра. «Ты, кажется, ученикъ Іисуса?» — «Нѣтъ!» отвѣчаетъ Петръ и трижды отъ него отрекается... На ночь Каіафа запираетъ Христа въ темницу. Послѣдняя довольно удачно демонстрирована: подъ часовней устроено мрачное подземелье, гдѣ, привязанная къ позорному столбу, стоитъ статуя Христа. Богомольцы спускаются въ темницу, подползаютъ на колѣняхъ къ статуѣ и цѣлуютъ ее въ ноги...

Отъ Каіафы идетъ довольно длинная дорога къ Пилату. Здѣсь былъ вынесенъ смертный приговоръ Іисусу, и потому это мѣсто оборудовано съ особенной тщательностью. На стѣнахъ большой двухэтажной часовни изображены всѣ детали этого жестокаго и несправедливаго суда. Пилатъ долго не рѣшался осудить на смерть завѣдомо невиннаго подсудимаго. «Я не нахожу въ Немъ никакой вины», заявилъ онъ и, чтобы отдѣлаться отъ этого непріятнаго дѣла, отправилъ Христа къ Ироду. Но разъяренная чернь вскорѣ опять привела Его къ Пилату. «Распи!..» Пилатъ все боролся со

своими чувствами... «Я накажу Его и отпущу!» опять заявилъ онъ. И Его стали бить,—били жестоко, безчеловѣчно... Потомъ возложили на голову терновый вѣнецъ, дали въ руки трость, ударили Его по ланитамъ и говорили: «радуйся, царю Иудейскій!..» «Се чловѣкъ!» сказалъ Пилатъ, показывая Христа народу... Но чернь была неумолима. «Распни Его, веди Его на пропятіе!..» Особенно же надрывался одинъ, повидимому, важнѣйшій изъ книжниковъ еврейскихъ. «Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!» кричалъ онъ вызывающе... Но этотъ жестокій звѣрь уже поплатился за свою несправедливость: чья-то карающая десница, несмотря на предохранительныя рѣшетки, выколола ему оба глаза... И теперь, сверкая страшными бѣльмами, онъ принимаетъ на себя плевки и проклятія всего народа...

VI.

Крестный путь.—Голгова.—Смерть и воскресеніе.—Кальварія ночью.

У Пилата началась та темная драма, которая такъ неумолимо завершилась на Голгоѣ. Въ 26 шагахъ отъ преторіи на Христа, избитаго и окровавленнаго, возложили тяжелый крестъ. И вотъ отсюда въ 13 попутныхъ «каплицахъ» богомольцы созерцаютъ раздирающія картины крестнаго пути. Вотъ поднялъ Онъ крестъ и, обливаясь потомъ и кровью, терпѣливо несетъ его на Своихъ плечахъ... Идетъ, спотыкается, наконецъ падаетъ... На Него тотчасъ же изливается ярость толпы; Его начинаютъ бить: бьютъ плетями, палками, кнутами... Воины направляютъ на Него свои острые копья... И всѣ такіе злые, такіе безчеловѣчные, точно палачи отборные... Однѣ лишь жены обливаютъ этотъ путь горькими слезами. Но онѣ не могутъ даже подойти къ Страдальцу, а слѣдуютъ гдѣ-то вдали, и тамъ, ломая руки, предаются отчаянію... А Онъ падаетъ все чаще и чаще,—падаетъ такъ тяжело, такъ грузно, что, кажись, больше и не поднимется... Въ одномъ мѣстѣ къ Нему подкрадывается Вероника и, склонивъ колѣни, вытираетъ Ему лицо платкомъ. На платкѣ тотчасъ же запечатлѣвается Его образъ. Въ другомъ мѣстѣ сострадательный Симонъ Киринанинъ услужливо подставляетъ подъ крестъ свою спину... Спаситель награждаетъ его благодарнымъ взоромъ...

Таковы картины этого страстнаго пути; одна другой краснорѣчивѣе, одна другой тяжелѣе... Смотришь на нихъ и убѣждаешься, что весь міръ ополчился на несчастнаго страдальца, что весь этотъ библейскій міръ состоялъ изъ однихъ людоедовъ...

Часовня за часовней—и путь сокращается; изъ-за вѣтвей густого лѣса вдали уже видѣется и конечная точка его—костель на Голгоѣ. Неподалеку отъ него Христосъ упалъ особенно тяжело.

Грузная статуя Его распростерлась прямо на полу, посреди часовни. Предусмотрительная администрація Кальваріи взвалила ей на спину тяжелый деревянный крестъ... Картина потрясающая и потому производит свое дѣйствіе. Вокругъ статуи, какъ ничтожные черви, ползають богомольцы. Наиболе экзальтированные тутъ же падають «крестомъ»¹⁾ и долго лежатъ неподвижно; другіе грызутъ зубами деревянный крестъ или отрѣзають отъ него небольшіе куски и какъ святыню уносятъ въ свои дома. Почти каждый годъ мѣняется крестъ на статуѣ и къ осени часто расхищается до послѣдней щепочки...²⁾.

Еще одна-двѣ «каплички», и богомольцы подходят, наконецъ, къ подошвѣ Голгоубы, на макушкѣ которой, утопая въ яркихъ лучахъ солнца, возвышается великолѣпный костелъ Кальваріи. Съ трепетнымъ чувствомъ поднимаются они по крутымъ ступенькамъ на эту страшную гору, гдѣ завершилась тяжелая трагедія искупленія... Отсюда открывается великолѣпный видъ на лѣса Кальваріи, съ ихъ причудливымъ рельефомъ холмовъ и долинъ, на окрестные луга и нивы... Жить бы тутъ и не умирать! Между тѣмъ здѣсь кругомъ витаетъ смерть, неумолимая, жестокая... У праваго крыла костела распинають Христа: распластали Его на землѣ и огромными гвоздями приколачивають ко кресту. На лицѣ Его написано самое невыносимое страданіе, кровь прилила къ кожѣ и расширила всѣ сосуды; картина, а видно, какъ нервно подергиваються отъ боли Его измученные члены... Это не мѣшаетъ, однако, безжалостнымъ палачамъ продолжать свое ужасное дѣло... Однѣ лишь жены мироносицы, уѣбвись въ сторонѣ, рыдаютъ неистово... У лѣваго крыла—Иисуса, уже мертваго, снимають съ креста и готовятъ для погребенія; а въ самомъ костелѣ, откуда доносятся похоронныя пѣсни паломниковъ и звучный аккомпаниментъ органа, Онъ виситъ, пригвожденный ко кресту. Огромное распятіе водружено въ алтарѣ надъ престоломъ, на красномъ бархатномъ полѣ; подъ нимъ цѣлый лѣсъ зеленыхъ миртъ и лавровъ, цѣлый питомникъ пестрыхъ пахучихъ цвѣтовъ; гдѣ-то курится оміамъ... Весь костелъ благоухаетъ...

Неподалеку отъ костела устроена довольно красивая пещера—гробъ Господень. На простомъ деревянномъ катафалкѣ лежитъ Онъ, блѣдный, неподвижный... У изголовья и у ногъ Его тускло

¹⁾ Католики, преимущественно женщины, въ порывѣ религіознаго экстаза часто падають въ костелѣ «впиземъ» (крестомъ), т. е. ложатся на полъ лицомъ внизъ, вытягивають руки и ноги, изображая собою крестъ, и въ такой позѣ неподвижно лежатъ иногда не мене часа. Такихъ живыхъ крестовъ въ костелѣ иной разъ бываетъ нѣсколько. Молящіяся шагають черезъ нихъ, иногда по неосторожности отдають руку или ногу, но даже и въ такихъ случаяхъ лежащіе стараются быть неподвижными.

²⁾ На фотографіи ясно виденъ этотъ крестъ.

мерцають свѣчи. Два красивыхъ ангелочка склонились надъ гробомъ и не то молятся, не то по-дѣтски любопытствуютъ... Вдали тайкомъ пробираются сюда жены мироносицы; онѣ уже давно были бы здѣсь; но, повидимому, боятся двухъ грозныхъ стражей, которые, опершись о свои тяжелыя сѣкиры, внимательно и неподкупно глядятъ на каждого проходящаго... Въ эту красивую группу какими-то судьбами затесался еще и костельный служитель въ длинномъ бѣломъ балахонѣ и съ огромной кружкой въ ру-

Подъ тяжестью креста.

кахъ... Богомольцы спускаются въ пещеру, прикладываются къ ногамъ Иисуса и молчаливо творятъ свои молитвы. Здѣсь царство покоя и тишины, тутъ нельзя пѣть, нельзя вслухъ и молиться; ни одинъ звукъ не долженъ нарушать торжественнаго молчанія смерти... Одинъ лишь костельный служитель, подавая каждому богомольцу распятіе, всякій разъ слабо встряхиваетъ кружкой, какъ бы напоминая, что, кромѣ превыспренняго духа, существуетъ еще и бренное тѣло, требующее грубаго земнаго брашна...

Послѣ этой картины богомольцы наблюдаютъ еще картину воскресенія Христова, явленіе Его ученикамъ своимъ и, наконецъ, обрѣтеніе царицей Еленой животворящаго креста.. Актъ иску-

пленія совершился, Христосъ побѣдилъ, и богомольцы съ облегченными сердцами спускаются внизъ. Тамъ великолѣпный лѣсъ радушно принимаетъ ихъ въ свои объятія, а прозрачныя струи Вили напѣваютъ имъ сладкія пѣсни... Жизнь тяжела—что и говорить: у каждаго своя бѣда на плечахъ, а всѣхъ вмѣстѣ угнетаетъ безконечная борьба за кусокъ насущнаго хлѣба... А тутъ кругомъ—Божья благодать: и солнце свѣтитъ здѣсь какъ будто ярче обыкновеннаго, и воздухъ точно совсѣмъ иной; всѣ тяготы будничной жизни сползли съ усталыхъ плечъ; и сухая корочка хлѣба тутъ какъ-то смачнѣе ѣтся... Понятно поэтому, съ какой неохотой разстаются богомольцы съ этимъ райскимъ уголочкомъ... Многие изъ нихъ, отдохнувъ немного, вторично обходятъ Кальварію; заночуютъ у Вечорника и завтра съ прежнимъ настроеніемъ опять идутъ...

Всѣ грѣхи смыты, всѣ слезы выплаканы; а пройдетъ годъ—и на томъ же мѣстѣ вы опять увидите знакомыя лица съ новымъ запасомъ грѣховъ, съ новымъ запасомъ «жалю» и горькихъ слезъ...

Такова-то Кальварія. Однажды съ большой партией богомольцевъ я подходилъ къ ней ночью. Мы шли и пѣли. Съ нами было огромное распятіе, разубранное зеленью и цвѣтами. Нашъ поводырь, пожилой долговязый литовецъ, торжественно шествовалъ съ нимъ во главѣ «компаніи», а мы шли за крестомъ и пѣли... Но нашихъ пѣсенъ никто не слышалъ; никто не проводилъ насъ благословляющимъ взоромъ, никто не бросилъ къ нашимъ ногамъ и живого лепестка... И городъ и попутныя деревни спали мирнымъ сномъ; окутанныя густымъ мракомъ полуночи, спали и рѣки, и прибрежныя холмы, и луга, и нивы... Даже попутный лѣсъ упорно не пропускалъ въ свои нѣдра ни одного звука нашихъ тоскливыхъ пѣсенъ,—не слушалъ и откликался неохотно... А мы все шли и пѣли... Но вотъ показался и темный боръ Кальваріи, вмѣстѣ съ тѣмъ съ попутнымъ вѣтеркомъ донеслись оттуда неясныя звуки пѣсни... Тамъ не спали: запоздалыя «компаніи» паломниковъ съ зажженными свѣчами неторопливо заканчивали обходъ страстнаго пути Іисуса. То тамъ, то сямъ вспыхивали въ лѣсу огненныя точки, медленно передвигаясь въ разныя стороны; то онѣ пропадали, то опять появлялись... Мы подошли къ Вечорнику. Тамъ было много народу; одни только что вернулись съ Голгоѣы и потому съ спокойной совѣстью располагались на ночлегъ; другіе уже успѣли немного отлежаться и дремлютъ лишь до первой зори, чтобы вмѣстѣ съ нею открыть шествіе; нѣкоторые расположились группами и, слегка подремывая, ведутъ вялую бесѣду о своихъ домашнихъ дѣлахъ: о землѣ, о хлѣбѣ и скотинѣ. Еще очень рано, а уже явился одинъ проводникъ въ рваномъ

Костелъ св. Креста.

нальто и огромныхъ сапогахъ. Закуривъ свою огромную трубку, онъ подсѣлъ къ одной группѣ и безъ длинныхъ предисловій сразу началъ, какъ говорится, въ открытую. Скоро всѣ узнали, что лучшаго проводника, чѣмъ этотъ покорный слуга, во всей Кальварии не сыскать; что всѣ остальные—грубые невѣжды и, кромѣ того, еще жулье порядочное: ни чувства въ нихъ, ни вѣры, ни знанія,—двугривенные только заработать норовятъ и больше ничего; онъ же ходитъ по влеченію сердца, и если, слѣдовательно, они его не возьмутъ, то очень много потеряютъ.

Кругомъ въ балаганахъ тускло мерцали огни. И тамъ много народу. Многие, растянувшись на огромныхъ столахъ или свернувшись калачикомъ прямо на землѣ, спали богатырскимъ сномъ. Другіе пили чай, закусывали. Нѣкоторые, соскучившись въ томительномъ ожиданіи, уже успѣли выпить.

— Я естемъ шляхциць! Я естемъ уродзоны шляхциць!—громко выкрикивалъ какой-то тщедушный старикъ въ помятомъ пиджачкѣ, стоя посреди балагана и театрално размахивая руками.

— Отъ двунастего коляна шляхциць!..

Онъ былъ хоть и пьянъ, но въ позѣ и голосѣ его было, однакожъ, такъ много «гонору», что скоро всѣмъ стало понятно, что лишь по безконечной добротѣ своей снизошелъ онъ къ этой ничтожной компаніи... Но не всѣ, однако, воздали должное его высокой родовитости: какой-то сѣрый сермяга долго клевалъ носомъ о прилавокъ, но потомъ вдругъ вскочилъ и, вытянувшись во весь свой богатырскій ростъ, рявкнулъ на весь балаганъ:

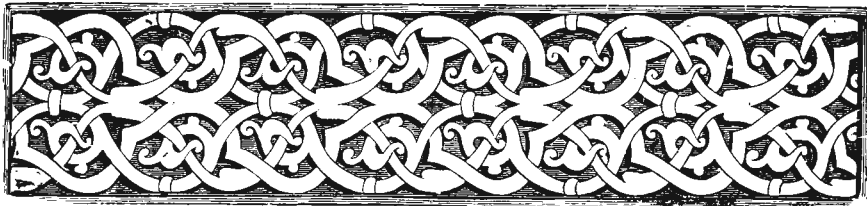
— А я хоть и хлопъ, а всякому шляхцицу могу шею свернуть...

Онъ, чего добраго, спява и готовъ былъ продѣлать надъ несчастнымъ шляхтичемъ подобную операцію, но тотъ во время улизнулъ и больше не показывался...

Взошла луна и съ любопытствомъ остановилась надъ лѣсомъ. Отъ деревьевъ легли длинныя тѣни на землю, на часовню и балаганы, на спящій народъ. Уже поздно, а гдѣ-то вдали допѣвается послѣдняя пѣсня богомольцевъ. Она не послѣдняя, не успѣетъ еще замолкнуть въ лѣсу ея слабое эхо, какъ на смѣну ему изъ Вечорника огромной волной разольется другое, завтра опять... И днемъ и ночью пѣсня здѣсь не умолкаетъ... Я прошелся по лѣсу. Изъ часовенъ при свѣтѣ луны вездѣ глядѣли на меня темные лики святыхъ и великихъ грѣшниковъ. Ночью черты ихъ еще болѣе выразительны,—кажись, вотъ-вотъ освободятся всѣ изъ тѣснаго заключенія и пойдутъ рядомъ со мною... Кругомъ тѣни, длинныя, лохматыя тѣни; откуда-то доносятся тяжелые вздохи пѣсни: кто-то поетъ и стонетъ здѣсь по ночамъ...

Петръ Корневскій.

А У Д А К О,

колонія прокаженныхъ на островѣ Эзелѣ.

I.

ЛУЧАЙНОЕ пребываніе лѣтомъ 1907 года въ Аренсбургѣ далѣ мнѣ возможность довольно близко ознакомиться съ колонією прокаженныхъ, выстроенною на островѣ Эзелѣ.

Колонія эта создана энергіей и любовью къ страждущему человѣчеству одного человѣка, именно комиссара по крестьянскимъ дѣламъ Эзельскаго уѣзда Ю. Ю. Зандера. Ему удалось не только выстроить колонію, приобрести для нея отъ крестьянъ участки земли, но и убѣдить крестьянъ обложить себя постояннымъ налогомъ для содержанія въ колоніи больныхъ своихъ земляковъ.

Недалеко еще то время, когда островъ Эзелъ былъ очагомъ проказы. Между тѣмъ этотъ прекрасный островъ съ мягкимъ климатомъ, при которомъ вызрѣваютъ груши и сливы, со своими въ высокой степени цѣлебными гязями, — къ слову сказать, которыми весьма мало пользуются больные изъ Россіи, благодаря тому, что о нихъ даютъ мало свѣдѣній мѣстные дѣятели, — и со своимъ незлобивымъ населеніемъ сталъ жертвою нашей некультурности и административной безпечности¹⁾! Въ самомъ дѣлѣ, новѣйшими изслѣдованіями твердо установленъ тотъ фактъ, что проказа занесена на островъ изъ прибалтійскихъ гу-

¹⁾ Живой примѣръ такой безпечности въ наши дни. Въ одной корреспонденціи «Нов. Вр.» изъ Саратова сказано, что тамъ по городу свободно гуляетъ прокаженный!

берній въ средніе вѣка. На островѣ она продержалась около четырехъ столѣтій и къ концу XVII столѣтія сама собою прекратилась. Вновь болыне проказою на островѣ появляются въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія. Опять болѣзнь занесена сюда съ материка, гдѣ появилась во время французскаго нашествія въ 1812 году. Съ тѣхъ поръ проказа держится на островѣ до нашихъ дней.

Но, какъ бы то ни было, приходится признать, что нѣкоторыя мѣстности острова благопріятствуютъ этой болѣзни.

Медицина, несмотря на открытіе проф. Ганзенемъ бациллы проказы, не нашла еще средства къ ея излеченію; но практика борьбы съ нею, веденной разумными средствами, дала въ руки человечеству орудіе, которымъ можно съ успѣхомъ пользоваться, чтобы не дать, по крайней мѣрѣ, возможности болѣзни распространяться среди населенія.

Средство это—изоляция больныхъ.

Полезность и практичность этого способа съ очевидностью доказала Норвегія.

Въ 1856 году здѣсь введена была система изоляціи, проводимая послѣдовательно, а не по русскому рецепту, урывками и спустя рукава. Къ этому времени въ Норвегіи насчитывалось 2,833 прокаженныхъ. Въ первый годъ по устройствѣ лепрозорія успѣли помѣстить туда едва 15% больныхъ, а затѣмъ процентъ этотъ постепенно повышался и достигъ 53% всѣхъ больныхъ проказою.

За 40 лѣтъ практики изоляціи больныхъ число прокаженныхъ сократилось съ 2,832 до 688 человекъ, а приростъ больныхъ, за то же время, сократился съ 8% до 1%.

Отсюда прямой выводъ. Если изолировать всѣхъ больныхъ, то здоровое населеніе будетъ избавлено отъ опасности заболѣть проказою. Разъ есть среди населенія хоть одинъ больной проказою—никто не гарантированъ отъ того, что и онъ не будетъ ею зараженъ. И это не потому только, что проказа очень заразительна, что многими докторами оспаривается, а опасность въ мнительности людей, въ ихъ душевномъ настроеніи, при которомъ увеличиваются благопріятныя условія для принятія заразы и при которомъ населеніе не можетъ мириться съ людьми, зараженными тою болѣзнію, которую оно называетъ «бичомъ Божиимъ».

Ю. Ю. Зандеръ, изучивъ болѣзнь и обследовавъ островъ, рѣшился достигнуть, по возможности, полной изоляціи больныхъ, чтобы спасти отъ заразы здоровое населеніе Эзеля. Къ крайнему удивленію, противъ его намѣренія возстали всѣ мѣстные дѣятели. Имъ казалось неудобнымъ строить лепрозорій на островѣ, потому что, пріѣзжая въ Аренсбургъ для леченія, публика, узнавъ объ этомъ, перестанетъ сюда ѣздить, а тѣмъ будетъ нанесенъ большой убытокъ всѣмъ домовладѣльцамъ, живущимъ отъ сдачи своихъ

домовъ пріѣзжающимъ. Но г. Зандеръ не унывалъ и сталъ искать для постройки лепрозорія подходящій участокъ земли. Тогда противники его пустили въ ходъ другія средства. Они, напримѣръ, уговорили мѣстныхъ землевладѣльцевъ не продавать ему земли, что было въ точности исполнено. Мало того, самому служебному положенію г. Зандера грозила извѣстная опасность по милости пущеннаго его противниками слуха, что онъ болѣе занимается про- каженными, чѣмъ прямыми своими служебными обязанностями. Они забывали, что для комиссара забота объ охранѣ здоровья ввѣ- реннаго ему населенія такая же святая обязанность, какъ и за- бота о порядкѣ въ писмоводствѣ волостныхъ правленій.

Въ сущности, противодѣйствіе устройству лепрозорія на островѣ являлось пунктомъ недомыслія. Для каждаго пріѣзжаго гораздо успо- коительнѣе знать, что больные собраны въ колоніи и за ними учре- жденъ надзоръ, а они не гуляютъ свободно по всему острову. Вѣдь всѣмъ было извѣстно еще задолго до рѣшенія строить ко- лонію, что прокаженные не только приходили лѣтомъ на зара- ботки въ тотъ же курортъ, который городскіе дѣятели защищали, но и жили въ немъ. Противники закрывали глаза на такія всѣмъ извѣстныя явленія, какъ, напримѣръ, на то, что прокаженная хо- дила въ поденщицы стирать бѣлье, прокаженная продавала на рынкѣ зелень, а сыроваръ-прокаженный развозилъ самъ свой про- дуктъ по городу, или прокаженная дѣвочка ходила въ сельскую школу. Вообще неизвѣстно, кого они хотѣли обмануть, стараясь скрыть существованіе проказы на островѣ.

Но во всякомъ случаѣ, если мѣстные дѣятели считали нужнымъ и полезнымъ удалить съ острова больныхъ проказою, то они обя- заны были позаботиться устроить на континентѣ лепрозорій та- кихъ размѣровъ, чтобы въ немъ вмѣстились, если не всѣ больные острова, то хотя бы половина ихъ. Кромѣ того, они обязаны были дать средства на содержаніе больныхъ,—ни того, ни другого сдѣ- лано не было.

До извѣстной степени цѣль ихъ была достигнута, и они, охра- няя свои мелочные денежные интересы, приносили имъ въ жертву здоровье всего шестидесятитысячнаго населенія острова. Какъ все- гда у насъ бываетъ, администрація ничего не видѣла и ничего не знала.

Вѣроятно, такое блаженное состояніе продолжалось бы до на- шихъ дней, если бы въ 1888 году не пріѣхалъ въ Аренсбургъ по- койный писатель Н. С. Лѣсковъ и въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ «Новомъ Времени», не разбудилъ пріятно дремавшее общество и не указалъ бы администраціи на ея обязанность охранять здо- ровое населеніе отъ ужасной заразы.

Въ это время болѣзнь уже развилась вполне. По свѣдѣніямъ, не вполне точнымъ, въ 1830 году зарегистрировано было 15 чело-

вѣкъ больныхъ, а въ 1888 году уже 25. Въ 1894 году—48, въ 1902 году—76 человѣкъ, а въ 1904 г., по тщательному изслѣдованію острова, число больныхъ проказою оказалось въ 102 человѣка.

Тогда только, когда заговорила періодическая печать, встрепенулась администрація, и покойный губернаторъ, генералъ Зиновьевъ, возбудилъ вопросъ о постройкѣ лепрозорія на островѣ Эзелѣ.

Но вопросъ, разумѣется, пошелъ канцелярскимъ порядкомъ и эзельской ландратской коллегіи, а затѣмъ и ландтагу эзельскаго дворянства легко было затормозить это дѣло, и они такъ успѣшно отписывались, что дѣло не двигалось съ мѣста до устройства лепрозорія Зандеромъ на крестьянскія деньги.

Правда, мѣстные дворяне показывали видъ, что желаютъ освободить островъ отъ прокаженныхъ путемъ устройства при существующихъ уже лепрозоріяхъ на материкѣ отдѣленій для больныхъ острова Эзеля.

Мысль эта была приведена въ исполненіе, и въ 1899 и 1901 годахъ, т. е. одиннадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ вопросъ былъ поставленъ на очередь!—было привезено съ острова въ лепрозорія Ненналь и Мулли 28 чел. прокаженныхъ. Но дворяне забыли, что у крестьянъ, хотя бы и прокаженныхъ, есть человѣческія чувства, есть любовь къ семьѣ, къ мѣсту своей родины. Вотъ результатъ этой забывчивости: 8 прокаженныхъ вернулись самовольно на родину, т. е. попросту бѣжали изъ лепрозорія. Въ 1901 году, когда собирались отправить новую партію больныхъ, двое скрылись въ лѣсахъ родного острова. Одинъ пригрозилъ тѣмъ, что если его возьмутъ—онъ лишитъ себя жизни, а другой, безъ всякихъ угрозъ, кончилъ самоубійствомъ, чтобы только не уѣзжать съ острова.

Больные соглашались на всѣ неудобства и жили на родинѣ при самыхъ невозможныхъ условіяхъ, жили въ хлѣвахъ, кладовкахъ безъ печей и оконъ, при крайнемъ недостаткѣ въ пищѣ, лишь бы не ѣхать на материкъ, хотя тамъ въ лепрозоріи имъ обезпеченъ былъ и уходъ и санитарныя условія.

Ю. Ю. Зандеръ въ своемъ докладѣ говоритъ: «Не касаясь нравственной стороны вопроса о высылкѣ прокаженныхъ въ материковый лепрозорій, нельзя не отмѣтить, что въ нѣсколькихъ случаяхъ я былъ очевидцемъ того тяжелаго душевнаго состоянія прокаженныхъ, при которомъ они покидали свою родину».

Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ, рассказанныхъ Зандеромъ. Онъ далъ знать черезъ полицію больной, что придетъ къ ней въ такомъ-то часу и чтобы она была дома. Больная уже знала причину этого визита. Когда г. Зандеръ въ назначенный часъ пришелъ къ ней, онъ увидѣлъ такую картину: въ углу, передъ Распятиемъ стоялъ столъ. На столѣ горѣли двѣ свѣчки, а передъ сто-

Главный флигель в Аудако.

ломъ, распростертая на полу, лежала женщина, вся въ слезахъ, и въ отчаяннѣи взывала:

— О, Юмале, Юмале! (О, Господи, Господи)!

— Я былъ страшно пораженъ и потрясенъ,—разсказываетъ Зандеръ.—Что мнѣ было дѣлать? Я сталъ рядомъ съ нею на колѣни и сталъ молиться, вторя ея словамъ. Больная начала успокаиваться, тогда мы сѣли съ нею на лавку, и я ее тихо уговаривалъ и постепенно успокоилъ такъ, что она сама согласилась въ необходимости ѣхать...

«Это разставаніе прокаженныхъ съ родиною и близкими не могло не произвести неизгладимаго впечатлѣнія, не могло не создать стремленія улучшить положеніе этихъ отверженцевъ», говорить про себя Ю. Ю. Зандеръ, и онъ рѣшился дѣйствовать на свой страхъ.

Надо замѣтить, что дворяне, устраивая отдѣленіе при материковыхъ лепрозоріяхъ, предусмотрительно назначили средства для содержанія больныхъ изъ мѣстнаго крестьянскаго банка, т. е. въ сущности изъ кармана крестьянъ, а сами они и ихъ огромныя земли остались въ сторонѣ отъ обложенія, забывъ, что этотъ вопросъ—сохраненіе здоровья населенія—касается всѣхъ сословій и проказа не разбираетъ, поражаетъ ли она барона, или крестьянина.

Четыре года г. Зандеръ боролся съ враждебными ему силами и наконецъ въ 1903 году побѣдилъ. Въ этомъ году ему удалось убѣдить лиммандское крестьянское общество уступить участокъ общественной земли подъ постройку лепрозорія.

Онъ объѣхалъ островъ, всѣ 17 волостей Эзельскаго уѣзда, и убѣдилъ волостные сходы принять участіе въ покупкѣ земли и въ ежегодномъ содержаніи прокаженныхъ въ лепрозоріи.

Волости составили приговоры и постановили всѣ деньги, рассчитанныя по смѣтѣ, вносить въ кассу лиммандскаго крестьянскаго общества, причемъ распоряженіе этими деньгами поручили, на общемъ основаніи, вѣдѣнію лиммандскаго схода выборныхъ подъ контролемъ комиссара по крестьянскимъ дѣламъ г. Зандера.

Участокъ «Аудако», мѣрою 11,45 десятины, приобрѣтенъ за 1,600 рублей. Всѣ постройки на немъ произведены, по мѣстнымъ цѣнамъ, съ торговъ. Подрядчиками построекъ явились мѣстные крестьяне-дворохозяева, причемъ каждая постройка имѣла своего отдѣльнаго подрядчика. Эти подрядчики-дворохозяева всѣ постройки возвели изъ собственнаго лѣса, который цѣнили весьма низко, почему постройка всей колоніи обошлась чрезвычайно дешево.

Лиммандскій волостной старшина, который въ этомъ дѣлѣ принималъ и принимаетъ самое дѣятельное участіе, по порученію схода выборныхъ, произвелъ нѣкоторыя мелкія работы и закупилъ предметы для оборудованія колоніи и продовольствія больныхъ.

Часть столовой для церковныхъ службъ.

Всѣ постройки со всѣмъ оборудованіемъ для помѣщенія 62 больных обошлись въ 8,500 рублей.

При постройкѣ колоніи принята была барачная система, и построено 5 домиковъ для больныхъ, изъ нихъ 2 для мужчинъ и 3 домика для больныхъ женщинъ. Довольно большое зданіе—общая столовая съ помѣщеніемъ для кухарокъ, тѣхъ же прокаженныхъ, кухни, кладовыми и погребомъ. Къ столовой пристроена веранда. Баня съ прачечной и покойницкая.

На участкѣ, отдѣленномъ для здоровыхъ, построены: домъ для фельдшера, завѣдующаго больными, конюшня съ сараемъ для повозокъ и двумя отдѣленіями для рогатаго скота и свиней. Амбаръ съ сѣннымъ сараемъ, баня съ прачечной и домъ для сторожа.

Благодаря введенной хозяйственности, а также дешевизнѣ продуктовъ, причемъ колонія имѣетъ свой картофель, капусту и другіе огородные овощи, содержаніе больныхъ обходится очень недорого, въ особенности, если сравнить содержаніе больныхъ на Эзелѣ, въ Аудако, съ содержаніемъ въ другихъ лепрозоріяхъ.

Смѣта расходовъ по колоніи Аудако разсчитана по стоимости одной кровати, въ 166 рублей въ годъ, тогда какъ стоимость кровати въ рижскомъ лепрозоріи обходится въ 984 р. 23 к.

въ лепрозоріи «Крутые Ручьи»	» 600	» —
» Введенской лепрозоріи	» 416	» 84
» Тарвастской	» 363	р. 20 к.

Эти свѣдѣнія взяты изъ статьи юрьевского профессора Деріо, помѣщенной въ «St.-Petersburger Medecin Wochen.» № 1, 1906 г.

Описываемая колонія существуетъ уже три года, но, кажется, рѣшительно никто о ней не знаетъ и не интересуется ею. Не потому ли такое равнодушіе общества, что колонія представляетъ единственное учрежденіе, созданное и содержимое крестьянами, безъ всякаго участія другихъ сословій и безъ малѣйшей поддержки правительства?

Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ счастливое совпаденіе энергіи и доброй воли правительственнаго чиновника съ сознаніемъ пользы и разумомъ самихъ крестьянъ. Но представьте себѣ крестьянъ, которые захотѣли бы устроить что-либо подобное въ губерніяхъ, гдѣ введены земскіе начальники. Пусть бы они попробовали составить подобные приговоры. Можно безошибочно сказать, что ни одинъ земскій начальникъ не рѣшился бы утвердить такой приговоръ и принять на себя по этому дѣлу хлопоты, зная, что дворянство этого не желаетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ случаѣ мы видимъ яркое проявленіе крестьянской самодѣятельности. И такая самодѣятельность развивалась бы вполне нормально, а не урывками и какъ бы исподтишка, вездѣ и всюду, если бы была введена всесословная волость, или вообще вошла бы въ жизнь деревни мелкая земская единица.

Два домика для прокаженных мужчинъ.

II.

Высокій интересъ представляетъ прослѣдить, въ историческомъ порядкѣ, за развитіемъ проказы на островѣ и мѣрами борьбы, принимаемыми противъ ея распространенія.

Точныхъ свѣдѣній о томъ, когда именно появилась проказа на островѣ Эзелѣ, нѣтъ, такъ что приходится довольствоваться косвенными доказательствами, чтобы установить время занесенія сюда заразы. Достоверно извѣстно, что въ Ревелѣ первый лепрозорій былъ основанъ въ 1237 году и въ то же время открытъ былъ госпиталь для прокаженныхъ и въ Ригѣ.

Отсюда можно заключить, что проказа на Эзелѣ появилась не ранѣе половины или конца XIII столѣтія. Свѣдѣнія по этому вопросу такъ не полны, что приходится мириться съ такимъ положеніемъ: «первый лепрозорій на островѣ былъ открытъ къ концу XIII столѣтія и во всякомъ случаѣ не позже XV столѣтія».

Какъ видимъ, промежутокъ сомнительныхъ свѣдѣній о началѣ заразы равняется 150 годамъ!

Орденъ меченосцевъ, которому принадлежалъ островъ, устроилъ первый лепрозорій недалеко отъ Кильконда, на землѣ теперешняго имѣнія Пидуль (*Pidali Hospidali moita*, что значитъ—госпитальное имѣніе).

Интересно, что по-эстонски проказа называется «*Pidali töbi*»— это есть сокращенная фраза «*Hospidali-töbi*», т. е. госпитальная болѣзнь. Такое названіе проказѣ дано влѣдствіе того, что въ средніе вѣка каждого прокаженного обязательно помѣщали въ госпиталь.

Народная молва указываетъ недалеко отъ этого имѣнія ключъ, которымъ, будто бы, пользовались прокаженные для своего излеченія. Тутъ же въ имѣніи виднѣются слѣды стѣнъ лепрозорія.

Въ килькондскомъ приходѣ сохранилась интересная легенда, характеризующая и ужасъ населенія передъ этой страшной болѣзней и неиспорченность тогдашнихъ людей. Легенда говоритъ, что къ берегу пристали два прокаженныхъ рыцаря, которые привезли съ собою бочки золота. Жители оттолкнули лодку отъ берега и не позволили больнымъ высадиться. Черезъ нѣкоторое время на берегъ выбросило лодку съ двумя трупами рыцарей и съ бочками золота. Жители вырыли глубокую яму и зарыли туда и трупы рыцарей и привезенное ими золото, боясь отъ него заразиться, а лодку сожгли.

Въ 1438 году Тевтонскій орденъ продалъ свои килькондскія земли епископу эзелскому. Съ переходомъ земель къ епископу закрылся, видимо, изъ экономіи этотъ первый на островѣ лепрозорій.

Но около этого же времени у нынѣшней деревни Керкуле выстроены были уже второй лепрозорій.

Видимо, земля подъ этотъ лепрозорій была пожертвована владѣльцемъ, такъ какъ въ архивѣ кергельской лютеранской церкви находится запись отъ 1763 года, изъ которой видно, что мѣстнымъ пасторомъ Дрейеромъ было возбуждено ходатайство передъ императрицею Екатериною II о возвратѣ кергельскому приходу двухъ гаkenовъ земли, пожертвованныхъ въ 1575 году Отто фонъ-Буксгевденомъ для кергельскаго госпиталя, причемъ упомянуто, что въ указанномъ мѣстѣ имѣются развалины госпиталя.

Такимъ образомъ второй лепрозорій закрылся въ XVI столѣтїи или въ началѣ XVII.

Третій лепрозорій устроенъ былъ орденомъ у крѣпости Зонненбургъ, на берегу Малаго Зунда. Объ этомъ лепрозоріи-госпиталѣ въ ревизіонныхъ актахъ 1645 года, въ концѣ 2-й тетради № XVI, имѣется такое указаніе: «Госпиталь принадлежалъ нѣкогда къ Керрокулю, въ приходѣ Кергель, затѣмъ рейтмейстеру Зонненбургу. Іоаннъ Швабе устроилъ его для бѣдныхъ, и доходы употреблялись исключительно на прокаженныхъ, которыхъ въ то время насчитывалось двадцать одинъ».

Надо думать, что эта замѣтка относится къ землямъ, отвѣденнымъ въ пользу лепрозорія въ 1583 году, при королѣ Фридрихѣ II (Датскомъ) Іоанномъ Швабе. При этомъ госпиталѣ была построена капелла во имя св. Іоанна Милостиваго. Но когда жители острова были обращены въ лютеранство, капелла стала самостоятельною приходскою церковію. Обращеніе капеллы при лепрозоріи въ приходскую церковь произведено было въ 1675 году, т. е. тогда, когда, какъ надо думать, прекратилась проказа и зараженныхъ въ госпиталѣ уже не было.

За земли, отвѣденныя госпиталю, настоятель Іоанновскаго прихода обязанъ былъ содержать больныхъ, что, однако, не мѣшало настоятелю требовать, чтобы каждый больной, поступающій въ госпиталь, приносилъ съ собою: 5 пуръ ржи, 1 корову, 1 котель и 1 гробъ.

Въ 1736 году былъ произведенъ осмотръ этого госпиталя, причемъ оказалось, что въ немъ нѣтъ никакихъ больныхъ. Ландратъ фонъ-Гильденштубе сдѣлалъ представленіе мѣстному генералъ-губернатору о закрытіи госпиталя. Генералъ-губернаторъ официально закрылъ госпиталь въ 1740 году и по соглашенію съ евангелическо-лютеранской консисторіей обязалъ пастора Іоанновскаго прихода выплачивать въ пользу бѣдныхъ известное количество ржи.

Такимъ образомъ, третій лепрозорій, надо полагать, за отсутствіемъ зараженныхъ самъ собою закрылся около 1675 года, когда церковь при немъ объявлена была приходскою, что было бы немислимо, если бы опасались заразы.

Всѣ земли, пожертвованныя въ разное время лепрозоріямъ, а ихъ было немало, по закрытіи лепрозорій, перешли во владѣніе лютеранскихъ приходоѡвъ. Этотъ переходъ земель, съ доходовъ которыхъ содержались госпитали, послужилъ основаніемъ для указа императора Павла 9 апрѣля 1798 года, которымъ для мѣстныхъ госпиталей было пожаловано имѣніе Ладьяль.

На основаніи этого указа мѣстный земскій госпиталь, построенный на островѣ Тори въ 1801 году, пользуется по настоящее время доходами съ этого имѣнія.

Изъ этой исторической справки, заимствованной мною, какъ и все послѣдующее изъ доклада Ю. Ю. Зандера, прочитаннаго группѣ врачей, посѣтившихъ, послѣ съѣзда врачей лифляндскаго общества въ августѣ 1905 года, колонію прокаженныхъ въ Аудако, надо заключить, что проказа на островѣ прекратилась въ исходѣ XVII столѣтія.

Казалось бы, разъ островъ избавился отъ такой страшной гостыи, можно было надѣяться, что само общество, и помимо правительства, наученное опытомъ существованія болѣзни на островѣ въ теченіе четырехъ столѣтій, станетъ заботиться о санитарныхъ условіяхъ острова и всѣми доступными, по тѣмъ временамъ, научными средствами будетъ бороться противъ новаго ея появленія. Но для такой дѣятельности обществу надо быть культурнымъ и самодѣятельнымъ; къ сожалѣнію, этими качествами общества, находящіяся подъ властію русской бюрократіи, никогда не отличались.

Плоды такого инертнаго состоянія сказываются и въ наши дни на всемъ обширномъ пространствѣ Россійской имперіи.

Обратимся вновь къ историческимъ справкамъ появленія проказы на островѣ послѣ 150-лѣтняго ея отсутствія.

По изслѣдованіямъ профессора Дегио проказа въ Прибалтійскомъ краѣ, утихшая послѣ средневѣковаго періода, вновь появилась тамъ во время французскаго нашествія въ 1812 году. Съ этого года и надо начинать новый періодъ появленія болѣзни и ея распространенія какъ по балтійскому побережью, такъ и на островѣ Эзелѣ.

Въ сохранившихся экстрактахъ протоколовъ эзелской ландратской коллегіи за 1812 годъ, по поводу докладовъ госпитальнаго доктора Блауберга, о проказѣ не упоминается, хотя перечислены многія болѣзни, напримѣръ, сифилисъ, съ которыми приходилось бороться. О появившейся проказѣ на островѣ мы узнаемъ только изъ случайно уцѣлѣвшихъ отъ пожара списковъ аренбургскаго госпиталя, за 1828 годъ, въ которыхъ показаны больные проказою; но когда они появились—свѣдѣній нѣтъ.

Если принять во вниманіе, что въ тѣ времена никакихъ обслѣдованій не дѣлалось, больные обнаруживались совершенно слу-

Одинъ изъ домиковъ для прокаженныхъ женщинъ.

чайно и если попадали въ госпиталь, то попадали и въ списки, потому и нельзя давать особой вѣры тѣмъ неполнымъ свѣдѣніямъ о числѣ больныхъ, которые имѣются въ этихъ спискахъ. По госпитальной книгѣ за 1830 годъ число больныхъ проказою показано 15 человѣкъ. Потомъ по книгамъ до 1860 года заболѣванія какъ будто уменьшились, но въ то время обследованій среди населенія не дѣлалось и потому никто ничего не зналъ. Такая неопредѣленность тянулась до 1887—1888 года, когда д-ръ Геллатъ сдѣлалъ первое обследованіе проказы и нашелъ на островѣ 25 человѣкъ больныхъ. Въ 1894 году проказу обследовалъ д-ръ Лохкъ и нашелъ уже 48 больныхъ, а въ 1902 году, по обследованію Ю. Ю. Зандера, оказалось 76 прокаженныхъ. Наконецъ къ 1 сентября 1904 года, по изслѣдованіямъ студента Тальвика, дополненнымъ по спискамъ аренбургскаго госпиталя, зарегистрировано 102 человѣка, зараженныхъ проказою. Къ 1 января 1907 г. числится 92 человѣка больныхъ.

Какъ видимъ, болѣзнь, благодаря равнодушію общества и бездѣятельности властей, прогрессировала и захватывала все большее число жертвъ.

Въ настоящее время половина больныхъ помѣщена въ колоніи, а половина ихъ проживаетъ въ своихъ семьяхъ. Географическое распредѣленіе больныхъ по острову неравномѣрно. Большее число больныхъ сосредоточивается въ волостяхъ Аброкской, Торкенской, Лиммандской, Вел. Картельской и Килькондской.

На островѣ Руно и въ Геллатской волости прокаженныхъ никогда не было, а Велико-Моонская волость давно уже избавилась отъ заразы, такъ какъ случайно бывшая тамъ больная давно уже умерла. Такимъ образомъ, и островъ Моонъ, на которомъ расположены Геллатская и В.-Моонская волости, также избавленъ отъ прокаженныхъ.

III.

Былъ прекрасный іюльскій день, когда мы, по приглашенію Ю. Ю. Зандера, выѣхали изъ Аренбурга, чтобы осмотрѣть колонию прокаженныхъ. По небу ползли рѣдкія тучки и, прикрывая легкою дымкою яркое солнце, умѣряли жару.

Приходилось проѣхать около 28 верстъ, и потому лошадки берегли силы и бѣжали мелкою рысцою, а мы полною грудью вдыхали чистый, влажный воздухъ, навѣваемый съ моря, и слушали рассказы Ю. Ю. Зандера.

Изучая проказу и ея распространеніе по острову, г. Зандеръ убѣдился въ томъ, что, чѣмъ ниже мѣстность и ближе къ морю, тѣмъ условія для заразы благоприятнѣе. Между крестьянами существуетъ даже повѣріе, что проказа отъ морской воды, или что

Группа прокаженных съ устроителемъ колоніи Зандеромъ и фельдшеромъ Керге.

ею заражаются тѣ, кто собираетъ морскую траву. При расположеніи деревни выше 50 футовъ надъ уровнемъ моря болѣзнь почти не появляется. Указывается чрезвычайно характерный случай, когда больная, въ первой стадіи заболѣванія перешедшая на жительство на болѣе возвышенную мѣстность, не только не заразила никого изъ окружающихъ, но, что особенно важно, самая болѣзнь ея какъ бы остановилась въ своемъ развитіи. Это именно Марія Мягги, которая вышла замужъ въ 1874 году, въ деревню Кузино, расположенную на 50 фут. выше уровня моря. Къ 1877 году у нея обнаружались наружные признаки болѣзни (*terga tuberosa*), значить болѣзнь она принесла съ собою, такъ какъ проказа проявляется наружу только спустя два-три года послѣ зараженія. Но затѣмъ болѣзнь остановилась въ своемъ развитіи, т. е. не послѣдовало распаденія узловъ, и она находится въ этомъ положеніи и по настоящее время. И мужъ и всѣ ея окружающіе вполне здоровы.

Эта причина заставила г. Зандера искать участокъ земли подале отъ берега моря и по возможности на возвышенномъ мѣстѣ. Избранный участокъ «Аудако» вполне отвѣчаетъ этимъ условіямъ, такъ какъ расположенъ на высотѣ 140 футовъ надъ моремъ и въ 8 верстахъ отъ берега моря.

Первыя версты мы ѣхали низиною, напоминающею наши новгородскія болота, покрытыя можжевельникомъ и мочлявинами. Но затѣмъ мѣстность стала повышаться, и видѣвшійся вдали лѣсокъ приблизился къ дорогѣ.

Прохожіе и проѣзжіе по дорогѣ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Большая часть взрослога населенія уходитъ на заработки, по преимуществу на материкъ.

Встрѣчающіеся все люди довольно мрачнаго вида.

— Тере, тере (здравствуйте, здравствуйте) — и, не подавая вида, что интересуются вами, не оборачиваясь, проходятъ мимо.

Мы въѣхали въ казенный лѣсъ, все поднимаясь по возвышенности, и аромат соснового лѣса окружилъ насъ. Чтобы поразмять ноги, мы вышли изъ экипажа и пошли собирать землянику, которая въ изобиліи росла по бокамъ дороги.

Проѣхавъ по хребту возвышенности, мы стали спускаться въ долину и увидали передъ собою ворота, а вправо и влѣво отъ нихъ потянувшуюся изгородь.

Это былъ въѣздъ въ участокъ, который отдѣленъ отъ сосѣднихъ владѣній сплошною изгородью.

Въѣхавъ въ ворота, мы остановились у дома сторожа. Передъ нами на высокомъ холмѣ, подъ сѣнью чуднаго дуба, видѣлась постройка. Это самое большое зданіе колоніи — столовая.

Передъ тѣмъ, какъ начать осмотръ, мы вошли въ калитку участка, отвѣденнаго фельдшеру, завѣдующему больными въ коло-

ни. Направо стоялъ хорошенькій домикъ въ двѣ комнаты съ кухней и при ней комнатой для прислуги. Тутъ же кладовая.

Въ комнатѣ свѣтло, чисто и опрятно. Фельдшеръ Генрихъ Керге, 5 лѣтъ служившій при тарвастской лепровори и заслужившій отличнѣйшія аттестаціи, одѣлъ насъ въ чистенькіе халаты, аккуратно обвязалъ поясами и закрылъ наши воротнички воротникомъ халата, и только тогда намъ позволено было начать осмотръ.

Въ саду, между яблонями, были разставлены ульи, и пчелы весело работали, радуясь хорошему дню. Эта пасѣка принадлежитъ г. Керге, который и ульи и пчелъ привезъ изъ Юрьева. Мы нашъ осмотръ и начали съ этой пасѣки. Нашъ товарищъ по путешествію, извѣстный читателямъ «Нивы» и иллюстрированнаго приложения къ «Новому Времени» по его прекраснымъ снимкамъ фотографъ Булла, пожелалъ сфотографировать пасѣку и «для оживленія картинки» поставилъ меня и Генриха Керге, къ улью, устройство котораго меня особенно интересовало.

По мысли Ю. Ю. Зандера въ число работъ прокаженныхъ предполагается ввести садоводство, огородничество и пчеловодство.

Разумѣется, въ настоящее время все это только въ зачаткѣ. На вопросъ, работаютъ ли больные на пасѣкѣ, было разъяснено, что входъ на участокъ, который отведенъ для здоровыхъ, больнымъ воспрещенъ. Къ тому же фельдшеръ не можетъ пользоваться трудомъ прокаженныхъ, такъ какъ собираемый медъ и фрукты изъ сада онъ продаетъ на сторону, а продукты работы прокаженныхъ могутъ итти только на продовольствіе и содержаніе самихъ больныхъ.

Съ развитіемъ пасѣки (теперь пока только 8 ульевъ) предполагается дать нѣсколько ульевъ больнымъ для ухода за ними, и медъ, который будетъ получаться, пойдетъ больнымъ въ видѣ лакомства.

Выйдя изъ отдѣленія здоровыхъ, мы поднялись на холмъ, наверху котораго стояла столовая съ кухней и помѣщеніемъ для кухарокъ. Мы подошли къ лѣвому углу зданія и по нѣсколькимъ ступенямъ поднялись и вошли въ небольшую дверь, ведущую въ небольшія сѣни, въ которыхъ устроено небольшое помѣщеніе для принадлежностей и одеждъ духовенства, т. е. священника и пастора. Тутъ же, въ сѣняхъ, шкапъ для дезинфекціонныхъ средствъ, бѣлыхъ рубахъ и передниковъ, которые надѣваются на посѣтителей. Посѣтители, послѣ свиданія съ больными, подвергаются дезинфекціи формалиновымъ паромъ.

Столовая представляетъ большую свѣтлую комнату, которая по длинѣ, раздѣлена на двѣ неравныя части. Меньшая, въ которую мы и вошли изъ сѣней, устроена на возвышеніи и отдѣлена отъ большей барьеромъ. По срединѣ стѣны, прямо противъ столовъ обѣдающихъ, разставленныхъ въ два ряда, виситъ Распятіе, а

подъ нимъ и ближе къ барьеру каеэдра для пастора и вообще для чтеній. Если смотрѣть отъ обѣдающихъ, то направо отъ Распятія висятъ образа и двѣ хоругви, а у стѣны аналой, на которомъ лежатъ крестъ и евангеліе. Налѣво отъ каеэдры столикъ, на немъ небольшое распятіе и чаша, а надъ столикомъ картина— голова Спасителя.

Благодаря такому устройству и православные, и лютеране по мѣрѣ надобности имѣютъ возможность слушать службы по обрядамъ ихъ религій.

Посѣтители, которые иногда бываютъ у больныхъ, собираются на возвышеніи, за барьеромъ, а вызываемые для свиданій больные остаются у столовъ, за барьеромъ; такимъ образомъ сопркосновеніе здоровыхъ съ больными устранено.

Если смотрѣть отъ каеэдры, то въ правой части задней стѣны имѣется дверь, ведущая въ коридоръ, изъ котораго двери въ комнаты кухарокъ, а коридоръ выходитъ въ послѣднюю комнату, гдѣ имѣется складъ для вещей и провіанта. Внизу погребъ.

Въ лѣвомъ углу задней стѣны устроено окно, черезъ которое подаются изъ кухни кушанья въ столовую. А въ боковой стѣнѣ дверь на террасу. Изъ кухни устроено также окно для подачи кушаній и на террасу, когда лѣтомъ больные обѣдаютъ не въ столовой, а на террасѣ.

Столовая освѣщается двумя висячими лампами.

Съ веранды или террасы открывается очень красивый видъ на картофельное поле внизу, лужайки, лѣсъ и домики для больныхъ въ отдаленіи. Отъ веранды къ домикамъ ведетъ дорожка.

Съ веранды мы спустились и прошли къ домикамъ.

Въ колоніи пока выстроено пять домиковъ, всѣ по одному плану и на 10 человекъ каждый. Два домика эти занимаются мужчинами, а три, которые расположены влѣво отъ первыхъ, больными женщинами.

Каждый изъ домиковъ состоитъ изъ одной большой комнаты, длиною въ 12 аршинъ, шириною въ 9 аршинъ и высотой въ 10 футовъ, съ передней, кладовкой и отхожимъ мѣстомъ. По срединѣ комнаты печь изъ простыхъ кафелей и при ней, съ отдѣльной топкой, плита на два котла.

Обитатели домиковъ завели подлѣ своихъ жилищъ небольшіе огородики: грядка или двѣ свеклы, огурцовъ или клубники. Кто что любитъ, тотъ то и разводитъ. У женщинъ устроены небольшія рѣшетки изъ прутьевъ, на которыхъ онѣ вялятъ салакушку— любимое кушанье эстонцевъ.

Между мужчинами есть матросы, и одинъ изъ нихъ устроилъ игрушечные кораблики, которые и размѣстилъ по кругу, на высокомъ столбѣ. Онъ же устроилъ красивую модель корабля и называетъ себя его капитаномъ. Другіе устроили игрушечныя мель-

ницы. Между домиками женщинъ устроена качель и поставлены скамейки. Тутъ же очень красивый колодець.

Все это устройство производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе мирной деревенской жизни. Ничего казеннаго, ничего натягутаго или подневольнаго не замѣтно.

Больные должны исполнять всѣ работы. Они косятъ траву, пахутъ землю, сѣютъ и убираютъ. Но за свой трудъ они желаютъ получать плату, и на этой почвѣ иногда бываютъ недоразумѣнія.

Между больными мужчинами есть столяры, сапожники и плотники. Изъ женщинъ — портнихи, кухарки, прачки, сидѣлки для трудно больныхъ.

Каждый изъ упомянутыхъ мастеровъ получаетъ вознагражденіе отъ 50 коп. до 2 руб. въ мѣсяць; кромѣ того, за нѣкоторыя руководѣльныя работы положена особая плата, напр., за вязку пары чулокъ изъ нитокъ собственной пряжи—3 копейки.

Довольствіе прокаженныхъ производится по раскладкѣ, на основаніи которой каждый получаетъ въ день 2 фунта хлѣба, а затѣмъ на завтракъ по 7 салакъ и $\frac{1}{8}$ гарнца варенаго картофеля. Обѣды и ужины заключаются въ слѣдующемъ: 2 раза въ недѣлю съ полуфунтомъ мяса, 2 раза въ недѣлю картофельный супъ съ крупой и саломъ, 2 раза въ недѣлю каша съ саломъ, причемъ на ужинъ добавляется по 3 салаки на каждого и 1 разъ въ недѣлю гороховый супъ съ крупой и саломъ.

Разумѣется, это меню измѣняется въ зависимости отъ времени года и дешевизны провизіи. Такъ, при дешевизнѣ телятины, баранины и свинины, прокаженные будутъ получать мясные обѣды 3 или 4 раза въ недѣлю.

Вообще пропитаніе и содержаніе прокаженныхъ рассчитано сообразно съ отпускомъ на это средствъ отъ крестьянскихъ обществъ. Общества постановили отпускать по 40 рублей въ годъ на каждого больного или около 11 копеекъ въ день на человѣка.

Всѣ хозяйственныя постройки также хорошо и практично построены и устроены. Во всемъ видна хозяйственность и чистота.

Въ настоящее время въ колоніи имѣются 3 коровы, такъ что лѣтомъ больные имѣютъ молоко. Кислое на завтракъ, а на обѣдъ каша варится на молокѣ.

Для полевыхъ работъ имѣется лошадь. Для откормки содержится нѣсколько свиней.

Для ручныхъ работъ имѣются топоры и лопаты, для женщинъ—швейная машина, прялки и принадлежности для шитья бѣлья и вязанья чулокъ

Въ домикахъ для мужчинъ имѣется 1 верстакъ со столярными принадлежностями и принадлежности для сапожнаго мастерства.

Въ настоящее время въ колоніи можетъ помѣститься, нѣсколько потѣснившись, до 62 человѣкъ больныхъ.

IV.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ, кажется, единственное учрежденіе высокаго общественнаго значенія,—оздоровленіе населенія цѣлаго острова,—устроенное и содержимое на средства крестьянъ, безъ всякаго участія другихъ сословій. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы имѣемъ не менѣе удивительный примѣръ, когда чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, человѣкъ научно не подготовленный, заинтересовавшись характеромъ болѣзни и ея проявленіемъ въ вѣренномъ его административной попечительности участкѣ, производитъ рядъ подробныхъ медицинскихъ, статистическихъ и иныхъ обследованій, стремится уяснить себѣ болѣзнь, ходъ ея заразительности, наслѣдственности и географическаго распространенія,¹⁾ тогда какъ жрецы науки весьма равнодушно относились къ этому дѣлу и медицинскія обследованія производились весьма рѣдко, и самыя обследованія были обставлены весьма неудовлетворительно.

Обследованія эти приводятъ къ убѣжденію въ необходимости изолировать больныхъ, чтобы спасти здоровыхъ. Свой планъ онъ приводитъ въ исполненіе и благодаря его энергіи пятьдесятъ процентовъ больныхъ находятъ себѣ пріютъ до самой своей смерти.

Человѣкъ, заболѣвшій проказою, если онъ не обманываетъ себя напрасными надеждами, обреченъ, въ среднемъ, въ теченіе 10—15 лѣтъ, на медленное прижизненное гніеніе своего тѣла и наконецъ на мучительную смерть. Достаточно взглянуть на больныхъ въ послѣдней стадіи развитія болѣзни, увидать эти гноящіяся дыры вмѣсто глазъ, изрытыя гнилыми язвами лица, чтобы прійти въ ужасъ отъ положенія тѣхъ здоровыхъ членовъ семьи, среди которыхъ суждено догнивать такому больному. Но не менѣе ужасно положеніе и самого больного, отъ котораго всѣ убѣгаютъ, которому дадутъ умереть въ какой-нибудь норѣ, какъ собака. Понятно, съ какимъ уваженіемъ надо отнестись къ тѣмъ, кто устроилъ колонію и далъ возможность отверженнымъ больнымъ дожить свои печальные дни и умереть по-человѣчески.

Результаты обследованія острова Эзеля изложены въ таблицахъ, дающихъ отвѣты на весьма жгучіе вопросы.

Напримѣръ, по вопросу о наслѣдственности болѣзни имѣются 4 таблицы:

Въ таблицѣ а) оба супруга прокаженные. Свѣдѣнія собраны по 12 супружествамъ. У этихъ супруговъ до ихъ заболѣванія (это очень интересно отмѣтить) родилось въ общемъ числѣ 27 чело-

¹⁾ А мы все жалуемся, что у насъ людей нѣтъ, люди есть—умѣйте ихъ найти и заинтересовать въ дѣлѣ.

вѣкъ дѣтей. Послѣ заболѣванія—ни одного. Изъ 27 дѣтей 13 остались совершенно здоровыми, 14 заболѣли проказой.

По таблицѣ б) мужъ прокаженный, жена здоровая, наблюдалось 32 семейства. У нихъ до заболѣванія мужа родилось дѣтей 55 здоровыхъ и только 4 больныхъ. Всего 49 человекъ, а послѣ заболѣванія мужа родилось 11 здоровыхъ и ни одного больного ребенка.

По таблицѣ в) жена прокаженная, а мужъ здоровъ. У 59 матерей до заболѣванія родилось 109 человекъ здоровыхъ и 20 больныхъ, а послѣ заболѣванія: 7 здоровыхъ и ни одного больного.

По таблицѣ г) прокаженная прижила дѣтей внѣ брака. Въ 12 случаяхъ до заболѣванія родилось 9 человекъ здоровыхъ и 1 больной, а послѣ заболѣванія 3 здоровыхъ и ни одного больного.

По этимъ даннымъ вопросъ о наслѣдственности болѣзни является спорнымъ. Но по этимъ же даннымъ можно прийти къ заключенію, что послѣ проявленія болѣзни наружу, что обыкновенно происходитъ черезъ два или три года отъ зараженія, заболѣвшій теряетъ способность къ продолженію рода.

Однако, принимая во вниманіе, что обследованіе дѣлалось, хотя и со всевозможною тщательностью и вниманіемъ, но человекомъ, научно неподготовленнымъ, и во избѣжаніе естественныхъ сомнѣній въ научности приѣмовъ, допущенныхъ при изслѣдованіяхъ, было бы желательно и крайне интересно освѣтить съ научной стороны результаты статистическаго изслѣдованія Ю. Ю. Зандеромъ проказы на островѣ Эзелѣ. По его мнѣнію, проказа не наслѣдственна и даже мало заразительна. Заразительна она лишь при совокупности извѣстныхъ обстоятельствъ и при томъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ больше, а въ нѣкоторыхъ меньше.

Надлежало бы изслѣдовать тотъ полученный на Эзелѣ фактъ, что болѣзнь на высотѣ свыше 50 футовъ надъ моремъ и притомъ въ удаленной отъ моря мѣстности не заразительна, тогда какъ извѣстно, что въ Африкѣ, Остѣ-Индіи и Боливіи проказа развивается и на очень высокихъ мѣстахъ.

Если предположенія и выводы, къ которымъ пришелъ г. Зандеръ, основательны, то вопросъ о призрачності многихъ прокаженныхъ, проживающихъ внѣ условій зараженія, разрѣшается весьма просто. Эти прокаженные могутъ оставаться дома, такъ какъ сразу они не могутъ перенести на окружающее населеніе.

Затѣмъ интересны статистическіе подсчеты о числѣ прокаженныхъ въ семьяхъ. Какъ оказывается, дѣти прокаженныхъ, разъ они были рождены послѣ полученія родителями проказы, проказой больше не заболѣваютъ и потомство ихъ обезпечено отъ заразы.

Всѣ эти вопросы и много еще другихъ, связанныхъ съ проказою, требуютъ подробнаго, всесторонняго и при томъ строго научнаго изслѣдованія.

Но, кромѣ научнаго интереса, проказа, въ настоящемъ своемъ положеніи, имѣетъ, если позволено такъ выразиться, и административный интересъ.

Въ самомъ дѣлѣ, пока наука бессильна противъ этой болѣзни, пока населеніе съ ужасомъ встрѣчается съ несчастными, зараженными ею, и гонитъ ихъ, какъ бродячихъ собакъ, отъ своего дома, государство обязано принять всѣ мѣры, чтобы избавить здоровое населеніе отъ очаговъ заразы и успокаивающимъ образомъ воздѣйствовать на психологію народа. Опытъ всѣхъ странъ доказалъ, что при настоящемъ состояніи науки о проказѣ наилучшимъ способомъ борьбы съ нею является изоляція больныхъ. Правительство и должно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ утилизировать этотъ способъ. Если усиліями одного человѣка устроена колонія, въ которой 50% больныхъ нашли пріютъ, то не лучшее ли это доказательство того, что государство обязано позаботиться объ остальной половинѣ больныхъ и всѣ расходы по устройству помѣщеній и содержанію ихъ разложить на всѣ сословія, т. е. на государственное казначейство, а не пользоваться одними крестьянскими взносами?

Кромѣ того, въ настоящее время самое существованіе колоніи находится въ неопредѣленномъ положеніи. Уйди съ острова инициаторъ этого дѣла, прекрати крестьянскія общества отчисленія на содержаніе колоніи или только уменьши ихъ, и колонія окажется въ безвыходномъ положеніи.

Правительство должно воспользоваться тѣмъ благоприятнымъ обстоятельствомъ, что земли подъ колоніей вполне достаточно и надо только произвести дополнительныя постройки для помѣщенія ста человѣкъ больныхъ, выстроить домъ для доктора и другія хозяйственныя постройки, а въ особенности необходимо выстроить и оборудовать больницу.

Особенность проказы, какъ болѣзни, и необходимость отдѣленія трудно-больныхъ отъ легко-больныхъ требуетъ устройства хорошей больницы съ ваннами и т. п. приспособленіями.

По смѣтѣ, составленной Ю. Ю. Зандеромъ, всѣ новыя постройки въ колоніи, для помѣщенія всѣхъ прокаженныхъ острова, обойдутся не дороже 7000 руб. Да даже, если бы потребовалось 10000 рублей! Неужели это такая громадная сумма, которую для государства было бы трудно затратить для такой высокаго государственнаго значенія мѣры какъ оздоровленіе мѣстности, населенной болѣе чѣмъ 60000 жителей!

Интересна и характерна одна маленькая подробность изъ исторіи постройки колоніи.

Когда постройка уже началась, то Ю. Ю. Зандеръ просилъ губернатора только объ одномъ: не мѣшать ему довести это дѣло до конца. Онъ не испрашивалъ разрѣшенія на постройку, не

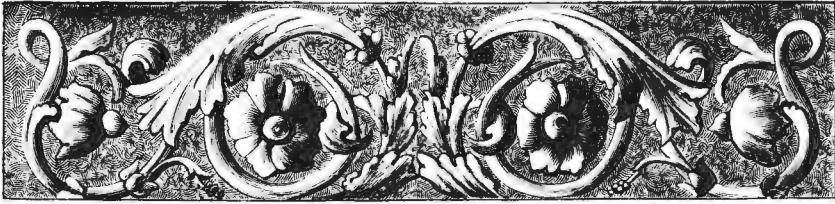
испросилъ разрѣшенія и на ея открытіе, а, окончивъ все дѣло, донесъ какъ о совершившемся фактѣ. Къ счастью, губернаторъ былъ чрезвычайно благоразумный человѣкъ и предоставилъ инициатору полную свободу дѣйствій, а по полученіи донесенія телеграммой поздравилъ устроителя съ благополучнымъ окончаніемъ столь полезнаго дѣла.

Крестьянскій сходъ постановилъ во вниманіе къ тому, что губернаторъ не мѣшалъ устройству колоніи, наименовать ее его именемъ, и теперь колонія официально называется: колонія для прокаженныхъ Аудако имени генераль-лейтенанта Михаила Алексѣевича Пашкова.

Какова иронія русской жизни! Мы увѣковѣчиваемъ имена тѣхъ администраторовъ, которые не мѣшаютъ общественной инициативѣ и не принимаютъ въ ней участія!

Ал. Зноско-Боровскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Томъ I, съ 29-ю рисунками. Спб. 1908.

О СИХЪ поръ ни въ русской, ни въ иностранной литературѣ не появлялось біографіи императрицы Елизаветы Алексѣевны, не только отдѣльной книгой, но и въ подробной, обстоятельной статьѣ какого-либо журнала. Только теперь великій князь Николай Михайловичъ пополнилъ этотъ пробѣлъ ея жизнеописаніемъ въ трехъ томахъ, изъ которыхъ первый уже вышелъ. Мысль о подобномъ трудѣ зародилась у великаго князя Сергѣя Александровича; заинтересовавшись «угнетенной судьбой не понятой современниками, — какъ говоритъ великій князь Николай Михайловичъ, — словомъ, почти забытой при жизни императрицы», Сергѣй Александровичъ занялся собираніемъ бумагъ, писемъ и документовъ, касавшихся Елизаветы Алексѣевны. Однако, осуществленію этой мысли помѣшала трагическая смерть великаго князя, и его вдова поручила Николаю Михайловичу составить біографію императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Авторъ означеннаго сочиненія прибавилъ къ уже собраннымъ матеріаламъ нѣкоторое количество новыхъ. Изъ тѣхъ и другихъ наибольшее значеніе имѣютъ письма на французскомъ языкѣ Елизаветы Алексѣевны къ ея матери, маркграфинѣ Амаліи Баденской, которыхъ сохранилось въ архивѣ Карлсруэ въ количествѣ 1445, а въ архивѣ Дармштадта 300. Общее число писемъ, которыми воспользовался авторъ, 590, но въ виду ихъ многочисленности они напечатаны далеко не всѣ. Что же касается до писемъ маркграфини Баденской, то ихъ оказалось въ упомянутыхъ германскихъ архивахъ очень немного. Относительно же самой Императрицы Елизаветы найдена еще ея переписка съ Н. М. Лонгиновымъ и графинями Софьей Владимировной Стрѣгановой и Анной

Ивановной Толстой. Существовали еще письма Елизаветы Алексѣевны къ незамужней сестрѣ, принцессѣ Амали, но ихъ уничтожили послѣ смерти послѣдней въ 1823 г. въ Баденѣ. Такая же судьба постигла и дневникъ государыни, который она вела въ теченіе всей своей жизни въ Россіи до самой ея смерти; онъ былъ сожженъ, одинаково какъ и дневникъ императрицы Маріи Теодоровны, по приказанію императора Николая I. Однако, пробѣлъ для полнаго выясненія отношеній между обѣими императрицами отчасти пополненъ дневникомъ, заключающимся въ шести тетрадяхъ, императрицы Александры Теодоровны, жены Николая I, хранящимся въ собственной Его Величества библиотекѣ. Остается еще упомянуть, что авторъ настоящаго труда пользовался также мемуарами графини Головиной, графини Эдлингъ, Каролины Фрейштетъ, князя Адама Чарторыйскаго, графа Теодора Головкина, графа Александра Христофоровича Бенкендорфа и генерала Ланжерона.

Первый томъ труда великаго князя Николая Михайловича состоитъ изъ двухъ главъ, содержащихъ въ себѣ описаніе пріѣзда въ Россію Елизаветы Алексѣевны, ея супружества, кончины Екатерины II и царствованія Павла. Въ концѣ каждой главы прибавлены относящіяся къ означенной эпохѣ письма Елизаветы Алексѣевны къ ея матери.

Будущая русская императрица, Елизавета Алексѣевна принадлежала къ семейству мелкихъ германскихъ владѣтельныхъ князей, именно маркграфовъ Баденскихъ, изъ рода Церингеновъ. Самъ маркграфъ Карлъ-Фридрихъ приходился ей дѣдомъ, а ея отцомъ былъ старшій его сынъ, наслѣдный принцъ Карлъ-Людвигъ, женатый на ландграфинѣ Гессенъ-Дармштадтской Амаліи. У нихъ было большое семейство изъ шести дочерей и одного сына. Мать заботилась дать дѣтямъ тщательное воспитаніе, и въ этомъ отношеніи они представляли идеаль, а благодаря близости Франціи, прекрасно владѣли французскимъ языкомъ. Слава о баденскихъ невѣстахъ рано распространилась во всей Европѣ и даже достигла двора Екатерины II, которая въ девятисотыхъ годахъ XVIII столѣтія искала невѣсту для своего внука Александра. Поэтому она поручила посланнику при мелкихъ германскихъ дворахъ графу Н. Румянцову собрать свѣдѣнія о баденскихъ юныхъ красавицахъ. На это потребовалось около двухъ лѣтъ, и Румянцовъ, съ помощью находившагося при немъ графа Евграфа Комаровскаго, подробно исполнилъ данное ему порученіе. Графъ же Комаровскій писалъ въ своихъ запискахъ: «Я ничего не видывалъ прелестнѣе и воздушнѣе тальи принцессы Луизы, ея ловкости и пріятности въ обращеніи. Маркграфъ, ея дѣдъ, былъ добродѣтельнѣйшій и почтеннѣйшій изъ всѣхъ германскихъ принцевъ. Когда мы вѣхали въ границы его владѣній и видѣли нѣсколькихъ мужиковъ, пахавшихъ въ полѣ, то графъ Румянцовъ приказалъ спросить: «Кто ихъ владѣлецъ?» Они отвѣчали: «У насъ нѣтъ владѣльца, а мы имѣемъ отца — маркграфа Баденскаго». Вѣроятно, по этой причинѣ императрица и предпочла женить своего внука на одной изъ принцессъ этого благословеннаго дома».

Выборъ императрицы остановился на двухъ младшихъ дочеряхъ, тринадцатилѣтней Луизѣ и десятилѣтней Фредерикѣ; поэтому она выслала за ними въ Карлсруэ графиню Шувалову и камергера Стрекалова, которые и привезли обѣихъ дѣвочекъ въ Петербургъ 31 октября 1792 года.

Хотя изъ осторожности и благоразумія императрица выписала не одну, а двухъ молодыхъ дѣвушекъ, для выбора въ невѣсты великому князю, но эта предосторожность оказалась вполне излишней, и вниманіе какъ императрицы, такъ и державнаго жениха сразу остановилось на принцессѣ Луизѣ. Въ маѣ слѣдующаго года она была миропомазана и названа Елизаветой Алексѣвной, а на другой день произошло обрученіе. Въ теченіе лѣта новую великую княжну обучали русскому языку и православной вѣрѣ, а въ началѣ августа ея сестра Фредерика уѣхала обратно въ Карлеруэ, гдѣ впоследствии вышла замужъ за шведскаго короля. 28 сентября 1793 года совершилось бракосочетаніе Александра съ Елизаветой, причемъ молодому исполнилось 16 лѣтъ, а его женѣ 14^{1/2}. По словамъ Протасова, дядки Александра Павловича, «черты лица ея очень хороши и соразмѣрны, фізіономія пресчастливая, ростъ большой; всѣ ея движенія и привычки имѣютъ нѣчто особо привлекательное: она не только ходитъ, но и бѣгаетъ весьма пріятно».

Вообще Протасовъ считалъ, что новая великая княгиня чрезъ нѣсколько лѣтъ будетъ вполне красавицей. Относительно же ея внутреннихъ качествъ онъ хвалитъ ея замѣчательный умъ, благодаря которому она всѣхъ умѣетъ приласкать, скромность, доброту ея души и честность характера. Съ еще болѣе глубокимъ сочувствіемъ характеризуетъ Елизавету Алексѣвну графиня Головина, впоследствии сдѣлавшаяся ея лучшимъ другомъ. Въ своихъ мемуарахъ она замѣчаетъ, какъ безотрадно дѣйствовали на молодую женщину придворныя дразги и коварство. Особенно ее поразило, что послѣдній фаворитъ Екатерины, Зубовъ, позволилъ себѣ влюбиться въ молодую княгиню и настолько открыто, что самъ Александръ сказалъ Головиной: «Зубовъ влюбленъ въ мою жену». Это неприличное ухаживаніе дошло до Екатерины, которая, по словамъ автора біографіи, «не стѣснилась прошисать порядочную головоломку безпутному фавориту, который долженъ былъ вскорѣ прекратить свои замашки». Что же касается молодой четы, то хотя между супругами въ первые годы существовала взаимная любовь, но Ростопчинъ вѣрно замѣчалъ, что юная жена была гораздо образованнѣе и развитѣе своего мужа, а потому, при ея удивительно здоровомъ смѣлѣ, очевидно, должна была скучать. Еще до замужества она написала на клочкѣ бумаги своему жениху: «Вся моя жизнь находится въ его рукахъ, и если онъ когда-нибудь меня разлюбитъ, то я буду несчастнѣйшей женщиной. Я перенесу все, все, кромѣ этого!» Александръ же на четвертомъ году своей женитьбы писалъ Лагарпу: «Наконецъ я довольно счастливъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ; моя жена много содѣйствуетъ моему полному удовлетворенію, потому что нельзя быть болѣе счастливыми, чѣмъ мы оба». Вообще нельзя не сказать вмѣстѣ съ авторомъ, что «въ первые годы своей брачной жизни великій князь и его жена любили другъ друга искренно, какъ дѣти, вовсе не зная жизни, и были только «довольно счастливы», какъ подростки, поэтому не трудно понять, что Елизавета Алексѣвна любила вспоминать эти годы дѣтскаго беззаботнаго супружества».

Относительно внѣшней жизни молодой четы въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, можно лишь сказать, что она изобиловала балами, музы-

кальными вечерами и спектаклями, потому что старая бабушка была въ восторгѣ отъ своей внучки, которую она называла въ письмахъ къ Гримму «сн-реной, совершенно овладѣвшей ея сердцемъ», и не знала, какъ занять и побаловать своихъ излюбленныхъ дѣтей. Но 6 ноября 1796 года Екатерина II неожиданно умерла, и жизнь молодыхъ супруговъ совершенно измѣнилась.

Эта катастрофа сильно подѣйствовала на новую наслѣдницу, которая не могла забыть «добрый императрицы». По ея словамъ, особенно неприятно было, что все старое перевернулось, и сначала наступившая перемѣна казалась до того гадкой, что она рѣшительно не узнавала себя. Только жена Константина Павловича, Анна Ѳедоровна, составляла единственное утѣшеніе Елизаветы Алексѣевны, такъ какъ ея мужъ былъ цѣлый день внѣ дома, при императорѣ. Особенно неприятное впечатлѣніе произвела на нее присяга императору, по случаю которой она выражается въ письмѣ къ матери: «Съ ужасомъ смотрѣла я на всѣхъ этихъ людей, присягавшихъ быть рабами челоуѣка, котораго я, быть можетъ, несправедливо, въ ту минуту ненавидѣла, такъ какъ онъ находился на мѣстѣ доброй императрицы и казался столь довольнымъ видѣть всѣ подлости, которыя дѣлались вокругъ него; не знаю, право, но я думаю, что не онъ, а покойница была болѣе достойна царствовать». Что же касается новой императрицы, то она, по мнѣнію ея невѣстки, была доброй, хорошей, неспособной на какое-нибудь зло, но Елизавета Алексѣевна не могла ей простить того униженія, которое она выказывала предъ г-жой Нелидовой, «отвратительной страстишкой императора». Вообще, по словамъ наслѣдницы, императрица Марія Ѳедоровна не отличалась ни умомъ, ни твердой волей, такъ что даже Александръ Павловичъ выражался о ней: «Какія глупости дѣлаетъ мама, она совсѣмъ не умѣетъ себя вести».

Поведеніе Павла относительно новой наслѣдницы въ первое время его царствованія было сносно: онъ благоволилъ къ невѣсткѣ, потому что она очень походила на его покойную супругу, Наталью Алексѣевну, тетку Елизаветы. Въ виду этой непонятной милости, онъ даже произвелъ въ генералы русской службы ея отца и малолѣтняго брата. Но это царское благоволеніе продолжалось недолго, и черезъ два года, когда Баденъ заключилъ союзъ съ французской республикой, Павелъ лишилъ обоихъ баденцевъ русскихъ чиновъ и мундировъ. Въ 1797 году въ Москвѣ произошло коронованіе Павла, и Елизавета, увидѣвшая впервые Москву, была не очень пріятно поражена безконечными празднествами. Однако, она писала матери, что никогда не забудетъ впечатлѣнія, произведеннаго на нее видомъ Кремля вечеромъ въ день пріѣзда.

Въ слѣдующемъ году Елизавета впервые забеременѣла, къ общему удовольствію. «По свидѣтельству всѣхъ современниковъ,—говоритъ авторъ біографіи,— это время должно считаться лучшими годами супружеской жизни Александра и Елизаветы. Всеобщія невзгоды невѣроятнаго произвола и строжайшаго режима служили поводомъ къ сближенію между тѣми, коимъ приходилось испытывать всѣ прелести такого правленія». Даже императрица Марія Ѳедоровна стала снисходительнѣе къ Елизаветѣ, такъ какъ ей приходилось въ это время переносить привязанность Павла къ новой фавориткѣ, Лоухиной. Наконецъ, 18 мая 1799 года наслѣдница родила дочь, названную Маріей. Ея

радость при этомъ была безконечна, и ея счастье омрачалось лишь постоянной разлукой съ своею неизмѣнной подругой, Головиной, которую не терпѣли императоръ и императрица. Однако, блаженство наслѣдницы, созданное ея маленькой любимой «Mauschen», какъ она называла свою дочку, продолжалось недолго, такъ какъ черезъ годъ дѣвочка умерла.

Насколько было велико горе и отчаяніе молодой матери, доказываются ея письмами къ герцогинѣ Баденской: «О, мама, какъ ужасна непоправимая потеря: я первый разъ переношу нѣчто подобное. Вы легко можете понять, какая пустота, какая смерть распространились въ моемъ существованіи. Вы теряли ребенка, но у васъ оставались другія дѣти, а у меня ихъ нѣтъ, и даже я теряю надежду имѣть дѣтей въ будущемъ. Но даже если бъ у меня и былъ другой ребенокъ, то ея, моею обожаемой «Mauschen», болѣе не существуетъ». Александръ вполне раздѣлялъ горе жены, и хотя нѣкоторые историки увѣрили, что онъ былъ равнодушенъ къ этой потерѣ, но авторъ біографіи Елизаветы Алексѣевны полагаетъ, что это совершенно несправедливо.

О трагедіи, окончившей царствованіе Павла, не упомянуто ни слова въ настоящей книгѣ, и только лаконически сказано, что «въ ночь съ 11 на 12 марта 1801 года все было кончено». Но современники катастрофы, именно Чарторыйскій, Головкинъ и Головина распространяются о выказанномъ Елизаветой Алексѣевной необыкновенномъ мужествѣ и спокойствіи, которыми она нравственно поддерживала Александра въ критическую минуту упадка его моральныхъ и физическихъ силъ. Всю роковую ночь она не покидала его ни на минуту и всячески старалась придать недостававшую ему энергію. Утромъ 12 марта блѣдный, разстроенный Александръ сказалъ Елизаветѣ: «Я не могу исполнить обязанности, которую на меня возлагаютъ. Могу ли я имѣть силу царствовать? Не могу. Предоставляю мою власть тому, кто пожелаетъ!» Елизавета, по словамъ Головиной, доказывала мужу, какія ужасныя послѣдствія могутъ произойти отъ такого рѣшенія, и тотъ безпорядокъ, въ который онъ повергнетъ всю имперію. Она умоляла его быть энергичнымъ, посвятить себя всецѣло счастью своего народа и въ данную минуту смотрѣть на свою власть, какъ на искупленіе. Новый императоръ былъ совершенно убитъ смертью отца, а главное — родомъ этой смерти, и его душа, по словамъ Елизаветы Алексѣевны, была навѣки растерзана. Весь день она провела въ слезахъ, то плача съ Александромъ, то плача съ императрицей-матерью, которая проявляла стремленіе къ захвату власти въ свои руки. Наконецъ все кончилось благополучно, отчасти благодаря смѣлости и твердой волѣ новой императрицы. Александръ сдѣлался императоромъ и, по словамъ біографа его жены, «никогда не забывалъ тѣхъ заботъ, какими она его окружила въ день восшествія на престоль».

Этимъ оканчивается первый томъ біографіи императрицы Елизаветы Алексѣевны, и онъ одинаково заслуживаетъ вниманія, какъ по интересу изложенія, такъ и по богатству матеріаловъ. Конечно, всего замѣчательнѣе письма Елизаветы Алексѣевны, которая въ нихъ сначала очень нѣжно отзывалась объ Александрѣ, но потомъ холодно и даже рѣдко о немъ упоминала. Только послѣ мартовской катастрофы она стала говорить о немъ сочувственно, называя его «добрымъ и превосходнымъ Александромъ». Что же касается

способа писать съ помощью молока и угольнаго порошка, о которыхъ упоминаетъ Елизавета Алексѣевна въ одномъ изъ писемъ, то это заставляетъ подозревать, что она писала матери тайственные секреты. Маркграфиня же отвѣчала на это въ своемъ послѣднемъ письмѣ I тома, отъ 31 марта 1801 года: «Умоляю тебя, милая Элиза, ради Бога и всего, что тебѣ дорого, ne faites point d'éclat. Ты меня повидаешь». В. Т.

А. А. Кауфманъ. Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста. М. 1908. 455 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Полвѣка прошло съ того времени, какъ въ исторической литературѣ поднялся вопросъ о русской общинѣ, вопросъ о томъ, является ли община исконнымъ русскимъ институтомъ, начало котораго теряется въ глубокой древности, или она возникла въ болѣе позднее время, на глазахъ исторіи; была ли община творческимъ произведеніемъ самого народа, или она создана правительствомъ съ дѣлами административно-финансовыми.

Эти два взгляда, столь противоположные, были высказаны впервые двумя видными изслѣдователями русскихъ древностей Б. Н. Чичеринымъ и И. Д. Бѣляевымъ. Честь постановки вопроса объ общинѣ, надолго приковавшаго вниманіе изслѣдователей, принадлежитъ Б. Н. Чичерину. Юристъ, философъ и публицистъ, Б. Н. въ блестящихъ статьяхъ нарисовалъ картину происхожденія общины, но въ порывѣ къ красивой стройной схемѣ увлекся общими положеніями и не слишкомъ стѣснялся фактами. На этомъ поймалъ его И. Д. Бѣляевъ, ученый, голова котораго была перегружена громаднымъ запасомъ фактическаго матеріала: подвергнувъ серьезной критикѣ взгляды Чичерина и отмѣтивъ его ошибки, И. Д., какъ славянофилъ, доказывалъ исконность общины, которая, по его словамъ, коренится въ духѣ и бытѣ русскаго народа.

Въ послѣдующее время почти каждый историкъ, а также и многіе экономисты касались въ своихъ работахъ вопроса объ общинѣ и старались найти его рѣшеніе. Достаточно назвать имена Кавелина, Соколовскаго, Ефименко, Леонтовича, Лаппо-Данилевскаго, Сергѣевича, Воронцова (В. В.), Чупрова, чтобы быть увѣреннымъ, что община разбиралась съ самыхъ разныхъ сторонъ и для ея освѣщенія приводился весь матеріалъ, какой только сохранился отъ нашей древности. Теперешняя разработка, несомнѣнно, далеко ушла отъ Чичерина и Бѣляева, и историки отмѣчаютъ, что въ знаменитомъ спорѣ объ общинѣ не было правъ ни тотъ, ни другой (по словамъ В. И. Сергѣевича, «оба были правы и оба заблуждались». — «Древности», III т., 409 стр.), но въ самомъ основномъ, именно въ вопросѣ о томъ, община—явленіе исконное или позднѣйшее, создана народомъ или правительствомъ, мнѣнія этихъ ученыхъ остаются не опровергнутыми, не примиренными и равноправными въ исторической литературѣ.

Впрочемъ, одному изслѣдователю, покойному Н. П. Павлову-Сильванскому, показалось, что точка зрѣнія Чичерина, развитая и поддержанная И. Н. Милюковымъ и В. И. Сергѣевичемъ, является въ настоящее время господствующей (Феодализмъ, 46). Казалось, что это именно такъ. В. И. Сергѣевичъ, работая

надъ вопросомъ о землевладѣніи по новгородскимъ писцовымъ книгамъ, опубликовалъ въ 1900—1902 гг. результаты своего изслѣдованія сначала въ видѣ отдѣльныхъ статей (въ «Ж. М. Н. П.»), а потомъ въ видѣ III тома «Древности».

По словамъ В. И. Сергѣевича, совершенно ясно «отсутствіе у насъ въ древности земельной собственности крестьянскихъ общинъ»; общинное землевладѣніе въ Новгородѣ, напримѣръ, возникаетъ «не ранѣе конца XV вѣка», возникаетъ на конфискованныхъ великимъ княземъ земляхъ бояръ и бояришекъ, въ другихъ мѣстахъ земельная община могла возникнуть и раньше, но вездѣ она появляется благодаря правительственнымъ мѣропріятіямъ («Древности», III, 36 и 423). Но въ московское время было создано только общинное владѣніе, а не общинное хозяйство съ передѣлами, передѣлы же, какъ выясняетъ тотъ же изслѣдователь съ своей новой статьёй («Время возникновенія крестьянской поземельной общины»), установлены были только указомъ 1781 г. Значитъ, заключаетъ профессоръ Сергѣевичъ, «общинное землевладѣніе не есть исконный порядокъ вещей, возникло оно не изъ народнаго духа, не изъ народныхъ обычаевъ, а въ силу правительственныхъ распоряженій» (стр. 15).

Нѣкоторое время эта теорія возраженій не встрѣчала, и могло показаться, что она является господствующей въ литературѣ. Но на ряду съ ней еще продолжали высказываться другими изслѣдователями, какъ, напримѣръ, В. Будановымъ, А. С. Лапшо-Данилевскимъ, взгляды о болѣе древнемъ происхожденіи крестьянской общины, происхожденіи самостоятельномъ, а не отъ однихъ только правительственныхъ мѣръ. Въ послѣднее время вопросъ объ общинѣ былъ расчлененъ, общину стали разсматривать съ двухъ сторонъ: со стороны самоуправленія и землевладѣнія, и съ каждой стороны въ отдѣльности были сдѣланы возраженія В. И. Сергѣевичу Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ и А. А. Кауфманомъ въ его новой работѣ, названной выше.

Павловъ-Сильванскій; изучивъ памятники удѣльнаго времени, настаиваетъ на томъ, что самоуправляющаяся община—крестьянскій міръ—существовала задолго до XV вѣка. «Если бы В. И. Сергѣевичъ,—замѣчаетъ онъ,—внимательнѣе изучилъ указанія древнѣйшихъ нашихъ историковъ на порядки мірскаго самоуправленія и землевладѣнія въ связи съ общей исторіей общины въ Россіи и на Западѣ, но онъ понялъ бы, что Иванъ III не создалъ общины, а, изгнавъ новгородскихъ бояришекъ, только освободилъ древніе общинные порядки, сохранившіеся въ боярскихъ имѣніяхъ, отъ придавливавшей ихъ господской власти. Община жила въ новгородскихъ боярщинахъ въ однихъ полная силъ, въ другихъ—сдавленная, какъ тисками, властью ключника, какъ жила въ Германіи и въ Англіи на господскихъ земляхъ, какъ жила она и у насъ позднѣе въ дворянскихъ помѣстьяхъ» (Феодализмъ, 48).

Съ другой стороны, со стороны поземельныхъ отношеній беретъ вопросъ объ общинѣ А. А. Кауфманъ. Разбирая земельныя отношенія, начиная съ кочевого быта, и слѣдя за ростомъ и видоизмѣненіями общины отъ самой первичной формы до современной, авторъ на основаніи внимательнаго изученія памятниковъ древности, главнымъ же образомъ на основаніи изученія «живой исторіи», т. е. землепользованія у крестьянъ въ Азіатской и окраинной

Европейской Россіи и у ряда нерусскихъ племенъ, даетъ картину сложения и развитія общинныхъ формъ и отношеній. Предоставляя спеціальной критикѣ экономистовъ оцѣнить книгу г. Кауфмана, укажу на то значеніе, какое она имѣетъ для вопроса о происхожденіи русской общины.

Г. Кауфманъ на новыхъ и убѣдительныхъ примѣрахъ показываетъ, что административное давленіе, правительственныя мѣры сами по себѣ еще не могутъ создать чего-либо новаго въ поземельныхъ отношеніяхъ и совершенно не могутъ считаться творческимъ факторомъ въ этой области. Правительственныя мѣры даже въ наше время, въ сложной и болѣзненной средѣ земельныхъ отношеній дѣйствительны только тогда, когда онѣ входятъ уже въ готовую среду и отражаются на ней, ускоряя или замедляя извѣстный уже опредѣлившійся ходъ явленій, иначе говоря, «воздѣйствіе администраціи отражается только на темпѣ эволюціи», но это воздѣйствіе само не создаетъ новыхъ формъ..

Во многихъ случаяхъ, какъ отмѣчаетъ авторъ, межевыя инструкціи XVIII вѣка и указъ 1781 года о передѣлахъ, а также административное давленіе оставались безрезультатными, такъ что отнюдь нельзя думать о томъ, чтобы русская община вообще была продуктомъ государственнаго воздѣйствія на народную жизнь (435). «Изучая живую исторію,—заключаетъ онъ,—примѣняя методъ переживания, мы можемъ съ достаточною, мнѣ кажется, научною объективностью прийти къ тому заключенію, что эволюція формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія и въ прошломъ не могла быть продуктомъ административнаго воздѣйствія; что это послѣднее могло играть и здѣсь лишь болѣе или менѣе случайную, болѣе или менѣе побочную роль, что оно могло въ извѣстныхъ случаяхъ только ускорить естественную эволюцію, но не въ состояніи навязать было крестьянской жизни чуждыя и нежела- тельныя ей формы» (439).

Если соединить выводы изслѣдованій А. А. Кауфмана и Н. П. Павлова-Сильванскаго, то получится такой итогъ: и со стороны землевладѣнія, и со стороны самоуправленія крестьянская община—учрежденіе древнее, возникшее самостоятельно, а не въ силу правительственныхъ распоряженій, пережившее въ своей исторіи рядъ измѣненій, въ которыхъ административное воздѣйствіе далеко не играло всецѣло опредѣляющей роли.

М. Ключковъ.

Донесенія французскихъ представителей при русскомъ дворѣ и русскихъ представителей при французскомъ дворѣ. Т. III. 1819—1820. Спб. 1908. (Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. 127-й).

Въ многочисленныхъ томахъ Сборника русскаго историческаго общества, подъ непривѣтливой, казенной сѣроголубой обложкой, часто появляются очень важныя и интересныя матеріалы. Нечего и говорить о значеніи опубликованныхъ обществомъ дипломатическихъ донесеній для исторіи Александровской эпохи. Намъ могутъ особенно занимать, конечно, донесенія французскихъ дипломатовъ своему правительству. Они относятся къ тому вре-

мени, когда самодержавная Россія находилась на верху могущества и силы. Чѣмъ была тогдашняя Россія въ глазахъ Европы, объ этомъ говоритъ инструкция, данная въ октябрѣ 1819 г. французскимъ правительствомъ своему новому посланнику въ Россіи де-ла-Ферроннэ: «внезапное движеніе Россіи въ началѣ прошлаго вѣка, ея быстрые и непрерывные успѣхи составляли предметъ удивленія и размышленій всѣхъ государственныхъ людей. То же необыкновенное явленіе продолжается и въ наши дни, и эта необъятная имперія, несокрушимая ни самыми страшными нашествіями враговъ, ни не менѣе опасными пороками своего правительства, достигла такой силы и вліянія, что дальнѣйшій ростъ ихъ мыслимъ развѣ при полномъ паденіи Европы. Только время покажетъ, суждено ли Россіи раздвинуть свои теперешнія границы, или она уже достигла высшей степени могущества и величія. При такихъ обстоятельствахъ вѣтъ миссіи болѣе важной и значительной, чѣмъ та, которую король поручаетъ г-ну де-ла-Ферроннэ»... Выборъ оказался удачнымъ. Донесенія де-ла-Ферроннэ отличаются широтою и вѣрностью наблюдений и глубокимъ пониманіемъ положенія вещей въ Россіи. Среди его сообщеній своему правительству особенно выдѣляется одно, отъ 30 марта 1820 г., рисующее тогдашнее правительство, съ императоромъ Александромъ Павловичемъ во главѣ, и русское общество. «Съ жаромъ, несмотря на предостереженія, которыя осмѣлились ему сдѣлать, царь осуществляетъ свой излюбленный проектъ устройства военныхъ поселеній. Вездѣ, гдѣ не дѣйствуютъ обычные способы убѣжденія, но обыкновенію примѣняются насиліе, самыя суровыя мѣры, самая упорная жестокость. Только что сорокъ батальоновъ получили приказъ выступить въ окрестности Новгорода, чтобы принудить къ повиненію раскольниковъ (своего рода квакеры, ихъ до тридцати тысячъ душъ), которые не хотятъ подчиниться системѣ поселеній. Такимъ образомъ, громадная имперія, гдѣ все, такъ сказать, еще приходится только создавать, богатства которой такъ обильны, такъ неизмѣримы, что Европа объ этомъ и понятія не имѣетъ, отдана теперь въ жертву самымъ смѣлымъ и опаснымъ опытамъ, послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть разложеніе этого огромнаго тѣла прежде, чѣмъ оно получитъ развитіе, которое могло бы ему дать мудрое, работающее, истинно-просвѣщенное правительство...» Безразсудная экономическая и общегосударственная политика Александра вызываетъ у посланника замѣчаніе: «Если этотъ народъ, покуда смиряемый невѣжествомъ и рабствомъ, необразованный, чуждый всякихъ просвѣтительныхъ идей, вдругъ пойметъ, что такое свобода, и почувствуетъ стремленіе къ ней, нельзя и помыслить безъ страха и за эту страну и, можетъ быть, за Европу, объ ужасныхъ событіяхъ, которыя должны произойти, когда полудикій 40-милліонный народъ начнетъ срывать съ себя дѣни, борясь за плохо сознаваемыя имъ независимость и свободу. Если мысль о независимости и не возникала въ головахъ народа, то она увлекаетъ много головъ въ высшемъ классѣ. Вся молодежь, преимущественно офицеры, насквозь проникнута либеральными ученіями. Ее особенно плѣняютъ самыя крайнія теоріи. Наши парламентскіе дебаты ее такъ занимаютъ, словно тамъ обсуждаются ихъ собственныя дѣла. Самыя пылкія рѣчи либеральной партіи находятъ въ ней особенно много по-

клонниковъ. Она начинаетъ одобрять даже преступленія, вызванныя любовью къ свободѣ... Да, эта страна такъ же, какъ и всякая другая, не укрыта отъ бурь, повидимому, угрожающихъ всѣмъ европейскимъ государствамъ, и можно опасаться, что и въ ней, какъ въ другихъ странахъ, зрѣютъ сѣмена броженія и даже мятежа. Обычное представленіе о Россіи совершенно ложно; нужно жить здѣсь, чтобы понять, какое долгое и трудное дѣло изучить ее даже при полной возможности быть освѣдомленнымъ обо всемъ. Не легче составить себѣ вѣрное представленіе о личности императора. Въ немъ слишкомъ много контрастовъ... Онъ говоритъ о правахъ человѣка, о правахъ народа, объ обязанностяхъ государя, какъ подобаешь ученику философа; и въ то же время заставляетъ исполнять свои прихоти деспотичѣе и суровѣ Петра I»... «Дней Александровыхъ прекрасное начало» давно уже кануло въ вѣчность, и Александръ рѣшительно склонился въ своей политикѣ въ сторону реакціи. Ла-Ферроннэ рассказываетъ, что подъ вліяніемъ извѣстія объ убійствѣ Лувелемъ наслѣдника французскаго престола царь грозитъ «принять мѣры противъ этой страны, объятой анархіей и грозящей опасностью всей Европѣ». Съ этихъ поръ Россія на многіе годы стала оплотомъ монархической власти на всемъ континентѣ. Историкъ внутренней и внѣшней политики Россіи въ двадцатыхъ годахъ, конечно, не обойдетъ своимъ вниманіемъ сообщеній, наблюденій и выводовъ французскаго дипломата, опубликованныхъ въ Сборникѣ историческаго общества. Л.

Дѣла тайнаго приказа. Книга 2-я. Изданіе императорской археографической комиссіи подъ редакціей И. Я. Гурлянда. Спб. 1908 г.

Императорская археографическая комиссія выпустила въ свѣтъ второй томъ «Дѣлъ тайнаго приказа», напечатанный подъ наблюденіемъ И. Я. Гурлянда, автора довольно поверхностнаго изслѣдованія объ этомъ приказѣ. Настоящій томъ, несмотря на данное заглавіе, не заключаетъ въ себѣ ни одного документа тайнаго приказа. Такое «недоразумѣніе» произошло вслѣдствіе простой причины: новый планъ изданія документовъ этого приказа, предложенный г. Гурляндомъ и принятый археографической комиссіей, покоится на ложномъ мнѣніи, что весь XXVII разрядъ государственнаго архива заключаетъ бумаги только тайнаго приказа (?)... Среди документовъ этого приказа, существовавшихъ только въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, оказались акты XV вѣка!!!... Можно а priori утверждать, что эти акты не принадлежатъ къ составу архива тайнаго приказа; но въ печати есть и прямыя указанія, что они поступили въ государственный архивъ въ XIX вѣкѣ. А съ другой стороны, среди дѣлъ LXVII разряда государственнаго архива имѣются копии XVIII вѣка, которыя, конечно, не могли входить въ составъ архива тайнаго приказа (прекратившаго существованіе со смертью царя Алексѣя Михайловича въ 1676 г.). Господинъ же Гурляндъ, не смущаясь, причисляетъ и ихъ къ документамъ приказа и... печатаетъ; такъ, напримѣръ, онъ издаетъ грамоты царя Ивана IV къ шведскому королю 1572—1573 гг. по коши 1739 г.

и считаетъ ее «рукописью XVII вѣка»!! (См. стр. 52). Второй томъ «Дѣлъ тайнаго приказа» слѣдовало бы озаглавить «Ямскія дѣла», ибо они собственно и составляютъ содержаніе тома: вмѣстѣ съ приложеніями они занимаютъ 811 столбцовъ, тогда какъ остальные документы (11 нумеровъ) только 77. Последніе можно бы было и не издавать археографической комиссіи, такъ какъ они почти уже всё были исправно напечатаны ранѣе г. Гурлянда. Оказывается, что редакторъ недостаточно знакомъ съ печатной исторической литературой. «Впервые появляются въ печати, — говоритъ онъ, — два договора XV вѣка» — между великими князьями литовскими съ одной стороны и княземъ тверскимъ и новгородскимъ съ другой (стр. II—III предисловія); а между тѣмъ, если бы г. Гурляндъ взглянулъ въ «Сборникъ Муханова» (М. 1836 г., №№ 1 и 3, стр. 1—4), то увидалъ бы, что оба эти договора были изданы болѣе 70 лѣтъ тому назадъ... Относительно двухъ документовъ (подъ №№ V и XI) г. Гурляндъ говоритъ, что они напечатаны, и не поясняетъ, почему они вторично издаются. Кромѣ нихъ, еще четыре документа (подъ №№ VI—IX) ранѣе г. Гурлянда увидали свѣтъ: они напечатаны въ 1850, 1895 и 1899 гг. И относительно «Сказанія о кончинѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго» г. Гурляндъ могъ бы сообщить болѣе точныя свѣдѣнія, если бы прочелъ напечатанные уже результаты сличенія находящагося въ XXVIII разрядѣ государственнаго архива текста этого сказанія съ изданными ранѣе... Какъ неожиданно было встрѣтить подъ выѣской «Дѣлъ тайнаго приказа» — «ямскія дѣла», точно такъ же неожиданно и заявленіе о прекращеніи печатанія послѣднихъ дѣлъ на 1604 г.. Намъ кажется, что и тутъ кроется какое-то «недоразумѣніе»: или не слѣдовало ихъ совсѣмъ печатать, или надо довести ихъ до какой-либо опредѣленной даты, хотя бы до первыхъ годовъ Михайлова царствованія, оставленіе же не напечатанными документовъ послѣ 1604 г. является ничѣмъ необъяснимымъ...

Въ концѣ изданія приложенъ «Указатель», о качествѣ котораго сейчасъ трудно сказать: это можетъ обнаружиться только при справкахъ, но если онъ составленъ такъ же, какъ къ первому тому «Дѣлъ тайнаго приказа», то представляетъ небольшое приобрѣтеніе. Въ первомъ томѣ, изданномъ тоже археографической комиссіей, между прочимъ читаемъ, что 26 апрѣля 1676 г. отослано въ разрядъ (т. е. разрядный приказъ) четыре родословныхъ и разрядныхъ книги (стр. 954). Изъ этого извѣстія составитель указателя выдумалъ особый приказъ, о существованіи котораго никто до сихъ поръ не слыжалъ, да никогда и не услышитъ, — «разрядъ родословныхъ и разрядныхъ» (Указатель, стр. 85). Если составитель указателя, подъ редакціей г. Гурлянда, не могъ понять этого мѣста документа, то вмѣсто выдумыванія новаго приказа лучше бы было взглянуть въ томъ же томѣ на аналогичныя мѣста (стр. 294, 406), вполне ясно указывающія, какъ надо понимать выраженіе на стр. 954.

А. X—къ.

Ю. В. Арсеньевъ. Геральдика. Лекціи, читанныя въ московскомъ археологическомъ институтѣ въ 1907—8 г. IV+298 стр.+18 табл. рисунковъ.

Л. М. Савеловъ. Лекціи по русской генеалогіи, читанныя въ московскомъ археологическомъ институтѣ. Первое полугодіе. 115 стр.

В. А. Городцовъ. Первобытная археологія. Курсъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ. 413 стр.+9 табл. рисунковъ.

Московскій археологическій институтъ, находящійся подъ покровительствомъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія генерала Глазова и руководимый неутомимымъ директоромъ А. П. Успенскимъ, проявляетъ такую кипучую и выдающуюся дѣятельность, которая заставляетъ говорить о себѣ все болѣе и болѣе. Расположенный въ Москвѣ, въ этой хранильницѣ русской старины, институтъ можетъ разсчитывать на большія перспективы, если дѣло въ этомъ молодомъ учебно-историческомъ заведеніи пойдетъ тѣмъ же махомъ, какъ и нынѣ. Дай Богъ, чтобы не ослабѣвала только энергія руководителей и не терялось сочувствіе общества. Быть можетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ мы будемъ въ такомъ случаѣ имѣть образованныхъ историковъ, съ широкою подготовкою этого института, а не только историковъ-филологовъ, или историковъ, добывшихъ свои знанія тяжелымъ трудомъ самообразования.

Въ институтѣ почти 30 отдѣльныхъ кафедръ. Нѣкоторые предметы преподаются на подлинныхъ старинныхъ предметахъ; наиримѣръ, дипломатику г. Ардашевъ преподаетъ въ архивѣ, на подлиннымъ старымъ бумагамъ и печатямъ. Въ настоящее время вышли въ печати три курса лекцій. Всѣ они представляютъ весьма значительный вкладъ въ историческую науку и, написанныя литературнымъ языкомъ и, можно сказать, увлекательно, прочтутся съ истиннымъ удовольствіемъ всякимъ читателемъ, интересующимся стариною.

Весьма основательно разработанъ г. Арсеньевымъ курсъ геральдики. Какъ это ни странно, но въ русской литературѣ до сего времени никакого подобнаго изслѣдованія не было, не взирая на то, что геральдика—одна изъ существенныхъ частей такъ называемой культурной исторіи. Къ тексту приложено 18 таблицъ рисунковъ.

Г. Савеловъ—большой знатокъ русской генеалогіи. Не удивительно, что и курсъ его по генеалогіи полонъ интереса. Начинаетъ онъ свой курсъ словами профессора Бестужева-Рюмина о томъ, что общія исторіи возможны тамъ, гдѣ существуютъ исторіи родовъ, городовъ и учреждений.

Наиболѣе источниковъ по первобытной археологіи, и для г. Городцова надлежало не столь творить вновь, какъ разобраться въ имѣющемся матеріалѣ. Нужно отдать ему справедливость, справился онъ съ этою задачею очень хорошо. Къ тексту приложено 9 таблицъ отчетливыхъ рисунковъ.

Всякій, кто любитъ старину и желаетъ процвѣтанія исторической науки, долженъ пожелать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ остальныхъ лекцій института и его сборниковъ, которыхъ приготовлено къ печати семь томовъ.

М. Соколовскій.

М. Грулевъ. Соперничество Россіи и Англіи въ Средней Азій.
Спб. 1909. 380 стр. Цѣна 3 р.

**М. Грулевъ. Очеркъ возстаній пограничныхъ племенъ Индіи
за послѣднія 10 лѣтъ.** Спб. 1909. 246 стр. Цѣна 2 р.

**А. Гамильтонъ. Афганистанъ. Переводъ съ англійскаго С. П.
Голубинова.** Спб. 1908. 334 стр. Цѣна 1 р. 75 к.

Знакомство съ окраинами, столь необходимое при нашей необъятной границѣ, всегда у насъ было слабо, всегда при военныхъ дѣйствіяхъ на окраинахъ мы встрѣчались съ неожиданностями и страдали неосвѣдомленностью, чему блестящимъ доказательствомъ можетъ служить наша послѣдняя несчастная война. Поэтому изслѣдованіе сопредѣльныхъ странъ, уясненіе ихъ этнографическаго и экономическаго состоянія пріобрѣтаетъ особое для насъ значеніе, въ виду возможности осложненій, могущихъ вновь застать насъ врасплохъ. Три названныхъ выше сочиненія заключаютъ въ себѣ однородныя данныя о положеніи дѣлъ на нашихъ отдаленныхъ юго-восточныхъ границахъ въ Средней Азій: два оригинальныхъ, принадлежащихъ перу г. М. Грулева: «Соперничество Россіи и Англіи въ Средней Азій» и «Очеркъ возстаній пограничныхъ племенъ Индіи за послѣднія 10 лѣтъ», и одно переводное — «Афганистанъ», А. Гамильтона, которое, какъ говорятъ, произвело большое впечатлѣніе на руководящія сферы англійской внѣшней политики и немало содѣйствовало заключенію послѣдней англо-русской конвенціи, регулирующей афганскій вопросъ.

Въ предисловіи къ своему труду «Соперничество Россіи и Англіи въ Средней Азій» г. М. Грулевъ говоритъ, что затронутый въ его книгѣ вопросъ требуетъ пересмотра и переоцѣнки. Мудрый примѣръ измѣненія отношеній къ Англіи уже поданъ нашимъ правительствомъ: въ августѣ 1907 г. заключено соглашеніе съ Англіей по всѣмъ вопросамъ, касающимся Средней Азій. Теперь очередь за просвѣтлѣніемъ общественнаго мнѣнія, которое твердо усвоило себѣ мечты о легкости похода въ Индію, съ цѣлью устрашенія Англіи, о пользѣ агрессивныхъ мѣръ въ этомъ направленіи и о значеніи Туркестана, какъ плацдарма для будущаго наступленія. Въ настоящее время судьбѣ угодно было послать нашему отечеству столь тяжкія испытанія, что мысль о новыхъ авантюрахъ, о завоеваніяхъ звучитъ совершенно фальшиво и вызываетъ недоумѣніе. Мысли эти настолько измѣнились, что, напримѣръ, генераль Куропаткинъ, инициаторъ агрессивныхъ мѣръ противъ Англіи (постройка Мургабской дороги, основаніе крѣпости Кушки, гарнизонъ Термеза), въ послѣднемъ своемъ сочиненіи «Итоги войны» предостерегаетъ отъ всякихъ наступательныхъ плановъ какъ въ сторону Индіи, такъ и по направленію къ водамъ Индійскаго океана (Шахбаръ), гдѣ мы, вмѣсто войны съ Японіей, будемъ вмѣстѣ еще болѣе бесполезную и болѣе ужасную войну съ Великобританіей.

Наше трехвѣковое поступательное движеніе въ Средней Азій, достигнутое съ весьма, сравнительно, малыми усиліями, повело къ тому, что руководители нашей внѣшней политики потеряли чувство мѣры и привели насъ къ Портъ-Артуру. При этомъ печать не только не разъясняла гибельнаго для насъ воен-

но-политическаго значенія занятія Портъ-Артура, что можно было предвидѣть заранѣе, а, напротивъ, какъ бы поощряла къ легкомысленному отношенію нашему на Востокъ. «Конечно,—говоритъ авторъ,—о походѣ въ Индію никто теперь серьезно не думаетъ. Однако еще недавно мы встрѣчали въ печати разсужденія о томъ, что въ переговорахъ съ Англіей Россія не должна продешевить свои козыри въ игрѣ противъ Индіи. Этими дутыми химерами мы поддерживаемъ въ Англіи систематическую вражду къ Россіи безъ малѣйшей пользы для насъ самихъ». И дѣйствительно, несмотря на угрозу къ сторонѣ Индіи, намъ, въ теченіе столѣтія, не удалось одержать ни одного существеннаго дипломатическаго успѣха при столкновеніи съ Англіей по нашимъ жизненнымъ вопросамъ въ Европѣ.

Вѣковая подозрительность, безъ сомнѣнія, глубоко въѣлась во взаимныя отношенія Россіи и Англіи и хотя ее трудно вытравить бумажными договорами, все же послѣднее соглашеніе составляетъ поворотный пунктъ въ нашей политикѣ, первая попытка полюбовнаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, первый шагъ къ восстановленію довѣрія въ международныхъ отношеніяхъ. Кроме того, это соглашеніе должно повести къ измѣненію взгляда на наши окраины, которыя мы оцѣнивали не по ихъ внутреннему достоинству, а какъ на этапъ для возможнаго наступленія въ Индію. Пора, давно пора, говоритъ авторъ, намъ взглянуть на наши окраины, какъ, напримѣръ, на Туркестанъ, эту драгоценную жемчужину въ коронѣ русскихъ государей, съ новой точки зрѣнія, какъ на источникъ силы и богатства для коренной Россіи, а не какъ на базу для завоевательныхъ фантазій. Въ заключеніе авторъ говоритъ о соединеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ Россіи и Индіи, которое, по его мнѣнію, рано или поздно непременно должно состояться.

Вообще, въ книгѣ г. М. Грулева, прекрасно ознакомленнаго съ литературой вопроса, а также и практически съ краемъ, въ которомъ онъ прослужилъ 14 лѣтъ, какъ офицеръ генеральнаго штаба, читатель найдетъ много поучительнаго, вполне отвѣчающаго интересамъ минуты. Къ книгѣ приложены 3 карты: Средней Азій, Персіи и Памировъ.

Въ другой книгѣ г. М. Грулева «Очеркъ возстаній пограничныхъ племенъ Индіи за послѣднія 10 лѣтъ» описаны тѣ не прекращающіяся затрудненія, которыя приходится испытывать индо-британскому правительству, вслѣдствіе сосѣдства воинственныхъ и свободныхъ пограничныхъ племенъ, которыя Англія мало-по-малу пытается подчинить своему господству. Послѣднее возстаніе, бывшее въ текущемъ году, до сихъ поръ еще не вполне подавлено. Послѣдовательное изложеніе событій въ теченіе 10 лѣтъ даетъ обстоятельную картину тѣхъ трудностей, съ которыми приходится бороться англійскому правительству.

Наконецъ, третья книга, переводъ сочиненія г. А. Гамильтона «Афганистанъ», исполненный г. Годубиновымъ, даетъ обстоятельныя свѣдѣнія объ этой мало извѣстной и сосѣдней намъ странѣ и объ отношеніяхъ ея къ Англіи. Авторъ, членъ лондонскаго географическаго общества и лично знакомый съ Афганистаномъ, описываетъ главные центры и провинціи этой страны, этнографію,

администрацію, законы, финансы и торговлю, армию, крѣпости и пути сообщенія, а также бытовую и дворцовую жизнь Афганистана. Книга снабжена многими планами и рисунками. Л. Н.

Академикъ Истринъ. Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX вѣка. Спб. 1907. Стр. 84. Цѣна 75 коп.

Книга академика Истрина должна быть отмѣчена, какъ довольно знаменательное явленіе въ области изученія исторіи нашей литературы. И вотъ по какой причинѣ. Какъ извѣстно, въ эпоху славянофильства, которое дало сильный толчокъ изученію нашего прошлаго, въ трудахъ по исторіи литературы господствовало дедуктивное построение. Но за послѣднія 40 — 50 лѣтъ совершенно основательно была выдвинута несостоятельность въ данномъ случаѣ дедуктивнаго метода и было признано, что единственный вѣрный путь изученія исторіи литературы индуктивный, что прежде всего нужно разобратъ въ частностяхъ, выяснитъ отдѣльные вопросы, а потомъ уже дѣлать обобщенія, выводы. Съ тѣхъ поръ русскіе ученые стали изучать частные вопросы, отдѣльные памятники. Такой путь изученія былъ правиленъ. Но если ранѣе не могло быть синтеза, потому что исторія литературы не была совершенно обследована, то теперь, когда многіе частные вопросы уже изучены болѣе или менѣе достаточно, является потребность въ обобщеніи, въ синтезѣ, въ опредѣленіи основной черты и идеи нашей литературы за все время ея существованія. Но большинство нашихъ ученыхъ не хотятъ понять этого, они упорные ортодоксы, они попрежнему сосредоточиваютъ свое вниманіе исключительно на изученіи мелкихъ часто совершенно малозначащихъ вопросовъ, относясь крайне презрительно къ всякимъ попыткамъ синтеза, признавая ихъ «ненаучными», «вызванными дилетантизмомъ» и т. п. Это ведетъ за собой крайне нежелательное явленіе: если мы обратимся къ большинству ученыхъ трудовъ по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи литературы, то получается представленіе о ней не какъ о единомъ, непрерывно эволюционирующемъ цѣломъ, а какъ объ арифметической суммѣ разрозненныхъ, мало имѣющихъ между собой общаго памятниковъ и произведеній. За самое послѣднее время, повидимому, въ средѣ нашихъ ученыхъ происходитъ переворотъ, возникаетъ сознание необходимости, на ряду съ изученіемъ отдѣльныхъ вопросовъ, и синтеза, начинаютъ понимать односторонность господствующаго направленія. Показателемъ этого и служить книга академика Истрина. Въ этомъ отношеніи мы и назвали ее знаменательнымъ явленіемъ: присяжный ученый, который до сихъ поръ не шелъ дальше узкихъ темъ, изслѣдованія отдѣльныхъ вопросовъ, опредѣленно указываетъ въ настоящей работѣ, что необходимо, чтобы синтезъ шелъ за анализомъ, признаетъ, что пора уже обратиться къ обобщенію и постараться свести къ цѣлому все то, къ чему уже пришла наука, опредѣлить, какая основная идея всей исторіи нашей литературы.

Эту задачу и ставитъ цѣлью своего изслѣдованія академикъ Истринъ. Въ своей книгѣ онъ не даетъ методологическаго введенія въ исторію литера-

туры въ томъ смыслѣ, какъ оно обыкновенно понимается, и разсматриваетъ не методы, которыми пользуется исторія литературы при изученіи литературныхъ памятниковъ, а тѣ пути, которые могли бы привести къ установленію общей идеи всей нашей литературы, какъ новаго, такъ и древняго періода. Окинувъ общимъ взглядомъ все наше литературное развитіе, академикъ Истринъ пришелъ къ выводу, что основной его идеей является стремленіе къ личному нравственному совершенствованію. Эта идея, по мнѣнію изслѣдователя, одинаково выступаетъ какъ въ памятникахъ древней литературы, такъ и въ произведеніяхъ новой; и книжникъ и писатель XIX вѣка прежде всего учителя, проповѣдники: стремленіе къ учительству—формальная сторона нашего литературнаго развитія, стремленіе къ личному нравственному совершенствованію—сторона реальная. Мысль, что склонность къ учительству является основной чертой нашей литературы, далеко не нова: ее очень опредѣленно высказалъ профессоръ Перетцъ, она лежитъ въ основѣ всѣхъ работъ г. Венгерова, наконецъ высказывалась г. Соловьевымъ-Андреевичемъ, г. Ивановымъ-Разумникомъ и другими. Съ этой мыслью нужно вполне согласиться. Но этого нельзя сказать, по нашему мнѣнію, объ опредѣленіи сущности этого стремленія, реальной его стороны, какъ называетъ ее академикъ Истринъ. Въ группировкѣ примѣровъ, сдѣланной изслѣдователемъ, обнаруживается извѣстная натянутость. Скорѣе основной чертой нашей литературы за все время ея существованія нужно признать стремленіе къ общественному совершенствованію, чѣмъ къ личному. Къ такому опредѣленію, намъ кажется, подойдутъ всѣ произведенія нашей литературы, если откинуть нѣкоторыя уклоны: какъ книжникъ, такъ и писатель XIX вѣка стремились указать обществу его язвы, имѣли въ виду не столько личное, сколько общественное совершенствованіе. Подъ опредѣленіе академика Истрина невозможно подвести новую русскую литературу въ цѣломъ. Есть, конечно, въ ней какъ индивидуальныя явленія, на примѣръ, Л. Толстой и Достоевскій, такъ и цѣлыя теченія, на примѣръ, такъ называемое «абрамовщина» 80-хъ годовъ, подходящія подъ формулу, для которыхъ на первомъ планѣ стояли личное усовершенствованіе; но если взять новую литературу въ цѣломъ, то, безъ сомнѣнія, для нея на первомъ планѣ стояло общественно-политическое усовершенствованіе. Принявъ формулу академика Истрина, приходится откинуть, на примѣръ, цѣликомъ литературу 60-хъ годовъ.

Если общій выводъ изслѣдователя не можетъ быть признанъ доказаннымъ, то это не мѣшаетъ книгѣ быть довольно цѣнной по ряду отдѣльныхъ сужденій и замѣчаній. Особенно интересна критика академикомъ Истринымъ теоріи психологическихъ типовъ, выдвинутой профессоромъ Овсянко-Куликовскимъ. Авторъ затронулъ много живыхъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ исторіи нашей литературы, что придаетъ книгѣ еще большій интересъ. Работу эту надо привѣтствовать, какъ показатель, что и присяжные ученые начинаютъ понимать односторонность господствующаго въ настоящее время направленія въ области изученія исторіи нашей литературы.

А. Фоминъ.

Владимиръ Бобровъ. «Русскія народныя сказки о животныхъ».
Исслѣдованіе. Варшава. 1909. Стр. I—II—151.

Въ настоящемъ трудѣ г. Бобровъ задался цѣлью представить подробное обзорѣніе всѣхъ, по возможности, наилучше сохранившихся русскихъ народныхъ сказокъ о животныхъ, съ точки зрѣнія ихъ древности и самобытности, или заимствованности. Единственнымъ трудомъ по данному вопросу является диссертация Л. З. Колмачевскаго: «Животный эпосъ на Западѣ и у славянъ» (Казань, 1882). Пользуясь тѣмъ же самымъ матеріаломъ, которымъ пользовался Колмачевскій, нашъ авторъ пришелъ, однако, къ заключеніямъ, совершенно противоположнымъ г. Колмачевскому. Вопреки послѣднему, онъ доказываетъ, что «заимственность русскихъ сказокъ оказалась весьма проблематичною; многія сказки свидѣтельствуютъ о своемъ происхожденіи отъ отдаленной древности, другія, хотя и не древняго происхожденія, развились самобытно на русской почвѣ». По мнѣнію г. Боброва, «самобытность русскихъ животныхъ сказокъ остается непоколебленною, а самыя эти сказки надобно считать драгоцѣнной частью наслѣдія народной поэзіи». Въ заключеніе авторъ высказываетъ горячее пожеланіе, чтобы вопросъ о самобытности русскихъ животныхъ сказокъ былъ рассмотрѣнъ еще разъ болѣе обстоятельно, чтобы за этотъ вопросъ опять взялся специалистъ по всемірной литературѣ, по сравнительному фольклору, вооруженный такою же эрудиціей, какъ и Леонардъ Колмачевскій, но съ большимъ критическимъ чутьемъ, цѣнящій свою родную русскую народную словесность и чуждый литературныхъ предвзятыхъ теорій (стр. 151).

Профессоръ М. Красножонъ.

В. А. Розовъ. Пушкинъ и Гёте. Кіевъ. 1908.

«О, Расинъ, откуда слава? Я тебя, дружокъ, поймалъ: изъ російскаго Стоглава ты «Гюеоліу» украсть. Чувствъ возвышенныхъ сіянье, выражений красота въ «Андромахѣ» — подражанье «Погребенію Кота...» Эти забавные стихи изъ воейковскаго «Дома сумасшедшихъ» вспоминаются при чтеніи странной книги г. Розова. Автору хотѣлось доказать, что Гёте вліялъ на Пушкина, и доказательствъ онъ нашелъ тьму тьмущую. Такъ, черновой набросокъ «Скажи, какія заклинанья...», замыселъ котораго невозможно разобрать, есть «первая попытка самостоятельнаго творчества въ духѣ «Фауста» Гёте». Чисто-русская «Телѣга жизни», съ ея «русскимъ титуломъ», недоступнымъ печати, выведена изъ пьесы Гёте «An Schwager Kronos». «Демонъ», несомнѣнно, писанъ подъ вліяніемъ «Фауста», хотя, оговаривается авторъ, и на этотъ разъ вполне справедливо, «доказать осязательно нашу мысль, конечно, трудно». Г. Розовъ тянетъ Пушкина за волосы къ Гёте. Такъ, еще не зная окончанія «Фауста», тогда еще не написаннаго, Пушкинъ въ 1823 г. «провидѣлъ, на какой почвѣ должно произойти примиреніе души съ самой собою». Аргументируется это извѣстнымъ четверостишіемъ изъ набросковъ, относящихся къ «Демону» и «Евгенію Онѣгину»: «Открылъ я жизни бѣдный кладъ...» и т. д., которое авторъ толкуетъ такъ: «скенсисъ еще не все разрушаетъ; счастье

еще возможно челоѡѡку, хотя и скрыто подобно кладу...», и проч. Между тѡмъ въ общей связи съ «Демономъ» и указанными черновыми набросками, изъ которыхъ вырвано это четверостишіе, оно выражаетъ не примиреніе съ жизнью, а чувство совершенно противоположное. «Открылъ я жизни бѣдный кладъ», «мнѣ жизни дался бѣдный кладъ», съ глубокой грустью говорилъ Пушкинъ, подводя горестный итогъ урокамъ «Демона», подъ влияніемъ которыхъ предъ глазами поэта тускнѣли яркія краски міра, и въ душѣ воцарялась холодная пустота. Но свое «толкованіе» г. Розовъ придумалъ, вырвавши четверостишіе изъ общей концепціи пьесы, для того, чтобы сблизить его съ однимъ мѣстомъ изъ «Фауста». Ямбъ «Чернь» взятъ изъ «Западно-Восточнаго Дивана». «Скупой рыцарь» «созданъ изъ водевиля» Гёте. Знаете, что думалъ Пушкинъ о Библии? Что она есть «собраніе новой лжи и старыхъ басенъ». Такъ говоритъ г. Розовъ. Собственно сказано это у Пушкина о «Коранѣ» (въ примѣч. къ «Подражаніямъ Корану»), но, убѣждаетъ г. Розовъ, «сужденіе о Коранѣ, повидимому, выражаетъ и его мнѣніе о Библии». Когда Пушкинъ говоритъ: «дай Богъ», «слава Богу», «ради Бога», это доказываетъ его «невольную вѣру» въ Бога; а когда онъ шутитъ: «vale, mi fili, in spirito», г. Розовъ видитъ здѣсь «распространеніе скептицизма на основные догматы христіанства». Тонъ изложенія довольно пѣшный. Пушкина авторъ называетъ «Александромъ Сергѣевичемъ», Жуковскаго—«Василіемъ Андреевичемъ», Дельвига—«барономъ». При этомъ «учености» хоть отбавляй: есть и литература предмета, и множество ссылокъ... Одного только нѣтъ: рѣшенія поставленной задачи. Спица моря не зажгла, зависимости Пушкина отъ Гёте не доказала и кончила тѡмъ, что, дескать, одинъ былъ — вождь нѣмецкаго Sturm und Drang, а другой — русскій романтикъ. Впрочемъ, это не помѣшало автору быть увѣнчаннымъ академическими лаврами: кіевскій университетъ далъ ему золотую медаль. Вѣроятно, за храбрость. М. В.

Старые годы. Ежемѣсячникъ для любителей искусства и старины. 1907. Январь—октябрь. Цѣна за годъ 6 р. 50 к.

Не было еще ни одного примѣра, чтобы русскій журналъ, посвященный искусству, притомъ за очень непродолжительный срокъ, успѣлъ и завоевать значительный кругъ читателей, и дать столько цѣннаго матеріала, и заслужить уваженіе даже въ глазахъ тѣхъ, кто отнесся къ первымъ нумерамъ журнала съ нескрываемымъ недоѡвѣріемъ. А что такіе были, объ этомъ говоритъ, между прочимъ, и небольшая замѣтка отъ редакціи въ первой книжкѣ журнала за нынѣшній годъ. Замѣтка имѣетъ въ виду и нашу реценцію, помѣщенную въ свое время въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (упрекъ за пристрастіе къ XVIII вѣку и др.), и кое-что въ журналѣ измѣнено къ лучшему. Судя по послѣднимъ нумерамъ, «Старые Годы» уже успѣли выработать себѣ, если не точную программу, то по крайней мѣрѣ опредѣленный типъ, стали живѣе отвѣчать на широкій кругъ вопросовъ изъ прошлаго искусства, впрочемъ, съ излишнимъ интересомъ къ Западу въ ущербъ искусству русскому, и т. д. Словомъ, если первые нумера за минувшій годъ можно было на-

звать альманахами по старому искусству, то о новых книжках сказать этого нельзя. Какъ единственный печатный органъ, посвященный у насъ искусству, «Старые Годы» въ недалекомъ будущемъ приобретутъ и ту авторитетность, въ которой замѣчается настоящая нужда, и спасутъ отъ гибели не одинъ памятникъ старины. Въ этомъ будетъ громадная заслуга журнала.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ нынѣшнемъ году, обращаютъ на себя внимание: «Нѣсколько художественныхъ предметовъ у кн. А. С. Долгорукаго въ С.-Петербургѣ» П. Вейера, «Къ столѣттю со смерти Анжелики Кауфманъ» Р. Мутера, «Древнѣйшіе финскіе храмы» Н. Рериха, «Аптекарская посуда времени Петра Великаго» А. Орѣшникова, «Гуго ванъ-деръ-Гусъ и его картина въ Эрмитажѣ» М. Фридлендера, «Разоренное гнѣздо» В. Верещагина (портретная галерея въ барскомъ домѣ кн. Голицыныхъ въ Зубриловѣ Саратов. губ.), «Собраніе Ф. Ф. Утемана въ Петербургѣ» Александра Бенца, «И. А. Безминъ» Александра Успенскаго, «Украинскій коверъ» Е. Кузьмина, «Отдѣленіе Императорскаго историческаго музея. Музей П. П. Щукина и его новѣйшія приобретения» Е. Корша, «Придворный первый маляръ А. Каравакъ» В. Веретенникова, «Произведения Гудона въ Россіи» В. Верещагина, «Лукасъ де-Хеере и неизвѣстное его произведение» Л. де-Метерлинка, «П. П. Бекетовъ» П. Симоны, «О поддѣлкахъ старыхъ картинъ» и «О матеріалахъ старинной картины» В. Щавинскаго, «Художественныя впечатлѣнія короля Станислава-Августа о своемъ пребываніи въ С.-Петербургѣ въ 1797 г.». С. Горяинова, «Фрески виллы Палатина въ Эрмитажѣ» Э. фонъ-Лингарта и др. Особенно богатъ и великолѣпно иллюстрированъ номеръ июль-сентябрь, весь занятый «Очерками по искусству эпохи Александра I». Здѣсь находимъ статьи Н. Врангеля «Романтизмъ въ живописи Александровской эпохи и Отечественная война», Врагеля, С. Маковскаго и А. Трубинова «Аракчеевъ и искусство», В. Верещагина «Женскія моды Александровскаго времени», Ю. Озаровскаго «Храмъ Талии и Мельпомены», А. Фалькерзама «Ювелирныя издѣлія временъ Александра I» и нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Не такъ давно еще одинъ такой номеръ журнала, выпущенный отдѣльно, составилъ бы своего рода событіе въ художественномъ мірѣ. Интересенъ, хотя и не полонъ, отдѣлъ—доклады по вопросамъ искусства въ русскихъ ученыхъ обществахъ, обзоры статей по тѣмъ же вопросамъ въ журналахъ и повременныхъ изданіяхъ, замѣтки С. Маковскаго о представленіяхъ стариннаго театра, серія корреспонденцій Дж. Шмидта «Свѣдѣнія изъ-за границы» съ массой фактическихъ свѣдѣній, свѣдѣнія о работахъ комиссіи по изученію и описанію стараго Петербурга, о выставкахъ, напр., о выставкѣ эстамповъ и рисунковъ въ академіи художествъ, о театральной выставкѣ, о выставкѣ дамскаго художественнаго кружка, о приобретенияхъ Эрмитажа, музея Александра III, новыхъ аукціонахъ, случаяхъ вандализма въ провинціи и столицѣ, объ отдѣльныхъ памятникахъ искусства, некрологи и довольно случайный библиографическій отдѣлъ. Очевидно, послѣдній отдѣлъ редакціи трудно сдѣлать болѣе или менѣе полнымъ и оживить его, а означеніи хорошихъ обзоровъ новыхъ книгъ по старому искусству нечего и распространяться. Этотъ отдѣлъ журнала нуждается въ основательной реорганизаціи.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще нѣкоторыя статьи изъ послѣднихъ книжекъ за 1907 годъ, о которыхъ мы не упоминали въ прежней рецензій: «Малоизвѣстные произведенія П. Федотова» Н. Романова, «Венеціановъ какъ портретистъ» бар. Н. Врангеля, «Шарденъ и Фрагонаръ» Г. Жеффруа, «Въ подмосковной» Н. Некрасова, «Перуджіа и выставка уморійскаго искусства» А. Гетчевскаго, «Выставка «Золотого Руна» въ Брюгге» Ф. Геварто и др. Все это популяризируетъ свѣдѣнія по искусству, хотя и не въ такой степени, въ какой мы могли бы ожидать отъ единственнаго въ Россіи журнала и при равнодушій къ эстетикѣ нашего общества.

А. Я.

Письма Владимира Сергѣевича Соловьева. Томъ I. Подъ редакціей Э. Л. Радлова. Спб. 1908.

Обликъ великаго христіанскаго философа, безвременная и почти внезапная кончина котораго восемь лѣтъ назадъ такъ болѣзненно потрясла наше общество, навсегда остался въ нашей памяти, окруженный благодарностью и любовью. «Полупророкъ, полуробеночъ», какъ назвалъ его Брандесъ, онъ былъ изъ тѣхъ, кто разъ въ своей жизни «имѣлъ одно видѣніе, непостижное уму», и навсегда, отъ юности до могилы, остался страстнымъ искателемъ Вышняго Града. Поэтъ, выражавшій въ лирикѣ свои философскія мысли, мыслитель, вносившій въ свои строго-величавыя философскія построенія чисто-лирическую нѣжность и теплоту, щедрый духомъ, безконечно любящій и гуманный, вѣрившій въ «неподвижное солнце любви», онъ является въ своихъ письмахъ, которыя нынѣ началъ издавать его другъ Э. Л. Радловъ, и въ обыденной жизни такимъ же — мягкимъ и сердечнымъ, полнымъ участія и вниманія къ друзьямъ, трогательно чуткимъ и отзывчивымъ на все доброе, дѣтски-веселымъ и незлобивымъ... Письма Соловьева даютъ наслажденіе, подобное тому, которое мы испытываемъ, читая письма Пушкина. Та же добрая веселость, благородная прямота, остроуміе, юморъ. Какъ въ письмахъ Пушкина преобладали интересы чисто-литературныя, такъ въ письмахъ Соловьева на первомъ планѣ стоятъ религіозно-философскіе интересы. Въ этомъ отношеніи особенно важны помѣщенные въ вышедшемъ томѣ письма къ Н. Н. Страхову, хорватскому епископу Штросмайеру, В. Л. Величко. Однажды онъ писалъ Страхову о «Россіи и Европѣ» Данилевскаго: «книга Данилевскаго всегда была для меня ungeniessbar, и во всякомъ случаѣ ея прославленіе вами и Бестужевымъ кажется мнѣ непоумѣреннымъ и намѣреннымъ преувеличеніемъ. Но это, конечно, не причина для меня нападать на нее... Но вотъ эта невинная книга вдругъ становится специальнымъ кораномъ всѣхъ мерзавцевъ и глупцовъ, хотящихъ погубить Россію и уготовать путь грядущему антихристу. Когда въ какомъ-нибудь лѣсу засѣлъ несприятель, то вопросъ не въ томъ, хорошъ или дуренъ этотъ лѣсъ, а въ томъ, какъ бы его лучше поджечь. Вы можете удивляться ошибочности моего взгляда, но убѣдить меня въ ней не можете уже потому, что самая точка зрѣнія, съ которой я въ этомъ случаѣ сужу, для васъ совершенно чужда. Вы смотрите на исторію, какъ китаецъ-буддистъ, и для васъ не имѣетъ никакого смысла мой еврейско-хри-

стианскій вопросъ: полезно или вредно данное умственное явленіе для богочеловѣческаго дѣла на землѣ въ данную и историческую минуту? А кстати: какъ объяснить по теоріи Данилевскаго, что наша съ вами общая чисто-русская (ибо поповская) національная культура не мѣшаетъ вамъ быть китайцемъ, а мнѣ—евреемъ?» Православіе въ одномъ изъ писемъ къ Величко Соловьевъ сравниваетъ съ школой «съ превосходной программой учебною и воспитательною», но съ учителями, которые «частью ничего не дѣлали для обученія и воспитанія юношества, частью же предавались грѣху и растлѣвали вѣранныхъ имъ питомцевъ», и ставитъ въ качествѣ практической воспитательной среды ниже протестантизма, съ его «неполной и скудной программой». «Пока ваша принадлежность къ греко-россійской синагогѣ есть только внѣшній фактъ, происшедшій не по вашей волѣ, вы ни за что не отвѣчаете; но когда вы по собственной волѣ, сознательно, намѣренно и безъ всякаго принужденія присоединяете къ названному учрежденію малолѣтнее и потому безответственное существо, то вы торжественно заявляете свою солидарность съ этимъ учрежденіемъ, и всѣ его грѣхи переходятъ на васъ: тогда уже вы лично виноваты и въ сожженіи протопопа Аввакума, и въ запрещеніи молитвенныхъ собраній штундистамъ, и въ избіеніи крожскихъ крестьянъ, и въ тысячахъ другихъ фактовъ того же вкуса»... Ни о какихъ частныхъ реформахъ церкви Соловьевъ не думалъ и стремился лишь къ радикальному преобразованію — соединенію церквей. «Отъ этого соединенія»,—писалъ онъ Штросмайеру,—зависятъ судьбы Россіи, славянства и всего міра. Мы, русскіе, православные и весь Востокъ, ничего не можемъ сдѣлать, пока не загладимъ грѣхъ церковнаго раздѣленія»... Извѣстно, что Соловьевъ предлагалъ сліяніе церквей, но при условіи автономности восточной церкви отъ административной власти папскаго престола, который являлся для него лишь символомъ единства вселенской церкви.

Философъ и лирикъ, Соловьевъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ беззавѣтно веселымъ юмористомъ, и въ его письмахъ часто попадаются забавы, шутки, игра словъ, остроты, смѣшные стихи. Изъ Каира онъ пишетъ, что свелъ знакомство съ двумя англичанками: «миссисъ Ини и миссъ Ури». День своего рожденія онъ привѣтствуетъ «правдивымъ и безыскусственнымъ» четверостишіемъ въ стилѣ Козьмы Пруткова: «Въ лѣсу болото,—а также мохъ.—Родился кто-то,—потомъ издохъ». Игра римами и словами иногда бьетъ въ письмахъ каскадомъ: «Неподвижна въ инеѣ — бѣлая поляна, — захлебнулись линіи — молокомъ тумана, — вырастаетъ лилія — въ сердцѣ одинокомъ, — и плоды усилія — борются съ порокомъ.— Не зайти ль среди сумерекъ — къ блѣдной Валентинѣ? — Но который нумеръ?.. Экъ! — Безголовъ я нынѣ! Все это неправда. Никакой Валентины нѣтъ, а есть только индійская нимфа «Пораспати», ибо уже скоро утро». Въ другой разъ Соловьевъ шлетъ другу «предсмертное изліяніе»: «Много дряни за душою — я имѣлъ на сей землѣ — и съ безпечностью большою — былъ нетвердъ въ добрѣ и злѣ. — Я въ себѣ подобье Божье — непрерывно оскорблялъ, — лишь съ общественною ложью — въ блудъ корыстный не впадалъ. — А затѣмъ, хотя премного и безпутьно я любилъ, — никого зато, ей-Богу, — не родилъ и не убилъ». На каждомъ шагѣ Соловьевъ

весело подшучиваетъ надъ самимъ собою; въ одномъ письмѣ (Соловьевъ былъ очень худъ) онъ называетъ себя «апокалиптическимъ мериномъ».

Книга издана для образованія капитала на стипендію молодому ученому, готовящемуся къ кафедрѣ философіи. Писемъ Владимира Соловьева находится въ разныхъ рукахъ много, и ихъ хватитъ еще на нѣсколько томовъ. Второю томъ Э. Л. Радловъ обѣщаетъ выпустить въ слѣдующемъ году. Издатель печатаетъ даже незначительныя записки Соловьева, «ибо и въ нихъ обнаруживается въ полномъ блескѣ мастерство, съ которымъ владѣлъ Соловьевъ труднѣйшимъ изъ искусствъ, а именно искусствомъ художественнаго выраженія мыслей словами»; къ тому же онъ смогутъ пригодиться будущему біографу Соловьева. Примѣчанія могли бы быть подробнѣе. Много интересныхъ мелочей забыты старымъ читателемъ и вовсе неизвѣстны новому; онъ нуждаются въ объясненіи.

Н. Л.

Профессоръ А. С. Вязигинъ. Въ туманѣ смутныхъ дней. Харьковъ. 1908. Стр. 479. Ц. 1 р. 50 к.

Книга профессора Вязигина составилась изъ мелкихъ статей, разновремененно напечатанныхъ авторомъ въ харьковскомъ журналѣ «Мирный Трудъ». Изъ этой книги мы узнаемъ, что г. Вязигинъ состоитъ председателемъ харьковского отдѣла Русскаго Собранія, а приложенная къ его сборнику брошюра повѣствуетъ о его избраніи въ члены третьей Государственной Думы и о торжествѣ, которое было по сему случаю въ Харьковѣ. Изъ этой же брошюры узнаемъ, что у своихъ политическихъ противниковъ г. Вязигинъ слыветъ столпомъ черносотенства, а «Мирный Трудъ», въ которомъ онъ принимаетъ дѣятельное участіе, имѣетъ очень опредѣленную репутацію «подлобка» реакціонной прессы.

Самъ г. Вязигинъ считаетъ себя и своихъ единомышленниковъ славянофилами и ближайшую задачу харьковского отдѣленія Русскаго Собранія видитъ въ осуществленіи «программы, выработанной безсмертными представителями такъ называемаго славянофильскаго ученія». Опредѣляя далѣе цѣли самаго ядра этого политическаго клуба, т. е. Русскаго Собранія въ Петербургѣ, харьковскій публицистъ выписываетъ первую статью его устава, гласящую, что собраніе это имѣетъ цѣлью содѣйствовать выясненію, укрѣпленію въ общественномъ сознаніи и проведенію въ жизнь исконныхъ творческихъ началъ и бытовыхъ особенностей русскаго народа, и поясняетъ ее такими словами: «Русское Собраніе подготавливаетъ правильное рѣшеніе многосложныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ народною жизнью, и служитъ чисто культурнымъ и высокимъ цѣлямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ «охранительствомъ», «подмораживаніемъ» и такъ называемымъ «ретроградствомъ».

Казалось бы, что политическій клубъ, построенный на благородномъ и глубокомъ ученіи славянофиловъ и преслѣдующій высокія культурныя задачи, долженъ былъ бы встрѣтить во всѣхъ благомыслящихъ, спокойныхъ людяхъ горячее сочувствіе и широкую поддержку. Сопrotивленіе ему должно было оказаться ничтожнымъ. А между тѣмъ самъ г. Вязигинъ свидѣтельствуетъ,

что на председательствуемый имъ харьковскій отдѣлъ Русскаго Собранія постоянно и со всѣхъ сторонъ воздвигаются гоненія, члены его всячески преслѣдуются. Чѣмъ же объясняется подобное, странное на первый взглядъ, явленіе? Ссылаться на шнородческую интригу, пытающуюся заглушить пробужденіе русскаго самосознанія, на козни политическихъ противниковъ значить, по нашему мнѣнію, не видѣть въ пылу борьбы изъ-за деревьевъ лѣса. Въдь подобными причинами не объяснишь, почему же именно многіе члены Русскаго Собранія, познакомившись съ нимъ покороче, вышли изъ его состава, и почему—чего грѣха таить—у многихъ весьма почтенныхъ и патріотически настроенныхъ лицъ приходится замѣчать не только равнодушіе къ Русскому Собранію, но и прямую къ нему антипатію. Намъ думается, что причина замѣтной и прочной непопулярности Русскаго Собранія лежитъ не въ интригахъ и козняхъ, а въ немъ самомъ, въ томъ направленіи, которое приняла на практикѣ его дѣятельность. Объяснимся.

Г. Вязигинъ искренно считаетъ себя и своихъ единомышленниковъ послѣдователями «безсмертныхъ славянофиловъ». Такъ ли это? Основная мысль славянофильства, какъ оно изложено въ извѣстной запискѣ Константина Аксакова, представленной въ 1855 г. имъ императору Александру II, заключается въ томъ, что «русскій народъ, отдѣливъ отъ себя правленіе государственное, оставилъ себѣ жизнь общественную и поручилъ государству давать ему возможность жить этою общественною жизнью. Не желая править, народъ нашъ желаетъ жить, въ смыслѣ человѣческомъ. Не ища свободы политической, онъ ищетъ свободы нравственной, свободы духа, свободы общественной». Далѣе Аксаковъ, развивая мысль объ истинно русскомъ отношеніи государства къ народу, говоритъ: «Народъ не вмѣшивается въ правительство, въ порядокъ управленія, государство не вмѣшивается въ жизнь и бытъ народа, не заставляетъ народъ жить насильственно, по сдѣланнымъ отъ государства образцамъ». Это отношеніе отрицательное, а вотъ и положительное.

«Положительная обязанность государства относительно народа есть защита и охраненіе жизни народа. Администрація, судопроизводство, законодательство—все это, понятое въ предѣлахъ чисто государственныхъ, принадлежитъ неотъемлемо къ области государства». Правительство существуетъ для народа, а не народъ для правительства. Положительная обязанность народа есть исполненіе государственныхъ требованій, снабженіе государства деньгами, людьми». Развивая эту мысль далѣе, Аксаковъ отмѣчаетъ и самостоятельное отношеніе безвластнаго народа къ полномочному правительству—отношеніе это есть общественное мнѣніе, свободное и ничѣмъ не стѣсненное. Въ охраненіи свободы общественнаго мнѣнія Аксаковъ видѣлъ одну изъ главныхъ задачъ государства.

По мнѣнію славянофильской школы, такія именно отношенія и существовали между правительствомъ и народомъ въ допетровскую эпоху нашей исторіи. Петръ принесъ съ Запада другіе идеалы, и прежняя форма государственности стала смѣняться порядками вѣмецкаго *Polizei-staat'a*. Государство стало вторгаться во внутренній міръ народа, стѣснять его нравственную свободу. Заглохло свободное слово, исказилось общественное мнѣніе, страна

стала развращаться. Подъ влияніемъ посягательствъ правительства на духовную свободу народа, на свободу его мнѣнія и слова, въ массахъ стало накапливаться раздраженіе, возникло желаніе политической власти, и древне-русскій строй былъ искаженъ въ самомъ основаніи.

Вотъ центръ тяжести всего славянофильства. Славянофилы совершенно ясно указывали, что все наши бѣды происходятъ оттого, что искажилась оболочка, заключающая въ себѣ море народное: она сдавила его, и народная стихія приняла несвойственныя нашему духу формы.

Такая славянофильская формула, конечно, должна была навлечь на нихъ всякія невзгоды, что дѣйствительно и случилось. Вспомнимъ хотя бы злоключенія Ивана Аксакова, жившаго дольше всехъ другихъ славянофиловъ. Сколько разъ закрывали его газеты, требовавшія свободы слова, сколько разъ ему «внушали», вызывали для объясненій и вразумленій, между прочимъ и черезъ митрополита Филарета!

Съ исчезновеніемъ первыхъ славянофиловъ ихъ богатое идейное наслѣдство попало въ руки людей меньшаго калибра и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, стало мельчать, приспособливаться къ дѣйствующимъ силамъ. Изъ него постарались прежде всего выкинуть все то, что навлекало на славянофиловъ неурядицы и вовлекало ихъ въ борьбу съ сильными міра сего. Основная причина, искажившая русскую жизнь, была замаскирована, а слѣдствія выдвинуты въ качествѣ самостоятельныхъ причинъ: во всемъ стало виновато общество. Славянофильство было искажено, приспособлено, приурочено, согласовано. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ, какъ не приспособленіемъ объяснить, напримѣръ, такой фактъ, какъ единогласное избраніе покойнаго Плеве почетнымъ членомъ Русскаго Общества? Русское Собраніе и— Плеве, человѣкъ не русскій по происхожденію, ярый представитель ненавистнаго для славянофиловъ *Polizei-Staat'a*, что тутъ, казалось бы, общаго?

Впрочемъ, г. Вязигинъ и не скрываетъ, что Русское Собраніе приспособливаетъ по-своему ученіе славянофиловъ. «Мы отлично сознаемъ необходимость... устранить (изъ ученія славянофиловъ) все то, что было или плодомъ ихъ времени, или слѣдствіемъ условій ихъ среды, что зависѣло отъ уровня тогдашнихъ научныхъ знаній».

Результаты такой «разработки» налицо. Четыре года тому назадъ на постъ министра народнаго просвѣщенія попалъ генералъ Глазовъ, занимающій теперь мѣсто помощника начальника московскаго военного округа. Назначеніе это было встрѣчено полнымъ недоумѣніемъ всего мыслящаго общества, но г. Вязигина, хотя онъ, кажется, уже былъ тогда профессоромъ, оно преисполнило радости.

«Нельзя не порадоваться привлеченію къ управленію министерствомъ народнаго просвѣщенія выдающагося работника въ области военной, любителя старины, окончившаго въ 50 лѣтъ, будучи уже генераломъ, археологическій институтъ. Онъ изъ военной среды вынесъ привычку къ совмѣстной дѣятельности» (послѣ японской войны г. Вязигинъ этого, конечно, не сказалъ бы) и потому сумѣетъ устранить упадокъ дисциплины. Эта дисциплина, подтягиваніе обще занимаютъ видное мѣсто въ писаніяхъ г. Вязигина.

Ничѣмъ инымъ, какъ тою же «разработкой» славянофильства, нельзя объяснить исторію, случившуюся съ профессоромъ Вязигинымъ въ харьковскомъ университетѣ и рассказанную имъ въ статьяхъ «Отвѣтъ «Вѣстнику Европы» и «Письмо профессора Гродескула въ редакцію «Харьковскаго Листка». Обличая разные безпорядки въ педагогическомъ мірѣ, г. Вязигинъ настолько прозрачно намекалъ на нѣкоторыхъ своихъ противниковъ, что его статьи были сочтены прямымъ доносомъ, повлекшимъ увольненіе со службы нѣкоторыхъ профессоровъ. За уволенныхъ товарищей г. Вязигина по университету вступился профессоръ Гродескуль. «Столпъ» червосогенства вынужденъ былъ отвѣчать, оправдываться; все это «дѣло» напечатано теперь въ сборникѣ и, по правдѣ сказать, производитъ тяжелое и весьма неблагоприятное для г. Вязигина впечатлѣніе. И чѣмъ больше читаешь сборникъ, тѣмъ сильнѣе крѣпнеть это впечатлѣніе. Свобода печати представляется автору правомъ болтать всякій вздоръ, судъ присяжныхъ—судомъ улицы и т. п. Последнее словечко выдаетъ автора, и читатель сразу догадывается, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Напрасно г. Вязигинъ твердитъ, что онъ славянофиль. Онъ просто послѣдователь пресловутой катковщины. На ней теперь многіе стараются сдѣлать карьеру.

А. М.

С. П. Фармаковскій. «Возрожденіе Урала». Очерки. Спб. 1908.

Работа государственной думы выдвинула на очередь цѣлый рядъ вопросовъ государственной жизни, которые давно уже ждали своего разрѣшенія. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ объ Уралѣ, т. е. объ его экономическомъ возрожденіи. Нашъ Уралъ, изобилующій рудными богатствами, насчитывающій десятки крупныхъ металлургическихъ заводовъ, является историческимъ гнѣздомъ русской горной промышленности, обслуживающей всю страну. Но Уралъ вмѣстѣ съ тѣмъ край замкнутый, патріархальный. Старое помѣщичье хозяйство уральскихъ заводчиковъ осталось донинѣ нетронутымъ; заводы Урала работаютъ въ тѣхъ же условіяхъ, что и полвѣка тому назадъ; они отстали отъ жизни и не могутъ конкурировать съ новыми заводами Юга Россіи, техника которыхъ далеко ушла впередъ. На Уралѣ сохранились въ неприкосновенности пережитки старины, остатки крѣпостного права: крестьянское населеніе заводскихъ округовъ не выдѣлено, не надѣлено землей, и благополучіе крестьянъ всецѣло опирается на заводскую работу, которая несетъ на себѣ всѣ тяготы неурегулированнаго сельско-хозяйственнаго положенія. Уралъ переживаетъ теперь тяжелыя времена; на немъ назрѣла необходимость разрѣшенія крестьянскаго вопроса и необходимость оздоровленія мѣстной промышленной жизни. Въ прекрасной книжкѣ С. П. Фармаковскаго, знатока уральской жизни, ясными и выпуклыми чертами рисуется нынѣшнее положеніе Урала, и намѣчаются мѣры, которыми можетъ быть достигнуто его возрожденіе. «Если дѣла Урала до сихъ поръ обстоятъ плохо,—говоритъ г. Фармаковскій:—то это потому, что Уралъ сплошь состоитъ изъ огромныхъ помѣстныхъ владѣній частныхъ лицъ, недоступныхъ предпринимателямъ. Главная бѣда Урала—связь заводскаго хозяйства съ огромнымъ землевладѣ-

ніемъ, доставляющимъ первому множество расходовъ, ничего общаго съ заводскимъ дѣломъ не имѣющихъ. Казенные заводы Урала даютъ до 3 милл. рублей ежегоднаго убытка». Другая бѣда Урала—отсутствіе на немъ желѣзныхъ дорогъ. Уралъ имѣетъ ихъ въ 3¹/₂ раза меньше, чѣмъ остальная Россія, а съ точки зрѣнія интересовъ промышленности должно бы быть наоборотъ. Какія же средства считаетъ г. Фармаковскій необходимыми для возрожденія Урала? Прежде всего необходимо раздѣленіе началъ промышленныхъ отъ сельскохозяйственныхъ, затѣмъ надѣленіе крестьянства землей, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и установленіе солидарности среди заводчиковъ-землевладѣльцевъ въ совершенствованіи своихъ предпріятій. Тогда возможно будетъ достигнуть возрожденія и подъема Урала, этого исторически сложившагося промышленнаго угла Россіи.

Н. Лендеръ.

П. Засодимскій. «Изъ воспоминаній». М. 1908. 450 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Извѣстный народникъ-беллетристъ П. Засодимскій выпустилъ сборникъ своихъ воспоминаній, въ свое время появившихся описаніями отдѣльныхъ эпизодовъ въ разныхъ журналахъ, и между прочимъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Въ силу того именно, что эти страницы жизни были разсказаны и «опубликованы въ разныхъ органахъ печати и въ разное время, онѣ не носятъ на себѣ характера цѣльности и не являются старательно вытканной канвой, по которой можно было бы нарисовать всю жизнь человѣка даже въ ея главнѣйшихъ моментахъ, составить себѣ полное представленіе о ростѣ его литературнаго таланта и объ объемѣ его литературнаго труда. Наиболѣе мѣста авторъ отвелъ воспоминаніямъ своего дѣтства, которыя, пожалуй, являются въ книгѣ наиболѣе свѣтлыми страницами жизни, кромѣ, конечно, момента его вступленія въ бракъ съ любимой дѣвушкой, каковой бракъ, однако, заключился не безъ препятствій, не безъ борьбы. Дѣтство—это та дальняя эпоха жизни, гдѣ на нашего писателя вѣяло тепломъ и любовью и гдѣ на первомъ планѣ въ его воспоминаніяхъ выступаетъ образъ матери, къ которой онъ всегда относился съ благоговѣніемъ и имя которой для него въ настоящемъ смыслѣ слова остается по днесь святымъ. Портретъ своей матери г. Засодимскій выписалъ съ особенною тщательностью, и читатель, какъ бы руководимый авторомъ въ своихъ симпатіяхъ, невольно захватывается любовью къ той, у которой нашъ писатель почерпнулъ столько мягкости и теплоты чувства, свойственныхъ вообще его литературному дарованію. Гимназическая жизнь обрисована имъ тоже довольно подробно, а университетъ совсѣмъ бѣгло, поверхностно. Учителству въ сельской школѣ, которое по необходимости для автора воспоминаній оборвалось слишкомъ скоро, также отведено достаточно мѣста, какъ равно и началу литературной работы, а также первымъ шагамъ на поприщѣ «дѣтскаго писателя», гдѣ г. Засодимскій составилъ себѣ популярное имя. Остальныя главы, составляющія большую часть книги, посвящены разнымъ литературнымъ встрѣчамъ и знакомствамъ, причѣмъ передъ нами здѣсь обрисовываются многіе изъ дѣятелей нашей литературы въ обстановкѣ ихъ невеликой домашней жизни. Съ особенною любовью описанъ А. Н. Левитовъ, съ ко-

торымъ онъ состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ и къ которому особенно тяготѣтъ своими симпатіями. Много любопытныхъ эпизодовъ изъ жизни этого даровитаго русскаго человѣка и писателя, нынѣ нѣсколько забытаго, сообщаетъ г. Засодимскій, эпизодовъ, отъ которыхъ становится, однако, тяжело на душѣ. Вообще грустное чувство обильно разлито въ книгѣ, и передъ нами здѣсь развертываются по большей части такія страницы нашей общественности, которыя возбуждаютъ невеселыя думы и обстоятельно знакомятъ насъ съ тяжелыми условіями жизни и работы русскаго литератора. И жизнь самого г. Засодимскаго и большей части его пріятелей, съ которыми приходилось идти рука объ руку по пути журнальной работы, запечатлѣны многими и многими горестями, и остается только удивляться тому заложенному съ дѣтства обильному запасу чувства любви и идеализма, которыя не погасли въ немъ до послѣднихъ дней и которыми, какъ извѣстно, онъ продолжаетъ непрестанно горѣть и на склонѣ своихъ лѣтъ. Книга г. Засодимскаго, помимо ея автобиографическаго интереса, помимо ея историко-литературнаго значенія, является и полезнымъ чтеніемъ, будя мысль читателей о многихъ вопросахъ нашей социальной дѣйствительности и возбуждая въ нихъ хотя и грустныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добрыя чувства по адресу всѣхъ, кому судьба дала въ удѣлъ тяжелый трудовой путь, смоченный слезами, покрытый терніями и запечатлѣнный упорной борьбой за существованіе.

Б. Г.

«Вѣстникъ общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ». № 1—3. Спб. 1908. Ц. за годъ 2 р.

Наша унылая російская дѣйствительность такъ бѣдна фактами, обнаруживающими общественную самодѣятельность и зрѣлое гражданское самосознаніе, что нельзя достаточно порадоваться, когда встрѣчаешься съ такими отрадными явленіями, какое представляетъ собою «Общество повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ», издающее журналъ, заглавіе котораго мы выписали выше. Короткая еще исторія этого общества (оно начало свое существованіе 23-го января 1906 г.) лишній разъ показываетъ, какъ много можетъ сдѣлать добрая воля даже отдѣльныхъ личностей, одушевленная любовью къ дѣлу и вѣрою въ его успѣхъ. Какъ видно изъ «Вѣстника» и приложенныхъ къ нему «Краткихъ свѣдѣній», общество обязано своимъ возникновеніемъ небольшому кружку лицъ, преимущественно врачей и сестеръ милосердія, которые, непосредственно встрѣчаясь съ безысходнымъ горемъ пострадавшихъ на войнѣ, рѣшили прійти имъ на помощь и привлечь къ тому же русское общество, смотря на это дѣло, какъ на свой гражданскій долгъ передъ родной и ея защитниками.

Учредители съ самаго начала широко взглянули на свою задачу, видя въ ней не узкую филантропическую затѣю помочь нѣсколькимъ несчастнымъ калѣкамъ, жертвамъ войны, а дѣло большого государственнаго и общественнаго значенія — объединить по возможности все общество въ дѣлѣ устрой-

ства судьбы пострадавших на войнѣ защитниковъ родины, честно исполнившихъ свой долгъ, и этимъ вселить въ рядахъ арміи увѣренность, что «какъ правительство, такъ и все русское общество цѣнятъ ея заслуги и готово всѣми мѣрами оградить благополучіе и честь какъ самого солдата, такъ и членовъ его семьи, нуждающихся въ поддержкѣ». Въ этой широтѣ намѣченной задачи, вѣроятно, и надо видѣть основаніе дальнѣйшаго успѣха дѣятельности общества. А начинать свою работу ему приходилось при неблагоприятныхъ условіяхъ. Съ одной стороны, у насъ еще не было подобной общественной организаціи, опытомъ которой можно было бы воспользоваться для руководства, и въ этомъ отношеніи, наиримѣръ, наша сосѣдка Германія далеко опередила насъ: тамъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ существуютъ союзы для помощи инвалидамъ; берлинскій Verein «Invalidendank» одинъ съ 1872 г. оказалъ помощь, исчисляемую въ суммѣ около полумилліона марокъ. Съ другой стороны, вниманіе русскаго общества было всецѣло поглощено событіями, разыгравшимися у насъ на родинѣ, а подъ вліяніемъ несчастной кампаніи и злополучнаго Портсмутскаго мира все, что касалось арміи, войны, встрѣчалось съ полнымъ равнодушіемъ; извѣстная же часть общества, читаемъ въ вступительной статьѣ «Вѣстника», хохотала надъ призывомъ маленькой горсти людей и клеймила ее, тогда позорной, кличкой «патріотовъ». Но учредители, не смущаясь ничѣмъ и оставаясь внѣ сферы борьбы политическихъ партій, продолжали свою работу, указывая путь, по которому всякій искренно любящій свою родину могъ оказать ей посильную помощь.

Исходя изъ мысли, что помощь людямъ, принесшимъ въ жертву родинѣ свое здоровье и личное счастье, должна предлагаться въ наиболѣе достойной и не унижающей ихъ формѣ, общество во главу угла своей дѣятельности въ этомъ направленіи поставило задачу—создать для своихъ кліентовъ такіа условія, чтобы раненый не чувствовалъ себя обузой семьи и окружающихъ, а равноправнымъ полезнымъ членомъ общества. Средствомъ для этого является возможное возстановленіе трудоспособности, потерянной или ослабленной отъ ранъ и увѣчий, путемъ леченія и обученія какому-нибудь доступному раненымъ ремеслу. При обществѣ (Сиб., 5-ая Рождественская № 14) устроены портняжная, сапожная, столярная и веревочная мастерскія, гдѣ временно прирѣзаемые обучаются этимъ ремесламъ, и при отъѣздѣ на родину снабжаются инструментами. Ремесленный отдѣлъ общества въ настоящее время занятъ разработкой плана распространенія въ широкихъ размѣрахъ среди кліентовъ общества и ихъ семейныхъ на мѣстахъ ихъ жительства кустарныхъ производствъ. Хлопоты о пенсіи или пособіи даже и для грамотнаго человѣка сопряжены съ большими затрудненіями и проволочкой, а для неграмотныхъ въ большинствѣ солдатъ часто совершенно непосильны. Общество приходитъ имъ въ этомъ на помощь, принимая на себя всѣ хлопоты по исходатайствованію полагающихся раненымъ по закону отъ правительства пенсій и пособій (а также отъ общественныхъ и частныхъ учрежденій), разыскиваетъ утерянные или недостающіе документы, наводитъ справки и т. д. Для могущихъ работать раненыхъ общество принципиауетъ должности, соответствующія ихъ трудоспособности. Наконецъ, общество оказываетъ и непосред-

ственную денежную помощь, выдавая единовременныя или періодическія пособія, главнымъ образомъ для поддержанія пришедшаго въ упадокъ во время войны или вслѣдствіе стихійныхъ причинъ хозяйства. Въ Петербургѣ общество содержитъ два общезитія, гдѣ находятъ помѣщеніе, пищу и одежду отъ 170—200 раненыхъ запасныхъ или отставныхъ, приѣзжающихъ въ столицу для устройства своихъ дѣлъ—хлонотъ о пенсіи, леченія или присканія мѣста.

Съ начала своей дѣятельности общество оказало помощь болѣе чѣмъ 10,000 пострадавшихъ на войнѣ нижнихъ чиновъ и ихъ семей, выразившуюся въ пеходатайствованіи имъ пенсій, присканіи мѣстъ, обученія ремеслу, помѣщеніи въ больницу, въ поддержкѣ пособиями и пенсіями изъ собственныхъ средствъ.

Программу дѣятельности центрального учрежденія въ Петербургѣ повторяютъ во всей ея полнотѣ, въ зависимости, конечно, только отъ средствъ, такъ называемые мѣстные отдѣлы общества, которыхъ открыто уже свыше 80 въ уѣздныхъ и губервскихъ городахъ Европейской и Азіатской Россіи; кромѣ того, свыше 200 находятся въ періодѣ организаци и близи къ открытію. Эти мѣстные отдѣлы, дѣйствуя на началахъ полной автономіи, т. е. имѣя каждый свое особое правленіе и кассу и подчиняясь лишь общему уставу, выполняютъ задачи общества въ районѣ своего округа.

Понятно, что при такомъ развитіи дѣятельности общества ему трудно обойтись безъ собственнаго печатнаго органа, а потому оно и приступило къ изданію «Вѣстника», «страницы котораго посвящаются взаимному освѣдомленію и объединенію дѣятельности всѣхъ организацій общества».

«Вѣстникъ Общества»—выходитъ ежемѣсячно, изящно издаваемыми брошюрами большого формата. Въ первыхъ нумерахъ мы находимъ: офиціальныи отдѣлъ, содержащій распоряженія правительства, относящіяся до призрѣнія раненыхъ, нѣсколько статей, посвященныхъ вопросамъ государственнаго и общественнаго призрѣнія пострадавшихъ на войнѣ и ихъ семей, напр., «Законодательство о призрѣніи увѣчныхъ нижнихъ чиновъ» г. М. Грулева, «Призрѣніе семей нижнихъ чиновъ, по мобилизаци призванныхъ изъ запаса на дѣйствительную службу» г. Ор. Фр., «Задачи ремесленнаго отдѣла общества» г-жи М. Ильиной съ рисунками, изображающими обученіе увѣчныхъ ремесламъ, тепло написанные фелетоны г. Л. Соловьева «Среди забытыхъ» и г. Эль-Эсъ «Великая тризна», отдѣлъ «Хроника», рисующій жизнь общества, и многочисленныя корреспонденціи и отчеты отдѣловъ общества. Журналъ въ полномъ соотвѣтствіи съ цѣлями общества редактируется С. П. Мунтомъ, однимъ изъ членовъ-учредителей, вынесшимъ на своихъ плечахъ всю тяжесть организационной работы по обществу.

Говоря о дѣятельности общества, мы умолчали объ одной ея сторонѣ, которая, на нашъ взглядъ, является едва ли не самой важной. Всѣмъ извѣстны многочисленныя недочеты, наблюдавшіеся въ прошлую войну въ дѣлѣ призрѣнія семей запасныхъ, призванныхъ по мобилизаци. Изъ «Вѣстника» мы узнаемъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ разрѣшило дополнитъ уставъ общества пунктомъ: «Съ объявленіемъ мобилизаци общество оказываетъ содѣйствіе къ удовлетворенію всѣми видами правительственной, общественной и частной помощи семействъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ на войну».

и что одной из главных задач центрального правления общества в настоящее время является разработка плана действий общества в период мобилизации. Нечего и говорить, какое громадное значение может иметь в этом случае участие такой могущественной общественной организации и сколько улучшений может она внести в постановку этого дела, страдавшего от невъжества и часто корыстных поползновений мелких сельских властей. Съ принятиемъ на себя обществомъ этихъ важныхъ обязанностей дѣятельность его приобретаетъ, неоспоримо, крупное государственное значение, и остается только пожелать ему успѣха и дальнѣйшаго развитія.

Н. А.

St. Tarnowski. Hystorya literatury polskiej. Tom VI, Część druga. Wiek XIX. 1863—1900. Краковъ. 1907. Стр. IX-† 647.

Завершая обзоръ польской литературы минувшаго вѣка, Ст. Тарновскій говоритъ, что она существовала при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, среди такихъ несчастныхъ и противныхъ природѣ обстоятельствъ, какъ ни одна литература отъ начала міра. И тѣмъ не менѣе она достигла такой высоты, какой не достигала раньше, при обстоятельствахъ совершенно счастливыхъ: польская литература XIX вѣка является прежде всего выраженіемъ національнаго духа, цѣльнымъ выраженіемъ національнаго сознанія. Все, такимъ образомъ, было благополучно, но явились новыя теченія, которыхъ не выноситъ и не понимаетъ ультра-клерикальный и слишкомъ консервативный г. Тарновскій, — и литература польская пошла на пониженіе... Поэтому многіе изъ выдающихся современныхъ писателей съ Шишбышевскимъ, Выпяцкимъ, Каспровичемъ и иными во главѣ, вызываютъ неудовольствіе и грозныя предостереженія со стороны краковскаго историка польской литературы.

Мы знаемъ нѣсколько трудовъ по новѣйшей польской литературѣ—Хмельвскаго, Фельдмана, Брикнера, Грабовскаго, Потоцкаго, Бжозовскаго и др. Большинство авторовъ—на сторонѣ новыхъ теченій, но крайней мѣрѣ стараются проникнуть въ сущность ихъ, разгадать то именно, къ чему въ мучительныхъ исканіяхъ стремятся писатели, приобщившіеся «новой евхаристіи»—модернизма. Только г. Тарновскій и г. Мазановскій не желаютъ или не могутъ понять ихъ, относятся отрицательно ко всему, что рветъ связь со старыми и оказавшимися уже негодными «догматами»... И все-таки мнѣніе г. Тарновскаго, какъ человѣка со вкусомъ, литературно образованнаго и талантливаго, является интереснымъ. Съ нимъ нельзя соглашаться, можно не спорить, такъ какъ все равно его ни въ чемъ нельзя убѣдить, но невозможно пройти молчаніемъ его книгу.

А что онъ просто не понимаетъ красотъ, мощи и цѣльности всякаго рода новыхъ теченій, показываетъ его мнѣніе о модернизмѣ. Здѣсь онъ находитъ одно отрицательное, а отъ всего положительнаго намѣренно отворачивается, какъ будто его совѣзмъ не существуетъ. Въ то же время стоитъ познакомиться хотя бы съ нѣсколькими мотивами творчества одного изъ модернистовъ, напримеръ, Антонія Ланге, и каждый безпристрастный критикъ пойметъ, что «модернизмъ» не только имѣетъ право на существованіе, но идетъ побѣдо-

носнымъ шествѣемъ даже при извѣстныхъ колебаніяхъ и уступкахъ. Въдъ модернизмъ всецѣло устремленъ впередъ. Напримѣръ, въ «Палингенезѣ» («Palingeneza») Ланге предсказываетъ обновленіе міра, а въ «Часѣ» («Godzina»), написанномъ поэтической прозой, изображаетъ тоскливое ожиданіе этого обновленія. Онъ дѣлаетъ это аллегорически-символическимъ способомъ, придавая греческимъ преданіямъ собственные взгляды. Артемида—богиня видимой природы, Часъ—богиня наступающаго утра. Обѣ печальны потому, что не могутъ ускорить развитіе человѣчества и дать ему счастье. Судьба должна совершиться. Иногда Часъ сверкаетъ нѣжнымъ предвозвѣстіемъ переменъ,— и тогда среди умовъ происходитъ страшное замѣнательство, потому что каждый человѣкъ по-своему объясняетъ этотъ блескъ... Въ концѣ поэмы указывается тѣнь Ифигеніи, символъ освобожденія Ореста (т. е. всѣхъ великихъ умовъ) отъ фурій, которыя терзаютъ его. Одинъ изъ критиковъ (П. Хмѣлевскій) думаетъ, что вмѣсто этихъ символовъ лучше было бы воспользоваться ясными современными понятіями для выраженія пророчества о судьбахъ человѣчества и переменъ, могущихъ произойти въ общечеловѣческихъ отношеніяхъ. Но Ланге не только не любитъ «легкихъ вещей», но, наоборотъ, сознательно ищетъ самыхъ трудныхъ. Онъ самъ говоритъ, что пѣснь его это—«вѣчная борьба между появленіемъ его пѣсни и богиней на вершинѣ высочайшей горы, богиней, которая сама—вѣчная пѣснь, пѣснь превосходная, сверхчеловѣческая, сверхземная». Пѣснь эта сама по себѣ должна составить «міръ». «Если бы съ другой планеты,—говоритъ поэтъ,—сошелъ на землю геній и воспѣвалъ бы незнакомымъ языкомъ иныя солнца и иныя небеса,—міръ изумился бы, но не понялъ его пѣсни. Такова будетъ и моя пѣснь, одинокая и недоступная, точно рожденная на другой планетѣ, какъ было бы въ томъ случаѣ, если бы она воспѣвала иныя небеса и иныя солнца. Люди съ удивленіемъ будутъ ее слушать, но никто не пойметъ ея...». «Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же пѣть ее?»—добавляетъ Хмѣлевскій. Впрочемъ, онъ надѣется, что Ланге, какъ и до сихъ поръ, будетъ создавать произведенія только понятныя, хотя и прекрасныя: можетъ быть, поэтъ и не взойдетъ на гору, гдѣ обитаетъ «богиня пѣсни вѣчной», зато онъ не будетъ рисковать, что не только его не поймутъ, но и... никто не будетъ читать. И г. Тарновскій, очевидно, совсѣмъ не понялъ весь смыслъ этихъ стихотвореній, а потому замолчалъ ихъ.

Странную аттестацію Ланге-философа найдемъ у другого типичнаго критика-клерикала, А. Мазановскаго. Въ своемъ тупорожденномъ безсплинн понятъ «святое исканіе» вѣчнаго огня и правды, онъ изрекаетъ на поэта шаблонныя хулы и по поводу стихотвореній модернистовъ говоритъ, что всѣ эти невѣрующіе, отравленные ядомъ сомнѣнія «богохульцы», среди своихъ бессонныхъ ночей, среди одинокихъ терзаній и безумныхъ бурь своего сердца, ищутъ какихъ-то устоевъ, тишины, толчка... Но этого мало,—и дальше Мазановскій обнаруживаетъ свою полную неспособность уразумѣть то, что немного дальше его носъ. Предсказывая пришествіе какого-то новаго избавителя, Ланге говоритъ въ «Часѣ»: «Мы ищемъ затерянныхъ тропинокъ въ Эдемъ. Одни ищутъ внѣ себя, другіе внутри, но не лежитъ это «завтра» ни въ отдѣленіи себя отъ души міра, ни въ соединеніи съ ней...». «Совершенствованіе

сердца, дѣла—вотъ панацея отъ всякихъ бѣдствій,—говоритъ онъ далѣе въ «Видѣніи св. Екатерины», которая, замѣтивъ, что люди живутъ хорошо или худо, ради ада или неба, отъ страха или въ силу надежды,—залила адъ и небо и хотѣла этимъ закалить ихъ. Конечно, двѣ случайныя фразы не могутъ служить основаніемъ для придуманнаго самимъ же г. Мазановскимъ міропониманія поэта.

Однимъ словомъ, всѣ домыслы «правовѣрныхъ» критиковъ, какъ Тарновскій или Мазановскій, вносятъ въ уясненіе дѣла слишкомъ мало, и, намъ кажется, ближе всѣхъ подошелъ къ истинѣ В. Фельдманъ. Онъ преклоняется передъ «святымъ недовольствомъ» Ланге, котораго мятущаяся душа стихійно рвалась къ истинѣ, старалась всѣми силами овладѣть реальнымъ знаменемъ красоты и правды. Поэту отъ всѣхъ его произведеній вѣетъ какой-то безграничной, развѣдающей, отчаянной тоской по идеалу, словно тоской по родиѣ. Поэтъ исходилъ всѣ земли, переплылъ всѣ моря, шлъ изъ всѣхъ родниковъ, вступалъ во всѣ битвы—лишь бы овладѣть этимъ идеаломъ. Сначала этотъ идеалъ представлялся Ланге въ формахъ социальныхъ, и поэтомъ руководила жажда дѣла, хотя бы и кроваваго, потому что, «если кто желаетъ быть Христомъ народовъ,—тотъ долженъ умѣть быть и Канномъ народовъ». Но эта красная нить, ведущая къ будущему, начинается у него извиваться, свертываться въ узловыя сплетенія, окрашиваться радугой миллионовъ свѣтовъ, тѣней, доктринъ. Сила стихійная уступаетъ глубокой и развѣдающей рефлексіи. Начинается блужданіе за гнущимися привидѣніями, за невидѣнными снами....

Въ результатъ этого блужданія все-таки получилось нѣчто положительное, хотя для г. Тарновскаго «положительное» существуетъ только въ отжившихъ «догматахъ». Ланге познакомился съ высшей культурой, позналъ богатую силу идеи, уничтожилъ самого себя и свой прежній характеръ, постигъ всѣ тайники поэтического искусства, сдѣлался въ буквальномъ смыслѣ виртуозомъ слова. Если же изъ всего богатства формъ нельзя опредѣлить принадлежащаго ему одному, и среди необычайной роскоши экзотическихъ цвѣтовъ какъ бы гибнуть цвѣты родные, то въ результатъ поэтъ сдѣлался универсальнымъ въ содержаніи, мастеромъ по части стиха—и еще болѣе мрачнымъ. По поводу этой перемѣны въ польскомъ поэтѣ В. Фельдманъ высказываетъ общую мысль: подобное творчество возможно только при необыкновенно чуткой, пытливой, вымученной рефлексіи, но Ланге—прежде всего интеллектуалистъ. Интеллектъ отдѣлился уже отъ чувства и вмѣсто того, чтобы быть въ подчиненіи у него, какъ во времена романтики,—онъ, благодаря позитивизму, взялъ на себя главную роль въ управленіи поэтическимъ судномъ. Поэтомъ онъ не замыкается въ тайники собственной души, такъ какъ его центръ—не человѣкъ, а человѣчество: онъ плачетъ не надъ собой, а надъ нами—надъ тѣмъ хаосомъ, въ которомъ родъ человѣческой зацутывается, усиливаетъ страданія, погружается въ немощь безъ выхода. Вотъ откуда начинается необыкновенно настойчивое у Ланге исканіе отвѣта на эти мучительные вопросы о будущемъ рода человѣческаго. И, принявъ правдоподобнымъ представленный критикомъ постепенный ходъ философской мысли Ланге, какъ одного

изъ необыкновенно типичныхъ поэтовъ нашего времени, нужно признать за этими исканіями не одну пустую рисовку, не одни поэтическіе образы, а вполне разумное и несомнѣнно святое «толканіе» въ разныя двери — и холодныхъ мудрецовъ сѣдой древности, и восторженныхъ учителей задумчиваго Востока, и даже простодушныхъ наблюденій народной поэзіи. Въ самомъ процессѣ исканія и заключается, быть можетъ, весь отвѣтъ.

Никакихъ исканій не знаетъ уравновѣшенный Ст. Тарновскій, и только потому онъ игнорируетъ въ модернизмѣ все мощное и прекрасное, нерѣдко рекомендуя соловьямъ поучиться у пѣтуха. А. Яцимирскій.

Д. Святскій. Историческій очеркъ городовъ Съвска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орель. 1908.

Наша провинція создала очень оригинальный типъ авторовъ-энциклопедистовъ. За отсутствіемъ специалистовъ, желающихъ приложить свои спеціальныя познанія къ изученію мѣстнаго края въ томъ или иномъ отношеніи, лица, не зараженные общей провинціальной спячкой, работаютъ одновременно въ самыхъ различныхъ областяхъ. Покойному муромскому земскому дѣятелю Добрынкину принадлежитъ рядъ дѣльныхъ работъ какъ по археологіи и этнографіи, такъ и по ботаникѣ и сельскому хозяйству Муромскаго края. Мы знаемъ провинціальныхъ врачей, которые съ большимъ успѣхомъ и съ пользою для дѣла занимаютъ посты предсѣдателей ученыхъ архивныхъ комиссій и издаютъ собственныя работы историческаго и библиографическаго характера. Въ лицѣ Д. Святскаго предъ нами молодой съвскій авторъ, который, будучи ботаникомъ (ему принадлежитъ и спеціальныи трудъ по ботаникѣ мѣстнаго края), написалъ также и недурную исторію своего роднаго города, для чего немало порылся въ архивахъ.

Вполнѣ естественно, что труды подобныхъ «энциклопедистовъ» иной разъ нѣсколько напоминаютъ собою любительскіе спектакли. Но было бы очень несправедливо усомниться въ томъ, что эти любительскія работы полезны. Каждый ученый скажетъ горячее спасибо этимъ просвѣщеннымъ любителямъ, которые, въ своей совокупности, сдѣлали для изученія нашего отечества (особенно, напримѣръ, въ этнографическомъ отношеніи), пожалуй, не меньше, чѣмъ присяжные ученые.

Трудъ г. Святскаго предназначается для широкаго круга читателей и вполне удовлетворяетъ этому своему предназначенію. Авторъ излагаетъ исторію мѣстнаго края въ связи съ общою исторіею всей Россіи. Пишетъ вообще живо и увлекательно. Исчерпавъ все, что давала ему литература предмета, г. Святскій привлекъ и большое количество рукописныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ многіе впервые имъ и открыты въ разныхъ мѣстныхъ архивахъ. Черезъ это, равно какъ и черезъ собраніе въ своей книжкѣ всѣхъ данныхъ, заключающихся въ малодоступной провинціальной литературѣ, онъ сдѣлалъ свой трудъ интереснымъ и для специалиста-историка.

Напомнимъ, что въ Съвскѣ была нѣкогда архіерейская кафедра и духовная семинарія, которымъ и посвящены наиболѣе интересныя главы въ книжкѣ г. Святскаго.

Д. Зеленинъ.

Проф. Ю. А. Кулаковскій. Амміанъ Марцеллинъ. Исторія, переводъ съ латинскаго. Вып. III. Кіевъ. 1908. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ свое время мы отмѣчали на страницахъ «Историческаго Вѣстника» появленіе перваго выпуска перевода исторіи Амміана Марцеллина, выполненнаго кіевскимъ профессоромъ Ю. А. Кулаковскимъ, и указывали на значеніе этого капитальнаго труда для русской исторіи. Нынѣ появился третій выпускъ, въ которомъ работа эта доведена до конца. За безусловную точность и изящество перевода достаточно ручается почтенное имя переводчика, давно уже приобрѣтшаго заслуженную славу одного изъ лучшихъ знатоковъ военной исторіи императорскаго Рима. Какъ всѣ изданія университета св. Владимира, изданіе это отличается изяществомъ, необычнымъ для книгъ, выходящихъ въ провинціи. Большую цѣнность труда придаютъ сопутствующіе ему указатели, гдѣ собраны всѣ наиболѣе важныя данныя, сообщаемыя Амміаномъ, что при большомъ объемѣ сохранившихся частей его исторіи значительно облегчаетъ пользованіе ею. Авторъ самъ указываетъ, что, издавая въ свѣтъ свой переводъ, онъ имѣлъ въ виду не столько специалистовъ-филологовъ, сколько тѣхъ, кому интересны и нужны сообщаемыя Марцеллиномъ историческія свѣдѣнія, или тѣхъ, кто, не имѣя возможности читать подлинникъ, хочетъ ближе понять духъ античнаго міра путемъ непосредственнаго знакомства съ литературнымъ наслѣдіемъ того давняго прошлаго. Сообразно съ такимъ пониманіемъ своей задачи авторъ примѣчаніямъ придалъ самую общую форму, исключивъ изъ нихъ все то, что представляетъ интересъ только для специалистовъ. Но текстъ Амміана труденъ и такъ мало изученъ, что специалисты въ правѣ пожелать выслушать компетентное сужденіе о спорныхъ мѣстахъ текста отъ ученаго, такъ усердно надъ нимъ поработавшаго. Поэтому было бы въ высокой степени желательно, чтобы переводомъ проф. Кулаковскій не ограничилъ своихъ капитальныхъ трудовъ надъ Марцеллиномъ, а опубликовалъ въ какомъ-нибудь специальномъ ученномъ органѣ тѣ наблюденія, которыя не могли у него не возникнуть за долгіе годы работы надъ переводомъ.

В.

Очеркъ исторіи переяславско-бориспольской епархіи (1733—1785), въ связи съ общимъ ходомъ малороссійской жизни того времени. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія Владимира Пархоменко. Изданіе полтавскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Полтава. 1908.

Разсматриваемый нами трудъ мѣстнаго изслѣдователя и историка В. А. Пархоменко принадлежитъ къ числу наиболѣе цѣнныхъ изслѣдованій дѣятелей полтавскихъ церковнаго историко-археологическаго комитета и ученой архивной комиссіи. Хорошо ознакомленный съ печатной литературой по затронутому вопросу, авторъ главный матеріалъ для своего «Опыта» черпалъ въ архивахъ подлежащихъ мѣстныхъ консисторій, монастырей и церквей, петербургскомъ синодскомъ, московскихъ—министерства юстиціи и министерства иностранныхъ дѣлъ, бывшей малороссійской коллегіи, и др. Сдѣлавъ

предварительно общій очеркъ состоянія лѣвобережной Украины въ 1733—1785 г., онъ говоритъ объ образованіи и составѣ переяславско-бориспольской епархіи и затѣмъ переходитъ къ отдѣльнымъ очеркамъ жизни и дѣятельности переяславско-бориспольскихъ епископовъ, изъ которыхъ наибольшее вниманіе удѣляетъ первому епископу, Арсенію Берло, и четвертому (всѣхъ было шесть)—Гарвасію Линцевскому, правившему съ 1757 по 1769 г. и создавшему себѣ имя въ исторіи своею борьбою съ распространявшеюся тогда въ правобережной части епархіи уніей.

Вслѣдъ за этими очерками слѣдуютъ главы: «Клиръ и міряне», «Церковно-приходская жизнь» (приходившая къ упадку влѣдствіе полного паденія въ это время старыхъ началъ жизни малороссійскихъ приходовъ), «Переяславская семинарія въ 1738—1785 г.» (наиболѣе полныя о ней здѣсь свѣдѣнія) и «Теченіе церковно-общественной жизни правобережной Украины въ данную эпоху».

Указомъ 27 марта 1785 г. была закрыта самостоятельная переяславско-бориспольская епархіа; послѣдній епископъ ея Пларіонъ Кондратковскій назначенъ епархіальнымъ архіереемъ во вновь открытую новгородъ-сѣверско-глуховскую епархію; всѣ 340 церквей лѣвобережной части епархіи перечислены въ епархію кіевскую, а православные монастыри и церкви, находившіяся въ предѣлахъ Польскаго королевства, поручены завѣдыванію викарія кіевской епархіи, получившаго наименованіе епископа переяславскаго.

Впослѣдствіи, какъ извѣстно, самостоятельность епархіи была возстановлена: съ 1779 по 1847 г. были самостоятельные епископы переяславско-полтавскіе.

Въ «приложеніяхъ» В. Пархоменко помѣстилъ до 28 разныхъ указовъ и наставленій епископскихъ и консисторскихъ, большею частью впервые появляющихся въ печати.

В. Рудаковъ.

Васенко, П. Г. Дьякъ Иванъ Тимофеевъ, авторъ «Временника».
(Къ исторіи перелома въ развитіи древне-русской исторической мысли). Спб. 1908.

Цѣль автора настоящаго труда—«попытаться изучить «Временникъ», какъ исторіографическое явленіе». Причина, заставившая г. Васенку предпринять эту работу,—разногласіе трехъ авторитетовъ по поводу одного изъ самыхъ обширныхъ и любопытныхъ произведеній, новѣтствующихъ о смутѣ начала XVII в., «Временникъ» дьяка Ивана Тимофеева. Авторитеты эти — С. Ѳ. Платоновъ, В. О. Ключевскій и А. Н. Пыпинъ, а разногласіе ихъ сводится къ слѣдующему. Проф. Платоновъ послѣ тщательнаго изученія «Временника» пришелъ къ выводу, что «ислѣдователь долженъ помнить», читая этотъ трудъ Тимофеева, «что онъ имѣетъ дѣло не съ лѣтописцемъ, а съ общественнымъ дѣятелемъ, далекимъ отъ задачъ спокойнаго историка». Между тѣмъ проф. Ключевскій «опредѣленно видитъ во «Временникѣ» Тимофеева новое на Руси исторіографическое явленіе». Что касается мнѣнія А. Н. Пыпина, то оно сводится къ слѣдующему: дьякъ Тимофеевъ не только не историкъ,

но и не лѣтописецъ; событія смуты прошли для него безслѣдно, и въ его трудѣ нѣтъ ничего новаго.

Планъ труда г. Васенки таковъ: сначала онъ старается прослѣдить зависимость Тимофеева отъ взглядовъ и литературныхъ пріемовъ XVII в., а затѣмъ приступаетъ къ доказательству той мысли, что «Временникъ» дѣйствительно содержитъ нѣчто новое. Это новое заключается, по мнѣнію автора настоящаго труда, въ томъ, что дьякъ Тимофеевъ представляетъ собою «одного изъ предвѣстниковъ новаго чисто историческаго мышленія».

Я. Вирюковъ.

**Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей
россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1908 годъ. Книга
вторая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1908.**

Стр. LIV + 122 + 104 + 172 + 118 + V + 50. Ц. 3 р.

Въ первомъ отдѣлѣ вышеназванной книги: «Матеріалы историческіе», помѣщены: «Чиновники Московскаго Успенскаго собора и выходы патріарха Никона. Послѣсловіе» д. чл. А. П. Голубцова, или, правильнѣе, «Предсловіе», въ которомъ авторъ даетъ своего рода изслѣдованіе объ напечатанныхъ имъ въ предыдущихъ книгахъ «Чтеній» «Чиновникъ» и вообще «О чиновникахъ и сказаніяхъ дѣйственныхъ чиновъ», и окончаніе «Дневальныхъ записокъ приказа Тайныхъ дѣлъ» за 1668—1675 годы съ указаніемъ именъ личныхъ и географическихъ. Сообщилъ С. А. Бѣлокуровъ. Въ отдѣлѣ матеріаловъ историко-литературныхъ находимъ цѣнную работу А. С. Орлова «Домострой» по Коншинскому списку и подобнымъ». Въ обширномъ введеніи авторъ, кромѣ описанія вѣщности Коншинской рукописи, долгое время считавшейся исчезнувшей, сообщаетъ описаніе четырехъ рукописей, содержащихъ въ себѣ «Домострой» и однородныхъ по редакціи съ Коншинскимъ спискомъ, характеристику чтеній каждой изъ нихъ, свѣдѣнія о двухъ спискахъ, «еще не нашедшихъ въ наукѣ полнаго опредѣленія», и «соображенія объ исторіи протографа Коншинскаго и однородныхъ съ нимъ списковъ» «Домостроя», основанныя на оцѣнкѣ чтеній и отчасти языка этихъ списковъ. «Домострой» напечатанъ на славянскомъ по списку Н. М. Коншина (М. Публичной библиотеки № XVII, № 149), и къ нему отдѣльно приложены обширнѣйшія «разночтенія», благодаря которымъ становится возможнымъ изученіе самыхъ чтеній Домостроя, а послѣднее, по мнѣнію автора, «должно имѣть такое же значеніе для историко-литературнаго изслѣдованія этого памятника, какъ и изученіе его источниковъ, а также отраженій въ немъ эпохи и областной культуры».

Въ отдѣлѣ «изслѣдованій» помѣщено окончаніе труда П. Н. Шмелева — «Изъ исторіи Московскаго Успенскаго собора». Сюда вошли только глава пятая — «Источники содержанія Успенскаго собора» и «Приложенія», состоящія изъ маловажныхъ грамотъ царей Іоанна IV Грознаго, Бориса Фёдоровича, Михаила Фёдоровича, кучихъ, договорныхъ, описаній, отписокъ, донесеній, «вѣдомости, учиненной въ московскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, коликое число во ономъ монастырѣ каменныхъ церквей и монастырскихъ келей и

прочаго деревяннаго строенія» и проч. Происхожденіе своей работы авторъ объясняетъ такъ: «Покойный М. А. Морозовъ, сдѣлавшись старостой московскаго Успенскаго собора, задумалъ издать подробнѣйшую исторію названнаго собора. Составленіе отдѣльных частей этой исторіи онъ предполагалъ поручить специалистамъ. Между прочимъ, онъ обратился и ко мнѣ съ просьбой написать экономическую исторію Успенскаго собора. Такъ какъ тема показалась мнѣ интересной, то я охотно исполнилъ просьбу и написалъ предлагаемый очеркъ. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть М. А. Морозова прервала въ самомъ началѣ задуманное имъ предпріятіе, и московскій Успенскій соборъ остался безъ достойной его исторіи (1 стр.). Наконецъ въ отдѣлѣ «Смѣсь» находимъ: «Еврейская молитва Гуды», сообщеніе М. П. Сперанскаго, желающаго видѣть въ ней памятникъ литературы жидовствующихъ; «Еще объ имени былинной кievской княгини», сообщ. А. В. Маркова; «Сказка о кумѣ Морозѣ Пвановичѣ и сербскія пѣсни о св. Юаннѣ», сообщ. того же А. В. Маркова, нашедшаго «сказку» въ бумагахъ П. В. Кирѣевскаго, и «Шесма московскаго митрополита Леонтія (Лебединскаго)», адресованныя къ протоіерею Кіево-Софійскаго собора Н. Я. Оглоблину и относящіяся къ 1856—1877 годамъ. Сообщилъ ихъ въ количествѣ 53 писемъ, изъ которыхъ многія очень цѣнны для характеристики личности незауряднаго іерарха русской церкви, четверть вѣка занимавшаго боевые посты на такихъ окраинахъ, какъ Подолія и Польша, Н. Н. Оглоблинъ.

В. Р.—въ.

Персиваль Хисламъ. Господство на Атлантическомъ океанѣ. Переводъ съ англійскаго морского генеральнаго штаба капитана 2-го ранга барона Гревеница. Спб. 1908 г. 297 стр.; ц. 2 р. 50 к.

Столкновеніе между Германіей и Англіей на почвѣ экономическихъ интересовъ, покоящихся, въ свою очередь, на господствѣ на морѣ, считается неизбежнымъ въ недалекомъ будущемъ. Неизбѣжность эта назрѣла, вслѣдствіе громаднаго экономическаго, торговаго и финансоваго прогресса Германіи за послѣднія 30 лѣтъ, поставившаго ее лицомъ къ лицу съ своимъ естественнымъ конкурентомъ—Британіей. Въ настоящее время борьба между обоими государствами ведется на почвѣ увеличенія морскихъ и сухопутныхъ силъ, на почвѣ постройки громадныхъ броненосцевъ, вооруженныхъ сильнѣйшею артиллеріею, причѣмъ борьба эта можетъ идти до безконечности, не давая другого результата, кромѣ истощенія обѣихъ сторонъ. Очевидно, что нужно дать другой выходъ этой борьбѣ, и если этотъ выходъ выразится въ вооруженномъ столкновеніи, то оно, будучи борьбою на жизнь и на смерть, окажется истиннѣ грандіознымъ, а потому правительства обѣихъ странъ должны принять всевозможныя мѣры, чтобы насколько возможно обезпечить себя успѣхъ. И вотъ съ этой-то точки зрѣнія столкновеніе двухъ конкурентовъ будетъ для насъ безразлично. Въ предисловіи къ книгѣ переводчикъ, между прочимъ, говоритъ: «Для каждаго изъ соперниковъ было бы весьма желательнымъ травить предварительно своего противника въ войну съ какой-либо третьей

великой державой, которая и приняла бы на себя весь его ударъ, и побѣдой или поражениемъ, безразлично, настолько разстроила бы его силы, какъ военныя, такъ и финансовыя, что затѣмъ вопросъ о господствѣ на морѣ той державы, которой удалось бы устроить въ свою пользу подобную комбинацію, былъ бы рѣшенъ и съ меньшими потерями и съ наименьшимъ для себя кровопролитіемъ. Дѣйствительно, тутъ нашей дипломатіи надо, что называется, держать ухо остро, дабы не допустить изобразить Россіи роль буфера для смягченія удара своими боками въ то время, когда нашему отечеству необходимъ глубокой миръ для зазеченія ранъ, нанесенныхъ намъ въ послѣднюю войну и внутреннюю неурядицу.

Книга г. Хислама представляется въ высшей степени интересной, какъ по сравненію силъ и средствъ обоихъ противниковъ, такъ и по изложенію обстоятельствъ, сопровождавшихъ возрожденіе германскаго флота, выполненное въ весьма короткій срокъ, благодаря неуклонному стремленію къ цѣли мудраго правительства и энергіи народа. Претензія на господство на Атлантическомъ океанѣ была, по мнѣнію автора, выражена германскимъ императоромъ шесть лѣтъ тому назадъ, въ сигналѣ, поданномъ Русскому Государю въ Ревелѣ: «Адмиралъ Атлантическаго океана привѣтствуетъ адмирала Тихаго океана». Уже болѣе десяти лѣтъ Германія вступила въ явное морское соперничество съ Великобританіей и страстно ждетъ того момента, когда она будетъ въ состояніи нанести противнику рѣшительный ударъ, причемъ, по мнѣнію г. Хислама, она вноситъ въ борьбу болѣе энергіи, чѣмъ Англія.

Въ книгѣ г. Хислама послѣдовательно изложены: зарожденіе и развитіе германской морской силы, современный германскій флотъ, германскія кораблестроительныя средства, морскія базы, доки, наконецъ, сравнительно, морская политика Германіи и Англіи, театръ войны на Нѣмецкомъ морѣ и вопросъ о вторженіи въ Англію; въ заключеніе сообщены сравнительныя данныя о флотахъ всего міра.

При изложеніи содержанія книги нельзя не остановиться на двухъ первыхъ главахъ, въ которыхъ изображено развитіе германскаго флота, исполненное съ такою быстротою, подобную которой нельзя найти въ исторіи. Стоитъ только припомнить, что до послѣдняго двадцатилѣтія германскаго флота почти не существовало: въ 1848 году всѣ германскіе порты въ Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ были полностью блокированы датскимъ флотомъ; въ 1870—71 годахъ германскій флотъ прятался отъ французовъ, пытаясь навести ихъ на разставленныя мины, что, однако, ни разу не удалось; въ началѣ царствованія Вильгельма II рейхстагъ отказалъ въ проспомъ ассигнованіи на флотъ и согласился только на постройку 5 броненосцевъ и трехъ крейсеровъ, а нынѣ, по закону 1900 года, легко проведенному въ рейхстагъ, къ 1920 году предложено имѣть: 38 линейныхъ кораблей (въ настоящее время налицо—22), 14 броненосныхъ крейсеровъ, 34 легкихъ крейсера и 96 эскадренныхъ миноносцевъ. Несмотря на неблагоприятное очертаніе морской границы, несмотря на отсутствіе въ населеніи морского элемента, императору Вильгельму, при настойчивости и дружномъ содѣйствіи всей страны, удалось сформировать грозный флотъ, устроить превосходно оборудованныя порты, доки и верфи, обра-

зовать личный, весьма интеллигентный, составъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, отлично дисциплинированныхъ и хорошихъ техниковъ. Правда, на помощь германцамъ пришла необычайно развившаяся въ послѣднее время техника судостроенія, дававшая возможность замѣнить моряковъ по призванію и по рожденію моряками-техниками, а также громадное развитіе промышленности и торговли Германіи, колониальныя пріобрѣтенія и сформированіе могущественнаго коммерческаго флота. Однимъ словомъ, энергія императора, а въ особенности хорошо направленное общественное мнѣніе, увлекшее всю страну, дали такіе результаты, о возможности которыхъ никто не могъ бы и мечтать десять лѣтъ передъ тѣмъ. Германскій флотъ росъ по мѣрѣ того, какъ подвигалось впередъ воспитаніе общественнаго мнѣнія страны, причѣмъ громадную роль сыграла основанная въ 1898 году «Германская морская лига» (Deutscher Flotten-Verein), число членовъ которой, считающихъ въ своихъ рядахъ гражданъ всѣхъ сословій и партій, не исключая рабочихъ и социалистовъ, доходитъ въ настоящее время до милліона.

Вообще, англійскій авторъ съ уваженіемъ относится къ творческой и организаторской дѣятельности германскаго флота, совѣтуетъ англичанамъ съ большимъ вниманіемъ слѣдить за нарождающеюся силой, которая, однако, все-таки оказывается неизмѣримо ниже англійской морской силы. Поэтому, нельзя не признать, что ростъ германскаго флота не соотвѣтствуетъ росту его вождедѣлній. Наибольшимъ шансомъ для германцевъ въ столкновеніи съ Англією авторъ считаетъ внезапное вторженіе на англійскую территорію, безъ объявленія войны, что, по исторической справкѣ за 170 лѣтъ, произошло въ 41 случаѣ, и только въ десяти случаяхъ предшествовало объявленіе войны. Вторженію въ Англію посвящена особая глава, въ которой вопросъ этотъ разбирается подробно, причѣмъ англійскому военному міру рекомендуется слѣдить за нѣмъ съ неослабнымъ вниманіемъ и принять во вниманіе, что планъ вторженія, безъ сомнѣнія, разработанъ германскимъ генеральнымъ штабомъ. Послѣднее несомнѣнно, ибо какой же это былъ бы генеральный штабъ, если бы у него не было выработано плановъ кампаніи со всякимъ вѣроятнымъ противникомъ.

Книга г. Хислама содержитъ въ себѣ массу фактическаго матеріала, интереснаго не для однихъ моряковъ, снабжена рисунками и весьма цѣнными таблицами.

Л. Н.

Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XIII. Юрьевъ. 1908. Стр. XX+240.

Вступившее въ двѣнадцатый годъ своего существованія первое на прибалтійской окраинѣ русское учено-литературное общество проявляетъ оживленную дѣятельность, результатомъ которой, между прочимъ, является только что вышедшій въ свѣтъ XIII томъ сборника трудовъ членовъ этого общества ¹⁾.

¹⁾ Какъ видно изъ помѣщеннаго въ официальномъ отдѣлѣ XIII тома отчета, общество, предсѣдателемъ котораго состоитъ профессоръ М. Е. Красноженъ, къ началу 1907—1908 г. имѣло 78 действительныхъ членовъ и 4 почетныхъ, въ числѣ послѣднихъ одного изъ основателей общества профессора А. С. Будиловича.

Въ началѣ неофициальнаго отдѣла помѣщена статья А. Невзорова, подъ заглавіемъ: «Прибалтійскій край въ русской литературѣ» (стр. 1—40). Въ этой статьѣ профессоръ Невзоровъ перечисляетъ книги, брошюры и статьи на русскомъ языкѣ, посвященныя вопросамъ права прибалтійскихъ губерній, а также нѣкоторыя книги и статьи географическаго, историческаго, экономическаго и публицистическаго содержанія, преимущественно болѣе новаго времени. Всего приведено 661 заглавіе. Для лицъ, желающихъ ознакомиться съ литературою Прибалтійскаго края, статья г. Невзорова имѣетъ весьма важное значеніе.

Вторая статья настоящаго тома сборника представляетъ собою докладъ, читанный госпожою Л. Богушевскою въ засѣданіи учено-литературнаго общества «Къ вопросу о наградахъ въ средней школѣ» (стр. 41—75). Родительскому комитету при юрьевской гимназій императора Александра I Благословеннаго было предложено понечителемъ рижскаго учебнаго округа высказаться по вопросу о цѣлесообразности наградъ въ гимназіяхъ. Родительскій комитетъ, отложивъ немедленное разрѣшеніе этого вопроса, поручилъ госпожѣ Богушевской составить краткое обзорънне взглядовъ на награды выдающихся педагогическихъ авторитетовъ. Эту задачу госпожа Богушевская весьма удачно исполнила въ помѣщенной на страницахъ сборника статьѣ.

Госпожа Богушевская предварительно касается общаго хода развитія взглядовъ на школьную дисциплину, въ составъ которой входятъ и награды и наказанія, а затѣмъ разбираетъ нѣкоторыя сочиненія, трактующія о школьной дисциплинѣ.

Прежде, нежели достигнуть нынѣшняго состоянія, педагогика пережила нѣсколько различныхъ стадій своего развитія. Гранью между двумя главными періодами ея является ученіе Христа, проповѣдь котораго и дѣлитъ всю исторію на 2 главные періода: дохристіанскій и христіанскій. Въ первый періодъ воспитаніе преслѣдовало строго націоналистическія цѣли; у всѣхъ дохристіанскихъ народовъ цѣлю умственнаго и нравственнаго воспитанія юношества являлись патріотизмъ и націонализмъ, при чемъ подъ націей или народомъ у древнихъ, не исключая Аристотеля и Платона, подразумѣвались исключительно свободнорожденные изъ среды коренныхъ жителей страны, а не рабы и чужестранцы. Педагогика христіанскаго періода стремится воспитать въ людяхъ идеалы общечеловѣческіе. Ея образецъ человѣка, которому должны подражать всѣ,—это самъ Христосъ. Отношенія родителей и воспитателей къ дѣтямъ должны быть подобны отношенію Бога къ людямъ. Национальная и классовая обособленность исчезаетъ въ этихъ идеалахъ, уступая мѣсто человѣчности. Однако въ примѣненіи къ практической жизни эти идеалы долго разбивались о предразсудки и пережитки темнаго прошлаго. Раздѣленіе людей на свободныхъ и рабовъ, отвергнутое проповѣдью Христа, долго еще лишало послѣднихъ какого бы то ни было понеченія въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія. Если въ теоріи и допускалось, что и эти отверженные имѣютъ право на воспитаніе, то мѣры воспитанія для нихъ предлагались иныя, чѣмъ для свободныхъ, а именно—крайне суровыя, причемъ дѣти рабовъ приравнявались къ животнымъ (стр. 42—44).

Въ средневѣковой школѣ главными мѣрами въ достиженіи послушанія учениковъ и ихъ хорошихъ уснѣховъ въ ученіи служили вообще наказанія, и притомъ вначалѣ—крайне жестокія: побои, дранье за уши, мореніе голодомъ и т. п. Позднѣе наказанія начинаютъ мало-по-малу смягчаться, вѣра въ нихъ, какъ въ радикальное средство противъ непослушанія и лѣности учениковъ, постепенно ослабѣваетъ, а вредъ отъ тѣлесныхъ наказаній для физической и нравственной природы ребенка все болѣе и болѣе сознается.

Особое вниманіе госпожа Богусевская удѣляетъ взглядамъ на дѣло воспитанія Амоса Коменскаго (1592—1671)—одного изъ талантливейшихъ ученыхъ и гуманнѣйшаго человѣка своего времени. Одаренный практическимъ умомъ и глубокою любовью къ Богу и людямъ, качествами, которыя давали ему нравственную силу терпѣливо преодолевать все препятствія къ выполнению добровольно возложенной на себя трудной мисси, Амосъ Коменскій говоритъ въ своей «Великой Дидактикѣ» относительно школьной дисциплины слѣдующее: «Школа безъ дисциплины то же, что мельница безъ воды... Отсюда, однако, не слѣдуетъ, что въ школѣ должны царить крикъ, удары и синяки, но она должна быть полна бдительности и вниманія со стороны учащихся и учащихся... Далѣе Коменскій замѣчаетъ, что цѣль школьной дисциплины не уничтожить проступокъ (ибо того, что сдѣлано, нельзя уничтожить), а предотвратить его. Если же иногда все-таки требуется поощреніе и повужденіе, то этого можно достигнуть лучше другими средствами, чѣмъ побоями: иной разъ болѣе суровымъ словомъ и выговоромъ при всѣхъ, иногда—похвалою другимъ (стр. 48—50).

Подобно Амосу Коменскому, отрицаютъ цѣлесообразность тѣлесныхъ наказаній и другіе извѣстные педагоги: знаменитый англійскій философъ и ученый Джонъ Локкъ (1632—1704), основатель педагогической системы филантроповъ Базедовъ, Песталотци, Гербартъ и другіе. Слѣдя за исторіей педагогики по сочиненіямъ выдающихся педагоговъ-практиковъ и теоретиковъ, можно видѣть, что наказанія дѣтей, въ общемъ, все болѣе и болѣе смягчаются, и даже самая необходимость въ дѣлѣ воспитанія какъ наказаній, такъ и наградъ все болѣе и болѣе открыто подвергается сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе на дѣлѣ и въ школѣ и въ семьѣ тѣ и другія играютъ весьма видную роль. Интереснѣе всего то, что теорія и практика въ отношеніи наградъ и наказаній и до сихъ поръ живутъ другъ съ другомъ далеко не дружно. Словомъ, вопросъ о примѣненіи наградъ и наказаній въ школьномъ воспитаніи и въ нынѣшнее время весьма медленно подвигается къ какому-нибудь опредѣленному практическому рѣшенію (стр. 55—56).

Въ заключеніе госпожа Богусевская совершенно правильно обращаетъ вниманіе, что вопросъ этотъ слѣдуетъ обсуждать также и съ точки зрѣнія неравенства учащихся, относительно условій ихъ внѣшкольной жизни. Наши среднія школы включаютъ въ себя учениковъ самыхъ различныхъ слоевъ общества. Наравнѣ съ бѣднѣйшимъ ученикомъ, родители котораго разсчитываютъ въ каждомъ стаканѣ молока, въ каждомъ лишнемъ фунтѣ керосина, не говоря уже о книгахъ и другихъ учебныхъ пособіяхъ, сидитъ ученикъ зажиточныхъ родителей, которые могутъ предоставить своему сыну не только

отдѣльную комнату, не только всякіе атласы, книги и другія учебныя пособія, но и нанять ему ренетитора, облегчающаго трудъ приготовленія уроковъ. И вотъ ученики болѣе состоятельныя, которые дома пользуются хорошими условіями жизни, и въ классѣ надѣляются хорошими баллами, а слѣдовательно, и наградами, въ видѣ книгъ и похвальныхъ листовъ, тѣхъ же, которымъ и дома плохо, и школа еще обижаетъ, не видя и не оцѣнивая ихъ непосильнаго труда. Чѣмъ, однако, они виноваты, что у нихъ нѣтъ помощниковъ, которые могли бы указать имъ ошибки въ переводѣ или диктовкѣ... Немало требуется внимательности, чуткости и такта со стороны воспитателя, чтобы войти въ положеніе каждаго своего питомца при оцѣнкѣ его знаній. Мало того, ему надо сумѣть внушить такое же чувство справедливости и ученикамъ цѣлаго класса; однихъ надо возвысить до отсутствія тщеславія, гордости своими успѣхами, часто не имъ самимъ принадлежащими, а другихъ поддержать, ободрить, приглубить (стр. 69—70).

Написанная живымъ языкомъ, съ тѣмъ задушевнымъ, чуткимъ къ дѣтскому сердцу чувствомъ, которое свойственно преимущественно женщинѣ, статья госпожи Богушевской должна быть рекомендована вниманію не однихъ только педагоговъ, но и каждаго родителя, любящаго своихъ дѣтей и слѣдящаго за ихъ воспитаніемъ.

Слѣдующая статья В. Боброва, подъ заглавіемъ: «Народныя пѣсни русскаго населенія Лифляндской губерніи» (стр. 76—93), заключаетъ въ себѣ собраніе записанныхъ авторомъ народныхъ пѣсенъ, въ количествѣ 22. Собраніе это составилось постепенно отчасти при изученіи говора русскаго неинтеллигентнаго и кореннаго населенія города Юрьева, отчасти на лингвистическихъ экскурсіяхъ, какія г. Бобровъ предпринималъ изъ Юрьева, преимущественно по рѣкѣ Эмбаху-Амовжѣ и на островъ Межу, лежащій на Чудскомъ озерѣ. Записанныя г. Бобровымъ пѣсни относятся, главнымъ образомъ, къ разряду семейныхъ; сохранились онѣ преимущественно у женщинъ, да и то такія лишь, которыя связаны съ наиболѣе важными въ жизни женщины событіями: съ выходомъ замужъ, съ играніемъ свадьбы, а также съ положеніемъ новобрачной въ чужой семьѣ. Попадаются искусственныя пѣсни, подвергнутыя искаженію. Въ теченіе многихъ лѣтъ русскіе, живущіе на сѣверо-востокѣ Лифляндской губерніи, были отрѣзаны отъ Россіи и оставались чуждыми развитію русской культуры. Эта обособленность мѣстнаго русскаго населенія сказалась и на судьбѣ русской народной поэзіи въ мѣстномъ краѣ. Большинство родовъ этой поэзіи, какіе можно встрѣтить въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, здѣсь уже вымерло почти безслѣдно.

Статья г. Боброва имѣетъ несомнѣнное значеніе для изученія особенностей быта мѣстнаго края.

Четвертая, весьма обширная, статья (стр. 94—172), принадлежащая профессору варшавскаго университета Е. Боброву, содержитъ весьма интересныя «Замѣтки по исторіи русской литературы и просвѣщенія XIX вѣка», какъ-то: «А. С. Пушкинъ и В. С. Миклашевичъ» (рожденная Смагина, написавшая извѣстный въ свое время романъ «Село Михайловское»); «Философская программа М. Л. Магницкаго (пресловутаго почитателя казанскаго учебнаго

округа, разгромившаго въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія казанскій университетъ); «Допотопный поэтъ (такъ назвалъ извѣстный критикъ славянофильскаго лагеря А. А. Григорьевъ поэта А. И. Полежаева); «Полемика М. Г. Павлова съ братьями Полевыми», и др.

Особенно любопытнымъ представляется очеркъ профессора Боброва «Объ образовательномъ цензѣ декабристовъ». Вопреки другому изслѣдователю этого вопроса профессору М. В. Довнаръ-Запольскому, Е. Бобровъ, на основаніи того же самаго матеріала, которымъ пользовался М. В. Довнаръ-Запольскій (а именно таблицъ, приведенныхъ въ трудѣ генерала Богдановича «Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время»), приходитъ къ заключенію, что образовательный цензъ декабристовъ былъ далеко не столь высокимъ, какъ утверждаетъ это г. Довнаръ-Запольскій. «Говоря философскимъ языкомъ, въ разсужденіи Довнаръ-Запольскаго объ образовательномъ цензѣ декабристовъ, — пишетъ г. Бобровъ, — сказался такъ называемый приматъ воли: автору захотѣлось, чтобы декабристы были образованнѣйшими людьми своего времени, онъ вѣритъ въ это, — такъ оно и вышло. Къ этому же онъ хочетъ привести и читателей» (стр. 152). На основаніи фактическихъ данныхъ профессоръ Бобровъ приходитъ къ тому заключенію, что закончившихъ высшій кругъ наукъ (изъ 120 декабристовъ) было только 7 человекъ, считая же вмѣстѣ окончившихъ и не окончившихъ — 13, или около 10% всего числа, среди декабристовъ было очень много лицъ домашняго образованія, еще больше воспитанниковъ «дрянныхъ частныхъ пансіонистовъ» (стр. 167). «При просмотрѣ таблицъ образованія декабристовъ, — говоритъ г. Бобровъ, — кидается въ глаза другая особенность: это — страшно, неизвѣрное изобиліе иностранцевъ, въ качествѣ воспитателей и учителей. Помимо прямой противорусской, либо католической, либо масонской пропаганды, которую могли вести среди своихъ воспитанниковъ нѣкоторые воспитатели-иностранцы, конечно, не любовь же къ Россіи и всему русскому проповѣдывали эти наемники. Они отчуждали русскую знатную молодежь отъ ея народа, обращали ее во французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, кого угодно, только не въ русскихъ... И въ заговорѣ декабристовъ это воспитаніе иностранцами сыграло немалую роль» (стр. 168—169).

Послѣдняя статья сборника, подъ заглавіемъ: «Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и высочайшій манифестъ 14 декабря 1766 года», принадлежащая г. І. Змигродскому, представляетъ большой интересъ для мѣстнаго края. Статья эта будетъ окончена въ слѣдующемъ XIV томѣ сборника.

О — ль.

Списокъ книгъ, пріобрѣтенныхъ бібліотекою императорскаго с.-петербургскаго университета съ 1 іюля 1904 года по 31 декабря 1906 года. Спб. 1907. Стр. 113+41.

Рѣдки случаи, когда русскія бібліотеки ученыхъ и просвѣтительныхъ учрежденій обогащались бы сразу такими собраніями книгъ по славяновѣдѣнію, какъ, напримѣръ, петербургскій университетъ въ 1905 году. Сюда поступила большая часть книгъ, оставшихся послѣ смерти приватъ-доцента П. А.

Сырку, причемъ администрація университетской библіотеки получила право выбрать все, чего раньше въ библіотекѣ не имѣлось, и только послѣ этого, уже изъ остатковъ книгъ, стали выбирать другія учрежденія, а также частныя лица. Поэтому съ точки зрѣнія рѣдкости книгъ, поступившихъ въ библіотеку петербургскаго университета, собраніе П. Сырку можно назвать выдающимся.

Какъ извѣстно, покойный славистъ много путешествовалъ съ научными цѣлями по славянскимъ землямъ, на свои задачи смотрѣлъ всегда очень широко и пріобрѣталъ не только такія книги, которыя нужны были ему для ближайшихъ работъ или же подходили къ задуманнымъ работамъ въ будущемъ, но вообще всякія книги по славистикѣ, которыхъ не было въ Россіи. Такъ характеризуютъ П. Сырку лица, знавшія его лично, и эта характеристика его ученой любознательности оправдывается при обзорѣ оставшихся послѣ него книгъ. Вотъ почему среди монографій и солидныхъ изданій по славянскимъ вопросамъ и на славянскихъ языкахъ, попавшихъ теперь въ университетъ, чуть не половину книгъ и брошюръ составляютъ такія, которыя дѣйствительно впервые попадаютъ въ русскую библіотеку. Особенно цѣнны въ этомъ отношеніи рѣдкія болгарскія (напечатанныя до освобожденія болгаръ и за границей), угро-русскія, румынскія, венгерскія, греческія, нижне-лужицкія, верхне-лужицкія, кашубскія и другія изданія. Иногда по своему содержанию эти книги (большей частью брошюры) интереса почти не представляютъ, какъ, напримѣръ, отчеты разныхъ школъ, обществъ, церковныя поученія, богослужебныя книги и т. п.; но для полной картины славянской письменности, исторіи, этнографіи, географіи, политическаго положенія и т. д.—безъ такого собранія не обойтись. Кромѣ книгъ и брошюръ, въ библіотеку попали и журналы на разныхъ славянскихъ языкахъ, иногда болѣе рѣдкіе, чѣмъ книги.

Теперь всѣ эти сокровища для славистики приведены въ порядокъ, описаны, и описаніе ихъ напечатано въ «Спискѣ книгъ» (полное заглавіе приведено выше). Такимъ образомъ, можно только пожелать, чтобы столь драгоценныя для славяновѣднія книги не оставались подъ спудомъ, и чтобы возможно скорѣе нашлись люди, которые заинтересовались бы ими, а результатомъ ихъ интереса чтобы явились въ печати соответствующія статьи и изслѣдованія. Это будетъ своего рода живымъ памятникомъ слависту, много потрудившемуся для общаго всѣмъ намъ дѣла и въ концѣ концовъ затравленному тѣмъ, кто раньше ему покровительствовалъ. И. А.

Древности. Труды славянской комиссіи императорскаго московскаго археологическаго общества. Томъ IV, вып. I. Изданъ подѣ редакціею А. С. Орлова. Москва. 1907. Стр. VIII+332+67.

Четвертый томъ «Трудовъ славянской комиссіи» начинается краткой памятью М. П. Соколова отъ лица редактора тома и членовъ комиссіи, а болѣе пространныя воспоминанія о покойномъ профессорѣ, основателѣ и безсмѣнномъ ея предсѣдателѣ, найдутъ себѣ мѣсто въ слѣдующемъ выпускѣ того же четвертаго тома. Въ составъ перваго выпуска вошли статьи, изслѣдованія и

изданія текстовъ: К. В. Покровский «Книга, глаголемая Назиратель, сирѣчь урядъ домовыхъ дѣтелъ» (изъ исторіи древней сельско-хозяйственной литературы), Н. Н. Кононова «Изъ области астрологіи. Обзоръ статей: Планетника, Звѣздочтеца, Колядника, Громника, Лунника, Трешетника, Тайная Тайныхъ, Лѣчебника» (по рукописи XVIII вѣка), Н. Н. Дурново «Легенда о заключенномъ бѣсѣ въ византійской и старинной русской литературѣ», Н. Е. Евсеѣва «Словеса святыхъ пророкъ» (противоудейскій памятникъ, по рукописи XV вѣка), М. И. Соколова «Апокрифическое откровеніе Варуха», М. Н. Сперанскаго «Откровеніе святымъ апостоламъ», А. С. Орлова «Древне-русское поученіе съ апокрифическимъ элементомъ», К. С. Кузьминскаго «О сборникѣ молитвъ, извѣстномъ подъ названіемъ Абагаръ».

Въ приложеніи, съ особой пагинаціей, напечатаны протоколы засѣданій съ изложеніемъ рефератовъ. Отмѣтимъ изъ нихъ слѣдующіе: «Памяти Яна Коллара» Р. Брандта, «Сказаніе св. отецъ, якоже прилучися въ Болгарской земли» С. Долгова, «Надпись Омортага» О. Пловайскаго, «Хроника Синкелла» В. Истрина, «О предварительномъ съѣздѣ славистовъ въ Петербургѣ» М. Соколова и М. Сперанскаго, «Пражскія вичатлѣнія» К. Покровскаго, «Новый чешскій трудъ о Люцидаріи» А. Покровскаго, «Извѣстія о славянахъ въ «Вѣдомостяхъ московскаго государства» его же, «Памяти Тютчева» К. Покровскаго, «Юго-славянскій прологъ» П. Лаврова, «Современныя русскія событія въ юго-славянской печати» К. Покровскаго, «Памяти Иларіона Дуварца» Н. Дурново, «Обзоръ новой болгарской литературы» К. Кузьминскаго «Памяти Стевана Сремца» Н. Дурново и др.

Одинъ перечень рефератовъ и изслѣдованій показываетъ, какъ умѣютъ работать московскіе ученые, и кого они могутъ этимъ научить. А.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИНТИМНЫЯ подробности о герцогинѣ Курляндской. Въ ноябрьскомъ номерѣ «Revue historique» напечатанъ очеркъ, озаглавленный: «Курляндскій анекдотъ», и принадлежащій перу барона Витроля, гдѣ передаются до сихъ поръ еще неизвѣстныя шикантныя подробности объ интимной жизни матери герцогини Дино. Она была третьей женой герцога Курляндскаго, который велъ борьбу со своимъ дворянствомъ, оспаривавшимъ у него власть при поддержкѣ Россіи. Поэтому герцогу посовѣтовали обратиться за содѣйствіемъ къ Польшѣ и съ этой цѣлью послать жену въ Варшаву. Молодая, красивая герцогиня была принята въ польской столицѣ съ большимъ почетомъ. Король Станиславъ даже приказалъ воздвигнуть для нея въ сеймѣ трибуну, а въ ея салонѣ стали появляться сливки знатной польской аристократіи. Однако нѣкоторые аристократы съ республиканскимъ направленіемъ сторонились герцогини, а графъ Забѣлло, пользовавшійся въ Парижѣ большимъ успѣхомъ, какъ «красавецъ-полякъ», далъ ей понять, какъ важно для нея привлечь къ себѣ этихъ отщепенцевъ и особенно одного изъ нихъ, графа Батовскаго. Послѣдній осуждалъ тѣхъ членовъ сейма, которые, будучи призваны въ сеймъ, чтобы высказаться за герцога или дворянство, вмѣсто того, чтобы отстаивать свое дѣло, ухаживали за герцогиней и щеголяли въ ея гостинныхъ. Послѣ долгого упрямства со стороны Батовскаго, графу Забѣлло все-таки удалось не только его убѣдить, что хорошенькая женщина имѣетъ право на всѣ почести, но даже уговорить посѣтить ее. Герцогиня первый разъ приняла Батовскаго очень любезно, а при вторичномъ его посѣщеніи ей удалось закинуть словечко о своемъ дѣлѣ. Батовскій отвѣтилъ ей очень сдержанно, но черезъ нѣсколько дней принялъ ее

приглашеніе на обѣдъ. Вечеромъ послѣ обѣда молодая женщина, сидя рядомъ съ нимъ на диванѣ и бесѣдуя о различныхъ предметахъ, высказала съ очаровательнымъ выраженіемъ глазъ, отуманенныхъ слезами, что герцогъ рѣзокъ и она не знаетъ, до чего можетъ дойти его месть. Это было сказано такъ краснорѣчиво, что Батовскій не устоялъ и, побѣжденный, воскликнулъ: «Ну, хорошо, герцогиня, я возьму на себя вести уснѣшно дѣло, но съ условіемъ: вы это поручите мнѣ одному и не примите никакихъ другихъ совѣтовъ, кромѣ моихъ».

Съ этого времени графъ усердно служилъ интересамъ герцога Курляндскаго: онъ привлекъ на свою сторону партію молодыхъ земскихъ депутатовъ, набралъ прозелитовъ изъ другихъ партій и въ день боя въ сеймѣ повелъ смѣлую атаку. Но, несмотря на все его усилія, дѣло герцогини сорвалось. Въ это время она присутствовала на своей трибунѣ, и отъ неудачи Батовскаго съ ней сдѣлался обморокъ. Графъ въ отчаяніи потребовалъ новаго голосованія и, среди возгласовъ противной партіи, возражавшей, что большинство депутатовъ уже вышло, онъ добился большинства голосовъ. Одержавъ побѣду, Батовскій бросился на трибуну герцогини, которая пришла въ себя въ объятяхъ своего друга.

Оставалось только назначить представителя Польши при герцогѣ Курляндскомъ. На этотъ знатный постъ всего болѣе подходилъ Батовскій. Герцогъ съ герцогиней встрѣтили его на границѣ своего государства и во все время пребыванія осыпали милостями. Между тѣмъ Екатерина II приготовляла второй раздѣлъ Польши. Она увѣдомила графа, что соплеть его въ Сибирь, если русскія войска, проникнувъ въ Курляндію, найдутъ его еще въ Митавѣ. Батовскій уѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ въ это время герцогиня ожидала рожденія ребенка. Надо полагать, что герцогъ намѣренно предоставилъ женѣ нѣкоторую свободу, такъ какъ въ то время, когда онъ проживалъ въ уединеніи въ своемъ помѣстьѣ Саганѣ, Батовскій подыскивалъ отъ имени герцогини виллу на берегу Женевского озера и кончилъ тѣмъ, что купилъ ей замокъ Либихау въ Альгенбургскомъ герцогствѣ.

Здѣсь именно Витроль, находившійся для леченія, познакомился съ герцогиней и ея другомъ. Ихъ видѣли прогуливавшимися вмѣстѣ по саду, и обыкновенно Батовскій несъ корзину съ фруктами, которые она собственноручно собирала. «Не правда ли, милѣйшій г-нъ Витроль, что мы похожи на двухъ добрыхъ буржуа?» спросила она однажды послѣдняго. Здѣсь они проводили шесть мѣсяцевъ въ году. Со всею привѣтливая, она была особенно внимательна къ Батовскому: сама ѣдила въ Лейпцигъ для покупки ему прекрасныхъ книгъ и даже построила ему павильонъ, который назвала «Petit Vien». Когда наступилъ моментъ возвратиться въ Саганъ, герцогиня просила Витроля раздѣлить одиночество Батовскаго, говоря: «Онъ васъ такъ любитъ, а онъ будетъ такъ опечаленъ». Батовскій, который вообще отличался причудами, впалъ въ такую черную меланхолію, что въ одинъ прекрасный день Витроль, потерявъ терпѣніе, воскликнулъ: «Да вѣдь это, дорогой мой, помѣшательство! Васъ обожаютъ, у васъ есть состояніе, все, что радуетъ самолюбіе! Чего вамъ еще желать?». Тогда графъ залился слезами и рыдая отгнѣтилъ: «Оттого я такъ и несчастенъ, что мнѣ болѣе нечего желать».

Три года спустя герцогиня сошлась на карлсбадских водах со шведомъ, барономъ Армфельтомъ, который былъ бы красивъ, если бы его истомленное лицо не было совершенно желтое, что онъ приписывалъ яду, который ему когда-то дали. Послѣ смерти герцога Курляндскаго герцогиня призналась барону, что обѣщала Батовскому обвѣнчаться съ нимъ, принесла въ приданое полтораста тысячъ франковъ. На это баронъ представилъ ей всѣ доводы о неравенствѣ такого брака, и герцогиня отправилась въ Дрезденъ къ графу. Послѣ двадцатичетырехчасового спора послѣдній кончилъ тѣмъ, что призналъ доводы основательными и благородно бросилъ договоръ въ огонь. На другой день баронъ, графъ и герцогиня отправились втроемъ въ Либихау. Тамъ они жили дружно, но Батовскій, какъ и всегда меланхолическій, убѣдился, что ему не мѣсто въ «Petit Bien», и рѣшился оттуда удалиться. Герцогиня съ трудомъ на это согласилась и потребовала, чтобы онъ по крайней мѣрѣ въ виду своихъ небольшихъ средствъ принялъ несею въ три тысячи дукатовъ. Черезъ годъ графъ женился на дочери одного брюссельскаго банкира.

— Робертъ Фультонъ во Франціи.—Вторая и послѣдняя часть очерка Алисы Сутклиффъ, касающагося ея прадѣда, великаго изобрѣтателя пароходовъ Фультона, напечатана въ октябрьской книжкѣ «Century Magazine» ¹⁾. Въ 1797 г. Фультонъ, по словамъ его правнучки, прибылъ изъ Америки въ Парижъ и остановился у американскаго поэта и дипломата Джоэля Барло, тогда еще не имѣвшаго официальныхъ полномочій отъ правительства Соединенныхъ Штатовъ. Вскорѣ Барло открылъ въ Парижѣ пансіонъ и перевезъ туда Фультона, который оставался у него въ продолженіе семи лѣтъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что оба американца взаимно питали дружескія чувства, хотя писательница миссъ Мифлинъ, въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Джонѣ Россѣ», увѣряетъ, что Фультонъ въ ту эпоху былъ его частнымъ секретаремъ,—сомнительный фактъ, о которомъ никто изъ современныхъ писателей не упоминаетъ. Барло находился въ близкихъ сношеніяхъ съ жирондистскою партіей и имѣлъ значительное политическое вліяніе, а Фультонъ вполнѣ раздѣлялъ его республиканскій энтузіазмъ.

Что же касается его ученыхъ занятій и изобрѣтеній, то въ это время онъ предавался развитію своей системы мелкихъ каналовъ и приводилъ въ осуществленіе свой планъ торпедной лодки. Послѣдній проектъ, особенно его занимавшій, не встрѣчалъ сочувствія ни французовъ, ни англичанъ, и въ 1798 г. онъ писалъ своему лондонскому пріятелю Джильшину: «Я рассчитываю только на американцевъ и Америку для выполненія моихъ плановъ, которые въ будущемъ доставятъ благоденствіе моей странѣ. Что же касается спеціально моей подводной лодки «*Nautilus*», то ее не любятъ потому, что не понимаютъ

¹⁾ Robert Fulton in France. By Alice Sutcliffe. «Century Magazine». Octobre 1908.

ея великихъ послѣдствій; моя мысль еще въ дѣвственномъ состояніи, но она ребенокъ-геркулесъ и произведетъ громадный переворотъ въ Америкѣ».

Первая его попытка сдѣлать подводную лодку, названную имъ «торпедо», не удалась, но онъ энергично продолжалъ свои опыты, для которыхъ ему требовались значительныя суммы денегъ. Съ этой цѣлью Фультонъ задумалъ новое изобрѣтеніе, совершенно въ другомъ родѣ, именно панораму. При денежномъ содѣйствіи богатаго американца, ему удалось выстроить обширное круглое зданіе, въ которомъ онъ помѣстилъ панораму: «Пожаръ Москвы». Такъ какъ это происходило въ 1800 г., то означенная панорама естественно не могла представлять знаменитой катастрофы 1812 г., а изображала, вѣроятно, одинъ изъ пожаровъ, нерѣдко случавшихся въ этомъ городѣ. Замѣчательно, что такъ какъ это зрѣлище посѣщали многіе парижане, то, конечно, среди нихъ находился не одинъ изъ будущихъ воиновъ Наполеоновской арміи, впоследствии участвовавшій въ походѣ на Москву.

Видя, что доходовъ съ панорамы ему не хватитъ для опытовъ съ подводной лодкой, Фультонъ обратился къ правительству директоріи съ просьбой оказать покровительство его изобрѣтенію, которое обѣщаетъ освободить Францію отъ ея враговъ. Морской министръ, къ которому онъ обратился, чрезвычайно долго тянулъ дѣло, и Фультону приходилось терпѣливо ожидать результатовъ. Наконецъ, для разсмотрѣнія его плана подводной навигаціи была назначена комиссія изъ ученыхъ академикомъ: Монжа, Лапласа и Вольнея. Фультонъ представилъ этимъ знаменитымъ ученымъ не только торпедную лодку, но и пароходъ. Послѣ безконечнаго разсмотрѣнія его проектовъ и четырехлѣтнихъ опытовъ съ подводной лодкой «*Nautilus*» наконецъ Фультонъ былъ представленъ Наполеону, бывшему тогда консуломъ. «Великій человекъ,—обратился къ нему почтительно Фультонъ,—если вы мнѣ окажете содѣйствіе въ осуществленіи моихъ плановъ, вы будете имѣть самый могущественный флотъ въ свѣтѣ». Но эти слова не произвели впечатлѣнія на Наполеона; онъ былъ слишкомъ занятъ своими военными предпріятіями, чтобы обратить должное вниманіе на изобрѣтенія Фультона, и положился на заключеніе академикомъ, объявившихъ ему, что эти изобрѣтенія—дѣтская игрушка, которая не можетъ привести въ движеніе большихъ кораблей.

Фультонъ пришелъ въ отчаяніе отъ своей неудачи съ французами и обратился къ Англіи съ предложеніемъ посвятить ей свое изобрѣтеніе подводной лодки, на зло французамъ. Однако и здѣсь ему не повезло, и 29 апрѣля 1804 г. онъ отправился изъ Лондона на родину. Тамъ въ теченіе трехъ лѣтъ онъ занимался преимущественно примѣненіемъ паровой силы къ морскимъ судамъ. Теперь ему повезло счастье, и въ 1807 г. его первый пароходъ «*Clermont*» торжественно прошелъ по рѣкѣ Гудсонъ. Послѣ этого весь свѣтъ мало-по-малу воспользовался гениальнымъ изобрѣтеніемъ Фультона, и пароходъ доставилъ ему безсмертную славу. Но торпедный флотъ, которому онъ положилъ начало, развился во всемъ свѣтѣ только въ послѣдніе годы, около ста лѣтъ послѣ изобрѣтенія Фультономъ подводныхъ судовъ. Что же касается самого изобрѣтателя, то онъ умеръ 24 февраля 1815 г., не окончивъ всѣхъ своихъ великихъ изобрѣтеній.

— Мемуары лэди Черчилль. — Послѣднія шесть частей воспоминаній лэди Черчилль окончены въ ноябрьской книжкѣ «Century Magazine» и теперь уже вышли отдѣльнымъ изданіемъ ¹⁾. Большинство этихъ воспоминаній наполнено описаніемъ различныхъ путешествій и они начинаются съ ея возвращенія изъ Россіи въ 1888 г., когда она, вмѣстѣ съ мужемъ, провела восемь дней въ Берлинѣ. По ея словамъ, послѣ утонченно-моднаго и блестящаго высшаго петербургскаго общества берлинское показалось ей немного простоватымъ и грубоватымъ. Конечно, въ немъ встрѣчались исключительныя личности, какъ, напримѣръ, принцесса Фюрстенбергъ, княгиня Радзивилъ и графиня Гогенау. Старую императрицу Августу возили по гостинымъ въ креслѣ на колесахъ, и она говорила такъ тихо и слышала такъ плохо, что съ нею было очень трудно разговаривать. Но, по мнѣнію лэди Черчилль, еще большее различіе замѣтно между русскимъ и германскимъ дворами того времени. Первый былъ блестящій, величественный, поражающій своимъ чрезмѣрнымъ великолѣпіемъ, доходившимъ даже до варварскаго, а второй, непритязательный и холодный, отличался, однако, многочисленными традиціями и этикетомъ. При Вильгельмѣ I главною чертою придворнаго тона было достоинство, но Вильгельмъ II не разъ говорилъ, что онъ хочетъ ввести въ свои придворные обычаи дисциплину, какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ; такимъ образомъ, избави Богъ, если кто-нибудь начиналъ танцовать не по императорскому предписанію или сбивался въ фигурѣ.

Въ то время Бисмаркъ не было въ Берлинѣ, и Черчилли обѣдали у его сына, Герберга, который говорилъ, что отецъ увѣрялъ, будто Гладстонъ доведетъ Англію до послѣдней ступени ада. Однако Черчиллямъ черезъ нѣсколько лѣтъ удалось быть на одномъ обѣдѣ въ Киссингенѣ вмѣстѣ съ желѣзнымъ канцлеромъ, который отлично говорилъ по-англійски, но только очень медленно, потому что, отыскивая въ памяти какое-нибудь слово, онъ останавливался среди фразы до тѣхъ поръ, пока его не находилъ. Когда лэди Черчилль вечеромъ прощалась съ Бисмаркомъ, то испугалась пристально на нее смотрѣвшей собаки; желѣзный канцлеръ успокоилъ ее и серьезно сказалъ: «собака смотритъ на васъ такъ пристально потому, что она никогда не видала такихъ глазъ».

Изъ Берлина Черчилли поѣхали въ Парижъ и впервые видѣли тамъ на одномъ парадномъ обѣдѣ генерала Буланже. Въ то время онъ находился въ апогеѣ своей популярности, и большинство его сторонниковъ было такъ увѣрено въ близкомъ торжествѣ своей политики, что генераль Диллонъ, сидѣвшій за обѣдомъ рядомъ съ г-жою Ротшильдъ, пригласилъ ее на обѣдъ въ Тюльери, гдѣ Буланже, по его словамъ, непременно будетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Лэди Черчилль обратила свое вниманіе еще на бывшаго тогда въ Парижѣ короля Милана, и, по ея замѣчанію, она ни

¹⁾ The Reminiscences of lady Randolph Churchill. By Mrs George Cornwallis-West. «Century Magazine». June—Novembre 1908.

когда не видѣла человѣка такъ мало образованнаго и такого некультурнаго. Напротивъ, представителемъ высшей цивилизаціи и утонченнаго развитія она считаетъ французскаго романиста Поля Бурже, съ которымъ коротко познакомилась и совершенно подружилась въ Парижѣ, гдѣ онъ не только часто бывалъ у нея, но впослѣдствіи даже постоянно съ нею переписывался о всевозможныхъ предметахъ, преимущественно о литературѣ. Въ одномъ изъ подобныхъ писемъ, онъ писалъ ей: «Мой романъ «Трагическая идиллія» чрезвычайно опечаливаетъ мою жизнь. Это прекрасный сюжетъ, о которомъ я долженъ бы написать вамъ двадцать страницъ. Конечно, съ терпѣніемъ я его преодолѣю, но дѣло страшно трудное. Дойдя до извѣстной точки въ жизни, уже слишкомъ много знаешь и слишкомъ много желаешь высказать, но объяснить то, что хочешь, не всегда бываетъ возможно. Вы знаете, что Тургеневъ все выразилъ тремя словами: «жизнь—грубое дѣло».

Возвратясь въ Англію въ 1889 г., Черчилли много забавлялись посѣщеніемъ Лондона персидскимъ шахомъ Насръ-Эдъ-Диномъ. Отъ его уморительныхъ выходокъ всѣ англичане приходили въ чрезвычайное удивленіе. Такъ, однажды въ Букингемскомъ дворцѣ онъ отказался вести къ обѣду королеву Викторію, оправдываясь тѣмъ, что онъ никогда не водить подъ руку полную женщину; когда же его съ трудомъ уговорили на это согласиться, то онъ надудся и почти бѣгомъ потащилъ королеву въ столовую. Въ оперѣ ему всего болѣе понравилось настраиваніе инструментовъ, и онъ не только сильно рукоплескалъ этимъ дикимъ звукамъ, но даже требовалъ повторенія. На одномъ придворномъ балу ему представили лэди Черчилль, и онъ грубо, со страшной силой, хлопнулъ ее по рукѣ, а затѣмъ махнулъ ей, дѣлая знакъ, чтобы она уступила мѣсто своему мужу, съ которымъ онъ хотѣлъ поговорить.

Прошло около двухъ лѣтъ, и Черчилли снова собрались за границу. На этотъ разъ ихъ поѣздка была чисто музыкальнымъ пилигримствомъ въ Байрейтъ на поклоненіе Вагнеру, или, вѣрнѣе, его музыкѣ. По этому поводу лэди Черчилль приводитъ анекдоты о различныхъ знаменитыхъ музыкантахъ. Въ Лондонѣ она однажды обѣдала въ русскомъ посольствѣ съ аббатомъ Листомъ. Онъ такъ плохо видѣлъ, что ѣлъ спаржу не съ того конца, съ котораго слѣдовало. Когда же лэди Черчилль указала ему на ошибку, то онъ воскликнулъ: «Ахъ, благодарю васъ, оттого-то мнѣ и показалась спаржа не такой вкусной». Когда же послѣ обѣда его попросили сыграть, несмотря на то, что у него въ рукахъ была подагра, то онъ долго извинялся, увѣряя, что младшая изъ его ученицъ теперь играетъ лучше его, и, дѣйствительно, его игра была далеко не такъ великолѣпна, какъ въ старину, тогда какъ, по словамъ лэди Черчилль, Рубинштейнъ, напротивъ, поражалъ всѣхъ до конца жизни своей необыкновенной энергіей и громовой игрой. Относительно же музыки послѣдній придерживался оригинальныхъ мнѣній. Такъ, на вопросъ одной начальницы учебнаго заведенія: сколько часовъ надо заниматься съ ученицами на фортепиано? онъ отвѣчалъ: «Нисколько»!

Въ 1894 г. Черчилли посѣтили Санъ-Франциско и города побережья Тихаго океана. Но въ воспоминаніяхъ лэди Черчилль, помѣщенныхъ въ «Century

Magazine», не сохранились описанія этихъ странствій, которыя вошли въ составъ отдѣльнаго изданія мемуаровъ. Изъ Америки Черчили отправились въ Японію и вышли на берегъ въ Юкогамъ, гдѣ въ то время японцы праздновали побѣду надъ китайцами, такъ какъ тогда происходила война между этими странами. Повидимому, мнѣніе лэди Черчилъ было таково, что англичане сочувствовали болѣе китайцамъ, чѣмъ японцамъ, и вообще она считала, что въ Европѣ, преимущественно въ Англіи, съ японцами обращались несправедливо, не позволяя имъ собирать плодовъ своихъ побѣдъ. То же происходило, по ея словамъ, и въ русско-японскую войну, когда точно также японцевъ не допускали свободно распорядиться результатами своихъ побѣдъ. Въ Юкогамѣ особенно оригинальнымъ показался Черчилямъ мѣстный театръ. Всего замѣчательнѣе было то, что они, какъ и вся публика, сидѣли на полу такъ называемыхъ ложъ и во время спектакля пили чай. Большою частью зрители состояли изъ дѣлхъ семействъ: стариковъ, взрослыхъ и дѣтей, приносившихъ на маленькихъ подносахъ различныя кушанья, такъ что въ театрѣ они основательно истребляли свой обѣдъ, заключавшійся въ рисъ, бобахъ и сырой рыбѣ, запиваемыхъ чаемъ изъ микроскопически-маленькихъ чашекъ. Вообще публика вела себя въ театрѣ, какъ дома: переодѣвала своихъ дѣтей и не только ѣла, но и громко разговаривала. Пьесы обыкновенно состояли изъ четырнадцати и пятнадцати актовъ, которые иногда продолжались два дня. Граціозность актрисъ и ихъ ловкіе танцы особенно понравились европейскимъ путешественникамъ, которые не могли прийти въ себя отъ изумленія, когда узнали, что большинство актрисъ были мужчины.

Проведя нѣсколько времени въ прекрасномъ климатѣ Мьяношты, находящейся на три тысячи футовъ надъ уровнемъ моря, Черчили посѣтили Токио, который, къ ихъ удивленію, оказался столь же обширнымъ городомъ, какъ Лондонъ. Разстоянія отъ одного мѣста до другого — огромны, и невольно жалѣешь бѣдныхъ рикшей, перевозящихъ публику въ маленькихъ колясочкахъ. Осмотрѣвъ достопримѣчательности Токио, Черчили продолжали свои странствія по главнѣйшимъ мѣстностямъ Японіи и посѣтили Никко и Киото, древнюю столицу страны, показавшейся англичанкѣ очень интересной и безыконой по своему внутреннему настроенію. Вообще ихъ пребываніе въ Японіи такъ имъ понравилось, что они съ сожалѣніемъ переправились въ Китай, гдѣ познакомились съ Гонконгомъ и Кантономъ. Наконецъ они достигли Сингапура и Индіи, гдѣ надѣялись пропутешествовать нѣсколько мѣсяцевъ, но лордъ Черчилъ занемогъ и имъ пришлось изъ Бомбея вернуться въ Англію.

Вскорѣ послѣ возвращенія на родину, именно въ 1895 г., съ мужемъ лэди Черчилъ случилась роковая катастрофа: онъ преждевременно умеръ отъ паралича. Хотя лэди Черчилъ ни слова не говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ его смерти, но признается, что въ эту эпоху она впала въ мрачное отчаяніе, и въ ея жизни образовалась невыносимая пустота. Однако, черезъ два года она приняла участіе въ надѣлавшемъ много шуму маскарадѣ у герцога Девонширскаго, гдѣ появилась въ костюмѣ византійской императрицы Теодоры. Въ концѣ 1897 года лэди Черчилъ для развлечения заня-

лась оригинальнымъ литературнымъ предпріятіемъ, именно: она, съ многочисленнымъ кружкомъ литераторовъ и великосвѣтскихъ лицъ, задумала издавать «Англо-саксонское обозрѣніе», выходившее четыре раза въ годъ и отличающееся великолѣпнымъ историческимъ переплетомъ, такъ что каждый нумеръ былъ въ переплетъ какой-нибудь извѣстной книги XVI или XVII вѣка, благодаря чему журналъ былъ очень дорогъ и стоилъ около фунта или десяти рублей за нумеръ. Что же касается содержанія журнала, то въ немъ участвовали извѣстнѣйшіе литераторы, ученые и общественные дѣятели, какъ, напримѣръ: Джонъ Морлей, лордъ Розберри, мистриссъ Крэгъ и другіе. Характеристичной чертой этого журнала было то, что въ немъ печатались—рѣдкое явленіе въ англійскихъ журналахъ—драматическія произведенія модныхъ авторовъ, какъ мистриссъ Клиффордъ и Сиднея Грудни: «Отраженіе ночи» и «Долгъ чести». Это оригинальное изданіе продолжалось всего два съ половиной года, и его вышло не болѣе десяти нумеровъ.

Въ то же время лэди Черчилъ рѣшилась предпринять совершенно иное, крупное дѣло: по случаю войны съ бурами она учредила съ разрѣшенія королевы и англійскаго правительства плавучій лазаретъ для англійскихъ раненыхъ и больныхъ. Съ этой цѣлью она составила общество изъ американскихъ дамъ подъ своимъ предсѣдательствомъ и назначила для своей цѣли сборъ въ 30.000 долларовъ, или въ 60.000 рублей; но она собрала болѣе 40.000 долларовъ. вмѣстѣ со своимъ младшимъ сыномъ она отправилась въ Трансвааль, и ея экспедиція оказалась чрезвычайно успѣшной. Лэди Черчилъ энергично распоряжалась докторами, фельдшерами и сестрами милосердія и заслужила всеобщее уваженіе и благодарность, между прочимъ и признательность королевы Викторіи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она вернулась въ Англію, гдѣ, по ея словамъ, въ іюль 1900 года она измѣнила свою фамилію лэди Рандольфъ Черчилъ на мисгриссъ Корнвалисъ Вестъ. Этимъ лаконическимъ сообщеніемъ о своемъ вторичномъ бракосочетаніи авторъ пространныхъ мемуаровъ оканчиваетъ свое любопытное произведеніе.

Еще замѣчательнѣе литературной и великосвѣтской дѣятельности бывшей лэди Черчилъ популярность ея старшаго сына, Винстона Спенсера Черчила. Ему всего тридцать четыре года; и онъ уже не только написалъ нѣсколько замѣчательныхъ книгъ, между прочимъ интересную біографію своего отца, но и проявилъ чрезвычайную способность на политическомъ поприщѣ, какъ парламентскій ораторъ и государственный человѣкъ. Сначала онъ пошелъ по слѣдамъ своего отца и принадлежалъ къ консервативной партіи, но мало по-малу сталъ выражать такія либеральныя мнѣнія, особенно въ экономической политикѣ, что однажды на консервативномъ митингѣ ему громко закричали: «Вамъ слѣдовало бы перейти къ либераламъ», на что онъ отвѣчалъ: «Я объ этомъ подумаю». Вскорѣ онъ вышелъ изъ торіейской партіи и открыто присоединился къ либераламъ, которые въ 1905 году, при образованіи министерства Кэмбеля-Баннермана сдѣлали его товарищемъ министра колоній. Вообще онъ считается однимъ изъ выдающихся людей англійскаго парламента и министерства. Ему даже пророчатъ судьбу Гладстона, который, какъ извѣстно, перешелъ изъ торіевъ въ либералы. Кромѣ того, молодой

Черчилль въ большой модѣ въ англійскомъ великосвѣтскомъ обществѣ и на дняхъ женился на дочери сэра Генри Роджера, извѣстнаго военнаго корреспондента.

— Письма Ницше. — Во второй сентябрьской книгѣ «La Revue»¹⁾ помѣщены письма Ницше къ матери, сестрѣ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, писанныя въ 1888—1889 годахъ, какъ разъ въ эпоху, предшествовавшую катастрофѣ, навсегда затемнившей разумокъ этого мыслителя. Они особенно любопытны, какъ документы, открывающіе передъ нами картину того, что чувствовалъ и нравственно переживалъ Ницше въ роковое для него время. Конечно, нельзя рассчитывать на возможность доискаться въ этихъ письмахъ настоящей причины его болѣзни, но въ нихъ довольно очевидны побочныя причины. вмѣстѣ съ тѣмъ особенно бросается въ глаза необыкновенный подъемъ умственныхъ силъ Ницше за этотъ періодъ времени, кипучая дѣятельность его мозга и ясность мысли, будто весь запасъ огня, освѣщавшаго ее внутренно, сразу вспыхнулъ яркимъ пламенемъ передъ тѣмъ, какъ навсегда погаснуть. Философъ лихорадочно спѣшилъ использовать все эти наросшія физическія и умственныя силы и съ удивительной легкостью писалъ свои сочиненія.

Въ первыхъ письмахъ собственно ненормальная работа мозга ничѣмъ особенно не проявилась, хотя попадаются нѣкоторыя странности, которыя становятся слишкомъ очевидными въ письмахъ изъ Турина. Одной изъ побочныхъ причинъ его нервнаго возбужденія является, быть можетъ, чрезвычрное употребленіе чая, да еще такого сорта, который въ высшей степени возбуждалъ нервы и вызывалъ бессонницу, побороть которую удавалось лишь наркотическими средствами. Такъ, въ одномъ письмѣ къ матери, «твое старое созданіе», какъ онъ подписался, просить ее прислать ему чаю. «Чай—мое наслажденіе. Сушонгъ меня преслѣдуетъ это лѣто. Я четыре разавышисывалъ чай, и всегда заказывалъ другой (потому что Сушонгъ очень слабъ и приторенъ), и каждый разъ мнѣ присылали его. А твоему сыну требуется настоящій Конго, но заказанный въ первоклассномъ торговомъ домѣ: мелкіе торговцы не умѣютъ его отличать». Чрезвычайное возбужденіе мозга заставляло его усиленно работать, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жаловался на «нелѣпую бессонницу», составлявшую часть «спеціальностей этого лѣта».

Письма къ матери производятъ впечатлѣвіе, какъ будто они написаны не авторомъ «Заратустры», а юношей, еще сохранившимъ дѣтеки-наивное отношеніе къ матери, съ которой онъ ведетъ бесѣду по-дѣтски, обо всемъ понемногу, безъ связи. Напримѣръ, въ письмахъ изъ Сильса-Марія, отъ 13 августа 1888 г. онъ сообщаетъ о переменѣной погодѣ, о прогулкѣ въ гондолѣ съ графиней Салисъ, о концертѣ, данномъ какимъ-то музыкантомъ, который только изъ «вниманія къ нему разучилъ пьесы Гаста», а также о томъ, что его провизія на исходѣ и онъ доѣлъ всю ветчину, «немного жестковатую и пересоленную». Но среди этихъ безсодержательныхъ фразъ у него вырывается жалоба на то, что «часто я не зналъ, какъ побороть меланхолію

¹⁾ Nouvelles lettres. Par Nietzsche. «La Revue» 15 Septembre 1908.

и печаль». Рядомъ съ этимъ онъ прибавляетъ, что въ «Сильсѣ новые колокола, звукъ которыхъ очень нѣженъ и полонъ». Свою меланхолю Ницше приписывалъ дурной погодѣ, которая, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, очень вліяла на его настроеніе въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ, а также и на его творчество.

Въ письмѣ къ графинѣ Мета-Салисѣ-Марпилинсѣ одинъ фактъ обнаруживаетъ болѣзненный процессъ въ мозгу Ницше: онъ совершенно забылъ содержаніе сочиненій, написанныхъ предыдущимъ лѣтомъ. Когда графиня, по его просьбѣ, прислала ему для прочтенія «По ту сторону добра и зла» и «Генеалогію морали», то, по его признанію въ письмѣ къ ней, бросивъ первый взглядъ на «Генеалогію морали», онъ былъ удивленъ, открывъ длинное предисловіе, о существованіи котораго совершенно забылъ. «Въ сущности,—прибавляетъ онъ, — въ моей памяти остались только названія трехъ диссертацій; остальное, т. е. содержаніе, для меня исчезло. Это вслѣдствіе крайне умственной дѣятельности въ теченіе зимы и весны, которая поставила какъ бы стѣну между нами, книгой и мною. Теперь книга ожила, и въ то же время мое состояніе предшествовавшаго лѣта, когда она зародилась. Ея задачи чрезвычайно трудны, для нихъ не существовало ни языка, ни терминологіи; но, безъ сомнѣнія, я былъ тогда въ періодѣ почти безирерывнаго вдохновенія, такъ какъ сочиненіе лется, какъ самая обыкновенная вещь въ мірѣ. Въ немъ не чувствуется напряженія, стиль горячій, трогательный и въ то же время полный «finesses», гибкій и картинный, какого еще не было въ моей прозѣ. Правда, великій критикъ Шпиттелеръ говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочиталъ мое произведеніе, онъ оставилъ надежду на меня какъ на писателя.. Въ сравненіи съ лѣтсмъ, которое позволило мнѣ такую легкую импровизацію на такіа ужасныя темы, теперешнее лѣто кажется, по правдѣ сказать, пропацимъ. Это меня чрезвычайно огорчаетъ, такъ какъ, благодаря моему весеннему пребыванію здѣсь, удавшемуся въ первый разъ, я принесъ сюда сумму силъ значительное прошлагодней. И все, впрочемъ, было приготовлено для великой и совершенно опредѣленной задачи. Нелѣная безсонница составляетъ часть «спеціальностей» этого лѣта. Еще сегодня, какъ вчера и третьяго дня, я «размышлялъ» съ двухъ часовъ...» Обѣ книги были переплетены графиней въ красивые переплеты, что вызвало у Ницше удовольствіе, такъ какъ онъ «никогда еще не видѣлъ себя такъ достойно наряженнымъ, почти какъ классикъ».

Послѣдовавшее за этимъ письмомъ письмо къ матери совершенно нормально, и въ немъ Ницше обнаруживаетъ нѣжное чувство какъ къ ней, такъ и къ сестрѣ. «Мое желаніе,—пишетъ онъ,—чтобы это письмо дошло къ тебѣ самое позднее 2 сентября, конечно, не по случаю праздника Седана, а потому, что въ этотъ день будетъ десять лѣтъ, какъ твоя превосходная Альвина (его сестра) съ тобою. Въ нашу эпоху, когда все соединяется, чтобы тотчасъ же разлучиться, такой промежутокъ времени представляетъ получудо, и мало вещей, которымъ можно тебѣ позавидовать (кромя твоего сына). Прошу тебя, вырази Альвинѣ мое уваженіе и мою благодарность; я думаю, что всякое хорошее дѣло находитъ себѣ на этой землѣ награду». Между прочимъ Ницше

сообщаетъ, что погода великолѣпная и онъ снова вполне дѣятеленъ, что будетъ продолжаться, какъ онъ надѣется, нѣкоторое время, такъ какъ одна серьезно и давно приготовленная работа, которую онъ долженъ былъ окончить, буквально провалилась. «Это непоправимая потеря, вслѣдствіе ужаснаго лѣта», прибавляетъ онъ. Затѣмъ слѣдуютъ порученія сдѣлать различныя покупки и между прочимъ чая, а также извѣщеніе о его скоромъ отъѣздѣ въ Туринъ.

7 сентября Ницше послалъ письмо графинѣ Салисъ, которое отличалось отъ спокойнаго тона предыдущаго письма къ матери большею нервностью. Правда, онъ извѣщаетъ, что очень усидчиво работаетъ и имѣетъ право взять обратно свое нытье о пропавшемъ лѣтѣ, и что онъ сдѣлалъ даже болѣе, чѣмъ ожидалъ, но въ то же время жалуется, что за эти послѣднія недѣли въ его жизнь вторгся безпорядокъ: онъ по нѣсколько разъ вставалъ ночью въ 2 часа, подталкиваемый «демономъ», и записывалъ, что приходило въ голову. «Тогда мнѣ случалось,—пишетъ онъ,—слышать, какъ мой хозяинъ, Дюрихъ, открывъ съ предосторожностью дверь, шелъ волчьимъ шагомъ на охоту за сернами. Кто знаетъ? Быть можетъ, я тоже былъ на охотѣ за сернами... 3-го числа былъ замѣчательный день. Очень рано я написалъ предисловіе къ «Попыткѣ къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей», предисловіе самое возвышенное, какое когда-либо было написано». Покончивъ съ этой работой, Ницше вышелъ на воздухъ. Онъ чувствовалъ внутреннее удовлетвореніе: все ему казалось прекраснымъ: день самый прекрасный, какой только онъ видывалъ въ Энгадинѣ, природа казалась ему ярче окрашенной, озеро и небо синѣе, а воздухъ небывалой прозрачности. «Я не одинъ такъ думалъ», добавляетъ онъ, какъ бы въ отвѣтъ на зародившесся въ немъ сомнѣніе относительно своего здраваго сужденія, и оканчиваетъ письмо извѣщеніемъ о своемъ намѣреніи напечатать въ слѣдующемъ году новый трудъ «Попытка къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей» и первую его часть назвать «Антихристъ».

Письмо къ издателю Науману отличается дѣловымъ тономъ и въ немъ не видно никакой ненормальности. «На этотъ разъ я васъ удивлю,—пишетъ онъ.— Вы, безъ сомнѣнія, думали, что кончили съ изданіемъ («Дѣло Вагнера»), но вотъ въ эту самую минуту къ вамъ отправляется рукопись, самая чистая, какую я когда-либо вамъ адресовалъ. Это сочиненіе будетъ вполне соответствовать сочиненію о Вагнерѣ. Оно озаглавлено «Досуэгъ психолога». Въ этомъ письмѣ впервые Ницше обнаруживаетъ свое недовольство нѣмецкой публикой и принимаетъ мѣры, чтобы его будущій капитальный трудъ не встрѣтилъ такого ледянаго приѣма со стороны нѣмцевъ, какъ «Заратустра». Для этого онъ хотѣлъ выпустить сначала незначительное по объему сочиненіе, которому предстоитъ «открыть уши публикѣ относительно его», и тогда новый капитальный трудъ не столкнется съ нелѣпнымъ молчаніемъ, какое встрѣтилъ «Заратустра».

Черезъ недѣлю въ письмѣ къ сестрѣ, нѣжномъ и сердечномъ, Ницше жалуется, что весь этотъ годъ былъ необычайный: ничего нельзя было ни обѣщать, ни рѣшать. Онъ ссылается на нездоровье и говоритъ, что когда ему лучше, то онъ старается наверстать потерянное время. «Правда, я добился

результата, — пишет онъ, — и снова могу позволить себѣ работать болѣе по-человѣчески и даже писать письма. Давно у меня лежитъ на сердцѣ выразить тебѣ, какъ я радъ, что ты окончательно устроилась, и такъ пріятно, что твое здоровье столь твердо противостоитъ такому большому количеству новыхъ обязанностей и заботъ; это меня очень успокаиваетъ. Судьба обоихъ насъ, хотя немного различная, — трудна, но, съ другой стороны, у насъ обоихъ есть нѣчто хорошее: мы не легко предаемся унынію, ни относительно насъ лично, ни нашихъ дѣлъ. Настоящее несчастье на свѣтѣ — слабость». Далѣе Ницше мечтаетъ о Туринѣ, который для него наисамнатиичнѣйшее мѣстопробываніе, какъ съ точки зрѣнія климата, такъ и людей, въ сравненіи съ предыдущими мѣстностями. Онъ заранѣе составляетъ программу своего образа жизни на будущее время и весь поглощенъ одной идеей: собрать какъ можно болѣе умственныхъ и физическихъ силъ, въ которыхъ уже чувствовался недостатокъ. «Такъ какъ я нахожусь на золотой серединѣ окончательной работы моей жизни, — пишетъ онъ, — то первое условіе состоитъ въ строгихъ правилахъ на нѣсколько лѣтъ жизни. Зимой — Ницца, весной — Туринъ, вотъ мой планъ. Родъ моей жизни усвоенъ нормальный, т. е. «безусловно личный», и согласованъ съ моими самыми личными необходимостями. Для этого естественно надо освободиться отъ всякихъ свѣтскихъ обѣдовъ. Усиѣхъ этого орѣшннм существованія, постепенно примѣняемый мною, выражается въ необыкновенномъ нарастаніи работоспособныхъ силъ. Три диссертациі прошлаго лѣта, которыми вы сдѣлали честь заинтересоваться, были задуманы, исполнены и посланы въ типографію въ 25 дней. Я повторю то же нынче лѣтомъ при первыхъ признакахъ улучшенія въ здоровьѣ. Въ Туринѣ окончательный отрывокъ «Психологіи музыкантовъ», который вамъ будетъ адресованъ осенью, осуществился весьма легко. Также было съ «Попыткой къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей», первая часть которой уже окончена. Не правда ли, эти новости не дурны, моя дорогая Лама! Есть неудобство — мнѣ надо самому издавать мои произведенія, и моментъ, когда между мною и моими современниками могли существовать другія отношенія, кромѣ какъ только на ножахъ, — прошелъ навсегда. Послѣ такого конца, нѣсколько индѣйскаго пошиба, обнимаю и цѣлую тебя».

Въ слѣдующемъ письмѣ Ницше, къ Питеру Гасту, уже обнаруживаются нѣкоторыя странности. По прибытіи въ Туринъ имъ овладѣваетъ какое-то блаженное настроеніе. Дивное чувство ясности и удовлетворенности распространяется на всѣ предметы; особенное удовольствіе онъ выражаетъ относительно помѣщенія, кушанья и одежды. Вообще онъ всѣмъ доволенъ Съ этихъ поръ въ Ницше замѣчается какое-то раздвоеніе индивидуальной личности. Одинъ Ницше предписываетъ себѣ регулярный образъ жизни, другой Ницше сидитъ по вечерамъ въ кафе, ѣстъ мороженое и восторгается французской опереткой «Маскоттой», музыка которой «никогда не сдѣлается вульгарной» и въ которой столько красивыхъ остроумныхъ мелодій, совершенно подходящихъ къ идиллическому жанру, какой ему теперь требуется по вечерамъ; совершенная противоположность «Цыганскому Барону» Штрауса, отъ котораго онъ съ отвращеніемъ убѣгаетъ. «Здѣсь, — прибавляетъ онъ, — въ вызывающей содроганіе попыткѣ показать себѣ культурнымъ музыкантомъ, проявляется два

вида нѣмецкой вульгарности: сентиментальной и животной. Боже, насколько французы превосходятъ насъ во вкусѣ!» Блаженное настроеніе не измѣняется въ Туринѣ даже отъ дурной погоды, и Ницше переноситъ ее здѣсь, не теряя ни одного дня безъ работы.

Затаенная обида равнодушіемъ нѣмцевъ къ его генію съ прїѣзда въ Туринъ все чаще и чаще вырывается наружу, и въ слѣдующемъ письмѣ къ сестрѣ онъ восклицаетъ: «Боже, какіе нѣмцы чудаки и, увы, какъ они скучны! Я болѣе не слышу отъ нихъ ни одного умнаго слова. Но нашъ новый императоръ мнѣ все болѣе нравится: своимъ послѣднимъ манифестомъ онъ ясно возсталъ противъ антисемитизма и «Крестовой Газеты». Воля власти, какъ принчина, будетъ имъ понята». Ницше выражаетъ и сестрѣ то же чувство удовольствія и довольства всѣмъ, что его окружаетъ въ Туринѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ пробуждается манія самоуниженія. «Повсюду со мной обращаются самымъ предупредительнымъ образомъ,— шипеть онъ:— ты должна видѣть, какъ всѣ здѣсь и во всѣхъ классахъ радуются, когда я появляюсь, какъ каждый невольно выказываетъ самыя лучшія стороны характера, полную тактичность и самое любезное и вѣжливое обращеніе. Впрочемъ, это не только здѣсь, но и вездѣ, гдѣ я бываю. Исключая нѣмцевъ: тамъ я видѣлъ только безобразныя вещи. Когда впоследствии напишутъ мою исторію, надо чтобы сказали: «съ нимъ дурно обращались только нѣмцы».

Какъ бы предчувствуя, что нить, связывающая его умственный міръ съ внѣшнимъ, скоро порвется и онъ не успѣетъ всего сказать ему, что ясно видѣлъ его умъ и чего остальные люди не могли сами постичь, Ницше собиралъ всѣ свои силы для этого и даже отказался писать сестрѣ предстоящую зиму. «Работа значительна, сила моихъ глазъ, какъ извѣстно, ограничена: я запретилъ себѣ читать и писать почти все, что возможно. Мнѣ надо использовать нарастающія силы и чудную осень для моей великой миссіи. Теперь, когда я достигъ кульминаціоннаго пункта, надо выполнить задачи, какихъ ни одинъ человекъ, быть можетъ, не предлагалъ себѣ рѣшать. Это почти внезапное возвращеніе силъ и увѣренности въ себѣ—quasi чудесно. Въ эту золотую осень, самую прекрасную, какую приходилось видѣть, я пишу страницы о прошломъ для себя одного. Никто не долженъ ихъ читать, исключая нѣкоей Ламы (сестры Ницше), когда она переплыветъ море, чтобы прїѣхать къ брату. Для нѣмцевъ это—ничто. Я хочу зарыть, сирятать эту рукопись: пусть ее гнѣтъ, и когда мы всѣ сгніемъ, она можетъ отпраздновать свое возрожденіе. Можетъ быть, тогда нѣмцы сдѣлаются достойными великаго подарка, которой я думаю имъ сдѣлать. Твой братъ теперь «большое животное»!

Это проявленіе поклоненія передъ своимъ величіемъ и въ то же время необыкновенная работа мозга и подъемъ силъ все яснѣе и яснѣе говорятъ о приближеніи катастрофы, что дѣлается еще замѣтнѣе въ письмѣ къ Гасту отъ 30 октября 1888 г.: «Въ сущности никто другой болѣе близкій не дастъ мнѣ почувствовать, съ какой силой работаетъ моя мысль. Новизна, «смѣлость новизны» постигнѣ первоклассная: что же касается «послѣдствій», то я иногда смотрю на мою руку съ нѣкоторымъ недоуверіемъ, такъ какъ мнѣ кажется, что я держу «въ рукѣ» судьбу всего человѣчества. Погода такъ великолѣпна,

что советѣмъ не трудно имѣть уснѣхъ въ чемъ-нибудь. Въ день моего рожденія я началъ одну вещь, которая, повидимому, идетъ хорошо и уже очень подвинулась. Она называется «Ессе homo» или «Какъ дѣлаются тѣмъ, что есть». Въ ней съ большой смѣлостью говорится обо мнѣ и моихъ работахъ». «Впрочемъ,—добавляетъ онъ далѣе,—я говорю о себѣ съ нахальствомъ, насколько возможно, съ психологической веселостью,—я ни за что не хочу предстать предъ людьми, какъ пророкъ, чудовище, моральное пугало. Въ этомъ отношеніи моя книга можетъ произвести хорошее впечатлѣніе: она помѣшаетъ, быть можетъ, смѣшивать меня съ моей противоположностью». Узавленное самолюбіе тревожило Ницше и всякія похвалы «Заратустрѣ» его какъ бы успокаивали. Въ письмѣ отъ 3 декабря къ Гасту онъ сообщаетъ: «Стринбергъ созналъ, что «Заратустра» — non plus ultra. Въ то же время изъ Петербурга пришло письмо отъ одной изъ первыхъ женщинъ Россіи, почти признаніе въ любви, во всякомъ случаѣ любовитное посланіе, княгини Анны Дмитріевны Тенишевой. Самый способный человекъ петербургскаго общества, старый князь Урусовъ, одинаково сильно мною заинтересовался. Стринбергъ считаетъ меня великимъ психологомъ женщинъ Ессе Malvida!! Теперь поговоримъ о серьезной вещи: дорогой другъ, я хочу извлечь изъ обращенія «всѣхъ» экземпляры «четвертаго изданія Заратустры», чтобы обезпечить ineditum противъ всѣхъ случаевъ жизни и смерти (я его на дняхъ читалъ и думалъ, что умру отъ волненія). Если я его напечатаю черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ историческаго кризиса и войнъ, тогда только это будетъ настоящій моментъ. Постарайтесь, прошу васъ, вспомнить имена всѣхъ, у кого есть экземпляры Заратустры. Я перелистываю уже нѣсколько дней мою литературу и впервые чувствую себя не ниже ея. Понимаете ли вы это? Я дѣлалъ все очень хорошо, но никогда не имѣя о томъ представленія, напротивъ. Напримѣръ, различныя avant-propos пятой книги «Gaya Scienza», чего только тамъ вѣтъ. Вы прочитаете въ «Ессе homo» о томъ открытіи, предъ которымъ у васъ встанутъ дыбомъ волосы, какъ это у меня дѣлается. Я понималъ свои сочиненія только въ продолженіе этихъ двухъ недѣль». Письмо Ницше подписано: «Привѣтствуетъ Фениксъ».

Съ этихъ поръ раздвоеніе его индивидуальной личности все болѣе становится замѣтнымъ, какъ будто одинъ Ницше стремительно направляется по одной дорогѣ, а другой — по противоположной, и обоимъ имъ предстоитъ встрѣтиться и столкнуться, вызвавъ тѣмъ неизбежную роковую катастрофу. Одинъ Ницше ожидаетъ эту катастрофу весело: для него она является «эмблематическимъ приключеніемъ, начавшимся съ его «Ессе homo», которое было словословіемъ его идеологій; другой Ницше называетъ ее «трагической катастрофой моей жизни». Одинъ Ницше радовался тому, что теперь онъ не пишетъ ни одной единственной фразы, въ которой не былъ бы весь цѣликомъ, и только теперь сталъ постигать глубину мысли своихъ старыхъ сочиненій, восторгаться ими и радоваться, что впервые онъ не ниже читаемаго; другой Ницше восторгается пьмонтской кухней, «искусствомъ» пьмонтцевъ выбирать и готовить блюда.

Въ слѣдующемъ письмѣ къ Пигеру Гасту Ницше сообщаетъ, что слышалъ испанскую оперетку «Gran Via», чтобы понять которую надо быть канальей

и проклятымъ негодяемъ, въ то же время «торжественнымъ». Касаясь своего послѣдняго труда, «Документы психологовъ, Ницше противъ Вагнера», онъ говоритъ: «Это не мѣшаетъ трактовать тамъ о нѣмцахъ съ испанской злобой,— сочиненіе (около трехъ листовъ) — анти-нѣмецкое». Далѣе онъ прибавляетъ: «Иногда мнѣ случается думать, что не надо ускорять «трагической катастрофы жизни», которая начинается съ «Ессе». Эта новая вещь, быть можетъ, вслѣдствіе любопытства, возбужденнаго «Дѣломъ Вагнера», будетъ много читаться, а такъ какъ я теперь не пишу ни одной фразы, въ которой бы не былъ весь цѣликомъ, то эта психологическая антитеза въ концѣ концовъ средство, которое заставляетъ меня понимать «Grain Via». Ахъ, дорогой другъ! пьемонтская кухня! мой trattoria! Я не сомнѣвался въ превосходствѣ пьемонтцевъ готовить и выбирать блюда, не даромъ же находишься среди самаго знаменитаго скотоводства. И мало того, что я ѣмъ, какъ князь и много, но еще плачу за завтракъ 1 ф. 25 с. (10 на чай)». Особое блаженное состояніе, овладѣвшее Ницше, всего лучше выражено въ фразѣ: «Быть въ такомъ мѣстѣ, которое не хочешь покинуть, даже чтобы видѣть пейзажъ, гдѣ радостно ходить по улицамъ. Прежде я считалъ это невозможнымъ!»

Предпослѣднее письмо къ Гасту уже ясно говоритъ, что болѣзненный процессъ въ мозгу идетъ быстрымъ шагомъ. Это письмо порывисто, въ немъ одна мысль перебиваетъ другую: «Я открылъ эту бумагу, первую, на которой могу писать. Съ перьями то же самое, но они германскія, то же съ чернилами, дорогими, но превосходными, изъ Нью-Йорка. Ваши извѣстія очень интересны. Дѣло Іоакима—первый сортъ. Безъ евреевъ нѣтъ безсмертія, не даромъ они «безсмертны». Потребуйте у В. съ возможной предосторожностью экземпляръ «Заратустры». Я долженъ предохранить сочиненіе отъ всѣхъ случайностей жизни и смерти. Очень любопытно! за эти четыре недѣли я сталъ понимать мои сочиненія; лучше того, я ихъ оцѣниваю. Seriously, я никогда не зналъ, что они означаютъ. Я глалъ, утверждая, что они мнѣ внушены, за исключеніемъ «Заратустры». Это такъ бываетъ съ матерью относительно ея ребенка: она, можетъ быть, его любить, но въ самомъ тупомъ незнаніи, что такое этотъ ребенокъ. Теперь я безусловно убѣжденъ, что все хорошо съ самаго начала,—все согласовано и хочетъ согласоваться. Третьяго дня я читалъ «Рожденіе». Какая неописуемо глубокая вещь, нѣжная, полная блаженства».

Несмотря на то, что въ этомъ письмѣ находятся также совершенно нормальныя дѣловыя фразы, все же чувствуется, что въ мозгу Ницше горѣлъ пламень, освѣщавшій ему усиленно яркимъ свѣтомъ все окружающее. 1 января, въ 4 часа утра онъ написалъ Гасту:

«Спой мнѣ новую пѣснь. Міръ преобразовался, небеса ликуютъ.
Распятый».

Это было послѣднее письмо. Какъ извѣстно, болѣзнь его не замѣчали окружающіе до тѣхъ поръ, пока однажды на прогулкѣ онъ упалъ и не могъ самъ подняться; квартирные хозяева съ трудомъ проводили его домой. Въ теченіе двухъ дней онъ лежалъ почти безъ движенія, не произнося ни слова. Когда онъ пришелъ въ себя изъ этого летаргическаго состоянія, то у него

обнаружилось возбужденное состояніе и умственное разстройство. Съ того времени онъ сталъ подписывать свои отрывистыя записки крупными буквами «Dyopsos» и «Распятыи». Такое ужасное состояніе длилось до 1900 г., когда онъ умеръ.

— Письма князя Меттерниха къ графинѣ Ливенъ въ 1818 и 1819 году.—На дняхъ въ Парижѣ опять вышла любопытная книга, касающаяся нашей соотечественницы, княгини Ливенъ. Молодой авторъ этого труда, Жанъ Ганото, впервые выступившій на историческомъ поприщѣ, по счастливой случайности получилъ связку подлинныхъ писемъ Меттерниха къ графинѣ Ливенъ, помѣченныхъ отъ ноября 1818 г. до 30 апрѣля 1819 г. Кромѣ того, Ганото помогли отыскать въ Россіи и Австріи нѣкоторые изъ затерявшихся писемъ извѣстный историкъ Фредерикъ Масонъ и великій князь Николай Михайловичъ. Въ сущности, Ганото не первый открылъ этотъ историческій фактъ—интимныя отношенія Меттерниха и русской посланницы въ Лондонѣ,—а эта честь принадлежитъ Эрнесту Додэ, который нашелъ нѣсколько писемъ того и другой въ бумагахъ, оставшихся отъ «Чернаго кабинета», т. е. тайной полиціи временъ реставраціи. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ свое время было упомянуто объ этомъ сочиненіи Э. Додэ, хотя напечатанные тогда документы были не полны и настолько отрывочны, что по нимъ невозможно опредѣлить времени, когда зародилась любовь между этими дипломатическими дѣятелями. Теперь же, хотя письма графини Ливенъ къ Меттерниху почти совершенно исчезли, но зато подлинная переписка послѣдняго, относящаяся до упомянутой эпохи, найдена полностью. Главный интересъ писемъ европейскаго диктатора того времени заключается въ томъ, что этотъ холодный, гордый сухой и консервативный педагогъ, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ, является въ нихъ не только пламеннымъ, но въ то же время сентиментальнымъ влюбленнымъ, умѣвшимъ любить лучше, чѣмъ предполагали официальные историки. Впрочемъ, Меттернихъ проглядываетъ и здѣсь, Меттернихъ осторожный, лицемѣрно прикрывающійся законностью и рекомендующій г-жѣ Ливенъ быть милой, любезной съ мужемъ, такъ какъ онъ, Меттернихъ, не любитъ разрушать освященнаго закономъ семейнаго очага. Письма разбиты на серіи и перенумерованы изъ предосторожности самимъ Меттернихомъ и въ каждомъ номерѣ находится по нѣсколько писемъ. Меттернихъ писалъ г-жѣ Ливенъ ежедневно, кончая одно письмо и начиная другое на одномъ и томъ же листѣ. Обыкновенно онъ писалъ ей въ полночь, а иногда и утромъ, и пересылалъ ихъ съ различными предосторожностями, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ для передачи письма ей лично. Въ Лондонѣ посредникомъ и соглядатаемъ служилъ ему Нейманъ, секретарь австрійскаго посольства, а въ Вѣнѣ занимался передачей писемъ Флорэ. Письмамъ Меттерниха предшествуетъ небольшое, но блестящее введеніе историка Артура Шюкэ и обстоятельное предисловіе Жана Ганото, въ которомъ онъ рассказываетъ о жизни какъ Меттерниха, такъ и графини Ливенъ до ихъ встрѣчи въ

1) Lettres du prince de Metternich à la comtesse de Lieven (1818—19). Publiées par Jean Hanoteau. Paris. 1909.

Ахенъ въ 1818 г. и о кратковременныхъ пребываніяхъ въ этомъ городѣ, а также и въ Брюсселѣ. Біографическія свѣдѣнія о первоначальной жизни Меттерниха Ганото почерпаютъ отчасти изъ краткаго, но основательнаго автобіографическаго очерка самого Меттерниха въ одномъ изъ его писемъ къ графинѣ Ливенъ, и потому мы скажемъ объ этомъ вѣскольکو словъ.

Клеменсъ Меттернихъ родился въ Кобленцѣ 15 мая 1773 г. и былъ сыномъ австрійскаго дипломата и государственнаго челоѣка. Воспитанный сначала дома, онъ былъ потомъ отправленъ въ университетъ, сначала страсбургскій, а потомъ майнцкій, гдѣ сразу очутился среди студентовъ съ республиканскимъ направленіемъ, которые, впрочемъ, не повліяли на него. Окончивъ курсъ наукъ въ университетѣ, онъ отправился къ отцу, который находился тогда въ качествѣ посланника при нидерландскомъ правительствѣ въ Брюсселѣ, гдѣ Клеменсъ Меттернихъ впервые влюбился. Предметъ его страсти была жена герцога Лафорса — молодая красивая француженка. Они пламенно любили другъ друга въ теченіе трехъ лѣтъ, но когда впоследствии, черезъ пятнадцать лѣтъ встрѣтились, то высказали взаимное равнодушіе. Вступивъ на дипломатическое поприще, будущій канцлеръ часто ѣздилъ въ Англію по порученію своего правительства и очень рано, двадцати лѣтъ, былъ назначенъ посланникомъ въ Гаагу, но революція въ Голландіи помѣшала ему занять этотъ постъ, и онъ поселился въ Вѣнѣ. Женитьба на дочери князя Кауница предоставила ему блестящее положеніе въ великосвѣтскомъ обществѣ, и черезъ нѣскольکو лѣтъ онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Дрезденъ, а оттуда въ Берлинъ. Ведя переговоры съ русскимъ императоромъ въ 1805 г., онъ такъ ему понравился, что тотъ просилъ австрійскаго императора назначить его въ Петербургъ въ качествѣ посла. Но Наполеонъ, со своей стороны тоже хотѣлъ имѣть посломъ въ Парижѣ Меттерниха, и австрійскій императоръ, склонившись на его желаніе, назначилъ будущаго канцлера во Францію, гдѣ онъ оставался до 1809 г. По возвращеніи въ Вѣну, онъ занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, но во время переговоровъ о свадьбѣ Маріи-Луизы съ Наполеономъ опять вернулся въ Парижъ, гдѣ много содѣйствовалъ этому браку.

Въ 1814 г. Меттернихъ уже достигъ положенія руководителя европейской политики. Возвращеніемъ Бурбоновъ въ Парижъ онъ былъ не очень доволенъ, такъ какъ мечталъ о регентствѣ австрійскаго императора, во время несовершеннолѣтія сына Наполеона, и не сочувствовалъ конституціоннымъ тенденціямъ новаго французскаго правительства. Меттернихъ не разъ говорилъ Людовику XVIII: «Ваше величество, вы думаете основать монархію, а подводите фундаментъ для революціи». Во время Вѣнскаго конгресса онъ боролся съ Талейраномъ, но послѣ Ста Дней и Ватерлоо окончательно сдѣлался руководителемъ всего европейскаго политическаго міра. Хотя въ 1815 г. онъ и подписалъ трактатъ Священнаго Союза, но не сочувствовалъ ему и называлъ его: «Пустое и звучное ничто». Черезъ три года состоялся Ахенскій конгрессъ, и сближеніе Меттерниха съ женой русскаго посла въ Лондонѣ.

Въ это время сорокапятилѣтній Меттернихъ былъ изящнымъ, вкрадчивымъ, блестящимъ свѣтскимъ львомъ, умѣвшимъ въ одно и то же время вести

крупныя политическія дѣла и любовныя интриги. Графиня Ливень была не первой русской фавориткой «великаго чародѣя»: ту же роль играла въ его жизни княгиня Екатерина Павловна Багратионъ, урожденная графиня Скавронекая, дочь племянницы Потемкина, и герцогиня Саганъ, старшая дочь герцогини Курляндской и сестра герцогини Дино. Вдова бородинскаго героя, не отличавшаяся образцовой добродѣтелью и прозванная за свое чрезмѣрное *décolletée* «прекраснымъ нагимъ ангеломъ», сблизилась съ Меттернихомъ въ 1802 г., когда онъ былъ посланникомъ въ Дрезденъ. Послѣдствіемъ этой близости было рожденіе дочери, вышедшей потомъ замужъ за генерала Блома, о которой Меттернихъ всегда заботился. Во время Вѣнскаго конгресса княгиня Багратионъ была одной изъ блестящихъ звѣздъ тогдашняго дипломатическаго небосклона, а затѣмъ она переехала въ Парижъ и открыла тамъ дипломатическій салонъ, пытаясь соперничать съ княгиней Ливень. Гораздо позже, въ 1830 г., она вторично вышла замужъ за англичанина Гоудена, но сохранила фамилію перваго мужа. Годъ спустя Меттернихъ сблизился съ герцогиней Саганъ, три раза бывшей замужемъ: за французомъ и католикомъ, княземъ Арманомъ Роганомъ Геменэ, съ которымъ она развелась, чтобы затѣмъ обвиняться съ русскимъ и православнымъ, княземъ Василіемъ Сергѣевичемъ Трубецкимъ, въ свою очередь, тоже получившимъ отъ нея разводъ и, наконецъ, вышла замужъ за австріяца и протестанта, графа Шуленбурга. Кромѣ того, она имѣла безчисленныя любовныя связи, изъ которыхъ особенно замѣчательна была привязанность къ ней принца Людвигъ Прусскаго. Что касается ея связи съ Меттернихомъ, то она сошлась съ нимъ въ Дрезденѣ, а потомъ оба ѣздили на Пражскій конгрессъ и, наконецъ, вмѣстѣ были въ Парижѣ въ 1814 г., гдѣ разошлись для новыхъ увлеченій. Меттернихъ въ своихъ письмахъ къ графинѣ Ливень очень рѣзко отзывался о княгинѣ Саганъ и называетъ ее «проклятой женщиной», хотя очень умной и привлекательной. Онъ увѣряетъ, что никогда ее не любилъ, за что именно она и любила его, но, по словамъ его наперсника, Фридриха Генца, Меттернихъ былъ ея пламеннымъ любовникомъ, такъ какъ, по словамъ графини Буанъ, хотя она и вела самую безпорядочную жизнь, но подѣ благороднымъ и приличнымъ видомъ.

Въ Парижѣ Меттернихъ, кромѣ легкихъ связей, имѣлъ не одинъ романъ: съ г-жой Ремюза, сестрой Наполеона Каролиной Мюрать и женой маршала Жюво. Послѣдняя связь едва не вызвала дуэли между нимъ и мужемъ его предмета страсти и благополучно окончилась лишь, благодаря успіямъ г-жи Меттернихъ. Въ своихъ письмахъ къ графинѣ Ливень Меттернихъ еще признается, что онъ любилъ одну женщину, имени которой не называетъ, но которая, по его словамъ, «сошла съ неба на землю, чтобы пройти по ней, какъ весна». Послѣ своей смерти она оставила ему запертую шкатулку съ его письмами и сломаннымъ перстнемъ. Кто была эта геронья — до сихъ поръ неизвѣстно. Такимъ образомъ Меттернихъ дожилъ до любовныхъ отношеній съ графиней Ливень въ Ахенѣ въ 1818 году.

Тридцатипятилѣтняя графиня Ливень въ это время уже была въ апогее своей дипломатической славы, хотя нѣкоторые современники приписывали Меттерниху роль ея интеллектуальнаго воспитателя. Доказательствомъ ея ди-

дипломатической опытности, проявившейся еще до сближенія съ Меттернихомъ, служить Шатильонскій конгрессъ. По ея признанію Баранту, принцъ-регентъ довѣрилъ ей тайно вести оппозицію своему министерству, которое предлагало союзникамъ ни во что не вмѣшиваться относительно внутренняго порядка Франціи. Регентъ желалъ, чтобы Александръ отклонилъ виды британскаго правительства, и хотѣлъ сообщить ему о своемъ желаніи не черезъ посланника, а помимо его и потому поручилъ посланницѣ написать Поццо ди Борго. Затѣмъ она постепенно отвоевывала права на дипломатическую дѣятельность мужа, который пользовался при перепискѣ со своимъ дворомъ ея наблюденіями и разсказами, а потомъ однажды онъ попросилъ ее, чтобы она вмѣсто него сама написала въ Петербургъ. Сначала она это сдѣлала изъ любезности, а впоследствии изъ болѣе серьезнаго личнаго интереса; такимъ образомъ, графиня Ливень втянулась въ дипломатическій водоворотъ, и Меттернихъ въ этомъ не игралъ значительной роли.

Отличаясь умомъ, графиня Ливень, собственно говоря, никогда не слыла за красивую женщину, вслѣдствіе такихъ недостатковъ, какъ слишкомъ толстый носъ, громадныя уши, слишкомъ длинная шея, неграціозный ротъ и отчаянная худоба, еще болѣе подчеркивавшая эти недостатки. Но все это затушевывалось глубокими, ласковыми глазами и умѣньемъ привлекать къ себѣ людей. Что же касается ея нравственности, то, вѣроятно, она служила равнымъ партнеромъ Меттерниху въ любовной игрѣ, если Тьеръ осмѣлился прямо сказать Гревиллю: «Вы были ея любовникомъ?» Меттерниху это было извѣстно: «Разскажи мнѣ все, — писалъ онъ въ одномъ письмѣ, — чтобы я зналъ, когда ты была счастлива и когда не была. Я, впрочемъ, знаю все, что тебя касается. Тебѣ не надо называть именъ: я думаю, что могу ихъ замѣтить. Ты сдѣлала выборъ и была обманута: какая молодая женщина не бывала обманута». Въ это время у графини Ливень было четверо дѣтей: дочь, которая уже умерла, и три сына; но это не мѣшало ей любить и любить вѣжно, судя по слѣдующимъ словамъ, написаннымъ Меттерниху: «Мой другъ, какъ сладко тебя любить. Это вѣчто восхитительное!»

Русскій посланникъ при англійскомъ дворѣ былъ вызванъ въ Ахенъ императоромъ Александромъ I, и 10 октября 1818 г. оба супруга отплыли изъ Англійи, а 11-ю уже прибыли на мѣсто. Встрѣча съ Меттернихомъ не была для г-жи Ливень новымъ знакомствомъ, такъ какъ онъ былъ въ Англійи въ 1814 г., когда ея салонъ уже пользовался извѣстностью и значеніемъ въ высшемъ англійскомъ обществѣ. Оба они тогда не произвели другъ на друга пріятнаго впечатлѣнія: она нашла его «холоднымъ, устрашающимъ и мало пріятнымъ въ обращеніи»; онъ, съ своей стороны, не обратилъ никакого вниманія на эту «большую, худую и любопытную женщину». При встрѣчѣ въ Ахенѣ произошло то же: сначала г-жа Ливень не привлекла къ себѣ его вниманія, и въ одномъ изъ писемъ къ женѣ онъ приравнивалъ ее ко всѣмъ остальнымъ дамамъ, которыхъ онъ зналъ тамъ: «Наши дамы здѣсь, лэди Кастельрѣ, три-четыре англичанки, болѣе или мевѣе зрѣлыя, т. е. между пятьюдесятью и шестюдесятью годами — молодые годы въ Лондонѣ, княгиня Латуръ, г-жа Нессельроде и три русскія дамы». Среди этихъ дамъ, о ко-

торыхъ такъ презрительно отзывался Меттернихъ, находилась и русская посланница. Такая холодность «великаго чародѣя» заставила Нессельроде задать ему вопросъ о ея причинѣ и даже попытаться установить между ними лучшія отношенія. Но вскорѣ эта холодность перешла въ любовь, и 22 октября Меттернихъ впервые обратилъ вниманіе на г-жу Ливенъ на пріемѣ у Нессельроде, взявшаго на себя роль предупредительнаго посредника. Всего лучше это событіе рисуетъ самъ Меттернихъ въ одномъ изъ писемъ къ ней: «Мое сердце, лучшая сторона меня самого, пошло тебѣ навстрѣчу, и имѣло счастье не упустить тебя послѣ нѣсколькихъ минутъ нашихъ первыхъ сношеній. Я видѣлъ тебя, но не разсматривалъ. Ты видѣла меня, не глядя на меня. Это не способъ ознакомленія. Наше знакомство, въ сущности, началось на вечерѣ у г-жи Н... и, кажется, Наполеонъ служилъ намъ посредникомъ. Признаюсь, я не предполагалъ за нимъ этой заслуги. Впрочемъ, фактъ доказываетъ, что онъ былъ мнѣ болѣе полезенъ на своей скалѣ, чѣмъ на тронѣ. Ты, разумѣется, не сомнѣваешься, что въ этихъ обстоятельствахъ полезное не врагъ приятному. *Utile miscuit dolci*, сказалъ Гораций. Такъ пусть же Наполеонъ останется на св. Еленѣ».

25 октября состоялась увеселительная поѣздка въ Спа членовъ конгресса, и въ числѣ ихъ находились Меттернихъ и г-жа Ливенъ. Дорогою она заставила Меттерниха пересѣсть въ ея карету, что онъ сдѣлалъ неохотно, изъ вѣжливости. Они разговорились, и г-жа Ливенъ поправилась ему своею добротою и непринужденностью. Они ѣхали все время вмѣстѣ и завтракали въ плохомъ кабацкѣ. Слѣдствіемъ этого было то, что на другой день Меттернихъ уже находился подъ вліяніемъ чаръ русской посланницы. Впослѣдствіи, вспоминая о первомъ сближеніи, онъ писалъ ей, что уже на другой день при возвращеніи: «Мнѣ доставляло удовольствіе видѣть тебя: я самъ предложилъ тебѣ перемѣнить экипажъ, чтобы не разставаться съ тобою. Я началъ находить, что тѣ, кто называлъ тебя любезной женщиной,—были правы; я находилъ дорогу короче, чѣмъ наканунѣ».

26 ноября Меттернихъ сдѣлалъ первый церемонный визитъ посланницѣ. Теперь онъ уже находилъ, что часъ, который провелъ, сидя у ея ногъ, доказалъ ему, какъ хорошо это мѣсто и что какъ будто онъ знаетъ ее цѣлые годы. Ему даже не казалось невѣжливимъ, когда двое изъ посѣтителей держались особнякомъ отъ нихъ, и онъ находилъ, что они сдѣлали бы лучше, оставаясь за большимъ круглымъ столомъ. 29-го онъ не видѣлъ графини Ливенъ и на другой день нашелъ, что «канунъ былъ холодный и пустой». Далѣе Меттернихъ говоритъ: «Я не знаю дня, когда ты пришла ко мнѣ въ ложу: у тебя была лихорадка, мой другъ, ты мнѣ принадлежала. Не спрашивай меня, что я испытывалъ съ тѣхъ поръ, что я испытываю; если ты этого не знала, особенно, если ты этого не чувствовала, ты не принадлежала бы мнѣ. Мой другъ, вотъ вѣрный пересказъ четырехъ недѣль».

Однако сближеніе шло не такими уже быстрыми шагами. 2 ноября вдовствующая императрица проѣзжала черезъ Ахенъ въ Брюссель вмѣстѣ съ свекровью графини Ливенъ. Посланникъ съ посланницей сопровождали ихъ туда, и въ это время еще не было совершенно тѣснаго сближенія между послѣдней

и Меттернихомъ. Первые два письма безъ даты, очевидно, написаны во время этой разлуки. Въ нихъ Меттернихъ съ огорченіемъ говоритъ, что не рассчитываетъ видѣть ее по крайней мѣрѣ въ скоромъ времени: «Исторія нашей жизни сосредоточивается немного въ моментѣ, — пишетъ онъ. — Я нашель васъ, чтобы потерять. Прошедшее, настоящее и, быть можетъ, будущее заключается въ этихъ немногихъ словахъ... Я окончилъ періодъ жизни въ какіе-нибудь восемь дней... Я ничего не сказалъ здѣсь, чего бы вы не знали, но мнѣ необходимо повторить это моею подругѣ восьми дней и всей моей жизни».

Меттернихъ былъ страшно обрадованъ, когда 12 ноября графиня Ливенъ съ семействомъ опять появилась въ Ахенѣ. На другой день влюбленные были вмѣстѣ; Ливены провели здѣсь пять дней, и фраза о ея появленіи въ его ложѣ, очевидно, относится къ этой эпохѣ. 19 ноября посланникъ съ женой уѣхалъ, вслѣдъ за императоромъ въ Брюссель, куда черезъ нѣсколько дней, именно 23-го, пріѣхалъ и Меттернихъ. Здѣсь влюбленные были вмѣстѣ четыре дня, п 27 ноября графиня Ливенъ отправилась въ Парижъ, Меттернихъ же уѣхалъ въ Вѣну. По его словамъ, онъ хотѣлъ послѣдовать за посланницей въ Парижъ, но пріѣздъ Александра I въ Вѣну ему помѣшалъ осуществить этотъ планъ, и въ письмѣ къ госпожѣ Ливенъ онъ говоритъ: «Твой императоръ насъ покидаетъ сегодня ночью. Я сердитъ на него за то зло, которое онъ причинилъ мнѣ, лишая меня нѣсколькихъ дней счастья». Въ этомъ случаѣ Меттернихъ не былъ, очевидно, искрененъ, такъ какъ совершенно иной предлогъ находится въ его письмѣ къ женѣ: «Я не могу тамъ (въ Парижѣ) оставаться болѣе четырехъ или пяти дней, которые будутъ заняты съ принцами и министрами, и я не нахожу ни одного благоразумнаго мотива, чтобы съ веселымъ сердцемъ пуститься на подобную каторгу».

Во всѣхъ письмахъ Меттерниха, какъ бы они ни были нѣжны, видное мѣсто отведено ему самому: во всемъ онъ является исключеніемъ и, конечно, лучше другихъ и возвышеннѣе. Въ одномъ изъ писемъ онъ передаетъ посланницѣ слѣдующую бесѣду съ графомъ Козловскимъ относительно своего взгляда на прекрасный полъ: «Я, — говоритъ Козловскій, — люблю только полныхъ женщинъ». — «А я, — отвѣтилъ я ему: — которыя не полны». — «Меня не заботитъ ихъ умъ: были бы у нихъ полныя щеки и толстыя руки», возразилъ К... — «А я люблю только умъ, сердце и душу, пусть будутъ худыя или толстыя щеки», отвѣтилъ я. — «Такъ вы сентиментальны». — «Нѣтъ, но я люблю или не люблю», отвѣтилъ я. — «Я люблю тѣло». — «А я люблю мою подругу». — «Моя первая красавица была чрезвычайно худая, и я хотѣлъ бы имѣть теперь только толстыхъ женщинъ». — «Кажется, намъ трудно понять другъ друга», отвѣтилъ я. — «Боже мой, потому что вы сентиментальны, а я нѣтъ. Знаете, по чему я сужу, подходитъ ли мнѣ женщина: по ея аппетиту. Надо, чтобы моя метресса ѣла много, и чѣмъ больше она ѣстъ, тѣмъ болѣе я люблю ее, такъ какъ она будетъ здоровѣе». — «Сколько Козловскихъ на свѣтѣ! Богъ создалъ толстыя руки нарочно для нихъ!» восклицаетъ въ заключеніе Меттернихъ. Онъ не хотѣлъ признать себя хитрымъ, какимъ его считали всѣ, и говорилъ графинѣ въ письмѣ: «Я крѣпко хочу того, что хочу и люблю. Моя душа сильна и пряма, а мои слова правдивы всегда и во всѣхъ случаяхъ. Вотъ въ

этомъ-то и загадка моей предполагаемой хитрости. Такимъ образомъ часто глупецъ ошибается на мой счетъ, обвиняя меня въ хитрости, которую я презираю: онъ сердится, а я остаюсь спокоенъ; и оттого за мною установилась репутація холоднаго человѣка. У меня такая наружность, въ которой ищутъ того, чего толпа не находитъ, но что мой другъ легко во мнѣ открываетъ и мой другъ всегда во мнѣ откроетъ. Въ тотъ день, когда ты мнѣ скажешь: «Какъ ты хорошо умѣешь любить», я буду самымъ гордымъ человѣкомъ на свѣтѣ. Это единственная гордость, на которую я способенъ. Наконецъ, это единственное притязаніе, какое я позволяю себѣ имѣть. Мой другъ, ты научишься меня судить. Ты мнѣ скажешь въ одинъ прекрасный день, хорошо ли я нарисовалъ мой портретъ. Въ тотъ день, когда я буду думать, что я ошибся,—я буду самымъ несчастнымъ человѣкомъ».

При отъѣздѣ графини Ливенъ въ Парижъ Меттернихъ написалъ ей письмо вполне сентиментальное: «Мой другъ, ты уѣзжаешь и уносишь съ собой мою жизнь, счастье—все. Я сказалъ тебѣ сегодня утромъ, что могу плакать, только когда я одинъ, или когда я нахожусь съ этимъ другимъ, «мною самимъ», на груди котораго я могу излить мое счастье, несчастье, горе и радость». Затѣмъ онъ просилъ посланницу привыкнуть ежедневно писать ему хотя одно слово. Графиня Ливенъ очень ревновала Меттерниха къ предметамъ его прежнихъ увлеченій, а также и къ женѣ князя Морица Лихтенштейна, и Меттернихъ въ письмѣ къ ней пишетъ: «Первой посторонней фигурой, которую я увидѣлъ за завтракомъ, была та опасная особа, которой ты такъ боишься. Я всталъ, пошелъ ей навстрѣчу и вѣшилъ два сочныхъ поцѣлуя въ ея полныя, свѣжія щеки, именно какія я не люблю. Въ комнатѣ были моя жена, дѣти и еще кто-то, не знаю. Вотъ моя связь, доказанная и ясная. Я ея не видѣлъ до вчерашняго дня въ моемъ салонѣ». Въ томъ же письмѣ онъ благодаритъ посланницу за поведеніе относительно мужа и совѣтуетъ ей быть доброй, нѣжной, превосходной относительно его. «Я не имѣю его правъ,—прибавляетъ Меттернихъ,—и онъ не можетъ имѣть того, что принадлежитъ мнѣ. Его путь иной, чѣмъ мой; они не скрещиваются; зачѣмъ давать ему почувствовать, что этотъ путь существуетъ. Я никогда не ссорилъ семьи; я уважаю законъ и хочу, чтобы его соблюдали, хотя бы и не любили, такъ какъ любовь внѣ человѣческой воли. Впрочемъ, когда любятъ, то не существуетъ двухъ путей, такъ какъ не бываетъ двухъ сердець. Я ни за какія сокровища на свѣтѣ не отдамъ того, что сдѣлалось моей собственностью; я ничему болѣе не завидую. Какъ я могу завидовать твоему мужу?»

Въ Лондонѣ хотя посланница была далеко отъ Меттерниха, но каждый ея шагъ былъ ему извѣстенъ: его глазъ слѣдилъ за нею въ образѣ Неймана, что видно изъ письма отъ 8 января 1819 г. Стѣя, что давно не имѣлъ отъ нея извѣстій, Меттернихъ ожидаетъ ихъ черезъ Неймана. «Не знаю почему, говоритъ онъ, мнѣ кажется, что ты мнѣ будешь болѣе принадлежать въ тотъ день, когда будешь возлѣ него. Я знаю тогда, гдѣ тебя найти, я рассчитываю мои средства, я располагаю этими средствами и все это въ рамкахъ, которыя болѣе «мои». Добрый другъ, чувствуешь ли ты, насколько я счастливъ имѣть возможность помѣстить тебя въ число моей собственности и не

смотреть на тебя болѣе какъ на постороннее существо. Какъ бы ни находилась ты далеко отъ меня, ты не менѣе будешь принадлежать мнѣ». Меттернихъ очень хотѣлъ, чтобы Ливена назначили посланникомъ въ Вѣну, и онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы устроить ему это назначеніе. Между тѣмъ на этотъ же постъ хотѣлъ попасть Поццо ди Борго, «faiseur», какъ его называлъ Меттернихъ. Меттернихъ упрекаетъ посланницу за то, что она, любя австрійца, не любитъ Австріи и, перечисляя достоинства своей страны, говоритъ, что онъ будетъ счастливъ, когда она, графиня Ливенъ, по убѣжденію полюбитъ ее и онъ обѣщаетъ, что она такъ полюбитъ его родину, какъ даже онъ ее не любитъ. Со своей стороны, графиня Ливенъ тоже хлопотала получить для мужа постъ посланника въ Вѣнѣ, но этотъ планъ не удался.

Когда графиня почувствовала себя беременной послѣ одиннадцатилѣтняго перерыва, то Меттернихъ ее успокаивалъ и утѣшалъ тѣмъ, что онъ не сердится на нее за исполненный долгъ покорной жены. По этому поводу онъ писалъ ей длинныя письма изъ Италіи, въ которыхъ выражалъ безпокойство объ ея здоровьи и вмѣстѣ съ тѣмъ описывалъ мѣстности, по которымъ проѣзжалъ.

Возвратясь изъ Италіи, Меттернихъ продолжалъ писать ей попрежнему нѣжныя письма, и княгиня Ливенъ, судя по ея письму, также продолжала питать къ нему сердечныя чувства. 15 октября 1819 года у нея родился сынъ, котораго злые языки прозвали «дитятей конгресса». Послѣ этого событія Меттернихъ сталъ писать ей еще болѣе нѣжныя и заботливыя письма, и въ одномъ изъ нихъ между прочимъ находится такого рода шутка по поводу «дитяти конгресса». Когда онъ спросилъ о графинѣ Ливенъ у Пфейфеля, баварскаго посланника въ Лондонѣ, то послѣдній сказалъ: «Графиня Ливенъ! О это «мать дипломатическаго корнуса!» Такимъ образомъ, я, ненавидѣвшій дипломатію и дипломатовъ,—пишетъ Меттернихъ,—люблю мать цѣлаго дипломатическаго корнуса. Жизнь складывается изъ столькихъ странностей, что самый титулъ, который даетъ тебѣ одинъ изъ твоихъ дѣтей, не имѣетъ болѣе права меня удивлять. Чувство, которое онъ тебѣ придастъ, настолько хорошо, что я прощаю титулъ ради его мотива». Конецъ 1819 года былъ для Меттерниха печаленъ: онъ лишился дочери, а въ іюлѣ 1820 года его постигло опять горе: смерть замужней дочери, графини Эстергази. Однако съ весны 1820 г., судя по письмамъ графини Ливенъ, напечатаннымъ недавно въ газетѣ «Orion», хотя она попрежнему повторяетъ Меттерниху въ письмахъ: «Я тебя люблю», но въ нихъ она говоритъ исключительно о политикѣ и недостаткахъ ея соперницъ, англійскихъ свѣтскихъ дамъ. Ея система пиюинства, повидимому, была отлично устроена, и она доводила до свѣдѣнія Меттерниха обо всемъ, что дѣлалось въ англійскомъ кабинетѣ. Въ это время Меттернихъ былъ уже канцлеромъ; онъ не видался съ графиней Ливенъ два года, но 20 октября 1821 года они снова увидѣлись въ Ганноверѣ, куда отправился принцъ-регентъ, пригласивъ съ собой г-жу Ливенъ. Меттернихъ отъ имени своего императора тоже поѣхалъ туда для торжественной встрѣчи Георга IV. Въ это время русскій посланникъ находился въ Россіи, и г-жа Ливенъ могла видѣться съ Меттернихомъ въ продолженіе цѣлой недѣли. Затѣмъ онъ уѣхалъ

во Франкфуртъ и въ Иоганнисбергъ, а 5 ноября пріѣхалъ снова во Франкфуртъ, гдѣ опять видѣлся съ посланницей. Однако 10 ноября Ливены отправилась въ Парижъ, а Меттернихъ въ Вѣну. Прошелъ цѣлый годъ, когда опять счастливый случай устроилъ новую встрѣчу обоихъ влюбленныхъ на Веронскомъ конгрессѣ. Здѣсь салонъ графини Ливенъ сдѣлался центромъ свиданій дипломатовъ, и къ этой эпохѣ относится признаніе посланницы своимъ роднымъ о близкой дружбѣ съ Меттернихомъ, что становилось для нея необходимымъ въ виду все болѣе распространявшихся слуховъ объ ея интригѣ съ Меттернихомъ. Между тѣмъ г-жа Ливенъ все настойчивѣе просила, чтобы ея мужу перемѣнили постъ посланника въ Англіи, назначивъ его въ Вѣну, но результаты ея хлопотъ были неудачны. Послѣ Веронскаго конгресса, судя по письмамъ г-жи Ливенъ къ разнымъ лицамъ, видно, что ея переписка съ Меттернихомъ продолжалась еще въ 1825—26 гг., хотя подлинники писемъ пока не отыскались. Зимѣ 1823—24 гг. графиня Ливенъ провела въ Италіи по случаю болѣзни, а въ 1825 году у нея родился послѣдній сынъ, Артуръ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она уѣхала въ Россію, откуда вернулась въ Англію только въ сентябрѣ. Въ свою очередь, Меттернихъ въ эту эпоху ѣздилъ въ Парижъ, куда ради климата переселилась его жена и трое дѣтей въ виду слабости груди. Однако эта перемѣна ее не спасла, и 19 марта 1825 года она умерла, но Меттернихъ оставался тамъ же до 18 апрѣля, чтобы присоединиться въ Италіи къ императору Францу. Несмотря на приглашеніе англійскаго короля, онъ отказался поѣхать въ Англію и не видѣлся съ графиней Ливенъ. Въ это время между обоими влюбленными дипломатами стала проглядывать холодность, но когда именно и по какой причинѣ послѣдовалъ между ними разрывъ,—неизвѣстно. Уже въ началѣ 1827 года изъ писемъ къ лорду Грею видно, что любовь графини къ Меттерниху остыла, и впослѣдствіи русская посланница обвиняла его во всевозможныхъ недостаткахъ. Меттернихъ, любившій семейную жизнь, тѣмъ временемъ женился по любви на молодой дѣвушкѣ, Маріи фонъ-Лейкамъ, которую императоръ Францъ сдѣлалъ по этому случаю графиней Вильштейнъ. Молодая жена Меттерниха происходила изъ болѣе чѣмъ скромной семьи ветцларскаго извозчика, но ея дѣдъ, бывшій референдаріемъ, получилъ титулъ барона. Молодая дѣвушка была очень красива, и потому Меттернихъ не обращая вниманія ни на какіе толки, все-таки женился. Этотъ бракъ настолько раздосадовалъ графиню Ливенъ, что она въ письмѣ къ брату написала: «Меттернихъ ведетъ себя, какъ негодяй», и прибавила слова г-жи Куаньи: «*Le chevalier de la Sainte Alliance a maintenant fini par une mesalliance*». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Меттернихъ опять овдовѣлъ. Его жена умерла, оставивъ ему новорожденнаго сына.

Искать причины разрыва обоихъ влюбленныхъ дипломатовъ довольно трудно: несмотря на ихъ нѣжныя письма, у того и у другого были свои расчеты, и голова вполне господствовала надъ сердцемъ. Съ конца 1819 года посланница очерта голову бросилась въ политическій водоворотъ; она не только стала управлять дѣлами посольства, но открыто вмѣшалась въ борьбу партій. Пока интересы Россіи и Австріи не сталкивались—все шло хорошо,

но когда на карту поставлено было благополучіе Россіи, въ посланницѣ заговорило національное чувство, Меттернихъ, со своей стороны, видѣлъ, что его партнеръ въ любовномъ дуэтѣ въ минуту опасности будетъ слушаться своей головы, а не сердца—и перемѣнилъ игру. Любовь посланницы обратилась въ неприязнь. Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1848 году, прежніе влюбленные снова встрѣтились. Меттернихъ уже третій разъ женился, и встрѣча произошла самымъ равнодушнымъ образомъ. Г-жа Ливенъ часто посѣщала его жену, которая отвѣчала ей тѣмъ же. Въ это время сердце посланницы уже давно принадлежало Гизо, и Меттернихъ не избѣжалъ участи всѣхъ уже бесполезныхъ для нея лицъ: она находила его невозмутимо спокойнымъ, внутренне удовлетвореннымъ, безконечно болтливымъ и скучнымъ, когда онъ говорилъ о себѣ и своей непогрѣшимости, и очаровательнымъ, когда разсказывалъ о прошедшемъ, особенно о Наполеонѣ.

— Смерть дочери Наундорфа, лорда Глэнеска, Ашиля Люшера, г-жи Арведъ Баринъ и Фридриха Шульце.—Въ голландскомъ городѣ Дельфтѣ на дняхъ умерла послѣдняя дочь Наундорфа, претендента на титулъ герцога Нормандскаго, который провелъ тамъ конецъ своей жизни. Какъ онъ, такъ и его дочь были признаны голландскимъ правительствомъ за принца и принцессу Бурбонскихъ. Покойную называли принцессой Маріей-Терезой Бурбонской, внучкой Людовика XVI; ей было семьдесятъ четыре года и она получала отъ голландскаго правительства небольшую пенсію. Мاستрихтскій судъ возвратилъ дѣтямъ Наундорфа, какъ герцога Нормандскаго, фамилію Бурбонъ, и теперешній старшій представитель этого рода женился во Франціи законнымъ порядкомъ, подъ именемъ Жана Бурбона. Что касается до Маріи-Терезы, прожившей всю жизнь въ Голландіи, то она очень походила на Людовика XVI.

Въ концѣ ноября англійская журналистика лишилась одного изъ своихъ блестящихъ представителей, лорда Глэнеска, первоначально называвшагося Альджернономъ Бортвикомъ. Онъ былъ сыномъ Питера Бортвика, члена нижней палаты, и принадлежалъ вмѣстѣ съ отцомъ къ старинной дворянской эршпрекской семьѣ. Онъ родился въ 1830 г. въ Лондонѣ и воспитывался въ школѣ Королевской коллегіи. Не успѣло ему минутъ и двадцати лѣтъ, какъ онъ былъ назначенъ парижскимъ корреспондентомъ «Morning Post», консервативной и аристократической газеты, которой редакторомъ и издателемъ онъ былъ впоследствии болѣе пятидесяти лѣтъ. Во время политическихъ событій отъ 1850—1852 г. онъ занималъ видное мѣсто въ литературныхъ кругахъ Парижа и потомъ, возвратясь въ Англію, сталъ завѣдывать «Morning Post», которая въ то время находилась не въ блестящемъ положеніи. Онъ занялъ мѣсто своего отца во главѣ редакціи этой газеты и въ короткое время довелъ ее до блестящаго состоянія. Въ 1881 г., несмотря на совѣты друзей, онъ уменьшилъ цѣну газеты до пенса, и этимъ способомъ не только увеличилъ ея распространеніе, но еще умножилъ ея политическое вліяніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ продолженіе десяти лѣтъ онъ былъ депутатомъ отъ лондонскаго округа южнаго Кенсингтона и въ 1895 г. получилъ званіе лорда Глэнеска. Почувствовавъ, что наконецъ онъ слишкомъ постарѣлъ и усталъ отъ долго-

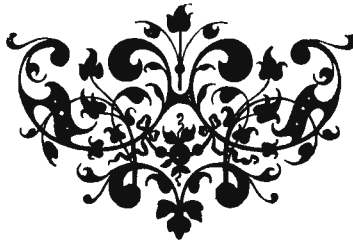
временного труда, новый лордъ отказался отъ издательскихъ и редакторскихъ обязанностей въ пользу своего сына Оливера Бортвика. Но, къ величайшему его сожалѣнью, этотъ способный тридцатидвухлѣтній человѣкъ умеръ въ 1905 г. Тогда старикъ, несмотря на тяжелый ударъ, нанесенный ему смертью сына, и на свою болѣзнь, вернулся къ прежней работѣ въ «Morning Post». Эта газета отличается тѣмъ, что является постояннымъ эхо великосвѣтскаго общества, поддерживая всегда приличный тонъ. Въсѣтъ съ тѣмъ лордъ Глэнескъ соблюдалъ интересы англійской прессы и находился во главѣ всѣхъ благотворительныхъ обществъ, которыя неслись о благѣ дѣятелей печати. Лордъ Глэнескъ пользовался извѣстностью въ Лондонѣ и во всѣхъ столичныхъ клубахъ. Что же касается литературнаго таланта, то онъ былъ извѣстенъ только какъ сатирикъ, и въ 1864 г. основалъ сатирическую газету «The Owl», имѣвшую значительный успѣхъ въ Лондонѣ.

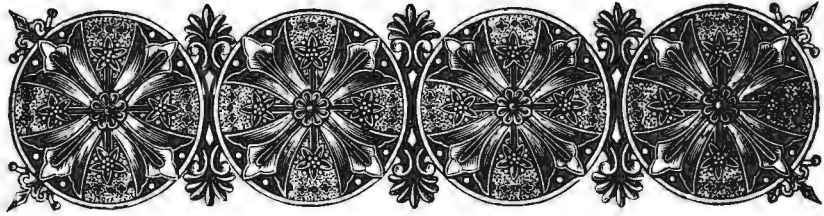
Въ ноябрѣ закатились двѣ литературныя звѣзды во Франціи, именно: историкъ Ашиль Люшеръ и довольно извѣстная историческая писательница Арведъ Баринъ. Первый родился въ Парижѣ въ 1846 г. и, окончивъ Нормальную школу, занималъ кафедры исторіи въ Бордо и другихъ городахъ, пока не получилъ мѣста профессора средневѣковой исторіи въ Сорбоннѣ. Изъ многочисленныхъ его сочиненій особое вниманіе сосредоточиваютъ на себѣ «Французскія коммуны въ эпоху Капетинговъ», «Людовикъ VI Толстый» и, наконецъ, «Жизнь Иннокентія III» въ шести томахъ. Послѣдній его трудъ, и самый замѣчательный, за нѣсколько времени до его смерти былъ удостоенъ преміи академіи нравственныхъ наукъ, какъ ученое сочиненіе о папствѣ въ средніе вѣка. Люшеръ былъ ученикомъ и послѣдователемъ извѣстнаго историка Фюстель де-Куланжа, а женатъ онъ былъ на дочери другого историка, Целлера. Работящій и дѣятельный ученый, Люшеръ считалъ исторію не только наукой, но и искусствомъ, такъ какъ, по его мнѣнію, исторія должна быть столь же художественнымъ, какъ и ученымъ трудомъ, а на сборники историческихъ матеріаловъ онъ никогда не смотрѣлъ какъ на исторію.

Г-жа Венсанъ, жена крупнаго чиновника въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, родилась въ Парижѣ въ 1840 г. и принадлежала къ гугенотской протестантской семьѣ. Уже въ зрѣломъ возрастѣ она начала писать подъ псевдонимомъ Арведа Барина. Происхожденіе псевдонима «Баринъ» она объясняла очень просто: это было названіе одного холма въ помѣстьѣ ея отца въ Аженнѣ, а Арведъ было имя одной изъ подругъ ея дѣтства. Первымъ ея трудомъ былъ переводъ съ англійскаго книги Герберта Барі: «Россія въ 1870 г.», а потомъ черезъ семь лѣтъ она издала свое первое вполне оригинальное сочиненіе: «Трудъ Иисуса работника». Это полу-философское и полу-религіозное сочиненіе обратило на себя вниманіе Юнга, редактора «Revue Bleue», съ женой котораго Арведъ Баринъ была закадычнымъ другомъ. По его совѣту, сорокалѣтняя женщина принялась писать литературныя статьи, хотя была увѣрена, что онѣ выйдутъ неважными; но Юнгъ сказалъ, что онъ беретъ всю отвѣтственность за нихъ на себя. Успѣхъ Арведъ Баринъ былъ замѣчателенъ, и съ тѣхъ поръ она всегда писала въ «Revue des deux Mondes», «Journal des Débats» и «Revue Bleue», а также издавала отдѣльныя книги по исторіи и ли-

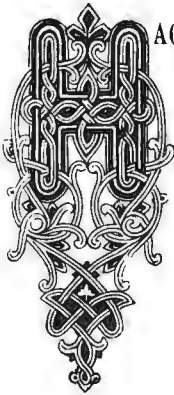
тературѣ. Самыми замѣчательными изъ ея сочиненій были: «Princesses et grandes Dames», біографіи Бернардень де-Сенъ-Шьера и Альфреда де-Мюссе, а также «La jeunesse de la Grande Demoiselle». Арведъ Баринъ отличалась необыкновеннымъ талантомъ, историческимъ и литературнымъ знаніемъ, а также художественнымъ изложеніемъ своихъ сочиненій. По словамъ одного французскаго писателя, онъ зналъ трехъ передовыхъ писательницъ: Жоржъ-Зандъ, г-жу Бенсонъ и Арведъ Баринъ, изъ которыхъ онъ отдавалъ предпочтеніе послѣдней.

Осенью скончался въ городѣ Плазвѣ, близъ Дрездена, германскій философъ Фридрихъ Шульце. Онъ родился 7 мая 1846 г. въ Ганноверѣ и занимался въ іенскомъ университетѣ философіей и литературой. Черезъ пять лѣтъ онъ былъ назначенъ профессоромъ философій и педагогіи въ высшей дрезденской школѣ и съ тѣхъ поръ онъ сталъ извѣстенъ въ Германіи, какъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей неокантизма. Главныя ея сочиненія: «Кантъ и Дарвинъ», «Философія естественныхъ наукъ» и «Постулаты материализма».

ПЕРВЫЙ ЖЕНСКИЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗДЪ.

АСТОЯТЕЛЬНОСТЬ созыва женскаго всероссійскаго съѣзда со- знавалась уже давно, и еще покойный министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве далъ разрѣшеніе на такой созывъ, вслѣд- ствіе ходатайства по сему предмету въ 1902 году председа- тельницы женскаго взаимно-благотворительнаго общества А. Н. Шабановой. Три года прошли въ неустанныхъ хлопотахъ, первоначальный проектъ пришлось сократить. Только послѣ этого было дано разрѣшеніе на созывъ 1 іюня 1905 г. «съѣзда русскихъ дѣятельницъ по благотворенію и просвѣ- щенію», при условіи, чтобы въ члены этого съѣзда допуска- лись только женщины, состоящія членами комитетовъ и пра- вленій благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществъ.

Была выработана программа, на съѣздъ записалось болѣе 200 человекъ, въ бюро его поступило свыше ста докладовъ. Передъ самымъ съѣздомъ петер- бургскимъ генералъ-губернаторомъ Треновымъ были поставлены учредитель- ницамъ новыя требованія: предварительная полицейская цензура всѣхъ до- кладовъ и др. ограниченія. Совѣтъ русскаго женскаго взаимно-благотворитель- наго общества не нашелъ возможнымъ созвать съѣздъ при этихъ условіяхъ, и онъ былъ отложенъ.

Послѣдовавшія затѣмъ событія расширили дѣятельность женскихъ орга- низацій и поставили передъ обществомъ и въ частности передъ женщинами новыя задачи и въ числѣ ихъ выдвинули на очередь вопросъ объ избиратель- ныхъ правахъ женщинъ.

При русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ въ 1906 г. возникаетъ отдѣлъ избирательныхъ правъ женщинъ, который снова подни- маетъ вопросъ о созывѣ всероссійскаго женскаго съѣзда. Новыя общественно- политическія условія дали возможность значительно расширить и программу съѣзда и достунъ къ нему желающимъ принять въ немъ участіе.

Первоначально созывъ съѣзда былъ назначенъ на 1 іюня 1908 г., но затѣмъ срокъ этотъ былъ перенесенъ на 10 декабря.

Подготовительныя работы къ съѣзду велись организаціонной его комиссіею, при сотрудничествѣ дѣлаго ряда другихъ спеціальныхъ комиссій. Просмотръ поступающихъ докладовъ и разработка программы самыхъ засѣданій велась по секціямъ. Руководство съѣздомъ возложено на организаціонную комиссію.

Приглашенія принять участіе въ съѣздѣ были широко разсланы по всеѣмъ женскимъ организаціямъ Россіи, посланы почти всеѣмъ извѣстнымъ дѣятельницамъ женскаго вопроса и распространялись черезъ газеты.

Нельзя не отмѣтить, что къ этому готовящемуся событію органы печати въ своемъ громадномъ и подавляющемъ большинствѣ и за весьма немногими исключеніями стали въ положеніе благопріятствующихъ и, оставляя обычныя шутки и остроты по адресу прекраснаго пола, вполне убѣжденно указывали на необходимость и своевременность такого съѣзда, гдѣ бы русская женщина получила возможность, при совершающейся нынѣ общей переработкѣ всеѣхъ сторонъ родной жизни, громко и свободно повѣдать о своихъ нуждахъ, желаніяхъ, стремленіяхъ, а также отозваться подъ спеціально женскимъ угломъ зрѣнія на запросы отечественной жизни, съ указаніемъ на средства врачеванія накопившихся въ излишнемъ изобиліи ея язвъ и дефектовъ. Такъ, въ день открытія съѣзда, «Петербургскій Листокъ», между прочимъ, говорил ¹⁾:

«Даже самыя энергичныя противники женской эмансипаціи не могутъ не признать, что безправное положеніе женщины, развивающаяся проституція, вырожденіе, торговля живымъ товаромъ и эксплуатація женскаго труда не только въ зрѣломъ возрастѣ, но и въ дѣтствѣ, давно уже требуютъ всесторонняго разсмотрѣнія и юридической регламентаціи.

«Принципъ равноправія женщинъ. быть можетъ, ближе всего для русскаго народа, гдѣ женщина въ общественной и политической жизни играла и играетъ выдающуюся роль.

«Въ народѣ женщина часто является руководительницей внутренней жизни хозяйства, замѣняя мужа не только въ случаѣ его смерти, но даже при его частыхъ отлучкахъ на заработокъ или во время отбыванія воинской повинности.

«Въ волостныхъ сходахъ въ деревняхъ и селахъ голосъ женщинъ нерѣдко оказываетъ сильное давленіе, и не даромъ большинство крестьянъ не видитъ ничего несбыкновеннаго въ предоставленіи женщинамъ избирательныхъ правъ.

«Русская женщина, близко стоящая къ народной и общественной жизни, рѣзко отличается отъ женщины Запада, уступаая въ самостоятельности лишь англичанкѣ или американкѣ, что объясняется лишь особенностями условій жизни всей націи.

¹⁾ Я лично уже неоднократно высказывался на страницахъ «Историческаго Вѣстника» по женскому вопросу, а потому повторяться не буду, отославъ незнакомыхъ съ моими взглядами къ статьямъ «Расширеніе образовательныхъ правъ женщинъ» (1897 г., т. LXX), «Права и обязанности женщинъ» (1896 г., т. LXVI), «Женщины-врачи на общественной службѣ» (1895 г., т. LX). Эти же статьи включены и въ книгу «Очерки русскаго прогресса».

«Насколько рѣзко отличается русская женщина отъ нѣмки, хозяйки кухни и алькова, отъ француженки, легкомысленной жрицы любви и удовольствій.

«Русская женщина шла всегда и всюду рядомъ съ мужчиной, не оставляя его одинокимъ и покинутымъ, а потому не русскому мужчине бороться за вѣчное порабощеніе женщины, которую воспѣли лучшіе русскіе поэты и писатели и которую возвела на пьедесталь суровая русская исторія.

«Пусть же первый всероссійскій женскій съѣздъ, сегодня начинающій свою работу, предоставитъ русской женщинѣ весь объемъ гражданской свободы, а русскому народу честь именоваться культурнѣйшимъ въ мірѣ».

«Новое Время» въ сноскойной передовой статьѣ привѣтствовало съѣздъ такъ: «безъ сомнѣнія, каждый русскій, все русское общество встрѣтятъ мысленно съ теплымъ привѣтомъ первый всероссійскій женскій съѣздъ, завершающій собою нѣсколько десятилѣтій энергичной и даровитой дѣятельности нашихъ женщинъ на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ умственной, филантропической и общественной дѣятельности. Съѣздъ этотъ столько же пожинаетъ плоды, сколько будетъ сѣять новое сѣмя. Онъ обращенъ и къ прошлому и къ будущему». Газета ставила съѣзду двѣ главныя задачи на разрѣшеніе: «вопросъ семейный» въ отношеніи преимущественно упорядоченія нашего законодательства о разводахъ и вопросъ объ измѣненіи законодательнымъ путемъ наслѣдственныхъ правъ жены-вдовы и дочерей, которыя въ нашей жизни поставлены до нельзя уродливо. Намѣтивъ эти двѣ задачи, газета въ заключеніе напутствовала съѣздъ словами: «Пожелаемъ же, чтобы первый всероссійскій женскій съѣздъ не расплылся въ цѣляхъ, не гнался за множествомъ задачъ, а настойчиво, полно и реально добился бы двухъ названныхъ. Это самая большая боль русской женщины. Здѣсь обиженными являются наиболѣе невинныя. Это—тотъ хлѣбъ насущный для женщинъ, безъ котораго жить нельзя. И объ этомъ хлѣбѣ нужно думать раньше, чѣмъ о пирожномъ».

Не стану цитировать статей изъ прочихъ газетъ по недостатку мѣста—онѣ всѣ были въ высшей степени сочувственныя съѣзду, при чемъ газеты такъ называемаго лѣваго лагеря въ особенности подчеркивали желательный политическій отгѣнокъ, который открывающійся съѣздъ долженъ получить.

9 декабря устроительницы и распорядительницы перваго женскаго съѣзда ¹⁾ цѣлый день принимали въ помѣщеніи русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества прибывающихъ членовъ, делегатокъ и гостей.

Членамъ съѣзда раздавалось обращеніе, въ которомъ вкратцѣ было изложено современное положеніе женскаго вопроса.

«Среди вопросовъ,—сказано въ обращеніи,—которыми живетъ и волнуетъ современное человѣчество, уже давно сталъ на очереди женскій вопросъ, со всѣми его развѣтвленіями и со всѣми его особенностями. Не со вчерашняго дня началась разработка его и у насъ въ Россіи. Шагъ

¹⁾ Свѣдѣнія о дѣятельности «съѣзда» я почерпнулъ главнымъ образомъ изъ газеты «Рѣчь», гдѣ были даваемы наиболѣе подробныя о немъ отчеты, а также изъ издававшихся съѣздомъ бюллетеней, добавляя нѣкоторыя свѣдѣнія данными на основаніи личнаго знакомства со всѣмъ тамъ происходившимъ.

за шагомъ, въ борьбѣ съ предубѣжденіями общества, съ семейными предразсудками, съ враждебными взглядами власть имущихъ, русскія труженицы на поприщѣ женскаго движенія отстаивали свое право на образованіе и свое право на независимое положеніе, на равное съ мужчинами вознагражденіе за свой трудъ. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ отношеніи не было достигнуто никакихъ результатовъ: кое-что добыто уже трудами пионерокъ женскаго движенія въ Россіи. Но если сравнить это «кое-что» съ тѣмъ, что предстоитъ еще добыть женщинамъ впереди, хотя бы только для того, чтобы сравняться съ современнымъ мужчиною, то это «кое-что» покажется слабымъ и ничтожнымъ». Первый шагъ уже сдѣланъ: «тысячи шли къ нему разными путями, боролись въ одиночку, но всѣ вмѣстѣ сдѣлали великое дѣло — измѣнили общественное воззрѣніе на женщину, заставили общество повѣрить въ ея силы и способности». Теперь предстоитъ сдѣлать второй шагъ. Женщинамъ необходимо организовать для проведенія въ жизнь своихъ требованій для улучшенія своего положенія, для дальнѣйшихъ завоеваній на пути прогресса. Настоящій первый всероссійскій женскій съѣздъ и служить первой попыткой такой широкой женской организаціи».

Обращеніе заканчивается словами. «Только свободная мать-гражданка можетъ воспитать свободныхъ гражданъ. Стремленіе женщинъ къ улучшенію ихъ положенія есть стремленіе къ благу всего народа, къ свѣтлому будущему грядущихъ поколѣній. И, во имя этого будущаго, мы привѣтствуемъ выступленіе русской женщины на историческое поприще, привѣтствуемъ новый шагъ ея по пути къ свѣту и свободѣ».

Вечеромъ 9 декабря въ помѣщеніи русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества собрались въ значительномъ числѣ члены съѣзда и гости. Въ 8^{1/2} час. веч. появились А. П. Философова и А. Н. Шабанова, и были встрѣчены продолжительными аплодисментами. Подъ аплодисменты массы собравшихся члены организаціоннаго комитета поднесли А. П. Философовой букетъ изъ бѣлыхъ розъ съ надписью: «Неутомимому борцу за женское равноправіе» и А. Н. Шабановой такой же букетъ съ надписью: «Инициаторшѣ перваго всероссійскаго женскаго съѣзда».

А. Н. Шабанова обратилась затѣмъ къ собравшимся съ привѣтствіемъ отъ имени русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества.

Указавъ на трудности, съ которыми была сопряжена организація съѣзда, А. Н. высказала надежду, что участницы и участники съѣзда безъ различія направленія соединятся для совмѣстной культурной работы и для достиженія женскаго равноправія. Особенно горячо А. Н. привѣтствовала иногородныхъ гостей, пріѣхавшихъ изъ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ уголковъ Россіи.

— Я глубоко увѣрена, — сказала г-жа Шабанова: — что съѣздъ разбудитъ правосознаніе женщинъ. Берегите же отъ внутреннихъ и внѣшнихъ невзгодъ наше общее новорожденное дитя, первый крикъ котораго раздастся завтра на всю Россію.

Въ тотъ же вечеръ въ Тенишевскомъ училищѣ состоялось собраніе, на которомъ обсуждался, главнымъ образомъ, вопросъ о задачахъ и значеніи открывающагося съѣзда. Среди присутствовавшихъ было немало пионерокъ

женскаго движенія въ Россіи. Преобладали провинціальныя делегатки и гости. Съ сообщеніемъ о значеніи женскаго съѣзда первой выступила О. А. Шапирь, сказавшая между прочимъ, что съѣздъ долженъ ознакомить все русское общество съ положеніемъ женщины въ семьѣ, государствѣ, законодательствѣ, промышленности и т. д.

А. В. Тыркова отмѣтила особенности женскаго вопроса, стоящаго, по ея словамъ, внѣ партій, или, вѣрнѣе, надъ партіями. Тяжесть разрѣшенія женскаго вопроса обусловливается отчасти тѣмъ, что, на первый взглядъ, онъ кажется троизмомъ. Никто не споритъ въ принципѣ противъ равноцѣнности личности мужчинъ и женщинъ, но никто добровольно не соглашается представить женщинамъ равныя права.

Коснувшись исторіи женскаго движенія въ Россіи, А. В. относитъ моментъ возникновенія его еще ко временамъ декабристовъ. Стремясь не только къ равнымъ правамъ, но и къ равнымъ обязанностямъ, русскія женщины тяготеютъ формами феминизма, въ какія вылилось женское движеніе на Западѣ. Русской женщинѣ замыканіе въ кругу узкихъ интересовъ кажется будничнымъ и мертвымъ дѣломъ. Русская женщина стремится къ широкой свободѣ человѣческой личности вообще.

Переходя къ задачамъ открывающагося съѣзда, А. В. Тыркова находитъ, что съѣздъ долженъ направить вниманіе женщинъ на всѣ запросы современности. Но необходимо при этомъ помнить, что русская женщина находится въ сравнительно благоприятныхъ условіяхъ для осуществленія своихъ цѣлей, такъ какъ въ Россіи женскія силы уже сформированы и довольно часто проявляютъ себя во всѣхъ областяхъ общественной, политической и культурной жизни.

Ходъ занятій съѣзда и его хозяйственно-административный распорядокъ, о достоинствѣ котораго будетъ сказано въ концѣ настоящаго обозрѣнія, былъ опредѣленъ такъ.

Предсѣдательницами комисій были избраны: организационной — д-ръ А. Н. Шабанова, распорядительной — А. П. Философова и редакціонной — О. А. Шапирь, юридической — А. В. Тыркова.

Завѣдующими секціями: первой — А. П. Философова, товарищъ ея — А. А. Кальмановичъ. Первая секція предназначалась къ выясненію «дѣятельности женщины въ Россіи на различныхъ поприщахъ». Второй — Е. Н. Щепкина, товарищъ — Е. В. Авилова. Вторая секція обнимала доклады по вопросамъ женскаго труда и по вопросамъ этическимъ въ семьѣ и обществѣ. Третьей — А. Н. Шабанова, товарищи: О. А. Шапирь и А. Н. фонъ-Рутценъ. Третья секція сосредоточивала вопросы о политическомъ и гражданскомъ положеніи женщинъ. Четвертой — М. А. Чехова, товарищъ — Чебышева-Дмитріева. Четвертая секція обнимала дѣло женскаго образованія.

Кромѣ секціонныхъ засѣданій, были назначены три соединенныхъ засѣданій секцій и 2 общихъ собраній.

Прибывшимъ иногороднымъ членамъ съѣзда предложены бесплатныя квартиры съ полнымъ пансіономъ: для двухъ лицъ — у С. Н. Судзиловской (Херсонская, 5), А. П. Философовой (Мойка, 1) и А. Б. Бородиной (В. О.,

Никол. наб., 1); для одного лица—у А. И. Колокольцевой (В. Подъяеск., 1), Л. П. Усковой (Надеждинская, 42) и у Е. А. Стембо (Антекарск. пер., 3). Кромѣ того, г. Ратькова-Рожнова отвела для членовъ съѣзда бесплатно три комнаты (безъ стола) въ своемъ домѣ по Шлиссельбургскому пр., близъ Фарфороваго завода. Для засѣданій же съѣзда были отведены для общихъ собраній большой Александровскій думскій залъ, для соединенныхъ засѣданій аудиторія Соляного Городка, для секціонныхъ засѣданій бібліотека Соляного Городка, женскій клубъ и помѣщеніе женскаго взаимно-благотворительнаго общества.

Всѣмъ членамъ съѣзда были выданы (за небольшую плату) значки-жетоны: «Равныя права—равныя обязанности».

Участіе въ съѣздѣ обусловлено было взносомъ платы въ 5 рублей съ персоны. Занятія съѣзда были раздѣлены на утреннія и вечернія. Первые отъ 11 утра до 4 час. дня, вторыя отъ 7 до 10 час. вечера.

10-го декабря при торжественной обстановкѣ состоялось открытіе перваго всероссійскаго женскаго съѣзда. Большой (Александровскій) залъ городской думы, украшенный флагами, былъ еще задолго до открытія съѣзда переполненъ. Среди присутствующихъ въ подавляющемъ числѣ были женщины. Фраки и сюртуки совершенно терялись въ тысячной толпѣ женщинъ. Въ залѣ присутствовало до 1500 человекъ, записавшихся же членами съѣзда было до 1000 женщинъ.

По обѣимъ сторонамъ эстрады отведены были мѣста для печати, которая была представлена чрезвычайно полно.

Ровно въ исходѣ десятаго А. Н. Шабанова, встрѣченная громомъ аплодисментовъ объявила первый женскій съѣздъ открытымъ.

«Съ чувствомъ особенной радости и высокаго удовлетворенія произношу слова: «первый всероссійскій женскій съѣздъ открытъ», — провозгласила она.—Привѣтствую и благодарю отъ имени устроительницъ съѣзда нашихъ гостей и докладчицъ за ихъ сочувствіе и поддержку. Поздравляю всѣхъ членовъ съѣзда, такъ единодушно отозвавшихся на нашъ призывъ, прошу ихъ впередъ извинить за возможные въ этомъ новомъ дѣлѣ ошибки и горячо желаю, чтобы ни грозы, ни тучи не омрачили нашего перваго опыта совмѣстной культурной работы. Позвольте выразить благодарность представителямъ городской думы, гостеприимно доставившимъ намъ залу для общихъ собраній, а также представителямъ печати, проявившимъ особый интересъ къ нашему дѣлу».

Затѣмъ подъ шумъ долго несмолкавшихъ рукоплесканій на каѳедру вступила А. П. Философова. «Дорогія желанныя гости,—начала А. П. свою рѣчь,—привѣтствую и поздравляю васъ съ торжественнымъ днемъ открытія перваго женскаго съѣзда въ Россіи. Для меня, дожившей до восьмого десятка, этотъ день является однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дней моей жизни. Щедрая ко мнѣ судьба послала мнѣ въ мои юные годы радость быть свидѣтельницей освобожденія рабовъ, а въ данное время, на склонѣ лѣтъ, я являюсь свидѣтельницей освобожденія женщинъ. И кто знаетъ, быть можетъ, отъ насъ недалеко то время, когда мы войдемъ равноправными членами не

только въ эту думу, гдѣ въ настоящій моментъ мы съ горячей благодарностью пользуемся столь широкимъ гостеприимствомъ, но и въ думу государственную, гдѣ займемъ мѣста рядомъ съ товарищами-депутатами. Конечно, я не доживу до этой новой зари, но близость ея я чувствую.

«Привѣтствую васъ, собравшихся здѣсь во имя равноправія. Хочется мнѣ при этомъ воскресить въ памяти славные 60-ые годы и помянуть теплымъ словомъ тѣхъ, которыя самоотверженно и безтрепетно шли по тернистому пути, расчищая намъ дорогу для завоеванія равныхъ правъ какъ на образованіе, такъ и на трудъ...

«Наше женское движеніе началось при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. У насъ въ Россіи не было ни историческихъ традицій Западной Европы, ни готовой почвы для послѣдовательнаго развитія идеи женскаго вопроса, какъ въ Америкѣ... Въ шестидесятыхъ годахъ, въ эту великую эпоху русской жизни, зародилось въ обществѣ серьезное стремленіе прийти на помощь русскому народу въ его порывѣ къ образованію. Само собою разумѣется, что это стремленіе увлекало и женщинъ».

Послѣ краткой исторической справки о развитіи женскаго движенія А. П. Философова заключила свою рѣчь слѣдующими словами:

«И вотъ предъ нами вырисовывается личность двухъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ, которыя и начали это святое дѣло. Я говорю о Маріи Васильевнѣ Трубниковой и Надеждѣ Васильевнѣ Стасовой.

«Первая изъ нихъ была нашимъ истиннымъ добрымъ гениемъ; она насъ просвѣщала, давала намъ добрые совѣты, вливала въ насъ энергію, и подъ ея руководствомъ легло работалось пионеркамъ женскаго движенія. Но, вдохнувъ жизнь въ это дѣло, она, къ нашему горю, рано должна была сойти съ поприща дѣятельности, но завѣщала намъ свою энергію.

«Надежда Васильевна продолжала работу Маріи Васильевны Трубниковой — она дожила до глубокой старости и до самой смерти отдавала себя всецѣло на служеніе страждущему человѣчеству и женскому просвѣтительному движенію.

«Помянемъ же мы дорогую память этихъ двухъ пионерокъ — и пойдемъ твердо по ихъ пути».

Послѣ рѣчи А. П. Философовой съѣздъ привѣтствовали многочисленныя депутаціи. Первое привѣтствіе произнесъ профессоръ Карѣевъ, отъ имени общества народныхъ университетовъ. Представительница женскаго клуба А. С. Милюкова, привѣтствуя съѣздъ, отмѣтила, что ближайшей задачей съѣзда является развитіе самостоятельности женщины и привлеченіе ея къ участію въ просвѣтительной и общественной работѣ. Въ заключеніе она подытожила выразила пожеланіе, чтобы женскій вопросъ разсматривался и былъ разрѣшенъ не только по моральнымъ основаніямъ, но и по соображеніямъ практической политики. Слушательница педагогической академіи отъ имени слушательницъ привѣтствовала съѣздъ словами: «Идите смѣло и бодро впередъ. Образованіе и культура — вотъ вашъ идеалъ. Но процвѣтаніе культуры и образованія, — продолжала она, — возможно только въ правовомъ государствѣ. Въ такомъ государствѣ и женщины, конечно, будутъ пользоваться всѣми пра-

вами». Отъ имени украинской «Громады» цвѣтистое привѣтствіе произнесъ К. И. Арабажинъ.

Городской голова Н. А. Рѣзцовъ привѣтствовалъ съѣздъ отъ лица петербургской думы, которая знаетъ, что половина грамотнаго населенія столицы обязана своимъ начальнымъ образованіемъ женщинѣ. «Дѣло вашихъ же рукъ, — продолжалъ Н. А. Рѣзцовъ, — наши пріюты, больницы, благотворительность». Н. А. Рѣзцовъ пожелалъ особеннаго успѣха той секціи, въ которой будутъ разсматриваться доклады о политическихъ и гражданскихъ правахъ женщинъ.

Затѣмъ привѣтствовали съѣздъ делегаты отъ общества дошкольнаго воспитанія, общества образованія имени Некрасова, отъ женскихъ клубовъ Москвы и Петербурга отъ группы московскихъ, бакинскихъ, каменецъ-подольскихъ женщинъ, отъ донского общества содѣйствія образованію женщинъ, отъ высшихъ политическихъ курсовъ, отъ строительныхъ курсовъ и другія. Представительница еврейскихъ женщинъ въ своемъ привѣтствіи подчеркнула, что всякій успѣхъ женщинъ въ дѣлѣ освобожденія особенно дорогъ еврейской женщинѣ, такъ какъ она сознаетъ, что освобожденіе русской женщины положить конецъ всякому угнетенію.

Г. А. Фальборкъ горячо привѣтствовалъ съѣздъ отъ имени лиги образованія, которая ставитъ въ особую заслугу русской женщинѣ, что она создала русскую начальную школу.

Всѣ привѣтствія покрывались дружными аплодисментами всего зала.

Затѣмъ былъ прочитанъ М. Н. Вубновой цѣлый рядъ телеграммъ и привѣтствій, полученныхъ изъ разныхъ городовъ Россіи и изъ-за границы. Въ числѣ привѣтствій отмѣтимъ отъ думскихъ фракцій: к.-д., трудовой группы, партіи мирнаго обновленія, группы прогрессистовъ и фракціи мусульманъ. Мусульмане выражаютъ надежду, что мусульманки, и теперь глубоко сочувствующія женскому движенію, на второмъ съѣздѣ примутъ болѣе активное участіе. Привѣтствія прислали также литовскія, польскія и финляндскія женщины. Изъ-за границы очень теплыя поздравленія и пожеланія получены отъ чешскихъ, венгерскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ женщинъ. Особенно горячо было принято привѣтствіе австрійскихъ женщинъ. Привѣтствіе группы польскихъ женщинъ заканчивается словами поэта Красинскаго: «Вотъ приближается день, когда каждая изъ васъ превратится въ благоухающую мысль розу, струны вдохновенія выскользнутъ изъ рукъ мужчинъ и перейдутъ въ вашу могучую длань».

Затѣмъ выступила А. Н. Шабанова сказавшая, между прочимъ, что

«10 декабря 1908 года — историческій моментъ въ жизни русской женщины; онъ долженъ положить начало ея объединенію въ стремленіи къ завоеванію женщиною человѣческихъ правъ. Съѣздъ даетъ возможность подвести итогъ дѣятельности женщинъ на разныхъ поприщахъ и намѣтить пути къ достиженію равноправія. Первый женскій съѣздъ положить только основанія тому зданію, которое предстоитъ воздвигнуть. На пути къ осуществленію его еще много препятствій. Однимъ изъ главныхъ препятствій являются сами женщины, частью довольныя своимъ положеніемъ, частью не

сознающія своего угнетенія и даже враждебно относящіяся къ идеѣ равноправія. Вторымъ препятствіемъ являются мужчины, считающіе женщину своею собственностью, низкимъ существомъ, предназначеннымъ для наслажденія и хозяйства. Всѣ эти взгляды основаны на предубѣжденіяхъ. Средствомъ для борьбы съ ними является воспитаніе въ подрастающихъ поколѣніяхъ чувства равенства. Въ связи съ возрѣніями на женщину большинства мужчинъ стоятъ и созданныя существующимъ законодательствомъ препятствія къ расширенію ея дѣятельности и ограниченія ея въ правахъ. Это препятствіе самое трудное, но не непреодолимое. Единственное средство для того, чтобы женщина сдѣлалась реальной силою въ обществѣ,—организованное женское движеніе. Это путь, на который выступили женщины во всѣхъ культурныхъ странахъ. Необходима повсемѣстная организація женскихъ обществъ, клубовъ, союзовъ и т. п. учреждений, имѣющихъ между собою сношеніе. Связывать ихъ работу будутъ женскіе съѣзды. Величайшая опасность для всего женскаго движенія въ партійныхъ разногласіяхъ; женское движеніе не должно быть ни буржуазнымъ, ни пролетарскимъ, оно одноидейно для всѣхъ женщинъ. Дифференціація силъ неизбѣжна, но всѣ онѣ должны служить одной задачѣ. Въ своей борьбѣ женщина вовсе не стремится къ обособленности отъ мужчинъ: женскія организаціи, избирательныя права женщинъ—это не дѣль, а только средства для участія въ общей культурной работѣ на пользу человечества. Справедливость и общественное благо требуютъ уничтоженія всѣхъ существующихъ для женщинъ ограниченій и предоставленія имъ равныхъ политическихъ и общественныхъ правъ; дарованія женщинамъ избирательныхъ правъ своевременно, и женщины вполне подготовлены къ этому. Это доказываетъ примѣръ Финляндіи. Эту мысль блестяще доказывалъ въ первой государственной думѣ Л. І. Петражицкій.

«Уважаая самостоятельность каждаго мнѣнія, мы выслушаемъ представительницъ различныхъ теченій женскаго движенія съ искреннимъ (я скажу страстнымъ) желаніемъ, чтобы различные голоса слились въ одинъ общій возгласъ: за справедливость къ женщинамъ! И если нравственная сила идеи, воодушевляющая членовъ съѣзда, найдетъ откликъ, если голосъ женщинъ въ этомъ возвышенномъ и справедливомъ дѣлѣ будетъ услышанъ во всѣхъ концахъ Россіи, пробудитъ самосознаніе и энергію для дальнѣйшей дѣятельности, скрѣпитъ союзъ единомышленницъ для постоянной, упорной работы, то это будетъ немаловажная заслуга перваго женскаго съѣзда».

Послѣ перерыва слово получилъ профессоръ Л. І. Петражицкій. Публика встрѣтила извѣстнаго ученаго и общественнаго дѣятеля продолжительными рукоплесканіями.

Л. І. прочиталъ докладъ на тему: «Законы развитія права и правовое положеніе женщины».

Путемъ подробнаго анализа развитія права вообще и правового положенія женщинъ въ частности, докладчикъ приходитъ къ заключенію, что люди постепенно становятся лучше и лучше становится также ихъ право. Положеніе это даетъ профессору Петражицкому основаніе утверждать, что на-

станеть и такое время, когда не будетъ не только женскаго неравенства, но и неравенства вообще.

Докладъ Л. И. Петражицкаго, продолжавшійся около двухъ часовъ, (!) сильно утомилъ публику, тѣмъ не менѣе заключительныя слова доклада покрыты были шумными аплодисментами.

Затѣмъ говорила одна изъ наиболѣе энергичныхъ и талантливыхъ дѣятельницъ съѣзда, писательница-публицистъ А. В. Тыркова (Вережскій).

«Первый призывъ къ съѣзду,—сказала А. В.,—раздался глухо. Но зато пусть громче теперь раздастся его голосъ. Съѣздъ призываетъ женщинъ къ масонскому содружеству и общей защитѣ своихъ интересовъ. Масонство это не мистическое и не конспиративное, а открытое и реальное. Дѣятельницы женскаго движенія должны проникнуться сознаниемъ, что онѣ являются защитницами безмолвнаго русскаго населенія.

«Передъ нами,—говоритъ докладчица,—необъятная задача. Стремясь къ освобожденію женщинъ отъ всѣхъ видовъ неравенства и безправія, женщины должны въ то же время стремиться и къ освобожденію всего русскаго общества. Трудность задачи не должна, однако, насъ пугать. Необходимо помнить, что свободнымъ человѣкъ бываетъ лишь тотъ, который сильно желаетъ этой свободы и сильно къ ней стремится».

Въ заключеніе г-жа Волкова привѣтствовала съѣздъ отъ имени работницъ, борющихся за освобожденіе всего человѣчества: «И то, что мы получили возможность здѣсь собраться и говорить о своихъ нуждахъ и стремленіи къ свободѣ, мы, работницы, считаемъ отчасти результатомъ нашихъ же усилій и трудовъ»—сказала она.

Другіе намѣченные доклады ко дню открытія съѣзда за позднимъ временемъ прочитаны быть не могли и были выслушаны лишь въ слѣдующемъ общемъ собраніи 16 декабря.

11 декабря, въ 12 часовъ дня, въ Солянномъ Городкѣ состоялись засѣданія всѣхъ 4-хъ секцій женскаго съѣзда, и вслѣдъ за симъ занятія этихъ секцій продолжались съ перерывами для соединенныхъ засѣданій во всѣ послѣдующіе дни до 16 декабря включительно, причемъ во всѣхъ секціяхъ было прочитано въ общемъ до 150 докладовъ. При открытіи засѣданій каждой секціи избирались почетныя предсѣдательницы изъ числа прибывшихъ изъ провинціи и секретари; докладчицы, докладчицы читали свои сообщенія по заранѣе определенному порядку, и послѣ чтеній происходили дебаты, причемъ, какъ и можно было ожидать, наибольшія страсти выплыли наружу въ 3-й секціи, гдѣ фракціи умѣренной, составлявшей большинство съѣзда, пришлось имѣть дѣло съ натискомъ «лѣвыхъ», представительницъ «рабочей партіи», которыя чуть было и не сорвали всего съѣзда и въ своемъ партійномъ ослѣпленіи чуть было не нанесли ему непоправимаго удара.

Нѣтъ возможности въ краткомъ обзорѣи говорить обо всѣхъ докладахъ въ отдѣльности. Для регистраціи этихъ докладовъ и чтобы занести ихъ въ лѣтописи нашей общественности для памяти потомства, вотъ общая программа ихъ, согласно распределенію по днямъ чтенія.

ПЕРВАЯ СЕКЦІЯ.

Дѣятельность женщины въ Россіи на различныхъ поприщахъ.

11 декабря, четвергъ.

(Утро. 11—4).

Доклады:

- 1) **Валицкая, А. С.** Общественно-экономическое значеніе благотворительности.
- 2) **Селивановъ, А. Ф.** Женщины и благотворительность въ Россіи.
- 3) **Клячкина, В. Г.** Дѣятельность женскихъ благотворительно-просвѣдительныхъ обществъ въ Кіевѣ.
- 4) **Вородина, А.** Цѣль и задачи общества защиты женщинъ.
- 5) **Полънова, М. Ф.** (Докладъ отложенъ). Докладъ правленія казанскаго общества защиты женщинъ.
- 6) **Масловская, З.** Объ отвѣтственности благотворителей. (Докладъ отложенъ).

(Вечеръ. 7—10).

Доклады:

- 1) **Эрьяпсъ.** О дѣятельности эстонскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества.
- 2) **Терская.** Докладъ комитета общества попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ.
- 3) **Жуковская.** Объ обществѣ доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ Москвѣ.
- 4) **Векназаръ-Юзбашева.** О дѣятельности женщинъ въ городѣ Баку.
- 5) **Александрова.** Общество вспомошествованія учащимся женщинамъ въ Москвѣ.
- 6) **Чебышева - Дмитриѣва.** О русскомъ женскомъ взаимно-благотворительномъ обществѣ.

12 декабря, пятница.

(Вечеръ. 7—10.).

Доклады:

- 1) **Шестакова, д-ръ.** О борьбѣ съ дѣтской смертностью.
- 2) **Блокъ.** Защита дѣтей отъ жестокаго обращенія.
- 3) **фонъ-Фонтинъ, Р. О.** Дѣятельность женщинъ на поприщѣ благотворительности.
- 4) **Масловская.** О реформѣ дѣтскихъ пріютовъ.

13 декабря, суббота.

(Утро. 11—4).

Доклады:

- 1) **Черномская, И., д-ръ.** Къ вопросу о трудовой помощи увѣчнымъ.
- 2) **Авенариусъ.** (Докладъ только заявленъ).
- 3) **фонъ-Кубе, О. В.** О дѣятельности женщинъ въ исправительно-воспитательномъ дѣлѣ и въ тюрьмахъ.
- 4) **Караскевичъ-Юценко, С.** Женскій трудъ въ учрежденіяхъ для леченія и призрѣнія душевно-больныхъ въ Россіи.
- 5) **Шуйская, А. П.** Положеніе воспитательницы.
- 6) **Вейсбергъ, М. М.** Объ арміи спасенія.

(Вечеръ. 8—11).

Доклады:

- 1) **Долгова, Н. П.** О сельско-хозяйственныхъ курсахъ.
- 2) **Чебышева-Дмитриѣва, Е. А.** Лѣтнія колоніи, одна изъ культурныхъ задачъ для женщины.
- 3) **Лѣпнева, Л. И.** Стенографія, какъ профессія для женщины.
- 4) **Шульцъ, Е.** О школѣ и читальнѣ имени Н. В. Стасовой.

15 декабря, понедельник.

(Вечеръ. 8—11).

Доклады:

- 1) **Кремлевъ, А. Н.** О задачахъ спещической дѣятельности женщинъ.
- 2) **Русова, С. Ф.** Женщины-писательницы въ украинской литературѣ.

ВТОРАЯ СЕКЦІЯ.

Экономическое положеніе женщины и вопросы этики
въ семьѣ и обществѣ.

11 декабря, четвергъ.

(Утро. 11—4).

Доклады:

- 1) **Еремѣева, Ю.** Женщина въ деревнѣ.
- 2) **Щепкина, Е. Н.** Трудъ и здоровье крестьянокъ.
- 3) **Зубова, В.** Положеніе женщинъ на Дону.
- 4) **Шевырева, А.** Положеніе крестьянокъ Малороссіи.
- 5) **Трегубова, А.** О киргизскихъ женщинахъ.
- 6) **Половцева, Е. Н.** Женщина въ кустарной промышленности.
- 7) **Слезкинская, А.** Питомцы воспитательнаго дома въ деревнѣ.
- 8) **Павлова, А.** О черничкахъ.

(Вечеръ. 7—10).

Доклады:

- 1) **Каменская, А. А.** Энтузіазмъ и фанатизмъ.
- 2) **Макшеева, А.** Нравственная сторона русской женщины въ литературѣ и жизни.
- 3) **Шеталова, А.** Задачи современности въ произведеніяхъ Эллень-Кей.
- 4) **Арабажинъ, Е. И.** Вопросы любви и брака въ современной русской и мало-русской литературѣ.

12 декабря, пятница.

(Утро. 11—4).

Соединенное собраніе секцій. Программу см. дальше.

(Сельско-хоз. музей. Испытательная аудиторія).

(Вечеръ. 7—10).

(Сельско-хозяйственный музей, испытательная аудиторія. Соляной Городокъ, Фонтанка, 10).

- 1) **Вландова, М. Я.** Надзоръ за проституціей.
- 2) **Покровская, М. И.,** врачъ. Какъ должны бороться женщины съ проституціей.
- 3) **Омельченко, д-ръ.** Роль демократической женщины въ борьбѣ съ проституціей.

13 декабря, суббота.

(Утро. 11—4).

Доклады:

- 1) **Денисова, А.** Фабричная работница.
- 2) **Никольскій, А.** Женскій трудъ на фабрикахъ.
- 3) **Кириллова, А.** Женщина на фабрикѣ.

- 4) **Никольскій.** Женская фабричная инспекція и необходимость ея въ Россіи.
- 5) **Федорова.** Женщина-работница и профессиональное движеніе.
- 6) **Фросина.** Бюджетъ семьи рабочаго.
- 7) **Агисъ.** Страхование работницъ.

(Вечерь, 8—11).

Доклады:

- 1) **Пантелеймонова.** Требованіе въ области охраны труда прислуги.
- 2) **Андреева.** Положеніе ремесленницы.
- 3) **Дмитріева.** Женщина-типографъ.

14 декабря, воскресенье.

(Утро. 11—4).

Доклады:

- 1) **Волькенштейнъ, В. А., д-ръ.** Практическая роль женщины въ активной борьбѣ съ алкоголизмомъ.
- 2) **Владова.** О современномъ положеніи русской женщины.
- 3) **Вахтина.** Брачный вопросъ въ настоящемъ и будущемъ.
- 4) **Волкова, М. М. д-ръ.** Инстинкты материнства и половое воздержаніе.
- 5) **Чермакъ, А. А.** Положеніе матери какъ воспитательницы въ современномъ обществѣ,
- 6) **Словцова.** Половое воспитаніе дѣтей.

15 декабря, понедельник.

(Утро съ 11—4).

Соединенное засѣданіе секцій. Программы см. дальше.

(Вечерь съ 7—10).

Доклады:

- 1) **Глинская.** Служба женщины на желѣзной дорогѣ.
- 2) **Пекарскій.** Женскій вопросъ въ связи съ коопераціей.
- 3) **Радужина.** Первая женская артель.

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ.

Политическое и гражданское положеніе женщинъ.

11 декабря, четвергъ.

(Утро съ 11—4).

Доклады:

- 1) **Вередниковъ, С. Е.** Объ участіи женщины въ земскомъ самоуправленіи.
- 2) **Ваушштейнъ, С. В.** Женщина-юристъ.
- 3) **Гиришманъ, М. М.** О правѣ женщинъ быть адвокатами.
- 4) **Бремлевъ, А. Н.** О гражданскомъ воспитаніи женщинъ и предоставленіи имъ права заниматься юридической профессіей.
- 5) **Петровъ, А. Н., проф.** Пробужденіе самосознанія у женщинъ Дальняго Востока.
- 6) **Авилова, С. В.** О службѣ женщинъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и о ст. 156 и 157 Устава о службѣ.

(Вечерь съ 7—10).

Доклады:

- 1) **Мировичъ, З. С.** Амстердамскій конгрессъ.
- 2) **Дикштейнъ.** Женскій вопросъ въ различныхъ государствахъ.

- 3) **еменовъ, Е. П.** О международной лигѣ мира.
- 4) **фонъ-Рутценъ, Л. Н.**
- 5) **Нѣмановъ, М. М.** О положеніи женщинъ въ Турціи.

12 декабря, пятница.

(Утро съ 11—4).

Соединенное засѣданіе секцій.—Программу см. дальше.

(Вечеръ съ 7—10).

Доклады:

- 1) **Петкевичъ.** Литовская женщина въ семьѣ и обществѣ.
- 2) **Ленеръ.** О положеніе еврейской женщины.
- 3) **Арборре-Ралле.** О положеніи румынской женщины.

13 декабря, суббота.

(Утро съ 11—4)

- 1) **Жувшинская.** Женщина и политика.
- 2) **Тюрбертъ.** Политика и общественный строй.
- 3) **Ковалева.**
- 4) **Елрикова.** Женская культура.
- 5) **Чеботаревская.** Такъ называемый женскій вопросъ.
- 6) **Чехова.**

(Вечеръ—собранія не было).

14 декабря, воскресенье.

(Утро съ 11—4).

- 1) **Еубе.** Женщина въ тюремной дѣятельности.
- 2) **Подвысоцкая.** Исторія эмансипаціи женщины.
- 3) **Шабанова.** Настоящее и прошлое женщины-врача.
- 4) **Янчевская.** Женщина какъ отрицательный общественный элементъ—книга Вейнингера, какъ положительный элементъ—женщина въ русской литературѣ.

15 декабря, понедельникъ.

(Утро съ 11—4).

(Соединенное засѣданіе секцій. Программу см. дальше).

- 1) **Чугуева.** Женскій клубъ въ Москвѣ.
- 2) **Вахтина.** Отчетъ о дѣятельности женской прогрессивной партіи и ея клуба.
- 3) **Миновичъ.** Отчетъ женскаго клуба.
- 4) **Еупріянова.** Кружки самообразованія среди рабочихъ.
- 5) **Орловская.** Проектъ организаціи женскихъ клубовъ во всѣхъ городахъ Россіи.
- 6) **Мялюкова.** Петербургскій женскій клубъ.
- 7) **Ясевичъ-Вородаевская.** Роль женщины въ сектанствѣ и старообрядчествѣ¹⁾

¹⁾ Последній докладъ по болѣзни референтки прочитанъ не былъ. Г-жа Ясевичъ 11-го декабря читала докладъ въ клубѣ общественныхъ дѣятелей на Моховой на тему «Современное сектанство и старообрядчество передъ запросами нашихъ дней», произведшій большую сенсацію, встрѣченный слушателями съ большимъ интересомъ и вызвавшій многочисленныя толки въ нашей печати.

ЧЕТВЕРТАЯ СЕКЦИЯ.

Женское образованіе.

11 декабря, четверг.

(Утро съ 11—4 ч).

Доклады по дошкольному и начальному образованію.

- 1) **Калачева.** Дѣтскіе сады.
- 2) **Левенецъ.** О новомъ музыкальномъ дѣтскомъ садѣ.
- 3) **Соловьева, Е. Е.** Отчетъ о выставкѣ «Искусство въ жизни ребенка».
- 4) **фонъ-Энденъ.** О С.-Петербургскихъ Фребелевскихъ курсахъ.
- 5) **Даудерштедтъ.** О родительскихъ институтахъ.
- 6) **Чехова.** Общество содѣйствія дошкольному воспитанію дѣтей.
- 7) **Чеховъ.** Образованіе женщины въ деревнѣ.

(Вечеръ съ 7—10 ч).

Доклады по среднему образованію.

- 1) **Хазина.** О реформѣ средняго образованія въ связи съ низшимъ.
- 2) **Литвинова.** Націонализмъ въ будущей русской школѣ.
- 3) **Решева, Е. И.** О постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ гимн. М. Н. Стоюниной.
- 4) Доклады о среднихъ школахъ новаго типа.
- 5) **Клячкина.** Нѣкоторыя данныя о женскомъ образованіи въ Кіевѣ и Кіевской губерніи.
- 6) **Джункова-Михайлова, М. М.** О новыхъ методахъ въ новыхъ школахъ.

12 декабря, пятница.

(Утромъ съ 11—4 ч).

Соединенное засѣданіе секцій. Программу см. дальше.

Вечеръ съ 9—10 ч.

Доклады:

- 1) **Оріанъ.** Женское техническое образованіе.
- 2) **Любименко.** Высшее образованіе въ парижскихъ школахъ.
- 3) **Покотилова.** Женскій педагогическій институтъ.
- 4) **Иванова.** Педагогическіе курсы.
- 5) **Субботина.** О вольнослушательницахъ.
- 6) **Тулинова.** Женщина и наука.
- 7) **Кошкина, Н. Л.** Русскіе въ заграничныхъ университетахъ.
Проектъ справочнаго бюро для лицъ, вѣдущихъ учиться.
- 7) **Ливитова.** Женское образованіе, какъ факторъ и двигатель равноправія.
- 8) **Шереметьевская, А. Н.** О московскихъ высшихъ женскихъ курсахъ.

13 декабря, суббота.

(Утро съ 11—4).

Доклады:

- 1) **Залѣсова.** Курсы массажа.
- 2) **Лѣсневская.** Фармацевтическая школа.
- 3) **Рерихъ.** О школѣ поощренія художествъ.
- 4) **Валаева.** Женскіе архитектурные курсы.

- 5) **Вудбергъ.** О сельско-хозяйственныхъ курсахъ.
- 6) **Ковалевская.** Положеніе и нужды сельско-хозяйственнаго образованія.
- 7) **Черникова.** Обь организаціи профессиональныхъ школъ.
- 8) **Екимова.** Образованіе. Интеллигентный трудъ. Ремесло.

(Вечеръ съ 7—10).

Доклады:

- 1) **Василевскій.** Языкъ эсперанто.
- 2) **Старошкевичъ.** Владимірская и Николаевская воскресныя школы.
- 3) **Реформатская.** О Пречистенскихъ курсахъ.
- 4) Образовательные запросы и нужды женщины-работницы.
- 5) **Тихокова.** Народная консерваторія.

Соединенныя засѣданія секцій.

12 декабря, пятница.

(Утро съ 11—4).

Доклады.

- 1) **Шингаревъ.** Права женщинъ въ земскомъ вопросѣ и въ мѣстномъ самоуправленіи.
- 2) **Лучинская.** О вольнослушательницахъ.
- 3) **Водуанъ-де-Журтене.** Обь алкоголизмѣ.
- 4) **Покровская.** Торгъ женщинъ съ преступной дѣлю.
- 5) **Карауловъ.** «О разводѣ».
- 6) **Степановъ.** О законопроектахъ, касающихся рабочаго вопроса.
- 7) **Гессенъ.** Вліянія законодательства на экономической строй и нравственное положеніе женщинъ.
- 8) **фонъ-Рутценъ, А. Н.** Законодательныя предположенія партіи народной свободы въ области равноправія.

15 декабря, понедельникъ.

(Утро съ 11—4).

Доклады:

- 1) **Исполатова.** Самосознаніе женщинъ, какъ факторъ обновленія общественнаго строя.
- 2) **Кальмановичъ.** Женское движеніе и отношеніе къ нему партій.
- 3) **Гуревичъ.** Охрана дѣтства.
- 4) **Колонтай.** Женщина-работница въ современномъ обществѣ.
- 5) **Чебышева-Дмитріева.** О борьбѣ съ алкоголизмомъ.
- 6) **Вубнова.** Женщина-адвокатъ.
- 7) **Гриневская.** О дѣятельности женщинъ на сценѣ и женщина-драматургъ.
- 8) **Левшинъ.** Педагогическая академія.
- 9) **Вазанкуръ.** Женщина въ русскомъ искусствѣ.

16 декабря, вторникъ.

(Утро съ 11—4).

Доклады:

- 1) **Щавинская-Довнякъ.** Женское движеніе въ Польшѣ за послѣдніи 20 лѣтъ.
- 2) **Тарновская.** Высшіе женскіе курсы.
- 3) **Фуругельмъ.** О финляндскихъ женщинахъ.

Доклады посѣщались, въ зависимости отъ интереса къ поднятому вопросу, старательно, слушались съ большимъ вниманіемъ, вызывали живыя пренія и, можно сказать, въ общей своей совокупности, обняли собою чрезвычайно полно сумму очередныхъ женскихъ вопросовъ отечественной жизни¹⁾. Все, имѣющее то или иное отношеніе къ женщинѣ, было обсуждаемо очень тщательно, причемъ изъ дебатовъ выяснились и такія многія стороны, которыя были докладчицами опущены или обойдены молчаніемъ. Предсѣдательницы руководили преніями съ большимъ тактомъ, умѣлостью, которымъ могли бы позавидовать и многіе испытанные предсѣдатели въ нашихъ ученыхъ обществахъ и общественныхъ собраніяхъ. Такъ, особенно выдѣлились своею умѣлостью руководства А. В. Тыркова, А. Н. Шабанова, О. А. Шапиръ, Бѣлоконская, В. З. Мировичъ.

Въ числѣ ораторовъ нельзя не отмѣтить А. Н. Шабанову, О. А. Шапиръ, А. В. Тыркову, Кускову, А. Я. Гуревичъ, А. С. Милюкову, Головину, Е. Н. Мировичъ, Клячкину, Ячевскую, Е. Н. Щепкину, Лернеръ, Кувшинскую. Сжатостью мысли и послѣдовательностью въ изложеніи развиваемыхъ положеній выдѣлились—Шабанова, Милюкова, Тыркова; страстностью рѣчи Кувшинская и Колонтай; образностью и изяществомъ формы Шапиръ.

Вотъ резолюціи, принятыя съѣздомъ, предварительно обсужденныя по секціямъ и вытекающія изъ ихъ занятій.

Резолюція редакціоннаго бюро по вопросу объ общихъ политическихъ правахъ женщинъ: «Работа перваго всероссійскаго женскаго съѣзда, посильно освѣтившаго какъ политическіе и гражданскіе запросы, такъ и экономическія нужды современной русской женщины, привела съѣздъ въ глубокому убѣжденію, что удовлетвореніе этихъ запросовъ возможно лишь при равноправіи съ остальными гражданами, при участіи женщинъ не только къ культурной работѣ, но и въ политическомъ строительствѣ страны, доступъ къ которому окончательно откроется для женщины лишь при водвореніи демократическаго строя на основѣ всеобщаго избирательнаго права безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности. Съѣздъ ставитъ женщинамъ великую цѣль—добываніе этихъ правъ, какъ главнаго средства къ полному раскрытію и освобожденію женской личности. Для практическаго осуществленія поставленныхъ передъ ней задачъ женщина должна отдавать свою энергію какъ существующимъ уже общимъ организаціямъ, такъ и созданію отдѣльныхъ женскихъ союзовъ, которые объединять и вовлечуть широкіе круги женщинъ въ сознательную политическую и общественную жизнь» (противъ этой резолюціи голосуютъ 5—6 человекъ при 20—30 воздержавшихся).

По отдѣльнымъ вопросамъ съѣздъ единодушно принимаетъ цѣлый рядъ резолюцій. Отмѣтимъ изъ нихъ важнѣйшія: «Признавая, что дѣйствующая избирательная система въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, ограничи-

¹⁾ Главныя положенія докладчицъ и возраженія имъ печатались въ издававшихся въ теченіе всего съѣзда «Бюллетеняхъ» подъ редакціей А. Н. Шабановой, вышедшихъ въ 10 №№. Свѣдѣнія, какъ объ докладахъ, такъ и преніяхъ, а равно резолюціяхъ печатались ежедневно и въ газетахъ, которыя отводили на своихъ страницахъ занятіямъ съѣзда широкое мѣсто.

вающая участіе женщинъ въ выборахъ и предоставляющая лишь право передавать свой голосъ по довѣренности ближайшему родственнику мужского пола, нарушаетъ имущественные и иные интересы женщинъ,—съѣздъ находитъ необходимой скорую реформу земскаго и городского самоуправленія съ предоставленіемъ женщинамъ активнаго и пассивнаго избирательнаго права». Съѣздъ категорически высказывается далѣе за предоставленіе женщинамъ права поступленія во всѣ высшія учебныя заведенія наравнѣ съ мужчинами; за принятіе женщинъ, обладающихъ установленнымъ ценомъ, въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, за допущеніе ихъ къ занятію должностей по магистратурѣ, за право избранія ихъ въ присяжные засѣдатели, за предоставленіе женщинамъ-врачамъ права занимать должности старшихъ врачей, преподавателей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и вообще за отміну всѣхъ служебныхъ ограниченій, связанныхъ съ принадлежностью къ полу. Для улучшенія быта женщинъ вообще и еврейской въ частности съѣздъ категорически высказывается за отміну всѣхъ ограниченій.

По рабочему вопросу вынесена резолюція, признающая, что тяжелыя условія женскаго труда должны быть измѣнены законодательной охраной труда женщины на всѣхъ поприщахъ — фабричномъ, заводскомъ, сельско-хозяйственномъ, торгово-промышленномъ, домашней прислуги и т. д. Долженъ быть запрещенъ приемъ на работу женщинъ моложе 18 лѣтъ, должны быть запрещены женщинамъ подземныя работы, а также ночныя и сверхурочныя, рабочий день долженъ быть ограниченъ 8 часами. Для охраненія материнства должно быть законодательнымъ путемъ установлено обязательное освобожденіе женщины отъ работъ за 4 недѣли до родовъ и на 6 недѣль послѣ родовъ, а также перерывы въ работѣ черезъ каждые 3 часа для кормленія грудныхъ дѣтей; по охранѣ дѣтскаго труда съѣздъ признаетъ необходимымъ запрещеніе работъ дѣтей моложе 14 лѣтъ и установленіе продолжительности работы для подростковъ 14—18 лѣтъ не болѣе 5 часовъ въ сутки и обязательнаго отдыха на сутки послѣ 36 часовъ работы. Указывается на необходимость распространенія фабричнаго надзора на всѣ виды труда, на введеніе института инспектриссъ и на осуществленіе всѣхъ видовъ государственнаго страхованія (резолюція эта принимается единогласно). По вопросамъ образованія съѣздъ принимаетъ рядъ резолюцій о томъ, что государство должно взять на себя заботу о дошкольномъ образованіи, предоставить широкій просторъ частной инициативѣ. Первоначальное образованіе должно быть обязательнымъ и производиться на родномъ языкѣ учащихся. Женскимъ учебнымъ заведеніямъ должвы быть предоставлены одинаковыя права съ мужскими. Особое вниманіе должно быть обращено на организацію доступныхъ школъ и т. д. для взрослыхъ рабочихъ. Профессиональное образованіе должно быть поощрено выдачей казенныхъ субсидій. Обученіе должно быть во всѣхъ школахъ совмѣстнымъ.

Съѣздъ рѣшилъ также обратиться съ ходатайствомъ къ московскому и петербургскому городскимъ управленіямъ о введеніи въ трехклассныхъ городскихъ училищахъ совмѣстнаго обученія, а также возбудить ходатайство о принятіи въ мужскія реальныя училища дѣвочекъ наравнѣ съ мальчиками.

Съездъ принялъ также резолюцію, въ которой выражается пожеланіе, чтобы женщины вмѣстѣ съ государствомъ приняли активное участіе въ борьбѣ съ пьянствомъ.

По вопросу о борьбѣ съ проституціей съездъ, находя, что искорененіе этого зла возможно лишь при устраненіи политическаго безправія женщинъ, требуетъ немедленной отгѣны регламентаціи проституціи и закрытія всѣхъ публичныхъ домовъ.

Таковы главнѣйшія резолюціи, вынесенныя съездомъ, причемъ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного принимается постановленіе, что во всѣхъ резолюціяхъ съезда тамъ, гдѣ это нужно, должна быть подчеркнута необходимость отгѣны ограниченій, связанныхъ не только съ поломъ, но и съ принадлежностью къ отдѣльной національности или вѣроисповѣданію.

Послѣдній (16 декабря) день засѣданія съезда, гдѣ были вынесены перечисленныя выше резолюціи, былъ именно тѣмъ боевымъ днемъ, когда представительницы рабочей группы, пролетаріата, пробовали придать съезду особый отпечатокъ. Инцидентъ переданъ въ отчетѣ «Новаго Времени» такъ:

«Когда О. А. Шаниръ поднялась на каѳедру съ докладомъ объ общемъ ходѣ и условіи работъ редакціонной комиссіи, выработавшей резолюціи, г-жа Сабина отъ имени рабочей группы съезда предлагаетъ съезду отказать отъ баллотировки предложенной комиссіей резолюціи по общимъ политическимъ вопросамъ. Мотивируетъ она это предложеніе тѣмъ, что съездъ лишень возможности голосовать резолюцію, предложенную этой самой рабочей партіей, слѣдовательно онъ не долженъ и самъ высказывать своего мнѣнія. Большинство собранія не выражаетъ сочувствія ей, тѣмъ не менѣе на каѳедру поднимаются еще «оппозиціонистки», настаивая на томъ же. Производится баллотировка, желаетъ ли собраніе ознакомиться съ резолюціей организаціонной комиссіи, и громадное большинство рѣшаетъ утвердительно. Тогда оппозиція заявляетъ, что она не можетъ больше работать съ съездомъ и должна покинуть собраніе. Понемногу представительницы рабочихъ удаляются, но это не производитъ никакого впечатлѣнія, и съездъ продолжаетъ выслушивать резолюціи и голосуетъ ихъ.

Въ вечеръ 16 декабря состоялось закрытіе съезда въ общемъ собраніи, имѣвшемъ мѣсто, какъ и при открытіи съезда, въ Александровскомъ залѣ городской думы. Опять-таки блестящая панорама развернулась передъ зрителями, при полномъ, однако, царившемъ въ залѣ образцовомъ порядкѣ, обнаружившемъ крупный административно-хозяйственный и организаціонскій талантъ руководительницъ съезда и дисциплину его участницъ, своимъ пребываніемъ на съѣздѣ, своими работами и занятіями доказавшихъ, какъ чутко и глубоко онѣ поняли ту отвѣтственную роль, которую судьба имъ послала послѣ столькихъ лѣтъ томительнаго ожиданія радостныхъ и счастливыхъ дней выступленія не только передъ всей Россіей, но и всѣмъ міромъ.

Съездъ между прочимъ имѣлъ и практическіе результаты. На первомъ общемъ собраніи было заявлено М. Е. Зубковской о пожертвованіи отъ петербургско-ялтинскаго товарищества трехъ десятинъ земли близъ Выборга для устройства тамъ санаторіи для слабыхъ и больныхъ женщинъ.

На слѣдующій день въ ресторанѣ Коятана состоялся по подпискѣ женскій банкетъ, на который стеклось свыше 500 человекъ и, конечно, по преимуществу женщинъ. Главными распорядительницами и устройтельницами банкета были М. А. Закжевская и С. Э. Евдокимова. Я присутствовалъ на этомъ миломъ, свѣтломъ женскомъ праздникѣ и самъ въ своей жизни устранивавшій немало такого рода торжествъ долженъ сознаться, что еще никогда не видалъ такой умѣлой организаціи, такого относительнаго порядка и оживленія, которыя царили въ столь знакомомъ рестораннымъ помѣщеніи. И тѣмъ отраднѣе было глядѣть на развернувшуюся на моихъ глазахъ картину, что обѣдъ протекалъ безъ вина, служа какъ бы реальной иллюстраціей къ вынесеннымъ съѣздомъ резолюціямъ по вопросу объ алкоголизмѣ. Только одинокія изрѣдка видныя на столахъ золоченныя горлышки бутылокъ отъ шампанскаго свидѣтельствовали, что съ мужской вѣковой привычкой встрѣчать тосты съ бокаломъ вина въ рукахъ не такъ-то легко справиться. Кажется, впрочемъ, что и сосѣдки тѣхъ, кто требовалъ вина, не всегда оставались стойки въ своей проповѣди абсолютнаго воздержанія. Большинство же провозглашало тосты и чокались, оставаясь вѣрными... нарзану. Моя незнакомая мнѣ сосѣдка по обѣду, пріѣхавшая изъ далекой Сибири на свой женскій праздникъ, когда я ей предложилъ, желая быть галантнымъ кавалеромъ, стаканъ вина по ея выбору, холодно и многозначительно мнѣ отвѣтила, что всему предпочитаетъ минеральную воду. Я велѣлъ лакею подать нарзана и, сознаюсь въ томъ откровенно, провелъ пару обѣденныхъ часовъ безъ всякой тоски по вину.

Масса женщинъ представляла собою самый пестрый калейдоскопъ цвѣтовъ—молодыя хорошенькія лички чередовались съ пожилыми и морщинистыми, затянутыя тонкія талии съ кофточками старухъ, шелковыя шуршащія платья, брильянты, декольте, завитые волосы и модныя прически—все свидѣтельствовало, что женщины въ своемъ преобладающемъ числѣ явились на банкетъ, не забывая, что онѣ женщины и что изящное имъ такъ же близко, какъ и то умное, чему онѣ отдали дань въ дни секціонныхъ засѣданій. Въ этомъ переливающимся морѣ головъ я увидѣлъ кое-кого изъ тѣхъ, кто такъ живо напомнилъ мнѣ дни минувшей молодости, и прошлое пахнуло на меня роемъ далекихъ воспоминаній. Впрочемъ, это личное, а вотъ какъ описываетъ хроникеръ «Рѣчи» обѣдъ, который ему лучше моего удалось обозрѣвать.

Банкетъ открылся ровно въ 7^{1/2} ч. в. чтеніемъ привѣтственныхъ адресовъ А. П. Философовой и А. Н. Шабановой. Адреса покрыты сотнями подписей, и чтеніе ихъ было встрѣчено шумной оваціей. И въ адресахъ, и въ многочисленныхъ привѣтственныхъ рѣчахъ, которыя были выслушаны стоя, подчеркивались энергія, безконечныя труды этихъ пионерокъ женскаго объединенія.

Многочисленныхъ тостовъ (О. А. Шанцръ, г-жа Клячкина, д-ръ Каменская и др.), къ сожалѣнію, за шумомъ не было слышно. Гулъ аплодисментовъ сливался со звуками туша оркестра. Затихалъ оркестръ, и снова начинались аплодисменты. Слышны были только отдѣльныя слова и восклицанія: «спасибо», «ваши имена не умрутъ съ нами», «изъ поколѣнія въ поколѣніе будутъ ихъ передавать съ благодарностью...» и т. д.

Нѣкоторыя ораторши произносили и читали свои привѣтствія, стоя на ступляхъ.

На ступлѣ появляется А. Н. Шабанова. Становится тихо. Она говоритъ за А. П. Философову и за себя.

«Съѣздъ кончился,—начинаетъ А. Н.—но не кончилась наша работа—мы должны еще провести въ жизнь его постановленія. Но мы не достигнемъ никакихъ результатовъ безъ объединенія. Итакъ, объединимся и выразимъ пожеланіе, чтобы въ скоромъ времени собрался нашъ второй съѣздъ въ Москвѣ». Затѣмъ А. Н. Шабанова поднимаетъ бокаль за пріѣзжихъ членовъ съѣзда. Отчетливо прозвучали послѣднія слова ораторши: «За достиженіе женщинами избирательныхъ правъ».

Г-жа Пѣшкова-Толивѣрова провозглашаетъ тостъ за извѣстныхъ дѣятельницъ женскаго освободительнаго движенія и предлагаетъ послать привѣтственную телеграмму М. К. Цебриковой.

Горячо и шумно привѣтствуютъ финляндскую депутатку г-жу Фуругельмъ, которая на французскомъ языкѣ благодаритъ за проявленныя по отношенію къ ней на съѣздѣ симпатіи. Финляндцы знали,—говоритъ она,—про великую роль русской женщины въ освободительномъ движеніи и про ея самопожертвованіе. Теперь г-жа Фуругельмъ увидѣла вблизи это движеніе, и она поднимаетъ бокаль за успѣхъ его.

А. С. Милокова въ нѣсколькихъ словахъ, выслушанныхъ съ большимъ вниманіемъ, формулируетъ цѣли намѣтившихся на съѣздѣ двухъ теченій.

Она несогласна съ представительницами того теченія, которыя говорятъ, что только тѣ женщины, которыя сами зарабатываютъ «свой хлѣбъ» и стоятъ на классовой точкѣ зрѣнія, могутъ бороться за женскія права. Избавленіе отъ экономической зависимости, по мнѣнію А. С., должно быть ближайшей и единственной, но никакъ не конечной цѣлью. Это только рычагъ, который подвинетъ впередъ женское движеніе. «Женщина должна,—закончила г-жа Милокова,—оставаться въ семьѣ и въ ней продолжать свою общественную и политическую работу. Нашъ лозунгъ—уравненіе для дифференціаціи и дифференціація для гармоніи», закончила А. С.

Членъ гос. думы Боянскій привѣтствуетъ собравшихся отъ имени партіи народной свободы и говоритъ: «Въ своей политической борьбѣ мужчины неожиданно встрѣтили идейную поддержку въ женщинѣ. Явились вы—и лучезарнымъ свѣтомъ озарили темное царство. Русская женщина вполне заслужила свое полноправіе. Она заслужила его и въ тюрьмѣ, и въ ссылкѣ, и на кладбищѣ. Но русскіе мужчины еще не исполнили своего долга предъ нею. Въ Западной Европѣ мужчины уже добились свободы, и женщинѣ открылся путь къ культурной работѣ. У насъ же мы еще должны вмѣстѣ съ женщиной завоевать эту свободу. Мы вмѣстѣ идемъ къ нашей заветной цѣли. Когда мы ея добьемся, и у насъ женщина сможетъ отдаться всецѣло культурной работѣ».

Г-жа Тарханова произноситъ привѣтствіе отъ имени грузинскихъ женщинъ и выражаетъ пожеланіе, чтобы женщинѣ объединила любовь къ человечеству и чтобы онѣ дождались того счастливаго момента, когда не будетъ дѣленія людей на національности, сословія, на мужчинъ и женщинъ, конечно, относительно правъ.

А. В. Тыркова, которой участники банкета устраиваютъ шумную овацію, возражаетъ своему товарищу по партіи А. Ф. Бобянскому и говоритъ, что она не хочетъ ждать, пока наступитъ на землѣ царство Божіе и всѣ вмѣстѣ войдутъ туда. Она хочетъ сама пройти туда раньше мужчинъ. Затѣмъ А. В. говоритъ про «улыбку», съ которой даже передовые мужчины относятся къ женскому движенію, къ женскому съезду.

«Я не боюсь ни противниковъ, ни «улыбокъ», закончила А. В. Тыркова.

О. А. Шапиръ поднимаетъ затѣмъ бокаль «за освобожденіе женщинъ отъ мужского вліянія и за освобожденіе женской души».

Проф. Гредескулъ замѣчаетъ, что неважно, кто войдетъ первымъ въ царство Божіе, но важно, чтобы входъ былъ открытъ.

Е. Н. Щепкина говоритъ затѣмъ, что мужчины вспоминаютъ о правахъ женщинъ только тогда, когда наступаетъ «безвременье».

Н. В. Чеховъ напоминаетъ о томъ, что поколѣніе за поколѣніемъ боролись за свободу, но и это пока не дало особенно значительныхъ результатовъ. Свобода и право тогда станутъ нашимъ удѣломъ, когда ими проникнется душа народа. Воспитаніе въ такомъ духѣ народа—будущаго поколѣнія—въ рукахъ женщинъ.

Особенно горячо принимается тостъ маститой А. П. Философовой за женщину-крестьянку. Затѣмъ читали стихи г-жи Бородина, П. Гриневская, Юзбашева изъ Баку и сообщенъ стихотворный привѣтъ г-жи Лаврентьевой изъ Рима.

Въ началѣ 11-го часа веч. начался разѣздъ.

Я собирався на обѣдѣ произнести рѣчь, но отказался отъ своего намѣренія и по неудобству мѣста, которое мнѣ досталось, и потому, что женскій праздникъ въ интересахъ колорита и единства дѣйствія не слѣдовало цестрить мужскими вмѣшательствами. Я нахожу даже, что гг. Бобянскому и Гредескулу незначѣмъ было выступать, какъ равно, по-моему, и мужскіе рефераты на съездѣ лучше бы было замѣнить исключительно женскими. Однако, если бы я выступилъ на обѣдѣ съ рѣчью, то вотъ что мнѣ хотѣлось бы сказать участницамъ съезда:

Милостивыя государыни!

Когда вечеромъ 10 декабря я ѣхалъ по Невскому проспекту, направляясь къ городской думѣ, гдѣ долженъ былъ открыться первый всероссійскій женскій съездъ, то меня прежде всего интересовалъ вопросъ, какова будетъ организація, административно-хозяйственное строительство этого новаго общественнаго явленія, явленія, нынѣ ставшаго событіемъ историческимъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я былъ участникомъ другого съезда, протекавшаго въ тѣхъ же стѣнахъ городской думы, гдѣ мужская интеллигенція держала также передъ лицомъ русскаго общества свой экзамень и на немъ основательно провалилась. Я разумѣю первый всероссійскій съездъ представителей повременной печати, который, не касаясь его идейной стороны, именно надъ угломъ зрѣнія организаторской техники, оказался ниже всякой критики, явилъ особый образецъ настоящей административной безталанности. И вотъ для меня вопросъ о техникахъ организаціи

женскаго сѣзда становился на первую очередь. Но когда, подъѣхавъ къ широкой думской лѣстницѣ, я увидаль зданіе нашего городского муниципалитета, хотя и не особенно роскошно, но все же иллюминированнымъ, украшеннымъ флагами, съ задранированными по-праздничному подъѣздами, радостное чувство охватило меня: оно мнѣ сразу подсказало, что я становлюсь передъ явленіемъ, которое будетъ имѣть успѣхъ, ибо даже преддверье его освѣщено вниманіемъ, заботою и любовью. Милостивыя государыни, жизнь состоитъ не только изъ крупныхъ явленій, но и изъ мелочей, и часто послѣднія даютъ всему главному тонъ; форма, казовая сторона общественныхъ событій играетъ огромную роль и иногда имѣетъ рѣшающее значеніе для содержанія, которое онѣ собою обнимаютъ. И радостное чувство, во мнѣ вспыхнувшее у подножія лѣстницы, росло по мѣрѣ того, какъ я проникалъ въ залъ, представлявшій собою волнующееся море головъ, гдѣ атмосфера, хотя была и повышенная, но гдѣ такъ легко дышалось, гдѣ было такъ свѣтло, гдѣ глазу становилось весело и отраднo. Пройдутъ года, но та живая панорама, которая передо мною развернулась, никогда не изгладится изъ моей памяти, запечатлѣвшись въ ней яркими красками. И чѣмъ больше я далѣе знакомился и внимательно всматривался въ эту сторону, изучая ея детали, ея технику выполненія, тѣмъ очарованіе мое становилось сильнѣе, и сознаніе ясно говорило, что на всемъ устройствѣ видимо лежитъ крупный талантъ, выдающаяся административно-хозяйственная даровитость. Текла недѣля, ваши работы и занятія привлекали къ себѣ общее вниманіе, при чемъ всѣ должны были дивиться той предусмотрительной и искусной организаціи, которою были обставлены эти занятія и при наличіи которой они только и могли быть успѣшными. Я уже слышалъ отъ нѣкоторыхъ изъ васъ, что были шероховатости, были тренія и тернія. Милостивыя государыни, но пусть мнѣ укажутъ тѣ общественныя, тѣ историческія явленія, которыя совершаются и протекаютъ наподобіе военныхъ парадовъ, гдѣ многолѣтнею муштровкой люди обращаются въ манекеновъ. Вы стеклись со всѣхъ концовъ русской земли съ своими, скажу, вѣковыми думами, съ вашими человѣческими страстями, съ подъемами взволнованнаго чувства, и нужно только удивляться, какъ на протяженіи недѣли страстной работы около жгучихъ вопросовъ, изъ коихъ каждый является большимъ вопросомъ отечества, а нѣкоторые и міровой жизни, какъ на протяженіи такого длиннаго промежутка времени и при наличіи въ работѣ такого числа людей все совершалось такъ стройно, такъ умно, изящно и красиво. Печать высокой даровитости, круннаго таланта легла на поднятое вами на себя дѣло, и эта печать не покинула его до послѣдняго часа... О вашей работѣ по существу выдвинутыхъ идей, несомнѣнно, будутъ говорить многіе на сегодняшнемъ обѣдѣ, и я не стану предвосхищать ихъ темы. Я выступилъ передъ вами, чтобы засвидѣтельствовать лишь вамъ, милостивыя государыни, все мое восхищеніе передъ вами и вашими руководительницами-организаторами, мое восторженное поклоненіе вашему столь блестяще и такъ быстро развернувшемуся административно-хозяйственному искусству и, какъ частый распорядитель и устроитель разныхъ торжествъ, отъ полноты чувствъ признать, что вы съ нынѣшняго историческаго момента, име-

нумаго женскимъ съездомъ, оставляете насъ, патентованныхъ дирижеровъ, далеко за собою. Позвольте же громко воскликнуть: да развертывается пышнымъ цвѣтомъ женское творчество на всѣхъ поприщахъ нашей общественной государственной дѣятельности, да вливается оно скорѣе широкими потоками въ нашу сѣрую, неорганизованную и безталанную жизнь, да омоетъ оно ее живою водою и вдохнетъ въ нее тотъ живой духъ, коего она нынѣ лишена.

«Милостивыя государыни, сердечный вамъ привѣтъ и низкій поклонъ.

Пусть эта произнесенная рѣчь и послужитъ заключеніемъ настоящаго обзорѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіемъ моихъ чувствъ по адресу закончившагося «перваго всероссійскаго женскаго съезда».

Б. Глинскій.

С М Ъ С Ъ.

БИЛЕЙ **Елизаветинскаго института.** Сто лѣтъ назадъ пестербургскій Елизаветинскій институтъ, справлявшій 5 декабря свой вѣковой юбилей, возникъ по частному почину изъ частнаго заведенія, устроеннаго женой подполковника Гавриловой, по предложенію завѣдывавшего филантропическою частью статсъ-секретаря Витовтова принявшею на содержаніе и обученіе 50 дѣвушекъ, оставшихся послѣ офицеровъ-отцовъ сиротами. Такъ какъ главною цѣлью ихъ воспитанія было приученіе къ труду, то и заведенію дано было названіе дома трудолюбія. Помѣщался онъ сначала въ наемномъ небольшомъ домѣ за плату 1,200 руб. въ годъ. Три года просуществовалъ домъ на средства отъ продажи работъ воспитанницъ и на пожертвованія благотворителей. Но тяжело было Гавриловой содержать его, непосильными стали расходы, и на домъ накопилось до 11 тысячъ ассигнаціями долга, когда онъ, по повелѣнію императора Александра I, принятъ былъ въ казну и 6 ноября 1808 г. высочайше утвержденъ былъ первый уставъ и штатъ дома трудолюбія, главное завѣдываніе которымъ было поручено попечительному комитету о бѣдныхъ, а управленіе возложено на члена комитета т. с. Вейдемейера, при ближайшемъ надзорѣ начальницы. Главное занятіе воспитанницъ составляло изученіе женскихъ рукодѣлій. Принимались въ домъ трудолюбія дѣти отъ 10—15 лѣтъ и по достиженіи 24 лѣтъ выпускались изъ заведенія; дозволено было въ него принимать сверхъ казенныхъ и своекоштныхъ воспитанницъ. Когда миновалъ тяжелый для Россіи 1812 годъ и Россія стала устраиваться, царское вниманіе было обращено и на домъ трудолюбія. Возникшее тогда Патріотическое общество стало помѣщать въ домъ трудолюбія своихъ воспитанницъ на правахъ своекоштныхъ, а черезъ три года послѣ смерти Гавриловой домъ поступилъ совѣмъ въ вѣдѣніе общества, и права попечителя дома перешли къ члену общества графинѣ Лаваль. Въ 1816 г. заведенію пожалованъ каменный домъ

бывшей армейской семинаріи на Васильевскомъ островѣ, при которомъ устроена и церковь. Со дня учрежденія дома заботилась о немъ императрица Елизавета Алексѣевна и въ 1822 году приняла подъ свое покровительство, а въ слѣдующемъ году домъ выдѣленъ изъ общества и сталъ самостоятельнымъ учрежденіемъ съ своимъ казначействомъ. Въ 1827 г. для расширенія и перестройки новыхъ прибрѣтенныхъ зданій отпущено было для дома трудолюбія полмилліона рублей изъ императорскаго кабинета, — такъ быстро стало расти это учебное заведеніе, — и для увеличенія его сада отведена была часть двора отъ сосѣдняго морского корпуса. Вскорѣ измѣненъ и дополненъ былъ уставъ дома, затѣмъ домъ трудолюбія соединенъ былъ въ хозяйствѣ съ учрежденнымъ тогда Патріотическимъ институтомъ, а 6 ноября 1847 г. получилъ названіе петербургскаго Елизаветинскаго училища, которое черезъ три года поступило подъ главное управленіе дочери императора Николая I великой княгини Маріи Николаевны, которая приложила всю энергію, чтобы поднять заведеніе, и такъ его полюбила, что привозила своихъ дѣтей въ среду воспитанницъ, а принцесса Евгенія Максимиліановна стала впоследствии фактически попечительницей новообразованнаго VII класса. Вскорѣ въ училищѣ былъ введенъ новый уставъ вѣдомства учреждений императрицы Маріи и новые штаты. Въ 1874 г. утверждены новыя учебныя программы, общія для всѣхъ институтовъ, а въ 1892 г. училище переименовано въ институтъ, и въ слѣдующемъ году учреждены при немъ спеціальныя педагогическія классы для приготовленія преподавательницъ и воспитательницъ. Объ этихъ классахъ, впрочемъ, начались хлопоты начальницы и совѣта заведенія еще съ 1886 г. Въ 1894 г. институтъ получилъ право награжденія воспитанницъ при выпускѣ шифрами. За сто лѣтъ существованія заведенія русскіе государи и государыни и лица царской семьи оказывали ему свою помощь и принимали многихъ дѣтей на свое содержаніе. Было также много и частныхъ благотворителей, вносившихъ плату за бѣдныхъ воспитанницъ и остававшихся неизвѣстными. Въ числѣ такихъ первое мѣсто принадлежитъ добрѣйшему человѣку, управлявшему вѣдомствомъ императрицы Маріи графу Н. В. Протасову - Бахметеву. При домѣ имѣется 14 капиталовъ съ разными назначеніями и неприкосновенный — 283,243 р. Штатъ воспитанницъ былъ опредѣленъ въ 200 человѣкъ. Такъ выросло изъ маленькой ячейки, большое заведеніе: Зданія института много разъ перестраивались, но въ тотъ видъ, въ которомъ теперь находится институтъ, отвѣчающей современнымъ требованіямъ, онъ пришелъ въ 1906 г. Въ 1897 г. въ немъ введено электрическое освѣщеніе отъ машинъ морского корпуса. Въ 1908 г. сдѣланъ большой ремонтъ церкви, зала и части классовъ. Церковь института, послѣ перестроекъ, была преобразована и вновь освящена въ 1896 г. въ присутствіи государыни императрицы Маріи Феодоровны. Въ ней замѣчательнъ запрестольный образъ Спасителя—работа и даръ академика Бендемана, — запрестольное Евангеліе, изданное при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ и принадлежавшее императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, и находится много работъ и даровъ воспитанницъ. Въ церкви хранится часть отъ мощей святителя Спиридона Тримифунтскаго съ о. Корфу. Институту посчастливилось за все время имѣть рядъ хорошихъ начальницъ, изъ которыхъ каждая

вносила свой вкладъ въ жизнь заведенія. Первоначально завѣдываніе имъ было дѣломъ семьи Гавриловыхъ, затѣмъ Козловской, далѣе графини Лаваль, г-жи Вистенгаузенъ, Ребиндеръ, фонъ-Бистромъ, Безобразовой (бывшая фрейлина), княгиня Голицына, г-жа Клингенбергъ (въ послѣднее время, съ 1898 г.), г-жа Краузе, княгиня Урусова, г-жа Ершова и въ нынѣшнемъ году вдова гофмейстера г-жа Каземъ-Бекъ, на долю которой выпало празднованіе юбилея и при которой 6 ноября, въ день столѣтія, образовалось общество вспоможенія воспитанницамъ института и служащимъ въ немъ. Ко дню юбилея историческую записку о жизни института составилъ В. И. Срезневскій.

Юбилей Д. И. Иловайскаго. 6 ноября исполнилось 50-лѣтіе учено-литературной дѣятельности извѣстнаго московскаго историка Д. И. Иловайскаго. Юбиляръ, не желая праздновать этотъ знаменательный день годовщины своей жизни, удалился изъ города, и всѣ поступившія на его имя поздравленія были приняты въ его отсутствіе. Изъ поздравленій, поступившихъ на его имя, прежде всего надлежитъ отмѣтить высочайшее привѣтствіе, сообщенное ему по телеграфу дворцовымъ комендантомъ, гдѣ сказано: «По всеподданнѣйшемъ докладѣ моему, 6 сего ноября, о наступленіи въ означенный день 50-лѣтія учено-исторической дѣятельности вашей, Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣтъ мнѣ соизволилъ передать вашему превосходительству поздравленіе Его Императорскаго Величества съ полувѣковымъ юбилеемъ ученыхъ трудовъ вашихъ на пользу русской исторической науки и просвѣщенія и пожеланіе продолженія таковыхъ въ теченіе еще многихъ лѣтъ». Выдающееся мѣсто занялъ адресъ императорскаго московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, котораго Д. И. состоитъ почетнымъ членомъ. Адресъ доставленъ самолично депутаціей отъ него, состоявшей изъ председателя общества генерала-отъ-инфантеріи В. Г. Глазова, секретаря общества профессора М. К. Любавскаго и казначея С. А. Вѣлокурова. Адресъ гласитъ: «Глубокоуважаемый Димитрій Ивановичъ! Императорское общество исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ, въ засѣданіи своемъ 25 октября, постановило привѣтствовать васъ по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія вашей ученой дѣятельности на пользу исторіи и древностей россійскихъ. Эта ученой дѣятельность явила собою рѣдкій у насъ въ Россіи примѣръ полувѣковой научной работы, развивавшейся внѣ всякихъ внѣшнихъ импульсовъ и воздѣйствій, въ силу одного неослабнаго интереса къ отечественной исторіи, питавшагося и согрѣвашагося у васъ горячею любовью къ Россіи и русскому народу. Изученіе русской исторіи и сообщеніе его результатовъ широкимъ кругамъ общества стали вашимъ жизненнымъ дѣломъ, вашею внутреннею нравственною потребностью, независимо ни отъ какой внѣшней поддержки, матеріальной и подчасъ даже моральной. Исторія русской науки въ свое время подведетъ точные итоги вашей неутомимой ученой работѣ, оцѣнитъ вашу инициативу и примѣръ въ разработкѣ областной исторіи, ваши заслуги въ дѣлѣ пересмотра и наилучшаго освѣщенія начальной русской исторіи, ваше стремленіе связать и объединить въ научномъ сознаніи исторію Сѣверо-Восточной и Юго-Западной Руси. Въ настоящій же знаменательный день вашей жизни императорское общество исторіи и древностей россійскихъ, взирая съ глубо-

кимъ уваженіемъ на пройденный вами полувѣковой путь служенія наукъ русской исторіи, цѣна ваше постоянное участіе въ трудахъ общества, приносить вамъ, своему почетному члену, сердечное поздравленіе и пожеланіе добраго здоровья и силъ на дальнѣйшее шествіе по тому же пути». Потомъ слѣдуютъ адреса: отъ московскаго публичнаго и Румянцовскаго музея, отъ музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при московскомъ университетѣ, отъ императорскаго лица въ память цесаревича Николая, отъ виленаго архива древнихъ актовъ, ярославской ученой архивной комиссіи, отъ клуба русскихъ націоналистовъ въ Кіевѣ по телеграфу (предсѣдатель А. А. Сидоровъ, товарищи его Савенко и Страховъ), также по телеграфу отъ русскаго монархическаго собранія въ Москвѣ (за предсѣдателя Б. В. Назаревскій), а также отъ русскаго женскаго кружка учащихся въ Москвѣ (предсѣдательница Ольга Иванова). Привѣтствій отъ частныхъ лицъ, органовъ печати консервативнаго направленія и патріотически-монархическихъ организацій поступило громадное количество.

Юбилей В. П. Ламбина. 21 ноября въ русскомъ отдѣленіи императорской публичной библіотеки, по почину старѣйшаго по времени занятій въ отдѣленіи изъ ученыхъ специалистовъ г. Семенюта, депутація писателей, ученыхъ и постоянныхъ читателей библіотеки задушевно чествовала 25-лѣтіе трудовъ Владимира Петровича Ламбина. Въ числѣ прибывшихъ на юбилей находились: М. М. Бородинъ, Бородаевская-Ясевичъ, В. П. Авенаріусъ, М. Антоновичъ, Б. Б. Глинскій, В. Г. Дружининъ, Сватиковъ, Лисовскій, Семенюта, Базанкуръ, Арсеньева, Алексѣевъ, Я. Н. Колубовскій, Соколовская, Жерве, Рудаковъ, Измайловъ, К. А. Гротъ и мн. др. Юбилару былъ поднесенъ жетонъ, осыпанный брилліантами, съ выравнированными фамиліями участниковъ чествованія, и адресъ въ роскошномъ бюварѣ, прочитанный г. Сватиковымъ. Адресъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Роду Ламбиныхъ, коего вы являетесь виднѣйшимъ представителемъ, многимъ обязана литература Россійская. При отсутствіи публичнаго каталога даже у первѣйшаго книгохранилища—россійской императорской публичной библіотеки—всякій ученый и литераторъ, приступающій къ работѣ, чувствуетъ себя совершенно безпомощнымъ. Тѣмъ болѣе цѣнной, тѣмъ болѣе нужной, тѣмъ болѣе дорогой для всѣхъ работниковъ науки и литературы была ваша помощь по указанію, отыскиванію, собиранію, систематизаціи всякаго рода произведеній печати на русскомъ языкѣ. Не одни только библіографическіе ваши труды были всегда къ услугамъ занимающихся. Всѣ мы, въ какой бы отрасли науки и литературы ни работали, какія бы мы темы ни разрабатывали, всегда и во всемъ встрѣчали со стороны вашей полное вниманіе, доброе отношеніе и неизмѣнную любезную готовность снабдить матеріалами и указаніями, необходимыми для насъ. Только тѣ, кто знакомъ съ состояніемъ библіографіи въ Россіи, а также съ положеніемъ русскаго литератора и ученаго, только тѣ въ полной мѣрѣ могутъ оцѣнить и понять значеніе многолѣтнихъ трудовъ вашихъ на благо Россійскаго просвѣщенія. Мы пользуемся празднованіемъ юбилея вашего, чтобы выразить вамъ наши чувства искренней, сердечной благодарности, чувства глубокаго уваженія къ вашей ученой работѣ и къ вамъ лично, какъ къ человѣку съ отзывчи-

вой душой. И если сейчасъ вы не видите вокругъ себя всѣхъ, кто знаетъ и любитъ васъ, то вы можете быть увѣрены, что всѣ они отъ всего сердца шлютъ вамъ свой привѣтъ и пожеланія долголѣтія и здоровья на благо русской науки и литературы». Художникъ К. А. Тавастерна поднесъ юбиляру акварель собственной работы въ изящной рамѣ. Прочувствованную рѣчь произнесъ Я. Н. Колубовскій. Юбиларъ благодарилъ въ теплыхъ выраженіяхъ.

25-лѣтіе смоленскихъ курсовъ для рабочихъ въ Петербургѣ. Въ воскресенье, 2 ноября, за Невскою заставой, по Шлиссельбургскому тракту (около Петербурга), торжественно праздновалось 25-лѣтіе старѣйшаго изъ петербургскихъ правительственныхъ учрежденій для рабочихъ, Смоленскихъ курсовъ для взрослыхъ императорскаго русскаго техническаго общества. На торжествѣ присутствовало свыше полторы тысячи человекъ. За протекшія 25 лѣтъ на курсы поступило учащихся 24,187 человекъ. За это время израсходовано на содержаніе школы (при безплатномъ трудѣ учащихся) 150 484 р. 13 к. Въ настоящее время на курсахъ учатся свыше 1,100 учащихся, и преподають около 100 человекъ. Торжество открылось чтеніемъ историческаго очерка курсовъ, за которымъ послѣдовала рѣчь одной изъ преподавательницъ, посвященная памяти умершихъ учредителей курсовъ В. Ц. и Н. А. Варгуниныхъ. Портретъ послѣдняго красовался на эстрадѣ, украшенной цвѣтами. Затѣмъ послѣдовали чтеніе адресовъ и цѣлый рядъ рѣчей. Отмѣтимъ депутации: отъ высшихъ женскихъ курсовъ, технологическаго института, техническаго Общества, лиги образованія (Фальборкъ), гимназіи М. Н. Стоюниной, мѣстнаго приходскаго попечительства, просвѣтительныхъ обществъ г. Петербурга, редакціи «Русскаго Богатства» и другихъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ. Но самымъ характернымъ для праздника было выступленіе цѣлаго ряда ораторовъ рабочихъ и работницъ. Обратила на себя вниманіе рѣчь бывшаго рабочаго, котораго курсы нѣсколько лѣтъ тому назадъ подготовили къ экзамену на аттестатъ зрѣлости и который явился на это торжество преподавателемъ одного изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Большинство говорившихъ изъ числа учащихся и учившихся на курсахъ обращалось по преимуществу къ старѣйшему изъ членовъ педагогической корпораціи, одному изъ основателей курсовъ, извѣстному народному учителю В. Я. Аврамову. И когда послѣ окончанія всѣхъ адресовъ В. Я. Аврамовъ вышелъ впередъ для отвѣтной рѣчи, вся зала поднялась, какъ одинъ человекъ, и привѣтствовала его несмолкаемыми рукоплесканіями. Горячая и искренняя рѣчь Аврамова о значеніи образованія, какъ стремленія къ истинѣ, и о роли естественныхъ наукъ и математики была прослушана съ не ослабѣвающимъ вниманіемъ, и послѣ окончанія ея оваціи по адресу В. Я. повторились съ еще большею силою. Торжество закончилось краткой рѣчью брата покойнаго Н. А. Варгунина (извѣстный земскій дѣятель Орловской губерніи), благодарившаго присутствовавшихъ за теплую память объ его умершихъ братьяхъ, основателяхъ курсовъ.

Музей А. Р. Бродовскаго въ Вильнѣ. Музей помѣщается въ квартирѣ его владѣльца, и нѣсколько комнатъ буквально отъ пола до потолка завѣшаны всевозможными рѣдкостями. Имѣется здѣсь и богатѣйшая нумизматическая коллекція, въ составѣ которой есть настоящія уники, коллекція оружія,

среди котораго имѣются, между прочимъ, кольчуга, шлемъ и нагрудникъ XIII—XIV вѣка, богато инкрустированные золотомъ, съ монгольскими надписями, и коллекція бердышей XV—XVI вѣковъ. Интересно собраніе историческихъ документовъ съ собственноручными подписями императора Николая I, и великаго князя Константина Павловича. Изъ подписей послѣдняго имѣется одна на пергаментѣ по-польски. Оригинально собраніе старинныхъ часовъ, начиная отъ громадныхъ башенныхъ курантовъ, кончая миниатюрными, покрытыми эмалью, есть въ этомъ собраніи часы русской работы цѣликомъ изъ дерева, и часы-луковица московской работы. Особенно привлекаютъ вниманіе иностранныхъ коллекціонеровъ два металлическихъ постамента, составляющіе нижнія части отъ древнихъ татарскихъ кадилницъ, съ гербомъ Тайдулы и множествомъ татарскихъ надписей временъ монгольскаго ига въ Россіи. Въ музеѣ имѣется немало древностей, относящихся къ старинѣ Сѣверо-Западнаго края. А. Р. Бродовскій, состоя на службѣ въ мѣстной инженерной дистанціи и часто присутствуя на различныхъ постройкахъ, собралъ значительную коллекцію интересныхъ, найденныхъ въ землѣ, древностей. Такъ, на примѣръ, въ музеѣ имѣются весьма любопытныя витрины съ предметами, добытыми изъ земли при сооруженіи въ Вильнѣ памятниковъ Н. Муравьеву и императрицѣ Екатеринѣ II. Въ числѣ этихъ предметовъ имѣются древнія иконы, кольца и предметы болѣе отдаленной эпохи, относящіеся ко временамъ глубокаго язычества. Имѣются въ музеѣ и такія рѣдкія находки, какъ, на примѣръ, золоченый гребень римскаго шлема (самый шлемъ, совершенно перержавѣвшій, рассыпался при извлеченіи его изъ земли) и карманные солнечныя часы, найденные въ Пинскихъ болотахъ. Богата и разнообразна коллекція древнихъ металлическихъ иконъ, между которыми имѣются иконы-складни о 4-хъ, 3-хъ и 2-хъ створкахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ украшены тонкою финифтью. Древнѣйшія изъ иконъ относятся къ XIII—XIV вѣкамъ. Въ этой же коллекціи имѣется нѣсколько «змѣвиковъ» — иконъ-талисмановъ отъ мороваго повѣтрія съ изображеніемъ архангела Михаила на одной и многоголовой змѣи на другой сторонѣ, съ греческими надписями, относящихся къ XIV вѣку. Но описать хотя бы наиболѣе интересныя рѣдкости, хранящіяся въ этомъ музеѣ, не представляется, конечно, возможнымъ въ настоящемъ краткомъ очеркѣ. Чтобы осмотрѣть даже бѣгло все собранное тамъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, нужно потратить немало времени. Къ сожалѣнію, матеріальныя условія заставляють А. Р. Бродовскаго не разъ задумываться о необходимости передать свое дѣтище въ другія руки. Отклоняя всѣ предложенія продать хотя бы часть собранной коллекціи, онъ обращался къ городу взять его музей въ свое вѣдѣніе, но до сихъ поръ всѣ переговоры не привели ни къ какому опредѣленному результату и вмѣстѣ съ тѣмъ иностранцы, по преимуществу американцы, уже неоднократно дѣлали г. Бродовскому заманчивыя предложенія.

Московскій отдѣлъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Подъ предѣлательствомъ генерала-отъ-инфантеріи В. Г. Глазова 27 ноября состоялось въ помѣщеніи военно-окружнаго совѣта общее собраніе членовъ московскаго отдѣленія императорскаго русскаго военно-историче-

скаго общества. Въ началѣ собранія обсуждались текуція дѣла. Предсѣдатель сообщилъ письмо г. Ильина о валахъ Отечественной войны, находящихся въ городѣ Малоярославцѣ, Калужской губерніи. Возникъ вопросъ о сохраненіи этихъ памятниковъ. Присутствовавшій членъ общества генераль-лейтенантъ Орловъ, начальникъ дивизіи изъ города Калуги, любезно принялъ на себя предложеніе отдѣла позаботиться объ охраненіи малоярославецкихъ валовъ. Дѣйствительный членъ общества профессоръ Д. Я. Самоквасовъ сдѣлалъ интересный докладъ о реформѣ архива военно-морского вѣдомства. Сообщивъ краткую исторію состоянія нашихъ архивовъ, докладчикъ коснулся реформъ архивнаго дѣла въ Россіи. Не осуществленъ былъ проектъ переустройства нашего архивнаго дѣла, созданный въ 70-хъ годахъ сенаторомъ Н. В. Калачевымъ, помѣшала этому турецкая война и состояніе государственнаго казначейства. Японская война не дала осуществиться другому проекту архивной реформы (съ централизаціей архивнаго дѣла по образцу западно-европейскихъ государствъ), составленному почтеннымъ докладчикомъ профессоромъ Самоквасовымъ, много поработавшимъ по этому вопросу и составившимъ 4 тома (2 тома «Централизація государственныхъ архивовъ» и 2 тома «Архивное дѣло въ Россіи»). И вотъ морское вѣдомство беретъ на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и желаетъ реорганизовать свой архивъ на принципахъ, установленныхъ такимъ знатокомъ архивнаго дѣла, какимъ является у насъ профессоръ Самоквасовъ. Проектъ реформы архива морского министерства, доложенный Д. Я. Самоквасовымъ, и былъ детально разсмотрѣнъ членами московскаго отдѣленія военно-историческаго общества. Въ основу проекта положено устройство одного центрального архива въ Петербургѣ и трехъ мѣстныхъ въ Кронштадтѣ, Севастополѣ и Владивостокѣ. Вызываемый новымъ штатомъ расходъ по содержанію служащихъ и описанію дѣлъ и составленію указателей не отяготитъ государственное казначейство, такъ какъ онъ не превосходитъ существующій нынѣ на архивное дѣло въ морскомъ министерствѣ расходъ.

Новая клиника въ Петербургѣ. Медицинскій городокъ военно-медицинской академіи на Выборгской сторонѣ обогатился новымъ замѣчательнымъ зданіемъ и учрежденіемъ. Въ воскресенье 16 ноября послѣдовало торжественное освященіе акушерской гинекологической клиники баронета Вилліе. Къ 2 часамъ дня довольно просторная, обильная свѣтомъ гостиная или пріемная больныхъ въ 3 этажѣ наполнилась многочисленнымъ обществомъ. Можно сказать, что весь столичный медицинскій міръ за немногими исключениями собрался сюда, всѣ профессора и студенты академіи и все высшее военное начальство. Здѣсь были военный министръ генераль Редигеръ, его помощникъ генераль Поливановъ, генераль Винбергъ, Султановъ и другіе, французскій посолъ адмираль Тушаръ съ секретаремъ посольства, лейбъ-хирургъ Вельяминовъ, лейбъ-акушеръ Оттъ, лейбъ-отіатръ Симановскій, лейбъ-медикъ Боткинъ, главный военно-медицинскій инспекторъ почетный лейбъ-медикъ Евдокимовъ, главный врачебный инспекторъ докторъ Малиновскій, инспекторъ медицинской части вѣдомства императрицы Маріи лейбъ-акушеръ Феноменовъ, начальникъ военно-медицинской академіи Данилевскій, медицинскій инспекторъ пограничной стражи докторъ Шапировъ, академикъ

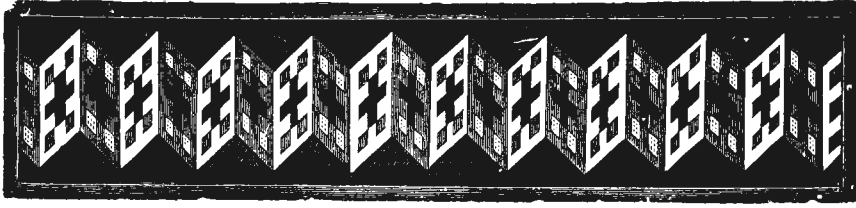
Шидловскій, дѣтскій врачъ профессоръ Руссовъ, главные врачи больницъ и разныхъ учреждений, строитель зданія генераль-майоръ Вишняковъ и другіе. Въ 2 часа прибыла великая княгиня Елизавета Теодоровна въ сопровожденіи фрейлины и состоящаго при ея императорскомъ высочествѣ генераль-лейтенанта Степанова. Въ крещальной комнатѣ протопресвитеръ Желобовскій со священниками академіи и клиникъ совершилъ молебствіе съ водосвятиемъ. Икона Божіей Матери, аналой и крестильныя принадлежности — даръ великой княгини. Послѣ молебствія всѣ спустились во второй этажъ, въ аудиторію, изумительно удобный, практичный залъ съ массой дневного свѣта и электрическаго. Академикъ профессоръ Рейнъ, хозяинъ клиники, по планамъ котораго она строилась, обратился къ присутствовавшимъ съ пространной рѣчью, въ которой указалъ на значеніе торжества для науки, для человѣка. Далѣе выслушаны были привѣтственныя рѣчи отъ медицинскихъ клиникъ университета св. Владимира, профессора Муретова, отъ 4 курса студентовъ, которые будутъ заниматься въ новой клиникѣ, отъ медицинскаго факультета Юрьевскаго университета (говорилъ профессоръ Афанасьевъ). Прочитаны были привѣтственныя телеграммы отъ статсъ-секретаря Столыпина, отъ казанскаго университета и другіе. Гости затѣмъ осматривали зданіе, въ которомъ внизу помѣщаются квартиры и служебныя помѣщенія, во второмъ этажѣ аудиторія, кабинетъ профессора и ассистентовъ и комната для десяти дежурныхъ студентовъ, въ 3 этажѣ — на одной половинѣ комнаты роженицъ, на другой — комнаты больныхъ женскими болѣзнями. При клиникѣ есть библіотека и музей, есть амбулаторія, аптека, есть кабинеты для всѣхъ современныхъ способовъ леченія — водой, свѣтомъ, рентгеновскими лучами и проч., операционный залъ — послѣднее слово техники. Послѣ официальныхъ торжествъ студенты чествовали въ своемъ кружкѣ профессора Рейна.

Отъ высочайше утвержденной комиссіи по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ Петербургѣ. Въ печати время отъ времени появляются свѣдѣнія о памятникѣ Пушкину, основанныя на не совсѣмъ точныхъ данныхъ. Поэтому комиссія, помимо свѣдѣній, помѣщаемыхъ ежегодно въ отчетѣ императорской академіи наукъ, считаетъ своимъ долгомъ сообщить нижеслѣдующее. Комиссія пришла къ заключенію, что имя величайшаго русскаго поэта надлежитъ увѣковѣчить не только памятникомъ-статуйей, но и устройствомъ музея-пантеона, посвященнаго художникамъ русскаго слова, Пушкинскаго и послѣдующаго періодовъ, съ наименованіемъ его въ память Пушкина «Пушкинскимъ домомъ». Комиссія разработала положеніе о Пушкинскомъ домѣ, которое удостоилось Высочайшаго утвержденія 14-го іюля 1907 года и было своевременно опубликовано. Тотъ, кому знакомо это положеніе, пойметъ, конечно, что для устройства Пушкинскаго дома необходимы и деньги, и время. Такое учрежденіе не можетъ носить характеръ временный, случайный, а должно быть созданиемъ націи, ея гордостью. Однако комиссія должна установить тотъ фактъ, что, за очень рѣдкими исключеніями, ни отдѣльныя лица, ни учрежденія до сихъ поръ не заинтересовались этимъ дѣломъ, между тѣмъ, несмотря на равнодушіе широкихъ слоевъ общества къ этому дѣлу и на переживаемое нами безвре-

мень, весьма неблагоприятное для начинаний, подобныхъ предпріятію Пушкинской комиссіи, ей все же удалось кое-что сдѣлать. Комиссія имѣетъ въ своемъ распоряженіи для Пушкинскаго дома собственную бібліотеку А. С. Пушкина; въ настоящее время имѣется въ виду пріобрѣтеніе для него же цѣнной пушкинской коллекціи А. Ф. Онѣгина, оказавшейся чрезвычайно интересной (между прочимъ значительное количество неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ автографовъ Пушкина), и вообще въ комиссію поступаютъ уже пожертвованія, относящіяся къ задачамъ дома. Такъ, въ послѣднее время такковыя пожертвованія поступили отъ А. А. Бахрушина, баронессы С. Б. Вревской, П. П. Гнѣдича, А. А. Кулжинской-Дараганъ, Б. Л. Модзалевскаго, В. В. Постникова и др. Въ текущемъ году комиссія ходатайствовала о пріобрѣтеніи знаменитой ефремовской бібліотеки, продававшейся за 24.000 руб., въ каковомъ ходатайствѣ ей, несмотря на мнѣніе специалистовъ и отдѣленія русскаго языка и словесности академіи, было отказано и разрѣшено купить лишь часть бібліотеки. Поэтому большою помѣхой въ дѣятельности комиссіи является то обстоятельство, что она не располагаетъ особымъ свободнымъ фондомъ на пріобрѣтеніе предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ задачамъ дома, ибо такіе предметы ей нерѣдко предлагаются, но комиссія принуждена отказывать владѣльцамъ въ покушкѣ ихъ за неимѣніемъ средствъ, и такковыя переходятъ въ частныя руки. Денежныя средства комиссіи представляются въ слѣдующемъ видѣ: на сооруженіе памятника-статуи комиссія располагаетъ суммой въ 123.898 руб. 14¹/₂ коп. и на сооруженіе Пушкинскаго дома—365 руб. 60 коп. Деньги хранятся въ государственномъ банкѣ по сохраннымъ его распискамъ. Кромѣ 365 руб. 60 коп., имѣющихся на сооруженіе Пушкинскаго дома, комиссія располагаетъ еще 5.000 руб., ассигнованными московскимъ литературно-художественнымъ кружкомъ и подлежащими выдачѣ, какъ сказано въ протоколѣ засѣданія общаго собранія кружка 24 марта 1906 года, когда дѣло о постройкѣ дома будетъ оформлено. Полученіе этихъ денегъ ожидается въ ближайшемъ будущемъ. Когда 15-го декабря 1905 года комиссіей въ принципѣ было рѣшено созданіе Пушкинскаго дома, ею было постановлено, чтобы суммы, собранныя до 15-го декабря 1905 года, были употреблены собственно на памятникъ-статую (согласно первоначальному рѣшенію комиссіи, при открытіи подписки), пожертвованія же, которыя поступятъ въ комиссію съ 15-го декабря 1905 года, должны быть обращаемы на сооруженіе Пушкинскаго дома. Сумма, собранная до настоящаго времени на памятникъ-статую, совершенно достаточна для постановки его, но въ виду вышеупомянутаго постановленія комиссіи о желательности поставить въ связь съ памятникомъ зданіе, въ которомъ могъ бы помѣститься музей со всѣми его отдѣленіями, невозможно приступить къ постановкѣ статуи, не опредѣливъ размѣры и характеръ зданія Пушкинскаго дома. Послѣднее же будетъ возможно лишь тогда, когда комиссія будетъ знать, какими средствами она располагаетъ. Комиссія не считала себя въ правѣ ограничивать свою дѣятельность по сбору пожертвованій и по распространенію идеи созданія Пушкинскаго дома только столицами, она считала безусловно необходимымъ, чтобы въ сооруженіи дома принимала участіе вся Россія. Поэтому, въ засѣданіи своемъ 28-го февраля

1907 года она признала желательнымъ довести о цѣляхъ своихъ до свѣдѣнія всѣхъ заинтересованныхъ лицъ и учреждений и съ помощью ихъ устроить по возможности во всѣхъ русскихъ литературныхъ, драматическихъ и музыкальных обществахъ, собраніяхъ и кружкахъ, въ годовщины дней рожденія и кончины классиковъ русской литературы, спектакли изъ ихъ произведеній, или соответственные концерты, чтенія и т. п., съ обращеніемъ дохода отъ нихъ на усиленіе фонда комиссіи. Вслѣдствіе такого постановленія комиссіи, были получены свѣдѣнія о названныхъ обществахъ, собраніяхъ и кружкахъ и объ ихъ предсѣдателяхъ, и въ первыя были посланы просьбы объ устройствѣ упомянутыхъ спектаклей, чтеній и пр., вторыхъ же комиссіа просила взять на себя трудъ въ дѣлѣ собиранія пожертвованій, какъ деньгами, такъ и вещественными памятниками, относящимися къ жизни и дѣятельности русскихъ писателей. Такимъ образомъ, комиссіа надѣется имѣть по всей Россіи ревнителей своихъ интересовъ и, конечно, отъ степени того участія, которое они проявятъ къ этому общему русскому дѣлу, будетъ зависетьъ большій или меньшій успѣхъ этого дѣла. Такимъ лицамъ разослано 235 приглашеній. Мѣстомъ для памятника и музея комиссіа признала «единственнымъ и безусловно подходящимъ» уголь Каменноостровскаго проспекта и набережной императора Петра I, о чемъ ею уже увѣдомлено петербургское городское управленіе. Комиссіа состоитъ въ настоящее время подъ предсѣдательствомъ августѣйшаго президента императорской академіи наукъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича изъ нижеслѣдующихъ лицъ: вице-президента академіи П. В. Никитина, непремѣннаго секретаря С. Ѡ. Ольденбурга (онъ же управляющій дѣлами комиссіи) и академиковъ А. А. Шахматова и Н. П. Кондакова, почетнаго академика А. Ѡ. Кони, петербургскаго городского головы, А. А. Бахрушина, М. Я. Вилліе, П. Н. Исакова, П. М. фонъ-Кауфмана, П. Е. Рейнбота, А. С. Танѣева и графа П. П. Толстого. А. А. Бахрушинъ, кромѣ того, состоитъ представителемъ комиссіи въ Москвѣ. Всѣ пожертвованія, какъ деньгами, такъ и предметами, входящими въ программу дѣятельности комиссіи и соответствующими задачамъ Пушкинскаго дома, могутъ быть направляемы въ Петербургъ, на имя императорской академіи наукъ, или въ Москву, на имя Алексѣя Александровича Бахрушина (Лужнецкая ул., собственный домъ, или въ театральное бюро, на углу В. Дмитровки и Богословскаго пер.). Всѣ же свѣдѣнія о положеніи и ходѣ дѣла можно всегда получать въ императорской академіи наукъ, у дѣлопроизводителя комиссіи, чиновника особыхъ порученій и казначея академіи Владимира Александровича Рышкова.

НЕКРОЛОГИ.

АЛЬМЕДИНГЕНЪ, А. Н. 30 ноября скончался редакторъ дѣтскаго журнала «Родникъ», генераль-майоръ въ отставкѣ Алексѣй Николаевичъ Альмедингенъ. Покойный родился въ 1855 г. въ Вятской губ., образование получилъ въ тверской гимназiи и Константиновскомъ военномъ училищѣ, затѣмъ окончилъ курсъ въ военно-юридической академіи. Большую часть своей службы провелъ въ главномъ артиллерійскомъ управленіи, гдѣ завѣдывалъ судной частью. На него, какъ на дѣятеля, замѣчательнаго своей честностью и неподкупностью, возлагались неоднократно ответственныя порученія. Досуги службы А. Н. посвящалъ вопросамъ воспитанія и образованія. Съ 1882 г. онъ сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ-редакторовъ лучшаго дѣтскаго журнала «Родникъ» и въ 1904 г. принялъ на себя всецѣло изданіе этого журнала. Онъ привлекъ къ участию въ журналѣ лучшихъ авторовъ дѣтской беллетристики. При «Родникѣ» въ 1888 г. было основано при его участіи изданіе «Читальня народной школы», предназначенное для дѣтей изъ народа (нынѣ издается Н. Н. Моревымъ), затѣмъ А. Н. сталъ издавать журналы «Воспитаніе и обученіе» и «Солнышко». Какъ человекъ, покойный пользовался общими симпатіями и оставилъ по себѣ хорошую память. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11.756.

† **Будиловичъ, А. С.** Въ пятницу 12-го декабря скончался на 63 году жизни Антонъ Семеновичъ Будиловичъ, послѣ тяжелой болѣзни. Она разразилась надъ нимъ какъ-то совершенно неожиданно, а надорванный немѣрнымъ напряженіемъ организмъ не былъ въ состояніи осилить ее. Бѣлорусскій по происхожденію, сынъ православнаго протоіерея, А. С. родился 24 мая 1846 года въ Гродненской губерніи и послѣ домашней подготовки воспитывался въ литовской духовной семинаріи, но вышелъ изъ средняго ея отдѣленія и, по гимназическому аттестату зрѣлости, съ 1864 года поступилъ на

историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета. Тамъ, руководимый В. П. Ламанскимъ, И. И. Срезневскимъ и М. И. Сухомлиновымъ, онъ особенно отдался изученію славянскихъ нарѣчій и исторіи русской литературы, такъ что, ещенаяходясь на студенческой скамьѣ, былъ удостоенъ золотой медали за сочиненіе: «О литературной дѣятельности Ломоносова» (1868 г.). По окончаніи курса кандидатомъ въ томъ же 1868 году, А. С. началъ свою педагогическую дѣятельность: онъ состоялъ преподавателемъ русскаго языка и славяновѣдѣнія въ петербургской духовной академіи (1868—1870 гг.) и въ петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ (1870—1874 гг.), профессоромъ историко-филологическаго института въ Нѣжинѣ (1874—1881 гг.) и варшавскаго университета (1881—1892 гг.), наконецъ ректоромъ юрьевскаго университета (1892—1901 гг.). На ряду съ такою почти тридцатипятилѣтнею службою непрерывно шла и постепенно расширялась его учено-литературная дѣятельность. Къ этому періоду относятся наиболѣе важные труды почившаго, какъ, напримѣръ: «Исслѣдованіе языка древнеславянскаго перевода 13 словъ Григорія Богослова» (1871 г., магистерская диссертация), «Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ», по даннымъ лексикальнымъ (Спб. 1878 г.—докторская диссертация), «Начертаніе церковно-славянскій грамматики» (1883 г.), «Учебникъ церковно-славянскій грамматики» (1883 г.) и длинная вереница научныхъ статей въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», «Русскомъ Обзорѣніи», «Извѣстіяхъ славянскаго благотворительнаго общества», «Руси» (Аксакова) и др. Назначенный съ 18 мая 1901 года членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, А. С. началъ выступать со своими публицистическими статьями въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ: въ «Русскомъ Вѣстникѣ» «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Новомъ Времени», «Вѣстникѣ Европы» и «Окраинахъ Россіи». Эти работы покойнаго, посвященныя злободневнымъ вопросамъ, были изданы отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ: «Наука и политика» (Спб. 1905 г., 109 стр.). Онъ-то и послужили главнымъ основаніемъ къ назначенію почившаго редакторомъ-издателемъ «Московскихъ Вѣдомостей» (съ 1 января текущаго года). Имя Будиловича пользуется прочной и заслуженной извѣстностью въ наукѣ и публицистикѣ. Покойнаго хорошо знали на западной и прибалтійской окраинахъ, съ которыми связаны были лучшіе годы его дѣятельности, въ качествѣ профессора варшавскаго и ректора юрьевскаго университета. Въ 1905 г. онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ особаго совѣщанія по вопросамъ объ образованіи инородцевъ. Предварительно покойный объѣхалъ нѣкоторые инородческіе районы Поволжья и Сибири, ознакомился на мѣстѣ съ общимъ положеніемъ школьнаго дѣла и съ системой Ильминскаго въ частности. Онъ сталъ убѣжденнымъ ея поклонникомъ. Изданный подъ его редакціей докладъ по этимъ вопросамъ составляетъ цѣлую книгу въ 366 стр. и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Если прибавить, что въ ранней молодости А. С. совершилъ поѣздку по славянскимъ землямъ и посѣщалъ ихъ затѣмъ каждое лѣто, то станетъ понятно, какъ обширенъ и глубокъ былъ у покойнаго запасъ наблюденій и опыта. Все это базировалось на прочной и широкой основѣ историко-лингвистическихъ знаній. Зарубежная Русь знаетъ

и чтить Будиловича; славяне знают его хорошо; русское общество — мало. Те вопросы, которые ставили передъ Будиловичомъ обстановка и условия его личной жизни, обозначились въ сознании русскаго общества только въ самые послѣдніе дни. Только въ пятницу русское представительство опредѣлило, наконецъ, свои отношенія къ славянству; тогда же въ первый разъ съ высоты народной трибуны было упомянуто и о зарубежной Руси. Будиловичъ въ этотъ день догоралъ. Но, быть можетъ, его мысль витала въ тѣхъ же областяхъ, на которыхъ сосредоточена была мысль всего русскаго представительства... Русское общество знаетъ Будиловича мало. Но оно должно будетъ познакомиться съ главнѣйшими его трудами, чтобы стать на той высотѣ сознания своихъ задачъ и интересовъ, до которой оно должно наконецъ подняться. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 290, и «Новое Время» 1908 г., № 11768).

† **Волковъ, Н. Н.** 6 декабря скончался общественный дѣятель довольно крупнаго масштаба, несомнѣнно, принадлежащій къ тѣмъ, кого принято называть интеллигенціею въ настоящемъ значеніи слова. Прекрасно образованный человѣкъ, Николай Николаевичъ имѣлъ несомнѣнныя ораторскія дарованія, хорошо изучилъ политическую экономію и по вопросамъ народнаго хозяйства въ ученыхъ собраніяхъ и на диспутахъ былъ серьезнымъ противникомъ. Потеривъ въ среднемъ возрастѣ крушеніе (Н. Н. былъ по высочайшему повелѣнію устраненъ изъ городскихъ головъ Кронштадта), покойный, уже старикомъ, чрезвычайно оживился во дни провозглашенія свободъ. Онъ принималъ участіе, какъ ораторъ, во множествѣ митинговъ, былъ организаторомъ политическихъ и экономическихъ клубовъ, обществъ, союзовъ, собраній. Видная красивая вышность, пластичные приемы и несомнѣнная прогрессивность взглядовъ Н. Н. заставляли забывать о его 'слабомъ голосѣ и дѣлали то, что многолюдныя аудиторіи во время его рѣчей внимали этимъ рѣчамъ. Также принималъ онъ близкое участіе въ періодической прессѣ и состоялъ членомъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Послѣ закона 4-го марта 1906 года о союзахъ и собраніяхъ Н. Н. почти бросилъ политическую дѣятельность. По своимъ убѣжденіямъ, онъ примыкалъ къ лѣвымъ октябристамъ. До самой своей смерти Н. Н. состоялъ предѣдателемъ правленія имъ же созданнаго кронштадтскаго городского кредитнаго общества. Н. Н. былъ учредителемъ и членомъ правленія общества взаимопомощи бывшихъ студентовъ спб. университета, а также дѣятельнымъ членомъ общества экономистовъ. Скончался Н. Н. 6 декабря въ преклонномъ возрастѣ.

† **Гарничъ-Гарницкій, О. М.**, профессоръ. Во Владикавказѣ 19 ноября въ преклонномъ 74-лѣтнемъ возрастѣ скончался заслуженный профессоръ Федоръ Мипичъ Гарничъ-Гарницкій, занимавшій долгое время кафедру химіи въ университетѣ св. Владимира. Покойный ученый родился въ 1834 году, среднее образованіе получилъ въ полтавской гимназій, а высшее на естественномъ отдѣленіи харьковскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1856 г. со степенію кандидата. Командированный тогда же за границу, онъ занимался около двухъ лѣтъ химическими изслѣдованіями въ лабораторіи Вюрца въ Парижѣ и, по возвращеніи на родину, былъ назначенъ препода-

вателемъ въ первую харьковскую гимназію. Одновременно съ этимъ *Θ. М.* состоялъ лаборантомъ при харьковскомъ университетѣ, читая, кромѣ того, студентамъ лекціи по физикѣ. Въ 1863 году онъ выдержалъ пенитанцію на степень магистра химіи и уѣхалъ съ научною цѣлью во вторую заграничную командировку. Черезъ два года *Θ. М.* открылъ курсъ лекцій по органической химіи въ харьковскомъ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента, но спустя еще годъ, послѣ защиты магистерской диссертациі «Синтезъ бензойной и коричной кислотъ» (1866 г.) былъ утвержденъ по занимаемой имъ кафедрѣ экстра-ординарнымъ профессоромъ. Представленная затѣмъ докторская диссертациія: «Образованіе органическихъ соединенийъ изъ элементовъ угольной кислоты» (1868 г.) доставила ему званіе ординарнаго профессора. Съ 1870 г. *Θ. М.* перешелъ въ университетъ св. Владимира, гдѣ ему было поручено чтеніе лекцій, какъ по неорганической, такъ и по органической химіи. Покойный принималъ всегда самое живое участіе на съѣздахъ русскихъ естествоиспытателей, былъ дѣятельнымъ членомъ нѣсколькихъ нашихъ ученыхъ обществъ и, между прочимъ, парижскаго химическаго. Перу *Θ. М.*, помимо диссертаций, принадлежалъ еще рядъ цѣнныхъ изслѣдованій, какъ, напримеръ: «О необходимости и возможности снабженія Юго-Западнаго края каменнымъ углемъ Донецкаго каменноугольнаго бассейна» (1871), «О дѣйствіи ацетиллина и окиси углерода въ аммоніакальномъ растворѣ полухлористой мѣди» (1883 г.), «Дѣйствіе анилина и его гомологовъ на полухлористую мѣдь» (1883 г.) и др. Кромѣ того, имъ были составлены «Аналитическія таблицы для студентовъ» (1878 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 276.

† **Зесстъ, В. А.** 2 декабря сего года послѣ непродолжительной болѣзни скончался начальникъ службы телеграфа Сѣверо-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ *Василій Андреевичъ Зесстъ*, одинъ изъ видныхъ дѣятелей въ телеграфномъ мѣрѣ, прослужившій на Балтійской дорогѣ, а нынѣ на Сѣверо-Западныхъ ж. д., почти 38 лѣтъ (съ 1870 года), причемъ въ должности начальника службы телеграфа состоялъ около 28 лѣтъ (съ 1880 г.). Помимо своей специальности, покойный не забывалъ и другихъ отраслей электротехники. Имъ было впервые примѣнено въ Россіи электрическое освѣщеніе поѣздовъ и устройство электрическихъ станцій на желѣзныхъ дорогахъ, много работалъ онъ по вопросу объ увеличеніи степени безопасности движенія желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, детально изучилъ этотъ вопросъ и считался однимъ изъ лучшихъ специалистовъ по этой отрасли техники. Имъ издана книга «Сигнализациія и блокировка желѣзныхъ дорогъ» — единственное изданіе на русскомъ языкѣ. Въ цѣляхъ распространенія знаній и техническихъ усовершенствованій *В. А.* трудился еще какъ одинъ изъ организаторовъ всероссійскихъ съѣздовъ начальниковъ службы телеграфа. Несмотря на сложность своихъ обязанностей, *В. А.* успѣвалъ удѣлять время для педагогической дѣятельности, состоя нѣсколько лѣтъ преподавателемъ сигнализациі на с.-петербургскихъ желѣзнодорожныхъ курсахъ. Сослуживцы вспоминаютъ его, какъ гуманнаго, отзывчиваго и просвѣщеннаго начальника и товарища (Некрологъ его: «Новое Время» 1908, г. № 11.758).

† **Каразинъ, Н. П.** 6 декабря скончался Николай Николаевич Каразинъ. Это утрата равная и для живописи, и для литературы. Покойный принадлежалъ къ числу тѣхъ много-одаренныхъ чисто-русскихъ натуръ, которыя широко разбрасываютъ свое природное богатство, не стѣняясь ни формами, ни традиціями, приходя со своимъ талантомъ всюду, гдѣ нуждаются въ этомъ талантѣ, гдѣ есть спросъ на него. Лучшие толстые журналы, въ родѣ «Русскаго Вѣстника», «Русскаго Обозрѣнія», охотно открывали свои страницы для произведеній Каразина. Но это не мѣшало ему помѣщать свои корреспонденціи и въ такихъ газетахъ, которыя принадлежатъ къ такъ называемой «малой прессѣ». Въ Зимнемъ дворцѣ красуется рядъ его картинъ, заказанныхъ художнику самимъ императоромъ. Но въ то же время въ маленькихъ мелочныхъ лавочкахъ можно встрѣтить его акварельныя работы, представляющія собою «объявленія» о фабрикѣ какихъ-то нитокъ. И самая жизнь покойнаго носила яркій отпечатокъ его порывистой, безпорядочной, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко-талантливой натуры. То Каразинъ, молодымъ офицеромъ, увлекается военною жизнью, участвуетъ въ усмирении польскаго мятежа. То имъ всецѣло овладѣваетъ живопись, и онъ дѣлается ученикомъ академіи художествъ. То его снова тянетъ на войну, и онъ опять возвращается въ ряды войскъ, ѣдетъ въ Туркестанъ и проводитъ тамъ девять лѣтъ среди непрерывной боевой жизни, получаетъ за храбрость золотое оружіе, Владимира съ мечами и т. д. То онъ становится членомъ мирной ученой экспедиціи, ѣдетъ на Аму-Дарью со спеціальной цѣлью собрать мѣстный этнографическій матеріалъ. То онъ — корреспондентъ съ театра русско-турецкой войны, то — декораторъ въ клубѣ художниковъ, то — учредитель акварельнаго общества, то — романистъ, написавшій болѣе двадцати томовъ беллетристическихъ произведеній. Въ живописи онъ работалъ преимущественно въ области историческихъ, этнографическихъ и баталическихъ картинъ, но наиболѣе удавался ему пейзажъ. Кромѣ того, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ иллюстраторовъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ произведеній. И все, что ни появлялось изъ-подъ его пера или кисти, будь это картины для дворца или виньетка для объявленія, романъ или газетная корреспонденція, — все это запечатлѣно несомнѣннымъ природнымъ вкусомъ, талантомъ, яркимъ колоритомъ и горячей любовью къ искусству. Покойный былъ внукомъ извѣстнаго при Александрѣ I общественнаго дѣятеля и основателя харьковскаго университета В. Н. Каразина. Родился Н. П. въ 1842 году и воспитаніе получилъ во 2-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ. Проводя свою молодость то на поляхъ сраженій, то въ качествѣ участника ученыхъ экспедицій, онъ сильно расшаталъ свое здоровье и въ 1871 году вышелъ въ отставку. Съ этого собственно времени и развернулась его широкая литературно-художественная дѣятельность. Изъ романовъ Н. П. наибольшей извѣстностью пользовались: «Двуногій волкъ», «Въ пороховомъ дымѣ», «На далекихъ окраинахъ», «Въ камышахъ», «Погоня за наживой», «Голосъ крови», «Наль», «Тигрица» и др. Всѣ они, посвященные главнымъ образомъ военнымъ воспоминаніямъ, имѣли въ свое время шумный успѣхъ среди нашей, но преимуществу провинціальной, читающей публики. Научно-описательныя работы Н. П. также приобрѣли себѣ популярность въ кругу специалистовъ. Сюда, между прочимъ, отно-

сится его иллюстрированный журналъ научной экспедиціи въ Центральную Азію (1873 г.) и журналъ экспедиціи (1879 г.) для изслѣдованія всего бассейна Аму-Дарьи, начиная съ ея истоковъ. Въ области живописи Н. Н. особенно выдвинулся, какъ авторъ семи большихъ батальныхъ картинъ, изображающихъ взятіе Ташкента, Самарканды, Махрама, походъ черезъ пески въ Хиву, первое появленіе русскихъ войскъ на Аму-Дарьѣ, Зарабулакъ и взятіе Гесокъ-Тепе, украшающихъ галерею Зимняго дворца. По части же иллюстрацій самой крупной работой покойнаго является «Путешествіе наследника цесаревича (нынѣ царствующаго Государя Императора) на Востокъ». Изданіе это, вышедшее одновременно на трехъ языкахъ, состоитъ изъ трехъ томовъ in folio, гдѣ талантливой кистью покойнаго набросаны разные виды и сцены изъ этого замѣчательнаго путешествія. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 286).

† **Логиновъ, Г. М.** 31 октября въ гор. Илтѣ скончался отъ горловой чахотки докторъ медицины Георгій Михайловичъ Логиновъ. Его смерть для многихъ будетъ незамѣнимой утратой, такъ какъ онъ былъ не только выдающимся врачомъ, но и крупной нравственною личностью. Покойный родился въ 1862 г. въ Нижегородской губерніи и воспитывался въ нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ. По окончаніи московскаго университета получилъ въ 1885 году званіе врача, а въ 1891 году защитилъ докторскую диссертацию. Посвятивъ себя специально хирургіи, Г. М. нашель широкое поле дѣятельности въ Рождественскомъ барачномъ лазаретѣ, гдѣ работалъ около пятнадцати лѣтъ. Здѣсь онъ часто оказывалъ помощь при самыхъ тяжелыхъ случаяхъ раненія и поврежденія доставляемымъ въ барачный лазаретъ съ окрестныхъ улицъ, фабрикъ и заводовъ. Г. М. удѣлилъ много времени изученію акушерства и женскихъ болѣзней и владѣлъ въ совершенствѣ операціями въ этихъ областяхъ. Матеріальныя затрудненія заставили его занять мѣсто врача, завѣдующаго однимъ изъ городскихъ родильныхъ пріютовъ. Относясь къ этому послѣднему дѣлу съ великимъ самоотверженіемъ, онъ въ скромной обстановкѣ пріюта, располагая помощью акушерки и сѣдлѣки, при слабомъ свѣтѣ лампы или свѣчи нерѣдко дѣлалъ кесарево сѣченіе и другія операціи, спасая жизнь матери и дитяти. Оставивъ мѣсто ординатора въ Рождественской барачной больницѣ, Г. М. занялъ мѣсто хирурга при императорскомъ воспитательномъ домѣ, гдѣ немало потрудился надъ созданіемъ не существовавшего тамъ раньше хирургическаго отдѣленія. Столь разнообразная дѣятельность поглощала все его время и силы. Утомленный работой, онъ нѣсколько разъ падалъ на улицѣ въ глубокомъ обморокѣ. Между тѣмъ эта обширная дѣятельность не обезпечила ему самому безбѣднаго существованія, и вопросъ матеріальный невольно тяготилъ его постоянно. Но, безкорыстный и гуманный, онъ часто дѣлился тѣмъ малымъ, что у него было. Среди непрерывнаго труда онъ не могъ составить себѣ литературнаго имени, довольствуясь сознаніемъ исполненнаго долга и воспоминаніемъ о сотняхъ спасенныхъ жизней. Тяжелыя условія его дѣятельности въ конецъ подорвали его здоровье. Съ грознымъ признакомъ чахотки онъ продолжалъ свой самоотверженный трудъ. Попытка поправить здоровье поѣздкой въ Крымъ оказалась уже поздней. (Некрологъ его: «Новое Время», № 11739).

† **Магдесіанць, Э. Я.** Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ гор. Симферополѣ неожиданно скончался отъ разрыва сердца художникъ Эмануиль Яковлевичъ Магдесіанць. Уроженецъ юга, всѣ лучшіе годы своей юности проведенный на берегу Чернаго моря, вѣчно блестящаго яркими красками и поражающаго картинами бурь, штилей и неподобными эффектами закатовъ и восходовъ, Э. Я. подобно многимъ южанамъ весь свой талантъ посвятилъ изображенію моря. Родился онъ въ 1857 г., кое-какъ учился, и, не имѣя никакихъ правъ по образованію, былъ лишенъ возможности поступить въ академію художествъ. Тѣмъ не менѣе его искренняя любовь къ своему дѣлу отразилась въ его работахъ, и многія его картины, особенно передающія эффекты луннаго освѣщенія на морѣ, обращали на себя вниманіе. Въ его вещахъ всегда была душа, всегда чувствовалось увлеченіе человѣка съ южнымъ темпераментомъ. Какъ человѣкъ, Э. Я. былъ типичнымъ представителемъ тѣхъ художниковъ, у которыхъ мягкость характера и доброта берутъ верхъ надъ всѣми другими качествами. Его любили. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11760).

† **Павловская, Л. Е.** На дняхъ въ Кіевѣ скончалась писательница Лидія Ефимовна Павловская. Она родилась въ 1860 г.; отецъ ея Е. П. Филипченко былъ врачомъ въ городѣ Нѣжинѣ. По окончаніи гимназіи Л. Е. поступила на Бестужевскіе курсы (нынѣ высшіе женскіе) въ Петербургѣ, но курсовъ не окончила, выйдя замужъ за студента-медика, нынѣ профессора университета св. Владимира А. Д. Павловскаго. Переселившись съ мужемъ въ городъ Кіевъ въ 1880-хъ годахъ, она продолжала свои занятія. Ею изданъ интересный трудъ «Холерные годы въ Россіи»,— историческая монографія,— о которомъ въ спеціальныхъ медицинскихъ изданіяхъ былъ сдѣланъ самый лестный отзывъ. Кромѣ того, ею написанъ цѣлый рядъ статей по куроводству въ спеціальныхъ журналахъ. Въ этой отрасли сельскаго хозяйства покойная считалась специалистомъ, принимая участіе, въ качествѣ эксперта, во многихъ выставкахъ птицеводства и куроводства, бывшихъ въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Юго-Западнаго края, состояла председателемъ кіевского отдѣла императорскаго общества птицеводства, членомъ общества плодородства и членомъ общества любителей природы, въ которомъ принимала дѣятельное участіе, читала лекціи и дѣлала доклады. Покойная Л. Е. не была чужда и беллетристикѣ, помѣстивъ въ «Кіевлянинѣ» нѣсколько рассказовъ и повѣстей подъ псевдонимомъ Леонида Верховскаго. Скончалась Л. Е. въ полномъ расцвѣтѣ силъ,—48 лѣтъ, проболѣвъ всего нѣсколько дней перитонитомъ. Миръ ея праху! (Некрологъ ея: «Сиб. Вѣдомости», 1908 г., № 270).

† **Петровскій, Н. Ф.** Въ Ташкентѣ послѣ непродолжительной болѣзни скончался Николай Фѣдоровичъ Петровскій, бывший въ теченіе двадцати съ лишнимъ лѣтъ нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Кашгарѣ. Покойный вступилъ въ консульство съ момента его открытія, въ 1882 году, и покинулъ свой интересный и боевой постъ въ 1903 году. Съ именемъ Н. Ф. связаны многія изъ особенно живыхъ и созидательныхъ страницъ нашего средне-азиатскаго прошлаго, но наибольшую славу и извѣстность какъ въ Россіи, такъ и за границей принесла ему продолжительная дѣятельность въ Кашгаріи. Это былъ лучшій періодъ нашего представительства въ этомъ далекомъ углу Средней Азіи. Н. Ф. по существу являлся властителемъ Кашгаріи,—на-

столько сильно было его влияние; английские путешественники надбляли его разными прозвищами вроде «кашгарского падишаха» и вообще, какъ пишетъ «Голосъ Правды», не стѣснялись въ разныхъ выдумкахъ по адресу неудобнаго для нихъ русскаго человѣка. Средства, которыя приходилось примѣнять генеральному консулу, чтобы одолѣть соперничество своего англійскаго коллеги, г. Макаргнея, и многомудрое китайское начальство, были до крайности разнообразны и порою глубоко комичны. Покойный былъ, вообще, мудрый старикъ, съ гибкимъ умомъ, съ богатой русскою сметкой; знанія его были поразительны, пониманіе вещей—широкое... Бесѣдовать съ нимъ было чистое наслажденіе! Предъ вами была раскрыта книга прошлаго и настоящаго Средней Азии. Кромѣ политической дѣятельности, Н. О. особенно много занимался археологіей Туркестана и Кашгаріи, имѣлъ солидныя въ этомъ знанія и помѣстилъ немало статей въ соответствующихъ періодическихъ журналахъ. За свою ученую дѣятельность Н. О. былъ избранъ членомъ многихъ русскихъ и европейскихъ ученыхъ обществъ. (Некрологъ его: «Сиб. Вѣдомости» 1908 г., № 272).

† **Пѣвцовъ, В. Г.** 20 ноября скончался заслуженный профессоръ, протоіерей Василій Герасимовичъ Пѣвцовъ. Покойный пользовался извѣстностью, какъ авторъ «Священной исторіи Ветхаго и Новаго завѣта» и цѣлага ряда популярныхъ сочиненій по церковной исторіи, послужившихъ для покойнаго темами народныхъ чтеній. В. Г. родился въ 1836 г. По окончаніи курса въ сиб. духовной академіи со степенью магистра богословія, онъ былъ посвященъ въ священники и принялъ на себя законоучительство въ Маріинскомъ женскомъ институтѣ. Съ 1862 г. покойный не разставался съ священнослужительскою и педагогическою дѣятельностью, будучи съ 1883 года профессоромъ церковнаго права и настоятелемъ церкви въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Одновременно читалъ лекціи по церковному праву въ Александровской военно-юридической академіи. Въ 70-хъ годахъ, въ бытность законоучителемъ первой военной гимназіи, В. Г. принялъ дѣятельнѣйшее участіе въ организациі народныхъ чтеній при педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній и лично выступалъ лекторомъ. Его чтенія постоянно привлекали множество слушателей и отличались разнообразіемъ содержанія. Кромѣ «Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта», ему принадлежатъ сочиненія: «Объ участіи паствы въ дѣлахъ церковныхъ по правиламъ древней церкви», «Евангельскіе рассказы» (съ иллюстраціями), «Опытъ методическаго руководства для наглядныхъ бесѣдъ по картинамъ священной исторіи», «Рассказы изъ священной исторіи» (по картинамъ Шрейбера), «Историческое описаніе Городецкаго монастыря» и др. Отличаясь замѣчательной добротой и сердечностью, онъ оставилъ по себѣ хорошую память среди всѣхъ знавшихъ его. (Некрологъ его: «Новое Время» 1908 г., № 11746).

† **Гр. Салиасъ Е. А.** ¹⁾ Въ Москвѣ скончался извѣстный романистъ графъ Евгеній Андреевичъ Салиасъ де-Турнемиръ. Покойный писатель при-

¹⁾ Редакція «Историческаго Вѣстника» пока ограничивается помѣщеніемъ настоящаго некролога своего многолѣтняго и выдающагося сотрудника, взятаго изъ газеты «Новое Время» 1908 г., № 11760. Въ свое время литературная дѣя-

надлежалъ къ тому литературному теченію, которое возникло у насъ еще въ тридцатыхъ годахъ подъ вліяніемъ романтическаго движенія на Западѣ и подъ обаяніемъ романовъ Вальтеръ-Скотта. На одномъ краю такого движенія стоятъ Лажечниковъ, Загоскинъ, Кукольникъ, и на другомъ—болѣе близкій къ намъ графъ Салиасъ. Графъ Салиасъ родился въ Москвѣ 13 апрѣля 1840 г. Его мать, рожденная Е. В. Сухово-Кобылина, извѣстная русская писательница, печатавшая свои произведенія подъ псевдонимомъ Евгеніи Туръ. Его отецъ—французъ. Вслѣдствіе этого гр. Евгенийъ Андреевичъ, будучи отъ рожденія православнымъ, сталъ французскимъ подданнымъ. Ему съ дѣтства пришлось вращаться въ литературномъ и артистическомъ кругу, такъ какъ въ домѣ его матери собирались всѣ литературные и артистическіе корифеи того времени. Подъ руководствомъ талантливой Евгеніи Туръ покойный молучилъ блестящее домашнее образованіе, причемъ совершилъ множество образовательныхъ и продолжительныхъ поѣздокъ за границу и слушалъ университетскія лекціи. Страсть къ литературнымъ занятіямъ проявлялась у него въ юношескіе годы. Въ 1862 г. онъ закончилъ свою первую повѣсть «Кеаня чудная» и уѣхалъ за границу, гдѣ написалъ повѣсти: «Гьма», «Манжажа», «Еврейка» и др., напечатанныя въ различныхъ изданіяхъ, подписанныя псевдонимомъ Вадимъ и замѣченныя тогдашней критикой. Путешествуя по Испаніи, Е. А. написалъ цѣлый рядъ писемъ отсюда. Въ 1867 г., вернувшись въ Россію, выступилъ съ усиліемъ въ качествѣ защитника по уголовному отдѣленію тульского окружнаго суда, но въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ не былъ принятъ, какъ французскій подданный. Тогда онъ сталъ хлопотать о поступленіи на военную службу, но этому помѣшалъ выданный ему эдиктъ Наполеона III, разрѣшающій служить въ русскихъ войскахъ подъ условіемъ не поднимать оружія противъ Франціи. Только въ 1869 году удалось ему опредѣлиться чиновникомъ особыхъ порученій къ тамбовскому губернатору Н. М. Гартингу съ возложеніемъ на него обязанностей секретаря мѣстнаго статистическаго комитета и редактора «Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Эта служба познакомила его съ архивными цѣнностями и дала толчокъ къ избранію имъ своей специальностью въ сферѣ литературнаго творчества русскаго историческаго романа. Въ это время онъ издалъ на основаніи архивныхъ разысканій книгу «Поэтъ-намѣстникъ» съ характеристикой губернаторства Державина въ Тамбовѣ и сталъ собирать матеріалы по исторіи Пугачевского бунта. Черезъ три года отказался отъ службы и занялся почти исключительно подготовленіемъ своего перваго историческаго романа «Пугачевцы», для чего посѣтилъ мѣстности, гдѣ происходилъ бунтъ. Романъ появился сперва въ отрывкахъ: «Вѣгуны», «Земцы и Нѣмцы» въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ 1873 г. «Пугачевцы» вышли въ отдѣльномъ изданіи съ именемъ графа Салиаса, впервые замѣнившимъ его литературный псевдонимъ, и создали ему крупную извѣстность. Въ 1875 г. графу Е. А. Салиасу было пред-

тельность графа Салиаса нашла себѣ оцѣнку на страницахъ нашего журнала въ статьяхъ А. И. Введенскаго и А. К. Бороздина (1890 г. августъ и 1899 г. февраль). Въ ближайшемъ будущемъ редакція надѣется посвятить покойному писателю живыя воспоминанія со стороны лица, близко его знавшаго.

ложено принять на себя обязанности редактора «С.-Петербургских Вѣдомостей». Но журналистика не была призваніемъ Е. А., и онъ вскорѣ оставилъ эту должность. Въ 1876 г. онъ принятъ по Высочайшему повелѣнію въ русское подданство и опредѣлился на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ этотъ періодъ его литературной дѣятельности онъ состоялъ при сиб. комитетѣ иностранной цензуры для цензирования испанскихъ и французскихъ книгъ. Въ 1881 г. ему удалось получить разрѣшеніе на изданіе ежемѣсячнаго журнала «Полярная Звѣзда», въ которомъ начался печатаніемъ его романъ «Вольнодумцы», составляющій продолженіе «Пугачевцевъ». Однако журнальная дѣятельность оказалась для него не по сердцу, и журналъ черезъ годъ прекратилъ свое существованіе. Графъ Салиасъ переехалъ въ Москву, куда былъ приглашенъ на должность управляющаго конторой московскихъ театровъ и завѣдующаго художественной частью. Затѣмъ получилъ мѣсто завѣдующаго московскимъ отдѣленіемъ архива министерства императорскаго двора. «Пугачевцы» открыли собой цѣлую серію историческихъ романовъ и повѣстей графа Е. А. Салиаса: «Братья Орловы», «Моръ» («На Москвѣ»), «Принцесса Володимирская», «Петербургское дѣйство» («Русская Мысль»), «Милліонъ», «Кудесникъ» и «Яунъ-Кундзе» («Нива» 1885—1887 гг.). «Донскіе гишпанцы», «Свадебный бунтъ», «Аракчеевскій сынокъ», «Аракчеевскій подкидышъ», «Via facti», «Пандурочка», «Владимѣрское Мономахи» («Историческій Вѣстникъ»), «Камеръ юнгфера» («Новое Время») и др. Съ 1890 г. было предпринято печатаніе собранія произведеній покойнаго писателя, составившихъ около тридцати объемистыхъ томовъ.

† **Сильвестръ, епископъ.** Скончался одинъ изъ выдающихся современныхъ богослововъ, преосвященный Сильвестръ, бывший епископъ каневскій (первый викарій кievской епархіи), состоявшій послѣднее время за преклонностью лѣтъ на покой. Почившій архимандритъ, въ мiрѣ Стефанъ Васильевичъ Малеванскій, родился въ 1827 году. Онъ былъ сыномъ священника села Андрушевки, Житомирскаго уѣзда, и среднее образованіе получилъ въ волынской духовной семинаріи. Рукоположенный 20-лѣтнимъ юношей, тотчасъ по окончаніи семинарскаго курса, въ санъ іерея, онъ поступилъ священникомъ въ мѣстечко Червонное (той же родной ему Волынской губ.), но послѣ смерти жены оставилъ свой приходъ и рѣшилъ продолжать образованіе въ кievской духовной академіи. Тамъ, еще въ бытность студентомъ, онъ и принялъ монашескій постригъ, съ именемъ Сильвестра. Выдающіяся способности молодого инока побудили академическое начальство оставить его при академіи бакалавромъ по кафедрѣ богословскихъ наукъ (1858 г.). Съ тѣхъ поръ началось непрерывное, свыше чѣмъ 40-лѣтнее служеніе о. Сильвестра въ этой близкой ему академіи, сперва въ качествѣ инспектора и ординарнаго профессора, а затѣмъ, послѣ полученія степени доктора богословія (1873 г.)—въ качествѣ заслуженнаго профессора и ректора. На ряду съ этимъ онъ состоялъ еще настоятелемъ Кіево-Братскаго монастыря. Долговременное служеніе о. Сильвестра въ академіи ознаменовалось многими капитальными трудами, между которыми выдающагося по своему значенію мѣсто занимаетъ его пяти-томное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Опытъ православнаго догматическаго

богословія» (съ историческимъ изложеніемъ догматовъ). Это сочиненіе, значительно превосходящее богатствомъ матеріала прежніе аналогичные труды (митрополита Макарія и архіепископа Филарета черниговскаго), упрочило за покойнымъ имя перваго русскаго богослова и доставило ему извѣстность не только у насъ, но и за границей. Какъ на особенно рѣдкое явленіе, нужно указать на то, что онъ получилъ степень доктора богословія парижскаго университета. Крупное значеніе этого капитальнаго труда покойнаго было въ свое время блестяще обрисовано въ изслѣдованіи проф. Алексѣя Пв. Введенскаго: «Сравнительная оцѣнка догматическихъ системъ покойнаго митрополита Макарія и преосвященнаго Сильвестра» («Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» за 1886 годъ). Въ 1885 году почившій былъ назначенъ епископомъ каневскимъ, первымъ викаріемъ кіевской епархіи. Онъ занималъ эту архіепископскую кафедру безсмынно свыше 20 лѣтъ—до 24 марта 1906 г., когда, обезсиленный болѣзнию и утратившій почти совѣтъ зрѣніе, долженъ былъ удалиться на покой въ Кіево-Никольскій монастырь. Кромѣ длиннаго цикла трудовъ преосвященнаго Сильвестра, интересный матеріалъ для характеристики его неутомимой духовно-просвѣтительной дѣятельности дастъ также его оживленная переписка съ почившимъ архіепископомъ тверскимъ Саввою (см. такъ называемую «Хронику Саввы», печатающуюся теперь въ «Богословскомъ Вѣстникѣ»). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 284).

† **Соколовъ, Н. М.** Скончался Николай Михайловичъ Соколовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ петербургскаго комитета по дѣламъ печати. Таково было официальное положеніе покойнаго. Но широкимъ кругамъ русскаго общества онъ болѣе извѣстенъ въ качествѣ талантливаго поэта, публициста, ученаго переводчика, постояннаго сотрудника «Русскаго Вѣстника», газеты «Свѣтъ» и многихъ другихъ изданій умѣреннаго или строго-литературнаго направленія.

Н. М. сошелъ въ могилу далеко не старымъ, не достигнувъ еще и 50-лѣтняго возраста. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія. Образование получилъ въ петербургской духовной академіи, гдѣ окончилъ курсъ 24-лѣтнимъ юношею, со степенью магистра богословія. По выходѣ изъ академіи Н. М. служилъ недолгое время преподавателемъ философіи, психологіи и педагогики въ самарской духовной семинаріи, откуда уже съ 1885 года перешелъ учителемъ латинскаго языка въ Александро-Невское духовное училище въ Петербургѣ. Въ этой скромной должности онъ провелъ болѣе десяти лѣтъ—вплоть до своего назначенія членомъ петербургскаго цензурнаго комитета.

Какъ поэтъ, покойный, послѣ первыхъ же печатныхъ дебютовъ на этомъ поприщѣ, сразу обратилъ вниманіе пластичностью образовъ и звучностью стиха. Лучшія его произведенія—это баллады «Мелхола», «Графъ Неверъ» и особенно «Vae victis!», получившая большую извѣстность, какъ одна изъ эффектнѣйшихъ вещей для чтенія на эстрадѣ. Стихи Н. М. были вышущены двумя отдѣльными книжками (въ 1899 и 1905 гг.), но это, конечно, далеко не полное ихъ собраніе. Многіе изъ нихъ такъ и остались разбросанными по разнымъ періодическимъ изданіямъ. Въ качествѣ ученаго переводчика, покойный

заявилъ себя цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ трудовъ. Такъ, имъ были переведены на русскій языкъ пять капитальныхъ трудовъ Эм. Канта: «Критика чистаго разума», «Критика практическаго разума», «Критика способности сужденія», «Антропология и религія въ предѣлахъ разума», затѣмъ—дополнительный томъ трактата Шопенгауэра «Миръ, какъ воля и представленіе», далѣе—«Афоризмы» Литенберга, трагедія «Графъ Карманьола» А. Манцони (съ итальянскаго въ стихахъ), «Исторія нормановъ въ Сициліи» А. фонъ-Шакка и, наконецъ, «Золотой осель» Апулея (съ латинскаго). Кромѣ всего этого и длинной вереницы публицистическихъ статей, изъ которыхъ можно составить нѣсколько томовъ, перу Н. М. принадлежали еще три обширные критико-литературные этюда: «Иллюзіи поэтическаго творчества (Эпосъ и лирика А. К. Толстого)» «Лирика Я. П. Полонскаго» и «О славѣ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1908 г., № 274).

† **Федоровичъ, Л. В., проф.** 7 ноября утромъ скончался отъ *tabes* профессоръ новороссійскаго университета Левъ Васильевичъ Федоровичъ. Покойный проболѣлъ свыше 11 лѣтъ, лишившись ногъ. Последніе годы онъ не покидалъ кресла-самоката, и на немъ его доставляли въ университетъ, гдѣ онъ продолжалъ читать лекціи. Въ послѣдніе дни онъ особенно страдалъ, лишився зрѣнія и скончался въ ужасныхъ мукахъ. Покойный родился въ Виленской губ., первоначальное воспитаніе получилъ въ виленской гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ петербургскій университетъ. По окончаніи юридическаго факультета онъ былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію. Получивъ золотую медаль за студенческую работу, Л. В. былъ командированъ съ научною цѣлью за границу. Вернувшись, покойный профессоръ защищалъ въ университетѣ св. Владимира диссертацию на тему «Денежное кредитное обращеніе». Въ 1881 г. совѣтомъ профессоромъ новороссійскаго университета онъ былъ избранъ доцентомъ, а затѣмъ постепенно дошелъ до ординарнаго профессора по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Вслѣдствіе тяжкаго недуга покойный профессоръ читалъ лекціи лишь до февраля текущаго года, а 17 мая вышелъ въ отставку. Совѣтомъ университета возложенъ вѣнокъ на гробъ покойнаго. (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ» 1908 г., № 259).

† **Хартулари, К. Ф.**¹⁾ 16 декабря отъ паралича сердца, послѣ продолжительной болѣзни, скончался дѣйствительный статскій совѣтникъ, председатель петербургскаго мужскаго благотворительно-тюремнаго комитета, Константинъ Фодоровичъ Хартулари. Покойный былъ однимъ изъ выдающихся ветерановъ нашей русской адвокатуры въ лучшемъ ея смыслѣ, виднымъ писателемъ по юридическимъ вопросамъ и рѣдкимъ по своей неутомимости и результатности работникомъ въ дѣлѣ тюремной филантропіи. К. Ф. происходилъ изъ древняго греческаго рода; въ 1760 годахъ его предки появились на югѣ Россіи, и большинство изъ нихъ отбывало военную службу по морскому вѣдомству. Военная служба была удѣломъ по преимуществу и позднѣйшихъ представителей этого рода, и едва ли не единственными статскими

¹⁾ Некрологъ К. Ф. Хартулари сообщенъ В. Е. Рудаковымъ.

чинами были два брата: покойный и его старший братъ, тайный совѣтникъ Дмитрій Федоровичъ Хартулари. Родился К. Θ. въ 1841 году; по окончаніи петербургской третьей гимназіи и затѣмъ петербургскаго университета по юридическому факультету въ 1861 году, онъ поступилъ на службу, главнымъ образомъ, побуждаемый своимъ отцомъ, въ министерство юстиціи, гдѣ къ 1866 г. дослужился до званія столоначальника и чина коллежскаго ассессора. Съ открытіемъ въ этомъ году новыхъ судовъ онъ немедленно переходитъ въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ и остается въ этомъ званіи до конца своихъ дней. Какъ юристъ-практикъ, К. Θ. пользовался широкой извѣстностью и славой честнаго и всесторонне образованнаго дѣятеля. На ряду съ практикой онъ занимался немало и теоретическими изслѣдованіями по разнымъ юридическимъ вопросамъ. Еще состоя на службѣ въ министерствѣ юстиціи, онъ написалъ изслѣдованіе «О святотатствѣ», напечатанное въ «Журналѣ министерства юстиціи» (1863 г., № 9). Въ бытность гласнымъ петербургской городской думы, въ теченіе двухъ четырехлѣтій (въ 1870 — 80 годахъ), напечаталъ цѣлый рядъ историко-юридическихъ работъ въ «Извѣстіяхъ городской думы» («Объ аукционистахъ и аукціонныхъ камерахъ», «О береговомъ правѣ», «О нотаріальномъ правѣ» и т. п.). Нѣсколько статей его о петербургскомъ городскомъ представительствѣ было напечатано въ «Голосѣ» А. А. Краевского. Въ 1891 г. появилась его книга: «Итоги прошлаго. Сборникъ уголовныхъ процессовъ и судебныхъ рѣчи», а черезъ 8 лѣтъ послѣ этого — обширное изслѣдованіе «Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской Державности», вызвавшее многочисленныя толки въ современной періодической печати. Съ 1867 до 1903 г. К. Θ. состоялъ беззмѣннымъ директоромъ, сначала петербургскаго комитета общества попечительнаго о тюрьмахъ, а потомъ петербургскаго мужскаго благотворительно-тюремнаго комитета (преобразованнаго изъ перваго въ 1893 г.). За этотъ 35-лѣтній періодъ своей тюремно-филантропической дѣятельности онъ оказалъ весьма существенныя услуги тюремному комитету, благодаря своимъ званіямъ, неутомимой энергіи и умѣнью, руководимый единственнымъ желаніемъ «облегчить участь заключенныхъ». Участвуя въ многочисленныхъ комиссіяхъ и попечительствахъ, К. Θ. болѣе всего потрудился, какъ предсѣдатель созданнаго въ тюремномъ замкѣ исправительнаго совѣта, который заботился о благолѣпіи въ церкви, о лучшемъ устройствѣ тюремныхъ школъ, бібліотекъ, чтеній, объ усовершенствованіи производства въ арестантскихъ мастерскихъ и т. п. Какъ предсѣдатель попечительства надъ отдѣленіемъ неисправныхъ должниковъ, онъ выработалъ самыя правила объ организаціи попечительства и правила о порядкѣ выкупа должниковъ, а въ 1896 г. исходатайствовалъ высочайшее разрѣшеніе на обращеніе 167.243 р., пожертвованныхъ въ разное время на выкупъ неисправныхъ должниковъ, въ общій капиталъ, съ правомъ пользованія процентами на нужды комитета. Въ 1903 году покойный былъ призванъ высочайшею властью къ отиравленію обязанностей предсѣдателя тюремнаго комитета. Здѣсь всего ярче сказались его неутомимая энергія и рѣдкая любовь къ дѣлу и страждущей братіи. Улучшая разнаго рода детали во внутренней и виѣшной организаціи комитета, онъ обратилъ особенное вниманіе

на то, чтобы комитетъ, рядомъ съ матеріальною помощью арестантамъ и ихъ семьямъ, посвящалъ свои работы и средства на умственное и нравственное воздѣйствіе на заключенныхъ и на возможное исправленіе ихъ внутренняго міра. Съ этою цѣлью онъ возродилъ къ жизни дѣйствовавшую въ 1870 и 1880-хъ годахъ комиссію по духовно-нравственному просвѣщенію арестантовъ и предоставилъ ей значительныя средства на устройство въ петербургскихъ тюрьмахъ бібліотекъ, школъ и чтеній съ свѣтовыми картинами. Въ послѣдніе годы его особенно заботила мысль объ устройствѣ близъ Петербурга воспитательно-исправительнаго пріюта для несовершеннолѣтнихъ, отъ 14 до 17 л. (по приемному возрасту), никогда еще не открывавшагося въ Россіи. Онъ успѣлъ, при содѣйствіи особой комиссіи, выработать уставъ подобнаго пріюта, исходатайствовалъ для него правительственную субсидію въ 75.000 р. и даровой участокъ земли въ 230 дес., и готовился, тотчасъ же по выздоровленіи приступить къ работамъ по устройству пріюта, но... судьба рѣшила иначе, и теперь исправительный пріютъ при тюремномъ комитетѣ врядъ ли скоро откроетъ свою дѣятельность. Кромѣ тюремнаго комитета, было еще одно учрежденіе, которому К. Θ. посвятилъ также немало досуга и трудовъ. Достаточно вспомнить одинъ его обширный трудъ: «Работные дома для нищихъ», напечатанный въ «Вѣстникѣ благотворительности» (1899 г.), и характеръ и результаты его дѣятельности опредѣляются съ достаточною ясностью.

Разносторонне образованный, покойный живо интересовался текущей литературой и, можно сказать, любилъ книгу; его бібліотека настолько обширна, что напечатанный еще въ 1901 г. «Систематическій каталогъ» ея занимаетъ 17 печатныхъ листовъ. Въ послѣдніе годы К. Θ. не разъ выражалъ свое намѣреніе приступить къ составленію «Записокъ о прошломъ», но, кажется, дальше небольшого начала дѣло не пошло, и мы лишены, безспорно, интереснѣйшихъ воспоминаній.

† Шмидтъ, Ф. В. 8 ноября 1908 года ученый міръ понесъ крупную утрату, — въ С.-Петербургѣ скончался Фридрихъ Богдановичъ Шмидтъ, академикъ, извѣстный палеонтологъ, ботаникъ, зоологъ и географъ. Покойный родился 15 января 1832 года въ имѣніи Кайема, Лифляндской губерніи, и воспитывался въ дерптскомъ университетѣ. Кончивъ курсъ въ 1852 году, Шмидтъ занялся первоначально ботаникой, и черезъ три года даже получилъ степень магистра, но затѣмъ предметомъ его спеціальнаго изученія сдѣлалась палеонтологія. Въ 1856 году Шмидтъ получилъ мѣсто помощника директора ботаническаго сада въ Дерптѣ и служилъ тамъ до 1858 г. Труды молодого ученаго по геологіи и палеонтологіи силлурійскихъ образованій обратили въ это время вниманіе на себя, и въ 1858 году географическое императорское общество пригласило Шмидта принять участіе въ ученой экспедиціи въ Амурскій край и на Сахалинъ. Покойный принялъ это предложеніе и уѣхалъ въ Сибирь въ качествѣ геолога и ботаника. Въ Азіи онъ пробылъ до 1862 года. Результатомъ участія его въ экспедиціи былъ капитальный трудъ «Труды Сибирской экспедиціи» (1865—1874). Здѣсь разработаны находки въ области ботаники, зоологіи и палеонтологіи. Въ 1866 году академія наукъ отравила

экспедицію въ низовья Енисея, для изслѣдованія найденнаго тамъ трупа мамонта. Шмидтъ принялъ участіе и въ этой экспедиціи. Въ 1872 году Шмидта избрали адъюнктомъ, а спустя два года—академикомъ. Съ тѣхъ поръ его ученая дѣятельность не прекращалась. Во всѣхъ столичныхъ ученыхъ обществахъ и обществахъ Прибалтійскаго края Шмидтъ принималъ самое живое участіе. Въ 1902 году вышелъ изъ печати начатый въ 1881 году его фундаментальнѣйшій трудъ «Revision der ostbaltischen Silurischen Trilobiten». Какъ знатокъ фауны силурійской системы и преимущественно трилобитовъ, затѣмъ по изслѣдованію черниковыхъ образований Прибалтійскаго края и по знанію сибирскихъ ископаемыхъ, Фридрихъ Богдановичъ пользовался европейскою извѣстностью. Его «Untersuchungen über der sillurische Formation von Estland, Nord-Livland und Oesel», напечатанныя пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, не потеряли своего значенія. Умеръ онъ на 77-мъ году, оставилъ прекрасную память среди всѣхъ его знавшихъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Объ изданіяхъ «Кружка любителей русскихъ изящныхъ изданій».

Въ критическомъ очеркѣ г. А. Яцимирскаго о трудѣ В. А. Верещагина «Материалы для библіографіи русскихъ иллюстрированныхъ изданій», изданномъ «Кружкомъ любителей русскихъ изящныхъ изданій» («Истор. Вѣст.», 1908, дек., 1115) встрѣтилась неточность, которую и смѣшу исправить. Г. Яцимирскій привѣтствуетъ трудъ г. Верещагина, какъ первое изданіе кружка, и высказываетъ надежду, что за первымъ издательскимъ трудомъ послѣдуютъ другіе. Между тѣмъ кружокъ открылъ свою издательскую дѣятельность выпускомъ повѣсти Гоголя «Невскій проспектъ», за которымъ вышли «Четыре басни Крылова»; нынѣ вышла еще поэма графа Голеницева-Кутузова «Разсвѣтъ». О всѣхъ этихъ изданіяхъ мною были своевременно даваемы библіографическіе отзывы въ литературныхъ приложеніяхъ къ «Русскому Инвалиду».

Вмѣстѣ съ тѣмъ вполне присоединяюсь къ соображеніямъ, высказываемымъ уважаемымъ г. Яцимирскимъ въ его почтенной рецензіи о томъ, что культурная дѣятельность «Кружка любителей русскихъ изящныхъ изданій» неизвѣстна не только широкимъ читательскимъ кругамъ, но даже специалистамъ. Тутъ виновато не то, что кружокъ чуждается рекламы и творитъ свое дѣло въ тиши, а то, что и наше общество, и даже наши специалисты заражены свойствомъ, которое я иначе не могу назвать, какъ книжною инертностью. Дай Богъ, чтобы г. Яцимирскому его прекрасною рецензіею удалось вызвать хотя бы рябь на поверхности этого инертнаго моря.

М. К. Озоловскій.

ІУДА ИСКАРІЮТЪ

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА ВЪ ПЯТИ ОТДѢЛЕНІЯХЪ

ЭЛИЗЫ ШМИДТЪ

. . . . падаютъ прядями черныя кудри
Внизъ по широкимъ плечамъ. Строги, серьезны черты,
Мужеской полны красой. Голова же его, превышая
Учениковъ остальныхъ, его мужества видъ завершаетъ.

Клопштокъ. «Мессіада».

Переводъ съ нѣмецкаго **И. Тюменева**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1909

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Въ бѣдной хижинѣ Лазаря, на разсвѣтѣ.

Магдалина. Марѳа. Іохеба, ихъ старая кормилица.

Магдалина — въ легкой бѣлой одеждѣ, съ обнаженными руками и ногами и полубнаженной грудью, лежитъ, отдыхая, на цыновкѣ. Волосы ея на половину закрѣплены позолоченнымъ гребнемъ, на половину же свободно падаютъ на спину и грудь. Лѣвая рука подпираетъ голову; правая бессознательно играетъ цвѣткомъ розы.—Подлѣ нея на полу разбросаны принадлежности ея костюма.

Марѳа — въ бѣдномъ одѣяніи простыхъ еврейскихъ дѣвушекъ. Смуглыя руки и ноги обнажены, но грудь и спина тщательо закрыты.—Нагнувшись впередъ, съ выраженіемъ вопроса, она лѣвою рукою опирается о пластинку желтой мѣди (передъ ложемъ Магдалины, служащую зеркаломъ), а пальцами лѣвой руки перебираетъ жемчужную нитку.

Іохеба — съ старыми, рѣзко опредѣленными чертами лица,—сидитъ на заднемъ планѣ въ углу, согнувшись надъ ручною мельницею и внимательно прислушивается къ разговору. Лицо ея выражаетъ страданіе; голова опирается на ладонь руки; другая рука, незанятая, лежитъ на колѣняхъ.—За нею, направо,—низкій кирпичный очагъ, на которомъ тлѣетъ угасающій огонекъ.

МАРѢА.

Какъ? Неужли въ подарокъ эту нитку
Тебѣ дупецъ богатый отдалъ?

МАГДАЛИНА.

Да.

И онъ сказалъ: моавскими богами,
Вааломъ и Магогомъ я клянусь,
Что ни одна изъ женъ, которыхъ видѣлъ
Межъ Тигромъ я и вашимъ Іорданомъ,
Съ тобою не сравнится красотой,
Пріятностью и стройностію стана.
И далѣе сказалъ: когда согласна
Сидѣть и ждать его я у воротъ,

Онъ принесетъ съ собой сосудецъ мирры,
 Чтобъ станъ цвѣтущей свой я умастила
 И, ароматами благоухая,
 Въ его объятія легла.

ГОХЕБА [вздыхая].

О горе!

МАРӨА.

А что, скажи, красивъ ли былъ онъ?

МАГДАЛИНА.

Нѣтъ!

Обнять его отказывались руки,
 Противясь, сердце гнѣвно билось въ грудь.
 Но братъ больной... тяжелая нужда...
 Нужда безвыходная!

ГОХЕБА.

Горе! горе!

МАГДАЛИНА.

А на пути обратномъ у воротъ
 Мнѣ повстрѣчалась шайка грубой стражи,
 И много натерпѣлась я отъ нихъ!
 Одинъ вскричалъ: «Глядите, вотъ невинность!
 Вотъ дѣва непорочная, что ищетъ
 По улицамъ, въ потемкахъ, доброй славы!»
 Другой со свистомъ дерзкимъ подхватилъ:
 «Да, огонекъ у ней горитъ всю ночь—
 Ея вѣнокъ частенько продается!»
 И шли за мною всю они дорогу
 И издѣвались громко надо мной,
 И дергали меня за покрывало.—
 А мѣсяцъ такъ покойно освѣщаль
 Горѣвшее лицо мое!

МАРӨА.

Бѣдняжка!

ГОХЕБА.

Какой позоръ!

МАГДАЛИНА.

А я бѣжала дальше,
 Пылая гнѣвомъ, отъ стыда сгорая,

И пала здѣсь я у постели брата,
И горькими слезами залилась,
Что вынесла такое цоруганье!

ЮХЕВА.

Ты плакала? Позоръ ты ощутила?
Зачѣмъ же, дочь, не ходишь ты съ сестрою
Сбирать въ поляхъ забытые колосья,
Чтобъ зернами нашъ голодъ утолить?
Зачѣмъ ты стала мерзостью предъ Богомъ,
Отверженной Израиля сынами,
Любезной лишь сынамъ Моава гнуснымъ,
Отринувшимъ законъ, Ваала чтущимъ?

МАРФА [примирительно].

Довольно, мать, довольно! Перестань!

МАГДАЛИНА [гордо выпрямляясь].

Ужель мнѣ жить, какъ дочерямъ пастушьимъ
Изъ рода нищихъ, жалкихъ бѣдняковъ?
Не предки ли высокіе мои
Царями были въ цѣлой Иудеѣ?
Или не строень дѣвственный мой станъ?
Не нѣжно тѣло юное мое?

ЮХЕВА.

Съ дѣтьми Моава ты его позоришь,
Святой Законъ Господень преступая.

МАГДАЛИНА.

А кто Господь? Мы одного лишь знаемъ,
Который скорпіонами бичуетъ,
Когда ему, тѣснимые нуждой,
Мы не внесемъ на подать десятину.
Пилать Понтійскій—вотъ владыка нашъ,
Что править именемъ владыки Рима!

ЮХЕВА.

Не слышь ее, Израиля Господь!

МАГДАЛИНА.

О! Онъ, навѣрное, не слышитъ насъ!
Давно, давно съ мольбою о Мессіи
Къ нему взываетъ съ плачемъ весь народъ;
А гдѣ жъ его Мессія?

Стучать въ дверь.

ЮХЕБА.

На порогѣ

Я узнаю безбожника шаги,
 Какъ рѣчь его въ устахъ твоихъ несчастныхъ.
 О Магдалина, милое дитя,
 И этотъ-то ужасный человѣкъ
 Вовлекъ тебя въ паденье, въ грѣхъ, въ презрѣнье...

Марѳа отворяетъ дверь; **Магдалина** закутывается въ покрывало.

МАРФА.

Иуда здѣсь? Искаріотъ?

ИУДА [входя].

Онъ самый!

Привѣтъ тебѣ, старушка Юхеба!
 Маису я принесъ тебѣ въ мѣшечкѣ,
 Чтобъ младшаго сына ты угостила,
 Когда придетъ онъ объ отцѣ справляться,
 Хоть ты, бѣдняга, и сама не знаешь,
 Которымъ былъ онъ—третьимъ, иль четвертымъ.

ЮХЕБА [отталкиваетъ мѣшокъ ногою].

Тотъ мальчикъ—сынъ сестры моей покойной.
 Отринь тебя Господь!

Уходитъ въ смежную комнату.

ИУДА [смѣясь смотреть ей вслѣдъ].

Ха-ха! ха-ха!

Стыдливость нѣжная старуху гонить.

[Марѳа].

А ты, не меркнущій свѣтильникъ дома,
 Когда не свѣтитъ солнце—Магдалина,—
 Усердная домохозяйка Марѳа,
 Не хочешь ли намъ приготовить пищу,
 Чтобъ мы теперь же отъ нея вкусили
 Въ весельи общемъ?

МАРФА.

Хорошо. Иду.

Заботливо поднимаетъ мѣшокъ и уходитъ съ нимъ.

МАГДАЛИНА.

Иуда!

Протягиваетъ ему руку.

ИУДА [не принимая пожатія, стоитъ, скре-
стивъ на груди руки, и смотритъ
на нее].

Ты прекрасна, Магдалина,
Когда лежишь, полна любовной нѣги,
И волосы роскошные твои,
Волнами черными клубясь, спадаютъ
На бѣлый мраморъ плечъ, а на ланитахъ
Еще горитъ румянецъ возбужденья;
Весь ликъ твой дышитъ упоеньемъ страсти!
Скажи, гдѣ ночь ты эту провела?

МАГДАЛИНА [отворачивается съ гнѣвнымъ
движеніемъ].

ИУДА.

Да, правда. Ты поистинѣ прекрасна:
Ручей живой воды въ Сахарѣ жизни!
Какъ жаль, какъ жаль, что этому ручью
Приходится въ себѣ воспринимать
Изображенъе всякаго, кто только
Наклонится надъ свѣтлою струей.

МАГДАЛИНА.

Зачѣмъ же ты стыдишь меня, Иуда?
Тотъ путь, которымъ я иду, есть плодъ
Нужды моей, любви взаимной нашей
И самаго ученья твоего.

ИУДА.

Ученья моего? Моей любви?
Любовь всегда безумье, а ученье
Лишь очень рѣдко заключаетъ мудрость.
Хотѣлъ бы я еще любить тебя!
Не долго длилось славное то время,
Когда и я, безопасно наслаждаясь,
Блуждалъ по цвѣтнику царя-поэта
И лучшіе цвѣты его рѣчей
Срывалъ, чтобъ подарить ихъ Магдалинѣ;
Когда тебя въ восторгѣ называлъ
Я «розою, расцвѣтшею въ Саронѣ».

МАГДАЛИНА.

Ты это говоришь мнѣ, и дыханье
Въ груди твоей такъ плавно и покойно?

ИУДА.

Любовь съ тобою наша есть дитя,
 Поросшее сѣдыми волосами:
 Такъ молода она, и въ то же время
 Такъ опытомъ богата такъ стара!
 Да, да, печально, что на этомъ свѣтѣ
 Всему своя пора и свой конецъ.
 И только лишь однимъ желаньямъ нашимъ
 Не будетъ окончанія вовѣкъ.
 Чѣмъ большаго успѣли мы достигнуть,
 Тѣмъ пламеннѣй они и ненасытнѣй.

МАГДАЛИНА.

И неужли нигдѣ ужъ не струится
 Намъ удовлетворенія источникъ?

ИУДА.

Нигдѣ, нигдѣ—повѣрь мнѣ, Магдалина!
 Вся наша жизнь—лишь медленный недугъ
 Одна лишь смѣна жара и озноба,
 А въ заключенье скудная лишь плата,
 Которую за нашу смерть природа
 Уплатить вѣчности. Желанья наши
 Собой напоминаютъ лѣтнихъ мошекъ:
 Покружатся на солнцѣ, полетаютъ,
 И, крылья свѣтомъ истины спаливъ,
 На землю падаютъ холоднымъ пепломъ.

МАГДАЛИНА.

Скажи мнѣ, что есть истина?

ИУДА.

Познанье

Ничтожности всего, что существуетъ.

МАГДАЛИНА.

Ты знаешь это и живешь еще?

ИУДА.

Да. Потому-то и живу, что знаю;
 Мнѣ сердце радуется уничтоженью!
 Когда вздуваются подземные потоки
 И бурно рвутъ они земли утробу,
 Когда по воздуху, раскинувъ плащъ

И разметавъ всклокоченные кудри,
 На облачныхъ коняхъ несется въ небѣ,
 Смѣясь и воя, бѣшеная буря
 И кедры гнетъ она въ горахъ Ливана,
 Когда, подобно яростнымъ борцамъ,
 Встаютъ на бой синѣющія тучи,
 И молніи, какъ острые ножи,
 Сверкая внутренности ихъ пронзаютъ,—
 Тогда мнѣ хорошо, тогда я счастливъ!
 Когда весь жалкій родъ земныхъ червей
 Отъ страха корчится передъ стихіей,
 Когда въ отчаяннѣ борются долженъ
 За жизнь свою и за свое добро
 Онъ съ гнѣвной, одичавшею природой,
 И крикъ его къ Іеговѣ бесплодный
 Въ раскатахъ громовыхъ безслѣдно тонетъ,—
 Тогда вздымаетъ радость грудь мою,
 Тогда веселье въ сердцѣ ощущаю!

МАГДАЛИНА.

Ужасенъ ты, Иуда! Никогда
 Ты не любилъ меня!

ИУДА.

Нѣтъ, я любилъ.
 Но именно: любилъ! И потому,
 Что я любилъ тебя, хочу устроить
 Твое отнынѣ счастье, дать тебѣ
 Величье, блескъ...

МАГДАЛИНА.

Что замышляешь ты?

ИУДА.

Не будешь больше ты предъ воротами
 Сидѣть, прикрывшись сѣрою накидкой
 По обнаженной груди, выставляя
 Поддѣльные запястья на ногахъ.
 Нѣтъ, пламя этихъ жгучихъ глазъ твоихъ
 Въ моихъ рукахъ преобразится въ факель,
 И имъ могу зажечь я цѣлый міръ.
 Хочу тебя я сдѣлать, Магдалина,
 Владычицей надъ всею Іудеей.

МАГДАЛИНА [пораженная].

Иуда?!

ІУДА.

Пышитъ страсть въ твоихъ лобзаньяхъ
И слаще меда рѣчи устъ твоихъ.
Кого ты заключишь въ свои объятія,
Тотъ позабудетъ все величье власти
И сложить ключъ ея къ твоимъ ногамъ.

МАГДАЛИНА.

О комъ же рѣчь?

ІУДА.

О Понтіи Пилатѣ,
О той желѣзной длани, что изъ Рима
Надавлена на наши рамена.
Ты опьянишь его своею лаской;
Разслабнетъ онъ отъ прелестей твоихъ.

МАГДАЛИНА.

И ты меня на это посылаешь?!
А не боишься ты, что въ ту же ночь,
Когда меня его обнимутъ руки,
Въ груди моей воспрянетъ, какъ ехидна,
Давно къ нему питаемая злоба
За кровь, что такъ безжалостно сосетъ
Онъ изъ народа?

ІУДА.

Ба! Ты не Юдиѣ!

МАГДАЛИНА.

И горе, горе мнѣ, что не Юдиѣ я!

ІУДА.

Тебѣ ли горевать съ твоей красою?
Сегодня же ты будешь у него.

Дверь отворяется, и Лазарь, блѣдный, исхудалый отъ болѣзни, входитъ,
опираясь на Іохебу.

ЛАЗАРЬ.

Опять ты здѣсь, Искаріотъ?!

МАГДАЛИНА.

Увы!

То Лазарь, братъ мой!

ЛАЗАРЬ.

Слушай, рабъ грѣха!
Зачѣмъ сквернишь ты близостью своей
Благочестивыхъ души? Или я
Не говорилъ, отверженникъ, тебѣ,
Что ты не долженъ воздухъ тотъ вдыхать,
Гдѣ съ дочерью отца живу я?!

МАГДАЛИНА.

Лазарь,
Молю тебя я, говори съ нимъ мягче.
Не стой средь насъ, какъ гнѣвный Моисей, —
Поднявшіеся волосы твои
Меня пугаютъ.

ЛАЗАРЬ.

Будь я Моисеемъ,
Тебя я раздробилъ бы, какъ скрижалъ!
Грязнишь собой святое ты ученье,
Которое въ тебя я влилъ, и стала
Позоромъ ты Всевышняго завѣту!

МАГДАЛИНА.

Меня пугаетъ страшный тотъ завѣтъ!

ИУДА [шопотомъ].

И ты права, красавица! Онъ горекъ,
Какъ перерѣлый плодъ, и отравляетъ
Всю жизни сладость!

ЛАЗАРЬ.

Какъ? Ты здѣсь еще?
Ты не ушелъ, презрѣнный совратитель?
Вонъ! Вонъ изъ дома моего; иль силу
Вернетъ мнѣ прежнюю мой ярый гнѣвъ,
И самъ я выброшу тебя за двери!

ИУДА.

Твой ярый гнѣвъ забавенъ мнѣ настолькоъ жъ,
Какъ обезьяны бѣшеной прыжки.
Изображать ты хочешь Моисея?
Скрижалъ о камни хочешь разбивать?
Одно мнѣ жаль, что самъ-то ты — лишь Лазарь
И предъ собой самимъ готовъ дрожать.
Ну, подходи!

ЛАВАРЬ.

О Богъ Иегова!

Юта ни одна въ Твоемъ законѣ
 Отъ взгляда моего не покраснѣетъ;
 Всю жизнь мою его я свято чтить,
 А этотъ червь глумится надо мною!
 О, если Ты мою ослабилъ руку,
 То дай же силу, Боже, языку!
 Будь проклятъ ты, продавшійся римлянамъ!
 Будь проклятъ взоръ твой, видѣвшій мой домъ,
 Нога, что за порогъ сюда вступила,
 Душа твоя, занесшая порокъ
 Подъ кровлю чистоты благочестивой,
 Да не познаешь милости вовѣкъ!
 А ты, сестра, покинь его немедля
 И въ рубищѣ убогомъ, съ головою,
 Посыпанною пепломъ, кайся, кайся!
 Предъ Господомъ ты тяжело согрѣшила,
 Что съ этимъ беззаконникомъ жила!

ИУДА.

Безумецъ ты, коль думаешь, что словомъ
 Расторгнуть можешь крѣпкую ту цѣпь,
 Которой сердце Магдалины прочно
 Приковано ко мнѣ!

[Хватаетъ ее и прижимаетъ къ себѣ].

Навѣкъ моя ты!

Никто другой владѣть тобой не въ правѣ,
 Какъ только я! Обвей меня руками!
 За мной ты слѣдовать должна!

ИОХЕВА.

О дочь,

Ужель не внеслешь голосу ты брата?
 Вѣдь онъ твой господинъ. Покинь того!
 Дитя мое, любимое дитя!

Марса также съ мольбою и слезами протягиваетъ къ ней руки.

ИУДА [шопотомъ].

Припомни день, когда меня впервые
 Волной покрыли волосы твои,
 Припомни день, когда съ тобою оба
 Мы погрузились въ море наслажденья!

ЛАЗАРЬ.

Сестра, тебѣ еще разъ повторяю:
Оставь его, чтобъ я тебя не проклялъ,
Не оттолкнулъ отъ очага родного!

МАГДАЛИНА.

О горе мнѣ! Что требуете вы!
Онъ первый разрѣшилъ мой поясъ дѣвства,
Ему покорна я,—иду за нимъ!

Бросается ему на шею.

Иуда стоитъ торжествуя; Лазарь закрываетъ лицо; Иохеба и Марѳа, рыдая, упали на землю.

Нѣсколько часовъ спустя.— Улица въ Іерусалимѣ; площадка передъ зданіемъ общественныхъ бань.

ИУДА [ходить взадъ и впередъ].

На то, что неизвѣстна мнѣ утроба,
Родившая меня, что я не зналъ
Заботливаго матерняго лона
И что не женской грудью былъ я вскормленъ,
На то на все за нѣсколько столѣтій
Писанья перстъ костлявый указалъ;
Оно вѣщаетъ ясно о Мессіи:
«Никто не будетъ знать, откуда онъ
И родъ его пребудетъ неизвѣстенъ».
Но что мнѣ въ томъ, что я произошелъ
Изъ мрака и отчаянья? Что въ томъ,
Что міра скорбь на мнѣ отяготѣла?
Какая польза мнѣ хотя бы знать,
Что я—тотъ ожидаемый отъ вѣка,
Когда въ душѣ я чувствую своей,
Что и меня, въ концѣ концовъ, ждетъ ложе,
Гдѣ тлѣніе моей подругой будетъ
А покрываломъ черви? Какъ при этомъ
Величіе свое представить мнѣ?
И кто изъ насъ, хотя бъ на мигъ единый,
Великимъ можетъ чувствовать себя?
А можетъ ли считать себя великимъ
Земной властитель, царь? О да; онъ можетъ.
Онъ не изъ глины, а изъ мѣди созданъ,
Онъ—зеркало, въ которомъ всѣ лучи

Свою находятъ точку преломленья.
 Передо мной высокая плотина...
 Омытая людской волнами крови.
 Да будетъ такъ! Мнѣ лучше утонуть,
 Переплывая красныя тѣ волны,
 Чѣмъ на солому лечь и отъ удушья
 Невыполненной мысли умирать.

[Стучить въ ворота бань].

Скорѣе, Магдалина! Не любуйся
 Такъ долго на роскошныя одежды,
 Надѣнь скорѣе ихъ и выходи.

[Послѣ нѣкотораго размышленія]:

Тебя, красавица, — жучокъ блестящій,
 Я сдѣлаю наживой на крючкѣ
 И рыбу крупную тобой поймаю.
 Листокъ тотъ съ надписью: «Пилать Понтійскій»,
 Я разорву и замѣню собой
 Желѣзною, тяжелою скрижалью,
 Покрытою лишь длинными чертами
 Раздумья тяжкаго. Тогда, быть можетъ,
 И этотъ міръ въ глазахъ моихъ не будетъ
 Такимъ ничтожнымъ; можетъ быть, и самъ
 Почувствую тогда свое величье!

[Стучить снова].

Открой же дверь! По улицѣ сюда
 Идутъ къ намъ римляне, и имъ тебя
 Хочу я передать. Какъ видъ ихъ важенъ!
 Тупая раззолоченная глина,
 Надутая снаружи, а внутри
 Наполненная плотно пустотою!
 Я скоро въ черепки ихъ разобью.

Отходить въ глубину.

Входятъ: **Еотта**, любимый рабъ Понтія, **Флавій**, сотникъ, и **Марцій**, его другъ.

КОТТА.

Какія ждуть насъ лакомства сегодня!
 Роскошныя тунцы изъ Халкедона,
 Изъ Тартеса прекрасныя муррены,
 Изъ Фригіи чудеснѣйшія куры,
 А изъ Этоліи козлята. Нынче
 Мы поѣдимъ на славу, господа!

МАРЦІЙ.

Прошу тебя, достопочтенный Котта,
Не отдувайся такъ немилосердно.

КОТТА.

Отъ прежняго желудокъ переполненъ
И надо аппетитъ мнѣ возбуждать.
Иль у тебя къ прекрасному нѣтъ чувства?
Не знаешь развѣ ты, что привезли
Павлиновъ съ Самоса и дивныхъ цукъ
Изъ Пессинуса, устриць изъ Тарента
И раковины съ Хиоса... Пстой же,
Не загыкай ушей и дай мнѣ кончить.
Киликія и Родосъ рыбъ морскихъ
Доставили для нынѣшняго пира;
Орѣхи—Тазосъ, финики—Египетъ,
И жолуди—Испанія. Блаженство!
Какъ сладко предвкушать уже заранѣ,
Облизывая губы, прелесть эту!
Она меня высоко вдохновляетъ,
Я чувствую, что буду тамъ на мѣстѣ!
Замѣть, что ни одинъ изъ тѣхъ припасовъ
Намъ не напомнитъ край проклятый этотъ,
Гдѣ мы вдали отъ Рима изнываемъ.
Напомнятъ развѣ ржавыя тѣ деньги,
Которыя въ жидовскомъ кошелѣ,
Дремля, лежали праздно, а теперь
Такъ весело летятъ въ края иные.

ИУДА [выступая].

Да, много ихъ порхаетъ по чужбинѣ
И нашихъ денегъ кровныхъ и отцовскихъ!
А въ Иудеѣ бѣдность; у народа
Лишь только своего и есть, что воздухъ
Да свѣтъ дневной. Солить онъ черствый хлѣбъ
Своею же слезой, а за обѣдомъ
Грызветъ гнилой чеснокъ онъ...

КОТТА [вспыхнувъ].

Жидъ!

ИУДА [мѣняя тонъ].

А впрочемъ,

Открой теперь глаза свои пошире:
Я женщину намѣренъ показать,

Какой ты, вѣрно, отъ роду не видѣлъ,
 Такъ мягко, такъ роскошно ея тѣло,
 Такъ нѣжно, такъ бѣло, какъ самый тонкій
 Очищенный десятицей воскъ,
 Къ которому свѣтъ солнечный ни разу
 Еще не прикоснулся. Вотъ она!

Магдалина выходитъ изъ зданія бань.

КОТТА [схватывая ее].

Да, ты былъ правъ! Красавица такая
 Для Понтія годится! Вотъ, возьми
 Съ сестерціями этотъ кошелекъ
 И похвалу отъ Котты, отъ Пилата,
 Да, кстати, и отъ тѣхъ, кому потомъ
 Ее онъ передать благоизволить.

ФЛАВІЙ [пораженный видомъ Магдалины].

О Марцій, я съ трудомъ собой владѣю!
 Вѣрь, никогда такія звѣзды-очи
 Въ глаза мнѣ вроткой лаской не сіяли;
 Не видѣлъ никогда такихъ пурпурныхъ
 И знойныхъ губъ, которыя, надувшись,
 Какъ будто гнѣваются на меня,
 Что я, какъ водолазъ, на берегу
 Стою еще и медлю малодушно
 Въ пурпурное ихъ море погрузиться
 И тамъ, среди сокровищъ необъятныхъ,
 Забыть и о землѣ, и о возвратѣ!

[Подходить къ ней].

Скажи, прекрасная, съ какихъ высотъ,
 Или изъ глубины какой предстала
 Ты предо мной? Свое повѣдай имя!

КОТТА.

Бьюсь объ закладъ: зовутъ—Елизаветой!
 Евреекъ сколько я ни зналъ красивыхъ,
 Всѣ звались такъ онѣ.

ФЛАВІЙ.

Елизавета!

«Божественный покой» то имя значить.
 О дивное, о чудное значенье!
 Блаженъ, какъ боги, будетъ тотъ счастливецъ,
 Кого, красавица, допустишь ты
 Покоиться въ своихъ объятыхъ нѣжныхъ!

КОТТА [становится между ними].

Ого! Вотъ какъ! Однако ты поспѣшенъ!
Но только не забудь, центуріонъ,
Что, коль она глаза тебѣ кольнула,
Пилать ихъ можетъ выколоть совсѣмъ.

[Беретъ Магдалину за руку].

Пойдемъ со мной, прекрасная. Какъ звать?

ИУДА.

Ей имя—Магдалина; я ей братъ.
Замолви жъ, не забудь, и за меня
Словечко предъ намѣстникомъ

КОТТА.

Изволь.

Тебѣ, рабу, мы разрѣшимъ коснуться
Устами ногъ его. А ты, горячка,
Будь помирнѣй. Хоть ты и храбрый воинъ,
Хоть миль ты Понтію, какъ мечъ, которымъ
Свои онъ опоясываетъ чресла,
Но сами чресла все жъ ему дороже;
Замѣть себѣ ты это и оставь
Меня и женщину въ покоѣ. Слышишь?
И Понтію я не скажу ни слова
О томъ, какъ вкусъ развился у тебя.

[Уходя съ Магдалиною].

Прощай, и обрѣти покой блаженный!

МАРЦІЙ [обнимая друга].

Мой Флавій, не смотри такъ мрачно. Полно!
Пойдемъ со мной. Не будемъ навлекать
Мы гнѣва Понтія.

ФЛАВІЙ.

Ахъ, этотъ Понтій!

[Въ бѣшенствѣ сжимаетъ кулаки].

О боги, боги! Гдѣ же справедливость?!

Марцій [увлекаетъ его].

ИУДА [смотря вслѣдъ Флавію].

Чудакъ! Онъ къ небу кулаки вздымаетъ,
Какъ будто хочетъ пальцами своими
Тамъ облака схватить и бросить гнѣвно
Въ лицо ихъ божеству! Оставь! Мы можемъ
Достигнуть лишь того, что на землѣ.

И все же я завидую ему!
 О, сколько разной пищи человѣку
 Переварить приходится, покуда
 Достигнетъ онъ, какъ я, своей послѣдней,
 Конечной трапезы!

[Ходить взадъ и впередъ].

Итакъ, пора!

На всѣхъ путяхъ разставлена мной стража,
 Поруюю она мнѣ за успѣхъ.
 Довольно словъ! Теперь являйся дѣло,
 Закованный въ желѣзо крокодилъ,
 Ползи на свѣтъ изъ темной чащи мыслей
 И поглоти враговъ! О Иудея,
 Покинутая, скорбная жена,
 Женихъ твой—я! Ты не должна отнынѣ
 Лить слезы по ночамъ; я осушу ихъ;
 За все, за все тебя вознагражу!
 И брачный пиръ устрою я веселый,
 Глашатаемъ самъ въ горы поднимусь
 И созову дѣтей твоихъ на праздникъ.
 Когда жъ возсядешь ты при блескѣ яркомъ
 Свѣтильниковъ и окружать тебя
 Сыны твои веселымъ, дружнымъ кругомъ,
 Я мощною рукою притащу,
 Какъ толстые мѣхи съ виномъ дешевымъ,
 Къ тебѣ на праздникъ римскихъ палачей.
 Я силою заставлю ихъ напиться,
 Пока они, шатаясь, охмелевъ
 Отъ крови собственной, не полетятъ
 Въ бездонный, мрачный тартаръ! Да, подруга!
 Смотри на этихъ римлянъ, какъ на чаши,
 Что охватилъ десницею я духа,
 Какъ змѣй орла въ изображеньяхъ нашихъ,
 Я чокну эти чаши другъ о друга,
 Во здравіе моей невѣсты милой,
 И чокну такъ, что чаши разлетятся!

[Беретъ посохъ].

Иду! Мнѣ надо гнѣвъ мой сохранить,
 Скорѣй! скорѣй! пока онъ не остылъ
 На утренней прохладѣ размышленья.
 Подняться въ горы долженъ я немедля!

Пройдя ворота, онъ останавливается и шлетъ привѣтъ по направленію къ городу].

Воскреснешъ, Иерусалимъ! Воскреснешъ!

[Идетъ далѣе].

Закатъ солнца.

На угловомъ камнѣ дворца Понтія сидитъ оборванная женщина, прося милостыню.—Фарисей и Саддукей стоятъ въ созерцаніи противъ нея.

ЖЕНЩИНА [напѣваетъ].

Была дѣвушка красивая, молодая, нѣжная
И имѣла милаго!
Потомъ настало время тяжелое...

О-о! Какъ солнце-то широко свѣтитъ
И иглы мнѣ во внутренность вонзааетъ.
Дай сребреникъ, сынъ Іерусалима!
Дай сребреникъ Сусаннѣ бѣсноватой,
Которой надо семь бѣсовъ кормить,
Живущихъ въ ней. А бѣсы молодые,
Всѣ сока винограднаго хотятъ,
И если не могу я напоить ихъ,
Такой ужасный шумъ во мнѣ поднимутъ,
Какъ будто мой животъ—чертогъ для плясокъ.
Сыны Салима, дайте же Сусаннѣ
Хоть нѣсколько монетокъ вы на сокъ.

[Проходитъ дѣвушка и бросаетъ ей въ колѣни хлѣбъ].

Спасибо, дочка. Будь, какъ лань, легка.
Пусть плечи у тебя не будутъ шире,
Чѣмъ бедра молодыя, сами жъ бедра
Пускай не стануть тяжелѣй того,
Чѣмъ сколько вынести могутъ твои ноги;
Чтобы съ тобой, бѣдняжкой, не случилось
Того же, что со мной, и чтобъ сидѣть
Навѣки ты безъ мужа не осталась.

[Поетъ]:

У милаго кудри,
Какъ воронъ черны...

Но жить съ Сусанною не захотѣлъ онъ!—
Когда злой духъ заговорить во мнѣ,
То говоритъ моими онъ устами:
«Я Люциферъ, владыка всего міра;
Мой домъ—звѣзда, что свѣтитъ по утрамъ;
Теперь же въ старой женщинѣ живу я,
А иногда и въ іерусалимскомъ
Синедріонѣ»

ФАРИСЕЙ [прикладываетъ палецъ къ носу].

Правда это, правда!

САДДУКЕЙ [дѣлаетъ то же].

И даже очень правда, очень правда!

ФАРИСЕЙ.

Зачѣмъ глумишься ты, хулитель дерзкій?

САДДУКЕЙ.

А ты зачѣмъ, лукавыйиъ лицомъ, рѣ,
Свой гнусный ротъ такъ широко разинулъ,
Что все лицо твое—сплошная яма?

ФАРИСЕЙ [протягиваетъ руку въ его сторону].

Будь проклятъ, какъ Садокъ, какъ Антигонъ,
Какъ всѣ слѣпцы, что слѣдуютъ за ними!
Съ тобой и говорить я не хочу,
Чтобы твоей не оскверниться рѣчью.

[Поворачивается снова къ нищей].

Да, точно; эта женщина—иббуръ.
Будь у меня съ собой Баара корень,
Его я ей бы къ носу приложилъ,
Чтобъ злого духа изъ нея изгнать.

САДДУКЕЙ.

Ты приложилъ бы лучше къ своему;
Вѣдь носъ-то на лицѣ твоёмъ цвѣтетъ,
Что твой тюльпанъ на полѣ Гилеада,
И луковицей лобъ виситъ надъ нимъ,
Тюльпанная ты луковица!

[Мальчикамъ, играющимъ на улицѣ].

Киньтесь

На этого урода въ черной ризѣ.
Онъ скверная лишь только шелуха
Того, что, само по себѣ, опять же
Лишь шелуха такой же шелухи.
А въ сущности—ничто!

ФАРИСЕЙ.

Да поपालить
Сверкающимъ огнемъ своимъ Всевышній
Тебя и секту мерзкую твою!
Проклятые, втираетесь вы всюду,
И въ синхедринъ и въ наше управленье;
Суете руки въ храмовую кружку,
А сами отрицаете величье

И святость Господа! Хвала Ему!
 Не вѣрите вы въ воскресеніе мертвыхъ,
 Не вѣрите въ возмездіе за гробомъ.
 Небесныхъ воинствъ силы передъ вами
 Всѣ въ страхѣ отступаютъ, негодуя,
 Тогда какъ тѣ же ангелы на насъ
 Взираютъ съ радостью и ликованьемъ,
 Затѣмъ, что мы живемъ не такъ, какъ вы,
 И что хранимъ то чистое зерно,
 Изъ нѣдръ котораго Господь Всевышній—
 Хвала Ему! Мессію намъ воздвигнетъ.

САДДУКЕЙ.

Канючь, канючь! Угодничай предъ Богомъ!
 Виляй предъ нимъ хвостомъ, какъ этотъ пестъ,
 Что у старухи нищей лижетъ руки.

СТАРУХА.

Салимъ, Салимъ! Гдѣ миръ священный твой?
 Какъ стогны всѣ твои полны раздора!

ФАРИСЕЙ [плюетъ].

Ты наглый богохульникъ!

САДДУКЕЙ [плюетъ также].

Песъ продажный!

Громко перебраниваясь переходятъ улицу; мальчишки слѣдуютъ за ними.

СТАРУХА.

Салимъ, Салимъ! ты сталъ теперь пустыней;
 Гіены лишь однѣ въ тебѣ грызутся.

[Зоветь собаку].

Иди сюда! Вѣдь ты не хуже тѣхъ,
 Которые красавицъ Сусаннѣ
 Когда-то жарко руки цѣловали,
 А тамъ и бросили ее, бѣднягу,
 На смерть голодную. Почти что всѣ
 Лежатъ они теперь въ землѣ, съ червями,
 А души ихъ по небу пронеслись
 Въ лучахъ луны и сѣли въ тѣло мнѣ.
 Иди сюда! Иди ко мнѣ! Не бойся.

Собака вырываетъ у ней хлѣбъ и убѣгаетъ.

МАЛЬЧИШКИ [возвращаются съ громкимъ крикомъ].

Ревн, реви, реви! Эй ты, Сусанна
Прекрасная, скажи, какъ поживаютъ
Въ тебѣ твои семь бѣсовъ?

Треплютъ ее.

СУСАННА.

О Израиль,
Отцы твои, что яростные псы,
А дѣти—хуже псовъ!
Въ концѣ улицы показываются **Ботта** и **Магдалина**.

КОТТА.

Я говорю,
Красавица, тебѣ: когда меня
Захочешь ты послушать, то, навѣрно,
Пилать, а съ нимъ весь Іерусалимъ
Тебѣ подвластны будутъ, какъ рабы.

МАГДАЛИНА [про себя].

О сердце гордое, ликуй теперь!
Все прошлое мое забыто будетъ.
На гору оправданья вознесусь
Я предъ очами моего народа
И доброю царицей буду я!
Я удержу игемона десницу,
Когда свой бичъ тяжелый надъ тобою
Подниметъ онъ, святая наша мать,
Цвѣтущая красою Іудея!

СУСАННА.

Подайте сребреникъ, сыны Салима!..

[Узнаетъ Магдалину].

Что видятъ мои старые глаза?
То Лазаря сестра! Ну, Магдалина,
И какъ же ты роскошно разрядилась?!

КОТТА [Магдалинѣ].

Ты знаешь это рваное лохмотье?

СУСАННА.

Иегова! Меня ли ей не знать?
Меня ль не знать, Сусанну, что такъ часто

У городскихъ сидѣла съ ней воротъ
И берегла, чтобъ не погасъ огонь
Въ ея свѣтильникѣ, покуда къ ней
Не подойдетъ кто-либо изъ прохожихъ
И ей не скажетъ: встань, пойдемъ со мной.

КОТТА.

Эй ты, красавица, неужли правду
Старуха говоритъ?

МАГДАЛИНА.

Ты знаешь самъ,
Что бѣсъ живетъ въ ней, и ея устами
Меня теперь онъ хочетъ погубить.
Я не знакома съ нею,—это ложь!

СУСАННА.

Ложь! ложь! Ха-ха! Мои всѣ бѣсы скачутъ,
Гоняясь за крылатою сестрицей.
О горе, горе! Слушай, Магдалина.
Богата ты, красива, молода,
Такой, какъ ты, и я была когда-то,
Гордишься юной прелестью своей
И знать не хочешь бѣдную Сусанну.
Но часъ придетъ, и ты сѣдою станешь,
Погрязнешь во грѣхѣ, противной будешь,
И люди отвернутся отъ тебя!

[Цѣпляется за ея одежды].

Дай сребреникъ красавицѣ Сусаннѣ,
Чтобъ соку винограднаго купить
И угостить имъ милаго.

МАГДАЛИНА [съ силой вырывается отъ нея].

Пусти!

Твои лохмотья сыры, пахнутъ затхлю,
Какъ братній домъ! Пусти! Оставь меня!
Пропитана насквозь ты нищетою!

КОТТА.

Войди жъ скорѣй въ ворота золотыя,
Тебя за ними Понтій ожидаетъ.
Вводитъ ее во дворецъ, ворота за ними закрываются.

СУСАННА [одна].

Какое слово проскрипѣли петли!
И въ каскахъ головы надъ всѣмъ карнизомъ
Вытягиваютъ шеи съ любопытствомъ
И странныя гримасы корчатъ. Э!
О если бъ это люди понимали!..
Постой, постой! Я даже и не знаю,
Сама ли говорю, иль это врагъ
Нашептываетъ мнѣ: «Ты здѣсь, бѣдняжка?
Ты здѣсь еще? Твои колѣни пусты?
А улицы давно ужъ опустѣли,
И лунный свѣтъ одинъ по нимъ блуждаетъ.
Постой, я сребреникъ тебѣ подамъ».

[Шарить въ кожаномъ мѣшечкѣ и подаетъ себѣ серебряную монету].

Благодарю, мой добрый господинъ!
«Не надо благодарности; вѣдь это
Имущество слѣпой твоей сестры».
О горе! Завтра на твоихъ колѣняхъ
Возсядетъ снова Люциферъ и станетъ
Завидовать тѣмъ людямъ милосерднымъ,
Что бросили тебя, на камнѣ этомъ,
Одну, голодной смертью умирать.

Нѣсколько недѣль позже. Ночь.

На угловомъ камнѣ дворца Понтія сидитъ Іуда, скорчившись, съ уставленнымъ
впередъ глазами; сломанный посохъ лежитъ у его ногъ.

ІУДА [послѣ нѣкотораго молчанія].

Крадется тѣнь, согнувшись, вдоль стѣны
И тянется къ ногамъ моимъ, все ближе.
Одежда не еврейская на немъ.
Кто онъ, прохожій этотъ?

ФЛАВІЙ [приближаясь].

Магдалина!

Напрасно я горячее лицо
Къ стѣнѣ холодной страстно прижимаю,
Ища на ней хоть маленькую щель,
Чтобъ чрезъ нее тебя, тебя увидѣть!
О Магдалина! рана и бальзамъ
Въ единомъ словѣ! О когда бъ я былъ

Волною той, въ которой ты теперь
Купаешься, съ какимъ бы восхищеньемъ
Я охватилъ, красавица, тебя
И вѣчно бы держалъ въ своихъ объятыхъ!
Когда бъ я былъ тотъ виноградный сокъ,
Который пьешь ты нѣжными устами,
О, какъ бы я, кипучею струей,
Согрѣлъ тебя и сладостнымъ блаженствомъ
Навѣки опьянилъ!...

[Замѣчаетъ Иуду].

Кто здѣсь?

ИУДА.

Усталый.

ФЛАВІЙ.

Что замышляешь ты, прижавшись мрачно
Подъ мрачною стѣной?

ИУДА.

Не легкоъ трудъ мой.

Здѣсь, на досугѣ, я хочу обдумать,
Какъ звать могли того, кто въ Вавилонѣ
Задумалъ башню строить до небесъ.

ФЛАВІЙ.

Клянусь богами! Я теперь узналъ
Тебя по голосу. Такъ это ты?!
Узнай же, іудей,—сестра твоя,
Та женщина, что отдалъ ты Пилату,
Какъ кажется, живетъ несчастно съ нимъ.
Блѣднѣетъ, чахнетъ въ пурпурѣ она;
Погасъ огонь очей; они мерцаютъ
Теперь какъ искры лишь въ золѣ желанья
И на пирахъ молчатъ ея уста.

ИУДА.

Самъ знаю все.

ФЛАВІЙ.

Какой глубокой грустью
Три эти слова у тебя звучатъ!

ИУДА.

На сердцѣ не легко. Его сдавили
Развалины исторіи разбитой

Народа моего. Какая жалость,
 Что невозможно удержать ничѣмъ
 Намъ колеса, катящагося въ бездну!
 О если бъ раньше понялъ я преданье
 О башнѣ Вавилонской! Въ немъ сокрыта
 Глубокая премудрость, и урокомъ
 Могла бъ она служить царямъ, народамъ!

ФЛАВІЙ.

Не понимаю рѣчи я твоей.

ІУДА.

А оттого, что головы въ раздумьи
 Ты никогда къ землѣ не опускалъ.
 Но загляни въ великую ту книгу,
 Которой переплетомъ вѣчнымъ служатъ
 Земля и небо, и прочтешь ты въ ней,
 Какъ люди строили неутомимо,
 Изъ года въ годъ безъ отдыха трудясь;
 Возили камни, дѣлали расчеты,
 Съ улыбкой любовались на постройку
 И въ радости другъ другу жали руки;
 Но лишь хотѣли увѣнчать вершину,
 Какъ рухнулъ хламъ ихъ весь, и ночь смѣшенья
 Густою пеленой покрыла міръ.
 А на другой день утромъ изъ яйца
 Пылулились новые народы
 И скорлупу отбросили ногой.
 И снова сыплется въ часахъ стеклянныхъ
 Попрежнему песокъ, и въ нашихъ жилахъ
 Струятся капли крови чередою,
 Одна другую не опережая!
 Я говорю тебѣ, что землепашецъ,
 Смотрящій въ лужу грязную свою,
 Нисколько не глупѣе чловѣка,
 Стоящаго надъ бурнымъ моремъ міра
 И задающаго вопросъ его волнамъ:
 «Откуда» и «куда» онѣ стремятся?
 Тотъ, кто, едва родившись, умираетъ,
 Свое исполнилъ такъ же назначенье,
 Какъ тотъ, кто прожилъ сотню лѣтъ и больше.

ФЛАВІЙ.

Но кто жъ ты самъ, скажи, въ твоемъ народѣ
 И къ сектѣ ты какой принадлежишь?

ИУДА.

Перебывалъ давно во всѣхъ я сектахъ
И наконецъ готовъ примкнуть лишь къ той,
Ученіе которой—безнадежность..
Я Іудею обошелъ кругомъ,
Я въ Галилеѣ былъ и въ Самаріи
И изъ всего обхода моего
Одну я вынесъ горечь отвращенья.
Противны люди мнѣ, пойми, противны!

ФЛАВІЙ.

Неужели весь умный вашъ народъ
Такъ низко палъ?

ИУДА.

Онъ сгнилъ! онъ сгнилъ, какъ персикъ,
Который ужъ сочится весь. Прощай!

[Идетъ и снова оборачивается].

Ты, кажется, искалъ въ стѣнѣ отверстыя?
Вотъ трещина. И если ты желаешь
По кровлямъ непременно прогуляться
И увидать красавицу свою,
Вскарабкайся по ней на верхъ стѣны.

ФЛАВІЙ.

Но гдѣ же?

ИУДА.

Здѣсь. Я помогу тебѣ.

[Помогаетъ Флавію подняться на стѣну].

Какой я добрый; на плечи себѣ
Пускаю звѣря я. Но этимъ звѣремъ
Холодная пусть будетъ лучше жаба,
Чѣмъ муравей, пусть лучше римлянинъ,
Чѣмъ жидовинъ. Противнѣй нѣтъ на свѣтѣ,
Какъ этотъ жалкій муравьиный родъ!
Ползутъ своими длинными ногами,
Ползутъ, переползаютъ черезъ все,
И все-то возятся, все строятъ, строятъ
До безконечности, позабывая
Про Соломона мудрыя слова:
«Стремленья всѣ одинъ лишь трудъ бесплодный
И даромъ лишь потерянное время!»
И на себѣ всю правду изреченья

Мнѣ привелось недавно испытать.
 Я цѣлыми недѣлями искусно
 Плѣлъ сѣть мою. Но только лишь была
 Для ловли рыбы эта сѣть готова,
 Какъ я, сойдя къ рѣкѣ, самъ разорвалъ
 Съ такимъ стараньемъ связанныя петли
 И рыбу, что случайно въ нихъ попала,
 На волю выпустилъ, лишь потому,
 Что не имѣлъ огня ее изжарить,
 Ножа ее очистить и разрѣзать,
 А главное, охоты не имѣлъ
 Я ѣсть ее!

[Флавій, поднявшійся на стѣну, вскрикиваетъ отъ восторга].

ИУДА [смотреть на него].

Передъ безумцемъ, вѣрно,
 Открылся чудный видъ! Какъ страстно онъ
 Протягиваетъ руки и въ восторгѣ
 Чуть не готовъ стремглавъ туда летѣть.
 О юность, юность! если бѣ можно было
 Вернуть тебя опять! Но позади
 Лежишь я ты, какъ многое другое.

[Машетъ рукою въ знакъ прощанія].

Прости же, Иудея, милый край,
 Съ твоими пальмами на Елеонѣ,
 Съ лѣсами смоквъ въ долинахъ Виефагій.
 Лежишь больна ты, бѣдная царица,
 А я, твой жалкій врачъ, пью самъ отраву
 За то, что корня не могу найти,
 Чтобъ исцѣлить тебя. Прощай! Прощай!

[Проходитъ черезъ ворота во дворецъ Понтія].

Въ то же время.

Купальня въ домѣ Понтія. По срединѣ бассейна — статуя появляющейся изъ моря Венеры; съ восточной стороны — видъ на Иерусалимъ. Открытая кровля поддерживается стройными колоннами; вверху сверкаютъ звѣзды. Въ золотыхъ сосудахъ курятся драгоценныя благовонія; горятъ свѣтильники.

Магдаллина только что вышла изъ ванны; ей прислуживаютъ черныя невольницы. У ногъ ея, на корточкахъ, сидитъ Мирра, хранительница женъ Понтія.

МИРРА [Магдаллинѣ].

Ты слишкомъ молода еще, а я
 Между людей состарѣться успѣла.

Повѣрь, достаточно я знаю свѣтъ
И тѣхъ, которые воображаютъ,
Что властвуютъ надъ нимъ.

[Невольницѣ].

Смотри, вонъ капля

Еще осталась въ темныхъ волосахъ
И блещетъ, какъ алмазь. Сними ее
И голову опрыскай госпожѣ
Душистымъ нардомъ.
О повѣрь, я знаю,
Какой любви хотятъ отъ насъ мужчины;
Послушай же, тебя я научу.
Ты, госпожа, поистинѣ прекрасна
И дивнымъ этимъ формамъ статуи мраморъ
Завидуетъ въ изяществѣ рѣзца;
Такъ пользуйся жъ своею красотою,
Замѣть, что я скажу. Когда мужчина
Тебя въ свои объятья привлечетъ,
Прижмись къ нему, какъ птенчикъ беззащитный,
Что хочетъ скрыться на его груди.
И вѣрь, тебя за это онъ полюбитъ...
Скорѣй, рабыня, — надѣвай запястья
На руки госпожѣ, а пальцы ногъ
Сверкающими перстнями украсишь.
Когда жъ склонится онъ тебѣ на лоно,
Ты голову его прижми покрѣпче
Къ своей лилейной груди; тихой нѣгой
Пусть вѣетъ на него твое дыханье:
Тебѣ тогда онъ станетъ довѣрять...
Накинь теперь на плечи госпожѣ
Льняную ткань и драгоцѣнный пурпуръ,
Да завяжи сандали.

Извѣстенъ

Давно мнѣ этотъ свѣтъ и наша участь
Служить покорно прихоти мужчинъ,
И часто гнѣвъ намъ сердце наполняетъ
При мысли, что отъ самаго рожденья
На рабство мы судьбой обречены.
И это мы впервые ощущаемъ,
Когда мужчина разрываетъ цѣпь
Дѣвической стыдливости невинной;
Позорное мы иго ненавидимъ
И, въ то же время, любимъ мы его.
Недаромъ печень у людей содержитъ
И сладострастiе и вмѣстѣ желчь.

Но ты объ этомъ, госпожа, не думай;
 Отъ думы станетъ только тяжелѣе.
 Теперь, рабыня, госпожѣ влети
 Ты въ голову алмазовъ крупныхъ нити,
 Чтобъ у нея сверкали въ волосахъ,
 Какъ въ тишинѣ ночной на небѣ звѣзды.

[Осматриваетъ Магдалину].

Такъ хорошо. Теперь ты смѣло можешь
 Предстать предъ очи нашего владыки.
 Прекрасенъ образъ твой, подобный саду,
 Цвѣтущему роскошными цвѣтами;
 Въ глазахъ твоихъ горитъ любви огонь.
 Да будетъ же съ тобой навѣки счастье,
 Любимая избранница боговъ!

Невольницы бросаются на землю, цѣлуютъ ноги Магдалины и удаляются вмѣстѣ съ Миррою.

МАГДАЛИНА [одна, погруженная въ глубокое
 раздумье].

«Отъ думы станетъ только тяжелѣе»...
 Увы мнѣ! но не думать я не въ силахъ...
 Окружена я роскошью и блескомъ,
 А мысли черныя, какъ привидѣнья,
 Изъ всѣхъ угловъ встаютъ передо мной!
 Нѣтъ, не такимъ величье представлялось
 Моимъ мечтамъ въ убогомъ домѣ брата.
 Тогда еще подругою была
 Купцамъ и пастухамъ и продавала
 Себя имъ за три сребренника я,
 Душа жъ моя всегда была свободна,
 И гордо я сносила нищету.
 Теперь пресыщено величьемъ чувство,
 Красы моей я чую увяданье,
 Идутъ за днями дни, а между тѣмъ
 Надъ Понтиемъ я власти не достигла!
 Въ крови, съ растерзанными волосами
 Лежишь ты, Іудея, наша мать,
 А дочь твоя, по доброй волѣ, служить
 Простымъ животнымъ вьючнымъ челоуѣку,
 Который на землю тебя повергъ
 И злобно скорпионами бичуетъ!
 Вдали, подъ олеандрами, я вижу
 Туманный обликъ сына твоего,
 Который всѣхъ сильнѣе и могуче,

Онъ смотритъ на меня съ упрекомъ горькимъ,
Съ улыбкою презрѣнья на устахъ!..
Вѣдь говорила я тебѣ, Иуда,
Что женщина лишь я!!

[Въ горести закрываетъ лицо руками.—Черезъ нѣсколько времени она вскакиваетъ].

Прочь злыя мысли!

Иль я не Магдалина? Не подруга
Властителя надъ Іерусалимомъ? —
Нѣтъ женщины мнѣ равной въ Іудеѣ!
Нѣтъ женщины, которой моя участь
Не поселила бъ зависти въ душѣ!

Изъ лежащаго вблизи храма доносятся звуки ночного субботняго богослуженія.
Звуки арфѣ смѣшиваются съ громкимъ пѣніемъ.

ХОРЪ ЖЕНЩИНЪ [на улицѣ передъ храмомъ].

Великъ Господь,
Богъ Саваоѣ,
Нашъ вѣчный свѣтъ во мракѣ ночи!
Въ часъ испытанья, въ скорби часъ,
Когда отъ слезъ тускнѣютъ очи,
Онъ въ небѣ бодрствуетъ за насъ!

магдалина [пораженная].

Онѣ счастливѣе меня! Ихъ бѣдность
Надежду на спасеніе питаетъ.
Онѣ меня и выше, такъ какъ Бога
Въ душѣ своей простосердечной носятъ.

ХОРЪ МУЖЧИНЪ [въ переднемъ дворѣ храма].

Сіонъ! Сіонъ!
Блещетъ твоя красота, велики твои чары,
Сердце жъ твое къ чужеземцу пути твои править.
Помни, Господь безъ отщепенья грѣха не оставитъ,
Близокъ ужъ день его гнѣва и праведной кары!

МАГДАЛИНА.

Сама я знаю это! Но, о Боже!
Хотѣла бы молиться я,—вѣдь тяжело
Покинутой быть всѣми,—и невольно
Глаза я поднимаю къ небесамъ,
Чтобъ тамъ найти опору и поддержку.
Но, Господи, зачѣмъ извѣстно мнѣ,
Что ты, людямъ вѣщающій громами,
Раскаянія грѣшныхъ не приѣмлешь,
Что нѣтъ для нихъ возврата...

РАВЫНЯ [входить].

Госпожа!

Изъ-за стола всталъ Понтій и къ тебѣ
Сюда идетъ онъ.

МАГДАЛИНА [отступая съ отвращеніемъ].

Только не теперь!

О, ради высшей святости небесной
Ни слова мнѣ теперь о наслажденьяхъ!

РАВЫНЯ.

Ужъ близко онъ.

МАГДАЛИНА.

Такъ дай же мнѣ вина,
Дай утопить свое мнѣ отвращенье!
Прими покойный видъ, мое лицо,
Подъ маской холода сокрой волненье,
Чтобъ взоръ его не могъ прочесть того,

[Указываетъ на грудь].

Что здѣсь написано. Вернись назадъ
На щеки блѣдныя, румянецъ робкій,
И загорайся радостнымъ привѣтомъ.
Его шаги!..

ПОНТІЙ [отдергиваетъ завѣсу и, входя, обра-
щается къ оставшимся позади].

Скорѣй, лѣнтяи! Сони!

Закройте всѣ свѣтильники вы эти,
Что свѣтъ дневной собой напоминаютъ.
Въ кимвалы бейте громче, веселѣе;
Цвѣтами увѣнчайте чашу мнѣ.
Вы, ликторы, по городу ступайте,
Будите всѣхъ, чтобы никто не спалъ
Въ ту ночь, когда не спитъ ихъ господинъ
И во дворцѣ своемъ онъ веселится.

[Протягиваетъ объятія Магдалинѣ].

Ну, что жъ, рабыня? Ты вѣдь быстроюй
Должна бѣ равняться съ вражеской стрѣлою,
Которая, едва сорвавшись съ лука,
Уже вонзилась въ сердце. Что же медлишь?

Магдалина идетъ ему навстрѣчу.

ПОНТІЙ.

Твой легкій шагъ соперничалъ съ газелью,
Сегодня жъ онъ и медленъ, и тяжелъ.
О чемъ грустишь ты?

МАГДАЛИНА.

Нѣтъ, я весела.

ПОНТІЙ.

Еще и лжешь къ тому. Мнѣ это скучно!
Я шелъ къ тебѣ съ огнемъ, съ одушевленьемъ,
Я въ ваннѣ захватить тебя хотѣлъ,
Сверкающую нѣжной бѣлизною,
Охваченную темною волной,
Хотѣлъ предстать я лебедемъ влюбленнымъ,
Ласкать тебя лобзаньями и перья
Сложить въ истомѣ на груди твоей!
А ты такъ холодно идешь навстрѣчу.
Скорѣй, скорѣй, лобзай меня дыханьемъ!

МАГДАЛИНА [подойдя къ нему, содрогается и
отступаетъ; руки ея безжиз-
ненно опускаются].

Твои уста пылаютъ отъ вина.
Мнѣ жаръ противенъ ихъ. Я не могу!
Сжимаются мои предъ ними губы,
Какъ лепестки цвѣтка передъ самумомъ.

ПОНТІЙ [раздражаясь].

Несчастливая, въ своемъ ли ты умѣ?
Кто въ цѣлой Иудеѣ вашей смѣетъ
Сказать: «я не могу» иль «не хочу»,
Когда ему приказываетъ Понтій?
Но кровь во мнѣ сильнѣе разжигаетъ
Твое упрямство. О приди, приди!

МАГДАЛИНА [убѣгая отъ него].

Нѣтъ, нѣтъ! Оставь меня! Мои всѣ члены,
Подобные пугливыхъ ланей стаду,
Бѣгутъ тебя, какъ волка. Дикій трепеть
Пронзаетъ всю меня насквозь,
Лишь только ты коснешься.

ПОНТІЙ [преслѣдуя ее].

Надо мною

Ты издѣваешься? Иль хочешь быть
Сильнѣе ты мужчины? Или Понтій,

По-твоему, ничтожнѣе раба,
Который все же властенъ надъ женою?

[Борется съ нею].

Сдавайся жь!

МАГДАЛИНА.

Я не въ силахъ! И когда бь
Себя хотѣла я къ тому принудить,
Межь нами что-то темное встаетъ
И гонить отъ тебя.

ПОНТІЙ [въ бѣшенствѣ выхватываетъ кинжалъ].

Такъ умирай же!

Снаружи доносится короткій крикъ и глухой, тяжелый звукъ паденія.

ПОНТІЙ [пораженный, останавливается].

Что было тамъ? Не падаютъ ли стѣны?

[Выглядываетъ наружу].

Но все кругомъ спокойно, ночь тиха.

[Отбрасываетъ кинжалъ].

Мой жаръ прошелъ; ты не умрешь, рабыня,
Но я смирю тебя! Я нанесу
Такой ударъ, который для еврейки
Чувствительнѣй всего. Твой блѣдный страхъ
Окрашу я румянами такими,
Что ты веселой всѣмъ казаться будешь.

[Злобно ходить взадъ и впередъ].

А! Знаешь ли, какимъ путемъ жестокость
Явилась въ міръ? Я это знаю!

[Отдергиваетъ завѣсы].

Эй!

Входитъ придворная свита Понтія.—Находящіеся въ смежномъ помѣщеніи евреи, увидѣвъ Понтія, привѣтствуютъ его восклицаніями и бросаются на землю.—Между ними стоитъ Іуда.

ПОНТІЙ [одному изъ придворныхъ].

Кто въ тюрьмахъ заключенъ у насъ, скажи мнѣ.
Но называй однихъ евреевъ только.

ПРИДВОРНЫЙ.

Есть двое изъ колѣна Исахара
И оба обвиняются въ покражѣ
Монеты императорской. Давно
Заключены они и до сихъ поръ

Еще не установлено, который
Изъ двухъ укралъ.

ПОНТІЙ.

Распять обоихъ! Дальше.

ПРИДВОРНЫЙ.

Еще есть іудей, который рыбу
Готовилъ къ твоему столу и брошенъ
Въ тюрьму за то, что рѣдкаго леща
Онъ упустилъ.

ПОНТІЙ.

Казнить немедля. Дальше.

МАГДАЛИНА [закрываетъ лицо и бросается
на землю].

И я всему виной! Великій Боже!

[Придворный не рѣшается продолжать. Свита удивлена. Среди евреевъ подни-
мается ропотъ].

ОДИНЪ ИЗЪ ЕВРЕЕВЪ [сосѣду].

Ты слышалъ, Даниилъ, приказъ безбожный?
Когда жъ воззритъ Господь на свой народъ
И покараетъ гнѣвомъ чужеземцевъ,
Какъ въ дни Мельхиседековы были?

ДРУГОЙ.

Когда настанетъ тотъ желанный часъ,
Отъ нихъ добычей всё мы поживимся.
У нихъ вѣдь много денегъ и вещей
Изъ разныхъ странъ, и очень дорогихъ.

ТРЕТІЙ.

Я той собакѣ ножъ въ животъ вонжу,
Какъ нѣкогда проклятому Сиссарѣ.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А я найду большой и острый гвоздь
И въ мозгъ ему вобью, какъ Гаиль
Благословенная; потомъ возьму
Его я драгоценныя одежды
Себѣ и дѣтямъ, и дѣтямъ дѣтей.

ПОНТІЙ [грозно подходитъ къ нимъ].

Ворчатъ еще! Оборванные черви!

ЕВРЕИ [боязливо отступаютъ].

Мы не ворчимъ. Мы, по обыкновенью,
Собрались здѣсь привѣтствовать тебя.
Мы обсуждаемъ, какъ начать намъ рѣчь.

[Робко пятятся во всѣ стороны, протискиваясь одинъ за другого. Передъ Понтиемъ остается одинъ Іуда].

ІУДА [со скрещенными на груди руками].

Не вѣрь имъ. Лгутъ. Да нѣтъ имъ и причины
Любить тебя и счастія желать;
Проклятiя тебѣ они шептали.

ПОНТИЙ [мрачно мѣряетъ его глазами].

А кто ты самъ?

ІУДА.

Я вѣстникъ, или нѣтъ,
Едва ли вѣстникъ, такъ какъ не желаю
Награды получать, ни въ видѣ свѣтлыхъ
Динарiевъ изъ твоего кармана,
Ни въ видѣ тяжкихъ палочныхъ ударовъ;
Но все жъ отвѣтить долженъ, что принесъ
Тебѣ извѣстье я.

ПОНТИЙ.

Ты видомъ смѣлъ,
А рѣчь твоя грубѣй и неуклюжѣй,
Чѣмъ рубище, въ которомъ ты одѣтъ.
Кто шлетъ тебя?

ІУДА.

Я самъ.

ПОНТИЙ.

Такъ говори.

ІУДА.

Въ ущельяхъ Эфраима раздается
Зловѣщiй шумъ и крики, отъ которыхъ
Стада въ испугѣ убѣгають съ пастбищъ,
А лошади копытомъ роютъ землю
И весело храпятъ, почувавъ бой.
Колѣна Манассiи пастухи
Рѣшили не давать вамъ десятины
И встали всѣ, какъ человекъ одинъ,
Противъ твоихъ желѣзныхъ легионовъ,

Изъ горъ своихъ слѣшаютъ они въ долины
И примыкаетъ къ нимъ голодный людъ,
Искатели добычи, приключеній
И много вдохновенныхъ крикуновъ.
Ихъ вождь Варрава—объшенный убійца;
Его хотятъ царемъ они помазать
И ждутъ, что всѣхъ онъ васъ, тебя и римлянъ,
Сотретъ съ лица земли.

ПОНТІЙ.

Такъ, значить, снова,
Оскаливъ зубы, голову вздымаетъ
Упорство дерзкое! Ну, хорошо жъ!
Я обмакну свой мечъ въ потокахъ крови
И на челѣ упрямецъ начертаю
Законы Рима. Флавій! Гдѣ мой Флавій?
Мой юный вождь, испытанный въ бояхъ?
Сходитесь на совѣтъ и позовите
Мнѣ Флавія.

[Отходить съ совѣтниками въ глубину].

ШОПОТЪ МЕЖДУ ЕВРЕЯМИ.

Ну что, слыхалъ сейчасъ
Ты голосъ изъ пустыни? Къ намъ идетъ
Толпа воровъ, грабителей и нищихъ.
Неужли имъ добро свое отдать?
Остановить для нихъ торговлю нашу?

[Голоса переходятъ въ громкій крикъ].

Мы не хотимъ царя себѣ иного,
Какъ только кесаря. Хвала ему!
Правителя другого не хотимъ мы;
Ты нашъ правитель, справедливый Понтій!
Хвала тебѣ! Позоръ твоимъ врагамъ!

ИУДА [съ злобной улыбкой].

Скоты длиннородые! Ползутъ
Съ ярмомъ презрѣннымъ на спинѣ, по грязи,
И за собой исторію влекутъ!
Какъ низко пали всѣ! Какъ низко пали!
Купить ихъ можно за гнилую корку.
О, горе и позоръ!

ПОНТІЙ [возвращается].

Скорѣе, Флавій!
Но гдѣ же онъ? Или его не звали?

КОТТА [громко всхлипывая].

О господинъ! Нашъ Флавій!.. Добрый Флавій!..
Мы подъ стѣной внизу его нашли,
Какъ зрѣлый плодъ, разбившійся о землю.

ПОНТІЙ.

Яснѣ говори.

КОТТА.

О, господинъ,
Какъ говорить, когда и самъ неясно
Успѣлъ его я разглядѣть подъ щепнемъ,
Покрывшимъ грудой трупъ его разбитый?

ПОНТІЙ [припоминая].

Такъ вотъ причина слышаннаго мной
Паденья камней.

КОТТА.

Вѣрно, господинъ.
Онъ часть стѣны увлекъ въ своемъ паденьи.
Я другомъ былъ ему, но и не думалъ,
Что онъ къ стѣнамъ такую страсть имѣеть.
Напротивъ, онъ всегда еще томился,
Межъ четырьмя стѣнами сидя. Вѣрно,
Хотѣлъ онъ кладъ какой-нибудь достать.

ПОНТІЙ [подозрительно].

Иль на охотѣ онъ погибъ, какъ соколъ.
И нѣтъ ужъ въ немъ дыханья?

Одинъ изъ свиты [выступая впередъ].

Чудотворецъ

Явился здѣсь; онъ — врачъ изъ Галилеи,
По имени зовется: Иисусъ;
И самъ я былъ свидѣтелемъ недавно,
Какъ онъ одну старуху исцѣлилъ.
Она была бѣсами одержима
И много лѣтъ здѣсь, на углу дворца,
Просила у прохожихъ подаанья.
Я думаю, что если бъ удалось
Найти его, то, вѣроятно, онъ
Помогъ бы твоему центуріону.

ПОНТІЙ.

Сыскать его!

[Оглядывается на Магдалину].

Когда онъ выгоняетъ
Изъ человѣка демоновъ, поможетъ
Онъ и рабынѣ этой. Посмотрите:
Сидитъ, молчитъ, широкими глазами
Уставилась во что-то предъ собой.
Клянусь богами Рима, невозможно
И изваянью неподвижнѣй быть!
Теперь и мнѣ приходится повѣрить
Народнымъ розсказнямъ, что духи злые
Летаютъ по землѣ и въ человѣка
Вселяются.

[Обращается къ совѣтникамъ].

Ну, что же, мудрецы?
Совѣтуйте! Мой отуманенъ умъ;
Мнѣ въ кровь засѣлъ, какъ шипъ колючій, гнѣвъ.
Скажите, кто жъ подавить этотъ бунтъ,
Коль Флавія рука окоченѣла
И духъ его изъ тѣла улетѣлъ?

ИУДА.

Напрасно время только потеряешь
Ты съ этими, наморщенными важно,
Бровями ихъ, съ поджатыми губами,
Со вздернутымъ для размышленья носомъ.
Они — параграфы безъ содержанья
Предъ знакомъ вопросительнымъ, и снова
За ними ты поставишь знакъ вопроса.
Ужъ лучше я скажу тебѣ, что дѣлать.

ПОНТІЙ.

Въ твоемъ-то рубищѣ?

ИУДА.

А пурпуръ твой
Не та же ли, со временемъ, ждетъ участь?
Когда ты вѣришь въ чудеса, такъ помни,
Что и мои лохмотья могутъ стать
Богатымъ пурпуромъ. Ты хмуришь брови?
Такъ, значитъ, также къ тѣмъ принадлежишь,
Которые въ тюрьму велѣли бросить
Бѣднягу нищаго за то, что онъ,
Надѣвши круглую отъ хлѣба корку
На голову себѣ, смѣясь воскликнулъ:
«Теперь я царь! Клянусь моею короной».

А, впрочемъ, что и удивляться? Это
Обычная боязнь у всѣхъ тирановъ!
Тебѣ жъ замѣчу только, что давно ужъ
Ты къ смерти ближе былъ, чѣмъ думалъ самъ.

[Безпокойное движеніе Понтія].

Знавалъ я человѣка одного,
Остатокъ той породы великановъ,
Что жили здѣсь во времена Еноха;
Ему вся Іудея представлялась
Разостланнымъ платкомъ, а легіоны
Твоихъ солдатъ—разставленными въ рядъ
На немъ игрушками. Однимъ движеніемъ
Хотѣлъ онъ сбросить васъ и положить
Платокъ себѣ въ карманъ! Но по дорогѣ
Наткнулся онъ на путеводный столбъ.
А столбъ ему, и впереди, и сзади,
Развалины однѣ лишь указалъ.
И человѣкъ предъ нимъ остановился
И впалъ въ раздумье онъ, и впалъ въ раздумье.
Да. Мочь! Хотѣть! Не мочь, и не хотѣть:
Вотъ тѣ углы станка, вотъ тѣ границы,
Въ которыхъ нашей жизни нить снуется.
И съ той поры мнѣ этотъ человѣкъ
Навѣки сталъ врагомъ.

ПОНТІЙ.

Но кто же онъ?

Скажи его мнѣ имя.

ІУДА.

Погоди!

Тебѣ о немъ поразскажу еще я.
За нѣсколько недѣль тому назадъ
Ходилъ онъ въ горы, гдѣ, въ глуши, Варрава
Оспариваетъ ложе у звѣрей.
Варравѣ іудеи довѣряли,
И шла о немъ молва: «Вотъ человѣкъ,
По лютости не вѣдающій равныхъ,
Народный нашъ герой, надежда наша!
Горитъ его рука всѣхъ чужеземцевъ
Передавить, какъ виноградъ въ тискахъ!»
И человѣкъ къ нему поднялся въ горы.
Хотѣлъ онъ быть рукой могучей той,
Которая возьметъ кинжалъ-Варраву
И навсегда освободитъ Израиль.

ПОНТІЙ.

Скорѣ имя! имя!

ИУДА.

Погоди!—

Варраву онъ нашель въ ущельѣ дикомъ.
 Тотъ въ это время убиваль быка
 И весь забрызганъ былъ горячей кровью.
 Своими волосатыми руками
 Онъ теплый трупъ на части разрываль
 И мясо ѣлъ съ прожорливостью дикой,
 И голосомъ, подобнымъ реву звѣря,
 Онъ говорилъ, что думаетъ возсѣсть
 На царство іудейское. Вокругъ
 Товарищей его лежала шайка
 Нагихъ, голодныхъ, жалкихъ оборванцевъ.
 Когда пришлецъ свое сказалъ имъ имя,
 Они съ восторгомъ приняли его,
 Какъ мѣхъ, до верха полный преступленьемъ,
 Достойный ихъ. И много дней провелъ
 Тотъ человѣкъ съ несчастнымъ этимъ сбродомъ.
 Онъ ликоваль и бѣсновался съ ними,
 А самъ припоминаль въ душѣ своей
 Былые дни величія и славы
 Во время Моисея и царей.—
 И вотъ теперъ надежда Іудеи
 Покоилась на этой гнусной шайкѣ!
 И человѣкъ сказалъ тотъ самъ себѣ:
 «Хотя бъ изъ года въ годъ неумоимо
 Травилъ насъ Римъ, до самой нашей смерти,
 Изъ этихъ избавитель не возстанетъ».
 Онъ взялъ свой посохъ и сошелъ въ долины;
 Изъ дома въ домъ ходилъ онъ неустанно,
 Чтобъ разглядѣть у братьевъ ихъ сердца.
 И всюду видѣлъ онъ, какъ свой позоръ
 Они личиной жалкой закрывали.
 Сердца ихъ только строили гримасы,
 Языкъ болталъ слова одни безъ дѣла,
 И десять разъ подъ рядъ готовы были
 Отъ Бога всѣ отречься за пять ассовъ.
 И, право, хорошо смотрѣть, что вы
 Ихъ прошлое ногами растоптали,
 Что настоящее ихъ распинаешь
 Ты на Голгоѣ, Понтій, на крестѣ

И что двѣнадцать разъ на дню вбиваютъ
 Ему сквозь руки и сквозь ноги гвозди
 Служители твои, и столько жъ разъ
 Своею тысячью желѣзныхъ копьевъ
 Ему больныя раны вередятъ.
 Я говорю, что весело смотрѣть
 На эти всѣ мученья оттого,
 Что сами Иудеи-то готовы
 Скорѣй поворно погибнуть на крестѣ,
 Чѣмъ потерять одну-другую жатву
 Въ борьбѣ съ врагомъ за волю и свободу.
 И вотъ похоронилъ свои надежды
 Тотъ человѣкъ, и онъ сказалъ себѣ:
 Такой народъ не можетъ быть избраннымъ
 И не достоинъ утѣшенья онъ.
 Его не излечить, и лишъ презрѣнье
 Его удѣлъ, какъ и всего на свѣтѣ.—
 Не долженъ приходить къ нему Мессія,
 Ни ты—ни кто другой!»

ПОНТІЙ [наступая].

Но говори же,
 Кто человѣкъ тотъ? Гдѣ онъ?

ИУДА.

Погоди!

Варрава разъ или два ужъ присылалъ
 Пословъ къ нему напомнить объ условьи.
 А ихъ условье было, что сначала
 Изъ странъ нагорныхъ въ Иерусалимъ
 Тотъ человѣкъ тихонько проберется
 И здѣсь тебя онъ тайно умертвить;
 Тогда сюда жъ, со всей своей ордою,
 Съ евреями, способными на битву,
 Нагрянетъ съ горъ Варрава и прогонитъ
 Пришельцевъ изъ земли благословенной.
 И человѣкъ пришелъ...

ПОНТІЙ.

Онъ будетъ схваченъ!
 Но гдѣ же онъ?

ИУДА.

Здѣсь.

ПОНТІЙ.

Который?

ИУДА.

Это—я.

ПОНТІЙ.

Какъ ты?

ИУДА.

Да, я. И знать мнѣ любопытно,
Что станешь ты теперь со мною дѣлать?

ПОНТІЙ [послѣ нѣкотораго раздумья].

А какъ ты думаешь?

ИУДА.

Сказать тебѣ?

Такого камня нѣтъ, который могъ бы,
Какъ тѣлу, духу дать я въ изголовье
И властно приказать ему: «Ложись
И въ мирѣ спи отнынѣ!» Потому
Совѣтую—распятъ меня скорѣе.

ПОНТІЙ.

Ты будешь жить!

ИУДА.

Такъ, значить, ты задумалъ
Меня въ темницу бросить, чтобы тамъ я
Велъ разговоры съ собственною тѣнью
До той поры, пока ее за брата
Не стану принимать въ безумья.

ПОНТІЙ.

Нѣтъ!

ИУДА.

Во имя Сатаны! Чего жъ ты хочешь?
Давно, по горло, я пресыщенъ жизнью,
И въ мирѣ нѣтъ такого уголка,
Гдѣ могъ бы переваривать спокойно
Я эту жизнь! Забыться сномъ хочу я!
Но сонъ безъ сновидѣній—смерть одна.
Надѣюсь, что меня ты не оставишь
Опять съ людьми жить и на свободѣ?

ПОНТІЙ.

Оставляю, да. Иди, куда захочешь.

ИУДА.

Жаль, очень жаль! А я ужъ было думалъ,
 Что наконецъ раздѣлался съ собой,
 И радовался этому заранѣ.
 Ну, если ужъ нельзя иначе быть,
 Закину снова за плечи себѣ
 Котомку жизни и, изъ любопытства,
 Ее еще немного протащу.
 Когда бы зналъ я что-нибудь такое,
 За что бы стоило еще приняться!

ПОНТІЙ.

Попробуй людямъ другомъ быть.

ИУДА.

Спасибо!

Скорѣе десять лѣтъ готовъ прожить я
 Въ сообществѣ однихъ лишь муравьевъ!
 Пошли въ Хевронъ, въ пустынный городокъ,
 Гдѣ патріархи прежде судъ творили,
 Найдешь Варраву тамъ и всю ихъ шайку.
 Прошу тебя, дай имъ побиться вволю,
 Какъ мухамъ, до-смерти! О если бъ, если бъ
 Я что-нибудь еще придумать могъ,
 Чѣмъ стоило бъ заняться на землѣ!!

МАГДАЛИНА [въ смежномъ помѣщеніи, про
 себя].

Но развѣ не пора? И развѣ птички
 Не расправляютъ уже въ гнѣздахъ крыльевъ?
 И не поютъ своей прощальной пѣсни
 Сверчки ночные?

ИУДА [отзываясь ей].

Что ты шепчешь тамъ,
 Какъ будто сновидѣнья тайный голосъ,
 Который спящаго зоветъ съ собой:
 «Вставай, пойдѣмъ во мракъ за ночью!» Да.
 Заря взойдетъ, но не для насъ съ тобою.
 Хотѣлъ бы я совой ночью быть
 И прятаться въ расщелинахъ, въ гробахъ,
 Отъ свѣта дня.

ПОНТІЙ [придворному, который только что
 вошелъ и направляется къ нему]

Что надо?

ПРИДВОРНЫЙ.

Господинъ!

Ты слышишь эти возгласы и крики,
Что издали доносятся, сливаясь?
То іудеи къ намъ сопровождаютъ
Врача изъ Назарета, Іисуса,
Котораго найти ты приказалъ.

КРИКИ НАРОДА [внизу, на площади].

Осанна, Богомъ посланный избранныкъ!
Осанна, Эмануиль!

ПОНТІЙ [отдергиваетъ завѣсы].

Что за крики?

Пройдите, кто-нибудь, туда на выступъ
И посмотрите, что тамъ происходитъ?

ПРИДВОРНЫЙ [съ выступа].

Кишитъ внизу, на площади, народъ,
Въ рукахъ у многихъ пальмовыя вѣтви;
Цвѣты они и зелень молодую
Кидаютъ на дорогу. По срединѣ
Стоитъ необычайный видомъ мужъ.
Слѣпому руку на глаза простеръ онъ
И тихо пальцами провель по вѣткамъ...
Возможно ль? Какъ?! Слѣпецъ увидѣлъ свѣтъ,
И весь народъ въ восторгѣ славить чудо!

[Внизу ликующіе крики народа].

ПОНТІЙ.

Его наружность опиши мнѣ

ПРИДВОРНЫЙ.

Нѣтъ,

Она не поддается описанью!

МАГДАЛИНА [выступая наружу, съ восторжен-
нымъ лицомъ и широко раскры-
тыми руками].

Молчите всѣ! Уста онъ открываетъ.
Самъ воздухъ замеръ въ трепетномъ вниманьи.
Вотъ движутся уста. Онъ говоритъ!

[Слышнеть благостный голосъ].

Придите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся
И обремененные,
И я успокою васъ.

МАГДАЛИНА [бросаясь на колѣни].

Къ тебѣ! Къ тебѣ! Вѣдь ты—сама любовь!

ИУДА [стоитъ потрясенный; затѣмъ, придя въ себя, онъ скрещиваетъ руки, смотритъ на Иисуса и говорить].

По истинѣ—вотъ первый человѣкъ,
Мое вниманье пробудившій къ людямъ.

ОТДѢЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Передъ хижиной Лазаря.

Поддень того же дня.

ИУДА [стоитъ у стѣны, заглядывая въ окно и прижимая сжатую руку къ сердцу]

Червякъ, когда, при взглядѣ въ этотъ домъ,
Начнешь въ груди ты снова шевелиться,
Я раздавлю тебя. Беретъ досада
На эту женщину, что такъ слаба,
Такъ неустойчива и такъ безумна!
Лишь появился бѣдный тотъ пришелецъ,
Питающій народную толпу
Красивыми словами, и она
Ужъ отъ величья власти отказалась
И вновь лежитъ въ своей лачугѣ бѣдной,
Какъ жалкій образъ горести и слезъ,
Предъ нею братъ больной; но ей внимаешь
Безъ состраданья онъ, во всемъ подобный
Той каменной, изломанной доскѣ
Съ закона изреченьями, что подлѣ
Его постели на стѣнѣ висить.
Досадно этой женщины безумье,
Досадно легковѣріе! А впрочемъ,
И для меня онъ—первый человѣкъ,
Во мнѣ вниманіе къ людямъ пробудившій.
Начну жъ опять сначала я работу;
Попробую еще. Пораньше встану,
Возьму подъ мышку опытъ прежнихъ дней,
Какъ школьникъ свой урокъ, и поступлю
Къ учителю я новому въ ученье.
Быть можетъ, кое-что я и узнаю
Полезное для жизни, на примѣръ:

Какъ строить домъ, какъ взять себѣ жену,
Или тому подобную премудрость.
О Магдалина! Лѣтницѣ подобна
Гуды мысль, и ты въ ней составляешь
Немалую ступень. Съ тѣхъ самыхъ поръ,
Какъ ясный взоръ большихъ твоихъ очей
Покоился съ участіемъ на другомъ,
Ты нравишься мнѣ снова! Оставайся жъ
Погружена съ тоскою въ созерцаніе
Прославленной имъ ѣдкой нищеты,
Пока къ тебѣ я снова не вернусь,
Единственный твой вѣрный утѣшитель,
И не вкушу забвенья съ устъ твоихъ!

Удаляется.

Въ хижинѣ.

ЛАЗАРЬ.

Въ тотъ день ее я развѣ не просилъ?
Не умолялъ? Не плакалъ передъ нею?
Она рванулась изъ моихъ объятій
И изъ дому ушла. Такъ пусть же будетъ
Исторгнута изъ рода навсегда!

МАГДАЛИНА [рыдая у его ногъ].

О, братъ, взгляни! Раскаянья слезами
Твои я ноги съ плачемъ омываю;
Колѣни въ ранахъ, въ ранахъ мое сердце!
Не встану я, пока ты не простишь!

МАРѢА.

О, сжался надъ сестрою бѣдной!

ЛАЗАРЬ.

Нѣтъ:

Ей мѣсто у проклятаго на ложѣ,
Который римлянина ею тѣшилъ.

МАГДАЛИНА.

Онъ далеко. И я одна, одна!
Назадъ низвергнута въ нужду и горе!
Куда жъ теперь итти?

ЛАЗАРЬ.

Отсюда прочь!

МАГДАЛИНА [громко вскрикивая].

Въ погибель, братъ?!

ЛАЗАРЬ [мрачно отстраняя ее].

Иди, куда ты знаешь,

Но только прочь отсюда!

МАГДАЛИНА [рыдая бросается на землю].

О-о-о!

ЛАЗАРЬ [строго Марѳѣ и Іохебѣ].

Не стойте здѣсь, не плачьте и молчите!

Охъ, тяжело! Снова боль моя вернулась!

Сведите на постель.

Уходите, опираясь на Марѳу и Іохебу.

МАГДАЛИНА [бросаясь за нимъ].

Лазарь! Лазарь!

[Опускается передъ захлопнувшюся дверью].

Какъ стонетъ онъ. Какъ онъ страдаетъ, бѣдный!

Увы, болѣзнь проникла до костей,

А мнѣ нельзя страдальца и утѣшить.

Отвергнута, несчастная, я братомъ,

Отъ очага родного прогнана...

Куда жъ теперь? Куда?

ІОХЕВА [возвращаясь изъ комнаты Лазаря].

Не плачь же такъ,

Не плачь моя любовь, моя голубка!

И блескъ очей слезами не мути.

МАГДАЛИНА [бросается къ ней на шею].

О Іохеба! Добрая ты мать!

ІОХЕВА [отирая со щекъ ея слезы].

Да, матерью назвать меня ты можешь.

Вѣдь это сердце старое мое

Святымъ восторгомъ материнскимъ билось,

Когда, бывало, ты—ребенокъ милый,

Красивый, полненькій,—съ веселымъ смѣхомъ

Барахталась въ колѣняхъ у меня,

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
ФЕВРАЛЬ, 1909 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1909 г.

	СТРАН.
I. Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). VII—XV. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	435
II. Императоръ Александръ III въ Бѣловѣжѣ. Н. К. Полевого	476
III. Страна неожиданностей (Изъ замѣтокъ японца). (Окончаніе). Р. П. Сементковского	495
IV. Паденіе искусства. (Листки изъ записной книжки). (Окончаніе). Н. П. Гнѣдича	528
V. Лишенные всѣхъ правъ человѣческихъ. (Изъ личныхъ воспоминаній о штрафныхъ батальонахъ). Георгія Черенкова	550
VI. Царственный кунецъ. Г. Т. Сѣверцева-Полилова	574
VII. Пушкины и славяне. А. Н. Сиротинна	590
VIII. Военная вспышка. (Отрывокъ изъ воспоминаній о смутномъ времени въ Харьковѣ). М. I. К.	612
IX. Романистъ «на покоѣ». (Изъ воспоминаній о графѣ Е. А. Салиасъ-Турнемирѣ). А. А. Назайтова (Смоленскаго)	630
X. Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. (Некрологъ). Б. Г.	656
Иллюстраціи: 1) Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. — 2) Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій въ облаченіи.	
XI. И. Е. Забѣлинъ. (Некрологъ). М. В. Клочкова	670
Иллюстрація: Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ.	
XII. Памяти Ѳ. Н. Плевако. П. А. Россіева	681
Иллюстрація: Федоръ Никифоровичъ Плевако.	
XIII. Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). II. Каракозовскій выстрѣлъ. Б. Б. Глинскаго	692
Иллюстрація: Дмитрій Владимировичъ Каракозовъ.	
XIV. По сѣверу и югу. (Картинки Россіи). Н. Н. Лендера (Путника)	725
Иллюстраціи: 1) Вершины Урала. — 2) Лысьвенскій заводъ на Уралѣ. — 3) Церковь и памятникъ графу П. П. Шувалову на Лысьвенскомъ заводѣ. — 4) Лысьвенскій городокъ на Уралѣ. — 5) Въ долинахъ Урала (Средній Таганай). — 6) Видъ города Екатеринбургъ. — 7) Главная улица въ Екатеринбургѣ. — 8) Вершина горы Большой Таганай на Уралѣ. — 9) Городъ Челябинскъ. — 10) На Самаро-Златоустовской жел. дор. (Усть-Катавъ). — 11) Городъ Златоустъ. — 12) Утесы «Первая бечева» и горная рѣчка Симъ на Уралѣ. — 13) Самаро-Златоустовская жел. дор. Видъ у Юрезянскаго моста. — 14) Утесы Урала на Самаро-Златоустовской жел. дор. Утесъ «Красный камень».	
XV. Критика и библиографія.	774
1) Исторія Государевой Свѣты. Т. III. Царствованіе императора Николая I. Главный редакторъ Д. А. Скалонъ, составители В. В. Квадри и В. К. Шенкъ, помощники: Г. С. Габаевъ, Н. Н. Мерлинъ и М. К. Соколовскій. Съ многоч. иллюстр. Мих. Соколовскаго. — 2) Исторія Финляндіи. Время императора Александра I. Съ портретами, иллюстраціями и картой. — М. Бородина, 1909 г. — Къ столѣтію покоренія Финляндіи. П. Майкова. — 3) Писаревскій, Г. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. (по неизданнымъ архивнымъ документамъ). М. 1909. М. Клочкова. — 4) Th. Pantenius. Geschichte Russlands. Leipz. 1908. А. Б. — 5) Адольфъ Гарнакъ. Монашество, его идеалы и его исторія. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія П. М. Никольскаго. Пятая книга серіи «Религія и церковь въ свѣтѣ научной мысли и свободной критики». Спб. 1908. Пантарея. — 6) В. Г. Дружининъ. «Священно-іерей» Матвѣй Андреевъ, его бесѣды съ безповоцами и посланія къ нимъ. Спб. 1908 г. в. Т—аго. — 7) Записки Сергѣя Алексѣевича (См. слѣд. стран.).	

Тучкова. Пожъ редакцій и со вступительной статьей К. А. Военскаго. Спб. 1908. А. Б.—8) Акты угличской провинціальной канцелярія (1719—1726 гг.), издаанные председателемъ Ярославской ученой архивной комиссіи, под редакціей товарища председателя комиссіи, профессора Ф. В. Тарановскаго. Т. I. М. 1908. В. Рудакова.—9) А. Алферовъ и А. Грузинскій. Русская литература XVIII вѣка. Москва. 1907. А. Фомина—10) Г. Сянохаевъ. Послѣ Гоголя. Посobie и хрестоматія для старшихъ классовъ средней школы и для самообразования. Часть I. Спб. 1908. н. л.—11) А. Вогумиль. Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ. Киевъ. 1908. А. Фомина.—12) Константинъ Кузьминскій. О сборникѣ молитвъ, известномъ подъ названіемъ «Абагаръ». М. 1908. Изъ «Древностей» славянской комиссіи московскаго археологическаго общества», т. IV. Его же. Очеркъ развития новой болгарской литературы. М. 1907. А. я.—13) Геделундъ, Л. Н. Исторія Даніи. Перевелъ съ датскаго графъ Н. Протасовъ - Вахметевъ. Съ 84 рисунками и 2 картинками. Е.—14) И. Корниловъ. Русское дѣло въ Северо-Западномъ краѣ. Изданіе второе. Вып. I. Спб. 1908 г. А. Б.—15) А. И. Фаресовъ. Забытая писательница и ея заслуги. Спб. 1909. А. н.—16) Г.-Л. Ренненкампфъ. Мукденское сраженіе. Двадцатидневный бой моего отряда. Спб. 1909.—Ф. Лигницъ (генер.-отъ-инфантеріи германской службы). Японо-русская война. Извлечение изъ I части. Спб. 1909.—Русско-японская война. Офіціальный донесенія японскихъ главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами. Собраны и опубликованы въ Киото Г. М. Кинай. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей М. Грулева. Спб. 1909. л. н.—17) Baltischer historisch-geographischer Kalender 1908. Изданіе Платеса. Рига. Мальмгренъ—18) Альерсъ-Календаръ Курляндской губерніи подъ ред. Я. И. Лудмера и А. Э. Мальмгрена. XXX изданіе курл. губернскаго статистическаго комитета. Митава. 1908.—и.—19) М. А. Лялина. Очерки исторіи Финляндіи отъ древнѣйшаго періода до начала XX столѣтія. Изданіе Везезовскаго. Спб. 1908. и—иа.—20) Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Выпускъ пятый. Полтава. 1908. Ф. Рудакова.—21) Виталий Эйгорнъ. Къ исторіи иноземцевъ въ старой Малороссіи. М. 1908 г. А. Хах—ова.—22) Городъ Аткарскъ. Матеріалы для историко-географическаго описанія Саратовской губерніи по рукописямъ и изслѣдованіямъ члена и. р. географическаго общества Александра Николаевича Минха. Съ 16 рис. Аткарскъ. 1908. в. Р—ва.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 807

1) Доисторическій человекъ. — 2) Новая псевдо-Желѣзная Маска. — 3) Исторія самага большаго порта въ свѣтѣ. — 4) Безсмертная возлюбленная Ветховена. — 5) Воспоминанія о графинѣ Валонь. — 6) Автобіографія Патти. — 7) Миѣніе Ферреро о Ломброзо, какъ современномъ пророкѣ, великомъ пессимистѣ и писателѣ. — 8) Конецъ статей Куропаткина о русско-японской войнѣ. — 9) Ломброзо о мессинской катастрофѣ. — 10) Переворотъ въ Небесной имперіи. — 11) Юбилей въ Англіи и въ Италіи. — 12) Смерть Альбера Годри, Эрнеста Рейза, Альбера Мара, Джона Вашингтона, Томаса Макки, профессора Шабаца, Рихарда Пишеля и Эрнста Вильденбруха.

XVII. Смѣсь. 838

1) Торжественное собраніе императорской академіи наукъ. — 2) Въ академіи наукъ. — 3) Въ литературномъ фондѣ. — 4) Занятія московскаго предварительнаго комитета по устройству XV археологическаго съезда. — 5) Къ предстоящему IV-му областному историко-археологическому съезду. — 6) Экспедиція для изслѣдованія Камчатки. — 7) Гробъ Гоголя. — 8) Юбилей «Сенатскихъ Вѣдомостей». — 9) Юбилей В. И. Герье. — 10) 25-лѣтіе ученой дѣятельности академика Л. Г. Веллярмянова. — 11) Юбилей К. С. Варанцевича. — 12) 25-лѣтній юбилей В. А. Шуфа. — 13) Отъ совѣта императорскаго русскаго военно-историческаго общества.

XVIII. Некрологи. 853

1) Вобровъ, В. А. — 2) Вахрамевъ, И. А. — 3) Гиляровъ, Н. Н. — 4) Гомилусъ, Л. Ф. — 5) Жуковъ, В. В. — 6) Зеленой, П. А. — 7) Ламбинъ, В. П. — 8) Лапчинскій, Н. Д. — 9) Поповъ, М. Р. — 10) Рождественскій, З. П. — 11) Чижиковъ, Н. А. — 12) Чудиновъ, А. Н. — 13) Ширяевъ, С. О. — 14) Шишковъ, Л. Н. — 15) Языковъ, Д. I., протоіерей.

XIX. Замятки и поправки. 863

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ графа Евгенія Андреевича Салиаса. — 2) Иуда Искаріотъ. Драматическая поэма въ пяти отдѣленіяхъ Элизы Шмидтъ. Переводъ И. Тюменева. Отдѣленіе II.

О ПОДПИСКѢ
НА
ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
въ 1909 году
(ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ).

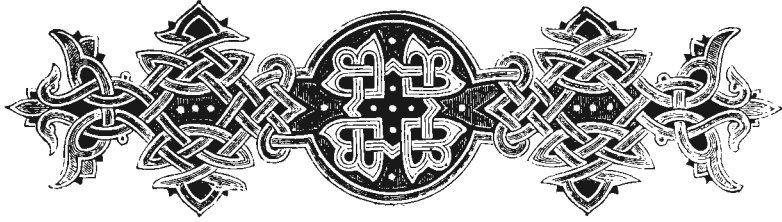
«Историческій Вѣстникъ» будетъ издаваться въ 1909 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшія двадцать девять лѣтъ (1880—1908).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора «Историческаго Вѣстника» въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій проспектъ, № 40). Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ**, **Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону**, при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени», и въ **Кіевѣ**, при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

ГРАФЪ ЕВГЕНІЙ АНДРЕЕВИЧЪ САЛАСЪ.

ГРАФЪ ФЕНИКСЪ ¹⁾.

(Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй).

VI.

Въ капитулѣ.

о близости Царицына луга, но въ особнякѣ, задвинутомъ другими строеніями и расположенномъ среди старыхъ липъ небольшого сада, въ продолговатой залѣ со сводами и съ плотно завѣшенными окнами происходило торжественное собраніе капитула избранныхъ шотландскихъ мастеровъ.

Послѣ обычныхъ вопросовъ: который часъ? бдительна ли стража и хорошо ли «укрыто» святилище для безопасности работъ?—великій намѣстный мастеръ VIII-й провинціи, каковой считалась во всемірномъ орденѣ Россія, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, въ зеленой лентѣ черезъ плечо съ привѣшенными золотыми циркулемъ и треугольникомъ, поднялся съ предсѣдательскихъ кресель, взялъ молотокъ и, ударивъ по алтарю шесть разъ подь рядъ и три погодя, открылъ ложу капитула.

Кресла Елагина, изображавшія Соломоновъ тронъ, помѣщались на востокѣ залы, на возвышенномъ помостѣ со ступенями и балюстрадой. Рядомъ стояли другія кресла, поменьше. Въ нихъ сидѣлъ въ фіолетовой лентѣ черезъ плечо великій мастеръ ложи Астреи князь Иванъ Сергѣевичъ Гагаринъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXV, стр. 7.

На маленькомъ столикѣ предъ ними, покрытомъ ковромъ, лежалъ человѣческій черепъ, книга Премудрости Соломона и стоялъ подсвѣчникъ съ тремя восковыми зажженными свѣчами, дававшій весьма мало свѣта сравнительно съ высотой залы. Ниже, за помостомъ, по срединѣ залы на полу былъ начертанъ мѣломъ большой квадратъ и въ немъ разнообразныя символическія фигуры, какъ-то: пламенѣющая звѣзда, колонны, орудія каменщичество, черепа и кости и т. п.

То былъ символическій коверъ капитула.

Посреди чертежа стоялъ гробъ на ножкахъ, покрытый чернымъ покровомъ съ вышитыми на немъ слезами, Адамовой головой и вѣтвью акаціи. Кругомъ гроба и по краямъ чертежа разставлены были девять высокихъ шандаловъ съ горѣвшими толстыми свѣчами въ нихъ.

По сторонамъ у стѣнъ на круглыхъ креслахъ сидѣли члены капитула. Надзиратели стояли со шпагами за ними. У входныхъ плотно занавѣшенныхъ дверей стояли церемоніймейстеръ съ жезломъ и стражъ вратъ съ мечомъ. Такъ какъ зала освѣщалась свѣчами, стоявшими на полу и въ столѣ незначительномъ числѣ, то большая часть ея была погружена въ сумракъ, а лица братьевъ-масоновъ, освѣщенные снизу, приобрѣтали особое, таинственное и странное выраженіе.

Мрачность обстановки усиливали черные плащи и шляпы мастеровъ, ихъ неподвижность и величественная осанка. Всѣ они были при шпагахъ, въ передникахъ и лентахъ разныхъ цвѣтовъ, съ золотыми знаками на груди на цѣпяхъ, съ молотками въ рукахъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ съ широкими раструбами. Тутъ находились первѣйшіе вельможи Екатерины: графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, князь Александръ Ивановичъ Мещерскій, великій мастеръ ложи «Эрато», князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, князь Сергѣй Ѳедоровичъ Голицынъ, супругъ племянницы свѣтлѣйшаго Варвары Васильевны, прозванной дядею «Улыбочкой».

За особымъ столикомъ съ боку эстрады сидѣли провинціальный великій секретарь поэтъ Василій Майковъ и секретарь шотландскаго капитула и личный Елагина—князь Юрій Михайловичъ Коріать.

Должность надзирателей отправляли: Александръ Андреевичъ Ржевскій и Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій; церемоніймейстера и стража—два нѣмца, курляндскіе бароны фонъ-Менаръ и фонъ-Саломонъ. По открытіи ложи послѣдовало нѣкоторое время общее молчаніе.

Всѣ стояли, мысленно обращаясь къ Великому Архитектору вселенной.

Затѣмъ, когда сѣли, предѣдатель началъ рѣчь въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Всѣмъ и каждому нашимъ почтеннѣйшимъ и любезнѣйшимъ братьямъ, я, Иванъ Елагинъ, отъ главныя англійскія ложи учрежденный въ Россіи надъ всѣми древняго и почтеннаго масонскаго ордена братьями провинціальный великій мастеръ, здравія желаю!

«Достопочтеннѣйшіе и достолюбезнѣйшіе братья, свѣдомы вы не менѣ моего о сумятицѣ въ здѣшнихъ ложахъ, новоизмысленными ученіями и системами произведенной... Нововымысленныя брауншвейгскія! Прежде стриктъ-обсерванцъ, а потомъ карлсбадская система! Иллюминаты! Героглифы, изъ Лондона присланные! Катехизъ рыцарей Розе-Круа! Краткое извѣстіе изъ Авиньона! Облако надъ святилищемъ изъ Мюнхена! Все сіе обиліе привело насъ къ нищетѣ, и ложи, по разнымъ системамъ учреждая работы, пришли въ полное разстройство, вавилонскому столпотворенію подобное. Вкрались ложные братья, настали споры и смятенія и во взаимномъ озлобленіи всеобщая другъ ко другу непріязнъ. Священныя начала равенства и любви какъ бы забываются. Братъ идетъ на брата. Въ сихъ обстоятельствахъ собралъ я капитулъ собственно для того, чтобы обсудить, какъ привести ложи къ единенію и согласію, имѣя въ виду, что безъ правильныхъ чертежей работать невозможно. И теперь, достопочтеннѣйшіе и достолюбезнѣйшіе братья, каждого прошу высказать свое мнѣніе, какъ намъ въ семь Дедалъ, сирѣчь лавиринфѣ системъ, Ариаднину нить обрѣсти!»

Великій намѣстный мастеръ поклонился и умолкъ. Заговорилъ князь Гагаринъ:

— Еще не время ордену выказать себя во всемъ своемъ величіи, но оно не далеко. Орденъ не останется въ томъ положеніи, въ какомъ онъ нынѣ. Въ Писаніи есть мѣсто: «я хочу прийти къ тебѣ, но духъ страны противодѣйствуетъ мнѣ». Такъ теперь противодѣйствуетъ діаволъ всѣмъ розенкрейцерамъ въ Россіи, чтобы въ царствѣ тьмы удержать тьму!

— Полагаю, что пришествій было къ намъ достаточно,—возразилъ Елагинъ.—Вотъ и сегодня жду я визитора.

— Визиторъ! Кто такой? Откуда?—послышались голоса братьевъ.

— Сіе лицо уже третій мѣсяцъ въ столицѣ пребываетъ incognito подъ именемъ Фридриха Гвальдо, полковника испанской службы, занимающагося вольнымъ врачеваніемъ.

— Фридрихъ Гвальдо! Но я о немъ слышалъ,—сказалъ князь Голицынъ.—Сегодня свѣтлѣйшій даже посылалъ за нимъ камердинера на предметъ пользованія нашего болящаго малютки, но сей нагло пріѣхать отказался!

— Достопочтеннѣйшій братъ, сіе можете сегодня выяснить. Я же долженъ о семь лицѣ заявить, что присланы имъ ко мнѣ письма отъ весьма значительныхъ особъ, а именно отъ герцога де-Вофора изъ Лондона, отъ герцога Шартрскаго изъ Парижа и

отъ принца Гессенъ-Кассельскаго и пребывающаго при дворѣ его на покоѣ знаменитаго графа де-Сенъ-Жермена!

— А! О!—послышались восклицанія удивленія.

— Во всѣхъ сихъ письмахъ,—продолжалъ Елагинъ,—неизвѣстное оное лицо рекомундуется, какъ облеченное высшими полномочіями и присылаемое въ Россію собственно съ тѣмъ чтобы инспектировать наши работы, сообщить чертежи на текущее десятилѣтіе, открыть нѣкія высокія тайны и наставить насъ бѣдныхъ въ совершенствѣ. Что мы получимъ, что увидимъ и услышимъ, тому скоро будетъ опытъ, но счелъ я за благо начать засѣданіе капитула за часъ до прибытія визитора, дабы нѣсколько сговориться. Прискорбно будетъ, ежели наша сумятица глазамъ сего незнакомца откроется! Просиль бы васъ, достопочтенные братья, рѣшить, какой системой намъ ограничиться? Нужны ли намъ Розе-Круа, или мюнхенское святилище, или градусы токмо Соломоновыхъ наукъ.

— Я полагаю,—сказалъ графъ Строгановъ:—что особенно важно намъ открыть у себя алхимическіе градусы и приступить къ высшимъ работамъ, каковы суть приготовленіе хаосскаго минеральнаго электрума, познаніе минеральной силы природы, познаніе совершенное земно-философскаго солнца, изготовленіе партекуляръ-каменей и познаніе великаго универсала.

— Ахъ, графъ, алхимическое силъ природы испытаніе еще есть виѣшняя наука,—возразилъ князь Мещерскій.—Должно совершенствоваться во внутреннемъ тайновѣдѣніи и тайнодѣйствіи. А для сего всячески стараться получить изъясненіе гіероглифовъ и знаковъ искусства, начертанныхъ на девяти дугахъ около сего гроба!

— Но въ нашихъ таинствахъ, князь, уже мы не меньшее, а большее имѣемъ,—сказалъ Куракинъ.—Адамъ изъ перваго совершенства своего, или образа и подобія Божія, палъ тремя ступенями изъ духовнаго человѣка въ видерическаго, а изъ видерическаго, что есть астральный астросомъ, въ грубо плотскаго. Въ мастерской степени принимаемый повергается въ гробъ тремя же ударами, а возстаетъ посредствомъ пяти мастерскихъ пунктовъ—пяти язвъ Высочайшаго мастера! Вотъ почему предписывается намъ созидать духовный храмъ Соломоновъ чрезъ три раза ѿ!..

— Братья, прошу вниманія!—возгласилъ тутъ Гагаринъ.—Самодовольство всякаго отъ совершенства отводитъ. Что мы дѣлаемъ, кромѣ столовыхъ ложъ, гдѣ поемъ пѣсни и служимъ Бахусу? Въ чемъ работы наши? Гдѣ дѣла? Ничего я не вижу. Между тѣмъ въ Германіи подлинно явились адепты истины свѣтозарной. Приступимъ же! Призовемъ сихъ мужей! Отверземъ сіи таинственные кладези!

— Изъ сихъ кладезей пока лишь смрадные пары и туманы исходили!—запальчиво возразилъ Елагинъ.—Не вижу, чего намъ недо-

стаетъ! Минуло тридцать пять годовъ, или, лучше сказать, око свѣтозарное естественныхъ круговъ совершило 35 зимъ, 35 осеней, 35 лѣтъ и 35 веснъ, то есть 140 годовыхъ четверовременницъ, или двѣ великія седмицы, какъ я въ ложѣ аглицкой принялъ въ такъ называемые свободные каменщики. Время принятія моего я объявилъ! Объявилъ бы и вѣсь, сколько въ сіе время касающихся до сего ордена книгъ, начиная отъ Ермія, Моисея, Зороастра, Пифагора и проч. и проч., съ прилежаніемъ и особливимъ прочелъ вниманіемъ! Показалъ бы вамъ и мѣру, которою съ Соломономъ и египетскими священниками измѣрялъ я столпы, жертвенники и храмы, учая царственныя науки! И что же? Нынѣ слышу, что я рабъ лѣнивый, наемникъ, а не пастырь, и ничего не имѣю. Сіе горько и обидно!

— Не именно о вашемъ превосходительствѣ я сказалъ, а вообще!—съ досадою отвѣчалъ князь Гагаринъ.—Кромѣ произнесенія темныхъ рѣчей, ничѣмъ мы не заняты. Гдѣ плоды трудовъ нашихъ? Посему я сказалъ, что должно намъ обратиться туда, гдѣ свѣтъ сіяетъ!

— Я, держащій въ десницѣ моей молотокъ, дающій мнѣ, яко великому провинціальному мастеру, начальство...

— Но сіе вашего превосходительства начальство не простирается настолько, чтобы намъ глаза завязать и погрузить въ полную тьму!—кричалъ Гагаринъ.

— Братья! Достолюбезнѣйшіе братья!—простирая руки къ спорящимъ, возопилъ Куракинъ.—Это ли сумятицы нашей умиротвореніе! Сейчасъ явится визиторъ, а мы въ смятеніи!..

— Я—великій намѣстный мастеръ, оскорбленъ княземъ въ святилищѣ, когда держалъ въ рукѣ молотокъ!—кричалъ Елагинъ.

— Я ваше превосходительство оскорблять не желалъ, признаю ваше званіе, но я самъ великій мастеръ, а не мальчикъ, чтобы меня на помочахъ водить!

— Достолюбезные братья! Ваше превосходительство! Князь!—вопіялъ Куракинъ.—Успокойтесь.

Елагинъ и Гагаринъ умолкли и отдуваясь сѣли на свои сѣдалища.

— Мы соединились въ ложѣ,—заговорилъ между тѣмъ Куракинъ,—для упражненія точнѣйшимъ образомъ въ священнѣхъ работахъ по торжественнымъ законамъ и обычаямъ нашего царственнаго искусства, къ умноженію блеска и совершенства нашего высокаго ордена! Великій Строитель міра да приметъ же сей храмъ подъ свою защиту; да соизволитъ Онъ быть въ немъ сѣдалищу мудрости и добродѣтели; да разольетъ Онъ тамъ свѣтъ ордена до совершенства!

— Но мы совѣмъ въ потемкахъ,—сказалъ Ржевскій. Въ самомъ дѣлѣ, именно при послѣднихъ словахъ Куракина въ залѣ стало совѣмъ темно. Во время спора никто не слѣдилъ за сальными

свѣчами, стоявшими на полу. Онѣ нагорѣли и еле краснѣли подъ шапками нагара.

Доставъ щипцы, Ржевскій сталъ снимать со свѣчей. Посвѣтлѣло.

Вдругъ три сильныхъ удара потрясли входную дверь.

— Визиторъ!—прошелъ шопотъ между членами капитула. Они приняли торжественныя осанки, погрузились въ глубокомысліе и величественно застыли.

Визиторъ, присланный отъ верховныхъ правителей ордена изъ Европы, интересовалъ ихъ чрезвычайно.

VIII.

Сумятица.

Хотя обязанный, на основаніи присланныхъ писемъ, принять визитора и допустить его къ рассмотрѣнію работъ петербургскихъ ложъ, Елагинъ весьма былъ недоволенъ симъ безцеремоннымъ вмѣшательствомъ лондонской ложи - матери, гротмейстера великаго Востока Франціи и принца Гессенъ-Кассельскаго. Онъ находилъ, что хотя Россія, какъ провинція, и обязана извѣстнымъ повиновеніемъ высшимъ ордена особамъ въ Европѣ, но болѣе въ отношеніи выраженія почтенія и принесенія дани сердечной благодарности. А засимъ полная самостоятельность и независимость его, намѣстнаго великаго мастера, очевидна. Если же и возможно допустить инспектированіе работъ російскихъ ложъ, то во всякомъ случаѣ и герцогъ де-Вофоръ, и герцогъ Шартрскій, и принцъ Гессенъ должны были послать письма непосредственно ему, Елагину, провинціальному великому мастеру всей Россіи, предупреждая о прибытіи инспектора. Сильно не понравилось Елагину и то обстоятельство, что сей инспекторъ прожилъ incognito около трехъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ, не давая о себѣ знать намѣстному мастеру. Очевидно, это время онъ употребилъ на собраніе подъ рукою свѣдѣній о состояніи ложъ и работахъ ихъ. Можетъ быть, вступилъ и въ сепаратные переговоры съ мастерами помимо его, Елагина. Глубоко оскорбило намѣстнаго мастера, что инспекторъ не явился лично вручить ему свои вѣрительныя письма, но прислалъ ихъ въ пакетѣ, запечатанномъ большою печатью Соломонова храма, которою владѣлъ одинъ только графъ де-Сенъ-Жерментъ, великій алхимикъ, магикъ и астрологъ, а по убѣжденію Елагина—величайшій шарлатанъ. Все это заставляло Елагина смотрѣть на прибытіе инспектора, какъ на интригу, лично противъ него направленную.

Возведенный еще 26 февраля 1772 года въ званіе намѣстнаго мастера Россіи герцогомъ де-Вофоромъ, въ удостовѣреніе чего былъ данъ ему дипломъ на пергаментѣ, наклеенномъ на синій

атласъ и обложенномъ вокругъ золотымъ гieroглическимъ тисненіемъ, а вольнымъ каменщикомъ состоя уже тридцать пять лѣтъ, Елагинъ былъ слишкомъ опытенъ, слишкомъ много перевидалъ въ практикѣ ордена, чтобы сохранять наивное довѣріе къ системамъ европейскимъ. Правда, онъ все же глубоко вѣрилъ въ высокія задачи ордена и въ то, что въ немъ хранятся нѣкоторыя великія истины и тайны знанія. Но всѣмъ основателямъ новыхъ системъ совершенно не довѣрялъ. Большая часть ложъ Германіи между тѣмъ приняла систему «строгаго наблюденія» и подчинилась ей, принявъ «актъ повиновенія». Основателемъ этой системы былъ баронъ Карлъ Гутфельдъ фонъ-Гундъ, по орденскому имени Carolus, eques ab Ense (Карлъ, рыцарь Меча). Безотвѣтное повиновеніе неизвѣстнымъ старшинамъ, равносильное іезуитскому «*perinde ac cadaver*»—было основаніемъ сей системы. О ней Елагинъ прямо выражался, что «система Гундова подлинно есть собачья»,—играя словомъ Hund—собака,—«ибо она есть сриктъ-обсерванская—жадная, алчная и сребролюбивая и возрождаетъ изъ тлѣющаго іезуитскаго пепла мечтательнаго феникса». Отрицательно относился Елагинъ и къ новымъ французскимъ блестящимъ системамъ, съ пышными обрядами, многочисленными градусами и широкимъ приемомъ всякаго, кто уплатитъ за дипломъ. Но при всемъ томъ Елагинъ былъ въ сильной зависимости и отъ Берлина, и отъ Парижа. Кромѣ ложъ, основанныхъ Елагинымъ, по лондонскимъ полномочіямъ, въ Петербургѣ были еще ложи, основанныя барономъ Рейхелемъ по полномочіямъ шведскаго калитула въ Стокгольмѣ. Это вело къ раздвоенію власти. Намѣстный мастеръ видѣлъ, что много ложъ не признаютъ его, тянутъ за Рейхелемъ, являвшимся какъ бы вторымъ провинціальнымъ мастеромъ. Желая и сіи ложи подвести подъ свой молотокъ, Елагинъ вступилъ въ переговоры, но результатъ вышелъ такой, что ложи Елагина и Рейхеля, принявши названіе «соединенныхъ», реверсомъ, даннымъ 3 сентября 1776 года, признали главенство берлинской главной ложи Минервы, основанной въ 1768 году Циннендорфомъ, а тѣмъ самымъ подчинились герцогу Фердинанду Брауншвейгскому, по орденскому имени Eques a Victoria (рыцарь побѣды), который былъ гросмейстеромъ именно системы «строгаго наблюденія». Если въ шведскомъ масонствѣ преобладало ученіе Сведенборга, то въ Берлинѣ царили теософы, иллюминаты, перфектибиллисты и мистики, считавшіе русскихъ масоновъ—темными варварами, лишь принявшими вышнее масонство символическихъ градусовъ, но чуждыми высшимъ знаніямъ. Все это подрывало авторитетъ Елагина. Общая сумятица и путаница увеличивалась еще тѣмъ, что когда герцогъ Шартрескій основалъ въ 1773 году «Великій Востокъ» Франціи и созвалъ въ Парижѣ многочисленный масонскій конвентъ, однимъ изъ трехъ членовъ комиссіи для ревизіи и новой редакціи поста-

новленій о высшихъ степеняхъ былъ избранъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ. По его настоянію, Елагинъ долженъ былъ въ своихъ ложахъ, кромѣ трехъ іоанновскихъ степеней, учредить еще четыре высшихъ рыцарскихъ, тамплиеровскихъ. Въ четвертой степени носили на шеѣ особый знакъ на зеленой лентѣ, а на груди звѣзду съ изображеніемъ креста св. Андрея Первозваннаго, покровителя шотландскаго братства. Тѣмъ не менѣе, и эти градусы не удовлетворяли братьевъ. Вмѣстѣ съ модой на мистицизмъ, духовидѣніе, алхимическія работы, къ Елагину стали поступать требованія о необходимости открыть еще высшіе градусы оккультныхъ знаній. Елагину еще съ 1777 года было прислано «верховно-братскимъ избраніемъ, силою и властію утвержденное вступленіе въ первый классъ достохвальнаго ордена златаго розоваго креста, по послѣдней главной реформаціонной конвенціи составленное для благаго употребленія всѣхъ достойныхъ братьевъ, имѣющихъ право вводить и принимать другихъ мастеровъ сіянія свѣта и потеряннаго слова». Но Елагинъ изъ сего «вступленія» не сдѣлалъ никакого употребленія; называлъ его «катехизъ рыцарей Розе-Круа», при чемъ эти слова произносилъ русскимъ говоромъ, хотя и могъ говорить по-французски въ совершенствѣ.

Между тѣмъ въ довершеніе сумятицы Москва, вѣчно ревнующая къ своимъ правамъ, поправнымъ молодой столицей, въ лицѣ тамошнихъ мастеровъ и ложъ, рѣшительно отказалась признавать главенство петербургскаго намѣстнаго, мастера и, по интригамъ Куракина, какъ считалъ Елагинъ, завела у себя тамплиерство и розенкрейцерство. Дѣйствовалъ тамъ и пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ и авторитетомъ нѣкій профессоръ Шварцъ, по орденскому имени братъ Гарганусъ, при стараніяхъ котораго московскіе тамплиеры вступили въ союзъ съ митавскою старою шотландскою ложею. Съ Москвою отъ власти Елагина уходили тѣ города, въ которыхъ ложи открыты были московскими мастерами. Но отъ елагинскихъ всероссійскихъ притязаній уходилъ также Смоленскъ, Могилевъ, Шкловъ, вся Бѣлоруссія и Литва. Фрейлина «малаго двора», Екатерина Ивановна Нелидова, изъ смоленскаго имѣнія своего привезла большой окованный желѣзомъ сундукъ, наполненный древними столбцами, харатейными грамотами и пергаменатами XVI и XVII вѣка, по коимъ выяснялось, что еще до Петра Великаго въ Московіи и Литовско-Русскомъ государствѣ существовало древнѣйшее масонство, храмовничество, розенкрейцерство и иллюминатство, связанное съ средневѣковыми рыцарскими, строительными и мистическими орденами, особливо же съ ливонскими священнорыцарями и Мальтійскимъ орденомъ. Сей драгоценный архивъ разбиралъ въ Гатчинѣ самъ великій князь Павелъ Петровичъ, съ помощью Куракина, Кошелева и нѣкоторыхъ другихъ близкихъ къ нему особъ. Хотя Елагинъ употребилъ всѣ старанія, чтобы

получить доступъ къ сокровищамъ смоленскаго сундука, кт величайшему его огорченію великій князь къ сему не допусти б намѣстнаго мастера.

При такой общей сумятицѣ въ ложахъ, столкновеніи с темъ и личныхъ притязаній на власть, можно сказать, что ложи въ Россіи не производили никакихъ работъ и не имѣли иныхъ занятій, какъ только собираться въ столовыхъ и проводить время весело. Показать ревизору было рѣшительно нечего. Но Елагинъ и не желалъ большаго. Какъ секретарь императрицы и главный директоръ надъ зрѣлищами, Елагинъ доносилъ государынѣ о всемъ, происходившемъ въ орденѣ. Сперва Екатерина относилась благодушно къ масонамъ, почитая ихъ безвредными чудаками и фантазерами, которые тѣшатся таинственными обрядами, сами себя возводятъ въ степени, увѣчиваютъ орденами и украшаютъ лентами, разглагольствуютъ о добродѣтеляхъ, пишутъ непонятныя книги и преисправно пьютъ и ѣдятъ и плотоугодіемъ занимаются. Но взглядъ Екатерины на орденъ съ нѣкоторыхъ поръ измѣнился, особенно, когда въ 1777 году шведскій король Густавъ посѣтилъ Петербургъ и посвятилъ въ орденъ Павла Петровича. Императрица симъ обезпокоилась чрезвычайно и требовала отъ Елагина точнѣйшихъ донесеній о всѣхъ дѣйствіяхъ масоновъ, предположивъ, что Павелъ Петровичъ намѣренъ учредить Великій Востокъ Россіи на манеръ герцога Шартрскаго и себя поставить гротмейстеромъ ордена. Но Елагинъ, утративъ власть надъ большинствомъ ложъ, запутавшійся въ сумятицѣ системъ, не принятый въ Гатчинѣ, могъ сообщать императрицѣ только весьма смутныя слухи и недостаточно твердые факты.

Вотъ въ какихъ трудныхъ обстоятельствахъ застало Елагина прибытіе инспектора изъ Европы. Раздраженный, огорченный, обиженный выпадомъ противъ него князя Гагарина, въ высшей степени обезпокоенный, къ тому же ощущая въ лѣвой ногѣ подагрическую ломоту, намѣстный мастеръ угрюмо приступилъ къ обычному обряду пріема и встрѣчи визитора.

IX.

Визиторъ.

Церемоніймейстеръ съ тростью вышелъ изъ ложи въ сосѣднюю съ ней залу, называемую «chambre des pas-perdus». Стражъ вратъ затворилъ за нимъ дверь и сталъ около нея съ мечомъ въ рукахъ.

Церемоніймейстеръ нашелъ въ «chambre des pas-perdus» чловѣка, одѣтаго пышно и странно. Шляпа его была украшена перьями. Вишневая бархатная мантия расшита фіолетовыми гіероглифами. Подъ нею на груди покоилась великолѣпная цѣпь, повидимому,

золотая, съ таинственнымъ зеркаломъ посрединѣ и звеньями египетскихъ жуковъ-скарабеевъ, сдѣланныхъ изъ блестящихъ камней. На передникѣ визитора имѣлось изображение сфинкса. Мистическіе перстни украшали пальцы сверхъ перчатокъ. Широкое, пышное жабо тѣснило его жирную, короткую шею. На бедрѣ висѣлъ мечъ съ крестообразной рукоятью. Визиторъ былъ не одинъ. Въ креслахъ сидѣла дама, хотя и укутанная съ головы до ногъ покрываломъ, но изъ столь прозрачной ткани, что она позволяла видѣть ея прелестное лицо, грудь, шею и весь станъ. На головкѣ красавицы надѣтъ былъ вѣнокъ изъ розъ. Античный хитонъ открывалъ руки и шею и струящимися складками столько же одѣвалъ, сколь и выдавалъ совершенные ея члены.

Принявъ отъ визитора знаки и проходное слово, церемоніймейстеръ съ недоумѣніемъ и вмѣстѣ, какъ рыцарь, выражая естественное восхищеніе, поднялъ вопросительный взоръ на даму.

— Я—графъ Калиостро, посланникъ Великаго Кофты, гросмейстера египетскаго масонства Герополиса, пирамиды Хеопса, Мемнона и всего Востока!—съ грубымъ южнымъ французскимъ произношеніемъ сказалъ визиторъ.—Особа, прибывшая со мною, есть жена моя, рожденная графиня Серафима ди-Санта-Кроче. По статутамъ египетскаго масонства, братья и сестры одинаково возводятся на всѣ степени и допускаются къ работамъ въ ложахъ, ибо истинное масонство еще въ раю открылось прародителямъ Адаму и Евѣ у древа познанія, отъ коего и отвѣдала Ева. Впрочемъ, въ сихъ сертификатахъ найдете вы достаточное удостовѣреніе.

— Графъ Калиостро!—переспросилъ изумленный церемоніймейстеръ.—Возможно ли! Вы—самъ знаменитый графъ Калиостро!

— Я тотъ, кто я есмь, — съ улыбкой отвѣчалъ Калиостро. — Говоръ любопытной, но безсмысленной толпы создаетъ знаменитость. Мудрый симъ пренебрегаетъ.

— Но вы въ Петербургѣ уже третій мѣсяцъ!

— Я проживалъ здѣсь *incognito*, подъ видомъ врача Гвальдо, занимаясь цѣленіемъ страдальцевъ. Но поспѣшите возвѣститъ капитулу наше прибытіе, братъ-церемоніймейстеръ!

— Я не замедлю. Но долженъ вамъ представить, что по статутамъ капитула женщины въ ложу не допускаются!

— Передайте вашему намѣстному мастеру сію записку. Будетъ достаточно.

Говоря это, Калиостро приложилъ къ документамъ еще маленькое письмо, сложенное треугольникомъ.

Церемоніймейстеръ поклонился и постучалъ трижды въ двери ложи, два раза подъ рядъ и третій повременивъ и слабѣе.

Стоявшій за дверями великій стражъ отвѣчалъ ему тоже тремя ударами.

Церемоніймейстеръ опять постучалъ три раза.

Тогда въ ложѣ совершился такой обрядъ: стражъ подошелъ ко второму надзирателю и, трижды коснувшись его плеча, сообщилъ ему на ухо, хотя стучали очень громко:

— Стучать въ двери храма по-масонски.

Второй надзиратель ударилъ молоткомъ одинъ разъ и повторилъ ту же фразу на ухо первому надзирателю.

Первый надзиратель тоже ударилъ молоткомъ одинъ разъ и, подойдя мастерскимъ шагомъ черезъ коверъ къ балюстрадѣ возвышенія, доложилъ великому мастеру:

— Стучать въ двери храма по-масонски.

Великій мастеръ ударилъ молоткомъ разъ и сказалъ:

— Посмотрите, кто стучитъ. Если то братъ церемоніймейстеръ, впустите его. Если визиторъ, спросите у него проходное слово. Если дерзновенный профанъ, пронзите его сердце мечомъ!

Это приказаніе первый надзиратель передалъ второму, второй—стражу вратъ храмина. Этотъ послѣдній пріотворилъ дверь, поднявъ противъ нея остріе меча, и затѣмъ пропустилъ въ ложу брата церемоніймейстера, который подошелъ къ балюстрадѣ и сталъ въ почтительной позѣ, дожидаясь вопроса мастера.

— Братъ церемоніймейстеръ,—спросилъ мастеръ,—кого нашли вы въ покоѣ утерянныхъ шаговъ?

— Посланника Великаго Кофты, гросмейстера египетскаго маонства Герополиса, пирамиды Хеопса, Мемнона и всего Востока, брата Калиостро, и супругу онаго, сестру Серафиму, рожденную графиню ди-Санта-Кроче, того же священнаго ордена Великую Матерь, въ удостовѣреніе чего вручены мнѣ его патенты, сертификаты, грамоты и нѣкое посланіе.

Говоря это, церемоніймейстеръ положилъ бумаги на алтарь передъ кресломъ великаго мастера.

— Калиостро! — пронесся невольный шопотъ изумленныхъ братьевъ капитула.

Елагинъ поспѣшно взялъ документы и треугольную записку. Ознакомившись съ ними весьма тщательно, онъ обратился къ членамъ капитула:

— Почтенные братья, могу удостовѣрить въ правильности представленныхъ документовъ и прошу вашего согласія на допущеніе въ ложу вышеозначенныхъ лицъ.

Между братьями начались переговоры и споры шепотомъ. Всѣхъ смущало то обстоятельство, что графъ Калиостро пожаловалъ не одинъ, но съ супругою; между тѣмъ въ ложу капитула до сихъ поръ женщины не допускались. Однако обошедшее всѣхъ треугольное письмецо, переданное братьямъ капитула намѣстнымъ мастеромъ, развеяло ихъ сомнѣнія. Къ сему прибавилось и естественное любопытство увидѣть необыкновенную красавицу. Церемоніймейстеръ шепнулъ каждому о наружности графини Сера-

фимы. Въ особенности горѣлъ желаніемъ, собственно неприличнымъ для посвященныхъ, которые должны быть чужды любопытства, свойственнаго профанамъ и черни, мастеръ ложи «Эрато», князь Мещерскій, сей «сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ», какъ сказалъ о немъ поэтъ Державинъ; что касается графа Строганова, то онъ чрезвычайно интересовался самимъ Калиостро.

Придя къ единодушному рѣшенію, члены капитула выразили свое согласіе, одновременно поднявъ молотки и ударивъ одинъ разъ. Ржевскій поспѣшно снялъ нагаръ со свѣчей, которыя опять нагорѣли.

Великій мастеръ назначилъ двухъ ассистентовъ для сопровожденія въ ложу почетныхъ гостей. Выборъ его остановился на Мещерскомъ и Голицынѣ. вмѣстѣ съ братомъ церемоніймейстеромъ они вышли изъ ложи. Опять начались перестукиванія, наконецъ черезъ пріотворенную дверь стражъ спросилъ: кто тамъ?

— Это братъ Калиостро и сестра Серафима, которые желаютъ ознакомиться съ нашими работами!—послышался отвѣтъ.

Двери затворили. Нѣсколько помедлили въ молчаніи.

Великій мастеръ поднялъ молотокъ и ударилъ разъ—стражъ распахнулъ двери.

Великій мастеръ ударилъ еще одинъ разъ. Братья капитула поднялись, обнажили шпаги и скрестили ихъ, образуя такъ называемый «стальной сводъ».

Появилась процессія. Впереди шелъ церемоніймейстеръ, зади ассистенты, несшіе скрещенныя шпаги, такъ что онѣ образовали косою крестъ. Войдя, церемоніймейстеръ отошелъ въ сторону и сталъ, опираясь на далеко отставленную трость; ассистенты, помѣстившись по сторонамъ ковра, держа шпаги вертикально.

Великій намѣстный мастеръ сошелъ съ помоста и сталъ въ восточной части ковра ложи.

Визиторы вступили подъ скрещенныя шпаги на коверъ, становясь послѣдовательно на опредѣленныя фигуры его, шагомъ посвященныхъ. Калиостро свершалъ шествіе, отчетливо отбивая шагъ, почти прыгая, причемъ мантия его свистѣла и бурно двигалась за нимъ. Казалось, онъ находился въ особомъ состояніи экстаза или сомнамбулизма. Отливавшее оливковой синевой лицо его было мертвенно неподвижно, обращенное вверхъ, и глаза блуждали, сильно открывая блестящія бѣлки и закатываясь подъ верхнія рѣсницы зрачками. Но взоры всѣхъ невольно устремлялись за плѣнительной каменщицей, его безмолвной спутницей. Ея туника изъ очень тонкой ткани то отливала чудной бѣлизной, то принимала шафранный оттѣнокъ, то рдѣла яркимъ пурпуромъ розы. Она приподняла края одежды обѣими обнаженными до плечъ прелестными руками, охваченными золотыми запястьями въ видѣ змѣй, и открыла до щиколотки ножки въ царячскихъ, хитро-

узорныхъ, прорѣзныхъ сапожкахъ, осыпанныхъ цвѣтными камешками. Выше щиколотки на обѣихъ ногахъ ея были тоже змѣеобразные браслеты, но черненого серебра. Она открыла ноги съ тою цѣлью, чтобы братья капитула видѣли ея мастерской шагъ.

Въ движеніяхъ складки переливчатой туники то скрывали, то плѣнительно выдавали совершенныя формы тѣла Серафимы. Розы рдѣли надъ склоненной головкой ея, и черныя кудри рассыпались по плечамъ. Всю ея бѣлоснѣжной дымкой еще окутывало съ головою широкое тончайшее покрывало. Другое покрывало, черное, сверкало темнымъ таинственнымъ блескомъ. Обвивая ея бедра, пропущенное подъ правую рукою, оно было закинута на лѣвое плечо, скрывая чернотой своей, но очерчивая форму, лѣвую, совершенно обнаженную грудь ея. За плечомъ покрывало спускалось широкими складками и вѣяло, какъ черное крыло. Золотыя звѣзды и серебряный ликъ луны были вышиты по черному фону покрывала. Таинственную прелесть одѣянія, образа, всего тѣла жрицы сопровождало весеннее благоуханіе, исходившее, какъ отъ розъ ея вѣнка, такъ и отъ струившихъ ароматы розовыхъ, сквоящихся чрезъ тунику ногъ.

Когда Калиостро и жрица свершили символическое путешествіе подъ стальнымъ сводомъ и приблизились къ великому намѣстному мастеру, члены капитула съ шумомъ вложили шпаги въ ножны и стали рукоплескать, одновременно и ритмично. Елагинъ принялъ знаки и слово отъ Калиостро и заключилъ его въ братскія объятія, потомъ обратился къ плѣнительной каменщицѣ, весь распускаясь въ улыбку восхищенія. Не безъ зависти братья созерцали, какъ онъ пожималъ ея ручку, какъ, приблизивъ уста къ уху мастера, она шептала ему проходное и священное слово высшей мистической степени.

Это длинное слово нужно было произносить по слогамъ, такъ что мастеръ шепнулъ первый слогъ, а жрица—второй, мастеръ—третій и т. д., то довольно долго лицо и ухо Елагина находились въ ароматномъ и тепломъ сосѣдствѣ съ устами прекрасной. Затѣмъ жрица быстро коснулась устами увядшихъ губъ старика и ускользнула отъ его объятій. Елагинъ съ глубокимъ реверансомъ поднесъ ей свой молотокъ. Поблагодаривъ наклоненіемъ головы, она, по обычаю, отказалась. Съ гораздо меньшей любезностью онъ предложилъ молотокъ и мужу красавицы. Калиостро, конечно, не принялъ сего знака власти.

Они поднялись на помостъ. Секретарь намѣстнаго мастера, молодой князь Коріатъ, не спускавшій все время восхищеннаго взора съ таинственно-прекрасной великой матери и жрицы египетскаго масонства, успѣшилъ поставить по правую и лѣвую руку Соломонова трона два кресла для визитора и визиторши.

Ржевскій устремился снимать со свѣчей, хотя онѣ горѣли теперь настолько ярко, сколько это вообще возможно для девяти сальныхъ свѣчекъ.

Х.

Удостовереніе личности.

Занявъ Соломоновъ тронъ, Елагинъ обратился къ Калиостро и сказалъ:

— Согласно статутамъ священнаго капитула Великаго Востока восьмой провинціи, благоволите, достопочтеннѣйшій братъ, изъяснить вслухъ всѣхъ достолюбезнѣйшихъ и почтенныхъ членовъ логи причины вашего къ намъ прибытія и вшествія въ сіе время въ оный городъ и въ наше святилище!

— Охотно изъясню все сіе, высокопочитаемый мастеръ!— отвѣчалъ Калиостро. Онъ отбросилъ за кресло край длинной своей мантии, которую взялъ на руку, сядясь, оправилъ цѣпь съ круглымъ зеркаломъ на груди, причемъ посмотрѣлъ въ зеркало, затѣмъ простеръ руку, горѣвшую перстнями и назнаменовалъ знакъ высшей магической власти, который заставилъ всѣхъ преклонить головы.

— Почтеннѣйшіе братья!— началъ говорить Калиостро.— Уже одно благоговѣніе къ сему святилищу, конечно, всякаго принудило бы или хранить въ немъ молчаніе, или изрекать истину! Но представленныя нами патенты, обнаруженные знаки и слова, сія цѣпь на груди моей, сія мантия и мечъ, все порукой вамъ въ томъ, что если сказанное мною далѣе мнѣтся будетъ трудно постижимымъ и невѣроятнымъ, причиной тому слабость зрѣнія, не выносящая яркаго свѣта, мірозпутанное состояніе даже стоящихъ у вратъ мудрости, безсиліе слова человѣческаго повѣдать неизъяснимое, почему принуждены мы прибѣгать къ символамъ и гіероглифамъ. Однако я не среди непосвященныхъ! Вы знаете, сколь величественно наше искусство и сколь далеко простирается. Вы знаете, что масонъ, обладающій таинствомъ великаго дѣла, имѣетъ способъ излечивать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ по примѣру древнихъ праотцевъ! Обладаетъ онъ способомъ производить богатства, превосходящія сокровища всего міра, имѣетъ средство бесѣдовать съ ангелами и силу остановить солнце съ Иисусомъ Навиномъ и съ Іліею отверзать и затворять небо! Знаете вы также, что истинное масонство еще въ раю открылось, но неумѣренное праотца нашего вожделѣніе, испустивъ страшное изъ твердыхъ заклеповъ зло, дало ему волю неистовствовать въ тѣлесномъ веществѣ! Тогда первобытное таинство сокрылось. Однако въ избранныхъ душахъ оно сохранялось и, переходя отъ мудреца къ мудрецу на годъ, и мѣсяцъ, и день,

и часъ соблюдено! И нынѣ я истину предъ вами свидѣтельствую, что уже близко и при дверяхъ откровеніе святѣни и преображеніе міра! Именно съ тѣмъ я и прибылъ на сѣверъ, что здѣсь благоволить возсіять свѣтъ надъ главою Великой Жены въ ясномъ блистаніи! Здѣсь именно откроется мать созвѣдій, родоначальница временъ, праматерь міра! Итакъ, выходите, выходите за врата, посвященные, съ свѣтильниками въ рукахъ выходите, чтобы свѣтомъ земного огня почтить высшую госпожу небесныхъ созвѣдій!

Графъ Калиостро на минуту умолкъ. И всѣ хранили молчаніе, одуренные потокомъ темныхъ словъ визитора.

— Не будете ли столь добры, графъ,—съ пріятной улыбкой вѣжливости сказалъ Елагинъ,—не будете ли добры отъ гіероглифическаго языка перейти къ общедоступному и, согласно статуту капитула, изъяснить точно, откуда и съ какою цѣлью прибыли вы къ намъ и какую собственно ролю въ святилищѣ нашемъ имѣете на себя принять.

Насколько восхищала главнаго директора зрѣлищъ красота жены Калиостро, настолько непріятное впечатлѣніе производилъ на него самъ посланникъ Великаго Кофты. По манерамъ, пріемамъ, словамъ и костюму Калиостро казался Елагину самымъ вульгарнымъ шарлатаномъ. Послѣднимъ словамъ своимъ Елагинъ придалъ явно ироническій тонъ и окинулъ Калиостро съ ногъ до головы пренебрежительнымъ взглядомъ.

Но Калиостро даже не смотрѣлъ на намѣстнаго мастера. Взоръ его блуждалъ въ верхнихъ сферахъ.

— Какая цѣль нашего прибытія?—повторилъ онъ вопросъ Елагина.—Сіе слово отъ стрѣльбы взято и по употребленію на игрищахъ къ работамъ каменщиковъ неприлична къ примѣненію. Какую ролю имѣемъ мы на себя принять?

Тутъ вдругъ синеватыя губы Калиостро ослабились, и глаза его, спустившись къ окружающимъ предметамъ, выглянули изъ-подъ круглыхъ бровей,—словно мыши, шмыгнули вокругъ и опять ушли.

— Какую ролю? У насъ нѣтъ ничего театральнаго,—съ явной насмѣшкой выговорилъ Калиостро на грубомъ своемъ южно-французскомъ нарѣчій. Члены капитула пошевелились, скрывая улыбку. Елагинъ почему-то чрезвычайно разсердился и заговорилъ уже брезгливо и ворчливо, свысока, всѣмъ видомъ показывая, что хотя въ ложѣ и почитались за ничто титулы, всѣ были равны и братья, однако онъ, Елагинъ, есть статсъ-секретарь государыни, сенаторъ и кавалеръ, а прибывшій «визиторъ» не кто иной, какъ темный проходимецъ и промышленникъ, и, вступивъ въ собраніе столь избранныхъ особъ и первыхъ, можно сказать, вельможъ имперіи, напрасно забывается.

— Государь мой, въ статутахъ сея почтенныя ложи опредѣлительно сказано, что визиторъ долженъ точно изъяснить причину

своего прибытія и вшествія въ собраніе капитула, хотя бы представленные имъ патенты право на сіе несумнительно утверждали. Ежели же онъ объясненій удовлетворительныхъ не представитъ, то, первое, къ разсмотрѣнію работъ въ капитултѣ не допущенъ будетъ, второе, налагаетъ на него великій намѣстный мастеръ весьма значительный денежный штрафъ, на дѣла благотворенія опредѣляемый.

— Мнѣ кажется, что толикіе патенты, а главное, рекомендацiонныя письма высокихъ въ орденѣ особъ избавляютъ господина Калиостро отъ примѣненія къ нему статута, направленнаго противъ вкрадывающихся любопытныхъ особъ, въ Европѣ принятыхъ легкомысленно, какъ часто тамъ бываетъ?—замѣтилъ Гагаринъ.—Имя г. Калиостро знаменито...

— Вотъ именно такъ, князь,—съ живостью перебилъ, переходя на русскій языкъ, Елагинъ.—Именно такъ! Нынѣ въ Европѣ даже къ наивысшимъ степенямъ безъ разбора всякаго званія люди и самыя невѣжды допускаются. Да вотъ, не далеко ходить за примѣромъ, два повара-французы, въ услуженіи у меня бывшіе и, кромѣ ложныхъ счетовъ, ничего писать не умѣющие, показали мнѣ достаточныя грамоты ихъ ложъ, гдѣ они не только разными египетскими рыцарями, но одинъ изъ нихъ и рыцаремъ Розе-Круа и Востока сдѣланъ. Они, кромѣ именъ и ложныхъ словъ и лентъ, ничего не знаютъ. Отойдя отъ меня, продолжаютъ они, однако, въ вольномъ каменщицествѣ упражняться. Здѣсь есть нынѣ и двѣ ложи въ домахъ у министровъ и съ моего дозволенія: одна французская ложа «Скромности», другая итальянская—«Комуса», въ которыхъ упражняющіеся мастера оба французы и повары, одинъ, точнѣе, великій патисёръ и конфизёръ, сіёръ Баю, на поварняхъ Бецкаго упражняется въ своемъ искусствѣ и строитъ весьма добротнорядочно торты, желеи, мусы и всякіе кремы. Многие изъ здѣшнихъ особъ отвѣдывали, я чай, на обѣдахъ сего вельможи? Да! А между тѣмъ сіи кухари—каменщики и даже не долѣе, какъ въ пятницу, имѣетъ быть у нихъ собраніе соединенное обѣихъ ложъ для принятія нѣсколькихъ поваренковъ, кафешенковъ и кухмейстеровъ разныхъ націй въ компаніоны и мастера. Если бъ я и не дозволилъ имъ по ихъ обыкновенію работать, они бъ, не взирая на то, не преминули открыть ложи по дозволенію, въ патентахъ ихъ отъ Великаго Востока Франціи и гротмейстера дюка де-Шартра данному. Изъ сего примѣра заключите, сколь намъ должно осторожными быть. Кто такой сей пришелецъ, и подлинно ли онъ есть графъ и Калиостро знаменитый, или пройдоха...

— Осторожнѣе, ваше превосходительство, онъ, можетъ быть, по-русски понимаетъ!—замѣтилъ графъ Строгановъ.

— Ну, гдѣ ему понимать! Посмотрите на фizioномію!

Въ самомъ дѣлѣ, лицо Калиостро приняло совершенно лунатическое выраженіе, глаза блуждали подъ потолкомъ храмины, и ка-

залось, что онъ не только ничего не понимаетъ, но едва ли помнить, что онъ на землѣ и въ тѣлесныхъ границахъ находится.

— Онъ ничего не понимаетъ,—подтвердилъ Гагаринъ.—Но все же письма, имъ представленныя...

— Ахъ, князь!—съ досадою перебилъ Елагинъ.—Ужели вамъ приведеннаго примѣра не довольно? Но едва ли и самъ сей графъ и Калиостръ не изъ поваровъ будетъ! У него сейчасъ именно такая мина, словно онъ на горячей плитѣ въ кастрюлѣ мѣшаетъ, а паръ ему клубомъ въ морду бьетъ, такъ онъ ее задралъ. Письма! Патенты! Все сіе отмычки, можетъ быть, воровскія, чтобы проникнуть въ наши чертежи. Намъ весьма осторожными быть должно уже потому, что русскіе люди безъ пути довѣрчивы къ иностранцамъ, и всякій, кто по-французски болтаетъ, у насъ за великую персону пріемлется. А языкъ сего графа весьма грубъ, и проносъ его именно болѣе кухарю приличенъ, нежели подлинному графу. Иное дѣло супруга его. Прелестная сія особа можетъ быть для нашего театра пріобрѣтеніемъ. Посему заявленіе господина Калиостра, что у него нѣтъ ничего театральнаго,—напрасно! Миѣ Габріэльша на репетиціи о сей красавицѣ рассказывала, что она черезъ карлицу свою познакомилась съ нею. Красавица отлично поетъ!

— Вполнѣ раздѣляя мнѣніе вашего превосходительства о необходимости соблюденія величайшей осторожности,—сказалъ Строгановъ,—все же нахожу я, что если сей визиторъ есть подлинный Калиостръ, то можетъ онъ сіе обнаружить великими силами, коими тотъ знаменитый мужъ стяжалъ, можно сказать, изумленіе всѣхъ народовъ, такъ что во многихъ ложахъ за границей статуи ему воздвигнуты съ подписью «Божественному Калиостру». Итакъ, пусть и сей обнаружитъ предъ нами тѣ силы и великое искусство, о коихъ сейчасъ говоримъ, хотя бы въ чемъ-либо. То лучшее будетъ удостовѣреніе его личности.

— Прекрасно сказано, достопочтеннѣйшій братъ!—подхватилъ Мещерскій.—Испытаемъ сего пришлеца и на дѣлѣ увидимъ, чего онъ стоитъ.

— Пусть онъ себя покажетъ, пусть покажетъ!—подтвердилъ и Куракинъ.

Единогласіе рѣшенія всѣ члены капитула подтвердили единодушнымъ ударомъ молотковъ.

Съ пріятнѣйшей и любезнѣйшей улыбкой Елагинъ на отличномъ французскомъ языкѣ объяснилъ Калиостро, чего отъ него требуетъ капитулъ.

Калиостро выслушалъ и спокойно кивнулъ головой.

Ржевскій поспѣшилъ замѣнить запасными шандалами со свѣчами—старые, уже выгорѣвшіе почти до бумаги.

XI.

Искусство Калиостро.

Нѣкоторое время всѣ сидѣли въ торжественномъ молчаніи ожиданія. Любопытство членовъ капитула было напряжено до высшей степени. Калиостро казался погруженнымъ въ глубокія размышленія. Казалось, что онъ молился, такъ какъ губы его беззвучно трепетали. Вдругъ онъ поднялся съ кресла. Правой рукой онъ обнажилъ блестящій мечъ. Въ лѣвой откуда-то появилась небольшая курильница съ ручкой. Онъ подулъ въ отверстіе на концѣ ручки, представлявшей змѣя съ раздутой шеей, и изъ отверстія курильницы вырвалось облачко слащаво-ароматическаго дыма.

Съ курильницей и мечомъ Калиостро быстро обошелъ всю ложу такъ, что клубы куренія, струясь за нимъ и бурно двигающейся его мантией, составили знакъ Меркурія—большой кругъ съ рогами и крестомъ.

Необычайно было искусство, съ которымъ некромантъ изъ дыма выписалъ сей таинственный знакъ. Ставъ затѣмъ лицомъ къ востоку и ко всѣмъ членамъ капитула, Калиостро поставилъ на полъ курильницу, изъ которой подымался густой, прямой струей дымъ, и громко сталъ читать непонятныя заклинанія; при этомъ онъ наступалъ, какъ бы фехтуясь съ невидимымъ противникомъ, грозно топалъ и махалъ мечомъ... Но онъ вложилъ мечъ въ ножны и сталъ неподвижно, уже беззвучно шевеля губами и обводя странными, оловянными какими-то зрачками чрезвычайно расширившихся глазъ, собраніе. Всѣ смотрѣли на магика. Вдругъ онъ указалъ на зеркало, висѣвшее на груди его, какъ бы приглашая соединить взоры на немъ. Потомъ провелъ по зеркалу рукой, и оно стало чернымъ и блестящимъ, какъ агатъ. Онъ провелъ по зеркалу второй разъ, и въ центрѣ его появился огромный, изумительной грани, чистоты и блеска алмазь. Члены капитула въ сокровищницахъ своихъ имѣли наслѣдственные камни высокаго достоинства и видали довольно брильянтовъ, знали имъ цѣну, но всѣ изумились. Камень казался не имѣющимъ цѣны. Пока они смотрѣли и любовались его игрой, Калиостро покачивался, простирая руки, и монотонно завывалъ на восточный странный мотивъ какіе-то стихи на невѣдомомъ языкѣ. Вдругъ онъ взмахнулъ руками, и всѣ совершенно ясно увидѣли, что пламя девяти свѣчей, горѣвшихъ на полу, поднялось до половины комнаты и здѣсь извивалось девятью пламенными языками... Калиостро опустилъ руки—и языки возвратились къ свѣтильнямъ свѣчъ. Калиостро вновь поднялъ руки, и они опять поднялись... И такъ до трехъ разъ.

Сіе простое, но чудесное явленіе наполнило ужасомъ членовъ капитула. Но они сидѣли недвижно, окованные страннымъ одѣпнѣніемъ, не въ силахъ будучи двинуть ни рукой, ни ногой... Только сердца ихъ учащенно бились, порою полъ начиналъ уплывать изъ-подъ ихъ креселъ, и тихо позванивало въ ухахъ.

Вдругъ въ рукахъ Калиостро явилась изящная серебряная флейта. Онъ поднесъ ее къ губамъ и извлекъ гармоничный, стелющийся звукъ и отвелъ флейту отъ губъ. Флейта сама по себѣ продолжала издавать до боли сладостный звукъ. Калиостро повелъ флейтой, и таинственные голоса невиданныхъ инструментовъ, какъ будто играя на стеклышкахъ или серебряныхъ колокольчикахъ, присоединились къ основному, стелющему на одной нотѣ звуку. Мелодія ускорялась, ускорялась... И вдругъ сидѣвшая дотолѣ недвижно на помостѣ Серафима поднялась, воздушно сошла внизъ и пошла кругомъ ковра и между свѣчами, съ фигуры на фигуру, въ стройной пляскѣ. Ея цвѣтныя прозрачно-туманныя одежды струились и клубились, то скрывая ея члены, то выдавая всѣ ихъ округлости и линіи. Она склоняла головку, вѣнчанную розами, то на одно, то на другое плечо. Рѣсницы ея были опущены, алыя уста трепетали неизъяснимой улыбкой, бѣлое покрывало летало вокругъ, кудри бились за плечами, тускло блестящее, черное покрывало, сверкая вытканными звѣздами, какъ змѣя, обвивало ея бедра и тонкій станъ. Концы покрывалъ, какъ бѣлое и какъ черное крыло, широко вѣяли за ея спиной, руки протянуты были впередъ, и тонкіе, алые пальцы ея трепетали, ноги, переступая въ быстрыхъ па, сквозили порою отъ ступни до бедра; неизъяснимо сладостна была ея пляска, соединяя смѣлое сладострастіе съ цѣломудріемъ совершенной красоты; сердца зрителей ныли и трепетали отъ сладкой боли; гармонія лилась; струились клубы куренія; жрица танцевала между свѣчами, кругомъ стоявшаго на символическомъ коврѣ, укрытаго чернымъ покровомъ гроба.

Вдругъ она остановилась въ ногахъ гроба и, поднявъ конецъ чернаго покрывала, перекинутый за лѣвое плечо, обнажила красивую лѣвую грудь, бѣлую, какъ мраморъ, съ розовымъ возвышеніемъ соска, а чернымъ покрываломъ закутала себѣ голову. Въ то же время стоявшій за ея плечами Калиостро извлекъ мечъ, нагнувъ голову красавицы и вдругъ вонзилъ ей съ лѣвой стороны шею мечъ по самую рукоятку. Вопль ужаса вырвался изъ устъ присутствовавшихъ. Но они не могли пошевелинуться, не могли разорвать оковавшія ихъ чары и только смотрѣли, какъ потомъ Калиостро поддержалъ склонившееся тѣло несчастной, какъ онъ вынулъ мечъ и кровь густой струей хлынула изъ широко отверзтой раны; какъ онъ ловко подставилъ подъ кровавую струю узкогорлую золотую урну, такъ что ни капли не пролилось на одежду красавицы и на полъ.

Кровь перестала литься. Калиостро поставилъ урну на полъ, подхватилъ бездыханное тѣло убитой за талию, подволокъ къ гробу, ногой сбросилъ съ него покровъ и крышку, высоко подвѣлъ на воздухъ тѣло и, безжалостно швырнувъ его въ гробъ, покрылъ крышкой и покровомъ. Потомъ, бормоча заклинанія, онъ взялъ урну, обошелъ свѣчи и заливалъ пламя каждой кровью. Голубой свѣтъ распространился вмѣстѣ съ клубами куренія въ храминѣ, и она вся преобразилась. Полъ сталъ мраморный. Потолокъ образовалъ черный куполь, усѣянный золотыми звѣздами. Его поддерживали колонны изъ лапидъ-лазури и малахита. Свѣчи и под-свѣчники превратились въ высокіе штабды, на которыхъ распѣли огромныя, огненно-красныя лиліи. Внѣшній видъ самого Калиостро преобразился. Онъ сталъ высокаго роста. Рогатая тиара съ крылатымъ змѣемъ-аспидомъ вѣнчала его голову, египетскія повязки были подъ нею. Одежды его, изъ златотканной парчи, напоминали епископскій саккосъ. Онъ сталъ въ ногахъ гроба и громко читалъ заклинанія, потрясая руками и преклоняя тиару. Та же музыка лилась въ храминѣ. Но основная, стениющая нота ея достигла нестерпимаго напряженія, а аккомпаниментъ ея вызванивали, казалось, соборныя колокола. Вдругъ прозрачная тѣнь поднялась надъ гробомъ. Она рѣяла; некромантъ завывалъ заклинанія; звонъ и мелодія продолжались; тѣнь рѣяла и мало-по-малу пріобрѣтала болѣе и болѣе опредѣленныя очертанія; блѣдное, тѣлесно-туманное очертаніе нагой, дивно-прекрасной женщины явилось, плыло и оставалось недвижнымъ въ клубахъ куренія надъ гробомъ; блѣдная головка въ вѣнкѣ изъ розъ склонилась на правое плечо; надъ лѣвой грудью чуть алѣла рана; мертвая улыбка безконечнаго блаженства и безконечной скорби трепетала на губахъ.

Вдругъ молодой князь Коріатъ нечеловѣческимъ усиленіемъ воли одолѣлъ оковавшія его чары и, сорвавъ съ шеи большой крестъ, носимый имъ по званію рыцаря-храмовника, бросился къ Калиостро, восклицая громовымъ голосомъ:

— Проклятый убійца!

Калиостро махнулъ рукой. Молнія прорѣзала воздухъ. Страшный ударъ грома потрясъ храмину и обрушилъ ея потолокъ. Мгновенно все потухло. Стала непроницаемая тьма...

Сколько времени прошло, пока очнулись члены капитула, они сами потомъ не могли сказать. Наконецъ въ темнотѣ послышались стоны. Потомъ трепещущіе голоса братьевъ-масоновъ стали призывать другъ друга. Затѣмъ, убѣдясь, что они живы и невредимы, поднялись, слабые, изнеможенные, съ болью во всѣхъ членахъ, качаясь отъ нестерпимаго головокруженія и боли въ вискахъ, въ темнотѣ, ощупью, спотыкаясь, сталкиваясь и опрашивая другъ друга: «Князь, это вы?»—«Графъ, вы?» и т. д., они добрались до двери, спѣша выбраться изъ отравленной сланицы

куревомъ хранины. Въ «chambre des pas perdu» было свѣтло. Въ окна струился розовый пламень весенней зари.

Въ то же время, какъ одни открывали окно въ садъ и жадно дышали свѣжимъ воздухомъ, другіе призывали слугъ.

Слуги, на отчаянные вопли господъ своихъ, вбѣжали толпой со свѣчами.

На вопросъ, слышали ли они что-либо, лакеи только хлопали заспанными глазами. Они ничего не слышали. Такъ какъ это были посвященные въ низшія степени ордена крѣпостные членовъ капитула люди, то ихъ и послали осмотрѣть ложу. Служители вошли. Господа толпились за ихъ спинами въ дверяхъ, робко засматривая въ хранину. Но тамъ рѣшительно все было въ обыкновенномъ своемъ видѣ, на мѣстѣ, въ порядкѣ. Только запахъ сладчайшій остался. Ни Калиостро, ни Серафимы тамъ не было. Князь Коріатъ, секретарь Елагина, лежалъ на ступеняхъ помоста безъ чувствъ. Онъ, падая, раскроилъ себѣ високъ.

Лужица крови вытекла изъ раны. Въ рукѣ онъ судорожно сжималъ свою орденскую цѣпь съ крестомъ.

Бросились оказать ему помощь. Подняли, вынесли изъ ложи и, уложивъ на диванѣ, старались привести въ чувство молодого человѣка. Объятый свѣжимъ воздухомъ, онъ, наконецъ, вздохнулъ, простоналъ и открылъ глаза...

Князь Голицынъ отрядилъ свою карету за докторомъ свѣтлѣйшаго. Между тѣмъ спрашивали служителей, выпускали ли они визитора и его супругу? Служители съ клятвою завѣрили, что они и не видали ихъ съ тѣхъ поръ, какъ проводили въ «шамбръ де па пердю»... Никто, ни швейцаръ, ни сторожа въ саду и въ воротахъ, ничего не могли сказать о томъ, куда дѣлись «визиторъ» съ «визиторшей»?

Они пріѣхали въ наемной каретѣ и вышли на улицѣ у воротъ, одѣтые въ темныя домино, которыя совершенно ихъ окутывали, и въ маскахъ. Карета затѣмъ уѣхала. Сказавъ въ воротахъ и на подъѣздѣ ложи проходное слово, «визиторы» прошли въ «залу потерянныхъ шаговъ», не снимая домино.

Служители и не догадались, что одна изъ сихъ персонъ—женскаго пола.

Эти домино, весьма ветхія и полинялыя, нашли брошенными въ уголъ залы.

Какъ исчезъ изъ ложи магикъ и его супруга, осталось неизъяснимымъ.

ХІІ.

Посланіе Великаго Кофты.

Князь Коріатъ пришелъ между тѣмъ въ себя. Ранка на головѣ была ничтожна и когда ее, въ ожиданіи врача, промыли и перевязали полотенцемъ, князь поднялся, чувствуя лишь общую сла-

бость, разбитость, головокруженіе. Онъ не могъ сразу сообразить и припомнить, что съ нимъ произошло. Но и остальные члены капитула чувствовали себя не лучше. Смущенные, они не знали, что думать имъ о всемъ происшедшемъ на ихъ глазахъ. Елагинъ казался совершенно растеряннымъ, и отъ крайняго недо-вѣрія къ таинственному «визитору» перешелъ къ слѣпому благого-вѣнію передъ сверхъестественными силами, которыя тотъ показалъ.

Между тѣмъ врачъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина, пользовавшій и племянницъ его съ семействами, а между ними и Варвару Васильевну Голицыну, прибылъ наконецъ въ капитулъ. Онъ былъ тоже свободный каменщикъ и, слѣдовательно, что-либо таить отъ него изъ происшествія надобности не представлялось.

Осмотрѣвъ рану Коріата, онъ примочилъ ее привезеннымъ медикаментомъ, но состояніе пострадавшаго призналъ совершенно благополучнымъ. Жалкая растерянность блѣдныхъ членовъ капитула большія внушила ему опасенія.

На вопросъ его: что произошло?—братья-масоны стали излагать необыкновенныя явленія, показанныя имъ графомъ Калиостро.

— Графъ Калиостро!—изумился врачъ.—Какъ, самъ Калиостро въ Петербургѣ?

— Да, онъ проживаетъ здѣсь уже третій мѣсяцъ подъ видомъ Фридриха Гвальдо и занимается пользованіемъ недужныхъ.

— Фридрихъ Гвальдо! Презрѣнный шарлатанъ, о зловерныхъ обманахъ коего уже донесено медицинскому факультету! Возможно ли, что это самъ знаменитый Калиостро?—вскричалъ врачъ.

— Представленные имъ документы сіе подтверждаютъ.

— Впрочемъ, и самъ господинъ Калиостро, вѣроятно, изъ тѣхъ промышленниковъ, строящихъ на легковѣрїи ближнихъ свое благо-состояніе, темныхъ проходимцевъ, какими теперь полна Европа!—сказалъ врачъ.

— Т-с-с-ъ!—со страхомъ остановилъ его Елагинъ, опасливо озираясь.—Прошу васъ не выражаться такъ о мужѣ, показавшемъ столь необыкновенныя силы!

— Некромантъ сей не можетъ насъ слышать. Чего же ваше превосходительство опасаетесь?

— Не можетъ слышать! Но мы даже не можемъ знать, гдѣ онъ въ сію минуту находится!

— И я долженъ сказать,—присовокупилъ Голицинъ:— что самъ свѣтлѣйшій слышали о необыкновенныхъ испѣленіяхъ, совершенныхъ уже Фридрихомъ Гвальдо, и послали за нимъ своего камердинера, чтобы призвать къ болящему нашему младенцу!

— И шарлатанъ сей съ дерзостью отказался прибыть! Я слышалъ сію исторію, князь, и долженъ высказать недоумѣніе, что свѣтлѣйшій, при ихъ умѣ и познаніяхъ, пренебрегая правильной медициной и мужами науки, обращаются къ уличному вѣдуну, не имѣющему даже диплома доктора!—говорилъ врачъ.

— Вы забываете,—вмѣшался тутъ графъ Строгановъ:—что Гвальдо оказался совсѣмъ не Гвальдо, но Калиостро. Сей Калиостро есть масонъ высшихъ степеней и обладаетъ тайнами великаго дѣла, что и доказалъ необычайными явленіями, коихъ были мы свидѣтелями, столь же непостижимыми, сколь дѣйствительными и могущественными. Наши мудрые мастера суть одни законные натуры испытатели. Они знаютъ натуру въ цѣломъ ея округѣ, понеже наука ихъ вникаетъ во внутреннѣйшія ея и подаетъ имъ безопаснѣйшую руководства нить въ тысячекратномъ лабиринтѣ ея безчисленно различныхъ дѣйствій безопасно выискиваться, все развивать, искусно и твердо загражденные замки ея размыкать и въ центрѣ натуры все въ пространномъ ея царствѣ находящіяся явленія изъяснять и доказывать. Напротивъ, профанскіе физики, такъ называемые натуры испытатели и натуры учителя, кругомъ скачутъ всегда на поверхности всѣхъ трехъ натуры царствъ, копять гипотезы на гипотезы и во мракѣ блуждаютъ.

— Медицинскій факультетъ, къ коему имѣю я честь принадлежать... началъ было докторъ. Но его перебили и стали рассказывать, дополняя и поправляя другъ друга по порядку всѣ явленія, показанныя Калиостро капитулу. Въ подробностяхъ показанія были, однако, весьма разнорѣчивы, что приводило къ спорамъ. Докторъ слушалъ весьма внимательно.

— Ну, какъ же вы изъясните все сіе наукою вашей!—закончилъ рассказъ Строгановъ.

— Божественный Картезіи завѣщалъ намъ основное правило: расчленийте трудныя задачи,—сказалъ докторъ.—Разсѣчемъ и мы сіи трудности.

— Да! Да! Вы все живое и цѣлостное на части разсѣкаете и, получа трупъ бездушный, токмо пустоту схватываете!—сказалъ Куракинъ. Докторъ не смущаясь приступилъ къ анализу явленій.

— Конечно, некромантъ прибѣгъ къ куреніямъ, сладкавый и ядовитый запахъ которыхъ по сію минуту ощутимъ, съ тою дѣлю, чтобы вызвать опьянѣніе и волненіе крови, при вскипяченіи коей въ органахъ человѣка отдѣляются живущіе въ нихъ духи и производятъ въ мозговыхъ коркахъ фантомы.

— Да мы не въ мозговыхъ коркахъ, а передъ носомъ своимъ все видѣли ясно!—возразилъ Куракинъ.

— И чѣмъ вы объясните поднятіе свѣщъ на воздухъ?

— Не свѣщъ! Только пламя поднималось!

— Я видѣлъ, что шандалы за рукою магика по воздуху ходили!

Докторъ пространно началъ объяснять поднятіе пламени—извлеченіемъ флогистона изъ воздуха, по сіе объясненіе было темнѣе самаго явленія. Оно вызвало полное недовѣріе членовъ высокоученаго капитула.

— Флогистонъ, или, точнѣе, огненно-жидкая влага вещей, будучи извлечена,—съ важностью возражалъ Строгановъ,—всю бы хранину пожгла.

— Никакъ! Ибо налитый хотя на сей деревянный столъ спиртъ удобенъ къ воспламененію, не угрожая древесной матеріи стола!

— Но какъ вы объясните, что Калиостръ на глазахъ нашихъ супругу свою пронзилъ мечомъ въ шею, всю кровь извлекъ изъ раны, собравъ ее въ сосудъ...

— Я не видѣлъ сосуда. Онъ собиралъ кровь большой губкой,—сказалъ кто-то.

— И рана была нанесена не въ шею, а между лопатками!—утверждалъ другой.

— Нѣтъ, онъ разсѣкъ женщинѣ мечомъ груди! Я видѣлъ, какъ трепетало въ отверстіи сердце!—возражалъ третій.

— Это не важно! Мы всѣ видѣли, что трупъ былъ брошенъ въ гробъ и закрытъ крышкой!

— Да! Да! Совершенно ясно видѣли!

— А между тѣмъ потомъ надъ крышкой встала тѣнь убитой—зидерическій ея астросомъ! Это, достопочтенные братья, всѣ видѣли?

— Всѣ! Всѣ!

— Но вѣдь это доказываетъ, что женщина въ самомъ дѣлѣ была убита! Гдѣ же ея тѣло?

— И гдѣ самъ Калиостръ?

— Гдѣ — оба?

— Но вы же осматривали ложу?—спросилъ врачъ.

— Осматривали тщательно и весь домъ, садъ и дворъ. Никого не найдено.

— Ну, а въ гробу вы не смотрѣли?

— Въ гробу? Смотрѣли ли въ гробу? Кажется, не смотрѣли! Да! да! въ гробу не смотрѣли.

— Ну, вогъ видите, сколь поверхностно было ваше изслѣдованіе!—сказалъ торжествующій врачъ.

— Мы сейчасъ посмотримъ!—сказалъ Куракинъ.—Члены капитула направились къ дверямъ ложи, однако не сразу вошли, а нѣсколько замаялись, пропустивъ впередъ себя доктора, который самъ вдругъ сталъ нервенъ и блѣденъ. Завѣсы въ окнахъ ложи были подняты. Утренній свѣтъ отнималъ всю таинственность у обстановки; тѣмъ не менѣе члены капитула нерѣшительно двигались вокругъ прикрытаго покровомъ гроба, переговаривались, что надо открыть его и посмотреть, и все не рѣшались коснуться. Рѣшили было уже позвать на сей предметъ служителей, когда въ ложу смѣлой походкой вошелъ юный князь Коріатъ, съ повязкой на головѣ, блѣдный отъ кровоизліянія. Рѣшительно приблизился онъ къ гробу, сдернулъ покровъ и, взявъ крышку поперекъ, приподнял и отставилъ ее.

Члены капитула съ трепетомъ взглянули внутрь: гробъ былъ пустъ.

Князь Коріатъ нѣсколько мгновений стоялъ надъ пустымъ гробомъ, держа крышку его въ рукахъ. Казалось, онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и все ожидалъ явленія бездыханнаго тѣла красавицы въ семъ тѣсномъ жилищѣ смерти. Вдругъ онъ отшвырнулъ гробовую крышку, схватился руками за голову и выбѣжалъ изъ ложи.

Докторъ приблизился къ гробу и тщательно осмотрѣлъ его, отыскивая слѣды крови. Но ничего такого не нашелъ. Только на днѣ оказалась какая-то бумага съ письменами. Онъ указалъ на нее подступившимъ ближе братьямъ. Всѣ удивились. По ритуалу гробъ стоялъ совершенно пустой. Елагинъ осмѣлился протянуть руку и извлечь бумагу изъ гроба. «L. P. D. Odi profanum vulgus et arceo», прочелъ Елагинъ. Далѣе шелъ французскій текстъ:

«Великому намѣстному мастеру и всему капитулу...» Это какое-то посланіе намъ! — сказалъ Елагинъ, сильно взволнованный. — Отъ кого бы это?

— Позвольте, ваше превосходительство, я прочту! — сказалъ князь Гагаринъ.

— Нѣтъ, князь, посланіе мнѣ именно адресовано, такъ я и прочту! — отстраняя бумагу, возразилъ Елагинъ.

— Такъ читайте, ваше превосходительство!

— Читайте! Читайте! Что это такое? — подхватили братья-масоны.

«Честь, мудрость, единеніе! — читалъ Елагинъ. — Благотворительность, благоденствіе! Мы, Великій Кофта во всѣхъ восточныхъ и западныхъ частяхъ земли, основатель и гросмейстеръ великаго египетскаго масонства, облекли властью и назначили, и поручили, и акредитовали, для блага человѣчества, для усовершенія великаго дѣла, для осіянія свѣтомъ странъ сѣвера мужа, исполненнаго силы и мудрости, полномочнаго посланника нашего графа де-Каліостро, который, являсь къ вамъ, братья капитула VIII-й провинціи, и къ намѣстному великому мастеру реченной провинціи, представилъ патенты и сертификаты, и письма, и знаки, и слова, возвѣщающая вамъ о имѣющемъ открыться для Скиѳіи и Сарматіи и для Гипербореевъ мраза и тьмы, и вы, капитулъ и мастеръ, приняли сего избраннаго мужа не по-братски и не оказали должнаго уваженія къ великому сану, нами на него возложенному, имѣли о немъ оскорбительныя и скаредныя сужденія и легкомысленно хотѣли испытать его силы и дарованія, и могущество, и власть; онъ показалъ вамъ все сіе, совершивъ дѣла, изумившія васъ, но кои суть лишь ничтожная пылинка его мудрости, и затѣмъ изшелъ отъ васъ и укрылся въ убѣжищѣ, которое близко, изъ котораго онъ васъ видитъ, вы же его не можете увидѣть; онъ васъ слышитъ, вы же его не можете услышать; онъ васъ касается, вы же

не можете его коснуться; изъ сего убѣжища далъ онъ знать намъ Великому Кофтѣ, о скарѣдномъ вашемъ поведеніи и несмысленныхъ поступкахъ; и мы, Великій Кофта, изъ Понтійскаго моря мудрецовъ протянули руку и положили сіе посланіе въ вашей ложѣ въ сей смертной урнѣ! Читайте, капитулъ и мастеръ, читайте! Познайте, что вы потеряли: великое откровеніе явилось бы вамъ, и нѣкое безчисленное сокровище злата, перловъ, драгоценныхъ камней, которое около васъ, было бы вамъ передано; но вы не захотѣли сами.

«И теперь слушайте, капитулъ и мастеръ! Вы не увидите предопредѣленнаго того мужа, пока не раскаетесь чистосердечно и не умолите насъ, Великаго Кофту, васъ простить! Ей-ей! Истинно такъ. И еще слушай, намѣстный мастеръ VIII-й провинціи, за дерзкія слова противъ нашего посла ты скоро будешь наказанъ! И слушай ты, отецъ болящаго младенца, только силы нашего посла могутъ исцѣлить его! И слушай ты, называющій себя врачомъ, Великому Кофтѣ извѣстно, что совершено тобою въ лѣвомъ павильонѣ, въ голубой комнатѣ въ полночь, при трехъ яблокахъ и ананасѣ! Трепещи обличенія, невѣжда, именующій себя врачомъ! Дано на Востокъ всѣхъ Востоковъ, въ Мединѣ, Мемфисѣ и Іерусалимѣ, при гробахъ Магомета, Хирама и Христа! *Luceat meruere labore. Petite et accipietis, quaerite et invenietis, pulsate et aperietur vobis. In constanti labore spes.*

«O vincere, o morire!»

Внизу стояла странная печать, раздѣленная на четыре части крестомъ съ греческими буквами на концахъ: α, ρ, τ, ω. Въ каждой части имѣлись мистическія изображенія: змѣя, пронзенная стрѣлой; павлинъ съ жезломъ; ягненокъ съ крестомъ; еврейская буква «алефъ».

ХІІІ.

Въ столовой ложѣ.

Если посланіе Великаго Кофты, по мнѣнію писавшаго, должно былъ окончательно убѣдить капитулъ въ могущество Каліостро, то это было совершенно ошибочное предположеніе. Прежде всего слушателей, превосходно владѣвшихъ французскимъ языкомъ, поразили синтаксическія ошибки посланія, а Елагина, его читавшаго, и орфографическія. Потомъ всѣхъ возмущилъ напыщенный и оскорбительный тонъ посланія и особенно обращеніе во второмъ лицѣ къ Елагину и Голицыну въ концѣ его. Впечатлѣніе, произведенное опытами некромантики, было испорчено.

— Шарлатанство!—рѣшительно сказалъ Куракинъ.

— И кто сей Кофта, пишущій одновременно изъ Медины, Мемфиса и Іерусалима?—вопросилъ Строгановъ.

— Но какъ очутилось посланіе въ гробъ?—спросилъ Гагаринъ.

— Онъ самъ его написалъ предварительно, а во время темноты и смущенія общаго и сунулъ въ гробъ,—рѣшительно заявилъ Елагинъ.—Я узнаю харчевенный его слогъ. И опять прихожу къ заключенію, что онъ изъ поваровъ, какъ мои рыцари Розе-Круа! Въ высшей степени нагло играть съ нами такія штуки и потомъ еще обращаться столь дерзкимъ тономъ ко мнѣ, великому намѣстнику, мастеру, статсъ-секретарю, сенатору и кавалеру!

— Тонъ письма подлинно и шарлатанскій и дерзкій. Къ тому же оно и безграмотное,—рѣшилъ и Стргановъ.

— Видимое дѣло, что мы стали жертвою ловкаго искусника, фокусника и промышленника, и во всѣхъ его чудесахъ одна ловкость рукъ; натуральная магія, отводъ глазъ и только!—говорилъ Елагинъ.

— Что значитъ въ письмѣ сказанное, будто Каліостро нынѣ въ такомъ странномъ мѣстѣ обрѣтается, что насъ онъ видитъ, слышитъ и осязаетъ можетъ, а мы его—нѣтъ?

— Если такъ, то пусть онъ слышитъ, что я его наглецомъ и шарлатаномъ именую, и видитъ, что языкъ ему показываю!—сказалъ Елагинъ и дѣйствительно показалъ языкъ.

— Но онъ грозилъ вашему превосходительству какими-то бѣдами,—замѣтилъ Гагаринъ.

— Шарлатанство и заговоръ съ прислугой! Очевидный заговоръ съ прислугой,—говорилъ Елагинъ.

Въ основѣ своего характера онъ былъ большой вольтеріанецъ и склоненъ къ цинизму, хотя и увлекался мистикой, но, какъ отдыхъ, затѣмъ ему былъ потребенъ скептицизмъ и даже легкое, насмѣшливое кощунство. Въ столовыхъ ложахъ послѣ важнаго засѣданія, за кубкомъ, Елагинъ весьма часто трунилъ надъ всѣмъ тѣмъ, что занимало его полчаса тому. Настроеніе Елагина передалось и прочимъ братьямъ капитула, уже потому, что напряженные нервы требовали реакціи; а трезвая дѣйствительность весенняго утра, яркій солнечный свѣтъ, щебетъ птицъ въ саду, свѣжій вѣтерокъ, плывшій въ открытыя окна и обвѣвавшій зачуженныя и разгоряченныя головы, все способствовало отрезвленію. Теперь шарлатанство Каліостро всѣмъ казалось очевиднымъ. Вспомнили, что онъ заливалъ свѣчи кровью, выцѣженной изъ красавицы. Между тѣмъ онѣ оказались безъ всякихъ слѣдовъ этой операціи. Но если не было крови, то не было и убійства!

— Конечно, не было! Въ противномъ случаѣ должно бы извѣстить полицію и задержать сего некроманта!—сказалъ Куракинъ.

— Это во всякомъ случаѣ было бы не худо. Полагаю, что нѣтъ такого тайнаго мѣста, въ которое бы Каліостръ возмогъ отъ недреманнаго ока господина Шешковскаго укрыться! Хе! хе! хе!—смѣялся Елагинъ.

— Да, некромантика господина Шешковского превзойдетъ всѣхъ магиковъ Европы! Ха! ха! ха!—смѣялся Строгановъ.

— Но обратите вниманіе, сколь смущенъ и молчаливъ нашъ докторъ!—шутить Елагинъ.

Домашній врачъ свѣтлѣйшаго, ранѣе, когда всѣ ему противорѣчили, столь смѣло первый утверждавшій, что Калиостро не болѣе, какъ шарлатанъ, теперь въ самомъ дѣлѣ сконфуженно держалъ на устахъ «персть Горусовъ».

— Полагать должно, господинъ Калиостро подлинно о немъ нѣчто вѣдалъ!—продолжалъ Елагинъ, развертывая посланіе Великаго Кофты.

— Признайтесь, докторъ, что такое совершено вами въ лѣвомъ павильонѣ, въ голубой комнатѣ, въ полночь при трехъ яблокахъ и ананасѣ? При чемъ тутъ ананасъ?

— Я не понимаю... Тутъ какая-то сплетня... Я не понимаю...—бормоталъ смущенный докторъ.

— Вся сія передряга, достопочтенные братья, наилучше подтверждаетъ мою правоту,—говорилъ Елагинъ.—Остерегайтесь намъ должно пришлецовъ, хотя бы и великими титлами и степенями облеченныхъ. Теперь же, чтобы окончательно отряхнуться, прошу васъ пожаловать въ столовую ложу. Ужинъ, намъ приготовленный, не тронуть стоитъ и явится раннимъ завтракомъ. Должно подкрѣпить силы добрымъ стаканомъ вина и устерсами, которыя всегда полезны и хотя безъ ногъ, а вкусны. Приятная, легкая шутка и дружескій пропѣтый гимнъ освѣжатъ наши мозговые корки, какъ выражается милѣйшій докторъ, фантомами некромантики закопченныя. Идемте! Гей, люди! Приказать повару изжарить тотъ соусъ, знаете? Что я самъ объяснялъ! Мнѣ еще большой трудъ предстоитъ сегодня съ театральными людьми объясняться и особенно съ несноснымъ Паэзіелло, который противу контракта не хочетъ оперъ дѣлать!

— Подлинно удивляюсь вашему терпѣнію съ театральными людьми и людюшками,—сказалъ Строгановъ,—въ особенности съ актрисами и пѣвицами, которыя столь же взыскательны и капризны, сколь прелестны. Я предпочитаю имѣть дѣло съ красотой писанной и изваянной! Если бы вы видѣли, Иванъ Перфильевичъ, какого Доминикино привезъ маркизъ Маруцци.

Строгановъ говорилъ объ агентѣ государыни, покупавшемъ картины для Эрмитажа.

— Да, вы избрали благую часть, графъ Александръ Сергѣевичъ! Мнѣ государыня изволила сулить кончину отъ ссадины барabanной перепонки, которую вызоветъ въ ухахъ моихъ театральная гармонія! Повѣрите ли, графъ, покоя нѣтъ ни минуты! Театральные люди ничѣмъ довольны быть не могутъ! Какія піесы ни ставь, какія ни давай роли—претензій не оберешься. А за неудач-

ный спектакль отвѣтствуетъ директоръ! Воля государыни для меня священна есть. Но театральные люди не только барабанную перепонку надсадить, приставить грыжу могутъ. Доходить до предмета лакомства ихъ великая есть сокруха. И даже дивлюсь, какая польза можетъ меня удержать у сея безпокойныя и развратныя въ нравахъ и поведеніи команды!

— О, мы знаемъ, что удержать можетъ ваше превосходительство, знаемъ! — лукаво подмигивая, говорилъ «мастеръ стула» ложи «Эрато», князь Александръ Ивановичъ Мещерскій.—Прелести Габріэльши достойны вкуса утонченнѣйшаго!

Въ такихъ и подобныхъ разговорахъ братья-масоны снимали свои фартуки, ленты, мантіи, шпаги и прочія принадлежности, потомъ сошли во второй этажъ, гдѣ помѣщалась столовая — свѣтлая, прекрасная зала въ античномъ вкусѣ, съ бѣлыми стѣнами и колоннами, украшенная лишь эмблемами каменщичество и превосходно написанными вѣнками изъ розъ—цвѣтка, посвященнаго богу молчанія Гарпократу. Столъ былъ отягченъ вазами, серебромъ, фарфоромъ; за каждымъ кресломъ стоялъ служитель въ пудрѣ. Окна столовой открыты были въ обрызганный росой, цвѣтущій садъ. Члены капитула сѣли на обычныя мѣста. Елагинъ помѣстился въ челѣ стола.

Прежде всего официанты вкатили боченокъ съ устрицами, откупорили на особомъ мраморномъ столѣ, и проголодавшіеся члены капитула принялись глотать сихъ келейножительницъ, какъ выразился Елагинъ, смачивая ихъ легкимъ душистымъ итальянскимъ виномъ. При семъ Елагинъ сказалъ шутливую рѣчь, уподобляя устрицу—истинному масону; устрица созидаетъ домъ свой изъ перламутра внутри, снаружи оставляя скромную, невзрачную скорлупу; образуетъ она и перло многоцѣнное во внутреннемъ своемъ и, соблюдая молчаніе и тайну, на крѣпкій замокъ домикъ свой запираетъ! Не истинное ли сіе есть подобіе масона!

— Но мудрый мастеръ сей замокъ расторгаетъ, подрѣзая устрицу серебрянымъ ножомъ,—сказалъ Александръ Борисовичъ Куракинъ,—и обнажаетъ тайну! И острымъ сокомъ разума осодливъ, воспринимаетъ!

И Куракинъ принялся смачно жевать опрысканную лимономъ затворницу.

Но захотѣлось горячаго съ пряными и пикантными приправами и болѣе крѣпкаго вина.

Служители съ серебряными, закрытыми блюдами, гдѣ шипѣли и ворчали горячіе закуски и соуса и ароматическій паръ трюфелей вырывался, вошли процессіей, въ предшествіи дворецкаго. Проголодавшіеся вольные каменщики кушали исправно и столь же исправно утоляли жажду изъ вмѣстительныхъ кубковъ. Елагинъ обращалъ вниманіе на соусъ, въ который подпущено было грачиное мясо для запаха.

Внесенная затѣмъ рыба общій вызвала восторгъ. Ранній завтракъ принималъ характеръ изряднаго обѣда. Между тѣмъ запѣнилось шампанское, именуемое въ ложахъ «бѣлымъ порохомъ».

Братья-каменщики приняли въ руки свои заряженные «пушки» изъ дивнаго хрустала, въ которомъ игралъ веселой радугой солнечный свѣтъ, и «выстрѣливали» здоровье намѣстнаго мастера, а затѣмъ каждаго изъ присутствующихъ мастеровъ въ отдѣльности. Отъ ѣды и возліяній лица зардѣлись. И когда поданъ былъ сыръ, фрукты и ликеры, достопочтенные члены капитула запѣли хоромъ

Равенство и любовь
И нѣжно имя братъ
Всѣхъ титуловъ и чиновъ
Любезнѣй намъ стократъ!

* * *

И званье—человѣкъ —
Намъ выше и честнѣй
Всего, что тлѣнный вѣкъ
Мнить пышностью своей!

* * *

Въ познаньи дивныхъ силъ
Натуры, божества,
Напѣ разумъ искусилъ
Всѣ тайны естества!

* * *

Се, Соломоновъ храмъ,
Исполненный чудесъ!
Все сокровенно тамъ
Во мглѣ святыхъ завѣсъ!

* * *

Таинственны пути!
И ключъ къ нимъ свыше данъ!
Въ святилище войти
Напрасно мнить профанъ!

* * *

Въ надменіи своемъ
Онъ даже не пойметъ,
Какъ мы, масоны, пьемъ,
Какъ мастеръ въ кубки льетъ!

По окончаніи сей пѣсни появился дворецкій и на серебряныхъ тарелочкахъ поднесъ два куверта. Одинъ — Елагину, а другой — князю Голицыну.

Елагинъ открылъ кувертъ и нашелъ въ немъ записку отъ пѣвицы Габріэлли. Пѣвица писала изъ его дома, куда явилась и ждетъ уже добрый часъ свиданія съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, за пріятнымъ столованіемъ время прошло незамѣтно и солнце поднялось высоко надъ старыми липами сада.

— Ага, достопочтеннѣйшій мастеръ получили билъеду!—зглянувъ въ записку, сказалъ Мещерскій. Елагинъ, чувствуя себя удивительно молодымъ и бодрымъ, самодовольно улынулся, представляя удовольствіе утренняго свиданія съ прекрасной пѣвицей.

— Анакреонъ! Анакреонъ!—подтрунивалъ Мещерскій.

— Да, пока зловѣщія угрозы Великаго Кофты не исполняются! Афродита столь же къ намъ благосклонна, сколь и Діонисъ.

— Такъ поспѣшите же на свиданіе съ прелестной, столь нетерпѣливо васъ ожидающей!

Въ это время Голицынъ, открывъ свою записку, всплеснулъ руками.

— Боже мой! Свѣтлѣйшій пишетъ, что наше дитя умираетъ! Судороги! Княгиня въ отчаяніи! Докторъ! Скорѣ ѣдемъ! Ахъ, какое несчастіе! Проклятый Кофта! Проклятый Калиостро! Это они накликали, бѣсовскіе вѣщуны!

И князь со всѣхъ ногъ бросился вонъ изъ столовой ложи.

За нимъ всѣ встали, опечаленные столь внезапнымъ перерывомъ дружеской бесѣды и сочувствуя семейному горю Потемкина, Голицына и «Улыбочки».

XIV.

Указъ противъ кожедирателей.

Выходя изъ столовой, Иванъ Перфильевичъ хватился своего молодого секретаря, князя Коріата, которому предстояло доложить ему нѣсколько бумагъ изъ скопившихся въ портфель, какъ театральныхъ, такъ и сенаторскихъ. Кромѣ сего, Елагинъ смутно помнилъ, что государыня повелѣла ему сочинить черновую нѣкоего указа и поднести ей для одобренія; но о чемъ то было, хоть убей, припомнить не могъ.

— Гдѣ же милѣйшій мой Коріатъ? Куда это онъ сокрылся?—вопрошалъ Иванъ Перфильевичъ, спускаясь въ просторный вестибюль масонскаго дома, гдѣ стояли кумиры Меркурія и Асклепія.

— Кажется, молодой человекъ сильно огорчился, не найдя прекрасной супруги Калиостровой въ саркофагѣ!—замѣтилъ съ улыбкой князь Мещерскій.

— Да! да! Мой милый секретарь крушится симъ обстоятельствомъ и не могъ перенести, что прекрасная безъ остатка расточилась! Хе! хе! хе!—путилъ и Елагинъ.

— Думать должно, не безъ остатка. И подлинно, было бы жаль, если бы такой прелестной мы лишились. Формы ея Афродитинимъ подобны, плечи Цереры, бедра Амфитриты, а лядвіи Помоны!—говоря это, Мещерскій дѣлалъ руками округлые жесты, какъ бы осязыая формы таинственной супруги Калиостро.

— Обратися, обратися, Суламитино, обратися, обратися и узримъ въ тебѣ!—съ сладострастнымъ выраженіемъ стараго сатира цитировалъ между тѣмъ «Пѣснь пѣсней» Соломона главный директоръ надъ спектаклями.—Чрево твое яко стогъ пшеницы, огражденъ въ кринехъ! Два сосца твоя, яко два млада близнецы серны!.. Надѣяться надо, что господинъ Калиостръ супругу свою не вовсе обезкровилъ. То мы еще увидимъ сію прелестную!

— Можно сказать, что она полносочна, какъ спѣлый златой яблочъ Гесперидскихъ садовъ,—причмокивая, распространялся Мерсерскій.

— Секретарь мой отъ прелестей Калиострихи сильно растрепанъ! Но думаю, что ежели онъ и не нашелъ ея въ гробѣ, то помощью полновѣсныхъ червончиковъ легко на ложѣ нѣги обрѣтеть. Всѣ иностранки симъ промышляютъ!

Говоря это, собесѣдники уже стояли на подъѣздѣ, и чрезъ минуту лакеи рассадили ихъ по каретамъ.

Елагинъ чувствовалъ себя прекрасно. Калиостро онъ окончательно считалъ только ловкимъ фокусникомъ, шарлатаномъ и промышленникомъ. Находясь въ состояніи легкаго, пріятнаго опьянѣнія, несмотря на проведенную безъ сна и полную волненія ночь, Иванъ Перфильевичъ на рѣдкость былъ бодръ, безпечень, и только пріятное расслабленіе покоило его въ быстро катившейся каретѣ. Глухіе приступы подагрическихъ болей, дававшіе о себѣ знать при началѣ засѣданія капитула, теперь исчезли. Пріятная дремота овладѣвала имъ порою. Потомъ, просыпаясь, старикъ мечталъ о свиданіи съ пѣвицей. Когда карета остановилась и лакей открылъ дверцу, Иванъ Перфильевичъ выпорхнулъ изъ нея легкой птичкой.

Габріэлли подлинно ожидала его, весьма гнѣваясь, какъ общилъ старый камердинеръ Елагина съ таинственно-многозначительнымъ и пріятнымъ видомъ. Иванъ Перфильевичъ освѣдомился, гдѣ секретарь его? Оказалось, что князь Коріать уже давно ожидаетъ его прибытія въ кабинетъ съ приготовленными бумагами.

— Еще доложить имѣю вашему превосходительству, что отъ государыни пакетъ прибылъ!—сказалъ камердинеръ.

— Ахъ, Боже мой! Вѣрно, насчетъ указа! Или опять этотъ неслосный Паэзіелло наядбедничалъ!

Елагинъ поспѣшилъ въ кабинетъ. Секретарь почтительно встрѣтилъ его; никакихъ слѣдовъ ночныхъ волненій въ фигурѣ молодого человѣка не было. Онъ подалъ пакетъ отъ государыни.

«Иванъ Перфильевичъ, — писала Екатерина.—Тебѣ подобнаго лѣнивца на свѣтѣ нѣтъ. Никто столько порученныхъ ему дѣлъ не волочить, какъ ты! Гдѣ указъ противъ кожедирателей, сирѣчь ростовщиковъ, коего вамъ заготовить наискорѣе велѣла? Впрочемъ благосклонная вамъ Екатерина,

— Указъ противъ кожедирателей! Боже мой! Совсѣмъ изъ головы выскочило!—вскричалъ въ крайнемъ смущеніи Иванъ Перфильевичъ.

Екатерины безпокоило чрезвычайное развитіе въ столицѣ ростовщичьяго промысла.

Евреи, итальянцы, молдаване, греки, даже индѣйцы — ростовщики разныхъ національностей — пили кровь изъ золотой гвардейской молодежи, опутывая щеголей и мотовъ паутиной обязательствъ. Недавно въ отчаяніи, видя себя въ неоплатныхъ долгахъ, одинъ кавалергардъ, отличенный государыней за статность и благородство характера, повергъ на усмотрѣніе монаршее горестное свое положеніе. Екатерина рѣшила издать противъ ростовщиковъ строгій указъ для обузданія ихъ жадности и поручила составленіе его Елагину. Но за множествомъ театральныхъ, масонскихъ, амурныхъ и столовыхъ дѣлъ Иванъ Перфильевичъ о приказаніи государыни запамятовалъ совершенно.

— Указъ совершенно и давно готовъ!—доложилъ князь Кориатъ.—Но ваше превосходительство не удосуживались бумага вообще просмотрѣть; потому и на благоусмотрѣніе ваше никакъ не могъ я представить указа.

— Хорошо, любезный князь, я знаю ваше мастерское перо! Положите указъ въ малахитовую мою портфелью, и я сейчасъ свезу его государынѣ! Кто въ приемной? Много?

— Весьма много. Какъ насчетъ ихъ дѣлъ въ сенатѣ, такъ и по театральной дирекціи. Поставщики со счетами. За постройку париковъ...

— Хорошо! Хорошо! Скажи имъ, что сегодня приема не будетъ, не будетъ!

— Осмѣлюсь доложить, многіе уже на четвертый приемъ являются съ крайними нуждами!

— Не могу, милый князь! Я долженъ сейчасъ же во дворецъ ѣхать. Государыня гнѣвается, и письмо ея холодностью исполнено. А просителямъ скажи что-нибудь... Успокой ихъ! Ты умѣешь... А я сейчасъ...

Камердинеръ появился и таинственно доложилъ, что госпожа Габріэлли весьма волнуются.

— Ахъ, Боже мой! Гдѣ она? Въ кабинетѣ?—всполошился Иванъ Перфильевичъ.

— Такъ точно, въ кабинетѣ, ваше превосходительство.

Елагинъ повернулся нѣсколько разъ передъ простѣночнымъ зеркаломъ, которое отразило приземистую, коротенькую фигурку старика, съ длинными не по росту руками, съ острымъ брюхомъ, въ поношенномъ, вышедшаго изъ моды цвѣта, кафтанѣ со звѣздой. Оправивъ жабо и парикъ, Иванъ Перфильевичъ горошкомъ покатился въ таинственный кабинетъ, гдѣ ожидала его итальян-

ская пѣвица. Пріятная мысль о свиданіи съ прелестной, однако, соединялась съ нѣкоторымъ страхомъ. Елагину хорошо былъ извѣстенъ неукротимый, огненный, бѣшенный и взрывчатый южный характеръ «Габріэльши».

XV.

Несчастный танецъ.

Кабинетъ представлялъ довольно просторный покой, устланный ковромъ, съ мягкой мебелью, покойными софами, каминомъ, фарфоровыми статуэтками, изящными ширмами, бездѣлушками и скорѣе походилъ на интимную гостиную модницы, чѣмъ на комнату, предназначенную служить сенатору и статсъ-секретарю. Потолокъ здѣсь расписанъ былъ довольно откровенной античной манерой. Изображена была нагая улыбающаяся Афродита, смотрящая въ зеркало, которое держали предъ ней крылатые Эроты— «les petits culs-nus»; у ногъ богини сидѣлъ, мускулистый, курчавый и низколобый, влюбленный Гераклъ; львиную шкуру и дубину его тащили прочь, пытая отъ натуги, другіе крылатые божки. Гераклъ дерзновенной рукой касался прозрачнаго шарфа, наброшеннаго на пышныя бедра богини. Но сіе мѣологическое изображеніе сопровождали мистическіе знаки. Такъ, Афродита сидѣла въ солнечномъ дискѣ, а ноги ея опирались на луну. Надъ головой ея блистали семь звѣздъ. Между грудей висѣлъ золотой пламенѣющій треугольникъ. Оправу зеркала, въ которое она смотрѣлась, составлялъ змѣй, кусающій свой хвостъ.

Иванъ Перфильевичъ засталъ «Габріэльшу» сидящей на софѣ и нетерпѣливо бьющей ногой о коверъ. Очи и щеки итальянки пламенѣли. Пальцы рвали кружевной платокъ. Она казалась львицей, готовой прыгнуть на жертву ярости своей. Одѣта была чрезвычайно ярко и роскошно, въ тюрбанѣ съ перьями, осыпана брилльянтами; бурнодышащая подъ кисеей, мощная грудь пѣвицы рвалась изъ предѣловъ, ей поставленныхъ.

Едва ли къ самой императрицѣ входилъ Иванъ Перфильевичъ съ такимъ страхомъ и почтительностью, съ какими приблизился къ пѣвицѣ. Онъ весь расплылся въ сладчайшую улыбку, склонилъ голову на бокъ и какъ-то вилялъ лапами кафтана, словно провинившійся песъ хвостомъ.

— Прелестна, какъ весеннее утро, росой опрысканное! Очаровательно, какъ духовитый кустъ розъ, распустившихъ распуколки навстрѣчу солнечнымъ лучамъ!

Говоря сіи комплименты на французскомъ языкѣ, Иванъ Перфильевичъ взялъ руку красавицы и хотѣлъ ее поцѣловать. Но она вырвала руку; поднявшись во весь ростъ, уперла ее въ кру-

тое бедро, а другой стала оживленно махать передъ самымъ лицомъ главнаго директора надъ спектаклями и зрѣлищами, статсъ-секретаря, сенатора и великаго намѣстнаго мастера восьмой провинціи, такъ что тотъ подался назадъ. Въ то же время Габріэлли весьма громко и звонко, можно сказать, во все горло стала кричать, мѣшая французскія слова съ итальянскими проклятіями:

— Такъ вотъ какъ вы со мной поступаете! Я жду здѣсь два часа! Посылаю къ вамъ извѣстить, что я здѣсь, а васъ все нѣтъ! Чудовище! Варваръ! Гдѣ вы были? Отвѣчайте мнѣ сейчасъ, гдѣ вы были?

— Очаровательная, простите, что заставилъ васъ столько времени ждать,—сказалъ Иванъ Перфильевичъ умоляюще:—видитъ Небо, я былъ занятъ крайне важными дѣлами, крайне важными!

— Этотъ запахъ,—вскричала пѣвица, раздувая ноздри орлиаго носа и втягивая въ него воздухъ,—этотъ запахъ, идущій изъ вашего рта, отлично объясняетъ мнѣ, какими вы дѣлами занимались! Вы пили вино! Вы забавлялись! Вы всю ночь забавлялись! Съ кѣмъ? Я васъ спрашиваю, съ кѣмъ вы пили и забавлялись?

— Но ничего подобнаго! Вы совершенно ошибаетесь. Я только что вернулся изъ важнаго засѣданія друзей человѣчества и благотворенія, тянувшагося всю ночь. Мы собираемся...

— Я знаю, что вы собираетесь, и кто, и гдѣ. Но почему же отъ васъ такъ виномъ пахнетъ? Вы пили. Вы кутили. Съ кѣмъ?

Вопросъ былъ поставленъ вплотную и столь грозно, что Иванъ Перфильевичъ невольно протянулъ руки передъ лицомъ.

— Съ моими друзьями, прелестная, съ достопочтенными каменщиками, упражняющимися въ отесываніи грубыхъ, дикихъ камней для основанія будущаго храма всеобщаго человѣковъ благополучія,—проговорилъ онъ, заикаясь и помѣщая между собою и пѣвицей кресло.

— Вы пили съ каменщиками? Вы отесывали что-то вмѣстѣ съ ними? О, неотесанный, сѣверный варваръ! О, низкій лжець! Я все знаю. Посмѣете ли вы отрицать, что эта новая, эта Серафима, называющая себя графиней Санта-Кроче, не была съ вами въ эту ночь? Вы съ ней пили? Она просила васъ принять ее въ придворную труппу! И вы, конечно, не могли ей отказать. Вы передадите ей мои роли! Вы влюблены уже въ нее, сладострастный старикъ.

— Ревность! Теперь понимаю, — не безъ самодовольства, не смотря на опасное свое положеніе, подобное положенію скиа на римской аренѣ носъ къ носу съ львицей изъ жгучихъ ливійскихъ пустынь, сказалъ Елагинъ.—Но вы напрасно, прелестная, назвали меня старикомъ: мудрый хранить въ себѣ духъ юности. Къ тому же мы, посвященные, обладаемъ тайной возстановленія

вещества и обновленія составовъ тѣла. Въ сію минуту, напримѣръ, я такъ легкимъ себя ощущаю, какъ никогда.

— Вы не отвѣчаете. Но я знаю все. Моя карлица познакомилась съ этой Серафимкой. И ея мужъ былъ у меня. Но я не думала, что это такіе ловкіе пройдохи. Я отлично знаю, что вы ихъ пригласили въ ночное засѣданіе капигула. Я знаю, что Серафимка вернулась только на зарѣ.

— А, такъ она вернулась!..—не удержалъ радостнаго восклицанія Елагинъ, успокоенный, что женоубійство и обезкровленіе, показанныя въ ложѣ, были только фокусомъ и супруга Калиостро цѣла и невредима. Но это восклицаніе окончательно вывело изъ себя Габріэлли. Лицо ея стало подобно маскѣ античной Горгоны. Черные кудри разметались, какъ змѣи. Казалось, она сейчасъ вцѣпится и когтями, и зубами въ растеряннаго директора зрѣлищъ. Голосъ ея при этомъ достигъ такихъ пронзительныхъ нотъ, что Елагинъ сталъ опасаться, что его секретарь и даже просители въ отдаленной приѣмной услышатъ.

— Вы, вѣрно, хотѣли бы съ ней никогда не разставаться. Вы уже влюблены въ нее, какъ обезьяна! Вы съ ней угощались! Вы условились уже съ ней! Я знаю, знаю. Она хочетъ пѣть и играть въ операхъ. Пусть она поетъ дурно! Пусть голосъ ея ничтожный! Карлица мнѣ говорила. Она слышала ея свинячій визгъ. Но что изъ того? Вы способны на все. Я васъ знаю. Всякая развратная баба, лишь бы она была для васъ новая, веревки можетъ изъ васъ вить!

— Ахъ, я не могу этого выносить! Я умираю! Я задыхаюсь! Не могу! Не могу! Ахъ!

Габріэлли схватилась за сердце и упала на софу, почти въ судорогахъ.

— Успокойтесь, божественная! Успокойтесь, прелестная!—умолялъ Елагинъ.—Ничего подобнаго. Клянусь вамъ, ничего подобнаго! Она на сцену и не просилась. Мы и голоса ея не слышали. Она только участіе принимала въ фокусахъ, показанныхъ мужемъ ея, который оказался извѣстный шарлатанъ, во всей Европѣ прославленный подъ именемъ Калиостро.

Имя это произвело волшебное дѣйствіе на Габріэлли. Она мгновенно утихла и поднялась на софѣ.

— Калиостро, говорите вы? Такъ это самъ Калиостро!—съ нѣкоторымъ благоговѣйнымъ страхомъ даже сказала пѣвица.

— Да! Да! Калиостро! Явный шарлатанъ и промышленникъ,—радуясь успокоенію итальянки, припадки неистовой ярости которой были хорошо знакомы не только ему, но и всей труппѣ и нерѣдко вели къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ для личности поклонниковъ знаменитой дивы, говорилъ Елагинъ.—Итакъ, успокойтесь. Всѣ опасенія ваши совершенно неосновательны. Послѣ фо-

кусовъ сей Калиостро съ супругой таинственно исчезли. Полагаю, чрезъ подговоръ слугъ. О семь мой камердинеръ учинить слѣдствіе, и, конечно, истина не замедлитъ явиться. За ужиномъ, точнѣе въ ранній фриштикъ обратившимся, женскаго пола отнюдь не присутствовало. Успокойтесь, прелестная!

Иванъ Перфильевичъ преклонилъ колѣно предъ сидѣвшей на софѣ красавицей.

— Ахъ, я не могу вамъ вѣрить! Вы меня обманываете! Всѣ вы—лжецы, низкіе лжецы съ женщинами!—утомленнымъ голосомъ проговорила Габріэлли.

— Божественная, увѣрьтесь въ правдѣ моихъ словъ. Я сейчасъ ѣду во дворецъ, и между прочимъ возобновляемый съ вами контрактъ везу къ окончательному утверженію государыней.

— Нѣтъ, мнѣ мало вашихъ увѣреній. Тѣмъ болѣе, что она—жена Калиостро, который все можетъ!

— Все можетъ? Ну, онъ едва ли все можетъ. А въ російскихъ предѣлахъ, думаю, ничего ровно не можетъ, кромѣ вранья и фокусовъ.

— О, это сильный человѣкъ! Я знаю,—сказала пѣвица. — Но я вамъ на слово не повѣрю. А поклянитесь.

Она достала медальонъ, висѣвшій на ея груди, поцѣловала и протянула директору.

— Здѣсь святая гостія! Коснитесь и клянитесь, что не возьмете на сцену Калиостершу.

Дѣлать было нечего. Иванъ Перфильевичъ коснулся и поклялся «Габріэльшѣ» на католической святынѣ, что не возьметъ на сцену Эрмитажа «Калиостершу».

— Моя карлица видѣла ее днемъ, дома,—говорила пѣвица, успокаиваясь. — Она уже не первой молодости и сильно отцвѣла, помята и потрепана. Вѣдь мужъ возилъ ее повсюду съ собою. И она совсѣмъ не графиня, а была служанкой въ остеріи, въ Римѣ. Ея настоящее имя—Лоренца, да, Лоренца Феличіани. Моя карлица все узнала.

— А настоящее имя графа Калиостро?

— Этого я не знаю, совершенно не знаю.

— Итакъ, вы повѣрили, успокоились! Боже мой, кто можетъ въ вашемъ присутствіи думать хотя бы о самой Венерѣ. Ну, дайте вашу ручку, восхитительное существо!

Габріэлли протянула руку, благоухавшую мускусомъ, но грубая ладонь которой свидѣтельствовала о домашнихъ трудахъ пѣвицы. Восхищенный директоръ покрылъ ее поцѣлуями и присѣлъ на софу, подлѣ.

— Божественная! Одинъ поцѣлуй!—шепталъ влюбленный старикъ.—Я себя чувствую, словно выпилъ элексира молодости. Гдѣ твои угрозы, господинъ Великій Кофта! Хе! хе! хе!

Иванъ Перфильевичъ попытался обнять мощный станъ знаменитой пѣвицы. Бурныя проявленія тигровой страстности южнаго ея темперамента вообще обладали свойствомъ какъ бы электризовать ея поклонниковъ, хотя нерѣдко въ головы ихъ летѣли башмаки и различные бьющіеся и хрупкіе предметы, а нерѣдко и щеки принимали отпечатлѣніе мужественной десницы итальянки и даже крѣпкихъ ея ногтей.

Медленно утихая, какъ вулканъ, пѣвица отстранилась отъ директора спектаклей.

— Вы сказали, что везете мой новый контрактъ императрицѣ?— строго спросила она.

— Видите ли, прелестная, онъ собственно не совѣмъ новый. Вы получите дополнительно всю сумму, вами желаемую, въ видѣ сверхконтрактныхъ пособій. Итакъ, хотя контрактъ старый...

— Какъ старый! — мгновенно воспламеняясь, вскричала пѣвица.—Что это значитъ—старый контрактъ?

— Я говорю и ручаюсь, что вы все получите, что желаете. Театральныя суммы всѣ въ моихъ рукахъ. Кромѣ того, воспособленіе единовременной безвозвратной суммой въ тысячу червонцевъ мною чрезъ князя Григорія Александровича совершенно исхлопотано.

— Тысячу червонцевъ! Но Безбородко обѣщаль Дави пятьдесятъ тысячъ червонцевъ! Контрактъ! Я требую, чтобы со мною былъ заключенъ новый контрактъ!—кричала пѣвица, почти столкнувъ съ софы директора.

— Новый контрактъ мною былъ государынѣ представленъ, но не удостоился милостиваго благоусмотрѣнія. Государынѣ императрицѣ утвердить его было не угодно, но повелѣтъ изволили возобновить контрактъ *in statu*. Что же могъ я подѣлать? Воля монархини священна, — разводя руками, говорилъ Иванъ Перфильевичъ.

— Но, кажется, ваша императрица достаточно богата!—раздувая ноздри орлинаго носа, говорила Габріэлли съ нервнымъ хохотомъ и клекотаніемъ въ соловьиномъ своемъ горлѣ.

— Государыня изволила выразиться, что такія жалованья у нея фельдмаршалы получаютъ!

— Фельдмаршалы? Ну, пусть эти ея фельдмаршалы и поютъ для нея!

Габріэлли встала рѣшительно.

— Сейчасъ принесите мнѣ контрактъ, и я разорву его въ клочки. Я не останусь трехъ дней въ Россіи. Можете, если хотите, взять примадонной Лоренцу Калиостро. Я не желаю больше служить въ вашемъ балаганѣ, не желаю дышать воздухомъ вашей грязной, варварской страны! Давайте контрактъ! Давайте сейчасъ контрактъ! И кланяйтесь вашей императрицѣ!

— Бо-бо-божественная, ради всѣхъ святыхъ!—взмолился Елагинъ.—Успокойтесь! Я же говорю вамъ, что вы больше получите!

— Я не хочу ничего. Отдайте мой контрактъ! Со мною здѣсь поступаютъ, какъ съ ничтожной фигуранткой. Всѣ монархи Европы добиваются наперерывъ той чести, чтобы я пѣла на ихъ придворныхъ сценахъ. Я видѣла у ногъ своихъ принцевъ крови, я—дочь повара и жидовки.

— Умоляю васъ, очаровательная, несравненная, не принимайте столь необдуманнаго рѣшенія въ разгоряченномъ состояніи. Вы—гордость и украшеніе Эрмитажа! Вы—императрица нашей сцены! Что значатъ контракты въ Россіи? У насъ даже и законы ничего не значатъ. Написано и утверждено одно, а на самомъ-то дѣлѣ бываетъ совсѣмъ другое! На колѣняхъ васъ умоляю, не настаивайте, подпишите старый контрактъ и оставайтесь въ Россіи!

— Хорошо, я останусь. Вы просите—я останусь и подпишу контрактъ. Но съ однимъ условіемъ!

— О, все, что только въ моей возможности, я всегда...

— Это въ полной вашей возможности, тѣмъ болѣе, что вы сами хвалились необыкновенной легкостью въ тѣлѣ и ногахъ, послѣ почного засѣданія съ Лоренцой и завтрака! Такъ протанцуйте сейчасъ передо мной, и тогда я на все согласна.

— Но, прелестная, что это вамъ вздумалось?—изумился Елагинъ.—Какъ же это я вдругъ буду танцевать? И зачѣмъ это вамъ надо? Вы шутите.

— Нисколько,—хладнокровно сказала пѣвица.—Или вы протанцуете, или я отказываюсь возобновить контрактъ и уѣзжаю изъ Россіи.

— Но... я давно не танцевалъ и все позабылъ. И меня могутъ увидѣть...

— Васъ никто не можетъ увидѣть, кромѣ меня. Протанцуйте, не упрямитесь.

— Требованіе ваше, прелестная, довольно удивительное! Прилично ли въ моемъ возрастѣ, въ званіи статсъ-секретаря и сенатора танцевать подобно юному пажу!

— Если такъ... прощайте!—итальянка рѣшительно направилась къ двери.

— Пойдите! Пойдите!—кинулся за нею Елагинъ.—Ну, хорошо! Если вы требуете, я протанцую. Возилъ же на себѣ Лаису древній мудрецъ! Но какъ же безъ музыки?

— О, я буду бить тактъ въ ладоши!—Итальянка вдругъ улыбнулась, обнаживъ, какъ слоновая кость блестящіе зубы, хотя удивительно широкіе и довольно неровные, и, сверкнувъ задорно очами, принялась подщелкивать пальцами.

— Эхъ-ма! Была—не была!—по-русски крикнулъ старикъ.—Да, что вы думаете,—продолжалъ онъ по-французски,—я не сумѣю протанцевать? Да я всякаго молодчика обгону!

И Елагинъ сталъ въ позицію.

Выпитое за завтракомъ вино вмѣстѣ съ опьяняющей близостью огненной итальянки ударило старику въ голову. Духъ мальчишества, цинической насмѣшливости надо всѣмъ, вольтеріанства и го-раціанства, обычно скрываемый Елагинымъ подъ придворнымъ кафтаномъ со звѣздой или подъ мантией и знаками намѣстнаго мастера, овладѣлъ имъ. Ему въ самомъ дѣлѣ захотѣлось щегольнуть молодечествомъ и легкостью въ ногахъ передъ красавицей.

Электрическая сила какая-то, дивный элексиръ молодости разлился по его членамъ и суставамъ. Казалось ему, что самъ Меркурій подвизалъ къ ногамъ его крылышки. Онъ забылъ о дѣлахъ, о необходимости снѣшить во дворецъ. Кругомъ все сіяло, улыбалось веселое утро, Афродита съ потолка какъ бы одобряла его, воздухъ наполнился золотистыми искрами, предметы окружала дивная радуга. Габріэлли прищелкивая напѣвала мотивъ моднаго танца. И казалось, въ горлѣ ея переливаются серебряные колокольчики. Сами собой ноги Ивана Перфильевича стали на цыпочки и въ позицію, руки округлились, улыбка появилась на поблекшихъ устахъ его, и онъ пустился выдѣлывать тщательно сложныя па танца. Коротенькій, толстенькій старичокъ со съѣхавшимъ на сторону парикомъ, онъ представлялъ собою въ эту минуту забавнѣйшую фигурку. Носикъ его пламенѣлъ и глазки утонули въ румяныхъ, дряблыхъ щечкахъ, сладко загораясь нѣгой позднихъ желаній. Но самъ онъ себѣ казался и стройнымъ, и молодымъ, и молодцоватымъ, и граціознымъ. Старикъ воодушевился. Сталъ и самъ подщелкивать пальцами.

— Вотъ какъ танцуютъ! Разъ! два! три! Вотъ какъ это танцуютъ! Ну, господинъ Великій Кофта, гдѣ ваши угрозы? Разъ! два! три!

Но вдругъ, когда онъ хотѣлъ быстро на одной ногѣ повернуться въ особенно трудномъ пируэтѣ, стопа его поскользнулась, подвернулась и онъ грузно шлепнулся на полъ.

— Ахъ, мой милый, бѣдный старичокъ!—устремляясь къ Ивану Перфильевичу, вскричала Габріэлли.—Не ушиблись ли вы? Пойдите, я помогу вамъ встать и полечу вашу бѣдную ножку!

— Ничего! ничего! Совсѣмъ не больно! Я самъ!—пролепеталъ старикъ.

Но едва онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы подняться съ пола, нестерпимая боль въ ногѣ извлекла жалобный стонъ изъ устъ его.

— Боже мой! Какое несчастіе! Что я надѣлала!? Вы вывихнули себѣ ногу!—кричала Габріэлли.

— Бога ради тише... И не говорите никому, какъ я повредилъ ногу... О-о-о! Какая адская боль!—стоналъ старикъ.—Дайте мнѣ вашу ручку, а другой обнимите меня и приподнимите... О-о-о! Великій Кофта, помилуй меня! О-о-о!

Мощная итальянка приподняла легко старика съ полу и, почти неся его въ своихъ объятіяхъ, положила на софу.

— О-о-о! Благодаря васъ, очаровательная!.. Великій Кофта, никогда не буду! Воззри милостиво на меня... Не дѣлайте шуму, прелестная! Позовите тихонько моего камердинера и князя Коріата. Скажите, что у меня обыкновенный припадокъ подагрическихъ моихъ болей... О-о-о! Великій Кофта, помилуй меня¹⁾!..

Н. А. Энгельгардтъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

¹⁾ Какъ легкомысліе почтеннаго намѣстнаго мастера VIII-й провинціи, такъ и ничтожество мастеровъ большинства петербургскихъ ложъ описываемаго времени подтверждается мемуарами и другими источниками. Надѣвая демократическій фартукъ, вельможи Екатерины оставались тѣми же избалованными сибаритами и дальше пышныхъ словъ, темныхъ обрядовъ и пировъ—не шли. Изображая эту сторону масонства Екатерининской эпохи, мы, конечно, далеки отъ желанія только ею и исчерпать это движеніе русскаго общества. Но иное, огромное по вліянію на мысль и литературу направленіе пошло изъ Москвы и нѣсколько позднѣе, развиваясь въ десятилѣтіе съ 1779 по 1789 г. Высшаго выраженія это направленіе достигло въ трудахъ Новикова и Радищева, имена которыхъ священны въ анналахъ русской интеллигенціи, и въ періодъ гоненія и разгрома ордена Екатериной, подъ вліяніемъ вызванной въ ней французской революціей паники.

Прим. автора.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III ВЪ БѢЛОВѢЖѢ

Въ 1894 году я былъ начальникомъ гродненскаго почтово-телеграфнаго округа, въ составъ котораго входитъ БѢловѢжская пуца. Пуца эта, пространствомъ около 200.000 десятинъ лѣса, извѣстна въ Европѣ и знаменита какъ стариннымъ тысячелѣтнимъ лѣсомъ, такъ и сохранившимися тамъ до сихъ поръ зубрами. Въ 1894 году БѢловѢжская пуца состояла уже въ распоряженіи удѣльнаго вѣдомства, и тамъ только что былъ достроенъ для государя императора прелестный дворецъ. Пуца издавна славилась прекрасной и обильной охотою, не только на зубровъ, но и на кабановъ, козъ, оленей. Туда пріѣзжали охотиться польскіе короли, и въ память пріѣзда одного изъ нихъ въ пуцу тамъ стоитъ на берегу пруда памятникъ-колонна, на которомъ перечислено, сколько король и свита его убили разной дичи.

Въ половинѣ 1894 года я получилъ отъ начальника главнаго управленія почтъ и телеграфовъ А. Н. Безака конфиденціальное письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что государь императоръ Александръ III, вѣроятно, посѣтитъ БѢловѢжъ въ августѣ мѣсяцѣ, по окончаніи маневровъ въ Красномъ Селѣ, чтобы осмотрѣть вновь построенный тамъ дворецъ и поохотиться на зубровъ.

Безакъ предлагалъ мнѣ съѣздить въ БѢловѢжъ и, по соглашенію съ начальствомъ удѣльнымъ и дворцовымъ, опредѣлить, что нужно сдѣлать для правильнаго хода почтовой и телеграфной корреспонденціи во время пребыванія тамъ государя.

Бѣловѣжскій дворецъ расположенъ посреди Бѣловѣжской пуци, въ 55 верстахъ отъ уѣзднаго города Бѣльска, а городъ Бѣльскъ стоитъ на Юго-Западной желѣзной дорогѣ. Отъ Бѣльска до Бѣловѣжа существовалъ тогда почтовый трактъ. На краю пуци, въ Гайновкѣ, было почтово-телеграфное отдѣленіе, въ 18 верстахъ отъ дворца; въ самомъ Бѣловѣжѣ, при дворцѣ, не было ни почты, ни телеграфа. Дорога отъ Бѣльска и Бѣловѣжа, 55 верстъ, была такъ называемый «почтовый трактъ», простая грунтовая дорога; такая же, какъ всѣ русскіе почтовые тракты; въ сухое время—тяжелая мѣстами, по глубокому, сыпучему песку; въ мокрое время—почти непроѣзжая въ глинистыхъ мѣстахъ. До Гайновки, на 28 верстахъ, дорога идетъ по открытымъ мѣстамъ, среди пахотныхъ полей, луговъ и деревень; отъ Гайновки до бѣловѣжскаго дворца дорога проложена чрезъ вѣковой лѣсъ пуци.

Бѣловѣжскій дворецъ выстроилъ, меблировалъ и завѣдывалъ имъ въ то время архитекторъ графъ Рошфоръ, милѣйшій, образованный и талантливый человѣкъ. Я былъ давно знакомъ съ нимъ, и потому, пріѣхавъ въ Бѣловѣжъ, прямо обратился къ нему за совѣтомъ и помощью. Я до того никогда не былъ въ Бѣловѣжѣ. Дворецъ и проѣздъ до него чрезъ вѣковой лѣсъ произвели на меня сильное впечатлѣніе. Я ѣхалъ 18 верстъ по лѣсу, какой въ наше время трудно найти. Не два-три вѣковыхъ дерева видѣлъ я, какими щеголяютъ старинные парки, а сплошную стѣну такихъ деревъ во все время дороги—изъ сосенъ по аршину и по полтора въ діаметрѣ, дубовъ въ два и три обхвата. Проѣхавъ 18 верстъ такимъ лѣсомъ, я выѣхалъ на открытое мѣсто. Около запруженной рѣчки, образующей два большихъ пруда, на возвышеніи, показался дворецъ, въ сторонѣ отъ него двѣ деревни. Говорятъ, для пріѣзда польскихъ королей на этомъ мѣстѣ былъ давно уже исчезнувшій какой-то охотничій домикъ; императоръ Александръ II посѣтилъ Бѣловѣжъ; для него выстроили незатѣйливый деревянный домикъ въ нѣсколько комнатъ, который сохранился до сихъ поръ. Въ этомъ домикѣ помѣщался строитель новаго дворца, графъ Рошфоръ; тамъ же устроилъ онъ свою контору, чертежную. Съ нимъ жили въ Бѣловѣжѣ супруга, взрослая дочь; а на лѣто пріѣхали два юноши сына.

Зданіе дворца построено не знаю въ какомъ стилѣ; я невѣжда въ этомъ дѣлѣ; но могу сказать смѣло: задуманный и построенный графомъ Рошфоромъ дворецъ красивъ, величественъ и оригиналенъ. Внутренняя отдѣлка дворца и его меблировка въ высшей степени своеобразны и красивы. Графъ Рошфоръ сказалъ мнѣ, что императоръ Александръ III изъявилъ желаніе, чтобы отдѣлка дворца не была пышна; чтобы тамъ не было золота, серебра, бронзы и шелка. Графъ Рошфоръ исполнилъ въ точности желаніе государя. Вся мебель дворца сдѣлана изъ дуба, ясеня,

орѣха, взятыхъ въ лѣсахъ Бѣловѣжской пущи, обита она бумажной и льняной матеріями, но поражаетъ изяществомъ, вкусомъ. Столъ въ гостиной дубовый,—но какой! Для него взять торець дуба, кажется, въ два слишкомъ аршина, если не въ цѣлую сажень толщины, невѣроятнаго количества лѣтъ! Онъ гладко выполированъ, и можно ясно считать вѣковые слои его. Я зналъ число ихъ; теперь не помню. Отсутствіе драгоценныхъ металловъ и шелка забывается при видѣ изящныхъ рисунковъ тканей, сочетанія ихъ и разнообразія. Дворецъ свѣтелъ, веселъ и уютенъ.

Дворцовыхъ построекъ въ 1894 году было немного, всего три: дворецъ въ три этажа; рядомъ съ нимъ обширная двухэтажная кухня, соединенная съ дворцомъ крытой галереей, и конюшня съ экипажнымъ сараемъ. Вотъ все, что было въ 1894 году. Вокругъ дворца былъ разбитъ паркъ; въ то время онъ былъ еще очень молодъ; деревья еще не разрослись и украшали его болѣе всего разныя кустарныя растенія. Впрочемъ, около самага дворца стоялъ десятокъ великолѣпныхъ вѣковыхъ дубовъ. Бѣдные дубы эти пережили тяжелые дни—вся внутренность нѣкоторыхъ изъ нихъ была выжжена! До постройки дворца сосѣдняя деревня пасла тутъ скоть, и пастухи, по варварской привычкѣ всѣхъ польшукъ, раскладывали въ дуплахъ этихъ дубовъ костры. Теперь ихъ залѣпили и залечили по возможности.

Въ полутора верстахъ отъ дворца расположено помѣщеніе управленія Бѣловѣжской пущи; это цѣлый городокъ зданій, гдѣ помѣщаются удѣльная контора, управляющій, больница и проч. Кромѣ графа Рошфора, я повидался съ управляющимъ пущею; это былъ человѣкъ просвѣщенный, пріятный въ сношеніяхъ. На совѣщаніи нашемъ лица эти подтвердили, что осенью ожидается пріѣздъ въ пущу государя. Точное время пріѣзда не было еще опредѣлено; но надо было предполагать, что государь пріѣдетъ въ половинѣ августа, по окончаніи маневровъ гвардіи въ Красномъ Селѣ. Долго ли пробудетъ государь въ Бѣловѣжѣ и велика ли будетъ его свита—было неизвѣстно. На совѣщаніи мы рѣшили, что оставить почтовые и телеграфныя сношенія Бѣловѣжа въ тогдешнемъ ихъ положеніи невозможно. Вѣдь въ Бѣловѣжѣ не было ни почты, ни телеграфа, и ближайшее почтово-телеграфное учрежденіе было въ 18 верстахъ, въ Гайновкѣ. Необходимо было устроить полученіе телеграммъ и писемъ въ Бѣловѣжѣ, по возможности въ самомъ дворцѣ. Распорядитель дворца, графъ Рошфордъ, указалъ мнѣ комнату, въ нижнемъ этажѣ дворца, гдѣ можно было устроить помѣщеніе для телеграфа, подъ рукою у государя. Для помѣщенія почтоваго учрежденія разыскали домъ въ деревнѣ, въ нѣсколько обширныхъ комнатъ.

Всѣ собранныя свѣдѣнія и предположенія я представилъ главному начальнику почтъ и телеграфовъ Безаку. Отвѣта долго не

было, потому что не было рѣшено окончательно, пріѣдетъ ли государь въ Бѣловѣжѣ. Въ первыхъ числахъ августа я получилъ отъ генерала Безака телеграмму: «предположенія ваши объ устройствѣ въ Бѣловѣжѣ почтового и телеграфнаго сообщенія признаны основательными; представьте немедленно болѣе подробныя данныя». Вслѣдъ за тѣмъ пришло конфиденціальное сообщеніе, что государь императоръ прібудетъ около 15 августа въ Бѣловѣжѣ, а потому необходимо открыть къ этому времени въ Бѣловѣжѣ почто-телеграфное отдѣленіе и собрать для переѣзда государя императора и его свиты изъ Бѣльска въ Бѣловѣжѣ 150 лошадей почтовыхъ. За точность этой цифры не ручаюсь; но она была приблизительно такая.

Задача была не легкая. Въ нѣсколько дней надо было собрать штатъ опытныхъ чиновниковъ для почты и телеграфа, заготовить весь матеріалъ и построить 18 верстъ телеграфа, наконецъ собрать такую массу лошадей. О лошадяхъ тотчасъ сдѣлано было распоряженіе; выбраны были станціи гродненскаго округа, гдѣ лучшія лошади, и приказано почто-содержателямъ немедленно привести лошадей въ Бѣльскъ, гдѣ ихъ осмотрѣли и распредѣлили на три пункта: Бѣльскъ, Гайновка, Бѣловѣжѣ. Губернаторамъ сообщено было о замѣнѣ взятыхъ со станцій почтовыхъ лошадей обывательскими, для перевозки почтъ. Лошади набраны были изъ трехъ губерній: Гродненской, Ломжинской и Сѣдлецкой, которыя составляли тогда этотъ почто-телеграфный округъ. Что за оригинальная смѣсь представилась мнѣ на сборномъ мѣстѣ, въ Бѣльскѣ! Ломжинская и Сѣдлецкая губерніи прислали лошадей въ краковской сбруѣ; почтари (ямщики) одѣты въ черные сюртуки съ мѣдными пуговицами, въ длинные сапоги, а на головѣ шляпы-цилиндры съ кокардою; черезъ плечо виситъ на шнуркѣ труба, которая замѣняетъ колокольчикъ; почтарь играетъ на ней что-то при встрѣчѣ съ экипажами и возвѣщаетъ ею о своемъ пріѣздѣ и отъѣздѣ; въ рукахъ у него длинный бичъ на сажennemъ кнутовищѣ. Рядомъ съ этими поляками лошади отъ Гродненской губерніи въ такой же упряжѣ, какую употребляютъ въ Тульской, Рязанской губерніяхъ, съ дугою и колокольчикомъ; ямщикъ въ круглой кучерской поярковой шляпѣ, въ сѣромъ суконномъ армякѣ, съ бляхой на шляпѣ и на рукавѣ армяка; въ рукахъ русскій коротенькій кнутъ. Лошади были выбраны хорошія, сбруя свѣжая.

Самое основное затрудненіе представляла постройка телеграфа. Проволоку, крюки, изоляторы, аппараты взяли изъ запасовъ округа. Но гдѣ было взять телеграфныя столбы? Удѣльное вѣдомство готово было дать ихъ, но готовыхъ столбовъ у него не было. Вырубить около 300 столбовъ, вывезти ихъ изъ лѣсу на линію—требовалось время. Кромѣ того, надо было привѣсить второй проводъ на 28 верстахъ, отъ Бѣльска до Гайновки. Вспоминаю съ гордостью, благо-

дарностью и радостью, какъ дружно и энергически взялись за это дѣло мои сослуживцы. Работа кипѣла. Механики Сильванскій и Васильевъ и всѣ надсмотрщики работали безъ усталы и выказали много распорядительности и русской сметки. Обозрѣвая Бѣловѣжскій лѣсъ, они увидѣли тамъ столбы телефона удѣльнаго вѣдомства и тотчасъ сообразили, что надо воспользоваться ими. Столбы были плохіе—тонкіе, разной величины и толщины, но главное—ветхіе; въ настоящую минуту были дороги и они! Я тотчасъ переговорилъ съ управляющимъ Бѣловѣжской пушчей, и онъ разрѣшилъ привѣсить къ этимъ столбамъ наши проволоки. Несчастные столбики валились подъ нашими тяжелыми проволоками, раскалывались отъ ввинчиваемыхъ въ нихъ нашихъ огромныхъ крючьевъ съ изоляторами. Не долго думая, энергичные люди механики вырубали тутъ же мелкія сухоподстойныя сосны и замѣняли ими гнилые, падающіе столбы телефона, а мѣстами ввинчивали крючья съ изоляторами въ вѣковыя деревья, стоявшія на пути, и протягивали по нимъ проволоку. Некогда было раздумывать, списываться и испрашивать разрѣшенія! Къ счастью, управляющій Бѣловѣжской пушчей былъ человѣкъ образованный, дѣловой, а не педантъ - бюрократъ. Мы объѣхали съ нимъ линію; онъ покачалъ головою, но преклонился передъ необходимостью, перешагнувъ черезъ бюрократическія стѣсненія. Обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ: «Выборъ нѣтъ! Или такъ дѣлать, или оставить государя императора безъ телеграфа. Пушча его собственность. Я такъ и доложу ему». Оригинальный видъ получила вновь проведенная нами телеграфная линія: что - то необычайное, первобытное, американское! Разнообразнѣйшіе столбы—большіе, маленькіе, толстые и тоненькіе; старыя, полусгнившія и только что срубленные, свѣжіе; а между ними десятки сажень проволоки прикрѣплены прямо къ огромнымъ вѣковымъ дубамъ и соснамъ.

Скоро былъ объявленъ день пріѣзда государя въ Бѣловѣжъ, и появились первые транспорты клади дворцоваго вѣдомства. Въ Бѣльскъ прибыло нѣсколько вагоновъ съ лошадьми, экипажами придворными и кухней. Экипажи были всѣ придворные, а часть лошадей наемная, для развѣздовъ придворныхъ лицъ. Запрягли этихъ наемныхъ лошадей, посадили прислугу въ коляски, наложили на огромныя ихъ платформы кладь и выѣхали изъ Бѣльска. Громадныя, красивыя, но сырыя лошади эти непривычны были къ ѣздѣ по тяжелой, песчаной дорогѣ, и на половинѣ дороги обожгли себѣ плечи. Кучера, опасаясь еще болѣе изранить плечи лошадей, стали разыскивать помощь, нанимать крестьянскихъ лошадей въ деревняхъ, встрѣчавшихся на пути. Крестьяне, запрягая по пяти и шести лошадей, кое-какъ довели громоздкіе придворные экипажи. Послѣ этого съ перевозкой клади и придворныхъ экипажей вышла остановка. Въ Бѣльскѣ нельзя было найти

такого значительнаго числа извозчиковъ; притомъ ихъ пугали значительное разстояніе, тяжелая дорога. Придворное вѣдомство обратилось ко мнѣ, прося перевезти кладъ и экипажи на почтовыхъ лошадяхъ, которыя уже собрались въ Бѣльскѣ и отдыхали, подготавливаясь къ приѣзду государя. Въ виду крайней спѣшности доставки груза я разъяснилъ почто-содержателямъ необходимость помочь придворному вѣдомству, и въ одинъ день вся кладъ была доставлена въ Бѣловѣжъ, а почто-содержателямъ было щедро заплачено за услугу.

Управленіе Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ еще лѣтомъ, при первомъ слухѣ о приѣздѣ государя въ Бѣловѣжъ, начало строить желѣзнодорожную вѣтку отъ Бѣльска до опушки пущи, у Гайновки. Выстроили въ Гайновкѣ красивый, просторный павильонъ и длинную, широкую платформу - дебаркадеръ. Красиво отдѣляли павильонъ внутри, вставили зеркальныя стекла въ рамы оконъ, повѣсили на стѣнахъ зеркало, занавѣсы, постлали ковры; привезли откуда-то роскошную мебель; но дорогу, въ 25 верстъ, не достроили. Гродненскій губернаторъ Батюшковъ и чиновники придворнаго вѣдомства проѣхали по дорогѣ изъ Бѣльска въ Бѣловѣжъ, посмотрѣли, какъ тамъ застряла придворная кладъ, и постигли, что нельзя направить по ней государя императора. Надо, во что бы то ни стало, окончить желѣзнодорожную вѣтку. Подрядчику такой подвигъ былъ не подъ силу. Привезли батальонъ саперъ да желѣзнодорожный батальонъ. Солдаты работали днемъ, работали ночью, при свѣтѣ костровъ и факеловъ, и въ нѣсколько дней привели вѣтку въ такое состояніе, что по ней можно было провести императорскій поѣздъ до Гайновки; можно было проѣхать такъ, конечно, при большемъ терпѣніи, снисходительности и рѣшимости императора Александра III. Мѣстами рельсы были уложены прямо на нѣсколько выровненную землю, и поѣздъ шелъ въ этихъ мѣстахъ едва двигаясь.

Наступилъ наконецъ день приѣзда государя. Къ 10-ти часамъ утра на платформу въ Гайновкѣ стали собираться мѣстные власти: губернаторъ Батюшковъ, уѣздный предводитель дворянства и какая-то депутація отъ крестьянъ. Объявлено было, что государь нездоровъ и просить не дѣлать ему торжественной встрѣчи, чтобы не утомлять его. Погода была пасмурная; по временамъ шелъ дождь. Я приѣхалъ въ Гайновку рано; тамъ было собрано до ста почтовыхъ лошадей, запряженныхъ въ придворные экипажи и частью въ почтовые брички. Я осмотрѣлъ ихъ подробно. Пришелъ первый императорскій поѣздъ. Государя императора въ немъ не было, а приѣхалъ въ этомъ поѣздѣ товарищъ министра императорскаго двора баронъ Фредериксъ и многочисленный штатъ придворныхъ служителей. Я зналъ по Петербургу барона Фредерикса, и мы встрѣтились какъ знакомые. Онъ прежде всего распорядился

быстрой отправкой въ Бѣловѣжъ прибывшей клади и прислуги Заготовленныхъ конюшеннымъ вѣдомствомъ платформъ для клади не достало; ихъ нельзя было тяжело нагружать, въ виду песчаной дороги по пущѣ; товарищъ министра потребовалъ въ помощь часть почтовыхъ бричекъ. Отправивъ все это, товарищъ министра осмотрѣлъ экипажи, приготовленные для государя императора и свиты. Государя ожидали большая коляска, запряженная четверкой почтовыхъ лошадей въ рядъ, и другая небольшая коляска, запряженная парой его любимыхъ лошадей въ англійской сбруѣ, съ его кучеромъ, — кажется, французомъ. Почтовые лошади подъ экипажъ государя были выбраны прекрасныя, въ русской упряжи; ямщикъ опытный, спокойный, въ поярковой ямской шляпѣ, въ русскомъ армякѣ, съ почтовыми бляхами на шляпѣ и рукавѣ. Почтовые лошади во всѣхъ экипажахъ были хорошия; это призналъ баронъ Фредериксъ, осмотрѣвшій ихъ.

Съ минуты на минуту ожидали второй императорскій поѣздъ. На платформѣ было почти пусто; видны были нѣсколько человекъ путейцевъ, начальникъ станціи и его помощникъ, нѣсколько жандармовъ, гродненскій губернаторъ и мѣстный уѣздный предводитель дворянства и нѣсколько чиновъ придворнаго вѣдомства. Невольно я обратилъ вниманіе на путейскаго генерала, не стоявшаго въ кучкѣ съ другими путейцами, а одиноко расхаживавшаго по длинной платформѣ; меня привлекало умное, пріятное лицо его и вся интеллигентная фигура его. Вѣроятно, онъ замѣтилъ мое вниманіе, круто повернулъ ко мнѣ, протянулъ руку и сказалъ: «Князь Хилковъ! познакомимтесь». Въ этомъ радушномъ, простосердечномъ поступкѣ выразился характеръ этого добраго образованнаго человека. Тогда онъ не былъ еще министромъ.

«Поѣздъ на станціи!» доложилъ ему начальникъ станціи. Тихо, едва двигаясь, подходилъ императорскій поѣздъ и почти незамѣтно остановился. Раскрыли императорскій вагонъ, и на платформу вышелъ императоръ Александръ III.

Служа въ гвардейской конной артиллеріи, я зналъ Александра III еще мальчикомъ. Онъ числился въ первой легкой батарее, имени государя императора, гвардейской конной артиллеріи, офицеромъ которой я былъ въ молодости моей. Тогда еще великій князь, Александръ Александровичъ являлся въ батарею на парады, разводы и нѣкоторыя ученья; всегда любезно и сердечно разговаривалъ съ нами, съ офицерами, былъ очень простъ и серьезенъ. Въ послѣдній разъ я видѣлъ его очень близко уже императоромъ, за годъ передъ тѣмъ, въ Петергофскомъ саду. Императоръ Александръ III всегда былъ очень крупный, здоровый человекъ, страшный силачъ, истинный русскій богатырь. Такое воспоминаніе, конечно, сохранилъ о немъ я. Увидѣвъ его теперь, на платформѣ въ Гайновкѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, я былъ пораженъ.

Государь былъ блѣденъ, лицо его и вся фигура похудѣли, выраженіе лица его было тоскливое, страдальческое. Онъ любезно, но кратко принималъ привѣтствовавшихъ его лицъ. По докладу губернатора Батюшкова о депутаціи крестьянъ, онъ подошелъ къ нимъ, принималъ поднесенный ему медъ-липовецъ, сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ крестьянамъ и направился къ ожидавшему его экипажу. Онъ пожелалъ ѣхать въ своей небольшой коляскѣ, запряженной парой лошадей. Въ коляску съ государемъ сѣла императрица Марія Ѳеодоровна. Вслѣдъ за ними потянулись экипажи свиты. Государь ѣхалъ тихо. Выйдя на крыльцо павильона въ Гайновкѣ, государь взглянулъ на возвышавшійся передъ нимъ вѣковой лѣсъ, вдохнулъ въ себя смолистый, ароматный воздухъ и сказалъ, обратившись къ стоявшей подлѣ него императрицѣ: «Какая величественная картина! Какой живительный воздухъ!»

Началась тихая, семейная, нешумная жизнь царской семьи въ Бѣловѣжѣ. Какъ мнѣ рассказывали графъ Рошфоръ и многіе члены свиты ихъ величествъ, дворецъ очень понравился государю. Съ нимъ пріѣхала очень небольшая свита: человекъ восемь или девять генераловъ; въ числѣ ихъ были лейбъ-медикъ его и извѣстный въ то время московскій докторъ Захарьинъ. Государь былъ нездоровъ: окружавшія его лица говорили, что онъ пріѣхалъ въ Бѣловѣжъ отдохнуть и лечиться. О болѣзни его говорили, что она еще не разъяснена и развилась только въ послѣдніе дни, неожиданно. При такихъ обстоятельствахъ, настроеніе всѣхъ лицъ, окружавшихъ государя, было невеселое.

Съ государемъ пріѣхали въ Бѣловѣжъ императрица Марія Ѳеодоровна, дѣти ихъ великіе князья Николай Александровичъ (нынѣ Императоръ Николай II), Михаилъ Александровичъ и великая княжна Ольга Александровна. Михаилъ Александровичъ и Ольга Александровна были еще дѣти; кажется, великій князь Михаилъ еще былъ одѣтъ въ матросскую дѣтскую рубашку. Пріѣхали также великіе князья Михаилъ Николаевичъ, старшій членъ и любимецъ царской семьи, и братъ государя Владимиръ Александровичъ. Царская семья размѣстилась во дворцѣ; тамъ же заняли комнаты министръ двора Воронцовъ-Дашковъ и докторъ Захарьинъ. Свитскаго дома въ то время не было еще, и свита поселилась въ верхнемъ этажѣ дворца. Конвой, конюшенное вѣдомство, придворная полиція разыскали себѣ квартиры въ деревнѣ, гдѣ, къ счастью, было нѣсколько домовъ съ опрятными комнатами. Жизнь, конечно, была лагерная, походная и неудобная.

Какъ я говорилъ выше, я нанялъ помѣщеніе для почтово-телеграфнаго отдѣленія въ деревнѣ, недалеко отъ дворца. Домъ былъ порядочный, въ четыре большихъ комнаты; одну заняли телеграфомъ и почтовымъ отдѣленіемъ, другую я отвелъ начальнику почтово-телеграфнаго отдѣленія, третью отдалъ на квартиру чинов-

никамъ, командированнымъ къ почтово-телеграфному отдѣленію; въ послѣдней комнатѣ я поселился самъ. Изъ Петербурга выслали, въ помощь намъ, нѣсколько опытныхъ чиновниковъ, служащихъ въ петергофской и царскосельской почтово-телеграфныхъ конторахъ, специалистовъ по обращенію съ высочайшей корреспонденціей. Изъ гродненскаго почтово-телеграфнаго округа я собралъ человѣкъ десять лучшихъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и почтальоновъ; не хватало мѣста въ нашемъ домѣ, и имъ разыскали помѣщеніе кое-гдѣ въ деревнѣ. Питаніе мы устроили общее, артелью. Жили дружно, работали усердно. Центръ нашей дѣятельности былъ, конечно, въ домѣ почтово-телеграфнаго отдѣленія; тамъ получалась, разбиралась и отправлялась почтовая корреспонденція; тамъ принимались и отправлялись частныя телеграммы. Во дворцѣ былъ поставленъ телеграфный аппаратъ для высочайшей телеграфной корреспонденціи. Ея было такъ много, что одинъ этотъ аппаратъ не управлялся получать и отправлять всю эту корреспонденцію, и въ случаяхъ скопленія непременныхъ телеграммъ мы отправляли ихъ въ почтово-телеграфное отдѣленіе, которое и сбывало ихъ по своему проводу. Корреспонденція была чрезвычайно разнообразна, на разныхъ иностранныхъ языкахъ, даже на датскомъ; отправлялись серьезныя, государственныя распоряженія. При вниманіи и большомъ усердіи, трудная работа эта производилась точно, безошибочно и безъ задержки. Съ уваженіемъ и благодарностью вспоминаю трудолюбіе и бодрость всѣхъ этихъ достойныхъ людей,

Желѣзнодорожная вѣтвь изъ Бѣльска въ Гайновку доставила въ Гайновку въ день приѣзда государя два высочайшихъ поѣзда, и затѣмъ прекратила свою дѣятельность,—стала достраиваться и упрочиваться. Почтовая корреспонденція изъ Бѣльска въ Бѣловѣжъ привозилась два раза въ день, на почтовыхъ лошадяхъ. Всѣ курьеры, чиновники и частныя лица ѣхали въ Бѣловѣжъ тоже на почтовыхъ лошадяхъ; работы имъ было много, порою даже очень много; но дѣло шло правильно; люди и лошади были здоровы. Затруднительна была доставка вечерней почты, которую поѣздъ желѣзной дороги привозилъ въ Бѣльскъ около шести часовъ вечера; по расчету, она должна была прибывать въ Бѣловѣжъ около десяти часовъ вечера. Въ Бѣловѣжѣ ее тотчасъ разбирали, и всю царскую корреспонденцію почтальонъ тотчасъ относилъ во дворецъ. Государь всегда ожидалъ почту, тотчасъ разбиралъ и прочитывалъ полученное. Ночи были уже темныя, луна всходила поздно, а иногда и вовсе не показывалась на мрачномъ небѣ, а въ дремучемъ Бѣловѣжскомъ лѣсу ничего не было видно; только привычныя постоянныя ямщики этихъ станцій могли пробираться тамъ въ темнотѣ. Случилась особенно темная ночь; шель еще вдобавокъ дождь. Вдучи по лѣсу, бричка на всемъ скаку дышлою ударилась

въ одно изъ деревьевъ, стоявшихъ у дороги,—въ темнотѣ ямщикъ уклонился къ краю дороги, гдѣ стояли сплошь деревья, а дорога не была окопана канавами. Дышло сломалось; починять его въ темнотѣ, на дождю, конечно, нельзя было. Поѣхали безъ дышла, на однѣхъ постромкахъ, но уже не вскачь, а шагомъ; кое-какъ добрались до Бѣловѣжа, но запоздали на цѣлый часъ. Государь императоръ, ожидавшій почту, прислалъ узнать, почему она не доставлена ему. Раньше этого я послалъ навстрѣчу почтѣ почтово-телеграфнаго унтеръ-офицера, предполагая, что случилась какая-нибудь неудача. Перекладывать почту со сломанной брички на бричку унтеръ-офицера было опасно въ темнотѣ, на дождѣ, въ лѣсу; можно было обронить что-нибудь незамѣтно; поэтому обѣ брички явились въ Бѣловѣжѣ вмѣстѣ. Тотъ же унтеръ-офицеръ Ионовъ, разумный и толковый человекъ, носилъ всегда почту государю во дворецъ. Когда онъ пришелъ теперь во дворецъ съ почтою, камердинеръ государя подробно разспросилъ его о случившемся, задержалъ его и пошелъ доложить государю. Онъ велѣлъ позвать Ионова, подробно самъ разспросилъ его, выразилъ сожалѣнне о почтальонѣ, ѣхавшемъ въ такую скверную погоду, и, похваливъ почтальона и унтеръ-офицера, отпустилъ. Съ тѣхъ поръ мы стали снабжать почтовую бричку факеломъ, на подобный случай.

Я рассказалъ, какую телеграфную линію мы импровизировали между Гайновкой и Бѣловѣжемъ, въ пушцѣ. Столбы кое-какъ держивали провода; приходилось только подпирать ихъ; но насъ измучили вѣтви, падавшія на проволоки съ окружающихъ деревьевъ. Кромѣ сосенъ и дубовъ, въ пушцѣ между ними растутъ березы, осины, тоже старыя. На всѣхъ этихъ многолѣтнихъ деревьяхъ всегда много сухихъ сучьевъ, которые при вѣтрѣ обламываются, падаютъ на телеграфныя проволоки, повисаютъ на нихъ. Въ дождливую погоду вѣтки эти соприкасаются съ мокрыми деревьями и кустами, растущими подъ проволокою, и ослабляютъ электрическій токъ. Погода стояла тогда все время дождливая, вѣтряная, и падающія вѣтви надоѣдали намъ до крайности; приходилось непрерывно снимать ихъ на протяженіи 18 верстъ пущи. Я подѣлилъ лѣсной участокъ телеграфной линіи на нѣсколько отдѣловъ, поручивъ каждый изъ нихъ особому надсмотрщику ¹⁾. Эти надсмотрщики цѣлый день ходили вдоль линіи и длинными шестами снимали повисшія на проволоку вѣтки. Трудъ былъ утомительный.

Разъ какъ-то государь проѣзжалъ въ своей коляскѣ, на парѣ лошадей, по дорогѣ вдоль телеграфной линіи. На одномъ участкѣ

¹⁾ Такъ называются чиновники-техники, которые строятъ и ремонтируютъ телеграфныя линіи.

линіи работаль старикъ-надсмотрщикъ Васильевъ. Ночью передъ тѣмъ былъ сильный вѣтеръ, и на проволокѣ нависло много вѣтокъ; снимая ихъ, онъ усталъ, сѣлъ на пень отдохнуть, снялъ фуражку и, погруженный въ свои думы, не замѣтилъ приближенія государя, ѣхавшаго шагомъ. Подъѣхавъ къ Васильеву, государь остановилъ коляску и попросилъ его рассказать ему, въ чемъ именно состоитъ этотъ трудъ, о затруднительности котораго онъ слышалъ уже. Вечеромъ, окончивъ свое дежурство, старикъ Васильевъ съ умиленіемъ рассказывалъ этотъ разговоръ и съ большимъ смущеніемъ повторялъ: «И какъ это я не замѣтилъ его!»

Я рассказалъ эти два случая, чтобы показать, какъ попросту, по-деревенски, шла жизнь царской семьи въ Бѣловѣжѣ и какими затрудненіями она была обставлена.

Въ числѣ первыхъ лицъ придворнаго вѣдомства, явившихся въ Бѣловѣжъ, былъ начальникъ императорской охоты. Онъ съ завѣдывающимъ охотою Бѣловѣжской пущи осмотрѣлъ всѣ мѣста, гдѣ держится звѣрь, и составилъ проектъ цѣлаго ряда охотъ. Со времени охоты императора Александра II въ Бѣловѣжѣ не было царской охоты, и потому теперь тамъ надо было создать все для производства крупныхъ императорскихъ охотъ. Въ пуцѣ, на дорогѣ изъ Гайновки въ Бѣловѣжъ, издавна существовалъ охотничій домъ, называемый звѣринцемъ. При немъ огорожено большое пространство лѣса, съ пастбищемъ для зубровъ, которые поселены тамъ, кажется, около 30 головъ. Кромѣ того, тамъ отгорожено особое мѣсто для оленей. При звѣринцѣ находится нѣсколько лицъ служителей, которые кормятъ и стерегутъ всѣхъ этихъ звѣрей, и тамъ живетъ завѣдывающій бѣловѣжской охотой. Въ звѣринцѣ устроенъ прекрасный домъ для отдыха и завтраковъ высочайшихъ особъ во время охоты. Это центръ всей охотничьей жизни. Около него зимою раскладываютъ кормъ для поддержки зубровъ, живущихъ въ лѣсу, на свободѣ, и они держатся преимущественно около этого мѣста.

На другой день, по приѣздѣ государя въ Бѣловѣжъ, рано утромъ была назначена охота, и онѣ происходили затѣмъ каждый день. Государь Александръ III рѣдко ѣздилъ на эти охоты. Охотники говорили мнѣ, что государь не любитъ охоты съ облавой. Его любимая охота на оленей во время ихъ спариванья, которая очень удачна бываетъ въ лѣсахъ Спалы. Въ Бѣловѣжѣ въ эти дни самые ревностные охотники были великіе князья; охотники восхищались удачными выстрѣлами великаго князя Михаила Александровича.

Въ восьмомъ часу утра охотники обыкновенно выѣзжали въ лѣсъ; до мѣста охоты они отправлялись въ экипажахъ; интересно было видѣть этотъ выѣздъ. Всѣ участвующіе, даже государь императоръ, были въ охотничьихъ нарядахъ сѣраго цвѣта, мягкихъ

шляпахъ; трудно было съ непривычки разузнавать ихъ въ этой одеждѣ. Впереди въ парной бричкѣ ѣхалъ завѣдывающій охотою, указывая путь; за нимъ коляска государя, и такъ далѣе. Въ то же время особо выѣзжала на мѣсто охоты царская кухня въ нѣсколькихъ специально для этого устроенныхъ громоздкихъ экипажахъ. Въ нихъ помѣщались особый походный очагъ, ледникъ, ящики съ посудой и провизія. Эти тяжелыя фуры немало помучали почтовыхъ лошадей. Я никогда не бывалъ на этихъ охотахъ, но мнѣ рассказывали, что въ половинѣ дня дѣлался перерывъ охоты, и всѣ участвующіе въ ней приглашались къ завтраку. Для производства облавы вызваны были въ Бѣловѣжѣ двѣ роты солдатъ; я видѣлъ, какъ они, обыкновенно рано утромъ, шли къ мѣсту охоты съ небольшими флагами въ рукахъ. Имъ тоже готовился завтракъ. Послѣ завтрака охота возобновлялась и длилась часовъ до пяти, когда охотники возвращались во дворецъ и сядились за обѣдъ.

Въ это время подвозили ко дворцу всю убитую дичь; везли ее наемныя крестьянскія подводы. Зубровъ убивали рѣдко; условлено было щадить ихъ; но они изрѣдка появлялись на этой выставкѣ, и въ видѣ огромныхъ экземпляровъ. Многочисленнѣе всего были козы, олени и особенно кабаны. Олени красные были очень крупны, съ вѣтвистыми рогами. Всю эту дичь красиво раскладывали у крыльца дворца; на каждомъ животномъ была привязана записка, кто убилъ его. Когда получалось извѣстіе, что царскій обѣдъ оконченъ, охотники зажигали факелы для освѣщенія разложенной дичи, и одинъ изъ нихъ трубилъ что-то въ огромный охотничій рогъ, давая знать, что выставка дичи готова. Выходили на крыльцо императоръ, императрица, вся царская семья и свита ихъ; подходили къ дичи, любовались красивыми животными, рассказывали объ особенно удачныхъ выстрѣлахъ. Вокругъ стояли мы, зрители этого любопытнаго зрѣлища. По уходѣ царской фамилии старшій поваръ выбиралъ, что признавалъ нужнымъ для царской кухни; остальная дичь раздавалась лицамъ, прибывшимъ въ Бѣловѣжѣ для услугъ государю. Получилъ и я нѣсколько козъ, кабановъ. Дичи было такъ много, что всѣ солдаты охоты, конюхи, конвой не покупали мяса для котловъ.

Охоты эти были единственнымъ разнообразіемъ и развлеченіемъ придворной жизни въ Бѣловѣжскомъ дворцѣ. Какъ я упомянулъ выше, свита, сопровождавшая государя въ Бѣловѣжѣ, была очень невелика. Приемовъ, приѣздовъ ко дворцу не было; не было также никакихъ торжествъ, представленій государю; не было даже хора военной музыки, который разнообразилъ бы тишину царскаго уединенія. Жизнь во дворцѣ шла тихо, однообразно. Сколько я могъ замѣтить, распределеніе дня было тамъ, примѣрно, такое. Государь и супруга его вставали около 8 часовъ утра и пили утрен-

ній кофе или чай у себя вдвоемъ. Мнѣ случилось разъ, около 8 часовъ утра, проходить по саду во дворецъ. Идя по дорожкѣ около самаго дворца, я увидѣлъ царскую чету на балконѣ веранды. Государь былъ въ халатѣ, императрица въ чемъ-то бѣломъ; оба сидѣли за столикомъ, бесѣдовали и кушали чай или кофе. Я шель за кустами, меня не было видно; картина семейной жизни государя была для меня такъ любопытна, что я невольно приостановился и любовался ею изъ-за куста.

Государь очень много работалъ, несмотря на свое болѣзненное состояніе. Ежедневно, утромъ и вечеромъ, почта, курьеры и фельдъегери привозили ему цѣлые портфели докладовъ, и ежедневно, столько же разъ, онъ отправлялъ обратно туго набитые портфели съ разсмотрѣнными имъ дѣлами. Сверхъ того телеграфъ работалъ день и ночь, приносилъ ему разныя извѣстія и разносилъ по всему міру его телеграммы. Я изумлялся трудолюбію, работоспособности государя. Онъ не позволялъ себѣ никакихъ развлеченій; онъ рѣдко ѣздилъ на охоту. Утромъ, до завтрака, онъ работалъ обыкновенно у себя въ кабинетѣ. Иногда, въ полдень, онъ ѣхалъ съ императрицею прокатиться въ пушчѣ, разыскивалъ охотниковъ и завтракалъ съ ними. Вечеромъ онъ опять удалялся въ кабинетъ, и мнѣ говорили, что огонь въ его кабинетѣ горѣлъ часто до 2 и 3 часовъ ночи: значитъ, до этого часа онъ работалъ ночью. Иногда онъ прогуливался по саду около дворца. Мнѣ случилось однажды встрѣтить его тамъ. Я шель утромъ въ телеграфное отдѣленіе дворца; около самаго дворца я услышалъ голоса за зеленою сиреневыхъ кустовъ, и вслѣдъ затѣмъ изъ-за кустовъ выбѣжали великій князь Михаилъ Александровичъ и сестра его Ольга Александровна; на бѣгу они, какъ дѣти, вѣжливо отвѣтили на мой поклонъ и пронеслись дальше. За ними шель государь, подъ руку съ императрицей. Выраженіе лица его было задумчивое, мрачное. Неожиданная встрѣча съ постороннимъ человѣкомъ въ эту минуту, очевидно, была ему непріятна; онъ отвѣтилъ на мой поклонъ и мрачно прошелъ дальше. Императрица, желая, вѣроятно, вознаградить меня за сухой привѣтъ мужа, выдвинулась нѣсколько изъ-за него, привѣтливо кивнула мнѣ головой и сдѣлала рукой привѣтственный знакъ. Я съ сочувствіемъ и горемъ смотрѣлъ на больного государя; мощный грустный образъ его навѣки запечатлѣлся въ моей памяти; но изъ-за его печальной фигуры всегда видится мнѣ привѣтливое лицо императрицы.

Въ теперешнія предательскія времена трудно вѣрится, что императоръ былъ такъ доступенъ, жилъ такъ открыто. Для охраны императора въ Бѣловѣжѣ не было никакихъ войскъ; вызванъ былъ только изъ Варшавы стоящій тамъ кубанскій конвой. Двѣ роты пѣхоты стояли въ деревнѣ, но употреблялись исключительно для облавъ на охотѣ; отъ нихъ никогда и нигдѣ не былъ выста-

зленъ караулъ, ни одинъ часовой. Охрана ограничивалась дворцовой полиціей. У входа въ паркъ стояли нижніе чины этой полиціи и наблюдали за входящими въ паркъ. Пропускали туда лицъ свиты, придворную прислугу, которыхъ они знали въ лицо, и тѣхъ, кому выданы билеты на входъ въ паркъ и во дворецъ. На парадномъ крыльцѣ дворца былъ швейцаръ, и при немъ нѣсколько помощниковъ. Входъ съ другого крыльца не охранялся; въ коридорахъ дворца ходили и сидѣли придворные служители, но не было никакого караула, ни часовыхъ. Придворные служители безъ особаго разрѣшенія не отворяли неизвѣстнымъ лицамъ двери въ домашнія комнаты царской семьи. Но никто туда и не стремился. Если кто-нибудь, незнакомый съ расположеніемъ комнатъ, и подходилъ къ этимъ дверямъ, то дѣлалъ это по невѣдѣнію, и тотчасъ скромно удалялся, разузнавъ свою ошибку. Государь оказывалъ безграничное довѣріе, и оно ни разу не было нарушено, не было никакихъ недоразумѣній. Государя любили, уважали, и мы всѣ безсознательно, инстинктивно оберегали не только его жизнь, но и его покой.

Только на ночь, около 10 часовъ вечера, вокругъ дворца по парку выставлялись часовые отъ конвоя. На разсвѣтѣ караулъ этотъ убирался. Я нѣсколько разъ говорилъ съ гродненскимъ губернаторомъ Д. Н. Батюшковымъ объ этой слабой охранѣ; онъ объяснилъ мнѣ, что это дѣлается по личному распоряженію государя, который не выноситъ зрѣлища окружающихъ его карауловъ; они приводятъ его въ нервное состояніе. Государь желаетъ жить свободно въ Бѣловѣжѣ. Оставить дворецъ и пуцу безъ охраны было невозможно, ее устроили невидимо. Во всякомъ случаѣ мы, жившіе въ Бѣловѣжѣ, не видѣли охраны, не чувствовали ся, и все пребываніе государя прошло мирно, спокойно.

Лица людей, приближенныхъ къ государю, дѣлались день ото дня печальнѣе; расположеніе духа ихъ мрачнѣе и озабоченнѣе. Встрѣчая государя, мы съ горестью всѣ видѣли, что болѣзненное состояніе его развивается, силы слабѣютъ. Лучше всего мы могли рассмотреть это во время богослуженія, въ церкви.

Въ Бѣловѣжѣ, около дворца, стоитъ сельская приходская церковь; она въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ дворца, и входъ въ нее изъ парка. Церковь небольшая, но изящная, и была построена одновременно съ дворцомъ. Она не блистаетъ богатствомъ; въ ней нѣтъ золоченыхъ ризъ на иконахъ; иконостасъ весь фарфоровый, красивый; иконы хорошей живописи. Въ обычное время это обыкновенная, приходская церковь; но въ дни пріѣзда въ Бѣловѣжъ государя она дѣлается придворною церковью, такъ какъ государь и вся его семья посѣщаютъ ее, слушаютъ тамъ обѣдню. Въ 1894 году тамъ не было хора нѣвчихъ при церкви; во время пребыванія государя пѣлъ небольшой хоръ кубанскихъ

казаковъ конвоя, и пѣль прекрасно. Церковную службу совершали постоянный настоятель церкви этой, дьяконъ и причетники, также приходскіе. Конечно, всѣ эти лица были заблаговременно хорошо подобраны епархіальнымъ начальствомъ, и служба исполнялась прекрасно.

Въ воскресные и праздничные дни вся царская семья приходила въ церковь къ самому началу обѣдни. Почти всегда приходилъ императоръ Александръ и отстаивалъ обѣдню до конца. Ни онъ, ни члены семьи его никогда не сажались во время службы, хотя въ церкви были стулья. Царская семья становилась у южнаго клироса, на правой сторонѣ церкви, считая отъ входа въ церковь. Лѣвая сторона церкви отводилась для постоянныхъ прихожанъ церкви, главную массу которыхъ составляли крестьяне. Свита стояла на правой сторонѣ церкви, тотчасъ за царской семьей; тамъ же стояли всѣ лица, прибывшія въ Бѣловѣжъ для услугъ государю. На входъ въ церковь выдавались билеты, и церковь была очень доступна. Всѣ почтово-телеграфные чиновники получили билеты на входъ въ церковь и, конечно, усердно ими пользовались. Государь желалъ, чтобы присутствіе его не нарушало обычнаго теченія церковной службы и исполненія всѣхъ обычаевъ ея. Церковнымъ старостою былъ управляющій Бѣловѣжской пущи. Онъ рассказывалъ мнѣ, что, при первомъ богослуженіи въ присутствіи государя, онъ не рѣшился обходить молящихся съ тарелкою, для церковнаго сбора денегъ. Послѣ обѣдни государь спросилъ его, неужели у нихъ въ церкви не производится этотъ сборъ. Управляющій пущей объяснилъ государю, что счелъ неудобнымъ беспокоить его. Государь попросилъ его впредь производить сборъ и вообще ни въ чемъ не нарушать обычаевъ приходскихъ. Въ слѣдующую службу церковный староста съ тарелкою, а за нимъ церковный сторожъ съ кружкою обходили всю церковь. Государь, императрица, всѣ великіе князья клали свою лепту на тарелку и въ кружку, и сборъ былъ, конечно, огромный. Рядомъ съ червонцами лежали на тарелкѣ пяти и трехрублевья бумажки свиты и мѣдные пятаки и гроши крестьянъ. Передъ образами теплились толстыя рублевья восковыя свѣчи и крохотныя, желтаго воска свѣчи, очевидно, приношенія царской семьи и крестьянъ. Въ концѣ обѣдни государь подходилъ ко кресту, и священникъ вручалъ ему просфору, какъ, бывало, дѣлалось это въ помѣщичьихъ сельскихъ церквахъ.

Во время этихъ церковныхъ службъ, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ государя, мы лично убѣждались, что рассказы объ усиливающемся болѣзненномъ состояніи его справедливы. Въ первые дни своего пріѣзда въ Бѣловѣжъ государь бодро отстаивалъ обѣдню; но наступили дни, когда, при выходѣ изъ церкви, онъ сталъ опираться на руку императрицы.

Никакихъ бюллетеней о здоровьѣ государя не издавалось; болѣзнь его не предавалась еще гласности; но вопросъ этотъ былъ такъ близокъ сердцу каждаго изъ насъ, что ежели гдѣ-либо сходились два или три человѣка, между ними тотчасъ заходилъ разговоръ о здоровьѣ государя. Приближенные къ государю особы были очень скромны и не болтливы. На вопросы о здоровьѣ государя онѣ отмалчивались, пожимали плечами и вообще не говорили ни да, ни нѣтъ! Невозможно было, однако, замолчать то, что столько людей видѣли и слышали. Разговоры эти питались слухами, и за недостаткомъ точныхъ данныхъ создались цѣлыя легенды, можетъ быть, очень невѣрныя. Но вотъ что говорили тогда: государь не признаетъ серьезности своей болѣзни, или, по крайней мѣрѣ, не желаетъ сознаться въ этомъ. Онъ считаетъ болѣзнь свою случайнымъ недомоганіемъ, послѣдствіемъ усиленныхъ трудовъ и заботъ. Отъ этихъ трудовъ и заботъ онъ и желаетъ отдохнуть въ тиши и уединеніи Бѣловѣжа, въ семейной своей жизни. Императрица и наслѣдникъ престола, напротивъ, очень озабочены болѣзвью государя. Уступая ихъ требованіямъ, государь лечится, призвалъ въ Бѣловѣжѣ извѣстнаго московскаго доктора Захарьина, но безпрестанно спорить съ нимъ и не исполняетъ его врачебныхъ указаній. Захарьинъ просилъ государя не утомлять себя кабинетной работой, не заниматься по ночамъ; предписалъ ему извѣстную діету. Государь отвѣчалъ ему на это, что отложить государственные дѣла онъ не можетъ. А насчетъ соблюденія діеты, рассказывали слѣдующее. Происходилъ завтракъ или обѣдъ во дворцѣ; свита государя обыкновенно завтракала и обѣдала за столомъ государя. Государь, во время стола, потребовалъ квасу. Сидѣвшій тутъ же Захарьинъ подошелъ къ императору, напомнилъ ему, что просилъ его не пить квасу, и повторилъ свое запрещеніе. Выслушавъ это, государь шутливо обратился къ стоявшему подлѣ него въ недоумѣннн лакею и сказалъ: «Ты слышалъ, что сказалъ докторъ? А я, русскій императоръ, приказываю тебѣ налить мнѣ стаканъ квасу!» Захарьинъ молча поклонился и сѣлъ на мѣсто; а государь выпилъ квасъ. Вечеромъ послѣдовало бурное преніе между докторомъ и непокорнымъ пациентомъ. Повторяю, я рассказываю то, что въ то время рассказывалось всѣми, переходило изъ устъ въ уста; за подлинность событія ручаться не могу. Легенда эта характерна: она показываетъ, какъ мы, искренно преданные государю, любящіе его люди глядѣли на тогдашнее положеніе дѣла; важно то, что такая легенда создалась.

Въ противовѣсъ этимъ рассказамъ, другіе говорили, что государь сознаетъ опасность своей болѣзни, что онъ высказалъ это императрицѣ и наслѣднику престола; говорили, что, замѣчая упадокъ силъ своихъ, онъ вызвалъ съ Кавказа второго сына своего, Георгія Александровича. Сбивало съ толку то, что въ подтвержденіе

правдивости обѣихъ легендъ были факты очевидные. Докторъ Захарьинъ внезапно уѣхалъ изъ Бѣловѣжа, какъ говорили, заявивъ, что присутствіе его въ Бѣловѣжѣ излишне; что онъ не можетъ облегчить страданія государя, какъ скоро тотъ не исполняетъ его указаній. И великій князь Георгій, точно, спѣшно пріѣхалъ въ Бѣловѣжъ, по вызову отца.

Пріѣздъ великаго князя Георгія Александровича временно оживилъ царскую семью. Отецъ и мать были обрадованы здоровымъ, бодрымъ видомъ сына; великій князь цесаревичъ, искренно любившій брата Георгія, также радовался видимому здоровью брата и свиданію съ нимъ.

Это оживленіе продолжалось, однако, недолго. Великій князь Георгій внезапно заболѣлъ; онъ простудился на охотѣ. Погода въ Бѣловѣжѣ стояла все время сырая, пасмурная. Климатъ тамъ вообще непріятный, много суровѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ, окружающихъ пущу. Суровость эта выражается особенно сильно весною и осенью. Зимой въ пущѣ накапливается много снѣга; вѣтеръ сдуваетъ въ лѣсъ снѣгъ съ окружающихъ открытыхъ мѣстъ. Весною снѣгъ долго не таетъ въ лѣсу, такъ какъ солнечныя лучи мало проникаютъ въ густой лѣсъ. Оттого природа оживаетъ въ пущѣ на недѣлю и даже на двѣ позже, чѣмъ внѣ пущи. Лѣтомъ воздухъ постоянно сыръ, а осенью, при дождяхъ и утренникахъ, воздухъ дѣлается холодный, пронзительно сырой; туманы бываютъ ежедневно.

Великій князь Георгій Александровичъ, только что прибывшій съ жаркаго Кавказа, не выдержалъ внезапной, рѣзкой перемѣны климата, и болѣзнь его, только что уступившая леченію и прелестному климату Кавказа, быстро разыгралась вновь сильнѣйшимъ образомъ. Царская семья встревожилась вновь. Рассказывали, что однажды ночью великому князю сдѣлалось такъ дурно, что разбудили отца и мать его; они провели ночь въ тревогѣ у постели больного; къ утру великому князю стало лучше. Сидя у постели больного сына, государь говорилъ окружающимъ его лицамъ: «Вотъ, вы толкуете все, что я боленъ, а я вижу больного сына и забылъ о своей болѣзни». И это, опять-таки, я рассказываю какъ легенду. Я не могъ слышать этихъ словъ; но это рассказывали на другой день послѣ тревожной ночи люди, которые увѣрили, что они слышали слова государя.

Доктора Захарьина съ дороги воротили телеграммой; онъ опять появился въ Бѣловѣжѣ; на этотъ разъ ужъ для ухода за двумя пациентами.

Докторъ Захарьинъ, тотчасъ послѣ перваго своего пріѣзда въ Бѣловѣжъ, высказалъ убѣжденіе, что климатъ тамошній вреденъ для здоровья государя. Самостоятельный пациентъ не обратилъ тогда вниманія на заявленіе своего доктора. Теперь Захарьинъ

настойчиво потребовалъ переѣзда двора въ другой, болѣе сухой и теплый климатъ, ради здоровья великаго князя. Что государь не хотѣлъ сдѣлать для себя, считая это лишнимъ, онъ сдѣлалъ для здоровья сына. Объявлено было о переѣздѣ всей царской семьи въ Спалу, въ царствѣ Польскомъ.

За нѣсколько недѣль пребыванія государя въ Бѣловѣжѣ саперы настолько упорядочили желѣзнодорожную вѣтвь отъ Бѣльска до Гайновки, что по ней ежедневно стали ходить поѣзда. Избѣгая утомительнаго переѣзда на лошадяхъ отъ Бѣльска до Гайновки, всѣ устремились на эти поѣзда. Возили лицъ, принадлежавшихъ къ составу двора, и вызванныхъ въ Бѣловѣжѣ чиновниковъ бесплатно. Я направилъ съ этимъ поѣздомъ и почту. Теперь можно было смѣло провести по ней императорскій поѣздъ. Назначены были два императорскихъ поѣзда, и сверхъ того необходимыя поѣзда для перевозки всей клади, лошадей, экипажей. До Гайновки все доставлялось на лошадяхъ, и тамъ на платформѣ грузилось въ вагоны. Въ нѣсколько дней все было готово, и назначенъ былъ день отъѣзда.

Настроеніе всѣхъ насъ было грустное. За нѣсколько недѣль жизни подлѣ государя мы такъ свыклись съ нимъ, полюбили его, намъ такъ отрадно было, въ эти тяжелыя для него минуты, стараться успокоить его, что не хотѣлось разставаться съ нимъ, прекращать наши заботы о немъ. Сознаніе тяжелой болѣзни государя со всякимъ днемъ разъяснялось, и мы всѣ съ ужасомъ думали, чѣмъ кончится все это. Подготавливали отъѣздъ государя какъ-то грустно, далеко не съ тѣмъ увлеченіемъ и охотою, которыя господствовали при приготовленіяхъ къ пріѣзду его.

Министръ двора Воронцовъ-Дашковъ приказалъ мнѣ представить ему списокъ всѣхъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ, работавшихъ въ Бѣловѣжѣ за это время. На другой день секретарь его возвратилъ мнѣ этотъ списокъ, съ отмітками противъ именъ всѣхъ чиновниковъ, какіе подарки государь императоръ жалуется имъ, въ вознагражденіе за ихъ труды въ Бѣловѣжѣ. Получили подарки всѣ рѣшительно: чиновники, почтальоны, ямщики. Подарки были цѣнные, прекрасные. Мы приняли эти подарки какъ воспоминаніе объ этихъ достопамятныхъ для всѣхъ насъ дняхъ. Утромъ въ день отъѣзда государя министръ двора передалъ мнѣ, отъ имени государя, цѣнный подарокъ и сказалъ, что государь поручилъ ему поблагодарить меня и всѣхъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ за ихъ труды. Онъ сказалъ, что государь императоръ остался вполне доволенъ ходомъ почтовой и телеграфной корреспонденціи и цѣнить это, видѣвши лично, какъ трудно было достигать этой правильности.

До Гайновки государь, его семья, свита и прислуга переѣхали въ экипажахъ. Государь ѣхалъ опять въ своей маленькой коляскѣ,

съ императрицей, на парѣ своихъ лошадей. Первый поѣздъ, свитскій, выѣхалъ раньше. Государь пріѣхалъ въ Гайновку около пяти часовъ. Мы собрались опять на обширной платформѣ, но въ совершенно иномъ настроеніи духа, чѣмъ мѣсяць назадъ, встрѣчая тутъ императора Александра III. Всѣ чуюли бѣду, сознавали, что государь тяжело боленъ. Стоя на платформѣ, передъ своимъ вагономъ, онъ прощался съ нами, сказалъ намъ ласковыя слова. Громадная фигура его царила надъ всѣми окружающими; выраженіе лица его было спокойно; голосъ ровный, но ослабѣвшій. На лицѣ его видно было страданіе, и говорилъ онъ, точно прощался съ нами навѣки. Онъ снялъ фуражку и сказалъ: «Прощайте, господа. Благодарю за все!» и, поклонившись, вошелъ въ вагонъ. Мы отвѣчали: «До свиданія, ваше императорское величество! благодаримъ ваше величество за вниманіе и любовь!»

Войдя въ вагонъ, государь и императрица стали у окна вагона и оттуда еще переговаривались съ нѣкоторыми лицами, и наконецъ, издали уже, знаками привѣтствовали насъ. Медленно двигаясь, удалялся поѣздъ, и наконецъ исчезъ на поворотѣ за лѣсомъ, а мы всѣ стояли неподвижно, глядѣли въ ту сторону, какъ бы не желая признать, что государя нѣтъ и все кончено.

Сближеніе съ людьми выдающагося ума, характера и образованія возвышаетъ приближающихся къ нимъ людей. Считаю крупной удачей моей жизни, что мнѣ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль пришлось близко видѣть такого выдающагося человѣка, какъ императоръ Александръ III. Я имѣлъ возможность понять силу его характера, убѣдиться въ этой силѣ въ тяжкія минуты его жизни. Привыкнувъ чувствовать себя сильнымъ, здоровымъ, онъ долго не хотѣлъ дать болѣзни одолѣть себя и старался тѣмъ поддержать бодрость духа въ окружающихъ его лицахъ. Я своими глазами видѣлъ его самоотверженный, упорный трудъ на пользу государству. Свѣтлой чертой въ моихъ воспоминаніяхъ останется все, что я видѣлъ изъ его семейной жизни: безграничная любовь къ нему супруги его, обожаніе дѣтей его, вся нравственная чистота его семейной жизни. Въ настоящій вѣкъ всѣ эти качества рѣдко встрѣчаются; тѣмъ утѣшительнѣе было убѣдиться, что все это сохранилось въ нашемъ русскомъ царѣ и въ семьѣ его. Я сознательно рассказалъ нѣсколько соприкосновеній государя съ нами, незнатными подданными его; въ нихъ выказалась простота его, полнѣйшее отсутствіе чванства и гордости.

Вотъ впечатлѣнія, которыя оставило во всѣхъ насъ пребываніе императора Александра III въ Вѣловѣжѣ. Это былъ государь сильный, честный, заботливый и любившій своихъ подданныхъ. А мы всѣ еще искреннѣе полюбили его, ближе узнавъ.

Николай Полевой.

СТРАНА НЕОЖИДАННОСТЕЙ.

(Изъ замѣтокъ японца)¹⁾.

VIII.

А ДРУГОЙ день я съ утра сидѣлъ въ солидномъ и изящномъ холостяцкомъ кабинетѣ Келестина Ивановича.

Келестинъ Ивановичъ встрѣтилъ меня и велъ бесѣду, какъ подобаетъ чиновнику особыхъ порученій V-го класса. Игривости, которой у него было столько за обѣдомъ у Донона, не осталось и слѣда. Онъ и быстроту рѣчи умѣрялъ, чтобы бесѣда наша имѣла чинный, степенный характеръ. Викторъ Петровичъ былъ актеромъ по влеченію своей природы, Келестинъ Ивановичъ актерствовалъ для пользы своей служебной карьеры. Но оба они были очень искусны въ своемъ дѣлѣ. Только Келестину Ивановичу не слѣдовало бы, по моему мнѣнію, и за трапезою показывать своего шутовского лика, а то меня такъ и подмывало во время самыхъ серьезныхъ его объясненій, подражая его компатріотамъ, потрепать его по брюшку со словами: «Allons donc, vieux farceur». Впрочемъ, Келестинъ Ивановичъ въ моихъ совѣтахъ не нуждался. Не даромъ у него виски посѣдѣли на русской службѣ. И если у него было два лика: ликъ чиновника особыхъ порученій V-го класса и ликъ балагура, то, вѣроятно, служба этого требовала.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХV, стр. 142.

Когда мы усѣлись, онъ началъ съ маленькаго аперсю всего, что сдѣлано въ другихъ странахъ по занимавшей насъ отрасли управленія. Онъ говорилъ со мною, какъ говорятъ съ ребенкомъ. Очевидно, онъ былъ убѣжденъ, что имѣеть дѣло съ варваромъ, съ человѣкомъ, не отличающимся отъ туземцевъ Патагоніи или острововъ Фиджи, хотя и носящимъ европейскій костюмъ; но когда я его два раза поправилъ, и, кромѣ того, выяснилось, что я побывалъ въ тѣхъ заграничныхъ школахъ, которыя и онъ посѣтилъ или не посѣтилъ, онъ тотчасъ же ловко взялъ другой тонъ и изъ учителя превратился въ простого собесѣдника, готоваго и самъ чему-нибудь поучиться. Затѣмъ онъ добылъ изъ своего письменнаго стола пукъ разныхъ брошюръ и программъ и началъ меня съ ними знакомить, чувствуя уже подъ собою болѣе устойчивую почву печатнаго слова. Но при этомъ все же оказывалось, что то или другое нововведеніе было неизмѣнно дѣломъ его рукъ или по крайней мѣрѣ его почина.

Келестинъ Ивановичъ, давая мнѣ свои объясненія, видимо, уставалъ: онъ не чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ. А я въ сущности очень мало зналъ въ данной области. Отсюда я вывелъ заключеніе, что въ русскихъ административныхъ сферахъ не особенно трудно прослыть специалистомъ и знатокомъ своего дѣла. Но какъ бы то ни было, намъ съ Келестиномъ Ивановичемъ было какъ-то не по себѣ, и мы оба, кажется, обрадовались, когда наконецъ настало время тронуться въ путь.

Я позволю себѣ высказать здѣсь нѣсколько соображеній, вызванныхъ моимъ осмотромъ русскихъ учебныхъ заведеній вообще. Самыя роскошныя зданія отведены въ Швейцаріи, какъ говорятъ, подъ гостиницы, въ Соединенныхъ Штатахъ—подъ школы, а въ Россіи—подъ дворцы. При этомъ имѣютъ въ виду зданія съ внѣшней стороны, въ смыслѣ ихъ величины и архитектурныхъ красотъ. Но если взять внутреннее ихъ устройство, то окажется, что въ другихъ странахъ зданія соответствуютъ своему назначенію, а въ Россіи общественныя зданія строятся такъ, какъ будто единственное ихъ назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить царя или по крайней мѣрѣ высшее начальство. Мнѣ рассказывали, что въ прежнее время, а въ провинціи и до сихъ поръ, русское купечество имѣеть въ своихъ домахъ роскошныя комнаты для гостей, а семьи ютятся въ тѣсныхъ, душныхъ, грязныхъ каморкахъ. Почти такое же впечатлѣніе производятъ внутреннее устройство русскихъ школьныхъ зданій. Великолѣпный входъ, широкіе коридоры, громадная актовая зала съ блестящими, какъ зеркало, паркетными полами, квартиры директора и инспектора, занимающія половину зданія, и тѣсныя, плохо вентилируемыя и освѣщаемыя классныя комнаты, мрачныя дортуары, — вотъ что представляетъ внутреннее устройство боль-

шинства русскихъ учебныхъ заведеній. Они какъ бы существуютъ не для учащихся, а для начальства; они вѣчно ждутъ ревизора, но такого ревизора, котораго легко надуть, который самъ ничею не понимаетъ въ школьномъ дѣлѣ.

Все въ нихъ рассчитано на показъ. Начальство даже себя не спрашиваетъ, въ какой обстановкѣ росли дѣти до поступления въ школу. Школа предъявляетъ имъ свои непреложныя требованія, и отступленіе отъ нихъ влечетъ наказанія,—это примитивное средство подвести всѣхъ подъ одинъ ранжиръ. Въ дѣтскую душу почти совсѣмъ не заглядываютъ. Для этого у чиновниковъ-педагоговъ нѣтъ ни времени, ни охоты, ни умѣнья. Главное —удовлетворить требованіямъ начальства, а требованія эти сводятся къ тому, чтобы ослабить или подтянуть вожжи. При благодушномъ настроеніи начальства вожжи ослабляются, что вполне соответствуетъ желаніямъ родителей; но такъ какъ начальство въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій было, вслѣдствіе революціоннаго броженія, далеко не въ благодушномъ настроеніи, то вожжи постоянно подтягивались, и это порождало глухую борьбу между правительствомъ и обществомъ. Каждая революціонная вспышка, т. е. политическое преступленіе, вызывала подтягиваніе вожжей. Россія въ этомъ отношеніи очень оригинальная страна: вся педагогическая система въ ней поставлена въ зависимость отъ политическихъ преступленій, и революціонеры могутъ по своему благоусмотрѣнію замѣнить классическую систему образованія, равносильную подтягиванію, реальною, означающею ослабленіе вожжей, и наоборотъ. Нельзя не удивляться правительству, которое ставитъ школу въ зависимость отъ дѣятельности революціонныхъ агитаторовъ, но нельзя не удивляться и революціонерамъ, которые, добиваясь ослабленія вожжей, дѣлаютъ все, что въ ихъ силахъ, чтобы вызвать ихъ подтягиваніе.

Какъ бы то ни было, положеніе педагоговъ весьма неудобное. Самыми искусными педагогами признаются въ Россіи тѣ, которые умѣютъ дѣлать видъ, что подтягиваютъ вожжи, а на самомъ дѣлѣ подтягиваютъ ихъ по возможности меньше. Во всякомъ случаѣ педагогическое искусство въ Россіи сводится преимущественно къ кучерскому.

Вмѣстѣ съ тѣмъ получается поразительное лицемѣріе, которымъ проникнута вся русская школа. Родители ненавидятъ подтягиваніе вожжей и классицизмъ, они безъ стѣсненія выражаютъ эту ненависть передъ дѣтьми, а дѣти должны дѣлать видъ, что они съ почтеніемъ относятся къ учебному начальству, которое посвящаетъ свою дѣятельность этому подтягиванію. Лицемѣріе, такимъ образомъ, превращается въ систему, одинаково ревностно поддерживаемую и родителями, и начальствомъ.

Затѣмъ я никакъ не могъ понять, къ чему собственно готовить русская школа. По единодушному мнѣнію русскихъ, школа должна готовить къ жизни. Это, конечно, безспорная истина, которую мы, японцы, менѣе всего отрицаемъ. Но наша система образованія какъ разъ противоположна системѣ русской. Мы спрашиваемъ себя, что въ жизни человѣку нужнѣе всего, и отвѣчаемъ: характеръ, нравственныя качества, самостоятельность мысли, умѣнье приобрѣтать необходимыя для жизненной профессіи знанія,—и устраиваемъ соотвѣтственно наши школы. Здѣсь же, въ Россіи, и начальство, и родители одинаково заботятся о томъ, чтобы искоренить въ дѣтяхъ то, что необходимѣе всего для жизни. Идеаломъ русской школы служить полное безличіе дѣтей: они должны дѣлать все по указкѣ либо начальства, либо родителей. Характеръ въ нихъ поэтому не можетъ выработаться, а самостоятельность ихъ мысли попросту плачевна. Нравственныя качества не могутъ развиваться тамъ, гдѣ въ основу образовательной системы положено лицемѣріе. Наконецъ умѣнье приобрѣтать необходимыя для жизненной профессіи знанія, понятно, отсутствуетъ при взглядѣ родителей и начальства, что школа должна дать всѣ эти знанія. Если врачъ, адвокатъ, сельскій хозяинъ невѣжественны, то винятъ въ этомъ школу, какъ будто школа можетъ въ самомъ дѣлѣ дать человѣку все необходимое для успѣшнаго исполненія жизненнаго призванія. Но родители и начальство въ этомъ убѣждены, и поэтому русская школа, начиная съ университета и кончая низшей школой,—одна только громадная зубрильня. Очевидность, однако, убѣждаетъ, что готовить человѣка съ дѣтскаго возраста къ той или другой профессіи невозможно, и поэтому русская школа готовится къ тому званію, которое представляется большинству наиболѣе заманчивымъ, то-есть къ званію интеллигента. Что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ званіемъ, я до сихъ поръ себѣ не уяснилъ, но интеллигенція въ практическомъ отношеніи распадается на слѣдующіе два главныхъ класса: чиновниковъ и нигилистовъ. Разграничить въ точности эти два класса очень трудно, потому что въ каждомъ русскомъ образованномъ человѣкѣ совмѣщается одновременно и чиновникъ, и нигилистъ: нѣтъ чиновника, который не могъ бы превратиться въ нигилиста, какъ нѣтъ нигилиста, который не могъ бы превратиться въ чиновника. Дѣло въ томъ, что, какъ мѣтко выразилась моя милая гейша, человѣкъ состоитъ изъ тѣла и души, а тѣло влечетъ русскаго человѣка въ чиновники, душа же—въ нигилисты. Каждый русскій человѣкъ по своимъ воззрѣніямъ чиновникъ, но въ то же время и нигилистъ. Чиновникъ онъ потому, что 20-е число, то-есть полученіе въ опредѣленный срокъ жалованья изъ народныхъ денегъ, взыскиваемыхъ правительствомъ, земствомъ или городскимъ самоуправленіемъ съ народа, представляется ему самымъ естественнымъ экономическимъ положеніемъ; нигилистъ же онъ

потому, что никакихъ авторитетовъ и законовъ, кромѣ собственнаго благоусмотрѣнія, въ душѣ не признаетъ. Если онъ служитъ, то только потому, что этого требуетъ его тѣло; если онъ отрицаетъ, то потому, что въ отрицаніи онъ полагаетъ высшее проявленіе человѣческаго духа. Отрицаніе—вторая натура русскаго человѣка, но такъ какъ отрицать все невозможно, то онъ отрицаетъ то, что ему не нравится: кто—правительство, кто—сложившіяся условія, кто—брачныя узы, кто—буржуазію, кто—свободу. Соответственно получаютъ слѣдующіе русскіе идеалы: анархія, ниспроверженіе всего существующаго, свободная любовь, отсутствіе собственности, абсолютная власть.

Русская школа и готовитъ преимущественно людей, приспособленныхъ къ такому жизненному призванію, то-есть людей, получающихъ въ опредѣленные сроки жалованье и усматривающихъ свой жизненный призывъ въ отрицаніи всего, имъ не нравящагося. Кромѣ того, хотя русскіе и признаютъ себя самымъ демократическимъ народомъ въ мірѣ, но барство въ нихъ прочно засѣло, и каждый изъ нихъ хочетъ быть либо баринкомъ, либо барыней, то-есть по своему облику и по своему образу жизни напоминать собою прежнихъ помѣщиковъ. Поэтому русская школа поставила себѣ задачею воспитывать барчуковъ и барышень.

Первая школа, которую мы съ Келестиномъ Ивановичемъ посѣтили, былъ пріютъ для дѣвочекъ.

Надзирательница этого пріюта встрѣтила насъ привѣтливо, но обращала особенное вниманіе на Келестина Ивановича, человѣка, пользовавшагося вліяніемъ у ея непосредственнаго начальника, а со мной, очевидно, не знала, какъ себя держать. Хотя Келестинъ Ивановичъ и пріѣхалъ исключительно для того, чтобы познакомить меня съ пріютомъ, но надзирательница все-таки отнеслась ко мнѣ, только какъ къ придатку Келестина Ивановича. Келестинъ Ивановичъ тоже, повидимому, забылъ, для чего онъ пріѣхалъ, а роль начальника, надо полагать, его очень соблазняла, хотя она, повидимому, могла давно ему наскучить. Такимъ образомъ осмотръ пріюта почти тотчасъ же превратился въ инспекторскую ревизію. Келестинъ Ивановичъ не утерпѣлъ и сдѣлалъ надзирательницѣ какое-то замѣчаніе. Она оробѣла, заюлила, и вмѣстѣ съ тѣмъ для меня выяснилось, что я искренняго слова отъ нея не услышу. Я пересталъ слушать, что говорила надзирательница съ Келестиномъ Ивановичемъ, и занялся собственными наблюденіями.

Пріютъ походилъ на маленькій дворецъ. Сколько мѣста было отведено подъ роскошный вестибюль, широкую лѣстницу, громадный коридоръ и великолѣпную пріемную,—я не вымѣрилъ; но, несомнѣнно, мѣста этого хватило бы для устройства второго пріюта. Однако, особенно меня поразило, что въ пріютѣ была довольно

внушительныхъ размѣровъ церковь, хотя, проѣзжая, я замѣтилъ, что недалеко отъ пріюта, находившагося въ довольно глухой мѣстности, красовался православный храмъ, и я никакъ не могъ сообразить, почему дѣтей не водятъ въ этотъ храмъ, а понадобилась собственная церковь, устройство и содержаніе которой, конечно, вызвали и вызываютъ значительные расходы. Я даже обратился съ этимъ вопросомъ къ надзирательницѣ, но она, будучи поглощена своею бесѣдою съ Келестиномъ Ивановичемъ, взглянула на меня только съ удивленіемъ и ничего не отвѣтила. Я былъ предоставленъ своимъ догадкамъ и подумалъ, что, вѣроятно, суровый климатъ заставляетъ дорожить домовою церковью. Но я представить себѣ не могъ, чтобы дѣтей держали зимой взаперти, чтобы ихъ не выводили гулять—такъ почему же хожденіе въ сосѣднюю церковь не могло въ воскресные и праздничные дни восполнить или замѣнить прогулку? Въ то же время я обратилъ вниманіе на другое обстоятельство. Зданіе пріюта было окружено большимъ садомъ съ тщательно расчищенными дорожками, которыя какъ разъ во время нашего пріѣзда разметались какими-то дюжими мужиками. Я подумалъ: какой бы это былъ здоровый моціонъ для воспитанницъ пріюта, дочерей бѣдноты,—канцелярскихъ сторожей, швейцаровъ, дворниковъ и т. п. Я опять не утерпѣлъ и обратился съ соответствующимъ вопросомъ къ надзирательницѣ. На этотъ разъ она опять промолчала, но въ то же время взглянула на меня какъ-то испуганно и тотчасъ же перевела свой взглядъ на Келестина Ивановича, словно предоставляя ему отвѣтить на мой несуразный вопросъ. Онъ дѣйствительно отвѣтилъ:

— Вы полагаете, баронъ,—сказалъ онъ,—что дочери дворниковъ и швейцаровъ непременно должны заниматься дѣломъ своихъ отцовъ, т. е. подметать улицы и подѣзды?

Этотъ вопросъ внесъ шутовое настроеніе въ нашу бесѣду, и надзирательница тотчасъ же ожила, видя, что Келестинъ Ивановичъ находится въ благодушномъ настроеніи.

— Нѣтъ,—возразилъ я,—но моціонъ на свѣжемъ воздухѣ всегда полезенъ. И потомъ скажите, что у васъ въ этомъ саду лѣтомъ: вѣроятно, цвѣтники, грядки для огорода?

Начальница настолько осмѣлѣла, что отвѣтила тотчасъ же:

— Это не садъ, это—паркъ. Сада у насъ нѣтъ.

— Такъ гдѣ же дѣти занимаются садоводствомъ и огородничествомъ?

— Дѣвочки никогда у насъ этимъ не занимаются,—отвѣтила надзирательница, снисходительно улыбаясь.—Это дѣло мужское. Для мальчиковъ существуютъ школы садоводства, можетъ быть, и огородничества,—не знаю.

— У васъ, въ Японіи, хризантемы выращиваются дѣвушками?—спросилъ Келестинъ Ивановичъ, окончательно повеселѣвъ, а надзирательница не могла удержаться отъ громкаго смѣшка.

Это тотчас же заставило Келестина Ивановича вернуться къ начальническому тону: могъ смѣяться онъ, но никакъ не надзирательница.

— Покажите намъ работы воспитанницъ,—скомандовалъ Келестинъ Ивановичъ:—а потомъ мы посмотримъ дѣтей. Они теперь въ столовой?

— Да, сейчасъ завтракъ,—отвѣтила надзирательница, снова заюливъ.

Мы прошли въ комнату, гдѣ хранились работы воспитанницъ. Работъ этихъ было очень много: разныя вышивки, вязанья, даже кружева были разложены на столахъ въ образцовомъ порядкѣ. Я первоначально очень заинтересовался этими работами, но вскорѣ замѣтилъ, что онѣ принадлежатъ исключительно къ разряду сувенировъ и что практическія цѣли тутъ совершенно не имѣются въ виду.

— Не правда ли, работы хороши?—спросила надзирательница.

Я, конечно, похвалилъ воспитанницъ.

Мы прошли въ столовую. Дѣти сидѣли за длинными столами. При нашемъ появленіи вниманіе ихъ раздвоилось между вкуснымъ и даже изысканнымъ блюдомъ, дымившимся на столахъ, и неожиданными посѣтителеми. Но всѣ встали, и, насколько позволяло мѣсто, намъ поклонились. По знаку надзирательницы, всѣ опять усѣлись. Мы обошли столы величественно, не нарушая молчанія. Особенно торжественный видъ имѣлъ Келестинъ Ивановичъ: онъ словно священнодѣйствовалъ. Но я, видя эти славныя дѣтскія лица, правда, по большей части блѣдныя и болѣзненныя, не могъ удержаться, чтобы не спросить одну изъ дѣвочекъ, особенно внимательно меня разглядывавшую:

— Вкусно?

Дѣвочка хотѣла мнѣ улыбнуться, но сдержалась, не зная, должно быть, какъ отнесется надзирательница къ такой вольности. А я подумалъ: дисциплина въ этомъ пріютѣ процвѣтаетъ; спрашивается только, какую цѣною она достигается.

Совершивъ обходъ столовъ, мы возвратились въ приемную.

Тутъ я сказалъ надзирательницѣ:

— Мнѣ не совѣмъ ясна цѣль вашего пріюта.

Но за надзирательницу отвѣтилъ Келестинъ Ивановичъ.

— Цѣль пріюта, баронъ, филантропическая,—сказалъ онъ, снова впадая въ игривый тонъ.—Россія не настолько богатая страна, чтобы учреждать и содержать подобныя пріюты для дѣтей лицъ, не отошедшихъ въ вѣчность или располагающихъ достаткомъ.

— Да,—возразилъ я:—но эти сироты или дѣти бѣдныхъ родителей не будутъ же вѣчно оставаться въ пріютѣ. Настанетъ время, когда онѣ возвратятся въ семью...

— И выйдутъ замужъ,—докончилъ Келестинъ Ивановичъ.

— Развѣ всѣ выходятъ замужъ?

— Таковъ до сихъ поръ удѣлъ женщины у насъ.

Я обратился къ надзирательницѣ, надѣясь, что она теперь, въ виду благодушнаго настроенія Келестина Ивановича, не откажется отвѣтить.

— У васъ есть, конечно, статистика дальнѣйшей судьбы вашихъ воспитанницъ? Вѣдь пріютъ существуетъ уже лѣтъ тридцать, если не ошибаюсь.

При словѣ «статистика», лицо надзирательницы выразило нѣкоторое недоумѣніе.

Келестинъ Ивановичъ поспѣшилъ ей на выручку.

— Вы сами говорили, Любовь Петровна, что многія дѣвушки по выходѣ изъ пріюта прекрасно устраиваются, такъ сказать, даже дѣлаютъ партіи.

— Да,—поспѣшила согласиться Любовь Петровна:—вотъ, на примѣръ, Таня—вы помните, Келестинъ Ивановичъ, такая стройная, красивая дѣвушка, брюнетка, съ румянцемъ во всю щеку,—вышла замужъ за управляющаго князя Х. Другая вышла за курьера въ министерствѣ финансовъ, а одна даже за чиновника—Дуня, помните, такая бойкая...

— А остальные?—не унимался я.

— Тонутъ въ житейской пучинѣ,—опять вмѣшался Келестинъ Ивановичъ и прибавилъ почему-то по-французски:—*cela engloutit, savez-vous!* Но почему васъ, баронъ, такъ интересуесть дальнѣйшая судьба этихъ дѣвицъ?

— Мнѣ показалось,—отвѣтилъ я:—что пріютъ ихъ готовится не къ жизни, а къ чему-то другому.

— Мы имъ даемъ,—обиженно замѣтила Любовь Петровна,—все, что нужно, даже больше... Помилуйте, вы видѣли ихъ работы. Дѣтей, кромѣ того, обучаютъ Закону Божію, чтенію, письму, ариѳметикѣ, пѣнію, гимнастикѣ, рисованію. Развѣ это мало? Поступаютъ онѣ къ намъ чумичками, а выходятъ чуть ли не барышнями.

— Вообще правительственной филантропіи у насъ хоть отбавляй,—сентенціозно изрекъ Келестинъ Ивановичъ.

Я не возражалъ. Снизу доносилось стройное пѣніе воспитанницъ, провожавшихъ пріѣхавшаго начальника и дальневосточнаго посѣтителя концертомъ. Этотъ концертъ наглядно подтверждалъ слова Любви Петровны, что въ пріютъ поступаютъ чумички, а выходятъ изъ него барышни. Въ виду всего этого мнѣ оставалось только откланяться, что я немедленно и сдѣлалъ къ удовольствію Келестина Ивановича, котораго, конечно, ждали болѣе важныя дѣла, а между тѣмъ намъ предстоялъ осмотръ еще одного учебнаго заведенія, въ которое поступаютъ уже не чумички, а заправскія барышни.

IX.

Такъ какъ отъ пріюта до этого учебнаго заведенія конецъ былъ большой, то я, слушая болтовню Келестина Ивановича, имѣлъ достаточно времени для размышленій. Слова надзирательницы: «Мы имъ даемъ все, что нужно, даже больше», гвоздемъ засѣли у меня въ головѣ. Даже больше! Не слишкомъ ли, однако, много? Какъ должна была себя чувствовать воспитанница, возвращаясь изъ роскошнаго пріюта въ дворницкую или въ конуру швейцара, или, что еще хуже, вынужденная по окончаніи курса зарабатывать себѣ хлѣбъ собственнымъ трудомъ за неимѣніемъ семьи? Даже взрослому человѣку съ характеромъ нелегко отдѣлаться отъ привычекъ, приобрѣтенныхъ въ молодости, отъ комфорта, отъ барскихъ взглядовъ. Ожидать этого отъ 16-ти, 17-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ еще труднѣе. Хорошо, если та или другая выйдетъ замужъ. Но и въ замужествѣ, если только она не выйдетъ за обеспеченнаго интеллигента, ей предстояла незавидная доля. Какая ужъ она будетъ работница послѣ семи-восьми лѣтъ, проведенныхъ въ пріютѣ на положеніи барышни, а ей придется работать, работать физически, можетъ быть, усиленно. Но далеко не всѣ найдутъ себѣ мужей. Объ этомъ тоже заботится пріютъ. Человѣкъ изъ народа не любитъ бѣлоручекъ, да и бѣлоручки не любятъ людей изъ народа. Куда же дѣнутся эти остальные? Одинъ путь имъ открытъ: бѣлошвейная, модная мастерская, ну, а оттуда тоже бываетъ по большей части одинъ путь. Нѣтъ, намъ, японцамъ, пріюты этого рода не нужны: гейши и безъ нихъ всегда найдутся, а учреждать на народныя деньги пріюты для подготовленія гейшъ—это... ну, какъ это назвать?

Карета остановилась у роскошнаго подъѣзда.

— Nous y sommes,—проговорилъ Келестинъ Ивановичъ, быстро открывъ дверцу и выскочивъ изъ кареты съ такой прыткостью, какой я отъ него не ожидалъ.

Сановный швейцаръ, нѣсколько напоминавшій шефа, но въ длиннополомъ яркомъ одѣяніи, широко распахнулъ дверь, и мы снова были во дворцѣ, на этотъ разъ ужъ въ настоящемъ дворцѣ. Два подшвейцара приняли съ величайшею почтительностью наши шубы.

— Ея сіятельство въ пріемной; приказали просить васъ, ваше превосходительство, пожаловать туда,—доложилъ швейцаръ.

Келестинъ Ивановичъ быстро подошелъ къ зеркалу, поправилъ прическу, расчесалъ привычнымъ движеніемъ бородку и, повернувшись ко мнѣ, какъ настоящій танцоръ, проговорилъ, граціознымъ движеніемъ руки указывая мнѣ дорогу:

— Пожалуйте, баронъ.

Я еле поспѣвалъ за Келестиномъ Ивановичемъ по широкой монументальной лѣстницѣ,—такъ онъ торопился. Въ приѣмной — настоящей залѣ съ блестящимъ паркетнымъ поломъ и громадными окнами—на клеенчатомъ диванѣ возсѣдала княгиня, величественная дама пожилыхъ лѣтъ, въ аристократическомъ происхожденіи которой нельзя было сомнѣваться. Она бесѣдовала съ какой-то другой дамой, видимо, передъ ней робѣвшей.

Наше появленіе въ приѣмной почти оставлено было безъ вниманія. На нашъ низкій поклонъ послѣдовало только наклоненіе головы. Разговоръ съ робѣвшей дамой еще не былъ оконченъ, но все свидѣтельствовало о скоромъ его окончаніи. Раздались прощальныя слова на безукоризненномъ французскомъ языкѣ:

— Я живу только для дѣтей, и повѣрьте мнѣ, ваша дочь найдеть во мнѣ вторую мать.

Аудіенція была окончена. Въ самомъ дѣлѣ, что послѣ этого оставалось сказать? Робѣвшая дама отвѣсила низкій поклонъ, неувѣренно приняла протянутую ей руку и удалилась. Настала наша очередь. Келестинъ Ивановичъ подлетѣлъ къ ручкѣ.

— Ah, monsieur Célestin!—привѣтствовала она его нѣсколько небрежно: должно быть, она помнила его еще домашнимъ учителемъ.

— Я вамъ привель, княгиня, барона Камо Икку,—подобострастно проговорилъ Келестинъ Ивановичъ. Если надзирательница дѣтскаго пріюта юлила передъ нимъ, то теперь онъ самъ лебезилъ передъ начальницей этого учебнаго заведенія. Куда только дѣвалась вся его недавняя торжественность?

Княгиня протянула мнѣ руку и молчаливымъ движеніемъ пригласила насъ сѣсть. Мы почтительно сѣли.

Водворилось молчаніе.

— Яковъ Павловичъ (такъ звали шефа) мнѣ о васъ писалъ,—проговорила княгиня.—Очень рада познакомиться. Народы, даже самые отдаленные, сближаются. Впрочемъ, съ Японіей мы, русскіе, давно уже стараемся сблизиться. Вы помните, баронъ, нашу великую Екатерину, вы помните адмирала Путятина?

Княгиня, очевидно, приготовилась къ бесѣдѣ со мною или прекрасно знала исторію русскихъ сношеній съ Японіей. Первое предположеніе мнѣ казалось болѣе вѣроятнымъ.

— Вы, надѣюсь, баронъ, на насъ не гнѣваетесь за то, что мы арендовали Портъ-Артуръ, который вы такъ блестяще штурмовали. Мы, конечно, будемъ добрыми сосѣдями.

Въ мои намѣренія, конечно, нисколько не входило обсуждать съ княгиней политическіе вопросы, и я прекрасно понималъ, что все это говорится только изъ любезности. Поэтому я не обратилъ вниманія на безтактность княгини, затронувшей совершенно некстати самый большой пунктъ въ русско-японскихъ отношеніяхъ, и только замѣтилъ:

— Мой прїѣздъ въ Россію вызванъ желаніемъ ближе познакомиться съ нашею великою сосѣдкою.

— И вы встрѣтите во всѣхъ русскихъ полную готовность помочь вамъ въ этомъ лестномъ для насъ желаніи,—подхватила княгиня.

Я надѣялся, что теперь мы перейдемъ къ вопросамъ, для уясненія себѣ которыхъ я собственно и прїѣхалъ, но княгиня внезапно обратилась къ Келестину Ивановичу:

— Monsieur Célestin, пригласите ко мнѣ Богдана Карловича; онъ въ учительской. Это нашъ инспекторъ,—пояснила она.

Келестинъ Ивановичъ вскочилъ и стремительно вышелъ изъ прїемной, а княгиня продолжала:

— Я, съ своей стороны, баронъ, сдѣлаю все, что могу, чтобы васъ основательно познакомить съ нашимъ заведеніемъ. Очень была бы рада, если бы нашъ опытъ могъ вамъ пригодиться.

Она, сдѣлала маленькую паузу, какъ бы желая выслушать мои поясненія. Я, дѣйствительно, хотѣлъ заговорить о существующихъ въ Японіи женскихъ школахъ, но не успѣлъ произнести и двухъ фразъ, какъ княгиня меня мягко прервала.

— Ну да, ну да, — сказала она, какъ бы напередъ зная все, что я могъ сказать:—вы еще очень отстали, тѣмъ болѣе, что Россія въ дѣлѣ женскаго образованія опередила Европу. А у васъ, конечно, все это въ зачаточномъ состояніи, если вообще что-нибудь сдѣлано. Такъ вотъ, — заключила она, увидѣвъ Келестина Ивановича, возвращавшагося съ господиномъ въ вицъ-мундирѣ, очевидно, инспекторомъ, — Богданъ Карловичъ вамъ, баронъ, все покажетъ, а меня, старуху, ужъ простите: печень пошаливаетъ,—надо немного прилечь: вѣдъ вечеромъ работы предстоить немало.

Княгиня встала, представила мнѣ инспектора и, простившись съ нами, величественно вышла изъ прїемной. Мною завладѣлъ инспекторъ.

Это былъ статный мужчина съ здоровымъ лицомъ и окладистой бородой.

— Пройдемся по классамъ, баронъ, — предложилъ онъ мнѣ. — Къ сожалѣнію, уроковъ въ этотъ часъ дня мало, но какъ разъ преподаетъ краса нашего заведенія, учитель географіи—удивительный педагогъ!

Я, само собою разумѣется, пожелалъ прослушать урокъ «удивительнаго» педагога.

Въ коридорѣ, по которому мы шли, жизнь какъ бы вымерла. Вообще въ заведеніи царствовала полная тишина, и я невольно себя спрашивалъ, всегда ли это такъ, или образцовый порядокъ былъ водворенъ по случаю моего прїѣзда.

Мы вошли въ классъ.

Учитель, нервный, на видъ утомленный господинъ, бѣгалъ по классу и что-то быстро пояснялъ воспитанницамъ, дѣвочкамъ въ

возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ. При нашемъ появленіи онъ умолкъ и низко намъ поклонился, а по знаку инспектора встали и сдѣлали намъ реверансъ и всѣ воспитанницы. Инспекторъ попросилъ учителя, если онъ ничего противъ этого не имѣетъ, продолжать урокъ. Учитель изъявилъ полное согласіе.

— Мы говорили,—пояснилъ онъ мнѣ: — объ Азіи. Итакъ, — обратился онъ уже къ воспитанницамъ, когда мы съ инспекторомъ усѣлись:—какими морями омывается Азія? Начинайте съ сѣверо-востока. Рудина, какое будетъ первое море?

— Берингово море,—отвѣтила Рудина.

— Какъ оно еще называется, Касаткина?

— Камчатское,—послѣдовалъ немедленно отвѣтъ.

— Дальше, Мазурина.

Та, миловидная блондинка, отвѣтила съ необычайною быстротою, зажмуривъ глаза:

— Море Охотское, море Японское, Желтое море...

При перечисленіи этихъ названій всѣ воспитанницы такъ и впились глазами въ меня. А блондиночка продолжала, точно боясь растерять свое добро:

— Восточно-Китайское море, Южно-Китайское море, Бенгальскій заливъ, Аравійское море...

— Довольно, довольно! Иванова, какую русскую землю омываетъ Охотское море?

— Приморскую область.

— А Японское?

Иванова блѣднѣла и краснѣла, но отвѣтить не могла.

— Крюкова,—вы.

— Южную часть той же Приморской области.

— Великолѣпно! — воскликнулъ учитель. — Сознательный отвѣтъ, разумный отвѣтъ. Я имъ этого въ такой формѣ не говорилъ, — пояснилъ онъ. — Неѣлова, а какую страну еще омываетъ Японское море?

— Сахалинъ,—неувѣренно отвѣтила курносая Неѣлова, которую мнѣ почему-то стало ужасно жаль.

— Антропова,—вы.

— Японію,—рѣшительно отвѣтила та, и всѣ взоры опять устремились на меня. Я чувствовалъ себя, какъ человѣкъ, поставленный къ позорному столбу, и не могъ понять, какъ «удивительный» педагогъ не раздѣляетъ моего чувства. Теперь воспитанницы поразятъ меня своими познаніями въ географіи Японіи, подумалъ я. Посыплются по всѣмъ направленіямъ вопросы, изъ какихъ главныхъ острововъ состоитъ Японія,—причемъ дѣти будутъ по-европейски перевирать названія этихъ острововъ,—сколько всѣхъ острововъ, какъ называлась прежняя столица Японіи, какъ—теперешняя, какія самыя высокія горы и т. д. Дѣйствительно, эти и по-

добные вопросы разсѣкали съ необычайною быстротою по всѣмъ направленіямъ терпѣливый классный воздухъ, и дѣвочки почти безошибочно отвѣчали на нихъ. Раза два только произошли маленькія ошибки: такъ высочайшей горой въ Японіи, къ величайшему ужасу учителя и инспектора, оказался Попокатепетль, а наиболѣе похожимъ на Японію государствомъ оказалась не Англія, а почему-то Австрія, и воспитанница—та же Неѣлова,—которую я еще больше пожалѣлъ, — объяснила, что какъ въ Австріи, такъ и въ Японіи населеніе... разноплеменное. Я отъ души былъ радъ, когда эта пытка кончилась и я могъ поблагодарить учителя за его урокъ, а воспитанницъ—за ихъ отвѣты, откланяться инспектору и уѣхать. Я уѣхалъ одинъ, потому что Келестинъ Ивановичъ задержался, имѣя что-то переговорить съ инспекторомъ, а на самомъ дѣлѣ желая, вѣроятно, повидаться еще съ княгиней и дать ей отчетъ во всемъ, что произошло въ классѣ.

По дорогѣ домой я съ необычайною отчетливостью вспомнилъ выраженіе лица моей милой гейши, когда она произнесла свою фразу: «Ахъ, вы не повѣрите, какъ мнѣ все казенное надоѣло!» Я испыталъ отчасти то же чувство и старался дать себѣ отчетъ въ немъ. Предо мною, какъ живые, стояли и княгиня, и инспекторъ, и «удивительный» педагогъ. Княгиня! Если вдуматься въ то, какъ она себя со мною вела, то жутко становилось за довѣренное ей учебное заведеніе. Нигдѣ, ни во Франціи, ни въ Германіи, я не наталкивался на такое формальное отношеніе къ дѣлу. Тамъ люди гордились тѣмъ, что они создали или дѣлали, и охотно давали всевозможныя объясненія, разъ убѣдившись, что передъ ними человѣкъ, серьезно интересующійся дѣломъ. Тамъ и отъ меня старались узнать все, что я могъ сообщить интереснаго объ Японіи. Въ Германіи я даже встрѣтилъ такихъ директоровъ учебныхъ заведеній, которые прекрасно были освѣдомлены о культурныхъ успѣхахъ моего отечества. Здѣсь же, въ Россіи, эта великолѣпная княгиня думала только объ одномъ, какъ бы меня скорѣе сбить, не ударивъ лицомъ въ грязь. Для этого она блеснула своими историческими знаніями, для этого она затѣяла безтактный политическій разговоръ и въ то же время дала мнѣ почувствовать свое превосходство, не удостоивъ меня высокой чести сопутствовать мнѣ въ осмотрѣ ея учебнаго заведенія,—пріѣхалъ какой-то япошка и туда же суется! Надо держать его на три шага отъ себя. Такъ она держала на три шага отъ себя и учителей, и классныхъ дамъ, и воспитанницъ, чтобы не допустить фамильярности и избѣжать всякихъ непріятностей. А этотъ образцовый урокъ! Развѣ этотъ экзаменъ изъ географіи могъ быть случайностьк? И подумаешь: инспекторъ далъ свое согласіе на такую комедію, а образцовый педагогъ, краса заведенія, допустилъ эту игру, прямо рассчитанную на то, чтобы обмануть посѣтителя, — игру, очевидную для

воспитанницѣ и поэтому выставявшую начальство въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Комическій Попокатепетль обнаружилъ всю мишурность его преподаванія. Перенести гору изъ Мексики въ Японію воспитанницѣ ничего не значило,—вѣдь Фузи-яма и Попокатепетль были для нея одинаково чужды, какъ и страны, въ которыхъ находятся эти горы. Все дѣло заключалось въ заповинаніи названій, а сколько было этихъ названій, сколько ихъ умѣщалось въ головахъ бѣдныхъ дѣтей по исторіи, географіи и всѣмъ другимъ наукамъ,—кто ихъ подсчиталъ! И какъ это образцовому учителю не было стыдно демонстрировать свой устарѣлый преподавательскій пріемъ! Развѣ теперь сколько-нибудь подготовленный учитель можетъ поддерживать вниманіе класса такимъ чисто-внѣшнимъ и механическимъ пріемомъ, какъ этотъ учитель, спрашивавшій дѣтей въ разбивку и съ необычайной быстротой, чтобы никто изъ нихъ не зналъ, кого онъ будетъ спрашивать, и чтобы поэтому всѣ были начеку. Этотъ архаическій пріемъ считался чѣмъ-то новымъ и педагогичнымъ! И вѣдь всего этого не могло бы быть, если бы и княгиня, и инспекторъ, и «удивительный» педагогъ интересовались своимъ дѣломъ, если бы они, не говоря уже, вкладывали въ него душу, а хотя бы просто добросовѣстно исполняли принятыя на себя обязанности. Вѣдь это формальное отношеніе къ дѣлу, это отсутствіе любви къ нему должно было отразиться на всемъ строѣ учебнаго заведенія, должно было превратить его изъ разсадника образованія въ заведеніе, специально предназначенное для дрессировки барышень. Все сводилось къ тому, чтобы механизмъ учебнаго заведенія дѣйствовалъ исправно чтобы высшее начальство не имѣло повода быть чѣмъ-нибудь недовольнымъ,—а кто былъ представителемъ высшаго начальства? Русскій Цинциннатъ, человекъ, душа котораго лежала къ сельскому хозяйству, который въ бесѣдѣ со мною заинтересовался только вопросомъ объ японскомъ рыбномъ тукѣ и тѣмъ, какъ въ Японіи дѣлають карьеру.

Официальная Россія меня все болѣе разочаровывала, и я поэтому съ нетерпѣніемъ ожидалъ вечера, когда мнѣ предстояло познакомиться съ неофициальною Россіей, одна изъ представительницъ которой, милая моя гейша, возбуждала во мнѣ живыя симпатіи.

X.

Я безъ всякаго труда нашелъ указанную мнѣ Клавдіей квартиру. Она находилась въ огромномъ казенномъ домѣ, сплошь занятомъ служащими того вѣдомства, которому онъ принадлежалъ. Квартира была, очевидно, изъ лучшихъ: входъ въ нее велъ прямо съ улицы, и она была расположена въ бельэтажѣ. Я подумалъ:

какъ это странно: развѣ можно познакомиться съ неофициальной Россіей въ домѣ, принадлежащемъ Россіи болѣе чѣмъ официальной, потому что таковъ былъ характеръ вѣдомства, которому принадлежалъ домъ.

На большой дверной дощечкѣ красовалось: «Андрей Никодимовичъ Сухаревъ». Мнѣ открыла горничная при полныхъ регаліяхъ: съ чепчикомъ на головѣ, въ бѣлоснѣжномъ передникѣ и т. д. Но не успѣлъ я войти, какъ изъ-за спины горничной показалась взволнованная головка моей милой гейши.

— Вы аккуратнѣе хронометра, баронъ, — встрѣтила она меня, улыбаясь:—никого еще нѣтъ, но я воспользуюсь этимъ временемъ, чтобы познакомить васъ съ хозяйкой дома. Сегодня здѣсь мой праздникъ.

— Какой праздникъ?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Потомъ, потомъ, —шепнула она мнѣ.

Мы вошли въ залу съ золоченными стульями, разставленными какъ бы для концерта или для чтенія. Дѣйствительно, въ противоположномъ концѣ залы видѣлись отдѣльно стулъ и столикъ съ неизбѣжнымъ графиномъ воды.

Миновавъ залу, мы съ Клавдіей вошли въ прекрасно обставленную гостиную, гдѣ, однако, тоже никого не было.

— Подождите здѣсь минуточку, —продолжала шептать Клавдія:—сейчасъ выйдетъ хозяйка.

И съ этими словами она скрылась за портьерой.

Мнѣ пришлось ждать довольно долго, но въ Россіи я къ этому привыкъ. Наконецъ дверь въ глубинѣ комнаты отворилась, и въ ея рамкѣ показалась женщина среднихъ лѣтъ, но еще большой красоты и въ великолѣпномъ платьѣ. Сухарева, подумалъ я. Она вошла въ комнату и съ большимъ достоинствомъ поздоровалась со мною, послѣ того, какъ Клавдія меня представила.

Мы усѣлись.

— Сегодняшнее чтеніе будетъ интересно, — заявила г-жа Сухарева:—и я очень рада доставить иностранцу возможность познакомиться съ блестящими концепціями одного изъ самыхъ выдающихся нашихъ мыслителей, къ сожалѣнію, лишеннаго возможности говорить съ русскимъ обществомъ публично.

Я, конечно, счелъ своимъ долгомъ поблагодарить любезную хозяйку за удовольствіе, которое она мнѣ доставитъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ гостиную вошелъ молодившійся генералъ, за нимъ военный врачъ съ нарядной дамой и, одинъ за другимъ, какіе-то господа въ партикулярномъ платьѣ, съ дамами и безъ дамъ. Всѣ здоровались съ хозяйкой, которая представляла меня гостямъ и встрѣчала ихъ съ одинаковымъ достоинствомъ, но съ различными отгѣнками. И тутъ, въ салонѣ, царило очевидное лицепріятіе, какъ въ вестибюлѣ педагогическаго вѣдомства. Мнѣ

почти тотчасъ же пришлось очистить мѣсто, чтобы дать другимъ свободно бесѣдовать съ хозяйкой. Я заглянулъ въ залу и замѣтилъ, что и тамъ собралась гости и немало молодежи, которыхъ встрѣчала другая дама, тоже очень нарядная и похожая на хозяйку дома. Я предположилъ, что это — ея сестра. Около нея суетилась Клавдія. Я вошелъ въ залу и, приглядѣвшись къ публикѣ, пришелъ къ заключенію, что она въ общемъ принадлежитъ къ хорошему чиновному обществу. Были и представители учащейся молодежи, по большей части элегантные. Клавдія мелькала то тамъ, то здѣсь. Мужчины, видимо, къ ней льнули, поминутно лоя ея и заговаривая съ нею. Я былъ предоставленъ самому себѣ, и это было мнѣ непріятно, потому что я обращалъ на себя вниманіе: хотя всѣ какъ будто избѣгали смотрѣть на меня, тѣмъ не менѣе я чувствовалъ, что всякому хотѣлось незамѣтно взглянуть на меня.

Въ залѣ собралось уже человѣкъ двадцать, когда хозяйка вышла изъ гостиной въ сопровожденіи какого-то инженера. Она стала здороваться съ тѣми гостями, которыхъ еще не видала. Это длилось очень долго. Наконецъ она заняла мѣсто въ серединѣ перваго ряда стульевъ, и ея примѣру послѣдовали гости, садясь гдѣ попало. По приглашенію хозяйки инженеръ занялъ лекторское мѣсто. Это былъ человѣкъ высокаго роста, худощавый, смуглый, съ острымъ взглядомъ черныхъ глазъ. Онъ сѣлъ увѣренно и началъ читать по тетрадкѣ. Рефератъ его былъ озаглавленъ: «Россія и Европа», и я подумалъ, что намъ предстоитъ выслушать разсужденіе о противоположности международныхъ интересовъ восточной и западной Европы, и что я попалъ въ славянофильскій кружокъ, свято хранящій завѣты Аксакова. Но почти тотчасъ же выяснилось, что я заблуждался. Это было не разсужденіе о международныхъ интересахъ европейскихъ державъ, а скорѣе экономическій трактатъ, хотя и съ политической экономіей онъ имѣлъ въ сущности очень мало общаго.

Лекторъ очень скоро пересталъ заглядывать въ тетрадь, отодвинулся отъ столика, и рѣчь его полилась плавно, бѣгло, иногда съ подъемомъ, который мнѣ, однако, показался театральнымъ. Разобраться въ этой лекціи мнѣ было не легко. Лекторъ вращался въ такихъ отвлеченностяхъ, отъ которыхъ у меня умъ заходилъ за разумъ. Онъ, какъ выразился Гёте, создавалъ изъ словъ систему и недостающія понятія также замѣнялъ словами. Но въ общемъ я понялъ, что онъ очень патріотически настроенъ и возвеличиваетъ свое отечество, пророча ему, что оно опередитъ Европу, путь развитія которой оказался ненормальнымъ. Россія же вступитъ на какой-то особый путь, который приведетъ ее гораздо скорѣе къ цѣли. Въ чемъ заключается этотъ путь и эта цѣль, — осталось для меня невыясненнымъ. Но если я вѣрно по-

няль мысль лектора, то выходило такъ, что Россія въ своемъ развитіи перескочитъ черезъ буржуазный строй, составляющій основную язву Европы, и прямо перейдетъ къ единенію интеллигенціи и народа, подъ которымъ онъ разумѣлъ преимущественно фабричныхъ рабочихъ. Это единеніе и приведетъ Россію къ какому-то идеальному состоянію, когда трудъ всякаго человѣка будетъ надлежащимъ образомъ вознаграждаться, собственность, какъ устарѣлый институтъ, будетъ отмѣнена, и всѣ люди будутъ одинаково счастливы. Но главная роль отводилась все-таки интеллигенціи, которая, вступивъ во власть, пересоздастъ весь политическій, экономическій и социальный строй Россіи.

Инженеръ закончилъ свое чтеніе при шумныхъ аплодисментахъ публики. Особенно шумно аплодировала моя милая гейша, слушавшая лектора съ напряженнымъ вниманіемъ. Хозяйка подошла къ лектору первая и горячо его благодарила. Подходили къ нему и многіе другіе мужчины и дамы, пожимали ему руку и обмѣнивались съ нимъ замѣчаніями, которыя при шумѣ въ залѣ мнѣ трудно было слышать. Я старался приблизиться къ Клавдіи, но это мнѣ не удалось. Ее постоянно окружала молодежь и вела съ нею оживленную бесѣду. Она успѣвала всѣмъ отвѣчать, и отвѣты ея, должно быть, были остроумны, или вообще настроеніе было приподнятое, потому что около нея постоянно раздавались взрывы смѣха. Тутъ только я уяснилъ себѣ поразившую меня вольность обращенія Клавдіи съ мужчинами: она, догадавшись, я уже на курсахъ привыкла къ ней, часто находясь въ обществѣ студентовъ.

Клавдія быстро подбѣжала къ хозяйкѣ. Шумъ въ залѣ стихъ. Хозяйка приглашала насъ къ чаю. Молодившійся генераль ловко подаль ей руку, и всѣ направились черезъ гостиную въ столовую. Случилось такъ, что Клавдія сѣла, имѣя по одну руку меня, а по другую инженера-лектора. Я внимательно оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ и еще болѣе удивился заявленію Клавдіи, что я на этомъ вечерѣ познакомлюсь съ неофициальною Россіей. Я рѣшительно понять не могъ, какая разница между тѣми русскими чиновниками, которыхъ я до сихъ поръ встрѣчалъ, и чинными господами и дамами, сидѣвшими за этимъ богато сервированнымъ столомъ. Я выразилъ Клавдіи мое удивленіе по этому поводу. Она шепнула мнѣ въ отвѣтъ:

— Не торопитесь, увидите.

Я вооружился терпѣніемъ.

Гости разговаривали между собою. Клавдія была всецѣло занята инженеромъ, и мнѣ показалось, что между ними была какая-то близость — какая, я не могъ себѣ уяснить: несомнѣнно было для меня только то, что близость эта не вызывается влюбленностью. Бархатный контраalto красавицы-хозяйки вдругъ покрылъ всѣ остальные голоса.

— Мы всё, — говорила она, — прослушали блестящій докладъ Ивана Сергѣевича съ величайшимъ интересомъ. Но, можетъ быть, кто нибудь изъ присутствующихъ желалъ бы получить разъясненія относительно того или другого пункта? Затронутый вопросъ такъ важенъ, что все въ немъ должно быть ясно. Иванъ Сергѣевичъ со всегдашнею своею любезностью готовъ отвѣчать на вопросы. Мнѣ лично было бы интересно услышать, что онъ разумѣетъ подъ интеллигенцію, призванною двинуть Россію по естественному пути ея развитія.

Сказавъ это, она бросила инженеру улыбку, которую можно было признать обворожительною. Но эта улыбка на него нисколько не подѣйствовала. Онъ остался непоколебимо-сосредоточеннымъ, какъ будто улыбки красавицъ всего міра не имѣютъ для него никакого значенія. Однако онъ немедленно отвѣтилъ:

— Я—врагъ всякихъ опредѣленій. Они по большей части только затемняютъ ясное само по себѣ понятіе. Возьмемъ, на примѣръ, государство. Никто еще не далъ ему точнаго опредѣленія. А между тѣмъ развѣ каждый изъ насъ не чувствуетъ, что такое государство, развѣ оно не давитъ насъ достаточно, чтобы мы имѣли о немъ ясное представленіе? Такъ, каждый изъ насъ хорошо знаетъ, что такое интеллигенція, и только отъ нея и ожидаетъ спасенія.

Инженеръ умолкъ, а молодившійся генераль, сидѣвшій возлѣ хозяйки дома, замѣтилъ:

— Можно ли краснорѣчивѣе выразиться? Немного словъ, а все сказано. У васъ, Иванъ Сергѣевичъ, то истинное краснорѣчіе, которымъ обладали великіе полководцы.

— Простите меня, генераль,—возразилъ инженеръ:—но между... полководцами и мною нѣтъ ничего общаго. Я только отвѣтилъ на вопросъ нашей уважаемой хозяйки.

Генераль кашлянулъ, какъ бы сконфузившись за инженера, но ничего не отвѣтилъ: очевидно, инженеръ пользовался большимъ почетомъ и авторитетомъ въ этомъ обществѣ.

— Вы, однако, Иванъ Сергѣевичъ,—вмѣшалась хозяйка:—не станете отрицать, что нѣкоторые полководцы умѣли выражаться кратко, ясно и сильно?

— Мало ли чѣмъ отличались полководцы, — возразилъ инженеръ.—Но мнѣ кажется, что въ ихъ кровожадности потонуло все остальное. Одна изъ отличительныхъ чертъ нашей интеллигенціи, о которой мы теперь только и говоримъ, это именно отвращеніе къ войнѣ.

— Да никто,—замѣтилъ генераль,—иначе и не смотритъ на войну, какъ на неизбѣжное зло.

— Никто въ этомъ обществѣ,—вмѣшалась Клавдія:—но можно ли сказать, что никто въ Россіи? Къ сожалѣнію, до этого далеко.

Потому-то такъ нужны кружки, въ родѣ нашего, поставившаго себя цѣлью энергично бороться противъ вѣковыхъ предрасудковъ и суевѣрій. Такова задача русской интеллигенціи. Мы всѣ знаемъ, что такое передовая русская интеллигенція, и въ опредѣленіяхъ не нуждаемся: намъ надо только знать, кто за нее, кто противъ нея.

Клавдія говорила съ большимъ увлеченіемъ, и когда она произнесла послѣднія слова, у нея былъ даже вызывающій видъ. Но никто и не думалъ ей возражать. Напротивъ, общее сочувствіе было на ея сторонѣ.

Двое молодыхъ людей даже сдержанно воскликнули: «Браво, браво!»

— Признаю себя побѣжденной,—заявила хозяйка.—Но въ то же время я должна замѣтить, что меня не совсѣмъ вѣрно поняли. Среди насъ есть гость, пріѣхавшій въ Россію изъ далекой Азіи. Хотя онъ прекрасно освоился съ русскимъ языкомъ, но, можетъ быть, не совсѣмъ еще себя уяснилъ, что такое русская интеллигенція и какая ей предстоитъ отвѣтственная и великая роль. Для него я предложила свой вопросъ.

Я поспѣшилъ поблагодарить любезную хозяйку и замѣтилъ, что дѣйствительно не влолнѣ еще себя уяснилъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ интеллигенція.

— Да развѣ у васъ, въ Японіи, интеллигенціи совсѣмъ нѣтъ?—спросила меня хозяйка.—Такихъ людей, какъ вы, конечно, мало. Вѣроятно, они составляютъ каплю въ морѣ. Представьте себѣ, я даже не предполагала, что они вообще есть.

— Культура наша очень древняя,—возразилъ я.

— Какъ и китайская,—ввернулъ старичокъ, имѣвшій видъ сановнаго лица.

— Съ тою разницею,—возразилъ я:—что въ Китаѣ людей съ европейскимъ образованіемъ очень мало, а у насъ ихъ много.

— Можетъ ли быть?—удивились болѣе экспансивные изъ гостей.

— *C'est du nouveau!*—изрекъ сановитый господинъ съ отгнкомъ ироніи.—Гдѣ же японцы запасаются европейскимъ образованіемъ?

— Да въ нашихъ школахъ.

— Развѣ у васъ есть такіе гимназій и университеты, какъ въ Европѣ?—начали меня спрашивать съ разныхъ сторонъ.

— Есть и гимназій, есть и университеты,—отвѣтилъ я.

— *C'est du nouveau!*—повторилъ съ тою же ироніей сановный старичокъ, словно онъ все зналъ, и ему ничего новаго сообщить не могли, а я подумалъ, что онъ представляетъ собою разновидность Келестина Ивановича.

— Надѣюсь, — заявилъ авторитетно инженеръ-лекторъ:—что японская интеллигенція заимствуетъ отъ Европы то, что заим-

ствовать надлежитъ. Вы начали хорошо, добившись у власти конституціи, но не въ конституціи одной сила: конституція— только преддверіе въ великій храмъ народной свободы. Надѣюсь, у васъ есть уже дѣятели, понявшіе это, не довольствующіеся преддверіемъ, а стремящіеся войти въ храмъ и увлечь за собою массы. У васъ, кажется, капитализмъ уже развивается,—заклучилъ онъ, пронизывая меня острымъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ.

— Да, крупная промышленность у насъ быстро развивается,— подтвердилъ я.

— То-то,—произнесъ инженеръ, словно онъ кому-то угрожалъ.

— Скажите, баронъ,—вмѣшалась хозяйка:—и у васъ надежды возлагаются преимущественно на интеллигенцію?

— Если вы подъ интеллигенціео разумѣете просвѣщенные классы,—отвѣтилъ я:—то конечно...

Инженеръ прервалъ меня.

— Просвѣщеніе бываетъ разное,—заявилъ онъ.—Представители аристократіи, буржуазіи, бюрократіи могутъ быть людьми образованными, но отъ этого народу не легче. Скажите, у васъ существуетъ социаль-демократическая партія?

— Зародышъ такой партіи есть.

— On dirait: tout comme chez nous. Да это очень интересно. Подумаешь, какъ Дальній Востокъ прогрессируетъ,—сѣзавилъ сановный старичокъ.

— Вы говорите,—продолжалъ гѣмъ временемъ меня допрашивать инженеръ:—въ зародышѣ? Но скажите, народныя массы начинаютъ ли у васъ прислушиваться къ голосу социаль-демократіи?

— Не могу сказать,—отвѣтилъ я:—агитаторы вообще себя у насъ очень дискредитировали...

— О какихъ агитаторахъ вы говорите?—прервалъ меня строго инженеръ.—Люди, проповѣдующіе социальную правду, надѣюсь, не считаются у васъ... агитаторами. Считать ихъ агитаторами—это къ лицу только вашему департаменту полиціи, если онъ у васъ есть.

— Я не придаю слову «агитаторъ» дурного значенія,—извинился я.—Моя мысль была только та, что такъ называемые политиканы у насъ не въ почетѣ. Среди нихъ оказалось очень много продажныхъ людей, карьеристовъ, честолюбцевъ, сулящихъ народу золотыя горы и мало заботящихся о дѣйствительныхъ его интересахъ...

Говоря это, я ясно почувствовалъ, что Клавдія меня толкнула локтемъ, но всѣ взоры были обращены на меня, и я не могъ умолкнуть. Однако, я немного смутился, и этою минутою воспользовался инженеръ, чтобы меня спросить:

— Какія же золотыя горы сулятъ ваши политиканы народу? Можетъ быть, націонализацію земли, обобществленіе орудіи производства? Это—не золотыя горы, это, милостивый государь, насущный хлѣбъ.

Мнѣ стало совсѣмъ неловко отъ этого тона инженера, тѣмъ болѣе, что сочувствіе общества было, очевидно, не на моей сторонѣ. Я хотѣлъ поправиться.

— Само собою разумѣется, — сказала я: — что интересы народа выше всего. Но именно капиталисты, крупные предприниматели, часть аристократии и нѣкоторые бюрократы пользуются у насъ политиками, чтобы обдѣлывать свои дѣла, подкупать избирателей и несбыточными обѣщаніями, и просто деньгами. Это дѣлаютъ и разные честолюбцы. Но правительство находится на стражѣ. Нашъ Божественный..

— Развѣ у васъ государствомъ править какой-нибудь буддійскій папа? — разсмѣялась востроносая и вертлявая дама, которую я раньше не примѣтилъ. Ея смѣхъ оказался заразительнымъ. Молодежь тоже расхохоталась, а болѣе пожилые люди съ трудомъ сдерживали улыбку.

— Въ самомъ дѣлѣ кто этотъ Божественный? — спросила хозяйка, стараясь быть совершенно серьезной.

— Это—официальный титулъ нашего императора: въ Европѣ его называютъ микадо, — отвѣтилъ я.

— Такъ вашъ Божественный заботится о народныхъ интересахъ, — замѣтилъ инженеръ. — Счастливая страна ваша Японія. Блаженъ, кто вѣруетъ...

— Тепло ему на свѣтѣ, — подхватила Клавдія. — Но, баронъ, вы насъ положительно смущаете. Объяснитесь, пожалуйста.

Я чувствовалъ, что Клавдія хочетъ меня выгородить, но я хорошенько не понималъ, въ чемъ я собственно провинился. Одно я только началъ понимать, что окружавшая меня компанія какъ будто дѣйствительно не принадлежала къ официальной Россіи, хотя, повидимому, къ ней и принадлежала.

— Дѣло въ томъ, — началъ я оправдываться: — что хотя наша культура очень древняя...

— Но начали вы перенимать европейскую культуру очень недавно.

И безъ дня недѣля съ годомъ
Путь-дорога вамъ была,

и слѣдовательно... Продолжайте, пожалуйста, — входилъ инженеръ въ роль побѣдителя, хотя я и не понималъ, почему онъ меня считаетъ врагомъ...

— Намъ, конечно, до Европы еще далеко, — говорилъ я, оставляя замѣчаніе инженера безъ вниманія: — но мы стараемся перенять у нея то, что намъ можетъ быть полезно, и въ этомъ отношеніи періодъ, нами переживаемый, отчасти напоминаетъ исторію Россіи при Петрѣ Великомъ...

Клавдія меня еще сильнѣе толкнула локтемъ въ бокъ.

— Mais c'est très gentil ce que vous dites-là, baron,—вернулъ сановный старичокъ.—Японія, слѣдовательно, находится еще въ началѣ XVIII-го столѣтія. Ей трудно будетъ догнать Европу.

— Я хочу только сказать,—продолжалъ я:—что и Россія при Петрѣ Великомъ заимствовала много у Европы, но эти заимствованія носили практической характеръ и двинули ваше отечество, какъ ни одно царствованіе до и послѣ него...

— Потому что позднѣйшія заимствованія,—возразилъ инженеръ,—не носили, по вашему мнѣнію, практическаго характера. Скажу вамъ одно: эти позднѣйшія заимствованія, можетъ быть, не двинули Россіи, но они двинули русское общество, и это будетъ поважнѣе. Совѣтовалъ бы и японцамъ менѣе увлекаться практическими заимствованіями. Одинъ свѣтлый русскій умъ сказалъ: Филиппъ II хотѣлъ превратить всѣхъ своихъ подданныхъ въ аскетовъ-католиковъ, Людовикъ XIV—въ камеръ-лакеевъ, а Петръ I—въ голландскихъ шкиперовъ. Неужели голландскіе шкиперы—вашъ идеалъ?

— Техникою пренебрегать нельзя,—замѣтилъ я:—она болѣе, чѣмъ когда-нибудь, теперь нужна во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности: и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ промышленности, и въ военномъ дѣлѣ, и въ инженерномъ искусствѣ, и тотъ народъ, который этого не понимаетъ, готовитъ себѣ тяжелыя разочарованія...

— Техника техникой,—остановилъ меня инженеръ:—но есть кое-что поважнѣе техники. Это—сознавать себя гражданиномъ, и если вашъ Божественный идетъ по стопамъ Филиппа II, Людовика XIV или Петра I съ его кнутомъ, то онъ готовитъ вашему народу, какъ вы выразились, тяжелыя разочарованія, и не только народу, но и самому себѣ. Впрочемъ, что касается Божественнаго, то я о немъ сожалѣть не буду, но народа мнѣ жаль, потому что всѣ народы солидарны, какъ солидарны и всѣ Божественные.

Послѣ этихъ словъ и общаго одобренія, которое они вызвали, я ясно понялъ, что сидѣвшіе вокругъ меня люди носятъ мундиръ и исполняютъ обязанности своей профессіи для тѣла, но душа ихъ тяготится мундиромъ и ищетъ себѣ истиннаго удовлетворенія въ чемъ-то, что имѣетъ мало общаго съ ихъ профессіею.

— Впрочемъ,—продолжалъ инженеръ, видимо, сжалившись надо мною:—Японія такъ блестяще вступила на путь завоеванія народной свободы, что она, вѣроятно, скоро покончитъ съ Божественнымъ и пойметъ, что между агитаторами и социаль-демократами—дистанція огромныхъ размѣровъ.

Общество послѣ этихъ лестныхъ словъ по адресу Японіи какъ-то вдругъ успокоилось. Это былъ мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Хозяйка вздохнула съ облегченіемъ, Клавдія шепнула мнѣ: «Ну, слава Богу», и все послѣ непріятнаго инцидента вошло въ норму.

Тотчасъ же завязался непринужденный веселый разговоръ о новостяхъ дня. Онъ касался разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, но на первомъ планѣ стояла какая-то мадемуазель Водевиль, благодаря которой въ одномъ изъ большихъ техническихъ вѣдомствъ происходятъ невѣроятныя хищенія. Приводилась масса достовѣрныхъ фактовъ, выставлявшихъ администрацію въ крайне непривлекательномъ свѣтѣ. Но особенно меня поразило слѣдующее обстоятельство. Среди присутствовавшихъ былъ представитель, и при томъ довольно видный, именно этого технического вѣдомства, и я себя спрашивалъ, какъ онъ можетъ спокойно носить форму вѣдомства, въ которомъ происходитъ такое страшное воровство? Я думалъ, что онъ рѣшительно возстанетъ противъ этихъ обвиненій или заявитъ, что онъ послѣ выясненныхъ фактовъ не считаетъ болѣе возможнымъ носить форму вѣдомства. Но онъ, напротивъ, подтверждалъ факты, и тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя въ формѣ вѣдомства, повидимому, прекрасно. Это совершенно сбивало меня съ толку: по моимъ японскимъ представленіямъ, участвовать честному человѣку въ дѣлѣ нечестномъ, на ряду съ нечестными людьми, немыслимо, но по русскимъ понятіямъ это вполне допустимо. И я недоумѣвалъ, какъ могутъ собравшіеся за этимъ столомъ честные люди, возмущающіеся хищеніями, терпѣть въ своей средѣ человѣка, своимъ молчаніемъ на службѣ какъ бы одобрявшаго эти хищенія. Я даже прошепталъ нѣсколько словъ по этому поводу Клавдіи, но она меня тотчасъ же раздраженно остановила:

— Оставьте!

Не желая нарушать ея благодушнаго настроенія, я промолчалъ. Разоблаченія между тѣмъ продолжались, и я услышалъ много пикантныхъ анекдотовъ. Когда мадемуазель Водевиль была исчерпана и начала надѣдаться, на сцену появилась какая-то Клементина и посвященныя ей монеты, потомъ заговорили о какомъ-то скандалѣ въ модномъ ресторанѣ съ «гладкою», то-есть голою женщиною. Скандалъ съ «гладкой» женщиной, давшей кому-то пощечину, особенно воодушевилъ общество: многіе хохотали до слезъ, въ томъ числѣ и хозяйка, несмотря на всю ея степенность. Только сановный старичокъ подавалъ признаки нетерпѣнія, словно его куда-то тянуло. Я даже подумалъ, не боленъ ли онъ, но въ то же время я замѣтилъ, что хозяйка его успокаиваетъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, Порфирій Львовичъ, — говорила она ему, но слишкомъ была заинтересована бесѣдою, чтобы немедленно удовлетворить его желаніе.

Наконецъ выяснилось, въ чемъ дѣло. Сановнаго старичка поддерживало нѣсколько другихъ пожилыхъ гостей, и хозяйкѣ пришлось уступить. Всѣ встали, горничная торжественно открыла двери въ сосѣднюю комнату, и нашимъ взорамъ представилось зрѣлище раскрытыхъ ломберныхъ столовъ, со свѣчами и картами, словомъ.

вполнѣ приготовленныхъ для игры. Меня спросили, не играю ли я. Я отказался. Многіе гости тотчасъ же направились въ эту комнату; направились туда и хозяйка. Но передъ тѣмъ, какъ сѣсть за карточный столъ, она сочла своимъ долгомъ сказать мнѣ нѣсколько любезныхъ словъ и пригласила меня дозволиться пока, до ужина, обществомъ молодежи. Затѣмъ она повернулась къ стоявшей тутъ же Клавдіи и потрепала ее по щекѣ, что Клавдіи, повидимому, было не особенно пріятно.

— А молодежь уходитъ,—заявила дѣвушка.

— Куда?

— Еще въ одно общество.

Хозяйка погрозила Клавдіи пальцемъ и, стоя рядомъ, онѣ другъ другу улыбнулись. Онѣ были обѣ, каждая по-своему, очень хороши, и былъ моментъ, одинъ только моментъ, когда я уловилъ поразительное сходство между ними. Да это—мать и дочь,—мелькнуло у меня на умѣ.

— И баронъ идетъ съ нами,—сказала неожиданно для меня Клавдія.

— Ну, прощай, прощай, моя красавица,—продолжала хозяйка ласкать Клавдію.—До свиданія, баронъ,—обратилась она потомъ ко мнѣ.

Я повиновался Клавдіи и вмѣстѣ съ нею и молодежью направились къ выходу.

ХІ.

Мы вышли гурьбой на улицу. Тутъ Клавдія сказала остальной компаніи:

— Ну, господа, идите направо: вамъ туда дорога, а мы съ барономъ пойдемъ налево.

— Да какъ же, Клавдія Николаевна, вы хотѣли итти съ нами,—раздалось со всѣхъ сторонъ.—Безъ васъ намъ скучно будетъ.

— Поскучаете,—отвѣтила Клавдія.—А мнѣ нужно барону голову намылить. Чего остановились? Идите же.

— Безъ васъ не пойдемъ.

— Баронъ, вашу руку,—обратилась Клавдія ко мнѣ и увлекла меня съ собой. Намъ вдогонку раздалось протестующіе голоса: «Да развѣ это возможно! Это неблагородно!» и т. д. Но никто изъ компаніи не послѣдовалъ за нами, и мы вскорѣ были уже далеко.

Нѣкоторое время Клавдія шла молча. Потомъ она воскликнула:

— Ну, и оскандалились же вы, Камо Икку! И меня оскандалили. Но вы вѣчно носитесь съ вашимъ Петромъ Великимъ. И мало вамъ Петра Великаго, еще Божественнаго пристегнули. Чтoby ему пусто было, а вамъ стыдно, очень стыдно!

Она умолкла, но вслѣдъ за тѣмъ съ досадою проговорила:

— А все-таки я вамъ вѣрю. Но почему же я вамъ вѣрю?

— Не знаю, Клавдія Николаевна.

— Не знаю, не знаю. Скажите, пожалуйста! Не изъ-за вашихъ же косыхъ глазъ, не изъ-за того, что вы мнѣ наговорили о нашемъ желаніи служить родинѣ? Такъ и повѣрю японскому феодалу, барону и прочее. Нѣтъ, вы мнѣ объясните только, почему я вамъ вѣрю и не вѣрю другимъ людямъ, которые этого въ тысячу разъ больше васъ заслуживаютъ?

Мы были на Невѣ. Луна заливала дома и свѣжную поверхность рѣки мягкимъ свѣтомъ. Маленькіе красные огни въ окнахъ и электрической свѣтъ фонарей тонули въ этомъ безбрежномъ сіяніи.

— Такъ вы не знаете,—вдругъ остановилась она:—а я начинаю догадываться. Помните, когда мы въ одну изъ нашихъ встрѣчъ заговорили о душѣ и тѣлѣ, и я васъ спросила, поняли ли вы, почему они у меня идутъ вразрѣзъ, вы отвѣтили: «Нѣтъ, еще не совсѣмъ». Но этого мало. Вы тогда посмотрѣли на меня съ явнымъ осужденіемъ... Да, да, не противорѣчьте... Вы взглянули и сегодня съ осужденіемъ, нѣтъ, съ презрѣніемъ на того господина, который принималъ дѣятельное участіе въ разговорахъ о хищеніяхъ своего вѣдомства, нося его форму. Вы насъ презираете, его и меня... Ну, говорите, азіатъ вы эдакій, говорите же!

Она взглянула на меня пристально, и меня снова поразило ея сходство съ хозяйкой дома, изъ котораго мы только что вышли. вмѣстѣ съ тѣмъ я почувствовалъ какую-то драму, скрывавшуюся подъ этимъ сходствомъ, и былъ почему-то увѣренъ, что между тѣмъ, что говоритъ Клавдія, и этой драмой существуетъ связь.

— Клавдія,—обратился я къ дѣвушкѣ, и голосъ у меня дрогнулъ:—эта дама, у которой мы только что были, не ваша ли мать?

Дѣвушка какъ-то сразу отвела взоръ, высвободила руку, и на ея лицѣ выразилось смущеніе.

— Она мнѣ совсѣмъ чужая,—отвѣтила Клавдія тихо, и въ звукѣ ея голоса чувствовалась какъ бы жалоба.

— А этотъ инженеръ читалъ намъ по вашему приглашенію?—спросилъ я еще.

Дѣвушка взглянула на меня искоса, и я прочелъ что-то въ родѣ боязливаго недоумѣнія въ ея взглядѣ. Черезъ нѣкоторое время она отвѣтила:

— Да, правда: я вамъ уже сказала, что сегодня мой праздникъ.

— Теперь для меня кое-что выяснилось.

— То-есть?

— Мнѣ кажется, что существуетъ связь между вашими семейными обстоятельствами и всѣмъ остальнымъ... Вашъ отецъ еще живъ?

— Живъ.

— Онъ женатъ?

— Да.

— Его жена живетъ при немъ?

— Да.

— А вы живете отдѣльно или при нихъ?

— Отдѣльно.

— Вы бѣжали изъ дому? Вамъ трудно было? Вы очень страдали?

— Кто вамъ далъ право врываться въ мою семейную жизнь? Или въ Азіи такъ принято?

— Вы сами мнѣ дали право, Клавдія. Вы сказали, что мнѣ вѣрите. А это довѣріе мнѣ дорого, потому что я вижу, что вы несчастны, и мнѣ хотѣлось бы вамъ чѣмъ-нибудь помочь. Мы, азіаты, тоже люди...

Водворилось молчаніе. Потомъ Клавдія тихо замѣтила:

— И, кажется, хорошіе люди, Камо Йкку.

— Такъ расскажите мнѣ о себѣ: это облегчаетъ душу.

— Нечего рассказывать. Вы очень догадливы. Ну да, да, да, все это такъ. Та, которую мы называемъ совѣмъ мнѣ чужою женщиною, подкинула меня отцу. Онъ ни за что не хотѣлъ меня приютить: на то онъ—онъ, человѣкъ, у котораго тѣло и душа также находятся въ полномъ разладѣ.

— Вашъ отецъ служить?

— Да, онъ высокопоставленный чиновникъ, и нѣтъ гадости, на которую онъ не былъ бы способенъ. Въ числѣ этихъ гадостей одною изъ первыхъ была его женитьба на моей матери изъ-за ея крупнаго состоянія...

— А къ чему лежитъ его душа?

— Къ красивымъ женщинамъ. Онъ ихъ прежде легко побѣждалъ, а потомъ совершалъ по отношенію къ нимъ такія же гадости, какими наполнена вся его служебная карьера.

— А его жена?

— Она живетъ своею жизнью, жизнью великосвѣтской женщины и легко находитъ себѣ на сторонѣ утѣшеніе. Впрочемъ, она своего семейнаго несчастія не чувствуетъ. Но сердце у нея, повидимому, доброе,—иначе я, вѣроятно, не попала бы въ домъ отца.

— Вы въ немъ воспитывались?

— Нѣтъ, отецъ меня очень скоро сбылъ съ рукъ, опредѣливъ въ закрытое учебное заведеніе. Отъ этого мнѣ не стало легче, потому что и тамъ лицемѣріе процвѣтало во всемъ блескѣ.

Я невольно вспомнилъ великолѣпную княгиню и «удивительнаго» педагога.

— А какъ вы нашли ту, «чужую» женщину?—спросилъ я.

— Она меня нашла, захавъ подъ какимъ-то предлогомъ въ заведеніе, и тутъ выдала себя. Мнѣ было тогда десять лѣтъ, но при встрѣчѣ съ ней я поняла сразу, что эта женщина мнѣ не

чужая и, поймавъ эту нить, я распутала постепенно весь клубокъ окружавшей меня лжи.

— «Чужая» женщина замужемъ?

— Да, она встрѣтила человѣка, которому она созналась во всемъ и который прикрылъ бракомъ ея грѣхъ. Но онъ не отъ міра сего: онъ весь ушелъ въ триангуляціи и потомъ пишетъ стихи, которые, впрочемъ, никто не читалъ. Его никогда не видно; онъ и съ «чужою» женщиною, кажется, только здороваётся и прощается, да и то не всегда. Она живётъ своею собственною жизнью.

— Устроила салонъ? Въ этомъ полагаетъ свое честолюбіе? И у нея душа и тѣло въ разладѣ? Тѣло находится въ семьѣ, а душа—въ салонѣ? Но, Клавдія, вы мнѣ до сихъ поръ еще не сказали, куда стремится ваша душа? Можетъ быть, вы мнѣ это скажете сегодня?

Дѣвушка меня опять взяла подъ руку, на этотъ разъ довѣрчиво, какъ берутъ руку друга.

— Камо Икку, скажите, вы не восточный магъ и волшебникъ? Ума не приложу, почему мнѣ такъ легко съ вами бесѣдовать.

— Нѣтъ, я не магъ, и то, что васъ такъ удивляетъ, объясняется очень просто: у меня душа и тѣло не находятся въ разладѣ. Такихъ людей, какъ мнѣ кажется, въ Россіи почему-то мало. И не думаете ли вы, что если у человѣка душа и тѣло въ разладѣ, то это налагаетъ отпечатокъ на весь его обликъ? Возьмите шефа, возьмите Виктора Петровича или Келестина Ивановича, возьмите «чужую» женщину или вашу мать,—вѣдь они вѣчно должны что-то скрывать, вѣчно лукавить, вѣчно быть не тѣмъ, чѣмъ имъ хочется быть. И это чувствуется, какъ бы велики ни были ихъ актерскія способности. Даже по существу хорошій человѣкъ при такихъ условіяхъ теряетъ то, что внушаетъ къ нему довѣріе. И на васъ, Клавдія, разладъ между душою и тѣломъ наложилъ свой отпечатокъ: вы часто неестественны, вы бравируете. Лицемѣріе въ семьѣ, въ школѣ, въ жизни васъ испортило, но душа ваша жаждетъ правды, и когда вы встрѣтились со мною, съ человѣкомъ, который не лицемѣритъ, потому что въ лицемѣрїи не нуждается, вы обрадовались ему, какъ цѣнной находкѣ, и вотъ мы теперь съ вами гуляемъ ночью на Невѣ и бесѣдуемъ, какъ человѣкъ долженъ бесѣдовать съ человѣкомъ. Такъ скажите же, къ чему стремится ваша душа? Я прїѣхалъ изучать Россію, и мнѣ кажется, что мое знакомство съ нею будетъ неполное, если я прогляжу такихъ русскихъ дѣвушекъ, какъ вы.

— Ну, ну, бросьте дальневосточные комплименты и скажите мнѣ лучше, Камо Икку, почему васъ такъ интересуютъ русскія дѣвушки и вообще Россія? Мнѣ этотъ вопросъ уже раньше приходилъ на умъ.

— Я говорилъ уже, Клавдія, что любовь къ родинѣ заставляетъ меня путешествовать по Европѣ. Мнѣ такъ хотѣлось бы высмотрѣть въ ней все хорошее, чтобы воспользоваться имъ для Японіи.

— И въ этомъ чувствѣ, въ этой просвѣщенной любви къ родинѣ сливаются всѣ запросы вашего тѣла и вашей души?

— Да, Клавдія.

— Я вамъ говорила, Камо Икку, что сегодня я хотѣла васъ познакомить съ неофициальной Россіей. Официальная произвела на васъ нехорошее впечатлѣніе...

— Я и сегодня видѣлъ не много хорошаго...

— Какъ вы ошибаетесь! Какъ вы ошибаетесь! Положимъ, вы и сегодня видѣли не много хорошаго, но то, что вы видѣли, должно было уже вамъ раскрыть глаза. И въ Россіи есть люди, для которыхъ все сливается въ любви къ родинѣ. Неужели вы думаете, что окружающія насъ ложь и насиліе ни въ комъ не вызываютъ страстнаго стремленія къ правдѣ? Не истуканы же мы въ самомъ дѣлѣ. Нѣтъ, и у насъ есть люди, есть судьи, которые произнесутъ страшный приговоръ надъ окружающею насъ неправдой. Вы знакомы съ нашею литературою, но, къ сожалѣнію, вычитали въ ней лишь о Петрѣ съ дубинкою; вы не разслышали въ ней тѣхъ глухихъ раскатовъ грома, которые предвѣщаютъ бурю.

Клавдія остановилась. Мы были у Зимняго дворца. Она высободила руку и указала на Петропавловскую крѣпость.

— Вы думаете, что гѣни людей, тамъ томившихся, не блуждаютъ среди насъ, что они не молятъ насъ ежечасно дать имъ, наконецъ, успокоиться, осуществить то, для чего они страдали, для чего душу свою положили. Плохо вы насъ знаете, Камо Икку, и пора вамъ понять русскую душу съ таящимися въ ней сокровищами самоотверженія, беззавѣтной преданности общему благу, готовности забыть о себѣ и думать только о ближнемъ... Камо Икку, полюбите русскую душу: она прекрасна; и, полюбивъ ее, вы полюбите новою любовью родину, потому что захотите дать ей то, что одно должно быть дорого и свято. человѣку, гдѣ бы онъ ни жилъ и кѣмъ бы онъ ни былъ...

О русской душѣ я пока имѣлъ слабое представленіе, но стоявшая предо мною дѣвушка была, несомнѣнно, прекрасна,—столько въ ней было воодушевленія, столько отрѣшенности отъ всего суетнаго, столько твердости въ стремленіи къ чему-то таинственному и далекому, какъ это освѣщенное мерцающимъ свѣтомъ луны небо, куда обращенъ былъ взоръ ея красивыхъ глазъ. Она, кажется, забыла обо мнѣ, какъ забыла и о томъ, гдѣ находится. Она увидѣла міръ, гдѣ всѣ люди — братья, гдѣ нѣтъ зла и насилія, гдѣ нѣтъ ни судовъ, ни тюремъ, ни палачей, гдѣ всѣ сливаются въ одномъ великомъ порывѣ къ добру и правдѣ. Она вѣрила въ этотъ міръ; она вѣрила, что еще одно послѣднее усиліе, и всѣ эти шефы,

Келестины Ивановичи, «удивительные» педагоги, люди, съ спокойною совѣстью носящіе форму воровскаго вѣдомства, отцы и матери, оскорбляющіе дѣтей въ самыхъ священныхъ чувствахъ, что все это исчезнетъ, какъ тлетворныя испаренія ночи передъ яркимъ ликомъ восходящаго солнца. Она въ это вѣрила и готова была все отдать, чтобы ускорить осуществленіе своей лучезарной мечты. И если русская душа походила на душу этой дѣвушки, то нельзя было ее не полюбить. Но для меня лично мечта оставалась мечтою, далекой, какъ возвышавшееся надъ нами небо, сошедшее въ душу этой дѣвушки. Заговорить съ нею значило вернуть ее на землю, значило разбудить ее во время чуднаго сна, и мнѣ хотѣлось тихо удалиться, чтобы часъ пробужденія не насталъ, чтобы она всю свою жизнь прожила въ этомъ порывѣ, который ее теперь властно охватилъ. Но она сама нарушила молчаніе.

— Камо Икку, вы меня поняли? — спросила она, хотя я все еще не былъ увѣренъ, вернулась ли она къ дѣйствительности.

Мнѣ хотѣлось сказать: Клавдія, ваша чуткая душа такъ изстрада-далась отъ окружающей васъ лжи, что она рвется туда, куда пока дороги нѣтъ. Но сказать этого я былъ не въ силахъ. Если бы я въ эту минуту зналъ то, что я вскорѣ узналъ, то я счелъ бы своимъ долгомъ сказать ей правду. Но я ничего не зналъ и думалъ: пусть она сегодня вернется домой и спокойно уснетъ подъ звуки дивной пѣсни, звучащей въ ея душѣ. Пробужденіе все равно настанетъ скоро.

— Отчего вы молчите? — спросила она снова. — Или вамъ, азіатамъ, всѣ эти мысли чужды? Но тогда, Камо Икку, вы не были бы хорошимъ человѣкомъ. Я думаю, и на Тихомъ океанѣ люди мечтаютъ такъ, какъ мы, русскіе, мечтаемъ...

На пути домой Клавдія была молчалива: яркій свѣтъ ея любимой мечты ее ослѣпилъ, и она ничего не видѣла. На мои безразличные вопросы она отвѣчала вяло, неохотно. И мною она, по видимому, уже не интересовалась. Такъ мы медленно шли къ ея дому. Когда мы подошли къ подъѣзду, я вспомнилъ ея прежнюю шаловливость. Теперь она была задумчива и какъ будто даже не сознавала ясно, что съ нею происходитъ.

— До свиданія, Клавдія, — сказалъ я первый.

— До свиданія, Камо Икку, — отвѣтила она. — Вѣрьте, и въ Россіи есть люди. Вы ихъ не видѣли — увидите еще. Завтра будете въ вѣдомствѣ?

— Завтра — нѣтъ, послѣзавтра. Надо поблагодарить шефа за его любезность.

— Ахъ, да, Камо Икку! Когда вамъ вздумается, заходите въ мою конурку: я вамъ всегда рада.

И она серьезно, глядя на меня какимъ-то грустнымъ взоромъ, подала мнѣ руку.

XII.

Черезъ день я былъ въ вѣдомствѣ. Шефа я, однако, не засталъ. Мнѣ сказали курьеры, что онъ врядъ ли будетъ въ этотъ день, но я все-таки зашелъ, чтобы взглянуть на Клавдію, и направился прямо въ мѣсто веселія. Теперь меня уже никто не замѣчалъ; со мною свыклись.

Въ мѣстѣ веселія, однако, никого не было: ни Клавдіи, ни Ивана Аванасьевича. Я рѣшилъ пройти прямо къ Виктору Петровичу. Онъ сидѣлъ за своимъ столомъ и усердно что-то писалъ въ знакомой мнѣ тетрадкѣ. На этотъ разъ онъ не сунулъ ея быстро въ ящикъ стола.

— Сейчасъ, баронъ. Садитесь, пожалуйста, — пригласилъ онъ меня, дописывая, вѣроятно, реплику одного изъ дѣйствующихъ лицъ. Затѣмъ онъ оторвался отъ тетради и, сдѣлавъ кислую гримасу, сказалъ:

— А вѣдь случилась пренепріятная исторія! Клавдюшка-то наша тютю! И, знаете, это вѣдь набрасываетъ тѣнь на вѣдомство. Пока здѣсь еще никто не знаетъ, но узнаютъ. Такого случая у насъ еще не было. Обидно, очень обидно.

Я ничего не понималъ, но какое-то тревожное предчувствіе закралось мнѣ въ душу.

— Да въ чемъ собственно дѣло? — спросилъ я.

— Вы развѣ не знаете, баронъ, что у насъ люди внезапно исчезаютъ? Былъ человекъ, нѣтъ его: какъ на сценѣ, провалился въ люкъ, а вынырнетъ гдѣ-нибудь въ Сибири, — дальше поѣдетъ, тише будетъ.

— Да, можетъ быть, это несерьезно? — успокаивалъ я самъ себя.

— Не знаю, какъ у васъ, въ Японіи, а у насъ полиція не шутитъ. Это не въ ея нравахъ.

— За что же она попалась? Можетъ быть, это простое недоразумѣніе?

— Я самъ такъ думалъ. Вѣдь Клавдія изъ очень хорошей фамиліи. Мать ея богатая аристократка, а отецъ чуть не въ министры мѣтитъ. Правда, она сбѣжала изъ дому, но была всегда такая приличная, корректная. И потомъ она была *distinguée*, такъ что шефъ ея любовался и въ именины подносилъ ей конфекты. Въ ней рѣшительно не было ничего нигилистическаго. Да и мыслимо ли это при такомъ отцѣ и такой матери? Я ушамъ своимъ не вѣрилъ, когда мнѣ вчера шефъ сказалъ, что ее арестовали, какъ знакомую какого-то инженера. И, представьте себѣ, баронъ, — это, конечно, *entre nous* — этого инженера подозрѣваютъ въ прикосновенности къ покушенію на жизнь одного высокопоставленнаго лица. Говорятъ, и улики есть... Впрочемъ, знаете, я всегда стносился съ

нѣкоторымъ недовѣремъ къ этой Клавдіи. У нея были странныя выходки, помните, напримѣръ, тогда за обѣдомъ у Донона, когда вы рассказывали объ этихъ китайскихъ самоудавленникахъ? Пожалуй, и она попадетъ въ давленыши! И далась же шефу эта эстетика! Хорошенькое личико для него лучшая рекомендація. И вотъ онъ вѣчно попадается. Тутъ есть сюжетецъ для превеселенькой комедіи. Вы подумайте только, баронъ, сколько обѣдъ уже натворило на свѣтѣ хорошенькое личико! Мужчины словно не допускаютъ и мысли, что женская красота иногда прикрываетъ Богъ знаетъ какую мерзость. Такъ и льнутъ къ хорошенькимъ. Елена вызвала троянскую войну, Клеопатра погубила Антонія. Оффенбахъ предостерегалъ, Шекспиръ предостерегалъ, жизнь поминутно предостерегаетъ, да что толку? Вотъ и шефъ попался съ этой Клавдіей. Я не попадусь; я застрахованъ. Я пользуюсь хорошенькимъ личикомъ, развѣ чтобы обойти конкурентовъ-драматурговъ.

— Да, кстати. Вы провели пьесу черезъ актрисочку?

— Дѣло въ шляпѣ, т. е. не въ ея шляпѣ, хотя у нея шляпы умопомрачительныя, — все первоклассныя модели. Да почему я знаю? Можетъ быть, дѣло именно въ ея шляпахъ, при помощи которыхъ она дѣйствуетъ головокружительно на мужчинъ, готовыхъ для нея на все, даже на то, чтобы, не читая, одобрять пьесы. Нѣтъ, шляпа—великое дѣло! Voilà! Келестинъ Ивановичъ—вѣдь вы знаете—при помощи шляпы составилъ себѣ карьеру. Онъ, будучи еще мелкимъ чиновникомъ, съѣздивъ въ Парижъ и привезъ оттуда супругѣ нашего шефа такую шляпу, что съ тѣхъ поръ для нея Келестинъ Ивановичъ—идеалъ чиновника, и она ежедневно трубитъ объ этомъ шефу. Тоже сюжетецъ если не для комедіи, то для веселенькаго водевиля...

Викторъ Петровичъ такъ тараторилъ бы долго, если бы мнѣ не надоѣло его слушать. Но мнѣ не только надоѣло его слушать: у меня расходились нервы, хотя я вообще нервами не страдаю. Моя милая гейша не выходила у меня изъ головы. Я зналъ, что помочь ей не могу, и мнѣ было до физической боли жаль ея.

Я всталъ и простился съ Викторомъ Петровичемъ.

— Вы торопитесь, баронъ?—спросилъ онъ.—Или васъ огоршилъ арестъ этой Клавдіи? У насъ, въ Россіи, это дѣло привычное. Люди хотятъ все перестроить при помощи бомбъ и взрывовъ. Это уже сюжетецъ для траги-комедіи. Но вы, я вижу, торопитесь... Заходите завтра: навѣрное застанете шефа...

Я простился съ Викторомъ Петровичемъ и вышелъ изъ его кабинета. Мѣсто Клавдіи было пусто, и я вспомнилъ, какъ она тогда меня остановила: «Камо грядеши». Я не зналъ, куда иду, и только чувствовалъ, что мнѣ совѣмъ не по себѣ.

Иванъ Аванасьевичъ всталъ и вѣжливо мнѣ поклонился. Я ему протянулъ руку.

— Клавдія Николаевна уже второй день нѣтъ,—заявилъ онъ мнѣ.—Надо ее провѣдать. Не больна ли? Мы ее такъ любимъ,—золотое сердце.

Я улынулся Ивану Аванасьевичу, но промолчалъ.

Въ большой комнатѣ чиновникъ-балалаечникъ, какъ всегда, писалъ ноты, а другіе чиновники болтали всякій вздоръ и рассказывали другъ другу, должно быть, очень смѣшныя вещи, потому что и въ короткое время, когда я проходилъ, нѣсколько разъ слышался заглушенный смѣхъ.

Въ слѣдующей комнатѣ презентабельнаго чиновника съ газетою не было, но тутъ случилось нѣчто для меня ужъ совершенно неожиданное.

Меня робко остановилъ одинъ изъ сторожей, не зная, очевидно, какъ приступить ко мнѣ.

— Ваше вскородіе,—началъ онъ:—простите, ежели не такъ... Да ужъ очень хочется знать... Книги, газеты, журналы всякіе получаемъ... Мало кто читаетъ изъ господъ чиновниковъ... Можно сказать, словно никто... А я приставленъ убирать... Случается, иногда и заглянешь... Все больше по народному образованію... И насчетъ школъ по деревнямъ много есть... А мальчуганы какіе у насъ!.. Бываютъ иногда куда смышленѣе господскихъ дѣтей. Въ гимназіи попадають изрѣдка наши курьерскія дѣти, дѣтки швейцаровъ, дворниковъ, потому что родители въ Питерѣ, али тамъ въ Москвѣ живутъ. А деревенскому мальчугану въ гимназію, а затѣмъ въ университетъ никогда не попасть. А смышленные бываютъ, ухъ, какіе смышленные!.. Лучше было бы, ежели бы по способностямъ; всѣмъ лучше было бы. Читалъ, какъ во Франціи, какъ въ Германіи дѣло устроено; все больше по-нашему. А у васъ, въ Японіи, ваше вскородіе, устроено дѣло такъ, какъ мнѣ думается. Только въ книжкахъ и журналахъ рассказано объ этомъ не совсѣмъ вразумительно, такъ, мимоходомъ, не обстоятельно. Сдѣлайте милость, расскажите подробнѣе. Очень ужъ хочется знать...

О, богиня солнца, подумалъ я, да что же это такое! Вѣдь этотъ сторожъ, подающій шубы и калоши,—единственный человѣкъ въ вѣдомствѣ, интересующійся тѣмъ, что должно было бы всѣхъ интересовать. И опять мнѣ на умъ пришло сравненіе вѣдомства съ такою арміею, гдѣ люди заняты не тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ, гдѣ они несутъ свою службу, словно отбываютъ тяжелую повинность, гдѣ отсутствуетъ живой духъ, гдѣ никто не сознаетъ, что служить большому дѣлу...

Я спросилъ курьера, какъ его зовутъ, вырвалъ изъ записной книжки листокъ и далъ ему свой адресъ.

— Приходите вечеромъ, когда освободитесь,—сказалъ я ему:—потолкуемъ. Все вамъ расскажу, что только знаю.

— Благодаримъ покорно,—отвѣтилъ онъ и, проводивъ меня въ вестибюль, почтительно подалъ мнѣ шубу и калоши.

А я подумалъ: это ужъ сюжетъ для трагедіи.

* * *

Тутъ обрываются записки Камо Икку. Онъ добавилъ послѣ войны только еще слѣдующія строки:

«Много говорятъ объ японскихъ шпионахъ. Можетъ быть, они и въ самомъ дѣлѣ искусны. Но необходимыя намъ свѣдѣнія мы добыли совершенно открыто. Государство, граждане котораго не интересуются своимъ прямымъ дѣломъ и не любятъ его, не можетъ быть сильнымъ, и врагамъ оно не страшно».

Р. И. Сементковскій.

„ПАДЕНИЕ ИСКУССТВА“

(Листки изъ записной книжки)¹).

XX.

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ актеровъ тоже поднялась въ значительной мѣрѣ. Старые типы, едва умѣвшіе подписывать свое имя, отошли въ область преданія. Молодежь правильно пишетъ, много читаетъ, вообще тяготѣетъ къ литературѣ, особенно драматической. Впрочемъ, тяготѣніе къ драматургіи всегда было среди артистовъ. По примѣру Мольера и Шекспира они старались соединить авторскій и актерскій талантъ. Стоитъ вспомнить Григорьева, Каратыгина, Ленскаго, Соколова, Самарина, Трофимова, Далматова, Южина, Ге—и еще многихъ, чьи пьесы шли и идутъ на нашихъ сценахъ. Но въ прежнее время это было незначительное меньшинство,—масса была инертной. Еще недавно въ уборныхъ, кромѣ сомнительной чистоты анекдотовъ и ужасающаго вранья ничего не было. Теперь вопросы эстетическаго и этическаго характера—достояніе каждаго закулиснаго угла. Старики и молодежь какъ-то рѣзко проводили грань между собою, не вступая въ споры. Послушавъ молодежь, старое поколѣніе говаривало:

— Вы сыграйте, какъ мы игравали,—а всѣ ваши теории—пустословіе.

¹) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХV, стр. 112.

А сами они дальше вранья и пустословія не шли. Еще сравнительно недавно трагикъ Степановъ, заядлый охотникъ, рассказывалъ своимъ низкимъ басомъ въ уборныхъ:

— Вчера на дачѣ пошелъ удить... Захватилъ графинъ... ведра не было... Посидѣлъ менѣе полчаса... Минуть двадцать семь... восемь... Принесъ домой тринадцать лещей... вотъ такихъ...

Слѣдовало показаніе величины.

— А какъ же они въ горлышко графина пролѣзли?—слышался вопросъ.

— Идіотъ! Горлышко было отбито... Да и графинище же былъ.. Подарилъ мнѣ его на именины Демидовъ Савъ-Донатто... Во-отъ!

И въ такихъ разговорахъ проходили вечера, недѣли, сезоны. Ни одного живого слова. Грязь, царившая за кулисами правительственныхъ театровъ еще десять лѣтъ назадъ была совершенно характера Авгіевыхъ построекъ. Заплеванный, въ окуркахъ полъ, грязь на столахъ, грязь на стѣнахъ. Жалкій кухонный умывальникъ; приспособленія для отправленія разныхъ потребностей тутъ же. Все это пропиталось запахомъ жирныхъ красокъ, пота, табаку, одеколона, иногда духовъ, составляя такую атмосферу, которая и носила названіе «спирали».

Этика актеровъ поднялась несомнѣнно. Задачи служенія сценѣ какъ будто измѣнились. Прежде артистъ, сознававшій въ себѣ талантъ, говорилъ, что его задача—играть хорошія роли. Исповѣдовалось это совершенно прямо и откровенно, почти цинично, да и до сихъ поръ исповѣдуется тѣми архаическими представителями прошлаго, которые серьезно полагаютъ свое призваніе въ томъ, что надо возможно ярче и выпуклѣе нарисовать свою роль,—а до остального ему нѣтъ никакого дѣла.

Эта «гастрольная» система игры держалась у насъ цѣлые вѣка. Играло пятеро, остальные подыгрывали. Задача первыхъ заключалась въ томъ, чтобы какъ можно больше разъ ихъ вызвали, и за это начальство прибавляло имъ содержанія. Задача вторыхъ—«отбарабанить» возможно скорѣе свою роль и уѣхать изъ театра.

Въ виду всего этого, какъ это ни покажется дикимъ, но отношенія автора къ актерамъ выработались не товарищескія,—какими они должны были бы быть,—а прямо враждебныя. Это создалось путемъ долгой практики. Насколько была полезна «разовая» система, чтобы заставить актера играть, настолько вредной оказалась система оплачиванья автору его пьесы путемъ отчисления извѣстнаго процента даннаго сбора. У автора не покупали пьесу за извѣстную сумму, или не платили ему опредѣленную сумму со спектакля. А говорили такъ:

— Будетъ намъ давать доходъ ваша пьеса, и вы доходъ получите, не будетъ—и вы сидите безъ дохода.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1909 г. т. сѣв.

Тогда авторъ, вовлеченный въ такую сдѣлку и заботясь о собственномъ пропитаніи, заботился уже не о томъ, чтобы пьеса была исполнена въ тѣхъ или иныхъ тонахъ, имъ написанныхъ,— а о томъ, чтобы играли ее актеры и актрисы, дѣлающіе сборы по преимуществу, хотя бы они къ данной пьесѣ не подходили. И несчастный не чувствовалъ той унижительной роли, которую разыгрывалъ передъ труппой.

XXI.

Я повторяю, русскіе авторы въ большинствѣ случаевъ играли унижительную роль передъ актерами. Они отдавали имъ на сѣденье свое произведеніе,—и нерѣдко отъ автора оставались только «ножки да рожки». Пріѣзжаетъ авторъ къ артисткѣ, которую ему «выгодно» занять.

— А роль крестницы кто играетъ?—внезапно спрашиваетъ она.

— Семирадская.

На личикѣ примадонны такое выраженіе, будто ей подали кофе съ нафталиномъ.

— Почему же?

Авторъ теряется.

— Знаете, она такъ мила въ «Минувшихъ дняхъ», что я думалъ...

— По-вашему мила?—поздравляю!

— Такъ кому же вы думаете?

— Конечно, Чуковской...

— Гм... У нея, знаете, голосъ... Вертява очень... Юбки всегда такъ у нея шлепаютъ по ногамъ, когда она ходитъ.

— Оставьте! Что такое юбки! что такое голосъ! Зато у нея есть огонь...

Авторъ изумленно таращитъ глаза.

— Вы думаете—есть?

— Наконецъ, я привыкла съ ней играть... Нѣтъ ужъ, вы пожалуйте...

Авторъ летитъ къ режиссеру. «Такъ и такъ». Тотъ только третъ лысину.

— Любитъ она съ ней играть.

— Да почему же?

— Да потому, что та не помѣшаетъ ей: и одѣнется, какъ дѣвица съ папирсной фабрики, и сыграетъ такъ, что пустое мѣсто будетъ.

— Вы думаете, пустое мѣсто?

— Хоть побожиться.

— Гм...

И на спектаклѣ — дѣйствительно пустое мѣсто. Авторъ осторожно говоритъ примадоннѣ:

— Ваша-то рекомендація не оправдалась.

— Вотъ подите! Не знаю, что съ ней сдѣлалось,—хладнокровно подтверждаетъ примадонна:— второй сезонъ каждую роль проваливаетъ.

Перетасовавъ роли по желанію той или того, который дѣлаетъ сборы, авторъ уже начинаетъ чувствовать, что между его замысломъ и исполненіемъ—бездна. А режиссеръ его подуськиваетъ.

— Подите къ управляющему, попросите всѣ роли перемѣнить. Скажите, что иначе не согласны давать пьесу.

— Что вы! Что вы! — машетъ руками авторъ. — Да я авансъ взялъ.

Такимъ образомъ, продавъ за чечевичную похлебку свою душу, авторъ становится окончательно рабомъ театральнаго мурья. На репетиціяхъ онъ заботится уже о томъ, чтобы гастролеры не перессорились и не заболѣли.

И когда на спектаклѣ вмѣсто одной пьесы актеры преподносили публикѣ совершенно другую, собственнаго сочиненія,—а рецензенты на другой день писали: «артисты сдѣлали все возможное, но спасти отъ провала пьесу не могли»,—авторъ близокъ къ повѣшенію.

— Говорилъ я вамъ,—подливаетъ масла въ огонь режиссеръ:— говорилъ—спустите вы къ дьяволу всѣхъ нашихъ героинь и героевъ и раздайте тѣмъ, кто сыграетъ лучше ихъ.

Но дѣло сдѣлано, пьеса погребена. Авторы-«конфреры» въ восторгѣ.

XXII.

Къ концу XIX вѣка въ печати, среди авторовъ, даже среди актеровъ, все чаще и чаще стали раздаваться голоса, что, пожалуй, правъ былъ Гоголь, предлагавшій дирекціи, чтобы такой актеръ, какъ Сосницкій, переигралъ въ «Ревизорѣ» всѣ роли по очереди и установилъ такимъ образомъ «канонъ» пьесы,—запечатлѣвъ своимъ талантомъ, какъ въ мраморномъ изваяніи, настоящее пониманіе каждаго типа.

Конечно, планъ Гоголя—утопиченъ. Но мнѣ приходилось видѣть, какъ на репетиціяхъ Сальвини показывалъ русскимъ актерамъ, какъ надо играть ихъ роли. Сыгравъ одно явленіе, сказавъ иногда нѣсколько словъ, онъ давалъ яркій образъ,—и уже по этому образцу не трудно было досоздать остальное. Никакой режиссеръ никогда не сумѣетъ внушить и показать артисту такъ, какъ это сдѣлалъ талантливый артистъ. И, конечно, система передачи вторыхъ и третьихъ ролей въ классическихъ пьесахъ первымъ артистамъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

За исключеніемъ десятка-двухъ отживающихъ артистовъ-гастролеровъ, актеры начинаютъ сознавать, что задача ихъ—играть

пьесу, а не роль. Они начинаютъ понимать, что то, что выгодно для роли, невыгодно для пьесы, — и дешевый успѣхъ даннаго ухода мѣшаетъ нерѣдко выполненію общей задачи. Артисту долженъ быть успѣхъ пьесы важнѣе его личнаго успѣха, — вотъ формула, съ которой не могутъ примириться прежніе могикане.

Мы видѣли, какъ талантливые авторы шли вмѣсто правительственнаго въ частный театръ, гдѣ артисты были несравненно менѣе опытные и талантливы; но они знали, что эти неопытные, можетъ быть, въ большинствѣ мало-даровитые люди, пропитаны культурными задачами, понимаютъ театръ такъ, какъ его нужно понимать: всѣ работаютъ для дѣла, для общей цѣли, какъ муравьи въ муравейникахъ, — и въ этомъ ихъ сила.

Задача актера заключается въ томъ, чтобы разрѣшить возложенную на него задачу, какъ часть цѣлаго, не мудрствуя лукаво. Какъ мастеръ, который долженъ сработать для машины извѣстный винтъ, не имѣетъ право отступать отъ данной модели и сдѣлать винтъ больше или меньше той величины, которая требуется задачей общаго, — а отнюдь не усовершенствовать его въ ущербъ идеѣ, — такъ и артистъ: онъ долженъ разрѣшать ту часть задачи, которую возложилъ на него авторъ.

У насъ артисты еще недавно были настолько наивны, что утверждали, какъ аксіому, положеніе: чѣмъ важнѣе моментъ драмы, тѣмъ болѣе его надо переносить на глаза зрителей на авансцену. Поэтому они не могли допустить, чтобы Отелло душилъ Дездемону за задернутымъ пологомъ, и требовали непременно «открытаго дѣйствія». Они не могли себѣ представить, чтобы актеръ могъ вести сцену спиною къ публикѣ, думая, что ихъ лицо экспрессивнѣе спины (жестокое заблужденіе!) — и удивлялись, когда большіе европейскіе актеры позволяли это на сценѣ.

Условія ли климата, русская ли халатность, — но артисты наши не привыкли воспитывать себя и считаютъ совершенно излишнимъ поддерживать свою физическую природу. Когда каждый иностранный артистъ поетъ, фехтуется, занимается гимнастикой, не позволяеть себѣ ни пьянства ни куренья, — у насъ смотрятъ на это спустя рукава: ѣдятъ и пьютъ цѣлыя ночи. Если нашему актеру сказать, что, несмотря на его почтенные годы, каждое утро онъ долженъ упражнять свой голосъ и, вставши съ постели, немедленно братья за рапиру, онъ скажетъ:

— Да вы, батенька, съ ума сошли! Ваши Росси и Сальвини мнѣ не указъ. Они играютъ такія роли, что имъ это надо.

— А вотъ Кокленъ, въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, двѣсти разъ подъ рядъ играетъ «Сирано де-Бержерака»?

— Ну, и дай Богъ ему здоровья!

— Вы знаете, что въ первомъ актѣ онъ декламируетъ огромное стихотвореніе, все время фехтуясь?

- И пускай!
- А въ четвертомъ актѣ прыгаетъ со второго этажа?
- И Господь съ нимъ!
- Получаетъ по тысячѣ франковъ за вечеръ... Двѣсти тысячъ франковъ въ зиму.

Комикъ дѣлается серьезнымъ: цифра его сражаетъ.

XXIII.

То подневольное, крѣпостное положеніе, въ какое были поставлены у насъ актеры, создало изъ нихъ касту людей, на которыхъ аристократія смотрѣла такъ же, какъ во времена цезаризма римляне смотрѣли на своихъ художниковъ. Тамъ посылали рабовъ въ Грецію обучаться искусствамъ, а когда они возвращались въ Римъ, дѣлали ихъ вольноотпущенниками, съ обязательствомъ отдѣлывать своимъ бывшимъ хозяевамъ виллы. У насъ крѣпостными живописцами, музыкантами и актерами—хоть прудъ можно было прудить. Не знаю, какъ въ старомъ Римѣ, но у насъ нерѣдко капельмейстеръ оркестра не только дирижировалъ музыкантами, но и расписывалъ потолки, за что его кормили съ барскаго стола, давали передъ обѣдомъ по стакану водки, а иногда сажали въ холодную и даже драли. Вспоминаю, какъ такому несчастному поручилъ въ нашей губерніи одинъ князь расписать ванну нимфами, а онъ погребовалъ «натуры». Но когда онъ пятнадцатилѣтнюю натуру изъ танцовщицъ «испортилъ»,—ему дали сто розогъ и на годъ послали въ сосѣдній монастырь расписывать алтарь. А когда онъ изобразилъ въ гееннѣ огненной князя въ видѣ дьявола, а архимандрита въ видѣ Іуды, сидящаго у него на колѣняхъ, его снова выдрали, заставили чорта написать въ видѣ собственнаго портрета, а Іудой—мѣстнаго становаго, противъ котораго имѣлъ что-то его сіятельство. Попорченную натуру выдали за него замужь, но она сбѣжала и потомъ танцевала въ Москвѣ въ хорѣ, у же не знаю какъ отдѣлавшись отъ князя.

Эпизодъ, только что рассказанный, былъ обычное явленіе для русскихъ талантливыхъ натуръ. За столомъ человекъ стоялъ съ тарелкой и салфеткой, а вечеромъ сочинялъ оду или симфонію на заданную тему. Артисты, добравшіеся до казенной сцены, невольно сохраняли старую повадку и смотрѣли на публику, какъ на господъ и благодѣтелей. Когда зрители «метали» кошельки съ золотомъ на сцену, ихъ жадно подхватывали исполнители и, приложивъ руку къ лѣвому боку, гдѣ предполагалось сердце, кланялись или присѣдали на усердные хлопки публики. Бенефисъ являлся той же наградой. Бенефициантъ лично кланялся по переднимъ и оставлялъ «билетикъ на ложу или кресло»,—а ему

присылали «пятьдесятъ рублей деньгами да трехъ гусей мороженыхъ». Если бы бенефициантъ погнушался взять «премію» сверхъ номинальной цѣны,—онъ бы подохъ съ голода вмѣстѣ съ дѣтишками. Какія ужъ тутъ были церемоніи!

По мѣрѣ того, какъ улучшалось содержаніе артистовъ, бенефисы, съ матеріальной точки зрѣнія, дѣлались «нонсенсами»—какъ громко выражались передовые. Но тѣмъ не менѣе это зло осталось до нашего времени, и много труда и борьбы пришлось вынести дирекціи, чтобы отстоять упраздненіе бенефисовъ.

Привычка къ внѣшнему проявленію одобренія случайно сошедшейся въ театръ толпы до того въѣлась въ артистовъ, что ихъ несказанно поразило, когда въ началѣ 90-хъ годовъ, при дирекціи Н. А. Всеволожскаго, состоялось распоряженіе: на апплодисменты до окончанія актовъ не выходить для поклоновъ.

— Да вѣдь это подбодряетъ артиста!—воскликаетъ негодующій.—Какъ же онъ узнаетъ, хорошо ли онъ ведетъ роль, если не будетъ апплодисментовъ?

— Апплодисменты будутъ,—возражали ему:—только нельзя прерывать дѣйствіе и возвращаться на сцену.

— Это насиліе... Вотъ увидите, что будутъ скандалы.

Скандаловъ особенныхъ не было. Нѣкоторая дикость публики, конечно, дала себя знать и настойчиво требовала выхода артистовъ послѣ ихъ ухода. Хлопанье продолжалось минуту, двѣ, три—затѣмъ стихало, и пьеса спокойно продолжалась. Черезъ мѣсяць такъ къ этому привыкли, что показалось бы дикимъ, если бы вдругъ, прервавъ ходъ дѣйствія, человекъ, ушедшій вѣшаться или топиться, вышелъ на вызовы публики, весело улыбаясь, и сталъ кивать бы по ломамъ.

XXIV.

Мы не замѣчаемъ, какъ, отворявая шагъ за шагомъ для искусства новыя стадіи, идемъ впередъ. Давно ли было время, когда при выходѣ на сцену любимицы черезъ суфлерскую будку лѣзъ капельмейстеръ и протягивалъ на сцену огромную цвѣточную корзину съ кусками шелковыхъ матерій. Конечно, дѣйствіе останавливалось, иллюзія нарушалась, настроеніе выбивалось изъ колеи. Капельмейстеры постепенно начали сознавать, что лакейскія обязанности поднятія съ пола двухпудовыхъ корзинъ—отнюдь не входятъ въ циклъ ихъ служенія, да и дирижерское кресло отъ будки отнесли къ первому ряду. Потомъ оркестръ опустили внизъ, подъ полъ,—а въ иныхъ театрахъ, претендующихъ на серьезность, его совсѣмъ упразднили. Подносительную часть дѣятельности дирижеровъ стали исправлять переодѣтые во фракъ бутафоры,—и,

надо отдать имъ справедливость, продѣлываютъ они это отнюдь не хуже ихъ предшественниковъ по должности.

Остается еще одинъ шагъ: нельзя позволять артистамъ выходить болѣе раза на вызовъ по окончаніи акта, если пьеса не кончена. Шагъ къ этому сдѣланъ уже крупный: болѣе трехъ разъ занавѣсъ не поднимается. Артисты съ этимъ положеніемъ примирились очень скоро. Гораздо туже дѣло шло съ публикой. Она вела себя внѣ всякихъ требованій приличія, не позволяя играть оркестру, настойчиво требуя выхода своихъ любимцевъ. Тщетно благородные люди усовѣщевали собѣдей:

— Да дайте имъ переодѣться, не затягивайте антракта!

Ничто не помогало. Есть люди, которымъ доставляетъ неизъяснимое наслажденіе видѣть, какъ на ихъ хлопки выходитъ человѣкъ съ раскрашенной фізіономіей и кланяется. По ихъ мнѣнію, это «взаимная благодарность».

Упраздненіе варварскаго обычая поклоновъ отражается первымъ долгомъ на авторахъ. Казалось бы, они первые должны были пойти навстрѣчу такой реформѣ. Но на дѣлѣ оказалось не то.

— Ослабляетъ успѣхъ!

Даже бенефисы и тѣ нашли сторонниковъ среди драматическихъ писателей.

— Въ прежнее время больше пьесъ проходило на сцену: каждый бенефициантъ разыскиваетъ себѣ что-нибудь для сбора. А съ тѣхъ поръ, какъ бенефисы отмѣнили, вдвое меньше пьесъ ставятъ.

Любовь авторовъ къ аплодисментамъ—тоже своего рода курьезъ. Есть любители, которые на десяти представленіяхъ подъ-рядъ выходили на вызовы, если не публики, то своихъ знакомыхъ, и даже собственныхъ дѣтей, нарочно для этого сажаемыхъ въ ложѣ. Одна дѣвочка открыла секретъ, неожиданно крикнувши:

— Папу!

Есть авторы, необыкновенно любящіе юбилеи. Одинъ очень почетный драматургъ справилъ шесть разъ свой юбилей въ одну зиму. Два раза онъ праздновалъ его въ казенныхъ театрахъ Москвы и Петербурга, два раза въ частныхъ, одинъ разъ въ какомъ-то полуписательскомъ клубѣ и разъ на специально устроенномъ въ честь его ужинѣ. Ему доставляло неизъяснимое наслажденіе натягивать фракъ, ходить въ парикмахерскую подстригаться и потомъ слушать, какъ какіе-то волосатые люди говорили:

— Позвольте намъ, представителямъ вновь образовавшагося «перваго кружка цѣнителей и любителей драматическихъ эмоцій», выразить вамъ, глубокопочтимый N. N., нашу искреннюю дань удивленія и уваженія къ тому неуклонному проповѣдыванію великихъ принциповъ искусства, съ которыми вы, какъ съ чистою орифламой, идете неуклонно по тернистому пути, сѣя сѣмена добра, правды, красоты»...

Онъ цѣловался съ невѣдомымъ ему витіей, чувствовалъ его слюнявыя губы и потныя руки и внимательно слушалъ новаго независимаго оратора, который, тряхнувъ волосами, ухарски начиналъ:

— N. N.! Въ нашемъ вѣкѣ переоцѣнокъ, разрушеній, исканій, въ нашъ вѣкъ мятущейся, въ нашъ вѣкъ борьбы тьмы и свѣта, вы одинъ изъ лучей того солнца, которое...

Но оратора хватало только на первую фразу: слово «которое» вдругъ ложилось бревномъ на его пути.

— Которое...—повторялъ онъ и поправлялся.—Солнце,—говорю я,—солнце, лучъ котораго... Лучъ котораго,—какъ это всѣмъ намъ ясно... Свѣтитъ и грѣетъ. Мы собрались здѣсь, чтобы... чтобы,—какъ это всѣмъ ясно...

Голосъ его все слабѣлъ и слабѣлъ,—но авторъ дружески улыбался, простирая руки и, цѣлуя говорившаго, бормоталъ:

— Польщенъ, польщенъ!

Правда, за ужиномъ одинъ присяжный повѣренный, блестящій ораторъ, уже во время обнесенія трапезующихъ пломбиромъ,—слѣдовательно, когда смѣна бутылокъ была произведена «многажды»,—началъ рѣчь, гдѣ сказалъ со слезами на глазахъ:

— Пусть, дорогой N. N., ваши пьесы плохи. Пусть онѣ устарѣлы, пусть онѣ несценичны, пусть въ нихъ есть недомысліе, пусть онѣ не литературны. Но душа у васъ хороша, а это главное... У васъ мало, дорогой N. N., въ бокалѣ Ромшегу... Велите налить, я съ вами чокнусь и скажу: пью за человѣка, — лучше быть хорошимъ человѣкомъ, чѣмъ какимъ-то авторомъ..

XXV.

Все это шутовство съ серебряными вѣнками, бюварями и рѣчами, вѣроятно, по мнѣнію авторовъ, чему-то способствуетъ: быть можетъ, это воспламеняетъ къ нимъ любовь публики и артистовъ. Впрочемъ, въ послѣднемъ я сильно сомнѣваюсь.

Режиссеръ обращается къ артисту:

— На вѣнокъ N. N. подпишешься?

— Опять вѣнокъ? Вѣдь третьяго дня подписывали.

— Такъ это Z. хоронили.

— И этого хороняютъ?

— Чествуютъ.

— Фракъ надѣвать? Не приду.

— Хотъ запишитесь.

— Запиши рубль.

— Я запишу три. Вѣдь ты игралъ сколько у него.

— Такъ онъ мнѣ за это долженъ платить, а не я ему. Пиши два, больше не дамъ.

Впрочемъ, собираются всѣ. Юбиларъ проливаетъ крокодиловы слезы, слѣдуютъ опять лобзанія, цѣлованія ручекъ. Трудно сказать, кто кого обманываетъ въ этомъ случаѣ. Несомнѣнно одно: когда покончатъ съ торжествомъ, всѣ радостно говорятъ:

— Ну, слава Богу, одного еще свалили.

Какой-то ученый сказалъ, что количество сжигаемыхъ на иллюминаціяхъ и фейерверкахъ огней обратно пропорціонально культурному состоянію страны. Мнѣ кажется, то же можно сказать о юбиларѣ. Юбилей имѣетъ, быть можетъ, нѣкоторое значеніе, какъ напоминаніе извѣстныхъ заслугъ общественнаго дѣятеля, хотя плохо дѣло, если его не помнятъ безъ юбилея. Но когда спрашиваютъ юбилей сквернаго администратора, посредственнаго писателя или актера, невольно вспоминается тотъ аттестатъ, который носилъ съ собою Счастливецъ:

«Пріѣхалъ въ такой-то городъ такой-то актеръ, и игралъ скверно».

Другое дѣло—юбилей газеты, журнала, театра, завода, фабрики, гимназіи. Тутъ уже принимаетъ участіе само общество, поддерживавшее это предпріятіе,— это результатъ извѣстнаго веденія дѣла. Тутъ можно чествовать «представителей» фирмы,— но всѣхъ—отъ редактора до метранпажа и отъ директора до послѣдняго плотника, если они четверть вѣка честно несли свое дѣло. Но единственный юбилей по двадцати пяти лѣтъ это—воля ваша—одна изъ тѣхъ нелѣпицъ отъ накипи нашей несуразной общественной жизни, которыхъ накопилось въ послѣднее время великое множество. Государство переживаетъ величайшій кризисъ, эпоху испытаній, униженій,—а какой-то господинъ топорщится и кричитъ:

— А меня забыли? Мнѣ вѣдь двадцать пять лѣтъ, двадцать пять лѣтъ!

XXVI.

Много содѣйствовало преуспѣянію театральнаго дѣла открытіе частныхъ театровъ, разрѣшенныхъ четверть вѣка назадъ.

Послѣ долгихъ потугъ, драматическому театру была дарована та свобода, которою пользовались только кафешантанъ и оперетка. Разомъ открылись, благодаря этой реформѣ, двѣ широкихъ дороги: съ одной стороны — частная антреприза раскрыла широко свои двери для отечественныхъ авторовъ, съ другой стороны — съ правительственнаго театра могла быть снята обязанность—быть единственнымъ прибѣжищемъ русскихъ драматурговъ. Онъ могъ наконецъ стать на вѣрный путь: не гоняться за новинками, не давить одну пьесу другою, не давать черезъ каждые десять дней новую пьесу, а развернуть дѣятельность академическую.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое правительственный театр? Я уже не разъ высказывалъ мысль, что это отнюдь не ежедневная газета, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы изо дня въ день отмѣчать явленія общественной жизни, Функція правительственного театра должна быть такая же, какъ всякаго правительственного музея. На театръ нельзя смотрѣть, какъ на акцизное вѣдомство, и думать, что изъ него слѣдуетъ извлекать такіе же доходы, какъ изъ продажи питей въ «казенныхъ лавкахъ».

Вѣдь никому же не приходится въ голову поднять разговоръ о томъ, что нашъ Эрмитажъ не приноситъ государству дохода. За Эрмитажемъ, какъ за Лувромъ въ Парижѣ, за Національнымъ музеемъ въ Лондонѣ, Королевскимъ въ Берлинѣ, установилось мнѣніе: онъ служитъ образовательнымъ цѣлямъ. Не то же ли самое театр? Если публика наполняетъ залу только на треть, когда идетъ античная пьеса, а на водевилъ съ раздѣвaniemъ и изображеніемъ свальнаго грѣха на сценѣ валитъ валомъ, — слѣдуетъ ли изъ этого, что правительственные театры имѣютъ право давать пьесы съ семейными кроватями и выставкой всѣхъ нижнихъ принадлежностей туалета? Вѣдь въ эпоху процвѣтанія оперетки такъ и было. Наканунѣ Самойловъ игралъ Шейлока, и театръ не былъ полонъ; на другой день на той же сценѣ Парисъ опрокидывалъ на ложе Елену, надѣвшаю, подъ видомъ греческаго хитона длинную рубашку съ разрѣзомъ выше колѣнъ, — и зала млѣла отъ восторговъ. Вѣдь пятнадцать лѣтъ передъ рампой скакали, прыгали и пѣли Оресты, маленькіе Фаусты, Орфеи, Периколы и собирали обильную дань съ публики. Неужели это было дѣло?

Не входитъ въ задачу правительственного театра и отведеніе его специально подъ русскихъ авторовъ, какъ о томъ кричатъ многіе изъ нихъ. Та комиссія, что въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ работала надъ новымъ положеніемъ, совершенно справедливо и резонно высказалась, что задача такого театра гораздо шире, что слѣдуетъ знакомить публику съ выдающимися произведеніями западныхъ литературъ, а главное — имѣть образцово поставленный репертуаръ классическихъ отечественныхъ и европейскихъ авторовъ, а отнюдь не культивировать только сомнительныхъ современниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же юношество ознакомится съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Лопе де-Вега, Мольеромъ, — если ихъ не будутъ ставить въ правительственномъ театрѣ? Какой частный театръ рискнетъ ставить «Недоросля»? Наконецъ, театръ съ широкой казенной субсидіей не можетъ довольствоваться пятью-шестью пьесами въ годъ. Даже въ «Comédie Française» есть постановленіе: какимъ бы огромнымъ успѣхомъ ни пользовалась новая пьеса, она не можетъ итти болѣе четырехъ разъ въ недѣлю, — остальные три дня должны быть отведены подъ другія пьесы, и хотя бы одно утро должно быть посвящено классическому репертуару.

XXVII.

Дѣло частныхъ театровъ у насъ еще недостаточно оформилось до сихъ поръ, хотя вотъ уже скоро тридцать лѣтъ, какъ имъ была дана свобода.

Опредѣленно стали только три театра: въ Петербургѣ — Литературно-Художественнаго общества и въ Москвѣ — Художественный театръ и театръ Корша. Прочіе театры — не опредѣлились. Дѣло г-жи Яворской было поставлено шатко и валко, и такъ и не вылилось ни въ какую форму. Дѣло г-жи Коммиссаржевской носить специфическую окраску декадентизма, впадающаго въ манерность и гримасу, и, какъ всякое мимолетное явленіе, недолговѣчно, если не переродится въ другую форму. Въ сущности, появленіе такого исключительнаго по формѣ и репертуару театрального предпріятія не только ничего дурного не представляетъ, но даже желательно. Отчего не посмотрѣть Метерлинка, Андреева, или Ибсена въ стилизаціи того или другого пошиба, съ необычнымъ освѣщеніемъ, съ необычайными гримами, съ извѣстными условностями. Въ большой дозѣ это вызоветъ отвращеніе, но изрѣдка можно наслаждаться запахомъ ядовитаго олеандра.

Я какъ-то въ Парижѣ видѣлъ очень строго стилизованную средневѣковую картину, отлично поставленную въ «Comédie». Это была поэма Ростана «Гризельда». Ее поставили въ видѣ миніатюръ старыхъ фоліантовъ. Фигуры у всѣхъ были длинныя, жесты ломаные подъ прямыми углами; на деревьяхъ висѣли золотые плоды; дома были маленькіе: двери—въ ростъ человѣка, а наверху сейчасъ же начиналась крышка. По небу плыли густыя бѣлыя тучи. Чортъ, котораго игралъ Коклэнъ, казалось, цѣликомъ соскочилъ со страницъ манускрипта Ватиканской бібліотеки. Это было очень интересно. Но, конечно, видѣть исключительно такъ поставленныя пьесы было бы не подъ силу здоровому человѣку.

Я понимаю, что такъ можно поставить русскую сказку, хотя бы «Снѣгурочку» Островскаго—строгимъ старымъ лубкомъ, какъ его стилизовала Полѣнова. Такая постановка выдержала бы, навѣрно, рядъ многочисленныхъ представленій. Давать «Снѣгурочку» въ оперной постановкѣ—прямо-таки нелѣпость.

Правительственный театръ къ современнымъ авторамъ долженъ подходить съ разборомъ. Онъ долженъ ставить только то, что является характернымъ признакомъ даннаго теченія. Правительственный театръ долженъ быть внѣ партій, и одинаково для всѣхъ радушно открывать свои двери, если произведеніе талантливо. Отдавать предпочтеніе «юбиліарамъ» онъ не долженъ, потому что тогда строго опредѣленная программа будетъ нарушена, а случайныя юбилейныя совпаденія разстроятъ планъ предначер-

таній. Но несомнѣнно, что искренняя талантливая вещь — безъ различія къмъ бы она ни была написана, должна быть поставлена во что бы то ни стало, хотя бы внѣ очереди. Постановка же среднихъ вещей сомнительнаго достоинства должна быть совершенно изъята.

Сообразно репертуару должна быть сформирована въ каждомъ театрѣ и труппа. Между тѣмъ, при долгосрочномъ служеніи бываютъ сезоны, когда иной артистъ, по таланту, быть можетъ, и очень крупный, оказывается въ данномъ сезонѣ безъ дѣла. Остается одно изъ двухъ: или ломать репертуаръ и ставить пьесы специально для даннаго актера, или, платя крупное жалованье, не пользоваться крупной силой.

За границей это дѣло разрѣшается просто. Если въ данномъ сезонѣ у артиста нѣтъ ролей—онъ уѣзжаетъ въ турнэ, или, получая годовой отпускъ, вступаетъ въ труппу другого театра, гдѣ ему находится соотвѣтствующая работа. Послѣднее самое рациональное. А то вѣдь зачастую выходитъ то, что для А. ставятъ одну пьесу, для Б. другую, для В.—третью,—и все вещи сомнительнаго достоинства. Репертуаръ засоряется трбухой, и удовлетвореніе одного артиста или артистки ведетъ за собою путаницу, отодвигая заранѣе намѣченныя пьесы и отвлекая другихъ артистовъ отъ настоящаго дѣла на случайную, никому не нужную работу.

XXVIII.

Уровень требованій литературности повысился у публики несомнѣнно; пьесы, возбуждавшія четверть вѣка тому назадъ восторги, теперь смотрятся тяжело; сами артисты, несмотря на «выигрышныя» роли, не хотятъ ихъ играть. Н. Потѣхинъ, Крыловъ, Дьяченко—совершенно пропали даже изъ провинціального репертуара. Н. Потѣхинъ кажется громоздкимъ, несуразнымъ, Крыловъ—наивнымъ и бессодержательнымъ. До сихъ поръ здравствующие драматурги, нѣкогда пользовавшіеся извѣстностью, поневолѣ уступили дорогу молодымъ силамъ. Эта молодежь свѣжѣе, сочнѣе, даетъ публикѣ болѣе здоровую пищу.

Почти такое же явленіе мы видимъ и въ живописи. Старики негодуютъ на новое направленіе и, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ молодежь, сами не замѣчаютъ, что пишутъ свои картины чернилами. Эфра въ себя у нихъ доходитъ до смѣшнаго.

— Видѣлъ?—спрашиваетъ одинъ изъ нихъ съ сарказмомъ, кивая на произведенія молодежи.

— А что?—возражаетъ старый пріятель, дѣлая наивное лицо.

— Сапоги въ смятку.

— Не скажи: много непосредственности.

— Ты называешь это непосредственностью! Ну, а какъ же ты назовешь мои вещи? Ты ихъ видѣлъ?

- Видѣль.
- Ну, и что же?
- Ты такъ же писалъ двадцать лѣтъ назадъ.
- Что ты этимъ хочешь сказать?
- Въ тебѣ нѣтъ движенія впередъ. Ты замерзъ.
- Да вѣдь всѣ говорили двадцать лѣтъ назадъ, что я писалъ отлично. Такъ что жъ, я теперь хуже пишу?
- Нѣтъ.
- Такъ въ чемъ же дѣло?
- Да въ томъ, что требованія переросли твою технику.
- Оставь ты эти теоретическія разсужденія. Если Ванъ-Дейкъ былъ хорошъ сто лѣтъ назадъ, то онъ хорошъ и теперь, и какія вы требованія ни предъявляйте, все же онъ будетъ внѣ вашихъ требованій.
- Такъ то Ванъ-Дейкъ!—не выдерживаетъ пріятель.
- Смотри,—тащить его художникъ.—Смотри, видишь ты эту воздушную перспективу? Ты чувствуешь эту подлую, нахальную ложь?.. У него даже пѣна выступаетъ на губахъ. Да и понятно: сбить его картинамъ прекратился, никто не покупаетъ, а молодежь какъ-то ухитряется продавать.
- Вѣдь я въ салонѣ парижскомъ выставялъ,—со слезами жалуется художникъ.—Вѣдь самъ Мейсонье мнѣ руку жалъ и говорилъ, что я пишу очаровательно... А теперь... теперь они про Мейсонье знаютъ что говорятъ: что это былъ только фотографъ, incapable ни на какое искреннее творчество!..
- Мнѣ нерѣдко приходится сталкиваться съ «могиканами». Иной меня спрашиваетъ:
- Скажите откровенно, почему голую дѣвку, сидящую верхомъ на какомъ-то дурацкомъ козлѣ, Бёклинъ назвалъ тишиною? Вѣдь вы только стараетесь себя во что бы то ни стало настроить, что именно это и есть «тишина», а это не тишина, а знаете что? Издѣвательство. А эти новыя штуки, что расплодились какъ мухоморы? Неужели это не вздоръ? Всѣ эти сатиры, фавны, осклязлыя дѣвицы, страдающія блѣдной немочью? Вѣдь ими прикрывается неумѣнье писать. Они безграмотны.

XXIX.

Это главное утѣшеніе старичковъ: безграмотность послѣдующаго поколѣнія. Они пасуютъ, когда встрѣчаются съ такимъ колоссальнымъ дарованіемъ, какъ Менцель, который побивалъ ихъ, при талантѣ, такими знаніями, о которыхъ имъ и не снилось. Желая и въ Менцелѣ не видѣть укора, они говорятъ:

— Посмотри, какъ въ наши дни писали!

Словомъ, не отличаютъ себя отъ лиллипута-художника, переросшаго, быть можетъ, всю Европу.

Тѣ уклоненія, которыя, несомнѣнно, сказались и въ русской школѣ въ послѣдніе годы при всеобщей переоцѣнкѣ, понятны. Сбрасывая условность и беззубыя традиціи, сбрасываютъ и то, чего не надо было бы трогать. Но въ нашей молодой школѣ все же есть рѣзкое движеніе впередъ,—это несомнѣнно.

Въ ту эпоху, когда Стасовъ говорилъ, что наше искусство чуть ли не первое въ Европѣ, когда онъ восхищался по-своему техникою, мы терпѣли позорныя пораженія на всемірныхъ выставкахъ. То, что казалось превосходнымъ на передвижныхъ выставкахъ, свезенное въ Парижъ, выставленное на матовомъ свѣту «дворца искусствъ», оказывалось чернымъ, угловатымъ, написаннымъ съ такими дефектами, какихъ и не подозревали.

Больше всего насчетъ этого скорбѣлъ Стасовъ. Разъ онъ даже выдумалъ такую теорію:

— Живопись, писанная для данной параллели, не можетъ быть свезена на югъ. Вѣдь и парижскія картины теряютъ въ Петербургѣ, — кажутся безцвѣтными, покрытыми какой-то мукой. Выставьте здѣсь Рембрандта, и Рембрандтъ здѣсь пропадетъ, потому что онъ писалъ для темныхъ голландскихъ помѣщеній.

Но онъ ошибся: когда выставили недавно въ Парижѣ Рембрандта, такъ онъ только выигралъ отъ свѣта. А произошло все-таки это по той причинѣ, что наши живописцы, какъ и актеры, въ прошломъ были неряшливы и въ рисунокѣ и въ колоритѣ. Пройдитесь по Третьяковской галереѣ, — посмотрите, сколько повѣстей, рассказовъ, рассказиковъ, тенденцій и какъ мало живописи. Все искали «нутра», и проглядѣли искусство.

Тѣ, кто былъ поумнѣе, старался прикрыть свои грѣхи разными высшими соображеніями. Н. Н. Ге, ума отъ котораго никто не отниметъ, писалъ Т. Н. Толстой, учившейся живописи:

«Заботьтесь и о формѣ, но больше всего о томъ, что высказывается въ формѣ. Все искусство—въ содержаніи, въ томъ, что дѣйствительно дороже всего...»

Въ другой разъ, въ письмѣ къ С. А. Толстой, Ге выразился еще категоричнѣе:

«Прошло время, когда форма уже была все, когда хорошо говорить, хорошо писать перомъ и кистью мнѣ было безъ труда, т. е. безъ трудовой жизни—безъ этого необходимаго осуществленія своей мысли...»

Ге забывалъ одно: никогда не бывши строгимъ техникомъ, онъ всѣ свои картины послѣ «Тайной вечери» писалъ небрежно. И «Петръ», и «Екатерина», и «Пушкинъ въ Михайловскомъ» — все это превосходно задумано и скомпановано,—но техника только-только «сносна», какъ выражался И. Е. Рѣпинъ. А будь у него форма сильнѣе, онъ былъ бы, дѣйствительно, художникомъ-гигантомъ.

XXX.

Тэнъ говаривалъ, что красота заключается въ характерѣ. Чѣмъ полнѣе выраженъ характеръ, тѣмъ полнѣе выразилась красота. Но Ипполитъ Тэнъ подразумѣвалъ, что и живописецъ, и скульпторъ можетъ выразить характеръ только при извѣстной technikѣ. Вѣдь у живописца нѣтъ другого матерьяла, кромѣ красокъ или карандаша, а у ваятеля—кромѣ рѣзца. Вѣдь онъ, только овладѣвъ формой, можетъ заставить эту форму заговорить такъ, какъ онъ этого хочетъ. Чимабуэ и Джіотто производятъ своей мистической искренностью большое впечатлѣніе, но все же ихъ дѣтскій, неправильный рисунокъ—противенъ, онъ мѣшаетъ полнотѣ впечатлѣнія. Можетъ ли самое превосходное стихотвореніе быть поэтическимъ произведеніемъ, если подлежащее не будетъ согласовано съ опредѣленіемъ, и вмѣсто однихъ падежей будутъ поставлены другіе. Еще въ приказѣ по полиціи и въ воззваніяхъ о помощи погорѣльцамъ—это терпимо, но если поэтъ претендуетъ на художественность, онъ долженъ быть и грамотнымъ.

Вотъ съ этой стороны движеніе впередъ несомнѣнно. Обратились и художники къ формѣ. Пейзажисты поняли, что такое Коро и что такое Беклинъ, и чѣмъ долженъ быть пейзажъ. Такъ рано умершій Левитанъ почувствовалъ и понялъ Коро и Беклина въ русскихъ сумеркахъ, и съ этой стороны такъ былъ близокъ къ Чехову. Антонъ Павловичъ мнѣ говорилъ какъ-то:

— Есть у Левитана «Деревня». Стоитъ не купленная въ его мастерской—хорошія вещи всегда покупаются послѣдними. Если бъ у меня были деньги, я бы купилъ эту «Деревню», повѣсилъ у себя въ кабинетѣ и былъ бы счастливъ, потому что всегда бы видѣлъ ее.

Это высшая похвала картинѣ: желаніе всегда ее видѣть.

Въ концѣ концовъ я хотѣлъ бы сказать нѣсколько словъ о школахъ. Что такое художественная школа?

Мы хорошо знаемъ, что да-Винчи, Ванъ-Дейкъ, Рембрандтъ и Веласкецъ ни въ какихъ академіяхъ не были и никакого систематическаго курса наукъ по искусствамъ не слышали. А между тѣмъ до нихъ не могутъ подняться современные художники.

Далѣе мы видимъ, что академіи всегда плодили необычайное количество посредственностей, которыя, какъ лишаи, облѣпляли *alma mater*. Слѣдовательно, дѣло совсѣмъ не въ академіи.

Академія должна блюсти высшіе законы искусства, но не ея дѣло быть педагогомъ. Школа—дѣло живое, бьющееся полнымъ пульсомъ. Преподаватель и ученикъ должны вѣрить другъ въ друга. Это дѣло взаимнаго довѣрія. Академическое учебное заведеніе—это исполненная формальность, и только.

Изъ частныхъ мастерскихъ куда больше выходитъ талантовъ. Отсутствие систематическаго курса наукъ не играетъ никакой роли. Важнѣйшіе изъ прикладныхъ предметовъ—перспектива и теорія тѣней—могутъ быть смѣло изучены по хорошему учебнику, безъ преподавателя, для этого надо только имѣть подготовку прогимназіи, то есть ясно усвоить себѣ курсъ стереометріи, и, кромѣ того, обладать извѣстнымъ врожденнымъ представленіемъ о формѣ въ пространствѣ. Если этого пониманія у художника нѣтъ, то онъ никогда художникомъ не будетъ. Что же касается главнаго—техники живописи, — то всякая частная мастерская даетъ, конечно, больше академіи, гдѣ на два часа въ недѣлю является профессоръ и, чтобы отбыть свой классъ, даетъ совѣты ученикамъ.

Исторія искусствъ — предметъ почтенный, теоретическая анатомія — тоже; но развѣ академія даетъ точныя знанія по этимъ предметамъ? Развѣ мы не видимъ цѣлую фалангу академикомъ-профессоровъ, прескверно знающихъ анатомію, и совершенно не знающихъ исторіи искусствъ?

Отъ художника, кончающаго курсъ рисованія, надо требовать двухъ вещей: грамотности въ рисункѣ и чувства колорита. Талантъ — не дѣло школы, его привить нельзя, его только можно развить въ извѣстномъ направленіи.

Поэтому вопросъ о закрытіи высшей школы при академіи, помоему, можетъ быть встрѣченъ только сочувственно. Или уже надо преобразовать это учрежденіе такъ, чтобы отъ него слѣда не осталось прежняго режима.

Плоды школа дастъ только въ томъ случаѣ, если будетъ совмѣстная работа ученика и учителя. Ванъ-Дейкъ былъ ученикъ Рубенса. Это не значитъ, что второй училъ перваго выкладывать краски на палитру и давалъ ему теоретическіе совѣты. Получивъ заказъ въ мастерскую, онъ передавалъ его своимъ ученикамъ; иногда написалъ самъ головы, онъ предоставлялъ остальное ученикамъ. Иногда все писалъ ученикъ, а учитель только проходилъ имъ написанное. Такимъ образомъ, составлялось живое дѣло; не ученики платили учителю, а учитель ученикамъ, и овладѣвшіе извѣстной техникой являлись уже рабочей силой, а не изображителями нагой классной натуры, никому не нужной.

XXXI.

Еще сложнѣе обстоитъ дѣло съ театральными курсами.

Состоящія при дирекціи балетныя училища—опять-таки остатки стараго барства. Сюда во времена оны сгоняли—

На многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ оторванныхъ дѣтей.

Изъ Дашекъ и Омокъ образовывались Зефиры и Амуры, баре дивились ихъ красѣ и заранѣе намѣчали тѣхъ, изъ которыхъ можетъ выйти прокъ, помимо балета. Нечего грѣха таить: балетъ въ прежнее время являлся поставщикомъ женщинъ, при чемъ учрежденіе это широко субсидировалось правительствомъ. Дѣвочка росла съ десятилѣтняго, даже семилѣтняго возраста, на глазахъ опытныхъ зрителей перваго ряда. Они постепенно изучали ея красоту, грацію, развитіе формъ. Преподаватели все дѣлали, чтобы показывать свой товаръ какъ можно нагляднѣе. Дѣвочки, ярко освѣщенныя, обтянутыя трико, которое должно давать иллюзію голаго тѣла, поворачивались на всѣ стороны, изгибались кольцомъ, подымали руки, ноги, мило, заманчиво улыбались, какъ будто говоря будущимъ покровителямъ:

— Ну, который же меня возьметъ?

По выходѣ изъ училища, когда красавицу, 16-лѣтнюю дѣвочку, просили оставить казенное помѣщеніе, а на жительство выдавали 14 рублей въ мѣсяцъ, покровители немедленно разбирали намѣченныхъ танцорокъ. Говорятъ, что даже начальство до нѣкоторой степени покровительствовало предварительнымъ знакомствамъ дѣвицъ съ балетоманами, т. е. дѣлало видъ, что ничего не видитъ,—и все это съ филантропической цѣлью, чтобы не оставить дѣвочекъ по выходѣ изъ училища на улицѣ.

Но время шло, и «нравы смягчались». Въ театральное училище стали попадать дворянскія дѣти. Былъ случай, когда дядя-помѣщикъ, привезя двухъ своихъ племянницъ изъ деревни въ столицу для помѣщенія въ институтъ, по ошибкѣ опредѣлилъ ихъ въ театральное училище. Ошибка эта объяснилась только черезъ годъ, когда дѣвочекъ отпустили на каникулы. А дядя объяснилъ сестрѣ:

— Ма снѣге, я жестоко пилъ тогда, ну, и перепуталъ.

Впрочемъ изъ сестеръ вышли не только танцовщицы, но и хорошія жены.

Теперь и жалованье повышено, да и нѣтъ тѣхъ систематическихъ вербовокъ дѣвушекъ на содержаніе, какъ прежде. Но самое существованіе балетнаго училища подвержено сомнѣнію и едва ли надо быть пророкомъ, чтобы сказать, что оно доживаетъ послѣдніе дни.

Такихъ училищъ на Западѣ нигдѣ нѣтъ. Есть частныя школы, гдѣ учительницы—заштатныя танцовщицы и танцовщики—подготавливаютъ дѣвицъ для балета. Что это даетъ свои плоды, видно на цѣломъ рядѣ знаменитостей—Цукки, Дель Эра и т. д., которыя, приѣзжая къ намъ, показываютъ изумительную технику. У насъ могло бы быть то же самое. Это обезпечивало бы правительственному театру пріемъ дѣйствительно способныхъ дѣвушекъ. Теперь же, при пріемѣ въ 10 лѣтъ, трудно не только считаться съ буду-

щими способностями, но даже съ вѣшностью, такъ какъ нерѣдко милостивая дѣвочка ко времени выпуска обращается въ невозможную угловатую фигуру. Спеціальный двухгодичный классъ высшей, такъ сказать, школы, подъ руководствомъ балетмейстера, могъ бы быть открытъ при театрахъ и стоилъ бы сравнительно гроши. По всѣмъ вѣроятіямъ, къ этому и придетъ театральная администрація.

XXXII.

Наибольшаго вниманія заслуживаютъ драматическія школы.

Въ послѣднее время ихъ развилось необычайное количество. Среди молодежи, особенно дѣвушекъ, образовалась манія итти на сцену. Едва дочь кончитъ гимназію, какъ заявляетъ матери:

— Я хочу на драматическіе курсы.

Обыкновенно семья въ ужасѣ. Начинаютъ отговаривать,—но эти увѣщанія ни къ чему не приводятъ.

Весьма понятно это стремленіе въ театръ. Во-первыхъ, здѣсь женщина чувствуетъ себя не только самостоятельнѣе и свободнѣе, чѣмъ во всякой другой профессіи, но и нужнѣе.

Барышню-телефонистку можетъ (да еще съ какимъ успѣхомъ!) замѣнить артельщикъ. Барышню съ машинкой (пишущей)—любой грамотный писарь. Барышни-кассирши, приказчицы, экономки и т. д. могутъ быть замѣнены не безъ успѣха мужскимъ поломъ. Даже акушерки могутъ во многихъ случаяхъ уступить первенство лекарямъ. Женщина-живописецъ, женщина-скульпторъ и музыкантъ только подражаетъ мужчинѣ, но не возвышается надъ нимъ. А вотъ въ дѣлѣ сцены—женщина вѣтъ конкурса.

Безъ женщины нѣтъ театра, хотя во времена Шекспира Дездемонъ и Корделій играли мальчики и, вѣроятно, не хуже нашихъ примадоннъ, потому что такіе артисты, какъ Барбеджъ, приводившіе въ восторгъ автора, конечно, имѣли достойныхъ себя партнеровъ. Но теперь мы не можемъ вернуться къ шекспировской эпохѣ, и женщина является, повторяю, вѣтъ конкурса.

Сила женщины, опутавшей театръ, громадна. Въ каждомъ театрѣ во главѣ труппы стоитъ примадонна, у которой заискиваетъ антрепренеръ, которой боятся и которую ненавидятъ. Болѣе того, она начинаетъ руководить дѣломъ и становится во главѣ большихъ предпріятій. Таковъ театръ Режанъ въ Парижѣ, таковъ театръ Сарры Бернаръ. Вспомните у насъ нашихъ антрепренершъ: Бренко, Абрамову, Гореву, Яворскую, Коммиссаржевскую, и вы, конечно, отдадите должное энергіи нашихъ актрисъ.

Что мудренаго, когда женщина хочетъ войти въ область этой свободы, этого вѣчнаго блеска, поклоненія, въ міръ крупныхъ де-

нежныхъ суммъ и предпріятій, которыя волнуютъ, какъ биржевая игра. Вѣчная игра въ страсть на сценѣ порождаетъ вѣчное исканіе идеала въ жизни, порождаетъ свободныя отношенія къ мужчинѣ, не связанныя продажностью.

Итакъ, дѣвушка уходитъ изъ семьи, уходитъ на курсы. Самое трагическое положеніе тутъ бываетъ тогда, когда у нея есть какой-нибудь физическій недостатокъ, ну, скажемъ, шепелявость. Есть преподаватели, которые спокойно увѣряютъ, что это «излечимо», и въ теченіе трехъ лѣтъ берутъ деньги съ несчастной. Кончается она съ аттестатомъ, а затѣмъ начинается трагедія.

Ее никуда не берутъ.

— У васъ дефектъ, сударыня.

— Позвольте, а вотъ аттестатъ?

— До этого намъ нѣтъ дѣла.

Она къ прежнему преподавателю. Тотъ дѣлаетъ скорбное лицо.

— Признаюсь,—говоритъ онъ:—я надѣялся, что вы отдѣлаетесь отъ этого недостатка, но вы недостаточно работали.

Оторванная отъ домашней жизни, мечтавшая объ успѣхѣхъ по меньшей мѣрѣ Дузе, дѣвушка, если она смазлива, дѣлается выходной актрисой въ частномъ театрѣ, да и то для этого приходится послѣ спектакля подолгу ужинать съ лицами, власть имѣющими.

XXXIII.

Разъ подышавши атмосферой сцены, рѣдко возвращаются въ семью; приходится бросать домъ, ѣхать въ другой городъ, иногда въ двадцать городовъ. Теперь кончившихъ драматическіе курсы антрепренеры берутъ для вторыхъ и третьихъ ролей съ большей охотой, чѣмъ профессиональныхъ артистовъ, потому что молодежь дешевле. Потомъ, какъ-никакъ, у нихъ поставленъ до нѣкоторой степени голосъ. Онѣ видѣли столичныя труппы, могутъ подражать не только Савиной и Ермоловой, но даже г-жѣ Книпперъ. У кончившихъ курсъ есть извѣстная интеллигентность и даже начитанность, и съ этой стороны, въ массѣ, конечно, театръ сдѣлалъ шагъ впередъ.

Тѣмъ не менѣе, обращаясь къ самымъ школамъ, надо сказать, что въ общемъ—это болѣе коммерческія предпріятія, чѣмъ разсадники искусства.

Посмотрите, съ какимъ багажомъ выходитъ молодой человѣкъ въ жизнь изъ «профессиональной школы». Пять-шесть съ голоса разученныхъ ролей. Иногда отчетливая рѣчь; рѣже правильно поставленный голосъ. Но самаго главнаго не преподаютъ: театраль-ной этики.

Мы вообще плохо сознаемъ свои обязанности, недисциплинированы совершенно. Посмотрите разницу между репетиціями у нѣмцевъ или французовъ и у насъ. Не прійти на репетицію считается дѣломъ обыкновеннымъ. Не знать роли тоже. Вся надежда на суфлера. У насъ въ театрахъ нерѣдко вы слышите двѣ пьесы—одну изъ будки, другую со сцены.

Суфлеръ принадлежитъ тоже къ архаическимъ атрибутамъ театра. Суфлера быть не должно, какъ постоянного активнаго дѣятеля каждаго спектакля. Его должность та же, что дежурнаго пожарнаго. О существованіи его никто и не догадывается; но стоптъ на сценѣ показаться дымку, чтобъ онъ моментально появился на сценѣ съ ведромъ воды и мокрымъ войлокомъ. Суфлеръ долженъ устранять случайную запинку, путаницу, помочь артисту выбраться изъ затрудненія, и только.

Чѣмъ суфлеръ лучше, тѣмъ большее зло для театра. Артисты пріучаются не знать ролей, полагаясь на способности своего подпольнаго товарища. Для автора суфлеръ величайшее зло, въ томъ видѣ, въ какомъ у насъ это практикуется.

Этика заключается въ чистой любви къ дѣлу и въ строгомъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ. Женщины тверже мужчинъ въ роляхъ. Но женщины болѣе свободно относятся къ правдивости и реализму. Есть актрисы, которыя не желаютъ надѣвать плохо сшитыхъ платьевъ и, даже играя горничныхъ и кухарокъ, заказываютъ ихъ у первыхъ петербургскихъ фирмъ. Сколько разъ мнѣ приходилось говорить съ ними:

— Да попросите вы кухарку, чтобъ она привела вамъ свою портниху, и закажите ей;— повѣрьте, она сдѣлаетъ вдвое лучше, чѣмъ ваша «фирма».

Но почти всегда мои увѣщанія оставались безрезультатны.

Надѣтъ брильянты въ уши, играя бѣдную учительницу,—дѣло обыкновенное. На замѣчанія даже обижаются.

XXXIV.

Конечно, прогрессируетъ все, прогрессируетъ и школа. Но надо сознаться, что прогрессъ этотъ двигается черепашинымъ шагомъ. Прогрессъ есть уже потому, что прежде школъ не было, а теперь ихъ множество. Вредъ и польза, приносимая ими, пока борются между собой. Контроль надъ такими учрежденіями былъ бы, конечно, желателенъ, но контроль не чиновничій, а общественный. Сказать, что всѣ школы только развращаютъ молодежь,—нельзя. Но что распущенность, неврастенія и всякія ненормальности присущи этимъ школамъ, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ.

Улучшеніе дѣла театральныхъ курсовъ зависитъ, по-моему, болѣе отъ учащихся, чѣмъ отъ учащихся. Если нравственныя начала прочны въ дѣвушкѣ, никакая школа ее не испортитъ. Если же въ ней есть стремленіе къ распущенности, то и пребываніе въ семьѣ ни отъ чего ее не гарантируетъ.

Временное броженіе въ нашу смутную эпоху переоцѣнокъ подняло всю муть со дна. Но будемъ надѣяться, что все-таки мы идемъ къ извѣстной цѣли, хотя и уклоняясь порою въ разныя стороны. Старое рушится, отживаетъ. Возьмемъ отъ него все хорошее, что оно можетъ намъ завѣщать, и забудемъ про все дурное.

П. Гяѣдичъ.

ЛИШЕННЫЕ ВСѢХЪ ПРАВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ.

(Изъ личныхъ воспоминаній о штрафныхъ батальонахъ).

I.

ОИ ПРАВДИВЫИ рассказъ относится, по времени, къ первой половинѣ 80-хъ годовъ, а по мѣсту дѣйствія—къ дисциплинарнымъ батальонамъ. Большинство знакомо съ функціями этихъ учреждений нашего военного вѣдомства, для непосвященныхъ же долженъ сказать, что это—военныя тюрьмы, въ которыхъ помѣщаются провинившихся противъ военной дисциплины нижнихъ чиновъ, призванныхъ на дѣйствительную службу. Эта кара примѣняется, конечно, по суду. Но въ царствованіе Александра III въ дисциплинарные батальоны заключались молодые люди различныхъ учебныхъ заведеній за оскорбленіе дѣйствиємъ своихъ преподавателей, причемъ эта мѣра практиковалась не по суду, а высочайшимъ повелѣніемъ по каждому отдѣльному случаю. Въ число этихъ молодыхъ людей попалъ и пишущій эти строки.

Въ дни пылкой, не знающей компромиссовъ юности, когда молодая душа такъ отзывчива на доброе и злое, я имѣлъ весьма печальное столкновеніе съ однимъ «ученымъ мужемъ».

Еще не улеглась жгучая боль оскорбленнаго юношескаго самолюбія, попраннаго въ его «святая святыхъ» бюрократомъ-профессоромъ; еще не забылось ощущеніе рѣзкой боли въ ладони моей

отъ столкновенія съ фizioноміей футлярнаго человѣка, какъ я юнецъ по девятнадцатому году, «по щучьему велѣнію» былъ переброшенъ, съ помощью двухъ бравыхъ жандармовъ, съ школьной скамьи въ Бобруйскую крѣпость.

Такимъ образомъ я очутился въ Бобруйскомъ дисциплинарномъ батальонѣ.

Въ мгновеніе ока съ меня совлекли мое штатское платье и стали облачать въ солдатскую форму безъ погонъ и петлицъ.

— Смир-но!—внезапно, пронзительно, какъ зарѣзанный, заораль унтеръ, производившій мое переодѣваніе.

Крикъ этотъ подъ гулками сводами помѣщенія, въ которомъ мы находились, пронесся, какъ вопль безнадежнаго отчаянія.

Я опѣшилъ, ничего не понимая. Однако зрѣніе и остатокъ моего соображенія вскорѣ уяснили мнѣ причину.

Предо мной стоялъ человѣкъ. Тучный корпусъ его облекала офицерская форма. На короткой шеѣ покоилась огромная голова. Глаза неподвижнымъ, воловьимъ взглядомъ охватывали меня.

— Я твой ротный командиръ,—послѣ длительной паузы, членораздѣльно, отчеканивая каждое слово, заговорилъ человѣкъ.— Ты поступилъ къ намъ изучить и усвоить воинскую дисциплину, словомъ, получить солдатскую подготовку. Мы должны выбить изъ тебя университетскія, вольтерьянскія бредни. Здѣсь будешь ходить по ниточкѣ. У насъ всякая вина виновата. Мы дурь выбиваемъ на спинѣ. Возьми въ руки фуражку и читай!—и онъ указалъ на околышъ фуражки, врученной мнѣ въ этотъ моментъ моимъ унтеромъ.

На околышѣ стояли три буквы В. Д. Б. (Бобруйскій дисциплинарный батальонъ).

Съ недоумѣніемъ я перевелъ глаза на моего «командира».

— Это значитъ — будутъ... драть... безщадно! — сказалъ онъ, глядя на меня въ упоръ.—Понялъ!.. Правда, тебя розгами мы драть не будемъ; ты, вѣдь, грамотей... твоя Марѳа Ивановна застрахована. Но въ нашихъ рукахъ есть еще мѣра нравственнаго воздѣйствія— это карцеръ! Слѣдовательно, мы будемъ гноить тебя въ карцерѣ. Кромѣ того, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется непосредственное за проступкомъ и непослушаніемъ воздѣйствіе въ распоряженіи нашемъ имѣется экстренное и самое дѣйствительное средство. Видѣлъ?!

И онъ поднесъ къ моему носу свой огромный кулачище.

Возмущенный, отступая шагъ назадъ, я вскричалъ:

— Прошу быть человѣчнѣ!

— Что-о?!—завревѣлъ онъ, принимая кренделеобразную форму и наступая на меня. Глаза его налились кровью.

Мы стояли вплотную, пожирая другъ друга взглядами звѣрей двухъ враждебныхъ породъ. Казалось, еще моментъ, и мы сцѣпимся.

— За что вы меня мучаете? — наконецъ сказалъ я, послѣ тяжелой паузы.

— Молчать! — вновь выпалилъ онъ, какъ изъ пушки. — Со-ци-а-ли-сты!..

Струя воздуха изъ его груди ударила мнѣ прямо въ лицо. Обоняніе мое ощутило присутствіе винныхъ паровъ.

— Взять его по мѣсту назначенія! — скомандовалъ онъ, повернувъ голову къ унтеру.

Мой конвоиръ подхватилъ меня и повелъ изъ помѣщенія.

Мы вышли на обширный дворъ. Я шелъ подавленный, безвольный, какъ жертва на закланіе. Мозгъ сверлила неотвязная, автоматически повторяемая мысль: «Мѣсто назначенія... мѣсто назначенія... что это за мѣсто назначенія?.. Куда же это меня влекутъ?!» и сердце, учащеннымъ біеніемъ, тревожно вторило этимъ вопросамъ.

Пройдя дворъ, мы вошли въ темное и сырое, какъ склепъ, помѣщеніе. Вонючая, спертая и промозглая атмосфера ударила по носу.

Это былъ узкій коридоръ, освѣщенный единственнымъ окномъ съ противоположной стороны. Его деревянные стѣны представляли въ то же время рядъ идущихъ одна за другой дверей, съ квадратными дырами по срединѣ.

Навстрѣчу къ намъ вышелъ унтеръ, поразительно схожій съ приведшимъ меня.

— Въ одиночное заключеніе! — лаконически, команднымъ голосомъ сказалъ мой и быстро исчезъ въ обратномъ направленіи.

— Иди за мной! — тѣмъ же тономъ выкрикнулъ мой новый аргусъ.

Я машинально послѣдовалъ за нимъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился и быстрымъ движеніемъ руки распахнулъ дверь въ стѣнѣ коридора.

— Чего же стоишь?! Заходи! — огрызнулся онъ, видя, что я остановился.

Я прошелъ за дверь. Въ тотъ же моментъ она быстро, съ шумомъ, захлопнулась за мной. Я стоялъ въ потемкахъ. Глаза, носъ и грудь ощущали ѣдкую вонь герметически закупореннаго грязнаго ретирода. Прошла долгая минута, пока я разобрался въ окружающей темнотѣ. Я былъ въ небольшомъ, узкомъ, немного шире дверей, помѣщеніи, со сводчатымъ потолкомъ, спускающимся къ самому полу на противоположной отъ двери сторонѣ. Такимъ образомъ, помѣщеніе мое обладало лишь двумя стѣнами — впродоль, поперечныхъ же, собственно говоря, не было. Окно также отсутствовало, для него не было выхода, такъ какъ стѣны, точнѣе, перегородки отдѣляли одно отъ другого подобныя же помѣщенія. Роль окна изображала дверная амбразура. Справа отъ двери и почти вплотную къ ней стояла единственная мебель — деревянная

койка; на ней валялся растрепанный соломенныйкъ. Вмѣстимость всей конуры-стойла немногимъ превышала кубическую сажень.

«Такъ вотъ оно — мѣсто моего назначенія...» пронеслось въ головѣ.

Ошеломленный, я сѣлъ на кровать. Усталость, разбитость отъ двухъ бессонныхъ ночей въ дорогѣ и пережитыхъ волненій скоро свалили меня на грязный соломенныйкъ. Но спать я не могъ. Въ вискахъ стучало, въ ухахъ стоялъ шумъ. Бѣдное зловоніе забиралось подъ рѣсницы, въ носъ и горло, сдавливая дыханіе.

«Неужели мнѣ суждено здѣсь провести два года моего заточенія...» пробѣжала мысль и мелкой дрожью испуга разлилась по всему тѣлу.

«Нѣтъ!.. этого быть не можетъ!» запротестовалъ разумъ, возмущенный нелѣпостью такого предположенія.

И все-таки безвѣстность меня ужаснула. Я вскочилъ, какъ ужаленный.

Задыхаясь отъ терзавшей меня мысли и зловонія, невольнымъ движеніемъ я приблизился къ амбразурѣ и жадно сталъ вдыхать коридорный воздухъ, показавшійся мнѣ живительнымъ бальзамомъ.

— Уберись отъ фортки!

Предо мной стоялъ коридорный аргусъ, со связкою ключей въ рукахъ.

Я не двигался съ мѣста, жадно работая легкими.

— Тебѣ говорятъ?! Аль карцера захотѣлъ?! На мѣсто! — не отставалъ мой мучитель.

Къ горлу моему клубкомъ подступила обида и какое-то непреодолимое желаніе пассивнаго протеста.

Я оставался недвижимъ.

— У меня голова кружится... — началъ было я.

— А, не исполнять моихъ приказаній! — не слушая меня, перебилъ онъ, быстро исчезая изъ моихъ глазъ.

Не прошло пяти минутъ, какъ я услышалъ приближающіеся шаги двухъ паръ ногъ. Шаги остановились внѣ поля моего зрѣнія, я услышалъ голоса:

— Зачѣмъ звать?

— Новенькій лѣзетъ въ фортку и не слушаетъ приказу, господинъ фельдфебель.

— Посади въ карцеръ. Я доложу ротному.

И пара ногъ вновь застучала, умолкнувъ за звукомъ захлопнутой двери.

Вслѣдъ раздался громъ отпираемаго замка, и дверь моя распахнулась.

— Выходи! — сказалъ унтеръ-аргусъ.

Я, какъ покорное животное, выползъ въ коридоръ.

Мой беспощадный стражъ отвелъ меня въ отдаленный конецъ коридора и ввергнулъ въ однородное оставленному помѣщеніе.

Разница была лишь въ большей высотѣ и меньшемъ размѣрѣ дверного отверстия,—вдыхать коридорный воздухъ и лицезрѣть моего аргуса теперь я уже не могъ. Нацупавъ деревянную койку, я удостовѣрился въ отсутствіи подстилки.

Здѣсь я провелъ сутки, двадцать четыре мучительныхъ, ужасныхъ часа, безъ сна и пищи. Правда, мнѣ бросили кусокъ хлѣба и немного воды, но, съ жадностью выпивъ всю воду, до хлѣба я не дотронулся. Я чувствовалъ, что, помимо душевной подавленности и возмущенія, помимо физической разбитости, мой организмъ жестоко страдалъ отъ страшно испорченного воздуха, насыщеннаго зловонными испареніями изъ ничѣмъ не покрываемыхъ, однажды въ сутки выносимыхъ посудинъ, именуемыхъ «парашами». Я теперь понялъ, что слова звѣроподобнаго ротнаго: «мы будемъ гноить тебя въ карцерѣ», были не метафорой, а жестокою, возмутительной дѣйствительностью. И въ то же время какой невѣжественной, злой насмѣшкой звучало: «въ нашихъ рукахъ есть мѣра нравственнаго воздѣйствія—это карцеръ!»

На другой день меня вернули въ старое помѣщеніе, которое представляло лишь то преимущество, что я могъ украдкой отъ моего стража изрѣдка вдыхать коридорный воздухъ.

Это меня нѣсколько успокоило; я легъ и уснулъ.

Долго ли я спалъ—не знаю. Меня разбудилъ стражъ и приказалъ слѣдовать за нимъ.

Наше путешествіе было непродолжительно.

Въ томъ же коридорѣ, налѣво отъ входа, стояла настежь открытая дверь, ведущая въ свѣтлое, съ большимъ окномъ, помѣщеніе, куда стражъ предложилъ мнѣ войти. Это была комната для дежурныхъ по одиночному заключенію унтеръ-офицеровъ.

Тамъ, облокотясь на небольшой столикъ, сидѣлъ тучный, старше среднихъ лѣтъ, священникъ.

Онъ встрѣтилъ меня пріятельскимъ:

— Здорово, свѣтъ!

Я отвѣтилъ молчаливымъ поклономъ.

Замѣтя мой угрюмый, удрученный видъ и молчаніе, онъ заговорилъ:

— Мы принесли тебѣ, узнику, слово утѣшенія, а также, и прежде всего, слово радованія по случаю высокаторжественнаго дня рожденія его величества. Помолясь во храмѣ купно со всѣми заключенными о здравіи, долгоденствіи и благоденствіи высокаго виновника нашего торжества, мы почли своей пастырской обязанностью пріобщить къ нашему духовному радованію и тебя, одиночнаго узника.

Говорилъ онъ сладостнымъ, тихоструйнымъ теноркомъ, и отъ всего его существа вѣяло не столько «духовнымъ радованіемъ», сколько елейною сытостью.

Я окончательно поникъ головой.

— Какъ твоя фамилія? — послѣдовалъ тихоструйный вопросъ.

Я назвалъ себя.

— Ты же, вѣдь, русскій и православный христіанинъ?

— Да, я русскій.

— Почему же ты такъ мрачно встрѣчаешь нашу благую вѣсть?

И почему оставляешь безъ надлежащаго отвѣта нашъ второй вопросъ, точнѣе говоря, вторую часть сего вопроса?

Я молчалъ.

— Вѣруешь ли ты въ Бога? Я твой духовный отецъ и посему въ правѣ задать сей вопросъ. Отвѣтствуй! — сентенціозно сказалъ онъ.

— Прощу извинить, это дѣло моей совѣсти, разбираться въ которой я не давалъ вамъ полномочій.

— Что ты сказалъ!!! — широко раскрывъ ротъ и срываясь съ тихоструйнаго тенорка на мажорныя басовыя ноты, возопилъ духовный отецъ.

Прошла минута молчанія, въ которую мы, съ поразительнымъ согласіемъ, изумленно обзрѣвали другъ друга.

— Кромѣ того, я просилъ бы васъ оставить грубую форму обращенія со мною на «ты». Вы же видите, что имѣете дѣло съ интеллигентнымъ человѣкомъ, для котораго невыносимо такое обращеніе.

— Ну, ужъ это ты тово... — растерянно, грубымъ басовымъ тембромъ, заговорилъ онъ. — Мы къ Господу Богу обращаемся во второмъ лицѣ единственнаго числа. Опять же, отъ удовлетворенія сей прихоти твоей внесется соблазнъ въ умы прочихъ узниковъ. Засимъ, надлежитъ тебѣ вѣдать, что у меня сынъ въ твоемъ возрастѣ и мнѣ, слѣдственно, по всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, не приличествуетъ иное обращеніе.

— Ну-съ, такъ какъ это мы тамъ? Дѣло личной-де совѣсти?... — продолжаетъ онъ, переходя на фальсифицированныя нотки своего обычнаго тона. — А освященное духовное посредничество, таинство священства... узаконенную духовную власть, значить, отрицаемъ. Въ Бога-то вѣруемъ? Или университетъ окончательно загубилъ наши души? — съ нескрываемымъ ехидствомъ заключилъ онъ.

— Я посѣщалъ университетъ всего лишь два-три мѣсяца; да, наконецъ, судить о свойствахъ и характерѣ его вліянія, повидимому, не въ вашей компетенціи.

— Вижу, вижу, что съ тобою не сговоришь; діалектикой Господь Богъ тебя не обидѣлъ. Должно, на словесномъ факультетѣ подвизался?

— Нѣтъ, я юристъ.

— Юристъ!.. Ишь ты!.. А закона не хочешь уважать! Плохой, братъ, ты юристъ! Не юристъ ты, а вольнодумецъ!.. Ну, да, авось,

Господь вразумить... Отсидишь положенный для должнаго покаяннаго размышленія двухнедѣльный срокъ одиночнаго заключенія, а тамъ подвергнуть основательному, всестороннему воздѣйствію воинской дисциплины, смотришь, и выйдетъ изъ тебя человѣкъ! Заканчивая наше собесѣдованіе, какъ не достигающее желательной цѣли, совѣтуемъ тебѣ укоротить свой язычокъ. вмѣстѣ съ симъ почитаемъ нашей пастырской обязанностью доложить по начальству о вредномъ, атеистическомъ направленіи твоихъ мыслей. Иди съ Богомъ! — махнулъ онъ рукой и порывисто всталъ.

Съ отчаяніемъ въ душѣ я пришелъ въ свою мрачную, смрадную конуру.

Я узналъ, что меня продержатъ въ этомъ убійственномъ, безъ воздуха и свѣта, помѣщеніи двѣ недѣли. А затѣмъ предстояла двухлѣтняя, невѣдомая, но начинавшая уже опредѣляться жизнь, въ зависимости отъ ужасныхъ людей, отношенія съ которыми сразу принимали остро-враждебный характеръ. Умъ напрасно искалъ выхода изъ этого невозможнаго положенія, онъ его не находилъ. Было отъ чего прійти въ отчаяніе.

Но, какъ всегда, выходъ нашелся; его дала сама жизнь.

Къ вечеру общее недомоганіе, которое я ощущалъ, перешло въ жаръ и бредъ; на утро я потерялъ сознаніе.

Когда я пришелъ въ себя, то лежалъ въ батальонномъ лазаретѣ, окруженный внимательнымъ уходомъ доктора и двухъ молодыхъ военныхъ фельдшеровъ.

Болезнь моя, какъ и надо было ожидать, оказалась тифомъ.

Я очнулся наканунѣ кризиса, который протекъ благополучно, безъ осложнений, и мои силы стали быстро восстанавливаться.

Лазаретъ оказался до нельзя переполненнымъ. Въ батальонѣ царила эпидемія цынги, постоянная спутница плохого питанія и сидячей жизни заключенныхъ въ зимніе мѣсяцы, проводимые ими безвыходно въ душной казармѣ за изученіемъ теоретической части солдатской науки, именуемой «словесностью». Немалый контингентъ больныхъ доставляли также заболѣванія туберкулезнаго характера—ужасный драконовскій режимъ и невозможныя санитарныя условія тюремнаго существованія губили много молодыхъ жизней, тосковавшихъ по родинѣ и свободѣ. Эта масса страждущихъ, однако, была неполнымъ показателемъ всей суммы страданій батальонныхъ больныхъ, ибо всѣ хроническія болѣзни въ безнадежномъ предсмертномъ періодѣ находили себѣ пріютъ въ крѣпостномъ госпиталѣ, расположенномъ по сосѣдству съ дисциплинарнымъ батальономъ. Такимъ образомъ, роль госпиталя, какъ конечнаго, въ большинствѣ случаевъ предмогильнаго пункта страданія, скрадывала, умаляла скорбную картину батальоннаго лазарета, но все же онъ напоминалъ, по своему потрясающему впечатлѣнію, страницу изъ Дантовскаго ада.

Само собою разумѣется, что, какъ только я поднялся на ноги и почувствовалъ достаточно силъ, то немедленно оставилъ лазаретъ, предусмотрительно запасшись отъ доктора удостовѣреніемъ, въ которомъ излагалась моя протекшая болѣзнь, ея главная причина— дѣйствіе одиночки—и необходимость въ устраненіе рецидива движенія на свѣжемъ воздухѣ.

Это удостовѣреніе помогло мнѣ избѣгнуть «положеннаго для покаяннаго размышленія двухнедѣльнаго срока одиночнаго заключенія».

Я былъ помѣщенъ въ казарму 2-ой роты, гдѣ мнѣ отвели отдѣльную койку. Это обстоятельство обратило на меня вниманіе всѣхъ заключенныхъ, такъ какъ они спали по 3—4 человѣка на двухъ койкахъ, составленныхъ вмѣстѣ, нѣкоторые же спали прямо на полу.

Былъ праздничный день, когда заключенные освобождались отъ занятій и предоставлялись самимъ себѣ. Меня обступили, началось знакомство; повидимому, я произвелъ на своихъ новыхъ товарищей хорошее впечатлѣніе, такъ какъ сразу же перешелъ съ нѣкоторыми на дружественное «ты».

Многіе кричали: «Это свой! Это нашъ!!».

Оказалось, что почти поголовно вся рота состояла изъ шлиссельбуржцевъ, незадолго передъ тѣмъ переведенныхъ изъ упраздненнаго въ 1883 году шлиссельбургскаго дисциплинарнаго батальона. Помѣщенія его, какъ извѣстно, въ этомъ году были обращены въ государственную тюрьму.

Ребята все были развитые, хлесткіе, бѣдовые; «огарки», что называется. Правда, это ударило по нервамъ, какъ диссонансъ съ обстановкой, какъ неумѣстная бравада; но то было лишь первое, мимолетное впечатлѣніе, изъ-за котораго выступала жизнерадостная, могучая сила молодой жизни, не знающей унынія и въ невзгодѣ.

Большинство состояло изъ матросовъ балтійскихъ флотскихъ экипажей и нижнихъ чиновъ техническихъ родовъ оружія. Заключены они были въ «дисциплинарку», за малымъ исключеніемъ, почти всѣ по различнымъ обвиненіямъ въ оскорбленіи своего начальства словомъ или дѣйствіемъ.

Были такіе примѣры:

— Стыдитесь, ваше благородіе!—говоритъ офицеру интеллигентный солдатикъ, фотографъ по профессіи, въ отвѣтъ на полученный имъ отъ него ударъ по лицу.—Вы должны показывать примѣръ образованности, а не бить меня; вѣдь я же не животное!

Въ этомъ протестѣ узрѣли «оскорбленіе на словахъ офицера» и осудили бѣднягу на два года въ дисциплинарный батальонъ.

— Счастье мое, знаете ли, что до солдатчины не имѣлъ привычки жестикулировать руками, а потому выдержалъ, во время

протеста, стойку «руки по швамъ»—безупречно. А вотъ у меня былъ товарищъ, которому тоже заѣхалъ въ физиономію ротный, такъ тотъ не выдержалъ, да и развелъ такъ руками... Что жъ вы думаете, признали оскорбленіе дѣйствіемъ офицера или какъ-то тамъ... поднятіе руки на офицера... да и дали двѣнадцать лѣтъ каторжныхъ работъ,—заклучилъ свой рассказъ фотографъ.

— Неужели же правда?—изумился я, по своей неопытности.

— Видно, что новичокъ въ военномъ дѣлѣ,—подчеркнулъ два послѣднихъ слова и добродушно похлопалъ меня по плечу мой товарищъ по несчастію.—Поживете, узнаете... такихъ примѣровъ здѣсь не оберетесь. Да вотъ, послушайте этого молодца.

Предо мной былъ бравый, статный, кровь съ молокомъ, молодецъ. Въ его открытомъ, добродушномъ лицѣ, въ его ясномъ взглядѣ свѣтилась чистая, неспорченная, не тронутая зломъ душа.

Повѣсть его «преступленія» по началу почти аналогична первой.

Онъ не выдержалъ побоевъ обучавшаго его «дядьки» и думалъ найти защиту въ ротномъ командирѣ. Онъ апеллировалъ къ нему, но горькимъ разочарованіемъ и мучительной, медленной смертью искупалъ свою надежду и смѣлость.

Ротный за жалобу жестоко его избилъ. Не выдержалъ человекъ, изъ глубины души вырвались рѣзкія, но правдивыя слова: «звѣри, изверги вы всѣ!» Его предали суду. Отсюда, собственно, и начинается «его» драма.

Онъ вѣрилъ, онъ надѣялся, что «законъ» пойметъ его, что «правосудіе» оградитъ его и другихъ, подобныхъ ему, жертвъ произвола, покаравъ палачей человѣческаго достоинства. Но судьи зажали ему ротъ; они, въ лицѣ предсѣдателя, сказали ему: «молчать!»

Тогда, въ послѣднемъ отчаянномъ усиліи, онъ хотѣлъ въ судѣ же воззвать къ чувству, къ совѣсти палача-ротного. Онъ просилъ объ этомъ судъ. Но когда ротный былъ вызванъ къ допросу, его вывели изъ судебной залы, мотивируя эту мѣру процессуальнымъ требованіемъ военного закона допрашивать потерпѣвшаго оскорбленіе офицера безъ присутствія обвиняемаго. Когда несчастнаго вернули въ залъ суда, «оскорбленнаго» тамъ уже не было.

Быстро и небрежно выполнивъ дальнѣйшія формальности, ему вынесли обвинительный приговоръ и три года дисциплинарнаго батальона.

Но въ этомъ «преступникѣ» была нетронутая дѣтская вѣра.

Съ мольбой и жалобой во взглядѣ онъ протянулъ свои руки къ изображенію высокаго и далекаго свидѣтеля неправды и воскликнулъ:

— Ваше императорское величество! защитите отъ злыхъ, неправедныхъ судей! Покарайте ихъ безсудіе!

И его вновь судили, обвинивъ въ оскорбленіи суда. Второй приговоръ далъ ему плюсъ два года одиночнаго заключенія и ссылку, послѣ окончанія пятилѣтняго заключенія, въ Сибирь на поселеніе.

Несчастный только что прибылъ въ батальонъ и его бумаги начальство «еще не разобрало». Но вскорѣ онъ былъ взятъ отъ насъ въ одиночку, гдѣ этотъ ребенокъ душой протрадалъ полтора года и, медленно угасая, умеръ.

Правда, за мѣсяць до смерти страдальца позаботились перевести въ госпиталь.

Воспоминанія объ этой загубленной жизни попутно будятъ во мнѣ многія тѣни прошлаго.

Многіе изъ моихъ новыхъ товарищей несли наказаніе за дѣянія, которыя, къ этому времени, уже не карались въ войскахъ. Я хочу сказать о нѣсколькихъ десяткахъ заключенныхъ, осужденныхъ до 1882 года за оскорбленіе своего начальства въ пьяномъ видѣ. Въ этомъ году послѣдовалъ циркуляръ военнаго министра Ванновскаго, предписывавшій начальству всѣхъ ранговъ, на случай появленія въ казармахъ пьяныхъ нижнихъ чиновъ, не только не предъявлять къ нимъ требованій дисциплины, но совершенно устраняться отъ соприкосновенія съ ними.

Были здѣсь за самовольныя отлучки и побѣги со службы, причѣмъ большинство «побѣговъ», отличаясь отъ отлучекъ лишь большею или меньшею разностью во времени, совершенно не походило на дезертирство. Были за утерю казенной одежды, «промотаніе», какъ опредѣляетъ военный законъ; за упуски арестантовъ во время караула; за отказъ употреблять оружіе противъ челоуѣка, принять присягу и тому подобное.

За интересными, поражавшими меня разговорами, незамѣтно наступилъ вечеръ. Надо было ложиться спать. Мой пріятель-фотографъ, съ пожеланіемъ покойной ночи, далъ мнѣ «повѣстку» на завтрашній день.

— Ну-съ, знаете ли, съ утра мы вступаемъ въ общество австралийскихъ дикарей, которое будетъ властвовать надъ нашими тѣлами и душами безраздѣльно цѣлую недѣлю.

На утро, лишь только мы поднялись и покончили съ своимъ несложнымъ туалетомъ, въ казарму нашу ворвалась стая кадровыхъ унтеръ-офицеровъ, нашихъ непосредственныхъ начальниковъ.

Ихъ шумное, стремительное, какъ ураганъ, нашествіе мгновенно внесло въ дотолѣ живую, движущуюся массу заключенныхъ магическое оцѣпенѣніе. Все затихло, замерло. Казалось, невидимая, страшная сила превратила живыя существа въ недвижно торчащія столбы.

Съ крикомъ: «становись!» кадровые неслись по казармѣ, выбивая ногами тактъ, какъ бы готовясь къ какому-то танцу. Они тя-

жело дышали; ихъ груди были неестественно приподняты, глаза готовы выскочить изъ орбитъ. Они производили впечатлѣніе гонимыхъ невѣдомымъ страхомъ, который, вбросивъ ихъ сюда, двигалъ по механической инерціи.

На этотъ крикъ масса заключенныхъ столь же стремительно засуетилась и застыла въ правильныхъ парныхъ рядахъ, по четыремъ угламъ казармы.

Раздалась команда: «Равняйся!.. Смирно!»

Въ дверяхъ казармы появился фельдфебель.

Горделивою походкою породистаго сытаго нѣтуха онъ сталъ обходить ряды, бросая во все стороны быстрые, пронизательные взгляды. Вся его фигура была полна спесивымъ, карикатурнымъ величіемъ.

— Морр-ду выше!—закричалъ онъ, остановясь предъ однимъ изъ заключенныхъ, и быстрымъ толчкомъ кулака снизу поставилъ подбородокъ заключеннаго на одинъ уровень съ другими подбородками.

— Бррр-ррр!—спусти нѣсколько мгновений, подскокилъ онъ къ другому и, бросивъ ему на плечи свои руки, размашисто ударилъ колѣномъ въ животъ.

— А ты, рракалія, куда смотришь! Провожай начальство глазами...—налетѣлъ на третьяго.—Сто разъ повторять... жри начальство глазами!

На другомъ концѣ казармы раздался кашель. Фельдфебель въ мгновение ока былъ тамъ.

— Смирно!.. Чорртова кукла... Дисциплину нарушать! Съѣмъ, проглочу и не в...у!..—обрушился онъ на виновника кашля.

— Горло болитъ, господинъ фельдфебель...—раскрылъ было ротъ «виновникъ».

— Молчать! Не разсуждать!! Больнымъ нѣтъ мѣста въ строю... фронтъ святое мѣсто!—заревѣло начальство, разъяренно наступая съ сжатыми кулаками на заключеннаго.

Выдержавъ минутную стойку надъ несчастнымъ, который отъ сдерживаемаго кашля сначала сталъ багровымъ, а потомъ посинѣлъ, какъ мертвецъ, фельдфебель спокойно обратился къ сосѣду:

— Ты что же, Власовъ, опять куришь... отдѣленный докладаетъ, что въ субботу поймалъ тебя въ сортирѣ съ цыгаркой. Опять допускаешь нарушение воинской дисциплины. Доложу ротному, теперь получишь двойную порцію березовой каши.

Обойдя все ряды, фельдфебель наконецъ добрался до меня. Я сталъ, какъ новичокъ, внѣ строя.

— Фылософъ... изъ тихъ, що издать та людэй баламутятъ!..—иронически процѣдилъ онъ, чего-то ради переходя на малорусскую рѣчь и съ любопытствомъ оглядывая меня съ ногъ до головы.

А затѣмъ подозвалъ къ себѣ одного изъ унтеровъ и сказалъ ему: — Петренко! Этотъ зеленый въ твое распоряженіе... веди его въ столовую и начинай... прохожденіе, отданіе чести... и все прочее сначала.

Унтеръ-офицеръ отвелъ меня въ столовую, гдѣ мы оказались съ глазу на глазъ, и приступилъ къ дрессировкѣ меня въ солдатской наукѣ—шагистикѣ, отданіи чести и «всего прочаго сначала».

Я оказалъ «блестящія» способности въ усвоеніи этихъ немудрыхъ премудростей, до ружейныхъ приемовъ включительно, и чрезъ три недѣли былъ «удостоенъ», послѣ фельдфебельскаго экзамена, перевода въ общій строй.

Вступленіе мое въ строй совпало съ началомъ весны и выводомъ заключенныхъ изъ душныхъ казарменныхъ стѣнъ на учебный плацъ.

Съ ранняго утра и до обѣда, безъ перерыва и съ пустымъ желудкомъ, насъ упражняли въ гимнастикѣ, ходьбѣ, бѣганіи, ружейныхъ приемахъ и различныхъ фронтовыхъ построеніяхъ. «Наука вбивалась» съ безопадною жестокостью и мучительствомъ. Горе было неспособнымъ! Понятіе неспособности отсутствовало въ представленіи дрессировщиковъ-мучителей. Если заключенному не удавался какой-либо приемъ, движеніе, въ этомъ видѣли нехотѣніе, «неисполненіе приказанія начальства», и градъ затрещинъ, пинковъ и ударовъ сыпался на несчастнаго. Спокойнаго, толковаго объясненія не практиковалось, оно почиталось «развращающимъ послабленіемъ». Въ обращеніи начальства съ заключенными прежде всего поражало полное отсутствіе нормальнаго, логическаго теченія мысли и ея выразительницы—рѣчи: она всегда слагалась въ крикливой формѣ, скачками и недомолвками.

Тѣлесное наказаніе, какъ руководящее карательно-исправительное начало, царило во всю безапелляціонно, и не было двухъ дней кряду, чтобы оно не примѣнялось.

Отъ наказанія розгами было изъято лишь небольшое количество привилегированныхъ — сословно и по образованію. На этотъ предметъ всѣ заключенные дѣлились на два разряда — «штрафованныхъ» и «нештрафованныхъ». Къ штрафованнымъ причислялись всѣ непривилегированные. Такимъ образомъ, за одну и ту же вину, одинъ, вслѣдствіе своей непривилегированности, приходилъ въ батальонъ заранѣе обреченнымъ на тѣлесное истязаніе, другой же, милосердіемъ Марса и Феиды, избавлялся отъ него.

Штрафованныхъ наказывали розгами до ста ударовъ. Ротный командиръ имѣлъ власть *liberum sancto* тридцати ударовъ, батальонный—пятидесяти и «комитетъ»—ста. Комитетъ—это ареопагъ четырехъ ротныхъ, батальоннаго и священника. Однако, «комитетъ»

ская сотня», какъ ее именовали заключенные, de facto всегда исходила изъ единоличной власти батальоннаго командира и лишь post factum вносила въ комитетское журнальное постановление, ибо ареопагъ собирался одинъ разъ въ мѣсяцъ, а экзекуція, съ примѣненіемъ предѣльнаго количества ударовъ, практиковалась по нѣсколькѣ разъ въ недѣлю.

Принципъ «всякая вина виновата» былъ руководящимъ къ объектамъ воздаянія; не было абсолютно такого проступка, дѣйствительнаго или воображаемаго, который не карался бы розгами. Все зависѣло отъ расположенія духа властителя. Приходилъ ли онъ раздраженный чѣмъ-либо извнѣ, показался ли ему взглядъ заключеннаго недостаточно раболѣпно-почтительнымъ, и въ результатѣ могла быть порка.

Самый актъ экзекуціи, отличаясь свирѣпою жестокостію, всегда выходилъ изъ границъ наказанія и переходилъ въ мучительное истязаніе. Розги, обыкновенно, распаривались въ горячей, просоленной водѣ. Били, «дабы прочимъ не повадно было», въ присутствіи заключенныхъ, причемъ руководитель экзекуціи—ротный командиръ наказуемаго—зачастую съ топотомъ, визгомъ и скрежетомъ зубнымъ, кричалъ палачамъ, все болѣе разъяряясь: «ррѣж-же!.. кррѣп-че!!.»

Какъ сейчасъ помню. Было ясное, теплое, весеннее утро. Природа любовно улыбалась человѣку. А мы стояли, выстроившись покоемъ, на обширномъ плацу, въ тяжеломъ, мучительномъ ожиданіи. Въ центрѣ покоя торчали барабанщикъ и четыре кадровыхъ унтеръ-офицера; у ногъ ихъ лежала куча лозъ.

Раздалась команда: «смирно!»—приблизился ротный командиръ. Съ самодовольнымъ, улыбающимся лицомъ и развязной походкой онъ вошелъ въ покой.

— Власовъ!—зычнымъ басомъ выкрикнулъ онъ.

Отъ одной стороны покоя отдѣлился маленькій человѣкъ. Мѣрнымъ шагомъ, выбивая тактъ, онъ вышелъ на средину и остановился въ трехъ шагахъ отъ ротнаго.

Маленькій человѣкъ былъ блѣденъ, и все его существо застыло въ нѣмомъ, страдальческомъ оцѣпенѣніи.

— Опять ты куришь да отлыниваешь отъ наказанія по лазаретамъ!—загремѣлъ басъ.

— Я не курю, я опять хотѣлъ только сдѣлать папиросу товарищу...—прозвенѣлъ сильный металлическій тенорокъ маленькаго человѣчка, съ смѣлымъ, ясно выраженнымъ оттѣнкомъ негодующаго протеста.

— Молчать!—заревѣлъ басъ.—Ложись, скотина!

Смѣльчакъ простоялъ нѣсколько мгновеній неподвижно, лишь мимолетная судорога, пробѣжавшая по мертвенному лицу, выдала его внутреннее волненіе, и затѣмъ быстро не то легъ, не то упалъ.

На него накиннулись кадровые, раздѣли и навалились своими тѣлами на его ноги и плечи.

Раздался бой барабана. Его тревожная, противная трескотня забила по нервамъ и вбросила въ души присутствующихъ свою тревогу.

Умолкъ барабанъ. Съ послѣднимъ его ударомъ обнаружилось царящее вокругъ общее, страшно напряженное, какъ предъ огромнымъ несчастіемъ, выжидательное молчаніе. Мгновенія-точки растянулись въ безконечно-длинные линіи, которыя медленно ползли навстрѣчу этому роковому, неизбѣжному несчастію, стараясь удержать его наступленіе.

Но вотъ надъ обнаженнымъ тѣломъ распростертаго несчастнаго человѣка мелькнуло что-то разъ и два, и въ воздухѣ пронесся рѣзкій свистъ, тотчасъ же умолкшій въ остро-впившемся въ распластанное тѣло ударѣ.

И съ каждымъ новымъ ударомъ наши сердца трепетали, но то былъ трепетъ не малодушнаго животнаго страха и рабской покорности, на которое эти удары были рассчитаны, а глубочайшаго негодованія и презрѣнія къ нашимъ тиранамъ.

Власова били долго и жестоко, но онъ не издалъ ни одного звука, и лишь бившій его, какъ въ лихорадкѣ, ознобъ выдавалъ его жесточайшую муку.

Адское терпѣніе страдальца, повидимому, бѣсило ротнаго командира,—онъ яростно, съ пѣною у рта, поминутно ревѣлъ на исполнителей казни: «кррѣп-че, чортъ васъ побери!.. ррѣже, сукины дѣти!!.»

За Власовымъ было наказано еще трое заключенныхъ. Эти не обладали феноменальнымъ терпѣніемъ перваго, и ихъ стоны, крики и тщетныя проклятья и унижительныя мольбы о пощадѣ окончательно издергали наши сердца.

Тѣлесное наказаніе, правда, страшило большинство, но оно, конечно, не могло ни на юту достигнуть результатовъ исправленія. Наоборотъ, оно вызывало самыя ужасныя отрицательныя послѣдствія. Моя память зарегистрировала пять случаевъ самоубійства—удавленій дисциплинарныхъ заключенныхъ, во избѣжаніе назначеннаго наказанія, около сотни случаевъ продолжительной болѣзни, за малымъ исключеніемъ, съ смертельнымъ исходомъ, отъ принятой отравы—раствора мыла и табаку, чтобы избѣжать ужаснаго батальоннаго режима и, въ частности, возможности тѣлеснаго наказанія и не менѣе сорока случаевъ совершенія тяжкихъ преступленій, съ цѣлью совершенно избавиться отъ дисциплинарнаго батальона цѣною ухода въ каторгу.

Но были исключительныя, если не сказать—странныя, натуры, которыхъ тѣлесное наказаніе не только не страшило, но прямо-таки манило къ себѣ своимъ страданіемъ-подвигомъ.

Яркимъ образцомъ этого удивительнаго типа былъ нѣкій «Евграша».

Наше начальство звало насъ, конечно, по фамиліямъ. Отсюда и мы привыкли звать другъ друга только по фамиліямъ. Этотъ же человѣкъ и тутъ составлялъ исключеніе. Никто его не звалъ, да, кажется, и не зналъ по фамиліи. Товарищи его именовали «Евграшей», начальство—«Евграшкой».

Это былъ блѣдный, узколицый, малорослый субъектъ. Въ спокойномъ состояніи онъ производилъ впечатлѣніе слабосильнаго, болѣзненнаго человѣка. Но такихъ минутъ мало насчитывалось у «Евграши», онъ ихъ избѣгалъ всею своимъ существомъ. Онъ былъ вѣчное, непрерывное движеніе. И тутъ обнаруживались сильная духовная сущность и мускулистое тѣло этого малыша.

Съ ранняго утра и до поздняго вечера Евграша двигается, суетится, работаетъ.

Къ фронту и словеснымъ занятіямъ онъ относится съ тѣмъ неуравновѣшеннымъ равнодушіемъ, изъ-за котораго проглядываетъ холодное презрѣніе къ неизбежному злу.

— Дрессируютъ тебя, братецъ, какъ обезьяну! А къ чему бы ты думалъ, объясни-ка мнѣ!.. Да отъ своего ума объясни, а не долбѣжку. Молчишь... Эхъ, голова наша забитая!.. Къ враждѣ и убійству человѣчества дрессируютъ, скажу я тебѣ, братецъ!.. Кто другое тебѣ говоритъ, тотъ вретъ по глупости, либо подлости. Ты думаешь, дѣло дѣлаешь, а раскинь-ка умомъ и увидишь, что дармоѣдничаетъ, чужой хлѣбъ гложешь, да на злое дѣло готовишься...—Философствуетъ Евграша въ минуты изліянія своихъ сокровенныхъ мыслей и вслѣдъ умолкаетъ, глубоко задумываясь, причемъ въ его свѣтлыхъ, съ нервнымъ блескомъ, глазахъ отражается безграничная грусть.

Но это длится нѣсколько мгновеній. Онъ быстро, какъ бы спохватываясь, вскакиваетъ и бѣжитъ въ круговращательномъ направленіи, зорко осматривая пробѣгаемый путь и встрѣчаемыхъ заключенныхъ.

— Стой, братецъ!—задерживаетъ онъ встрѣчнаго.—У тебя пуговка болтается, оторвется, неравно подъ замѣчаніе попадешь. Давай, братецъ, прихвачу.

Евграша мгновенно выхватываетъ изъ своей фуражки иглу съ ниткой и такъ же быстро укрѣпляетъ пуговицу.

— Ну, теперь надолго хватить,—весело улыбаясь и поглаживая не то пуговицу, не то грудь товарища, говоритъ онъ и удаляется.

— Ну, и насорили, попадетъ дневальному на орѣхи,—слышенъ черезъ минуту его голосъ. Онъ исчезаетъ за дверью, откуда появляется съ метлою и начинаетъ старательно подметать полъ. Ловкими движеніями попутно поправивъ постели на кроватяхъ, онъ бѣжитъ на дворъ.

Спустя пять минутъ Евграша, какъ мурашекъ, влечитъ на своей спинѣ огромную, больше себя, вязанку дровъ. Движеніями виртуоза своего дѣла уложивъ дрова къ печь, затопивъ и раздувъ ее, онъ, весь потный, самодовольно выпрямляется, потираетъ руки и приговариваетъ:

— Сегодня мнѣ что-то холодно. Ну, да поспимъ въ теплѣ.

Поднимается возня. Въ результатѣ порванный мундиръ. Евграша уже тутъ.

— Стой, братишка! Ишь, какъ тебя угораздило!.. За казенное имущество, братишка, влетитъ!.. Давай-ка, задѣлаемъ...—и онъ ретиво стаскиваетъ съ плечъ шалуна мундиръ и такъ же истово-любовно «задѣлываетъ» грѣхъ товарища.

Съ утра Евграша, хотя и дѣловитъ, но мраченъ—предстоитъ дрессировочная безцѣльная страда до самаго обѣда.

Но послѣ обѣда, когда такъ много свободного времени для продуктивнаго труда, Евграша преобразается въ радостное, свѣтлое существо. Онъ моетъ и чиститъ посуду—бочки, рубитъ и таскаетъ дрова, мететъ дворъ; зимой скалываетъ ледъ, счищаетъ снѣгъ; слѣдитъ за чистотой помѣщеній, чинитъ одежду заключеннымъ, и въ каждое свое дѣйствіе влагаетъ муравьиное трудолюбіе и любовное стремленіе своимъ трудомъ помочь товарищу.

И вотъ этотъ человѣкъ въ Шлиссельбургскомъ, Бобруйскомъ, Воронежскомъ и Екатериноградскомъ дисциплинарныхъ батальонахъ, куда его послѣдовательно переводили за одинъ и тотъ же срокъ наказанія, перенесъ на своемъ тѣлѣ 1700 ударовъ розогъ.

И это былъ не гадкій, мерзкій сонъ, а ужасная, подлѣйшая дѣйствительность!

За что же били этого человѣка; за что тиранили, истязали эту дѣятельную, добрую душу?

Истязали человѣка за его свободный, не знающій рабьей покорности, правдивый и стойкій характеръ. За протестъ противъ нелѣпныхъ и безнравственныхъ условностей, за критическій къ неправдѣ умъ и самоотверженное сердце, полагающее себя «за други своя»—терзали его.

Евграша бѣжитъ, весь поглощенный своимъ дѣломъ, и забываетъ отдать честь унтеръ-офицеру. Другой за эту оплошность повиненъ «въ неотданіи чести» — подразумевается невниманіе. Евграшъ же она квалифицируется, какъ «въ высшей степени дерзкое отношеніе къ воинской дисциплинѣ и обязанностямъ службы», ибо всякій другой, на бурбонское замѣчаніе унтера: «чего зѣваешь, скотина!» прикладываетъ руку къ козырьку и говоритъ: «виновать-съ, господинъ унтеръ-офицеръ!» а Евграша, хотя тоже прикладываетъ руку ко лбу, отвѣчаетъ: «я не скотина, а разумное существо—человѣкъ; я дѣломъ занятъ, а вы отъ бездѣлья лѣзете со своими пустяками».

И Евграша казнится.

— Вы не имѣете полного права бить его!—возмущается Евграша на кадрового, который на его глазахъ безпричинно избиваетъ заключеннаго.

— Ишь, защитникъ выискался какой! Знать, опять горячихъ захотѣлъ!—въ свою очередь, негодуетъ кадровый и бѣжитъ къ ротному съ доносомъ.

И Евграша вновь казнится.

Евграша не курить, но онъ отличный «стрѣмщикъ», т. е. караульщикъ. Сортиръ, обслуживающій и курительный залъ, главный объектъ дозора и внезапныхъ сыскныхъ набѣговъ дежурныхъ аргусовъ, лучше всѣхъ охраняется Евграшей.

Но, какъ хитро ни караулъ, а въ концѣ концовъ опростоволошиться.

И въ результатѣ Евграша опять казнится.

Какъ самое истязаніе, такъ и извѣстіе о немъ Евграшка принимаетъ съ невозмутимымъ стоицизмомъ, бѣснующимъ его палачей.

— Запорю!—реветъ благимъ матомъ ротный.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—спокойно говоритъ Евграша.

— Чего, рракалія, никакъ нѣтъ?!—въ бѣломъ каленіи шипитъ ротный.

— Закона такого нѣтъ, чтобы запороть—невозмутимо, съ явной ироніей поясняетъ Евграша.

— Ложись, распро-ка-на-лі-я!!!—чуть что не рвется на части ротный.

— Слушаюсь... только вашему благородію это вредно... неравно малыхъ дѣтокъ сиротами оставите... Вы извольте объявить спокойно, все равно я долженъ исполнить ваше приказаніе,—съ несвойственной его добродушію язвительностью цѣдитъ Евграша, какъ изъ холоднаго душа, а самъ спокойно разстегивается.

Ротный выплясываетъ какой-то сумасшедшій гопакъ.

А Евграша спокойно раздѣвается и ложится.

Процессъ истязанія не исторгаетъ изъ Евграши ни единого звука страданія.

Ротный, въ своемъ бѣснованіи, представляетъ жалкую картину крайняго предѣла пароксизма буйнаго безумія.

— Кррр-пче!.. Ррр!.. рѣжь!.. рви!!!

— Зубами... зубами... ваше благородіе!—какъ стонъ, проносится отъ земли голосъ Евграши.

Поднимается онъ самъ, въ холодномъ поту и лихорадочномъ ознобѣ, со взглядомъ, полнымъ сильнаго, страннаго блеска.

— А все-таки ваше благородіе наказали меня зря,—говоритъ онъ съ такимъ невыразимымъ упрямствомъ, что ротный, у котораго, повидимому, изсякла вся скрытая въ немъ энергія бѣшен-

ства, только раскрываетъ ротъ и молча, съ изумленіемъ глядитъ на удаляющагося Евграшу.

А тотъ загадочно бросаетъ вслѣдъ:

— Нѣтъ худа безъ добра!..

Поразительна была могучая сила воли и спартанское терпѣніе этого человѣка.

— Скажи мнѣ, Евграша, неужели тебѣ не больно и не стыдно?!— спрашиваю какъ-то у него. У меня бороздитъ въ душѣ его безстрастіе какимъ-то неприятнымъ, не въ его пользу, вопросомъ.

Онъ отвѣчаетъ не сразу. Широко открытыми глазами, въ которыхъ читаю укоризну себѣ за не деликатный вопросъ и безтактную постановку его, онъ долго и сурово смотритъ мнѣ прямо въ глаза. Мнѣ становится совѣстно за себя, я начинаю конфузиться. Онъ замѣчаетъ мое неловкое состояніе, все суровое въ его взглядѣ куда-то сразу уплываетъ, я вижу обычное выраженіе добрыхъ свѣтлыхъ глазъ Евграши.

Оба, одновременно, мы подаемъ другъ другу руки и крѣпко ихъ сжимаемъ.

— Эхъ, братъ, развѣ я не человѣкъ!..—наконецъ съ трудомъ выговариваетъ онъ.—Пойдемъ-ка въ уголокъ, да тамъ, братъ, потолкуемъ.

Онъ всегда называетъ меня братомъ, а другихъ заключенныхъ— братцами, братишками. «Меньшіе, слабые они противъ меня,—говоритъ онъ.—А ты другой... ты умный, образованный... всему дашь правильное объясненіе. Вотъ кабы мнѣ, къ моему сердцу, да твою голову... много бы я сдѣлалъ!.. Большое, братъ, у меня сердце, да голова толку настоящаго ему не даетъ.

Мы проходимъ въ дальній уголокъ, гдѣ намъ никто не мѣшаетъ.

— Ты спрашиваешь, больно ли, стыдно ли мнѣ...—начинаетъ онъ тихимъ шопотомъ, быстро и нервно.—А знаешь ли ты, когда они первый разъ меня побили, я хотѣлъ руки на себя наложить... Отъ боли, отъ этого самаго стыда хотѣлъ наложить!.. Да жизни своей молодой пожалѣлъ... впереди, вѣдь, она!.. Тогда я ротнаго варвара надумалъ убить... Все приготовилъ... да опять раздумье одолѣло, и впрямь жалость взяла къ малой дѣтворѣ... сказываютъ, у него цѣлая куча, малъ мала меньше... вырастутъ, такими же неучами, страсотерпцами, какъ и я, стануть... память мою клясть будутъ!.. Опять же... опять же... Голубчикъ!.. Голубчикъ!..—и Евграша обхватываетъ мои руки своими и еще тише, быстрѣе шепчетъ.—Большой грѣхъ отнять жизнь у человѣка!.. Не поповскій грѣхъ... я имъ, братъ, не вѣрю... по человѣчеству грѣхъ! Одна, братъ, въ мірѣ правда есть—жизнь человѣческая, а я, въ помраченіи ума отъ обиды сердечной, на нее хотѣлъ посягнуть—на эту правду.

Евграша съ минутой молчитъ.

— Не свое, братъ, слово тебѣ говорю, а отцовское, напутственное,—продолжаетъ онъ болѣе спокойно.—Знаешь ли, когда покойникъ отецъ провожалъ меня съ родной Волги въ Питеръ, благословилъ онъ меня: «Помни, Евграша, на всю жизнь мое слово... не обижай никого... правды не нарушай. Одна, сынъ, въ мѣрѣ она... и всякая другая въ ней и отъ нея. Правда та есть человѣкъ». Долго, братъ, думалъ я надъ этимъ словомъ и понималъ... сердцемъ больше понималъ... что другой истинной правды, какъ жизнь человѣческая, нѣтъ. Всякая другая правда... любовь, тамъ... справедливость—въ человѣкѣ и отъ него, по разумнѣю, по понятію каждаго. Разныя понятія бываютъ, ну, и справедливость разная... нѣтъ на землѣ истинной справедливости... можетъ когда и будетъ, а теперь нѣтъ.

— Вонъ и у нихъ тоже своя справедливость, придумали отъ бездѣлья, про свое бездѣлье...—вновь волнуется Евграша.—А справедливость та—тиранить да въ кабалѣ насъ держать. Слышалъ я и раньше про ихъ бездѣльную справедливость, въ Питерѣ, по заводамъ шляясь, слышалъ. Былъ у меня тамъ товарищъ—слесарь, еще подъ рукой у него стоялъ; вотъ какъ бы и ты, умный былъ, ученый... за границей побывалъ. Кое-что вложилъ онъ въ мою пустую голову, многое, знаешь, мимо проходило, не шибко тогда касалось. Ну, а здѣсь въ конецъ просвѣтили... насчетъ ихней правды-кривды сами же просвѣтили. Охъ, братъ, многому научили меня здѣсь! По началу и не вмѣщало сердце мое всего ихъ ученья, порваться было готово, да большое оно у меня, сильное, выдержало. Мало, что выдержало, а и окрѣпло, усилилось отъ тяжести той...—и во взглядѣ Евграши сверкаетъ знакомый мнѣ странный блескъ-огонекъ.

-- И вотъ, признаюсь тебѣ по душѣ, братъ, признаюсь,—послѣ незначительной паузы продолжаетъ онъ съ тѣмъ безстрастіемъ, которое меня такъ въ немъ поразило.—Шибко я на нихъ осерчалъ по началу... озлобилось мое сердце безъ конца. Загорѣлось оно злобнымъ пламенемъ. И видѣлъ я, что въ этой злобѣ не сила, а безсилье и погибель моя, что сгорю я безъ остатка. Уразумѣлъ я тогда, что звѣриное то чувство и не достойно оно меня, разумнаго существа—человѣка; что надо его либо вырвать съ корнемъ изъ сердца, либо подчинить правилу, порядку. Недолго, братъ, стоялъ я на распутьи: не таковъ я, чтобы простить неправдѣ да еще поклониться ей. Врагъ я ей вѣковѣчный и не мнѣ ей покоряться... слопаешь вѣдь она человѣка, сведетъ на нѣтъ; одну видимость оставить, да ярмо свое напялить. Сталъ я тогда въ размышленье ударяться, головой больше братъ; въ самомъ себѣ да въ поступкахъ властителей копаться. И съ той поры пошло легче у меня въ груди... Улеглось помаленьку мое неистовое чувство, вродѣ какъ бы пепломъ засыпалось, холоднымъ снаружи стало.

И началъ я чувствовать въ себѣ силу, и съ каждымъ днемъ, какъ остывало въ моемъ сердцѣ, сила эта росла. Самъ, братъ, знаешь, какая та сила — сила правоты моей и холодной ненависти, презрѣнія къ насильникамъ и обидамъ ихъ. И вотъ ты говоришь: неужели мнѣ не стыдно. За то ли человѣку стыдъ, что оскотинить его хотятъ, а онъ не поддается. Нѣтъ, братъ, не мнѣ, а имъ стыдъ и позоръ! И доколѣ жива душа моя, буду я презирать ихъ бездѣльные обиды и итти имъ навстрѣчу... не имъ, малодушнымъ, сломить мою силу, что изъ крови моей родилась да потомственнымъ отцовскимъ терпѣніемъ возростилась.

Евграша умолкаетъ, и опять въ его глазахъ горитъ тотъ же знакомый огонекъ, который не кажется мнѣ теперь страннымъ.

— Ну, будетъ, натомилъ я тебя, да и самому пора дѣломъ заняться,—весело говоритъ онъ въ заключеніе, и мы расходимся.

Больше всего боролась дѣятельная душа Евграши съ ужаснымъ зломъ, принявшимъ среди заключенныхъ эпидемическій характеръ. Я хочу сказать о самоотравленіи, къ которому прибѣгали слабые духомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Перспектива тѣлеснаго наказанія на многихъ производила впечатлѣніе малодушнаго страха, граничащаго съ стихійной паникой. Чтобы избавиться отъ розогъ, оторопѣвшій, испуганный человѣкъ хватался, безъ раздумья, за растворъ мыла и махорки. Кто былъ изобрѣтателемъ ужаснаго средства—сказать трудно. Но въ батальонѣ всегда было налицо нѣсколько заключенныхъ, которые, по какому-то идиотскому сердоболію, пропагандировали его. Послѣдствія принятія внутрь воднаго раствора махорки съ мыломъ, въ зависимости отъ количества принятаго, всегда выражались въ быстро наступавшемъ сильномъ жарѣ, доходившемъ до бреда; послѣдующія патологическія явленія прослѣдить мнѣ не удалось, такъ какъ больного всегда отправляли въ госпиталь, гдѣ онъ или вскорѣ же умиралъ, или проводилъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ со всѣми признаками злѣйшей чахотки и прямо оттуда переводился въ гражданскую тюрьму для окончанія срока наказанія, вслѣдствіе «неспособности къ несенію военной службы». Спустя лѣтъ десять, мнѣ пришлось сидѣть въ смоленской губернской тюрьмѣ, куда, вслѣдъ за моимъ прибытіемъ, были присланы изъ Бобруйскаго дисциплинарнаго батальона шестьдесятъ два человѣка; всѣ они носили на себѣ остро выраженные признаки чахотки. Пользуясь интимностью этихъ несчастныхъ, на правахъ стараго знакомаго того учрежденія, которое ихъ сгубило, я исторгнулъ отъ нихъ признаніе, что всѣ они прибѣгли къ испытанному роковому средству. И вотъ изъ шестидесяти двухъ дожили до освобожденія лишь три человѣка, а пятьдесятъ девять умерли въ смоленской тюрьмѣ въ теченіе двухъ лѣтъ.

Всѣми силами своей души обрушивался Евграша на пропагандистовъ отравленія, и надо сказать, что старанія его не оставались

безрезультатными. Но корень зла былъ пущенъ такъ глубоко, губительное средство такъ напрактиковано и популяризировано, что случаи самоотравлений, и безъ посторонняго вліянія и пособія, не прекращались.

Однако и тутъ зорко наблюдалъ Евграша. Лишь только становилась извѣстной неизбѣжность примѣненія тѣлеснаго наказанія къ заключенному, какъ Евграша бралъ его подъ свою опеку.

— Не робѣй, братишка! Не такъ оно страшно, какъ тебѣ думается,—говоритъ онъ и любовно кладетъ свои руки на плечи товарища. Взглядъ его свѣтлыхъ добрыхъ глазъ вперяется прямо въ больную душу несчастнаго заключеннаго.

— Стыдно мнѣ, Евграша!

— Брось пустое говорить. Предъ кѣмъ это стыдно, всѣ одинаково подъ розгой стоимъ. Стыдно, братишка, не тебѣ, а тѣмъ, что вмѣсто слова разумнаго да примѣра толковаго бьютъ насъ, какъ скотъ безсловесный.

— Да и больно вѣдь шибко, Евграша!

— Вотъ это, братишка, и взаправду стыдно такъ думать да говорить. Какой же ты есть человѣкъ, что трусу праздноуешь и загода боишься какой-то тамъ розги!

— Да вонъ другіе какъ мучаются, кричатъ!

— Ну, это они, братишка, больше отъ робости... размякнетъ человѣкъ, разбабится, ну, и кричитъ. А ты главное не бойся да скрѣпи себя, и легче будетъ. Вѣрь моему слову, братишка, не такъ ужъ оно нестерпимо. Бери съ меня примѣръ, видишь, не пикну... Ну, чѣмъ ты хуже меня!.. А тѣла да костей на двухъ Евграшекъ хватить... Такъ-то, братишка! Идетъ, что ли?—и Евграша протягиваетъ руку для согласнаго пожатія.

— Попробую... — говоритъ ободренный товарищъ, отвѣчая на пожатіе.

— А я, признаться, хотѣлъ въ госпиталь итти... — шопотомъ сообщаетъ онъ Евграшѣ.

— Что ты, что ты!—весь заволновался тотъ.—Стыдъ, позоръ и грѣхъ великій! Въ Бога-то вѣруешь, или нѣтъ?! Сказывай по душѣ!

— Вѣрую...

— И въ загробную жизнь вѣруешь?

— Вѣрую какъ будто...

— А если вѣруешь, то какъ мученій вѣчныхъ не побоялся?!

— А можетъ, тамъ ничего не будетъ, Евграша...

— Ну, коли сомнѣваешься, значитъ, не вѣруешь... Въ видимость, значитъ, мы съ тобой больше вѣруемъ. А въ такомъ разѣ скажи мнѣ, что ты есть—человѣкъ, либо ветошка?!

— Знамо, человѣкъ...

— А ежели такъ, то и понимай о себѣ, какъ о человѣкѣ, высоко. Жизнь человѣческая — дѣло большое! Человѣкъ все... онъ

себѣ всѣхъ кумировъ великихъ и ничтожныхъ создалъ — сотворилъ... Значить, человѣкъ не ветошка, что мѣняють, бросаютъ! Да жизнь и не подмѣнишь... одна тебѣ она дана. Можетъ, на что хорошее твоя жизнь пойдетъ, а ты прежде времени и безъ дѣла злою мукою уничтожить ее хотѣлъ. Нѣтъ, унижительное и безумное ты затѣвалъ! А чего ради затѣвалъ?! Ради избѣжанія временной тѣлесной боли. Хотѣлъ ея избѣжать, а самъ же шелъ на долги муки тѣла и души и на злую смерть. Эхъ, братишка, не было въ ту пору у тебя головы!.. Правда?!

— Правда, Евграша...

— Ну, значить, больше дурить не будешь?

— Нѣтъ, не буду... только все какъ-то боязно. Ротнаго шибко я пужаюсь, Евграша, вотъ какъ онъ раскричится предъ поркой.

Евграша расхохотался прямо въ лицо собесѣднику.

— Смѣшное ты говоришь, братишка! Ну, скажи на милость, чего его бояться?! Что на немъ эпoletы, прочая тамъ фанаберія да гладкое, сытое брюхо!.. такъ это пустая видимость, бездѣльемъ нажитая; а внутри у него и тутъ и тамъ—пусто,—Евграша указалъ себѣ на грудь и голову, — ни чувства ни ума... Пустомеля онъ, бездѣльный крикунъ и больше ничего. А я, братишка, крѣпче себя чувствую, какъ это онъ на меня раскупоросится, да начнетъ изъ-подъ себя выходить. Думаю себѣ, это ты отъ бездѣлья, отъ пустоты души; слабый ты противъ меня, не тебѣ меня сломить. Низкаго я о немъ мнѣнія... въ томъ и сила моя и терпѣніе. Да и какъ мнѣ его бояться, а паче того уважать, самъ посуди, ежели онъ не только не признаетъ во мнѣ человѣка, а и своего собственнаго человѣческаго достоинства уважать не хочетъ. Вотъ и ты, братишка, будь о немъ такого же мнѣнія. Тогда ихни страхи не будутъ тебѣ въ страхъ. А какъ станемъ всѣ мы одинаковы, такъ они и законъ свой тиранскій уничтожатъ, потому не захотятъ, чтобы мы сильнѣе да лучше ихъ были. Вотъ оно что!.. А пока потерпи, товарищъ, для общаго дѣла потерпи. Вѣрь моему слову, не долго имъ изыматься надъ нами.. ну, покуражатся лѣтъ десятокъ, другой, да и баста!

Товарищи трогательно жмутъ другъ другу руки, и во взглядѣ вновь обращеннаго уже замѣтна не прежняя растерянность и робость, а опредѣленная стойкая рѣшимость.

И дѣйствительно, заключенный выноситъ экзекуцію стоически, приводя тѣмъ «начальство» въ бессильное бѣшенство.

Евграша торжествуетъ. Онъ съ гордостью обращается къ стойкому товарищу и громогласно возглашаетъ, отчеканивая каждое слово:

— Ну, братецъ, мы съ тобою дѣйствительные.. потомственные... почетные крестьяне!

И дѣлаетъ это въ такую минуту, когда ихъ окружаетъ масса заключенныхъ.

Кто-то изъ толпы усмѣхается.

— Тутъ шутокъ нѣтъ!—сурово поясняетъ Евграша.—Каждое мое слово суцая правда. А означаютъ они, что мы не на словахъ а на дѣлѣ, изъ рода въ родъ, трудовые терпигорцы. Разбери!

Но далеко не всегда удавалось Евграшѣ предупредить описываемое зло. Заключенныхъ было много, до тысячи человѣкъ, да и самъ Евграша часто отлучался отъ общенія съ товарищами въ карцеръ.

И гибли многія молодыя силы нелѣпою, злою смертью!

Помню, погибъ жизнерадостный Колинъ, этотъ бойкій, веселый бѣлокурый юнецъ, что такъ часто говариваль: «Что мнѣ три года! по занятіямъ я исправенъ, отдююсь какъ-нибудь; а тамъ и службѣ конецъ, прямо домой, въ родныя мѣста... Вотъ только бы розогъ избѣгнуть... ой, ужъ мнѣ эти розги», и всегда на послѣднихъ словахъ блѣднѣлъ.

Погибъ и этотъ вѣчно грустный, задумчивый Лейбовичъ, постоянный неудачникъ и мученикъ по строевой службѣ.

Погибъ и неуклюжій, здоровый Ильчукъ, тотъ простоватый дѣтина, что съ дѣтскою наивностью твердилъ: «Нэма, братику, въ нихъ Бога праведнаго. Ей-ей, кажу, на тимъ свитѣ сосчитаюсь».

Погибъ тою же нелѣпо-злою гибелью и ты, мой другъ Цитовичъ, незамѣнимый товарищъ долгихъ, мучительныхъ дней и раздумій; не выдержалъ, извѣрился ты въ людскую правду и свои силы и ушелъ безвозвратно въ невѣдомый мракъ.

Много погибло васъ, безвѣстныхъ, неоплаканныхъ жертвъ людского безумія! Что ему, безгранично царящему, погибшіе братья, безсильныя жертвы-капли въ бездонной пучинѣ всероссійскаго горя и страданій!

Только однажды удалось спасти принявшаго отраву. Спасителемъ былъ все тотъ же Евграша.

Благодаря какой-то случайности, онъ наткнулся на самоубійцу въ тотъ моментъ, когда послѣдній только что принялъ растворъ.

Послѣ нечеловѣческихъ усилій, ласками, угрозами и страшными проклятіями Евграша принудилъ отравившагося вложить пальцы въ гортань, чтобы вызвать рвоту и устранить изъ желудка принятую отраву. Цѣлую ночь, не смыкая глазъ, какъ самоотверженная сестра милосердія, онъ провозился съ несчастнымъ. Послѣдняго бросало въ жаръ и холодъ, томила жажда. Евграша гдѣ-то добылъ немного чаю, который составлялъ драгоцѣнную контрабанду для батальона, разыскалъ какое-то подобіе чайника, всю ночь кипятилъ воду и поилъ больного чаемъ. На утро его заботы увѣнчались успѣхомъ; признаки отравленія миновали, и больной настолько поправился, что вышелъ на ученье.

Евграша весь сіялъ. Восторженное настроеніе не покидало его и на ученьи, онъ былъ развѣянъ и исполнялъ команду невпопадъ. Ротный это замѣтилъ.

— Евграшка! что улыбаешься, какъ жеребая кобыла на овесъ?!— рывкнулъ онъ.

Евграша продолжалъ сіять.

— Тебѣ говорятъ!.. Чего, ра-ка-лі-я, зубоскалишь!

Евграша, повидимому, немного спустился на землю, онъ взглянулъ на ротнаго вопросительно.

— А, ско-ти-на!! ты еще!!.

— Виноватъ, ваше благородіе, я не скотина...

— Ррр-вогъ!!!

Произошла дикая сцена бѣшенства ротнаго и истязанія неповиннаго человѣка.

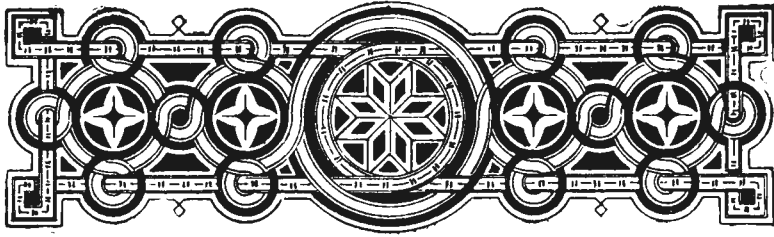
Евграша поднялся послѣ экзекуціи съ тѣмъ же восторженнымъ лицомъ,—ни одинъ мускулъ не выдавалъ пережитой муки, только блестящій внутреннимъ огнемъ взглядъ отражалъ мученическій подъемъ духа, и, простирая въ пространство руки, онъ вдохновенно воскликнулъ:

— Жива душа моя!..

Георгій Черенковъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЦАРСТВЕННЫЙ КУПЕЦЪ.

I.

ЕСНОЮ 1905 года я отправился въ качествѣ корреспондента отъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій на международную выставку въ Льежѣ, древнемъ Лютихѣ. Кромѣ моихъ обязанностей корреспондента, я участвовалъ на ней также какъ экспонентъ изданій моихъ книгъ для дѣтей.

Выставка далеко еще не была готова, когда я явился туда въ первыхъ числахъ мая, хотя день открытія былъ не за горами.

Красивыя зданія ея представляли собою внутри царство хаоса. Экспонаты цѣлыми поѣздами ввозились подъ ея своды, по особо проложеннымъ рельсамъ, оглушительный стукъ молотковъ, пыхтѣнье и трубные свистки устанавливаемыхъ машинъ, паровозовъ, лязгъ цѣпей, желѣза не прекращался съ са-

мага утра до ночи.

Ходить по отдѣленіямъ выставки было опасно, каждую минуту рискуя попасть подъ колеса передвигаемыхъ вагоновъ, или быть ушиблену какимъ-нибудь грузомъ, передвигаемымъ съ помощью парового крана...

И вотъ, несмотря на далеко еще незаконченное устройство арены будущаго торжества бельгійской промышленности, я, въ качествѣ экспонента и представителя прессы, получилъ нижеслѣдующее официальное приглашеніе:

«Visite officielle par Sa Majesté le Roi. Le 11 Mai 1905.

Monsieur P. est invité à assister à la visite que Sa Majesté le Roi fera jeudi prochain aux halles de l'Exposition...»

Затѣмъ слѣдовали подписи генеральнаго правительственнаго комиссара Р. Ламарша и президента комитета Э. Диньефа.

Этотъ пригласительный билетъ былъ присланъ мнѣ въ числѣ прочихъ экспонентовъ, приглашенныхъ присутствовать въ зданіи международной выставки во время посѣщенія ея бельгійскимъ королемъ Леопольдомъ II. При этомъ доводилось до свѣдѣнія, что входы на выставку будутъ открыты съ 12^{3/4} дня, а въ 1^{1/2}—ни одна живая душа не будетъ туда пропущена, хотя бы у ея обладателя была цѣлая дюжина подобныхъ пригласительныхъ билетовъ и онъ, согласно установленнымъ требованіямъ, былъ облеченъ во фракъ, при неизмѣнномъ бѣломъ галстукѣ.

Мнѣ было интересно повидать властителя Бельгіи, общественное мнѣніе о которомъ такъ разнорѣчиво.

Въ глазахъ однихъ онъ представляется жестокимъ мужемъ и отцомъ, чуть ли не уморившимъ свою супругу-королеву, выгнавшимъ дочерей и лишившимъ ихъ наслѣдства, по мнѣнію другихъ, это одинъ изъ добрѣйшихъ монарховъ Европы и галантѣйшихъ джентльменовъ въ обывденной жизни.

«Un peu trop galant pour ses années!» съ иронической усмѣшкой повторяли его подданные. Они намекали при этомъ на слишкомъ любвеобильный характеръ сѣдобородаго короля и его побѣды «à la Францискъ I» надъ женщинами, во главѣ съ всемірно-извѣстной танцовщицей Клео-де-Меродъ.

«Наша Клео», называютъ ее фламандцы, не забывая, что ея предки одна изъ стариннѣйшихъ дворянскихъ фамилій страны.

Это любопытство заставило меня явиться въ назначенное время на главный вестибюль выставки и терпѣливо ожидать въ шумной толпѣ черныхъ фраковъ со вкрапленными среди нея пестрыми, но изящными костюмами приглашенныхъ дамъ.

Король долженъ былъ прибыть только около двухъ часовъ дня, и до его пріѣзда приходилось томиться отъ скуки, созерцая городскую милицію, состоявшую изъ самыхъ разнообразныхъ по своему положенію лицъ.

Непрерывный стукъ молотковъ обойщиковъ внутри зданія, спѣшно заканчивавшихъ временное убранство далеко еще не приведенныхъ въ порядокъ выставочныхъ витринъ, невольнo раздражалъ, майское солнце, настойчиво проникавшее въ открытый съ трехъ сторонъ высокій вестибюль, палило...

Всѣ изнывали отъ жары и жажды, но буфеты были заперты, приходилось томиться и ожидать прибытія Леопольда II.

И всѣ мы ждали и томились...

II.

Аккуратенъ онъ оказался до поразительности. За четверть часа до двухъ часовъ засуетилась, заскакала малорослая конница, а вслѣдъ за ней прибылъ въ коляскѣ, вмѣстѣ со своимъ племянникомъ, герцогомъ Фландрскимъ, наслѣдникомъ престола, и самъ король. Особыхъ восторговъ королевскіе вѣрноподданные не проявили и въ умѣренной дозѣ прокричали привѣтствіе.

Двѣ рослыя фигуры бельгійскихъ властителей вышли изъ экипажа и направились въ музыкальный павильонъ, гдѣ заиграла музыка, а затѣмъ король и герцогъ приступили къ поверхностному осмотру международной выставки, ради формы, приличія и вѣжливости по отношенію къ экспонентамъ и устроителямъ выставки.

Бродить по всѣмъ отдѣламъ за коронованнымъ хозяиномъ страны представлялось неудобнымъ, и я направился въ русскій отдѣлъ, гдѣ присоединился къ группѣ другихъ экспонентовъ, ожидавшихъ, когда Леопольдъ II явится для осмотра сюда.

Жизнь вообще любить шутки и *qui pro quo*, а русская въ особенности.

Но развѣ это не ея шутка и, нужно замѣтить, довольно для насъ грустная и назидательная, когда во главѣ чисто русскаго дѣла за границей, имѣющаго громадное значеніе въ торговомъ отношеніи, явились иностранцы и инородцы, къ довершенію всего, не говорящіе ни слова по-русски.

Русскій торговый агентъ изъ евреевъ, потѣшный въ своемъ расшитомъ золотомъ мундирѣ, стоялъ у русскаго отдѣла; тутъ же помѣщался русскій консулъ, старичокъ-фламандецъ, вылитый портретъ покойной бурской знаменитости Пауля Крюгера. Съ языкомъ государства, коммерческихъ интересовъ котораго онъ былъ представителемъ, старичокъ тоже не былъ знакомъ. Однимъ словомъ, кромѣ дѣятельнаго М. А. Бильбасова, генеральнаго комиссара русскаго отдѣла, и его ближайшихъ помощниковъ, плоды русской промышленности были поручены какимъ-то таинственнымъ незнакомцамъ съ иностранными языками. Всѣ они здѣсь собрались въ ожиданіи Леопольда II.

Сегодняшній королевскій осмотръ былъ только официальнымъ и не долженъ былъ продолжаться долго. Дѣйствительно, меньше чѣмъ черезъ часъ высокая фигура властителя Бельгіи показалась въ отдѣлѣ, сосѣднемъ съ русскимъ.

У насъ все оживилось, небольшая кучка начальствующихъ и экспонентовъ засуетилась, всѣ подтянулись.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, впереди королевскаго кортежа бѣжалъ маленькими шажками на подагрическихъ ногахъ высокій, высохшій, какъ мумія, представитель высшей по-

лицейской администраціи, почему - то въ гражданскомъ мундирѣ. Брюзжа что-то себѣ подъ носъ, онъ недосмотрѣлъ старческими глазами приступокъ у нашего отдѣла и... растянулся на коврѣ у ногъ стоявшихъ русскихъ.

— Слишкомъ почтительно даже для бельгійской полиціи! — иронически замѣтилъ кто-то изъ нашихъ.

Сдерживаемый поневолѣ смѣхъ прорвался, удержаться отъ него никто изъ насъ не могъ.

Упавшій старичокъ, который оказался, какъ послѣ мы узнали, министромъ полиціи или что-то въ родѣ этого, не въ силахъ былъ самъ подняться. Два солдатика бросились его поднимать и поставили на ноги. Жалкій видъ представлялъ онъ изъ себя: шпажонка согнулась, трехуголка, свалившаяся при паденіи, закатилась куда-то въ уголъ, остатки куафюры растрепались, сѣдые волосы торчали во всѣ стороны. Министръ поспѣшно привялся приводить себя въ порядокъ, какъ въ отдѣлѣ вошелъ, слегка прихрамывая, король, за нимъ слѣдовалъ наслѣдникъ.

Онъ издалека видѣлъ паденіе своего вожатаго, слегка усмѣхнулся, но, сохраняя достоинство, только шутиливо замѣтилъ:

— Обязанность полиціи торопиться, но не въ такой степени!

На молодомъ, жизнерадостномъ лицѣ герцога Фландрскаго тоже появилась усмѣшка, но онъ сейчасъ же ее спряталъ и закусилъ губы.

Не обращая больше вниманія на «павшаго» министра, король любезно бесѣдовалъ съ русскими экспонентами и, обратившись къ одному изъ представителей Кабинета Его Величества, спросилъ, любяся птичкой, искусно составленной изъ различныхъ камней на гранильной Екатеринбургской фабрикѣ:

— Сколько стоитъ такая прелесть?

Но представитель не нашелся ничего ему отвѣтить.

Королю вообще понравился русскій отдѣлъ, онъ разспрашивалъ многихъ русскихъ, среди которыхъ было нѣсколько студентовъ, учившихся въ мѣстномъ электро-техническомъ институтѣ, говорилъ съ генеральнымъ комиссаромъ и другими.

Короля, какъ владѣльца золотоноснаго Конго, интересовали русскіе горные промыслы. Пробывъ въ нашемъ отдѣлѣ около четверти часа, царственные посѣтители отправились дальше. Случай свелъ меня съ ними вторично въ этотъ же день, немного позднѣе, въ павильонѣ искусствъ. Мы встрѣтились въ испанскомъ отдѣлѣ, гдѣ Леопольдъ II любовался картиной Мануэля Бенедито «El bougrasque».

Онъ оживленно разговаривалъ съ президентомъ отдѣла дономъ Меріанно Бенлирэ. Я невольно прислушался къ ихъ разговору; король, точно настоящій художникъ, дѣлалъ мѣткія указанія своему собесѣднику:

— Меня очень радуешь, что испанскіе художники не заразились до сихъ поръ дивизионизмомъ и пунктуализмомъ, наши бельгійскіе мастера ради современнаго течения въ живописи стали вычурно писать, примѣняя этотъ неестественный способъ воспроизводить дѣйствительность, — замѣтилъ король и, слегка перегнувъ свою высокую фигуру, указаль рукой, одѣтой въ бѣлую перчатку, на не совѣтъ правильный поворотъ головы смотрящаго въ даль рыбака.

Изъ дворца искусствъ онъ направился въ павильонъ близкихъ его сердцу колоній тропической Африки.

Что-то волшебное представлялъ собою этотъ вечеръ! Роскошная иллюминація по обѣимъ берегамъ Мейзы, цѣлая флотилія иллюминированныхъ гондолъ, плывущихъ по рѣкѣ подъ звуки итальянскихъ серенадъ и баркароль, громадная толпа зрителей, переливавшаяся, какъ безконечныя волны, по всему Льежу, и наконецъ блестящій фейерверкъ съ массой воздушныхъ фигуръ, ракетъ, римскихъ свѣчей, бураковъ, оглушительными выстрѣлами и дождемъ брилліантовыхъ звѣздъ, затемняли сѣрую дѣйствительность обыденной жизни и переносили въ очарованный міръ сказки и фантазіи.

Даже вѣчно дѣловыя, прозаическіе, скупые бельгійцы измѣнили на этотъ разъ своей обычной расчетливости, веселились до упаду, истребляя вино и другіе напитки въ громадномъ количествѣ.

Домой мнѣ удалось добраться только поздно ночью, толпа, стоявшая стѣною, не давала возможности двигаться. Что-то стихійное было въ непрерывномъ шумѣ веселящейся толпы.

III.

Льежъ очень старый городъ, колыбель Каролинговъ, ввиду чего на одной изъ его площадей поставлена конная статуя Карла Великаго, окруженнаго цѣлымъ рядомъ его предковъ; среди нихъ имѣются всевозможныя Пипины: Короткіе, Длинные, Молотки и т. д. Старины вообще здѣсь немало, въ особенности ея много въ церквахъ, большинство которыхъ очень древнія. Меня заинтересовало два храма: св. Іакова и соборъ св. Ламберта.

Въ первомъ изъ нихъ существуетъ курьезная лѣстница, ведущая черезъ хоры на открытый наружный балконъ; она идетъ двойной спиралью...

Въ давно-прошедшія времена Льежъ, или, вѣрнѣе, Лютихъ раздѣлялся на два города, вслѣдствіе чего существовало и два бургомистра. Согласно древнему обычаю, тотъ и другой должны были во всемъ поддерживать свое достоинство, и вотъ въ виду этого

въ храмѣ св. Якова горожане устроили эту замѣчательную лѣстницу. По ней одновременно всходили оба бургомистра, строго слѣдя за тѣмъ, чтобы ни тотъ ни другой не переступалъ раньше на другую ступень. Съ этого балкона, скорѣе открытой часовни, они приносили присягу горожанамъ, а иногда и говорили имъ свои рѣчи.

Услужливый сторожъ, показывавшій мнѣ храмъ, шутливо сказалъ:

— Преданіе говоритъ, что не всегда разглагольствованія бургомистровъ приходились по вкусу ихъ многочисленнымъ слушателямъ...

— Что же происходило въ подобныхъ случаяхъ?—полюбопытствовалъ я.

— Наши лъжцы шутить не любили, такимъ градомъ камней выражали свое неудовольствіе, что бургомистры, забывая о своемъ достоинствѣ городскихъ отцовъ, турманами скатывались съ лѣстницы, иной разъ пересчитывая ступени своими боками.

Вообще суровые фламандцы не любили, повидимому, стѣсняться со своими великими людьми!

Всесильный Пипинъ Геристальскій, по сказаніямъ, развратный деспотъ, въ 696 году, пируя съ своею наложницею Альпаидой и рыцарями, предложилъ епископу Ламберу благословить чашу съ виномъ, какъ въ св. евхаристіи. Съ негодованіемъ оттолкнулъ епископъ кощунственную руку владыки и возмущенно проговорилъ:

— Да будетъ тебѣ и этой презрѣнной твари несмываемымъ позоромъ подобное кощунственное предложеніе!

Затѣмъ онъ покинулъ пирующихъ.

Не снесъ этихъ словъ суровый Пипинъ. На другое же утро смѣлый служитель Бога, въ то время, какъ возносилъ молитвы Творцу, стоя на колѣняхъ на хорахъ, былъ проколотъ мечомъ графа Додона д'Авруа, брата Альпаиды.

Мнѣ указали слабый слѣдъ кроваваго пятна на плитахъ хоръ...

Широко раскинулся современный Льежъ. Это промышленное гнѣздо; по окружающимъ его холмамъ повсюду висятъ длинныя трубы, густой дымъ застилаетъ тяжелымъ покрываломъ красивую панораму горъ, извиристо вьющуюся змѣйкой зеленоватую Мейзу и спокойный Ургъ...

Широкая лѣстница Бюрень шестьюстами ступенями ведетъ въ старую цитадель; это тоже одна изъ достопримѣчательностей города.

Въ недѣлю я успѣлъ осмотрѣть не только самый городъ, но большинство его окрестностей, разумѣется, не минуя маленькаго городка Сэрэнгъ, гдѣ помѣщаются знаменитые заводы Джона Кокерилля, этого предприимчиваго англичанина, отца бельгійской чугунолитейной и машиностроительной дѣятельности Бельгии.

Выставка все еще не была совершенно готова, попрежнему въ зданіяхъ ея стучали молотки, громыхали тяжелые грузовые вагоны, вкатываемые руками рабочихъ, грустно глядѣли пустыя витрины и бродили рѣдкіе посѣтители.

— Что вамъ сидѣть здѣсь въ Льежѣ, съѣздите-ка пока въ Брюссель и другіе города, ознакомьтесь со страной,—предложилъ мнѣ кто-то изъ моихъ пріятелей,—сюда еще успѣете!

Я внялъ благому совѣту и на другой же день отправился въ Брюссель.

IV.

Столица Фландріи мнѣ была хорошо извѣстна изъ моихъ раннихъ пріѣздовъ сюда, но я хотѣлъ возобновить мои впечатлѣнія и прожить здѣсь денекъ-другой.

Поселился я въ Лакенѣ, предмѣстьи Брюсселя, гдѣ находится загородный дворецъ короля, окруженный громаднымъ паркомъ, и нанялъ комнату въ небольшой гостиницѣ «Aux trois Suisses».

Жильцовъ, кромѣ меня и какого-то инженера-американца, никого не было. Въ католическихъ странахъ май мѣсяцъ посвященъ Св. Дѣвѣ.

Во всѣхъ церквахъ статую Мадонны одѣли въ новыя одежды, разукрасили цвѣтами, горящими свѣчами; частыя службы привлекали въ церковь массу молящихся.

Въ концѣ бульвара Лакена находится высокій готическій храмъ съ двумя башнями, служащій усыпальницею королевскаго дома и придворною церковью дворца.

Статуя Богоматери была здѣсь украшена на диво. Всевозможные цвѣты, начиная отъ самыхъ крупныхъ рододендроновъ, лавровъ и камелій и кончая обыкновенными лѣтниками, длинною горкою подымались къ статуѣ. Множество букетовъ дополняло ихъ. Масса зажженныхъ свѣчей, поставленныхъ ровными рядами среди растеній, точно звѣзды, слабо мерцали, подавленные широкими лучами весенняго солнца, падавшими черезъ окно на золотыя украшенія Св. Дѣвы. Волны курящагося въ кадилъницахъ оиміама дѣлали картину еще торжественнѣе, еще грандіознѣе. Стоя на колѣняхъ, присутствующіе молились; между ними первенствовали женщины. Погруженные въ молитвенный экстазъ, онѣ беззвучно шептали молитвы. Вся эта женская толпа принесла свои скорби, горе, неудачи сюда, къ ногамъ Богоматери, всѣ съ вѣрою смотрѣли на ея дѣвственный обликъ.

Наблюдая за молящимися, я самъ невольно поддался общему настроенію. Его нарушали только пѣвучіе возгласы пастора и гнусавые отвѣты клирошанина.

Перебѣгая взорами съ одной группы молящихся на другую, я остановилъ свое вниманіе на бѣдно одѣтой старухѣ, сиротливо прижавшейся въ уголкѣ. Она вся находилась въ экстазѣ и не спускала глазъ со статуи Св. Дѣвы. Изнеможенная фигура молящейся, ея измученное лицо, слезы, катившіяся изъ глазъ,— все приковывало къ ней мое вниманіе.

Долго наблюдать за нею мнѣ не пришлось: день былъ праздничный, превосходныя оранжереи королевскаго дворца были сегодня открыты, я намѣревался ихъ осмотрѣть, и сейчасъ же вышелъ изъ храма.

Взбираясь по идущей вверхъ дорогѣ, я скоро добрался до большого пруда съ золотыми карпами и вошелъ въ самую теплицу.

Длинная галерея, вся въ ползучихъ растеніяхъ, привела меня въ громадное стеклянное помѣщеніе, переполненное цвѣтущими азалиями всѣхъ красокъ и оттѣнковъ. Онѣ тянулись по обѣимъ сторонамъ прохода, поражая взоръ пестротой своихъ сочетаній и оттѣнковъ. Цѣлая гора дѣвственно бѣлыхъ цвѣтовъ, точно громадный снѣжный комъ, высилась въ одномъ изъ угловъ; около нея причудливыми линіями разбѣгались голубые, розовые, желтые цвѣты; ярко-пунцовые и темно-фіолетовые окаймляли цвѣточную возвышенность... Рука артиста-садовника мастерски разбросала цвѣты повсюду, умѣло сочетала тоны, глазу не было больно смотрѣть на эти пестрые узоры. Цвѣты всюду... Настоящее море цвѣтовъ... Отъ ихъ ароматнаго дыханія и отъ влажно-теплой атмосферы теплицы у меня закружилась голова.

Я присѣлъ на скамью. Мимо меня продолжала двигаться живая волна посѣтителей. Немного отдохнувъ, я пробрался въ высокую стеклянную ротонду, носящую названіе «Дворца пальмъ».

Дѣйствительно, рѣдко въ какомъ изъ ботаническихъ садовъ Европы мнѣ удавалось видѣть такихъ гигантовъ тропическаго лѣса, какъ здѣсь; они образовали настоящій лѣсъ. Гдѣ-то въ чащѣ журчали ручейки, летали попугаи, перепархивали съ вѣтки на вѣтку крошки-колибри, райскія птички; на минуту на вершинѣ пальмы покажется шаловливая мордочка обезьяны и снова скроется среди зелени.

Иллюзія полная, прямо не вѣрится, что находишься въ теплицахъ, а не въ настоящемъ лѣсу.

Пряный, тепловатый воздухъ раздражалъ меня, голова кружилась все больше и больше, я уже намѣревался уходить изъ теплицъ, какъ вдругъ какой-то шумъ остановилъ меня. Онъ несся изъ сосѣдней залы съ азалиями.

Любопытные хлынули туда толпой, я пошелъ тоже. Изъ-за ряда стѣснившихся въ проходѣ посѣтителей я замѣтилъ, какъ двое сторожей вели кого-то подъ руки къ выходу изъ теплицъ. Третій шелъ за ними слѣдомъ съ небольшою вѣткой бѣлой азалии,

— Что такое случилось?—спросилъ я стоявшаго рядомъ со мною господина.

— Пустяки! Какая-то женщина сорвала нѣсколько цвѣтовъ и, спрятавъ ихъ подъ платкомъ, хотѣла пронести незамѣтно, но, какъ нарочно, уронила цвѣты передъ самымъ сторожемъ. Разумѣется, тотъ сейчасъ же остановилъ ее, она бросилась бѣжать, но была поймана другими сторожами, и теперь ее ведутъ къ завѣдующему оранжереями.

— И, вѣроятно, сдѣлавъ ей выговоръ, отпустить?

— Едва ли! У насъ, въ Бельгii, кража даже пустячнаго цвѣтка строго преслѣдуется,—вѣжливо объяснилъ мнѣ мой собесѣдникъ.

Участь странной воровки меня заинтересовала, я вышелъ вслѣдъ за сторожами въ паркъ. Довольно было одного взгляда, чтобы въ арестованной я сейчасъ же узналъ старуху, молившуюся въ лавенскомъ храмѣ, у алтаря Дѣвы-Марii.

«Красивые цвѣты прельстили бѣдняжку», подумалъ я съ сожалѣніемъ.

Бѣдную старуху продолжали вести сторожа по аллеѣ къ зданію дворцовыхъ службъ. Я послѣдовалъ за ними, мнѣ было чрезвычайно интересно, что произойдетъ дальше.

V.

Старуха не переставала плакать, она какъ-то сторбилась, стала еще меньше, ничтожнѣе... Замѣтно было, что силы плѣнницы исчезаютъ. Одинъ изъ солдатъ-сторожей взялъ ее за руку и поддерживалъ, иначе бы она свалилась.

Я шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой группы, не отставая отъ нихъ.

Нѣсколько любопытныхъ, встрѣченныхъ нами на пути, сначала дѣлали изумленное лицо, съ тѣмъ, чтобы сейчасъ махнуть равнодушно рукою и итти дальше.

Все это было такъ обыденно, такъ просто...

Когда мы обогнули одну изъ большихъ куртiнъ, сплошь засаженную цвѣтущими гiацинтами и тюльпанами, направляясь къ домику смотрителя, въ концѣ аллеи показалась высокая фигура мужчины въ охотничьемъ платьѣ. Опираясь на трость, онъ приближался къ намъ. По длинной окладистой бородѣ его, по высокому росту и по характерному облику лица, я сразу узналъ короля. Рядомъ съ нимъ бѣжалъ сеттеръ-гордонъ, а сзади шелъ молодой егеръ съ ружьемъ наперевѣсъ.

Поровнявшись со старухой и сторожами, низко поклонившись королю, Леопольдъ II внимательно посмотрѣлъ, остановилъ ихъ и спросилъ:

— Куда ведете эту женщину? Почему?

Одинъ изъ сторожей быстро отвѣтилъ:

— Она украла изъ оранжереи цвѣты, ваше величество.

Высокій лобъ короля нахмурился.

— Украла! Вотъ какъ!

Онъ внимательнѣе посмотрѣлъ на перепуганную еще больше плѣнницу, видимо, заинтересовавшись такимъ случаемъ.

— Къ чему вамъ понадобились мои цвѣты?—сурово спросилъ онъ воровку.

Старуха, пораженная его вопросомъ, не сразу собралась съ духомъ отвѣтить королю.

— Я обѣщала Св. Дѣвѣ принести ей мою лепту,—прошептала она.

— Украсть, чтобы принести свой даръ!—возмутился король.—Это слишкомъ наивно. Если вы желали принести даръ Св. Дѣвѣ, то должны были бы купить на свои деньги это приношеніе.

Грустно посмотрѣла несчастная на короля.

— Откуда мнѣ ихъ взять!—еле слышно прошептала она.

— Заработать!—возмутился Леопольдъ.

— Для этого у меня нѣтъ силъ, я стара, кормиться нечѣмъ...

— А мужъ, сынъ, дочь, можетъ, зять?—нервно продолжалъ онъ расспрашивать.

— У меня никого нѣтъ, я одинока. Былъ сынъ, онъ служилъ желѣзнодорожнымъ сторожемъ, но прошлою осенью попалъ подъ поѣздъ на уличномъ переѣздѣ и былъ раздавленъ. Оставшись одна, я не могла много работать, все время хворала, пришлось нищенствовать... Тяжело было мнѣ видѣть, какъ остальные женщины приносятъ въ даръ Богородицѣ цвѣты, украшаютъ ея изображение; еще недавно я тоже могла удѣлять на это изъ ничтожнаго жалованья сына, теперь же зачастую мнѣ самой нечего ѣсть.

Опустивъ глаза книзу, молча слушалъ ее Леопольдъ II. Онъ понималъ ясно, что за подобную кражу ни одинъ судья въ мірѣ не могъ осудить преступницу.

— Я хотѣла помолиться о душѣ дорогого мнѣ мальчика и просить Св. Дѣву помочь мнѣ,—продолжала старуха, подкупленная молчаніемъ короля:—но какой даръ могла я принести Ей?! Откуда достать цвѣты или свѣчу? Кто мнѣ бы далъ ихъ?

— И вы рѣшились сорвать цвѣты въ моей оранжереѣ!—перебилъ ее растроганный владыка.

Старуха молчала, чувствуя свою вину.

— Вы не виноваты, чувства матери выше всего въ мірѣ. Проводите ее обратно въ оранжерею,—обратился онъ къ сторожамъ:— пусть выберетъ любой цвѣтокъ въ нихъ и возьметъ съ собою!

Затѣмъ онъ протянулъ свою крупную руку старухѣ, которая нерѣшительно хотѣла поцѣловать.

— Не для поцѣлудя протянулъ я вамъ ее, добрая мать, я хочу пожать ею вашу руку, — мягко замѣтилъ Леопольдъ и, поклонившись старухѣ, прошелъ мимо.

Что произошло съ бывшей плѣнницей въ эту минуту, трудно описать!

Она бросилась обратно, насколько позволяли ея слабыя ноги, сторожа едва поспѣвали за нею. На лицѣ ея былъ написанъ невыразимый восторгъ.

Спустя часъ времени въ Лакенскомъ храмѣ, передъ изваяніемъ Св. Дѣвы стоялъ великолѣпный кустъ бѣлыхъ азалій, красивѣе и роскошнѣе всѣхъ остальныхъ цвѣтовъ; на мраморныхъ ступеняхъ ниши лежала ницъ передъ мраморнымъ изображеніемъ Св. Дѣвы знакомая мнѣ старуха, переживая, вѣроятно, самую счастливую минуту въ своей жизни.

Это была моя вторая встрѣча съ Леопольдомъ II, а черезъ день мнѣ пришлось его увидѣть снова въ другой обстановкѣ.

VI.

— Не интересуютъ ли васъ древніе замки и руины Фландріи?— спросилъ меня въ этотъ же вечеръ мой сосѣдъ, американскій инженеръ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Въ такомъ случаѣ поѣзжайте въ Грумбергенъ, тамъ есть много интереснаго, чудный, какъ образецъ древняго зодчества, храмъ св. Норбера, обитель картезіанцевъ, и, наконецъ, замокъ XV вѣка графовъ де-Меродъ...

На другое утро я уже ѣхалъ по узкоколейной желѣзной дорогѣ въ указанную мнѣ мѣстность Грумбергенъ. Поѣздъ мчался съ головокружительной быстротою по извилистой дорогѣ, между кустарниками и низкорослыми деревьями, зарываясь въ неглубокія ущелья и снова взлетая на пригорки... Меньше чѣмъ черезъ часъ я оказался на небольшой станціи Грумбергенъ. Отсюда мнѣ предстояло путешествіе пѣшкомъ до монастыря и замка.

VII.

На мой вопросъ по-французски, гдѣ монастырь св. Норбера, мнѣ молча указали на видимое черезъ небольшое поле бѣлое строеніе съ высокимъ церковнымъ шпилемъ. Здѣсь была уже чистая Фландрія, французскаго языка почти не понимали, даже самый типъ жителей сильно разнился отъ брюссельцевъ, болѣе походившихъ на своихъ сосѣдей-французовъ.

Монастырь оказался дѣйствительно недалеко. Дорога шла черезъ деревню; маленькіе двухъэтажные домики съ неизбѣжными красными черепичными кровлями тянулись по сторонамъ. Благодаря воскресенью, въ которое въ Бельгіи нигдѣ не работаютъ и не торгуютъ, всѣ деревенскія лавочки оказались закрытыми, а ихъ хозяйева, сидя на берегу небольшой рѣчки, протекавшей вдоль дороги, несмотря на утро, играли въ неизбѣжное лото или карты.

Мелодичный, но негромкій звукъ монастырскаго колокола дрожалъ въ воздухѣ, звонили къ обѣднѣ. Бѣлая ряса кармелита, вертѣвшаго ручку колеса, посредствомъ котораго раскачивался колоколъ, мелькала въ широкомъ проемѣ небольшой колокольни.

Я подошелъ къ церкви; звонъ прекратился, послѣдніе отголоски мѣди замерли въ голубой лазури, залитой золотомъ майскаго солнца. Сырость древней постройки охватила меня всего, когда я вошелъ въ храмъ; цвѣтныя стекла оконъ, расписанныя изображеніями святыхъ, пропускали мало свѣта; царилъ какой-то присущій всѣмъ средневѣковымъ храмамъ мистическій полумракъ. Подъ древними сводами гулко раздавались возгласы монаха, служившаго обѣдню, и пѣвучіе отвѣты клирошанина; органъ безмолвствовалъ. Молодой послушникъ въ сѣромъ суконномъ подрясникѣ подошелъ ко мнѣ, вѣжливо предлагая показать всѣ достопримѣчательности собора. Ихъ оказалось немало.

По обѣимъ сторонамъ храма стояли въ нишахъ изображенія святыхъ во весь ростъ; вырѣзанная изъ дуба, искусно сдѣланная каеэдра, тоже деревянная, изображала борьбу св. Георгія со змѣемъ. Время мало отозвалось на этихъ изображеніяхъ, дерево только сдѣлалось точно полированнымъ и очень потемнѣло.

Мой молодой вожатый повелъ меня въ сакристію.

— Я французъ,—объяснилъ мнѣ послушникъ на мой вопросъ, почему онъ говоритъ по-французски:— насъ, монаховъ, изгоняютъ все больше и больше изъ дорогой намъ родины, здѣсь мы нашли себѣ пріютъ, здѣсь мы возносимъ Творцу молитвы за враговъ нашихъ.

И юноша, быстро ставъ на одно колѣно, началъ шептать молитву, перебирая лѣвою рукою многочисленные узелки бахромы кожанаго пояса, замѣнявшіе ему четки.

Онъ восторженно рассказывалъ мнѣ жизнь мѣстнаго святого Норбера, когда-то бывшаго блестящимъ рыцаремъ при дворѣ Франциска I. Всѣ эти рассказы послушникъ иллюстрировалъ мнѣ довольно грубо написанными на плафонѣ сакристіи картинами. Его пространныя объясненія начали мнѣ надоѣдать и, услыша пѣніе хора монаховъ, я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы покинуть моего чичероне, предложивъ ему франкъ за его труды.

— Если вы желаете принести свою лепту, опустите въ кружку для бѣдныхъ,—отклонилъ онъ деньги:—уставы нашего ордена запрещаютъ намъ имѣть какую-либо собственность или деньги.

Я подивился подобной твердости характера въ юношѣ-послушникѣ, изъ котораго, несомнѣнно, выработается со временемъ вполне убѣжденный монахъ.

Бѣлая кучка монашескихъ рясъ свѣтлымъ пятномъ выдѣлялась среди полумрака амвона.

«Gloria in Excelsis!»... Стройно звучали мужскіе голоса хора; даже въ нихъ чувствовалась несокрушимая вѣра, искренность, убѣжденіе въ своемъ долгѣ передъ Богомъ.

Съ хоръ полились мощные звуки органа, церковь ожила. Еле мерцавшіе въ многочисленныхъ лампадахъ огоньки загорѣлись вдругъ какъ-то ярче, суровые лики святыхъ выступили изъ мрака своихъ нишъ. Лучъ солнца проникъ сквозь разбитое стекло въ куполъ и золотымъ столбомъ спустился до источенныхъ временемъ каменныхъ плитъ пола, поднимая вѣковую пыль, весело закружившуюся въ чуждыхъ для нея теплѣ и свѣтѣ. Мистическое настроеніе, невольно побуждающее къ молитвѣ, охватывало въ эту минуту все живое...

Я понялъ, почему мрачные своды древнихъ храмовъ, ихъ таинственное молчаніе, внезапно раздающіеся звуки органа, вся картинность обстановки располагаютъ къ молитвѣ, почему захватываютъ они чувство, овладѣваютъ помыслами, покоряютъ мятежное сердце... Они вліяютъ на нашъ внутренній міръ, бередаютъ наши нервы, играя на нихъ, какъ на струнахъ инструмента. Я поспѣшилъ скорѣе выйти на воздухъ.

Широкая дорога, окаймленная канавами, вела къ видѣвшемуся невдалекѣ замку де-Меродъ. Несмотря на позднее утро, на ней пустынно; по обѣимъ сторонамъ тянутся поля, покрытыя ровнымъ ковромъ зеленѣющей пшеницы и ячменя. Гдѣ-то тамъ, высоко въ небѣ, звенитъ жаворонокъ. Жарко, еле чувствуемый вѣтерокъ слабо колышетъ головки одуванчиковъ въ придорожныхъ канавахъ, лѣниво жужжитъ оса, блеснетъ радужными крыльями стрекоза и забьется въ траву. Чувствуется какое-то томленіе. Началась низкая каменная стѣна замка, окружающая заброшенный паркъ; мѣстами ея совсѣмъ не было, она развалилась, и изъ густой травы торчатъ кое-гдѣ только камни. Высохшій ровъ, черезъ который когда-то перекидывали мостъ, — вмѣсто него теперь наложено нѣсколько старыхъ дубовыхъ досокъ, неплотно лежащихъ, — весь поросъ папоротникомъ и крапивою.

Пустыненъ и дворъ замка, видѣвшій на своемъ вѣку немало блестящихъ рыцарскихъ кавалькадъ. Угрюмыя стѣны изъ дикаго камня окружили его съ трехъ сторонъ. На лѣвомъ корпусѣ высятся солидно выстроенная башня; круглая же башня, пониже первой, замыкаетъ дворъ и съ правой стороны. Въ серединѣ главнаго флигеля помѣщается величественный входъ съ полустертymi временемъ и непогодами гербами и девизами древняго рода владѣльца

замка; два грифа изъ мрамора высѣчены по сторонамъ портала, крыши шиферныя, остроконечныя. На лѣвой башнѣ круглое отверстие для бывшихъ здѣсь раньше часовъ. Все зданіе, несмотря на свои почтенные годы (построено въ пятнадцатомъ столѣтіи), снаружи еще твердо, двухаршинныя стѣны держатся хорошо, хотя все кругомъ совершенно запущено.

Плотный, высокаго роста блондинъ, настоящій фламандецъ, съ большими голубыми глазами навывкатъ, появился изъ лѣвой башни. Застегивая жилетъ изъ темнаго манчестера, онъ торопливо что-то жеваль.

— Пойдемте,—просто сказалъ онъ мнѣ въ отвѣтъ на мой вопросъ, можно ли осмотрѣть замокъ, и крикнулъ въ окно башни по-фламандски. Небольшая дѣвочка вынесла съ трудомъ связку громаднхъ ключей, похожихъ скорѣе на пистолеты,—настоящіе ключи великановъ.

Главный входъ былъ заколоченъ, пришлось итти черезъ правую башню. Извѣденныя червями дубовыя ступени скрипѣли подъ ногами, круглая лѣстница привела насъ во второй этажъ. Звонко щелкнулъ гигантскій замокъ, и толстая дубовая дверь, скрипя на ржавыхъ петляхъ, открылась; на насъ пахло затхлымъ воздухомъ нежилыхъ покоевъ. Громадная комната грустно смотрѣла своими ободранными стѣнами, зіяющею пустотою, съ потолка свѣсились прѣлые обрывки полотнянаго плафона.

Мы прошли длинный рядъ такихъ же пустыхъ, непривѣтливо глядящихъ комнатъ, вездѣ валялись груды сора и известки. Пустая небольшая капелла съ выбитыми стеклами въ окнахъ, съ массивными желѣзными рѣшетками, съ полуразрушеннымъ дубовымъ алтаремъ, представляла собою печальную картину прежней славы владѣльцевъ замка.

Я разочаровался, интереснаго ничего не было,—и въ душѣ сътовалъ на американца, посовѣтовавшаго мнѣ сюда пріѣхать.

Внизу гулко раздался звукъ автомобильнаго рожка, мой флегматичный спутникъ неожиданно оживился.

VIII.

— Кто-то пріѣхалъ...—проговорилъ онъ и, выглянувъ изъ узкаго окна капеллы, торопливо пробѣжалъ мимо меня и началъ спускаться по лѣстницѣ.

— Вы вернетесь? — крикнулъ я ему вслѣдъ, но мой чичероне ничего не отвѣтилъ.

Измученный его молчаніемъ, я невольно заглянулъ изъ окна на дворъ замка. Тамъ стоялъ большой автомобиль-карега.

Немного спустя изъ двери башни вынырнулъ мой пріятель сторожъ и, сорвавъ шапку, бросился поспѣшно къ экипажу и отворилъ дверцы. Я замѣтилъ, какъ изъ кареты показалась грузная фигура пожилого мужчины; вслѣдъ за нимъ, опираясь на его руку, легко выпрыгнула молодая дама. Шофферъ круто повернулъ пустой экипажъ по пустынному дворику и поставилъ его въ стонѣ.

Мужчина съ дамой подошли къ главному ходу и стали ожидать, пока услужливый сторожъ, снова юркнувшій въ башню, не откроетъ имъ дверь изнутри.

Пронзительно закрипѣли ржавыя петли, и тяжелыя дубовыя двери, всѣ источенныя червями, почернѣвшія отъ времени и непогодъ, медленно раскрылись. Казалось, что застоявшійся за сотни лѣтъ въ вестибюлѣ забытаго замка спертый воздухъ, обрадовавшись неожиданной свободѣ, тяжелыми клубами выплывалъ наружу...

Недовольный появленіемъ неожиданныхъ посѣтителей, я тоскиво ожидалъ возвращенія привратника. Дождаться мнѣ пришлось немало; я охотно бы вернулся обратно на просторъ зеленыхъ полей и выбрался бы изъ этого міра пыли, опустошенныхъ комнатъ и полуразрушенныхъ стѣнъ, но меня смущали всѣ эти переходы и длинная анфилада покоевъ. Пришлось терпѣливо ожидать сторожа, присѣвъ на обломокъ древняго аналоя въ капеллѣ. Гулко застучали шаги въ сосѣднемъ залѣ и вызвали меня изъ созерцательнаго, жуткаго настроенія одиночества. Я поднялъ глаза и посмотрѣлъ на вошедшихъ. Предо мною стоялъ... король Леопольдъ съ красивой, еще не старой дамой, въ которой я сейчасъ же призналъ, судя по безчисленнымъ почтовымъ открыткамъ и характерной прическѣ, закрывающей уши извѣстную балерину Клео-де-Меродъ, предкамъ которой принадлежалъ этотъ замокъ.

Король небрежно посмотрѣлъ на меня, оглянулся вокругъ въ этой полуразрушенной капеллѣ и хотѣлъ выйти въ сосѣдній покой, какъ его спутница тихо замѣтила:

— Vous croyez bien, Sir, que c'est le berceau de mes ancêtres?

Король недовольно отвѣтилъ односложнымъ:

— Oui!

Проходя мимо, онъ снова взглянулъ на меня; видимо, мое лицо, встрѣчавшееся ему въ третій разъ въ продолженіе недѣли, достаточно запечатлѣлось въ его глазахъ, и это заставило его мнѣ замѣтить:

— Васъ какъ будто я гдѣ-то видѣлъ?

Я поспѣшилъ отвѣтить ему, напомнивъ о нашихъ встрѣчахъ на выставкѣ въ Льежѣ и вчера въ королевскомъ паркѣ.

— Теперь я вспомнилъ,—довольно проговорилъ Леопольдъ:— вы русскій adjoint (причисленный), который мнѣ объяснялъ о ве-

цахъ императорской гранильной фабрики... красивая птичка изъ камней... мнѣ очень хотѣлось ее приобрести, но, къ сожалѣнію, она была не продажная!

Разговоръ нашъ невольно перешелъ на предметы искусства и археологію.

— Обратите вниманіе на этотъ замокъ,—сказалъ онъ мнѣ:— это одна изъ изумительныхъ построекъ XVI вѣка; къ сожалѣнію, древній родъ владѣльцевъ замка уже вымеръ, некому его поддерживать. Вѣроятно, я приобрету его лично для себя или для моей.. воспитанницы,—слегка замѣшившись, продолжалъ онъ, указывая головою на стройную фигуру танцовщицы, предполагая, что чужеземцу не извѣстны тайны полишинеля его старческаго увлеченія.

Величественнымъ наклономъ головы онъ простился со мною и вышелъ изъ капеллы.

Побродивъ еще недолго по замку, мнѣ удалось выбраться наружу.

Усталый отъ пережитыхъ впечатлѣній и встрѣчъ, я побрелъ къ маленькой станціи узкоколейной дороги.

На пути меня перегналъ блестящій автомобиль-каreta, быстро помчавшійся по шоссе прямо въ Брюссель.

Царственный посѣтитель возвращался со своею дамою сердца изъ замка ея предковъ въ свой дворецъ въ Лакенѣ.

Въ Брюсселѣ я пробылъ противъ ожиданія больше недѣли, и каждый разъ, когда отправлялся на прогулку въ королевскій паркъ, встрѣчалъ его царственного хозяина, всегда очень любезно отвѣчавшаго на мой поклонъ.

Послѣдній разъ мы совершенно неожиданно встрѣтились около калѣки-шарманщика.

Я подошелъ къ безногому музыканту подать монету, одновременно со мною спустился съ пригорка и король. Онъ былъ одѣтъ въ свой обычный костюмъ для прогулки и опирался на палку.

— А, это опять вы,—съ улыбкой замѣтилъ онъ мнѣ и, положивъ на потертую клеенку шарманки золотой, шутливо продолжалъ:

— Судьба насъ сводитъ съ вами очень часто...

Я молча поклонился ему.

— Вы вѣрите въ судьбу?—рѣзко оборвалъ онъ самъ себя и, не дожидаясь моего отвѣта, потрясъ лѣвою рукою, обтянутою бѣлою перчаткой.

— Надѣюсь, увидимся опять.

Но больше я съ нимъ не встрѣчался.

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.

ПУШКИНЪ И СЛАВЯНЕ.

I.

САМЫМИ основными, самыми глубокими стремлениями человека и народа обыкновенно бываютъ тѣ, въ которыхъ мы сами не даемъ себѣ отчета. Властно, неодолимо, иногда наперекоръ уму и видимой пользѣ, влечетъ насъ въ извѣстную сторону, а потомъ оказывается, что вопреки всѣмъ видимостямъ именно тамъ и крылась наша выгода и въ стремленіи туда и заключалась одна изъ основныхъ задачъ нашей жизни. Такими безотчетными, но прочными и, несмотря на всѣ отклоненія, постоянными влеченіями были въ жизни русскаго народа его племенные, славянскія тяготѣнія. Взаимодѣйствіе между русскимъ народомъ и западнымъ и южнымъ славянствомъ въ сущности не прекращалось вполнѣ никогда, но опредѣленной и сознательно проводимой славянской политики у насъ не было и прежде, нѣтъ и теперь. Однако съ тѣхъ поръ, какъ герцеговинскій полковникъ Михайлъ Милорадовичъ и черногорскій капитанъ Лукашевичъ передъ прутскимъ походомъ рассказали Петру, что тамъ далеко, на славянскомъ югѣ есть «соколиное сербовъ гнѣздо», готовое всегда прійти на помощь русскому оружію, — русская политика мимовольно стала играть передовую роль въ славянскомъ вопросѣ. Русскіе дипломаты, вродѣ князя А. М. Горчакова, отреклись отъ славянъ, предостерегали отъ «славянскихъ авантюръ». И однако все, что было самого лучшаго, самого благороднаго, самого яркаго въ исторіи Россіи за послѣдніе

два вѣка, связано со славянской идеей. Съ чувствомъ глубочайшаго удовлетворенія можетъ читать русскій стихи сербскаго поэта, Змая Ювана Ювановича, на памятникъ у Алексинца:

Кад бојна труба Србију диже,
 Да Српство одбрани,
 Подјоше гинуть, аль брат повика:
 «Не чете сами!»
 И чак са дальних северних страна
 Русадија диже,
 И любав братска и любав славска
 У помоць стиже.
 Ох, сви су они безсмртно име
 Задобити знали.
 Многи су, многи за народъ српски
 Свој живот дали.
 Дали су живот, који се никад
 Не може да врати,—
 Може ли ико, може ли иком
 Што више дати! ¹⁾.

Каждая страница въ исторіи славянскаго возрожденія въ XIX вѣкѣ запечатлѣна русскою кровью, и во всей нашей внѣшней жизни развѣсть есть алмазь драгоцѣннѣе освободительной войны 1877—1878 года? Не было бы на Руси славянскихъ влеченій, не существовала бы свободная Болгарія.

Россія, если хочетъ быть вѣрною себѣ самой, не можетъ не быть славянскою. Этому учитъ исторія наша, объ этомъ твердитъ каждое явленіе въ нашей жизни, отразившее въ себѣ русскій складъ ума и сочувствій, и на первомъ мѣстѣ наша литература. До сихъ поръ у насъ есть только одинъ поэтъ, который далъ полный и цѣльный образъ нашей народности. Это — Пушкинъ. Онъ — «наше все»: магическимъ жезломъ поэзіи онъ очертилъ кругъ нашихъ сочувствій; въ его стихахъ вылилось все наше душевное, особенное, и кто хочетъ изучать русскую душу, пусть читаетъ Пушкина. Прочтетъ,—и увидитъ тамъ чистѣйшій обликъ славянина.

Пушкинъ сравнительно мало соприкасался со славянскимъ міромъ. Его дѣтство лелѣяли сказки няни и рассказы бабушки, а искажалъ и грязнилъ Вольтеръ, Парни, Шаплэнъ. Не дядѣ же, Василию Львовичу, было знакомить его со славянствомъ, да и кто тогда, кромѣ развѣ Шишкова да еще двухъ-трехъ человекъ, зналъ

¹⁾ Когда по зову военной трубы встала Сербія на защиту сербства, пошли сербы на гибель, но брать имъ кликнулъ: «Вы не останетесь одни!» И изъ дальнихъ сѣверныхъ сторонъ поднялась Русь, и любовь братская и любовь славянская пришли намъ на помощь. О, всё они заслужили себѣ безсмертное имя. Много ихъ, много за сербскій народъ положило жизнь свою. Положило жизнь, которую уже никогда не воротить. Можетъ ли кто-нибудь дать другому что-нибудь большее!

о славянствѣ? До Пушкина, въ лучшемъ случаѣ, могли только долетать вѣсти о геройскомъ поединкѣ сербскихъ пастуховъ съ могущественной турецкой имперіей. Какъ разъ въ то время сербы съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свои права на жизнь. Въ 1816 году пріѣзжалъ въ Петербургъ мрачный и зловѣщимъ свѣтомъ мести озаренный сербскій гайдукъ Кара-Георгій, а черезъ три года посѣтилъ Россію Вукъ Караджичъ, но едва ли Пушкинъ встрѣчался съ ними. Его славянскія знакомства начались позднѣе, на югѣ, въ Бессарабіи. Въ Кишиневѣ жили тогда сербскіе воеводы Вуличъ, Ненадовичъ, Живковичъ. Съ ними сходилъ Пушкинъ у Липранди и, можетъ быть, отъ нихъ записалъ сербскія пѣсни, сохранившіяся въ его черновыхъ тетрадяхъ. Въ домѣ Инзова, попечителя южно-русскихъ болгарскихъ колоній и основателя Болграда, могъ онъ также встрѣтить не одного южнаго славянина. Въ Одессѣ его плѣнила красота г-жи Ризничъ, жены далматинскаго сербо-хорвата. Наконецъ въ Петербургѣ пріязнь связала нашего поэта съ Мицкевичемъ. Еще раньше зналъ онъ графа Олизара и, конечно, встрѣчался со многими поляками, но ни съ кѣмъ не сходилъ близко.

Вотъ всѣ точки соприкосновенія со славянствомъ. По пальцамъ можно перечестъ и тѣ произведенія Пушкина, въ которыхъ затронулъ онъ славянство. Три перевода съ польскаго изъ Мицкевича, два стихотворенія о Кара-Георгіи, одно о Милошѣ, три перевода изъ Вука Караджича и 11 переводовъ изъ книги Мериме «La Guzla», среди которыхъ есть одно чешское сказаніе «Янышъ королевичъ», легшее въ основу «Русалки». Это все. Но не въ сюжетахъ дѣло. Въ каждой строкѣ Пушкина видны черты славянскаго генія, съ его безпечнымъ и глубокимъ добродушіемъ, свѣтлостью взгляда и несравненной легкостью, подъ которою кроется глубина мысли. Пушкинъ роняетъ жемчужины мыслей, кажется, самъ того не сознавая. А потомъ этотъ полетъ славянскаго чувства, широкій взмахъ уносящихся въ высъ орлиныхъ крыльевъ, голосъ, «шуму водъ подобный».

П. А. Кулаковскій, сличивъ пушкинскіе переводы изъ Вука Караджича съ подлиннымъ текстомъ сербскихъ пѣсенъ¹⁾, указалъ на любопытную подробность. Переводя пѣсню «Соловей» съ невѣрно записаннаго текста, Пушкинъ внесъ въ нее какъ разъ тѣ измѣненія, которыя передаютъ духъ и настроеніе подлинной пѣсни. Чутье народной славянской жизни подсказало ему истину.

И славянство отвѣтило ему такимъ же пониманіемъ его поэзіи²⁾. Пушкина переводили на многіе языки, но понятъ онъ былъ и

¹⁾ Пл. Кулаковскій. Славянскіе мотивы въ творчествѣ Пушкина. Варшава. 1899.

²⁾ По счету П. Д. Драганова («Историческій Вѣстникъ» 1899 г., № 5) первое мѣсто по количеству переводовъ изъ Пушкина занимаютъ французы (246 №№),

дѣйствовалъ на сердца только въ славянскомъ мѣрѣ. Когда-нибудь соберутъ все, что было написано славянами о Пушкинѣ, перечислятъ всѣ переводы изъ него ¹⁾, и ясны станутъ размѣры и сила его влiянiя. Пока же мы бы хотѣли только собрать здѣсь нѣсколько стихотворенiй, посвященныхъ Пушкину, показать, какой поэтическiй вѣнокъ сплели ему «гордые внуки славянъ». Пушкинъ,—повторимъ здѣсь слова Аполлона Григорьева,—«наше все», и все, что его касается, намъ дорого. Здѣсь не могутъ быть излишними и мелочи, тѣмъ болѣе, что слава, возданная его гению, есть слава русскаго народа.

II.

Имя Пушкина становится извѣстнымъ въ славянствѣ уже въ двадцатыхъ годахъ. Первыми познакомились съ нимъ, кажется, сербы. Въ журналѣ «Сербске Летописи» за 1825 годъ уже упоминается его имя: «А. С. Пушкин, род. 1799, кол. секретар, писао е многа лирическа сочиненiя, «Руслан и Людмила, Слб. 1820». Годъ спустя тотъ же журналъ, редактировавшiйся Юриемъ Магарашевичемъ, помѣщая обзоръ содержанiя поэмы «Источникъ Бакчисарая», предпослалъ ему замѣтку о Пушкинѣ, изъ которой видно, что автору извѣстны «Воспоминанiя о Царскомъ Селѣ», «Кавказскiй плѣнникъ» и «Русланъ и Людмила», поэма, которой «планъ добро расположенъ, обдѣланiе художественно, а повѣсть жива и прiятна». Знали сербы и объ отношенiи поэта къ императору Николаю и хотя величали Пушкина графомъ («Руси имаю у графу Александру Пушкину прѣпрославленогъ поету»), но уже читали и перепечатывали у себя въ подлинникѣ стихотворенiя этого «графа»: «Дочери Карагеоргiя», «Муза», «Гркинѣ», «Подражанiе Байрону» ²⁾, а съ 1849 года ³⁾ стали и переводить ихъ.

второе нѣмцы (224 №№) и только потомъ идутъ славяне—чехи (203 №№), сербохорваты (86 №№), поляки (57 №№), болгары (55 №№), словенцы (36 №№) и словаки (24 №№). Но если взять эти цифры въ процентномъ отношенiи къ общему количеству выпущенныхъ каждымъ народомъ книгъ, то славянскiе народы займутъ здѣсь, безспорно, первое мѣсто.

¹⁾ Начало этого труда уже дано въ работѣ П. Д. Драганова «Многоязычный Пушкинъ». См. «Историческiй Вѣстникъ» 1899 г., № 5.

²⁾ П. А. Заболотскiй. Очерки русскаго влiянiя въ славянскихъ литературахъ новаго времени. «Русскiй Философскiй Вѣстникъ» 1898 г., №№ 1 и 2, стр. 153—158. Статья Заболотскаго даетъ важныя дополненiя къ свѣдѣнiямъ, сообщеннымъ въ вышеупомянутой работѣ П. Д. Драганова.

³⁾ Въ этомъ году былъ напечатанъ въ Вiлградѣ переводъ «Капитанской дочки». — «Капитанова дчерка». См. «Историческiй Вѣстникъ» 1899 г., № 5, стр. 655.

На годъ позднѣе, чѣмъ у сербовъ, имя Пушкина появляется у поляковъ. Въ «Польской Библиографіи» Карла Эстрейхера ¹⁾ подъ словомъ «Пушкинъ» читаемъ:

Fontanna z Bakczyseraju (A. Rogalski). Wilno. 1826.

Fontanna z Bakczyseraju przekład N. F. Ź. (aby). W. 1826.

Въ томъ же 1828 году былъ переведенъ и «Кавказскій плѣнникъ». «Прекрасныя произведенія Пушкина, — говорилось въ предисловіи къ этому послѣднему переводу, — поставили его въ ряду первыхъ поэтовъ. Своими сочиненіями значительно обогатилъ онъ русскую литературу если не по количеству твореній, то по ихъ литературному достоинству. Его произведенія будутъ читаться въ самыя отдаленныя времена. «Цыганы», «Братья-Разбойники», «Кавказскій плѣнникъ», особенно же полный красотъ «Бахчисарайскій фонтанъ» доставили ему безсмертную славу» ²⁾.

Чешскіе переводы появились позднѣе. Первыми были переведены «Цыганы». Переводъ принадлежит Яну Славоміру Томичку и напечатанъ въ № 8 журнала «Чехославъ» за 1830 годъ. Въ тридцатыхъ годахъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній — «Делибашъ», «Гусаръ», «Два ворона», «Утопленникъ», «Зимній вечеръ» и др. перевелъ знаменитый чешскій поэтъ Ф. Л. Челяковскій. Въ 1835 году Томичекъ въ журналѣ Kwěty» напечаталъ отрывки изъ Бориса Годунова ³⁾.

Болгарскія литературы при жизни Пушкина не было и въ поминѣ, а словенская и словацкая только зарождались или, вѣрнѣе, только начали возрождаться послѣ полного почти омертвѣнія. Старыя словенскія и словацкія изданія — болѣе всего календари да двѣ-три газеты — еще недостаточно изслѣдованы, но, думается, мы не ошибемся, сказавъ, что едва ли былъ въ славянствѣ образованный человѣкъ, который не зналъ бы хотя по имени Пушкина. Иллирійскій соловей, Станко Вразъ, хорватъ по языку своихъ стихотвореній, но словенецъ по рожденію, часто бралъ для своихъ вдохновеній motto изъ Пушкина. Онъ же перевелъ на хорватскій языкъ, кромѣ «Бахчисарайскаго фонтана» (Česma Bačisarajska), которому какъ-то особенно посчастливилось въ западномъ и южномъ славянствѣ, стихотворенія «Птичка», «Черная шаль», «Бородинская годовщина», «Клеветникамъ Россіи» и др. ⁴⁾.

Годъ смерти Пушкина показалъ, насколько онъ близокъ былъ славянству. Почти во всѣхъ дѣйствовавшихъ тогда славянскихъ

¹⁾ Bibliografja Polska XIX st. K. Estreichera, t 3. Kraków. 1876.

²⁾ Цитировано по переводу П. А. Кулаковского въ книгѣ «Пушкинъ въ славянскихъ переводахъ», стр. 8.

³⁾ См. брошюру В. А. Францева: «А. С. Пушкинъ въ чешской литературѣ». (пб. 1898 г.

⁴⁾ Dela Stanka Vraza, 4 dio. V. Zagrebu. 1866, str. 75—106.

литературахъ русская потеря нашла себѣ сочувственный откликъ.

Наиболѣе официальный отзывъ находимъ въ литературѣ сербской. Хотя сербы писали еще въ то время на такъ называемомъ славяно-сербскомъ языкѣ, столь близкомъ къ русскому, что можно было произведенія русскихъ поэтовъ выдавать за сербскія¹⁾, тѣмъ не менѣе Россія, кажется, не столько интересовала ихъ своею литературой и наукой, сколько импонировала имъ государственной мощью. Въ биографіи Пушкина особенно занимали ихъ отношенія поэта къ императору Николаю. Можетъ быть, не безъ вліянія этихъ воззрѣній авторъ статьи о Пушкинѣ въ журналѣ «Сербски Народни Листъ» дѣлитъ всю дѣятельность поэта на два періода: первый, когда «Пушкинъ у стихотвореніама своима, тако речи, беснити почео» и, играя своимъ поэтическимъ даромъ, «какъ дитя съ ножомъ», писалъ «Свободу», «Ножъ» и «Русланъ и Людмилу» — робеспірско-республиканске стихове, какви се не у самимъ республиканскимъ державама по простомъ народу разносити не смаду (не смѣють)», и второй, когда онъ «своіой верховной власти, свомъ народу, свомъ отечеству сасвимъ прилюбіо». Сравнивая Пушкина съ Байрономъ, Мериме и Гейне, авторъ сербской статьи называлъ его русскимъ Гете и считалъ въ то же время подражателемъ Жуковского по «языкоизображенію». «Найвыспреніе Пушкина сочиненіе» критикъ видѣлъ въ «Пророкѣ»; въ «Полтавѣ» же, по его мнѣнію, поэтъ «найвышій степень историческо-поетическаго израженія достигао»²⁾. Почти одновременно съ этой статьей появилось и хорватское извѣстіе о Пушкинѣ въ иллирійской газетѣ знаменитаго Людевита Гаая «Даница» (№ 22, 1837 г. отъ 3 іюня)³⁾.

Несравненно сердечнѣе, безконечно глубже и вѣрнѣе былъ сочувственный голосъ польскаго народа. Неудивительно: за Польшу говорилъ Мицкевичъ. Плакивая среди вѣчной суеты

Парижскихъ мостовыхъ, джи, грязи и проклятій,
Неистощимыхъ слезъ и воплей меньшихъ братій

свою утраченную родину, онъ не забылъ про дни молодости, когда на Тверской въ салонахъ княгини Зинаиды Волконской встрѣчался онъ съ Пушкинымъ, слушалъ у Веневитиновыхъ его

¹⁾ Такъ, въ альманахѣ «Сербска Пчела» за 1832 годъ помѣщенъ былъ почти буквальный текстъ оды Державина «На смерть князя Мещерскаго» подъ заглавіемъ «Плачь на смерть пресвященнѣйшаго г. Юсифа Путника, епископа Тешшварскаго». О другихъ примѣрахъ заимствованія см. въ книгѣ П. А. Кулаковскаго: «Начало русской школы у сербовъ». Спб. 1903, стр. 168—170.

²⁾ Анализъ сербской статьи данъ въ вышеупомянутой статьѣ Заболотскаго. «Рус. Ф. Вѣст.» 1908 г., № 1—2, стр. 176—178.

³⁾ П. А. Кулаковскій. «Пушкинъ въ слав. переводахъ». Варшава. 1899, стр. 9.

«Бориса Годунова» и дышала той свѣжей и чистой атмосферой искусства, пріязни и дружбы, которая выше всякихъ политическихъ перегородокъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти поэта, онъ помѣстилъ въ журналъ «Le Globe»¹⁾ биографическую и литературную о немъ статью за подписью «Другъ Пушкина». Дань дружбы, она была свидѣтельствомъ глубокаго проникновенія польскаго поэта въ самую суть пушкинской поэзіи, по крайней мѣрѣ до 1828 года, когда событія навѣкъ отделили Мицкевича отъ Россіи. Мицкевичъ между прочимъ писалъ: «Пушкинъ не былъ фанатическимъ байронистомъ. Если не существовали бы творенія англійскаго поэта, Пушкинъ былъ бы провозглашенъ первымъ поэтомъ своей эпохи». «Борисъ Годуновъ,— читаемъ въ другомъ мѣстѣ,—доказываетъ, до чего могъ бы достигнуть Пушкинъ со временемъ: *et tu Schakespeare eris, si fata sinant*». Мицкевичъ вѣрно отмѣтилъ совершившуюся въ Пушкинѣ къ тридцатымъ годамъ перемѣну, его углубленіе въ народную поэзію и исторію. Онъ видѣлъ, какъ «ветхою чешуей» спадали съ его генія наносныя краски и уже показывалось изъ-подъ нихъ русское лицо поэта: «Только однажды,—заканчивалъ онъ свои наблюденія,—дается странѣ воспроизвести человѣка, который въ такой высокой степени соединяетъ въ себѣ столь различныя и, повидимому, другъ друга исключаютія качества. Пуля, сразившая Пушкина, нанесла ужасный ударъ умственной Россіи»²⁾.

Но Мицкевичъ былъ другомъ Пушкина. При оцѣнкѣ поэта имъ могло руководить чувство давней пріязни. Тѣмъ цѣннѣе для насъ отзывы чехо-словаковъ. Мы уже знаемъ, что въ Чехіи переводы изъ Пушкина стали появляться только съ 1830 года; личныхъ связей съ чешскими писателями у Пушкина не было, но, очевидно, уже тогда въ Чехіи и на Словачинѣ читали Пушкина въ подлинникѣ. Читали и цѣнили высоко:

Мало на Вагъ долетѣло къ намъ съ сѣвера Пушкина пѣсень,
Но заронились тѣ пѣсни глубоко въ славянскія души.
Умеръ поэтъ, но живъ его духъ, и жить будетъ вѣчно
Сладостный звукъ его лютни на вольныхъ просторахъ славянства.
Съ горныхъ вершинъ будетъ парить, какъ орелъ, онъ надъ нами,
И далеко его пѣсни пройдутъ по славянскимъ долинамъ³⁾.

¹⁾ Номеръ отъ 25 мая 1837 г.

²⁾ Статья Мицкевича переведена кн. П. А. Вяземскимъ и напечатана въ «Рус. Архивѣ» 1873 г., кн. I. Тамъ же можно найти и любопытные отзывы Мицкевича о Пушкинѣ изъ «Курса славянскихъ литературъ»—книги, которую слѣдовало бы, конечно, съ комментаріями, перевести на русскій языкъ: въ ней необыкновенно ярко отразился духъ польскаго народа, его «святая святыхъ», а, кромѣ того, это, кажется, единственная попытка изложить славянскія литературы въ ихъ цѣломъ.

³⁾ Переведено по тексту, помѣщенному въ журналѣ Ад. Чернаго «Slovansky Pzehled» за 1899 г. Тамъ же можно найти дополнительныя свѣдѣнія къ брошюрѣ В. А. Францева о чешскихъ переводахъ Пушкина.

Это стихи Людевита Штура, чей мужественный и отважный духъ въ безпрестанной борьбѣ съ чуждымъ ему мадьярствомъ и роднымъ отщепенствомъ отвоевалъ для словацкаго народа права на жизнь и самобытное развитіе. Болѣе политикъ, чѣмъ поэтъ, Штуръ, казалось бы, менѣе другихъ способенъ былъ оцѣнить художественный геній Пушкина и, однако, онъ отдалъ ему сердечную, искреннюю дань въ особой «Элегіи на смерть Пушкина». Это первое звено, первый цвѣтокъ въ славянскомъ вѣнкѣ на гробъ русскаго поэта.

За нимъ вскорѣ послѣдовали и другіе.

Первое мѣсто заняли здѣсь наши непосредственные сосѣди— словаки. Неудивительно: безъ дворянства, безъ третьяго сословія, безъ капиталовъ, безъ фабрикъ, безъ торговли, болѣе чѣмъ слабый экономически, съ ускользающей изъ рукъ церковью и народной школой, при полномъ отсутствіи гимназій и университетовъ, вотъ уже болѣе полвѣка, какъ, отдавая весь свой приростъ на пополненіе вражескихъ рядовъ, словацкій народъ стонетъ подъ неслышаннымъ игомъ мадьярства и, не находя себѣ поддержки ни въ комъ внутри страны, поневолѣ долженъ искать опоры извнѣ, а здѣсь ему ближе всего славяне и среди нихъ послѣ Чехин особенно Россія ¹⁾.

Россія для словака это «центральное солнце», но, соприкасаясь съ русскимъ народомъ непосредственно только въ Угріи и Галиціи, гдѣ народъ нашъ почти лишень самосознанія, любовь свою къ Россіи словакъ черпаетъ почти исключительно изъ русской литературы. Отсюда его привязанность къ русскому слову. Въ Жилинѣ, Ружомберкѣ, Турчанскомъ Святомъ Мартинѣ, Липтовскомъ Святомъ Микулашѣ есть люди, у которыхъ вы всегда найдете на столѣ русскую книгу. Новыхъ русскихъ писателей переводятъ мало, но и въ Россіи немного найдется такихъ самостверженныхъ поклонниковъ и учениковъ Толстого, какъ уроженецъ Татръ Д. П. Маковицкій, теперешній домашній докторъ въ Ясной Полянѣ. А среди прежнихъ писателей первое мѣсто занимаетъ и теперь по вліянію Пушкинъ. «Евгеній Онѣгинъ» въ переводѣ Само Бодицкаго, «Капитанская дочка» въ переводѣ Маро— и доселѣ одно изъ лучшихъ украшеній небольшой переводной литературы словаковъ.

Нагляднымъ доказательствомъ не прерывающагося дѣйствія Пушкина на словацкую интеллигенцію служитъ романъ лучшаго изъ словацкихъ художниковъ слова, Свѣтозара Гурбана-Ваянскаго, гдѣ широкою кистью обрисована жизнь современнаго словацкаго образованнаго общества. Дѣйствующія лица не разъ по-

¹⁾ О современномъ положеніи словаковъ см. наши статьи въ «Слав. Изв.» 1908 г. № 1—3 и особую брошюру «Народная школа у словаковъ». Спб. 1903.

среди рѣчи поминають здѣсь русскаго поэта. Когда одинъ изъ героевъ возвращается домой сумрачный и разстроенный, друзья, чтобы измѣнить печальное его настроеніе, начинаютъ говорить съ нимъ на «языкѣ его любимца, Пушкина». Въ обществѣ декламируютъ пушкинскіе стихи. «Ваша сестра — сокровище, — говоритъ одно изъ лицъ романа другому. — Что за огонь, что за воодушевленіе! Она насъ учитъ познавать великихъ славянскихъ писателей. Съ какимъ огнемъ читаетъ она Пушкина! Какъ мило звучитъ его стихъ въ ея устахъ!» Русское для словака — «наше». «Мама, — сказала Юлія, — за меня не бойся. А мальчики? Развѣ передъ ними не лежитъ весь громадный славянскій міръ? Пусть только учатся, какъ слѣдуетъ. Не въ тѣсномъ гнѣздѣ они выросли. Есть у нихъ много простору для вольнаго лѣту, по самую Камчатку». «Нѣтъ границъ побѣдному лѣту славянскаго слова, — читаемъ въ одномъ изъ стихотвореній того же автора. — Чего же ты боишься, сынъ Татры? И твое слово — славянское»¹⁾. Читаетъ, — и въ каждомъ словѣ слышишь духъ того народа, который далъ всеславынству его лучшихъ борцовъ, Коллара, Палацкаго, Шафарика, Штура.

Выше приведенное стихотвореніе Штура на смерть Пушкина написано еще по-чешски, но едва только словацкое народное сознаніе подъ вліяніемъ даннаго позднѣе Штуромъ толчка заговорило на родномъ языкѣ рѣшительно и громко, оно устами ксендза Андрея Бракаториса-Сладковича, перваго словацкаго лирика, добавило къ штуровскому «Плачу надъ Пушкинымъ» новые, чисто словацкіе тоны въ стихотвореніи «Духу Пушкина»:

Пѣвецъ Полуночи! ты братъ души моей,
 О, гевій, намъ родной и милый!
 Зачѣмъ безвременно покинулъ кругъ друзей?
 Зачѣмъ такъ рано взять могилой?
 Пѣвецъ Полуночи! люблю твой вѣщій гласъ,
 Гарема игры и забавы,
 Люблю пылающій войною твой Кавказъ,
 Люблю я громъ твоей Полтавы;
 Люблю черкешенку прелестную твою;
 Мнѣ миль и сумрачный Евгенийъ,
 И грустный Лепскій твой; надъ нимъ я слезы лью;
 Во всемъ, во всемъ ты — дивный гевій!
 Угасъ — и сколько слезъ повсюду пролилось,
 Печальное настало время...
 Судьба! зачѣмъ, скажи, ты насъ разбила врозь,
 Наславъ на чеховъ вражье племя?..²⁾

¹⁾ Sv. Hurban Vajansky. Kotlin. Turc. Sv. Martin, 1901, str. 440, 202 и др. См. также S. Hurban-Vajansky. Z pod jarma. T. Sv. Martin 1905, str. 21, 43.

²⁾ Переводъ О. Н. Берга. См. сборникъ Н. Новича «Словацкіе поэты». Слб. 1901. Другой переводъ — А. С. Будиловича — напечатанъ въ «Моск. Вѣд.» за

Стихи Сладковича были напечатаны въ сборникѣ «Orol Tatranski» за 1848 годъ. Приблизительно къ этому времени относится и начало словацкихъ переводовъ Пушкина. По крайней мѣрѣ А. С. Будиловичъ свидѣтельствуеетъ, что онъ видѣлъ «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» въ переводѣ Янко Краля¹⁾, а въ 1849 году этотъ поэтъ уже безслѣдно пропалъ въ будапештской тюрьмѣ. Мѣстный библиографъ Ризнеръ²⁾ относитъ первые переводы изъ Пушкина значительно позднѣе, къ 1864 году, когда появились на словацкомъ языкѣ «Мятель» и «Барышня-крестьянка». Съ тѣхъ поръ не перестаютъ переводить Пушкина и понынѣ, и не далѣе, какъ въ №№ 8 и 9 журнала «Slovenske Pohl'ady» за текущій годъ, помѣщены въ переводѣ Горала: «Анчаръ», «Два ворона», «Птичка», «Цвѣтокъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ и культъ Пушкина все увеличивается. Послѣднимъ выраженіемъ его является сонетъ «Передъ памятникомъ Пушкина въ Москвѣ», которымъ почтилъ нашего поэта его горячій поклонникъ и передовой боецъ за права родного народа, поэтъ, публицистъ и философъ Гурбанъ-Баянскій. Сонетъ этотъ во многомъ напоминаетъ стихи Сладковича:

Онѣгиня твой мой волнуетъ ночи,
 Меня плѣнила нѣжность твоей Тани,
 Журча бѣжить струя въ твоемъ Фонтанѣ,
 Полтавскій бой грозой глядитъ мнѣ въ очи.
 Петра въ огнѣ я вижу на равнинѣ,
 Морозовъ русскихъ чую дуновенье,
 Водъ нескихъ слышу властное движенье,
 Люблю Кремля священныя твердыни.
 Міръ новый предо мною оживаетъ.
 Тамъ творчества огонь пылаетъ вѣчный,
 Небесной музыки струится лучъ...
 Волненьемъ сладкимъ сердце замираетъ,
 Не молкнетъ чувство въ глубинѣ сердечной,
 А ты стоишь, недвиженъ и могучъ...³⁾

Правъ оказался Людевитъ Штуръ, сказавъ, что духъ поэта еще долго будетъ живъ и тамъ, гдѣ высокій Криванъ поднимаетъ въ небо свою сѣдую голову, и тамъ, гдѣ въ уютныхъ татранскихъ долинахъ приютились бѣлые одноэтажные домики словаковъ. Возрастая, культъ Пушкина вмѣстѣ съ тѣмъ очищается отъ всякихъ постороннихъ примѣсей, и когда теперь въ какой-нибудь глухой словацкой деревушкѣ молодая дѣвушка-учительница вродѣ Люд-

1880 г. № 158. Подлинникъ въ книгѣ Spisy básnické A. Sládkovica. Svázok II, Turč. sv. Martin 1900, str. 288.

¹⁾ «Моск. Вѣд.» 1880 г., № 158. Въ собраніи стиховъ Янко Краля 1893 г. перевода этого мы не нашли.

²⁾ Slovenske Pohl'ady 1898 г., стр. 238.

³⁾ Verše Sv. Hurbana Vajanského. Turč. Sv. Martin. 1890, str. 33.

милы Подъяворинской послѣ занятій съ ребятишками раскроетъ Пушкина и перелагаетъ на мягкую словацкую рѣчь его «голосъ, шуму водъ подобный», то ужъ здѣсь, конечно, играетъ роль не политика, а любовь къ поэзіи, удовлетворенное чувство красоты, а потомъ, можетъ быть, и то другое, тоже имѣющее мало общаго съ политикой чувство, которое заставляетъ словаковъ въ Турчанскомъ Святомъ Мартинѣ на памятникахъ близкихъ и дорогихъ людей ставить рядомъ со словацкой надписью и русскую: «Вѣчная память».

Чехо-словацкій штуровскій привѣтъ Пушкину не остался безъ дальнѣйшаго отклика и у чеховъ. Въ пятидесятыхъ годахъ одинъ за другимъ начинаютъ появляться всѣ выдающіяся поэмы Пушкина въ переводѣ Вацлава Бендля—«Кавказскій плѣнникъ» (1854), «Бахчисарайскій фонтанъ» (1855), «Братья Разбойники» (1856), «Цыганы» (1856), «Полтава» (1856), «Графъ Нулинъ» (1857), «Борисъ Годуновъ» (1859), «Евгеній Онѣгинъ» (1860). Въмѣстѣ съ другими, болѣе мелкими сочиненіями они составили два тома «Стихотвореній Пушкина», изданныхъ въ Пискѣ въ 1859—1860 г. Позднѣе Пушкина переводили Юнгъ, Елиза Красногорская, переводили лучше Бендля, но заслуга его отъ этого не уменьшилась: «со времени появленія переводовъ В. Ч. Бендля,—пишутъ чехи,—Пушкинъ для насъ сдѣлался роднымъ поэтомъ»¹⁾. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ «Евгенія Онѣгина» въ 1858 г. былъ написанъ стихотворный романъ Пфлегра-Моравскаго «Панъ Вышинскій». Геній Пушкина далъ толчокъ чешской музыкѣ. Въ 1871 году была представлена на слова «Бахчисарайскаго фонтана» опера Леоп. Евг. Мѣхуры «Марія Потоцкая». Наконецъ и геній чешской поэзіи привѣтствовалъ русскаго поэта. Въ 1888 году въ журналѣ «Světozor» (№ 3) было напечатано посвященное Пушкину стихотвореніе чешскаго поэта-лауреата Ярослава Врхлицкаго. Поводъ къ нему дала извѣстная картина Рѣпина и Айвазовскаго. Только художники выбрали моментъ прощанія Пушкина съ моремъ, а Врхлицкій изобразилъ Пушкина въ ту минуту, когда впервые увидалъ онъ Черное море. Стихи носятъ названіе: «Пушкинъ у моря».

Гдѣ надъ пучиною голубой
Нависнулъ берегъ темной кручей,
Гдѣ волнъ морскихъ живой прибой
Шумитъ гармоніей пѣвучей,—
Остановился онъ,—а съ моря
Къ нему летѣлъ за валомъ валъ.
Онъ взоромъ утонулъ въ просторѣ
И рокоту валовъ внималъ.

¹⁾ В. А. Францевъ, стр. 2.

«Благословенно, море, будь!»
 Казалось, говорило око
 И чистый вадохъ, которымъ грудь
 Пѣвца вздымалася глубоко,
 И восклицавья звукъ невнятный,
 Что вырвался и полетѣлъ
 Въ просторъ пучины необъятной,
 Гдѣ бѣгъ валовъ сѣдыхъ шумѣлъ.
 Знакомый гулъ, знакомый шумъ!
 Взоръ въ первый разъ съ пучиной слился,
 Но лѣтъ ей окрыленныхъ думъ
 Давно, давно съ душой сроднился.
 Такъ! Сердца глубь—то зыбь морская,
 Гдѣ чувства падаетъ волна
 И вновь подьмется сверкая,
 Грядущей пѣснею полна.
 И моремъ упивался онъ,
 Хотѣлъ обнять онъ безконечность,
 Хотѣлъ летѣть за небосклонъ,
 А въ сердцѣ пѣсню пѣла—вѣчность.
 Но пѣнный валь, съ глухимъ роптаньемъ
 Ударясь объ утесъ, плеснулъ
 Въ лицо ему живымъ лобзаньемъ
 И къ жизни вновь его вернулъ.
 Все прошлое онъ вспомнилъ вдругъ,
 И музы первое лобзанье,
 И первый сладостный недугъ,
 И вѣщихъ снова очарованье,
 Воль страсти и любви волненья,
 И свѣтской жизни вихрь пустой,
 Гдѣ средь напраснаго томленья
 Души утратилъ онъ покой.
 А здѣсь—здѣсь тихо все кругомъ,
 Шумять лишь волны голубыя,
 И подъ весеннимъ ихъ тепломъ
 Вновь чувства ожили былыя.
 Что въ сердца глубинѣ таилось,
 То обликъ приняло живой,
 Въ гармонию созвучій слилось,
 Пахнуло на душу весной.
 И вновь герой давнишнихъ сновъ,
 Представъ, повелъ его къ пучинѣ,
 Гдѣ въ бурномъ рокотѣ валовъ
 Забылъ онъ о своей кручинѣ,
 И въ сердцѣ только бѣдной Тани
 Еще звенѣла ласково печаль,
 Но гасла въ отблескѣ рыданій
 И тая уносила въ даль.
 Шуми жъ, о море, вѣрный другъ!
 Душа вся счастьемъ обята,
 Свободна мысль, свободенъ духъ.
 Въ тебѣ поэтъ почуялъ брата:
 Глубокою сверкая бездной,
 Ты все объяло безъ конца—

Глубь тьмы и свѣтлость ночи звѣздной,
И гимнъ ликующей пѣвца ¹⁾).

Не остался чуждъ Пушкинъ и маленькому 150-тысячному славянскому народу лужицкихъ сербовъ, которые въ борьбѣ съ нѣмецкимъ наплывомъ еще защищаютъ свое существованіе въ Саксоніи около Будишина (Бауценъ) и въ Пруссіи вокругъ Хотебуза. Въ 1857 году каноникъ Михаилъ Горникъ перевелъ «Утопленника», а въ 1896 году въ журналѣ «Лужица» былъ помѣщенъ переводъ «Сказки о рыбацѣ и рыбкѣ» подъ названіемъ «Złota ryba» ²⁾).

Еще раньше, чѣмъ чехи, отдали дань красотѣ пушкинской поэзіи сербо-хорваты. Полуофициальныя и сухія извѣстія двадцатыхъ годовъ, смѣшившись, какъ мы видѣли, перепечаткою въ сербскихъ журналахъ стихотвореній Пушкина въ подлинникѣ, вскорѣ привели къ восторженному преклоненію передъ поэтомъ. Одинъ изъ лучшихъ поэтовъ сербства, владыка черногорскій Петръ II Нѣгошъ, издавая въ 1845 году свой сборникъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ «Огледало Србско», посвятилъ его «сѣни (тѣни) Александра Пушкина». Это, кажется, самый восторженный отзывъ о нашемъ поэтѣ:

Над звѣзднымъ многостручнымъ сводомъ
Над домахомъ умнога погледа,
Подъ врховнымъ небосклономъ неба,
Гдѣ се млада непрестано сунца,
Искресана рукомъ магическомъ,
Обиитегъ Творца силпю роевима—
Тамо се с твоей Геній зачео,
И пѣваня мвромъ помазао.
Откуда зора сине над природомъ,
Одонуд си къ нама долетио,
Сретный пѣвче великогъ народа! ³⁾

«Въ областяхъ надзвѣздныхъ, куда не достигаешь умственный взоръ человѣка, на вершинахъ небснаго свода, гдѣ возженныя рукою Создателя безпрестанно новыя и новыя солнца осыпаютъ роемъ созвѣздій пологъ небесный,—тамъ зародился твой геній и далъ печать помазанія твоимъ пѣснопѣніямъ. Гдѣ зори восходятъ надъ природой, оттуда прилетѣлъ ты къ намъ, о, счастливый пѣвецъ великаго народа!» Мы уже говорили, что приблизительно въ то же самое время, какъ писалъ Петръ II вышеприведенныя строки, Пушкина переводилъ хорватскій поэтъ Вразъ. Почти тогда

¹⁾ J. Vrchlický. Různé masky. V. Praze, str. 149—151.

²⁾ П. Д. Драгановъ. «Ист. Вѣст.» 1899 г., № 5, стр. 669.

³⁾ Стихотвореніе это съ концомъ, который нами опущенъ, перепечатано въ книгѣ П. А. Кулаковскаго «Пушкинъ въ славянскихъ переводахъ». Варшава. 1899 г.

же, въ 1847 году, «Сказкой о рыбацкѣ и рыбкѣ» началъ рядъ своихъ пушкинскихъ переводовъ Огнеславъ Утѣшеновичъ. Съ тѣхъ поръ ни хорваты, ни сербы не переставали искать себѣ вдохновеній у русскаго поэта. Между прочимъ одинъ «Евгеній Онѣгинъ» былъ переведенъ на хорватскій языкъ дважды, въ 1860 и 1888 году, причемъ послѣдній переводъ принадлежитъ одному изъ видныхъ дѣятелей иллиризма Ивану Трнскому. Въ 1893 г. романъ Пушкина былъ изданъ Одавичемъ и въ Бѣлградѣ кириллицей. Въ 1896 г. въ горахъ Герцеговины, въ Мостарѣ Душанъ Радовичъ перевелъ вновь «Капитанскую дочку». Словомъ, все сербство во всѣхъ его историческихъ земляхъ откликнулось на творчество нашего поэта. Пушкина переводилъ и князь Николай Черногорскій и недавно умершій талантливейшій изъ поэтовъ Сербіи Змаѣ Юванъ Ювановичъ ¹⁾).

Вліяніе Пушкина на молодую литературу сосѣднихъ съ сербами болгаръ вѣ сомнѣніи. Первые переводы изъ Пушкина на болгарскій языкъ появились поздно. Это были два стихотворенія: «Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума» и «Воронъ къ ворону летитъ», переведенные въ 1861 г. Жинзифовымъ на македонское нарѣчіе болгарскаго языка. Но тѣснѣйшія связи, соединяющія болгарскую культуру съ русской, существовали уже давно. Издавна болгарскія поколѣнія воспитывались на русскихъ книгахъ и въ какомъ-нибудь Галоферѣ, Старой Загорѣ, а то и въ глухой болгарской деревушкѣ не рѣдкость было встрѣтить учителей, воспитанниковъ кіевской духовной семинаріи, которые на ряду съ хояковскимъ «Орломъ» декламировали своимъ питомцамъ и стихотворенія Пушкина. Изъ всѣхъ болгарскихъ поэтовъ одинъ только Христо Ботевъ, хотя и училъ стихи Пушкина въ одесской гимназіи, остался ему чуждъ, но его гайдучка поэзія—всего какихъ-нибудь двадцать стихотвореній—относится болѣе къ области народной политики, чѣмъ искусства. А затѣмъ и Славейковъ, и Каравеловъ, и Величковъ, и даже Алеко Константиновъ, переводчикъ «Бахчисарайскаго фонтана» и «Полтавы», не обошлись безъ вліянія Пушкина, а лучший изъ современныхъ поэтовъ Болгаріи, Иванъ Вазовъ, даже началъ свое поэтическое поприще между прочимъ переводомъ пушкинскаго стихотворенія «Поэтъ и чернь»—«Невѣжи и пѣвецъ». Напечатанный въ «Болгарскомъ періодическомъ жур-

¹⁾ Между прочимъ Змаѣмъ переведенъ большой отрывокъ изъ «Полтавы» «Была та смутная пора».

То је мутна доба био,
Кад се ова Руска млада,
Опиручъ се противъ сила,
Своимъ Петромъ соколила!

(Певанија. I Новомъ Саду. 1882, стр. 157).

налѣ» за 1870 г. переводъ этотъ, по свидѣтельству П. Д. Драганова ¹⁾, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ переводомъ Пушкина на современный литературный болгарскій языкъ. 29-го іюня 1899 г., въ день юбилейнаго пушкинскаго торжества въ Софійской Славянской Бесѣдѣ, тотъ же Вазовъ, уже увѣнчанный славою перваго болгарскаго поэта, въ стихотвореніи «Стогодишнината на Пушкина» прекрасно выразилъ значеніе Пушкина для Болгаріи. По теплотѣ чувства это одинъ изъ лучшихъ цвѣтковъ въ пушкинскомъ вѣнкѣ:

И мы съ Россіею великой воедино
Сегодня Пушкина справляемъ юбилей.
Русь славою любимаго вѣнчаетъ сына.
Ея триумфъ, ея мы гордость дѣлимъ съ ней.
Прими же нашъ привѣтъ, о гений нашъ славянскій!
И мы плетемъ тебѣ признательный вѣнецъ.
Плѣнили, очаровали и насъ, народъ балканскій,
Твоей волшебной лиры звукъ, о братскій нашъ пѣвецъ.
Сердцами нашими ты правишь полновластно,
Ты добрыхъ чувствъ, любви и красоты поэтъ.
Славянской пѣжной рѣчи далъ ты голосъ властный,
Волшебные міры ты бросилъ въ свѣтъ.
Ты цари. Столѣтье за столѣтьемъ быстро минеть,
А славою расти все громче будешь ты;
Тебя во вѣкъ любовь народа не покинетъ
За пѣсни чудныя, за сладкія мечты.
О, Русь! могуча ты. Неистоцима сила
И мощь твоихъ сыновъ. Ихъ велико число,
Но никогда еще вѣнкомъ ты не дарила
Чела достойнаго, чѣмъ Пушкина чело ²⁾!

Всего дальше отъ русскаго вліянія долгое время были отодвинутые на самый крайній славянскій западъ словенцы. Только въ 1846 г. въ журналѣ «Novice» появился первый словенскій переводъ съ русскаго—стихи М. Деларю «Вдова—сиротѣ». Честь почина принадлежать здѣсь Антону Жакелю, писавшему подъ псевдонимомъ Родолюба Ледницкаго. Спустя 6 лѣтъ тотъ же Жакель перевелъ въ тѣхъ же «Новицахъ» «Проклятіе» барона Розена, а въ 1855 г. и первое стихотвореніе изъ Пушкина «Предчувствіе смерти». Рука Жакеля оказалась легкой, и съ тѣхъ поръ, благодаря цѣлому ряду переводовъ, Пушкинъ становится прочнымъ достояніемъ и молодой словенской литературы. Его переводятъ Терновець-Ламурскій, І. Менцингеръ, А. Медведъ, Симонъ Грегорчичъ, Драготинъ Кетте, І. Весель-Косескій, Фр. Левстикъ,

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1899 г., № 5, стр. 677—679. См. также стр. 671.

²⁾ Подлинникъ напечатанъ въ книгѣ: Иванъ Вазовъ. «Подъ нашею небо» Стихотворенія. Стара Загора 1900 г., стр. 62.

³⁾ Ruska antologija v slovenskih prevodih. V Gorici 1901, str. 451—452. Здѣсь помѣщены важныя дополненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поправки къ статьямъ Драганова и Гостника (Ljubljanski Zvon. 1899, str. 288).

Антонъ Ашкерцъ, М. Гостникъ и другіе, но особенная заслуга въ ознакомленіи съ русскимъ поэтомъ словенскаго общества принадлежитъ католическому священнику Ивану Веселю, на смерть котораго Грегоричъ, теперь тоже покойный, написалъ стихотвореніе, оканчивающееся слѣдующими характерными строками: «Не было у Веселя ни сына, ни дочерей, но послѣ него осталась семья иная: его русскія дѣти! Кругозоръ его былъ глубокъ и широкъ, какъ родина русскихъ пѣвцовъ. Онъ понялъ сердцемъ ихъ душевную красоту и открылъ намъ очи на этотъ чудный міръ».

Странной и непонятной можетъ показаться русскому читателю фигура католическаго священника съ томикомъ Пушкина въ рукахъ, но у словенцевъ, какъ еще недавно въ Сербіи и Болгаріи, духовенство занимаетъ и теперь передовое мѣсто въ ряду культурныхъ работниковъ, а политическое положеніе народа лишь немногимъ лучше положеніе словаковъ. Расчлененный между Штиріей, Хорутаніей, Крайной и Истріей, не говоря уже о словенцахъ итальянскихъ и мадьярскихъ, полуторамилліонный словенскій народъ вынужденъ бороться на три фронта: съ нѣмцами, итальянцами и мадьярами и потому, естественно, всѣ культурныя силы ищутъ себѣ хотя бы нравственной опоры въ сознаніи своего единства съ пѣлымъ славянскимъ племенемъ. «Мы должны заботиться о распространеніи среди насъ русской литературы,—пишетъ одинъ изъ словенскихъ писателей.—Вѣдь русская литература это и наша литература и русскіе поэты—наши поэты». (Saj ruska književnost je tudi naša književnost in ruski pesniki so tudi naš pesniki ¹⁾).

Вотъ почему Весель въ Иллирской Быстрицѣ, Ашкерцъ въ своемъ штирійскомъ приходѣ, да и многіе другіе священники давно уже принялись за изученіе русскаго языка, а когда распространились среди западнаго славянства такъ называемые «русскіе кружки», въ Люблянѣ, въ квартирѣ Людевита Михайловича Енко собиралось, можетъ быть, больше желающихъ учиться русскому языку, чѣмъ въ самой Прагѣ.

Благодаря особенной близости словенскаго языка къ старославянскому, а черезъ него и къ русскому, словенскіе переводы русскихъ писателей отличаются точностью и только иногда переводчикъ позволяетъ себѣ отступленія. Отмѣтимъ здѣсь одно, весьма характерное для словенца. Въ Веселевомъ переводѣ пушкинскаго «Памятника» строфа о «гордомъ внукѣ славянъ» читается такъ:

In glas moj razzvani po vsej deželi ruski,
In vsak me rod v jeziku svojem bo poznal!
Slovan ponosni, Finec, divji mož Tunguski
me svojim bo imenoval.

¹⁾ Слова Ашкерца. Ruska antologija, str. 463.

«На *своемъ* языкѣ» будетъ меня читать всякъ суцій на Руси народъ. Какъ узнаешь здѣсь словенца, который, боясь за самое существованіе своего языка, на фронтоѣ своихъ общественныхъ зданій пишетъ: «Ne pozabudemo, da smo Slovenci» (не позабудемъ, что мы словенцы ¹⁾). Впрочемъ, та же черта по понятнымъ причинамъ свойственна и всѣмъ другимъ славянскимъ народамъ, кромѣ одного—русскаго.

Переведа самъ много стихотвореній изъ Пушкина, Лермонтова, Хомякова, Крылова, Козлова, графа А. Толстого, Полонскаго и другихъ и собравъ чужіе переводы, Весель подъ конецъ жизни рѣшилъ издать ихъ отдѣльной книжечкой подъ названіемъ «Русская антологія». Смерть помѣшала ему довести до конца печатаніе этого изданія, но за него докончилъ книгу Ашкерцъ, дополнивъ ее 130-ью своими собственными переводами изъ новѣйшихъ русскихъ поэтовъ. Тутъ нашли себѣ мѣсто даже такіе малоизвѣстные поэты, какъ Медвѣдевъ или Филимоновъ. «Русская антологія» дѣлаетъ великую честь словенской литературѣ, а всего болѣе Веселю и Ашкерцу, который послѣ Веселя всего болѣе потрудился для ознакомленія своего народа съ Россіей. Русскіе поэты, съ которыми онъ такъ усердно и удачно знакомилъ словенцевъ, хорошо бы сдѣлали, если бъ отблагодарили его переводомъ на русскій языкъ лучшихъ его стихотвореній. Они стоятъ того: Ашкерцъ обладаетъ замѣчательной силой и энергіей таланта. У словенцевъ это первый теперь поэтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшій другъ Россіи. Не разъ бралъ онъ сюжеты для своихъ произведеній изъ русской жизни, дважды самъ посѣтилъ Россію, написалъ о ней книгу «Dva izleta na Rusko» и, кромѣ прекрасныхъ переводовъ съ русскаго, оставилъ намъ рядъ поэтическихъ картинокъ изъ русской жизни, навѣянныхъ его поѣздкой по Руси ²⁾. Одно среди нихъ посвящено Пушкину. Оно помѣчено Царскимъ Селомъ и называется «Царскосельскій памятникъ юношѣ Пушкину». Это небольшая лиро-эпическая картинка изъ лицейской жизни поэта:

Туда, туда, въ зеленый темный паркъ,
Изъ спертой комнаты на воздухъ чистый

¹⁾ Надпись на зданіи женской школы въ Люблянѣ. Школа эта между прочимъ представляетъ до нѣкоторой степени первый въ Европѣ и у насъ памятникъ графу Л. Н. Толстому. На ней большими буквами вытиснены, кромѣ множества афоризмовъ, имена лучшихъ педагоговъ славянства. Русскій народъ представленъ графомъ Л. Н. Толстымъ.

²⁾ Изъ нихъ нѣсколько переведено въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ» за послѣдніе годы, «Славянскомъ Вѣкѣ», «Нивѣ», «Вѣстникѣ Знанія». Кромѣ того, стихи Ашкерца можно найти въ сборникѣ Н. Новича «Словинскіе поэты» и въ книгѣ Штейна «Славинскіе поэты». Біографія Ашкерца и его литературная характеристика напечатана нами въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ» за 1904 г.

Свободный, утренний, весенний воздухъ!
 Зари ужъ брезжится.. Уходитъ ночь.
 И вышелъ ты... Поспѣшными шагами
 Въ лицейскій завернувшись плащъ, ты шелъ.
 Дорожкой бѣлой межъ деревьевъ темныхъ.
 Туда, туда, въ пріютъ уединенья,
 Въ ту рошу дальнюю, гдѣ тишь кругомъ...
 Хотѣлъ ты быть одинъ съ самимъ собой.
 И сѣлъ на лавку низкую.. О ночь,
 О, эта ночь порывовъ вдохновенья,
 Налетовъ творчества! Какъ ихъ назвать?
 Благословеньемъ Божимъ или проклятьемъ?
 Придутъ они,—и нѣтъ душѣ покоя;
 Встаютъ за мыслью мысли, точно волны,
 Морскимъ подъемлемыя вѣтромъ;
 Въ сердечной глубинѣ, не уставая,
 Кипитъ и страстно рвется чувствъ потокъ,
 На волю просится, ласкъ солнца жаждетъ
 И хочетъ вылиться наружу въ словъ,
 И въ пѣсняхъ огненныхъ, и въ строфахъ звучныхъ...
 О, эти чувства, образы и мысли!
 Какъ тѣсно имъ въ объемѣ груди нашей..
 Священны вы, минуты вдохновенья,
 Счастливый часъ восторговъ творческихъ,
 Когда сама собою льется пѣсня,
 И подъ незримой Божьею рукой
 Дрожать, звенять и стонуть струны сердца...
 Тотъ мигъ—онъ твой теперь, не правда ль, Пушкинъ?
 Мечтой объять, сидишь ты предо мною,
 Слегка склонившись на руку главой,
 И въ даль глядеть задумчивыя очи.
 Куда младые сны тебя уводятъ?
 Какая пѣснь невѣдомая зрѣеть
 Въ душевной глубинѣ? Младая ль дѣва
 Играетъ тамъ симфонію любви,
 Или пестрый міръ народныхъ русскихъ сказокъ,
 Преданья старины тебя влекутъ?
 Какъ знать? какъ угадать? Ты самъ не знаешь,
 Какой мотивъ изъ сердца первымъ встанетъ,
 Какія первыми сегодня строфы
 Изъ-подъ пера польются на бумагу...
 Въ даль смотрятъ заглядѣвшіяся очи,
 Надеждой молодою грудь полна,
 И самъ ты молодъ этимъ утромъ свѣжимъ,
 И родина твоя, какъ утро, молода!
 Сквозь тьму вѣтвей пробился солнца лучъ,
 И точно геній, съ высоты слетѣвшій,
 Чело твое привѣтливо цѣлуетъ.
 Его ты чувствуешь ласковый привѣтъ,
 Ты чувствуешь: надъ Русью утро встало ¹⁾.

¹⁾ Это стихотвореніе было напечатано нами въ «Слав. Изв.» за 1907 г. № 5.
 Остальные всѣ переводы появляются здѣсь впервые.

Этимъ стихотвореніемъ, которое заглядываетъ уже въ будущее Россіи, мы могли бы окончить нашу поэтическую гирлянду въ честь Пушкина, но въ ней не хватаетъ еще одного звена — польскаго. Это не значитъ, чтобъ его не существовало вовсе. П. Д. Драгановъ рассказываетъ, что уже первый переводчикъ Пушкина на польскій языкъ, А. В. Рогальскій въ стихотворномъ посвященіи «Бахчисарайскаго фонтана» какому-то неизвѣстному лицу въ самыхъ «восторженныхъ» выраженіяхъ отзывался о Пушкинѣ, называя его «чувствительнымъ поэтомъ великаго народа» (tkliwy poeta wielkiego narodu). Къ сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками перевода Рогальскаго, но мы знаемъ другого поэта, который писалъ въ своихъ стихахъ о Пушкинѣ. Еще ни словенцы, ни болгары не знали даже по имени нашего поэта, еще молчалъ Штуръ, а Мицкевичъ уже въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ посвятилъ Пушкину цѣлый отрывокъ въ послѣсловіи къ 3-ей части своихъ «Дзядовъ». Мы разумѣемъ извѣстные стихи «Памятникъ Петру Великому»:

Ненастнымъ вечеромъ, когда кругомъ
Лилъ дождь и бушевала непогода,
Укрывшись оба подъ однимъ плащомъ,
Два юноши стояли подъ дождемъ.
Одинъ пѣвецъ былъ русскаго народа,
Чью славу пѣсни вѣщія несли
По всѣмъ краямъ полуночной земли;
Другой, невольный съ Запада пришлецъ,
Невѣдомый былъ въ томъ краю пѣвецъ.
Вчера чужіе, силою чудесной
Они соединены ужъ дружбой тѣсной.
Ихъ души выше всѣхъ земныхъ преградъ.
Такъ Альпъ двѣ родственныя скалы стоятъ.
Навѣкъ разъединилъ ихъ бѣгъ потока,
Но имъ воды чуть слышенъ вражій шумъ.
Сочувственныхъ исполненныя думъ,
Вершины къ небу вознося высоко,
Онѣ склоняются одна къ другой
И тихо рѣчь ведутъ между собой...¹⁾

Другой корифей польской романтической поэзіи Юлія Словацкій восхищался Пушкинымъ, не зная его лично. Говоря въ одной изъ своихъ поэмъ о красотѣ русскаго языка, онъ выражается между прочимъ такъ:

..... język piękny, pełny dyamentów
W Puszkynie²⁾.

«Языкъ прекрасный, полный брильянтовъ у Пушкина». Какъ чистой воды алмазъ, не теряющій своего блеска отъ времени, по-

¹⁾ Dziady A. Mickiewicza, cz. III. Brody. 1906, str. 175.

²⁾ Świat Słowiański. 1908, t. I, str. 551.

эзія Пушкина продолжаетъ привлекать къ себѣ сердца и теперь. Трогательно было чествованіе памяти Пушкина краковскими литераторами въ день его столѣтняго юбилея. То же празднество въ Вѣнѣ объединило польское студенческое *Ognisko* съ остальными славянами. Наконецъ всего только три-четыре года тому назадъ появился новый, превосходный переводъ на польскій языкъ «Евгенія Онѣгина», сдѣланный варшавскимъ литераторомъ Леонемъ Бельмонтомъ.

Но поляки не только чтли дарованіе Пушкина; они его и изучали. Почти во всѣхъ славянскихъ литературахъ есть статьи о Пушкинѣ. У сербовъ о немъ писали Петровичъ, Петрановичъ, Милчевичъ, у чеховъ—Бендль, Грубый, Дурдикъ, Квапиль, Врзалъ и многіе другіе; у болгаръ—Груевъ, Неновъ, Теодоровъ; у словаковъ Францисци; но все это—компилятивныя статьи, для изученія поэта имѣющія мало значенія. Только одни поляки дали о Пушкинѣ дѣйствительно цѣнныя изслѣдованія, безъ знанія которыхъ нельзя обойтись при изученіи Пушкина. Таковы, минуя статьи Юліана Клячко, гр. Ст. Тарновскаго, Солтыка и другихъ, польско-русскія статьи В. Д. Спасовича, этюдъ о Пушкинѣ профессора Ягеллонскаго университета Маріана Здзѣховскаго и въ особенности книги профессора того же университета Юсифа Третьяка: *Mickiewicz i Puszkina* (1906) и *Miedziany Jezdziec Puszkina, Studium polemiczne* (Kraków 1900). Здѣсь читатель встрѣтится съ обстоятельнымъ разборомъ источниковъ и очень интересными и своеобразными наблюденіями¹⁾. Если русская критика никогда не согласится съ основнымъ воззрѣніемъ Третьяка на Пушкина, нѣсколько узкимъ и одностороннимъ, она не можетъ не признать, что краковскій профессоръ много сдѣлалъ для пониманія нѣкоторыхъ мотивовъ въ его творчествѣ и особенно для разъясненія «Мѣднаго Всадника», этой любопытной страницы въ давнишнемъ «спорѣ славянъ между собою».

Закончимъ наши замѣтки лучшей изъ славянскихъ характеристикъ Пушкина. Она принадлежитъ перу Маріана Здзѣховскаго.

«Имя Пушкина, говорятъ, это «синонимъ свѣта, красоты и высшей прелести», но оно не было бы такимъ, если бы самое существо этой прелести не заключалось въ свѣтлой ясности и благородствѣ творческихъ вдохновеній поэта. Есть художники-субъективисты: Байронъ, Шелли, Шиллеръ, Мицкевичъ, Красинскій. Полные святого преклоненія передъ идеаломъ, горя неугасимою жаждою правды, они уносятъ насъ съ собою на вершины человѣческихъ порывовъ, самыхъ высокихъ и самыхъ сладостныхъ, потому что вытекающихъ изъ живительныхъ источниковъ любви и самопожертвованія. Но послѣ оргіи природы, послѣ зноя и урагановъ

¹⁾ А. И. Яцимирскій писалъ о первой изъ книгъ Третьяка въ «Вѣстн. Евр.», 1907 г., № X.

въ душѣ подымается тоска по тихимъ и яснымъ днямъ; послѣ бурнаго плаванія по морю заманчивъ и свѣтель улыбающійся издали, оживленный берегъ. Такъ и послѣ экстаическихъ вдохновеній Байроновъ и Мицкевичей истиннымъ отдыхомъ становится поэзія Пушкина. Подобная тихому озеру, она отражаетъ въ себѣ одинаково и веселую зелень, и свѣтлую лазурь весны, и пасмурное небо осени съ ея полураздѣтымъ лѣсомъ. Но подъ чарующимъ дѣйствіемъ весеннихъ налетовъ безъ слѣда улечивается осенняя мгла, и озеро врѣзывается въ память нашу, какъ широкая, чистая, прозрачная, голубая бездна. Такъ и поэзія Пушкина, отражая въ себѣ боли и радости людскія, умѣла, однако, стать на рубежѣ между холоднымъ объективизмомъ Гете и страстной порывистостью романтиковъ, и потому печаль жизни облита въ ней какимъ-то особенно милымъ тепломъ; въ этомъ ея очарованіе, ея ясность, ея благородство. Очень отзывчивый, съ очень широкими сочувствіями Пушкинъ сумѣлъ проникнуть въ чужія души, забыть о себѣ и создать въ послѣдніе годы своей жизни цѣлый рядъ драматическихъ поэмъ, въ которыхъ, какъ Шекспиръ, совершенно загладилъ слѣды своихъ личныхъ чувствъ, но, натура живая и страстная, не могъ онъ навсегда замкнуться въ такого рода настроеніи. Принимая близко къ сердцу всѣ жизненныя впечатлѣнія, въ виду обидъ, которыя «наносить душѣ хладный свѣтъ», силился онъ въ страстномъ и порывистомъ протестѣ стать рядомъ съ Байрономъ. Ему не хватило для этого мощи чувства и постоянства. Зато, когда послѣ мимолетныхъ и страстныхъ порывовъ входилъ онъ снова въ себя, онъ становился чарующимъ, какъ гений яснаго и свѣтлаго спокойствія; память безумствъ и прожитыхъ страданій овѣвала его поэзію тихой грустью, ибо изъ мрачныхъ безднъ, въ которыя удалось ему заглянуть, онъ сумѣлъ вынести на свѣтъ Божій нѣсколько очаровательныхъ цвѣтовъ и ими разъяснялъ свои думы. Природа, вѣчно юная и неизмѣнная въ своей красотѣ, творческіе помыслы и любовь—вотъ что мирило поэта съ жизнью, и отсюда струится то очарованіе, которое, по выраженію Страхова, дѣлаетъ его имя однимъ изъ обольстительнѣйшихъ въ исторіи человечества»¹⁾).

III.

Мы кончили наши замѣтки. Въ пору разъединенія и несогласій, когда борются и враждуютъ, повидимому, исключаютъ другъ друга интересы, отрадно хоть на мигъ очутиться въ той области, гдѣ молкнетъ вражда, гдѣ передъ чистой красотой, передъ свыше вдохновеннымъ гениемъ объединяются всѣ люди. Это — одно изъ

¹⁾ М. Zdziechowski. Byron i jego wick, cz. II, str. 206—207.

наглядныхъ проявленій побѣды добра надъ темнымъ и злымъ духомъ вражды. Бодрѣе при видѣ этой побѣды дѣлается духъ человѣка, крѣпнеть его вѣра въ правду. Кто учтетъ облагораживающее и плодотворное для польско-русскихъ отношеній дѣйствіе того прекраснаго образа, который далъ намъ Мицкевичъ, изобразивъ у памятника Петру Великому двухъ юношей, укрывшихся подъ однимъ плащомъ отъ бушующей вокругъ непогоды? Во сколько же разъ выше и плѣнительнѣе долженъ быть образъ Пушкина, вокругъ котораго во имя преклоненія передъ высшей красотой собрались всѣ лучшіе люди славянства!

Пушкинъ — наше все, говорилъ Аполлонъ Григорьевъ. Пушкинъ — явленіе пророческое, — вторя Григорьеву, дополнялъ его Достоевскій. Не знаемъ, можетъ быть, дѣйствительно въ образѣ Пушкина, собравшаго около себя геніевъ славянства, есть нѣчто вѣщее. Можетъ быть, здѣсь уже видно начало новаго, русскаго и славянскаго дня, первый лучъ котораго замѣтилъ Ашкерцъ въ Царскомъ Селѣ на челѣ юноши-Пушкина. Но пусть все это только иллюзія. Самый образъ не потеряетъ отъ этого ни въ красотѣ, ни въ смыслѣ и значеніи. Людей разъединяетъ только мелкое. Великое ихъ единитъ. Таковъ былъ и нашъ Пушкинъ.

Андрей Сиротининъ.

ВОЕННАЯ ВСПЫШКА.

(Отрывокъ изъ воспоминаній о смутномъ времени въ Харьковѣ)

ВЪЧАЛЬНЫЯ событія революціоннаго періода въ Харьковѣ подготовлялись исподволь, еще съ начала осени 1904 года. Агитація нашла себѣ довольно приспособленную почву среди рабочаго класса и разныхъ общественныхъ организацій. Съ осени 1904 года во многихъ городахъ уже тайно собирались митинги, на которыхъ старались пропагандировать необходимость въ Россіи революціи. Въ этомъ дѣлѣ сыграли не послѣднюю роль столичные земскіе сѣзды, какъ извѣстно, занимавшіеся политикой. На засѣданія ихъ посылались политическіе дѣятели, сторонники революціи, тайно выбираемые. Постановленія сѣздовъ, привозимыя «политиками», широко распространялись среди массы населенія. Интеллигенція сочувствовала имъ и тѣмъ способствовала броженію умовъ.

Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ весь учебный 1904—1905 годъ прошелъ въ волненіяхъ. Можно было смѣло сказать, что занятія въ слѣдующемъ году не могутъ итти нормально. И дѣйствительно, начало учебнаго года, сентябрь 1905 года, ознаменовалось бурными митингами, забастовками, перешедшими потомъ въ открытый мятежъ. Безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ заразили и среднія: гимназисты и реалисты старшихъ классовъ стали непремѣнными членами студенческихъ сходокъ, а потомъ стали устраивать свои самостоятельныя и предъявлять своему начальству всевозможныя требованія,

не желая отставать отъ своихъ старшихъ братьевъ-студентовъ. За старшими классами вскорѣ послѣдовали и младшіе. Родители такихъ «сознательныхъ» дѣтокъ не только не препятствовали, но руководили ими въ этихъ дѣлахъ, а родительскому комитету дѣтки объявили бойкотъ. Занятія шли скачками, учебныя заведенія то открывались, то вновь закрывались.

Одновременно шла дѣятельная пропаганда среди рабочихъ, сначала на почвѣ экономическихъ интересовъ, а потомъ открыто уже занялись вопросами революціи. Примѣры высшихъ учебныхъ заведеній и «сознательныхъ» интеллигентовъ придавали рабочему классу болшую смѣлость въ борьбѣ съ правительствомъ. Въ Харьковѣ около 20 тысячъ рабочихъ съ фабрикъ, заводовъ и т. д., слѣдовательно для «освободителей» эта цифра представляла внушительную опору. Впервые забастовки появились на паровозостроительномъ заводѣ, еще задолго до разсматриваемаго періода, на чисто экономической почвѣ. Претензіи рабочихъ вызывались несправедливымъ отношеніемъ дирекціи завода, состоявшей преимущественно изъ иностранцевъ. Требования рабочихъ рѣдко исполнялись. Къ забастовкамъ паровозостроительнаго завода вскорѣ примкнули и рабочіе завода Гельферихъ-Саде (земледѣльческихъ орудій). Подстрекали къ нимъ и руководили ими пріѣзжіе евреи-гастролеры, взывая къ борьбѣ противъ государственнаго строя. Года за два-три до описываемаго времени, въ Харьковѣ появилось особенно много евреевъ, и вскорѣ ихъ присутствіе почувствовалось: они проникли всюду, куда было только не лѣнь,—въ учебныя заведенія, общественныя учрежденія, фабрики и т. д., мелкую торговлю совершенно зажали въ свои руки, проникла даже въ домашній бытъ рабочаго, дѣятельно агитируя здѣсь противъ правительства, суля имъ при этомъ всевозможныя блага. Словомъ, почва для революціи въ этой средѣ была достаточно подготовлена.

Съ сентября 1905 года сходки и забастовки, устраивавшіяся до тѣхъ поръ негласно и бывшія никому неизвѣстными, приняли открытый характеръ, участились, и о нихъ горожане уже знали, какъ узнаютъ наканунѣ о представленіяхъ заѣзжей труппы. На этихъ сходкахъ политическіе вопросы затмили экономическіе, и послѣдніе были только предлогомъ для первыхъ. Фабрики и заводы то и дѣло пріостанавливали свои работы. Собранія принимали бурный характеръ и вызывали столкновенія съ полиціей и войсками. Студенты устраивали свои собранія въ зданіи университета и заканчивали ихъ пѣніемъ революціонныхъ пѣсень, демонстраціями, шествіями и пр., такъ что приходилось успокаивать расходившихся «освободителей» силой. Тогда манифестанты устраивали баррикады, и начиналась правильная осада «крѣпости университета». Ораторствовали обыкновенно студенты-евреи. Не довольствуясь руководящей ролью въ революціонной пропагандѣ и общими

собраниями, сыны Израиля организовали свои самостоятельныя засѣданія для обсужденія революціи, которую поддерживали больше молодые евреи. Они кричали объ ихъ гражданскихъ правахъ, по-пранныхъ русскимъ «игомъ», призывая къ защитѣ ихъ. «Наша святая обязанность, — говорилъ бойкій ораторъ, — находится въ первыхъ рядахъ революціи». Какъ извѣстно, послѣднее евреи выполнили блестяще: въ революціонныхъ демонстраціяхъ, на митингахъ, вооруженныхъ возстаніяхъ и грабежахъ — они были неизмѣнно на первомъ мѣстѣ.

При такихъ волнующихъ обстоятельствахъ должна была протекать жизнь харьковцевъ. Интеллигенція и власть мало проявили заботу о покоѣ обывателей: власть растерялась и въ ожиданіяхъ приказовъ «свыше» упустила удобный моментъ водворить порядокъ, а интеллигенція во главѣ съ городскимъ головою въ большинствѣ сочувствовала, или же, по обыкновенію, придерживалась принципа *laissez faire, laissez passer*: «моя хата съ краю, ничего не знаю». Дарованіе свободъ 17-го октября было истолковано разнo и породило враждебные лагеря.

Постоянныя волненія среди учащихся и рабочихъ вызвали необходимость объявить Харьковъ на военномъ положеніи. Эта мѣра пришлось не по вкусу «освободителямъ», которые и начали всѣми силами противиться ей. Закричали сейчасъ же съ помощью услужливыхъ на это еврейскихъ мѣстныхъ листовъ о неудобствахъ, которыя приходится терпѣть обывателямъ отъ военного положенія, притѣсненіяхъ и безпокойствахъ ночныхъ патрулей и т. д. Городской голова г. Погорѣлко (бывшій профессоръ харьковскаго технологическаго института) объявилъ жителямъ, что ихъ будутъ охранять отъ «всякаго рода насилій, откуда бы они ни исходили». Къ послѣднимъ онъ причислялъ и военное положеніе. Для вѣдшей защиты горожанъ отъ «насилій», при медицинскомъ обществѣ рѣшено было организовать «комитетъ общественной безопасности». Губернаторъ Старынкевичъ, осажденный настойчивыми домогательствами, разрѣшилъ организацію этого комитета, которому жители дали кличку «конвентъ». Вскорѣ за нимъ появилась и милиція. Въ «конвентѣ» засѣдали между прочими членами — профессора, городской голова и др. Милиція же состояла изъ молодежи, преимущественно еврейской, и провела свою «безопасность» такъ блестяще, что, не говоря уже о паникѣ, которую навели они на жителей, евреи скоро объявили, что губернаторъ сдалъ городъ революціонерамъ. Къ счастью, милиція просуществовала недолго губернаторъ понялъ опасность своего разрѣшенія и приказалъ ее разоружить. Слабохарактерность и податливость, однако, не спасли губернатора отъ рукъ террористовъ: въ Саратовѣ Старынкевича постигла участь многихъ ни въ чемъ неповинныхъ представителей власти.

Послѣ объявленія манифеста 17 октября забастовки приняли эпидемическій характеръ. Не было, кажется, ни одной корпораціи, которая бы не бастовала, начиная съ правительственныхъ учреждений, какъ почта, телеграфъ, желѣзныя дороги и пр., и кончая домашней прислугой. Къ сожалѣнію, эпидемія не прошла мимо и нѣкоторыхъ воинскихъ частей; къ этому «освободители» подходили удивительно ловко и вмѣстѣ съ тѣмъ энергично.

Въ Харьковѣ въ описываемое мною время находились три резервныхъ пѣхотныхъ полка: Лебединскій, Старобѣльскій и Богодуховскій, и одинъ казачій. Численный ихъ составъ былъ меньше, чѣмъ полагается въ мирное время, потому что изъ нихъ пополнялись полки въ Манчжуріи. Ввиду надвигавшагося смутнаго времени, губернаторъ потребовалъ усиленія гарнизона, но это было выполнено несвоевременно, а потому, въ ожиданіи подкрѣпленія, мѣстнымъ полкамъ приходилось нести усиленную службу: постоянныя дежурства на заводахъ, желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, у здания университета и т. д., словомъ, тамъ, гдѣ происходили или ожидались митинги, обыкновенно кончавшіеся бурными демонстраціями. Войскамъ часто приходилось стоять безсмѣнно на холодѣ, дождѣ и морозѣ по двое сутокъ. Кромѣ этихъ служебныхъ нарядовъ, вызванныхъ обстоятельствами времени, они должны были нести и свои прямыя обязанности: охрану пороховыхъ погребовъ, городской караулъ и пр. Естественно, такая непосильная служба не могла не утомить нижнихъ чиновъ и не вызвать раздраженія противъ тѣхъ, изъ-за кого достались имъ такія тяготы. Да и когда прибыли имъ въ помощь изъ другого гарнизона два пѣхотныхъ полка съ пулеметами, артиллерія и драгуны, все же мѣстные полки не могли имѣть достаточно отдыха, такъ какъ волнующія обстоятельства, шедшія crescendo, требовали и соответственной службы. Въ нравственномъ отношеніи имъ было тоже не легче: постоянныя насмѣшки, оскорбительныя эпитеты по адресу офицеровъ и нижнихъ чиновъ такъ и сыпались изъ устъ распущенной «освободительной» молодежи и «товарищей»; курсистки же, чтобы хотя чѣмъ-нибудь досадить, кололи крупы лошадей дежурившихъ казаковъ. Послѣдніе въ такихъ случаяхъ были беззащитны, такъ какъ безъ команды начальства не имѣли права на какія-либо выступленія, отсюда понятна ихъ злоба, кипѣвшая безмолвно въ теченіе всего того смутнаго періода. Иногда «освободителямъ» удавалось вступить съ нижними чинами въ мирную бесѣду: кто-либо изъ нихъ подходилъ къ солдату, заводилъ рѣчь о тяжелой службѣ солдата, о крестьянахъ и пр. Все стараніе такого оратора естественно сводилось къ тому, чтобы склонить нижнихъ чиновъ на свою сторону, нарисовавши при этомъ картину будущихъ благъ отъ соединенія съ ними. Многимъ изъ «товарищей» удавалось такимъ образомъ заронить сѣмя въ душу солдата, которое потомъ

принесло столь желаемый для «освободителей» плодъ, къ счастью, не созрѣвшій.

Безпорядки въ войскахъ бывали и раньше, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ (напримѣръ, въ 35-й дивизіи, въ Рязани, въ одной изъ артиллерійской бригады и другихъ частяхъ), но они были чисто мѣстнаго характера, политика въ нихъ не играла роли. Событія же послѣднихъ лѣтъ въ отношеніи пропаганды и политической окраски далеко превзошли предыдущія. Изъ всѣхъ родовъ оружія пѣхота представляетъ для агитаціи наилучшую почву, ибо послѣдняя сдобрена еврейскимъ элементомъ, тогда какъ въ артиллеріи и кавалеріи его нѣтъ, а если и есть, то такой ничтожный процентъ, что не стоитъ и говорить. Что касается казаковъ, то ихъ крѣпкіе традиціонные устои достаточно извѣстны и въ періодъ общаго броженія, когда оно широкимъ потокомъ быстро разливалось по всей Россіи, казаковъ оно не задѣло: слишкомъ крѣпкая плотина у нихъ.

Немаловажную роль въ дѣлѣ агитаціи среди войскъ сыграли временныя правила объ отдачѣ студентовъ въ солдаты въ наказаніе за забастовки. Правительство и не предполагало тогда, какую услугу оказало оно революціи. Отданные на исправленіе студенты, писаря-евреи, вольноопредѣляющіеся изъ юристовъ и были «освободителями» нижнихъ чиновъ. Незадолго до смутнаго времени начальствомъ былъ отданъ приказъ, обязывающій вольноопредѣляющихся перваго разряда (съ высшимъ образованіемъ) жить въ казармахъ, а не на частныхъ квартирахъ. Это какъ разъ пришлось на руку агитаторамъ: находясь постоянно въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ нижними чинами, они старались образовывать послѣднихъ революціонной литературой—брошюрами, прокламаціями и т. п. Въ распространеніи и снабженіи нижнихъ чиновъ подобной литературой пропагандисты, главнымъ образомъ юркіе еврейчики, проявили таланты, достойные ихъ племени: воззванія находили въ матрацахъ солдатскихъ, сѣнѣ, доставляемомъ для ротныхъ лошадей, и т. п. Кроме того, агитаторы, чтобы войти въ болѣе близкое сношеніе съ нижними чинами, старались проникнуть въ казармы, и это удавалось имъ, благодаря переодѣванію въ военную форму. Словомъ, пропаганда велась тонко, энергично и настойчиво.

По городу начали ходить слухи о присутствіи военныхъ чиновъ на митингахъ рабочихъ. Слухамъ этимъ не вѣрили, скорѣе, не хотѣли вѣрить, объясняя ихъ маневромъ «освободителей» для ихъ цѣлей. Въ дѣйствительности хотя такъ и было, но такое оправданіе не устраняло подобныхъ слуховъ, напротивъ, они стали настойчивѣе. Къ послѣднимъ прибавились другіе, еще болѣе встревожившіе общество: о самостоятельныхъ собраніяхъ нижнихъ чиновъ, на которыя, въ свою очередь, проникали гастролеры-ораторы, конечно, евреи (тоже благодаря переодѣванію въ военное платье),

занявшіе на этихъ собраніяхъ первое мѣсто и руководящую роль. Главныя старанія ихъ были направлены къ тому, чтобы убѣдить солдатъ не поднимать оружія на «братьевъ» своихъ, рабочихъ и крестьянъ, которые идутъ на освобожденіе всей страны. Кромѣ того, ораторы краснорѣчиво подчеркивали неприглядность ихъ жизни съ тяжелыми экономическими условіями, опираясь на главное, по ихъ мнѣнію,—задержку запасныхъ, т. е. призванныхъ изъ запаса на время войны. Обыкновенно запасныхъ отпускали съ особаго Высочайшаго повелѣнія, по минованіи въ нихъ надобности, и выпадало это большей частью на начало осени. Въ описываемое же мною время ихъ задержали ввиду исключительныхъ обстоятельствъ: полки съ театра военныхъ дѣйствій не прибыли, новобранцевъ тоже не было. Ловкіе же агитаторы построили себѣ на этомъ требованіи опору: якобы война окончена, а начальство до сихъ поръ незаконно держитъ запасныхъ, отрывая отъ семьи и домашнихъ работъ кормильцевъ. Впрочемъ, «освободителямъ» не на что было больше опереться, такъ какъ въ экономическомъ отношеніи положеніе нижнихъ чиновъ харьковскаго гарнизона было нисколько не хуже всей остальной нашей арміи.

Первая попытка нижнихъ чиновъ выступить открыто съ требованіями начальству была 17 ноября. Ей предшествовало слѣдующее событіе. Наканунѣ, 16-го, въ одной изъ ротъ Богодуховскаго полка была устроена сходка, исключительно изъ нижнихъ чиновъ этой роты. Организаторомъ и руководителемъ ея былъ писарь Полонскій. Рота собралась въ казарменномъ саду, и для того, чтобы не допустить на это собраніе никого изъ постороннихъ, Полонскій распорядился разставить вокругъ часовыхъ. Дежурный офицеръ попытался уговорить ихъ разойтись, но его не только не послушали, но не подпустили близко. Немедленно доложили командиру полка, который тотчасъ же пришелъ къ собравшимся, и только послѣ долгихъ убѣдительныхъ словъ его рота разошлась. Командиръ обѣщалъ постоять за нихъ въ томъ, что касается улучшенія ихъ экономическихъ условій. Въ этотъ день были аналогичныя собранія (о нихъ мало кто знаетъ и теперь) въ другихъ полкахъ, и командиръ, зная это, взялъ слово со своихъ не примыкать ни къ кому изъ зачинщиковъ. Рота обѣщала и вскорѣ разошлась.

По виду это было собраніе мирнаго характера, но важнѣйшій фактъ сходки, на которой нижніе чины успѣли разжечь въ себѣ страсти и стать очагомъ заразы для остальныхъ однополчанъ.

Утромъ 17 ноября двѣ роты 1-го батальона Богодуховскаго полка (буду описывать событія только въ этомъ полку, близкомъ мнѣ по родственнымъ связямъ съ офицерами и по мѣстоположенію: казарма перваго батальона, откуда начались волненія, находилась

рядомъ съ моей квартирой, и изъ оконъ ея можно было наблюдать все происходившее во дворѣ казармъ), поднявшись ранѣе обычнаго часа, разбудили музыкантовъ и стали поднимать остальныхъ. Среди нижнихъ чиновъ поднялась суматоха, многіе со сна не понимали, что происходитъ, но зачинщики не давали имъ опомниться; требовали вставать и итти за ними. Не сочувствующіе прятались, кто куда могъ, въ сараи, конюшни, на чердаки, перелѣзали черезъ заборъ въ сосѣдніе дворы и т. д. Къ намъ во дворъ, благодаря сосѣдству съ казармой, тоже перелѣзло нѣсколько человѣкъ, прося укрыть ихъ. Горсточка бунтарей дѣйствовала рѣшительно и не задумывалась пускать въ ходъ оружіе, если встрѣчала неповиновеніе. Распоряжался всѣмъ писарь-еврей Пеккеръ. Собравъ всѣхъ поднявшихся во дворѣ казармъ, раздавъ имъ ружья, патроны, Пеккеръ продѣлалъ нѣчто въ родѣ парада: музыку заставилъ играть гимнъ, нижнихъ чиновъ—пройти церемониальнымъ маршемъ. По окончаніи этого своеобразнаго парада онъ скомандовалъ:

— Музыка впередъ, шагомъ маршъ!

И при нестройныхъ звукахъ марша роты направились черезъ весь городъ къ остальнымъ однополчанамъ, расположеннымъ на противоположномъ концѣ города.

Не буду касаться здѣсь аналогичныхъ событій въ другихъ полкахъ—Лебединскомъ и Старобѣльскимъ,—бывшихъ не только не чуждыми этимъ печальнымъ событіямъ, но чуть ли не подавшихъ примѣръ описываемому полку. Въ дальнѣйшемъ описаніи событій видна будетъ ихъ роль въ этомъ грустномъ «спектаклѣ».

Маршъ этотъ въ такой ранній часъ вселомилъ обывателей и не могъ не подѣйствовать удручающимъ образомъ на зрителей. Да, жутко было бесконечно при видѣ этой картины: нижніе чины идутъ безъ офицеровъ, въ беспорядкѣ, при хаосѣ звуковъ, долженствующихъ напоминать военный маршъ. Напряженное состояніе въ томительномъ ожиданіи, что-то будетъ,—продолжалось нѣсколько часовъ.

Вслѣдъ за взбунтовавшимся первымъ батальономъ тотчасъ же отправился командиръ полка, полковникъ Пригоровскій. Войдя во дворъ казармъ, онъ увидѣлъ весь свой полкъ, за исключеніемъ немногихъ, успѣвшихъ спрятаться, собравшимся на казарменномъ дворѣ. Здѣсь зачинщики, также какъ и въ своихъ казармахъ, заставляли присоединяться силой не желающихъ, да многіе и не противились по стадному чувству. Руководители въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ унтеръ-офицеровъ и писарей выстроили всѣхъ полукругомъ, а въ центрѣ поставили столъ для оратора. Послѣднимъ вышелъ унтеръ-офицеръ; взобравшись на столъ, онъ началъ свою рѣчь... Въ этотъ моментъ вошелъ полковникъ Пригоровскій, перебивши такимъ образомъ приготовленія къ выслушанію оратора. Полковникъ сказалъ имъ громко:

— Здорово, ребята!

По привычкѣ ли, или не успѣвъ обсудить, стоитъ ли отвѣчать своему начальнику на привѣтствіе, всѣ нижніе чины крикнули обычное:

— Здравія желаемъ вашему высокоблагородію!

— Зачѣмъ вы собрались здѣсь? — спрашиваетъ командиръ полка.

Вмѣсто отвѣта выступаетъ впередъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ и подаетъ полковнику исписанный листъ бумаги—петицію, предъявляемую нижними чинами этого полка... При этомъ изъ толпы послышались отдѣльные выкрики:

— Отпустить запасныхъ! Зачѣмъ держите!

Но, видя, что требованія находятся уже въ рукахъ начальства, умолкли.

Командиръ полка сталъ просматривать предъявленные требованія. Последнія состояли изъ 30 слишкомъ пунктовъ и заключали въ себѣ, между прочими, слѣдующіе: «полная амнистія нижнимъ чинамъ, пострадавшимъ за политическія убѣжденія»; «уничтожить военные суды съ замѣной ихъ товарищескимъ»; отказывались итти на борьбу съ внутреннимъ врагомъ; «не подымаемъ оружія на братьевъ своихъ, рабочихъ и крестьянъ» и др. Въ дополненіе, нижніе чины присоединили довольно курьезное требованіе: командира полка они производятъ въ генералы съ высшимъ назначеніемъ, а командира перваго батальона подполковника Лактіонова—въ полковники съ назначеніемъ его командиромъ полка.

Авторомъ петиціи былъ писарь Пеккеръ, получившій отъ своего кагала 300 рублей за пропаганду въ полку; если это такъ, то нельзя сказать, чтобы евреи достойно наградили «труженика»! Пеккеръ дважды бѣжалъ отъ суда, но въ концѣ концовъ былъ пойманъ и понесъ должную кару.

Просмотрѣвши петицію, полковникъ Пригоровскій сказалъ собравшимся, что исполнить ихъ требованія не въ его власти, но то, что зависитъ отъ него, онъ сдѣлаетъ. Его слова были прерваны ропотомъ среди нижнихъ чиновъ; наиболѣ смѣлые старались крикнуть погромче, угрожающе, чтобы требованія ихъ были немедленно исполнены, но командиръ полка перебилъ эти возгласы, обратившись къ нимъ съ рѣчью. Въ началѣ его словъ произошло замѣшательство, нѣсколько человѣкъ начало кричать, чтобы не слушать командира, но въ эту минуту одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, пользовавшійся авторитетомъ у своихъ однополчанъ, остановилъ шумъ, мощно крикнувши: «слушать командира полка!» Постепенно водворилась тишина, и только теплая, убѣдительная рѣчь полковника Пригоровскаго лилась широкимъ потокомъ. Онъ говорилъ долго, искренно, каждое его слово западало глубоко въ

душу солдата; онъ нарисовалъ нижнимъ чинамъ картину тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, которыя влечетъ за собой ихъ необдуманнѣйшій поступокъ. Чѣмъ больше говорилъ полковникъ Пригоровскій, тѣмъ больше овладѣвалъ вниманіемъ солдатъ: послѣдніе какъ бы отдались совершенно въ руки своего начальника. Послѣ его словъ нижніе чины точно очнулись отъ опьянѣнія. Воспользовавшись этой минутой, командиръ скомандовалъ: «смирно», и приказалъ расходиться по своимъ казармамъ. Всѣ безпрекословно повиновались, какъ будто ничего и не бывало. Первый батальонъ командиръ полка повелъ домой самъ. Съ грустными лицами и понуренными головами возвращались зачинщики восстания.

Невольно напрашивается самъ собой вопросъ: гдѣ же было начальство, неужели нельзя было предотвратить мятежа? Офицеры въ первую минуту растерялись, и если были съ ихъ стороны попытки остановить нижнихъ чиновъ въ ихъ безуміи, то онѣ ничѣмъ не кончались: на офицеровъ не обращали вниманія. Правда, не было со стороны нижнихъ чиновъ и дерзкихъ проявленій по адресу офицеровъ, за исключительными случаями, когда выдвигалось личное недовольство своимъ начальникомъ. Такъ, къ одному строгому ротному командиру враждебныя чувства нижнихъ чиновъ вылились въ опредѣленную форму: когда онъ показался во дворѣ казармъ въ минуту ихъ «поднятія» съ цѣлью уговорить свою роту разойтись, то его не только не допустили, но заявили, что не ручаются за его жизнь. Присутствованіе офицеровъ и ихъ попытки къ успокоенію игнорировались. Исключеніе составлялъ командиръ полка, полковникъ Пригоровскій, человекъ твердаго характера, обладающій даромъ заставлять повиноваться себѣ, съ большимъ самообладаніемъ въ опасныя минуты. Его слова дѣйствовали на солдатъ рѣшительно покоряюще. Такимъ образомъ, благодаря находчивости и рѣшительности его, спокойствіе на этотъ разъ было водворено мирнымъ путемъ, безъ выстрѣла.

Причины возникновенія и успокоенія безпорядковъ въ воинскихъ частяхъ всегда были и будутъ въ зависимости отъ такта и умѣнья начальниковъ руководить своими подчиненными. Тому доказательствомъ событія исторіи. Припоминаю, кстати, случай въ 80-хъ годахъ, рассказанный моимъ отцомъ, командовавшимъ тогда ротой въ одной изъ глухихъ провинцій. Нижніе чины одной изъ ротъ того полка, въ которомъ служилъ мой отецъ, заявили претензію своему ротному командиру, отказываясь отъ прямыхъ своихъ обязанностей. Это какъ разъ случилось на смотру, за нѣсколько минутъ до пріѣзда вышшаго начальства. Увѣщанія ротнаго командира не привели ни къ чему, тогда онъ, не растерявшись, вынулъ револьверъ, уложилъ перваго съ фланга нижняго чина, за нимъ другого... Въ тотъ же моментъ вся рота пала на колѣни съ раскаяніемъ. Растеряйся ротный командиръ, Богъ

знаеть, къ чему привела бы попытка нижнихъ чиновъ къ измѣнѣ присягѣ.

Такъ и на этотъ разъ: если бы командиръ полка упустилъ удобный моментъ натянуть вожжи, не остановить бы взбѣсившейся лошади. Казалось, что спокойствіе въ полку водворено и нижніе чины не повторятъ подобнаго. Къ сожалѣнію, искра была брошена, и надо было не много огня, чтобы ей вспыхнуть съ новой силой.

Подпольная агитація удвоила энергію въ дѣлѣ пропаганды въ войскахъ. «Освободители», приунывшіе было отъ измѣны имъ нижнихъ чиновъ, рѣшили во что бы то ни стало достигнуть своей цѣли, пустивъ въ ходъ всевозможныя средства. Всякаго рода воззванія, брошюры и прочая литература «освободительнаго» направленія посылались въ казармы еще въ большемъ количествѣ, съ еще болѣе внушительнымъ призывомъ не сдаваться, не уступать начальству, твердо стоять на своемъ и т. п. Начальство, по ихъ словамъ, только обѣщаетъ. На сходкахъ главнымъ образомъ обсуждался вопросъ: какъ подѣйствовать на войска и заставить ихъ присоединиться. Словомъ, агитація пошла crescendo, съ удивительной энергіей.

Послѣ успокоенія первой вспышки нижнихъ чиновъ, городская жизнь мало-по-малу стала входить въ обычную колею, обыватели вздохнули облегченно въ надеждѣ, что подобныя грустныя явленія не повторятся и нижніе чины попрежнему защитники ихъ. Вспышку эту старались объяснить «заблужденіемъ» нижнихъ чиновъ, и никому не хотѣлось вѣрить въ серьезность ея; успокаивали себя, что это, къ счастью, мимолетно было, прошло и не повторится вновь. Между тѣмъ никто и не предполагалъ, что «заблужденія» эти вспыхнутъ съ новой силой, чуть было не повлекши за собой печальнаго конца. Повторились они черезъ недѣлю послѣ перваго событія, 23 ноября,—день, надолго памятный харьковцамъ.

Наканунѣ, 22-го, вечеромъ, въ городѣ замѣчалась какая-то агитація: то тамъ, то сямъ можно было видѣть собравшихся въ кучки обывателей, о чемъ-то живо бесѣдующихъ. Ожидали военного бунта и толковали на разные лады о предстоящихъ завтра событіяхъ, главнымъ образомъ въ войскахъ. Говорили, что нижніе чины въ соединеніи съ рабочими устроятъ грандіозный митингъ въ центрѣ города. Каждый, конечно, прибавлялъ къ этому свои комментаріи, и въ концѣ концовъ слухи превратились въ кучу несуразностей, и трудно было разобраться въ нихъ. Но все же они были настойчивы и сдѣлали свое дѣло: жители встревожились и съ нетерпѣніемъ стали ожидать наступленія утра.

Замѣчательно, что въ военныхъ семьяхъ не всѣ знали о предстоящемъ и отнеслись къ слухамъ скептически. Многъ пришлось

услышать объ этомъ случайно, отъ денщика, который полу-серьезно, полупутя заявилъ мнѣ:

— А наши-то завтра бунтовать будутъ!

— Какъ такъ?—спрашиваю.

— Вѣрное слово, они ночью подымутся, сказывали всѣхъ заставляютъ идти противъ начальства, рабочіе помогутъ, у нихъ все готово.

За это тревожное время такъ привыкли ко всякимъ вздорнымъ и невздорнымъ толкамъ, что въ концѣ концовъ невольно пропускали ихъ мимо ушей. Такъ и на этотъ разъ: не вѣрилось и не хотѣлось вѣрить въ возможность измѣны войскъ, тѣмъ болѣе этихъ полковъ, на войну не попавшихъ, слѣдовательно, не испытавшихъ всѣхъ невгодъ боевой жизни. Имъ выпало на долю оберегать городъ отъ внутреннихъ враговъ. Задача была не легка въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, наконецъ, подобная служба не отвѣчала прямому назначенію солдата. Естественно, что нижніе чины подъ конецъ были обозлены противъ тѣхъ, изъ-за кого приходилось нести ее. Озлобленіе это было извѣстно всѣмъ, и потому трудно было повѣрить въ возможность присоединенія нижнихъ чиновъ къ ихъ, казалось, врагамъ. Военное начальство, сначала растерявшееся, застигнутое врасплохъ, убѣдившись въ неустойчивости солдатъ и боясь повторенія «марша» 17-го ноября, теперь приняло мѣры, чтобы разсѣять всякія сборища. Съ ранняго утра по дорогамъ къ центральнымъ площадямъ, на которыхъ долженъ былъ состояться митингъ, были разставлены войска, прибывшія незадолго передъ этимъ въ Харьковъ и еще не тронутыя пропагандой: пѣхота съ пулеметами, драгуны и артиллерія.

Утромъ 23 ноября, часовъ около восьми, меня разбудила прислуга со словами: «всѣ полки бунтуютъ, къ намъ черезъ заборъ солдаты перелѣзаютъ!» Въ этотъ же моментъ послышался съ завода Гельферихъ-Саде тревожный продолжительный гудокъ, который подхватили остальные заводы. Эта жуткая, душу леденящая музыка продолжалась минутъ 10 и подтвердила мнѣ основательность вчерашнихъ слуховъ. Подойдя къ окну, выходившему во дворъ, смежный съ казарменнымъ, мнѣ пришлось наблюдать слѣдующую картину. Во дворѣ казармъ, скучившись, стоялъ батальонъ, приблизительно по численности, и одинъ изъ нижнихъ чиновъ, юркій, суетливый, видимо, командовалъ всѣми. Это былъ Пеккеръ. Къ нему подошелъ отдѣлившійся отъ всѣхъ солдатикъ и, павъ на колѣни передъ нимъ, о чемъ-то со слезами молилъ Пеккера-«командира». Какъ мнѣ потомъ рассказали офицеры, свидѣтели этой сцены, это былъ молодой солдатъ, желавшій укрыться отъ бунтовщиковъ; Пеккеръ поймалъ его и заставилъ при всѣхъ собравшихся присягнуть конституціи и слѣдовать за ними. Въ сторонѣ, неподалеку отъ этой группы, стояло нѣсколько человекъ

офицеровъ, грустно смотрѣвшихъ на эту картину и безсильныхъ остановить зачинщиковъ. Вопреки вздорнымъ слухамъ, распускаемымъ досужими языками относительно отношеній нижнихъ чиновъ къ офицерамъ въ описываемый моментъ, могу категорически заявить, что мнѣ достоверно извѣстно, что нижніе чины офицеровъ не трогали, ничего оскорбительнаго по ихъ адресу не позволяли, а послѣ успокоенія они смотрѣли на своихъ начальниковъ виновато и сконфуженно.

Въ дѣйствительности произошло слѣдующее. Въ казарму Богодуховскаго полка ворвались нижніе чины Старобѣльскаго, стали поднимать богодуховцевъ и заставляли идти за ними. Послѣдніе же, за исключеніемъ немногихъ, присоединиться къ бунтовщикамъ не хотѣли и противились этому, какъ могли. Старобѣльцы не унимались, дѣйствовали рѣшительно, пуская въ ходъ оружіе для достиженія своихъ цѣлей. Одинъ изъ расхрабрившихся евреевъ-зачинщиковъ кричалъ: «и что на нихъ смотрѣть, штралять въ нихъ, штралять!» Богодуховцы разбѣгались по закоулкамъ двора, стараясь укрыться отъ взоровъ мятежниковъ; если кто попадался, старался отговориться неимѣніемъ пояса или чего другого изъ одежды, но эта отговорка не спасала ихъ. У «освободителей» находились и пояса, ими раздавались ружья, патроны и пр. и богодуховцевъ заставляли, такимъ образомъ, слѣдовать за ними. Вся эта процедура продолжалась нѣсколько минутъ и закончилась призывомъ идти къ лебединцамъ. Во главѣ съ музыкой, мятежники вышли на площадь, гдѣ къ этому моменту, по тревожнымъ гудкамъ, собрались рабочіе съ окружающихъ заводовъ, составивъ многотысячную толпу. Здѣсь стали они выстраиваться для шествія къ центру города, по заранѣ выработанному ими церемониалу.

Всѣ они раздѣлились на «сотни», которыя по численности подходили къ своему наименованію и различались по вооруженію. Впереди всѣхъ выстроились знаменщики, затѣмъ «боевыя сотни» и далѣе—остальные «товарищи». Первая сотня выступаетъ съ «апельсинчиками»—такъ называются на революціонномъ жаргонѣ маленькія бомбы; за ними «сотня» съ браунингами, далѣе съ холоднымъ оружіемъ—кастетами, финскими ножами, топорами и пр... «Апельсинники» представляли зеленую молодежь, среди которой немало воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній, подростковъ лѣтъ 14—16. Въ числѣ знаменщиковъ преобладали интеллигенты, студенты. Въ рукахъ у нихъ были красныя флаги съ надписями: «да здравствуетъ соціалъ-демократическая республика», «долой царя», «да здравствуетъ земля и воля», и другія подобнаго содержанія. Каждая «сотня» имѣла своего командира, которому безпрекословно повиновалась. Вообще, порядокъ и дисциплина у нихъ были примѣрные. Толпа съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ чинно, въ полномъ порядкѣ, направилась къ центру города. Нижніе чины,

человѣкъ въ 200, шли поодаль за ними. Рѣдкое зрѣлище этого шествія производило удручающее впечатлѣніе на окружающихъ; каждый съ волненіемъ думалъ: чѣмъ-то все кончится? Несмотря на это, какъ всегда, любопытство превысило страхъ, и за «освободителями» послѣдовала новая толпа—любопытныхъ, такъ что на площади, кромѣ «освободителей», собрался еще полкъ любопытныхъ.

Пока бунтующіе нижніе чины Старобѣльскаго полка распоряжались у богодуховцевъ, командиръ послѣднихъ, полковникъ Пригоровскій, сейчасъ же отправился къ остальнымъ своимъ тремъ батальонамъ. Здѣсь, поздоровавшись съ своими подчиненными, полковникъ рассказалъ имъ событія въ первомъ батальонѣ, объ измѣнѣ старобѣльцевъ и лебединцевъ, объяснилъ имъ тяжесть кары и всю отвѣтственность измѣнниковъ. Въ заключеніе командиръ полка крикнулъ имъ, не давъ, такимъ образомъ, опомниться, «братцы, кто за царя, кто вѣренъ присягѣ, за мной!» и съ этими словами онъ вышелъ изъ казармъ.

Нижніе чины бросились за полковникомъ съ крикомъ: «Ура! положимъ жизнь свою за царя и правительство!» Командиръ полка вывелъ ихъ въ полной боевой готовности на одну изъ центральныхъ площадей, гдѣ должны были собраться все мятежники. Такимъ образомъ, большинство богодуховцевъ, благодаря умѣнью и энергіи ихъ командира и образумѣвшихся послѣ первой вспышки, не раздѣлило постыдныхъ дѣйствій лебединцевъ и старобѣльцевъ: къ рабочимъ не присоединилось и осталось вѣрно своему долгу.

Вся многотысячная толпа «освободителей» во главѣ съ присоединившимися къ нимъ нижними чинами подошла къ площади, окруженной вѣрными долгу войсками. Къ нимъ подѣхалъ верхомъ начальникъ гарнизона, генералъ Нечаевъ, и скомандовалъ: «Стой!»

Толпа остановилась. Генералъ обратился къ нимъ съ предупрежденіемъ:

— Приказываю вамъ немедленно разойтись по своимъ мѣстамъ. Малѣйшее сопротивленіе повлечетъ за собой ужасныя послѣдствія.

Послѣ этихъ словъ въ толпѣ произошло смятеніе. Нѣкоторые изъ нижнихъ чиновъ-мятежниковъ стали отдѣляться отъ «товарищей» и присоединяться къ однополчанамъ, вѣрнымъ долгу. Рабочіе сзади напирали, настаивали выслушать ихъ требованія, слышались голоса: «Опричники, кровопійцы, не сдаваться, пусть исполнятъ наши требованія».

Моментъ былъ роковой: казалось, вотъ разразится гроза и произойдетъ нѣчто ужасное... Генералъ Нечаевъ перебилъ эти крики еще разъ строгимъ, энергичнымъ предупрежденіемъ, что сопротивленіе съ ихъ стороны поведетъ за собой ужасную развязку. Что же касается ихъ требованій, то ихъ разсмотрятъ обычнымъ порядкомъ, онъ же не въ правѣ рѣшать ихъ, и еще разъ приказалъ расходиться.

Послѣ этихъ внушительныхъ словъ генерала Нечаева мятежные нижніе чины стали собираться въ группы своего полка, покинувъ «товарищей»-рабочихъ. Мало-по-малу стали расходиться и послѣдніе, и только толпа любопытныхъ долго еще не покидала площади, находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ случившагося и комментируя его на разные лады. Площадь же въ тотъ моментъ представляла рѣдкое зрѣлище: тысячи рабочихъ, выстроившихся въ полномъ порядкѣ, около двухсотъ человекъ нижнихъ чиновъ, присоединившихся къ нимъ, войска и масса соглядатаевъ—сочувствующихъ и не сочувствующихъ. Какъ зачастую бываетъ, рядомъ съ печальнымъ идетъ объ руку и смѣшное,—такъ и здѣсь. Ликованію «товарищей» отъ признанія, что ихъ работа пропаганды въ войскахъ принесла плодъ, не будетъ, казалось, конца: они побѣдили, теперь солдаты съ ними заодно и т. д. Одинъ изъ ликующихъ «освободителей» выразилъ свой восторгъ тѣмъ, что снялъ съ барабанщика его инструментъ, надѣлъ на себя и билъ, что было силы; многіе обнимались, лобызались на правахъ «братьевъ». Но, къ огорченію ихъ, ликованіе продолжалось недолго и смѣнилось полнымъ разочарованіемъ: нижніе чины скоро образумились и покинули своихъ «братьевъ». На «освободителей» измѣна эта подѣйствовала ошеломляюще, они никакъ не могли предвидѣть такого результата ихъ агитаціи въ войскахъ, они надѣялись еще вернуть солдатъ въ свой лагерь, и когда нижніе чины возвращались съ площади восвояси, «товарищи» остановили ихъ по дорогѣ у Харьковскаго моста и устроили нѣчто вродѣ митинга. Одинъ изъ ораторовъ влѣзъ на перила моста и произнесъ рѣчь на соответствующую тему. Ораторствовалъ студентъ-еврей, его поддерживали единомышленники. Но слова начальства подѣйствовали на нижнихъ чиновъ гораздо убѣдительнѣе, и, не дослушавъ горячаго призыва, солдаты отправились въ свои казармы. Поняли они, къ чему могли привести ихъ «благодѣтели», сулившіе имъ всевозможныя блага, за исключеніемъ главнаго—жизни. Вернулись они въ казармы съ поникшими головами, сумрачно и сконфуженно смотря вокругъ.

Впослѣдствіи, на допросѣ, нижніе чины искренно каялись въ своихъ «заблужденіяхъ», со слезами на глазахъ просили прощенія, обѣщая отомстить «благодѣтелямъ. На этотъ разъ пожаръ, грозившій было разрушительнымъ концомъ, къ счастью, былъ потушенъ мирными средствами, хотя этотъ способъ пришелся не по нраву нѣкоторымъ заправиламъ изъ «свыше».

Харьковскій генераль-губернаторъ Сѣнницкій былъ сторонникомъ девиза «патроновъ не жалѣть», и начальникъ гарнизона, генераль Нечаевъ, за то, что пожалѣлъ ихъ, былъ потомъ уволенъ въ отставку въ три дни, за бездѣйствіе власти. Для чего же было пускать въ ходъ пулеметы, если и слова достигли цѣли.

Надо было помнить, что площадь мала, застроена и переполнена народомъ и, кто знаетъ, похвалили ли бы генерала Нечаева, если бы, не испробовавъ мирныхъ средствъ, онъ пустилъ въ ходъ оружіе и тѣмъ вызвалъ бы массу невинныхъ жертвъ. Предупредить же этотъ исключительный митингъ едва ли было возможно за недостаточностью надежныхъ силъ для этого.

Спустя три недѣли послѣ описаннаго событія, произошло новое, повлекшее за собой жертвы и давшее возможность провинившимся нижнимъ чинамъ загладить свой поступокъ и отомстить «освободителямъ». Опишу это событіе вкратцѣ. 12-го декабря, часовъ въ девять утра, проѣзжалъ мимо завода Гельферихъ-Саде казакъ-вѣстовой. Поровнявшись съ заводскими воротами, онъ былъ остановленъ офицеромъ, крикнувшимъ: «стой!» Дисциплина подсказала казаку повиноваться. Въ тотъ же моментъ онъ былъ окруженъ рабочими во главѣ съ самимъ «офицеромъ», оказавшимся перодѣтымъ рабочимъ. Вѣстового стащили съ лошади и повели его во внутрь завода. Этотъ арестъ казака произошелъ на глазахъ многочисленныхъ прохожихъ, и вѣсть объ этомъ возмутительномъ маневрѣ «освободителей» разнеслась по городу съ быстротою молніи. Казаки, однополчане арестованнаго, узнавши объ этомъ, всполошились и заявили, что разнесутъ заводъ, если рабочіе не выпустятъ арестованнаго. Офицерамъ трудно было сдерживать ихъ рвеніе и негодованіе.

Тотчасъ же къ заводу были стянуты войска. Внутри его съ утра, какъ оказалось, происходилъ митингъ, на который собрались, кромѣ рабочихъ, реалисты, гимназисты, студенты. Ворота завода были на запорѣ и строго охранялись дружинниками изъ боевыхъ «сотенъ», конечно, вооруженными. Военное начальство предъявило требованіе всѣмъ засѣвшимъ тамъ: немедленно выпустить арестованнаго казака, очистить заводъ, причѣмъ сдавать оружіе, иначе возьмутъ зданіе силой. Казака съ лошадью выпустили, сильно напоеннаго водкой и пивомъ, а сами дали знакъ, что сдаются. Стали выпускать изъ завода по одному, отбирая оружіе. Послѣ того какъ нѣсколько человекъ прошло черезъ военный контроль, изъ оконъ верхняго этажа завода посыпались выстрѣлы въ войска. Нѣкоторое время происходило замѣшательство, во время котораго успѣло проскочить еще нѣсколько человекъ вооруженныхъ. Тогда военное начальство распорядилось ворота завода запереть и по заводу открыть пальбу. Два пушечныхъ выстрѣла сейчасъ же измѣнили картину: съ завода показался бѣлый флагъ. Въ ту же минуту въ тылъ войскамъ посыпались пули: то подошли «паровозники» выручать засѣвшихъ въ заводѣ товарищей. Офицеры рассказывали, что нижнихъ чиновъ трудно было сдерживать, горящихъ мезью. Да и не трудно было понять ихъ состояніе, если «братья» такъ предательски поступили съ ними. Послѣ вы-

стрѣла въ мастерской завода, гдѣ засѣдали революціонеры, вооруженные бомбами, браунингами, ножами и пр., произошла страшная паника. Одинъ изъ храбрецовъ такъ растерялся, что своимъ же браунингомъ застрѣлился, другіе бросали оружіе и обращались въ бѣгство. Убитыхъ со стороны войскъ былъ одинъ казакъ и нѣсколько человѣкъ ранено, со стороны же засѣвшихъ въ заводѣ нѣсколько человѣкъ раненыхъ и брешь въ стѣнѣ завода.

Мѣстная лѣвая печать подхватила эту перестрѣлку и раздувала ее, какъ могла, безъ стѣсненія прибавляя цифру потерь, конечно, со стороны завода. Вообще въ періодъ смутнаго времени одной изъ замѣчательныхъ сторонъ его было то, что каждое событіе въ лѣвыхъ листкахъ на жаргонѣ появлялось въ искаженномъ видѣ: красокъ не жалѣли для сгущенія его. Правая же печать вела постоянно полемику и въ концѣ концовъ трудно было найти истину. Напримѣръ, наглость одного изъ подобныхъ листовъ дошла до того, что репертеръ его безъ зазрѣнія совѣсти писалъ о событіяхъ 23 ноября, будто весь полкъ богодуховцевъ присоединился на митингѣ къ рабочимъ. Возмущенные этой наглою ложью, командиръ и офицеры Богодуховскаго полка публично протестовали; тогда услужливый репортеръ сбавилъ цифру участниковъ на половину, а когда его все-таки въ концѣ концовъ привлекли къ отвѣтственности, онъ сказалъ, что богодуховцевъ вовсе не было. Такъ пишется исторія!

О слухахъ и говорить нечего. Событія 23 ноября и 12 декабря породили ихъ множество. Усиленно, напримѣръ, держался слухъ, будто командиръ Старобѣльскаго полка на площади 23 ноября жалъ руки революціонерамъ, что послѣдніе разоружили его, т. е. сняли съ него пашку, и т. д.

Вспышка въ войскахъ 23 ноября оставила глубокой слѣдъ въ жизни харьковцевъ, особенно въ военныхъ семьяхъ. Озлобленіе «освободителей» къ военнымъ дошло до крайнихъ предѣловъ. Они открыто приговаривали послѣднихъ къ бойкоту и смерти. Въ окна казармъ стрѣляли, прохожихъ нижнихъ чиновъ осыпали бранью, камнями, а иногда и пулями. Начальство принуждено было отдать приказъ, чтобы нижніе чины не ходили по улицѣ меньше трехъ-четырехъ человѣкъ, при оружіи, и на выстрѣлъ отвѣчали таковымъ же. Про офицеровъ и говорить нечего. Имъ нельзя было пройти по городу, чтобы не получить вслѣдъ «опричника», «кровопійцы» или подобнаго эпитета, а то и пули изъ-за угла. Бывали случаи и срыванія погонь.

Какимъ опасностямъ и тревогамъ должны были подвергаться жены и дѣти ихъ, какъ за своихъ отцовъ, такъ и за себя! Я расскажу, что должна была пережить семья командира полка полковника Пригоровскаго за одинъ злосчастный день только 23 ноября.

Въ это утро, когда тысячи рабочихъ выстраивались, чтобы

открыть шествіе къ центру города, г-жа Пригоровская возвращалась домой въ собственномъ экипажѣ. Зная обостренныя отношенія рабочихъ къ интеллигенціи и не желая вызвать непріятности, она сошла съ экипажа, рѣшивъ добраться домой пѣшкомъ. Протискиваясь сквозь толпу, она услышала нѣсколько разъ имя своего мужа. Тогда она обратилась къ одному рабочему съ вопросомъ, для чего эта толпа собралась здѣсь. Въ отвѣтъ на это рабочий сказалъ: «А вотъ хотимъ этого командира прибрать, зачѣмъ не пускаетъ своихъ солдатъ къ намъ». Говоря «вотъ этого», рабочий указалъ по направленію къ квартирѣ командира полка, находившейся рядомъ съ казармой. Каково было г-жѣ Пригоровской выслушать это о своемъ мужѣ!

Добравшись до своей квартиры, г-жа П. нашла у себя нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ, умоляющихъ укрыть ихъ отъ ворвавшихся къ нимъ въ казарму зачинщиковъ-старобѣльцевъ. Въ квартирѣ командира полка хранилась полковая святыня—знамя, за участь котораго пришлось пережить тоже немало тревожныхъ часовъ. Мужъ ея, вѣрный своему долгу, каждую минуту рискующій жизнью своею, въ это время находился въ центрѣ города, гдѣ происходилъ митингъ. Узнать, что происходитъ тамъ, было невозможно, такъ какъ телефонные провода были перерѣзаны. Полной тревогъ за участь мужа, дѣтей и знамени, за которымъ могла ворваться разъяренная толпа, а со всей семьей расправиться по-своему, г-жѣ П. надо было на что-либо рѣшиться. Въ самый разгаръ этихъ волненій входитъ хозяинъ ихъ квартиры и передаетъ только что слышанное изъ достовѣрнаго источника—приговоръ рабочаго комитета: командира полка, ея мужа, убить и ночью поджечь домъ. Но г-жа П. не потеряла присутствія духа: рѣшила дѣтей отправить по сосѣдству ко мнѣ, а также что есть цѣннаго, а самой остаться со знаменемъ. Къ сожалѣнію, я находилась также не въ лучшемъ положеніи, квартира моя была сосѣдней съ казармой, рабочіе и зачинщики видѣли перелѣзавшихъ къ намъ солдатъ. Кромѣ того, они знали, что я принадлежу къ военной семьѣ, слѣдовательно и мое спокойствіе не было гарантировано въ то время, время озлобленія противъ военныхъ. Къ тому же моя квартира находилась рядомъ съ квартирой командира полка и, кто знаетъ, не постигла ли бы и меня участь, которую предрѣшили рабочіе ночью. Такимъ образомъ, я не могла предоставить надежнаго убѣжища въ своей квартирѣ для дѣтей. Губернантка-француженка въ эти тревожныя минуты выказала удивительное мужество: она настойчиво предлагала г-жѣ Пригоровской съ дѣтьми уходить, а ей предоставить остаться спасать знамя. Какъ аргументъ, она приводила то, что ее, какъ иностранку, не тронуть, а если и убьютъ, то пусть лучше погибнетъ она, чѣмъ мать семьи. Къ счастью, вопросъ самъ собой разрѣшился,—пріѣхалъ въ это время офицеръ, бывший только

что на площади, рассказал, что все окончилось благополучно, без выстрѣла, рабочіе разошлись мирно, а нижніе чины вернулись въ свои казармы съ раскаяніемъ.

Такъ день окончился сравнительно благополучно. Настала ночь, темная, осенняя, съ моросившимъ дождемъ. Выглянуть въ окно жутко было, тьма непроглядная, на улицахъ ни души, все попряталось. Еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ ужасовъ дня обыватели съ ранняго вечера разошлись по своимъ угламъ. Улицы совершенно опустѣли, каждый боялся выйти, съ волненіемъ прислушиваясь къ малѣйшему пороху, только военные патрули разгуливали по городу. Въ 10 часовъ послышалось въ разныхъ частяхъ города нѣсколько отдѣльныхъ выстрѣловъ. Возлѣ дома командира полка обычно ходилъ ночной часовой для охраны знамени, въ этого часового стрѣляли тогда же дважды, къ счастью, вѣроятно, вслѣдствіе непроглядной темноты неудачно, если не считать легкой царапины на ладони руки. Ночь, слѣдовательно, не принесла желаннаго покоя и прошла, какъ и день, въ тревогахъ. Долго еще харьковцы не могли успокоиться и направить жизнь въ обычную колею. Да и было отъ чего! Революціонеры не могли никакъ примириться съ измѣной имъ солдатъ и при каждомъ удобномъ случаѣ мстили имъ. Послѣдніе же поняли затаенныя намѣренія «освободителей» и во время остановились. Дай Богъ, чтобы подобныхъ «заблужденій» среди нижнихъ чиновъ не было больше и испытанные уроки послужили бы имъ на пользу!

М. I. К.

РОМАНИСТЪ „НА ПОКОБЪ“.

(Изъ воспоминаній о графѣ Е. А. Салиасѣ-Турнемирѣ).

I.

ХОДЯТЪ и уходятъ одинъ за другимъ писатели «старого поставленія».

Левъ Толстой — уже единственный, надъ кѣмъ еще простерты благословляющія длани Чернышевскаго. Съ Алексѣемъ Потѣхинымъ умеръ послѣдній писатель «добролюбовскаго посвященія». Съ покойнымъ графомъ Е. А. Салиасомъ ушелъ послѣдній литераторъ, на которомъ покоилось благословеніе Герцена и Огарева.

Въ послѣдніе годы отошедшій отъ литературы, забытый критикой, зачисленный въ ряды поконченныхъ и забытыхъ, отодвинутый совсѣмъ вправо, Салиасъ всего менѣе позволялъ угадывать своихъ крестныхъ отцовъ въ этихъ двухъ столпахъ русскаго литературно-политическаго протеста.

Но онъ никогда не переставалъ гордиться ихъ благословеніемъ, которое, по счастью, было для него задокументировано, и любилъ напоминать эти строки:

«Прежде всего хочу васъ спросить,—писалъ нѣкогда Огаревъ его матери, известной писательницѣ Евгеніи Туръ, изъ-за границы:—«Тьма», повѣсть въ «Современникѣ», Женни? Мнѣ чудится, что вы говорили, что онъ подписывается «Вадимъ», а Герценъ мнѣ сказалъ, что онъ видѣлъ эту рукопись у Женни на

столѣ. Увѣренъ, что эта повѣсть его. Читалъ я ее вечеромъ, внизу, прочелъ, пошелъ къ себѣ наверхъ, раскрылъ свой альбомъ съ фотографіями и поцѣловалъ его портретъ. Больше въ похвалу ему ничего сказать не могу. Тутъ чрезвычайно симпатичный талантъ, и я съ глубокой радостью даю ему свое благословеніе».

«Я беру изъ рукъ Огарева перо, — приписывалъ на томъ же письмѣ Герценъ,—только для того, чтобы прибавить отъ себя, что «Тьма»—чудесная вещь, и если въ ней есть недостатки, то это недостатки молодости. Если это писалъ вашъ сынъ, какъ мы выдумали сами, то я поздравляю обѣихъ матерей, т.-е. васъ и Россію, съ новымъ талантомъ».

Салиасъ никогда не забывалъ этого благословенія. Никогда въ немъ не замирали совершенно исключительныя симпатіи къ манерѣ письма Герцена, Тургенева. Впослѣдствіи осудившій все современное писательство и имѣвшій мужество сознаваться, что онъ считаетъ литературу законченною Толстымъ, онъ съ трогательною ласкою вспоминалъ обаяніе Тургенева, какъ художника, и Герцена, какъ бытописателя старой Руси, и въ его голосѣ звучали ноты совсѣмъ особенной нѣжности, когда онъ называлъ ихъ имена.

Но кругомъ всѣ забыли объ этомъ. Съ легкой руки тенденціозныхъ критиковъ онъ еще со времени «Пугачевцевъ» былъ зачисленъ въ лагерь консервативныхъ романистовъ. Скорѣе могли представить, что его крестнымъ отцомъ былъ Лажечниковъ или Зотовъ. Салиасъ раздѣлилъ общую участь русскихъ историческихъ романистовъ. Ни Алексѣй Толстой, ни Данилевскій, ни Всеволодъ Соловьевъ, ни Полевой, ни Карновичъ не стояли въ тѣхъ рядахъ, которымъ сопутствовалъ попутный вѣтеръ критическаго и читательскаго благоволенія.

Цѣлый міръ, огромный и содержательный, такой красочный въ началѣ и такъ неподвижно и однотонно сложившійся подъ конецъ, умеръ вмѣстѣ съ Салиасомъ. Онъ родился тогда, когда еще русская жизнь пѣла въ полный голосъ красивую поэмю нашихъ дворянскихъ гнѣздъ, еще было далеко наше помѣщичье оскудѣніе, впослѣдствіи воспѣтое Терпигоревымъ, еще ничѣмъ не вспугиваемая стояла чудесная и поэтическая тишина въ нашихъ старо-дворянскихъ усадьбахъ...

Десятилѣтнимъ мальчикомъ Салиасъ еще могъ видѣть Гоголя и Жуковскаго. Онъ пережилъ восторги современниковъ великой и неповторенной исторіей Рашели. Ему было уже 20 лѣтъ, когда пришелъ Базаровъ и началъ раскачивать вѣсковые устои русской жизни. При немъ союзный флотъ подходилъ къ Кронштадту. Живыми, незабываемыми образами прошли передъ нимъ старикъ Аксаковъ, Огаревъ, Хомяковъ, Грановскій, Кудрявцевъ, Тургеневъ, актеръ Щепкинъ, Островскій. При немъ зажглись, блеснули

мерцающимъ свѣтомъ и трагически скатились звѣзды несчастнаго Помяловскаго, рано сгорѣвшаго Слѣпцова и бобыля Рѣшетникова. Лѣсковъ, котораго мы знали сѣдымъ, больнымъ, сутулящимся, ему представлялся еще съ черными, какъ смоль, волссами и огненными глазами.

Слагалось какое-то совершенно своеобразное, полное прелести и сожалѣнія настроеніе, когда приходилось сидѣть съ нимъ, живымъ хранителемъ невозвратной старины, и слушать его воспоминанія—страшно сказать!—о томъ, что было тридцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ назадъ! Въ немъ было мудрое спокойствіе старости, дѣлавшее для него невозможнымъ брюзжаніе на новыя времена и новыхъ людей. Онъ не осуждалъ огуломъ нынѣшнее, не захваливалъ взаसось «доброе старое время», не жаловался на свое забвеніе, котораго не могъ не видѣть.

Онъ какъ-то отгораживалъ, уединялъ, оберегалъ себя отъ этого «новаго», которое во многомъ ему не нравилось, и умѣлъ создать себѣ удивительно красивую оболочку жизни, какой-то уголокъ сороковыхъ годовъ въ двадцатомъ вѣкѣ, въ сторонѣ отъ новаго базара житейской суеты. Восемнадцать лѣтъ почти безвыѣздно онъ прожилъ въ тихомъ, словно бы сонномъ домѣ въ Москвѣ, «у Покрова въ Левшинѣ», оградивъ себя тамъ отъ назойливаго звона телефоновъ, отъ непоэтичнаго свѣта электричества, отъ гула трамваевъ и дыма автомобилей.

Теперь опустѣлъ этотъ тихій уголокъ. Скоро и до «Покрова въ Левшинѣ» доберется трамвай съ своими звонками и звонами, и вздрогнуть, и убѣгутъ поэтическія тѣни, уютно дремавшія въ немъ два десятилѣтія.

II.

Мое первое обращеніе къ Евгенію Андреевичу относилось къ 1901 году. Газетою, въ которой я работалъ, былъ объявленъ литературный конкурсъ. вмѣстѣ съ Мордовцевымъ, Немировичемъ-Данченко, Случевскимъ, Ясинскимъ былъ участникомъ жюри графъ Салиасъ.

Ему были посланы подлежавшія сужденію рукописи. Онъ прислалъ свой отзывъ, прибѣгнувъ къ пятибалльной системѣ. Помню, Салиасъ не нашелъ ни одной вещи «на пять». Онъ писалъ, что «вполнѣ» ни одинъ рассказъ ему не понравился. Когда позднѣе мнѣ пришлось познакомиться ближе съ литературными взглядами покойнаго писателя, я могъ увидѣть, какую высокую снисходительность проявилъ онъ на этотъ разъ, восходя хотя бы до четверки.

Въ февралѣ 1902 года графъ Салиасъ пріѣхалъ въ Петербургъ продавать романъ. Отношенія у редакціи съ нимъ были давнія. Онъ списался съ нами, я поѣхалъ къ нему для переговоровъ.

Салиасъ стоялъ въ «Grand Hôtel». Во всѣ свои позднѣйшіе прїѣзды онъ останавливался здѣсь, занимая два номера. Онъ привыкалъ къ мѣсту настолько, что въ одномъ отелѣ останавливался на протяженіи 42-хъ лѣтъ. Сразу было видно, что всѣ ему здѣсь дѣйствительно знакомы, видимо, цѣнили его графство и извѣстность, и стоило ему показаться на коридорѣ, какъ пятеро служащихъ оказывались къ его услугамъ.

Я ожидалъ встрѣтить двойного генерала — отъ литературы и отъ колыбели. Онъ былъ уже «маститъ», официально значился завѣдующимъ московскимъ отдѣленіемъ архива министерства императорскаго двора, графство его было самое безспорное. Я надѣлъ черный сюртукъ и приготовился къ холодку официальной бесѣды.

Онъ разсѣялъ мои опасенія съ первой же минуты, этотъ изящный, сухощавый старикъ, средняго роста, съ тонкимъ галльскаго типа, аристократическимъ лицомъ, съ ласковыми, умными и еще сейчасъ прекрасными глазами. По отцу въ его жилахъ текла кровь француза и, вѣроятно, въ этомъ медики нашли бы научное объясненіе всегда отличавшей его живости, легкости и веселости. Онъ точно зналъ секретъ очарованія и съ первыхъ же словъ создалъ настроеніе откровенности и непринужденности, почти до иллюзіи давняго и доброжелательнаго знакомства.

Ни малѣйшей натяжки или намекъ на желаніе «занять» не было въ его разговорѣ. Секретъ былъ, вѣроятно, въ томъ, — помимо всякой свѣтскости и воспитанности, — что онъ чувствовалъ за собой огромное духовное содержаніе, шестьдесятъ сознательно воспринятыхъ лѣтъ, и зналъ, что онъ можетъ быть интересенъ во всемъ, чего ни коснись изъ области жизни и знанія, какъ можетъ быть профессоръ освѣдомленъ въ прочитанномъ курсѣ.

Для него была обѣденная пора, и онъ предложилъ раздѣлить съ нимъ его трапезу. Но самый обѣдъ занималъ его настолько мало, что было похоже, точно онъ просто отбывалъ безразличную для него повинность.

— Старые годы требуютъ немногаго, — пояснилъ онъ. — По мнѣ хоть совсѣмъ не ѣсть. Я естественный вегетарианецъ, — не въ силу какихъ-либо теорій или принциповъ, а просто такъ. Мясa не только не ѣмъ, но иногда не могу и смотрѣть, какъ его ѣдятъ. Иногда совсѣмъ забываю про обѣдъ. Вчера до поздняго вечера я просидѣлъ безъ пищи и не вспомнилъ. Прїѣзжаетъ дочь, видитъ, — я совсѣмъ голодный. Конечно, пришла въ ужасъ и распорядилась, а мнѣ самому сдѣлать это было просто лѣнь.

Было похоже, что онъ самъ чувствовалъ и свою оригинальность и свою почти чудаковатость, и онъ охотно разсказывалъ о себѣ и подчеркивалъ въ себѣ то, что у него было, какъ онъ выражался, «не по-людски».

— Я привыкаю къ мѣсту, какъ кошка,—разсказывалъ онъ.— Разъ остановился въ отелѣ и остался ему вѣренъ сорокъ лѣтъ. Даже разъ поспорилъ съ хозяиномъ, что отель прежде назывался «Napoléon». Не вѣрятъ. Вижу, думаетъ, «изъ ума выжилъ старикъ». Поспорили на бутылку шампанскаго. И что жъ? Я оказался правъ. Правда, всего только одинъ годъ, но все-таки отель существовалъ подъ этимъ названіемъ.

Попутно вдругъ посыпались подробности анахоретской жизни графа въ Москвѣ.

— Я живу въ своей квартирѣ у Покрова въ Левшинѣ,—разсказывалъ онъ,—безвыѣздно десять лѣтъ. Я не показываюсь рѣшительно нигдѣ. Ни съ какими литературными кружками, ни съ какими литераторами, ни съ старыми, ни съ новыми я не вожу знакомства. У меня есть въ Петербургѣ старые добрые знакомые въ литературѣ, назову Суворина, Шубинскаго. Есть нѣсколько издателей и — больше я совершенно никого не знаю. Водить знакомство мнѣ теперь, въ мои года, не подъ силу. Ни для кого своихъ привычекъ я уже не сталъ бы ломать. Я встаю иногда въ 4 часа дня. Высовываю иногда голову въ форточку и дышу. Это моя прогулка. Если я и въ самомъ дѣлѣ соберусь иногда гулять, такъ начинается такая процедура, что откажешься отъ всякой прогулки. Начинается исканье шапки, потомъ сапогъ, потомъ калошъ. Оказывается, одно унесено въ чистку, другое убрано, — легко сказать,—три недѣли не бралъ этихъ вещей въ руки...

— Между нами,—продолжалъ онъ,—я ничего не читаю. Толстого кончилъ на «Аннѣ Карениной». И не хотѣлъ больше читать. Только вдругъ попала въ руки «Смерть Ивана Ильича». Я гостилъ въ Варшавѣ у сестры. Потомъ блуждалъ за границей, — протащилъ этого самаго Ивана Ильича съ собой черезъ Вѣну, черезъ Парижъ, въ Біаррицъ. Не могу сбросить человѣка,—да и только! На моихъ рукахъ умеръ! Вотъ это—письмо, это художество, а не плетеніе кружевъ. Дальше ужъ я и Толстого не читалъ. Чеховъ? Чехова я не люблю. Конечно, талантъ, но не перворазрядный. Взять «Мужиковъ». Снял чудесную фотографію и расгруппировалъ. Это сюда, то туда. Все порознь вѣрно, а дѣлаго нѣтъ. И все мелочи! Горькаго не нахожу большимъ талантомъ. Все это ужъ было. Красиво писать, но не ново. Кричатъ, потому что это модно. Я думаю, что это все пройдетъ, схлынетъ какъ вода. Все это не идетъ дальше Толстого. Вся вообще литература не пошла дальше «Карениной». Все, что пошло потомъ, — перепѣвы. Нужно новое, а новаго нѣтъ. И нѣтъ новаго, большого писателя. То-есть, можетъ быть, онъ и есть, можетъ быть, онъ ходитъ гдѣ-нибудь тутъ, около «Grand Hôtel», гдѣ мы съ вами сидимъ и объедаемъ, но въ литературѣ онъ еще не показывался.

Въ литературѣ вообще оцѣнки иногда произвольны до ужаса. Многое такъ и не оцѣнивается никогда въ должную мѣру. Я, напримѣръ, считаю вещь большого значенія драму «Дѣло» моего родственника Сухово-Кобылина. Можетъ быть, эта вещь ничуть не меньше «Ревизора», и тѣмъ болѣе, что она хватается не по чиновничьей мелкотѣ, а по міру крупныхъ взяточниковъ. Сухово-Кобылинъ очень цѣнилъ «Смерть Тарелкина», а по-моему,— она никуда не годилась. Вотъ вамъ два суда—и публики и автора, и оба ложные. А правда ни тамъ, ни тутъ.

III.

— Ради Бога, не подумайте,—въ этотъ же вечеръ говорилъ мнѣ Е. А. Салиасъ,—что я хочу набить цѣну себѣ. Это казалось бы тѣмъ естественнѣе, что я хочу продать вамъ романъ. Конечно, мнѣ было бы пріятно безъ хлопотъ продать вещь «изъ полы въ полу», не обращаться больше никуда и уѣхать въ свое Левшино. Однако, если вы меня спросите по совѣсти сказать, хорошій романъ я вамъ предлагаю, или дрянъ, я отвѣчу: дрянъ. Задумалъ хорошо, а сдѣлалъ скверно. Это моя вѣчная трагедія. Въ головѣ одно, а на бумагѣ другое.

Лицо Евгенія. Андреевича вдругъ стало серьезнымъ, глаза грустными.

— Я былъ лѣнтяй,—съ рѣзкой экспрессіей сказалъ онъ.—Я зарылъ въ землю свой талантъ, который у меня былъ, былъ, былъ. Я самъ знаю, что былъ. Я не былъ такъ счастливо поставленъ, какъ нѣкоторые наши писатели, имѣвшіе возможность писать «для души». Писательствомъ я зарабатывалъ хлѣбъ. Мнѣ нужно было писать много. Мнѣ некогда было думать, ждать, перечитывать, передѣлывать. Зато и вышло въ результатѣ, что теперь меня почти не тянетъ перечитать ничего изъ написаннаго, кромѣ, пожалуй, «Петербургскаго дѣйства» или «Новой Сандрильоны». За послѣднія семнадцать лѣтъ я написалъ только одинъ порядочный романъ и два разсказа. Все остальное—дрянъ. Все рождаетъ теперь только горькое чувство. Вообще, я не люблю себя, какъ писателя. Люблю только нѣкоторыя страницы. Ихъ иногда перелистываю. Ловлю въ нихъ пережитыя чувства и въ дѣйствительной жизни сказанныя слова. Люблю посмотрѣть иной бѣглый женскій разговоръ,—здѣсь дѣйствительно много «натуры». Вообще я могу сказать, что лучшая моя пѣсня не спѣта.

Я сказалъ, что буквально это же сказалъ однажды Ибсенъ, что всякій писатель недоволенъ своимъ трудомъ, и чѣмъ онъ крупнѣе, тѣмъ въ немъ острѣе боль художческаго недовольства. Чеховъ еще находилъ силы перечитать свою вещь въ перебѣленной рукописи, но уже ненавидѣлъ ее въ корректурѣ.

— И это бывало,—улыбнулся онъ:—т. е. вотъ такъ же, какъ вы, меня многіе утѣшали. Возражали, что вотъ это, молъ, удалось, это хорошо. Тогда я продѣлывалъ такой экспериментъ. Я вводилъ человѣка въ мой кабинетъ и бралъ съ собою понравившуюся ему книгу и потомъ, глава за главой, начиналъ показывать ему, какъ это надо было сдѣлать и какъ я сдѣлалъ. Я говорилъ: «вотъ здѣсь такой психологическій пропускъ». «Вотъ это совсѣмъ не вытанцовалось». «А здѣсь вотъ какую великолѣпную главу я скомкалъ». «А вотъ это шито бѣлыми нитками». И не было случая, чтобы такой человѣкъ, если онъ умѣлъ быть искреннимъ, не соглашался со мною и не говорилъ: «да, дрянъ».

И это слово «дрянь»—онъ точно гвоздемъ прибилъ.

— Вотъ противъ чего я не буду возражать,—продолжалъ онъ:—это противъ того, что Богъ мнѣ далъ силы. Прежде всего я пишу съ необычайной легкостью. Про меня одинъ знакомый литераторъ сказалъ: «Салиасъ пишетъ, какъ хорошенькая женщина улыбается». Я не думаю, чтобы дѣйствительно хорошенькой женщиной улыбки стоили дорого. Такъ мнѣ все давалось необычайно легко. Есть у меня романъ «Свадебный бунтъ». Въ немъ листовъ тринадцать. А написалъ я его всего въ семнадцать дней, причемъ въ эти же дни я его и задумалъ, и обработалъ, и въ редакцію отослалъ. Получаю отъ редакціи запросъ: «скоро ли кончите романъ?» Отвѣчаю «очень скоро», а въ головѣ еще даже не было сюжета. Вотъ каковъ молодецъ! Это фактъ, который я могу подтвердить точною записью въ моей записной книгѣ, въ которую я заносу, что когда сдѣлалъ, отъ перваго моего выступленія въ литературу. Тамъ этотъ мой позоръ такъ цѣликомъ и записанъ.

— Потомъ былъ у меня другой козырь: такая богатая фантазія, какая рѣдко кому достается. Тутъ ужъ, конечно, надо отнести нѣчто на долю моей французской крови. Историческій матеріалъ оживалъ передо мной въ яркихъ образахъ, почти безъ всякаго труда съ моей стороны. Я могу сидѣть у себя въ кабинетѣ и вообразить Богъ знаетъ что. Лѣтомъ могу представить, что теперь зима, снѣгъ и морозъ, и мнѣ хочется что-нибудь накинуть на себя. Разъ я вообразилъ, что взобрался на гору, гдѣ-то въ Швейцаріи, и стою надъ пропастью. И я такъ вскрикнулъ, что даже переполошилъ своихъ домашнихъ. «Что съ тобой такое?» «Ничего. Чуть съ горы не упалъ, сидя въ собственномъ кабинетѣ!» Можно подумать, что я сочиняю. Но какой же резонъ сочинять мнѣ, сѣдому старику? Дюма-отецъ проектировалъ такъ называемый *roman parlé*, другими словами—романъ-импровизацію. Онъ предлагалъ, чтобы ему давали тему, а онъ развивалъ ее тутъ же съ мѣста. Я иногда дѣлывалъ это въ своемъ семейномъ кругу, ради шутки. Мои дѣти говорили мнѣ, что это у меня выходило лучше писанныхъ рассказовъ. Иногда случалось такъ, что

я смаху, «сбацу», какъ говорятъ петербургскіе литераторы, напишу какой-нибудь разсказъ или повѣсть, отошлю въ редакцію, да и забуду самое содержаніе. Достоевскій разъ признавался, что ему пришлось перечитывать своего «Крокодила», когда въ немъ стали выискивать намеки на дѣло Чернышевскаго. Забылъ - де. Вотъ я его понимаю.

Въ одну изъ дальнѣйшихъ встрѣчъ мнѣ пришлось воочию убѣдиться въ этой чертѣ графа Салиаса. Какъ-то къ слову мнѣ пришлось спросить его, имѣетъ ли хоть какую-нибудь фактическую подкладку одинъ изъ его чрезвычайно интересныхъ разсказовъ «Онъ же», гдѣ на мѣсто умершаго въ старомъ замкѣ графа тотчасъ послѣ его смерти появляется его двойникъ.

— Какой разсказъ?—переспросилъ Салиасъ.

Я повторилъ названіе. Онъ взметнулъ глазами и сомкнулъ ихъ, выражая полное недоумѣніе.

— Не могу вспомнить. Совершенно забылъ. Знаю, что есть такое названіе, но о чемъ, не помню,—хоть убей. А про что онъ?

Я напомнилъ канву разсказа, воспроизвелъ одну-другую частности. Салиасъ ничего не помнилъ. Только въ концѣ разговора ему вдругъ, очевидно, что-то смутно вспомнилось.

— Тамъ еще хоронятъ какую-то колоду въ гробу?.. Еще какой-то слуга хитритъ и дьяволитъ?.. Да, да, помню. Это—все чистая фантазія. И было дѣйствительно такъ, что я въ нѣсколько дней написалъ и отправилъ.

IV.

Романъ, который привезъ Салиасъ и который сейчасъ извѣстенъ подъ названіемъ «Лебеда», предварительно назывался «Нѣлюди» Салиасъ любилъ эти хлесткія, простонародныя слова, глубоко родственныя русскому сердцу, и порой было странно, какъ прекрасно и умѣстно срывались они у него, урожденнаго графа, казалось бы, вовсе не имѣвшаго случая соприкоснуться съ настоящимъ народомъ и увѣсистымъ «мужицкимъ» словомъ.

«Нѣлюди»—по понятію автора, были нынѣшніе жидкіе, мелкіе и безпринципные люди, у которыхъ не хватаетъ пороха даже на настоящую подлость и которые такъ и околачиваются цѣлый вѣкъ въ сферѣ мелкаго жульничества и трусливаго развратца. Всмотриваясь въ этихъ «молодыхъ» и сопоставляя ихъ съ людьми старыми, у которыхъ было, можетъ быть, больше тьмы въ умахъ, но зато и больше воли въ сердцѣ, Салиасъ склонялся своими симпатіями на сторону послѣднихъ. Эти были хоть и темные, хоть и грубые, хоть и «нравные», но все-таки люди. Тѣ были нѣлюди, «лебеда» которую было необходимо исторгнуть хотя бы насильственно.

На фонѣ этой общей сѣрости, дряблости и вялости Салиасъ рисовалъ, пожалуй, жуткую фигуру грядущаго революціонера. Это былъ студентъ Барабановъ.

Времена тогда были въ цензурномъ отношеніе безрадостныя. Разумѣется, нечего было и думать, что этому революціонеру позволено было бы невозбранно пронести свое бытіе черезъ романъ въ двѣнадцать листовъ, и Салиасъ мастерски обходилъ трудность. Барабановъ ни на минуту не появлялся въ романѣ самъ. О немъ только всѣ наперерывъ говорили, за нимъ слѣдили, его слова цитировали. И слова были мѣткія, злыя, разрушительныя, порой хватающія черезъ край отрицанія, но заставляющія задуматься. Какимъ-то далекимъ, заревнымъ призракомъ, «какъ нѣкій демонъ», проносился этотъ персонажъ гдѣ-то въ сторонѣ, на третьемъ планѣ романа. Къ произведенію былъ эпилогъ, гдѣ Барабановъ на минуту появлялся лично. Его захватывалъ исправникъ на постояломъ дворѣ, случайно, врасплохъ. Барабановъ на его глазахъ пускалъ себѣ пулю въ лобъ. И конецъ его былъ сильный, достойный его.

Салиасъ самъ не вѣрилъ въ возможность напечатать этотъ романъ съ эпилогомъ, и прилагалъ эту главу въ отдѣльной обложкѣ— «на всякій случай».

Я ушелъ отъ Евгенія Андреевича позднимъ вечеромъ съ огромнымъ фоліантомъ его «Лебеды», переписанной отчасти его собственной рукой, отчасти рукой жены, и на другой же день прочиталъ его. И сразу встало передо мной огромное затрудненіе.

Изъ-за нѣсколькихъ страницъ романъ былъ совершенно нецензуренъ,—даже до странности, если имѣть въ виду огромный писательскій вѣкъ Салиаса. Романъ становился пріемлемымъ, если бы можно было убрать нѣсколько страницъ и нѣсколько фразъ, но предложить это старому писателю, который знаетъ, что дѣлаетъ, отказывался языкъ.

И вотъ помню, какъ Салиасъ легко и безобидно разрѣшилъ это недоумѣніе.

— Помилуйте,—сказалъ онъ:—я пишу въ совершенномъ отвлеченіи отъ цензурныхъ и иныхъ соображеній. Я нигдѣ не бываю, никого не вижу. Я чистый фантазеръ. Мнѣ совсѣмъ незнакомы догадки,—«вотъ это можно», а «за это газету хлопнуть». Это ваше дѣло. Пересмотримъ романъ, и дѣло съ концомъ.

Такъ это и было сдѣлано, и романъ въ такомъ видѣ напечатанъ. Это состоялось уже нашей «весной», за которой не пришлось лѣто. Характерная черточка, аттестующая съ самой лестной стороны жизненную мудрость и политическую проникновенность Салиаса. Тогда, еще въ самый разгаръ этой «весны», подъ пѣніе весеннихъ соловьевъ, Салиасъ уже видѣлъ, насколько всѣ наши надежды преждевременны. Собираясь отпечатать «Лебеду» отдѣльнымъ изданіемъ, онъ писалъ мнѣ:

— А я «Лебеду» подновлю и жару подбавлю для изданія, покуда еще весна, такъ какъ лѣтомъ нельзя будетъ этого сдѣлать,—этого лѣта не будетъ,—будетъ опять зима.

Письмо это помѣчено 12 декабря 1904 года.

V.

Всякій разъ, когда позднѣе Салиасъ наѣзжалъ въ Петербургъ, а иногда еще за нѣсколько времени до прїѣзда, приходилъ маленькій, изящный конвертъ съ графской коронкой и красиво переплетенной монограммой французскихъ литеръ «E. S. T.», и въ немъ привѣтливыя странички, исписанныя красиво-размашистой, почти изысканно-витиеватою вязью, которую графологъ могъ бы взять за образчикъ почерка, говорящаго о ярости и почти необузданности фантазіи. Графъ былъ вѣренъ старымъ привычкамъ къ домамъ и людямъ. Былъ тотъ же «Grand Hôtel», та же общая столовая. Каждый прїѣздъ мы проводили здѣсь нѣсколько вечеровъ.

Можетъ быть, ему самому было прїятно будить замирающія воспоминанія передъ человѣкомъ, хотя бы совсѣмъ другого поколѣнія, но такимъ, который съ любовною внимательностью вслушивался въ каждую мелочь его воспоминаній о людяхъ, когда-то имъ знаемыхъ и любимыхъ, и объ его собственномъ, длинномъ прошломъ.

Онъ благоговѣлъ передъ Тургеневымъ и никого изъ «большихъ» такъ не любилъ, какъ писателя. Не разъ онъ говорилъ, что пора повторнаго увлеченія Тургеневымъ, такъ сказать, «тургеневскаго рецидива», еще впереди, и что къ Тургеневу, къ его манерѣ, къ его нѣжной акварели еще вернутся послѣ вѣка реализма и натурализма, послѣ Толстого и Зола. Ни разу я не слышалъ отъ Салиаса отрицательнаго отзыва о Тургеневѣ и какъ о человѣкѣ, чего не могъ бы сказать ни о Шеллерѣ, ни о Всеволодѣ Соловьевѣ, ни о Случевскомъ.

Запомнилась такая подробность разговора, какой я нигдѣ не встрѣчалъ въ печати и которая интересна.

— Всѣ розсказни о романѣ моей матери съ Тургеневымъ, — говорилъ Салиасъ, — совершенный вздоръ. Ничего подобнаго. Говорили, что «Евгенія Туръ» есть вывороченное «Тургеневъ». По простой случайности это дѣйствительно такъ, и анаграмма получается почти полная. Однако, никакой иной подкладки здѣсь нѣтъ. Мою мать звали Елизаветой, но она безумно любила имя «Евгеній» и «Евгенія». Она же была страстная поклонница Пушкина и, въ частности, «Онѣгина». Отсюда и я зовусь Евгениемъ. А дѣло съ ея псевдонимомъ обстояло такъ: имя Евгенія взяли безъ дальнихъ разговоровъ. Потомъ стали искать фамилію. «Евгенія Саль» — сокращенное отъ «Салиасъ», но «саль» по-французски

«грязный»,—некрасиво, «Евгенія Льясъ»—не звучно, «Евгенія Немиръ»—длинно. И всё́мъ понравилось «Евгенія Туръ».

Салиасъ находилъ, что Тургеневъ, какъ писатель, еще мало оцѣненъ, что его оцѣнять еще потомъ, какъ черезъ сорокъ лѣтъ оцѣнили, напримѣръ, Стендала. Гораздо ниже ставилъ онъ, напримѣръ, Салтыкова, говорилъ, что онъ уже сейчасъ потускнѣлъ, хотя и признавалъ его огромную общественную заслугу. Видѣлъ онъ его всего однажды.

— Онъ тогда былъ еще чиновникомъ. Совершенно бритый, онъ игралъ въ карты, ворчалъ, нервно сбрасывалъ ихъ, и я подумалъ, какъ неприятно быть ему партнеромъ.

Очень хорошо Салиасъ помнилъ Огарева, часто поминалъ Аполлона Григорьева, Алмазова, Шевырева. Щербину, Бестужева-Рюмина, Корша, Ешевскаго онъ звалъ «молодежью» и всё́хъ ихъ помнилъ еще въ студенческихъ мундирахъ. Хорошо зналъ онъ Слѣпцова.

— Онъ былъ очень красивъ, но у него были маленькіе и мелкіе глаза и, скрывая этотъ недостатокъ, онъ носилъ очки. Помяловскаго я засталъ уже въ расцвѣтѣ славы. Онъ гремѣлъ и его искали въ салонахъ. Я помню его въ литературномъ обществѣ, среди тогдашнихъ «молодыхъ». Чувствовалось, что онъ уже какъ-то свысока и грубовато-пренебрежительно относился къ окружающимъ его собратьямъ. Онъ былъ уже оравленъ славой. Тогда кричали: «Что Гончаровъ и Тургеневъ, вотъ Помяловскій, Рѣшетниковъ!..»

Какъ извѣстно, у матери Салиаса были въ Москвѣ постоянные литературные журфикисы.

— Моя мать не была партійной женщиной. И къ намъ жаловали люди довольно разнообразныхъ настроеній. Каждую любопытную новинку она старалась показать гостямъ у себя. Очень часто бывала у насъ графиня Ростопчина. Тогда она была еще изумительно красива. Помню, какъ сейчасъ, одинъ случай. Я былъ еще мальчикомъ, — ну, лѣтъ шестнадцати. Внизу, въ вестибюлѣ, я, по наказу матери, встрѣчалъ гостей. И вотъ впорхнула она, прекрасная, какъ истинная богиня. Порывисто направилась къ зеркалу, стала раздѣваться. Я стоялъ сзади, совершенно ошеломленный ея красотой. Мнѣ не могло прійти въ голову, что вѣдь она видитъ меня въ зеркало. А она дѣйствительно увидѣла меня, вдругъ обернулась и спросила, очевидно, видя, что я остолбенѣлъ, какъ козелъ предъ статуей Меркурія: «Что, хороша я»?.. Я переконфузился безнадежно и поспѣшилъ скрыть свое лицо, наклонившись къ ея рукѣ для поцѣлуя.

VI.

Изъ другихъ разсказовъ о вечерахъ у матери вспоминаются слова Салиаса о чтеніи въ салонѣ Евгеніи Туръ своей драмы актеромъ Горевымъ.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ, какъ извѣстно, въ большомъ ходу была литературная сплетня, будто Островскій не самъ пишетъ свои пьесы, а пользуется трудами нѣкоего полуспившагося актера Горева, изумительно якобы талантливаго человѣка. Клевета эта стоила много крови и нервовъ нашему драматургу. И вотъ по Москвѣ пронесся слухъ, что Горевъ выступаетъ самъ съ пьесой. Литературныя кумушки подняли шумъ, — вотъ-де, когда удастся совершенно обнаружить «воровство» Островскаго.

— Не безъ большихъ хлопотъ моя мать ухитрилась! раздобыть этого самаго Горева и получить отъ него согласіе прочесть его пьесу «Сплошь да рядомъ» въ ея салонѣ. Стѣбалась вся литературная Москва. Ждали грандіознаго скандала и полнаго посрамленія Островскаго. Скандалъ дѣйствительно вышелъ, но не въ ту сторону. Горевъ, жалкій и общипанный, съ запахомъ вчерашняго перегара, въ этотъ вечеръ подписалъ себѣ полный смертный приговоръ. Его пьеса оказалась такой безвкусной мазней, заявила о такомъ писательскомъ безсиліи его, что было бы прямо смѣшно и нелѣпо послѣ этого вечера повторить обвиненіе хотя бы въ шутку. Помню еще одну подробность этого вечера. Сцены Горева изобиловали такою массою неприличныхъ словъ и простонародныхъ или купеческихъ выраженій, вродѣ «материнъ сынъ», «кого тебя», «оскретокъ» и т. п., что тонная публика, всѣ эти графини и баронессы, собравшіяся на вечеръ и привыкшія на этомъ мѣстѣ слышать настоящихъ мастеровъ русской литературы, положительно съ ужасомъ выслушивали чтеніе и переглядывались другъ съ другомъ, обливаясь потомъ. Феоктистовъ, вполнѣдствіи начальникъ печати, былъ командированъ матерью къ тещу, чтобы тотъ хоть пропускалъ свои непристойности...

Часто любилъ Салиасъ вспоминать и о собственныхъ первыхъ шагахъ въ литературѣ. Его первая вещь «Искра Божья» была напечатана въ «Библіотекѣ для чтенія» въ редакторство Писемскаго. Кстати сказать, цензура, съ которою вообще Салиасъ на своемъ вѣку сталкивался довольно рѣдко, дала себя почувствовать ему при первой же вещи. Цензоръ, какъ это часто смѣяся вспоминалъ Е. А., сказалъ ему, что «у Бога никакихъ искръ нѣтъ», и предложилъ передѣлать заглавіе. Повѣсть была напечатана подъ названіемъ «Ксаня чудная», и только вполнѣдствіи Евгеніи Андреевичъ имѣлъ возможность возстановить подлинное названіе.

Съ улыбкой, но не безъ нѣкоторой горечи Салиасъ вспоминалъ, какъ его «обсчитали» въ первомъ почти гонорарѣ.

— Писемскій написалъ расписку, кажется, на 700 рублей, помнится, — по пятидесяти рублей за листъ. Прихожу въ книжный магазинъ Печаткина, который платилъ гонорары. Начинаетъ старикъ при публикѣ торговаться. — «Ну, скиньте двѣсти, — вы такой молодой». Кругомъ народъ. Я былъ тогда очень застѣнчивъ. Помню, было страшно неловко. И хотя я не сдавался, а все-таки скидку эту съ меня онъ произвелъ.

Возвращаясь къ разговору о цензурѣ, Салиасъ не разъ вспоминалъ нѣкоторое столкновение съ нею изъ-за «Петербургскаго дѣйства». Тамъ императоръ спрашиваетъ Екатерину: «какъ вашъ сынъ?» — съ совершенно явнымъ намекомъ на то, что этого сына онъ считаетъ ея сыномъ, но не своимъ. Эта мелочь едва не повлекла серьезныхъ неприятностей для романа.

Когда въ Россію вольнымъ потокомъ хлынула до тѣхъ поръ нелегальная литература, всѣ эти историческія сказанія о смерти Павла, смерти Петра III, жизни Екатерины и т. д., Салиасъ, конечно, могъ пожалѣть о тѣхъ временахъ, въ какія ему приходилось работать.

— Новый писатель будетъ счастливѣе насъ, писавшихъ въ смутное и тяжелое время, — слышалъ я отъ него однажды. — Конечно, разъ лгали историческіе источники, то должны были лгать и половину замалчивать и мы, историческіе романисты. Толстой отказался отъ писанія «Декабристовъ» по своимъ личнымъ причинамъ, но я хотѣлъ бы посмотрѣть, что бы такое смогъ написать Толстой о декабристахъ въ царствованіе Александра III! О декабристахъ можно писать только теперь. Собственно, это моя давнишняя мечта. «Пугачевцы», которые считаются самостоятельнымъ романомъ, на самомъ дѣлѣ — только первая часть моей исторической тетралогіи. Вторая должна была называться «Вольнодумцы», и тамъ должны были пройти Новиковъ и Радищевъ для Россіи и Людовикъ XVI для Франціи. Третью часть я предполагалъ назвать «Супостать». Тутъ надо было бы дать двѣнадцатый годъ. Четвертая и послѣдняя часть — «Декабристы», явилась бы эпопеей первыхъ русскихъ «освобожденцевъ», передъ которыми я благоговѣю.

Въ одну изъ самыхъ послѣднихъ встрѣчъ Е. А. говорилъ мнѣ, что мысли объ этой тетралогіи онъ не оставляетъ и посейчасъ.

— У меня уже все обдуманно и много начитано, хотя пока еще не написано ничего. Моя память здѣсь еще очень хороша. Мнѣ не нужно было бы снова перечитывать ничего. Быть эпохи цѣликомъ сидитъ въ головѣ. Историческія лица всѣ цѣлы. Пугачевъ стоитъ живьемъ. Маленькіе атаманы? Но они — всѣ по чистѣйшему типу Пугачева. Память вообще сохраняется по специальности. Я вотъ теперь все забываю; лица, время, а изученную когда-то эпоху

великолѣпно помню посейчасъ. Это мнѣ напоминаетъ моего родственника Сухово-Кобылина. Въ глубокой старости онъ уже съ трудомъ узнавалъ родныхъ. Спрашивалъ свою родственницу: «вы кто мнѣ приходитесь,—сестра?». А между тѣмъ, когда сталъ говорить со мной о Гегелѣ, котораго страшно любилъ, я слушалъ его полчаса и былъ пораженъ совершенной ясностью и четкостью его мысли. Если вѣрить въ перевоплощеніе, то не могло бы быть сомнѣнія, что я когда-то жилъ именно въ XVIII вѣкѣ. Этотъ вѣкъ—мой любимый. Въ немъ я—какъ дома. Если оставить въ сторонѣ мистику, то этому можно подыскать и совѣмъ научное основаніе. Мнѣ это какъ-то разъ подсказалъ въ бесѣдѣ А. С. Суворинъ. Видите ли, вѣдь я засталъ еще крѣпостную Русь, а у этой крѣпостной Руси было прямое преемство отъ Руси екатерининской. Преемственно разставлялась въ квартирахъ мебель, преемственно складывался обычай. Мои дѣды и бабки могли помнить еще настоящихъ людей екатерининской поры. Понятно, я все это видѣлъ, и клавесины при мнѣ стояли такъ, какъ сто лѣтъ назадъ, и картины висѣли на старыхъ гвоздяхъ. Этого уже не видятъ люди сегодняшняго дня. Теперь ужъ и картины развѣшены иначе, и екатерининскій гвоздь сохранился, можетъ быть, только въ Таврическомъ дворцѣ...

Чтобы кончить о цензурѣ, надо сказать, что Салиасъ могъ вообще говорить о ней довольно спокойно. Она огорчала его ничуть не въ большей мѣрѣ, чѣмъ инныя инстанціи, съ которыми сталкивается романистъ. Онъ любилъ съ улыбкой вспоминать о томъ, какъ однажды «утѣшилъ» его художникъ Брожь, известный въ свое время иллюстраторъ, между прочимъ иллюстрировавшій въ старомъ «Огонькѣ» его романъ «Моръ».

— Брожь былъ довольно беззаботенъ по части русской исторіи. И вотъ въ одномъ рисункѣ, гдѣ мой герой представляется императрицѣ Екатеринѣ во дворцѣ, онъ изобразилъ его съ огромной бородой,—это въ вѣкъ-то париковъ и пудры! Я пришелъ въ дикій ужасъ. Чтобы какъ-нибудь замаскировать это невѣжество, — а вѣдь обвинили бы, конечно, автора, а не художника, — мнѣ пришлось прибѣгнуть въ слѣдующемъ номерѣ къ такому кунштштюку. Я вставилъ нѣсколько строкъ о томъ, что представлявшійся былъ такимъ бурбономъ, что, пріѣхавъ изъ провинціи въ столицу, даже явился ко двору съ нестриженой бородой. Вотъ какъ иногда приходилось «художничать»!..

Только одна претензія Салиаса къ цензурѣ была серьезна. Онъ мечталъ объ одномъ романѣ, появленіе котораго въ Россіи считалъ невозможностью.

— Мнѣ во что бы то ни стало,—говорилъ онъ,—хочется написать одинъ романъ, и я напишу его. И если будетъ необходимость, я издамъ его за границей. И, конечно, за своей подписью. Я ужъ

такъ старъ, что, вѣроятно, меня не стануть изъ-за этого беспокоить. А онъ будетъ нецензуренъ сплошь, отъ первой до послѣдней строки. Здѣсь я хочу запечатлѣть все, что я вижу сейчасъ кругомъ себя. Иногда я склоняюсь къ мысли написать его и оставить дѣтямъ. Пускай печатаютъ хоть черезъ двадцать лѣтъ. Но меня останавливаетъ мысль,—будетъ ли это тогда интересно и нужно? Можетъ быть, тогда современность страшно перерастетъ нынѣшнюю литературу. Будутъ писать гораздо свободнѣе, сильнѣе, смѣлѣе,—другими, чудесными словами, и я окажусь ненужнымъ. Къ этому меня приводитъ и другое соображеніе. Съ семидесятыхъ годовъ я ношусь съ мыслью написать фантастическій романъ изъ жизни приблизительно XXV-го вѣка. Планъ этотъ у меня давно готовъ, и право изданія этого романа я даже отвоевалъ у своего издателя. Но вотъ именно этотъ планъ приводитъ меня къ мысли, что дѣйствительно такой романъ рискуетъ оказаться маринованнымъ. Это, видите ли, романъ о человѣчествѣ, какимъ оно станетъ черезъ пять столѣтій. Разумѣется, тамъ должны оказаться и всѣ изобрѣтенія человѣческой техники. Такъ вотъ въ этомъ планѣ я могъ бы вамъ показать «телеграфъ безъ проводовъ». Это я сфантазировалъ 28 лѣтъ назадъ! А теперь это—фактъ, который знаютъ школьники. Есть у меня тамъ еще «чтеніе на разстояніи». А теперь есть лучи Рентгена и, можетъ быть, мы наконунѣ чтенія мыслей. Представьте, что же это будетъ, если такъ случится и со всѣмъ другимъ, о чемъ я загадываю?

— Все, что я читалъ изъ области фантастическаго романа, забѣгающаго за нѣсколько вѣковъ впередъ,—продолжалъ онъ,—все это не то, чего я хочу. У Беллами, у Жюль-Верна, у Уэльса все молніеносные автомобили, летающіе по воздуху аэропланы и т. д. Развѣ же въ этомъ дѣло? Дѣло—въ нравственной перемѣнѣ человѣчества. Какъ перестроится семья? Какъ сложится жизнь мужчины и женщины? Какъ религія будетъ освѣщать жизнь,—вотъ что интересно. Развѣ пули думъ-думъ, моторы и подводныя лодки подвинули хотя бы на одинъ сантиметръ человѣчество къ міровому счастью? Вотъ выдумали электрической свѣтъ. Ну, что изъ него особеннаго вышло? Да, свѣтитъ, портитъ глаза, а вѣдь существо-то свѣта таково же здѣсь, какъ и въ керосинкѣ. И человѣчество не стало отъ этого лучше нагрощ!..

VII.

Смерть помѣшала Салиасу осуществить и ту и другую идею. Мы не имѣемъ ни этого романа типа мемуаровъ, ни утопіи о будущемъ, болѣе счастливомъ человѣчествѣ.

Что касается второй мысли, то очень правдоподобно, что Е. А. далеко не летѣлъ къ ней въ самые послѣдніе годы такъ свѣтло

и радостно, какъ въ старину. Послѣдніе годы—съ революціей, разстрѣломъ Прѣсни, арбатскими баррикадами, забастовками и потоками крови,—вѣроятно, въ значительной мѣрѣ охладили его мечту о человѣческомъ счастьи.

Эта буря вообще произвела жестокий и болѣзненный переломъ въ Салиасѣ. Ко всему эти годы явились и годами трагическихъ надъ нимъ завоеваній старости и болѣзни. Въ 1906 году онъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ, но это былъ уже не прежній Салиасъ. Тонкія, высоко взброшенныя брови взлетѣли еще выше. Болѣзненно смотрѣли глаза, на которые уже наложило слѣдъ страданіе. Слегка дрожали тонкія, исхудавшія руки, на которыхъ вздулись синія, старческія жилы. Усохло, осунулось лицо, явилась предательская нетвердость походки. Какъ старый усталый конь, какъ-то неувѣренно разбрасывая ноги, придерживаясь то за одну, то за другую стѣнку узкаго коридора, онъ шелъ по тому же отелю и уныло говорилъ:

— За этотъ годъ я постарѣлъ, какъ за десять лѣтъ. Не та голова, не тѣ ноги. Иногда такъ шатнетъ, что можно подумать, будто я пьяный. Недавно былъ съ дочерью на гуляньѣ, и меня такъ шатнуло, что, конечно, всѣ рѣшили—«пьяный». Старое еще помню, а вотъ что было три мѣсяца назадъ, забылъ. Все путаю. Что было мѣсяць назадъ, мнѣ кажется было вчера...

Воображеніе его еще было цѣликомъ заполнено, захвачено и потрясено недавно пережитыми ужасами. Поминутно онъ прорѣзалъ разговоръ воспоминаніями то о той, то о другой подробности московскаго возстанія. Прежде, бывало, онъ часто обращался къ разговору о томъ, что его напрасно и безъ спросу записали въ консерваторы и чуть не реакціонеры,—теперь онъ откровенно и рѣзко хотѣлъ отгородиться отъ тѣхъ, кто захватилъ въ руки знамя освобожденія. Лѣтъ пять назадъ онъ говорилъ:

— Покажите мнѣ хоть одну мою мракобѣсную страницу. Когда я стоялъ за произволъ или тьму и курилъ ойміамъ капраламъ, взявшимъ палку? Моя жизнь началась съ того, что въ числѣ троихъ студентовъ университета я подалъ петицію императору Александру II отъ имени студенчества и былъ за это исключенъ изъ университета. У меня есть такая эгида, какъ графскій титулъ, и, однако, мнѣ такъ счастливилось на аресты, какъ не всякому литературному плебею. Въ бытность за границей я водилъ дружбу съ людьми, отъ которыхъ правовѣрные бѣжали на пушечный выстрѣлъ. Мы были хороши съ Кельсіевымъ. Въ Парижѣ я дружилъ съ однимъ полякомъ, за голову котораго дорого дало бы въ то время русское правительство. Онъ жилъ подъ видомъ птичника. И наши бесѣды происходили въ атмосферѣ, которую безъ раздраженія могъ выносить только развѣ русскій эмигрантъ...

Теперь Салиасъ готовъ былъ отрещиваться отъ всякаго общенія съ нынѣшними освобожденцами. Свѣдѣнія о дняхъ «возстанія» шли къ нему, очевидно, изъ источниковъ, окрашенныхъ вполне опредѣленно.

— Насъ раздѣляютъ сорокъ лѣтъ,—говорилъ онъ,—и я могу понять, почему вы не раздѣляете моихъ понятій. Разумѣется, я не противъ свободы, но я прямо противъ тѣхъ, кто ее хотѣлъ добывать нынче. Свободу добываютъ святыя руки. Я видѣлъ, какъ ее добывали грязными. Арбатъ, гдѣ происходила стрѣльба, недалеко отъ моего Левшина. Своими ушами я слышалъ плачь и жалобы жены городского, котораго тамъ убили,—такого же мужика, только въ формѣ! Такъ называемые революціонеры нанимали за шестьдесятъ копеекъ дворника, и онъ носилъ доски и бревна на баррикады. Помилуйте, развѣ можно нанимать въ революцію! А вѣдь никто не будетъ отрицать, что въ эту революцію нанимали. Четырнадцатилѣтнему мальчику поручили за сорокъ копеекъ вывѣсить красный платокъ надъ кучей бревенъ. Ну, убили мальчишку! Устроивъ баррикады, снимались на нихъ въ геройскихъ позахъ, съ револьверами въ рукахъ!.. Стыдъ! Развѣ это могло прійти въ голову въ такихъ обстоятельствахъ? Вѣдь вотъ декабристы тоже добывали свободу. И мое глубочайшее сочувствіе на ихъ сторонѣ. Это даже не самопожертвованіе. Это выше! Здѣсь идеализмъ, почти не повторяемый въ нашей исторіи. И если бы я писалъ теперь романъ о декабристахъ, я боялся бы, восторгаясь ими, не выказать презрѣнія къ нынѣшнимъ революціонерамъ. Я воспитался на идеяхъ гуманности, которыя сѣяли въ мою душу Тургеневы, Грановскіе, Кудрявцевы. Если бы Грановскіе и Кудрявцевы жили теперь, они съ ужасомъ отвернулись бы отъ этого вандализма, отъ этихъ потоковъ крови...

Къ этой же порѣ, къ старости, приберегла судьба и крупнѣйшее для Салиаса огорченіе. Говорю объ отреченіи его отъ правъ собственности на свои сочиненія и продажѣ ихъ въ чужія руки.

Кажется, двадцать семь съ половиною тысячъ Салиасъ считалъ совершенно точною цифрою, вознаградившею его за потерю своего первородства. Въ довольно критическую минуту жизни онъ охотно согласился на эту сумму, не предвидя, какой ростъ гонораровъ ожидаетъ литературу совсѣмъ недалеко впереди. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ девяностыхъ годахъ Салиасъ, конечно, могъ бы получить больше, чѣмъ вдвое, за свой жизненный трудъ.

Покойный говорилъ съ тоской объ этой своей ошибкѣ, а въ послѣдніе годы при разговорѣ на эту тему прямо махалъ рукой и просилъ перемѣнить разговоръ, чтобы не вызывать раздраженія. Случилось еще такъ, что, помимо его воли, право на единовременное изданіе собранія его сочиненій было переуступлено его издателемъ одному реакціонному московскому изданію. «Салиасъ» былъ

выданъ подписчикамъ въ качествѣ «бесплатнаго приложения» съ убогимъ портретомъ, въ сѣромъ, неопрятномъ изданіи. Положительно чуть не со слезами старикъ говорилъ объ этой, учиненной надъ нимъ расправѣ.

— Въкѣ крѣпостничества прошелъ,—говорилъ онъ мнѣ однажды,—и только въ одной литературѣ еще существуютъ крѣпостные. На старости лѣтъ я оказался крѣпостнымъ Берга, который «прилагаетъ» меня, какъ онъ хочетъ и куда онъ хочетъ. Меня не спросили, хочу ли я служить тому дѣлу, которому они служатъ своимъ изданіемъ, симпатично ли мнѣ это дѣло, раздѣляю ли я ихъ мутное мракобѣсіе. Меня просто взяли и «приложили», и я не могу протестовать, потому что я дѣйствительно «продалъ себя» и выговорилъ только одно право лично издавать впредь свои воспоминанія и одинъ фантастическій романъ изъ жизни XXV-го столѣтія. Я не могу смотрѣть безъ содроганія на пухлую дешевку, въ какую превратили мои книги, на эту сѣрую бумагу, грязный шрифтъ, на тучи опечатокъ. Подъ какой-то мазней написано «графъ Салиасъ», а по-моему, это «село Салиасово» или что угодно, только не мой портретъ...

Сознаніе невозможности опротестовать фактъ «приложенія», повидимому, всего болѣе удручало Салиаса.

«Карцовъ добрый и честный человѣкъ,—писалъ онъ мнѣ въ одномъ письмѣ.—Не кулакъ. Отдалъ онъ мои сочиненія въ паршивый журналъ лакея Берга. Но на это его право. Мотивъ, конечно, не сочувствіе Карцова «убѣжденіямъ» (???) господина Берга, а одинъ лишь денежный расчетъ...»

Отношенія писателя и посредника между нимъ и читателемъ вообще часто вызывали огорченія и протесты Евгенія Андреевича. Однажды, давая расписку въ полученіи гонорара за романъ, онъ сказалъ:

— Вотъ какъ у васъ просто, хоть и на нѣсколько тысячч! А то обыкновенно приходится подписывать такой унижительный документъ, что стыдно за свое писательское достоинство. Я разъ сказалъ покойному издателю М.: «Не можете ли вы объяснить мнѣ, почему писатель и издатель стоятъ не на одной доскѣ. Въ вашемъ контрактѣ написано, что я продаю вамъ романъ новый, нигдѣ не напечатанный ни подъ этимъ, ни подъ другимъ названіемъ, обязуюсь не перепродавать его въ другое мѣсто, не издавать до такого-то срока и т. д.—словомъ, не быть жуликомъ. Я подпишу все это, но подпишите и вы мнѣ, съ своей стороны, условіе, что вы тоже жуликомъ не будете, что этотъ романъ вы не издадите безобразно и съ опечатками, что не будете его продавать кусками на Невскомъ, что не испортите его непристойными рисунками и т. д.» Онъ засмѣялся, и въ концѣ концовъ засмѣялся и я, потому что я просто покладливый человѣкъ. Но какъ жалко, что всѣ мы, литераторы, слишкомъ покладливые люди!..

VIII.

Съ каждымъ новымъ прїѣздомъ все старѣль и скудѣль Салиасъ. Отзвуки старости и болѣзни звенѣли и въ письмахъ.

«Я уже давно хвораю, — писалъ онъ въ началѣ 1905 г., — и въ формѣ, которая меня смущаетъ. Бессонница! Кажется, дѣло простое, а между тѣмъ это дѣло ужасное. Я исхудалъ и опустился страшно. Подумайте, ни ночью, ни днемъ нѣтъ сна. Теперь какъ будто пошло лучше отъ усиленнаго прїема брома, но боюсь, что какъ прекращу прїемы, то начнется опять. Надежда прїѣхать и пожить въ Петербургѣ рушилась...»

Только еще одинъ разъ мнѣ пришлось наблюдать Е. А. въ подъемѣ настроенія и даже въ извѣстномъ авторскомъ удовлетвореніи. Въ августѣ 1904 г. онъ писалъ мнѣ:

«Я на дняхъ выѣду въ Петербургъ и, какъ прїѣду, тотчасъ вамъ напишу. Быть у васъ самъ я могу, если вы забросите въ «Грандъ Отель» вашъ адресъ на мое имя.

«Я везу романъ въ десять листовъ для помѣщенія, а куда — и самъ не знаю. Будетъ очень, конечно, обидно, если онъ попадетъ въ такой журналъ, у котораго тысячи двѣ-три подписчиковъ, потому что, къ моему великому удивленію (но и къ радости), я тряхнулъ стариной. Написалось, какъ прежде писалось. Я невольно улыбнулся, что вы считаете порядочнымъ романомъ «Лебеду». Что же бы вы теперь сказали, если бы прочли мою, мнѣ очень крѣпко нравящуюся «Сатаниллу» — прозвище героини романа, которая — ангель-дьяволъ, un ange endiablée, какъ говорится по-французски. Я же влюбленъ въ мою героиню безъ памяти... Въ иныхъ журналахъ мнѣ выкинуть три-четыре главы ради якобы того, что это семейные журналы, и надо, чтобы въ нихъ соблюдалось строгое благоприличіе, — собственно пуританизмъ, если не совѣмъ pruderie. И это во время процвѣтанія вещей Горькаго и Андреева!..

«Впрочемъ, я сильно надѣюсь отдать романъ въ «Русскій Вѣстникъ». Но сколько у него читателей - подписчиковъ? Семь съ половиной или девять съ четвертью человекъ? По прїѣздѣ, конечно, посоветуюсь съ вами, что мнѣ дѣлать. Вы опытнѣе меня въ этомъ, какъ обыватель Петербурга. А покуда до свиданія. Крѣпко жму вашу руку».

Въ сентябрѣ мы увидѣлись. Салиасъ вручилъ мнѣ свою «Сатаниллу» почти съ волненіемъ и слѣдомъ послалъ письмо:

«Жду васъ сегодня обѣдать въ 6 или 7 часовъ, хотя бы вы и не успѣли прочесть всего романа. Просто побесѣдовать. Меня страшно интересуетъ вопросъ: неужели я настолько постарѣль и поглупѣль, что уже не могу имѣть вѣрнаго представленія о своемъ произведеніи?»

«Я считаю «Сатаниллу» лучшимъ изъ моихъ романовъ и самымъ лучшимъ за послѣднія 10—12 лѣтъ. Неужели вы мнѣ не подтвердите моего мнѣнія? Это будетъ для меня ударомъ, и главное потому, что я считаю васъ авторитетнымъ для меня оцѣнщикомъ... Написавъ романъ этотъ, я себѣ сказалъ:

«Нѣтъ, ничего, я старъ, но еще за себя постою, писать могу!»

«И вдругъ вы мнѣ скажете, что я ошибаюсь, что романъ слабъ, неинтересенъ, плохъ. Это будетъ очень грустно! Итакъ, жду васъ съ нетерпѣніемъ. Вашъ Салиасъ».

Романъ былъ продуктомъ «чистаго искусства». Онъ не трогалъ «проклятыхъ» вопросовъ, но все огромное знаніе человѣческой души, весь свой жизненный опытъ и все писательское мастерство Салиасъ направлялъ на изображеніе оригинальной женщины, сложной натуры, обаятельной и захватывающей. Я былъ радъ, когда могъ искренно высказать полное удовлетвореніе романомъ. Фактическимъ доказательствомъ этого было то, что романъ былъ приобрѣтенъ для изданія, къ которому я былъ близокъ.

Салиасъ казался довольнымъ,—всего больше, конечно, нравственною стороною дѣла.

— При моей антипатіи къ своимъ книгамъ,—сказалъ онъ,—я храню любовь къ нѣкоторымъ своимъ женскимъ типамъ. Это въ особенности тогда, когда эти женщины являлись отраженіемъ подлинныхъ, какихъ я зналъ. Такъ было съ «Сандрильоной», такъ съ «Сатаниллой», и потому я люблю оба эти романа. Я люблю иногда перечитать діалоги «Сандрильоны», «Los Novios». Иногда мнѣ удавалось здѣсь пророчествовать. Разъ я написалъ романъ объ одной четѣ, какую зналъ въ дѣйствительности. Но въ концѣ я фантазировалъ. Года черезъ три то, что я сфантазировалъ, именно случилось съ этою четой.

— А вообще вы не грѣшили портретностью?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Я чистый фантазеръ. Я вообще не могъ даже «надумывать», «вынашивать» вещей. Всегда выходило скверно. Всегда лучше было, когда я давалъ себѣ полную волю. Передъ тѣмъ, какъ писать, я не только не обдумывалъ предстоящей главы, но намѣренно или просилъ своихъ дочерей поговорить со мной о чемъ попало, или бралъ газету и уходилъ мыслью именно въ то, что было далеко отъ моего сюжета. Я—чистый импровизаторъ и беллетристъ pur sang. Замѣчу еще одну особенность: я не могъ никогда мѣнять именъ своихъ героевъ. Стоило мнѣ измѣнить разъ намѣченное имя,—исчезалъ образъ. И когда иной разъ я бралъ имя какого-нибудь знакомаго,—мнѣ потомъ представлялась, при необходимости замѣны его, почти непреодолимая трудность.

IX.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Евгенія Андреевича въ іюнѣ 1907 года, уже у него въ Москвѣ.

Огромный московскій аулъ былъ пустъ, пыленъ, заставленъ рогатками. Москвы не было дома. Она вся выѣхала на дачи и въ свои подмосковныя. Только стараго затворника можно было съ ручательствомъ застать дома, у Покрова въ Левшинѣ.

У меня въ памяти были слова изъ его письма:

— «Если вы будете въ Москвѣ, хотя бы проѣздомъ, я беру съ васъ слово навѣстить меня... Благодаря двумъ основнымъ чертамъ или недостаткамъ моего характера—домосѣдству и нелюдимости,— я живу какъ настоящій отшельникъ. Вотъ уже восемнадцать лѣтъ, что я нигдѣ не бываю и никого не вижу. Москвичъ по рожденію и по жительству, я ухитрился приобрести въ Петербургѣ не только знакомыхъ, но и друзей. Въ числѣ послѣднихъ я считаю и васъ, несмотря на огромную разницу лѣтъ между нами. Я считаю васъ въ наше время, странное время «сфинкское», если не просто свинское, загадочное, если не отвратительное,—считаю наше случайное знакомство прямо-таки отраднымъ явленіемъ на моемъ жизненномъ пути. Если вы будете сюда, то вспомните, что у меня большая и пустая квартира, гдѣ никого никогда не бываетъ. Самъ хозяинъ квартиры—«терпимый».

Послѣдними словами онъ намекалъ на колебаніе въ послѣдніе годы почвы подъ его служебнымъ положеніемъ. Эта служба, дававшая ему жалованье и квартиру, въ послѣдніе годы была для него уже чистой синекурой.

Послѣдній пріѣздъ его въ Петербургъ былъ связанъ съ этимъ вопросомъ. И онъ именно пріѣзжалъ хлопотать о сохраненіи за нимъ его должности, которую онъ рисковалъ потерять. Объ этой службѣ онъ говорилъ съ простодушной старческой откровенностью и, улыбаясь, рассказывалъ, что только разъ въ годъ онъ долженъ «напяливать» на себя расшитый мундиръ и не то кому-то представляться, не то кого-то съ чѣмъ-то поздравлять. Такъ онъ былъ «терпимымъ» дѣйствительно въ буквальномъ смыслѣ.

Москва уже зачинилась и покрасилась послѣ зловѣщихъ дней. Только кое-что еще напоминало о пролетѣвшей надъ ней грозѣ. Черезъ Мертвый переулочъ («какъ стильно!»—подумалъ я) я выѣхалъ къ старенькой скромной церкви у Покрова въ Левшинѣ, въ тихій, полусонный кварталъ Москвы. Невдалекѣ отъ церкви—довольно длинный двухъэтажный, старинной стройки домъ пекся на солнцѣ. Въмѣсто подъѣзда—двѣ широкія двери со стеклами. Стекла выгорѣли. Одна дверь давала впечатлѣніе чуть не заколоченной. — Это дворцовый домъ? — Это, — отвѣчалъ городской. —

«Ужъ полно,—тутъ ли живеть Салиасъ?» подумалъ я. Оказалось, тутъ.

Я вошелъ въ домъ, и съ первыхъ шаговъ меня властно охватило настроеніе старо-барскаго московскаго дома. И лѣсенки съ пузатыми деревянными перильцами, и узкіе коридорчики, увѣшанные старинными портретами и картинами, и въ сторонкѣ гостиная съ типичнымъ колоритомъ эпохи сороковыхъ годовъ,—Боже мой, до чего все это было по-старому, не по-нынѣшнему, по-своему!

Я невольно вспомнилъ слова графа объ екатерининскихъ гвездяхъ, которые онъ еще засталъ на прежнемъ мѣстѣ. Милой прелестью невозвратныхъ дней, обаяніемъ тургеневскихъ «дворянскихъ гнѣздъ» повѣяло на меня отъ этихъ картинъ со стѣнъ, отъ портретовъ, низкихъ потолковъ, мягкой мебели,—отъ всего этого трогательнаго уюта, въ которомъ чувствовалось полное отсутствіе искусственности, поддѣлки, «стилизации». Все это вдругъ такъ охватило душу, что невольно почудилось, что вотъ сейчасъ снизу послышатся шаги, и тихій разговоръ, и дѣвичій смѣхъ, и войдетъ Рудинъ или Лаврецкій, Лиза или Елена, или старинныя клавишины заиграютъ старинный вальсъ двадцатыхъ годовъ...

Черезъ узкій коридорчикъ я прошелъ въ кабинетъ графа. Невольно съ первыхъ же словъ вырвалось выраженіе очарованія всей этой стильной стариной.

— Да вѣдь и я старъ,—сказалъ Евгеній Андреевичъ, вставъ на своемъ креслѣ.—Ничего не подбиралъ, а такъ все само и подобралось старое. Самой молодой картинѣ у меня дѣйствительно не меньше ста лѣтъ...

X.

Я едва сдержалъ печальное восклицаніе, взглянувъ на графа. До чего онъ измѣнился, одряхлѣлъ, упалъ! Мѣняла его огромная отпущенная борода и неровныя, нависшія на щеки бакенбарды. Исчезло его бывшее старческое изящество. Больной, умирающій Донъ-Кихотъ сидѣлъ передо мною въ креслѣ. вмѣсто пенсне были одѣты очки, вмѣсто изящнаго редингота—халатъ.

Салиасъ, очевидно, угадывалъ производимое имъ впечатлѣніе и первый началъ:

— А я вотъ совсѣмъ состарился, расхворался. Не схожу съ кресла. Поздно засыпаю, и вотъ сейчасъ два часа, а это—мое утро и чай.

Кабинетъ былъ большой и просторный, съ нѣсколькими письменными столами, этажерками съ книгами, старинными-старинными креслами, такими уютными, ласковыми, удобными, очевидно, когда-то, давно-давно бывшими послѣднимъ словомъ искусства и удобства.

Довольно большая этажерка была сплошь уставлена произведеніями самого Евгенія Андреевича.

Книги безъ переплетовъ и далеко не въ образцовомъ порядкѣ... По числу изданій съ графомъ Салиасомъ, пользовавшимся всегда совершенно исключительнымъ читательскимъ вниманіемъ, могли бы поспорить развѣ самые плодовитые изъ нашихъ романистовъ. Въ одномъ изданіи «полнаго собранія» его сочиненій г. Карцова уже къ тому времени вышло тридцать компактныхъ томовъ.

Большой письменный столъ въ темномъ углу кабинета былъ заваленъ книгами и рукописями въ такъ называемомъ живописномъ безпорядкѣ.

Напротивъ него большой столъ былъ весь уставленъ семейными фотографіями въ рамкахъ. Прекрасные фамилные портреты масляными красками висѣли на стѣнахъ. Здѣсь были два портрета отца писателя, его дѣда, бабки и прадѣда.

Надъ маленькимъ чайнымъ столомъ огромный, во весь ростъ, висѣлъ портретъ Евгеніи Туръ въ преклонныхъ лѣтахъ увеличенная фотографія, съ исключительнымъ искусствомъ сдѣланная въ Парижѣ.

Надъ портретомъ его молодой жены висѣлъ прекрасный портретъ императрицы Екатерины, именно тотъ, который воспроизводится на струблевкахъ.

— Я всѣмъ желаю побольше такихъ портретовъ въ собственномъ бумажникѣ,—пошутилъ между прочимъ Евгеній Андреевичъ.

Въ темномъ углу виднѣлся крупный, потемнѣвшій портретъ мужчины въ камзолѣ и прическѣ петровской поры.

— А это вотъ родоначальникъ всѣхъ насъ, братьевъ-писателей,—отрекомендовалъ графъ.—Угадайте, кто?

Полуинстинктивно, по какимъ-то черточкамъ, сохранившимся въ памяти, полусознательно я угадалъ, что это Кантемиръ.

— Вотъ и эти портреты, совершенныя уники, и кой-что другое я бы готовъ пожертвовать куда-нибудь, но только въ вѣрныя руки, — сказалъ Е. А. — Въ былое время я очень любилъ приобрѣтать подобныя вещи. И въ старину это было много дешевле, чѣмъ теперь. Разумѣется, меня всегда особенно интересовала историческая портретная живопись. Мнѣ удалось достать рѣдкіе, единственные портреты Павла, Петра III, Анны Иоанновны, Елизаветы и т. д. Попробуйте найти, на примѣръ, гдѣ-нибудь Екатерину въ военномъ мундирѣ, вотъ эту Салтычиху или Софью Полоцкую! Своеобразные оттѣнки ихъ лицъ, схваченные художникомъ, давали мнѣ кой-какія субъективныя проясненія въ ихъ психологіи. Сейчасъ у меня ремонтъ. И я почти на отлетѣ изъ Москвы. Многіе портреты уже сняты и вынуты изъ рамъ. Но мы все-таки ихъ посмотримъ...

Худой, испитой, слабый, онъ водилъ меня въ этотъ же вечеръ изъ комнаты въ комнату, изъ коридора въ коридоръ, по большой квартирѣ, уже разрушенной штукатурами и плотниками. Дрожалъ

подсвѣчникъ въ его рукѣ, которую онъ поднималъ кверху, вырывая изъ тьмы красочные холсты. Были заурядныя вещи, были прекрасныя. Самъ онъ дѣлилъ ихъ на пять отдѣловъ и сообразно этому дѣленію завѣщалъ картины наслѣдникамъ.

Передъ чайнымъ столомъ Евгенія Андреевича стояло высокое узкое кресло. Ему измѣняли ноги, и онъ взбирался на кресло, какъ ребенокъ.

— Это мое любимое,—пояснилъ онъ.—И у матери оно было любимымъ. Только тутъ мнѣ по себѣ. Одинъ гость чуть не обидѣлся. «Что вы, говорить, точно на тронѣ сидите, а гостя на стулѣ сажаете!» Моя единственная болѣзнь—старость. Вообще у меня ничто не болитъ. Совершенно свѣжа голова. Доктора находятъ всѣ мои органы въ порядкѣ. А вотъ ноги такъ измѣняются, что иногда идешь и чувствуешь необходимость опереться о стѣнку. На кресло влѣзаю, какъ малое дитя.

— Какое же, Евгеній Андреевичъ, происхожденіе этой болѣзни?

— А вотъ я бы дорого далъ тому, кто мнѣ сказалъ бы это. Врачи совершенно недоумѣваютъ. И остается одно послѣднее объясненіе, что это «наслѣдственное». Мой отецъ тоже страдалъ ногами. Сейчасъ меня посылаютъ въ Кисловодскъ. Но воды, говорятъ, рискованная вещь для такихъ больныхъ, какъ я. Предостерегаютъ, что первой ванны больной иногда не переноситъ. Вдругъ хлопнетъ. И я боюсь. А мнѣ хотѣлось бы еще показать, что я не вовсе сдаюся. У меня есть литературные планы, и прямо хочется писать. Фантазія работаетъ, какъ и прежде. Хотя, конечно, мои лѣта немалыя. И о смерти уже не приходится говорить съ шуткой. Когда-то, во дни оны, я вотъ придумалъ надпись къ стрѣлкѣ этихъ часовъ (онъ сдѣлалъ движеніе рукой по направленію къ прекраснымъ стариннымъ часамъ на колонкѣ изъ краснаго дерева). И въ свое время это было недурно. Я написалъ на стрѣлкѣ: «Веду къ смерти». Домашніе недавно сняли надпись, потому что теперь ужъ это совсѣмъ правда, и жуткая. Здѣшней зимы я совершенно не переношу, и надо отъ нея уѣхать. Возвращусь, вѣроятно, уже на другую квартиру, а не въ эту, гдѣ прожилъ восемнадцать лѣтъ. Въ старину здѣсь была церковь, и этотъ кабинетъ былъ алтаремъ. Гдѣ печка, здѣсь, можетъ быть, былъ престолъ...

XI.

Впечатлѣнія послѣднихъ, жуткихъ лѣтъ еще властно давили Евгенія Андреевича. Ко всему, только что разыгралась скандальная эпопея Гурки, его родного племянника, и, конечно, ранила его больно. Нѣтъ-нѣтъ, и онъ возвращался къ памяти безпокойныхъ дней и, не жалуясь ни на забвеніе, ни на «молодую» лите-

ратуру, ни на модныя знаменитости, съ горечью говорилъ о кровавыхъ дняхъ для Москвы.

— У меня много плановъ, и мнѣ хочется работать. Но за все это время я не написалъ ни одной строки. Последніе годы общественной жизни могли мало способствовать творческимъ настроеніямъ. Прежде всего никому не было и дѣла до того, пишутся историческіе романы, или нѣтъ. А затѣмъ и вообще что приходилось переживать! Вѣдь я былъ безвыѣздно въ Москвѣ даже во дни вооруженнаго возстанія. Чего-нибудь стоило пережить дни баррикадъ на Арбатѣ и весь хаосъ тѣхъ дней! Моя дочь гуляла около дома, а по другой сторонѣ шель священникъ съ ребенкомъ, и ребенка чуть-чуть не подстрѣлила шальная пуля!.. Видите, какъ все это было недалеко отъ меня. Этотъ кровавый туманъ омрачилъ мои мечты о русской свободѣ.

И, какъ годъ или два назадъ, онъ повторилъ мнѣ свою фразу объ ужасѣ Тургенева и Грановскаго передъ багровымъ русскимъ кошмаромъ.

Я спросилъ его, слѣдитъ ли онъ теперь за современной книгой, за молодой литературой.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ:—я отсталъ. Нѣкоторые принципы молодой литературы мнѣ антипатичны. Меня вообще огорчаетъ современное паденіе идеализма не только въ литературѣ, а и вообще въ жизни, и мнѣ кажется, что вотъ людямъ вашего поколѣнія выпадаетъ благородная и трудная роль пронести идеалы добра, которымъ служили мы, старые писатели, черезъ смуту нынѣшнихъ дней и передать ихъ новымъ поколѣніямъ, какъ вотъ лѣтописцы проносятъ и передаютъ потомкамъ сказанія о событіяхъ. Можетъ быть, поэтому я живу отчужденно и отъ современной жизни, и никуда не показываюсь. Васъ удивитъ, что, напримѣръ, въ театрѣ я былъ въ послѣдній разъ чуть не двадцать лѣтъ назадъ, когда шла пьеса А. С. Суворина «Татьяна Рѣпина». Не снимался я тоже лѣтъ двадцать. Вообще я всегда боялся рекламы. А боялся рекламы потому, что слишкомъ на нее насмотрѣлся...

Въ самомъ дѣлѣ, два юбилея Саліаса—25-лѣтній и 40-лѣтній—прошли безъ всякой попытки подогрѣванія читательскихъ симпатій. Вещественнымъ доказательствомъ его 25-лѣтняго юбилея былъ висѣвшій въ его кабинетѣ юбилейный адресъ ему, покрытый сотнями подписей.

— Четверть вѣка вашей литературной дѣятельности исполнилось въ 1888 году,—сказалъ я.—Значитъ, полвѣка будетъ въ 1913?

— Да,—сказалъ онъ,—было бы, но до этого года мнѣ ужъ, конечно, не дожить. Кстати, и число для меня роковое,—улыбнулся онъ.—Очевидно, это будетъ для меня послѣднее тринадцатое число.

Еще раньше я зналъ со словъ Евгенія Андреевича, что цифра 13 дѣйствительно играла до курьеза фатальную роль въ его жизни.

Онъ родился 13-го апрѣля. Годъ рожденія его—1840—даетъ сумму цифръ—13. По прямой линіи графъ Салиасъ—13-й представитель рода. Самый родъ упоминается въ исторіи Франціи въ первый разъ въ XIII вѣкѣ. Въ его имени и фамиліи, написанной по-французски—13 буквъ.

Въ дни студенчества, 13-го октября онъ былъ избранъ въ число трехъ депутатовъ во время московской студенческой исторіи. Депутатія должна была передать петицію государю, и за это молодой Салиасъ 13-го марта былъ исключенъ изъ университета. Первый гонораръ его былъ 13 рублей. 13-е августа трижды играло въ его жизни фатальную роль. Если написать по-русски литературную и официальную его подпись—«Графъ Е. Салиасъ» въ ней будутъ тѣ же 13 буквъ...

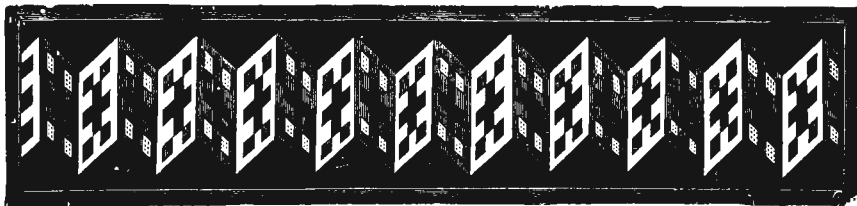
Салиасъ былъ попрежнему привѣтливъ и ласковъ, попрежнему интересенъ, нервенъ и оживленъ. Но я смотрѣлъ на него съ грустнымъ чувствомъ, когда онъ, странно раскидывая плохо повинующіяся ему ноги, ходилъ со мною изъ комнаты въ комнату или уныло ежился въ креслѣ. «Славный старикъ скоро умретъ, скоро умретъ, скоро умретъ», не выходило у меня изъ головы. И, прощаясь съ нимъ, я уже видѣлъ, что прощаюсь съ нимъ навѣки.

Въ ночь на 6 декабря ласковый старикъ тихо почилъ. Онъ не перенесъ воспаления легкихъ. Новый обитатель стараго дома «у Покрова въ Левшинѣ» вспугнетъ поэтическія тѣни, уютно тамъ дремлющія. Только старожилы будутъ помнить, что здѣсь восемнадцать лѣтъ жилъ талантливый романистъ графъ Салиасъ. Лежитъ онъ на Новодѣвичьемъ кладбищѣ Москвы рядомъ съ матерью.

Умеръ Салиасъ, не выполнивъ своихъ писательскихъ надеждъ послѣднихъ лѣтъ, не написавъ ни фантастическаго романа, ни романа о современности. Критика его уже забыла. Послѣдняго утѣшенія писателя «на покоѣ»—видѣть хорошо изданное собраніе своихъ сочиненій—судьба ему не дала. Болѣзнь и старость заслонили ему радость бытія и счастье семьи. Все, что было ему дорого и свѣтило ему въ жизни,—умерло, умерло, умерло. Новая жизнь правилась ему все меньше и меньше...

И, думается, усталый и больной, онъ могъ разстаться съ землей безъ особеннаго сожалѣнія...

А. Измайловъ (Смоленскій).

ОТЕЦЪ ЮАННЪ КРОНШТАДТСКІЙ.

1829—1909 г.г.

(Некрологъ).

ОГЛАСНО своему личному предсказанію, за три дня до наступленія праздниковъ Рождества Христова, именно 20 декабря 1908 г., отошелъ въ вѣчность знаменитый на всю Россію кронштадтскій соборный протоіерей, Іоаннъ Сергіевъ Кронштадтскій. Почившій представлялъ собою чрезвычайное явленіе нашей отечественной жизни и, можно смѣло сказать, былъ на грани двухъ столѣтій XIX и XX самымъ популярнымъ человѣкомъ, имя котораго было извѣстно рѣшительно всѣмъ отъ царскихъ палатъ до лачугъ бѣдняковъ, было извѣстно людямъ высшей интеллигенціи и темнымъ невѣжественнымъ массамъ, причемъ вездѣ это имя произносилось какъ имя такого дѣятеля нашей церкви, значеніе котораго необычайно, огромно, полно глубокаго внутренняго смысла и значенія. Личность этого пастыря церкви толковалась и освѣщалась въ нашей литературѣ многими разнo, но одно было несомнѣнно: съ полнымъ равнодушіемъ, невниманіемъ и съ пренебреженіемъ мимо него никто не рѣшался проходить, ибо за него говорили дѣла его, та атмосфера, которая кругомъ него создавалась, та высота, на которую еще при жизни, много лѣтъ тому назадъ, вознесла его народная мысль, народное чувство, народное молитвословіе. Врядъ ли сейчасъ мы даже можемъ ясно сознать, опредѣлить и указать, какъ велико было значеніе этого необыкновеннаго человѣка и какъ на нашихъ глазахъ историческій процессъ совершилъ свой

Отець Іоаннъ Кронштадтскій.

реальный кругъ, выдвинувъ и создавъ истиннаго народнаго вождя въ настоящемъ смыслѣ этого слова и такой неизмѣримой величины, подъ мѣрку которой не подходитъ ни одно историческое имя изъ числа тѣхъ, жизнь которыхъ намъ извѣстна во всѣхъ ея фактическихъ подробностяхъ и достовѣрностяхъ. Пройдутъ десятки, сотни лѣтъ, обликъ самой Россіи, быть можетъ, измѣнится до неузнаваемости, отъ всего, что въ наши дни и годы насъ прельщаетъ и намъ кажется важнымъ и достойнымъ вниманія, вѣроятно, мало останется, забудутся тѣ, кто мнитъ себя сейчасъ величиною общественнаго, политическаго и историческаго порядка, отъ всѣхъ останется до смѣшного мало, но одно имя пребудетъ въ преемственности поколѣній вѣчнымъ, въ вѣчной славѣ и въ вѣчномъ сокровенномъ смыслѣ. И имя это будетъ имя о. Іоанна Кронштадтскаго. Его отъ Россіи не отдѣлить, и съ нимъ народная память не расстанется.

Быть можетъ, изъ числа дѣятелей минувшаго столѣтія она отмѣтитъ еще двухъ, придавъ имъ значеніе народныхъ героевъ и отдѣливъ имъ въ своей легендарной исторіи опредѣленные положенія. Императоръ Александръ II, какъ милостивецъ, даровавшій народу свободу и запечатлѣвшій свой жизненный подвигъ трагическою кончиною, Скобелевъ, не Михаилъ Дмитриевичъ, коему ученые изслѣдователи посвящаютъ нынѣ спеціальныя трактаты, а тотъ «Бѣлый генералъ», который въ своемъ образѣ долженъ воплотить военную мощь Россіи,—вотъ еще два историческихъ лица, которыя не будутъ забыты народомъ, но которымъ этотъ будущій народъ подаритъ свою память, какъ проявленіе опредѣленнаго полета мысли, въ связи съ земными помыслами объ историческихъ судьбахъ родной земли. Что же касается почившаго настоятеля Андреевскаго собора въ Кронштадтѣ, то память о немъ соединится съ представленіемъ о человѣкѣ, вся жизнь котораго заключалась въ молитвѣ къ Богу, въ предстательствѣ передъ Творцомъ міра за нужды людей, ихъ печали, горести, слезы и недуги, въ исполненіи евангельскихъ завѣтовъ: «придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ», ибо онъ твердо вѣрилъ и исповѣдовалъ, что воистину «блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся, блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть Царство Небесное, блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся». Другъ сиротъ и обездоленныхъ, «несчастныхъ» и безсильныхъ собственною волею и собственными трудами борются съ жизненными невзгодами, посредникъ между Небомъ и землею, не знавшій усталости и покоя въ дѣлѣ своего посредничества и посвятившій ему всю свою долгую жизнь—вотъ тотъ образъ Іоанна Сергіева Кронштадтскаго, который глубоко запечатлѣлся на фонѣ нашей отечественной дѣйствительности яркими красками, которыя время будетъ безсильно стереть или затушевать. Можно

даже съ нѣкоторою достовѣрностью полагать, что теченіе времени еще усилить яркость этихъ красокъ, благодаря чему образъ почившаго пастыря будетъ выглядывать изъ прошлаго еще краше, лучезарнѣе, наподобіе тѣхъ великихъ святителей, которымъ молится вся православная Русь, ища у нихъ облегченія своимъ печалямъ и страстнымъ исканіямъ правды, милости и... чуда.

Отецъ Іоаннъ родился 19 октября 1829 г. въ Архангельской губ., въ с. Сурѣ, на берегу рѣки Пинегы, гдѣ отецъ его былъ бѣднымъ причетникомъ. Новорожденный былъ до того слабъ и хилъ, что родители не надѣялись, что мальчикъ проживетъ даже до слѣдующаго дня, почему въ ночь рожденія поспѣшили его окрестить, давъ ему имя Іоаннъ, въ честь св. Іоанна Рыльского, память котораго празднуется на слѣдующій день. Однако мальчикъ поправился, окрѣпъ и сталъ расти, хотя обстановка, его окружавшая, была до крайности невзыскательна, скудна, съ громадными матеріальными невзгодами и лишеніями. На шестомъ году отъ роду онъ научился грамотѣ, а 9 лѣтъ былъ помѣщенъ въ архангельское духовное училище, гдѣ, однако, ученіе его на первое время подвигалось очень слабо и давалось ему съ большимъ трудомъ. Изъ училища онъ перешелъ въ мѣстную семинарію, которую успѣшно и кончилъ въ 1851 г. Вслѣдъ за симъ, какъ одинъ изъ лучшихъ семинаристовъ, онъ былъ назначенъ на казенный счетъ въ петербургскую духовную академію, гдѣ обратилъ на себя общее вниманіе своею духовною замкнутостью и высшею религіозностью. Смерть отца повергла семью въ большую бѣдность, и ради ея поддержанія молодой академикъ, не прекращая своихъ научныхъ занятій, опредѣлился письмоводителемъ академіи съ жалованьемъ 9 руб. въ мѣсяць, отсылая весь этотъ заработокъ пѣликомъ своей матери. Въ 1855 г. о. Іоаннъ окончилъ курсъ академіи со степенью кандидата богословія и въ тотъ же годъ былъ назначенъ священникомъ кронштадтскаго Андреевскаго собора ¹⁾. Любопытно отмѣтить, со словъ самого покойнаго, что еще въ бытность свою студентомъ академіи онъ видѣлъ вѣщій сонъ, будто онъ получилъ мѣсто священника именно этого Андреевскаго собора, котораго онъ тогда и въ глаза не видалъ.

Въ 1857 г. о. Іоаннъ принялъ на себя обязанности законоучителя въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ съ ланкастерскимъ классомъ, а въ 1862 г. перешелъ законоучителемъ въ только что открывшуюся кронштадтскую мужскую гимназію. Съ этого времени уже начинается расти его извѣстность и молва о немъ, какъ о

¹⁾ Въ тотъ годъ ключарь этого собора протоіерей Несвицкій увольнялся и, желая имѣть жениха для своей дочери, которому бы могъ передать, согласно принятому обычаю, свое мѣсто, остановилъ свой выборъ именно на Іоаннѣ Сергіевѣ. Свадьба состоялась, и такимъ образомъ мѣсто закрѣпилось за его зятемъ.

священникъ странномъ, экзальтированномъ, начинаетъ все болѣе привлекать къ нему вниманіе прихожанъ и вообще жителей Кронштадта. Сначала надъ нимъ смѣются, считаютъ даже не въ своемъ умѣ, но затѣмъ картина отношеній къ нему окружающихъ мѣняется, и вскорѣ знающіе его переходятъ отъ злословія къ поклоненію и славословію. Такая перемѣна происходитъ, благодаря совершенно особому положенію, которое молодой священникъ занимаетъ въ военномъ городѣ, полномъ бѣдноты и рабочаго люда.

По показаніямъ одного столичнаго изданія, отводившаго на своихъ столбахъ между прочимъ дѣятельности кронштадтскаго священника немало мѣста, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти:

«Въ силу особыхъ условій, Кронштадтъ съ 60-хъ годовъ служилъ мѣстомъ ссылки для порочныхъ людей. Такихъ людей въ Кронштадтѣ была масса. И среди нихъ началъ свою дѣятельность от. Іоаннъ, способствуя ихъ нравственному возрожденію. Какъ пастырь добрый, онъ всю душу свою полагалъ за пасомыхъ. Днемъ и ночью, не зная отдыха, онъ по первому зову являлся въ убогія жилища, молился, согрѣвалъ добрыми совѣтами, размягчалъ горячими словами холодныя сердца черствыхъ людей, оказывалъ имъ матеріальную помощь.

«Личной жизни у о. Іоанна не было. Ни семейный очагъ (онъ былъ женатъ на дочери кронштадтскаго протоіерея Несвицкаго Елизаветѣ Константиновнѣ), ни матеріальныя блага жизни и комфортъ не прельщали о. Іоанна. Его тянуло туда, въ міръ грѣховный, въ міръ горестей и слезъ, гдѣ онъ видѣлъ идеалъ высокаго служенія человечеству. Окруженный толпой бѣдняковъ, о. Іоаннъ ходилъ по городу. Одною онъ утѣшалъ въ бѣдствіи, другою нравственно поднималъ молитвою и любовью, третьему давалъ добрый совѣтъ, четвертому оказывалъ помощь деньгами, вещами. вмѣстѣ съ бѣдняками о. Іоаннъ отправлялся въ такъ называемыя «татарскія» лавочки въ Кронштадтѣ и тамъ покупалъ на свои скромныя въ то время средства обувь и одежду нуждающимся въ нихъ.

«Вѣсть о такой жизни неизвѣстнаго до тѣхъ поръ кронштадтскаго священника Іоанна Сергіева стала постепенно распространяться и за предѣлы Кронштадта. Пренія насмѣшки надъ «юродствующимъ» священникомъ смѣнились симпатіями и глубокимъ уваженіемъ къ нему. Въ Кронштадтѣ начали пріѣзжать люди сначала изъ Петербурга, а затѣмъ и изъ другихъ городовъ Россіи, чтобы увидѣть о. Іоанна. Стали поступать къ нему и денежныя пожертвованія на его добрыя дѣла. Съ этого времени начинается паломничество въ Кронштадтъ, продолжавшееся до послѣднихъ дней жизни пастыря».

Отдавая бѣдному люду Кронштадта всѣ свои личныя средства, о. Іоаннъ пришелъ вскорѣ къ убѣжденію, что какъ бы широка такого рода раздача ни была, она не въ состояніи удовлетворить всѣхъ въ ней нуждающихся и безсильна въ борьбѣ съ общою бѣднотою. И вотъ въ 1874 г. совмѣстно съ соборнымъ старостою В. Д. Никитинымъ онъ основываетъ Андреевское приходское попечительство, дѣятельность котораго особенно разрослась послѣ постигшаго Кронштадтъ въ тотъ годъ страшнаго пожара, истребившаго четверть города. Въ эту тяжелую годину, благодаря о. Іоанну, многія семейства были буквально спасены отъ гибели. Притокъ пожертвованій со всѣхъ концовъ Россіи сталъ стекаться къ кронштадтскому пастырю въ значительномъ количествѣ, при чемъ жертвователи были изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ населенія и посылали свои средства въ полное его единоличное распоряженіе. Такихъ денежныхъ посылокъ собиралось ежедневно на большія суммы, и онѣ распределялись имъ, согласно имѣющимся у него даннымъ, частью на поддержку разныхъ благотворительныхъ учрежденій по всей странѣ, частью на удовлетвореніе нуждъ мѣстной бѣдноты или лицъ, къ нему съ просьбами о помощи обращавшихся, частью на дѣла церковнаго строительства. Такъ, въ 1882 г. имъ былъ основанъ первый въ Россіи кронштадтскій домъ трудолюбія съ ночлежнымъ пріютомъ, убѣжищемъ для сиротъ, лечебницей для страждущихъ бѣдняковъ, съ школами, мастерскими, и при нихъ храмъ во имя св. благовѣрнаго Александро-Невскаго. Въ настоящее время, какъ полагаютъ, всѣ эти учрежденія вмѣстѣ стоятъ не менѣе милліона рублей. На средства же о. Іоанна, собранныя, благодаря щедрымъ даваніемъ dobroхотцевъ, имъ сооружены женскій монастырь на его родинѣ въ Сурѣ и женскій же монастырь Іоанно-Богословскій на р. Карповкѣ въ С.-Петербургѣ. На его же жертвованія въ разное время было построено въ Россіи немало сельскихъ церквей, а множество храмовъ и приходовъ пользовались постоянно его щедрою денежною поддержкой. Кромѣ того, все изъ тѣхъ же средствъ ежедневно въ Кронштадтѣ производилась раздача мелкихъ суммъ бѣднякамъ, при чемъ эта раздача доходила иногда до 2000 рублей въ день. Множество частныхъ лицъ, въ случаяхъ крайней нужды и необходимости, при обращеніи къ о. Іоанну пользовались его единовременными пособіями, какъ равно такowymi же единовременными или постоянными субсидіями снабжались имъ разныя наши общественныя благотворительныя учрежденія, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить, что такovyя субсидіи поступали сюда безъ всякихъ со стороны учрежденій ходатайствъ, а являлись результатомъ личнаго почина жертвователя. Можно смѣло сказать, что въ руки о. Іоанна стекались громадныя денежныя суммы и всѣ онѣ распределялись по его усмотрѣнію исключительно на дѣла благотворенія. Для себя изъ этихъ суммъ,

правильнаго учета которымъ невозможно и сдѣлать, но которыя опредѣлялись за всю его жизнь милліонами, онъ ничего не оставлялъ, ибо лично въ жизни онъ не искалъ себѣ земныхъ матеріальныхъ благъ, на пользованіе которыми у него не было ни желанія, ни времени. Все его время цѣликомъ уходило на служеніе Богу и ближнимъ, и можно воистину удивляться, какъ хватало у него силъ при столь глубокомъ возрастѣ на столь нервную и подвижническую дѣятельность. Вѣчное соприкосновеніе съ горемъ, нуждою, душевными и физическими страданіями требовало отъ него сильнѣйшаго напряженія духа и воли, а потому онъ въ своемъ моленіи Богу за ближнихъ обрѣтался непрестанно въ состояніи крайняго экстаза, какъ бы требуя отъ Творца міра выполненія своего моленія, а отъ окружающихъ, за кого онъ возносилъ это моленіе, подъема вѣры и глубокаго убѣжденія, что просимое дастся и исполнится. «Его проникательность и психологическая способность укрѣпить вѣру и окрылить надежду въ моменты недомоганій ставили на ноги и исцѣляли часто такихъ больныхъ, съ которыми не могли сладить врачи»,—читаемъ мы въ некрологѣ о. Іоанна въ «Новомъ Времени»¹⁾. Случаи исцѣленія сдѣлались общеизвѣстны, и имя покойнаго, какъ чудеснаго духовнаго врача, собирало въ Кронштадтѣ тысячи богомольцевъ, вѣрующихъ, страждущихъ или имѣющихъ близкихъ больныхъ, со всѣхъ концовъ Россіи. Молитва о. Іоанна многимъ помогала и многихъ облегчала. Вѣра, что о. Іоаннъ можетъ вымолить у Бога прощеніе грѣховъ, являлась для простонародья путеводной звѣздой въ Кронштадтѣ. Особенно переполняли Андреевскій соборъ въ Великомъ посту. Покойный велъ сперва личную исповѣдь. Когда же количество исповѣдниковъ стало по численности непосильнымъ, онъ ввелъ общую исповѣдь, и храмъ въ моменты ея представлялъ гигантскую картину кающихся. Помимо своей дѣятельности, сосредоточенной главнымъ образомъ въ Кронштадтѣ и Петербургѣ, о. Іоанна приглашали въ Москву и провинціальныя города. И всюду, гдѣ ни появлялся онъ, вѣсть о немъ являлась радостной и собирала толпы вѣрующихъ, жаждавшихъ получить отъ о. Іоанна благословеніе.

Въ Петербургѣ часто приходилось даже охранять о. Іоанна отъ толпы полицейскими мѣрами. По тому же предмету В. В. Розановъ въ томъ же номерѣ «Новаго Времени» говоритъ: «Іоанну Кронштадтскому дарована была высшая сила христіанина—даръ помогающей, исцѣляющей молитвы, тотъ даръ, о которомъ глухія легенды дошли до насъ изъ далекаго прошлаго христіанства, и коего Россія конца XIX вѣка была очевидцемъ-свидѣтелемъ. Безъ сомнѣнія, въ непродолжительномъ времени будутъ со-

¹⁾ «Новое Время», 21 дек. 1908 г.

браны всѣ факты этого чуднаго дара; но мы, и не дожидаясь подробно и документально засвидѣтельствованныхъ данныхъ, можемъ сказать, ссылаясь на всеобщую память и на факты, слишкомъ яркіе и дошедшіе до стоустой печати, что этихъ фактовъ было много, и что они вполнѣ достовѣрны. За помощью къ нему, не ожидаемой, не сомнительной, а твердой и увѣренной, шли люди на краю послѣдняго страданія и когда уже оказывалось безсильнымъ всякое человѣческое могущество, могущество знанія и науки,—шли не одни православные, но лютеране, католики, даже магометане и евреи, и Іоаннъ Кронштадтскій, какъ бы переступивъ за предѣлы своей церкви и даже выйдя изъ границъ своего исповѣданія, шелъ, какъ всемірный молитвенникъ и цѣлитель, на помощь всемірной нуждѣ, всечеловѣческому страданію. Въ этомъ явленіи, средоточіе котораго приходится на послѣднее десятилѣтіе ХІХ вѣка, было столько умиленнаго, трогательнаго, наконецъ, оно было такъ поразительно и величественно, что совершенно объяснимо, почему около Іоанна Кронштадтскаго образовалось такое же народное движеніе, то же восхищеніе и изумленіе, хотя и въ другомъ совершенно родѣ, въ духѣ русскомъ,—какое нѣкогда возникало около такихъ удивительныхъ и народныхъ личностей, какъ великая Іоанна д'Аркъ. Здѣсь были преувеличенія, какъ и тамъ, молва поднимала выше фактъ, чѣмъ самъ онъ стоялъ въ дѣйствительности; около слезъ умиленія здѣсь и тамъ поднялась клевета мелкихъ и мѣщанскихъ душъ, умовъ здравомысленныхъ и въ здравомысліи немощныхъ: но и здѣсь, и тамъ стояла личность, чрезвычайно поднимавшаяся надъ обыкновеннымъ уровнемъ и въ которой дѣйствительно было нѣчто чудесное и сверхъестественное. Велика или мала была эта доля сверхъестественнаго,—не теперь и не намъ разсуждать, но совершенно безспорно, что она дѣйствительно была въ немъ, и именно это-то и возбудило вокругъ него то необычайное волненіе, коего мы были свидѣтелями. Многіе иностранцы и не вѣрующіе, и между ними ученые медики, старались увидѣть о. Іоанна Кронштадтскаго и потомъ засвидѣтельствовали, что онъ въ своемъ родѣ являетъ чудо изумительнаго душевнаго и физическаго здоровья, удивительную гармонію и равновѣсіе психическихъ и физическихъ способностей. Это—тотъ языкъ, которымъ только и умѣетъ говорить наука; мы же можемъ перевести этотъ языкъ на ту болѣе простую рѣчь, что Іоаннъ Кронштадтскій уже съ рожденіемъ получилъ нѣкоторый избытокъ, нѣкоторый излишекъ сверхъ нормы жизненности, вѣчной жизни, и ея богатства онъ черпалъ и раздавалъ вокругъ болящимъ, немощнымъ и слабымъ. Чудо физическое, духовное и религіозное здѣсь сплетены въ одно. Здѣсь мы не отрицаемъ физики; но физикъ столь же мало имѣетъ права отвергнуть здѣсь религію и подлинное чудо. Вотъ присутствіе-то этого ося-

заемаго, очевиднаго дара свыше, т. е. сверхъ обыкновеннаго человѣческаго, и подняло вокругъ Іоанна Кронштадтскаго неопи-суемое волненіе: люди потянулись къ нему не за помощью себѣ, не по слабости своей, но среди своего страданія,—они потянулись къ нему, какъ къ живому свидѣтельству небесныхъ силъ, какъ къ живому знаку того, что Небеса живы, божественны и благодатны».

Необычайность такого жизненнаго явленія, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, и привлекала къ нему сотни тысячъ вѣрующихъ людей, которые несли сюда не только свою душу, свои силы, раскаянія и моленія, но и тѣ матеріальныя средства, изъ которыхъ онъ творилъ великія дѣла благотворенія. Моленія и благотворенія шли у него рука объ руку, дополняя другъ друга и создавая ему тотъ народный пьедесталь, на который онъ высоко и поднялся на нашихъ глазахъ, поднялся, сохранивъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю удивительную простоту, жизненную и физическую обыкновенность, являвшіяся его отличительными чертами. Пишущему эти строки пришлось дважды встрѣтиться съ о. Іоанномъ при случаяхъ, когда смерть явственно витала надъ одрами двухъ болѣвшихъ женщинъ. Одна была богатая больная, окруженная комфортомъ и заботами цѣлой толпы близкихъ ей лицъ, другая—ея же родственница—тихо угасала въ бѣдной обстановкѣ захудалыхъ столичныхъ меблированныхъ комнатъ, почти одинокая и лишенная всякихъ удобствъ жизни. Въ первомъ случаѣ вопросы вѣры и религіи были вопросами второстепенной важности, во второмъ—*все*, но въ формѣ крайней порывистости религіозной экзальтаціи и высшаго нервного напряженія. Въ обоихъ случаяхъ помощь великаго молитвенника была недействительна: въ богатой обстановкѣ потому, что требовательное моленіе пастыря не могло произвести того пробужденія воли, того подъема самочувствія, при наличіи которыхъ молитва только и могла быть дѣеспособною; у изголовья больной бѣдной и вѣрующей—потому, что вся страстность молитвы уже была исчервана и продленіе жизненнаго дня становилось уже излишнимъ, своего рода бременемъ и для самой болящей и для окружающихъ. И нужно было видѣть ту психологическую способность, которую въ обоихъ случаяхъ проявилъ приглашенный духовный отецъ. У одра богатой онъ прочелъ свою молитвенную импровизацію, какъ бы обращая свой голосъ главнымъ образомъ къ окружающимъ, а въ отношеніи ея примѣнилъ лишь мѣру наложенія руки на парализованную часть туловища, какъ бы желая въ немъ вызвать жизненную энергію. И все, встрѣча съ хозяевами дома, съ домочадцами, моленіе, прощаніе, здѣсь все было имъ совершено удивительно просто, какъ бы весело, житейски-обычно. Иная встрѣча состоялась у него съ бѣдной больной, но глубоко вѣрующей, вѣчно взывавшей къ Богу въ порывахъ своей

Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій въ облаченіи.

страстной и часто странной молитвы. Здѣсь въ отношеніи религіознаго экстаза сошлись два однородныхъ полюса, и бесѣда ихъ была краткою. О. Іоаннъ узналъ больную, незадолго передъ тѣмъ его посѣтившую въ Кронштадтѣ и у него исповѣдывавшуюся, призналъ въ ней силу ея вѣры и послѣ краткаго благословенія и скорой молитвы поспѣшилъ удалиться. На вопросъ метнувшейся къ нему при уходѣ съ кровати больной: «буду ли я жить?» наскоро лишь отвѣтилъ: «молись!» Видѣ у него былъ здѣсь какой-то болѣе удрученный, сосредоточенный, тихій... При выходѣ изъ комнаты его ожидала толпа жильцовъ меблированного дома, и оказалось, что тутъ рядомъ происходитъ торжество—не помню ужъ, не то обрученіе молодыхъ, не то маленькое пиршество по случаю рожденія младенца. Къ батюшкѣ бросились съ просьбой посѣтить мѣсто радости, и онъ охотно исполнилъ обращенную къ нему просьбу маленькихъ бѣдныхъ людей, не желая ихъ огорчать, несмотря на видимую сильную усталость въ тотъ вечеръ, и понимая, что для этихъ маленькихъ людей его появленіе будетъ знаменательнымъ событіемъ на всю жизнь, освѣтитъ и ее и то самое обстоятельство, ради котораго его приглашаютъ.

Третій разъ я мелькомъ видѣлъ знаменитаго пастыря проѣдомъ на станціи Козловъ, куда о. Іоаннъ пріѣзжалъ по особому приглашенію, кажется, къ какому-то тяжкому больному. Поѣздъ, въ которомъ я ѣхалъ, подходилъ ночью къ залитой огнями станціи, а навстрѣчу ему, тихо подвигаясь, отходилъ другой поѣздъ, отвозившій на сѣверъ дорогаго козловскаго гостя. Тѣснямая полиціей громадная толпа, плачущая и выкликающая напутственныя прощанія, съ обнаженными головами, наполняла платформу, а у окна съ выраженіемъ необыкновенной душевной ясности стоялъ великій молитвенникъ, благословляя эту толпу и требовательно призывая на нее благодать Божію... И эта дивная ночная панорама такъ ясно говорила о связи собравшихся проводить уѣзжавшаго сѣвернаго путника съ его личностью, что становилось на душѣ какъ-то торжественно и строго и такъ страстно хотѣлось раздѣлить царившее здѣсь общее чувство единенія, любви и пребыванія въ той церкви Христовой, которая въ единой своей небольшой части здѣсь была налицо.

Извѣстность кронштадтскаго протоіерея росла безъ всякой къ тому поддержки, какъ со стороны власти свѣтской, такъ и церковной. Можно бы даже указать на нѣкоторые моменты изъ жизни о. Іоанна, когда по пути его дѣятельности воздвигались со стороны этой власти если не явныя преграды, то, во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя условія, назначеніе которыхъ было внести въ его дѣятельность нѣкоторые какъ бы коррективы, регламентацію и ограниченіе. Между прочимъ нельзя не отмѣтить, что покойный К. П. Побѣдоносцевъ далеко не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которымъ дѣя-

тельность пастыря въ полномъ объемѣ приходилась вполнѣ по душѣ. Сухой формальный умъ знаменитаго оберъ-прокурора св. синода не мирился съ тѣми теченіями жизни въ Кронштадтѣ, которыя образовывались и складывались внѣ его директивы и его велѣнія. Правда, нельзя не отмѣтить, что вокругъ о. Іоанна дѣйствительно рядомъ съ явленіями свѣтлыми и возвышенными напластовывались и явленія мрачнаго порядка, гдѣ явно сказывались людская гадость, порокъ и заблужденія, но эти явленія не могутъ и не должны быть отнесены за счетъ воли самого андреевскаго соборнаго протоіерея. Онъ ихъ терпѣлъ, относился къ нимъ порою слишкомъ снисходительно, какъ къ человѣческимъ слабостямъ преходящаго порядка, не растрчивая свои силы на отрицательную борьбу и сохраняя свое духовное равновѣсіе ради творческой работы на пользу огромнаго людскаго моря, вѣчно около него колыхавшагося и къ нему взывавшаго. Эта творческая работа поглощала его всецѣло, и почему знать, что именно подчасъ имъ руководило въ его чувствахъ излишней сострадательности, какія бури поднимались въ его душѣ, когда онъ, распростертый на молитвѣ, взывалъ къ небу о прощеніи грѣшныхъ и заблудшихся. Вообще обыденные пути подхода къ критикѣ дѣятельности почившаго пастыря врядъ ли дѣйствительны. Мы становимся здѣсь лицомъ къ лицу съ такою сложностью психологическихъ побужденій къ разнаго рода дѣйствіямъ, разобратъся въ которыхъ положительно недоступно обычному человѣческому уму. Напримѣръ, знаменитому пастырю ставился въ нашей печати въ вину его отъѣздъ изъ Кронштадта, когда послѣдній былъ объятъ пламенемъ мятежа, и въ этомъ усматривали какъ бы проявленіе несостоятельности всей его жизненной программы, усматривали жалкую трусость и излишнюю заботу о собственной безопасности. Такого рода убѣжденіе стало одно время даже обычною затеревшеюся отъ употребленія монетою, которою демонстративно платили о. Іоанну въ тѣхъ случаяхъ, когда въ интересахъ «политики» считали нужнымъ нанести ему ударъ и его дискредитировать во мнѣніи массы. Старанія въ этомъ направленіи простерлись даже до дерзости, когда на сценѣ одного изъ шато-кабаковъ въ «дни свободъ» показали публикѣ бѣгущаго странника въ подрысникѣ, лицомъ сходнаго именно съ о. Іоанномъ.

Но если однимъ угодно объяснять поведеніе его въ тѣ ужасные дни въ неблагопріятномъ для него смыслѣ, то имѣется и другого рода объясненіе, гораздо болѣе правдоподобное, освѣщающее намъ происходившее совсѣмъ иначе. А что, если бы о. Іоаннъ остался въ Кронштадтѣ и вышелъ къ разбушевавшейся толпѣ со словомъ увѣщанія, съ призывомъ къ кротости и миру? Все ли бы тогда обошлось благополучно и не послужило ли бы это выступленіе на гибель тѣхъ, кто потерялъ тогда всякое самообладаніе и находился подъ гнетомъ страсти и инстинктовъ? А

что, если бы, какъ нѣкогда въ холерный годъ въ Москвѣ при Екатеринѣ, пролилась въ Кронштадтѣ кровь праведнаго старика? Что бы случилось тогда—объ этомъ подумали ли люди, бросавшіе въ о. Іоанна камень осужденія? Вѣдь, пожалуй, вся ярость толпы обрушилась бы потомъ на тѣхъ, кто такъ или иначе являлся причастнымъ къ этой пролитой крови, и притомъ не только эта ярость сказалась бы на улицахъ приморскаго военнаго городка, но и по всей Россіи. За кровь о. Іоанна настоящая подлинная чернь отвѣтила бы такими потоками крови интеллигенціи, предъ которыми всѣ историческіе ужасы древнихъ и среднихъ вѣковъ померкли бы. А это могло случиться легко и, быть можетъ, именно эти соображенія и побудили кронштадтскаго протоіерея временно удалиться изъ роднаго города, устраниться отъ событій дня и предоставить кесарю кесарево, принеся себя и свое имя въ жертву недалекимъ и пошлымъ умамъ, которые и поспѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы свести счеты съ кронштадтскимъ священникомъ, стоявшимъ всегда не на сторонѣ протеста, а порядка и закона, выразителемъ которыхъ въ ихъ принципиальной постановкѣ вопроса являлась власть предрержащая. Іоаннъ Кронштадтскій, подобно нашимъ древнимъ святителямъ, шель въ своей жизни рука объ руку съ государственной властью, видя въ ней формальную силу, строящую Русскую землю, стоящую на стражѣ ея благополучія; отсюда вытекала и та часть его проповѣдей, которая именно посвящена была нашимъ смутнымъ днямъ со всѣми осужденіями смуты, какъ явленія разрушительнаго, колеблющаго самыя устои Россіи, передъ которыми онъ, сынъ народа, глубоко поклонялся, въ нихъ вѣрилъ и ихъ громко защищалъ. Изъ своего служенія этимъ устоямъ онъ ничего не почерпалъ для себя лично, и даже пребываніе его въ свое время у одра умравшаго въ Крыму императора Александра III не принесло ему впослѣдствіи ничего, кромѣ огорченій и необходимости въ чемъ-то оправдываться и что-то объяснять.

Жизнь такихъ людей, какъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, не можетъ по свойству человѣческой природы протекать въ полномъ благополучіи. Рядомъ съ любовью и поклоненіемъ, которыя имъ дарятъ современники, они видятъ въ изобиліи и ненависть, клевету и непониманіе, по эти послѣднія съ пробившимъ послѣднимъ часомъ жизни великихъ людей постепенно блѣднѣютъ, растворяются въ потокахъ славы и сіянія, которые всецѣло и окружаютъ образы почившихъ. «Все минуетъ, одна правда остается», и эта правда, несомнѣнно, поднимется и надъ гробницею о. Іоанна Кронштадтскаго въ Іоанновомъ женскомъ монастырѣ на Карповкѣ, гдѣ онъ завѣщалъ себя похоронить, и будетъ долгіе и долгіе годы согрѣвать всѣхъ тѣхъ, кто въ дни тяжкихъ мукъ, страданій и печали склонится съ теплою молитвою передъ священной гробницею, вѣруя, что и

за предѣлами видимаго все тотъ же тихій и ласковый голосъ прошепчетъ имъ, какъ бывало, слова утѣшенія: «придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ». Гробница о. Іоанна великое историческое достояніе, которое послала судьба нашей сѣверной столицѣ, сюда въ истинномъ смыслѣ слова «не зарастетъ народная тропа», и эту гробницу мы должны лелѣть и оберегать отъ всего того недобраго, что, противъ воли почившаго пастыря, при его жизни его часто огорчало и оскорбляло. Великія могилы, любовно обереженныя, лучшія свидѣтельства зрѣлости народной и памятники признательности со стороны умнаго и жизнеспособнаго племени.

Б. Г.

И. Е. ЗАБЪЛИНЪ.

(Некрологъ).

ИЮНЯ 31 дня 1908 года скончался на 89-мъ году своей жизни маститый русскій историкъ Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ.

По происхожденію И. Е. вышелъ изъ среды мелкаго чиновничества. Онъ родился 17 сентября 1820 года въ Твери, гдѣ его отецъ служилъ чиновникомъ въ казенной палатѣ. Черезъ годъ Забѣлины вмѣстѣ съ переводомъ отца по службѣ переѣхали въ Москву, въ которой И. Е. съ того времени и прожилъ свой долгій вѣкъ. Семи лѣтъ онъ остался сиротой: умеръ его отецъ, не оставивъ никакихъ средствъ къ существованію. Для мальчика началась суровая пора жизни. Пришло время ученья, но не было возможности куда-либо его пристроить. Только съ большимъ трудомъ послѣ долгихъ хлопотъ на 13-мъ году (12 ноября 1832 г.) матери его удалось устроить сына въ Преображенскомъ училищѣ при богадѣльномъ домѣ, куда обычно опредѣляли сиротъ разночинцевъ, купцовъ и мѣщанъ. Преображенская школа была такого типа, какой превосходно обрисованъ Помяловскимъ въ его знаменитыхъ «Очеркахъ бурсы». Ученики въ ней представляли собой полуголодную оборванную толпу дѣтей, которыхъ учили кое-какъ при помощи старыхъ доморощенныхъ пріемовъ и не скупились на розги. Объемъ программы былъ въ ней таковъ, что только лучшіе ученики, послѣ окончанія курса здѣсь, могли попасть во второй или третій классъ гимназіи.

Но и среди этой обстановки И. Е., какъ любознательный и талантливый мальчикъ, умѣлъ почерпнуть знанія, хотя отрывочныя и скудныя, но все же выдѣлявшія его изъ ряда другихъ.

Онъ долгіе часы, когда его товарищи проводили время въ грубыхъ шалостяхъ, посвящали чтенію книгъ. Такъ, сообщаютъ, еще въ школѣ онъ прочелъ Плутарха (русскій переводъ біографій), Карамзина (первый томъ «Исторіи Государства Россійскаго»), нѣкоторые романы Вальтеръ-Скотта, Купера и Вельтмана. Подборъ книгъ указываетъ, что уже въ эти годы въ И. Е. зародился интересъ къ историческому повѣствованію.

Пробывши пять лѣтъ въ школѣ, И. Е. мечталъ было поступить въ гимназію, а оттуда въ университетъ, но его надеждамъ не суждено было сбыться. Матери жилось все труднѣе и труднѣе: необходимо было зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и быть ей въ помощь. А потому И. Е., по ходатайству попечителя своей школы Д. М. Львова, принявшаго въ немъ участіе, поступаетъ (12 ноября 1837 года) въ Оружейную палату канцелярскимъ служителемъ второго разряда, съ весьма незначительнымъ окладомъ жалованья (119 рублей въ годъ). Для И. Е. было счастьемъ, что онъ попалъ не въ какую-нибудь приказную канцелярію, гдѣ его ждали бы долгіе годы кропотливой механической работы писца, убивающей всякій интересъ къ дѣлу и медленное повышеніе въ служебномъ положеніи, а въ Оружейную палату.

Оружейная палата—это драгоценнѣйшій музей старины, хранилище древнѣйшихъ памятниковъ искусства и предметовъ царскаго обихода; въ ней же, какъ архивъ, хранился значительный рукописный матеріалъ. Если въ наше время говорятъ: «пусти молодого человѣка въ архивъ, онъ непременно сдѣлается историкомъ», то эта поговорка въ особенности приложима къ тому времени, когда архивы представляли собой сокровищницы, мало кому извѣстныя, и одно обнаруженіе архивныхъ матеріаловъ или ихъ пересказъ составляли ученую заслугу.

Видя передъ собой иконы нашихъ царей, ихъ вооруженіе, одежду, кубки, столовую посуду, конскую сбрую, медали, портреты, вчитываясь въ рукописи и древніе фоліанты, юноша Забѣлинъ всемъ сердцемъ отдался старинѣ и началъ серьезно изучать матеріалъ, развертывавшій передъ нимъ все новыя и новыя картины прошлаго. Уже въ 1840 году И. Е., замѣтивъ, что многія свѣдѣнія, которыми онъ располагалъ, не были извѣстны современному ему историкамъ, пробуетъ составить изъ мелкихъ и drobныхъ свѣдѣній статью, посвященную описанію путешествій русскихъ государей на богомолье въ Троице-Сергіеву лавру. Знакомство со Строевымъ и Снегиревымъ, которымъ онъ помогалъ въ ихъ занятіяхъ въ Оружейной палатѣ, а также съ В. Пассекомъ, редакторомъ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», ввело И. Е. въ среду ученыхъ и писателей, расширило его умственный кругозоръ. А ихъ совѣты и одобреніе привели къ тому, что въ 1842 году онъ рѣшился напечатать въ «Московскихъ Губернскихъ

Вѣдомостяхъ» (№ 17 отъ 25 апрѣля) краткій очеркъ своей вышеуказанной статьи. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ передѣланномъ и дополненномъ видѣ статья была напечатана въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» (за 1847 годъ); авторъ же удостоился избранія въ члены-соревнователи, а въ 1851 году и въ дѣйствительные члены общества. Послѣ перваго своего труда И. Е. сталъ довольно часто помѣщать въ періодической прессѣ самостоятельныя статьи по исторіи древняго быта, основанныя на разработкѣ архивнаго матеріала, а также рецензіи и замѣтки о новыхъ книгахъ по русской исторіи.

Своими литературными работами И. Е., какъ историкъ-самоучка, возбудилъ къ себѣ сочувственное вниманіе ученыхъ, которые старались помочь ему своими указаніями и совѣтами. А профессоръ Грановскій, радушно принявшій Забѣлина въ свой кружокъ, для него (и еще нѣсколькихъ лицъ) прочелъ на дому частнымъ образомъ особый курсъ исторіи. Такое радушіе знаменитаго историка тронуло до глубины души И. Е.; онъ до конца жизни чтить память своего учителя и каждый годъ 4-го октября его можно было видѣть на панихидѣ у могилы Грановскаго. Кромѣ прослушаннаго курса, по указаніямъ специалистовъ, И. Е. старался восполнить свои недочеты въ образованіи чтеніемъ исторической литературы.

Ученой же дѣятельности И. Е. обязанъ своими успѣхами и по службѣ: послѣ одиннадцати лѣтъ службы въ роли канцелярскаго служителя его, какъ уже извѣстнаго изслѣдователя и архивиста, назначили на должность помощника архиваріуса въ московской дворцовой конторѣ, а съ 1856 г. онъ занималъ тамъ мѣсто архиваріуса. Приблизительно къ тому же времени относится и начало его преподавательской дѣятельности: съ 1853 г. онъ сталъ преподавать русскую исторію въ межевомъ институтѣ. А въ срединѣ 70-хъ годовъ былъ даже поднятъ вопросъ о приглашеніи И. Е. для преподаванія русскихъ древностей въ московскомъ университетѣ, но приглашеніе это почему-то не состоялось.

Пятидесятые годы были временемъ усиленной литературной дѣятельности И. Е. Это время онъ работаетъ надъ вопросомъ о домашнемъ бытѣ русскаго народа въ XVI и XVII вѣкахъ, помѣщая результаты своихъ изысканій въ видѣ статей въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1851—1858 гг., что позднѣе вошло въ болѣе обработанномъ видѣ въ составъ книги «Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ» (М. 1868 г.). Въ началѣ же 50-хъ годовъ И. Е. на конкурсъ, предложенный спб. археологическимъ обществомъ, написалъ изслѣдованіе о металлическомъ производствѣ въ Россіи до XVII столѣтія, за что получилъ уваровскую премію, а черезъ два года тоже на уваровскую премію написалъ другое изслѣдованіе «Историческое обзорѣніе финифтянаго и цениннаго дѣла въ Россіи».

Эти работы и сношенія съ археологическимъ обществомъ толкнули вниманіе И. Е. въ сторону археологии, что за собой повело новый родъ службы Забѣлина. Въ 1859 г. онъ, по предложенію графа С. Г. Строганова, перешелъ въ только что возникшую тогда императорскую археологическую комиссію на должность младшаго члена, а съ 1864 г. занималъ мѣсто старшаго члена комиссіи, и ему было поручено производить на югѣ раскопки скиевскихъ кургановъ. Раскопками И. Е. занимался съ небольшими

Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ.

перерывами въ продолженіе 17-ти лѣтъ, до 1876 г., когда вышелъ въ отставку по разстроенному здоровью.

Раскопки Забѣлинъ производилъ въ Екатеринославской губерніи, близъ Краснокутской станицы и Никополя, и въ Кубанской области, на Таманскомъ полуостровѣ. Особенно удачны были раскопки на правомъ берегу Днѣпра такъ называемаго «Чертомлыцкаго кургана» (1863—64 г.). Здѣсь среди множества золотыхъ, бронзовыхъ и другихъ издѣлій, относящихся къ III—II вѣку до Рождества Христова, была найдена знаменитая серебряная «Чертомлыцкая ваза» съ изображеніями скиевовъ, которая при обнаруженіи своемъ произвела сенсацию не только у насъ, но и среди ученыхъ всего міра. (Прекрасный рисунокъ ея, заимствованный изъ англійскаго изданія, помѣщенъ въ недавно вышедшей книгѣ

Забѣлина—«Исторія русской жизни, часть I, изд. 2-ое. М., 1908 г.»). На Таманскомъ полуостровѣ была раскопана могила какой-то царицы или жрицы Деметры и въ ней найдено много греческихъ художественныхъ издѣлій отъ III вѣка до Рождества Христова.

Оставивъ службу въ комиссіи, И. Е. занялся кабинетной работой, но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ и учено-общественную дѣятельность. Онъ съ давнихъ поръ принималъ живое участіе въ дѣлахъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, а съ 1872 г. усиленно хлопоталъ надъ созданиемъ въ Москвѣ историческаго музея и своими многолѣтними стараніями во многомъ способствовалъ осуществленію этого важнаго въ научномъ и общественномъ отношеніи дѣла. Неудивительно было, что, по открытіи музея, И. Е. былъ назначенъ товарищемъ предсѣдателя его (Высочайшее повелѣніе по этому поводу состоялось въ апрѣлѣ 1883 г.) и оставался здѣсь на службѣ до конца своей жизни. Столь долгая, разнообразная и плодотворная служба И. Е. нашла себѣ высокую оцѣнку и со стороны правительства: получая чины и ордена, онъ въ концѣ 1908 г. за особыя заслуги былъ произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

Имя И. Е. Забѣлина уже давно приобрѣло прочную извѣстность и среди ученаго міра. Еще въ 1871 г. кіевскій университетъ удостоилъ его высшей ученой степени доктора русской исторіи (*honoris causa*), «желая тѣмъ почтить многолѣтнюю полезную дѣятельность этого ученаго»; въ 1879 г. (6 января) И. Е. былъ избранъ, по смерти С. М. Соловьева, предсѣдателемъ общества исторіи и древностей россійскихъ. Въ 1884 г. 29 декабря былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ по разряду историко-политическихъ наукъ императорской академіи наукъ, а въ 1907 г. (29 декабря) и почетнымъ членомъ академіи. Кромѣ того, и другіе университеты и ученые общества избирали его въ свои почетные и дѣйствительные члены. А въ 1892 г., когда исполнилось пятидесятилѣтіе учено-литературной дѣятельности И. Е., его юбилей былъ настоящимъ праздникомъ для ученаго міра, и И. Е. былъ сердечно привѣтствованъ со всѣхъ концовъ Россіи.

При характеристикѣ работъ И. Е. нужно помнить, что это историкъ-самоучка, такъ какъ онъ не прошелъ не только высшей, но даже и средней школы. Поэтому его первые труды представляютъ собою простой описательный рассказъ о прошлыхъ событіяхъ. Лишь съ теченіемъ времени онъ входитъ въ общеніе съ ученымъ міромъ и старается усвоить взгляды, господствовавшіе тогда среди историковъ. Но онъ не былъ подготовленъ къ тому, чтобы цѣликомъ воспринять какую-нибудь философско-историческую систему, а тѣмъ болѣе самому внести что-нибудь новое въ теоретическіе взгляды на исторію, какъ науку. Съ самаго начала своей литературной дѣятельности онъ былъ далекъ отъ какой-нибудь

строгой и стройной системы міровоззрѣнія, такимъ же въ сущности остался до конца своей жизни. Казалось, что онъ былъ близокъ къ славянофиламъ, любя и отстаивая самобытность славяно-русскую, но онъ многого не раздѣлялъ въ ихъ взглядахъ и нерѣдко склонялся въ сторону ихъ противниковъ-западниковъ, отстаивая, напр., вмѣстѣ съ Соловьевымъ и Кавелинымъ родовую теорію, однако по существу онъ не былъ на сторонѣ ни тѣхъ, ни другихъ. Ему чужда была всякая отвлеченная доктрина, изыскующая притязаніе на исключительность.

Все же во взглядахъ И. Е. на исторію съ годами произошла значительная перемѣна. Сначала онъ, не мудрствуя лукаво, просто рассказывалъ о томъ, что онъ узнавалъ изъ документовъ. Но позднѣе такая манера его не удовлетворяла. Въ статьѣ «Размышленія о современныхъ задачахъ русской исторіи и древностей» (отъ 1861 г.) онъ, характеризуя, очевидно, свои историческіе труды и другихъ подобныхъ же изслѣдователей, писалъ: «исторія, какъ наука, еще покоится въ первобытныхъ пеленкахъ и въ немногихъ только случаяхъ обнаруживаетъ пробужденіе къ новой жизни. Характеръ историческаго изслѣдованія и изложенія, за немногими исключеніями, до сихъ поръ напоминаетъ еще или первоначальную лѣтопись, или исторію естественную, т. е. простое описаніе фактовъ и явленій человѣческихъ, раздѣленныхъ иногда по родамъ и видамъ». Единственная связь между фактами—это хронологія. Тогда какъ самый предметъ исторіи, народная жизнь, требуетъ къ себѣ иного отношенія, И. Е. приходилъ къ выводу, что «народъ не иначе слѣдуетъ разсматривать, какъ живое цѣлое, духовный организмъ»; «изслѣдованіе законовъ, по которымъ развивается и живетъ этотъ организмъ», и должно занимать вниманіе историка. А потому «задача исторіи, по его словамъ, должна заключаться въ томъ, чтобы выяснитъ типическія черты народной жизни, понять народъ, какъ живую единицу, возсоздать народную личность въ живомъ цѣльномъ образѣ, который метался бы въ глаза на каждой страницѣ историческаго повѣствованія» (Опыты, II, стр. 12, 56).

Этому взгляду И. Е. старался слѣдовать и въ своихъ работахъ, пытаясь «понять народъ, какъ живую единицу», «возсоздать» его «въ живомъ цѣльномъ образѣ», а для того на фонѣ общихъ идей, которыми «всегда и неизмѣнно руководится жизнь народа въ своемъ несомнѣнномъ развитіи», И. Е. рисовалъ картины народнаго быта, неподдѣльной своеобразно-обаятельной старины со всей ея обстановкой, костюмами, жестами, рѣчью, поговорками, пѣснями, обычаями и нравами. Его интересовала не столько политико-экономическая сторона прошлаго, сколько та внѣшность, тотъ подлинный обликъ его, который оживляетъ скелетъ старины и даетъ ему плоть и кровь.

Любовь нашего историка съ наибольшимъ вниманіемъ останавливаться на бытовой сторонѣ сказывалась почти въ каждомъ его трудѣ. Сочиненія его, весьма значительныя по количеству и объему (свыше 6000 стр.), посвящены преимущественно древнему періоду русской исторіи и московскому времени и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ переходятъ въ XVIII вѣкъ. Изъ числа работъ, обогатившихъ русскую археологію свѣдѣніями о жизни древнѣйшихъ обитателей Южной Россіи, слѣдуетъ отмѣтить статью «О раскопкѣ Чертомлыцкаго кургана» (М. 1865 г.) и изслѣдованіе «Древности Геродотовой Скиѣи», въ которыхъ описаны находки И. Е. при раскопкахъ. Найденныя и описанныя вещи обогатили коллекцію Императорскаго Эрмитажа.

Начальной исторіи Русскаго государства И. Е. посвящаетъ два объемистыхъ тома «Исторіи русской жизни» (часть первая, М., 1908, второе изд., 679 стр.; ч. II, М., 1879, 520 стр.). Въ этой книгѣ И. Е. возстаеъ противъ манеры историковъ вести у насъ все отъ варяговъ, представляя русскій народъ въ бытовомъ и культурномъ смыслѣ «пустымъ мѣстомъ». Норманскую теорію онъ отвергаетъ. По его мнѣнію, призванные княжить варяги были славянами, обитавшими на южномъ побережьи Балтики. «Наши русскіе варяги,— пишетъ далѣе Забѣлинъ, какъ славяне... являются къ намъ съ своимъ славянскимъ добромъ. Какъ отважные моряки, они приносятъ намъ промысловую и торговую подвижность и предприимчивость, стремленіе проникнуть съ торгомъ во все края нашей родины. Это добро главнымъ образомъ и служить основаніемъ для постройки русской народности и русской исторіи. Затѣмъ они приносятъ однородный нравъ и обычай, однородный языкъ, однородный порядокъ жизни, никакого дѣленія земли, никакого раздѣленія на господъ и рабовъ, никакой обособленности отъ городской общины и т. д.» (изъ 1-го изд., ч. I, 72).

Хотя въ этомъ случаѣ И. Е. настаиваетъ (тоже и въ новомъ изданіи 1908 г.) на теоріи, уже отвергнутой наукой, однако въ дальнѣйшемъ прирожденное ему чувство исторической правды заставляетъ его при характеристикѣ быта основываться только на свидѣтельствахъ древнихъ писателей и «нѣмыхъ памятниковъ» нашей древности (находокъ въ курганахъ), не искажая ихъ показаній въ угоду излюбленной теоріи. Эта описательная часть наиболѣе цѣнна въ его «Исторіи народной жизни». Изъ нея читатель узнаеъ, какъ живетъ дружина, во что вѣритъ народъ, какъ онъ гадаеъ о своей судьбѣ, какъ развлекаеъся, поеъ пѣсни, пируеъ, во что наряжаеъся, каковы его радости и горе, какъ справляеъ онъ свадьбу и похороны; какъ ведеъ свое хозяйство, трудится, охотится, торгуетъ, учится уму-разуму у другихъ народовъ и у себя дома, заводя школы, списывая и составляя душеспасительныя и полезныя книги. Здѣсь передъ нами съ удивительной полнотой и красоч-

ностью развертывается бытовая жизнь стародавняго русскаго челоѣка. «Исторія русскаго народа», къ сожалѣнью, обрывается на времени Ярослава Мудраго. И. Е. предполагалъ довести ее до московской эпохи, но эта задача такъ и осталась въ области предположеній. Изъ другихъ работъ, относящихся къ древнему періоду русской исторіи, слѣдуетъ отмѣтить изслѣдованіе «Черты самобытности въ древне-русскомъ зодчествѣ».

Но не древнѣйшая исторія Русскаго государства была центромъ ученой-литературной дѣятельности И. Е. Какъ москвичъ, всею душою любившій сердце Россіи, онъ Москвѣ и московскому періоду удѣлялъ наибольшее вниманіе. Къ этому присоединилось и теоретическое оправданіе: И. Е., какъ историкъ, признавалъ за Москвою особенное значеніе въ дѣлѣ образованія Русскаго государства. «Москва-городъ,—говорилъ онъ,—въ русской исторіи и въ русской народной жизни достигъ своей всенародной, а затѣмъ и всемірной славы великимъ подвигомъ и трудомъ, какъ неутомимый, дальновидный и заботливый хозяинъ-строитель Русскаго государства, которое въ первыя два столѣтія прямо такъ и называлось Московскимъ государствомъ, и въ этомъ имени распространило на свѣтъ давнюю, но тогда уже забытую славу древняго русскаго имени».

Къ московскому періоду относится его лучшая работа, посвященная «домашнему быту русскаго народа въ XVI—XVII столѣтіяхъ», часть первая—«Домашній бытъ русскихъ царей» (530 стр.), часть вторая—«Домашній бытъ русскихъ царицъ» (670+178 стр), выдержавшія три изданія (1-ое—1862-69 г., 2-ое—1872 г., 3-е—1895). Въ этихъ книгахъ авторъ, по его указанію, прилагалъ особую «заботу» къ тому, чтобы изъ разнообразныхъ и мелкихъ фактовъ составить одну общую картину, въ которой бы «вѣрно и точно» запечатлѣлись черты жизни, присущія старинѣ и сохранившіяся въ памятникахъ искусства и въ рукописномъ матеріалѣ.

Въ первой части своего труда И. Е. описалъ «государевъ дворъ или дворецъ», его архитектуру, наружныя украшенія и внутреннее убранство, мебелировку, «стѣнное и подволочное (на потолкѣ) письмо» и рѣзныя украшенія, царскія комнаты съ выставленной затѣйливой посудой, съ «хоромными» птицами (понугами и др.), съ «уборными зеркалами», съ нарядными постелями, со столами, на которыхъ разложены гребни, румяна и бѣлила, духи и опахала; познакомилъ съ образомъ жизни государя, частной, въ интимномъ кругу, и «выходной», когда государь принималъ бояръ или совѣщался съ ними о государственныхъ дѣлахъ, и когда онъ торжественно шелъ въ церковь и участвовалъ въ церковныхъ процессіяхъ, напр., въ хожденіи на Иорданъ или въ «шествіи на осляти» въ Вербное воскресенье.

Вторая часть характеризуетъ положеніе женщины въ допетровскомъ обществѣ, теремную жизнь ея и удаленіе женщины отъ общества. Затѣмъ рисуется образъ жизни царицы, «комнатной и выходной», жизни скромной и замкнутой, какъ бы монастырской, проводимой среди повседневныхъ молитвъ и богослуженій, которую скрашивали и разнообразили богомольные выходы и выѣзды да дворцовыя забавы. Останавливаясь на послѣднихъ и отмѣчая, что «строго и точно исполняя уставы Домостроя въ отношеніи келейнаго и церковнаго правила, молитвы, милостыни... жизнь государева дворца, какъ жизнь мірская, не въ силахъ была вовсе удалиться отъ мірскихъ обычаевъ, въ отношеніи забавъ и увеселеній большею частью уклонялась отъ увѣщаній того же Домостроя», И. Е. рассказываетъ, какъ веселились во дворцѣ, забавлялись шутами-дураками и шутихами, скоморохами и пѣсенниками, какъ развлекались игрой на гусяхъ, цымбалахъ, органахъ и свирѣляхъ, смотрѣли на звѣринныя потѣхи, медвѣжьи продѣлки и комедійныя дѣйства. Изображается здѣсь же и повседневная жизнь дворца, какъ мамки и бабки слѣдили за порядкомъ въ хозяйствѣ, смотрѣли царевичей, а комнатныя бабы и сѣнныя дѣвушки убирали хоромы, приготавливали бѣлье, пряли, ткали и вышивали. Подробно описываются «наряды, уборы и одежда» царицы, начиная съ головного (волосника и косника) и кончая обувью (башмаками и чедыками). А въ концѣ книги приложено множество рисунковъ съ описаніемъ всевозможныхъ царицыныхъ одеждъ и уборовъ.

Кромѣ этого главнѣйшаго труда И. Е., московскому времени посвящены имъ многія статьи, вошедшія въ двухтомный сборникъ «Опыты по изученію русскихъ древностей и исторіи; изслѣдованія, описанія и критическія статьи» (ч. I—М., 1872 г., 566 стр.; ч. II—М., 1873 г., 506 стр.). Здѣсь найдемъ статьи: «Царь Алексѣй Михайловичъ», его «Охотничій дневникъ», о «Московскихъ садахъ въ XVII ст.», замѣтки «Для біографіи Сильвестра и Медвѣдева», свѣдѣнія о «разрядныхъ боярскихъ и родословныхъ книгахъ московскаго времени» и многое другое. Изъ другихъ работъ, посвященныхъ тому же періоду, слѣдуетъ отмѣтить: «Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія» («Ист. Вѣст.», 1881, №№ 2, 3 и 4); «Мининъ и Пожарскій» (4-е изд. М., 1904); «Посольскія путешествія въ Турцію въ XVII ст.» («Рус. Ст.», 1877 г., XX); статьи объ Уложеніи Алексѣя Михайловича и его источникахъ, а также интересное и богатое бытовыми картинами изслѣдованіе: «Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ» («Вѣст. Евр.», 1871, №№ 1 и 2).

Цѣлые годы вниманія и силъ И. Е. отдалъ самому городу Москвѣ. Начиная съ 1881 г., онъ, по порученію московской городской думы, работалъ надъ собираніемъ и приведеніемъ въ порядокъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи этого города. Въ ре-

зультатъ появились «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики г. Москвы», часть первая (М., 1884 г.) и вторая (М., 1891 г.); а затѣмъ «Исторія города Москвы», часть первая (М., 1902, 2-ое изданіе—М., 1905). Въ этихъ книгахъ былъ собранъ и частью обработанъ богатѣйшій матеріалъ для характеристики прошлаго нашей второй столицы.

Изъ сочиненій о Петровскомъ времени и XVIII вѣкѣ слѣдуетъ отмѣтить «Преображенское или Преображенскъ, московская столица достославныхъ преобразованій перваго императора Петра Великаго» (М., 1883 г.), «Дѣтскіе годы Петра Великаго» («Опыты», ч. I) и «Хроника общественной жизни въ Москвѣ съ половины XVIII ст.» («Опыты», ч. II, 352—506). Въ послѣдней работѣ И. Е., вѣрный своему призванію, какъ бытописателя, рассказываетъ о народныхъ гуляньяхъ и зрѣлищахъ въ XVIII вѣкѣ, о приѣздахъ иностранныхъ «комедіантовъ» и объ ихъ штукахъ, забавлявшихъ народъ, о катальныхъ горахъ, любимомъ развлеченіи москвичей, удержавшемся въ Москвѣ даже до нашего времени; изображаетъ Нѣмецкую слободу съ ея особымъ складомъ жизни, описываетъ придворныя и публичныя увеселенія, среди которыхъ особое мѣсто отводитъ театральнымъ представленіямъ, и даетъ много любопытныхъ чертъ для исторіи театра въ Москвѣ.

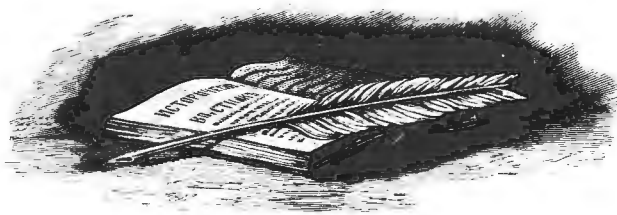
Такова учено-литературная дѣятельность И. Е. Здѣсь названы и охарактеризованы только главныя изслѣдованія Забѣлина, подробный же списокъ изслѣдованій, статей и замѣтокъ И. Е. помѣщенъ въ изданіи моск. общества ист. и др. рос. (М., 1886—1887). Отзывы о немъ, какъ археологѣ и историкѣ, можно найти у Ѳ. И. Буслаева («Зап. Ак. Наукъ», 1864, IV), А. Н. Пыпина («Вѣст. Евр.», 1876, № 8), А. Котляревскаго («Кіев. Ун. Изв.», 1880, №№ 11 и 12), Кояловича («Исторія рус. самосознанія»), у Бестужева-Рюмина («Др. и Нов. Рос.», № 8), Первольфа («Ж. М. Н. II.», 1877, № 7) и др.

И. Е. Забѣлинъ, какъ историкъ, опредѣлился уже давно. Къ нему, какъ не прошедшему школы, не могутъ быть примѣнены требованія строгіой научной критики, ея онъ не выдерживалъ. Его изслѣдованіямъ всегда не хватало широкой и стройной философско-исторической основы. По части теорій онъ былъ слабъ; припомнимъ его настойчивое отстаиваніе отжившей теоріи славянскаго происхожденія варяговъ. Также онъ иногда не умѣлъ пользоваться данными, требовавшими специальныхъ знаній; на примѣръ, въ свое время были отмѣчены его неосновательныя и поспѣшныя заключенія въ области языка. Но не въ этомъ дѣло. Заслуги И. Е. въ другомъ. И. Е., какъ, можетъ быть, никто другой, инстинктомъ чувствовалъ историческую правду и, пользуясь громаднымъ запасомъ свѣдѣній, чувствовалъ себя и въ IX и въ XVII вѣкѣ, какъ дома, понимая до тонкости прежнюю жизнь и, какъ настоящій

художникъ, описывалъ прошлое вѣрными и сильными штрихами. Въ качествѣ историка быта И. Е. не зналъ себѣ соперниковъ, и его больше чѣмъ полувѣковая работа дала поразительные результаты. «Онъ наполнилъ, какъ характеризуетъ его въ некрологѣ одинъ историкъ, наше прошлое яркими картинами и образами, расцвѣтилъ его красками и тѣнями подлинной исторической обстановки cadaго даннаго момента». Ученыхъ историковъ у насъ было и будетъ много. Но И. Е. Забѣлинъ былъ одинъ. И если смерть взяла его отъ насъ, все же память о немъ будетъ долго жить среди признательнаго потомства.

Послѣ покойнаго остался капиталъ, скопленный имъ изъ остатковъ жалованья, разныхъ наградъ, премій и т. п., всего около 115 тысячъ, изъ которыхъ около 60 тысячъ рублей перейдутъ, согласно духовному завѣщанію покойнаго ученаго, историческому музею, остальные академіи наукъ; что же касается его обширной библіотеки и единственнаго въ своемъ родѣ собранія рукописей, то это цѣнное достояніе исторической науки будетъ передано въ даръ историческому музею.

М. Ключковъ.

ПАМЯТИ Ө. Н. ПЛЕВАКО.

I.

СС... сейчас Плевако будетъ говорить. И переполненный октябристами, ихъ партійными противниками и просто любопытными театральныи залъ въ московскомъ охотничьемъ клубѣ затаилъ дыханіе. Это было передъ выборами въ первую государственную думу. Өддоръ Никифоровичъ Плевако поднялся съ мѣста и началъ рѣчь...

Самихъ себя сначала приготовить
Должны мы: помыслы постомъ очистить,
Говѣнемъ волю утвердить на подвигъ
И скорому Помощнику молиться;
Онъ дастъ намъ разумъ, дастъ намъ силу слова,
Сухимъ очамъ пошлетъ источникъ слезъ;
Тогда пойдемъ будить уснувшихъ братій
И Божьимъ словомъ зажигать сердца...

А дальше—блестящая импровизація, тотъ глаголь, который жжетъ сердца людей. Московскій златоустъ началъ съ того, что напомнилъ слова земца Козьмы Захарьича Минина-Сухорука, изъ драматической хроники Островскаго. Такое вступленіе опредѣляло характеръ дальнѣйшей рѣчи славнаго оратора, отнимая у нея митинговую запальчивость и страстность, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ ясное лоно отражало образъ и весь душевный складъ Плевако. Онъ не выступалъ противъ политическихъ недруговъ, во что бы то ни стало, съ острымъ мечомъ грознаго первоверховнаго апо-

стола: онъ старался нравственно оцѣнить, только такую мѣрою, людскія дѣла, а слѣдовательно и событія, и доказывалъ, что если смотрѣть на лѣвыхъ какъ на дрожжи, которыми однѣми питаться нельзя, то въ соединеніи съ мукой (правыми) эти дрожжи вѣдь дадутъ питательный хлѣбъ. И какъ же собраніе встрѣтило рѣчь Плевако? Послѣдній аккордъ ея затерялся во взрывѣ рукоплесканій. То была первая рѣчь Плевако на межѣ политической нивы. Впослѣдствіи, примкнувъ къ союзу 17 октября, Ѳедоръ Никифоровичъ произнесъ въ провинціальныхъ городахъ нѣсколько «октябристскихъ» рѣчей; лебединою пѣснью прозвучали его слова съ трибуны въ 3-ей государственной думѣ, когда обсуждался отвѣтный адресъ на тронную рѣчь.

Ѳ. Н. Плевако родился 13 апрѣля 1842 года въ приуральскомъ Трицкѣ, отъ отца ссыльнаго литвина и матери-калмычки. Друзья дома—ссылные поляки, изъ коихъ двое стали учителями маленькаго Ѳеди. Легко сообразить, какъ складывались его первыя впечатлѣнія, все равно какъ немудрено понять и то, что первыя сознательныя переживанія не могли не запечатлѣться въ душѣ незауряднаго ребенка. Плевако родился въ эпоху, когда государственная идея, высокая сама по себѣ и крѣпкая въ державномъ источникѣ ея, въ практикѣ жизни приняла исключительную форму «начальства»; когда губернаторъ, сѣвши на томъ свода законовъ, спрашивалъ: «гдѣ законъ?» когда, наконецъ, по выраженію покойнаго профессора физики Н. А. Любимова, воздухомъ дышали, потому что начальство, снисходя къ слабости нашей, отпускало въ атмосферу достаточное количество кислорода. Школьные годы будущаго «перваго защитника» совпали съ продолжительной темною ночью, которая окутала Россію съ 1848 года, давъ волю и просторъ преслѣдователямъ независимости во всѣхъ ея формахъ. Не было бы ничего удивительнаго, если бы выросшій въ мрачныхъ условіяхъ реакціи полулитвинъ-полукалмыкъ пошелъ по пути непримиримыхъ, но этого не случилось. Что-то удержало Плевако отъ крайностей и сохранило его для закономѣрнаго и славнаго служенія русскому обществу? Что же именно? Благотворное вліяніе матери. Въ началѣ 50-хъ годовъ семья Плевако (или Плевако, какъ называлъ себя Ѳ. Н.) переѣхала на жительство въ Москву и поселилась невдалекѣ отъ Зачатьевскаго монастыря, то-есть въ сосѣдствѣ съ именитымъ барствомъ, память о которомъ сохранилась въ названіяхъ сливающихся переулковъ. Отецъ Плевако вскорѣ умеръ, но осталась мать, которая смогла замѣнить дѣтямъ отца. Въ самомъ дѣлѣ, эта простая калмычка дала двоимъ сыновьямъ и дочери образованіе и вселила въ нихъ чувства, которыя дѣлаютъ сердце чистымъ. Подъ покровомъ этихъ чувствъ, согрѣтыхъ истинной религіозностью, складывалась душа будущаго златоуста; не эти ли чувства, не материнское ли

вліяніе приковали его юношескій взоръ къ Москвѣ—сердцу Россіи— и къ сѣдому Кремлю, сердцу собирательницы національнаго величія—Москвы? Безспорно, такъ.

Школьное образованіе шло у Өedora Никифоровича шероховато: мать отдала было его въ коммерческое училище, откуда должна была вскорѣ взять, такъ какъ незаконнорожденный мальчикъ нарушалъ собою училищный уставъ. Къ счастью! Тогда онъ очутился подъ кровомъ первой московской гимназіи, воспитавшей много замѣчательныхъ дѣятелей. Однако и въ гимназіи Ө. Н. Плевако пробылъ лишь до пятаго класса. Нашалили и угодили въ карцеръ, изъ котораго онъ бѣжалъ домой, чтобы заявить нѣжно-любимой матери, что въ гимназію онъ больше не пойдетъ. И не пошелъ, но въ теченіе года подготовился для университета и сдѣлался студентомъ. Съ общимъ развитіемъ, съ ростомъ самосознанія, въ немъ крѣпнетъ и религіозное чувство: студентъ Плевако усердно посѣщаетъ храмы, усваиваетъ ароматъ православнаго богослуженія. Но вѣдь любой московскій храмъ полонъ историческихъ воспоминаній и имѣетъ чудныя струны, которыя сказываютъ плѣнительныя были, стобить только приникнуть къ нимъ пытливому и любящему родину русскому человѣку. Плевако окунулся въ старую Москву и добровольно отдался въ пожизненный плѣнъ отрадныхъ ощущеній, созданныхъ религіей. Конечно, характерно не то, что студентъ-Плевако съ товарищами ходили на похороны, «не брезгуя и поминками», или не упустили случая послушать басистыхъ дьяконовъ и горластыхъ пѣвчихъ, но любопытно самое направленіе, взятое Өедоромъ Никифоровичемъ, съ котораго онъ не свернулъ въ ту или другую сторону, оставшись вѣренъ себѣ до могилы. Является вопросъ: не промахнулся ли Плевако, окунаясь въ старую Москву или, что то же,—въ старую Русь и отдаваясь въ плѣнъ религіозныхъ ощущеній? Нѣтъ, не промахнулся; напротивъ, это-то (не говоря, разумѣется, о выдающихся дарованіяхъ) и взрастило Плевако, какъ самобытнаго, глубоко своеобразнаго оратора, единственнаго среди наиболѣе яркихъ цвѣтовъ въ саду нашей адвокатуры. Кто же стоитъ рядомъ съ нимъ?

Властью національно-религіозныхъ началъ вылѣпленъ его образъ какъ общественнаго дѣятеля и мѣрять его общимъ аршиномъ нельзя и не слѣдуетъ. Плевако явленіе не обычное и по-истинѣ величественное. Могучій умъ его сказывался во всемъ: въ рѣчахъ на судѣ, въ религіозности безъ ханжества и елейности, наконецъ въ томъ «разъясненіи», какое онъ далъ новой эрѣ нашей исторіи, взойдя на трибуну въ 3-ей государственной думѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что же у насъ? какъ же это такъ: съ одной стороны, самодержавіе, а съ другой—представительное собраніе? Но вѣдь въ томъ-то и дѣло, что самодержавію не давали исчерпывающаго его

опредѣленія, которое таково: санъ самодержца—свойства религіознаго и нравственнаго и предназначень для постепеннаго устраненія всего юридическаго, какъ безнравственнаго и антирелигіознаго. Отсюда нельзя выводить, чтобы государственная дума ограничивала власть самодержца. На какомъ основаніи? Да вѣдь въ Россіи не царь для народа и не народъ для царя, но царь съ народомъ. Вотъ что, думается мнѣ, сказалъ Плевако въ 3-ей думѣ, въ которую онъ вошелъ какъ мужъ совѣта и разума, съ бьющимся въ груди русскимъ сердцемъ. И не оттого ли рѣчь его была сочувственно принята всею палатой? Но это рѣчь націоналиста, искренно охранявшаго свое политическое «вѣрую», человѣка съ ясной политической фізіономіей. Въ этомъ отношеніи не понимали Ѳ. Н. Плевако только тѣ, кто не хотѣлъ его понять. Что дѣлать, вѣдь, криво толкуютъ иные и его строгую религіозность, забывая все, что онъ говорилъ въ обличеніе игуменіи Митрофаніи.— «Наша церковь не признаетъ правилъ, что благая цѣль оправдываетъ предосудительныя средства. Это ученіе іезуитовъ, и человѣчество проклинаетъ его, а она пересаживала это ядовитое дерево на нашу почву... вырвите его на первыхъ порахъ и спасите честь церкви, къ которой прививаетъ она этотъ ядъ, и честь русскаго правосудія... Подсудимая скажетъ вамъ: я многого не знала, что оно противозаконно: я женщина. Вѣримъ, что многое, что написано въ книгахъ закона, вамъ невѣдомо, но вѣдь есть такія правила, которыя давнымъ-давно приняты человѣчествомъ какъ основы нравственнаго и правового порядка. Съ вершины дымящагося Синая сказано человѣчеству: не укради... Вы не могли не знать этого, а вы обираете до нищеты прибѣгнувшихъ къ вашей помощи. Съ вершины Синая сказано: не лжесвидѣтельствуй, а вы посылаете ввѣрившихъ вамъ свое спасеніе инокинъ говорить неправду и губите ихъ совѣсть и доброе имя; отсюда же запрещено всеу призывать имя Бога, а вы, призывая его благословеніе на ваши подлоги и обманы, дерзаете обмануть правосудіе и вмѣсто себя свалить вину на неповинныхъ. Нѣтъ, этого не удастся вамъ; правосудіе молодо и сильно, и чутка совѣсть судей...» Это языкъ не Тартюфа, не религіознаго лицемеръ. Здѣсь паюсъ пропитанъ насквозь святымъ негодованіемъ. Если бы Тартюфъ могъ такъ чувствовать, то онъ пересталъ бы быть самимъ собою. Кто призывалъ судей къ прощенію, развѣ не былъ христіаниномъ?

II.

Въ годы студенчества Ѳ. Н. Плевако близъ университета находилась винная лавка; содержалъ ее Н. И. Пастуховъ, который въ послѣдствіи пристрастился къ газетному дѣлу, сталъ поставлять

мелкія замѣтки въ московскія редакціи (наприм., «Современныя Извѣстія») и наконецъ создалъ «Московскій Листокъ», гдѣ, какъ «Старый Знакомый», приобрѣлъ извѣстность романомъ «Разбойникъ Чуркинъ». Въ пастуховскомъ «кабаре» бѣднякъ-студентъ Плевако сталъ своимъ человекомъ; хозяинъ и гость завязали пріятель-

Федоръ Никифоровичъ Плевако.

скія отношенія, прерванныя теперь смертью Э. Н.; студентъ наставлялъ цѣловальника въ грамотѣ, а такъ какъ Плевако рано овладѣлъ свойствомъ магнита, то винная лавка Н. И. Пастухова превратилась одновременно и въ студенческій клубъ и въ аудиторію; студенты-единомышленники собирались здѣсь и устраивали

примѣрные судебные процессы съ полнымъ прокурорскимъ, адвокатскимъ и истцовымъ говореніемъ. Плевако уже и тогда давилъ силою своего краснорѣчія. Клубъ закрылся послѣ какой-то студенческой вспышки, стойившей *Ө. Н.* разлуки съ московскимъ университетомъ.

Плевако уѣхалъ за границу съ богатымъ семействомъ въ качествѣ учителя. Пребываніе въ чужихъ краяхъ прошло небезслѣдно: уча, Плевако и самъ учился. Онъ слушалъ лекціи иностранныхъ юристовъ-нѣмцевъ, но слушалъ не такъ, какъ большинство, лишь бы «получить дипломъ», а вдумчиво, углубленно. Онъ отдалъ благородную дань просвѣщеннаго уваженія романисту Савиньи, главѣ исторической школы, и въ особенности ученику и послѣдователю его *Г. Ф. Пухта*, переведя и издавъ (въ 1874 году въ Москвѣ) его «*Vorlesungen ueber das heutige Roemische Recht*»¹⁾. Снабженная многочисленными критическими примѣчаніями издателя-переводчика, эта книга и въ наши дни остается въ основныхъ юридическихъ каталогахъ. На русскомъ книжномъ рынкѣ она появилась, по словамъ издателя, «въслѣдствіе недостатка въ русской юридической литературѣ» хорошаго и полного курса римскаго гражданскаго права. Между тѣмъ, благожелательный посѣвъ молодого юриста неожиданно для него далъ горькіе всходы. По возвращеніи изъ-за границы Плевако рѣшаетъ разсчитаться съ университетомъ, то-есть сдать выпускные экзамены и начать общественную дѣятельность. Экзамены сходятъ благополучно до экзамена по римскому праву у блестящаго проф. Никиты Крылова, ученика того же Савиньи. Студентъ отвѣчаетъ «по Пухта»... Никита Ивановичъ оскорбленъ! Ему предпочтенъ Пухта! Онъ не можетъ поставить Плевако удовлетворительной отмѣтки.

Проваль, и Плевако приходитъ въ отчаяніе. Будущее стерто. Одинъ исходъ: наложить на себя руки. Начинается борьба, глубокая, душевная борьба: быть или не быть? Велико горе, велика отчаянность, но могучъ и «плѣнь религиозныхъ ощущеній». Ночь душевной борьбы освѣщается благодатнымъ лучомъ материнскаго участія. Какъ старая казачка, жена желѣзнаго Бульбы, глядѣла на своихъ дорогихъ сыновей, прикинувъ къ изголовью, глядѣла вся, глядѣла всѣми чувствами и не могла наглядѣться, такъ и мать *Ө. Н.* глядѣла на него, живя имъ и только для него... для своихъ дѣтей.—«Былъ ли экзаменъ, *Өеда?*»—«Нѣтъеще... завтра».—«Трудный?»—«Да...» А борьба продолжается, и мысль о самоубійствѣ, какъ болѣзнетворная студенистая масса къ древесному стволу, лѣпится къ жизнеспособному существу. Въ концѣ концовъ, быть

¹⁾ «Курсъ римскаго гражданскаго права»; профессора *Г. Ф. Пухта*, переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія проф. Рудорфа. Томъ I. Изданіе *Ө. Н. Плевако*. Москва. 1874.

пересиливаетъ не быть: Плевако не уходитъ изъ дому, все на глазахъ у матери, которая на слѣдующій день провожаетъ сына вплоть до университета, ободряя «передъ экзаменомъ». Но сперва они заходятъ въ часовню у Каменнаго моста и молятся Николаю Чудотворцу пламенно.

Плевако появляется въ университетскихъ стѣнахъ. Зачѣмъ? Для встрѣчи съ болѣзненно-самолюбивымъ Н. И. Крыловымъ. — Плевако! Плевако!—окликаетъ профессоръ.—Хочешь, экзаменуешься у меня сегодня? Тотъ экзаменуется и очень удачно. Довольны и профессоръ и ученикъ.—Ну, вотъ и отлично,—облегченно вздохнулъ Н. И. Крыловъ:—а то я изъ-за васъ съ Пухта нынче всю ночь не спалъ.

По окончаніи университета О. Н. Плевако записался помощникомъ присяжнаго повѣреннаго и выступилъ «первымъ адвокатомъ въ залѣ московскаго гражданскаго суда по пустячному взысканію по векселю. Никто не зналъ тогда, какое будущее ждетъ его» ¹⁾ Но орленокъ чудесно выросъ и расправилъ крылья. «Завоевалъ себѣ имя О. Н. почти въ первые же полгода. Его выдающійся талантъ былъ сразу отмѣченъ всѣми, кто слышалъ его или имѣлъ съ нимъ дѣло» ²⁾. Ареной первыхъ успѣховъ его былъ гражданскій судъ, который онъ любилъ по свойствамъ своего ума, полного ясности, глубины, пытливости, способности обобщать, дѣлать неожиданные и оригинальные выводы!—вспоминаетъ товарищъ покойнаго, извѣстный присяжный повѣренный и членъ Государственной Думы Н. П. Шубинской.—Уже тогда одинъ изъ лучшихъ судей московскаго суда, М. Н. Лопатинъ, называлъ его: «наше солнце».

Старый судья сравнилъ мѣтко: яркость свѣта «нашего солнца» во много разъ превосходила яркость иныхъ источниковъ юридическаго свѣта на русской землѣ, и едва ли кто-нибудь другой въ адвокатурѣ испускалъ столько лучей, не охлаждаясь, какъ Плевако. Это его планетная особенность, и она-то, между прочимъ, влекла къ нему множество тѣхъ, кто преступны въ устахъ прокурора, и несчастны—съ народной точки зрѣнія. Разъ завоевавъ себѣ имя, Плевако сдѣлался необходимымъ въ каждомъ сколько-нибудь выдающемся судебномъ процессѣ, если не въ роли защитника, то—гражданскаго истца. Нужно ли перечислять ихъ всѣ? Газеты называли ихъ. Но если участіе въ такихъ дѣлахъ, какъ Кострубо-Корецкаго, игуменіи Митрофаніи, Качка, Скитскихъ, Овсяниковыхъ, Булахъ и т. п. окрыляло славу и обогащало О. Н. Плевако, то отсюда еще далеко до популярности, а Плевако вѣдь былъ по-

¹⁾ Н. Шубинской. «Дорогой памяти О. Н. Плевако». «Голосъ Москвы», № 298, 1908.

²⁾ По воспоминаніямъ прис. пов. В. А. Капеллера.

пуляренъ, его вѣдь славил интеллигенція, и считали первымъ защитникомъ низы: медвѣжьи углы, сермяги и вообще тѣ, для кого газета пока еще не предметъ необходимости. Какъ же это случилось? Мнѣ думается, что разгадку этому надо искать въ сущности матерьяла, изъ котораго построено великолѣпное зданіе общественной дѣятельности *Ө. Н. Плевако*. Его вдохновенныя судебныя рѣчи, къ сожалѣнію, большею частью не совсѣмъ точно записаны ¹⁾, тѣмъ не менѣе въ нихъ живо чувствуется совѣстливость оратора и самъ онъ какъ бы воплощалъ тотъ образъ кающагося интеллигента, идеаль котораго отразился со всею яркостью въ *Достоевскомъ*. У *Плевако* съ великимъ писателемъ-страдальцемъ много общаго въ тенденціи, въ извивахъ проповѣди, въ религиозности идей, во взглядѣ на русскій народъ и его судьбы. Оттого *Плевако* столько же охотно отстаивалъ на судѣ трудящуюся и обремененную бѣдноту, какъ и интересы выше стоявшихъ. Его слова въ пользу обездоленныхъ жгли и каменныя сердца превращали въ восковыя. Не отказывая бѣднотѣ въ своей защитѣ, въ совѣтахъ и въ помощи, онъ сливался съ массой, пламенѣлъ за нее и изъ-за нея, возбуждая жалость въ судьяхъ. Онъ зналъ, съ кѣмъ и какъ говорить и, что характерно, былъ чуждъ грубыхъ и оскорбительныхъ пріемовъ. Внутренняя умственная сила и уваженіе къ человѣку подсказали ему правило, котораго самъ онъ неизмѣнно держался: «равноправіе въ борьбѣ и битва на равномъ оружьи». Такимъ образомъ, *Плевако* зналъ дорогу въ народъ, а народъ въ нуждѣ стучался къ нему и грѣлся, и подымалъ голову у пламени его краснорѣчія, не изсякшаго до конца жизни *Ө. Н.*

Но если *Достоевскій-интеллигентъ* «вышелъ изъ гоголевской «Шинели», а *Плевако-мыслитель* сложился въ духѣ *Достоевскаго*, то что же удивительнаго, что онъ былъ отзывчивъ, жалостливъ, изучалъ и изучилъ богословскую литературу и былъ консервативентъ, какъ свобододлюбивый англійскій народъ! Напротивъ, не заглушая въ себѣ дѣтскихъ, отроческихъ и юношескихъ впечатлѣній, изъѣздивъ всю Россію, изучивъ ея исторію, почувствовавъ всю красоту свято-отеческихъ твореній, любя корни народа и благоговѣя передъ созидателемъ великой имперіи, онъ долженъ былъ вылиться въ форму очевиднаго націоналиста-прогрессиста и не могъ поступить иначе, безъ измѣны своимъ убѣжденіямъ, какъ только оставившись у знамени «17-го октября».

¹⁾ Точно напечатана въ «Московскомъ Листкѣ» рѣчь по дѣлу Булахъ. Уважаемый редакторъ *Ө. К. Ивановъ* сказалъ мнѣ, что *Плевако* написалъ рѣчь въ кабинетѣ редакціи, что называется, не отрываясь отъ стола (тысячи полторы строкъ).

III.

Плевако былъ порывистою, увлекающеюся, широкою русской натурою. Подобно знаменитому врачу Захарьину, Плевако поднялся на славную высоту по милости Бога, наградившаго его необыкновеннымъ талантомъ оратора и умомъ мыслителя, и благодаря своему трудолюбію. Въ адвокатскую семью онъ вступилъ съ основательнымъ запасомъ знаній и всю жизнь пополнялъ ихъ. Библиотека Плевако всеобъемлюща. А казалось бы, этотъ человѣкъ не выходилъ изъ столичнаго водоворота, который такъ его кружилъ, что, думалось, ему некогда пробѣжать глазами «дѣло», а не только углубляться въ новости по богословію, литературѣ, философіи и т. д. Однако Плевако на все хватало: на адвокатуру и на чертогонъ, на размышленія въ плѣну религиозныхъ ощущеній и на литературныя занятія. Защиты почти экспромтомъ были дѣломъ не случайнымъ, въ промежуткахъ между кутежами. Плевако всюду поспѣвалъ и успѣвалъ. Онъ устраивалъ гомерическія пирушки на зафрахтованномъ пароходѣ отъ Нижняго-Новгорода до Астрахани; онъ бросалъ буквально тысячи цыганамъ; чтобы отвести душу въ бесѣдѣ съ милымъ человѣкомъ, ѣздилъ еженедѣльно, въ теченіе года, изъ Москвы въ Тамбовъ, да мало ли проявленій порывистой природы, которую вдобавокъ опяняла молодость. Въ Татьянинъ день онъ пировалъ съ товарищами и пѣвалъ «Gaudeamus» съ студентами въ московскихъ ресторанахъ. Съ другой стороны, раздавался кличъ въ пользу церковно-приходскихъ школъ, и онъ жертвовалъ на нихъ.

Познакомившись еще студентомъ съ Н. И. Пастуховымъ, Плевако сдѣлался сотрудникомъ его газеты «Московскій Листокъ» и помѣстилъ въ этой газетѣ много передовыхъ статей и въ началѣ 90-хъ годовъ нѣсколько фельетоновъ за подписью Богданъ Побережний¹⁾. Перомъ онъ владѣлъ легко. Вотъ ненапечатанное стихотвореніе Эодора Никифоровича; оно вылилось въ нѣсколько минутъ:

АНТИФОНЫ НА 2-е ДЕКАБРЯ.

1.

Съ утра идутъ
Въ окружный судъ
Толпой іудофилы.

Твердятъ они:
И въ наши дни
Жидки—народецъ-милый;

Забывъ при томъ,
Что если въ домъ
Нашъ жидъ войдетъ знакомымъ,

Къ двумъ-тремъ годамъ
Придется намъ
Разтаться съ нашимъ домомъ.

Съ утра идутъ
Въ окружный судъ
Толпой іудофобы,

Сердца стучать,
Глаза горять
Припадкомъ черной заобы.

Хотятъ они
И въ наши дни
Вечерни Сицилійской.

Забывъ при томъ
Про съважій домъ
Въ Имперіи Россійской.

¹⁾ Богданъ, т. е. Осодоръ (Θεοδὸς δὲβερν) (Побережний—по названію имѣнія.
«Истор. вѣстн.», февраль, 1909 г., т. сxv.

2.

Въ овалный залъ
Жидковъ кагалъ
Собрался съ полуночи.

Весь залъ потухъ—
Чесночный духъ
До слезъ щекочеть очи.

Жиды сидятъ,
Жиды галдятъ:
Приди къ намъ, князь Урусовъ ¹⁾,

Ты всѣмъ намъ милъ,
Гудофилъ
И врагъ великоруссовъ.

А вотъ Шмаковъ ²⁾,
Тотъ не таковъ,
Жида онъ ненавидитъ.

Бѣдамъ вѣнецъ,
Странъ—конецъ
Въ однихъ жидакъ онъ видитъ.

И возмущенъ
Взываетъ онъ
Среди своихъ собратій:

Страну любить,
Жида убить—
Есть тождество понятій.

3.

Мнѣ самъ Гомеръ
Даетъ примѣръ—
Я Илиаду знаю.

Подъялъ я трудъ
Прочеть талмудъ
И скоро дочитаю.

Я ѣздилъ самъ
Въ Парижъ, и тамъ
Жидовъ уже не любятъ.

Сади Карно
Сказалъ давно:
Жиды отчизну сгубятъ.

Ужъ если такъ
Твердитъ большакъ
Свободному народу,

И намъ пора
Гнать со двора
Жидовскую породу ³⁾.

Въ 1885 году Ѳ. Н. Плевако предпринялъ было изданіе газеты «Жизнь», въ Москвѣ, но предпріятіе не имѣло успѣха и на 10-мъ мѣсяцѣ прекратилось, хотя редакція ставила себѣ задачей упрощать народу истину, а не искажать, и не мыслила: міра—безъ Бога, человѣка—безъ души, государства—безъ власти, власти—безъ закона, закона—безъ исполненія, гражданъ—безъ правъ, неотъемлемыхъ безъ суда, сильнаго—безъ обязанностей, слабаго—безъ права на общественную помощь, церкви—безъ школы, хлѣба—безъ труда, труда—безъ хлѣба, науки—безъ свободы, свободы—безъ предѣловъ, злой воли—безъ казни, суда—безъ милости.

Всероссійски извѣстный, Плевако особенно былъ любимъ въ Москвѣ; здѣсь онъ дважды былъ избираемъ въ гласные городской думы, состоялъ нѣсколько лѣтъ ктиторомъ Успенскаго собора, и его прочили въ товарищи синодальнаго оберъ-прокурора. Но онъ, кажется, не прочь былъ отъ самостоятельнаго оберъ-прокурорства, а пристань «товарища», разумѣется, представлялась ему, большому кораблю, тѣсной. Помню его въ Саровѣ, когда открывались

¹⁾ † Кн. А. И. Урусовъ, извѣстный адвокатъ.

²⁾ А. С. Шмаковъ, извѣстный адвокатъ-націоналистъ.

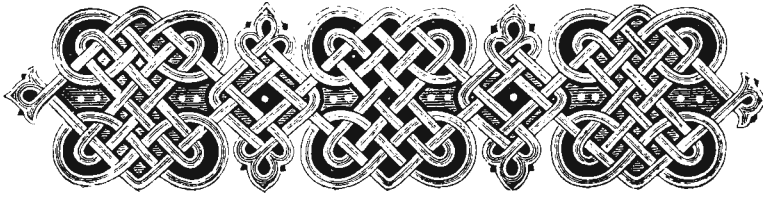
³⁾ Стихотвореніе, писанное рукой Ѳ. Н. Плевако, любезно предоставлено Ѳ. К. Ивановымъ.

мощи преподобнаго Серафима. Тогда онъ жилъ и чувствовалъ и умилялся нераздѣльно съ огромною народною массою, и тогда мнѣ становился близокъ его энтузіазмъ и понятенъ священный восторгъ и падуанскаго Антонія и клервоскаго Бернарда кисти Мурильо. Плевако ходитъ къ ранней обѣднѣ, Плевако благотворитъ, у Плевако деньги ускользаютъ изъ рукъ, какъ ртуть,—все это въ порядкѣ его натуры, русской, какъ семихолмная Москва. И вотъ его не стало. Умеръ д. с. с. **Ө. Н. Плевако**, товарищъ предсѣдателя московскаго общества призрѣнія, воспитанія и обученія слѣпыхъ дѣтей, почетный членъ Коммиссаровскаго техническаго училища и членъ комитета для содѣйствія устройству студенческихъ общежитій императора Николая I. Но живетъ и долго будетъ жить въ памяти удивительный самородокъ, самъ себя неподобно отшлифовавшій. Плевако значился третьимъ въ списокѣ московскихъ адвокатовъ по времени вступленія въ сословіе, но, если не онъ, кто же былъ первымъ по таланту нашимъ адвокатомъ? Кому еще адресовались письма безъ точнаго адреса и безъ имени адресата, а просто: главному защитнику? Вникните въ послѣднія два слова,—это отечественная исторія, это—мы. Имя Плевако стало легендой? блуждающимъ именемъ? нисколько; просто-напросто лишь выросли чеховскіе Ваньки Жуковы, девяти лѣтъ писавшіе «на деревню дѣдушкѣ Константину Макарычу», безъ губерніи, уѣзда и волости... Ваньки стали Иванами, только и перемѣны, а все прочее по-старому: и мольба Христомъ Богомъ, и всѣ колотятъ, и кушать страсть хочется, и вообще пропащая жизнь. «Главный же защитникъ»—одинъ; поэтому и Л. Н. Толстой направлялъ мужиковъ именно къ Плевако. «Федоръ Никифоровичъ, обѣлите несчастныхъ!» Плевако и обѣлялъ,—обѣлялъ, не черня достоинства и святыни суда; этимъ обнаруживалось, что онъ не представлялъ себѣ своего влеченія и любимаго занятія, кромѣ какъ въ оправдѣ благородства; не такъ ли (по Іерингу) смотрѣли на юриспруденцію и въ древнемъ Римскомъ государствѣ?

Ө. Н. Плевако погребенъ на кладбищѣ московскаго Скорбященскаго монастыря. На могильномъ дубовомъ крестѣ написано: «**Ө. Н. Плевако**. Родился 13-го апрѣля 1842 г., скончался 23-го декабря 1908 г.» Въ недалекомъ времени В. М. Саблинъ выдастъ въ свѣтъ рѣчи и воспоминанія своего знаменитаго родственника, а многіе кліенты и почитатели **Ө. Н. Плевако** намѣрены соорудить ему достойный памятникъ.

Павель Россіевъ.

КРАМОЛА, РЕАКЦІЯ И ТЕРРОРЪ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

II. Каракозовскій выстрѣлъ.

I.

БРО и буднично текли дни и годы обновленной великими реформами Россіи. Уныніе, разочарованіе и недоумѣніе охватывали разные слои населенія, начиная отъ царскихъ палатъ и кончая курной избой землепашца. Наверху сказывалось чувство преждевременной усталости и нѣсколько брезгливое отношеніе къ проявленной современниками «неблагодарности»; интеллигенція, передовая дворянская и разночинская, понимала, что радужнымъ мечтамъ объ «увѣнчаніи» государственнаго зданія, столь ярко проявленнымъ въ исходѣ пятидесятихъ и къ началу шестидесятихъ годовъ, не суждено сбыться и реализоваться дѣяніями практическаго характера; провинціальная дворянская Россія продолжала жить своею традиціонною назатѣйливой жизнью съ характеромъ прозябанія и безъ запросовъ на высшіе культурныя задачи, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ смутнымъ сознаніемъ, что въ этой ея жизни уже близокъ кризисъ, когда на вѣковыя «гнѣзда» зловъще надвинется экономическая непогода, въ которой этимъ гнѣз-

¹⁾ См. «Историч. Вѣст.», т. СХV, стр. 222.

дамъ собственными силами не сдобровать и не сохранить своего былого историческаго значенія; торгово-промышленный классъ еще не опредѣлилъ въ полной мѣрѣ своего отношенія къ новымъ условіямъ жизни, но уже въ лицѣ разныхъ Колупасевыхъ и Разуваевыхъ постепенно и понемногу протягивалъ свои цѣпкія руки къ тому, что не умѣеть удержать помѣщикъ и чего не въ состояннн и не въ силахъ забрать крестьянинъ; фабрично-заводская Россія еще не просыпалась, гудки фабрикъ и заводовъ слабо прорѣзывали своимъ рѣзкимъ и протяжнымъ свистомъ воздухъ, свистки паровозовъ и желѣзный грохотъ вагоновъ не потрясали вѣковой тишины и ниоткуда еще не раздавался призывъ: «вставай, подымайся, рабочій народъ...» Россія только потягивалась послѣ вѣкового сна, расправляла свои члены, не зная въ точности, какъ ей съ Божьяго благословенія и по царскому приглашенію приступить къ новому «свободному труду». Сермяжная, лапотная Россія сознавала, что она выпущена, наконецъ, на волю, но неясное чувство говорило ей, что между волей соціальной и экономической разница огромная, а безъ послѣдней она скоро можетъ познать всю сладость «цѣпей иныхъ», которыя, глубоко врѣзавшись въ народный организмъ, приведутъ его къ истощенію и злостнымъ недугамъ. Но какъ помочь надвигавшемуся злу оставалось неизвѣстнымъ, и охватывавшая крестьянина тоска искала себѣ выхода въ питейныхъ домахъ:

У каждаго крестьянина
 Душа, что туча черная,—
 Гнѣвна, грозна—и надо бы
 Громамъ гремятъ отгудова,
 Кровавымъ дить дождямъ,
 А все виномъ кончается.
 Пошла по жиламъ чарочка—
 И размѣялась добрая
 Крестьянская душа!

Сбывалось предсказаніе извѣстнаго польскаго революціонера Огрызко, состоявшаго въ періодъ крестьянской реформы на службѣ по министерству финансовъ и работавшаго вмѣстѣ съ К. Гротомъ надъ питейной реформой, который говорилъ, что Александръ II готовится освободить крестьянъ, а онъ съ своимъ принципомъ спойтъ будущихъ свободныхъ гражданъ. По словамъ поэта—

На всей тебѣ, Русь матушка,
 Какъ клейма на преступникѣ,
 Какъ на конѣ тавро,
 Два слова нацарапаны:
 «На выносъ и распивочно.»

Дѣйствительно, освободившаяся отъ крѣпостнаго режима сельская масса съ какой-то роковой послѣдовательностью потянулась

въ кабаць, гдѣ радовалась своей свободѣ и одновременно оплакивала наступающіе дни экономическаго рабства и нужды. Это паломничество въ питейные дома не встрѣчало ничего противодѣйствія, и «пьяный бюджетъ» сталъ въ концѣ концовъ финансовымъ основаніемъ нашей государственности. Вводимыя частями и внѣ тѣсной зависимости другъ отъ друга, механическимъ способомъ, реформы шестидесятихъ годовъ не запечатлѣвались на нашей родинѣ печатью творчества, преслѣдующаго цѣли экономическаго благополучія населенія, безъ наличія котораго вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было надѣяться на его культурный и государственный ростъ; и если, тѣмъ не менѣе, въ этомъ отношеніи послѣдующія десятилѣтія дали все же кое-какія благопріятные результаты, то объясненіе этому скорѣе всего надо искать въ удивительной живучести русскаго народа, стихійной живучести, которая помогла ему окончательно не погибнуть подъ гнетомъ одолѣвавшей его неумѣлой внутренней политики правительства. Послѣднее рѣшительно оказывалось не въ силахъ справиться съ программой, которую положило, на основаніи указаній, данныхъ либеральною западническою партіею, въ очередь осуществленія, проводя эту программу не полностью и оставляя сплошь и рядомъ даже ея составныя части недодѣланными или искаженными до неузнаваемости. Какъ уже сказано было въ своемъ мѣстѣ, наиболѣе цѣльно и полно была проведена реформа судебная но, напримѣръ реформу полицейскую или реформу законовъ о печати оно не въ состояніи было цѣлесообразно провести и осуществить.

Подводя итогъ реформаторскимъ дѣйствіямъ правительства въ области преобразования полицейскаго строя, И. Т. Тарасовъ въ своемъ курсѣ по полицейскому праву приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ ¹⁾: «Сельское самоуправленіе, построенное на сословныхъ началахъ и при полной обособленности отъ болѣе интеллигентнаго слоя общества, никоимъ образомъ не могло сохранить своей самостоятельности и естественно должно было подпасть вліянію мѣстной администраціи, чему въ значительной степени содѣйствовали еще и позднѣйшія частыя отступленія отъ началъ Положенія 19 февраля.

«Введеніемъ земскихъ учрежденій 1864 г. компетенція полиціи претерпѣла значительное сокращеніе, такъ какъ вся хозяйственно-распорядительная часть, вѣдавшаяся ею, отошла къ земству. Но, возложивъ на земство чуть ли не универсальныя задачи по мѣстному благоустройству, законъ не снабдилъ его необходимою для осуществленія этихъ задачъ принудительною властью, оставшеюся исключительно достояніемъ полиціи, вслѣдствіе чего явилось крайне

¹⁾ И. Т. Тарасовъ. «Лекціи по полицейскому (административному) праву». т. I. Введеніе. М. 1908 г.

странное несоотвѣтствіе между цѣлями и средствами къ достиженію ихъ, а ближайшимъ результатомъ такого несоотвѣтствія было совершенно несправедливое обвиненіе русскаго общества въ «незрѣлости», въ неспособности «стать на высотѣ своей задачи», въ безсиліи «оправдать надежды правительства». Болѣе интимная связь преобразованнаго въ 1870 г. городского самоуправленія съ полиціей выразилась сколько-нибудь только лишь въ томъ, что на городскую казну возложены были расходы по содержанію полиціи. Но, обременяя городской бюджетъ крупной статьей расхода по содержанію полиціи и лишая въ то же время городское общество сколько-нибудь дѣйствительнаго вліянія на составъ и организацію полиціи и контроля надъ ея дѣятельностью, реформа содѣйствовала болѣе разобщенію этихъ двухъ реформъ, нежели ихъ солидарности, столь необходимой для цѣли городского благоустройства». Отмѣтивъ далѣе соотношеніе въ судебной реформѣ власти судебной и административной, ученый авторъ говоритъ, что «судебная реформа внесла въ наши суды существенныя улучшенія, устранивъ, между прочимъ, полицію отъ отправленія правосудія и участія въ слѣдственномъ производствѣ, причѣмъ за полиціей оставлено только производство дознанія. Но, къ сожалѣнію, неопредѣленное отношеніе полиціи къ судебнымъ властямъ, оставшееся слишкомъ долго не урегулированнымъ, породило между обоими вѣдомствами такого рода антагонизмъ, который не могъ не отразиться самымъ невыгоднымъ образомъ на всей слѣдственной части. Еще болѣе пагубное значеніе имѣлъ законъ 19 мая 1871 г., возложившій на жандармскихъ чиновъ производство дознаній по политическимъ преступленіямъ, съ предписаніемъ руководствоваться при этомъ правилами, установленными для предварительныхъ слѣдствій. Такое отождествленіе дознанія съ предварительнымъ слѣдствіемъ, сдѣланное, конечно, для большаго уясненія жандармскимъ чинамъ существа новой обязанности ихъ, шло, однакоже, рѣшительно въ разрѣзъ съ духомъ судебныхъ уставовъ, тѣмъ болѣе, что затѣмъ самое понятіе о политическихъ преступленіяхъ было расширено и чины прокурорскаго надзора приобщены были къ дѣламъ, производившимся административнымъ порядкомъ».

Обращаясь непосредственно къ самой полицейской реформѣ, г. Тарасовъ приходитъ къ заключенію, что реформа эта, задуманная первоначально въ весьма широкихъ размѣрахъ, скоро приняла, однако, довольно одностороннее направленіе. «Вниманіе правительства, — объясняетъ онъ, — сосредоточилось почти исключительно только на увеличеніи личнаго состава полиціи и на усиленіи полицейской централизаціи; по крайней мѣрѣ въ этомъ именно направленіи получились результаты вполне осязательныя». Указавъ, какъ слагалась эта централизація и изъ какихъ именно составныхъ частей, изслѣдователь говоритъ, что «значительное

сокращеніе компетенціи полиціи не только не ослабило послѣдней, но она вышла изъ эпохи преобразованій съ болѣе интенсивной и централизованной властью; если же принять во вниманіе полномочія, предоставленныя ей положеніемъ объ охранѣ, то придется признать, что она получила возможность въ небывалыхъ до сихъ поръ размѣрахъ воздѣйствовать на юстицію и на общественное самоуправленіе. Подобный исходъ широко задуманной реформаторской дѣятельности могъ бы при нормальномъ теченіи государственной жизни привести къ заключенію, что законодатель, отступивши принципиально отъ намѣченной имъ программы, рѣшилъ достигнуть иного рода средствами цѣлей государственнаго благоустройства и правосудія. Но цѣлый рядъ слишкомъ памятныхъ событій дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ иного рода предположеніе, именно, что правительство, не отказываясь отъ основныхъ началъ своей преобразовательной дѣятельности, увидѣло себя вынужденнымъ, въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, сосредоточить все свое вниманіе и всю интенсивность своей власти на цѣляхъ государственной безопасности, временно принося этому въ жертву всѣ прочія цѣли государственнаго управленія. Если предположеніе это находитъ себѣ полное подтвержденіе въ томъ, что отступленія отъ реформъ идутъ параллельно съ проявленіями революціонной дѣятельности, то, съ другой стороны, все усиливавшаяся дѣятельность эта, завершившаяся въ страшный день 1 марта, столь же недвусмысленно доказываетъ, что въ существующей организаціи нашей высшей и низшей полиціи коренятся существенныя недостатки, которыми и обусловливается рѣзкое несоотвѣтствіе между громадностью затрачиваемыхъ средствъ и сравнительной бѣдностью достигаемыхъ результатовъ». По окончательному выводу автора, явствуетъ, что «судьбы реформъ въ царствованіе Александра II были тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ ходомъ преобразованія полиціи, а потому всѣ ошибки въ новой организаціи полиціи не могли не отразиться болѣе или менѣе отрицательно на ходѣ реформъ и на достигнутыхъ ими результатахъ».

II.

Итакъ, мы видимъ, что, какъ совершенно справедливо отмѣчено это ученымъ авторомъ, всѣ начала реформъ ставятся въ тѣсную зависимость отъ начала полицейскаго, которое выдвигается съ особенною силою ради цѣлей государственной безопасности, т. е., иными словами, ради сохраненія во всей неприкосновенности полицейско-бюрократическаго строя, который, хотя въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ, продолжаетъ отъ стародавнихъ историческихъ временъ давить всей своей тяжестью народный

организмъ, не давая ему возможности, въ интересахъ его жизнеспособности, правильно развиваться. Въ интересахъ той же «безопасности» и сохраненія стародавней государственной формы правленія принимаются и надлежащія мѣры, дабы этотъ организмъ лишился и возможности громко и отчетливо заявлять о своихъ нуждахъ, потребностяхъ, желаніяхъ и идеалахъ. Тутъ выступаетъ на очередь вопросъ о цензурной реформѣ, которая и проводится опять-таки главнымъ образомъ въ соотвѣтствіи съ главной отмѣченной выше правительственной задачей времени.

Извѣстный публицистъ К. К. Арсеневъ въ своемъ трудѣ «Законодательство о печати»¹⁾ даетъ слѣдующую картину движенія законодательства о печати въ эпоху реформъ. По его словамъ, «предварительная цензура, тяжелымъ гнетомъ ложаась на печать, не удовлетворяла, съ другой стороны, и требованіямъ правительства. Инструкціи, часто мѣнявшіяся, не вносили въ ея дѣятельность ни однообразія, ни постоянства, ни системы. Нерѣдко пускались въ ходъ мѣры взысканія противъ цензуровъ и даже противъ цѣлыхъ цензурныхъ комитетовъ. Бывали и случаи запрещенія періодическихъ изданій за статьи, дозволенные цензурой. Особенно такая участь постигала славянофильскія газеты... Естественно, поэтому, было остановиться на мысли, что именно въ карательныхъ мѣрахъ слѣдуетъ искать выхода изъ положенія, все больше и больше озабочивавшаго правительство. Эта мысль была официально выражена, въ ноябрѣ 1861 года, министромъ народного просвѣщенія графомъ Путятинымъ, по докладу котораго была учреждена смѣшанная комиссія изъ чиновъ министерства народного просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Въ средѣ комиссіи, однако, за сохраненіе предварительной цензуры высказались именно представители министерства народного просвѣщенія, а за переходъ къ новому порядку—представители министерства внутреннихъ дѣлъ. На сторону послѣднихъ сталъ новый министръ народного просвѣщенія, А. В. Головинъ. Учреждена была, подъ предсѣдательствомъ князя Оболенскаго, другая смѣшанная комиссія; но еще раньше окончанія ея трудовъ появившіеся тогда первые признаки внутренней смуты вызвали принятіе чрезвычайныхъ мѣръ, изъ которыхъ инныя, вопреки первоначальному ихъ характеру и назначенію, остаются въ силѣ до настоящаго времени. На министерство внутреннихъ дѣлъ было возложено наблюденіе, чтобы въ печати не появлялось ничего противнаго цензурнымъ правиламъ; другими словами, ему ввѣренъ былъ надзоръ надъ дѣятельностью, въ этой сферѣ, министерства народного просвѣщенія. Разсужденія о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановле-

¹⁾ «Великія реформы шестидесятихъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ», часть I.

ній и о недостаткѣ и злоупотребленіяхъ администраціи разрѣшено было печатать только въ книгахъ, заключающихъ въ себѣ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и въ періодическихъ изданіяхъ, стоящихъ не менѣе семи рублей въ годъ. Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія было предоставлено, въ случаѣ вреднаго направленія періодическаго изданія, причислять его къ разряду тѣхъ, которымъ не дозволяется печатаніе вышеупомянутыхъ разсужденій, и прекращать изданіе на срокъ не болѣе восьми мѣсяцевъ. Съ предварительной цензурой была, такимъ образомъ, механически соединена карательная. Практика очень скоро доказала невозможность раздѣленія цензурныхъ функций между двумя вѣдомствами: уже 12 января 1863 года онѣ были переданы всецѣло министерству внутреннихъ дѣлъ. На его разсмотрѣніе поступилъ и законопроектъ, выработанный комиссіей князя Оболенскаго. Новая комиссія, учрежденная подъ предѣтельствомъ того же лица уже при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, составила обширный проектъ устава о книгопечатаніи, разосланный, лѣтомъ 1863 года, на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ и затѣмъ внесенный на разсмотрѣніе государственнаго совѣта».

Дальнѣйшее движеніе, по показаніямъ того же автора, было слѣдующее. Проекты Валуева въ департаментѣ законовъ встрѣтили возраженіе только со стороны Норова, говорившаго противъ соединенія предварительной цензуры съ карательною и противъ полномасштаба министра внутреннихъ дѣлъ. Отдѣльныя перемѣны были сдѣланы отчасти къ лучшему (прекращеніе изданія послѣ третьяго предостереженія было поставлено въ зависимость отъ опредѣленія сената; подцензурныя изданія были освобождены отъ представленія залога), отчасти къ худшему (не былъ принятъ спеціальныи судъ присяжныхъ для дѣлъ о поступкахъ печати). Общее собраніе государственнаго совѣта нашло болѣе цѣлесообразнымъ замѣнить проектъ устава, обнимавшій всѣ стороны вопроса, отдѣльными мѣропріятіями, впредь до указанія опыта. При новомъ разсмотрѣніи вопроса о цензурѣ департаментъ законовъ, въ виду неурядицъ еще судебной части, одобрилъ, въ качествѣ переходной мѣры, смѣшанную систему. Число печатныхъ листовъ, при которомъ оригинальное сочиненіе освобождается отъ предварительной цензуры, было понижено съ двадцати до десяти. Было высказано мнѣніе, что совѣту главнаго управленія по дѣламъ печати долженъ быть предоставленъ не совѣщательный, а рѣшающій голосъ, съ тѣмъ, чтобы разногласіе между совѣтами и министрами рѣшалось комитетомъ министровъ; но это мнѣніе не было принято, хотя за него въ департаментѣ стояло большинство голосовъ. 6-го апрѣля 1865 г. мнѣніе государственнаго совѣта получило, наконецъ, силу закона, хотя и временную, въ виду пе-

реходнаго положенія судебной части. Съ полученіемъ силы этимъ закономъ порядокъ разрѣшенія новыхъ періодическихъ изданій остался прежній: оно продолжало всецѣло зависѣть отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, равно какъ и освобожденіе или неосвобожденіе вновь основываемаго изданія отъ предварительной цензуры. Компетенція суда распространилась на печать въ очень слабой степени и то, что отдавалась въ распоряженіе власти административной въ исключительныхъ случаяхъ, практика узаконила за нею какъ право обычное.

Такимъ образомъ, если всѣ реформы въ значительной мѣрѣ были поставлены въ зависимость отъ начала полицейскаго, то дѣло печати въ особенности было этому началу подчинено, и всякое слово русскаго писателя, какъ выразителя общественнаго мнѣнія страны, именно рассматривалось главнымъ и исключительнымъ образомъ подъ угломъ зрѣнія полицейской дозволенности, стоявшей неукоснительно на стражѣ государственной безопасности, т. е. необходимости существующаго порядка вещей. Изъ такой постановки вопроса даже при всемъ видимомъ, внѣшнемъ ростѣ тогдашней прессы мы наблюдаемъ слабое отраженіе ея на своихъ столбцахъ и страницахъ дефектныхъ сторонъ отечественной жизни, ея насущныхъ требованій и запросовъ, которые постоянно прикрывались административнымъ флагомъ съ надписью на немъ: «не позволено касаться». Отсюда становится понятнымъ тяжелое положеніе печати и ея полная зависимость отъ администраціи, благодаря чему она теряетъ силу свободнаго и свѣдущаго голоса въ вопросахъ современности, которая именно особенно въ тѣ дни и годы крайне нуждалась въ общественномъ контролѣ, правильномъ освѣщеніи и свободномъ руководствѣ. Спасая якобы такимъ способомъ «государственную безопасность», руководители нашей внутренней политики вмѣстѣ съ тѣмъ приносили ей въ жертву благополучіе народа и страны, которое по старому осталось въ полной зависимости отъ бездѣятельной и лишенной всякаго творчества бюрократической власти. Послѣдняя беретъ подъ свою усиленную опеку мысль обывателя и накладываетъ на его уста крѣпкую печать молчанія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эти уста готовы развернуться для обличенія, критики и требованій какихъ-либо нововведеній. Съ исчезновеніемъ критики, а вмѣстѣ съ нею и подъема творчества въ странѣ наступаетъ наружное затишье, общественныя силы уходятъ въ подспудную работу, формируютъ кружки и сообщества, которые и принимаютъ, въ зависимости отъ индивидуальностей вступившихъ сюда членовъ, то или иное направленіе. Россія и въ дореформенную эпоху была богата кружками, а въ эпоху шестидесятыхъ годовъ число ихъ становится значительнѣе и, за неимѣніемъ возможности примѣнить свои силы на поприщахъ самодѣятельности и широкаго легальнаго служенія

интересамъ народа, эти кружки получаютъ исключительный характеръ, одни въ смыслѣ самовоспитанія въ интересахъ будущаго политическаго служенія родинѣ, другіе въ смыслѣ научнаго саморазвитія, третьи въ направленіи немедленнаго активнаго участія въ жизни страны и народа съ цѣлями ихъ реформированія, согласно послѣднему слову западно-европейскаго либерализма и социализма.

Мы уже знакомы съ дѣятельностью нѣкоторыхъ кружковъ, которые въ эпоху реформъ вступили на поприще именно служенія политикѣ, видѣли, что нѣкоторые изъ нихъ подверглись правительственному разгрому, а другіе, какъ, напр., партія «Земли и Воли», представленная въ послѣдніе два года ея существованія преимущественно молодежью, случайно ускользнули отъ полицейскаго преслѣдованія. Послѣ студенческихъ беспорядковъ число кружковъ значительно усиливается, при чемъ главными руководителями ихъ являются по преимуществу тѣ наиболѣе энергичные и даровитые представители молодежи, которые имѣли несчастье особенно выдѣляться въ теченіе беспорядковъ и остаться за порогами высшихъ учебныхъ заведеній. Въ числѣ кружковъ, оставившихъ по себѣ тотъ или иной слѣдъ, въ особенности ко второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ надлежитъ отмѣтить московскіе кружки—Нефедовскій и Ишутинскій, первый какъ типичный кружокъ саморазвитія и самообразованія, второй какъ кружокъ политической, выдѣлившій изъ своего состава человѣка, сыгравшаго въ историческихъ судьбахъ Россіи роковую роль. Человѣкомъ этимъ былъ Д. В. Каракозовъ, рѣшившійся на свой страхъ поднять руку на Царя-Освободителя. Но прежде, чѣмъ говорить о кружкѣ Ишутина и о Каракозовѣ, скажемъ нѣсколько словъ о кружкѣ Нефедова, о которомъ даются въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾ слѣдующія небезынтересныя данныя. Авторъ фельетона «Московский университетъ въ 60-хъ годахъ» Н. Л—д—въ повѣствуетъ:

«Лишенные права сходокъ, студенты образовали кружки. Цѣль ихъ была саморазвитіе посредствомъ чтенія и бесѣдъ. Каждую субботу собирались у кого-нибудь изъ членовъ кружка человѣкъ двадцать, слушались рефераты о томъ, что прочлось кѣмъ-нибудь изъ членовъ замѣчательнаго за недѣлю. Затѣмъ начинались пренія при разливанномъ морф... чая съ копеечными сухарями. О спиртуозныхъ напиткахъ въ нашемъ кружкѣ не было и помина, даже о пивѣ. Читали преимущественно книги серьезнаго содержанія: историческаго, философскаго, социальнаго. Нашими излюбленными авторами были: Гербертъ Спенсеръ, Дарвинъ, Льюисъ, Дж.-Ст. Милль, Огюстъ Контъ, конечно, въ переводахъ. Ученіе Огюста Конта намъ излагали въ своеобразныхъ рефератахъ студенты

¹⁾ «Русскія Вѣдомости», 1909 г., № 8.

знавшіе французскій языкъ и ходившіе для чтенія его «Cours de la philosophie positive» въ Румянцовскую бібліотеку. Политикой студенты тогда не занимались. Читались между прочимъ журналы; особенно интересовала насъ завязавшаяся полемика между «Современникомъ» и «Русскимъ Словомъ». Беллетристикой мало интересовались, хотя дѣлалось исключеніе для Щедрина, Достоевскаго. Сильные споры между нами возбуждалъ романъ «Преступленіе и наказаніе», но самое большое впечатлѣніе произвелъ романъ «Что дѣлать?» Чернышевскаго. Рахметовъ былъ нашимъ идеаломъ. Изъ любимыхъ русскихъ поэтовъ былъ Некрасовъ, а изъ иностранныхъ—Гейне. Кружокъ, къ которому я принадлежалъ, назывался нефедовскимъ, потому что душой его былъ теперь уже умершій извѣстный этнографъ и беллетристъ-народникъ Ф. Д. Нефедовъ. Осенью 1865 года онъ ввелъ въ этотъ кружокъ своего земляка (самъ онъ былъ изъ Иванова-Вознесенска). Новый членъ былъ сынъ двороваго человѣка графа Шереметева; ему было лѣтъ 18; при невзрачной фигурѣ глаза его блестяли незауряднымъ умомъ, хотя манеры были угловаты. Готовясь въ уѣздные учителя, онъ жилъ у Нефедова, посѣщалъ въ качествѣ сторонняго слушателя университетъ, отличался сдержанностью, рѣдко вмѣшивался въ разговоры на кружковыхъ собраніяхъ. Любопытность и нѣкоторая скромность вызывали симпатію къ нему. Я съ нимъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, такъ что новый 1866 годъ онъ встрѣтилъ у меня вмѣстѣ съ другими товарищами. Затѣмъ по выдержаніи экзамена онъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ мѣсто учителя въ одномъ изъ городскихъ училищъ. Черезъ три года этотъ скромный и сдержанный юноша сталъ героемъ нашумѣвшей въ Россіи и Европѣ трагедіи: новый членъ, введенный въ нашъ кружокъ Нефедовымъ, былъ Нечаевъ».

Вотъ типъ кружка самообразованія, изъ котораго, однако, впоследствии вышелъ крупный политическій дѣятель и революціонеръ Нечаевъ, съ именемъ котораго связана цѣлая полоса изъ исторіи русской революціи. Съ нимъ читатели встрѣтятся впоследствии. Иной характеръ имѣлъ кружокъ Ишутина.

III.

Извѣстная дѣятельница русской революціи Е. Брешко-Брешковская, на основаніи показаній сосланныхъ «каракозовцевъ», съ которыми она встрѣтилась въ Сибири, вотъ что рассказываетъ въ изданной ею брошюрѣ и о самомъ Ишутинѣ и о его кружкѣ. «Задолго до выстрѣла Каракозова,—повѣствуетъ она ¹⁾,—въ москов-

¹⁾ Е. Брешковская. «Изъ моихъ воспоминаній». Объ этомъ же кружкѣ имѣются показанія Д. В. Стасова («Вылое» 1906 г., № 4), которыя далѣе мы будемъ ци-

скій университетъ поступила группа юношей изъ Пензенской, Владимирской и другихъ подмосковныхъ губерній, рано окончивших свои гимназіи, даровитыхъ и рѣшительныхъ. Многіе изъ нихъ были дѣтьми богатыхъ помѣщиковъ, имѣли въ Москвѣ родныхъ и знакомыхъ съ виднымъ общественнымъ положеніемъ и могли сразу войти въ широкія сношенія съ либеральными слоями общества. Въ то время общество вѣрило еще и въ провинціи, и въ столицахъ даже, что путь благодѣтельныхъ реформъ желателенъ самому правительству, что оно охотно возьметъ всю передовую часть общества себѣ въ помощники, что стоитъ только выйти на арену жизни и предложить свои услуги, чтобъ онѣ были приняты и встрѣтили бы поддержку и покровительство. Особенно радовались молодыя силы. Учились, готовились, строили грандіозные планы: какъ и чѣмъ служить великому дѣлу образованія великаго народа, великой страны. Безконечное поле всесторонней работы влекло къ себѣ всѣ безкорыстныя силы: одни готовились строить и открывать школы и учить въ нихъ, учить безъ конца, другіе заводили библіотеки, издавали книги, писали новыя азбуки, народныя брошюры по всѣмъ отраслямъ знанія. Третьи мечтали и пытались обратить свои земли въ образцовыя хозяйства, гдѣ вся округа научится полезнѣйшимъ изобрѣтеніямъ и способамъ, гдѣ крестьяне получаютъ и совѣтъ, и указаніе и помощь. Шли въ волостные и сельскіе писаря толковать мужику новые законы, вводить въ земскую жизнь, защищать его отъ пауковъ, окружавшихъ народъ густыми сѣтями. Покупали медицинскія книги и лекарства и, какъ умѣли, лечили деревню, учили и гигиенѣ, спасали отъ заразы молодыхъ и дѣтей. Потокъ прорвавшейся энергіи и вѣками накопленныхъ лучшихъ силъ и вкусовъ хлынулъ съ такой быстротой, что на пути своемъ не замѣчалъ, сколько препятствій онъ долженъ былъ обходить, сколько жертвъ онъ оставлялъ по дорогѣ, какъ чья-то злая рука портила и кромсала его работу; какъ все выше поднималась стѣна враждебности со стороны правительства и постепенно загоразивала дорогу развернувшейся общественной силѣ, чтобы погнать ее въ старыя тѣсныя рамки. Въ то же время, т. е. въ началѣ 60-хъ годовъ, русское общество готовилось праздновать именины своего призванія: «Мы тоже люди. Мы граждане, а не рабы!»

«Надо было много благопріятныхъ условій для того, чтобы молодой, неопытный умъ могъ разобраться въ тѣхъ новыхъ, сложныхъ и противорѣчивыхъ явленіяхъ, которыми въ тѣ годы была

тировать. Но для даннаго мѣста предпочитаемъ показанія г-жи Брешковской, мѣтко схватившей психологическую атмосферу, которая царила въ кружкѣ тогдашней молодежи и которая содѣйствовала нарастанію среди нея революціонныхъ тенденцій.

полна жизнь Россіи. Нужна была ясность ума, знаніе исторіи и близкое знакомство съ условіями своей страны, чтобы прійти къ убѣжденію, что при всей красивой внѣшности либеральныхъ реформъ Россія остается въ томъ же безвыходномъ положеніи, въ какомъ была до начала ихъ. Нужно было много смѣлости мысли и чувства, чтобы утверждать, что крестьянство отпущено на волю и что оставшееся во всей своей силѣ самодержавіе могло каждую минуту отнять «реформы»...

«Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ молодая московская группа, сознавшая всю недѣйствительность «всякихъ реформъ» и рѣшившая составить изъ себя также революціонное ядро ¹⁾ для постепеннаго образованія партіи, могущей вступить въ борьбу съ царизмомъ и помочь народу отвоевать себѣ свободу экономическую и политическую. Точно опредѣленной программы группа эта еще не имѣла, она еще не разработала подробнаго плана дальнѣйшихъ дѣйствій, а ближайшей цѣлью своей поставила революціонную пропаганду въ той средѣ, съ которой соприкасалась. Понимая и чувствуя свое духовное одиночество, молодые революціонеры держали себя конспиративно и съ большимъ разборомъ принимали новыхъ членовъ въ свой организованный кружокъ. Въ обществѣ они заявляли себя либералами, желающими служить народу всѣми дозволенными культурными способами. Члены кружка дѣйствительно работали въ школахъ, мастерскихъ, библиотекахъ; открывали ихъ сами; отстаивали права женщинъ на трудъ, на образованіе. Этотъ способъ работы въ то время не только много значилъ самъ по себѣ, но и давалъ имъ возможность выбирать лучшихъ способныхъ людей и готовить ихъ къ болѣе отвѣтственной работѣ.

«Ишутинъ стоялъ въ центральномъ кружкѣ. Хотя старше другихъ, — ему было около 25 лѣтъ, — онъ горячился и увлекался, какъ юноша. Работа кипѣла въ его рукахъ. Знакомства приумножались, завязывались новыя сношенія, революціонная атмосфера сгущалась, вопросы ставились рѣшительнѣе и острѣе. Способные, жадно учившіеся юноши страстно и неустанно вырабатывали свое міросозерцаніе; ихъ квартиры стали мало-по-малу тѣми умственными клубами, куда спѣшило лучшее московское студенчество, чтобы найти отвѣты на массу грозныхъ вопросовъ, всегда присущихъ здоровой душѣ человѣка...»

Въ числѣ посѣщавшихъ кружокъ и пользовавшихся особенною симпатіей Ишутина находился и одинъ юноша, который, какъ потомъ оказалось, состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ III отдѣленію, почему впоследствии, когда послѣ покушенія Каракозова

¹⁾ Первоначально это ядро составляли: Ишутинъ, Ермоловъ, Странденъ, Юрасовъ, Загибаловъ, Мотковъ.

на жизнь Александра II надъ кружкомъ разразилась гроза, въ руки правительства и были доставлены все данныя о происходившихъ здѣсь разговорахъ и намѣчавшейся дѣятельности, каковыя, однако, судебнымъ слѣдствіемъ не были установлены. Эти данныя и послужили основаніемъ для строгаго суда надъ ишутинцами.

«Приблизительно въ это же время московская революціонная группа познакомилась съ двоюроднымъ братомъ Ишутина—Дмитріемъ Владимировичемъ Каракозовымъ, — повѣствуетъ далѣе г-жа Брешковская.—Войдя въ кругъ революціонеровъ, онъ охотно сталъ посѣщать ихъ и по цѣлымъ вечерамъ молча и спокойно вслушивался въ ихъ разсужденія, споры и дебаты. Казалось, что этотъ высокій, сильный человѣкъ, съ ясными голубыми глазами, выросшій вблизи народа, въ одной изъ приволжскихъ губерній,—наслаждался новымъ для него міромъ вопросовъ и задачъ и въ то же время разбирался въ собственныхъ своихъ чувствахъ и мысляхъ, дотолѣ дремавшихъ въ немъ.

«Появленіе этого спокойнаго человѣка, умѣвшаго внимательно слушать и умно всматриваться въ своихъ собесѣдниковъ, было встрѣчено хорошо, и много ораторскихъ талантовъ работало надъ тѣмъ, чтобы заставить Каракозова согласиться въ признаніи того пути, какой намѣтили себѣ товарищи Ишутина. Каракозовъ почти не возражалъ, но и не принималъ на себя никакихъ обязательствъ, а продолжалъ слушать шумныя рѣчи, все съ большей настойчивостью, съ большей задумчивостью. Наконецъ Каракозовъ громко заявилъ свое рѣшеніе убить Александра II. Въ короткихъ словахъ онъ доказывалъ, что царская власть есть тотъ принципъ, при наличности котораго нечего и думать о коренныхъ соціальныхъ реформахъ. Онъ говорилъ, что все усилія и жертвы революціонеровъ будутъ напрасны, пока тронъ царскій будетъ увѣренъ въ своей безопасности... Говорилъ онъ спокойно, сдержанно, страстно, всемъ глядя въ лицо и ни на комъ не останавливаясь, точно онъ громко отвѣчалъ себѣ на тѣ глубокіе запросы своей души, которые давно томили его, но все ускользали отъ его пониманія, пока онъ не натолкнулся на людей, которые, сами не зная того, своими горячими и долгими спорами разрѣшили ему задачу всей его жизни.

«Предложеніе Дмитрія Владимировича поразило всѣхъ, и всѣ протестовали, кромѣ Ишутина. Все утверждали, что послѣ убійства царя некому еще будетъ воспользоваться смятеніемъ, могущимъ произойти первое время, что надо сперва привлечь на свою сторону больше людей, надо соорудить революціонные кадры. Говорили, что народъ будетъ противъ, что въ его глазахъ царь есть освободитель и ближайшій благодѣтель народа. Много сраженій было дано Дмитрію Владимировичу. Онъ терпѣливо выслушивалъ ораторовъ, сдержанно отвѣчалъ имъ, и только когда,

отойдя въ сторону, онъ закрывалъ лицо руками и подолгу не шевелясь сидѣлъ въ углу комнаты, полный горячихъ рѣчей, можно было замѣтить, какая страстная и трудная борьба мучила этого человѣка.

Дмитрій Владимировичъ Каракозовъ.

«Наконецъ молодежи удалось убѣдить Ишутина въ необходимости сберечь организацію и отодвинуть планъ царевубійства на неопредѣленное время. Съ помощью Ишутина удалось взять слово
«истор. вѣстн.», февраль, 1909 г., т. схv.

съ Каракозова въ томъ, что онъ отказывается отъ своей задачи до общаго согласія. Онъ распрощался съ товарищами и уѣхалъ въ свою казанскую деревню».

Таковъ прологъ разыгравшейся вскорѣ вслѣдъ за симъ драмы. Каракозовъ исчезъ изъ Москвы, а члены Ишутинскаго кружка продолжали заводить школы, мастерскія, бібліотеки, пріобрѣтать знакомства и замыслили уже обратиться къ обществу съ революціонными прокламаціями. Каракозовъ тѣмъ временемъ пребываетъ въ деревнѣ и все продолжалъ размышлять о задуманномъ имъ преступленіи, пока, наконецъ, рѣшеніе въ немъ окончательно не окрѣпло и онъ ранней весной 1866 г. снова объявился въ Москвѣ, гдѣ категорически уже и заявилъ Ишутину, что его рѣшеніе царубійства непоколебимо и вслѣдъ за симъ снова исчезъ съ горизонта товарищей. Ишутинъ поспѣшилъ предупредить товарищей, всѣ страшно переполошились и тутъ же постановили отправить въ Петербургъ на поиски Каракозова двоихъ изъ состава кружка. Ходъ дальнѣйшихъ событій, по показаніямъ Д. В. Стасова, защищавшаго на судѣ Ишутину, сложился такъ. Ишутинъ первоначально рѣшилъ отправиться вмѣстѣ съ Ермоловымъ, но на собраніи эта поѣздка была отклонена по причинѣ свойства характера Ишутина—вѣчно «изворачиваться» и не ставить вопроса ребромъ», что было опасно съ Каракозовымъ; вмѣсто него были командированы Странденъ съ Ермоловымъ. «Странденъ,—говоритъ г. Стасовъ¹⁾,—въ это время приготавлился участвовать въ освобожденіи изъ ссылки Чернышевскаго и долженъ былъ ѣхать въ Сибирь. Для этого уже шли подготовленія, доставались деньги и все, что предполагалось необходимымъ для поѣзда; Странденъ даже запасся ядомъ (ядъ былъ у многихъ изъ членовъ организаціи; они имъ запасались для принятія въ случаѣ какихъ-либо покушеній и носили его въ пуговицахъ). Ишутинъ досталъ Страндену два фальшивыхъ паспорта, а Худяковъ далъ рекомендательныя письма въ Иркутскъ и Кузнецкъ. Такъ какъ Страндену нужно было переговорить въ Петербургѣ съ лицами, подготовлявшими освобожденіе Чернышевскаго, то рѣшено было, что поѣдетъ съ Ермоловымъ онъ, и они потребуютъ, чтобы Каракозовъ немедленно вернулся въ Москву, а по его возвращеніи постановить въ своемъ кружкѣ обязательство, чтобы никто не смѣлъ самовольно что-либо предпринимать иначе, какъ по общему рѣшенію. Но въ Петербургѣ ни Ермоловъ, ни Странденъ не знали адреса Каракозова, и потому стали его разыскивать по публикаціямъ въ газетахъ о пріѣзжающихъ, ходили для этого въ Публичную Библіотеку, ничего, разумѣется, не выискали и совершенно случайно, около бѣговъ на Невѣ, Страндена кто-то хлопнулъ

¹⁾ «Былое» 1906 г., № 4. «Каракозовскій процессъ».

по плечу. Это оказался Каракозовъ! Вслѣдъ за тѣмъ онъ пришелъ къ нимъ (Ермолову и Страндену) въ гостиницу и на вопросы: для чего онъ уѣхалъ тайно и что онъ тутъ дѣлаетъ?—объяснилъ, что онъ пріѣхалъ, чтобы поступить на фабрику и тамъ пропагандировать между рабочими. Ему возражали, что для этого нечего уѣзжать изъ Москвы, что и тамъ это можно дѣлать, и такъ какъ подозрѣвали его въ намѣреніи совершить цареубійство, то и спросили его объ этомъ, и онъ сказалъ: «а хоть бы и такъ», и наконецъ сознался, что дѣйствительно пріѣхалъ съ намѣреніемъ совершить цареубійство. Они стали его всячески убѣждать, отговаривать и добились того, что онъ имъ далъ честное слово, что не совершить этого и вернется скоро въ Москву. Успокоенные этимъ и увѣренные, что онъ сдержитъ слово, они уѣхали въ Москву и дѣйствительно черезъ нѣсколько времени послѣ того вернулся и Каракозовъ. Онъ, разумѣется, видѣлся съ Ишутинымъ и другими, и всѣмъ было извѣстно, что онъ далъ слово не совершать преступленія, всѣ были спокойны и увѣрены въ томъ, что онъ сдержитъ слово, какъ вдругъ онъ, пробывши въ Москвѣ два-три дня, исчезъ, не говоря никому ни слова, и затѣмъ разнеслась вѣсть о покушеніи 4 апрѣля. Для товарищей не было сомнѣнія, что это сдѣлалъ онъ».

IV.

Обрисовывая Каракозова, И. А. Худяковъ въ своей автобіографіи, напечатанной въ свое время въ «Историческомъ Вѣстникѣ», такъ характеризуетъ его: ¹⁾ «Каракозовъ, виновникъ событія 4 апрѣля, былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, у котораго дѣло замѣняетъ слово. Въ сходкахъ своего кружка онъ говорилъ меньше всего. Точно также и въ дѣтствѣ онъ не былъ словоохотливъ. Бывши ученикомъ пензенской гимназіи, онъ никогда не высывался и не участвовалъ въ мелкихъ стычкахъ съ надзирателями и учителями, зато когда вышла крупная исторія съ директоромъ, онъ былъ въ числѣ первыхъ... Товарищи еще въ гимназіи прозвали его Карломъ XII.

«Каракозовъ не былъ тщеславнымъ человѣкомъ, онъ дѣйствовалъ подъ влияніемъ своей то неподвижной, то бурной натуры, онъ мало заботился о томъ, что скажутъ, и дѣлалъ только то, что по своимъ соображеніямъ считалъ полезнымъ. Еще менѣе,—въ этомъ я увѣренъ,—онъ думалъ о себѣ.

«Какъ извѣстно, товарищи просили его не совершать до времени покушенія,—отсрочка, очень пріятная для человѣка, полного

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1906 г., №№ 10—12. «Изъ воспоминаній шестидесятника».

жизни... Онъ, однако, не послушался ихъ, потому что, во-первыхъ, онъ не зналъ того взаимнаго недовѣрія, которое Мотковъ посѣялъ между членами общества; во-вторыхъ, онъ думалъ, что покушеніе дастъ имъ значительныя денежныя средства, и народъ получитъ «уступочку», которой общество и воспользуется для пропаганды и для достиженія своей цѣли—соціальной республики...

«Однако, несмотря на силу своего характера, несмотря на предостереженія своихъ товарищей, Каракозовъ не имѣлъ настолько силы ума, чтобы исполнить свое дѣло мастерски. Онъ какъ будто нарочно оставилъ всѣ слѣды, чтобы открыть дѣло, въ случаѣ удачи...

«...Письмо, оставленное имъ въ Знаменской гостиницѣ, бумаги, найденныя въ карманѣ, самое пальто, наконецъ ядъ, который онъ взялъ въ пузыркѣ, когда легко могъ имѣть его въ шарикѣ и положить за зубы,—все это были достаточныя данныя, чтобы открыть дѣло. Самое записательство въ фамиліи поставило только нѣкоторыхъ въ ложное положеніе и еще болѣе усилило озабоченность правительства. Все это такія данныя, которыя показываютъ, что сила его ума не совпадала съ силой характера. При размышленіи объ этомъ нельзя, впрочемъ, упустить изъ виду того, что та неподвижность, которая отличала Каракозова въ обыкновенное время, болѣе всего выработала эту неосторожность; незнакомый съ мелкими житейскими неудачами, онъ не могъ предугадать большей неудачи... живя въ тѣсномъ кружкѣ молодыхъ студентовъ, онъ, подобно Березовскому¹⁾, въ «повстанѣ», безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ бы осторожнѣе... Кромѣ того, Каракозовъ очень могъ рассчитывать и на удачу своего покушенія. Онъ былъ хорошій стрѣлокъ, а промахнуться въ упоръ было бы неслыханнымъ дѣломъ. ...Тогда толпа растервала бы его на мѣстѣ, и едва ли бы тогда нашли какой-нибудь слѣдъ его происхожденія; даже если бы и нашли, то его неосторожность не повлекла бы за собой вредныхъ послѣдствій».

Мы ознакомились съ обрисовкой Ишутинскаго кружка и характеристикой Каракозова на основаніи показаній частныхъ лицъ, а вотъ какъ болѣе детально рисуетъ дѣло официальная «Объяснительная записка о преступленіяхъ членовъ революціоннаго общества «Организація», которую и приводимъ здѣсь болѣе или менѣе полно²⁾, хотя въ ней и встрѣчаются повторенія того, о чемъ говорила г-жа Брешко-Брешковская. Но рядомъ съ этимъ здѣсь мы увидимъ и такія подробности, которыя для регистраванія тогдашнихъ политическихъ тенденцій имѣютъ нѣкоторое значеніе.

¹⁾ Полякъ, покушавшійся на жизнь Александра II въ Парижѣ.

²⁾ «Былое» 1906 г., № 4.

«Преступленіе Каракозова, какъ оказалось впоследствии,—сказано въ «Запискѣ»,—было результатомъ преступной дѣятельности нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые, увлекаясь мыслью содѣйствовать царевубійствомъ успѣху революціонныхъ стремленій, перешедшею къ нимъ отъ проживающихъ за границею русскихъ изгнанниковъ черезъ посредство домашняго учителя Худякова¹⁾, составили въ Москвѣ тайное общество подъ названіемъ «Адъ», имѣвшее цѣлю осуществить въ Россіи столь преступное предположеніе.

«Подъ вліяніемъ разсужденій, слышанныхъ Каракозовымъ въ обществѣ «Адъ», котораго онъ былъ членомъ, Каракозовъ, не ожидая содѣйствія своихъ товарищей, совершилъ покушеніе на жизнь его императорскаго величества. По обнаруженіи вслѣдствіе этого событія существованія общества «Адъ», члены его были арестованы. Большая часть изъ нихъ сознались въ своей винѣ и на сдѣланныхъ имъ допросахъ указали, какимъ путемъ они дошли до образованія этого общества. Изъ ихъ показаній видно, что еще въ 1863 году въ Москвѣ составилъ кружокъ, который имѣлъ преимущественно цѣлю распространеніе между студентами социалистическихъ идей и возбужденіе ихъ къ политической дѣятельности для произведенія въ государствѣ экономическаго переворота. Кружокъ этотъ, постепенно увеличиваясь, измѣнялъ свое направленіе. Отъ распространенія социалистическихъ идей между студентами дѣятели его перешли къ распространенію ихъ въ народѣ и рабочемъ классѣ. Засимъ они старались осуществить свои мысли на практикѣ и устраивали разныя заведенія на началахъ ассоціаціи. Въ лицахъ, принимавшихъ участіе въ сихъ предпріятіяхъ, они отыскивали новыхъ дѣятелей, и такимъ образомъ составилось довольно значительное число недовольныхъ людей, желавшихъ произвести преобразование въ существующемъ порядкѣ государственнаго управленія.

«Въ 1865 году у руководителей этого движенія явилась мысль организовать свою дѣятельность на правильныхъ началахъ и точно опредѣлить ея цѣль. Они стали собирать своихъ единомышленниковъ на сходки, на которыхъ обсуждали разныя предположенія и опредѣляли цѣль общества и будущія его дѣйствія. Члены этого общества, называвшагося «Организація», не были согласны между собою во многихъ своихъ предположеніяхъ, такъ, напримѣръ, относительно средствъ къ достиженію предполагаемыхъ цѣлей; нѣкоторые предлагали считать всѣ средства дозволенными, не исклю-

¹⁾ Роль Худякова въ данномъ случаѣ нѣсколько преувеличена. Революціонныя идеи проникали тогда довольно свободно въ массу молодежи черезъ посредство печатныхъ листовъ даже домашняго изготовленія, съ нѣкоторыми изъ которыхъ мы уже имѣли случай ознакомиться.

чая самыхъ гнусныхъ преступленій, если они могутъ быть для общества чѣмъ-либо полезными, но другіе смѣялись надъ подобными предложеніями и не придавали имъ никакого серьезнаго значенія.

Подобныя-же разнорѣчія существовали и по вопросамъ о цѣли общества и порядкѣ его дѣйствій. Болѣе дѣятельные члены «Организациі» старались привести своихъ товарищей къ соглашенію изготовленіемъ писанныхъ уставовъ. Одинъ уставъ былъ написанъ Шагановымъ, а другой Ермоловымъ и Мотковымъ. Эти уставы были прочитаны на сходкахъ «Организациі», но, однако, не были утверждены и въ Великомъ посту текущаго года еще обсуждались представителями разныхъ мнѣній, господствовавшихъ между членами «Организациі». Когда преступленіе Каракозова возбудило опасеніе законнаго преслѣдованія, уставы «Организациі» были уничтожены.

«По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ объ уставахъ Шаганова, Моткова и Ермолова, общество «Организациі» должно было получить окончательное устройство слѣдующимъ образомъ. Нѣсколько членовъ должны были составлять въ Москвѣ центральную агентуру. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ знакомиться съ поляками и заводить сношенія съ другими обществами, другой набирать новыхъ членовъ, третій поддерживать сношенія съ членами губернскими, знать объ ихъ дѣйствіяхъ, завѣдывать библіотекой, посылать изъ нея губернскимъ членамъ книги и, если нужны, деньги изъ процентовъ, вырученныхъ въ библіотекѣ. Капиталь для открытія библіотеки хотѣлъ дать Ермоловъ, по продажѣ своего имѣнія, когда будетъ совершеннолѣтенъ. Тѣ члены, которые обязаны были разъѣхаться по губерніямъ, какъ только найдутъ себѣ въ одномъ изъ городовъ занятія, обеспечивающія ихъ существованіе, или если будутъ средства для открытія губернской библіотеки, должны были знакомиться съ семинаристами и вообще молодыми людьми и убѣждать ихъ дѣлаться сельскими учителями, стараться открывать различнаго рода ассоціациі, сноситься съ сельскими членами и въ случаѣ нужды помогать имъ деньгами и книгами. Сельскіе члены-учителя должны были устраивать при школахъ ремесленныя заведенія, сообразныя съ потребностями мѣстности, объяснять крестьянамъ, что единственное средство улучшить ихъ положеніе— круговая поддержка и устройство ассоціациі. При этомъ порядкѣ всѣ сельскіе члены опредѣленныхъ мѣстностей должны были быть извѣстны и совершенно подчинены губернскимъ членамъ организациі, которые, въ свою очередь, должны были находиться въ зависимости отъ «центральной агентуры», обязанной всѣмъ имъ давать соотвѣтствующее направленіе.

«Означенное устройство общества, какъ уже было выше сказано, еще не было приведено въ исполненіе, однако нѣкоторые чле-

ны «Организаціи» уже готовы были приступить къ дѣйствіямъ, было предположеніе освободить сосланныхъ на каторжную работу въ рудникахъ государственныхъ преступниковъ Чернышевскаго и Серно-Соловьевича; для освобожденія Чернышевскаго былъ избранъ для поѣздки въ Сибирь членъ «Организаціи» Странденъ; для него были добыты яды и разныя наркотическія вещества, чтобы отравлять и усыплять стражей и такимъ образомъ освободить Чернышевскаго, который долженъ былъ остаться въ Москвѣ и стать во главѣ революціоннаго общества или бѣжать за границу и издавать тамъ журналъ, соотвѣтствующій цѣлямъ сего общества; членъ общества взаимнаго вспоможенія Викторъ Федосѣевъ былъ подговоренъ отравить своего отца и пожертвовать наслѣдство, которое онъ получитъ, на пользу общества. Для осуществленія этого предположенія уже былъ добытъ ядъ, и Федосѣевъ отправился въ Кирсановъ; были переговоры о покупкѣ ваточнаго завода въ Можайскомъ уѣздѣ для устройства его на социальныхъ началахъ; было предположеніе объ устройствѣ того же завода въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, для котораго даже былъ уже составленъ планъ; наконецъ предполагали убить купца Серебрякова и украсть у него деньги, и избрали одного члена «Организаціи» (Загибалова), который долженъ былъ поступить на службу почтальнономъ и ограбить почту. Во время всѣхъ этихъ разсужденій, предположеній и приготовленій зачинщики «Организаціи», которые на ея сходкахъ были представителями самыхъ крайнихъ идей и наиболѣе преступныхъ намѣреній, уже образовали и устраивали новое общество «Адъ».

«Цѣлью общества «Организація», по объясненію членовъ онаго, были: возбужденіе и приготовленіе народа путемъ социальной пропаганды къ возстанію, требованіе засимъ у правительства уступки, т. е. введенія социализма, и, въ случаѣ сопротивленія,—устройство государства на социалистическихъ началахъ путемъ революціоннымъ, по захватѣ верховной власти въ свои руки и ниспроверженіи правительства.

«Изъ вышеизложенныхъ свѣдѣній видно, что всѣ лица, принадлежавшія къ «Организаціи», имѣли явно преступное направленіе противъ верховной власти и образа правленія и составили общество для осуществленія своихъ преступныхъ цѣлей, но дѣйствій онаго не было и вредныхъ послѣдствій не произошло, по случаю открытія ихъ злоумышленія заблаговременно правительствомъ.

«Эти лица раздѣлялись на отдѣльныя группы, носившія различныя наименованія. Главныя группы были слѣдующія: ипатовцы (по фамиліи Ипатова, хозяина дома, въ которомъ они жили)—Каракозовъ, Ишутинъ, Юрасовъ, Ермоловъ, Странденъ и Загибаловъ; малиничцы (по фамиліи Малинина, съ которымъ они жили)—Малининъ, Мотковъ, Кочинъ, Александръ Ивановъ; са-

ратовцы (по мѣсту ихъ рожденія въ Саратовской губерніи)—Соболевъ, Борисовъ, Сергіевскій, Воскресенскій, Полумордвиновъ и Лапкинъ.

«Ипатовцы были представителями самаго крайняго направленія, а стремленія малининецвъ, какъ и саратовцевъ, были умѣреннѣе, но малининецы были въ близкихъ сношеніяхъ съ ипатовцами и потому имѣли болѣе участія въ ихъ различныхъ предположеніяхъ. Когда образовалось общество «Адъ», члены его, приискивая себѣ товарищей, мало-по-малу знакомили съ своею цѣлью нѣкоторыхъ членовъ «Организаціи». Однимъ они сообщали прямо о существованіи этого общества, съ другими они говорили только о своей цѣли, какъ о заслуживающей вниманія революціонной теоріи.

«Отъѣздъ Каракозова въ Великомъ посту изъ Москвы въ Петербургъ былъ особенно знаменательнымъ событіемъ для общества «Адъ». Зная хорошо личность Каракозова, его воззрѣнія и предположенія, члены «Ада» поняли, что цѣль ихъ общества можетъ быть приведена въ исполненіе. Засимъ одни узнали объ этомъ навѣрное, другіе остались при догадкѣ, которую не могли не признавать весьма вѣроятною. Въ числѣ послѣднихъ былъ Мотковъ. Въ испугѣ отъ возможности близкаго осуществленія цѣли преступнаго общества, въ которомъ онъ принималъ участіе, онъ передалъ своимъ товарищамъ—малининцамъ, что Ишутинъ, Ермоловъ и Каракозовъ рѣшились на царевубійство и что, такъ какъ они отстаютъ отъ дѣйствій «Организаціи» и рѣшаются на такое дѣло, которое ее погубить, то слѣдуетъ исключить ихъ изъ общества, лишить ихъ возможности дѣйствовать и засимъ составить такой уставъ ихъ общества, при которомъ подобное явленіе не было бы уже возможнымъ. Товарищи Моткова на это согласились и сообщили все Дмитрію Иванову и Воскресенскому, которые также изъявили свое согласіе на противодѣйствіе ипатовцамъ. Было предположено завести Ишутина въ уединенныя мѣста и угрозами заставить его разсказать все, что онъ знаетъ, и тогда, если ихъ опасенія подтвердятся, объявить объ этомъ всѣмъ бывавшимъ на сходкахъ. Однако они не рѣшились привести это въ исполненіе, опасаясь мести ипатовцемъ, и положили отправить Моткова за деньгами къ Маликову въ Холмъ и по полученіи этихъ денегъ тотчасъ собрать сходку и заставить Ишутина, Каракозова и Ермолова уѣхать изъ Москвы въ какой-нибудь отдаленный городъ, гдѣ имѣть за ними строгій надзоръ.

«До возвращенія Моткова изъ Холма всѣ виновные были арестованы.

«Послѣдняя сходка «Организаціи» была 4 апрѣля. На этой сходкѣ, которая происходила въ квартирѣ Юрасова, присутствовали въ числѣ прочихъ: Ишутинъ, Ермоловъ, Юрасовъ, Загибатовъ, Шагановъ, Николаевъ, Александръ Ивановъ, Дмитрій Ива-

новъ, Малининъ и Кичинъ. Здѣсь обсуждалось предложеніе немедленно разѣхаться по разнымъ городамъ для осуществленія плана общества, и Ермоловъ объявилъ, что онъ немедленно уѣзжаетъ въ деревню, чтобы достать денегъ для тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣли средствъ выѣхать изъ Москвы.

«При производствѣ о всѣхъ сихъ обстоятельствахъ слѣдствія, къ оному привлечены были разные лица, которыя, не участвуя въ обществахъ «Адъ» и «Организація», находились въ сношеніяхъ съ ихъ членами по различнымъ преступнымъ замысламъ и предположеніямъ сихъ послѣднихъ. Маликовъ, Бибииковъ и Оболенскій были главными дѣятелями по предположенію объ устройствѣ Людиковского завода въ Жиздринскомъ уѣздѣ Калужской губерніи и по этому предположенію были въ сношеніяхъ съ членами «Организаціи», которые, узнавъ объ ихъ проектѣ, приняли, какъ выше уже было сказано, участіе въ немъ, чтобы осуществить на этомъ заводѣ ихъ предположенія объ ассоціаціяхъ. Бывшій студентъ с.-петербургскаго университета Александръ Никольскій пріѣзжалъ въ Москву отъ Худякова съ предложеніемъ объ освобожденіи Серно-Соловьевича и находился по этому предмету въ сношеніяхъ съ Ишутинымъ. Учителя Марксъ и Трусовъ и провизоръ Лангаусъ участвовали въ доставленіи Страндену яда для поѣздки его въ Сибирь съ цѣлью освободить Чернышевскаго. Шостаковичъ и Маевскій были въ сношеніяхъ съ ипатовцами, т. е. съ Ермоловымъ, Загибаловымъ, Ишутинымъ и Странденомъ, по укрывательству бѣжавшаго государственнаго преступника Домбровскаго».

Такова была во всѣхъ подробностяхъ и развѣтвленіяхъ дѣятельность московскаго или даже, правильнѣе, московскихъ кружковъ, изъ которыхъ столь роковымъ образомъ выдѣлился Каракозовъ. Мы видѣли, что ихъ боевая, такъ сказать, сходка назначена была на 4 апрѣля 1866 года, т. е. на тотъ день, когда отколовшійся отъ нихъ ихъ «молчаливый» товарищъ направилъ въ Лѣтнемъ саду дуло своего пистолета на гулявшаго тамъ Александра II.

V.

Прибывъ въ Петербургъ, Каракозовъ остановился въ Знаменской гостиницѣ и видѣлся только съ медикомъ Кобылинымъ и писателемъ Худяковымъ, хотя и состоявшимъ тогда въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ Ишутинскому кружку, но, повидимому, не осведомленнымъ о цѣляхъ прибытія сюда Каракозова. Такимъ образомъ, настоящаго заговора въ «дѣлѣ Каракозова» не было, въ немъ не было ни участниковъ, ни какихъ-либо сложныхъ подготовленій, ни намѣченныхъ далѣе послѣдствій. Все дѣло было

дѣломъ рукъ одного человѣка, выносившаго нѣкоторое время опредѣленный планъ дѣйствій и рѣшившаго его привести въ исполненіе при удобномъ случаѣ. Императоръ Александръ II имѣлъ обыкновеніе постоянно гулять въ Лѣтнемъ саду, въ одиночествѣ со своею собакою или въ сопровожденіи членовъ царской семьи или кого-нибудь изъ приближенныхъ. Объ этихъ прогулкахъ населеніе было хорошо освѣдомлено, и часто многіе отправлялись въ Лѣтній садъ спеціально съ цѣлью встрѣтиться съ государемъ и посмотреть на него. Даже во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда еще покушенія на жизнь государя не сдѣлались дѣломъ систематическимъ, его постоянно можно было видѣть гуляющимъ по главнымъ аллеямъ любимаго имъ сада. И гимназисты 3-й петербургской гимназіи, помѣщающейся на Гагаринской улицѣ, въ числѣ которыхъ тогда былъ и авторъ настоящихъ очерковъ, бѣгали иногда въ близлежащій садъ, чтобы раскланяться съ императоромъ, стать передъ нимъ во фронтъ и отдать честь.

Каракозовъ прозналъ также о прогулкѣ Александра II, и вотъ 4 апрѣля 1866 г., когда Александръ II въ четвертомъ часу дня послѣ гулянья въ сопровожденіи племянника, герцога Николая Лейхтенбергскаго и племянницы, принцессы Баденской, сѣли въ коляску у набережной, Каракозовъ произвелъ въ него почти въ упоръ изъ пистолета выстрѣлъ. Очутившійся случайно около него крестьянинъ Костромской губ. (шапочный мастеръ) толкнулъ руку (по однимъ утвержденіямъ, толкнулъ даже непреднамеренно) стрѣлявшаго, почему пуля и пролетѣла мимо. Государь остался невредимъ, толпа бросилась на покушавшагося, но онъ полиціей былъ отъ нея устраненъ и тутъ же арестованъ. Такъ совершенно случайно предотвращено было страшное пролитіе крови, которое могло принести Россіи неисчислимое зло, возстановивъ только что освобожденное царемъ крестьянство противъ привилегированныхъ классовъ, которое въ убійствѣ Царя-Освободителя легко отмѣтило бы актъ мести дворянства царю именно за лишеніе его правъ рабовладѣнія.

Послѣ взятія Каракозова Александръ II отправился прямо въ Казанскій соборъ принести благодареніе Богу за избавленіе отъ угрожавшей ему опасности, а герцогъ Николай съ принцессой Маріею поѣхали на происходившее въ то время засѣданіе государственнаго совѣта чтобы предупредить о случившемся председателемъ бывшаго въ совѣтѣ великаго князя Константина Николаевича.

Когда государь возвратился въ Зимній дворецъ, то тамъ уже ожидали его всѣ члены государственнаго совѣта для принесенія поздравленія. Обнявъ императрицу и дѣтей, императоръ со всею семьею вторично поѣхалъ въ Казанскій соборъ, гдѣ передъ чудотворною иконою Казанской Богоматери былъ отслуженъ благодар-

ственный молебенъ. Дальнѣйшія событія біографъ Александра II въ своемъ трудѣ «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе»¹⁾ излагаетъ такъ: «Между тѣмъ вѣсть о чудесномъ спасеніи монарха быстро разнеслась по городу. На площади передъ соборомъ толпа привѣтствовала его кликами радости и восторга. Въ Зимнемъ дворцѣ собрались министры, высшіе придворные и гражданскіе чины, генералитетъ, офицеры гвардіи, арміи и флота, спѣшившіе наперерывъ принести государю выраженіе вѣрноподданныхъ чувствъ. Всѣ были допущены къ нему. Густая толпа народа заливала Дворцовую площадь, оглашая воздухъ кликами «ура!». Государь нѣсколько разъ выходилъ къ ней на дворцовый балконъ. Вечеромъ во всѣхъ церквахъ столицы происходили молебствія.

«На другой день, въ 10 час. утра, императоръ принялъ поздравленіе сената, явившагося въ Зимній дворецъ въ полномъ составѣ, съ министромъ юстиціи во главѣ. «Благодарю васъ, господа,—сказалъ онъ сенаторамъ,—благодарю за вѣрноподданныхъ чувствъ. Они радуютъ меня. Я всегда былъ въ нихъ увѣренъ, жалѣю только, что вамъ довелось выразить ихъ по такому грустному событію. Личность преступника еще не разъяснена, но очевидно, что онъ не тотъ, за кого себя выдаетъ. Всего прискорбнѣе, что онъ русскій». На выраженную однимъ сенаторомъ надежду, что дальнѣйшее слѣдствіе разъяснитъ личность преступника и что имя русскаго останется незапятнаннымъ, государь отвѣчалъ: «Дай Богъ!» Затѣмъ онъ сообщилъ сенаторамъ то, что открыло первоначальное разслѣдованіе, и, отпуская ихъ, повторилъ: «Благодарю, еще разъ благодарю васъ, господа, за выраженіе вашихъ вѣрноподданныхъ чувствъ».

«Въ часъ состоялся пріемъ императоромъ во дворцѣ петербургскаго дворянства, къ которому присоединились находившіеся въ столицѣ дворяне другихъ губерній, представители городскихъ обществъ и прочихъ сословій. Когда изъ Золотой гостиной государь вступилъ въ Бѣлую залу, подъ руку съ императрицей, въ сопровожденіи цесаревича и прочихъ сыновей, его встрѣтило громкое единодушное «ура!» не умолкавшее нѣсколько минутъ. Ихъ величества были растроганы. Ихъ окружили со всѣхъ сторонъ. На глазахъ у всѣхъ были слезы. Когда водворилась тишина, петербургскій предводитель дворянства графъ Орловъ-Давыдовъ обратился къ императору со слѣдующимъ привѣтствіемъ:

«Ваше императорское величество. При семъ горестномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшительномъ случаѣ, мы, предводители, депутаты и дворяне с.-петербургскіе, предстоимъ передъ вами, государь, не говоримъ отъ имени дворянъ всей Россіи потому только, что

¹⁾ «Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе» С. С. Татищева, т. 2-й.

каждое дворянское собраніе дорожитъ правомъ выразить самосвое чувство. Но отъ имени нашихъ довѣрителей, дворянъ столицы и Петербургской губерніи, мы нынѣ выражаемъ передъ вашимъ величествомъ нашу скорбь, что рука преступника или сумасшедшаго посягнула на вашу высочайшую, церковью освященную и намъ дражайшую особу, и вмѣстѣ съ тѣмъ возносимъ Богу благодарственное моленіе за то, что Онъ защитилъ Россію отъ бѣдствій, спасая вашу жизнь. Государь, позвольте намъ въ настоящую минуту вспомнить, что въ этомъ самомъ дворцѣ, въ третій день вашего царствованія, вы, принимая с.-петербургскихъ депутатовъ, имъ сказали, что надѣетесь видѣть всегда русское дворянство въ началѣ и во главѣ всякаго доблестнаго и полезнаго подвига. При помощи Божіей эта благодатная надежда оправдывается къ многолѣтнему утѣшенію вашего чадолюбиваго сердца». Императоръ отвѣчалъ: «Господа дворяне и господа члены другихъ сословіи! Благодарю васъ отъ всей души за выраженіе вашихъ чувствъ при этомъ грустномъ случаѣ. Такъ и въ прошломъ году, въ это же время, всѣ сословія выражали мнѣ свое сочувствіе. Если, кромѣ вѣры въ Бога, что поддерживаетъ меня въ моемъ трудномъ служеніи, то это именно та преданность и тѣ чувства, которыя мнѣ постоянно выражаютъ съ такимъ единодушіемъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ, какъ отъ васъ, господа дворяне, такъ и отъ всѣхъ другихъ сословіи. Еще разъ благодарю васъ всѣхъ отъ всего сердца. Надѣюсь, что вы, господа дворяне, радушно примите въ свою среду вновь возведеннаго мною въ дворянское достоинство, — дворянина, вчерашняго крестьянина, который спасъ мнѣ жизнь. Я думаю, что этимъ онъ вполне заслужилъ честь быть русскимъ дворяниномъ».

«6 апрѣля принесли императору поздравленія отъ имени своихъ государей и правительствъ пребывающіе въ Петербургѣ представители иностранныхъ державъ.

«Со всѣхъ концовъ имперіи въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ поступали выраженія чувствъ радости русскихъ людей о спасеніи драгоцѣнной жизни царя. Сословія и общества посылали депутаціи въ Петербургъ, отправляли телеграммы, посылали адреса; въ движеніи этомъ участвовали всѣ званія и состоянія, учрежденія, учебныя и воспитательныя заведенія и общины, даже частныя лица; многіе знаменовали всенародно восторгъ дѣлами благотворенія. Единодушный порывъ вѣрноподанныхъ глубоко проникъ въ сердце вѣнценосца, какъ явствуетъ изъ письма его къ высокопреосвященному Филарету, митрополиту московскому:

«Принявъ съ благоговѣніемъ присланную мнѣ вами икону святаго Алексія, искренно благодарю васъ и все московское духовенство за выраженныя чувства вѣрноподданнической преданности. Призванный на царство всемогущимъ Промысломъ, я возлагаю

всѣ мои надежды на Вседержителя Бога, въ Его же десницѣхъ цари и народы, и глубоко вѣрую, что благое Провидѣніе охранитъ дни мои, доколѣ они будутъ нужны для дорогой мнѣ Россіи. Какъ ни тягостна моему сердцу мысль о покушеніи на мою жизнь, всецѣло отданную любимому отечеству, но она исчезаетъ передъ благою Божественною волею, отвратившею отъ меня опасность, и единодушное сочувствіе ко мнѣ всѣхъ сословій вѣрнаго моего народа, со всѣхъ концовъ обширной имперіи, доставляетъ мнѣ ежеминутныя трогательныя доказательства несокрушимой связи между мною и всѣмъ преданнымъ мнѣ народомъ. Эта священная связь да останется навѣки неизмѣннымъ залогомъ силы, цѣлости и единства нашего общаго великаго отечества. Призываю святую церковь молиться о благоденствіи и славы Россіи».

Такова была счастливая, праздничная сторона дѣла, изъ-за которой выглядывала и другая, не сулившая Россіи въ будущемъ ничего утѣшительнаго. Вотъ какъ, на примѣръ, описываетъ авторъ цитированнаго уже выше фельетона въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾ отраженіе событія 4 апрѣля на жизни первопрестольной. Онъ говоритъ:

«Кто жилъ въ то время въ Москвѣ, тотъ помнитъ, конечно, охватившее и жителей, и администрацію настроеніе. Народъ поили изъ выставленныхъ купцами на Красной площади винныхъ бочекъ; повсюду гремѣли оркестры; Н. Г. Рубинштейнъ послѣ концерта въ Дворянскомъ собраніи ходилъ по главнымъ московскимъ улицамъ во главѣ огромной толпы съ оркестромъ, игравшимъ народный гимнъ. На улицахъ происходили нерѣдко грубыя сцены насилія: избивались интеллигенты и даже дамы. Арестовывали не только въ чемъ-нибудь политическомъ заподозрѣнныхъ, но даже тѣхъ, у кого находили портреты Чернышевскаго. Особенно тяжело было положеніе поляковъ. Всѣ въ Москвѣ были почему-то увѣрены, что стрѣлялъ полякъ. Ихъ гнали изъ квартиръ, отказывали отъ мѣстъ учителямъ и докторамъ. Наконецъ узнали официально, что покушавшійся былъ уроженецъ Саратовской губерніи Каракозовъ. Въ Москвѣ тогда было невыносимо жить».

Князь Мещерскій въ своихъ воспоминаніяхъ²⁾ даетъ любопытныя указанія, какъ отразилось событіе 4 апрѣля на административныхъ сферахъ и какъ реагировали на него главнѣйшіе представители правительственнаго механизма, которыхъ ближе всего затронуло преступленіе Каракозова.

¹⁾ «Русскія Вѣдомости» 1909 г., № 8.

²⁾ Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія», часть вторая (1865—1881 г.г.).

VI.

Передавъ немало любопытныхъ эпизодовъ изъ тогдашней жизни, захваченной событіями 4-го апрѣля, отмѣтивъ, какъ Комиссаровъ сразу сталъ знаменитостью, авторъ говоритъ, что, кромѣ Комиссарова и Каракозова, въ тѣ дни явилось еще нѣсколько «героевъ». Первымъ былъ графъ М. Н. Муравьевъ, котораго изъ его уединенія и покоя вернули снова къ дѣятельности, поручивъ ему предсѣдательство въ Высочайше утвержденной слѣдственной комиссіи для выясненія преступленія Каракозова. Назначеніе это, по словамъ кн. Мещерскаго, было вызвано «напоромъ общественнаго мнѣнія». «Всѣ слои петербургскаго общества,—говоритъ онъ,—одинаково негодовали въ то время на политику вліянія Валуева и на полную распущенность въ управленіи Петербургомъ, обращенную въ *statu quo* легкомысленнымъ княземъ Суворовымъ. Громко говорили о необходимости энергическихъ мѣропріятій, искали людей съ энергіей, способныхъ,—и никого не находили, кромѣ графа Муравьева. Несмотря на свою старость, онъ принялъ предложенную ему страшно трудную должность безъ разсужденій, къ великой досадѣ его двухъ заклятыхъ враговъ, столь недавно праздновавшихъ его паденіе, Валуева и кн. Суворова». Вторымъ «героемъ дня» явился министръ народнаго просвѣщенія Головинъ. Про него кн. Мещерскій пишетъ такъ: «Пока Головинъ систематически, но безъ явнаго вреда для правительства давалъ растлѣвать нравственность будущей Россіи, то есть молодежи, и подготовлялъ изъ учащейся молодежи будущихъ дѣятелей революціи въ Россіи, основанной на низложеніи всѣхъ авторитетовъ, начиная съ божественнаго, его оставляли въ покоѣ, казалось, никому нѣтъ дѣла до молодежи въ Россіи, лишь бы только не было шума, и никого изъ нашихъ сановниковъ не беспокоили и не трогали... Но вотъ 4-го апрѣля точно обухомъ треснуло всѣхъ по головѣ: государя чуть не убила пуля изъ руки какого-то человѣка, про котораго знали, что онъ побывалъ въ двухъ университетахъ ¹⁾, и вотъ этого сопоставленія было достаточно, чтобы привлечь къ отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ, требовавшимъ мщенія и искупительныхъ жертвъ въ лицѣ Головина... Замѣчательно, что это возбужденіе противъ Головина появилось въ средѣ государственныхъ людей. До 4-го апрѣля никто изъ коллегъ Головина не задумывался надъ вопросомъ, хорошо или дурно онъ ведетъ свое министерство народнаго просвѣщенія?.. Послѣ 4-го апрѣля вдругъ у нихъ пробуждается какая-то усиленная ревность къ Россіи...»

¹⁾ Казанскомъ и московскомъ.

Когда назначили Муравьева председателемъ слѣдственной коммисіи и онъ черезъ нѣсколько дней уже довелъ до свѣдѣнія государя, что въ числѣ арестованныхъ по подозрѣнію въ составленіи политическихъ противоправительственныхъ кружковъ имѣется нѣсколько десятковъ учащейся молодежи, и государю стали говорить, что въ этомъ виновенъ Головинъ, то Александръ II призвалъ министра и сказалъ ему, что «въ виду печальныхъ событій, обнаружившихъ связь 4-го апрѣля съ дурнымъ настроеніемъ въ учащейся молодежи, ему подвѣдомственной,—онъ считаетъ необходимымъ его уволить. Увольненіе состоялось милостивое, такъ какъ Головинну дали 12 тысячъ жалованья и назначили его членомъ государственнаго совѣта. Выборъ государемъ преемника Головинну оказался, какъ говорили тогда, въ духѣ реакціи: онъ палъ на графа Дмитрія Андреевича Толстого, бывшаго тогда оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода», при чемъ это оберъ-прокурорство было за нимъ сохранено и такимъ образомъ образовано извѣстное совмѣстительство вслѣдствіе намѣренія сблизить оба вѣдомства, дабы духовное образованіе не расходилось съ гражданскимъ.

Третій герой дня былъ шефъ жандармовъ кн. В. А. Долгоруковъ. «Объ немъ у меня въ «Дневникѣ» переданы слѣдующія интересныя и прекрасныя подробности,—говоритъ кн. Мещерскій.—Когда князь Василій Андреевичъ созналъ, что онъ долженъ себя считать однимъ изъ виновниковъ событія 4 апрѣля,—прямо вина себя въ слабости и въ плохомъ веденіи тайной полиціи,—онъ явился къ государю и говоритъ ему: «Ваше величество, у меня есть къ вамъ маленькая просьба, обѣщайте мнѣ ее исполнить». «Какая?» спросилъ государь. «Маленькая и притомъ такая, которая касается меня лично», — «Если маленькая, то я обѣщаю ее исполнить». — «Благодарю васъ, государь, — отвѣтилъ князь: — увольте меня отъ должности шефа жандармовъ». — «Ну нѣтъ, это, извини меня, я не сдѣлаю. Ты имѣешь мое довѣріе». — «Я утратилъ довѣріе Россіи,—отвѣтилъ князь,—и имѣю ваше слово, государь, вы обѣщали мою просьбу исполнить». Государь сталъ упрашивать князя. Но князь не только былъ неумолимъ, но онъ потребовалъ небывалаго: чтобы въ приказѣ не было сказано: уволенъ по прошенію, а просто «уволенъ отъ должности». Государь упрашивалъ его согласиться на слово—«по прошенію», но князь Долгоруковъ былъ и тутъ неумолимъ, сказавши: «Пусть вся Россія знаетъ, что я уволенъ за неумѣніе охранять моего государя». Замѣчательно, что князь Долгоруковъ въ день своего увольненія выѣхалъ изъ казеннаго дома на частную квартиру. Преемникомъ себѣ онъ указалъ на гр. П. А. Шувалова, своего бывшаго начальника штаба, который и былъ назначенъ на должность шефа жандармовъ и начальника Третьяго Отдѣленія.

Четвертымъ героемъ былъ генераль-губернаторъ кн. Суворовъ. Поведеніе этого сановника обрисовано кн. Мещерскимъ въ крайне непривлекательномъ видѣ. «Казалось бы, послѣ покушенія ему слѣдовало быть вездѣ, но только не между нами, пребывавшими при дворѣ,—говоритъ авторъ «Воспоминаній»:—дѣйствительно, ему ли было не бросаться всюду, чтобы узнавать, хотя поздно, подробности печальнаго событія и причины, сдѣлавшія его возможнымъ. Но князь Суворовъ какъ будто объ этомъ и не подумалъ. Онъ явился во дворецъ разыгрывать комедію сантиментальности. Съ запасомъ носовыхъ платковъ въ карманѣ онъ себя предназначилъ къ роли плакальщика; онъ плакалъ, подходя къ каждому встрѣчному и говоря по-французски: вы всѣ веселитесь о спасеніи государя, я одинъ плачу, я, генераль-губернаторъ! Съ такими же слезами онъ предсталъ передъ государемъ императоромъ и государынею и затѣмъ, переходя въ другое настроеніе, принимался свидѣтельствовать свою преданность ругательствами на преступника. Эта комедія длилась нѣсколько дней. Ежедневно онъ прибѣгалъ въ комнаты молодыхъ великихъ князей, Сергѣя и Павла Александровичей, и тамъ, ударяя себя въ грудь и проливая слезы, говорилъ съ какимъ-то паѳосомъ про свою любовь къ государю. Мало того, въ промежутки между посѣщеніями императорскихъ особъ, онъ забѣгалъ, по обыкновенію, къ камеръ-юнгфрау императрицы и, цѣлуя ей ручки, изливалъ ей въ душу свои слезы, свое горе, свои вѣрнопопданническія чувства. Такъ продолжалось это нѣсколько дней; тѣ, которымъ онъ выплакивалъ свою душу, приходили къ государю и къ императрицѣ говорить про слезы князя Суворова съ умиленіемъ, а ему только это и нужно было. Какъ бы въ насмѣшку надъ негодовавшимъ къ нему общественнымъ мнѣніемъ, князь Суворовъ въ царскихъ ложахъ въ театрахъ, въ присутствіи государя, высовывался изъ нихъ, говорилъ громко, какъ бы желая сказать: ругайте, сколько хотите, а я все-таки генераль-губернаторъ и ближайшій изъ приближенныхъ.

«Назначеніе графа Шувалова на мѣсто шефа жандармовъ разсердило князя Суворова только потому, что послѣдній съ элегантною и тонкою своею манерою обращенія его въ грошъ не ставилъ и давалъ ему сіе понимать; но когда состоялось назначеніе графа Муравьева, Суворова можно было заподозрѣть въ сумасшествіи отъ бѣшества; до того его поступки стали непристойны по ребяческой злобѣ и по безтактности. Такъ, напримѣръ, онъ громко сталъ говорить полицейскимъ чинамъ, чтобы они не слушались Муравьева и не исполняли его требованій».

Наконецъ послѣ сильнаго давленія на государя со стороны графа Шувалова отставка петербургскаго генераль-губернатора была рѣшена, но вмѣстѣ съ упраздненіемъ и самого генераль-губернаторства. Какъ повѣствуетъ князь Мещерскій, «государь

сказалъ князю Суворову, что онъ призналъ необходимымъ для объединенія управленія Петербургомъ упразднить генераль-губернаторскій постъ, поблагодарилъ его за вѣрную службу и назначилъ его генераль-инспекторомъ всей пѣхоты. Вотъ тутъ князь Суворовъ выказалъ себя во всей своей непривлекательной наготѣ. Имъ овладѣлъ припадокъ не только бѣшенства, но даже ненависти къ государю, и, выйдя изъ комнаты въ этомъ возбужденномъ состояніи, онъ до того позабылся, что оставшіеся въ комнатѣ должны были его вывести на воздухъ, чтобы дать ему немного прійти въ себя и опомниться. Тутъ же онъ объявилъ, что бросаетъ Петербургъ и государя и ѣдетъ въ свое новгородское имѣніе, въ то самое, прибавилъ онъ, гдѣ жилъ его дѣдъ во время опалы при Павлѣ I.

«Такою трагикомедіею закончило свое существованіе давнишнее учрежденіе петербургскаго генераль-губернаторства—добавляетъ къ своему повѣствованію князь Мещерскій.—Князь Суворовъ всѣхъ рельефнѣе изобразилъ собою вредъ этого учрежденія, и когда онъ дѣйствительно уѣхалъ въ свою Новгородскую губернію, рассказывали въ Петербургѣ, что розыски муравьевской комиссіи обнаружили, между прочимъ, что канцелярія генераль-губернатора служила, между прочимъ, въ роли пріюта для нѣсколькихъ сильно скомпрометированныхъ вольнодумцевъ».

Незадолго до отставки Суворова оберъ-полицеймейстеръ Анненковъ былъ смѣщенъ съ должности, и на его мѣсто назначенъ, по указанію графа Шувалова, Ѳ. Ѳ. Треповъ, обратившій на себя вниманіе русской власти, какъ одинъ изъ энергичныхъ дѣятелей по усмиренію варшавскихъ беспорядковъ. Съ уходомъ Суворова Треповъ и сталъ полновластнымъ хозяиномъ Петербурга въ полицейскомъ отношеніи, сохранивъ силу своего вліянія и власти до покушенія на него со стороны Вѣры Засуличъ, послѣдовавшаго въ 1878 году.

Назначеніе на мѣсто предсѣдателя слѣдственной комиссіи М. Н. Муравьева испугало весьма многихъ, сознававшихъ, что эта желѣзная воля не только сумѣетъ довести дознаніе до конца, исчерпать его, но въ соотвѣтствіи съ общимъ политическимъ міросозерцаніемъ графа, о которомъ достаточно уже было говорено прежде, постарается распространить свое вліяніе на всѣ отрасли государственнаго управленія и общественной жизни страны, подчинивъ ихъ началамъ внутренней политики, яркимъ представителемъ которой онъ являлся. Яенѣ всѣхъ это созналъ Герценъ, посвятившій событію 4 апрѣля и работѣ слѣдственной комиссіи передовую статью въ «Колоколѣ»¹⁾.

«Новости изъ Россіи безконечно печальны»,—читаемъ мы здѣсь.

¹⁾ «Колоколъ», 1866 г., № 220.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1909 г., т. схѵ.

«Выстрѣлъ 4 апрѣля растеть не по днямъ, а по часамъ въ какую-то общую бѣду и грозить вырасти въ еще страшнѣйшія и еще больше не заслуженныя Россіей бѣдствія.

«Полицейское бѣшенство достигло чудовищныхъ размѣровъ. Какъ кость, брошенная разсвирѣпѣлымъ сворамъ, выстрѣлъ вновь раззадорилъ злобу грызшихся и сдулъ снова пепель, которымъ начало заносить тлѣвшій огонь, темныя силы еще выше подняли голову, и испуганный кормчій ведетъ на всѣхъ парусахъ чинить Россію въ такую черную гавань, что при одной мысли объ ней цѣпенѣеть кровь и кружится голова.

«Выстрѣлъ безумень, но каково нравственное состояніе государства, когда его судьбы могутъ измѣниться отъ случайностей, которыхъ ни предвидѣть, ни отстранить невозможно, именно потому, что онѣ безумны. Мы рѣшительно не вѣримъ ни въ серьезный, ни въ огромный заговоръ... Заговоръ создается, выдумывается теперь—такъ, какъ Фуше выдумывалъ якобинское участіе въ «адской машинѣ» улицы Никезъ. Такого рода дѣйствія могутъ быть мезью отходящаго, личнымъ отчаяніемъ, но не водвореніемъ новаго... Кому полезень былъ бы успѣхъ? Развѣ консерваторамъ-крѣпостникамъ.

«Жизнь народа превосходно поняла выстрѣлъ. Она его превратила въ торжество. Какая овація, коронація, какой елей или *sainte-chrême* могли лучше утвердить тронъ, больше укрѣпить личную силу государя, какъ этотъ выстрѣлъ, съ рукой спасающаго крестьянина, со всей обстановкой. Тутъ-то бы государю и стать во весь ростъ, во всей полнотѣ великодушнаго забвенія... а стрѣлявшаго предоставить обыкновенному суду, но суду гласному. Онъ и этого не сдѣлалъ и не можетъ сдѣлать,—онъ окруженъ другимъ заговоромъ, онъ окруженъ русскимъ тайнымъ жондомъ. Темная интрига сдѣлала себѣ изъ выстрѣла знамя гибели, то знамя, которое на старинныхъ нѣмецкихъ картинкахъ мы видали въ рукахъ смерти вмѣстѣ съ косою... Да, жондъ будетъ косить направо и налево, косить прежде всего своихъ враговъ, косить освобождающееся слово, косить независимую мысль, косить головы, гордо смотряція впередъ, косить народъ, которому теперь льстятъ, и все это подъ осѣненіемъ знамени, возвѣщающаго, что они спасаютъ царя, что они мстятъ за него. Горе Россіи, если царь окончательно повѣритъ, что тайный жондъ его спасаетъ. Мы пройдемъ страшнѣйшей бироновско-аракчеевской эпохой, мы пройдемъ застѣночнымъ ханжествомъ новыхъ Магницкихъ, мы пройдемъ всѣми ужасами свѣтскаго инквизиторства николаевскаго времени, да еще со всѣми усовершенствованіями, вводимыми поддѣльной гласностью и полицейской сквернословящей литературой».

Въ слѣдующемъ номерѣ своего изданія Герценъ обратился къ государю уже съ личнымъ письмомъ. Вотъ оно:¹⁾

¹⁾ «Колоколъ» 1866 г., № 221.

«Государь!

«Было время, когда вы читали «Колоколь»,— теперь вы его не читаете. Которое время лучше, то или это, время ли освобожденій и свѣта, или время заточеній и тьмы—скажетъ вамъ ваша совѣсть. Но читаете вы насъ, или нѣтъ, этотъ листъ вы должны прочесть. Вы кругомъ обмануты, и нѣтъ честнаго человѣка, который смѣлъ бы вамъ сказать правду. Возлѣ васъ пытаются, вопреки вашему приказанію, и вы этого не знаете. Васъ увѣряютъ, что несчастный, стрѣлявшій въ васъ, былъ орудіемъ огромнаго заговора, но ни большого, ни малаго заговора вовсе не было; то, что они называютъ заговоромъ, это возбужденная мысль Россіи, это развязанный языкъ ея, это умственное движеніе, это ваши слова рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ. Васъ ведутъ отъ несправедливости къ несправедливости, васъ приведутъ къ гибели, если не въ этомъ свѣтѣ, то въ будущемъ свѣтѣ исторіи. Васъ приведутъ къ гибели заговорщики, въ самомъ дѣлѣ васъ окружающіе, не потому, чтобъ они этого хотѣли, а потому, что имъ это выгодно. Они пожертвуютъ вами, такъ какъ они жертвуютъ теперь сотнями невинныхъ, которыхъ невинность они знаютъ, такъ какъ они жертвуютъ честью семей, выдавая позорные билеты честнымъ женщинамъ...

«Что вамъ не можетъ это нравиться, я въ этомъ убѣжденъ, и оттого-то рѣшаюсь писать къ вамъ. Но этого мало. Узнайте сами истину—и проведите свою волю, какъ вы ее провели при освобожденіи крестьянъ.

«Четвертый разъ выхожу я на дорогу, по которой вы идете, и останавливаюсь на ней, чтобъ обратить ваше вниманіе не на себя, а на васъ самого.

«Отъ васъ ждуть кротости, отъ васъ ждуть человѣческаго сердца», писалъ я, когда вы сѣли на престолъ. «Вы необыкновенно счастливы!»—«И до сихъ поръ ждуть, вѣра въ васъ сохранилась», прибавилъ я черезъ два года съ половиною.

«Прошло семь лѣтъ, и какъ много прошло въ эти семь лѣтъ! Я былъ на югѣ Франціи, когда потухалъ вашъ сынъ. Первая вѣсть, услышанная мною въ Женевѣ, была вѣсть о его кончинѣ. Я не выдержалъ и, бранимый многими, взялся за перо и написалъ вамъ третье письмо, въ которомъ говорилъ: «Судьба неумолимо, страшно коснулась васъ, въ жизни людской есть минуты грозно торжественныя. Вы въ такой минутѣ, ловите ее. Остановитесь подъ всей тяжестью удара и подумайте, только безъ сената и синода, безъ министровъ и штаба, подумайте о пройденномъ и о томъ, куда вы идете. Рѣшитесь, не дожидаясь второго удара».

«Вы не рѣшились. Судьба еще разъ коснулась васъ, и пусть меня называютъ сумасшедшимъ и слабымъ, я пишу къ вамъ,

такъ трудно мнѣ окончательно разстаться съ мыслью, что вы вовлечены другими въ тотъ историческій грѣхъ, въ ту страшную неправду, которая совершается возлѣ васъ.

«Вы не можете желать зла Россіи за ея любовь къ вамъ. Это неестественно. Станьте же во весь ростъ за нее, изнемогающую надъ тяжестью клеветы и испуганную тайнымъ судилищемъ и явнымъ произволомъ.

«По всей вѣроятности, это послѣднее письмо мое къ вамъ, государь. Прочтите его. Одно безконечное, мучительное горе о гибнущей юной, свѣжей силѣ надъ нечистыми ногами нечестивыхъ стариковъ, посѣдѣлыхъ во взяткахъ, каверзахъ и интригахъ, одна эта боль могла меня заставить еще разъ остановить васъ на дорогѣ и еще разъ поднять голосъ.

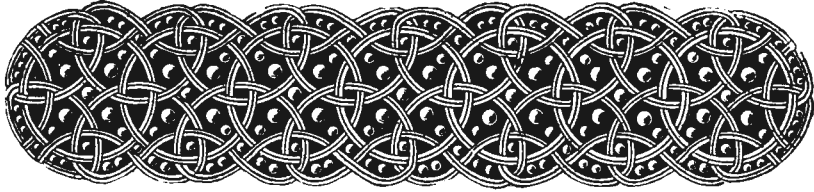
«Вниманія, государь, вниманія къ дѣлу. Его имѣетъ право требовать отъ васъ Россія».

Такъ писалъ на берегахъ Темзы политическій идеалистъ, уже къ тому, впрочемъ, времени значительно утерявшій силу своего вліянія, обращаясь къ Александру II, а такъ на берегахъ Невы говорилъ политическій практикъ М. Н. Муравьевъ, обращаясь къ привѣтствовавшему его назначенію дворянству на торжественномъ обѣдѣ въ Англійскомъ клубѣ: «Я счастливъ, что поставленъ государемъ во главѣ учрежденія, которое должно служить къ открытію злого умысла и преступника. Я скорѣе лягу въ гробъ, чѣмъ оставлю не открытымъ это зло, — зло не одного человѣка, но многихъ дѣйствовавшихъ въ совокупности. Надѣюсь, что вы, дворяне, поможете въ этомъ».

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПО СЪВЕРУ И ЮГУ.

(Картинки Россіи).

I.

Среди старообрядцевъ.

ВОГДА вы попадаете изъ Петербурга въ мирныя провинціальныя палестины, вы не можете не замѣтить, что теперешняя русская провинція уже не та, какую она была десять и двадцать лѣтъ назадъ... Вездѣ зародилась партійная жизнь, вездѣ слышатся политическіе разговоры, вездѣ объявились взаимно враждующіе кадеты и черносотенцы, и отъ прежней мирной провинціи, игнорировавшей политику, уже ничего не осталось. Въ этихъ кривобокихъ домишкахъ за покосившимися деревянными заборами, въ маленькихъ хаткахъ и хижинахъ, украшающихъ изрытыя дождями улицы, сидятъ еще болѣе ярые политиканы, чѣмъ тѣ, которыхъ мы видимъ въ столицахъ, гдѣ широкая и суетливая жизнь сглаживаетъ остроту отношеній. Первобытныя натуры, искреннія и наивныя дѣти провинціи все воспринимаютъ отъ полноты сердца, увлекаются благодѣтельными перспективами социализма, и провинціальная трясина въ изобиліи шлетъ въ столицы тысячи такихъ наивныхъ людей, помѣшанныхъ на переустройствѣ мірового правопорядка.

Есть, однако, уголки въ Россіи, которыхъ почти не коснулись пережитыя нами политическія бури. Таковъ старообрядческій міръ

провинціи. Приволжскія губерніи полны старообрядцевъ, и Нижній-Новгородъ одинъ изъ главныхъ и типичнѣйшихъ центровъ старообрядчества. Здѣсь, въ тихихъ улицахъ, въ красивыхъ домахъ-особнякахъ живутъ главари старообрядческаго міра, именитые купцы-раскольники, заботами и жертвами которыхъ поддерживаются сила и благосостояніе старообрядчества. Къ крупнымъ старообрядческимъ центрамъ тяготѣетъ все разбѣянное по дальнимъ приволжскимъ угламъ старообрядческое населеніе.

Двадцать пять лѣтъ я знаю Нижній-Новгородъ. Несмотря на новыя теченія русской жизни, несмотря на свою шумную и громоздкую ярмарку, несмотря на сравнительную близость къ столицамъ, этотъ городъ все такъ же тихъ и патриархаленъ, какъ встарину. Въ Нижнемъ резиденція старообрядцевъ австрійскаго согласія и бѣглопоповцевъ. Австрійцевъ очень много въ Россіи—до милліона душъ. Часть австрійцевъ живетъ въ Румыніи, но въ послѣдніе годы они выселяются оттуда въ Россію. Въ Нижнемъ-Новгородѣ австрійцы—самые многочисленные изъ старообрядцевъ. Главарями ихъ являются тамъ большіе парходчики-капиталисты Курбатовъ и Сироткинъ. Въ ихъ домахъ помѣщаются моленные австрійскаго толка, а въ домѣ Сироткина на Ильинкѣ живетъ и австрійскій епископъ Иннокентій. Мѣстные бѣглопоповцы имѣютъ своими представителями милліонеровъ Бугрова и Блинова. Въ Нижнемъ, кромѣ того, много другихъ сектантовъ. Въ этомъ типичномъ старообрядческомъ городѣ жилъ знаменитый бытописатель русскаго раскола Павелъ Ивановичъ Мельниковъ, авторъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Именно здѣсь онъ прямо съ природы писалъ лучшія страницы своихъ живыхъ лѣтописей русскаго раскола.

Нижній-Новгородъ въ іюлѣ и въ августѣ, во время знаменитой Макарьевской ярмарки, нѣсколько оживляется, сюда пріѣзжаетъ многочисленное иногородное купечество. Въ это время въ Нижнемъ происходятъ многолюдныя и оживленныя бесѣды православныхъ миссіонеровъ со старообрядцами.

Меня всегда интересовала цѣльная, бодрая и силовная старообрядческая среда, которую я видѣлъ въ разныхъ углахъ Россіи: на Сѣверѣ, на Волгѣ, въ Новороссіи. Я видѣлъ старообрядцевъ и въ ихъ священномъ уголкѣ, въ Черемшанскихъ скитахъ. Наконецъ, случай свелъ меня въ Нижнемъ съ владыками старообрядческаго міра. Я съ интересомъ слушалъ сужденія австрійскаго епископа о новѣйшихъ теченіяхъ въ старообрядчествѣ, о стремленіяхъ и надеждахъ старообрядцевъ.

Это было во время старообрядческаго съѣзда въ Нижнемъ въ минувшемъ 1908 году. Съѣздъ собралъ полторы сотни старообрядческихъ начетчиковъ и мірянъ и засѣдалъ въ гостеприимномъ сироткинскомъ домѣ, въ небольшомъ саду со старыми развѣ-

систыми деревьями. Подъ сѣнью деревьевъ были устроены ряды длинныхъ скамеекъ... Сколько я увидѣлъ здѣсь типичныхъ лицъ, какихъ наслушался убѣжденныхъ рѣчей!.. Старый прямолинейный фанатизмъ не исчезъ еще въ старообрядчествѣ... Но у нихъ много своей внутренней дисциплины.

Сѣздъ обсуждалъ вопросы переселенія въ Россію старообрядцевъ изъ Румыніи, которымъ на чужой сторонѣ живется тяжело. Они слали въ Россію слезныя ходатайства о помощи, жаловались на обременительные румынскіе налоги, на притѣсненія, на недостаточность земли. Они, наконецъ, прислали въ Россію своихъ ходочковъ, которые должны были высмотрѣть земли и устроить имъ поселенія на нашемъ Дальнемъ Востокаѣ.

— Очень ужъ трудно приходится нашимъ братьямъ въ Румыніи,—разсказывалъ мнѣ встрѣтившій меня въ сироткинскомъ саду старообрядческой начетчикъ Румянцевъ, мужичокъ маленькаго роста съ нѣжно-голубыми глазами.—Тысяча семействъ хотятъ вернуться въ Россію: это не меньше трехъ тысячъ человекъ... Они ожидаютъ, что мы придемъ имъ на помощь. Вотъ мы и обсуждаемъ, какъ помочь имъ. Казна даетъ нѣкоторыя льготы, наши именитые благотворители тоже жертвуютъ. Дѣло важное...

— Какъ бы мнѣ повидать владыку Иннокентія?—спросилъ я голубоглазаго начетчика, когда онъ кончилъ свое повѣствованіе о переселенцахъ.

— Владыка сейчасъ въ Курбатовской моленной,—отвѣчалъ начетчикъ:—служба тамъ скоро кончится, и онъ пріѣдетъ... Обождите малость.

Мы находились во дворѣ дома. Изъ оконъ моленной доносились къ намъ звуки протяжнаго старообрядческаго напѣва. Въ моленной шла служба.

Я прошелъ туда. Это была домовая моленная старообрядческаго владыки. Небольшая комната, полутемная. Тускло горятъ и мерцаютъ дымящія свѣчи. Изъ свѣтлаго двора вы точно переноситесь въ старообрядческое подземелье прошлыхъ вѣковъ. Священникъ, облаченный въ старомодную ризу, читаетъ порывисто и гнусаво... Его видъ, его голосъ, его жесты—типичная старообрядческая старина. Пѣвчіе стоятъ по срединѣ маленькой церкви и поютъ страшно однообразно. У стѣнъ стоятъ десятка-два молящихся.

Старообрядцы допускаютъ въ свои моленныя православныхъ, но просятъ ихъ не креститься. Дамамъ предлагаютъ снимать шляпки. Старообрядчество демократично. Здѣсь все просто и примитивно. Женщины носятъ платки на головѣ, и только богатые старообрядческія купчихи познали прелесть парижскихъ шляпъ.

Служба окончилась, и меня попросили къ владыкѣ Иннокентію. Этотъ австрійскій епископъ очень популяренъ въ Нижнемъ, это одинъ изъ крупныхъ дѣятелей старообрядческаго Поволжья. Онъ

живетъ въ сосѣднемъ съ моленной помѣщеніи. Узкая комната. Тутъ полки съ тяжелыми книгами. У окна простой деревянный столик. Ко мнѣ сначала вышелъ братъ епископа г. Усовъ, редакторъ журнала «Старообрядецъ», съ которымъ я былъ знакомъ раньше.

— Владыка проситъ васъ обождать,—сказалъ онъ:—онъ сейчасъ выйдетъ...

Епископъ Иннокентій, оказалось, былъ занятъ неприятнымъ дѣломъ: онъ давалъ объясненія чинамъ полиціи по поводу совѣщаній старообрядческихъ начетчиковъ, происходившихъ въ его квартирѣ. Полиція требовала отъ него подписки, что такихъ совѣщаній больше не будетъ... За стѣной шли разговоры по этому поводу. Когда полиція ушла, епископъ вышелъ ко мнѣ.

Австрійскій владыка—маленькій, очень подвижной человѣкъ съ черными горящими глазами. У него желтоватое, какъ бы восковое лицо, пытливый взглядъ. Владыка одѣтъ въ черную рясу съ крылаткой на плечахъ. На головѣ—маленькая типичная шапочка-скуфейка.

— Вотъ отъ меня требуютъ дать подписку,—нервно замѣтилъ онъ:—къ чему это и что это значитъ? Вѣдь по указу 17 октября старообрядцамъ дана свобода исповѣданія, къ чему же такія стѣсненія? Какая цѣль такой подписки? Прекратить наши совѣщанія? Едва ли это желательно, это даже невозможно. Теперь въ здѣшней Благовѣщенской церкви идутъ собесѣдованія православныхъ миссіонеровъ со старообрядцами. Наши начетки должны же подготовиться... Вотъ они и собираются у меня. Приходитъ ихъ человѣкъ пятнадцать. Мы ведемъ бесѣды по догматическимъ вопросамъ. Кому это мѣшаетъ?..

— Странныя притѣсненія,—замѣтилъ братъ владыки.—Очевидно, законъ о свободѣ совѣсти игнорируется полиціей...

— Наши начетки въ одномъ только не совѣмъ правы,—замѣтилъ владыка:—они должны были увѣдомить полицію о своихъ собраніяхъ. Тогда никакого безпокойства со стороны полиціи не было бы. А то выходитъ, что мы свои совѣщанія держимъ въ тайнѣ... Можетъ быть, потому и придираются... Я долженъ сказать,—продолжалъ владыка:—что по отношенію къ старообрядцамъ существуетъ еще старая вражда и совершенно непонятное недоверіе. Неужели мы враги государства?.. Вѣдь революціонные годы ясно показали, что мы надежный и спокойный элементъ. Вездѣ были волненія, вся Россія всполошилась, а у насъ въ старообрядчествѣ этого не было. Старообрядческій міръ былъ свѣтелъ и ясенъ и въ годы мятежа. Это потому, что всѣ идеалы старообрядчества около церкви, насъ не коснулась общая разнузданность и распущенность нравовъ. У насъ и въ молодежи нѣтъ того броженія, которое охватываетъ другихъ. Старообрядецъ недоувѣрчивъ къ новшествамъ, онъ живетъ по старинѣ и держится старыхъ провѣрен-

ныхъ истинъ. Соціалъ-демократія намъ чужда, я лично знаю только одного старообрядца-соціалъ-демократа. Мы ничѣмъ не заслужили того недовѣрія, которое къ намъ питають. Это недовѣріе— историческое недоразумѣніе, вполнѣ неумѣстное и вредное. Консервативный старообрядческій міръ доказалъ, что онъ большая положительная сила, и государство можетъ всегда опереться на него.

Мы много говорили съ владыкой о задачахъ и положеніи старообрядчества, о его роли въ современной жизни Россіи... Владыка доказывалъ мнѣ, что если среди всеобщаго броженія гдѣ-нибудь сохранились стойкія и цѣльныя натуры, то именно въ старообрядчествѣ, которое стоитъ въ сторонѣ отъ всѣхъ золъ, развѣдающихъ и разрушающихъ русскую жизнь.

— У насъ церковь все, и ничего нѣтъ внѣ церкви,—говорилъ онъ.— Вся наша гражданская жизнь складывается возлѣ церкви, у насъ живъ приходъ, а у православныхъ онъ утратилъ свою жизненную силу. Наша церковная община рѣшаетъ вопросы и нашей свѣтской жизни. Священники, старосты и міряне составляютъ одну семью. У австрійскихъ старообрядцевъ—крѣпкая внутренняя связь. Всѣхъ ихъ, разсѣянныхъ и на Волгѣ, и въ Сибири, и за границей объединяетъ прежде всего высшая духовная инстанція—московское Рогожское кладбище, тамъ центръ управленія старообрядческимъ міромъ. Главное у насъ вселенскій соборъ, а затѣмъ епископы. Другой централизаціи у «австрійцевъ» нѣтъ. Бѣлая Криница теперь уже утратила бывшее значеніе. Каждый старообрядческій епископъ—хозяинъ своего округа, своей паствы, и онъ самостоятельно рѣшаетъ дѣла, и если поступаютъ жалобы на мѣстнаго епископа, то архіепископъ въ Москвѣ не отмѣняетъ епископскихъ рѣшеній, а только вноситъ спорныя дѣла на разсмотрѣніе собора.

Закончивъ бесѣду, я съ братомъ епископа г. Усовымъ, черезъ уже погруженную въ темноту моленную, вышелъ во дворъ. На порогъ моленной къ намъ подошелъ какой-то человѣкъ, вѣжливо поклонился и предупредительно раскрылъ передъ нами двери.

— Кто это? слуга епископа?—спросилъ я моего спутника.

— Нѣтъ, какъ можно!—замѣтилъ г. Усовъ.— У насъ, старообрядцевъ, насчетъ прислуги просто, сами себѣ служимъ... Это не слуга, а недавно рукоположенный священникъ.

Собесѣдованія со старообрядцами велись въ Нижнемъ съѣхавшимися православными миссіонерами въ старинной Благовѣщенской церкви, стоящей на зеленомъ холмѣ надъ мутной зеленой гладью Оки. Тамъ толпилось много народу. Съ площадки собора открывался чудесный видъ на Оку, Волгу, на заволжскія дали. Подъ холмомъ внизу тянулся длинный мостъ, кишачій народомъ. Въ церкви было страшно душно и жарко. Пахло постнымъ масломъ,

которымъ были намазаны головы представителей древняго благочестія. Порядокъ на собесѣдованіи былъ образцовый: всѣ держались чинно и внимали рѣчамъ проповѣдниковъ, стараясь не проронить ни слова. Кромѣ присяжныхъ миссіонеровъ, въ бесѣдахъ со старообрядцами принимали участіе и профессора духовныхъ академій. При мнѣ выступалъ казанскій профессоръ Ивановскій.

Старообрядцы внимательны и почтительны къ своимъ православнымъ наставникамъ. Миссіонерская работа не вызываетъ въ нихъ вражды. Напротивъ, обращеніе съ миссіонерами мягкое. Когда профессоръ Ивановскій пробирался черезъ плотную толпу къ алтарю, сдержанный гулъ привѣтствій прокладывалъ ему дорогу.

Я засталъ бесѣду о пророкѣ Іліи. Богословскіе споры велись горячо, о взятіи Іліи на небо... Всѣхъ чрезмѣрно увлекавшихся тотчасъ останавливали.

Какой-то маловѣрующій, слушая, вдругъ сказалъ:

— На небо!.. Что жъ онъ въ пузырьѣ, что ли, улетѣлъ?..

— Полно... полно...—раздалось со всѣхъ сторонъ, и авторъ «пузыря» былъ сконфуженъ.

Увлекаемые собесѣдованіемъ не чувствовали ни духоты въ церкви, ни тѣсноты. Всѣ они были слухъ и вниманіе...

Любопытное явленіе: старая вражда раскольниковъ къ православнымъ со времени старообрядческихъ льготъ исчезаетъ, исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и покровъ таинственности, которымъ прежде окружала себя старообрядческая среда отъ пытливыхъ взглядовъ полицейскаго дозора. Двадцать лѣтъ тому назадъ въ старообрядческой Палестинѣ Поволжья, въ Черемшанскихъ скитахъ, я былъ свидѣтелемъ, какъ старообрядчество хоронилось отъ міра... Подозрительные взгляды, недовѣріе, замкнутость встрѣчали меня въ старообрядческихъ монастыряхъ, и много нужно было умѣнья, чтобы вызвать насельниковъ Черемшана на бесѣду съ православнымъ. Теперь не то. Старообрядецъ сталъ смѣлѣе, откровеннѣе, прежняя преграда между православнымъ и старообрядческимъ міромъ растаяла. Послѣ тяжелыхъ революціонныхъ потрясеній старообрядцы даже какъ будто чувствуютъ свои преимущества, свою силу... Одинъ умный раскольникъ сказалъ мнѣ:

— Страдальческое прошлое русскаго старообрядчества объединило насъ, оно сковало насъ желѣзными цѣпями. У православныхъ часты несогласія, раздоры, а старообрядческій міръ крѣпокъ своей солидарностью. Личность у насъ ступшевывается, главное—община, ея и силенъ старообрядческій міръ...

Въ отдѣльныхъ случаяхъ прорывается еще старая рознь между православными и старообрядчествомъ. Таково, на примѣръ, было демонстративное принятіе въ лоно старообрядческой австрійской церкви извѣстнаго архимандрита Михаила, отпавшаго отъ православія и избличеннаго въ социаль-демократизмѣ. Это присоеди-

неніе совершилъ австрійскій владыка Иннокентій. Но бывають и обратные случаи перехода старообрядцевъ въ православіе, перехода даже старообрядческихъ епископовъ.

Нижегородскій преосвященный Назарій рассказывалъ мнѣ случай присоединенія къ православію раскольничьяго архіерея Сергія, епископа енисейскаго и красноярскаго.

— Я не понималъ сначала его прихода ко мнѣ,—замѣтилъ преосвященный...—Смотрю: какой-то человѣкъ въ старообрядческомъ одѣяніи, въ перелинѣ и шапочкѣ ожидаетъ моего выхода... Что вамъ угодно? спрашиваю я. Онъ почтительно кланяется и подходитъ ко мнѣ подъ благословеніе. «Позвольте переговорить съ вами, говорить онъ, я съ ходатайствомъ».—Извольте, отвѣчаю. Онъ поясняетъ: «Я старообрядческій епископъ Сергій. Покидаю старообрядчество и ходатайствую о принятіи меня въ лоно православной церкви. благословите опредѣлить меня въ одинъ изъ монастырей вашей епархіи».—Но я могу принять васъ только на общемъ иноческомъ положеніи,—замѣтилъ я. Старообрядческій владыка согласился на это, и я опредѣлилъ его въ Оранскій монастырь.

II.

Персидскіе бѣглецы.

Нижнему-Новгороду придаетъ особое значеніе его знаменитая ярмарка... Десятки лѣтъ предсказываютъ ярмаркѣ гибель вслѣдствіе развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, но ярмарка «наперекоръ стихіямъ» все еще держится и командуетъ торговыми дѣлами Поволжья, Средней Азіи, Сибири и даже Персіи. Правда, по нѣкоторымъ отраслямъ обороты ярмарки сузились, но она еще живетъ на страхъ своимъ врагамъ... желѣзнымъ дорогамъ... Водные пути поддерживаютъ ярмарку. Волжскій путь, Кама, Каспійское море—питають ее товарами и посылають ей торговыхъ гостей изъ глубины Средней Азіи и изъ персидскихъ провинцій. Персидская революція отразилась на торговлѣ Персіи съ Россіей и на дѣлахъ ярмарки.

— Знаете, небывалая вещь,—говорили мнѣ въ Нижнемъ:—персіяне, которыхъ всегда было здѣсь такъ много, куда-то исчезли съ ярмарки. Въ нынѣшнемъ году вы не встрѣтите ни одного персидскаго купца. Видно, революція ихъ прижала и заставляетъ сидѣть дома.

Среди ярмарочнаго купечества у меня есть старые знакомцы. Я зашелъ къ одному купцу изъ Тавриза армянину Автандилянцу и въ его лавкѣ я увидѣлъ смуглыхъ персіянъ, одѣтыхъ не въ персидскіе халаты, а въ европейскіе костюмы.

— Кто это такіе?—спросилъ я Автандилянца.

— Это бѣглецы изъ Персіи,—отвѣтилъ онъ:—они бѣжали отъ революціи. Въ Тавризѣ стало жить невозможно... Всѣ богатые люди бѣгутъ оттуда; и армяне и персіяне.

Автандилянцы богачи и домовладѣльцы Тавриза.

— Тавризъ—упорнѣйшій центръ персидской революціи — рассказывалъ мнѣ Автандилянцъ.—Городъ состоитъ изъ 80,000 домовъ, изъ нихъ около 600 принадлежатъ армянскимъ капиталистамъ, купцамъ, ведущимъ дѣла, между прочимъ, съ Россіей и съ Нижегородской ярмаркой. Ихъ капиталы дразнятъ аппетиты персидскихъ революціонеровъ, и тѣ ведутъ правильную атаку на армянскіе карманы. «Давайте денегъ, говорятъ они, иначе будемъ васъ рѣзать»... Купцы давали деньги революціонерамъ, но тогда и правительство стало придираться: зачѣмъ, моль, давали деньги на революцію. Оно тоже угрожаетъ рѣзать непокорныхъ... Деньги даемъ и даемъ и съ обѣихъ сторонъ слышимъ: «будемъ васъ рѣзать»... Знаете, положеніе убійственное, нѣтъ иного выхода, какъ бѣжать изъ Персіи, и вотъ теперь вы встрѣтите бѣглыхъ тавризскихъ богачей на Кавказѣ, въ Москвѣ и здѣсь, въ Нижнемъ... Всѣ спасаются отъ революціи.

— Неужели ниоткуда нѣтъ защиты?—спросилъ я.

— Никакой защиты... Одна только надежда на русскихъ казаковъ,—продолжалъ г. Автандилянцъ.—Но ихъ слишкомъ мало въ Тавризѣ. Знаете, нашъ домъ находится около русскаго консульства, оно охраняется казаками. Когда начались революція и грабежи, богатые купцы Тавриза стали проситься къ намъ. Но какъ пустить всѣхъ — самъ рискуешь, что и тебя зарѣжутъ. Одного тавризскаго милліонера мы приютили. Не могъ онъ наглядѣться на казаковъ. «Въ нихъ вся защита,—говорилъ онъ:—иначе бы меня зарѣзали».

— Какъ вы думаете, ваша революція скоро утихнетъ?—спросилъ я г. Автандилянца.

— Какой тамъ утихнетъ,—насмѣшливо отвѣчалъ онъ:—конца ей не видно. Мы надѣялись на принца Эйне-Доуле, но онъ спасовалъ передъ революціонерами. Сказать вамъ по правдѣ, надежда только на русскихъ. Захотятъ они—водворятъ порядокъ, не захотятъ—революція будетъ продолжаться. Кстати, — продолжалъ г. Автандилянцъ:—вотъ въ русскихъ газетахъ все толкуютъ объ участіи армянъ въ персидской революціи. Это не совсѣмъ вѣрно. Можетъ быть, армяне съ Кавказа и участвуютъ въ нашей революціи, но тавризскіе армяне—первые враги ея. Они спокойный консервативный элементъ и ненавидятъ революціонеровъ. Тавризскіе армяне зажиточные коммерсанты, и революція причинила имъ только зло. Какъ же они могутъ участвовать въ ней? Армяне въ Тавризѣ населяютъ европейскую часть города и находятся подѣ

защитой европейских консуловъ: русскаго, англійскаго, французскаго... На что имъ персидская революція? Для армянскаго національнаго дѣла это движеніе чужое. Армянамъ вообще отлично живется въ Тавризѣ, торговля въ Персіи по большей части въ ихъ рукахъ... Революція ихъ разорила.

Во время нашего разговора г. Автандилянцу принесли почту. Онъ оживился, увидавъ письма изъ Персіи.

— Видите, почта приходитъ,—замѣтилъ онъ:—и это опять-таки благодаря русскимъ казакамъ, охраняющимъ дорогу на Джульфу. Я не могу понять,—закончилъ мой собесѣдникъ:—отчего это у васъ въ Россіи раздаются голоса противъ дѣйствій вашихъ казаковъ въ Персіи. Вѣдь Англія и Россія подѣлили Персію на случай крайности, а чего ужъ хуже теперь, когда въ Персіи рѣжутъ людей, какъ собакъ... Значитъ, нужно водворять порядокъ. Казакамъ спасибо за то, что они хоть кого-нибудь защищаютъ и кому-нибудь спасаютъ жизнь...

III.

На Камѣ.

Изъ Нижняго-Новгорода мнѣ предстоялъ длинный путь на Уралъ, въ дебри лѣсныхъ и горныхъ богатствъ русскаго сѣверо-востока. Надо было ѣхать по Волгѣ и Камѣ, а на дворѣ уже была угрюмая сѣверная осень съ проливными дождями, съ холодными утренниками. До Казани я плылъ на великолѣпномъ пароходѣ «Кавказа и Меркурія», напоминавшемъ плавучій дворецъ... Среди унылыхъ осеннихъ картинъ природы, тьмы и дождя ярко блестя пышныя электрическія люстры нашего парохода, и спорилъ съ воемъ вѣтра хриплый и властный пароходный гудокъ. Въ Казани я пересѣлъ на большой, нагруженный ящиками и бочками каппинскій пароходъ, который долженъ былъ доставить меня въ Пермь.

Послѣ оживленной Волги съ ея красивыми берегами, безчисленными пристанями и громадной рѣчной жизнью путешествіе по многоводной и широкой Камѣ составляетъ рѣзкій контрастъ... Суровая природа, тишина, безлюдье и величественныя нѣмыя картины прикамскихъ береговъ.

До Казани на пароходѣ было много пассажировъ. За Казанью число ихъ уменьшается. Въ Пермь ѣдутъ мало. Моими сосѣдями по каютѣ были ревизоръ пароходства, молодой человекъ, безсмѣнно плавающий въ теченіе всей навигаціи, да горный инженеръ изъ Перми. Лили дожди, вѣтеръ завывалъ изо всей силы. Небо хмурилось и съ какимъ-то отчаяніемъ смотрѣло на грѣшную землю.

Тоска и тоска!..

Мы съ пароходнымъ ревизоромъ сидимъ на обвѣваемой вѣтрами и заливаемой дождемъ палубѣ и подъ прикрытіемъ пароходнаго тента бесѣдуемъ о разныхъ вещахъ.

Кама бурлитъ. Вѣтеръ вздуваетъ на ней большія волны. По срединѣ рѣки, раскачиваясь на всѣ стороны, переправляется къ противоположному берегу утлый крестьянскій паромъ съ людьми и лошадьми.

— Вотъ вчера какой былъ случай,—разсказываетъ мнѣ пароходный ревизоръ.—Въ 12 верстахъ выше Богородска шелъ нашъ пароходъ «Матвѣй». Была такая же погода: вѣтеръ, штормъ на рѣкѣ. Черезъ Волгу переправлялся такой же паромъ, на немъ было много народу и нѣсколько лошадей. Лошади чего-то испугались и стали бѣситься. Паромъ зачерпнулъ воды и началъ тонуть. А невдалекѣ отъ парома стоялъ казенный пароходъ «Земледѣлецъ», который не подавалъ помощи. «Матвѣй» давалъ свистки и самъ спѣшилъ на помощь. Въ концѣ концовъ утонули три челобѣка и нѣсколько лошадей, а четырнадцать челобѣккъ мы спасли. Когда все кончилось, «Земледѣлецъ» подходитъ къ намъ съ вопросомъ: зачѣмъ его побезпокоили свистками? Какъ это вамъ нравится? Люди гибнуть, а имъ нѣтъ дѣла.

Я разсказалъ ревизору подобный же случай, бывшій на Днѣпрѣ. Нашъ пароходъ сѣлъ на мель; требовалась быстрая помощь, съ каждой минутой насъ больше засасывало въ песокъ. Вдругъ приближается къ намъ казенный пароходъ. Мы, думаемъ, помощь, спасеніе, а съ парохода говорятъ: спросите разрѣшенія начальства, тогда мы снимемъ васъ съ мели. А начальство было за 50 верстъ, въ губернскомъ городѣ.

— Проклятые бюрократы!—съ негодованіемъ сказалъ ревизоръ.

Въ нависшей сѣткѣ дождя проходятъ передъ нами мрачные красивые мѣстами берега Камы—холмы, бугры, обрывы... Въ солнечный день эта картина оживаетъ, а теперь все выглядитъ тоскливо. Сѣрая рѣка, и безлюдье кругомъ.

Пароходъ подходитъ къ маленькимъ пристанямъ, гдѣ ни души не видно. Все попяталось, все спитъ.

IV.

Безлюдье.

— Вы напрасно думаете,—говоритъ мнѣ инженеръ изъ Перми:—что нашъ край сонный и мертвый... Далеко нѣтъ. Посмотрѣли бы вы, что здѣсь творилось въ революціонные годы... Все пришло въ движеніе, поднялась такая кутерьма—страсть. Слышали ли вы про подвиги нашего знаменитаго разбойника Лбова?.. Навѣрно, слышали.

Этотъ Лбовъ—законное дитя революціи. Онъ натворилъ здѣсь невѣроятныхъ чудесъ во вкусѣ Стеньки Разина... Всѣ деревни держалъ въ осадѣ, наводилъ страхъ на заводы... Его шайка была какъ дисциплинированное войско—и отлично прятала концы въ воду. Я вамъ расскажу ихъ удивительный набѣгъ на нашъ пермскій заводъ. Дѣло было во время получки денегъ рабочими. Смотримъ, къ заводу ѣдутъ подводы, много ихъ ѣдетъ, а въ каждой подводѣ—корзина. Ну, думаемъ, везутъ корзины, а оказалось, что въ каждой корзинѣ скрытъ былъ вооруженный карабинеръ. Прибыли они на заводъ, скомандовали, что слѣдуетъ, и произвели разгромъ... Это случилось на нашемъ казенномъ Мотовилихинскомъ заводѣ...

Среди однообразія камской пустыни попадается лишь нѣсколько интересныхъ пунктовъ. Раскинувшійся на правомъ берегу Камы Лайшевъ, уѣздный городъ Казанской губерніи, напоминаетъ вамъ старину. Когда-то у его береговъ останавливались сплавляемые на Волгу многочисленныя желѣзные караваны, и здѣсь производились отпуски уральскаго желѣза въ восточныя губерніи, въ низовья Волги и на Каспійское море, въ Баку. Тогда Лайшевъ процвѣталъ, наживалъ богатства. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Теперь грузы уральскаго желѣза идутъ съ заводовъ во всѣ концы Россіи по желѣзнымъ дорогамъ. Значеніе Лайшева ничтожно. Это сонный городокъ съ 6 тысячами жителей. Вотъ Рыбная слобода, она раскинулась на правомъ возвышенномъ берегу... Здѣсь большая сельская церковь, вдали погостъ надъ Камой, надъ нимъ свѣтитъ другой церковный крестъ. Среди этихъ унылыхъ поселковъ есть и аристократъ—Чистополь. Это бойкій хлѣбо-торговый пунктъ Прикамья. За нимъ тянутся горы и лѣса. Около Соколокъ (большая пристань ниже устья Вятки) Кама грандіозна. Тутъ необъятный водный просторъ, открываются широкія дали!.. Но впечатлѣніе обманчиво. Здѣсь мелкія и опасныя мѣста... Мы проходимъ первый перекалъ... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашего парохода шумитъ и работаетъ залитая огнями землечерпалка. Перекалъ тянется долго.

V.

Пережитки прошлаго.

Хмурая осень даетъ себя знать. Я кутаюсь въ теплое пальто и сторонюсь отъ пронзительнаго вѣтра, который обвѣваетъ весь пароходъ. Ищу на палубѣ закрытаго угла и наталкиваюсь на какого-то пассажира, который тоже ищетъ, гдѣ бы укрыться отъ холода. Гляжу: это мой инженеръ изъ Перми.

— Знаете, не особенно пріятно теперь путешествовать,—ворчить онъ.

Инженеръ держитъ далекій путь на Сѣверь. Онъ третій мѣсяцъ въ дорогѣ. Ёдетъ въ удѣльные имѣнія, которыя здѣсь въ прикамскихъ краяхъ занимаютъ, шутка сказать, полмилліона десятинъ.

— Здѣсь, батюшка, удивительные лѣса,—разсказываетъ инженеръ. — Здѣшній корабельный лѣсъ имѣетъ 120-лѣтній оборотъ рубки. Что посажено при дѣдахъ—того дождутся только внуки. Лѣса сдаются въ аренду, корабельныя деревья продаются на Волгу. Удѣльные имѣнія богатѣйшія. Въ нихъ много рудъ, есть желѣзные руды, мѣдные. Теперь производятся развѣдки.

— Да, что-то не ладятся горныя дѣла на Уралѣ, — замѣчаю я:—вотъ къ Уралу пристраиваются иностранцы.

— Да, это правда,—отвѣчаетъ мой собесѣдникъ.—Уралъ падаетъ, но это слѣдствіе кризиса. Это второй кризисъ на Уралѣ, первый былъ въ шестидесятыхъ годахъ. Надо вамъ сказать, что Уралъ доселѣ дореформенный край. У насъ не тронутая патріархальность. Вѣдь на Уралѣ до сихъ поръ сохранилось крѣпостное право, крестьянство не выдѣлено, не надѣлено землей, и уральскіе заводы обязаны кормить все огромное мѣстное населеніе, т. е. обеспечивать ему заработки,—точь-въ-точь, какъ при крѣпостномъ правѣ. Вся тяжесть положенія ложится на заводы, а заводы и такъ работаютъ плохо, благодаря конкуренціи Юга, гдѣ народились свои громадныя предпріятія... Прежде Уралъ снабжалъ желѣзомъ всю Россію, а теперь много отвоевалъ у него Югъ. Югъ торжествуетъ: онъ не несетъ той тяготы положенія, которую испытываетъ Уралъ. Тамъ нѣтъ обязательныхъ отношеній къ крестьянству, южныя заводы работаютъ на коммерческихъ началахъ. Поэтому-то и работа у нихъ спорится, а Уралъ хирѣетъ и чахнетъ.

— Почему же сохранилось такое дореформенное положеніе на Уралѣ?

— Потому, что Уралъ забытый край, онъ изстари былъ типичнѣйшимъ помѣщичьимъ гнѣздомъ. Десятки тысячъ десятинъ богатѣйшихъ лѣсовъ, рудъ, сельско-хозяйственныхъ угодій сосредоточивались въ рукахъ именитыхъ землевладѣльцевъ: Строгановыхъ, Демидовыхъ, гр. Шуваловыхъ и другихъ. Когда уральскіе заводы работали полнымъ ходомъ, они обеспечивали крестьянъ, но вотъ настали черныя годы: экономическій кризисъ, конкуренція Юга, и уральское благополучіе затрещало по всѣмъ швамъ. Разорившіеся заводы поступали въ казенную опеку, и казна расходуетъ теперь сотни тысячъ на искусственное поддержаніе заводовъ и на прокормленіе населенія.

— И никакой надежды нѣтъ на поправленіе дѣлъ?

— Какъ вамъ сказать, пожалуй, есть.. Вотъ когда произойдетъ выдѣленіе крестьянъ—положеніе заводовъ улучшится. На нихъ не будутъ давить сельско-хозяйственные расходы. Впрочемъ, въ по-

Вершины Урала.

слѣднее время есть и другое улучшеніе. Уральскіе заводчики объединились въ синдикатъ «Кровля», который удачно организовалъ торговлю желѣзомъ. Дѣла синдиката пошли превосходно. Маленькимъ помѣщичьяго типа уральскимъ заводамъ было трудно бороться по одиночкѣ съ южными колоссами, а въ синдикатѣ они пріобрѣли силу.

VI.

Историческій уголокъ.

Приближаемся къ Елабугѣ. Это историческій уголокъ Прикамья, связанный съ именемъ извѣстной кавалериста-дѣвицы Н. А. Дуровой, прославившейся въ Отечественную войну. Въ Елабугѣ находится могила этой русской Жанны д'Аркъ. Въ этомъ маленькомъ городѣ она провела послѣдніе годы жизни послѣ одиннадцати лѣтъ военной службы.

По мѣрѣ приближенія къ Елабугѣ намъ привѣтливо мигаютъ электрическіе огни ея пристаней. Городъ лежитъ въ полторѣ верстѣ отъ берега. Городокъ этотъ благоустроенный, здѣсь богатыя церкви, нѣсколько училищъ, въ окрестностяхъ Елабуги славится цѣлебный «Святой ключъ», который составляетъ предметъ почитанія мѣстнаго православнаго и магометанскаго населенія. Въ двухъ верстахъ отъ Елабуги древнее «Чортово городище»—старинная башня, остатокъ древне-болгарской культуры, когда-то господствовавшей на берегахъ Камы. Елабуга—торговый пунктъ, отпускающій до милліона пудовъ хлѣба.

На нашъ пароходъ, несмотря на позднее вечернее время, пришло много гостей. Елабужскія дамы и дѣвицы расхаживали по палубѣ, громко смѣялись и занимались отчаяннымъ флиртомъ съ мѣстными кавалерами, а тѣ отъ удовольствія ржали, какъ лошади.

Около окна моей каюты остановились двѣ гимназистки.

— Ты же смотри, Олька, не проговорись, — сказала одна изъ нихъ:—эту недѣлю я у тебя прогостила, а то какъ спохватятся мои нѣжные родители, такъ выйдетъ скандалъ.

Тоже кавалеристъ-дѣвица, думаю я, только... съ печальной стороны.

Ночью проходимъ Оханскъ. Спитъ маленькій городокъ безмятежнымъ сномъ. Съ берега доносятся звуки сторожевой колотушки. Ночь темная. Широкой сѣрой полосой стелется въ сумракѣ угрюмая Кама. Небо въ тучахъ, которые плотно закрыли луну. Кругомъ безлюдье и тишь. Впереди мигаютъ нѣсколько одинокихъ огней.

На пристани Оханска—сонное царство. Никто не встрѣчаетъ нашего парохода.

Лысвенский заводъ на Уралѣ.

— Проснитесь же!—кричитъ нашъ капитанъ.

На пристани кто-то звучно зѣваетъ и крестится.

— А мы ужъ и не ждали васъ!—говоритъ темная фигура съ фонаремъ въ рукѣ.—Думали, что подь утро придете.

— Принимай концы!—раздается команда капитана. И «концы»-канаты летятъ на пристань, ударяя ее маленькими гирьками.

— На мѣстѣ!—командуетъ капитанъ.

VII.

До Перми.

Утромъ мы подходимъ къ Пьяному Бору, который переноситъ васъ ко временамъ камскихъ бурлаковъ, когда суда тянулись по рѣкѣ бечевой. Пьяный Боръ стоитъ у устья рѣки Бѣлой. Здѣсь происходило разставанье бурлаковъ: кто шелъ на Каму, кто на Бѣлую. Они прощались и выпивали по случаю разлуки. Отсюда и названіе «Пьяный Боръ».

— Вотъ скоро полюбуется нашимъ красавцемъ Сарапуломъ,—говоритъ мнѣ елабужскій купецъ.—Онъ на высокихъ холмахъ — нарядный, красивый.

Но Сарапулъ не оправдалъ ожиданій: тотъ же сѣрый фонъ, то же безлюдье!..

Глубокая провинціальная глушь по берегамъ... Захолустный городъ Оса даже не показался намъ. Пристань въ трехъ верстахъ отъ города. Оса промышленный уголокъ. Она славится производствомъ рогожъ, кулей, веревокъ и работаетъ по хлѣбной торговлѣ, давая Камѣ грузы хлѣба, лѣса и льна.

Пермь—главныя ворота патріархальнаго уральскаго царства, но и Пермь красива только издали, когда вы смотрите на нее съ камскаго парохода; вблизи она неуклюжа, неуютна; улицы идутъ то въ гору, то подь гору. Городъ полурусскій, полутатарскій...

Отчаянный ливень встрѣтилъ меня въ Пермь. Городъ былъ залитъ дождями, черезъ нѣкоторыя улицы было невозможно перейти, а мнѣ какъ разъ предстояло отыскать нужнаго человѣка съ завода.

— Идите все прямо,—разсказывала мнѣ старуха въ сѣромъ платкѣ:—потомъ налево будетъ низенькій деревянный домъ. Ёнъ тамъ и живетъ.

Иду прямо, налево и подхожу къ двумъ низенькимъ деревяннымъ домамъ.

— Здѣсь живетъ заводскій артельщикъ?—спрашиваю.

— Здѣсь, — отвѣчаетъ какая-то женщина: — только его нѣту дома... Онъ на службѣ, приходитъ въ три часа.

Церковъ и памятникъ графу П. П. Шувалову на Лъсвенскомъ заводѣ.

— А гдѣ онъ на службѣ?—спрашиваю я.

— А вотъ про то мы неизвѣстны... Пожалуйте-ка вотъ сюда... Въ квартирѣ должна быть прислуга-дѣвушка... Только она глухая. Стучимъ въ дверь.

На стукъ показывается въ окнѣ какая-то дѣвушка, но испуганно машетъ руками и скрывается.

— Не отпретъ! — говоритъ мнѣ женщина: — ужъ очень она пугливая.

Провинція! Такъ-таки и не видѣлъ я заводскаго артельщика.

Черезъ Пермь идетъ громадное движеніе въ Сибирь... Вагоны переполнены... Множество пассажировъ ѣдутъ изъ Петербурга на строящуюся Амурскую дорогу. Ѣдутъ техники, поставщики, изыскатели разныхъ богатствъ невѣдомаго края.

Въ моемъ купе оказывается цѣлое семейство, перекочевывающее изъ петербургскаго далека въ восточно-сибирскія дебри.

— Поѣдемъ до Благовѣщенска,—говоритъ мнѣ дѣвочка лѣтъ четырнадцати:—потомъ на пароходѣ.. Папа командированъ на изысканіе цемента для Амурской дороги.

Въ вагонахъ тѣснота и давка. Первая остановка—у большого казеннаго Мотовилихинскаго завода. Потомъ маленькія станціи и царство уральскихъ холмовъ и лѣсовъ.

VIII.

Счастливый уголь.

Въ Петербургѣ мнѣ говорили:

— На Уралѣ водворяются иностранцы, заводское благополучіе падаетъ, иностранцы скупаютъ слабѣющія русскія предпріятія... Вы будете на Уралѣ, посмотрите: неужели тамъ нѣтъ сильныхъ русскихъ дѣлъ и людей?

Я искалъ ихъ и нашель...

Какія поразительныя картины разстилаются вдоль маленькой желѣзной дороги, по которой я ѣду, свернувъ въ сторону отъ главнаго пути. По обѣимъ сторонамъ—необъятное дремучее лѣсное царство съ медвѣдями и лисицами, съ изобиліемъ всякой дичи. Мѣстами отъ гущины лѣса въ вагонѣ становится темно. Маленькій поѣздъ то взбирается на кручи, то тонетъ среди обступающей его лѣсной зелени, на которой блестятъ капли только что пронесшагося ливня. Вотъ онъ, первобытный уральскій пейзажъ съ непроѣздными цѣлинами, съ неизслѣдованными рудными богатствами, залегающими, можетъ быть, тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ полотна желѣзной дороги. Десятки тысячъ десятинъ земли, принадлежащей владѣтельнымъ герцогамъ Урала, ждутъ еще своихъ

Лысьвенский городокъ на Уралѣ.

ислѣдователей, ждуть открытія новыхъ богатствъ. По дорогѣ никакихъ станцій, поѣздъ мчится прямо къ Лысьвенскому заводу, одному изъ крупнѣйшихъ заводовъ Урала. Вотъ промелькнула новая лѣсная гуща, и впереди показалось что-то въ родѣ заводскаго поселка, надъ которымъ блестяли серебряныя главы большой церкви.

Знакомы ли вы съ этими захоlustьями русскаго Сѣвера, гдѣ среди нетронутой лѣсной глуши неумолчно кипитъ живая промышленная жизнь? Здѣсь первобытныя условія, непроѣзжныя грунтовыя дороги, но энергія русскихъ людей насадила здѣсь могущественныя предпріятія, которыя изо дня въ день, изъ года въ годъ совершаютъ переворотъ въ нашей деревянно-соломенной Россіи, приближая ее къ желѣзному вѣку. И въ этомъ отношеніи Лысьвенскій заводъ съ его обширнѣйшей производительностью одинъ изъ главныхъ благодѣтелей Россіи.

— Здѣшній заводъ образцовый,—говоритъ мнѣ старичокъ-арендаторъ «пріѣзжаго дома» въ заводскомъ поселкѣ.—На другихъ заводахъ отсталое хозяйство, все по старинѣ, а у насъ дѣло первый сортъ.

«Пріѣзжій домъ» на заводѣ—нѣчто въ родѣ деревенскаго постоялаго двора. Тутъ имѣются и чистыя комнаты для важныхъ гостей... Лучшая комната оказалась при мнѣ занятой какимъ-то землемѣромъ...

— Дикій онъ какой-то, этотъ землемѣръ,—заявилъ мнѣ арендаторъ,—и все-то онъ пьетъ, все пьетъ...

Въ полуверстѣ отъ поселка—заводъ. Облака чернаго дыма покрываютъ здѣсь полнеба, отдаленный грохотъ заводскихъ молотовъ доносится къ вамъ день и ночь. Заводъ не отдыхаетъ, онъ работаетъ круглыя сутки, работаетъ всѣ праздники, кромѣ двухъ дней Рождества и Пасхи... Нужно спѣшить удовлетворить алчный спросъ деревни на желѣзо. Нужно вмѣстѣ съ тѣмъ прокормить громадную армію своихъ рабочихъ. Въ Лысьвѣ они меньше, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, зависятъ отъ завода, но все-таки зависятъ.

Я видѣлъ это заводское чудище вблизи, купался въ его тучахъ дыма, тонулъ въ его болотцахъ и трясинахъ... Я видѣлъ чудеснѣйшихъ въ свѣтѣ огненныхъ змѣй въ 20 сажень длины, выползающихъ изъ заводскихъ станковъ и стремительно бѣгущихъ въ пространство, пока щипцы рабочихъ въ тюлевыхъ повязкахъ надъ глазами не схватятъ такого огненнаго Левиафана и не возвратятъ его въ отверстіе того же станка. Такъ выкатывается желѣзо въ полосы, изъ которыхъ оно вырабатывается потомъ въ листы, чтобы въ концѣ концовъ очутиться на обывательской крышѣ.

Маленькій ростомъ заводскій управитель-полякъ въ высокихъ ботфортахъ и въ охотничьей шапочкѣ на головѣ сопутствуетъ мнѣ

Въ долинахъ Урала (Средній Таганай).

въ обходѣ этого колоссальнаго завода, вырабатывающаго одного кровельнаго желѣза 1,250,000 пудовъ въ годъ.

— Нашимъ заводомъ кормится около 25 тысячъ человѣкъ при- заводскихъ крестьянъ,—говорить онъ мнѣ.— Кромѣ кровельнаго желѣза, у насъ развито производство жести, оцинкованнаго и освинцованнаго желѣза... Всего производимъ милліона два пудовъ въ годъ.

Лысьвенскій поселокъ—цѣлый городъ, раскинувшійся на холмѣ и по его склону. Тутъ на первомъ планѣ—большая каменная церковь св. Троицы. Она выстроена на пожертвованія заботами мѣстнаго священника о. Михаила Добротворскаго и обошлась въ 100 тысячъ рублей. Немногіе уѣздные города имѣютъ такіе величественные храмы. Около церкви памятникъ графу П. П. Шувалову, устрой- телю этого призаводскаго уголка, положившему начало его благо- состоянію. Памятникъ поставленъ рабочими и служащими завода. Въ поселкѣ имѣются двѣ школы, прекрасное ремесленное училище, устраивается реальное училище, есть здѣсь потребительное обще- ство, производящее операцій на полмилліона рублей въ годъ съ выдачей дивиденда своимъ пайщикамъ, есть кредитное товарище- ство, выдающее ссуды жителямъ.

Да! При такой организаціи жить можно.

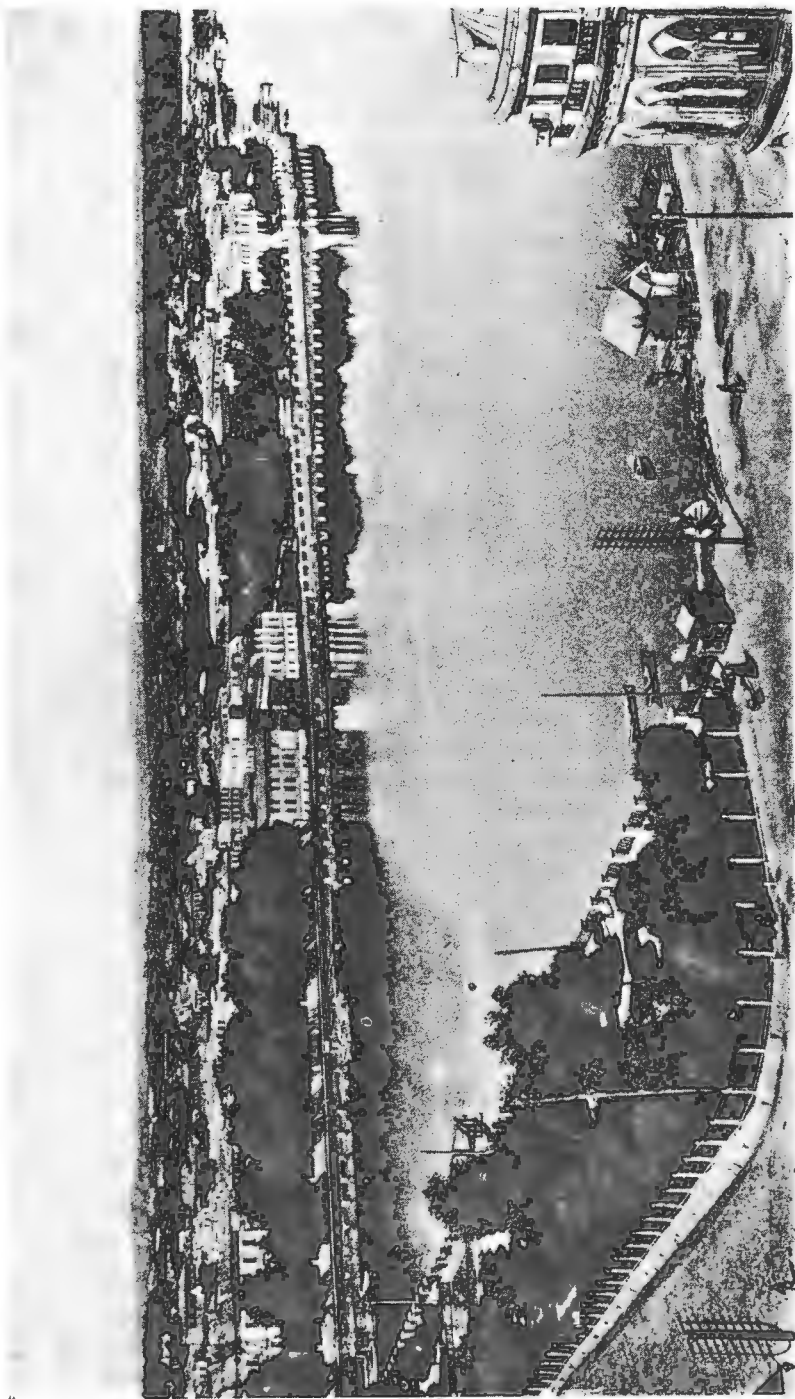
— Вы посѣтите здѣшняго священника о. Михаила, — сказали мнѣ.—Ему многимъ обязанъ нашъ поселокъ. Онъ двадцать пять лѣтъ здѣсь, много работалъ и все знаетъ.

— Добро пожаловать!—привѣтствовалъ меня священникъ лысь- венской церкви о. Михаилъ, когда я навѣстилъ его.

Привѣтливое умное лицо отца Михаила, его любезное обра- щеніе, его солидный кабинетъ съ громадной библиотекой произвели на меня впечатлѣніе. Я видѣлъ передъ собой не зауряднаго ба- тюшку провинціального захолустья, а какъ будто профессора...

— Вы, батюшка, знатокъ здѣшняго края — сказалъ я ему:— на вашихъ глазахъ создавалось здѣшнее заводское царство... Послѣ общихъ жалобъ на уральское оскудѣніе я, слава Богу, вижу здѣсь достатокъ, благоустройство... Скажите, чѣмъ объяснить это?

— Вы попали въ счастливый уголокъ Урала,—началъ священ- никъ.—Въ другихъ мѣстахъ хуже, а у насъ нельзя жаловаться... за- водъ большой, благоустроенный, да и крестьянство здѣсь зажиточное. Вы интересуетесь, отчего все это такъ? Извольте. Причина одна: здѣсь работалъ настоящій хозяинъ. Въ противоположность дру- гимъ помѣщикамъ Урала, покойный графъ Шуваловъ самъ велъ дѣло, самъ все организовалъ и самолично разрѣшилъ столь на- болѣвшій на Уралѣ земельный вопросъ. Здѣсь крестьяне надѣлены землей, и мы не знаемъ этого большого вопроса, который давитъ и разоряетъ другихъ. Правда, большого труда стоило графу устроить все. Крестьяне привыкли къ мысли, что заводъ долженъ ихъ

Видъ города Екалеринбурга.

вѣчно кормить, и не хотѣли брать земли. Они думали, что, получивъ землю, вновь попадутъ въ крѣпостную зависимость. Это было десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Покойный графъ спорилъ съ мужиками. Онъ предлагалъ имъ землю на льготныхъ условіяхъ. Старые крестьяне ни за что не соглашались, молодежь взглянула иначе. Въ данное время земельный вопросъ у насъ поконченъ. Крестьянамъ было отведено 11,500 десятинъ земли, по 13 руб. за десятину, плата погашалась крестьянами заработной платой по заводу небольшими вычетами. Большинство здѣшнихъ крестьянъ имѣютъ сейчасъ по 10—15 десятинъ, не считая 4 десятинъ надѣльной земли, которая отошла къ нимъ бесплатно. Иные крестьяне-собственники имѣютъ даже до пятидесяти десятинъ. Всѣ у насъ хорошо обеспечены, и нашъ уголь далъ въ свое время наибольшее количество выборщиковъ въ государственную думу. Заработки у рабочихъ большіе и живется имъ недурно. Кромѣ жалованья, рабочихъ и заводскихъ служащихъ у насъ поощряютъ особыми выдачами изъ прибылей завода.

— Что болѣе важно для здѣшняго крестьянства,—спросилъ я:— заводскіе заработки или сельское хозяйство?

— Безусловно заводскіе заработки,—отвѣчалъ священникъ.— Три четверти бюджета здѣшнихъ крестьянъ даетъ заводъ, а четверть сельское хозяйство. Дѣло въ томъ, что земля здѣсь неважная, все больше глина...

О. Михаилъ подвелъ меня къ своей библіотекѣ.

— Вотъ полюбуйтесь,—сказалъ онъ:— мое дѣтище—много лѣтъ составлялъ я это книгохранилище... Тутъ, могу вамъ сказать, тысячи книгъ по богословію, миссіонерству, расколу и сектантству... Есть рѣдкіе манускрипты. Взгляните, напримѣръ, вотъ объемистый старообрядческій фоліантъ.

Я развернулъ книгу. Она оказалась дѣйствительно рѣдкостной: старообрядческое старинное письмо, выполненное отъ руки красивымъ узорчатымъ почеркомъ. Въ книгѣ красовались и старинныя рукописныя иллюстраціи.

— Это я прибрѣлъ отъ здѣшнихъ старообрядцевъ,—пояснилъ мнѣ о. Михаилъ.—Здѣсь большое старообрядческое населеніе, тысячи двѣ душъ... знаете, настоящіе консервативные старики... Впрочемъ, и молодежь порядочная у старообрядцевъ, она цѣльная, серьезная, неиспорченная.

Когда я вернулся отъ священника въ свой «пріѣзжій домъ», меня ожидалъ сюрпризъ: мнѣ приготовили чисто прибранную большую комнату, которую занималъ землемѣръ. Старикъ-хозяинъ съ улыбкой сказалъ мнѣ:

— Вотъ мы васъ здѣсь устроили. Насилу убрали землемѣра... Всю комнату водкой и табачищемъ продушилъ. Вотъ, поди жъ ты,—продолжалъ хозяинъ:—кажется, и ученый человѣкъ, а не дай Богъ

Главная улица въ Екатеринбургѣ.

такихъ. Только у него и жизни, что водка. Напьется и куралесить... Намедни лампу у насъ разбилъ. Не могу я понять, что это за землемѣры. Имъ бы землю мѣрить, а они пьянствуютъ да колобродятъ.

И, скорчивъ огорченную гримасу, хозяинъ прибавилъ:
— Сейчасъ принесу вамъ самоварчикъ!

IX.

Сердце Урала.

Ураль полонъ красивыхъ контрастовъ: на сѣверѣ вѣковые лѣса, ширь и гладь полей, въ центрѣ—горы, скалы, обрывы, шумящія рѣчки, на югѣ—привольная заманчивая степь, поросшая ароматными травами.

Ночь. Маленькая станція желѣзной дороги среди лѣса. Проходятъ переполненные народомъ поѣзда. Это ѣдутъ въ Сибирь и изъ Сибири. Съ трудомъ добываю себѣ мѣсто въ поѣздѣ на Екатеринбургъ. Въ вагонахъ сидятъ, лежатъ, толпятся въ коридорѣ. Дѣти пищатъ и плачутъ. Въ маленькихъ купе духота и смрадъ.

Чудная лунная ночь виситъ надъ Уральскими горами. Скалы, обрывы ярко бѣлѣютъ въ лучахъ мѣсяца. На вершинахъ горъ стоятъ хмурые лѣса.

Поѣздъ круто поднимается въ гору. Два паровоза, тяжело дыша, съ трудомъ втаскиваютъ его на уральскія кручи. Подъемъ идетъ до станціи Бисерта, за которой начнется спускъ. Обрывы такъ близко подходятъ къ полотну дороги, что наслоенія каменныхъ кручъ смотрятъ прямо въ окна вагона.

— Жалко,—говоритъ мой сосѣдъ:—что мы ѣдемъ ночью, до самага Златоуста тутъ чудные виды... Горный Уралъ развертывается удивительной панорамой.

Вотъ маленькая станція среди горъ. Нашъ поѣздъ останавливается у освѣщенной фонарями платформы. Свѣтло какъ днемъ, обильный лунный свѣтъ заливаетъ фасадъ станціоннаго дома, надъ которымъ темнѣютъ высокіе тополи. Откуда-то доносится шумъ горнаго ручья... Эта ночь и эта обстановка переносятъ меня на минуту въ далекое теплое Закавказье. Съ его шумящими горными потоками.

Высыпавшая изъ вагоновъ публика окружаетъ станціонныя лавки съ уральскими камнями и сувенирами и быстро раскупаетъ бездѣлушки.

Но вотъ звонокъ—и поѣздъ, тяжело пыхтя, ползетъ дальше и дальше въ горы.

Вершина горы Большой Таганай на Уралѣ.

Утромъ горы кончились. Вокругъ насъ ровныя зеленыя поляны, поросшія кустарникомъ. Попадаются изрѣдка рощи, но жидкія, молодыя.

Мой сосѣдъ ѣдетъ на станцію Невьянскъ.

— Вѣрно, на заводъ?—спрашиваю я его.

— Нѣтъ, — говоритъ онъ: — тамъ былъ чугунный заводъ, да остановился. Теперь у насъ золотое дѣло: добыча золота изъ пруда. Въ пруду золотоносный иль.

— Кто работаетъ,—спрашиваю я:—русскіе или иностранцы?

— Пока еще русскіе,—отвѣчаетъ мой сосѣдъ.

Екатеринбургъ,—главный и командующій центръ уральскаго горнаго міра. Послѣ отвратительной Перми и мрачныхъ уральскихъ захолустій, въ Екатеринбургѣ вы попадаете точно въ рай земной. Какой прелестный, чистый и симпатичный городъ! По срединѣ его зеркальное озеро, на берегу озера красивый бульваръ, на ровныхъ опрятныхъ улицахъ—солидные дома-особняки мѣстныхъ тузовъ. Васъ ждетъ здѣсь прекрасная европейская гостиница, какой по комфорту, удобствамъ и дешевизнѣ вы не найдете и въ Петербургѣ. Въ городѣ отличныя магазины, прелестная кондитерская, щеголяющая замѣчательными собственными печеніями, невѣдомыми другимъ городамъ. Городъ только немного скучный, мало жизни на улицахъ. На площадяхъ стоятъ извозчичьи экипажи, которыми никто не пользуется, извозчики собираются въ кружокъ и образуютъ уличный клубъ. У воротъ сидятъ кухарки-домоправительницы, такъ какъ дворники здѣсь отсутствуютъ. Но Екатеринбургъ только на видъ такой скромный и смиренный. Это столица уральскаго горнаго царства, онъ командуетъ судьбами Урала, здѣсь средоточіе горныхъ дѣлъ и горныхъ интересовъ.

— Тяжелое время мы переживаемъ, — говоритъ мнѣ видный мѣстный дѣятель.—На Уралѣ старый строй рушится... новый еще не созданъ. И вотъ это жестокое безвременье даетъ себя знать. Вы, конечно, слышали въ Петербургѣ объ уральскомъ кризисѣ...

— Да, говорю, много объ этомъ толкуютъ. Говорятъ, что Уралъ переходитъ по частямъ въ руки иностранцевъ...

— Ну, это немного преувеличено, — замѣчаетъ мой собесѣдникъ:—иностранцы у насъ еще не особенно сильны, но что касается кризиса—это вѣрно. Полуиностранный промышленный Югъ объявилъ войну Уралу... Эта борьба новаго строя со старымъ, и, конечно, обветшавшій Уралъ въ этой борьбѣ менѣе силенъ. Если онъ не приложитъ усилий, чтобы воскреснуть къ новой жизни, дѣло его проиграно. Судите сами, какіе неравные шансы: на югѣ господство нѣмцевъ, французовъ, бельгійцевъ, тамъ дешевые и свободные иностранныя капиталы, широкая постановка заводовъ, усовершенствованная техника, изобиліе желѣзныхъ дорогъ, а у

Городъ Челябинскъ.

насъ дѣдовская отсталость, помѣщичій типъ хозяйства, отсутствіе желѣзныхъ дорогъ и нераспутанный и неразрѣшенный земельный вопросъ.

— Но земельный вопросъ частью уже разрѣшенъ,—замѣтилъ я:—вотъ Лысьвенскій округъ...

— Да, только частію, очень немногими заводами,—продолжалъ мой собесѣдникъ. — Въ большинствѣ же случаевъ это Дамокловъ мечъ, висящій надъ уральской промышленной жизнью. И, представьте, чрезвычайно трудно устроить здѣсь крестьянъ. Законъ предписываетъ укрѣплять за мастеровыми тѣ участки земли, которыми они владѣли. Но фактически владѣютъ землей немногіе, какая-нибудь одна пятнадцатая часть всѣхъ приписанныхъ къ заводамъ, другіе живутъ въ городахъ и чужды заводамъ. Тѣмъ не менѣе и они претендуютъ на надѣленіе землей. Но если всѣхъ надѣлять, то и у самыхъ богатѣйшихъ заводовъ земли не хватитъ. Значитъ, надѣленіе землей нужно проводить очень осторожно.

— А насчетъ иностранцевъ обстоитъ благополучно?—недоумѣвалъ я, находясь подъ впечатлѣніемъ петербургскихъ разговоровъ.

— Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ,—сказалъ мой собесѣдникъ. — Иностранное нашествіе совсѣмъ не такъ велико. Я знаю лишь одно иностранное предпріятіе, дѣйствительно прочно устроившееся. Это Камское акціонерное общество—французское, акціонернаго типа. Французы заново перестроили заводы, ввели новѣйшія приспособленія и поставили дѣло хозяйственно. А остальные иностранныя предпріятія — больше легковѣсныя аферы. Они спекулируютъ акціями, вздуваютъ ихъ и благополучно продаютъ. Иностранцы больше интересуются золотомъ и платиной. Нѣсколько такихъ акціонерныхъ компаній засѣло на Среднемъ Уралѣ, на Сѣверѣ, на Южномъ Уралѣ ихъ мало.

— Значитъ, все-таки устраиваются иностранныя хозяйства.

— Да, движеніе это есть, и оно будетъ развиваться... А почему? Потому, что иностранцы имѣютъ свободные капиталы, а подите-ка, раздобудете русскіе капиталы... Не достанете. Уралу нуженъ свой горнопромышленный банкъ, нужны желѣзныя дороги. Промышленность должна развиваться, а у насъ какъ въ дѣдовскія времена: ни дорогъ, ни банка, ни кредита. Конечно, при такихъ патриархальныхъ условіяхъ иностранцы и берутъ верхъ. Въ теперешнее бѣдственное время за ними явныя преимущества, они забираютъ себѣ что плохо лежитъ. Сначала даютъ хирѣющимъ предпріятіямъ маленькія деньги для оборота, потомъ становятся пайщиками дѣла, а въ концѣ концовъ предпріятіе переходитъ цѣликомъ къ нимъ.

На Самаро-Златоустовской жел. дор. (Усть-Катавь).

X.

На Верхъ-Исетскомъ заводѣ.

Въ близкомъ сосѣдствѣ съ Екатеринбургомъ лежатъ Верхъ-Исетскіе заводы, одни изъ старѣйшихъ на Уралѣ. Это типичный историческій уголокъ Урала, котораго весьма коснулись нынѣшнія тяжелыя перемѣнчивыя времена.

Къ Верхъ-Исетскимъ заводамъ дорога идетъ черезъ весь городъ. Вы проѣзжаете сначала по длинной улицѣ, мимо городского базара, а затѣмъ ѣдете черезъ пригородные поселки.

Наконецъ показываются заводскія строенія.

Верхъ-Исетскіе заводы графини Стенбокъ-Ферморъ сразу переносятъ васъ въ обстановку старыхъ графскихъ и княжескихъ усадебъ. Всѣ эти разбросанныя по берегу пруда каменные хоромы съ колоннами, съ просторными вестибюлями, комнаты съ высокими потолками говорятъ о быломъ владѣльческомъ достаткѣ. Здѣсь текла привольная и раздольная помѣщичья жизнь... Теперь въ аристократическихъ хоромахъ помѣщаются заводская контора, комнаты управляющаго, службы и какъ-то странно видѣть эту пышную раззолоченную обстановку на заводѣ, вырабатывающемъ самый прозаическій предметъ — кровельное желѣзо.

И здѣсь слышатся знакомые мотивы:

— Тяжелыя времена, — говоритъ мнѣ заводскій управляющій. — Земельный вопросъ назрѣлъ на всемъ Уралѣ. Много земли отойдетъ къ крестьянамъ, черезъ это уменьшится у насъ площадь ближнихъ лѣсовъ, въ которыхъ мы заготавливаемъ дрова для заводовъ. Какъ я полагаю, къ крестьянамъ отойдетъ 25—30% проц., а есть такіе уголки, гдѣ и земли не хватитъ. Возьмите Тагилъ, тамъ городъ съ 40,000 жителей; если надѣлять ихъ по крестьянской мѣркѣ, то прямо бѣда: столько земли нѣтъ у Тагила. Подобное же положеніе и у насъ. Нашъ заводъ находится въ сосѣдствѣ съ городомъ, у насъ 16,000 рабочихъ, большинство ихъ теперь чужды заводу, они занялись городскими заработками, на заводѣ работаетъ только 600 человекъ. Какъ же надѣлять всѣхъ приписанныхъ къ заводу? Земли не хватитъ, выхода изъ этого положенія не вижу...

— Неужели законъ не предусмотрѣлъ этого?

— Въ томъ-то и бѣда, что не предусмотрѣлъ. Всѣ, кто порвалъ связи съ заводомъ, явятся теперь претендентами, а вѣдь настоящее право на землю имѣютъ только дѣйствительные рабочіе. Ихъ горсть. Я вамъ расскажу случай, — продолжалъ управляющій. — Во время волненій и беспорядковъ 1905 года на нашемъ заводѣ работали посторонніе рабочіе. Свои ушли въ городъ и забыли о су-

Городъ Златоустъ.

ществованіи завода. Между тѣмъ рабочіе намъ предъявляютъ требованія, чтобы уволить всѣхъ постороннихъ. Я зналъ, что изъ этого ничего не выйдетъ, но въ то время надо было итти навстрѣчу желаніямъ рабочихъ. Мы стали сзывать изъ города всѣхъ приписанныхъ къ заводу. И что же вышло? Записались только шестнадцать человѣкъ, и эти записавшіеся были почти поголовно выгнанные за кражи. Это намъ показываетъ, что тысячи бывшихъ заводскихъ рабочихъ теперь чужды заводамъ. Земельное устройство крестьянъ должно производиться по числу дѣйствительно работающихъ, а раздача даромъ заводскихъ земель всѣмъ желающимъ — только разорить заводы.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ разговоровъ передъ вами вырастаетъ все нынѣшнее затруднительное положеніе Урала. Его связываютъ желѣзныя цѣпи земельныхъ отношеній, изъ которыхъ не видно выхода. Уралъ и терзается въ этихъ противорѣчіяхъ. Его земельная патріархальность тормозитъ все. Въ такомъ положеніи находятся большинство уральскихъ заводовъ, кромѣ того счастливаго уголка, который я описалъ въ предыдущихъ главахъ.

XI.

Среди переселенцевъ.

Какихъ картинъ я насмотрѣлся въ злосчастномъ Челябинскѣ — этомъ главномъ пунктѣ переселенческаго движенія на рубежѣ Европейской Россіи съ Азіей! Не скажу, чтобы эти картины ласкали глазъ! Переселенцевъ перевозятъ у насъ въ самыхъ каторжныхъ условіяхъ. Сбитые въ кучу, они помѣщаются въ товарныхъ или въ скотскихъ вагонахъ, въ которыхъ въ жаркую погоду можно задохнуться, а въ холода — замерзнуть... Переселенческое движеніе происходитъ преимущественно въ лѣтніе мѣсяцы, съ мая по сентябрь, но ранніе холода и жестокіе на Уралѣ морозные утренники иногда даютъ себя знать и въ августѣ! Простуды и заболѣванія среди переселенцевъ весьма часты. Въ лѣтній зной въ переселенческихъ вагонахъ — жара, смрадъ человѣческихъ испареній, нечистоты...

Да! неприглядна картина нашего переселенческаго движенія! На свѣжій глазъ она производитъ прямо страшное, отталкивающее впечатлѣніе. Въ Петербургѣ я слышалъ о вагонахъ-теплушкахъ, приспособленныхъ для переселенцевъ, но что это за теплушки, я воочію увидалъ въ Челябинскѣ. Въ товарномъ или скотскомъ вагонѣ поставлены скамейки да желѣзная печка — вотъ и вагонъ-теплушка. Нѣтъ никакихъ даже примитивныхъ удобствъ, никакой заботы объ этихъ несчастныхъ странникахъ, проѣзжающихъ тысячи и десятки тысячъ верстъ...

Утеси «Первая бечева» и горная рѣчка Симъ на Уралѣ.

Мнѣ вспомнилась прежняя перевозка переселенцевъ моремъ черезъ Одессу — на пароходахъ. Какая забота, какая предусмотрительность окружали ихъ! Педантичная чистота, порядокъ, здоровая пища, прекрасныя гигиеническія условія и необходимое кубическое содержаніе воздуха въ эмигрантскихъ помѣщеніяхъ. Поразительна разница между тѣмъ, что было, и тѣмъ, что происходитъ теперь! Убийственныя условія переселеній по желѣзнымъ дорогамъ сломятъ какой угодно здоровый организмъ, а переселенцы должны прибывать на новыя мѣста здоровыми и сильными, чтобы устраивать новую жизнь въ новомъ краѣ...

— За нынѣшнее лѣто прошло въ Сибирь и на Дальній Востокъ около 800,000 переселенцевъ, — рассказывалъ мнѣ полковникъ изъ Тобольска. — Не думаю, чтобы всеѣмъ имъ удалось счастливо добраться и хорошо устроиться на новыхъ мѣстахъ. Обратное движеніе ихъ громадное, возвращаются сотни тысячъ. Они ѣдутъ назадъ по разнымъ причинамъ. Малороссы Кіевской губерніи не могутъ примѣниться къ климату Сибири, имъ тамъ холодно, ихъ пугаютъ морозы. Съ другой стороны, и хозяйственныя условія Сибири не подходятъ малороссу. Переселенческое дѣло у насъ хромаетъ. Хорошо тому, кто ѣдетъ на новыя мѣста съ большими деньгами, а безъ денегъ ничего не подѣлаешь. Переселенцамъ выдаютъ по прибытіи на мѣсто 45 рублей на душу, крестьянину надо хату построить, завести корову и обернуться... Конечно, получаемыхъ денегъ не хватаетъ. Заработки на новыхъ мѣстахъ малые, сторона дикая. Вотъ иностранцы теперь культивируютъ Сибирь. Французы, англичане, бельгійцы, нѣмцы насадили вездѣ маслосѣльные заводы, которымъ крестьяне-новоселы сбываютъ молоко отъ своихъ коровъ. Иностранцы, надо сказать, выдѣлываютъ прекрасное масло и продаютъ его недорого. Въ Тобольскѣ отличное масло по 30 копеекъ фунтъ. Это масло уходитъ изъ Сибири въ Петербургъ и за границу.

Челябинскъ — отвратительный городишко. Тутъ скрещиваются безчисленные пути Европейской и Азіатской Россіи, мимо Челябинска пролетаютъ сибирскіе экспрессы, мимо него проходитъ все переселенческое движеніе крестьянъ, — но какая же жалкая, захолустная и зловонная яма этотъ Челябинскъ! Мрачный, казарменнаго типа вокзалъ со сквернымъ буфетомъ. Тѣсно, неудобно, многочисленные пассажиры, сидя на сквознякахъ, съ примѣрнымъ терпѣніемъ ждутъ нужныхъ имъ поѣздовъ. На открытыхъ платформахъ лежатъ вповалку крестьяне, оборванные, износившіеся. Они чего-то ждутъ, ждутъ, видно, подолгу. Какія зрѣлища! Заботливыя матери ищутъ насѣкомыхъ въ головахъ сыновей и на глазахъ пассажировъ предаются жестокой казни отравителей ихъ спокойствія.

Городъ Челябинскъ лежитъ въ двухъ верстахъ отъ станціи. Около вокзала только грязный базаръ, наполненный простона-

Самаро-Злаугоустовская жел. дор. Видъ у Юреанскаго моста.

родьемъ. Дорога въ городъ тянется черезъ предмѣстья—рытвины и косогоры направо и налево. Вамъ попадаются по дорогѣ еврейскія лица. Откуда взялись евреи тутъ, въ преддверіи Сибири?

— Евреевъ у насъ хотя отбавляй,—говоритъ мнѣ челябинскій купецъ.—Количество ихъ особенно увеличилось въ послѣдніе годы. И то сказать: Челябинскъ подходящий для нихъ городъ. Это дыра въ Сибирь, такъ въ нее и валитъ народъ. Торговля здѣсь большая, а гдѣ торговля—тамъ еврей первый человѣкъ.

Главная улица Челябинска—силошной базаръ. Тутъ толпится много крестьянъ, вездѣ крестьянскія подводы, наѣзжаютъ сюда въ старомодныхъ тарантасахъ и помѣщики изъ деревень.

Около челябинскаго базара—старинный и типичный соборъ въ честь Рождества Христова. Онъ мрачный, съ высокими сводами и съ иконами стараго письма. Массивныя стѣны собора переносятъ васъ въ прошлое столѣтіе.

Главная улица подходитъ къ деревянному мосту, гдѣ среди низкихъ береговъ плавно струится широкій Міась. Вѣтхія стѣны домовъ упираются въ воды Міаса.

ХII.

На Южномъ Уралѣ.

На Южномъ Уралѣ много новаго. Тамъ тоже идетъ ломка въ горнозаводскомъ дѣлѣ. Старыя предпріятія отживаютъ вѣкъ, новыя нарождаются. Пошатнулись и закрылись большіе заводы: Юре-занскій и Катавъ-Ивановскій, родился новый электро-металлургическій заводъ около Саткинскаго завода. Старые заводы почили отъ дѣла потому, что не совладали съ земельной реформой, она задавила ихъ. Даже большія заводскія предпріятія князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ не выдержали кризиса!

Нашъ поѣздъ вышелъ изъ Челябинска переполненнымъ. Всѣ купе были заняты, яблоку негдѣ было упасть... Странно было, что почти всѣ пассажиры поѣзда ѣхали по бесплатнымъ служебнымъ билетамъ.

Я имѣлъ несчастье очутиться въ одномъ купе съ матерью двухъ грудныхъ дѣтей. Видъ расплывшей матери доказываетъ, что у нея скоро появится на свѣтъ и третье дитя.

Какимъ мученьемъ это сосѣдство было въ теченіе трехъ дней—и сказать невозможно. Одно дитя болѣло животикомъ и успѣло обратитъ купе въ неопрятную дѣтскую. Мученица-мать ежеминутно брала тряпки и старалась скрыть слѣды безпорядка. Другое дитя кашляло и ревѣло, и ему аккомпанировали какіе-то дѣтскіе голоса изъ сосѣднихъ купе. Ночью въ вагонѣ можно было задохнуться...

Утесы Урала на Самаро-Златоустовской жел. дор. Утесъ «Красный камень».

— Какъ это вы рѣшились пуститься въ дорогу съ большими дѣтьми?—спрашиваю я несчастную мать.

— Дѣти заболѣли въ дорогѣ,—отвѣчала она:—мы ѣдемъ ужъ больше недѣли изъ Сибири. Измучилась я, знаете...

— Но что жъ заставило васъ поѣхать?.. Необходимость?..

— Нѣтъ, видите, мы имѣемъ бесплатные служебные билеты по всѣмъ казеннымъ дорогамъ. Мужъ и говоритъ мнѣ: отправляйся гостить къ родственникамъ въ Гомель, а то билеты пропадутъ.

Наши бесплатные пассажиры всѣ ѣхали, оказалось, безъ серьезной цѣли, на побывку къ роднымъ и знакомымъ. Казна щедро раздаетъ билеты и отправляетъ по желѣзнымъ дорогамъ, приносящимъ многомилліонные дефициты, цѣлыя арміи бесплатныхъ пассажировъ съ грудными младенцами. Эти арміи казенныхъ путешественниковъ старательно объѣзжаютъ частныя дороги и ѣдутъ длинными окольными путями по казеннымъ линіямъ...

Несчастные мученики охоты!..

Далекъ былъ нашъ путь. Послѣ ровныхъ челябинскихъ степей вновь потянулись горныя красоты Урала... Златоустовская дорога прорѣзаетъ живописнѣйшія мѣста... Особенно хороши холмы у Златоуста, прелестны и его окрестности... Послѣ перевала на Южный Уралъ стало теплѣе, весело грѣло солнце. Показались живописныя мѣста около Уфы... За Уфой вы вступаете въ безграничное царство самарскихъ степей съ ихъ пахучими травами и безчисленными кумысо-лечебными уголками, тянущимися вплоть до Самары...

Вотъ знаменитый волжскій мостъ у Сызрани, черезъ который замедленнымъ шагомъ проходитъ поѣздъ. А внизу тихо катитъ свои блѣдно-сѣрыя воды меланхолическая Волга.

ХІІІ.

На Югѣ.

Знакомыя картины! Привѣтливый Кіевъ сіяетъ въ блескѣ осенняго солнца, играющаго на золотыхъ главахъ его церквей и монастырей. Живой и кипучій Кіевъ съ каждымъ годомъ растетъ, украшается многоэтажными громадами, по вечерамъ сіяетъ электрическими солнцами... И все-таки нѣтъ ничего лучше его мирнаго Днѣпра, на который открываются дивныя виды съ городского обрыва.

Въ Кіевѣ застаю тревожные разговоры... Происшествіе въ Никольской слободкѣ, только что разыгравшееся передъ моимъ пріѣздомъ, напомнило событія 1905 года... Слободка эта расположена въ трехъ верстахъ отъ Кіева, за Днѣпромъ, въ предѣлахъ сосѣд-

ней Черниговской губерніи. Она имѣетъ 20,000 населенія, въ томъ числѣ много рабочихъ и евреевъ. Въ ней же существуетъ отдѣленіе союза русскаго народа. Мѣстные «освободители» ненавидятъ союзниковъ и устраиваютъ имъ скандалы. Озлобленіе «освободителей» въ послѣднее время дошло до крайности. Ими было организовано вооруженное нападеніе на союзъ. Отъ этого и вспыхнула буря.

Очевидецъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ:

— Наши союзники собрались на панихиду по убитомъ исправникѣ Колпиковѣ и протоіереѣ Рознатовскомъ. Вдругъ на улицѣ раздались выстрѣлы... Союзники вбѣжали въ свою чайную съ криками: «убиваютъ, спасайтесь»... Всѣхъ охватила паника, женщины и дѣти прятались. На улицѣ же стояла масса евреевъ и рабочихъ, которые выслѣживали союзниковъ. Одинъ изъ союзниковъ взялъ царскій портретъ и вынесъ его на улицу, союзники запѣли «Боже, Царя храни». Въ отвѣтъ на это послышались свистки и ругань, въ портретъ Государя посыпались камни, и портретъ былъ пробитъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Наконецъ прибыли стражники изъ Кіева, и порядокъ былъ восстановленъ.

Вѣсть объ этомъ столкновеніи быстро разнеслась по всему Кіеву, въ которомъ еще живо воспоминаніе о еврейскихъ революціонныхъ безчинствахъ 1905 года. Русское населеніе негодовало.

— Евреи опять обнагнѣли!—говорили въ городѣ:—они дождутся новаго погрома.

Никольская слобода—настоящее бѣльмо на глазу у Кіева. Мѣстный освободительный сбродъ:—еврейская революціонная молодежь и пьянствующіе мастеровые—устраиваетъ тамъ уличныя оргіи. Положеніе союзниковъ въ слободкѣ крайне тяжелое. Кіевскія власти не могутъ ничего предпринять противъ этихъ безобразій, такъ какъ слободка имъ не подчинена: ее вѣдаетъ черниговская администрація. И вотъ подъ бокомъ у Кіева расцвѣлъ во-всю «зарубежный» уголъ безчинствъ и безобразій.

— А знаете, изъ-за чего въ сущности вышло это происшествіе,—говорили мнѣ кіевскіе обыватели.—Изъ-за того, что мѣстный союзъ русскаго народа задѣлъ еврейскіе интересы. Прежде евреямъ сдавались подряды на поставку солдатскаго бѣлья. Подрядъ сдавали, скажемъ, по 9 коп. отъ пары бѣлья, и изъ этой суммы евреи платили работникамъ по 4 коп., а 5 коп. брали себѣ. Мѣстный «союзъ русскаго народа» рѣшилъ взять поставки бѣлья на себя на болѣе льготныхъ условіяхъ, по 7 коп. отъ пары. Вотъ съ этого и заварилась каша. Евреи, лишившіеся наживы, возненавидѣли союзъ и стали его преслѣдовать.

При мнѣ въ Никольской слободкѣ шло судебное слѣдствіе по поводу беспорядковъ. Ходъ этого слѣдствія очень огорчалъ союзниковъ.

— Что это за слѣдствіе?—говорили они.—Все допрашиваютъ жидовъ, а насъ ни о чемъ не спросятъ. «Всѣ вы одно говорите»,

замѣчаютъ намъ. Евреевъ слушаютъ, а насъ нѣтъ. Выходить одностороннее слѣдствіе.

Въ кievскомъ университетѣ при мнѣ начинались лекціи, но въ немъ царила полная безтолковщина. Среди студентовъ шли политическіе разговоры, замѣчалось броженіе. Въ университетъ проникали люди съ улицы; въ коридорахъ постоянно толпились вольнослушательницы, чаявшія осуществленія своихъ правъ и заигрывавшія въ «товарищество» со студентами. Онѣ тогда еще не ждали скорого разочарованія и закрытія передъ ними университетскихъ дверей... А оно было близко, близко...

XIV.

На Днѣпрѣ.

— Все у насъ теперь въ еврейскихъ рукахъ,—говорили мнѣ на нижнемъ Днѣпрѣ, въ пышной и хлѣбородной житницѣ Новороссіи.— Евреи—скупщики хлѣба, евреи—комиссіонеры, экспедиторы. У насъ родились даже еврейскія пароходства...

Нижній Днѣпръ за порогами—средоточіе сельско-хозяйственной жизни, которая таится здѣсь въ громаднхъ помѣщичьихъ экономіяхъ, насчитывающихъ десятки тысячъ десятинъ, и на крестьянскихъ земляхъ, плодородныхъ, обширныхъ и привольныхъ. О малоземельѣ здѣсь понятія не имѣютъ, житница Новороссіи даетъ въ иные годы баснословные урожаи. Въ нынѣшнемъ году—урожай былъ средній, кромѣ пшеницы, которая родилась въ изобиліи, ячмень былъ попорченъ дождями. Въ общемъ годъ былъ весьма сносный.

Живое сельско-хозяйственное дѣло Нижняго Днѣпра породило здѣсь любопытную спекуляцію хлѣбомъ. Ею, какъ карточной игрой, всѣ увлеклись и торгующіе и неторгующіе, даже мирные обыватели приднѣпровскихъ селъ и мѣстечекъ. Спекуляція эта особенно усилилась съ 1907 года, когда цѣны на хлѣбъ росли не по днямъ, а по часамъ. Спекуляторы тогда наживали десятки тысячъ рублей, но въ концѣ концовъ оказалось больше потерь, чѣмъ выгодъ. Цѣны на хлѣбъ стали падать, разоряя любителей хлѣбной наживы. Нынче спекуляція зачахла.

Плыву на пароходѣ по тихой зеркальной рѣкѣ... Поздняя осень. Днемъ грѣетъ солнце, а по утрамъ и вечеромъ послѣ заката холодно... Сырость пронизываетъ до костей. Маленькій пароходъ переполненъ народомъ. Живописныя группы хохловъ и хохлушекъ стремятся на осеннюю Каховскую ярмарку. Днѣпръ полноводенъ: ни мелей, ни карчей... Мимо насъ тянутся большія имѣнія, усадьбы, уютныя владѣльческіе уголки.

— Въ прошломъ году,—разсказываетъ мнѣ старичокъ-капитанъ,—бѣда здѣсь стряслась надо мной... Днѣпръ капризенъ: посмотрите, какіе здѣсь извивы, повороты, острова... Въ темную ночь да при малой водѣ того и гляди угодишь на камни или на отмель... Шли мы вечеромъ, смотрѣли на огни бакановъ, сторонились отъ красныхъ огней, держались бѣлыхъ... и вдругъ трахъ-трахъ-трахъ... Пароходъ попалъ на камень, цѣлое несчастье: вода залила трюмы... и пароходъ застрялъ на камняхъ на двѣ недѣли. А все отчего? По самымъ, можно сказать, пустякамъ... Постовой сторожъ отлучился съ рѣки и поручилъ наблюденіе за огнями какому-то досужему рыбаку, а тотъ вмѣсто краснаго огня зажегъ бѣлый...

Ночью на отвѣсномъ высокомъ берегу показался весь залитый луннымъ свѣтомъ историческій Бизюковъ монастырь—святыня екатерининскихъ временъ. Красиво смотрѣли съ зеленыхъ высотъ зубчатыя стѣны обители, и полная ясная луна неподвижно висѣла надъ монастырскимъ соборомъ, на который ложились тѣни высокихъ тополей и пятна луннаго свѣта. Тиха и неподвижна была обитель... Блестящіе золотые кресты ея, казалось, упирались въ небесную лазурь...

Намъ встрѣчаются вереницы огней—караваны судовъ, везущихъ хлѣбъ къ большимъ пристанямъ. По всему Днѣпру идетъ ликвидація урожая. А въ знаменитой Каховкѣ—крупномъ владѣльческомъ мѣстечкѣ Приднѣпровья—развернулась во всю ширь обычная осенняя ярмарка, знаменующая собой окончаніе хлѣбной кампаніи. Эта ярмарка стягиваетъ къ себѣ массу народа изъ отдаленныхъ мѣстностей. Орловцы и полтавцы, приходящіе на полевые работы въ южно-русскія степи,—главные гости ярмарки. Они нанимаются въ Каховкѣ весной, а осенью получаютъ расчеты—и дѣлаютъ покупки на ярмаркѣ. Каховка—биржа сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Въ прежнее время на каховскую ярмарку стекалось до ста тысячъ народа, теперь значеніе Каховки оспариваетъ Джанкой; въ нынѣшнемъ году собралось въ Каховку все-таки до тридцати тысячъ человекъ. Рабочіе запасаются здѣсь мануфактурой, крестьянскими принадлежностями, провизіей. Ярмарка работаетъ во всю, а около берега сіяетъ огнями и оглашаетъ днѣпровскую тишь веселой музыкой плавающей кинематографъ.

XV.

У Чернаго моря.

Я не узналъ Одессу въ этотъ прїѣздъ... Она была похожа на какой-нибудь Ташкентъ или Самаркандъ. Вездѣ на улицахъ, на бульварѣ я встрѣчалъ смуглолицыхъ гостей съ Востока въ ха-

латахъ и въ огромныхъ чалмахъ на головахъ; они двигались петрыми вереницами въ одесскую гавань и наполняли улицы порта.

— Откуда эти восточные гости здѣсь?—полюбопытствовалъ я.

— Это мусульманскіе паломники, хаджи,—объяснилъ мнѣ одесскій агентъ Добровольнаго флота. — Они пріѣхали въ Одессу со всѣхъ сторонъ: изъ Средней Азіи, изъ Крыма, съ Кавказа, съ Волги. Мы повеземъ ихъ на своихъ пароходахъ въ Аравію на поклоненіе гробу Магомета.

Въ прошломъ 1908 году было очень велико движеніе русскихъ мусульманъ въ Мекку и Медину. Годъ былъ високосный (хаджиакбаръ), дающій всегда наибольшій процентъ мусульманскихъ паломниковъ. Число ихъ доходитъ въ разгаръ движенія (ноябрь, декабрь) до 20 тысячъ человѣкъ.

Одесскій «Домъ Трудолюбія», пустовавшій прежде, превратился въ пріютъ для мусульманъ. Они жили тамъ какъ въ гостиницѣ въ ожиданіи посадки на пароходы Добровольнаго флота.

Въ одесской гавани кипѣла работа. На пароходахъ Добровольнаго флота устраивались всякія приспособленія для паломниковъ: спеціальныя мусульманскія кухни, въ которыхъ всѣ кушанья должны были готовиться по мусульманскому обряду правовѣрными поварами, устраивались мусульманскія хлѣбопекарни, обставлялись походные лазареты (въ виду холернаго времени), принимались всякія предосторожности, заводились камеры для мусульманскихъ омовеній и проч.

Я побывалъ на большомъ пароходѣ «Владимиръ», которій долженъ былъ отойти первымъ съ мусульманскими паломниками.

— Ну, батюшка,—встрѣтилъ меня капитанъ,—хлопотъ у насъ по горло... Видите: все чистятъ, моютъ, скребутъ... Черезъ недѣлю повеземъ паломниковъ въ Аравію...

Однако, не совсѣмъ ладилась эти мусульманскія перевозки у Добровольнаго флота. Въ прежніе годы мусульмане ѣздили въ Аравію на пароходахъ разныхъ компаній, никакихъ обязательствъ не было, а Добровольный флотъ установилъ для мусульманъ особыя правила и особые билеты въ оба конца. Мусульмане ворчали на эти порядки.

— Каждый правовѣрный стремится къ святынямъ Мекки какъ къ источнику духовнаго блаженства,—говорили мнѣ.—Кому судьба приведетъ умереть у гроба Магомета—тотъ попадетъ въ рай... А тутъ, не угодно ли, правовѣрнымъ предлагаютъ обратные билеты.

Мусульмане отказывались брать эти билеты, и позже обратные билеты были отмѣнены. Монополія Добровольнаго флота пала: ихъ стали возить и другія пароходства. Многіе мусульмане стремились доѣхать только до Константинополя, откуда, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ отправить ихъ въ Мекку самъ султанъ. Но султану въ то время было не до паломниковъ, въ Турціи готовилась конститучія.

Въ Одессѣ я встрѣтилъ офицера, моего знакомаго по Македоніи, свидѣтеля послѣднихъ событій въ Турціи, который передалъ мнѣ много любопытнаго о турецкомъ переворотѣ и македонскомъ движеніи.

— Я былъ въ Салоникахъ въ эти историческіе дни,—говорилъ онъ.—Тамъ собственно и зародилось движеніе въ пользу конституціи... Это движеніе подняли турецкіе офицеры, въ немъ принялъ большое участіе Энверъ-бей, бывший адъютантъ турецкаго генералъ-губернатора Македоніи Хильми-паши... Если бъ вы видѣли, что дѣлалось въ Салоникахъ. Броженіе росло на нашихъ глазахъ. Работали во-всю младо-турецкіе комитеты. Революція вспыхнула разомъ. Хильми-паша послалъ султану тревожное донесеніе. Изъ Константинополя получился приказъ: потопить революцію въ крови въ 48 часовъ. Хильми-паша тогда увѣдомилъ султана такой телеграммой: часть тому назадъ было 5,000 возставшихъ, сейчасъ 50,000, черезъ два часа войска перейдутъ на сторону революціонеровъ. Уже готовилось движеніе изъ Салоникъ и Адрианополя на Царьградъ, чтобы вырвать конституцію. Прошла весьма тревожная ночь, и на утро получился султанскій отвѣтъ, дарующій конституцію. Тутъ пошло въ Салоникахъ великое ликование... Три дня былъ сплошной народный праздникъ.

Одесса тѣсно связана съ Константинополемъ регулярными морскими сообщеніями, она ведетъ торговлю съ портами Турціи, и здѣсь всѣ вѣсти «съ того берега» встрѣчаются съ живымъ интересомъ. Прошлой осенью наши сношенія съ Турціей были вялыя, теперь стало лучше. Захирѣвшій нашъ вывозъ въ Турцію оживился. Въ одесской гавани засталъ любопытное явленіе: «союзъ русскаго народа» организовалъ свои артели, завелъ свои порядки въ портѣ и достигъ того, что къ «союзу» на поклонъ пришли бывшіе застрѣльщики одесской революціи.

— Посмотрѣли бы вы, какіе они стали шелковые,—замѣтилъ мнѣ предсѣдатель одесскаго «союза» гр. Коновницынъ:—а все потому, что сила теперь въ нашихъ рукахъ... Вы помните этотъ дикій революціонный натискъ въ Одессѣ: бомбы и адскія машины на пароходахъ. Побѣда намъ далась послѣ борьбы, послѣ жестокихъ стычекъ съ революціонерами... Но скоро весь портъ будетъ въ рукахъ нашихъ артелей... Мы создали недурную организацію, мы обходимся безъ подрядчиковъ. Запись въ члены нашихъ артелей возрастаетъ каждый день Сообщу вамъ еще одну новость: нашъ союзъ привлекъ къ себѣ и нѣмцевъ-колонистовъ Юга.

— Но развѣ въ союзъ могутъ входить инородцы?

— Отчего же,—отвѣчалъ графъ:—мы можемъ принимать всѣхъ, кромѣ евреевъ, они, впрочемъ, и сами не пойдутъ къ намъ.

— Отчего же нѣмцы присоединились къ вамъ?—полюбопытствовалъ я.

— Очень просто.—Смута и безурядица слишкомъ долго царили на Югѣ, всѣмъ надоѣли, а нѣмцы—друзья порядка, они ищутъ опоры. Нѣмцы увидѣли, что нашъ союзъ въ силахъ водворить порядокъ, они и примкнули къ намъ. Мы отпраздновали вступленіе въ союзъ колоній Кандель, Зальцъ и другихъ. Колонисты встрѣчали насъ съ почетомъ и съ радостью; мы создали въ колоніяхъ свою союзную организацію.

Признаюсь, неожиданно было слышать это послѣ печальныхъ разсказовъ объ упадкѣ Одессы, объ одесскомъ террорѣ! Благодаря революціоннымъ годамъ, Одесса обѣднѣла, съежилась. Мѣстные именитые богачи уѣхали отсюда. Къ невзгодамъ революціи присоединились другія бѣды. Прежде Одесса вела торговлю съ Дальнимъ Востокомъ, эта торговля упала. Цвѣтуцій большой южный городъ обратился въ развалину былого достатка. Подвиги экспроприаторовъ тоже подлили яду въ чашу одесскихъ огорченій. Одесское купечество передаетъ объ этихъ подвигахъ много любопытнаго.

Экспортеръ Р. говорилъ мнѣ:

— На меня дѣлались экспроприаторскія нападенія два раза. Въ первый разъ потребовали съ меня тысячу рублей, я далъ пятьсотъ, и грабители ушли. Во второй разъ приходятъ новыя лица въ студенческихъ фуражкахъ, это, однако, не были студенты: я видѣлъ ихъ руки, грубыя, мозолистыя. Эти тоже требовали тысячу рублей... «Да я уже далъ!» говорю я. «Кому вы дали, мы не знаемъ,—отвѣчаютъ они:—вѣдь мы главные и вы должны дать именно намъ...» И у всѣхъ было такъ: явятся вымогатели и объявляютъ: мы главные, а тѣ, кто были раньше, тѣ едва ли не шантажисты... Что дѣлать—давали и главнымъ и шантажистамъ. Нѣкоторыхъ купцовъ жестоко преслѣдовали, угрожали убить... Всего мы тутъ насмотрѣлись...

Да, невесела одесская дѣйствительность! Только въ послѣднее время въ городѣ стало тише... Прекратились дерзкія вооруженныя нападенія, затихли дневные и ночные грабежи.

Умиротвореніе Одессы справедливо приписывается администраторской энергіи и искусству новаго одесскаго генераль-губернатора генерала И. Н. Толмачева, который старательно вычищаетъ въ городѣ плевелы, посянныя революціей.

Случай доставилъ мнѣ возможность бесѣдовать съ генераломъ Толмачевымъ. Я посѣтилъ его въ его живописномъ домѣ-особнякѣ, раскинутомъ въ саду на Маразіевской улицѣ. Генераль развернулъ передо мной интересную картину своей методической борьбы съ одесскимъ терроромъ, очагами котораго были мѣстный университетъ и городская управа. Удаленіе генераль-губернаторомъ отъ должностей бывшего ректора университета г. Занчевскаго и профессоровъ, замѣшанныхъ въ революціонномъ движеніи, было

первымъ смѣлымъ шагомъ ген. Толмачева къ оздоровленію тяжелой одесской атмосферы. Сначала это удаленіе главарей смуты вызвало протесты лѣвыхъ партій, но затѣмъ всѣ примирились съ совершившимся фактомъ. Оказалось даже, что въ одесскомъ университетѣ существуетъ своя большая академическая партія, стоящая за мирное продолженіе занятій. Нынѣшней осенью занятія въ одесскомъ университетѣ начались спокойно.

Генераль Толмачевъ худощавый симпатичный человѣкъ, живой, энергичный, но со слѣдами замѣтнаго переутомленія. Онъ сказалъ мнѣ:

— Видите, у насъ какъ будто стало тише... Въ университетѣ нѣтъ скандаловъ, хотя поводовъ для забастовки— сколько угодно: удаленіе красныхъ профессоровъ, отказъ въ приемѣ вольнослушательницъ, устраненіе старость и ослабленіе университетской автономіи— все это поводы для броженія среди молодежи. Передъ началомъ занятій, правда, обнаруживалось броженіе. Въ университетъ проникали люди съ улицы, рассчитывавшіе найти тамъ прежнюю благопріятную обстановку для безобразій, но они ошиблись. Я приписываю эту перемѣну тому, что сошли со сцены покровители одесской революціи, именно ихъ присутствіе и порождало безпорядки. Если бы эти господа оставались на своихъ позиціяхъ, то спокойствіе въ нашемъ университетѣ никогда бы не наступило. Г.г. профессорамъ я объявилъ, что они должны всѣми мѣрами поддерживать мирное теченіе университетской жизни и не помышлять ни о какихъ забастовкахъ. Полицію и войска я въ университетъ не введу, развѣ что само студенчество обратится ко мнѣ за помощью... Спокойное теченіе университетской жизни теперь всецѣло въ рукахъ профессоровъ и ректора, который въ данное время, слава Богу, правый.

— Можно ли думать,—спросилъ я генерала:— что университетъ окончательно сталъ на путь успокоенія?

— Трудно сказать, но главное зло вырвано... Вѣдь устраненные профессора, какъ это теперь доказано, были разжигателями событій 1905 года. Между университетомъ и здѣшней городской управой была живая связь. Они совместно устраивали революцію. Теперь и въ университетѣ и въ городскихъ сферахъ правые элементы прободрились и подняли голову. Спокойное студенчество хочетъ учиться, а при прежнемъ режимѣ въ университетѣ оцѣнивались не трудолюбіе и способности студента, а больше всего его принадлежность къ лѣвымъ политическимъ партіямъ. Распределеніе стипендій, льготы— все было основано на этомъ началѣ. Нужно было положить конецъ столь уродливому порядку, и я, кажется, достигъ этого.

Генераль продолжалъ затѣмъ:

— Теперь раскрылись всѣ пружины революціоннаго движенія 1905 года. Въ университетѣ было одно крыло одесской революціи, другое было въ одесскихъ общественныхъ сферахъ и въ одесской еврейской интеллигенціи. Наша городская управа теперь поправѣла; правда, она не успѣла еще очиститься отъ всѣхъ отбросовъ революціи, нѣкоторые служащіе, замѣшанные въ событіяхъ 1905 года, пока еще сохранили свои посты, но, надѣюсь, не надолго.

— Я слышалъ,—замѣтилъ я:—что въ вашихъ рукахъ имѣются важные документы по организаціи одесскаго террора.

— Да,—отвѣчалъ генералъ Толмачевъ:—у меня есть эти данныя, такъ сказать, официальные документы революціи... Цѣлая группа городскихъ дѣятелей и городскихъ служащихъ коллегіально постановила объявить въ Одессѣ областную республику, бойкотировать властей и полицію и организовать городскую милицію. Городскіе служащіе должны были подчиняться распоряженіямъ новоявленныхъ главарей республики и проводить въ жизнь возмущенныя ими начала. Какъ вы знаете, эта программа была въ значительной мѣрѣ выполнена...

— А успокоилось ли здѣшнее передовое еврейство?—спросилъ я

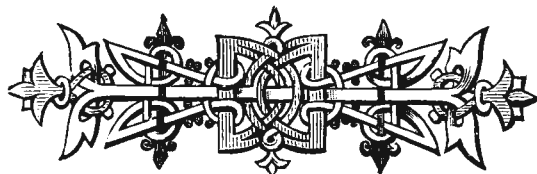
— Да, вопросъ о революціонномъ еврействѣ—самый острый,—продолжалъ генералъ.—Надо вамъ сказать, что въ еврействѣ есть два начала: зажиточное интеллигентное еврейство приняло горячее участіе въ одесской революціи, въ силу своей кагальной власти надъ еврейской мелкотой, оно вело ее на приступъ, но могу васъ увѣрить, что масса трудящагося еврейства была совсѣмъ не расположена къ революціи, она шла въ нее, какъ стадо барановъ. Эта еврейская мелкота забита передовымъ еврействомъ—и пляшетъ по его дудкѣ. Бѣдное еврейство вообще безпомощно, и я, съ своей стороны, стремлюсь, насколько могу, облечить его положеніе. Я внимательно выслушиваю ихъ жалобы и просьбы... Имъ уже нѣтъ необходимости прибѣгать къ протекціи сильныхъ. Мнѣ кажется, если еврейство увидитъ доступность и отзывчивость русской власти, оно должно перестать быть врагомъ ея, и тогда оно пойметъ, на какой ложный путь вели его революціонные главари, объявлявшіе бойкотъ правительству. Въ этихъ «главаряхъ» заключалась вся сила еврейскаго террора въ Одессѣ.

— Неужели же до сихъ поръ не успокоились застрѣльщики еврейскаго террора?—поинтересовался я.

— Конечно, они притихли,—отвѣчалъ генералъ:—они всегда присматриваются къ обстоятельствамъ, но революціонный микробъ живучъ. Еврейская масса въ настоящее сравнительно спокойное время должна распознать и оцѣнить положеніе: что лучше—благожелательная русская власть, или деспотическое начало еврейскаго кагала? Еврейскіе магнаты собирали капиталы на помощь

жертвамъ еврейскихъ погромовъ. Пожертвованія стекались изъ столицъ и изъ-за границы, но эти деньги тратились безконтрольно. Ревизія обнаружила недостачу значительной суммы—около 150 тысячъ. Все это печально, но и назидательно для еврейской массы. Когда картина злоупотребленій раскроется на судѣ, евреи, несомнѣнно, убѣдятся, что благодѣтели и вожаки еврейства не слишкомъ строго оберегаютъ его интересы и его деньги. Самъ собой упадетъ ихъ престижъ, которымъ еврейскіе главари такъ пользовались въ революціонные дни, драпируясь въ тогу «освободителей».

Н. Лендеръ (Путникъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія Государевой Свиты. Т. III. Царствованіе императора Николая I. Главный редакторъ Д. А. Скалонъ, составители В. В. Квадръ и В. К. Шенъ, помощники: Г. С. Габаевъ, Н. Н. Мерлинъ и М. К. Соколовскій. 625+365 стр. съ многочисленными иллюстраціями.

Въ 1902 г. вышла, на правахъ рукописи, составленная В. В. Квадри и М. К. Соколовскимъ, брошюра объ императорской главной квартирѣ въ царствованіе императора Николая I. Это былъ абрисъ будущаго роскошнаго капитальнаго труда, который вышелъ наконецъ въ свѣтъ въ настоящее время.

Книга, по богатству матеріала, частью обнародываемаго впервые, представляетъ исключительный интересъ для біографіи Николая Павловича и могла бы быть озаглавлена точнѣе: «Императоръ Николай I, его дѣтство, военная служба и его свита». Только съ VI главы начинается исторія собственно императорской главной квартиры, какъ учрежденія. Историческая литература, конечно, не можетъ сѣтовать на то, что авторы расширили рамки своихъ изслѣдованій и отвели много мѣста біографіи Николая Павловича, обративъ такимъ образомъ свой юбилейный очеркъ императорской главной квартиры, какъ одного изъ главныхъ управленій военнаго министерства, въ трудъ, имѣющій несравненно болѣе широкій интересъ.

Итакъ, противъ богатства матеріала возражать не приходится. Прежде всего среди матеріаловъ должна быть поставлена въ высшей степени интересная автобіографическая записка императора Николая I. Она писана по-

французски, собственноручно Николаемъ Павловичемъ, хранится въ Собственной Его Величества библиотекѣ и воспроизведена въ исторіи свиты дважды: въ приложенияхъ — по-французски, фотографическимъ способомъ; въ текстѣ — по-русски, съ комментаріями. Воспоминанія эти читаются положительно съ не ослабѣвающимъ увлеченіемъ. Николай Павловичъ заноситъ въ мемуары все то, что удержала его память о дѣтскихъ лѣтахъ. По воспоминаніямъ можно судить о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя произвели на него тѣ или другія внѣшнія обстоятельства. Описывая день, слѣдовавшій за 11 марта 1801 г., Николай Павловичъ упоминаетъ, что въ Зимнемъ дворцѣ онъ видѣлъ, какъ Марія Теодоровна лежала въ глубинѣ комнаты, а Александръ Павловичъ бросился передъ ней на колѣни и зарыдалъ; ему принесли воды.

Другой матеріалъ высокаго историческаго достоинства, тоже впервые обнаруженный, это — переписка и документы такъ называемой лейбъ-гвардіи Дворянской роты. Исторіи этого своеобразнаго учрежденія не коснулся даже присяжный историкъ пажей — г. Левшинъ. Въ этой ротѣ, составлявшейся изъ пажей, Николай Павловичъ, будучи юношей 14—17 лѣтъ, исполнялъ фактически роль строевого офицера, взводнаго офицера, именуясь поручикомъ, а затѣмъ штабъ-капитаномъ Романовымъ 3-мъ. Очень любопытны подробности образованія этой гвардейской роты. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ Николай Павловичъ обнаруживалъ особенное пристрастіе къ военному дѣлу; любимыми его игрушками были военныя. Марія Теодоровна была не склонна потворствовать такому явно-военному характеру воспитанія великаго князя и, задумавъ удалить отъ своихъ младшихъ двухъ сыновей товарищей ихъ военныхъ игръ, просила императора Александра I отправить Николая и Михаила Павловичей въ лейпцигскій университетъ. Этому, однако, воспротивился Александръ Павловичъ, обѣщавшій основать взамѣнъ этого Царскосельскій лицей, гдѣ могли бы младшіе его братья слушать публичныя лекціи. Лицей и былъ дѣйствительно открытъ 19 октября 1811 г., въ день, которому посвящено нѣсколько стихотвореній воспитанника перваго выпуска, незабвеннаго А. С. Пушкина. Однако въ лицей великіе князья не пошлѣ. Здѣсь можно бы наводить туманъ и вмѣстѣ съ барономъ Корфомъ утверждать, что зачисленію ихъ въ лицей помѣшали сбиравшіяся тучи надвигавшейся войны. Но найденные документы убѣждаютъ, что Дворянская рота была основана 5 сентября 1810 г., т. е. за годъ до открытія лицея, и въ этой ротѣ продолжали свое образованіе великіе князья. Конечно, тутъ уже было не до лицея. Отдавая должную похвалу авторамъ исторіи свиты за розыскъ матеріаловъ по исторіи доселѣ оставшейся неизвѣстной Дворянской роты и ихъ опубликованіе, нельзя вполне раздѣлить ихъ взглядъ на то, что Марія Теодоровна, желавшая дать своимъ дѣтямъ общегражданское воспитаніе, собственно говоря, ошибалась, а правъ былъ Александръ Павловичъ, стоявшій за строго военный характеръ воспитанія. Правда, строевая служба въ Дворянской ротѣ выработала въ великихъ князьяхъ командныя навыки и приучила ихъ подчиняться своимъ начальникамъ. Но въ то же время она, нужно въ этомъ сознаться, оставила въ характерѣ Николая Павловича неизгладимую склонность къ внѣшней, показной сторонѣ военнаго дѣла. Притомъ высокое и тяжелое бремя монарха столь ве-

ливо, відповідально і різноманітно, що нельзя обмежувати підготовку къ занятію престолу тільки війсьнимъ дѣломъ. Замѣчательно еще, що за військове вихованіє стоявъ імператоръ Александръ I, чоловікъ въ суцності невійськовий.

Въ історіі свити приводится далѣ весьма много документівъ, характеризуючихъ військову службу Николая Павловича въ качествѣ бригаднаго і дивізіоннаго командира. Сами по себѣ эти матеріали очень интересны, хотя не могутъ быть признаны першої свѣжести, такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ уже были напечатаны мною за послѣдніє годы въ спеціально-військовихъ журналахъ. Интересно і объясненіє этихъ документівъ, хотя общій выводъ авторівъ історіі о томъ, що ходячее мнѣніє объ увлеченіі Николая Павловича вахтпарадною стороною дѣла «болѣе чѣмъ преувеличено», не основательно. Авторы, вступая здѣсь на скользкій полемическій путь, образують сами ту стѣну найменшаго сопротивленія, которая «болѣе чѣмъ легко» пробивается первымъ же ударомъ критики. Не разбирая приказівъ Николая Павловича за 1818—1825 гг. въ отдѣльности, невозможно отрицать общаго ихъ духа, который насквозь пронитанъ экзерцирмейстерствомъ, увлеченіємъ декоративною стороною дѣла. Въ недавно составленной офицерами л.-гв. Егерскаго полка, т. е. строевыми офицерами, брошюрѣ «Лейбъ-егеря подѣ командою Николая Павловича», внесенъ всравненно болѣе широкій історическій взглядъ съ необходимымъ въ історическихъ трудахъ критическимъ элементомъ. Въ этой брошюрѣ приказы і распоряженія Николая Павловича разобраны въ связи съ распоряженіями другихъ начальствующихъ лицъ і съ мемуарами современниковъ. II общій выводъ брошюры таковъ, что время, въ которое протекла строевая служба Николая Павловича, было временемъ парадівъ і разводівъ. Командиры полковъ отправлялись подѣ арестъ за дурной церемоніальній маршъ ихъ частей... Николай Павловичъ былъ воиствѣ сыномъ своего времени і сохранивъ требовательность строевыхъ тонкостей даже въ императорскомъ санѣ. Очень, очень жаль, что составители історіі свиты отрѣшились отъ ходячаго, «болѣе чѣмъ преувеличеннаго» (а что можетъ быть болѣе чѣмъ преувеличенное?) взгляда на экзерциргаузность военной службы Николая Павловича. Жаль, что і въ предисловіі къ своему капитальному многоцѣнному труду авторы видятъ всю причину позора Крымской кампаніі въ томъ, что Николай Павловичъ мало удѣлялъ вниманія на новѣйшія военнотехніческія усовершенствованія. Эта фраза знаменательна въ офіціальному изданіі, но она не исчерпываетъ предмета: Крымскую кампанію мы проиграли по милости всего режима, всей системы шаблона і экзерциргаузства, гдѣ было такъ много мѣста удѣлено всяческому плацпараднымъ кунштшюкамъ, но гдѣ отсутствовала душа военного дѣла.

Мои замѣчанія ничуть не уменьшаютъ історіографической цѣнности капитального труда авторівъ, занимающаго чуть ли не сорокъ печатныхъ листовъ. Въ трудѣ множество новыхъ матеріалівъ, множество правильныхъ частныхъ замѣчаній. Такъ, въ описаніі дней, предшествовавшихъ событію 14 декабря, составители весьма правильно подмѣтили, что цесаревичъ Константинъ, въ отвѣтъ на искренніє строки Николая Павловича, пишетъ ему

сухо и официально, употребляя даже выражение, что онъ «уступаетъ» ему право на наследіе престола. По мнѣнію авторовъ, цесаревичъ Константинъ «отказывался отъ русской короны съ большою неохотою». Опуская подробности разбора статей «Русской Правды» и проекта Муравьева, авторы отсылаютъ читателя къ трудамъ Б. В. Глинскаго и С. Г. Сватикова.

Оставляя въ сторонѣ подробныя описанія пребываній Николая Павловича и его свиты въ войнахъ и высочайшихъ путешествіяхъ, нельзя не остановиться на обрисовкѣ отношеній Николая Павловича къ гр. А. Х. Бенкендорфу и гр. В. Ф. Адлербергу. Оба эти лица были приближенными государя. Любопытно, что однажды Бенкендорфъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о дарованіи дворянства купцамъ, обѣщавшимъ за эту милость крупный денежный взносъ на просвѣтительныя цѣли. На это ходатайство Николай Павловичъ положилъ резолюцію: «дворянское право не покупается и впредь не смѣть входить ко мнѣ съ подобными представленіями». Любопытны также два параграфа завѣщанія Николая Павловича, относящіеся къ В. Ф. Адлербергу. Въ одномъ параграфѣ читаемъ: «г.-а. Адлербергу оставляю часы, что я всегда ношу съ 1815 г., и серебряную чашу, въ которой я голову обмачивалъ, въ память, что мы съ нимъ въ дѣтствѣ всегда ею любили играть, и одну походную шпагу». Въ другомъ параграфѣ было изложено: «съ моего дѣтства два лица были мнѣ друзьями и товарищами; дружба ихъ ко мнѣ никогда не измѣнялась; г.-а. Адлерберга любилъ я, какъ родного брата, и надѣюсь по конецъ жизни имѣть въ немъ неизмѣннаго и правдиваго друга; сестра его, Юлія Θεодоровна Баранова, воспитала трехъ моихъ дочерей, какъ добрая и рачительная родная; обоимъ имъ прошу назначить въ мою память пенсіоны, сверхъ получаемыхъ, по 15 т. р. сер.; въ послѣдній разъ благодарю ихъ за братскую любовь».

Очень подробно разработанъ отдѣлъ самыхъ разнородныхъ порученій, дававшихся чинамъ свиты. Здѣсь были и инспекторскіе смотры воинскихъ частей, и слѣдствія, и наблюденія за рекрутскими наборами, и дипломатическія поѣздки, и раздача благотворительныхъ суммъ. Многіе эпизоды приведены составителями впервые. Между прочимъ генераль-адъютантъ Огаревъ производилъ разслѣдованіе о катастрофѣ съ царскимъ поѣздомъ въ 1852 г., близъ Ченстохова. Въ результатѣ, по высочайшему повелѣнію, былъ арестованъ на мѣсяцъ директоръ дороги, генераль-майоръ Аврежіо.

Новыя данныя вносятъ глава о польской свитѣ.

Приложенія обильны цѣнными матеріалами. Тутъ и послужной списокъ императора Николая I, составленный въ 1838 г. Здѣсь и разныя донесенія чиновъ свиты по командировкамъ, и ихъ письма, и данныя имъ рескрипты. Очень любопытна записка г.-ад. Красовскаго о формѣ одежды, съ собственноручными помѣтками государя противъ каждаго пункта. Книга заканчивается общимъ свѣтскимъ спискомъ въ порядкѣ назначенія въ свиту. Къ книгѣ приложенъ указатель.

Очень увеличиваютъ достоинство изданія многочисленныя великолѣпныя иллюстраціи. Подобраны онѣ съ большимъ вкусомъ и умѣло. Жаль только, что нѣтъ общаго списка всѣхъ иллюстрацій.

Думается, что по богатству исторического материала и по исключительной иконографической цѣнности, третій томъ «Исторіи Государевой Свиты» заинтересуетъ весьма многихъ читателей.

Мих. Соколовскій.

**Исторія Финляндіи. Время императора Александра I. Съ портретами, иллюстраціями и картой.—М. Бородкина. 1909 г.—
Къ столѣтію покоренія Финляндіи.**

Декларациею 16 марта 1808 года (см. П. С. З. № 22899) часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась шведскою, признана областью, російскимъ оружіемъ покоренною и присоединена навсегда къ Россійской имперіи, а немного позднѣе обширнымъ манифестомъ 1 октября 1809 года, изданнымъ въ день ратификаціи Фридрихсгамскаго трактата 5 (17) октября 1809 г. (П. С. З. № 23883), было возвѣщено, что доброе наше воинство покорило Финляндію, завладѣло всѣми ея провинціями, одержало знаменитые острова Аландскіе и, объявъ Ботнической заливъ, перейдя западную Ботнію, на отдаленныхъ предѣлахъ ея утвердило свое обладаніе и присоединило къ числу подданныхъ Россіи и народъ финскій. Со времени изданія этихъ замѣчательныхъ государственныхъ актовъ протекаетъ сто лѣтъ и мы за это время не удостоились почтить какимъ-либо памятникомъ нашихъ соотечественниковъ, которые проливали свою кровь на поляхъ Револакса Лаппо, Куортане, Оравайса, мерзли терпѣливо въ снѣгахъ Карелии и Эстерботни и проводили ночи при большомъ морозѣ подъ открытымъ небомъ на льдахъ Ботническаго залива. Мы забыли давно слова героя графа Н. М. Каменскаго: «Мы завоевали Финляндію—храните ее», и безъ малаго сто лѣтъ дѣлали все отъ насъ зависящее, чтобы эта завоеванная кровію предковъ область сдѣлалась чуть не самостоятельнымъ и притомъ враждебнымъ Россіи государствомъ, въ которомъ безнащадно и постоянно изгонялось все русское, все указывающее на то, что завоеванная Финляндія вошла въ составъ Россіи по праву завоеванія и по жребію битвъ (*La Finlande se trouve incorporée à la Russie par le droit de conquête et du sort des combats*¹⁾), что Финляндія навсегда присоединена къ Россіи и что это достояніе, Промысловъ врученное, надлежитъ хранить во всей его неизблемости и въ непремѣнномъ и вѣчномъ съ Россіею единствѣ (слова манифеста 1808 года). Мы, конечно, забыли бы и о наступающемъ столѣтіи полнаго включенія Финляндіи въ составъ Россійской имперіи, если бы г. М. Бородкинъ, извѣстный и неутомимый изслѣдователь по финляндскому вопросу, о почтенныхъ трудахъ котораго не разъ упоминалось уже на страницахъ «Историческаго Вѣстника», не возымѣлъ счастливой мысли издать къ столѣтію покоренія Финляндіи весьма обстоятельную книгу подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ, въ которой, пользуясь основательнымъ знаніемъ языковъ шведскаго и финскаго, собралъ обильный матеріалъ о первомъ періодѣ на-

¹⁾ См. письмо императора Александра I-го къ Наполеону отъ 28-го апрѣля 1808 года.

шого обладанія всею Финляндією. Авторъ въ этомъ новомъ своемъ трудѣ преимущественно обращаетъ вниманіе на мало разслѣдованную политическую и бытовую сторону войны 1808—1809 годовъ, т. е. на дипломатическіе переговоры того времени, на настроеніе общества, поведеніе войскъ и т. д.; собственно боевыхъ дѣйствій авторъ касается настолько, чтобы сохранить связность общаго разсказа и имѣть раму для главной картины своего описанія, приче́мъ, однако, говоритъ довольно подробно о послѣдовавшемъ возстаніи крестьянъ въ виду той огромной роли, которая выпала ему на долю. Это возстаніе, какъ извѣстно, придадо особый характеръ самой войнѣ, сдѣлало ее широко популярною среди финновъ и послужило предметомъ для немалаго числа литературныхъ произведеній на финскомъ языкѣ, имѣющихъ цѣлью не столько обезсмертить этотъ порывъ финскихъ крестьянъ, сколько возбудить ихъ потомковъ послѣдовать примѣру предковъ. Весь обширный, собранный имъ матеріалъ г. Бородкинъ очень удачно распредѣлилъ на 15 главъ, въ которыхъ, начиная съ перваго періода войны 1808—09 годовъ, изложены сперва всѣ событія, приведшія къ Фридрихсгамскому миру, а затѣмъ всѣ мѣропріятія по установленію въ завоеванной окраинѣ новаго управленія, приче́мъ авторъ заканчиваетъ свое изложеніе генераль-губернаторствомъ г. Закревскаго, назначеннаго на эту должность въ 1823 году, послѣ слабаго и безхарактернаго ген. Штейнслея, снискавшаго своимъ потворствомъ финляндцамъ большое съ ихъ стороны расположеніе за время своего 14-лѣтняго управленія Финляндією. Предѣлы нашей замѣтки о выходящихъ книгахъ не дозволяютъ намъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе новаго любопытнаго и, конечно, поучительнаго для насъ труда г. М. Бородкина: предоставляя читателямъ непосредственно самимъ ознакомиться съ этимъ произведеніемъ, мы позволимъ себѣ обратить ихъ вниманіе на слѣдующее.

По окончаніи войны 1808—9 годовъ къ Россіи присоединена была остальная часть Финляндіи, т. е. отъ рѣки Кюмени до Ботническаго залива, называвшаяся шведскою или новою Финляндією. Часть же Финляндіи отъ береговъ Ладожскаго озера и р. Невы до р. Кюмени была завоевана Россією ранѣе, при Петрѣ I и Елизаветѣ Петровнѣ, и означалась именованіемъ русская, или старая, Финляндія, а также Финляндская или Выборгская губернія, въ которой было введено управленіе общее съ остальными губерніями имперіи, т. е. она имѣла губернатора, губернское правленіе, казенную палату, приказъ общественнаго призрѣнія и т. д., дѣйствовавшіе на общихъ правилахъ, изданныхъ для подобныхъ учрежденій въ имперіи, съ которою эта губернія во многомъ уже значительно сблизилась. И прекрасно. Казалось бы, всего проще и соотвѣтственнѣе новую, или шведскую, Финляндію присоединить къ русской и ввести во всей Финляндіи одно общее русское управленіе. Но императоръ Александръ I манифестомъ 11 декабря 1811 г. (П. С. З., № 24907) поступилъ обратно. Онъ русскую Финляндскую губернію присоединилъ къ великому княжеству Финляндіи и повелѣлъ наименовать оную Выборгской губерніей, которая, наравнѣ съ губерніями, въ Финляндіи существующими, должна состоять въ главномъ управленіи, для сей страны имъ утвержденномъ. Такимъ образомъ, однимъ почеркомъ пера отъ нашей имперіи неизвѣстно для

чего и почему отторжена немалая часть ея территоріи, завоеванная трудами нашихъ предковъ. «Что за великое зло,—говорилъ Александръ I,—отдѣлить отъ Россіи нѣсколько провинцій. Развѣ она не будетъ еще достаточно великой?» И вотъ на основаніи такого соображенія совершается въ нашей исторіи печальнѣйшій фактъ, подобнаго которому лѣтописи другихъ народовъ не знаютъ. Всѣ въ Россіи, конечно, были глубоко оскорблены подобнымъ распоряженіемъ, а извѣстный Вигель въ своихъ запискахъ прямо назвалъ это первой измѣной Россіи (см. его Воспоминанія, 2 изд., т. III, ст. 66). У г. Бородкина весьма подробно изложено весь ходъ мысли о соединеніи Выборгской губерніи съ остальной Финляндіей, зародившейся въ средѣ аньяльскихъ заговорщиковъ (которые при Густавѣ III стремились отдѣлить Финляндію отъ Швеціи и образовать изъ нея самостоятельное государство) и получившей, наконецъ, осуществленіе при Александрѣ I, при ревностномъ содѣйствіи извѣстнаго графа Г. М. Армфельда, по словамъ котораго всѣ, кромѣ царя, были противъ соединенія старой Финляндіи съ новою. Но, какъ извѣстно, *sic volo—sic jubeo...* и состоялось неслыханное дѣло отторженія отъ Россіи цѣлой губерніи. Это исполнѣ рисуетъ и характеръ Александра I, который, будучи деспотомъ въ душѣ, бредилъ по временамъ о конституціи, а когда пришлось ее подписать для созданнаго имъ же великаго княжества Финляндскаго, то подписать таковую не соизволилъ. Очень обстоятельно этотъ вопросъ о финляндской конституціи при Александрѣ I, возносимомъ дояльными финляндцами до небесъ, разъясненъ у г. Бородкина въ главѣ XIII.

Всѣ дѣятели бывшаго въ 1809 г. сейма въ Борго очень хорошо понимали, что Финляндія риксдага не получила, никакой надлежащей государственной конституціи не имѣетъ, что императоръ хотѣлъ только узнать мнѣніе народа, но что рѣшалъ онъ самъ одинъ, что въ этомъ сеймѣ сильный приказывалъ, а новые подданные—всеподданнѣйше докладывали. Это побудило финляндцевъ хлопотать о настоящемъ сеймѣ и настоящей конституціи. Комиссія финляндскихъ дѣлъ выработывала проектъ измѣненія дѣйствовавшихъ основныхъ законовъ, причемъ душою трудовъ былъ Ребиндеръ (позднѣе статсъ-секретарь по финляндскимъ дѣламъ). Но при Александрѣ I проектъ конституціи 1819 года утвержденъ не былъ, несмотря на всѣ попытки къ тому Ребиндера. Императоръ оставлялъ безъ вниманія его представленія. Не помогла этому дѣлу и извѣстная поѣздка Александра I по Финляндіи. Въ характерѣ и воззрѣніяхъ императора произошла въ то время большая перемѣна. Въ его воззрѣніяхъ принципъ самодержавія одержалъ верхъ надъ конституціонными порывами, а въ его характерѣ стали проявляться колебанія и недовѣріе, которыя тормозили всякое бѣглое начинаніе. Г. М. Бородкинъ подробно все это выясняетъ. Предоставляя читателямъ непосредственно прочесть этотъ интересный трудъ, не можемъ не упомянуть, что сочиненіе издано во всѣхъ отношеніяхъ совершенно удовлетворительно и украшено множествомъ портретовъ дѣйствующихъ лицъ и немалымъ числомъ различныхъ иллюстрацій.

П. Майковъ.

Писаревскій, Г. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. (по неизданнымъ архивнымъ документамъ). М. 1909. 340+83 стр. Цѣна 3 р.

Въ исторической литературѣ трудами цѣлаго ряда изслѣдователей, какъ, напр., Буцинскаго, Фирсова, Перетятковича, Багалъя, Миклашевскаго и др., въ значительной мѣрѣ выясненъ характеръ російской колонизаціи, какъ правительственной, такъ и частной, ея направленіе и значеніе для быта и строя государственнаго. Въ вопросѣ о колонизаціи лишь одна сторона оставалась мало изученной, именно призывъ къ эмиграціи въ Россію изъ иностранныхъ государствъ. Этотъ пробѣлъ восполняетъ только что вышедшая книга Г. Писаревскаго «Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в.».

Въ этой книгѣ авторъ вначалѣ выясняетъ общія и мѣстныя условія, благодаря которымъ наше правительство считало нужнымъ вызывать иностранцевъ въ Россію. Общія условія онъ видитъ: 1) въ господствовавшей тогда теоріи, которую развивали тогдашніе выдающіеся экономисты, теоріи такого рода, что съ увеличеніемъ населенія богатѣетъ страна; 2) благодаря этой теоріи западно-европейскія государства усиленно поощряли иммиграцію иностранцевъ въ свои владѣнія. Къ этимъ общимъ условіямъ времени у насъ присоединились еще свои мѣстныя, именно у насъ оставались не заселенными огромныя пространства на югѣ и востокѣ, представлявшія раздолье для крымцевъ, казаковъ и башкиръ и предметъ постояннаго безнокійства для правительства. Хозяйственныя соображенія и иного, болѣе высокаго порядка требовали того, чтобы эти земли путемъ колонизаціи пустить въ народно-хозяйственный оборотъ.

Г. Писаревскій въ дальнѣйшемъ разъясняетъ, когда у насъ возникъ проектъ вызывать иностранцевъ и въ какой формѣ онъ былъ осуществленъ. По его словамъ, не при Екатеринѣ II, а «въ царствованіе Елизаветы Петровны, вопреки прочно установившемуся въ нашей исторической литературѣ мнѣнію, появляется у насъ впервые мысль... о вызовѣ и водвореніи въ Россію западно-европейцевъ» (29 стр.). «Первый толчокъ къ возбужденію вопроса объ этомъ далъ французъ де-Лафонъ, протестантъ по вѣроисповѣданію, бригадиръ русской службы», который «8 іюня 1752 г. подалъ канцлеру графу Бестужеву-Рюмину свой проектъ о привлеченіи въ Россію гонимыхъ на родинѣ за вѣру французскихъ протестантовъ». Проектъ былъ обсужденъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, выработана была инструкція для де-Лафона, какъ руководство при его вербовкѣ иностранцевъ. Дѣло восходило до императрицы и было передано въ сенатъ на разсмотрѣніе. Но оно не было доведено до конца, благодаря начавшейся Семилѣтней войнѣ. Вслѣдъ за тѣмъ были поданы и два другіе подобныя же проекты о вызовѣ въ Россію иностранцевъ—саксонскимъ генераломъ Вейсбахомъ и оберъ-берейтеромъ де-Ларивьеромъ, но и эти проекты практическаго осуществленія не получили.

Проекты осуществились въ царствованіе Екатерины II. Какъ былъ организованъ вызовъ иностранцевъ—это служить предметомъ особеннаго вниманія автора. Авторъ на основаніи архивнаго матеріала рисуетъ читателю

картину вызова колонистовъ и водворенія ихъ въ Поволжьѣ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи на протяжении всего царствованія Екатерины II, отмѣчая существованіе двухъ категорій колонистовъ: «коронныхъ» и «вызывательскихъ». Первые набраны были правительственными агентами и находились въ непосредственномъ вѣдѣніи правительства, вторые, набранные частными предпринимателями, такъ называемыми «вызывателями», становились къ нимъ въ своеобразныя зависимыя отношенія, обязывались, напр., платить въ ихъ пользу десятину урожая. Въ книгѣ сдѣланъ обзоръ переселеній не только изъ Западной Европы, но также изъ Турціи, откуда переселялись христіане, терпѣвшіе гоненіе за свою вѣру.

Авторъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ случаевъ, показывающихъ, до какой крайности доходило увлеченіе колонизаціей. Потемкинъ, напр., не обращалъ вниманія, кто переселяется въ Россію, лишь бы переселенцевъ было больше; онъ серьезно думалъ о поселеніи въ Крыму бѣглыхъ англійскихъ каторжниковъ. Жена русскаго резидента въ Курляндіи барона Местмахера покупаетъ тамъ вѣбранныхъ дѣтей, нанимаетъ для нихъ кормилицъ и воспитываетъ въ своемъ домѣ, предполагая подарить ихъ Потемкину, чтобы онъ отослалъ ихъ, какъ колонистовъ, въ Новороссійскій край.

Въ концѣ книгѣ 38 номеровъ приложений, относящихся къ переселенческому дѣлу за изученное г. Писаревскимъ время, съ вѣдомостью о числѣ колонистовъ и ихъ семейномъ и имущественномъ состояніи за 1769 г.

Таково содержаніе книги г. Писаревскаго. Какъ и всякое изслѣдованіе, трудъ этотъ имѣетъ свои достоинства и недостатки. Укажу сначала на послѣдніе. Авторъ даже на обложкѣ заявляетъ, что его книга написана «по неизданнымъ архивнымъ документамъ». Если припомнить историческія изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ—изслѣдованія Готье, Васенки, Поліевктова, Трифильева, В. И. Семевского, Веретенникова, то всѣ они написаны на основаніи архивнаго матеріала, и обращеніе къ архивамъ при разработанности печатнаго матеріала въ настоящее время является необходимою для всякаго изслѣдователя, задающагося цѣлью изучить какой-либо значительный вопросъ. Въ томъ, что работа написана по архивнымъ матеріаламъ—особой заслуги нѣтъ, а потому, думается, нѣтъ основанія афишировать свое пользованіе неизданными источниками.

Затѣмъ авторъ не всегда говоритъ только то, что слѣдуетъ изъ документовъ, разбираемыхъ имъ. Напр., найдя проекты о колонизаціи, относящіеся къ елизаветинскому времени, г. Писаревскій изъ нихъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что это «первый толчокъ» къ возбужденію вопроса о колонизаціи, что именно въ царствованіе Елизаветы Петровны у насъ появляется «впервые» мысль о вызовѣ и водвореніи иностранцевъ въ Россію (29 и сл.). Смѣю увѣрить г. Писаревскаго, что это не совсѣмъ такъ. Сейчасъ у меня подъ руками документъ изъ кабинета Петра I. именно доношеніе Е. Ц. Величеству, въ которомъ высказывается мысль о желательности иностранной колонизаціи. Приведу это доношеніе въ выдержкахъ. «Истинно государь есть,—читаемъ здѣсь,—что множество подданныхъ промыслы и богатства ихъ умножаетъ... Нынѣ же курьереть вальцкой отвмаетъ вольности и привилегіи у своихъ подданныхъ реоформат-

скаго закона, запрещающаго имъ церкви строити, которые уже за нѣсколько вѣковъ имѣли, и того ради видимо есть, что оныя люди будутъ себѣ искать убѣжища подъ охраненіе такого же великаго монарха. Но понеже В. Величество имѣете государство столь пространное и провинціи въ климатахъ такихъ же, яко же во Франціи или Фальце, но несумнительно есть, аще В. В.—о желаете себѣ построить какую колонію (или новопоселенный городъ), дабы ихъ принять и имъ уволить владѣть землями и милостивыми привилегіями съ свободою экзерциціею закона, то многіе не токмо изъ Фальца, но изъ Швейцаріи изъ Саави приѣдутъ, и тако можетъ В. В.—о повелѣть мнѣніе свое изъяснить въ манифестѣ... гдѣ хотите, учинить оную колонію и состояніе милости, вольности и прибытковъ, которые хотите имъ пожаловать». (Госуд. Архивъ, Каб. П., II, № 44, «Челобитныя и доношенія» 1719 г., л. 150). Отсюда ясно видно, что еще при Петрѣ I былъ проектъ вызывать манифестомъ иностранцевъ въ Россію.

Авторъ, увлекаясь архивнымъ матеріаломъ, иногда не заглядываетъ въ печатный. Напр., онъ не взглянулъ въ XI и XII т. «Сенатскаго Архива», гдѣ есть нѣкоторыя данныя для исторіи колонизаціи, имъ не использованныя. Такъ, онъ пропускаетъ любопытный фактъ, что еще въ 1761 г., по доношенію кievскаго чиновника Корбе, предпологалось вызывать молдавцевъ, волоховъ и другихъ народовъ, живущихъ въ Турціи и «находящихся въ вѣрѣ греческаго закона», и селить въ Россіи близъ границы; 22 же мая 1763 г. сенатъ рѣшилъ селить ихъ «внутри Россіи», отводя имъ земли «самыя лучшія и плодоносныя». (XII, 231—3).

Указавъ на недочеты книги, вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ отмѣтить, что авторъ, видимо, внимательно изучилъ большой архивный матеріалъ, систематически изложилъ его въ видѣ общей цѣльной картины, такъ что, если авторъ былъ точенъ въ передачѣ архивнаго матеріала, то его книга, несомнѣнно, должна представить значительный научный интересъ и явиться полезнымъ вкладомъ въ историческую литературу.

М. Клочковъ.

Th. Pantenius. Geschichte Russlands. Leipzig. 1908. Ц. 8 марокъ.

Съ легкой руки Валишевскаго интересъ къ русской исторіи, распространившись изъ Франціи на сосѣднія страны, приобрѣлъ здѣсь стойкій характеръ и вызвалъ появленіе у нѣмцевъ и англичанъ нѣсколькихъ основательныхъ трудовъ, посвященныхъ прошлымъ судьбамъ Россіи. Последней новинкой по русской исторіи является на Западѣ книга Пантеніуса, вышедшая осенью минувшаго года.

Работа Пантеніуса любопытна, какъ нѣкоторое симптоматическое указаніе. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что его книга написана отнюдь не для специалистовъ, а для простой публики, интересъ которой ограничивается шумнымъ движеніемъ на исторической сценѣ и сильными, цѣльными характерами. Кругомъ читателей, который намѣтилъ для себя г. Пантеніусъ, объясняется и содержаніе его книги. На пространствѣ 430 страницъ уложенъ довольно по-

дробный рассказ о внешней стороне русской истории, причем фактической материалъ изложенъ тѣмъ подробнѣе, чѣмъ ближе подходитъ авторъ къ новѣйшему періоду русской жизни. Кончается книга обзоромъ революціоннаго движенія 1905 г. и учрежденіемъ государственной думы.

Рисуя довольно подробно историческую панораму русскаго прошлаго, авторъ, однако, нигдѣ не дѣлаетъ попытки объяснить, растолковать читателю это прошлое, хотя бы въ самыхъ яркихъ его проявленіяхъ. Напрасно стали бы мы искать у него бытовыхъ картинъ, свѣдѣній о культурномъ состояніи русскаго общества въ ту или другую эпоху его существованія или объясненій государственной обстановки, въ которой оно жило. Авторъ дѣлаетъ это очень неохотно и крайне поверхностно. Западный читатель, безъ сомнѣнія, остановится въ полномъ недоумѣніи передъ страннымъ для посторонняго наблюдателя поведеніемъ Ивана Грознаго, подѣлившаго страну на земщину и опричнину и давашаго ей рядомъ съ собою еще другого царя. Чувствуя необходимость какъ-нибудь объяснить эту «Posse» Грознаго, Пантениусъ не находитъ, однако, ничего лучшаго, какъ сослаться на вліяніе въ данномъ случаѣ византійскихъ хроникъ. Начитавшись ихъ, Иванъ Грозный, любившій связывать свое происхожденіе съ родомъ Августа, кесаря римскаго, рѣшилъ въ этомъ случаѣ послѣдовать примѣру мнимаго своего предка, который также выдѣлилъ въ свое особое управленіе нѣсколько городовъ и создалъ такимъ образомъ русскую параллель къ событію римской истории. Такимъ образомъ явились на Руси двѣ половины — царева и земская.

Странное само по себѣ, объясненіе это тѣмъ неожиданнѣе въ устахъ Пантениуса, что онъ особенно пристально изучалъ эту эпоху и въ 1904 году издалъ даже особое изслѣдованіе о Лжедмитріи I.

Вѣрнее въ изложеніи фактической стороны русской истории, если не обращать вниманіе на вѣкоторыя мелкія и несущественныя погрѣшности, въ родѣ того, что первая государственная дума была открыта государемъ въ Таврическомъ дворцѣ, сочиненіе Пантениуса имѣетъ одинъ крупный недостатокъ: его нѣмецкій патріотизмъ, чувство его духовной близости съ живущими въ Россіи земляками, заставляющее автора освѣщать иной разъ цѣлыя страницы совершенно фальшиво. Коснувшись, напримѣръ, нашей литературы Пушкинскаго періода, онъ пресерьезно увѣряетъ, что все это движеніе возникло и окрѣпло благодаря покровительству двора. «Дворъ во главѣ съ супругой, а позднѣе вдовою Павла, императрицею Маріей Феодоровною поддерживалъ, — по словамъ автора, — всякій обнаружившійся талантъ, литературная слава открывала доступъ ко двору и государственной службѣ. Жуковскій былъ сдѣланъ воспитателемъ наследника престола; Гоголь, не бывшій въ университетѣ, получилъ профессуру, Шишковъ сталъ министромъ народнаго просвѣщенія».

Не слѣдуетъ думать, что авторъ обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ лишь наивность, увѣряя, будто дворъ наловскихъ временъ покровительствовалъ всякому литературному таланту. Тутъ сказалась его общая тенденція. Дворъ этотъ былъ нѣмецкій, а все хорошее въ Россіи сдѣлано, по мнѣнію автора, его земляками, нѣмцами. Екатерину онъ недолюбливаетъ именно за то, что, ставъ русской императрицей, она перестала быть нѣмкою. Указаніе «Гот-

скаго Альманаха» на то, что въ Россіи царствуетъ Гольштейнъ-Готорпская вѣтвь, является для нѣмецкаго историка русской жизни не простой генеалогической точностью, а реальнымъ фактомъ, явно сказавшимся въ характерѣ, напримѣръ, Николая Павловича: «Воинственный духъ германцевъ превратился у Гольштейнъ-Готорпской династіи, какъ и у другихъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ домовъ, въ стремленіе къ парадамъ, къ превращенію живыхъ солдатъ въ механическіе автоматы», говоритъ Пантеніусъ, характеризуя третьяго сына Павла. Онъ отлично знаетъ, что эта «склонность», принесенная и долгое время поддерживавшаяся у насъ тѣми же нѣмцами, навлекла на нихъ «ожесточенную ненависть», но это неприятое для его земляковъ явленіе онъ старается объяснить такъ, чтобы виноваты остались не они, а русскіе. «Николай I чрезвычайно любилъ нѣмцевъ, такъ какъ гораздо чаще находилъ у нихъ сочувствіе своимъ понятіямъ о государственномъ порядкѣ, чѣмъ у русскихъ. Но все то, что онъ взялъ у нѣмцевъ — склонность вносить въ дѣло систему, добровольное подчиненіе справедливому принужденію, вѣрность въ маломъ — все это противно русскому чувству. Добродѣтели нѣмцевъ имъ крайне несимпатичны».

Но вѣдь исторія русской жизни показываетъ, что, кромѣ «добродѣтелей», земляки автора привесли на Русь и плаць-парады, и шпицрутены, и чуждую странѣ политику, и многое другое, что гораздо понятнѣе объяснить «ожесточенную противъ нихъ ненависть». Объ этомъ, конечно, авторъ не считаетъ нужнымъ говорить.

А. В.

Адольфъ Гарнакъ. Монашество, его идеалы и его исторія. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія Н. М. Никольскаго. Пятая книга серіи «Религія и церковь въ свѣтѣ научной мысли и свободной критики». Спб. 1908. Стр. 60.

Въ книжкѣ Гарнака всего шестьдесятъ страницъ, на протяженіи которыхъ невозможно было бы изложить исторію западнаго и восточнаго монашества и освѣтить ихъ идеалы. Авторъ, несмотря на приведенное выше названіе его книги, и не ставитъ передъ собой такой широкой задачи. Въ своемъ интересномъ трудѣ онъ только резюмируетъ весь ходъ развитія монашества, дѣлаетъ цѣлый рядъ любопытныхъ обобщеній, короче — даетъ читателямъ философію исторіи монашества.

Монашество не есть продуктъ исключительно христіанской религіи. Его идеалы такъ же древни, какъ древенъ аскетизмъ, а практическая сторона монашеской жизни въ разнообразныхъ формахъ осуществлялась еще буддистами и евреями (іессен) задолго до появленія христіанства.

Въ жизни христіанскаго общества монашество дѣлается особенно замѣтнымъ въ III—IV вв. нашей эры.

Происхожденію монашества, его историческимъ и психологическимъ предпосылкамъ Гарнакъ посвѣтилъ первыя три главы своей книги, превосходно освѣщающія вопросъ.

Христіанская церковь въ своемъ непрерывномъ развитіи, формулируя свою догматику, укрѣпляя свое положеніе, очень рано столкнулась со своеобразными еретиками. Это были гностики и монтанисты, предъявлявшіе къ церкви требованія отвернуться отъ міра, отъ жизни, погрузиться въ атмосферу чистой духовности. Церковь отвергла ихъ и ускореннымъ шагомъ пошла какъ разъ по противоположному пути: она стала, какъ говорить Гарнакъ, обмірщаться.

Для христіанства, не желающаго влачить ничтожнаго существованія въ качествѣ простой секты, другого пути не было. Для того, чтобы стать главнѣйшимъ двигателемъ, существеннымъ элементомъ, какъ индивидуальной, такъ и коллективной жизни, ему надо было не бѣжать отъ міра, а войти въ него, вмѣшаться въ жизнь, распространять свои вліянія, предъявлять свои требованія, добиваться соответствующаго положенія. Такъ именно и поступила христіанская церковь. Въ результатѣ этой политики христіанство, еще официально не признанное, стало тѣмъ не менѣе въ срединѣ третьяго вѣка мощнымъ, вліятельнымъ и превосходно организованнымъ. Это было огромнымъ и бесспорнымъ успѣхомъ новой религіи. Но въ эпоху безрерывнаго роста ея могущества, наканунѣ полнаго торжества надъ языческимъ обществомъ, въ христіанствѣ уже начали появляться тревожные симптомы, глубоко смущавшіе вѣрующихъ. Дѣло въ томъ, что, распространяясь ширию и вглубь, проникая въ самую гущу жизни, христіанство, волею-неволею, теряло много своихъ идеаловъ. Правда, оно не отреклось ни отъ одного изъ своихъ первоначальныхъ догматовъ, не вступало ни въ какіе компромиссы съ многобожіемъ, но съ большей терпимостью относилось ко всемъ другимъ сторонамъ античной жизни, само пропитывалось античной культурой. Въ средѣ самого христіанства желѣзная іерархическая организація все больше и больше отстраняла на задній планъ евангельскіе идеалы братства и любви. И чѣмъ менѣе былого ригоризма оставалось въ христіанствѣ, выступающемъ на міровую сцену, тѣмъ больше смущались души вѣрующихъ. Если еще раньше многіе христіане бѣжали отъ міра въ пустыни, то теперь началось усиленное бѣгство не только отъ соблазновъ міра, но и отъ обмірщенной церкви. Съ теченіемъ времени число этихъ бѣглецовъ росло. Что было дѣлать съ ними церкви? Она не отвергла ихъ, какъ раньше отвергла крайнихъ спиритуалистовъ, а приняла на свое лоно, отлично понимая, что нарождающееся монашество будетъ прекрасно уравнивать мірскія тенденціи церкви. Монахи стали праведниками обмірщенной церкви. Держа ихъ подъ своей опекой, она гордилась ими, умѣла выставить ихъ добродѣтели напоказъ и въ дальнѣйшей борьбѣ за власть всегда удачно пользовалась монашествомъ.

Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи монашество пошло двумя путями, образовавъ въ конечномъ счетѣ двѣ типичныя разновидности: монашество восточное и западное. Восточному монашеству посвящена четвертая глава книги Гарнака. Въ остальныхъ главахъ своей книги нѣмецкій профессоръ говоритъ о главнѣйшихъ моментахъ въ развитіи западнаго монашества. Онъ останавливается на теоретикѣ монашеской жизни блаж. Августинѣ, далѣе переходитъ къ Бенедикту Нурейскому, характеризуетъ کلвийскую реформу, много мѣста

отводить св. Франциску и, наконецъ, заканчиваетъ свою книгу орденомъ іезуитовъ. Все это очень интересно, но, пробѣгая писанія Гарнака, читатель не можетъ не обратить вниманія на его вопіюще одностороннее освѣщеніе эволюціи монашества. Хотя въ концѣ книги авторъ подводитъ одинаково пессимистическіе итоги, какъ для западнаго, такъ и для восточнаго монашества (первое, по словамъ Гарнака, пало; второе—потерпѣло крушеніе), но во всемъ предшествующемъ изложеніи онъ замѣтно сбивается на апологію католическаго монашества и не скрываетъ своей антипатіи къ Востоку. Для большаго посярмленія Востока на сцену выдвигается даже Л. Н. Толстой. Посмотрите, указываетъ на него Гарнакъ, вотъ типичный своимъ варварскимъ аскетизмомъ греческій монахъ.

Въ монашествѣ католическомъ чистаго аскетизма, аскетизма для аскетизма, нѣтъ. Тамъ монашество со всеми своими добродѣтелями живетъ не только для будущей жизни, но и для людей, тамъ монашество привыкло дѣлать исторію.

Католическое монашество, безспорно, болѣе активно, чѣмъ монашество восточное, но какова нравственная цѣнность этой активности?

Намъ извѣстны удивительные примѣры безукоризненной чистоты и вполне евангельской любви, проявленные католическимъ монашествомъ. Одни францисканцы сколько даютъ въ этомъ отношеніи. Но нельзя забывать, — а Гарнакъ именно это и забылъ—что то же самое католическое монашество организовало инквизицію, на совѣсти которой отъ 4 до 9 милліоновъ истребленныхъ «еретиковъ», обоеихъ половъ и всѣхъ возрастовъ.

При всей тенденціозности Гарнака, его книжка можетъ быть прочтена не безъ пользы. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проф. Вязигинъ обѣщаль дать общедоступную исторію монашества въ извѣстной серіи книгоиздательства Брокгауза-Эфрона. Но политика оторвала профессора отъ ученыхъ занятій, и читатели едва ли скоро дождутся его труда. А такъ какъ на русскомъ языкѣ нѣтъ популярной исторіи западнаго монашества, то и за переводъ книги Гарнака читатели должны быть благодарны г. Никольскому.

Пантарей.

В. Г. Дружининъ. «Священно-іерей» Матвѣй Андреевъ, его бесѣды съ безпоповцами и посланія къ нимъ. Спб. 1908 г. Стр. 19.

Ц. 1 р. 50 к.

Старообрядчество до настоящаго времени составляетъ крупное явленіе русской жизни, но, къ сожалѣнію, въ нашей исторической литературѣ появляется очень мало сочиненій, посвященныхъ изученію его. Это можетъ быть объяснено отчасти малой доступностью матеріаловъ по этому вопросу, заключающихся преимущественно въ рукописныхъ сборникахъ, изъ которыхъ многіе можно найти лишь въ частныхъ бібліотекахъ и архивахъ. Напечатаніе статей изъ этихъ сборниковъ для общаго пользованія заслуживаетъ признательности со стороны всѣхъ, интересующихся старообрядчествомъ.

Трудъ г. Дружинина даетъ новыя свѣдѣнія изъ исторіи Федосѣевского согласия и первой полемики поповцовъ съ федосѣевцами въ началѣ XVIII вѣка,

извлеченныя авторомъ изъ принадлежащаго ему рукописнаго сборника. Въ книгѣ помѣщены: 1) письмо керженскихъ пустынныхъ «отцовъ» во Псковъ и въ уѣзды, и въ Новгородъ и на Дерево и за границу, 1710 г., 2) три бесѣды Матвѣя Андреева съ еедосѣвцами, 3) посланіе его къ большакамъ еедосѣвцевъ: Ивану Ивановичу и Игнатію Трофимовичу, 1733 г., и 4) «обличіе о лжеучителехъ и прелестникахъ».

Основатель Ѳедосѣвскаго согласія Ѳедосій Васильевъ († 1711 г.) распространялъ свое ученіе сначала за рубежомъ, въ Невельскомъ уѣздѣ, а затѣмъ уже въ уѣздахъ Великолуцкомъ, куда онъ переселился, и Псковскомъ. Наиболее дѣятельнымъ его помощникомъ являлся Игнатій Трофимовъ, который ѣздилъ «по городамъ и всѣмъ странамъ», уча людей, то же дѣлали и ученики его. Содержаніе ихъ проповѣдей было таково: «церкви нынѣ антихристовы, кресты на нихъ ловушки сатаны, а поны волки и души пожирають, а коихъ крестилъ, тѣхъ и поглотилъ. Христосъ уже отъятъ на земли благодать свою всю, и нѣсть никоея святыни, и не дѣйствуетъ благодать отступниками ни въ крещеніи, ни въ покаяніи». Кромѣ устной проповѣди, еедосѣвцами писались также «свитки и цвѣтники линовые» о кончинѣ міра. Въ лицахъ изображался патріархъ Никонъ, какъ послѣдній антихристъ, а рядомъ съ нимъ царь Алексѣй. Проповѣдь о кончинѣ міра наводила на многихъ ужасъ: въ Дубенщинѣ «садились въ ямы» 100 человекъ, въ Кунинщинѣ сожглись 40 человекъ. Хотя большинство переходило въ Ѳедосѣвщину добровольно, все же иногда фанатичные проповѣдники не останавливались и предъ насиліемъ, особенно приходилось страдать отъ нихъ священникамъ и старцамъ: такъ, еедосѣвцы «попа Фрола Черенническаго остригли — того сдѣлали ни Божія, ни людскова, ни попомъ, ни старцомъ, ни мужикомъ», «попа на Ухорѣ Спиридонъ Мясникъ съ товарищами удавили платомъ, подобно якоже аріане патріарха Павла омофоромъ удавили» и т. п. Быстрое распространеніе Ѳедосѣвщины встревожило исковскихъ поповцевъ, и они обратились за помощью на Керженецъ, сообщивъ туда черезъ двухъ лицъ о всемъ происходящемъ. Керженскіе «отцы» обсудили дѣло соборнѣ, при участіи братіи и скитскихъ пустынножителей, результатомъ чего явилось посланіе, отправленное въ 1710 г. въ мѣста, гдѣ распространилась Ѳедосѣвщина. Въ немъ они обличали Ѳедосіа, который «имѣлъ бытъ въ нихъ игуномъ и большакомъ, вербу освящаль, въ Великъ день со кресты ходилъ, въ 50-цу на листу корпѣль и молитвы читаль, яко же попь и кадиломъ кадилъ; онъ же поповъ и старцевъ розстригалъ и перекрещивалъ, и духовныя дѣла творилъ, на духъ исповѣдь пріималъ и прощаль и разрѣшалъ, проводы, понахиды отпѣваль и молебны служилъ, молитвы родильницамъ давалъ и дома очищаль и брачныхъ разводилъ, женитву запрещаль, отъ сообщенія съ міромъ въ яденіи и питіи запрещаль». Излагая ученіе Ѳедосіа, керженцы припоминали вкратцѣ о Никоновомъ отступленіи, звѣриномъ числѣ, пришествіи антихриста, новыхъ страдальцахъ, заимствуя много изъ сочиненій протопопа Аввакума и часто подражая послѣднему. Въ 1715 г. керженцами для собесѣдованія съ еедосѣвцами былъ посланъ «священно-іерей» Матвѣй Андреевъ, который самъ называетъ себя «странствующимъ», что указываетъ на его миссіонерскую дѣятельность.

Матвѣй Андреевъ, по происхожденію сынъ священника, самъ съ 1703 по 1706 г. былъ православнымъ священникомъ въ с. Раменьѣ Ярославской губ. Въ 1706 г. Матвѣй, «ревнуя о благочестіи и по вѣрѣ истиннѣй и по святой церкви, оставилъ міръ, домъ, честь и славу и пошелъ въ пустынные скиты на Керженецъ». Керженцы приняли его «вторымъ чиномъ», т. е. черезъ миропомазаніе послѣ проклятія имъ ересей.

Борьбу свою съ безпоповцами Матвѣй началъ тѣмъ, что послалъ въ 1715 г. къ Игнатію вопросы о вѣрѣ, а затѣмъ 15 другихъ вопросовъ за границу. Онъ разчитывалъ, получивъ изложеніе вѣроученія едосѣвцевъ, составить его опроверженіе. Едосѣвцы отъ отвѣта уклонились, о чемъ М. Андреевъ съ сожалѣніемъ говорить: «извѣщенія отъ нихъ не получимомъ, тоію слышимъ отъ вашихъ избранниковъ и рабовъ поныряющихъ въ дома поносъ, укоръ и оклеветанія». Въ 1722 г. М. Андреевъ лично прибылъ въ центръ Едосѣвщины, с. Лыбовку Псковскаго уѣзда, гдѣ и состоялись первыя двѣ бесѣды. Обѣ стороны потребовали предварительно обнаруженія знаній и предъявленія полномочій другъ отъ друга. Со стороны едосѣвцевъ на первой бесѣдѣ выступалъ Игнатій Трофимовъ, а на другой Евстратъ Едосѣевъ, сынъ Едосіа Васильева. Третья бесѣда состоялась въ 1736 году.

Сборникъ г. Дружинина сохранилъ всѣ три бесѣды, записанныя самимъ Матвѣемъ, на что указываетъ его рѣчь о себѣ въ первомъ лицѣ и вопросы на поляхъ, обращенные къ едосѣвцамъ отъ лица автора. Печатаемые материалы, по мнѣнію г. Дружинина, имѣютъ то значеніе по отношенію къ другимъ произведеніямъ старообрядческой литературы, что они рисуютъ намъ событія изъ первоначальной исторіи Едосѣевского согласія, даютъ изложеніе вѣроученія едосѣвцевъ и показываютъ, какое впечатлѣніе оно произвело на поповцевъ. На основаніи ихъ также можно заключить о позднѣйшемъ происхожденіи и подложности «Сказанія о епископѣ коломенскомъ» поповщинской редакціи, ибо, рассказывая о принятіи «вторымъ чиномъ», какъ оно производилось на Керженцѣ, Матвѣй Андреевъ ни разу не упоминаетъ, что такой обрядъ приема былъ завѣщанъ еп. Павломъ коломенскимъ. Если бы «Сказаніе» существовало [во время Матвѣя, то керженцы не преминули бы сослаться на него.

Сообщенныя г. Дружининымъ новыя данныя, безъ сомнѣнія, обратятъ на себя вниманіе изучающихъ вопросы старообрядчества.

В. Т.—ій.

Записки Сергѣя Алексѣевича Тучкова. Подъ редакціей и со вступительной статьей К. А. Военскаго. Спб. 1908. Стр. 287.

Авторъ этихъ записокъ—родной братъ тѣхъ двухъ болѣе извѣстныхъ Тучковыхъ, которые пали на Бородинскомъ полѣ. По примѣру братьевъ С. А. также избралъ себѣ военную карьеру, началъ служить при Екатеринѣ II и окончательно удалился отъ дѣлъ при Николаѣ Павловичѣ. Большая часть его жизни прошла въ походахъ и бояхъ, и, кажется, не было войны, въ которой онъ не принималъ бы участія. Такъ, въ разныхъ офицерскихъ чинахъ онъ

дрался противъ Швеции, Польшы, Турціи, Персіи, на Кавказѣ, противъ Наполеона и наконецъ опять противъ Турціи въ 1828 году.

Боевая жизнь наложила и особый отпечатокъ на его записки, содержаніе которыхъ главнымъ образомъ состоитъ изъ описанія сдѣланныхъ авторомъ походовъ и сраженій, въ которыхъ онъ принималъ личное участіе. Въ Петербургѣ Тучковъ, повидимому, самъ бывалъ рѣдко и о томъ, что тамъ творилось, онъ передаетъ со словъ другихъ, повторяя ходившіе въ обществѣ слухи. Но, какъ человѣкъ умный и вдумчивый, онъ иногда умѣлъ разгадывать людей издали по ихъ поступкамъ. Поэтому къ императору Александру онъ относится съ нескрываемымъ нерасположеніемъ и выставляетъ его неискреннимъ, даже лживымъ человѣкомъ. Тутъ нельзя видѣть, какъ дѣлаетъ это издатель записокъ г. Военскій, лишь проявленіе личнаго неудовольствія Тучкова противъ императора, до извѣстной степени повредившаго его карьерѣ. Для насъ уже ясна двойственность характера Александра Павловича. Къ тому же и приводимые Тучковымъ факты согласуются съ тѣмъ, что мы знаемъ изъ другихъ источниковъ.

Весьма цѣнныя свѣдѣнія даетъ авторъ для исторіи утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ. Тучковъ былъ тамъ какъ разъ въ тотъ періодъ, когда Грузія переходила въ подданство Россіи, къ неудовольствію нѣкоторой части ея населенія. Безпорядки пародные, преслѣдованіе другъ друга мелкими владѣтельными князьками, предательское убійство генерала Лазарева развѣчанной грузинской царицей Маріей—все это разсказано Тучковымъ съ наглядностью и подробностями очевидца.

Въ рѣдкіе пріѣзды въ Петербургъ Тучковъ имѣлъ возможность видѣть или кое-что слышать о Румянцовѣ, Салтыковѣ, Суворовѣ, Кутузовѣ, Решинѣ и другихъ крупныхъ людяхъ того времени, и въ его запискахъ читатель найдетъ нѣсколько характерныхъ для нихъ анекдотовъ и фактовъ, а историки, быть можетъ, почерпнутъ здѣсь немало мелкихъ, но яркихъ чертъ, отражающихъ современную автору жизнь.

А. В.

Акты угличской провинціальной канцеляріи (1719—1726 гг.), изданные предсѣдателемъ ярославской ученой архивной комиссіи, подъ редакціей товарища предсѣдателя комиссіи, профессора Ѳ. В. Тарановскаго. Т. I. М. 1908. Стр. LXIV + 444.

Вышеназванные «Акты» составляютъ пятую книгу «Трудовъ» долю до сего молчавшей ярославской ученой архивной комиссіи и появились въ свѣтъ лишь благодаря просвѣщенному содѣйствію П. А. Вахрамѣева, немало издаваемаго на свой счетъ разныхъ археографическихъ и историко-археологическихъ трудовъ. Въ своемъ «предисловіи» къ издаваемымъ имъ «Актамъ» П. А. Вахрамѣевъ, недавно избранный предсѣдателемъ комиссіи, сообщаетъ: «Въ 1901 г. поступили въ архивную комиссію изъ архива ярославскаго окружнаго суда, въ которомъ хранились дѣла и документы упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ губерній, указныя книги, журналы и другіе акты угличской провинціальной канцеляріи въ количествѣ 191 тома и 9 вязокъ за время

съ 1719 г. по 1777 годъ». Въ 1907 г. были переданы въ архивную комиссію и остальные документы той же канцеляріи изъ архива окружнаго суда и архива губернскаго правленія и составили въ общемъ собраніе изъ 163 «указныхъ книгъ, 39 книгъ журналовъ, 32 книгъ протоколовъ, рекрутскихъ, прихода-расходныхъ и другихъ книгъ, 254 книгъ нарядовъ и 1815 разныхъ дѣлъ». Надъ этимъ собраніемъ работала особая комиссія, и въ результатѣ ея работъ мы имѣемъ, въ видѣ первой пробы, объемистый первый томъ «Актвъ угличской провинціальной канцеляріи» за время съ 1719 по 1726 г., напечатанныхъ подъ наблюденіемъ проф. Ѳ. В. Тарановскаго. Послѣдній задачу своего изданія опредѣляетъ такъ: «во-первыхъ, оно имѣетъ въ виду дать матеріалъ для освѣщенія конкретной обстановки дѣятельности угличскихъ провинціальныхъ властей и жизни мѣстнаго общества, поскольку послѣдняя отражалась въ актахъ канцелярскаго производства; во-вторыхъ, оно старается доставить данныя для опредѣленія участія угличской провинціи въ томъ напряженномъ служеніи государству, къ которому столь энергично привлекалась при Петрѣ Великомъ вся страна».

Издаваемый матеріалъ проф. Ѳ. В. Тарановскій распредѣлил по содержанию на 16 отдѣловъ, изъ которыхъ въ настоящій первый томъ «Актвъ» вошли только первые восемь отдѣловъ, а остальные должны составить второй томъ. Въ виду бесспорнаго научнаго значенія помѣщенныхъ здѣсь документовъ, въ особенности для изученія политико-правового строя нашего отечества, мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на разсмотрѣніи ихъ по отдѣламъ.

Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены акты, характеризующіе разныя стороны пополненія мѣстныхъ учрежденій личнымъ составомъ, а также прохожденія въ нихъ службы. Назначеніе и увольненіе чиновъ провинціальной канцеляріи, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, шло изъ центра; назначенія эти были далеко не всегда удачны; служба же была очень тяжела и плохо оплачиваема, а потому случаи уклоненія отъ нея были особенно часты. Во второмъ отдѣлѣ находятся акты объ отвѣтственности и отчетности должностныхъ лицъ по служебнымъ дѣламъ. Здѣсь много цѣнныхъ данныхъ для характеристики служебнаго и административнаго быта провинціи: «выступаютъ наружу мелкія плутни и крупныя злоупотребленія мѣстныхъ правителей, сильно замѣтны свѣжіе слѣды московскаго кормленія, проявляется во всей силѣ и блескѣ изощренность мѣстныхъ чиновъ въ «отпискѣ» передъ начальствомъ; центральное правительство пытается бороться съ злоупотребленіями мѣстныхъ властей, но большею частью отступаетъ предъ ними въ безсиліи добратся до правды, или же смотритъ на эти злоупотребленія сквозь пальцы, потому что нужны люди для государевой службы,—лучшихъ не найдешь, да и тѣхъ, которые есть, не хватаетъ для напряженной и лихорадочной дѣятельности государственнаго механизма» (стр. XV). Въ третій отдѣлъ вошли документы и дѣла о «неисполненіи указовъ на мѣстѣ», гдѣ рисуются мѣры, принимаемыя центральнымъ правительствомъ для борьбы съ этимъ зломъ, и приводится нѣсколько характерныхъ случаевъ, «проливающихъ особый свѣтъ на нравы провинціальной администраціи и мѣстнаго общества». Въ четвер-

томъ отдѣлѣ помѣщено нѣсколько актовъ, которые могутъ служить образцами формъ дѣлопроизводства; въ пятомъ отдѣлѣ—образцы формъ судопроизводства; въ шестомъ—акты, относящіеся къ финансовому управленію, гдѣ наиболѣе интересны данныя о количествѣ казенныхъ сборовъ, поступавшихъ съ угличской провинціи, и свѣдѣнія, знакомящія съ техникой собиранія податей и налоговъ мѣстными властями. Акты седьмого отдѣла знакомятъ съ расквартированіемъ войскъ и связанными съ нимъ повинностями, постоянной и продовольственной, и наконецъ въ актахъ восьмого отдѣла находимъ свѣдѣнія о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ, имѣвшихъ главною своею цѣлью военныя надобности.

Уже изъ сдѣланнаго выше перечня «актовъ» видно, какой въ нихъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи внутренняго быта нашего отечества, правда, обрисовываемаго по преимуществу съ темныхъ сторонъ; матеріалъ, безспорно, достовѣрный, еще неперснанный и впервые въ такихъ размѣрахъ видящій свѣтъ. Акты остальныхъ восьми отдѣловъ, по словамъ проф. Ѳ. В. Тарановскаго, войдутъ во II томъ, который уже готовъ къ печати. Придется сильно пожалѣть, если послѣдній не увидитъ свѣта: издатель «Актовъ», председатель ярославской архивной комиссіи, И. А. Вахрамѣевъ, въ январѣ нынѣшняго 1909 г. скончался, и, пожалуй, чего упаси Боже, мы не получимъ цѣннѣйшаго и, можно сказать, безпримѣрнаго источника для изученія внутренней жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ значительной части Россіи за весь почти XVIII вѣкъ.

Для удобства пользованія «Актами» въ концѣ книги приложены: «Указатель наименованій лицъ и воинскихъ частей», «Указатель названій мѣстностей» и подробное оглавленіе документовъ по отдѣламъ.

В. Рудаковъ.

**А. Алферовъ и А. Грузинскій. Русская литература XVIII вѣка.
М. 1907. Стр. XIII+456. Ц. 1 р. 50 коп.**

А. Алферовъ и А. Грузинскій поставили себѣ весьма симпатичную задачу составить изъ произведеній нашей литературы XVIII вѣка сборникъ, который далъ бы представленіе объ умственномъ состояніи тогдашняго общества, объ общественныхъ теченіяхъ и отраженіи ихъ въ литературѣ. Потребность въ такихъ сборникахъ ощущалась уже давно. Никакое пособіе по исторіи литературы не дастъ намъ яркаго представленія о XVIII вѣкѣ, если мы не обратимся непосредственно къ произведеніямъ того времени, хотя наиболѣе важнымъ. Но одно только отысканіе ихъ въ разнообразныхъ изданіяхъ, кнѣгахъ, журналахъ отнимаетъ много труда и времени. Въ виду этого польза книги гг. Алферова и Грузинскаго не подлежитъ сомнѣнію. Главнымъ критеріемъ при оцѣнкѣ такого труда, какъ книга составителей, является, насколько удачно подобранъ матеріалъ, насколько онъ типиченъ и ярокъ. Обращаясь къ содержанію книги, прежде всего мы видимъ обдуманность и выдержан-

ность плана: составители помѣщаютъ, съ одной стороны, такія произведенія, которыя даютъ представленіе о настроеніи правящихъ сферъ (выдержки изъ петровской газеты, «Наказа» Екатерины II), съ другой, — такія, которыя обрисовываютъ воззрѣнія наиболее передовыхъ людей эпохи (Радищевъ, Новиковъ), съ третьей, — такія, которыя характеризуютъ взгляды людей менѣе передовыхъ (Болотовъ), и, наконецъ, помѣщаются произведенія, обрисовывающія воззрѣнія широкихъ массъ общества. Отмѣчая выдержанность плана при выборѣ материала, мы считаемъ необходимымъ указать нѣкоторые пробѣлы книги въ этомъ отношеніи. Мы, напримѣръ, не находимъ въ ней выдержекъ изъ столь интересныхъ и важныхъ произведеній, какъ сочиненія князя Щербатова, «Антидотъ» Екатерины II, «О крѣпостномъ состояніи крестьянъ въ Россіи» Полѣнова. Упрекъ составителямъ можно сдѣлать и относительно выдержекъ изъ «Путешествія» Радищева. Придавая вполне основательно громадное значеніе этому произведенію, указывая, что «трудно найти другой памятникъ, на которомъ такъ легко и ясно можно показать наиболее серьезное и полное отраженіе просвѣтительныхъ идей эпохи», составители тѣмъ не менѣе очень мало привели изъ него выдержекъ и удѣлили ему немного мѣста. Въ выборѣ выдержекъ замѣчается случайность, составители не привели многихъ важныхъ мѣстъ «Путешествія», весьма характерныхъ для обрисовки взглядовъ Радищева и передовой интеллигенціи второй половины XVIII вѣка. Но, хотя въ книгѣ гг. Алферова и Грузинскаго есть пробѣлы, все-таки нужно признать, что имъ въ извѣстной степени удалось выполнить поставленную задачу — подобрать такія произведенія XVIII вѣка, которыя дали бы ясное представленіе объ умственномъ состояніи тогдашняго общества, объ отраженіи общественныхъ идеаловъ въ литературѣ.

При выборѣ матеріаловъ составители не упустили изъ виду и эволюцію литературныхъ формъ, стремясь показать, что уже въ XVIII вѣкѣ была приготовлена почва съ одной стороны для сближенія литературнаго языка съ жизнью, съ другой — для созданія новой поэтической формы, и такимъ образомъ указывая преемственность Пушкина. Съ этою цѣлью Тредьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ и Державинъ представлены болѣе разнообразно со стороны своихъ поэтическихъ формъ и помѣщенъ лирическій матеріалъ изъ журналовъ (сонеты, элегіи, пѣсни и т. п.).

Довольно удачны примѣчанія составителей, въ которыхъ они въ сжатой формѣ отмѣчаютъ историко-литературное и культурно-историческое значеніе того или другого произведенія.

Изъ нашего отзыва видно, что интересъ книги не ограничивается лишь средней школой, для которой она главнымъ образомъ предназначена, а идетъ гораздо далѣе: книга сослужитъ службу всякому, кто пожелалъ бы въ общихъ чертахъ ознакомиться съ общественными идеями и литературой XVIII вѣка.

А. Фоминый.

Г. Синохаевъ. Послѣ Гоголя. Пособіе и хрестоматія для старшихъ классовъ средней школы и для самообразования.
Часть I. Спб. 1908.

Авторъ соединилъ въ своей книгѣ литературную теорію, исторію и хрестоматію. Во введеніи, гдѣ авторъ «въ сжатомъ и общемъ видѣ изложилъ взгляды нашихъ выдающихся ученыхъ», мы сразу натыкаемся на такой перлъ «выдающейся учености», какъ принадлежащая г. Синоховскому формула: «изящная словесность есть совокупность такихъ произведеній слова, которыя въ живыхъ образахъ и картинахъ выражаютъ всѣ художественныя проявленія мысли и чувства извѣстнаго народа». Въ этомъ курьезномъ опредѣленіи что ни шагъ, то образецъ недомыслия. Что такое «живые» образы и картины? Кто подсчиталъ всѣ (!) художественныя мысли и чувства народа? Почему именно народа? Развѣ нѣтъ общечеловѣческихъ чувствъ и мыслей? Развѣ датскій принцъ Гамлетъ выражаетъ именно датскія или англійскія мысли и чувства? Развѣ устами Іова говорятъ исключительно еврейскія чувства?

«Публицистическій методъ, — по мнѣнію автора, — не можетъ быть достоинствомъ науки въ виду его крайней субъективности: что сегодня по мнѣнію одного необходимо, то по мнѣнію другого излишне, а завтра можетъ явиться третье мнѣніе, исключющее прежнія». Но вѣдь и въ эстетикѣ и въ этикѣ наблюдается такая же смѣна идей и мнѣній. Съ забавнымъ непониманіемъ авторъ проводитъ рѣзкую грань между «народной поэзіей, безыскусственнымъ творчествомъ широкихъ слоевъ народа, выражающаго въ немъ свои мысли и чувства», и литературой, изученіе которой «знакомитъ насъ съ идеалами, которыми жива и живетъ наша интеллигенція». Еще Потокъ-Богатырь требовалъ признанія своего права: «я вѣдь тоже народъ, такъ за что жъ для меня исключенье?» Какъ будто въ противоположность былинной «безыскусственности» Тургеневъ и Толстой «искусственны», какъ будто Пушкинъ не народенъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова! Тенденцію автора слегка выясняютъ такія утвержденія, какъ слѣдующее, «достойное кисти Айвазовскаго»: послѣ Петра Великаго «дальнѣйшее развитіе національной русской литературы и искусства стало невозможнымъ». Впрочемъ, это не мѣшаетъ автору ниже примириться съ совершившимся все-таки фактомъ и довольно вѣрно оцѣнить великое значеніе Пушкина. Знаменательно, что изъ Вѣлинскаго г. Синохаевъ взялъ только отрывки изъ «Литературныхъ мечтаній», «Бородинской годовщины» (о царѣ) и «Менцеля». Огромная и важнѣйшая часть Вѣлинскаго, о которой авторъ самъ не могъ не говорить въ находящемся тутъ же библиографическомъ очеркѣ, такимъ образомъ не представлена въ хрестоматіи, словно имѣлось въ виду скрыть ее отъ учащагося. Гончарову приписана мудреная идея, которая ему и не снилась: «Чацкій и его послѣдователи борются во имя нравственной свободы личности противъ глушащихъ ее родовыхъ отношеній». Между тѣмъ ничего подобнаго вѣтъ въ гончаровскомъ анализѣ Чацкаго!

Въ книгѣ еще много подобныхъ «ошибокъ», но гораздо хуже ихъ проникающій всю ее вазквозъ сумбуръ неустановившейся мысли, дѣтски запутанной и пелсяной. Что, кромѣ сильнѣйшей мигрени, привнесутъ учащемуся такіа

строки: «Гегель съ его теоріей разумности всего дѣйствительнаго далъ философское обоснованіе принципу торжества (?) добра, истины и красоты, получившему широкое распространеніе и у насъ въ Россіи въ эпоху 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Однако (?) тяжелый режимъ этой эпохи вызвалъ въ обществѣ отрицательное отношеніе къ эстетикѣ. Дѣятели, желавшіе раскрыть общественные пороки, должны были прикрывать свои статьи чужимъ (?) флагомъ и выступали въ критическомъ отдѣлѣ журналовъ». Любому гимназисту пріятнѣе и легче расколоть головой кокосовый орѣхъ, чѣмъ безплодно ломать ее надъ такимъ учебникомъ. Мало-мальски сносная часть работы, компилятивная, безповоротво списана собственнымъ умничаньемъ автора. Книга г. Синюхаева—одно изъ явленій современной «реформы» школы. Оно заставляетъ вздыхать о незабвенномъ дялиновскомъ времени, когда школа не давала ничего или кое-какія крохотныя знанія литературныхъ фактовъ, но зато не посягала на цѣлость молодыхъ мозговъ. Пока юноша соберется читать самого Бѣлинскаго или Тургенева, гг. Синюхаевы могутъ внести много сумбура въ его мышленіе.

Н. Л.

А. Богумиль. Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ. Кіевъ. 1908. Стр. VIII+479.

Цѣна 2 р. 50 к.

Трудъ г. Богумила написанъ на тему, предложенную въ 1903 году историко-филологическимъ факультетомъ кіевского университета для соисканія награды, и авторъ получилъ золотую медаль. Посвящена работа интересному и мало изученному вопросу. Исслѣдователь старается по литературнымъ произведеніямъ прослѣдить отношеніе къ народу привилегированныхъ классовъ отъ XVI вѣка до первой четверти XIX столѣтія. Хотя трудъ г. Богумила сводится главнымъ образомъ къ механической передачѣ взглядовъ на народъ, высказанныхъ въ тѣхъ или другихъ литературныхъ произведеніяхъ, но тѣмъ не менѣе работа исслѣдователя представляетъ значительный интересъ и является довольно цѣнной книгой. Не обезцѣниваетъ разсматриваемаго труда и то обстоятельство, что у насъ есть прекрасныя работы г. Семевского по крестьянскому вопросу, такъ какъ г. Богумиль сосредоточиваетъ свое вниманіе на области литературы и рѣшаетъ болѣе спеціальныя вопросы, насколько пробуждающійся въ обществѣ интересъ къ народу способствовалъ освобожденію русской литературы отъ подражанія Западу и обращенію ея на путь реализма и служенія общественнымъ нуждамъ.

Сначала г. Богумиль разсматриваетъ, какъ произошло отчужденіе народа отъ высшихъ классовъ, положеніе крестьянъ въ XVI и XVII вѣкахъ и какъ относились тогда къ ихъ участи привилегированное сословіе и литература. Затѣмъ исслѣдователь переходитъ къ эпохѣ Петра I, разсматривая, какъ относился къ народу императоръ и такіе дѣятели эпохи, какъ, напримѣръ, Посошковъ. Остановившись далѣе на преемникахъ Петра I, ихъ внутренней политикѣ, г. Богумиль обращается къ царствованію Екатерины II, удѣляя ему большое вниманіе, подробно и обстоятельно выясняя, какъ относились писа-

тели-ложноклассики къ народу и крѣпостному праву, и стараясь раскрыть въ ихъ произведеніяхъ элементы народности. Довольно подробно останавливается авторъ на взглядахъ на народъ сатирическихъ журналовъ той эпохи, отмѣчая важное общественное значеніе ихъ. Двѣ отдѣльных главы удѣляетъ г. Богумиль Новикову и Радищеву, обрисовывая ихъ взгляды на крѣпостное право и противопоставляя имъ взгляды вельможъ-крѣпостниковъ. Послѣднія главы изслѣдованія посвящены царствованіямъ Павла и Александра I. Здѣсь интересны характеристика отношенія къ крѣпостному праву журналистики александровскаго времени и обрисовка воззрѣній на этотъ вопросъ И. Пнина.

Г. Богумиль очень добросовѣстно поработалъ надъ взятымъ вопросомъ, онъ исчерпалъ въ своемъ трудѣ обширный матеріалъ и взялъ литературныя произведенія, не только болѣе значительныя, но и второстепенныя. Благодаря тому, что изслѣдователь исчерпалъ такой обширный матеріалъ, ему удалось нарисовать въ высшей степени интересную картину, какъ постепенно проявлялось сознаніе общества, какъ зрѣло въ немъ участіе къ ненормальному положенію народа, возникали симпатіи къ нему, какъ постепенно проникалось оно сознаніемъ необходимости измѣненія положенія крестьянъ и, наконецъ, какъ все это отражалось въ литературѣ.

По своему характеру работа г. Богумила рѣзко отличается отъ трудовъ, которые обыкновенно представляются на соисканіе разныхъ наградъ, научныхъ степеней и т. п. Отличительной чертой большинства этихъ трудовъ является безжизненность, какое-то полнѣйшее отрѣшеніе отъ жизни, какъ будто наука и жизнь — два противоположныхъ полюса. Очень часто обнаруживается при этомъ полная неспособность изслѣдователей къ какому-либо обобщенію, дальше узкой темы, частичнаго вопроса ихъ горизонты не идутъ. Трудъ г. Богумила въ данной области рѣдкое исключеніе, авторъ показалъ, что всегда можно спеціальному научному изслѣдованію, не уменьшая его научной цѣнности, придать жизненность, сдѣлать его интереснымъ для широкихъ слоевъ общества, а не только для замкнутыхъ въ узкій кругъ спеціалистовъ. Изслѣдователь обнаружилъ наличность въ себѣ широкихъ горизонтовъ, широту общественныхъ принциповъ, живое чувство, то, чего тщетно мы будемъ искать въ большинствѣ такъ называемыхъ «ученыхъ трудовъ», Ученые-ортодоксы, правовѣрные жрецы науки, быть можетъ, поставятъ въ вину молодому изслѣдователю «публицистичность», ту жизненность, которая ярко выступаетъ въ трудѣ, но всякій, кто не зараженъ «академическими» предрасудками, кто желаетъ сближенія науки и жизни, признаетъ указанное обстоятельство плюсомъ, а не минусомъ изслѣдованія.

Говоря это, мы, конечно, не хотимъ сказать, что трудъ г. Богумила что-то совершенное, что онъ всесторонне исчерпалъ тему, — изслѣдователь намѣтилъ лишь вѣхи, сдѣлалъ лишь предварительную работу, но и въ этомъ — громадная его заслуга.

А. Фоминъ.

Константинъ Кузьминскій. О сборникѣ молитвъ, извѣстномъ подъ названіемъ «Абагаръ». М. 1908. Изъ «Древностей славянской комиссіи московскаго археологическаго общества», т. IV. Стр. 20.

Его же. Очеркъ развитія новой болгарской литературы. М. 1907. Стр. 34. Цѣна 30 к.

Сравнительно съ изслѣдованіемъ профессора новороссійскаго университета М. Г. Попруженко о сборникѣ «Абагаръ», о которомъ мы имѣли случай въ свое время писать въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ» (1906, III, 297—297), очень тщательно составленный очеркъ молодого московскаго слависта К. Ст. Кузьминскаго даетъ кое-что новое. Въ то время какъ М. Попруженко приложилъ къ своей работѣ только нѣсколько небольшихъ снимковъ, К. Кузьминскій воспроизвелъ это рѣдкое изданіе цѣликомъ, и снимки вышли настолько удачно, что съ успѣхомъ могутъ замѣнить дѣйствительно рѣдкій оригиналъ. Кромѣ того, второй изъ авторовъ болѣе внимательно отнесся къ своимъ предшественникамъ, почему библиографическая сторона оказалась у него и точнѣе и полнѣе. Не нашли мы только ссылки на замѣтку А. Brückner'a «Bibliographisches» въ «Archivъ» Ягича (т. XVIII, стр. 629—630), гдѣ сдѣланы поправки къ статьѣ Лескина. Сравнить работы, гг. Попруженко и Кузьминскаго, и въ другихъ отношеніяхъ, наиримѣрь, въ историко-культурномъ—трудно потому, что каждая изъ нихъ представляетъ какъ бы дополненіе другъ къ другу, а взятыя вмѣстѣ онѣ почти исчерпываютъ весь вопросъ объ этомъ цѣнномъ и все-таки загадочномъ памятникѣ. При своемъ одиночествѣ и отсутствіи аналогичныхъ печатныхъ изданій, предназначенныхъ для болгаръ, въ XVII вѣкѣ, «Абагаръ», мы думаемъ, еще не разъ будетъ привлекать къ себѣ вниманіе славистовъ, и, навѣрное, со временемъ будетъ выяснено нѣсколько странное упоминаніе въ выходномъ листѣ валашскаго и молдавскаго господарей на книгѣ, которая, судя по тому же листу, напечатана въ Римѣ.

Вторая работа К. Ст. Кузьминскаго принадлежитъ къ такимъ рѣдкимъ у насъ праздникамъ въ дѣлѣ популяризаціи славянскихъ знаній среди широкаго круга читателей, что выходъ «Очерка развитія новой болгарской литературы» слѣдуетъ только привѣтствовать, пожелавъ, по библиографической традиціи, распространенія и успѣха среди читателей. Написанный доступно и литературно, съ основательнымъ знаніемъ предмета, съ обширными фактическими сообщеніями, особенно цѣнными для русскихъ читателей, согрѣтый любовью къ славянству вообще и проникнутый вполне заслуженнымъ уваженіемъ предъ молодымъ въ литературѣ болгарскимъ народомъ,—очеркъ г. Кузьминскаго даетъ какъ разъ то, чего не было на русскомъ языкѣ и на желательность чего не разъ указывалось въ печати.

Въ самомъ дѣлѣ, что мы имѣли до сихъ поръ по этой части? Не говоря уже о соотвѣтствующемъ отдѣлѣ въ «Поэзій славянъ» Гербеля или «Исторіи славянскихъ литературъ» Пыпина и Спасовича, книгахъ устарѣвшихъ и для начальнаго періода новой болгарской литературы и совершенно не затраги-

вающихъ современное ея состояніе,—русскій читатель, заинтересовавшійся литературой болгаръ, абсолютно не зналъ бы, къ чему обратиться. Даже въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза-Ефрона, издани сравнительно новомъ и во многихъ отношеніяхъ вполне солидномъ, въ статьѣ о болгарской литературѣ безтолково составленный обзоръ доведенъ далеко не до того времени, когда выходилъ седьмой томъ этого словаря, а въ дополнительномъ томѣ къ этой статьѣ почему-то не сдѣлано никакихъ добавленій или подновленій. Очевидно, это редакторская небрежность, по части славянъ же—хроническая небрежность. Въ «Большой Энциклопедіи» товарищества «Прогрессъ» та же статья написана поразительно нелѣпо, а въ дополнительномъ томѣ помѣщена дѣльная статья, но сокращенная редакціей буквально до явнаго издѣвательства надъ славянствомъ!.. Вотъ почему, повторяемъ, очеркъ К. Ст. Кузьминскаго, восполняя пробѣлъ въ русской литературѣ о славянахъ, даетъ много новаго и интереснаго. Особенно это слѣдуетъ сказать о третьей главѣ, гдѣ рѣчь идетъ о молодой литературной Болгаріи—Пенго Словейновъ, Кирилъ Христовъ, Стоянъ Поповъ, Петко Тодоровъ и Яворовъ. Автору удалось подмѣтить индивидуальныя особенности каждаго изъ нихъ и дать столь же удачныя иллюстраціи въ видѣ пересказа содержанія ихъ главныхъ произведеній.

А. Я.

Геделундъ, Л. Н. Исторія Даніи. Перевелъ съ датскаго графъ Н. Протасовъ-Бахметевъ. Съ 84 рисунками и 2 картинами. Спб. 1908.

Преподаваніе отечественной исторіи занимаетъ въ общеобразовательныхъ датскихъ школахъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ предметовъ учебной программы, и на этотъ предметъ обращено тамъ особенное вниманіе. Датскіе педагоги придають преподаванію отечественной исторіи огромное воспитательное значеніе, полагая, что этотъ предметъ, помимо любви къ родинѣ, къ ея прошлому, къ ея культурнымъ побѣдамъ, къ ея героямъ,—развиваетъ еще и силу воли и устойчивость характера въ подрастающемъ поколѣніи, учитъ его пониманію гражданскихъ обязанностей, помогаетъ проникнуться національнымъ духомъ и т. д. и т. д. Въ виду вышесказаннаго, требованія, которыя предъявляетъ датская педагогика къ учебному руководству родной исторіи, очень велики и сложны. Въ числѣ датскихъ учебниковъ исторіи одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ «Исторія Даніи» Л. Н. Геделунда, переведенная съ датскаго недавно умершимъ графомъ Н. Протасовымъ-Бахметевымъ. Переводчикъ объясняетъ въ предисловіи, что при переводѣ этой книги имъ руководило желаніе дать въ руки нашихъ педагоговъ учебникъ, который могъ бы послужить образцомъ. Нельзя не признать, что, дѣйствительно, трудъ Геделунда вполне достоинъ служить такимъ образцомъ: несмотря на сжатое изложеніе, въ немъ не только дается изложеніе историческихъ фактовъ, но и освѣщеніе ихъ съ точки зрѣнія національно-датской. Характерная черта труда Геделунда—его серьезность и дѣловитость. Датскій историкъ-педагогъ отнюдь не силится излагать факты «примѣнительно къ юному

возрасту», какъ это дѣлаютъ иные изъ нашихъ составителей учебниковъ по русской исторіи: онъ находитъ, что учащійся долженъ знать не только свѣтлыя, но и темныя стороны родного проплаго. Но весь духъ книги такой, что изучающій по ней исторію своей страны невольно проникается гордостью, что онъ датчанинъ, что онъ принадлежитъ къ народу, отстаившему свою культурную и политическую самостоятельность, несмотря на многія невыгодныя условія.

При этомъ, рядомъ съ исторіею войнъ, битвъ и подвиговъ, въ книгѣ дается и культурная исторія страны, свѣдѣнія о датской литературѣ, искусствѣ, наукахъ и пр. въ возможно доступномъ изложеніи. Текстъ иллюстрированъ портретами всѣхъ выдающихся дѣятелей Даніи, не только королей и героевъ, но и скромныхъ ученыхъ, писателей, художниковъ, снимками со статуй, историческихъ зданій и т. п.

Книга Геделунда представляетъ интересъ не только какъ образецъ учебника. Исторія маленькой страны рассказана въ ней, несмотря на небольшіе размѣры книги, такъ увлекательно, что ее, вѣроятно, прочтутъ съ удовольствіемъ не одни только педагоги. Е.

И. Корниловъ. Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Изданіе второе. Вып. I. Спб. 1908 г. Стр. 504. Ц. 2 р.

Первое изданіе этого сборника матеріаловъ для исторіи виленскаго учебнаго округа, преимущественно въ Муравьевскую эпоху, вышло въ 1901 году, когда живъ былъ и самъ его составитель. Изданіе оказалось, однако, не совсемъ исправно: въ немъ нашлись опечатки и даже существенныя погрѣшности, для устранения которыхъ и было предпринято второе изданіе. Всѣ документы, бывшіе въ свое время въ распоряженіе Корнилова, были имъ переданы въ музей имени графа Муравьева.

Составители второго изданія тщательно свѣрили ихъ съ напечатаннымъ текстомъ и присоединили кое-что новое, извлеченное изъ архивовъ виленскаго учебнаго округа, канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора и министерства народнаго просвѣщенія. Значительнымъ вкладомъ во второе изданіе явилась частная переписка Корнилова съ покойнымъ правителемъ дѣлъ археологической комиссіи П. А. Гильтебрандтомъ и съ нѣкоторыми изъ своихъ сослуживцевъ по виленскому учебному округу. А. В.

А. И. Фаресовъ. Забытая писательница и ея заслуги. Спб. 1909. Стр. 49. Ц. 40 к.

Новый трудъ г. Фаресова о «Забытой писательницѣ» касается не только произведеній Людмилы Христофоровны Хохряковой-Симоновой, но также и ея личной весьма интересной жизни.

Очеркъ о г-жѣ Симоновой заполненъ исключительно ея литературною дѣятельностью сначала въ редакціи «Церковно-Общественнаго Вѣстника»

А. И. Поцовицкаго, въ «Восточномъ Обзорѣннѣ» Н. М. Ядринцева, позднѣе въ «Еженедѣльномъ Обзорѣннѣ» И. В. Скворцова и въ «Живописномъ Обзорѣннѣ» А. К. Шеллера. Иногда ея труды печатались въ «Дѣлѣ», «Русскомъ Богатствѣ» и во многихъ газетахъ.

Охарактеризовавъ ея заслуги въ церковныхъ вопросахъ, этнографическихъ и художественныхъ, г. Фаресовъ полагаетъ, что если жизнь есть битва, то для ея исхода нужны не только генералы, но и рядовые солдаты, не только корифеи литературы, но и второстепенныя силы. Не преувеличивая таланта покойной писательницы, авторъ замѣчаетъ, что «она писала свои произведенія не изъ четырехъ стѣнъ своего кабинета, обезпеченная заработкомъ мужа, но горбomъ пробивала себѣ дорогу въ литературу. Она выдѣляется среди литературныхъ труженицъ и образомъ жизни, и бытовымъ разнообразіемъ своихъ произведеній, съ большимъ критическимъ отношеніемъ къ насущнымъ вопросамъ современности».

Интересны многочисленныя бесѣды автора съ г-жей Симоновой о современной литературѣ. Она неоднократно восклицала:

«Удивляюсь я молодымъ литераторамъ... Если мнѣ удавалось получить постоянную работу въ журналѣ, то я изъ кожи лѣзла, чтобы сдѣлать ее возможно лучше. Дорожишь и заработкомъ и литературной честью. А теперь видишь людей еще бѣднѣе меня, а халатности гораздо больше. Ведутъ они всякіе отдѣлы въ періодическихъ изданіяхъ газетъ. Да развѣ это значитъ составить номеръ? Развѣ читатель не могъ ранѣе прочесть всѣ газеты? Кажется, необходимо всякую вырѣзку о томъ или другомъ фактѣ самому одухотворить, понять его связь съ общимъ вопросомъ и т. д. Но для этого нужны знанія и воображеніе, а не ножницы. Безъ этого работѣ ихъ грошъ цѣна, да, по правдѣ сказать, грошъ имъ и платятъ... Они теперь стали какими-то циниками... За какую угодно плату идутъ завѣдывать отдѣлами и ищутъ «для денегъ»... Такъ откровенно и говорятъ: найдите болѣе выгодную профессію — и мы пера въ руки не возьмемъ...»

Ее страшно возмущало заявленіе иной пишущей братіи о томъ, что «литература ничѣмъ не отличается отъ прочихъ профессій и что быть литераторомъ не составляетъ гордость человѣка»...

Однако, говоритъ г. Фаресовъ, «вращаясь среди пересудовъ и жалобъ на литературу Людмила Христофоровна не любила подолгу. Литературныя «перестрѣлки» не мѣшали ей быть ровной и счастливой за собственной работой».

Помимо характеристики покойной писательницы, авторъ приводитъ обширную корреспонденцію съ нею многихъ писателей и ученыхъ: антрополога М. В. Малахова, Н. М. Ядринцева, П. Н. Полевого, А. К. Шеллера, Г. П. Успенскаго, С. Надсона и другихъ.

А. П.

Г.-л. Ренненкампфъ. Мукденское сраженіе. Двадцатидневный бой моего отряда. Спб. 1909. 200 стр. Цѣна 1 р. 25 к.

Ф. Лигницъ (генер.-отъ-инфантеріи германской службы). Японо-русская война. Извлеченіе изъ I части. Спб. 1909. Стр. 56. Цѣна 50 к.

Русско-японская война. Официальныя донесенія японскихъ главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами. Собранны и опубликованы въ Киото Г. М. Киная. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей М. Грулева. Спб. 1909. Стр. 216. Ц 1 р. 50 к.

Описаніе нашей послѣдней войны съ Японіей, возложенное на особую комиссію при генеральномъ штабѣ, какъ слышно, быстро подвигается впередъ и близится къ окончанію, а между тѣмъ въ печати появляется немало сочиненій на русскихъ и иностранныхъ языкахъ, проливающихъ новый свѣтъ на событія войны.

Къ числу такихъ сочиненій принадлежатъ три книги, заглавія которыхъ выписаны выше. Первая изъ нихъ, написанная извѣстнымъ и по китайской и по послѣдней войнѣ генераломъ Ренненкампфомъ, даетъ описаніе одного изъ эпизодовъ Мукденскаго сраженія, въ которомъ его самостоятельный отрядъ, охранявшій отъ обхода нашъ крайній лѣвый флангъ, успѣшно выполнилъ свою задачу, дѣйствуя противъ превосходныхъ силъ противника. Изложеніе автора, посвященное «памяти незамѣтныхъ сѣрыхъ героевъ моего отряда», имѣетъ форму дневника, основано на сохранившихся у автора официальныхъ документахъ и обнимаетъ собою періодъ Мукденскаго боя съ 13 по 23 февраля. Въ безыскусственномъ разсказѣ авторъ передаетъ дѣйствія своего отряда, состоявшаго, за исключеніемъ сибирскихъ войскъ, изъ едва сколоченныхъ резервныхъ частей, съ малымъ числомъ офицеровъ, причемъ отмѣчаетъ, что если только этотъ матеріалъ попадалъ въ сколько-нибудь надежныя руки, то выказывалъ чудеса храбрости и самоотверженія и безконечную выносливость. «Передъ моими глазами,—говоритъ авторъ,—ярко встаетъ картина, какъ безъ ропота и упрека гибли эти незамѣтные герои, какъ таяли роты, полки, какъ беззавѣтно шла въ объятія смерти армейская молодежь...» Принявъ командованіе въ свои руки, авторъ сумѣлъ воспользоваться этимъ матеріаломъ и вдохнуть въ него упорство въ достиженіи цѣли, не считая потерь, и порывъ къ наступленію при первой возможности. А потери были до того тяжкія, что военная исторія едва ли представляетъ другой примѣръ, чтобы части, потерявшія 70% своего состава, почти безъ офицеровъ, ибо поручики командовали батальонами, сохранили способность къ бою при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Какъ иллюстрацію для оцѣнки боевыхъ свойствъ нашего солдата и офицера, нельзя не привести слѣдующаго примѣра: въ Бугульминскомъ полку изъ строя выбыли всѣ штабъ-офицеры, такъ что командиромъ полка пришлось назначить штабъ-офицера другого (Дрисскаго) полка,

«истор. вѣстн.», февраль, 1909 г., т. сху.

24

именно подполковника Серезенко, который оказался вполне на высоте своего нового положения. «Совершенно не зная своих новых нижних чиновъ, мало зная офицеровъ, Серезенко сразу взялъ полкъ въ такія руки, что, потерявъ въ нѣкоторыхъ рядахъ до 80⁰%, вообще же въ полку 81⁰% офицерскаго состава и 76⁰% состава нижнихъ чиновъ, настолько поднялъ ихъ духъ, что остатки эти, которыхъ, собственно говоря, и полкомъ нельзя было назвать, не помышляли объ уступкѣ своей позиціи: подобная мысль, какъ полнѣйшій абсурдъ, никому въ голову не могла и прійти. Достигъ Серезенко такого вліянія на своихъ новыхъ подчиненныхъ спокойствіемъ, удивительной храбростью и постояннымъ присутствіемъ на наиболее угрожаемыхъ пунктахъ». Къ сожалѣнію, прибавляетъ авторъ, представленіе его къ награжденію орденомъ Георгія 4 степени усѣха не имѣло. Не удостоенный этой награды послѣ мукденской операціи, онъ вновь представленъ былъ въ Манчжуріи, но представленіе это даже до разсмотрѣнія Георгіевской думы не дошло, почему весной 1907 г. вновь внесено было въ думу, но опять отклонено, хотя, кажется, не было части, понесшей такія потери. Рядомъ съ указаніемъ на прекрасныя боевыя свойства нашихъ войскъ, авторъ упоминаетъ о постоянно повторяющемся во всѣхъ описаніяхъ фактъ безпорядка въ высшемъ управленіи, частой отмінѣ приказаній, наклонности къ отступленію, деморализовавшей войска, равнодушію и формализму штабовъ и тыловыхъ учреждений. Тѣмъ не менѣе, послѣ оцѣнки дѣйствій нашихъ войскъ съ моральной точки зрѣнія, въ душѣ автора «снова пробуждается надежда, что скоро минуетъ нашу армію година тяжелыхъ испытаній и неудачъ, и она снова займетъ подобающее ей мѣсто».

Вторая изъ упомянутыхъ выше книгъ принадлежитъ хорошо извѣстному нашей арміи еще по участию въ турецкой войнѣ 1877—78 г.г. высокообразованному военному человѣку, генералу Лигницу, отлично знающему русскій языкъ и тщательно слѣдившему за нашей послѣдней войной. Въ разбираемой брошюрѣ помѣщено извлеченіе изъ сочиненія генерала Лигница, появившагося на нѣмецкомъ языкѣ и заключающаго въ себѣ не только фактическое описаніе событій, достаточно у насъ уже разработанное, но и критическій взглядъ на операціи обѣихъ сторонъ. На это послѣднее въ брошюрѣ обращено особое вниманіе.

Третья книга заключаетъ въ себѣ официальные донесенія японскихъ главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами, собранныя г. М. Кивай, опубликованныя въ Кіото и переведенныя съ англійскаго языка г. М. Грулевымъ. Эти донесенія представляютъ значительный интересъ, какъ документальныя данныя, освѣщающія дѣятельность японскихъ войскъ и ихъ степень освѣдомленности о нашемъ положеніи, которая служила основаніемъ для ихъ распоряженій. Книга подраздѣлена на три части: дѣйствія на морѣ, дѣйствія на сухопутномъ театрѣ и экспедиція на Сахалинѣ. Особого вниманія заслуживаютъ донесенія адмирала Того о дѣйствіяхъ подъ Цусимой и маршала Оямы о Мукденскомъ боѣ.

Л. Н.

Baltischer historisch-geographischer Kalender. 1908. Издание Платеса. Рига.

Пользующійся выдающимся успѣхомъ Балтійскій историко-географическій стѣнной отрывной (53 листа) календарь вступилъ во 2-й годъ своего существованія. Это прекрасно исполненная галерея разнаго рода рисунковъ—открытыхъ писемъ, текстъ къ которымъ составленъ Левисъ-офъ-Менаромъ. Рисунки эти можно подраздѣлить на 2 отдѣла: 1) портреты прибалтійскихъ уроженцевъ и дѣятелей и 2) виды мѣстностей, городовъ, замковъ и т. д.

Изъ уроженцевъ и дѣятелей нашли себѣ мѣсто въ календарѣ слѣдующія лица: 1) шведскій полководецъ графъ Робертъ Дугласъ (род. 1611, † 1662), взявшій въ 1658 г. въ плѣнъ курляндскаго герцога Якова съ семействомъ, 2) шведскій государственный канцлеръ графъ Аксель Оксенстиерна (род. 1583, † 1654), участникъ 30-лѣтней войны, заключившій съ Россіей Столбовскій договоръ, 3) уроженецъ баронъ Геденъ Лаудонъ (род. 1717, † 1790), австрійскій фельдмаршалъ, участникъ Семилѣтней войны, служившій сначала въ русской арміи, 4) первый герцогъ Курляндскій Готгардъ Кеттлеръ (род. 1517, † 1587), 5) сынъ его, герцогъ курляндскій Вильгельмъ (род. 1574, † 1640), 6) надгробный памятникъ графа Морица Саксонскаго (род. 1696, 1750), неудачнаго претендента на курляндскій престолъ, 7) Тисъ ф.-д.-Рекке († 1580), 8) архіепископъ рижскій Юаннъ VII фонъ -Бланкенфельдъ (род. 1471, † 1527), 9) балтійскій журналистъ и писатель Августъ Хупель (род. 1737, † 1819) и 10) полководецъ 1812 г. князь Михаилъ Богдановичъ Барклай де-Толли, уроженецъ Лифляндіи (род. 1761, † 1818)

Ко второй категоріи (географической) относятся виды цѣлаго ряда курляндскихъ, лифляндскихъ и эстляндскихъ городовъ и замковъ: Кокенгузена (осада въ 1700 г.), Риги (4 рисунка, въ томъ числѣ снимокъ съ деревянной фигуры вооруженнаго рижскаго бюргера 1570 г. въ рижскомъ Dom-Museum), Зегевальда (развалины замка), Икскуля, Далена (2 рис.), Аперадена (развалины замка), Пантена (помѣщичья усадьба, 1815), Кирхгольма, Вольмара (городъ и развалины замка), Валка, замка Гросъ Роопъ (до и послѣ сожженія въ 1905 г.), Феллина (развалины замка), Юрьева, Митавы (замокъ), Нейенбурга (замокъ до и послѣ сожженія въ 1905 г.), Баусна (развалины замка), Виндавы, Гробины (развалины замка), Нейгаузена (развалины замка), Аренсбурга (замокъ), Везенберга (развалины замка), Вейсенштейна (развалины замка), Нарвы (замокъ), Ревеля (6 рис., въ томъ числѣ видъ города 1652 г.), монастыря св. Бригиты близъ Ревеля, Тольсбурга (развалины замка), Вазби (на о. Готландѣ) и остатки языческихъ городищъ (3 рис.).

Большой интересъ представляютъ составленный докторомъ Ф. Винеманомъ перечень важнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Прибалтійскаго края, располагаемыхъ въ календарномъ порядкѣ, и миниатюрные рисунки гербовъ и печатей прибалтійскихъ городовъ.

Чувствомъ глубокой любви къ родной Балтикѣ проникнуты разбросанныя по страницамъ календаря стихотворенія мѣстныхъ поэтовъ Адольфи, Гунніуса, Штерна и другихъ.

Мальмгрень.

Адресъ-Календарь Курляндской губерні подъ ред. Я. И. Лудмера и А. Э. Мальмгрена. XXX изданіе курл. губернскаго статистическаго комитета. Митава. 1908.

Это — обычный типъ справочнаго изданія о личномъ составѣ гражданскихъ, военныхъ, общественныхъ и сословныхъ учреждений губерніи. Какъ особенность, отличающую нынѣшнее изданіе отъ прежнихъ изданій того же комитета, а также отъ изданій статистическихъ комитетовъ въ другихъ губерніяхъ, назовемъ списки волостныхъ старшинъ, писарей и учителей, а также наставниковъ старообрядческихъ и баптистскихъ и старшинъ адвентистовъ седьмого дня. Конечно, непрерывная смѣна администраціи края невыгодно отразилась на изданіи: уже во время печатанія книги набралось этихъ исправленій на цѣлыхъ 10 страницъ. Подобныя справочныя изданія необходимо печатать, по крайней мѣрѣ, ежегодно, а въ теченіе года издавать 1 — 2 раза дополненія.

— н —

М. А. Лялина. Очерки исторіи Финляндіи отъ древнѣйшаго періода до начала XX столѣтія. Изданіе Березовскаго. Спб. 1908. Стр. 303. Цѣна 1 р. 50 к.

Свѣдѣнія о нашей окраинѣ, извѣстной подъ общимъ названіемъ Финляндіи, крайне скудны въ кругу средняго читателя и юношества. Школа почему-то не находитъ нужнымъ знакомить русскую молодежь съ тѣми страницами ея исторіи, гдѣ каждая строчка запечатлѣна славою нашей родины: славою государей, сумѣвшихъ гуманностью своею возбудить горячую любовь побѣжденнаго народа, и славою русскаго воинства, преодолевшаго невѣроятныя трудности, чтобъ завоевать для російской державы финскія провинціи и тѣмъ создать оплотъ русской столицѣ.

Составляя свою книгу, авторъ имѣлъ въ виду этотъ разрядъ читателей, о которомъ говорено было выше. Пользуясь обиліемъ источниковъ, авторъ старался расположить свое матеріалъ такъ, чтобы историческія свѣдѣнія чередовались съ эпизодическими. Благодаря такому приему, книга интересна и читается легко.

Н—къ.

Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Выпускъ пятый. Полтава. 1908. Стр. 240. Ц. 75 к.

Настоящій выпускъ «Трудовъ» сравнительно еще молодой полтавской архивной комиссіи попрежнему богатъ содержаніемъ, заимствованнымъ преимущественно изъ мѣстныхъ архивныхъ сокровищницъ. Изъ всѣхъ тринадцатившедшихъ въ него статей остановимся лишь на болѣе крупныхъ. Таковы прежде всего работы И. Фр. Павловскаго: 1) «Къ вопросу о переводѣ Пльинской ярмарки изъ Роменъ въ Полтаву» (здѣсь авторъ съ точностью устанавливаетъ, что инициаторомъ перевода былъ полтавскій губернаторъ Аверкіевъ, а не генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ, какъ полагали до сихъ поръ); 2) «Къ

исторіи винокуренія въ Малороссіи» (главное содержаніе составляет «секретное дѣло о введеніи откупа въ Малороссіи», закончившееся въ началѣ 1838 г.), и 3) «Статистика еврейскаго населенія въ Полтавской губерніи со времени ея уничтоженія и о чертѣ осѣдлости». Здѣсь не лишены общаго интереса нѣкоторыя подробности, сообщаемыя авторомъ по преимуществу на основаніи архивныхъ дѣлъ. Полтавская губернія, какъ извѣстно, была образована въ 1802 году, и чрезъ два года, благодаря трудамъ проф. харьковскаго университета И. Ѳ. Тимковскаго и содѣйствію перваго малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина, были уже собраны статистическія данныя о населеніи Полтавской губерніи. Число евреевъ тогда составляло не болѣе 5000 чел. обоого пола, или около 0,4% всего населенія; въ 1840 г. число ихъ увеличивается въ 16½ тысячъ и составляетъ уже 1% всего населенія; черезъ 23 года это число болѣе чѣмъ удваивается, а къ 1 января 1908 г. достигаетъ 149.297 чел., или другими словами 4,5% всего населенія. Жили евреи по преимуществу въ городахъ и занимались главнымъ образомъ торговлей; поселеніе въ селахъ имъ даже воспрещалось высшими мѣстными властями, вообще дающими о нихъ весьма недобрыя отзывы.

Далѣе наибольшимъ интересомъ отличается статья В. П. Леонтовскаго: «Полтавскій мыслитель поэтъ Г. С. Сковорода и генезисъ его философіи». Авторъ уже не впервые пишетъ о Г. С. Сковородѣ, онъ хорошо знакомъ и съ источниками и съ нособіями по занимающему его вопросу и дѣйствительно сообщаетъ наиболѣе точный и продуманный очеркъ какъ жизни украинскаго философа, такъ и его философіи. Я здѣсь, съ своей стороны, позволю только спросить автора объ одномъ: съ которымъ изъ троихъ сыновей Степана Васильевича Томары, внука извѣстнаго полковника Переяславскаго полка, героя шведской войны, Степана Томары, занимался Г. С. Сковорода въ теченіе пяти лѣтъ; не былъ ли его ученикомъ извѣстный сенаторъ Василій Степановичъ Томара?

Наконецъ весьма содержательнымъ является и очеркъ В. Васильевскаго: «Полтавская I мужская гимназія за первыя 20 лѣтъ ея существованія съ 1831 по 1850 г.»

Области археологіи принадлежитъ единственная статья Н. Макаренко «Матеріалы по археологіи Полтавской губерніи», гдѣ говорится о полтавскомъ кладѣ 1905 года и нѣкоторыхъ другихъ случайныхъ находкахъ того же года.

В. Рудакъ.

Виталій Эйнгорнъ. Къ исторіи иноземцевъ въ старой Малороссіи. М. 1908 г. Цѣна 75 коп.

Книжка подъ вышенприведеннымъ заглавіемъ представляетъ обстоятельный отзывъ объ изслѣдованіи М. М. Плохинскаго «Иноземцы въ старой Малороссіи. Ч. I. Греки, цыгане, грузины». Работа г. Плохинскаго появилась въ 1905 г. въ II т. Трудовъ XII археологическаго съѣзда и составляетъ результатъ его занятій по архивамъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Однако, судя по отзыву г. Эйнгорна, изслѣдованіе «Иноземцы въ старой Малороссіи» оказалось

не исполнѣ удачнымъ. М. М. Плохинскій не воспользовался въ нужной мѣрѣ указаніями предшественниковъ (Лазаревскаго, Багалѣя, Дмитріевскаго) касательно документовъ, относящихся къ его темѣ, а извѣстными ему архивными матеріалами воспользовался неумѣло. Отсутствие техники научнаго изслѣдованія и систематичности изложенія, обиліе бесполезныхъ экскурсовъ и шаткость выводовъ, недостаточное знакомство съ литературой изслѣдуемыхъ вопросовъ и неточность въ ссылкахъ,—все это даетъ г. Эйнгорну право произнести суровый, но справедливый приговоръ надъ работой г. Плохинскаго. Попутно авторъ отзыва даетъ рядъ любопытныхъ и цѣнныхъ справокъ, дополненій и исправленій къ изслѣдованію г. Плохинскаго, которыя вѣрнѣе освѣщаютъ внутреннюю исторію Малороссіи за XVII и XVIII вѣка.

А. Хах—овъ.

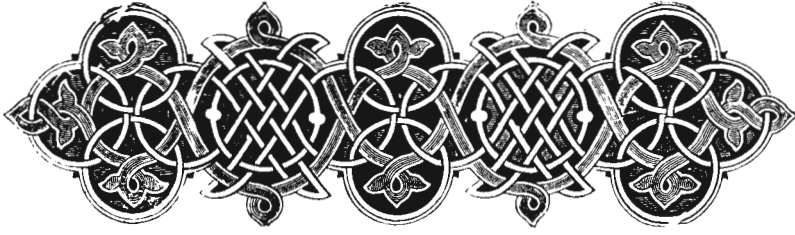
Городъ Аткарскъ. Матеріалы для историко-географическаго описанія Саратовской губерніи по рукописямъ и изслѣдованіямъ члена и. р. географическаго общества Александра Николаевича Минха. Съ 15 рис. Аткарскъ. 1908. Стр. 158.

А. Н. Минхъ, болѣе 40 лѣтъ работающій надъ изслѣдованіемъ и описаніемъ Саратовской губерніи, авторъ цѣлаго ряда очень цѣнныхъ историко-географическихъ и историко-археологическихъ работъ, въ настоящее время почти лишенный зрѣнія, представляетъ на судъ публики «сырой и едва обработанный матеріалъ»,—какъ онъ выражается самъ,—для историко-географическаго описанія Аткарска и его уѣзда. На первыхъ 8 страницахъ своего труда онъ сообщаетъ историческія данныя по архивнымъ документамъ; затѣмъ половину книги заполняетъ «устными разсказами и преданіями» объ Аткарскѣ, получившемъ наименованіе города Аткарска въ 1781 г. изъ слободы Еткарской, и въ концѣ въ рядѣ приложеній сообщаетъ, между прочимъ, выписки изъ дѣлъ архива упраздненной аткарской городской думы съ 1782 по 1890 г.; «свѣдѣнія объ Аткарскѣ и его уѣздѣ въ рукописяхъ и печати», «курганы и пещеры въ окрестностяхъ Аткарска» и т. п.

Прекрасно изданная членомъ саратовской архивной комиссіи В. И. Милославскимъ книга А. Н. Минха и въ настоящемъ своемъ малообработанномъ видѣ послужитъ достаточной и полной исторіей Аткарска, которой позавидуютъ и многіе наши губернскіе города.

В. Р—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ человекъ. — Конецъ минувшаго года ознаменовался въ области палеонтологіи самымъ интереснымъ открытіемъ за послѣднее время — находкой человѣческаго скелета четвертичнаго періода, при обстановкѣ, доказывавшей нѣкоторое моральное развитіе человекъ самой древней для его существованія эпохи, какая только намъ известна. Человѣчество впервые можетъ наконецъ себя поздравить съ болѣе благороднымъ происхожденіемъ, чѣмъ до сихъ поръ считалось, и съ нѣкоторой увѣренностью сказать, что его прямой прародитель нѣчто болѣе возвышенное, чѣмъ простая обезьяна. Граница, отдѣлявшая его отъ этого животного, быть можетъ, довольно ничтожна, но во всякомъ случаѣ она существовала, и не столько въ физическомъ, сколько въ моральномъ отношеніи, если считать обстановку, въ которой онъ найденъ, погребальной, какъ увѣряютъ сдѣлавшіе эту находку археологи. Этимъ открытіемъ человѣчество обязано тремъ католическимъ патерамъ, Ж. и А. Вуиссонамъ и Бардону, — страстнымъ и ученымъ археологамъ, руководящимъ раскопками въ «La Chapelle aux Saints» ¹⁾ (департаментъ Коррезы), гдѣ они нашли скелетъ доисторическаго человекъ, нѣчто среднее между человекъ и обезьяной. По этому поводу въ «Hebdo Débats» и «Journal» помѣщены отчеты о сообщеніяхъ, сдѣланныхъ въ академіи наукъ.

Какъ извѣстно, скелеты доисторическихъ людей не разъ попадались археологамъ при раскопкахъ въ центральной Европѣ, но въ частичномъ видѣ,

¹⁾ L'homme fossile de la Chapelle aux Saints. Par C. Grandidier «Hebdo-Débats». 2 Janvier 1909.

какъ, напримѣръ, черепная крышка знаменитаго Неандертальскаго черепа, да еще при обстоятельствахъ, благодаря которымъ невозможно было точно опредѣлить лѣта залежи. Теперешняя же находка, напротивъ, представляетъ почти цѣлый скелетъ, по которому, посредствомъ сравненій, возможно установить морфологическій типъ, жившій въ Европѣ и очень тамъ распространенный, по крайней мѣрѣ въ центральной области, во время четвертичнаго періода, мустерьенскаго періода, (названнаго такъ въ честь мѣстечка Мустеръенъ на Дордонѣ, гдѣ впервые были найдены орудія изъ кремня, характеризовавшія эту эпоху).

Въ физическомъ отношеніи типъ найденнаго скелета не очень отличается отъ обыкновенной обезьяны: то же отсутствіе лба, что придаетъ его головѣ плоскій, животный видъ, чрезмѣрно развитыя бровныя дуги, столь же выдающіяся, какъ и на знаменитомъ Неандертальскомъ черепѣ, а также у антропоморфическихъ обезьянъ, и поднимающіяся надъ глубокими трубчатыми орбитами, нѣсколько отступающее назадъ затылочное отверстіе, указывающее на то, что скелетъ чаще держался склоненнымъ къ землѣ, чѣмъ имѣетъ обыкновеніе современный человѣкъ съ своей вертикальной походкой. Лицо скелета скорѣе напоминаетъ морду, благодаря широкому короткому носу, отдѣляющемуся отъ лба глубокой впадиной, нижней челюстью, выдающейся впередъ прямой непрерывной линіей, вмѣсто того, чтобы между носовой костью и скулами быть прорѣзанной бороздой, аналогичной той, которая существуетъ у всѣхъ современныхъ людей и которая обнаруживается вѣднѣе у живыхъ людей—морщиной, протягивающейся отъ крыльевъ носа къ спайкѣ губъ. Эта складка, посредствомъ принимаемыхъ ею различныхъ положеній, придаетъ нашей физиономіи выраженіе печали или смѣха. У найденнаго же скелета нашего праотца этотъ смѣхъ отсутствовалъ. Такимъ образомъ костная система этого скелета—обезьянообразна, тогда какъ многія другія свойства, напримѣръ, вмѣстимость черепа—человѣческія. Когда найденный скелетъ былъ доставленъ въ парижскую академію наукъ и для сравненія положенъ на столъ вмѣстѣ съ черепомъ большой обезьяны, гориллы или чимпанзе, черепной крышкой питекантропа (найденной на Явѣ въ 1893 г. докторомъ Дюбуа и одними приписываемой усовершенствованной обезьянѣ, а другими—очень первобытному человѣку), съ черепомъ индивидуума низшей расы, напримѣръ, австралійца, и, наконецъ, съ черепомъ парижанина, то оказалось, что черепъ скелета изъ «la Chapelle aux Saints» съ математической точностью можетъ занять мѣсто между питекантропомъ и австралійцемъ.

Вопросъ, въ какую именно эпоху существовалъ означенный скелетъ, легко рѣшить, благодаря доисторическимъ документамъ: орудіямъ и остаткамъ животныхъ, найденнымъ въ гротѣ, гдѣ покоились его останки. Какъ извѣстно, четвертичный періодъ былъ отмѣченъ въ Европѣ послѣдовательностью періодовъ ледниковаго и межледниковаго, который повлекъ за собою большія измѣненія въ области флоры и фауны. Геологи обыкновенно допускаютъ два цикла, и самыя древнія историческія кости, какія до сихъ поръ были извѣстны, а именно найденныя въ «Chapelle aux Saints», относятся къ послѣднему ледниковому періоду.

Главный интерес этой находки заключается въ томъ, что у этого промежуточного между обезьяной и человѣкомъ созданія теперь можно установить искру нѣкотораго моральнаго развитія, выразившагося, правда, въ очень малой дозѣ: онъ былъ найденъ археологами не просто лежащимъ на днѣ пещеры, а помѣщеннымъ въ треугольномъ углубленіи—нѣчто въ родѣ гроба. При этомъ его голова покоилась на грудѣ камней, поверхъ которыхъ была положена плоская кость, а нижнія конечности были сложены на скелетѣ. Подобная обстановка, если она, повторяемъ, является погребальной, свидѣтельствуетъ объ особой заботливости по отношенію къ мертвымъ и уваженію къ нимъ, что характеризуетъ современниковъ столь первобытнаго человѣка и, несомнѣнно, поднимаетъ ихъ до человѣческаго рода. Кромѣ того, множество найденныхъ въ пещерѣ костей доисторическихъ животныхъ, по мнѣнію нашедшихъ скелетъ археологовъ, служитъ признакомъ, что тамъ сиравли по покойникѣ тризну. Такого рода отношеніе къ мертвымъ, если и не служитъ прямымъ свидѣтельствомъ существованія у означенныхъ созданій религіознаго чувства, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно любопытно, принявъ во вниманіе ихъ чрезвычайно малое умственное развитіе и зачаточное состояніе ихъ орудій производства. Кромѣ того, такое добровольное погребеніе служитъ противовѣсомъ установившейся теоріи большинства знаменитыхъ антропологовъ, считающихъ первобытнаго человѣка и особенно той эпохи—животнымъ, совершенно лишеннымъ моральнаго чувства.

Однако, несмотря на выраженіе подобной искры духовной жизни, эти полу-люди, полу-животныя, какъ физически, такъ и умственно, далеко отставали отъ людей расы кро-маньонъ, жившей въ Европѣ послѣ ледниковаго періода. Послѣдніе оставили даже нѣчто въ родѣ произведеній искусствъ, какъ, напримѣръ, живопись въ гротѣ Алтамира, близъ Сантандера, въ Испаніи, или, напримѣръ, драгоценную скульптуру, находящуюся теперь въ Севъ-Жерменскомъ музеѣ. Напротивъ, въ пещерѣ «Chapelle aux Saints» не было признака даже очага, и полу-человѣкъ, полу-обезьяна еще не умѣлъ добывать себѣ огня, что дѣлаетъ еще болѣе любопытнымъ предполагаемое проявленіе его заботливости относительно покойника.

Эта находка возбудила къ себѣ большой интересъ въ парижской академіи наукъ, и на дняхъ французскій ученый Эдмонъ Перрье, дѣлая сообщеніе по этому поводу, объявилъ, что профессоръ Музеума Буль занялся полнымъ восстановленіемъ означеннаго скелета посредствомъ новыхъ костей, найденныхъ при раскопкахъ, которыя производятся и въ настоящее время. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ оградить названныя раскопки отъ расхищеній, производившихся ради пополненія иностранныхъ музеевъ научными богатствами, и требовалъ, чтобы власти приняли мѣры для охраненія доисторическихъ памятниковъ, какъ это дѣлается съ историческими. Поэтому члены академіи наукъ единогласно присоединились къ такого рода взглядамъ и по предложенію своего президента Тушара собрали секретный комитетъ и назначили специальную комиссію, такъ называемую «доисторическую». Результатомъ этой комиссіи было сообщеніе товарища министра народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ Дюжардэнъ-Вомеца, что онъ получилъ ихъ заявленіе, о кото-

ромъ уже извѣщена комиссія металлическихъ памятниковъ, взявшая на себя обязанность принять мѣры къ охраненію доисторическихъ остатковъ.

— Новая псевдо-Желѣзная маска. — Среди таинственныхъ историческихъ загадокъ первое мѣсто занимаетъ исторія или легенда о Желѣзной маскѣ, и разоблаченіемъ этой тайны занимались многочисленные историки и писатели. Она относилась къ разнымъ странамъ и національностямъ, особенно къ Франціи и Италіи, а теперь наступила очередь Англіи, и за изслѣдованіе новой легенды взялся англійскій католикъ, епископъ Барнесъ ¹⁾. Главнымъ образомъ его трудъ основанъ на матеріалахъ, собранныхъ іезуитами и касающихся Якова де-ля-Клоша, старшаго побочнаго сына англійскаго короля Карла II. Обнародовалъ эти документы въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія іезуитъ Боэро, и, приступая къ ихъ изслѣдованію, авторъ настоящей книги начинаетъ съ того, что напоминаетъ, какъ 19 іюля 1669 г. Лувуа написалъ Сенъ-Мару, начальнику Пиньерольской крѣпости и темницы, «предлагая принять туда одного несчастнаго человѣка, съ которымъ, хотя онъ только лакей, обращаться надо съ величайшими предосторожностями». Означеннаго узника въ тюрьмѣ называли Эташемъ Данжэ, и Барнесъ сразу говоритъ, что это былъ Яковъ де-ла-Клошъ, родившійся на островѣ Джерсеѣ, гдѣ жилъ, такъ называемый, его отецъ—Карлъ II.

Свой интересный, но далеко не достовѣрный рассказъ, Барнесъ начинаетъ съ юности своего героя, который, по его словамъ, находился у іезуитовъ послушникомъ, такъ какъ Карлъ II желалъ, чтобы онъ посвятилъ себя церкви. Де-ла-Клошъ такимъ образомъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ элементы романтизма и сохранялъ тайну, которая могла бы оказаться роковой для его отца. Изъ письма Карла II отъ октября 1668 г. къ тогдашнему генералу іезуитскаго ордена видно, что король просилъ отослать де-ла-Клоша въ Англію, а въ письмѣ отъ 18 ноября того же года видно, что молодого человѣка отправили въ Римъ. Съ тѣхъ же поръ о немъ ничего не слышно, но въ январѣ 1669 г., по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Барнесомъ, въ Неаполѣ неожиданно появляется, такъ называемый, сынъ Карла II, рожденный на Джерсеѣ, и женится на неизвѣстной молодой дѣвушкѣ. Онъ былъ арестованъ, по приказанію вице-короля, въ виду того, что его подозрѣвали въ поддѣлкѣ монетъ. Объ этомъ доведено было до свѣдѣнія Карла II, который не призналъ его своимъ сыномъ. Его однако освободили, и онъ велъ въ Неаполѣ самую развратную жизнь, которая довела его до смерти въ томъ же году. У этого претендента остался сынъ, который долго разыгрывалъ въ Италіи значительную роль, называя себя герцогомъ Роганомъ. Этимъ же именемъ Рогана назывался и во время своихъ путешествій де-ла-Клошъ, почему его личность смѣшиваютъ съ псевдо-герцогомъ Роганомъ.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ авторомъ, де-ла-Клошъ тогда не ѣздилъ въ Англію, хотя этого требовалъ Карлъ II, и велъ веселую жизнь въ Неаполѣ; впрочемъ, Барнесъ, увѣряетъ, что онъ явился въ Лондонѣ 20 января 1669 г. съ какимъ-то важнымъ порученіемъ изъ Рима.

¹⁾ The Man of the Mask. By Arthur Barnes. London. 1909.

Черезъ нѣсколько времени король тайно послалъ въ Парижъ де-ла-Клоша съ письмомъ къ французскому министру Льону, который въ отвѣтъ написалъ, что Людовикъ XIV нуждается въ пріятномъ совѣтникѣ и шіонѣ при дворѣ Карла II, для чего и посылаетъ католическаго аббата Преньяни. По словамъ Барнеса, подъ именемъ аббата Преньяни въ Лондонъ вернулся не кто иной, какъ де-ла-Клошъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого аббатъ Преньяни, какъ рассказываетъ авторъ этой книги, снова появился въ Парижѣ и былъ арестованъ, потому что онъ зналъ много опасныхъ тайнъ. Это былъ именно тотъ человѣкъ, утверждаетъ Барнесъ, котораго Лувуа приказалъ въ качествѣ лакея посадить въ тюрьму Пиньероль. При этомъ Людовикъ XIV зналъ только, что его новый узникъ былъ агентъ Карла II, но никакъ не подозрѣвалъ, что онъ не кто иной, какъ сынъ послѣдняго. Во всякомъ случаѣ, такое толкованіе легенды о Желѣзной маскѣ ни въ какомъ отношеніи не основательно. Де-ла Клошъ, иногда называемый аббатомъ Преньяни, болѣе не упоминается въ четырнадцати письмахъ Карла II, которыя приводятся въ книгѣ Барнеса. Поэтому рассказываемая имъ легенда ничѣмъ не подтверждена, и его трудъ представляетъ только новый ложный рассказъ о знаменитой Желѣзной маскѣ.

— Исторія самаго большого порта въ свѣтѣ. — Недавно въ англійскомъ парламентѣ произошла обычная сцена официальнаго утвержденія принятаго парламентомъ билля: явился герольдъ въ средневѣковой одеждѣ и торжественно объявилъ, что билль сдѣлался закономъ, потому что «*Le roi le veut*». Означенный билль касался превращенія пятидесяти двухъ частныхъ учрежденій, завѣдывавшихъ такимъ же количествомъ лондонскихъ доковъ, въ одно государственное вѣдомство, состоящее изъ четырнадцати членовъ. За эту громадную собственность теперь уплачено 20 милліоновъ стерлинговъ, т. е. около двухсотъ милліоновъ рублей, и поэтому на страницахъ «*Pall Mall Magazine*» за февраль мѣсяцъ Джорджъ Паттерсонъ помѣстилъ любопытный очеркъ постепеннаго развитія лондонскаго порта до послѣдняго его торжества.

Въ концѣ XVII вѣка въ Лондонѣ возникла мысль создать закрытые доки, и первыми ея инициаторами были кушцы Джорджъ Гиббертъ и Робертъ Миллигамъ. Они составили компанію, купили землю на берегу Темзы, и въ 1800 г. былъ официально созданъ первый вестъ-индскій докъ. Въ сущности, было два дока, одинъ для вышней торговли, другой для внутренней, и въ обоихъ помѣщалось до 495.000 тоннъ товаровъ. Это былъ первый докъ въ Англии, разрѣшенный правительствомъ, и большею частью въ немъ хранились ромъ, мясо, масло, сахаръ, красное дерево и т. д. Вскорѣ потомъ доки распространились вдоль береговъ Темзы, получивъ названіе остъ-индскихъ доковъ и доковъ св. Екатерины; послѣдніе были открыты въ 1827 г. Впослѣдствіи выстроены были другіе лондонскіе доки, и теперь, какъ мы уже сказали, ихъ всего пятьдесятъ два. Мало-по-малу къ докамъ были присоединены пароходы и телеграфъ.

¹⁾ The story of the port of London. By Patterson. «Pall Mall Magazine». Febr. 1909.

Самой замѣчательной частью Темзы въ Лондонѣ является, такъ называемая, Лондонская Лужа, находящаяся между Лондонскимъ мостомъ и Блякуэлемъ. По словамъ Паттерсона, она известна всюду, отъ Архангельска до мыса Горна и отъ Шанхая до Золотыхъ Воротъ. На ней толпятся всякаго рода суда, маленькія и большія, привозяція въ лондонскіе доки всевозможные товары со всего свѣта, и тутъ происходитъ не только промышленная суতোлка, но часто бываютъ и романическія происшествія, особенно ночью. Хотя лондонскіе доки поглощаютъ болѣе половины привозимыхъ въ этотъ торговый центръ товаровъ, но меньшая ихъ часть выгружается на самой рѣкѣ отъ Лондонской Лужи до Грэвсѣнда. Пристаней на рѣкѣ находится всего 320, но ихъ все еще мало, и потому постоянно устраиваются новыя. Самый большой докъ на Темзѣ, такъ называемый Королевскій, Докъ Викторіи, гдѣ складывается табаку на 9 милліоновъ стерлинговъ; а затѣмъ второе мѣсто занимаетъ Мильвольскій докъ на Собачьемъ островѣ, открытый въ 1868 г. для различныхъ злаковъ, которыхъ набирается до 2000 тоннъ въ одинъ день.

Въ 1875 г. соединившіеся вмѣстѣ доки Вестъ-индскій и Остъ-индскій примкнули къ докамъ Лондонскому и св. Екатерины и всѣ вмѣстѣ составили обширѣйшій на всей Темзѣ докъ Альберта. Эта соединенная компанія въ 1888 г., захватила еще и сосѣдніе лондонскіе доки, съ общимъ капиталомъ въ 4.700.000 фунтовъ стерлинговъ. Теперь же съ превращеніемъ всѣхъ доковъ въ одинъ общій центръ и одно административное учрежденіе, лондонскіе доки, уже и доселѣ величайшіе въ свѣтѣ, достигаютъ такой громадности, какой ни въ одной странѣ и помина нѣтъ. Бассейны, на берегу которыхъ были устроены доки, прежде принадлежали государству и только постройки доковъ составляли собственность частныхъ компаній; но теперь и то и другое въ рукахъ государства, такъ что лондонскій портъ сдѣлался государственнымъ достояніемъ.

— Безсмертная возлюбленная Бетховена. — «6 іюля, утромъ. Мой ангелъ, мое все, мое я! Сегодня пишу только нѣсколько словъ и карандашомъ—твоимъ. Только завтра я устроюсь у себя на квартирѣ. Какое несчастіе потерять время на подобные пустяки!

«Зачѣмъ эта глубокая печаль, когда этого требуетъ необходимость. Можетъ ли существовать наша любовь иначе, какъ съ жертвами и отреченіями. Ты не можешь принадлежать мнѣ вся, а я тебѣ — весь: что же можемъ мы подѣлать? Ахъ, Боже мой! Успокойся, поразмысливъ о природѣ, и покорись тому, что должно быть. Любовь требуетъ всего—и она на это имѣетъ право, также и по отношенію меня къ тебѣ и тебя ко мнѣ. Только ты слишкомъ легко забываешь, что я долженъ жить для себя и для тебя. Если бы мы были совершенно соединены, то ни тотъ, ни другой не испытывали бы этихъ мученій. Мое путешествіе было ужасно. Я пріѣхалъ сюда только въ четыре часа утра. За недостаткомъ лошадей, почта направилась по другой дорогѣ, но по какой ужасной дорогѣ. На предпоследней почтовой станціи меня предупреджали, чтобы я не путешествовалъ ночью; меня пугали тѣмъ, что надо проѣзжать лѣсомъ,—но это только меня подстрекало. Я былъ неправъ: на такой отвратительной дорогѣ сломалась карета, и этого нельзя было миновать на про-

стой, проселочной дорогѣ, настоящей трясины. Безъ почталыоновъ я такъ и остался бы на дорогѣ. Эстергази, слѣдовавшаго осьмерикомъ, постигла та же участь, что и меня четверкой. Впрочемъ, я съ моей стороны чувствую удовольствіе, какъ всегда, когда побѣждаю затрудненія.

«Теперь, живо, бросимъ посторонніе предметы и вернемся къ намъ самимъ. Мы скоро увидимся. Сегодня, впрочемъ, я не могу подѣлиться съ тобою наблюденіями, которыя я сдѣлалъ въ продолженіе этихъ вѣсколькихъ дней надъ моей жизнью. Если бѣ наши сердца билась всегда одно возлѣ другого, то, безъ сомнѣнія, я не сдѣлалъ бы подобныхъ наблюденій. У меня на сердцѣ такъ много, что тебѣ сказать. Бываютъ моменты, когда я нахожу, что языкъ — ничто. Отгони отъ себя твою печаль и оставайся моимъ единственнымъ сокровищемъ, моимъ вѣмъ, какъ я весь твой. Что касается до остального, боги будутъ пещись объ этомъ, они хорошо знаютъ, что намъ предназначено».

«Твой вѣрный Людвигъ».

«Понедѣльникъ вечеромъ, 6 іюля.

«Ты страдаешь, мое обожаемое существо! Только теперь я узналъ, что письма должны быть отпращены на почту рано утромъ въ понедѣльникъ или вторникъ—единственные дни, когда отсюда отпращивается курьеръ въ К. Ты страдаешь. Тамъ, гдѣ я, ты вездѣ со мною. Мы оба сдѣлаемъ такъ, чтобы я могъ жить съ тобою. Какое существованіе безъ тебя. Повсюду быть преслѣдованнымъ добротою людей, въ которую я не вѣрю и не хочу ея заслуживать. Униженіе челоѣка передъ челоѣкомъ меня тяготитъ. И когда я разсматриваю себя въ цѣломъ во вселенной,—что я такое собой представляю и что представляетъ тотъ, кого называютъ самымъ великимъ? А между тѣмъ именно въ этомъ находится то, что есть божественнаго въ челоѣкѣ».

«Какъ я сожалью, когда подумаю, что ты не будешь имѣть отъ меня извѣстій равнѣ вторника. Какова бы ни была твоя любовь, я тебя еще болѣе люблю. Однако никогда не скрывай отъ меня ничего. Доброй ночи! Ахъ, такъ близко... и такъ далеко! Наша любовь создана на небѣ и такъ же основательно, какъ твердь».

«Утренній привѣтъ. 7 іюля.

«Какъ только я проснусь, мои мысли направляются къ тебѣ, моя бессмертная возлюбленная. Порою я веселъ, порою печаленъ, вопрошая судьбу, внемлетъ ли она намъ. Я не могу жить иначе, какъ совершенно соединясь съ тобою или совершенно разставшись съ тобою. Итакъ, я рѣшилъ странствовать по свѣту до того дня, когда я буду имѣть возможность полетѣть въ твои объятія, гдѣ твой очагъ будетъ моимъ, гдѣ мое сердце можетъ подняться въ царство духовъ, окруженное твоею любовью. Да! Увы! Такъ должно быть! Ты этому покоришься тѣмъ болѣе легко, что знаешь мою вѣрность тебѣ. Никогда другая не будетъ обладать моимъ сердцемъ, никогда, никогда! Ахъ, зачѣмъ надо разлучаться съ тѣмъ, кого любишь! А между тѣмъ въ настоящее время я веду въ Вѣнѣ самую несчастную жизнь. Твоя любовь сдѣлала меня разомъ самымъ счастливымъ и самымъ несчастнымъ челоѣкомъ. Въ мои годы

миѣ необходима спокойная, тихая жизнь: возможна ли она при нашихъ тене-решныхъ отношеніяхъ. Ангелъ мой, я сейчасъ узналъ, что почта отпра-вляется ежедневно, я принужденъ окончить письмо, чтобы ты получила его безъ замедленія. Будь спокойна. Только спокойно разсматривая наше поло-женіе, мы можемъ достигъ цѣли, которая заключается въ совмѣстной жизни. Будь спокойна! Люби меня. Сегодня, вчера, какія проливалъ я слезы, думая о тебѣ, тебѣ, тебѣ, моя жизнь, мое все.

«Прощай! не переставай любить меня; никогда не забывай вѣрнаго тебѣ сердца, твоего вѣжно любимаго Л.

«Вѣчно твой. Вѣчно моя. Вѣчно другъ друга».

Когда въ день смерти Бетховена его друзья нашли въ потаенномъ ящикѣ эти три письма, то никакъ не могли разгадать, кому они были адресованы и какимъ образомъ попали обратно къ знаменитому композитору. Тейеръ, био-графъ Бетховена, «безсмертной возлюбленной» считалъ Терезу Брауншвейгъ, сестру одного изъ самыхъ преданныхъ друзей Бетховена и лучшую изъ его ученицъ. Калишеръ же, недавно напечатавшій изданіе «критики» корреспонденціи Бетховена, называлъ «безсмертной возлюбленной» графиню Джульетту Гвиччарди, тоже бывшую ученицей Бетховена во время его пребыванія въ Вѣнѣ, а затѣмъ въ 1803 г. вышедшую замужъ за графа Галленберга, автора балетовъ и режиссера Большого театра въ Неаполѣ. Те-перь этотъ споръ рѣшили мемуары ¹⁾ Терезы Брауншвейгъ (такъ она себя на-зывала въ мемуарахъ), благодаря которымъ подтвердилось предположеніе, что «безсмертная возлюбленная» Бетховена не кто иная, какъ она сама. Г-жа Ла-Мара, напечатавшая означенные мемуары, снова подняла этотъ вопросъ и, собравъ подробныя свѣдѣнія, окончательно его разрѣшила.

Изъ нихъ мы узнаемъ, что предки Терезы Брауншвейгъ происходили отъ Генриха Льва, нѣкоторое время державшаго въ своихъ рукахъ герцогство Брауншвейгское, Саксонское и Баварское и бывшаго поочередно то союзни-комъ, то противникомъ Фридриха Рыжей Бороды. Отецъ Терезы, Антоній II, государственный совѣтникъ въ Пресбургѣ, былъ человекъ свободомысля-щій, восторгавшійся Англійей и ея учрежденіями и съ страстнымъ вниманіемъ слѣдившій за ея войной съ Америкой. Маленькая Тереза была воспитана на идеяхъ Франклина и Вашингтона; во время болѣзни отца, еще восьмилѣтней дѣвочкой она читала ему вслухъ «Одиссею» Гомера во французскомъ пере-водѣ. Ея умъ былъ направленъ на серьезные предметы и приучился глубоко вникать во все. Ея мать, красивая и умная женщина, урожденная Себергъ, происходила изъ бѣдной семьи, и Брауншвейгъ любилъ ее безна-дежно противъ воли отца три года, пока не вмѣшалась королева Марія-Те-резія и не уговорила послѣдняго разрѣшить сыну жениться на любимой дѣ-вушкѣ. Отъ этого брака первенцемъ была любимица отца Тереза, родившаяся 27 июля 1775 г. Кроме нея, были еще братъ и двѣ сестры. Дѣвочкѣ испол-нилось три года, когда отецъ пригласилъ къ ней воспитателя, человека чест-

¹⁾ Beethovens unsterbliche Geliebte: das Geheimnis der Gräfin Brunsvik. Von La Mara. 1909. Leipzig.

наго, но, по ея словамъ, ума ограниченнаго. У него былъ товарищъ, школьный учитель, игравшій на фортепиано, и ея отецъ, страстно любившій музыку, съ трехъ лѣтъ засадилъ дочь за фортепиано. Она такъ успѣшно училась музыкѣ, что шести лѣтъ безъ всякаго волненія исполнила передъ будапештской зватью концертъ Розетти съ оркестромъ. Однако, смерть отца въ 1792 году на время прервала ея музыкальное образованіе. Матери Терезы предстояло много заботъ о финансовыхъ вопросахъ, и она говорила, что, ничего не принеся въ приданое Брауншвейгамъ, ей необходимо, по крайней мѣрѣ, сберечь для нихъ деньги. Шестнадцати лѣтъ она дала торжественный обѣтъ у памятника отца не выходить замужъ и быть жрицей истины. Подобное воздержаніе, быть можетъ, было вызвано неудачнымъ бракомъ ея сестеръ, недостаткомъ приданнаго и небольшими физическими недочетами: у нея было легкое искривленіе позвоночника, слабое здоровье, и она была не такъ красива, какъ ея сестры. Талантливая музыкантша, Тереза также прекрасно рисовала, отличалась живымъ умомъ, изящнымъ вкусомъ и повимала искусство.

Во время пребыванія въ Вѣнѣ ея мать познакомилась съ Бетховеномъ, желая, чтобы ея двѣ дочери, Тереза и Жозефина, занялись подъ его руководствомъ своимъ музыкальнымъ образованіемъ. Предупрежденная заранѣе, что Бетховенъ не придетъ по первому зову, она лично отправилась къ нему съ обѣими дѣвушками. Тереза въ своихъ мемуарахъ вспоминаетъ, какъ она съ сонатою для фортепиано, скрипкою и виолончелью подъ мышкой вошла къ нему, какъ маленькая школьница. Бетховенъ былъ съ ними очень любезенъ и, насколько могъ, вѣжливъ. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій, Тереза съѣла за разстроенное фортепиано и заиграла; Бетховенъ пришелъ въ восторгъ отъ ея игры и обѣщалъ ежедневно приходить къ нимъ. Онъ точно исполнилъ свое обѣщаніе, но вмѣсто того, чтобы оставаться у нихъ одинъ часъ, просиживалъ съ 12 до 5 часовъ и безустанно заставлялъ Терезу сгибать и держать низко пальцы, тогда какъ раньше ее приучали держать ихъ вытянутыми. Двѣ недѣли ходилъ Бетховенъ къ нимъ и только одинъ разъ пропустилъ урокъ. «Мы забывали о голодѣ, — говоритъ молодая дѣвушка въ своихъ мемуарахъ: — моя добрая мать говѣла вмѣстѣ съ нами, и только слуги были тѣмъ недовольны, такъ какъ въ то время еще не привыкли обѣдать въ шесть часовъ».

Съ этого времени Бетховенъ сдѣлался другомъ дома Брауншвейговъ. Въ послѣдующіе годы Тереза продолжала участвовать вмѣстѣ съ нимъ въ концертахъ, то какъ пианистка, то какъ пѣвица. 11 мая 1807 года Бетховенъ писалъ ея брату въ Венгрію, прося у него три квартета, посвященныхъ Разумовскому, и въ концѣ письма прибавлялъ: «Обними за меня твою сестру Терезу». Въ іюлѣ мѣсяцѣ этого же года Тереза отправилась въ Карлсбадъ на воды, и, по всей вѣроятности, вышеприведенныя письма были написаны въ началѣ этого мѣсяца, такъ какъ 6 іюля 1807 года падаетъ именно на понедѣльникъ, какъ помѣчено во второмъ письмѣ; въ это время Бетховенъ только что разстался съ Терезой и возвратился въ сосѣдній курортъ, гдѣ онъ лечился отъ глухоты. Невольно возникаетъ вопросъ, отчего Бетховенъ, такъ страстно любившій Терезу, раздѣлявшую эту любовь, не могъ добиться ея согласія на бракъ. Былъ ли причиною этого недостатокъ средствъ обоихъ влюбленныхъ, или

аристократическіе предразсудки со стороны Терезы. Самъ Бетховенъ писалъ своему другу Вегелеру, 16 ноября 1801 года: «Бракъ могъ бы сдѣлать меня счастливымъ, но я не могу жениться, приходится еще мужественно биться и если бы не мои дурныя уши, я уже объѣздилъ бы половину земного шара».

Такъ Тереза и осталась вѣрна своему обѣту не выходить замужъ и въ своихъ мемуарахъ, упоминая о 1814 годѣ, она говоритъ, что нѣкто баронъ С. Р., товарищъ брата, часто посѣщавшій ихъ, когда они жили въ своемъ имѣніи «Martonwasag», и учившійся у послѣдняго и его слугъ сельскому хозяйству, дѣлалъ ей предложеніе вступить въ бракъ. «Мы играли съ нимъ въ шахматы,—пишетъ она,—и однажды въ порывѣ страсти онъ хотѣлъ меня поцѣловать. Съ тѣхъ поръ онъ часто возобновлялъ свое предложеніе и ждалъ моего согласія два года; но я всегда отвѣчала ему, что у меня еще не было времени обдумать это предложеніе. Я оставалась холодна: въ моемъ сердцѣ горѣла давняя страсть. Жозефина (ея сестра) нуждалась во мнѣ, ея дѣти любили меня, и я—ихъ: какъ могла я порвать этотъ магическій кругъ. Однажды, въ 1819 году, послѣ страшнаго голода въ странѣ, мы съ нимъ встрѣтились на улицѣ. Я ѣхала въ экипажѣ. Баронъ сдѣлалъ мнѣ знакъ остановиться; приблизясь ко мнѣ, онъ съ настойчивостью спросилъ: «Обдумали ли вы, дорогая Тереза! Я васъ спрашиваю въ послѣдній разъ объ этомъ. Если вы не рѣшили, то я отираюсь въ Дрезденъ, откуда привезу себѣ невѣсту». Моя голова и сердце были полны мыслями объ общей нищетѣ, и я съ улыбкой дала ему прежній отвѣтъ: «Право, у меня еще не было времени, милый Карлъ!»—и мы разстались. Бетховенъ умеръ въ 1827 году. Съ тѣхъ поръ Тереза предалась дѣламъ благотворительности; по ея словамъ, она надѣялась поднять нравственность въ своей странѣ посредствомъ правильнаго воспитанія будущаго поколѣнія и для этого открывала народныя школы, различныя учрежденія для воспитанія будущихъ учителей въ Будапештѣ, Пресбургѣ и Вѣнѣ. Она даже путешествовала по Германіи съ цѣлью пропаганды и съ отчаянія умерла въ Цештѣ 28 сентября 1861 года. На послѣдней страницѣ своихъ мемуаровъ она говоритъ: «Старая Европа совсѣмъ распалась и не можетъ держаться. Повсюду я вижу лишь развалины и упадокъ. Я сама развалина; я не могу болѣе ни желать, ни дѣйствовать. Глухія уши и глухія сердца руководили мною въ жизни».

До сихъ поръ въ біографіи Бетховена имя Терезы Брауншвейгъ попадалось лишь между прочимъ, и если бы не появились ея мемуары, то имя «безсмертной возлюбленной» навсегда осталось бы загадкой.

— Воспоминанія о графинѣ Валонъ. — На первыхъ дняхъ Новаго года Густавъ Клеманъ-Симонъ издалъ въ Парижѣ книгу подъ заглавіемъ: «Графиня Валонъ, воспоминанія объ ея жизни, семействѣ, друзьяхъ и ея перепискѣ»¹⁾. Эта извѣстная аристократка играла значительную роль въ парижскихъ салонахъ при второй имперіи и имѣла особенно важное значеніе въ первые годы третьей республики, какъ преданная легитимистка и

¹⁾ La comtesse de Valon (Apollonie de La Rochelambert) «Souvenirs de sa vie, sa famille, ses correspondants», racontés par Gustave Clement Simon. Paris. 1909.

рьяная поклонница Генриха V, всячески старавшаяся въ эту смутную эпоху возвратить Бурбонамъ французскій престолъ. По своему характеру, она была очень скромная женщина и никогда ничего не рассказывала о своихъ политическихъ и дипломатическихъ подвигахъ, а на всѣ вопросы пріятелей объ эпизодахъ своей жизни всегда безмолвно отвѣчала своей загадочной улыбкой. Она сама никогда не писала своихъ мемуаровъ, но сохранила громадную переписку и часто говорила своему старому другу писателю Клеману-Симону: «Не помѣстите ли вы меня когда-нибудь въ вашу галерею біографическихъ трудовъ». Въ настоящее время это сдѣлано, и графиня Валонъ является въ книгѣ Симона настоящей героиней монархическихъ интригъ и центромъ легитимистскихъ движеній въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Графиня Аполлонія Валонъ была дочерью маркиза Ларошамбергъ, жена котораго, урожденная графиня де-Брюжъ, была отчасти русскаго происхожденія, такъ какъ ея мать—дочь графа Головкина. Какъ ея бабушка, такъ и родители были ярые легитимисты, и во время первой французской революціи объ одной изъ Ларошамбергъ упоминалось въ спискѣ эмигрантовъ, получавшихъ пособіе отъ Екатерины II черезъ Гримма. Маленькая Аполлонія родилась въ Парижѣ и провела тамъ свои первые годы при Бурбонской реставраціи. За нѣсколько дней до іюльскаго переворота она играла въ садахъ Сенъ-Клу съ графомъ Бордо. Впослѣдствіи она писала своей матери: «Это было прекрасное время моей юности, время, когда я впервые надѣла розовое платье. Вы были счастливы и я также, рѣзваясь подъ тѣнью большихъ аллей. Потомъ, однажды утромъ я услышала въ своей маленькой постелькѣ цушечные выстрѣлы; король уѣхалъ, и для насъ началась новая жизнь». Рошамберы и графиня Брюжъ переехали въ Берлинъ, гдѣ имъ оказывали вниманіе Гогенцоллерны, и они были дружны со многими своими родственниками: Головкиными, Потоцкими, Радзивиллами и другими. Въ то время французы, особенно легитимисты, были очень популярны въ Германіи, гдѣ распространялся культъ на французскія моды, французскій театръ и проч. Поэтому и мать маленькой Аполлоніи славилась своей граціей при берлинскомъ дворѣ, и ея большими друзьями были Арнимъ, Бисмаркъ, Мантейфель и Перрионшеръ. Послѣдній особенно ухаживалъ за Аполлоніей, которая танцевала до упада въ гостинныхъ Гогенцоллерновъ и знатныхъ пруссаковъ. Вотъ какъ говоритъ о ней Жоржъ-Зандъ, изобразившая ее подъ именемъ Валентины де-Рэмбо въ одномъ изъ своихъ романовъ: «Она бѣленькая блондинка, большого роста, спокойная, свѣжая, во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная: по своему профилю, красотѣ волосъ, граціозной линіи шеи и бѣлизнѣ кожи она напоминала красавицъ двора Людовика XIV. Чувствовалось, что необходима была цѣлая раса рыцарей, чтобы произвести совокупность такихъ чистыхъ и благородныхъ чертъ, всю ту почти королевскую грацію, которая медленно обнаруживалась, какъ у лебедя, игравшаго на озерѣ съ величественной томностью».

Семья хорошенькой, аристократичной Аполлоніи была преданнымъ агентомъ пражскаго двора Карла X, и поэтому надъ нею всегда издѣвалась французская газета «*Constitutionnel*». Напротивъ, всѣ легитимисты и прусскій дворъ,

особенно принцесса, впоследствии и императрица Августа, относились съ величайшимъ сочувствіемъ ко всѣмъ представителямъ этой семьи. Когда въ Парижѣ воцарился Наполеонъ III, то онъ присоединилъ къ своему двору двухъ сестеръ Аполлоніи, графинь Поэзъ и Лабедуайеръ, назначивъ ихъ придворными дамами; кромѣ того, графа Ларошамберъ онъ сдѣлалъ сенаторомъ. Около того же времени Аполлонія вышла замужъ за графа Леона Валона, бывшаго секретаря посольства, депутата департамента Коррезы и собственника замѣчательнаго конскаго завода и скаковыхъ конюшенъ. Съ этого времени графиня Валонъ завела блестящій салонъ, который существовалъ во все время второй имперіи и гдѣ встрѣчались, какъ представители бонапартистовъ, такъ и легитимистовъ, а также знатные иностранцы. Она пользовалась замѣчательной популярностью въ высшихъ слояхъ всѣхъ партій, и императрица часто говорила ея сестрамъ: «Я очень хотѣла бы знать мнѣніе графини Валонъ объ этомъ предметѣ». Несмотря на неструю смѣсь завсегдатаевъ салона графини Валонъ, въ немъ все-таки царила самая пламенная преданность Фродорфскому претенденту. Такъ продолжалось двадцать лѣтъ до рокового 1871 года.

Во время франко-прусской войны графиня Валонъ геройски вела себя, устроивъ въ своемъ нормандскомъ помѣстьѣ Розэ больницу для раненыхъ и по временамъ посѣщая открытые ею лазареты на полѣ брани, и даже ухаживала за французскими ранеными, находившимися въ плѣну у нѣмцевъ. Но самаго апогея политической дѣятельности она достигла въ 1871 г., во время перемирія и въ первые мѣсяцы послѣ заключенія мира, когда возникъ вопросъ объ освобожденіи территоріи, т. е. скорѣйшихъ уплатѣ контрибуціи и очисткѣ Франціи отъ нѣмецкихъ войскъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи она играла видную роль, благодаря своей близости съ Тьеромъ, министромъ финансовъ Пуэ-Кертъе и французскимъ дипломатомъ, дѣйствовавшимъ тогда въ Германіи, графомъ Сентъ-Валлье, а также нѣмецкимъ генераломъ, командовавшимъ оккупационными войсками, Мантейфелемъ, любимцемъ Гогенцоллернскаго двора, графомъ Першоншеромъ и многими прусскими знатными особами. Особенно графиня Валонъ была дружна съ Пуэ-Кертъе и Мантейфелемъ, а потому во время дипломатическихъ переговоровъ между Франціей и Германіей относительно освобожденія территоріи она постоянно сносилась съ ними не только письменно, но и лично, посѣщая, какъ того, такъ и другого. Тьеръ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что Пуэ-Кертъе имѣлъ очень полезное сношеніе съ нѣкоторыми лицами, среди которыхъ первое мѣсто занимала графиня Валонъ. Въ настоящей книгѣ приводится нѣсколько писемъ, какъ Пуэ-Кертъе, такъ и Мантейфеля, доказывающихъ, что они находились съ нею въ самой тѣсной дружбѣ; такъ первый прямо писалъ ей: «Милая графиня, пріѣзжайте скорѣй, мнѣ необходимо съ вами посоветоваться», а второй говоритъ въ письмѣ къ ней: «Я очень васъ люблю, и вы мнѣ сдѣлаете величайшее удовольствіе, написавъ мнѣ, прелестная графиня Валонъ и еще болѣе прелестная графиня Аполлонія». Слѣдствіемъ дипломатическихъ уловокъ или, по мнѣнію многихъ, интригъ графини Валонъ, былъ самый удачный результатъ, и нѣмцы не только сократили сроки платежа контрибуціи, но и пребыванія во Франціи оккупа-

ционных войск. Къ сожалѣнію, въ настоящей книгѣ немного свѣдѣній о дипломатической дѣятельности графини Валонъ, которая оказала Франціи въ этомъ случаѣ большія услуги. Еще большее значеніе она имѣла въ послѣдующей въ семидесятыхъ годахъ интригѣ легитимистовъ, относительно примиренія Генриха V съ орлеанстами, а главнымъ образомъ по поводу возвращенія французскаго престола графу Бордо. Въ первомъ отношеніи ея старанія вполне удались, но касательно возстановленія короля они потерпѣли полное фіаско, такъ какъ Генрихъ V отказался отъ признанія трехцвѣтнаго знамени и конституціи. Графиня Валонъ была въ отчаяніи отъ этой неудачи, хотя она до 1880 г. поддерживала различныя попытки монархической партіи. Послѣдніе годы жизни она провела въ своемъ помѣстьѣ въ живописномъ замкѣ Сень-При и спокойно скончалась среди своихъ великолѣпныхъ садовъ и не менѣе драгоцѣнной бібліотеки.

— Автобіографія Патти.—Въ рождественскомъ номерѣ «Strand Magazine» началось печатаніе воспоминаній великой пѣвицы Аделины Патти¹⁾. Въ предисловіи къ исторіи своей жизни Патти упоминаетъ о томъ, что составляетъ моду въ современныхъ операхъ. По ея словамъ, теперь любятъ только «сладости, сладости и сладости», а въ сущности музыка требуетъ нѣчто болѣе основательнаго, и она, какъ вся человѣческая жизнь, не можетъ существовать на одиѣхъ «сладостяхъ». Весь вопросъ музыки не можетъ заключаться въ томъ, можетъ ли вашъ голосъ дрожать, можете ли вы выдѣлывать трели, наконецъ, можете ли вы подражать соловью, но въ томъ, что въ состояніи ли вы чистосердечно и честно сѣть простую балладу «Home, sweet home». Въ этомъ заключается истинная задача пѣнія. Патти вспоминаетъ, что она пѣла эту народную англійскую пѣсню въ Буэносъ-Айресѣ, гдѣ слушатели не понимали англійскаго языка, и однако они заливались слезами при звукахъ «Home, sweet home».

Относительно своего дебюта на жизненной сценѣ Патти говоритъ: «Въ январѣ 1843 г. мои родители прибыли въ Мадридъ съ цѣлью пѣть въ оперѣ, а 19 февраля родилась я. Потомъ они вернулись въ Италію на три года, а затѣмъ со всѣмъ семействомъ переехали въ Нью-Йоркъ, гдѣ я оставалась до 16 лѣтъ. Тамъ я поступила въ школу, а также брала уроки пѣнія у частнаго учителя, который потомъ сопровождалъ меня въ моихъ странствіяхъ по бѣлѣ свѣту. Первые мои воспоминанія касаются торжествъ и бѣдствій моихъ родителей во время ихъ сценической дѣятельности. Патти вспоминаетъ, что ей было только шесть лѣтъ, когда она однажды, одѣвъ куколь въ театральные костюмы своей матери, принялась танцовать и пѣть предъ ними. Во время этого комическаго представленія въ комнату вошла ея мать съ великой пѣвицей Альбони, которая выслушала до конца пѣвіе ребенка и предсказала, что она будетъ необыкновенной пѣвицей. Первый разъ Патти дебютировала на сценѣ изъ желанія помочь своимъ нуждающимся родителямъ. Сначала ея отецъ долго не соглашался, чтобы она вышла на сцену въ такомъ юномъ возрастѣ, но когда ея дебютъ состоялся въ Нью-Йоркѣ, то

¹⁾ «My reminiscenses» By Adelina Patti. «Strand Magazine». Decembre 1908, 25*

вся публика пришла въ восторгъ отъ ея пѣнія «Una voce». Ея родители бросились къ ней съ объятіями на глазахъ публики, и маленькая Аделина была въ себя отъ счастья, что могла принести имъ матеріальную пользу своимъ очаровательнымъ голосомъ.

Въ своихъ мемуарахъ Патти упоминаетъ о нѣкоторыхъ своихъ замѣчательныхъ триумфахъ. Однажды въ Мадридѣ въ концѣ представленія на сцену были выпущены изъ залы двѣсти великолѣпныхъ канареекъ, которыя окружили ее, весело щебеча. Пѣвица поймала двухъ изъ нихъ и прижала къ своимъ губамъ. Въ Москвѣ на ней неожиданно загорѣлась одежда; огонь немедленно загасили, но публика наперебой хватала остатки ея воздушнаго платья. Упомянувъ о многочисленныхъ подаркахъ, поднесенныхъ коронованными особами, она съ гордостью пересчитываетъ всѣ подарки, полученные ею отъ великихъ композиторовъ и пѣвцовъ, особенно Россини. Въ числѣ памятныхъ анекдотовъ, случившихся съ нею, дива рассказываетъ, что какъ-то однажды она была разбужена страшной громовой игрой на фортепіано въ сосѣдней комнатѣ. Она тотчасъ послала попросить незнакомца прекратить игру, а на слѣдующее утро узнала, что это игралъ фонъ-Бюловъ, который имѣлъ обыкновеніе терзать фортепіано каждое утро отъ 6 до 8 час.

Изъ числа знаменитыхъ англичанъ, видѣнныхъ Патти, она ни о комъ не вспоминаетъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ о Гладстонѣ. Въ эпоху горячей избирательной борьбы въ Единбургѣ онъ зашелъ на сцену послѣ ея пѣнія, чтобы выразить ей, какое удовольствіе доставляетъ ему ея голосъ. При этомъ онъ случайно замѣтилъ, что у него сильный кашель, и она посоветовала ему прибѣгнуть къ пастилкамъ, которыя принесли ей большую пользу. Въ тотъ же вечеръ Патти послала ему коробку съ этими пастилками и получила въ отвѣтъ очаровательную записочку. Такое же сильное впечатлѣніе произвела на нее знаменитая пѣвица Джени Линдъ. Она нарочно пріѣхала изъ Лондона въ Бирмингамъ на музыкальный фестиваль, чтобы послушать, какъ маленькій соловушко справится съ духовной музыкой. Послѣ же исполненія Патти духовной ораторіи Джени Линдъ послала ей сказать, что въ восторгѣ отъ мастерскаго исполненія ораторіи.

По словамъ Патти, ее забрасываютъ постоянно вопросами, въ чемъ заключается ея секретъ сохраненія голоса, цвѣта ея лица, фигуры и хорошаго расположенія духа. «Въ этомъ нѣтъ никакой тайны, — восклицаетъ она, — кромѣ умеренности во всемъ. Я никогда не утомляю своего голоса, избѣгаю сладостей и жирныхъ кушаній. Я не рабыня никакой слабости. Я стараюсь довольствоваться всѣмъ, кромѣ того, у меня рѣдко бываетъ праздная минута. Еще одно слово: не думайте, чтобы я принимала доброту, оказываемую мнѣ цѣлымъ свѣтомъ, и многія почести, которыми меня удостаиваютъ, за вполнѣ заслуженныя. Я знаю, что это только дань за непосланное мнѣ Богомъ дарованіе и, заботясь всячески о себѣ, я только поддерживаю этотъ Божій даръ».

— Мнѣніе Ферреро о Ломброзо какъ современномъ пророкѣ, великомъ пессимистѣ и писателѣ¹⁾.—Осенью прошедшаго года извѣст-

¹⁾ Lombroso, prophet and criminalologist. By Guglielmo Ferrero. «Century Magazine». Octobre 1908.

ный итальянский историк и публицист, Гульельмо Ферреро, прочиталъ въ Соединенныхъ Штатахъ цѣлый рядъ публичныхъ лекцій и между прочимъ блестящую характеристику Чезаре Ломброзо, который, по его словамъ, принадлежитъ къ числу ученыхъ, примѣнявшихъ, подобно Спенсеру и Дарвину, методъ естественныхъ наукъ къ изученію психологій и социальныхъ наукъ. Посвятивъ себя сначала медицинѣ, онъ сдѣлался профессоромъ психіатріи и занялся патологической анатоміей, антропологіей и криминологіей. Но если бы, по словамъ Ферреро, у него спросили, кого Ломброзо представляетъ въ дѣйствительности, то онъ, Ферреро, не назвалъ бы его ни естественникомъ, ни антропологомъ, ни социологомъ, а просто древнимъ пророкомъ, подъ личиной современнаго философа.

Ломброзо принадлежитъ къ еврейской семьѣ изъ Вероны и, по мнѣнію Ферреро, изъ всѣхъ крупныхъ еврейскихъ личностей настоящаго поколѣнія онъ всего болѣе осуществляетъ самыя оригинальныя характеристическія черты своей расы, именно: стремленіе къ этикѣ и страсть къ социальнымъ реформамъ. «Еще Ренанъ упоминаетъ, — говоритъ Ферреро, — что миссіей грековъ была эстетика и философія, а евреевъ — мораль. Греція реализировала идеаль безусловной красоты и совершеннаго разума, а евреи въ древности стремились основать царство безусловной справедливости, что выражалось въ пророчествахъ, этомъ специальномъ явленіи еврейской исторіи. Пророки, отъ Исаи до Христа, этого послѣдняго и величайшаго изъ пророковъ, были социальными реформаторами, стремившимися къ очищенію нравственности ихъ націи, и вся пророческая литература составляетъ основную часть еврейской словесности, проповѣдующей справедливость и добродѣтель среди міра, полнаго пороковъ и насилій. По истеченіи многихъ столѣтій, даръ творчества обнаруживался въ еврейскихъ гениальныхъ людяхъ новѣйшаго времени, которые болѣе или менѣе критики или нравственные реформаторы, какъ, напри- мѣръ, Спиноза, основатель первой великой новой этической теоріи; Гейне — неутомимый издѣватель надъ нравственными противорѣчіями своихъ соотечественниковъ; Марксъ и Лассаль — великіе предводители германскаго социализма, которые старались улучшить коммерческую нравственность нашего времени, и Марксъ Нордау, анализировавшій въ своей основательной и ужасной книгѣ условную ложь нашей цивилизаціи».

Принципъ древняго пророчества, отличавшійся болѣе всего критицизмомъ и нравственной реформой, чрезвычайно могущественно засѣлъ въ Ломброзо и рѣзко отличаетъ его отъ другихъ философовъ-натуралистовъ XIX вѣка, какъ, напри- мѣръ, Дарвина и Спенсера. Изъ нихъ первый, по словамъ Ферреро, писалъ «Происхожденіе видовъ» съ цѣлью выяснитъ самую важную задачу біологій, а второй основалъ теорію эволюціи ради того, чтобы составить новую и общую формулу жизни. Ломброзо постоянно руководствовался въ научныхъ изслѣдованіяхъ нравственными мотивами. «Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, — доказываетъ Ферреро, — онъ представляется физиологомъ и психологомъ, примѣняющимъ научные методы къ изученію различныхъ вопросовъ; съ другой стороны, онъ не кто иной, какъ пророкъ нравственныхъ и социальныхъ реформъ, стремящійся, подобно пророкамъ древности, къ улучшенію существующей нрав-

ственности и современныхъ учреждений. Тридцать лѣтъ тому назадъ Ломброзо изслѣдовалъ въ клиникахъ происхожденіе неллагры—страшнаго бича ломбардскихъ поселянъ—и развилъ новую теорію, хотя рѣзко противорѣчащую нынѣ принятой системѣ. Съ точки зрѣнія чисто патологическихъ и химическихъ изслѣдованій какой-либо нравственный элементъ, казалось, не имѣлъ съ ними ничего общаго, но пророческій принципъ такъ глубоко засѣлъ въ Ломброзо, что онъ въ результатѣ своихъ изслѣдованій помѣстилъ стремленія къ нравственной и соціальной реформѣ. По его теоріи, эта болѣзнь происходила оттого, что крестьяне обыкновенно ѣли дурной маисъ, который землевладѣльцы предпочитали лучше отдавать пмѣ, чѣмъ выбрасывать. Этотъ фактъ побудилъ Ломброзо предпринять жестокой походъ противъ себялюбія землевладѣльцевъ, требуя отъ правительства защиты поселянъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ онъ странствовалъ по различнымъ мѣстамъ страны, которыя всего болѣе были подвержены роковому недугу, писалъ памфлеты по этому предмету и раздавалъ ихъ въ тысячахъ экземплярахъ поселянамъ, старался бороться съ недугомъ, организуя для этого общества и лазареты. Эта упорная проповѣдь наконецъ надѣла землевладѣльцамъ, и они принялись такъ жестоко преслѣдовать Ломброзо въ Павіи, гдѣ онъ былъ профессоромъ, что ему пришлось перебраться въ Туринъ.

Здѣсь онъ посвятилъ себя другого рода проповѣди, именно изученію преступниковъ. Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ этотъ неутомимый ученый съ удивительнымъ терпѣніемъ изучалъ преступниковъ, измѣряя ихъ черепа, изслѣдуя ихъ болѣзненные и физиологическіе симптомы, а также собирая массу физиологическихъ, антропологическихъ и психологическихъ данныхъ. При этомъ его цѣлью было не умственное удовольствіе, какое доставило бы ему выясненіе преступленій и преступниковъ, а его занимала задача гораздо болѣе сложная: именно достиженіе метода, съ помощью котораго можно было бы найти болѣе справедливое равновѣсіе между преступленіемъ и наказаніемъ. Ломброзо не сбѣгалъ изъ своихъ изслѣдованій хладнокровныхъ выводовъ философа, но дѣйствовалъ, какъ пламенный апостоль, который долженъ совершить благородную миссію: доказать, какъ несправедливъ современный методъ уголовной кары, который, въ сущности, говоритъ болѣе въ пользу преступника, чѣмъ честнаго человѣка. Великій криминологъ такъ проникнутъ идеей этой несправедливости, что бесконечно говоритъ противъ нея въ книгахъ, рѣчахъ и статьяхъ, и не перестаетъ постоянно повторять объ этомъ въ кругу своихъ друзей и семейства. Онъ не разъ упоминалъ объ этомъ предметѣ въ разговорахъ съ Ферреро, съ горечью настаивая на томъ, что люди упорно пренебрегаютъ справедливостью, и доходилъ до самыхъ чрезвычайныхъ парадоксовъ. Такимъ образомъ, Ломброзо доказывалъ, что люди не выше животныхъ, что цивилизація—ложь и что въ концѣ концовъ все на свѣтѣ погибнетъ отъ отсутствія справедливости. «Коротко сказать,—говоритъ Ферреро,—Ломброзо разрѣшилъ великую научную задачу, съ цѣлью измѣнить соціальныя учрежденія, что для него служить высокой миссіей, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь. Научныя изслѣдованія возбуждаютъ въ немъ инстинктъ его расы, пророчество, который его соединяетъ, какъ съ учеными Спалау, Цани, Ламаркомъ,

Дарвиномъ и Спенсеромъ, такъ и съ этическимъ духомъ древнихъ свреѣйскихъ пророковъ».

Переходя отъ Ломброзо-пророка, именно проповѣдника противъ пеллагры, и Ломброзо-криминалога къ Ломброзо—великому пессимисту, Ферреро вспоминаетъ, что пессимизмъ составляетъ нормальную характерную черту евреевъ. Недаромъ Ренанъ считаетъ, что въ библіи находятся двѣ жизнерадостныя книги: «Пѣсня пѣсней» и «Екклезіастъ», или, такъ называемыя, «Проповѣди Соломона», которыя, въ сущности, были составлены въ александрійскую эпоху и ложно приписываются Соломону. Все же остальное въ библіи выражаетъ великій и колоссальный вонъ страданія. По словамъ Ферреро, даже теперь, по прошествіи столькихъ столѣтій, все величайшіе еврейскіе мыслители всегда говорили о грустныхъ явленіяхъ жизни. Такъ, Синоза повѣщаль міру, что добра и зла не существуетъ; Маркъ доказывалъ, что общество занято роковой борьбой между социальными классами, а Лассаль увѣрялъ, что по «железному закону заработной платы», несмотря на все старанія рабочихъ, они никогда не могутъ достигнуть большей, чѣмъ минимумъ, платы, могущей лишь сохранить ихъ отъ голодной смерти.

Въ этомъ отношеніи Ломброзо раздѣляетъ общую судьбу своей расы: онъ не только утверждаетъ, что цивилизація увеличиваетъ преступленія и что человѣкъ въ основѣ своей склоненъ ко злу, но даже составилъ теорію, самую пессимистическую за послѣднее время и состоящую въ уничтоженіи теоріи Карлейля,—поклоненіе героямъ. Поэтому Ломброзо полагаетъ, что гений— не что иное, какъ форма вырожденія. Сама по себѣ такая теорія не пессимистическая, такъ какъ истина не добро и не зло, и все теоріи одинаково способны быть истолкованы пессимистически или оптимистически. Если бы теорію вырожденія гениевъ открылъ оптимистъ, то онъ указалъ бы путь къ восторгу безконечной мудростью и добродѣтелью природы, которая знаетъ, какъ извлечь пользу даже изъ зла. «Напротивъ,—говоритъ Ферреро,—въ умѣ Ломброзо эта теорія становится трагической и могущей оскорбить многихъ людей съ боязливой совѣстью и уничтожить старинныя иллюзіи относительно великихъ людей, такъ какъ ихъ интеллектуальное величіе омрачается серьезными нравственными недостатками и большая ихъ часть, въ сущности, только преступники. Я никогда не забуду, какъ однажды Ломброзо былъ доволенъ, ознакомившись съ невпечатанными документами, доказывающими, что Галилей былъ клеветникомъ и злымъ жестокимъ человѣкомъ, дохотившимъ до того, что открытіе своихъ учениковъ приписывалъ себѣ. Кроме того, Ломброзо въ послѣднее время доказывалъ, что Данте былъ, въ сущности, преступникомъ. Его отравили въ ссылку политическіе враги по обвиненію въ лихоимствѣ. Собственно это ничего не доказываетъ, потому что въ средніе вѣка политическія партіи въ Италіи пользовались подобными предлогами, чтобы отдѣлаться отъ противниковъ. Но Ломброзо, несмотря на это, изслѣдовалъ всякаго рода документы съ цѣлью убѣдить себя, что такое обвиненіе имѣло основаніе. Онъ не отыскалъ, однако, подобныхъ доказательствъ и былъ этимъ очень недоволенъ, хотя обвиненіе Данте въ подобномъ поступкѣ возбудило бы страшный скандалъ въ Италіи, гдѣ его уважаютъ не только какъ

величайшаго изъ поэтовъ, но и какъ величайшаго изъ характеровъ нашей исторіи, героя справедливости и правоты».

О личности чловѣка часто судятъ по его сочиненіямъ, но если бы относительно Ломброзо придерживаться такого метода, то онъ оказался бы совершенно ошибочнымъ. По мнѣнію Ферреро, одна изъ главныхъ чертъ Ломброзо— несоотвѣтствіе его личнаго характера съ его научной работой. Это обстоятельство такъ поразительно, что заставляеть любого чловѣка сомнѣваться въ томъ, что Ломброзо думающій и пишущій тотъ же самый индивидуумъ, который говоритъ и живетъ.

Безъ сомнѣнія, Ломброзо будетъ считаться величайшимъ психологомъ нашего вѣка, такъ какъ онъ съ удивительной глубиной мысли обнажилъ многія сокровенныя тайны чловѣческой души, особенно тѣ, что относятся къ психологіи гениевъ и преступниковъ. «Несмотря на это,—прибавляетъ Ферреро,— никто болѣе Ломброзо не отличается недостаткомъ проницательности, такъ какъ, если онъ неизмѣримо великъ въ теоретической психологіи, то въ практической живетъ какъ ребенокъ и часто ошибочно принимаетъ дурака за гениа и мошенника за пламеннаго энтузіаста. Онъ самъ откровенно признается, что люди, которыхъ считалъ своими лучшими и вѣрнѣйшими друзьями, оказались его жесточайшими врагами, и мы, его ближайшіе друзья, такъ увѣрены въ недостаточности его проницательности, что когда онъ высказываетъ свое мнѣніе о новомъ знакомцѣ, мы инстинктивно отказываемся ему вѣрить и сомнѣваемся, спрашивая себя, не будетъ ли справедливѣе противоположный взглядъ. Напротивъ, когда въ лазаретѣ, лабораторіи или тюрьмѣ онъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ сумасшедшимъ или преступникомъ, а въ своемъ кабинетѣ съ грудой документовъ, касающихся до жизни гениальнаго чловѣка— Ломброзо превращается въ психолога, одареннаго величайшей ясностью мысли и удивительной интуитивной силой. Онъ понимаетъ, можно даже сказать, чувствуетъ самый сложный механизмъ мысли и, сознавая это, способенъ выражать самый неопостижимо-ясный синтезъ. Ломброзо всегда хвалился тѣмъ, что онъ эксперименталистъ и ввелъ экспериментальный методъ въ изслѣдованіе патологической психологіи, но это слабость многихъ великихъ людей, которые считаютъ себя спеціалистами въ томъ, въ чемъ они нимало не спеціалисты». Такимъ образомъ, Фридрихъ II хвастался, что онъ прекрасно играетъ на флейтѣ, а Гете считалъ себя великимъ живописцемъ. Такъ и Ломброзо, по мнѣнію Ферреро, напрасно выдаетъ себя за отличнаго эксперименталиста; въ сущности онъ настоящій поэтъ, истинно гений—творецъ, чловѣкъ, имѣющій пламенное воображеніе и желающій распространять синтезы, но неспособный изслѣдовать фактовъ въ ихъ подробностяхъ, тогда какъ онъ вполне можетъ отгадать съ перваго взгляда великіе законы чловѣческаго разума.

Еще замѣчательнѣе тотъ фактъ, что самыя глубокія его психологическія изслѣдованія всего болѣе чужды его собственному характеру. Онъ анализировалъ всѣ злыя и порочныя страсти чловѣка съ удивительнымъ искусствомъ, указывая животный элементъ, сохраняющійся въ преступникахъ. Самъ же онъ лично одинъ изъ самыхъ скромныхъ людей и основой его характера слу-

жить почти дѣтская наивность. По словамъ Ферреро, этого серьезнаго ученаго легко разсердить самыми незначительными обстоятельствами, и когда Ломброзо разсердится, то онъ тонаетъ ногами, какъ дѣти, но при этомъ его очень легко умиротворить. Многие изъ его обычаевъ и вкусовъ— совершенно дѣтскіе. Такъ, онъ обыкновенно держитъ стаканъ не пальцами, а ладонями, чрезвычайно любитъ бѣгать по полямъ и смотрѣть фейерверки. Ломброзо формулировалъ законъ мизонензма, т. е. доказалъ, что человѣкъ по своей природѣ врагъ всѣхъ нововведеній и послѣднія ему кажутся патологическими и неестественными опытами. Однако, при этомъ, Ломброзо наиболѣе преданъ новизнѣ; въ его глазахъ новое въ наукѣ, искусствѣ, промышленности и политикѣ замѣняетъ разумное и красивое. Онъ тотчасъ примѣняетъ механическія новинки, поощряетъ новыя системы леченія и признаетъ новыя литературныя школы. Пятидесяти пяти лѣтъ онъ сдѣлался циклистомъ и послѣдователемъ врачебной системы Кнейпа. Сначала онъ былъ большимъ поклонникомъ Зола, Флобера и Гонкура, а теперь поклоняется Толстому, Ибсену и Вагнеру. Въ политикѣ сначала онъ былъ консерваторомъ и монархистомъ, а теперь онъ почти социалистъ; до послѣднихъ лѣтъ онъ отличался, какъ противникъ спиритуализма, а теперь утверждаетъ, что спиритуализмъ откроетъ безконечные горизонты мысли. Ломброзо никогда не боится признаться, что онъ ошибался, и переменить свои мысли; хотя онъ чрезвычайно преданъ новизнѣ, но хладнокровно увѣряетъ, что человѣкъ по природѣ консервативенъ и имѣетъ право противодѣйствовать всему новому, словно открытіямъ мыслителей суждено противорѣчить человѣку.

«Однимъ словомъ,—оканчиваетъ свой блестящій очеркъ Ферреро,—Ломброзо, какъ человѣкъ и мыслитель, представляетъ самую сложную и интересную личность. Если бы онъ жилъ во дни древнихъ еврейскихъ пророковъ, его имя было бы отнесено къ нимъ; но такъ какъ онъ родился 27 столѣтій спустя, то нессимстическій пророкъ превратился въ философа, ибо въ наше время философія и наука—два величайшія орудія нравственной и социальной реформы. Онъ вступилъ въ міръ съ миссіей справедливости и въ продолженіе сорока пяти лѣтъ осуществляетъ ее съ удивительной ревностью, никогда не уставая отъ оппозиціи или иллюзии. Теперь, въ семьдесятъ пять лѣтъ, одинаково, какъ былъ въ двадцать пять лѣтъ, онъ очень раздражителенъ, вспыльчивъ и страстенъ; его характеру недостаетъ той монументальной торжественности чисто созерцательныхъ умовъ, какъ Спиноза, Гете и Спенсеръ. Точно также и его колоссальный трудъ нуждается въ гармоніи и пропорціональности. Съ другой стороны, Ломброзо не только какъ мыслитель, но и какъ человѣкъ, обнаруживается передъ нами черезъ свои сочиненія болѣе, чѣмъ это дѣлаютъ обыкновенно созерцательные умы,—какъ человѣкъ пламенныхъ страстей, который радуется и печалится отъ того же, отъ чего радуемся и печалимся мы, и который, несмотря на всѣ свои недостатки, глубоко благороденъ и человѣколюбивъ».

— Конецъ статей Куропаткина о русско-японской войнѣ.— Въ декабрьской и январской книжкахъ американскаго журнала «Mc. Clure's

¹⁾ Russia's defeat by Japan. By gen. Kuropatkin. «Mc. Clure's Magazine». Dec. 1908.

Magazine» помѣщены послѣднія главы политико-историческаго труда Куропаткина, и первая изъ нихъ озаглавлена: «Пораженіе Россіи Японіей», а вторая—«Портсмутскій трактатъ». Хотя подлинность этихъ статей ничѣмъ не удостовѣрена, но въ ней наврядъ ли можно усомниться, принявъ во вниманіе, что переводъ труда Куропаткина сдѣланъ серьезнымъ и добросовѣстнымъ писателемъ—Джорджемъ Кеннаномъ, который извѣстенъ своими сочиненіями о Россіи. Обѣ означенныя статьи одинаково интересны и прежде всего Куропаткинъ выясняетъ причины пораженія Россіи Японіей. По его словамъ, главная изъ нихъ заключается въ томъ, что русскіе не были подготовлены къ войнѣ вслѣдствіе недостатка финансовыхъ средствъ, и въ неудовлетворительности флота и путей сообщенія. Японія имѣла дипломатическое преимущество надъ Россіей: трактатъ съ Англіей предоставлялъ Японіи полную свободу дѣйствій, чего не хватало Россіи на западной границѣ. Медленное передвиженіе военныхъ силъ Россіи мѣшало ей ассимилировать резервы съ регулярными войсками. Недостатокъ вѣры въ Бога, по убѣжденію Куропаткина, а также недостаточная преданность царю и отечеству вели къ отсутствію полной дисциплины у солдатъ. Только половина русской арміи находилась на настоящей военной ногѣ, но и ей разрѣшалось уменьшаться, подъ предлогомъ сопровожденія раненыхъ. Русскіе офицеры не умѣли командовать на полѣ брани, и никто изъ нихъ, какъ увѣряетъ Куропаткинъ, не рвался въ бой. Раненые по выздоровленіи сиѣли домой, а не возвращались на поле брани. Наконецъ Куропаткинъ считаетъ, что одной изъ причинъ неуспѣха этой войны была частая перемѣна главнокомандующихъ, которые перемѣнялись три раза въ продолженіе девятнадцати мѣсяцевъ.

Въ послѣдней своей статьѣ¹⁾ Куропаткинъ повторяетъ уже не разъ выраженное имъ мнѣніе, что русская армія одержала бы побѣду въ Манчжуріи, если бы ей дозволено было продолжать войну. Армія въ миллионъ людей, хорошо организованная, привыкшая мало-по-малу къ бою, имѣвшая командирами людей, на которыхъ можно было вполне надѣяться, была совершенно готова, по его словамъ, продолжать войну. «Никогда еще,—говоритъ Куропаткинъ,—Россія не располагала такой могучей силой, какъ во время заключенія Портсмутскаго трактата. Только часть русской арміи до тѣхъ поръ была въ бою, но число умершихъ японцевъ превышало весь строй ея регулярной арміи. Японія начала ослабѣвать нравственно и матеріально: она потеряла множество своихъ офицеровъ и солдатъ. Въ послѣднія сраженія молодые рекруты не могли выказать той силы сопротивленія и пыла, какія выказывали ихъ предшественники. Интересъ къ войнѣ въ нихъ сталъ ослабѣвать, и уже не было рѣчи о прежнемъ страстномъ желаніи одолѣть врага. Европа также стала воздерживаться отъ оказанія Японіи финансовой помощи, такъ какъ не въ интересахъ европейскихъ державъ было дозволить Японіи одержать окончательное торжество надъ Россіей. Одной побѣды со стороны русскихъ войскъ было бы достаточно, чтобы возбудить сильную реакцію какъ въ японской арміи, такъ и во всей Японіи».

¹⁾ Th. Treaty at Portsmouth, by gen. Kuropatkin. «Mc. Clure's Magazine». Januar. 1909.

Переходя къ современному состоянію Россіи, Куропаткинъ настаиваетъ на томъ, что, съ точки зрѣнія цивилизаціи, Россія не должна быть морской державой. Мирныя отношенія между Россіей и Англійей, по убѣжденію Куропаткина, не только естественны, но и желательны, и, въ случаѣ возстанія Индіи противъ Англии, русскіе, конечно, будутъ на ея сторонѣ. Въ будущемъ онъ считаетъ, что въ XX вѣкѣ неизбежна страшная борьба въ Азіи между христіанскими и нехристіанскими расами; поэтому для блага человѣчества Россія должна быть союзницей христіанской Англии противъ нехристіанскихъ національностей Азіи. Японія лихорадочно увеличиваетъ свои военныя силы, а Китай формируетъ громадную армію по японскому образцу. Черезъ очень короткое время Японія и Китай будутъ въ состояніи наводнить Манчжурію арміей въ 1½ милліона человѣкъ. «Если,—говоритъ Куропаткинъ,—эта армія будетъ направлена противъ Россіи, то обѣ азіатскія страны постараются оторвать у Россіи значительную часть Сибири и сдѣлать ее второклассной державой. Всѣ классы русскаго населенія, какъ одинъ человѣкъ, обязаны подготовить себя для своевременной защиты своей родины». Свою послѣднюю статью Куропаткинъ оканчиваетъ слѣдующими словами. «Хотя мы совершенно разбиты и душевно страдаемъ отъ нашихъ потерь и поражений, мы все-таки не придемъ въ отчаяніе; русская мощь еще возстанетъ и русская сила разовьется и увеличится».

— Ломброзо о мессинской катастрофѣ.—Страшная революція стихій, вызвавшая въ Мессинѣ невообразимую катастрофу, память о которой должна запечатлѣться въ умѣ и сердце каждаго, и повергшая не только всю Италію, но и весь культурный міръ въ глубокой трауръ, казалось бы, заставила пережить триста тысячъ человѣкъ въ одинъ часъ цѣлый вѣкъ ужаса и страданій. Однако природа человѣческой души столь загадочна и сложна, что иногда производитъ такіе феномены, которые заставляютъ совершенно измѣнить это мнѣніе. Подобные феномены выясняетъ на страницахъ «Figaro»¹⁾ пзвѣстный итальянскій ученый Чезаре Ломброзо въ сотрудничествѣ съ своей дочерью Паолой, представивъ съ психологической и соціологической точки зрѣнія душевное состояніе пострадавшихъ и спасшихся во время этой катастрофы. Вопросъ, какъ человѣкъ можетъ переносить подобное потрясеніе и, какъ оно отзывается въ его умѣ, потребовалъ немало наблюдательности со стороны Ломброзо и, по обыкновенію, онъ блестяще рѣшилъ свою задачу.

«Подобная катастрофа,—говоритъ онъ,—своего рода камень преткновенія для постиженія, что имѣетъ человѣческая душа вольнаго и невольнаго, непреодолимаго въ своихъ самыхъ глубокихъ, наиболѣе сокровенныхъ изгибахъ и чего никогда не имѣешь случая увидѣть среди обыкновенной рутинѣ жизни». Сужденія нѣкоторыхъ очевидцевъ этой стихійной катастрофы тоже ответственны съ «Адомъ» Данте. Одни изъ нихъ говорятъ: «Я видѣлъ страшный судъ, я видѣлъ кончину міра, такъ какъ увѣренъ, что ковчина міра не можетъ быть иной. Въ то время, какъ во мракѣ я спотыкался на развалинахъ, обра-

¹⁾ L'état d'âme pendant les catastrophes italiennes. Par Cesare et Paolo Lombroso. «Figaro» 13 Janvier 1909.

зовавшихъ горы и пропасти, я видѣлъ, какъ дрожали дома, колыхались этажи, поглощаемые одни другими, разверзались пропасти, раздавался безконечный вой, какъ бы тысячъ зарѣзываемыхъ животныхъ, тогда я думалъ, что именно это и есть царство смерти, какъ оно видится въ кошмарахъ: у меня болѣе не было сознанія, что я живой: я думалъ, что я скончался, что мое сознаніе было именно такимъ, какое бываетъ послѣ смерти». Другой говорилъ: «Это былъ хаосъ: я чувствовалъ, что земля колыхается и дрожитъ; съ минуты на минуту я ожидалъ увидѣть, какъ она разверзнется подъ моими ногами и поглотитъ меня».

Только раненые, и то лишь сильно пострадавшіе, говорятъ о чувствахъ физической боли: паника и ужасъ овладѣли полемъ ощущенія, парализуя чувство физической боли. Люди со сломанными руками, не замѣчая этого, пробѣгали цѣлыя мили. Одна женщина, глазъ которой былъ настолько поврежденъ, что на другой день его пришлось вынуть, утверждала, что она ничего не ощущала. Первый инстинктъ спасшихся былъ—бѣжать, не размышляя и не обсуждая, куда и зачѣмъ. Большинство изъ бѣглецовъ въ однихъ рубашкахъ, босыми ногами ступали по обломкамъ, но не ощущали боли. Ломброзо со своей соотрудицей видятъ въ этомъ движеніи первобытный атавическій импульсъ, когда-то заставлявшій людей бѣжать отъ пожарницъ лѣсовъ или дикихъ звѣрей. Авторы предполагаютъ возможность, что люди, погребенные подъ развалинами, противодѣйствовали этой вынужденной неподвижности, противъ которой возмущались ихъ сердца и мускулы, жаждавшіе движенія.

Проявленіе безумія было громадное, и преобладающей формой являлось бѣшенство. По мнѣнію Ломброзо, эта форма безумія не столь опасна и продолжительна, какъ можно думать. Во многихъ случаяхъ безуміе было неисполненное Провидѣніемъ, такъ какъ оно заглушало сознаніе боли и способность понимать несчастіе. Одинъ эпизодъ коллективной нѣмоты былъ особенно поразителенъ: въ моментъ катастрофы триста рабочихъ, готовившихся войти на фабрику, остались на улицѣ и чудомъ спаслись, но они такъ обезумѣли, что, когда директоръ хотѣлъ произвести перекличку, то никто изъ нихъ не могъ назвать своего имени—они не могли его произнести. Инстинктъ самосохраненія проявился въ чрезвычайно замѣчательныхъ фактахъ. Многие чудомъ спаслись, лишь благодаря тому, что при первомъ сотрясеніи бросились къ окнамъ и балконамъ, вдѣланнымъ въ болѣе толстыя капитальныя стѣны фасада, долѣе державшіяся, тогда какъ остальные части зданія рупились. Нѣкоторыя женщины и дѣти оставались по три дня на подоконникахъ третьяго и четвертаго этажей, нѣмая вокругъ себя со всѣхъ сторонъ пропасти, а между тѣмъ не давали ни холоду, ни головокруженію, ни усталости, ни сну себя побѣдить, что было бы для нихъ роковымъ. Ломброзо въ подтвержденіе силы инстинкта самосохраненія приводитъ слова двухъ знаменитыхъ альпинистовъ, которые утверждали, что головокруженіе, которому подвержены многіе въ горахъ, скорѣе тягостно, чѣмъ опасно, такъ какъ чувство самосохраненія въ человѣкѣ господствуетъ надъ головокруженіемъ. «Инстинктъ жизни,—говоритъ Ломброзо,— настолько могущественнѣе боли, что у одного человѣка ногу удерживала упавшая на нее полоса желѣза, изъ-подъ которой ее нельзя было

освободить, и онъ умолялъ ампутировать се. Полузасыпанные, раненые, терроризованные, голодные люди проявляли инстинктивное сопротивление смерти въ поразительныхъ фактахъ.

Болѣе всѣхъ сопротивлялись смерти дѣти, и это сопротивление было не только характеристичное при глубокомъ обморокѣ, доказанное физиологами, но также по несознанію опасности и страха, которые, конечно, если бы ихъ пѣнытывали эти люди, должны были бы убить большинство даже спасшихся счастливецъ. Напримѣръ, какую-то четырехлѣтнюю дѣвочку нашли совершенно одну. Она была очень спокойна, хотя и оставалась четыре дня одинокой и безъ пищи; на вопросъ, что она это время дѣлала, дѣвочка отвѣтила: «Спала, ожидая папу». Грое другихъ дѣтей, семи, пяти и трехъ лѣтъ, были извлечены послѣ трехдневнаго пребыванія въ погребѣ, куда они упали. Тамъ они нашли ацельсины, хлѣбъ и сахаръ и спокойно ожидали, что кто-нибудь ихъ оттуда извлечетъ. «По всей вѣроятности, — говоритъ Ломброзо, — они не сознавали ни времени ни опасности. Это предположеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что одинъ мужчина нѣсколько дней былъ засыпанъ обломками и думалъ, что прошло только нѣсколько часовъ. Это бываетъ, по словамъ Ломброзо, не только потому, что идея о времени теряется первая, когда нѣтъ никакой точки соприкосновенія съ послѣдовательными событіями, но также потому, что въ нѣкоторыхъ личностяхъ появляется нѣчто въ родѣ ниспосланнаго Провидѣніемъ предохранительнаго приспособленія: человекъ впадаетъ въ состояніе, сходное съ летаргіей, и въ это время обмѣнъ матеріи какъ бы замедляется. Такого рода кома, встрѣчавшаяся во многихъ случаяхъ въ Мессинѣ и Реджіо, можетъ быть объяснена той слабостью сердца и дыханія, которая всегда слѣдуетъ за сильными возбужденіями, вызванными страхомъ и болью. Если такое состояніе продолжается, то оно переходитъ въ летаргію, ниспосланную Провидѣніемъ, которая замедляетъ обмѣнъ веществъ и оберегаетъ такого субъекта отъ чрезмѣрнаго страха, вызываемаго ужасомъ происходящаго. Это явленіе, противоположное тому, которое заставляетъ людей бросаться въ бѣгство, — противорѣчіе, всегда встрѣчающееся въ наибольшихъ феноменахъ человѣческой натуры.

Что касается до проявленія привязанности и моральнаго чувства, то эта катастрофа въ первомъ и второмъ случаѣ дала немало крайностей, какъ будто, по выраженію Ломброзо, «человѣческая натура хотѣла показать все, что въ ней скрывается самаго возвышеннаго и самаго дикаго». Въ этой отчаянной борьбѣ за жизнь встрѣчались эпизоды, невообразимые по своей грубости и дикости. Напримѣръ, одинъ старикъ убилъ ребенка, чтобы захватить себѣ веревку и спастись вмѣсто него. Та же дикая борьба происходила при раздачѣ хлѣба: мужчины отталкивали женщинъ и дѣтей и вырывали изъ ихъ рукъ несчастные маленькіе кусочки: толпа такъ буйствовала, что раздавателю хлѣба сломали руки. Нечего говорить уже о грабежахъ. Однако въ то же время были и трогательныя сцены: матери думали не о себѣ, а о своихъ дѣтяхъ! Сотни матерей умерли, держа на рукахъ своихъ дѣтей.

Несчастныхъ одолѣвала жажда, увеличивавшаяся отъ пыли, и нѣкоторыя матери смачивали губы дѣтей своимъ слюнами, разжевывали хлѣбъ и клали

имъ въ ротъ, хотя сами были истощены голодомъ, длившимся нѣсколько дней. Одинъ отецъ, спасшій жену и тропхъ дѣтей, не имѣя возможности спасти четвертаго, рѣшился скорѣе умереть съ нимъ, чѣмъ оставить погибать его одинокимъ. Въ этомъ случаѣ отцовская любовь такъ глубоко укоренилась въ человѣкѣ, что побѣдила инстинктъ личнаго самосохраненія. Но наиболѣе замѣчательнымъ свидѣтельствомъ того, изъ какого чистаго металла выкована человѣческая душа, говорятъ Ломброзо, служатъ многочисленные случаи, когда люди безъ всякой другой причины, какъ только изъ жалости, бросались въ опасность, отважно пренебрегая смертью. Одна молодая семнадцатилѣтняя дѣвушка, оставшаяся подъ развалинами десять часовъ, раненая, едва только освобожденная, отчаянно работая, спасла восемь человѣкъ.

Одинъ калѣка съ деревянной ногой, какимъ-то чудомъ оставшійся въ живыхъ, одинъ освободилъ цѣлую семью, неутомимо работая на своей деревянной ногѣ. Всѣ эти факты, говорятъ Ломброзо, въ сравненіи съ тѣми, которые случались въ подобныхъ случаяхъ въ прежнія времена, повидимому, указываютъ на эволюцію въ моральномъ прогрессѣ, и для психолога и социолога въ этой катастрофѣ есть чудно-успокоительное зрѣлище будущаго нашей расы. Папа, короли, турки, японцы, народы, индивидуумы, богатые и бѣдные, — всѣ отозвались на это горе; даже каторжанки, эти общественные отбросы, просили разрѣшенія послать несчастнымъ свою ленту «И группа бѣдныхъ русскихъ мужиковъ», — заканчиваютъ Ломброзо свою статью, — затерявшихся въ стенахъ, прислали 21 р. Ихъ бѣдныя, но основательно прикрѣпленные къ землѣ деревни, не знаютъ ужаса землетрясенія; они живутъ въ иномъ климатѣ, говорятъ на другомъ языкѣ, и однако для нихъ достаточно было услышать о далекомъ народѣ, жестоко пораженномъ, и только ради тѣхъ священныхъ узъ, которыя создаетъ горе, они захотѣли предложить намъ свою помощь».

— Переворотъ въ Небесной имперіи. — Еще въ началѣ ноября умерли почти одновременно или, какъ говорятъ китайцы, поднялись на драконахъ въ небо, въ гости, номинальный императоръ Гуань-Сюй и дѣйствительная правительница Небесной имперіи Цзу-Си, но до сихъ поръ иностранные газеты и журналы полны статьями, очерками и биографическими свѣдѣніями объ этихъ двухъ личностяхъ, которыя въ продолженіе многихъ лѣтъ стояли во главѣ самой многочисленной изъ человѣческихъ расъ. Всего любопытнѣе и основательнѣе статья въ «Nineteenth Century» сэра Генри Блека, озаглавленная: «Покойная китайская императрица» и два очерка въ «Hebdo Débats»: Роберта Кэ — «Смерть императора Гуань-Сюй»¹⁾, и Фернанда Фарженеля: — «Кончина китайскихъ государей»²⁾.

Покойный императоръ собственно назывался Цзай-Тянь, но, согласно китайскому обычаю, при воцареніи онъ долженъ былъ принять другое имя, именно Гуань-Сюй, что означаетъ «продолженіе великолѣпія», и обозначаетъ

¹⁾ La mort de l'empereur Kouang Siu. Par Robert de Caix. «Hebdo-Débats» 18 Decembre 1908.

²⁾ La mort des souverains chinois. Par Fernand Farjanel «Hebdo-Débats» 20 Novembre 1908.

эру его царствованія, а послѣ смерти — третье, еще пока неизвѣстное. Эпоха же его правленія будетъ называться гуанъ-сюй. Онъ родился въ 1872 г. и былъ сыномъ принца Чунъ-Чинъ-Вана, брата покойнаго императора Сянъ-Фына, умершаго въ 1861 г., наслѣдникомъ котораго былъ до 1875 г. его сынъ Туинъ-Чи. Послѣ смерти послѣдняго, по обычаю китайскаго императорскаго дома, въ императоры былъ избранъ малолѣтній Цзай-Тянь. Сначала къ юному императору были назначены двѣ регентши, его мать Цзп-Ань и тетка, мать предыдущаго императора, пресловутая Цзы-Си, уже бывшая правительницею во время царствованія своего умершаго сына.

Эта умная, способная, властная, необыкновенно хитрая и самолюбивая женщина, самая злѣйшая ненавистница европейцевъ и всѣхъ культурныхъ новшествъ, настолько важную роль играла въ Китаѣ, не только во время малолѣтства императора, но и до самой его смерти, что совершенно его обезличивала. Поэтому біографія ихъ обоихъ почти тождественна и сливается какъ бы въ одну. Цзы-Си родилась въ 1834 г. и, по однимъ свѣдѣніямъ, она была дочерью манчжура Ни, кантонскаго кушца, а по другимъ, въ томъ числѣ Влека, дочерью татарскаго генерала, оставившаго послѣ смерти свою семью въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Съ самаго дѣтства ея жизнь отличалась драматичностью и въ то же время была полна интригъ, которыя способствовали Цзы-Си быстро взбираться по іерархической лѣстницѣ и захватывать все въ свои властныя руки. Уже одно то, что она поднялась до роли повелительницы такой многочисленной расы, говорить за ея необыкновенный умъ. Во время похоронъ ея отца начальникъ провинціи, гдѣ происходила печальная церемонія, послалъ по ошибкѣ ея матери подарокъ, предназначенный другому лицу. Узнавъ объ этомъ недоразумѣніи, онъ изъ любезности не только рѣшился не требовать его обратно, но даже прибавилъ второй. Въ благодарность за это вдова татарскаго генерала, согласно китайскому обычаю, предложила ему усыновить свою младшую дочь Іехоналу. Онъ на это согласился, и дѣвочка оставалась у него до шестнадцати лѣтъ, когда ее представили въ Пекинъ на императорскій смотръ молодыхъ дѣвушекъ, предназначенныхъ для пополненія императорскаго серала и находившихся подъ руководствомъ императрицы. Время отъ времени, рассказываетъ Влекъ, императоръ посѣщалъ помѣщеніе, гдѣ онъ находился, и выбиралъ себѣ конкубинку, которая ему нравилась. Когда императоръ Сянъ-Фынъ посѣтилъ это учрежденіе, то его выборъ палъ, между прочимъ, на Іехоналу, которая, получивъ новое назначеніе, перемѣнила свое имя Іехонала на Цзы-Си. Подаривъ ему сына, Цзы-Си, благодаря тому обстоятельству, что законная императрица не имѣла дѣтей, была возведена въ званіе императрицы. По смерти императора ея сынъ сдѣлался въ свою очередь императоромъ, но процарствовалъ, и то лишь номинально, только до 19 лѣтъ, когда скончался. Ему наслѣдовалъ императоръ Гуанъ-Сюй, но регентшей все-таки оставалась мать покойнаго императора съ другой законной императрицей, послѣ смерти которой она стала виолѣтъ управлять Небесной имперіей. Ея полный титулъ былъ очень длинный: Цы-Си-Дуанъ-Ю-Канъ-И-Чао-Юй-Чжуанъ-Чэнь-Шфу-Гунъ-Цинъ-Сянъ-Чунъ-Си; каждая десятка лѣтъ онъ увеличивался на два іероглифа, а вмѣстѣ съ нимъ и получаемое ею содержаніе.

По словамъ сэра Генри Блека, эта замѣчательная женщина обладала удивительной чарующей силой, что признается всѣми знавшими ее. По временамъ она поражала всѣхъ своей жизнерадостностью и веселостью, но были моменты, когда она обращалась съ императоромъ очень несправедливо. Вообще она была женщиной жестокой, неукротимой, мстительной, хотя по временамъ становилась и нѣжной. Около пятидесяти лѣтъ Цзы-Си всѣхъ удивляла своей любовью, страхомъ и ненавистью. Сдѣлавшись пріемной матерью молодого императора, она воспитывала его среди жевщицъ придворнаго гарема и, наконецъ, 26 февраля 1889 г. женила его на дочери своего брата. Въ томъ же году, 4 марта, онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и сталъ царствовать номинально; но такъ какъ онъ былъ въ продолженіе всей своей жизни слабъ физически и нравственно, то его тетка всегда управляла всѣми государственными дѣлами. Только въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ въ 1898 г. онъ выказалъ либеральныя стремленія и хотѣлъ ввести въ странѣ реформы, подъ влияніемъ европейской и японской культуръ. Даже сама вдовствующая императрица сначала согласилась на уступки духу времени, и Гуанъ-Сюй пригласилъ къ себѣ помощникомъ Юанъ-Ши-Кая, который началъ развивать хи-мерическія идеи прогресса; но вскорѣ онъ нашель, что ему гораздо выгоднѣе служить не слабому, неспособному императору, а энергичной интриганкѣ Цзы-Си—и перешель на ея сторону. Вскорѣ она была снова провозглашена всемогущей правительницею.

Цзы-Си управляла Небесной имперіей при двухъ императорахъ, всего срокъ пять лѣтъ. Даже во внѣшнемъ отношеніи она пользовалась символами власти и всегда сидѣла на тронѣ, какъ самодержавный государь, а императоры послѣдовательно занимали рядомъ съ нею табуретъ. Во время ея долгаго управленія страной много несчастныхъ обстоятельствъ произошло въ Китаѣ; Цзы-Си пришлось пережить китайско-японскую войну, пораженіе своихъ войскъ, занятіе Германіей Шантунга, англичанами Вей-Ха-Вей, русскими Портъ-Артура и французами Куангъ-Су, возстаніе боксеровъ, военное вѣшателство въ китайскія дѣла европейскихъ державъ и увеличеніе могущества Японіи. Относительно же внутреннихъ дѣлъ государства Цзы-Си по временамъ соглашалась на реформы, которыя вскорѣ отмѣняла. Такимъ образомъ Китай по-прежнему оставался до послѣдняго времени политическимъ сфинксомъ, и китайская Клеопатра, какъ прозвали могущественную императрицу, преимущественно держалась самаго упornaго консерватизма и государственнаго мракобѣсія. Что касается внутренней жизни императора, то онъ наслаждался съ конкубинками, доставляемыми ему во множествѣ теткой и, благодаря этому, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ влачилъ жалкое существованіе полумирающаго, страдая различными недугами и, между прочимъ, Брайтовой болѣзью. Послѣднюю облегчить операціей не допускали китайскія религіозныя традиціи, и тридцатилѣтній императоръ скончался въ жестокихъ страданіяхъ, процарствовалъ девятнадцать лѣтъ, съ 1889 г., т. е. со дня, когда его провозгласили совершеннолѣтнимъ. Черезъ двадцать четыре часа послѣдовала за нимъ въ могилу и престарѣлая вдовствующая императрица, которой уже было семьдесятъ четыре года. Императоръ умеръ бездѣтнымъ,

а потому, согласно китайскимъ обычаямъ, онъ будетъ лишенъ посмертныхъ приношеній, что по-китайски считается самымъ большимъ несчастьемъ для человѣка, такъ какъ онъ будетъ какъ бы выключенъ изъ линіи императоровъ.

За нѣсколько времени до своей смерти китайская Клеопатра назначила наслѣдникомъ престола племянника покойнаго императора Пу-и, которому всего два года. Его отецъ, дядя Гуань-Сюя, опредѣленъ регентомъ, и въ этомъ отношеніи Цзы-Си осталась совершенно вѣрна себѣ, такъ какъ выбранный ею регентъ, человѣкъ лѣтъ тридцати, Чунь-Цинъ-Ванъ, самый ярый консерваторъ и хотя получилъ основательное образованіе, но заклятый врагъ европейцевъ. Такимъ образомъ передъ смертью она скинула маску лицемѣрнаго дружелюбія къ бѣлой расѣ. Его жена и мать императора, получившая теперь званіе императрицы, очень незначительная и несамостоятельная особа, а, напротивъ, теща регента чрезвычайно энергичная и рѣшительная женщина, близкая пріятельница покойной китайской Клеопатры.

— Юбилеи въ Англіи и въ Италіи. Хотя уже давно англичане начали торжественное чествованіе трехсотлѣтія Мильтона, но собственно оно совершилось лишь 9 декабря прошедшаго года. Главныя празднества продолжались три дня въ Лондонѣ, и затѣмъ уже тянулся цѣлый рядъ второстепенныхъ ликованій въ различныхъ городахъ Англіи. Прежде всего 8 декабря питергаузскій ректоръ произнесъ ученую, блестящую рѣчь о жизни и сочиненіяхъ Мильтона, а затѣмъ сэръ Фредерикъ Бриджъ прочелъ интересную лекцію о «Комусѣ» Мильтона и о его музыкѣ, причемъ хоръ Вестминстерскаго аббатства исполнилъ вокальную часть этого произведенія великаго поэта. На другой день приходился самый юбилей, и по этому случаю отслужена была въ церкви св. Маріи въ Чинсайдѣ парадная обѣдня. Епископъ рипонскій произнесъ проповѣдь, главнымъ образомъ славословившую Мильтона, а вечеромъ лордъ-мэръ устроилъ раутъ, на которомъ итальянскій и американскій посланники, а также извѣстные литераторы произнесли блестящія рѣчи относительно юбилея и его значенія. На третій день была представлена пьеса Мильтона «Samson agonistes», и въ продолженіе всѣхъ этихъ торжествъ была открыта выставка мильтоновскихъ рукописей и старинныхъ изданій его сочиненій. Наконецъ, королевское общество литературы организовало цѣлый рядъ лекцій о главныхъ моментахъ жизни Мильтона и его литературныхъ трудахъ.

За нѣсколько дней до празднованія этого трехсотлѣтія въ Лондонѣ происходило другое торжество, но уже не литературное, а политическое. Въ концѣ ноября мѣсяца исполнилось двѣсти лѣтъ отъ рожденія старшаго Питта, лорда Чатама. Всѣ любители англійской исторіи, конечно, вспомнили эту годовщину, и по случаю ея были открыты двѣ замѣчательныя выставки въ Британскомъ музеѣ и англійскомъ государственномъ архивѣ. То и другое учрежденіе, какъ нельзя болѣе, способно представить богатѣйшее собраніе рукописныхъ и печатныхъ матеріаловъ, служащихъ полнѣйшей иллюстраціей общественной и частной жизни лорда Чатама и его сына, Вильяма Питта. Королевское историческое общество не преминуло оказать свое содѣйствіе, чтобы достойно отпраздновать юбилей. Среди многочисленныхъ юбилейныхъ рѣчей болѣе всего обратила на себя вниманіе рѣчь извѣстнаго историка и позитиви-

ста Фредерика Гаррисона. Это была одна из самых блестящих рѣчей, когда-либо имъ произнесенныхъ. Какъ онъ, такъ и многіе другіе выдающіеся историки, напримѣръ, Протеро, сэръ Фредерикъ Поллокъ, сэръ Генри Говартъ и др. краснорѣчиво выставили заслуги передъ Англіей великаго министра.

1 января 1909 г. вся Италия праздновала восьмидесятилѣтній юбилей первого своего и, по всей вѣроятности, всесвѣтнаго актера — Томазо Сальвини. Совершенно кстаги недавно вышли двѣ его біографіи на итальянскомъ языкѣ, Джуоро и Пиччини. Книга второго наполнена любопытными анекдотами изъ жизни великаго артиста, напротивъ, первый даетъ блестящую характеристику его жизни, какъ художника, такъ и человѣка. Сальвини родился въ 1829 г. и происходилъ изъ семейства, преданнаго сценѣ. Его мать была актриса, а дядя директоромъ странствующей труппы. Что же касается его отца, то онъ былъ учителемъ чистописанія, а его предки принадлежали къ семейству военныхъ. Самъ же Сальвини съ дѣтства не обнаруживалъ особой любви и способности къ сценѣ, хотя постоянно вертѣлся вокругъ нея. Впрочемъ, однажды онъ неожиданно долженъ былъ явиться предъ публикой въ роли Арлекина въ пьесѣ Гольдони «Любопытная женщина» и, несмотря на свой страхъ, имѣлъ большой успѣхъ. Съ тѣхъ поръ онъ совершенно измѣнился и потерялъ свою робость и нелюбовь къ театру. Въ этомъ отношеніи ему болѣе всего помогъ итальянскій актеръ Густаво Модена, который приучилъ его къ сценическому искусству, разыгрывая болѣе или менѣе важныя роли вмѣстѣ съ нимъ, и мало-по-малу онъ достигъ большой славы и сдѣлался первостепеннымъ актеромъ.

Въ 1856 г. Виченцо Сальвини дебютировалъ въ «Отелло», сдѣлавшейся его коронной ролью. Онъ съ необычайнымъ успѣхомъ игралъ ее почти во всѣхъ извѣстныхъ городахъ Европы и Америки. Особеннымъ триумфомъ пользовался его «Отелло» въ Италиі, Парижѣ, Петербургѣ, городахъ Южной Америки и т. д. Лучшаго исполненія этой роли невозможно себѣ представить, и пишущій эти строки пришелъ въ такой восторгъ отъ Отелло-Сальвини, что, не желая испортить себѣ впечатлѣнія, рѣшился не смотрѣть его на сценѣ въ другихъ роляхъ. Триумфъ Сальвини въ Отелло былъ такъ колоссаленъ повсюду, что съ нимъ связано много анекдотовъ. Напримѣръ, въ Парижѣ въ началѣ своихъ представленій Сальвини не имѣлъ большого успѣха. Парижанамъ не понравилась старинная пьеса Вольтера «Заира», а затѣмъ еще менѣе сочувственно они отнеслись въ драмѣ Альфіери «Саулъ», потому что этотъ итальянскій авторъ написалъ чрезвычайно неодобрительную для Франціи драму «Misogallo». Тогда извѣстный актеръ театра «Французской Комедіи» Бертонъ посоветовалъ Сальвини сыграть «Отелло», и его триумфъ былъ громадный. Еще замѣчательнѣе былъ успѣхъ «Отелло» въ Лондонѣ, гдѣ въ то время пользовался громадной славой Ирвингъ въ «Гамлетѣ»; Сальвини не осмѣлился начать свои представленія въ этой опасной роли, а поставилъ сразу «Отелло», который до того свелъ съ ума всѣхъ англичанъ, что давался тридцать два раза сряду. Патти, тогда бывшая въ зенитѣ своей славы, сказала Сальвини, что его успѣхи возбуждаютъ въ ней ревность. Еще замѣчательнѣе было то обстоятельство, что къ Сальвини обратились сто пятьдесятъ англійскихъ акте-

ровъ съ просьбой сыграть для нихъ «Отелло» днемъ, такъ какъ по вечерамъ они заняты въ своихъ театрахъ. Сальвини на это согласился, и послѣ представленія, на которомъ присутствовало до 500 человекъ, его торжественно проводили до его дома, усыпая путь цвѣтами. Самымъ же замѣчательнымъ событіемъ относительно игры Сальвини въ «Отелло» было эпизодъ въ Катаньи, когда послѣ представленія «Отелло» одинъ судья пришелъ въ такую ярость, что, подъ впечатлѣніемъ игры Сальвини, убилъ свою невѣрную жену.

Вообще Сальвини игралъ весь репертуаръ современныхъ трагическихъ актеровъ и удостоенъ всюду званія величайшаго трагика всего міра. Зола чрезвычайно мѣтко оцѣнилъ его неподдѣльное искусство, говоря: «Я не видѣлъ, чтобы кто-нибудь такъ умиралъ на сценѣ: Сальвини изображаетъ послѣднія минуты умирающаго съ такой правдивостью, что невольно приходишь въ ужасъ». Послѣдній разъ Сальвини игралъ въ 1903 г. по случаю столѣтія Альфіери, и съ тѣхъ поръ онъ живетъ во Флоренціи въ самой богатой и роскошной обстановкѣ. Его пламенный поклонникъ, нѣкто Кларкъ, одинъ изъ компаньоновъ торговой фирмы швейныхъ машинъ Зингеръ, предложилъ городу Флоренціи воздвигнуть на свой счетъ памятникъ знаменитому трагику еще при его жизни, но самъ Сальвини отказался отъ этой чести. Что же касается до флорентинскаго муниципалитета, то онъ считалъ болѣе подходящимъ на пожертвованныя деньги устроить въ публичной библиотекѣ этого города залу Сальвини для драматическихъ произведеній, но Кларкъ былъ такъ обиженъ первымъ отказомъ, что отвергнулъ второе предложеніе.

— Смерть Альбера Годри, Эрнеста Рейэ, Альбера Мэра, Джона Башфорда, Томаса Макки, профессора Шабаца, Рихарда Пишеля и Эрнста Вильденбруха.—Въ концѣ декабря умеръ въ Парижѣ восьмидесятилѣтній Альберъ Годри, извѣстный всему ученому міру, какъ основатель современной палеонтологіи. Кювье первый возымѣлъ мысль объ этой наукѣ, трактующей о живыхъ существахъ, населявшихъ вселенную въ сѣдой древности; Годри же превратилъ ее въ изученіе окаменѣлостей, какъ индивидуумовъ. Въ пятидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія онъ былъ посланъ французскимъ правительствомъ въ Грецію и привезъ оттуда нѣсколько тысячъ окаменѣлыхъ костей. Плодомъ этихъ открытій была книга «*Les animaux fossiles et la géologie de l'Attique*», которая послужила важной эпохой въ исторіи палеонтологіи. Затѣмъ онъ изслѣдовалъ научнымъ способомъ окаменѣлыхъ животныхъ, найденныхъ въ Воклюзскомъ департаментѣ, и опять написалъ книгу «*Enchainements du monde animal*». Подъ старость лѣтъ онъ издалъ «*Essai de Paléontologie philosophique*», въ которой изложилъ великія задачи палеонтологіи съ философской точки зрѣнія. Онъ занималъ свою кафедру въ Музеумѣ до 1904 г., когда передалъ ее профессору Булю, который теперь занятъ изслѣдованіемъ недавнихъ палеонтологическихъ открытій.

Скончавшійся 15 января настоящаго года въ Леванду, скромномъ уголкѣ Прованса, Эрнестъ Рейэ былъ извѣстный композиторъ и одинъ изъ передовыхъ представителей французской музыки. Онъ родился въ Марселѣ 1 декабря 1823 года и только двадцати пяти лѣтъ почувствовалъ непреодолимое влеченіе къ музыкѣ, которой до тѣхъ поръ занимался лишь въ качествѣ любителя.

Перебравшись въ Парижъ, онъ поручилъ своей теткѣ, г-жѣ Фаренгъ, профессору консерваторіи, заняться его музыкальнымъ образованіемъ. Первымъ его значительнымъ произведеніемъ была «Le salam»—симфонія въ восточномъ вкусѣ, которая имѣла успѣхъ. Потомъ онъ занялся оперой и началъ съ того, что написалъ маленькую комическую оперу «Maitre Volfram», которая понравилась парижанамъ. Слѣдовавшій затѣмъ балетъ «Sakountala» и оперы «La Statue» и «Erostrate» имѣли сомнительный успѣхъ, благодаря неудовлетворительной обстановкѣ и такому же исполненію. Наконецъ Рейѣ добился совершеннаго торжества двумя своими операми: «Sigourd» и «Salammbô». Кромѣ этихъ выдающихся произведеній французской драматической музыки, Рейѣ сочинилъ еще нѣсколько концертныхъ пьесъ и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ музыкальные фельетоны въ «Journal des Débats» и въ другихъ парижскихъ журналахъ.

16 января въ Парижѣ застрѣлился одинъ изъ послѣднихъ поэтовъ, такъ называемыхъ «парнасцевъ»—Альберъ Мэра. Причина его самоубійства достоверно неизвѣстна, но ее приписываютъ неврастенію. Мэра было семьдесятъ лѣтъ и онъ занималъ мѣсто помощника бібліотекаря въ Люксембургскомъ дворцѣ, но всю жизнь посвящалъ поэзіи, полной любви и страсти. Около двадцати томовъ его стиховъ обращали на него общее вниманіе, но всего болѣе успѣха имѣли: «L'idôle», «Les souvenirs», «Les poèmes de Paris» и «Les joies de l'heure».

Англія лишилась въ концѣ декабря двухъ замѣчательныхъ писателей и журналистовъ—Джона Башфорда и Томаса Макки. Первый воспитывался въ кембриджскомъ университетѣ и въ теченіе восьми лѣтъ былъ лекторомъ англійскаго языка въ берлинскомъ университетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занималъ видное мѣсто берлинскаго корреспондента въ «Westminster Gazette» и «Daily Telegraph».

Второй умеръ въ Эдинбургѣ на семьдесятъ восьмомъ году жизни и былъ близкимъ другомъ Карлейля. Онъ интересовался университетскою реформой и былъ членомъ совѣта эдинбургскаго университета. Въ числѣ написанныхъ имъ книгъ обратили на себя вниманіе: «Lyrics and sonnets» и «Sommer gambles».

Въ январскомъ некрологѣ замѣчательны имена двухъ индостанскихъ писателей. Въ Калькуттѣ умеръ Магометъ Гафаръ, болѣе извѣстный подъ именемъ профессора Шабаца,—просвѣщенная опора образованія въ Индіи. Подъ его редакціей издавался мѣстный журналъ «Даруль-Сультануть», и онъ былъ авторомъ нѣсколькихъ ученыхъ трудовъ. Въ послѣдніе годы Шабацъ писалъ обширную біографію Амира-Кушро, поэта-философа въ Дѣли, но не успѣлъ ее окончить. Одно время онъ занималъ мѣсто директора общественнаго образованія въ Бопалѣ.

Другой умершій въ Мадрасѣ санскритскій ученый, профессоръ Рихардъ Пинель, былъ нѣмецъ, родившійся въ Бреславлѣ въ 1849 г. Онъ учился въ университетахъ своего роднаго города и Берлина, а затѣмъ долгое время провель въ Оксфордѣ и Лондонѣ. Въ 1875 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ санскритскаго языка въ Римѣ, а потомъ перешелъ сначала въ Галле, а по-

томъ въ Берлинъ. Онъ умеръ по дорогѣ въ Калькутту, куда былъ приглашенъ для чтенія лекцій. Вообще, Пипель славился своимъ знаніемъ санскритскаго языка и ведическихъ текстовъ; изданная имъ грамматика пракритскаго нарѣчія считается его главнымъ трудомъ.

Въ срединѣ января въ Берлинѣ скончался Эрнстъ Вильденбрухъ, германскій поэтъ, романистъ и драматургъ. Онъ родился въ 1845 г. въ Бейрутѣ, гдѣ его отецъ былъ консуломъ. Сначала писатель поступилъ на военную службу, но потомъ перемѣнилъ ее на дипломатическую, перейдя въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ его отецъ, бывшій прежде посланникомъ въ Афинахъ, а потомъ въ Константинополѣ, имѣлъ большое вліяніе. Но вскорѣ Вильденбрухъ предался литературѣ и, какъ сатирическій поэтъ, написалъ: «Филологъ на Парнасъ», какъ лирическій — «Поэзію и баллады», а какъ эпическій — «Седанъ», но наиболѣе онъ прославился какъ драматургъ, хотя его пьесы много портятъ излишній романтизмъ и слишкомъ витіеватый слогъ. Его лучшей пьесой считается «Жена Равенштейна», которая переведена на французскій языкъ и будетъ представлена на сценѣ театра Сарры Бернаръ. Еще слѣдуетъ замѣтить, что онъ родственникъ Гогенцоллерновъ, съ лѣвой руки.

С М Ъ С Ь.

ОРЖЕСТВЕННОЕ собраніе императорской академіи наукъ. Въ большомъ, украшенномъ бюстомъ Петра Великаго конференцъ-залѣ, въ присутствіи августѣйшаго президента, 29 декабря, въ часъ дня, состоялось торжественное годовое собраніе академіи наукъ. Непремѣннымъ секретаремъ академикомъ С. Θ. Ольденбургомъ былъ прочитанъ отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ академіи. Прежде всего была помянута память скончавшихся въ нынѣшнемъ году: академикомъ бар. Розена, Дашкевича и Шмидта, почетнаго члена академіи великаго князя Алексѣя Александровича и членовъ-корреспондентовъ: математика Вороного, химиковъ Струве и Густавсона, зоолога Кеппена, слависта Будиловича, политико-эконома Чушрова, историка Антоновича, и изъ иностранцевъ: Линдевефа, Голля, Маскара и др. Изъ обзора жизни академіи видно, что направленіе ея трудовъ выразилось въ стремленіи къ объединенію научной работы и къ проведенію въ жизнь тѣхъ научныхъ предпріятій, которыя нуждаются въ совмѣстной работѣ специалистовъ. Библиотека академіи разрослась до того, что не далеко то время, когда ее придется закрыть для пользованія читающихъ, если не будетъ безотлагательно приступлено къ постройкѣ новаго помѣщенія и расширенію штата служащихъ. Сюда поступила въ даръ библиотека покойнаго К. А. Скальковского. Особенное оживленіе замѣтно въ славянскомъ отдѣлѣ библиотеки, гдѣ, благодаря усилившимся сношеніямъ съ славянскими землями и установленію постоянного обмѣна изданіями, увеличеніе дошло до пяти тысячъ номеровъ слишкомъ въ годъ. Физическій кабинетъ былъ занятъ главнымъ образомъ работами, имѣющими отношеніе къ дѣлу сейсмическихъ наблюденій, о значеніи которыхъ такъ ужасно напомнило міру страш-

ное землетрясеніе въ Италіи. Пулковская сейсмическая станція, тѣсно связанная съ физическимъ кабинетомъ, дала богатый матеріалъ для изученія хода этого землетрясенія. Въ геологической музей поступаетъ значительное собраніе ископаемыхъ, добытое проф. В. П. Амаліцкимъ на Сѣверной Двинѣ. Собраніе это признано единственнымъ въ своемъ родѣ. Прочія ученія учрежденія академіи работали и пополнялись въ теченіе всего года интенсивно. Академіей обрабатывается новый бюджетъ ея въ соотвѣтствіи съ переданными ей черезъ министерство народнаго просвѣщенія пожеланіями госуд. думы. Академическую бібліотеку и музеи посѣтила коммиссія изъ членовъ думы. Капиталь по преміямъ возросъ до суммы свыше полутора миліона рублей. Образованъ капиталъ имени академика Ф. В. Шмидта на ученія работы по геологіи Сибири и Прибалтійскаго края. По духовному завѣщанію гр. Н. А. Протасова-Бахметева академіи завѣщаны 50 тысячъ рублей на премію за лучшее жизнеописаніе императора Александра III и императрицы Маріи Ѳеодоровны и 20 тысячъ рублей на премію за такое же жизнеописаніе ген.-ад. Н. А. Протасова, бывшаго оберъ-прокурора св. синода. Изъ штормовыхъ предостереженій, посланныхъ Николаевской физической обсерваторіей, удачныхъ оказалось $74\frac{1}{2}\%$ для Балтійскаго и Бѣлаго морей и $79\frac{1}{2}\%$ для Чернаго съ Азовскимъ; общія предсказанія дали 80% удачныхъ. Число телеграммъ со спеціальными предсказаніями погоды достигло 5,100. Коммиссія по вопросамъ международнаго союза академій соберется къ празднику будущей Троицы въ Римѣ. Въ распоряженіи академической коммиссіи по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ Петербургѣ находится 123,898 руб. на сооруженіе памятника-статуи и 366 руб. на сооруженіе Пушкинскаго дома. Были прочитаны отчеты по присужденіямъ слѣдующихъ премій: 1) Академика Ѳ. Ѳ. Брандта въ 500 руб. была присуждена А. С. Щепотьеву за сочиненіе: «Pterobranchia. Organizaція Rhabdopleura normanni Allman и Cephalodiscus dodecalophus M'Int». Съ 30 таблицами. Спб. 1907. 2) Жены академика Анны Бредихиной (астрономическая премія) въ 1,142 р. 74 к. присуждена Р. О. Егерману за сочиненіе: «Die Bewegung der Kometenschweifsmaterie auf hyperbolische Bahnen» (рукопись). 3) Академика Г. П. Гельмерсена въ 500 р. была присуждена за научные труды профессору горнаго института и старшему геологу геологическаго комитета К. И. Богдановичу. 4) Ген.-ад. С. А. Грейга (сочиненія по политической экономіи и государственнымъ финансамъ) въ 1,000 руб. присуждена профессору московскаго университета И. Х. Озерову за трудъ: «Основы финансовой науки». Вып. I—II. Москва. 1908. 5) Дѣйствительнаго студента А. М. Кожевникова въ половинномъ размѣрѣ, въ 500 руб., присуждена А. Деревницкому и С. Панадимитрію за «Карманный словарь новогреческаго и русскаго языковъ. Ч. I. Русско-Греческая» Лейпцигъ. 1905. 6) Ломоносовская въ 1,000 руб. присуждена члену-корреспонденту академіи профессору О. Д. Хвольсону за его трудъ «Курсъ Физики» (т. I—III и ч. 1-я тома IV). 7) Графа Д. А. Толстого. Большой награды въ 1,000 руб. и почетной золотой медали удостоенъ трудъ И. В. Завадскаго: «Матеріалы къ вопросу о торможеніи и расторможеніи условныхъ рефлексовъ». Диссертация на степень доктора медицины. Сиб. 1908. — 2) Малой награды въ 500 руб. — труды Е. В. Ошпокова:

а) «Режимъ рѣчного стока въ бассейнѣ верхняго Днѣпра (до гор. Кіева) и его составныхъ частяхъ въ періодъ 1876—1901 гг. Ч. I» и б) «Къ вопросу о многолѣтнихъ колебаніяхъ стока въ большихъ рѣчныхъ бассейнахъ въ связи съ колебаніями метеорологическихъ элементовъ». Спб. 1906 и 3) почетнаго отзыва—трудъ В. М. Лохтина: «Ледяной навозъ и зимніе заторы на р. Невѣ». Спб. 1906 г. 8) Пособіе имени почетнаго члена академіи Ѳ. Ѳ. Шуберта выдано М. М. Калинскому за вычисленіе возмущеній и выводъ орбиты кометы Фэ (Faue) или Вольфа. Не присужденными остались преміи: В. Я. Буныковского (за открытія по математическому анализу), С. А. Иванова (по минералогіи, геологіи и др.), Л. Л. Рклицкаго (по изслѣдованію центральной нервной системы), К. Т. Солдатенкова (по наукамъ философскимъ) и С. Н. Батюшковой (за историческое сочиненіе о гр. М. Н. Муравьевѣ). На выдачу премій въ текущемъ году поступило по духовному завѣщанію В. А. Цез 30 т. р. Академія, считая капиталы, назначенные на выдачу премій, капиталами мертвыми, хлопочетъ о болѣе цѣлесообразномъ использованіи ихъ на научныя предпріятія съ тѣмъ, однакоже, чтобы воля жертвователей не была нарушена. Постоянная комісія для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ имѣла 20 засѣданій и рассмотрѣла 637 ходатайствъ, изъ коихъ удовлетворено 409, отклонено 215 и осталось не рѣшенными 13. Выдано въ пособія и пенсіи 51,267 р. 68 коп. Денежной помощью воспользовалось 362 лица. Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности былъ прочитанъ академикомъ Н. И. Кондаковымъ. Была помянута память: академика Н. И. Дашкевича, поэта А. М. Жемчужникова, писателя и драматурга А. А. Потѣхина, академика сербской академіи наукъ Милана Миличевича и члена-корреспондента отдѣленія А. С. Вудиловича. Дѣятельность какъ отдѣленія, такъ и состоящаго при ней разряда изящной словесности интенсивно разрастается. Разрядъ въ истекшемъ году занимался организаціею предположеннаго изданія «Академической бібліотеки русскихъ писателей». Отдѣленіемъ между прочимъ одобрена къ изданію составленная Н. М. Гутьяромъ «Биографическая канва И. С. Тургенева» и предположено къ изданію «Полное собраніе сочиненій Хельцицкаго», подъ редакціею пр.-доц. Н. В. Ястребова. Изданіе «Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія» вышло выпусками VI, VII и VIII. Вышли «Сочиненія Ѳ. П. Буслаева», т. I, «Сочиненія по археологіи и исторіи искусства». Произведено также и много другихъ научныхъ работъ. Въ заключеніе были провозглашены имена слѣдующихъ, вновь избранныхъ академіею лицъ: въ ординарные академики—кн. Б. Б. Голицынъ и въ экстраординарные—В. И. Вернадскій. Въ почетные академики по разряду изящной словесности—В. О. Ключевскій. Въ почетные члены—Д. О. Хвольсонъ, проф. спб. университета, Филиппъ фонъ-Тигемъ, проф. въ Сорбоннѣ, сэръ Арчибалдъ Гики, членъ Royal Society, и Джіованни Канеллини, сенаторъ, членъ королевской академіи dei Lincei въ Римѣ. Въ члены-корреспонденты: Каптейнъ, Ж. С., проф. астрономіи въ Голландіи, Никерингъ, проф. астрономіи въ Кембриджѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, Вольтерра, Вито, проф. математики въ Римѣ, Введенскій Н. Е., проф. с.-петербургскаго университета, докторъ фізіологіи Шевяковъ, В. Т., проф. с.-петер-

бургскаго университета, докторъ зоологіи, Пфефферъ Вильгельмъ, проф. ботаники лейпцигскаго университета, Дарвинъ Ф., вице-президентъ королевскаго общества въ Лондонѣ, Голубевъ, С. Т., засл. проф. кievской духовной академіи, Бальцеръ, Осв., членъ краковской академіи, Мартенсъ, Ф. Ф., заслуж. проф., докторъ международнаго права, Лучицкій, И. В., заслуж. проф. кievск. унив., докторъ всеобщей исторіи, Бруннеръ, Генрихъ, проф., членъ берлинской академіи, Ростовцевъ, М. И., проф. с.-петербургскаго универс., докторъ римской словесности, Курцъ, Э., въ Ригѣ, Компаретти, Доменико, членъ академіи dei Lincei въ Римѣ, и Грюнведель, Альб., докторъ философіи, директоръ этнографическаго музея въ Берлинѣ.

Въ академіи наукъ. 21 М. Г. декабря разрядомъ изящной словесности императорской академіи наукъ было устроено публичное засѣданіе въ честь гр. Л. Н. Толстого. На этомъ засѣданіи академикомъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскимъ и П. О. Морозовымъ были прочитаны критическіе очерки, касавшіеся произведеній Толстого. Чествованіе носило исключительно академическій характеръ и ограничивалось чтеніемъ этихъ очерковъ. На засѣданіи присутствовали академики Шахматовъ, Кони, Кондаковъ; среди публики много учащейся молодежи. Въ своемъ критическомъ очеркѣ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій указывалъ, что гений Толстого, какъ великаго русскаго писателя, былъ лишень трехъ элементовъ, трехъ сторонъ художественнаго творчества: у Толстого нѣтъ лирики, нѣтъ юмора, нѣтъ мистицизма. Не то, чтобы самъ Толстой былъ лишень пониманія лирики,—наоборотъ, всѣмъ извѣстно его преклоненіе передъ Пушкинымъ и Тютчевымъ, извѣстны его любовь и пониманіе музыки,—но лирика не есть, по словамъ докладчика, дружина творчества Толстого, она его не волнуетъ и не руководитъ его перомъ. Въ произведеніяхъ Толстого встрѣчаются лирическія мѣста, какъ, напримѣръ, трогательное описаніе свиданія Карениной съ сыномъ, но это не лирика, а поэтизація. Въ произведеніяхъ Толстого нѣтъ юмора, смѣхъ не побуждаетъ его къ творчеству, какъ Гоголя, хотя самъ Толстой, какъ человекъ, по натурѣ своей одаренъ несомнѣннымъ юморомъ. Юморъ и мистицизмъ могутъ совмѣщаться въ одномъ писателѣ,—это не парадоксъ,—стоитъ только вспомнить Владимира Соловьева. У Толстого нѣтъ порывовъ, мистическихъ вдохновеній, какъ у Соловьева, но нѣтъ и порывовъ къ юмору, того задушевнаго смѣха, который часто прорывался у Соловьева. Въ чемъ великъ Толстой,—это въ знаніи чело-вѣческой души, ея мельчайшихъ колебаній и сомнѣній. Толстой великъ, какъ психологъ, великъ, какъ изобразитель жизненной правды, и его творчество, какъ психолога, гениально. П. О. Морозовъ говорилъ, что во всѣхъ произведеніяхъ Толстого, хотя иногда несовершенныхъ, въ особенности въ тѣхъ, въ которыхъ Толстой доказываетъ научныя проблемы, единственнымъ его и неизмѣннымъ героемъ, всегда прекраснымъ,—была правда. Толстой великъ описаніемъ не той правды, какъ она существуетъ на свѣтѣ, а той правды, какой она должна быть.

Въ литературномъ фондѣ. Въ залѣ географическаго общества 29 декабря подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева состоялось общее собраніе. Былъ прочитанъ отчетъ секретаря, изъ котораго видно, что за время съ 1 октября по

15 декабря М. Г. комитетъ имѣлъ 5 засѣданій, на которыхъ состоялось 223 постановленія по разнымъ дѣламъ. Прошеній о выдачѣ денежныхъ пособій и ссудъ было подано 134. Изъ нихъ удовлетворено 113 и отклонено 21. Единоновременныхъ пособій выдано 70 лицамъ на сумму 1,786 р. 40 к.; изъ капитала Дамича 1 лицу—50 р.; на воспитаніе и обученіе—18 лицамъ на сумму 1,799 р. 50 к.; продолжено пособій 11 лицамъ на сумму 1,605 р.; назначено вновь продолжительныхъ пособій 3 лицамъ на 345 р.; безсрочныхъ ссудъ 9 лицамъ на 420 р.; срочная ссуда въ 30 р. выдана одному лицу. Всего денежныхъ пособій выдано на сумму 6,035 р. 90 коп. Отказано было за полнымъ израсходованиемъ ссуднаго капитала—2 лицамъ; за отсутствіемъ правъ—1 лицу; за недавней выдачѣй—3 лицамъ; по состоянію расходнаго капитала—6 лицамъ; по малымъ правамъ—4 лицамъ; по имѣющимся свѣдѣніямъ—1 лицу; по частымъ выдачамъ—3 лицамъ и по неосновательности просьбы—1 лицу. За отсутствіемъ казначея Н. Θ. Анненскаго предсѣдателемъ былъ прочитанъ слѣдующій отчетъ о движеніи суммъ и капиталовъ литературнаго фонда. На 1 января 1908 г. состояло 694,425 руб. процентными бумагами и 16,260 р. наличными. По 25 декабря поступило 12,200 руб. процентными бумагами и 55,845 руб. наличными. Такимъ образомъ всего съ остаткомъ отъ 1907 г. поступило 706,625 руб. процентными бумагами и 72,106 руб. наличными. По 25 декабря израсходовано 60,227 руб. На 25 декабря состоитъ процентными бумагами 706,625 р. и наличными 11,879 руб. Капиталовъ неприкосновенныхъ и именныхъ на 1 января 1908 года состояло 656,951 руб.; по 25 декабря поступило: пожертвованіе Л. Ф. Пантелѣва въ капиталъ А. И. Чупрова 200 р.; доходъ отъ изданій литературнаго фонда 17,303 р.; всего съ другими доходами 21,094 р. Израсходовано 10,248 р. и на 25 декабря состоитъ 667,797 р. Капиталъ Дамича возросъ до 42,075 р.; расходный капиталъ состоитъ изъ 35,282 р. Перерасходъ выразился въ суммѣ 4,500 р. Общій итогъ таковъ: на 1 января 1908 г. состояло 710,686 р.; по 25 декабря поступило 68,045 р.; израсходовано 60,227 р. и на 25 декабря состоитъ 718,504 р., въ томъ числѣ процентными бумагами 706,625 р. и наличными 11,879 р. Въ число новыхъ членовъ фонда избраны: К. В. Аркадакскій, В. Г. Богоразъ (Танъ) и А. А. Леонтьевъ. Затѣмъ слѣдовали выборы въ ревизионную комиссію, причемъ избранными оказались: М. В. Ватсонъ, А. В. Пѣшеховъ, В. И. Семевскій, В. Г. Яроцкій, Ф. Д. Батюшковъ, М. М. Ковалевскій и В. Г. Котельниковъ.

Занятія московскаго предварительнаго комитета по устройству XV археологическаго съѣзда. Первое засѣданіе комитета, назначенно, 3-го января въ 3 часа дня, для выбора мѣста слѣдующаго всероссійскаго съѣзда археологовъ было перенесено, по случаю похоронъ И. Е. Забѣлина, на вечеръ. Къ 7 час. вечера того же дня въ домъ предсѣдательницы московскаго археологическаго общества графини П. С. Уваровой, стали съѣзжаться депутаты университетовъ, столичныхъ и провинціальныхъ ученыхъ обществъ. Графиня Уварова сказала прочувствованную рѣчь, посвященную памяти только что похороненнаго историка И. Е. Забѣлина, преемника покойнаго мужа ея, графа А. С. Уварова. Память усопшаго И. Е. Забѣлина была почтена встава-

ніемъ. На очередь былъ поставленъ вопросъ о мѣстѣ для слѣдующаго съѣзда. Намѣчено было два пункта: Севастополь и Великій Новгородъ. Непосредственно послѣ закрытія XIV черниговскаго археологическаго съѣзда, т. е. съ осени минувшаго 1908 года московское археологическое общество стало собирать данныя по организациі слѣдующаго XV съѣзда и разослало свои предложенія дѣятелямъ Новгородской области и изслѣдователямъ юга. Какъ тѣ, такъ и другіе откликнулись на призывъ общества. Видимо, Новгородъ имѣлъ перевѣсъ. Дѣйствительно, всѣ предыдущіе съѣзды обслѣдовали главнымъ образомъ нашъ югъ (съѣзды въ Одессѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и Черниговѣ), въ то время какъ интересная и мало изученная Новгородская область оставалась безъ изслѣдованія. Изъ ораторовъ, говорившихъ за Сѣверъ, прекрасную рѣчь сказалъ новгородскій губернаторъ А. А. Башиловъ, мѣстный городской голова А. А. Соловьевъ, новгородскій помѣщикъ и предсѣдатель историческаго общества В. В. Муравьевъ. Всѣ они приглашали къ себѣ и обѣщали оказать съѣзду матеріальную поддержку. Затѣмъ говорилъ проф. Д. Я. Самоквасовъ, ярко охарактеризовавшій важность изученія Новгородскаго края (напр., по вновь найденнымъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи документамъ XV и XVI вѣковъ); вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Самоквасовъ выразилъ желанія, чтобы и на югѣ продолжались археологическія изслѣдованія. Проф. В. Ө Миллеръ указалъ на желательность изученія въ Новгородской области такъ называемой живой старины—былинъ, пѣсенъ и проч. Директоръ императорскаго с.-петербургскаго археологическаго института проф. Н. В. Покровскій ознакомилъ присутствовавшихъ съ богатыми памятниками новгородской церковной старины, еще очень мало изученными, и пожелалъ, чтобы къ съѣзду были изданы древности ризницы новгородскаго Софійскаго собора. Время для съѣзда было признано наиболѣе удобнымъ съ 22 іюля по 5 августа 1911 года. 4-го января состоялось второе засѣданіе предварительнаго комитета. Первымъ ораторомъ выступилъ архивистъ Н. Н. Ардашевъ. Онъ предложилъ увѣковѣчить память историка И. Е. Забѣлина учрежденіемъ особой «Забѣлинской» каѳедры при московскомъ археологическомъ институтѣ. И. Е. Забѣлинъ занимался главнымъ образомъ изученіемъ исторіи и топографіи города Москвы. Поэтому, по предложенію г. Ардашева, каѳедра эта должна быть предоставлена чтенію топографіи и исторіи нашей первопрестольной, подобно тому, какъ въ римскомъ археологическомъ институтѣ существуютъ, напр., каѳедры по изученію топографіи Рима. Въ нашемъ московскомъ институтѣ чувствуется необходимость детальнаго изученія древней Москвы. Н. Н. Ардашевъ пробовалъ указать способы изысканія капитала на это дѣло. Послѣ обмѣна мнѣніями по сему предмету и преній, въ которыхъ приняли участіе проф. Довнаръ-Запольскій, проф. Цвѣтаевъ, проф. Анучинъ и др., рѣшено взыскать средства на увѣковѣченіе памяти И. Е. Забѣлина и детально разработать этотъ вопросъ, завязавъ сношеніе съ городомъ и другими учеными обществами. Затѣмъ депутаты перешли къ вопросу объ организационныхъ къ предстоящему XV новгородскому археологическому всероссійскому съѣзду работахъ. Д. И. Багалъй указалъ на необходимость обширныхъ раскопокъ въ предѣлахъ Новгородской области и на подведеніе итоговъ изъ археологи-

ческаго матеріала объ ильменскихъ славянахъ-кривичахъ. Затѣмъ проф. Багалѣй указалъ на новгородскіе письменные памятники—писцовыя книги, которыя также необходимо детально разработать. Изслѣдованіе должно касаться и Пекова. Проф. Багалѣй указалъ на не очень, по его мнѣнію, плодотворную дѣятельность XIV черниговскаго съѣзда. На это возражала графиня Н. С. Уварова. По мнѣнію ея, съѣздъ, бывшій въ Черниговѣ въ 1908 году, можно назвать очень удачнымъ: прекрасная выставка при съѣздѣ, много интересныхъ докладовъ и, наконецъ, раскопки въ самомъ городѣ, организованныя на свои личныя средства проф. Д. Я. Самоквасовымъ. Проф. Довнаръ-Запольскій выразилъ пожеланія, чтобы къ съѣзду была собрана и напечатана вся мѣстная новгородская библиографія; онъ же предложилъ завязать сношеніе съ Архангельскомъ и Вяткой, гдѣ были древнія колоніи новгородскія. Проф. Э. П. фонъ-Штернъ предложилъ на съѣздѣ предварительнаго комитета выбрать предсѣдателей секцій, подъ руководствомъ которыхъ могли бы происходить подготовительныя работы. Къ предложенію проф. фонъ-Штерна присоединился и проф. Анучинъ, указавшій, что въ британскихъ, напр., съѣздахъ натуралистовъ представители секцій выбираются не на самомъ съѣздѣ, а заранее, и рѣчи ихъ, въ которыхъ намѣчаются предстоящія работы секцій, заранее печатаются. Обсужденіе этого вопроса отложено до 3-го засѣданія комитета. Д. Н. Анучинъ указалъ на петербургскихъ ученыхъ и просилъ ихъ помочь общему дѣлу. По его мнѣнію, въ Петербургѣ необходимо устроить также предварительный комитетъ, во главѣ котораго могли бы стоять знатокъ искусства проф. Н. В. Покровскій (директоръ петербургскаго археологическаго института) и проф. Веселовскій (членъ императорской археологической комиссіи), подъ руками котораго—весь археологическій матеріалъ. Последнее засѣданіе комитета состоялось 5 января. Предсѣдательствовалъ проф. Д. Н. Анучинъ. Засѣданіе началось обсужденіемъ предложенія проф. Э. П. фонъ-Штерна о выборѣ заранее предсѣдателей секцій будущаго въ 1911 году археологическаго съѣзда. За и противъ этого вопроса высказывались многіе изъ депутатовъ. Затѣмъ приступлено было къ обсужденію программы подготовительныхъ работъ по организаціи съѣзда. Депутатами были заявлены вопросы и запросы предстоящему съѣзду. Проф. И. А. Линниченко предложилъ рядъ вопросовъ, касающихся изученія Новгородскаго края. Указанія эти очень цѣнны для мѣстныхъ дѣятелей. Интересный вопросъ поставилъ почтенный историкъ Е. В. Барсовъ о томъ, не проникало ли христіанство въ Великій Новгородъ съ Кавказа по рѣкѣ Волгѣ? Другой маститый историкъ Д. И. Иловайскій затронулъ вопросъ о мѣстныхъ новгородскихъ говорахъ. Директоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ проф. В. Ө. Миллеръ прислалъ два запроса, касающіеся эпоса въ Новгородскомъ краѣ. Проф. Д. Я. Самоквасовъ заявилъ собранію, что онъ изъ своихъ собственныхъ средствъ ассигнуетъ 6,000 рублей на производство въ теченіе 3-хъ лѣтъ обширныхъ археологическихъ раскопокъ. Лѣтомъ текущаго года проф. Самоквасовъ предприметъ большія раскопки въ Зенковскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи (Бѣльское городище, курганы по Ворсклѣ, Мерлу и Орели); лѣтомъ же 1910 года предполагаются работы въ землѣ войска Донскаго и Воро-

нежской губерніи для изслѣдованія хозарской культуры, лѣто же 1911, предшествующее XV съѣзду, будетъ отведено раскопкамъ въ предѣлахъ поселеній новгородскихъ славянъ въ связи съ сосѣдями ихъ финнами, литовцами и варягами. Изъ другихъ заявленій отмѣтимъ обширную программу, намѣченную проф. Н. В. Покровскимъ и касающуюся церковныхъ древностей Новгородской области (Новгорода, Пскова, Кирилло-Вѣлозерска и проч.). Желательно подробное изданіе, напр., ризницъ древнихъ новгородскихъ монастырей: Юрьевского, Хутынскаго, Антоніева и Софійскаго собора. А. С. Раевскій, представитель императорской археологической комиссіи, поставилъ вопросъ объ удлиненныхъ и длинныхъ курганахъ въ области финскихъ поселеній. Депутатъ Донской области Х. И. Поповъ просилъ выяснитъ, нѣтъ ли данныхъ о переселеніи новгородцевъ на Донъ. О томъ, что Донъ былъ населенъ выходцами Новгородскаго края, кратко говорилъ историкъ и археографъ Строевъ. В. Р. Апухтинъ сдѣлалъ запросъ о потомкахъ новгородскихъ дворянъ-помѣщиковъ, переселенныхъ въ Московскій край. Многіе изъ предложившихъ вопросы обѣщали представить къ съѣзду на предложенныя ими темы отвѣты. Около 4-хъ часовъ закончилось засѣданіе предварительнаго комитета и депутаты стали прощаться, съ пожеланіями вновь встрѣтиться въ 1911 году въ городѣ Новгородѣ на XV всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ.

Къ предстоящему IV-му областному историко-археологическому съѣзду. Помимо всероссійскихъ археологическихъ съѣздовъ, созываемыхъ черезъ 2 года въ третій, изслѣдователи исторіи и древностей Ростово-Суздальской и Новгородской областей собираются на областные съѣзды. Предыдущіе областные съѣзды (I-й—въ городѣ Ярославль въ 1901 году, II-й—въ городѣ Твери въ 1903 году и III-й въ городѣ Владимиръ въ 1906 году) ставили дѣло изученія исторіи и археологій Россіи на рациональную почву: сначала нужно изучить областную исторію, а затѣмъ уже общую. О плодотворной дѣятельности этихъ съѣздовъ свидѣтельствуютъ объемистые томы трудовъ съ интересными историко-археологическими изслѣдованіями мѣстной старины. Въ настоящее время костромская губернская ученая архивная комиссія занята подготовительными работами по устройству IV областного историко-археологическаго съѣзда и разсылаетъ приглашенія нашимъ историкамъ и археологамъ. Съѣздъ рѣшено собрать съ 21 по 30 июня 1909 года въ городѣ Костромѣ. При съѣздѣ устраивается выставка, на которую предположено собрать слѣдующіе предметы: старинныя иконы, старопечатныя книги, рукописи, грамоты, картины, письма, портреты и фотографіи мѣстныхъ уроженцевъ и дѣятелей, карты, гравюры, планы, коллекціи монетъ, медалей, жетоновъ, оружія, предметы домашней утвари, одежды и проч. Программа областныхъ съѣздовъ много уже всероссійскихъ. Пока для работъ съѣзда намѣчено только 5 отдѣловъ: 1) древности доисторическія, 2) областная исторія, 3) живая старина, 4) архивовѣдѣніе и 5) архивныя комиссіи. Послѣдній отдѣлъ посвященъ специально вопросу о дѣятельности нашихъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Положеніе о комиссіяхъ требуетъ реформъ. Современное положеніе ихъ очень печальное: будучи матеріально совершенно не обезпеченными, комиссіи существуютъ исключительно на частныя, слу-

чайныя пожертванія, многія изъ нихъ едва влчатъ свое существованіе. Необходимъ отпускъ изъ казны комиссіямъ пособія для устройства губернскихъ музеевъ, изданія историческихъ документовъ, археологическихъ изслѣдованій края и дѣя охраненія мѣстныхъ древностей.

Экспедиція для изслѣдованія Камчатки. Отправленная Рябушинскимъ, при содѣйствіи императорскаго русскаго географическаго общества, экспедиція для изслѣдованія Камчатки прибыла во Владивостокъ 10 мая М. Г. въ составѣ четырехъ партій: зоологической подъ начальствомъ много работавшаго ранѣе на Востокѣ П. Ю. Шмидта, ботанической подъ руководствомъ В. Л. Комарова, извѣстнаго своими работами въ Манчжуріи, и двѣ геологическія подъ руководствомъ молодыхъ геологовъ С. А. Конради и г. Круга. Изъ Владивостока партіи и ихъ грузы были доставлены въ Петропавловскъ и Усть-Камчатскъ, частью на пароходахъ Добровольнаго флота, а частью на военномъ транспортѣ. Въ концѣ мая всѣ были уже въ Петропавловскѣ, а зоологическая партія экспедиціи въ началѣ іюня была со своими грузами доставлена въ Усть-Камчатскъ. Зоологи заняты были все лѣто обслѣдованіемъ рѣки Камчатки и окружающихъ ее пространствъ. Изучена была дельта рѣки, собраны орнитологическія коллекціи, обслѣдовано Нерпичье озеро, стоящее въ связи съ устьемъ рѣки Камчатки и еще никѣмъ изъ натуралистовъ не посѣщенное. Оно оказалось больше, нежели это показано на картахъ: длиною до 45 верстъ, шириною до 20 верстъ, совершенно прѣсное, хотя почти навѣрное это бывшій заливъ, внослѣдствіи отгороженный косою и не сохранившій затѣмъ никакихъ слѣдовъ морской фауны. Въ серединѣ іюля 1908 года партія на буксирѣ парового катера Камчатскаго товарищества вышла вверхъ по рѣкѣ и 19-го прибыла въ село Ключевское, гдѣ устроенъ былъ складъ, а затѣмъ въ началѣ августа на мѣстныхъ доблѣнныхъ шлюпкахъ-«батахъ», числомъ 17, поднялась до села Милкова. Изученіе рыбныхъ богатствъ рѣки Камчатки хотя только что еще началось, но уже показало большое обиліе лососевыхъ породъ. Метеорологическая часть экспедиціи наиболѣе поздно снарядилась и могла выѣхать изъ Петербурга только въ серединѣ лѣта, почему представлялась опасность, что ей не удастся устроить во-время своихъ станцій, особенно на сѣверо-западномъ берегу полуострова въ селѣ Тигиль, гдѣ часто невозможно выгрузка вслѣдствіе волненія на открытомъ рейдѣ. Однако все обошлось благополучно, и станція была устроена; другая установлена въ селѣ Ключевскомъ, на среднемъ теченіи рѣки Камчатки, а третья—въ самомъ Петропавловскѣ. На всѣхъ станціяхъ ведутся наблюденія надъ температурою почвы на глубинахъ до 3 метровъ и затѣмъ помощью бура будутъ изучены и болѣе глубокіе слои, до 20—25 метровъ. Обѣ геологическія партіи и ботаническая сильно были затруднены отсутствіемъ перевозочныхъ средствъ, ихъ дороговизною и затрудненіемъ по приисканію проводниковъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, отчасти благодаря повышенію на рынкѣ цѣнъ на шкурки соболей, заработокъ населенія очень повысился, и цѣны на рабочія руки очень возросли, а нерѣдко ихъ и вовсе нельзя достать, равно какъ и лошадей. О ходѣ работъ осенью и зимою можно надѣяться получить увѣдомленіе только въ началѣ лѣта, такъ какъ зимою въ Камчатку почта правильно не ходитъ,

Гробъ Гоголя. Приведеніе въ порядокъ заброшенной на Давиловскомъ кладбищѣ въ Москвѣ могилы Гоголя ко дню празднованія столѣтія со дня его рожденія, 20 марта текущаго года, взялъ на себя городъ, и въ настоящее время работа эта выполнена. Вросшая въ землю и покрывившаяся надгробная плита была вынута, очищена и отполирована. Были произведены земляныя работы и устроенъ для плиты, вѣсящей 300—400 пудовъ, сводчатый фундаментъ, образующій надъ мѣстомъ, гдѣ находится гробъ, нечто вроде склепа. При производствѣ этихъ работъ была обнаружена въ глубинѣ плотная масса кирпича и известки, которою былъ залитъ въ свое время при похоронахъ дубовый гробъ, сохранившійся въ цѣлости и до сихъ поръ, о чемъ свидѣтельствовали совершенно крѣпкіе углы гроба, обнаруживавшіеся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ известковая масса отъ времени осыпалась. Надъ фундаментомъ была сдѣлана каменная площадка, на которой теперь и водружена надгробная плита. Находившійся въ головахъ громадный булыжный камень съ крестомъ отчищенъ, а крестъ вновь вызолоченъ. По краямъ могильной площадки выложенъ темный каменный цоколь, и теперь остается только поставить чугунную рѣшетку, которая въ настоящее время уже вылита по рисунку художника Н. А. Андреева, по проекту котораго исполненъ и памятникъ на Арбатской площади; по угламъ ее украшаютъ лиры, а съ передней стороны медальонный портретъ Гоголя. Съ наступленіемъ теплаго времени рѣшетка будетъ поставлена, что займетъ всего дня два, и могила писателя будетъ въ полномъ порядкѣ.

Юбилей «Сенатскихъ Вѣдомостей». 1 января 1909 г. исполнилось столѣтіе со дня выхода перваго нумера «Сенатскихъ Вѣдомостей», которыя начали печататься съ 1 января 1809 г. при сенатской типографіи одновременно на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Онѣ первоначально составляли официальное еженедѣльное «Собраніе узаконеній», хотя и носили теперешнее же названіе «Сенатскихъ Вѣдомостей» (на нѣмецкомъ языкѣ «St.-Petersburgische Senats-Zeitung»). «Сенатскими Вѣдомостями» въ теперешнемъ ихъ видѣ онѣ явились лишь внослѣдствіи и стали выходить два раза въ недѣлю, въ форматѣ малаго газетнаго листа и по Высочайше утвержденной 16 февраля 1838 г. и 14 января 1863 г. программѣ, а именно въ нихъ печатаются: 1) Именные высочайшіе указы, грамоты и рескрипты; 2) движеніе по государственной службѣ и награды, и 3) правительственныя распоряженія. Печатаются «Вѣдомости» въ числѣ 17.000 экземпляровъ, что обходится типографіи около 45,400 руб., принося казнѣ чистаго дохода около 22 тысячъ рублей ежегодно. Празднованіе столѣтняго юбилея «Сенатскихъ Вѣдомостей» состоялось въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ, въ виду предстоящаго въ скоромъ времени двухсотлѣтняго юбилея самого сената, который исполнится въ 1911 г. и будетъ отпразднованъ торжественно, причѣмъ въ настоящее время назначена даже особая коммиссія для составленія самаго полнаго очерка дѣятельности этого высшаго государственнаго учрежденія Россіи.

Юбилей В. Я. Герье. Въ концѣ минувшаго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ научной дѣятельности профессора московскаго университета, члена государственнаго совѣта Владимира Ивановича Герье. Почтенный юбиляръ ро-

дился 17 мая 1839 года, по окончаніи средней школы, 15-лѣтнимъ юношей поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета, на пользу котораго онъ такъ долго и такъ плодотворно поработалъ на кафедрѣ всеобщей исторіи. Въ бытность свою студентомъ профессоръ В. И. Герье засталъ еще въ московскомъ университетѣ знаменитаго Грановскаго, нѣсколько лекцій котораго онъ слушалъ, а по распорядку факультетскихъ занятій посѣщалъ курсы извѣстнаго профессора Кудрявцева. Научное образованіе онъ завершилъ за границей, гдѣ слушалъ лекціи знаменитыхъ ученыхъ Ранке, Гейслера, Целлера и др. По семейнымъ связямъ профессоръ Герье примыкаетъ къ поколѣнію русскихъ идеалистовъ 40-хъ годовъ. Профессоръ Герье принадлежитъ къ числу тѣхъ историковъ, которые изучаютъ главнымъ образомъ идейную сторону историческаго процесса. «Въ жизни народовъ,—писалъ профессоръ Герье въ одномъ изъ раннихъ своихъ трудовъ,—играютъ главную роль не климатъ, не пища и физическія условія, а такія силы, о которыхъ не можетъ дать отчета никакой естествоиспытатель. Какое, напримѣръ, громадное вліяніе имѣютъ на судьбу народовъ и на ходъ цивилизаціи идеи!» («Очерки развитія исторической науки». М. 1865 г., стр. 106). Магистерская диссертация профессора Герье посвящена вопросу, взятому подъ вліяніемъ С. М. Соловьева изъ области русской исторіи: «Борьба за польскій престолъ въ 1733 году» (1862 года). Въ докторской диссертации профессоръ Герье обнаружилъ не только историческую эрудицію, но и глубокое знаніе философіи («Лейбницъ и его вѣкъ» 1868 года). Позднѣйшіе труды его относятся къ древней, средней и новой исторіи. Такъ, по римской исторіи профессоръ Герье написалъ «Августъ и установленіе Римской имперіи» («Вѣстникъ Европы», 1877 г., VI—VIII), «Основы римской исторіи», «Научное движеніе въ области древнѣйшей римской исторіи» (Изд. историческаго общества при императорскомъ московскомъ университетѣ, т. II М. 1898 г.). Въ послѣдней работѣ авторъ приходитъ къ выводу, что традиціонная римская исторія первыхъ двухъ вѣковъ республики, какъ мы ее знаемъ изъ Ливія, очень поздняго происхожденія, т. е. плодъ эпохи, слѣдующей за Гракхами. Труды профессора Герье по средней исторіи посвящены эволюціи аскетическаго идеализма и теократіи. Таковы, кромѣ недавно вышедшей книги: «Францискъ, апостолъ нищеты и любви», ранѣе появившіяся статьи: «Средневѣковое міровоззрѣніе», «Торжество теократическаго начала на Западѣ» «Папа Иннокентій III», «Катарина Сиенская», «Святая Елизавета» и др. Цѣнный вкладъ въ науку составляютъ труды профессора Герье по новой исторіи: его книга «Идея народо-властія и французская революція 1789 годъ.» (М. 1904) и статьи, посвященные исторіи политическихъ ученій (Руссо, Мабли и др.). Перу юбиляра принадлежатъ нѣсколько работъ по отечественной исторіи, напримѣръ, его рѣчь о жалованной грамотѣ городамъ. Въ московскомъ университетѣ В. И. Герье читалъ лекціи по исторіи Рима и по новой исторіи; послѣднюю онъ дѣлилъ на два курса—исторію реформаціи и революціи. Лекціи его отличались богатствомъ содержанія, глубокимъ знаніемъ литературы предмета, умѣніемъ проводить общіе принципы среди деталей курса и, наконецъ, изящной формой изложенія. Аудиторія, гдѣ читалъ В. И. Герье, всегда была полна слушате-

лями. Для подготовки студентовъ въ научномъ отношеніи В. И. Герье организовалъ семинарій по всеобщей исторіи. Многие изъ учениковъ профессора Герье сдѣлались впоследствии известными специалистами по исторіи, напримеръ, Виноградовъ, Карѣевъ и др. Кроме того, В. И. Герье читалъ лекціи въ Лазаревскомъ институтѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ, которые онъ открылъ въ Москвѣ въ 1872 году. Юбиларъ является однимъ изъ самыхъ убѣжденныхъ и энергическихъ поборниковъ высшаго женскаго образованія. Взглядъ свой на женское образованіе и вообще на женскій вопросъ онъ изложилъ въ замѣчательной статьѣ: «Теорія и практика женскаго образованія» («Вѣстникъ Европы», 1877 г., IV). Немало потрудился юбиларъ и на поприщѣ общественнаго самоуправленія, какъ гласный московской городской думы. Москвичамъ хорошо памятли труды его по общественному призрѣнію; по его инициативѣ, напримеръ, возникли въ Москвѣ городскія попечительства о бѣдныхъ.

25-лѣтіе ученой дѣятельности академика Л. Г. Беллярмина.
18 декабря м. г. исполнилось 25-лѣтіе ученой дѣятельности профессора глазной клиники императорской военно-медицинской академіи академика лейбъ-окулиста Леонида Георгіевича Беллярмина. Л. Г. родился въ 1859 г. и среднее образованіе получилъ въ саратовской гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ медико-хирургическую академію (нынѣ военно-медицинскую). Въ 1883 г. Л. Г. окончилъ курсъ и оставленъ для научнаго усовершенствованія при глазной клиникѣ проф. Добровольскаго. Въ 1886 г. Л. Г. былъ командированъ за границу. Въ 1889 г. Л. Г. получаетъ званіе приватъ-доцента и назначается ассистентомъ окулистической клиники. Въ 1893 г. избранъ въ профессора офтальмологіи. Въ текущемъ году профессоръ Беллярминовъ былъ удостоенъ академіей званія академика. Съ 1888 года состоитъ председателемъ офтальмологическаго общества и въ попечительствѣ императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, гдѣ, благодаря его энергіи и инициативѣ, были организованы летучіе глазные отряды, постоянные пункты для леченія глазныхъ больныхъ и учрежденъ особый отдѣлъ попечительства по предупрежденію слѣпоты. Летучими глазными отрядами и постоянными пунктами съ 1897 г. было принято болѣе 2 миллионъ больныхъ и сдѣлано болѣе 500,000 глазныхъ операцій. 18 декабря на квартирѣ профессора состоялось скромное юбилейное торжество. Приватъ-доцентъ Я. В. Зеленковскій прочелъ адресъ отъ академической глазной клиники. Послѣ адреса академической клиники теплую привѣтственную рѣчь произнесъ членъ государственнаго совѣта А. С. Ермоловъ отъ имени попечительства о слѣпыхъ и выяснилъ огромное значеніе глазныхъ отрядовъ на необъятномъ пространствѣ Россіи, инициаторомъ которыхъ былъ почтенный юбиларъ. Д-ръ Е. Ф. Блессигъ привѣтствовалъ Л. Г. отъ имени глазной лечебницы на Моховой. Профессоръ клиническаго института великой княгини Елены Павловны Долгановъ привѣтствовалъ Л. Г. отъ имени глазной клиники института, а профессоръ Н. И. Андогскій—отъ глазной клиники женскаго медицинскаго института. Растроганный юбиларъ благодарилъ всѣхъ присутствовавшихъ за глубокое вниманіе къ его 25 годамъ, отданнымъ наукѣ. Отъ русскихъ университетовъ, многихъ ино-

странныхъ клиникъ, пациентовъ, Л. Г. получилъ массу привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ. Конференція академіи избрала Л. Г. Беллярминава на слѣдующее пятилѣтіе профессоромъ по кафедрѣ глазныхъ болѣзней.

Юбилей К. С. Баранцевича. Въ воскресенье 21 декабря м. г. въ Новомъ театрѣ состоялось чествованіе извѣстнаго беллетриста К. С. Баранцевича по случаю исполнившагося въ этотъ день его 35-лѣтняго литературнаго юбилея. Въ театрѣ были поставлены двѣ его пьесы: «Сказка жизни» (въ 1-й разъ) и «Невѣста на гастроляхъ». Передъ началомъ 2-го акта «Сказки жизни» при открытомъ занавѣсѣ юбиляръ былъ привѣтствованъ всею труппою Новаго театра съ режиссеромъ Е. П. Карповымъ во главѣ. Тутъ же ему былъ прочитанъ адресъ, а также выражены привѣтствія: отъ литературнаго фонда (профессоръ Н. И. Карѣевъ), отъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ (В. В. Глинскій), отъ союза драматическихъ писателей (г. Рыжковъ), отъ педагогическаго персонала 2-й с.-петербургской гимназіи, гдѣ учился юбиляръ, и т. д. Послѣ окончанія спектакля въ помѣщеніи польскаго клуба состоялся въ честь юбиляра ужинъ по подпискѣ, на которомъ присутствовало свыше 110 человекъ. При появленіи К. С. Баранцевича въ клубъ онъ былъ встрѣченъ долго не смолкавшими рукоплесканіями, послѣ чего В. В. Глинскимъ были прочитаны (въ выдержкахъ) постуившія на имя виновника торжества многочисленныя телеграммы и письма. За ужиномъ, продолжавшимся почти до 4 часовъ утра, произнесено было немало рѣчей и провозглашено нѣсколько горячихъ тостовъ. Рядъ рѣчей открылся чтеніемъ привѣтственнаго письма отъ бывшаго священника Григорія Петрова, засимъ говорили: гг. Васильевъ, Годлевскій, Малышевъ, Карповъ, Деяисовъ-Уральскій и др. Не обошлось дѣло и безъ политики. По предложенію Г. К. Градовскаго послано было привѣтствіе партіи народной свободы по поводу ея выступленія въ государственной думѣ съ протестомъ противъ смертныхъ казней.

25-лѣтній юбилей В. А. Шуфа. 19 января состоялось въ помѣщеніи ресторана Контана чествованіе поэта В. А. Шуфа по случаю исполнившагося 8 января 25-лѣтія его литературной дѣятельности. На банкетъ собрались многіе представители нашей повременной печати, товарищи по изданіямъ, гдѣ нынѣ работаетъ юбиляръ, почитатели его таланта и знакомые. Банкетъ прошелъ оживленно, весело и шумно, было произнесено немало застольныхъ рѣчей и высказано симпатичному писателю много задушевныхъ пожеланій и привѣтствій. Первые шаги г. Шуфа на поприщѣ поэзіи имѣли мѣсто на страницахъ «Живописнаго Обозрѣнія», «Недѣли» и др. Но знакомство съ покойными Фетомъ и Владимиромъ Соловьевымъ вывело начинающаго поэта на болѣе широкій путь. Первымъ большимъ произведеніемъ его была поэма «Бакланъ», напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1891 году. Вступивъ на путь журнализма сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, В. А. Шуфъ не бросилъ литературы. Его перу принадлежатъ слѣдующія книги: «Въ край иной» — сонеты, «Крымскія стихотворенія», «Могила Азиса» — крымскія легенды, «На востокъ» — записки о греко-турецкой войнѣ, «Свароговъ» — романъ въ стихахъ, «Рыцарь-инокъ» — драма въ стихахъ, «Кто идетъ» — романъ изъ японской войны, «Сальфа» — поэма и др. Лучшими его поэтическими

произведеніями можно назвать собраніе сонетовъ «Въ край иной» и поэмѣ «Бакланъ». Большинство его произведеній было инспирировано любовью къ Востоку, который В. А. Шуфъ тщательно изучилъ. Его участіе въ качествѣ корреспондента въ войнахъ греко-турецкой и японской немало способствовало этому знакомству съ Востокомъ.

Отъ совѣта Императорскаго русскаго военно-историческаго общества. Предполагая къ предстоящему 27 іюня 1909 года 200-лѣтію Полтавской битвы издать для нижнихъ чиновъ и народа особую брошюру, посвященную этому памятному событію, совѣтъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества объявляетъ нижеслѣдующія условія конкурса на составленіе означенной брошюры. 1) Изданіе предназначается для распространенія въ широкихъ кругахъ читающей публики, войскъ и народа, а потому должно отличаться популярнымъ характеромъ изложенія, исполнѣ литературнымъ языкомъ и быть исполнѣ общедоступнымъ по содержанію. 2) Оно должно въ яркой, рельефной формѣ воскресить въ памяти русскаго народа великій подвигъ Петра и его арміи и отличаться не только строгою историческою правдою описываемыхъ фактовъ, но и быть полезнымъ съ точки зрѣнія патриотическаго воспитанія народныхъ массъ. 3) Изданіе должно заключать въ себѣ отъ 3 до 4 печатныхъ листовъ (48—64 стран. печатнаго текста въ $\frac{1}{16}$ долю листа. 4) Подробная программа предоставляется усмотрѣнію самого автора, который, однако, долженъ имѣть въ виду слѣдующее: а) въ самыхъ общихъ чертахъ обрисовать политическую и военную обстановку въ Россіи, начиная съ 1700 г. — начала Сѣверной войны; б) дать краткое понятіе о характерѣ организаціи и численности русской арміи въ началѣ XVIII вѣка и привести нѣкоторыя свѣдѣнія о шведской арміи, вступившей тогда въ предѣлы Россіи; в) остановиться на значеніи битвы при Лѣсной, какъ «матери Полтавской баталіи»; г) описать Полтавскую битву 27 іюня 1709 года, закончивъ описаніе боемъ у Переволочны. Подчеркнуть все то, что характеризуетъ духовную сторону дѣйствій русскихъ войскъ—гарнизона Полтавы и частей, бывшихъ подъ начальствомъ самого Петра; д) выяснить значеніе Полтавской побѣды для Россіи въ военномъ и общегосударственномъ отношеніяхъ; е) на основаніи описанныхъ событій, изобразить личность Петра, какъ великаго царя и великаго полководца. 5) Названіе труда предоставляется выбрать самому автору, однако, оно должно исполнѣ соответствовать цѣли изданія. 6) Представляемый на конкурсъ текстъ долженъ быть четко написанъ отъ руки или на пишущей машинѣ. 7) Срокъ представленія трудовъ—15 марта 1909 года, какъ для лицъ, проживающихъ въ Петербургѣ, такъ и иногородныхъ. Каждый желающій участвовать въ конкурсѣ къ этому дню обязанъ доставить свой трудъ лично или заказнымъ отпривленіемъ на имя секретаря императорскаго русскаго военно-историческаго общества Дмитрія Петровича Струкова (С.-Петербургъ, Петропавловская крѣпость, Артиллерійскій историческій музей). 8) Текстъ долженъ быть помѣченъ девизомъ, по усмотрѣнію автора. Къ труду необходимо приложить запечатанный конвертъ, помѣченный тѣмъ же девизомъ и заключающій въ себѣ указаніе, кому именно (имя, отчество, фамилія и адресъ) принадлежитъ данный девизъ. 9) Для разсмотрѣнія присланныхъ

трудоу совѣтъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества избираетъ изъ числа дѣйствительныхъ членовъ общества рецензентовъ, которые представляютъ совѣту письменные отзывы о разсмотрѣнныхъ ими трудахъ. Авторамъ трехъ наиболѣе достойныхъ трудовъ изъ числа вполне удовлетворяющихъ условіямъ конкурса присуждаются преміи. Всѣхъ премій три: одна первая—въ триста (300) рублей и двѣ вторыя—по сто (100) рублей. 10) По присужденіи премій совѣтъ вскрываетъ конверты, въ которыхъ хранятся листки, поясняющіе принадлежность девизовъ авторамъ, и извѣщаетъ соответствующихъ авторовъ о присужденіи имъ премій. 11) Премированные труды поступаютъ въ собственность императорскаго русскаго военно-историческаго общества и удостоенный первой преміи подлежитъ напечатанію. 12) Не премированные труды возвращаются ихъ авторамъ по предъявленіи расписки, выданной секретаремъ въ полученіи рукописи, или почтовой расписки объ отправленіи рукописи на его имя. Рукописи, не востребованныя авторами до 15 іюня 1909 года,—уничтожаются. 13) Изданіе труда, удостоеннаго къ печати, будетъ выполнено заботами и средствами императорскаго русскаго военно-историческаго общества, причемъ редактированіе и иллюстрированіе труда будетъ произведено совѣтомъ. Трудъ будетъ выпущенъ съ обозначеніемъ имени автора. 14) Преміи выдаются 15 апрѣля 1909 года. 15) За всѣми разъясненіями по настоящему конкурсу надлежитъ обращаться къ члену совѣта императорскаго русскаго военно-историческаго общества гвардіи капитану Виктору Всеволодовичу Жерве (С.-Петербургъ, Вас. Остр., Николаевская набережная, казармы л.-гв. Финляндскаго полка, кв. 16).

НЕКРОЛОГИ.

ОБРОВЪ, В. А. Въ ночь съ 20 на 21 ноября минувшаго года застрѣлился въ городѣ Полангенѣ Курляндской губерніи инспекторъ тамошней прогимназіи Владимиръ Александровичъ Бобровъ. Сынъ землемѣра, онъ родился въ городѣ Ригѣ 9 августа 1872 г., получилъ образованіе въ екатеринбургской и пермской гимназіяхъ. Высшее образованіе В. А. получилъ въ юрьевскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1897 г. со степенію кандидата славяно-россійской филологіи и съ награжденіемъ золотой медалью. По окончаніи курса состоялъ профессорскимъ стипендіатомъ при томъ же университетѣ, лекторомъ русской литературы при юрьевскомъ ветеринарномъ институтѣ, давалъ уроки исторіи въ мѣстной женской гимназіи. Въ 1901 г. В. А. былъ назначенъ преподавателемъ исторіи въ самарское реальное училище, а въ 1904 г. былъ перемѣщенъ на такую же должность

въ реальное училище имени Петра I въ Ригу. Въ 1907 г. покойный получилъ фатальное для него назначеніе инспекторомъ въ либавскую гимназію. Тяжелая работа по водворенію порядка въ расшатанной революціею гимназіи, повидимому, подорвала душевное равновѣсіе В. А. Въ ноябрѣ сего года ему была поручена въ завѣдываніе полангенская прогимназія. Въ Полангенѣ произошла семейная драма, В. А. впалъ въ острый психозъ — и его не стало... Вылоть до самой смерти В. А. не покидалъ мысли о магистерскомъ экзаменѣ и научныхъ занятіяхъ. Служебно-административные успѣхи мало радовали его, хотя онъ и пользовался репутаціею отличнаго учителя и опытнаго воспитателя: онъ мечталъ о профессорской карьерѣ. Научные интересы покойнаго были очень обширны и обнимали фольклоръ, линг-

вистику, русскую диалектологию, лексикографию, палеографию, древнюю письменность, историю русской литературы народной, древней и новой. Исследователь крайне осторожный и скрупулезный, онъ печаталъ мало. Труды его помѣщались въ Ягичевомъ «Archiv für slavische Philologie», «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», «Сборникѣ учено-литературнаго общества при юрьевскомъ университетѣ», «Извѣстіяхъ Пушкинскаго общества при казанскомъ университетѣ». Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» онъ помѣстилъ въ августовской книжкѣ за 1904 г. статью объ И. С. Державинѣ по новымъ матеріаламъ о полемикѣ «двухъ Державиныхъ». Печатные труды покойнаго трактовали о преподаваніи исторіи, Сборникъ Святослава 1076 г., пѣсняхъ и говорахъ русскаго населенія Лифляндской губерніи, славянскихъ отрывкахъ сочиненій Василія Великаго и т. д. Цѣлая книга В. А. была посвящена русскимъ сказкамъ о животныхъ, гдѣ онъ отстаивалъ самобытность и древность русскаго преданія. Большая часть трудовъ покойнаго осталась въ рукописяхъ, какъ, напримѣръ, обширныя работы по всестороннему изученію Сборника 1076 г. въ отношеніи палеографическомъ, литературномъ, лингвистическомъ и т. п.; имѣется и словарь къ этому памятнику въ трехъ томахъ.

† **Вахрамѣевъ, И. А.** Въ Ярославлѣ скончался Иванъ Александровичъ Вахрамѣевъ. Въ его лицѣ понесли крупную утрату и торгово-промышленный міръ, въ которомъ онъ занималъ видное мѣсто, и родной его городъ, которому онъ немало послужилъ, какъ городской голова и крупный благотворитель, — и наконецъ, наша историческая наука. Покойный обнаруживалъ глубокій интересъ къ памятникамъ родной исторіи и особенно къ тѣмъ, что относились къ прошлому его родины — старинной Ростовской области. На его средства изданы интереснѣйшіе въ этомъ отношеніи акты древняго ярославскаго Спасскаго монастыря (въ 4 томахъ). Онъ самъ занимался собираніемъ древнихъ нашихъ актовъ, документовъ и рукописныхъ памятниковъ старинной родной литературы. Обширное его собраніе пользуется широкой извѣстностью, систематизировано и научно описано зятемъ покойнаго А. А. Титовымъ. Описаніе это покойнымъ издано. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ И. А. реставрировалъ на свои средства знаменитый ярославскій храмъ св. Іліи пророка, относящійся къ XVI вѣку. Архитектура, а особенно иконостасъ храма являются драгоценнымъ памятникомъ искусства того времени. Покойный не стѣнялся расходами, и реставрація дала живой обликъ древняго храма. Его художественныя сокровища возстановлены въ своемъ первоначальномъ видѣ. Мало того, И. А. въ великолѣпномъ изданіи воспроизвелъ эти сокровища и сдѣлалъ ихъ общимъ достояніемъ. Эта любовь къ родной старинѣ проявлялась въ постоянномъ его участіи пожертвованіями на всякія мѣстныя предпріятія по ея изученію и возстановленію. Это былъ скромный и глубоко симпатичный человѣкъ. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы» 1908 г., № 301).

† **Гиляровъ, Н. Н.** 7 января въ Москвѣ въ страшной бѣдности скончался Николай Никитичъ Гиляровъ, сынъ извѣстнаго публициста Никиты Петровича Гилярова-Платонова. Покойный прежде жилъ съ матерью, а въ послѣдніе годы — въ одиночествѣ. Въ одномъ изъ заднихъ флигелей дома Федорова на Б. Грузинской онъ снималъ скромную квартиру во второмъ этажѣ,

холодную и сырую. Обстановки почти никакой. Изъ четырехъ комнатъ три онъ сдавалъ студентамъ и курсисткамъ. Здѣсь же помѣщался престарѣлый и больной небезызвѣстный артистъ Фаворскій, единственный другъ покойнаго. Н. Н. заболѣлъ двѣ недѣли тому назадъ—острымъ воспаленіемъ почекъ. Н. Н. получалъ пенсію по 20 руб. въ мѣсяцъ изъ литературнаго фонда Императора Николая II при академіи наукъ. Поддерживалъ его двоюродный братъ, нотаріусъ Сусоровъ. У покойнаго братъ—А. Н., профессоръ кievскаго университета, но между братьями не было даже переписки. Въ свое время Н. Н. много работалъ по журналистикѣ и въ качествѣ секретаря редакціи «Современныхъ Извѣстій» помогалъ отцу. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы» 1909 г., № 5).

† **Гомиліусъ, Л. Ф.** Петербургская консерваторія понесла весьма чувствительную утрату. 14-го декабря, около 7 часовъ утра, скоропостижно скончался Луи Фодоровичъ Гомиліусъ, долгіе годы занимавшій должность профессора консерваторіи по классу игры на органѣ. Еще наканунѣ вечеромъ онъ присутствовалъ на рождественской елкѣ, устроенной старѣйшимъ нѣмецкимъ обществомъ «Лидертафель» въ помѣщеніи арміи и флота. Въ многочисленномъ собраніи гостей и членовъ названнаго общества, въ которомъ онъ состоялъ почетнымъ членомъ, Л. Ф. былъ настроенъ въ этотъ вечеръ какъ-то особенно весело, принималъ даже участіе въ оркестрѣ, играя на віолончели, и никому изъ окружавшихъ его не могло прийти на мысль, что его видятъ въ послѣдній разъ! Возвратясь вмѣстѣ съ своимъ семействомъ поздно ночью домой съ этого оживленнаго, чисто семейнаго праздника, Л. Ф. подъ утро внезапно почувствовалъ себя дурно и черезъ нѣсколько минутъ его не стало. Вѣсть о его неожиданной кончинѣ быстро распространилась среди присутствовавшихъ на юбилейномъ чествованіи г. Ауэра, происшедшемъ вечеромъ того же 14 декабря, и вызвала во всѣхъ чувство глубокаго и искренняго соболѣзнованія. Л. Ф. умеръ далеко еще не старымъ, и никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ столь сильный, энергичный, дышавшій здоровьемъ человекъ, которому, казалось, суждено было прожить еще много лѣтъ, могъ быть такъ внезапно и безжалостно сраженъ смертью. Л. Ф. родился въ 1845 г. въ Петербургѣ и воспитывался въ реформатскомъ училищѣ. По окончаніи курса онъ поступилъ въ здѣшнюю консерваторію, изучая музыку подъ руководствомъ Рубинштейна и Давыдова. Избравъ своею спеціальностью органъ, онъ изучилъ игру на этомъ сложномъ и трудномъ музыкальномъ инструментѣ у извѣстнаго органиста Гейнриха Шталя. Блестяще окончивъ курсъ въ консерваторіи, Л. Ф. вскорѣ занялъ мѣсто органиста въ лютеранской церкви св. Петра и профессора игры на органѣ въ консерваторіи. Въ этихъ двухъ почетныхъ должностяхъ онъ состоялъ до дня своей кончины. Онъ былъ учредителемъ и неизмѣннымъ дирижеромъ (съ 1871 г.) Петропавловскаго общества любителей хорового пѣнія, ежегодно, въ продолженіе десятковъ лѣтъ, устраивая большіе концерты, въ которыхъ исполнялъ лучшія духовныя произведенія, какъ классическихъ, такъ и современныхъ композиторовъ. Какъ превосходный органистъ и профессоръ, онъ пользовался широкою извѣстностью въ музыкальномъ мірѣ, а его сердечная доброта и

рѣдкая отзывчивость къ людскому горю вообще и къ нуждамъ окружавшихъ его людей снискали ему всеобщую любовь и искреннее уваженіе. Л. Ф. былъ не чуждъ также и композиціи. Его авторству принадлежатъ нѣсколько хоро-выхъ и органичныхъ сочиненій, романсовъ и небольшихъ пьесъ для фортепіано. (Некрологъ его: «Петербургскій Листокъ» 1908 г., № 245).

† **Жуковъ, В. В.** Въ ночь на 31-е декабря скончался писатель-поэтъ Викторъ Васильевичъ Жуковъ. Покойный былъ извѣстенъ подъ псевдонимомъ «Анулея». Рѣже онъ подписывалъ свои многочисленныя стихотворенія псевдонимомъ «Жучецъ». Сотрудничалъ въ «Новомъ Времени», «Петербургской Газетѣ», въ юмористическихъ и другихъ изданіяхъ. Его юмористическія и сатирическія стихотворенія, богатая звучными рифмами, большею частью посвящались злобамъ дня. Въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ покойный затрагивалъ общегражданскіе мотивы и скорбѣлъ о безнадежной участи обездоленныхъ. Личная его жизнь протекла среди нужды, но лишенія матеріальнаго характера нисколько не ожесточали его. Онъ отличался большой сердечностью. Умеръ 52 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11.786).

Зеленой, П. А. 10 января въ преклонномъ 74-лѣтнемъ возрастѣ умеръ почетный опекунъ, полный генералъ по адмиралтейству Павелъ Алексѣевичъ Зеленой, состоявшій долгое время одесскимъ градоначальникомъ. Покойный, по окончаніи курса въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, уже 17-лѣтнимъ юношею началъ службу во флотѣ. Въ 1852 году онъ участвовалъ, между прочимъ, въ кругосвѣтномъ плаваніи на знаменитомъ фрегатѣ «Паллада», гдѣ въ числѣ его спутниковъ былъ И. А. Гончаровъ. Послѣ памятнаго крушенія этого фрегата П. А. вмѣстѣ съ другою командою высадился на японскій берегъ, откуда отправился въ Россію на случайномъ наемномъ бригѣ. Но въ то время какъ разъ вспыхнула Крымская кампанія, и бригъ съ русскими моряками по пути былъ захваченъ англичанами, которые продержали П. А. въ плѣну до заключенія парижскаго мирнаго договора. Вернувшись на родину, П. А. продолжалъ свою флотскую службу, участвовалъ въ нѣсколькихъ новыхъ заграничныхъ плаваніяхъ, командовалъ клиперомъ «Алмазь», корветомъ «Витязь» и фрегатомъ «Свѣтлана». Въ періодъ русско-турецкой войны 1877—78 гг. былъ начальникомъ отряда судовъ, назначенныхъ для защиты минныхъ загражденій Одессы, по заключеніи же мира организовалъ перевозку войскъ изъ турецкихъ портовъ въ русскіе. Съ 1882 года открылась дѣятельность П. А., какъ администратора. Онъ былъ назначенъ таганрогскимъ градоначальникомъ, а спустя еще три года занялъ мѣсто одесскаго градоначальника. Въ Одессѣ онъ провелъ 13 лѣтъ и много содѣйствовалъ преуспѣянію города, какъ въ промышленно-торговомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи благоустройства. При назначеніи покойнаго въ 1898 году почетнымъ опекуномъ, одесситы устроили своему градоначальнику трогательные проводы. (Некрологъ его: «Моск. Вѣд.» 1909 г., № 13).

† **Ламбинъ, В. П.** 26 декабря минувшаго года скончался скоропостижно старшій бібліотекаръ Публичной бібліотеки Владимиръ Петровичъ Ламбинъ. Покойный пользовался обширною популярностію среди ученыхъ и литераторовъ, вмѣв-

шихъ надобность въ различныхъ справкахъ въ Публичной библіотекѣ. Его замѣчательная библіографическая эрудиція, основательное знаніе книжнаго царства, обширнаго библіотечнаго книгохранилища и постоянная предупредительность были всегда къ услугамъ занимавшихся въ библіотекѣ. При отыскиваніи источниковъ, собраніи справокъ и систематизаціи произведеній русской литературы покойный былъ цѣннымъ и незамѣнимымъ пособникомъ, снабжавшимъ ученыхъ и литераторовъ матеріалами и указаніями. Онъ служилъ въ Публичной библіотекѣ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ и въ это время сроднился съ нею и всѣми ея богатствами, какъ никто другой. Еще недавно постоянные посетители библіотеки отмѣтили его двадцатипятилѣтнія заслуги въ области библіографіи и его вниманіе и доброе отношеніе къ читателямъ поднесеніемъ ему адреса и жетона, осыпаннаго брилліантами. Умеръ онъ на 61 году жизни оставивъ по себѣ прекрасную память.

† **Лапчинскій, Н. Д.** 11 января скончался въ Парижѣ, послѣ двухъ тяжелыхъ операцій, на 64 году жизни директоръ Варшавско-Вѣнской дороги инженеръ Николай Демьяновичъ Лапчинскій, одинъ изъ знатоковъ, а отчасти и пионеровъ нашего желѣзнодорожнаго дѣла. Окончивъ курсъ петербургской духовной семинаріи, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, извѣстнымъ патологомъ, профессоромъ М. Д. Лапчинскимъ, а затѣмъ институтъ путей сообщенія, онъ былъ въ началѣ 70-хъ годовъ назначенъ начальникомъ дистанціи на Балтійской дорогѣ и быстро пошелъ въ гору, но, отказавшись отъ положенія и матеріальныхъ выгодъ, предпочелъ ѣздить на паровозѣ кочегаромъ и машинистомъ, работать въ депо и т. д., т.-е. предпочелъ дѣятельность простаго солдата нашей желѣзнодорожной арміи. Этимъ путемъ онъ пріобрѣлъ такія знанія и опытъ, что безъ него уже трудно было обойтись. И дѣйствительно, мы видимъ его затѣмъ начальникомъ тяги на Курско-Харьково-Азовской дорогѣ, потомъ на Привислинскихъ дорогахъ, наконецъ помощникомъ директора и директоромъ Варшавско-Вѣнской дороги. Вездѣ его дѣятельность ознаменовалась цѣнными практическими нововведеніями, энергическою борьбою какъ съ рутинной, такъ и съ беспочвеннымъ прожектерствомъ и съ тѣмъ угодиничествомъ предъ властями, которое идетъ въ ущербъ интересамъ службы. Занимая постъ директора Вѣнской дороги въ революціонное время, онъ, кромѣ того, проявилъ необыкновенное мужество, отвѣчая на безконечныя угрозы стойкою защитой довѣреннаго ему дѣла и не теряя головы, даже когда въ Петербургѣ растерялись. Несмотря на сложныя и трудныя свои обязанности, онъ, страстно любя свое дѣло, находилъ время обогащать желѣзнодорожную литературу цѣнными изслѣдованіями. Это былъ человекъ, весь ушедшій въ дѣло и жившій только для него. Такихъ людей у насъ мало, и поэтому смерть каждаго изъ нихъ вызываетъ въ обществѣ искреннее сожалѣніе. (Некрологъ его: «Новое Время», 1909 г., № 11798).

† **Поповъ, М. Р.** Въ ночь на 4 января въ Кауфмановской лечебницѣ скончался на 58-мъ году отъ роду плиссельбуржець Михаилъ Родіоновичъ Поповъ. М. Р.—сынъ священника—родился въ 1851 г. въ мѣстечкѣ Глафировкѣ Екатеринославской губ. Дѣтство свое М. Р. провелъ въ деревнѣ. Въ 1862 г. онъ поступилъ въ маріупольское духовное училище, гдѣ

пробыль шесть лѣтъ, и затѣмъ перешель въ екатеринославскую духовную семинарію, по окончаніи которой сталъ готовиться къ поступленію въ университетъ. Обстоятельства сложились, однако, такъ, что покойный вынужденъ былъ измѣнить свое намѣреніе и поступить въ 1872 г. въ медико-хирургическую (нынѣ военно-медицинскую) академію. Въ 1874 г. М. Р. участвовалъ въ студенческихъ беспорядкахъ, возникшихъ на почвѣ инцидента съ проф. Ціономъ. Съ 1875 г. начинается регулярная дѣятельность покойнаго въ рядахъ революціонныхъ группъ, существовавшихъ тогда въ Россіи. Къ тому же времени относится и знакомство М. Р. съ Н. И. Кибальчицемъ. Въ 1877 г. покойный оставилъ военно-медицинскую академію и поселился въ Ростовѣ-на-Дону, гдѣ вскорѣ сталъ душою мѣтнаго кружка радикаловъ. Жизнь въ Ростовѣ-на-Дону показалась М. Р. слишкомъ тѣсной, и онъ рѣшаетъ предпринять нѣсколько поѣздокъ по Поволжью. Въ 1878 г. М. Р. участвовалъ делегатомъ въ воронежскомъ съѣздѣ «Земли и Воли». Со времени этого съезда М. Р. сталъ въ ряды убѣжденныхъ сторонниковъ «чернаго передѣла». Переѣхавъ затѣмъ въ Кіевъ, покойный былъ здѣсь 22-го февраля 1880 г. арестованъ. При арестованномъ были обнаружены нѣкоторые документы, послужившіе основаніемъ къ привлеченію его впоследствии къ «дѣлу 21-го». Дѣло это слушалось въ кіевскомъ военно-окружномъ судѣ и закончилось смертнымъ приговоромъ для обвиняемаго. 6-го августа, наканунѣ предполагавшейся казни, его неожиданно позвали въ тюремную контору. Здѣсь М. Р. было объявлено, что смертная казнь замѣняется ему безсрочной каторгой. Изъ Кіева покойный вскорѣ былъ отправленъ на Карійскую каторгу, гдѣ пробыль до 1882 г. Отсюда онъ былъ сначала переведенъ въ Алексѣевскій равелинъ Петроавловской крѣпости, а затѣмъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ онъ и оставался до амнистіи 1905 г. 15-го ноября 1905 г., послѣ 26-лѣтняго одиночнаго заключенія, М. Р. былъ отправленъ изъ Петербурга на родину и отданъ подъ надзоръ полиціи. На родинѣ до болѣзни М. Р. занимался, главнымъ образомъ, земледѣльемъ. По выходѣ изъ тюрьмы М. Р. написалъ рядъ очерковъ воспоминаній о дѣятеляхъ революціоннаго движенія въ Россіи вообще и «Народной Воли»—въ частности. Имъ написаны статьи: «Къ біографіи Н. Н. Мышкина», «Земля и Воля», «Наканунѣ борзненскаго съезда», «Изъ моего революціоннаго прошлаго» и др. (Некрологъ: «Рѣчь» 1909 г., № 4).

† **Рождественскій, З. П.** Въ ночь на 1 января скончался вице-адмиралъ въ отставкѣ Зиновій Петровичъ Рождественскій. Покойный пользовался репутаціей опытнаго энергичнаго моряка. Когда во время русско-японской войны понадобился флотоводецъ для того, чтобы во главѣ Балтійской эскадры, переименованной во вторую Тихоокеанскую, отправиться на Дальній Востокъ для подкрѣпленія морскихъ силъ, дѣйствовавшихъ противъ Японіи,—выборъ палъ на адмирала Рождественскаго. Онъ въ сентябрѣ 1904 г. отправился съ эскадрой въ Тихій океанъ и въ теченіе семи съ половиной мѣсяцевъ совершилъ при неблагопріятныхъ и тяжелыхъ условіяхъ кругосвѣтное плаваніе. Этотъ кругосвѣтный переходъ эскадры вызвалъ общее удивленіе, но, къ несчастью, закончился цусимской катастрофой. Вину катастрофы покойный всецѣло бралъ на себя, однако судъ оправдалъ З. П., получившаго во время боя тяжелое

пораженіе и попавшаго въ плѣнъ къ непріятелю въ состояніи безпамятства. Съ плаваніемъ второй Тихоокеанской эскадры и съ именемъ покойнаго была тѣсно связана надежда Россіи на побѣду, и потому цусимскій разгромъ русскаго флота печально отразился на репутаціи покойнаго. Послѣдующій судъ и особенно статьи Брута о состояніи второй эскадры, самоотверженно шедшей на гибель, выяснили, что вину цусимскаго пораженія невозможно всецѣло приписывать З. П., тѣмъ не менѣе покойный адмиралъ, чувствовалъ себя виновнымъ, вышелъ въ отставку и просилъ судить себя, чтобы облегчить свои нравственныя страданія. Покойный родился 17 марта 1848 г. Съ дѣтства онъ почувствовалъ влеченіе къ морской службѣ, семнадцатилѣтнимъ юношей поступилъ въ морскіе артиллерійскіе классы и совершилъ первое практическое плаваніе. Въ 1870 г. произведенъ въ мичманы, въ 1873 г. окончилъ курсъ въ артиллерійской академіи. Лейтенантомъ участвовалъ въ нѣсколькихъ морскихъ бояхъ во время русско-турецкой войны и за военныя отличія былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. и св. Владимира 4 ст. съ мечами и произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Съ 1890 г. командовалъ послѣдовательно клиперами «Наѣздникъ» и «Крейсеръ», лодкой «Грозящій», крейсеромъ 1-го ранга «Владимиръ Мономахъ», броненосцемъ береговой обороны «Первенецъ» и былъ начальникомъ сперва учебно-артиллерійской команды, потомъ артиллерійскаго отряда Балтійскаго флота. Командуя различными судами, З. П. заявилъ себя знаткомъ морского дѣла, строгимъ и требовательнымъ командиромъ. Въ 1903 году занялъ постъ начальника главнаго морского штаба съ правами товарища министра. Начавшаяся война съ Японіей вызвала его энергичную дѣятельность по усилению морскихъ силъ. Осенью 1904 г. онъ отправился въ качествѣ начальника второй Тихоокеанской эскадры на Дальній Востокъ, гдѣ и кончилъ свою блестящую карьеру довольно печально. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11.785).

† **Чижиковъ, Н. А.** 27 декабря, въ 9½ час. утра, скоропостижно скончался отъ паралича сердца генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ Николай Александровичъ Чижиковъ. Покойный пользовался широкой извѣстностью въ военныхъ сферахъ, какъ специалистъ по артиллерійской части и въ послѣдніе годы своей служебной дѣятельности занималъ послѣдовательно должности командира выборгской и кронштадтской крѣпостной артиллеріи. Въ Кронштадтѣ Н. А. являлся однимъ изъ дѣятельныхъ помощниковъ и сотрудниковъ безвременно погибшаго адмирала С. О. Макарова, причемъ главныя заботы его были направлены на улучшеніе положенія нижнихъ чиновъ, находившихся на фортахъ, на улучшеніе довольствія, на устройство особыхъ холодильниковъ для мяса и т. д. Дѣятельность Н. А. не ограничивалась одной службой, — онъ былъ виднымъ общественнымъ и журнальнымъ труженикомъ. Будучи предсѣдателемъ различныхъ благотворительныхъ обществъ, вице-президентомъ кронштадтскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, затѣмъ предсѣдателемъ X отдѣла императорскаго русскаго техническаго общества, онъ разновременно помѣстилъ цѣлый рядъ своихъ статей какъ въ специальныхъ, такъ и частныхъ изданіяхъ. По выходѣ въ отставку онъ поселился въ тиши финляндскихъ дачъ близъ ст. Перкярви и съ жаромъ принялся за

изученіе финскаго языка, который въ скоромъ времени и постигъ въ совершенствѣ. Знаніе финскаго языка ему было необходимо, чтобы стать на защиту русскихъ интересовъ, такъ часто нарушаемыхъ въ близкой къ столицѣ окраинѣ. Слѣдя за финской періодической прессой, онъ подѣлился многими почерпнутымъ изъ нея съ читателями «Нов. Врем.» въ статьяхъ своихъ за подписью «Русскій». Умеръ онъ на 59-мъ году отъ роду, оставивъ по себѣ прекрасную память отзывчиваго, добраго и сердечнаго человѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1909 г., № 11782).

† **Чудиновъ, А. Н.** Въ ночь на 14 декабря 1908 года скончался неожиданно на своей дачѣ въ Карлсбадѣ, близъ Риги, извѣстный педагогъ и писатель, Александръ Николаевичъ Чудиновъ. Родился онъ въ 1843 году въ селѣ Синеоковѣ Золотоношскаго уѣзда Полтавской губерніи, въ дворянской семьѣ, первоначальное образованіе получилъ въ кадетскомъ корпусѣ и, окончивъ его, на филологическомъ факультетѣ кievскаго университета. Писать А. Н. началъ рано и уже въ 1862 году сдѣлался однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ «Филологическихъ Записокъ». Здѣсь въ теченіе 25 лѣтъ помещенъ былъ цѣлый рядъ его оригинальныхъ и переводныхъ статей, не считая множества рецензій. Какъ педагогъ, онъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ былъ преподавателемъ въ орловскомъ корпусѣ и восемь лѣтъ—инспекторомъ института въ Орлѣ. Въ 1887 г. А. Н. пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ назначенъ инспекторомъ Маріинской женской гимназіи, а спустя четыре года получилъ мѣсто директора мужской и женской гимназій въ Черновѣ. Два года тому назадъ онъ окончательно бросилъ службу и поселился въ Лифляндіи, всецѣло отдавшись литературѣ. Въ Орлѣ А. Н. основалъ въ 1877 году и редактировалъ въ теченіе десяти лѣтъ «Орловскій Вѣстникъ», считавшійся при немъ одной изъ лучшихъ провинціальныхъ газетъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ началъ издавать «Пантеонъ Литературы» и при немъ дешевый журналъ «Семейную Библіотеку». Въ «Пантеонѣ Литературы» редакція, начная съ 1888 года, дала множество переводовъ замѣчательнѣйшихъ произведеній иностранныхъ литературъ, у насъ раньше совершенно неизвѣстныхъ, напримѣръ, «Калевалу», «Пѣснь о Нибелунгахъ», «Опыты» Монтеня и проч. Къ сожалѣнію, и «Пантеонъ Литературы», и даже «Семейная Библіотека» не имѣли особеннаго успѣха, и передъ своимъ отъѣздомъ въ Черновѣ редакторъ долженъ былъ продать съ большимъ убыткомъ для себя оба изданія небезызвѣстному Ѳ. В. Трозинеру, у котораго они зачехли окончательно. Въ Черновѣ А. Н. предпринялъ обширный трудъ «Русская классная библіотека». Это изданіе Глазунова заключаетъ въ себѣ рядъ образцовыхъ произведеній русской литературы съ подробными комментаріями и статьями и частью классическихъ произведеній иностранныхъ литературъ, изданныхъ по тому же плану. Отдѣльно покойный напечаталъ «Учебникъ русскаго языка», выдержавшій нѣсколько изданій, «Очерки исторіи языкознанія» (Воронежъ, 1869 г.), замѣчательный трудъ—«О преподаваніи русскаго языка» (*ibid.*, 1872), «Учебникъ русской словесности» (*ibid.*, 1874), «Исторія русской женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ» — публичныя лекціи, читанныя А. Н. въ Орлѣ и тоже разошедшіяся въ нѣсколькихъ изданіяхъ, — «Тургеневъ и зна-

ченіе его литературной дѣятельности» — тоже публичная лекція, — «Справочный словарь русскаго литературнаго языка, этимологическій, орфографическій и толковый», замѣчательная работа, вышедшая въ 1901 г. въ Петербургѣ; за нимъ послѣдовали «Справочный энциклопедическій словарь» и, наконецъ, «Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка» (ibid. 1902). Ему же принадлежатъ превосходные переводы «Чтеній объ искусствѣ» Тэна, Ренана, Макса Мюллера, Гюйо, «Трилогіи» Бомарше, де-Шамиссо и другихъ. Его «Сборникъ избранныхъ произведеній скандинавской поэзіи» — единственный въ нашей литературѣ. Въ послѣдніе годы здоровье А. Н. сильно пошатнулось, и, наконецъ, онъ почти ослѣпъ. Онъ скончался немного не доживъ до 66 лѣтъ. Всѣ его многочисленные ученики и ученицы и знавшіе этого прекраснаго высоко образованнаго человѣка навѣрное помнутъ его добрымъ словомъ.

Ширяевъ, С. О. 11-го января въ Кауфмановской общинѣ сестеръ милосердія отъ саркомы кишекъ скончался старшій помощникъ главнаго редактора «Правит. Вѣст.» Сергѣй Осиповичъ Ширяевъ. Уроженецъ Ярославской губерніи, С. О., прослушавъ курсъ наукъ по физико-математическому факультету петербургскаго университета, въ ноябрѣ 1884 года поступилъ на службу въ редакцію «Правит. Вѣстн.» помощникомъ редактора внутренняго отдѣла, въ 1891 г. былъ назначенъ редакторомъ этого отдѣла, затѣмъ старшимъ помощникомъ главнаго редактора, въ 1909 г. исполнялъ обязанности главнаго редактора «Прав. Вѣст.» и «Русскаго Государства». Литературный послужной списокъ С. О. недлиненъ, весь его 25-лѣтній трудъ ушелъ на черную газетную работу и имя его въ широкихъ литературныхъ кругахъ мало извѣстно, но для тѣхъ, кому приходилось съ нимъ работать, онъ останется памятенъ навсегда. Всесторонне образованный, въ высшей степени скромный, благодушный, блестящій знатокъ газетной техники, образцовый работникъ, онъ умѣлъ покорять самыя строптивыя сердца. С. О. работалъ при шести главныхъ редакторахъ: Г. П. Данилевскомъ, В. К. Истоминой, К. К. Случевскомъ, П. А. Кулаковскомъ, С. С. Татищевѣ и А. А. Балмаковѣ. Изъ работъ С. О. можно упомянуть «Исторію рыбинской биржи»; затѣмъ покойный сотрудничалъ въ Энциклопедическомъ словарѣ Эфрона, гдѣ помѣстилъ много бытовыхъ и этнографическихъ свѣдѣній изъ родной ему Ярославской губ., не бывшихъ въ печати, напримѣръ, о стерлядеводствѣ на Шекснѣ, объ особомъ типѣ деревенскихъ построекъ по Шекснѣ и Мологѣ, вызываемомъ разливами этихъ рѣкъ. Умеръ С. О. не старымъ человѣкомъ, 51 года отъ рода. (Некрологъ его «Нов. Вр.», 1909 г., № 11796).

† **Шишковъ, Л. Н.** 31 декабря, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался бывшій профессоръ Михайловской артиллерійской академіи, почетный докторъ химіи Леонъ Николаевичъ Шишковъ. Покойный съ самыхъ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя наукѣ. По его проекту отстроена прекрасная химическая лабораторія при Михайловской артиллерійской академіи. Цѣлый рядъ выпускныхъ артиллерійскихъ офицеровъ и воспитанниковъ Александровскаго лицея и Пажескаго корпуса обязаны его трудамъ и энергіи своею научною подготовкою. Родился Л. Н. въ 1830 г., получилъ образованіе въ Ми-

хайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ и Михайловской артиллерійской академіи, выпущенъ въ 1851 г. въ офицеры въ гвардейскую конную артиллерию съ оставленіемъ при артиллерійской академіи сначала ренетиторомъ, затѣмъ штатнымъ преподавателемъ и профессоромъ химіи. Неоднократно бывалъ въ заграничныхъ командировкахъ съ научною цѣлью, работалъ за границей совмѣстно съ профессоромъ Бунзеномъ и другими знаменитыми химиками, слушалъ лекціи въ сорбонскомъ университетѣ. Свою болѣе чѣмъ шестидесятилѣтнюю службу онъ провелъ на различныхъ поприщахъ: былъ предводителемъ дворянства, почетнымъ мировымъ судьей, губерньскимъ и уѣзднымъ гласнымъ земскаго собранія въ теченіе цѣлаго ряда трехлѣтій, много потрудился въ области сельскаго хозяйства и винокурения, прослужилъ болѣе десяти лѣтъ въ министерствѣ финансовъ членомъ технического комитета департамента неокладныхъ сборовъ, занимался разработкой закона о сельскомъ хозяйственномъ винокурении. Покойный состоялъ почетнымъ членомъ конференціи Михайловской артиллерійской академіи, членомъ многихъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ обществъ, почетнымъ членомъ московскаго общества сельскаго хозяйства. За особые труды его по химіи въ 1868 г. былъ признанъ петербургскимъ университетомъ достойнымъ званія доктора химіи (*honoris causa*). Изъ выдающихся его работъ слѣдуетъ отмѣтить: «Опредѣленіе химическаго состава гремучей руги», открытіе цѣлаго ряда новыхъ производныхъ изъ гремучей кислоты: изоціануровая кислота, три-нитро-ацето-нитрилъ, би-нитро-аммоніаль, би-нитро-ацето-нитрилъ, нитроформъ, квадра-нитро-форменъ (болотный газъ). Изслѣдованія эти были одобрены парижскою академіею наукъ. Затѣмъ онъ изслѣдовалъ совмѣстно съ профессоромъ Бунзеномъ горѣніе пороха, изслѣдовалъ дѣйствія пятихлористаго фосфора на хлористый бензолъ и произвелъ много другихъ работъ, которыя своевременно печатались въ «Журналѣ Русскаго Физико-Химическаго Общества» и въ иностранныхъ изданіяхъ. Михайловская артиллерійская академія надолго сохранитъ самое теплое воспоминаніе о немъ, какъ о строителѣ лабораторіи и любимомъ профессорѣ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11791).

† **Языковъ, Д. І., протоіерей.** Въ ночь на 21 декабря м. г. на 85-мъ году жизни тихо скончался одинъ изъ старѣйшихъ и достойнѣйшихъ представителей московскаго блага духовенства, настоятель Ильинской, что на Воронцовомъ полѣ, церкви, протоіерей Димитрій Іоанновичъ Языковъ. Въ лицѣ покойнаго не стало многолѣтняго и усерднаго труженика на нашей духовно-просвѣтительной нивѣ, подававшего своею жизнью и дѣятельностью яркій примѣръ истиннаго безкорыстія и неуклоннаго исполненія возложеннаго на него долга передъ Святою Церковью и вѣренной ему паствою. Почившій, сынъ священника села Внукова (Московской губ., Дмитровскаго уѣзда), родился 18 октября 1824 года и, послѣ первоначальнаго обученія въ дмитровскомъ духовномъ училищѣ, продолжалъ свое образованіе въ виаанской семинаріи. Какъ лучший воспитанникъ этой семинаріи, онъ съ 1844 года былъ принятъ въ московскую духовную академію, гдѣ и окончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ магистровъ богословія. По окончаніи академическаго курса, онъ состоялъ сперва (1848 г.) профессоромъ св. писанія и греческаго языка въ

тверской семинаріи, а затѣмъ (съ 1852 г.) перешель въ виванскую семинарію на кафедру словесности и латинскаго языка. Плодотворная педагогическая дѣятельность почившаго завершилась 3 мая 1854 года, когда онъ былъ рукоположенъ приснопамятнымъ митрополитомъ Филаретомъ во священники Николаевской церкви при московской духовной семинаріи. Отсюда уже съ 14 июня того же года, по желанію митрополита, онъ былъ переведенъ къ древнему Ильинскому храму, гдѣ и продолжалъ болѣе полувѣка свое достойное служеніе предъ престоломъ Всевышняго. Съ долгимъ непрерывнымъ служеніемъ православной церкви въ теченіе тридцати лѣтъ (1860—1890 гг.) неразрывно связывалась духовно-педагогическая дѣятельность почившаго въ качествѣ законоучителя третьей московской мужской гимназіи и другихъ учебныхъ заведеній нашей столицы. А съ 1891 по 1906 гг. онъ исправлялъ сложныя обязанности благочиннаго Пвановскаго сорока, будучи на ряду съ этимъ до самой кончины однимъ изъ энергичнѣйшихъ и полезнѣйшихъ дѣятелей въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія и Елизаветинскаго благотворительнаго общества. Хорошо извѣстенъ почившій и своими духовно-литературными трудами. Его перу, между прочимъ, принадлежатъ: магистерская диссертация «О составѣ церковныхъ пѣснопѣній, извѣстныхъ подъ именемъ каноновъ» (1848 г.), «Исторія храма св. Іліи, что на Воронцовомъ полѣ» (два изданія 1878 и 1879 гг.), «Св. славный пророкъ Ілія» (1893 г.), а также цѣлый рядъ статей и поученій, помѣщенныхъ на страницахъ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», «Душеполезнаго Чтенія» и «Православнаго Обзорнія». Последній трудъ почившаго—любопытныя «Воспоминанія о митрополитѣ Филаретѣ»—напечатанъ (за подписью П. Д. Я.) въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за прошлый 1907 годъ (№ 265). За свои долгодѣтнія заслуги на пастырскомъ поприщѣ о. Д. І., въ числѣ многихъ орденовъ, медалей и другихъ знаковъ отличія, былъ удостоенъ, между прочимъ, рѣдкихъ для священнослужителей наградъ—налицею и орденомъ св. Анны 1 степени. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 257).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ воспоминаніяхъ г-жи А. К. объ астраханскій холерѣ, встрѣчаются нѣкоторыя неточности. Прежде всего, холера въ Астрахани появилась не въ 1891 году, какъ озаглавлено въ воспоминаніяхъ, а годомъ позднѣе, т. е. въ 1892 году. На стр. 574 описано убійство двухъ врачей въ Астрахани (одного облили керосиномъ и сожгли, другого подбрасывали и заставляли падать на мостовую, пока онъ не обратился въ кровавую массу). Этого не было. Въ холерную эпидемію

1892 года былъ убитъ толпой только одинъ врачъ въ гор. Хвалынскѣ. Протока Волги въ Астрахани называется не Кучумомъ, а Кугумомъ.

М. Камневъ.

II.

Въ январской книгѣ «Историческаго Вѣстника» на стр. 71 въ воспоминаніяхъ Н. Н. Фирсова упоминается въ 11 строкѣ снизу «кн. П. А. Васильчиковъ, тогда совѣтникъ вѣнскаго посольства».

Прошу внести слѣдующую поправку.

Совѣтникомъ вѣнскаго посольства былъ братъ моего отца Николай Александровичъ Васильчиковъ—не князь. Если же рѣчь идетъ о Петрѣ Алексѣевичѣ Васильчиковѣ (тоже не князь), то онъ при посольствѣ не служилъ.

Князей П. А. Васильчиковыхъ въ XIX столѣтіи не было.

Ю. В. Васильчиковъ.

III.

Въ статьѣ, посвященной памяти скончавшагося драматурга Алексѣя Антиповича Потѣхина («Ист. Вѣстн.» 1908 г., № 12), вкралась неточность, попадающаяся, впрочемъ, почти во всѣхъ некрологахъ и біографіяхъ покойнаго писателя. Тутъ сказано, что А. А. Потѣхинъ послѣ окончанія Демидовскаго лица поступилъ на военную службу. Въ военной службѣ А. А. не служилъ, а зачислился лишь въ ратники ополченія во время Крымской кампаніи. Къ этому времени и относится его фотографическая карточка, на которой А. А. снятъ въ ополченскомъ мундирѣ. Вотъ эта-то карточка и послужила для біографовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и для г. Б. Г. автора статьи въ «Истор. Вѣстн.» невѣрнымъ основаніемъ говорить о военной службѣ покойнаго Потѣхина.

Когда зубками бѣлыми своими
 Хватала грудь ты полную мою.
 Нѣтъ, мать не та, которая родить,
 А та, которая своею грудью
 Ребенка выкормить,—дитя мое,
 Повѣдай матери свое ты горе;
 Сними его съ души, а братній гнѣвъ
 Я умираю,—не бойся.

МАГДАЛИНА [погруженная въ воспоминавія].

Предъ дворцомъ

Огромная толпа была народа.
 Среди толпы, людьми окружень,
 Которые въ восторгѣ лобызали
 Его колѣни, край Его одежды,
 Стоялъ тотъ благостный, великій мужъ.
 Онъ ростомъ средній былъ, но вся фигура
 Дышала благородствомъ и величьемъ¹⁾;
 Уста, сіявшія улыбкой кроткой,
 Окаймлены волнистой, раздвоенной,
 Какъ цвѣтъ орѣха, свѣтлой бородою;
 Чело Его,—та сладостная чаша,
 Гдѣ искрится вино дражайшихъ мыслей,—
 Сіяло, окруженное власами,
 Которые, спускаясь съ головы
 И кудрями волнистыми спадая
 Ему на плечи, ровно раздѣлялись
 Проборомъ посрединѣ, какъ ихъ носятъ
 Обычно назаряне. Взглядъ очей
 Сверкалъ, какъ молнія изъ темной тучи;
 Онъ сердце наполнялъ священнымъ страхомъ
 И въ то же время милостью сіялъ!—
 И этотъ взглядъ коснулся Магдалины
 И въ сердце ей больное онъ проникъ,
 Какъ проникаетъ вѣтерокъ весенній
 Въ цвѣтокъ не распустившійся, который,
 Отъ дуновенья сладкаго, вскрываетъ
 Свой вѣничикъ ароматный встрѣчу солнцу!
 Я видѣла Его лишь одного,
 Лишь свѣтлый ликъ, любовью мнѣ свѣтившій,
 И все, что жгло мнѣ грудь,—и мрачный гнѣтъ,
 Давящій насъ, и горькій стыдъ позора,—

¹⁾ По сочиненіямъ Никифора и по описанію Лентула въ письмѣ къ императору Тиверію.

Все стихло, все,—при взглядѣ на Него!—
 Пилать увидѣлъ, что къ Нему душою
 Стремлюся я и гнѣвною рукой
 Схватилъ и вытолкнулъ, полупагую,
 Меня на улицу. Одна, въ слезахъ
 Стояла я, отверженная всѣми
 И ставшая посмѣшищемъ рабовъ,—
 А сердце билось лишь однимъ желаньемъ
 Итти вослѣдъ за дивнымъ этимъ мужемъ!
 Но Онъ исчезъ, а съ нимъ и весь народъ,
 Ему «осанна» радостно кричавшій.
 На площади цвѣты еще лежали,
 Растоптанные быстрыми стопами,
 Какъ сердце у меня,—и пѣли птички,
 И весело вверху свѣтило солнце.
 Я видѣла все это лишь глазами,
 Но чувствовать не въ силахъ я была.—
 Печально поплелась я къ дому брата,
 А онъ меня отвергъ и выгоняетъ.

ГОХЕВА.

Дитя мое, не надо волноваться;
 Его съ тобой я примирю еще;
 Пусть только онъ отъ боли отдохнетъ.
 Но ты теперь въ поля отправься съ Мароой.
 Она съ полудня каждый день уходитъ
 Снопъ вязать жнецамъ, за позволенье
 Забытые колосья подбирать.

МАГДАЛИНА [въ которой отъ этихъ словъ про-
 буждается вновь сознание своего
 положенія, раздражается горест-
 ными жалобами].

О горе, горе мнѣ! Опять стою я
 Передъ пустою, голою стѣной.
 Величья блескъ навѣкъ утраченъ мною
 И снова безутѣшно все вокругъ!—
 Чье надо мной проклятье тяготѣетъ?
 Чью горькую судьбу влачить должна?

ГОХЕВА.

Судьба людей, дитя, въ Господней волѣ.
 Повѣрь, что для тебя гораздо лучше
 Выпранивать забытые колосья,
 Чѣмъ тѣло продавать свое на грѣхъ!

МАГДАЛИНА [плачетъ].

Отъ жара всѣ потрескаются руки,
До крови ноги въ полѣ исколю!
Увы, увы,—какъ тонкимъ, нѣжнымъ членамъ
Переносить мучительную боль?!

ИОХЕБА.

Нужда гнететъ своей желѣзной дланью
И ранить больно насъ. Но человѣкъ
Привыкнуть можетъ ко всему. Вотъ Марѳа.

МАРѢА [выходитъ отъ Лазаря съ кувшиномъ и граблями].

Теперь уснулъ онъ; боль полегче стала.
Пойду въ поля, колосья собирать.

ИОХЕБА [указывая на Магдалину].

Возьми съ собой и эту.

МАРѢА [съ состраданіемъ смотря на удрученную сестру].

Солнце зноемъ

Палить теперь; тамъ негдѣ въ тѣнь укрыться.
Оставь ее ты дома. Я привыкла
И постараюсь насбирать для всѣхъ.

ИОХЕБА.

Нѣтъ, нѣтъ, возьми ее, и тамъ научишь
Снопъ вязать и чтить Іегову.

МАРѢА.

Пойдемъ, сестра.

МАГДАЛИНА [протягивая руки къ утраченному].

О мирра, олеандры!

О дивныя одежды, дымъ куреній!
Какъ больно отказаться мнѣ отъ васъ!

Иохеба мягкимъ усліемъ направляетъ ее къ выходу. Марѳа подаетъ ей кувшинъ и грабли, и обѣ удаляются по направленію къ полю.

На полѣ.

Исусъ съ двумя учениками: Иоанномъ Зеведеевымъ и Симономъ Петромъ.

ІОАННЪ.

Наставникъ, милый, и земля прекрасна!
 О, посмотри, раскинулась передъ нами—
 Среди цвѣтовъ, среди травы душистой—
 Она съ улыбкой ясной, какъ дитя.
 Спѣшать къ ней радостно ягнята, козы
 И прыгаютъ веселыми прыжками
 И кормятся изъ щедрыхъ рукъ ея!
 Взгляни, какъ солнышко играетъ съ цвѣтомъ
 И какъ разумно той игрѣ деревья
 Зелеными киваютъ головами
 И птичкамъ, тихо внемлющимъ, поютъ
 О томъ, что снилось имъ весенней ночью.
 Взгляни, наставникъ, какъ на стебелькѣ
 Съ своею ношей пчелка отдыхаетъ,
 И какъ вдали, увѣнчаны лѣсами,
 Сениръ высокій и Гермонъ стоятъ,
 Подобно двумъ священнымъ чашамъ неба,
 Изъ темной массы золота отлитымъ,
 Доступнымъ лишь святымъ устамъ Творца!

ИСУСЪ [съ глубокимъ чувствомъ смотря
 вокругъ себя].

Отецъ все предалъ Сыну, чтобы вы
 Увѣровать могли, принять Его
 И получить блаженство.

ІОАННЪ.

Да! Ты свѣтъ,
 Пришедшій въ міръ.

ПЕТРЪ.

Повѣдай мнѣ, учитель,
 Объ этомъ мірѣ. Гдѣ его начало
 И гдѣ конецъ? И вѣчно ли такимъ
 Останется онъ въ будущемъ, какъ нынѣ?

ИСУСЪ.

Начало и конецъ всего—въ Отцѣ,
 И то, что заключается межъ ними,
 Премудрости своей Онъ предоставилъ.

ЮАННЪ.

Внезапно вспыхнувъ, пламенная мысль
 Меня объемлетъ—о кончинѣ міра!
 Я вижу, какъ, по манію Творца,
 Могучая чета гигантовъ грозныхъ—
 Земля и небо—рвутся другъ ко другу;
 Я вижу, какъ спѣшить, оковы сбросивъ,
 Съ супругою супругъ соединиться.
 Какъ развѣваются, волнуясь, кудри
 Ея лѣсовъ вокругъ яснаго чела!
 Какъ высоко она вздымаетъ грудь!
 Ея вѣнковъ душистыхъ зелень сохнетъ
 Отъ жаркаго огня его дыханья!
 Доносится стихій послѣдній звукъ,
 Какъ звукъ трубы, гремящей пѣсню брака!
 Ахъ! Расплаваясь въ сладостной тоскѣ,
 И человѣчество, слезой послѣдней,
 Течетъ и исчезаетъ въ необъятномъ.
 Наставникъ, милый, часто грудь тѣснить
 Мнѣ мысль, что люди—только скорбь земли,
 И что тогда лишь, какъ мы всѣ исчезнемъ,
 Начнется вѣчной радости пора.

ИСУСЪ [задумчиво смотритъ на него и
 молча направляется далѣе].

ПЕТРЪ [черезъ нѣсколько времени].

Наставникъ, посмотри на эту тѣнь,
 Что черезъ поле къ намъ сюда шагаетъ.
 Тамъ человѣкъ идетъ и машетъ намъ,—
 Спѣшить,—догнать насъ хочетъ.

ИСУСЪ [оборачивается].

То Иуда

Искариотъ. Его замѣтте вы!
 Ко мнѣ Отцомъ онъ посланъ, чтобъ исполнить
 Предсказанное Богомъ чрезъ пророковъ.

ИУДА.

Не ты ли Иисусъ Назарянинъ
 Маріи сынъ и «Иудейскій царь»,
 Какъ прозванъ ты молвой?

ИСУСЪ.

Ты говоришь.

ИУДА [улыбаясь своею обычною улыбкой].

Тебя ищу, наставникъ! Много слышалъ
Я о тебѣ и сердцемъ возжелалъ
Премудростью твоею насладиться.

ИСУСЪ.

Поистинѣ, Иуда, лучше бъ было
Тебѣ на свѣтъ совсѣмъ и не родиться,
Чѣмъ въ сердцѣ ложь носить! Изволь! Страхни
Съ сандалій прахъ. Тебѣ мое ученье
Я изложу, а тамъ иди за мной
И будь мой ученикъ.

ПЕТРЪ.

Вблизи, въ кустахъ,
Течеть ручей, наставникъ. Тамъ прохладно,
И можно тамъ намъ будетъ отдохнуть.

[Спускаются въ указанную Петромъ мѣстность].

Магдалина и Марѳа, обѣ съ кувшинами и граблями, появляются съ противоположной стороны.

МАРѲА.

Устала? Обопрись-ка на меня;
Итти такъ долго ты вѣдь не привыкла.
И солнце жжетъ красивую головку.
И больно колютъ срѣзанные стебли
Твои изнѣженные ножки.

МАГДАЛИНА [опираясь на нее]

Марѳа,
О какъ добра ты, милая сестра!

МАРѲА.

А вотъ и поле наше. Видишь, тамъ
Однѣ мелькаютъ головы жнецовъ,
А ихъ самихъ скрываютъ волны хлѣба.

МАГДАЛИНА.

Ахъ, да!

МАРѲА.

Богатый нынче урожай,
Какихъ у насъ давно ужъ не бывало,

И послѣ молотбы немало зеренъ
Для бѣднаго въ мякинѣ наберется.
[Подходить съ Магдалиною къ жнецамъ].
Привѣтъ мой вамъ!

СИМЕОНЪ [старшій жнецъ].

А, Марѳа! Это ты?
Поди, не сладокъ путь тебѣ, смуглянка,
Пришелся къ намъ по этакой жарѣ?
[Протягиваетъ ей кувшинъ].
Поосвѣжись, попей! Питье изъ яблокъ.
[Замѣчаетъ Магдалину].
А это кто съ тобою?

МАРѢА.

Магдалина,

Моя сестра.

СИМЕОНЪ.

Сестра? Не ожидалъ!
Сравнить васъ съ ней, такъ твой отецъ, пожалуй,
Пастухъ коровій былъ, а для нея
Навѣрное спускался ангелъ съ неба.

ЖНЕЦЫ [смѣясь].

Да, мать у васъ, пожалуй, и одна,
А вотъ въ отцѣ не скоро разберешься!

СИМЕОНЪ.

Ну, Марѳа, нынче вонъ туда иди,
Направо,—женщины снопы тамъ вяжутъ.
И ты, красотка, съ нею же ступай,
А кончишь трудъ, гранатными губами
Меня покрѣпче чмокни, не забудь!

Жнецы принимаются за работу, Марѳа и Магдалина идутъ далѣе.

МАРѢА.

Какой хорошій все народъ они!
Въ ихъ грубости сквозитъ избытокъ силы,
И мужа лучшаго, чѣмъ Симеонъ,
Себѣ, пожалуй, я бъ и не желала.

МАГДАЛИНА [глубоко вздыхая].

О, какъ легко тебѣ счастливой быть
Съ такой невинной скромностью желаній!
[Подходить къ работающимъ на полѣ женщинамъ].

МАРӨА.

Привѣтъ вамъ, сестры милыя, сосѣдки!

ЖЕНЩИНЫ.

Прими и нашъ. Стань съ нами здѣсь въ ряды.

МАРӨА [Магдалинѣ].

Вотъ посмотри, какъ стану я вязать.

[Начинаеть работать].

ОДНА ИЗЪ ЖЕНЩИНЪ.

А эта—не сестра ль твоя меньшая?
Не Магдалина ли?

ДРУГАЯ.

Не та ли это,

Которая у Понтія жила?

ТРЕТЬЯ.

Которая на праздникахъ рядилась
И важничала въ пурпурѣ, какъ будто
Она и впрямь—царица Іудей!

МАРӨА [успокаивая].

Ну, полноте...

ПЕРВАЯ.

Что надо ей у насъ?

Мы честныя!

ТРЕТЬЯ.

Иль хочеть, можетъ быть,
Сплести вѣнецъ свой царскій изъ соломы?!

МАГДАЛИНА [про себя].

Учись терпѣть.

ВТОРАЯ [плюеть].

Тьфу! Дерзкая дѣвчонка!

Тварь гнусная!

МАРӨА.

Послушайте же, сестры!

ПЕРВАЯ.

Ужъ нечего сказать, твоя сестрица
Отмѣнный плодъ! Повѣрить даже трудно,
Чтобъ на одномъ вы деревѣ росли.

ВТОРАЯ.

Она въ могилѣ мать свою позоритъ.

МАГДАЛИНА [внезапно выпрямляясь].

Оставьте вы меня! Молчала долго
Я, слушая всѣ ваши злыя рѣчи,
И лишь слезой на нихъ я отвѣчала.
Но кто же вы, въ сравненіи со мной,
Что смѣете ругаться мнѣ такъ дерзко?
Я—изъ Давида царственнаго рода,
Потомокъ многихъ славныхъ я царей!
Душа моя къ величію стремилась,
Оковы пошлой жизни презирая,
И если я въ пути своемъ ошиблась,
То это дѣло только лишь—мое.
А вы? Какъ можете мнѣ быть судьями
Вы, въ низости рожденныя, во мракѣ,
Воспитанныя жалкой нищетой?
Рабыни вы стѣ самага рожденья,
Едва достойныя, чтобъ развязать
Ремни моихъ сандалій!..

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА [приходя въ себя].

Что я слышу?

И это смѣеть говорить она
Намъ —честнымъ женщинамъ?!

ВТОРАЯ.

А мы, давайте,

До пояса все платье ей обрѣжемъ,
На деревѣ стремглавъ ее повѣсимъ!

ТРЕТЬЯ.

Позоритъ насъ распутница дерзаетъ
И цѣлы у нея еще глаза?!

ВСѢ ЖЕНЩИНЫ.

Хватайте! Бейте! Длинные волосыя
Треплите, рвите съ корнемъ ей!

МАРѠА [загораживая Магдалину].

Назадъ!

Къ моей сестрѣ не смѣйте прикасаться!
Я васъ не допущу!

ЖЕНЩИНЫ [яростно наступаая].

Къ твоей сестрѣ?
Къ развратной дрянн!

МАГДАЛИНА [убѣгая].

Боже, защити!

ТРЕТЬЯ.

Ага! Бѣжитъ она, и только пыль
Столбомъ за нею вѣтся — ха-ха-ха!
Ну, хороша жъ царица!

ВТОРАЯ.

Хороша!
Ужъ лучше и не выдумать! Ха-ха!

ПЕРВАЯ.

Иди къ намъ, Марѳа, мы тебя не тронемъ,—
Ты дѣвушка вѣдь честная! Никто
Тебя изъ-за нея винить не станетъ.
Здѣсь рядомъ становись, вяжи снопы.

МАРѲА [плачетъ].

Пустите! Прочь! Вы съ нею поступили,
Какъ звѣри дикіе! Сестра моя!
О милая сестра! Вѣдь заблудиться
Она въ лѣсу томъ можетъ.

[Зоветь].

Магдалина!

Я побѣгу! я отыщу ее!

[Удаляется въ ту сторону, куда убѣжала Магдалина, не переставая звать ее].

Послушай, Магдалина! Магдалина!

Лѣсная мѣстность.

МАГДАЛИНА [вбѣгаетъ запыхаясь].

Бѣгутъ еще? Все гонятся за мной?
А тамъ поймають, схватятъ, стануть бить?

[Опускается на склонъ холма].

Въ конецъ я уничтожена теперь!
Моя гордыня стала тростникомъ
Надломленнымъ, засохшимъ, чрезъ который
Проносится одинъ лишь вѣтеръ скорби.

Куда я ни приду, меня встрѣчаетъ
 Беззубая и грубая насмѣшка,
 Исчадье нищеты и озлобленья!
 О праздность, демонъ злой, зачѣмъ такъ льстиво
 Меня въ свое ты лоно привлекла!
 Сіяли предо мной твои одежды,
 Сотканныя изъ свѣтлыхъ, чудныхъ сновъ,
 Лицо твое блистало красотою,
 Сіяющей, какъ въ первый день въ раю,
 А въ глубинѣ твоей нужда скрывалась,
 Пресыщенность къ отчаянью вела!
 Что дѣлать мнѣ теперь? За трудъ приняться?
 «За трудъ, за трудъ!» мнѣ шелестятъ деревья,
 Украшенные зрѣлыми плодами;
 «За трудъ, за трудъ!» въ вѣтвяхъ щебечуть птицы,
 Пѣвцы Іеговы; «за трудъ!» мнѣ шепчеть
 Покрытая волнами хлѣба нива.
 И стройно всѣ дневные голоса
 Сливаются въ единомъ вѣчномъ звукѣ:
 «За трудъ!» Но я трудиться не могу!
 Къ труду въ себѣ не нахожу я силы.
 О сила, сила, первое биење
 Молодого сердца, жизни молодой,
 Которая изъ мрака темной ночи
 Упорно пробивается на свѣтъ,
 Какъ безъ тебя я вырваться могу
 Изъ власти палачей моихъ жестокихъ,
 Которымъ имя: праздность и привычка?!
 О, горе мнѣ! Изъ этого позора
 Мнѣ нѣтъ иного выхода, какъ только
 Опять вернуться на скамью къ воротамъ,
 При свѣтѣ мѣсяца сидѣть и ждать,
 Прикрывши грудь дешевымъ покрываломъ.

[Поникаетъ въ слезахъ на землю].

Іегова! О строгій, грозный Богъ,
 Ужели грѣхъ мой предъ Тобой такъ тяжекъ,
 Что въ наказанье далъ Ты мнѣ познанье
 Всей глубины его и снова въ бездну
 Грѣха того жъ безжалостно бросаешь?
 Глава Твоя, вмѣщающая небо,
 Ужели милосердія не знаетъ?
 Ужели мнѣ, покинутой, осталась
 Одна лишь скорбь унынья безъ конца?
 Твой міръ мнѣ тѣсенъ, какъ ущелье это;
 Онъ для меня тюрьма! Куда ни брошусь,

Желѣзные ворота запертыя
 Мнѣ отовсюду выходъ преграждаютъ.
 Вокругъ меня молчаніе пустыни,
 Безчувственное мертвое молчанье!
 По лѣсу, точно полосы тумана,
 Пронесятся, бѣлѣя, привидѣнья
 И тянутся ко мнѣ руками. Ужась
 Охватываетъ всю меня, и нѣтъ,
 Нѣтъ голоса, который бы утѣшилъ
 И некому излить свои мнѣ слезы!
 И въ памяти встаютъ бывлые дни
 И тѣни милыя, —отецъ и мать,—
 Закутанныя въ саванъ облаковъ,
 Надъ головой моею пролетаютъ.
 Пойдите же! Побудьте же со мной!
 Взгляните на меня, не покидайте!
 Летятъ, летятъ! О, мать моя, отецъ,
 Будь вы еще на свѣтѣ, никогда бы
 Такъ низко я не пала!

[Съ рыданіемъ падаетъ на землю].

Иисусъ подходитъ къ ней и кладетъ руку ей на голову.

Миръ тебѣ!

МАГДАЛИНА [при звукѣ его голоса вздраги-
 ваетъ, взглядываетъ на него, за-
 тѣмъ опускаетъ глаза и лепечетъ робко].

Ты здѣсь? Неужли ты?

ИИСУСЪ.

Да, это я.

Не плачь. Вставай; тебя я успокою
 И облегчу.

МАГДАЛИНА.

Но, Господи, меня
 Ты знаешь ли? Вѣдь Магдалина я.

ИИСУСЪ.

Отнынѣ ты должна «Маріей» зваться,
 Затѣмъ, что горе жгучее твое,
 Твой зовъ Отцу изъ глубины сердечной
 Услышало Господне милосердье.

МАГДАЛИНА.

Какъ кротокъ ты съ твоей рабою грѣшной!

ИСУСЪ.

Возстань, Марія, дай свою мнѣ руку
И слѣдуй мнѣ. Отъ долгаго пути
Устала ты и жаждою томишься.
Я напою тебя, и, если алчешь,
Тебѣ я пищу дамъ.

Марія Магдалина робко подаетъ ему руку.

ИСУСЪ [ведетъ ее].

Взгляни, дитя,
Какъ тамъ въ кустахъ родникъ высоко плещетъ
И искрится на солнечныхъ лучахъ,
А тамъ волной серебристой ниспадаетъ
И свѣтлымъ ручейкомъ несется вдаль.
Взгляни туда. Вонъ старыя деревья
Заволокли его густою тѣнью,
А дальше скалы высятся стѣной,—
И разобьетъ онъ гордое чело
О твердый камень. Погляди, Марія,
Вонъ капельки его блестятъ, какъ слезы,
Въ задумчивыхъ вѣтвяхъ плакучей ивы.
Дальнѣйшая судьба его извѣстна.
Изъ края въ край блуждать онъ долго будетъ,
Пока, лучами солнца привлеченъ,
Не станетъ облакомъ и, снова чистый,
Свободный отъ общенія съ землей,
Прозрачною струею не прольется,
Найдя опять въ источникѣ родномъ
Свою, давно забытую, отчизну!
И наша жизнь похожа на него.
Смотри, дитя, не ушиби ноги ты
Объ этотъ камень и держись меня,
Чтобы найти защиту отъ змѣи,
Что подъ кустомъ, скрывая ядъ, таится...
Блаженъ, кто можетъ, объ руку со мной,
Къ источнику—къ Отцу—опять вернуться!

МАРІЯ МАГДАЛИНА.

Я все бы шла и слушала тебя!

[Они подходятъ къ роднику].

ИСУСЪ.

Присядь теперь. Ученики мои
Здѣсь трапезу вкушали, и довольно
Осталось для тебя вина и хлѣба.

[Разламываетъ хлѣбъ и даетъ ей; также и вино].

Вкуси и ты, съ благословеньемъ Божьимъ.

МАРІЯ МАГДАЛИНА [во время ѣды].

О Господи, давно ужъ пища мнѣ
Такой пріятной, сладкой не казалась,
И всѣ пиры роскошныя Пилата
Ничто въ сравненіи съ трапезою этой
Вблизи тебя, среди травы душистой,
Въ тѣни деревъ, которыя вокругъ,
Мнѣ кажется, поютъ псалмы святыя.

ИСУСЪ.

Твой миръ души и тѣло раздѣляетъ.

МАРІЯ МАГДАЛИНА.

О Господи, молю, не согласишься ль
Прійти къ намъ въ домъ и брата моего
Со мною примирить?

ИСУСЪ.

Приду, дитя.

МАРІЯ МАГДАЛИНА [смотря на него].

Какъ чуденъ ликъ твой дивный! Не могу
И выразить, какимъ небеснымъ свѣтомъ
Твоя краса мнѣ душу озаряетъ!
Вокругъ меня царила ночи мгла,
Теперь взошло, сверкая блескомъ, солнце.
И, кажется, отнынѣ никогда
Вечерняя пора ужъ не настанетъ,
И вѣчно длиться будетъ свѣтлый день!

ИСУСЪ.

Блажены тѣ, кто чувствуетъ, какъ ты,
Кому душа къ познанію открыта.

МАРІЯ МАГДАЛИНА.

Отъ долгаго пути я ослабѣла,
И голова склоняется на грудь,
А вѣки, какъ свинець, отяжелѣли.

ИСУСЪ.

Усни пока на мягкой тамъ травѣ,
А я здѣсь буду охранять тебя.

МАРІЯ МАГДАЛИНА.

О, подь твоею благостной защитой
И волосъ съ головы не упадетъ:
Позволь отъ всей души тебя за благодать
Благодарить!

[Засыпаетъ].

[Изъ лѣса возвращаются три ученика—Иоаннъ, Петръ, Иуда Искариотъ].

ІОАННЪ.

Потише говорите!

Учитель здѣсь.

ПЕТРЪ.

Смотрите, что такое
Лежитъ тамъ въ складкахъ бѣлыхъ на травѣ?
Сдается мнѣ, какъ будто бы одежда?

ІУДА [насмѣшливо].

А мнѣ сдается, что въ одеждѣ этой
И женщина видна. Иль, можетъ быть,
То ангелокъ, сюда слетѣвшій съ неба,
Чтобы постель устроить, для забавы,
Съ сверчками полевыми.

ИСУСЪ [оборачиваясь къ нимъ].

Подойдите.

ІОАННЪ.

О равви, посмотри, какихъ цвѣтовъ,
Какихъ жучковъ и камешковъ набралъ я,
Чтобы намъ сущность ихъ ты объяснилъ.

ПЕТРЪ.

Наставникъ, кто она?

ІУДА [пройдя къ Магдалинѣ и узнавъ ее,
про себя].

А, Магдалина!

ИСУСЪ.

Заблудная овечка, Петръ, изъ стада,
Которую хочу, какъ добрый пастырь,
Вернуть опять на правую стезю.

ИУДА.

Проклятья! Съ Нимъ одна была она!
[громко].

И точно, что заблудшая. Вѣдь это
Не кто иной, какъ Лазаря сестра,
Извѣстная красотка Магдалина,
Которая у Понтія была
Наложницей.

ИСУСЪ.

Иуда! О Иуда!
[Простираетъ надъ нею руку въ знакъ благословенія].
Кто здѣсь изъ васъ рѣшиться можетъ первый
Въ нее, съ покойнымъ сердцемъ, бросить камень?

ОТДѢЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

(Жаркая мѣстность. Перекрестокъ трехъ дорогъ).

Иуда. Магдалина.

МАГДАЛИНА.

Хотѣлъ ты, чтобы я пришла сюда...

ИУДА.

Хотѣлъ.

МАГДАЛИНА.

Покоя я не находила,
Пока сюда, на зовъ твой, не пошла

ИУДА [смѣется].

Съ раскаяньемъ, какъ грѣшница, ступая
Босой ногой по жгучему песку.

МАГДАЛИНА.

Вотъ именно, съ глубокимъ сожалѣньемъ,
Что вновь къ тебѣ должна была итти.

ИУДА [смѣется].

Привычка старая, мой милый другъ,
Сильнѣе насъ.

МАГДАЛИНА [печально].

Чего же хочешь ты?

ИУДА.

Опять напомнить о любви взаимной.

[Она отшатывается въ ужасѣ].

ИУДА.

Съ чего жъ ты поблѣднѣла? Ну, конечно,
Съ тѣхъ поръ, какъ породнилась съ Богомъ ты,
Тебѣ противенъ сынъ земли, Иуда.
Но только, говорятъ, до васъ, до женщинъ,
Не падохъ, будто, вовсе Онъ.

МАГДАЛИНА [съ омерзѣніемъ]

Проклятый!

[Хочетъ итти].

ИУДА.

Стой, женщина! Возлюбленнымъ твоимъ
Былъ первымъ я. И что бы ни случилось,
Навѣкъ ты скована любовью первой.
Крѣпка та цѣпь; она нерасторжима.
Борись и извивайся ты, какъ хочешь,
Но отъ меня тебѣ ужъ не уйти.
Твое воображенье вѣчно будетъ
Стремиться вдаль, къ той сладостной порѣ,
Когда любовь впервые ты познала.
Въ тиши ночной, на ложѣ одинокомъ
Ты снова слышишь будто легкой шелестъ
Монихъ шаговъ въ травѣ высокой сада.
Съ небесъ луна сіяетъ. Темной тѣнью
Вхожу я въ домъ, и ты спѣшишь въ восторгъ
На грудь мою... О женская душа,
Я знаю всѣ мечты твоей изгибы!

МАГДАЛИНА [закрываетъ лицо руками]

ИУДА.

Ты этого стыдишься? Не стыдись.
Вѣдь всѣ вы таковы! Простая смѣсь
Чувствительности нѣжной съ сладострастьемъ.
Заключены въ скорлупку вы привычекъ
И не подъ силу сбросить вамъ ее.
Иди домой и вспоминай меня.

МАГДАЛИНА [въ страхъ ломая руки].

Ужели правда, что, подпавъ однажды
Наклонностямъ порочнымъ, ужъ нельзя

Отъ нихъ освободиться, что онѣ,
 Какъ вѣчное проклятье, неотступны?
 Ужели жь правда это? Боже мой!
 Мнѣ было такъ покойно, хорошо!
 И вотъ... Увлечена, помимо воли,
 Должна опять я за тобой итти,
 Хотя мнѣ только ужасъ ты внушаешь.

ГУДА [про себя].

Да, чудныя, таинственныя цѣпи
 Скрѣпляютъ человѣчество отъ вѣка,
 Чтобы оно распасться не могло!
 Съ недавнихъ поръ и мнѣ не разъ пришлось
 Seriously думать о такой же цѣпи,
 Которая все существо мое
 Къ единой точкѣ приковать стремится.

[Съ бѣшенствомъ].

Но демонами всѣми я клянусь,
 Гнѣздящимися въ сердцѣ человѣка, —
 Я цѣпь ту разорву и уничтожу,
 Хотя бѣ пришлось при этомъ раздавить
 Тебя и міръ!

МАГДАЛИНА.

Но что задумалъ ты?

ГУДА.

Смѣла ты, женщина, коль хочешь знать
 Тѣ думы, что мужскую грудь волнуютъ!
 Вѣдь, все равно, тебѣ ихъ не понять.
 Вы созданы затѣмъ, чтобы служить
 Лишь мягкимъ изголовьемъ духу мужа,
 Когда онъ, утомленный, къ вамъ приникнетъ,
 Чтобы отдохнуть, — но слишкомъ слабы вы,
 Чтобы въ мысли и дѣла его проникнуть.
 Иди домой! И помни о любви
 Съ тобою нашей. Если я вернусь,
 Начну пахать, какъ праотецъ Адамъ,
 А ты тогда женой моею будешь.

МАГДАЛИНА [со вздохомъ].

А что же ты теперь?

ГУДА.

Вотъ посохъ мой
 И вотъ моя котомка. Я иду

За Галилеяниномъ въ Самарію
Съ Его учениками.

МАГДАЛИНА.

Какъ? Неужли
Его ученикомъ ты сталъ?

ИУДА.

Покуда
Не буду самъ учителемъ Его.
Прощай!

[Они расстаются].

МАГДАЛИНА [возвращаясь домой].

На сердцѣ снова легче стало,
Какъ онъ ушелъ. Когда иду одна,
Цвѣты мнѣ вновь привѣтливо киваютъ
И льютъ свой аромать, какъ тамъ въ лѣсу,
Когда Господь сказалъ слова святыя:
«Блаженъ, кто можетъ, объ руку со мной,
Къ источнику, къ Отцу, опять вернуться».
[Задумчиво идетъ далѣе].

Самарія. Мѣстность между горами Эбаль и Гаризимъ.

[Бурная ночь. Дождь. Вѣтеръ].

ИУДА [входитъ, осматриваясь].

Пастухъ куда-то скрылся отъ овечекъ,
И заблѣяло стадо безъ него.
А я пошелъ Его искать среди ночи,
Какъ будто я—женихъ, а онъ невѣста,
И этотъ лѣсъ—нашъ свадебный чертогъ,
А съ неба къ намъ вино на землю льется!

[Отряхивается].

Бррр! Вотъ такъ бѣшенная ночь! Такія
Не часто здѣсь у насъ бываютъ ночи.
На наши горы старыя надежда
Шлоха теперь. Ихъ стѣны одряхлѣли,
Ихъ жидкія знамена треплетъ буря;
Развалиной тѣ крѣпости лежатъ,
И свищетъ вѣтеръ сквозь пустыя щели.
Ага! Вотъ такъ! Вотъ такъ! Ломи смѣлѣе!
Ломи! Ты правъ: пора разрушить ихъ!
Чу! Трескъ и шумъ! То рухнули деревья!

5*

По правдѣ, вихрь, воитель славный ты!
 Круши сильнѣй! Хватай всѣ эти скалы
 И костяки безглавые ихъ брось
 Въ глубокія, отверстыя могилы,
 Чтобъ утро все по-новому нашло!
 По-новому! по-новому! Томится
 Здѣсь все ужъ цѣлое тысячелѣтье,
 Застывъ въ оковахъ непроглядной скуки,
 По этомъ новомъ! Брось же скалы, вихрь,
 Иль я въ тебѣ разочаруюсь...

[Его подхватываетъ и гонитъ вѣтромъ].

А! Меня ты принялъ за кусокъ цыновки?
 Ну, что жъ! Держись за плащъ, пріятель, кричи!
 Смѣлуй! смѣлуй! Прерви мое дыханье,
 Сгуби весь міръ, — но дай мнѣ, передъ смертью,
 Конвульсіей его полюбоваться!

[Бура усиливается].

У! Какъ деревья въ ужасѣ дрожать,
 Другъ къ другу жмутся, щелкаютъ зубами!
 Какъ треплются зеленныя ихъ перья
 На головахъ, согнувшихся подъ вихремъ,
 И съ страшнымъ трескомъ валятся на землю
 Разбитые, зеленые щиты!
 Поистинѣ, они теперь, какъ войско
 Разбитое, лежатъ всѣ на колѣняхъ
 Предъ побѣдителемъ своимъ могучимъ.
 А онъ реветъ надъ ними кличъ побѣдный
 И облачнымъ копьемъ, сверкнувшимъ въ небѣ,
 Дробитъ ихъ въ прахъ! Вотъ это такъ забава!
 Забава? Любо мнѣ, когда такъ страшно
 Захочетъ позабавиться природа!

[Ревъ бури переходитъ въ глухой рокотъ].

Теперь любовникъ бѣшеный цѣлуетъ
 Роскошную свою подругу—ночь,
 И даже вздумалъ, какъ вѣнкомъ побѣднымъ,
 Вѣнчать ее сіяніемъ луны.
 При чемъ же тутъ вступленіе громовое?
 Казалось мнѣ, что погибаетъ міръ,
 А кончилось любовной старой пѣсней.
 Какъ это пошло! Нѣтъ, я замѣчаю,
 Что наша гибель далека еще.
 И жалко высятся, какъ прежде, горы,

И вновь проклятое однообразье
Вездѣ кругомъ попрежнему царить.

[Съ горькой насмѣшкой].

Себя саму позоришь ты, природа!
Давно тебѣ бѣжать бы надо было
Съ постели, на которой держитъ властно
Тебя въ своихъ объятіяхъ старикъ.
Что проку въ томъ, что въ мукахъ непрерывныхъ
Ты вновь и вновь родишь ему дѣтей?!
Оставь все это, сдѣлайся бесплодной
И, въ бѣшенствѣ бушующихъ страстей,
Искорени все наше мірозданье!
Но, впрочемъ, что кричать глухому въ уши?
Природа — домовитая хозяйка;
Она добра и дѣтокъ своихъ любить.
Она имъ мать, а онъ — отецъ почтенный,
Который, каждый вечеръ неизмѣнно,
Лишь солнце сядетъ, съ ней уходитъ спать
И вновь встаетъ при солнечномъ восходѣ.

[Осматривается].

Изъ края въ край свѣтъ лунный разлился,
И вся теперь освѣщена долина,
Но все жъ его не видно и слѣда.

[Зоветь].

Эй, равви, эй! Любви учитель, гдѣ ты?
Отвѣта нѣтъ; лишь скалы дали откликъ,
Да глухо море вдалекѣ шумить.

[Нетерпѣливо топаетъ ногою].

Проклятье! И зачѣмъ напрасно вышелъ
Пытать я путь Его? Не путь пытать,
А испытать соблазномъ Самого
Мнѣ было бѣ легче. О соблазнѣ, соблазнѣ!
Творенія ростокъ, глубоко людямъ
Засѣвшій въ сердцѣ, вѣчно безпокойный
Противникъ смерти! Силою своей
Ты косный духъ влечешь къ движенію, къ жизни!
Въ душѣ моей царилъ пустота,
Но ты возникъ, какъ новый въ ней зародышъ,
И противъ жизни цѣлаго столѣтья
Меня воздвигъ въ сознаньи мощныхъ силъ.
Гдѣ несчастью, поздно! Міръ былъ зачумленъ,
Заразою насквозь онъ былъ пропитанъ,

Онъ умиралъ, погибели достойный,
И гибнуть предоставилъ я ему.
Теперь сынъ плотника изъ Назарета
Вообразилъ, что призванъ для спасенья,
И старую нелѣпость Моисея
О «родственности съ Богомъ» повторяеть.
И вотъ за Нимъ послушной вереницей
Идугъ глупцы, которымъ бы хотѣлось,
Чтобы изъ облаковъ, въ виду у всѣхъ,
Спустилась сильная десница Божья
Для выполненья мелкихъ ихъ желаній.
Проклятое людское ослѣпленье!
Извѣчное безумье міровое,
Что такъ презрѣнно мнѣ! И все жъ я самъ?
Меня терзаетъ гнѣвъ! Но развѣ самъ я
Не слушаю обманчивыя рѣчи?
И развѣ когти ихъ не проникаютъ
Глубоко въ душу мнѣ? и у постели
Не носятся, пуская стрѣлы въ сердце,
Слова Его ученія? Мой сонъ
Давно уже не сонъ — одно страданье,
Которое яснѣй лишь открываетъ
Души моей зіяющія раны!
Но надо это кончить. Гдѣ же мнѣ
Его найти? Хотѣлъ бы я, чтобъ здѣсь,
Среди стволонъ и скалъ нагроможденныхъ,
Онъ встрѣтился со мной. Здѣсь не смутилъ бы
Меня Его пріятный, нѣжный обликъ,
Стихійнымъ разрушеньемъ окруженный.
Нашелъ бы я въ себѣ и мощь, и силу
Его пересоздать, какъ я хочу!
Ударъ и трескъ! Паденье! Разрушенье!
Во мнѣ есть съ вами кровное рабство!
Съ какою силой, буря, ты разила,
Что треснулъ вѣковой хребетъ горы!
О, если бъ я присутствовалъ при этомъ!
Теперь въ черняющей утробѣ скалъ
Потокъ несется, весь бѣлѣя пѣной,
И съ молодымъ задоромъ разрываетъ
На берегахъ песчаный желтый саванъ,
Который смерть въ пустынѣ подхватила
И разостлала здѣсь по тучнымъ нивамъ.
Не тронь его! Пускай онъ ихъ заносить.
Не надо плодородія! Оно

Вѣдь новыя лишь вскормитъ поколѣнья,
 Удѣлъ которыхъ — гибель безъ слѣда.
 Не тронь его, потокъ! Пускай заноситъ!
 И я такимъ же яростнымъ потокомъ
 Проникну смѣло въ глубь Его души,
 Я затошлю ее струей холодной
 Презрѣнья безграничнаго! О если бъ
 Мнѣ только удалось Его найти!

[Въ поискахъ огибаетъ выступъ скалы].

А здѣсь луна попрежнему сіяетъ,
 Три сосны старыя покойно дремлютъ,
 Внизу, въ Сихемѣ, блещутъ огоньки.
 Тамъ въ каждой клѣткѣ цѣлый міръ людей,
 А въ каждомъ изъ людей міръ цѣлый моли
 И суеты. Великимъ былъ бы онъ,
 Когда бы не былъ такъ ничтоженъ, жалокъ!
 Но что такое тамъ? Вблизи развалинъ
 Колодца древняго, который помнитъ
 Дни праотца Іакова, какъ будто
 Мерцаетъ надъ лугами красный свѣтъ.
 Не бѣсы ли изъ бездны преисподней
 По адской лѣстницѣ поднялись къ намъ
 И развели огонь, чтобы погрѣться?
 Я къ нимъ спущусь; съ отродьемъ этимъ адскимъ
 Хочу и я знакомство завести,
 Какъ съ ангелами нѣкогда Іаковъ.

[Перебирается черезъ скалы].

Мерцаетъ ближе, — снова исчезаетъ.
 Иль это лишь блуждающій огонь?

[Подходитъ ближе].

А, Сатана, не ихъ ли вновь я вижу?
 Ученики вѣдь это! Послѣ бури
 Изъ хлѣва жаркаго на воздухъ вышли
 И наслаждаются прохладой ночи.
 Такъ, такъ — они! У самаго колодца
 Лежатъ покойно на остаткахъ стѣнъ,
 А посреди огонь, столбомъ высокимъ,
 Горитъ и сушитъ влажную траву.
 На одного изъ нихъ ужъ я споткнулся.

[Поворачиваетъ его].

Да это Левій соня. Спи еще,
 Спи, добрая овца; будить тебя
 Я вовсе и не думалъ.

Иаковъ левій молчаливый [приподнимаясь]:

Это ты,

Искаріотъ? Ты Господа искалъ?
Его нашли мы. Посмотри, вонъ тамъ
Вкушаетъ Онъ покоя краткій мигъ.
Во снѣ спустились кудри на чело,
А голова покоится на дланяхъ.

Иуда [съ досадою].

О лицемѣръ! Ты столько словъ, пожалуй,
Ни разу еще въ жизни не сказалъ,
А высказалъ мнѣ то, чего сегодня
Отнюдь я услышать бы не хотѣлъ.

[Идетъ далѣе].

Ѳома скептикъ [бодрствуя, сидитъ у края колодца, уставясь глазами въ темноту. Увидя Иуду, онъ протягиваетъ ему руку и говоритъ, указывая на Иисуса].

Онъ спитъ, какъ и другіе люди!

Иуда [злобно, съ презрѣніемъ]

Ба!

Такъ что же въ томъ? Ужли ты, вправду, вѣришь
Той баснѣ, что родня Его сложила
Про Симеона съ Анной въ храмъ?

Ѳома.

Нѣтъ.

А все-таки...

Иуда [толкаетъ его].

У, дьявольскій ублюдокъ!

Ты зародился въ темный часъ, когда
Невѣріе, псчадые преисподней,
Въ союзъ вступило съ толстоцекой бабой,
Которой имя—глупость. Ты готовъ
Однимъ и тѣмъ же духомъ говорить
И да, и нѣтъ!

[Ударяетъ его].

Молчалъ бы ужъ, вертячка!

Ѳома.

Но свѣтлыя слова Его?

Иуда [вытягиваясь].

Слова!

А развѣ я не могъ бы точно такъ же
Расхаживать въ поляхъ и васъ учить:

[Съ жестомъ]:

«Взгляните на зеленую землицу,
Взгляните, какъ прекрасныя деревья
Съ любовью клонятся одно къ другому,—
Любите же другъ друга!» А?

ОМА.

Ха-ха, ха-ха! Передразнилъ отлично!

ИУДА.

Не правда ли? Такъ смѣйся на здоровье.
Посмѣйся, добрый мой Ома, посмѣйся:
Всю жизнь мою я посвящу на то,
Чтобъ для тебя придумывать потѣхи!
Начну теперь я попросту опять:
Примусь я ѣсть, какъ козы пастухи,
Лишь медъ да молоко, и по стопамъ
Учителя во всемъ ходить я стану.

ОМА.

Смотри, Онъ всталъ. Съ одежды пыль стряхаетъ,
Все такъ же, какъ и мы. На Гаризимъ
Намѣренъ Онъ подняться, и за нимъ
Идетъ Его любимецъ. Вѣрно, оба
Хотятъ взглянуть на солнечный восходъ.

ИУДА.

А у меня еще, такъ сладко, тѣло
Полно разымчивой истомой ночи.
Но день приходитъ вновь и прогоняетъ
Ее изъ теплаго гнѣзда. Ома,
Покрѣпче пристегни мнѣ на плечо
Мѣшокъ мой съ деньгами. Пойду за Нимъ.
Я солнце заслону своею тѣнью,
Чтобъ сдѣлалось затмеье на землѣ.

[Уходитъ].

Путь на высоту Гарнизима.

Иисусъ и Иоаннъ поднимаются на гору.

ИОАННЪ [черезъ нѣсколько времени Иисусу].

Учитель, я боюсь!

ИИСУСЪ.

Чего?

ІОАННЪ.

Взгляни,—

Одинъ изъ насъ двѣнадцати, Іуда
Искаріотъ, идетъ къ тебѣ такъ близко,
Что прямо въ слѣдъ ноги твоей ступаетъ.
Смотри, какъ тѣнь могучая его
Покрыла насъ. Онъ поднимаетъ руки,—
Какъ крылья мышъ летучая,—и ими
По воздуху круги вокругъ насъ водить.
Учитель, я боюсь,

ІИСУСЪ [оборачиваясь].

Искаріотъ,

Что дѣлаешь?

ІУДА [смѣется].

Иду твоей стопой.

[Идутъ далѣе].

ІОАННЪ [черезъ нѣсколько времени, Іисусу].

Учитель.....

ІИСУСЪ.

Что?

ІОАННЪ.

О посмотри, какія
Тѣлодвиженья странныя — надъ нами
И сзади насъ, и впереди! Какъ будто
Изъ-подъ земли ползетъ къ намъ темной тѣнью
Его рука, и тянется когтями
Къ твоей одеждѣ. Жаркое дыханье
Несется въ воздухѣ. Іуды близость
Сжимаетъ грудь мою, тѣснитъ дыханье.
Учитель, я боюсь!

ІИСУСЪ [снова обращается назадъ].

Искаріотъ,

Что дѣлаешь?

ІУДА [смѣется]

Иду вослѣдъ тебѣ.

[Идутъ далѣе].

ІОАННЪ [черезъ нѣсколько времени].

Учитель, нѣтъ, я больше не могу!
Такъ душно въ воздухѣ—я точно сдавленъ
Межъ небомъ и землей!

[Опускается на траву].

ИСУСЪ.

Такъ отдохни,
Покуда я обратно не вернусь.

[Идетъ одинъ далѣе, Иуда слѣдуетъ за нимъ. На вершинѣ горы Иисусъ останавливается и поворачиваетъ лицо къ Искариоту. Они стоятъ молча другъ противъ друга].

ИСУСЪ.

Скажи, Искариотъ, чего ты хочешь?

ИУДА [послѣ нѣкотораго молчанія].

Отвѣтъ мнѣ, Иисусъ изъ Назарета,
Воистину ль ты Божій Сынъ, иль нѣтъ?

ИСУСЪ.

Ты это говоришь.

ИУДА [топаетъ ногою].

И такъ увѣренъ!

Не думалъ я, что самъ ты въ это вѣришь.
Припомни только розсказни, что ходятъ
Съ рожденья твоего межъ Иудеевъ.
Ученики твои, въ своихъ видахъ,
Ихъ подавить стараются, но снова,
Какъ разума холодный лучъ, они
Въ народѣ все упорнѣй возникаютъ.
О юноша, что въ силахъ сдѣлать ты
Съ твоимъ происхожденіемъ!

[Солнце восходитъ. Иисусъ, отвернувъ лицо отъ Иуды, поворачиваетъ его къ солнцу].

ИУДА [подступаетъ къ Иисусу].

Еще разъ,
Тебѣ я, Иисусъ изъ Назарета,
Вопросъ свой прежній снова задаю.
Воистину ли Божій Сынъ ты?

ИСУСЪ [полный неопишуемаго величія].

Да.

Ты говоришь.

[Иуда смотритъ на него пораженный].

ИСУСЪ.

Мое происхожденье
Вамъ представляется извѣстнымъ всѣмъ;
Но кто меня послалъ сюда на землю,
Для васъ осталось непонятнымъ. Да,

Я Божій сынъ. (Страданія людей
 Мнѣ тягостны. Святую Божью искру—
 Любовь—вношу я въ тѣсный, жалкій жребій
 Земныхъ страданій.

ИУДА [отступая].

Какъ высокопарно!

Ужъ не въ Египтѣ ли, въ уединеннѣ,
 Средь образовъ загадочныхъ его,
 Ты высидѣлъ гнѣздо такихъ мечтаній,
 Пригодныхъ только для однихъ безумцевъ,
 Которые разсматривать хотѣли бѣ
 Луну сквозь дверья обуви своей.
 Твое ученье къ праздности ведетъ,
 А праздность—матерь всѣхъ людскихъ пороковъ
 И сдѣлаетъ изъ насъ глупцовъ и нищихъ!
 Тѣхъ муравьевъ, что тамъ кишатъ внизу,
 Ты хочешь довести до совершенства,
 А самъ имѣешь предъ собой Египта мудрость
 И вѣковую участь всѣхъ пророковъ?
 Размысли! Человѣкъ, самъ по себѣ,
 Есть лишь граница между тьмой и свѣтомъ
 И путь его короткій, средь потемокъ,
 Приводитъ только въ зѣвъ открытый смерти.
 Его удѣлъ—тупая близорукость.
 Оставь его итти своимъ путемъ!
 Зачѣмъ еще вносить тебѣ свѣтильникъ
 Во тьму его юдоли безутѣшной
 И озарять лишь горе и страданья?
 Неужли захотѣлъ бы ты и тѣ
 Немногія пріятныя безумства,
 Что жалкую имъ скрашиваютъ жизнь,
 Навѣки отравить жестокой мыслью
 О карахъ, ожидающихъ за гробомъ?
 Ужели благонавному всю жизнь
 Лишь утѣшать себя однимъ жеваньемъ
 Засохшей корки, что зовутъ Безсмертьемъ?
 Оставь свою пустую побасенку
 О воздаяннѣ «тамъ!» Я «здѣсь» живу
 И здѣсь хочу я насладиться жизнью!
 Твой Богъ меня не спрашивалъ, желаю ль
 Я быть Имъ созданнымъ, зато пускай же
 И Онъ меня не учитъ, какъ мнѣ жить.
 Я говорю тебѣ: чѣмъ неудержнѣй,
 Чѣмъ бѣшенѣе люди предаются

Своимъ страстямъ,—тѣмъ болѣ имъ счастья!
 Тѣмъ болѣ движенья, наслажденья—
 Тѣмъ больше жизни!! То, что говорю,
 Я говорю не о себѣ. Мнѣ, лично,
 Давно противно дикое смѣшенье
 И мукъ, и слезъ, и радостей людскихъ!
 И я давно бѣ отсюдова убрался,
 Когда бы не удерживала мысль,
 Что все же пріятнѣй самому топтать
 Мнѣ кости праотцевъ, чѣмъ дать топтаться
 Воламъ и конямъ на моихъ костяхъ.
 Иль ты, быть можетъ, въ силахъ для людей
 Предотвратить конецъ послѣдній этотъ?
 А если нѣтъ, то время жизни краткой
 Старайся обратить въ веселый пиръ!
 Разрушь тотъ миръ, который съ Моисея
 Гнѣздится въ бѣдныхъ головахъ глупцовъ!
 Разрушь его, рудникъ глубокой этотъ!

[Указываетъ на свой лобъ].

Убей тѣ мысли, что, какъ духи злые,
 По лѣстницамъ невидимымъ упорно
 Карабкаются вверхъ и внизъ и портятъ
 Мнѣ наслажденье всякое. Убей ихъ,
 И за тобой всю жизнь ходить я буду,—
 Какъ звѣрь хвостомъ виляя,—благодарный!

ИСУСЪ.

О, время извращенное! Въ тебѣ
 Я чувствую его биенье сердца.
 Такъ вотъ докуда! Боже, Отче мой,
 Такъ вотъ дошло докуда! До какой
 Границы наикрайней распаденья
 Съ самимъ собой должны дойти въ концѣ
 И даровитѣйшія изъ твореній!..

[Иудѣ].

Я—сила та, которая отъ порчи,
 Въ тебѣ укоренившейся, избавитъ
 Грядущій родъ.

ИУДА [съ глухимъ смѣхомъ].

Грядущій родъ? Ха-ха!
 Вотъ до чего пришлось договориться!
 Смѣшно мнѣ слышать! Ха! Грядущій родъ!
 Да. Если бѣ могъ ты взять другую глину
 И вылѣпить изъ ней другихъ людей

По новымъ образцамъ, тогда, пожалуй,
 Но такъ... Допустимъ даже, что положишь
 Ты основанье доброе, что самъ
 Его ты известью скрѣпить успѣешь,
 Но минутъ дни, твое настанетъ время
 И — плакальщица явится къ тебѣ
 И руки накрестъ на груди уложить,
 И ноздри щекотать начнетъ травинкой,
 Чтобъ убѣдиться, отлетѣлъ ли духъ?
 Безсмертное жъ твое, твой гордый планъ,
 Который въ мѣрѣ этомъ переходящемъ
 Утѣхой былъ тебѣ, въ другія руки,
 Къ строителямъ ужъ новымъ переходить.
 И вотъ они къ работѣ приступаютъ!
 Стучать, колотять, двигаютъ каменя,
 Дерутся межъ собою и кричатъ:
 «Онъ такъ хотѣлъ!» — «Нѣтъ, нѣтъ! Не такъ, — а этакъ!»
 И наконецъ, цѣною пота, крови
 И золота, они лачугу слѣпятъ,
 Гдѣ грѣхъ и стыдъ по темнымъ уголкамъ
 Уютно поселиться не замедлятъ!
 И это будетъ еще лучший плодъ
 Твоей потерянной напрасной жизни,
 Потерянныхъ трудовъ — хотѣлъ бы я
 Черезъ нѣсколько столѣтій вновь воскреснуть
 И погулять съ тобою по землѣ.
 Мы подсчитали бъ кругленькій итожецъ
 Пролитыхъ слезъ, отчаянья и смерти,
 Которыми пришлось платиться зодчимъ
 За планъ твоей мечтательной постройки,
 Что смѣло бросилъ ты въ печальный мѣръ
 Посредственности и несовершенства!

ИСУСЪ.

Кончай.

ИУДА [съ искриющимися глазами пламенно
охватываетъ его].

Теперь ты мой? Ты убѣжденъ?!

ИСУСЪ [отстраняетъ его. Иуда падаетъ на
землю.

Оставь!

[Подходить и становится надъ нимъ].

Запомни! Какъ лежишь теперь
 Во прахѣ ты, поникнувъ головою,
 Такъ, въ продолженіе столѣтій цѣлыхъ,

Лежатъ въ грѣхѣ, со скрежетомъ зубовнымъ,
 Безсильныя людскія поколѣнья.
 Поддавшись власти неизвѣстныхъ силъ
 И робко пресмыкаясь въ постоянной
 Боязни гнѣва передъ Всемогущимъ,
 Они поставили жрецовъ съ царями
 Между собою и Господомъ, въ надеждѣ,
 Что эти люди,—будучи подобьемъ
 Всевышняго въ даяннѣ благъ земныхъ
 И помощи, и утѣшенья,—смогутъ
 Построить мостъ желанный примиренья
 Черезъ мрачную, таинственную пропасть,
 Которую само же ископало,
 На собственную муку и боязнь,
 Напуганное ихъ воображенье.
 Но лишь добычей горя будутъ люди,
 Когда они, изъ рода въ родъ, все той же
 Наслѣдственной ошибкѣ поддаются.
 Жрецы ихъ и цари произвели
 На свѣтъ лишь идолопоклонство. Вырвавъ
 У человѣческаго духа власть
 Надъ этимъ міромъ, со своей добычей
 Они укрылись за щитомъ Творца,
 Чтобъ ихъ людей проклятье не постигло.
 До днесь, плодомъ ихъ прочнаго союза,
 Лежитъ надъ міромъ ночь и иго рабства.
 И вотъ я въ міръ съ собой несу свободу,
 Начало жизни новой. Родъ людской
 Переродиться долженъ весь душою,
 Чтобъ вновь найти потеряннаго Бога.
 Онъ долженъ взвиться вверхъ, змѣѣ подобный,
 Преодоливъ гнетущую его
 Земную власть. Познанья свѣтъ и сила
 Противу тьмы и силы произвола:—
 Вотъ сѣмя, что я сѣю на землѣ.

ИУДА [вскакивал].

Хотѣлъ бы я, чтобъ мысль твоя явилась
 Въ моемъ мозгу. Я тотчасъ задавилъ бы
 Ее въ минуту самаго рожденья!
 Такъ вотъ оно, намѣренье твое!
 Ты вспахиваешь сердце человѣка
 И разсѣиваешь въ немъ слова твои,
 Какъ сѣмена для будущаго міра.
 Ты имъ даешь взойти, но вмѣстѣ съ ними

Взойдетъ и свѣтлый мечъ, который въ руки
 Достанется людямъ, какъ бы зарытымъ
 Въ скотствѣ и звѣрствѣ дикомъ. Онъ сначала
 Ихъ выбьетъ изъ могилы, но затѣмъ—
 Сумѣетъ ли, скажи, грядущій родъ
 Воспользоваться тѣмъ мечомъ какъ должно?
 Одна лишь мысль о томъ должна повергнуть
 Въ тревогу нѣжный, любящій твой духъ!
 Неужли же тебя не ужасаетъ
 Тотъ страшный взрывъ борьбы межъ угнетеннымъ
 И угнетателемъ, что старый мѣръ
 Въ осколки разобьетъ, затѣмъ, быть можетъ,
 Чтобы опять, и въ мѣрѣ новомъ, слухъ твой
 Его ребячьимъ плачемъ наслаждался?!
 Ужли настолько ты жестокъ, что можешь
 Носить въ душѣ сознанье Божьей воли
 О мѣрѣ страждущемъ, который долженъ
 Спасать себя такую страшной мукой;
 Такою мукой долгой, безконечной,
 Что и тебѣ придется передъ нею
 Блѣднѣть подобно хвостуну, который
 Для дѣла исполинскаго такого
 Иного людямъ ничего и не далъ,
 Какъ лишь безцвѣтный маленькій зародышъ
 Да имя Божіе.

ИСУСЪ.

Искаріотъ,

Зачѣмъ меня ты хочешь искусить?
 Вѣдь видишь самъ по слабости людей,
 По жизни ихъ позорной и порочной,
 Что всѣ несчатья и страданья эти
 Придутъ на родъ людской и безъ меня,—
 Но мѣръ тогда отъ нихъ погибнуть долженъ.
 Въ лѣнивой косности влачить онъ дни свои
 И постепенно сохнетъ, увядая.
 Сперва мечомъ его я разбужу!
 И долженъ онъ неистово бороться
 Со злѣйшею наслѣдственной болѣзью,
 Которая въ немъ волю расслабляетъ,
 Шепча ему коварное: «Къ чему?—
 Не лучше ль лечь тебѣ въ тѣни прохладной
 И сонъ вкушать, покуда не умрешь».
 По правдѣ, не было бы на землѣ
 Ни этой тупости, ни тираніи,

Ни этихъ бѣдъ, когда бы сами люди
 Такъ вялы не были, такъ неподвижны.
 Знай, гибнетъ не одна лишь Іудея,
 Весь міръ стремится къ гибели своей.
 И вотъ для погибающаго міра
 Являюсь я—спасенія зерномъ.
 Я знаю самъ, онъ на меня возстанетъ,
 Когда изъ сладкаго покоя рабства
 Его я силой выведу на свѣтъ
 Свободной жизни творческаго духа.
 Въ горячечномъ бреду мечты и страха
 Разрушить человѣкъ сосудъ цѣлебный,
 Вмѣщающій спасеніе его,
 И хорошо еще, когда лекарство,
 Пролитое на землю, сохранить
 И тамъ свою цѣлительную силу.
 Коротокъ день мой. Мало въ немъ часовъ
 Осталось мнѣ для покоренія міра.
 Ты страстно такъ стремишься къ разрушенью.
 Зачѣмъ желать съ упорностью такою
 Того, что такъ печально, безотрадно?
 Вернись назадъ! Подумай, поразмысли!
 Вѣдь высшая божественная сила,
 Дарованная людямъ, есть способность
 Освобожденія отъ оковъ и мрака.

ГУДА [отстраняясь].

Оставь при мнѣ мое презрѣнье къ людямъ!
 Заключена глубокая отрада
 Въ презрѣннн томъ глубокомъ для меня.
 Въ немъ также есть подобье божества;
 Оно мнѣ жизнь даетъ! Своею мыслью
 И мудрой и глубокой покоряя
 Себѣ ты человѣчество, а мнѣ
 Оставь мое презрѣнье. И когда
 Они всѣ за тобою побѣгутъ,
 Дай имъ законъ, хотя бъ изъ состраданья,
 Объ истребленнн женщинъ на землѣ,
 Чтобъ прекратилось всякое рожденье.
 Да! Уничтожь въ зародышѣ людей,
 И я паду во прахъ передъ тобою.
 И мнѣ и человѣчеству всему
 Ты станешь благодѣтель величайшій.

ИСУСЪ.

Оставь меня,—иди отсюда!

ІУДА.

Нѣтъ!

Не будь такимъ высокимъ и холоднымъ;
 Прославь себя и тѣмъ, что снизошелъ
 Къ бесѣдѣ съ червякомъ и что вникаешь
 Въ его совѣтъ! Поговори со мной.
 Скажи мнѣ, что влечетъ тебя къ тѣмъ слабымъ,
 Измѣнчивымъ, непостояннымъ людямъ,
 Которые кишать у нашихъ ногъ?
 Зачѣмъ, скажи, ты хочешь навязать
 Себя толпѣ той дикой и безумной,
 Которая тебя не понимаетъ?
 Дави ее ногой! Такіе люди,
 Какъ мы съ тобою, ненавидятъ смерть
 За то, что жизнь она имъ прекращаетъ,
 А тѣмъ людямъ ударъ ея пята
 Лишь милостію будетъ.

ІИСУСЪ.

Ты не правъ!

Всѣ люди преходящаго страшатся.
 Стремленье отъ него освободиться,
 Укрыться отъ него,— старо, какъ міръ,
 И молодо, какъ сердце человѣка.
 Но путь къ тому никѣмъ еще не найденъ.
 Я научу людей переносить
 Съ терпѣньемъ неизбежное—любовью.

ІУДА.

Любовью? Ба! Наполненъ воздухъ весь
 Ужаснымъ безсердечьемъ, и зараза
 Давно ужъ охватила родъ людской.
 Такъ гдѣ же здѣсь отыщемъ мы любовь?
 Гдѣ можемъ мы схватить летучій призракъ
 И приковать его къ землѣ цѣпями?
 Нигдѣ, я говорю тебѣ,—нигдѣ.

ІИСУСЪ.

Скажи мнѣ, отчего душа у женщинъ
 Покойнѣе и удовлетвореннѣй,
 Чѣмъ у мужчинъ?

ІУДА.

Да просто оттого,
 Что ограниченнѣй.

ИСУСЪ.

Наоборотъ,
 Душа ихъ совершеннѣй изначала,
 И совершеннѣй потому, что въ ней
 Горить любви огонь неугасимо.
 Вотъ въ чемъ значенье ихъ! Гласить Писанье,
 Что Ева первая вкусила плодъ
 Отъ дерева познанія и послѣ
 Передала уже тотъ плодъ Адаму.
 Но человѣчество пренебрегло
 Достоинствомъ жены высокимъ этимъ;
 Оно вконецъ его въ ней искавило
 И вотъ за то грозитъ ему погибель.
 Не тѣмъ прогнѣвалъ Бога человѣкъ,
 Что знанія искалъ. О раѣ сказка,
 Потерянномъ людскимъ непослушаньемъ,
 Придумана тиранами нарочно,
 Чтобъ заковать имъ борющійся духъ
 Въ священныя оковы послушанья
 И ложнымъ страхомъ удалить отъ мысли
 О божескомъ его происхожденьи.
 Богъ—истина. И истину познать—
 Одно и то же, что обрѣсть и Бога.
 Я говорю тебѣ, стремясь упорно,
 Себя въ себѣ опять отыщутъ люди;
 Жена же предназначена на то,
 Чтобъ принести собой спасенье міру.

ИУДА.

Какимъ путемъ? Не понимаю.

ИСУСЪ.

Слушай!

У ней любви сокровища такія,
 Которыя и въ смерти утѣшенье,
 И въ жизни міръ и счастье всѣмъ дадутъ.
 Въ любви и состоитъ людей спасенье.
 Освобождая женъ отъ униженья,
 Святымъ примѣромъ матери моей,
 Я открываю доступъ чувствамъ кроткимъ,
 Спаваю человѣчество отъ муки —
 Желать недостижимаго—и къ свѣту
 Веду его!

ИУДА [прикладывая руку ко лбу].

Темна мнѣ эта рѣчь.

6*

ИСУСЪ.

Тотъ свѣтъ — любовь!

[Наступаетъ долгое молчаніе].

ИУДА.

Тебѣ присуще нѣчто,

Чему я, поневолѣ, удивляюсь
И что къ тебѣ влечетъ неотразимо.
И непонятно мнѣ оно и страшно!

[Въ глубокомъ раздумьи].

О, если бѣ могъ найти я это нѣчто,
Которое одно меня смущаетъ!
Его я уничтожилъ бы немедля,
А тамъ, — а тамъ...

[Со страхомъ].

Тебя любить я сталъ бы!

[Молча и значительно смотреть на Іисуса].

Съ рожденья къ людямъ я любви не зналъ.
Моя душа была покрыта тьмою,
Той тьмою безконечной, вкругъ которой,
Какъ около полночныхъ, темныхъ водъ,
Гнѣздятся только мысли объ убійствѣ.
Надъ мракомъ тѣмъ пронесся ты, какъ пламя,
Какъ надъ пустыней бурный ураганъ!
И грудь моя невыразимой мукой
Истомлена; въ ней борются теперь
Вся ярость зла съ благоговѣньемъ кроткимъ.
Что можетъ значить это все?

[Съ внезапнымъ рѣшеніемъ].

Послушай.

Никто на свѣтѣ такъ тебя не понялъ,
Какъ понялъ я! Для остальныхъ ты — притча,
А для меня ты — истина сама.
Тупой бычачій толстый черепъ міра
Твоей высокой мысли не пойметъ
И больно, въ кровь, боднетъ тебя рогами,
Когда ярмо его захочешь снять.
Оставь! Пускай идетъ своей дорогой.
Въ замѣну жъ за него возьми себѣ
Всѣ силы моего существованья!
Великъ тотъ человѣкъ, который можетъ
Высокой мысли сдѣлаться творцомъ,
Но еще выше совершить онъ подвигъ,

Когда ту мысль въ себѣ жъ и умертвить,
 Пока ее въ грязи не затоптали!
 Оставь же міръ итти своимъ путемъ,
 И я тебя любовно обниму,
 И вознесу тебя превыше облакъ,
 Куда не достигаесть ѣдкій запахъ
 Людскихъ грѣховъ, позора ихъ и бѣдъ.

[Подступаетъ къ нему ближе].

Или не лучше ли встряхнуть тебя мнѣ
 И снова пробудить въ крови твоей
 Застывшаго отъ думы человѣка,
 Чтобъ могъ ты изъ пустыни размышленья
 Вернуться снова къ радостямъ земли.

[Схватываетъ его руки].

Смотри, какъ эти руки хороши!
 Но слишкомъ нѣжны, чтобъ владѣть сѣкирой.
 И все же ты достоинъ быть царемъ!
 Страну, что тамъ раскинулась предъ нами,
 Добуду я съ оружіемъ въ рукѣ
 И подарю тебѣ! Но прежде долженъ
 Ты дать ударъ въ лицо своей мечтѣ
 И предоставить міръ его паденью!

ИСУСЪ.

О вѣчный духъ, — не для того ли посланъ
 Лукавый этотъ мнѣ, какъ злое жало,
 Чтобъ тѣмъ вѣрнѣй свершилъ свое я дѣло?

[Отстраняется отъ Иуды].

Пусти! Что пользы, если ты сберешь
 Хотя бъ и всѣ земныя силы мрака
 И станешь цѣпь изъ нихъ ковать, ты все же
 Не въ силахъ помѣшать мнѣ, ты не можешь
 Ничѣмъ тотъ часъ грядущій отдалить,
 Когда воспрянетъ въ сердцѣ человѣка,
 Во всеоружьи силы, новый духъ.
 Я знаю, что приверженцевъ немало
 Ты средь людей имѣешь на землѣ.
 Что за тебя — вся сила тираніи
 И гордаго въ душѣ презрѣнья къ людямъ.
 Имѣя видъ обычный человѣка,
 Они — лишь звѣри дикіе въ душѣ,
 И Бога самого — источникъ вѣчный
 Любви и милосердія — безумно
 Въ убійцу превращаютъ, заявляя,
 Что созданы по образу Его.

Глумясь безстыдно надъ святымъ Писаньемъ,
 Они его коварно извращаютъ
 И очи человѣческаго духа
 Стремятся выжечь раскаленнымъ словомъ
 Ученья своего, что все стремленье
 Возвыситься до Божества, — лишь гордость
 И пагуба грѣховная души.
 А между тѣмъ, глубокими чертами,
 У человѣка каждаго въ лицѣ
 Начертаны слова неизгладимо:
 «Вы боги всѣ и чада Божества».
 Ужли отвергнуть это въ силахъ вы,
 Играющіе жизнію людскою,
 Какъ лептами плохими. Горе вамъ
 Въ тотъ страшный часъ, когда самосознанье
 Настолько разовьется въ человѣкѣ,
 Что разобьетъ гнилую скорлупу
 Своихъ тысячелѣтнихъ предрасудковъ,
 Когда всѣ цѣпи рабства упадутъ
 И духъ божественный, живущій въ людяхъ,
 Познавъ себя и равный самъ себѣ,
 Возьметъ бразды правленія надъ міромъ!
 О, не надѣйтесь побѣдить въ тотъ часъ,
 Когда вся грязь и вся нечистота,
 Накопленная вашимъ лицемѣрьемъ
 Вокругъ меня, — исчезнуть безъ слѣда,
 Когда народы, въ радостномъ восторгѣ,
 Свободныя ко мнѣ протянутъ руки,
 Когда во мнѣ узнаютъ своего
 И Сына Человѣческаго люди
 Поймутъ во всемъ величїи Его!
 Благодарю Тебя, о Боже, Отче,
 Что Ты, въ часы тяжелаго унынья,
 Когда смертельно міровою скорбью
 Мой духъ отягощенъ, ниспосылаешь
 Мнѣ мысль объ этомъ свѣтломъ торжествѣ!
 И сладостно очами мысли видѣть,
 Какъ безграничный духъ, стряхнувъ оковы,
 Теперь уже свободно, безъ препятствій,
 Все новыя творить и виждетъ формы,
 Какъ открываетъ онъ пространства міра,
 Какъ побѣждаетъ муки всѣ свои.
 Сбывается! и снова человѣкъ
 Потерянную вѣчность обрѣтаетъ,
 Какъ обрѣтаетъ прежнее лишь въ томъ,
 Что кажется ему изобрѣтеньемъ.

Обывается! И есть ли что-нибудь,
 Что было бь невозможнымъ для нея,
 Для этой безпредѣльной высоты,
 Которой я предтечей лишь являюсь?
 Не бойтесь же Духъ Вѣчный оскорбить
 Стремленьемъ въ высь и жаждою познанья.
 Богъ любить разумъ, что къ Нему стремится,
 И въ томъ великая людей задача,
 Чтобъ изъ болота косности подняться
 И по ступенямъ мысли, полнымъ горя
 И тяжелой муки, вознестись и стать
 На равной высотѣ съ Предвѣчнымъ Духомъ,
 Его собой, себя Имъ дополняя.
 Вотъ въ чемъ спасенье! И оно придетъ.

Иуда [глухо].

Въ вѣкахъ далекихъ мыслью ты витаешь,
 Какъ будто бы они уже пришли.
 Но жаль, что только ты витать въ нихъ можешь,
 Святая, одинокая душа!
 Прискорбно: такъ великъ и — одинокъ.
 И даже вовсе не живешь ты тѣломъ;
 Оно чуть дышитъ отъ благоговѣнья
 Передъ величьемъ духа твоего:
 О, обрати хоть разъ серьезный ликъ
 Къ цвѣтущей жизни, пусть лучи ея
 И свѣтомъ и тепломъ тебя охватятъ!
 А мнѣ мое презрѣнїе оставь.
 Не отнимай у ногъ моихъ ты почвы,
 Последней почвы, гдѣ стою я твердо:
 Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ лепетать я сталъ,
 Ни разу съ просьбой я не обращался
 Ни къ дьяволу, ни къ Богу, ни къ людям!

[Внезапно преклоняетъ колѣни].

Но предъ тобой я падаю съ мольбою!
 О, не бросай своей ты мысли въ мїръ!
 Ты ошибаешься въ довѣрїи къ людямъ, —
 Я лучше знаю ихъ. Я убѣжденъ,
 Что мысль великую они подхватятъ
 И станутъ съ ней, какъ съ мячикомъ, играть
 И станутъ изъ-за ней другъ съ другомъ драться,
 Какъ изъ-за всякой вещи, что блеститъ
 И кажется завидной имъ и новой.
 Мнѣ даже и теперь противно думать

Объ этой свалкѣ ихъ! Прошу тебя я,
 Оставь ты мѣръ итти своимъ путемъ!
 Послушай: я тебя прошу! — прошу!
 А знаешь ли, что это можетъ значить?
 Здѣсь только три простыхъ, короткихъ слова,
 Но если ими ты пренебрежешь, —
 Въ нихъ смертный приговоръ и твой [еле слышно] и мой!

ИСУСЪ.

Стараясь ты въ высь ко мнѣ подняться?
 Оставь. Туда не можешь ты достигъ.

[Хочетъ итти].

ИУДА [хватаетъ его за одежду].

Не уходи! Какъ это было? Да.
 Я видѣлъ, какъ остановилъ ты взоръ,
 Съ особымъ выраженьемъ, на одномъ
 Созданіи прекрасномъ — съ выраженьемъ!
 Та женщина — моя; ее тебѣ
 Хочу я подарить! Съ красою женской
 Ничто на свѣтѣ, вѣрь мнѣ, не сравнится!
 Срывать лобзанья съ юныхъ устъ пурпурныхъ!..
 Смотрѣть въ глаза — источникъ томной нѣги!..
 Вкушать блаженства рая въ обладаньи!..

[Поднявъ руки].

Не убивай себя ты и меня!
 Возьми ее и наслаждайся счастьемъ!
 Лишь позабуди ученіе свое.

[Исусъ покидаетъ его].

ИУДА [одишь].

Хотѣлъ бы я теперь лишь одного, —
 Чтобъ дернъ вокругъ меня лежалъ зеленый
 И вороны кружились надо мной,
 А я, коренья въ землю погрузивъ,
 Стоялъ бы деревомъ, не сознающимъ
 Существованья своего. Необходимо
 Мнѣ потерять сознанье бытія,
 Чтобъ не сойти съ ума! И на кого же
 Я бѣшенство свое излить бы могъ?
 На что свою обрушить долженъ злобу?
 На камни, землю, воздухъ? Безполезно!
 Въ нихъ чувства нѣтъ. На самого себя?
 Но стою ль я того? Когда вся жизнь
 Слилась однажды въ замыселъ единый,
 То человѣкомъ сдѣлала меня.

Негодный то былъ замыселъ! негодный!
 Создай она меня простой пчелой,
 Я былъ бы ей глубоко благодаренъ.
 Вонзилъ бы жало я ему въ языкъ
 И умеръ бы, съ жужжаніемъ побѣднымъ,
 Отъ радости, что наконецъ онъ нѣмъ!
 Онъ нѣмъ! Земля и небо,—вотъ оно!
 Такой конецъ такому человѣку?
 Нѣтъ, слишкомъ мелко, слишкомъ мелко это,
 Чтобъ охладить мой жаръ! Пріятнѣй было бъ
 Въ углу, какъ демонъ, тихо притаиться
 И постепенно скрадывать лучи,
 Свѣтящіе въ умъ его высокомъ,
 Пока въ немъ разомъ не настала бъ тьма.
 Хотѣлъ бы я соломинку похитить,
 Которая хранитъ великій духъ
 Отъ потопленья въ морѣ безразсудства!
 Добудь я міръ, его бъ охотно отдалъ
 За ту одну соломинку!

[Вскакиваетъ].

Нашелъ!

Народъ! та почва, что вспахать онъ хочетъ!
 Измѣнчивыя, какъ погода, души,
 Вертящаяся по вѣтру, рабы,
 Которые, съ безумьемъ дикимъ, биться
 Готовы противъ своего спасенья.
 Нашелъ! нашелъ! Теперь онъ будетъ мой.

[Протягиваетъ надъ землею руки, для заклинанія].

Насытите воздухъ ядомъ вашимъ, змѣи,—
 Цвѣты, смертельный лейте ароматъ,
 Чтобъ вашей мнѣ отравой надышаться!
 Вы, духи обольщенья, духи лжи,
 Изъ царскихъ труповъ скрывшіеся въ землю,
 Вставайте снова изъ своихъ расщелинъ
 И оживите всѣ въ моей груди!
 Потоки сѣры вашей адской лейте
 Вы на людей! Топите ихъ въ безумьи
 И дикую толпу бросайте на него!
 Какъ шершень на полѣ въ воловье ухо,
 Вопьюсь я въ челоуѣчество и стану
 Его колоть и жалить до тѣхъ поръ,
 Пока оно, въ слѣпомъ остервенѣннѣи,
 Растопчетъ мысль спасенья своего!

[Вдыхаетъ].

Гдѣ думалъ сѣять, камни онъ найдетъ.
 Въ унынье впасть онъ долженъ, чтобы мнѣ
 Утѣшиться опять. Итакъ, за дѣло!

[Стремительно спускается съ горы въ сторону Галилейской равнины].

Немного времени спустя.—Назаретъ.—Рынокъ.—Толпа народа.—Тѣснота.

ТОРГОВЕЦЪ ГОЛУВЯМИ [своему мальчику].

Эй, Самуиль, отставъ-ка голубей-то
 Куда-нибудь подалѣе, къ сторонкѣ;
 Того гляди, что клѣтку намъ раздавятъ.
 Скорѣе! Вонъ идетъ Іоакимъ.
 Въ священническихъ ризахъ онъ, въ виссонѣ;
 А съ нимъ и важные совѣта члены.
 Очисти мѣсто! Отойди подальше
 Да шитому-то поясу, смотри,
 Пониже кланяйся.

ІОАКИМЪ [приближается, громко читая Свя-
 щенное Писаніе. Вокругъ него ста-
 рѣйшины города и большая толпа
 народа].

И рекъ Всевышній,—

Да будетъ славенъ Онъ!—чрезъ Малахію,
 Пророка своего: «Хранить ученье
 Должны уста священниковъ однихъ.
 «Учить Закону долженъ лишь священникъ,
 «Зане Господень вѣстникъ онъ. И все же
 «Въ Израилѣ и въ Іерусалимѣ
 «Творится мерзость». Мерзость и у насъ,
 Въ цвѣтущемъ нашемъ градѣ Назаретѣ,
 Гдѣ славятъ попираателей закона,
 Гдѣ молча смотрятъ всѣ, какъ недостойный
 Ученіе Господне извращаетъ.
 «Но Я во гнѣвѣ истреблю его,
 «Творящаго сіе,—глаголетъ Вышній!—
 «Я истреблю въ Іакова шатрахъ
 «И самого его съ учениками
 «И всѣхъ, кто станетъ слѣдовать за нимъ».

народъ [вполголоса].

Аминь! Аминь!

ТОРГОВЕЦЪ ГОЛУВЯМИ [тихо мальчику]:

Смекаешь, Самуиль?
 Тутъ ясно рѣчь идетъ о дивномъ сынѣ
 Іосифа сосѣда.

ІОАКИМЪ.

И опять

Изрекъ Господь—да будетъ славенъ Онъ!—
 Пророку Малахіи: «Васъ, сыновъ
 «Іакова, не уничтожу Я,
 «Но вы должны нести Мнѣ безъ обмана
 «Питье и яства въ жертву, чистый хлѣбъ,
 «И ничего хромого, ни слѣпого,
 «Но лучшихъ лишь, упитанныхъ тельцовъ.
 «Несите мужескій лишь полъ изъ стада,
 «Не сокращайте жертвъ и отдавайте
 «Всю десятину въ житницу Мою,
 «Чтобъ домъ Господень пищей былъ наполненъ.
 «За это запрещу Я сараицѣ
 «Съѣдать посѣвы ваши, отворю
 «Небесныя Я окна, чтобы дождь
 «Лился съ небесъ на землю въ изобиліи;
 «И виноградная лоза дастъ плодъ,
 «И нивы ваши будутъ не бесплодны.
 «Несите жертвы Мнѣ безъ лицемѣрья
 «И испытайте благость вы Мою».

[Читая, идетъ далѣе, по направленію къ рынку].

САМУИЛЬ.

Отецъ,—а Саваоѣ, должно быть, толстый?

ТОРГОВЕЦЪ ГОЛУВЯМИ.

Ну, нѣтъ, сынокъ. Напротивъ, сухощавъ онъ
 И очень строгій, гнѣвный человекъ,—
 А жертвы больше ангелы съѣдаютъ.
 Ну, не зѣвай по сторонамъ. Смотри,
 Опять сюда валить народъ. Припрячь-ка
 Подальше голубей-то.

[Мальчикъ исполняетъ приказаніе. Толпа народа, волнуясь, надвигается ближе;
 въ толпѣ—Иуда].

ІУДА.

Не кричали ль
 Вы всѣ сейчасъ «аминь» во славу Божью,
 Когда Его служитель говорилъ?

ГОЛОСА.

Кричали! Да!

ІУДА.

А есть у васъ каменя?

ДИКІЕ ГОЛОСА.

Каменья есть и кулаки!

[Тѣснятся впередъ, въ глубину площади].

ТОРГОВЕЦЪ ГОЛУБЯМИ [задумчиво покачивая
головой.]

Ну, Самуиль,

Мнѣ чуется недоброе! Смотри-ка,
Подъ деревьями фиговыми тамъ
Стоитъ жена Иосифа съ дѣтьми.

[Кричитъ черезъ площадь].

Привѣтъ тебѣ, любезная Марія!
Иди сюда. Съ прилавка моего
Тебѣ удобнѣй будетъ видѣть сына
И радоваться материнскимъ сердцемъ.
Скорѣе, мальчикъ! Будь порасторопнѣй.
Очисти мѣсто! Вотъ идетъ сосѣдка.

Марія кланяясь подходитъ съ дѣтьми.

ТОРГОВЕЦЪ ГОЛУБЯМИ [торопливо очипцаетъ свой
столикъ].

Вотъ встань наверхъ! Что? Или ты не хочешь?
Да что съ тобой? Смотри, какъ бьется сердце!
Въ рѣсницахъ дрожь! Тебѣ ли горевать?
Вѣдь князя родила ты! Ну, признаться,
Моя жена на мѣстѣ на твоємъ
Навѣрно вволю бы повеличалась!
Прилавокъ мой ей былъ бы слишкомъ низокъ,
Чтобы стоять, уперши руки въ боки,
Поднявши носъ и чванясь передъ всѣми,
Что родила такого человѣка.
Смотрите. Онъ подходитъ. Самуиль,
Теперь вытягивай получше шею,
Вглядись въ него какъ слѣдуетъ. Его вѣдь
Я качивалъ когда-то на рукахъ.
Замолкли всѣ. Онъ говоритъ имъ что-то.
Досадно,—далеко пришлось стоять!
А тутъ еще, вдобавокъ, дуетъ вѣтеръ
И всѣ слова относить. А скажи,
Сосѣдушка, не у тебя ль сегодня
Онъ будетъ ночевать? Коль у тебя,
То попроси, чтобъ эти рѣчи снова
Онъ вечеркомъ мнѣ дома повторилъ.
Ты слушай, Самуиль, и что поймешь,
Смотри, запоминай, сынокъ, подтверже.

Одно-го ухо у меня, признаться,
Давно ужъ на задвижкѣ, а въ другое,
Чуть я его подставлю, дуетъ вѣтеръ,
Какъ будто бы трубачь въ свою трубу.

МАРІЯ [нагнувшись впередъ, прислушивается съ сильно бьющимся сердцемъ].

О сладкія, о благодѣныя рѣчи!
Ужели мой онъ сынъ? Ужель нельзя
Мнѣ, матери счастливой, восхищаться
Плодомъ своимъ?

ГОЛОСА ВЪ ТОЛПѢ.

Богобоязненъ онъ.—

Нисколько. Онъ народъ лишь обольщаетъ.—
Но такъ никто еще не говорилъ.
Навѣрно онъ—Христосъ!—Не сынъ ли онъ
Иосифа? Что онъ изъ Назарета,
Извѣстно всѣмъ. Когда жъ придетъ Христосъ,
Никто не будетъ знать, откуда онъ.

ТОРГОВЕЦЪ ГОЛУБЬЯМИ.

Чего я не дослышу, вижу глазомъ.
Какой, поистинѣ, прекрасный видъ!
Стоитъ, держа въ рукахъ святую книгу,
И изъ нея народу онъ читаетъ.
Такъ просто у него все, человѣчно,
Не такъ, какъ наше гордое священство!
Сосѣдушка, и даже самъ себя
Какъ будто уважать я начинаю,
Когда смотрю на сына твоего.

[Съ веселымъ смѣхомъ].

Ты только посмотри на гордеца,
Іоакима нашего! Стоитъ
И шелковую желтую одежду
Трясетъ, какъ будто вымочилъ ее.
Ха-ха! Ха-ха! Пыхтитъ, потѣетъ онъ
И роется въ мѣшкѣ; должно быть, хочетъ
Потерянные рѣчи отыскать.

ІОАКИМЪ [въ бѣшенствѣ вскидываетъ руки
вверхъ, выступаетъ впередъ и
громитъ народъ злобными прокля-
тіями; Іуда нашептываетъ ему].

Я вырву волосы свои и брошу
Ихъ между васъ, какъ тысячи проклятій!

Въ священномъ гнѣвѣ разорву одежду,
 Посыплю пепломъ голову и стану
 Я вопіять ко Господу, чтобъ Онъ
 Проклятія мои на васъ исполнилъ!
 Будь проклятъ Назаретъ передъ Всевышнимъ
 За то, что богохульника родилъ,
 За то, что сыновья твои и дщери
 Съ хвалою на устахъ идутъ за нимъ!
 Да будетъ проклято отнынѣ лоно
 Рождающихъ въ тебѣ! Твои долины
 Поля и горы прокляты да будутъ!
 Проклятье всѣмъ земнымъ на нихъ плодамъ!
 Да будутъ прокляты людей тѣхъ души,
 Которые въ стѣнахъ твоихъ умрутъ!
 Проклятье имъ и вѣчный плачь и скрежетъ
 Средь огненныхъ потоковъ Гехиннона!
 Проклятье имъ! Проклятье!..

[Падаетъ назадъ съ пѣною у рта].

НАРОДЪ [мгновеніе стоитъ молча, какъ бы
 оглушенный, и затѣмъ съ страш-
 нымъ взрывомъ бѣшеныхъ кри-
 ковъ бросается къ Иисусу].

Бей его!—

Тащи камень!—Бей!—Священникъ правъ.—
 Онъ городу погибель принесетъ!
 Въ немъ бѣсъ!—Давай камней!

[Иуда руководитъ толпою].

МАРІЯ [прорывается впередъ].

Мой сынъ! Мужайся!

[Толпа опровергаетъ ее].

Торговецъ голубями [остолбенѣвъ].

Вотъ ужасъ-то! Вотъ страсти! И никто,
 Никто не вступится! Эй, Самуиль,
 Тащи хоть голубей-то изъ толпы!
 О бѣдная, несчастная ты мать!
 Но что тамъ? Горе! Съ плечъ его хитонъ
 Они пурпурный рвутъ и какъ въ крови
 Въ немъ руки тонутъ ихъ. И разбѣжались
 Пугливо всѣ его ученики.

НАРОДЪ.

Убить его! убить! И самъ онъ проклятъ
 И на другихъ проклятье навлечетъ.

Побейте богохульника! Самъ Богъ
Священника устами говорилъ намъ.

ТОРГОВЕЦЪ ГОЛУБЯМИ.

О Господи! Вотъ дожилъ до чего!
И хоть бы кто вступился! Даже братья,
Здоровые такіе молодцы,—
И тѣ молчатъ и въ сторону отходятъ,
Покрывъ лицо. Они въ него не вѣрятъ.
Народъ вопить, сжимаетъ кулаки.
А онъ стоитъ межъ нихъ спокойный, твердый.

ИУДА [скрежеща зубами].

О, дьяволы трусливые, впередъ!
Что въ тѣлѣ мнѣ! Убейте прежде душу!
Камнями бейте! Унижайте, смѣйтесь!
Старайтесь подчинить его себѣ!

НАРОДЪ [дико реветъ за нимъ].

Камнями бейте! побивайте! Нѣтъ,
Пусть псы на улицахъ не лизутъ крови.
Его низринемъ лучше мы съ горы!
Ведите за городъ,—туда, къ обрыву!
А тамъ съ горы! съ горы его!

ИУДА.

Живѣй!

ТОРГОВЕЦЪ ГОЛУБЯМИ.

Шумятъ, какъ въ морѣ бѣшенныя волны!
Такъ вотъ конецъ! Что видѣтъ довелось!
Безумные! они его хватаютъ!
Нѣтъ, слава Богу! Что такое тамъ?
Онъ взоромъ ихъ, какъ молніей, разить,
Съ камнями ихъ руки каменѣютъ—
И чудо совершается! Они
Какъ звѣри дикіе вокругъ него,
А онъ спокойно между нихъ проходитъ.

[Въ порывѣ вдохновенья бросается въ толпу].

Сейчасъ здѣсь чудо, чудо совершилось!
Послушайте меня вы, старика.
Не чудо ли, что бѣшеную кровь
Въ сердцахъ у васъ своимъ единымъ взглядомъ
Онъ могъ обледенить? и это чудо
Всевышній явно показалъ надъ нимъ.
Онъ истинно Христосъ! Не сомнѣвайтесь

И вѣруйте въ него! Вѣдь чудеса,
 Которыя въ груди у васъ свершились,
 О томъ, кто онъ, свидѣтельствуяютъ ясно.
 Смотрите, сами камни возмущились
 Безумьемъ вашимъ: не могли въ него
 Вы бросить ихъ. Послушныя вамъ руки
 Остались безъ движенья, потому
 Что праведника въ немъ онѣ узнали.
 Вашъ ротъ открытъ былъ, губы шевелились,
 А вашъ языкъ прилипъ у васъ къ гортани.
 Слугою вашимъ быть онъ отказался;
 Не захотѣлъ онъ дерзко проклинать
 Того, кого благословлять онъ долженъ.
 Ужели же сердца у васъ безумнѣй,
 Чѣмъ руки и языкъ, иль мертвый камень?
 Ужели вы избить его хотѣли
 За то, что васъ, рабовъ, онъ пожалѣлъ?
 Взгляните вокругъ себя, — на васъ самихъ
 И на дѣтей на вашихъ! Разсудите,
 Не пресмыкается ли весь нашъ родъ
 Въ болотѣ нищеты и униженья?
 А напи-то священники на насъ
 Не виснуть развѣ, какъ пѣвки? Будьте...

священникъ [быстро перебиваетъ его].

Хулить онъ Бога въ избранныхъ Его:
 Побейте камнями его немедля!
 Во имя Божіе, берите камни!
 Въ немъ бѣсъ соблазна съ вами говоритъ,
 Ученьемъ лживымъ уловить васъ хочетъ;
 Въ его словахъ — одинъ обманъ и лесть!

[Еще настойчивѣе].

Зажмите уши ваши! Заглушите
 Своими криками вы рѣчь его,
 Чтобы она на васъ не низвела
 Проклятія, которымъ Богъ грозитъ
 Въ пророчествѣ святомъ Іереміи:
 «Мечомъ и голодомъ должны погибнуть
 «Пророки эти лживые, а съ ними
 «Погибнуть долженъ вмѣстѣ и народъ,
 «Который ихъ ученію внимаеть».

[Въ толпѣ поднимаются шумъ и крики].

Чего жъ еще стоите вы и ждете?
 Уже Господь послать вамъ въ наказанье

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ МАГАЗИНОВЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ЯНВАРЬ 1909 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 1-й.

I. Богословіе.

Иконописный сборникъ. Выпускъ II. Изданіе Высочайше учрежденнаго комитета попечительства о русской иконописи. Спб. 1908. Ц. 2 р.	Памяти духовныхъ композиторовъ: Вортыянскаго, Турчанинова и Львова. Спб. 1908. Ц. 50 к.
--	---

II. Философія, психологія, логика.

Бергсонъ, А. Творческая эволюція. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.	Ноллонтай, А. Соціальныя основы женскаго вопроса. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
Виноградовъ, И. Теорія мирового разума. Настольная книга для лицъ, интересующихся мірозданіемъ. Изд. 3-е. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.	Ланге, Е. Женскій вопросъ въ его современной постановкѣ. М. 1909. Ц. 50 к.
Вольсий, А. Философія борьбы. Опытъ построенія этики марксизма. М. 1909. Ц. 2 р.	Омельченко, А. Свободная любовь и семья. Изд. 2-е. 1909. Ц. 35 к.
	Синорскій, И. Душа ребенка съ краткимъ описаніемъ души животныхъ и души взрослого человѣка. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

III. Словесность.

Амфитеатровъ, А. Антики. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.	Архангельская, И. (Проценко). Утро жизни. Стихотворенія. Спб. 1909. Ц. 50 к.
Андреевъ, Л. Разсказъ о семи повѣшенныхъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.	Баранцевичъ, И. Сочиненія. Т. I. Чужакъ. Повѣсти и разсказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
Анненовъ, П. Литературныя воспоминанія. Спб. 1909. Ц. 3 р.	Бѣгнацій, А. Ольгинъ день. Комедія въ 3 д. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 1 р.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1909 г., т. сxv.

1/228

- Ванда Захеръ-Мазохъ. Исповѣдь моей жизни. Изд. 4-е. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Васильева, Н. Шура. Повѣсть. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Веселовскій, А. Любовная лирика XVIII вѣка. Къ вопросу о взаимоотношеніи народной и художественной лирики XVIII в. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- «Воля». Политическій, общественный и литературный сборникъ. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Гамсунъ, К. Собраніе сочиненій т. 9-я. Норосль. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Голенищевъ-Кутузовъ, А., графъ. Пѣсни и думы. Отрывки изъ сочиненій. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Гюи Де-Мопассанъ. Полное собраніе сочиненій. Т. 3. Исторія одной жизни. Романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- «Деревня». Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. М. 1909. Ц. 35 к.
- Дравертъ, П. Ряды мгновеній. Стихи. Якутскъ. 1908. Ц. 55 к.
- Итальянскіе сборники. Книга 1-я. Габриэль Д'Авнунцио, Э. Амичисъ, М. Серао, А. Фогаццаро, Д. Верга, Г. Деледда, Л. Капуана, Д. Роветта. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Моннанъ-Дойль. Драма въ Вудльвичскомъ арсеналѣ (изъ воспоминаній о Шерлокѣ Холмсѣ). Святочный рассказъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Носаткинъ-Ростовскій, Ф., князь. Шахеразада. Фантазія въ 1 д. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Меренковскій, Д. Въ тихомъ омутѣ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Мордовцевъ, Д. Гайдамачина. Изд. 4-е. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Наканунѣ воли. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Овсяннико-Муликовскій, Д. Поэзія Гейнриха Гейне. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Островскій, А. «Вѣдность не пороку», ком. въ 3 д. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- «Доходное мѣсто», ком. въ 5 д. Ц. 75 к.
- Гроза. драма въ 5 д. Спб. 1909. Ц. 70 к.
- Отъ дамы къ дамѣ. Повѣсть. Спб. 1909. Ц. 20 к.
- Первый литературный сборникъ въ Якутскѣ. 1908. Ц. 45 к.
- Пережитое, сборникъ, посвященный общественной и культурной исторіи Евреевъ въ Россіи. Т. I. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Пронская, А. Стихотворенія. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Ренанъ, Э. Источникъ юности. Философская драма въ 5 актахъ. М. 1909. Ц. 60 к.
- Сборникъ женской гимназіи А. С. Пушкина въ гор. Юрьевѣ. Т. I. Юрьевъ. 1906. Ц. 2 р. 40 к., т. II. ц. 1 р. 80 к.
- Соловьева, П. (Аллего). Плакунъ-трава. Стихи. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Сѣверные сборники издательства «Шиповникъ». Книга 6-я. Спб. 1909. Ц. 1 р. 10 к.
- Уайльдъ, О. Молодой король. М. 1909. Ц. 1 р.
- Українська муза поетична антологія. Исторична хрестоматія. Киев. 1909. Цѣна 2 карбованці.
- *Фарреръ, К. Цвѣтъ цивилизаціи. Романъ. Переводъ Л. Милошевичъ. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- Федоровъ, А. Рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Камни. Романъ. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 1 р.

IV. Исторія, біографія и археологія.

- Арсеньевъ, Ю. Геральдика. Лекція, читанная въ Московскомъ Археологическомъ институтѣ въ 1907—8 г. М. 1908. Ц. 8 р.
- Бертенсонъ, С. Павель Александровичъ Катенинъ. Литературные матеріалы. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Брандесъ, Г. Собраніе сочиненій. Т. II. Молодая Германія. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Бубновъ, Н. Происхожденіе и исторія нашихъ цифръ. Палеографическая попытка. Киевъ. 1908. Ц. 1 р.
- Вольскій, А. Леонардо-да-Винчи. Киевъ. 1909. Ц. 3 р.
- Генти. Гибель Іерусалима. Историческая повѣсть временъ римскихъ императоровъ: Веспасяна и Тита. Спб. 1909. Ц. въ пакѣ 1 р. 25.
- Городцовъ, В. Первобытная археологія. М. 1908. Ц. 8 р.
- Жизнь и литературная дѣятельность П. А. Плетнева. Спб. 1909. Ц. 65 к.
- Иллюстрированная хронологія исторія Россійскаго государства, въ портретахъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Юксимовичъ, М. Анексія Восніи и Герцогвинны. М. 1909. Ц. 15 к.
- Ключевскій, В. Воярская дума древней Руси. Изд. 4-е. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Крохинъ, В. Исторія карелъ. Спб. 1908. Ц. 75 к.
- Модзалевскій, В. Малороссійскій родословникъ. Томъ 1-й. А.-Д. Съ портретами. Киевъ. 1908. Ц. 3 р.
- Модзалевскій, Б. Родъ Раевскихъ. Гербъ Лебедь. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.
- Петровъ, А. Женское движеніе въ Японіи въ его прошломъ и настоящемъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Римская исторія по Моммсену. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Т. 4-й, в. 4-й. Цѣна по подпискѣ за 4 в. 50 р.
- С. П. С. 75-лѣтіе народному гимну «Воже Царя Хранитъ» Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.
- Чуженинъ, И. Историческія слова Россіи. М. 1909. Ц. 20 к.

V. Сельское хозяйство.

Гаховичъ, С. Ягодный садъ. Устройство ягоднаго сада. Культура ягодныхъ растений—крыжовника, смородины, малины, ежевики, земляники и клубники. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Крестовинновъ, В. Мугуть ли бытъ передѣлы на надѣльной земли крестьянъ послѣ окончанія выкушной операціи? М. 1908. Ц. 20 к.

Левичій. Генераль. Тайна богатства въ земледѣліи. Спб. 1908. Ц. 3 к.

VI. Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

Апте, М. Детали деревянныхъ гражданскихъ сооружений. Кіевъ. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Балдинъ, С. Лампы накаиванія съ металлическими нитями. Спб. 1909. Ц. 60 к.

Линтнеръ. Пивовареніе. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Миллеръ, О. Устройство центральныхъ электрическихъ станцій. Спб. 1908. Ц. 7 р. Парсваль, А.-фонъ. Аэростаты и аэропланы. Спб. 1909. Ц. 40 к.

Польгаузенъ, А. Паровые котлы, ихъ дѣйствіе, расчетъ, конструкція, сборка и установка. Спб. 1909. Ц. съ прибавленіемъ 7 р. 50 к.

Sintzov, D. Геометрическія приложенія

дифференціального исчисленія (Дифференціальная геометрія). Х. 1908. Ц. 1 р.

Стародубцевъ, Ф. Технологія металловъ. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. съ атл. 2 р. 50 к.

Страусъ, А. Календарь для электротехниковъ на 1909 годъ. Кіевъ. Ц. 1 р. 25 к.

Тимоновъ, В. Какъ устроить канализацію С.-Петербурга. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Школа современнаго электротехника. Томъ 13-й, дополнительный. Телеграфія. Руководство къ изученію электромагнитныхъ телеграфовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Штейнъ, Н. Машинопись. Руководство къ систематическому изученію и обученію машинному письму къ слѣпому десяти-пальцевому методу. Варшава. 1908. Ц. 75 к.

VII. Правовѣдѣніе и общественныя науки.

Витновичъ, П. Акціонерныя, паевыя и другія отчетныя препятія, подлежащія обложенію государственными промысловымъ налогомъ, съ указаніемъ основныхъ или ихъ замѣняющихъ капиталовъ, времени утвержденія уставовъ или открытія дѣйствій, и т. д. 1909. Ц. 2 р.

Вступительныя лекціи профессоровъ Московскаго Императорскаго Университета: П. Г. Виноградова, А. А. Кизеветтера, А. А. Мануйлова, С. А. Муромцева, П. И. Новгородцева, кн. Е. Н. Трубецкого и др. М. 1909. Ц. 60 к.

Гервагенъ, Л. Обязанности, какъ основаніе права. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Гольмстенъ, А. Опытъ методики законовѣдѣнія какъ предмета преподаванія въ средней школѣ. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Налугинъ, Т. Справочная книжка о выходѣ изъ общины по закону 9 января 1906 г. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Недровъ, П. Вознагражденіе увѣчныхъ рабочихъ по закону 2 Іюня 1903 г. М. 1908. Ц. 10 к.

Норевъ, Н. Алфавитный указатель къ постановленіямъ, относящимся до Великаго Княжества Финляндскаго. Томъ 3-й. Р.—Я.

Съ приложеніемъ списка заглавныхъ словъ. Спб. 1908. Ц. 5 р.

Мышь, М. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 Іюня 1890 г. съ относящимися къ нему узаконеніями, судебными и правительственными разъясненіями. Томъ II. Уставъ о земскихъ повинностяхъ. Изд. 4-е. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.

Процессъ Маріи Антоновой. (Убийство подъ Новый годъ). Спб. 1909. Ц. 60 к.

Рябчинновъ, А. Уставъ о содержащихся подъ стражею, по продолженію 1906 г. (XIV томъ Св. Зак.). Со всеми узаконеніями и распоряженіями правительства по тюремной части, послѣдовавшими по 1-е января 1909 г. Изд. 2-е, дополн. Спб. 1909. Ц. 4 р.

Соро, О. Процессъ Оскара Уайльда. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Скопинскій, А. Изяныя профессиональныхъ союзовъ. Вильна. 1908. 45 к.

Тенишевъ, В., км. Вѣчный миръ и международный третейскій судъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Штыкъ, М. Можно ли дать Евреямъ равноправіе? Спб. 1909. Ц. 15 к.

VIII. Медицина, гигиена и анатомія.

- Блюменау, Л. Мозгъ человѣка. Анатомо-физиологическое введеніе въ клинику нервныхъ и душевныхъ болѣзней. Вып. 3-й. Спб. 1909. Ц. 90 к.
- Блюменталь, Ф. Петербургъ и Москва передъ лицомъ холеры. Спб. 1908. Ц. 25 к.
- Бородинъ, Д. Всероссийскій съездъ дѣтей по борьбѣ съ пьянствомъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Боруховичъ, Л. Способъ успѣшнаго леченія скарлатины. Саратовъ. 1908. Ц. 10 к.
- Власовъ, В. Борьба съ холерой въ Петербургѣ. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Высоцій, Н. Нѣсколько словъ о древностяхъ Волжской Волгаріи. Казань 1908. Ц. 50 к.
- Очерки современнаго состоянія Кавказскихъ минеральныхъ водъ. К. 1908. Ц. 1 р.
- Роль женщины въ исторіи нашей народной медицины. К. 1908. Ц. 25 к.
- Гурьевъ, Н. Основы сбереженія здоровья. Книга для чтенія для войскъ и народа съ приложеніемъ наставленія на случай холеры. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Калининъ, М. Безплатное всеобщее питаніе. Первый шагъ устроенія человѣчества на новыхъ началахъ общественной жизни. Смоленскъ. 1909. Ц. 50 к.
- Кульчицкій, В. Основы гистологии животныхъ и человѣка. Изд. 4-е. X. 1909. Ц. 4 р. 50 к.
- Немиловъ, А. Краткій курсъ практической гистологии. Спб. 1909. Ц. 2 р. 40 к.
- Радецкій, П. Обязанности пола. Соціально-гигиеническіе очерки. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Тяндеръ, М. Культовое пьянство и древнѣйшія алкогольные напитки человѣчества. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Членовъ, М. Подоявая перепись московскаго студенчества и ея общественное значеніе. М. 1909. Ц. 50 к.

IX. Искусство.

- Бурнгардтъ, М. Театръ. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Л. В. Современное воздухоплаваніе, его культурное, экономическое и политическое значеніе. Киевъ. 1909. Ц. 40 к.
- Вышиваніе по квадратному филе (филе-гибюр) и филейное вязаніе. Спб. 1909. Ц. 90 к.
- Гольмстенъ, Г. Какъ снимать при вспышкахъ магнія портреты, группы, внутренніе виды комнатъ, зданій и пр. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Лоріантъ. Герцогини. Искусство быть любимой. Совѣты одной кокетки. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Мановскій, С. Страницы художественной критики, книга вторая. Современные русскіе художники. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Образцы безконтурнаго рисованія вѣстью и красками, безъ предварительныхъ контуровъ. Для дѣтей школьнаго возраста. Изданіе журнала «Игрушечка». Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Рисованіе по памяти для малютокъ. Составлено по Баумгарту, изданіе журнала «Игрушечка». Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Роотъ, Н. Художественная керамика. Посobie и практическое руководство по художественно-гончарному и маоликовому производствамъ. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Свириденно, С. Вагнеровскіе типы трилогіи «Кольцо Нибелунга» и артисты петербургской оперы. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Шитье рѣшетками по выдернутымъ ниткамъ. Спб. 1908. Ц. 80 к.
- Яблоновскій, С. О театрѣ. М. 1909. Ц. 1 р.

X. Военное и морское дѣло.

- Барбазетти, Л. Фехтованіе на сабляхъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Виноградовъ, С. Интенданство въ Портъ-Артурѣ. (Опытъ изслѣдованія по официальнымъ документамъ). Хабаровскъ. 1908. Ц. 50 к.
- Елагинъ, А. и Перре, К. Французскія и военно-литературная хрестоматія для военныхъ и специальныхъ училищъ и старшихъ классовъ кадетскихъ корпусовъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 20 к.
- Заболотный, В. Роль войны въ исторіи развитія культуры. Варшава. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ, А. Руководство для призыва нижнихъ чиновъ запаса арміи и флота на дѣйствительную службу. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.

XI. Воспитаніе, обученіе и учебники.

- Бушъ, в. Долой сказки объ анстахъ! Практическое руководство, какъ разсказать дѣтямъ правду половой жизни и предохранить свою семью отъ нравственной порчи. Необходимо для родителей въ дѣлѣ воспитанія. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Воробьевъ, А. Учебникъ арифметики съ изложеніемъ методовъ рѣшенія арифмети-

- ческихъ задачъ. Курсъ гимназій и реальныхъ училищъ. Астрахань. 1908. Ц. 65 к.
- Гольденбергъ, Л. Сборникъ 35 разработанныхъ литературныхъ сочиненій на темы по русскому языку. Вѣляя Церковь. 1909. Ц. 40 к.
- Коппъ, К. Половой вопросъ въ воспитаніи. Для родителей и воспитателей. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Маштамовъ, П. Грамматика русскаго языка для самообразованія съ приложеніемъ краткаго корнеслова. М. 1909. Ц. 60 к.
- Морганъ, Т. Экспериментальная зоологія. М. 1909. Ц. 2 р 25 к.
- Новиковъ, А. Гораций. Оды, эподы и юбилейная пѣснь. Спб. 1909. Ц. 2 р. 25 к.
- Панпушно, П. Азбука и первоначальное понятіе о 4-хъ дѣйствіяхъ надъ простыми числами. Спб. 1908. Ц. 10 к.
- Реформатская, Е. Люди мысли и правды. Очерки изъ прошлаго русскаго общества. Для самообразованія. М. 1909. Ц. 35 к.
- Сахаровъ, И. Разказы изъ отечественной исторіи. Краткая истрическая хрестоматія-учебникъ для церковно-приходскихъ школъ. М. 1909. Ц. 30 к.
- Трояновскій, И. Педагогическіе этюды. М. 1909. Ц. 50 к.
- Таддъ, Л. Новый путь для художественнаго воспитанія юношества и дѣтей. М. 1909. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.
- Чернолуцкий, В. Основные вопросы организациі школы въ Россіи. Спб. 1909. Ц. 35 к.

XII. Книги для дѣтей и юношества.

- Аугсбургъ, Н. Новая школа рисованія. 1-е рисованіе для дѣтей младшаго и средняго возраста. М. 1909. г. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р.
- Бергъ, Е., и Трушиновская, В. Сборникъ работъ и занятій для дѣтей. Вып. 1-й. Папка со спичками. М. 1909. Ц. 75 к.
- * Вернь Жюль. Пятьсотъ милліоновъ Бегумы. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1909. Цѣна въ папкѣ 1 р. 75 к.
- Гербертсонъ, А. Легенды о герояхъ. Съ рисунками Е. Страттонъ. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1909. Цѣна въ переп. 2 р. 50 к.
- Горинъ, В. Въ странѣ алмазовъ. Разказъ для юношества. Спб. 1909. Ц. 45 к.
- Китоловъ. Ц. 45 к.
- Преданный негръ. Историческій разказъ. Ц. 45 к.
- 1812-й годъ. Историческій разказъ. Ц. 45 к.
- Отважная Перуанка. Ц. 45.
- Гофманъ, Ф. Честный мальчикъ. Ц. 40 к.
- Немецка. 35 к.
- Материнская любовь. Разказъ. Ц. 40 к.
- „Графъ“. Дѣтская стенографія. Спб. 1909. Ц. 30 коп
- Де-Аммиль, Э. Юные герои. Разказы для дѣтей. Спб. 1909. Ц. 35 к.
- Дубровская, Б. Въ родномъ гнѣдышкѣ. 20 разказовъ. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Златовратскій, Н. Избранные разказы для юныхъ читателей. М. 1909. Ц. 80 к.
- Коринфскій, А. Въ дѣтскомъ мірѣ. Новый сборникъ стихотвореній для дѣтей. М. 1909. Ц. 75 к.
- Его же. Пѣсни о хлѣбѣ. Думы, картины и легенды. М. 1909. Ц. 75 к.
- Лонгъ, В. Охота безъ ружья. (Библиотека для дѣтей и юношества). М. 1909. П. 15 к.
- Лукашевичъ, К. Рыбка-волюшка-рѣзвухка. М. 1909. Ц. 20 к.
- Кукольный переполохъ. Фантастическая комедія для дѣтей. М. 1909. Ц. 15 к.
- Елка и трубочистъ. Двѣ комедіи для дѣтей. М. 1909. Ц. 15 к.
- Мой товарищъ. Дѣтскій альманахъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 35 к.
- Манасеина, Н. На Рождествѣ. Три разказа для дѣтей. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Нелединскій, В. Бабушкина сказка, или сонъ Мани въ рождественскій сочельникъ. Дѣйствительное происшествіе, волшебная сцена въ 3 дѣйств. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Онрудъ, Г. Сидель, длинная рубаха. Повѣсть. М. 1909. Ц. 50 к.
- Ратомскій, И. Шалуны. Разказы. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Сорванецъ. Записки бывшаго гимназиста. Спб. 1908. Ц. 50 к.
- Ростовская, М. Дѣтскія забавы. Сборникъ разказовъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- Рубанинъ, Н. Птичьи гнѣзда. Разказы объ искусствѣ въ мірѣ животныхъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Семеновъ, С. Изъ жизни Макарки. Повѣсть. М. 1909. Ц. 35 к.
- Федоровъ-Давыдовъ, А. Проказникъ Пипъ. Исторія мышенка. М. 1908. Ц. въ папкѣ 70 к.
- Фелье, О. Удивительныя приключенія Полишинеля. Спб. 1908. Ц. 40 к.
- Фрзертъ, В. Въ неволѣ. Разказы изъ жизни животныхъ. М. 1909. Ц. 1 р.
- Чарская, Л. Струйка за струйкой, волна за волной. Ц. 1 р. 25 к.
- Солнышко. Сборникъ разказовъ. Ц. 1 руб. 35 коп.

XIII. Естествознаніе.

- Бутневичъ, А. Какъ живутъ пчелы и какъ ихъ водить. Книга 1-я. М. 1909. Ц. 25 к.
- Изъ жизни природы. (Зоогеографическіе очерки). Перелетъ птицъ. Проходныя рыбы. Основные понятія зоогеографіи. Географическое распространеніе млекопитающихъ Россійской Имперіи. М. 1908. Ц. 75 к.

XIV. Физика, химія, математика.

- Бурляевъ, О. Сборникъ задачъ по аналитической геометріи на плоскости съ приложениемъ главнѣйшихъ формулъ. Спб. 1909. Ц. въ пер. 75 к.
- Глазенапъ, С. Друзьямъ и любителямъ астрономіи. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Кояловичъ, Б. Лекціи по высшей математикѣ. Тамъ 1-й. Дифференціальное исчисленіе съ приложениями къ анализу и геометріи. Начала интегральнаго исчисленія. 1909. Ц. 3 р.
- Основные вопросы физики въ элементарномъ изложеніи. Книга 2-я. Электричество. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Пенюжиневичъ, К. Основанія анализа безконечно-малыхъ. Съ 780 примѣрами для упражненій. Сумы. 1909. Ц. 1 р.
- Перри, Д. Практическая математика. М. 1909. Ц. 90 к.
- Тиссеранъ, Ф., и Андуайе, А. Космографія. Спб. 1908. Ц. 2 р. 25 к.
- Шейдъ, К. Молодой химикъ. Наставленіе къ производству простѣйшихъ химическихъ опытовъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 40 к., въ папкѣ 1 р. 70 к.

XV. Коммерческія науки.

- Бэмъ-Бавернъ, Е. Капиталь и прибыль. Исторія и критика теорій процента на капиталъ. Спб. 1909. Ц. 3 р.
- Германъ, И. Американская (тройная) бухгалтерія. Практическое руководство для лицъ, желающихъ самостоятельно вести свои торговые книги безъ помощи бухгалтера. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Гуляевъ, А. Системы и формы счетоводства. Опытъ научнаго изслѣдованія системы и формъ рациональнаго счетоводства съ краткимъ изложеніемъ другихъ существующихъ счетоводныхъ системъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Евсѣевъ, К. Таблицы для вычисленія заработной платы мастеровъ и рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Тамбовъ. 1908. Ц. 1 р.

XVI. Географія.

- Бобинъ, С. Африка. Географическая хрестоматія. М. 1909. Ц. 1 р. 10 к.
- Виноградовъ, И. Космографія (математическая и физическая географія), курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, по системѣ профессора К. Д. Краевича. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Горбунова, Е. Наша земля. Первоначальная географія для дѣтей. М. 1909. Ц. 90 к., въ папкѣ 1 р. 10 к.
- Мандельштамъ, М. Путевыя впечатлѣнія по поѣздкѣ на Шпицбергенъ черезъ Норвегію. М. 1908. Ц. 30 к.
- Новоселовъ, Ю. Культурно-географическій сборникъ. Европа. Ч. I-я. Рига. 1909. Ц. 1 р.
- Риттихъ, П. По Балканамъ. Путевыя впечатлѣнія военнаго туриста. Ч. I. По Сербіи и Болгаріи въ ноябрѣ 1908 г. Ч. II. По Македоніи лѣтомъ 1901 г. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Хольцовъ, Л. Современная Америка. Историко-географич., политическій и эконом.-статистич. очеркъ Сѣверо-Американскихъ Соединен. Штатовъ. Нью-Йоркъ. 1907. Ц. 3 р.

XVII. Справочный отдѣлъ.

- Быстровъ, З. Новѣйшія правила и программы для испытаній лицъ, желающихъ подучить званія аптекарскаго ученика или ученицы, аптекарскаго помощника и провизора. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- «Возрожденіе». № 1. Журналъ общественно-политическій, культурно-философскій, популярно-научный, литературно-художественный. М. 1908. Ц. 20 к.
- «Всемирное техническое обозрѣніе». № 2. Ноябрь. 1908. Ц. 1 р. 20 к.
- Всеобщій календарь на 1909 годъ. Изданіе Германъ Гоппе. Цѣна въ бум. 1 р., въ папкѣ 1 р. 80 к., въ переп. 1 р. 50 к.
- Гедда, Е. Календарь птицевода на 1909 г. Спб. Ц. 40 к.
- «Горнозаводчикъ» и фабрикантъ № 51. 1908. Ц. 15 к.
- «Даль» журналъ №№ 1 и 2. 1908. Ц. 10 к.
- «Дамскій міръ». Ежемѣсячный журналъ модъ. № 12. 1908. Ц. 60 к.
- «Золотое дѣтство», журналъ для дѣтей. № 4. 1908. Ц. 20 к.
- Календарь для дамъ на 1909 г. Иллюстрированная настольная справочная книга. Изд. В. Ю. Шидловскаго. Ц. 1 р.
- «Минувшіе годы», журналъ № 12. 1908. Ц. 1 р.

«Московский еженедельникъ», № 49. 1908. Ц. 15 к.	наго передвиженія по гор. С.-Петербургу. Трамвай-конка. Составили и издали Н. и И. Стукъ-Тукъ. Спб. 1909. Ц. 5 к.
«Московский еженедельникъ», № 1. 1909. Ц. 15 к.	«Свѣтлый лучъ». Журналъ № 2. 1908. Ц. 1 р.
«Наша охота», ежемѣсячный журналъ. Спб. № 12. 1908. г. Ц. 60 к.	«Сибирскіе вопросы». №№ 47—48. Ежене- дѣльный журналъ. 1908. Ц. 30 к.
«Окраины Россіи», газета, № 50. 1908. Ц. 10 к.	«Театръ и искусство». № 50 и 52. 1908. Ц. по 20 к.
Первый подробный указатель обществен-	

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ,
Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону поступилъ въ продажу

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.).

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.
Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, прило-
жены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ
статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ.

Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 рублей

*) Издація А. С. Суворова.

СЛАВЯНСКОЕ ВСЮМ. О-ВО ВЪ МОСКВѢ.

Остоженка, д. О-ва «Якорь», кв. 4.

На основаніи ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного устава, имѣя задачей оказывать нравственную и матеріальную помощь славянамъ и предвидѣть, что они будутъ вскорѣ нуждаться въ ней въ размѣрѣ, превышающемъ средства О-ва, оно обращается ко всему русскому народу съ горячей просьбой во имя чело-вѣколюбія, правды и справедливости поддержать О-во записью ли въ его члены, или же личнымъ трудомъ. Пожертвованія могутъ быть направлены Сербскому Красному Кресту въ Бѣлградѣ и Черног. въ Цетинье. Членами О-ва могутъ быть лица обоюго пола съ подраздѣленіемъ на: 1) пожизненныхъ, вносящихъ единовременно 100 р.; 2) дѣйствительныхъ, вносящихъ 10 р. въ годъ; 3) соревнователей, платящихъ 1 р. или помогающихъ О-ву личнымъ трудомъ. По полученіи взноса высылается членскій билетъ. Уставъ высылается по полученіи 28 коп. марками.

Совѣтъ СЛАВ. ОБЩ-ВА въ Москвѣ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
МАРТЪ, 1909 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1909 г.

	СТРАН.
I. Графъ Феникъсъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй). XVI—XXVII. (Продолженіе). Н. А. Энгельгардта	865
II. Отрывки изъ воспоминаній. Барона Л. Л. Зедделера	918
III. Семейный разладъ. (Повѣсть). I—V. Княгини И. В. Волковской	942
IV. Лишенные всѣхъ правъ человѣческихъ. (Изъ личныхъ воспоминаній о штрафныхъ батальонахъ). (Окончаніе). Георгія Черенкова	987
V. Изъ дневника сестры милосердія. М. И. Девизъ (Охотяной)	1004
VI. Къ біографіи А. С. Грибоѣдова. (Изъ неизданныхъ матеріаловъ). Д. А. Смирнова	1031
VII. Затѣшье. (Изъ провинціальныхъ настроеній). Н. Н. Оглоблина	1062
VIII. Памяти Антона Семеновича Будиловича. К. Я. Грота	1097
иллюстрація: Антонъ Семеновичъ Будиловичъ.	
IX. Къ вопросу о предкахъ Н. В. Гоголя. М. Григоревскаго	1123
X. Ө. В. Левицкій . (Къ 20-лѣтію артистической дѣятельности. 1889—1908 гг.). В. В. Уманова-Каплуновскаго	1127
иллюстрація: Өддоръ Васильевичъ Левицкій .	
XI. Крамола, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). II. Каракозовскій выстрѣлъ . VII—XIII. Б. Б. Глинскаго	1132
иллюстрація: Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ .	
XII. Нѣжинъ . (Къ столѣтію рожденія Н. В. Гоголя). В. В. Данилова	1166
иллюстраціи: 1) Нѣжинъ . Набережная.—2) Нѣжинъ . Соборъ XVII вѣка.—3) Нѣжинъ . Институтъ князя Везбородка.—4) Нѣжинъ . Памятникъ Гоголя.	
XIII. Древнѣйшій кievскій «городъ» и остатки дворцовъ великокняжеской эпохи. А. И. Савенко	1176
иллюстраціи: 1) Древне-языческое банище.—2) Остатки фундаментовъ и цементнаго пола великокняжескаго дворца.—3) Братская могила , въ которой найденъ запрестольный крестъ древней Десятинной церкви, и этотъ крестъ (лицевая и обратная сторона).	
XIV. Критика и библиографія	1186
1) Сборникъ черниговскаго епархіальнаго древлехранилища. I. Черниговъ. 1908. в. Руданова.—2) Древности восточныя. Труды восточной комиссіи императорскаго московскаго археологическаго общества, изданныя подъ редакціей д. ч. М. В. Никольскаго . Томъ III, вып. II Спб. 1908. а. х.—3) А. Спидманъ . Археологическія развѣдки. Спб. 1908. д. з.—4) Труды черниговской губернской архивной комиссіи. Выпускъ сельской. Подъ редакціей правителя дѣлъ П. М. Добровольскаго . Черниговъ. 1908. в. Руданова.—5) Матеріалы военно-ученаго архива генеральнаго штаба . Отечественная война 1812 года.	
(см. слѣд. стран.).	

Отдѣлъ I. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учреждений. Томъ X. Подготовка къ войнѣ въ 1812 году (мартъ мѣсяцъ). Изд. главнаго управления генеральнаго штаба. М. Соколовскаго. — 6) Лѣтписи занятій императорской археографической комиссіи за 1907 г. Выпускъ двадцатый. Подъ редакціею правителя отдѣла В. Г. Дружинина. Спб. 1908 г. в. г.—аго. — 7) Путеводитель по музею славскаго археологическаго общества съ четырьмя портретами и видомъ Поганкиныхъ палатъ. Псковъ. 1908. А. Титова. — 8) Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древне-русскаго каноническаго права. Часть I. (Памятники XI—XV в.в. Изданіе второе. Спб. 1908 г. в. г.—аго. — 9) Памятники древней письменности и искусства. СЛХХ. Отчеты о заведеніяхъ императорскаго общества любителей древней письменности въ 1905—1907 г. Спб. 1908. Я. Бирюкова. — 10) Алфавитный указатель въ постановленіяхъ, относящихся до великаго княжества Финляндскаго. Томъ третій, буквы Р.—Я. Съ приложеніемъ списка заглавныхъ словъ. Составилъ Н. Я. Коревъ. Спб. 1909. П. Майнова. — 11) Ал. Ботоичъ. Духовная цензура въ Россіи (1799—1855 гг.). Спб. 1909. П. Верховскаго. — 12) Религиозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ. Исследованіе Д. Г. Коновалова. Ч. I. Выпускъ 1-ый. Физическія явленія въ картинѣ сектанскаго экстаза. Сергіевъ-посадъ. 1908. В. Троцнаго. — 13) Г. Александровскій. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ. Выпускъ II. Кіевъ. 1907. А. Фомина. — 14) И. Генеромъ. Жизнь и рѣчи Л. Н. Толстого въ «Новой Полянѣ». Издательство «Посѣвъ». М. Соколовскаго. — 15) Современники. Альбомъ биографій. Н. И. Афанасьева. Томъ I. Спб. 1909. с. н. — 16) Списокъ членовъ императорской академіи наукъ съ 1725 по 1907 гг., составилъ В. Л. Модзалевскій. Спб. 1908. П. Майнова. — 17) А. С. Дружавинъ. Въ вазематахъ. Спб. 1909. А. Фаресова. — 18) Андреъ Барръ. Боснія и Герцеговина подъ австрійскимъ владычествомъ. М. 1909 г. Андрея Сиротинина.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 1213

1) Медицинское наследованіе муміи фараоновъ. — 2) Возстановленіе «Тавной Вечери» Леонардо да Винчи. — 3) Испанскія деревни о Робинзонѣ Крузо и Донъ-Жуанѣ. — 4) Дневникъ герцогини Дичо. — 5) Незнакомка Приспера Мерима. — 6) Письма Тургенева къ немецкимъ друзьямъ. — 7) Политическіе клубы въ Константинополѣ. — 8) Смерть братьевъ Кокляновъ, Катюли Мендеса, маркиза Кюста де-Борегара.

XVI. Смѣсь. 1242

1) Годовое собраніе литературнаго фонда. — 2) Годовое собраніе и приращеніе награды въ императорскомъ географическомъ обществѣ. — 3) 25-лѣтній юбилей с.-петербургскаго родительскаго кружка. — 4) Пушкинское лицейское общество. — 5) Въ генеалогическомъ обществѣ. — 6) Смоленская ученая архивная комиссія. — 7) Юбилей картографическаго заведенія А. А. Ильина. — 8) Чествованіе Ф. Ф. Зѣлинскаго. — 9) Юбилей іерарха-миссіонера. — 10) Завѣщаніе И. Е. Забѣдина.

XVII. Некрологи. 1256

1) Верещагинъ, А. В. — 2) Верещагинъ, А. С. — 3) Коловоловъ, Г. Е. — 4) Крейсбергъ, А. Р. — 5) Оливъ, С. В. — 6) Пана, Н. Н. — 7) Пуарэ, Э. И., (Карандашъ). — 8) Совѣтовъ, И. Г. — 9) Шепелевичъ, Л. Ю. — 10) Юницкая, Н. А. — 11) Фодотовъ, А. А.

XVIII. Замѣтки и поправки. 1264

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Некрологъ великаго князя Владимира Александровича 1) Портретъ Дмитрія Александровича Смирнова. — 3) Иуда Искариотъ. *Драматическая поэма въ пяти отдѣленіяхъ Элизы Шмидтъ. Переводъ И. Тюменева. (Окончаніе).*

СОДЕРЖАНІЕ СТО ПЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1909 года).

	СТРАН
Графъ Фениксъ. (Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Великой). I—XXVII. Н. А. Энгельгардта.	7, 435, 865
Воспоминанія о цесаревичѣ Николаѣ Александровичѣ и императорѣ Александрѣ III въ юности. Н. Н. Фирсова. (Л. Рускина).	44
Подъ чужимъ небомъ. (Историческій рассказъ). В. Г. Авѣенно.	76
«Паденіе искусства». (Листки изъ записной книжки). П. П. Гнѣдича.	112, 528
Страна неожиданностей. (Изъ замѣтокъ яионца). Р. И. Сементновскаго	142, 495
Императоръ Вильгельмъ въ Выштынцѣ. К. К. Тріонова.	190
Неизданное стихотвореніе Я. П. Полонскаго. Сообщ. С. Уманца.	195
Къ вопросу о двѣ рожденія Н. В. Гоголя. М. Григоревскаго.	197
Раздѣленіе Европы на два лагеря. (По дипломатическимъ и другимъ источникамъ). В. Ѳ. Пуцыновича.	199
Какъ мы издавали газету. (Для будущаго историка провинціальной печати). М. Туринскаго.	206
Крамola, реакція и терроръ. (Историческіе очерки). Обновленная Россія. (вмѣсто предисловія). П. Каракозовскій выстрѣлъ. Б. Б. Глинскаго.	222, 692, 1132
иллюстраціи: 1) Дмитрій Владимировичъ Каракозовъ.—2) Графъ Михайлъ Николаевичъ Муравьевъ.	
Николай Валерьяновичъ Муравьевъ. (Некрологъ). Н. Н. Лендера.	253
иллюстрація: Николай Валерьяновичъ Муравьевъ.	

- Новый памятникъ въ Царскомъ Селѣ. Е. К. Андреевскаго.** 259
Иллюстраціи: 1) Гранитный ящикъ въ закрытомъ видѣ (поставленный на табуретъ). — 2) Гранитный ящикъ открытъ, на немъ поставленъ вынутый изъ него мраморный ящикъ. — 3) Памятникъ, открытый въ 1907 г. въ Царскомъ Селѣ (Софія) въ районѣ расположенія л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка.
- Одесскій музей. В. Данилова.** 264
Иллюстрація: Одесскій музей.
- Кальварія. П. И. Кореневскаго.** 268
Иллюстраціи: 1) Вечерникъ. — 2) Въ Огройцу. — 3) «Компанія». — 4) Подъемъ на Сионскія высоты и первая брама Иерусалима. — 5) Къ Пилату. — 6) Подъ тяжестью креста. — 7) Костель св. Креста.
- Аудако, колонія прокаженныхъ на островѣ Эзелѣ. А. Э. Зноско-Боровскаго.** 289
Иллюстраціи: 1) Главный флигель въ Аудако. — 2) Часть столовой для церковныхъ службъ. — 3) Два домика для прокаженныхъ мужчинъ. — 4) Одинъ изъ домиковъ для прокаженныхъ женщинъ. — 5) Группа прокаженныхъ съ устроителемъ колоніи Зандеромъ и фельдшеромъ Керге.
- Первый женскій всероссійскій съѣздъ. Б. Б. Глинскаго.** 384
- Императоръ Александръ III въ Вѣловѣжѣ. Н. К. Полевого.** 476
- Лишенные всѣхъ правъ человѣческихъ. (Изъ личныхъ воспоминаній о штрафныхъ батальонахъ). Георгія Черенкова.** 550, 987
- Царственный купецъ. Г. Т. Сѣверцева-Полилова.** 574
- Пушкинъ и славяне. А. Н. Сиротинина.** 590
- Военная вѣншика. (Отрывокъ изъ воспоминаній о смутномъ времени въ Харьковѣ). М. И. К.** 612
- Романистъ «на покоѣ». (Изъ воспоминаній о графѣ Е. А. Салиасѣ-Турнемирѣ). А. А. Измайлова (Смоленскаго).** 630
- Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. 1829—1909 гг. (Некрологъ). Б. Г.** 656
Иллюстраціи: 1) Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій. — 2) Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій въ облаченіи.
- И. Е. Забѣлинъ. (Некрологъ). М. В. Клочкова.** 670
Иллюстрація: Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ.
- Памяти Ѳ. Н. Плевако. П. А. Россіева.** 681
Иллюстрація: Ѳедоръ Никифоровичъ Плевако.
- По сѣверу и югу. (Картинки Россіи). Н. Н. Лендера (Путника).** 725
Иллюстраціи: 1) Вершины Урала. — 2) Лысьвенскій заводъ на Уралѣ. — 3) Церковь и памятникъ графу П. П. Шувалову на Лысьвенскомъ заводѣ. — 4) Лысьвенскій гор.-докъ на Уралѣ. — 5) Въ долинахъ Урала (Средній Таганай). — 6) Видъ города Еватеринбурга. — 7) Главная улица въ Екатеринбургѣ. — 8, Вершина горы Вольшой Таганай на Уралѣ. — 9) Городъ Челябинскъ. — 10) На Самаро-Златоустовской жел. дор. (Усть-Батавъ). — 11) Городъ Златоустъ. — 12) Утесы «Первая бечева» и горная рѣчка Симъ на Уралѣ. — 13) Самаро-Златоустовская жел. дор. Видъ у Юрезанскаго моста. — 14) Утесы Урала на Самаро-Златоустовской жел. дор. Утесъ «Красный валень».

Отрывки изъ воспоминаній. Барона Л. Л. Зедделера.	918
Семейный разладъ. (Повѣсть). I—V. Княгини М. В. Волконской.	942
Изъ дневника сестры милосердія. М. И. Девизъ (Охотиной).	1004
Къ біографіи А. С. Грибоѣдова. (Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова). Д. А. Смирнова.	1031
Затишье. (Изъ провинціальныхъ настроеній). Н. Н. Оглоблина.	1062
Памяти Антона Семеновича Будиловича. К. Я. Грота.	1097
иллюстрація: Антонъ Семеновичъ Будиловичъ.	
Къ вопросу о предкахъ Н. В. Гоголя. М. Григоревскаго.	1123
Ө. В. Левицкій. (Къ 20-лѣтію артистической дѣятельности, 1889—1908 гг.). В. В. Уманоза-Каплуновскаго.	1127
иллюстрація: Федоръ Васильевичъ Левицкій.	
Нѣжинъ. (Къ столѣтію рожденія Н. В. Гоголя). В. В. Данилова.	1166
иллюстраціи: 1) Нѣжинъ. Набережная.—2) Нѣжинъ. Соборъ XVII вѣка.—3) Нѣжинъ. Институтъ князя Безбородва.—4) Нѣжинъ. Памятникъ Гоголя.	
Древнѣйшій кievскій «городъ» и остатки дворцовъ великокняжеской эпохи. А. И. Савенно.	1176

иллюстраціи: 1) Древне-языческое капище.—2) Остатки фундаментовъ и цементнаго пола великокняжескаго дворца.—3) Братская могила, въ которой найденъ запрестольный крестъ древней Десятинной церкви, и этотъ крестъ (лицевая и обратная сторона).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ 312, 774, 1186

1) Великій князь Николай Михайловичъ. Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга императора Александра I. Томъ I, съ 29-ю рисунками. Спб. 1908. в. т.—2) А. А. Кауфманъ. Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста М. 1908. м. Ключова.—3) Донесенія французскихъ представителей при русскомъ дворѣ и русскихъ представителей при французскомъ дворѣ. Т. III. 1819—1820. Спб. 1908. (Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества, т. 127-й). л.—4) Дѣла тайнаго приказа. Книга 2-я. Изданіе императорской археографической комиссіи подъ редакціей И. Я. Гурлянда. Спб. 1908 г. а. х.—ка.—5) Ю. В. Арсеньевъ. Геральдика. Лекціи, читанныя въ московскомъ археологическомъ институтѣ въ 1907—8 г.—Л. М. Савеловъ. Лекціи по русской генеалогіи, читанныя въ московскомъ археологическомъ институтѣ. Первое полугодіе.—В. А. Городцовъ. Первобытная археологія. Курсъ лекцій, читанныхъ въ московскомъ археологическомъ институтѣ. М. Соколовскаго.—6) М. Грудевъ. Соперничество Россіи и Англіи въ Средней Азіи. Спб. 1909.—М. Грудевъ. Очеркъ возстаній пограничныхъ племенъ Индіи за послѣднія 10 лѣтъ. Спб. 1909.—А. Гамильтовъ. Афганистанъ. Переводъ съ англійскаго С. П. Голубинова. Спб. 1908. л. н.—7) Академикъ Истривъ. Опытъ методологическаго введенія въ исторію русской литературы XIX вѣка. Спб. 1907. А. Фомина.—8) Владимиръ Вобровъ. «Русскія народныя сказки о животныхъ». Изслѣдованіе. Варшава. 1909. Профессора М. Краснозна. — 9) В. А. Розовъ. Пушкинъ и Гете. Кіевъ. 1908. м. б.—10) Старые годы. Ежемѣсячникъ для любителей искусства и старины. 1907. Январь—октябрь. А. Я.—11) Письма Владимира Сергѣевича Соловьева. Томъ I. Подъ редакціей Э. Л. Радлова. Спб. 1908. н. л.—12) Профессоръ А. С. Вазигинъ. Въ туманѣ смутныхъ дней. Харьковъ. 1908. а. м.—13) С. П. Фарамаковскій. «Возрожденіе Урала». Очерки. Спб. 1908. н. Лендера.—14) П. Засодимскій. «Изъ воспоминаній». М. 1908. б. г.—15) «Вѣстникъ общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семъ-

ямь. № 1—3. Спб. 1908. н. а.—16) St. Tarnowski. Hystorya literatury polskiej. Tom VI, Część druga. Wiek XIX. 1863—1900. Краковъ 1907. А. Яцимирскаго. — 17) Д. Свитскій. Историческій очеркъ городовъ Сѣвска, Дмитровска и Комарицкой волости. Орель. 1908. Д. Зеленина. — 18) Проф. Ю. А. Куляковскій. Амміанъ Марцеллинъ. Исторія, переводъ съ латинскаго. Выпускъ III. Кіевъ. 1908. в.—19) Очеркъ истории переяславско-бориспольской епархіи (1733—1785), въ связи съ общимъ ходомъ малороссійской жизни того времени. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія Владимира Цархоменко. Изданіе полтавскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Полтава. 1908. в. Руданова.—20) Васенькѣ, П. Г. Дьякъ Иванъ Тимофеевъ, авторъ «Временника». (Къ исторіи перелома въ развитіи древне-русской исторической мысли). С.б. 1908. я. Бирюнова.—21) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1908 годъ. Книга вторая. Издана подъ завѣдываніемъ М. Б. Любавскаго. М. 1908. в. Р.—ва.—22) Персиваль Хисламъ. Господство на Атлантическомъ океанѣ. Переводъ съ англійскаго морского генеральнаго штаба капитана 2-го ранга барона Гревеница. Спб. 1908 г. л. н.—23) Сборникъ учено-литературнаго общества при императорскомъ юрьевскомъ университетѣ. Томъ XIII. Юрьевъ. 1908. О-ля.—24) Списокъ книгъ, приобретенныхъ бібліотекою императорскаго с.-петербургскаго университета съ 1 іюля 1904 года по 31 декабря 1906. Спб. 1907. и. а.—25) Древности. Труды славянской комиссіи императорскаго московскаго археологическаго общества. Томъ IV, вып. I. Изданъ подъ редакцію А. Т. Орлова. Москва. 1907. а.—26) Исторія Государевой Свѣты. Т. III. Царствованіе императора Николая I. Главный редакторъ Д. А. Скалонъ, составители В. В. Квадри и В. К. Шенкъ, помощники: Г. С. Габаевъ, Н. П. Мерлинъ и М. К. Соколовскій. Изъ многоч. изданія. Мих. Сооловскаго. — 27) Исторія Финляндіи. Время императора Александра I. Съ портретами, иллюстраціями и картой. — М. Бородкина. 1909 г. — Къ столѣтію покоренія Финляндіи. П. Майнова.—28) Писаревскій, Г. Изъ исторіи иностранной колонизаціи въ Россіи въ XVIII в. (по неизданнымъ архивнымъ документамъ). М. 1909. м. Илочкова — 29) Th. Pantenius. Geschichte Russlands. Leipz. 1908. а. б.—30) Адольфъ Гарнакъ. Монашество, его идеалы и его исторія. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія Н. М. Никольскаго. Пятая книга серіи «Религія и церковь въ свѣтѣ научной мысли и свободной критики». Спб. 1908. пангарей.—31) В. Г. Дружининъ. «Священно-іерей» Матвій Андреевъ, его бесѣды съ безпоповцами и посланія къ нимъ. Спб. 1908 г. в. Т.—аго.—32) Записки Сергія Алексѣевича Чучкова. Подъ редакціей и со вступительной статьей К. А. Военскаго. Спб. 1908. а. б.—33) Акты угличской провинціальной канцеляріи (1719—1726 гг.), изданные председателемъ ярославской ученой архивной комиссіи, подъ редакціей товарища председателя комиссіи, профессора Ѳ. В. Тарановскаго. Т. I. М. 1908. в. Руданова.—34) А. Алферовъ и А. Грузинскій. Русская литература XVIII вѣка. Москва. 1907. а. Фомина—35) Г. Синохаевъ. Поездъ Гоголя. Пособіе и хрестоматія для старшихъ классовъ средней школы и для самообразования. Часть I. Спб. 1908. н. л.—36) А. Богумиль. Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ. Кіевъ. 1908. а. Фомина. — 37) Константинъ Кузьминскій. О сборникѣ молитвъ, известномъ подъ названіемъ «Абагаръ». М. 1908. Изъ «Древностей славянской комиссіи московскаго археологическаго общества», т. IV. Его же. Очеркъ развитія новой болгарской литературы. М. 1907. а. я.—38) Геделундъ, Л. Н. Исторія Даніи. Переводъ съ датскаго графъ Н. Протасовъ - Бахметевъ. Съ 84 рисунками и 2 картинками. Е.—39) И. Корниловъ. Русское дѣло въ Северо-Западномъ краѣ. Изданіе второе. Вып. I. Спб. 1908 г. а. б.—40) А. И. Фаресовъ. Забытая писательница и ея заслуги. Спб. 1909. а. н.—41) Г.-л. Реннепшауфъ. Мукденское сраженіе. Двадцатидневный бой моего отряда. Спб. 1909.—Ф. Лигницъ (генер.-отъ-инфантеріи германской службы). Японорусская война. Извлеченіе изъ I части. Спб. 1909.—Русско-японская война. Офіціальныя донесенія японскихъ главнокомандующихъ сухопутными и морскими силами. Собранныя и опубликованы въ Киото Г. М. Кинай. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей М. Грулева. Спб. 1909. л. н.—42) Baltischer historisch-geographischer Kalender 1908. Изданіе Платеса. Рига. Мальгрень—43) Адресъ-Календарь Курляндской губерніи подъ ред. Я. И. Лудмера и А. Э. Мальгрена. XXX изданіе курл. губернскаго статистическаго комитета. Митава. 1908. —и—. —44) М. А. Лялина. Очерки исторіи Финляндіи отъ древнѣйшаго періода до начала XX столѣтія. Изданіе Березовскаго. Спб. 1908. н.—на.—45) Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Выпускъ пятый. Полтава. 1908. в. Руданова.—46) В. Італій Эйнгорнъ. Къ исторіи иновѣрцевъ въ старой Мадороссіи. М. 1908 г. а. Хах—ова.—47) Городъ Аткавскъ. Матеріалы для историко-географическаго описанія Саратовской губерніи по рукописямъ и изслѣдованіямъ члена ж. р. географическаго общества Але-

ксандра Николаевича Минха. Съ 15 рис. Аткарскъ. 1908. В. Р—ва.—48) Сборникъ черниговскаго спархiального древлехранища. I. Черниговъ. 1908. В. Рудакова.—49) Древности восточныя. Труды восточной комисіи императорскаго московскаго археологическаго общества, изданныя подъ редакціей д. ч. М. В. Никольскаго. Томъ III, вып. II. Спб. 1908. А. Х.—50) А. Сплицынъ. Археологическія развѣдки. Спб. 1908. Д. З.—51) Труды черниговской губернской архивной комисіи. Вып. седьмой. Подъ редакціей правителя дѣлъ П. М. Дсбровольскаго. Черниговъ. 1908. В. Рудакова.—52) Матеріалы военно-учебнаго архива генеральнаго штаба. Отечественная война 1812 года. Отдѣлъ I. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учреждений. Томъ X. Подготовка къ войнѣ въ 1812 году (мартъ мѣсяць). Изд. главнаго управленія генеральнаго штаба. М. Сооловскаго.—53) Лѣтопись занятій императорской археографической комисіи за 1907 г. Выпускъ двадцатый. Подъ редакціей правителя дѣлъ В. Г. Дружинина. Спб. 1908 г. В. Т—аго.—54) Путеводитель по музею псковскаго археологическаго общества съ четырьмя портретами и видами Поганнинныхъ палатъ. Псковъ. 1908. А. Титова.—55) Русская историческая бібліотека. Т. VI. Памятники древне-рускаго каноническаго права Часть I. (Памятники XI—XV в.). Изданіе второе. Спб. 1908 г. В. Т—аго.—56) Памятники древней письменности и искусства. СЛХХ. Отчеты о засѣданіяхъ императорскаго общества любителей древней письменности въ 1905—1907 г. Спб. 1908. Я. Бирюнова.—57) Алфавитный указатель къ постановленіямъ, относящимся до великаго князства Финляндскаго. Томъ третій. Буквы Р.—Я. Съ приложеніемъ списка главныхъ словъ. Составилъ Н. Н. Корево. Спб. 1909. П. Майнова.—58) Ал. Котовичъ. Духовная цензура въ Россіи (1799—1855 гг.). Спб. 1909 г. п. Верховскаго.—59) Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектанствѣ. Изслѣдованіе Д. Г. Коновалова. Ч. I. Выпускъ 1-ый. Физическія явленія въ картинѣ сектанскаго экстаза. Сергіевъ посадъ. 1908. В. Троцнаго.—60) Г. Александровскій. Читанія по новѣйшей русской литературѣ. Выпускъ II. Кіевъ. 1907. А. Фомина.—61) И. Тенеромо. Жизнь и рѣчи Л. Н. Толстого въ «Ясной Полянѣ». Издательство «Посвѣтъ». М. Сооловскаго.—62) Современники. Альбомъ біографій. Н. И. Афанасьева. Томъ I. Спб. 1909. с. н.—63) Списокъ членовъ императорской академіи наукъ съ 1725 по 1907 гг. Составилъ Б. Л. Модзалевскій. Спб. 1908. п. Майнова.—64) А. С. Пругавинъ. Въ казематахъ. Спб. 1909. А. Фаресова.—65) Андрѣ Варрѣ. Боснія и Герцеговина подъ австрійскимъ владычествомъ. М. 1909 г. Андрея Сиротинина.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ. . . 357, 807, 1213

1) Игнимальныя подробности о герцогинѣ Курляндской.—2) Робертъ Фультонъ во Франціи.—3) Мемуары леди Черчилль.—4) Письма Ницше.—5) Письма князя Меттерниха къ графинѣ Ливенъ въ 1818 году.—6) Смерть дочери Наундорфа, лорда Глэнеска, Ашиля Люшера, г-жи Арведъ Барнш и Фридриха Шульце.—7) Доисторическій человекъ.—8) Новая псевдо-Железная Маска.—9) Исторія самаго большаго порта въ свѣтѣ.—10) Везмертная возлюбленная Бетховена.—11) Воспоминанія о графинѣ Валонъ.—12) Автобіографія Патти.—13) Млѣніе Ферреро о Ломброзо, какъ современномъ пророкѣ, великомъ мессіиствѣ и писателѣ.—14) Конецъ статей Куропаткина о русско-японской войнѣ.—15) Ломброзо о мессіинской катастрофѣ.—16) Переворотъ въ Небесной имперіи.—17) Юбилей въ Англіи и въ Италіи.—18) Смерть Альбера Годри, Эрнеста Рейа, Альбера Мэра, Джона Вашингтона, Томаса Макви, профессора Шабаца, Рихарда Шиселя и Эрнста Вильденбруха.—19) Медицинское изслѣдованіе мумій фараоновъ.—20) Восстановленіе «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи.—21) Испанскія легенды о Робинзонѣ Крузо и Донъ-Жуанъ.—22) Дневникъ герцогини Дино.—23) Незнакомка Проспера Меримэ.—24) Письма Тургенева къ нѣмецкимъ друзьямъ.—25) Политическія влзубы въ Константинополѣ.—26) Смерть братьевъ Коклязовъ, Катюля Мендеса, маркиза Коста де-Воретара.

СМѢСЬ 408, 838, 1242

1) Юбилей Елизаветинскаго института.—2) Юбилей Д. И. Иловайскаго.—3) Юбилей В. П. Ламбина.—4) 25-лѣтіе смоленскихъ курсовъ для рабочихъ въ Петербургѣ.—5) Музей А. Р. Бродовскаго въ Вильнѣ.—6) Московскій отдѣлъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества.—7) Новая виллика въ Петербургѣ.—8) Отъ Высочайше утвержденной комисіи по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ Петербургѣ.—9) Торжественное собраніе императорской академіи наукъ.—10) Въ академіи наукъ.—11) Въ литературномъ фондѣ.—12) Занятія московскаго предарительнаго комитета по устройству XV археологическаго съѣзда.—13) Къ предстоищему IV-му областному историко-археологическому съѣзду.—14) Экспедиція для из-

слѣдованіи Камчатки. — 15) Гробъ Гоголя. — 16) Юбилей «Сенатскихъ Вѣдомостей». — 17) Юбилей В. И. Герье. — 18) 25-лѣтіе ученой дѣятельности академика Л. П. Веллярминова. — 19) Юбилей К. С. Баранцевича. — 20) 25-лѣтній юбилей В. А. Шуфа. — 21) Отъ совѣта императорскаго русскаго военно-историческаго общества. — 22) Годовое собраніе литературнаго фонда. — 23) Годовое собраніе и присужденіе наградъ въ императорскомъ географическомъ обществѣ. — 24) 25-лѣтній юбилей с.-петербургскаго родительскаго кружка. — 25) Пушкинское лицейское общество. — 26) Въ генеалогическомъ обществѣ. — 27) Смоленская ученая архивная комиссія. — 28) Юбилей картографическаго заведенія А. А. Ильина. — 29) Чествованіе О. Ф. Зѣлинскаго. — 30) Юбилей іерарха-миссіонера. — 31) Завѣщаніе И. Е. Забѣлва.

НЕКРОЛОГИ 418, 853, 1256

1) Альмедингенъ, А. Н. — 2) Будиловичъ, А. С. — 3) Волковъ, Н. Н. — 4) Гарничъ-Гарничій, О. М. — 5) Зеестъ, В. А. — 6) Каразинъ, Н. Н. — 7) Логинова, Г. М. — 8) Магдесіанцъ, Э. Я. — 9) Павловская, Л. Е. — 10) Петровскій, Н. О. — 11) Пѣвцовъ, В. Г. — 12) Гр. Саліась, Е. А. — 13) Сильвестръ, епископъ. — 14) Соколовъ, Н. М. — 15) Федоровичъ, Л. В., проф. — 16) Хартулари, К. Ф. — 17) Шмидтъ, Ф. Б. — 18) Вобровъ, В. А. — 19) Вахрамѣевъ, Н. А. — 20) Гиляровъ, Н. П. — 21) Гомиліусъ, Л. О. — 22) Жукъ, В. В. — 23) Зеленой, П. А. — 24) Ламбинъ, В. П. — 25) Лапчинскій, Н. Д. — 26) Поповъ, М. Р. — 27) Рождественскій, З. П. — 28) Чижиковъ, Н. А. — 29) Чудиновъ, А. Н. — 30) Ширяевъ, С. О. — 31) Шишковъ, Л. Н. — 32) Языковъ, Д. Г., протоіерей — 33) Верещагинъ, А. В. — 34) Верещагинъ, А. С. — 35) Колоколовъ, Г. Е. — 36) Крейсбергъ, А. Р. — 37) Оливъ, С. В. — 38) Пана, Н. Н. — 39) Пуарэ, Э. Я., (Карандашъ). — 40) Совѣтовъ, П. Г. — 41) Шепелевичъ, Л. Ю. — 42) Юницкая, П. А. — 43) Фодотовъ, А. А.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 432, 863, 1264

Объ изданіяхъ «Кружка любителей русскихъ изящныхъ изданій». М. И. Соколовскаго.

Приложенія: 1) Портретъ цесаревича Николая Александровича. — 2) Портретъ графа Евгенія Андреевича Саліаса. — 3) Портретъ Дмитрія Александровича Смирнова. — 4) Некрологъ великаго князя Владимира Александровича. — 5) Гуда Искаріотъ. Драматическая поэма въ пяти отдѣленіяхъ Элизы Шмидтъ. Переводъ И. Тюменева.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Спб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга заключаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ: ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

БАРОНЪ СИГИЗМУНДЪ ГЕРБЕРШТЕЙНЪ

ЗАПИСКИ
О МОСКОВИТСКИХЪ ДѢЛАХЪ

ПАВЕЛЪ ЮВІЙ НОВОКОМСКІЙ

КНИГА О МОСКОВИТСКОМЪ ПОСОЛЬСТВѢ

ВВЕДЕНІЕ, ПЕРЕВОДЪ И ПРИМѢЧАНІЯ

А. І. МАЛЕИНА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ 2 ПОРТРЕТОВЪ ВЪ КРАСКАХЪ, 8 РИСУНКОВЪ НА
ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ, 84 РИСУНКОВЪ ВЪ ТЕКСТѢ И ПОДРОБНЫХЪ
УКАЗАТЕЛЕЙ.

Цѣна 15 рублей.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

ПРОДАЕТСЯ ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА:

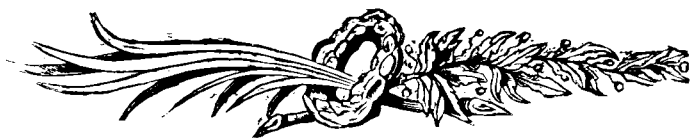
КЪ ПОЗНАНІЮ РОССІИ

Д. МЕНДЕЛѢВА

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ РОССІИ

Изданіе шестое.

Цѣна 1 руб.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

(Некрологъ).

ВЪ ТВЕРТАГО февраля скончался его императорское высочество великій князь Владимиръ Александровичъ. Покойный былъ третьимъ сыномъ императора Александра II. Родился онъ 10 апрѣля 1847 г.

Въ день своего рожденія великій князь былъ назначенъ шефомъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка и зачисленъ въ списки лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и лейбъ-гвардіи Сапернаго батальона. Его императорское высочество получилъ прекрасное образованіе подъ наблюденіемъ своихъ августѣйшихъ родителей. Въ 1854 г. онъ былъ произведенъ въ прапорщики, въ 1855 г.—въ подпоручики гвардіи, а въ 1858 г.—въ поручики. Его императорское высочество несъ службу въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, 6 августа 1864 г. на праздникъ полка былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, съ 20 іюля 1865 г. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству. Великій князь, прокомандовавъ ротой, 20 декабря 1867 г. былъ назначенъ командующимъ 1-мъ батальономъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, а 30 августа 1868 г., будучи командующимъ лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ, былъ произведенъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ въ свиту его императорскаго величества. Въ томъ же 1868 г. онъ былъ назначенъ сенаторомъ 1-го департамента правительствующаго сената.

10 апрѣля 1872 г. онъ былъ назначенъ генераломъ-адъютантомъ къ его императорскому величеству, а 16 апрѣля— членомъ государственнаго совѣта. День спустя, его императорское высочество получилъ въ начальствованіе гвардейскую стрѣлковую бригаду. Въ этой должности 16 августа 1874 г. великій князь былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты. 30 августа его императорское высочество былъ назначенъ начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи.

При сформированіи руцукскаго отряда во время русско-турецкой войны его императорское высочество 25 іюля 1877 г. былъ назначенъ временно командующимъ 12-мъ армейскимъ корпусомъ. 16 сентября того же года за отличіе въ дѣлахъ противъ турокъ великій князь былъ пожалованъ орденомъ св. Владимира 2-й степени съ мечами. 14 ноября 1877 г. за отраженіе нападенія Сулеймана-паши близъ Батинскаго моста онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 3 степени.

30-го ноября 1877 г. великій князь Владимиръ Александровичъ участвовалъ въ дѣлахъ подъ Мечкой.

Послѣ упорнѣйшаго боя, корпусъ великаго князя Владимира Александровича блистательно отбилъ турокъ съ фронта и перешелъ въ наступленіе.

За это дѣло великій князь Владимиръ Александровичъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 2-й степени и золотой шпагой.

17 августа 1880 г. великій князь былъ назначенъ командующимъ гвардейскимъ корпусомъ, а 30 ноября былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. 2 марта 1881 г. онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, а 6 іюля 1888 г. ему былъ пожалованъ орденъ св. Владимира 1-й степени.

Въ званіи главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа великій князь въ теченіе двадцати четырехъ лѣтъ вплоть до 1905 г. неустанно заботился о преуспѣяніи ввѣренныхъ его попеченію войскъ, подробно ознакомился съ ихъ состояніемъ и внутреннею ихъ жизнью и всегда внимательно относился ко всѣмъ учрежденіямъ, состоявшимъ подъ его главнымъ начальствомъ. По его инициативѣ улучшена система довольствія войскъ въ имперіи, нижніе чины избавлены отъ стороннихъ работъ, отвлекавшихъ ихъ отъ военнаго дѣла и строя, обращено вниманіе на ихъ грамотность и образованіе, положено начало военнымъ кладбищамъ и осуществлены многія другія нововведенія съ цѣлью поднятія военныхъ знаній, боевой готовности и улучшенія матеріальной жизни войскъ.

Великій князь Владімиръ Александровичъ.

1/2*

Помимо военной службы покойный великій князь принималъ видное и энергичное участіе въ дѣятельности императорской академіи художествъ. Съ 1869 г. онъ состоялъ товарищемъ президента, затѣмъ болѣе 25 лѣтъ президентомъ академіи. При немъ былъ измѣненъ уставъ академіи и измѣнился составъ ея профессоровъ. Великій князь участвовалъ также въ разнообразныхъ комиссіяхъ и комитетахъ: председательствовалъ въ комиссіи по пересмотру учрежденія объ императорской фамиліи, въ комитетѣ по художественной постройкѣ храма Воскресенія на Екатерининскомъ каналѣ и др.

Его высочество состоялъ почетнымъ членомъ военныхъ академій: Михайловской артиллерійской, Николаевской инженерной и Николаевской генеральнаго штаба и членомъ общества попеченія о бѣдныхъ духовнаго званія вѣдомства протопресвитера военнаго и морского духовенства; почетнымъ президентомъ общества ревнителей военныхъ знаній и императорскаго русскаго пожарнаго общества, почетнымъ членомъ императорской академіи наукъ, казанскаго и московскаго императорскихъ университетовъ и различныхъ обществъ; попечителемъ московскаго публичнаго и Румянцовскаго музея.

Онъ былъ шефомъ полковъ: лейбъ-гвардіи драгунскаго 7-го, драгунскаго Новороссійскаго и пѣхотныхъ: 17 Архангелогородскаго, 47 Украинскаго и 83 Самурскаго и 1-й Западно-Сибирскаго линейнаго батальона и иностранныхъ: Прусскаго № 12, Тюрингенскаго гусарскаго и Австрійскаго гусарскаго № 14 полковъ. Его высочество числился въ слѣдующихъ полкахъ: въ Кавалергардскомъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, лейбъ-гвардіи: Преображенскомъ полку, Саперномъ батальонѣ, 1-мъ стрѣлковомъ Его Величества и 4-мъ стрѣлковомъ Императорской Фамиліи батальонѣ, въ спискахъ: Владимирско-Кіевскаго корпуса и Пажескаго Его Императорскаго Величества Государя Императора корпуса.

Русская армія многимъ обязана ему, за многое должна благодарно вспоминать его, и его имя займетъ видное мѣсто въ нашей военной исторіи. Горячій патриотъ, онъ съ особенной любовью и интересомъ относился ко всему, что появлялось новаго въ области трудовъ по русской исторіи, и въ этомъ отношеніи поражалъ своей начитанностью. Всегда благожелательный, сердечный и простой въ обращеніи, великій князь откликался на всякое хорошее дѣло и съ готовностью оказывалъ ему поддержку. Его прямота и честность невольно привлекали къ нему.

Съ 17 августа 1874 г. его императорское высочество состоялъ въ супружествѣ съ дочерью великаго герцога Меклен-

бургъ-Шверинскаго Фридриха-Франца II, великой княгиней Маріей Павловной. Дѣти ихъ высочествъ—великіе князья Кирилль Владимировичъ, Борисъ Владимировичъ и Андрей Владимировичъ и великая княгиня Елена Владимировна.

Въ 1896 г. великій князь получилъ портретъ Его Величества для ношенія на груди и ему была объявлена искренняя и сердечная признательность.

Его высочество великій князь скончался на 62 году жизни.

Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу одинъ изъ крупнѣйшихъ сподвижниковъ императора Александра III и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

Его императорское высочество великій князь Владимиръ Александровичъ въ послѣднее время чувствовалъ нѣкоторое недомоганіе. Въ ночь на 4 февраля состояніе августѣйшаго больного внезапно ухудшилось, и пользовавшіе великаго князя врачи академикъ Бехтеревъ и лейбъ-медикъ Шершевскій констатировали нарушеніе мозгового кровообращенія съ послѣдовательною отечностью мозга. Результатомъ этихъ явленій наступило нарушеніе мозговыхъ функций при общей слабости и затруднительности глотанія. Вслѣдствіе сего состояніе больного признано было крайне тяжелымъ. Въ 5 ч. 50 минутъ пополудни того же 4 февраля великій князь Владимиръ Александровичъ, приобщившись Св. Тайнъ, въ Бозѣ почилъ.

Похороненъ онъ въ новой царской усыпальницѣ рядомъ съ любимымъ братомъ, недавно скончавшимся великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ.

Какъ описываетъ хроникеръ «Новаго Времени», въ воскресенье, 8 февраля, въ день погребенія тѣла въ Бозѣ почившаго великаго князя Владимира Александровича, въ с.-петербургскую крѣпость пришли войска, назначенныя для салюта, и заняли мѣста на верхахъ крѣпости. Въ Петропавловскій соборъ съѣхались члены св. синода, придворное и военное духовенство, оберъ-гофмейстера свѣтл. кн. Голицына, статсъ-дамы, камеръ-фрейлины, гофмейстерины и фрейлины Ихъ Величествъ и великихъ княгинь, весь дипломатическій корпусъ съ супругами, послы: итальянскій, великобританскій, австро-венгерскій, германскій, французскій, испанскій, японскій замѣститель посла, повѣренные въ дѣлахъ, посланники всѣхъ державъ, въ томъ числѣ и китайскій, и болгарскій представитель г. Цоковъ, предсѣдатель совѣта министровъ статсъ-секретарь Столыпинъ и всѣ министры, предсѣдатель гос. совѣта д. т. с. Акимовъ и много членовъ гос. совѣта, предсѣдатель

гос. думы г. Хомяковъ, главноуправляющіе канцеляріями Его Величества гофмейстеръ Танъевъ и шталмейстеръ бар. Будбергъ, сенаторы, оберъ-гофмаршалъ князь Долгорукій и первые и вторые чины Высочайшаго Двора, статсъ-секретари, почетные опекуны, камергеры, камеръ-юнкеры и придворные чины, генералъ-адъютанты, свиты генералъ-майоры и флигель-адъютанты и адъютанты великихъ князей съ супругами, генералы и адмиралы, въ числѣ ихъ командиръ 1-го армейскаго корпуса Никитинъ, командиръ корпуса пограничной стражи, начальники дивизій, командиры гвардейскихъ полковъ и частей, с.-петербургскаго гарнизона, офицеры кавалергарды, гвардейскіе драгуны и саперы и отъ прочихъ частей войскъ столицы, множество высшихъ гражданскихъ чиновъ, комендантъ с.-петербургской крѣпости ген. Комаровъ, с.-петербургскіе: комендантъ ген. Троицкій, губернаторъ шталмейстеръ Зиновьевъ, градоначальникъ г.-м. Драчевскій, и. д. губернскаго предводителя дворянства камергеръ Шубинъ-Поздѣевъ, уѣздные предводители дворянства, городской голова д. с. с. Рѣзцовъ, депутація отъ купечества, военныя депутаціи отъ всѣхъ частей, гдѣ почившій великій князь числился въ спискахъ, прусская депутація 12 Тюрингенскаго гусарскаго полка (голубые гусары), въ которомъ великій князь состоялъ шефомъ, и австрійская гусарская, а также депутаціи отъ обществъ и учреждений, гдѣ великій князь состоялъ предсѣдателемъ или членомъ, совѣтъ Императорской академіи художествъ, общество архитекторовъ и пр.

Передъ соборомъ былъ выстроенъ почетный караулъ отъ л.-гв. Драгунскаго полка со штандартомъ и хоромъ трубачей.

Августѣйшія особы собрались въ царскихъ комнатахъ при новой усыпальницѣ и черезъ проходъ отъ нея въ 10³/₄ ч. вошли въ соборъ. Его Величество Государь Императоръ, бывшій въ формѣ л.-гв. Драгунскаго полка, съ великою княгинею Марією Павловною. Позади Государя слѣдовали министръ Императорскаго Двора ген.-ад. бар. Фредериксъ и дежурство: ген.-ад. Шиповъ, свиты ген.-м. графъ Келлеръ и флигель-адъютантъ Дрептельнъ и великіе князья Кириллъ, Борисъ и Андрей Владимировичи, эрцгерцогъ австрійскій Фридрихъ съ великою княгинею герцогинею Саксенъ-Кобургъ-Готскою Марією Александровною, принцъ Фридрихъ-Леопольдъ прусскій съ великою княгинею Елизаветою Теодоровною, великій князь Михаилъ Александровичъ съ великою княгинею Елизаветою Маврикіевною великіе князья: Павелъ Александровичъ, Дмитрій Павловичъ, Дмитрій Константиновичъ, Николай Михайловичъ, герцоги Мекленбургъ-

Шверинскіе Іоганнъ-Альбрехтъ и Павелъ-Фридрихъ, августѣйшіе братья великой княгини Маріи Павловны, и герцоги Георгій Георгіевичъ и Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкіе.

Въ соборѣ навстрѣчу Его Величеству изъ алтаря вышло духовенство—всѣ члены святѣйшаго синода во главѣ съ первенствующимъ митрополитомъ с.-петербургскимъ Антоніемъ съ крестомъ и св. водою. Его Величество приложился ко кресту и принялъ окропленіе св. водою, послѣ чего августѣйшія особы прошли на правую сторону храма. Въ соборъ прибылъ король болгарскій со встрѣчавшимъ его великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ и былъ привѣтствованъ Государемъ.

Митрополиты и архіереи вошли въ алтарь, а митрополитъ Антоній началъ совершеніе заупокойной литургіи въ сослуженіи придворнаго сакелларія Благовѣщенскаго, придворныхъ митрофорныхъ протоіереевъ Щепина и духовника почившаго великаго князя Дернава, благочиннаго гвардейскаго духовенства митрофорнаго протоіерея Голубева и мѣстнаго духовенства.

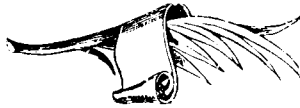
По окончаніи литургіи послѣдовало отпѣваніе, совершить которое вышли всѣ три митрополита: с.-петербургскій—Антоній, московскій—Владимиръ, кievскій—Флавіанъ, архіепископы: варшавскій—Николай, финляндскій—Сергіи, волынскій—Антоній, епископы: тамбовскій—Инокентій, вологодскій—Никонъ (членъ государственнаго совѣта), хомскій—Евлогій (членъ государственной думы), членъ св. синода протопресвитеръ военнаго и морского духовенства Желобовскій, сакелларій Благовѣщенскій, митрофорные протоіереи: Щепинъ, Дернавъ, Голубевъ, архимандритъ Михаилъ, придворные и военные священники. Когда запѣли митрополичьи пѣвчіе: «Со святыми упокой», вся церковь преклонила колѣна.

Передъ панихидой были возложены на гробъ свѣжіе чудные цвѣты: отъ Ихъ Величествъ—бѣлый крестъ и отъ императрицы Маріи Феодоровны—большой вѣнокъ.

Во время литургіи въ числѣ дежурныхъ чиновъ стоялъ бывший при почившемъ начальникомъ штаба округа генералъ Мешетичъ, а на панихидѣ—генералъ Бильдерлингъ. Возложены были новые вѣнки отъ 1-й гвардейской дивизіи и отъ разныхъ полковъ. Въ концѣ отпѣванія состоявшіе при снятіи генералы сняли великокняжескіи покровы и отнесли его въ алтарь. Первыми подошли совершить поклоненіе тѣлу семья почившаго, Государь Императоръ и особы Императорской Фамиліи, король болгарскій, принцъ и эрц-

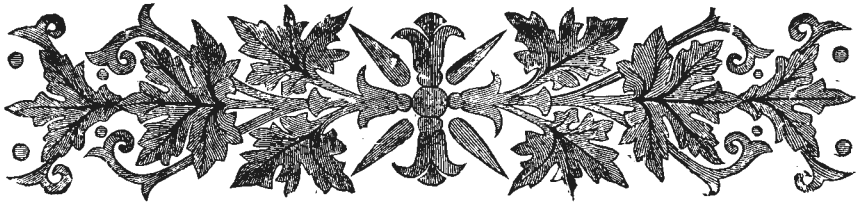
герцога. Протодіаконъ Громовъ возгласилъ «вѣчную память». Адъютанты почившаго принесли крышку и накрыли гробъ.

Въ предшествіи духовенства, при печальномъ пѣніи «Вѣчная память» и «Святый Боже», Государь Императоръ, сыновья почившаго, великіе князья и дворцовые гренадеры понесли гробъ въ усыпальницу. Тамъ, рядомъ съ могилою великаго князя Алексѣя Александровича, въ новую могилу опустили дворцовые гренадеры гробъ великаго князя. Въ этотъ моментъ по сигналу раздались ружейные салюты войскъ на верхахъ крѣпости и загремѣли троекратные залпы пушекъ полевой и крѣпостной артиллеріи. Могила великаго князя вмѣщаетъ металлическій ящикъ для гроба, внутри обтянута матеріей, почти сплошь убрана цвѣтами и вѣтвями пальмъ. На гробъ опустили крестъ отъ Ихъ Величествъ и вѣнки отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, великой княгини Маріи Павловны и прочихъ высочайшихъ особъ. Митрополитъ совершилъ литію, подалъ Государю Императору лопаточку съ пескомъ, и Государь и августѣйшія особы совершили обрядъ преданія землѣ, и надъ покрытой пескомъ и цвѣтами могилой еще разъ прозвучало: «Вѣчная память».

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СМІРНОВЪ.

ГРАФЪ ФЕНИКСЪ ¹⁾.

(Историческій романъ изъ эпохи Екатерины Второй).

XVI.

Князь Коріатъ.

ВИЧНЫЙ секретарь главнаго директора спектаклей и зрѣлищъ Ивана Перфильевича Елагина, отправлявшій эту должность и въ капитулѣ VIII провинціи ордена, имѣя первую изъ учрежденныхъ великимъ намѣстнымъ мастеромъ рыцарскихъ степеней, отличенную красной съ зелеными кантами лентой, молодой князь Юрій Михайловичъ Коріатъ происходилъ изъ знатнаго и когда-то несмѣтно богатаго рода. Гедиминова отрасль, князья Коріаты имѣли общее происхожденіе съ Потоцкими, Трубецкими, Чарторыйскими, Вышневецкими, Хованскими, Бѣльскими, Патрикѣевыми, Друцкими, Голицыными, Куракиными. Предки князя Юрія владѣли едва не цѣлой Подоліей. Однако уже дѣдъ его совершенно омелькопомѣстился, а отецъ, кромѣ службы, можно сказать, ничего не имѣлъ и передалъ сыну только непорочное имя отчаяннаго храбреца. Отецъ князя Юрія умеръ, когда тотъ еще былъ ребенкомъ, а матери онъ совсѣмъ не зналъ, ибо она скончалась, произведя его на свѣтъ. Воспитывался князь Юрій у стараго холостяка-дяди своего, имѣвшаго дубовую рощу, мельницу и старин-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХУ, стр. 435.

«ИСТОП. ВѢСТН.», МАРТЬ, 1909 Г., Т. СХУ.

ную усадьбу на пустырь, обросшемъ могучими лопушниками, надъ быстрой рѣчкой въ Литвѣ. Дядя его, однако, служилъ въ російскихъ войскахъ еще при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, участвовалъ въ прусской кампаніи 1758 и 1760 годовъ и, отличившись при взятіи города Берлина, находился потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при русскомъ губернаторѣ города Кенигсберга. Здѣсь имѣлъ онъ случай оказать услугу ученой коллегіи университета, когда храбрые російскіе воины задумали между прочимъ для устройства костровъ подъ варку каши употребить фоліанты университетской бібліотеки, какъ это они учинили въ Берлинѣ съ частью королевскаго книгохранилища. Дядя князя Юрія предупредилъ сіе варварство. И депутація профессоровъ, имѣвшая во главѣ декана философскаго факультета, славнаго скептическаго мыслителя Иммануила Канта, явилась его благодарить. Слѣдствіемъ было знакомство дяди съ кенигсбергскимъ философомъ. Онъ сталъ посѣщать лекціи Канта и, открывъ въ себѣ философскія способности, изучалъ его грандіозную систему. Но не былъ ею удовлетворенъ. Выйдя затѣмъ въ отставку, скитался онъ по Европѣ, слушалъ лекціи у разныхъ знаменитостей, собралъ обширную бібліотеку и коллекціи научныхъ инструментовъ, на что истратилъ большую часть состоянія, и затѣмъ поселился въ вышеупомянутой запущенной усадьбѣ, предаваясь научнымъ изысканіямъ, окруженный книгами, колбами, ретортами, глобусами, кошками и голубями, предоставивъ веденіе хозяйства старой своей кормилицѣ и еврею Хаиму, снимавшему мельницу. Князь Юрій раздѣлялъ одиночество дяди; не сообразуясь съ дѣтскимъ возрастомъ его, дядя развивалъ при немъ философскія свои идеи, преподавалъ ему греческій и древне-еврейскій языкъ и погрузилъ фантазію ребенка въ міръ символовъ, эссенцій, духовъ, астральныхъ теченій, звѣздныхъ правителей міра, ундиновъ, саламандръ, эльфовъ и гномовъ. Мальчикъ росъ мечтательнымъ, страннымъ существомъ. По тринадцатому году, находя, что долше невозможно держать Юрія въ деревенскомъ одиночествѣ, дядя отправилъ его въ Петербургъ, къ Іоганну-Августу Штарку, съ которымъ состоялъ въ перепискѣ еще со временъ студенчества въ германскихъ университетахъ. Теологъ, мистикъ, магикъ и алхимистъ, Штаркъ былъ изобрѣтателемъ такъ называемаго «тамплиерскаго клириката» и преподавалъ восточные языки въ Peterschule. Онъ отвелъ князю Юрію каморку въ одно окно съ жесткой кроватью, табуретомъ и столомъ, питалъ его овсянкой, молочнымъ супомъ съ изюмомъ и печеночными клецками, опредѣлилъ въ школу, гдѣ и самъ преподавалъ, и, докончивъ его образованіе, посвятилъ въ «тамплиерскій клирикатъ» собственнаго изобрѣтенія. Послѣ малоуспѣшной службы въ сенатѣ, помѣщавшемся тогда за Невой, въ старинномъ петровскомъ зданіи двѣнадцати коллегій,—истой клоакѣ право-

судія по царившему въ немъ безпорядку, волокитѣ, мздоимству,— и, купно съ сими духовно-смердными эманациями, наполненномъ запахомъ щей и тютюна сторожей, вахтеровъ и канцеляристовъ, князь Юрій Михайловичъ наконецъ поступилъ секретаремъ Елагина на приличное жалованіе, получивъ и квартиру въ домѣ директора зрѣлищъ на антресоляхъ, изъ трехъ весьма приличныхъ комнатъ съ большими окнами-полукругами. Молодой человѣкъ скоро приобрѣлъ полное довѣріе Елагина и любовь всѣхъ въ домѣ, благодаря скромности, сосредоточенному, но мягкому характеру, мечтательной юности и чистотѣ нравовъ. Притомъ князь Юрій былъ очень хорошъ собой.

Пользуясь огромной библіотекой Елагина, князь предавался изученію оккультныхъ наукъ и нерѣдко занимался съ нимъ въ лабораторіи въ загородномъ домѣ на островѣ, по владѣльцу и прозванномъ Елагинымъ, алхимическими опытами превращенія металловъ. Впрочемъ, сіи опыты никакихъ положительныхъ открытій не дали, хотя пользовались они «химическою псалтырью или философическими правилами о камнѣ мудрыхъ» Парацельса; а на этомъ руководствѣ прямо обозначено: «Здѣсь, или нигдѣ искомое нами». Правда, тутъ же въ предисловіи Парацельсъ и предупреждаетъ: «Всѣ философическія писанія, трактующія о высокой герметической медицинѣ, суть не что иное, какъ лабиринтъ, въ которомъ ученики искусства впадаютъ въ тысящи заблужденій».

Князь Коріатъ продолжалъ, однако, чтеніе «герметическихъ писаній», даже и послѣ того, какъ у него въ рукахъ разорвалась вдребезги колба, въ самый тотъ мигъ, когда, повидимому, въ ней уже алѣла «красная тинктура», причемъ и онъ и Елагинъ чудомъ только спасли свои глаза и лица отъ осколковъ стекла и ѣдкой кислоты препарата. Иванъ Перфильевичъ послѣ этого случая надолго охладѣлъ къ алхимическимъ упражненіямъ и даже сталъ бранить герметистовъ, какъ величайшихъ шарлатановъ. Но князь Коріатъ обладалъ слишкомъ упорнымъ въ преслѣдованіи возвышенныхъ мечтаній характеромъ. Видѣлъ онъ ясно слабости почтеннаго Ивана Перфильевича, странные переходы отъ вѣры къ насмѣшливому цинизму, но тѣмъ не менѣе любилъ его добродушіе: старикъ, сплошь и рядомъ волоча дѣла, забывая просьбы, иногда въ полчаса успѣвалъ столько добра сдѣлать, столь многимъ помочь, сколько другой вельможа и за полгода не успѣетъ.

Иванъ Перфильевичъ казался искренно преданнымъ ордену и вѣрящимъ въ нѣкія тайны, въ немъ сокрытыя, въ великое дѣло какого-то всесвѣтнаго обновленія и возрожденія, долженствующее чрезъ орденъ свершиться. Но въ то же время вѣчно тонкая улыбка бродила около угловъ чувственныхъ губъ его, и насмѣшка сверкала въ глубинѣ вора. Когда же ему докучали подагрическія

боли, то весь свѣтъ былъ не милъ и тутъ отрицалъ онъ, кажется, все и выражалъ крайнее удивленіе, какъ это пожилые, умные и просвѣщенные люди занимаются вздорами всякими. И лишь только боли проходили, опять погружался въ эти вздоры. Къ князю Коріату почтенный директоръ зрѣлицъ такъ привязался, что совершенно не могъ уже безъ него обходиться.

Хотя князь Коріатъ, какъ и всѣ мистики тогдашняго русскаго общества, ожидалъ пришествія съ Запада адепта, который бы наконецъ открылъ «VIII-й провинціи» высшія тайны «великаго дѣла», но и на него Калиостро произвелъ сперва весьма невыгодное впечатлѣніе. Но затѣмъ чудесныя явленія, произведенныя магомъ, а можетъ быть и красота его супруги, совершенно потрясли молодого человѣка. Образъ Серафимы, то улыбающійся, то страждущій, преслѣдовалъ князя... Стонущей тѣнью пронеслась она мимо... И мысли князя поминутно возвращались къ ней... Тутъ старый камердинеръ вбѣжалъ въ кабинетъ, призывая князя:

— Съ ихъ превосходительствомъ нехорошо! Ножку подвернули! Ахти, не вывихъ ли? Поспѣшите, ваше сіятельство, Бога ради!— безтолково восклицалъ преданный камердинеръ.

XVII.

Мщеніе Великаго Кофты.

Князь Коріатъ нашелъ Ивана Перфильевича лежащимъ и слабо стенающимъ на софѣ въ «кабинетѣ». Что касается госпожи Габріэлли, то, извѣстивъ камердинера о несчастномъ положеніи его барина, она сочла благоразумнѣйшимъ вслѣдъ за тѣмъ удалиться, весьма встревоженная, такъ какъ все же была виновницей несчастнаго положенія, въ которомъ оказался директоръ спектаклей и зрѣлицъ.

— Любезный князь, я поскользнулся... О-о-о!.. и нога у меня подвернулась... Страшная боль... О-о-о!.. Вы довольно свѣдуши въ хирургіи... Осмотрите... не сломалъ я себѣ кость... Вѣрно, вывихъ... О-о-о!.. Какое несчастіе! Позовите еще людей и перенесите меня въ спальню... О-о-о!..

Такъ говорилъ Иванъ Перфильевичъ огорченному секретарю.

Князь Коріатъ затѣмъ съ камердинеромъ и двумя лакеями подняли софу съ стенающимъ старикомъ, перенесли такъ его въ спальню и здѣсь стали разоблачать. При этомъ князь, въ самомъ дѣлѣ обладавшій достаточными познаніями въ медицинѣ, осмотрѣвъ ногу Ивана Перфильевича, съ радостью удостовѣрился, что ни вывиха, ни перелома не было. Старикъ просто ушибъ, намаялъ и вытянулъ одну изъ подагрическихъ своихъ конечностей. Требовались лишь примочка и покой. Со всею возможной осторожностью переложили затѣмъ намѣстнаго мастера въ постель. Князь далъ ему

выпить лавро-вишневыхъ капель, увѣряя, что боль утихнетъ весьма скоро и, пролежавъ дня два въ постели, онъ совершенно выздоровѣетъ. Боль, впрочемъ, и чувствовалась лишь при поворачиваніи ноги. Однако Иванъ Перфильевичъ съ сомнѣніемъ качалъ головой и продолжалъ плачевно охать.

Онъ распорядился отправкой указа во дворецъ съ рапортомъ о приключившейся внезапно болѣзни. Потомъ, оставшись наединѣ съ княземъ, тайно оглянулся и зашепталъ:

— Милый мой, я боюсь самыхъ стѣнъ—въ нихъ глаза и уши мнѣ мерещатся! Я глубоко раскаиваюсь въ моемъ недовѣріи къ графу Калиостро. Великій Кофта покаралъ меня! И кто знаетъ, встану ли уже я съ сего одра! Чувствую воспаленіе и опасуюсь антонова огня!..

— Что вы говорите, ваше превосходительство!—возразилъ князь Коріатъ:—успокойтесь. Ничего подобнаго быть не можетъ. Во всякомъ случаѣ, я сейчасъ распоряджусь позвать врача!..

— Не надо. Погоди. Врачъ не поможетъ. Все въ рукахъ Великаго Кофты и его посланника, графа Калиостро. О-о-о! Великій Кофта, помилуй меня, никогда больше не буду!

— Но кто же сей Кофта?!—изумился князь.

— А я развѣ знаю? Вѣроятно, какой-нибудь сильный магикъ или планетный духъ. Хотѣлъ бы я призвать Калиостро, но боюсь. И если онъ можетъ исчезать сквозь стѣны и наказывать къ нему непочтительныхъ, то вѣдь можетъ сію минуту видѣть и слышать насъ. Ну, я прошу извиненія! Ну, я виноватъ! Что же еще вамъ нужно, графъ?—обратился къ пустому пространству Елагинъ. Тутъ князь Коріатъ съ тревогой замѣтилъ, что старикъ начинаетъ заговариваться и бредить. Пощупавъ пульсъ, удостовѣрился онъ въ лихорадкѣ. Дѣло принимало дурной оборотъ. Старикъ продолжалъ лепетать о Кофтѣ, графѣ Калиостро, просить прощенія у невидимыхъ духовъ, при чемъ рассказалъ и про свой танецъ, бывшій причиною несчастія, путалъ Габріэлли съ графиней Санта-Кроче, съ Сиреной и съ Афродитой. Лобъ его пылалъ. Старикъ совсѣмъ разболѣлся. Чувствуя, что ни лавро-вишневыхъ капель, ни собственныхъ познаній тутъ недостаточно, князь позвалъ камердинера и приказалъ ему немедленно послать карету за домашнимъ докторомъ князя Потемкина. Время до прибытія доктора тянулось бесконечно. Но больнои затихъ, успокоился и заснулъ. Наконецъ докторъ пріѣхалъ.

— Ахъ, князь, еще минута, и меня уже не было бы въ Петербургѣ! И теперь я спѣшу, — говорилъ докторъ въ кабинетѣ Елагина, куда вышелъ къ нему князь Коріатъ.—Я отправляюсь въ Островки, на дачу свѣтлѣйшаго, куда и княгиня Варвара Васильевна съ мужемъ своимъ и болящимъ младенцемъ выѣзжаютъ, ибо младенцу должно дать перемѣну воздуха. Но что у васъ? Послан-

ный не могъ мнѣ ничего толкомъ сказать. Вы кажетесь встревоженнымъ весьма. Что приключилось съ его превосходительствомъ Иваномъ Перфильевичемъ?

— Иванъ Перфильевичъ поскользнулся и упалъ, причеиъ при осмотрѣ мною не замѣчено перелома, ниже вывиха. Данъ покой. Но потомъ пульсъ участился, явился въ головѣ жаръ и какъ бы бредъ. Теперь успокоился.

— Какое несчастіе! Корпуленція его превосходительства и подагрическіе его наросты мнѣ нѣсколько извѣстны. Преклонный возрастъ, волненія сей безсонной ночи, ранній фриштыкъ съ устрицами, которыя въ сей весенній мѣсяцъ начинаютъ уже быть вредны, выпитое вино, все удареніе на органическіе составы могло сдѣлать, а переполненіе жидкостями сосудовъ произвести фантомы воображенія. Принять и то надо во вниманіе, что господинъ Калиостръ какими-то ядовитыми порошками курилъ. Я сейчасъ осмотрю больного. Кстати, чѣмъ онъ бредитъ?

— Великимъ Кофтой. Убѣжденъ онъ, что болѣзнь послана ему симъ таинственнымъ Кофтой въ наказаніе.

— Ну, возможно ли предаваться сему суевѣрію! Этотъ явный шарлатанъ и промышленникъ Калиостръ своимъ Кофтой приводитъ въ сумасшествіе почтеннѣйшихъ и знатнѣйшихъ обоого пола особъ! Повѣрите ли, что и князь Сергѣй Федоровичъ Голицынъ къ тому же склонился, когда здоровье младенца племянницы свѣтлѣйшаго Варвары Васильевны внезапно ухудшилось. Онъ твердилъ, что то мщеніе Великаго Кофты за непочтеніе къ его посланику. Готовъ былъ броситься къ Калиостру съ извиненіями, но я рѣшительно возсталъ. Младенцу лишь нужна переиѣна воздуха и пользованіе теплой водой снаружи и при помощи клистировъ внутрь. Промывать и промывать! Постоянно промывать!

— Такъ и Голицынъ увѣровалъ въ Кофту!—задумчиво сказалъ секретарь.

— Весь свѣтъ идетъ за Кофтой! Таково расположеніе умовъ. Явился Месмеръ—всѣ бросились за нимъ, завели чаны, составляютъ живыя цѣпи, конвульсируютъ. Вотъ хотя бы супруга правителя дѣлъ свѣтлѣйшаго господа Ковалинская—ярая месмеристка. Вмѣстѣ и господина Калиостра видѣла въ состояніи месмерическаго опьянѣнія чрезъ двойное зрѣніе, яко бы къ ней подошелъ и возложилъ на голову ей руки. И спитъ, и видитъ сего Калиостра, о которомъ изъ Курляндіи получила извѣстія. Вотъ и вы, любезный князь, отъ Калиостра, супруги его и Кофты стали впадать въ нервозную задумчивость! Вообще видъ вашъ показываетъ томность и несвѣжесть. Такъ всеобщее приращеніе роскошей, нѣжный, женскій родъ жизни, неукротимое чтеніе романовъ, Вертеровы чувствованія—подѣлали изъ нашихъ цвѣтущихъ юношей увядающихъ стариковъ, и сіи нынѣ бродятъ между нами, яко тѣни или

пустая лужа нашихъ атлетическихъ предковъ! Хе-хе-хе! Не сердитесь, князь, но блѣдный отливъ въ лицѣ и какъ бы лунатическое въ немъ остолбенѣніе меня въ изрядномъ разстройствѣ нервовъ вашихъ удостовѣряютъ. Позвольте пульсъ вашъ! Ого! Вы сами лихорадите. Промывательное вамъ необходимо и шпанская муха на затылокъ. Полезно при семъ электризованіе. Когда вести изъ иглы электрическую струю или изліяніе около головы, а вѣяніе вдоль хребетной кости, происходятъ удивительныя дѣйствія въ излеченіе слабости жизненныхъ духовъ! Но войдемъ къ нашему почтенному болящему. Полагаю, что должно ему, кромѣ обязательнаго промывательнаго, пустить немедля кровь! Затѣмъ, ежели объявится внутреннее воспаленіе отъ зашиба въ органахъ, подвергнуть должно больного ртутному леченію съ электризованіемъ.

— Какъ! И ртуть, и электричество одновременно?—удивился князь Коріатъ.

— Всенепремѣнно, — сказалъ докторъ. — Всенепремѣннѣйше! Яко металлъ, яко жидкій металлъ, который круговращеніе крови раздѣляетъ въ безконечно дробенькіе шарики по сосудцамъ, должна ртуть дѣйствовать подобно громовому отводу, электричествомъ флакъ себѣ привлекать, сквозь мозгъ или ноги, купно съ теченіемъ крови, и по всѣмъ закоулочкамъ проникать тѣмъ сильнѣе, что ртуть послѣ золота тяжелѣйшій, плотнѣйшій и холоднѣйшій металлъ, который температуру теплоты очень много въ себя можетъ принимать прежде, нежели по насыщеніи опять отъ оной опорожняется. Говорю вамъ сіе, князь, какъ ученому человѣку. Войдемъ теперь къ почтеннѣйшему больному!

XIII.

Consilium.

— Позвольте, докторъ, сперва предупредить Ивана Перфильевича о вашемъ прибытіи, — сказалъ князь Коріатъ. — Его превосходительство успокоились и спятъ. Но вы, конечно, знаете особые взгляды Ивана Перфильевича на медицинскую науку и докторовъ.

— Очень хорошо знаю. Истинная наука и мужи ея въ наши дни отвергаются, и новизны вводящіе Месмеры и Калиостры увлекаютъ за собой. Итакъ, возвѣстите почтеннѣйшему больному мое прибытіе со средствами врачеванія.

Въ это мгновеніе дворецкій доложилъ о прибытіи фельдъегеря отъ императрицы съ пакетомъ и придворнаго доктора Роджерсона для пользованія его превосходительства.

— А, уже до государыни дошло, и по ангельской ея добротѣ спѣшитъ помочь страждущему вельможѣ! — умилиительно сказалъ домовый врачъ свѣтлѣйшаго.

Вслѣдъ за тѣмъ въ кабинетъ вошелъ Роджерсонъ, важный англичанинъ въ огромномъ пудреномъ ученомъ парикѣ, бѣлоснѣжныхъ брыжахъ и манжетахъ, весь въ черномъ бархатѣ, съ табакеркой въ рукѣ, украшенной портретомъ цесаревича Павла Петровича. Съ нимъ былъ *famulus* съ ручнымъ чемоданчикомъ, наполненнымъ инструментами и медикаментами, и съ огромной клистирной трубкой подъ мышкой. Слѣдомъ за ними вступилъ и фельдъегерь съ пакетомъ.

Домашній врачъ свѣтлѣйшаго привѣтствовалъ знаменитаго коллегу на латинскомъ языкѣ, сопровождая привѣтствіе глубокими, почтительнѣйшими реверансами. Роджерсонъ отвѣтилъ легкимъ наклоненіемъ пудренного парика, верхушка котораго представляла какъ бы тіару изъ пуклей надъ ученымъ челомъ его.

Въ то время, какъ князь Коріатъ принималъ пакетъ отъ фельдъегеря, *famulus*, хромоногій старичокъ съ фізіономіей совы и въ паричкѣ съ косичкой-гарбейтелемъ, загибавшейся на его затылкѣ въ видѣ знака вопроса, въ коричневомъ камзолѣ и щиблетахъ, съ зловѣщимъ видомъ разгружалъ на подходящемъ столѣ изъ чемоданчика грозный арсеналъ Асклепія: появились ланцеты и чашка для кровопусканія, сосудъ съ шпавками, двѣ дюжины банокъ и огромныя скляницы яркихъ цвѣтовъ съ микстурами.

Роджерсонъ хорошо зналъ князя Коріата и, войдя, поклонился ему нѣсколько любезнѣе, чѣмъ коллегѣ. На большемъ, блѣдномъ лицѣ англичанина читалось холодное величіе жреца науки. Рукою въ жалованныхъ перстняхъ оправилъ онъ жабо и сказалъ по-латыни, такъ какъ князь Коріатъ совершенно легко изъяснялся на семь діалектѣ медицинской кухни:

— Прощу васъ, князь, доложить почтенному больному, что я, докторъ ея величества и ихъ высочествъ, Роджерсонъ, по повелѣнію государыни императрицы, освѣдомившейся о внезапно приключившейся болѣзни его превосходительства, прибылъ для пользованія его превосходительства!

— Я сейчасъ доложу, докторъ, — отвѣчалъ князь.

— Да, но прежде прошу васъ сообщить, что именно приключилось съ его превосходительствомъ.

Князь Коріатъ сообщилъ, что, случайно поскользнувшись, Иванъ Перфильевичъ немного ушибъ и намялъ подагрическую конечность...

— А! Подагрическая конечность! — сказалъ Роджерсонъ, поднимая кверху черныя брови и указательный палецъ съ перстнемъ.

— Впрочемъ, по осмотрѣ, ничего особеннаго не оказалось, но потомъ больной взволновался, даже сталъ бредить, теперь же успокоился и спить.

— А-а! Успокоился и спить! — такъ же произнесъ Роджерсонъ. Затѣмъ, повернувшись къ коллегѣ, строго спросилъ его,

осматривалъ ли онъ больного и какое, по его мнѣнію, страданіе постигло подагрическую конечность статсъ-секретаря ея величества, и какое, по его мнѣнію, надлежитъ въ семъ случаѣ пользование?

Домашній врачъ свѣтлѣйшаго, польщенный вниманіемъ знаменитаго доктора, мѣшая латинскія слова съ нѣмецкими, пріятно сообщилъ, что собственно онъ, только что прибывъ, еще не имѣлъ возможности осмотрѣть больного, но по описанію князя Коріата могъ составить планъ главной части врачебныхъ способовъ къ изгнанію болѣзни. По мнѣнію его, при переполненіи желудка раннимъ фриштыкомъ, между прочимъ съ устерсами, а жидкостей мозга винными парами, жизненные духи въ крови ослабли, а бродящая подагра, при толчкѣ отъ паденія корпуленціи господина сенатора и статсъ-секретаря, устремилась въ одинъ органъ, именно бедро, и, причина hemiplegia, сирѣчь полуударъ, флогистоническія теченія потребила и вызвала воспаленіе. Въ такихъ обстоятельствахъ, конечно, прежде всего потребно кровопусканіе...

— О, да! конечно, кровопусканіе прежде всего!—склоняя вершину парика, согласился докторъ Роджерсонъ.

Фамулусъ зазвенѣлъ при этомъ съ самымъ кровожаднымъ видомъ мѣдной чашкой и ярко вычищенными ланцетами.

— Затѣмъ больному необходимо промывательное, промывательное и промывательное!—продолжалъ домовый врачъ свѣтлѣйшаго.

— О, да! Промывательное! Промывательное! Промывательное!—трижды, какъ бы въ честь трехъ старухъ Парокъ, подтвердилъ Роджерсонъ.

Фамулусъ съ зловѣщимъ наслажденіемъ попробовалъ, хорошо ли движется поршень чудовищной клистирной трубки, болѣе пригодной для желудка слона, нежели человѣка.

— Но, кромѣ сихъ средствъ, должно, мнѣ кажется, преслѣдовать воспаленіе ртутными втираніями, купно съ электризованіемъ! — заключилъ врачъ, взбираясь на любимаго своего конька—электризованіе, которое онъ противопоставлялъ модному месмеризму.

— Ртутныя втиранія?! Быть можетъ,—сказалъ Роджерсонъ. — Но я врагъ электризованія во всѣхъ его видахъ.

— Ужели, *doctissime collega!* — съ сожалѣніемъ сказалъ домашній врачъ свѣтлѣйшаго. — Электризованіе имѣетъ удивительную силу оживлять и укрѣплять жизненные духи.

— Никакъ, ибо жизненные духи требуютъ питанія флогистономъ, яко атмосферическимъ тукомъ. Электризованіе же флогистонъ изъ органическихъ тканей высасываетъ и тѣмъ уже механически развиваетъ сухость и воспаленіе жидкостей тѣла!

— Невозможно тому противорѣчить, что такъ называемые громоотводы болѣе зла, нежели пользы, приносятъ, ибо оныя денно и ночью флогистонъ изъ воздуха высасываютъ и приключаютъ

чрезъ то несносный удушливый жаръ! — согласился домашній врачъ.

— Bene! Bene!—сказалъ Роджерсонъ.

— Слѣдственно, грозовые отводы богачей въ многонародныхъ, тѣсно построенныхъ городахъ навлекаютъ всему народу удушающее разслабленіе.

— Bene! Bene!—сказалъ Роджерсонъ.

— Подлинно, въ городахъ множество отводоу сосутъ во всякое время днемъ и ночью флогистонъ изъ воздуха и спускаютъ оный въ землю бесполезно. Итакъ, города у окрестъ лежащихъ деревень насильственно отнимаютъ небесное благословеніе атмосферическаго тука восходящихъ флогистоновъ и образующейся при разрядѣ флогистической золы, когда деревни пропитываютъ и городъ, и всю страну.

— Bene! Bene!—сказалъ Роджерсонъ.

— И прилично ли само по себѣ, чтобъ іудейскіе и христіанскіе ростовщики защищали отводами свой накопленный металлъ, и тѣмъ всю страну лишали воздушнаго тука!

— Bene! Bene!—сказалъ Роджерсонъ.

— Но электризованіе особливую силу надъ больными имѣеть.

— Заблужденіе!—сказалъ Роджерсонъ.

— Электричество можно разсматривать, яко всеобщее побудительное средство, которое отвращаетъ запоры.

— Нѣтъ. Но усугубляетъ,—сказалъ Роджерсонъ.

— Я согласенъ, что введенные сперва во врачебную науку жестокіе электрическіе толчки или потрясающіе удары придали сему роду леченія цырюльническій видъ!

— Именно цырюльнямъ сей родъ леченія приличенъ, но не разумной медицинѣ!—сказалъ Роджерсонъ.

— Но я говорю о плавномъ употребленіи электризованія... искры черезъ фланель... этой плавной операціи можетъ себя и нѣжный полъ подвергать...—смѣшавшись отъ рѣзкихъ приговоровъ лейбъ-доктора, говорилъ домашній врачъ свѣтлѣйшаго.

— Скоро ли предупрежденъ будетъ о моемъ прибытіи по приказанію ея величества достопочтеннѣйшій больной?—возвышая голосъ, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ сказалъ Роджерсонъ.

Князь Коріатъ направился въ спальню Ивана Перфильевича.

XIX.

Дворцовыя высокія лѣстницы.

Но Иванъ Перфильевичъ уже былъ предупрежденъ о прибытіи докторовъ. Вѣрный камердинеръ пробрался къ нему, едва прибылъ Роджерсонъ. Иванъ Перфильевичъ крѣпко и сладко

спалъ. И спалъ уже добрыхъ часа три. Старикъ - камердинеръ помѣстился въ ногахъ кровати и пытался шептать:

— Извольте проснуться, ваше превосходительство! Извольте проснуться!

Иванъ Перфильевичъ не обратилъ на шопоть камердинера никакого вниманія и только носомъ посвистывалъ. Въ спальнѣ опущены были толстые занавѣсы оконъ и не пропускали дневного свѣта. Ночничокъ теплился въ фарфоровой умывательной чашкѣ, чтобы свѣтъ не тревожилъ больного, да лампада у иконъ свѣтилась. Пологъ монументальнаго ложа Елагина не былъ опущенъ.

Но вдругъ Иванъ Перфильевичъ глубоко вздохнулъ, проснулся и открылъ глаза.

— Изволили проснуться, ваше превосходительство?—прошепталъ камердинеръ.

— Проснулся, да,—сипло сказалъ старикъ.—Я, кажется, всхрапнулъ. Что теперь, день или ночь?

— День-съ.

— А-а-а! Вспоминаю! Ну, Саввушка, радуйся, старый дуракъ, я совершенно здоровъ!

Съдой Саввушка просіялъ отъ преданной радости.

— Я теперь здоровъ,—продолжалъ Елагинъ.

Однако съ трудомъ приподнялся на кровати и сморщился отъ боли въ ногѣ, сейчасъ же давшей себя знать.

— О-о-о! Еще чувствительно! Но все пройдетъ. Я знаю. Я такой сонъ видѣлъ.

— Помогни Владычица Одигитрія Смоленская! Я уже о здравіи вашемъ частицу вынулъ,—подавая просвирку барину, сказалъ старикъ.

Иванъ Перфильевичъ благоговѣнно перекрестился и сталъ кушать просвирку, остерегаясь уронить хотя малѣйшую крошку священнаго хлѣба.

— А между тѣмъ о недугѣ вашемъ, батюшка, государыня извѣстясь,—сообщилъ престарѣлый Саввушка,—прислали нарочитаго фельдъегеря съ пакетомъ!

— Ой ли! Такъ проси князя несть сюда государынинъ пакетецъ!

— Да еще и дохтура для вашего превосходительства пользованія изволила прислать государыня, господина Роджерсонова, — продолжалъ докладывать вѣрный слуга.

— Докторъ присланъ! Но я совершенно здоровъ! Ей же ей, я теперь здоровъ совершенно!—вспокоился Иванъ Перфильевичъ.

— А князь перепугались и со своей стороны изволили пригласить домашняго лекаря свѣтлѣйшаго.

— Что это, цѣлый полкъ лекарей! И одного предостаточно, дабы на тотъ свѣтъ спровадить, а тутъ вдвоемъ примутся! Да я

не хочу. Мнѣ докторовъ не надо. Я совершенно здоровъ. Я здоровъ... О-о-о... какъ стрѣльнуло!.. Но это старая знакомая—подагра-магушка. Я съ нею самъ справлюсь.

— Подлинно, ваше превосходительство, доктора только калѣчатъ, а пользы отъ нихъ никакой быть не можетъ,—убѣжденно сказалъ камердинеръ:—а вотъ пригласили бы къ себѣ Ерофеича, тотъ живой рукой съ ножки вашей всякую боль бы снялъ!

— Ерофеичъ! Нѣтъ, нѣтъ, погоди. Но коли государыня лейбъ-медика прислала, должно ему показаться.

Въ спальню тутъ вошелъ князь Коріатъ, подалъ пакетъ, возвѣстивъ о прибытіи докторовъ и выразивъ свое удовольствіе, что находить его превосходительство освѣженнымъ сномъ и даже бодро сидящимъ.

— Да, я теперь отлично себя чувствую. Я здоровъ. Только при поворотахъ нѣсколько... о-о-о... стрѣляетъ!—сказалъ Иванъ Перфильевичъ и открылъ пакетъ.

«Иванъ Перфильевичъ,—писала Екатерина:—ногу твою господинъ Роджерсонъ чайтельно въ кратчайшее время исправить, а чѣмъ руку такого лѣннивца отъ волоченья дѣлать исправить, не имѣю средствъ. Указъ противъ кожедирателей написанъ какъ лучше нельзя. Отчего же медлил доложить? Когда излечишься, я рада буду васъ видѣть, но—воля твоя—боюсь, что ты съ костыльками не справишься по здѣшнимъ высокимъ лѣстницамъ; и такъ васъ прошу передать пока докладъ мнѣ на помощника вашего Василя Ильича Бибикова. Впрочемъ благосклонная вамъ Екатерина».

— Что жъ это!—съ тревогой сказалъ Иванъ Перфильевичъ, прочитавъ царицыно посланіе.—Уже государыня на костыльки поставила инвалидомъ и дворцовыя лѣстницы для меня высокими находить! Боже мой! Что жъ это! Или я отъ дѣлъ отставляюсь! Не дошло ли чего до государыни? Или кто-нибудь обнесъ! Какое несчастіе! Проклятый Калиостро! Проклятый Кофта! Проклятая Габріэльша!

Елагинъ опустился на подушки въ совершенной горести.

— Государынина немилость подлинно меня всѣхъ силъ лишить и на край гроба поставить!—продолжалъ онъ жадбно.—Что это, Господи, отъ злыхъ тѣхъ некромантовъ и какомаговъ ужели нѣтъ защиты! То ногу себѣ повредилъ! Теперь ужъ и на костыли поставленъ! Пришла бѣда—отворяй ворота.

— Но я не усматриваю въ письмѣ государыни немилости,—возразилъ князь Коріатъ.—Напротивъ, государыня о здоровьи нашемъ заботится.

— Твоими бы устами медъ пить! Вы еще неопытны въ дворской службѣ. Государыня прямо не изволить говорить, но обинякомъ даетъ понять. Я отъ доклада отставленъ и пріѣздъ ко двору мнѣ возбраненъ! Лишенный лучей животворнаго моего

солнца, всѣхъ надеждъ моихъ лишаюсь! Но должно подлинно вѣ дѣлахъ учинить разборку. Сенатскія у тебя всѣ? удивительное дѣло, сколь это сутяжничество развелось! Тягаются, судятся,—объ чемъ? Вотъ возьми капитульныя бумаги, что тамъ на трюмо положены. Тамъ и господина Калиостра патенты и письма о немъ высокихъ особъ. Разбери это хорошенько, если только тамъ можно разобрать что-нибудь, особливо въ письмѣ ко мнѣ сего Калиостра, гдѣ онъ всю жизнь свою рассказываетъ и увѣряетъ, что супруга его Серафима есть не кто иная, какъ мумія древней Изидиной жрицы, воскрешенная имъ помощью высшихъ тайнъ магіи, и поэтому сей красавицѣ свыше двухъ тысячъ лѣтъ! Вотъ какимъ вздорамъ принуждаютъ насъ вѣрить! И къ чему только всѣ эти наши логи, молотки, ленты служатъ! Принимаемъ мы у себя шарлатановъ, и они намъ ослиныя уши приставляютъ! Предаемся таинственнымъ, темнымъ ученіямъ, когда имѣемъ святое откровенеіе истинной вѣры Христовой! Учиняемъ и смѣхотворные обряды, имѣя истинныя таинства нашей спасающей церкви! Что все сіе? Какъ назвать? Затменеіе разумовъ или просто глупость! Вотъ возьми еще контрактъ Габріэльши. Тоже суета и безуміе! Учреждаемъ зрѣлища, позорища, приглашаемъ иностранокъ за большія деньги: онѣ коверкаются, визжать, опустошаютъ наши карманы, совращаютъ съ пути молодыхъ нашихъ людей, да и мы, старики, вмѣсто того, чтобы молиться Богу и готовиться къ переходу въ иной міръ, за актерками скачемъ! И что хорошаго въ этой Габріэльшѣ? Баба дебелия, ручищи, ножищи, ни воспитанія, ни тонкихъ чувствъ, какъ есть здоровенная торговка-мѣщанка съ рынка. А мы по ея дудкѣ пляшемъ и теряемъ свое здоровье!

Князь Коріатъ хорошо зналъ эти припадки скептицизма у Елагина, когда все казалось ему вздоромъ и суетой. Зналъ онъ также, что припадки эти столь же быстро проходили, какъ и наступали.

Тутъ дверь отворилъ лакей, и, видимо, наскучивъ ждать приглашенія, въ спальню вступилъ докторъ Роджерсонъ, сопровождаемый домашнимъ врачомъ Потемкина. За ними шелъ *famulus*, или фельдшеръ, во всеоружіи медицинскихъ пособій, съ ланцетами и мѣдной чашкой для кровопусканія въ рукахъ и клистирной трубкой подъ мышкой. При видѣ жрецовъ Асклепія бѣдный Иванъ Перфильевичъ поперхнулся на полусловѣ и спряталъ голову поглубже въ подушки.

XX.

Странное приключеніе.

Подвергнувъ бѣднаго директора спектаклей и зрѣльницъ тщательному осмотру, доктора признали кровопусканіе и промывательное совершенно необходимыми, отлагая прочія средства меди-

чины до полного выясненія болѣзни. Проснувшійся столь бодрѣмъ и веселѣмъ, старикъ оставленъ былъ врачевателями въ совершенномъ разслабленіи. На прощанье угостили его микстурой отвратительнѣйшаго вкуса, отъ которой вся утроба Ивана Перфильевича перевернулась, и онъ сразу забылъ вкусъ жирныхъ морскихъ затворницъ, которыхъ такъ еще недавно глоталъ, запивая ихъ золотистыми дарами Діониса. Въстѣ проникся онъ убѣжденіемъ, что тяжело боленъ, упалъ совершенно духомъ, и опять суевѣріе взяло надъ нимъ верхъ. По отбытіи врачей принялся онъ, бояливо оглядываясь, шептать князю Коріату, что ощущаетъ на себѣ карающую десницу великаго Кофты; что Кофта услышалъ дерзкія рѣчи, которыя онъ вновь позволилъ себѣ произносить, и усугубилъ удары; что въ такихъ обстоятельствахъ единое средство—обратиться къ Калиостро. Но сдѣлать это должно въ полной отъ всѣхъ тайнѣ.

— Я знаю, что Калиостро гдѣ-то въ Итальянскихъ стоитъ. Такъ прошу тебя, милый князь, самъ сходи къ нему подъ вечеръ, въ сумеркахъ, а слугамъ не поручай. Боже упаси, если кто-либо свѣдаетъ о семъ. Ты легко разыщешь, потому что Калиостро уже третій мѣсяцъ занимается врачеваніемъ, подъ именемъ Фридриха Гвальдо. Въ Итальянскихъ всѣ его подъ этимъ именемъ, конечно, прознали. Но дѣйствуй какъ можно осторожнѣе. Въ Итальянскихъ Габріэльша тоже проживаетъ. У ней есть карлица, прелукавое и препронырливое созданіе. Она уже и къ супругамъ Калиостро проникла. Если только она прознаетъ о твоёмъ посѣщеніи, то, конечно, скажетъ Габріэльшѣ, а та догадается, что это я послалъ тебя. А ей не должно ничего знать. Итакъ, закутайся въ плащъ, надвинь на глаза круглую англійскую шляпу и при разспросахъ будь весьма тонокъ.

— Я постараюсь выполнить въ точности приказанія вашего превосходительства,—отвѣчалъ князь Коріатъ:—но что мнѣ сказать господину Калиостро?

— Попроси у него отъ моего имени извиненія, увѣрь въ отличныхъ чувствахъ моего уваженія. Скажи, что я боленъ и прошу его прибыть ко мнѣ, но для нѣкоторыхъ причинъ совершенно тайно. Если будетъ онъ упрямится, предложи ему золота, милый князь! Всѣ алхимики любятъ сей металлъ. Да! да! предложи ему золота. Спроси, какая сумма его удовлетворитъ. А теперь займись бумагамп. Я же успокоюсь, ибо полное изнеможеніе чувствую.

Бѣдный старикъ закрылъ глаза.

Оставивъ его на попеченіи вѣрнаго камердинера, князь Коріатъ уединился съ бумагами въ библіотекѣ, мрачной обширной залѣ, стѣны которой покрывали фоліанты богатѣйшаго собранія алхимическихъ, магическихъ, астрологическихъ, мистическихъ и масонскихъ книгъ на всѣхъ языкахъ. Тутъ были рѣдчайшія творенія адептовъ XVI и XVII столѣтій. Бюсты мудрецовъ и статуи египет-

скихъ божествъ таинственно бѣлѣли между шкапами. Озирись и Изида, Аммонъ-Ра и Пта, странныя божества съ головами копчика и кошки, съ рогами быка и змѣемъ надъ головой, обернутыя въ полотенца, съ жуками-скарабеями на груди, съ крестами и жезлами въ рукахъ, будили воображеніе загадочностью.

Окна бібліотеки выходили на Неву. Солнце уже клонилось къ закату; косые лучи его наполняли пурпурнымъ сіяніемъ сумрачную бібліотеку, и боги древняго Египта розовѣли и какъ будто оживали.

Князь Коріатъ при умирающемъ днѣ принялся за бумаги. Но, противъ обыкновенія, онъ не коснулся сенатскихъ и дѣлъ театральной конторы; а прежде всего занялся сертификатами, патентами и письмами графа Калиостро. И рекомендовавшія его особы, и самъ онъ о себѣ сообщали странныя вещи на таинственномъ іероглифическомъ языкѣ. Воображеніе князя Коріата привыкло теряться въ фантасмагоріяхъ символическихъ наукъ. Странныя явленія, которымъ онъ былъ свидѣтелемъ въ ложѣ, произвели на него глубокое впечатлѣніе. Образъ прекрасной Серафимы преслѣдовалъ его. Но возможно ли было вѣрить тому, что сообщалъ о ней Калиостро? Эта юная красавица—воскрешенная имъ мумія, два тысячелѣтія покоившаяся въ древней пирамидѣ Хеопса!..

Князь Коріатъ признавалъ, что такое оживленіе помощью высшихъ тайнъ совершеннаго искусства магіи возможно. Но въ данномъ случаѣ оно казалось слишкомъ невѣроятно. Однако болѣзнь ребенка князя Голицына, несчастья съ Иваномъ Перфильевичемъ, непосредственно послѣ угрозъ невѣдомаго Кофты, были поразительны. Если это и случай, то почему же, однако, случай какъ бы торопился подтвердить могущество магика и правду его словъ? Теряясь въ противорѣчивыхъ мысляхъ, князь Коріатъ не замѣтилъ, какъ солнце зашло, быстро потухла вечерняя заря и сѣрый сумракъ весенней ночи распространился, наполняя городъ призрачными полутѣнями. Пора было выполнить распоряженіе Елагина. Молодой человѣкъ хотѣлъ подняться къ себѣ на антресоли, дабы захватить тамъ плащъ и шпагу, въ то же время обдумывая, какъ ему лучше выйти изъ дома, не обративъ на себя вниманія слугъ. Вдругъ глубокій вздохъ раздался въ глубинѣ бібліотечной залы. Обернувшись въ ту сторону, князь Коріатъ не увидѣлъ никого, но между колоннами, за которыми была дверь въ укромный «кабинетецъ» Елагина, онъ замѣтилъ статую, совершенно укрытую бѣлымъ покрываломъ, какой здѣсь раньше онъ не замѣчалъ. Князь подумалъ, что это какое-либо новое приобрѣтеніе Ивана Перфильевича, недавно поставленное.

Издали, въ пепельныхъ сумеркахъ весенней ночи, наполнявшихъ не освѣщенную залу, онъ не могъ различить, обернута ли была статуя полотномъ, или такъ изваяна—закутанной съ головы

до ногъ. Въ послѣднемъ случаѣ, вѣроятно, при ближайшемъ разсмотрѣніи откроется искусство художника, подъ непроницаемымъ покровомъ, конечно, давшего достаточно намековъ любопытствующему взору, чтобы онъ могъ угадать таящееся. Князь Коріатъ всталъ и приблизился къ статуѣ. Нѣтъ, она была покрыта легкой, блестящей, бѣлой тканью, по которой теперь увидѣлъ онъ вышитыя золотыя звѣзды. Князь Коріатъ обошелъ изваяніе. Оно выслось недвижно. Посмотрѣвъ на пьедесталь, князь замѣтилъ греческія литеры и прочелъ слова:

«Я—все, что было, что есть и что будетъ. Моего покрывала не поднималъ никто изъ смертныхъ».

«Ахъ, такъ это изображеніе Саисской богини!» рѣшилъ князь, припомнивъ, что именно о надписи такого содержанія, бывшей въ храмѣ Саиса, говоритъ Плутархъ.

Откуда досталъ Иванъ Перфильевичъ столь замѣчательное изваяніе? Конечно, это работа новѣйшаго скульптора, но интересно, что именно изваяно имъ и затѣмъ укрыто отъ взоровъ покрываломъ.

Размышляя такъ, князь уже приблизилъ руку къ чудной ткани, когда вдругъ опять раздался вздохъ. На этотъ разъ явно было, что то вздохнуло таинственное изваяніе. Даже покрывало замѣтно задрожало, и край его тихо заколебался. Князь не вѣрилъ своимъ глазамъ. Онъ думалъ, что спитъ, но оглянувшись кругомъ и не замѣтилъ никакихъ перемѣнъ въ обстановкѣ библиотеки. Все было на своемъ мѣстѣ, какъ всегда. Нѣтъ, онъ бодрствовалъ.

Онъ вновь обратился къ изваянію и, взглянувъ въ него, вдругъ совершенно почувствовалъ, что за покрываломъ таится живое существо, что живая грудь дышитъ подъ звѣздистой блестящей тканью, что живое сердце бьется въ той груди... Неуловимое вѣяніе ароматическаго тепла дошло къ нему. Мистическій ужасъ объялъ его.

— Кто ты?—воскликнулъ онъ.—Откройся! Отвѣть! Назови себя!

Вдругъ складки покрывала раздвинулись, и живая прелестнѣйшая женская рука, обнаженная до плеча, появилась. Въ розовыхъ перстахъ она держала древній сistrъ—металлическую гремушку. Рука махнула, и сistrъ прозвучалъ мелодично и странно.

Князь Коріатъ узналъ, чья то была рука.

— Серафима!—вскричалъ онъ.

— Называй меня какъ угодно, ты никогда не назовешь меня истиннымъ моимъ именемъ!—прозвучалъ серебристый, хватающій за душу голосъ подъ покрываломъ.—Не дерзай коснуться моего покрывала и узнать мою тайну, если не хочешь быть несчастнымъ на всю жизнь. Но помоги мнѣ сойти съ пьедестала.

Трепещущій князь Коріатъ протянулъ руку, и Серафима, или кто бы ни была таинственная, оперлась на нее. Мгновенно слад-

кая боль и жгучій огонь разлились во всемъ существѣ молодого человѣка. Восторгъ и слезы стѣснили его дыханіе.

Она легко какъ бы свѣяла съ пьедестала на полъ; казалось, она не имѣла вѣса, но плѣнительнѣйшія формы юной женщины явственно обозначались притомъ въ складкахъ покрывала. И вмѣстѣ съ тѣмъ на мгновеніе дивныя картины проступили въ складкахъ ткани, какъ будто бы голубыя воды прозрачнаго до дна озера, окаймленныя дивными, разнообразнѣйшими цвѣтами, кишация бѣлоснѣжной водяной птицей, раскрылись въ провѣявшихъ въ воздухѣ, покровахъ и выплывали изъ того озера смѣющіяся наяды, и въ то же время озеро это было небесной глубиью, лазурной и полной крылатыми дѣвами и кудрявыми дѣтьми... Все это открылось на нѣсколько мгновеній, пока таинственная гостя сходила съ пьедестала, недоумѣвающимъ очамъ князя Коріата.

Потомъ все исчезло. Она приняла руку, совершенно окуталась покрываломъ, подошла къ большому креслу съ прямой спинкой рѣзного дуба, украшенной символами мудрости и уничтоженія—совой, змѣемъ, держащимъ хвостъ во рту, двумя другими, которые обвивали колонки спинки на манеръ Гермесова кадуцея, черепомъ и песочными часами. Ручками кресла служили два крылатые сфинкса, а сидѣнье утверждено было на спинѣ чудовища, свившагося клубкомъ. До тѣхъ поръ никогда князь Коріатъ не замѣчалъ подобныхъ креселъ въ библиотекѣ. Таинственная сѣла на кресло, и складки покрывала расположились полукругомъ около ея ногъ, чуть выдавая ихъ. Едва она сѣла, все измѣнилось вокругъ. Не то, чтобы появились новые предметы. Но стѣны и потолокъ куда-то отодвинулись, задернулись туманомъ или куреніемъ.

Въ то же время тихое позваниваніе раздавалось кругомъ, и князь не зналъ, все ли гремитъ сестръ богини, или это приливаетъ и звенитъ кровь въ вискахъ его. Онъ не могъ долѣе терпѣть неизвѣстность и заговорилъ, обращаясь къ закутанному сидящему образу:

— Сколь ни чудесно ваше появленіе въ такой часъ, я узналъ васъ. И напрасно вы будете отрицать, что вы—супруга графа Калиостро! Знайте, что даже по шелесту дыханія я узнаю васъ всегда, и потому не понимаю, зачѣмъ вы скрыли черты свои этимъ покрываломъ! Откройте небесное ваше лицо! Кто разъ васъ видѣлъ, не можетъ васъ забыть! Я люблю васъ, Серафима.

Онъ ломалъ руки въ тоскѣ, говоря это.

— Безумный юноша, не желай невозможнаго!—прозвучалъ сладкій голосъ подъ покрываломъ. —Ты не видѣлъ меня и тогда, когда видѣлъ. Но въ сіе мгновеніе невозможно увидѣть меня облеченной плотью живой женщины. Въ сіе страшное мгновеніе плоть моя—это покрывало. Итакъ, стой недвижно, не держай приблизиться, ниже коснуться меня, и внимай, внимай, внимай!

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1909 г., т. сѣв.

2

XXI.

Продолженіе страннаго приключенія.

— Тебѣ уже извѣстно, что я оживлена чарами Калиостро. Онъ вдохнулъ жизнь въ ветхіе останки моей земной оболочки, въ мою мумію, покоившуюся двѣ тысячи пятьсотъ девять лѣтъ въ развалинахъ храма Саиса. Не думай, что я подобна богинѣ, изваяніе которой сейчасъ оживляю. Нѣтъ, я смертная женщина, несчастнѣйшее существо. Я только воспользовалась случаемъ, чтобы явиться тебѣ, юноша, потому что ты заступился за меня, когда презрѣнный Калиостро мучилъ меня въ собраніи капитула. Въ твоихъ глазахъ я прочла твое сердце, да благословить тебя чашею жизни вѣчный Озирисъ! Да избавить онъ тебя по смерти отъ огненнаго мученія и дастъ вкусить отъ хлѣбовъ жизни въ свѣтоносномъ жилищѣ блаженныхъ! Я узнала, что поставщикъ Эрмитажа маркизь Маруцци привезъ изъ Италіи древнее изображеніе закрытаго истукана Саиса, и теперь, когда Калиостро спитъ и чары его ослабѣли надо мною, я понеслась и вселилась въ статую, чтобы говорить съ тобою, открыть тебѣ великія тайны и предупредить тебя о страшной опасности, которая грозитъ тебѣ. Немного мгновений въ моей власти. Отсюда я вижу спящаго мучителя моего, Калиостро. Едва онъ проснется и прежде, чѣмъ откроетъ глаза, я должна тебя покинуть. Итакъ, внимай.

«Повторяю, я не богиня, хотя и жила въ обителяхъ женщинъ, посвященныхъ закрытой Дѣвѣ Саиса, царицѣ небесъ и земли, всемогущей, вседержительной, тысячеименной Матери трисолнечнаго Младенца, владычицѣ тайнъ и бездны бытія. Я была гетерой. Имя мое — Тонида. Мое зеркало славилось въ Египтѣ, Сири, Эладѣ, по островамъ морей и въ оазисахъ пустынь. Нѣкій юноша, именемъ Сабаконъ, воспылалъ ко мнѣ неодолимою страстью. Но онъ былъ бѣденъ. А великій жрецъ богини требовалъ отъ каждаго, кому я отдавала мое зеркало, приношенія въ храмъ многихъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ и алебастровыхъ сосудовъ съ лучшей миррой и иными благовоніями, пріятными тысячеименной богинѣ. Итакъ, я должна была отвергнуть исканія Сабакона. Тогда онъ обратился къ жрецамъ красноликаго бога Сета, живущаго съ бесплодной супругой своей Кефтисой въ удушающей пустотѣ, невидимаго, который все пожираетъ, не насыщаясь, все уничтожаетъ, хотя самъ никогда не умираетъ, бога коварнаго соленнаго моря, которое не питаетъ земли. Сабаконъ поклялся безполымъ жрецамъ красноликаго Сета, что если они чарами предадутъ во власть его желаній меня, несчастную, то затѣмъ онъ самъ вступитъ въ ихъ среду, пріобщится ихъ ужасныхъ таинствъ и оскопитъ себя, ибо, сказалъ Сабаконъ, тому, кто по-

зналъ Тониду, уже невозможно желать иной женщины. Тогда безполые жрецы красноликаго бога во время сна чарами овладѣли моею душой и привлекли въ домъ Сабакона и на ложе его. Самъ погруженный въ сонъ, Сабаконъ обладалъ мною и утолилъ свои желанія. Проснувшись, я рассказала о насиліи презрѣннаго Сабакона жрецу и, возмущенный, онъ позвалъ Сабакона и жрецовъ Сета, помогавшихъ ему чарами, на судъ фараона, именемъ тысячеименной богини требуя взноса въ сокровищницу храма всего, что полагалось. Божественный сынъ Аммона - Ра, повелитель Египта, фараонъ Уахкара Бек-ен-ра-нефъ проводилъ дни въ непрестанныхъ утѣхахъ сердца, срывалъ розы въ цвѣтущихъ садахъ, пѣлъ и смѣялся, вкушая быстрый сонъ милой жизни, и, не вѣруя въ боговъ, смѣялся надъ ихъ тайнствами и надъ мудростью жрецовъ. «Братъ и другъ!— говорилъ онъ всякому приближавшемуся къ его ложу:— не переставай пить, ѣсть, смѣяться и любить, спѣши пользоваться всѣми радостями жизни, потому что западъ есть страна глубокаго сна и мрака. Умершіе спятъ въ безтѣлесныхъ образахъ и тѣняхъ. Они не пробуждаются, чтобы видѣть своихъ живыхъ братьевъ, они не признаютъ ни отца, ни матери, ихъ сердце не знаетъ ни жены, ни дѣтей. Стенящей ласточкой не вьется душа около покинутаго жилища. Сѣрымъ пепломъ сдуваетъ ее леденящее дыханіе вѣчности въ лоно ничтожества. Всякій живой можетъ утолить жажду водою и голодъ хлѣбомъ. Умершій жаждетъ и алчетъ вѣчно. Вода — тамъ, гдѣ мертвые, никого не утоляетъ, и они даже не знаютъ, гдѣ они съ тѣхъ поръ, какъ прошли извилину горы жизни и вступили въ Аменти, въ обитель мрака. Здѣсь царствуетъ одинъ богъ, имя которому «всеуничтоженіе». Предъ нимъ всѣ равны -- и боги, и люди. Онъ никого не слышитъ и никому не даетъ пощады».

«Такъ училъ, улыбаясь, простергый на пурпурномъ ложѣ, на помостѣ изъ драгоцѣнныхъ деревъ, подъ шелковымъ наметомъ, съ кубкомъ въ рукѣ, окруженный наложницами, пѣвцами, поэтами и рассказчиками, фараонъ Уахкара Бек-ен-ра-нефъ. Онъ ошибался. Я, блуждающая предъ порогомъ вѣчности двѣ тысячи пятьсотъ лѣтъ, это свидѣтельствую. И онъ самъ позналъ свои заблужденія, когда эеіопляне наводнили Египетъ, обложили великій городъ тѣсною осадой на седьмой годъ его царствованія, и онъ приказалъ вскипятить огромный котелъ съ миррой и другими благовонными маслами и, бросившись въ клокочущія благовонія, нашелъ тамъ ворота въ ночь расчета, въ верховную залу правосудія, въ Керъ-Нетеръ, въ область духа бездны огня, гдѣ томятся не чушіе Ока трисолнечнаго Божества. Но слушай о судѣ фараона. Жрецъ покрытой богини, я, гетера Тонида, насильникъ Сабаконъ, ограбившій богиню, безъ платы овладѣвшій ея достояніемъ, и темный некромантъ, безполый жрецъ Красноликаго,—мы всѣ стали предъ ложемъ Уахкара

Бек-ен-ра-нефъ. Онъ сказалъ: «Разскажите ваше дѣло, изложите жалобы, дайте отвѣтъ, а мы посмѣемся и найдемъ истину на днѣ чаши съ виномъ». Жрецъ богини изложилъ жалобу. Я подробно разсказала, какъ во снѣ видѣла Сабакона и, безсильная противъ чаръ, отдалась ему. Сабаконъ не отрицалъ того, что тоже во снѣ обнималъ мой образъ, совершенно подобный плотскому, но воздушный. Жрецъ Сета клеветалъ на меня. Онъ говорилъ, что безъ тайнаго желанія сердца я не поддаюсь бы заклинаніямъ, что я измѣнила клятвамъ служить только богинѣ и должно побить меня камнями, какъ блудницу. Когда сказали всѣ, фараонъ поднялъ кристальную чашу, и, божественная рука вѣчнаго Ра-Солнца, сверкающей лучъ его заигралъ въ винѣ. И засмѣялся фараонъ. И произнесъ свой судъ.

«— Сабаконъ, возьми сосуды золотые и серебряные и алебастровые съ благовоніями, сколько требуетъ жрецъ покрытой богини. Возьми все изъ моей сокровищницы. Я сужаю тебя. И пойди со жрецомъ и съ гетерой Тонидой къ стѣнамъ храма богини. Возьми сосуды и води ими передъ стѣной то сюда, то туда, гетера же пусть ловить скользящую тѣнь сосудовъ и отдаетъ жрецу, такъ какъ мечта лишь тѣнь дѣйствительности. Сабаконъ лишь въ мечтѣ владѣлъ Тонидой. Итакъ, лишь тѣнью онъ долженъ заплатить за нее богинѣ».

«И было выполнено, какъ сказалъ фараонъ Сабакону... Но я должна сократить мой разсказъ. Отсюда я вижу, что сонъ Калиостро становится тонокъ. Онъ можетъ проснуться съ минуты на минуту».

Съ глубокимъ изумленіемъ внималъ князь Коріатъ словамъ таинственнаго видѣнія. Онъ слышалъ, что ихъ приносили уста подъ покрываломъ, и въ то же время они звучали въ собственной груди его. Онъ видѣлъ всѣ предметы, стѣны, фоліанты бібліотеки, видѣлъ въ окна лоно Невы и городъ въ сумеркахъ бѣлой ночи, и въ то же время сидящая предъ нимъ говорила и вызывала видѣнія сѣдой древности, иной, давно умершей жизни.

— Я не буду разсказывать, какъ, и ставъ жрецомъ красноликаго бога, Сабаконъ продолжалъ преслѣдовать меня, какъ во снѣ, такъ и наяву, уже безсильными, но потому и неутолимыми желаніями. Я не могу разсказать, почему, отвергнутая, брожу двѣ тысячи пятьсотъ лѣтъ тѣнью среди живыхъ. Знай, что жрецы Саиса, Эивъ и Мемфиса обладали такими тайными силами, что побѣдили самую смерть. Въ муміяхъ, въ гіероглифахъ и изваяніяхъ они живутъ и теперь. Знай, что живъ и Сабаконъ и силою чаръ золотого Феникса-Венну перевоплощается черезъ каждыя пятьсотъ лѣтъ, вселяясь въ тѣло умершаго и оживляя его собою. Графъ Калиостро есть пятое его перевоплощеніе. И я, несчастная, должна сопровождать его, перевоплощаться вмѣстѣ съ нимъ, служить ему

наложницей и быть его рабой. Знай, что срокъ пятого воплощенія истекаетъ. Въ 17-й день мѣсяца Атира, когда солнце проходитъ чрезъ знакъ Скорпіона, свѣтлый Озирисъ умираетъ и чудовищный Тифонъ, змѣй Апапъ, кладетъ пречистое тѣло бога въ ящикъ изъ дерева тамариска и бросаетъ въ море, срокъ пятого воплощенія кончится. И вотъ Сабаконъ-Калиостро избралъ своими жертвами свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина и императрицу Россіи Екатерину. Онъ убьетъ ихъ незримой силой и самъ вселится въ Потемкина, мною же будетъ оживленъ трупъ Екатерины. Желаетъ онъ воцарить меня надъ милліонами Сѣвера, а самому быть первымъ въ странѣ и народѣ и править черезъ меня всѣмъ. Въ семъ ему помогаютъ великіе духи жрецовъ Сета, воплощенные въ различныхъ особахъ Европы. Всѣ они задумали низвергнуть царство Трисолнечнаго Божества и Сокровенной Царицы земли и неба и открыть царство красноликаго Сета-Люцифера, древняго змѣя Апапа-Тифона и черныхъ клеветовъ его. Сію великую тайну, князь, я довѣрила твоему благородному сердцу. Не допускай совершаться сему. Ты посвященъ въ древніе тайны и символы. Борись съ проклятымъ Сабаконъ-Калиостро. Уничтожь его чары и не дай ему перевоплотиться. Возврати и мою несчастную тѣнь отрадной обители вѣчнаго сіянія блаженнаго забвенія! Освободи меня отъ тысячелѣтняго рабства! А чтобы ты зналъ, что это не сонъ пустой и лживый, что истинно являлась я тебѣ, прими отъ меня эту розу! Меня сейчасъ здѣсь не станетъ.

При сихъ словахъ изъ складокъ покрывала вновь появилась трепетная, живая розовая рука, дышавшая эфиромъ тѣла и ароматомъ нѣги, и прозрачные персты протянули молодому тамплиеру большую черную розу, какихъ никогда не видалъ князь Коріатъ.

Онъ схватилъ розу и вмѣстѣ руку, живую эту руку, и вскричалъ:

— Нѣтъ, мнѣ мало этого! Хочу тебя видѣть! Не уходи, не открывъ предо мною покрывала!

— Безумный, о чемъ ты просишь?—раздался полный скорби голосъ.—Я уже сказала тебѣ, что, если поднимешь мое покрывало, будешь несчастнымъ на всю жизнь! Не желай же и не требуй невозможнаго. Не требуй, ибо я теперь обязана исполнять каждое твое желаніе, вручивъ въ твои руки мою несчастную судьбу!

— Нѣтъ, я хочу! Я требую! Что бы ни было со мною, хочу, хочу видѣть тебя, прекраснѣйшая изъ женъ!—въ безуміи повторялъ князь Коріатъ.

Тихій плачь раздался подъ покрываломъ и жалобный стонъ. Медленно поднялась она, и опять въ складкахъ звѣздчатой ткани просіяли воды и воздушныя глубины, просыпались цвѣты, заройлись голубки, и дѣвы, и дѣти, и вдругъ все померкло, самая ткань пожелтѣла, словно полуистлѣвшая, и все кругомъ потем-

нѣло, удушливымъ смрадомъ пахнуло изъ тѣмъ, тихо спустилось покрывало, запеленатая погребальными полотенцами руки держали предъ лицомъ круглое зеркало, словно защищаясь имъ отъ взора дерзновеннаго безумца. Князь Коріатъ протянулъ руку и отвелъ зеркало гетеры отъ двухтысячелѣтняго ея лика. Ужасно и несказуемо было то, что увидѣлъ онъ. Въ то же мгновение все тѣло рассыпалось чернымъ прахомъ, расплылось клубами коричневататаго дыма; исчезло все; только плачущій стонъ пронесся въ воздухъ, и потомъ ласточка шмыгнула подъ потолкомъ и, залившись звенящей трелью, исчезла.

Весь дрожа, облитый холоднымъ потомъ, осмотрѣлся князь Коріатъ. Никого не было. Все имѣло обычный видъ. Заря разгоралась за окнами. Кресло, на которомъ сидѣло видѣніе, было такое же, какъ и прочія. А между колоннами не стояло никакого покрытаго истукана. Тамъ высилась ваза, дѣйствительно закутанная почему-то кускомъ полотна, но давно ему знакомая. И самъ онъ сидѣлъ у письменнаго стола, гдѣ еще лежали дѣла и патенты Каліостро. Что это было? Спалъ онъ? Бредилъ наяву!? Голова его кружилась. Мучительно замирало сердце. Отвращеніе смѣшалось въ немъ съ жалостью и безумной страстью. Странныя предостереженія, дикія тайны, возвѣщенные ему, не находили вѣры въ его сердцѣ, и въ то же время бредъ обладалъ всею убѣдительною подлинной дѣйствительности. Онъ заглянулъ за таинственную завѣсу, отдѣляющую живыхъ отъ мертвыхъ. Бездна вѣчности дохнула въ лицо его. И онъ уже былъ другимъ человѣкомъ. Что-то непоправимое было совершено имъ. И страшное знаніе, на которое дерзнулъ юноша, онъ долженъ былъ искупить муками Прометея...

Взоръ его упалъ на то мѣсто на полу, гдѣ стояла Серафима, и кто изобразить весь ужасъ и всю радость, когда онъ увидѣлъ тамъ лежащій мистическій залогъ—черную розу. Онъ бросился къ цвѣтку, схватилъ его... То была не настоящая, а искусственная, тафтяная роза. Но она была, была...

XXII.

Лѣстница.

— Мнѣ надоѣло одиночество! Мнѣ скучно! Не могу понять, Джозеппе, чего ты еще дожидаясь?

Названная графиня ди-Санта-Кроче говорила это, въ лѣнливой позѣ покоясь на софѣ въ столѣ ей надоѣвшей комнатѣ въ Итальянскихъ. Джозеппе съ живостью повернулся на каблучкахъ.

— Еще немного терпѣнія, дорогая Лоренца,—сказалъ онъ.

— Но чего же ты дожидаться? Ты былъ такъ торжественно принять. Продѣлки твои совершенно удались.

— Да, но выждать необходимо. Пусть они сами за мной явятся. А они явятся, это я знаю отлично.

— Миѣ надоѣло быть въ твоихъ рукахъ жалкой игрушкой,— съ раздраженіемъ сказала Лоренца.— Ты заставляешь меня помогать глупѣйшимъ твоимъ фокусамъ, какъ будто я фиглярка въ ярмарочномъ балаганѣ. Я служу приманкой для всякихъ олуховъ. Дни идутъ. Я уже не такъ прекрасна, какъ прежде. Да, я старѣюсь, Джозеппе, что же меня ожидаетъ?

— Тебя ожидаетъ богатство, знатность, слава, почетнѣйшее положеніе, клянусь Сатурномъ!—вскричалъ Джозеппе.

— Ахъ, ты говорилъ это въ Лондонѣ, потомъ въ Парижѣ, потомъ въ Берлинѣ...

— И говорю это же теперь въ Петербургѣ!

— Говоришь, но я нисколько тебѣ не вѣрю. Ты— шарлатанъ, Джозеппе. Ты— лжець. Ты хочешь обмануть весь міръ, но самого себя ты прежде другихъ обманываешь. Ты вѣчно строишь воздушные замки, которые разлетаются мгновенно, не оставляя ничего, если не считать побоевъ, которые порою перепадаютъ на твою долю, новыхъ и новыхъ долговъ и необходимости какъ можно скорѣе бѣжать въ другой городъ.

— Ты— женщина, и видишь только кухонную область жизни, видишь изнанку, грязное бѣлье, домашній соръ, пятна и заплаты,— сказалъ Джозеппе.

Онъ принялся прохаживаться по комнатѣ, между тѣмъ какъ Лоренца, лежа на софѣ спиной къ нему, лишь слегка поворачивала въ его сторону голову, когда говорила. Лицо Джозеппе приняло грустное, задумчивое выраженіе. Большіе глаза его сіяли мыслью и были прекрасны.

— Я вижу то, что вижу,—упрямо отозвалась Лоренца.

— То есть не дальше своего носа, дорогая, не дальше! Но тотъ, кому дано зрѣніе орла, кто прозрѣваетъ будущее и видитъ, къ чему идетъ міръ, тотъ стоитъ выше сора, тумана, клубовъ чада и пыли земной суеты. Все это тамъ, внизу, у ногъ его. Чело же провидца въ чистыхъ, высихъ областяхъ, и очи его озираютъ горизонтъ огромный. Но къ чему я говорю тебѣ все это? Ты не поймешь меня.

— Нѣтъ, что же ты прозрѣваешь? Ты прозрѣвалъ въ Лондонѣ. И что же ты вывезъ оттуда? Нѣсколько дипломовъ и писемъ. И долги. То же въ Парижѣ. То же въ Берлинѣ. Значитъ, то же будетъ и въ Петербургѣ. Наконецъ тебя всюду узнаютъ совершенно и не станутъ тебѣ больше вѣрить. Что будешь ты тогда дѣлать? Вернешься домой въ Палермо? Боже мой!

— Я вернусь въ отечество только для того, чтобы быть увѣнчаннымъ лаврами въ Капитоліи!— гордо сказалъ Джозеппе. Лоренца быстро приподнялась, посмотрѣла ему въ лицо и вдругъ звонко расхохоталась и опять упала на софу.

— Лавры! Капитоліи! бѣдный Джозеппе, но если бы ты сейчасъ вернулся въ Римъ...

— Если бы я сейчасъ вернулся въ Римъ, меня посадили бы въ крѣпость св. Ангела, а потомъ задушили тамъ потихоньку! — сказалъ спокойно Джозеппе.

— Ты самъ это знаешь и говоришь! Гдѣ же лавры и Капитоліи? Бѣдный Джозеппе, ты сходишь съ ума, и въ твоихъ рѣчахъ нѣтъ связи.

— Связь есть, и умъ мой ясенъ. Но ты только женщина, нетерпѣливая, жаждущая благъ земныхъ...

— Ты ихъ тоже любишь, Джозеппе! Ты жадеешь къ золоту. Ты безъ ума отъ знатности и чиновъ. Ты ненасытенъ, Балзамо. Ты любишь женщинъ, вино, богатое житье! Вѣдь я тебя знаю, Джозеппе, хорошо, давно знаю!

— Люблю и не люблю. Все это средства. Цѣль моя не въ томъ. Цѣль моя выше. Ты говоришь, что знаешь меня. То-есть знаешь грязную мою сторону. Ну, вѣдь и я знаю твою грязную половину жизни. Чище ли она?

— Ты первый развращалъ меня, ты первый! — запальчиво крикнула Лоренца.

— Нельзя развратить того, кто не хочетъ развратиться. Не будемъ ссориться, дорогая. Именно теперь намъ особенно вредно ссориться. Дѣло идетъ къ развязкѣ или, лучше сказать, къ завязкѣ. Именно, здѣсь въ Россіи, въ Петербургѣ, завяжется тотъ мировой узелъ, который можно будетъ разсѣчь только мечомъ! Съ этимъ я сюда и прибылъ, и посланъ. Не для жалкихъ фокусовъ. Что фокусы! Что некромантія! Все это для профановъ, для ословъ, для жалкой толпы! Но здѣсь, въ Петербургѣ, именно здѣсь или нигдѣ искомое нами!

На словѣ «здѣсь» Джозеппе энергично топнулъ ногой.

— Преображеніе міра начнется отсюда, изъ Россіи! Какъ? Я еще не знаю. Но мнѣ сказалъ это великій человекъ, это сказалъ мнѣ Сень-Жерменъ...

— Ужасный старикъ!— съ дрожью отвращенія сказала Лоренца.—Безсильный, похотливый старикъ, одной ногой стоящій въ могилѣ, окруженный бабами! И теперь ощущаю прикосновеніе его холодныхъ пальцевъ... Гнусный старикъ! Мнѣ казалось, что меня обнимаетъ сама смерть! И ты меня принудилъ... Я никогда этого тебѣ не забуду и не прощу!— съ шипящей злобой проговорила Лоренца.

— Напротивъ, ты должна быть благодарна мнѣ, что твоя земная плоть послужила величайшему изъ мудрецовъ. Сень-Жерменъ поступаетъ, какъ царь Давидъ. Когда царь Давидъ состарѣлся, вошелъ въ преклонныя лѣта, то покрывали его одеждами, но не могъ онъ согрѣться. И сказали ему слуги его: пусть поищутъ для господина нашего, царя, молодую дѣвицу, и будетъ согрѣвать господина нашего царя. Искали и нашли Ависагу, сунамитянку, и привели ее къ царю. *Et adolescentula pulchra usque valde: et erat fovens regem, et ministrabat ei: et rex non cognovit eam.*

— Сень-Жерменъ не царь, а я не Ависага!

— Ты плѣнительнѣе Ависаги, и знаешь это сама. А Сень-Жерменъ есть царь надъ царями. Онъ открылъ мнѣ грядущее, какъ въ зеркалѣ показалъ его...

— Ты—шарлатанъ, а Сень-Жерменъ шарлатанъ надъ шарлатанами, который и тебя самого одурачилъ. Если вы знаете будущее, то почему намъ всегда приходилось уѣзжать поспѣшно и совершенно неожиданно изъ всѣхъ столицъ? И не то же ли говорилъ ты и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ, и въ Берлинѣ? Не увѣрялъ ли, что вотъ сейчасъ что-то преобразится, и ты станешь богатъ, знатенъ, славенъ! И ничего не преобразалось. Все оставалось по-старому. По-старому и мы съ тобой укладывали сундуки и уѣзжали, дрожа и оглядываясь... Проклятая жизнь! Проклять будь тотъ день и часъ, когда я связала свою судьбу съ твоею! Кто знаетъ, въ меня могъ влюбиться вельможа и богачъ, даже принцъ, и я жила бы, не зная заботъ, окруженная почтеніемъ и роскошью!—съ искреннимъ отчаяніемъ проговорила эти слова молодая женщина.

— А если бы и не такъ,—продолжала она,—если бы и не такъ, вышла бы замужъ за своего же брата, хотя бы за красавца Паоло, и была честной женой...

— Рабой! жалкой рабой!—вскричалъ Джозеппе.—О, маловѣрная и слабая духомъ женщина! Что жъ, оставь меня одного итти моею дорогой!

— Ага, ты хотѣлъ бы отъ меня отдѣлаться! Да тѣмъ и кончится, конечно, что ты меня бросишь, когда моя красота увянетъ и я не буду тебѣ нужна. Но это тебѣ не удастся сдѣлать. Я все о тебѣ знаю. Если я въ твоихъ рукахъ, то ты еще болѣе.

— Угрозы твои мнѣ не страшны, да онѣ и бесполезны. Прежде, чѣмъ окончится этотъ годъ, уже начнется!...

— Что начнется? Скажешь ли когда-нибудь яснѣе?

— Я говорю ясно, но твой разумъ дремлетъ и не можетъ усвоить того, что я говорю. Пойми, вотъ и ты красавица, и я одаренъ способностями, знаніями. И что же, намъ нѣтъ мѣста на жизненномъ пирѣ. Всѣ лучшія мѣста заняты по праву рожденія! по праву рожденія, ха! Но я знаю происхожденіе всѣхъ вельможъ Европы. Кто

изъ нихъ истинный сынъ своего названнаго отца? Никто. Чаще всего это сыновья сильныхъ тѣломъ плебеевъ, съ которыми сходились ихъ аристократки-матери, не удовлетворенныя безсильными и холодными ласками старыхъ развратниковъ-аристократовъ, которымъ продали ихъ юность. И эти батарды наследуютъ титулы, замки, земли, чины, все! Я сынъ своего отца. Мы — плебеи, поэтому въ нашихъ семьяхъ, если только мы ихъ заводимъ, родятся не батарды, а истинныя наши дѣти. И что же, они остаются ничтожествами на всю жизнь. Они могутъ быть великими писателями, учеными, художниками. И все-таки они только прислужники аристократовъ. Возможно ли это терпѣть! Я знаю двухъ родныхъ братьевъ, сыновей выѣздного лакея. Одинъ такъ и остался въ лакейскомъ сословіи, потому что рожденъ отцомъ отъ законной, честной плебейки-жены. Другой же родился въ блудѣ отъ графини, увлекшейся могучимъ Геркулесомъ-плебеемъ, выѣзднымъ лакеемъ, однако онъ считается законнымъ сыномъ стараго графа, наследовалъ его титулы, онъ — посланникъ! Вотъ въ чемъ возмутительная несправедливость! Итакъ, должно уничтожить всѣ титулы, всѣ привилегіи, провозгласить полное равенство, и пусть первенство дается не происхожденію, а знанію, гению, труду! «Проклятъ сынъ блудницы», сказано въ Писаніи. Проклята аристократія, рожденная въ блудѣ.

— Такъ легко это сдѣлать! Такъ и позволять аристократы уничтожить ихъ титулы и привилегіи! — сказала съ ироніей Лоренца.

— Сколько разъ пытался я пробудить въ тебѣ гордость плебейки! Напрасно. Но я тебѣ говорю и повторяю: время близко, при дверяхъ. Аристократы сами откажутся отъ своихъ правъ и привилегій и провозгласятъ равенство.

— Этому никогда не бывать!

— А не захотятъ сами, то ихъ заставятъ! Знаешь басню. Стояла прислоненная къ стѣнѣ лѣстница. И верхнія ступени гордились передъ нижними. Мимо проходилъ человѣкъ. Схватилъ лѣстницу и перевернулъ. Первые ступени стали послѣдними, а послѣднія — первыми.

— Кто же этотъ человѣкъ? Ужъ не ты ли?

— Да, это я. Иаковъ видѣлъ лѣстницу, восходящую вершиной до небесъ. Онъ не полѣзъ по ней. Но потомъ онъ боролся съ самимъ Ягве и поборолъ его. Тогда вершина лѣстницы преклонилась къ землѣ, верхнее стало нижнимъ, Иаковъ сталъ Израиль. Я еще человѣкъ, но буду Израиль.

— Я знаю, что твой дѣдъ изъ евреевъ, но ужели думаешь бороться съ самимъ Господомъ Богомъ? — презрительно сказала Лоренца.

— Не только думаю, но уже борюсь. Да, борюсь съ жрецами, съ попами, которые учредили на землѣ касты, благословляютъ тирановъ, помогаютъ богачамъ давить бѣдняковъ!

— Борисъ съ кѣмъ тебѣ угодно, а я просто обращаюсь къ этому добренькому старичку, директору здѣшнихъ театровъ, который стучалъ молоткомъ въ прошлый разъ. Я знаю, что онъ все сдѣлаеть, если только я попрошу его хорошенько. Я поступлю въ здѣшнюю труппу и буду жить не хуже другихъ пѣвицъ! И ты мнѣ больше не будешь нуженъ.

— Не смѣй этого дѣлать! Горе тебѣ, если посмѣешь!—яростно закричалъ Джозеппе.—Габріэлли уже подозрѣваетъ насъ въ такомъ намѣреніи, и мы нажили въ ней сильнѣйшаго врага. Мнѣ говорила ея карлица, Граціэлла!

— За которой ты старательно ухаживаешь? Мнѣ вотъ лѣнь только встать съ этой софы, лѣнь бороться съ тобою, все мнѣ противно, весь свѣтъ, всѣ эти обманы, интриги. Только потому я и покоряюсь тебѣ,—сказала молодая женщина.

— И хорошо дѣлаешь!—отрѣзалъ Джозеппе. Лицо его налилось кровью отъ гнѣва, глаза смотрѣли мрачно и подозрительно, лобъ изрыли морщины, и складки углубились около надутыхъ губъ. Онъ казался теперь и старымъ, и безобразнымъ.

Громкій стукъ въ входную дверь съ лѣстницы прервалъ бесѣду супруговъ.

Джозеппе пошелъ посмотрѣть, кто тамъ стучится.

XXIII.

Слуга и господинъ.

— Кто тамъ?—сердито спросилъ Джозеппе, подходя къ входной двери, запертой на ключъ, на толстую задвижку и еще подпертую сучковатымъ полѣномъ.

— Это я, Казимиръ!—раздался пріятный и робкій голосъ съ лѣстницы.—Ваша милость приказали мнѣ прибыть сегодня.

— А, любезный Казимиръ!—мгновенно перемѣняя голосъ на самый ласковый, сказалъ хозяинъ.—Очень радъ, что вы пришли. Я только что прогналъ всѣхъ моихъ людей—негодныхъ русскихъ воровъ и пьяницъ, и вотъ принужденъ самъ вамъ отпирать.

Говоря сіе, онъ отбросилъ ногою полѣно, отодвинулъ задвижку и отперъ дверь. Казимиръ вошелъ съ низкими поклонами.

— О, вы сами трудились для меня! Позвольте мнѣ за собою затворить!—говорилъ молодой человѣкъ и, захлопнувъ дверь, привелъ ключъ и задвижку въ надлежащее положеніе, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣвъ на валявшееся тутъ же сучковатое полѣно.

— Помѣщеніе временное и занято мною съ тою цѣлью, чтобы роскошью обстановки не испугать бѣдняковъ, которые ищутъ цѣленія недугамъ своимъ!—говорилъ хозяинъ, проходя впередъ, въ

пріемную комнату.—Ничего не стоило бы мнѣ,—продолжалъ онъ, садясь на одинъ изъ простыхъ табуретовъ, стоявшихъ здѣсь,—ничего не стоило бы мнѣ нанять или купить роскошный палаццо на набережной Невы, отдѣлать его прекрасно, нанять толпы прислужниковъ. Но сами скажите, любезный Казимиръ, пошли ли бы тогда страждущіе бѣдняки къ высокому моему порогу? Да, я даже прогналъ нанятыхъ было мною русскихъ слугъ, главнымъ образомъ за то, что они стали взимать поборы съ проходящихъ ко мнѣ болящихъ и притѣснять неимущихъ. И вотъ, любезный Казимиръ, первое условіе, если вы хотите служить у меня: вы должны быть вѣжливы, предупредительны и кротки со всякимъ больнымъ, одѣтымъ бѣдно, угнетеннымъ робостью лишеній, согбеннымъ скудостью, преслѣдуемымъ ударами судьбы!

— О, господинъ,—воскликнулъ Казимиръ:—я самъ бѣдный человѣкъ, преслѣдуемый несчастіемъ! Я понимаю положеніе бѣдняка и гонимаго судьбой! Будьте увѣрены, что выполню въ точности желаемое вами!

— Прекрасно. Но относительно обращающихся ко мнѣ богачей и присылаемыхъ ими дворецкихъ или камердинеровъ вы должны держать себя совершенно иначе. Съ ними вы должны принимать тонъ полной независимости, держать себя гордо, давать имъ понять, что безмездный врачъ болящихъ не нуждается въ ихъ золотѣ.

— Очень понимаю! Очень понимаю! Я самъ шляхтичъ прирожденный, и хотя бѣденъ и принужденъ наниматься въ служители, не лишенъ благородства чувствованій и много страдалъ отъ презрительной надменности здѣшнихъ баръ и жирныхъ слугъ ихъ. Ни за что даже и бивали меня,—со слезой въ голосъ признался бѣдный шляхтичъ.

— О, съ той минуты, какъ вы стали моимъ слугой, если только кто-либо осмѣлится васъ оскорбить, скажите мнѣ, и я накажу его жестоко! Вельможи пытаются быть со мною небрежными. Такъ, князь Потемкинъ прислалъ на дняхъ за мною камердинера съ экипажемъ...

— Самъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ!—всплеснулъ руками Казимиръ.

— Да. Кажется, онъ здѣсь у васъ первѣйшее свѣтило? Но я отказался ѣхать по первому зову. Дѣло въ томъ, что ребенокъ племянницы Потемкина, княгини Голицыной, очень боленъ.

— Ахъ, согласно ли съ правилами челоѣколюбія отказать въ помощи болящему младенцу! — поднимая глаза къ небу, сказалъ чувствительный Казимиръ.

Безмездный врачъ посмотрѣлъ на него особымъ своимъ взглядомъ, словно мышъ выскочившимъ изъ-подъ круглыхъ бровей его, побѣгавшимъ и спрятавшимся.

— Вы не знаете, любезный Казимиръ, всѣхъ силъ и средствъ герметической медицины, которыми я обладаю. Мнѣ не надо ви-

дѣтъ больного; могу лечить его на разстояніи, даже такъ, что ни самъ больной, ни близкій его о семъ и не свѣдаютъ. Такъ во всѣ стороны свѣта посылаю я, черезъ нѣкихъ воздушныхъ служителей моихъ, цѣлящія токи! Въ сію минуту имѣю я въ различныхъ частяхъ Европы и Америки до тысячи страждущихъ на моемъ попеченіи. Но объ этомъ вамъ еще рано знать,—прервалъ онъ свою рѣчь, замѣтивъ выраженіе нѣкотораго робкаго недовѣрія на блѣдномъ и тонкомъ лицѣ бѣдно одѣтаго и тощаго Казимира.—Я сказалъ о ребенкѣ Голицыной. Съ супругомъ ея, княземъ Голицынымъ я встрѣтился затѣмъ на вечерѣ у сенатора Елагина. Тамъ были избранныя лица: Гагаринъ, Куракинъ, Мещерскій...

— О-о! А-а! У-у!—только вырывалось у Казимира при каждой названной фамилии.—Это ближайшіе вельможи русской императрицы!

— Да, конечно. Князь Голицынъ упрекалъ меня, что я не поѣхалъ съ камердинеромъ Потемкина. Тонко даю ему понять о несовмѣстности такой небрежной формы приглашенія съ достоинствомъ благотворителя и доктора, не профанской, но высшей, небесной медицины. Князь меня понималъ. Съ минуты на минуту жду прибытія или самого его лично, или лица довѣреннаго и соответственнаго моему званію. Но перейдемъ къ условіямъ вашей службы у меня.

— Да, да, ваша милость, — оживляясь, сказалъ почему-то нѣсколько унывшій Каземиръ:—каковы условія службы моей?

Докторъ небесной медицины глубокомысленно нахмурился, поднявъ мечтательно къ потолку большіе, темные глаза. Потомъ жестомъ бѣлой изящной руки съ перстнемъ подозвалъ ближе молодого человѣка. Внимательно взглянувъ въ его лицо, онъ дунулъ на него, быстро пробормотавъ нѣсколько разъ:

— Ксилка! Ксилка! Беша! Беша!-- и жестомъ же приказалъ отойти. Окинувъ взоромъ недоумѣвающую фигуру Казимира, онъ сказалъ, какъ бы самъ съ собою разсуждая:

— Аура чиста, свѣтла... Мягкосердечіе... чувствительность... Чувственность... Вспыльчивость... Вы очень вспыльчивы, Каземиръ, не правда ли?—обратился онъ уже прямо къ молодому человѣку.—Да, вы очень, очень вспыльчивы, хотя и кажетесь столь робкимъ и кроткимъ.

— Если оскорбятъ мою честь, сударь, ибо я хотя и бѣденъ, но благороднаго происхожденія!—съ достоинствомъ сказалъ шляхтичъ.

— Да, я знаю... Ваши несчастья, Каземиръ, съ того и начались еще на родинѣ, въ Литвѣ, что вы далеко зашли въ припадкѣ вспыльчивости... Можетъ быть, покусились на жизнь человѣка... Тюрьма... Судъ... Невозможность оставаться на родинѣ... Приѣхали сюда... Грубые нравы... Оскорбленія... И здѣсь вы имѣли столкновенія... Взысканіе полиціи... Суровое, несправедливое наказаніе...

Говоря все это отрывистымъ тономъ, докторъ небесной медицины пристально смотрѣлъ въ ежемгновенно мѣнявшееся, то блѣднѣвшее, то краснѣвшее лицо молодого человѣка.

— Боже мой! Отъ кого вы все это узнали?..—вскричалъ онъ въ совершенномъ смущеніи.

Тонкая улыбка проскользнула на губахъ доктора.

Этого было довольно. Казимиръ мгновенно нахмурился.

— Если ваша милость не почитаютъ меня за человѣка благороднаго,—съ болѣзненной надменностью сказалъ онъ, между тѣмъ какъ слезы бѣгали въ голубыхъ глазахъ его,—если гнусныя сплетни и кривыя истолкованія несчастныхъ обстоятельствъ моей жизни уже дошли до васъ, то, конечно, я не могу служить у васъ. Простите!

Казимиръ поклонился и двинулся къ двери.

— Остановитесь, молодой человѣкъ, остановитесь! — поднимаясь и съ важностью простирая къ уходящему руку, сказалъ докторъ небесной медицины.—Я не нуждаюсь въ собираніи слуховъ и сплетень, чтобы знать все о человѣкѣ, слышите ли—все! Обстоятельства вашей жизни, вашъ характеръ, все прошлое и даже будущее ваше я прочиталъ въ раскрытой мнѣ книгѣ нижняго и верхняго плана вашего внутренняго человѣка. Казимиръ, я не хотѣлъ оскорбить васъ. Я не могъ васъ оскорбить. Вы несчастны, но честны и благородны. На службѣ у меня ваша гордость не будетъ страдать. Вы честолюбивы, ибо сознаете врожденные свои таланты и, влачась въ бѣдности, видите то мѣсто, которое по праву способностей своихъ должны бы занимать, отданнымъ ничтожествамъ, по праву яко бы высокаго ихъ рожденія и крови. Это васъ возмущаетъ. Но на службѣ у меня великія возможности вамъ открываются.

— О, вы читаете въ душѣ моей, какъ прозорливецъ!—возвращаясь, сказалъ съ трепетомъ благоговѣнія Казимиръ.

— Молчите и слушайте. Меня нѣкоторые называютъ маркизомъ, другіе—графомъ. Какъ называютъ меня бѣдняки, приходящіе ко мнѣ за цѣленіемъ, вы узнаете. Кто я есть на самомъ дѣлѣ, знать не добивайтесь. Это вамъ не нужно. Достаточно съ васъ того, что на слугу я смотрю, какъ на равнаго мнѣ человѣка. Я не презираю бѣдняка. Въ немъ я вижу своего брата. Ибо всѣ люди—братья. Всѣ имѣютъ одинаго отца. Но сообщу подробнѣе о службѣ вашей. Вы будете приходящимъ. Ночь и весь день отъ 12 часовъ въ вашемъ полномъ распоряженіи. Посвящайте это время развитію себя. Читайте, учитесь. Пользуйтесь и невинными, свойственными вашему возрасту развлеченіями. Дѣло ваше—быть при утреннемъ приѣмѣ больныхъ, съ 8 до 12 часовъ, и при вечернемъ, тоже съ 8 до 12. Или же въ сіи часы утренніе или вечерніе сопровождаете вы меня при моихъ по городу прогулкахъ. Вотъ и

все. Довольны ли вы сими условіями? Прибавлю, что завтракъ и ужинъ получать вы будете отъ меня, или здѣсь, или во время прогулокъ моихъ при захожденіи въ знакомые мнѣ дома частныхъ лицъ или въ герберги. Ливрейное платье тоже получите отъ меня. Довольны вы?

— О, совершенно доволенъ! И если я, днемъ ли, ночью ли, экстренно понадобится, для посылки туда ли, сюда ли, располагайте мной по усмотрѣнію!

— Прекрасно. Въ этомъ мы сошлись. При семъ, однако, помните вы должны: полная скромность, не любопытствовать! Ни о чемъ не спрашивать ни у меня, ни у кого! Молчаніе! Молчаніе! Молчаніе!

— О, въ этомъ отношеніи ваша милость могутъ вполне на меня положиться!—сказалъ Казимиръ, хотя именно при сихъ словахъ въ голубыхъ глазахъ его загорѣлся огонекъ ненасытнаго любопытства.

— Что касается супруги вашей, то мои услуги понадобятся ли ей?—сейчасъ же и спросилъ Казимиръ, движимый этой природной польской любознательностью.

— Супруга?—разсѣянно переспросилъ врачъ. Онъ часто какъ бы задумывался на мгновеніе во время этой бесѣды и погружался въ разсматриваніе перстня на указательномъ пальцѣ.—Супруга? Нѣтъ. Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Она не имѣетъ нужды въ вашихъ услугахъ. Она встаетъ поздно. И особая приходящая камеръ-фрау ей прислуживаетъ. Но вотъ что мнѣ скажите? Вы живете одинъ или съ кѣмъ-либо изъ близкихъ?

— Я живу съ моей сестрицей. У моей сестрицы два ребенка. Старшій мальчикъ семи лѣтъ. И новорожденное дитя.

Говоря это, Казимиръ покраснѣлъ.

— И сіи дѣти—плодъ несчастной любви, не такъ ли?—прониновенно сказалъ докторъ небесной медицины.

— О, вы все знаете! Отъ васъ ничто утаиться не можетъ!—всплеснувъ руками, сказалъ Казимиръ.

— Любезный Казимиръ, любовь, искренняя любовь и несчастіе все извиняютъ!

— Ахъ, бѣдная Юзыся пострадала отъ невинности своей и до вѣрчивости неопытнаго сердца! Она полюбила сына одного изъ литовскихъ магнатовъ. Онъ обманулъ ее лъстивыми обѣщаніями. Но когда слѣдствія нѣжныхъ ихъ чувствованій стали явно обнаруживаться, уѣхалъ въ Варшаву и болѣе уже не напоминалъ о себѣ. Родители его предложили маленькій пенсіонъ жертвѣ оболъщенія. Я хотѣлъ бросить сіи деньги въ лицо гордымъ магнатамъ, думающимъ покупать золотомъ честь бѣдняковъ, но крайняя нужда.. Пришлось смириться и принять сіе подаваніе.

— Вы говорите о старшемъ мальчикѣ. Но вѣдь второй ребенокъ родился здѣсь и отъ другого отца!—сказалъ, улыбаясь, врачъ.

— Вамъ и это извѣстно! Да, сестра стала вторично жертвой своей довѣрчивости, нѣжности сердца и гнусности обольстителя! Гвардейскій офицеръ, блестящей фамилии, онъ клялся жениться и даже усыновить Эмануила—такъ зовутъ нашего старшаго мальчика,—и нагло обманулъ, даже не обеспечивъ родившееся дитя хоть той ничтожной суммой, которую присылаютъ родители перваго обольстителя!

— Мы обеспечимъ несчастное дитя. Вотъ что, любезный Казимиръ, скажите: старшій мальчикъ Эмануиль—какое замѣчательное совпаденіе, что онъ носитъ такое имя!—похожъ на вашу сестру, да? Онъ обладаетъ голубыми глазами и бѣлокурый, да?

— Совершенно вѣрно. Это прелестный ребенокъ. Совершенный ангель!

— Ну, такъ мы найдемъ ему занятіе! Вотъ что, мой милый,—поднимаясь съ табурета и жестикулируя съ итальянской живостью, заговорилъ врачъ.—Вѣдь вы не особенно далеко живете, да? Такъ сходите сейчасъ же домой и приведите сюда вашу сестрицу съ ея дѣтьми. Въ нашемъ ремеслѣ... То есть я хотѣлъ сказать, что высокое герметическое искусство нуждается при своихъ операціяхъ въ посредствѣ невиннаго ребенка. Въ прозрачной душѣ его отражается будущее. Итакъ, ступайте и приведите ихъ ко мнѣ!

Казалось, это предложеніе и внезапная живость манеръ врача произвели непріятное впечатлѣніе на Казимира.

— Но вѣдь вы желали только моихъ услугъ, —сказалъ онъ недовѣрчиво.

— Ну, конечно, за пользованіе мальчикомъ будетъ особливая плата,—небрежно успокоилъ врачъ.

— Въ чемъ же будетъ состоять пользованіе Эмануиломъ? Онъ—ребенокъ нѣжной комплекціи. И при томъ сестра и я, мы вѣрныя чада святой католической церкви. Въ герметическомъ искусствѣ употребляется и черная магія...

— Ничуть! И рѣчи нѣтъ о черной магіи! Ни душа, ни тѣло ребенка нисколько не пострадаютъ. Напротивъ. Идите же и возвращайтесь скорѣе съ вашей сестрицей и ея дѣтьми.

Казимиръ медлилъ, однако, и нерѣшительно мялся на мѣстѣ.

— Ваша милость,—сказалъ онъ наконецъ,—забыли упомянуть о жалованіи, которое мнѣ назначите за услуги.

— Жалованіе? Э, любезный Казимиръ! Не беспокойтесь. Я васъ, конечно, не обижу,—разсѣянно отвѣчалъ врачъ.

— Конечно. И я въ томъ нисколько не сомнѣваюсь и не смѣю сомнѣваться.

— Золото для меня имѣетъ столько же цѣны, какъ грязь уличная.

— А все же я просилъ бы вашу милость, если возможно...

— Что?

— Назначить мнѣ жалованье.

— Я уже сказалъ, что вы не будете обижены. Еще никто, имѣвшій со мною дѣло, не уходилъ недовольный.

— Такъ-съ!—сказалъ уныло Казимиръ.

— Что же вы стоите? Исполните мое распоряженіе. Я же займусь до вашего прихода нѣкоторыми дѣлами.

Казимиръ, однако, не двигался. Взоръ его тоскливо блуждалъ. Темная передняя съ грязной входной дверью являла ему непривлекательную свою наружность. Сучковатое полѣно, лежавшее на выщелбленномъ полу, особенно рѣзало глазъ. И пріемная, съ низкимъ, закоптѣлымъ потолкомъ и запыленными окнами, не имѣвшими никакихъ занавѣсокъ, съ грязными стѣнами, неопрятнымъ поломъ, съ табуретами и шкапчикомъ въ углу, на которомъ былъ повѣшенъ картонъ съ надписью: «Medicamenta oculatissima», и изображеніемъ мертвой головы, не рождала представлений о богатствѣ хозяина. Самъ онъ былъ одѣтъ въ домашній, сильно потертый и засаленный камзолъ, и дурно причесанный и плохо пропудренный парикъ не придавалъ красоты его внѣшности. Притомъ же, несмотря на важный, напыщенный тонъ рѣчей, видно было, что онъ думаетъ о чемъ-то неприятномъ для себя, замѣчалась какая-то въ немъ растерянность, порою суетливость. Все это, вмѣстѣ съ уклоненіемъ отъ точнаго указанія размѣровъ жалованія, желаніемъ видѣть сестру съ дѣтьми, съ обидными намеками на прошлое Казимира, вдругъ пробудили въ немъ полную недовѣрчивость къ нанимавшему его иностранцу, котораго вѣдь и имени точнаго онъ не зналъ и не долженъ былъ спрашивать... Казимиръ хотѣлъ уже заявить, что отказывается и не желаетъ поступать къ доктору, когда вдругъ сильные удары потрясли входную дверь.

XXIV.

Крылья духа.

— Подите, Казимиръ, узнайте, кто это стучится!—сказалъ врачъ.

Казимиръ вышелъ въ переднюю и, не спрашивая, прямо отодвинулъ задвижку, повернулъ ключъ и отворилъ дверь.

Въ прихожую ввалился огромный гайдукъ въ голубой ливреѣ.

— Здѣсь ли проживаетъ его сіятельство графъ Калиостроусь?—пробасилъ онъ, съ сомнѣніемъ смотря на невзрачную обстановку комнатъ.

— Графъ Калиостро подлинно живетъ здѣсь,—выходя, сказалъ врачъ.—Но кто желаетъ меня видѣть?

— Супруга его превосходительства генерала Ковалинскаго, правителя дѣлъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потем-

кина-Таврическаго, — торжественно провозгласилъ гайдукъ. — А вы и будете графъ Калиостроусь? — съ сомнѣньемъ прибавилъ гайдукъ.

— Это я, любезный. Гдѣ же ваша госпожа?

— Ея превосходительство изволятъ быть еще въ каретѣ и приказали мнѣ узнать въ точности мѣстопребываніе вашего сіятельства. Сейчасъ я имъ доложу, что подлинно ваше сіятельство находятся здѣсь, и ея превосходительство сами изволятъ прибыть сюда.

Сказавъ все это, гайдукъ повернулся, скрылся на лѣстницѣ и началъ спускаться по крутымъ ступенямъ, наполняя пролетъ гулкимъ шумомъ своего движенія.

Калиостро повернулся къ Казимиру.

— Ну, вотъ, любезный, — сказалъ онъ, — вы видите, ко мнѣ пожаловала супруга правителя дѣлъ князя Потемкина. Конечно, она прислана просить меня къ болящему ребенку княгини Голицыной. Но вы что-то собирались сказать въ самую ту мину, какъ постучались въ дверь?

— Я... я ничего не хотѣлъ сказать! — заикаясь, отвѣчалъ Казимиръ, совершенно раздавленный появленіемъ такого знатнаго лица. Всѣ сомнѣнія мгновенно вылетѣли изъ головы его. — Я ничего не хотѣлъ сказать и, если не нуженъ вашему сіятельству здѣсь, то побѣгу исполнить приказаніе вашего сіятельства!

Калиостро покачалъ укоризненно головой.

— Мнѣ грустно видѣть, любезный Казимиръ, что гнусная лживость не чужда вашему языку! Но увѣрьтесь разъ навсегда, что скрыть отъ меня ничего невозможно, что мнѣ все извѣстно.

— Виноватъ, ваше сіятельство! — пробормоталъ сконфуженный молодой человѣкъ.

— Въ ту мину, когда постучались въ дверь, вы хотѣли отказать отъ предложеннаго мною вамъ мѣста! Да?

— Виноватъ, ваше сіятельство! — прошепталъ уничтоженный Казимиръ.

— Ну, что же, я не настаиваю. Можетъ быть, вы и сію минуту въ тѣхъ же мысляхъ?

— О, нѣтъ, ваше сіятельство! Я за счастье сочту служить у вашего сіятельства! — вскричалъ Казимиръ.

— О, ничтожные сыны праха и тлѣна! Сколь важны въ глазахъ вашихъ пустые титулы! Сколь сильными кажутся вамъ золоченые кумиры вѣка сего! Сейчасъ я удалюсь нѣсколько передѣться. Вы же, Казимиръ, доложите госпожѣ Ковалинской, что графъ Калиостро проситъ ее подождать въ пріемной!

Сказавъ эти слова, Калиостро посиѣшно заперъ на ключъ дверь, которая вела въ покои графини Серафимы ди-Санта-Кроче и удалился въ свой кабинетъ.

Въ то же время по лѣстницѣ слышались быстрые, легкіе и звонкіе шаги, взволнованное дыханіе, и молодая стройная дама,

совершенно закутанная въ великолѣдную кружевную шаль, быстро вступила въ сумрачную переднюю. Казимиръ отвѣсилъ ей пренизкій поклонъ.

— Здѣсь живетъ графъ Калиостро? Могу я видѣть графа Калиостро?—взволнованнымъ, срывающимся голосомъ спросила дама.

— Такъ точно, ваше превосходительство, — почтительнѣйше отвѣчалъ Казимиръ.—Графъ проживаетъ именно здѣсь и проситъ васъ подождать его нѣсколько въ приемной.

— Такъ вотъ оно, обиталище сего великаго мужа!—съ благоговѣйнымъ замираніемъ голоса сама себѣ сказала дама, быстро входя въ приемную.—Какъ скромно! Какъ прямо бѣдно сіе жилище! Такъ, въ этомъ узнаю великую душу мудреца, пренебрегающаго всѣмъ земнымъ, устремляющагося къ небесному, благодетеля, цѣлителя, спасителя человѣчества! О, несравненное жилище вышестественнаго человѣка, привѣтствую тебя!

Говоря все это, госпожа Ковалинская освободила голову и плечи отъ кружевной шали. Явилась тутъ прическа изъ множества пудренныхъ кудрей, поддержанныхъ золотымъ обручемъ, худое, блѣдное, очень неправильное, въ нервномъ непрестанномъ движеніи лицо съ огромными, черными глазами, сіявшими вдохновеніемъ экстаза, открылась трепещущая и волнующаяся подъ шелковой тканью грудь и тонкая, стройная шея, которую обвивали четки изъ агатовыхъ зеренъ съ золотымъ десятиконечнымъ крестомъ.

Можетъ быть, госпожа Ковалинская и далѣе продолжала бы свой монологъ, если бы не отворилась дверь кабинета и не появился графъ Калиостро. Онъ успѣлъ совершенно преобразиться. Черный бархатъ его кафтана увеличивалъ ослѣпительную бѣлизну жабо. пышный парикъ возвышалъ его ростъ. Лицо выражало величіе мысли, благотворительность, мягкое участіе, твердость, а глаза мечтательно смотрѣли далѣе всѣхъ земныхъ предметовъ.

Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сказать что-либо, госпожа Ковалинская рванулась къ нему и съ восторженнымъ волеми: «Божественный Калиостро!» преклонила одно колѣно, схватила его аристократическую, бѣлую, изящную руку и поцѣловала ее.

— Встаньте, дочь моя!—проговорилъ Калиостро мягкимъ, отеческимъ голосомъ, осторожно отнимая у восторженной дамы свою руку и помогая ей подняться.—Преклоняйте колѣно предъ всемогущимъ Строителемъ Вселенной, преизящнымъ Первохудожникомъ! Лобызайте незримую руку, ведущую всякое созданіе къ благу! Я же смертный, грѣшный человѣкъ, лишь нѣсколько возвысившійся надъ своими ближними познаніемъ тайвъ естества для того, чтобы имъ благотворить. Итакъ, дочь моя или любезнѣйшая сестра, не называйте меня божественнымъ; сіе имя прилично лишь господину моему, Великому Кофѣ!

— О, сколь таинственны ваши рѣчи, отецъ мой, братъ мой, учитель и наставникъ!—восторженно воскликнула дама, пожирая пламенными черными очами своими Калиостро, какъ бы припадая къ нѣкому источнику, долженствовавшему утолить ея палящую жажду.—Да, да! Онъ такой, именно такой, какимъ я видѣла его!—говорила госпожа Ковалинская, какъ бы сама съ собой.—Вотъ эти глаза, это высокое чело, эти уста!

— Cor, nisi cura nihil; caro nil, nisi triste cadaver:
Nasci aegrotare est; vivere saepe mori!

сказалъ Калиостро. Сіе же значить: «сердце не что иное есть, какъ забота; плоть—печальный трупъ; рожденіе есть болѣзнь, а жизнь частая смерть». Но прошу васъ, дочь моя, вступите въ сей кабинетъ и сообщите мнѣ причину вашего прибытія, впрочемъ, мнѣ хорошо извѣстную!

— Провидецъ! Провидецъ!—съ рыданіями въ голосѣ вскричала Ковалинская.

— А вы, Казимиръ, ступайте и исполните то, что я вамъ приказалъ,—распорядился Калиостро.

Онъ ввелъ даму затѣмъ въ кабинетъ и усадилъ въ кресло. Самъ же сталъ противъ нея, ожидая объясненія визита. Но госпожа Ковалинская вдругъ всплеснула руками и разразилась рыданіями, повторяя:

— Я въ вашей власти! Дѣлайте съ мною, что хотите! Я ваша раба! Я ваша раба!

— Дочь моя, успокойтесь!—мягко сказалъ Калиостро, нѣсколько сбитый, однако, крайней экспансивностью дамы, которую видѣлъ въ первый разъ въ своей жизни.

Но дама вдругъ закатила зрачки, захрипѣла, и всѣ члены ея стали подергиваться судорогой, и затѣмъ изъ устъ ея стали излетать отдѣльные непонятныя слова:

— О, обложенный плотію серафимъ! О, Месмеръ! зрѣшь ли сіе?.. Слышишь ли меня?.. Слышу! Слышу! Вижу! Вижу! Ангельскій учитель! Крылья Духа! Крылья Духа!—при сихъ словахъ Ковалинская вдругъ поднялась на ноги и, закинувъ голову, вся сотрясаясь отъ конвульсій, стала мѣрно махать руками, словно крыльями, притопывая на мѣстѣ и повторяя:

— Крылья Духа! Крылья Духа! Выше! Выше! Выше! Крылья Духа! Крылья Духа!

Калиостро, какъ ни былъ привыченъ, казалось, на мгновеніе растерялся и не зналъ, что ему дѣлать съ дамой. Но сей часъ же нашелся. Энергично притопнувъ правой ногой и высоко взмахнувъ правой рукой, словно наступая съ рапирой, онъ громовымъ голосомъ вскричалъ:

— Великій Кофта, зри! Явись невидимымъ присутствіемъ! Благослови сію жрицу! Благослови! Благослови!

Онъ продолжалъ неустанно повторять это слово, притопывая и взмахивая рукою, между тѣмъ какъ Ковалинская все махала обѣими, привскакивала, содрогалась и восклицала:

— Крылья Духа! Крылья Духа! Выше! Выше! Выше!

Наконецъ, совершенно изнеможенная, съ прервавшимся дыханіемъ, Ковалинская упала въ кресло. Калиостро поспѣшилъ оказать ей помощь. Онъ досталъ съ полки пузырекъ съ солью и поднесъ къ ея носу. Въ то же время онъ, опытной рукою скользнувъ по ея талии, отыскалъ завязки корсета, распустилъ его и далъ освободиться изъ плѣна одеждъ трепещущей груди Ковалинской. Она пришла въ себя, открыла глаза и прошептала:

— О, какое сладкое самозабвеніе! Какой порывъ! Какія откровенія! Отецъ мой, братъ, другъ, учитель, я предаюсь на вашу волю!

Тутъ замѣтила она безпорядокъ своихъ одеждъ, смутилась, покраснѣла, опустила глаза. Калиостро самъ поспѣшно накинулъ шаль на ея плечи и, отойдя въ сторону, занялся разсматриваніемъ своихъ перстней, чтобы дать экспансивной месмеристкѣ оправиться.

Приводя въ порядокъ свой костюмъ подъ шалью, госпожа Ковалинская лепетала, что пріѣхала между прочимъ по порученію князя Потемкина и племянницы его, Варвары Васильевны, княгини Голицыной, ребенокъ которой сильно боленъ.

— Какъ только я узнала, что божественный Калиостро здѣсь, — а это я узнала еще отъ самого Месмера, — но только такъ, что Калиостро таятся подъ инымъ именемъ, — я стала говорить княгинѣ: Ищите Калиостро! Зывайте къ нему! Умоляйте его открыть себя! Только онъ одинъ, онъ можетъ исцѣлить ваше дитя. И что же! Сегодня въ точности узнаю, гдѣ проживаетъ Калиостро! Ребенокъ между тѣмъ страждетъ. Ему хуже и хуже, хотя княгиня переѣхала въ Озерки, на дачу свѣтлѣйшаго въ надеждѣ на благотворное дѣйствіе весенняго воздуха. Докторъ, несчастный слѣпецъ профанской медицины, отговариваетъ между тѣмъ княгиню отъ обращенія къ вамъ. Но я имѣла съ нею особый разговоръ. И вотъ я здѣсь! Я вижу васъ, полного мудрости и благотворенія. И умоляю: ѣдьте сейчасъ въ Озерки къ больному ребенку!

Ковалинская простерла ручки къ Калиостро, такъ какъ совершенно оправила свое платье.

— Сударыня, — сказалъ Калиостро, переходя теперь къ болѣе церемонному обхожденію, — сударыня, страданія дитяти княгини Голицыной мнѣ извѣстны совершенно, и болѣзнь, обладающая младенцемъ, тоже. Небесная, герметическая медицина не требуетъ непремѣннаго осмотра болящаго. Нѣтъ, она дѣйствуетъ и на разстояніи. Въ сію самую минуту не только на сей малой планетѣ,

но и на другихъ имѣю я на попеченіи многія тысячи страждущихъ. Цѣляція силы я непрестанно источаю и пересылаю помощьюъ четырехъ незримыхъ посланцевъ, ихъ коихъ два суть духи огненной стихіи и два—стихіи водяной. Но трудамъ моимъ всячески препятствуютъ злые магики и темные некроманты. Съ ними непрестанная ведется у меня борьба. Итакъ, по нѣкоторымъ причинамъ, сейчасъ не могу ѣхать съ вами къ ребенку княгини Голицыной. Долженъ я совершить борьбу съ нѣкимъ злодѣемъ, отъ коего и страданія младенца въ усугубленіе приходятъ. Не раздавивъ сего презрѣннаго сосредоточеніемъ въ себѣ силъ мірового дѣятеля, не могу и не долженъ приближаться къ страждущему младенцу. Но скажите княгинѣ, что буду черезъ три дня въ утренніе часы.

— Я повинуюсь вашему рѣшенію. Оно, конечно, диктовано мудростью. И то удачно выходитъ, что въ назначенный вами день у меня будетъ фрейлина малаго двора, Екатерина Ивановна Нелидова. А она ужасно, ужасно хотѣла съ вами сдѣлать знакомство, графъ!

— Я сему очень радъ, ибо слышалъ о ней въ Швейцаріи отъ мудраго Лафатера, который состоитъ въ теозофической перепискѣ съ самимъ великимъ княземъ Павломъ.

— Екатерина Ивановна другъ цесаревича. Тончайшія духовныя узы соединяютъ ихъ сердца, ихъ умы, ихъ души, ихъ—все. Союзъ чистѣйшій, божественный ихъ соединяетъ. Екатерина Ивановна ждетъ свиданія съ вами, графъ, какъ откровенія.

Тутъ госпожа Ковалинская поднялась и быстро, какъ все дѣлала, порхнула изъ кабинета и квартиры доктора герметической медицины. Калиостро провожалъ гостью съ учтивостями свѣтскаго человѣка. На порогѣ жилища некроманта, однако, восторженное состояніе вновь охватило госпожу Ковалинскую. Она взмахнула руками и выпорхнула на лѣстницу, восклицая:

— Крылья Духа! Крылья Духа! Выше! Выше! Выше!

— Ксилка! Ксилка! Беша! Беша!—забормоталъ Калиостро, энергически направляя указательные персты на кого-то, вьющагося незримо около восторженной дамы¹⁾.

— Божественный Калиостро, благословите меня!—вдругъ припадая на одно колѣно и складывая ручки, вскричала Ковалинская.

— Великій Архитектонъ Вселенной и посланникъ его единый Великій Кофта Запада и Востока да благословитъ тебя, дочь моя, благословеніемъ Ливана и Синая! Благословеніемъ манны сокровенной и ключа Соломонова! Благословеніемъ звѣзды утренней! Благословеніемъ Града Божія, новаго Иерусалима, сходящаго съ небесъ! Силою Троякаго!—говоря все это, Калиостро простиралъ благословляющія длани надъ склоненной головкой Ковалинской.

¹⁾ «Прочь! Прочь! Нечистыи! Нечистыи!»—слова халдейскаго происхожденія. Используются въ заклинаніяхъ высокой магіи.

Она затѣмъ собралась было опять летѣть на крыльяхъ духа, но выщелбленные каменные ступени узкой и темной лѣстницы слишкомъ для того были круты, и вмѣсто «крыльевъ духа» предложилъ свои услуги мускулистый магикъ. Онъ сталъ осторожно сводить нѣжную духовную дочь, предложивъ ей руку. Когда же на поворотѣ стало совсѣмъ темно, охватилъ ея гибкую талію и, почти держа въ мощныхъ объятіяхъ, бережно снесъ внизъ. Когда Калиостро наконецъ поставилъ Ковалинскую на землю, она почти лишилась чувствъ на его плечѣ, дыханіе полураскрытыхъ устъ ея жгло и взоръ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ струилъ томную нѣгу.

— Благодарю васъ, графъ! Вы очень любезны! Не забудьте же вашего обѣщанія. Мы ждемъ васъ.

Она говорила это, садясь въ карету съ потемкинскими гербами уже при содѣйствіи гайдюка. Вслѣдъ затѣмъ карета съѣхала со двора итальянскаго дома, провожаемая взорами жильцовъ изо всѣхъ оконъ. Калиостро смотрѣлъ ей вслѣдъ.

*Si mulier fuerit pulcherrima, forma sagittis
Corda virum figit velocius: est via ocellus.
Ex oculi iactu paulatim labitur ulcus
In mentes, illasque domat seque imprimit alte¹⁾.*

Продекламировавъ эти латинскіе стихи, докторъ небесной медицины поднялся въ свою квартиру, совершенно довольный посѣщеніемъ восторженной месмеристки и тѣми перспективами, которыя открывало ея посѣщеніе.

XXV.

Большая печать Комуса.

На другой день къ вечеру графъ Калиостро вышелъ изъ дому въ сопровожденіи новаго слуги своего Казимира. На этотъ разъ одѣтъ онъ былъ весьма скромно, въ темный камзолъ. Круглыя англійскія шляпы покрывали головы какъ господина, такъ и слуги. Оба закутались въ длинные женевскіе траурные плащи; изъ-подъ плаща у господина торчалъ конецъ шпаги.

— Я объяснялъ вамъ, любезный Казимиръ,—говорилъ черезъ плечо Калиостро, выступая обычнымъ своимъ мѣрнымъ и торжественнымъ шагомъ:—я объяснялъ вамъ, что, только вступивъ въ ложу здѣшней иностранной прислуги, вы можете рассчитывать пробиться въ свѣтъ и получить мѣсто даже при дворѣ. Сейчасъ мы идемъ на соединенное засѣданіе ложъ «Комуса» и «Скромности», имѣющее состояться въ одномъ изъ служительскихъ фли-

¹⁾ То есть: красота прелестной женщины скорѣе стрѣлъ поражаетъ мужское сердце: ея путь черезъ глаза; разяція женскія очи наносятъ рану уму и, побѣждая его, впечатлѣваются глубоко.

гелей господина Бецкаго. Мастеромъ стула сего капитула итальянской и французской прислуги состоитъ почтенный человѣкъ, кондитеръ господина Бецкаго, сіёръ Бабю, давно мнѣ хорошо извѣстный. Я представлю васъ и, конечно, по одному моему слову, вы приняты будете въ ложу съ соблюденіемъ лишь нѣкоторыхъ необходимѣйшихъ обрядовъ.

— Ахъ, ваше сіятельство, вы благодѣтельствуете бѣдному сиротѣ!—сказалъ поспѣвавшій за плечомъ господина Казимиръ.— Но я слышалъ, что отъ вступающаго въ масонство требуется ужасная клятва и отреченіе отъ животворящаго креста. Я добрый католикъ и вѣрный сынъ римской церкви.

— Э, все это вздоръ! Пустой обрядъ! О крестѣ не будетъ и рѣчи.

— Если такъ, я согласенъ. Въ моихъ несчастныхъ обстоятельствахъ выбора не имѣю,—сказалъ уныло Казимиръ.

Между тѣмъ достигли они дома Бецкаго и черезъ обширный дворъ прошли въ служительскіе флигеля. Узнавъ, гдѣ помѣщается кондитеръ Бабю, они вступили въ довольно пристойную квартиру, занимаемую имъ съ семействомъ, состоявшимъ изъ весьма полной жены, уроженки благословенной Нормандіи, и разновозрастныхъ семи человѣкъ дѣтей обоого пола.

— Дорогой маркизъ! Какая честь!—вскричалъ сіёръ Бабю, и сейчасъ же представилъ свою полную половину, къ которой самъ составлялъ худощавое приложеніе. Маркизъ Пелегрини обошелся съ высшей учтивостью и любезностью съ госпожею Бабю, сказавъ комплиментъ о цвѣтущемъ здоровьи ея и не менѣе полносочныхъ отраслей. Сіи полносочныя отрасли онъ отечески перецѣловалъ.

Затѣмъ, отвѣдя въ сторону Бабю, онъ особымъ образомъ коснулся лба и желудка и шепнулъ нѣкое слово на ухо кондитера, послѣ чего кондитеръ благоговѣнно поцѣловалъ руку маркиза.

— Я знаю,—сказалъ послѣдній:—что сегодня у васъ состоится соединенное засѣданіе ложъ французской и итальянской прислуги «Комуса» и «Скромности». Я желаю посѣтить сіе засѣданіе, въ качествѣ визитора и инспектора работъ. Показанные мною знаки для сего, думаю, достаточны, такъ какъ патенты и сертификаты мои находятся въ сію минуту у господина Елагина.

— О, высокопочтеннѣйшій мастеръ и свѣтлѣйшій рыцарь! О, маркизъ!—вскричалъ Бабю,—можно ли въ томъ сомнѣваться?

— Кромѣ того, я желаю посвятить въ степень апрагива сего моего служителя Казимира, бѣднаго, но благороднаго происхожденія молодого человѣка. Онъ недурно говоритъ по-французски, хотя и полякъ. Я буду его поручителемъ.

— Этого совершенно достаточно!—заявилъ Бабю.—Засѣданіе назначено въ запасной кухнѣ и сейчасъ начнется. Почтенные

братья уже собираются. Я проведу васъ туда внутренними коридорами.

Затѣмъ, обращаясь къ служителю маркиза, почтенный кондитеръ сказалъ:

— Вы, сiеръ Казимиръ, безъ труда будете приняты при такомъ поручителѣ, какъ вашъ господинъ, вознамѣрившійся осчастливить своимъ присутствіемъ засѣданіе нашего доблестнаго и мудраго капитула. Будьте лишь скромны и послушны, и вы затѣмъ быстро получите всѣ степени, украшающія капитулъ, даже тамплера, рыцаря уполовника, рыцаря сверкающей кастрюли и, наконецъ, розенкрейцеровскія степени, въ которыхъ преподаются высшія тайны кулинарнаго искусства, перешедшія къ намъ отъ поваровъ царя Соломона, Александра Македонскаго, Лукулла и иныхъ. Конечно, при вступленіи въ каждую степень необходимо вносить нѣкоторую сумму. Но зато предъ вами откроются двери всѣхъ лучшихъ домовъ въ Петербургѣ и даже васъ могутъ устроить при большомъ или маломъ дворѣ. О, прислуга здѣсь, какъ и всюду, болѣе важную роль нерѣдко играетъ, чѣмъ сами господа! А логи наши особенно могущественны. Васъ всюду будутъ рекомендовать, поддерживать, хвалить. Ровно какъ и вы станете, по нашему указанію, хвалить и поддерживать своихъ собратьевъ. Такая взаимная похвала оказываетъ чудесное дѣйствіе. Такъ что въ нашу ложу даже вступилъ одинъ русскій сочинитель поздравительныхъ одъ. Онъ служитъ швейцаромъ одного изъ здѣшнихъ клубовъ. Образованный молодой человекъ. И что же, когда мы во всѣхъ домахъ стали расхваливать его поздравительныя стихотворенія, онъ столь быстро пошелъ въ гору, что нынѣ даже члены російской академіи заинтересовались его талантомъ.

— Но Казимиръ тоже пишетъ стихи!—дружески ударивъ неофита по плечу, сказалъ маркизъ Пелегрини. Закраснѣвшись, Казимиръ признался, что пишетъ на польскомъ языкѣ.

— О, не сомнѣвайтесь въ нашей поддержкѣ, любезнѣйшій Казимиръ!—сказалъ благосклонно Бабю.—Мы рекомендуемъ ваши стихи польскимъ магнатамъ, Потоцкому, Браницкому, Чарторыйскому. Если захотите, то мы снесемъ съ ложами прислуги въ Варшавѣ и васъ устроятъ при самомъ королѣ Августѣ Понятовскомъ. Король любитъ, чтобы меню его обѣдовъ были написаны въ звучныхъ классическихъ стихахъ. Но извольте пожаловать въ засѣданіе, почтеннѣйшій маркизъ! уже время.

Затѣмъ Бабю повелъ ихъ коридорами, и наконецъ они достигли такъ называемой запасной поварни, стчасти служившей и кладовой сухихъ припасовъ. Это было просторное помѣщеніе со сводами, состоявшее изъ собственно кухни и комнаты передъ ней. Казимиръ оставленъ былъ здѣсь. А маркиза Бабю ввелъ безъ особыхъ церемоній въ кухонный капитулъ, гдѣ уже собрались досто-

почтенные братья ложь «Комуса» и «Скромности». Они украшены были различными лентами и знаками, но вмѣсто шпагъ имѣли на боку большіе кухонные ножи въ кожаныхъ ножнахъ. Фартуки ихъ были обыкновенные, употребляемые прислугой, ибо это были если и не «каменщики», то все же настоящіе трудящіеся простые мастера, преимущественно поварского искусства. Сидѣли они на простыхъ кухонныхъ деревянныхъ табуретахъ. Но для предсѣдателя сіѣра Бабю стояло на востокѣ продавленное, просаленное кресло. Всѣ члены отличались выдающеюся полнотой и цвѣтущимъ румянцемъ круглыхъ щекъ, кромѣ немногихъ испитыхъ и поджарыхъ. Особенно поражали благословенной комплекціей члены «Комуса», какъ и слѣдуетъ поклонникамъ сего бога обжорства и пировъ. Были тутъ избраннѣйшія лица: главные повара князя Потемкина, камердинеръ Куракина, выѣздной лакей князя Гагарина, дворецкій князя Мещерскаго, кофеенкъ графа Остермана, кухмистеръ Эрмитажа, подъ присмотромъ котораго готовились ужины для избранныхъ гостей императрицы, любимый берейтеръ цесаревича Павла Петровича, и т. д. Маркизь Пелегрини еще недавно засѣдалъ съ многими изъ господъ ихъ. Но важностью и сознаниемъ значительности своей и тѣхъ вышихъ тайнъ, въ которыя были посвящены, они превосходили господъ своихъ. На полу начертанъ былъ мѣломъ обычный символическій масонскій коверъ съ фигурами, только вмѣсто гроба стояла громаднхъ размѣровъ длинная кастрюля для варки чудовищныхъ рыбъ. Когда визиторъ объявилъ надзирателямъ высокіе знаки и слова своего званія, братья «Комуса» и «Скромности» обнажили кухонные ножи, при бедрѣ ихъ имѣвшіеся, и составили изъ нихъ «стальной сводъ», подъ которымъ и былъ проведенъ почетный гость. Затѣмъ сіѣръ Бабю, открывъ засѣданіе обычными ударами мастерского молотка, приступилъ къ приготовленію профана въ принятіе и къ самому обряду, впрочемъ, весьма упрощенному и непродолжительному. Предложивъ Казимиру разуть одну ногу, такъ какъ по правиламъ свободныхъ каменщиковъ долженъ былъ онъ вступить въ ложу «*ni ni ni vètu*», введившій его братъ завязалъ ему глаза салфеткой. Приведенный затѣмъ въ ложу послѣ вопросовъ и подсказанныхъ отвѣтовъ о желаніи его стать масономъ, такъ какъ онъ тяготится тьмою, обнимающей его, и желаетъ познать свѣтъ, Казимиръ отведенъ былъ въ комнату размышленій, при чемъ, когда братъ снялъ повязку съ глазъ его, убѣдился, что находится въ чуланѣ для запасной посуды. Тутъ при свѣтѣ ночника братъ наставлялъ его и затѣмъ, опять завязавъ глаза, ввелъ вновь въ ложу. Мастеръ свирѣпымъ голосомъ, отъ котораго у Казимира заходили отъ страха колѣнки, предупредилъ Казимира, что сейчасъ долженъ онъ подвергнуться испытаніямъ твердости духа, а именно предстоитъ ему путешествіе по скаламъ и пропастямъ, прохожденіе

чрезъ вѣтръ и воду, и наконецъ огненное нѣкое испытаніе. Повели затѣмъ незряцаго и совершенно слабѣющаго отъ ужаса Казимира вокругъ ложи, при чемъ подставляли ему табуреты, на которые онъ долженъ былъ взбираться и съ нихъ соскакивать, что при завязанныхъ глазахъ въ самомъ дѣлѣ казалось проваломъ въ какія-то подземелья и восхожденіемъ на нѣкія вершины. При этомъ достопочтенные братья «Комуса» и «Скромности» давали легкіе тумачи и подзатыльники испытываемому, фыркая со смѣху. Испытаніе вѣтромъ состояло въ томъ, что дули ему въ лицо помощью кухонныхъ мѣховъ, а водою—просто въ томъ, что окатили его изъ ковшика. Затѣмъ мастеръ сказалъ, что остается послѣднее испытаніе, а именно должно наложить ему на грудь печать Великаго Комуса. Обнажили грудь трепещущему Казимиру, и онъ съ ужасомъ услышалъ разговоръ братьевъ вполголоса:

— Достаточно ли раскалена желѣзная печать?

— О, раскалена докрасна!

Въ ту же минуту что-то горячее ткнуло Казимира въ грудь. Онъ заоралъ во все горло и сорвалъ повязку съ глазъ.

Громкій хохотъ братьевъ «Комуса» и «Скромности» встрѣтилъ прозрѣніе неофита. Увидѣлъ онъ, что надзиратель держитъ около его груди горячимъ концомъ сальную свѣчку, только что потушенную, а прочіе братья устремили на него кухонные ножи. Тутъ велѣли ему принести клятву сохранять всѣ довѣренныя ему тайности, и вдругъ затѣмъ повалили въ кастрюлю для варки рыбы, стоявшую на полу, покрыли на нѣкоторое время скатертью, а потомъ достопочтенный сіёръ Бабю поднялъ его, приставивъ свое правое колѣно къ его колѣну, и шепнулъ длинное слово степени, которое Казимиръ тутъ же и позабылъ. Стали затѣмъ поздравлять ошалѣвшаго отъ всего этого молодого человѣка, позволили обуться и затѣмъ повели, вмѣстѣ съ господиномъ его, ужинать.

XXVI.

Банкетъ.

Ужинъ былъ сервированъ весьма порядочно въ подвальномъ обширномъ помѣщеніи со сводами и столбами. Бочки и бутылки пріятно радовали глазъ, выглядывая изъ всѣхъ углубленій подвала.

То были винные запасы вельможи Бецкаго. Спускаться въ сіе таинственное подземелье пришлось по кругой, винтовой лѣстницѣ.

Зато здѣсь братья «Комуса» и «Скромности» могли почитать себя въ полнѣйшей безопасности, пѣть свои гимны и «выстрѣливать» здоровья, не будучи никѣмъ слышны. А «краснаго» и «бѣлаго» «пороха» для заряженія «пушекъ» пирующихъ братьевъ было подъ рукою сколько угодно. Убыль же бутылокъ легко было при-

писать къ подаваемому господину Бецкому ежемѣсячному счету столовыхъ его издержекъ. Какъ всѣ вельможи славнаго Екатеринина времени, Бецкій держалъ открытый столъ для званыхъ и незваныхъ, за которыми столько всего потреблялось, что приписка столовыхъ расходовъ капитула соединенныхъ ложъ была совершенно незначащей прибавкой, сравнительно съ тѣми приписками и прибавками, которыя каждый изъ братьевъ дѣлалъ по ремеслу своему въ подаваемыхъ господину его счетахъ.

Столы были уставлены изобильно холодными кушаньями и закусками, принесенными не только съ ледника Бецкаго, но и каждымъ изъ присутствовавшихъ на банкетѣ въ блюдахъ, завязанныхъ въ салфетки. То были особо утонченныя яства отъ стола Потемкина, Мещерскаго, Строганова и другихъ, заблаговременно отставленныя на потребу капитула заботливыми братьями поварского званія.

Заморскіе паштеты, блюда съ трюфелями, великолѣпные плоды радовали взоръ. Гекатомба славному Богу обжорства Комусу представляла изрядная.

Столъ освѣщали канделябры съ восковыми свѣчами. Для председателя и почетнаго гостя стояли кресла. Прочіе братья должны были довольствоваться простыми табуретами. Между прочимъ, поражала богатая серебряная посуда, кубки, вазы, ножи, ложки, все съ большими фамильными гербами. Приблизившись къ столу, братья - масоны по обычаю запѣли молитвенную пѣснь своему покровителю, первый куплетъ которой былъ таковъ:

О; Комусъ, богъ пировъ,
Учитель несравненный,
Наставникъ поваровъ
Въ устройствѣ сей вселенной!
Вращаемъ вокругъ огня
На вертелѣ жаркое.
Не такъ ли все живое
Не вѣдаетъ покоя
Вкругъ Солнца бытія. —
И ты, и я!
И ты, и я!!
И ты, и я!!!
И это, и другое!!!!

При семъ припѣвѣ братья поворачивались направо и налево и одинъ другому дружественно въ тактъ похлопывали по животу.

Хотѣли затѣмъ садиться, когда маркизъ Пелегрини замѣтилъ, что къ дарамъ Комуса и Помоны слѣдовало присоединить благоуханныхъ дѣтей Флоры, то-есть цвѣты.

— Совершенная правда, — объяснилъ сіеръ Бабю: — но цвѣтовъ потому нѣтъ, что садовникъ моего господина, къ сожалѣнію, русскій и не принадлежитъ къ нашимъ ломамъ.

— Впрочемъ, я могу сейчасъ восполнить сей недостатокъ! — сказалъ маркизъ.

Тутъ онъ вынулъ изъ кармана камзола плоскій флаконъ, наполненный тонкимъ цвѣтнымъ порошкомъ; отвинтивъ крышечку флакона, онъ сталъ, произнося непонятныя, слова посыпать узорами скатерть, обходя столъ.

Всѣ съ изумленіемъ слѣдили за дѣйствіями маркиза.

— Есть у васъ запасная большая скатерть?

— Какъ не быть, — отвѣчалъ сильно попорченный оспой поваръ князя Мещерскаго, съ суетвѣрнымъ страхомъ взиравшій на дѣйствія почетнаго гостя.

— Прошу принести ее. Составьте свѣчи и покройте столъ сверхъ блюдъ и вазъ сею скатертью.

Приказаніе это было исполнено.

Тогда маркизъ простеръ надъ столомъ руки и, потрясая ими, произнесъ.

— О, Гермесъ! О, трижды великій! Нефру! Нефру! Нефру! Ты, всеобщій, незримый дѣятель, крылатый духъ, строитель и искусникъ неисчерпаемой Натуры, надъ составомъ которой работаешь неутомимо день и ночь! Ты, безъ втеченія котораго ничто не произрастаетъ, ничто не плодится! Ты, открывающій токмо чистому взору великое твое, но смертнымъ невидимое, магическое строеніе, надъ которымъ работаютъ милліоны милліоновъ тайныхъ работниковъ твоихъ! Они-то даютъ пчеламъ матерію на медъ и воскъ; они-то готовятъ составныя части укропа, иссопа и коріандра; они-то ткутъ естество жуковъ и свѣтящихся червячковъ! Сойди же, сойди, блаженный Гермесъ, съ Понтійскаго моря мудрецовъ и пошли незримыхъ работниковъ соткать изъ сихъ цвѣтныхъ пылинокъ благоуханныя одѣянія лилій, гвоздикъ, розъ, фіалокъ, незабудокъ.

Произнеся эти слова, магикъ приказалъ снять скатерть.

Изумленнымъ глазамъ присутствующихъ представились изящныя гирлянды живыхъ цвѣтовъ, расположенныхъ тѣмъ узоромъ, который составился изъ посыпаннаго порошка.

При общемъ благоговѣйномъ молчаніи, сіёръ Бабю подошелъ къ магику и, преклонивъ колѣно, подаль ему предсѣдательскій молотокъ.

Тотъ взялъ его и, когда всѣ сѣли, по обычаю столовыхъ ложъ масоновъ, ударилъ молоткомъ одинъ разъ.

По этому удару всѣ выставили свои кубки въ одну линію.

— Дорогіе братья, — началъ тогда Калиостро, — сейчасъ предъ вашими глазами совершилось таинство натуры, которое, впрочемъ, не можетъ особливо изумить васъ, потому что вы знаете, какими великими силами и тайнами обладаетъ древній нашъ орденъ. Не только изъ сухой пыли можемъ возстановлять матерію цвѣтовъ,

но изъ сухихъ костей возстановлять живыя существа. Отъ могущественнаго призыва мастера мертвое воскресаетъ, утерянное возрастаетъ въ силѣ, разрушенное возстановляется въ первобытной красотѣ, оковы спадаютъ съ узниковъ, замки на дверяхъ темницы и рѣшетки въ окнахъ истлѣваютъ! Онъ отпускаетъ измученныхъ на свободу, ниспровергаетъ тирановъ, кумиры народовъ, и учреждаетъ священное равенство и братство людей! Дорогие братья, я, облеченный высшею властію и довѣріемъ неизвѣстныхъ начальниковъ ордена, сими цвѣтами возвѣщаю вамъ близкую весну народовъ! Скоро солнце вселенной простретъ свои лучи и сокрушитъ области хлада и тьмы. Наступитъ преображеніе міра и всеобщее народовъ освобожденіе. Теперь вы, по званію своему, служите сильнымъ, богачамъ, вельможамъ и царямъ! Но близокъ день, когда тò, что теперь наверху, будетъ внизу, и то, что теперь внизу, вознесется. Тогда вельможи и цари будутъ подавать вамъ кушанья, а вы сидѣть на ихъ пышныхъ сѣдалищахъ! Не будетъ ни богачей, ни бѣдняковъ. Всѣ будутъ равны, всѣ братья и соотрапезники на пиршествѣ богатой Натуры и работники въ мастерской великаго Строителя вселенной! За наступленіе сей возвѣщаемой мною весны челоуѣчества и освобожденія народовъ я и предлагаю вамъ выстрѣлить! Наполните ваши пушки краснымъ порохомъ и произведите огонь, добрый огонь, совершенный огонь!

Рѣчь эта вызвала движеніе общаго восторга братьевъ «Комуса» и «Скромности».

Вмѣстительные кубки мгновенно наполнены были добрымъ краснымъ старымъ бордоскимъ виномъ.

— Правую руку къ оружію!—скомандовалъ Калиостро.

Братья взяли въ руки кубки.

— Оружіе вверхъ!

Кубки были подняты въ уровень груди.

— Feu! Grand feu! Et parfait feu!

Кубки поднесены были къ устамъ и выпиты въ три приема до дна. Затѣмъ каждый поднесъ кубокъ къ правой сторонѣ груди, потомъ къ лѣвой и опять выдвинулъ кубокъ впередъ, знаменуя треугольникъ. Это повторено было трижды. Затѣмъ братья встали и, скрещивая руки такимъ образомъ, что каждый бралъ лѣвой рукой правую руку сосѣда, а правую подавалъ, въ свою очередь, образовали вокругъ стола непрерывную цѣпь. Хоромъ всѣ запыли:

Frères et Compagnons
De cet Ordre sublime,
Par nos chants témoignons
L'ésprit qui nous anime.
C'est ici que de fleurs
La Sagesse parée
Rappelle les douceurs
De l'empire d'Astrée.

Bivons tous en l'honneur
 Du paisible Génie,
 Qui préside au bonheur
 De la Maçonnerie ¹⁾.

По окончаніи сего гимна, Калиостро передалъ предсѣдательскій молотокъ сіѳу Бабю. Начались заряжанья и выстрѣливанія въ честь герцога Шартрскаго, гротмейстера Востока Франціи, затѣмъ намѣстнаго мастера главной поварской ложки-матери въ Парижѣ, придворнаго королевскаго повара, потомъ пили здоровье различныхъ принцевъ и принцессъ, покровителей масонства, чередуясь съ «выстрѣлами» добраго и совершеннаго огня въ честь поваровъ сихъ августѣйшихъ особъ, мастеровъ различныхъ поварскихъ ложъ. Изъ сихъ тостовъ можно было усмотрѣть, что всѣ кухонные очаги высокопоставленной Европы объединены въ огромный союзъ.

Пили здоровье и нововозведеннаго въ степень Казимира. Чинное въ началѣ, столованіе скоро стъ усердной «стрѣльбы» то бѣлымъ, то краснымъ порохомъ стало чрезвычайно шумно. И хотя по правиламъ въ столовыхъ ложахъ «l'ivresse et la gourmandise sont traitées comme de grands vices» ²⁾, тѣмъ не менѣе ланиты и лбы достопочтенныхъ братьевъ скоро покрылись глянцемъ и обильной испариной, парики ихъ пришли въ безпорядочное состояніе, языки развязались, и полились рассказы о вельможахъ, ихъ супругахъ, любовницахъ, о всевозможныхъ похожденияхъ собственныхъ господъ засѣдавшихъ; вслушиваясь въ сіи рассказы, за часъ времени Калиостро собралъ подробнѣйшія свѣдѣнія о первыхъ домахъ Петербурга и былъ глубоко посвященъ въ тайны скандальной хроники двора и свѣта. Хотя Калиостро не отказывался ни отъ одного тоста, но, повидимому, ни доброе канарское, ни пурпурное бордоское, ни густое венгерское коллекціи Бецакаго не производило на магика никакого впечатлѣнія. Нельзя того же сказать о Казимирѣ. Быстро опьянѣвъ, молодой человекъ сталъ болтливъ, хвастливъ, читалъ отрывки своихъ стиховъ и къ концу банкета просто уже ни на что не годился.

Титулъ маркиза и высокія орденскія степени почетнаго гостя, необычайное чудо, имъ совершенное и подтверждаемое благоухавшими на столѣ цвѣтами, величественная рѣчь, все сначала окружило его въ глазахъ братьевъ «Комуса» и «Скромности» высокимъ ореоломъ благоговѣнія и страха. Но дружественная простота обращенія и выпитое вино затѣмъ быстро уничтожили этотъ вол-

¹⁾ Братья и товарищи этого возвышеннаго Ордена, будемъ свидѣтельствовать въ пѣсняхъ духъ, который насъ одушевляетъ. Здѣсь-то украшенная цвѣтами мудрость напоминаетъ пріятности царства Астрей. Выпьемъ всѣ въ честь мирнаго гонія, который предсѣдательствуетъ во благо масонства.

²⁾ Пьянство и обжорство признаются великими пороками.

шебный кругъ, истребивъ всякую неловкость и натянутость. Къ тому же маркизь, какъ уже оказалось выше, когда онъ завтракалъ въ обжорномъ ряду на Владимирской, обладалъ чудесной способностью входить своимъ человѣкомъ во всякое собраніе простыхъ людей, будь-то матросы, землекопы, рыночные сидѣльцы или, какъ теперь, лакеи и повара. Тонъ его рѣчи сейчасть же принялъ ту задумчивую грубоватость и простодушную хитроватость, которыя столь свойственны демократіи, смотрящей снизу вверхъ и на обратную сторону размалеванныхъ кулисъ двора и свѣта. Тонкими разспросами онъ еще болѣе обогатилъ свои свѣдѣнія о великихъ сѣверной столицы, вызналъ многія тайны семействъ и домовъ, пополнилъ мысленную сѣть взаимоотношеній петербургскаго макроkozма и микроkozма, пользуясь при семъ, какъ глубокой кабалистъ, методомъ аналогій.

Между прочимъ онъ обратилъ вниманіе на богатую серебряную посуду, украшавшую столъ, и на гербы ея.

— Чья это собственность, любезнѣйшій братъ?—освѣдомился онъ у сосѣда, главнаго повара князя Потемкина, необыкновенно тучнаго и важнаго француза.

— Въ настоящее время собственность нашего капитула, достопочтеннѣйшій маркизь,—отвѣчалъ поваръ.

— А чьи же это гербы? Вѣроятно, посуда пріобрѣтена капитуломъ на какомъ-либо аукціонѣ разорившагося дворянина?

— Гмъ! гмъ! Не совсѣмъ, — сказалъ поваръ, нѣсколько смутясь.—Извольте видѣть, это гербы князя Потемкина.

— Такъ вы доставили посуду на поддержаніе только капитулу?

— И это не совсѣмъ такъ. Мы не думаемъ возвращать сіе столовое серебро князю. Къ чему? Онъ вѣдь несмѣтно богатъ. Къ тому же вы сами изволили намъ возвѣстить о близости всеобщаго преображенія. Тогда собственность, награбленная богачами, капиталы, земли, сокровища стануть народной собственностью. Вѣдь такъ?

— Конечно. Иначе и быть не можетъ. Все человѣчество отъ полюса до экватора и отъ Гибралтара до Панама составитъ одну семью, одно братство.

— Именно такъ! Именно такъ! — въ восторгѣ подхватилъ поваръ князя Потемкина.—Довольно мы потрудились на богачей. Пусть они теперь намъ послужать. Потемкинъ будетъ поваромъ, а я—фельдмаршаломъ; его племянницы—судомойками, а моя жена и дочери надѣнутъ ихъ уборы и наряды. Что въ самомъ дѣлѣ. Къ дьяволу господь! Не хочу вертѣть жаркое! Хочу учиться астрономіи!

Поваръ разгорячился и залилъ возбужденіе добрымъ кубкомъ.

— Вы сказали, почтенный братъ, о племянницахъ князя Потемкина. Я слышалъ, что ребенокъ одной изъ нихъ сильно боленъ.

— Безнадеженъ! Безнадеженъ! Ждутъ какого-го иностраннаго прїѣзжаго доктора. Петербургскіе врачи отказались отъ всякой надежды спасти малютку.

Тутъ маркизъ сталъ подробно разспрашивать о всѣхъ отношенїяхъ въ домѣ Потемкина, о госпожѣ Ковалинской и ея мужѣ, даже ухитрился узнать расподоженіе комнатъ на дачѣ Потемкина въ Озеркахъ. Въ заключеніе онъ снова навелъ рѣчь на серебряную столовую посуду, страннымъ образомъ присвоенную капитуломъ.

— Собственно сіе есть тайна нашего капитула, — сказалъ поварь:—но предъ вами всѣ тайны открыты. Дѣло въ томъ, что у князя Потемкина служилъ лакеемъ одинъ соотечественникъ. Онъ прельстился серебряными приборами князя и, похитивъ ихъ, спряталъ въ Озеркахъ, въ отдаленной части парка, рѣдко посѣщаемой, въ гротѣ, пользующемся дурной славой. Тамъ повѣсилась дѣвушка, обезчещенная княземъ, и тѣнь ея, говорятъ, является въ лунныя ночи. Въ гротѣ воръ спряталъ посуду, поднявъ каменную плиту пола и подъ нею искусно вырывъ большую яму. Но когда пропаша обнаружилась, вся полиція принялась за розыски, вмѣшался самъ страшный *monsieur Scheschekoskû*,—ибо вѣдь посуда была похищена въ домѣ самого князя Потемкина, перваго изъ здѣшнихъ вельможъ,—воръ испугался возможныхъ послѣдствій своего дѣянїя, хотя, впрочемъ, обыскъ въ служебныхъ флигеляхъ и не привелъ ни къ чему. Кромѣ того, похититель посуды не видѣлъ средства ея воспользоваться, продать или вывезти за границу. Такъ какъ онъ былъ посвященъ въ ложѣ «Комуса», то и открылся мнѣ во всемъ. Капитуль о семъ имѣлъ сужденіе, и мы рѣшили отправить несчастнаго брата въ отечество и устроить его тамъ. Посуду же принуждены были обратить въ собственность Великаго Комуса. Иначе невозможно было бы поступить, не выдавъ заблудшаго брата. Розыски посуды не привели ни къ чему, хотя императрица даже приказала искать ее въ Вильнѣ и въ мѣстечкѣ Шкловѣ, собственности генерала Зорича, бывшаго фаворита, гдѣ собираются промышленники и искусники, можно сказать, со всего свѣта. Между тѣмъ посуда хранится въ томъ же садовомъ гротѣ, въ искусной погребницѣ. Только на банкеты соединенныхъ ложъ и на празднество всѣхъ масоновъ въ Ивановъ день мы достаемъ посуду и украшаемъ ею нашъ столъ.

XXVII.

Бальзамо и Рубано.

Когда банкетъ кончился, и почтенные братья «Комуса» и «Скромности» поднялись не безъ труда и взаимной поддержки по крутой, улиткообразной лѣстницѣ изъ укромныхъ катакомбъ

въ верхнее помѣщеніе запасной поварни, уже все бѣлѣло и розовѣло за окнами. Бѣдный Казимиръ оказался, однако, побѣжденнымъ Ваххомъ и былъ оставленъ на полѣ сраженія, мирно спящимъ подъ столомъ, куда свалился по срединѣ блестящей импровизаціи оды въ честь польской республики. Сіёръ Бабу обѣщалъ маркизу Пелегрини заботиться о дальнѣйшей судьбѣ молодого «аппрантива». Онъ предложилъ маркизу пройти обширнымъ садомъ, имѣвшимся при домѣ Бецкаго, боковою аллеей и черезъ особую калитку, нарочно не запертую, выйти на уединенный переулокъ. Такимъ образомъ пребываніе его въ эту ночь въ усадьбѣ останется скрытымъ отъ прочихъ слугъ. Что касается членовъ капитула, то они спокойно, какъ свои люди, завалились спать на поварнѣ.

Высокій гость направился по указанной глухой дорожкѣ въ кустахъ, обѣнной старыми деревьями. Солнце восходило. Щебетали хоры птичекъ. Прекрасное было утро. Онъ уже достигъ высокой каменной ограды, когда калитка въ ней отворилась и вошелъ въ садъ стройный и роскошно одѣтый молодой человекъ.

Такъ какъ онъ вошелъ быстро и, очевидно, никакъ не ожидая встрѣтить кого-либо въ глухой части сада въ столь ранній часъ, къ тому же дорожка была столь узка и заросла по сторонамъ настолько, что едва было возможно на ней двоимъ разойтись, то они столкнулись лицомъ къ лицу и оба остановились, изумленные неожиданностью. Вглядѣвшись, оба отпрянули и почти одновременно воскликнули на неаполитанскомъ жаргонѣ:

- Рубанò!
- Бальзамò!
- Ты ли это, мартышка?
- Тебя ли вижу, крокодилъ?
- Т-с-съ! Какъ бы кто насъ здѣсь не услыхалъ?
- Т-с-съ! Какъ бы кто насъ не замѣтилъ?
- Какъ ты здѣсь очутился?
- А ты какъ?
- Давно ли ты въ Петербургѣ?
- А ты давно ли?
- О тебѣ вспоминаютъ въ Неаполѣ!
- Да и тебя не забыли, конечно, въ Палермо?
- Дай обнять тебя, благородный кавалеръ!
- Поцѣлуй меня, честный промышленникъ!

Обмѣнявшись этими привѣтствіями съ чисто итальянской живостью и дружественной экспансивностью, оба затѣмъ, словно спохватившись, отступились и подозрительно воззрились другъ въ друга.

— Послушай, Бальзамо, старый пройдоха, что ты дѣлалъ здѣсь въ саду Бецкаго и куда шелъ?

— Я шелъ къ той самой калиткѣ, въ которую ты вошелъ, потаскунъ!

— Но какъ ты очутился здѣсь?

— А ты какъ оказался на моемъ пути?

— Послушай, Бальзамо,— дружески хлопая по его плечу, сказалъ Рубано.— Мы вѣдь не станемъ же здѣсь вредить другъ другу и разглашать постороннимъ свое прошлое?

— Разумѣется. Это было бы невыгодно намъ обоимъ.

— Ну, конечно, конечно! Но вѣдь ты понимаешь, что здѣсь никто меня не знаетъ подъ именемъ Рубано? Здѣсь я имѣю чинъ полковника російскихъ войскъ; состою директоромъ кадетскаго корпуса, проживаю у Бецкаго, императрица лично меня знаетъ, я женатъ на дочери Бецкаго, натуральной, но незаконной дочери, императрица ввѣрила мнѣ воспитаніе своего, тоже натурального сына—молодого графа Бобринскаго. Видишь, какое у меня здѣсь положеніе! Меня всѣ знаютъ, какъ благороднаго испанскаго графа, дона де-Рибаса графа де-Байота!

Все это онъ высказалъ съ весьма внушительнымъ и важнымъ видомъ.

— Ба! ба! ба! Такъ я уже слышалъ о тебѣ, хитрая лисица!— безопасно сказалъ Бальзамо.— Слышалъ! Слышалъ! При мнѣ пѣвица Габріэлли поругалась съ Давіей и въ пылу гнѣва упрекала ее, что та живетъ съ двумя родными братьями Рибасами одновременно и еще съ мальчикомъ Бобринскимъ.

— Такъ уже ты успѣлъ собрать свѣдѣнія. Узналъ въ этомъ проворствѣ моего стараго пріятеля Бальзамо!

— А въ любострастіи Рибаса узнаю скверную неаполитанскую обезьяну Рубано! Но послушай, откуда же у тебя взялся братъ? Сколько помню, ты всегда былъ не только безъ родственниковъ, но даже безъ отца и матери, бродяга!

— Э, отъ тебя не стану скрывать, что Иммануиль Рибасъ мнѣ такой же братъ, какъ ты мнѣ тетка. Мы братья по документамъ, мы братья по духу и ремеслу, мы оба—неаполитанцы. Неужели этого не довольно?

— О, конечно, всѣ неаполитанцы—братья, въ особенности тѣ, которые въ юные годы леживали на горячемъ пескѣ залива, вмѣстѣ жрали макароны и другъ у друга били вшей!

— Послушай, Бальзамо! Ты, однако, не злоупотребляй нашей старой дружбой и не забывайся! Помни, что того Рубано, который съ тобою проказничалъ въ отечествѣ, болѣе не существуетъ. Предъ тобою испанскій графъ, русскій полковникъ, начальникъ корпуса кадетовъ, воспитатель царственнаго отпрыска!

— Да вѣдь и Бальзамо, съ которымъ ты вмѣстѣ дѣлилъ невольные досуги въ неаполитанской тюрьмѣ, послѣ несчастныхъ операцій съ фальшивыми паспортами, векселями и завѣщаніями, болѣе не существуетъ! Предъ тобою графъ Калиостро, или маркизъ Пелегрини, или полковникъ испанской службы Фридрихъ

Гвальдо—какъ тебѣ нравится! Ты знаешь, что я получилъ каба-листическое образованіе, и потому люблю триаду.

— Графъ Калиостро! Какъ! Знаменитый магикъ, волшебникъ, некромантъ, теософъ, астрологъ?!. Такъ неужели же молва, гремящая по всей Европѣ о графѣ Калиостро, на самомъ дѣлѣ вѣнчаетъ изобрѣтательную голову пройдохи Бальзамо? Ты—Калиостро! Можетъ ли это быть?

— Но спроси любого неаполитанца, достаточно возрастнаго, чтобы помнить недалекое былое, можетъ ли предприимчивый Рубано быть русскимъ полковникомъ и всѣмъ прочимъ? Кто изъ нихъ повѣритъ этому?

— Ну, милый другъ, Россія—страна чудесныхъ превращеній, превосходящая даже древнюю Фессалию въ этомъ отношеніи. Здѣсь возможно все. Надо только быть иностранцемъ, преимущественно итальянцемъ или французомъ, обладать красивой внѣшностью, хорошимъ ростомъ, пламеннымъ воображеніемъ, ловкостью, любезностью, веселостью, умѣть самому любить и влюблять въ себя и можно достигъ всего—чиновъ, орденовъ, титуловъ, сокровищъ, даже получить тысячи русскихъ безотвѣтныхъ рабовъ въ полное обладаніе. Любезный Бальзамо! Здѣсь воскресли древній Римъ и Эллада! Здѣсь царствуетъ Фортуна и Случай, и тотъ, кто вознесется на ихъ крылатомъ колесѣ, ведетъ жизнь, подобную олимпійскимъ богамъ.

— Счастливецъ ты, Рубано, какъ я вижу!—съ завистью сказалъ Бальзамо.— Я только что поставилъ ногу на сей материкъ. Третій мѣсяцъ собираю свѣдѣнія. Работаю, ищу, изобрѣтаю, кажется, сталъ уже на вѣрный путь, но что онъ мнѣ дастъ, не знаю! Ремесло некроманта—тяжелое ремесло, пріятель! Очень тяжелое! Бальзамо вздохнулъ.

— Вотъ что, дружище, однако! Мы болтаемъ съ тобою уже достаточно долго. Солнце быстро поднимается. Того и гляди, въ домѣ начнутъ просыпаться слуги. Насъ могутъ увидѣть, какъ ни уединенна эта часть сада. А я не хотѣлъ бы, чтобы кто-либо увидѣлъ меня въ бесѣдѣ съ тобою, пріятель. Говорю откровенно, предпочитаю честную прямоту. Скажи мнѣ только, какъ ты попалъ въ садъ Бецкаго?

— Я былъ на ужинѣ у моего стараго знакомаго, сіера Бабю!

— Какъ, при графскомъ титулѣ ты не пренебрегаешь компаніей повара и его провонявшихъ кухоннымъ чадомъ пріятелей? Впрочемъ, у тебя всегда были простонародные, грубые вкусы. Ты былъ и остался мужикомъ, Бальзамо?!. Но кто знаетъ съ чернью, никогда не поднимется выше ея.

— Однако еще недавно я ужиналъ съ господами тѣхъ поваровъ и лакеевъ, въ обществѣ которыхъ провелъ эту ночь и пріятно, и поучительно. Но оставимъ каждому итти своимъ путемъ. Прежде всего, не будемъ мѣшать другъ другу. А потомъ подумаемъ, нельзя ли и быть взаимно полезными.

— Совершенно вѣрно. Ты разсуждаешь вполне здравомысленно, любезный Бальзамо. Пусть каждый идетъ своимъ путемъ. Условимся, милый другъ. Ты знаешь мое прошлое, а я знаю — твое. Итакъ, взаимная выгода обязываетъ насъ взаимнымъ молчаніемъ о семъ прошломъ. Не такъ ли?

— Именно такъ.

— Затѣмъ, область дѣятельности нашей пока различна. Поэтому не будемъ попадаться другъ другу на пути. Судьба свела насъ на этой узкой, уединенной дорожкѣ. Разойдемся же мирно, какъ старые товарищи, друзья дѣтскихъ шалостей и юношескихъ проказъ. Разойдемся и не будемъ, повторяю, встрѣчаться. Я же клянусь Везувіемъ, что тайно, незримо буду помогать всюду моему Бальзамо, расхваливая удивительныя способности и превознося добродѣтели Калиостро. А кругъ мой весьма обширенъ. Я окажу Калиостро протекцію и у самой императрицы. Хотя долженъ предупредить тебя, что это самая положительная женщина и терпѣть не можетъ вашего брата, магиковъ и некромантовъ. Но зато цесаревичъ Павелъ Петровичъ весь погруженъ въ мистицизмъ!

— Ахъ, любезный Рубано! Помоги мнѣ при дворѣ цесаревича и будь увѣренъ, что прошлое твое останется погребеннымъ въ памяти моей, и на путяхъ твоихъ я не попадусь.

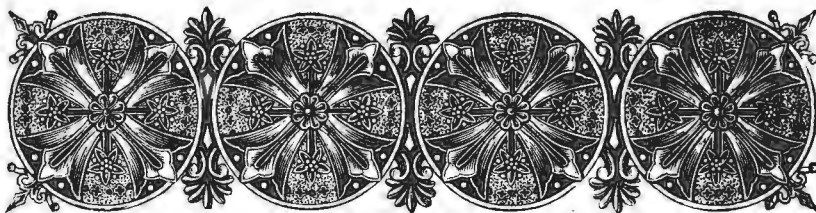
— Прекрасно, Бальзамо! Дай твою руку, достойный товарищъ! Клянусь Стиксомъ и Ахерономъ, что помогу тебѣ! Клянусь голубымъ гротомъ Капри и тайнствами его! Ты понимаешь, что, когда неаполитанецъ такимъ образомъ клянется, на него можно положиться!

— Я вѣрю тебѣ, Рубано, и безъ клятвъ. Взаимная выгода — оставаться пріятелями.

— Пора намъ разстаться. Конечно, ты больше не станешь являться въ усадьбѣ Вецкаго даже и на поварнѣ. Но отъ этой калитки у меня есть нѣсколько запасныхъ ключей. Вотъ тебѣ одинъ, храни его. И если тебѣ очень я понадобится, воспользуйся ключомъ. Съ переулка въ уединенные часы ты можешь пройти сюда. Видишь эту мраморную статую, изъѣденную непогодами, черную, обломанную. Она изображала нѣкогда Великолѣпіе. Зайдя съ той стороны, ты замѣтишь глубокую щель въ пьедесталѣ. Положи туда записку, начертанную тѣмъ шифромъ, который мы употребляли въ доброе старое время. Ты не забылъ его? Да? И я его отлично помню. Записка твоя непременно окажется въ моихъ рукахъ. За отвѣтомъ зайдя дня черезъ три. Но, повторяю, только въ крайнемъ случаѣ прибѣгни къ этой почтѣ. А теперь прощай!

Н. А. Энгельгардтъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ВЪ АПРѢЛЬ мѣсяцѣ 1909 года исполнится десять лѣтъ со дня смерти члена военнаго совѣта, генерала-отъ-инфантеріи барона Логина Логиновича Зедделера. Покойный, окончивъ Пажескій корпусъ, былъ произведенъ въ 1851 году въ офицеры въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ и затѣмъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Послѣ окончанія академіи по I разряду онъ продолжалъ свою дальнѣйшую службу въ генеральномъ штабѣ. Въ 1870 году баронъ Зедделеръ по высочайшему повелѣнію былъ командированъ въ прусскую армію для принятія участія во франко-прусской войнѣ. За отличное выполненіе этой командировки Л. Л. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость». Въ 1872 году баронъ Зедделеръ снова вернулся въ строй и, командуя въ теченіе четырехъ лѣтъ лейбъ-гвардіи Гренадерскимъ полкомъ, примѣнилъ на дѣлѣ свои обширныя военныя знанія. Блистательныя дѣйствія этого полка въ минувшую турецкую войну явились результатомъ прекрасной боевой подготовки, которую полкъ прошелъ подъ непосредственнымъ руководствомъ барона Зедделера. Во время турецкой войны Л. Л. командовалъ 1-й бригадой 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи и былъ тяжело раненъ пулею въ животъ въ сраженіи подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Послѣ войны баронъ Зедделеръ въ теченіе десяти лѣтъ исполнялъ должность помощника главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, а затѣмъ былъ назначенъ командиромъ 18-го армейскаго корпуса. Развившаяся тяжелая болѣзнь не позволила ему продолжать службу въ строю и затѣмъ преждевременно свела его въ могилу.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1896 года (апрѣль и май) былъ напечатанъ отрывокъ изъ его дневника, подъ заглавіемъ: «Двадцать пять лѣтъ назадъ». Этотъ отрывокъ заключаетъ въ себѣ описаніе пребыванія барона Зедделера, во время франко-прусской войны 1870 года, въ прусской арміи. Отрывокъ оканчивается отъѣздомъ его изъ арміи по заключеніи мира.

Послѣ смерти барона Зедделера, при разборѣ бумагъ сыномъ его, найдены еще два отрывка изъ дневника. Одинъ касается подробностей представленія императору Александру II по возвращеніи изъ Пруссіи, а другой— заключаетъ описаніе дѣла подъ Горнымъ Дубнякомъ, гдѣ баронъ Зедделеръ былъ тяжело раненъ.

Редакція приноситъ благодарность сыну покойнаго, гвардіи капитану А. Л. барону Зедделеру, за любезное разрѣшеніе напечатать эти отрывки изъ дневника въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

I.

Состоя въ должности начальника штаба 24-й пѣхотной дивизіи, я участвовалъ съ нею въ 1870 г. въ красносельскомъ лагерномъ сборѣ, когда получилъ въ концѣ іюня приказаніе готовиться къ отъѣзду въ Германію для принятія участія въ поѣздкѣ прусскаго генеральнаго штаба, долженствовавшей состояться въ Ганноверѣ подъ личнымъ руководствомъ генерала Мольтке. На политическомъ горизонтѣ Западной Европы, однако, неожиданно стали скопляться грозныя тучи, и война между Франціею и Пруссіею, о которой еще нѣсколько дней назадъ не было и рѣчи, разразилась съ послѣдствіями для Франціи, коихъ врядъ ли кто-либо могъ ожидать. Въмѣсто поѣздки генеральнаго штаба мнѣ было поручено состоять при прусской арміи въ теченіе всего времени военныхъ дѣйствій. Лестное назначеніе это не могло не отразиться на дальнѣйшей моей службѣ; такъ и случилось: во время этого, столь достопамятнаго событія, пережитаго въ рядахъ прусской арміи, котораго, однако, я не намѣренъ описывать здѣсь, въ день Георгіевскаго праздника, 26 ноября 1870 г., я былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ его величеству. Телеграмму объ этой неожиданной царской милости я получилъ 29 ноября въ Версалѣ.

Немедленно по заключеніи предварительныхъ условій мира и выѣзда главной квартиры изъ Версаля я, согласно полученнаго разрѣшенія, отправился въ Берлинъ, гдѣ имѣлъ честь представиться 12 марта императору германскому. Въ комнатѣ дежурнаго флигель-адъютанта находились всѣ знаменитости арміи: графы Мольтке и Роонъ, генералы Подбѣльскій, Треско, Штошъ и другіе, ожидавшіе доклада у его величества. Императоръ Вильгельмъ казался бодрѣе и здоровѣе обыкновеннаго, несмотря на предшествовавшіе утомительные дни торжественнаго празднованія дня его рожденія и возвращенія въ Берлинъ. Вся небольшая комната его была буквально загромождена цвѣтами различнаго вида и разнообразныхъ формъ. Императоръ милостиво протянулъ мнѣ руку со словами:

— Очень радъ васъ видѣть; откуда пріѣхали и куда ѣдете?

Послѣ отвѣта моего его величество продолжалъ:

— Поздравляю васъ съ успѣшнымъ окончаніемъ возложеннаго на васъ порученія; суди по наградамъ, коихъ вы удостоились, государь долженъ быть доволенъ вашими донесеніями; впрочемъ, и я слыхалъ о вашихъ заслугахъ.

— Милости государя всегда превыше нашихъ заслугъ, — отвѣтилъ я: — особенно вѣрно это въ данномъ случаѣ; едва ли ошибусь, относя монаршія милости, коими я осчастливленъ, не къ заслугамъ моимъ, а къ особой симпатіи его величества къ прусской арміи; воздавая справедливую дань побѣдамъ войскъ вашего величества, государь не могъ выказать это въ желаемой степени въ отношеніи офицеровъ вашей арміи, а потому награждаетъ своихъ офицеровъ, бывшихъ непосредственными свидѣтелями этихъ великихъ событій.

— Да, дружба императора Александра, ко мнѣ и вниманіе его къ моей храброй арміи по истинѣ — велики, и я не нахожу словъ, чтобы высказать всю глубину моей благодарности, — продолжалъ императоръ-король: — я уже старъ и болѣе современникъ императоровъ Александра I и Николая I, чѣмъ теперешняго поколѣнія; тѣмъ болѣе радостно мнѣ видѣть, что дружба и братство, связывавшія тогда наши арміи, не ослабѣваютъ; молю Бога, чтобы то же чувство соединяло ихъ при преемникахъ Александра и моихъ!..

Затѣмъ, обратясь къ стоявшей тутъ большей модели Кенигсгрэцкаго сраженія, его величество сказалъ, указывая на модель:

— Подарокъ Мольтке, — она вѣрно изображаетъ мѣстность; вотъ тутъ стояли войска наслѣднаго принца, тутъ находился я; помню еще, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы прибытія генерала Герварта; я не могъ понять причину его долгаго неприбытія, а между тѣмъ впослѣдствіи оказалось, что онъ уже давно на мѣстѣ и выстрѣлы, слышанные нами, принадлежали не принцу, а войскамъ Герварта.

Потомъ, подавая мнѣ обѣ руки, императоръ съ особою доброю произнесъ:

— Очень радъ знакомству съ вами, мнѣ весьма пріятно, что выборъ государя для донесеній о нашихъ дѣйствіяхъ палъ на достойнаго офицера; желаю вамъ здоровья, до свиданія.

Преклонясь къ рукѣ маститаго верховнаго повелителя германской арміи, въ средѣ которой я провелъ 7 мѣсяцевъ, полныхъ славныхъ воспоминаній и поучительности, я почтительно просилъ принять выраженіе безпредѣльнаго моего уваженія и благодарности за допущеніе, не въ примѣръ другимъ арміямъ, русскихъ офицеровъ состоять при войскахъ во время войны. Аудіенція эта, продолжавшаяся не менѣе 20 минутъ, никогда не изгладится изъ моей памяти.

12 марта выѣхалъ я въ Петербургъ, куда прибылъ 14 марта; на слѣдующій день я отправился въ Зимній дворецъ; едва всту-

пилъ я въ пріемную комнату, стѣны коей украшены двумя большими, великолѣпными картинами Крюгера, представляющими сцены изъ пребыванія императора Николая I въ Берлинѣ, какъ отворилась дверь, въ которой показался государь.

— А, Зедделеръ, здравствуй,—сказалъ его величество, протягивая мнѣ руку съ необыкновенно доброю улыбкою.—Очень радъ тебя видѣть; благодарю тебя за твои прекрасныя донесенія, я ихъ читалъ съ большимъ любопытствомъ; еще разъ спасибо. Когда пріѣхалъ? Теперь мнѣ нѣтъ времени съ тобою говорить, а есть о чемъ потолковать. Я иду осматривать топографическія работы генеральнаго штаба, но потомъ зайди ко мнѣ; впрочемъ, тебя, вѣроятно, будутъ интересовать работы, пойдемъ со мною.

Дорогою государь, между прочимъ, спросилъ:

— Тебя хорошо принимали тамъ; были они довольны моими наградами?

Въ Бѣлой залѣ стояли наслѣдникъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, военный министръ и другіе. Увидя генерала Милютина, государь сказалъ:

— Ты знаешь, Зедделеръ пріѣхалъ, я ему сказалъ, какъ имъ доволенъ.

Всѣ привѣтствовали меня съ особою милостью, даже тѣ, которые прежде не обращали на меня никакого вниманія. Великій князь Николай Николаевичъ былъ въ особенности добръ.

Послѣ осмотра работъ, государь потребовалъ меня въ кабинетъ. «Садись», сказалъ его величество, указывая на кресло, стоявшее близъ довольно длиннаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, налѣво отъ входа въ кабинетъ. Государь, закуривая папирску, началъ:

— Еще разъ повторяю тебѣ мою полную благодарность; ты честно и серьезно посмотрѣлъ на порученное тебѣ дѣло, и я надѣюсь, что твои донесенія принесутъ пользу арміи.

Я воспользовался этими словами, чтобы высказать всю глубину моей вѣрноподданнической преданности и какъ мало признаю себя достойнымъ монаршей милости и что задачею моей жизни будетъ сдѣлаться достойнымъ ея.

— Я увѣренъ въ этомъ, — отозвался государь. — Теперь расскажи мнѣ что-нибудь о тѣхъ великихъ событіяхъ, коихъ ты былъ столь близкимъ свидѣтелемъ. Какими необыкновенными лаврами покрыли себя прусская армія и король! Какое впечатлѣніе произвела на тебя вообще война и ужасы, ее сопровождающіе?

— Что касается послѣдняго, то долженъ сознаться вашему величеству, что впечатлѣніе было потрясающее; необыкновенное количество жертвъ, страшныя страданія и безпощадность войны—могутъ вселить негодованіе къ ней; особенно сильно дѣйствовали эти бѣдствія на меня, непрічастнаго къ борьбѣ двухъ націй и не

чувствовавшего той ненависти, которая воодушевляла нѣмцевъ и французовъ. Относительно самихъ военныхъ дѣйствій я былъ пораженъ отсутствіемъ суеты, а въ то же время и простотою всѣхъ распоряженій.

— Оттого и велико, что просто,—замѣтилъ государь.

— Пруссаки,—продолжалъ я,—преисполнены благодарностью къ особѣ вашего величества зато благоволеніе и вниманіе, которое вы, государь, имъ оказываете; семимѣсячное пребываніе мое среди прусской арміи, въ періодъ этой трудной борьбы, вселило во мнѣ несокрушимое убѣжденіе, что имя вашего величества произносится съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ, и что русская армія пользуется среди ихъ особеннымъ уваженіемъ.

— И я ихъ люблю,—отвѣтилъ государь:—никогда я этого не скрывалъ и не буду скрывать; меня лично связываютъ съ королемъ особыя, взаимно раздѣляемыя чувства; а взаимная симпатія армій основана на историческихъ событіяхъ, передающихся отъ поколѣнія къ поколѣнію. Съ какою необыкновенною быстротою слѣдовало одно событіе за другимъ и съ какимъ постояннымъ успѣхомъ для германскаго оружія; да, на французскомъ народѣ лежитъ кара Божія; какіе ужасы совершаются тамъ благодаря коммунахъ. Послѣ совершившагося событія легко выдавать себя за пророка, но я предвидѣлъ то, что случилось, хотя и не въ такихъ размѣрахъ. Когда генералъ Флери пріѣхалъ ко мнѣ въ позднюю ночь въ Красное Село съ извѣщеніемъ объ объявленіи войны, я ему тогда же сказалъ, что династіи Наполеона насталъ конецъ и что столь насильственное объявленіе войны всею тяжестью падетъ на императора. Онъ сильно протестовалъ и не соглашался со мною. Ты не повѣришь, какъ трудно было намъ здѣсь, особенно въ началѣ войны, распознавать правду отъ неправды; свѣдѣнія, доставлявшіяся французскимъ путемъ, были діаметрально противоположны прусскимъ. Какъ сегодня, помню обстоятельства, сопровождавшія извѣстія о сраженіи подъ Марсъ-Латуромъ; это было 6-го августа, въ день преображенскаго праздника. Утромъ пріѣхалъ ко мнѣ генералъ Флери съ депешами о блистательной побѣдѣ, будто бы французами одержанной. Я уже собирался ѣхать на парадъ, когда принцъ Рейсъ передалъ мнѣ депешу, въ которой сообщалось, что французская армія съ дороги на Верденъ отброшена къ стѣнамъ Меца. Я взялъ съ собою эту депешу и, подъѣзжая къ параду, тотчасъ же замѣтилъ, что французы успѣли пустить въ ходъ свои свѣдѣнія, такъ какъ большинство не скрывало радостнаго чувства, которое, однако, не долго продолжалось послѣ передачи мною прусской депеши наслѣднику. Твои донесенія также способствовали къ раскрытію истины, ибо то, что ты говорилъ, вполне согласовалось съ прусскими источниками, а тебя трудно было заподозрѣть въ неправдѣ.

— Слова вашего величества успокаиваютъ меня; я опасался, что заподозрѣнъ въ Петербургѣ въ пристрастїи къ пруссакамъ; сознаюсь, что, въ виду неимовѣрныхъ успѣховъ и раздѣляя съ этою арміею труды и опасности, я легко могъ поддаться увлеченію, но осмѣливаюсь завѣрить, что я никогда не забывалъ, что я русскій солдатъ, а не дипломатъ, и потому остался чуждъ политики прусской. Посланный для изученія военнаго дѣла, я исключительно занимался имъ и, убѣдившись, что успѣхъ былъ не случайнымъ и не слѣпымъ счастьемъ, а результатомъ полувѣкового неутомимаго труда и исполненія каждымъ отдѣльно и всѣми вмѣстѣ долга, я не могъ не порадоваться, что въ назиданіе другимъ— этотъ честный трудъ не остался безъ плодовъ.

— Я совершенно тебя понимаю, любезный Зедделеръ,—отозвался государь:—и чувства эти выказывались въ твоихъ письмахъ. Мнѣ также пришлось вести здѣсь нелегкую борьбу; ты вѣдь знаешь, какъ сильно публика наша симпатизировала французамъ. Но могъ ли я, какъ монархъ и самодержецъ, подчиниться этимъ увлеченіямъ. Вопросъ, подлежащій рѣшенію, былъ несложенъ и заключался въ томъ, надлежитъ ли намъ, слѣдуя вѣковымъ традиціямъ, остаться въ тѣсной дружбѣ съ Пруссіей, или же сблизиться съ Франціей. Я ясно сознавалъ положеніе и не могъ упустить изъ виду, что послѣдствіемъ перваго вторженія французовъ въ Германію было продолжительное броженіе тамъ революціонныхъ стремленій, а второе ихъ нашествіе быть можетъ, распространило бы по Европѣ коммуну, теперь къ стыду человечества неистовствующую въ Парижѣ. Ты только представь себѣ положеніе, въ которомъ мы могли бы очутиться при торжествѣ французскаго оружія или, напимѣръ, занятїи ими Берлина. Нѣтъ, въ этомъ дѣлѣ для меня не могло быть колебанія.

Государь, подъ конецъ разговора, былъ нѣсколько взволнованъ; онъ весьма часто обтиралъ обшлагомъ сюртука зеленое сукно стола, вставалъ и опять садился. Затѣмъ его величество, вставая, протянулъ мнѣ руку, со словами:

— Еще разъ благодарю тебя, мнѣ было весьма интересно поговорить съ тобою. Приходи обѣдать въ 6 часовъ. Ты не усталъ? Представляю тебя при этомъ императрицѣ.

Такимъ образомъ окончилась эта почетная для меня и незабвенная аудіенція у нашего возлюбленнаго монарха.

Посѣщенныхъ вслѣдъ за тѣмъ министровъ: военнаго и императорскаго двора, наслѣдника, великихъ князей Константина Николаевича, Владимира и Алексѣя Александровичей я не засталъ. Въ 5³/₄ ч. я былъ снова во дворцѣ, гдѣ нашелъ двухъ, кромѣ меня, приглашенныхъ особъ: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Титова, бывшаго посланника въ Константинополь и воспитателя покойнаго цесаревича Николая, и генераль-адъютанта Глинку-Ма-

врина, командующаго войсками Казанскаго военнаго округа. Ровно въ 6 часовъ вошла въ комнату императорская семья, состоявшая изъ государя, императрицы, в. к. Владимира, Алексѣя и Маріи Александровны. Государь представилъ меня съ слѣдующими словами, произнесенными по-французски:

— Зедделеръ, мой флигель-адъютантъ, имя его должно быть тебѣ извѣстно, это тотъ, который въ теченіе минувшей войны доставлялъ намъ столь любопытныя письма, которыя я тебѣ иногда читалъ.

— Какъ ни чужда я собственно военному дѣлу, но я съ большимъ интересомъ выслушивала ваши письма,—отозвалась императрица.

— Ваше величество остались чужды самой безжалостной сторонѣ войны, т. е. военному ремеслу, но съ тѣмъ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ другой свѣтлой ея сторонѣ и дѣлающей честь нашему времени, а именно къ призрѣнію страждущихъ и вспоможенію имъ. Священное имя вашего величества произносилось ранеными и больными воинами съ молитвою на устахъ и благодарностью въ сердцахъ!—сказалъ я.

— Какое замѣчательное время прожили вы съ германскою арміею,—продолжала ея величество:—какой нескончаемый рядъ побѣдъ! Я опасаюсь, что нѣмцамъ, благодаря этимъ успѣхамъ, полюбили вѣсти войны!

— Кто видѣлъ всѣ ужасы, нераздѣльные съ войною, по моему убѣжденію, долженъ получить отвращеніе къ ней,—отвѣтилъ я:—а тѣмъ болѣе тѣ, которые потеряли въ бояхъ до 100.000 своихъ родичей. При всеобщей повинности бѣдствія войны настолько вторгаются въ каждую семью, что скорое возобновленіе войны становится сомнительнѣе, чѣмъ прежде. Смѣю думать, что пройдутъ 10—15 лѣтъ прежде, чѣмъ нѣмцы вновь возьмутся за оружіе.

— Молю Бога, чтобы слова ваши были вѣрны,—сказала удалявшаяся въ столовую императрица.

Обращаясь затѣмъ къ прочимъ присутствовавшимъ, государь представилъ меня со словами:

— Вы его знаете—я ему нѣсколько разъ уже повторялъ, что имъ вполне доволенъ и рассчитываю на то, что наблюденія его принесутъ намъ пользу.

Въ столовой былъ накрытъ небольшой круглый столъ съ 8 приборами; по правую сторону государя сѣла великая княжна Марія Александровна, по лѣвую—его величество приказалъ сѣсть мнѣ; противъ государя заняла мѣсто императрица, имѣя по сторонамъ: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Титова и генералъ-адъютанта Глинку-Маврина; великіе князья Владимиръ и Алексѣй помѣстились между Титовымъ и мною. Обѣдъ былъ очень изысканный; государь много шутилъ съ метрдотелемъ изъ францу-

зовъ, называя его коммунаромъ, и передъ каждымъ почти блюдомъ, смѣясь спрашивалъ, не отравлено ли оно коммуною. Въ продолженіе всего обѣда мнѣ пришлось много рассказывать о подробностяхъ минувшей войны и припоминать различные анекдоты, касавшіяся замѣчательнѣйшихъ лицъ германской арміи; всѣ высокія лица, бывшія за столомъ, нерѣдко смѣялись отъ души, такъ что обѣдъ прошелъ весьма непринужденно. Послѣ обѣда перешли въ золотую гостиную императрицы; государь, закуривъ папиросу, всталъ у камина, продолжая обращаться съ вопросами то къ одному, то къ другому. Мнѣ его величество сказалъ между прочимъ:

— Какъ былъ бы радъ твой покойный батюшка видѣть тебя моимъ флигель-адъютантомъ и столь дѣльнымъ офицеромъ. Гдѣ твоя матушка и жена?

Послѣ моего отвѣта государь, прощаясь съ нами, спросилъ меня:

— Ты былъ у великой княгини Елены Павловны? Поѣзжай къ ней, она очень желаетъ тебя видѣть?

На слѣдующій день пришлось возобновить мои официальные поѣздки. Великая княгиня Елена Павловна приняла меня особенно милостиво; посадивъ около себя, она разспрашивала, входя въ мельчайшія подробности, при чемъ заявила, что государь нѣсколько разъ упоминалъ ей, какъ доволенъ мною и съ какимъ особымъ любопытствомъ и она читала мои письма. Больше часа продержала меня великая княгиня и, прощаясь, высказала крайне милостиво удовольствіе, которое доставилъ я ей своими рассказами.

Не менѣе памятна была продолжительная аудіенція у великаго князя Николая Николаевича; еще въ бытность мою въ рядахъ прусской арміи я, по желанію его высочества, написалъ ему нѣсколько писемъ по предметамъ, его интересующимъ; теперь онъ потребовалъ отъ меня подробнаго объясненія о пѣхотѣ, артиллеріи и кавалеріи; изъ разговора его было видно, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за всѣми событіями войны.

Несмотря на то, что я неоднократно заѣзжалъ къ военному министру, Дмитрію Алексѣевичу Милютину, я не могъ его видѣть; наконецъ на официальную просьбу о принятіи меня я получилъ приглашеніе на вечеръ въ воскресенье, гдѣ собралось довольно большое общество, а потому нельзя было касаться вопросовъ, которые по существу ихъ должны бы особенно интересовать министра. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ высшихъ военныхъ лицъ Д. А. Милютинъ менѣе всѣхъ выказалъ вниманія къ офицеру, имъ же избранному для принятія участія въ войнѣ. Причина тому, какъ говорили, лежала въ нерасположеніи его къ Пруссіи и явномъ предпочтеніи имъ письменныхъ донесеній, вслѣдствіе чего онъ, по возможности, избѣгалъ устныхъ объясненій. Не меньшее вліяніе на министра произвело то обстоятельство, что успѣхи германцевъ разрушили вѣрованія его въ силу французской организаціи,

которой онъ придерживался при преобразованіяхъ, предпринятыхъ имъ въ нашей арміи.

Кому не извѣстно, что всѣ почти офицеры генеральнаго штаба, отправлявшіеся въ шестидесятыхъ годахъ за границу для изученія иностранныхъ армій, останавливались въ Берлинѣ лишь для перемѣны военнаго платья на гражданское, а затѣмъ спѣшили въ излюбленную Францію. Не мудрено, что наше военное министерство не имѣло необходимыхъ свѣдѣній о той громадной работѣ, которая велась въ Германіи. Не мудрено также, что не понравились многимъ власть имѣющимъ указанія мои, что «не случайность, а трудъ долготѣннй, неустаннй и самоотверженнй привелъ Пруссію къ небывалымъ еще успѣхамъ!»

Ужаснй погромъ 1806 года былъ благодѣтеленъ для настоящаго величія Пруссіи!

Послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Петербургѣ я возвратился въ Германію, какъ для окончательной разработки собранныхъ мною матеріаловъ, такъ и для присутствованія при возвращеніи тѣхъ частей прусской арміи, при которыхъ состоялъ во время войны.

II.

Неоднократно убѣждали меня друзья рассказать впечатлѣніе произведенное на меня моимъ раненіемъ подъ Горнымъ Дубнякомъ. Служба, съ отсутствіемъ времени, долго не позволяла мнѣ исполнить это желаніе. Теперь, устраненнй отъ вышняго міра и обреченнй, по болѣзни, на міръ созерцанія и воспоминаній, я тѣмъ охотнѣе исполняю просьбу доброжелателей, что, излагая это событіе, я тѣмъ самымъ перенесусь мысленно ко времени, полной жизни и дѣятельности, о которомъ сохраню навсегда благодарное воспоминаніе.

Мнѣ придется при своемъ повѣствованіи часто говорить о себѣ, что непріятно и скучно для другихъ да и для себя, и потому, чтобы оживить разговоръ, я коснусь, попутно, главныхъ событій, сопровождавшихъ первый бой нашей гвардіи въ послѣдней турецкой войнѣ.

Какъ извѣстно, власть имѣвшіе въ 1877 году не ожидали, чтобы вмѣшательство въ болгарскія дѣла потребовало столько трудностей и жертвъ, какъ оказалось впоследствии, а потому, вопреки основамъ военнаго дѣла, сочли возможнымъ предназначить для дѣйствія противъ турокъ только четыре корпуса; число это, съ осложненіемъ обстоятельствъ, было послѣдовательно увеличено мобилизаціей другихъ частей. Гвардія не была включена въ составъ дѣйствующей арміи, потому она по обыкновенію собралась на лѣто 1877 г. въ красносельскомъ лагерѣ, мысленно и

молитвенно слѣдя за событіями на Дунаѣ. Она за это время осиротѣла, ибо высшіе начальники ея:—великій князь Николай Николаевичъ Старшій, командиръ гвардейскаго корпуса наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, начальникъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи великій князь Владимиръ Александровичъ, начальникъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи генералъ Гурко, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса графъ Воронцовъ-Дашковъ, начальникъ артиллеріи князь Масальскій—и многія другія выдающіяся лица находились въ дѣйствующей арміи. Тамъ же томился и верховный вождь, незабвенный императоръ Александръ II. На мѣстѣ, при своихъ частяхъ, находились только начальникъ окружнаго штаба графъ Шуваловъ, ежедневно ожидавшій вызова на югъ, и начальникъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи генералъ-адъютантъ Г. И. Чертковъ, не покидавшій своего страдальческаго ложа вслѣдствіе гангрены ногъ. Первой гвардейской дивизіей командовалъ принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, а второй—я.

Какъ ни трудно было вести обыкновенныя красносельскія занятія въ виду военныхъ событій на Дунаѣ, тѣмъ не менѣе старались по возможности согласовать ихъ съ боевыми обстановками и требованіями. Не могу не упомянуть при этомъ о двухъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ наши полевые упражненія, о которыхъ пришлось мнѣ, да и другимъ сослуживцамъ, вспомнить позднѣе, когда мы уже находились на театрѣ войны.

2-я гвардейская пѣхотная дивизія производила, съ своею артиллеріей, походное движеніе съ военными предосторожностями; впереди, въ авангардѣ, шелъ 4-й полкъ, а за нимъ въ четырехъ верстахъ остальные части дивизіи. Несмотря на подтвержденіе о сохраненіи возможной связи между частями, по прибытіи на приваль одинъ изъ полковъ не оказался на мѣстѣ; двигаясь по кустамъ и перелѣскамъ по мѣстности, столь извѣстной, какъ красносельская, онъ потерялъ связь съ авангардомъ и пошелъ другою дорогою. То же самое повторилось съ этимъ полкомъ въ Турціи при одномъ изъ переходовъ отъ Дуная къ рѣкѣ Виду.

Другой случай былъ слѣдующій: л.-гв. Финляндскій полкъ имѣлъ назначеніе обрекогносцировать лабораторію, не вступая въ рѣшительный бой до полученія приказанія, которое полагалось отдать послѣ сосредоточенія всей дивизіи и принятія ею соотвѣтственнаго расположенія. Чтобы ближе уподобить маневръ этотъ съ боемъ, было подтверждено, чтобы войска не торопились, тщательно подготавливая атаку боемъ и расположеніемъ частей, при этомъ рекомендовалось, чтобы начальники не выѣзжали впередъ, а непремѣнно оставались на своихъ мѣстахъ.

Полкомъ командовалъ блистательный офицеръ генеральнаго штаба генералъ-майоръ В. Н. Давровъ; тѣмъ не менѣе мнѣ при-

шло нѣсколько разъ просить его не спѣшить и не находиться въ цѣпи. Напоминанія эти, кажется, не понравились почтеннѣйшему В. Н. Что же вышло подъ Горнымъ Дубнякомъ? Храбрый и распорядительный В. Н. Лавровъ палъ геройскою смертью, находясь въ цѣпи, а самый бой, особенно въ началѣ, отличался необыкновенною торопливостью и неудержимымъ стремленіемъ впередъ, стоившимъ намъ столькихъ напрасныхъ жертвъ.

Въ концѣ лагернаго сбора свѣдѣнія съ Дуная стали болѣе тревожныя и надобно было ожидать значительнаго усиленія состава дѣйствующей арміи. Такъ и случилось. 21-го іюля было получено повелѣніе о мобилизаціи гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ и нѣкоторыхъ армейскихъ дивизій. Передъ выступленіемъ изъ Петербурга въ командованіе 2-й гвардейской пѣхотной дивизіей вступилъ генераль-адъютантъ П. А. Шуваловъ; дивизія была обрадована и польщена этимъ назначеніемъ; близко извѣстный гвардіи, графъ пользовался общимъ уваженіемъ, любовью и довѣріемъ.

Мобилизація производилась не особенно торопливо: посадка на желѣзную дорогу моей бригады началась 25 августа. Слѣдованіе на театръ войны сопровождалось большими затрудненіями и задержками; недостатокъ подвижнаго состава въ Румыніи былъ настолько великъ, что пришлось высадить 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію по достиженіи границы, и она получила приказаніе двигаться къ Дунаю обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ, вслѣдствіе чего удалилось болѣе чѣмъ на мѣсяцъ сосредоточеніе гвардіи въ Болгаріи. Въ общемъ погода и время благопріятствовали нашему движенію; для внутренняго же сплоченія дивизіи этотъ походъ принесъ большую пользу. Дѣйствительно, 2-я гвардейская дивизія представляла собою идеаль превосходнаго войска, и графъ Шуваловъ многимъ способствовалъ великому подъему его духа. Государь и главнокомандующій отозвались о дивизіи въ самыхъ лестныхъ словахъ и высказали увѣренность, что она блистательно исполнитъ свой долгъ.

Бездѣйствіе турокъ было поразительно; они ничего не предпринимали, чѣмъ дали намъ полную возможность значительно усилить армію и начать новую кампанію — теперь уже на чистоту.

Обстоятельства эти служатъ доказательствомъ, что неуспѣхъ нашъ въ первую половину войны обуславливался не дѣйствіями турокъ, а нашими ошибками. Врагъ же нашъ вполне довольствовался плевненскимъ и рущукскимъ сидѣніемъ, отбиваясь отъ нашихъ атакъ; только Сулейманъ-паша пытался проломить лбомъ Шипкинскій переваль.

Весьма справедливую оцѣнку этого періода кампаніи находимъ въ письмѣ отъ 18 марта 1877 г. императора Вильгельма I къ прусскому фельдмаршалу фонъ-Роону.

Между прочимъ, престарѣлый императоръ пишетъ: «Вы судите обо мнѣ вполне вѣрно, полагая, что я глубоко опечаленъ неудачами русскихъ и скорблю въ душѣ объ императорѣ Александрѣ. Дѣйствія, послѣ перехода черезъ Дунай, составляютъ неразрѣшимую загадку. Сколь прекрасно они были подготовлены и осуществлены, столь же непонятно полное забвеніе, вслѣдъ за тѣмъ, основныхъ требованій стратегии: вмѣсто рѣшительнаго наступленія всѣхъ силъ главной арміи на непріятеля для того, чтобы разбить его, войска раздробляются на небольшія части и повсюду являются слабѣе противника. Забалканскій эпизодъ положительно непостижимъ. Для подобнаго предпріятія требовалась болѣе благоразумная цѣль. Надѣюсь съ вами, что побѣда все-таки останется за русскою арміею, но турки положительно должны быть поражены слѣпотою, чтобы допустить прибытіе огромныхъ подкрѣпленій, ожидаемыхъ ихъ противникомъ. Да продлится возможно дольше эта слѣпота!»

Въ Горномъ Студнѣ я встрѣтилъ стараго нашего доброжелателя, французскаго полковника Гальяра, находившагося при главнокомандующемъ. Онъ вступилъ въ подробное разсмотрѣніе тогдашняго положенія дѣлъ; отзывъ его былъ настолько характеренъ, что привожу тутъ главные его выводы: «Eh bien, c'est décidé. Votre division est désignée pour attaquer Gorny-Doubniak—mauvaise petite bicoque sur la route de Sophie, mais qui vous coutera cher, car amoureux de la baïonnette et de la tactique de Dragomiroff, vous vous jetterez aveuglement sur les remparts. Cependant la baïonnette n'a rien à faire ici, il faut de la prudence—le feu et la patience ce que vous n'aimez pas. J'ai sérieusement parlé au Grand-Duc de vous donner le temps de vous aquerir et d'oublier un peu vos habitudes de Krasnoje-Sielo, mais il n'a pas pu agréer mes idées. Pauvre 2-eme division de la Garde! comme elle est belle! je n'ai jamais vu une pareille troupe. Les pertes seront très grandes. En général quelle étrange guerre; la décrire sera presque impossible. Une si brillante armée, tant de capacités; tous font leur devoir avec bravoure et abnégation, mais en même temps pas d'initiative, pas de volonté forte, et pas de plan suivi. Tout ce fait au jour le jour sous l'impression du moment. Ne m'en voulez pas ma franchise; j'ai le plus grand attachement et intérêt pour la Russie et surtout pour l'armée. Aussi je suis persuadé que malgré tout la fin de la campagne sera glorieuse pour vous!»

Переводъ:

«Итакъ, рѣшено. Ваша дивизія назначена для атаки Горнаго Дубняка, незначительнаго опорнаго пункта на Софійскомъ шоссе, но занятіе котораго обойдется весьма дорого, такъ какъ, влюбленные въ штыки и въ тактику Драгомирова, вы слѣпо броситесь на укрѣпленіе. Но тутъ штыку нѣтъ вѣдь мѣста: необходимы — осторож-

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЪСТАНІЕ, МАРТЪ, 1909 Г., Т. СХУ.

5

ность, огонь и выдержка, а вы не любите этого. Я говорилъ великому князю о необходимости предоставленія вамъ времени присмотрѣться къ здѣшнему бою и забыть нѣсколько ваши красносельскія привычки. Но онъ не счелъ возможнымъ принять мои соображенія. Бѣдная 2-я гвардейская дивизія! какъ она хороша! я никогда не видѣлъ подобнаго войска; вы увидите, какъ значительны будутъ ваши потери. Вообще какая странная война; описать ее будетъ почти невозможно. Такая неподобная армія; такъ много способныхъ начальниковъ; всѣ исполняютъ свой долгъ съ храбростью и самопожертвованіемъ, а въ то же время отсутствіе инициативы и твердой воли. Нѣтъ установившагося плана дѣйствій; почти все дѣлается изо дня въ день, подъ минутнымъ впечатлѣніемъ. Не сѣтуйте за мою откровенность; я переполненъ привязанностью къ Россіи, особенно къ ея арміи. Я увѣренъ, что въ концѣ концовъ война будетъ покрыта славою для васъ».

Итакъ, мы атакуемъ Горный Дубнякъ открытою силою. Что побудило главнокомандующаго назначить для сего 2-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, находившуюся еще въ слѣдованіи отъ Дуная, мнѣ по сію пору неизвѣстно. Вѣдь въ виду Софійской дороги уже довольно продолжительное время находились 1-я и 3-я гвардейскія пѣхотныя дивизіи. Последнюю пришлось спустить съ высоты Эски-Бркои, взамѣнъ ея поднять на гору 2-ю дивизію. Едва расположились мы на бивуакѣ, какъ начальниковъ потребовали на рекогносцировку предстоящаго поля сраженія. Тутъ же представились мы генералу Гурко, вступившему въ командованіе гвардіей и пріобрѣвшему въ короткое время славу отличнаго полководца. Вдали видѣлось укрѣпленіе, казавшееся не большимъ, но довольно сильной профили, затѣмъ все пространство отъ рѣки Вида было покрыто болѣе или менѣе высокимъ дубнякомъ съ небольшими открытыми полянками. Вглядываясь въ мѣстность и находясь подъ впечатлѣніемъ бывшихъ примѣровъ атаки укрѣпленій открытою силою, мы порѣшили брать Горный Дубнякъ главнымъ образомъ огнемъ, къ штурму же перейти подъ вечеръ или же при несомнѣнномъ успѣхѣ дѣйствія огнемъ. Благому намѣренію этому могли помѣшать два обстоятельства: значительный подъемъ духа войскъ, возбужденныхъ указаніями генерала Гурко, и возможность взять укрѣпленіе, окруженное со многихъ сторонъ дубнякомъ, какъ говорилъ командующій войсками, «нахрапомъ». «Ты, братъ, жалѣй пулю, а бери турку по-русски въ штыки», говорилъ онъ людямъ. Кромѣ того, самый характеръ диспозиціи не указывалъ на намѣреніе занять укрѣпленіе главнымъ образомъ обстрѣливаніемъ, подобно тому, какъ было сдѣлано при второй атакѣ Телиша. Обмѣниваясь мыслями, мы высказали опасеніе, что обстрѣливаніе съ четырехъ сторонъ небольшого пункта разными колоннами, не связанными единствомъ управленія, можетъ сдѣлаться опаснымъ

для войскъ, особенно при приближеніи къ укрѣпленію. Но на это указаніе не было обращено вниманія. Канунъ сраженія прошелъ въ суетѣ; колесный обозъ приказано было оставить и перейти на вьюки; вязались фашины, которыя людьми пришлось тащить на себѣ на случай нужды при штурмѣ укрѣпленія. Въ какой степени обѣ эти мѣры были необходимы, не берусь судить. Всего труднѣе пришлось л.-гв. Московскому полку, который, добравшись поздно къ дивизіи, долженъ былъ исполнить всѣ приготовленія въ нѣсколько часовъ. Тѣмъ не менѣе московцы вышли во-время и молодцами. Узнавъ еще въ Горномъ Студнѣ о назначеніи дивизіи для атаки Горнаго Дубняка, я воспользовался моимъ тамъ пребываніемъ, чтобы узнать отъ начальниковъ, бывшихъ уже въ огнѣ, о надежнѣйшемъ способѣ дѣйствія, усвоеннаго нашими войсками при атакѣ турецкихъ укрѣпленій. Эти свѣдѣнія я счелъ долгомъ передать своей бригадѣ, надѣясь достигнуть тѣмъ меньше потерь при предстоящемъ намъ дѣлѣ, потому наканунѣ я послѣдовательно собиралъ офицеровъ, при чемъ въ сущности изложилъ слѣдующее:

«Намъ приказано взять завтра Горный Дубнякъ; мы исполнимъ это во что бы то не стало и не смотря ни на какія жертвы. Всѣ взоры обращены на первый бой русской гвардіи. Не сомнѣваясь въ конечномъ успѣхѣ завтрашняго дня, я предупреждаю, что дѣло, вѣроятно, не обойдется безъ крупныхъ жертвъ, которыя будутъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ торопливѣе будемъ дѣйствовать и чѣмъ болѣе будемъ отступать отъ основъ веденія боя. Изъ собранныхъ мною справокъ оказывается, что турки обыкновенно располагаются въ нѣсколькихъ рядахъ окоповъ; повидимому, то же сдѣлано и подъ Дубнякомъ. Замѣчено также, что въ заднихъ окопахъ турки держатся упорнѣе, чѣмъ въ переднихъ. Поэтому намъ нужно главное не торопиться; артиллеріи особенно предоставить полную возможность выполнить свою работу. Когда же приказано будетъ перейти къ атакѣ, то слѣдуетъ идти безъ оглядки и безповоротно. Видя рѣшимость нашу во что бы ни стало взять окопы, турки, вѣроятно, уступятъ ихъ намъ и сосредоточатся въ заднихъ траншеяхъ. Тутъ наступаетъ для атакующихъ обыкновенно труднѣйшая минута; много примѣровъ показываютъ, что, увлеченные боемъ и первымъ успѣхомъ, наши бросались за уходившими, надѣясь ворваться на плечахъ ихъ въ задніе окопы, но часто это не удавалось по недостатку уже расшатанныхъ силъ и внутренней связи. Убѣждаю не слѣдовать этому примѣру; напротивъ, занявъ первые окопы, остановитесь, соберитесь, устройтесь и начинайте дѣло какъ бы сначала. Потомъ уже дѣйствуйте».

Какъ извѣстно, къ сожалѣнію, на дѣлѣ вышло совсѣмъ другое; указанія эти были совершенно забыты, и войска двигались торопливо и какъ взапуски.

Часто, послѣ кампаніи, спрашивалъ я сослуживцевъ, почему все это такъ вышло, и въ большинствѣ случаевъ получалъ въ отвѣтъ, что мы находились въ какомъ-то чаду; въ душѣ и умѣ закрѣпились, главнымъ образомъ, слова: «Дубнякъ долженъ быть взятъ во что бы то не стало, всѣ смотрятъ на насъ, можно взять укрѣпленіе нахрапомъ, стрѣльбой много не занимайся, а бей турку штыкомъ». Первое заявленіе, говорили они, слышали отъ меня, а послѣднія отъ генерала Гурко.

Закончивъ хозяйственныя распоряженія по переходѣ на выюкъ, я старался ближе уяснить себѣ способъ будущаго нашего дѣйствія 12-го октября. Непосредственное выполнение атаки моей колонны лежало въ рукахъ двухъ командировъ полковъ; одинъ изъ нихъ молодой, впечатлительный, довольно скорый въ рѣшеніяхъ, недолго служившій въ строю, получилъ первоначальное боевое воспитаніе на Кавказѣ, гдѣ не привыкли считать врага и углубляться въ тактическія премудрости. Другой, отличный офицеръ генеральнаго штаба, опытный преподаватель тактики, общительный, осмотрительный, но въ то же время нѣсколько медленный въ рѣшеніяхъ. «*Quart d'heure de grâces*» имѣло для него большое жизненное значеніе. Что касается полковъ бригады, то первый былъ твердъ, стоекъ, но нѣсколько задоренъ, потому для успѣшнаго командованія имъ требовалась нѣкоторая сноровка. Для сохраненія должнаго безпристрастія скажу о второмъ полкѣ, что въ четыре года командованія имъ я стремился перейти отъ прежней системы управленія черезъ фельдфебелей къ передачѣ всего веденія и воспитанія людей въ руки офицеровъ, не исключая самыхъ молодыхъ; въ отношеніи боевой подготовки я могъ, хотя съ нѣкоторыми затрудненіями свыше, примѣнить главные основы, вынесенныя мною изъ германо-французской войны, коей я былъ участникомъ. Первое изъ сихъ стремленій было достигнуто скоро и безъ особыхъ осложнений; способъ же дѣйствія подъ Горнымъ Дубнякомъ доказываетъ, что въ отношеніи боевой подготовки я не успѣлъ достигнуть намѣченной цѣли.

Взвѣсивая только что выписанныя данныя, предстоявшій бой представлялся мнѣ такъ: въ общемъ главная работа будетъ предоставлена огню, а къ штурму перейдемъ такъ къ вечеру. Для достиженія сего и уравновѣсивая дѣйствія полковъ, придется придерживать одного командира, пододвигая временами другого. Я тѣмъ болѣе считалъ возможнымъ рассчитывать на вѣрность изложенныхъ соображеній, что давно и хорошо зналъ командировъ и ввѣренныя имъ части. И что же? съ перваго, такъ сказать, абцуга дѣйствительность выказала ошибочность моихъ предположеній.

Въ сумеркахъ мы въ послѣдній разъ собрались къ палаткѣ нашего начальника дивизіи, скорбя и признавая ошибочнымъ не-

предоставленіе ему по диспозиціи болѣе опредѣленной роли. Осушая стаканъ вина съ полнымъ пожеланіемъ успѣха, всѣ начальники были если не въ веселомъ настроеніи, то во всякомъ случаѣ въ весьма бодромъ. Одинъ казался подъ давленіемъ недобраго предчувствія, а именно В. Н. Лавровъ; что касается меня, то я рѣшительно не имѣлъ никакого дурного предчувствія, что трижды подчеркнулъ въ послѣднемъ письмѣ къ семьѣ, нынѣ находящемся въ моихъ рукахъ и сданномъ на почту передъ самымъ выступленіемъ въ бой. Полагая, что диспозиція на 12-е октября достаточно извѣстна, ограничусь лишь указаніемъ, что для атаки Горнаго Дубняка предназначенныя для сего войска были распредѣлены въ трехъ колоннахъ: въ первую вошла гвардейская стрѣлковая бригада, въ среднюю—л.-гв. Саперный батальонъ и 1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а въ лѣвую—2-я бригада той же дивизіи. Обеспеченіе атаки Горнаго Дубняка было возложено: со стороны Плевны на три полка 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а со стороны Телиша—на л.-гв. Егерскій полкъ. Всѣ выступили въ установленное время въ ночь съ 11-го на 12-е октября. Тихо двигались мы къ р. Виду, которую перешли въ бродъ, имѣя воду мѣстами выше колѣнъ. По ту сторону рѣки средняя колонна остановилась на избранномъ подполковникомъ Ставровскимъ мѣстѣ: каждый полкъ имѣлъ въ видѣ авангарда по батальону; впереди разѣзжали казаки. Въ этомъ положеніи полагали остаться до времени, назначеннаго по диспозиціи для начатія дѣла. Прикрывшись плащомъ, я съ состоящими при мнѣ офицерами прилегъ подъ деревомъ, находившимся въ срединѣ расположенія колонны. Сколько времени прошло въ такомъ положеніи, опредѣлить не могу, но еще солнце не показывалось на горизонтѣ, когда прискакалъ офицеръ, спрашивавшій начальника колонны. Соскочивъ съ лошади, онъ приблизился ко мнѣ и передалъ буквально слѣдующія слова: «Генераль Гурко приказалъ средней колоннѣ начинать». Не понимая смысла этого приказанія, я просилъ ближайшаго разъясненія, котораго ординарецъ, однако, не могъ исполнить. Тогда я приказалъ подполковнику Ставровскому записать фамилію офицера, время его прибытія и точныя слова переданнаго приказанія; при этомъ я поручилъ пор. Бураго (фамилія ординарца) доложить генералу Гурко, что понимаю полученное приказаніе въ томъ смыслѣ, чтобы средняя колонна начала безотлагательно выполнять указанія диспозиціи. Пока дѣлались соотвѣтственныя распоряженія, мнѣ невольно представилось сраженіе подъ р. Черной въ Крымскую войну, начавшееся также подобно мноу полученному приказанію: «начинайте!» Подполковникъ Ставровскій, любившій подшутить, чтобы разсѣять впечатлѣніе, подъ которымъ находились мы, разсказалъ подобный же случай, бывшій на одномъ изъ маневровъ подъ Краснымъ Селомъ. Тогда началь-

никъ колонны также получилъ приказаніе: «вашему превосходительству приказано начинать». На вопросъ, что начинать, онъ не получилъ разъясненія, а потому, обращаясь къ старшему по себѣ генералу, тутъ же находившемуся, серьезно сказалъ: «Ваше превосходительство, начинайте». Когда это приказаніе дошло до лица, долженствовавшаго привести его въ исполненіе, онъ вопросительно взглянулъ на офицера генеральнаго штаба, не замедлившаго доложить, что слѣдуетъ начать съ начала, т. е. выслать разъѣзды, потомъ передовой отрядъ и т. д. Такъ сдѣлали и мы. Казаки двинулись впередъ, за ними въ надлежащемъ разстояніи пошли передовыя и главныя части колонны. Я поѣхалъ осмотрѣть выбранное Ставровскимъ мѣсто для первоначальной артиллерійской позиціи. Вскорѣ послышались у турокъ сигналы, а затѣмъ и перестрѣлка, артиллерія турецкая молчала, а потому и нашей было приказано не открывать огня по достиженіи выбранной позиціи. Вдали виднѣлась группа всадниковъ въ сопровожденіи конвоя; то былъ г.-а. Гурко; вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ ординарецъ съ вопросомъ: «почему медлитъ колонна?» Пѣхотныхъ частей не было видно, все прикрывалось дубнякомъ; хотя мнѣ и казалось, что средняя колонна еще находится передъ непріателемъ, я тѣмъ не менѣе уже готовился отдать приказаніе къ открытію огня, когда получилъ записку генерала Розенбаха, начальника лѣвой колонны, извѣщавшаго о задержкѣ его колонны на переправѣ черезъ р. Видъ и невозможности потому прибыть на мѣсто ранѣе часа. Поручивъ Ставровскому сообщить о томъ полкамъ съ приказаніемъ приостановить дальнѣйшее движеніе, я въ то же время донесъ о томъ командующему войсками; затѣмъ турецкая артиллерія открыла огонь, на который стали отвѣчать и наши двѣ батареи, занявшія позицію въ разстояніи 800—700 сажень отъ укрѣпленія. Кромѣ своей артиллеріи, мы ничего не видѣли; въ кустахъ влѣво отъ меня стояло знамя съ прикрытіемъ, оказавшееся принадлежащимъ лейбъ-гренадерамъ. Мы имѣли полное основаніе полагать, что все остановилось въ ожиданіи прибытія лѣвой колонны. Вдругъ раздался сильный ружейный огонь впереди и нѣсколько влѣво отъ насъ. Мы немедленно отправились по направленію выстрѣловъ, но долго не могли найти въ густомъ дубнякѣ гренадеръ. Опасаясь за лѣвый флангъ артиллеріи, казавшійся не прикрытымъ, я приказалъ передвинуть туда одну или двѣ роты л.-гв. Московскаго полка. Наконецъ, почти на лѣвой окраинѣ нашего участка наткнулся я на лежащія роты лейбъ-гренадеръ. Въ углубленной дорогѣ стояла группа изъ командира полка и его штаба. Оказалось, что вслѣдствіе трудности ориентировки въ высокомъ дубнякѣ полкъ при движеніи принялъ влѣво, при чемъ 2 батальона второй линіи вошли въ промежутки передовой линіи (1-й батальонъ былъ выдѣленъ въ бригадный резервъ). Командиръ

полка, считая неудобнымъ остановиться въ чащѣ лѣса, ничего не видя передъ собою, продолжалъ наступленіе до опушки, но тутъ былъ встрѣченъ убійственнымъ огнемъ, особенно изъ близлежащаго передового укрѣпленія. Возобновивъ приказаніе ничего рѣшительнаго не предпринимать, ограничиваясь лишь огнемъ, выжидать приближенія и совокупнаго дѣйствія лѣвой колонны, я поручилъ полковнику Любовицкому заполнить промежутокъ, образовавшійся между лейбъ-гв. Московскимъ полкомъ, и взять во 2-ю линію батальонъ, находившійся на лѣвомъ флангѣ уже на участкѣ лѣвой колонны. При этомъ я предупредилъ, что, несмотря на введеніе трехъ батальоновъ въ боевую линію и отсутствіе резерва, 1-й батальонъ не будетъ присоединенъ къ полку изъ бригаднаго резерва до полного разъясненія обстоятельствъ. Такое положеніе лейбъ-Гренадерскаго полка при самомъ началѣ боя настолько не согласовалось съ моими видами, что я смутился и, опасаясь, что подобное же могло повториться и въ л.-гв. Московскомъ полку, я неотлагательно поскакалъ къ нему, оставивъ Ставровскаго при гренадерахъ, съ тѣмъ, чтобы онъ прибылъ ко мнѣ по выполненіи гренадерами моихъ требованій. Къ большому успокоенію моему я нашелъ въ лейбъ-гв. Московскомъ полку все благополучно; они буквально выполнили приказаніе; только 4-й батальонъ достигъ опушки, обнаруживая себя возможно меньше. Артиллерія продолжала дѣйствовать съ прежней позиціи, но безъ видимаго вреда для противника. По истеченіи нѣкотораго времени внезапно послышался со стороны гренадеръ сильный огонь, а затѣмъ крикъ «ура». Съ нетерпѣніемъ ждалъ я возвращенія Ставровскаго, послѣдовавшаго вслѣдъ за тѣмъ съ докладомъ, что лейбъ-гренадеры атаквали, а затѣмъ заняли передовой редутъ. Что побудило командира принять это самостоятельное рѣшеніе, осталось мнѣ неизвѣстнымъ; одно лишь было ясно, что положеніе полка стало настолько серьезнымъ, что предпринять что-либо при настоящемъ состояніи оказалось невозможнымъ, а потому полковнику Любовицкому пришлось непосредственно просить поддержки приближавшагося въ это время лейбъ-гв. Павловскаго полка; кромѣ того, онъ считалъ необходимымъ присоединить къ полку его 1-й батальонъ. Въ видахъ облегченія гренадеръ, на которыхъ былъ направленъ почти весь огонь турокъ, я лично приказалъ генералу Брокъ усилить боевую линію и придвинуть ее на разстояніе дѣйствительнаго огня, удерживаясь во всякомъ случаѣ отъ атаки. Артиллеріи приказалъ избрать другую позицію, не далѣе 600 сажень отъ противника. Усилившійся огонь, а затѣмъ все увеличивающееся число раненыхъ москвитцевъ показывало, что турки обратились противъ нихъ. Желая лично удостовѣриться въ выполненіи л.-гв. Московскимъ полкомъ наступательнаго движенія, я съ окружающими меня лицами поѣхалъ

впередъ; переѣзжая открытую поляну, безъ сомнѣнія, уже прежде намѣченную турками, мы были буквально засыпаны массою пуль. Два казака были тотчасъ же сбиты, а лошадь храбраго полковника Мелана убита; затѣмъ, подѣзжая къ противоположной сторонѣ поляны, была ранена моя лошадь. Она не могла слѣдовать далѣе, что заставило меня слѣзть, простившись съ добрымъ и выносливымъ конемъ; я пошелъ дальше, но въ то же время мгновенно почувствовалъ сильный ударъ по животу, отъ котораго упалъ. Сгоряча я немедленно поднялся и пытался продолжать путь, но боль, потеря крови и наступившее головокруженіе заставили меня лечь. Полковникъ Меланъ и два казака уложили меня за земляною складкою. Пули пролетали и врѣзывались въ землю кругомъ въ огромномъ количествѣ.

Въ такомъ положеніи засталъ меня подполковникъ Ставровскій съ докладомъ, что лѣвая колонна вступила въ бой, а для артиллеріи выбрана новая позиція; кромѣ того, онъ еще разъ подтвердилъ необходимость присоединить къ полку 1-й батальонъ. Не признавая возможнымъ оставлять за собою дальнѣйшее веденіе колонны, я сдалъ командованіе вблизи находившемуся генералу Броку и поручилъ Ставровскому обо всемъ лично доложить генералу Гурко. На этомъ кончаются личные мои наблюденія о боѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ.

Огонь въ томъ мѣстѣ, гдѣ я лежалъ, былъ настолько силенъ, что перенесеніе меня было бы сопряжено съ явною опасностью для себя и другихъ, и такъ какъ страданія не были чрезмѣрны и я не терялъ много крови, то и рѣшился остаться до болѣе благопріятной минуты. Уже солнце было высоко, когда огонь сталъ неожиданно слабѣть; этимъ воспользовались находившіеся при мнѣ казаки и, поддерживаемый двумя изъ нихъ, я поползъ къ ближайшему перевязочному пункту. Для прикрытія меня отъ непріятельскихъ пуль, непосредственно за нами велись наши лошади; впрочемъ, огонь противника въ эту минуту былъ направленъ почти исключительно на выѣзжавшую на новую позицію батарею полковника Арсеньева и противъ развернувшейся лѣвой колонны, что и способствовало благополучному проходу нашему черезъ сильно поражаемую полосу. Высланныхъ ко мнѣ носильщиковъ я не встрѣтилъ, а потому съ болѣе или менѣе продолжительными остановками я, порядочно утомленный, дотащился до перевязочнаго пункта л.-гв. Московскаго полка, на которомъ находилось уже довольно большое число страдальцевъ. Докторъ Подобѣдовъ, осмотрѣвъ рану, угрюмо переглянулся съ своимъ ассистентомъ, обмылъ кровь и ограничился наложеніемъ компресса. Оказалось, что пуля системы Снейдера ударила въ змѣйку поясной портупей и, потерявъ силу по входѣ въ полость живота, перемѣнила направленіе влѣво и остановилась подъ послѣднимъ, всячимъ ребромъ. Меня уложили

на носилки подъ тѣнью лазаретной кареты. Солнце пекло сильно. Неоднократно подходилъ докторъ, подбадривая словами: «ничего, ничего, пульсъ хорошъ, глаза полны жизни, все обойдется благополучно». Наконецъ рѣшено было нести меня далѣе, за р. Видь, на главный перевязочный пунктъ.

Вскорѣ принесли туда и генерала Розенбаха, раненаго навзлетъ въ полость живота и контуженнаго въ плечо. Нашли возможность помѣстить насъ подъ деревянной крышей; кругомъ лежало на соломѣ много раненыхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Люди наши, узнавъ о нашемъ раненіи, не замедлили явиться, оплакивая наше положеніе. Къ вечеру стало холодѣть, а ночью вся земля покрылась бѣлою пеленою. Генералъ Розенбахъ очень страдалъ отъ раны и сильнаго кашля; я же не ощущалъ особой боли. Вокругъ насъ слышались стоны и жалобы. Число раненыхъ увеличивалось ежеминутно; они приносили съ собою неутѣшительныя вѣсти. Укрѣпленіе еще не было взято, а между тѣмъ потери простирались уже до трехъ тысячъ. Сердце болѣзненно сжималось, когда называли павшихъ геройскою смертью и раненыхъ: Лавровъ, Эбелингъ, Руновъ, Мевесъ, Скалонъ, Аспелундъ 1-й и 2-й, Лукошковъ, Роговской, Ермолаевъ, Хоммаръ, Сироцинскій, Хирнъ, Шейдеманъ, и т. д., все лучшіе и надежнѣйшіе офицеры. Поздно вечеромъ мы наконецъ узнали о взятіи Горнаго Дубняка и объ отраженіи лейбъ-егерей у Телиша.

Послѣ долгаго томленія я наконецъ задремалъ, Н. А. Розенбахъ также нѣсколько успокоился, какъ вдругъ я проснулся отъ какого-то ужаса; мнѣ казалось, что только что почившіе товарищи и раненые, окруженные множествомъ нижнихъ чиновъ, хорошо мнѣ извѣстныхъ въ лицо, надвигались, крича и указывая на меня какъ на виновника страшныхъ потерь. Вѣроятно, видѣніе это вызвало съ моей стороны крики, ибо немедленно вошли докторъ и денщики. Въ теченіе многихъ ночей тотъ же кошмаръ преслѣдовалъ меня. На слѣдующій день прибылъ главнокомандующій, который при посѣщеніи обошелся съ нами крайне ласково. Послѣ совѣщанія докторовъ положено было отправить Н. А. Розенбаха и меня въ Боготъ. Насъ уложили въ лазаретную карету и въ сопровожденіи доктора Попова, нынѣ профессора, и поручика лейбъ-гв. Павловскаго полка барона Кюне, мы выѣхали 14-го октября въ путь. Хотя нельзя было удобнѣе устроить нашу перевозку, но вслѣдствіе дурныхъ дорогъ и валкости кареты мы порядкомъ измучились; особенно чувствовалъ себя дурно Н. А. Розенбахъ, и часто докторъ Поповъ, сидѣвшій на козлахъ, переглядывался со мной, выражая опасеніе за ближайшій исходъ. Было уже почти темно, когда услышали движеніе войскъ, шедшихъ намъ навстрѣчу.

Вслѣдъ за тѣмъ раздался знакомый голосъ, спрашивавшій доктора Попова, кого везутъ; карета остановилась, и съ боку, раздвиг-

нувъ занавѣски, просунуть голову генераль-лейтенантъ Каталей, шедшій впереди ввѣренной ему 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи на соединеніе съ другими войсками гвардіи. Мы были съ нимъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, часто засѣдая въ разныхъ комитетахъ. Генераль Каталей высказалъ намъ горячее сочувствіе; благословляя, онъ со слезами простился съ нами. Кто могъ думать тогда, что дни его были уже сочтены и что онъ черезъ короткое время падеть отъ вражьей пули, слѣдуя, какъ и теперь, во главѣ своей дивизіи. Намъ же, казавшимся столь близкими къ смерти, суждено было выздоровѣть. Ночь провели въ какой-то избушкѣ, а на слѣдующій день прибыли въ Боготъ. Большая кибитка, разбитая близъ ставки главнокомандующаго, ожидала насъ, и какъ великій князь, такъ и другіе осыпали заботою и вниманіемъ. Доктора Обермиллеръ, Каце, Вааль и Пироговъ осмотрѣли насъ и положили воспользоваться первою возможностью для отправленія въ Систово. Великій князь передалъ, между прочимъ, что государь крайне опечаленъ огромными потерями гвардіи и прибудетъ на слѣдующій день для посѣщенія раненыхъ и войскъ. Императору предшествовалъ докторъ Боткинъ, которому его величество поручилъ удостовѣриться, не встревожитъ ли насъ его посѣщеніе. Затѣмъ послышался голосъ государя:

— Слава Богу; я къ нимъ.

Поля кибитки распахнулись, и вошелъ монархъ въ сопровожденіи главнокомандующаго и военнаго министра Д. А. Милютина. Государь казался намъ значительно похудѣвшимъ и блѣднымъ; на челѣ его выражалась глубокая скорбь. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ государь сказалъ:

— Здравствуйте, мои дорогіе, бѣдные страдальцы. Не думалъ я, что придется такъ скоро видѣть васъ въ такомъ положеніи.

Перекрестивъ насъ и пожавъ руку, онъ сѣлъ въ принесенное походное кресло и съ кажущимся отгѣнкомъ упрека въ голосѣ отозвался:

— Гвардія не пожалѣла себя, а старые начальники вели себя въ бою, какъ поручики, находясь постоянно впереди. Когда телеграфъ передалъ мнѣ имена выбывшихъ изъ строя, я сначала заподозрѣлъ измѣну со стороны турокъ, ложно заявившихъ готовность свою на сдачу. Слава Богу, это не оправдалось. Но отчего васъ пало такъ много? Ты, напримѣръ,—обратился государь ко мнѣ:—какъ и когда раненъ и зачѣмъ находился впереди?

Я доложилъ его величеству въ нѣсколькихъ словахъ обстоятельства, сопровождавшія мое раненіе, послѣ чего онъ обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ генералу Розенбаху. Государь оставался у насъ минутъ 20, расспрашивая о семействахъ нашихъ, и со свойственнымъ ему одному милосердіемъ и состраданіемъ сказалъ:

— О семействѣ не заботьтесь, это моя святая обязанность. Вы только поправляйтесь. Ну, прощайте; ѣду къ вашимъ товарищамъ; благодарю за самоотверженную службу; я никогда ее не забуду.

Осѣняя насъ крестомъ и желая осчастливить объятіемъ, его величеству пришлось настолько нагнуться къ лежащимъ на низкихъ носилкахъ, что почти коснулся колѣномъ земли.

Эта торжественная минута моей жизни никогда не изгладится изъ благодарной памяти къ незабвенному монарху.

Минута эта, достойная кисти живописца, была дѣйствительно умилительная: обширная бѣлая киргизская кибитка, по сторонамъ на низкихъ носилкахъ два раненыхъ генерала, казавшіеся приговоренными къ смерти. Надъ ними преклоненный, осѣняющій крестомъ верховный царственный вождь; въ нѣкоторомъ отдаленіи главнокомандующій, сострадательно смотрѣвшій на насъ, а за нимъ Д. А. Милютинъ и докторъ Боткинъ.

По отбытіи государя посѣтили насъ: князь румынскій, графъ Тотлебенъ и другіе, что подъ конецъ настолько утомило насъ, что дальнѣйшій допускъ посѣтителей былъ воспрещенъ докторами. Не могу не вспомнить при этомъ, что начальникъ госпиталей, генералъ Косинскій, сказалъ мнѣ: «Будьте спокойны, останетесь въ живыхъ; я по обязанности своей видѣлъ много раненыхъ и вынесъ убѣжденіе, что пораженные въ полость живота, пережившіе три дня, почти всегда выздоравливали». Отзывъ этотъ, разумѣется, для меня весьма былъ утѣшителенъ. На слѣдующій день насъ повезли черезъ Булгорени въ Систово, гдѣ помѣстили въ евангелическомъ госпиталѣ, во главѣ котораго находился профессоръ Ж. Вааль.

Госпиталь этотъ, снаряженный благотворительностью при с.-петербургскомъ евангелическомъ обществѣ, по водвореніи въ Систовѣ, отличался своею чистотою, уходомъ за ранеными и благоустройствомъ. Намъ отвели особую комнату, которая до закрытія госпиталя удержала за собою названіе «генеральской комнаты». Утомленныхъ двухдневнымъ переѣздомъ уложили въ постели съ чистымъ бѣльемъ; мы уже давно не испытывали такого наслажденія и блаженства и смиренно возносили благодарственные молитвы къ подножію престола Всевышняго.

Извѣстіе о громадныхъ потеряхъ гвардіи подъ Горнымъ Дубнякомъ съ неимоверною быстротою достигло Петербурга и произвело потрясающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что, объявивъ въ видѣ слуха имена раненыхъ и убитыхъ, газеты долго были лишены возможности сообщить дальнѣйшія подробности. Семейства наши встревожились, и многія стали готовиться къ отъѣзду на театръ войны для ухода за ранеными или привоза тѣлъ убитыхъ. Докторъ Вааль, убѣжденный въ отсутствіи непосредственной опасности для нашей жизни, а также въ возможности ско-

раго отправленія нашего на родину для дальнѣйшаго леченія, телеграфомъ убѣдительно просилъ жену мою и О. И. Розенбахъ не пускаться въ дальній и затруднительный путь. Тѣмъ не менѣе, 27 октября Н. А. Розенбахъ получилъ депешу о неотлагательномъ приѣздѣ его супруги, а вслѣдъ за тѣмъ, несмотря на множество встрѣченныхъ препятствій, она прибыла въ Систово. Второй разъ уже приходилось О. И. Розенбахъ спѣшить къ раненому мужу, такъ какъ во время усмиренія польскаго мятежа онъ, состоя въ л.-гв. Стрѣлковомъ его величества батальонѣ, былъ также пораженъ пулей въ полость живота.

Зная, насколько непріятна гласность для женщины, отличающейся высокими душевными качествами, я тѣмъ не менѣе не могу не выписать изъ дневника тѣ выраженія глубокой благодарности къ многоуважаемой О. И. Розенбахъ, которыя занесены мною въ дневникъ. Да проститъ она мнѣ, съ свойственною ей добротою и снисходительностью, эту нескромность. Съ перваго, такъ сказать, появленія ея въ нашу комнату она сумѣла своею привѣтливостію, ласкою и спокойнымъ уходомъ вселить во мнѣ безграничное довѣріе и признательность. Устраняя всѣ заботы, какъ во время нахожденія въ Систовѣ, такъ и при продолжительномъ перѣздѣ отъ Дуная на родину, она, подобно лучшей изъ сестеръ милосердія, непрестанно пеклась о предоставленіи намъ возможныхъ удобствъ и уменьшеніи страданій.

Въ ея заботливомъ сопровожденіи выѣхали мы 28 октября изъ Систова, унося съ собою благодарное воспоминаніе о времени, прожитомъ подъ покровомъ евангелическаго госпиталя.

Путь нашъ лежалъ черезъ Алтирнацы и Фратешты, гдѣ насъ принялъ румынскій поѣздъ, плохо приспособленный къ перевозкѣ раненыхъ. Въ Яссахъ, куда прибыли очень утомленными, ожидалъ насъ прекрасный санитарный поѣздъ, устроенный Г. Ф. Меккомъ и состоявшій подъ покровительствомъ великой княгини Маріи Павловны. Устройство этого поѣзда отвѣчало изысканнѣйшимъ требованіямъ удобства и роскоши. Во время пути состояніе моего здоровья внезапно ухудшилось, я лишился возможности малѣйшаго движенія, и весь каналъ раны значительно опухъ. Къ сожалѣнію, профессоръ Вааль долженъ былъ оставить нашъ поѣздъ, поручивъ насъ надзору двухъ неопытныхъ студентовъ; они часто подходили безпомощно ко мнѣ и рѣшили намазать рану іодомъ. По озабоченнымъ чертамъ О. И. Розенбахъ я видѣлъ трудность моего положенія; позднеѣе она сознавалась, что ежечасно ожидала начала агоніи, настолько казался я страдающимъ. Послѣ продолжительнаго слѣдованія, ускореннаго лишь вмѣшательствомъ генерала М. Н. Анненкова, поѣздъ нашъ прибылъ наконецъ въ Петербургъ. Въ Двинскѣ встрѣтила меня моя бѣдная жена, взволнованная и уstraшенная положеніемъ, въ которомъ я находился.

Въ квартирѣ моей ожидали профессоръ Вааль съ ассистентомъ докторомъ Шмицемъ. Они нашли необходимымъ тотчасъ же вскрыть рану; обиліе вышедшаго гноя показало, какъ близокъ я былъ къ зараженію крови. Операция эта значительно облегчила меня и подъ заботливымъ уходомъ семьи я сталъ постепенно поправляться. Объ извлеченіи пули, по мнѣнію хирурговъ, не могло быть пока и рѣчи. Тогда вѣдь еще не были открыты лучи X профессора Рентгена. Выздоровленіе усложнялось постоянными воспаленіями и нарываніями, происходившими отъ выхода изъ канала раны разныхъ частицъ одежды и снаряженія, вогнанныхъ пульей.

Только въ февралѣ 1878 года пуля стала яснѣе обнаруживаться, вслѣдствіе чего она и была извлечена 26 февраля. Въ маѣ я отправился для дальнѣйшаго леченія за границу. Находясь въ Спа, я неожиданно получилъ телеграмму графа Гейдена съ извѣщеніемъ о пожалованіи мнѣ и Розенбаху ордена св. Георгія 4-й степени. Графъ Шуваловъ, украшенный 4-й и 3-й степенью того же ордена, при первомъ свиданіи съ государемъ императоромъ, благодарившимъ его за доблестную службу во время войны, не преминулъ доложить его величеству, что начальники колоннъ, взявшихъ Горный Дубнякъ, заслужили св. Георгія. Государь немедленно повелѣлъ украсить насъ этимъ завиднымъ орденомъ. Въ то же время я получилъ приказаніе, ежели здоровье мое то допустить, отправиться въ Кассель для участванія на маневрахъ 11-го армейскаго корпуса въ присутствіи только что оправившагося отъ ранъ, нанесенныхъ рукою убійцы, императора Вильгельма I.

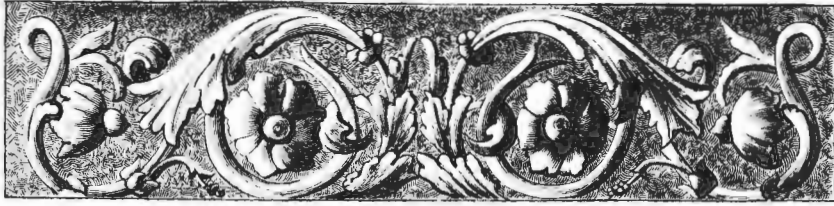
Къ этому времени здоровье мое настолько окрѣпло, что я безъ утомленія могъ принять участіе на всѣхъ смотрахъ и парадахъ, а потому имѣлъ полную возможность признать себя вполне выздоровѣвшимъ отъ раны, полученной за 10 мѣсяцевъ назадъ.

Не могу при этомъ не перенестись съ чувствомъ глубокой и благоговѣйной признательности къ милостивому приему императора Александра II по возвращеніи его величества съ театра войны.

— Я очень радъ,—сказалъ государь,—видѣть тебя настолько поправившимся; признаюсь, когда Розенбахъ и ты были въ Боготѣ, я думалъ, что прощаюсь съ вами навсегда.

Баронъ Л. Л. Зедделеръ.

СЕМЕЙНЫЙ РАЗЛАДЪ.

(Повѣсть).

I.

ВЪ ВАГОНѢ перваго класса въ глубокомъ траурѣ ѣхала въ отдѣльномъ купе молодая женщина. Костюмъ ея былъ изящный, очевидно, сшитый лучшимъ портнымъ. Вещи, лежавшія въ сѣткахъ и на свободныхъ мѣстахъ сидѣній, тоже изящныя, носившія отпечатокъ Кюпа, Букнола, и пр. И сама она была изящная, стройная, не очень худая, не очень высокая, но очень крѣпкая, очень граціозная, съ массой темно-бронзовыхъ, пушистыхъ волосъ, съ двумя рядами прекрасныхъ зубовъ, съ пунцовымъ, довольно большимъ, но красиво очерченнымъ и добрымъ ртомъ, съ великолѣпными сѣрыми, темными глазами. Сидѣла она глубоко на диванѣ, кончикомъ изящной маленькой ножки опираясь въ противоположное сидѣнье, и, казалось, мыслями ушла далеко-далеко. На самомъ дѣлѣ нельзя было назвать мыслями то, во что ушла молодая женщина. Это были не мысли, а скорѣе ощущенія, овладѣвшія всѣмъ ея существомъ... Принято говорить, что поэтъ мыслить образами... Съ перваго раза, какъ Татьяна Алексѣевна Умова, тогда 15-лѣтняя Таня, услышала отъ учителя словесности это положеніе или истину, — она удивилась. Неужели только поэты мыслятъ образами? А другіе-то какъ же? И одновременно ей стало и жаль, что она не мыслить, какъ другіе, безъ образовъ, какими-то свѣтовыми точками, — какъ инфузоріями, представляла она себѣ, задумываясь и

щуря великолѣпные глаза, — и одновременно она внутренне стала гордиться собой: она положительно не могла мыслить безъ образовъ. Значить... она была поэтъ?! Въ настоящую минуту Татьяна Алексѣевна вся ушла въ образы, т. е. мысли и ощущенія. Она была вдова, ей было 26 лѣтъ, и она была независима и обезпечена. Кромѣ того, она была здорова, красива и... ѣхала первый разъ за границу. Покойный мужъ ея, бывшій правовѣдъ, не изъ правовѣдовъ-шаркуновъ, а изъ правовѣдовъ чиновниковъ и труженниковъ, умеръ мѣсяца три назадъ и оставилъ женѣ все свое состояніе. За ней родители ничего не дали, кромѣ приданого, т. е. трипокъ, мебели для спальни и гостиной и кухонной посуды. Жили они съ мужемъ безбѣдно, но очень скромно... То же платье передѣлывала Татьяна Алексѣевна по нѣскольку разъ... и вдругъ, овдовѣвъ, Татьяна Алексѣевна узнала, что она обладательница 130 тысячъ. До того, какъ она узнала, что онѣ у нея есть, она отлично понимала фразы: «дѣло наше вдовье»... или: «при мужѣ не такое было мое житье», или еще: «по мужьямъ насъ дѣвнать», и фразы эти постоянно припоминались ей и то жгли, обжигали ее, какъ огнемъ, то обдавали ее холодомъ. Мысль же: что съ ней теперь будетъ? (мужъ пенсіи не выслужилъ) и днемъ и ночью послѣ похоронъ терзала ее, примѣшиваясь къ острому горю потери мужа, котораго она искренно любила, т. е. къ которому привязалась, какъ къ доброму, хорошему человѣку. И вдругъ оказалось, что есть духовное завѣщаніе, есть 130 тысячъ? Всѣ фразы: «дѣло наше вдовье» и пр. утратили смыслъ, и это не только сказали молодой женщинѣ ея родственники и знакомые, но это, — какъ ни старалась задавить въ себѣ «подлая» мысли, — почувствовала сама Татьяна Алексѣевна. Тогда въ перспективѣ было возвращеніе къ родителямъ, старой генеральской четѣ, сводившей, за отставкой отца, еле-еле концы съ концами, возвращеніе къ дѣвичьимъ пенатамъ и дѣвичьимъ стараніямъ добыть себѣ жениха. Теперь дѣло было иное: можно было и помочь старикамъ, и не думать о женихахъ! И какъ ни отгоняла отъ себя «подлая» мысли молодая женщина, нравственное самочувствіе ея вполнѣ измѣнилось. Она почувствовала приливъ бодрости, силъ, неопредѣленныхъ надеждъ на жизнь и чего-то радостнаго. Она укоряла, упрекала себя, служила панихиды, носила глубочайшій трауръ, старалась ничѣмъ не выдать того, что она чувствовала, и все же, въ глубинѣ ея души, весна жизни свободной, новой, никогда не испытанной, зарождалась все сильнѣе и сильнѣе... Сидя теперь въ купе и по привычкѣ и изъ чувства долга прогоняя жизнерадостное самочувствіе, Татьяна Алексѣевна вспоминала мужа, видѣла его походку, слышала его голосъ. Слезы на мгновеніе наворачивались ей на глаза, — но почти тотчасъ взглядъ ея падалъ на дорожный мѣшокъ изъ черной лакированной кожи съ серебряной монограммой, или на шелковистый

пледъ, или на «уютную» корзинку для провизіи, и ощущение счастья жизни и здоровья, ощущение счастья свободы охватывало ее всю.

«Въ Эйдкуненѣ перейду въ общій вагонъ,—вдругъ рѣшила она.—А то отъ этой поэтической способности мыслить образами и анализировать себя съ ума можно сойти!..» «На людяхъ все же меньше будешь думать о прошломъ, будешь видѣть настоящее», сказала она себѣ еще черезъ минуту и вышла въ коридоръ вагона. Поѣздъ бѣжалъ, накрениваясь и покачиваясь. Въ окнѣ мелькала оттаивавшая, покрывавшаяся зеленью земля, вдали—то поля, то лѣса, вблизи канавы, овраги и насыпи, на которыхъ наивно и жизнерадостно распускали листки чахлыя березы, желтѣли весенніе цвѣты, лютики, цикорій, и изрѣдка бѣлѣли анемоны. Жизнерадостное чувство еще сильнѣе охватило Татьяну Алексѣвну. Она вспомнила изреченіе какого-то француза, что *la Russie est un pays classique, car on n'y voit que des corneilles et des racines*, улыбнулась, тотчасъ загасила улыбку и опять улыбнулась, опять вспомнивъ, какъ одинъ милый симпатичный знакомый-балагуръ увѣрялъ, что колеса вагоновъ торопливо поютъ: «чтобы ей угодить—веселѣй надо быть»...

«Эдакій вздоръ лѣзетъ въ голову!» подумала она, сдвигая брови, и, не желая вернуться въ свое одиночное заключеніе, она опустила стекло окна и, упиваясь особенно чистымъ и душистымъ воздухомъ, какимъ онъ кажется всегда изъ вагона, высунула лицо въ окно.

— Барыня, просятъ закрыть. Закрыть просятъ окно!..—черезъ нѣкоторое время не столько услышала, сколько догадалась она.

Быстро откинувшись и нечаянно ударившись при этомъ головой о раму, она увидѣла кондуктора. Онъ стоялъ передъ ней, отдавая честь, т. е. изрѣдка прикладывая руку къ фуражкѣ, и смущенно повторялъ: «Просятъ закрыть... Дуетъ!.. Сквозить»...

— Кто просить?—съ досадою спросила Татьяна Алексѣвна. Чувство, что кто-то посягаетъ на ея права и свободу, вмѣстѣ съ болью въ головѣ охватило ее, и тотчасъ, вторя ему, въ ней выросло желаніе не поддаться, постоять за себя, показать, что и она тоже что-нибудь да значить.

— Кто просить?—переспросила она и, какъ на обидчика, гордо, свысока посмотрѣла на кондуктора.

— Вотъ они,—отвѣчалъ кондукторъ и протянулъ руку вдалѣ, потомъ со словомъ: «позвольте-съ», отстранилъ молодую женщину, поднялъ стекло и, не глядя ни на кого, пошелъ дальше.

— Нѣтъ, это...—начала было Татьяна Алексѣвна, но тотчасъ оборвала, молча постояла въ коридорѣ... Отчего принято говорить и писать, что путешествія сближаютъ?—думала она.—Потомъ, можетъ быть, да, но вначалѣ, какъ часто люди хотятъ именно показать, что они не позволяютъ наступить себѣ на ногу?..» Посто-

яла, припомнила еще разныя сцены изъ жизни, видѣнныя ею и подтверждающія ея мысли, потомъ оглянула коридоръ и вернулась къ себѣ.

«Съ мужемъ или, вѣрнѣе, при мужѣ со мной не посмѣлъ бы такъ поступить кондукторъ», мелькнуло у нея вдругъ, и на мгновеніе «женское» сознание безпомощности, беззащитности, «вдовьяго дѣла» охватило ее.

«Будто бы и не посмѣлъ!» черезъ мгновеніе отвѣтила она сама себѣ. «Что собственно онъ сдѣлалъ?» Татьяна Алексѣевна усмѣхнулась, пожала плечами и, опять подумавъ, что все это, всѣ эти мелочныя женскія обиды — привычки, привитыя съ дѣтства, и главное — ложь, ложь и ложь, спустила окно и стала смотрѣть изъ окна своего купе.

На первой станціи она вышла на дебаркадеръ и, проходя по коридору, заглянула въ разныя отдѣленія, стараясь догадаться, кто бы могъ приказать кондуктору затворить отворенное ею окно. Но никого не было. Отдѣленія были пусты и не заперты.

«Больной какой-нибудь?» думала она, представляя себѣ страдальца и мысленно даже себя въ видѣ великодушной чародѣйки, не только прощающей капризъ больного, но и возбуждающей къ себѣ его безграничное благоговѣніе.

Въ Эйдкуненѣ, послѣ «игрушечнаго» осмотра багажа, она вошла въ Warte-Saal I класса и, спросивъ стаканъ кофе, сѣла за одинъ изъ многихъ пустыхъ столовъ. Путешествующихъ было мало. Очевидно, массовый перелетъ русскихъ птицъ еще не начался.

Татьяна Алексѣевна оглядѣла залъ, все попрежнему отыскивая обидчика или обидчицу, и пригорюнилась.

Въ одномъ углу, у окна, копошилась древняя старушка въ шляпѣ грибомъ и старомодномъ ватерпруфѣ, нянька въ платочкѣ и грудной ребенокъ въ длинномъ, старомъ, смятомъ, бѣломъ пальто, бѣлой шляпкѣ и синей вуали.

«Эдакая бѣдность! И тоже ѣдетъ за границу!» невольно подумала Татьяна Алексѣевна, и она почти безсознательно стала наблюдать за семьей. — «Ужъ не онъ ли? — думалось ей. — Новъ I классъ!..»

Ребенокъ, страшно худенькій и блѣдный, несмотря на болѣзненный видъ, отличался между тѣмъ замѣчательной подвижностью. Онъ то трогалъ разныя вещи ручнаго багажа, то тянулся къ рюмкамъ, горчичницѣ, цвѣтку и прочимъ вещамъ, стоявшимъ на станціонномъ столѣ, то трогалъ няньку по лицу, или старался стащить съ себя шляпу.

Бабушка, переговариваясь съ няней, доставала и мѣняла ему пеленки и розовые вязаные башмачки.

«Экій уродикъ!» думала Татьяна Алексѣевна, глядя на птичье личико ребенка, но, несмотря на это, она чувствовала, что уродикъ

интересуетъ ее, трогаетъ ее именно своею подвижностью при полномъ отсутствіи капризовъ.

По приказанію старушки черезъ нѣкоторое время кельнеръ имъ тоже подаль кофе, ребенокъ привалился къ груди няни, оказавшейся мамкой, и не успѣла Татьяна Алексѣевна подумать: «кому же третій стаканъ?» какъ въ Warte-Saal и къ столу со старушкой подошла высокая, молодая, небрежно-одѣтая дама въ сопровожденіи носильщика въ блузѣ, съ блестящей номерной мѣдной бляхой.

Татьяна Алексѣевна невольно взглянула на даму и заглядѣлась. Такой прозрачной худобы, такого безкровнаго, трагичнаго лица, казалось ей, она никогда не видала.

«Вотъ съ кѣмъ я сяду въ купе», тотчасъ рѣшила она, не думая о неудобствѣ путешествія съ дѣтьми, и, вставъ, она сгала ходить по залу, чтобы незамѣтно наблюдать за интересовавшей ее семьей.

«Кто изъ нихъ боленъ? Мать и ребенокъ, оба? А бабушка, экая несчастная старушка!.. И, вѣрно, мужъ виноватъ!..»

Раздался звонокъ, призывающій, въ большинствѣ случаевъ, русскихъ путешественниковъ сѣсть въ поѣздъ и продолжать путь по чужеземной, но благоустроенной, для многихъ обѣтованной землѣ, изобильной цѣлительными курортами и пріятными лѣтними уголками. За Татьяной Алексѣевной пришелъ ея носильщикъ и понесъ ея вещи на дебаркадеръ.

— Въ дамское купе,—приказала она, надѣясь, что и бабушка съ бѣби и трагичной дамой сядутъ тамъ же, и она поворачивала назадъ голову и невольно наблюдала: идутъ онѣ, или нѣтъ?... Кажется, нѣтъ. Но онѣ шли, и пока Татьяна Алексѣевна раскладывала при помощи «нумеро-фиръ», какъ звалъ себя носильщикъ, свой ручной багажъ, открывала портмонэ и выискивала непривычные, легковѣсные нѣмецкіе пфенниги, въ вагонѣ появился чужой носильщикъ и вся интересовавшая Татьяну Алексѣевну семья.

Татьяна Алексѣевна отпустила своего толстолицаго жирнаго «нумеро-фиръ», вѣжливо желавшаго ей счастливаго путешествія за ея щедрое вознагражденіе, и пріютилась въ уголокъ.

Поѣздъ черезъ нѣкоторое время тронулся.

— Вамъ не помѣшаетъ, если я спущу штору?—обратилась къ ней вдругъ старуха-бабушка.

— Пожалуйста! — предупредительно отвѣтила Татьяна Алексѣевна, глядѣвшая до того въ окно. Она сдѣлала движеніе, чтобы самой натянуть штору, и взглянула на залитое солнцемъ мѣсто, гдѣ сидѣла кормилица съ ребенкомъ.

— Устанетъ ѣхать,—черезъ мгновеніе сказала она, движеніемъ головы указывая на жмурившагося бѣби, натянувъ и закрѣпивъ бившуюся отъ вѣтра, просвѣчивавшую отъ солнца занавѣску.

Бабушка вздохнула.

Ребенокъ потянулся къ Татьянѣ Алексѣевнѣ и тотчасъ, заигрывая, откинулся и улыбнулся своимъ блѣднымъ уродливымъ личикомъ.

— Мальчикъ или дѣвочка? — съ доброй улыбкой спросила Татьяна Алексѣевна кормилицу.

— Дѣвочка.

— Какъ зовутъ?

— Сонюшка, Софья, — робко сказала кормилица, взглянула испуганно на своихъ барынь и, поставивъ ребенка на ножки, обернула его лицомъ къ себѣ.

Разговоръ завязывался туго. Молодая трагичнолицая дама въ плохомъ сѣромъ дорожномъ костюмѣ и простой мужской соломенной шляпѣ на вьющихся волосахъ высыпала всю мелкую монету, имѣвшуюся у нея въ кошелькѣ, къ себѣ на колѣни и сосредоточенно считала. Кормилица играла съ дѣвочкой, бабушка разматывала шарфъ съ своего худого горла, похожаго на куриную перую шею.

— А у васъ нѣтъ дѣтокъ? — спросила она послѣ длинной паузы, замѣчая продолжавшуюся игру ребенка взглядами и улыбками съ чужой.

Татьяна Алексѣевна отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ и никогда не было.

— Но вы замужемъ или еще барышня?

— Я недавно овдовѣла.

Наступило вновь молчаніе.

Татьяна Алексѣевна инстинктивно потупилась и сдѣлала строгое лицо.

— Да-а! — черезъ минуту вздохнула старушка. — У всякаго свое горе. У одного оттого, что мужъ умеръ. У другого оттого, что мужъ живъ. Охъ, Господи, Господи!

Татьяна Алексѣевна слегка вздрогнула отъ неожиданности и украдкой взглянула на молодую женщину. Та сидѣла, поднявъ лицо, и пристально смотрѣла на нее.

— Ну, бабушка, полноте, — остановила она старушку, отводя глаза отъ Татьяны Алексѣевны, но бабушка не унималась...

— Вотъ и у нея горе! — продолжала она, указывая глазами на кормилицу. — Ее мужъ бросилъ, да и не мужъ онъ ей по закону, ребенокъ въ воспитательномъ умеръ, а она вотъ въ кормилки пошла. Прежде говорили: «cherchez la femme», а теперь слѣдуетъ вездѣ «chercher l'homme»! Да-а!..

Старушка покачала головой.

Татьяна Алексѣевна совершенно не знала, что отвѣтить.

Она слегка улыбнулась и стала смотрѣть въ окно, т. е. въ щель между парусомъ надувавшейся шторой и рамой.

Вмѣсто убогихъ рѣдкихъ избенокъ мелькали всюду чистенькіе оштукатуренные каменные домики нѣмецкихъ крестьянъ; вмѣсто утомительной равнины съ кочками, березками, болотами и топями, терпѣливыми, скорченными будто ревматизмомъ деревцами—тянулись обработанные поля, видѣлись всходы посѣвовъ, фруктовые деревья аллеями, вѣковые и молодые тополи, каштаны въ цвѣту.

«Боже, какъ хорошо имъ тутъ живется!..—неволью пронеслось въ головѣ Татьяна Алексѣевна.—Кажется, и болѣзни тутъ у нихъ и смерти никогда не бываетъ. Волю-то какіе красавцы! А мужики-то, народъ!.. Молодецъ къ молодцу! Рослые, упитанные, пивомъ налитые! Нѣтъ, все же великъ нѣмецкій народъ!»

— Вы лечитесь, вѣрно, ѣдете. Въ Крейцнахъ, для нея?—позднѣ спросила она бабушку, указывая на бѣби. Поѣздъ стоялъ у станціи. Молодой женщины въ вагонѣ не было. Ребенокъ спалъ и во снѣ еще больше былъ раздрателенъ, еще больше походилъ на маленькаго покойника.

Бабушка покачала отрицательно головой.

— Мы въ Италію ѣдемъ,—понижая голосъ, проговорила она.

— Въ Италію? Черезъ Эйдкуненъ?

Бабушка оглянулась: не близко ли кормилица. Она стояла у двери вагона и равнодушно разглядывала чуждый ей народъ.

— Мы прямо въ Парижъ, по дѣламъ, а оттуда ужъ въ Миланъ, дебютировать въ «La Scala».

— Неужели?—съ недоумѣніемъ спросила Татьяна Алексѣевна.—Дебютировать?!

Эта высокая молодая женщина, полуживой ребенокъ, мамка и старушка-бабушка плохо вязались съ представленіемъ о дебютѣ, оперѣ, антрепренерахъ, энергіи и пр.

— Да, вотъ подумайте!—покачала головой старушка, и вдругъ губы ея сложились въ печальную гримасу, и каріе старческіе глаза налились слезами.

— А что жъ я могу сдѣлать?.. Ну, голосъ у нея есть, прелестный голосъ. Захвалили знакомые. Вся Москва ахала... Вотъ и захотѣлось попробовать свое счастье.. на сценѣ. Въ жизни счастья не было ей. Да-а! Что жъ я могу!—Голосъ старушки сорвался, слезы потекли изъ глазъ.—Можетъ быть, на «сценѣ» и будетъ ей счастье. Вѣдь не дочь она мнѣ, а внучка. Родной дочери дочь. А эта правнучка.—Старушка указала на ребенка.—Третье поколѣніе рощу... Да!

Кормилица, предвѣстница барыни, вошла въ отдѣленіе, старушка высморкалась, утерла глаза и стала поджидать внучку.

Та вошла, подозрительно посмотрѣла на бабушку и Татьяну Алексѣевну, сѣла хмурясь и молча стала развертывать купленную на станціи провизію: тартинки, холодную курицу и пр.

Татьяна Алексѣевна, также молча, сняла съ сѣтки и развязала ремешки своей продовольственной корзинки и предложила старушкѣ тарелки, вилки и ножи. Сближеніе начиналось. Бабушка и внучка обѣ были тронуты.

— А сами-то вы что жъ? — погода немного, спросила старушка.— Не хотите ли?

И, услышавъ отвѣтъ, что Татьяна Алексѣевна заказала уже себѣ по телефону или телеграфу черезъ кондуктора цѣлый обѣдъ въ Кенигсбергѣ, она все же настояла, чтобы «любезная знакомая», какъ она выразилась, взяла тартинку.

Въ Кенигсбергѣ и еще на какой-то большой станціи обѣ молодыя женщины, миловидностью обращая на себя вниманіе ѣдущихъ, долго гуляли вмѣстѣ по дебаркадеру.

— Моя бабушка, вѣрно, ужъ успѣла сказать вамъ, что я хочу дебютировать въ оперѣ?— во время второй прогулки вдругъ начала внучка.— Нѣтъ?.. Ну, да это все равно, сказала или не сказала,— продолжала она, видя замѣшательство Татьяны Алексѣевны.— Что жъ, это правда, и я чувствую себя въ такомъ тяжеломъ настроеніи, что мнѣ кажется это единственнымъ выходомъ въ моемъ положеніи. Мнѣ надо забыться, забыться!. Иначе я съ ума сойду.

Она опустила лицо и нѣкоторое время ходила молча.

— Но вамъ, кажется, лучше бы отдохнуть,— мягко сказала Татьяна Алексѣевна, чувствуя и жалость, и любопытство, и желаніе утѣшить чѣмъ-нибудь молодую женщину.— Поправитесь, и, какъ только почувствуете возвращеніе здоровья, все представится въ иномъ видѣ. Здоровье то же, что деньги. Это моя гувернантка говорила. И то, и другое все преображаетъ, всю жизнь. Насчетъ денегъ это положительно такъ, это я по опыту знаю...

Молодая женщина покачала головой и подняла лицо.

— Деньги хороши, если чувствуешь, что можешь еще жить, радоваться жизни и тому, что она можетъ дать. А такъ деньги!..— Она тряхнула головой.— Что бы намъ, напримѣръ, съ бабушкой было, если бы у насъ денегъ втрое было больше, чѣмъ теперь, не только втрое,—вдесятеро, въ миллионъ разъ?.. Все одно. Также и здоровье... На что оно мнѣ? Умру я, и слава Богу. Приблизить это бабушку къ смерти, и слава Богу. Умретъ Соня,—голосъ дамы задрожалъ,—и Христосъ съ ней. Мнѣ будетъ больно, а ей хорошо! Мерзости земной не узнаетъ...

— Боже мой, что вы говорите,—невольнo испуганно прошептала Татьяна Алексѣевна.

— Видите,—улыбнулась дама.— Вамъ то, что я говорю, страшно. А я обѣ этомъ говорю, какъ наши бабы въ деревняхъ. Онѣ вѣруютъ, что на землѣ куда дѣтямъ ихъ будетъ хуже, чѣмъ тамъ... И я такъ вѣрую.

— Господи, да что жъ такое случилось съ вами?—тихо спросила Татьяна Алексѣевна. Ей страшно было коснуться этого горя, какъ страшно бываетъ людямъ разрывать для слѣдствія недавнюю могилу. Что-то стихійное, грозное, неотвратимое по своей безпощадности чудилось ей.

— А вотъ что случилось,—сказала трагичнолицая дама черезъ нѣкоторое время.

Онѣ сидѣли уже въ вагонѣ, и поѣздъ мчалъ ихъ по благословенной, изобильной странѣ.

— Вы, кажется,—я такъ поняла... по крайней мѣрѣ...—вышли замужъ безъ особенной любви, за человѣка немолодого и прожили счастливо. Я вышла замужъ по страстной любви, прожила вмѣстѣ полтора года и вотъ теперь ѣду одна съ бѣдной бабушкой на сцену въ Италію. А мужъ молодой живъ... И ненавидитъ меня,—она криво усмѣхнулась.—И я ненавижу его. Онъ, не знаю, за что онъ ненавидитъ меня, а я, я ненавижу его за то, что онъ все отнял у меня, всю душу вымоталъ, истерзалъ... и за то, что я теперь, въ девятнадцать лѣтъ, желаю одного: смерти и смерти! Только бы онъ не напечаталъ, когда я умру: съ душевнымъ прискорбіемъ... Только не было бы еще этой насмѣшки!..

Глаза молодой женщины загорѣлись, нѣжный румянецъ покрылъ блѣдныя щеки.

Татьяна Алексѣевна смотрѣла на нее и невольно думала: «Какъ она прелестна! И, вѣрно, все та же, вѣчно юная исторія. Мужъ и ея возлюбленный или его возлюбленная...»

Молодая дама между тѣмъ продолжала:

— Не знаю, понравился ли бы вамъ мой мужъ, если бы вы его увидѣли. Теперь я не могу себѣ представить, почему онъ такъ нравился мнѣ. Но шестнадцати лѣтъ, увидѣвъ его въ Москвѣ, куда онъ пріѣхалъ на службу изъ Петербурга, окончивъ курсъ въ Правовѣдѣніи, я безумно влюбилась въ него, а онъ въ меня. Годъ мы узнавали другъ друга, т. е. онъ ухаживалъ за мной, а я восхищалась всѣмъ, что онъ дѣлалъ. Я училась пѣть, у меня хорошій голосъ... Правда, хорошій!—убѣдительно проговорила она и болѣзненно покраснѣла.—Мы съ бабушкой ѣздили въ Парижъ, къ Маркэзи, прежде, чѣмъ я стала невѣстой. Я брала уроки у нея. Онъ тоже пѣлъ, но, знаете, разныя шансонетки и изъ оперетокъ. Потомъ мнѣ всѣ его пѣсни страшно надоѣли, но тогда, невѣстой, не знаю отчего, мнѣ такъ нравилось, когда онъ пѣлъ!.. И мнѣ почему-то казалось, что онъ знаетъ ихъ много, много... пѣсенокъ этихъ, только не хочетъ мнѣ ихъ пѣть, и что за этими пѣснями кроется что-то и умное, и смѣшное, и заманчивое. Ну, какъ бы тамъ ни было, черезъ годъ слишкомъ, я, съ благословенія бабушки, но противъ ея воли, замѣтите это, противъ ея воли, такъ что ей не въ чемъ упрекать себя,—она взглянула на

старуху, та вытирала слезы,—вышла замужъ. И тутъ-то и начались мои мученія, такая жизнь, что я не смогу и описать ее! Онъ былъ очень ревнивъ, и... какъ бы это сказать, очень циниченъ... Онъ прямо говорилъ мнѣ, что не вѣритъ ни одной женщинѣ, что всѣ женщины... обманываютъ своихъ мужей. Не знаю, какъ на другихъ, но на меня эти слова имѣли отчаянное дѣйствіе. Отчего: всѣ женщины? Какъ можно, какъ смѣть такъ говорить? И я возмущалась, чувствовала себя оскорбленной, униженной до глубины души... А бабушка моя? А покойная мама? Что жъ, онъ тоже обманывали своихъ мужей? И я плакала, и спорила съ нимъ, и доказывала, доказывала, и опять плакала, потому что онъ ничему не вѣрилъ. Онъ рассказывалъ мнѣ то смѣшные, то отвратительные анекдоты, отъ которыхъ такъ ограждены дѣвушки, что не имѣютъ понятія объ ихъ существованіи, и которые,—такъ онъ мнѣ по крайней мѣрѣ говорилъ,—всѣ мужья рассказываютъ своимъ женамъ. Меня тошнило отъ нихъ сначала; потомъ я хохотала. И все, все въ нихъ, какъ вы, конечно, знаете, сводилось, сводится къ мерзости, къ обмазыванію мужа или жены. И когда я говорила: да вѣдь это выдумка, ложь,—онъ какъ-то такъ дѣлалъ шеей,—она показала какъ,—и отвѣчалъ опять, что онъ ни одной женщинѣ не можетъ вѣрить! Не может! Ну, на такой почвѣ, вы можете себѣ представить, что стало происходить. Какъ-то разъ, когда онъ не былъ еще женихомъ, онъ рассказалъ мнѣ, что его старый родственникъ (ревность, очевидно, у нихъ въ роду), очень ревновавшій свою жену, обратился въ молодости къ женѣ съ такими словами... Она ѣхала на балъ. Жили они въ провинціальномъ городѣ... И вотъ она въ бальномъ платьѣ пришла передъ баломъ показаться ему, т. е. мужу. Онъ посмотрѣлъ на нее, на ея открытую шею, руки—и вдругъ говоритъ: «Соня, ты сегодня удивительно хороша!» Та, конечно, обрадовалась. А онъ продолжаетъ: «Соня, сдѣлай это для меня, откажись сегодня отъ бала, не ѣзди, останься дома!» Да раньше, чѣмъ она успѣла отвѣтить, позвонилъ и приказалъ лакею, чтобы кучеръ откладывалъ. Можно себѣ представить, что послѣ было. Дама въ слезы. А мужъ упрекать: «Ты меня не любишь; если бы любила, такъ развѣ бы отвѣтила на мои слова!» Словомъ, произошла семейная сцена. Ну, вотъ, и когда мой мужъ, еще даже не женихомъ, рассказалъ мнѣ эту исторію,—я, я была на сторонѣ мужа. Мнѣ казалось такой чудной, сладкой жертвой—остаться для мужа, для любимаго человѣка дома! И я такъ и сказала ему, что я не заплакала бы. И вотъ, представьте, когда я вышла замужъ, онъ буквально сталъ продѣлывать со мной тѣ же исторіи, какъ его дядя или grand oncle съ женой. Первый разъ я со смѣхомъ и даже съ какимъ-то жуткимъ удовольствіемъ покорилась. И онъ остался очень доволенъ. Второй разъ—тоже. Третьей—тоже. Ну, а потомъ, какъ пошло, что я каждый разъ, какъ

въ театрѣ или на вечерѣ ѣхать, дома сиди,—я и возмущилась. Онъ же ѣздитъ вездѣ и говоритъ, что я больна!.. Да, въ теоріи-то все прекрасно выходитъ и очень трогательно, а на практикѣ!..— Молодая женщина помолчала и продолжала, вся раскраснѣвшись.— Мнѣ же было только семнадцать лѣтъ. А, по его желанію, мы должны были жить только втроемъ: я, бабушка и онъ. Средства, надо вамъ сказать, бабушкины. Квартира у насъ послѣ свадьбы осталась прежняя. Только ее для насъ переустроили. И вотъ, когда я была барышней, эту нашу квартиру, нашъ домъ въ Москвѣ называли «ласточкино гнѣздо»,—столько въ немъ было жизни, щебетанья, веселья, хохота, молодежи, моихъ друзей и знакомыхъ. Вышла я замужъ, и домъ опустѣлъ, точно въ немъ поселился покойникъ, котораго все не могутъ свезти на погостъ. Право!.. Бабушка, что вы креститесь?—укоризненно обратилась молодая женщина къ старухѣ и опять продолжала.—Право, вѣдь такъ! Уходитъ, бывало, мужъ на службу и говоритъ: «Леночка, не принимай, пожалуйста, сегодня никого, слышишь, никого». И завтра то же самое. И послѣ-завтра то же. Я сначала покорялась, а потомъ не выдержала. Что же это такое? Ни мнѣ никуда не пойти, ни ко мнѣ никого не принять? И я стала спорить, не слушаться его, только не хотѣла обманывать. Всякую семейную сцену готова была вынести, только все ему говорила. Надежды первые мѣсяцы на прибавленіе семьи у насъ не было. Штопать чулки, готовить на кухнѣ я не могла. Читать, ожидая его со службы, все читать, чигать—я тоже не могла. Это хорошо въ 30, 40 лѣтъ, а не въ семнадцать. Пѣть, пѣть безъ слушателей, вѣчно безъ слушателей—я была опять-таки не въ силахъ, и я стала подкапывать свою тюрьму, но не тайно, а видимо для него. У насъ пошли сцены!.. Ахъ, какія сцены! А тутъ я еще услышала отъ одного стараго знакомаго, что жена знаменитаго когда-то пѣвца Петрова была тоже пѣвицей и какой!.. Но что голосъ ея пропалъ послѣ первыхъ родовъ, совсѣмъ пропалъ. И я стала пѣть, и дома у себя, и въ гостяхъ, и при мужѣ, и безъ мужа. Душу мою всю выливала въ звуки, боясь, какъ бы голосъ не пропалъ въ случаѣ чего. Его же это страшно злило. Онъ говорилъ: «пой мнѣ!» А я уже давно видѣла, что въ музыкѣ онъ ничего не смыслитъ, ничего! Что онъ знаетъ десять, пятнадцать пѣсенокъ-шансонетокъ и больше ни юты!.. И что пѣсенки-то эти онъ даже поетъ... неважно... Ну, и мнѣ недостаточно было пѣть ему, одному ему!.. И я пѣла всюду, всѣмъ, и въ чужихъ домахъ, и у себя, старикамъ, и старухамъ, и дѣтямъ, и всѣмъ. Мнѣ было все равно, кому пѣть, лишь бы я видѣла, что возбуждаю моимъ пѣніемъ восторгъ, даю удовольствіе. И вотъ въ одинъ Божій день приревновалъ онъ меня,—къ кому? И до сихъ поръ имени его не знаю. Молила его сказать, но онъ, вѣрно, и самъ не зналъ, потому и не сказалъ; впрочемъ, сказалъ хуже: что

ко многимъ приревноваль меня. Я спросила: что жъ, по-вашему мнѣню, у меня ихъ легионъ? Онъ отвѣтилъ страшнымъ оскорбленіемъ... Я чуть не убила его тогда... т. е. это по чувству, на самомъ же дѣлѣ вмѣсто того, чтобы его убить, сама чуть не умерла. Со мной сдѣлался первый разъ въ жизни нервный припадокъ. И вотъ во время болѣзни, которая длилась послѣ припадка нѣсколько недѣль, я узнала отъ доктора, что я въ ожиданіи... Дальше, вы можете себѣ представить, что было?

Татьяна Алексѣевна, молча, отрицательно покачала головой. Глаза ея потемнѣли отъ вниманія.

Молодая женщина горько усмѣхнулась.

— Не можете? Ну, а все-таки представьте! Самое что-нибудь ужасное, несправедливое... Не можете?.. Ну, такъ я скажу: онъ не призналъ ожидаемаго ребенка своимъ. Я клялась, божилась, молила его вѣрить, молила его назвать того, на кого онъ думаетъ, молила навести всякія справки, слѣдствіе, ну, выставить меня на позоръ, только повѣрить,—онъ не повѣрилъ и дѣвочку (она повернула лицо къ ребенку), когда она родилась, не призналъ. Она незаконная!

— Боже мой!—вырвалось у Татьяны Алексѣевны. Она крѣпко сжала похолодѣвшія руки.—Боже мой! Да онъ маниакъ! Какъ же вы такъ оставили?

— Ничего нельзя было съ нимъ сдѣлать. Говорили намъ, обратиться въ судъ, еще куда-то, я не захотѣла. Какой это отецъ, который можетъ не признать своего ребенка? И что было бы, если бы судомъ, не добровольно, онъ призналъ ее? Какая ей отъ этого польза? Да и унижаться еще и еще, послѣ всего вынесеннаго, я не могла. Богомъ клянусь, всѣмъ для меня святымъ, душой моей матери, всѣмъ, всѣмъ, что это его дочь, что если бы дѣти рождались отъ однихъ помысловъ, и то она не могла бы иначе родиться, какъ отъ единственнаго и законнаго моего мужа. Ну, а не хочетъ онъ все же ее признавать,—Богъ съ нимъ...

Она встала и быстро вышла изъ купе въ сосѣднее, пустое. «Леночка!.. Куда ты?..» крикнула старушка и въ смертельномъ страхѣ за внучку, не бросилась бы она подъ побѣздъ, почти выбѣжала за молодой женщиной.

Татьяна Алексѣевна осталась одна съ кормилицей и младенцемъ. Онъ спалъ, такой худенькій, блѣдный, совсѣмъ скелетъ, обтянутый кожей, что невольно вопросъ: долго ли протеплится этотъ едва зажженный огонекъ, да и къ чему жить этой дѣвочкѣ, на чью радость? — поднялся въ сердцѣ Татьяны Алексѣевны. А отвѣта, какъ часто въ такихъ случаяхъ, на этотъ вопросъ нельзя было найти.

«Да, все, все непонятно! Къ чему? Для чего? Вѣчная загадка!» грустно думала Татьяна Алексѣевна, и она со слезами глядѣла

на птичьи черты ребенка и вспоминала себя и мужа, его желаніе имѣть дѣтей, до тѣхъ поръ, пока не вернулась бабушка, а съ ней и внучка, рыданія которой все время слышны были изъ сосѣдняго купе.

— Бѣдныя вы, бѣдныя обѣ! Дорогія, милыя!—встрѣтила ихъ растроганно Татьяна Алексѣвна, и, въ порывѣ любви и жалости, она встала и обняла внучку, а потомъ и бабушку.

Къ вечеру Татьяна Алексѣвна узнала подробности о дебютѣ, надеждахъ и пр. внучки, узнала горькую судьбу бабушки, сгоротившей девятнадцать лѣтъ назадъ молодую, единственную дочь, а черезъ годъ и зятя, и, подѣвжая къ Берлину, чувствовала, что эти случайно встрѣченныя женщины стали ей дороги и близки, какъ давнишніе друзья.

— Господь да пошлетъ вамъ всего благого, и радости, радости!—говорила она взволнованно, прощаясь въ Берлинѣ.

Обѣ женщины также нѣжно обнимали Татьяну Алексѣвну.

— Позвольте узнать, какъ... фамилія?—спросила съ старомодными ужимками бабушка.

— Умова,—отвѣтила Татьяна Алексѣвна.—А ваша?..

Бабушка открыла ротъ, но внучка остановила ее.

— Не спрашивайте, Татьяна Алексѣвна,—сказала она.—Все равно, наша фамилія... Въ Италіи, гдѣ я буду пѣть, имя мое будетъ вымышленное... Если услышите про новую русскую звѣзду, то... можетъ быть... это буду я. Если не услышите, значитъ, мы съ бабушкой, какъ двѣ капли горькой морской воды, потонули въ океанѣ горькихъ людскихъ жизней. Бабушку мою зовутъ, какъ вы уже знаете, Вѣрой Петровной, меня—Еленой Николаевной, или, лучше, Леночкой. Если вспомните насъ, такъ и вспомните: Леночку. Въ Россію ужъ я не вернусь. Не повезетъ въ Италіи, уѣду въ Америку. Пошли и вамъ Богъ всего хорошаго. Вѣрно, никогда ужъ не увидимся.

Она обняла Татьяну Алексѣвну и крѣпко поцѣловала ее. Татьяна Алексѣвна подошла проститься къ ребенку, перекрестила его и, прикасаясь осторожно губами къ прозрачной синеватой ручкѣ, вдругъ невольно вспомнила слова юродиваго монаха, котораго она видѣла въ Кронштадтѣ: «А ты и маленькому кресту поклонись!».

И она мысленно и сердцемъ примѣнила эти слова къ несчастной дѣвочкѣ.

II.

Долго потомъ, живя за границей, встрѣчая новыхъ людей, дѣлая новыя знакомства и связи, Татьяна Алексѣвна вспоминала свою встрѣчу въ вагонѣ и долго, беря газеты въ руки, съ оживленіемъ и надеждой бросалась на театральныя извѣстія.

Но нигдѣ никто не писалъ о новой русской звѣздѣ или звѣздочкѣ. Прошло три года. Многое пережила и передумала Татьяна Алексѣевна за эти годы. Многое перестрадала, схоронила мать. Многіе за ней, какъ за всякой хорошенькой, богатой молодой женщиной, ухаживали. Нѣсколько разъ она могла блестяще выйти замужъ, но всякій разъ отказывала. Свобода, какъ она говорила, была ей дорога, дороже всего, и когда она вспоминала свою жизнь при мужѣ и безъ него, она всякій разъ, съ упрекомъ, чувствовала, что безъ него (увы, на его деньги!) ей лучше жилось, а онъ былъ все же хорошій человѣкъ.

И вдругъ въ двадцать девять лѣтъ Татьяна Алексѣевна влюбилась, влюбилась до того, что пожертвовать своей свободой стало казаться ей не только дѣломъ возможнымъ, но и заманчивымъ, сладкимъ.

Это было зимой. Насталъ четвертый годъ вдовства. Татьяна Алексѣевна собиралась разъ поздно на вечеръ къ одному посланнику въ Петербургѣ и, собираясь, знала, чувствовала, что этотъ вечеръ будетъ рѣшительнымъ въ ея жизни.

— Чего жъ жалѣть? Чего жъ бояться?—разсуждала она весь день до того сама съ собою, а сердце ея болѣзненно ныло и ныло.

Въ 11 часовъ вечера Татьяна Алексѣевна съ помощью ученой горничной одѣлась въ черное бархатное платье, съ прозрачными рукавами, надѣла на шею нитку крупныхъ жемчуговъ, приколола брильянтовую брошь и, отпустивъ горничную, приготовившую ей надушенный ея любимыми духами кружевной платокъ и перчатки, подошла къ зеркалу.

Прелестная, нарядная женщина глянула на нее оттуда.

«Да, я хороша, лучше, чѣмъ когда-нибудь была!» краснѣя, подумала Татьяна Алексѣевна, и радостное побѣдоносное чувство охватило ее, но почти тотчасъ смѣнилось непонятной тоской.

«Никогда такъ не бываютъ красивы цвѣты, какъ первую минуту на морозѣ», мелькнула у нея мысль вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о букетѣ, который она какъ-то зимой везла съ свѣтскаго базара домой въ открытыхъ саняхъ.— «И они, не доѣхавъ до дому, почернѣли...» продолжала она мыслить образами про цвѣты, вспоминая, какъ въ первую минуту, на морозѣ, они будто вспыхнули особой красотой, и невольно вздрогнула. «Такъ и я, можетъ быть», подумала она.

Она ближе подошла къ зеркалу и стала разглядывать свое лицо.

Кожа была, какъ у персика, свѣтло-розовая, покрытая пушкомъ. Не только морщинки, — поринки не было замѣтно на ней. Татьяна Алексѣевна долго глядѣла на себя и en face, и въ профиль, любуясь и душистыми волнами бронзой отливавшихъ волосъ, и шеей, и руками, казавшимися мраморно-бѣлыми отъ чернаго бархата,

и звѣздами-глазами. Потомъ она замкнула дверь спальни на ключъ, подошла къ кіоту, возлѣ котораго, по странному семейному обычаю, повѣшены были фотографіи близкихъ усопшихъ, зажгла лампаду и стала разглядывать фотографію мужа. Лицо показалось ей ничтожнымъ, чиновничьимъ, но небольшіе глаза глядѣли вдумчиво, печально и будто укоризненно.

Она вздохнула и перевела глаза на карточку матери, скончавшейся два года назадъ. Старушечье доброе лицо глянуло на нее оттуда, и не только глаза, но ротъ, щеки, лобъ, казалось, засіяли на дочь безконечной любовью и лаской.

«Все это только кажется!... Собственное воображеніе!...» подумала печально Татьяна Алексѣвна, крестясь. Ей захотѣлось плакать. Отъ дорогихъ усопшихъ на свой внутренній запросъ она не получила отвѣта, и она стала на колѣни передъ кіотомъ съ дрожащими губами, стараясь побороть слезы.

Черезъ полчаса она сидѣла въ каретѣ и ѣхала сначала къ вдовцу-отцу навѣстить его до бала, потомъ на вечеръ.

....—Кто это?—услышала она за собой шопотъ въ вестибюлѣ посольства и, невольно оглянувшись, движеніемъ плечъ спуская съ себя ротонду на руки выѣзднаго, увидѣла двухъ молодыхъ людей, очевидно, говорившихъ про нее.

Скользнувъ по нимъ холоднымъ, гордымъ взглядомъ, она отвернула голову и, почувствовавъ отъ ихъ взглядовъ, какъ и отъ взглядовъ какого-то генерала съ женой и взрослой дочерью, сознаніе своей красоты, тотчасъ почувствовала, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, увѣренность и особенную легкость и упругость въ движеніяхъ.

Съ этимъ ощущеніемъ упругости и легкости она отдала обшитые мѣхомъ шеншиля свѣтлые ботики лакею, оправила прическу и туалетъ и стала всходить по лѣстницѣ. Многіе, она чувствовала это, смотрѣли на нее. Нѣсколько молодыхъ знакомыхъ аташэ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ вестибюлѣ, и на лѣстницѣ какъ-то особенно низко, будто оторопѣло, наклонили передъ ней головы. Особенно вѣжливо-почтительно, точно отдавая дань ея сегодняшней расцвѣтшей прелести, поклонился ей и молодой секретарь нѣмецкаго посольства, красивый и породистый, какъ его собаки (такъ всегда мысленно опредѣляла его Татьяна Алексѣвна), графъ Рэкорнъ... Молодая женщина въ черномъ бархатѣ, сіяя большими, будто подведенными глазами, важной и плавной поступью пошла ей навстрѣчу въ зеркалѣ на серединѣ лѣстницы.... Татьяна Алексѣвна только опять скользнула по ней довольнымъ взглядомъ и, замѣтивъ у зеркала старичка, управлявшаго сѣдые височки на голой головѣ, полную даму, которая, какъ ни охорашивалась, не могла стать лучше, и молодого чело-вѣка, украдкой, мимоходомъ тянувшего кверху и безъ того кверху

«устроенные» помадой и механическимъ подтягиваньемъ усы, невольно усмѣхнулась.

«Отчего упрекають женщинъ въ кокетствѣ,—подумала она:— а эти... съ своими торчащими усами?»

Наверху лѣстницы, за хозяевами, привѣтствовавшими ее, какъ и всѣхъ гостей, между тропическими растеніями и деревьями, глаза ея вдругъ встрѣтились съ парой другихъ, знакомыхъ весь годъ глазъ. Радостная дрожь змѣйкой пробѣжала по ея спинѣ. Губы полуоткрылись улыбкой. Румянецъ сильнѣе окрасилъ щеки. Вѣки опустились на мгновенье.

Онъ, годъ ухаживавшій за ней, былъ тутъ, ждалъ ее, и глаза его больше, чѣмъ глаза всѣхъ остальныхъ, гораздо больше и краснорѣчивѣе, почтительно и восторженно сказали ей еще и еще, какъ она сегодня необыкновенно хороша.

Она приблизилась къ дверямъ.

— Можно ли быть такой невозможно прекрасной,—цѣлуя ея руку, шепнулъ ей по-французски старый дипломатъ, проходя мимо нея.

Татьяна Алексѣевна улыбнулась ему счастливой улыбкой и черезъ нѣсколько минутъ увидѣла себя окруженной. «Онъ» былъ въ ея свитѣ, и глаза его, когда она взглядывала на него, все такъ же почтительно говорили одно и то же....

Только въ серединѣ вечера Татьяна Алексѣевна пошла въ буфетъ и черезъ нѣсколько минутъ очутилась въ зимнемъ саду съ любимымъ человѣкомъ. Онъ сѣлъ возлѣ нея въ густомъ, укромномъ уголкѣ сада, гдѣ меньше было электрическихъ лампочекъ, и, держа ея блюдо съ мороженымъ, молча смотрѣлъ на нее, пока она снимала длинную бальную перчатку.

— Какъ вы сумасводительно хороши! — прошепталъ онъ наконецъ.

Она властнымъ и вмѣстѣ красивымъ движеніемъ, которое—она инстинктомъ знала—должно нравиться влюбленному, взяла у него блюдечко и, закрывъ черный вѣеръ, откинулась на спинку дивана.

Отъ словъ любимаго человѣка, отъ его присутствія и еще больше отъ его взглядовъ жаръ разливался у нея по тѣлу, и мысли останавливались и путались въ головѣ. Какъ вдова, она знала, что означали эти взгляды, никакой иллюзіи они не вносили съ собой. Но страсть перваго и единственнаго человѣка дѣйствовала на нее, Богъ знаетъ почему, заразительно. Она съ недоумѣніемъ сознавала это, сознавала, что никогда въ первомъ бракѣ не испытала ничего подобнаго, и теперь вся, какъ растеніе, вынесенное на свѣтъ изъ темноты, гдѣ оно пускало зимой ростки, тянулась къ солнцу, инстинктивно, не разсуждая, спалить ли, высушить ли оно ее, или благодѣтельно согрѣетъ....

Небольшая, красивой формы, преждевременно съдая голова ея собесѣдника наклонилась между тѣмъ къ ней, и губы, опущенныя черными усами, прошептали восторженно:

— Какъ вы безконечно хороши!

Онъ еще ниже нагнулъ голову и вдругъ быстро и неожиданно прильнулъ губами къ ея рукѣ чуть-чуть повыше кисти.

Голова закружилась у Татьяны Алексѣевны.

— Я люблю васъ! Я люблю!—услышала она черезъ мгновение. Сердце ея учащенно билось. Ей хотѣлось, чтобы онъ еще взялъ вотъ такъ, какъ господинъ, какъ хозяинъ, и еще цѣловаль ея руку.

— Знаете, какой для меня сегодня день?—продолжалъ онъ.— Знаете? Сегодня день моего рожденія. Дайте мнѣ право въ этотъ день считать себя счастливейшимъ изъ людей... Да? Даете?.. Даешь?—прошепталъ онъ черезъ секунду, не слыша ея отвѣта, еще тише, но съ такой интонаціей, что Татьяна Алексѣевна невольно закрыла глаза... Солнце, казалось, жгло слишкомъ сильно, палило...

Черезъ минуту, когда она подняла вѣки, тонкій обручикъ золотого браслета холодной на мигъ струйкой обвивалъ ея руку, и собесѣдникъ ея твердыми, но осторожными пальцами смыкалъ этотъ обручикъ.

— Что это? Зачѣмъ?—хотѣла спросить молодая женщина, но только молча наклонила голову.

Брильянтовый плющъ обвивалъ золотой обручикъ, и на немъ ясно можно было прочесть: «Où je m'attache—je meurs».

— Это мои слова вамъ... тебѣ...—слышала она между тѣмъ.— Эти слова выражаютъ всю сущность моей любви... Отымешь себя—я умру, или... или... Даешь? Да? Даешь?..

Въ эту же ночь Татьяна Алексѣевна взволнованно объявляла довѣренной горничной: «Саша, я задумала замужъ выходить».

Все воспитаніе русской барышни, выросшей вблизи прислуги, сказывалось въ ней въ эти минуты.

Съ дѣтства привыкнувъ чувствовать, что прислуга часто вѣрнѣе судить и понимаетъ житейскія обстоятельства господъ, чѣмъ они сами, она, какъ напавшая дѣвочка, которая боится гувернантки и старшихъ, искала ободренія и поддержки Саши.

— Ну, что жъ, Татьяна Алексѣевна,—дипломатически объявила Саша.—Вы человекъ не старый, отчего вамъ замужъ не пойтить? Особливо, если партия хорошая.

Татьяна Алексѣевна промолчала. Сашины слова давали ей ту вѣру въ радость жизни, въ правоту своего поступка, которую она потеряла, едва переступила порогъ своей маленькой, но изящной, холостой, какъ она называла ее, спокойной квартирки.

— Одной вѣкъ скучно всегда жить,—продолжала Саша, не дождавшись больше слова отъ барыни, собирая лифъ и платье съ кресла.—Не за Андрея ли Николаевича?—добавила она.

Андрей Николаевичъ всю зиму часто бывалъ у Татьяны Алексѣвны.

— Да!—краснѣя, созналась барыня.

— Ну, что жъ, они господинъ хорошій. Дай вамъ Богъ всякаго счастья! — сказала опять Саша, припоминая полученные пяти и трехрублевки отъ хорошаго господина, и она подошла и поцѣловала руку Татьяны Алексѣвны.

Долго потомъ безъ сна лежала въ постели невѣста.

Ощущенія, мысли и воспоминанія опять образами перемѣшались въ ея головѣ. То она чувствовала его поцѣлуи на рукѣ и щекѣ и горѣла вся, то вспоминала его слова, то свои слова,—что она сама завтра пріѣдетъ къ нему:—ей хотѣлось видѣть поскорѣй, какъ живетъ любимый человѣкъ. То вспоминались ей рассказы знавшихъ его людей, рассказы объ его первомъ несчастномъ бракѣ, измѣнившей женѣ, благородномъ поступкѣ съ женой, когда онъ призналъ ея ребенка. То вспоминала она мужа, видѣла его глаза, вдумчивые, печальные и будто укоризненные, какъ на карточкѣ.

Часамъ къ семи утра наконецъ она забылась, сначала тяжелымъ сномъ, который постоянно прерывался и лишь позднѣе перешелъ въ нормальный, спокойный.

Проснувшись она поздно, къ одиннадцати, и быстро стала одѣваться. Къ завтраку, въ половинѣ перваго, она обѣщавшись быть у него. А сердце ея ныло и ныло.

— Все мнѣ это только кажется,—разсуждала она, не въ состояніи отдѣлаться отъ впечатлѣнія взгляда на портретъ мужа.— Всегда у него были такіе глаза.

Причесавшись, она подошла къ кіоту и почти съ досадой посмотрѣла на фотографію, отовсюду въ комнатѣ сегодня бросавшуюся ей въ глаза.

— Отъ Андрей Николаевича букетъ вамъ сейчасъ принесли,—подавая платъе, сказала вошедшая Саша.—Прикажете сюда принести? Я въ гостиной поставила.

— Кто принесъ?—зардѣвшись, спросила Татьяна Алексѣвна.

— Ихній человѣкъ. Письма нѣтъ. Только говорилъ человѣкъ, что ждутъ васъ къ фрыштыку.

Татьяна Алексѣвна дѣлленно, медленно, чтобы передъ горничной не выдать своего нетерпѣнія, продолжала одѣваться, застегивать его браслетъ, потомъ вышла въ гостиную, взяла букетъ ниццскихъ цвѣтовъ, въ которые была вложена бумажка съ начальными буквами тѣхъ же словъ, какъ и на браслетѣ: o. j. m... j. m..., принесла въ столовую и, глядя на цвѣты, пила кофе.

Въ половинѣ перваго она была у двери квартиры Андрея Николаевича. Онъ ждалъ ее и тотчасъ, когда лакей, открылъ на ея звонокъ дверь, встрѣтилъ ее.

— Плющъ почти увяль.. —шепнулъ онъ ей, снимая самъ съ ея плечъ ротонду и одновременно слегка обнимая за талію, но такъ, чтобы лакей этого не замѣтилъ.

Мгновенно отъ его объятія вчерашнее чувство полного физическаго подчиненія любимому человѣку нашло на Татьяну Алексѣвну и мигомъ погасило всѣ колебанія и воспоминанія...

Затихшую, прекрасную, ожидающую Андрей Николаевичъ ввелъ ее сначала въ свой кабинетъ, гдѣ привѣтствовалъ страстными поцѣлуями, потомъ отпустилъ трепещущую и повелъ знакомиться съ жившей у него старушкой-родственницей.

Вся розовая шла въ гостиную невѣста-вдова.

Дверь въ гостиную отворилъ Андрей Николаевичъ.

Татьяна Алексѣвна переступила порогъ комнаты и... отшатнулась.

Навстрѣчу ей поднималась съ дивана бабушка Леночки, Вѣра Петровна, страшно постарѣвшая. За руку она держала крошечную блѣдненькую дѣвочку.

.

III.

Въ день перваго визита къ жениху Татьяна Алексѣвна вернулась домой совсѣмъ разстроенная.

Какъ ни странно это сказать, мысль, что любимый ею человѣкъ и «Леночкинъ мужъ» одно лицо, ей и въ голову не приходило.

Леночкинъ мужъ, по ея словамъ, былъ только что окончившій курсъ правовѣдъ,—Андрею Николаевичу было 31 годъ, а на видъ, благодаря сѣдой головѣ, всѣ сорокъ. Леночка съ такимъ звукомъ правды въ голосъ клялась, что ребенокъ ея принадлежитъ столько же мужу, какъ и ей,—въ обществѣ, напротивъ, рассказывая про первый бракъ Андрея Николаевича, говорили, что жена его бѣжала за границу съ какимъ-то кавалергардомъ, оставивъ ему ребенка. Ребенка, по словамъ Леночки, отецъ отвергъ,—знакомые твердили о благородномъ «Каренинскомъ» поступкѣ Андрея Николаевича, узаконившаго ребенка жены.

Самъ Андрей Николаевичъ никогда не упоминалъ ни о женѣ, ни о ребенкѣ, и только на вечерѣ у посланника, послѣ того, какъ все было кончено между ними, сказалъ, что Татьяна Алексѣвна знаетъ, слышала объ его первомъ несчастномъ супружествѣ, но что о ребенкѣ ей думать, заботиться нечего. У ребенка есть родственница. Онъ будетъ жить у нея.

— Многого мнѣ эта исторія стоила,—закончилъ на вечерѣ Андрей Николаевичъ и, склонивъ голову, провелъ рукой по сѣдымъ, «щеткой» подстриженнымъ волосамъ.

Татьяна Алексѣевна въ отвѣтъ на эти слова только подалась впередъ, еще ближе къ нему, и молча просунула свою ручку въ его, сложенные вмѣстѣ и опущенные между колѣнъ внизъ, къ полу, въ какой-то жалкой позѣ.

Вернувшись теперь домой отъ жениха, Татьяна Алексѣевна прошла въ гостиную, велѣла никого не принимать и, заперевъ дверь, легла на длинную кушетку.

— Что жъ теперь дѣлать?—допрашивала она себя,—что?—И она содрогаясь, еще и еще переживала происшедшія только что сцены; слышала слова «рамольной» (какъ теперь говорится) бабушки,— попросту впавшей въ дѣтство старухи, съ трудомъ узнавшей ее, т. е. припомнившей ихъ встрѣчу въ вагонѣ. Слышала эти бессмысленныя для нея теперь слова старухи: «Андрей Николаевичъ очень, о-о-чень благородно поступилъ съ Леночкой», и потомъ шепотомъ: «Ребенка-то онъ призналъ!» И затѣмъ рассказъ о смерти Леночки отъ какого-то остраго кишечнаго расстройства въ Миланѣ, не холеры, нѣтъ, а именно остраго расстройства—и почти по приѣздѣ въ Миланъ. Потомъ Татьяна Алексѣевна видѣла себя сидящей въ кабинетѣ жениха на диванѣ, съ залатымъ слезами лицомъ, спрашивающей его и рассказывающей ему о встрѣчѣ, а Андрей Николаевичъ стоялъ передъ ней на колѣняхъ и то поилъ ее водой изъ стакана, то цѣловалъ нервно-холодныя руки, платье на колѣняхъ и плечахъ и говорилъ, говорилъ о своей любви къ ней, объ измѣнѣ первой жены и о томъ, что онъ не переживетъ, если она, Татьяна Алексѣевна, откажетъ ему. И тотчасъ вновь все заволакивалось, и молодая женщина видѣла бѣдную бабушку, шамкающую ей про то, какъ она приѣхала съ правнучкой изъ-за границы, гдѣ оставила на кладбищѣ молоденькую внучку, приѣхала и прямо къ нему, къ Андрею Николаевичу, и говорить: «Передъ самой смертью опять поклялась мнѣ Леночка, что это ваша дочь. Молила признать. Сжальтесь и надо мною, старухой. Возьмите нашего ребенка. Я не въ силахъ въ 67 лѣтъ въ третій разъ начать воспитывать дитя». И бухъ ему въ ноги. А онъ поднялъ, усадилъ и самъ плачетъ...

«Очевидно, тутъ какое-то роковое недоразумѣніе!» рѣшила наконецъ Татьяна Алексѣевна. Она опять слышала слова Андрея Николаевича: «Я люблю тебя, безумно люблю! Руки наложу на себя, если вторично эта проклятая жевщина отниметъ у меня мое счастье. За что въ жизни послано мнѣ одно страданіе!..»

И она видѣла его то встревоженное, озлобленное, то умоляющее лицо и чувствовала на колѣняхъ его страстные поцѣлуй.

Пролежавъ болѣе часа въ гостиной, Татьяна Алексѣевна почувствовала, что такъ оставаться невозможно, одѣлась и поѣхала въ Казанскій соборъ.

Результатомъ этой поѣздки было рѣшеніе, которое она объявила въ тотъ же день жениху, найдя его, къ изумленію своему и вмѣстѣ подтвержденію страннаго внутренняго своего чувства, по возвращеніи изъ собора у себя въ гостиной. Не менѣе разстроенный, чѣмъ она сама, онъ стоялъ въ этой гостиной у окна, прижавшись лбомъ къ стеклу.

— Я рѣшила,—сказала Татьяна Алексѣевна,—отложить нашу свадьбу и не объявлять пока о нашей помолвкѣ.—Я боюсь вашей ревности...—Она видѣла, какъ лицо его стало отъ волненія сѣропепельнаго цвѣта, и тихо продолжала, красивымъ жестомъ руки дотрогиваясь до его плеча.—Узнаемъ ближе другъ друга... Я не дѣвочка, и я люблю васъ, люблю тебя... Но вѣрить мнѣ ты... вы должны, иначе это будетъ не жизнь... И... вотъ потому... отложимъ нашу свадьбу...

— Какъ прикажете,—безсмысленно прошепталъ Андрей Николаевичъ, перебивая ее, но Татьяна Алексѣевна видѣла нестерпимое страданіе въ его лицѣ, и слова эти не показались ей смѣшными. Онъ тотчасъ уѣхалъ, а она осталась одна... Одна! Но онъ, его лицо, его несчастные, будто злые глаза—стояли передъ ней, какъ живой укорь...

На слѣдующій день Татьяна Алексѣевна не дождалась жениха, обѣдала одна и послѣ обѣда написала ему письмо, почувствовавъ за этотъ день, что положительно не въ силахъ отказаться отъ его любви, отъ его поцѣлуевъ. Они вспоминались ей весь день, какъ счастье, какъ земное блаженство, и потерять ихъ... къ чему, зачѣмъ? спрашивала она себя. И притомъ тутъ была Соня, рѣдко симпатичный, жалкій ребенокъ, говорила она себѣ. И она съ волненіемъ ждала: пріѣдетъ онъ въ отвѣтъ на письмо, или нѣтъ?

Но онъ пріѣхалъ, и Татьяна Алексѣевна, краснѣя, пошла къ нему навстрѣчу, протягивая ему обѣ руки.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ бывать каждый день, не объявляя себя женихомъ, но какъ женихъ.

Съ своей стороны, Татьяна Алексѣевна тоже посѣщала Вѣру Петровну и Соню, привозила дѣвочкѣ игрушки и бесѣдовала со старухой, желая вывести какое-нибудь заключеніе изъ своихъ бесѣдъ,—но это было не легко. Оказывалось все одно: Андрей Николаевичъ былъ очень ревнивъ, Леночка — чудный человекъ, неспособный на ложь и обманъ. Умерла она тотчасъ, какъ пріѣхала въ Миланъ, т. е. на четвертый день пріѣзда. Андрей же Николаевичъ поступилъ очень честно,—очень. Онъ призналъ ребенка.

— Знаете, я нашла съ вами сходство въ Сонѣ, тутъ, въ выраженіи, во лбу, — оживленно объявила разъ вечеромъ жениху Татьяна Алексѣевна.

Она чувствовала легкій жаръ и ознобъ,—докторъ констатировалъ простуду и не велѣлъ выѣзжать, такъ что ей пришлось

отказаться отъ спектакля съ итальянскимъ великимъ трагикомъ и сидѣть дома. Шелъ Великій постъ, и постныя удовольствія были въ полномъ разгарѣ.

Андрей Николаевичъ измѣнился въ лицѣ и насупился.

— Правда, правда, вотъ теперь особенно. Вотъ эта складка!— съ восторгомъ продолжала молодая женщина.

Она сидѣла за вечернимъ чаемъ, который готовилъ, заваривалъ и наливалъ самъ женихъ, и куталась въ плюшевую, обшитую собольимъ мѣхомъ мантильку, прекрасная, слегка благоухающая духами, счастливая.

— Да, да! Вотъ тутъ, тутъ!.. — еще повторила она, не смущаясь, и, вытянувъ руку, слегка, мизинцемъ, коснулась насупленного лба Андрея Николаевича. — Когда она обижена, она всегда такъ же хмурится.

Андрей Николаевичъ пересталъ наливать чай и готовить особеннымъ, «собственнымъ» способомъ тартинки съ масломъ, горчицей и наскобленной дичью и, поднявъ одну руку, закрылъ ею глаза.

— Эта дѣвочка... Я просто ненавижу ее!..—прошепталъ онъ.— Вы говорите: ой! — продолжалъ онъ черезъ мгновеніе, слыша ея восклицаніе. — А я думаю: не узаконь я ее тогда, вы ничего не знали бы! Жила бы она себѣ гдѣ-нибудь, не у меня. И конечно. Вы были бы... моей!..

Онъ открылъ лицо, сверкнулъ на нее глазами, всталъ и началъ ходить по гостиной.

Татьяна Алексѣевна опустила голову. Его волненіе и страсть дѣйствовали, какъ всегда, на нее заражающе. Она всѣмъ существомъ тянулась къ нему. Его гнѣвъ страсти только манилъ ее. Вдругъ онъ подошелъ къ ней, сѣлъ на диванъ рядомъ съ ней и почти грубо взялъ ее за плечи.

— Таня! Я не могу такъ дольше жить! — прошепталъ онъ. — Ты не дѣвочка, ты понимаешь, что я выношу... Ну, и я не въ силахъ дольше этого выносить... Или откажи... и я уйду тогда, или...

Она подняла на него глаза.

Мгновеніе онъ молча глядѣлъ на нее, тяжело дыша, потомъ потянулся къ ней лицомъ и сталъ цѣловать ее, какъ въ тотъ день, когда она первый разъ пріѣхала къ нему.

— Ну... развѣ это не счастье, такъ вотъ... какъ мы теперь!..—шепталъ онъ между поцѣлуями.— А ты хочешь что-то выждать, какъ-то высматривать, узнавать... Что?.. Что я ревнивъ!.. Да!.. Развѣ я теперь тебя не ревную? Ревную!.. Ко всѣмъ, ко всему, даже къ этой мантилкѣ... — сказалъ онъ вдругъ и неожиданно, скинувъ мантильку, властно прижалъ молодую женщину къ себѣ.

— Дай глаза... Губы... Еще! — говорилъ онъ, и Татьяна Алексѣевна, чувствуя себя безконечно счастливой, повиновалась ему, его рту, его губамъ.

— А ты запирать меня не будешь?—спросила она, когда онъ, успокоившись невѣроятнымъ усиліемъ, подавалъ ей давно налившую чашку чая и тартинки.

— Запирать?.. Развѣ она говорила тебѣ, что я ее запираю?—тоже вопросомъ отвѣтилъ Андрей Николаевичъ.

Татьяна Алексѣевна смутилась.

— Она ничего не говорила мнѣ про запиранье. Но ты вѣдь тоже рассказывалъ про балы и прочее. Вотъ оттого я и сказала про запиранье.

Андрей Николаевичъ снова близко подошелъ къ Татьянѣ Алексѣевнѣ и обнялъ ее одной рукой.

— Кушай,—приказалъ онъ, властно мотнувъ головой на тартинки, и когда она, повинувшись, улыбаясь откусила кусочекъ и отпила глотокъ изъ чашки, онъ, спрашивая позволеніе одними глазами, также отпилъ чая изъ той же чашки и откусилъ отъ той же тартинки.

— Вотъ я такъ хочу съ тобой жить, — пояснилъ онъ. — Все дѣлать. Запирать одну я тебя не стану,—запрусь вмѣстѣ съ тобой. Ревновать тебя буду, потому что иначе не могу любить, ну, да вѣдь и ты ревнуешь меня... Сознайся?.. Тогда, на вечерѣ, когда со мной стала кокетничать Лидія Константиновна...

Татьяна Алексѣевна покраснѣла. Она чувствовала, что онъ говоритъ правду. Лидія Константиновна была женщина, любившая завлекать мужчинъ.

— Вотъ то-то же!—смѣясь, продолжалъ Андрей Николаевичъ, обнимая невѣсту.—А что та тебѣ рассказывала,—онъ вдругъ измѣнился въ лицѣ,—забуди. Я проклиною день ея встрѣчи съ тобой. И эту дѣвчонку проклиною!

— Нѣтъ!—взмолилась Татьяна Алексѣевна.—Нѣтъ! Ради Бога замолчите. Если бы вы знали, какъ во многомъ... въ моемъ сегоднешнемъ рѣшеніи... что свадьбу сдѣлать на Красной Горкѣ... была Соня...—путалась она, видя недоумѣніе и неудовольствіе, собирающіяся, какъ тучи, на лицѣ жениха, и не зная, какъ сказать о мисси, которая ей предвидѣлась въ бракѣ, и объ оправданіи въ иначе безумномъ поступкѣ, оправданіи, которое въ лицѣ Сони посылала ей судьба.

— При чемъ тутъ Соня?—помолчавъ, спросилъ онъ.—Развѣ безъ нея вы меня недостаточно любите? И онъ первый разъ испуганно и недовѣрчиво посмотрѣлъ на Татьяну Алексѣевну.

— Вы... ты знаешь, какъ я люблю!—краснѣя и закрывая лицо, прошептала Татьяна Алексѣевна.

— Ну, такъ нечего о Сонѣ говорить!—хмурясь, выговорилъ Андрей Николаевичъ и черезъ мгновеніе онъ губами прильнулъ къ шеѣ невѣсты. Въ ушахъ ея зазвенѣло, въ глазахъ помутилось,

...Въ этотъ вечеръ Андрей Николаевичъ впервые увидѣлъ спальню будущей жены своей, посланный Татьяной Алексѣвной туда за лекарствомъ.

Вернулся онъ оттуда чѣмъ-то обиженный.

— Это кто жъ у тебя виситъ у кіота? Чьи карточки?—спросилъ онъ, подавая лекарство.—И зачѣмъ? Мнѣ показалось твой мужъ?

— Да!—подтвердила Татьяна Алексѣвна.—Онъ.

Настало молчаніе.

— Я его снялъ,—сказалъ черезъ минуту Андрей Николаевичъ.—И очень прошу тебя не вѣшать его больше.

Татьяна Алексѣвна вспыхнула.

— Какъ снялъ? Куда же положилъ карточку?

— Положилъ на столъ,—перебилъ ее Андрей Николаевичъ.—А какъ снялъ? Вотъ этими самыми руками, которыя сейчасъ обнимали тебя и опять обнимутъ.—(Онъ загородилъ дорогу Татьянѣ Алексѣвнѣ, поднявшейся съ дивана).—Что же это, ты послѣ моихъ поцѣлуевъ пойдешь сегодня спать и будешь молиться передъ его портретомъ? Будешь вспоминать его поцѣлуи?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—простонала Татьяна Алексѣвна.—Я никогда его такъ не вспоминаю... Да и нечего вспоминать... (Она покраснѣла).—Богъ съ тобой... Онъ вѣдь покойный...

— Такъ что жъ, онъ былъ святой?—продолжалъ допытываться женихъ.—Монахъ?..

Татьяна Алексѣвна поникла головой, а Андрей Николаевичъ черезъ минуту сталъ на колѣни и, обнимая вдову-невѣсту, началъ терзать ее вопросами.

Когда онъ уѣхалъ, Татьяна Алексѣвна прошла въ спальню, отыскала карточку перваго мужа, поглядѣла на нее, подержала въ рукахъ, потомъ со вздохомъ отворила дверцу кіота и опустила карточку за икону Спасителя.—Тамъ казался «онъ» ей все же на мѣстѣ... у Бога. Положить карточку въ столъ, какъ говорилъ Андрей Николаевичъ,—она не могла.

На Красной Горкѣ состоялась свадьба, затѣмъ молодые уѣхали,—и для Татьяны Алексѣвны началась жизнь, полная безбрежнаго счастья (какъ она минутами, въ какомъ-то чадѣ, говорила себѣ), соединеннаго съ мучительными страданіями, когда чадъ проходилъ.

Такого любящаго, страстнаго мужа-любownika и вмѣстѣ такого безумно ревниваго мужа-деспота—даже изъ словъ Леночки—она себѣ не представляла. Но все же первое время удовлетворенная страсть покрывала всѣ житейскія невзгоды. Только недѣли черезъ три-четыре, когда вдругъ неожиданно оказалось, что Татьяна Алексѣвна нездорова тѣмъ нездоровьемъ, о которомъ она и не мечтала, увѣренная, что дѣтей у нея не будетъ,—только недѣли черезъ четыре постоянное недомоганіе начало давать ей вдумы-

ваться въ переживаемую жизнь, и съ этой минуты молодая женщина съ грустной усмѣшкой стала все болѣе сознавать существованіе въ себѣ «астральнаго тѣла», какъ она называла. Это астральное тѣло независимо держало себя отъ земного, удалялось, какъ скоро земное вступало въ свои права, и вновь возвращалось, когда утомленное земное уступало ему мѣсто. Оно же все сильнѣе удивлялось: отчего Татьяна Алексѣевна полюбила Андрея Николаевича? И находило въ немъ всякіе, прежде не замѣчаемые, духовные и умственные недостатки. «Да, не умень онъ! И не добръ!» скользило иногда въ мысляхъ этого астральнаго тѣла, и Татьяна Алексѣевна съ ужасомъ гнала эти мысли. Но это не мѣшало ей, впрочемъ, чувствовать, что скука непрощеннымъ гостемъ поселяется между ею и мужемъ, и что она покидаетъ ихъ только тогда, когда удаляется ея астральное тѣло.

— Жаль, что ты не любишь читать... вслухъ,—обратилась она разъ къ Андрею Николаевичу. Слово «вслухъ» она прибавила изъ боязни, чтобы онъ не обидѣлся.

Андрей Николаевичъ поднялъ голову отъ крюшона, который готовилъ изъ земляники и ананаса «отъ нечего дѣлать», и серьезно отвѣтилъ, мѣшая сахаръ:

— Нѣтъ, я не люблю книгъ, которыя тебѣ нравятся,—онѣ скучны; а такъ читать—отчего же... Ты же вчера не захотѣла читать...

Онъ назвалъ книгу.

— Такъ это гадость, грязь...—сказала Татьяна Алексѣевна.

Андрей Николаевичъ пожалъ плечами.

— Смѣшно!—вымолвилъ онъ, пробуя крюшонъ.—Я люблю смѣшное... Хочешь?.. Очень хорошо!—прибавилъ онъ, наливая въ высокую узенькую рюмку вино.—Не моя вина, что ты смѣшного не понимаешь...

Черезъ мѣсяца полтора молодые вернулись въ Петербургъ, на дачу, на берегу Невы. Вѣра Петровна съ правнучкой ожидали ихъ тамъ.

«Теперь жизнь получить смыслъ!» думала Татьяна Алексѣевна. Миссія относительно падчерицы казалась ей послѣднее время особенно заманчивой.

Но послѣ перваго же свиданія съ дѣвочкой, когда молодая женщина съ глубокимъ порывомъ нѣжности прижала ожидавшую ее Соню къ себѣ и расцѣловала ея блѣдное личико и худенькія, державшія букетъ, ручки, Андрей Николаевичъ вызвалъ жену съ балкона въ кабинетъ и недовольно объявилъ ей, что онъ не понимаетъ, къ чему эти нѣжности.

— Ничто не убѣдитъ меня, что это мое дитя... De sorte qu'on peut laisser les телячьи нѣжности,—хмуро сказалъ онъ.

— Такъ, пожалуй, ты и нашего будущаго ребенка не признаешь,—отвѣтила Татьяна Алексѣвна. Глаза ея сверкали, лицо было блѣдно.

— Не говори глупостей, — отвѣчалъ Андрей Николаевичъ. — Этотъ — мой, — добавилъ онъ, помолчавъ, и, нагнувшись, поцѣловалъ платье жены ниже тальи.—Съ той, пожалуйста, и не сравнивай. Лягушенокъ какой-то... Цыпленокъ разварной... Этотъ весь мой! — И, невольно заставивъ улыбнуться Татьяну Алексѣвну, почувствовавшую впервые его любовь къ ихъ будущему ребенку, Андрей Николаевичъ задержалъ все время до обѣда жену у себя. Она разобрала съ нимъ и устала разными вещами и его письменный столъ, и свой столикъ, недалеко отъ его: «чтобы вмѣстѣ проводить дни», какъ говорилъ Андрей Николаевичъ.

За обѣдомъ онъ велѣлъ переставить высокій стуликъ Сони подальше отъ Татьяны Алексѣвны и самъ сѣлъ на приготовленное ребенку мѣсто.

— Въ сущности, она отлично могла бы обѣдать въ дѣтской!..—недовольно пробурчалъ онъ по-французски, но, видя волненіе на лицѣ Вѣры Петровны, покрывшемся жалкимъ, старческимъ румянцемъ, ея трясущуюся голову и ея усиленіе что-то спокойно ему отвѣтить, замолчалъ.

Татьяна Алексѣвна обняла старушку, извинявшуюся за свое распоряженіе, по случаю праздника, насчетъ «Сонечки», и, насколько умѣла, старалась успокоить ее. За обѣдомъ она нѣсколько разъ также заговаривала съ дѣвочкой, шутила съ ней, но дѣвочка не улыбалась, а только опускала упрямо голову и молчала.

— Ну, такъ, это будетъ пытка!—рѣшила Татьяна Алексѣвна, и когда послѣ обѣда мужъ повелъ ее гулять и долго сидѣлъ съ ней на берегу Невы, она заговорила съ нимъ о Сонѣ и изъ краткаго разговора вывела заключеніе, что онъ не только противъ ея сближенія съ ребенкомъ, но что онъ положительно запрещаетъ это.

— Какъ только Вѣры Петровны не станетъ, я ее отдамъ куда-нибудь,—сказалъ онъ и добавилъ, помолчавъ: — только ради старухи и согласился признать ее. Старуха-то дѣйствительно неповинна ни въ чемъ... А все же какось, что пожалѣлъ, взялъ ее тогда. Очень ужъ она мнѣ противна, очень!—И онъ передернулъ плечами.

На слѣдующій день Андрей Николаевичъ уѣхалъ въ Петербургъ показаться въ министерствѣ и начать службу. Татьяна Алексѣвна первый разъ осталась одна, безъ мужа и съ упрекомъ, оставшись одна, почувствовала, что первый разъ дышитъ опять свободно, потому что можетъ дѣлать, что хочетъ.

Съ живостью и легкимъ сердцемъ позвала она горничную Сашу, которую по желанію Андрея Николаевича не брала съ со-

бой въ Гельсингфорсъ (онъ самъ тамъ замѣчательно ловко исполнялъ обязанности камеристки), и съ ея помощью достала изъ дорожной корзинки куклу, привезенную для падчерицы.

— Ахъ, Боже мой, что это за ребенокъ! — доставая игрушки, стала тотчасъ же тараторить Саша, чувствувавшая, какъ вся русская прислуга, особенную любовь въ угнетаемымъ дѣтямъ. И какъ баринъ ихъ не любятъ, — диво одно! Ужъ такая-то она ласковая, такая!.. Охватить нянюшку за шею и не знаешь, какъ приласкать! И золотая ты моя, и «бравіантовая», и жемчужная!.. А то такъ скажетъ: «бабочка» — это Вѣра Петровна, значить, — «скоро къ мамочкѣ пойдетъ, и Соня пойдетъ». Ей-Богу! Такъ за сердце и схватитъ!.. Васъ какъ онѣ ждали — страсть! — продолжала Саша, видя слезы на глазахъ барыни. — Придешь въ дѣтскую, онѣ сейчасъ: «сядь, расскажи, какъ новая мамà придетъ». Ну, и начнешь. А онѣ слушаютъ. Глазенки разгорятся... И скажутъ: «я новую мамà очень буду любить. Вотъ такъ»... А про папашу никогда не говорятъ. Боятся ихъ — страсть.

Татьяна Алексѣевна вздохнула. Миссія ей представлялась очень трудной и очень заманчивой. Одно, какъ бывшая уже разъ замужемъ женщина, она знала: надо было дѣлать задуманное тихо, незамѣтно, не настаивая. Она взяла куклу, игрушки и пошла къ падчерицѣ.

Соня сидѣла въ самомъ сыромъ мѣстѣ сырого садика, въ тѣни, неподалеку отъ бабушки, и нанизывала бисеръ на нитку. Вѣра Петровна, пожевывая губами, набивала гильзы табакомъ и изрѣдка что-то шептала. Въ тѣни было сыро, неприятно.

— Сонни, погляди, какую я тебѣ куклу привезла, — окликнула ребенка Татьяна Алексѣевна съ послѣдней ступени балкона, и, розовая, улыбающаяся, она присѣла въ своей кружевной модной шляпѣ и свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ на ступеньку, вытягивая передъ собой куклу. Въ сердцѣ своемъ она и ужасалась обстановки, окружавшей падчерицу, и рѣшалась, во что бы то ни стало, измѣнить эту обстановку.

Дѣвочка сначала въ отвѣтъ низко-низко опустила голову, потомъ исподлобья стала поглядывать на кланявшуюся ей въ рукахъ прекрасной мачехи куклу и только спустя нѣсколько минутъ, побуждаемая словами бабушки, робко и нехотя, держась за платье Вѣры Петровны, приблизилась къ Татьянѣ Алексѣевнѣ.

— Да что ты меня забыла? — удивленно спросила Татьяна Алексѣевна. — Вѣдь ты меня любила въ городѣ? Помнишь? — И она, трогая дѣвочку за подбородокъ, старалась интонаціей голоса вызвать улыбку на лицѣ ребенка, но дѣвочка не улыбалась. Больше того, протянувшаяся было за куклой блѣдненькая ручка безжизненно повисла, и голова съ бѣлокурыми жидкими волосами упрямо поникла на грудь.

Татьяна Алексѣевна вопросительно подняла глаза на бабушку, но вдругъ ее ослѣнила ея способность мыслить образами. Она вспомнила свой прїѣздъ вчера, встрѣчу съ Соней, ожидавшей ее съ букетомъ, зовъ мужа, обѣдъ, сопоставила все это съ разказами Саши, вспомнила, что мужъ будто нарочно такъ долго гулялъ съ ней вечеромъ, что она не смогла прїйти на ночь благословить ребенка, какъ пообщалась за обѣдомъ,—и вдругъ чувство своей вины и безконечной жалости охватило Татьяну Алексѣевну.

— Душка моя... приди ко мнѣ!—проговорила она тихо.—Ты мнѣ поручаешь ее...—одновременно на какой-то ей одной слышнѣйшій голосъ внутренно откликнулась она и на мнновеніе подняла глаза къ голубому небу.

— Сонни, будь моимъ солнышкомъ.. Обними новую мамá!— снова начала она черезъ минуту, видя, что дѣвочка не двигается, но изъ-за платья Вѣры Петровны, широко открывъ голубые глаза, наблюдаетъ за ней.

— Приди, обними мамá, поцѣлуй ее, иначе она будетъ горько-горько плакать...—И вдругъ дѣйствительно слезы навернулись на глаза Татьяны Алексѣевны.

Соня сдѣлала шагъ впередъ изъ-за бабушки и, не сопротивляясь, но не поднимая головы, отдалась въ руки молодой женщины.

— Я сдѣлаю тебя счастливой, сдѣлаю!—общалась въ сердцѣ своемъ Татьяна Алексѣевна, прижимая дрожавшія губы къ блѣдной, холодной и вялой щечкѣ ребенка.

Черезъ минуты двѣ худенькая, блѣдненькая, почти тѣнь-дѣвочка тихо, но радостно копошилась на яркомъ солнцѣ у балкона, а Татьяна Алексѣевна, въ какомъ-то дѣтскомъ порывѣ оживленія, разставляла передъ ней на ступенькахъ балкона кукольную мебель, посуду и пр.

— Какая вы славная!—шамкая беззубымъ ртомъ, говорила Вѣра Петровна, и старуха учила правнучку: благодарить мамá, благодарить!...

Но Татьянѣ Алексѣевнѣ не нужно было словъ благодарности. Она видѣла ее, эту благодарность, чувствовала ее въ надчерицѣ. Видѣла ее, когда няня пришла звать дѣвочку въ дѣтскую завтракать, а она сказала, что Соня будетъ завтракать съ ними, какъ большая.. Видѣла въ положенныхъ ей на колѣни крошечныхъ бѣлыхъ и розовыхъ махровыхъ маргариткахъ, сорванныхъ съ газона безъ стеблей, почти у самыхъ головокъ...

Съ этого дня Татьяна Алексѣевна съ падчерицей стала жить двойной жизнью: одной при мужѣ, когда онъ возвращался со службы, и они обѣдали втроемъ съ бабушкой, потомъ, послѣ обѣда, вдвоемъ шли съ нимъ гулять и проводили весь вечеръ вдвоемъ, не упоминая о Сонѣ. (Тогда почти всегда земное тѣло вступало

въ свои права). И другой жизнью, — когда къ 11 часамъ дня Андрей Николаевичъ уѣзжалъ въ городъ, и Татьяна Алексѣевна, радуясь своему астральному тѣлу, шла гулять съ ожидавшей ее Соней, собирала съ ней камешки на берегу Невы, сидѣла на горячемъ пескѣ, бесѣдовала съ бабушкой, завтракала съ ними обѣими и присутствовала при соленыхъ ваннахъ Сони, которыя она же распорядилась, чтобы дѣлали дѣвчкѣ. И эта жизнь, полная нѣкоторой таинственности, такъ какъ Андрей Николаевичъ не зналъ о ней, имѣла свою прелесть для молодой женщины.

Но разъ Андрей Николаевичъ, приглядывавшійся давно къ женѣ и не понимавшій: какъ она не скучаетъ безъ него, отчего? ужъ нѣтъ ли кого?—пріѣхалъ съ намѣреніемъ застать ее врасплохъ и дѣйствительно засталъ. вмѣсто того, чтобы печально, тоскливо сидѣть гдѣ-нибудь въ саду съ книжкой, но не читая ее, а думая о немъ, какъ онъ представлялъ себѣ любящую жену, Татьяна Алексѣевна, звеня бубенчиками ярко-красныхъ вожжей, бѣгала съ Соней по саду, изображая сорвавшуюся лошадь, смѣялась и «кокетничала» съ падчерицей.

Мрачиѣ тучи нѣсколько минутъ смотрѣлъ Андрей Николаевичъ на молодую женщину, пока она не замѣтила его. Затѣмъ, когда она, покраснѣвъ, съ возгласомъ: «какими судьбами?» сбросила вожжи и побѣжала къ нему, онъ молча поздоровался съ ней и, войдя въ домъ, сталъ осыпать упреками:

— Можетъ быть, я могъ бы и совсѣмъ не возвращаться?.. Къ чему, если вамъ и безъ меня весело? Кажется, веселѣе даже, чѣмъ со мной... Со мной вы зѣваете... И что жъ, изъ-за этой поганой дѣвчонки вы намѣрены убить моего будущаго ребенка?..

— Нашего, во-первыхъ,—съ улыбкой поправила Татьяна Алексѣевна.—А во-вторыхъ: отчего убить?.. Смѣшно!..

Ей было досадно на мужа, но она думала хладнокровіемъ побѣдить его.

— Моего,—упрямо повторилъ Андрей Николаевичъ.—Я вижу, какъ онъ вамъ дорогъ, когда вы изъ-за какой-нибудь мерз.... подвергаете жизнь его опасности. Но слышите, я не позволю этого,—вдругъ взвизгнулъ онъ и кулакомъ ударилъ по столу.

— Такъ вы скорѣе его убьете!—поблѣднѣвъ, сказала Татьяна Алексѣевна и, боясь наговорить лишняго, быстро вышла изъ комнаты въ спальню, гдѣ и заперлась. Негодование душило ее. Сердце усиленно билось, но, несмотря на это, она ждала, ждала мужа... и не плакала.

Прошло пять, десять минутъ, онъ не входилъ. Вокругъ царил тишина. Вдругъ Татьяна Алексѣевна вскочила и прислушалась.

Въ саду раздавался отчаянный дѣтскій вопль: «папа!... не буду.. папа!...»

Татьяна Алексѣевна отомкнула дверь спальни и, какъ безумная, бросилась въ цвѣтникъ.

Тамъ на дорожкѣ, гдѣ онѣ только что такъ весело играли съ Соней, Андрей Николаевичъ за «взятіе» его тросточки,—какъ онѣ пояснилъ,—отцовской рукой училъ Соню...

Съ этого дня къ прежнимъ причинамъ и поводамъ ревности у Андрея Николаевича присоединилась еще Соня, и Татьяна Алексѣевна, кромѣ ретроспективной ревности мужа къ покойному Умову, начала еще мучиться и плакать изъ-за ревности къ дѣвочкѣ.

— Опять ты играла съ ней?.. Сознайся,—злобно говорилъ Андрей Николаевичъ, возвращаясь со службы, и на слова жены: «да я вѣдь и не отри́киваюсь»,—кусая усы, замѣчалъ: «а вѣдь я какъ просилъ!.. Ей-Богу, будто на зло!»

И онѣ отказывался поцѣловать жену, заставлялъ ее мыться, потому что она цѣловала Соню, наказывалъ дѣвочку, если она подвергивалась, и только послѣ часовъ пиленія, съ почти жестокимъ блескомъ въ глазахъ, начиналъ страстно ласкать Татьяну Алексѣевну, увѣрять ее въ своей любви и требовать ея увѣреній и отреченія отъ Сони.

— Я понимаю теперь Леночку,—во время одной такой сцены устало сказала разъ Татьяна Алексѣевна и тотчасъ раскаялась въ своихъ словахъ.

Лицо Андрея Николаевича стало положительно страшнымъ.

— Что? — прошепталъ онѣ, блѣднѣя, и на смущенныя слова жены: «такъ, ничего», продолжалъ, тяжело переводя духъ:

— А я понимаю, что всѣ женщины одинаково подлыя...

Онѣ не договорилъ и на колѣняхъ сталъ умолять о прощеніи.

— Послушай, ну, какъ можно ревновать къ ребенку?— сказала въ другой разъ Татьяна Алексѣевна.

— Тебя ко всѣмъ можно, — отвѣтилъ Андрей Николаевичъ, между поцѣлуями. Въ его глазахъ, къ складкѣ его рта Татьяна Алексѣевна видѣла одно: желаніе и желаніе. Ни жалости, ни любви тамъ не было.

Она печально усмѣхнулась.

— Меня-то, кажется, ни къ кому нельзя.—Я, кромѣ тебя, отца, Вѣры Петровны и Сони, никого не вижу и не хочу видѣть. Пойми это, не хочу. Къ ребенку же это безуміе ревновать.

— Знаю, что безуміе, и все же ревную, — проговорилъ сквозь зубы Андрей Николаевичъ.—Что же! Я въ этомъ не виноватъ!— и, прижимая къ себѣ жену, онѣ добавилъ:—если бы ты знала, что за мученіе жениться на вдовѣ и на такой безсознательной кокеткѣ, какъ ты. Вѣдь ты со всѣми кокетничаешь.

Глаза Татьяны Алексѣевны блеснули.

— Это неправда. Я уже который разъ говорю тебѣ, что это неправда.

Она отстранилась.

— Нѣтъ, правда!—Андрей Николаевичъ больно схватилъ жену за руку.—Чего ты отстраняешься?—Правда, потому что ты кокетничаешь своимъ изяществомъ, своими движеніями, со всѣми: съ рыбакомъ, у котораго рыбу покупаешь, съ разносчикомъ, который земляникой торгуетъ...

— Тогда меня надо повѣсить! — перебила его Татьяна Алексѣвна, вырывая руку.

— Не повѣсить, а запереть—да!—согласился Андрей Николаевичъ, опять взявъ ея руку и не выпуская изъ своей.

— Такъ что же, я вещь какая-нибудь, раба?

— Жена,—проговорилъ внушительно Андрей Николаевичъ. — Жена, которую мужъ любить, и которая этимъ должна быть счастлива и не искать хотя бы платонической любви.—Жена, которая носить его ребенка... И въ этомъ должна быть ея радость, — черезъ мгновеніе добавилъ онъ съ новымъ блескомъ въ глазахъ.— Но вы, вы женщины, — вы этого не понимаете. Есть пословица не очень красивая, но вѣрная,—(Андрей Николаевичъ самъ выпустилъ руку жены, почти оттолкнулъ ее и странно усмѣхнулся)—Баба что мѣшокъ. Что хочешь, то и положишь.

Татьянѣ Алексѣвнѣ показалось, что она или ослышалась, или сходитъ съ ума, а Андрей Николаевичъ продолжалъ:

— Да, и относительно тебя это тоже до нѣкоторой степени вѣрно. Ты носишь ребенка человѣка, котораго, ты говоришь, любишь. И ты не бережешь его, бѣгаешь, присядаетъ, становишься на колѣни—и для кого?—Для ребенка, составившаго мое несчастье... Въ тебѣ не только нѣтъ любви къ будущему моему сыну или дочери, но даже и ко мнѣ нѣтъ. Ребенокъ, который мнѣ противенъ, тебѣ милъ. А отчего? Оттого, что, какъ говоритъ твой Толстой: ахъ ручки, ахъ ножки, ахъ глазки! Вѣдь вотъ вамъ что женщинамъ мило! Это чисто животное что-то!

Татьяна Алексѣвна попробовала усмѣхнуться.

— Знаешь, тутъ смысла даже нѣтъ въ томъ, что ты говоришь! — сказала она. Ее бросало то въ холодъ, то въ жаръ. Въ глазахъ мутилось.

— Мой Толстой сказалъ про животное чувство въ матеряхъ,— Соня даже мнѣ не близкій ребенокъ. Мнѣ жаль ее, какъ было жаль ея мать. Она дорога мнѣ и становится все дороже,—возвысилась она голосъ, слыша какіе-то шипящіе звуки, вырывающіеся изъ устъ Андрея Николаевича, — становится все дороже оттого, что ты несправедливъ къ ней, преслѣдуешь ее.

— Я выгоню ее,—вотъ и будетъ тогда дорога!—закричалъ Андрей Николаевичъ. Онъ чувствовалъ, что говоритъ вздоръ, бессмыслицу, но остановиться уже не могъ. Въ эту минуту ему хо-

тѣлось одного: убить Соню, убить даже не изъ-за ненависти къ Сонѣ самой, а чтобы больно сдѣлать Татьянѣ Алексѣевнѣ.

— Ты можешь выгнать ее хоть завтра,—помолчавъ, выговорила Татьяна Алексѣевна громко, отчетливо: — но знай, что съ ней и я уйду.

Нервная дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

— Прекрасно-съ! — отвѣчалъ Андрей Николаевичъ. — Прекрасно!—Онъ помолчалъ и черезъ минуту, подойдя къ женѣ, продолжалъ сквозь зубы:—Такъ въ этомъ твоя любовь? Въ этомъ?..

Онъ рѣзко повернулъ жену къ себѣ.

— Изъ-за подлаго чужого ребенка ты готова меня бросить?.. Ну, хорошо же! Помни это! — Онъ отступилъ отъ Татьяны Алексѣевны и съ послѣдними словами, сдерживаясь, чтобы не ударить ее, почти выбѣжалъ изъ комнаты.

«Теперь убьетъ ее!» мелькнуло у Татьяны Алексѣевны, и она, холодѣя отъ ужаса, бросилась за нимъ вдогонку, но онъ рванулся отъ нея, вышелъ въ переднюю, взялъ шляпу, надѣлъ пальто и, открывъ входную дверь, исчезъ по дорогѣ, ведущей къ Невѣ.

«Утопится!..» подумала Татьяна Алексѣевна.

Его слова: «помни это!» звучали въ ея ухахъ.

— Андрей!—позвала она поблѣвшими губами.—Андрей!—Но онъ не слышалъ ея. Ноги Татьяны Алексѣевны подкосились, и, чтобы не упасть, она схватилась за косякъ выходной двери и черезъ минуту сѣла на порогъ.

Какъ ни было успокоительно то, что Андрей Николаевичъ надѣлъ пальто и шляпу,—это не успокаивало Татьяну Алексѣевну, и мысль, что мужъ ушелъ, чтобы покончить съ собой, не покидала ее.

Черезъ полчаса Татьяна Алексѣевна лежала больная въ постели, а черезъ часъ или полтора Андрей Николаевичъ вернулся домой.

«Ждетъ!» увидѣвъ свѣтъ въ домѣ, подумалъ онъ и улыбнулся, но тотчасъ затихшее было желаніе наказать жену охватило его.«Пусть ждетъ!» рѣшилъ онъ и снова отправился гулять, но черезъ полчаса, снова почувствовавъ холодъ, вернулся и позвонилъ.

Ему открыла дверь Саша и съ нѣмой злобой въ лицѣ взяла его пальто.

— Константинъ гдѣ? — сурово спросилъ Андрей Николаевичъ про лакея.—Отчего вы открываете? Я сколько разъ говорилъ...

— За докторомъ ушелъ,—процѣдила сквозь зубы Саша, перебивая барина.

— За докторомъ? За какимъ? Зачѣмъ?—спросилъ Андрей Николаевичъ.

— Не умирать же Татьянѣ Алексѣевнѣ, — поглядѣвъ на барина, выкрикнула Саша и, всхлипнувъ, повернула ему спину и пошла въ комнаты.

— Это еще что? — процѣдилъ Андрей Николаевичъ. — Что за комедія?

Быстрыми, безпокойными, разсерженными шагами прошелъ онъ въ спальню, на порогѣ ея встрѣтилъ Вѣру Петровну, съ трясущейся головой и заплаканнымъ лицомъ, невольно отвернулся отъ нея, такъ напомнила она ему прошлое, и, открывъ дверь спальни, понялъ происшедшее.

Черезъ минутъ пять онъ, безъ шляпы, бѣгалъ по селу, отыскивая доктора, акушерку, кого-нибудь, какую-нибудь помощь.

IV.

Три недѣли пролежала Татьяна Алексѣевна въ постели.

Андрей Николаевичъ первое время ни на минуту ни днемъ, ни ночью не покидалъ ее. Страхъ потерять жену и вмѣстѣ съ тѣмъ лишиться будущаго ребенка былъ такъ великъ, что, казалось, онъ готовъ былъ на всякія уступки и жертвы, лишь бы его не постигла заслуженная кара. Но, какъ ни странно это сказать, — Андрей Николаевичъ своей вины въ происшедшемъ не признавалъ. По его мнѣнію, виноваты были во всемъ Соня и сама Татьяна Алексѣевна; изъ-за Сони все вышло, и его чувство къ дочери еще болѣе обострилось.

— Приведи мнѣ ее сюда, — къ вечеру на второй день болѣзни потребовала Татьяна Алексѣевна, чувствовавшая къ мужу какое-то странное чувство послѣ ночной исторіи, и она такъ заволновалась, слыша отказъ, что Андрею Николаевичу пришлось исполнить волей-неволей желанье больной. Докторъ говорилъ ему о нервномъ потрясеніи и о необходимости полного спокойствія — иначе... Этого «иначе» — смертельно боялся Андрей Николаевичъ.

— Приведу, сейчасъ приведу; — угрюмо отозвался онъ: — только успокойся... — и, выйдя, онъ прислалъ Вѣру Петровну съ правнучкой къ женѣ.

— Приведи самъ мнѣ ее, — попросила на другой день Татьяна Алексѣевна. Она была тронута его заботами о ней, — онъ самъ давалъ ей лекарства, ночи просиживалъ у ея ногъ и даже Сашу не подпускалъ къ ней, — и ей хотѣлось примирить его съ ребенкомъ, хотя бы внѣшне, пока онъ такъ размягченъ.

— Зачѣмъ? — соня и багровѣя, прошепталъ Андрей Николаевичъ.

— Чтобы жилъ нашъ ребенокъ, — слабо улыбнулась Татьяна Алексѣевна, зная, что онъ вѣритъ въ примѣты.

— Онъ и такъ, Богъ дастъ, будетъ жить.

— Нѣтъ. Богъ ничего не дастъ... Приведи!..—покачавъ головой, настойчиво проговорила Татьяна Алексѣевна, и такое волненіе и раздраженіе разлились по ея лицу при словахъ Андрея Николаевича: «какъ можно такъ говорить!»—что Андрей Николаевичъ опять перепугался.

— Ахъ, Боже мой!—хватаясь за виски, выкрикнулъ онъ.— Все, все сдѣлаю, только не волнуйся. Ахъ, Боже мой!.. Не повредила ты себѣ?

Соня, черезъ нѣкоторое время, дѣйствительно была приведена имъ и даже посажена на постель мачехи, но, вопреки ожиданію Татьяны Алексѣевны, это не сблизило отца съ ребенкомъ. Дѣвочка была изъ самолюбивыхъ и злопамятующихъ натуръ; кромѣ того, она боялась отца и потому сидѣла потупившись, не отвѣчала на вопросы и только изрѣдка исподлобья поглядывала на Андрея Николаевича. Андрей Николаевичъ тоже недружелюбно наблюдалъ за ней, боясь, какъ бы она не толкнула больную, и всѣ три, отецъ, дочь и мачеха, облегченно вздохнули, когда ребенокъ, получивъ леденчики отъ Татьяны Алексѣевны, получилъ также ея разрѣшеніе итти въ садъ.

На слѣдующій день Татьяна Алексѣевна, однако, потребовала повторенія визита и такъ систематически стала продѣлывать это, что въ концѣ концовъ Андрей Николаевичъ выѣшне покорился.

Черезъ три недѣли, когда Татьяна Алексѣевна встала, онъ могъ болѣе или менѣе равнодушно видѣть, какъ жена его слабыми ногами бродила по саду за руку съ Соней.

Скоро все вернулось къ прежней жизни, вошло въ старую колею, только чувство Андрея Николаевича къ женѣ, будто волшебствомъ, измѣнилось. Прежде онъ любилъ въ ней ее самое, ея тѣло, т. е. свою любовницу. Теперь больше всего онъ сталъ любить въ ней своего будущаго ребенка. Поводовъ къ ревности, кромѣ Сони, она не давала, и онъ примирился пока съ окружающей обстановкой, обѣщая себѣ перемѣнить все впослѣдствіи. Теперь же всѣ его мысли направлялись къ тому, чтобы жена не споткнулась, не ушиблась, не взволновалась.

Лѣто прошло быстро, незамѣтно, осенью переѣхали въ городъ, и тутъ только Татьяна Алексѣевна, увидѣвъ себя въ своемъ старомъ трюмо, замѣтила, до чего она измѣнилась.

— Какъ странно,—усмѣхнулась она самой себѣ.— Вѣдь такъ же видишь себя въ другихъ зеркалахъ, а не такъ замѣчаешь. Что это? Отчего? И всѣ такъ, или я одна? Это моя идіосинкразія?..

Мужу своему она, однако, ничего не сказала. Между ею и имъ стояло что-то невидимое, но раздѣлявшее ихъ. Прежде она и онъ говорили другъ другу всѣ мысли, все, что приходило въ голову, всякій вздоръ. Теперь какъ-то чувствовалось, что говорить скучно, не къ чему... Ребячество какое-то! Прежде ихъ соединяла страсть,

теперь съ ея стороны была болѣзнь, постоянное недомоганье, съ его—страхъ лишиться ребенка.

— Ты будешь кормить его сама,—настаивалъ Андрей Николаевичъ.

— Хорошо,—уныло соглашалась Татьяна Алексѣвна, и она послушно готовилась въ кормилицы подѣ надзоромъ врача. Ей казалось, что всю жизнь изъ нея кто-то вынулъ.

Внѣшне дни проходили за днями, одинъ какъ другой. Дома было скучно, уныло. Чужихъ никого не принимали: ни мужчинъ, ни женщинъ,—всѣмъ говорили, что Татьяна Алексѣвна больна, что ей нуженъ полный покой, и старые и новые знакомые уходили въ недоумѣннн, пожимая плечами, и распространяли по городу всевозможныя слухи.

— Les peuples heureux n'ont pas d'histoire!.. — вздыхалъ старый дипломатъ.

— Синяя борода,—говорили другіе, усмѣхаясь.

А у Татьяны Алексѣвны дѣйствительнымъ утѣшеніемъ за это время была опять-таки одна Соня. Когда мужъ уходилъ изъ дому, она брала дѣвочку къ себѣ и, развернувъ съ ней «Степку-Расстрепку» или «Гошу», или другую подобную книгу, прижимая Соню къ себѣ, долго разсматривала съ ней картинки, рассказывая разныя исторіи и радостно слушая ея дѣтскую болтовню.

Разъ какъ-то она достала карточку перваго мужа и въ присутствіи падчерицы стала разглядывать его лицо. И вдругъ, странное чувство страданія и своей двойной вины передъ Умовымъ и Андреемъ Николаевичемъ нашло на нее. Слезы хлынули неудержимо изъ ея глазъ.

«Какъ быть тутъ, какъ быть?» спрашивала она себя, и ей больно было думать, что она не слушается Андрея Николаевича, точно обманываетъ его, глядя тайкомъ на Умова, вглядываясь въ его печальные, укоряющіе, добрые маленькіе глаза, и больно было рѣшиться не брать карточки Умова въ руки.

— Мамá... Это кто?—спросила таинственно Соня, давно то смотрѣвшая на мачеху, то разглядывавшая карточку.

Дѣвочка, видимо, было встревожена слезами Татьяны Алексѣвны.

— Это... мужъ мой первый. Онъ у Боженки,—отвѣтила помолчавъ, Татьяна Алексѣвна, глядя по головкѣ прижимавшуюся къ ней Соню.

— Какъ мамочка? У Боженки?—медленно, раздумчиво сказала дѣвочка, дѣлая удареніе на словѣ мамочка, и почти тотчасъ добавила:

— А я все думаю: не ты ли мамочка моя, а папочка, можетъ быть, тотъ?..—она тронула портретъ и большими голубыми глазами вопросительно уставилась на мачеху.—Можетъ быть, бабушка ошибается?..

— Отчего?—краснѣя и упрекая себя за неосторожность, не понявъ въ первую минуту словъ ребенка, выговорила Татьяна Алексѣвна, но почти тотчасъ же смыслъ сказаннаго сталъ ясенъ ей, и сердце ея сжалось отъ страданія.

— Нѣтъ, папá твой настоящій папá,—ласково сказала она, стараясь искоренить всякую неудобную мысль въ головѣ ребенка.— Я тебя больше люблю, оттого что я женщина. Папá мужчина. Онъ тебя тоже любитъ, но... но не умѣетъ этого показать... Такъ часто отцы... — добавила она и, чувствуя, что запутывается, оборвала.

Соня опустила головку.

— А Федоръ любитъ своего Ваню?—прошептала она.

«Кто это Федоръ? Да, дворникъ на дачѣ», мелькнуло у Татьяны Алексѣвны.

— Ваня—мальчикъ,—не зная, что сказать, отвѣтила она.

«Замѣтила!» думала она про Соню, вспоминая неразлучныя фигуры дворника и его трехлѣтняго сынишки.

Съ этого дня она стала обходиться съ падчерицей еще нѣжнѣй. Ей казалось, что если ей самой недолго осталось жить (а минутами она положительно была увѣрена, что умретъ въ родахъ),—ей казалось, что надо хоть чѣмъ-нибудь побаловать Соню до этого. Потомъ предвидѣлись одни страданія для дѣвочки. Бабушка становилась все болѣе безучастной ко всему настоящему; то часами дремала, сидя на диванѣ, то вспоминала малѣйшія подробности давно прошедшей молодости своей. На Соню она обращала мало вниманія.

«Кто изъ насъ раньше уйдетъ? Я или она?» въ минуты сильнаго недомоганія спрашивала себя Татьяна Алексѣвна, и когда бабушка въ ноябрѣ заболѣла инфлюэнцей, а въ декабрѣ скончалась, это никого изъ домашнихъ не поразило.

— Что же, слава те, Господи! Пожила!..—сказалъ только Андрей Николаевичъ.

Въ декабрѣ Вѣры Петровны не стало, а въ январѣ новое, маленькое человѣческое существо, обреченное на разнообразнѣйшія земныя страданія, должно было, къ радости родителей, явиться въ домѣ Андрея Николаевича.

Онъ только и жилъ теперь этой мыслью, этой надеждой,—только и боялся, чтобы жена какою-нибудь неосторожностью не лишила его этого счастья. Любовь его къ будущему младенцу приняла за это время положительно болѣзненную форму. Онъ терзалъ и мучилъ жену всякими наставленіями, совѣтами и сердился, когда она не выполняла ихъ.

Наступилъ день родовъ. Татьяна Алексѣвна встрѣтила его, приготовилась къ нему, какъ къ смерти, т. е. причастившись и сдѣлавъ распоряженія относительно Сони. (Опекуншей Сони ее сдѣлала старушка Вѣра Петровна).

Когда муки начались, докторъ пришелъ предупредить Андрея Николаевича, что роды будутъ тяжелы: есть неправильность. Можетъ быть, придется прибѣгнуть къ операціи.

— Спасите мнѣ ребенка!.. — закрывая лицо ладонями, сказалъ только Андрей Николаевичъ.

Докторъ съ недоумѣніемъ оглядѣлъ его фигуру съ закрытымъ лицомъ.

— Боюсь, что это будетъ трудно...—сказалъ онъ.— Я и пришелъ предупредить.

— Спасите обоихъ... докторъ... умоляю!..—прокричалъ Андрей Николаевичъ.

Докторъ, мывшій руки сулемой, пожалъ плечами, вытерся полотенцемъ и, что-то промывавъ, вышелъ.

Андрей Николаевичъ вздрогнулъ. Этотъ извѣстный докторъ-акушеръ въ своемъ бѣломъ фартукѣ казался ему палачомъ, готовымъ разрѣзать на куски такъ, здорово живешь, его ребенка. Его!..

Всю ночь и весь день промучилась Татьяна Алексѣевна. Хлороформа она не хотѣла принять.

— Умереть, такъ умереть въ памяти,—прерывающимся голосомъ твердила она и мужествомъ и страданіями вызывала слезы у акушера.

А Андрей Николаевичъ, растерянный, какъ бы бредившій, только и повторялъ: «Но ребенокъ живъ еще? Живъ?..» и успокаивался только тогда, когда докторъ и его помощница, почти съ досадою, отвѣчали ему утвердительно.

— Баринъ, Андрей Николаевичъ, послать бы въ церковь, просить царскія врата открыть, — сказала ему утромъ послѣ томительной ночи няня Сони.

Она, изъ страха, обыкновенно никогда не разговаривала съ нимъ, но тутъ набралась храбрости.

Андрей Николаевичъ тупо посмотрѣлъ на нее, потомъ, когда смыслъ дошелъ до него, спросилъ: «отчего?»

И, узнавъ новое суевѣріе, тотчасъ согласился на него.

— Пошлите, пошлите, — приказалъ онъ, готовый, согласный на все.

— Саша весь домъ ужъ обѣгала, — искала дѣвушку, чтобы распустить волоса. Да нигдѣ не найти настоящей дѣвушки,—уходя, рассказала еще няня барину.

Андрей Николаевичъ не только не удивился поискамъ Саши, но самъ почувствовалъ необходимость отыскать дѣвушку, могущую распустить волоса, и даже разсердился, что ее не могутъ отыскать.

— Что за развратъ!.. И неужели не могутъ отыскать!—думалъ онъ и, думая такъ, чувствовалъ, точно это ему на зло!

Прошли мучительныя сутки.

Наступили вторыя.

Андрей Николаевичъ шелъ по коридору изъ кухни со льдомъ.

— Папа... мамá цѣля будетъ?! — не то вопросительно, не то утверждающе остановила его Соня, произнося русское л, какъ французское.

Было раннее утро. Ее только что одѣли, и она, пользуясь отсутствіемъ няни, постоянно куда-то исчезавшей, вышла изъ дѣтской въ коридоръ и тамъ встрѣтилась съ отцомъ.

Сморщившись, какъ отъ боли, Андрей Николаевичъ, не понимая, что она лепечетъ, но досадуя на это дурацкое сюсюканье и на то, зачѣмъ она повстрѣчалась ему, остановился на мигъ и молча посмотрѣлъ на нее.

— Эдакая вотъ живетъ же! — думалъ онъ и, глядя на слабенькую, хрупкую дѣвочку, чувствовалъ, что ему противно и ея прозрачное до синевы личико, и свѣтло-голубые, обведенные темными кругами глаза, и жидкія пряди волосъ, и весь ея видъ, воздушный и испуганный.

«Да! Худа, худа, а не умираетъ!» мелькнуло у него.

— Папа... мамá цѣля будетъ?.. — не дождавшись отвѣта, повторила Соня еле слышно и отъ пронизывающаго взгляда отца, отъ его черныхъ, злыхъ, какъ ей казалось, глазъ, испуганно открыла ротъ и задрожала всѣмъ тѣломъ. Еще мгновение, и она съ громкимъ плачемъ бросилась бы отъ отца, но онъ предупредилъ ее

— Что? — прошепталъ онъ и, чувствуя, что вотъ эта дѣвчонка какъ-то особенно мѣшаетъ ему въ эту минуту, точно отнимаетъ жизнь у того, дорогого ребенка, нагнулся, схватилъ ее за плечи, повернулъ, втокнулъ въ дѣтскую и захлопнулъ дверь изъ дѣтской.

— Реви теперь, реви! — слыша, какъ сердце его колотится въ груди, продолжая путь по коридору, говорилъ онъ мысленно Сонѣ и, дойдя до своего кабинета, онъ совершенно забылъ о крикѣ, долетѣвшемъ до него изъ дѣтской.

... Къ часамъ шести второго дня маленькое новое человѣческое существо также огласило домъ Андрея Николаевича своимъ первымъ крикомъ.

Слезы сдавили горло Андрея Николаевича.

Онъ съ радостью бросился къ постели жены отъ окна, возлѣ котораго сталъ, когда акушеръ объявилъ о неотложной необходимости наложить щипцы, и съ трепетомъ, восторгомъ, жалостью и умилениемъ увидѣлъ между колѣнами жены красное, голое, живое, двигающееся тѣло младенца, его поджатыя къ груди ножки, его кулачки и темноволосую головку.

— Мальчикъ или дѣвочка?.. Дѣвочка!.. Ей холодно! Отчего вы не прикроете ее? — тотчасъ сказалъ онъ съ невольнымъ негодованіемъ на ихъ незаботливость объ его ребенкѣ, но докторъ сурово отстранилъ его.

Онъ поднялъ глаза и тутъ только увидѣлъ посинѣвшія губы, стиснутые прекрасные бѣлые ровные зубы и закрытые глаза Татьяны Алексѣевны.

Начались всевозможные медицинскіе приемы: обвертываніе въ простыни, паровыя ванны, впрыскиванія морфія, кислородъ и пр. Прислуга ежеминутно посылалась въ аптеку.

Андрей Николаевичъ окончательно потерялъ способность соображать что-нибудь. Но одно, что онъ помнить,—что было въ его душѣ, какъ канва, на которой кто-то вышивалъ страшные, безобразные узоры,—это мысль, сознаніе, что ребенокъ, его ребенокъ, живъ, и это радостное сознаніе минутами, какъ вѣтеръ во время пожара сгоняетъ, разсѣиваетъ дымъ, разсѣивало его безпокойство и тревогу, и ему на мгновеніе казалось, что все хорошо.

Часа черезъ три обильный потъ покрылъ тѣло больной, и сознаніе ея вернулось.

— Я зналъ, что все будетъ хорошо!—почти тотчасъ объявилъ Андрей Николаевичъ доктору.

Тотъ съ озлобленіемъ вопросительно уставился на него.

— То есть какъ-съ знали-съ?

— Зналъ!—смущенно улыбаясь, повторилъ убѣжденно Андрей Николаевичъ.

Акушеръ отвернулся.

— Ну, напугали же вы насъ порядкомъ, барынька!—привѣтствовалъ онъ Татьяну Алексѣевну.—Теперь смирно... Смирно!—погрозилъ онъ ей.

Она слабо и благодарно улыбнулась ему въ отвѣтъ, но, встрѣтивъ взглядъ Андрея Николаевича, нахмурилась и закрыла глаза.

Въ этотъ же вечеръ няня Сони осторожно и таинственно звала помогавшую доктору акушерку въ коридоръ.

— Барышня, нельзя ли вамъ на минуту къ намъ, въ дѣтскую?—шепнула она, испуганно оглядываясь.

— Да, а что такое?—спросила удивленно акушерка.

— Бѣда у насъ случилась. Очень расшиблась барышня моя.

— Барышня?—удивилась акушерка.—Какъ же это?

— Ш-шъ, чтобы Татьяна Алексѣевна не услышала.

Няня приложила руку къ губамъ.

— Не услышитъ,—покачала головой акушерка.—Теперь долго проспитъ.

— Баринъ кабы не узналъ!—сказала еще многозначительнѣе няня и, успокоенная увѣреніями акушерки, вернулась въ дѣтскую?

Тамъ на колѣняхъ Саша, прислонившись затылкомъ къ ея груди, сидѣла Соня на кровати няни... Голова ея и лѣвый глазъ были повязаны мокрыми полотенцами. Лицо было желто, какъ воскъ, губы—ярко красны, будто намазаны. Передъ дѣвочкой на корточкахъ сидѣла кухарка.

Няня вошла, оглядѣла комнату, шепнула кухаркѣ и Сашѣ: «сейчасъ придетъ», открыла шевелившуюся и постукивавшую отъ движенія воздуха заслонку, помѣшала въ топившейся печкѣ и подошла къ застонавшей питомицѣ.

Дѣвочка укоризненно-печально посмотрѣла на нее правымъ глазомъ и потянулась къ ней обѣими руками.

— Краше въ гробъ кладутъ,—качнувъ головой въ сторону Сони, тихо сказала кухарка.

Няня вздохнула, отвѣтила дѣвочкѣ: «сейчасъ, матушка, сейчасъ, золотая, возьму, крошечку обожди», и, слыша шаги акушерки, пошла ей навстрѣчу.

Черезъ минуты двѣ въ нѣмомъ ужасѣ всѣ четыре женщины разглядывали разсѣченный лобъ и вспухшій фонарь у глаза ребенка. Открыть его она не могла.

— Какъ же это случилось?— снова накладывая повязку, спросила акушерка.

Няня начала было тихо, таинственно: «вышла это я въ кухню...» но Соня, лежавшая на рукахъ Саши, вдругъ встрепенулась.

— Папѣ—такъ Союю,—дѣлая жесты, показала она.—Соня такъ тамъ упала, головкой, глазкомъ. Папѣ—бяка!—неожиданно съ энергій добавила дѣвочка, и въ одномъ ея глазѣ на мгновение зажглось выраженіе такого гнѣва и злобы, что женщины переглянулись.

— Такъ нешто можно про папеньку!...—внушительно зашептала кухарка.—Экій грѣхъ какой!.. Вотъ Боженька накажетъ!

Соня испуганно заволновалась, забилась, какъ птичка, но няня, Саша и акушерка вступились за нее.

— Надо будетъ доктору показать,—тихо сказала акушерка.—Богъ знаетъ, можетъ быть, глазъ поврежденъ. Завтра же по утру надо будетъ показать главному врачу, а сегодня, какъ Х. пріѣдетъ,—она назвала акушера,—я его приведу.

— Не знаю, что будетъ, какъ Татьяна Алексѣевна проснутся!—провожая акушерку Вассу Ивановну по коридору, тревожно говорила Саша.—Онѣ, навѣрно, къ себѣ ихъ потребуютъ, очень ихъ любятъ, а что будетъ, какъ они ихъ увидятъ,—не приведи Боже!

— Ее нельзя такъ показать Татьянѣ Алексѣевнѣ,—отвѣтила акушерка.

Въ тотъ же, но уже поздній вечеръ, Союю осмотрѣлъ докторъ-акушеръ, приказалъ положить ледъ на голову, измѣрить температуру и, узнавъ, что Андрей Николаевичъ не освѣдомленъ о происшедшемъ,—пошелъ объявить ему о немъ.

— Будьте покойны,—сказалъ онъ акушеркѣ, молча, взглядами, старавшейся дать ему понять о сложности семейныхъ обстоятельствъ.—Все понимаю, знаю и беру на себя.

И онъ дѣйствительно взялъ на себя и поговорилъ съ Андреемъ Николаевичемъ.

V.

— Приведите мнѣ Соню,—потребовала разъ Татьяна Алексѣевна.

Наступили десятыя сутки послѣ родовъ, и хотя встать она должна была только на четырнадцатый день, силы ея настолько прибыли, что ей разрѣшено было въ этотъ день сѣсть въ кровати и повидаться съ отцомъ.

До этого же дня объ отцѣ она знала отъ мужа, а о Сонѣ только черезъ акушерку, которую не разъ отсылала въ дѣтскую узнавать о здоровьѣ падчерицы, и которая всякій разъ говорила ей, что Соня весела, здорова, и что все хорошо.

— Приведите ее, милая, поскорѣй,—обратилась она еще разъ къ акушеркѣ, какъ-то особенно медленно и долго въ это утро складывавшей и укладывавшей разныя вещи дѣтскаго бѣлья въ англійскую, нарядную, розовую съ кружевами корзинку.

— Мы лучше доктора подождемъ, Татьяна Алексѣевна,—не поднимая глазъ, уклончиво отвѣчала Васса Ивановна.—Боюсь я, что вы ужъ очень волнуетесь.

— Ну! Я волнуясь? Нисколько, и чего ждать?—усмѣхнулась Татьяна Алексѣевна.—Я такъ рада, что оживаю?

И дѣйствительно, изящная, принаряженная, въ новомъ кружевномъ «saut de lit» ¹⁾, причесанная первый разъ, какъ слѣдуетъ, чуть благоухающая ирисомъ,—она, видимо, возрождалась къ новой, полной жизни.

— Можетъ, она гуляетъ,—помолчавъ, опять уклончиво сказала Васса Ивановна.—Вотъ покушаете сперва, потомъ приѣдетъ генераль, его повидаете, а потомъ ужъ и Сонечку. Къ тому времени и докторъ приѣдетъ. Такъ лучше. Знаете, ребенокъ начнетъ еще шумѣть, шалить. Я боюсьвзять на себя такую отвѣтственность.

— Сонни—и шалить!—замѣтила Татьяна Алексѣевна.—Нѣтъ, она никогда не шалить!

Татьяна Алексѣевна вздохнула.

Съ перваго раза, какъ она дала грудь ребенку своему, къ ужасу ея не такъ любимому, какъ она когда-то мечтала, и онъ безсознательно, какъ своей собственностью, сталъ распоряжаться ею,—а Андрей Николаевичъ съ влажными, блестящими глазами и нѣжной улыбкой сначала наблюдалъ за нимъ, а потомъ, убѣдившись, что все идетъ какъ слѣдуетъ, боялся взглянуть на него, чтобы не помѣшать, не сглазить его, и негодовалъ на жену, что она смотритъ,—съ этого раза Татьяна Алексѣевна какъ-то особенно ярко, выпукло, рельефно почувствовала сиротство Сони и свое сродство съ нею. Ею никто не гордился, когда она ѣла, пила,

¹⁾ Широкая кофточка.

спала, говорила, никто не умилялся, никто даже не думалъ, кромѣ нея, мачехи, ѣсть ли она, говоритъ, спать ли, а тутъ!.. И контрастъ между отношеніемъ къ ея ребенку, этому уродцу, чуть не стоившему ей жизни, къ ней самой и Сонѣ особенно задѣлъ за сердце молодую женщину.

«Моя старшая! Мы съ ней составляемъ одно»... тотчасъ, мгновенно, въ какомъ-то порывѣ жалости къ себѣ, рѣшила она про Соню и, наперекоръ логикѣ, новой нѣжностью прониклась къ этой старшей.

Въ тотъ день, когда она потребовала ее къ себѣ, эта нѣжность буквально достигла своего апогея, и Татьянѣ Алексѣевнѣ стало казаться, будто она не въ силахъ дольше не видѣть Соню. Андрей Николаевичъ недовольно увѣрялъ ее, что тутъ играетъ роль глупая сантиментальность, что никто не понялъ бы ее, сердился, что она не такъ держитъ свою дочь, не такъ кормитъ ее, что для нея ея ребенокъ такъ себѣ, что-то въ родѣ чурбана. Татьяна Алексѣевна стояла на своемъ, и чѣмъ дольше и больше говорилъ мужъ, тѣмъ больше начинала раздражаться.

— Ахъ, отстань, пожалуйста!—наконецъ со слезами на глазахъ крикнула она, легла, отвернулась и замолчала.

Часа въ три наконецъ, послѣ визита отца, въ присутствіи акушера Татьяна Алексѣевна вновь высказала желаніе увидѣть Соню.

— Барынька, барынька, чего вы такъ торопитесь!—попробовалъ пошутить акушеръ, но тотчасъ оборвалъ.—Лицо его пациентки приняло пугающее его выраженіе, глаза раскрылись, губы посинѣли.

— Ну-съ, приведемъ барышню, сейчасъ приведемъ,—виновато добавилъ онъ.—Только вы не волнуйтесь... Эхъ, барыни, барыни! Ну, и пульсъ сто въ минуту! Что съ вами подѣлаешь! Примите-ка капель... Васса Ивановна, дайте намъ бобровой съ валеріаномъ...

Онъ выпустилъ руку Татьяны Алексѣевны, сѣлъ на низенькій мягкій стуликъ и круглыми, добрыми, испуганными глазами, сѣясь побороть свое безпокойство, сталъ наблюдать за больной.

— Подите за Соней!—звенящимъ отъ слезъ голосомъ приказала Татьяна Алексѣевна Вассѣ Ивановнѣ. Она выпила лекарство, отдала стаканчикъ и повторила тѣмъ же голосомъ:—пожалуйста, подите сейчасъ. Мнѣ все кажется,—отъ меня что-то скрываютъ... что я больше ее не увижу...—голосъ ея оборвался.

Она достала изъ-подъ подушки кружевной тонкій платокъ и стала вытирать имъ глаза.

— Ужъ и не увидите!—засмѣялся докторъ.—Ахъ, барыни, барыни... Ну, и неправда. Сейчасъ увидите.. А то скрываютъ...

Онъ переглянулся съ своей помощницей, выходявшей изъ спальни и добавилъ:

— Нечего скрывать... Если ребенокъ что и нашалилъ, если и... ушибся... Такъ вѣдь вы знаете... ни одинъ ребенокъ не вырастетъ

безъ того, чтобы не уасть...—говорилъ онъ, все болѣе пугаясь.—
Вотъ и вашъ собственный...

— И та моя собственная...—дрожащимъ голосомъ встала
Татьяна Алексѣвна.

Акушеръ опять дѣлнно улыбнулся.

— Ну-съ, и ваша вторая собственная обезпечена отъ паденія,
только пока въ люлькѣ-съ. Да-съ, только!..

— А она расшиблась?.. Да?.. выговорила Татьяна Алексѣвна.

Слезы ея высохли, глаза зажглись безпокойствомъ. Ноги у
бедеръ стали подергиваться судорогой.

«Я такъ и знала! Я такъ и знала», стучало у нея въ головѣ.

Акушеръ, тяжело дыша, поднялся своимъ грузнымъ тѣломъ со
стула. Онъ чувствовалъ, что минута дѣйствовать строго наступила.

— Ну, да, ушиблась немного, но если вы сейчасъ не успо-
коитесь,—почти крикнулъ онъ:—я не позволю ввести ее сюда!

Онъ остановился, ожидая послѣдствій своего окрика, не зная
самъ, какой будетъ результатъ, наблюдая со страхомъ за покрас-
нѣвшимъ лицомъ пациентки, но, къ его счастью, въ эту минуту
явилось отвлекающее средство: послышались шаги за дверью, вор-
кующій голосъ Вассы Ивановны, говорящей, очевидно, ребенку что-то
не по-человѣчески (какъ опредѣляла такой говоръ Татьяна Але-
ксѣвна), дверь отворилась, и Васса Ивановна внесла въ спальню
на рукахъ Соню съ черной хирургической повязкой на глазу.

— О-о-о-хъ!—только простонала Татьяна Алексѣвна.

— Охъ, Боже мой! Что же это?

Она вытянула обѣ руки и, не слушая увѣщаній доктора и
его помощницы, твердившихъ: «тише, тише», похолодѣвъ, вся по-
тянулась навстрѣчу ребенку, зашевелилась, задвигалась, заволно-
валась и утихла болѣе или менѣе только тогда, когда Соню поса-
дили къ ней на постель, и она, слыша, что теперь ужъ лучше,
всклиывая и приговаривая разныя нѣжныя слова, дрожащими
пальцами развязала повязку дѣвочки.

— Вотъ понюхайте еще.. И еще капель выпейте.. Ничего,
теперь скоро заживетъ.. Сначала думали, что глазъ попорченъ..
Но, слава Богу, глазъ цѣлъ, — увѣщевала Васса Ивановна, осо-
бенно напирая на то, что глазъ цѣлъ.

— Разумѣется!..—подтверждалъ акушеръ.—Эхъ, барынька, ба-
рынька!.. Ну, какъ же раньше-то вамъ было барышню показать?..
А барышня молодецъ?.. Позвольте, я завяжу, Васса Ивановна,
помогите!..

— Какъ же это... случилось? Когда?—вымолвила Татьяна Але-
ксѣвна.

Повязка была сдѣлана. Передъ Татьяной Алексѣвной стояла
позванная изъ дѣтской няня Сони, утиравшая носъ и глаза кон-
чикомъ платка. Соня, молчаливая, погасшая, похожая на под-

стрѣленную птицу, полусидѣла, полулежала на постели Татьяны Алексѣевны въ ея объятіяхъ. У Татьяны Алексѣевны глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ, и щеки, особенно скулы, покрылись яркимъ румянцемъ.

Няня стала объяснять.

— Такъ ты была одна въ дѣтской? — прервала женщину Татьяна Алексѣевна, обращаясь къ дѣвочкѣ.

— Онѣ ничего не помнятъ, — поспѣшно заявила няня, въ упоръ глядя на Сою, и потомъ, какъ бы противъ воли, повернулась плечомъ и взглянула на доктора и Вассу Ивановну.

— Нѣтъ, помню!—въ это мгновеніе ясно отчеканила дѣвочка, очевидно, протестуя противъ лжи старшихъ.

Татьяна Алексѣевна быстро, вопросительно и удивленно подняла глаза на няню.

— Ну, какъ же это случилось? Какъ?—выговорила она, нѣжно прижимая къ себѣ Сою. — Скажи... Вѣдняжка моя... Скажи...

Настала жуткая минута тишины и выжиданія. По смущеннымъ лицамъ окружающихъ Татьяна Алексѣевна видѣла, что отъ нея что-то скрываютъ, и съ замираніемъ сердца ждала такъ же, какъ всѣ въ комнатѣ, что скажетъ ребенокъ. Но дѣвочка молчала.

— Эхъ, стоитъ ли говорить, какъ! — радуясь и удивляясь на Сою, сказалъ докторъ.— Слава Богу, что обошлось... Вотъ ваша вторая проснулась, — добавилъ онъ, желая перемѣнить разговоръ и съ страннымъ чувствомъ вины отводя взглядъ отъ Сои, которая большимъ, блѣдно-голубымъ, упрекающимъ глазомъ молча смотрѣла на него.

Татьяна Алексѣевна повернула голову. Важная на видъ, пожилая няня въ плетенномъ чепцѣ и передникѣ вносила въ эту минуту въ комнату новорожденную.

— Пришли покушать къ мамѣ!—слегка кланяясь корпусомъ и одновременно снисходительно и подобострастно улыбаясь, выговорила она.

Няня Сои подошла было къ постели, чтобы взять дѣвочку съ нея, но Соня прижалась къ плечу мачехи и жалобно промычала «ннн»!..

— Оставьте ее, — приказала Татьяна Алексѣевна. — Она сейчасъ увидитъ сестрицу. Дайте ее сюда, — обратилась она ко второй нянѣ. — Хочешь посмотрѣть сестрицу?

— Ннн! — съ тѣмъ же отрицательнымъ движеніемъ головы повторила Соня.

Татьяна Алексѣевна съ чуть замѣтной улыбкой взглянула на доктора и Вассу Ивановну, о чемъ-то озабоченно переговаривавшихся, и взяла на руки кружевной тюфячокъ съ своей первородной.

— Ннн!—въ третій разъ произнесла Соня, чувствуя прикосновеніе чего-то тяжелого, и, вытянувъ руку, она оттолкнула отъ себя

тюфячокъ. Одинокій глазъ ея, между тѣмъ, съ любопытствомъ вперился въ красноватое личико новорожденной.

— Бяка! — черезъ мгновеніе страстно убѣжденно проговорила она и, толкнувъ еще разъ тюфячокъ, стала требовать, чтобы ребенка убрали.

— Почь отъ мамà и Сонни! — зашептала она, волнуясь. — Почь! Бяка, бяка!..

Татьяна Алексѣевна въ душѣ даже обидѣлась.

— Какъ же прочь? Это моя дѣвочка,— заговорила она убѣдительно, обращаясь къ Сонѣ.—Какъ же ты ее гонишь?.. Фу, какъ стыдно! Фу!.. Маленькихъ надо любить.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта сцена, но въ эту минуту къ женѣ пришелъ Андрей Николаевичъ, наблюдавшій по часамъ, чтобы его дочь кормили во время, и черезъ мгновеніе миръ и идиллія въ спальнѣ были нарушены.

Андрей Николаевичъ возмущился, что Татьяна Алексѣевна позволяетъ этой мерзкой дѣвчонкѣ гнать его ребенка, что что-то еще поясняетъ ей, вмѣсто того, чтобы просто велѣть ее унести, и приказалъ нянѣ тащить Соню.

Нянька схватила дѣвочку, Соня жалобно запищала. Татьяна Алексѣевна забыла свою досаду, приняла сторону падчерицы и стала кричать, чтобы няня вернулась.

— Ахъ, André, ея глазъ!.. — сказала она только съ упрекомъ въ сторону мужа.

Онъ иначе понялъ эту фразу, поблѣднѣлъ и отшатнулся.

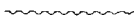
Новорожденная залилась громкимъ голоднымъ крикомъ «уаа, уаа, уаа»!..

Прошло еще минуты три, и въ спальнѣ царилà полная междоусобица. Андрей Николаевичъ выдалъ себя головой, кричалъ, что эта дѣвчонка дрянъ, что она все наврала, что онъ и не думалъ толкать ее, и со словами: «une mère dénaturée» ¹⁾, гнѣвно покинулъ спальню.

Татьяна Алексѣевна, понявъ наконецъ происшедшее съ Сонинымъ глазомъ, старалась передъ чужими, докторомъ и Вассой Ивановной, сохранить приличіе, лежала на спинѣ, еле удерживая слезы, и, слушая доктора, утверждавшаго, что въ такомъ состояніи кормить нельзя, смотрѣла на приготовленія Вассы Ивановны, собиравшейся заваривать для голодной новорожденной ромашку.

Княгиня М. В. Волконская.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Мать—извергъ.

ЛИШЕННЫЕ ВСѢХЪ ПРАВЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ.

(Изъ личныхъ воспоминаній о штрафныхъ батальонахъ) ¹⁾.

II.

ВЪ ВОБРУЙСКОМЪ батальонѣ я пробылъ около семи мѣсяцевъ. Большое скопленіе въ немъ заключенныхъ послужило поводомъ къ переводу 300 человекъ въ Воронежскій батальонъ, который въ то время пустовалъ. Были отобраны нежелательные начальству элементы,—въ число ихъ попалъ, конечно, и я съ Евграшей.

Воронежскій дисциплинарный батальонъ того времени представлялъ прямо контрастъ съ Вобруйскимъ. По сравненію съ послѣднимъ онъ былъ чистѣйшимъ раемъ. То была временная полоса въ жизни этого батальона, благодаря начальствованію чудаковатаго добряка-самодура полковника Фефилова и его преемника, гуманнаго полковника Политики.

Лишь послѣдующій начальникъ Бурцевъ создалъ тотъ ужасный режимъ, которымъ былъ замученъ въ числѣ многихъ другихъ учитель Дрожжинъ.

Но мое пребываніе въ Воронежѣ ограничивается двумя мѣсяцами, совпадающими съ начальствомъ Фефилова, когда Политика былъ моимъ ротнымъ, а потому я могу коснуться лишь только этого времени.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. СХV, стр. 550.

Служебными занятіями насъ почти не занимали. Были отобраны слабые по знаніямъ, съ которыми, собственно, и возилось начальство. Остальное большинство заключенныхъ было представлено самимъ себѣ. Для насъ это былъ благодатный отдыхъ, праздникъ послѣ бобруйской страды.

Отношенія начальства къ заключеннымъ здѣсь выражались въ болѣе человѣчной формѣ. Царящій въ войскахъ принципъ: «молчать—не разсуждать», хотя и тутъ не терялъ своего примѣненія, но замѣтна была тенденція до извѣстной степени щадить самолюбіе личности и устраняться отъ излишнихъ и придирчивыхъ соприкосновеній съ заключенными, давая просторъ личной инициативѣ въ повседневномъ неслужебномъ обиходѣ. Были допущены разумныя развлеченія—музыка, шахматы, шашки. Батальонъ имѣлъ даже свой собственный недурный оркестръ. Книга не преслѣдовалась, а поощрялась. Куреніе табаку не возбранялось, разрѣшалось питье чаю. Наказаніе розгами примѣнялось въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, причѣмъ совершалось не публично—демонстративно, а тайно, по закоулкамъ.

Словомъ, послѣ «бобруйки», то былъ не дисциплинарный батальонъ, а «гостиница», какъ говаривали заключенные.

Однажды въ недѣлю, когда былъ хорошій, ясный день, насъ выводили на плацъ для производства парада, съ прохожденіемъ церемоніальнымъ маршемъ.

Объ этомъ регулярно-еженедѣльномъ «парадѣ» стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Полковникъ Фефиловъ не любилъ ходить по батальону за просто, безъ помпы, что, по его мнѣнію, подрывало престижъ власти, а обыкновенно сидѣлъ у себя на квартирѣ, на административномъ дворѣ. Соскучившись такимъ сидѣньемъ, что съ нимъ случалось каждонедѣльно, въ хорошую погоду, онъ призывалъ своего любимца, фельдфебеля 2-ой роты Кирѣева, знаменитаго строевика, красавца и недурного человѣка и, не стѣсняясь, заявлялъ ему о своемъ душевномъ состояніи.

— Что же, прикажете собрать людей?—отвѣтно вопрошаетъ Кирѣевъ.

— Собери, собери, дружокъ! Устроимъ парадъ!...—вскакивая и начиная облачаться, весело восклицаетъ Фефиловъ.

Кирѣевъ идетъ по батальону, выкрикивая:

— Собирайся на парадъ. Кто желаетъ... на парадъ!

Желающіе массой, а потомъ по одиночкѣ ползутъ на плацъ и строятся въ ряды. Надо замѣтить, что изъ экономическихъ или иныхъ соображеній, намъ не дали батальонной одежды, каждый носилъ форму своей части, а такъ какъ это время совпало съ введеніемъ Александромъ III новыхъ формъ въ войскахъ и «допашиваніемъ» старыхъ, то, естественно, собравшаяся масса пред-

ставляетъ разношерстный сбродъ, пестрящій многообразіемъ цвѣтовъ и покроевъ. Тутъ гусарскіе рейтузы, уланскіе мундиры и кивера, разноцвѣтные гвардейскіе и иные лацкана, тутъ, словомъ, калейдоскопъ внѣшнихъ отличій представителей всѣхъ родовъ оружія. Если же къ этому прибавить, что нѣкоторые, пользуясь отсутствіемъ единообразія въ верхней одеждѣ, утилизировали свою на желудочныя потребности, а взамѣнъ носили фуфайки и курточки собственнаго, очень оригинальнаго, но далеко не военнаго покроя и шитья, то общая картина этого воинства воистину поразительна.

Выползаютъ по частямъ оркестръ и становится на правомъ флангѣ построенія.

Раздаются соотвѣтствующіе необходимости водворенія тишины въ галдящихъ рядахъ и ихъ равенія командные возгласы.

Наконецъ настаетъ тишина.

Ждать виновника «парада» долго не приходится. Онъ зорко наблюдаетъ за происходящимъ изъ окна своей квартиры, чрезъ стѣну, отдѣляющую административный дворъ отъ плаца, и ждетъ, не дождется вождедѣнной минуты.

Вновь раздается команда, оркестръ играетъ встрѣчный маршъ.

Подъ его бодрящіе, боевые звуки выплываетъ предъ заключенными сытая фигура толстяка Фефилова. Съ высоко поднятой головой, съ самодовольно сіяющимъ ликомъ, онъ движется вдоль рядовъ торжественнымъ маршемъ, держа руку подъ козырекъ. Недавней скуки у него нѣтъ слѣда, онъ весь поглощенъ величавой минутой «парада» и своимъ усиліемъ воплотить въ собственной фигурѣ побѣдоноснаго Марса, чему, однако, очень не соотвѣтствуетъ жировое благопріобрѣтеніе.

Сопровождаетъ его командующій парадомъ—фельдфебель Кирѣевъ, такъ какъ гг. ротные не шибко долюбиваютъ «этотъ парадъ» и являться на него почитаютъ для себя необязательнымъ.

Красивая фигура и движенія фельдфебеля то скрашиваютъ, то подчеркиваютъ несоотвѣтствіе полковника Фефилова своей задачѣ.

Слышны взаимныя привѣтствія, заглушаемыя звуками оркестра.

Совершается демонстративный обходъ всего фронта.

Музыка, наконецъ, умолкаетъ. Обратное движеніе не столь помпезно.

— Въ гусарахъ служилъ, дружокъ!—обращается «виновникъ» парада къ одному изъ стоящихъ во фронтѣ.—Хорошее войско... люблю! Самъ въ молодости былъ гусаромъ... жаль, упразднили!—рубить онъ.

— Радъ стараться, вашбродіе!—гаркаетъ тотъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ и увидя оригинально расшитую не то фуфайку, не то курточку, Фефиловъ останавливается и долго съ любопытствомъ ее разсматриваетъ.

— Хорошая штучка, дружокъ! Что за форма?—вопрошаетъ онъ. Вопросаемый конфузится.

— Хорошая штучка, хорошая! Самъ шилъ, дружокъ?—болѣе мягко спрашиваетъ Фефиловъ, нѣжно дотрогиваясь и любовно осматривая «штучку».

— Такъ точно, вашбродіе!—выкрикиваетъ ободренный собственникъ штучки.

— Молодецъ, молодецъ, дружокъ! Мастеръ своего дѣла, дружокъ! Но... но... не форма! У меня дома, дружокъ, тоже есть красивая вещица... красные штаны, дружокъ... гусарскіе! Охота пофрантить, старинку вспомнить... надѣнешь, да и ходишь по спальнѣ, а дальше ни-ни, нельзя, дружокъ!.. не форма... нарушение формы!

— Сняты!—послѣ паузы рѣзко выкрикиваетъ онъ и продолжаетъ путь.

— Красивый солдатъ!—говоритъ онъ, какъ бы про себя, останавливаясь чрезъ минуту предъ дѣйствительно красивымъ, но далеко не военной внѣшности парнемъ.

На мгновеніе полковникъ Фефиловъ задумывается.

— Самъ въ молодости красавцемъ былъ, любили бабы!—выпадаетъ онъ и идетъ дальше.

Обходъ оконченъ. Начинается прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ.

— По це-ре-мо-ни-аль-но-му мар...—выпѣваетъ Фефиловъ, а самъ пятится назадъ. На послѣднемъ слогѣ онъ попадаетъ ногой на камень и спотыкается.

— А! Что!?. Камень! Запорю! Живо возъ розогъ, возъ палокъ!.. Сто разъ говорилъ—убирать!—внезапно раздражается онъ, весь побагровѣвъ.

— Не слушать моихъ приказаній... запорю! Не исполнять дисциплины... Запорю! Живо... возъ розогъ, возъ палокъ... Запорю!—продолжаетъ онъ.

Пыль неистовства проходитъ быстро.

— Отставить!—командуетъ онъ. Это относится къ прерванной командѣ.

— Ребята!—начинаетъ онъ повышеннымъ тономъ, вплотную подходя къ рядамъ.—Дисциплина... чинопочитаніе... нѣтъ ослушанія... законъ! Самъ подчиняюсь... старшимъ! Не хотѣлъ бы, да надо! Нельзя—законъ! Сто разъ не повторять—чистота, порядокъ! Надо исполнять! Ослушанія не прощу... нѣтъ пощады, запорю! Прилетѣли сюда,—всѣ мои, тѣломъ и душой! Кто попалъ ко мнѣ—мой! Галки, вороны—все мое! Вонъ, тамъ, летитъ—та не моя, а эта, что на оградѣ, дудки-съ, вся моя. Запорю, убью, отвѣта не дамъ! Живо возъ розогъ, возъ палокъ, разъ, два и готово!

Долго комментируетъ Фефиловъ эту грозную, но, къ чести его, дальше теоріи не идущую тему.

Наконецъ совершается прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ.

— Молодцы, ребята!—кричить въ восторгѣ Фефиловъ.

— Рады стараться, ваш-діе!!!—въ унисонъ вторитъ ему масса.

— Ну, будетъ, ребята! По домамъ, на отдыхъ!—снимая фуражку и стирая платкомъ обильный потъ, восклицаетъ полковникъ.

И всѣ вразсыпную расходятся на недѣльный «отдыхъ».

Для характеристики воронежскаго режима того времени, полноты картины «парада» и личности Фефилова, необходимо попутно рассказать траги-комическій инцидентъ.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ парадовъ, въ торжественный моментъ церемоніальнаго прохожденія 3-й роты предъ Фефиловымъ заключенный, находящійся въ центрѣ фланговаго движенія, немного отсталъ, чѣмъ испортилъ линію, что называется, «сломалъ фронтъ». Фельдфебель роты, желая поправить грѣхъ, толкнулъ заключеннаго впередъ. Послѣдній, очевидно, понявъ въ этомъ толчкѣ оскорбленіе дѣйствіемъ и, не долго думая, сразмаху прикладомъ своего ружья ударилъ фельдфебеля въ плечо. Такое дѣяніе въ войскахъ почитается «безпримѣрнымъ» и наказывается безсрочной каторгой.

Фефиловъ, увидя это, попятился и споткнулся.

— А, что!?. Камень!?. Нѣтъ, такъ себѣ!..

Тѣмъ временемъ Кирѣевъ остановилъ разстроившуюся роту и подбѣжалъ къ Фефилову съ рапортомъ о событіи.

— А, что?.. знаю, знаю!.. видѣлъ, видѣлъ!—замахалъ тотъ на него руками.

— Возь розогъ, возъ палокъ!—вслѣдъ завопилъ Фефиловъ.

Осторопѣвшій Кирѣевъ стоялъ недвижно.

— Тебѣ говорятъ, розогъ! Живо, возъ розогъ, возъ палокъ! Живо, разъ, два!

Кирѣевъ продолжалъ стоять, полагая, что это обычная теорія, не подлежащая практическому осуществленію. Въ томъ еще болѣе его убѣждало несоотвѣтствіе возмездія содѣянному.

— А, и ты не исполнять моихъ приказаній! Запорю!.. тьфу... прогону... тьфу... подъ судъ, въ Сибирь, на каторгу!

Фельдфебель наконецъ постигнулъ реальность факта и опрометью бросился исполнять приказаніе.

— Возъ розогъ, возъ палокъ! Всѣ палки, всѣ розги!—вдогонку кинулъ ему Фефиловъ.

Вскорѣ появились розги; количество ихъ представляло слабую реализацію требованія, ихъ было нѣсколько пучковъ. Впечатлѣніе мизерности осуществленія усугублялось отсутствіемъ палокъ.

— Ложись, негодяй! Запорю, забью, отвѣта не дамъ!—обрушился Фефиловъ на виновника.

Тотъ стоялъ съ поникшей головой.

— Виноватъ, простите, ваше высокоблагородіе, больше не буду!

— Нѣтъ, нѣтъ... Нѣтъ тебѣ пощады! На смерть запорю!.. Въ гробъ вгону!.. Ложись!

Заключенный съ недовѣріемъ взглянулъ на скудный запасъ лозы и спокойно легъ.

— Хорошенько, хорошенько дать ему! Чтобъ небо въ овчинку...— кричалъ на экзекуторовъ грозный каратель, а самъ бокомъ отступалъ.

Въ воздухѣ раздался свистъ лозы, а съ нимъ преждевременный, отнюдь не болѣзненный крикъ лежащаго.

Фефиловъ сдѣлалъ гримасу и продолжалъ отступление бокомъ.

Вслѣдъ за первымъ ударомъ, когда въ крикѣ послышалась нота страданія, Фефиловъ заткнулъ себѣ уши.

Со вторымъ ударомъ онъ кинулся было впередъ, но остановился.

Послѣдовалъ третій ударъ, и Фефиловъ неистово закричалъ:

— Будетъ! Будетъ! довольно!.. Ну его къ чорту!.. Не могу, не могу!.. Лучше въ карцерѣ заморю!

Экзекуторы остановились.

— Въ карцеръ его, въ карцеръ! Заморить, ни пить, ни ѣсть, гвоздями забить! На смерть заморить!.. Гвоздей!! Кирѣевъ! купить возъ... тѣфу... пудъ... тѣфу... фунтъ гвоздей и забить! Не открывать, пока не помретъ!—продолжалъ онъ.

Виновника переполоха увели въ карцеръ.

На другой день онъ былъ оттуда выпущенъ.

Фефиловъ, говорятъ, призвалъ его къ себѣ и сказалъ:

— Моли Бога, что я вчера погорячился, быть бы тебѣ на каторгѣ! Съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ!

Кромѣ этихъ «парадовъ», мирное, праздное теченіе нашей жизни ничѣмъ не нарушалось, два мѣсяца пролетѣли незамѣтно, какъ хорошій сонъ въ тяжелыя минуты жизни.

Съ нашимъ прибытіемъ въ батальонъ стали приходиться чуть ли не еженедѣльно большіе этапы новыхъ заключенныхъ. Такъ, прибыла цѣлая рота «за отказъ здороваться» съ своимъ ротнымъ. Пустовавшій дотолѣ батальонъ быстро переполнился. Послѣдовало распоряженіе перевести полтора ста человѣкъ на Кавказъ, въ Екатериноградскій батальонъ. Къ моему несчастію, я не поладилъ съ своимъ фельдфебелемъ Кирѣевымъ и попалъ въ эту партію.

О Екатериноградскомъ батальонѣ мы слышали ужасы, а потому разставаніе съ Воронежомъ было далеко не изъ пріятныхъ. Но всѣ слабыя мѣры, которыя я могъ предпринять, чтобы остаться, были исчерпаны безъ успѣха, и чрезъ нѣсколько дней я очутился на Кавказѣ.

Екатериноградскій батальонъ, дѣйствительно, оказался ужаснымъ. Это была вторая «бобруйка», сугубо тягчайшая послѣ Воронежа.

Зная, что въ этомъ батальонѣ куреніе подвергалось жесточайшему преслѣдованію, мы, всѣ полтора ста, вошли въ ворота его съ папиросами въ зубахъ. Эта демонстрація вызвала въ мѣстномъ

начальствъ дѣлаю бурю. Прибыль начальникъ батальона подполковникъ Швачкинъ и, съ своей стороны, страшно раскричался.

— Здѣсь не Россія, а Кавказъ! Запорю! мало—разстрѣляю!—твердилъ онъ ежеминутно.

И это оказалось не феѳиловской угрозой, а реальною дѣйствительностью.

Съ другого же дня началась порка. Первымъ попалъ Евграша, а за нимъ чуть ли не вся наша партія. Я былъ немедленно засажень въ карцеръ, а затѣмъ въ одиночку.

Кавказскіе заключенные ходили, какъ тѣни, не смѣя ни рта разинуть, ни лишняго движенія сдѣлать. Привыкшее къ этому забитому, рабьему подобострастію, мѣстное начальство не могло вмѣстить въ свои представленія нашихъ свободныхъ, человѣческихъ проявленій и обрушилось на насъ всею тяжестью своихъ жестокихъ репрессій. Мы же не уступали. Завязалась борьба, окончившаяся для обѣихъ сторонъ трагически.

Наибольшимъ преслѣдованіямъ подвергалось куреніе табаку. Нелѣпо настойчивое запрещеніе выработало даже свою терминологию, градаціи нарушенія. «Тайное табакокуреніе», «открытое табакокуреніе», «нагло-открытое», «упорное» и т. д.—вотъ различныя степени вины—нарушенія, за которыми слѣдовали соотвѣтственныя степени возмездія, отъ карцера и до ста ударовъ розогъ включительно. Но могла быть еще и квалификація. Если заключенный на грубо выраженное, дерзкое требованіе кадроваго отдать ему папиросу или прекратить куреніе дѣлалъ протестующее замѣчаніе, то вина осложнялась «въ оскорбленіе унтеръ-офицера при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей» или «неисполненіе его приказаній» плюсъ соотвѣтственное табакокуреніе. Въ этихъ случаяхъ Немезида не знала «нравственнаго воздѣйствія—карцера».

Полное отрицаніе достоинства личности заключеннаго, подчеркиваемое на каждомъ шагѣ безчеловѣчнымъ отношеніемъ и жестокими, несправедливыми репрессіями, и тяжкая, съ утра до вечера, служебная дрессировка, при скудной, отвратительной батальонной пищѣ и абсолютномъ запрещеніи пользоваться собственными средствами для улучшенія ея или покупки чая, дѣлали наше существованіе положительно нетерпимымъ.

Необходимъ былъ выходъ. Горячія головы видѣли его въ коллективномъ актуальномъ воздѣйствіи. О мирномъ выходѣ не могло быть и рѣчи,—непосредственный протестъ былъ исчерпанъ всесторонне, жаловаться же было некому.

Стали замышлять общее избіеніе начальства. Рѣшено было воспользоваться батальоннымъ ученіемъ, окружить офицеровъ и кадровыхъ и уничтожить всѣхъ.

Я съ Евграшей принципиально не сочувствовали насилію и не видѣли въ его послѣдствіяхъ дѣлесообразности. Но всѣ наши

убѣжденія остались тщетными. И если бы не случай, то могло разыгратъ большое несчастье.

Дѣло въ томъ, что заговорщики рѣшили, для полноты успѣха предпріятія, приобрести къ выдаваемымъ на ученіе ружьямъ патроны. Возникъ вопросъ о способѣ ихъ приобретенія. Въ батальонныхъ цейхгаузахъ боевыхъ ружейныхъ патроновъ не было, тамъ находилось лишь очень скромное количество невинныхъ учебныхъ патроновъ. Разрѣшили вопросъ въ томъ смыслѣ, что надо отобрать ихъ у караула. Воспользовались тѣмъ, что караульные по вечерамъ собирались у батальоннаго колодца, съ цыбарками въ рукахъ, набирать воду, причемъ шутили, возились съ заключенными, и задуманное рѣшеніе было приведено въ исполненіе.

Но забыли объ огласкѣ, объ отсутствіи повременной связи осуществленнаго факта съ главнымъ предпріятіемъ.

Начальство немедленно узнало о происшествіи и, конечно, всполошилось. Былъ произведенъ тщательный, повальный обыскъ, который, однако, не обнаружилъ пропажи.

Тогда, не желая подвергать себя риску, а заключенныхъ облегченію на двѣнадцать фунтовъ, начальство распорядилось производить ученіе съ тѣми же ружьями, но безъ затворовъ и штыковъ.

Такимъ образомъ, ужасный планъ потерпѣлъ фіаско.

Но происшествіе не осталось безъ послѣдствій, опредѣлившихъ судьбу дальнѣйшихъ событій.

Наши власти, понявъ чутьемъ, что патроны понадобились заключеннымъ далеко не для праздної забавы подстрѣливанія галокъ, поняли также и то, что съ воронежцами шутить не приходится, а потому рѣшили ослабить свой драконовскій режимъ.

Цѣлью было—успокоить умѣренныхъ и тѣмъ отдѣлить, обнаружить болѣе рѣшительныхъ, а затѣмъ заняться ихъ вылавливаніемъ и истребительной тираніей.

И дѣйствительно, какъ только масса немного вздохнула, общее протестующее настроеніе пошло на пониженіе и вскорѣ распалось. Непримиримые сразу же выяснились и оказались въ разрозненномъ меньшинствѣ. Вслѣдъ же началась реакція, направленная уже на отдѣльныхъ лицъ, а отсюда и болѣе безжалостная въ своемъ побѣдоносномъ движеніи.

Тогда повторилась бобруйская исторія. Отдѣльныя лица бросились искать выхода изъ ужаснаго положенія.

По счастью, бобруйская практика самоотравленія здѣсь была забыта. Всѣ помыслы искавшихъ направились на созданіе такихъ нарушеній, которыя давали бы выходъ изъ батальона судебнымъ порядкомъ, т. е. цѣною тягчайшихъ наказаній. Эти дѣянія получили у насъ названіе «освободительныхъ».

Пошла эпидемія пораненій кадровыхъ унтеръ-офицеровъ и другихъ преступленій отдѣльныхъ заключенныхъ. Но, когда одинъ

былъ убитъ при совершеиіи своего «освободительнаго» дѣянія, стали дѣйствовать по два и маленькими группамп.

Собственно, не нужно было творить преступленія, а необходима была хорошая декорация его. Одинъ точилъ ножъ, другой смотрѣлъ, а третій шелъ къ кадровому и сообщалъ о фактѣ, съ присовокупленіемъ, что оба проговорились ему о намѣреніи убить такого-то. Прибѣгалъ караулъ, «виновныхъ» хватали; начиналось дознаніе. Сначала отдѣлывались заперательствомъ, но, когда ставили на очную ставку съ третьимъ, сознавались, причемъ чистосердечіе въ сознаниіи заходило такъ далеко, что обнаруживалось намѣреніе посадить одновременно и на одинъ ножъ чуть ли не все начальство въ мірѣ.

Симуляція преступленія зачастую выражалась въ очень оригинальныхъ формахъ, говорившихъ о большой изобрѣтательности творцовъ ея.

Такъ, напримѣръ, одинъ заключенный раздобылъ въ школѣ кусокъ грифельной доски, вырѣзалъ на немъ иглой немудрую печать, собственноручно написалъ какое-то удостовѣреніе о личности, накопилъ на лампѣ свою печать и приложилъ ее къ удостовѣренію. Былъ совершенъ подлогъ. Но для полноты его, а въ данномъ случаѣ для правдоподобности, нужно было реальное примѣненіе документа. Заключенный отправляется къ оградѣ и, подъ прикрытіемъ необитасмой постройки, начинаетъ мостить приспособленіе къ побѣгу, предварительно пославъ товарища шепнуть дежурному о своемъ намѣреніи. Въ результатѣ, онъ задерживается на покушеніи къ побѣгу, «паспортъ» въ карманѣ окончательно уличаетъ его въ томъ, округляя доказательства и, въ свою очередь, реализуясь. Изобрѣтатель получаетъ «премію» въ три года арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства. Актъ «освобожденія», хотя и тяжелой цѣной, совершенъ.

Такіе изобрѣтатели почитались «счастливыми», которымъ завидовали, такъ какъ другимъ приходилось покупать освобожденіе отъ дисциплинарнаго батальона болѣе тяжелой цѣной—уходомъ въ каторгу.

Освободительный періодъ, однако, длился не долго. Четверо заключенныхъ неудачно сфабриковали покушеніе на убійство кадроваго. Какъ обстановка покушенія, такъ и отобранное оружіе—два негодныхъ ни къ какому употребленію ножа и пара расчлененныхъ ржавыхъ ножницъ—убѣдили судебную власть въ симуляціи. Дѣло было передано на усмотрѣніе батальонной администраціи, которая расправилась съ несчастными со свойственной ей жестокостью, или, какъ она изволила выразиться, «примѣрно». Комитетъ батальона приговорилъ каждаго къ ста ударамъ розогъ. Наказаніе было совершено въ присутствіи всего батальона, при мрачно торжественной обстановкѣ, рассчитанной на внушеніе массѣ паниче-

скаго страха. Батальонъ присутствовалъ при жесточайшемъ истязаніи, длившемся отъ девяти и до двѣнадцати часовъ утра.

— Шутить не будемъ! — съ мрачно-грознымъ злорадствомъ сказалъ послѣ экзекуціи всему батальону Швачкинъ.

Въ душѣ каждаго закипѣло негодованіе. Оно быстро сконцентрировалось грозою въ общее озлобленіе, для котораго сталъ необходимъ разрядъ въ столкновеніи съ другимъ полюсомъ.

Другая сторона, главнымъ образомъ кадровые, послѣ ужасной экзекуціи, подвѣяли головы и, въ упоеніи прозрѣнія освободительной тактики противника и своего успѣха въ ствѣтномъ мстительномъ натискѣ, обрушились безъ разбора на всю массу заключенныхъ.

Приближалась роковая развязка.

На третій день послѣ экзекуціи, вечеромъ, когда люди были заперты на ночной отдыхъ, въ сортирѣ перваго полубатальона собралась, по обыкновенію, масса заключенныхъ покурить. Это было самое удобное время для курильщиковъ. Въ зданіи, запертомъ извнѣ, находился лишь одинъ дежурный унтеръ-офицеръ, который, утомясь за день, обыкновенно въ эти часы отдыхалъ на своемъ диванѣ на другомъ концѣ коридора. Всѣ расположились покурить толкомъ, не торопясь. Въ тотъ моментъ, когда никто не ожидалъ помѣхи, въ сортиръ ворвался, предварительно ловко снявъ караульщика, дежурный унтеръ-офицеръ Пинчукъ. Одинъ изъ курившихъ, Чуриный, громадный, могучаго тѣлосложенія старикъ, отбывавшій наказаніе за тридцатилѣтній «побѣгъ» со службы, преградилъ ему дорогу, стараясь закрыть собою другихъ и дать имъ возможность побросать папиросы въ сортирные отверстия.

— А, ты оказывать сопротивленіе! Завтра получишь сотню! — кричалъ на него Пинчукъ.

— Богъ съ вами, онъ не замѣтилъ васъ и хотѣлъ только выйти изъ сортира, — вступились за Чурина другіе.

— А, меня не замѣчать! А, скопомъ оказывать сопротивленіе! Всѣ завтра получите по сотнѣ! — продолжалъ кричать Пинчукъ и сталъ записывать тѣхъ, кто оправдывали Чурина.

Затѣмъ онъ приказалъ дневальному принести воды и залить тлѣвшее въ сортирномъ каминѣ огромное полѣно, отъ котораго только и можно было закуривать, такъ какъ всѣ лампы въ зданіи висѣли недосыгаемо высоко.

Въ полночь, когда всѣ уснули, Чуриный и другой записанный, Митинъ, вели разговоръ.

— Плохо, братъ, завтра будутъ наказывать! И сна лишился... — сказалъ Митинъ.

— Да, плохо, братъ... — повторилъ Чуриный и насупилъ свои и безъ того громадныя, черныя съ просѣдью брови.

— Знаешь что, Митинъ, пойдемъ въ каторгу... сложимъ Пинчука... — внезапно сказалъ онъ.

— Что ты, братъ...

— Да что же дѣлать, неужели дать измываться надъ собой безъ вины... Знаешь, товарищъ, побывалъ я на своемъ вѣку два раза въ каторгѣ, а такого притѣсненія не видалъ... Право, братъ, каторга не такъ страшна... да мы съ тобой и не дойдемъ туда... въ Томскѣ ребята смѣлку дадутъ... Много у меня тамъ старыхъ знакомыхъ, помогутъ. Черезъ годъ будемъ на свободѣ... Идемъ, что ли?

— Идемъ,—какъ эхо, повторилъ Митинъ.

Они потихоньку пробрались въ сортиръ. Чуринъ вынулъ изъ камина заглашенное полѣно.

— Ты его только придержи...—шепнулъ онъ Митину.

Неслышными шагами подошли они къ дремавшему на своемъ диванѣ Пинчуку. Митинъ быстрымъ движеніемъ схватилъ его руки и навалился грудью на его туловище. Чуринъ страшнымъ взмахомъ полѣна нанесъ ему ударъ по головѣ. Черепъ Пинчука раскололся на двое, брызги крови и мозга обдали обоихъ убійцъ.

— Бей еще!—крикнулъ Митинъ, не видѣвшій результатовъ удара.

Чуринъ нанесъ еще страшный ударъ, а потомъ сталъ бросать, какъ цѣпомъ на молотѣ, все новые и новые слабые удары по тому мѣсту, гдѣ уже было взамѣнъ головы безформенное мѣсиво крови, мозга и костей.

Поднялся страшный переполохъ. Всѣ проснулись. Прибѣжалъ караулъ.

— Берите, это—я! Шутить не будемъ!—мрачно, какъ тѣнь, какъ отзвукъ послѣднихъ словъ Швачкина, проговорилъ Чуринъ. Въ рукахъ у него было кровавое полѣно.

Его взяли. Вскорѣ нашли въ постели и Митина, съ окровавленной спиной. Ихъ обоихъ заковали по рукамъ и ногамъ, посадили въ одиночки и приставили къ нимъ караулъ.

Спустя нѣсколько дней, въ зданіи второго полубатальона происходили занятія «словесностью». Тамъ, по обыкновенію, неистовствовалъ фельдфебель 4-ой роты, Измайловъ, жестокій, безсердечный человѣкъ.

Вдругъ къ нему подходятъ трое заключенныхъ: Шиловъ, Анфимовъ и Куликовъ.

— Что надо!?—крикнулъ на нихъ Измайловъ.

— Молчать, кровопійца!—въ свою очередь, закричалъ на него Шиловъ.

Поступокъ Шилова выходилъ изъ ряда вонъ. Измайловъ, не ожидавшій ничего подобнаго, опѣшилъ и только могъ повторить:

— Чего надо?

— Крови твоей!—тихими, шипящими звуками сказалъ Шиловъ и быстрымъ движеніемъ выхватилъ изъ лѣваго рукава своего мундира большой ножъ.

Съ крикомъ: «умри, варваръ!» онъ ударилъ Измайлова въ грудь.

Въ тотъ же моментъ другіе два также выхватили ножи и нанесли Измайлову по удару. Анфимовъ—въ животъ, Куликовъ—въ ногу.

Фельдфебель имѣлъ силы добѣжать до лазарета, гдѣ его раздѣли и уложили въ постель. На утро онъ умеръ, не теряя сознания. Предъ смертью, въ страшныхъ мученіяхъ отъ пораненія кишечника, онъ не переставалъ грозить заключеннымъ, которые демонстративно передъ нимъ курили.

Шилова, Анфимова и Куликова также заковали, рассадили по одиночкамъ и приставили къ нимъ караулъ.

Надъ всѣми пятью былъ назначенъ судъ, съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени, который приговорилъ ихъ къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе.

И вотъ мы вновь присутствовали при другой катастрофѣ — легализированномъ убійствѣ, обставленномъ грозной декоративной обстановкой, на которую только способно спокойное, холодное безсердечіе.

То было весной. Майское солнце ласково грѣло, призывая все сущее, отъ ничтожной былинки до разумнаго существа, къ молодой, радостной жизни, а злой человѣкъ готовился разрушить вѣнецъ творенія природы, уничтожить безжалостной, мстительной рукой жизнь себѣ же подобнаго человѣка.

Ночь передъ казнью, короткую для ожившей природы, но мучительно долгую для ожиданій надвигающагося ужаснаго несчастья, мы провели безъ сна.

Еще съ вечера, когда насъ заперли на ночной отдыхъ, мы замѣтили въ окна, выходившія на плацъ, какія-то приготовленія. Тамъ бѣгали люди съ фонарями и заступами и что-то дѣлали. Мы поняли, что они дѣлали.

Въ полночь разыгралась страшная гроза. При блескѣ молніи мы видѣли тамъ, въ ночной грозовой тьмѣ, нѣсколькихъ человѣкъ, борющихся со стихіей. Они суетливо возились надъ водруженіемъ пяти столбовъ. Контрастъ ли мрака ночи и вспыхивавшихъ огней молніи, или огромность творимаго дѣла, но эти столбы казались намъ неизмѣримо высокими, а тѣ люди, что надъ ними возились, безконечно малыми, ничтожными пигмеями.

Еще не разсѣялся предразсвѣтный мракъ, какъ на плацъ стали вводить войска. Ихъ разставили въ нѣсколько рядовъ, вокругъ плаца, по стѣнамъ ограды. Вслѣдъ за ними вывели изъ казармъ и насъ и расположили покоемъ. У открытаго основанія этого покоя, впереди шаговъ на двадцать пять, стояли въ одну линію пять столбовъ.

Появилось начальство, сначала свое, а потомъ пріѣзжее—губернскій воинскій начальникъ Масалитиновъ, военный прокуроръ и еще кто-то.

Стало совсѣмъ свѣтло. Группа властей чего-то ждала, поглядывая въ сторону входныхъ воротъ. На лицѣ каждаго, кромѣ ожиданія, виднѣлась какая-то неловкость, то ли отъ прерваннаго не во время сна, то ли отъ чего другого. Только въ лицѣ батальоннаго врача Преображенскаго ясно читалось страшное безпокойство и растерянность, которыя выдавали причину ожиданія начальства и ихъ неловкости.

Вся масса людей, стоявшая на плацу, застыла въ тупомъ оцѣпенѣннѣи, въ которомъ нѣтъ ни ожиданій, ни представленій о пространствахъ и времени.

Кругомъ царила тишина ранняго утра. Казалось, здѣсь еще не было человѣка. Лишь щебетанье пробудившейся птицы, эта хвала теплу и небесамъ, звало отъ сна окружавшій покой.

Но вотъ раздался шумъ многихъ шаговъ и странный звукъ желѣза, лязгъ цѣпей. То, налѣво отъ насъ, въ распахнувшіяся ворота ограды, вошла новая масса людей и стала къ намъ приближаться. Масса двигалась сконцентрированнымъ въ нѣсколько рядовъ кольцомъ. Въ срединѣ этого кольца было большое пространство, въ немъ двигалось нѣсколько фигуръ, отъ которыхъ исходилъ тотъ странный звукъ желѣза.

Нѣсколько впереди тѣхъ, что влачили на своихъ рукахъ и ногахъ звучащія желѣза, шелъ съ крестомъ, символомъ страданія, въ рукахъ батальонный священникъ Іаковъ Стефановскій. Онъ двигался быстро, почти бѣжалъ, боязливо озираясь назадъ, какъ бы стараясь уйти отъ того страшнаго, что гремѣло сзади него. Но какъ онъ ни торопился, а это страшное настигало и заставляло его бѣжать впередъ все скорѣе и скорѣе. Вся фигура служителя алтаря, съ согнутыми въ быстромъ бѣгѣ колѣнами и растрепанными, развѣвающимися волосами, была полна ужаса этого трагическаго безплоднаго бѣгства.

Безпорядочно толпясь и перебивая другъ другу дорогу, масса прибывшихъ наполнила полукругомъ все пространство, отдѣлявшее насъ отъ столбовъ, и остановилась въ мертвомъ безмолвіи, будто влилась въ окружающую тишину.

Въ центрѣ полукружья, лицомъ къ намъ, стояли въ одну линію-шеренгу пять приговоренныхъ къ смерти. То были наши товарищи,—мы ихъ узнали; но какъ они измѣнились за долгое, мучительное время послѣднихъ ожиданій. Ихъ лица представляли сѣрыя, безъ формы и жизни, однородныя землистыя пятна, на нихъ уже лежала печать безошадной смерти.

Окрестная тишина продолжала напряженно тяготѣть. Казалось, сама природа застыла въ безмолвномъ, вопросительномъ ожиданіи. Куда-то ушелъ, какъ бы выжидательно затихъ, говоръ птичьихъ голосовъ. Молчаливый, прозрачный воздухъ открылъ дорогу бѣлоснѣжному хребту горъ и ихъ кристальному стражу Казбеку, и тѣ

придвинулись къ намъ и застыли въ тихо-грустномъ созерцаніи страннаго, невиданнаго зрѣлища.

Вдругъ въ воздухѣ пронесся, какъ крикъ буревѣстника, страшный протяжный возгласъ человѣка:

— Къ эк-зе-ку-ці-и!

Этотъ крикъ исходилъ отъ командующаго парадомъ смерти Масалитинова.

Внезапно царящая тишина наполнилась громомъ-трескотней многихъ барабановъ. Двухтысячная толпа вздрогнула, какъ одинъ человѣкъ, и учащенно задышала. Сердца всѣхъ тревожно, усиленно-напряженно забились; каждый слышалъ удары сердца своего сосѣда.

Отъ группы властей, что стояла связующимъ звеномъ между нами и полукружьемъ, отдѣлился военный прокуроръ, съ бумагою въ рукахъ. Нервнымъ шагомъ онъ вышелъ на средину и сталъ лицомъ къ осужденнымъ.

Въ тотъ же моментъ бой барабановъ умолкъ.

— По указу Его Императорскаго Величества,—громко, торжественнымъ тономъ сказалъ прокуроръ, закрывъ бумагою свое лицо отъ осужденныхъ и началъ чтеніе конфирмаціи.

Читалъ онъ медленно, отчеканивая каждое слово, но, видимо, волновался, дѣлалъ остановки и ударенія невпопадъ. Картина преступленій и перечень доказательствъ, все то, что люди уже безспорно знали и давно хотѣли забыть, какъ страшный сонъ, назойливо, медленно и безтолково выплывало изъ устъ представителя правосудія. Затѣмъ онъ перешелъ на какія-то цифры; ихъ было много, очень много. И онѣ говорили грознымъ, неумолимымъ, но совѣмъ непонятнымъ языкомъ, стараясь что-то доказать, оправдать. Волненіе читавшаго постепенно возрастало, долгое напряженное чтеніе его сильно утомило и послѣднюю часть конфирмаціи онъ окончилъ упавшимъ, едва слышнымъ голосомъ. Нелѣпо прозвучало: «лишить всѣхъ правъ состоянія», и тихо замерли послѣднія страшныя слова: «подвергнуть смертной казни чрезъ разстрѣляніе».

Но насторожившееся молчаніе подхватило эти чуть слышныя слова и отнесло ихъ каждому сердцу, здѣсь трепетавшему; и ударили тѣ слова по сердцамъ, какъ остріе ножа. Отъ всей массы людей отдѣлилось и понеслось въ воздухѣ что-то неясное, неуловимое; то былъ отзвукъ-протестъ человѣческой жизни на ужасныя, роковыя слова.

— Напутствіе, расковать!—крикнулъ Масалитиновъ.

Къ осужденнымъ подбѣжали кадровые и разомкнули ручныя оковы. Появился кузнецъ съ наковальней и молоткомъ въ рукахъ.

Казнимые стояли недвижно, какъ окаменѣлые, и кузнецъ подходилъ къ каждому поочередно, ставилъ подъ ногу наковальню и четвердой рукой, медленно разбивалъ ножныя желѣза.

Подошелъ, весь трепещущій, священникъ и началъ предсмертное напутствіе.

Первымъ оживился Чуринъ. Быстрымъ движеніемъ онъ бросился на колѣни предъ распятіемъ и сталъ горячо молиться. Выслушавъ напутствіе, онъ поднялся на ноги и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ намъ. На землистомъ лицѣ глаза огромнаго старика горѣли, какъ два раскаленныхъ угля, напряженнымъ послѣднимъ огнемъ жизни. Ставъ лицомъ на востокъ, онъ продолжалъ молиться.

Священникъ напутствовалъ другихъ; только Шиловъ махнулъ на него рукой, сказавъ:

— Уйди! Не надо!

А сади, у столбовъ уже мелькали, развертываясь, бѣлые саваны, и тамъ же, только нѣсколько вправо, въ стѣнѣ ограды, тихо открывались «черныя» ворота, что выходили въ степь, въ сторону кладбища, и въ нихъ вѣзжали, громяхая, дроги съ громаднымъ чернымъ ящикомъ.

— Проститесь!— протяжно крикнулъ командующій смертнымъ парадомъ.

Чуринъ встрепенулся. Онъ повернулся на сѣверъ и, простирая руки въ пространство, воскликнулъ:

— Прости, сѣверъ!

И, соотвѣтственно поворачиваясь, продолжалъ:

— Прости, югъ! Прости, востокъ! Прости, западъ!

Тѣмъ временемъ другіе что-то невнятно говорили къ народу.

Повернувшись къ толпѣ, Чуринъ, не опуская рукъ, могучимъ голосомъ вскричалъ:

— Простите, братцы, за всѣхъ погибаемъ!

Раздался страшный крикъ:

— Э-к-зе-ку-ці-я!

Адскій громъ десятка барабановъ внезапно отвѣтилъ на этотъ крикъ и, какъ бѣшенный вихрь-ураганъ, наполнилъ собою воздухъ, землю и небо. Почва поплыла изъ-подъ ногъ, воздухъ застлался туманомъ. Нервы людей не выдержали, предсмертный могучій крикъ огромнаго старика вызвалъ у тѣхъ, къ кому онъ былъ обращенъ, неудержимый потокъ слезъ.

И видѣли люди въ этомъ туманѣ, какъ въ далекой панорамѣ, послѣдній актъ ужаснаго дѣла.

Пять жертвъ были схвачены; съ нихъ совлекли, сорвали верхнія одежды. Имъ связали назадъ руки и надѣли саваны. Кадровые, по два, взяли cadaго за плечи и повели къ столбамъ. Гордо шли Чуринъ и Шиловъ; казалось, не ихъ, а они сами вѣли. Безпомощно путаясь въ саванахъ и спотыкаясь, шли три другихъ.

Барабаны продолжали свою страшную непрерывную трескотню.

Быстро привязавъ казнимыхъ къ столбамъ длинными рукавами савановъ, кадровые разбѣжались въ обѣ стороны.

Тогда, какъ крыло птицы, взвился бѣлый платокъ Масалитинова. На этотъ сигналъ вышло пять отдѣленій стрѣлковъ. Каждое стало противъ своего столба-савана въ пятнадцать шагахъ, закрывъ ихъ собою, и взяло ружья на изготовку.

Еще взвился платокъ.

Стрѣлки зарядили ружья и прицѣлились.

Масалитиновъ отвернулся отъ стрѣлковъ и савановъ и быстро взмахнулъ платкомъ въ третій разъ.

Въ громъ барабановъ врѣзался и мгновенно прервалъ его новый, какъ огромная хлопущка, звукъ-ударъ. Группа властей, какъ одинъ, вздрогнула, словно этотъ ударъ пришелся по ней.

Настала тишина. Только ритмическій шумъ удалявшихся направо-налѣво стрѣлковъ тихо нарушалъ воцарившееся молчаніе.

И въ ту же минуту на саванахъ блеснулъ первый лучъ восходящаго солнца. Сначала робко, будто украдкой вопросительно заглядывая на совершенное, сверкнулъ тотъ лучъ огромнаго ока самой природы. А потомъ, быстро и напряженно, обгоняя другъ друга, полились потокомъ все новые и новые животворящіе лучи свѣтила жизни.

Саваны опустились къ землѣ, съежились, только средній, что былъ на Анфимовѣ, продолжалъ попрежнему закрывать собою столбъ. У двухъ, вправо, проступали красныя пятна; пятна быстро ползли, ширились книзу.

Вновь къ столбамъ подбѣжали кадровые и развязали три савана слѣва. Два савана упали на землю, а третій зашевелился и сталъ двигаться къ намъ.

Къ упавшимъ саванамъ быстро подошелъ докторъ, весь въ слезахъ. Толпа облегченно вздохнула. Оказалось, что трое не разстрѣляны; двое изъ нихъ были въ обморокѣ. Ихъ привели въ чувство.

Прокуроръ прочиталъ дополнительную конфирмацію о помилованіи Анфимова, Митина и Куликова и замѣнилъ смертной казни безсрочной каторгой. Ихъ вновь тутъ же заковали въ желѣза и увели отъ насъ.

Докторъ перешелъ къ двумъ окровавленнымъ саванамъ, что стояли, осунувшись, у столбовъ, и установилъ фактъ смерти.

Громыхая, подбѣхали дроги съ чернымъ ящикомъ; въ него небрежно вбросили останки Чурина и Шилова и увезли отъ насъ.

Такъ окончилась эта неравная борьба екатериноградскихъ заключенныхъ съ своей администраціей.

Воспоминанія объ этой борьбѣ попутно напоминаютъ мнѣ о томъ, что отношенія властей дисциплинарныхъ батальоновъ къ своимъ заключеннымъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, никогда и ни въ чемъ не выражались, какъ добрыя отношенія «исправителей» къ «исправляемымъ». По формѣ и содержанию то были взаи-

моотношенія безсердечныхъ истребителей къ слабымъ, истерзаннымъ жертвамъ.

Основное право и обязанность человѣка мыслить, разсуждать— не только отрицались, но почитались преступленіемъ, подлежащимъ истребительному искорененію. Въ этой области общеніе сторонъ исчерпывалось—для сильнѣйшей дикой, бессмысленной руганью, для слабѣйшей — короткимъ лексикономъ словъ: «такъ точно, никакъ нѣтъ, слушаюсь, виновать и радъ стараться». Дальше этихъ словъ начиналась грань «молчать, не разсуждать», нарушеніе которой вызывало жесточайшее преслѣдованіе.

Но какъ ни тяжка, какъ ни ужасна была доля заключенныхъ, а въ этой массѣ я никогда не видѣлъ людей, потерявшихъ образъ человѣческой, «душу живу», тогда какъ другая сторона представляла поголовное озвѣрѣніе—полное оупѣніе мозга и очерствленіе сердца. Это было неизбѣжное, роковое послѣдствіе воспріятія той механической стадной дрессировки - долбежки, которая, взамѣнъ развитія индивидуальныхъ сторонъ личности, практикуется и донныѣ въ войскахъ, будучи возводима въ основной догматъ нашего военнаго дѣла.

Что еще сказать послѣ этого?

Евграша перенесъ всѣ невзгоды, какъ стойкій, молодой дубокъ, и при мнѣ освободился изъ батальона, прямо домой.

Чуринъ, погибнувъ самъ, однако, не обманулъ Митина. Спустя годъ, онъ съ товарищами былъ на свободѣ. Когда они пришли въ Томскъ и разсказали о своемъ дѣлѣ, то старый другъ Чурина, извѣстный въ уголовномъ мірѣ бродяга Масловъ, пошелъ съ шапкою по тюрьмѣ, собралъ нѣсколько десятковъ рублей и на эти деньги смѣнялъ товарищей погибшаго Чурина на общественниковъ.

Я нашелъ «выходъ» въ одиночкѣ и старой офицерской библиотекѣ, оставшейся отъ бывшаго когда-то на мѣстѣ батальона военнаго госпиталя, которая и помогла мнѣ не сойти съ ума въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ моего одинокого сидѣнія.

Когда я провожалъ Евграшу, на мой вопросъ: «далеко ли? домой?» онъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ, братъ... что мнѣ дѣлать въ деревнѣ. Сначала, дѣйствительно, проѣду на Волгу, посмотрю, провѣдаю родимыя мѣста, а тамъ, братъ, въ Питеръ, на заводы. Буду учиться... да, признаться, охота силу свою людямъ снести. Только не дармоѣдамъ...— въ заключеніе усмѣхнулся онъ.

Чрезъ мѣсяць и я былъ свободнымъ человѣкомъ, унося съ собой на всю жизнь воспоминанія объ этомъ ужасномъ быломъ, какъ нелѣпый сонъ, какъ кошмаръ больного воображенія...

Георгій Черенковъ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

НЕЖДАННО, нежданно разразилась русско-японская война. Встрепенулся русскій народъ. Каждый стремился принести посильную помощь своей родинѣ, какъ и чѣмъ могъ. Сжалось сердце русской женщины, настала минута, когда она могла проявить свои добрыя качества, свою энергію, силу и разумъ на пользу отечества, помогая и поддерживая страдающихъ. Вереницей потянулись русскія женщины всѣхъ слоевъ общества записаться въ сестры милосердія. Многія стремились попасть ближе къ центру войны, другія же работали вдали, принимая присылаемыхъ раненыхъ въ госпиталяхъ по провинціямъ и въ столицѣ. Всѣмъ хватало работы и работы не легкой, ибо приходилось тратить не только физическія силы, но страдать за несчастныхъ и морально, выслушивая ихъ стоны и жалобы.

Лично я не была на театрѣ войны, но, работая въ самой столицѣ и окрестныхъ госпиталяхъ, мнѣ пришла мысль подѣлиться съ читателемъ тѣми впечатлѣніями и картинами, видѣнными мною, которыя могутъ быть достаточнымъ доказательствомъ того, какъ трудна роль сестры милосердія и сколько терпѣнія и самоотверженія требуетъ она и согласно съ ея трудомъ вызываетъ уваженіе и преклоненіе передъ нею. Къ сожалѣнію, эта корпорація женщинъ не достигаетъ должнаго вниманія, публика привыкла смотрѣть на сестеръ, какъ на обязанныхъ нести всю тяжесть ихъ труда, такъ какъ онѣ идутъ на этотъ трудъ «по призванію». Но развѣ, выбравъ себѣ поприще по призванію, человѣкъ не смѣетъ

утомляться, требовать себѣ покоя въ короткіе часы отдохновенія и, работая, рассчитывать на болѣе опредѣленное будущее подъ старость, когда разстроенное здоровье и нервы, потраченные у постели страждущихъ, требуютъ покойной, т. е. болѣе или менѣе обеспеченной матеріально жизни? Вотъ этотъ-то вопросъ менѣе всего интересуетъ не только публику, но и людей, близко стоящихъ къ участи сестеръ милосердія. А между тѣмъ какъ настоящее, такъ и будущее сестеръ милосердія такъ скудно обеспечено, что требуетъ немедленнаго разбора этого «забытаго вопроса», который воскресъ было за время войны; пока необходимость въ сестрахъ милосердія была ощутительна, онѣ были на виду, но теперь, когда онѣ опять разошлись по своимъ мѣстамъ, рѣдко выходя оттуда, о нихъ забыли и участь ихъ не улучшается, несмотря на все болѣе и болѣе частыя замѣтки въ газетахъ: «отравилась сестра милосердія», или же «застрѣлилась», «утопилась» и т. д. Да почему же эти бѣдныя женщины лишаютъ себя жизни?—никто не спроситъ; а жаль: въ ихъ жизни такъ много интересныхъ страницъ, полныхъ самопожертвованія и героизма, которыя даютъ право на большее къ нимъ вниманіе.

Какъ извѣстно, когда война была объявлена, во всѣхъ городахъ при больницахъ и общинахъ открылись курсы для сестеръ милосердія. Длинной вереницей потянулись интеллигентныя женщины къ подъѣздамъ разныхъ больницъ и общинъ. Оживленный говоръ стоялъ въ швейцарскихъ госпиталей. «Куда пройти записаться на курсы сестры милосердія?» слышался одинъ и тотъ же вопросъ. Швейцаръ еле-еле успѣвалъ открывать двери, отвѣчая на вопросы и направляя къ дежурнымъ докторамъ. Въ началѣ февраля, въ морозный солнечный день въ одинъ изъ военныхъ госпиталей въ числѣ записывающихся слушательницъ вошла и я.

Мы, публика, привыкли смотрѣть на больницы съ какимъ-то страхомъ и трепетомъ, а потому неудивительно, если сердце мое какъ-то болѣзненно сжалось, когда я входила въ госпиталь, но великая сила стаднаго свойства итти за другими уменьшала неприятное, жуткое чувство, и я вошла въ громадную комнату, гдѣ за двумя столами сидѣли военные врачи и записывали фамиліи поступающихъ. Какихъ, какихъ только людей не встрѣтишь въ такіе дни общаго стремленія. Тутъ и бѣдно и скромно одѣтыя, тутъ и расфранченныя, модныя, молодыя, старыя дамы, тутъ и грустныя и веселыя лица,—словомъ, полная разнообразность.

На другой день въ той же громадной комнатѣ, гдѣ мы записывались, отведенной для слушательницъ во вновь выстроенномъ баракѣ для хирургическихъ больныхъ, намъ начали читать лекціи. Тутъ, осматривая помѣщеніе, впервые мы ознакомились съ пользой дезинфекціи помѣщеній съ округленными углами и трубнымъ вентилированіемъ. Преподаватели наши, доктора, оказались

талантливыми лекторами, и только благодаря ихъ добросовѣстному терпѣливому объясненію можно было въ нѣкоторой степени постигнуть тѣ медицинскіе вопросы, которые даются далеко не легко. Въ особенности труднымъ показалось всѣмъ намъ изученіе анатоміи, и всѣ старательно запоминали названія и распредѣленіе органовъ и составныхъ частей находившагося передъ нами скелета. «Вены, артеріи, лимфатическіе сосуды, связки» — слышались кругомъ столь непривычныя для слуха въ обыденное время наименованія. Всѣ, кто былъ помоложе изъ слушательницъ, являлись уже слегка освѣдомленными съ этими вопросами, такъ какъ въ учебныхъ заведеніяхъ за послѣднее время давали поверхностное понятіе о медицинѣ. Но мы, женщины средняго возраста, были профанами, ибо въ то время, когда мы получали образованіе, эти «важные вопросы» не проходились въ учебныхъ заведеніяхъ, и мы знакомились съ ними лишь въ тяжелые моменты заболѣваній личныхъ, или близкихъ намъ людей.

Пройдя теоретически намѣченную программу по хирургіи, терапіи и фармакологіи, мы должны были раздѣлиться по группамъ и разойтись по отдѣленіямъ, однѣ въ хирургическое, другія во внутреннее, чтобы приложить пройденные нами предметы на практикѣ. Я попала въ группу хирургическаго отдѣленія.

Не могу выразить того чувства, которое испытала я, впервые войдя въ палату (т. е. большую комнату), всю уставленную кроватями, на которыхъ лежали больные въ разныхъ позахъ, смотря по тому, что у кого было оперировано. Не забуду впечатлѣнія, которое произвели на меня глаза одного больного, устремленные на меня. Его фамилія была Петровъ. Онъ въ пьяномъ видѣ упалъ съ крыши, которую красилъ (онъ былъ маляръ). Голова его была пробита, одна рука и нога сломаны съ раздробленіемъ кости. Страданія при перевязкахъ были страшныя, я подошла къ нему именно въ тотъ моментъ, когда санитары приготавливались нести его въ перевязочную. Онъ смотрѣлъ на меня тѣмъ взоромъ потухшихъ глазъ, которымъ смотрять и не видятъ васъ, но который выраженіемъ своего страданія навсегда остается въ вашей памяти. Впослѣдствіи я освоилась съ этими взглядами и привыкла, но на первыхъ порахъ я долго не могла отдѣлаться отъ производимаго ими впечатлѣнія.

— Сестра, это вашъ больной, — обратился ко мнѣ докторъ, указывая на Петрова.

Я вздрогнула, какъ отъ его голоса, нарушившаго мое нѣмое лицезрѣніе больного, такъ и отъ страха, что я должна буду касаться ранъ Петрова, но, стараясь побороть это чувство, я произнесла: «Хорошо, докторъ», что значило: ваше приказаніе будетъ исполнено въ точности. Намъ такъ много говорили наши доктора - лекторы о томъ, что самое главное условіе, при которомъ можно успѣшно

исполнять долгъ сестры милосердія, это терпѣніе и находчивость, а главное—умѣлое приложеніе своихъ познаній на практикѣ, что оробѣть въ первый же моментъ было бы оплошностью; потому, собравъ всѣ свои силы и энергію, я сразу овладѣла собой. «Осторожиѣ», какъ-то невольно вырвалось у меня при стонѣ Петрова, котораго санитары перекладывали съ постели на носилки, чтобы нести въ перевязочную. Санитары, т. е. въ военныхъ госпиталяхъ солдаты, въ городскихъ больницахъ штатскіе, должны пройти краткій курсъ ухода за больными, но, несмотря на подготовку, народъ этотъ не внушаетъ довѣрія, не потому, чтобы они плохо понимали или не хотятъ понять своихъ обязанностей, но въ силу ихъ чрезмѣрнаго переутомленія, такъ какъ ихъ гораздо меньшее число, чѣмъ бы то слѣдовало. Дальше я буду говорить о нихъ подробнѣе, описывая одинъ изъ большихъ госпиталей, въ которомъ я часто сталкивалась съ ними, такъ какъ въ ночныя дежурства они являются необходимыми помощниками, а теперь скажу только вскользь, что меня покорило отъ полнаго отсутствія съ ихъ стороны осторожности въ обращеніи съ больными.

— Тише вы, черти,—нервничаль больной.

— Поверни руку-то вправо больному, аль не видишь — говориль одинъ.

— Тише, голову-то, тише ты вертай,—огрызался другой.

Я помогала и тому и другому, сунувъ подушку подъ голову, и уложила руку больного. А въ душѣ подумала: а если бы меня не было, какъ бы они его встряхнули! Носилки понесли, мы вошли въ перевязочную. Это была большая, свѣтлая комната, стѣны были выкрашены бѣлой краской, также какъ и всѣ предметы, въ ней находившіеся. Съ одной стороны, у окна, стояло кресло для вырванія зубовъ, за нимъ у стѣны шкапикъ со стеклянными стѣнами. На всѣхъ его трехъ полкахъ лежали инструменты. На длинномъ столѣ, расположенномъ между окнами, лежали: вата, бинты, шарики изъ ваты, смоченные борнымъ растворомъ (шарики эти въ однихъ госпиталяхъ доктора называютъ «шарикъ», въ другихъ «компрессъ»), кусочки марли, нарѣзанной на четырехугольники, вощонка, все это подъ стеклянными колпаками размѣщалось на столѣ, возлѣ котораго находилась старшая сестра, подавая сама докторамъ перевязочныя средства или слѣдя, какъ этотъ матеріалъ подавался двумя сестрами нашего курса. Подавать матеріалъ приходится щипчиками, беря тотъ предметъ, который выкликаютъ лаконически доктора. У другого окна стоялъ аппаратъ, въ которомъ кипятились инструменты, при нихъ стояли также двѣ сестры, которыя подавали докторамъ щипчиками выкликаемые ими инструменты.

Странное впечатлѣніе производитъ на посторонняго человѣка хирургическое отдѣленіе, точно вы входите въ какой-то неизвѣданный міръ. При вступленіи въ него на васъ надѣваютъ бѣлые ха-

латы, которые закрываютъ съ горла до ногъ, чтобы при приближеніи къ больному вы были чисты; это уже дѣлаетъ васъ болѣе сдержанными, а затѣмъ, чѣмъ дальше вы углубляетесь въ тайники хирургическаго отдѣленія, тѣмъ больше предосторожности, какъ, напримѣръ, въ «матерьяльную» (гдѣ хранится матерьялъ для перевязокъ и гдѣ его готовятъ, начиная съ стерилизаціи, т. е. обеззараживанія посредствомъ пара въ особомъ для этого аппаратѣ—родъ печи,—и кончая нарѣзанія бинтовъ ваты) впускаютъ только избранныхъ, причастныхъ къ этому дѣлу сестеръ, чтобы постороннее лицо не внесло какой-либо бациллы. Въ перевязочную могутъ входить лишь работающіе тамъ доктора и сестры, а въ операционную никого не пускаютъ, и дверь туда всегда закрыта. Только во время операціи тамъ находится необходимый составъ докторовъ, сестеръ и фельдшеровъ.

Въ моментъ, когда мы вошли въ перевязочную, т. е. я и санитары, которые несли больного Петрова, солнце ярко свѣтило, придавая комнатѣ еще болѣе чистый видъ. Всѣ были на мѣстахъ, старшая сестра и ея двѣ помощницы у стола съ матерьяломъ, двѣ сестры у кипящаго аппарата съ инструментами; на трехъ табуретахъ сидѣли больные, имъ дѣлали перевязки фельдшера и сестры. По срединѣ комнаты стояли два длинныхъ, на высокихъ ножкахъ стола; на одномъ изъ нихъ уже лежалъ больной, на другой мы стали укладывать Петрова. Царило полное молчаніе, доктора и сестры и фельдшера, какъ бѣлыя тѣни въ своихъ передникахъ, съ косынками или колпачками на головахъ, неслышно скользили. Тишину нарушали односложныя выкликиванія докторовъ: «шарикъ, марлю, бинтъ, скальпель (ножикъ), Риккеръ, Купперъ (ножницы), Корнцангъ и т. д... Разговаривать въ перевязочной не позволяется, и, если что-либо надо сказать, старайтесь говорить шопотомъ. При перевязкахъ доктора читали намъ лекціи, объясняя на больномъ, какое заболѣваніе, какой методъ леченія и какія мѣры сестры имѣютъ право принять до появленія доктора, а засимъ заставляли дѣлать перевязки. Пока мы изучали всевозможныя перевязки для практики на здоровыхъ санитаряхъ или другъ на другѣ, руки, казалось, такъ и ходили сами, тутъ же точно гири повисли на пальцахъ, приходилось дѣлать неимоверное усиліе, чтобы заставить себя побороть охватившій страхъ и рѣшиться дотронуться до раны больного.

Осторожно, съ помощью фельдшера, мы, двѣ сестры, развязали перевязки Петрова, и каково же было мое удивленіе, когда онъ самъ сталъ объяснять доктору, какое мѣсто легче болить, какое нестерпимо, при этомъ поглядывая на ногу, подымая голову, чтобы посмотреть, что дѣлаетъ докторъ съ его ногой. Въ такихъ серьезныхъ случаяхъ больныхъ бинтуютъ сами доктора, мнѣ же пришлось подавать матерьялъ, который я держала въ тазикѣ, стоя около

больного. Больной молчалъ и только въ моментъ, когда изъ ноги его въ пространствѣ между связками и костью стали вынимать, а въ особенности вкладывать аршинами марлю, такъ какъ рана была огромная, онъ закричалъ: «Оставьте, не мучайте меня, дайте умереть», но скоро смолкъ, закинувъ голову и закусивъ нижнюю губу.—«Ничего, милый, ничего, Петровъ,—ровнымъ голосомъ успокаивалъ его докторъ, скоро и ловко вкладывая длинными щипцами куски марли въ рану: — мы еще съ тобой потанцуемъ, подожди, потерпи немного». Докторъ шутилъ, и больной ободрился. Свѣжія перевязки облегчили болевья ощущенія; когда ногу вытянули и покойно положили, къ концу перевязки больной уже самъ шутилъ: «Вотъ какой я красавецъ, десять заплатъ на мнѣ», говорилъ онъ, когда положили послѣднюю повязку на голову. Тутъ только я увидѣла, какъ терпѣливъ русскій мужичокъ, какъ выносливъ.

— Ну, сестрица, спасибо, — говорилъ онъ, когда его принесли и уложили въ кровать, а я поправляла осторожно подушки: — стой, вотъ полегчаетъ мнѣ, я тебя выучу бинтовать ногу мою, я знаю какъ.

— Ну, ладно, ладно, храбрись, — смѣялся докторъ, который тоже подошелъ посмотреть, какъ уложили больного.

Такіе больные окружаются особеннымъ вниманіемъ докторовъ, такъ какъ излеченіе столь опаснаго паціента является гордостью доктора.

— Ну, лежи покойно, завтра не будемъ тебя тревожить, дѣло идетъ на поправку. Больше не будешь пить? — сказала докторъ.

— А не знай, какъ поправлюсь, кажись, не буду, ваше благородіе, — отвѣчалъ больной и, какъ бы желая дать понять, что онъ усталъ, закрылъ глаза.

— Сестра, помогите перевязать Махмета, — обратился докторъ ко мнѣ.

Я пошла за нимъ въ перевязочную. На столѣ сидѣлъ татаринъ, у него былъ туберкулезъ костей. Желаніе жить и вернуться на родину было громадное, но на предложеніе докторовъ ступить ему ступню, онъ не рѣшался и, какъ ему ни доказывали, что процессъ идетъ дальше, онъ увѣрялъ: «Кровь мой здоровой и все такъ пройдетъ»; онъ позволялъ только прорѣзывать новыя опухоли, которыя появлялись все чаще на протяженіи всей ноги. Мнѣ пришлось перевязывать его ежедневно въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, и чѣмъ ближе подходила конечная развязка, тѣмъ горячѣе было стремленіе ѣхать въ деревню. «Сестеръ, мой милый сестеръ, попрашай доктора отправить меня на родину». Я все обѣщала, изо дня въ день находила причины, почему нельзя ѣхать, суля завтра похлопотать. Татаринъ вѣрилъ и ждалъ, а неумолимая смерть запечатлѣвалась на его чертахъ, удлиняя черты и углубляя глаза.

Явная борьба со смертью работала въ его воображеніи, заставляя храбриться и отбиваться. Уже обѣ ноги лежали на подпоркахъ, уже лѣвая рука была перевязана, лицо стало нарывообразное, опухлое и желтоватое, а онъ все трепеталъ желаніемъ ѣхать къ себѣ на родину. «Вотъ я знаю, какъ меня въ вагонъ посадятъ, я вздохну легко, а домой приѣду, сразу пѣшкомъ пойду», приговаривалъ онъ, когда его несли въ отдѣльную маленькую палату¹⁾, куда уносили всѣхъ, кому не суждено было изъ нея выйти, но и тамъ еще, теряя силы и иногда только слегка воодушевляясь, чтобы еще больше ослабнуть, онъ потухалъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, приговаривая: «Сестерь, будь добрый, сестерь, хлопчи меня на родину». Мнѣ казалось, что даже въ послѣдній моментъ, когда дыханіе становилось рѣже и члены отказывались двигаться, онъ потухающимъ взоромъ, смотрящимъ вдаль, видѣлъ то, къ чему его тянуло, свою родину, деревню, свой домъ, пока я не положила руки моей на его отяжелѣвшія вѣки и не опустила ихъ, помогая ему продолжать сонъ съ дорогами для него видѣніями...

Говорятъ: привычка вторая натура, и дѣйствительно, вначалѣ, когда такъ долго ухаживаешь за однимъ больнымъ, къ нему такъ присмотришься, что становится такъ пусто первое время, тяжело и грустно, точно не для чего итти въ палату; со временемъ потери пациентовъ входятъ въ привычку: выписывается или умираетъ одинъ, ваше вниманіе переходитъ на другого, такъ что въ концѣ концовъ всѣ больные группируются въ одно цѣлое существо, дорогое для васъ, которое какъ бы живетъ только вашимъ уходомъ, потому торопишься къ нему, чтобы облегчить его физическія и духовныя страданія, выслушивая его и давая совѣты. Конечно, есть между ними особенно близкіе вашему воображенію типы, которые никогда не изглаживаются изъ памяти, наприимѣръ, одинъ больной, который, лежа на перевязочномъ столѣ, самъ продергивалъ себѣ турунду (длинную ленту изъ марли), которую я вкладывала съ одной стороны груди, а онъ, ухвативъ эту турунду по срединѣ груди, щипцами вытягивалъ ея конецъ, приговаривая: «Еще, еще, сестрица, подвиньте, а то кончикъ малъ». Такіе терпѣливые встрѣчаются рѣдко. Въ общемъ же русская натура такъ вынослива, что минутами приходилось радоваться, какъ живо возвращалась жизнерадостность къ тѣмъ, кто переносилъ тяжкія операціи. Рѣдко встрѣчались сумрачные больные въ хирургическомъ отдѣленіи; можетъ быть, это объяснялось тѣмъ, что хирургія страшна въ моментъ операціи и болевымъ ощущеніемъ до операціи, но потомъ, когда больное мѣсто удалено, страданія рѣдко бываютъ про-

¹⁾ Отдѣльную палату, куда уносили обреченныхъ на смерть, я впервые видѣла только въ новомъ хирургическомъ зданіи, — обыкновенно умираютъ тутъ же, въ общей палатѣ.

должительны и страшны только въ минуты перевязокъ, когда рана раздражается; въ покойномъ же состояніи боли почти не ощущаются. Другое дѣло во внутреннемъ отдѣленіи, тамъ стоны и вздохи раздаются почти съ каждой койки, тамъ бредъ, физическія страданія съѣдаютъ человѣка и ухоть за больными очень тяжелъ; въ легочномъ же отдѣленіи, гдѣ больше чахоточныхъ, ухоть прямо опасенъ для тѣхъ, кто подверженъ этимъ заболѣваніямъ. При мнѣ говорили, что молодая сестра заразилась чахоткой, и что больше двухъ лѣтъ тамъ трудно вытерпѣть. Да и самые больные нервные и раздражительные, недоувѣрчивые, такъ что, входя въ это отдѣленіе, чувствуешь себя среди заживо погребенныхъ.

Помню, какъ я подошла къ одному больному, температура котораго все повышалась; я хотѣла утѣшить его. Такой жалкій, свернувшись въ клубокъ, онъ полусидѣлъ съ ногами у самыхъ подушекъ и держалъ градусникъ подъ мышкой.

— Отчего такой скучный? Вѣдь дѣло-то на ладъ идетъ,—сказала я.

— Да, ближе къ могилѣ,—отрѣзалъ онъ злобно:—зачѣмъ врите, думаете, не понимаю я самъ того. Вотъ Алехинъ сегодня, а я черезъ мѣсяцъ,—сказалъ онъ, указывая на больного, который лежалъ черезъ нѣсколько коекъ отъ больного и тихо отходилъ.

Его можно было бы принять за покойника, если бы одѣяло не подымалось все рѣже и рѣже отъ его вздоховъ. Обычай оставлять умирающихъ рядомъ съ больными прямо варварскій, и совершенно понятенъ ропотъ нѣкоторыхъ больныхъ вначалѣ, когда они только что приходятъ въ больницу, что имъ тяжело видѣть смерть. Потомъ они примиряются, когда смерть товарища дѣлается обычнымъ явленіемъ, но первое время имъ тяжело и нѣкоторымъ прямо невыносимо, такъ что въ нѣкоторыхъ больницахъ ставятъ ширмы, когда больной начинаетъ отходить. Мнѣ всегда жаль было смотрѣть на сестеръ чахоточнаго отдѣленія, въ особенности одна сестра С. осталась у меня въ памяти. Она вошла туда вмѣстѣ со мной въ первый разъ, намъ было жутко. Громадная палата была раздѣлена арками, съ лѣвой стороны ложились «свѣженькіе», какъ называли тѣхъ, которые вновь входили, справа уже тяжкіе и умирающіе. Почти всегда съ одной стороны «свѣженькихъ» больныя переходили въ «отходную» (такъ звали правую сторону) и оттуда въ лѣтній баракъ, на дачу; если же возвращались, то опять на правую сторону палаты, доживать послѣдніе дни. Неувѣрное впечатлѣніе произвела на насъ эта палата изъ двухъ отдѣленій; казалось, что входящій туда, занимая мѣсто напротивъ съ тѣми, кто лежалъ за аркой, обреченъ былъ изучать до мельчайшихъ подробностей исторію своей болѣзни съ нагляднымъ примѣромъ. Какъ ни сложна философія въ русской натурѣ, какъ бы просто ни смотрѣлось на неизбежность смерти, изучать ее въ непосред-

ственнымъ сосѣдствѣ становится невыносимымъ. Не долго пришлось сестрѣ С. облегчать страданія своихъ больныхъ. Я вскорѣ заболѣла и долго не ходила въ госпиталь; когда черезъ два мѣсяца я пришла обратно, ея уже не было, она заболѣла и ушла въ общину. Дальнѣйшіе слухи о ней были очень печальные. Община отказалась держать у себя больную сестру, и она, одинокая, безъ средствъ, пришла за помощью къ своимъ товаркамъ, сестрамъ. Онѣ собрали ей, что могли, и отправили къ ея знакомой акушеркѣ. Что случилось съ ней? Никто не могъ понять, но чрезъ нѣсколько дней стало извѣстно, что она бросилась въ рѣку. Очевидно, она не нашла знакомой акушерки. Сознаніе полной безпомощности своей и одиночества безъ средствъ къ жизни, неизлечимая болѣзнь заставили ее рѣшиться на самоубійство; а вѣдь она работала у постели больныхъ и это слѣдовало бы принять во вниманіе—кому?—община не обязана, больница, гдѣ она работала, тѣмъ болѣе. Кто же долженъ подумать объ участи тѣхъ несчастныхъ сестеръ, которыя заболѣваютъ раньше должнаго срока для полученія пенсіи и права на уходъ за ними, а въ особенности если онѣ заражаются? Этотъ вопросъ такъ и остался открытымъ. А пора бы поглубже разсмотрѣть вопросъ объ участи сестеръ милосердія, безъ присутствія которыхъ не можетъ существовать ни одна больница.

— Гдѣ сестра С.?—спросила я однажды, не видя ея.

— Утопилась,—отвѣтила мнѣ сестра П. и махнула рукой.

— Отчего, неужели влюбилась?—сорвалось у меня.

— Какой тамъ влюбилась, до того ли ей было. Заразилась, заболѣла. Никого у нея нѣтъ, на всемъ бѣломъ свѣтѣ никого, кромѣ насъ, сестеръ. А что можемъ сдѣлать мы, когда сами получаемъ два-три рубля, пять самое большее, въ мѣсяцъ на руки, а заболѣемъ—намъ та же дорога. Собрали ей кой-что, она уѣхала къ какой-то акушеркѣ знакомой, вѣрно, не нашла ея, ну, и...

Сестра П. остановилась, слезы сжали ей горло.

Насъ позвали въ палату проходившія сестры для осмотра вновь прибывшихъ съ войны раненныхъ съ «Варяга» и «Корейца». Приѣхалъ консультантъ, всѣ хирурги нашего отдѣленія и главный докторъ. Я вошла въ палату, гдѣ у стѣны на деревянномъ диванѣ сидѣли шесть матросовъ. Чисто одѣтые, съ Георгіемъ на груди, они всѣ были безъ одной ноги, или правой, или лѣвой; остальные стояли. Я подошла къ одному изъ нихъ, лицо его было грустное, почти суровое.

— Ну, какъ себя чувствуешь? отчего такой невеселый, болитъ, что ли, что?

— Нѣтъ,—отрѣзалъ матросикъ:—да веселиться-то нечему.

— Какъ, у тебя Георгій,—ты герой!

— Въ 22-го года безъ ноги. Веселье! кто въ деревнѣ работать будетъ?

— Да вѣдь тебѣ дадутъ пенсію.

— Видами писано,—еще суровѣй огрызнулся больной. Это недовѣріе къ обезпеченію за раны пенсіей высказывали многіе больные, вернувшіеся съ войны за все время моего ухода за ними.

Я отошла, не зная, чѣмъ утѣшить; другіе были веселѣй, они не смотрѣли такъ пессимистически на свое будущее. Наоборотъ, они надѣялись на полное свое выздоровленіе и на должное обезпеченіе. Мнѣ пришлось вводить каждаго изъ нихъ въ перевязочную, гдѣ уже сидѣли главный докторъ, консультантъ, два наши хирурга и молодой докторъ Б., который первый давалъ помощь больнымъ на суднѣ въ разгаръ боя. Замѣчательно симпатичное впечатлѣніе производилъ докторъ Б. Всегда веселое лицо его оживляло общее настроеніе, а тутъ, когда входили его бывшіе на войнѣ пациенты, онъ еще больше оживлялся, видно было, что ужасъ пережитаго съ ними вмѣстѣ объединилъ симпатіи доктора и больныхъ, такъ какъ и матросы съ любовью смотрѣли на него и при осмотрѣ и разспросахъ консультанта и другихъ отвѣчали, глядя прямо на него, точно, кромѣ ихъ спасителя, никто ихъ не интересовалъ.

— Пстой, братъ,—говорилъ докторъ Б.:—вѣдь у тебя еще за ухомъ рана была?

— Точно такъ, ваше благородіе, была,—улыбаясь во весь ротъ, отвѣчалъ матросъ.

— А у тебя подъ рукой сильно царапнуто,—обратился докторъ къ другому (мы вводили ихъ по двое).

— Точно такъ, ваше благородіе, было, да зажило,—въ риюму отрѣзалъ другой больной.

— Даже въ риюму,—засмѣялся консультантъ.

Все улыбались, радуясь тому, какъ легко относятся русскіе солдатики къ своимъ «болѣстямъ». Осмотръ шелъ весело, бодро. Докторъ Б. поражалъ своимъ вниманіемъ, онъ помнилъ каждую царапину своего бывшего больного, рассказывалъ, при какихъ условіяхъ подавалъ помощь, какъ терпѣливы были пациенты. Даже суровый пессимистъ и тотъ улыбнулся и на вопросъ доктора Б.: «Какъ дѣла?» отвѣчалъ:

— Да ничего, ваше благородіе, поправляемся.

Вводили раненыхъ сначала съ ампутированными ногами, брали у нихъ костыли, усаживали на табуретку для осмотра. Когда же восьмой вошелъ самъ на обѣихъ ногахъ, то у консультанта вырвалось:

— Ну, слава Богу, ногами пришелъ, безъ костыля, ноги цѣлы?

— Цѣлы, ваше—ство, зато бока нѣтъ,—смѣясь во весь ротъ, отвѣчалъ матросъ.

— Какъ бока нѣтъ? Что ты, братецъ?—заинтересовался главный докторъ и самъ сталъ осматривать бокъ больного.

И правда, чего, чего не было переломлено у этого весельчака. Вынуты ребра, повреждена ключица и надо было обладать его жизнерадостностью, чтобы, улыбаясь, хвастаться своими увѣчьями.

Осмотръ кончился.

— Ну что, сестры, видите, какіе молодцы наши солдатики, за ними не страшно ухаживать? — обратился къ намъ мимоходомъ старшій докторъ.

Онъ былъ замѣчательно симпатичный человѣкъ, маленькій, сѣденькій, съ необыкновенной выдержкой, ласковый, онъ умѣлъ всѣхъ умиротворить, успокоить, никто никогда не слыхалъ отъ него грубаго слова, потому его всѣ и любили. Онъ еще постоялъ около раненыхъ, разспросивъ про житье-бытье въ плѣну.

— Ну, надо о ногахъ хлопотать вамъ, ребята, чтобы полегче были, небось японскія-то не нравятся?

— Да, ваше п—ство, не то, что наши,—отвѣчали раненые.

— А что же, свои-то легче, красивѣй?—шутить главный докторъ.

— Такъ точно, ноги легче, а руками ихними ничего дѣлать нельзя,—отозвался одинъ безрукій, показывая искусственную руку въ бѣлой перчаткѣ, данную ему въ Японіи.

— Вѣрно, вѣрно,—говорилъ докторъ, осматривая руку, — надо тебѣ, братецъ, такую, чтобы ножъ, вилку брала, да и молоткомъ дѣйствовала, у тебя, братъ, правая рука потеряна, надо тебѣ помочь.

Хирурги и консультантъ осматривали искусственныя ноги, данныя нашимъ въ Японіи.

— Да, наши куда легче,—замѣтилъ консультантъ.

— Зато обувь-то какова—шикъ!—говорилъ докторъ Т., осматривая сапогъ,—да не въ томъ, вѣрно, сила.

Совѣтуясь между собою, доктора прошли въ кабинетъ (дежурную комнату), санитары несли за ними искусственныя ноги и руки для подробнаго осмотра. Раненые матросы, собравъ свои костыли, уходили въ прихожую.

— А ну-ка, я свою-то ногу попробую, сестрица?—поднявшись съ постели, просилъ больной Ивановъ, у котораго тоже была ампутирована нога.

Онъ работалъ на заводѣ, ему упалъ кусокъ желѣза на ногу, раздробилъ ее, обративъ въ мѣшокъ съ костями. Благодаря молодости его,—ему было 19 лѣтъ,—жизнерадостности, процессъ заживленія шелъ довольно быстро, что случается не часто между рабочимъ классомъ. Объяснялось медленное стягиваніе ранъ больныхъ ихъ худосочиемъ. Плохое питаніе въ деревняхъ подготавливаетъ туберкулезную почву, организмъ, уже расшатанный въ петербургскомъ климатѣ, подтачивался быстро, а пристрастіе къ водкѣ, въ которой находятъ утѣшеніе наши солдаты и рабочіе, ускоряетъ развитіе худосочія; вотъ почему многіе если скоро поправляются въ больницѣ, уѣзжаютъ въ деревню и опять возвращаются съ

открывшейся раной (фистулой), заживить которую не такъ-то легко, тѣмъ болѣе, что пребываніе въ больницѣ простой людъ считаетъ потеряннымъ временемъ для себя, а потому старается выпи- саться возможно раньше. Эти больные часто обманываютъ докто- ровъ и сестеръ, стараясь скрыть температуру, сердятся, когда се- стры ихъ уговариваютъ остаться лишній день.

Иванову многіе завидовали, что онъ такъ скоро поправляется, онъ же ликовалъ.

— А мнѣ давайте руку, сестрица,—просилъ молодой парень Николай:—я поработаю.

— Подождите, сейчасъ обѣдъ, потомъ отдохните до 2 часовъ, а тамъ и примѣрка ногъ и рукъ,—ласково уговаривала дежурная сестра.

Больные согласились. Я осталась посмотреѣть процедуру при- мѣрки, такъ какъ на другой день должна была перейти во вну- треннее отдѣленіе, чтобы пройти курсъ ухода за тифозными.

Часть отдыха прошелъ. Николай напомнилъ дежурной сестрѣ, когда она подавала ему лекарство:

— А руку-то, сестрица, дадите.

— Дамъ, дамъ, потерни немного.

— Невмоготу, сестрица, скучно,—говорилъ Николай.

Онъ былъ всеобщій любимецъ, благодаря своему характеру. Всегда веселый, добрый, онъ помогалъ всѣмъ больнымъ. Потер- явъ правую руку, онъ выучился писать лѣвой, ею же онъ кор- милъ лежащихъ въ палатѣ больныхъ, когда у сестры было мало времени. «Николай, дай, Николай, напиши, Николай, посиди», только и слышалось въ палатѣ.

Дежурная сестра попросила меня принести ноги и руки боль- нымъ, я исполнила охотно, и надо было видѣть, какъ радовались больные, примѣряя свои обновки. Иванову нога приспособлялась немного выше колѣна, другому же, уже немолодому, лѣтъ 30, мастеровому (въ больницѣ въ этомъ возрастѣ больные считаются стариками такъ какъ тамъ лежатъ большей частью парни лѣтъ 18, 19, 23) Митричу, который отморозилъ ногу и ему ее отняли много выше колѣна, приходилось надѣвать почти цѣлую. Чтобы носить искусственныя ноги, надо выучиться ими дѣйствовать, и вотъ тутъ-то сами больные и смотревшіе на нихъ начинали острить и балагурить надъ ампутированными, когда они пробо- вали ходить по палатѣ.

— Смотри, Митричъ, въ лѣсу не потеряй,—говорилъ одинъ.

— А то волки съѣдятъ,—подхватилъ другой.

— Ладно, смѣйтесь, моей-то подавятся, вашу бы не съѣли,— отшучивался Митричъ.

— А вотъ меня,—говорилъ Петровъ, который уже сидѣлъ на постели,—хоть и всего съѣдятъ, не жаль.

— Да чего ѣсть-то, все отшиблено,—ехидничалъ его сосѣдъ.

— Ужъ ты бы молчалъ, туда же,—огрызнулся Петровъ (онъ былъ еще ужасно нервный, раздражительный):—самъ-то лучше, что ли? Расскажи-ка, какъ на горячую трубу сѣлъ.

— Ну, сѣлъ, да и сѣлъ,—отвѣчалъ сосѣдъ.

— Да какъ? сначала сѣлъ, а потомъ легъ?—спрашивалъ подошедшій Митричъ.

— Со всего размаху—плюхъ,—острить Петровъ.

— Не помню,—нехотя отвѣчалъ обожженный:—не вспоминай—больно.

Дѣйствительно, больной долженъ былъ еще страдать, такъ какъ всего двѣ недѣли, какъ его принесли въ госпиталь всего обожженного; онъ на заводѣ, въ пьяномъ видѣ, сѣлъ, а потомъ, вѣрно, лежа упалъ на горячую трубу.

Больные балагурили, пока мы, сестры, помогали ампутированнымъ, спрашивали: не треть ли искусственная нога, не тяжела ли?

— Полно, Николай, вѣдь ты оглушишь,—остановила я Николая, который, взявъ въ искусственную руку какой-то предметъ, изображающій молотокъ, хлопалъ по окну.

— Упражняюсь, сестрица,—смѣялся Николай.

— Ну, теперь вилку привинти,—просилъ Николая больной мальчикъ лѣтъ десяти.

— Ну, вилку, такъ вилку,—и Николай отвинчивалъ приспособленіе къ молотку и привинчивалъ къ пальцамъ вилку или ножикъ и упражнялся ими.

Такъ провели мы до четырехъ часовъ, время вечерняго чая. Освободившись отъ своихъ обязанностей, я простилась съ больными.

— Ну, поправляйтесь скорѣй,—говорила я.

— Не забывайте насъ, навѣщайте, сестрица,—просили больные:—мы съ вами свыклись, скучно будетъ безъ васъ.

Громче всѣхъ кричалъ Николай.

— Да вѣдь, впрочемъ, вамъ нельзя къ намъ ходить, не позволяютъ. (Сестеръ изъ внутренняго отдѣленія не пускали въ хирургическое, боясь заразы).

— Спасибо, спасибо,—отвѣчала я на ихъ ласковыя изліянія.

Надо замѣтить, что въ натурѣ русскаго мужичка много чувства благодарности, и какъ въ началѣ, такъ и за всѣ полтора года моей дѣятельности сестры милосердія я видѣла, какъ чутки больные; они сразу разбираются, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Разъ полюбили сестру, значитъ она искренно относилась къ нимъ; если же они замѣтятъ, что сестра не исполняетъ своихъ обязанностей, они говорятъ: «Нешто это сестра—это такъ». Мнѣ часто приходилось слышать, какъ больные говаривали про сестеръ: «Наше солнце вошло, нашъ ангелъ хранитель» и т. п. ласковыми эпитетами называли любимицъ. Какъ они выживаютъ нелюбимыхъ сестеръ,

я тоже наблюдала; извести могутъ разными сарказмами, очень мѣтко замѣтивъ ея недостатки.

Протившись съ больными, я вышла изъ палаты и встрѣтила двухъ волонтерокъ, къ которымъ принадлежала и я.

— Вы сегодня на мое мѣсто во внутреннее?—сказала одна изъ нихъ.

— Да,—отвѣтила я:—ознакомьте меня съ вашими больными.

Мы пошли наверхъ. Рядъ палатъ тянулись въ линію, почти всѣ постели были заняты. Въ палатѣ было очень свѣтло, у окна стояла профессиональная сестра милосердія К., около шкапчика, откуда она брала лекарства. Насъ познакомила волонтерка, которую я должна была замѣнить.

— Обойдите постели, прочтите надписи надъ кроватями,—сказала мнѣ сестра. — Вамъ легче будетъ ознакомиться, за кѣмъ и какъ надо ухаживать.

Я стала обходить постели, читая: «typhus abdominalis»,—больные были больше тифозные; или на доскахъ стояло: «pneumonia» (воспаленіе легкихъ), встрѣчались и съ крупознымъ воспаленіемъ. Жаль было смотрѣть на юныя лица страдающихъ, которымъ было не болѣе 18—20 лѣтъ, и почти все новобранцы. Потомъ, разспросивъ больныхъ, я узнала, что многіе изъ нихъ, только что пріѣхавъ изъ деревни, проживутъ мѣсяць-другой въ городѣ и въ скорости, заболѣвъ, умираютъ. И воспоминались, въ мою бытность въ имѣніи моего отца, картины проводовъ новобранца. Какъ пугаетъ въ деревняхъ матерей и женъ призывъ въ солдаты ихъ близкихъ, какъ ихъ плачь, причитываніе разносились по всей деревнѣ! Теперь, стоя противъ умирающаго, я думала: правы эти женщины въ своихъ предчувствіяхъ, что съ такимъ страхомъ отпускали въ солдаты дорогихъ имъ людей. Непривычные къ климату, въ казармахъ, окруженные плохой обстановкой, о которой такъ много пишутъ за послѣднее время, новобранцы схватываютъ разныя болѣзни, преимущественно тифъ, очевидно, отъ сырой воды, или воспаленіе легкихъ отъ простуды. Если организмъ сильный, борьба жизненной энергіи отвоюетъ его, слабый же живо и быстро сгораетъ. При мнѣ ввели матроса, онъ порывисто дышалъ, но шель довольно скоро.

— Что? нездоровъ?—спросилъ докторъ больного.

— Да, что-то неможется,—храбро отвѣтилъ больной.

Черезъ пять дней его не стало.

Первые дни мнѣ было очень трудно, и я поняла всю тяжесть обязанности сестры: бредъ тифозныхъ, постоянное наблюденіе за ними требуетъ усиленно напряженнаго вниманія. Потомъ свыкаешься съ безсонной ночью, съ вѣчной заботой, чтобы минута въ минуту дать лекарство, во время придержать и даже часто привязать больного къ постели, чтобы онъ не спрыгнуть въ бреду.

Я удивлялась профессиональной сестрѣ милосердія, какъ она успѣвала все дѣлать, да еще ей приходилось спускаться въ нижній этажъ, въ отдѣленіе, гдѣ тоже лежали ея больные.

— Вы удивляетесь на меня, что я успѣваю,— сказала она мнѣ:— здѣсь еще ничего, въ одномъ зданіи, только лѣстницу сойти, а я была въ одномъ госпиталѣ, гдѣ приходилось черезъ большой дворъ пройти, такъ какъ больные помѣщались въ двухъ разныхъ баракахъ. Лѣтомъ ничего, а вотъ зимой въ холодныя ночи жутко, второпяхъ еле накинешь платокъ, одѣваться некогда, и бѣжишь, чтобы всюду поспѣть.

— Неужели нельзя соединить всѣхъ больныхъ вмѣстѣ, чтобы не утомлять напрасно сестеръ?—спросила я.

Сестра К. удивленно посмотрѣла на меня.

— Что это вы говорите? Мнѣ даже удивительно. Да развѣ о насъ, сестрахъ, думаютъ? Отъ насъ требуютъ, и пока есть силы и здоровье, мы нужны. Заболѣемъ,—полечать, но залежаться намъ не дадутъ, а ужъ если заразишься и болѣзнь перейдетъ въ хроническую, иди куда хочешь.

— Какъ? а пенсія?—удивилась я.

— Пенсія? да, есть за 25 лѣтъ службы 17 рублей въ мѣсяцъ съ копейкой, и тогда я имѣю право лежать въ лазаретѣ при общинѣ, есть и родъ богадѣльни теперь для престарѣлыхъ.

— Ну, а если вы теперь заболѣете, или заразитесь, какъ сестра С.

— Я также должна буду придумать способъ поскорѣе умереть, ибо у меня никого родныхъ нѣтъ и средствъ также.

— Но вотъ вы уже три года сестрой.

— Могу быть и еще столько же и все равно одна дорога—головой въ воду; кажется, теперь за 10 лѣтъ службы что-то даютъ, не знаю еще хорошенько, да и то едва ли. Мы вѣдь забытыя, о насъ думать не стоитъ.

— Какъ не стоитъ, сестра, вѣдь вы необходимый элементъ въ каждой больницѣ,—возмутилась я.

— Пока мы здоровы—да; а больныя мы никому не нужны, намъ не только не даютъ, съ насъ снимаютъ все казенное платье, когда просятъ о выходѣ изъ общины.

Я заинтересовалась судьбой сестеръ, и такъ какъ насъ съ сестрой К. замѣнили другія дежурныя сестры, то я спустилась вмѣстѣ съ ней и попросила провести меня въ квартиру сестеръ. Сестра К. охотно согласилась. Мы вошли въ сосѣднее зданіе, гдѣ наверху была ихъ квартира. Это былъ новый каменный домъ, и сестры были туда переведены недавно. Помѣщеніе было порядочное, есть пріемная, столовая, комната для старшей сестры отдѣльная, остальные же помѣщались по три и четыре вмѣстѣ. Настроенная скверно послѣ разговора съ сестрой К. противъ ихъ поряд-

ковъ, я подумала: «дома и то отдохнуть не дадутъ», и совершенно нечаянно у меня сорвалось вслухъ:

— Я приду сейчасъ домой, да и лягу спать послѣ безсонной ночи, а вы-то, бѣдная, въ общей комнатѣ, да хоть бы по двѣ васъ помѣстили, одна дежуритъ въ больницѣ, другая въ комнатѣ у себя, отдохнуть могли бы.

— Вотъ придумали, когда мнѣ отдыхать, чулки штопать надо,— смѣялась сестра: у насъ вѣдь всего на всего даютъ три пары чулокъ, двѣ рубашки, два платья, одно ситцевое, другое шерстяное,— скоро-скоро говорила сестра К., точно старалась скрыть свое недовольство.

— Ну, а еще три рубля въ мѣсяць-то забыли?—ядовито прибавила другая сестра, лежа на кровати, и, засмѣявшись, прибавила:

— А изъ нихъ купи зонтикъ на лѣто, а то ударъ хватить, теплый платокъ на зиму, а то голову простудите, перчатки, прибавь бѣлья, такъ какъ двумя рубашками не обойдешься.

— Ну вотъ, слава Богу, хоть на сапоги даютъ, а то бы босикомъ ходили.

— Ну, а когда васъ къ больнымъ на домъ посылаютъ, вѣдь вы же получаете?—уже озлобленно спрашивала я.

— Да что вы, право, смѣтаете, что ли?—опять раздался голосъ сестры съ постели. Она даже привстала.—Не мы получаемъ—получаетъ община за насъ.

— Ну, вы хоть подарки получаете?

— На это мы права не имѣемъ; считается, что сестра служить по призванію,—вставила сестра К.

— Да на одно призваніе жить нельзя. Что же вы молчите? отбивайтесь, требуйте,—горячилась я.

— У кого? отъ кого?..—подошла къ намъ молодая сестра, глаза у нея были заплаканы.

— Вотъ за три года службы попросила отпускъ, дали на мѣсяць, хотѣла на родину поѣхать,—и что же? мнѣ дали 10 руб. 50 коп. столовыхъ,—показывала сестра, разжавъ ладонь:—куда я на это двинусь?

— Позвольте,—говорила я:—а билетъ по желѣзной дорогѣ? Я сама года четыре назадъ ѣхала изъ Ялты съ сестрами, которымъ давали билеты.

— Да, прежде давали, а теперь и этого не даютъ. Вѣдь я устала, я все время работала въ грудномъ отдѣленіи, я хочу отдохнуть. Кончу тѣмъ же, чѣмъ кончила сестра С.,—заражусь и лечиться не на что; мы сестры, даемъ силы, здоровье, а намъ ровно ничего не даютъ, извольте 2½ часа дышать однимъ воздухомъ съ чахоточными, тамъ и ѣшь, тамъ и спишь,—всклипывая, говорила обиженная сестра.

Поговоривъ еще немного съ сестрами, я ушла, заявивъ сестрѣ К., что хочу тоже изучить уходъ за чахоточными, ибо я была въ этомъ отдѣленіи мимоходомъ. Сказать откровенно, я не повѣрила молодой сестрѣ, что ужъ такъ тяжело въ чахоточномъ отдѣленіи, и хотѣла провѣрить.

На другой же день я заявила доктору, что остаюсь въ грудномъ отдѣленіи на помощь дежурной сестрѣ.

-- Зачѣмъ это?—удивленно сказалъ докторъ.—На войнѣ этихъ больныхъ меньше всего.

— Такъ, все хочу пройти,—отвѣчала я.

— Попробуйте,—лаконически отвѣтилъ докторъ.

Въ этотъ же вечеръ я съ сестрой К. (сестры поочередно дежурятъ то во внутреннемъ, то въ легочномъ) вошла въ ту же палату, куда нѣсколько мѣсяцевъ назадъ я входила съ умершей сестрой С. Грустные воспоминанія заставили насъ разговориться о ней съ сестрой К.

-- Да, заразилась бѣдная, не по силамъ ей было,—говорила сестра К.

— А вы не боитесь?—поинтересовалась я.

— Нѣтъ, у меня въ роду не было чахоточныхъ и у самой грудь здоровая, а, впрочемъ, всѣ подъ Богомъ ходимъ,—отвѣчала она:—заразиться не трудно.

Мы стали обходить больныхъ, давая лекарства имъ; кашель, то легкій, то тяжелый, надрывающій душу и грудь, раздавался по палатамъ. Далѣе въ глубинѣ палаты помѣщались больные горломъ; у самой же каморки (т. е. въ комнаткѣ, гдѣ отдыхали сестры за деревянной перегородкой въ той же палатѣ) лежали гангренозные, умирающіе.

Ночь прошла вся въ хлопотахъ, одного разотри --отеки, другого переверни, третьему дай подушку съ кислородомъ; безъ передышки ходили мы и помогали больнымъ съ помощью санитаровъ, которые, сами утомленные, еле бродили, они не успѣвали выспаться, такъ какъ ихъ очередное дежурство было черезъ четыре часа. Наконецъ, въ три часа ночи сестру К. замѣстила другая. Я думала, что сестра К. уйдетъ къ себѣ въ общину, но каково же было мое удивленіе, когда она вошла въ каморку и прилегла тамъ на кровать.

— Да что вы, идите домой,—сказала я:—отдохните тамъ эти три часа.

-- Не имѣю права, должна высидѣть здѣсь 24 часа, вотъ сосну часокъ и освѣжусь,—сказала она, завернувшись въ платокъ. Больной, умирающій, лежалъ рядомъ съ ея изголовьемъ за перегородкой. Запахъ отъ него былъ ужасный, недалеко отъ него другого больного рвало, сестра поддерживала его голову, стараясь другой рукой отстранить свой передникъ, такъ какъ гнойная рвота, попавъ на царанину, является зараженіемъ, да и всякая капля

засохшей вроты, попавшая на платье, волосы, заключаетъ въ себѣ заразныя бациллы.

— Вотъ видите, въ какой обстановкѣ мы сидимъ,—сказала сестра К., поднявшись на постели:—вотъ и усни тутъ. Чѣмъ бы провѣтриться эти три часа, а мы здѣсь дышимъ все тѣмъ же воздухомъ, а днемъ и ѣсть сюда приносятъ.

— Да, теперь я понимаю, что сестра С. могла заразиться, есть отъ чего; я бы здѣсь не могла долго пребыть,—сказала я и, утомленная за ночь, опустилась на стулъ и, положивъ голову на руки, закрыла глаза. Отяжелѣвшія отъ безсонной ночи вѣки точно не хотѣли подняться, но и съ закрытыми глазами въ воображеніи моемъ пробѣгали все тѣ же картины: палаты, уставленныя кроватями, тусклое освѣщеніе, страданье и смерть.

— Да, невеселая ваша жизнь,—сорвалось у меня.

— Это въ одну ночь вы умаялись, а мы-то изо дня въ день, такъ безпросвѣтно впереди,—задумчиво сказала сестра К.—Сегодня какъ завтра—болѣзнь да смерть и нечего ждать, такъ и тянется время—скучно.

Я проработала въ легочномъ отдѣленіи еще три недѣли, заставляя себя ходить туда, чтобы привыкнуть ко всеѣмъ трудностямъ ухода за больными. Каюсь, когда я получила извѣщеніе о томъ, что мнѣ надо уѣхать въ другой госпиталь, чтобы приготовиться къ отвѣтственному положенію, которое я должна была принять на себя для отъѣзда ближе къ центру сраженій, я вздохнула всей грудью, въ предвидѣнны освободиться отъ этого тяжелого отдѣленія и возни не съ больными, а съ той вѣчной мокротой, отъ которой носится зараза въ воздухѣ, въ каждой щели, въ пыльникахъ,—словомъ, всюду.

Наступала весна, погода уже опредѣлилась, и начались приготовления къ переводу очень слабыхъ больныхъ на дачи въ окрестностяхъ, а остальныхъ въ лѣтніе бараки, которые помѣщались здѣсь же, въ саду при госпиталѣ. Хирургическихъ больныхъ переводили въ то новое зданіе, въ которомъ намъ читали лекціи. Переходъ въ бараки считается праздникомъ; утомившись за зиму сидѣть въ душныхъ палатахъ, больные рады были вырваться на воздухъ, потому-то они готовились и о чемъ-то хлопотали.

— Мы тутъ какъ въ тюрьмѣ,—говорили онѣ:—хоть погуляемъ, подъ деревцомъ посидимъ,—и строили планы.

Въ послѣдній день моего пребыванія въ этомъ госпиталѣ я передала своихъ больныхъ другой сестрѣ, волоптеркѣ.

— Ну, пойду, посмотрю вашу лѣтнюю резиденцію,—сказала я больнымъ (послѣднее время я опять перешла въ хирургическое отдѣленіе).

— Подите, подите, сестрица, посмотрите и мнѣ расскажете,—громче всѣхъ, радуясь скорому переходу, кричалъ Николай.

Я вышла въ садъ, тамъ уже собралось нѣсколько сестеръ, онѣ о чемъ-то оживленно разговаривали. «Я пойду на берегъ», говорила одна изъ нихъ. «И я съ вами», подхватила вторая. Сестры скрылись за калиткой, въ которую черезъ минуту санитары стали вносить носилки съ ранеными.

— Что это?—спросила я.

— Идемте, идемте готовить постели для пострадавшихъ, — пробѣгая мимо меня звала сестра П., направляясь къ лѣтнему хирургическому барaku. Мы живо приготовили все необходимое и стали, снимая съ носилокъ, укладывать несчастныхъ обожженныхъ. Оказалось, что больные были жертвами неумѣлаго обращенія плохо подготовленныхъ людей, дѣлавшихъ опытъ подводнаго плаванія. Видъ ихъ былъ ужасенъ: руки, лица, туловища, все было обожжено; вечеромъ въ тотъ же день нѣсколько гробовъ пронесли въ часовню.

Въ такой день, полный неприятныхъ сюрпризовъ, пришлось мнѣ проститься съ госпиталемъ, гдѣ я работала семь мѣсяцевъ въ обществѣ симпатичныхъ людей, въ лицѣ докторскаго персонала и сестеръ милосердія. Всеобщее увлеченіе во время войны, охватившее насъ, сроднило всѣхъ насъ въ одну близкую семью, и грустно было разставаться. Жуткое чувство страха охватывало при мысли, что встрѣтишь тамъ, въ той чужой обстановкѣ, въ которую я должна была войти черезъ нѣсколько недѣль.

Неутѣшительныя вѣсти, доходившія съ поля сраженія, возбуждали въ насъ горячее желаніе какъ можно больше приносить пользы нашимъ трудомъ. Работа въ больницахъ уже не удовлетворяла, насъ тянуло ближе къ центру войны. Ознакомившись съ обязанностью сестеръ милосердія, проработавъ полгода въ столицѣ, многія изъ нашего курса стали хлопотать о назначеніяхъ въ отряды. Для того, чтобы попасть въ отрядъ, надо было пробыть нѣкоторое время въ какой-либо общинѣ, вотъ почему я и принята была въ одинъ изъ большихъ госпиталей въ окрестностяхъ столицы, при которомъ находилась община, гдѣ я и поселилась.

Здѣсь впервые я ознакомилась съ порядками и жизнью сестеръ милосердія. Жизнь не изъ легкихъ. Приходилось съ другими сестрами спать мнѣ въ одной комнатѣ, и тутъ я поняла, какъ тяжела такая совмѣстная жизнь. Часто характеры, привычки людей, живущихъ въ одной комнатѣ, совершенно не сходятся, а приходится вѣчно сталкиваться въ самой интимной обстановкѣ. Утомившись отъ дневного, а еще хуже отъ ночного дежурства, придешь, бывало, хочется уснуть хоть часъ, а тутъ другая сестра или одѣвается, или работаетъ. Хорошо, если двѣ сестры въ одной комнатѣ и если старшая сестра входитъ въ положеніе другихъ сестеръ, тогда она устроитъ такъ, чтобы одна была на дежурствѣ, другая свободна, но такое вниманіе рѣдко со стороны начальства,

и потому сестры не живутъ, а приспособляются, какъ могутъ и умѣютъ, урывая часы отдыха, тогда какъ онѣ должны бы имѣть на него полное право. Возможно, что въ другихъ общинахъ лучшіе порядки, но я попала въ такую, гдѣ все еще было на старинный лады, начиная съ желѣзнаго умывальника съ нѣсколькими кранами надъ общимъ тазомъ, пристроеннымъ въ углу коридора, заставленнаго шкапами, кончая коробочками вмѣсто комнатъ, гдѣ помѣщалось по три, по четыре сестры. Ванны не было совсѣмъ, освѣщеніе скудное. Въ общемъ выходило ни отдохнуть, ни вымыться. Зайдешь, бывало, за шкафъ къ умывальнику и кричишь: «не ходите, не смотрите, дайте умыться», а чтобы уснуть, закроешь голову платкомъ, или положишь на голову подушку. Ыда очень посредственная и далеко не питательная. Жаркое подавалось не часто, все больше каши и пироги. Понятно, что сестры, которыя собираются на войну, должны привыкать къ лишениямъ, но я не могла никакъ сообразить, почему необходимо раньше должнаго срока терять свои силы въ столь не соответствующей, полной лишениій обстановкѣ? Можетъ быть, мнѣ посчастливилось попасть въ такую неуютную общину? Всѣ сестры, видимо, раздѣляли мой взглядъ, хотя я не высказывала его вслухъ: постоянный ропотъ, недовольство обстановкой—слышалось въ разговорѣ между собой. Всѣ недовольны, всѣ томятся, а сообща не рискуютъ объ этомъ сказать и на вопросъ: «Что же вы не заявите?» получался все тотъ же отвѣтъ: «А выгонять, куда пойдешь?» И этотъ страхъ за будущее заставлялъ примиряться и жить изо дня въ день, кой-какъ, безъ удобствъ, безъ права надѣяться на улучшение. Пріѣдутъ, бывало, патронессы, посидятъ въ пріемной, закусятъ, вскользь посмотрятъ помѣщеніе и остаются совершенно удовлетворенными видомъ комнатусекъ съ кроватями, покрытыми бѣлыми пикейными одѣялами. Все чисто, свѣжо, чего же еще? а войдя въ общую спальню, гдѣ было 20 постелей, даже восхищенно восклицаютъ: «Ахъ, какая большая, свѣтлая комната, здѣсь хорошо!» Патронессамъ и въ голову не приходило, что хорошо быть не можетъ тому, кто ни одной минуты не остается одинъ, кто послѣ тяжелаго дня ухода за больными не имѣетъ возможности собрать свои мысли, урегулировать нервы.

Я пріѣхала въ общину рано утромъ. Наскоро устроивъ свой уголь у отведенной мнѣ кровати въ комнатѣ, гдѣ была еще одна сестра, я пошла въ госпиталь принимать палаты. Неотрадное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня. Чтобы сократить путь изъ общины, старшая сестра повела меня по двору и ввела во входъ нижняго этажа зданія. Длинные, грязные, темные коридоры тянулись одинъ за другимъ; по бокамъ въ открытыя двери видны были палаты крестьянскаго и еще какого-то отдѣленія. «Сумрачно, скверно», мелькнуло у меня въ головѣ.

— Гдѣ же тотъ входъ, по которому я шла въ первый разъ?—спросила я.

— А это вы по парадной входили,—отвѣтила мнѣ сестра и ухмыльнулась:—тамъ-то хорошо.

— Да, тутъ скверно,—вырвалось у меня.

Дѣйствительно, я не ожидала ничего подобнаго. Въ первый разъ, когда я вошла въ парадный подъѣздъ съ ковромъ, мнѣ показалось все красивымъ и даже роскошнымъ. Видъ пріемнаго кабинета, находящагося внизу, устланнаго сукномъ, съ тяжелой комфортабельной обстановкой, громаднымъ письменнымъ столомъ, за которымъ сидѣлъ главный докторъ, генералъ, величественно принимавшій, все видѣнное давало право рассчитывать на что-либо очень выдержанное въ дальнѣйшей обстановкѣ и порядкахъ—но увы! За послѣдніе года разившійся обычай обволакивать все туманомъ и неопредѣленностью привился и здѣсь. Чѣмъ глубже вы входили въ тайники порядка этого госпиталя, тѣмъ больше разочаровывались и часто поражались. Но что сильнѣй удивляло свѣжаго человѣка, это то, что въ этомъ учрежденіи всѣ работали, никто, казалось, не лѣнился. Читали доклады, писали рефераты всѣ, начиная съ главнаго доктора, помѣщали статьи въ газетахъ, но вся эта работа происходила точно на сторонѣ, не для этого госпиталя, а по немъ слегка только пролетала, какъ будто вскользь. Снаружи видъ госпиталя былъ грандіозенъ и чистъ; когда же вы входили въ это маленькое государство, какъ его называли, такъ какъ онъ стоялъ на окраинѣ города, огороженъ былъ высокимъ заборомъ, который вмѣщалъ въ себѣ громадный участокъ земли съ садомъ, разными зданіями для служащихъ и бараками для разнохарактерныхъ болѣзней, вплоть до сумасшествія,—что-то васъ тяготило. Въ этомъ огороженномъ участкѣ помѣщалось отъ 5 до 6 тысячъ больныхъ, говорили мнѣ. Какъ бы отрѣзанный отъ общенія съ городомъ, громадный госпиталь велъ свой строй, свои порядки, свою жизнь, и все въ немъ было такъ сумрачно, тоскливо, темно и грязно, что невольно вспоминался веселый видъ той больницы, гдѣ мы работали въ столицѣ. И настроеніе у всѣхъ было какое-то натянутое; казалось, сошлись сюда люди для общаго дѣла, но ничто ихъ не объединяло, всѣ всѣ были другъ другу чужіе. Можетъ быть, это объяснялось тѣмъ, что служба въ этомъ госпиталѣ считалась переходной ступенью къ переводу въ столицу—не знаю, чѣмъ объяснить эту тяжесть, которая охватывала васъ при входѣ въ госпиталь и не покидала за все время пребыванія тамъ. «Какая скука, какая тоска!» слышалось кругомъ.

Старшая сестра познакомила меня съ тѣми палатами, которыя передавала мнѣ; ихъ было двѣ и въ каждой по 20 и 25 больныхъ. Работы было очень много, въ тяжело-больныхъ и умираю-

щихъ недостатка не было. Нѣкоторые больные представляли собою одно туловище—или двухъ ногъ не было, или руки и ноги, или обѣихъ ногъ. Въ особенности часто встрѣчались ампутированные послѣ замерзанія. Ночныя дежурства были очень частыя, причѣмъ въ обязанность дежурной сестры входилъ осмотръ 8 палатъ—значить около 200 больныхъ. Въ такой большой работѣ я еще не бывала, и въ первыя ночи дежурства очень утомлялась. Приучивъ себя ни на минуту не засыпать на дежурствѣ, такъ какъ самый непріятный и даже тяжелый моментъ переживаешь, когда задремлешь и приходится просыпаться на крикъ больного или требованіе санитаря, я всю ночь ходила изъ одной палаты въ другую. Помощниками были 2 санитаря, но къ ихъ помощи стараешься, бывало, прибѣгать въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ, измученные тяжелой работой, они еле бродятъ. Бывало, ищешь, ищешь дежурнаго санитаря, чтобы онъ помогъ перевернуть больного, и находишь его спящимъ гдѣ попало на свободной койкѣ, гдѣ-нибудь въ коридорѣ, въ углу приткнувшася, или въ ногахъ больного.

— Ты опять спалъ,—упрекаешь.

— Ой, сестра, силы нѣту, мочи больше нѣтъ, умаялся, черезъ каждые четыре часа на дежурство иттить надо,—отвѣтитъ санитаръ.

Становилось жаль на него смотрѣть, и думаешь, этихъ солдатиковъ еще больше загнали, чѣмъ сестеръ. Народъ военный, отвѣтитъ не смѣютъ, идутъ, куда назначаютъ; жизнь самая невеселая: въ госпиталѣ тяжелая работа, въ отведенныхъ имъ казармахъ грязь, вонь, ѣда плохая, ни отдыха, ни питанія. Позднѣй, когда я уже привыкла къ ночнымъ дежурствамъ, я отпускала санитаровъ въ палату отдохнуть то одного на два часа, потомъ другого. Такимъ образомъ становилось удобнѣй, такъ какъ работали мы уже вдвоемъ. Ночныя дежурства страшно сдружаютъ какъ больныхъ съ сестрой, такъ и служащихъ между собой. Бродишь, бывало, по длиннымъ коридорамъ, гдѣ съ одного конца не видно, что дѣлается на другомъ, освѣщеніе тусклое, на душѣ тяжело отъ вида больныхъ, ихъ агоніи, отъ стонувъ, отъ вскрикиваній и бреда, которые въ ночной тишинѣ раздаются громче и жалостливѣй. Зайдешь въ одну палату, дашь лекарство, перевернешь, въ другую—перевяжешь, поможешь вытянуть больную руку или ногу, а съ другого конца, гдѣ я оставляла дежурнаго санитаря для наблюденія, пока туда сама дойду, уже бѣгутъ: «Агонія, умираетъ, умеръ, пожалуйте, сестрица». Жуткое чувство охватываетъ васъ. Подойдешь къ умершему, закроешь глаза, покроешь простыней и идешь внизъ къ дежурному врачу заявить о смерти. Кругомъ тихо, надо спускаться внизъ, шаги по каменному полу лѣстницы гулко раздаются, коридоры внизу еще темнѣй, ка-

жутся такими длинными, безконечными, и вдругъ вы слышите навстрѣчу шаги, что-то несутъ, это гробъ на носилкахъ, чтобы забрать покойника изъ палаты.

— Братцы, говоришь, потомъ ко мнѣ навѣрхъ приходите, черезъ часокъ.

— А что, сестрица, испекся,—шутятъ привычные къ этому явленію рабочіе.—Въ какую палату?

Скажешь нумеръ, идешь дальше, вотъ шуршать туфли, больной пробирается въ уборную, храпъ, свистъ, стоны; добираешься до дежурной, заявляешь доктору, съ нимъ возвращаешься въ палату къ умершему. Черезъ нѣсколько времени его забираютъ въ тотъ же переносный гробъ, который часъ назадъ сослужилъ службу его товарищу.

— Ну, ты, легче, ноги не обломи, — говоритъ одинъ работникъ.

— Ничего, на томъ свѣтѣ найдетъ,—отшучивается другой.

— Тише, больныхъ разбудите,—скажешь.

— Пуцай смотреть, и ихъ скоро потащимъ,—состритъ одинъ.

— Полно вздоръ болтать,—остановишь.

— Эка невидаль какая, подымай,—огрызнется другой.

Встряхнуть гробъ и, болтая его изъ стороны въ сторону, потреплютъ по коридору, стуча своими тяжелыми сапогами, гулъ отъ которыхъ раздается, какъ эхо, отражаясь въ другомъ концѣ и постепенно замирая. Унесли, койка пустая—надо будетъ вывѣтрить. Идешь дальше, въ другія палаты,—что это? больной горитъ—не рожа ли? посылаешь за докторомъ, надо во время принять мѣры, разъединить съ другими больными, чтобы не заразилъ. Оказывается подозрѣніе справедливымъ—надо спустить больного внизъ, въ рожистое отдѣленіе. Одинъ санитаръ налицо, гдѣ же другой? Вѣжишь за нимъ—о ужасъ!—онъ, распростертый, лежа на койкѣ только что унесеннаго мертвеца, храпитъ, что называется, во всю глотку.

— Санитаръ!—трепleshь.

— Ай, сестрица, виновать, я больного сторожилъ,—оправдывается заснувшій.

— Аль я его,—остритъ проснувшійся сосѣдъ.

— П . . р . . у . . н . . у . . бредитъ наяву больной, держа руку такъ, точно править.

Подойдешь, привяжешь, чтобы не упалъ.

— Ну, сестрица, поѣхалъ на тотъ свѣтъ,—замѣчаетъ его сосѣдъ, что почти всегда оказывается справедливымъ: если править, ѣздитъ или на ноги смотреть больной, то въ скоромъ времени умираетъ.

— Ну, не сочиняй, спи себѣ,—скажешь.

— Да ужъ вѣрное слово, сестрица, — отвѣтитъ больной и повернется на другой бокъ, чтобы не видѣть бреда сосѣда своего.

Другіе просыпаются, стонуть, нервничаютъ. Еле успѣваешь исполнить ихъ требованія, успокоить, уговорить. На другомъ концѣ подымается суматоха, привезли больного, въ приемной умираетъ. Нужна немедленная операція. Тутъ подымается спѣшка, готовишь свѣжую койку, забѣгаютъ, засуетятся хирургическія сестры, вызванныя по телефону, пріѣзжаетъ хирургъ, и тотъ конецъ коридора, гдѣ находится операціонная, оживаетъ. Проходитъ часть-два; вотъ въ палату на новую койку приносятъ оперированнаго, весь медицинскій персоналъ уходитъ, и вамъ приходится наблюдать за новымъ больнымъ, который послѣ хлороформа часто бываетъ буйный. Когда приходитъ утро и приближается часъ вашей смѣны, вы начинаете считать каждую минуту, секунду; физическое и нравственное утомленіе отъ пережитаго вами за ночь такъ разбиваетъ весь вашъ организмъ, что на ногахъ точно пуды висятъ, въ головѣ странная тяжесть. Такъ хочется отдохнуть. Но вотъ моментъ конца колоссальной работы—вы свободны, идете въ общину. Гдѣ же отдохнуть? гдѣ же вымыться?—ни того, ни другого сестра не получаетъ за неимѣніемъ отдѣльной комнаты и, утомленная, она идетъ въ уголъ, гдѣ стоитъ ея кровать, и, уткнувшись въ подушки, урываетъ два-три часа тревожнаго сна подъ шумъ и говоръ другихъ, а тамъ, къ 10 часамъ, она опять идетъ къ своимъ больнымъ въ палату, остается до двухъ часовъ дня, пока новая дежурная сестра не приметъ всѣхъ больныхъ. И такъ ежедневно.

— А знаете, сестры, я бы не выдержала долго такой жизни: стоны, смерть, бессонныя ночи, отсутствіе отдыха, плохое питаніе и никакого просвѣта въ будущемъ,—сказала я однажды.

— А вотъ видите, годъ проработали, ужъ и не нравится, а мы всю жизнь такъ проводимъ, не даромъ я стала старая въ 35 лѣтъ, видите, сѣдая, сгорбленная, — говорила мнѣ одна изъ старшихъ сестеръ.

— Вы вотъ все говорите о неудобствахъ въ общинѣ, объ отсутствіи ванны, отдѣльной комнаты, а мы ужъ объ такой роскоши и не думаемъ, намъ бы хоть пенсію приличную положили, или въ мѣсяцъ что-либо давали, чтобы прикопить можно было на случай болѣзни или выхода изъ общины,—говорила одна изъ сестеръ, которая отличалась своей жизнерадостностью.

Все, бывало, успѣетъ сдѣлать эта «воструха», какъ ее называли. На ней лежала обязанность обносить больныхъ ѣдой вмѣстѣ съ санитаромъ, который около нея везъ кушанья на платформѣ, поставленной на колеса. Больные капризничаютъ, ворчатъ, а она всѣхъ уговоритъ, все уладитъ и развеселитъ. «Краснымъ солнышкомъ» звали ее больные.

— Сестрица, я больше не могу такъ жить, — вся въ слезахъ влетаетъ однажды «воструха»: — вѣдь онъ мой авторитетъ сестры роняетъ передъ больными, — жаловалась она старшей сестрѣ.

— Это не фельдшеръ ли П.?—спрашиваю я.

— Да, да, онъ оретъ на меня, а за что? За то, что вздумалъ за мной поухаживать, а я сказала, что пожалуюсь доктору. «Жалуйтесь,—говоритъ онъ мнѣ:—докторъ безъ меня не обойдется, я всѣ привычки его знаю, а сестеръ-то много»,—волновалась она, рассказывая.

— Да, сестрица,—вставила и я:—онъ ужасно дерзкій, сегодня онъ и на меня закричалъ за то, что я ему замѣтила, что три дня больнымъ лекарство не выписано и что надписей на доскахъ у кроватей о болѣзни нѣтъ.

— На васъ?—удивилась старшая сестра.

— Да, онъ, видимо, не зналъ, кто я, такъ какъ я еще недавно здѣсь и сталъ кричать: «какъ смѣете вы дѣлать мнѣ замѣчаніе, много васъ тутъ разныхъ сестеръ»,— на это я ему сказала очень строго, «если ты сейчасъ не замолчишь, дерзкій мальчикъ, я донесу главному доктору». Онъ на меня удивленно смотрѣлъ. Вошелъ докторъ и спросилъ, въ чемъ дѣло; я ему сказала. Правда, фельдшеръ П. извинился передо мной, но отъ этого другимъ сестрамъ не легче, докторъ къ нему благоволитъ и всегда на его сторонѣ,—это и я замѣтила.

— Да, вотъ и была такая исторія на югѣ, — отозвалась одна сестра: — изъ-за того, что фельдшеръ преслѣдовалъ сестру Р., а старшая сестра на нее же нападала, дѣвочкѣ некуда было дѣваться—отравилась.

— Безправныя мы, ничего не подѣлаешь, молчать надо, — говорила старшая сестра.

— Сегодня молчать, завтра молчать, да это онѣмѣешь,—кипятилась «воструха».

— И не кипятитесь, все равно то же будетъ,—безнадежно махнула рукой старшая сестра.

— И во всемъ виноваты вы сами, сестры!—сказала я:— если бы вы всѣ разомъ заявили, требовали и не тряслись за будущее, а его отстаивали, вы бы дѣло выиграли.

— Да, въ особенности теперь, когда о сестрахъ такая скверная молва! Что онѣ на войнѣ выкидываютъ! — хорохорилась старшая сестра.—Нѣтъ лучше молчать и терпѣть.

— Тамъ сестры другого сорта,—успокаивала я:—и вѣрьте, что настоящихъ сестеръ отъ авантюристокъ всегда различишь.

— Такъ вотъ у васъ есть рука, похлопайте о насъ,—вмѣшались въ разговоръ сестры, которыя молча слушали: — вы нашу жизнь знаете теперь, помогите намъ, выхлопайте хоть какое-нибудь обезпеченіе.

— И правда,—вмѣшалась «воструха»: — у васъ много знакомыхъ, похлопайте. Право, про насъ больше дурного говорятъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

— Да не про васъ говорятъ, про тѣхъ, которыя за время войны себѣ карьеру дѣлаютъ, не брезгая ничѣмъ.

— Вы видите, какъ мы живемъ, сами видите! — волновалась «воструха».

Я проработала въ этой общинѣ три мѣсяца, при мнѣ пришелъ эшалонъ съ ранеными, ихъ было 500 человѣкъ. Для нихъ были приготовлены лучшія палаты, мы ухаживали за ними усердно, желая помочь поскорѣй выздоровѣть и уйти на родину, въ которую они такъ рвались. Много интереснаго рассказывали они про сраженія подъ Мукденомъ, Лаояномъ, много говорили про храбрость тѣхъ офицеровъ и солдатъ, объ именахъ которыхъ мы и не слыхивали ни до, ни послѣ войны. Память объ этихъ неизвѣстныхъ намъ герояхъ сохраняется навсегда въ сердцахъ тѣхъ солдатъ, которые были съ ними на войнѣ, которые будутъ въ деревняхъ, среди своихъ односельчанъ рассказывать о нихъ, слагать пѣсни, освѣщая ихъ имена той доброй славой, которую они вполне заслужили.

Рассказывали они намъ и про сестеръ милосердія, и изъ характеристики видно было, что русская натура солдата очень чуткая. Они умѣли отличить настоящую сестру отъ авантюристки. «Много, много было тамъ «вертихвостокъ», такъ это развѣ сестры; вотъ сестра Н. была настоящая сестра, ничего, бывало, не боится: летить, бывало, ночью съ фонаремъ изъ одного конца въ другой, темень, зги не видно, хунхузы кругомъ, кричишь ей, бывало: куды сестрица, экую даль одна пойдешь? возьмите хоть солдата. — «Не надо, — отвѣтитъ сестра, — отъ судьбы не уйдешь, а бѣжать надо къ Петрову, у него гангрена на ногѣ развивается, надо что-нибудь сдѣлать», рассказываетъ одинъ. — «Да, одна-то сестра къ больному бѣжитъ, а другая у здороваго офицера сидитъ, — говорилъ другой раненый: — ухъ, я бы такихъ сестеръ... Всякія бывали». «Но вѣдь хорошихъ больше, чѣмъ дурныхъ?» спросишь. — «Да, — говорили солдаты: — много было хорошихъ, добрыхъ, что говорить, очень много».

— Братцы, братцы, нашихъ опять разбили, скоро конецъ войны! — ковыляя на одной ногѣ, кричалъ больной, махая газетой въ воздухъ.

Дѣйствительно, наступалъ періодъ перемирія, нашъ отрядъ разстроился и мнѣ не пришлось ѣхать на войну. Вскорѣ я покинула этотъ госпиталь. Уѣзжая, я простилась со своими больными и на ихъ благодарность за уходъ отвѣтила имъ, что никогда не чувствовала себя такой счастливой, какъ теперь, получая искреннюю благодарность, и я говорила правду.

— Знаете, сестры, — сказала я, прощаясь въ общинѣ: — если у васъ тяжелая обязанность, то есть вознагражденіе въ той благодарности искренней, теплой, которую вы получаете отъ больныхъ.

Никогда еще я не была такъ удовлетворена духовно, какъ за то время, какъ исполняла долгъ сестры милосердія. Но я понимаю, что изъ этой благодарности шубу не сошьешь и сытъ не будешь. Все, что отъ меня зависитъ, я сдѣлаю, чтобы поднять вопросъ объ улучшеніи вашей участи; я буду говорить, писать.

Я исполняю это обѣщаніе теперь, и какъ предлогъ къ этому воззванію, я беру аргументъ, данный мнѣ въ разсказахъ о сестрахъ ранеными солдатами: «Да, много, много было добрыхъ, хорошихъ сестеръ, что и говорить!» говорили они.

Такъ неужели изъ-за одной горсточки тѣхъ авантюристокъ, которыя подъ «бѣлой косынкой» устраивали свои личныя дѣлишки, можно игнорировать судьбой тѣхъ женщинъ, которыя приносятъ такъ много хорошаго и безъ присутствія которыхъ не обойдется ни одна больница въ мирное время, помощь которыхъ на войнѣ является необходимостью. Сестры не только облегчаютъ страданія физическія, онѣ поддерживаютъ, успокаиваютъ тѣхъ, кому доброе слово является нравственнымъ утѣшеніемъ и духовной поддержкой,—такъ не заслуживаютъ ли и онѣ сами лучшей участи?

М. И. Девизъ (Охотина).

КЪ БІОГРАФІИ А. С. ГРИБОЋДОВА.

(Изъ неизданныхъ матеріаловъ Д. А. Смирнова).

МИТРИЙ Александровичъ Смирновъ (1819—1866) родился въ селѣ Сущево, подъ Владимиромъ, въ имѣніи, купленномъ въ 1802 г. его бабкой по матери, Натальей Ѳедоровной Лачиновой (рожденной Грибоѳдовой), у отца автора «Горе отъ ума», дворянина Владимирской губерніи секундъ-майора Сергѣя Ивановича Грибоѳдова. Еще задолго до окончанія перваго отдѣленія философскаго факультета московскаго университета, въ 1841 г., заинтересовался онъ жизнью и дѣятельностью знаменитаго дяди своего Александра Сергѣевича Грибоѳдова (1795 $\frac{4.1}{30.1}$ 1829). Мать Смирнова, Варвара Семеновна, приходилась по матери своей родной (помянутой Натальѣ Ѳедоровнѣ) въ родствѣ съ отцомъ и матерью писателя, принадлежавшими, какъ извѣстно, къ одному и тому же роду Грибоѳдовыхъ, но къ различнымъ его колѣнамъ (отецъ писателя приходился троюроднымъ дядей своей женѣ Настасьѣ Ѳедоровнѣ). Варвара Семеновна подходила по лѣтамъ къ юному поэту и, по выраженію Д. А. Смирнова, «почти что воспитывалась вмѣстѣ съ нимъ». Поэтому самыя интимныя свѣдѣнія о жизни, личности и дѣятельности Грибоѳдова Смирновъ имѣлъ возможность знать еще съ дѣтства. «Любовь къ этой высокой, свѣтлой, такъ рано и такъ мученически погибшей личности запала въ душу мою еще ребенкомъ и не оставляла никогда, напротивъ», признавался за нѣсколько лѣтъ до своей смерти Д. А.

Смирновъ: «она становилась чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй». Онъ зналъ лично Настасью Федоровну, мать писателя, жившую почти безвыѣздно въ Москвѣ и извѣстную тамъ по своему уму и рѣзкости тона († 1833); въ 1840 г. познакомился съ испытаннымъ, вѣрнымъ другомъ его Степаномъ Никитичемъ Вѣгичевымъ (1785—1858), а у него въ домѣ съ докторомъ правъ Богданомъ Ивановичемъ Иономъ, или, какъ его коротко называли, докторомъ Джономъ, прожившимъ съ Грибоѣдовымъ 11 лѣтъ. Эти два старика до конца дней оставались вѣрны памяти А. С. Грибоѣдова и часто, сходясь вмѣстѣ, предавались самымъ задушевнымъ и оживленнымъ воспоминаніямъ о великомъ человѣкѣ. Молодой студентъ, хорошо понимавшій цѣнность ихъ разсказовъ, записывалъ все, что слышалъ. Такимъ образомъ набралась у него «хотя небольшая, но такая тетрадь біографическихъ о Грибоѣдовѣ матеріаловъ, какой, конечно, нигдѣ нѣтъ». Затѣмъ онъ познакомился и разспросилъ о Грибоѣдовѣ такихъ авторитетныхъ свидѣтелей жизни автора «Горе отъ ума», какъ родную его сестру Марію Сергѣевну (по мужу Дурново), Андрея Андреевича Жандра (въ 1858—59 гг.), преданнаго друга и сотрудника въ раннихъ его литературныхъ опытахъ, знаменитыхъ артистовъ М. С. Щепкина и И. И. Сосницкаго, знавшихъ лично страстнаго театрала, какимъ былъ геніальный драматургъ, князя В. Ф. Одоевскаго, двоюроднаго брата Грибоѣдова, С. П. Жихарева, переписывался съ вдовой писателя Ниной Александровной (рожденной княжной Чавчавадзе) и т. п. Весь этотъ болѣе чѣмъ 25-лѣтній трудъ Д. А. Смирнова, дѣлѣвшаго мысль «издать полную книгу о Грибоѣдовѣ, въ которую входила бы возможно полная его біографія, все, что было написано самимъ Грибоѣдовымъ, и все, что было писано о немъ (последнее, какъ особое къ книгѣ приложеніе)»,—почти не увидѣлъ свѣта. Смирновъ страшно медлил съ печатаніемъ собраннаго имъ «богатства», отчасти благодаря службѣ, которая отняла у него въ первыя десять лѣтъ его жизни по окончаніи университета время и силы. (Онъ служилъ сначала въ канцеляріи орловскаго губернатора и былъ откомандированъ въ распоряженіе сенатора, ревизовавшаго Орловскую и Калужскую губерніи, а затѣмъ былъ выбранъ дворянствомъ въ должность засѣдателя владимирской палаты гражданскаго суда. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ мировыхъ посредниковъ). Отчасти ему хотѣлось, какъ и всякому біографу, работающему по первоисточникамъ, собрать все въ большемъ и большемъ количествѣ неизвѣстный матеріалъ о жизни своего знаменитаго дяди, и ему все казалось мало. Отчасти—и едва ли это было не главной причиной—онъ былъ, по собственному признанію, «связанъ» личными отношеніями къ тѣмъ близкимъ Грибоѣдову людямъ, которые пріучили его чтить память поэта и подѣлились съ нимъ всѣмъ, что знали о его жизни и что сберегли отъ его

писательской дѣятельности. Даже единственную, напечатанную при жизни статью въ «Русскомъ Словѣ» (1859 г., №№ 4—6) Д. А. Смирновъ опубликовалъ только послѣ смерти Бѣгичева. Статья эта называется «Черновая тетрадь Грибоѣдова», и ея цѣнность тѣмъ болѣе значительна теперь для біографовъ и издателей сочиненій Грибоѣдова, что подлинникъ, автографъ этой черновой, подаренный Бѣгичевымъ Д. А. Смирнову, сгорѣлъ. Смирновъ чуть не до конца жизни руководился соображеніемъ, что «вполнѣ говорить о Грибоѣдовѣ еще дѣйствительно рано, а говорить о немъ никогда не будетъ поздно»—и потому медлилъ. Тѣмъ временемъ его мысль объ изданіи полной книги о Грибоѣдовѣ осуществилъ, и довольно по тѣмъ временамъ удачно, Евграфъ Серчевскій (А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія. Спб. 1858. Стр. 404). Послѣ выхода этой книги Смирновъ и помѣстилъ въ «Русскомъ Словѣ» вышеназванную «Черновую тетрадь Грибоѣдова», задумавъ и подготовивъ еще двѣ новыя статьи по богатымъ матеріаламъ, хранившимся исключительно въ однѣхъ его рукахъ. Это были «Грибоѣдовъ и его критики», или—какъ называетъ онъ ее въ письмѣ къ князю В. Ф. Одоевскому—«Матеріалы для исторіи «Горе отъ ума», гдѣ сообщались во всѣхъ подробностяхъ: исторія изданія великой комедіи, текстъ ея съ вариантами по рѣдкостному автографу «Горе отъ ума», хранившемуся у С. Н. Бѣгичева, и всѣ появившіяся въ печати критическія о ней статьи. Работа эта «не вчернѣ, а только въ маломъ объемѣ» была написана въ 1858 г. Наконецъ, послѣдней статьёй должны были появиться «Матеріалы для біографіи А. С. Грибоѣдова», гдѣ было что сказать Д. А. Смирнову. Статья эта могла устранить много сомнѣній изъ біографіи писателя и сообщить факты изъ поры его дѣтства и юности, остающіеся и донинѣ неизвѣстными біографамъ, благодаря уtratѣ всего семейнаго архива Грибоѣдовыхъ. Статьи эти, однако, не были напечатаны вовсе. Изъ первой осталось въ рукописи лишь предисловіе къ «Горе отъ ума», написанное авторомъ въ 1851 г., вмѣстѣ съ текстомъ комедіи и вариантами, а изъ второй лишь полемическая статья въ защиту Грибоѣдова противъ обвиненій Д. В. Давыдова въ статьѣ М. Погодина—«А. П. Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи» («Русск. Вѣстн.» 1863, XII). Она напечатана послѣ смерти автора въ «Вѣсѣдахъ Общества Любителей Россійской Словесности» (1868 г., выпускъ 2). Повидимому, автору пришлось считаться и съ интересами времени: въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ общественные и политическіе вопросы такъ овладѣли читающей публикой, что журналамъ было не до историческихъ матеріаловъ, какъ бы драгоценны они ни были, да и спеціальныхъ историческихъ органовъ у насъ въ то время вовсе не существовало. Самъ Д. А. Смирновъ, поддавшись общему теченію, вступилъ вновь на службу въ почетную и интересную должность мирового посредника. Съ читающей публикой онъ

подѣлился въ «Эпохѣ» 1864—65 годовъ своими «Отрывками изъ записокъ мирового посредника», напечатанными подъ псевдонимомъ «Владимиръ Нарпенскій». Въ томъ же журналѣ подъ своей фамиліей ему удалось помѣстить и рассказы историческаго характера подъ заглавіемъ «Изъ старинной бывальщины»: 1) Майданы. 2) Полотенце. 3) Меркулычъ. Еще ранѣе печатался онъ въ «Русской Бесѣдѣ» (1842 г., т. III. Рассказъ «Жизнь и смерть Оомы Ѳедоровича») и въ «Репертуарѣ русскихъ и Пантеонѣ европейскихъ театровъ» (1842 г., кн. XIII, «Проѣздъ черезъ Орель М. С. Щепкина»). Всю жизнь Смирновъ былъ страстный театралъ и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за успѣхами нашей сцены и особенно драматическаго театра. Но матеріалы о Грибоѣдовѣ даже въ 1865 г. Д. А. Смирновъ считалъ невозможнымъ напечатать *всѣ* цѣликомъ, а печатать ихъ отрывками, по частямъ онъ не хотѣлъ, такъ какъ думалъ, что они могутъ получить истинный свой смыслъ и значеніе только во взаимной связи, въ общей сложности картины. Ранняя смерть на 47-мъ году жизни пресѣкла литературную дѣятельность Смирнова. Вдова его Софья Андреевна (рожденная Лихачева—1828—1900), принимавшая всегда самое близкое участіе въ литературныхъ трудахъ мужа, передала послѣ его смерти матеріалы о Грибоѣдовѣ обществу любителей россійской словесности, состоящему при московскомъ университетѣ. Общество, напечатавъ одну указанную выше статью Д. А. Смирнова въ своихъ «Бесѣдахъ» (1868 г., вып. 2), обѣщало напечатать въ слѣдующемъ же выпускѣ «Матеріалы къ исторіи «Горе отъ ума», но почему-то этого не исполнило. Въ 1874 г. рукописнымъ сборникомъ матеріаловъ Смирнова о Грибоѣдовѣ, хранившимся въ обществѣ, пользовался членъ общества, бывший впослѣдствіи его предсѣдателемъ, нынѣ почетный академикъ Алексѣй Веселовскій для статьи «Очеркъ первоначальной исторіи «Горя отъ ума» («Р. Архивъ» 1874 г., кн. 6). Къ сожалѣнію, г. Веселовскій не перечислилъ, изъ какихъ именно бумагъ состоялъ тотъ сборникъ матеріаловъ, которыми онъ воспользовался, и далеко не обстоятельно выдѣлилъ при изложеніи тѣ заимствованія, которыя имъ были сдѣланы изъ этого источника. Правда, названная статья составила изъ рѣчи, которую произнесъ авторъ, но и въ 1875 г., когда А. Веселовскій написалъ для «Русской Библіотеки» (изд. М. М. Стасюлевича, томъ V) біографію Грибоѣдова, онъ опять не сдѣлалъ (за исключеніемъ двухъ мѣстъ на стр. 118 и 191) точныхъ указаній на смирновскіе источники. Не было сдѣлано сносковъ и разъясненій въ этомъ смыслѣ и во второмъ изданіи тома V «Русской Библіотеки» въ 1878 г. Послѣ 1878 года общество и его члены долго не возвращались къ Грибоѣдову, а сборникъ рукописныхъ матеріаловъ тѣмъ временемъ исчезъ изъ библіотеки общества неизвѣстно куда, оставшись научно не использованнымъ. Случилось это, вѣроятно, въ

промежутокъ между 1878 и 1888 г., такъ какъ въ 1889 г., когда этими матеріалами хотѣлъ воспользоваться И. А. Шляпкинъ для редактированнаго имъ изданія «Полнаго собранія сочиненій А. С. Грибоѣдова»,—смирновскихъ рукописей, «несмотря на тщательныя поиски А. Веселовскаго въ бібліотекѣ общества», уже не оказалось. (Шляпкинъ. Полное собраніе сочиненій А. Грибоѣдова. Т. I, стр. 352). Ихъ нѣтъ въ обществѣ и понынѣ. Еще болѣе злая судьба постигла ту часть матеріаловъ о Грибоѣдовѣ, которая осталась по смерти Д. А. Смирнова въ его имѣніи. Здѣсь, кромѣ различныхъ матеріаловъ о Грибоѣдовѣ, принадлежащихъ рукѣ Смирнова, находились подлинники-автографы А. С. Грибоѣдова: «Дмитрій Дрянской»—первое юношеское произведеніе поэта, нигдѣ не напечатанное (содержаніе его рассказано С. Н. Бѣгичевымъ въ его біографической запискѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1892, августъ, стр. 307 и сл.), и помянутая выше «Черновая тетрадь Грибоѣдова», подробно описанная въ «Русскомъ Словѣ» (1859, № 4—6), но, повидимому,—если судить по отрывку изъ нея, какими-то путями попавшему въ рукописное отдѣленіе Публичной бібліотеки (стихотвореніе «Прости, отечество»),—не съ достаточной полнотой использованная для печати. Бумаги эти хранились въ двухъ большихъ портфеляхъ и погибли безвозвратно: онѣ сгорѣли вмѣстѣ съ обширной бібліотекой Д. А. Смирнова во время пожара имѣнія, случившагося около 1877 г. Уцѣлѣло изъ рукописей какимъ-то чудомъ очень немного: 1) фамильные документы, относящіеся до родословной Грибоѣдовыхъ и родственныхъ имъ фамилій, 2) нѣсколько черновыхъ бумагъ Смирнова и копій съ подготовительныхъ матеріаловъ, собранныхъ для біографіи Грибоѣдова, и 3) обширная работа «Объ университетахъ въ Россіи и о 100-лѣтнемъ юбилеѣ московскаго университета». Изъ этихъ матеріаловъ, принадлежащихъ перу Д. А. Смирнова, помѣщены ниже: рассказы С. Н. Бѣгичева, Б. И. Юна, А. А. Жандра и И. И. Сосницкаго. Печатается этотъ матеріалъ съ благосклоннаго разрѣшенія, даннаго намъ сыномъ автора Ю. Д. Смирновымъ.

С.-Петербургъ. Январь 1909.

Н. В. Шаломытовъ.

I.

Разказы С. Н. Бѣгичева и Б. И. Иона. — Арестъ Грибоѣдова по дѣлу 14 декабря. — Дорога съ фельдъегеремъ Уклонскимъ до Петербурга черезъ Москву и Тверь. — Четверостишіе Грибоѣдова о своемъ заключеніи. — Искусство Грибоѣдова очаровывать окружающихъ. — Прогулки Грибоѣдова къ Жандру изъ - подъ ареста по ночамъ. — Случай съ надсмотрщикомъ. — Оправданіе. — Слова императора Николая, сказанныя Грибоѣдову при аудіенціи. — Возвращеніе на Кавказъ. — Паскевичъ ждетъ Грибоѣдова въ Воронежѣ. — Предположенія Грибоѣдова о женитьбѣ на дочери частнаго пристава. — Дѣятельное участіе Грибоѣдова въ персидской кампаніи 1827—28 г.г. — Отношенія къ Аббасу-Мирзѣ. — Личная храбрость на войнѣ.

Любятъ старики Грибоѣдова! Очень любятъ! Цѣлые часы проходятъ иногда въ толкахъ о немъ, въ припоминаніяхъ, самыхъ наивныхъ, самыхъ добродушныхъ, согрѣтыхъ искреннею любовью къ предмету рѣчи—къ Грибоѣдову. И проходятъ незамѣтно. Одинъ—вѣроятно, въ сотый разъ—разсказываетъ другому какой-нибудь случай изъ жизни покойнаго Грибоѣдова, а другой—тоже въ сотый разъ—слушаетъ съ полнымъ вниманіемъ, съ любопытствомъ... И вдругъ что-нибудь покажется слушателю не такъ, и онъ перебиваетъ разсказчика: «Нѣтъ, нѣтъ, постойте! Вы перепугали». И разсказчикъ останавливается. И вотъ начинается споръ: «Это было тогда-то» или «это было такъ-то»... А я, питомецъ новыхъ идей, гражданинъ новыхъ поколѣній, слушаю эти разказы и споры съ голоднымъ вниманіемъ, но—сохрани Боже—не съ голоднымъ вниманіемъ какого-нибудь беллетриста или фельетоннаго нравоописателя, нѣтъ. Я сознаю самъ въ себѣ искреннее глубокое чувство любви къ Грибоѣдову, да, во мнѣ это чувство сознательное, могу сказать, искушенное. И, слушая то, что черезъ... написать страшно. Неужели перо мое осмѣлится опредѣлить ту мѣру дней, которая отпущена на землѣ этимъ двумъ благороднымъ созданіямъ, этимъ двумъ старикамъ¹⁾. Нѣтъ, дай Богъ имъ еще счастливыхъ много дней, какъ сказалъ нашъ Пушкинъ. Да, дай Богъ.

У Бѣгичева семейство: только 13 лѣтъ старшему сыну, а тамъ все малъ-мала меньше, какъ говоритъ русская поговорка. И надо видѣть, какой отецъ, какой умный, добрый и попечительный отецъ этотъ почтенный старикъ Бѣгичевъ. А старикъ Ионъ, докторъ правъ, воспитатель Грибоѣдова. Этотъ старикъ, ученый докторъ, нѣмецъ²⁾, теплая и сама въ себѣ замкнутая душа, оплакалъ какъ-

¹⁾ Неизвѣстно, какихъ лѣтъ былъ Б. И. Ионъ, но С. Н. Бѣгичеву въ 1842 г. было всего 57 лѣтъ.

²⁾ Это указаніе на нѣмецкое происхожденіе Ионы свидѣтельствуетъ, что нѣмцы не переводились въ домѣ Грибоѣдова: 1) Сначала Петровиліусъ, «учительскій халатъ, перстъ указательный, сіяніе гюменца» котораго долго потомъ

то, съ годъ, что ли, тому назадъ, смерть своего попугая. Въ этой почти дѣтской привязанности не видна ли самая гуманическая природа. И старикъ Іонъ написалъ стихи на смерть своего попугая. Надо видѣть ихъ, особенно слышать ихъ говорящими о Грибоѣдовѣ, чтобы ихъ полюбить. Ихъ поэты и фигуры стоятъ иногда кисти Ванъ-Дейка.

1842 года, февраля 27, часовъ въ 10 вечера отправился я къ Бѣгичеву. Я засталъ его и старика Іона бесѣдующими въ кабинетѣ. Приняли меня, какъ и всегда, ласково. Слово за слово рѣчь зашла о Грибоѣдовѣ, и я услышалъ слѣдующее. 14 декабря 1825 года надѣлало, какъ извѣстно, много суматохи въ Россіи. На Грибоѣдова, между прочимъ, тоже пало подозрѣніе правительства. Въ февралѣ ¹⁾ 1826 года прискакалъ въ Грузію къ А. П. Ермолову курьеръ съ повелѣніемъ арестовать Грибоѣдова и отправить немедленно въ Петербургъ. Ермоловъ и Грибоѣдовъ, несмотря на различіе лѣтъ и поста, были связаны тѣсными отношеніями: съ глазу на глазъ они говорили другъ другу «ты». Прискакавшій курьеръ нашель за ужиномъ Ермолова съ гостями, въ числѣ которыхъ былъ и Грибоѣдовъ. Они ужинали запросто, весело и безпечно. Когда доложили Ермолову о пріѣздѣ курьера, онъ вышелъ изъ-за стола и, прочитавши депешу въ другой комнатѣ, возвратился блѣдный и встревоженный и вызвалъ къ себѣ Грибоѣдова. Грибоѣдовъ принялъ полученную Ермоловымъ вѣсть очень равнодушно. «Ступай домой, — сказалъ ему Ермоловъ: — я могу дать тебѣ только 2 часа свободнаго времени, сожги все, что можешь». Грибоѣдовъ отказался упрямо и рѣшительно, онъ не сдѣлалъ ни

не могъ забыть поэтъ. 2) Th. Buhle, оказавшій сильное вліяніе въ университетѣ на автора «Горе отъ ума». 3) В. В. Шнейдеръ, товарищъ университетскій Грибоѣдова, впоследствии профессоръ слб. университета. 4) В. И. Іонъ, ученый педагогъ, любитель театра, былъ даже помощникомъ управляющаго нѣмецкимъ театромъ въ С.-Петербургѣ въ 1819 году. 5) Даже въ 1823 году при Марьѣ Сергѣевнѣ, сестрѣ писателя, была какая-то нѣмка въ московскомъ домѣ Грибоѣдовыхъ, что явствуетъ изъ приписки М. С., сдѣланной на запискѣ А. С. Грибоѣдова къ кн. В. О. Одоевскому: «Mon allemande étant sortie et le livre se trouvait dans sa chambre...» (см. въ рукописномъ отдѣленіи Публичной бібліотеки автографы Грибоѣдова)... Немудрено, что поэтъ воскликнулъ:

«Какъ съ раннихъ лѣтъ привыкли вѣрить мы,
«Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!»

или

«Что ничего нѣтъ выше нѣмца»,

какъ стояло въ первоначальной, московской редакціи «Горе отъ ума».

Н. III

¹⁾ Фельдъегерь Уклонскій съ приказаніемъ арестовать Грибоѣдова прибылъ въ крѣпость Грозную къ А. П. Ермолову не въ февралѣ, а 22 января 1826 г. вечеромъ и на другое же утро увезъ Грибоѣдова.

шагу изъ квартиры Ермолова и велѣлъ принести себѣ туда изъ своей квартиры нужныя вещи, платье, бѣлье, деньги и прямо изъ квартиры Ермолова поскакалъ съ курьеромъ въ Петербургъ¹⁾. Видно, совѣсть была чиста. И въ самомъ дѣлѣ совѣсть его была чиста въ этомъ дѣлѣ. «Я говорилъ имъ, что они дураки»—вотъ слова Грибоѣдова, которыя всегда повторялъ Степанъ Никитичъ, говоря объ отношеніяхъ его къ заговорщикамъ²⁾. Грибоѣдовъ имѣлъ удивительную способность влюблять въ себя все его окружающее. Можно сказать смѣло, что все, что только было около него, любило его. И немудрено: это былъ такой высокій, чистый, человѣчественный характеръ. Еще прежде слыхалъ я отъ Бѣгичева, что товарищи Грибоѣдова по службѣ или, можетъ быть, просто люди знакомые, находившіеся такъ же, какъ и онъ, при особѣ Ермолова, отпуская Грибоѣдова въ Петербургъ съ прискакавшимъ за нимъ курьеромъ, крѣпко-накрѣпко наказывали этому курьеру довести Грибоѣдова цѣла и сохранна, или никогда уже къ нимъ не показываться³⁾: этотъ курьеръ имѣлъ частыя порученія въ Грузію. Грибоѣдовъ, какъ видно, не очень безпокоился о томъ, что его ждетъ въ Петербургѣ, и хотѣлъ ѣхать не иначе, какъ à son aise. А можно ли было такъ ѣхать съ курьеромъ,

¹⁾ Отъ этого указанія на отказъ Грибоѣдова сходить домой Д. А. Смирновъ, повидимому, впоследствии отказался. Въ 1865 г. онъ самъ написалъ: «Грибоѣдовъ ушелъ, и, послѣ назначеннаго срока, Ермоловъ пришелъ арестовать его со всей толпой — съ начальникомъ штаба и адъютантами». (См. «Бесѣды въ О. Л. Р. Слов.», вып. 2. М. 1868. Отдѣленіе 2-е. А. С. Грибоѣдовъ, стр. 22). Единственный очевидецъ ареста Грибоѣдова, рассказавшій объ этомъ («Р. Арх.» 1876, кн. 7, стр. 339—344), Н. В. Шимановскій свидѣтельствуетъ, что бумаги Грибоѣдова уничтожилъ его человѣкъ Алексаша (вѣроятно, Сашка Грибовъ, молочный братъ поэта) въ отсутствіе его, по чьему-то приказанію. Однако часть бумагъ все-таки была отобрана у Грибоѣдова (какъ видно изъ дѣла объ арестѣ колл. асе. Грибоѣдова, сохранившагося въ архивѣ гражданскаго управления на Кавказѣ) и, зашитая въ холстъ, съ печатами присутствующихъ (полковника Мищенко, поручика Талызина и фельдъегеря Уклонскаго) безъ описи сдана подъ расписку Уклонскаго. (Е. Г. Вейденбаумъ. Кавказскіе этюды. Тифлисъ. 1901. Стр. 261—267). О судьбѣ этого пакета см. ниже въ рассказѣ А. А. Жандра. Ср. примѣчаніе мое къ стр. 1052 и сл.

²⁾ Можно предположить, что С. Н. Бѣгичевъ не хотѣлъ съ 23-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ распространяться на политическія темы и выражалъ не Грибоѣдовское, а м. б. личное отношеніе къ заговорщикамъ. Впрочемъ, и позднѣе, въ 1865 году, Смирновъ приводитъ выраженіе Грибоѣдова «сто человѣкъ прапорщиковъ хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи». Тѣмъ замѣчательнѣе приводимое ниже показаніе А. А. Жандра о «полномъ» участіи А. С. Грибоѣдова въ заговорѣ декабристовъ и его объясненіе фразы Грибоѣдова о 100 прапорщикахъ. Д. А. Смирновъ въ 1865 году былъ связанъ словомъ, такъ какъ былъ живъ А. А. Жандръ, повидимому, не разрѣшившій ему печатать своихъ рассказовъ о Грибоѣдовѣ, и потому умалчалъ объ этомъ важномъ разъясненіи друга Грибоѣдова.

Н. III.

³⁾ Въ 1865 году (В. О. Л. Р. С. 1868, стр. 23) прибавлено: «ибо сіе можетъ быть ему (курьеру) вредно».

присланнымъ взять его и доставить въ Петербургъ по подозрѣнію правительства? Однако такъ было, и Грибоѣдовъ ѣхалъ à son aise. Онъ ночевалъ въ Новочеркасскѣ, а какую штуку отшилъ въ Москвѣ, такъ это дѣйствительно можно только съ Грибоѣдовскимъ характеромъ. Вотъ она, по разсказу Бѣгичева. Приѣхавши въ Москву, Грибоѣдовъ проѣхалъ прямо въ домъ Дмитрія Никитича ¹⁾ въ Старой Конюшенной, въ приходѣ Пятницы Божедомской. Онъ не вѣхалъ къ Степану Никитичу, вѣроятно, для того, чтобы не испугать его. Дѣльно! «Въ этотъ самый день,—разсказывалъ Бѣгичевъ,—какъ Грибоѣдовъ приѣхалъ въ Москву, у меня былъ обѣдъ: съѣхались родные ²⁾. Братъ Дмитрій Никитичъ долженъ былъ, разумѣется, обѣдать у меня же въ обществѣ родныхъ. Ждали мы его, ждали—нѣтъ! Съѣли за столъ. Во время самага обѣда мнѣ вдругъ подають отъ брата записку слѣдующаго содержания: «Если хочешь видѣть Грибоѣдова, приѣзжай, онъ у меня». На радостяхъ, ничего не подозрѣвая, я бухнулъ эту вѣсть за столомъ во всеуслышаніе. Зная мои отношенія къ Грибоѣдову, родные сами стали посылать меня на это, такъ неожиданно приспѣвшее свиданіе. Я отправился. Вхожу въ кабинетъ къ брату. Накрываетъ столъ, сидитъ и обѣдаетъ Грибоѣдовъ, братъ и еще безволосая фигурка въ курьерскомъ мундирѣ ³⁾. Увидаль я эту фигурку и меня обдало холоднымъ потомъ. Грибоѣдовъ смекнулъ дѣломъ и сей же часъ нашелся. «Что ты смотришь на него?» сказалъ мнѣ Грибоѣдовъ, указывая на курьера. «Или ты думаешь, что это такъ просто курьеръ? Нѣтъ, братецъ, ты не смотри, что онъ курьеръ, онъ знатнаго происхожденія: испанскій грандъ Донъ-Лыско-Плѣшивосъ-ди-Париченца». Этотъ фарсъ размѣшилъ меня своею неожиданностью и показалъ, въ какихъ отношеніяхъ находится Грибоѣдовъ къ своему тѣлохранителю. Мнѣ стало легче. Отобѣдали, говорили. Грибоѣдовъ былъ веселъ и покоенъ какъ нельзя больше. «Ну, что, братецъ,—сказалъ онъ наконецъ своему тѣлохранителю:—вѣдь у тебя здѣсь есть родные, ты бы съѣздилъ повидаться съ ними». Тѣлохранитель былъ очень радъ, что Грибоѣдовъ его отпускаетъ, и сейчасъ же уѣхалъ. Мы остались одни. Первымъ моимъ вопросомъ Грибоѣдову было удивленіе, какими судьбами и по какому праву распоряжается онъ такъ своевольно и временемъ, которое уже не принадлежало ему, и особою своего

¹⁾ Дмитрій Ник. Бѣгичевъ (1786—55), небезызвѣстный писатель, впоследствии воронежскій губернаторъ и сенаторъ, былъ сослуживцемъ Грибоѣдова, занимая должность правителя канцеляріи при своемъ дядѣ, начальникъ кавалерійскихъ резервовъ въ 1812—14 годахъ, генералъ-аншефъ А. С. Кологривовъ, адъютантами котораго были С. П. Бѣгичевъ и А. С. Грибоѣдовъ.

²⁾ Въ 1865 году послѣ этихъ словъ добавлено: «проводить брата моей жены А. И. Барышникова, возвращавшагося изъ отпуска на службу».

³⁾ Фельдшеръ Уклонскій, впоследствии почтмейстеръ въ Гатчинѣ.

тѣлохранителя. «Да, что, — отвѣчалъ мнѣ Грибоѣдовъ: — я ска-
залъ этому господину, что если онъ хочетъ довести меня живого,
такъ пусть дѣлаетъ то, что мнѣ угодно. Не радость же мнѣ въ
тюрьму ѣхать». Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Москву въ 4 часа ¹⁾,
около обѣда, а выѣхалъ въ 2 часа ночи. «На третій день, — при-
бавляетъ Бѣгичевъ, — послѣ проѣзда Грибоѣдова черезъ Москву я
былъ у его матери Настасьи Ѳедоровны, и она съ обычной своей
заносчивостью ругала Грибоѣдова: «карбонарій» и то, и се, и де-
сятое. Проѣздомъ черезъ Тверь, какъ я отъ него узналъ послѣ,
онъ опять остановился: у тѣлохранителя была въ Твери сестра, и
они вѣхали къ ней. Къ счастью и несчастью Грибоѣдова, онъ,
войдя въ комнату, увидѣлъ фортеціано и, глубокій музыкантъ въ
душѣ, ученый теоретикъ ²⁾, онъ не могъ вытерпѣть и сѣлъ за фор-
теціано. Девять битыхъ часовъ его не могли оторвать отъ инстру-
мента. Въ Петербургѣ Грибоѣдова засадили въ главный штабъ.
Скучно стало тамъ сидѣть Грибоѣдову. Можетъ быть, сознание
правоты своего дѣла еще усилило эту томительную однообразную
скуку и придало тотъ рѣзкій и желчный характеръ, которымъ
такъ обличается всякое выраженіе Грибоѣдова. Вотъ четверости-
шіе, сказанное имъ въ этомъ грустномъ заключеніи:

По духу времени и вкусу
Я ненавиждѣлъ слово рабъ:
Меня позвали въ главный штабъ
И потянули къ Иисусу ³⁾.

Но и тутъ очарованіе личнаго характера Грибоѣдова не исче-
зло. Можетъ быть, тутъ-то оно и проявилось въ высшей степени.

¹⁾ По редакціи 1865 года: «около 4 часовъ пополудни» (вѣроятно, 7—8 фе-
вря 1826 г.).

²⁾ М. И. Глинка цѣнилъ музыку А. С. Грибоѣдова. Въ своихъ запискахъ
онъ отмѣчаетъ (1828 г.): «Провелъ около цѣлаго дня съ Грибоѣдовымъ, авто-
ромъ комедіи «Горе отъ ума». Онъ былъ очень хорошій музыкантъ и сооб-
щилъ мнѣ тему грузинской пѣсни, на которую вскорѣ потомъ А. С. Пушкинъ
написалъ романсъ: «Не пой, волшебница, при мнѣ»... (См. «Записки М. И. Глинки».
Спб. 1887, стр. 48). До сихъ поръ исполняется на сценѣ при постановкѣ «Горе
отъ ума» вальсъ сочиненія автора (см. «Историческій Вѣстн.» 1889, мартъ,
«Воспоминанія о Бѣгичевѣ» Е. П. Соковниной, стр. 672 и сл.). Два вальса
А. С. Грибоѣдова были напечатаны еще въ «Лирическомъ альбомѣ» на 1832 годъ
(стр. 26 и 27). Вдова Грибоѣдова Нина Александровна знала много пьесъ
собственной композиціи мужа, весьма замѣчательныхъ оригинальностью мелодіи
и мастерскою обработкою. Она охотно исполняла ихъ любящимъ музыку. «Изъ
нихъ въ особенности была хороша одна соната, исполненная задушевною пре-
дести». Пьесы эти остались незаписанными, и Нина Александровна унесла ихъ
съ собою въ могилу. (См. № 34 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», 1879 г., фелъ-
тонъ К. Вороздина—Н. А. Грибоѣдова). Н. III.

³⁾ Любопытно отмѣтить, что даже въ 1865 г. Д. А. Смирновъ, несмотря на
то, что считалъ это четверостишіе общеизвѣстнымъ, находилъ, что его «неудобно»
печатать, и не привелъ его. (См. В. О. П. Р. С. 1868, стр. 20).

Правъ или нѣтъ былъ Грибоѣдовъ, но онъ все-таки содержался по подозрѣнію, все-таки былъ арестантомъ, и, Боже мой, какое было дѣло надсмотрщику, этой ходячей машинѣ, едва-едва разумѣющей приказанія начальства и только разумѣющей одно исполненіе, — какое ему было дѣло до личныхъ интересовъ арестанта. Какъ могъ онъ почувствовать какое-нибудь участіе къ одному изъ многаго множества своихъ кліентовъ? Вотъ что объ этомъ времени жизни Грибоѣдова рассказывалъ Бѣгичевъ: «Я сказалъ уже, что Грибоѣдовъ былъ глубокой музыкантъ и, сидя въ главномъ штабѣ, онъ такъ очаровалъ своего надсмотрщика, что тотъ выпускалъ его всякую ночь подышать сѣвернымъ воздухомъ, и Грибоѣдовъ всякую ночь ходилъ въ домъ Жандра ужинать и играть на фортепіано»¹⁾. Бѣгичевъ черезъ Жандра послалъ Грибоѣдову 1000 рублей. Да, вотъ до какой степени простиралась привязанность этого надсмотрщика къ Грибоѣдову и до чего доводила Грибоѣдова томительная скука заключенія. Вотъ еще фактъ и пресмѣшной. Я слышалъ это отъ Степана Ник. Бѣгичева. Грибоѣдовъ сидѣлъ въ одной и той же комнатѣ вмѣстѣ съ тремя, кажется, другими лицами не изъ сильно заподозрѣнныхъ. Разъ Грибоѣдовъ такъ сильно озлобился на свое положеніе, что громко разругалъ все и всѣхъ, кого только было можно, и выгналъ своего надсмотрщика, пустивъ въ него чубукомъ съ трубкой. Товарищи заключеннаго такъ и думали, что Грибоѣдовъ послѣ этой отчаянной вспышки погибъ. И ничего не было вѣроятнѣе. Однако, что же вышло? До какой степени привязался къ нему надсмотрщикъ? Черезъ полчаса или менѣе послѣ того, какъ Грибоѣдовъ пустилъ въ него чубукомъ, дверь полурастворилась, и надсмотрщикъ спрашиваетъ: «Александръ Сергѣевичъ, что вы еще сердиты, или нѣтъ?» Это разсмѣшило Грибоѣдова.

— Нѣтъ, братецъ, нѣтъ,—закричалъ онъ ему.

— Къ вамъ можно войти?

— Можно.

— И чубукомъ пускаться не будете?

— Нѣтъ, не буду.

Вотъ что дѣлалъ и что дѣлалось съ Грибоѣдовымъ во время его невольнаго затворничества. Оно продолжалось довольно долго. Грибоѣдовъ высидѣлъ 4 мѣсяца, пока тянулось слѣдствіе. Онъ былъ оправданъ, и государь призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему: «Я былъ увѣренъ, Грибоѣдовъ, что ты не замѣшанъ въ этомъ

¹⁾ Это удостовѣряетъ и самъ А. Жандръ. Вѣроятно, это было, однако, не въ первый мѣсяцъ ареста—періодъ письменныхъ сношеній краткими записочками съ Булгаринымъ, бывавшимъ ежедневно въ типографіи, гдѣ печатались изданія Н. И. Греча, неподалеку отъ главнаго штаба, на углу Невскаго и Морской.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1909 г., т. сху.

дѣлѣ. Но если тебя взяли наравнѣ съ другими, это была необходимая мѣра. Отправляйся къ мѣсту своей службы. Жалую тебя надворнымъ совѣтникомъ и даю для проѣзда двойные прогоны»¹⁾). Милость государя была чувствительна для Грибоѣдова. Онъ попросилъ у царя листъ о пожалованіи его чиномъ²⁾ и выдачѣ двойныхъ прогоновъ. Государь не отказалъ въ этой просьбѣ. Гдѣ этотъ листъ, куда онъ дѣвался, неизвѣстно. Грибоѣдовъ отправился къ своему посту вмѣстѣ съ Паскевичемъ, который былъ посланъ наблюдать, а впослѣдствіи и смѣнить знаменитаго Ермолова. Обстоятельства случайно поставили Грибоѣдова между ними. Связанный съ Паскевичемъ узами родства, онъ былъ связанъ съ Ермоловымъ узами дружбы. Зная скрытую цѣль поѣздки Паскевича, Грибоѣдовъ по врожденному чувству деликатности не желалъ³⁾, по крайней мѣрѣ, пріѣхать къ Ермолову вмѣстѣ съ Паскевичемъ. Для этого онъ отправился въ деревню къ Бѣгичеву, предварительно сказавши Паскевичу, что догонитъ его въ Воронежѣ. Грибоѣдовъ былъ твердо увѣренъ, что Паскевичъ не дождется его, однако тотъ дождался.

Не знаю, именно сколько времени пробылъ Грибоѣдовъ въ этотъ проѣздъ у Бѣгичева⁴⁾. Но, кажется, сюда слѣдуетъ отнести слѣдующій фактъ. «Я было чуть-чуть не женился въ Москвѣ», сказалъ Грибоѣдовъ Бѣгичеву. Это немножко удивило Бѣгичева. И вотъ Грибоѣдовъ рассказываетъ ему, что встрѣтилъ въ Москвѣ дочь какого-то частнаго пристава, которая похожа лицомъ на жену

¹⁾ Высочайшая аудіенція Грибоѣдову была дана, вѣроятно, 2 іюня 1826 года. Императору Николаю былъ лично извѣстенъ Грибоѣдовъ еще въ бытность его великимъ княземъ (см. письмо Грибоѣдова къ Бѣгичеву отъ 10 іюня 1824 года: «вчера я пришелъ у Паскевича великаго князя Николая Павловича»...).

²⁾ Вѣроятно, рѣчь идетъ не о листѣ о пожалованіи чиномъ, а объ «очистительномъ аттестатѣ», который дѣйствительно былъ выданъ при освобожденіи Грибоѣдову.

³⁾ Д. А. Смирновъ слышалъ даже отъ Марьи Сергѣевны, сестры писателя, что Грибоѣдовъ вовсе не хотѣлъ ѣхать служить къ Паскевичу. Онъ сообщилъ въ 1865 г. «очень немногимъ извѣстный фактъ», за достовѣрность котораго вполнѣ ручался, такъ какъ слышалъ его изъ устъ сестры А. С.: «Матушка никогда не понимала глубокаго сосредоточеннаго характера Александра, а всегда желала для него только блеска и вѣщности. Вотъ что она разъ съ нимъ сдѣлала: братъ рѣшительно не хотѣлъ ѣхать служить къ Паскевичу. Матушка какъ-то пригласила его съ собой помолиться къ Иверской Божьей Матери. Пріѣхали, отслужили молебень. Вдругъ матушка упала передъ братомъ на колѣна и стала требовать, чтобы онъ согласился на то, о чемъ она будетъ просить. Растроганный, взволнованный, онъ далъ слово. Тогда она обливала ему, чтобы онъ ѣхалъ служить къ Паскевичу. Дѣлать было нечего, онъ поѣхалъ» (Б. О. Л. Р. С. 1868, вып. 2, стр. 25).

⁴⁾ Бѣгичевъ говоритъ, что Грибоѣдовъ въ началѣ августа (1823) былъ у него въ деревнѣ на 1 день. «Онъ спѣшилъ съѣхаться съ ген. Паскевичемъ въ Воронежѣ». («Р. Вѣстникъ», 1892, авг., стр. 314).

его Анну Ивановну, и даже задумалъ было жениться. Грибоѣдовъ очень уважалъ Анну Ивановну¹⁾.

Какъ велико было участіе Грибоѣдова въ послѣдней персидской войнѣ (1826—28 гг.), объ этомъ мы говорить не станемъ. Жаль, а такъ всегда дѣлается, что слава принадлежитъ не главному, а старшему. Впрочемъ, такъ и быть должно. Превосходно знавшій персидскій бытъ и самый духъ народа и даже самую мѣстность, другъ Аббаса-Мирзы, Грибоѣдовъ былъ правою рукою Паскевича: и не будь этой руки, мы, можетъ быть, увидали бы, что Паскевичъ не... Всѣ движенія къ Аббасъ-Абаду, Эчміадзину и даже къ самой Эривани были подвигнуты рѣшительностью Грибоѣдова, который безпрестанно, такъ сказать, толкалъ впередъ Паскевича, не знавшаго ни персіянъ, ни мѣстности. Вотъ примѣръ. Когда Аббасъ-Мирза затворился въ Эривани, Паскевичъ, зная личныя отношенія Грибоѣдова къ персидскому наслѣднику, послалъ Грибоѣдова къ Аббасъ-Мирзѣ съ такого рода мирными предложеніями, на которыя послѣдній не согласился. Что же вышло? Грибоѣдовъ увидѣлъ, въ какомъ положеніи находилась Эривань; возвратясь, настоялъ на томъ, чтобы двинуться къ ней, общія успѣхъ вѣрный. Эривань была взята, и Паскевичъ получилъ титуло Эриванскаго²⁾.

Объ отношеніяхъ Грибоѣдова къ Аббасу-Мирзѣ должно сказать, что наслѣдникъ до такой степени привязался къ Грибоѣдову, что мѣшалъ даже ему заниматься дѣлами, или безпрестанно требуя его къ себѣ, или самъ приходя къ нему. «Мнѣ нѣтъ другого средства, какъ сказаться больнымъ, чтобы заниматься», говорилъ Грибоѣдовъ Іону.

¹⁾ Объ этой попыткѣ Грибоѣдова въ 1826 г. жениться на дочери частнаго пристава нѣтъ нигдѣ указаній въ біографической о немъ литературѣ.

²⁾ По редакціи 1865 г. (Б. О. Л. Р. С. 1868, вып. 2, стр. 26) Д. А. Смирновъ еще сильнѣе подчеркиваетъ участіе А. С. Грибоѣдова въ персидской войнѣ 1826—28 гг. «Съ половины мая 1827 г. мы видимъ Грибоѣдова въ персидскомъ походѣ съ Паскевичемъ. Пишущему эту статью положительно извѣстно то совершенно дѣятельное участіе, которое принималъ Грибоѣдовъ не только въ заключеніи туркманчайскаго договора, бывшаго именно созданіемъ Грибоѣдова, но и въ самомъ ходѣ кампаніи. Съ Паскевичемъ, близкимъ родственникомъ и челоувѣкомъ, который былъ ближе къ нему по лѣтамъ, Грибоѣдовъ могъ говорить свободнѣе, чѣмъ съ Ермоловымъ. Онъ безпрестанно старался приводить въ дѣйствіе главную пружину дѣла—«не уважать непріятели, который того не стоитъ». Движенія къ Аббасъ-Абаду, даже къ самой Эривани были слѣдствіемъ личныхъ, самыхъ убѣдительныхъ настояній Грибоѣдова. Во время этой войны явились во всемъ блескѣ его огромныя дарованія, вполнѣ обработанныя многосторонней правильной образованностью, его дипломатическій тактъ и ловкость, его способность къ труду, огромному, сложному и требующему большихъ соображеній».

Многіе ли также знаютъ о хладнокровной храбрости Грибоѣдова. Докторъ Іонъ мнѣ сказывалъ, что Паскевичъ въ письмахъ своихъ¹⁾ въ Москву жаловался, что «слѣпой (Грибоѣдовъ былъ очень близорукъ), не внимая никакимъ убѣжденіямъ, развѣзжаетъ себѣ въ первыхъ рядахъ подѣ пулями».

II.

Свиданіе съ докторомъ правъ Б. И. Іономъ 2 марта 1842 г.—Дуэль изъ-за танцовщицы Истоминой Шереметева съ гр. Завадовскимъ.—Причина дуэли.—Ночной визитъ Истоминой къ Завадовскому и Грибоѣдову при содѣйствіи послѣдняго.—Вмѣшательство Якубовича.—Описаніе дуэли на Волковомъ полѣ.—Смертельная рана Шереметева.—Слова Каверина.—Угроза Якубовича.—Встрѣча Грибоѣдова съ Якубовичемъ въ Тифлисѣ.—Дуэль.—Грибоѣдовъ и Якубовичъ ранены.—Причины катастрофы 30 января 1829 г.—Укрывательство въ посольскомъ домѣ русской подданной.—Лакеи Грибоѣдова и персидскія женщины.—Самозащита Грибоѣдова передъ смертью.—Встрѣча съ Булгаринимъ.

Это было въ 1817 г. Истомина была извѣстная танцовщица на петербургской сценѣ. Какъ всѣ театральныя героини, а тѣмъ болѣе балетныя божества, Истомина имѣла поклонниковъ и обожателей. Счастливейшимъ изъ нихъ былъ Вася Шереметевъ (не графъ). Этому Васѣ, *traditur*, досталась она *intacta*: пусть такъ, но дѣло вотъ въ чемъ. Грибоѣдовъ и Іонъ жили вмѣстѣ. Іонъ въ это время сдѣлался директоромъ нѣмецкаго театра въ Петербургѣ и переселился куда-то поближе къ театру²⁾. Грибоѣдовъ переѣхалъ къ Завадовскому. Истомина бывала часто въ квартирѣ Грибоѣдова вмѣстѣ со своимъ обожателемъ, и всѣ трое обходились *en ami*³⁾. Грибоѣдовъ и не думалъ ухаживать за Истоминой и мѣтить на ея благосклонность, а обходился съ нею запросто по-пріятельски и короткому знакомству. Переѣхавши къ Завадовскому, Грибоѣдовъ послѣ представленія взялъ по старой памяти⁴⁾ Истому въ свою карету и увезъ къ себѣ въ домъ Завадовскаго. Какъ въ этотъ же самый вечеръ пронюхалъ нѣкто Якубовичъ, храброе и буйное

¹⁾ Эти письма были адресованы къ родной теткѣ жены Паскевича (Елизаветы Алексѣевны)—къ Настасѣѣ Оедоровнѣ Грибоѣдовой. Указаніе на Іона, какъ на первоисточникъ этого свидѣтельства, сдѣлано впервые.

²⁾ Въ архивѣ дирекціи императорскихъ театровъ мы не нашли, однако, подтвержденія на это указаніе. Б. И. Іонъ въ 1817 г. совсѣмъ не упоминается въ документахъ, касающихся нѣмецкаго театра. Мы нашли его подпись только съ 1819 года.

³⁾ Еще за годъ до дуэли (9 ноября 1816 г.) Грибоѣдовъ писалъ изъ Петербурга С. Н. Вѣгичеву: «Въ воскресенье я съ Истоминой и съ Шереметевымъ ѣду въ Шустерклубъ, вабы ты былъ здѣсь, и ты бы съ нами дурачился».

⁴⁾ На самомъ дѣлѣ Грибоѣдовъ, зная о разрывѣ Шереметева съ Истоминой, привезъ ее въ домъ къ Завадовскому, гдѣ они втроемъ провели вечеръ. А по неопубликованному домашнему и. д. оберъ-полицеймейстера, представленному министромъ полиціи государю, Истомина у Завадовскаго «ночевала двѣ ночи».

животное, этого не знаютъ. Только Якубовичъ толкнулся сейчасъ же къ Васѣ Шереметеву и донесъ ему о случившемся, прибавляя, что Грибоѣдовъ привезъ Истомину къ Завадовскому и, стало быть, для него хлопочетъ. Пьяные прикатили въ домъ къ Завадовскому Якубовичъ съ Шереметевымъ, завязалась ссора, и дѣло дошло до картели. Завадовскій и Шереметевъ должны были стрѣляться. На мѣсто дуэли ¹⁾ вмѣстѣ съ Завадовскимъ поѣхали Грибоѣдовъ, Іонъ и еще кое-кто. Барьеръ былъ на 12 шагахъ. Первый стрѣлялъ Шереметевъ и слегка оцарапалъ Завадовскаго: пуля пробила бортъ сюртука около мышки. По вѣчнымъ правиламъ дуэли Шереметеву должно было приблизиться къ дулу противника еще на 5 шаговъ. Онъ подошелъ. Тогда многіе стали довольно громко просить Завадовскаго, чтобы онъ пощадилъ жизнь Шереметеву. «Я буду стрѣлять въ ногу», сказалъ Завадовскій. «Ты долженъ убить меня, или я рано или поздно убью тебя», сказалъ ему Шереметевъ, услышавшій эти переговоры. «Chargez mes pistolets», прибавилъ онъ, обращаясь къ своему секунданту. Завадовскому оставалось только честно стрѣлять по Шереметеву. Онъ выстрѣлилъ, пуля пробила бокъ и прошла черезъ животъ, только не навывлетъ, а остановилась въ другомъ боку. Шереметевъ навзничъ упалъ на снѣгъ и сталъ нырять по снѣгу, какъ рыба. Видѣть его было жалко. Но къ этой печальной сценѣ примѣшалась черта самая комическая. Изъ числа присутствовавшихъ при дуэли былъ Каверинъ, красавецъ, пьяница, шалунъ и такой сорвиголова и бреттеръ, какихъ мало. Онъ служилъ когда-то адъютантомъ у Бенигсена и проказилъ въ Гамбургѣ до того, что былъ цѣлому городу и околотку извѣстенъ подъ именемъ «краснаго гусара». Бенигсенъ долженъ былъ послѣ спровадить эту удалую голову, потому что отъ нея никому житья не было. Когда Шереметевъ упалъ и сталъ въ конвульсіяхъ нырять по снѣгу, Каверинъ подошелъ и сказалъ ему прехладнокровно: «Вотъ те, Васька, и рѣдька!» ²⁾ Пуля легко была вынута тутъ же припасеннымъ медикомъ. Якубовичъ взялъ эту пулю и, положивъ ее въ карманъ, сказалъ Завадовскому: «Это тебѣ». Шереметевъ прожилъ послѣ дуэли немного болѣе сутокъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ видѣть Грибоѣдова и когда тотъ пріѣхалъ къ нему, то Шереметевъ просилъ у него прощенія и помирился съ нимъ ³⁾. Отецъ Шереметева, зная распутную жизнь

¹⁾ На Волковомъ полѣ 12 ноября 1817 г., въ 2 час. пополудни.

²⁾ См. ниже въ бесѣдѣ съ Жандромъ поправку и объясненіе этого выраженія Каверина.

³⁾ Объ этомъ примиреніи не упоминаетъ ни одинъ біографическій источникъ. Письмо самого А. С. Грибоѣдова къ С. Н. Бѣгичеву объ этой дуэли не сохранилось (вѣроятно, оно уничтожено самимъ же Бѣгичевымъ). Въ немъ Грибоѣдовъ писалъ, что «на него нашла ужасная тоска, онъ видѣтъ безпрестанно передъ глазами умирающаго Шереметева, и пребываніе, въ Петербургѣ сдѣлалось для него невыносимо».

сына, объяснилъ государю, что ожидалъ своему сыну подобнаго конца, и просилъ простить всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ. Государь простилъ всѣхъ, но поджога Якубовичъ былъ сосланъ на Кавказъ. Еще до отъѣзда онъ въ разговорахъ съ другими грозилъ, что Грибоѣдову эта шутка не пройдетъ даромъ. Судьба велѣла Грибоѣдову встрѣтиться съ Якубовичемъ на самомъ, такъ сказать, первомъ шагу въ Тифлисъ, потому что очень скоро послѣ этого дѣла Грибоѣдовъ былъ тамъ, отправясь на службу. Только что онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ и вошелъ въ какую-то ресторацію, какъ чуть ли не на лѣстницѣ встрѣтился съ Якубовичемъ. Грибоѣдовъ сказалъ ему, что слышалъ объ его угрозахъ, и просилъ раздѣлки. Они стрѣлялись¹⁾. Якубовичъ былъ легко раненъ. Грибоѣдову пуля прошибла ладонь лѣвой руки близъ мизинца. Послѣ, чтобы играть на фортепіано, онъ долженъ былъ заказать себѣ особую аппликатуру.

Причина ужасной, мученической смерти Грибоѣдова все еще остается непроницаемой тайной. Убили русскаго посланника—и пусть его убила азіатская чернь, все-таки это фактъ небывалый. Между условіями мира, заключеннаго Россіей съ Персіей, было слѣдующее: всѣмъ русскимъ, желающимъ возвратиться въ отечество, персидское правительство должно было давать свободный пропускъ безъ малѣйшей задержки и насилія. Въ числѣ женъ одного персіяннина была русская, которая пожелала возвратиться на родину. Персіяннинъ не пускалъ ее. Она ушла отъ него, и Грибоѣдовъ принялъ ее въ посольскій домъ. Въ народѣ дикомъ это возбудило негодованіе, которое, однако, держалось скрытно, въ состояніи глухого возмущенія, до слѣдующаго случая. Разъ въ базарный день лакеи Грибоѣдова затронули что-то персидскихъ женщинъ. Искра попала въ порохъ. Пошла рѣзня. Приступили къ дому Грибоѣдова. Онъ, видя опасность, кинулся навстрѣчу бунтующей черни съ пистолетами и ятаганомъ, но, увидѣвши превосходство цѣлой массы, скрылся и заперся въ какой-то бесѣдкѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими русскими. Бесѣдку подожгли. Разломали ли у этой бесѣдки двери, растворилъ ли ихъ самъ Грибоѣдовъ, неизвѣстно. Извѣстно только, что когда приспѣлъ отрядъ шаховой гвардіи подъ начальствомъ капитана для усмиренія черни,

¹⁾ Объ этой дуэли см. у Грибоѣдова (Полн. собр. сочин. подъ ред. И. Шляпкина. Спб. 1889, т. I, стр. 29—30 и 47): «Ты мнѣ пеняешь, зачѣмъ я не увѣдомляю тебя о прострѣленной моей рукѣ? Стоитъ ли того, другъ мой. Еще бы мнѣ удалось раздробить ему плечо, въ которое мѣтилъ! А то я же заплатилъ за свое дурачество. Судьба... Въ тотъ самый день, въ который... Ну, да Богъ съ нимъ! Пусть стрѣляетъ въ другихъ, моя прошла очередь». Вѣроятно, дуэль Якубовича съ Грибоѣдовымъ происходила 12 ноября 1818 г., т. е. ровно черезъ годъ послѣ дуэли Шереметева съ Завадовскимъ.

Грибоѣдовъ и всѣ русскіе, въ томъ числѣ 150 человекъ казаковъ, составлявшихъ почетный караулъ Грибоѣдова, погибли. Шахъ наложилъ на дворъ трехдневный трауръ. Хозревъ-Мирза, какъ извѣстно, былъ въ Россіи для личнаго объясненія съ государемъ, но Грибоѣдова уже не стало...

Черезъ годъ послѣ пріѣзда въ Петербургъ я встрѣтился (19 ноября 1842 г.) съ Булгаринымъ у Межевича, къ которому пріѣхалъ обѣдать. Булгаринъ тутъ не обѣдалъ, онъ пробылъ какой-нибудь часъ и уѣхалъ. Но въ продолженіе этого часа мы говорили о Грибоѣдовѣ. Мы сидѣли въ кабинетѣ Межевича. Свѣча стояла недалеко отъ стѣны, гдѣ висѣлъ портретъ Грибоѣдова. Булгаринъ, ходя по комнатѣ, взялъ свѣчу и поднесъ ее къ портрету. «Вамъ это лицо должно быть хорошо знакомо», сказалъ я ему. Онъ, разумѣется, отвѣчалъ утвердительно. Цѣльнаго не было нечего. Обращу вниманіе на главное въ разговорѣ моемъ съ Булгаринымъ, который вскорѣ послѣ смерти Грибоѣдова назвалъ себя его другомъ. Доселѣ я думалъ, что существуетъ только одинъ автографъ «Горе отъ ума» у Бѣгичева. Теперь нашелся еще другой—у Булгарина. Межевичъ, передавая мнѣ это извѣстіе, сказалъ, что на этомъ автографѣ рукою Грибоѣдова написано: «Тебѣ, мой Ѡаддей, отдаю мое Горе» ¹⁾. Существованіе этого автографа у Булгарина подтверждено мнѣ имъ самимъ при этой нашей встрѣчѣ. Кромѣ автографа «Горе отъ ума», по словамъ Булгарина, у него находится множество разныхъ бумажекъ, собственноручныхъ Грибоѣдова, бумажекъ ²⁾, которыя напечатать невозможно. Булгаринъ очень вѣрно выразился, сказавъ, что Грибоѣдовъ родился съ характеромъ Мирабо. Разсмотрите глубже эти слова и въ основаніи ихъ вы откроете истину. Булгаринъ не читалъ, какъ мнѣ сказывалъ, біографіи Полевого. Онъ презираетъ Полевыхъ, какъ это можно видѣть изъ словъ его, и отрицаетъ ихъ знакомство съ Грибоѣдовымъ. «Человѣкъ прошелся какъ-то съ нимъ (Кс. Полевымъ) по саду... а они ужъ и пишутъ», сказалъ онъ насмѣшливо. Портретъ, приложенный при изданіи Полевого ³⁾, списанъ, по словамъ Булгарина, съ портрета, находящагося у Маріи Сергѣевны Дурново, а этотъ послѣдній съ портрета, находящагося у Булгарина.

¹⁾ Экземпляръ списка «Горе отъ ума» подаренъ авторомъ Булгарину съ собственноручной надписью: «Горе мое поручаю Булгарину, вѣрный другъ Грибоѣдовъ. 5 іюня 1828 г.». Только эта надпись и сдѣлана рукою Грибоѣдова, остальное все написано писарскою рукою и носитъ слѣды подчистокъ и поправки рукою Булгарина и др. Списокъ этотъ съ портретомъ А. С. Грибоѣдова, вдѣаннымъ въ переплетъ, хранится въ Публичной бібліотекѣ.

²⁾ Часть этихъ бумажекъ была напечатана въ «Русской Старинѣ», но многія исчезли безслѣдно.

³⁾ Горе отъ ума. А. С. Грибоѣдова. 2-е изданіе. Съ приложеніемъ портрета автора и статьи К. Полевого—О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова. Спб. 1839. Стр. С + 202.

III.

Первое знакомство съ Жандромъ (28 апрѣля 1858 г.).—Внѣшній видъ сенатора.—«Притворная невѣрность».—Впечатлѣніе на публику отъ ареста Грибоѣдова.—Жандръ о ночныхъ визитахъ къ нему арестованнаго Грибоѣдова.—Новыя подробности ареста.—Участіе А. П. Ермолова.—Похищеніе пакета съ бумагами Грибоѣдова черезъ М. С. Алексѣева.—Участіе караульнаго офицера.—Содержаніе бумагъ.—Прогулки днемъ по Петербургу арестованнаго Грибоѣдова.—Участіе Ивановскаго.—Обходъ заключенныхъ въ главномъ штабѣ генераломъ Потаповымъ.—Грибоѣдовъ со штыкомъ часового у Жандра.—Объясненіе дружбы Грибоѣдова съ Булгаринимъ.—Новыя подробности смерти Грибоѣдова.—Слова Грибоѣдова при назначеніи посланникомъ.—Послѣдніе проводы его изъ Петербурга.—Эпиграмма на М. Дмитріева.—Совѣтъ Жандра познакомиться съ И. И. Сошникимъ и П. А. Каратыгинымъ.—Объ увлеченіи Грибоѣдова Телешевой.—Покупка авторомъ «Русской Талии» и «Сына Отечества» за 1825 годъ.—Болѣзнь Смирнова.

28 апрѣля, часовъ около 10 утра, я въ первый разъ позвонилъ у двери сенатора Андрея Андреевича Жандра ¹⁾, вслѣдъ затѣмъ отдалъ отворившему мнѣ человѣку, для передачи сенатору, рекомендательное о мнѣ письмо Степана Никитича Бѣгичева и не болѣе полуторыхъ минутъ ждалъ приѣма: боковая изъ швейцарской дверь отворилась... «Пожалуйте». Я вошелъ въ кабинетъ. Очень понятно, почему я былъ принятъ такъ скоро: въ письмѣ Степана Никитича, которое было доставлено мнѣ старикомъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ не распечатанное, находилось благодарственное для меня выраженіе, отворявшее мнѣ всѣ двери: «родственникъ Грибоѣдова» и, кромѣ того, слѣдующія, очень мнѣ памятнаго строки: «я знаю Смирнова давно и даже позволилъ ему снять копіи со всей переписки со мной Грибоѣдова. Сообщишь ли ты ему что-нибудь, или нѣтъ—твоя воля, но за честность его побужденій и характера я вполнѣ ручаюсь». Бѣгичевъ подобныхъ словъ не напишетъ даромъ.

У самыхъ дверей кабинета меня встрѣтилъ высокій, очень высокій, сухой, какъ скелетъ, старикъ, одѣтый въ узенькое темно-коричневаго цвѣта пальто, которое только увеличивало или по крайней мѣрѣ выказывало всю его худобу. Голова у этого старика рѣдкой, корнемъ вверхъ, лицо все въ морщинахъ, маленькіе сѣрые глаза смотрять умно и серьезно, и вся фигура была бы строгая и серьезная, если бы ее не смягчала ласковая, добрая улыбка.

Я отрекомендовался. Жандръ дружески протянулъ мнѣ руку, усадилъ меня въ громадныя, старо-фасонныя, можетъ быть, настоящія «вольтеровскія» кресла и началъ читать письмо.

¹⁾ Родился 9 февраля 1789 года, скончался 19 января 1873 года, погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

— Давно ли видѣли вы Степана Никитича?—обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ, окончивши чтеніе.

— Прошлой осенью. Я прожилъ у него болѣе недѣли въ его тульской деревнѣ Екатерининскомъ ¹⁾.

— Здоровъ онъ?

— По крайней мѣрѣ, при мнѣ былъ здоровъ.

— По-нашему...—старикъ улыбался.—Мы съ нимъ недалеко другъ отъ друга ушли: ему должно быть...

— 72 года,—докончилъ я.

— А мнѣ скоро 70. Мы передъ вами, людьми новаго поколѣнія, похвастать можемъ. Я, напримѣръ, несмотря на мои годы, никакъ не могу пожаловаться на здоровье: я человѣкъ сухой, легкій, воздержный, рѣдко бываю боленъ. Всякій Божій день я иду изъ сената пѣшкомъ; разумѣется, за мной ѣдетъ карета... на всякій случай; оно лучше, знаете. Давно вы пріѣхали?

— Вчера утромъ.

— На долго?

— Какъ Богъ дастъ. Цѣль моей поѣздки уже извѣстна вашему превосходительству изъ письма Степана Никитича. Если позволите, я расскажу вамъ ее коротко, но нѣсколько подробнѣй.

Я сказалъ все, что мнѣ было нужно, и кончилъ словами: «много зависитъ отъ вашего превосходительства. Я не скрываю отъ васъ, что вы были одной, и можетъ быть даже главной, цѣлью моей поѣздки. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ содѣйствіи...

— Не думаю, чтобы мое содѣйствіе принесло вамъ большую пользу..

Меня слегка покорило.

— У меня нѣтъ ни одной строки Грибоѣдова... Было одно письмецо, да и то выпросилъ Булгаринъ. Но я очень радъ съ вами познакомиться, надѣюсь, что мы будемъ видаться съ вами часто...

Я поклонился.

— И я охотно буду вамъ рассказывать о Грибоѣдовѣ все, что знаю, и все, что помню.

«Это едва ли еще не лучше», подумалъ я.

— Я всякій вечеръ, начиная съ 8 часовъ, дома. Когда хотите, милости просимъ, всегда вамъ радъ.

И послѣ этой рѣчи, которую я могъ принять за вѣжливымъ образомъ сказанное «теперь прощайте», старикъ, вспомнивши о

¹⁾ Село Екатерининское, Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, было приобрѣтено С. Н. Вѣгичевымъ у Петра Львовича Давыдова. Въ немъ былъ А. С. Грибоѣдовъ въ августѣ 1826 года. Въ настоящее время село Екатерининское принадлежитъ родной дочери Степана Никитича Вѣгичева Марѣ Степановнѣ, гдѣ она и проживаетъ.

Грибоѣдовѣ, по поводу общей ихъ комедіи «Притворная невѣрность», разговорился и проговорилъ болѣе получаса.

— Не можете ли, по крайней мѣрѣ, вы, ваше превосходительство, оказать не только мнѣ, но и всей русской публикѣ слѣдующую важную услугу—отмѣтить въ «Притворной невѣрности» то, что принадлежитъ собственно Грибоѣдову?

— Нѣтъ, не могу...¹⁾ Давно было, много съ тѣхъ поръ воды утекло...

И тутъ, яснѣе обыкновеннаго, показалась на губахъ старика добрая улыбка.

Это былъ мгновенный, но ясный лучъ, освѣтившій мнѣ личность этого человѣка. Я понялъ, съ кѣмъ имѣю дѣло.

Все, что рассказывалъ мнѣ тутъ, утромъ, Андрей Андреевичъ, я совокупаю съ рассказами его въ вечернее мое посѣщеніе того же дня. Да, я былъ у него въ тотъ же день вечеромъ, потому что по тону и общему характеру приѣма, мнѣ сдѣланнаго Жандромъ, я почелъ себя въ правѣ въ тотъ же день воспользоваться даннымъ мнѣ позволеніемъ—посѣщать его, когда мнѣ угодно, послѣ восьми часовъ вечера. Искушеніе было слишкомъ велико: другъ Грибоѣдова, много о немъ знающій, да къ тому же отъ угла Торговой и Мастерской, гдѣ моя квартира,—рукой подать до угла Грязной и Садовой, гдѣ онъ живетъ, стоитъ только переѣхать на лодкѣ Фонтанку²⁾.

Можетъ быть, я не запишу обоихъ нашихъ разговоровъ, и утренняго и вечерняго, въ порядкѣ и послѣдовательности, но увѣренъ, что не упущу изъ нихъ ничего главнаго.

— Вы были въ Петербургѣ, ваше превосходительство, когда привезли сюда Грибоѣдова, какъ декабриста?

— Да, въ Петербургѣ.

— Степанъ Никитичъ, и не одинъ разъ, говорилъ мнѣ... Но позвольте прежде этого другой и очень важный для меня, да и не для одного меня, вопросъ; скажите, какое впечатлѣніе произвелъ на публику арестъ Грибоѣдова? Это обстоятельство гораздо важнѣе, нежели кажется съ перваго поверхностнаго взгляда, и ваше на этотъ разъ показаніе вполне драгоцѣнно.

«Уголъ паденія, — подумалъ я въ эту минуту геометрической истиной, — не въ одномъ вещественномъ, но и въ нравственномъ мірѣ равенъ углу отраженія».

¹⁾ «Притворная невѣрность». Комедія въ 1 дѣйствіи въ стихахъ. Переведена съ французскаго А. Грибоѣдовымъ и А. Жандромъ. Спб. Въ типографіи Н. Греча. 1818 г. Что принадлежитъ въ ней Грибоѣдову и что Жандру, если не считать мелкихъ поправокъ, извѣстно изъ письма А. С. Грибоѣдова къ С. Н. Бѣгичеву отъ 15 апрѣля 1818 г.

²⁾ Очевидно, Екатерининскій каналъ.

— Огромное,—отвѣтилъ мнѣ Жандръ, смотря на меня прямо, какъ бы желая «вразумить» меня.—Огромное,—повторилъ онъ.— По городу пошла молва, толки: «Грибоѣдова взяли, Грибоѣдова взяли»...

— А,—сказалъ я, не скрывая того отраднаго чувства, которое овладѣло мной въ эту минуту, чувства, въ которомъ была смѣсь и радости и какой-то гордости за человѣка, которому чужда теперь всякая гордость, но память котораго люблю я такъ сильно.— Стало быть, имя было слишкомъ громко, слишкомъ народно.

— Еще бы! Такія ли я вамъ еще на этотъ разъ чудеса расскажу. Однако вы начали и не кончили: что же вамъ говорилъ Степанъ Никитичъ?

— Онъ говорилъ мнѣ, и, повторяю и вмѣстѣ прошу васъ замѣтить, не одинъ разъ, что Грибоѣдовъ, котораго засадили въ главный штабъ, всякую ночь приходилъ оттуда къ вамъ.

— Совершенная правда. Всякую ночь приходилъ, ужиналъ или пилъ чай и игралъ на фортепіано. Последнее-то и было его отрадой: вы, конечно, знаете, что онъ былъ замѣчательный музыкантъ,—музыкантъ не только ученый, но страстный. Онъ возвращался отъ меня въ свою конуру или поздно ночью, или на разсвѣтѣ.

— Да какъ же, Боже мой, все это дѣлалось? Слышишь и ушамъ не вѣришь. Между тѣмъ слышишь все это отъ людей, въ словахъ которыхъ нѣтъ никакой возможности сомнѣваться.

— Дѣлалось, а потому и дѣлалось, что Грибоѣдовъ имѣлъ удивительную, необыкновенную, почти невѣроятную способность привлекать къ себѣ людей, заставляя ихъ любить себя, именно «очаровывать». Я не знаю, какъ Степанъ Никитичъ рассказывалъ вамъ исторію его ареста, но расскажу ее вамъ, въ свою очередь, и въ доказательство всей справедливости словъ, сейчасъ мной сказанныхъ. Вы знаете, что тогда онъ служилъ при Ермоловѣ и взятъ онъ былъ во время какой-то экспедиціи, въ какомъ-то мѣстечкѣ, имени котораго не вспомню.

— Я вамъ помогу, ваше превосходительство: онъ былъ взятъ въ Екатериноградской станицѣ¹⁾.

— Кажется, что такъ. Подробности его ареста очень любопытны и характеристичны именно какъ доказательство той привязанности, которую умѣлъ внушать къ себѣ Грибоѣдовъ. Когда къ Ермолову прискакалъ курьеръ съ приказаніемъ арестовать его, Ермоловъ,—замѣтите, Ермоловъ, человѣкъ вовсе не мягкій,—призвалъ къ себѣ Грибоѣдова, объявилъ ему полученную новость и сказалъ, что даетъ ему часъ времени для того, чтобы истребить всѣ бу-

¹⁾ Это невѣрно. Грибоѣдовъ былъ арестованъ въ крѣпости Грозной 22 января 1826 года.

маги, которыя могли бы его скомпрометировать, послѣ чего придетъ арестовать его со всей помпой—съ начальникомъ штаба и адъютантами. Все такъ и сдѣлалось, комедія была разыграна превосходно. Ничего не нашли, курьеръ взялъ Грибоѣдова и поскакалъ.

— Извините, Андрей Андреевичъ, что я перебую вашу рѣчь разскажемъ объ одной подробности, которая относится именно къ этой минутѣ и которую я слышалъ отъ Степана Никитича. Она только прибавляетъ къ доказательствамъ того, что и вы хотите доказать, т. е. какъ все ъ любили Грибоѣдова. Когда Ермоловъ сдалъ его съ рукъ на руки курьеру, то сослуживцы Грибоѣдова обратились къ этому курьеру съ слѣдующимъ, какъ говорится, «наказомъ», что если онъ не довезетъ Грибоѣдова до Петербурга цѣла и сохранна, то пусть уже никогда ни съ однимъ изъ нихъ не встрѣчается, ибо сіе можетъ быть ему вредно.

— Это очень вѣроятно. Продолжаю мой разсказъ. Съ Грибоѣдовымъ были не все его бумаги, но значительная часть ихъ находилась въ крѣпости Грозной¹⁾. Ермоловъ долженъ былъ дать предписаніе коменданту захватить эти бумаги, запечатать и передать пакетъ курьеру. Все было исполнено. Курьеръ, Грибоѣдовъ и пакетъ благополучно прибыли въ Петербургъ, въ главный штабъ. Слухъ объ арестѣ Грибоѣдова распространился... Черезъ нѣсколько дней послѣ этого ко мнѣ является одинъ, вовсе мнѣ до того времени незнакомый человекъ, нѣкто Михаилъ Семеновичъ Алексѣевъ, черниговскій дворянинъ, приноситъ мнѣ поклонъ отъ Грибоѣдова, съ которымъ сидѣлъ вмѣстѣ въ главномъ штабѣ, и пакетъ бумагъ, пріѣхавшихъ изъ Грозной. Какъ же все это случилось? Грибоѣдовъ, когда его привезли, успѣлъ какими-то судьбами сейчасъ же познакомиться съ Алексѣевымъ, который сказалъ ему, что его въ самомъ скоромъ времени выпустятъ, потому что онъ взятъ по ошибкѣ, вмѣсто родного брата своего, екатеринославскаго губернскаго предводителя. Грибоѣдовъ воспользовался этимъ

¹⁾ Во Владикавказѣ, какъ это документально теперь выяснено. См. Е. Вейденбаумъ. Кавказскіе этюды. Тифлисъ 1901 г. Дѣло объ отправленіи кол. ас. Грибоѣдова въ С.-Петербургъ арестованнымъ и объ описаніи у него бумагъ, въ архивѣ гражданскаго управленія Кавказа.—Указаніе на М. С. Алексѣева впервые появляется въ печати. Оно разъясняетъ начальную букву, поставленную Грибоѣдовымъ въ одной запискѣ изъ-подъ ареста О. Булгарину: «Да не будь трусъ напиши мнѣ, а записку твою сожгу, или передай свѣдѣнія Ж. (очевидно, Жан-дру), а тотъ перескажетъ А., а А. найдетъ способъ мнѣ сообщить». По разъясненію редактора собранія сочиненій А. С. Грибоѣдова, профессора И. Шляпникова (томъ I, стр. 38), повторенному П. Щеголевымъ въ изданіи «Грибоѣдовъ и декабристы» Спб. 1905, стр. 37 (сноска 24): «А.—вѣроятно, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій». Но это совершенно невѣроятно, такъ какъ Одоевскій былъ арестованъ въ Петропавловской крѣпости и не могъ имѣть никакихъ сношеній съ Грибоѣдовымъ, сидѣвшимъ въ главномъ штабѣ.

обстоятельствомъ отлично: въ пять минутъ очаровалъ Алексѣева совершенно, передалъ ему пакетъ, сказалъ мой адресъ и просилъ доставить этотъ пакетъ ко мнѣ. Алексѣевъ все исполнилъ свято.

— Еще разъ виновать, Андрей Андреевичъ. Вы мнѣ позволите пополнить вашъ рассказъ?

— Сдѣлайте милость. Иное я могъ забыть, а другое могу и не знать.

— Вотъ, со словъ Степана Никитича, обстоятельство, которое вполнѣ поясняетъ, какимъ образомъ пакетъ, бывший у курьера и уже составлявшій такимъ образомъ казенную собственность, могъ вдругъ очутиться въ рукахъ самого Грибоѣдова. Курьеръ сдалъ и самого Грибоѣдова, и пакетъ караульному офицеру. Этотъ офицеръ былъ нѣкто (Сенявинъ—сынъ знаменитаго адмирала—честный, благородный, славный малый. Принявши пакетъ, онъ положилъ его на столъ, вѣроятно, въ караульной комнатѣ, въ которой на ту пору могъ находиться и Алексѣевъ, какъ человѣкъ, уже свободный отъ всякаго подозрѣнія. Сенявинъ не могъ не видать, какъ Грибоѣдовъ подошелъ къ столу, преспокойно взялъ пакетъ, какъ будто дѣло сдѣлалъ, и отошелъ прочь. Онъ не сказалъ ни слова: такъ сильно было имя Грибоѣдова и участіе къ нему ¹⁾).

— И должно быть такъ. Повторяю вамъ, что я могъ кое-что и забыть, но если это рассказывалъ вамъ Степанъ Никитичъ, такъ сомнѣнія никакого быть не можетъ. Далѣе. Этотъ добрый и славный человѣкъ Алексѣевъ бывалъ у меня и послѣ нѣсколькихъ разъ; передавая же мнѣ пакетъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ мнѣ приказаніе Грибоѣдова—сжечь бумаги. Однакоже я на это не рѣшился, а только постарался запрятать этотъ пакетъ такъ, чтобы до него добраться было невозможно,—я зашилъ его въ перину. Когда Грибоѣдова выпустили, мы пакетъ достали и рассмотрѣли бумаги; въ немъ не оказалось ничего важнаго, кромѣ нѣсколькихъ писемъ Кюхельбекера. Но исторія Грибоѣдовскаго сидѣнья этимъ далеко не кончается. Я вамъ говорилъ уже, что слухъ объ его арестѣ распространился быстро. Вдругъ доходятъ до меня такія слова: «Помилуйте, — говоритъ одинъ: — что это за вздоръ въ

¹⁾ Гвардіи капитанъ Сенявинъ значится самъ въ числѣ арестованныхъ, соержавшихся въ главномъ штабѣ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ. Вотъ доселѣ неизвѣстный рапортъ с.-петербургскаго коменданта генерала-адъютанта Башуцкаго дтл. 13 февраля 1826 г. № 76 на имя дежурнаго генерала главнаго штаба Е. Н. В. генералъ-адъютанта Потапова: «Стоящій въ караулѣ на главной гауптвахтѣ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка штабсъ-капитанъ Родзянко 3-й представилъ ко мнѣ при описи вещи, отобранныя имъ отъ арестованнаго по высочайшему повелѣнію коллежскаго ассессора Грибоѣдова, которыя при семъ къ вашему превосходительству препроводить честь имѣю». На этой бумагѣ собственной рукой Грибоѣдова написано: «Вещи и деньги, мнѣ принадлежащія, мною отъ капитана Жуковскаго приняты. Коллежскій ассессоръ Александръ Грибоѣдовъ». Н. Ш.

городѣ болтають, будто бы Грибоѣдовъ взятъ: я его сейчасъ видѣлъ на Невскомъ проспектѣ». «И я тоже», говоритъ другой. «А я видѣлъ въ Лѣтнемъ саду», говоритъ третій. Что же вышло? Содержавшихся въ главномъ штабѣ возили допрашивать изъ штаба въ Петропавловскую крѣпость. Однимъ изъ помощниковъ главнаго правителя дѣлъ военно-судной комиссіи былъ нѣкто Ивановскій ¹⁾.

— Такъ, такъ,—неволью перебилъ я сенатора.—Я это все знаю, но позвольте просить ваше превосходительство продолжать.

— Этотъ Ивановскій такъ полюбилъ Грибоѣдова...

— Что даже, можетъ быть, спасъ его,—опять, и что совсѣмъ не было слишкомъ вѣжливо, перебилъ я сенатора.

— Спасъ,—это слишкомъ много, потому что съ тѣхъ поръ, какъ бумаги Грибоѣдова, которыя могли бы его компрометировать, пропали, если не съ лица земли, такъ по крайней мѣрѣ изъ глазъ правительства, такъ что и концы въ воду, нашъ молодецъ выходилъ изъ воды сухъ и изъ огня невредимъ...

— То-то, что не совсѣмъ, ваше превосходительство. Точно, что едва ли на этотъ разъ удалось кому такое счастье, какъ Грибоѣдову, но онъ самъ чуть-чуть не испортилъ всѣхъ выгодъ своего положенія.

— Какъ же это? Расскажите пожалуйста.

— Рассказываю, ваше превосходительство, не я, а Степанъ Никитичъ. Вотъ какъ было дѣло. На первомъ же допросѣ ²⁾ Грибоѣдовъ началъ было писать: «въ заговорѣ я не участвовалъ, но заговорщиковъ всѣхъ зналъ и умыселъ ихъ былъ мнѣ извѣстенъ»... и проч. въ такомъ родѣ. Ивановскій, видя, что Грибоѣдовъ самъ роетъ себѣ яму, подошелъ къ столу, на которомъ онъ писалъ, и,

¹⁾ Въ копіи съ рукописи Д. А. Смирнова составляютъ отдѣльную главу (6-ю) «Замѣчанія на мои записки зятя моего Мих. Мат. Поливанова». Такихъ замѣчаній сдѣлано семь. Всѣ они помѣчены 18 октября 1858 г. Мы размѣстили ихъ за его подписью подъ текстомъ въ соответствующихъ мѣстахъ. Примѣчанія подъ текстомъ безо всякой подписи принадлежать мнѣ. Относительно фамиліи Ивановскій Поливановъ замѣтилъ: «Чинovníкъ V класса, бывшій дѣлопроизводителемъ военно-судной комиссіи, былъ не Ивановскій, но мой добрый знакомый и благодѣтель, начальникъ отдѣла инспекторскаго департамента Ивановъ». Однако едва ли это замѣчаніе справедливо, такъ какъ самъ А. С. Грибоѣдовъ говорить объ Ивановскомъ въ запискѣ изъ-подъ ареста Булгарину: «Между тѣмъ я комитетомъ оправданъ начисто какъ стекло. Ивановскій, благороднѣйшій человекъ, въ крѣпости говорилъ мнѣ самому и всякому гласно, что я немедленно буду освобожденъ. Притомъ обхожденіе со мною, какъ его, такъ и прочихъ было совсѣмъ не то, которое имѣють съ подсудимыми. Казалось, все кончено. Съѣзди къ Ивановскому, онъ тебя очень любить и уважаетъ: онъ членъ вольнаго общества любителей словесности и много во мнѣ принималъ участія»...

Н. Шаломытовъ.

²⁾ Слова «Грибоѣдовъ началъ было»... надписаны въ копіи на зачеркнутыхъ: «отвѣчая письменно на вопросные пункты».

перебирая какія-то бумаги, какъ будто что-то отыскивая, наклонился къ нему и сказалъ ему тихо и отрывисто: «Александръ Сергѣевичъ, что вы такое пишете... Пишите «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю»¹⁾. Грибоѣдовъ послушался.

— Непремѣнно должно быть такъ,—отвѣчалъ Жандръ,—и еще мало того, что послушался, но еще принялъ въ своемъ отзывѣ тонъ обиженнаго: «Я ничего не знаю. За что меня взяли? У меня старуха-мать, которую это убьетъ, а можетъ быть уже и убило»²⁾ и проч. Тонъ этого отзыва подѣйствовалъ совершенно въ пользу Грибоѣдова: судьи заключили, что если человѣкъ за всю эту продѣлку чуть-чуть не ругается, такъ, стало быть, онъ не виноватъ.

— Однако, Андрей Андреевичъ, какъ же это его видали на Невскомъ и въ Лѣтнемъ саду?

— Все по милости того же Ивановскаго. Я уже говорилъ вамъ, что ихъ возили изъ штаба допрашивать въ крѣпость; тамъ, по окончаніи вопроса, Ивановскій всегда говорилъ курьеру: «я самъ отведу Александра Сергѣевича», и они возвращались въ штабъ черезъ Неву, Лѣтній садъ и Невскій проспектъ—это, вотъ видите, для прогулки. Да это ли одно было. Разъ дежурный генералъ Потаповъ обходитъ ночью комнаты заключенныхъ; къ Грибоѣдову стучались, стучались,—нѣтъ отвѣта. «Не прикажете ли выломать дверь?» спрашиваетъ адъютантъ.—«Нѣтъ,—отвѣчаетъ Потаповъ,—не надо; вѣрно, онъ крѣпко заснул!» Онъ очень хорошо зналъ, что Грибоѣдова не было.—А то разъ является ко мнѣ со штыкомъ въ рукѣ. «Откуда ты это взялъ?» спрашиваю я съ изумленіемъ. «Да у своего часового».—«Какъ у часового?»—«Такъ у часового».—«По крайней мѣрѣ зачѣмъ?»—«Да вотъ пойду отъ тебя ужò ночью, такъ оно, знаешь, лучше, безопаснѣй».—«Да какъ же тебѣ часовой-то далъ?»—«Вотъ еще. Да если бы я имъ велѣлъ бѣжать съ собой, такъ они бѣжали бы... Всѣ меня любятъ», добавилъ онъ. Но въ началѣ его заключенія было одно прекомическое происшествіе: пишетъ онъ изъ своего заключенія Булгарину.

— Ваше превосходительство.

— Что прикажете?

— Сдѣлайте божескую милость!

¹⁾ Въ «Бесѣдахъ Общества Любителей Россійской Словесности» 1868 г. Д. А. Смирновъ, разсказывая объ этомъ, не называетъ Ивановскаго, а говоритъ про него: «къ столу подошло одно очень вліятельное лицо и взглянуло на бумагу» (съ отвѣтами Грибоѣдова на вопросные пункты). Д. И. Завалишинъ приписывалъ полковнику Любимову этотъ совѣтъ Грибоѣдову измѣнить показаніе.

²⁾ О матери Грибоѣдовъ упомянулъ въ своемъ рѣшительномъ письмѣ на имя государя отъ 15 февраля 1826 г., черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Петербургъ съ фельдъегеремъ. Содержаніе этого письма см. въ изданіи А. С. Суворина—«Грибоѣдовъ и декабристы» (Спб. 1905), гдѣ приведено факсимиле всего дѣла о коллежскомъ ассессорѣ Грибоѣдовѣ.

— Какую угодно.

— Объясните мнѣ пожалуйста связь такого благороднѣйшаго, идеально-благороднѣйшаго человѣка, какъ мой покойный дядя, съ такимъ страшнымъ подлецомъ, какъ Булгаринъ. Я никогда не могъ достаточно разъяснить этого загадочнаго пункта въ біографіи Грибоѣдова.

— У Булгарина,—отвѣчалъ мнѣ Жандръ очень положительно,— была къ Грибоѣдову привязанность собаки къ хозяину. Вы это сейчасъ увидите. Грибоѣдовъ пишетъ ему изъ штаба: «Любезная Пчела. Я въ тюрьмѣ. Принеси мнѣ такихъ-то и такихъ-то книгъ». Кто не знаетъ, что Булгаринъ трусъ страшный, однако, вѣдь, не осмѣлился послушаться приказа Грибоѣдова, пришелъ въ штабъ, принесъ книги, дрожить со страху, его оттуда чуть не въ шею гонять, онъ стоитъ, нейдетъ прочь, проситъ, молить и добился-таки того, что передалъ книги ¹⁾.

— Для перваго свиданья, въ которое мнѣ хотѣлось бы разрѣшить самые темные для меня и интересные вопросы, я приготовилъ вамъ, Андрей Андреевичъ, еще одинъ.

— Напримѣръ?

— Какъ вамъ извѣстны подробности смерти дяди?

— Разкажите сперва вы мнѣ, какъ онъ вамъ извѣстенъ.

Я разсказалъ, что было мнѣ на этотъ разъ извѣстно, что къ Грибоѣдову, какъ посланнику, явилось нѣсколько христіанокъ, армянокъ или грузинокъ, которыя объявили, что ихъ противъ воли удерживаютъ мужа ихъ въ Персіи, что онѣ отдаются подъ его покровительство. Грибоѣдовъ ихъ принялъ, изъ этого возродилось народное неудовольствіе, и наконецъ бунтъ, жертвой котораго онъ и сдѣлался.

— Тутъ есть частица правды, но еще не вся правда. Если хотите прочесть полное и подробное описаніе и причинъ, и происшествій всей этой печальной катастрофы, то ищите его въ «Annales des voyages» въ 1829 или въ 1830 году. На эту статью указалъ мнѣ Ермоловъ ²⁾.

¹⁾ О. В. Булгаринъ ссужалъ Грибоѣдова во время его ареста не только книгами, но и деньгами, навѣщалъ его, просилъ за него. Самъ онъ разсказалъ о первомъ своемъ знакомствѣ съ Грибоѣдовымъ въ своей «Сѣверной Пчелѣ» (1837 г., № 47) въ статьѣ «Какъ люди дружатся». Изъ нея видно, что еще въ 1814 году Грибоѣдову былъ извѣстенъ челоѣколюбивый поступокъ О. Булгарина, жившаго тогда въ Варшавѣ, по отношенію къ одному юнкеру Иркутскаго гусарскаго полка—Генисе., родомъ изъ Москвы, всей душой привязанному къ Грибоѣдову и изъ дружбы къ нему поступившему въ военную службу. Юноша этотъ, понавъ изъ Бреста въ Варшаву, три мѣсяца не вставалъ съ постели и умеръ отъ чахотки въ квартирѣ Булгарина, призрѣвшаго его. Грибоѣдовъ не могъ забыть, по призванію Булгарина, этого поступка.

²⁾ «Nouvelles Annales des voyages». Т. 48. (1830). Т. XVIII de la 2 série. Relation des événements, qui ont précédé et accompagné le massacre de la dernière

— Позвольте записать; со мной нѣтъ ни карандаша, ни бумаги.

Жандръ подалъ мнѣ и то, и другое. Я положилъ бумагу, чтобы было повыше, на порядочную груду книгъ, правильно, симметрически положенныхъ одна на другую, которыя, съ разными другими, столь же правильно расположенными вещами, находились на маленькомъ столикѣ, стоявшемъ близъ софы, на которой сидѣлъ сенаторъ. Записывая, я очень немного, но все-таки нѣсколько нарушилъ строгость и стройность симметрическаго порядка небольшой книжной груды. Сенаторъ, не давая мнѣ это замѣтить, оправилъ все по прежнему порядку. Я едва удержалъ улыбку, увидавши въ старикѣ моего собрата—педанта въ дѣлѣ кабинетнаго порядка.

— Не однѣ женщины, отдавшіяся подъ покровительство его, какъ посланника, — продолжалъ Жандръ, — были причиною его смерти, искра его погибели таилась уже въ Персіи прежде, нежели онъ туда пріѣхалъ. Разговаривая съ графомъ Каподистріа, который завѣдывалъ всѣми восточными нашими дѣлами, хотя министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ графъ Нессельроде, Грибоѣдовъ сказалъ, что намъ въ Персіи нужно не *chargé d'affaires*, а лицо, равное англійскому представителю, т. е. полномочнаго министра, *envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire*. Это одной степенью ниже главной степени дипломатическаго агента, посла, *ambassadeur*. Можетъ быть, это и дѣйствительно было такъ нужно, а главное, что мнѣ очень хорошо извѣстно, Грибоѣдовъ думалъ, высказавши такое мнѣніе, отклонить всякую возможность назначенія его самого на это мѣсто, думалъ, что и чинъ его для того еще малъ. Чинъ ему дали и на мѣсто назначили. «Насъ тамъ непремѣнно всѣхъ перерѣжутъ», — сказалъ онъ мнѣ, пріѣхавши ко мнѣ прямо послѣ этого назначенія. — Аллаяръ-Ханъ мнѣ личный врагъ. Не подаритъ онъ мнѣ Туркманчайскаго трактата.

— Тѣ же самыя слова, — сказалъ я, — приводитъ Степанъ Никитичъ въ своей біографической запискѣ.

— Грустно провожали мы Грибоѣдова ¹⁾, — продолжалъ Жандръ, какъ бы не слыхавши моего замѣчанія. — До Царскаго Села провожали его только двое: Александръ Всеволодовичъ Всеволожскій и я.

Вотъ въ какомъ мы были тогда настроенія духа: у меня былъ прощальный завтракъ, накурили, надымили страшно, наконецъ толпа схлынула, мы остались одни. Поѣхали. День былъ пасмурный и дождливый. Мы проѣхали до Царскаго Села и ни одинъ изъ насъ не сказалъ ни слова. Въ Царскомъ Селѣ Грибоѣдовъ

ambassade russe en Perse.—Переводъ ея, очень плохой и съ цензурными урѣзками, помѣщенъ въ изданіи Е. Серчевскаго «А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія». Спб. 1858. Стр. XLV—LXXXII. Въ бумагахъ Д. А. Смирнова сохранился ея полный переводъ.

¹⁾ 6 іюня 1828 г. А. С. Грибоѣдовъ навсегда разстался съ Петербургомъ, а 12 іюня и съ Москвою.

велѣлъ, такъ какъ дѣло было уже къ вечеру, подать бутылку бургонскаго, которое онъ очень любилъ, бутылку шампанскаго и закусить. Никто ни до чего не дотронулся. Наконецъ простились. Грибоѣдовъ сѣлъ въ коляску, мы видѣли, какъ она завернула за уголъ улицы, возвратились съ Всеволожскимъ въ Петербургъ и во всю дорогу не сказали другъ съ другомъ ни одного слова— рѣшительно ни одного.

И у насъ съ Жандромъ вышло тутъ довольно продолжительное молчаніе.

— Скажите пожалуйста,— началъ я, чтобы прервать его:— кому принадлежатъ эти двѣ замѣчательныя эпиграммы, современныя появленію «Горе отъ ума»?

— Какія? Я ихъ не знаю или забылъ.

Вотъ онѣ:

Собрались швольники и вскорѣ
 Михайль Дмитріевъ рецензію скропаль,
 Въ которой ясно доказалъ,
 Что «Горе отъ ума» не Дмитріева горе.

Жандръ засмѣялся.

— Я этого не зналъ... Зло, очень зло и умно.

— А вотъ другая на того же злосчастнаго Дмитріева:

Михайль Дмитріевъ умре.
 Считался онъ въ 9-мъ классѣ,
 Былъ камеръ-юнкеръ при Дворѣ
 И камердинеръ на Парнасѣ.

— Ну, эта мнѣ нравится меньше, уже потому, что въ ней есть неправильность языка: говорится умре, а не умрѣ. Вѣдь я пуристъ...

Старикъ улыбался.

«Знаемъ мы это про васъ и безъ васъ, pater conscripte!» подумалъ я.

— Какъ бы то ни было, онѣ любопытны, какъ и все, относящееся къ Грибоѣдову, какъ всѣ живые и мертвые о немъ матеріалы.

— Кстати, о живыхъ матеріалахъ,— началъ Жандръ.— Вамъ надо познакомиться здѣсь съ нѣсколькими лицами, которыя могутъ поразсказать вамъ кое-что о Грибоѣдовѣ, напимѣръ, съ Ивановомъ Ивановичемъ Сосницкимъ. Это прелюбопытный человѣкъ,— онъ много на своемъ вѣку народу перевидалъ и, какъ человѣкъ умный, перевидалъ не безъ толку. Я знаю, что они были знакомы съ Грибоѣдовымъ.

— Я имѣлъ это намѣреніе.

-- Да еще познакомьтесь съ Петромъ Андреевичемъ Каратыгинымъ. Этотъ человѣкъ будетъ вамъ полезенъ въ другомъ отношеніи: отецъ его Андрей Васильевичъ былъ болѣе 30 лѣтъ режиссеромъ при театрѣ, собиралъ и сохранялъ афиши всѣхъ спектаклей,—это вамъ для исторіи представленій Грибоѣдовской комедіи.

— Благодарю васъ, Андрей Андреевичъ, за эти указанія. Вы, въ свою очередь, вѣроятно, поинтересуетесь видѣть одинъ изъ принадлежащихъ мнѣ портретовъ дяди и его «Черновую тетрадь».

— Объ этомъ нечего и спрашивать.

— Эта «Черновая»—сущій кладъ: чего и чего въ ней нѣтъ? И путешествія, и мелкія стихотворенія, и проекты; два отрывка изъ «Грузинской ночи», ученныя замѣтки, частные случаи петербургскаго наводненія¹⁾.

— А,—сказаль Жандръ при послѣднемъ моемъ словѣ,—это любопытно: я знаю, что Грибоѣдовъ ѣздилъ осматривать Петербургъ послѣ наводненія съ тогдашнимъ генераль-губернаторомъ Милорадовичемъ.

— Какъ, съ Милорадовичемъ?—спросилъ я съ видимымъ удивленіемъ и нисколько не думая скрывать невольную улыбку.

— А... вы смѣетесь,—замѣтилъ мнѣ Жандръ, тоже улыбаясь.

— Да и вы смѣетесь, ваше превосходительство.

— Стало быть, вамъ многое на этотъ разъ извѣстно?

— Не только многое, но все, да еще съ такой подробностью, какой вы не ожидаете.

Я предполагалъ, что Грибоѣдовъ съ Милорадовичемъ были враги изъ-за Телешевоы.

— Нѣтъ, они были только соперники.

— Впрочемъ, счастливымъ былъ дядя: онъ объ этомъ, со всѣмъ не церемонясь, говоритъ довольно подробно въ своихъ письмахъ къ Степану Никитичу. Нѣкоторыя строки заставили меня препорядочно хохотать. А хорошенькая была эта Телешева. Знаете ли, Андрей Андреевичъ, что она представляется мнѣ какимъ-то скоро пронесшимся, но блестящимъ метеоромъ въ судьбѣ моего дяди, чѣмъ-то чрезвычайно поэтическимъ и невыразимо граціознымъ.

Тутъ Жандръ посмотрѣлъ на меня не безъ удивленія: я говорилъ очень серьезно.

— Да откуда,—началь онъ наконецъ,—знаете вы, что Телешева была хорошенькая?

— Прехорошенькая, хоть она и насолила мнѣ.

— Это еще что такое?

— У меня есть ея портретъ въ «Русской Таліи», драматическомъ альманахѣ Булгарина. Это библиографическая рѣдкость. Теперь нужно вамъ сказать, какъ насолила мнѣ Телешева. Я собиралъ, всѣми правдами и неправдами, съ большими расходами, всѣ сочиненія дяди, разсѣянные тамъ и сямъ по разнымъ альманахамъ и журналамъ. Все это было, разумѣется, до полнаго,

¹⁾ Эта черновая была напечатана Д. А. Смирновымъ въ «Русскомъ Словѣ» 1859 г., №№ 4—6.

т. е. неполнаго, собранія его сочиненій Смирдина. Прихожу я разъ—это было въ Москвѣ, лѣтомъ 1852 года,—на знаменитый Толкучій рынокъ къ какому-то букинисту. «Нѣтъ ли у васъ, батюшка, какого-нибудь старья; я человѣкъ заѣзжій... скучно, читать нечего. Не задорожитесь,—я куплю охотно. Нѣтъ ли у васъ, на примѣръ, альманаховъ? Прежде они на русскую землю дождемъ сыпались». — Есть, говорить, и выкинулъ ихъ мнѣ цѣлый ворохъ. Перебираю... «Русская Талія». Этого-то намъ и нужно. Я отобралъ штуки три-четыре, да и купилъ по 25 коп. сер. за штуку. Тутъ, какъ изволите видѣть, я надулъ букиниста, но зато послѣ букинисть гораздо жесточе надулъ меня. Я хотѣлъ поддѣть его точно на такой же крючокъ съ «Сыномъ Отечества» за 1825 г., въ которомъ, какъ вамъ извѣстно, помѣщены стихи Грибоѣдова—Телешевой. Рыбакъ рыбака видитъ въ плесѣ издалика: букинисть, должно быть, замѣтилъ мою фізіономію и не безъ основанія заключилъ, что я, должно быть, изъ книжныхъ авантюристовъ. Спрашиваю «Сынъ Отечества» за 1825 г.—«Здѣсь, говоритъ, нѣтъ, а надо порыться въ палаткѣ». Мы пошли въ палатку. Я не знаю, знаете ли вы, в. пр., что такое книжныя палатки въ Москвѣ, на Толкучемъ рынкѣ? Онѣ надъ самыми рядами толкуна, наверху, подъ самой, замѣтите, желѣзной крышей, подъ которой ничего не подложено, что хотя бы нѣсколько умѣряло невыносимѣйшій зной отъ нея въ лѣтній день,—ни драмки, ни тесу,—а день, въ который я попалъ подъ эту крышу, въ душную палатку, въ которой злодѣй-букинисть, перебрасывая связки книгъ, поднялъ еще пыль страшную, былъ свѣтлый июльскій и время только что за полдень. Что вамъ сказать? Я пробылъ въ этой палаткѣ битыхъ 2 часа и рѣшительно начиналъ думать, что обратился въ Сильвіо Пеллико. «Нашелъ», раздался наконецъ голосъ букиниста.—«Ну, думаю,—славу Богу». Смотрю,—точно 1825 годъ; вотъ стихи Телешевой.—«Что вамъ, любезнѣйшій, за это?»—«Десять цѣлковыхъ».—«Вы шутите?»—«Нисколько».—Я туда и сюда, хотѣлъ было его «душеспасительнымъ словомъ», какъ говоритъ Плюшкинъ, пронять... Куда тебѣ! сладу никакого: уперся, злодѣй, да и только. Подумалъ-подумалъ, вынулъ деньги и отдалъ. Такимъ-то образомъ я заплатилъ четвертакъ за первые печатные отрывки комедіи Грибоѣдова и 10 р. сер. за одну страничку его стиховъ къ мимолетному, но все-таки, скажу, милому предмету его страсти. Право, смотря на портретъ Телешевой, ихъ не жалѣю и вполне понимаю эти строки, написанныя дядей въ одномъ изъ писемъ его Степану Никитичу: «Въ 3—4 вечера (у Шаховского) Телешева меня совѣмъ съ ума свела».

Поговоривши еще кое о чемъ постороннемъ, мы простились съ Жандромъ—до свиданія...

Не скоро, однако, было это свиданіе. «Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ»—истина, какъ и все подъ луной, старая. Я схватилъ въ Петербургѣ жестокою холеру и былъ боленъ при смерти. Вопреки и ожиданій, и желаній моихъ, я, слишкомъ черезъ мѣсяцъ послѣ перваго моего свиданія съ Жандромъ, позволилъ у его двери.

На этотъ разъ открылъ мнѣ самъ сенаторъ.

— Боже мой, это вы, мы думали, что вы уѣхали.

— Да, ваше превосходительство, я было дѣйствительно уѣхалъ— на тотъ свѣтъ.

Старикъ посмотрѣлъ на меня пристально.

— Да вы, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто изъ гроба встали.

— И это въ самомъ дѣлѣ почти что такъ.

— Что съ вами было?

— Холера и притомъ жестокая.

Я рассказалъ причины и всѣ подробности моей болѣзни.

— Да вы сами сдѣлали все, чтобы произвести себѣ холеру. Однако какъ же это вы не увѣдомили меня о вашей болѣзни?

— Сто разъ порывался я это сдѣлать, но не смѣлъ васъ беспокоить.

— Стыдно вамъ. Мы, кажется, не такъ васъ приняли, чтобы вы могли сомнѣваться въ нашемъ участіи.

Надо пояснить это слово «мы»: въ первый разъ, когда я былъ у Жандра, онъ познакомилъ меня съ своей женой ¹⁾.

За это доброе слово я съ искреннимъ чувствомъ пожалъ руку почтеннаго старика.

Въ это свиданье мы ничего не говорили о Грибоѣдовѣ: свиданье было коротенькое, потому что я скоро ослабъ до дурноты и едва могъ дотащиться до квартиры. Все, что я успѣлъ сказать въ этотъ разъ Жандру, было то, что я и въ продолженіе моей болѣзни, когда чувствовалъ хоть малѣйшее облегченіе, старался, сколько позволяли силы, работать по Грибоѣдову и такимъ образомъ успѣлъ прочесть довольно книгъ, нужныхъ для составленія комментаріевъ для «Черновой».

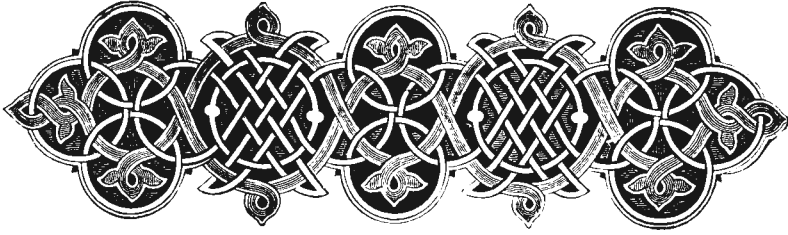
— Гдѣ вы ихъ брали?

— У Крашенинникова. Какъ не сказать спасибо Петербургу: все, что хочешь, даже холера.

Д. А. Смирновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

¹⁾ Жена А. А. Жандра, Параскева Петровна, скончалась не такъ давно (24 ноября 1906 г.) и погребена рядомъ съ мужемъ на кладбищѣ Александровской Лавры. Со словъ мужа она хранила въ своей памяти немало рассказовъ изъ жизни автора «Горе отъ ума».

ЗАТИШЬЕ.

(Изъ провинціальныхъ настроеній).

ВЕСНОЮ 1908 года мнѣ пришлось сдѣлать большую поѣздку по Волгѣ, Камѣ и ихъ притокамъ—по Костромѣ, Ветлугѣ, Вишерѣ и Чусовой. Предѣльными пунктами были—Рыбинскъ на среднемъ плесѣ Волги и Чердынъ въ предгорьяхъ Урала. Переходя въ теченіе мѣсяца съ парохода на пароходъ, я сталкивался въ пути и на берегу съ сотнями пассажировъ изъ разныхъ концовъ Руси, но всего болѣе изъ Приволжья и Прикамья, прислушиваясь къ текущему политическому настроенію, бесѣдуя о злобахъ дня. Въ отношеніи разнообразія встрѣчъ и наблюденій нельзя найти лучшаго мѣста, какъ пароходы. Въ вагонѣ, прикованный къ одному мѣсту, возвращаешься среди многихъ единицъ и десятковъ пассажировъ, болѣе или менѣе однородныхъ по общественному положенію. На пароходахъ же является возможность завязать сношенія съ самыми разнообразными слоями общества—отъ верховъ до подонковъ его. Пароходныя наблюденія даютъ болѣе полную, живую, разностороннюю картину провинціальныхъ настроеній настоящаго момента, основанную на массѣ фактовъ. Разумѣется, эта картина ограничена извѣстными предѣлами: она касается преимущественно всероссійскихъ «большихъ дорогъ»—Волги и Камы, съ ихъ «подѣздными путями»—«проселочными» рѣками, забирающимися въ самую глушь разныхъ медвѣжьихъ угловъ. Наблюденія надъ этими «большими» и «проселочными» дорогами коренной Руси, допол-

невныя знакомствомъ съ нѣкоторыми другими сосѣдными мѣстностями, будутъ вѣрнымъ показателемъ политическаго настроенія центральныхъ провинцій въ текущемъ періодѣ затишья.

I.

Крахъ революціи.

Самое выдающееся явленіе описываемаго момента нашей жизни—полное охлажденіе російскаго обывателя къ вопросамъ внутренней политики. За время смуты эта политика у всѣхъ набилася оскоминою и теперь вызываетъ тошноту. Попрежнему она интересуетъ однихъ политикановъ, «дѣлающихъ политику», живущихъ ея интересами и отъ нея кормящихся. Увлекаются политикой особенно партійные дѣятели, смѣшивающіе интересы партіи съ интересами народа... Но средній обыватель рѣшительно отвернулся отъ политики и не хочетъ ничего слышать о ней, погружившись въ матеріальные интересы своей жизни, о нихъ только хлопочетъ, думаетъ, мечтаетъ, болитъ сердцемъ.

Насколько прежде, въ періодъ смуты, нельзя было шагу ступить, чтобы не натолкнуться на разговоры и споры о политическихъ злобахъ дня, настолько теперь они крайне рѣдки до смѣшного. Проѣхавши тысячи верстъ, встрѣчаясь съ сотнями людей самыхъ разнообразныхъ профессій, званій, состояній, я могу по пальцамъ перечислить всѣ разговоры о политикѣ. И старики, и молодежь, и интеллигенты, и мужики—всѣ, словно сговорившись, толковали о чемъ угодно, но только не о политикѣ. А разъ кто-либо искусственно завязывалъ разговоръ о послѣдней, бесѣда тянулась вяло, безжизненно, сонно, съ явнымъ намѣреніемъ—поскорѣе сбыть надоѣвшую матерію съ рукъ и перейти къ болѣе интереснымъ темамъ жизни, къ тѣмъ, что «дѣлаютъ жизнь» и такъ далеки, такъ чужды всякимъ воздушнымъ замкамъ и кабинетнымъ фантазіямъ... Жизнь взяла верхъ надъ послѣдними, скомкала ихъ и прогнала съ глазъ обывателя. Дѣловые запросы повседневной жизни рѣшительно доминируютъ надъ всякаго рода политикой.

Изрѣдка возникали разговоры о государственной думѣ, то ироническіе, то негодующіе. Ровнаго, спокойнаго отношенія къ третьей думѣ не наблюдалось. Особенно возмущало всѣхъ, что дума, поработавши кое-какъ безъ году недѣлю, дала себѣ «отдыхъ» на 3¹/₂ мѣсяца... Одинъ волгарь резонно разсуждалъ:

— Помилуйте! что же это они дѣлаютъ?! Работы у нихъ непочатый уголь... работать имъ надо не покладая рукъ... Все надо перестроить, передѣлать, привести въ норму, порядокъ... Самой на-

сущной работы, непрерывной ни на одинъ часъ, хватить на десятокъ лѣтъ... А они вздумали отдыхать въ самомъ началѣ работы!.. На это способна только русская лѣнь да полное непониманіе требованій жизни. И это наши «излюбленные люди»?!.. Ну, чѣмъ они лучше чиновниковъ, съ ихъ девизомъ: дѣло не медвѣдь— въ лѣсъ не убѣжить...

Еще болѣе возмущали всѣхъ тѣ жирные генеральскіе оклады, какіе дума установила для членовъ президіума и постоянныхъ комиссій, равно какъ и рѣшеніе ея дать «жалованье» всѣмъ членамъ думы, и также въ крупномъ размѣрѣ. Мужики только ахали, узнавая о разыгравшихся аппетитахъ «выборныхъ людей»...

— Плакали наши денежки...—говорилъ одинъ развитой крестьянинъ-пермякъ:—хорошій примѣръ подають члены думы!.. Сами учитываютъ чиновниковъ на ломанные гроши, контролируютъ выѣденныя яйца.. блюдутъ экономію... «берегутъ народную казну»... А себѣ отхватываютъ жирные куски изъ той же скудной казны!.. Вотъ вамъ и новый режимъ, и новые люди!..

Разочарованіе государственной думой наблюдается и у менѣ развитыхъ людей, ждавшихъ, что дума въ первую очередь займется удовлетвореніемъ матеріальныхъ нуждъ крестьянства. Одинъ чувашенинъ, старый отставной уланъ, еще не потерявшій слѣдовъ солдатскаго развитія, спрашивалъ:

— А что дума?

— Отдыхаетъ...

— И больше не соберется?

— Обязательно соберется въ октябрѣ.

— А я такъ полагаю, что она нашихъ дѣловъ не уладить..

— Какихъ дѣловъ?

— Да вотъ насчетъ земли...

— Погодите! дойдетъ очередь и до вашихъ дѣловъ... нельзя сразу все удѣлать... Земля наша велика...

— Преобширная державал.. сколько всякаго народу!.. Чай, и во сто лѣтъ дума не разберется въ нашихъ дѣлахъ...

Хотѣлось ему отвѣтить, что дѣло обстоитъ похоже на то... Но... зачѣмъ смущать младенцевъ, разъ у нихъ уже появляется тенденція ставить государственную думу во главѣ угла... Доходитъ это до наивности, когда въ вину думѣ ставятся всѣ не порядки нашей жизни, до послѣднихъ мелочей. Это очень крупное новое явленіе, доказывающее, что уже самый фактъ существованія думы даетъ большіе результаты...

До чего наивно проявляется такой взглядъ на думу, приведу разговоръ съ представителемъ босячества въ одномъ крупномъ фабричномъ пунктѣ (Владимирской губерніи). Это былъ довольно интеллигентный человекъ—«бѣлый дьяконъ», какъ онъ отрекомендовался, спустившійся до босячества, благодаря своему про-

пойству и буйному нраву. Въ какомъ-то побоищѣ «подъ Флорищевой пустыней» онъ лишился 4 пальцевъ правой руки и потому потерялъ право дьяконствовать, но «изъ сана не изверженъ». Учился онъ даже въ Троицкой академіи (при ректорѣ протоіереѣ Горскомъ), но со II курса «вылетѣлъ» за то, что «споилъ всю академію пьянымъ молокомъ»: пронесъ ведро водки, «забѣливши ее молокомъ»...

Этотъ интересный о. Алексѣй, представитель сливокъ босячества, человѣкъ достаточно развитой, головою выше заурядныхъ мужиковъ, вдругъ снаивничалъ чисто по-мужицки:

— Помилуйте! какой сахаръ сталъ дорогой!.. Это дума надѣлала!..

— При чемъ тутъ дума?! и безъ нея сахаръ былъ дорогъ...

— Дума должна установить тарифъ на съѣстные припасы... А то бѣдному человѣку жить нельзя... Вѣдь до чего дошло?! стали ужъ водою торговать!.. Развѣ это возможно?!.. вода отъ Господа Бога...

— Гдѣ же это водою торгуютъ?

— А вотъ въ Муромѣ... Богатый купецъ устроилъ тамъ водопроводъ на общую потребу и завѣщаль, чтобы всѣмъ ее даромъ отпускать. Такъ много лѣтъ и пользовались всѣ даровой водой. А теперь вдругъ сталъ городъ требовать по копейкѣ за ведро... и платять!..

— Отчего же горожане не протестуютъ?

— Э! дѣло такое... Былъ въ Муромѣ большой пожаръ и сгорѣло до 200 лавокъ. Денегъ-то нѣтъ на постройку гостинаго двора, ну, и собираютъ ихъ всячески, и за воду, вотъ, стали брать...

— Такъ кто же тутъ виноватъ, если муромцы согласились на такой сборъ!..

— Не всѣ согласились: бѣдняки плачутся.. Вотъ думѣ и дойти бы до этого...

— Ну, если дума станетъ заниматься всѣми нашими дрязгами и мелочами, такъ большихъ дѣлъ не надѣлаетъ...

— Что-то и большихъ дѣловъ мы отъ нея не видимъ...—иронически закончилъ о. Алексѣй.

Вообще, ироническое отношеніе обывателей къ думѣ надо признать рѣшительно преобладающимъ... Невѣдомые поэты уже сочинили сатирическіе куплеты насчетъ думы, и народные пѣвцы распѣвали ихъ лѣтомъ на волжскихъ пароходахъ, подъ аккомпаниментъ балалайки. Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось натолкнуться на это злободневное произведеніе народной сатиры, но слышавшіе ее передавали, что она написана очень зло и остроумно. Каждый куплетъ сопровождается ироническимъ припѣвомъ:

Ахъ ты дума, дума, дума
Го-су-дар-ствен-на-я!..

Если дума еще чутью какъ будто интересовала обывателя, и то лишь съ отрицательной стороны (добраго слова о ней буквально ни единого не слышалъ за эти полгода—съ весны до осени...), то ужъ другіе вопросы внутренней политики рѣшительно всѣми игнорировались. Тѣ живые, горячіе, страстные разговоры и вѣчные споры о политическихъ злобахъ дня, какіе возникали еще въ прошломъ году на каждомъ шагу, въ любой обстановкѣ, среди случайно сошедшихся въ дорогѣ людей—эти «вольные», никѣмъ не собранные и не упорядоченные, но несомнѣнные митинги, теперь совсѣмъ отсутствовали. За все время мѣсячнаго плаванія всего разъ образовался вольный митингъ, да и тотъ былъ искусственно вызванъ заграничнымъ нѣмцемъ.

Было это на любимовскомъ пароходѣ «Пермь», педшемъ внизъ по Камѣ. Въ столовой рубкѣ II класса собралось ради вечерняго чая большое общество пассажировъ. Преобладала молодежь—казанскіе студенты, курсистки и вообще барышни. Тутъ же были ихъ отцы, матери и другіе пассажиры, въ томъ числѣ и нѣмецъ, очень подвижной и любознательный, свободно, но какъ-то по книжному говорившій по-русски. Если не ошибаюсь, это былъ не то коммивояжеръ крупнаго полета, не то собственникъ какого-то промышленнаго предпріятія.

Среди молодежи завязался разговоръ по поводу «крупнаго» событія дня, въ которомъ дебютировалъ тогда г. Шварцъ, министр народнаго просвѣщенія,—такъ называемаго «изгнанія» изъ университетовъ вольнослушательницъ. Разумѣется, на г. Шварца сыпались громы и молніи. Нѣмецъ съ удивленіемъ прислушивался къ этимъ рѣчамъ, видимо, пораженный, что такое маленькое дѣло вдругъ выросло у насъ до степени государственнаго событія... Онъ вступилъ въ разговоръ и заинтересовалъ всѣхъ присутствовавшихъ, переведя вопросъ на принципиальную точку зрѣнія. Обращаясь къ «отцамъ» и «дѣтямъ», онъ поставилъ вопросъ ребромъ:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, какую задачу вы, русскіе, ставите для своихъ женщинъ?.. Мы, какъ и всѣ въ Европѣ, да и вездѣ на свѣтѣ, хлопочемъ и ставимъ на первомъ планѣ, чтобы у насъ были хорошія матери. А вамъ, русскимъ, что требуется: женщина-мать, или общественная дѣятельница?..

Увы! не только зеленая молодежь почти поголовно, но и большинство родителей, не желавшихъ показаться «отсталыми» въ глазахъ своихъ дѣтей, рѣшительно, но бездоказательно заявили, что якобы Россіи нужны не «матери», а дѣятели въ юбкахъ... Они протестовали противъ такого «старья», какъ «стремленіе запереть женщинъ въ спальни и кухни», чего у нѣмца и въ помышленіи не было. Онъ съ видимымъ соболѣзнованіемъ культурнаго европейца прислушивался къ этому несуразному галдежу, крайне «радикальному», но построенному «на песцѣ», вопреки требованій природы и разума.

— У насъ въ интеллигентной средѣ,—кричалъ одинъ студентъ,— 90 процентовъ негодныхъ дѣтей...

— Вотъ, вотъ...—подхватывалъ нѣмецъ:—слѣдовательно, и вамъ требуются прежде всего хорошія матери!..

— У негодныхъ родителей не можетъ быть хорошихъ дѣтей...— продолжалъ побивать самого себя студентъ.

— Про это же я и говорю...—настаивалъ нѣмецъ.

— Нѣтъ! вы это оставьте про себя!..—вопіялъ молодой земскій врачъ.—А мы, русскіе, пойдемъ новою дорогою...

— Но позвольте!.. природа не допускаетъ тутъ никакихъ новыхъ дорогъ... безъ матери вы не обойдетесь!..

— Обойдемся!.. заведемъ ясли, дѣтскіе сады... вырвемъ дѣтей изъ рукъ негодныхъ матерей!..

— Но это будетъ совсѣмъ не то!.. и вы съ своими яслями, но безъ матерей, доведете Россію до гибели!..

— Не безпокойтесь!.. сумѣемъ прожить и безъ вашей культуры...

И т. д. и т. д. г.г. радикалы стали договариваться уже до открытія по деревнямъ общественныхъ ресторановъ для мужиковъ, вслѣдствіе упраздненія такого «отжившаго учрежденія», какъ семья... Стыдно было слушать этотъ вздоръ и такъ совѣстно было предъ культурнымъ европейцемъ... Приходилось краснѣть за русскую «интеллигенцію», до сихъ поръ еще питающуюся старыми отбросами европейской соціальной кухни.

Во сколько разъ разумнѣе и содержательнѣе были немудренія рѣчи простыхъ людей объ иныхъ общественныхъ темахъ. Въ чайной и столовой приволжскаго уѣзнаго городка собрались въ базарный день подгородные крестьяне и завели рѣчь о современной дороговизнѣ. Пожилой крестьянинъ жаловался:

—Давно ли пара лаптей стоила 5 копеекъ, а нонѣ подавай 16—17 копеекъ.

— У насъ въ деревнѣ,—перебилъ другой,—за пару лаптей надо дать 12 копеекъ: и то страшно дорого...

— А коровье масло?—продолжалъ первый:—42 копейки фунтъ... это въ деревнѣ-то!.. какъ тутъ кашу маслитъ?! Ышь кашу съ водой!.. Каки тутъ сдобны лепешки? клади на нихъ зарокъ!..

— Да чего ужъ тутъ!..—вставилъ молодой крестьянинъ:—у насъ стали продавать молоко на фунты...

— Что ты?! вотъ такъ штука!..--расхохоталась вся компанія.

— Ей-Богу! по полторы копейки берутъ за фунтъ молока...

— Яйца нонѣ на базарѣ ой какъ кусались: 23 копейки десятокъ...

— И все такъ, до чего ни коснись... Подметки, бывало, стоили 20 копеекъ, а теперь 1 рубль 20 копеекъ. Прежде, бывало, возмешь ситцу на рубаху на 40 копеекъ, а сейчасъ и за 80 копеекъ не справишь...

— Божья воля!..—вздыхнулъ старикъ.

— Чего тамъ!—рѣзко перебилъ молодой крестьянинъ:—сами виноваты!.. По глупости своей завели эти забастовки и всякіе безпорядки... Ну, купецъ и сжался... и работы вездѣ умалилось.. По сколько мѣсяцевъ стояли инныя фабрики!.. Вотъ и отдуваемся теперь своимъ карманомъ...

— Да! это такъ... вѣрно!.. сами виноваты, что всякимъ рѣчамъ вѣрили... «Лучше будетъ», толковали намъ... Вотъ оно и «лучше» вышло!—раздавались дружныя восклицанія собесѣдниковъ. Тотъ же молодой крестьянинъ продолжалъ:

— Говорятъ намъ, что не надобно богатыхъ... А намъ безъ богатыхъ не прожить!.. Сколько народу богатые люди кормятъ... Безъ нихъ ложись и помирай!..

— Вѣрно!.. вѣрно!.. капиталъ—великое дѣло... сколько добра на него можно сдѣлать!..—поддержали собесѣдники молодого собрата, продолжавшаго такъ развивать свою мысль:

— Вотъ кто держитъ свои капиталы въ банкѣ, да живетъ на купоны—это вредный человѣкъ: ни себѣ, ни людямъ... А кто своими капиталами работаетъ, промышленяетъ да даетъ около себя кормиться людямъ—такіе богатые намъ нужны... Безъ нихъ мы пропадемъ!.. Вотъ иной въ банкѣ займетъ и ведетъ дѣло, рискуетъ: такому еще больше спасибо, что идетъ на рискъ, а людей кормить... А уничтожьте богатыхъ—вся жизнь остановится, замретъ... никто ничего не будетъ выдѣлывать... И не такой еще дороговизны дождемся!..

— Правду говоришь!..—дополнилъ случившійся тутъ ветлужанинъ.—Вотъ у насъ, на Ветлугѣ, бурлаки шибко безобразничали и прошлую навигацію, и запрошлую: и бастовали, и плоты бросали середь рѣки, и лѣсъ растаскивали... Ну, лѣсопромышленники и сжались: зимою уменьшили вырубку лѣса, а иные и вовсе не роняли своихъ лѣсовъ... испужались бурлацкаго хулиганства... А кто въ накладѣ остался? тѣ же самые бурлаки, что липились и зимняго заработка по рубкѣ лѣса, и весенняго по его сплаву... Теперь и сами плачутся на себя, да поздно спохватились...

— И мы отъ ихъ безобразіевъ наплачемся: дѣны на лѣсъ во какъ поднимаются!.. —прибавилъ волгарь, поддержанный всѣми собесѣдниками.

Разумѣется, услышать такія здравыя разсужденія насчетъ капитала—большая рѣдкость. Капиталисты черезчуръ привыкли злоупотреблять своей силой и тѣмъ, естественно, вызываютъ протесты... Припоминаю разговоръ съ мѣщаниномъ, рабочимъ лѣсопилки на Волгѣ, въ началѣ холерной эпидеміи. Мѣщанинъ съ сокрушеніемъ заявилъ:

— Только насъ, бѣдныхъ, холера и беретъ, а богатыхъ не трогаетъ...

— Неправда, сходите-ка въ холерный баракъ и увидите тамъ пермскаго купца, сегодня снятаго съ каменскаго парохода...

— А все же... богатые выздоравливаютъ отъ холеры, а бѣдные нѣтъ...

— И это неправда! вотъ и матросъ съ меркурьевскаго парохода и рабочій, пассажиръ съ каменскаго, поправляются, а купецъ безнадеженъ...

— Можетъ быть... Но согласитесь, что холера больше забираетъ бѣдныхъ людей...

— Понятно: бѣдныхъ больше, чѣмъ богатыхъ... И бѣдные не берегутся...

— Какъ намъ уберечься?! Вотъ мы работаемъ на лѣсопилкѣ, устанемъ... душно, жарко... ну, и хлебнемъ сырой воды...

— Пейте кипяченую.

— Нѣтъ ея на заводѣ...

— Просите хозяина: онъ обязанъ въ холерное время держать для рабочихъ кипяченую воду.

— Мало ли что онъ обязанъ!.. Какъ ждуть фабричнаго инспектора, такъ хозяинъ и вывѣситъ фабричныя правила, а уѣхалъ инспекторъ—правила снимаются... Такъ мы и не знаемъ этихъ правилъ—и не читали ихъ!..

— Просто же у васъ дѣлается!.. Стыдно вашему хозяину: вѣдь онъ—интеллигентный чехъ, европеецъ...

— Не знаете вы его!.. Станемъ ему на что жаловаться—уходи вонъ!..

— Жалуйтесь инспектору...

— Онъ разъ въ годъ приѣзжаетъ, и мы его видимъ всегда съ хозяиномъ... какъ тутъ жаловаться?!

— Напишите инспектору...

— Они тянутъ сторону хозяевъ...

— Жалуйтесь на инспектора выше...

— Мы народъ темный... не знаемъ путей...

— Въ томъ-то и бѣда ваша...

Да, сколько зла надѣлала эта «темнота» въ періодъ нашей революціи!.. Именно этою народною темнотою всего болѣе объясняются всѣ «успѣхи» революціи, такъ быстро вспыхнувшей и столь же скоропалительно погасшей... И врядъ ли бы эти успѣхи были такъ громки и внушительны, если бы народъ раскусилъ, какими мотивами руководились вожди и дѣятели революціи, пользуясь народомъ, какъ слѣпымъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Во всякомъ случаѣ, когда позорный крахъ революціи сталъ очевиденъ и младенцамъ, революціонеры теперь уже не скрываютъ своего глубочайшаго презрѣнія къ народу, который-де «не поддержалъ» ихъ...

Одинъ изъ главныхъ «эсеровъ» на одной фабрикѣ Владимирской губерніи, лишенный мѣста за пропаганду, буквально плачетъ о потерѣ заработка и говоритъ рабочимъ:

— Зачѣмъ я за васъ стоялъ?! не стойте вы того, чтобы изъ-за васъ я страдалъ!.. Глушь я былъ, что разсчитывалъ на вашу поддержку... стадо вы баранье!..

Передавали интересный отзывъ о народѣ такого столпа революціи, какъ «Михаилъ Ивановичъ Медвѣдь», котораго потомъ казнили за грабежъ народныхъ денегъ на Фонтанкѣ... Въ періодъ московской смуты онъ такъ упрекалъ одного лектора, читавшаго рабочимъ экономическіе рефераты:

— Охота вамъ работать, стараться.. и для кого?! для этого сбродал.. Напрасны всѣ ваши хлопоты!.. лучше они не стануть... Плюньте на нихъ!..

Народу теперь предоставлена возможность поближе познакомиться съ гг. революціонерами, благодаря ссыльной колонизаціи... И разные медвѣжьи углы, въ родѣ Чердынскаго, Кунгурскаго и др. уѣздовъ Пермской губерніи, страшно жалуются на ссыльныхъ «политическихъ», отъ массы которыхъ «населеніе сильно страдаетъ»... Напр., одинъ чердакъ (чердынецъ) плакался, что въ его деревнѣ 19 дворовъ, а ссыльныхъ 20 человекъ!..

Правда, среди ссыльныхъ есть и уголовные, но вѣдь теперь такъ трудно отличить «политическаго» отъ «уголовнаго»; функціи тѣхъ и другихъ такъ слились, по новѣйшей «этикѣ» революціонизма... Тонъ задаютъ, несомнѣнно, политическіе, и во всякомъ случаѣ обыватели не отличаютъ тѣхъ отъ другихъ и одинаково страдаютъ ото всѣхъ ссыльныхъ. Рѣдкіе изъ послѣднихъ пристраиваются къ какой-либо работѣ, напр., уходятъ на уральскіе заводы, когда, по истеченіи извѣстнаго срока, получаютъ «проходныя свидѣтельства» на заводы. Но большинство попрошайничаетъ, пьянствуетъ, хулиганствуетъ и того хуже... Мѣстная администрація молитъ о прекращеніи высылки политическихъ, но Питеръ глухъ къ этимъ моленіямъ.

Жалость пермяковъ возбуждаютъ ссыльные кавказцы, гибнущіе отъ непривычнаго суроваго климата. Разсказывали о смерти одного молодого грузина, который погибъ только оттого, что ни онъ, ни его товарищи, не говорящіе по-русски, не могли объяснить доктору его болѣзни...

«Первое мая» прошло спокойно: вездѣ работали — въ Перми, Мотовилихѣ и на другихъ заводахъ. Только въ пермской тюрьмѣ «товарищи» устроили праздникъ: выкинули изъ оконъ красные флаги, пѣли, кричали... пока не появился эскадронъ кавалеріи...

Кромѣ этого единичнаго случая, не приходилось слышать ни о какихъ другихъ проявленіяхъ чистаго революціонерства, если не считать грабежей и разбойничества — «послѣднихъ словъ» революціоннаго искусства, начинающихъ входить въ норму нашей жизни, какъ единственный практическій результатъ революціи...

Когда пришлось заговорить на эту тему съ однимъ парходнымъ спутникомъ, высоко-образованнымъ, философскаго склада мышленія, очень своеобразнаго, этотъ наблюдательный человекъ (артистъ по профессіи), внимательно присматривающійся къ народу и отчасти даже «влюбленный» въ него, замѣтилъ:

— Народъ молчитъ, скрытничаетъ отъ насъ, таитъ что-то въ себѣ... Нельзя, поэтому, рѣшительно сказать: осталось ли въ народѣ какое впечатлѣніе отъ смуты, или нѣтъ... Можно, однако, утверждать, что если болѣе горячія головы продолжаютъ радикальничать и пережевываютъ революціонную пищу, то масса охладѣла къ «новому ученію», такъ какъ оно не дало ей ничего реальнаго, хотя на словахъ сулило золотыя горы...

— Съ другой стороны,—продолжалъ артистъ,—народная масса въ большинствѣ не шевельнулась и — понятно почему... Одна злоба можетъ поднять революцію... Болѣе озлобленные элементы и поднимались у насъ... Но ихъ мало... Злобы у насъ нѣтъ въ такой степени, какъ, напримѣръ, въ Турціи. Массѣ въ Россіи живется недурно, и злоба не накопилась...

— Вы правы, что это главная причина краха революціи... Но не находите ли вы, что въ немъ повинны и сами революціонеры?

— Безъ сомнѣнія!.. Посмотрите, кто у насъ «дѣлалъ революцію?»—Всякіе неудачники жизни, недоучки, недоросли!.. Революція вынесла въ свои первые ряды разные отбросы города и деревни... Могли ли такія руки сдѣлать что-либо продуктивное?! Сапожники взялись печь для насъ райскіе пироги...

— Да... И притомъ же, многіе ли изъ революціонеровъ являются идейными борцами? развѣ на самыхъ верхахъ революціи...

— И тамъ жидковато... А ужъ какія «идеи» среди «отбросовъ» общества и народа?! «Герои»!.. не признаю я ихъ геройства...

— Однако, лучшіе изъ нихъ гибнутъ за идеи... пусть и вздорныя идеи, но все же это не что-либо неизменное..

— Никакой разницы я не вижу: одинъ гибнетъ отъ вина, другой отъ идеи... Такъ одинъ устроенъ, что для него его идея—выше всего на свѣтѣ, а для другого — выше графина съ водкой ничего нѣтъ... Оба они удовлетворяютъ свое животное «—только-то и всего... Какое тутъ геройство?!—Иначе они не могутъ дѣйствовать: «спортивные начала», которыхъ такъ много въ революціи, заложены въ ихъ природѣ...

Не стоило спорить на эту скользкую тему... Но артистъ-философъ былъ правъ въ своихъ практическихъ наблюденіяхъ надъ отношеніемъ народа къ революціи: съ нимъ согласны и другіе многочисленныя наблюдатели текущаго момента. Да и самъ народъ не всегда «молчитъ», а высказывается иногда очень прямо и откровенно.

Обывательница приволжскаго городка, старуха-мѣщанка, даже неграмотная, но очень развитая, такъ резюмировала крахъ революціи:

— Отъ всей работы революціонеровъ ровно ничего не улучшилось... Все идетъ по-старому, а то и хуже...

У этой же старухи былъ любопытный разговоръ съ мѣстнымъ «революціонеромъ». Это—бравый отставной капитанъ за 70 лѣтъ, живущій на пенсію отъ правительства и объявившій отъ скуки и бездѣлья войну этому самому правительству... Онъ даже «пострадалъ» — не разъ бывалъ изъятъ изъ употребленія и заключаемъ въ темницу за пропаганду и т. д. Пенсіи у него не отнимаютъ, и онъ продолжаетъ «баловаться революціей» на казенный счетъ...

Почтенная горожанка спрашиваетъ разъ этого капитана:

— Больше, надо полагать, вы уже не пожелаете сидѣть въ острогѣ?

— Не зарекаюсь... еще разика три, вѣроятно, посижу...—разсмѣялся капитанъ.

— Какая польза отъ того?

— А какъ же!.. насъ будутъ добромъ поминать...

Капитанъ, мечтающій попасть въ исторію, ушелъ. Къ старухѣ подошелъ сосѣдь-крестьянинъ, которому она и передала разговоръ съ капитаномъ.

— Вотъ говоритъ, что будутъ ихъ добромъ поминать...

— А опрытка ихъ возьми!—воскликнулъ крестьянинъ.—Сколько изъ-за нихъ крови пролито!.. сколько слезъ течетъ!.. какого вездѣ горя понадѣлали!.. грабили, убивали... И никому лучше не стало, а всѣмъ пошло тяжелѣе жить... Проклинать ихъ надо, а не добромъ поминать!..

Интеллигентный волгарь-горожанинъ, вышедшій изъ народа, прекрасно объяснялъ причину краха революціи:

— Почти всѣ теперь отвернулись отъ революціи... И это естественно. Почему Христосъ имѣлъ такой успѣхъ? Онъ положилъ въ основу своего ученія силу любви... А революціонеры проповѣдуютъ вражду, насилія, зло... А зломъ всѣхъ не увлечешь. На приманку зла отозвались только худшіе элементы народа, съ которыми далеко не уйдешь...

— Вы правы, — замѣтилъ собесѣдникъ. — Никакой высокой идеи революціонеры не принесли народу... Они поманили его на удочку матеріальныхъ благъ, да и къ тѣмъ-то не могли указать другихъ путей, кромѣ грабежа, насилія, неправды... А такія «идеи» не живучи...

— И потому...—продолжалъ волгарь,—какой деспотизмъ они обнаружили!.. Борются якобы во имя свободы, а сами не выносятъ ни малѣйшей свободы убѣжденія... Кто «инако мыслить»—

это врагъ, котораго надо всячески истреблять... Только они, «правовѣрные», должны жить, а всѣмъ остальнымъ—смерть!..

— Да, добейся они власти, мы увидѣли бы такія проявленія самаго варварскаго деспотизма, которыя перещегооляли бы и варварство «великой революціи»...

II.

Лѣвые и правые.

Какіе еще факты подтверждаютъ крахъ россійской революціи? Помимо общихъ настроеній народа и общества, о которыхъ пла рѣчь выше, обратимся къ настроеніямъ разныхъ слоевъ въ частности. Начнемъ съ тѣхъ элементовъ, кои уже по самому своему положенію волею-неволею опредѣлились, какъ «лѣвые» и «правые», какъ борцы революціи и противники ея.

Нашу революцію «дѣлали», главнымъ образомъ, три элемента: неучащаяся «учащаяся» молодежь, фабричные рабочіе и босяки. Каково же ихъ настоящее настроеніе?

Студенты самыхъ разнообразныхъ петличекъ и погоновъ въ одинъ голосъ твердили такъ:

— Насъ теперь не поднимешь на общее дѣло... Заворушку можно вызвать, но она не разовьется въ крупное и дружное дѣло... Студенчество идетъ вразбродъ, разбилось на партіи, кружки, толки... Вожаковъ нѣтъ: одни изъяты изъ употребленія, другіе сами попрятались, или добровольно отказались отъ руководящихъ ролей.. Большинство студентовъ отвернулось отъ политики, погрузившись то въ науку, то въ карьеризмъ и другія земныя блага...

Насчетъ послѣднихъ мотивовъ сами студенты рассказывали о студентахъ ужасныя вещи... Говорили о студентѣ петербургскаго университета, который «укралъ въ касѣ студенческой столовой 15 тысячъ и—остался студентомъ»... Слушатели возмущались:

— Какъ?! студентъ-воръ, да еще обокравшій свою же голодную братію... и «остался студентомъ»?!

— Очень просто...—замѣтилъ студентъ-рассказчикъ:—не пойманъ—не воръ. И отлично себѣ поживаетъ!.. обезпечилъ себя...

— Ну, въ наше время, — замѣтилъ пожилой господинъ, — ничего подобнаго не могло быть!.. даже заподозрѣннаго въ такой гадости студента выбросили бы изъ студенческой среды...

— Вотъ такъ они и нами будутъ управлять!..—невольнo вырвалось у одного слушателя, паромодчика изъ Городца.

Ярославскій студентъ жаловался на разные дефекты въ жизни мѣстныхъ студентовъ:

— И наша студенческая столовая дышитъ на ладанъ: студенты избѣгаютъ ея, такъ какъ въ ней кормятъ отвратительно...

— Но кто же завѣдуетъ столовой?

— Выборные студенты...

— И сами студенты не могутъ поставить какъ слѣдуетъ свое кровное дѣло?! хороши!

— А хотятъ нами управлять!.. Россію мечтаютъ перевернуть на иной ладъ!..—воскличалъ городецкій пароходчикъ.

Ярославскій студентъ продолжалъ:

— Живется у насъ очень скучно... Театра нѣтъ... Пьянство сильно развито между студенчествомъ... всѣ поголовно пьютъ...

— Неужели нѣтъ охоты къ болѣе благороднымъ развлечениямъ?.. Ну, можно бы завести литературные, музыкальные, научные кружки...

— Не привьется это у насъ... разсыпалось студенчество, разъединилось...

Правда, на ряду съ этими признаками разложенія наблюдаются и свѣтлыя явленія, говорящія о наступающемъ оздоровленіи молодежи. У многихъ наука уже взяла верхъ надъ политиканствомъ. «Тоція модныя брошюрки», которыми питалась молодежь все время смуты, выбрасываются за бортъ и замѣняются «настоящими книгами».

Но въ общемъ эти свѣтлыя искорки такъ рѣдки и слабы... «Выздоровленіе» идетъ черезчуръ медленно...

Разложеніе коснулось и средней школы. Случаи хулиганства школьниковъ многочисленны. Приведу для примѣра одинъ, разыгравшійся въ Перми: прислуга II класса на пароходѣ «Пермь» задержала на пристани 15-лѣтнюю гимназистку, дочь состоятельнаго мѣстнаго лавочника, которая въ предыдущій рейсъ парохода «нагрѣла» прислугу на 17 р. и удрала, не заплативши... За два дня пути эта дѣвочка «наѣла и напила» на 17 р., угощая себя и дѣтей пассажировъ конфетами и проч., и все это на счетъ одуроченной ею прислуги!..

Но встрѣчаются и болѣе серьезные факты нравственнаго паденія школьниковъ. Въ одномъ большомъ приволжскомъ городѣ гимназистка старшаго класса, дочь почтенныхъ родителей, серьезно говорила пораженной матери:

— Мама! ты не вѣрь этимъ слетнямъ, будто я живу со многими... Я живу съ однимъ... съ Иваномъ Ивановичемъ...

Разумѣется, нельзя обобщать этихъ печальныхъ результатовъ революціи, но и какъ исключенія они ужасны... Во всякомъ случаѣ, молодежь, начавшая такъ опускаться, не можетъ долго идти по этой наклонной плоскости. Здоровыя начала жизни берутъ верхъ надъ революціоннымъ угаромъ.

Въ болѣе серьезной революціонной средѣ—въ фабричномъ мірѣ—врядъ ли когда пройдетъ революціонное настроеніе, благодаря растущимъ аппетитамъ и «злобѣ» рабочихъ и близорукой политикѣ капиталистовъ. Но и здѣсь революціонный угаръ замѣтно ослабѣ-

ваесть... Не буду распространяться объ этомъ общеизвѣстномъ явленіи, всюду въ фабричныхъ центрахъ наблюдаемомъ.

Спросите жителя г. Иваново-Вознесенска: возможны ли у нихъ теперь забастовки? Ивановецъ только расхохочется въ отвѣтъ, удивляясь наивности вопроса... такъ онъ увѣренъ въ спокойствіи ивановскихъ рабочихъ, испытавшихъ всю горечь забастовокъ въ 1905 году. Конечно, прибавилъ ивановецъ, вспышки возможны, но онѣ не могутъ вырасти въ серьезное политическое движеніе.

То же можно сказать и о другихъ фабричныхъ центрахъ. Конечно, гг. революціонеры не будутъ спать и всегда будутъ подзуживать рабочихъ, пользуясь малѣйшими предлогами для возбужденія радикальныхъ фабричныхъ элементовъ. Случайныя забастовки и единичные беспорядки возможны и теперь, но все это будетъ далеко не то, что фабричныя движенія въ періодъ прошлой смуты.

Насколько сейчасъ слабо бьеть революціонный пульсъ на фабрикахъ, приведу два характерныхъ курьеза изъ жизни одного крупнаго фабричнаго центра Владимирской губ. Весною прокламаціи о чествованіи 25-лѣтія со смерти Карла Маркса забастовкою вызывали буквально смѣхъ даже у «сознательныхъ товарищей», а масса рабочихъ, конечно, и бровью не шевельнула, открешиваясь отъ всякихъ—и чужихъ и своихъ «Марксовъ», несущихъ такой наивный вздоръ... Осенью же эта рабочая масса была на волосокъ отъ забастовки... изъ-за капусты!.. Да! опоздай фабричная администрація доставкой капусты—и разыгралась бы «революція»... Вотъ и поймите россійскаго «пролетарія», предпочитающаго капусту... самому Карлу Марксу!.. Отъ Маркса онъ со смѣхомъ отворачивается, а за капусту не прочь и животы свои положить...

Мудрено ли послѣ этого, что революціонный жаръ погасъ даже у самыхъ горячихъ сторонниковъ революціи—у гг. босяковъ, этихъ грозныхъ «буревѣстниковъ», столповъ россійской свободы, столь превознесенныхъ фальшивыми устами Максима Горькаго... Куда дѣвались ихъ нахальство, наглость высшей марки, апломбъ времени смуты? Снова они вернулись въ свое первобытное состояніе—опять стали такими гаденькими, пошлыми и жалкими «бывшими людьми», какими въ дѣйствительности всегда были и навсегда останутся...

Припоминаю одну сцену въ Нижнемъ, въ томъ самомъ Нижнемъ, гдѣ всего полгода назадъ босяки «гордо держали свое знамя» хулиганства и были въ высшей степени нестерпимы, держа городъ чуть не въ осадѣ. А теперь—какой оборотъ, съ Божьей помощью!..

Была страстная суббота, когда утромъ я сошелъ съ почтоваго поѣзда Нижегородской желѣзной дороги и сѣлъ на извозчика, направляясь къ пристани перевозныхъ черезъ Оку пароходиковъ. Извозчикъ поторапливалъ, такъ какъ возобновился ледоходъ и

рейсы пароходиковъ должны были скоро прекратиться. Мы поѣхали очень быстро, догоняя двигавшуюся впереди вереницу другихъ извозчиковъ съ пассажирами. Повернувши съ вокзальной площади въ улицу, мы увидѣли, что по правой сторонѣ ея расположилась цѣпь босяковъ, поджидавшихъ экипажи. Какъ только извозчикъ равнялся съ цѣпью, изъ нея выскакивалъ босякъ, предлагалъ свои услуги по переноскѣ багажа на пристань и бѣжалъ рядомъ съ экипажемъ, чтобы не упустить «своего» пассажира. Такъ и двигались рысью экипажи, сопровождаемые галопирующими сбоку этими двуногими... собаками... Бѣжать имъ приходилось около двухъ верстъ, но ни одинъ изъ босяковъ не отсталъ и не упустилъ своего куска...

Съ ужасомъ глядѣлъ я на собачье усердіе «бывшихъ людей» и предложилъ «своему» босяку, изможденному, болѣзненному субъекту, присѣсть на моего извозчика, но онъ отказался, только ухватился рукою за крыло дрожекъ и такъ добѣжалъ до пристани... Стоявшіе здѣсь босяки хотѣли было оттолкнуть «моего» босяка («товарищеская солидарность!»), измученнаго бѣготнею, и овладѣть багажомъ, но я не далъ «своего» босяка въ обиду и двинулся съ нимъ на пароходикъ, собиравшійся отвалить въ послѣдній рейдъ, среди двигавшихся льдовъ.

На городскомъ берегу нѣсколько босяковъ снова покушались вырвать багажъ у моего босяка, но я снова отстоялъ его и пошелъ съ нимъ пѣшкомъ до гостиницы, чтобы увеличить его заработокъ, хотя пришлось идти около двухъ верстъ.

Вотъ они какіе стали эти «буревѣстники», съ ихъ собачьимъ усердіемъ въ погонѣ за кускомъ хлѣба, вырывающіе эти куски другъ у друга!..

Перехожу къ «правымъ» элементамъ—правымъ *de officio*. О російскомъ воинствѣ—первомъ оплотѣ закона и порядка—идутъ толки, что въ немъ сильно распространяется революціонная пропаганда. Очень возможно: есть же умные люди и среди революціонеровъ, раскусившіе, гдѣ раки зимуютъ...

Приходилось и мнѣ наткаться на распропагандированныхъ солдатъ, но это были рѣдкія исключенія, вышедшія больше изъ «манчжурской школы». Особенно памятенъ встрѣченный на Ветлугѣ саперъ, покончившій свою службу на Дальнемъ Востокѣ и возвращавшійся на родину, на глухую Урень (за Ветлугой), населенную старообрядцами. Воображаю, какіе конфликты пошли между этой старозавѣтной средой и этимъ чистымъ революціонеромъ, прошедшимъ и владивостокскіе военные бунты, и одиночное заключеніе въ военной тюрьмѣ и т. п. Да и онъ самъ сознавалъ, что не уживется на родинѣ, и мечталъ вернуться къ городской жизни. Уже здѣсь, на бурлацкомъ пароходѣ, онъ, видимо, не переваривалъ своихъ земляковъ—бурлаковъ, возвращавшихся домой

съ бѣлянъ, соймъ и баржей, сплавленныхъ ими на Волгу. Его коробили и пьянство бурлаковъ, и ихъ безобразныя выходки, и всякое хулиганство. Онъ старался держаться отъ нихъ въ сторонѣ, но все-таки ему пришлось выдержать нѣсколько рѣзкихъ столкновений съ ними. Очевидно было до наглядности, что этотъ интеллигентный солдатъ (какъ онъ хорошо знакомъ съ русской литературой и какъ умѣло разбирается въ ней!..) слишкомъ рѣзко разошелся съ своей средой и относится къ ней то презрительно, то величаво-нисходительно. И если бы онъ вздумалъ вести здѣсь революціонную пропаганду, его постигла бы полная неудача: обѣ стороны не поняли бы другъ друга. Тѣмъ болѣе онъ не могъ имѣть успѣха въ старообрядческой средѣ на Урени.

Эта разобщенность солдатъ отъ своей прежней среды—крестьянской, мѣщанской и т. д.—рѣзко бросается въ глаза даже при нынѣшнихъ короткихъ срокахъ военной службы. Казарма успѣшно перерабатываетъ мужика въ солдата и кладетъ рѣзкую грань между солдатами и обывателями. Солдатъ даже такой миниатюрной и скромной «части», какъ конвойная команда въ гор. Варнавинѣ (Костромской губ.), прослуживъ здѣсь только два года и побывавъ на родинѣ, въ Кологривскомъ уѣздѣ, уже такъ отзывается о ней:

— Скучно мнѣ тамъ показалось... и все хуже... Народъ погрубѣлъ, перемѣнился къ худшему... Совсѣмъ не узналъ я своей родины!..

Конечно, за два года не могла такъ рѣзко «перемѣниться» его захолустная родина на р. Унжѣ, но самъ онъ крупно «перемѣнился» и ушелъ впередъ отъ своихъ земляковъ...

Понятно, разъ казарма такъ передѣлываетъ обывателя въ солдата, интересы котораго очень далеки отъ обывательскихъ интересовъ, то въ рукахъ власти солдаты всегда будутъ надежнымъ орудіемъ противъ революціонныхъ настроений обывателей... Попытки революціонировать солдатъ пока еще въ зародышѣ...

Толкуютъ также о растущемъ будто бы антимиитаризмѣ русскаго общества. Не знаю... такихъ наблюденій не приходилось дѣлать. Нельзя же серьезно считать антимиитаристомъ пьянаго кунчика-подрядчика, который усѣлся «съ мухой» въ Рыбинскѣ на низовой пароходъ и вплоть до пристани Константиново усердно накачивалъ винами, ликерами и пр. какъ себя, такъ и приглашеннаго имъ кавалерійскаго офицера, которому въ концѣ концовъ, послѣ пріятельской бесѣды, пришлось выслушать отъ своего амфитріона такой репримандъ:

— Жертвую сичасъ сто рублей, штобъ у насъ не было ни солдатъ, ни офицеровъ!..

Бѣдный офицеръ, разлакомившійся даровымъ угощеніемъ, не нашелся, какъ отпарировать выпадъ пьянаго подрядчика... Онъ успѣшилъ уйти изъ столовой рубки II кл., кстати пароходъ под-

ходилъ къ гор. Романову, гдѣ гусару надо было сходить. Офиціантъ вынесъ его легонькій багажъ на балконъ, а тамъ подхватилъ матросъ и понесъ на пристань. Офицеръ далъ офиціанту 10 коп., а матросу... три копейки!..

Когда узналъ подрядчикъ о такой скарелности кавалериста (а, можетъ быть, онъ отдалъ все, что у него было...), онъ вскипѣлъ, бросился на пристань и рѣзко обрушился на офицера за то, что онъ «обидѣлъ маленькихъ трудящихся людей...». Офицеръ поспѣшилъ удрать на извозчикѣ, а расхोлившійся купчина вернулся въ рубку, усадилъ съ собою офиціанта, поилъ его и матросовъ всю ночь, до разсвѣта, когда сошелъ съ парохода.

Конечно, вся эта исторія разыгралась «по пьяному дѣлу» и нельзя ставить ее въ счетъ русскаго антимилицаризма... Серьезные элементы русскаго общества серьезно относятся къ своей арміи, какъ охранительницѣ закона и порядка, и если громятъ разные дефекты въ нашемъ военномъ дѣлѣ, то руководясь тѣмъ же чувствомъ симпатіи къ своему воинству и желаніемъ, чтобы оно всегда стояло на надлежащей высотѣ...

Во всякомъ случаѣ, въ русскомъ обществѣ нѣтъ и тѣни того антимилицаризма, когда одинъ видъ солдата вызываетъ тошноту. Напротивъ... Приведемъ очень милую пасхальную сцену, разыгравшуюся въ Нижнемѣ, на площадкѣ «Фонарика» (у начала знаменитаго «Откоса»). Утромъ перваго дня Пасхи тутъ собралось немало публики поглазѣть на остатки ледохода и начинавшійся разливъ Волги. Длинныя лавочки, идущія у края закругленной площадки, всѣ были сплошь заняты разсѣвшейся «чистой» и простой публикой. Сидѣли тутъ и котелки, и картузы, и шляпки, и платочки.

По тропинкѣ отъ подошвы горы поднялся молодой солдатъ, свѣжій крѣпышъ, съ румянымъ чистымъ лицомъ и добродушными глазами. И по облику, и по разговору казалось, что это былъ хохолъ (т. е. изъ новооткрытой недавно «украинской націи»). Онъ былъ чуточку «на взводѣ», но въ самую мѣру и только ради «великодня».

Отдышавшись отъ труднаго подъема и вытеревши запотѣвшее лицо чистымъ платкомъ (да! носовые платки уже обязательны у русскихъ солдатъ, а русскому мужику они и во снѣ еще не сняты...), хохолъ постоялъ, посмотрѣлъ на публику и задумался, какъ слѣдуетъ себя повести въ такой праздникъ на людяхъ... Онъ снялъ шапку, протянулъ руку первому картузу, сидѣвшему съ края лавочки, сказалъ: «Христосъ воскрес!» и потянулся похристосоваться. Картузъ любезно отвѣтилъ братскимъ поцѣлуемъ, какъ и слѣдующіе картузы и котелки, которыхъ всѣхъ подъ рядъ сталъ обходить солдатикъ, предлагая христосоваться.

Никто не отказалъ ему, кромѣ двухъ старухъ, побоявшихся, вѣроятно, оскоромиться сочными поцѣлуями браваго солдатика..

Одна старуха отрицательно замахала на него руками, другая предупредила подходъ его и пересѣла на заднюю лавочку. Хохоль не смутился ни этими старушечьими протестами, ни подзадоривающимъ смѣхомъ части публики, иронически подбодривавшей солдата продолжать свое дѣло... Хохоль очень серьезно относился къ нему, серьезно христосовался подъ рядъ со всѣми и шелъ дальше. Seriously отнеслось къ его наивности и большинство публики.

Такъ обошелъ онъ 5 лавочекъ, т. е. около 50 человекъ, давши каждому по три поцѣлуя. Но на 6 лавочкѣ судьба послала ему препону и остановила дальнѣйшій обходъ. Сидѣвшая тутъ милостивая дѣвушка въ платочкѣ похристосовалась съ солдатомъ и покраснѣла... Закраснѣлся и хохоль, и заявилъ:

— Опежь и я засоромился, ей-Богу!.. Ни! вже буде челомкаться, а то й губы попухнуть...

И онъ остановился у балюстрады и сталъ завязывать знакомство съ приглянувшейся ему дѣвушкой и ея сестрой. Не случись этого, солдатикъ обошелъ бы всю публику, собравшуюся у «Фонарика», и изъ этихъ 100 и болѣе человекъ рѣдкій отвѣтилъ бы отказомъ на наивный порывъ солдата.

Еще болѣе толкуютъ и пишутъ у насъ объ «озлобленіи» общества и народа противъ другого оплота законности—противъ полиціи. Что революціонеры и имъ «сочувствующіе», какъ и партійные органы крайнихъ лѣвыхъ партій, озлоблены на полицію и изрядно клеветаютъ на нее—это въ порядкѣ вещей и «рекомендуетъ» русскую полицію, разъ революція относится къ ней, какъ къ своему серьезному врагу... Естественно и то, что всякія злоупотребленія полиціи вызываютъ негодованіе русскихъ обывателей. Но какого-либо нарочитаго, принципиальнаго и поголовнаго озлобленія обывателей противъ полиціи мнѣ не приходилось наблюдать даже въ періодъ «смуты», а при настоящемъ затишѣ и въ поминѣ его вѣтъ.

Сплошь и рядомъ приходилось наткаться на такія сцены, которыя ясно говорятъ, что русское общество не подвергаетъ остракизму чиновъ полиціи только за ихъ мундиръ. Вотъ на кунгурскомъ пароходикѣ «Ирень» (по Камѣ, Чусовой и Сылвѣ) извѣстный мѣстный земецъ, старый «шестидесятникъ» чистыхъ кровей, человекъ кристальной порядочности, очень дружно бесѣдуетъ весь вечеръ, до глубокой ночи, съ жандармскимъ офицеромъ, хотя земецъ уже въ отставкѣ и не нуждается въ ухаживаніяхъ за властями... Вотъ на камскомъ пароходѣ «Петербургъ» сошлись и очень мило бесѣдуютъ на самыя высокія религіозныя темы такіе разнородные элементы, какъ православный священникъ, старообрядецъ и захолустный становой приставъ... Вотъ молодой питерскій зубной врачъ, самыхъ радикальныхъ убѣжденій, не скрывающій своей «красноты», поселившись на дачѣ въ приволжскомъ городкѣ, при-

ходить «въ восторгъ» отъ мѣстныхъ исправника и его помощника, съ которыми проводитъ время «съ большимъ удовольствіемъ» и даже ставитъ ихъ «выше другихъ чиновниковъ»... И т. д. и т. д.— все въ томъ же родѣ можно набрать массу фактовъ.

Сближенію публики съ полиціей много помогло нелѣпное увлеченіе глупѣйшей «литературой» о пресловутыхъ Шерлокахъ-Холмсахъ и т. п. Это увлеченіе подвигами сыщиковъ настолько велико, что доморощенные «шерлоки»—любители и добровольцы—появились среди скромнѣйшихъ обывателей. Попался и намъ такой «шерлокъ» на камскомъ пароходѣ «Петербургъ». Это былъ среднихъ лѣтъ состоятельный подрядчикъ, ѣхавшій на Сибирскую желѣзную дорогу, гдѣ у него былъ взятъ подрядъ на земляныя работы. По внѣшности очень приличный, въ общемъ неглухой и довольно развитой, онъ становился невмѣняемымъ, когда воображалъ себя заправскимъ «шерлокомъ», способнымъ «читать въ чужихъ сердцахъ» и т. д. Спутники попросили его дать характеристику ихъ, и онъ страшно всѣхъ размѣшилъ полнымъ и грубѣйшимъ непониманіемъ людей. Уравновѣшеннаго банковскаго чиновника, у котораго, по его словамъ, даже 6-лѣтняя дочь «законопослушная» особа, нашъ «шерлокъ» принялъ за «безпокойнаго» челоуѣка и т. п. Почтенную даму и приличныхъ барышень «шерлокъ» принялъ за уѣздную «тетеньку», везущую «этихъ дѣвицъ» въ свой городъ... Вѣчно онъ попадалъ впросакъ и оставался въ дуракахъ, но продолжалъ считать себя выдающимся россійскимъ «шерлокомъ». Сколько зла онъ можетъ надѣлать на сибирскомъ просторѣ!..

Говоря о провинціальной полиціи, слѣдуетъ отмѣтить отрадное явленіе послѣдняго времени, что даже низшіе чины ея начинаютъ сознательно относиться къ своимъ обязанностямъ и проникаться убѣжденіемъ, что они слуги общества, а не господа его. Сколько разъ въ дорогѣ приходилось обращаться къ помощи низшей полиціи и всегда встрѣчать самую любезную готовность къ услугамъ.

Нерѣдко и не думаешь обращаться къ нимъ за содѣйствіемъ, но они сами предупреждаютъ и выводятъ челоуѣка изъ затрудненій. Особенно памятенъ одинъ случай.

Въ часъ ночи я сошелъ въ Козьмодемьянскѣ съ парохода «Пермь», чтобы пересѣсть на ветлужскій пароходъ. Хорошо зная, какъ головоломна здѣшняя набережная, изрытая ключами, я не рѣшился пуститься въ темную и дождливую ночь на поиски ветлужскихъ пароходовъ, не имѣющихъ своей пристани и бродящихъ по чужимъ. Я рѣшилъ ждать разсвѣта на любимовской пристани, на которую сошелъ. Матросъ понесъ багажъ въ пристанскую каюту. Она была набита босяками, мирно почивавшими на лавкахъ. Матросъ растолкалъ одного и кое-какъ пристроилъ меня.

Приходилось всю ночь провести безъ сна въ душной и смрадной каютѣ, въ обществѣ гг. босяковъ. Вдругъ появился неужи-

данный избавитель... Вошелъ городской, дежурившій на пристани, и обратился ко мнѣ:

— Вамъ куда надо?

— На Ветлугу.

— Совѣтую вамъ перейти на кашинскую пристань... Это сейчасъ рядомъ... тамъ стоитъ ветлужская «Зинаида». А здѣсь вамъ будетъ очень неудобно...

— Но кто же перенесетъ багажъ?

— Позвольте... я сволоку его...

И городской схватилъ багажъ, а я тронулся за нимъ, съ трудомъ лавируя по косогорамъ и ямамъ «набережной», переправляясь черезъ ручьи и озера грязи. Все обошлось благополучно, благодаря опытности городского. Черезъ полчаса я водворился въ сухой и теплой каютѣ «Зинаиды», глубоко благодарный любезному полицмену за цѣнную услугу.

Понятно, что при такихъ отношеніяхъ полиціи къ обществу довѣріе послѣдняго къ первой должно расти и содѣйствовать всякому упорядоченію нашей жизни.

Растетъ ли у общества и народа довѣріе къ бюрократии вообще?—Увы! ничего подобнаго не наблюдается... Тутъ все осталось по старому, какъ было до «смуты»,—то же взаимное недовѣріе и непониманіе съ обѣихъ сторонъ... Развитые крестьяне прямо говорятъ:

— Пусть чиновники не мѣшаютъ... Мы сами управимся съ своими дѣлами... Надоѣла намъ ихъ опека...

Видимо, гг. бюрократы ничему не научились, словно проспали революцію... Этотъ печальный фактъ всего болѣе заставляетъ опасаться, что наступившее послѣ смуты затишье врядъ ли обозначаетъ наступленіе окончательнаго успокоенія страны... Не всѣ тучи еще разсѣялись, и грозы возможны.

III.

О хлѣбѣ единомъ...

Каково настроеніе главной основы русской жизни—крестьянской массы? О чемъ она сейчасъ думаетъ, хлопочетъ, чѣмъ жива? Что она отвернулась отъ революціи, это мы уже знаемъ. Но во что же теперь вѣрятъ гг. мужички и чего ждуть для себя?

Кто о чемъ, а они все о томъ же... Какъ революція заинтересовала мужиковъ обѣщаніемъ матеріальныхъ благъ, такъ и теперь они не идутъ дальше этой «платформы». Нарачиваніе собственныхъ «животовъ» (въ смыслѣ всякаго имущества, начиная съ земельного) — единственная задача ихъ жизни... Естественно это стремленіе у бѣдноты, но оно становится противнымъ, когда имъ

заражены и состоятельные мужики. А таковыхъ большинство въ промышленномъ Приволжьѣ и Прикамьѣ.

Посмотрите, напримѣръ, какъ богато живутъ мужики около села Городца (Балахнинскаго у. Нижегородской губ.) и въ самомъ селѣ, а и они алчутъ даровщинки, и у нихъ разгораются аппетиты на казенные, удѣльные и частные лѣса... Въ этомъ уѣздѣ земли плохія, но промышленная жилка очень развита у городецкихъ мужиковъ и, благодаря ей, они живутъ хорошо, не зная никакихъ голодоловокъ.

Одинъ мѣстный житель (изъ посада Пучежа), бывавшій для закушки льна въ Смоленской и Псковской губерніяхъ, поражался бѣдностью тамошнихъ крестьянъ, сравнивая ихъ съ своими. Онъ говорилъ:

— У насъ около Городца мужики живутъ богато... Посмотрите, какія у нихъ избы, какъ они одѣваются, какъ ѣдятъ, пьютъ... Мужики среднего достатка выѣзжаютъ на базары на рысакахъ, въ хорошихъ экипажахъ... Оттого и крестьянская молодежь охотно возвращается домой послѣ военной службы и берется за дѣло отцовъ—дѣдовъ... Здѣсь есть за что взяться... А вотъ рядомъ, въ Юрьевецкомъ у. (Костр. губ.), мужики топчутся около одной земли и живутъ скудно... И молодежь тамъ отбилась отъ дому...

— Но почему же юрьевецкіе мужики не слѣдуютъ примѣру своихъ сосѣдей и не богатѣютъ? Вѣдь у тѣхъ и другихъ условія жизни одинаковы...

— Да... но вотъ подите жъ!.. рядомъ сидятъ, а разница громадная!.. Такъ ужъ повелось изстари...

Разумѣется, это «повелось» ровно ничего не объясняетъ, но въ немъ лежитъ глубокое историческое явленіе, замѣчаемое во многихъ мѣстахъ. Почему, напримѣръ, русское населеніе Нижегородской и Казанской губерній, живущее въ одинаковыхъ условіяхъ съ черемисами и чувашами, живетъ много бѣднѣ инородцевъ?—«Такъ ужъ повелось изстари», что русскіе вѣчно во всемъ отстаютъ и зѣваютъ...

Богатое торговое с. Воротынецъ (Васильсурскаго у. Нижег. губ.) собиралось купить сосѣднее засурское имѣніе Шереметевыхъ (не графовъ, а дворянъ), очень необходимое для разросшагося села. Но пока воротынцы по-русски «объединялись» и тянули славянскую канитель, чуваша изъ сосѣдняго Ядринскаго у. (Казанской губ.) выхватили у нихъ изъ-подъ носа лакомый кусокъ—1.400 дес. прекрасной земли, съ лѣсами, озерами, берегомъ р. Суры, пристанью на ея устьѣ, грандіозными постройками фермы и пр. и пр. За все это чуваша заплатили 192 тыс., причеъ 80 тыс. сейчасъ же внесли, да и остальные деньги собирались внести въ недалекіе сроки сами же, не прибѣгая къ помощи крестьянскаго банка. А купили это имѣніе всего 100 чувашскихъ семей!..

Вотъ какіе они скопидомы и зажиточные люди!.. Въ чувашскихъ селеніяхъ сплошь и рядомъ можно видѣть совершенно почернѣвшія скирды хлѣба, стоящія десятками лѣтъ и ждущія урожайныхъ годовъ, когда сойдеть по хорошей цѣнѣ и самая старая, черная и затхлая мука. Какъ они умѣло берегутъ свои лѣса, какіе у нихъ сады, ягодные огороды, пасѣки и пр. и пр.

Также хозяйственны и черемисы, хотя ослабѣе, чѣмъ чувашаи, такъ какъ болѣе ихъ привержены къ русскому вину... Когда нынѣшнимъ лѣтомъ уродилось на заливныхъ волжскихъ лугахъ прекрасное сѣно, сочное и зеленое, черемисы очень плакались, что его не смочило дождемъ: «надо бы малость почернить его, чтобы скотина поменьше ѣла»—серьезно говорили хозяйственные черемисы, экономные во всемъ и всегда.

А русскіе мужики?!.. Вотъ воротынцы, прозѣвавшіе шереметевское имѣніе, плачутся и грозятъ, что «не дадутъ жить» чувашамъ, собирающимся переселиться на купленную землю. Только это утѣшеніе и остается мужикамъ... Но чувашаи не дадутъ себя въ обиду, и пойдетъ грызня, обезсиливающая обѣ стороны.

Неумѣнье русскихъ мужиковъ устроиться особенно бросается въ глаза, когда рядомъ съ такими неудачниками отлично живутъ другіе русскіе же мужики, вытѣпленные изъ того же самаго тѣста. Мы это видѣли выше на примѣрѣ сосѣднихъ городецкихъ и юрьеveckихъ мужиковъ. Но такіе примѣры всюду встрѣчаются.

Почему село Городецъ имѣетъ до 20 тыс. жителей, богатую торговлю (за базарную площадь, принадлежащую одному изъ здѣшнихъ двухъ сельскихъ обществъ, получается аренды 40 тыс.) и очень развитую промышленность, а его уѣздный городъ Балахна, съ 5 тыс. населенія, хирѣетъ съ каждымъ годомъ?.. Почему гор. Макарьевъ («Старый Макарій», Нижегород. губ.) совершенно захирѣлъ и даже фактически потерялъ всѣ функціи уѣзднаго города (числясь имъ только на бумагѣ), перенесенныя на сосѣднее село Лысково, торговое и промышленное?.. Почему здѣсь мужики побѣждаютъ даже города, а въ другихъ случаяхъ опускаются чуть не до степени босячества?!

О Соликамскомъ уѣздѣ (Пермской губ.) мѣстные жители рассказывали, что въ окрестностяхъ Соликамска мужики живутъ сыто (надѣлы по 15 десятинъ, есть лѣса и пр.) и спокойно. Никакихъ рѣзкихъ «политическихъ» выступленій тутъ не было, хотя кое-какое «броженіе» и здѣсь наблюдалось, такъ какъ у сытыхъ людей аппетиты усиливаются... Но въ общемъ населеніе мирное, спокойное, уравновѣшенное, несмотря на близость такого промышленнаго, т. е. завѣдомо «революціоннаго» центра, какъ Усолье, съ его соляными варницами, содовымъ заводомъ и проч.

А вотъ въ томъ же Соликамскомъ у., въ окрестностяхъ села и пристани Пожвы (гдѣ заводы князя Львова), т. е. въ незначитель-

номъ разстояніи отъ вышеуказанныхъ подгородныхъ волостей, живущіе въ одинаковыхъ условіяхъ мужики страшно хулиганствуютъ, опускаются физически и морально. Одинъ изъ сосѣднихъ священниковъ рассказывалъ:

— Плохо жилось нашимъ мужикамъ, пока заводы бездѣйствовали. А какъ взялъ ихъ въ аренду князь Львовъ и повелъ дѣло широко и энергично, захирѣвшіе мужики быстро поправились и жили бы теперь въ большомъ достаткѣ, если бы... были поумнѣе... Надо прямо сказать: облагодѣтельствовалъ ихъ князь!.. А они во время смуты жгли его добро, оскорбляли и всячески хулиганствовали... Ну, прошелъ этотъ угаръ, можно бы зажить спокойно и хорошо... Нѣтъ! нашъ мужикъ опускается подъ гору... Пьянство развилось ужасное... Было у нихъ общество трезвости—похерили его теперь, и говорятъ: «раньше мы были дураки, что не пили... теперь-де все дозволено!..» Вѣра и нравственность падаютъ... сѣрые мужики кричатъ: «Бога нѣтъ!.. все можно дѣлать!..»

Подгородныя подъ Нижнемъ села и деревни ведутъ большое ягодное хозяйство и имѣютъ крупныя доходы отъ продажи малины, клубники, викторіи и пр. Малинники такъ велики, что, напр., одно небольшое село, менѣе ста дворовъ, заработало это лѣто отъ малины 15 тыс. Жить можно и очень хорошо, но... почти весь заработокъ уходитъ въ безмѣрное пьянство и показную роскошь. Не мудрено, если дѣвушки и женщины скоро будутъ здѣсь ходить въ шляпкахъ, которыя носятъ уже деревенскія дѣвушки въ такихъ захолустяхъ, какъ Грязовецкій и другіе уѣзды Вологодской губерніи. Масса шляпныхъ магазиновъ въ Вологдѣ прекрасно работаютъ именно на крестьянскихъ дѣвушекъ, уже «слѣдующихъ модѣ»!..

Разумѣется, этимъ «дамскимъ шляпкамъ» на мужицкихъ головахъ можно бы, пожалуй, и порадоваться, если бы онѣ были показателемъ роста благосостоянія мужика вообще. Но этого вовсе нѣтъ! Деревенскія модницы попрежнему ѣдятъ скверно, живутъ въ грязи и обычно ходятъ чуть не въ тряпкахъ... а въ праздники и на гулянки напяливаютъ «модныя» шляпки, при соответствующихъ «модныхъ» платьяхъ и проч.

Или посмотрите въ фабричныхъ мѣстностяхъ Владимирской губ., какъ чисто, «по-барски» и по модному одѣваются рабочіе и работницы, и не только совсѣмъ оторвавшіеся отъ земли, но и продолжающіе крестьянствовать. Но, одѣваясь прилично, они не устраиваютъ около себя приличной обстановки, а живутъ въ прежней грязи, ѣдятъ плохо и т. д. Только на пиры, устраиваемые по особымъ случаямъ, они не скупаются, да и то больше насчетъ монополюшки. Напримѣръ, одинъ изъ фабричныхъ «пролетаріевъ» (Владимирской губ.), зарабатывающій около 40 р. въ мѣсяцъ, ассигновалъ на свадьбу племянника 200 р., на кои собирався купить

слѣдующіе припасы: 6 ведеръ прохладительныхъ напитковъ—это для ожидавшихся «30 барышень и 30 кавалеровъ», какъ выражаются сами фабричныя о своей же братіи, а для болѣе солидныхъ гостей—6 ведеръ пива, бочку кваса, 16 ведеръ (sic) водки, 1¹/₂ пуда колбасы, 8 ногъ для студия и пр. и пр. На деревенскихъ пирахъ уже въ ходу «десертъ», какъ «полагается въ хорошихъ домахъ»...

И все это дѣлается единственно для того, чтобы показать, что де «и мы не лыкомъ шиты», и «мы живемъ какъ слѣдуетъ, благородному... мы-де не мужики»... Понятно, что, при такихъ аппетитахъ къ «благородному житію», сытыхъ мужиковъ (говорю именно о сытыхъ, а не о голодныхъ, которыхъ не знаю въ Поволжьѣ и Прикамьѣ) уже не удовлетворяетъ ихъ сытость, и они стремятся къ большимъ и большимъ благопріобрѣтеніямъ, особенно «кабы на даровщинку». Хорошо мазали по губамъ «макраты» (демократы) и «сицилисты», да не вышло по-ихнему—мимо губъ пролетѣла такая «благодать»: стоило протянуть руки и завладѣть чужимъ добромъ... Не выгорѣло это: то храбрости и смекалки не хватило, то ударили по грабительскимъ рукамъ, а то и совѣсть заговорила, кое-гдѣ не допустила до чужого добра...

И теперь мужикъ шевелить мозгами, гдѣ бы что урвать, если не даромъ, такъ подешевле, и урвать только для себя, не помышляя о будущемъ, т. е. о своихъ же дѣтяхъ... Есть свой лѣсъ—мужики сводятъ его подъ гребенку и т. п. Одно сельское общество Кунгурскаго уѣзда (Пермской губерніи) получаетъ большіе доходы отъ залежей «бѣлой глины» на своей землѣ, но очень плачется, что, по закону, этотъ доходъ образуетъ неприкосновенный капиталъ общества, которое сейчасъ получаетъ на руки одни проценты съ капитала. Однако, и эти проценты такъ велики, что не только окупаютъ всѣ расходы по эксплуатаціи залежей, но и даютъ обществу изрядные остатки. Но мужикамъ этого мало: они желали бы весь доходъ отъ бѣлой глины получать на руки, хотя и безъ глины они хорошо жили, благодаря прекраснымъ землямъ и крупнымъ надѣламъ. Кунгурскій уѣздъ справедливо считается житницею Приуралья.

Когда я сталъ доказывать мужику этого общества, что неприкосновенный капиталъ пригодится имъ въ будущемъ, когда общество разрастется, потребуются прикупить земли и т. д., мужикъ, видимо, богатый и безъ бѣлой глины, и слышать о томъ не хотѣлъ... Онъ говорилъ:

— А за что же мы будемъ даромъ работать?

— Какъ даромъ!.. вѣдь и проценты идутъ вамъ, и расходы по выработкѣ и перевозкѣ глины въ вашъ же карманъ больше падаютъ...

— Да этого намъ мало!.. всѣ доходы должны быть наши...

— Надо позаботиться и о своемъ потомствѣ, чтобы и ему что-нибудь перепало...

— Эвона!.. чего намъ хлопотать о потомствѣ?!.. Пусть сами устраиваются, какъ знаютъ!.. А намъ надо тоже жить...

Спорить бесполезно съ великимъ мужицкимъ эгоизмомъ... Тотъ же кунгурскій мужикъ жаловался, что имъ не даютъ на руки какихъ-то «вспомогательныхъ капиталовъ», образовавшихся изъ доходовъ сельскихъ обществъ отъ оброчныхъ статей, штрафовъ и т. п. Правда, изъ этихъ капиталовъ выдаются ссуды, но не болѣе 60 р. въ однѣ руки и съ поручителями—по поручителю на каждые 5 рублей... Понятно, что при такихъ тяжелыхъ условіяхъ охотниковъ брать ссуды мало. Просили мужики передать эти капиталы въ болѣе удобныя и доступныя «ссудныя товарищества»—имъ отказали...

Жаловались еще пермскіе мужики, что въ хлѣбные запасные магазины «всѣ вносятъ хлѣбъ, а ссуды получаютъ не всѣ, а только нуждающіеся...» Подивился я, что въ Пермской губерніи такъ разумно и справедливо поставлено это дѣло, тогда какъ въ другихъ губерніяхъ принято ссужать запаснымъ хлѣбомъ всѣхъ поголовно, до самыхъ богатыхъ кулаковъ включительно... То же продѣлывается и съ казенными ссудами при недородѣ и голодовкахъ. Но, разумѣется, бесполезно было доказывать пермскимъ мужикамъ, какъ они возмутительно жадны и эгоистичны въ своихъ жалобахъ на ссуду хлѣба «только нуждающимся...»

Единственно жадностью сытыхъ мужиковъ объясняется и ихъ стремленіе уклоняться отъ платежа государственныхъ, земскихъ и другихъ налоговъ. Отлично они понимаютъ, что безъ сбора налоговъ не прожить ни государству, ни земству: эта истина ясна для нихъ на примѣрѣ своихъ волостныхъ и сельскихъ обществъ... Пусть еще государственный нужды не совсѣмъ для нихъ наглядны, но ужъ земскія—всѣ на ладони предъ ними. А мужики и отъ нихъ отлыниваютъ всячески. Таковы эти «граждане», созрѣвшіе якобы для «новаго режима»!.. Счастливыя исключенія крайне рѣдки.

Одинъ почтенный крестьянинъ Васильсурскаго уѣзда такъ разсуждалъ на эту скорбную тему:

— Быть теперь старостой—мука мученская!.. Народъ забылъ свои обязанности—не хочетъ платить налоговъ... А чего бы сейчасъ вотъ у насъ: и урожай хлѣбовъ отличный, и яблоки уродились... есть изъ чего дать... а не даютъ!.. Вотъ нашъ мельникъ: и мельница доходная, и залежныя денежки водятся... А валялся въ ногахъ у земскаго, чтобъ отсрочить уплату недоимки!.. Осрамѣлъ народъ!.. А поступай съ нимъ по закону—такую тебѣ пакость учинить, что жизни не радъ будешь... Вотъ нашему волостному старшинѣ окна побили... а за что? Человѣкъ справедливый,

честный и поступает по закону... Бѣда теперь съ народомъ!.. осрамѣлъ народъ!..

Новый законъ (9 ноября 1906 г.) о выходѣ изъ общины, влекущій за собою продажу надѣльныхъ земель, ошарашилъ мужиковъ... Они привыкли считать мірскія земли своею непререкаемою собственностью—и вдругъ она ускользаетъ отъ нихъ!.. Вотъ что мучить ихъ и заставляетъ всячески мѣшать выходящимъ изъ общины. Никакихъ «высшихъ интересовъ» общины они тутъ не преслѣдуютъ, а проявляютъ одну обычную мужицкую жадность къ землѣ..

Смущаетъ ихъ и то, что выходъ изъ общины возможенъ въ настоящий моментъ, при существующей системѣ передѣловъ, явно несправедливой, случайно выгодной для однихъ и обидной для другихъ... Вѣками существовала эта мірская неправда, нѣсколько скрашиваемая только въ моментъ передѣла, и мужики всегда и легко мирились съ нею, а теперь сами же возмущаются, сознавая, что съ новымъ закономъ эта несправедливость отольется въ окончательныя нормы.

Сплошь и рядомъ мужики обращаются съ такими недоумѣніями:

— Вотъ у меня съ братомъ 10 душъ и 3 пая земли, а у сосѣда 1 душа съ 5 паями... Какъ же это можно?! онъ можетъ выйти изъ общества съ какой уймай земли, а я съ малымъ количествомъ земли!.. А мнѣ земли требуется побольше...

— Надо поравнять, чтобы у всѣхъ было поровну...

— Какъ поровну?!—возмущается мужикъ:—у меня 10 душъ, а у него 1 душа!..

— А знаете ли, что будетъ черезъ 10—20 лѣтъ? можетъ быть, въ вашей семьѣ останется 1 душа, а у сосѣда вырастетъ до 10 душъ.

— Бываетъ... Да мнѣ начхать, что будетъ опослѣ меня!...

— Вамъ то начхать, а дѣти ваши взвоютъ...

— Да какъ же быть-то?!..

— Нельзя навсегда поравнять людей землею... Надо разъ ихъ поравнять: раздѣлить землю поровну по семьямъ—и конецъ!.. больше никакихъ передѣловъ!..

— А ежели земли окажется мало для моей семьи?

— Ея счастье!... пусть лишніе рты уходятъ на заработки, переселяются на пустыя земли, покупаютъ ихъ...

Разумѣется, эта перспектива не нравится мужикамъ, мечтающимъ основательнѣе поживиться на счетъ мірскихъ земель... И если теперь они толкуютъ, что новому закону слѣдовало предшествовать болѣе справедливое распределеніе мірскихъ земель, то и здѣсь каждый мужикъ разумѣетъ отнюдь не какую-то высшую справедливость, для всѣхъ одинаковую, а единственно свою личную выгоду. У кого сейчасъ земли много, тотъ молчитъ и считаетъ послѣдній передѣлъ «справедливымъ», у кого наоборотъ—тотъ жаждетъ такого же якобы справедливаго передѣла.

IV.

Старыя настроенія.

Итакъ, мужикъ попрежнему все мѣряетъ на свой узкій аршинъ и, какъ раньше, такъ и теперь, послѣ революціи, хлопочетъ всего болѣе о «хлѣбѣ единомъ», что не исключаетъ, разумѣется, всегда присущихъ ему нѣкоторыхъ порываній въ область духа. Такъ, религіозность народа хотя мѣстами и поблекла, особенно среди молодежи, но въ массѣ осталась совершенно въ прежнихъ размѣрахъ.

Въ городѣ Варнавинѣ почіуютъ подѣ спудомъ мощи преподобнаго Варнавы Ветлужскаго, основателя города и патрона его съ уѣздомъ, мѣстно чтимаго святого, не канонизованнаго церковью. На «Варнавину годину» (11 іюня) собираются массы народа со всего уѣзда и изъ сосѣднихъ. Почіетъ Варнава около собора, подѣ приписанною къ нему старинною деревянною церковью св. Николая, которая красиво стоитъ на самомъ краю крутого обрыва къ рѣкѣ Ветлугѣ, покрытаго лѣсомъ. Гора (т. е. нагорный берегъ рѣчной долины) начинаетъ нѣсколько осыпаться, подѣ вліяніемъ дождевыхъ и снѣговыхъ водъ, вывѣтриванія почвы, паденія старыхъ деревьевъ и пр. Является опасеніе, что ветхая Никольская церковъ можетъ рухнуть и нарушить покой святого Варнавы. Заговорили о сносѣ церкви и замѣнѣ ея часовнею.

Эти толки взбудоражили крестьянъ подгородныхъ деревень, приписанныхъ приходомъ къ собору (единственный приходъ въ Варнавинѣ). Они рѣшительно запротестовали противъ сломки Никольской церкви и предложили свою даровую работу и свои матеріалы по укрѣпленію горы. Крестьяне, даромъ работающіе во имя религіозныхъ цѣлей, — это ли не диво дивное въ наше время!..

И эти работы начались лѣтомъ 1908 года. Среди крестьянъ нашлись свои инженеры и геологи. Они обстоятельно изслѣдовали геологическое строеніе «Варнавиной горы» и резонно доказали, что если Никольская церковъ рухнетъ, то только по своей ветхости, а гора-де будетъ стоять навѣки нерушимо. Кое-какіе оползни и сдвиги наружныхъ покрововъ не опасны, по убѣжденіямъ крестьянъ, для мощныхъ пластовъ горы, состоящихъ изъ твердаго плитняка (не известковаго) и какого-то крупно-зернистаго камня, очень плотнаго подѣ землянымъ покрытіемъ (на обнаженной поверхности онъ вывѣтривается). Поверхъ этихъ твердыхъ пластовъ залегаетъ неглубокій слой синей глины, всегда влажной, но отнюдь не ползучей.

Передаю всѣ эти геологическія подробности со словъ крестьянина среднихъ лѣтъ, который въ будній день пришелъ за нѣ-

сколько верстъ изъ деревни и усердно работаль, въ свою очередь, надъ укрѣпленіемъ Варнавиной горы... Съ какимъ жаромъ онъ все объяснялъ и говорилъ намъ:

— И сами завсегда будемъ работать тутъ даромъ, и дѣтямъ закажемъ!.. А не позволимъ ломать церкви и его, батюшку, тревожить!.. Онъ, батюшка, зналъ, гдѣ ему лечь навѣки нерушимо.. И теперь-то намъ живется не легко, а ежели его, батюшку, потревожимъ, може и еще горше станетъ намъ жить... Онъ можетъ уйти отъ насъ... а вѣдь покоится тутъ 500 лѣтъ!.. Только имъ и славенъ нашъ городъ... а безъ преподобнаго Варнавы пропадетъ его городъ!..

Очень трогательное впечатлѣніе производила эта наивная, но горячая вѣра... И это послѣ «революціи!..» и это «революціонно настроенные мужики»?!

Въ сосѣднемъ Ветлужскомъ уѣздѣ недавно объявился свой «святой», не столь уважаемый, какъ преподобный Варнава, но привлекающій къ себѣ немало народу. Это преподобный Евстафій, «мощи» котораго псчюютъ подъ спудомъ около древней церкви села Вознесенскаго, красиво расположенной, рядомъ съ новою церковью, на крутомъ, обрывистомъ берегу Ветлуги.

Прежняя религіозность пробуждается не только въ такихъ захолустьяхъ, какъ Ветлужье, но и въ болѣе культурныхъ мѣстахъ. Одинъ крестьянинъ Васильсурскаго уѣзда рассказывалъ васьильчанину:

— Вчера у насъ была страшная гроза: не то, что окна, а и крыши и стѣны дрожали... всѣ почувствовали Бога!.. За часъ до грозы шелъ у насъ споръ съ молодыми нашими парнями: изъ себя они выходили, толкуя, якобы Бога нѣтъ... И что жъ бы ты думалъ? Какъ зачалась гроза, какъ посыпались удары, наши-то «безбожники» первые поскидали шапки и давай креститься, да таково истово, съ превеликимъ усердіемъ!..

— Да-съ... оно того... извѣстно...—замямлилъ мѣщанинъ.

— Чего тамъ извѣстно?!.. надо прямо говорить: забудемъ мы Бога, а Онъ тебѣ сичасъ и напомнить о Себѣ...

Но что говорить о мужикахъ, хотя бы и приволжскихъ, когда старое религіозное настроеніе начало усиленно проявляться послѣ революціи даже среди... фабричныхъ!.. Въ одномъ крупномъ фабричномъ центрѣ (Владимирской губерніи) мѣстный отдѣлъ «союза русскаго народа» въ короткое время выросъ съ 50 человекъ до 1000 человекъ и продолжаетъ расти, благодаря именно тому, что руководители его (простые рабочіе, мастера, конторщики и т. п. «пролетаріи», безъ всякаго участія фабричной интеллигенціи) придали союзу чисто религіозный характеръ.

Случаются на этой почвѣ и курьезы, которые доставляютъ мѣстному духовенству «большую досаду». Предсѣдатель «союза»—

фабричный мастеръ—любитъ поговорить на богословскія темы и путается тутъ немало. Напримѣръ, какъ-то онъ увѣрялъ, что «Моисей ударилъ крестомъ по волнамъ Чермнаго моря... А тутъ стояли макраты (демократы) и посмѣивались, не вѣря ожидаемому чуду. А чудо и вышло...» и. д. Ветхозавѣтную исторію онъ смѣло и увѣренно освѣщаетъ примѣнительно къ современнымъ злобамъ дня...

Но курьезы курьезами, а религиозное настроеніе среди фабричныхъ растетъ серьезно... Осенью на ткацкой фабриктѣ той же мануфактуры произошло нѣсколько случайныхъ скоропостижныхъ смертей. Фабричные взволновались и, никѣмъ не направляемые, по собственной инициативѣ, пригласили на фабрику принесенную изъ монастыря икону Божьей Матери, собравши между собою болѣе ста рублей на расходы по молебствію, обставленному очень помпезно—съ цѣлымъ соборомъ духовенства, голосистымъ дьякономъ и т. п. На молебнѣ была вся фабрика, т. е. всѣ эти «эсдеки», «эсэры» и т. д. А вѣдь ткачи—самые «сознательные товарищи» среди фабричныхъ «пролетаріевъ»... и они-то бросили болѣе ста рублей на... молебствіе!.. На юбилей Карла Маркса (см. выше) гроша не дали, а на молебенъ легко нашли и сотню рублей...

Растущему религиозному настроенію народа нисколько не противорѣчитъ замѣчаемое въ послѣднее время рѣзкое критическое отношеніе народа къ духовенству и особенно къ монашеству. Разъ народу дорога его вѣра, вполне естественно его желаніе, чтобы представители вѣры были на высотѣ своего положенія...

Много разъ приходилось выслушивать отъ самыхъ сѣрыхъ «православныхъ» мужиковъ ихъ нескончаемыя жалобы на свое духовенство. Съ какою завистью они толковали о дешевизнѣ, простотѣ, близости къ народу выборнаго старообрядческаго духовенства...

Жутко слушать, когда наблюдательные мужики разговаряются о непотребномъ житіи нацихъ монаховъ и монахинь... На пароходѣ «Чистополецъ» сѣла въ Рыбинскѣ артель точильщиковъ, исходившихъ со своими станками всю Русь. Они расположились на кормѣ и завязали бесѣду съ другими пассажирами. Разговоръ коснулся монастырей, и тутъ точильщики разошлись, наперебой рассказывая самыя циничныя вещи о разныхъ монастыряхъ и центра, и сѣвера, и юга... Только и слышалось: «а вотъ со мною что было... а вотъ что я видѣлъ... а вотъ что мнѣ сказали сами монахи...» и т. д. Что именно рассказывали точильщики объ «ангелоподобномъ житіи», это могли бы передать только перья гг. Арцыбашевыхъ, Кузьминыхъ и т. п. клубничныхъ писателей...

Итакъ, революція не вытравива въ народѣ его религиозности... И ежели покопаться основательно въ народной душѣ, то, вѣроятно, и другіе устои народной жизни окажутся въ сущности не поколебленными. Революція набросила на нихъ какъ бы пелену, на

время скрыла ихъ изъ глазъ, но... плену такъ легко сбросить и снова увидѣть подъ нею все тѣ же устои, тѣ же «киты», на коихъ лежитъ Русская земля...

Недвижнымъ остался и нашъ вѣковѣчный девизъ: «земля наша велика и обильна...» и д. Казалось бы, что другое, а ужъ наши «порядки» всего легче было бы спихнуть революціи. Вѣдь вся земля вопіетъ противъ нихъ, всѣ сверху донизу настроены самымъ революціоннымъ образомъ противъ нашихъ «порядковъ...» а возъ и понынѣ тамъ!.. Буквально ничего ни на іоту не измѣнилось въ этомъ отношеніи. Какъ до революціи, такъ и послѣ нея всѣ мы страдаемъ отъ нашихъ «порядковъ» и попрежнему благодушно переносимъ ихъ. Конца краю нѣтъ російскому благодушію!.. очень ужъ живучи у насъ всѣ старыя настроенія...

Кое-что отмѣчу изъ массы фактовъ на эту тему, еще разъ подтверждающую самый позорный крахъ нашей «революціи», не сумѣвшей ни на іоту улучшить нашу жизнь и побороть наши старыя настроенія, черезчуръ ужъ «добродушныя», переходящія черту допустимой «дурости»...

Вечеромъ въ страстную пятницу сѣлъ я на подмосковной станціи на почтовый поѣздъ Нижегородской желѣзной дороги, направляясь къ Нижнему. Масса фабричныхъ не могла попасть на этотъ поѣздъ, набитый до послѣднихъ предѣловъ уже въ Москвѣ. Ни въ I-й, ни во II-й классы не давали билетовъ и предлагали брать III классъ. Но пройти въ вагонъ III-го класса не было физической возможности: вездѣ стояла, вплоть до подножекъ, сплошная стѣна народа.

Кое-какъ я и другіе третьеклассники протиснулись въ вагонъ II класса и тутъ остались, размѣстившись на полу, въ проходахъ, коридорахъ, уборныхъ. Мнѣ пришлось простоять на ногахъ нѣсколько перегоновъ, а другіе стоя выдержали весь путь до Нижняго. На каждой станціи пассажиры прибывали все болѣе и болѣе, и подъ конецъ совершенно закупили вагонъ. Тутъ были и съ билетами III класса, и безбилетные. Кондуктора ошалѣли, и никакого контроля не было. Вонь, духота, дышать нечѣмъ...

Рѣдкіе счастливыцы могли дремать, о снѣ же никто не думалъ. Дальніе пассажиры жаловались, что они не спятъ уже двое и трое сутокъ!.. Вездѣ передъ праздниками дороги переполнены до невозможности и нигдѣ желѣзнодорожная администрація не додумалась до простого рѣшенія немудреной задачи. Каждый годъ два-три раза повторяется на всѣхъ дорогахъ эта возмутительная исторія, и никто пальца о палецъ не ударяетъ, чтобы устранить это безобразіе, вошедшее въ «норму» нашей жизни!..

Что же публика? волновалась, негодовала, протестовала? полетѣли срочныя телеграммы въ управление дороги, въ министерство? заскрипѣли перья надъ жалобными книгами? и т. д.

Ничего подобнаго!.. Какъ было до революціи, такъ осталось и теперь... Бараньи свойства русской публики нимаго не измѣнились... Мы любимъ протестовать по поводу выфденныхъ яицъ, а въ ма-лѣйшемъ серьезномъ жизненномъ дѣлѣ пасуемъ до глупости...

Правда, въ самомъ началѣ дороги кое-кто изъ пассажировъ чуточку «пошумѣлъ», но «тихо и благородно—промежъ себя», не досаждая начальству и не вынося сору изъ избы... А потомъ всѣ успокоились, быстро примирились съ своимъ возмутительнымъ положеніемъ и даже вошли во вкусъ «живого груза». Пошли шутки, остроты, смѣхъ.

Даже «наша чуткая молодежь», «революціонно настроенная», «высоко держащая знамя свободы» и пр. и пр., и та чувствовала себя отлично, очутившись въ родной стихіи свинства и грязи.. Именно молодежь рисовала остроумныя картины, какъ мы будемъ разговывать прибывающихъ пассажировъ подъ лавками, на сѣткахъ, на крышахъ вагоновъ и даже подъ вагонами... Хототъ стоялъ гомерическій и самый искренній, добродушный. Ни тѣни злобы, негодования, возмущенія..

Словомъ, было превесело... Утромъ студенты даже заиграли на мандолинахъ. Была, правда, страстная суббота и многихъ коробили въ этотъ день веселенькіе мотивчики студенческой музыки... Но никто, даже изъ «столповъ отечества», не издалъ ни единого протестующаго звука... Сами же студенты, конечно, и не догадались, насколько они были некорректны, относясь съ неуваженіемъ къ чужимъ вѣрованіямъ и традиціямъ...

Такъ же благодушно былъ настроенъ и народъ въ III классѣ, хотя ужъ тамъ положеніе было просто неопишное... сельди въ боченкѣ чувствуютъ себя болѣе свободно и комфортабельно... И тамъ разыгрывались добродушныя сцены, полныя самыхъ бараньихъ доблестей. Рассказывали о такой сценѣ.

Громаднѣйшій верзила, несомнѣнный «трудовикъ», изнывалъ отъ бессонницы, стоя весь путь на ногахъ. Онъ немилосердно раззѣвалъ свою пасть и громогласно зѣвалъ на весь вагонъ, испускающая чисто бычачьи звуки. Дремавшіе пробуждались отъ этихъ нечеловѣческихъ звуковъ, ребята просыпались, пугались и орали. Вагонъ, наконецъ, возмутился и закричалъ по адресу трудовика:

— Эй, ты! толстомордый!.. заткни глотку!.. ребятъ пужаешь!.. што раззѣвался неподобно?.. чай, до Москвы тебя слышать...

— А-а-а!—завопилъ снова трудовикъ.—Хочу зѣвать—и буду зѣвать... И никто мнѣ не запретитъ!.. потому нонѣ дадена намъ свобода... А-а-а!..

— А протокола не хочешь?—послышался озлобленный голосъ.

— Энто за зѣвоту?! шалишь!.. не полагается!.. А-а-а!..

— О чортъ!.. да зѣвай ты потише!.. пасть свою разорвешь...

— Не твоя забота!.. цѣла будетъ... А-а-а!..

— Честью тебя просимъ... ради младенцевъ!..

— Какъ Господь Богъ меня создалъ, такъ и зѣваю... А-а-а!.. Вотъ вамъ!..—издѣвался верзила, нарочно усиливая свои рыканія.

Какъ ни ругали, какъ ни просили, трудовикъ остался неумолимъ, «потому... нонѣ дадена намъ свобода...»—упорно стоялъ онъ на своемъ «конституціонномъ» началѣ... Публика махнула рукой и примирилась съ неизбежнымъ зломъ. Одинъ болванъ мучилъ цѣлый вагонъ, и масса народу не сумѣла его утихомирить!..

Приведу еще одинъ типичный случай благодушія россійской публики при самомъ возмутительномъ издѣвательствѣ надъ нею... Въ сентябрѣ на Волгѣ былъ третій паводокъ за это лѣто, и теченіе рѣки настолько сдѣлалось сильнымъ, что маленькіе буксирные пароходики съ трудомъ поднимались вверхъ. Одинъ слабосильный пароходикъ, поддерживающій перевозъ съ луговой стороны на сибирскую пристань (въ Нижнемѣ), кое-какъ перетащилъ на буксирѣ паромъ черезъ вздувшуюся Волгу и повернулъ у праваго берега противъ теченія, чтобы пристать къ своей пристани. Но теченіе здѣсь было такое быстрое, что несчастный пароходишко битый часъ топтался на одномъ мѣстѣ. Жалкая машина его поработаетъ усиленно минутъ пять, пароходикъ продвинется впередъ сажень 6—7, затѣмъ машина сдастъ, ослабѣетъ—и пароходикъ теченіемъ относитъ назадъ. Снова судорожное движеніе впередъ, а теченіе снова относитъ назадъ, и т. д. безъ конца.

Что же публика на паромѣ?—Гогочетъ, шутить, издѣвается надъ жалкимъ, грязнымъ, обтрепаннымъ буксиромъ, работающимъ на Волгѣ, вѣроятно, полстолѣтіе... какая у него должна быть машина, какой котель!.. Каждую минуту онъ на волосокъ отъ взрыва, при непосильной работѣ... А публика, «торопящаяся по дѣламъ» въ Нижній, сидитъ часъ на одномъ мѣстѣ, ни взадъ, ни впередъ—и хохочетъ, подбадривая пароходишко ироническими возгласами:

— Работай!.. работай!.. до ночи еще далеко, рано спать!.. ну-ка! потрудиись! постарайся!.. работай! работай!..

Нашъ пароходъ отчалилъ отъ сибирской пристани, а буксирикъ все еще «работалъ», безнадежно топчасъ на одномъ и томъ же мѣстѣ... Смѣялась публика на паромѣ, смѣялась команда пароходика, хохотали на нашемъ «Чистопольцѣ»—всѣмъ было весело... и только!

Милая россійская публика!.. тебѣ ли дѣлать революціи?!.. Впрочемъ... бываютъ моменты, когда и наша добродушная публика способна окрыситься... Но эти исключительные случаи бывали и до революціи не рѣже, чѣмъ теперь. Расскажу объ одномъ такомъ случаѣ, въ которомъ самый протестъ былъ полонъ того же русскаго благодушія, ключомъ бившаго со всѣхъ сторонъ—и обиженной, и обижающей...

На первый весенній рейсъ камскаго парохода «Петербургъ» съѣла въ Нижнемъ (23 апрѣля) масса народу. Въ Козьмодемьянскѣ прибавилось еще громадное количество сѣрой публики, садившейся съ азартомъ, чуть не съ боемъ, изъ опасенія остаться за бортомъ. Въ Казани нахлынула новая масса, совершенно закупорившая III и IV классы. Многіе пассажиры не нашли себѣ мѣста даже на полу и должны были стоять.

И вдругъ пристанской агентъ распорядился размѣстить среди этой живой, копошащейся массы 10 громадныхъ бочекъ съ чѣмъ-то жирнымъ, маслянымъ!.. Съ превеликимъ усиліемъ спустили первыя двѣ бочки на нижнюю палубу, согнавши съ насиженныхъ мѣстъ нѣсколько семей. Согнанные заволновались; загалдѣли и ихъ сосѣди, которымъ угрожала та же участь. Доложили агенту, а тотъ «добродушно» закричалъ:

-- Что на нихъ смотрѣть!.. могутъ и на бочкахъ сидѣть!..

— Тѣсененько будетъ!..—осторожно замѣтилъ пристанской матросъ, распорядившійся нагрузкою.

— Вотъ еще!..—закричалъ агентъ.—Ты, Иванъ, что церемонишься съ ними?.. зачѣмъ говоришь имъ: «дайте дорогу!.. позвольте!» Дѣлай свое дѣло безъ всякихъ разговоровъ!.. что выдумалъ еще!..

Иванъ приступилъ къ спуску третьей бочки. Но тутъ сѣрая публика рѣшительно заявила, что не позволитъ больше спускать бочекъ... Артель грузчиковъ замаялась... Тогда агентъ распорядился:

— Позвать городского!.. пусть выведетъ тѣхъ, кто сопротивляется... выдать имъ деньги за билеты!..

Явился городской. Но публика не выдала протестующихъ, да и послѣдніе кричали ему:

— Волоки всѣхъ насъ за ноги!.. а сами не пойдѣмъ!

Городовой отказался отъ этой непосильной задачи—«волочить за ноги» всѣхъ протестующихъ... Онъ ступеялся. Начальство вдругъ смилостивилось и приказало не только прекратить погрузку остальныхъ бочекъ, но и погруженные двѣ бочки вытаскать обратно на пристань... Кто такъ хорошо повліялъ на пристанское начальство—не знаю. Но «живой грузъ» побѣдилъ—и побѣдилъ одною «словесностью», безъ всякихъ революціонныхъ дѣяній... Никакой драки не произошло, пароходъ не былъ разгромленъ, пристанской агентъ и его приспѣшники не были «посажены въ воду», какъ того заслуживали...

Разумѣется, я не могу передать той безшабашной ругани, которою была одобрена «словесность» обѣихъ сторонъ въ казанской исторіи. Но вѣдь Россійская ругань преуспѣвала чрезвычайно и до революціи... Давно она уже стала однимъ изъ непререкаемыхъ девизовъ русской жизни. Но сущность этого девиза наглядно раскрылъ мнѣ одинъ изъ кинешемскихъ босяковъ.

Пароходъ «Чистополецъ» стоялъ у своей пристани въ Кинешмѣ. Снизу, изъ-за сосѣднихъ пристаней показался большой дощаникъ, медленно подвигавшійся вверхъ, къ нашей пристани, чтобы забрать кучу арбузовъ и куда-то ихъ отвезти. На дощаникѣ работало двое: хозяинъ орудовалъ съ багромъ, а на рулевомъ веслѣ стоялъ нанятый имъ босякъ, грязный, оборванный и пьяный вдрызгъ. Дѣлу онъ мало помогалъ, но ругался самымъ отчаяннымъ образомъ, изливая на хозяина цѣлые потоки самой непечатной брани, за каждый его шагъ и всякое движеніе. Хозяинъ отмалчивался и дѣлалъ свое дѣло какъ слѣдуетъ. Когда дощаникъ благополучно зачалился у пристани, хозяинъ молча отдалъ босяку заработанныя деньги. Босякъ молча же взялъ ихъ и пошелъ на пристань, но сейчасъ же вернулся и добродушно сказалъ хозяину дощаника:

— Ты ужъ не сердись на меня.. никакъ нельзя!..

— Чего еще тамъ?

— Да вотъ, что ругалъ я тебя всю дорогу...

— Эвона! невидаль какая!..

— То-то и оно... нельзя, брать!.. безъ ругани ничего не сдѣлаешь!..

— Само собой...—подтвердилъ обруганный. И обѣ стороны предружелюбно разстались...

Кто знаетъ?! можетъ быть, и россійская революція оттого потерпѣла крахъ, что руководители ея забыли этотъ девизъ русской жизни... Винавать, очевидно, инородческій элементъ революціи, не умѣющій какъ слѣдуетъ по-русски ругаться... Оттого дѣло и не пошло, что у насъ «безъ ругани ничего не сдѣлаешь»...

Надо ли подводить итоги сказанному?.. Кажется, они ясны, и нѣтъ нужды ставить точку надъ і.

Но неволью является вопросъ: правы ли тѣ, которые увѣряютъ, будто «ничего у насъ не выйдетъ и все пойдетъ по старому»?.. Справедлива ли ссылка на то, будто сейчасъ «у всѣхъ наблюдается вялость, апатія, равнодушіе ко всему»? Можно ли допустить, будто Россія—«уже отжившая, умирающая нація»?..

Разумѣется, вѣрить этому не хочется, да и нѣтъ для того достаточныхъ основаній. Апатія къ политикѣ и политиканству не есть еще апатія къ жизни. А русская жизнь не замерла и продолжаетъ, хотя медленно, но бодро итти впередъ. Никакой апатіи нѣтъ у тѣхъ, кто «дѣлаетъ жизнь» и ставитъ ее выше кабинетныхъ теорій. И общество, и народъ отворачиваются отъ послѣднихъ и дѣлаютъ свое жизненное дѣло, не покладая рукъ. Дѣловое настроеніе настоящаго момента производитъ бодрящее впечатлѣніе...

Нельзя, конечно, жить однѣми заботами о «хлѣбѣ насущномъ»—необходимо для полноты жизни преслѣдовать и «вышія задачи»

ея. И въ этой области наблюдаются, хотя слабые, но явные початки новыхъ вѣяній, рѣшительно не допускающихъ, чтобы у насъ «все шло по старому». Мысль, что нельзя жить по старому, а «надо многое передѣлать по хорошему», эта мысль доминируетъ вездѣ и у всѣхъ...

До чего народъ сталъ чутокъ къ самымъ высшимъ запросамъ государственности, показываетъ слѣдующій фактъ. Русское общество отнеслось довольно равнодушно къ лѣтнему визиту въ Петербургъ чешской депутаціи, вызвавшему обмѣнъ «теплыми рѣчами» этихъ «братушекъ» и представителей нашей интеллигенціи. Дѣйствительно, фактъ довольно мелкій, рядовой, обычный.

И вдругъ оказывается, что эта «мелочь» произвела серьезное впечатлѣніе на русскаго мужика!.. Газеты довели до его свѣдѣнія это маленькое событіе, и онъ задумался надъ нимъ. На одномъ волжскомъ пароходѣ самые сѣрые мужики толковали о томъ, какъ имъ понравились рѣчи на этомъ маленькомъ славянскомъ съѣздѣ— «больно-де чувствительны» эти рѣчи... И эти «чувствительныя» рѣчи заставили заработать мужичьи головы на тему о «силѣ славянской націи», какъ противовѣсѣ «нѣмецкой націи»...

Передаю суть бесѣды, ставя въ кавычкахъ подлинныя выраженія мужиковъ. Всей этой поучительной бесѣды не пришлось, къ сожалѣнію, записать. Но и того, что успѣлъ отмѣтить въ своей записной книжкѣ, выполнѣ достаточно, чтобы видѣть, до какихъ высотъ способенъ иногда подниматься духъ русскаго мужика...

Что же! нѣтъ худа безъ добра... Можетъ быть, придется сказать спасибо и русской революціи, что она расшевелила даже мужичьи мозги и заставила ихъ попристальнѣе оглядѣться вокругъ себя. И если въ результатѣ всего броженія окажется подъемъ «славянской идеи», какъ высшаго проявленія «духа жива» въ народѣ, намъ нечего страшиться своего будущаго... Возможно, что именно эта идея явится для насъ «живою водою», все одухотворяющею...

Н. Н. Оглоблинъ.

ПАМЯТИ АНТОНА СЕМЕНОВИЧА БУДИЛОВИЧА.

СЛИ вообще тяжело привыкать къ вѣчной разлукѣ съ людьми близкими и дорогими, терять крупныхъ, выдающихся и нужныхъ дѣятелей, то особенно сильное и удручающее впечатлѣніе производитъ смерть людей, съ которыми связано представленіе о рѣдкой духовной мощи, силѣ характера и несокрушимости духа, которыхъ вся жизнь прошла въ непрерывной плодотворной работѣ и кипучей дѣятельности, которыхъ трудно себѣ вообразить въ покоѣ, не за дѣломъ...

Такимъ именно былъ нашъ безвременно умершій (12 декабря 1908 г.) выдающійся ученый славистъ, заслуженный профессоръ, а въ послѣдній годъ редакторъ-издатель «Московскихъ Вѣдомостей», Антонъ Семеновичъ Будилевичъ. Я намѣренъ подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» нѣсколькими воспоминаніями, которыя могутъ дать лично не знававшимъ А. С. нѣкоторое понятіе объ этой крупной и симпатичной личности и пригодятся, быть можетъ, его будущему біографу.

Антонъ Семеновича я зналъ почти съ первыхъ шаговъ его ученой и общественной дѣятельности. Ближе я познакомился съ нимъ въ періодъ его профессорства въ нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородка, а дружески-товарищескія отношенія и искреннее сближеніе съ нимъ произошло уже въ Варшавѣ, гдѣ мы вмѣстѣ подвизались на родственныхъ кафедрахъ съ 1883 г. до 1892 г., когда Будилевичъ былъ приглашенъ ректоромъ въ Юрьевъ, т. е. безъ малаго 10 лѣтъ.

Съ тѣхъ поръ мы не прерывали добрыхъ товарищескихъ отношеній и дружескаго общенія до самыхъ послѣднихъ его дней. Съ переездомъ А. С. въ Петербургъ въ 1901 г. эти отношенія,

естественно, опять оживились. Время успѣло наложить свои неизгладимые слѣды на физическій организмъ и виѣшній обликъ Антона Семеновича, при всей его на видъ молоджавости, особенно послѣ перенесенной имъ еще въ юрьевскій періодъ серьезной болѣзни и пережитыхъ семейныхъ утратъ, но бодрый, сильный и неутомимый въ работѣ духъ его, энергія и свѣтлый, полный несокрушимой вѣры въ торжество правды и своихъ національныхъ идеаловъ взглядъ его въ будущее — оставались все тѣ же, что и въ молодые его годы. Онъ сохранилъ до конца жизнерадостную юность и теплоту души.

I.

Первый разъ я видѣлъ и слышалъ Будиловича, еще будучи студентомъ, въ началѣ 70-хъ годовъ въ засѣданіи состоявшаго при петербургскомъ университетѣ филологическаго общества, гдѣ онъ выступалъ съ какимъ-то возраженіемъ по поводу филологическаго сообщенія моего покойнаго отца, академика Я. К. Грота. Я хорошо помню этотъ эпизодъ, такъ какъ оппонентъ произвелъ на меня значительное впечатлѣніе. Тонъ его возраженія мнѣ тогда показался даже нѣсколько рѣзкимъ и вызывающимъ, что, быть можетъ, объясняется моимъ субъективнымъ настроеніемъ и чувствомъ. Но впоследствии я убѣдился, что тутъ обнаружилось отнюдь не неуѣдннвая самонадѣянность и самолюбивый задоръ начинающаго ученаго, а проявившаяся уже тогда самостоятельность мнѣній и нелицепріятная прямота въ ихъ высказываніи. Это, очевидно, оцѣнили и мой покойный отецъ, отнесшійся очень благодушно къ своему молодому ученому противнику и сохранившій къ нему до конца своихъ дней искреннее расположеніе и глубокое уваженіе.

Въ 1872 году я поступилъ въ университетъ, и вскорѣ послѣ того, подъ вліяніемъ главнымъ образомъ лекцій В. И. Ламанскаго и личнаго съ нимъ общенія, я избралъ славистику своей специальностью и сталъ заниматься славянствомъ. Имя Будиловича, какъ перваго по времени ученика Ламанскаго и уже заявившаго себя солидными учеными трудами (о Ломоносовѣ и о языкѣ славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова) и рядомъ популярныхъ статей по славянскимъ вопросамъ, уже пользовалось большимъ уваженіемъ въ ученыхъ сферахъ и особенно въ кругу университетской молодежи—филологовъ и славистовъ. Съ 1870 по 1872 г. Будиловичъ преподавалъ славянскія нарѣчія въ петербургской духовной академіи, а съ 1871 года и въ историко-филологическомъ институтѣ.

Но не одни лишь историческія и книжныя изученія увлекали нашего молодого ученаго. Онъ въ этомъ отношеніи шелъ по сто-

памъ своего учителя, что обуславливалось и личнымъ его характеромъ и вкусомъ. Съ одной стороны, непосредственное разностороннее изученіе вопросовъ современной жизни всего славянства, съ другой—широкое историческое изученіе славянскаго міра и его этническихъ, бытовыхъ и культурныхъ особенностей въ перспективѣ міровыхъ культурно-историческихъ явленій—вотъ области, которыя съ самаго начала стали привлекать вниманіе Антона Семеновича, и углубленіе въ нихъ его пытливаго, строго логическаго ума помогло ему рано выработать свои опредѣленные воззрѣнія на славянскій вопросъ и на роль Россіи въ немъ,—воззрѣнія, близкія въ общемъ къ воззрѣніямъ первыхъ славянофиловъ, но обращенныя болѣе въ сторону практическаго рѣшенія вопросовъ реальной жизни и тяжелой дѣйствительности славянства. Эти основныя взгляды, почерпнутыя изъ теоретическихъ изученій и изъ перваго соприкосновенія съ славянскою современностью и славянскими чаяньями и стремленіями на московскомъ славянскомъ съѣздѣ 1867 года (въ которомъ А. С. принялъ участіе), развились въ послѣдствіи, подъ воздѣйствіемъ результатовъ дальнѣйшихъ изученій, наблюденій и опыта, въ стройное и цѣльное міровоззрѣніе, изъ котораго и вытекала его убѣжденная, горячая проповѣдь культурной славянской взаимности подъ щитомъ Россіи и подъ всеобъединяющимъ и спасительнымъ знаменемъ кирилло-меѳодіевской идеи.

Какъ извѣстно, непосредственнымъ результатомъ московскаго славянскаго съѣзда было образованіе славянскихъ комитетовъ сперва въ Москвѣ, а затѣмъ и въ Петербургѣ (въ 1868 г.). Будиловичъ становится членомъ петербургскаго комитета съ начала 1869 г., принимаетъ живое участіе въ его дѣятельности и вскорѣ беретъ даже на себя обязанности секретаря, каковыя и несетъ до своей заграничной командировки осенью 1872 года. Особенно цѣнныя услуги онъ оказываетъ, какъ членъ издательской комиссіи, составленіемъ очерковъ для изданій славянскаго комитета и какъ увлекательный лекторъ: онъ и до и послѣ своего путешествія выступалъ на публичныхъ собраніяхъ съ интересными чтеніями о славянахъ и ихъ литературахъ.

Я вступилъ членомъ въ славянскій комитетъ еще какъ студентъ 3-го курса въ 1874 г. и помню, какимъ уваженіемъ и популярностью пользовалось уже имя Будиловича и въ этой средѣ. Къ сожалѣнію, мое поступленіе въ петербургскій университетъ въ 1872 г. совпало съ отъѣздомъ А. С. на два года въ заграничную командировку, такъ что въ эту эпоху я не имѣлъ случая узнать его ближе. А по возвращеніи изъ этой командировки осенью 1874 г. ему уже недолго пришлось дѣйствовать на сценѣ петербургской ученой и общественной жизни и въ славянскомъ комитетѣ, такъ какъ уже въ 1875 году онъ былъ призванъ къ

новой учено-учебной дѣятельности, и притомъ въ глухую провинцію, во вновь возникавшій тогда изъ юридическаго лица князя Безбородка историко-филологическій институтъ въ Нѣжинѣ.

Нечего и говорить, какъ плодотворно использовалъ Антонъ Семеновичъ свою двухлѣтнюю командировку и какую богатую жатву онъ привезъ съ собою. Онъ объѣздилъ всѣ и западныя и южныя славянскія земли и завязалъ всюду личныя связи и знакомства съ выдающимися представителями науки, литературы, общественной и политической жизни у славянъ. Его широкая научно-теоретическая подготовка укрѣпилась теперь на прочномъ и глубокомъ основаніи непосредственныхъ наблюденій и изученій явленій и фактовъ славянской жизни и народнаго быта.

Будиловичъ не замедлилъ познакомиться и ученый міръ и широкую публику съ результатами своего путешествія. Въ славянскомъ комитетѣ онъ прочелъ интересное сообщеніе «О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ славянъ западныхъ и южныхъ», напечатанное затѣмъ въ I томѣ «Славянскаго Сборника» 1875 г. Тамъ же онъ вскорѣ затѣмъ прочелъ свой «Очеркъ современнаго положенія Черной горы», а въ «Славянскомъ Сборникѣ» напечатана была его статья «Нѣсколько данныхъ и соображеній изъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и Австрійской Силезіи за послѣдніе годы». Наконецъ, извлеченіе изъ его отчета по командировкѣ появилось въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» подъ заглавіемъ: «Путевыя замѣтки о долинѣ средняго и нижняго Дуная». Эти интересные очерки впервые познакомили русскихъ читателей нѣсколько ближе съ тѣми областями, которыя играли такую важную роль въ судьбахъ славянства, въ которыхъ славянскія народности, вслѣдствіе роковыхъ для нихъ историческихъ условій, оказались наиболѣе подавленными и матеріально и духовно, и которыя для насъ, русскихъ, оставались почти забытыми и малоизвѣстными, а потому какъ бы чуждыми.

Этими областями, привлекаясь особенное вниманіе молодого ученаго, были Буковина, Молдавія и Валахія, Семиградіе, подкарпатская Венгрія и области Хорватіи, а народности, съ которыми онъ считалъ особенно важнымъ познакомиться русское общество, были зарубежныя наши братья, карпаторуссы, затѣмъ словаки и хорваты, а изъ неславянъ румыны и мадьяры. Посѣщеніе Буковины и подкарпатской Венгріи, территоріи угроруссовъ и словаковъ получило особое, опредѣляющее значеніе не только въ направленіи научныхъ интересовъ Антона Семеновича, но и въ его личной жизни. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ средѣ ближайшихъ нашихъ соплеменниковъ, угорскихъ русскихъ, на ихъ родинѣ и въ Будапештѣ, Будиловичъ между прочимъ познакомился и сошелся съ замѣчательнымъ русскимъ дѣятелемъ и духовнымъ во-

ждемъ прикарпатской Руси, А. И. Добрянскимъ, съ которымъ впослѣдствіи вступилъ и въ семейныя узы, женившись на его дочери. Эти связи и тотъ богатый матеріалъ для изученій, для пытливаго ума и отзывчивой души, который представляла собой прошлая и современная судьба обездоленнаго угорскаго славянства, приковали къ послѣднему навсегда особенно теплое и участливое вниманіе Антона Семеновича, и во всѣхъ своихъ послѣдующихъ ученыхъ работахъ и популярныхъ очеркахъ вопросамъ угро-славянской исторіи и жизни онъ отводитъ видное мѣсто. Сильная умомъ и духомъ, высокодаровитая, благородная и обаятельная личность А. И. Добрянскаго, этого глубокаго знатока славянства и убѣжденнаго практическаго политика-борца за національныя права соплеменниковъ и за кирилло-меѳодіевскую идею¹⁾, не могла не оказать значительнаго вліянія на молодого, одушевленнаго жаждой знаній и дѣятельности русскаго слависта, и вліяніе это принесло богатые плоды, отразившись на всемъ послѣдующемъ жизненномъ подвигѣ Будиловича, на развитіи его убѣжденій и міросозерцанія, на принципахъ его дѣятельности—при всей самостоятельности и независимости его характера, при всей самобытности и оригинальности его ума и психики.

А. С. всюду, гдѣ онъ являлся среди славянъ, а особенно тамъ, гдѣ имѣли случай его ближе узнать, вызывалъ къ себѣ общія симпатіи и пріобрѣталъ искреннихъ друзей и почитателей. Живымъ отголоскомъ этихъ отношеній къ нему могутъ служить слѣдующія слова глубокой скорби по поводу его смерти, вылившіяся изъ-подъ пера его друга, одного изъ славныхъ сыновъ славянскаго народа: «Кончина А. С. Будиловича вызвала большое сожалѣніе на Словачинѣ: онъ былъ намъ знакомъ, и всѣ знали, какъ близокъ былъ его сердцу нашъ народъ... Лично знали его всѣ наши передовые люди, а наши органы печати постоянно помѣщали его статьи, такъ что читающей публикѣ онъ былъ такъ же знакомъ, какъ любой словенскій писатель. Онъ былъ близокъ намъ и какъ зять Адольфа Ивановича Добрянскаго, котораго донинѣ здравствующая вдова—дочь словенскаго народа. Наша скорбь глубока: болѣе теплыя слезы не текли и на родной русскаго земля, чѣмъ тѣ, которыя лились объ А. С. у насъ... Онъ часто былъ нашимъ гостемъ, и мы его чтили и любили, какъ роднаго брата!..»

¹⁾ О Добрянскомъ (по поводу его смерти) см. брошюру (рѣчь въ Славянскомъ обществѣ) А. С. Будиловича «Объ основныхъ воззрѣніяхъ А. И. Добрянскаго». Спб. 1901 г. и мою статью «Памяти А. И. Добрянскаго» въ Извѣстіяхъ Спб. славянскаго благотворительнаго общества. 1902, декабрь.

II.

Въ 1875 году началась новая учено-педагогическая дѣятельность Антона Семеновича, въ которой онъ могъ всецѣло приложить свои богатые дарованія, широкую подготовку и свой большой характеръ.

Около этого времени, еще въ 1873 году, тогдашній министр народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой рѣшилъ преобразовать нѣжинскій юридическій лицей князя Безбородка въ историко-филологическій институтъ и для исполненія этого дѣла избралъ профессора харьковскаго университета, пользовавшагося репутацией выдающагося педагога-организатора и большимъ авторитетомъ въ педагогическомъ дѣлѣ, Н. А. Лавровскаго, которому были поручены и всѣ подготовительныя къ организаціи института дѣйствія, и главнымъ образомъ подборъ профессорскаго персонала. При тѣхъ высокихъ требованіяхъ, которыя поставилъ въ основу этого дѣла будущій директоръ института, эта задача была очень нелегкою, если принять во вниманіе тѣ условія захолустной жизни, которыя представлялъ такой городишко, какъ Нѣжинъ. Лишь личность самого Н. А. Лавровскаго и служба подъ его руководствомъ могла служить привлеченіемъ, но лишь для тѣхъ, кто былъ въ этомъ отношеніи достаточно освѣдомленъ.

Уже весной 1874 года Лавровскій былъ по вызову министра въ Петербургѣ, и тогда же начались его хлопоты объ образованіи преподавательскаго состава для Нѣжина. Очень вѣроятно, что Будиловича рекомендовалъ будущему директору его братъ—славистъ Петръ Алексѣевичъ, жившій тогда въ Петербургѣ. Въ маѣ Лавровскій (по возвращеніи въ Харьковъ) пишетъ своему брату: «Я уже получилъ согласіе Будиловича, попросившаго отъ меня потомъ нѣкоторыхъ извѣстій о подробностяхъ новаго положенія». Заручиться такой ученой силой было очень важно, и, видимо, согласіе Будиловича, уже имѣвшаго ученую степень, очень радовало Лавровскаго, столь серьезно смотрѣвшаго на подборъ профессоровъ. «Посредственностей, да еще безправныхъ, крайне не хотѣлось бы вербовать,—писалъ онъ брату:—такъ какъ это значило бы превращать институтъ въ гимназію. Всѣ мои усилія и самыя горячія желанія направлены къ тому, чтобы будущій институтъ, который скоро долженъ сдѣлаться дорогимъ моему сердцу, былъ вполне достоинъ своего имени и назначенія и чтобъ его учебный составъ представлялъ дѣйствительную и почтенную ученую силу... Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что относительно подбора учебныхъ силъ болѣе всего погубною можетъ быть торопливость»... И Лавровскій дѣйствительно достигъ своей цѣли,

о чемъ свидѣтельствуютъ и первый составъ нѣжинскаго института и первый блестящій періодъ его дѣятельности.

При такихъ условіяхъ, подъ руководствомъ такого выдающагося педагога и такого идеальнаго начальника и чуднаго чело-вѣка, какимъ былъ Н. А. Лавровскій, началъ Будиловичъ свою дѣятельность въ нѣжинскомъ институтѣ съ осени 1875 года (когда былъ открытъ институтъ)—въ качествѣ ординарнаго профессора по кафедрѣ русско-славянской филологіи.

Оба дѣятеля, въ душевномъ складѣ, характерѣ и воззрѣніяхъ которыхъ на свое призваніе и задачи было столько общаго, не замедлили понять другъ друга и душевно сойтись. Вскорѣ по прїѣздѣ Будиловича въ Нѣжинъ Лавровскій пишетъ: «Люпер-сольскій ¹⁾ и Будиловичъ—прекрасные господа; съ ними можно жить и дѣлать дѣло». Такіе же похвальные отзывы встрѣчаются и въ слѣдующихъ письмахъ. 16-го октября читаемъ: «Составомъ преподавателей я пока очень доволенъ: всѣ ребята славные и дружно занимаются своимъ дѣломъ. У насъ субботы, на которыя всѣ собираются... Наконецъ была «артельная» суббота (Будило-вичъ, Люперсольскій, Никитинъ, Златоустовскій составляютъ артель: столъ общій etc)...» Лавровскій стремился всячески привязать ученую молодежь къ мѣсту и заботился, чтобъ она не скучала. «Я нарочно,—пишетъ онъ,—устроилъ субботы, чтобы по возможности разнообразить ихъ скучную и тоскливую жизнь въ Нѣжинѣ, и большая часть субботъ, разумѣется, приходится на свою долю... Веселья, правда, немного, но зато всѣ принимаютъ въ немъ живѣйшее участіе, особенно Будиловичъ, который оказался большимъ охотникомъ до танцевъ»... Живую характеристику Антона Семеновича даетъ Лавровскій своему брату въ другомъ письмѣ (7-го декабря): «Будиловичъ—весьма разнообразный господинъ; не говоря о его книжныхъ достоинствахъ, онъ душа въ нашемъ обществѣ, великій танцоръ, весельчакъ, без-смѣнный ораторъ въ нашихъ большихъ вечернихъ закускахъ съ двумя-тремя бутылками рублеваго вина, завершающихъ наши вечера; его шутовскіе спичи мнимо-политическаго характера, обращенные всегда къ славянскому міру, къ Константинополю, въ которомъ онъ надѣется профессорствовать не сегодня-завтра ²⁾, весьма забавны и вносятъ живость и разнообразіе въ наше маленькое общество. Работаетъ онъ много, библіотека громадная, словомъ, это чело-вѣкъ, удаленіе котораго было бы для меня великимъ горемъ; я ему говорю, что согласенъ отпустить его изъ Нѣжина только въ профессора русскаго университета въ Кон-

¹⁾ П. И. Люперсольскій—профессоръ всеобщей исторіи.

²⁾ Не забудемъ, что это было въ 1875 году, во время начавшихся движе-ній на Балканскомъ полуостровѣ, почти наканунѣ русско-турецкой войны.

стантинполѣ»... Впослѣдствіи Лавровскій могъ бы только еще развить и усилить этотъ лестный отзывъ. А. С. сталъ вскорѣ и оставался до конца правой рукой Лавровскаго въ правленіи института по завѣдыванію его хозяйственною частью. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ и живыхъ вопросахъ, занимавшихъ и волновавшихъ институтъ и его ученую коллегію, Будиловичъ игралъ дѣятельную роль и принималъ душевное участіе.

Здѣсь-то, въ нѣжинскомъ захолустьѣ, я имѣлъ случай впервые короче познакомиться и ближе узнать Антона Семеновича. Это было осенью 1876 года и затѣмъ въ 1878 году. Въ 1876 году я пробылъ въ Нѣжинѣ очень недолго—проѣздомъ изъ-за границы навѣстивъ брата, только что тогда начавшаго свою профессорскую дѣятельность въ институтѣ по кафедрѣ философіи ¹⁾, на каковую онъ былъ приглашенъ Лавровскимъ уже годъ передъ тѣмъ, но съ правомъ провести годъ въ заграничной командировкѣ.

Хорошо помню, какое отрадное и сильное, одушевляющее впечатлѣніе произвела на меня вся уже собранная тогда вокругъ новаго, прекрасно поставленнаго дѣла нѣжинская педагогическая семья съ своимъ добрымъ и симпатичнымъ, но зоркимъ и разумно-требовательнымъ начальникомъ-руководителемъ во главѣ. Подъ истинно-отеческимъ попеченіемъ этого уже немолодого, глубоко просвѣщеннаго и умудреннаго жизненнымъ опытомъ чловѣка молодымъ, начинающимъ ученымъ сотрудникамъ его жилось очень хорошо и уютно, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ уже успѣли пожениться, и это обстоятельство, присутствіе и женской молодежи въ собраніяхъ нѣжинскихъ педагоговъ придавало интимной жизни институтскаго персонала особенное оживленіе и жизнерадостность...

Какъ разъ въ томъ (1876) году женился и Антонъ Семеновичъ, и осенью привезъ въ Нѣжинъ свою молоденькую и симпатичную жену. Это была Елена Адольфовна Добрянская, дочь знаменитаго угро-русскаго національнаго вождя А. И. Добрянскаго, о которомъ мы уже упоминали выше. Молодая, только что пожившаяся счастливая чета, естественно, жила это время болѣе замкнуто, да къ тому же мое пребываніе въ Нѣжинѣ въ эту осень было самое мимолетное, а потому и наше знакомство съ Будиловичемъ не могло еще стать короткимъ.

Гораздо лучше я успѣлъ познакомиться съ Антономъ Семеновичемъ осенью 1878 года, когда я провелъ въ Нѣжинѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Въ этомъ году я задумалъ было поѣхать на зиму въ славянскія земли (главнымъ образомъ въ Прагу) готовиться къ

¹⁾ Н. Я. Гротъ окончилъ с.-петербургскій университетъ въ 1874 году, годъ провелъ за границей (въ Берлинѣ и Страсбургѣ) и поступилъ въ Нѣжинъ—экстраординарнымъ профессоромъ.

магистерству и собирать материалъ для диссертации, а по пути рѣшилъ навѣстить брата въ Нѣжинъ. Но по приѣздѣ въ Нѣжинъ я очень скоро измѣнилъ свой планъ. Обстановка, въ какой я очу-

Антонъ Семеновичъ Будиловичъ.

тился, родственныи пріемъ не только семьей брата, за годъ передъ тѣмъ женившася на дочери Н. А. Лавровскаго, но и въ гостеприимной семьѣ самого Лавровскаго, прекрасная библиотека института и самыя благопріятныя условія для серьезныхъ занятій въ

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1909 г., т. оху.

16

трудоваѣ и дѣловой атмосферѣ маленькаго институтскаго міра, наконецъ наличность двухъ профессоровъ-славистовъ (Будиловича и Р. Э. Брандта—моего стараго товарища и спутника по поѣздкѣ по Моравіи въ 1876 году), общеніе съ которыми было для меня тоже важнымъ подспорьемъ въ работѣ,—все это побудило меня оставить пока планъ заграничнаго путешествія и пожить нѣкоторое время въ Нѣжинѣ, воспользовавшись благопріятными условіями для приготовленія къ магистерскому экзамену, чтобы затѣмъ ужъ магистрантомъ ѣхать за границу. Такъ я и сдѣлалъ, и дѣйствительно весной 1879 года сдалъ въ Петербургѣ магистерскіе экзамены (у профессоровъ Ламанскаго, Срезневскаго и А. И. Веселовскаго).

Такимъ образомъ я прожилъ около трехъ мѣсяцевъ подъ кровомъ нѣжинскаго института и въ постоянномъ живомъ общеніи съ его профессорскимъ персоналомъ успѣлъ близко познакомиться какъ съ жизнью и дѣятельностью института и симпатичнымъ бытомъ всей дружной институтской семьи, такъ и съ отдѣльными ея членами, талантливыми и выдающимися учеными и педагогами, изъ которыхъ многіе достигли впослѣдствіи вершинъ нашего учебно-административнаго и ученаго міра ¹⁾.

Но, несомнѣнно, всего для меня интереснѣе и поучительнѣе было болѣе короткое знакомство съ А. С. Будиловичемъ, къ которому я уже питалъ большое уваженіе по его ученой репутациі въ сферѣ моей спеціальной науки и по знакомой мнѣ его дѣятельности въ Петербургѣ. Тутъ я видѣлъ его еще въ новомъ свѣтѣ—съ одной стороны какъ всѣми уважаемаго, авторитетнаго и замѣчательно работоспособнаго члена педагогической коллегіи института, котораго дѣятельность и характеръ высоко цѣнилъ самъ директоръ, съ другой—какъ прекраснаго товарища и живого, чрезвычайно общительнаго и веселаго члена институтской уютной, бодро и жизнерадостно настроенной педагогической семьи, душой которой оставался неизмѣнно самъ Лавровскій, этотъ идеаль начальника-отца и товарища-друга, умѣвшій во время и наставлять, и журить, и ободрять, и примирять, и вмѣстѣ—совершенно дружески, непринужденно побалагурить и повеселиться за общей трапезой въ тѣсномъ кругу сослуживцевъ.

Общеніе и частыя бесѣды съ Будиловичемъ, указанія и совѣты такого свѣдущаго спеціалиста, уже непосредственно знакомаго съ славянскимъ міромъ и съ виднѣйшими представителями славянской науки и жизни на западѣ и югѣ,—были для меня чрезвычайно полезны и важны, и самъ Антонъ Семеновичъ съ присущими ему отзывчивостью, добротой и готовностью быть полезнымъ шелъ радушно навстрѣчу при всякомъ обращеніи къ нему и готовъ былъ служить и указаніями и своей богатой уже библіотекой.

¹⁾ Профессора Никитинъ, Зенгеръ, Будиловичъ etc.

Н. А. Лавровскій охарактеризовалъ, какъ мы выше видѣли, А. С., тогда еще холостого, какъ живого, веселаго участника всѣхъ вечернихъ дружескихъ профессорскихъ собраній, остроумнаго застольнаго оратора, любителя танцевъ. Но эти свои общественныя черты А. С. сохранилъ и послѣ женитьбы, и въ 1878 г. я его помню все такимъ же веселымъ и общительнымъ собесѣдникомъ и участникомъ всѣхъ забавъ и затѣй институтской ученой молодежи, съ тою лишь разницей, что теперь все это дѣлила съ нимъ его милая жена Елена Адольфовна, у которой гостила еще ея младшая сестра Вѣра Адольфовна, и что такимъ образомъ гостепріимное жилище Будиловича стало живымъ привлекательнымъ центромъ и ресурсомъ для институтскаго профессорскаго кружка. Для самого Будиловича шестилѣтняя служба въ Нѣжинѣ имѣла огромное значеніе для послѣдующей его ученой и служебной карьеры. Во-первыхъ, условія жизни въ такой провинціальной глуши, какой былъ этотъ потонувшій въ грязи, захолустный черниговскій городокъ, и условія всего институтскаго быта давали полную возможность сосредоточиться и углубиться въ производительную ученую работу, даже при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ преподавательскому труду и къ другимъ служебнымъ обязанностямъ, которыя несъ Будиловичъ. А, во-вторыхъ, для него это была своего рода школа учебно-административнаго дѣла, серьезная подготовка къ послѣдующей дѣятельности (въ Варшавѣ и Юрьевѣ) подъ руководствомъ и моральнымъ вліяніемъ такого рѣдкаго по таланту и опытности администратора и педагога, какимъ былъ Н. А. Лавровскій.

Ученая дѣятельность А. С. въ нѣжинскій періодъ его жизни выразилась въ рядѣ какъ крупныхъ изслѣдованій въ области славянской филологіи и лингвистики, такъ и очерковъ и статей популярнаго характера по исторіи и литературамъ славянскихъ народовъ. Изъ первыхъ слѣдуетъ назвать «Анализъ составныхъ частей славянскаго слова, съ морфологической точки зрѣнія» (въ «Извѣстіяхъ историко-филологическаго института», Кіевъ, 1877 г.) и его докторскую диссертацию «Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованіе въ области лингвистической палеонтологіи славянъ», въ 2 частяхъ (напечатана тамъ же, 1878—1879 г.), обширный и интересный трудъ въ мало еще разработанной и темной области, доставившій Будиловичу степень доктора славянской филологіи послѣ диспута въ петербургскомъ университетѣ въ январѣ 1879 года.

Изъ многихъ его статей и очерковъ этого періода назовемъ для примѣра лишь помѣщенные имъ въ «Славянскомъ Сборникѣ», т. II. (1877 г.): «О литературномъ единствѣ народовъ славянскаго племени», «Нѣсколько замѣчаній объ изученіи славянскаго міра», наконецъ «Очерки изъ сербской исторіи».

Чтобы судить о преподавательской дѣятельности А. С., о томъ, что онъ читалъ студентамъ института (читанные имъ вначалѣ предметы собственно-русской филологіи и словесности онъ передалъ скоро Н. А. Лавровскому), достаточно привести выдержку изъ обзора преподаванія за 1879—1880 г. Кромѣ практическихъ занятій со студентами, А. С. преподавалъ 1) на I курсѣ: краткій обзоръ языкознанія вообще и славянскаго въ частности: общія понятія о жизни языковъ и основанія ихъ классификаціи; біографическое размѣщеніе славянскихъ народностей и взаимныя отношенія славянскихъ нарѣчій; физическія и фізіологическія условія образованія звуковъ человѣческаго языка и классификація послѣднихъ; основанія славянской графики и палеографіи; фонетика церковно-славянскаго языка сравнительно съ другими индо-европейскими языками и славянскими нарѣчьями; 2) на II курсѣ: очерки изъ исторической этнографіи славянъ; обзоръ источниковъ для изученія славянскихъ древностей; сказанія древнихъ писателей о венедахъ восточной равнины, Сѣверной Италіи и Малой Азіи; о славянахъ на Дунаѣ; заселеніе Балканскаго полуострова; основаніе Болгарскаго государства и его судьбы до завоеванія турками; судьбы Сербіи, Босніи и Герцеговины, Зеты и Дубровника; о внутреннихъ отношеніяхъ въ Чехіи и Моравіи до XIV вѣка.

Какъ ни дорожилъ Лавровскій своимъ энергичнымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ и отличнымъ профессоромъ, какъ ни старался его подольше сохранить для Нѣжина, однакожъ онъ не могъ и удерживать его, когда ему представилось болѣе почетное и выгодное назначеніе и болѣе широкое и важное поле дѣятельности. Въ 1881 году Будиловичу была предложена каеэдра славяно-русской филологіи въ варшавскомъ университетѣ, и онъ, какъ ни свыкъся съ Нѣжиномъ, не могъ, конечно, не согласиться на такую важную для него перемѣну.

Съ истиннымъ сердечнымъ сожалѣніемъ расстался съ нимъ нѣжинскій институтъ и особенно его директоръ, которому, однакожъ, суждено было вскорѣ (черезъ 2 года) вновь встрѣтиться съ своимъ дорогимъ сотрудникомъ на берегахъ Вислы, а послѣднему опять служить подъ началомъ и въ дружномъ нравственномъ единеніи съ бывшимъ своимъ директоромъ, съ 1883 г. ставшимъ ректоромъ варшавскаго университета.

Когда Будиловичъ сдавалъ весной 1881 года свою должность члена правленія института, то конференція торжественно выразила ему свою благодарность (съ занесеніемъ въ формулярный списокъ) за шестилѣтнее добросовѣстное, усердное и безвозмездное выполненіе имъ обязанностей члена правленія института.

III.

Итакъ, съ осени 1881 г. Антонъ Семеновичъ становится ординарнымъ профессоромъ императорскаго варшавскаго университета по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языка и исторіи русской литературы и остается въ этой должности до 1892 г., т. е. 11 лѣтъ, а съ 1887 г. дѣлается и деканомъ историко-филологическаго факультета, и, какъ таковой, не разъ исправляетъ должность ректора, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ правленія. Предметы университетскихъ чтеній А. С.—ча въ Варшавѣ были уже не совсѣмъ тѣ же, чѣмъ въ Нѣжинѣ, хотя въ сущности кафедра была та же. Но мы видѣли, что въ Нѣжинѣ А. С., представивъ русскую часть (письменность и литературу) Н. А. Лавровскому, сосредоточился самъ на славистикѣ. Въ Варшавѣ же славистика была поставлена (по уставу, благодаря первому ректору-слависту П. А. Лавровскому) широко, имѣла двухъ представителей-профессоровъ (Макушева и Первольфа)¹⁾ и одного доцента (лектора славянскихъ нарѣчій Э. И. Езберу), къ которымъ затѣмъ присоединился профессоръ по новой кафедрѣ польской литературы, такъ что въ усиленіи этого предмета не представлялось надобности, и Будиловичъ отдался всецѣло преподаванію главныхъ предметовъ своей кафедры: церковно-славянскаго и русскаго языка и славяно-русской древней письменности, удѣляя при этомъ большое вниманіе вопросу кирилло-меѳодіевскому. Но такая специализація не мѣшала ему въ ученой его дѣятельности (какъ и въ литературно-публицистической, къ которой онъ иногда обращался) ставить изученіе славянства, вопросы его культурнаго прошлаго, его внутреннихъ взаимныхъ отношеній и его современности на первый планъ и дать за этотъ періодъ своей жизни—рядомъ съ разработкой темъ чисто-филологическихъ и спеціальныхъ (напримѣръ, его «Начертаніе церковно-славянскаго грамматики», Варшава, 1883)—большое число интересныхъ работъ въ области основныхъ и широкихъ темъ славяновѣдѣнія. Особенно же любимой его темой было выясненіе роли и значенія русскаго языка въ славянскомъ мірѣ, какъ и мировой его роли,—въ соотвѣтствіи съ культурной ролью стараго церковно-славянскаго языка въ старой славянской письменности и въ связи съ кирилло-меѳодіевскою идеей, какъ почвой для всеславянскаго культурнаго объединенія. Рядъ монографій и статей по культурной исторіи славянства затрогиваетъ такъ или иначе эту тему, но полное и широкое ея обоснованіе и развитіе А. С. далъ въ большемъ своемъ капитальномъ трудѣ «Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ

¹⁾ Которыхъ смѣнили, по ихъ смерти,—пишущій эти строки и затѣмъ П. А. Кулаковскій.

древней и новой Европы», въ 2-хъ частяхъ (Варшава, 1892), увѣнчанномъ первой кирилло-меодіевской преміей (Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ). Этотъ трудъ, глубоко задуманный и основанный на многолѣтнихъ широко поставленныхъ, разностороннихъ изученіяхъ (въ области всѣхъ европейскихъ языковъ и литературъ) обнаруживающій огромную эрудицію, широту взгляда и глубокую убѣжденность автора, остается у насъ далеко еще не опѣненнымъ. Несомнѣнно, онъ занимаетъ центральное мѣсто въ томъ богатомъ ученомъ наслѣдіи, которое оставилъ покойный наукѣ славяновѣдѣнія, и составляетъ одну изъ главныхъ его заслугъ.

Эта преобладающая въ трудахъ А. С. идея о роли русскаго языка, какъ общеславянскаго объединяющаго культурнаго фактора, и о соответственномъ призваніи Россіи въ славянствѣ была руководящей основой и одушевляющимъ мотивомъ во всей дѣятельности А. С., какъ профессора, члена университетской корпораціи и потомъ декана въ варшавскомъ университетѣ, этомъ культурномъ форпостѣ Россіи и русскаго міра въ польской окраинѣ. Будиловичъ, самъ уроженецъ Западной Руси (Гродненской губерніи) и близко знакомый (по изученію, опыту и домашнимъ традиціямъ) съ трагической сущностью и исторической подкладкой польско-русскихъ отношеній, внесъ въ свою дѣятельность не предвзятость взглядовъ, не слѣпую вражду или національный шовинизмъ, на чтò онъ никогда не былъ и способенъ, а трезвое и здоровое пониманіе задачъ русской государственности, русской школы и русскаго языка съ точки зрѣнія обоюдной пользы и идеи общеславянскаго культурнаго объединенія. Отсюда вытекали его стойкость и неуступчивость въ борьбѣ за русскій характеръ варшавскаго университета (напримѣръ, въ вопросѣ о кафедрѣ польской литературы). Къ сожалѣнію, противной сторонѣ была непонятна и чужда эта широкая идейная постановка вопроса, и она—эта сторона—объясняла образъ мыслей и дѣйствій даже такихъ терпимыхъ, благомыслящихъ и добрыхъ, но принципиально стойкихъ русскихъ людей, какими были ректоръ Н. А. Лавровскій и его ближайшій сотрудникъ А. С. Будиловичъ, прямолинейнымъ служеніемъ какимъ-то завѣдомо полонофобскимъ и руссификаціоннымъ стремленіямъ и цѣлямъ руководящихъ органовъ правительства...

А. С. началъ свою дѣятельность въ Варшавѣ въ послѣдніе годы правленія генералъ-губернатора Альбединскаго и ректорства Н. М. Благовѣщенскаго, когда слабость и растерянность власти, отсутствіе опредѣленной и ясной системы и несчастная политика колебаній и заигрываній готовы были отразиться на положеніи дѣлъ въ краѣ самыми печальными послѣдствіями и уже вызвали сильное броженіе умовъ, особенно въ польской молодежи. Въ университетѣ, при тогдашнемъ составѣ профессорской корпораціи и большимъ вліяніи польскаго элемента, это броженіе грозило также при-

нять опасные размѣры, и, дѣйствительно, вскорѣ, весной 1883 г., разразилось вспышкой политическихъ страстей, безобразнымъ актомъ насилія (оскорбленіе дѣйствіемъ попечителя округа А. Л. Апухтина), и послѣдовавшими затѣмъ волненіями въ университетѣ, требовавшими вмѣшательства внѣшней силы. Очевидно, такъ дѣло не могло продолжаться. Нужна была твердая, разумная власть и ясная, послѣдовательная система управленія, а для этого нужны были и новые люди. Уже въ 1883 г. варшавскимъ генераль-губернаторомъ, по смерти Альбединскаго, былъ назначенъ герой турецкой войны генераль І. В. Гурко. Съ осени того же года ректоромъ университета былъ назначенъ бывший директоръ историко-филологическаго института кн. Безбородка (оставившій Нѣжинъ уже годъ передъ тѣмъ) Н. А. Лавровскій.

А. С. Будиловичъ съ самаго начала своей службы въ Варшавѣ, со свойственнымъ ему здравымъ русскимъ чутьемъ и какъ знатокъ исторіи перипетій русско-польскаго спора, вѣрно оцѣнилъ положеніе дѣла и занялъ опредѣленно-твердую позицію въ дѣлахъ и отношеніяхъ университета и въ принципиальныхъ вопросахъ о его задачахъ и характерѣ, объ отношеніи русской администраціи и русскихъ людей къ польскимъ политическимъ притязаніямъ и стремленіямъ: онъ не страшился и открытой борьбы для проведенія въ жизнь своихъ убѣжденій и идей.

Вся его дѣятельность въ Варшавѣ (какъ потомъ и въ Юрьевѣ) носить боевой характеръ, хотя и безусловно чуждый всякой мелочности, придирчивости и безтактно-враждебныхъ выходокъ, чѣмъ, къ сожалѣнію, нерѣдко грѣшили и грѣшатъ иные русскіе дѣятели, одушевляемые нездоровыми инстинктами шовинизма, національной нетерпимости и ненависти и склонные къ тому же къ злоупотребленію властью и къ произволу.

Назначеніе въ ректоры Н. А. Лавровскаго, такого твердаго, энергичнаго и убѣжденнаго русскаго дѣятеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ — вполне уравновѣшеннаго, справедливаго, тактичнаго и доброй, мягкой души человѣка какъ нельзя болѣе соответствовало и взглядамъ на желательный для варшавскаго университета режимъ и направленію Будиловича, котораго вліяніе, при завоеванномъ имъ уже въ округѣ авторитетѣ, не преминуло сказаться въ этомъ удачномъ назначеніи.

Этотъ моментъ въ жизни варшавскаго университета мнѣ хорошо извѣстенъ, ибо съ нимъ совпало и мое назначеніе, по смерти В. В. Макушева, на кафедру славистики, — назначеніе, въ которомъ главную роль сыгралъ также Антонъ Семеновичъ, убѣдившій меня выставить свою кандидатуру.

Я позволю себѣ припомнить здѣсь обстоятельства моего привлеченія на варшавскую кафедру, чтобы нѣсколькими выдержками изъ писемъ А. С. Будиловича еще лучше освѣтить эту эпоху его

дѣятельности и его взгляды на задачи русской высшей школы въ Варшавѣ.

Въ 1882 г. лѣтомъ (по защитѣ зимой магистерской диссертаци) я поѣхалъ за границу, получивъ отъ петербургскаго университета командировку—сперва на годъ, но съ обѣщаніемъ продолжить ее затѣмъ еще на одинъ годъ. Успѣвъ объѣхать въ первый годъ лишь часть западно и южно-славянскихъ земель, я сосредоточилъ свои занятія главнымъ образомъ въ научныхъ центрахъ и въ ихъ рукописныхъ хранилищахъ, именно въ Прагѣ, Вѣнѣ и Будапештѣ и отчасти въ Загребѣ и Бѣлградѣ. Но планамъ моихъ на использование и второго года не суждено было осуществиться. Еще лѣтомъ я въ Прагѣ познакомился съ варшавскимъ профессоромъ В. В. Макушевымъ, который сообщилъ мнѣ, что, дослуживая срокъ на пенсію, онъ по разстроенному здоровью хочетъ вскорѣ выйти въ отставку и поселиться въ Прагѣ. Мнѣ стало потомъ извѣстно, что на его мѣсто мѣтилъ уже тогда одесскій профессоръ А. А. Кочубинскій, усиленно звавшій меня къ себѣ въ Одессу—доцентомъ. Я же самъ о Варшавѣ въ тотъ моментъ еще и не помышлялъ.

Но вотъ въ половинѣ февраля въ Вѣнѣ я получаю письмо отъ А. С. Будиловича съ предупрежденіемъ о возможности скорого ухода Макушева—вслѣдствіе усиленія его болѣзни—и съ настоятельнымъ совѣтомъ во время выставить свою кандидатуру.

«Университетъ долженъ,—писалъ А. С.,—заблаговременно озаботиться подысканіемъ достойнаго кандидата на кафедру, имѣющую здѣсь исключительную важность и значеніе, не научное только, но и общественное. Принимая особенно близко къ сердцу это дѣло, какъ членъ факультета и преподаватель по очень близкой кафедрѣ, я давно уже сталъ раздумывать о такомъ кандидатѣ, и пришелъ къ выводу, что самымъ подходящимъ являетесь вы, дорогой К. Я. Я заранѣе убѣжденъ, что ваша кандидатура будетъ самымъ сочувственнымъ образомъ встрѣчена всѣми членами (русскими, конечно) нашего факультета и даже университета и безъ затрудненія пройдетъ какъ здѣшнія, такъ и питерскія надлежащія инстанціи»...

Такой сочувственный и лестный для меня зовъ со стороны человѣка, котораго я привыкъ глубоко чтить, и служба съ которымъ не могла не привлекать меня, заставилъ меня, несмотря на представлявшіяся трудности и тягостныя условія варшавской службы въ другихъ отношеніяхъ, склониться къ принятію совѣта А. С. Послѣдовавшая очень скоро затѣмъ (2 марта) неожиданная кончина Макушева ускорила рѣшеніе вопроса, и я послалъ свое прошеніе ректору университета. Дѣло, однако, тянулось довольно долго, и только 21-го мая состоялось засѣданіе членовъ факультета, въ которомъ, на основаніи отзывовъ профессоровъ Первольфа и Будиловича, вопросъ о моемъ избраніи

былъ рѣшенъ единогласно, о чемъ меня и извѣстилъ А. С. Между тѣмъ пока дѣло проходило черезъ всѣ инстанціи, польская печать (наша и заграничная), зорко слѣдившая за событіями и личными перемѣнами въ краѣ и въ варшавскомъ университетѣ, не замедлила пустить ядовитую шпильку по адресу будущаго преемника профессора Макушева. Петербургская газета «Крај», извѣщая своихъ читателей о предстоящемъ назначеніи уже въ началѣ апрѣля и сообщая мой краткій *curriculum vitae*, не воздержалась отъ язвительной характеристики съ весьма глупой выходкой. Эту замѣтку поспѣшила перепечатать и услужливая «*St.-Petersburger Zeitung*», откуда она проникла и въ заграничную печать. Выходка настолько характерна и курьезна, что не мѣшаетъ ее привести здѣсь.

«Къ нашей характеристикѣ слѣдуетъ прибавить,—читаемъ въ замѣткѣ,—что К. Гротъ—любимецъ здѣшняго профессора В. Ламанскаго и исповѣдуетъ его культурно-политическія идеи о святомъ призваніи славянства. Кромѣ того, К. Гротъ находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ профессоромъ Будиловичемъ, предложившимъ его на эту кафедру и пробудившимъ въ немъ симпатіи къ Адольфу Добрянскому, къ сыну послѣдняго Мирославу и къ его двумъ дочерямъ, г-жѣ Будиловичъ и знаменитой Ольгѣ Грабаръ». Эта выходка возмутила и самого А. С., который высказался по этому поводу въ своемъ письмѣ отъ 2 мая. Я приведу изъ него выдержку, какъ хорошо характеризующую его взгляды на польско-русскія отношенія.

«Благодаря указанію П. И. С., познакомился я съ пошлой и банальной выходкой «Крај» противъ вашей кандидатуры. Въ этой глупой выходкѣ, гдѣ выведены на сцену и Ламанскій, и я, и Ад. Ив., и даже моя жена съ Ольгой Грабаръ, вы можете видѣть и предвкушать обычную тактику поляковъ въ науськиваніи на русскихъ своего общества, но смущаться вамъ этимъ нечего. Каждого изъ насъ встрѣчалъ при вступленіи сюда лай газетныхъ собакъ; но, слава Богу, это не мѣшаетъ намъ дѣлать свое дѣло, служить просвѣщенію здѣшней молодежи не въ узко-польскомъ, а въ обще-славянскомъ духѣ. Впослѣдствіи и польскіе историки признаютъ нашу заслугу въ медленномъ, но вѣрномъ перевоспитаніи польской интеллигенціи и ея освобожденіи отъ службы западнымъ идеаламъ». Сообщая затѣмъ о результатахъ университетскаго суда надъ виновниками студенческихъ волненій, о которыхъ упоминалось выше, А. С. прибавляетъ: «Нужно надѣяться, что это серьезное отношеніе университета къ бывшимъ безпорядкамъ ослабитъ на будущее время интриги вожаковъ мѣстнаго общества въ средѣ своей собственной молодежи и освободитъ насъ отъ того терроризма студентовъ, который былъ въ послѣднее время невыносимъ».

Къ тѣмъ же темамъ Будиловичъ возвращается въ письмѣ отъ 21 мая. Сообщивъ о результатѣ факультетскаго совѣщанія, онъ

пишетъ: «Теперь мнѣ остается лишь поздравить васъ съ близкимъ вступленіемъ въ нашу среду, въ которой—я увѣренъ—вы встрѣтите самый теплый и сочувственный пріемъ. Быть можетъ, польскія змѣйки пошипятъ гдѣ-нибудь изъ-за угловъ; но это не смутитъ, конечно, васъ, какъ не смущаетъ меня. Поляки не настолько еще развиты политически, или, лучше, не настолько дальновидны и проникательны, чтобы умѣть отличать своихъ дѣйствительныхъ друзей отъ враговъ. Такъ и на меня, отъявленнаго панслависта, слѣдовательно и полонофила (насколько поляки—славяне),—они все еще смотрятъ какъ на полонофага, забывая, что лишь въ лонѣ славянства могутъ они найти спасеніе отъ нѣмцевъ». Въ этомъ же письмѣ читаемъ: «Альбединскій предупредилъ свою отставку «безсрочнымъ отпускомъ въ Елисейскія поля». Политически онъ давно уже былъ трупомъ, но искусственно гальванизированнымъ мѣстными чудодѣями... Въ преемники ему прочатъ ген.-ад. Гурко. О немъ рассказываютъ много хорошаго. Дай Богъ, чтобъ это оправдалось».

Мы уже упоминали выше, что въ произошедшей въ то же время перемѣнѣ на постѣ ректора университета, въ приглашеніи на этотъ трудный постъ Н. А. Лавровскаго не обошлось безъ вліянія и участія А. С. Благовѣщенскій оказывался совѣтъ не на высотѣ положенія, и самъ, повидимому, уже сознавалъ это. Въ числѣ мѣстныхъ русскихъ профессоровъ, правда, было лицо, на которомъ нѣкоторыя останавливались, какъ на возможномъ его преемникѣ, и которое само этого желало. Это былъ деканъ историко-филологическаго факультета А. И. Никитскій, но ни характеръ его, ни положеніе его въ профессорской корпораціи—въ глазахъ понимающихъ дѣло людей (въ томъ числѣ и А. С.)—не говорили въ пользу этого выбора.

Еще 2 мая А. С. мнѣ писалъ: «На очередь выступаетъ вопросъ о новомъ ректорѣ. Я давно уже установилъ въ этомъ отношеніи свой взглядъ и многимъ выразилъ его какъ устно, такъ и письменно. Я не знаю кандидата, болѣе подходящаго къ нашимъ условіямъ, какъ Н. А. Лавровскій. Большая часть товарищей, съ которыми мнѣ приходилось бесѣдовать о томъ, такого же взгляда». Высказавъ свои соображенія о кандидатурѣ А. И. Никитскаго, А. С. замѣчаетъ, что при самыхъ лучшихъ къ нему отношеніяхъ «все же никто не рѣшится дать ему предпочтенія предъ Н. А. Лавровскимъ въ назначеніи на постъ административный, гдѣ нужны опытность, хладнокровіе, благодушіе и многія другія качества, въ которыхъ едва ли кто можетъ превзойти Н. А. Л—аго».

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Будиловичъ еще касается этой темы. «Я лично, какъ вы знаете (пишетъ онъ), ничего не имѣю противъ Бл. (т. е. Благовѣщенскаго) и даже все время поддерживалъ съ нимъ хорошія отношенія; но перемѣны желаю въ

видахъ укрѣпленія здѣсь русскаго дѣла, которое много пострадало отъ его безтактности, непослѣдовательности и генеральскихъ причудъ, и между прочимъ и отъ неустаннаго препирательства съ А. Л. Апухтинымъ, приводившаго къ раздѣленію всего служебнаго персонала на партіи... Все это до того ослабляетъ русскій элементъ между прочимъ и въ университетѣ, что онъ все еще занимаетъ тутъ подчиненное положеніе, несмотря на численный перевѣсъ. При Н. А. Л. отношенія немедленно бы измѣнились, потому что его вліяніе возвратило бы къ своимъ знаменамъ и нѣкоторыхъ изъ нашихъ дезертировъ».

Предположенія А. С. вполне оправдались. Твердый въ вопросахъ принципиальныхъ, тактичный и вмѣстѣ прямодушный, лично благожелательный и деликатный образъ дѣйствій Н. А. Лавровскаго скоро привлекъ общія къ нему симпатіи, даже въ известной степени въ принципиально-враждебномъ польскомъ лагерѣ, со стороны болѣе разумныхъ польскихъ профессоровъ и молодежи, и въ университетѣ водворилось спокойствіе и несравненно болѣе мирное и взаимно-довѣрчивое настроеніе. За семилѣтнее ректорство Лавровскаго я не помню въ университетѣ ни волненій, ни студенческихъ исторій, вызванныхъ какой-либо политической агитаціей и внѣшними происками, какой-либо внутренней партійной враждой или личной распрей. Занятія шли гладко и успѣшно; отношенія были миролюбивыя и корректныя. Н. А. Лавровскій на дѣлѣ какъ нельзя лучше доказалъ, какъ много значить—при твердости и послѣдовательности системы—личный престижъ справедливаго, тактичнаго, гуманнаго и добраго начальника.

А. С. Будиловичъ, высоко цѣня и почитая своего руководителя еще въ эпоху первыхъ своихъ служебныхъ шаговъ въ Нѣжинѣ, дѣйствовалъ и здѣсь въ его миролюбивомъ духѣ и направленіи, оставаясь упорнымъ и непоколебимымъ въ отстаиваніи своихъ за вѣтныхъ убѣжденій и твердо установившихся взглядовъ.

Онъ снискалъ, и какъ товарищъ, и затѣмъ какъ деканъ факультета, общее уваженіе и въ университетской корпораціи и въ средѣ своихъ слушателей. Всегда обдуманнѣйшій и авторитетнѣйшій голосъ его, и прежде всего въ трудныхъ вопросахъ мѣстной жизни и русскихъ государственныхъ задачъ, пользовался большимъ вѣсомъ и вліяніемъ. Особенно близко къ сердцу онъ принималъ возможно лучшую постановку преподаванія русскихъ и славянскихъ предметовъ (не исключая и польскихъ) въ варшавскомъ университетѣ и много этому способствовалъ. О себѣ я долженъ сказать, что пользовался всѣ годы нашей совмѣстной съ А. С. службы его неизмѣннымъ сочувствіемъ и нравственной поддержкой во всѣхъ обстоятельствахъ и моментахъ своей профессорской и научной дѣятельности, и въ дружески-товарищескихъ нашихъ отношеніяхъ никогда не пробѣгало никакой тѣни или охлажденія.

Когда я на учебный 1885—6 годъ получилъ заграничную командировку и жилъ главнымъ образомъ въ Прагѣ, а потомъ въ Будапештѣ, А. С. Будилевичъ, уже въ то время собиравшій матеріалы для своего большого труда объ общеславянскомъ языкѣ, просилъ меня о доставленіи ему кое-какихъ матеріаловъ и справокъ и писалъ мнѣ не разъ по этому поводу. Кромѣ того, его очень интересовала тема моей диссертациі изъ исторіи Угрии. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ 22 ноября 1885 г.: «Очень радъ, что, по словамъ Н. А—ча,—ваша докторская диссертациія уже обрисовывается въ общихъ контурахъ и что тема ея взята изъ угро-славянскихъ дѣлъ и отношеній XII в. Это дѣйствительно періодъ и очень важный и мало еще обслѣдованный. Надѣюсь, что вамъ удастся окончательно рѣшить вопросъ и о сохраненіи въ «Панноніи» кирилло-меѳодіевскаго насажденія до XII в. и позже ¹⁾. Я тоже имѣю кой-какіе матеріалы по этому вопросу, но не имѣю теперь времени ихъ дополнить и обработать, будучи занятъ исторіей средневѣковыхъ литературъ, по которой читаю теперь курсъ». Далѣе А. С. проситъ сообщить ему «книжныя и живыя данныя по вопросу о распространеніи русскаго языка между западными славянами» и указанія о распространеніи чешскаго языка у угорскихъ славянъ въ XV—XVIII вв. Въ слѣдующемъ письмѣ, возвращаясь къ темѣ моей работы, А. С. замѣчаетъ: «Угорская исторія имѣетъ такую важность въ общеславянской и настолько фальсификована то старыми, то новыми мадьяронами, что нужно съ нашей стороны не одного Геракла, чтобы очистить эту Авгіеву колыску отъ накопившихся нечистотъ»...

Мы уже говорили о заботахъ А. С. о наилучшей постановкѣ всѣхъ отдѣловъ славяновѣдѣнія въ варшавскомъ университетѣ. Участливымъ поощреніемъ съ его стороны и покровительствомъ въ своихъ нуждахъ и преподавательской дѣятельности пользовался все время представитель польской каѳедры профессоръ Ф. Вержбовскій, который держалъ себя въ то время въ высшей степени корректно и безпартійно, не обнаруживая вовсе польской нетерпимости и антирусскихъ политическихъ тенденцій. О немъ Будилевичъ мнѣ писалъ въ маѣ 1886 г.: «Диспутъ Вержбовскаго происходилъ 11 мая. Возражали Первольфъ, Н. А. Лавровскій и я,—кажется, сошло хорошо. Полячки, конечно, не явились на диспутъ. Ни въ одной польской газетѣ не было описанія диспута и даже заявленія о совершеніи его. Но и только. До активныхъ проявленій неудовольствія Rzada—моральнаго—не дошло, кажется. Вержбовскій будетъ немедленно представленъ къ экстраординатурѣ» ..

¹⁾ Къ сожалѣнію, рамки моей диссертациі не позволили мнѣ заняться спеціально этимъ вопросомъ, и я могъ лишь попутно коснуться его.

Въ 1890 г. Ник. Ал. Лавровскій получилъ новое назначеніе— попечителя рижскаго учебнаго округа. Черезъ два года (въ 1892 г.) за нимъ послѣдовалъ и А. С. Будиловичъ, привлеченный имъ же въ свои сотрудники на новую арену дѣятельности, уже на балтійской окраинѣ—въ качествѣ ректора юрьевскаго университета.

IV.

Большой потерей для варшавскаго университета былъ уходъ такой крупной силы, какъ Будиловичъ, и только сознаніе, что его ожидаетъ болѣе широкое и не менѣе важное поле дѣятельности въ Юрьевѣ, гдѣ ему предстояло осуществлять задуманное и уже начатое преобразование «дерптскаго» университета, представлявшаго такую вопіющую аномалію въ нашей учебной организаціи и въ русской государственной жизни, могло примирять съ этой потерей.

Нечего и говорить, какъ чувствительна была разлука съ А. С. для его ближайшихъ товарищей и друзей. На письмо мое, выражавшее эти личныя мои сожалѣнія, Будиловичъ отвѣчалъ мнѣ (въ іюнѣ 1892 г.): «Спасибо за письмо и выраженные въ немъ дружескія чувства; я вполне ихъ раздѣляю, и утѣшаюсь мыслью, что авось когда-нибудь намъ придется еще вмѣстѣ, если не служить, то жить, въ случаѣ и вашего перемѣщенія въ Спб.». Эта надежда оправдалась, когда А. С. въ 1901 г. оставилъ Юрьевъ и переселился въ Петербургъ (въ должности члена совѣта министра народнаго просвѣщенія), куда я переѣхалъ изъ Варшавы, по заслугѣ пенсіи, еще въ 1899 году.

Мнѣ не привелось посѣтить А. С. въ Юрьевѣ за время его ректорства и видѣть его у этого новаго дѣла. Но эта дѣятельность Будиловича, проходившая у всѣхъ на виду, подъ непосредственнымъ руководствомъ и по программѣ попечителя округа Н. А. Лавровскаго, достаточно извѣстна и уже опѣнена по заслугамъ и государствомъ и русскимъ обществомъ. Всего же краснорѣчивѣе говорятъ достигнутые А. С. результаты разнѣмеченія юрьевскаго университета и возстановленія въ немъ правъ русскаго народа, русскаго языка, русской культуры и науки.

Своимъ нынѣшнимъ положеніемъ, научнымъ значеніемъ и благосостояніемъ онъ всецѣло обязанъ трудамъ и заботамъ А. С. Будиловича. Конечно, и здѣсь проявились все тѣ же характерныя благородныя свойства личности А. С. Упорно, съ желѣзной стойкостью отстаивая руководящія начала русской политики, русско-славянскіе національные идеалы и свои убѣжденія въ борьбѣ съ враждебнымъ всему русскому нѣмецкимъ лагеремъ балтійскихъ бароновъ и ихъ петербургскихъ союзниковъ, онъ въ

личныхъ отношеніяхъ оставался вѣренъ благороднымъ началамъ справедливости, терпимости и гуманности, проявленію которыхъ такъ способствовала его сердечная доброта и благожелательность.

Духовному подъему русскаго элемента и русскихъ культурныхъ силъ въ Прибалтійскомъ краѣ А. С. содѣйствовалъ всѣми зависѣвшими отъ него средствами, напр., организаціей русскаго научно-литературнаго общества при университетѣ, въ которомъ онъ былъ очень дѣятельнымъ сотрудникомъ, и другими культурными начинаніями. Но при всемъ поглощеніи своихъ силъ и времени службой и дѣлами университетскихъ преобразованій, А. С. не покидалъ любимыхъ научныхъ занятій, не измѣнялъ живымъ, современнымъ интересамъ славянства и славянской идеѣ. Въ этой сферѣ продолжались и въ эти годы мои съ нимъ письменныя сношенія.

Еще въ Варшавѣ Будиловичъ предпринялъ, при матеріальномъ участіи с.-петербургскаго благотворительнаго общества, изданіе славянскаго научно-литературнаго и политическаго ежемѣсячника «Славянскаго Обзорѣнія», который онъ продолжалъ и довелъ до конца года (1892 г.) въ Юрьевѣ, несмотря на всѣ трудности и даже значительныя матеріальныя жертвы. Лишь эти непреодолимыя трудности не позволили ему продолжать это полезное и солидное изданіе, которому онъ успѣлъ придать живой интересъ и научную цѣну. Начавъ еще въ Варшавѣ сотрудничать въ «Славянскомъ Обзорѣніи», я продолжалъ и послѣ переписываться съ А. С. по этому предмету, а онъ въ своихъ письмахъ изъ Юрьева иногда касался и мѣстныхъ темъ. «Понемногу вхожу въ дѣла,—пишетъ онъ въ октябрѣ мѣсяцѣ.—Но далеко еще не закончилъ осмотра многочисленныхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений и разбросанныхъ зданій университета. Не обошлось уже при первой встрѣчѣ со здѣшними порядками—безъ коллизій; но понемногу надѣюсь примириться и примирить другихъ съ неизбѣжнымъ. Безъ компромиссовъ не обойдется». Весной 1893 г. А. С., по поводу моихъ сожалѣній о прекращеніи «Славянскаго Обзорѣнія», писалъ мнѣ (3-го марта): «Возня съ типографіей (неудачно выбранной) была одною изъ главныхъ причинъ прекращенія журнала, хотя существенное значеніе имѣли при этомъ увеличившіяся служебныя обязанности и значительный дефицитъ по изданію прошлаго года. Не раздѣляю вашего взгляда на достоинства журнала: онъ представляется такимъ развѣ друзьямъ»... Характеризуя далѣе свою жизнь въ Юрьевѣ, А. С. пишетъ: «Я рѣдко бываю въ гостяхъ; не успѣлъ еще сблизиться съ коллегами—даже русскими. Что касается нѣмцевъ, то объ нихъ можно сказать: «à la guerre—сomme à la guerre!.. На сочувствіе принципиальныхъ противниковъ рассчитывать не приходится. Не чужды имъ и военныя хитрости, подземныя мины, дѣйствительныя и мнимыя штурмы, словомъ, рядъ сценъ изъ преданій Малаховскаго кургана. Но взять

его имъ врядъ ли придется, если не измѣнится настроеніе въ С.-Петербургѣ... Теперь мы имѣемъ уже русскаго проректора (Филиппова), такъ что въ правленіи я уже не одинокъ, какъ было донныѣ. Въ совѣтѣ, конечно, нѣмцы сильны, но ему немного приходится рѣшать дѣлъ: Ник. Алекс. былъ здѣсь ужъ два раза при мнѣ. Теперь онъ въ С.-Петербургѣ, отчасти и по нашимъ дѣламъ».

Послѣ ухода Н. А. Лавровскаго (весной 1899 г.) въ отставку¹⁾, при происшедшихъ перемѣнахъ въ управленіи округомъ и министерствомъ, условія дѣятельности Будиловича значительно измѣнились, съ людьми измѣнились и взгляды и направленіе въ руководящихъ сферахъ, а до нѣкоторой степени и отношенія ихъ къ А. С., такъ что онъ сталъ уже помышлять объ оставленіи должности. Къ этому не могли также не побуждать его вскорѣ перебросившееся и въ Юрьевъ изъ другихъ университетскихъ центровъ броженіе въ средѣ молодежи и начавшіяся университетскія волненія. Вопросъ о его уходѣ рѣшился уже въ самомъ началѣ 1901 г., а въ маѣ состоялось назначеніе его членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія.

Между тѣмъ еще за годъ до того семью Будиловича постигла тяжелая потеря, весьма чувствительная и для самого А. С.: 6 марта 1900 г. скончался (за границей) его тестъ А. И. Добрянскій, на 85 году жизни. Если всѣ знавшіе этого славнаго русскаго (зарубежнаго) дѣятеля и прекраснѣйшаго человѣка, его друзья и почитатели были глубоко опечалены его кончиной, то понятно, какъ горько оплакивалъ его такой близкій ему человѣкъ, какъ Будиловичъ. Черезъ годъ послѣ того весной 1901 г. с.-петербургское Славянское благотворительное общество рѣшило почтить память этого дѣятеля особымъ собраніемъ 11-го мая, на которомъ выступилъ съ мастерской характеристикой почившаго и А. С., какъ разъ покидавшій тогда свой юрьевскій постъ и готовый вновь, послѣ 25-лѣтней службы въ провинціи, поселиться въ Петербургѣ и возобновить свою живую дѣятельность въ Славянскомъ обществѣ.

Вотъ что мнѣ писалъ А. С. изъ Юрьева 21 марта 1901 г. по поводу кончины Добрянскаго и предстоявшаго ухода его самого изъ юрьевскаго университета: «Сердечно вамъ благодарны мы оба за слово участія по поводу кончины незабвеннаго Адольфа Ивановича. Тяжесть этой утраты вы могли оцѣнить лучше многихъ другихъ, ибо лично знали и были въ дружественныхъ отношеніяхъ къ этому патріарху славянолюбія, который мнѣ часто рассказывалъ про васъ... Иванъ Саввичъ Пальмовъ пишетъ, что б. м. состоится особое собраніе с.-петербургскаго Славянскаго

¹⁾ Онъ скончался въ Харьковской губ. на своей дачѣ въ с. Кочетѣ въ августѣ того же года.

общества въ память А. И-ча. Не сомнѣваюсь, что и вы выскажете по этому поводу свой взглядъ на заслуги почившаго по освѣщенію разныхъ эпохъ исторіи угро-славянской. Мое же личное участіе на этихъ литературныхъ поминкахъ будетъ обусловлено тѣмъ, прекратятся ли къ тому времени безпорядки въ нашемъ университетѣ и буду ли я къ тому времени еще числиться юрьевскимъ ректоромъ, такъ какъ Н. П. Боголѣповъ и Н. А. Звѣревъ заявили мнѣ еще въ январѣ о намѣреніи перемѣстить меня въ С.-Петербургъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Въ числѣ кандидатовъ въ мои преемники не разъ называемо было здѣсь и ваше имя, къ немалому моему удовольствію¹⁾. Дѣйствительно, только славистъ, знающій гибель Балтійскаго славянства и опасность дальнѣйшаго разлива германизма по восточнымъ побережьямъ Балтики, можетъ оцѣнить національныя задачи юрьевского университета и сердечно отнестись къ его преобразованію въ русско-славянскомъ и вообще въ патріотически-национальномъ направленіи. Много и сдѣлано уже здѣсь въ послѣднія 8—9 лѣтъ въ этомъ направленіи, но немало остается и еще тутъ сдѣлать, особенно въ виду несчастной привычки русскихъ распускать по ночамъ пряжу, сотканную днемъ—à la Пенелопа.

«Я даже думаю, что слабость національной программы министерства народнаго просвѣщенія является главною причиною безпорядковъ въ нашихъ школахъ, которымъ вслѣдствіе этого ничего не остается, какъ сбиваться въ западничество, марксизмъ, социализмъ и наконецъ—служеніе англійскимъ и нѣмецкимъ агитаторамъ въ нужные для послѣднихъ дипломатическіе и психологическіе моменты. Въ этомъ отношеніи очень интересна «A Petition to the Tsar», напечатанная въ «Times» (корр. изъ Петербурга отъ 18 (III) за 1—2 дня до представленія ея Государю Императору (Срв. Times Weekly Ed., 29 мая 1901 г.)»!..

Итакъ, съ осени 1901 г. Будиловичъ снова въ Петербургѣ. Осуществилось, къ немалому моему удовольствію (какъ и всѣхъ его петербургскихъ друзей), высказанная имъ при оставленіи Варшавы надежда, что судьба насъ еще приведетъ пожить въ одномъ городѣ... Дѣятельность А. С—ча, какъ члена совѣта мин. нар. пр. съ его двумя служебными командировками въ Восточную Россію и Западную Сибирь (1904 и 1906 г.) для изученія вопроса объ инородческихъ школахъ въ связи съ примѣненіемъ въ нихъ извѣстной системы Ильминскаго—вопроса, въ которомъ онъ сталъ авторитетнымъ экспертомъ, далѣе—какъ товарища предсѣдателя близкаго его душѣ (и по прошлому) Славянскаго благотворительнаго общества, какъ

¹⁾ Нѣсколько позже, лѣтомъ 1903 года, я дѣйствительно получилъ предложеніе (тогдашняго министра Г. Э. Зенгера) принять этотъ постъ, которое я, однакожь, отклонилъ по многимъ личнымъ соображеніямъ.

учредителя, организатора и предсѣдателя Галицко-русскаго общества, какъ наконецъ дѣятельнаго члена совѣта и сотрудника въ обществѣ ревнителѣй русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III и въ новомъ «Окраинномъ обществѣ»,—вся эта государственная и общественная дѣятельность его—такъ свѣжа въ памяти тѣхъ круговъ, которые были къ ней близки или интересовались ею, что повторять здѣсь болѣе или менѣе извѣстное мы не считаемъ нужнымъ. То же слѣдуетъ сказать о послѣднемъ этапѣ плодотворнаго и неутомимаго служенія А. С. своему отечеству—его публицистической дѣятельности, какъ редактора-издателя «Московскихъ Вѣдомостей», къ сожалѣнію, столь кратковременной и окончательно подорвавшей его силы. Она также у всѣхъ какъ бы еще на глазахъ. Да и время это (1901—8 г.) слишкомъ къ намъ еще близко и до того связано и переплетено съ современностью и ея очередными и злободневными вопросами, что для обстоятельной исторической оцѣнки общественной роли А. С. Будиловича въ эти послѣдніе трудные и критическіе для Россіи годы не наступило еще время. Мы убѣждены, что объективный и справедливый судъ исторіи отведетъ ему видное и почетное мѣсто въ томъ патріотически-національномъ общественномъ движеніи и томъ подъемѣ національнаго русскаго и славянскаго самосознанія въ нашемъ обществѣ, какими ознаменовались эти послѣдніе годы.

Объ отношеніи А. С. къ историческимъ событіямъ этихъ лѣтъ мы скажемъ лишь одно. Будиловичъ, убѣжденный націоналистъ и монархистъ, горячій ревнитель православія, оставался до конца, конечно, вѣренъ своимъ завѣтнымъ и выработаннымъ наукою и жизнью воззрѣніямъ въ области политическаго и культурнаго бытія и внутреннихъ отношеній Россіи и славянства, вѣренъ завѣтамъ русской и славянской исторіи и основнымъ, самобытнымъ, правильно понятымъ началамъ нашей государственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его отношеніи къ совершившимся въ русской жизни чрезвычайнымъ событіямъ и капитальнымъ преобразованіямъ, къ нашей смутной и еще хаотической дѣйствительности съ ея безобразными темными явленіями и свѣтлыми точками—сказывались все тѣ же благородныя и высокія отличительныя качества его духа и ума, которыя мы отмѣчали уже не разъ.

Здравый, вдумчивый и широкій взглядъ на весь историческій путь, пройденный Россіей и славянствомъ, отрѣшеніе отъ теоретической узости и предвзятости книжнаго доктринерства, различіе въ формахъ государственной и народной жизни основного, вѣчнаго, неизблемаго и нерушимаго отъ подлежащаго развитію, росту, переработкѣ и усовершенствованію, объективное углубленіе въ смыслъ совершающагося и ясное сознаніе требованій времени, народнаго и общественнаго развитія родины и условій міровой политической, соціальной и культурной эволюціи, наконецъ со-

знаніе необходимости считаться съ реальной дѣйствительностью, — все это удержало его на высотѣ безпартійнаго и трезваго наблюдателя, толкователя, а тамъ, гдѣ онъ считалъ нужнымъ, и авторитетнаго, но всегда уравновѣшеннаго и умнаго участника современныхъ общественныхъ движеній, и не позволило ему быть увлеченнымъ въ омутъ политическихъ страстей и партійной борьбы и въ частности примкнуть къ тѣмъ крайнимъ и непримиримымъ теченіямъ и организаціямъ, въ которыхъ царятъ ограниченность, узость и шаблонность міровоззрѣнія, исключительность и нетерпимость мнѣній, крайній пессимизмъ и жестокая озлобленность и которыя слѣпо и близоруко толкаютъ русскій народъ и Россію назадъ, въ состояніе параличной неподвижности и застоя, въ безнадежный и гибельный для нея историческій тупикъ, откуда нѣтъ ни выхода, ни просвѣта...

Въ этомъ широкомъ, непредубѣжденномъ и независимомъ характерѣ взглядовъ А. С. на событія и явленія русской жизни заключается объясненіе того факта, что нѣкоторые представители нашихъ крайнихъ правыхъ, по поводу передачи ему изданія «Московскихъ Вѣдомостей», чуть ли не готовы были зачислить его въ лагерь «кадетовъ» и что въ тѣхъ же сферахъ ставили ему въ вину и его роль и выступленіе въ партіи «правового порядка» и его критическое отношеніе къ вызывающимъ манифестаціямъ и избитымъ, шаблоннымъ формуламъ этихъ крайнихъ организацій, и его сочувственный откликъ на обращеніе къ нему группы общественныхъ дѣятелей и членовъ государственной думы, задумавшихъ образовать новое «общество славянской взаимности», и хоть и несомнѣнно правый, ярко національно-монархическій, но безпартійный и не крайній характеръ, приданный имъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», и наконецъ даже послѣ его кончины цѣнное для его памяти слово сочувствія и уваженія, произнесенное о немъ въ лагерь его политическихъ противниковъ (въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»), однимъ словомъ, въ извѣстномъ лагерьѣ ему ставятся въ упрекъ такія его выступленія и отрицательно подчеркиваются такіе факты, которые являются въ наше время всякихъ увлеченій, крайностей и разгара взаимной вражды особенно симпатичными и, несомнѣнно, выгодно отличаютъ его отъ другихъ нашихъ, болѣе узкихъ и мелкоплавающихъ партійныхъ дѣятелей, ставя его дѣйствительно головой выше ихъ и толпы и закрѣпляя за нимъ также и въ исторіи русской общественной мысли и современныхъ политическихъ движеній высоко-почтенное и крупное имя, прочную и чистую репутацію.

К. Гротъ.

КЪ ВОПРОСУ О ПРЕДКАХЪ Н. В. ГОГОЛЯ.

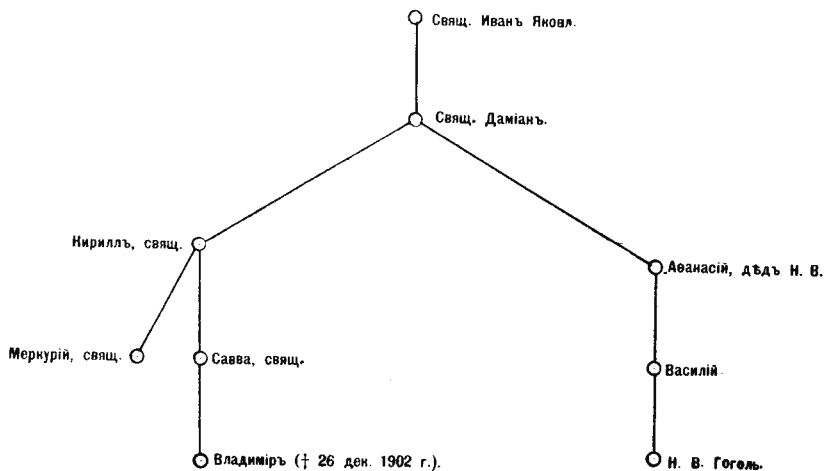
ОЧНЫЯ свѣдѣнія о предкахъ Н. В. Гоголя сообщены въ первый разъ въ печати А. Лазаревскимъ ¹⁾. На основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ трехъ «ставленныхъ» грамотъ, хранившихся у священника с. Олефировки, Миргородскаго уѣзда, о. Владимира Яновскаго († 26 декабря 1902 года), г. Лазаревскій пополняетъ родословіе Гоголя, напечатанное въ «Русскомъ Архивѣ» (1875 года), такимъ образомъ:

1. Иванъ... сынъ Якова... священникъ—начала викарій лубенской Троицкой церкви, въ 1697 году, а позже—священникъ села Кононовки, въ 1723 году.
2. Демьянъ Ивановичъ (по ставленной грамотѣ Яновскій), сынъ Ивана Яковлевича и священникъ того же села Кононовки въ 1731 году.
3. Кириллъ Яновскій, священникъ села Кононовки, сынъ Демьяна.
4. Аѳанасій, дѣдъ Н. В. Гоголя, второй сынъ Демьяна.
5. Меркурій Яновскій, священникъ села Кононовки, сынъ Кирилла.
6. Савва Яновскій, священникъ села Олефировки, второй сынъ Кирилла.
7. Василій, сынъ Аѳанасія и отецъ Н. В. Гоголя ²⁾.

¹⁾ «Свѣдѣнія о предкахъ Гоголя». См. «Научно-литературный сборникъ», изд. Истор. общ. Нестора лѣтописца, подъ ред. Н. П. Дашкевича, «Памяти Гоголя». Кіевъ. 1902, стр. 3—12.

²⁾ Тамъ же, стр. 10.

Это родословіе Гоголя для ясности можетъ быть представлено схематически въ такомъ видѣ:

Генеалогическія свѣдѣнія, приведенныя здѣсь, вполне совпадаютъ съ данными о предкахъ Гоголя, сообщенными священникомъ мѣстечка Великіе Сорочинцы о. Алексѣемъ Петровскимъ, которому удалось добыть дневникъ одного изъ старѣйшихъ священниковъ Миргородскаго уѣзда о. Владимира Саввича Яновскаго, теперь уже покойнаго, и на основаніи данныхъ этого дневника точно установить родословіе Н. В. Гоголя¹⁾.

Благодаря любезности о. Петровскаго, съ любовью относящагося къ памяти Н. В., мы располагаемъ «выпискою» изъ книги «Опись церкви Успенской Полтавской губерніи и епархіи, повѣта Лубенскаго, въ селеніи Кононовкѣ состоящей... Учинена въ 1827 г. декабря дня». Подлинность этой выписки засвидѣтельствована собственноручною подписью священника с. Кононовки Мелитона Базилевскаго (29 марта 1902 года) и приложенною церковною печатью. Кромѣ того, въ нашемъ распоряженіи имѣется въ подлинникѣ и «дополненіе» къ описи названной церкви, составленное, «по предписанію начальства оной церкви», 18 декабря 1825 года и подписанное «Успенской церкви іереемъ намѣстникомъ Меркуріемъ Яновскимъ и указнымъ дьячкомъ Никитою Скибинымъ».

Данныя «выписки» и «дополненія», какъ представляющія интересъ и значеніе для болѣе всесторонняго освѣщенія вопроса о предкахъ Гоголя, мы и позволимъ себѣ привести здѣсь. «Кто были первыми священниками въ с. Кононовкѣ, неизвѣстно», такъ замѣчено въ самомъ началѣ «выписки». Но изъ дальнѣйшаго содер-

¹⁾ «Полтавскія Губернскія Вѣдомости», отъ 13 февраля 1902 г., № 36, статья о. Петровскаго: «Къ вопросу о предкахъ Н. В. Гоголя».

жанія ея видно, что первымъ священникомъ Успенской церкви въ с. Кононовкѣ былъ Іоаннъ Яковлевъ. Въ 1697 году онъ былъ рукоположенъ преосвященнымъ Варлаамомъ Ясинскимъ, кievскимъ архіепископомъ, священникомъ къ Троицкой церкви г. Лубны, къ которой была приписана и Кононовка. Въ 1723 году, когда въ Кононовкѣ была выстроена церковь, туда былъ переведенъ священникъ о. Іоаннъ, который и священствовалъ здѣсь девять лѣтъ. «На каковомъ онъ грунтѣ жилъ, и каковыя земли имѣлъ или не имѣлъ, на то никакихъ актовъ нѣтъ и по давности времени никто не припомнитъ» («дополненіе»). Изъ «ставленной» грамоты мы узнаемъ, что въ 1723 году «іерей Іоаннъ Яковлевичъ волею Божіею овдовѣ».

Его сынъ Даміанъ рукоположенъ въ священники въ 1731 г., 21 іюня, кievскимъ архіепископомъ Рафаиломъ Заборовскимъ. Поступилъ ли онъ на приходъ «за жизни или послѣ смерти» своего отца, никому неизвѣстно. Священствуя въ с. Кононовкѣ 46 лѣтъ, онъ приобрѣлъ «пахотныя, лѣсныя и сѣнокосныя земли»... «по умертвіи онаго, оныя земли достались въ наслѣдство пятерымъ его сыновьямъ, поступившимъ въ разныя званія и чины».

Одинъ изъ этихъ сыновей, Кириллъ, рукоположенный Гаврииломъ, митрополитомъ кievскимъ, священникомъ въ тотъ же приходъ, «никакихъ приобретений не имѣлъ; онъ воспиталъ въ кievской академіи своихъ сыновей—Савву и Меркурія. Савва, меньшій сынъ, получивши «свой удѣлъ», священствовалъ въ Олефировкѣ, а старшій—Меркурій—былъ рукоположенъ въ 1798 году Амфилохіемъ, епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ, въ священники на мѣсто отца. Меркурій Кирилловичъ былъ, повидимому, состоятельнымъ человѣкомъ, такъ какъ о немъ замѣчено: «священствуя... онъ приобрѣлъ всѣ тѣ предковыя, поступившія въ наслѣдство двоюроднымъ его братьямъ, разнаго состоянія и чина людямъ, грунга и земли, присокупивъ къ тому нѣкоторую покупку и отъ постороннихъ разнаго званія людей за деньги, большею частію полученныя въ приданое за женою его дворянкою Устимовичевою, а частію и за взимаемыя съ разнаго званія людей деньги и за выручаемый изъ того имѣнія доходъ, какъ прописано о семъ въ объясненіи, поданномъ сего года ноября 11-го».

О Саввѣ Кирилловичѣ свѣдѣній не имѣется. О. Савва и его сынъ Владимиръ священствовали въ Олефировкѣ. Гоголь, которому о. Владимиръ приходился троюроднымъ братомъ, часто пріѣзжалъ въ хуторъ Семиреньку (въ двухъ верстахъ отъ Олефировки) къ своему другу и товарищу по лицу А. С. Данилевскому. Замкнутый и нелюдимый, дичившійся не только стороннихъ, но даже и родственниковъ, Николай Васильевичъ все же признавалъ въ олефировскомъ «попѣ Саввѣ» и его сынѣ Владимирѣ своихъ родственниковъ; ему «родственную память отъ любящаго племянника»

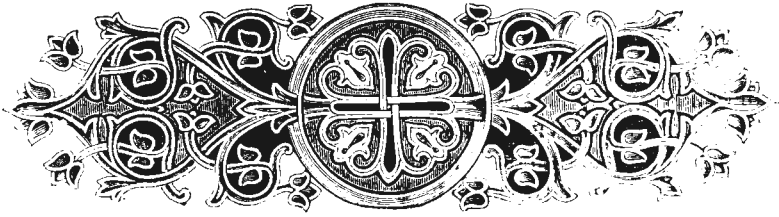
онъ шлетъ свои «Арабески». О нихъ онъ писалъ своему другу Прокоповичу:

«Разузнай пожалуйста, какой появился другой Гоголь, будто мой родственникъ. Сколько помню, у меня родственниковъ Гоголей не было ни одного, кромѣ моихъ сестеръ, которыя, во-первыхъ, женскаго рода, а, во-вторыхъ, въ литературу не пускаются. У отца моего были два двоюродныхъ брата священника (Савва въ с. Олефировкѣ и Меркурій въ с. Кононовкѣ—Кирилловичи), но тѣ были просто Яновскіе, безъ прибавленія Гоголя, которое осталось только за отцомъ. Если появившійся Гоголь есть одинъ изъ сыновей священника Яновскаго, изъ которыхъ я, однако, до сихъ поръ еще не видалъ своими глазами никого, то въ такомъ случаѣ онъ можетъ мнѣ дѣйствительно приходиться троюроднымъ братомъ» ¹⁾).

М. Григоревскій.

¹⁾ Собр. пис. Гоголя В. И. Шенрока, т. III, стр. 497.

Ө. В. ЛЕВИЦКІЙ.

(Къ 20-лѣтію артистической дѣятельности, 1889-1908 г.г.).

Въ 1908 году (11 декабря) исполнилось двадцатилѣтіе артистической дѣятельности лучшаго въ настоящее время украинскаго артиста, Ѳедора Васильевича Левицкаго.

Два десятка лѣтъ итти по торному пути малорусскаго актера, ни на шагъ не уклоняясь отъ служенія высокому искусству,—явленіе далеко незаурядное, особенно въ нашъ вѣкъ всевозможныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, когда погоня за наживой и смѣлой саморекламой все больше и больше отбѣняютъ на задній планъ скромныя, но истинныя дарованія.

Театральная арена это—поле битвы, гдѣ таланту приходится бороться съ равнодушіемъ пестрой толпы и съ закулисной интригой, и съ тяжелыми условіями безвременья, и съ капризами режиссера, не всегда опытнаго и справедливаго, и подчасъ съ пристрастіемъ газетныхъ рецензентовъ, а каждый мѣсяцъ такой борьбы, вѣдь, стоитъ иногда цѣлаго года!

Поэтому я съ сердечнымъ удовольствіемъ привѣтствую Левицкаго, несомнѣнный успѣхъ котораго въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ Россіи, въ особенности, конечно, на югѣ, зависитъ исключительно отъ побѣды его крупнаго таланта,—обаятельнаго, увлекающаго, воспитаннаго въ традиціяхъ прекрасной школы.

Въ лицѣ Ѳедора Васильевича мы видимъ замѣстителя и преемника рано сошедшаго въ могилу Максимовича, такъ недолго, но ярко украсившаго южнорусскую сцену (любители театра, цѣняя-

щіе въ артистѣ прежде всего художника, помнятъ, разумѣется, это славное имя), и, мнѣ кажется, большую похвалу, чѣмъ сравненіе съ Максимовичемъ, для украинскаго артиста трудно себѣ и представить.

Умеръ Максимовичъ—живъ Левицкій...

Тутъ сразу слышится утѣшеніе, такъ какъ дается надежда на дальнѣйшее процвѣтаніе театра Котляревскаго, Квитки, Шевченка, Кропивницкаго, Карпенка-Караго и прочихъ не менѣе полезныхъ поэтовъ-драматурговъ.

Федоръ Васильевичъ Левицкій родился въ 1860 г. въ Елисаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи.

Съ 1877 по 1887 г. онъ состоялъ въ должности старшаго учителя новоукраинскаго двухкласснаго училища, а съ 1887 по 1889 г.—судебнымъ приставомъ мѣстнаго уѣзднаго съѣзда мировыхъ судей, гдѣ достаточно насмотрѣлся на современные малорусскіе типы, давшіе ему богатый матеріалъ для будущей художественной обработки.

Предъ нимъ мелькали и «жупанакі» (торговцы, скортучники, такъ сказать), и «дукачи» (представители стараго хозяйственнаго уклада—«коло хлѣба»), и «мужики» (ни богачи, ни бѣдняки, среднее крестьянство), и, наконецъ, «голь» (батраки).

Мысль стать актеромъ сроднилась съ нимъ еще въ дѣтствѣ, когда Левицкій, будучи 10-лѣтнимъ мальчикомъ, ученикомъ уѣзднаго училища, впервые побывалъ въ театрѣ.

Въ продолженіе своего учительства, а также служа по судебно-мировому вѣдомству, онъ неоднократно самъ устраивалъ любительскіе спектакли, выступая въ главныхъ роляхъ Стецька («Сватанья»), выборнаго («Наталка-Полтавка») и Шельменка (въ комедіи того же названія).

На одномъ изъ такихъ драматическихъ вечеровъ случайно побывалъ М. Л. Кропивницкій и обратилъ вниманіе на молодого «любителя».

— Нѣтъ, ты посмотри, какія онъ штуки выдѣлываетъ! — съ восторгомъ замѣтилъ онъ (конечно, по-малорусски) артисту изъ своей труппы, также присутствовавшему на этомъ спектаклѣ, и участь Левицкаго была рѣшена.

Кропивницкій пошелъ за кулисы и предложилъ ему поступить въ новое, только что формирующееся товарищество, гдѣ нужны были свѣжія дарованія.

Предложеніе самого «батьки» хотъ кому польстило бы, и Левицкій охотно опредѣлился къ нему въ томъ же 1889 году одновременно съ О. З. Сусловымъ и Е. Ф. Зарнидкой. Затѣмъ постепенно перебывалъ въ труппахъ Садовскаго, Саксаганскаго, Найды, Суслова, Волика, а въ 1905—6 гг. имѣлъ собственное театральное дѣло въ компаніи съ артисткой Квиткой. Въ настоящее время онъ

съ успѣхомъ подвизается въ Кіевѣ, въ труппѣ Садовскаго и Заньковецкой.

Федоръ Васильевичъ—артистъ съ прочно сложившейся репутаціей. Спектакль, въ которомъ онъ участвуетъ, обезпеченъ успѣхомъ.

Это—типичный характерный комикъ, и созданныя имъ роли никогда не носятъ слѣдовъ подражательности, а задуманы и выполнены вполне самобытно и строго реально.

Федоръ Васильевичъ Левицкій.

Его всегда чудный гримъ и выразительная мимика находятся въ гармоническомъ соотвѣтствіи съ изображаемыми типами.

Въ каждой пьесѣ онъ индивидуаленъ и не повторяетъ себя въ другихъ роляхъ.

Искусство перевоплощеній дается ему съ особенной легкостью, и его положительно трудно узнать,—такъ онъ умѣетъ воспроизводить все новыя и новыя лица.

Всякій типъ, за изображеніе котораго онъ берется,—художественный перлъ. Тонкая отдѣлка деталей отъ мелочей костюма до малѣйшей интонаціи голоса, мастерская лѣпка фигуръ, серьезное.

вдумчивое отношеніе къ самой незначительной роли, которая потомъ выдвигается артистомъ на главное мѣсто, дѣлають его первозряднымъ артистомъ и любимцемъ публики.

Талантъ его развивается съ годами, не глохнетъ, напротивъ, получаетъ болѣе живые оттѣнки, вспыхиваетъ новыми яркими красками, углубляется и расширяется въ болѣе богатыхъ творческихъ замыслахъ.

Буффонада, столь излюбленная многими даже почтенными сценическими дѣятелями, падкими до популярности, не прельщаетъ его. Въ его игрѣ вы не найдете никогда грубаго штриха, который такъ бы увлекъ иного актера, чтобы сорвать за это десятокъ лишнихъ хлопковъ у не особенно разборчивыхъ цѣнителей «райка».

Левицкій это—сама украинская жизнь съ ея гоголевскимъ юморомъ и наивной, трогательной поэзіей.

Не надо забывать, что онъ и большой знатокъ теоріи музыки, что весьма важно для артиста малорусской сцены, гдѣ пѣніе, музыка и танцы нерѣдко органически связаны съ комедіей и драмой. Онъ, между прочимъ, аранжировалъ для хора пѣсню Наталки: «Віг вітри».

Лучшія роли Левицкаго—всѣ, за которыя онъ берется, но всѣхъ, конечно, не перечтешь. Укажу на главные, наиболѣе рельефныя для его комическаго таланта «чистой воды»:

Въ пьесахъ Котляревскаго—«вознаго» («Наталка-Полтавка»).

Стороженка—сотника Бутуза («Гаркуша»).

Старицкаго—старшины («Кривда та правда»), парикмахера («За двома зайцями»), Солопія Черевика («Сорочинський ярмарокъ»), Янкеля («Тарас Бульба»), учителя изъ семинаристовъ Печерыци и старика-насѣчника («Крути та не перекручуй»).

Кропивницкаго—Павла («Олеся»), писаря («Дві семьи»), «свидка» и старшины («По ревизіі»), сапожника («Доки сонце зійде»), запорожца-вряля Неплюя («Невольник»).

Гринченка—школьнаго сторожа («Нахмарило»), Пидковы («На громадській роботі»).

Шевченка—Гната («Назар Стодоля»), но эта роль уже съ оттѣнкомъ драматизма.

Карпенка-Караго—дьяка («Чумаки»), волостного писаря («Бурлака») и др.

Въ гоголевскомъ «Ревизорѣ», передѣланномъ на малорусскій языкъ, Левицкій, говорятъ (я не видѣлъ его въ роли Ляпкина-Тяпкина), сумѣлъ найти своеобразныя черты, опять-таки выдвинувшія второстепенный персонажъ на первое мѣсто. Теперь онъ исполняетъ роль Осипа.

Однимъ словомъ, въ разнообразномъ репертуарѣ Левицкаго вовсе нѣтъ незаконченныхъ или шаблонныхъ типовъ. Въ каждомъ видна работа, вдохновеніе и школа.

Въ заключеніе считаю не лишнимъ упомянуть, что Федоръ Васильевичъ извѣстенъ и въ качествѣ драматическаго писателя.

Веселая сценическая комедія «Въ мутній воді», написанная имъ совмѣстно съ Марковичемъ, дала ему, помимо авторскаго успѣха, и хорошую роль чиновника-пропойцы. Кромѣ того, онъ перевелъ на украинскій языкъ «Женитьбу» Гоголя.

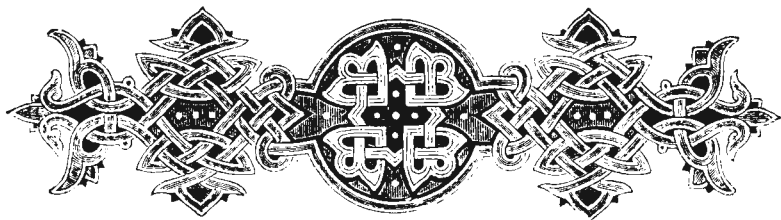
Съ ожидаемымъ облегченіемъ цензурныхъ условій многія пьесы европейскаго театра, вѣроятно, появятся и на малорусской сценѣ. Левицкій, несомнѣнно, обогатитъ свою художественную галерею такими классическими фигурами, какъ, напримѣръ, Сквозникъ-Дмухановскій, Скалозубъ, Расплюевъ, Тартюфъ...

Умеръ Максимовичъ—живъ Левицкій... и я спокоенъ за судьбу украинскаго театра.

Пусть одни пляшутъ кѣкъ-уокъ, зато другіе будутъ до конца стойко держать знамя искусства.

В. Умановъ-Каплуновскій.

КРАМОЛА, РЕАКЦІЯ И ТЕРРОРЪ¹⁾.

(Историческій очеркъ).

II. Каракозовскій выстрѣлъ.

VII.

О ВСЕЮ страстностью политика - консерватора, почуявшаго возможность нанести ударъ духу либеральнаго времени и свести счеты съ представителями конституціоннаго либерализма, принялся графъ М. Н. Муравьевъ за возложенную на него слѣдственную задачу по дѣлу Каракозова. Онъ вложилъ сюда всю свою энергію, свою желѣзную волю и намѣтилъ самыя широкія рамки своей задачи: не только изслѣдовать преступленіе 4 апрѣля и связанные съ нимъ непосредственно факты отечественной жизни, но освѣтить послѣднюю самымъ обстоятельнымъ образомъ подъ угломъ зрѣнія нарастанія въ ней антимонархическихъ и антинациональных тенденцій и либеральныхъ освободительныхъ вѣяній, не стѣсняясь въ данномъ случаѣ ни средствами для достиженія намѣченной цѣли, ни положеніемъ лицъ, которыя могли быть такъ или иначе причастны этимъ вѣяніямъ. Нечего и говорить, что такого рода постановка вопроса, съ одной стороны, оказалась въ конечномъ результатѣ огромной работы графа невыполнимой, а съ другой — имѣла результатомъ то, что къ дѣлу оказались припутанными масса

¹⁾ См. «Историч. Вѣстн.», т. CXV, стр. 692.

совершенно непричастныхъ къ преступленію Каракозова лицъ и общественное мнѣніе, какъ и въ дни польской смуты, снова ополчилось противъ Муравьева, успѣвъ внести охлажденіе къ нему даже со стороны Александра II. Бывшій виленскій диктаторъ по своему въ сущности правильно, хотя и смутно, понималъ, что значеніе переживаемаго историческаго момента лежитъ не въ выстрѣлѣ Каракозова, какъ таковомъ, а въ общемъ склонѣ отечественной жизни, которая не хочетъ и не можетъ мириться съ точкою къ реформамъ, о необходимости которой уже начали поговаривать вліятельныя тогда «Московскія Вѣдомости». Онъ полагалъ, что правительству пора твердо поставить именно эту точку и объявить войну не на животъ, а на смерть всему тому, что мечтаетъ о новомъ строѣ жизни, смести съ лица земли всѣхъ тѣхъ, кто мечтаетъ объ этомъ строѣ и на его пользу работаетъ. Короче, Муравьевъ полагалъ возможнымъ остановить опредѣленный историческій процессъ жизни, повернуть его вспять, для чего, по его мнѣнію, не слѣдовало оставляться ни передъ какими жертвами.

Кромѣ Герцена, пошедшаго открытымъ походомъ противъ Муравьева въ своемъ свободномъ «Колоколѣ», положеніе дѣлъ прекрасно сознавалъ и Некрасовъ, оставшійся за смертью Добролюбова и «изъятіемъ изъ обращенія» Чернышевскаго, единственнымъ лицомъ, на долю котораго передъ всѣмъ обществомъ и за своею отвѣтственностью приходилось отстаивать и проводить политическія тенденціи «Современника». Но Некрасовъ нѣсколько наивно полагалъ, что Муравьева можно смягчить, укротить и примирить, если не съ кругомъ идей, исповѣдуемыхъ ультра-либеральнымъ кругомъ сотрудниковъ «Современника», то съ самими сотрудниками и тѣмъ органомъ печати, гдѣ они находили себѣ общественную позицію и заработокъ. Спасая журналъ, спасая своихъ сотоварищей, можетъ быть, спасая и себя лично, поэтъ «мести и печали» рѣшается на самопожертвованіе, приноситъ свою репутацію на литературный алтарь и дѣлаетъ шаги навстрѣчу сближенія съ Муравьевымъ. Такъ, послѣ обѣда въ англійскомъ клубѣ, даннаго въ честь «спасителя» Александра II, когда Муравьевъ вышелъ на балконъ и закурилъ здѣсь свою любимую трубку, Некрасовъ подошелъ къ нему и попросилъ позволенія прочесть написанное въ честь графа стихотвореніе. По полученіи согласія, онъ продекларировалъ своимъ глухимъ голосомъ¹⁾:

Бокаль заздравный поднимал,
Еще разъ выпить намъ пора
Здоровье миротворца края...
Такъ много жъ лѣтъ ему... ура!

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1885 г., кн. 6. Здѣсь это стихотвореніе ошибочно отнесено къ 1865 г.

Цускай клеймятъ тебѣ позоромъ
Надменный Западъ и враги:
Ты мощенъ Руси приговоромъ,
Ея ты славу береги!

Мятежъ прошелъ, крамола ляжетъ,
Въ Литвѣ и Жмуди миръ взойдетъ:
Тогда и самый врагъ твой скажетъ:
Великъ твой подвигъ... и вздохнетъ.

Вздохнетъ, что, ставши сумасбродомъ,
Забывъ присягу, свой позоръ,
Загнѣвалъ съ доблестнымъ народомъ
Поднять давно рѣшенный споръ.

Нѣтъ, не помогутъ имъ усилъя
Подземныхъ ихъ крамольныхъ силъ,
Зри! Надъ тобой, простерши крылья,
Царить архангелъ Михаилъ!

По прочтеніи стиховъ Некрасовъ обратился къ Муравьеву съ вопросомъ:

— Ваше сіятельство, позвольте напечатать?

— Это ваша собственность,—сухо отвѣчалъ графъ:—и вы можете располагать ею, какъ хотите.

— Но я бы попросилъ вашего совѣта?

— Въ такомъ случаѣ не совѣтую.

Сцена вышла неловкая, обидная для знаменитаго поэта и его литературной репутаціи, положившая тѣнь на политическую искренность виднаго дѣятеля либеральнаго лагеря. Этотъ ложный шагъ со стороны Некрасова не принесъ, съ одной стороны, ожидаемаго имъ положительнаго результата, а съ другой—заслужилъ ему нареканія даже изъ лагеря близкихъ и единомышленныхъ людей, какъ, на примѣръ, М. Антоновича и Герцена. «Современникъ» все же былъ, именно по указанію Муравьева, запрещенъ, какъ равно и «Русское Слово». На этомъ самомъ обѣдѣ въ честь «героя дня» Комиссарова, съ которымъ въ первое время послѣ событія 4 апрѣля усиленно и не по заслугамъ нянчились, устроенномъ въ залѣ англійскаго клуба 27 апрѣля петербургскими дворянами, онъ выступилъ и съ привѣтственнымъ стихотвореніемъ, заканчивавшимся словами:

Сынъ народа! тебѣ я цюю.
Будешь славенъ ты много и много,
Ты великъ, какъ орудіе Бога,
Направлявшаго руку твою...

Вотъ что говорилъ Герценъ ¹⁾, описывая этотъ торжественный обѣдъ: «Вслѣдъ за стихами Комиссарову, Некрасовъ явился со стихами Муравьеву. Вслѣдъ за стихами Муравьеву, онъ явился

¹⁾ «Колоколь» 1866 г., № 220.

съ прозой въ томъ же игорномъ клубѣ, который превращенъ въ Ескуриаль темнаго царства». «Муравьевъ, пишутъ «Московскія Вѣдомости» № 84, говорилъ довольно много послѣ обѣда, онъ указывалъ на вредныя ученія, распространяемыя въ обществѣ, на нигилизмъ, прививаемый къ молодому поколѣнню? Некрасовъ, издатель «Современника», присутствовавшій при этой бесѣдѣ, повторилъ, обращаясь къ графу: «Да, ваше сіятельство, нужно вырвать это зло съ корнемъ». Нельзя не порадоваться такому согласію между взглядами литературныхъ дѣятелей и потребностями общества».

«Браво, Некрасовъ... браво!... Что вы написали стихи въ честь крестьянина, который спасъ государя, насъ не удивило. Мы не любимъ ни официальныхъ восторговъ, ни горестей, совпадающихъ съ распоряженіями полиціи, однако понимаемъ, что подвигъ Комиссарова могъ расшевелить демократическую музу вашу... Но что вы пишете стихи въ честь Муравьева, въ которыхъ вы говорите: «вся Россія бьетъ ему челомъ», чтобы «онъ виновныхъ не щадилъ!..»¹⁾ Но что вы забыли всякій стыдъ и всякое приличіе, осмѣливаетесь приговаривать палачу, оттачивающему топоръ: «да, ваше сіятельство, нужно вырвать это зло съ корнемъ».

«Признаемся... этого мы отъ васъ не ждали, а вѣдь вамъ извѣстно, какъ интимно мы знаемъ вашу біографію и какъ многого мы могли отъ васъ ждать.

«Браво, Некрасовъ, браво!»

Въ томъ же номерѣ «Колокола» дана еще замѣтка, гдѣ говорится: «Въ «Отголоскѣ» № 38 сказано, что Муравьевъ, повидимому, небольшой поклонникъ виршей Некрасова, замѣтилъ ему: «Я желалъ бы васъ отстранить отъ всякой круговой поруки съ зломъ, противъ котораго мы боремся, но врядъ ли могу»... Ха, ха, ха...

Vivez donc des privations
Prenez donc des precautions!

«... Вотъ первая награда... А вторую пророчить одинъ крѣпостническій органъ, говорящій наивно: «что все равно, найдутъ, или нѣтъ, сообщниковъ Каракозова, они виноваты».

Герценъ не любилъ Некрасова, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, а потому не счелъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе побужденій, которыми руководился поэтъ, заискивая передъ Муравьевымъ. Онъ отмѣтилъ лишь фальшь сдѣланнаго шага, эта фальшь нѣсколько времени спустя была подчеркнута сотрудникомъ Некрасова, замѣнившимъ въ отдѣлѣ публицистической критики покойнаго Добролюбова, М. А. Антоновичемъ въ его извѣстномъ напечатанномъ «письмѣ» нашему поэту. Дѣйствительно, выступленіе Некра-

¹⁾ Тутъ какое-то недоразумѣніе: такихъ строфъ въ стихотвореніяхъ не было, ни въ стихотвореніи Муравьеву, ни въ стихахъ Комиссарову.

сова не имѣло никакихъ положительныхъ результатовъ и не спасло «Современника», какъ не уберегло кругъ писателей, такъ или иначе соприкасавшихся, хотя бы идейно, къ этому журналу отъ обысковъ и арестовъ въ связи съ дѣломъ Каракозова и къ выставленію ихъ Муравьевымъ въ его всеподданнѣйшемъ донесеніи, какъ крамольниковъ, толкающихъ Россію въ омутъ соціальной революціи.

VIII.

Тонъ, данный Муравьевымъ и его идейнымъ въ тѣ дни вдохновителемъ и истолкователемъ М. Н. Катковымъ правительственному настроенію въ области вопросовъ внутренней политики, ясно прозвучалъ впервые въ рескриптѣ, данномъ на имя предсѣдателя комитета министровъ Гагарина отъ 13 мая 1866 г. Въ этомъ рескриптѣ сказано ¹⁾:

Князь Павелъ Павловичъ.

Единодушныя изъявленія вѣрноподданнической преданности и довѣрія ко мнѣ вѣреннаго Божіимъ промысломъ управленію моему народа служатъ мнѣ залогомъ чувствъ, въ коихъ я нахожу лучшую награду за мои труды для блага Россіи.

Чѣмъ утѣшительнѣе для меня сіе сознаніе, тѣмъ болѣе признаю я своею обязанностью охранить русскій народъ отъ тѣхъ зародышей вредныхъ злоученій, которыя со временемъ могли бы поколебать общественное благоустройство, если бы развитію ихъ не было поставлено преградъ.

Событіе, вызвавшее со всѣхъ концовъ Россіи доходяція до меня вѣрноподданническія заявленія, вмѣстѣ съ тѣмъ послужило поводомъ къ болѣе ясному обнаруженію тѣхъ путей, которыми проводились и распространялись эти пагубныя лжеученія. Исслѣдованія, производимыя учрежденію по моему повелѣнію особою слѣдственной комиссіею, уже указываютъ на корень зла. Такимъ образомъ, Провидѣнію благоугодно было раскрыть передъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремленій и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все для нея искони священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ.

Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направляемо въ духъ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка, и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣдываніе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа. Но преподаваніе, соответствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, если бы въ частной семейной жизни проводились ученія, несогласныя съ правилами христіанскаго благочестія и съ вѣрноподданническими обязанностями. Посему я имѣю твердую надежду, что видамъ моимъ по этому важному предмету будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія.

¹⁾ «Колоколь» 1866 г., № 222.

Не менѣ важна для истинныхъ польвъ государства въ его совокупности, и въ частности для каждаго изъ моихъ подданныхъ, полная неприкосновенность права собственности во всѣхъ его видахъ, опредѣленныхъ общими законами и положеніями 19 февраля 1861 г. Независимо

Графъ Михайль Николаевичъ Муравьевъ.

отъ законности сего права, одного изъ самыхъ коренныхъ основаній всѣхъ благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ, оно состоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ частнаго и народнаго богатства, тѣсно между собою соединенныхъ. Возбуждать сомнѣніе въ сѣмъ отношеніи могутъ одни только враги общественнаго порядка.

«истор. вѣсти.», мартъ, 1909 г., т. сѣу.

Къ утвержденію и охраненію сихъ началъ должны стремиться всѣ лица, облеченныя правами и несущія обязанности государственной службы. Въ правильномъ государственномъ строѣ первый долгъ всѣхъ призванныхъ на служеніе мнѣ и отечеству состоитъ въ точномъ и дѣятельномъ исполненіи своихъ обязанностей безъ всякаго отъ видовъ правительства уклоненія. Превышеніе и бездѣйствіе власти одинаково вредны. Однимъ лишь неуклоннымъ исполненіемъ сихъ обязанностей можетъ быть обеспечено то единство въ дѣйствіяхъ правительства, которое необходимо для осуществленія его видовъ и достиженія его цѣлей.

Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые изъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, принимали участіе въ разглашеніи превратныхъ слуховъ или сужденій о дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ правительства и даже въ распространеніи тѣхъ противныхъ общественному порядку ученій, которыхъ развитіе допускаемо быть не должно. Самое званіе служащихъ даетъ въ такихъ случаяхъ болѣе всѣхъ ихъ словамъ и тѣмъ самымъ способствуетъ къ искаженію видовъ правительства. Подобные безпорядки не могутъ быть терпимы. Всѣ начальствующіе должны наблюдать за дѣйствіями своихъ подчиненныхъ и требовать отъ нихъ того прямого, точнаго и неуклоннаго исполненія предуказанныхъ имъ обязанностей, безъ котораго не возможенъ стройный ходъ управленія, и которымъ они сами должны подавать примѣръ уваженія къ власти.

«Наконецъ, для рѣшительнаго успѣха мѣръ, принимаемыхъ противъ пагубныхъ ученій, которыя развились въ общественной средѣ и стремятся поколебать въ ней самыя коренныя основы вѣры, нравственности и общественного порядка, всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ правительственныхъ частей надлежитъ имѣть въ виду содѣйствіе тѣхъ другихъ, здравыхъ, охранительныхъ и доброжелательныхъ силъ, которыми Россія всегда была обильна и доселѣ, благодаря Бога, преизобилуетъ. Эти силы заключаются во всѣхъ сословіяхъ, которымъ дороги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя, на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя, начала общественного порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и прочнаго благоустройства, начала нравственности и священныя истины вѣры. Надлежитъ пользоваться этими силами и сохранять въ виду ихъ важныя свойства, при назначеніи должностныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Такимъ образомъ обезпечится отъ злонамѣренныхъ нареканій во всѣхъ слояхъ народа надлежащее довѣріе къ правительственнымъ властямъ. Въ этихъ видахъ, согласно всегдашнимъ моимъ желаніямъ и неоднократно выраженной мною волѣ, надлежитъ по всѣмъ частямъ управленія оказывать полное вниманіе охраненію правъ собственности и ходатайствамъ, относящимся до пользы и нужды разныхъ мѣстностей и разныхъ частей имперіи. Надлежитъ прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями и въ особенности къ возбужденію вражды противъ дворянства и вообще противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ враги общественного порядка естественно усматриваютъ своихъ прямыхъ противниковъ. Твердое и неуклонное соблюденіе этихъ общихъ началъ положить предѣлъ тѣмъ преступнымъ стремленіямъ, которыя нынѣ съ достаточною ясностью обнаружались и должны подлежать справедливой карѣ закона. Поручаю вамъ сообщить настоящій рескриптъ мой для надлежащаго руководства всѣмъ министрамъ и главноначальствующимъ отдѣльными частями».

Такова программа новаго курса, которымъ правительство въ лицѣ своего верховнаго вождя отвѣтило на общественныя теченія

шестидесятыхъ годовъ, курса, который Герценъ мѣтко окрестилъ наименованіемъ—«начало борьбы, начало войны», объявленной правительствомъ русской общественности. «Конца ея мы не увидимъ; врядь ли увидятъ младшіе изъ юныхъ,—говоритъ онъ въ статьѣ по поводу рескрипта къ Гагарину¹⁾.—Туго развивается исторія, упорно защищается отходящее, медленно, смутно нарождается водворяемое... но самый процессъ, самая драма исторической беременности полна поэзіи. Всякому поколѣнію свое, мы не роищемъ на нашъ пай, мы дожили не только до красной полосы на востокъ, но и до того, что враги наши ее видятъ. Что же больше ждатель отъ жизни, особенно когда человѣкъ, положи руку на грудь, съ чистой совѣстью можетъ сказать: и я участвовалъ въ этой гигантской борьбѣ, и я внесъ въ нее свою лепту».

Такимъ образомъ, выстрѣлъ Каракозова и первыя данныя слѣдствія по этому дѣлу привели правительство къ заключенію о необходимости усиленія власти и предоставленія рѣшающаго вліянія «охранительнымъ добронадежнымъ силамъ». Въ чрезвычайно важный историческій моментъ, когда обстоятельства до нельзя благоприятствовали для подъема общественныхъ силъ въ цѣляхъ творческой работы на пользу всей страны,—на сцену выступаютъ стародавніе приемы подтягиванія и методы недоувѣрчиваго и подозрительнаго контроля надъ умами обывателей. И только. Временное преходящее настроеніе умовъ нѣкоторой небольшой кучки интеллигенціи и случайное выступленіе на террористическомъ пути одного молодого человѣка становятся исходной точкой для цѣлой программы, изъ которой старательно вытравленъ духъ творчества и выкинута всякая забота о народѣ, который со всѣми въ тѣ годы неотложными нуждами предается какъ бы забвенію. Нѣтъ Россіи, а въ наличности только споръ интеллигенціи съ администраціей и борьба послѣдней съ не имѣющими никакого практическаго примѣненія крайними идеями социализма. Источникъ такого взгляда на положеніе вещей почеркается въ занискѣ, поданной нѣсколько времени спустя государю императору председателемъ слѣдственной комиссіи гр. Муравьевымъ при его прошеніи объ освобожденіи его отъ дальнѣйшихъ слѣдственныхъ занятій, которую, какъ документъ, по нашему мнѣнію, первостепенной важности, и приводимъ полностью.

Поставленный во главѣ слѣдственной комиссіи, Муравьевъ принялся за дѣло съ большою энергіей, и по его настоянію былъ произведенъ длинный рядъ обысковъ и арестовъ. Вся его работа по открытію преступленія Каракозова можетъ быть раздѣлена на двѣ главныя части. Одна обнимала собою самое дѣло непосредственно, а другая, главнѣйшая, захватывала болѣе широкое со-

¹⁾ «Колоколь», 1866 г., № 222.

ціальное поле, куда втянута была вся интеллигенція съ ея тогдашними мечтаніями и гаданіями. Корреспонденція «Изъ Петербурга» въ «Колоколѣ»¹⁾ сообщала слѣдующее о первыхъ шагахъ слѣдствія: «Аресты самыя безобразныя, самыя безпричинныя продолжаются. Во что бы то ни стало хотять запугать государя и увѣрить его, что онъ своей кротостью и благодушіемъ далъ созрѣть охватившему всю Россію заговору, что необходимы рѣшительныя мѣры. Зло, причиняемое журналами, безмѣрно. Все общество сначала было увѣрено, что не нынче—завтра раскроютъ огромный заговоръ, всѣ готовы были помочь полиціи, и на первомъ планѣ помогали гвардейскіе офицеры. Тайна, въ которой ведется дѣло, послѣ обѣщанной Муравьевымъ гласности, охладила многихъ—начинаютъ подозрѣвать интригу... Изъ полиціи Треповъ гонитъ всѣхъ, кто, по его понятію, не способенъ быть злымъ гонителемъ всего молодого и живого, изъ учебныхъ заведеній гонятъ учителей, на урокахъ которыхъ ученики держатъ себя развязнѣ. Шпіоновъ бездна вездѣ, много отправлено въ Москву, въ провинціи и въ чужіе края, особенно въ Швейцарію... Муравьевъ удвоилъ имъ жалованье... Муравьевъ требовалъ выписать изъ Сибири Чернышевскаго, на что государь не согласился. Изъ лицъ извѣстныхъ арестованы: Благосвѣтловъ, Зайцевъ, Курочкинъ, Худяковъ, полковникъ Лавровъ, Елисѣевъ, Европеусъ съ женой и ея братъ Ковалевскій. Изъ послѣднихъ нѣкоторые выпущены»...

Дѣйствительно, кромѣ Худякова, изъ литературной среды никто не оказался привлеченнымъ къ дѣлу 4 апрѣля, но Муравьевъ получилъ случай стать лицомъ къ лицу, побесѣдовать со многими извѣстными представителями тогдашней общественности и ознакомиться съ вѣяніями времени, что и дало ему возможность изъ личнаго опыта представить государю записку, о которой упомянуто выше.

IX.

Въ этой «всеподданнѣйшей запискѣ» Муравьевъ писалъ между прочимъ:²⁾ «Комиссія сдѣлала все, что могла, насколько это было возможно, путемъ официальнаго изслѣдованія, къ открытію зла и хотя ближайшіе злоумышленники и самыя связи революціонныхъ сообществъ достаточно обнаружены, но, конечно, остались сокрытыми еще многіе зловредные элементы, ибо всегда главные и тайные руководители политическихъ сообществъ, чѣмъ высшее имѣютъ въ нихъ значеніе, тѣмъ болѣе ограждаются таинственностью даже отъ своихъ единомышленниковъ, и потому не иначе могутъ быть

¹⁾ «Колоколъ», 1866 г., № 221.

²⁾ «Былое» 1907, № 8.

открыты, какъ продолжительнымъ, тщательнымъ полицейскимъ наблюдениемъ и секретными розысками.

«Хотя нѣкоторые изъ арестованныхъ главныхъ революціонныхъ агентовъ упорно запираются и тѣмъ самымъ отнимаютъ возможность путемъ формальнаго изслѣдованія обнаружить тайныхъ вліятельныхъ руководителей и дѣятелей, но общій видъ дѣла ясно указываетъ, что таковые, скрываясь въ столицахъ, поддерживали сношенія съ революціонными заграничными агитаторами, а редакторы и сотрудники нѣкоторыхъ журналовъ, раздѣляя противоправительственныя идеи, систематически распространяли въ продолженіе многихъ лѣтъ всевозможныя разрушительныя ученія, стремящіяся къ ниспроверженію порядка и государственнаго управленія.

«Лица сіи, болѣе или менѣе состоящія уже на замѣчаніи управительства, были въ сношеніяхъ съ государственными преступниками: Михайловымъ, Чернышевскимъ, Серно-Соловьевичемъ и другими и вмѣстѣ со своими сотрудниками по редакціи ¹⁾ составляли тѣ социалистическія противоправительственныя средоточія (кружки), которыя при слабости мѣстнаго надъ ними надзора, прикрываясь легальностью предоставленнаго имъ права изданія, безвозбранно группировали вокругъ себя всѣ нечистые и зловредные элементы общества и гласно, посредствомъ своевольной прессы и привлеченія къ себѣ молодого поколѣнія, громили основу общественной нравственности и государственнаго строя.

«Комиссіей также обнаружены въ столицахъ нѣкоторые отдѣльные тайные дѣятели, которые подъ формою литературныхъ занятій были руководителями разныхъ социалистическихъ изданій, переводовъ, учебниковъ для народа и иныхъ книгъ, въ видахъ распространенія социалистическаго ученія. Они также были участниками въ составленіи разныхъ обществъ, читаленъ, артелей, бесплатныхъ школъ и иныхъ учрежденій, имѣвшихъ цѣлью подъ видомъ благотворенія, соединять и объединять въ социалистическомъ и противоправительственномъ направленіи мысли молодого поколѣнія.

«Изъ сихъ отдѣльныхъ дѣятелей болѣе замѣчательны: артиллеріи полковникъ Лавровъ, преданный нынѣ военному суду; отставной полковникъ Путята, бывшій преподаватель во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ; Константиновъ, помощникъ инспектора императорскаго училища правовѣдѣнія; соумышленникъ его, бывшій студентъ Линевъ, недавно еще открывшій книжный магазинъ на Васильевскомъ островѣ; кандидатъ Альбертини, помощникъ редактора «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», поручикъ инженеровъ путей сообщенія Михайловъ, учредитель бесплатной школы съ нигилистическимъ направленіемъ; Яковлевъ, титулярный совѣтникъ, теперешній мировой судья, у котораго былъ общій съ извѣстнымъ

¹⁾ Здѣсь указаніе на редакцію «Современника» и «Русскаго Слова».

по нигилистическому направленію служащимъ въ правительствующемъ сенатѣ губернскимъ секретаремъ княземъ Голицынымъ книжный магазинъ съ читальней при немъ, куда собирались члены разныхъ социалистическихъ обществъ, составляли онымъ уставы и вводили въ дѣйствіе безъ разрѣшенія правительства; бывший редакторъ журнала «Русское Слово», кандидатъ университета Благосвѣтловъ; кандидатъ Евгеній Печаткинъ, давно извѣстный своей политической неблагонадежностью, имѣвший большой книжный магазинъ и переплетную артель, о закрытіи коихъ мною сообщено министру внутреннихъ дѣлъ; студентъ с.-петербургскаго университета Рождественскій, составитель вмѣстѣ съ Лавровымъ и подполковникомъ Путятою устава издательской артели не разрѣшеннаго правительствомъ, но приведеннаго въ исполненіе.

«Кромѣ упомянутыхъ, есть еще инныя личности, видимо, неблагонадежныя, но противъ которыхъ не имѣется достаточно юридическихъ обличительныхъ фактовъ, въ особенности нѣкоторыя женщины, самаго крайняго нигилистическаго направленія, участвующія въ преподаваніи въ разныхъ бесплатныхъ школахъ, учрежденныхъ ими, швейныхъ и иныхъ заведеніяхъ, а также соединяющія у себя и въ сихъ заведеніяхъ, по вечерамъ, разныхъ лицъ, извѣстныхъ социалистическимъ направленіемъ. Обо всѣхъ сихъ лицахъ предполагается сдѣлать въ свое время, какъ сказано выше, соответственныя административныя распоряженія.

«Я смѣю думать, что въ настоящее время въ рукахъ правительства имѣется достаточно обнаруженныхъ уже фактовъ для правильнаго взгляда на настоящее положеніе дѣлъ и обузданія зла, угрожающаго гибельными для государства послѣдствіями.

«Хотя по высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію нѣкоторыя изъ обсужденныхъ въ особой комиссіи мѣроположеній сообщены подлежащимъ вѣдомствамъ, и при благонамѣренномъ и настойчивомъ исполненіи они, безъ сомнѣнія, принесутъ значительную пользу, но наша бѣда состояла всегда въ томъ, что недоставало послѣдовательности и настойчивости въ исполнителяхъ. При томъ для полнаго успѣха необходимо единство взглядовъ и дружное содѣйствіе всѣхъ главныхъ распорядителей. При сихъ только условіяхъ правительство достигнетъ своей цѣли.

«Для болѣе ясной видимости политико-нравственнаго положенія государства я считаю долгомъ всеподданнѣйше доложить вашему величеству, что изъ всѣхъ многочисленныхъ допросовъ и разговоровъ съ лицами, участвовавшими въ разныхъ политическихъ сообществахъ, явно обнаруживается, что мысль объ измѣненіи существующаго порядка государственнаго управленія, съ неисроверженіемъ монархической власти и самодержавія, проникла уже въ разные слои общества и продолжаетъ распространяться подъ формою даже

будто бы мнѣнїй, исходящихъ изъ высшихъ слоевъ общества и самого правительства».

«Грустно думать, что продолжительными совокупными дѣйствїями враговъ Россїи можетъ, наконецъ, наступить тотъ моментъ, когда всѣ правительственныя усилїя будутъ недостаточны, чтобы остановить угрожающую государству катастрофу, ежели не будутъ приняты противъ сего послѣдовательныя энергическія правительственныя мѣры, въ особенности дѣйствующія на моральное настроеніе умовъ.

«Однѣми строгими мѣрами наказанїя зла остановить нельзя. Конечно, необходимо наказать, въ примѣръ другимъ, главныхъ виновниковъ государственнаго злоумышленїя, но въ отношенїи моральной заразы надлежитъ въ точности исполнять мудрыя указанїя вашего величества, начертанныя въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 13 мая; требовать содѣйствїя всѣхъ консервативныхъ здравыхъ силъ Россїи и съ помощью благонамѣренной прессы громить извращенныя понятїя, проникнувшїя въ разные слои общества.

«Повторяя о необходимости болѣе бдительнаго на мѣстахъ надзора, я не могу не выразить своего убѣжденїя, что для полнаго успѣха слѣдуетъ обратить болѣе тщательное вниманїе на выборъ лицъ, назначаемыхъ на должности губернаторовъ... этотъ важный предметъ государственной администраціи, видимо, не соотвѣтствуетъ еще настоятельнымъ потребностямъ, въ особенности въ нѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ и Сибирскомъ краѣ. Главнымъ образомъ нельзя не обратить вниманїя на недостаточность полицейскаго надзора, который долженъ служить основанїемъ къ удержанїю общественнаго порядка въ городахъ и селахъ. Къ сожалѣнїю, эта часть у насъ далеко еще не соотвѣтствуетъ настоящимъ потребностямъ, и даже въ столицахъ по сію пору не существуетъ той зоркой стражи, которая должна обеспечивать спокойствїе общества. При всемъ попеченїи объ этомъ настоящаго петербургскаго оберъ-полицеймейстера и настойчивой его заботливости онъ, по неимѣнїю средствъ, лишенъ возможности даже учреждать полицейскїй надзоръ надъ лицами завѣдомо неблагонадежными, отданными подъ таковой по распоряженїю комиссіи. Получивъ по сему предмету отзывъ свиты вашего величества генералъ-майора Трепова, я сообщилъ объ этомъ по принадлежности министру внутреннихъ дѣлъ.

«Въ предыдущемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ я имѣлъ счастье представить вашему величеству о необходимости принятїя мѣръ къ устраненїю польскаго элемента отъ участїя въ мѣстномъ управленїи на желѣзныхъ дорогахъ, какъ главныхъ артерїяхъ внутреннихъ сообщенїй. Изъ дѣлъ комиссіи видно, что въ обѣихъ столицахъ находится много поляковъ и обнаружены тайныя между

ними и политическими кружками сношенія. Они распространяютъ во внутреннихъ губерніяхъ польскую пропаганду, входятъ въ сношенія даже въ Сибири съ сосланными туда политическими преступниками, вымѣниваютъ фальшивые, привозимые изъ-за границы кредитные билеты, составляя такимъ образомъ денежный фондъ для пособія ссыльнымъ и заграничнымъ эмигрантамъ; многіе изъ нихъ, находясь въ сношеніи съ мѣстными противоправительственными кружками, подкупомъ и разными искательствами проникая въ тюрьмы и остроги, содѣйствовали освобожденію политическихъ преступниковъ, снабжая ихъ деньгами и фальшивыми паспортами для побѣга за границу. Въ Москвѣ организованъ даже польскій фондъ, подъ наименованіемъ «Народной опеки», который служилъ для вышесказанной дѣли и, будучи въ сношеніяхъ съ разосланными правительствомъ въ разные города центральныхъ губерній поляками, распространялъ повсюду столь враждебную противъ правительства пропаганду.

«Я обязанностью поставляю упомянуть объ этомъ потому, что зловредныя политическія тенденціи, проникнувшія во многіе слои нашего общества, видимо, поддерживаются и усиливаются содѣйствіемъ польскаго элемента. Это доказывается обнаруженными уже фактами и нѣкоторыми личностями, скрывшимися въ столицѣ подъ разными псевдонимами и бѣжавшими за границу съ фальшивыми паспортами. Въ виду всего этого я полагаю бы необходимымъ строго подтвердить подлежащимъ вѣдомствамъ о дѣйствительномъ усиленіи надзора за огромною массою поляковъ, находящихся какъ въ столицѣ, такъ и внутри имперіи, сосредоточивая сихъ послѣднихъ въ болѣе отдаленныя и пустынные мѣстности, избѣгая назначенія лицъ польскаго происхожденія на должности, какъ въ губерніяхъ, такъ и въ центральныхъ управленіяхъ на точномъ основаніи неоднократно состоявшихся по сему предмету высочайшихъ указаній».

Таково было административное резюме государственнаго дѣятеля, извлеченное изъ трехмѣсячной слишкомъ работы и являвшееся его лебединою пѣснью на поприщѣ служенія интересомъ русской государственности. Сдавъ все слѣдствіе верховному уголовному суду подъ предсѣдательствомъ князя Гагарина, Муравьевъ, повидимому, нѣсколько недовольный, что ему не удалось проникнуть во всѣ тѣ углы русской жизни, куда ему того хотѣлось, счелъ долгомъ представить вышеприведенную всеподданнѣйшую записку и попросилъ объ увольненіи отъ дальнѣйшихъ занятій по слѣдствію, которыя въ сущности съ назначеніемъ верховнаго суда сами собою и должны были прекратиться. На запискѣ Муравьева Александръ II поставилъ резолюцію: «Записку эту внести въ комиссію подъ предсѣдательствомъ князя Гагарина. На увольненіе графа Муравьева отъ предсѣдательства въ слѣдственной ко-

миссії согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы имъ представлена была подробная записка съ его мнѣніемъ, какъ поступить съ тѣми лицами, которыя подлежатъ будутъ только административнымъ взыска-ніямъ».

По произнесеніи верховнымъ судомъ резолюціи надъ Каракозовымъ, Муравьевъ покинулъ Петербургъ и 31 августа въ своемъ имѣніи въ Лужскомъ уѣздѣ скоропостижно скончался. «Разумѣется, немедленно послѣ кончины этого великаго государственнаго чело-вѣка, — говоритъ князь В. Мещерскій въ своихъ «Воспомина-ніяхъ»¹⁾, — начались толки по поводу его смерти, совсѣмъ неожиданной для всѣхъ тѣхъ, которые недавно его видѣли работавшимъ надъ политическимъ слѣдствіемъ по дѣлу Каракозова, и самымъ распространеннымъ изъ слуховъ былъ толкъ о томъ, что его отравили злоумышленники политической партіи, дабы прекратить его дѣятельность по вскрытію политическихъ тайнъ. Погребеніе его въ Невской лаврѣ было торжественно, и русскія чувства получили удовлетвореніе въ томъ фактѣ, что на погребеніе графа Муравьева прибылъ государь во главѣ всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи».

С. Невѣдѣнскій въ своей біографіи Каткова такъ говоритъ²⁾ о той психологической обстановкѣ, въ которой протекли послѣдніе дни графа. «Катковъ высказывалъ, не обвиняясь, разочарованіе относительно усилій, приложенныхъ графомъ Муравьевымъ къ разслѣдованію дѣла. Превознося заслуги Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ, онъ какъ бы оттѣнялъ ничтожность, по его мнѣнію, результатовъ, достигнутыхъ имъ теперь. Черезъ 13 лѣтъ вспоминая объ этомъ по поводу покушенія противъ государя Соловьева, онъ говорилъ, что различіе въ результатахъ Муравьева на томъ и другомъ поприщѣ слѣдуетъ отнести, вѣроятно, къ тому, что въ Петербургѣ среди враждебныхъ вѣяній ему было труднѣе дѣйствовать, чѣмъ въ Вильнѣ. Разочарованіе относительно сба-руженнаго слѣдственной комиссіей раздѣлялось обществомъ и даже проникло выше. Очевидно, что наказаніемъ нѣсколькихъ участни-ковъ противо-правительственнаго сообщества оно не вырывалось съ корнемъ и вовсе не достигалось сознаніе безопасности отъ подобныхъ случайностей. Графъ Муравьевъ послѣ разсмотрѣнія дѣла верховнымъ судомъ выѣхалъ изъ Петербурга въ свое имѣніе, находившееся въ Лужскомъ уѣздѣ. Мазадъ увѣряетъ, что его особенно тяготило охлажденіе къ нему Каткова, который такъ сильно и горячо его поддерживалъ прежде. Въ концѣ августа Муравьевъ внезапно скончался. Бываютъ иногда случаи, когда знаки милости и вниманія роковымъ образомъ опаздываютъ. Такъ произошло и въ данномъ случаѣ. Знаки ордена Андрея Первозваннаго съ алма-

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія», часть II.

²⁾ «Катковъ и его время». С. Невѣдѣнскаго.

зами, отправленные государемъ Муравьеву, застали его уже мертвымъ—и доброе слово Каткова прозвучало въ видѣ некролога объ усопшемъ». Но рядомъ съ добрымъ словомъ московскаго публициста раздалось и жестокое слово («Колоколь», № 228) Герцена, который въ своемъ поминаніи скончавшагося государственнаго дѣятеля провелъ параллель между нимъ и Аракчеевымъ, отдавая при томъ предпочтеніе послѣднему.

X.

Разочарованіе результатами слѣдствія Муравьева являлось плодомъ большого недоразумѣнія. Работая, исходя изъ точки отправленія административно-полицейской, слѣдователь выяснилъ дѣло Каракозова, каковымъ оно было на самомъ дѣлѣ, т. е. дѣйствіемъ единичнымъ, а не продуктомъ какого-то всероссійскаго заговора, ибо послѣдняго не было. Кромѣ того, онъ выяснилъ организацію московскихъ кружковъ, которые и были привлечены къ суду, подчеркнул слабость администраціи въ отношеніи политическихъ ссыльныхъ, о чемъ въ сенатѣ уже имѣлось дѣло (дѣло о послабленіяхъ, оказанныхъ начальствующими лицами города Тобольска государственнымъ преступникамъ Михайлову, Обручеву, безсрочно-ссылному каторжнику Макееву и другимъ преступникамъ), указалъ на петербургскихъ представителей оппозиціи, получившихъ въ тѣ дни особенное значеніе, какъ, напримѣръ, на Лаврова, и преподалъ правительству нѣсколько совѣтовъ исключительно полицейско-административнаго характера. Онъ не былъ призванъ государемъ сказать слово о нуждахъ всей Россіи и о томъ историческомъ пути, на который ей надлежало вступить, послѣ чего она только и могла освободиться отъ трагическихъ событій вродѣ покушеній Каракозова; къ этому онъ не былъ призванъ, да и не могъ ничего по сему предмету сказать новаго и вѣскаго, ибо не признавалъ никакихъ новыхъ нуждъ и глубоко вѣровалъ лишь въ силу твердой власти, при наличіи которой государство только и могло быть крѣпкимъ, а о народѣ онъ не хотѣлъ думать, да и не считалъ этого нужнымъ. Муравьевъ былъ типичнымъ представителемъ бюрократіи и, какъ таковой, добросовѣстно выполнялъ возложенное на него порученіе. Если ему не удалось втянуть въ свое слѣдствіе еще большаго количества лицъ, то это было невозможно, съ одной стороны, потому, что нужно было привлечь тогда къ дознанію чуть ли не всю интеллигентную Россію, которая обрѣталась, какъ мы на то уже указывали, въ состояніи общаго недовольства правительствомъ,—что не могло служить предметомъ какого-либо судебнаго разбирательства, а съ другой—потому, что тогда къ слѣдствію пришлось бы припутать и такихъ лицъ, которыя также являлись не сторонниками поли-

тики полицейско-бюрократическаго управленія или которыя являлись въ своей административной практикѣ сторонниками общаго умиротворенія и гуманныхъ мѣропріятій. Таковыхъ тогда пришлось бы искать и за стѣнами дворцовъ и въ министерскихъ кабинетахъ, т. е. въ такихъ районахъ, куда слѣдовательно, естественно, нечего было обращаться и куда его даже не пустили бы. Правда, въ дѣлѣ верховнаго уголовного суда имѣются намеки, и, повидимому, только намеки на попытку воскресить призракъ политической опасности 1825 г., при помощи указанія на какую-то «Константиновскую партію», т. е. партію, являвшуюся, въ лицѣ великаго князя Константина Николаевича, какъ бы враждебной Зимнему дворцу, но къ этой попыткѣ нельзя отнести серьезно, ибо ни реальной партіи, какъ таковой, не было, да и счетовъ съ ея крестнымъ отцомъ, по имени котораго ей дана была кличка, Александръ II никогда бы не позволилъ сводить... Такимъ образомъ недовольство Муравьевымъ со стороны единомышленниковъ является мало объяснимымъ. Иное дѣло—радость по случаю его смерти со стороны его принципиальныхъ враговъ и страхъ ихъ передъ производимымъ имъ слѣдствіемъ. Прогрессивная партія поняла, что выстрѣлъ Каракозова даетъ въ руки партіи консервативной, полицейско-бюрократической, орудіе для остановки политическаго развитія страны. И Муравьевъ своей всеподданнѣйшей запиской въ этомъ направленіи сдѣлалъ свое дѣло. Какіе бы симптомы реакціи ни появлялись на историческомъ горизонтѣ Россіи до 1866 г., съ этими симптомами еще была возможность бороться и не настолько они были рельефны и материализованы, чтобы въ нихъ можно было видѣть послѣднее слово правительственной политики. Иначе оказалось послѣ 4 апрѣля 1866 г. и послѣ той программы, которая была выдвинута и въ рескриптѣ Гагарину и въ запискѣ Муравьева, гдѣ порядокъ мыслей служилъ канвою для приведеннаго рескрипта, хотя хронологически и расходился съ нимъ. Муравьевъ какъ бы закрѣпилъ полицейско-бюрократическій строй, подыскалъ ему основаніе и оправданіе и тѣмъ самымъ отодвинулъ развитіе Россіи почти на сорокъ лѣтъ отъ той ея фазы, въ которую мы вступили лишь послѣ 17 октября 1905 года. Въ этомъ главное историческое значеніе его слѣдственной работы.

Что же касается личнаго недовольства Муравьева конкретными результатами своей дѣятельности главнымъ образомъ примѣнительно къ процессу Каракозова, то оно находитъ объясненіе въ томъ, что судъ надъ обвиняемыми устранилъ отъ себя навязываемое имъ слѣдователемъ воздѣйствіе и пошелъ самостоятельнымъ путемъ, не считаясь съ напечатанной Муравьевымъ статьей въ «Сѣверной Почтѣ», гдѣ онъ старался подсказать свое рѣшеніе по всему дѣлу во всей его совокупности, какъ относительно самого

Каракозова, такъ и относительно участниковъ московскихъ кружковъ. Вотъ что по сему предмету сообщаетъ въ своихъ интересныхъ запискахъ покойный сенаторъ Есиповичъ ¹⁾, бывший секретаремъ во время суда надъ каракозовцами. Предсѣдатель суда, князь П. П. Гагаринъ, принимая Есиповича и объявляя ему о назначеніи его секретаремъ суда, спросилъ его:

— Читали ли вы статью Муравьева?

— Читалъ.

— Это скверная статья,—сказалъ князь съ досадою:—онъ напечаталъ ее, не предупредивъ меня. Ему не слѣдовало печатать. Очень можетъ быть, что верховный судъ будетъ иначе смотрѣть на дѣло, тогда наше рѣшеніе будетъ не согласно съ тѣмъ, что онъ напечаталъ.

— Что же такое,—возразилъ я:—часто случается, что судъ не согласенъ съ слѣдователемъ. Такое несогласіе неизбѣжно.

— Не надо было его разглашать. Это намъ во многомъ помѣшаетъ. Муравьеву вездѣ хочется положить свое вліяніе и показать свою власть—это ему не удастся. Уже онъ ихъ всѣхъ обвинилъ на смерть. Конечно, это важные преступники; я государю сказалъ, что для трехъ, по крайней мѣрѣ, недоступно его милосердіе... Но это ясно, что Каракозовъ, двоюродный его братъ и еще какой-то домашній учитель должны быть казнены, и министр юстиціи, основываясь на Муравьевской статьѣ, предлагаетъ казнить смертью одиннадцать человѣкъ, одиннадцать или десять, не помню...

Этотъ разговоръ чрезвычайно любопытенъ, какъ показатель опредѣленнаго времени. Представители суда стали вразрѣзъ съ вліятельнымъ представителемъ администраціи, эмансипировались отъ его давленія и пошли тѣмъ путемъ, который имъ указали только что введенные новые судебные уставы. Князь Гагаринъ въ данномъ случаѣ, хотя не въ полномъ объемѣ, осуществилъ первый примѣненіе къ государственному преступленію новаго судопроизводства и, благодаря этому, нѣсколько жизней оказались сохраненными, и все дѣло лишилось того кроваваго отгѣнка, который ему хотѣлъ придать Муравьевъ. Воздѣйствовать на судъ пытались и «Московскія Вѣдомости», подчеркивавшія значеніе въ процессѣ личности писателя Худякова и указывавшія на него также, какъ на будущаго кандидата висѣлицы; но и въ данномъ вопросѣ судъ сохранилъ полную самостоятельность, хотя эта агитація Муравьева и Каткова и оказывала сильное впечатлѣніе на вліятельныя сферы и придворные круги; поэтому послѣ первыхъ же засѣданій верховнаго уголовного суда, по словамъ Есиповича, «въ публикѣ распространилось убѣжденіе, что это совсѣмъ не такой судъ, какими были

¹⁾ «Русское Старина», 1909 г., №№ 1 и 2

прежніе верховные суды, что это дѣйствительно судъ, ищущій не наказаній, а истины. Самая блистательная роль въ этомъ судѣ принадлежала, безъ сомнѣнія, предсѣдателю его князю Гагарину, и популярность его росла, росла не по днямъ, а по часамъ, но, къ сожалѣнію, по мѣрѣ усиленія его популярности, слабѣлъ его авторитетъ въ высшихъ сферахъ... II. съ отчаяніемъ и ужасомъ сообщалъ близкимъ ему людямъ, что дѣло верховнаго уголовного суда въ опасныхъ рукахъ, что предсѣдатель его подпалъ подъ вліяніе революціонной партіи въ лицѣ секретаря суда. Высокіе сановники отчаивались и негодовали совершенно добросовѣстно, въ полномъ убѣжденіи, что опасенія ихъ справедливы, ибо они, несмотря на другія ихъ несомнѣнныя достоинства, не могли отрѣшиться отъ тѣхъ идей и понятій, которыя несомнѣстимы съ обязанностями судьи верховнаго уголовного суда...» Сенаторъ Есиповичъ даетъ рядъ мелкихъ сценъ и дѣлаетъ характеристики членовъ суда— графа Панина, Замятина, Корніолинъ-Пинскаго и др., изъ чего очень рельефно вырисовывается, какъ ему, молодому юристу новой судебной складки, было трудно двигать дѣло по законному руслу и какъ судьямъ часто приходилось не по себѣ, видя себя стѣсненными рамками законнаго судопроизводства. Традиціи стараго режима впервые столкнулись здѣсь съ требованіями новаго времени, и передъ этими требованіями должны были сдаться.

Первое распорядительное засѣданіе въ помѣщеніи крѣпости авторъ записокъ описываетъ такъ ¹⁾: «16 августа было при мнѣ первое распорядительное засѣданіе верховнаго уголовного суда. Всѣ члены суда были въ мундирахъ и лентахъ. Министръ юстиціи съ сопровождавшею его комиссіею также, кромѣ того, секретарь суда съ своими двумя помощниками и архивариусомъ тожъ въ мундирахъ, наконецъ комендантъ крѣпости генералъ Сорокинъ также въ мундирѣ и въ лентѣ. Это засѣданіе было назначено для выдачи 11 главнымъ подсудимымъ копій съ обвинительныхъ актовъ и для объявленія имъ, что они имѣютъ право въ семидневный срокъ выбрать защитниковъ и дополнить списокъ свидѣтелей (557 ст. уст. угол. суд.).

«Передъ открытіемъ засѣданія князь Гагаринъ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ говорить Каракозову «ты», потому что такому злодѣю нѣтъ возможности говорить «вы». Мнѣ удалось, однакоже, убѣдить князя, какъ человѣка въ высшей степени разумнаго, что выражать такимъ образомъ негодованіе противъ подсудимаго, каково бы преступленіе его ни было, для судьи совершенно неприлично и что въ настоящемъ случаѣ существенно необходимо подавить въ себѣ естественное негодованіе къ преступнику и говорить съ нимъ, не нарушая обычныхъ формъ... Убѣдивъ князя

¹⁾ Записки сенатора Есиповича. «Русская Старина» 1909 г., февраль.

Гагарина говорить всѣмъ подсудимымъ «вы», и сказалъ ему также, что они приводятся не для допроса, и потому онъ объявилъ имъ, что допроса имъ не дѣлается въ настоящую минуту, но если они сами желаютъ сдѣлать показаніе, то это показаніе будетъ принято.

«Первымъ былъ введенъ Каракозовъ. Въ залу вошелъ высокій облокурый молодой человекъ, видимо, смущенный и не знавшій, ни куда ему идти, ни гдѣ ему стать. За нимъ вошли два солдата съ обнаженными тесаками.

«Каракозовъ, подойдите сюда», сказалъ предсѣдатель нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ.

«Каракозовъ подошелъ къ столу и сталъ противъ предсѣдателя, не смотря, впрочемъ, ни на него, ни на кого другого прямо. Такъ онъ себя держалъ во всѣхъ засѣданіяхъ, подергивая, кромѣ того, свои усики и говоря обыкновенно сквозь зубы.

«Вы вызваны въ судъ,—сказалъ ему предсѣдатель,—для выдачи вамъ обвинительнаго акта о томъ страшномъ преступленіи, въ которомъ вы обвиняетесь. Допросъ вамъ теперь не дѣлается, но если вы сами желаете сдѣлать показаніе, то оно будетъ принято».

Каракозовъ: «Преступленіе мое такъ велико, что не можетъ быть оправдано даже тѣмъ болѣзненнымъ нервнымъ состояніемъ, въ которомъ я находился въ то время».

«Затѣмъ ему была выдана копія съ обвинительнаго акта и объявлено о правѣ его избрать себѣ защитника и т. п. То же самое сдѣлано было въ отношеніи Худякова, Ишутина, Ермолова, Страндена, Юрасова, Загибалова, Моткова, Шаганова, Николаева и Кобылина, которые были вводимы одинъ за другимъ, по одиночкѣ. Все это были молодые люди отъ 19-ти до 26-ти лѣтъ, и надъ всѣми ими тяготѣло обвиненіе въ страшныхъ государственныхъ преступленіяхъ. Особенное сожалѣніе возбудилъ въ членахъ суда Ермоловъ, юноша 30 лѣтъ, который со слезами объявилъ, что онъ глубоко раскаивается и если бы могъ предвидѣть, къ чему поведетъ общество съ такими людьми, то никогда съ ними не сошелся бы. А меня особенно тронулъ Юрасовъ, молодой человекъ 23 лѣтъ, который показалъ, что онъ не ожидалъ, чтобы увлеченіе могло вести къ такимъ послѣдствіямъ, но думалъ, что все на словахъ и кончится одними разговорами. Членамъ суда особенно нравилось раскаяніе Ермолова, выражавшееся въ дрожащемъ, едва слышномъ голосѣ и въ слезахъ, мнѣ же въ Юрасовѣ нравилась та неподдѣльная искренность, которая видѣлась во всей его прекрасной фигурѣ и слышалась въ его гармоническомъ голосѣ, безъ оправданія себя виною своихъ товарищей, подобно Ермолову. Ермоловъ съ плачемъ говорилъ, что не сошелся бы съ такими людьми, если бы могъ предвидѣть, къ

чему поведетъ сообщество съ ними—слѣдовательно, онъ обвинялъ этихъ людей и обвинялъ, конечно, справедливо. Юрасовъ жаловался не на общество своихъ товарищей, не ихъ обвинялъ, а обвинялъ свое собственное увлеченіе, свое собственное заблужденіе, заключавшееся въ дѣтской мысли, что все можетъ ограничиться одними разговорами. Во всякомъ случаѣ положеніе обоихъ этихъ молодыхъ людей, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ смертную казнь, могло быть поучительно для всѣхъ тѣхъ юношей, которые, вмѣсто занятій лекціями, услаждаютъ себя планами о преобразованіи своего отечества, когда еще не въ состояніи составить для себя самихъ плана своихъ учебныхъ занятій, хотя на полгода».

Нельзя не отмѣтить еще одного мѣста изъ воспоминаній сенатора Есиповича, относящагося до обстановки судопроизводства послѣ того, какъ подсудимымъ были уже даны защитники. «12 августа,—повѣствуетъ онъ,—сдѣлано распоряженіе о допущеніи защитниковъ къ свиданію съ подсудимыми наединѣ, что въ высшей степени удивило и разстроило коменданта крѣпости генерала Сорокина, въ сущности добрѣйшаго человѣка, уважаемаго всѣми арестантами. Въ самомъ дѣлѣ не должно ли было казаться страннымъ коменданту крѣпости дозволить арестанту, сидящему въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ который доступъ былъ возможенъ только для коменданта и императора, имѣть свиданіе съ человѣкомъ постороннимъ? Офицеръ, которому поручалось завѣдываніе этимъ страшнымъ равелиномъ, долженъ былъ жить тамъ одинъ безъ семьи, и жена и дѣти не могли даже входить въ это укрѣпленіе, а должны были жить въ крѣпости... Если никто не могъ входить даже въ равелинъ, то тѣмъ болѣе никто не имѣлъ права входить въ какое бы то ни было сношеніе съ заключенными въ немъ, и вдругъ требуютъ допустить защитниковъ для свиданія съ глазу на глазъ съ Каракозовымъ, Худяковымъ и Ишутинымъ. Когда я сказалъ объ этомъ генералу Сорокину, то онъ, казалось, ушамъ своимъ не вѣрилъ; но я, однакоже, убѣдилъ его въ необходимости такихъ свиданій. Я прочелъ ему статью уголовного судопроизводства 1864 г., я написалъ ему формальную бумагу, и, наконецъ, онъ сдался; онъ объявилъ, что велитъ для такихъ свиданій приводить алексѣевскихъ арестантовъ на гауптвахту крѣпости. На этомъ мы съ нимъ и помирились».

XI.

Повѣствуя далѣе, какъ развертывался судебный процессъ, сенаторъ Есиповичъ даетъ, между прочимъ, нѣкоторыя любопытныя указанія, которыми мы здѣсь воспользуемся для нашей регистраціи тогдашнихъ характерныхъ общественныхъ теченій. Такъ, онъ

говорить: «18 августа было первое судебное заседание верховнаго уголовного суда. Князь Гагаринъ прѣхалъ раньше всѣхъ членовъ и былъ разстроены и смущены. Для него это было дѣло новое, дѣло, которое могло испортить репутацію всей его блестящей и долгой карьеры. Тутъ уже недостаточно было держаться на недостигаемой высотѣ неприступнаго государственнаго человѣка, для котораго и за котораго все сдѣлаетъ канцелярія. Здѣсь надо было дѣйствовать самому, непосредственно надо предлагать вопросы, надо соблюдать формы уголовного судопроизводства, надо руководить преніями. Онъ мнѣ сказалъ, что никогда ни къ какому дѣлу не приступалъ онъ съ такимъ сомнѣніемъ, я ему отвѣтилъ, что все пойдетъ отлично, только надо твердо держаться уставовъ. И дѣйствительно, и уставы, и предсѣдатель верховнаго уголовного суда пробу выдержали превосходно». Насколько было трудно положеніе кн. Гагарина, явствуетъ между прочимъ и изъ эпизода его отношеній къ Муравьеву. Послѣдній сдѣлалъ попытку вмѣшаться въ судебное дѣло по существу и дать ему желаемое направленіе, но въ данномъ случаѣ встрѣтилъ энергичный отпоръ именно отъ кн. Гагарина. До 10 августа министръ юстиціи внесъ въ верховный судъ обвинительные акты только противъ 11 подсудимыхъ и заявилъ Гагарину, что не вноситъ обвинительныхъ актовъ противъ послѣднихъ подсудимыхъ потому, что о нихъ приводится еще слѣдствіе. Но Муравьевъ заявилъ, что слѣдствіе закончено все полностью и что потому необходимо привлечь къ верховному суду всѣхъ участниковъ московскихъ кружковъ. Въ этихъ видахъ онъ и сдѣлалъ уже соответственный докладъ государю, на каковомъ послѣдовала высочайшая резолюція: «Вполнѣ раздѣляю мнѣніе гр. Муравьева».

Въ отвѣтъ на это кн. Гагаринъ сообщилъ Муравьеву, что нечего было докладывать по сему вопросу государю и утруждать его, ибо всѣ вопросы суда уже рѣшены еще въ распорядительномъ засѣданіи, до доклада его, Муравьева, государю. Въ первый день судебного присутствія было произведено слѣдствіе о Каракозовѣ и Худяковѣ. Для отобранія нѣкоторыхъ показаній были вызваны Комиссаровъ, «предполагаемый спаситель государя», и два солдата, схватившіе Каракозова послѣ выстрѣла. Когда отъ нихъ было отобрано нужное показаніе, то кн. Гагаринъ отъ имени верховнаго суда счелъ долгомъ «поблагодарить всѣхъ трехъ свидѣтелей за ту безмѣрную услугу, которую они оказали отечеству, Комиссаровъ спасеніемъ драгоценной жизни государя императора, а Слѣсарчукъ и Заболотинъ задержаніемъ бѣжавшаго съ мѣста преступленія подсудимаго. «Здѣсь замѣчу мимоходомъ, — говоритъ Есиповичъ: — что въ высшихъ сферахъ и тогда почти никто не вѣрилъ дѣйствительности сказки, сочиненной Тотлебеню, будто бы Комиссаровъ спасъ государя; но тогда всѣ старались выказать этому субъекту величайшее уваженіе». Не лишентъ

интереса и эпизодъ, случившійся на засѣданіи 20 августа во время слѣдствія надъ Ишутинымъ, гдѣ Каракозовъ допрашивался въ качествѣ свидѣтеля. На вопросъ послѣднему: «какая партія, на которую вы указываете?» онъ отвѣчалъ: «я Ишутину говорилъ о той партіи, которую я называю Константиновскою партіею». Предсѣдатель: «Отпустите Каракозова». По поводу этой сцены, авторъ записокъ говоритъ: «Въ этихъ немногихъ словахъ какая богатая канва для будущихъ сплетниковъ! Значить, была же Константиновская партія, значить, зналъ и Каракозовъ, значить, могъ о ней поразсказать — да не хотѣли спрашивать: только заикнулся онъ объ этой партіи—«отпустите Каракозова», т. е. «ведите его вонъ» и т. д.

«Все это, однакожь, объясняется просто: Каракозовъ и слѣдственной комиссіи показалъ, что онъ говорилъ Ишутину о Константиновской партіи, но никакихъ свѣдѣній объ этой партіи отъ него добиться не могли, хотя нѣтъ сомнѣнія, что графъ Муравьевъ, ненавидѣвшій великаго князя Константина Николаевича, не упустилъ бы случая, если бы могъ что-нибудь открыть о такъ называемой его партіи, но открыть было нечего, потому ничего и не открылось. Вотъ почему и предсѣдатель военно-уголовнаго суда не счелъ нужнымъ настаивать на дальнѣйшемъ разпросѣ Каракозова о той воображаемой Константиновской партіи, о которой Каракозовъ и самъ, вѣроятно, слышалъ гдѣ-нибудь въ кабачкѣ отъ полупьянаго собутыльника. Предсѣдатель могъ быть увѣренъ, что изъ этого разспроса ничего не выйдетъ, кромѣ сплетни о томъ, что онъ, кн. Гагаринъ, подкапывается подъ великаго князя, а они уже и безъ того никогда не были хороши другъ съ другомъ. Кн. Гагаринъ былъ слишкомъ опытный и тонкій придворный человекъ, чтобы дать придворной интригѣ такое легкое противъ себя оружіе, безъ всякой пользы для дѣла, потому что не могло быть никакого сомнѣнія, что если бы у Каракозова были какія-нибудь связи съ такою партіею, которая имѣла во главѣ своей одного изъ членовъ Императорской Фамиліи, то онъ разсказалъ бы объ этихъ связяхъ хотя для собственнаго своего спасенія, но разсказывать ему было, конечно, нечего — вотъ причина его молчанія. Но допустимъ, однакоже, на минуту невозможное, допустимъ, что была эта партія и что не выдалъ ея Каракозовъ только потому, что, быть можетъ, надѣялся отъ нея и что даже общала она ему спасеніе, въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ называетъ эту партію. Будь онъ въ связяхъ съ такою партіею, онъ или ничего не сказалъ бы о ней, или сказалъ бы все, что зналъ».

Озирая все судебное дѣло и разсматривая выстрѣлъ Каракозова въ его исторической перспективѣ, сенаторъ Есиповичъ дѣлаетъ нѣкоторые поучительные выводы: «Вообще этому человеку (Каракозову) суждено было сдѣлать вредъ своему отечеству не только дѣломъ

своимъ, но и словами. Дѣло его—выстрѣлъ 4 апрѣля—было причиною наступившей реакціи, которая продолжается и понынѣ (пишу 25 февраля 1876 г.) и когда кончится и чѣмъ кончится, неизвѣстно; показаніе его о какой-то Константиновской партіи было, безъ сомнѣнія, поводомъ къ тому, чтобы производить судебное слѣдствіе о немъ и его сообщникахъ при закрытыхъ дверяхъ, и этимъ правительство лишило себя и Россію величайшаго торжества надъ всѣми такъ называемыми нигилистами, которые въ лицѣ своихъ представителей передъ публичнымъ судомъ тотчасъ сдѣлались бы смѣшными и презрѣнными въ глазахъ не только Россіи, но и всѣхъ серьезныхъ демократическихъ партій во всемъ мірѣ. Негласность производства верховнаго уголовного суда есть одна изъ горькихъ ошибокъ во вредъ себѣ.

«Если разсуждать безпристрастно и спокойно, то какая настоящая необходимость была производить судебное слѣдствіе по такому дѣлу, какое поручено было верховному уголовному суду, не публично. Главное преступленіе было выстрѣлъ 4 апрѣля, покушеніе на жизнь государя, въ которой Россія видѣла и свое счастье и свои надежды и свою свѣтлую будущность; какое же сомнѣніе можетъ быть, что къ преступнику, покушавшемуся на эту безцѣнную жизнь, не только вся Россія, но и весь цивилизованный міръ отнесется съ величайшимъ негодованьемъ и омерзениемъ. Слѣдовательно, тайное производство этого дѣла могло быть желательно только для преступника.

«Второе преступленіе, образованіе кружка «Адъ», который, какъ сколокъ съ какого-то революціоннаго комитета въ Женевѣ, дозволилъ себѣ разсуждать: не слѣдуетъ ли производить революцій посредствомъ убійствъ коронованныхъ особъ и государственныхъ людей? Мысль эта такъ безнравственна и преступна, что какъ бы ни было неразвито какое-нибудь общество, оно не можетъ встрѣтить ее безъ презрѣнія и рѣшительнаго противодѣйствія. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ вся польза отъ тайнаго производства дѣла могла быть только для подсудимыхъ.

«Третье преступленіе — образованіе общества «Организація», имѣвшаго цѣлью своею произвести социальный и государственный переворотъ въ Россіи насильственными мѣрами. Но кто же хотѣлъ его произвести? Люди, которые не понимали даже, что такое социализмъ, которые для уясненія себѣ этого непонятнаго имъ слова рѣшались на фантастическій подвигъ украсть учителя Чернышевскаго съ каторжныхъ работъ въ Сибири. А средства, какія придумывали эти люди для достиженія непонятныхъ имъ цѣлей: обворовать купца черезъ подставнаго служителя, ограбить почту, отравить помѣщика Ѳедосѣева черезъ его же родного сына. Что же въ этихъ цѣляхъ и средствахъ было такого, что могло бы угрожать обществу возбужденіемъ сочувствія

хотя въ нѣкоторыхъ его членахъ, вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста? Съ одной стороны, ребяческая, граничащая съ безуміемъ попытка осуществить силами полусотни разнаго недоучившагося сброда въ такомъ громадномъ и устойчивомъ государствѣ, какъ Россія, социальный переворотъ, смысла и значенія котораго не понимали сами революціонеры, искавшіе еще себѣ учителя и руководителя въ лицѣ каторжника Чернышевскаго, съ другой стороны, средства нелѣпыя по несоразмѣрности своей съ обширностью замысла и отвратительныя по своей безнравственности. Слѣдовательно, и въ отношеніи къ этому преступленію производить слѣдствіе не публично можно было только для того, чтобы избавить подсудимыхъ отъ публичнаго стыда и вполне заслуженнаго ими позора. Наконецъ, четвертое преступленіе—разные слѣды чисто польской интриги въ лицѣ Маевского, Люрига и имъ подобныхъ подвижниковъ польской sprawy—развѣ все это не просилось наружу? Развѣ русскому обществу не нужно ежечасно и ежеминутно быть насторожѣ отъ польскихъ хитростей и коварствъ? Развѣ раскрытіе ихъ, хоть немного, хоть настолько, насколько это успѣла сдѣлать Муравьевская комиссія, особенно неудовлетворительная въ этомъ отношеніи, могло быть опасно или бесполезно? Опасно оно могло быть только для польскихъ злоумышленниковъ и, слѣдовательно, для нихъ могло быть полезно такое производство судебного слѣдствія о ихъ тѣмныхъ, никогда не прекращающихся козняхъ. Вотъ почему я не могу безъ горечи вспомнить о той страшной ошибкѣ, которая сдѣлана была обязаніемъ верховнаго уголовного суда производить судебное слѣдствіе о его подсудимыхъ не публично. Но, сокрушаясь объ этомъ, какъ гражданинъ, я, каюсь, откровенно сожалѣю объ этомъ и какъ эгоистъ, какъ секретарь того суда: верховный уголовный судъ 1866 года, смѣю думать, заслужилъ того, чтобы двери его стояли настежь, чтобы видѣла его Россія со всѣми его достоинствами и недостатками, чтобы могла она оцѣнить, какую онъ ей службу сослужилъ, удержавшись при неодолимыхъ почти препятствіяхъ на высотѣ дѣйствительнаго современнаго суда, созданнаго уставами 1864 года, безъ прежнихъ увлеченій, пристрастій и внѣсудебныхъ вліяній»...

ХІІ.

Другой участникъ процесса, защитникъ Ишутина, нынѣ еще здравствующій присяжный повѣренный Д. В. Стасовъ, отзываясь также съ похвалою о роли суда ¹⁾ и поведеніи судей, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія относительно поведенія подсудимыхъ, ихъ показаній и отношенія къ нимъ высшаго судилища. Онъ говоритъ:

¹⁾ «Вылос» 1906 г., № 4-й.

«На судѣ, можно сказать, почти всѣ подсудимые держали себя достойно, нетрусливо, хотя уже многіе изъ нихъ на предварительномъ слѣдствіи проговаривались и указывали на такія обстоятельства и факты и на такихъ участниковъ ихъ собраній, которые безъ этихъ показаній не были бы и узнаны правительственною властью. Но это, очевидно, происходило прежде всего оттого, что всѣ они были поражены самымъ событіемъ покушенія; на многихъ дѣйствовалъ способъ допросовъ, производившихся слѣдственною комиссіею, гдѣ предсѣдательствовалъ знаменитый М. Н. Муравьевъ. Такъ, наприимѣръ, одинъ подсудимый показалъ, «что не помнитъ, что говорилъ, такъ какъ допросъ происходилъ до третьяго часа ночи, когда сонъ смыкалъ глаза». То же говорили и многіе другіе. Подсудимые говорили, что боялись при допросахъ пытки. Нѣкоторые просто проболтались, а также, правда, и весьма немногіе стали даже совершенно отказываться отъ того, что предъ тѣмъ говорили. Такъ, къ числу послѣднихъ принадлежалъ Ишутинъ. Какъ выше сказано, онъ былъ, по моему мнѣнію, главнымъ запѣвалой во всемъ томъ, что дѣлалось и предполагалось: онъ завелъ рѣчь о царевубійствѣ, зналъ, что Каракозовъ въ первый разъ (на 4—5-й недѣлѣ поста) поѣхалъ въ Петербургъ съ этой цѣлью, и просилъ его возвратиться—какъ это видно было изъ разорваннаго письма его съ конвертомъ, найденнаго въ томъ номерѣ Знаменской гостиницы, гдѣ жилъ передъ совершеніемъ покушенія Каракозовъ; въ письмѣ этомъ онъ писалъ: «Милый другъ, пріѣзжай въ Москву, тебя очень нужно. Поговоримъ обстоятельнѣе, потомъ, ежели сочтешь нужнымъ, опять отправишься». Адресъ: С.-Петербургъ, на Выборгской сторонѣ, въ Оренбургской улицѣ, домъ № 23. Павлу Семеновичу Щеткину (это былъ Щеткинъ). Съ передачею Дмитрію Владимирову.

«Слѣдовательно, онъ зналъ, и куда Каракозовъ уѣхалъ, и съ какою цѣлью, и гдѣ онъ жилъ, и даже подъ какимъ именемъ, и между тѣмъ послѣ того, что Ишутинъ арестованъ, былъ допрошенъ, съ него были сняты показанія, онъ, сидя въ крѣпости, писалъ самъ собою, безъ всякихъ съ чьей-либо стороны настояній или указаній, письмо на имя князя Гагарина, въ которомъ говорилъ, «что самъ никогда не покусился бы на жизнь государя, даровавшаго свободу милліонамъ, и отговаривалъ двоюроднаго брата отъ его намѣренія» и ничего «не зналъ объ его поѣздкѣ» и т. д. Выше приведенное письмо показываетъ, что онъ зналъ о поѣздкѣ и цѣли ея... Разумѣется, его нельзя обвинять въ томъ, что онъ на судѣ старался всячески себя выгородить и оправдаться; за это человѣка, находящагося подъ угрозой смертной казни, обвинить нельзя. Если я привожу кое-что изъ его оправданій, то только чтобы сопоставить его показанія съ показаніями другихъ его товарищей, которые ни отъ чего не отказы-

вались, ни къ какимъ оправданіямъ не прибѣгали, писемъ къ Гагарину не писали, а говорили, какъ это есть,—начиная съ самаго Каракозова,—многое и въ пользу свою, многое и противъ себя. Не могу не привести при этомъ одного эпизода во время судебныхъ преній. Въ числѣ подсудимыхъ первой группы былъ Петръ Ѳедоровичъ Николаевъ (дворянинъ 21—22 лѣтъ), кандидатъ московскаго университета, готовившійся сдавать экзаменъ на магистра политической экономіи. Защитникомъ его, по назначенію, былъ присяжный повѣренный В. Э. Краузольдъ. Въ рѣчи своей, разумѣется, онъ старался всячески умалить приписываемую Николаеву вину и объяснялъ разныя высказывавшіяся имъ на допросахъ идеи молодостью, необдуманностью и т. д. Говорилъ Краузольдъ недолго, очень спокойно, умно, и когда онъ кончилъ, то князь Гагаринъ спросилъ Николаева (онъ обращался къ каждому подсудимому, по окончаніи рѣчи защитника): не хочетъ ли онъ еще что-либо прибавить? Николаевъ, очень пылкій, горячій, умный и развитой молодой человѣкъ, сталъ говорить, что онъ совершенно не согласенъ съ защитникомъ, сталъ развивать социалистическія теоріи и между прочимъ говорилъ, что вопросъ о царевубійствѣ вопросъ философско-политическій, что теорію объ этомъ развивали очень многіе знаменитые ученые уже въ средніе вѣка, напримѣръ, знаменитый Кампанелла и еще такіе-то и т. д. Князь Гагаринъ, который очень внимательно выслушивалъ всѣхъ защитниковъ и былъ, повидимому, очень доволенъ рѣчью Краузольда, старался остановить нѣсколько разъ Николаева и говорилъ ему: «Молодой человѣкъ, остановитесь, что вы говорите: вашъ защитникъ такъ прекрасно объяснилъ всѣ ваши побужденія и вашъ образъ мыслей». Но тотъ не унимался, и Гагаринъ насилу остановилъ его, стараясь замаять его рѣчь. Да и дѣйствительно Николаевъ не принималъ, сколько помню, никакого особаго участія въ кружкѣ и если выдѣлялся, то только развитіемъ, начитанностью и горячностью. Изъ показаній самого Каракозова и нѣкоторыхъ подсудимыхъ первой группы были очень интересны намеки и указанія на то, что Каракозовъ, когда пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ, то сошелся съ какою-то партіей конституціонною, «Константиновскою», которая имѣла въ виду совершить переворотъ. Каракозовъ съ самаго же начала на судѣ показалъ, что о намѣреніи его совершить царевубійство Ишутинъ и другіе могли догадываться, но что онъ будто имъ объ этомъ не говорилъ. Но Ишутинъ и Ермоловъ на судѣ послѣ разныхъ отрицаній показали, что онъ имъ говорилъ, что считаетъ царевубійство полезнымъ. Далѣе Каракозовъ говорилъ, что онъ объ этомъ говорилъ въ Петербургѣ только Худякову и Кобылину, но и тотъ и другой этого не подтвердили, и это показаніе судомъ не было признано. О идѣ, найденномъ при немъ (стрихнинъ и синильная

кислота, которые онъ получилъ, по его словамъ, отъ Кобылина), онъ показалъ, что имѣлъ ихъ при себѣ для того, чтобы принять немедленно по совершении покушенія, а на вопросъ, почему его не принялъ, отвѣчалъ, что «это было отъ состоянія, отъ потрясенія при совершеніи: я былъ въ оцѣпенѣніи».

«Когда князь Гагаринъ замѣтилъ, что, однако, свидѣтели показываютъ, что онъ, выстрѣливъ, побѣжалъ,—онъ сказалъ на это: «я этого не помню». Что за партія, Константиновская или конституціонная—этого на судѣ не выяснилось, хотя въ слѣдственномъ дѣлѣ (слѣдствіе производилось Н. А. Огаревымъ и М. Н. Муравьевымъ) есть, сколько я помню, какіе-то намеки на будто Константиновскую (!?) партію.

«Самыя трудныя защиты были защиты Караковского и Ишутина. Остряковъ сказалъ прекрасно все, что только можно было сказать въ такомъ безнадежномъ дѣлѣ. Очень остроумна была рѣчь Серебрянаго въ защиту Кобылина, и очень сердечная рѣчь Ст. Ив. Петренко въ защиту Ермолова. Ермоловъ былъ чуть не самымъ молодымъ изъ всѣхъ подсудимыхъ, ему было лѣтъ 17—18. Небольшого роста, худенькій, чрезвычайно милый, съ прелестными глазами, симпатичнымъ голосомъ, онъ на всѣхъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе, и Петренко сказалъ въ его защиту чрезвычайно прочувствованную рѣчь, какую бы могъ сказать отецъ въ защиту своего сына. Петренко хотя былъ женатъ, но у него дѣтей не было. Замѣчательно то, что Петренко принадлежалъ къ числу старыхъ чиновниковъ сената, отбылъ прежде службу по второму департаменту сената, былъ очень способнымъ и умнымъ человекомъ и, несмотря на свой пожилой возрастъ, съ самаго начала открытія новыхъ судовъ, вступилъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ и съ сердечною горячностью защищалъ Ермолова. Отъ прочихъ рѣчей у меня въ памяти ничего не осталось. Судъ вообще торопился вести дѣло и кончить его до ожидавшагося приѣзда принцессы датской Дагмары, назначеннаго въ сентябрѣ. Засѣданія происходили въ залѣ комендантской квартиры въ самой Петропавловской крѣпости; въ сосѣднихъ съ заломъ комнатахъ находилось и все слѣдственное дѣло, которое защитники изучали каждый день, но прочесть всего не было никакой возможности, такъ оно было огромно. Очень хорошо помню, какъ въ комендантскую квартиру приѣхалъ еще до слушанія дѣла принцъ Ольденбургскій, также для чтенія дѣла или по чему-то другому, и, встрѣтивъ нѣсколькихъ присяжныхъ повѣренныхъ изъ бывшихъ правовѣдцовъ, обратился ко мнѣ и сказалъ: «И охота вамъ защищать такихъ негодяевъ». Я ему отвѣтилъ, что мы для этого назначены, и дѣло это защищаемъ по назначенію князя Гагарина. Тогда принцъ сказалъ: «Желаю вамъ полного успѣха». На это Турчаниновъ отвѣтилъ: «А мы, напротивъ, надѣемся, что мы должны имѣть успѣхъ».

«Засѣданія начинались обыкновенно около 12 часовъ и продолжались до 6—7^{1/2} ч., съ небольшимъ перерывомъ для завтрака à la fourchette, который былъ общій и для членовъ суда, и для обвиненія, и для защитниковъ. Съ министромъ юстиціи сидѣлъ всегда за обвинительнымъ столомъ и товарищъ его Н. И. Стояновскій и директоръ департамента министерства юстиціи баронъ Е. Е. Врангель, должность секретарей суда исполняли Я. Г. Есиповичъ и Н. И. Селифонтовъ, который служилъ тогда чѣмъ-то въ комитетѣ министровъ (кажется, онъ считался секретаремъ при князѣ Гагаринѣ). Приговорены были Каракозовъ и Ишутинъ къ смертной казни. Прочіе всѣ и лица, принадлежащія ко второй группѣ, къ каторжнымъ работамъ на разные сроки. Когда князь Гагаринъ прочелъ приговоръ верховнаго суда, то онъ затѣмъ сказалъ, что «нынѣшній приговоръ долженъ свидѣтельствовать о томъ великомъ значеніи, которое имѣетъ введеніе новаго суда, при порядкахъ котораго можно было выяснитъ вполнѣ обстоятельства дѣла и выслушать такой приговоръ». И, обращаясь къ Кобылину, (совершенно оправданному), сказалъ: «въ особенности вы, молодой человѣкъ, должны это помнить и чувствовать».

«И говорилъ это Гагаринъ взволнованнымъ голосомъ и съ большимъ чувствомъ».

XIII.

Обвинительный приговоръ верховнаго уголовного суда въ отношеніи Каракозова былъ формулированъ такъ: ¹⁾

«1866 года 31 августа. По указу Его Императорскаго Величества, верховный уголовный судъ въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель князь Гагаринъ, члены: его императорское высочество принцъ Ольденбургскій, графъ Панинъ, Мѣтлинъ, Башуцкій и Корніолинъ-Пинскій, при министрѣ юстиціи Замятинѣ и секретарѣ Есиповичѣ, разсматривалъ дѣло о подсудимомъ, именуемомъ дворяниномъ, не утвержденнымъ въ дворянствѣ правительствующимъ сенатомъ, Дмитріи Владимировѣ Каракозовѣ, 25-ти лѣтъ. Дмитрій Владимировъ Каракозовъ обвиняется въ покушеніи 4-го апрѣля 1866 года на жизнь священной особы государя императора и въ принадлежности къ тайному революціонному обществу. Въ первомъ изъ сихъ преступленій Каракозовъ сознался, объяснивъ передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, при выдачѣ ему копій съ обвинительнаго акта, что преступленіе его такъ велико, что не можетъ быть оправдано даже тѣмъ болѣзненнымъ нервнымъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился въ то время. Унтеръ-офицеры Слѣсарчукъ и Заболотинъ, схватившіе преступника послѣ сдѣланнаго

¹⁾ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I.

имъ выстрѣла, подтвердили подъ присягою въ верховномъ уголовномъ судѣ, въ присутствіи подсудимаго, что обвиняемый дѣйствительно тотъ человекъ, который сдѣлалъ выстрѣлъ въ священную особу государя императора. Затѣмъ, хотя преступникъ, при дальнѣйшемъ производствѣ дѣла на судѣ, объяснилъ, что это покушеніе сдѣлано имъ вслѣдствіе крайне болѣзненнаго настроенія духа, но это объясненіе не можетъ служить не только къ оправданію его, но и къ облегченію тяжести совершеннаго имъ преступленія, потому что приводимая имъ причина не изъ числа тѣхъ, по коимъ содѣянное не должно быть, по словамъ закона, вмѣняемо въ вину (92 ст. улож. о наказаніяхъ), и что независимо отъ того объясненіе оказывается невѣрнымъ, ибо въ описаніи болѣзни Каракозова, составленномъ въ клиникѣ московскаго университета, засвидѣтельствовано, что во время болѣзни умственныя способности его были нормальны; притомъ въ подсудимомъ ни до совершенія, ни во время совершенія преступленія, ни во время допросовъ, ни въ продолженіе содержанія его подъ стражею не обнаружено никакихъ признаковъ болѣзни, которые приводили бы его въ умоиступленіе или безпамятство; напротивъ, всѣ отвѣты его доказывали, что онъ въ твердой памяти и въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей. Продолжительность и послѣдовательность предумышленнаго преступнаго намѣренія, обнаруженнаго, по собственному сознанію преступника, въ покупкѣ пистолета и снарядовъ къ оному, въ снабженіи себя ядомъ и распространеніи прокламацій за три недѣли до происшествія, исключаютъ всякую возможность приписывать дѣйствія сіи ненормальному состоянію умственныхъ способностей. Что касается обвиненія Каракозова въ принадлежности къ тайному обществу, то слѣдствіемъ положительно раскрыто, что онъ бывалъ на нѣсколькихъ сходкахъ онога, гдѣ обыкновенно молчалъ, а если говорилъ, то выражалъ отрывочными фразами крайнія мнѣнія, вслѣдствіе чего, когда двое изъ членовъ упомянутаго общества узнали о первой его поѣздкѣ въ Петербургъ, то тотчасъ же заподозрѣли его въ намѣреніи совершить цареубійство, и потому немедленно отправились за нимъ въ означенную столицу, уговорили его возвратиться въ Москву и взяли съ него слово, что онъ не совершитъ преступленія. Несмотря, однакожъ, на данное имъ обѣщаніе, онъ тайно отъ всѣхъ своихъ товарищей скрылся во второй разъ изъ Москвы въ половинѣ Святой недѣли и 4-го апрѣля совершилъ свое злодѣйское покушеніе. Покушеніе это составляетъ такое тяжкое преступленіе, что значеніе его дальнѣйшимъ судебнымъ слѣдствіемъ, о тайныхъ обществахъ производящимся, въ верховномъ уголовномъ судѣ не можетъ быть ни уменьшено ни увеличено. Сверхъ того, какъ это покушеніе вполнѣ уже разслѣдовано, то и для раскрытія всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ помянутымъ тайнымъ обществамъ, не предста-

вляется никакой законной причины отлагать произнесение приговора надъ государственнымъ преступникомъ Каракозовымъ. По симъ основаніямъ верховный уголовный судъ, приступивъ къ постановленію приговора объ этомъ подсудимомъ, нашель, что по закону (241 ст. улож. о наказ.) «всякое злоумышленіе и преступное дѣйствіе противъ жизни, здравія или чести государя императора и всякій умыселъ свергнуть его съ престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной особѣ его какое-либо насиліе подвергаютъ виновныхъ въ томъ: лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни». Усматривая изъ сего, что преступленіе Каракозова, заключающееся въ покушеніи на жизнь священной особы государя императора, вполне доказано, что преступленія сего рода по закону подвергаютъ виновныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, что въ дѣлѣ не обнаружено никакихъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину подсудимаго, верховный уголовный судъ опредѣляетъ: именующагося дворяниномъ, но не утвержденного въ дворянствѣ Дмитрія Владимірова Каракозова, 25 лѣтъ, по лишенію всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію черезъ повѣшеніе».

Приговоръ былъ объявленъ Каракозову и рѣшеніе о свободѣ сообщено Кобылину 1-го сентября при слѣдующихъ обстоятельствахъ, о которыхъ сообщаетъ Есиповичъ. «Кобылинъ къ слушанію приговора не явился, а Каракозова привели, при чемъ онъ подалъ и прошеніе о помилованіи. Прошеніе это онъ началъ писать самъ, но никакъ не могъ кончить, исписавъ нѣсколько листовъ и все не кончивъ; наконецъ защитникъ его Остряковъ убѣдилъ написать коротенькое, но сильное прошеніе, которое и было представлено государю, а другіе исписанные имъ листы приложили къ дѣлу.

«Государь отказалъ въ помилованіи. Министръ юстиціи говорилъ мнѣ, что онъ докладывалъ это прошеніе въ вагонѣ, ѣдучи въ Царское Село. Какое ангельское выраженіе было на лицѣ государя,—прибавилъ Дмитрій Николаевичъ,—когда онъ сказалъ мнѣ, что онъ давно простилъ его какъ христіанинъ, но какъ государь простить не считаетъ себя въ правѣ.

«2 сентября кн. Гагаринъ пріѣхалъ въ крѣпость и вызвалъ меня въ залу засѣданія суда. «Яковъ Григорьевичъ,—сказалъ онъ мнѣ,—сейчасъ по моему приказанію приведутъ Каракозова, я желаю, чтобы вы были при этомъ».—«Очень хорошо, я сейчасъ надѣну вицмундиръ». Я перемѣнилъ свой сюртукъ на вицмундиръ и пошелъ опять въ залу. Князь сидѣлъ за столомъ одинъ. «Я сейчасъ возвратился отъ государя», началъ было онъ, но въ это время ввели Каракозова. Каракозовъ вошелъ съ такимъ свѣтлымъ лицомъ, что, очевидно, онъ ожидалъ услышать вѣсть о своемъ помилованіи.

«— Каракозовъ,—сказалъ князь Гагаринъ,—государь императоръ повелѣлъ мнѣ объявить вамъ, что его величество прощаетъ васъ, какъ христіанинъ, но какъ государь простить не можетъ».

«Вдругъ, какъ молнія, весь свѣтъ съ лица несчастнаго преступника исчезъ; оно внезапно потемнѣло и приняло суровое и мрачное выраженіе. «Вы должны готовиться къ смерти,—продолжалъ кн. Гагаринъ,—подумайте о душѣ своей, покайтесь».

«Каракозовъ началъ говорить что-то безсвязное о видѣніяхъ, о голосахъ, но князь Гагаринъ опять напомнилъ ему о необходимости приготовиться къ смерти и велѣлъ его отвести. Мнѣ очень было странно, зачѣмъ князь Гагаринъ призывалъ Каракозова? Объявить осужденному за нѣсколько дней, что онъ помилованъ не будетъ, не значить ли это усилить его мученія. Я не могъ удержаться и сказалъ князю:

«— Ваше сіятельство, зачѣмъ вы объявили ему, что помплованія не будетъ.

«— Это было необходимо,—отвѣтилъ мнѣ князь и безъ дальнѣйшихъ объясненій уѣхалъ».

3-го сентября 1866 г. Каракозовъ былъ на Смоленскомъ полѣ рано утромъ повѣшенъ. Что касается прочихъ привлеченныхъ къ суду лицъ, то приговоръ о нихъ былъ вынесенъ лишь 24 сентября того же года, согласно которому было постановлено ¹⁾:

1) Ишутина, какъ зачинщика замысловъ о цареубійствѣ, уличеннаго въ незаявленіи правительству о извѣстномъ ему преступномъ намѣреніи Каракозова и какъ основателя обществъ, дѣйствія коихъ клонились къ экономическому перевороту, съ нарушеніемъ правъ собственности и ниспроверженіемъ государственнаго устройства, на основаніи 241, 242, 243 и 318 ст. улож. о наказ. изд. 1866 г., лишитъ всѣхъ правъ и казнить смертію чрезъ повѣшеніе; 2) Ермолова, 3) Страндена и 4) Юрасова, участвовавшихъ въ преступномъ выраженіи мыслей относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ цареубійства и виновныхъ въ недонесеніи объ извѣстныхъ имъ преступныхъ замыслахъ, слѣдовало бы также подвергнуть смертной казни, но какъ Ермоловъ и Странденъ остановили исполненіе намѣренія Каракозова совершить его преступное покушеніе въ первую его поѣздку въ Петербургъ, а Юрасовъ не только не изъявлялъ согласія на преступный умыселъ цареубійства, но и возражалъ противъ онаго, то, руководствуясь 774 ст. устава уголовн. судопроизв., вмѣсто смертной казни, лишитъ означенныхъ трехъ подсудимыхъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ: Страндена и Юрасова безъ срока, а Ермолова, какъ несовершеннолѣтняго, за силою 139 ст. улож., на двадцать

¹⁾ «Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ», т. I.

лѣтъ; 5) Загибалова, 6) Шаганова и 7) Моткова, какъ членовъ общества «Организація», имѣвшихъ полное свѣдѣніе о преступныхъ цѣляхъ онаго и избличенныхъ въ знаніи и недонесеніи о преступномъ выраженіи мыслей относительно учрежденія общества для произведенія государственнаго переворота посредствомъ цареубійства,—на основаніи 318 и 250 ст. улож. лишитъ всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы: Загибалова и Шаганова въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, а Моткова, какъ несовершеннолѣтняго, за силою 139 ст. улож., на восемь лѣтъ; 8) Николаева, какъ члена общества «Организація», имѣвшаго полное свѣдѣніе о преступной онаго цѣли и сознавшагося въ доставленіи Ѳедосѣеву средствъ къ совершенію отцеубійства, для пріобрѣтенія значительной суммы денегъ въ пользу означеннаго преступнаго общества,—лишитъ, на основаніи 2 части 318 ст. и 250 ст. улож. всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ; 9) Худякова, не избличеннаго въ знаніи о намѣреніи Каракова совершить покушеніе на жизнь священной особы государя императора и въ способствованіи Каракову въ этомъ преступленіи, но уличеннаго въ знаніи о существованіи и противозаконныхъ цѣляхъ тайнаго общества, лишитъ на основаніи 3-й части 318 ст. улож. 1866 года, всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири; 10) Малинина, 11) Дмитрія Иванова, 12) Лапкина и 13) Александра Иванова, какъ членовъ общества «Организація», имѣвшихъ свѣдѣніе о противозаконныхъ цѣляхъ онаго, хотя и слѣдовало бы приговорить, по всей строгости 2-й части 318 ст. и 250 ст. улож., къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ; но какъ они постоянно противодѣйствовали тѣмъ противозаконнымъ цѣлямъ и предложеніямъ «Организаци», которыя имѣли въ виду насильственный переворотъ и для противодѣйствія этому обществу старались образовать особый кружокъ, не имѣвшій уже тѣхъ преступныхъ цѣлей, къ которымъ стремились главные члены «Организаци», а предназначенный для достиженія цѣлей, предусмотрѣнныхъ въ 319 ст. улож., и какъ сверхъ того они, въ особенности Дмитрій и Александръ Ивановы, сдѣлали вполнѣ чистосердечныя признанія, и при томъ Лапкинъ и Дмитрій Ивановъ не достигли еще и нынѣ совершеннолѣтія, имѣя только по 19-ти лѣтъ, то, признавъ ихъ подлежащими наказанію по 1 части 319 ст. улож., лишитъ ихъ, на основаніи этой и 774 статей устава уголовного судопроизводства, всѣхъ правъ состоянія и сослать на поселеніе въ Сибирь; 14) Виктора Ѳедосѣева, избличеннаго въ принятіи мѣръ къ отравленію своего отца и не успѣвшаго совершить это преступленіе вслѣдствіе ареста, лишитъ, на основаніи 2 части 1457 ст. улож., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на

поселеніе, съ преданіемъ на мѣстѣ ссылки церковному покаянію, 15) Маркса, какъ пособника, коего содѣйствіе было необходимо: въ приготовленіи мѣръ для убійства частнаго лица, на основаніи 2 части 1457 ст. улож., лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе; 16) Маевского, какъ изобличеннаго въ укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ, осужденныхъ въ каторжныя работы, лишить на основаніи 2 части 316 ст. улож., всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе; 17) Шостаковича, за укрывательство государственнаго преступника, осужденнаго въ каторжныя работы, приговорить, въ уваженіе къ сдѣланному имъ чистосердечному сознанію, на основаніи 2 части 316 ст. улож., къ низшему изъ означенныхъ въ сей части статьи наказаній, а именно къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Томскую губернію; 18) провизора Лаунгауза, имѣвшаго свѣдѣнія о существованіи тайнаго общества, но не знавшаго въ точности всѣхъ чѣлей онаго, и сверхъ того изобличеннаго въ противозаконной передачѣ яда лицу, не имѣвшему права на полученіе онаго, заключить въ крѣпости на восемь мѣсяцевъ, съ воспрещеніемъ ему, по указанію 867 ст. улож., навсегда продавать ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества; 19) Кичина, 20) Соболева 21) Сергіевского, 22) Борисова, 23) Воскресенскаго, 24) Кутыева, 25) Полумордвинова, 26) Трусова и 27) князя Черкезова, изъ коихъ никто не изобличенъ въ имѣніи точныхъ свѣдѣній объ обществѣ, въ сходкахъ котораго они участвовали, или о существованіи котораго только знали, приговорить, на точномъ основаніи 3 и 4 частей 319 ст. улож., къ заключенію въ крѣпости на восемь мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ имъ времени, проведеннаго уже въ заключеніи; 28) Петерсона, не донесшаго объ укрывательствѣ Юрасовымъ государственнаго преступника Домбровскаго, признать, на основаніи 126 ст. улож., подлежащимъ заключенію въ крѣпости на шесть мѣсяцевъ, съ зачисленіемъ ему времени, проведеннаго въ семъ заключеніи; 29) Маликова, 30) Бибикова, 31) Оболенскаго и 32) Никольскаго признать не подлежащими обвиненію въ принадлежности къ тайному обществу и по сему предмету отъ суда освободить; но какъ первые три изобличены въ знаніи объ умыслѣ освободить государственнаго преступника Чернышевскаго, а четвертый въ умыслѣ освободить государственнаго преступника Серно-Соловьевича, то, сдѣлавъ имъ внушеніе о томъ, чтобы они впредь не входили въ сношеніе съ людьми, имѣющими противозаконные замыслы, такъ какъ это противно и долгу службы, и обязанности каждаго вѣрноподданнаго, обязать ихъ подпискою, чтобы они, не выѣзжая изъ Петербурга, явились къ министру внутреннихъ дѣлъ, которому предоставитъ принять относительно всѣхъ этихъ лицъ тѣ мѣры, какія признаетъ необходимыми; 33)

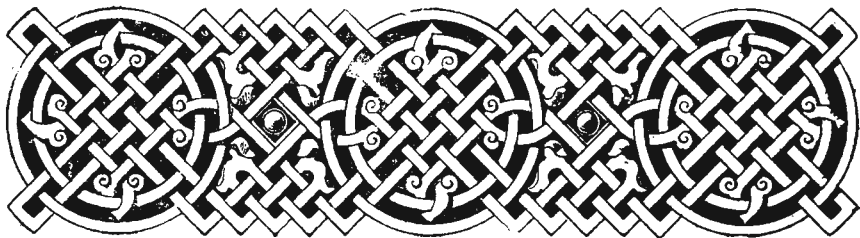
Никифорова, юридически не избличеннаго въ возведенныхъ на него государственныхъ преступленіяхъ, отъ суда освободить, внушивъ ему отстраняться впредь отъ вредныхъ связей, такъ какъ онъ сими связями и неосмотрительнымъ своимъ поведеніемъ далъ поводъ къ столь важному обвиненію, и затѣмъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, на основаніи 58 ст. улож., учредить надъ нимъ особый надзоръ полиціи; и 34) Вознесенскому, какъ посѣщавшему общество взаимнаго вспомошествованія, не разрѣшеннаго правительствомъ, вмѣнить въ наказаніе содержаніе въ крѣпости и затѣмъ признать его невиновнымъ въ государственномъ преступленіи».

Приговоръ этотъ высочайше былъ смягченъ и никто изъ обвиненныхъ не былъ подвергнутъ смертной казни.

Такъ было ликвидировано въ срокъ менѣе полугода все дѣло 4 апрѣля 1866 года и такова была печальная судьба всѣхъ тѣхъ, кого оно главнымъ образомъ затрогивало. Невесело сложились и жизненные обстоятельства героя исторической минуты, «спасителя», Осипа Ивановича Комиссарова. Осыпанный царскими милостями и деньгами, избалованный общественнымъ вниманіемъ, выбитый изъ своей мастерской колеи и опредѣленный по высочайшему повелѣнію юнкеромъ въ гусарскій полкъ, Комиссаровъ потерялъ голову и равновѣсіе жизни, обратившись въ безшабашнаго кутилу, котораго водка и вино въ конечномъ результатѣ и свели преждевременно въ могилу.

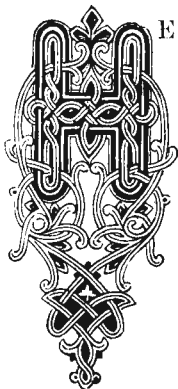
Б. Глинскій.

Н Ъ Ж И Н Ъ.

(Къ столѣтню рожденія Н. В. Гоголя).

Е одинъ, вѣроятно, пассажиръ, которому не чужда русская литература, впервые проѣзжая по Киево-Воронежской желѣзной дорогѣ мимо Нѣжина, смотрѣлъ съ интересомъ на види́ющійся вдали отъ дороги городъ, на станцію, на мелькающія въ окнахъ поѣзда предмѣстья Нѣжина. Здѣсь семь лѣтъ жилъ будущій авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ». Здѣсь онъ учился, хотя говорилъ, что ничему не научился. Здѣсь онъ впервые сталъ творить; и здѣсь былъ написанъ имъ злосчастный, несправедливо осужденный «Гансъ Кюхельгартенъ», которымъ такъ неудачно дебютировалъ гениальный писатель на литературной аренѣ.

На праздникъ столѣтняго юбилея рожденія Гоголя нельзя не вспомнить Нѣжина и по тому, чѣмъ онъ сталъ, посудить, чѣмъ онъ былъ во время великаго юмориста.

Хотя по переписи 1897 года въ Нѣжинѣ и числится тридцать двѣ тысячи жителей, но не надо полагать, что это городъ средней руки. На Востокъ и у насъ на Кавказѣ города обычно дѣлятся на европейскую и азіатскую части. Приблизительно такое же дѣленіе можно примѣнить къ Нѣжину, центръ котораго и еще двѣ-три улицы представляютъ какъ бы общерусскую по своему характеру, собственно городскую часть, а обширныя окраины мало-

русскую, въ полномъ смыслѣ деревенскую. И двѣ трети населенія приходятся именно на эту деревенскую часть Нѣжина. Съ какой стороны ни вѣхать въ него, прежде всего попадаешь въ деревню, въ лучшемъ случаѣ мѣстечко, ничѣмъ не отличающееся отъ большихъ малорусскихъ селъ. «Направо улица, налѣво улица, вездѣ прекрасный плетень... на немъ висятъ горшки...» Совсѣмъ, какъ въ Гоголевскомъ Миргородѣ. За плетнемъ низкія хаты-мазанки подъ соломенными крышами и съ деревянными трубами; за хатами огороды, гдѣ «подсолнечникъ выказываетъ свою солнцобразную голову, краснѣетъ макъ, мелькаютъ толстыя тыквы...» Колодцы съ высокими «журавлями», рѣдко еврейская лавчонка,—вотъ что на большое пространство окружаетъ собственно городскую часть Нѣжина. Только таблички на воротахъ съ нумерами и фамиліями владѣльцевъ, очень странными для великорусскаго уха, какъ Шмаровозъ, Кышъ, Пудхило и пр., напоминаютъ, что находишься все-таки въ городѣ.

Окраины Нѣжина и населены не городскимъ людомъ, а «пахарями», т. е. простыми земледѣльцами-казаками, которые подъ городомъ же имѣютъ свои земли. Изрѣдка попадаются тутъ мѣщане, мастеровые и кустари: «скрынники» и «шаповалы».

«Какъ будетъ расписанъ!—говорилъ у Гоголя Вакула Оксанѣ про заказанный ею сундукъ.—Хоть весь околотокъ выходи своими бѣленькими ножками, не найдешь такого! По всему полю будутъ раскиданы красныя и синіе цвѣты. Горѣть будетъ, какъ жаръ».

Этотъ размалеванный сундукъ, часто на колесахъ, по-малорусски называется «скрынею». «Скрыня», наполненная хустками-платками, рушниками-полотенцами, плахтами, сподницами и другими предметами женскаго обихода — предѣлъ желаній всякой малорусской дѣвушки до выхода замужъ. Тутъ все ея приданое, все ея богатство. «Скрыня»—важная вещь въ жизни малорусской дѣвушки; и потому недаромъ извѣстный историкъ Малороссіи, другъ Гоголя М. А. Максимовичъ, даже думалъ издавать журналъ подъ названіемъ: «Малороссійская Скрыня». Выдѣлка такихъ «скрынъ» распространена на окраинахъ Нѣжина.

А если вы на какой-нибудь картинѣ Трутовскаго, Маковского или Пимоненко видѣли малоросса въ круглой войлочной шляпѣ—то знайте, что это такъ называемый «брыль», и что этотъ «брыль» былъ сдѣланъ какимъ-нибудь нѣжинскимъ «шаповаломъ», такъ какъ нѣжинскіе «брыли» самые лучшіе, и ихъ можно встрѣтить даже на Амурѣ у тамошнихъ поселенцевъ-малороссовъ.

Здѣсь, на окраинахъ Нѣжина жизнь совсѣмъ деревенская: деревенскіе костюмы, заботы и развлечения. Когда наступаетъ весна, со всѣхъ сторонъ Нѣжина несется пѣніе хлопцевъ и дивчатъ, какъ въ «Майской ночи» Гоголя. При немъ, конечно, пѣли и веселились больше и свободнѣе, такъ какъ засѣдатели и комиѣ

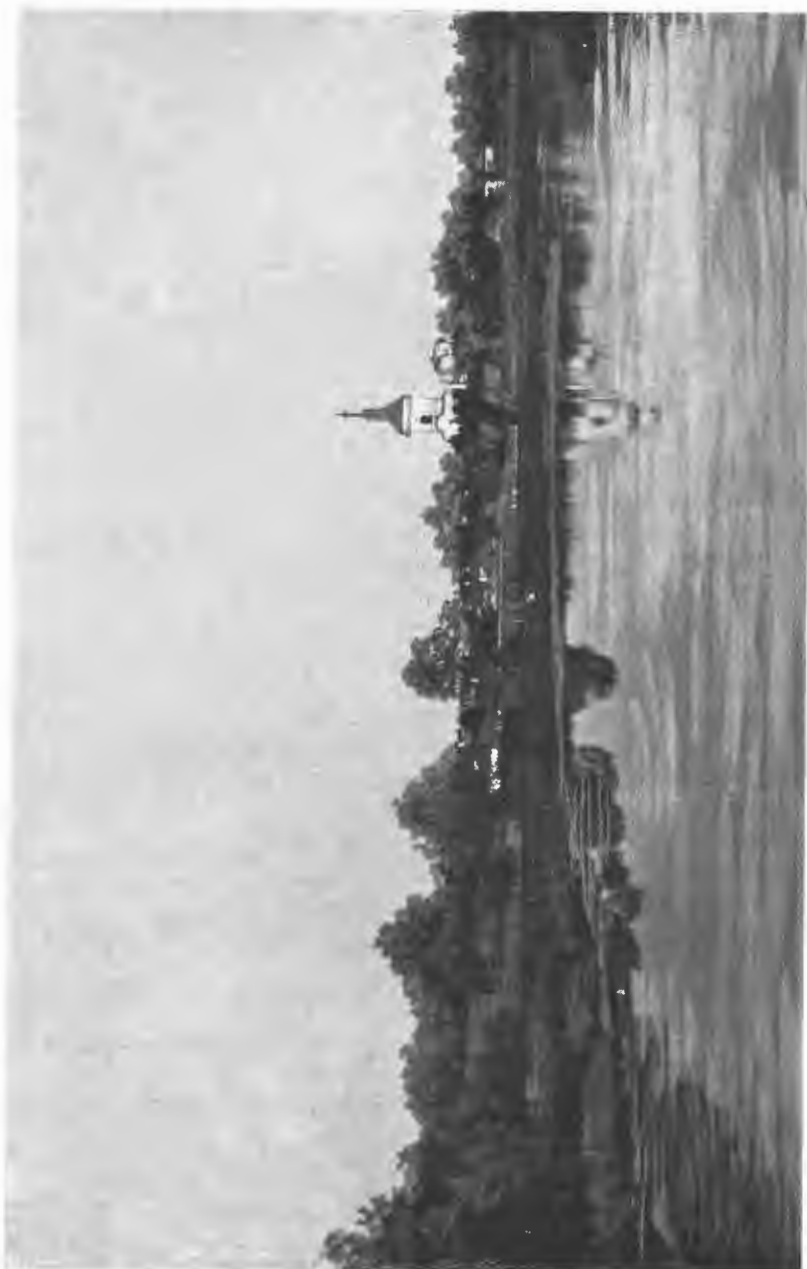
сары не видѣли тогда въ этомъ ничего вреднаго и опаснаго и не мѣшали мирно пѣть пѣсни на далекихъ окраинахъ города, какъ преслѣдуютъ это нынѣшніе градоправители.

Но высшимъ развлеченіемъ молодежи съ окраинъ, преимущественно мѣщанъ, является гулянье—лѣтомъ въ городскомъ скверѣ у памятника Гоголя, а зимою—на мостовой. Тогда нѣжинскія мѣщанки преображаются. Онѣ непременно надѣваютъ на себя по нѣскольку юбокъ и кофтъ, отчего становятся непомѣрно толстыми, и обязательно выходятъ въ блестящихъ калошахъ, хотя бы на дворѣ было совершенно сухо; въ грязь, наоборотъ, калошъ онѣ никогда не надѣваютъ.

Мостовая улица—главный нервъ нѣжинской жизни. Собственно, уже давно ее переименовали въ Гоголевскую, но послѣднимъ именемъ ее называютъ рѣдко, предпочитая старинное названіе, которое произошло оттого, что нѣкогда это была единственная мощеная улица во всемъ городѣ. Но вымощена она была не камнемъ, а деревянными плахами, которыя, немного изветшавъ, когда по нимъ проѣзжалъ какой-нибудь экипажъ, то подымались, то опускались, какъ клавиши рояля во время игры. Словомъ, Мостовая вполне обладала тою «подкидывающею силою», о которой говоритъ Гоголь въ главѣ XI главѣ «Мертвыхъ душъ».

Около десятка магазиновъ средней руки да четыре-пять каменныхъ домовъ составляютъ украшеніе Гоголевской улицы, и между ними нѣсколько лавчонокъ низшаго разбора. Здѣсь по вечерамъ можно встрѣтить весь Нѣжинъ. По одной сторонѣ прохаживаются мѣщане въ блестящихъ калошахъ; по другой—интеллигенція просто и «интеллигенція» въ кавычкахъ: другія развлечения въ Нѣжинѣ рѣдки.

Не одна только Гоголевская улица указываетъ на любовь музъ къ Нѣжину. Побродивъ по сквернымъ досчатымъ тротуарамъ вокругъ Гоголевской, мы встрѣтимъ такія названія, какъ Стефано-Яворская улица, въ память знаменитаго мѣстоблюстителя патриаршаго престола, основавшаго въ 1702 году въ Нѣжинѣ мужской Благовѣщенскій-Назаретъ монастырь; другая улица—Конисская—носитъ имя духовнаго витія екатерининскаго времени—бѣлорусскаго епископа Георгія Конисскаго. Найдемъ мы тутъ Гребенковскую улицу въ честь стараго русско-малорусскаго поэта и повѣствователя Евгенія Павловича Гребенки, автора знаменитаго романа: «Очи черныя, очи ясныя...» Есть здѣсь Гербелевскій переулокъ въ память извѣстнаго переводчика и издателя европейскихъ классиковъ на русскомъ языкѣ Н. В. Гербеля. Есть тутъ также Глѣбовъ переулокъ, названный по имени малорусскаго баснописца Леонида Глѣбова, которому принадлежитъ очень популярный малорусскій романсъ: «Стоитъ гора высокая, а нидь горою гай...»

Нѣжинъ. Набережная.

Но не ходите по этимъ поэтическимъ улицамъ вечеромъ, а тѣмъ болѣе не переходите ихъ никогда... Такая непролазная грязь царитъ на большинствѣ нѣжинскихъ улицъ, такія «прекрасныя», какъ говоритъ Гоголь въ описаніи Миргорода, лужи блестятъ по нимъ сѣрымъ блескомъ, и «домы и домики, обступивши вокругъ, дивятся красотѣ ихъ». Здѣсь такъ легко потерять не только калоши, но, кажется, и ботинки. Да бываетъ даже такъ, что прѣхавшій на базаръ мужичокъ завязнетъ со своимъ возомъ на какой-нибудь Гребенковской улицѣ, и ни назадъ, ни впередъ...

А въ прежнія времена нѣжинскія грязи были еще больше и глубже. И рассказываютъ, что мѣстные паны, отправляясь къ свѣтлой заутренѣ въ лицейскую церковь, запрягали въ кареты воловъ, такъ какъ кони были безсильны вытянуть экипажъ изъ весенней грязи.

И сверхъ этой, такъ сказать, естественной грязи города Нѣжина кучами лежатъ всякаго рода отбросы и мусоръ,—конечно, черта миргородская. «Ужъ хороши ваши главные улицы. Туда всякая баба идетъ выбросить то, что ей не нужно».

Нѣжинъ раздѣленъ рѣкою Остромъ на двѣ части. Центръ города—по одну сторону; бывшая гимназія высшихъ наукъ князя Безбородка, нынѣшній историко-филологическій институтъ—по другую.

Гимназія высшихъ наукъ была открыта въ 1820 году на средства, завѣщанная канцлеромъ гр. Александромъ Андреевичемъ Безбородкомъ. Впрочемъ, графъ Безбородко завѣщалъ устроить богадѣльню, но его братъ Илья Андреевичъ просилъ императора Александра Павловича объ измѣненіи духовнаго завѣщанія брата въ томъ смыслѣ, чтобы средства были употреблены на учрежденіе гимназіи высшихъ наукъ.

Гоголь поступилъ въ нее въ 1821 году и пробылъ тутъ до 1828 года. Такимъ образомъ, здѣсь прошла его юность. И когда авторъ «Мертвыхъ душъ», вспоминая лѣта юности и «невозвратно мелькнувшаго» дѣтства, восклицалъ въ своей поэмѣ: «О, моя юность! О, моя свѣжесть!»—передъ его мысленнымъ взоромъ долженъ былъ воскресать Нѣжинъ.

Въ архивѣ института хранится нѣсколько документовъ, относящихся къ пребыванію Гоголя въ гимназіи.

Вотъ списокъ воспитанниковъ гимназіи «высшихъ» наукъ, и тутъ между какими-то Петромъ Саковичемъ и Иваномъ Тамарою тридцать вторымъ номеромъ помѣченъ... Николай Гоголь-Яновскій!

И Божій перстъ остановился на этомъ тридцать второмъ номерѣ...

Но избранникъ Божій не былъ избранникомъ своихъ воспитателей: «за поведеніе получили по единичѣ,—читаемъ въ рапортѣ инспектора 1824 года 8 марта, — слѣдующіе воспитанники: Яновскій за неопрятность, шутовство, упрямство и неповиновеніе».

Нѣжинъ. Соборъ XVII вѣка.

...«Яновскій, — рапортуетъ другой наставникъ въ 1827 году 2 октября, — вмѣсто должнаго вины своей сознанія, началъ съ необыкновенною дерзостію отвѣчать мнѣ свои разныя сужденія и при этомъ болѣе, нежели сколько позволяютъ ученическія границы благопристойности. Я, видя сильное его разгоряченіе и даже наглость въ преслѣдованіи меня, я вмѣсто наставленій ему, до сего дѣланныхъ, началъ уже просить его, чтобы онъ оставилъ меня; но онъ, какъ бы не слыша сего, съ упорствомъ до дверей и за двери преслѣдуя меня съ необыкновенною дерзостію, кричалъ противъ меня, и симъ возродилъ во мнѣ сомнѣніе, не разгоряченъ ли онъ какимъ-либо крѣпкимъ напиткомъ; почему я, обратясь къ г. экзекутору, сказалъ ему: «да не пьянъ ли онъ?»..

Но Гоголь, по освидѣтельствванію тогда же докторомъ медицины Фиблигомъ, былъ «безъ малѣйшаго признака хмельныхъ напитковъ». А въ рапортѣ инспектора, годомъ раньше, находимъ такія сообщенія: «Б. (надзиратель) былъ на дежурствѣ въ довольно нетрезвомъ видѣ.. 7 декабря вступилъ на дежурство М. и, будучи пьянъ, дѣлалъ за обѣдомъ неблагопристойности».

Не любилъ Гоголь ни своего учебнаго заведенія, ни наставниковъ, ни Нѣжина. «Мнѣ было весело, — говоритъ Гоголь о своей юности, — подѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишко, село ли, слободка, — любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ». Но совсѣмъ невесело было въ теченіе семи лѣтъ жить въ бѣдномъ уѣздномъ городишкѣ, населенномъ утопавшими въ провинціальной мелочности людьми. «Ты знаешь, — писалъ Гоголь Прокоповичу, — всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться»...

А какая могильная скука царствовала тогда надъ Нѣжиномъ! И теперь часто юный нѣжинскій обитатель или обитательница вздохнетъ среди мертвой тишины города и съ тоскою скажетъ: «Хоть бы пожаръ случился, что ли!»

Только природа могла нѣсколько удовлетворять Гоголя, и то не всегда. Передъ институтомъ въ настоящее время разбитъ большой палисадникъ; при Гоголѣ его не было. Гимназія всѣми своими окнами выходила на громадную, до сихъ поръ невозможно грязную въ дождливую погоду, площадь. Недалекъ, въ правую сторону отъ зданія протекалъ Остеръ, который только иногда въ половодье становится похожимъ на рѣку и пересыхаетъ уже въ серединѣ мая; тогда лягушки несмолкаемымъ концертомъ оглашаютъ весь городъ. Между гимназіею и Остромъ было и остается донынѣ большое болото, разносящее заразительную сырость далеко вокругъ себя. Вотъ какой «пейзажъ природы» большую часть

Нижний. Институт князя Безбородка.

года созерцалъ Гоголь. И, должно быть, еще въ Нѣжинѣ, когда онъ наблюдалъ изъ гимназіи, какъ тянулись по громадной площади передъ нею, именуемой нынѣ Безбородкинскою, мѣстные «курьерскіе», «производя копытами своими, погружавшимися въ сѣрую массу грязи, неприятный для слуха звукъ», и «дождь лилъ ливнемъ на жида, сидѣвшаго на козлахъ и накрывавшагося рогожкою», должно быть, еще въ то время у Гоголя не одинъ разъ вырывалось восклицаніе: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!»

Но позади гимназіи находился большой паркъ, составляющій нынѣ два отдѣльные сада: институтскій и графскій. Тутъ много зелени; большія тѣнистыя деревья: дубы и вязы; густой орѣшникъ и лоза. Есть мѣста уютныя и живописныя, какъ холмистый берегъ надъ болотною рѣчкою. Въ паркѣ весною и лѣтомъ, — домой на каникулы Гоголь уѣзжалъ только въ концѣ іюня, — онъ могъ любоваться природою, которую любилъ такъ страстно, могъ воспоминать свою Яновщину. Здѣсь гдѣ-нибудь въ укромномъ уголкѣ, среди густыхъ зарослей лозы, вдали отъ товарищей, Гоголь, вѣроятно, обдумывалъ своего «Ганса Кюхельгартена».

Еще въ концѣ девяностыхъ годовъ нѣжинцы знали въ графскомъ саду дерево, на которомъ были вырѣзаны инициалы: Н. Г. Судя по тому, что буквы уже слишкомъ затянулись корою, утверждали, что онѣ были вырѣзаны самимъ Гоголемъ. Потомъ это дерево было срублено.

Самое зданіе, въ которомъ помѣщалась гимназія высшихъ наукъ и гдѣ жилъ Гоголь, нѣсколько измѣнилось съ тѣхъ поръ; такъ, третій этажъ основного корпуса надстроенъ позже. Но расположеніе комнатъ внутри зданія, повидимому, приблизительно осталось то же; и можно, на примѣръ, съ увѣренностью сказать, что залъ, въ которомъ Гоголь съ товарищами ставилъ спектакли и гдѣ происходило вышеприведенное его объясненіе съ однимъ изъ профессоровъ, это нынѣшній рекреационный залъ состоящей при институтѣ гимназіи. На рисункѣ это два правыя окна во второмъ этажѣ лѣваго отъ насъ корпуса.

Въ бібліотекѣ института хранятся нѣкоторые манускрипты Гоголя: «Мертвыхъ душъ», «Тараса Бульбы», «Портрета», мелкихъ драматическихъ произведеній и нѣсколькихъ писемъ.

Послѣ Гоголя гимназія высшихъ наукъ была преобразована въ лицей, сначала физико-математическій, потомъ юридическій и наконецъ въ историко-филологическій институтъ. Существованію высшаго учебнаго заведенія въ ихъ городѣ нѣжинцы должны быть благодарны. Только благодаря ему Нѣжинъ извѣстенъ за предѣлами Черниговской губерніи, и имя его красуется во всякомъ даже учебникѣ русской словесности; иначе извѣстность его была бы не больше, чѣмъ какого-нибудь Кролевца, Сосницы, Городни и прочихъ черниговскихъ захолустій. Высшее учебное заведеніе

Нѣжинъ. Памятникъ Гоголя.

скрашиваетъ слишкомъ провинціальный тонъ города; самый фактъ его существованія въ Нѣжинѣ уже вноситъ въ его нудную атмосферу нѣчто свѣжее: хотя люди помнятъ, что есть на свѣтѣ наука... Впрочемъ, нѣжинскіе Перерепенки и Голопузи, цѣня болѣе гастрономическую извѣстность Нѣжина, прибрѣтенную солеными огурцами, усвоили себѣ по отношенію къ институту презрительное отношеніе. «Ничтожное самодовольствіе!» скажемъ словами Гоголя. Вѣдь говорятъ, что онъ, будучи въ Нѣжинѣ, написалъ сатиру «Нѣжинцы, или дуракамъ законъ не писанъ».

В. В. Даниловъ.

ДРЕВНѢЙШІЙ КІЕВСКІЙ «ГОРОДЪ» И ОСТАТКИ ДВОРЦОВЪ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ЭПОХИ

I.

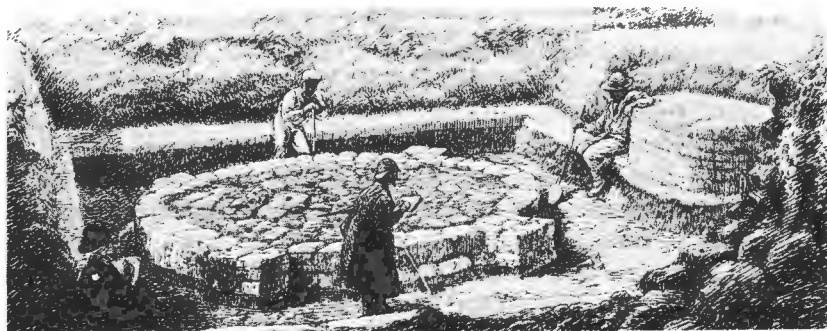
Въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ на территоріи древняго кіевского кремля, въ усадьбѣ М. М. Петровскаго, извѣстнымъ археологомъ В. В. Хвойкой произведены обширныя раскопки, давшія богатѣйшіе результаты. Замѣчательные памятники старины, открытые во время указанныхъ раскопокъ, вызвали глубокій интересъ въ средѣ ученаго міра и, безъ сомнѣнія, имѣютъ громадное культурно-національное значеніе.

Въ настоящемъ очеркѣ мы предлагаемъ краткое описаніе замѣчательныхъ археологическихъ открытій, сдѣланныхъ на территоріи древнѣйшей столицы Руси, «матери городовъ русскихъ».

Но прежде—нѣсколько словъ о топографіи древняго Кіева. Кіевъ въ до-татарскую эпоху имѣлъ три «города», т. е. укрѣпленія, или кремля. Расположеніе этихъ «городовъ» совершенно точно опредѣляется позднѣйшими планами Кіева, такъ какъ всѣ «валы» его сохранялись до тридцатыхъ годовъ минувшаго столѣтія, когда, по повелѣнію императора Николая I, они были срыты.

Древнѣйшее укрѣпленіе Кіева называлось «городомъ Владимира». Безъ сомнѣнія, это укрѣпленіе существовало уже при первыхъ варяжскихъ князьяхъ, а можетъ быть, и раньше. По мнѣнію покойнаго проф. В. Б. Антоновича, возникло оно въ каче-

ствѣ княжеской цитадели, господствовавшей надъ Подоломъ, гдѣ собственно и находился древнѣйшій Кіевъ, лежавшій на берегу великаго пути изъ «варягъ въ греки». Называлось же оно «городомъ Владимира» по имени послѣдняго князя (Владимира Святого), «сидѣвшаго» въ немъ. «Городъ Владимира» находился въ районѣ нынѣшней Десятинной церкви и занималъ высокую, неприступную часть высотъ Кіева, ограниченныхъ съ двухъ сторонъ обрывами этихъ высотъ, обращенными къ Подолу и Днѣпру, а съ третьей стороны—громадными оврагами Гончарнымъ и Кожемякскимъ. Только одной стороной «городъ Владимира» соприкасался съ остальной площадью старокіевского плато. И именно съ этой стороны онъ подвергался всеѣмъ ударамъ внѣшнихъ враговъ. «Городъ Владимира», обнесенный съ всеѣхъ сторонъ валами и рвами, былъ очень скромнъ по своимъ размѣрамъ: діаметръ его составлялъ отъ 180 до 230 сажень. На этомъ клочкѣ земли

Древне-языческое капище.

сосредоточивалась вся политическая жизнь древнѣйшей Руси. Здѣсь жили князья Олегъ, Ольга, Святославъ, Владимиръ.

Ярославу Мудрому было тѣсно въ «городѣ» его отца, было душно въ старомъ великокняжескомъ дворцѣ. Да и Русь при немъ была уже не та: она расширилась и окрѣпла. Ярославъ значительно расширилъ укрѣпленія Кіева, пристроивъ къ старому «городу» новый кругъ укрѣплений, образовавшихъ «городъ Ярослава». Въ центрѣ этого новаго «города» онъ соорудилъ величественный Софійскій соборъ, а подлѣ него построилъ новый великокняжескій дворецъ. Главный вѣздъ въ «городъ Ярослава» велъ черезъ «Золотыя ворота», остатки которыхъ сохранились донынѣ. Когда въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія сняли валы Ярослава, то на мѣстѣ валовъ возникло нѣсколько новыхъ улицъ, въ томъ числѣ Большая Подвальная и Малая Подвальная.

Еще позже, когда великій князь Святополкъ II основалъ Михайловскій монастырь и обнесъ его валомъ, примыкавшимъ однимъ

концомъ къ «городу Владимира», а другимъ—къ «городу Ярослава», возникъ третій «городъ»—«городъ Святополка».

Всѣ эти три «города» составляли одну систему укрѣпленій, причемъ «городъ Владимира» по отношенію къ этой системѣ игралъ роль цитадели.

Валы всѣхъ трехъ кievскихъ «городовъ» сохранились въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ, несмотря на всѣ превратности судьбы, какія выпали на долю многострадальнаго Кіева. Хотя въ эпоху польско-литовскаго владычества административный центръ и замокъ находились на горѣ Киселевкѣ, одиноко возвышающейся на Подолѣ и принадлежащей нынѣ Флоровскому монастырю, но и старыя кievскія укрѣпленія никому не было охоты разрушать. Они лежали забытыя и заброшенныя, а внутри ихъ возвышались развалины древнихъ кievскихъ церквей. Послѣ Андрусовскаго договора московскіе воеводы занялись капитальнымъ исправленіемъ древнихъ укрѣпленій. Петръ Великій оставилъ ихъ и приказалъ построить новую крѣпость вдали отъ «стараго» Кіева—на Печерскѣ. Однако фельдмаршалъ Минихъ отнесся къ дѣлу иначе: онъ обновилъ старокievскія укрѣпленія и пристроилъ къ нимъ четырехугольникъ новыхъ укрѣпленій. Послѣднія шли по нынѣшнимъ улицамъ Бульварно-Кудрявской и Гоголевской и по обрыву горъ отъ Покровскаго монастыря до Кудрявца. Расположеніе всѣхъ этихъ укрѣпленій прекрасно указано на планахъ Кіева даже начала ХІХ вѣка.

Но то, что сохранили вѣка и всѣ бури историческихъ невзгодъ, то 70 лѣтъ назадъ варварски уничтожено рукой человѣка.

II.

Усадьба М. М. Петровскаго, въ которой В. В. Хвойкой произведены обширныя раскопки, лежитъ въ районѣ «города Владимира», т. е. въ древнѣйшемъ изъ трехъ кievскихъ «городовъ». Площадь этой усадьбы составляетъ около трехъ десятинъ. Съ двухъ сторонъ—съ сѣверной и западной—она примыкаетъ къ усадьбѣ Десятинной церкви. Уже одно то обстоятельство, что обширная усадьба г. Петровскаго примыкаетъ къ территоріи первой христіанской церкви, построенной Владимиромъ Святымъ послѣ его крещенія въ Корсуни, и что лежитъ она какъ разъ на той окраинѣ «города Владимира», которая обрывается къ Подолу, т. е. занимаетъ наиболѣе неприступный край древняго «города Владимира»,—уже одно это придавало названной усадьбѣ большой археологическій интересъ. Къ сожалѣнію, до позднѣйшаго времени никто изъ ученыхъ кievскаго университета и духовной академіи не поинтересовался усадьбой г. Петровскаго. Правда, въ ней раньше въ разное время производились раскопки (Анненковымъ, Муравье-

вымъ и другими), но то были раскопки любительскія, или хищническія. Надо удивляться и радоваться той счастливой случайности, благодаря которой трехдесятилетняя усадьба, лежащая въ самомъ центрѣ города, до сихъ поръ не застроена, такъ что памятники старины, находящіеся въ ней, еще не окончательно погибли для науки и русскаго народа.

В. В. Хвойка до 1907 года занимался исключительно археологическими изслѣдованіями въ области доисторической археологіи. Имъ открыта и изслѣдована знаменитая стоянка первобытнаго человѣка въ Кіевѣ, на Кирилловской улицѣ, открыта совершенно новая высокая культура, такъ называемая, трипольская или площадочная (конца каменнаго и начала мѣднаго вѣка), произведено множество раскопокъ и изданъ рядъ трудовъ, посвященныхъ скифо-славянскимъ древностямъ и т. д. Раскопками въ усадьбѣ г. Петровскаго г. Хвойка занялся случайно: однажды онъ, осматривая обрывы горъ, въ обнаженіи сръза верхней части усадьбы г. Петровскаго замѣтилъ древній фундаментъ, состоящій изъ камней краснаго гранита. Это послужило толчкомъ для неутомимаго изслѣдователя старины, и онъ занялся изученіемъ топографіи древняго Кіева. Придя къ убѣжденію, что усадьба г. Петровскаго занимаетъ главнѣйшую часть территоріи «города Владимира», В. В. Хвойка уже не могъ успокоиться. И вотъ, воспользовавшись разрѣшеніемъ г. Петровскаго, человѣка просвѣщеннаго, г. Хвойка принялся за раскопки и съ головой ушелъ въ нихъ.

Раскопки велись непрерывно въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1907 и 1908 гг. и, какъ уже сказано, дали богатѣйшіе результаты. Открыто такъ много, что для изученія открытаго, какъ замѣтилъ на XIV всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ проф. И. А. Линниченко, потребуется много труда и времени многихъ лицъ. А профессора Покровскій и Айналовъ тогда же указали, что открытія г. Хвойки создаютъ новую эру въ русской археологіи.

Прежде всего, въ усадьбѣ г. Петровскаго найдены всѣ эпохи и культуры, начиная отъ неолитической (землянки и предметы трипольской культуры), всѣ эпохи металловъ, славянскія эпохи и, наконецъ, великокняжеская. Жизнь здѣсь продолжалась непрерывно въ теченіе многихъ тысячелѣтій, оставивъ намъ рядъ культурныхъ наслоеній.

Затѣмъ г. Хвойкой открыты многочисленныя древнія мастерскія, съ многочисленными орудіями производства и готовыми и неготовыми издѣліями. Мастерскія эти имѣютъ громадное значеніе для исторіи русскаго искусства. Открыты слѣдующія мастерскія: 1) мастерская издѣлій изъ камня (мрамора, шифера, гранита и т. д.); 2) изразцовая мастерская; здѣсь же найдены великолѣпные изразцы съ эмалью и еще безъ эмали и куски эмали съ приборами для примѣненія ея; такіе точно изразцы были найдены при

раскопкахъ развалинъ Десятинной церкви и въ Софійскомъ соборѣ; 3) мозаичная мастерская; 4) ювелирная мастерская, причемъ найдены двѣ печи для плавленія цѣнныхъ металловъ; здѣсь же найдена коллекція изящныхъ формъ изъ камня для отливанія крестовъ-энколпіоновъ, колтовъ, серегъ и другихъ издѣлій изъ золота и серебра.

Оставляя въ сторонѣ множество погребеній разныхъ эпохъ, открытыхъ въ усадьбѣ (при этомъ найдено много интересныхъ предметовъ), укажу на открытіе чрезвычайно древняго и таинственнаго сооруженія, находящагося у сѣверо-западной границы усадьбы Десятинной церкви. Это загадочное сооруженіе — небольшое, каменное. Форма его — круглая, слегка вытянутая въ овалъ, при діаметрѣ около 6 аршинъ. Постройка имѣетъ четыре выступа по сторонамъ. Внутренняя площадь круга выложена камнями, и вокругъ постройки сдѣланъ накатъ изъ глины. Громадная толщина культурнаго слоя, наростаго надъ фундаментами загадочной постройки, а также то обстоятельство, что камни сложены на простой глиняной подмазкѣ (значить, строители открытой постройки еще не знали примѣненія извести), заставляютъ отнести постройку къ глубокой древности, къ языческой эпохѣ. То же обстоятельство, что у западной стороны постройки открыто большое кострище, съ массой костей разныхъ животныхъ вокругъ, позволяетъ думать, что открытая древняя постройка имѣла религіозное значеніе. Быть можетъ, это было капище языческаго бога, которому здѣсь наши предки приносили жертвы.

Большой интересъ, особенно для военныхъ, представляютъ остатки вала древняго «города Владимира», сохранившіеся въ усадьбѣ г. Петровскаго, и подземная галерея (разумѣется, давно совершенно осыпавшаяся), шедшая подъ валомъ и, очевидно, представлявшая потайной выходъ изъ кремля. Точную съемку этой галереи и остатковъ вала произвели члены кіевскаго отдѣла военно-историческаго общѣства. Исслѣдованіе же вала, произведенное г. Хвойкой, позволяетъ отнести первоначальное сооруженіе его къ эпохѣ не позже половины IX вѣка.

III.

Наибольшій и глубочайшій интересъ представляютъ однако открытые остатки древней постройки, единогласно признаваемой учеными остатками великокняжескаго дворца эпохи, предшествовавшей Ярославу Мудрому.

Фундаменты дворца открыты въ томъ возвышенномъ углу усадьбы, который примыкаетъ одной стороной къ усадьбѣ Десятинной церкви, а другой — къ Владимирской улицѣ. Открытые фундаменты, сложенные изъ краснаго гранита на извести, пред-

ставляютъ собой лишь часть фундаментовъ находившагося здѣсь богатаго зданія. Остальная часть фундаментовъ безслѣдно уничтожена во время планировки нижней части усадьбы при владѣльцѣ Муравьевѣ (тогда же дворъ усадьбы былъ вымощенъ краснымъ гранитомъ изъ фундаментовъ великокняжескаго дворца) и во время прорѣза нижней части Владимирской улицы и верхней части Андреевскаго спуска въ 1715 году при губернаторѣ князѣ Голицынѣ.

Кромѣ фундаментовъ, открыты остатки цементнаго пола нижняго этажа постройки (дворецъ, повидимому, былъ двухъэтажный), множество кусковъ штукатурки съ фресками, обломки лутокъ для оконъ изъ лиловаго шифера, обломки карнизовъ изъ мрамора и лабрадора, плитки изъ порфира и т. д.

Что открытые остатки постройки—остатки дворца, это не подлежитъ сомнѣнiю. Правда, какъ только сдѣлано было это открытiе, профессоръ кievской духовной академiи Н. И. Петровъ высказалъ мысль, что это—остатки древней церкви. Но это мнѣнiе со-

Остатки фундаментовъ и цементнаго пола великокняжескаго дворца.

вершенно опровергается тѣмъ, что, во-первыхъ, планъ постройки—явственно гражданскій, а не церковный, во-вторыхъ, постройка шла съ сѣвера на югъ, а не съ запада на востокъ, въ-третьихъ, обломки фресокъ, въ большомъ количествѣ найденныхъ между фундаментами и подлѣ нихъ, всеми знатоками, осматривавшими ихъ, и въ томъ числѣ такимъ авторитетомъ, какъ академикъ Н. П. Кондаковъ, согласно признаны безусловно гражданскими, а не церковными фресками. Впрочемъ, самъ проф. Н. И. Петровъ на археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ не настаивалъ на своемъ первоначальномъ предположенiи.

Но если открытые фундаменты—не остатки церкви, то остается признать, что это—остатки дворца. Въ пользу этого положенiя съ полной убѣдительностью говоритъ и рядъ другихъ данныхъ и прежде всего—характеръ мѣстности, ея неприступность. Зданiе, остатки котораго нынѣ открыты, возвышалось на крайнемъ выступѣ горъ. Этотъ выступъ, лежа на 42 сажени выше уровня Днѣпра, господствуетъ не только надъ разстилающимся внизу Подоломъ, но и надъ всей прилегающей мѣстностью. Горизонтъ съ

этого выступа открытъ далеко на три стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ пунктъ лежитъ на противоположной сторонѣ «города Владимира», считая отъ воротъ, выведившихъ изъ него на прилегающее съ юго-запада плато (гдѣ впослѣдствіи возникъ «городъ Ярослава»). Положеніе княжескаго дворца въ наибольшемъ отдаленіи отъ этихъ воротъ вполне естественно и необходимо, такъ какъ только со стороны указаннаго плато «городъ Владимира» могъ подвергаться нападеніямъ враговъ. При этомъ остатки дворца приходится какъ разъ противъ мѣста древнихъ Владимировыхъ воротъ, которыя находились на углу пересѣченія нынѣшнихъ Владимирской и Большой Житомирской улицъ. Интересно, что развалины этихъ воротъ сохранялись въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, и только въ XVIII вѣкѣ онѣ, по распоряженію одного изъ кievскихъ комендантовъ, были разобраны, такъ какъ коменданту для какихъ-то хозяйственныхъ цѣлей понадобился кирпичъ. Лѣтъ около 20 назадъ въ этомъ самомъ мѣстѣ при рытвѣ траншеи для прокладки какихъ-то трубъ были найдены очень древніе фундаменты, которые и теперь находятся подъ мостовой. Богатство матеріала, изъ котораго было возведено зданіе, его богатыя украшенія (фрески, порфиры, мраморы, лабрадоръ и т. д.) и, наконецъ, самый характеръ кладки фундаментовъ, изобличающій ихъ глубокую древность,—все это рѣшаетъ вопросъ въ пользу того, что это былъ великокняжескій дворецъ.

Говоря объ украшеніяхъ дворца, нельзя не упомянуть о чрезвычайно интересной плиткѣ съ фигурой-монограммой, весьма напоминающей ту фигуру, которая находится на оборотной сторонѣ монетъ св. Владимира. Плитка эта найдена подлѣ фундаментовъ, вмѣстѣ съ дверными лутками. Присутствіе извести на оборотной сторонѣ ея доказываетъ, что она была прикрѣплена куда-то, быть можетъ, къ фронтому дворца, въ видѣ украшенія. Что это за фигура, трудно сказать. Самъ В. В. Хвойка высказываетъ мнѣніе, что это монограмма Владимира Святого или гербъ Рюриковичей.

Кстати, здѣсь умѣстно будетъ вспомнить о тѣхъ двухъ мѣдныхъ статуяхъ и четырехъ коняхъ, которые, по сказанію лѣтописца, были привезены Владимиромъ изъ Корсуни. До сихъ поръ разсказъ лѣтописи понимали въ томъ смыслѣ, что князь Владимиръ привезенныя статуи поставилъ предъ Десятинной церковью.

Раскопки г. Хвойки съ полной ясностью показали, что такое пониманіе соотвѣтственнаго текста лѣтописи было совершенно ошибочно. Дѣло въ томъ, что во времена преподобнаго Нестора того дворца, остатки котораго нынѣ найдены, давно уже не было.

Раскопки показали, что дворецъ погибъ отъ пожара, и это даетъ полное основаніе думать, что онъ погибъ отъ того самаго пожара, происшедшаго вскорѣ послѣ смерти Владимира, отъ котораго пострадала и стоявшая рядомъ съ дворцомъ Десятинная церковь (въ 1017 году).

Ярославъ Мудрый Десятинную церковь возобновилъ, а дворца не возобновлялъ, построивъ новый, болѣе обширный дворецъ въ районѣ Софійскаго собора. Итакъ, стараго великокняжескаго дворца при Несторѣ уже не было, но мѣдныя статуи стояли, и стояли онѣ, по словамъ лѣтописца, «за Святой Богородицей», т. е. за Десятинной церковью. Что значить это «за»? И откуда исходилъ Несторъ при опредѣленіи направленія мѣстности? Очень просто: Несторъ исходной точкой бралъ западную сторону Десятинной церкви, такъ какъ именно на этой сторонѣ былъ главный входъ въ церковь и здѣсь, передъ церковью, находилась торговая пло-

Братская могила, въ которой найденъ запрестольный крестъ древней Десятинной церкви, и этотъ крестъ (лицевая и обратная сторона).

щадь «Бабинъ торжокъ». Отсюда ясно, что если статуи стояли «за» Десятинной церковью, то это значить, что онѣ стояли позади ея, т. е. за восточной, алтарной стороной церкви. Но именно за восточной и сѣверо-восточной стороной Десятинной церкви и открыты фундаменты древняго дворца. Это ясно показываетъ, что привезенныя изъ Корсуни произведенія греческой скульптуры Владимиръ Святой поставилъ передъ своимъ дворцомъ. Это служитъ лишнимъ доказательствомъ того, что открытые фундаменты остатки дворца. Наконецъ, въ правильности такого вывода убѣждаетъ насъ и близость открытыхъ фундаментовъ отъ фундаментовъ древней

Десятинной церкви (всего около 10 саж.), которая вѣдь была придворной церковью и, надо полагать, была соединена крытымъ ходомъ-галереей съ дворцомъ Владимира, подобно тому, какъ позже дворецъ Ярослава былъ соединенъ съ Софійскимъ соборомъ.

Къ западу отъ описанныхъ фундаментовъ найдены каменные фундаменты другой, меньшей постройки, также съ множествомъ обломковъ фресокъ. Къ сожалѣнію, раскопки этихъ фундаментовъ только начаты и не могли быть продолжены, такъ какъ продолженіе фундаментовъ идетъ въ другую усадьбу (г. Слюсаревскаго). На основаніи данныхъ лѣтописи (главнымъ образомъ, рассказъ объ убійствѣ Игоря), можно предположить, что это былъ дворецъ Мстислава («Мстиславовъ дворъ»).

IV.

Среди фундаментовъ великокняжескаго дворца во время раскопокъ была открыта обширная братская могила временъ взятія Кіева Батыемъ. Погребено въ ней нѣсколько сотъ человекъ разныхъ возрастовъ. Есть много дѣтей. Черепа многихъ покойниковъ разсѣчены острымъ оружіемъ. Поверхъ груди скелетовъ лежалъ татаринъ, тоже съ разсѣченной головой. На днѣ могилы найденъ большой желѣзный византійскій запрестольный (или «церемональный») крестъ, по опредѣленію специалистовъ, относящійся къ концу X вѣка. На крестѣ изображеніе св. Ѳеодора, т. е. того мученика варяга, на мѣстѣ мученической кончины котораго была построена Владимиромъ Святымъ Десятинная церковь. Изъ этого видно, что найденный крестъ большая святыня: это запрестольный крестъ древней Десятинной церкви, современникъ крещенія Руси, быть можетъ, свидѣтель и, такъ сказать, участникъ этого величайшаго событія.

Что это за могила? И какимъ образомъ въ нее попалъ указанный крестъ?

«Городъ Владимира» по отношенію къ остальнымъ укрѣпленіямъ древняго Кіева, какъ выше было объяснено, игралъ роль цитадели. Когда татары полчищъ Батыя овладѣли «городомъ Ярослава», настала очередь «города Владимира». Здѣсь кіевляне долго и упорно оборонялись, но наконецъ силы ихъ были сломлены. Тогда послѣдніе защитники Кіева, какъ рассказываетъ лѣтописецъ, заперлись съ женами и дѣтьми въ Десятинной церкви и тамъ оказали врагу послѣднее сопротивление. Какъ извѣстно, стѣны и своды церкви не выдержали тяжести переполнившихъ ее кіевлянъ, и церковь рухнула, послѣ чего спасавшіеся въ ней кіевляне были перебиты татарами. Повидимому, открытая братская могила и есть могила этихъ послѣднихъ защитниковъ Кіева. Въ могилу ихъ, какъ новыхъ мучениковъ, былъ положенъ запрестольный крестъ съ изображеніемъ русскаго христіанина-первомученика.

V.

Къ какому времени можетъ быть отнесена постройка того дворца, остатки котораго нынѣ открыты?

Нѣкоторые полагаютъ, что постройка эта не могла быть древнѣе Ольги Святой, такъ какъ до временъ этой мудрой правительницы, лично побывавшей въ Царьградѣ, на Руси будто бы не знали примѣненія извести при постройкахъ. Но съ такимъ же правомъ можно допустить, что сооруженіе древнѣйшаго великокняжескаго дворца въ Кіевѣ относится ко временамъ Олега. Этотъ вѣщій богатырь былъ человѣкъ широкаго размаха. Онъ закончилъ объединеніе всѣхъ русскихъ племенъ и во главѣ всѣхъ русскихъ дружинъ совершилъ удачный походъ на Царьградъ, взявъ обильную дань. Разумѣется, Олега привлекало не одно византійское золото. Всѣ другія блага культуры, и въ томъ числѣ удобства жизни, тоже играли не послѣднюю роль. Трудно допустить, чтобы Олегъ, извѣдавъ, какъ живутъ греки, продолжалъ жить въ убогой хижинѣ. Поэтому увѣренность нашего знаменитаго историографа Соловьева въ томъ, что уже при Олегѣ въ Кіевѣ былъ каменный дворецъ, должна быть признана серьезно обоснованной.

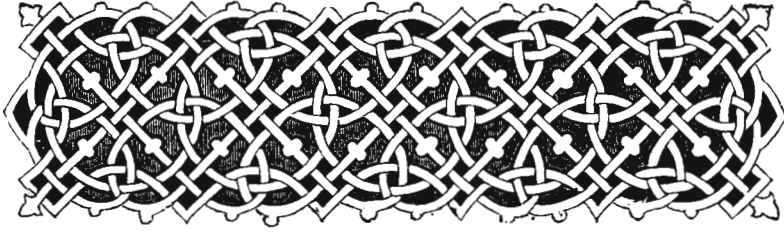
Какъ бы то ни было, но открытые остатки великокняжескаго дворца представляютъ собой великую драгоценность, настоящую святыню для русскаго народа. Вѣдь въ этомъ дворцѣ жили Ольгавятая, Святославъ, Владимиръ Святой, т. е. люди, создававшіе Русь и ея величіе. Эти фундаменты—нѣмые свидѣтели той лучезарной эпохи, которая воспѣта въ былинахъ о Владимирѣ Красномъ Солнышкѣ и его богатыряхъ.

Совершенно вѣрно указалъ на сѣздѣ въ Черниговѣ проф. Линниченко, что усадьба г. Петровскаго—это русскій Капитолій, русскій форумъ. И эта усадьба принадлежитъ частному лицу. Неужели это такъ можетъ оставаться? Неужели русскіе люди могутъ допустить, чтобы величавые памятники родной старины, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшіе, на нашихъ глазахъ дождались окончательнаго своего разрушенія? Вѣдь владѣлецъ усадьбы или его будущіе правопреемники во всякое время могутъ построить домъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находятся фундаменты великокняжескаго дворца, и тогда эти величавые остатки старины навсегда погибнутъ.

Всероссійскій археологическій сѣздъ, состоявшійся въ Черниговѣ, постановилъ ходатайствовать предъ Верховной властью о томъ, чтобы усадьба г. Петровскаго была приобрѣтена въ государственную собственность, и чтобы находящіяся въ ней памятники родной старины были тщательно охранены. Позже такое же ходатайство возбудилъ кievскій «Клубъ русскихъ націоналистовъ».

Остается горячо пожелать, чтобы эти ходатайства были удовлетворены.

А. И. Савенко.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Сборникъ черниговскаго епархіального древлехранилища. I.
Черниговъ. 1908. Ц. 1 р.**

МАЗВАННЫЙ «Сборникъ» изданъ «въ память тысячелѣтія г. Чернигова 1908 г. 6 августа» и составленъ изъ статей, печатавшихся въ теченіе первой половины 1908 г. въ «Черниговскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Содержаніе его составляютъ: 1) «Слово», сказанное извѣстнымъ Стефаномъ Яворскимъ при погребеніи Θεодосія Углицкаго, архіепископа черниговскаго, — въ точной копіи собственноручной черновой рукописи Стефана Яворскаго, хранящейся въ архивѣ святѣйшаго синода и изобилующей половизмами (сообщилъ свящ. К. Карпинскій); 2) то же «Слово» въ переводѣ на современный русскій языкъ П. Н. Лебедева; 3) «Черниговскіе канедральные соборы—Златоверхій, Спасопреображенскій и Борисоглѣбскій, священно-историческіе памятники-храмы XI вѣка, ихъ прошлое и современное состояніе», свящ. А. Ефимова; 4) «Гдѣ находились старинные, не существующіе нынѣ, храмы г. Чернигова», П. М. Добровольскаго, и 5) «Вознесенская единовѣрческая церковь въ п. Клиничяхъ Суражскаго уѣзда», свящ. І. Чередникова.

Въ предисловіи къ «Сборнику» предсѣдатель церковно-археологической комиссіи счелъ нужнымъ заявить, что «Сборникъ» этотъ «не систематиченъ по составу, не глубоко по содержанію». Вполнѣ присоединяясь къ этому заявленію, я могу только добавить, что незначѣмъ было и «спѣшить» съ его изданіемъ спустя два мѣсяца послѣ юбилея и XIV археологическаго съѣзда, не воспользовавшись при томъ ни однимъ изъ докладовъ, читавшихся на съѣздѣ.

Особенно бросается въ глаза послѣднее обстоятельство при чтеніи витіеватаго произведенія свящ. А. Ефимова, взявшагося за перо «съ благословенія преосвященнаго нашего архиепископа, съ упованіемъ на помощь Божію и молитвенное предстательство великаго угодника Божія святителя Феодосія». Изслѣдуемые имъ «священно-историческіе памятники-храмы XI вѣка» — Спасопреображенскій и Борисоглѣбскій соборы (послѣдній соборъ, кстати сказать, заложенъ въ 20-хъ годахъ XII столѣтія) — остались безъ всякаго освѣщенія тѣми новыми и положительными данными, которыя столь щедро были представлены въ докладахъ-изслѣдованіяхъ: Ѳ. Ѳ. Горностаева, Д. В. Айналова, Г. Г. Павлуцкаго и др. А послѣ доклада проф. М. Н. Бережкова, выполнѣ поддержаннаго такимъ знатокомъ христіанскихъ древностей, какъ проф. Н. В. Покровскій и проф. Н. И. Петровъ, совершенно лишнею является цѣлая глава «труда» свящ. А. Ефимова о «красномъ теремѣ при Спасопреображенскомъ соборѣ» (съ 17 по 24 стр.). Въ то же время въ этомъ «трудѣ» читатель не найдетъ почти ничего или очень мало о богатомъ содержаніи ризницъ и библиотекъ соборовъ.

Далѣе, помѣщеніе въ общемъ «сборникѣ» «Слова» Стефана Яворскаго, занимающаго въ немъ треть всего его историческаго матеріала и разъ уже отдѣльно напечатаннаго, врядъ ли можетъ оправдываться лишь однимъ «цѣннымъ» и «безспорнымъ» указаніемъ смерти Феодосія Углицкаго — 7-го, а не 5-го февраля.

Гораздо болѣе удовлетворительное впечатлѣніе производятъ работы: П. М. Добровольскаго «Гдѣ находились старинные, не существующіе нынѣ, храмы гор. Чернигова» и свящ. І. Чередникова — «Вознесенская единовѣрческая церковь въ п. Клинцахъ Суражскаго уѣзда».

Вслѣдъ за этими работами помѣщены: «Учрежденіе черниговскаго епархіальнаго древлехранилища», «Описаніе вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ черниговскаго епархіальнаго древлехранилища» и «Журналъ церковно-археологической комиссіи» при названномъ древлехранилищѣ, № 1-й, изъ котораго мы узнаемъ, что древлехранилище и церковно-археологическая комиссія при немъ начали свое существованіе лишь съ конца 1907 года. О томъ, какъ составилось это древлехранилище и что изъ него вышло, мы уже говорили на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ своей статьѣ: «XIV археологическій съѣздъ и тысячелѣтіе города Чернигова» (1908 г., № 10), и здѣсь намъ остается только пожалѣть, что черниговская церковно-археологическая комиссія, задаваясь цѣлью описать и обследовать по преимуществу рукописные матеріалы церквей и монастырей черниговской епархіи, выступила съ подобнымъ первымъ опытомъ своихъ работъ и пожелала скрыть дѣйствительно богатыя свои новыя церковно-историческія сокровища въ стѣнахъ отдаленнаго семинарскаго зданія, отдѣлившись отъ мѣстной архивной комиссіи и отъ ея общественнаго музея древностей.

В. Рудаковъ.

Древности восточныя. Труды восточной комиссіи императорскаго московскаго археологическаго общества, изданные подъ редакціей д. ч. М. В. Никольскаго. Томъ III, вып. II. Спб. 1908.

Въ настоящій выпускъ входитъ почтенный трудъ извѣстнаго ассириолога М. В. Никольскаго. Имъ изучена и издана коллекція глиняныхъ таблеть съ клинообразными текстами Н. П. Лихачева, поставившаго себѣ задачей собрать оригинальные образцы печатей и письма изъ разныхъ эпохъ Халдеи. Ему удалось приобрести значительное число таблеть, открытыхъ въ Месопотаміи (Телло) французомъ Эрнестомъ де-Сарзеккомъ, изъ нихъ древнѣйшій архивъ документовъ восходитъ къ 4000 г. до Р. Хр. Матеріаль, нынѣ изданный М. В. Никольскимъ, даетъ возможность проникнуть въ социально-экономическія отношенія столь отдаленной эпохи. Особенный интересъ представляютъ памятники древнѣйшаго періода царей и патеси Ширпуры. Большая часть касается земледѣлія и скотоводства, главнѣйшихъ отраслей хозяйства древней Халдеи; сюда относятся реестры обрабатываемыхъ полей, записи количества засѣваемого и получаемого зерна, реестры многочисленныхъ стадъ, записи выдачи и приѣма скота, не менѣе интересны документы, относящіеся до содержанія храмовъ, посвященныхъ различнымъ божествамъ Халдеи и другихъ священныхъ мѣстъ и лицъ. Распоряженіе домашнимъ хозяйствомъ находилось въ рукахъ самого патеси, или царя, но большею частью распорядительницами, на правахъ собственности, являются жены патеси, изъ чего слѣдуетъ заключить, что по отношенію къ владѣнію собственностью и распоряженію домашнимъ хозяйствомъ женщины этой архаической эпохи были не только равноправны съ мужчинами, но играли въ царскомъ хозяйствѣ преимущественную роль. Языкъ этихъ памятниковъ не семитскій языкъ Вавилоніи и Ассиріи, а такъ называемый сулирійскій, принадлежащій первоначальному обитателямъ Месопотаміи несемитской расы. Поэтому особенно трудно установить значеніе идеографическихъ знаковъ и ихъ комбинацій, ибо лишь нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ эквивалентъ въ ассиро-вавилонскихъ текстахъ. М. В. Никольскій автографически воспроизвелъ изданные имъ памятники и снабдилъ научнымъ аппаратомъ, доступнымъ лишь его широкой эрудиціи.

А. X.

А. Спицынъ. Археологическія развѣдки. Спб. 1908.

Извѣстна истина, что чѣмъ культурнѣе народъ, тѣмъ онъ больше дорожитъ памятниками своей старины. У насъ, въ Россіи, памятники древности большею частью въ забросѣ, но нельзя не отмѣтить, что и интересъ къ нимъ и степень заботливости объ нихъ возросли за послѣднее полустолѣтіе въ русскомъ обществѣ въ значительной степени.

При всемъ томъ громадное множество интереснѣйшихъ памятниковъ съдой старины остаются у насъ еще въ полной неизвѣстности, иные—расхи-

пцаются. Въ Семипалатинской области встрѣчаются, напримѣръ, старинныя погребенія въ особыхъ помѣщеніяхъ, вырубленныхъ въ скалахъ; погребенія эти очень богатые. Ни одно изъ нихъ нигдѣ еще не описано; туземцы же хищнически грабятъ ихъ (стр. 33).

Въ Россіи найдется, конечно, немало лицъ, которыя будутъ рады поработать для изученія родной старины—разысканіемъ и описаніемъ, а иногда и раскопками тѣхъ или иныхъ памятниковъ древности. Очень многимъ не хватаетъ для этого только одного—необходимыхъ познаній, какъ начать и какъ вести дѣло. На помощь такимъ-то лицамъ и приходитъ императорская археологическая комиссія, которая издала популярную книжку своего члена, А. А. Спицына. Заглавіе этой книжки мы выписали выше. Въ ней кратко, но живо изложены всѣ необходимыя руководственныя указанія къ разысканію нашихъ древностей. Обиліе хорошихъ рисунковъ въ текетѣ (110 нумеровъ) дѣлаетъ изложеніе нагляднымъ. Дешевая цѣна (40 коп.) дѣлаетъ книжку доступною для всѣхъ.

Нельзя не пожелать этой полезной книжкѣ самаго широкаго распространенія въ нашей цубликѣ.

Д. З.

Труды черниговской губернской архивной комиссіи. Выпускъ седьмой. Подъ редакціей правителя дѣлъ П. М. Добровольскаго. Черниговъ. 1908.

Разсматриваемый нами VII выпускъ «Трудовъ» черниговской архивной комиссіи, изданный на память о XIV археологическомъ съѣздѣ въ Черниговѣ, представляетъ собою результатъ трехлѣтней дѣятельности членовъ комиссіи, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые были и будутъ наиболѣе видными ея дѣятелями, съ П. М. Добровольскимъ во главѣ.

Въ первомъ отдѣлѣ выпуска находимъ очень цѣнное «Описаніе рѣкъ и рѣчекъ Черниговскаго полка въ 1754 году», напечатанное по рукописи, принадлежавшей покойному историку Старой Малороссіи А. М. Лазаревскому, который снабдилъ ее въ некоторыми примѣчаніями и намѣревался издать. Это «Описаніе», остававшееся неизвѣстнымъ до послѣдняго времени, обвиняетъ нынѣшніе уѣзды: Черниговскій, частію Городнянскій и Сосницкій, и по богатству и точности описательныхъ данныхъ оно настолько полно и картинно, что по нему легко можно возстановить направленіе и истоки всѣхъ водовѣстилицъ XVIII вѣка и путемъ сравненія опредѣлить ихъ прежнее положеніе и состояніе по отношенію къ современному. Кромѣ того, оно заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ и по исторіи владѣній въ XVIII столѣтіи и по генеалогіи черниговскихъ землевладѣльцевъ. Въ основу «Описанія» легли подлинныя «именныя вѣдомости», доставленныя въ полковую черниговскую канцелярію изъ сотенныхъ канцелярій и содержащія подробное описаніе рѣкъ и рѣчекъ по каждой полковой сотнѣ въ отдѣльности, за подшисью сотниковъ, есауловъ, атамановъ и писарей. Послѣ описанія рѣкъ и рѣчекъ сообщается: «какое на оныхъ рекахъ и речкахъ имѣется поселеніе, яко то мѣстечки, села, хутора, деревни, пасѣки, мельницы и прочіе знатные урочища».

Изъ другихъ «матеріаловъ» заслуживаютъ особаго вниманія: «Алфавитный списокъ церквей Черниговской епархіи» (съ указаніемъ времени постройки, строителя и въкоторыхъ другихъ данныхъ), составленный Е. А. Корноуховымъ, и сообщенная П. М. Добровольскимъ «Выписка изъ расходной книги Новгородсѣверскаго монастыря за 1777 годъ». Хотя эта «выписка изъ расходной книги», которую велъ игумень новгородсѣверскаго Спасо-Преображенскаго монастыря Евстафій Пальмовскій, относится лишь къ самому концу 1777 года, но тѣмъ не менѣе заключаетъ немало любопытныхъ и характерныхъ данныхъ, какъ для тогдашняго внутренняго быта вообще, такъ для монастырскаго въ особенности.

Среди изслѣдованій и статей находимъ: 1) «Къ тысячелѣтію города Чернигова. Краткій очеркъ исторіи Сѣверянской земли до 907 года», свящ. К. Т. Карпинскаго, придерживавшагося, главнымъ образомъ, изслѣдованій Д. Я. Самохвасова; 2) «Памяти В. Б. Антоновича», А. В. Верзилова; 3) «Воспоминанія» о немъ же—А. В. Верзилова (наиболѣе подробныя), В. І. Круковскаго и П. Я. Дорошенко, и 4) «Опытъ объясненія легенды объ «Ивиковыхъ журавляхъ», Ор. М. Янѣвича. Последняя работа съ болѣшимъ успѣхомъ могла бы войти въ какой-либо общій историко-литературный журналъ и уступить мѣсто «отложеннымъ до будущаго времени» спеціальнымъ трудамъ.

Вышеуказанное содержаніе VII выпуска «Трудовъ» черниговской комиссіи восполняется очень цѣнной работой гг. П. М. Добровольскаго, К. Т. Карпинскаго, Е. А. Корноухова, и Р. Р. Чарнецкаго, составившихъ «Указатель статей по исторіи, археологіи и этнографіи, помѣщенныхъ въ «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1638—1906 гг.». Кстати замѣтимъ, что едва ли не единственныя «Черниговскія Губернскія Вѣдомости» въ 1906 г. прекратили свое существованіе и замѣнены, хотя не вполне, новымъ органомъ—«Черниговское Слово». Не распространяясь здѣсь о пользѣ и необходимости составленія подобныхъ указателей вообще и выражая полнѣйшую признательность составителямъ настоящаго «Указателя», я въ то же время не могу не упрекнуть ихъ за полнѣйшую бессистемность, которая страшно затрудняетъ пользованіе «Указателемъ», особенно въ виду отсутствія отдѣльнаго къ нему указателя или списка именъ личныхъ. Болѣе всего они придерживались своего излюбленнаго способа цитированія статей по мѣрѣ ихъ печатанія въ «Вѣдомостяхъ», т. е. хронологическаго порядка, даже при перечнѣ некрологовъ, гдѣ какъ разъ этотъ-то способъ менѣе всего и годенъ; некрологи всюду и всегда перечислялись въ алфавитномъ порядкѣ. Раздѣленіе работъ по исторіи на «матеріалы» и «статьи» болѣе чѣмъ произвольное. Одни, напр., генеалогическія замѣтки отнесены къ «матеріаламъ», а другія къ «статьямъ», куда вошли и сообщенія о дворянскихъ гербахъ.

Въ заключеніе долженъ сказать, что и типографское исполненіе оставляетъ желать очень многого: оно стоитъ далеко позади многихъ даже уѣздныхъ типографій. Неужели, судя по отчету, на это могла повліять задолженность комиссіи губернскому управленію?

В. Рудаковъ.

Матеріалы военно-ученаго архива генеральнаго штаба. Отечественная война 1812 года. Отдѣлъ I. Переписка русскихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій. Томъ X. Подготовка къ войнѣ въ 1812 году (мартъ мѣсяць). Изд. главнаго управленія генеральнаго штаба. Цѣна 2 руб.

Приближающійся юбилей Отечественной войны понудилъ военно-ученый архивъ главнаго (а нынѣ генеральнаго) штаба начать изданіе своихъ богатыхъ матеріаловъ. Изданіе выходитъ выпусками, которыхъ нынѣ отпечатано свыше десяти. О значеніи и цѣнности этихъ документовъ говорить не приходится: оно понятно всякому.

Однако это же значеніе, эта же цѣнность военно-историческихъ матеріаловъ военно-ученаго архива заставляютъ высказать пожеланіе, чтобы указанные матеріалы издавались съ большею скоростью. До сихъ поръ документы еще не дошли до начала военныхъ дѣйствій, когда они приобретутъ исключительно-выдающійся интересъ. Нужно пожелать, чтобы эти документы второй половины двадцатаго года появились никакъ не позже 1909 года, дабы къ столѣтію войны они успѣли войти въ научный, историко-литературный оборотъ.

Нельзя также умолчать, что указатель не полонъ. Для примѣра укажу, что въ указатель пропущены все полки, наименованные на стр. 184. А разъ замѣченъ одинъ дефектъ, то указатель перестаетъ внушать довѣріе.

Въ частности, изъ документовъ отмѣчу письмо князя Багратіона генералу Барклаю-де-Толли, отъ 26 марта 1812 года. Благодаря Барклаю за исходатайствованіе подъемныхъ денегъ, Багратіонъ пишетъ: «Я всегда цѣнилъ ваше ко мнѣ благорасположеніе и желалъ показать мою взаимность, которая усугубится прежде, чѣмъ встрѣтится случай мнѣ обнаружить ее». Впоследствии, однако, Багратіонъ сталъ весьма отрицательно относиться къ Барклаю и его «отступательной тактикѣ».

Любопытенъ также рапортъ главнаго директора путей сообщенія принца Георгія Голштинскаго отъ 31 марта 1812 года. Инженеръ, генералъ-лейтенантъ Трузсонъ былъ назначенъ начальникомъ по инженерной части, при 1-й западной арміи. Между тѣмъ, будучи членомъ департамента водяныхъ коммуникацій и инспекторомъ Ивановскаго кавала, Трузсонъ очень запустилъ денежную часть; «нельзя о немъ судить съ той стороны, — писалъ принцъ Георгій, — чтобы онъ въ прежнемъ званіи инспектора водяныхъ коммуникацій соблюлъ все то, чего обязанность по службѣ отъ него требовала». Виолнѣ понятно, что принцъ заканчивалъ свой рапортъ вопросомъ, можетъ ли Трузсонъ «быть употребленъ къ столь важному назначенію по арміи».

М. Соколовскій.

Лѣтопись занятій императорской археографической комиссіи за 1907 г. Выпускъ двадцатый. Подъ редакціею правителя дѣлъ В. Г. Дружинина. Спб. 1908. 2 р. 50 к.

XX-й выпускъ «Лѣтописи занятій» заключаетъ въ себѣ большую работу академика А. А. Шахматова «Разысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ», имѣющую своей задачей возстановленіе текста этихъ сводовъ. Еще въ 1861 г. Костомаровъ въ своихъ «Лекціяхъ по русской исторіи» указывалъ на то, что изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» возможно выдѣлать «повѣсть древнихъ лѣтъ». «Возстановить эту древнюю повѣсть, по его словамъ, было бы возможно до нѣкоторой степени, но это было бы дѣло скорѣе художественное, чѣмъ ученое; и возстановителю пришлось бы руководствоваться скорѣе художественнымъ тактомъ, чѣмъ учеными доводами». Г. Шахматовъ, опираясь исключительно на ученые выводы, возстановливаетъ эту «древнюю повѣсть». Въ своемъ изслѣдованіи авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Первый русскій лѣтописный сводъ, который онъ называетъ Древнѣйшимъ Кіевскимъ сводомъ, былъ составленъ въ Кіевѣ около 1039 г., благодаря учрежденію митрополіи. Составитель его пользовался до времени св. Владимира мѣстными кіевскими преданіями, принявшими къ этому времени форму пѣсви, былины, затѣмъ письменными сказаніями о русскихъ святыхъ и о событіяхъ церковной жизни. Образцомъ, а также отчасти и источникомъ для него служилъ болгарскій лѣтописный сводъ. Время Ярославова княженія до 1039 г. описано составителемъ по припоминаніямъ бывшихъ событій, и въ этой части сводъ является вполне достовѣрнымъ историческимъ памятникомъ. Въ Новгородѣ въ 1050 г. было освященіе только что выстроенной церкви св. Софіи, и въ честь этого событія строители храма, князь Владимиръ и епископъ Лука, озаботились составленіемъ лѣтописнаго свода, которому г. Шахматовъ присваиваетъ названіе Древняго Новгородскаго. Источниками его послужили Древнѣйшій Кіевскій сводъ и Новгородская лѣтопись 1036 г. Въ 1073 г. подъ редакторствомъ іеромонаха Никона былъ составленъ лѣтописный сводъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, называемый изслѣдователемъ первымъ Кіево-Печерскимъ сводомъ. Начало его представляетъ копию съ Древнѣйшаго Кіевскаго свода, а вторая часть начинается со статьи о кончинѣ Ярослава, составленной по припоминаніямъ современниковъ, главнымъ образомъ самого Никона и монастырской братіи. Подъ 1062 г. въ этомъ сводѣ помѣщена обширная статья, излагающая исторію Кіево-Печерскаго монастыря. Впослѣдствіи къ нему была прибавлена статья о кончинѣ преп. Феодосія и погодныя записи вплоть до 1093 г. Около 1095 г. былъ составленъ второй Кіево-Печерскій сводъ, называемый г. Шахматовымъ Начальнымъ сводомъ. Этотъ сводъ объединяетъ въ себѣ текстъ перваго Кіево-Печерскаго свода и Кіевской лѣтописи, во-первыхъ, съ Древнимъ Новгородскимъ сводомъ и владичнею лѣтописью, во-вторыхъ, съ черниговскою лѣтописью и, въ-третьихъ, съ лѣтописаніемъ другихъ монастырей и городовъ. Поэтому Начальный сводъ можно считать первымъ общерусскимъ сводомъ. Составитель его пользовался также греческимъ хронографомъ, Параміиномъ, житіемъ св. Антонія и дру-

гими памятниками. Начальный сводъ составляетъ основаніе Повѣсти временныхъ лѣтъ (1116 г.), которая послужила источникомъ всѣхъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ. Къ работѣ г. Шахматова приложены тексты Древнѣйшаго Кіевскаго свода 1039 г., въ редакціи 1073 г., и Новгородскаго свода 1050 г. съ продолженіями до 1079 г., а также таблица, представляющая какъ бы генеалогическое древо нашихъ лѣтописныхъ сводовъ.

В. Т.—ій.

Путеводитель по музею псковскаго археологическаго общества съ четырьмя портретами и видомъ Поганкиныхъ палатъ. Псковъ. 1908.

Этотъ обстоятельно составленный Н. Ѳ. Казариновымъ путеводитель прекрасно знакомитъ посѣтителей музея не только съ древними предметами, находящимися въ немъ, но и съ исторіей псковскаго археологическаго общества, открывшагося въ 1880 году.

Большой заслугой общества были его заботы объ охранѣ мѣстныхъ памятниковъ старины, хотя и не всегда кончавшіяся успѣхомъ. Такъ, въ 1899 г. въ концѣ Казанской улицы подъ еврейской синагогой случайно были обнаружены развалины древней Рождественской церкви на Кетови. Общество произвело раскопки и озаботилось охраненіемъ открытыхъ развалинъ, предположеніе же соорудить на этомъ мѣстѣ хотя бы скромную часовню осталось не выполненнымъ.

Большую услугу оказали псковскому археологическому обществу Н. Ѳ. Фанъ-дерь-Флитъ и особенно его жена Елизавета Карловна. Она добилась въ 1900 г. передачи извѣстныхъ Поганкиныхъ палатъ въ собственность общества и, кромѣ того, она же реставрировала ихъ на свои средства, затративъ болѣе 20 тысячъ. Послѣ ея смерти остался капиталъ, изъ котораго, по ея завѣщанію, выдается ежегодно на содержаніе музея 1000 рублей.

Домъ, въ которомъ помѣщается музей, еще въ XVI вѣкѣ принадлежалъ богатѣйшимъ людямъ торговаго Пскова. Одинъ изъ потомковъ, Сергѣй Поганкинъ, въ 1645 г. владѣлъ во Псковѣ, кромѣ этого дома, 44 лавками, вмѣщавшими въ себѣ цѣлый гостинный дворъ.

«Поганкины палаты» это неуклюжее, очень обширное, плотно сложенное зданіе. Толстыя стѣны до 2³/₄ аршинъ, узкія маленькія окна, обширныя комнаты, гладкій фасадъ, слѣды солидныхъ затворовъ производятъ впечатлѣніе тюрьмы. Нужно быть страстнымъ археологомъ, чтобы восхищаться такими постройками. Такъ писалъ Полевой: но Погодинъ былъ въ восторгѣ, и это былъ восторгъ историка, увидѣвшаго хорошо сохранивннйся памятникъ минувшаго времени.

Изъ множества предметовъ, заполняющихъ теперь собой хоромы Поганкинскаго дома, нужно обратить вниманіе на нѣсколько жалованныхъ грамотъ псковичамъ, хотя въ числѣ ихъ и нѣтъ той знаменитой Псковской грамоты, изданной Мурзакевичемъ, этого юридическаго памятника XIII — XIV в., о которой Погодинъ писалъ, что это такой *medius terminus* между Правдою и

Уставомъ Іоанна III, что учевая юриспруденція наша, если бы была болѣе знакома съ древнимъ русскимъ правомъ, чѣмъ съ нѣмецкимъ, римскимъ и китайскимъ и если бы умѣла цѣнить его памятники, то обезумѣла бы отъ радости.

Въ числѣ надгробныхъ плитъ находится вынутая изъ стѣны соборнаго храма Спасо-Мирожскаго монастыря съ надписью крупной славянскою вязью въ превосходной сохранности: «Лѣта 7076 мѣсяца іюля въ 6 день преставися князь Дмитрій Андреевичъ, а во иноцѣхъ Діонисій, Булгаково - Куракинъ». Этотъ князь бояринъ Дмитрій, одинъ изъ славнѣйшихъ полководцевъ тогдашняго времени, находился въ разныхъ походахъ и съ 1565 г. былъ намѣстникомъ во Псковѣ.

Въ родословной князей Куракиныхъ, изданной М. П. Семевскимъ, въ приложеніи къ 1 книгѣ архива князя Ѳ. А. Куракина, годъ смерти князя Дмитрія показанъ 1570. Псковская надгробная плита документально восстанавливаетъ такимъ образомъ годъ смерти князя Дмитрія Куракина, послѣдовавшей въ 1568 году.

Спасо-Мирожскій монастырь, гдѣ былъ погребенъ Куракинъ, находится близъ Пскова. Онъ одинъ изъ древнѣйшихъ и былъ извѣстенъ уже въ XII вѣкѣ. Соборный храмъ сооруженъ въ XV вѣкѣ. Какъ ухитрился о. архимандритъ выломать эту плиту съ могилы Куракина, сказать затруднительно, но хорошо уже и то, что, выломавъ ее, онъ не употребилъ ее на лѣстницу или тротуаръ, какъ это дѣлается почти во всѣхъ древнихъ нашихъ обителяхъ, о чемъ такъ горячо печалится и августѣйшій издатель «Московского Некрополя.»

Въ заключеніе долженъ сказать, что путешественникъ по псковскому музею сдѣлавъ исполнѣ научно и составитель его, Н. Ѳ. Казариновъ, можетъ получить полную благодарность отъ всѣхъ посѣтителей этого историческаго музея.

А. Титовъ.

Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусскаго каноническаго права. Часть I. (Памятники XI—XV в.). Изданіе второе. Спб. 1908 г. Ц. 3 р.

Первое изданіе «Памятниковъ», напечатанное въ 1880 г. подъ редакціей профессора Павлова, стало въ настоящее время библиографическою рѣдкостью и продавалось по повышенной цѣнѣ, что и побудило археографическую комиссію сдѣлать новое изданіе этой книги. Второе изданіе воспроизводитъ безъ измѣненія первое; кромѣ того, въ него введены по предложенію профессора церковнаго права В. Н. Бенешевича семь дополненій, которыя помѣщены въ концѣ книги, такъ что порядокъ перваго изданія не нарушается ими. Въ составъ «Памятниковъ» вошли: 1) каноническіе отвѣты, поученія и посланія русскихъ митрополитовъ, архіереевъ и другихъ лицъ іерархіи, 2) акты и постановленія русскихъ соборовъ, 3) грамоты и соборныя постановленія константинопольскихъ патріарховъ, касающіяся русской церкви, 4) формы каноническихъ актовъ и 5) грамоты русскихъ и литовскихъ князей, греческихъ императоровъ и польскихъ князей относительно самостоятельности и единства русской митрополіи. Въ видѣ приложеній къ русскимъ памятникамъ напеча-

таны 46 греческихъ актовъ въ подлинномъ текстѣ и въ точномъ русскомъ переводѣ. Въ «дополненія» профессора Бенешевича вошли слѣдующіе акты: 1) Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II, 2) Поученіе повгородскаго архіепископа Іліи (Іоанна) 1166 г., 3) Отвѣты митрополита Іоанна II Іакову и епископа Никона Кирлику (въ изложениіи Гербершгейна на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, 4) Анонимное поученіе объ обязанностяхъ и качествахъ епископа (не позднѣе 1284 г.), 5) Грамота патріарха Антонія по дѣлу Пимена, 6) Грамота его же въ Новгородъ къ епископу, клиру и народу съ увѣщаніемъ подчиниться кievскому митрополиту и 7) Записи о поставленіи русскихъ епископовъ (1328 — 1347) на греческомъ языкѣ съ переводомъ, сдѣланнымъ г. Бенешевичемъ. Къ изданію приложены указатели: древнихъ реченій въ русскихъ памятникахъ, личныхъ именъ, предметовъ, рукописей, упомянутыхъ или использованныхъ въ текстѣ. Послѣдній указатель отсутствовалъ въ первомъ изданіи. Печатался настоящій томъ, исключая дополненій, подъ наблюденіемъ члена археографической комиссіи В. Г. Дружинина. В. Т.—ій.

Памятники древней письменности и искусства. CLXX. Отчеты о засѣданіяхъ императорскаго общества любителей древней письменности въ 1905—1907 г. Спб. 1908.

Настоящій выпускъ «Памятниковъ древней письменности и искусства» содержитъ отчеты за 2 года: 1905—6 и 1906—7 гг. Сначала идутъ «протоколы засѣданій комитета» (подъ предѣлательствомъ графа С. Д. Шереметова, въ составѣ членовъ: П. А. Бычкова, Н. К. Никольскаго, С. В. Смоленскаго, при бібліотекарѣ А. М. Вѣловѣ, секретарѣ и редакторѣ В. В. Майковѣ), потомъ— «протоколы ревизіонной комиссіи» и «протоколы общихъ собраній».

Засѣданій комитета въ 1905 — 1906 г. было 3, а въ 1906—7. было 7; засѣданій ревизіонной комиссіи было въ годъ по одному.

Общихъ собраній въ 1905 — 1906 г. было 7; изъ нихъ на послѣднемъ былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности общества. Изъ этого отчета мы видимъ, что въ обществѣ было 9 почетныхъ членовъ, 32 дѣйствительныхъ (въ томъ числѣ и учрежденія, подписывающіяся на изданія) и членовъ-корреспондентовъ 120. Дѣятельность же общества выражалась въ засѣданіяхъ комитета, посвященныхъ обсужденію новыхъ изданій и вопросамъ, связаннымъ съ дѣятельностью общества, въ общихъ собраніяхъ, въ изданіи матеріаловъ и изслѣдованій по древне-славянскои и русскои письменности, въ приобрѣтеніи рукописей и книгъ и пр.

Труды общества въ разсматриваемомъ отчетномъ году издавались въ 2 серіяхъ. Въ I серіи намѣчены были къ изданію: «Лицевое житіе св. Бориса и Глѣба по рукописи XV вѣка изъ собранія Н. П. Лихачева», «Первый выпускъ Мстиславова Евангелія, подъ ред. П. К. Симони», «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, съ предисловіемъ С. К. Шамбинаго». Эти изданія и еще «Манера Андрея Рублева, сообщеніе Н. П. Лихачева» вышли въ 1906—7 г. Вторая серія заключаетъ въ себѣ нумерованныя изданія общества; ихъ въ отчетномъ году вышло 3.

Въ рукописное отдѣленіе постуило 40 рукописей; изъ нихъ можно указать, какъ на наиболее интересныя: 1) евангеліе XVI вѣка съ изображеніемъ евангелистовъ, 2) трөфолой съ записью 1560 г., трөфолой съ записью 1556 г., 3) сборникъ 1610 г., 4) «Пѣсенникъ» XVIII вѣка и др.

На общихъ собраніяхъ сдѣлано было 15 сообщеній; по содержанію они распредѣлялись такъ: по древне-русской и славянской письменности было 10, по исторіи искусства 5. Посѣтителей на этихъ собраніяхъ было около 190. Въ 1906—7 г. составъ общества увеличился: почетныхъ членовъ было 10, дѣйствительныхъ 33 и членовъ-корреспондентовъ 125.

Дѣятельность общества, какъ и въ прошломъ отчетномъ году, выражалась въ засѣданіяхъ комитета (7), въ общихъ собраніяхъ (9), въ изданіи матеріаловъ и изслѣдованій въ области древне-славянской и русской письменности и проч. Труды общества издавались попрежнему въ 2 серияхъ.

Рукописей за отчетный годъ было приобрѣтено около 30.

Отчетъ подводитъ итогъ дѣятельности общества за послѣднія 5 лѣтъ. Съ чувствомъ радости секретарь общества заканчиваетъ отчетъ такими словами: «Со времени празднованія 25-лѣтія существованія общества прошло еще 5 лѣтъ; позвольте утрудить еще нѣсколько ваше вниманіе краткимъ обзорѣніемъ событій въ жизни общества.

«За минувшее пятилѣтіе въ обществѣ состоялось 39 общихъ собраній, на которыхъ было сдѣлано 85 сообщеній, нумерныхъ изданій выпущено въ свѣтъ 7, памятниковъ 20, находятся въ печати и предположено къ изданію: нумерныхъ 6, памятниковъ 11. Кассы общества возросли съ 58.450 р. до 65.375 р.

«Собраніе рукописей увеличилось на 179 нумеровъ; библіотека тоже значительно разрослась: приобрѣтено и принесено въ даръ книгъ и брошюръ свыше 550 названій».

Къ отчету приложены 3 статьи: «Родъ иконописцевъ» Н. П. Лихачева, «Памяти Н. П. Барсукова» графа С. Д. Шереметева и «Ив. Вас. Помяловскій» Хр. Лонарева.

Я. Вирюковъ.

Алфавитный указатель къ постановленіямъ, относящимся до великаго княжества Финляндскаго. Томъ третій, буквы Р.—Я. Съ приложеніемъ списка заглавныхъ словъ. Составилъ Н. Н. Корево. Спб. 1909.

Всѣмъ занимающимся изслѣдованіемъ какого-либо вопроса или предмета вообще извѣстно, какое количество времени поглощается на то, чтобы дознаться, что имѣется по данному предмету уже напечатаннаго и гдѣ такое по мѣщается. Такое же, если не большее затрудненіе представляетъ собою подобное изслѣдованіе и по вопросамъ законодательнымъ, особенно, если акты законодательные разсѣяны, такъ сказать, по многимъ изданіямъ. Особенно послѣднее ощутительно при разысканіяхъ по части законовъ, дѣйствующихъ въ Финляндіи, по той причинѣ, что въ завоеванной нами Финляндіи не только доселѣ не имѣется одного общаго собранія законовъ, но таковыя содержатся въ различныхъ изданіяхъ, изъ коихъ нѣкоторыя съ трудомъ можно найти.

Извѣстно, что при завосваніи Финляндіи сохранено было въ этой области имперіи, какъ и при другихъ завосваніяхъ, дѣйствіе мѣстныхъ законовъ, главнѣйшимъ изъ которыхъ является шведское уложеніе 1734 г. Это уложеніе было, по повелѣнію императора Николая I въ 1824 г., издано на русскомъ и шведскомъ языкахъ и напечатано въ типографіи Н. Греча въ 1827 г. Это изданіе въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость. Но помимо этого такъ называемаго общаго уложенія законодательные акты самые разнообразныя, относящіяся до Финляндіи, имѣются въ королевскихъ шведскихъ постановленіяхъ (за время до завосванія Финляндіи въ 1808 г.), въ прибавленіи къ изданному въ 1827 г. переводу шведскаго уложенія, а со времени фактическаго завосванія Финляндіи по 1859 г. въ такъ называемыхъ Постановленіяхъ финляндскихъ, а съ 1860 г. — въ Сборникѣ постановленій финляндскихъ и, кромѣ того, также въ Полномъ собраніи законовъ Россійской Имперіи съ 1649 г. по 1902 г. и въ Собраніи узаконеній и распоряженій правительства.

Помимо этого имѣются также необнародованныя высочайшія повелѣнія, хранящіяся какъ въ архивѣ государственнаго совѣта, такъ и въ архивѣ статсъ-секретаріата финляндскаго и гельсингфорскомъ статсъ-архивѣ.

Ко всѣмъ этимъ различнымъ сборникамъ финляндскихъ постановленій разныхъ наименованій Н. Н. Корево предпринялъ въ 1899 г. при содѣйствіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ составить предметный алфавитный указатель, чрезвычайно не только полезный для лицъ, служащихъ въ Финляндіи, особенно же русскимъ, но и вообще для всякаго желающаго или почему-либо обязаннаго ознакомиться съ финляндскимъ законодательствомъ или получить справку по тому или другому законодательному вопросу.

Въ основаніе указателя положены предметные указатели какъ прежнихъ, такъ и новѣйшаго изданія общаго уложенія Швеціи 1734 г., дѣйствующаго и понынѣ въ Финляндіи, дополненные указаніями и на прочіе законодательные сборники и изданія, выше нами указанные. Этотъ дополненный указатель переведенъ на русскій и финскій языки, такъ что при каждомъ заглавномъ словѣ или терминѣ указателя на русскомъ языкѣ имѣется его переводъ на языки шведскій и финскій. Это, очевидно, даетъ возможность пользоваться указателемъ не только лицамъ русскимъ или знающимъ русскій языкъ, но и шведамъ, и финнамъ, тѣмъ изъ нашихъ лояльныхъ подданныхъ, которые и за сто лѣтъ не освоились съ русскимъ государственнымъ языкомъ. Приложенный въ концѣ третьяго и послѣдняго тома общій списокъ заглавныхъ словъ указателя показываетъ прежде всего, имѣется ли въ алфавитномъ указателѣ что-либо о данномъ предметѣ, а затѣмъ, отыскавъ желаемое слово или названіе, остается обратиться въ подлежащій томъ указателя, въ которомъ подъ даннымъ словомъ указаны всѣ сборники узаконеній, въ которыхъ имѣется что-либо, относящееся къ занимаемому предмету.

Нельзя не поблагодарить Н. Н. Корево за предпринятый имъ трудъ и притомъ доведенный до конца, что не всегда бываетъ съ подобными изданіями, предпринимаемыми единственно на общую пользу. Говоримъ «общую» потому, что личной себѣ г. Корево этимъ изданіемъ едва ли достигнетъ. Подобныя изданія расходятся туго и очень туго.

Не можемъ не упомянуть, кромѣ того, что на предпринятое и завершенное изданіе пожертвовала также и г. Е. Н. Корево, помимо личнаго труда, еще около десяти тысячъ рублей. Примѣръ, конечно, достойный подражанія и, къ сожалѣнію, встрѣчающійся чрезвычайно рѣдко.

Нельзя въ заключеніе этой замѣтки не сказать, что у насъ везетъ по-прежнему не только иностранцамъ, нѣмцамъ, но даже и финляндскимъ законамъ. Посудите, читатель, сами. Для удобства пользованія финляндскими законами русскій человѣкъ принимается составить алфавитный къ нимъ указатель; находится русская женщина, жертвующая на это деньги, а для удобства пользованія нашимъ русскимъ сводомъ законовъ, какъ говорится, не ударить даже палець о палець то русское учрежденіе, и при томъ одно изъ высшихъ, къ прямой обязанности котораго, безспорно, относится и забота объ удобствѣ пользованія русскимъ сводомъ законовъ. Читатель, конечно, приходитъ въ недоумѣніе отъ этихъ словъ и сомнѣвается въ ихъ основательности. Но вотъ и разъясненіе этимъ словамъ.

Когда, по волѣ императора Николая I, незабвенный графъ М. М. Сперанскій составилъ и отпечаталъ въ первый разъ Сводъ законовъ Россійской имперіи, изд. 1832 г., то для удобства пользованія имъ былъ также составленъ и напечатанъ алфавитный указатель къ этому же своду въ 1834 г. Затѣмъ при послѣдующихъ изданіяхъ свода законовъ II отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, на которое возложено было изданіе свода законовъ и продолженій къ оному, издавало также и алфавитные къ нимъ указатели. Таковыя изданы въ 1844 г. при новомъ (второмъ) изданіи свода законовъ въ 1842 г. и затѣмъ въ 1860 г. при третьемъ изданіи свода законовъ. Съ тѣхъ поръ алфавитный указатель вновь не издавался, по той причинѣ, что не было новаго изданія въ полномъ составѣ всего свода законовъ Россійской имперіи.

Въ виду многочисленныхъ реформъ всякаго рода, о которыхъ тутъ не будемъ распространяться, послѣ 1860 г. признавалось невозможнымъ сдѣлать новое изданіе всего свода одновременно, а дѣлались лишь новыя изданія отдѣльныхъ томовъ онаго. Немалое число этихъ томовъ изданы въ новомъ изданіи разновременно II отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, а затѣмъ, по преобразованіи и упраздненіи послѣдняго, кодификаціоннымъ отдѣломъ при государственномъ совѣтѣ и наконецъ государственною канцеляріею, на обязанность которой съ 27 декабря 1893 г. возложено изданіе свода законовъ и мѣстныхъ узаконеній Россійской имперіи. Такимъ образомъ въ настоящее время весь сводъ законовъ изданія 1857 г. имѣется въ новыхъ изданіяхъ, состоявшихся въ различные годы, за исключеніемъ двухъ-трехъ незначительныхъ уставовъ, которые почти утратили свою силу и едва ли когда явятся въ новомъ изданіи. Поэтому весьма желательно, чтобы къ этому дѣйствующему своду законовъ имперіи, изданному разновременно послѣ 1857 г., былъ также составленъ алфавитный указатель по образу издававшихся уже бывшимъ II отдѣленіемъ. Хотя бы подобный указатель издали, отложивъ суетныя мысли о его усовершенствованіяхъ, подъ предлогомъ которыхъ ничего не издають.

П. Майковъ.

**Ал. Котовичъ. Духовная цензура въ Россіи (1799—1855 гг.).
С.-Петербургъ. 1909. Стр. 604; ц. 2 р. 75 к.**

По своему содержанию разсматриваемая книга г. Котовича распадается на девять главъ. Въ первой главѣ, являющейся вмѣстѣ съ тѣмъ и введеніемъ въ книгу, излагается исторія происхожденія въ Россіи духовной цензуры и образованія и условій существованія московской духовной цензуры—перваго духовно-цензурнаго учрежденія. Во второй главѣ дается характеристика ея дѣятельности и дѣятелей, т. е. руководяція точки зрѣнія первоначальнаго духовно-цензурнаго надзора и краткія свѣдѣнія объ отдѣльныхъ цензорахъ. Въ такомъ же родѣ составлена и шестая глава, посвященная цензурнымъ комитетамъ при духовныхъ академіяхъ. Въ третьей главѣ на фонѣ характеристики внутренней политики правительства въ первой четверти XIX столѣтія излагается исторія постепеннаго сложенія устава духовно-цензурныхъ комитетовъ съ 1808 по 1828 г. Далѣе, въ четвертой главѣ—черты и условія развитія русской богословской мысли въ царствованіе Николая I; въ пятой— характеристика святѣйшаго синода, какъ высшей духовно-цензурной инстанціи въ періодъ дѣятельности цензурныхъ комитетовъ при духовныхъ академіяхъ, при чемъ дѣлается обзоръ: 1) тѣхъ сочиненій, которыя поступали на цензуру синода, и 2) дѣятельности отдѣльныхъ членовъ святѣйшаго синода по цензурованію книгъ (митрополитовъ Филарета московскаго, Серафима, Филарета кievскаго и др.), а также гр. Протасова, оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Глава седьмая посвящена взаимнымъ отношеніямъ духовной и свѣтской цензуры въ царствованіе Николая I-го и секретному комитету при святѣйшемъ синодѣ 1851 г., явившемуся отраженіемъ общеевропейскаго революціоннаго движенія 1848 г. Въ восьмой—говорится о цензурѣ литературныхъ произведеній, изображавшихъ церковную жизнь и бытъ духовенства, и, наконецъ, въ девятой—о цензурномъ надзорѣ за проповѣднической и научно-литературной дѣятельностью духовенства. За этимъ слѣдуетъ заключеніе и указатель личныхъ именъ. Изложенному содержанію книги предпослано два вступительныхъ слова: «отъ автора» и «предисловіе». Въ послѣднемъ опредѣляется цѣль работы автора, называются источники и пособія, которыми авторъ пользовался, объясняется, почему именно авторомъ взяты для своей работы такія хронологическія границы (14 марта 1799 г.—учрежденіе московской духовной цензуры—1855 г., годъ смерти императора Николая). Въ первомъ же вступительномъ словѣ «отъ автора» дѣлается попытка утвердить за книгою значеніе научно-историческаго труда въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Какъ видно изъ сказаннаго, книга г. Котовича довольно богата содержаніемъ. Не ограничиваясь обзоромъ виѣшней исторіи духовной цензуры въ Россіи, г. Котовичъ большую часть своего вниманія посвящаетъ внутренней исторіи этой цензуры, изучая ее на фонѣ общей исторіи политической жизни и просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ истекшаго столѣтія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь богатыми сокровищами архивовъ духовно-цензурныхъ учрежденій и святѣйшаго синода, даетъ новыя данныя для исторіи духовнаго просвѣщенія въ Россіи за то время. Впечатлѣніе у читателя получается

такое, что вызванная къ жизни «духомъ времени» духовная цензура, въ свою очередь, рѣзко повліяла въ отрицательномъ смыслѣ на успѣхи духовнаго просвѣщенія, и такимъ образомъ едва ли ошибемся, если скажемъ, что книга г. Котовича является обширной, обоснованной на историческихъ данныхъ статьей противъ существованія духовной цензуры. Въ такомъ заключеніи утверждаетъ читателя какъ самое содержаніе книги, въ которомъ нѣтъ никакого намека на сочувствіе автора духовной цензурѣ, такъ въ особенности заключеніе и вступительное слово «отъ автора», въ которомъ г. Котовичъ, стараясь убѣдить читателя въ своемъ научномъ безстрастіи историка, выдаетъ въ себѣ публициста. Этимъ объясняется, по нашему мнѣнію, нѣсколько двойственный характеръ книги. Съ одной стороны, это публицистическая работа, которая могла бы быть болѣе яркой, съ другой—едва ли вполне безпристрастная научная книга, потому что всюду авторъ смотритъ на цензуру съ нашей современной точки зрѣнія. Публицистическій характеръ книги подчеркивается однако и самою темой ея, ибо, какъ извѣстно, взгляды на цензуру измѣняются въ зависимости отъ того или иного политическаго міровоззрѣнія. Поэтому, если авторъ книги хотѣлъ ею зарекомендовать себя въ церковно-исторической наукѣ, то выборъ темы врядъ ли можетъ считаться удачнымъ. Впрочемъ, не касаясь этого вопроса, какъ интереснаго лишь для самого автора, и съ принципиальной точки зрѣнія не имѣя ничего возразить противъ публицистическаго характера книги, мы позволимъ себѣ привѣтствовать ея появленіе въ свѣтъ, какъ компетентное разъясненіе многихъ темныхъ сторонъ современной церковной жизни. Во многихъ отношеніяхъ царствованіе императора Павла I было роковымъ для русской православной церкви. Возникшее въ это время охранительное направленіе, какъ извѣстно, было нѣсколько ослаблено въ чреватую колебаніями вѣдшей и внутренней политики Александровскую эпоху и вновь обнаружилось съ новой силой при Николаѣ I. Добросовѣстная ревность руководящихъ дѣятелей за эти 50 лѣтъ, побуждавшая ихъ беречь духовное сокровище православія отъ расхищенія, въ слѣпотѣ своей обезличила русское духовенство и преданныхъ церкви мірянъ, что повело къ окончательной потерѣ духовенствомъ престижа, къ расколу его съ интеллигенціей, къ развитію въ колоссальныхъ размѣрахъ сектантства и проч. Во всемъ этомъ духовная цензура сыграла очень немаловажную роль. И вотъ книга г. Котовича, выясняя общественное вліяніе этого фактора, позволяетъ лучше видѣть истинныя причины современной нашей безурядицы. Въ виду сего, по нашему мнѣнію, книга г. Котовича должна бы быть принята современнымъ духовнымъ и свѣтскимъ обществомъ съ подобающимъ радушіемъ. Вскрывая язвы прошлаго и порою оплакивая ихъ горькими слезами, г. Котовичъ нѣсколько примиряетъ читателя съ настоящимъ и позволяетъ надѣяться на лучшее будущее.

II. Верховской.

Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ. Исслѣдованіе Д. Г. Коновалова. Ч. 1. Выпускъ 1-ый. Физическія явленія въ картинѣ сектантскаго экстаза. Сергіевъ посадъ. 1908.

Исслѣдованіе г. Коновалова вызвало самыя разнообразныя толки какъ въ періодической печати, такъ и въ богословской литературѣ. Московская духовная академія послѣ защиты авторомъ его сочиненія, какъ диссертациі, присудила ему званіе магистра, московскій же отдѣлъ «Союза русскаго народа» забилъ по этому поводу тревогу, признавая сочиненіе кощунственнымъ. Святѣйшій синодъ вытребовалъ изъ академіи на разсмотрѣніе все дѣло о защитѣ названной диссертациі. Весь этотъ шумъ, возникшій изъ-за книги г. Коновалова, можетъ быть объясненъ необычностью для богословской точки зрѣнія метода изслѣдованія даннаго вопроса, принятаго авторомъ. Явленія религіознаго экстаза г. Коноваловъ разсматриваетъ, по крайней мѣрѣ въ изданномъ выпускѣ, какъ физиологъ или врачъ-психіатръ: для него религіозныя переживанія не являются отрѣшенными отъ тѣла человѣка, они тѣсно связаны съ тѣломъ, даже иногда болѣе того, экстастики, по его мнѣнію, склонны чисто физиологическія проявленія принимать за присутствіе въ нихъ особой силы божества. Предметъ изслѣдованія—религіозный экстазъ въ сектахъ хлыстовъ, скопцовъ, шалопутовъ, прыгуновъ, малеванцевъ и однородныхъ съ ними мелкихъ кружкахъ, напримѣръ, Татариновой, Радаева и т. п. Своей задачей авторъ ставитъ описаніе экстаза, выясненіе его природы и раскрытіе его значенія въ исторіи сектантства. Сообразно съ этимъ г. Коноваловъ предполагаетъ весь свой трудъ раздѣлить на три части. Первая изъ нихъ посвящена картинѣ сектантскаго экстаза: описанію физическихъ и психическихъ явленій экстаза въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. Въ настоящее время авторомъ изданъ только 1-й выпускъ 1-ой части, дающій картину физическихъ явленій сектантскаго экстаза. Основа классификаціи этихъ явленій принята изслѣдователемъ двойная, а именно: физиологическая природа ихъ и моментъ обнаруженія въ теченіи экстастическаго приступа. Свои положенія авторъ доказываетъ многими фактическими данными, взятыми имъ изъ показаній русскихъ сектантовъ въ судебныхъ процессахъ, примѣрами, приводимыми иностранными и русскими психіатрами (изъ послѣднихъ очень часты ссылки на профессора Сикорскаго) и параллелями изъ исторіи религіознаго экстаза у разныхъ народовъ. Разсматривая начертанную самими сектантами (хлыстами) картину ихъ экстаза, Коноваловъ замѣчаетъ въ ней «два ряда явленій: съ одной стороны рядъ тѣлесныхъ симптомовъ—обильныя слезы, смѣхъ, прыганье до изнеможенія, а съ другой—рядъ душевныхъ переживаній, приступъ умпленія, чувство радости и легкости, сердцеувѣдѣніе и т. д. Протекая одновременно, оба параллельныя ряда явленій образуютъ слитное психо-физиологическое явленіе, которое сектанты называютъ «бытіемъ или хожденіемъ въ духѣ», «накапываніемъ», «вселеніемъ духа» и т. п. Экстастическій приступъ въ своемъ развитіи проходитъ различныя стадіи. Первый періодъ его это возбужденіе органическихъ функций: у сектантовъ происходятъ измѣненія въ дѣятельности органовъ кровообращенія, дыханія, выдѣленія и пищеваренія. Въ моментъ

переживанія экстаза у нихъ происходятъ своеобразныя «трепетанія сердца», которыя они объясняютъ, какъ сошествіе на себя Духа Святого. Въ одномъ изъ хлыстовскихъ роспѣвцевъ говорится объ этомъ такъ:

«Духъ Святой трепеталъ
Сердца вѣрныхъ распалалъ,
Во святомъ кругу каталъ...
Всѣ вѣрные оглянулись,
Сердцами трепехнулись.

Лица сектантовъ при этомъ измѣняются своей нормальной цвѣтъ: или краснѣютъ, или блѣднѣютъ, иногда даже зеленѣютъ; глаза ихъ начинаютъ блистать; во всемъ тѣлѣ они испытываютъ ощущеніе теплоты или сильнаго внутренняго жара, на что указываютъ ихъ выкрики на радѣніяхъ: «ой, духъ, ой, горю!», «духъ горитъ», «Богъ горитъ!» Развитие жара вызываетъ у нихъ мучительную жажду, потребность въ свѣжемъ воздухѣ и охлажденіи. Они просятъ пить, выбѣгаютъ изъ комнаты на воздухъ, иногда берутъ холодной земли и растираютъ ею грудь. Нѣкоторые же изъ экстатиковъ испытываютъ противоположное ощущеніе холода, такъ, наиримѣръ, бывало съ Магометомъ, — онъ трясся и чувствовалъ ознобъ. Усиленная дѣятельность кровеносной системы вызываетъ у сектантовъ энергичную работу органовъ выдѣленія: лицо ихъ покрывается крупными каплями пота, у нѣкоторыхъ выдѣляется пѣна изо рта; однимъ изъ существенныхъ элементовъ экстаза являются слезы, которыя, по ихъ воззрѣніямъ, служатъ средствомъ для привлеченія къ себѣ Св. Духа.

Такъ, шалопутское пѣснопѣніе говоритъ объ этомъ:

Обливайся ты слезой,
Придетъ Духъ къ тебѣ Святой.

или же хлыстовское:

Горьки слезушки прольемъ,
Птицу съ неба созовемъ.

Возбужденіе дыханія проявляется въ икотѣ, фырканиѣ, зѣвотѣ, столахъ, выкрикиваніи нечленораздѣльныхъ звуковъ, подражаніи крику животныхъ и т. п. Въ области пищеваренія наиболѣе поразительный феноменъ — вздутіе живота, которое сектанты приписываютъ вселенію въ нихъ Св. Духа. Въ дѣлѣ орловскихъ хлыстовъ 1901 г. говорится объ одной изъ ихъ «пророчицъ», что «она ложится на земь или на лавку посреди хаты и старается раздуть свой животъ, какъ можно больше, раздувается до невозможныхъ размѣровъ, затѣмъ теряетъ сознаніе и лицо ея синѣетъ, такъ продолжается полчаса; наконецъ, опадаетъ животъ». Врачи-эксперты въ этомъ явленіи признаютъ «пестерическій метеоризмъ или тимпанитъ», который объясняется параличомъ мускульныхъ волоконъ, сокращающихъ кишечникъ, влѣдствіе чего «пища дурно циркулируетъ въ кишечникѣ больныхъ, газы накаплиются за пищевой массой, страшно растягивая пищеварительный каналъ, и несчастные кажутся раздутыми, какъ бурдюки, такъ что съ трудомъ дышатъ». Органическія движенія въ тѣлѣ сектантовъ происходятъ не только въ гладкихъ (непроизвольныхъ), но помимо ихъ воли и въ поперечно-полосатыхъ (произвольнаго движенія) мышцахъ.

Вначалѣ идутъ движенія общія, разсѣянные по всему организму, таковы судорожныя потрясенія. Когда тѣло сектанта уже выведено изъ состоянія покоя, то происходитъ рядъ мѣстныхъ движеній, по направленію сверху внизъ, а именно движутся сначала отдѣльныя части головы и вся голова, а затѣмъ плечи, руки, туловище и въ концѣ всего ноги (къ мѣстнымъ движеніямъ должны быть отнесены самоистязаніе и возбужденіе полового инстинкта). Распространеніе нервнаго возбужденія на мускулы ногъ вызываетъ за собою появленіе локомоторныхъ движеній, которыя производятъ перемѣщеніе организма въ пространство, какъ, наиримѣръ: хожденіе и бѣганье, прыганье и скаканье, верченіе и круженіе, пляску, конвульси, паденіе на землю и т. п. Экстатическія тѣлодвиженія предъ своимъ ослабленіемъ или прекращеніемъ въ некоторое время локализируются на группѣ мускуловъ (дыхательныхъ, гортанныхъ, небныхъ, язычныхъ и губныхъ), производящихъ членораздѣльную рѣчь. Этотъ третій періодъ экстаза можетъ быть названъ періодомъ возбужденія функціи рѣчи. Онъ выражается, во-1-хъ, въ произнесеніи неопытныхъ словъ и, во-2-хъ, въ рѣчи на родномъ или знакомомъ языкѣ (приступъ экстатическаго пророчества).

Таково содержаніе книги г. Коновалова. Его систематика физическихъ явленій сектантскаго экстаза страдаетъ, главнымъ образомъ, тѣмъ недостаткомъ, что она искусственно подобрана изъ многихъ примѣровъ, взятыхъ изъ наблюденій надъ разными лицами въ разное время. Вопросъ, существуютъ ли всѣ эти явленія у одного и того же лица и идутъ ли они всегда въ порядкѣ, предполагаемомъ авторомъ, остается для читателя вѣдѣтвіемъ этого открытымъ.

В. Троцкий.

Г. Александровскій. Чтенія по новѣйшей русской литературѣ Выпускъ II. Стр. XVIII+224. Кіевъ. 1907. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Въ первомъ выпускѣ своей книги, вышедшемъ въ 1905 году, г. Александровскій обрисовалъ основную черту русской литературы, остановился на важнѣйшихъ вопросахъ психологіи творчества, указавъ отличительныя черты душевной организаціи поэта и какъ происходитъ процессъ созданія поэтическихъ произведеній, и рассмотрѣлъ литературную дѣятельность Бѣлинскаго, Тургенева, Гончарова, Островскаго и Некрасова. О первомъ выпускѣ «Чтеній» печать отзывалась одобрительно и въ настоящее время онъ выходитъ пятымъ изданіемъ. Второй выпускъ по своимъ достоинствамъ не отличается отъ перваго.

На первомъ мѣстѣ помѣщенъ довольно обширный очеркъ о Л. Толстомъ. Сначала авторъ разсматриваетъ связь писателя съ предшественниками, причины его огромной всемірной извѣстности и даетъ общую характеристику его личности, творчества и литературной дѣятельности. Затѣмъ г. Александровскій переходитъ къ рассмотрѣнію отдѣльныхъ произведеній писателя, довольно подробно и обстоятельно разбирая: «Дѣтство, отрочество и юность», «Утро помѣщика», «Казаковъ», такъ называемые «Военные рассказы» и, наконецъ, «Войну и Миръ», воплію основательно удѣляя этому произведенію

больше всего вниманія. Далѣе мы находимъ интересный, хотя слишкомъ конспективный и поверхностный, очеркъ— «Общая характеристика народническаго направленія въ русской литературѣ въ 40—70 годы». Авторъ устанавливаетъ періоды исторіи нашего народничества, дѣля ее на три момента: 1) 40-е и начало 50-хъ годовъ, 2) 60-е годы и 3) 70-е и 80-е годы, довольно удачно устанавливая характеръ этихъ періодовъ и проводя между ними преемственную связь. Очень только жаль, что авторъ не поставилъ народническую литературу въ связь съ общественно-экономическими ученіями, выдвигаемыми въ то или другое время: эти ученія опредѣляли характеръ литературныхъ произведеній и отношенія писателей къ народу. Говоря о послѣднемъ періодѣ народничества въ литературѣ, нельзя ничего не сказать объ ученіи такъ называемыхъ «абрамовцевъ» и ихъ отношенія къ народу. Послѣ общей характеристики народничества авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію литературной дѣятельности Гл. Успенскаго, стремясь на анализѣ его произведеній очертить сущность народничества. Наконецъ, послѣднимъ помѣщенъ очеркъ о графѣ А. Толстомъ, въ которомъ г. Александровскій указалъ особенность таланта поэта и далъ оцѣнку его творчества.

Трудъ г. Александровскаго не является изслѣдованіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова; предназначая свою книгу для широкихъ слоевъ читателей, авторъ лишь обобщилъ то, что сказала критика о томъ или иномъ писателѣ или литературномъ направленіи. Но въ то же время очерки г. Александровскаго не являются лишь переложеніемъ чужихъ мыслей. Черезъ всю книгу красной нитью проходитъ самостоятельная критическая работа автора надъ матеріаломъ, которымъ онъ пользовался. Видно, что г. Александровскій очень старательно изучилъ критику, приложилъ немало труда, чтобы разобраться въ ней, сдѣлать окончательный выводъ. Это обстоятельство выгодно выдѣляетъ «Чтенія» изъ ряда другихъ книгъ по исторіи русской литературы, рассчитанныхъ на широкую публику, составители которыхъ въ большинствѣ случаевъ берутъ одну мысль у одного автора, другую у другого, совершенно не разбираясь въ нихъ критически, отчего получается механически соединенное цѣлое, лишнее гармоничности и единой идеи. Указанное обстоятельство въ связи съ живымъ изложеніемъ, легкимъ языкомъ дѣлаетъ книгу г. Александровскаго одной изъ лучшихъ книгъ по исторіи русской литературы, предназначенныхъ для широкихъ круговъ читателей. Прочитавъ оба выпуска «Чтеній» г. Александровскаго, читатель составитъ себѣ въ общихъ чертахъ вѣрное представленіе о новѣйшей русской литературѣ, о характерѣ и значеніи творчества ея главныхъ представителей.

А. Фоминовъ.

И. Тенеромо. Жизнь и рѣчи Л. Н. Толстого въ «Ясной Полянѣ».

Въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1908 г. (стр. 298—300) былъ данъ одобрителный отзывъ о трудѣ того же автора «Живыя рѣчи Л. Н. Толстого». Авторъ— бывший учитель ясно-полянской школы; онъ хорошо усвоилъ духъ и мысли Льва Николаевича и даже манеру его изложенія.

Вышедшая нынѣ книжка о Толстомъ является какъ бы продолженіемъ первой работы автора. Про нее точно также можно сказать, что она будетъ прекраснымъ дополненіемъ къ собственнымъ сочиненіямъ Толстого и поѣтому получить широкое распространіе.

Мыслей, глубокихъ, истинно-толстовскихъ мыслей въ книгѣ разѣяно такъ много, что, пересказывая ихъ, я принужденъ былъ бы удлинить коротенькую библиографическую замѣтку до размѣра печатнаго листа. Все же хоть частицу сказаннаго въ разбираемой интересной книжкѣ позволю привести и здѣсь.

Толстой—противникъ передѣлыванія романовъ въ пьесы. Онъ называетъ это «вырѣзочнымъ» ремесломъ и говоритъ, что тѣ, которые смотрятъ такіа передѣлки, въ концѣ концовъ жалѣютъ, зачѣмъ стулья не сдѣланы спинками къ сценѣ. Трудность, даже невозможность подобнаго передѣлыванія заключается въ томъ, что въ драмѣ нельзя заставлять героевъ думать на сценѣ, нельзя освѣщать ихъ характеры отступленіями въ прошлое, а нужно дать оформленное состояніе души, принятія рѣшенія.

Въ очеркѣ «О женщинахъ» Толстой является сторонникомъ взгляда, что мужчина поработенъ женщиной. Властвуютъ въ мірѣ не мужчины, а женщины, и властвуютъ жестоко. Всѣ лавки, магазины, мастерскія, заводы, все это «дѣлается для женщинъ и для всей трехсложной похоти ихъ: похоти плоти, похоти очей и гордости житейской».

Касаясь вопроса брака и развода, Толстой говоритъ, что ему кажется кощунствомъ, когда люди съ холодною анатома разсуждаютъ о бракѣ и съ цинизмомъ полицейскаго толкуютъ о бумажкахъ, соединяющихъ двѣ души. Еще кощунственнѣе и ужаснѣе представляется Толстому разводъ, «когда люди берутъ на себя смѣлость разрывать соединенныя души».

О государственной думѣ отзывается Толстой, что ее кто-то взялъ, какъ берутъ каменники трамбовую колоду за ручку, и трамбуется ею старый порядокъ.

Новая книжка г. Тенеромо вполне заслуживаетъ вниманія читающаго общества.

М. Соколовскій.

**Современники. Альбомъ біографій. Н. И. Афанасьева. Томъ I.
Спб. 1909. Стр. 344. Ц. 2 р. 50 к.**

Г. Афанасьеву пришла удачная мысль собрать и напечатать матеріалы для біографій современныхъ дѣятелей въ области общественной, ученой, литературной, педагогической, врачебной и т. п. Очевидно, матеріаль собранъ обширный, потому что лишь въ одинъ первый, теперь изданный, томъ вошли 244 біографіи, размѣщенныя по алфавиту отъ буквы А до Ш. Біографіи составлены весьма тщательно, заключаютъ въ себѣ преимущественно фактическія данныя и только въ немногихъ изъ нихъ составитель дѣлаетъ характеристику и оцѣнку дѣятельности того или другаго лица. Въ настоящемъ томѣ, между прочимъ, находятся біографическія свѣдѣнія о министрахъ Столыпинѣ, Коковцовѣ, баронѣ Фредериксѣ, Редигерѣ, Шварцѣ, Кривошеинѣ, Тимирязевѣ, Извольскомъ, членахъ государственнаго совѣта Акимовѣ, Гродековѣ, Дурново,

Череванскомъ, Манухинѣ, членахъ думы Анренѣ, Гучковѣ, Замысловскомъ, Родичевѣ, администраторахъ Бекмапѣ, Крыжановскомъ, Макаровѣ, Мясоѣдовѣ-Ивановѣ, Поливановѣ, Чарыковѣ, Дедиолинѣ, Драчевскомъ, послахъ Зиновьевѣ, Нелидовѣ, Остенъ-Сакенѣ, писателяхъ и ученыхъ Арсеньевѣ, Боборыкинѣ, Буренинѣ, Меньшиковѣ, Суворинѣ, Стасюлевичѣ, Шахматовѣ, врачахъ Павловѣ, Отто, Раухфусѣ, Симановскомъ, Трояновѣ, Шершевскомъ и т. д. Современники должны быть благодарны г. Афанасьеву за его трудъ, который даетъ возможность публикѣ въ настоящемъ ознакомиться съ прохожденіемъ двухсотъ сорока четырьмя лицами, часто тернистаго, жизненнаго пути и ихъ заслугами въ избранной специальности, а въ будущемъ избавить некрологистовъ отъ сообщенія случайныхъ и невѣрныхъ свѣдѣній. Для второго тома, по заявленію г. Афанасьева, уже приготовлены почти всѣ предназначенныя для включенія въ него біографіи. С. Н.

Списокъ членовъ императорской академіи наукъ съ 1725 по 1907 гг. Составилъ Б. Л. Модзалевскій. Спб. 1908.

Бывшій архивариусъ академіи наукъ В. П. Шеміотъ еще въ 1872 году въ первый разъ составилъ, и то на французскомъ языкѣ, списокъ президентовъ и членовъ академіи наукъ со времени ея основанія до 1871 года. (*Liste des présidents, et des membres de l'Academie depuis sa fondation*). Этотъ списокъ былъ переизданъ, но уже на русскомъ языкѣ въ 1873 году, а затѣмъ по настоящее время не пополнялся. Между тѣмъ, необходимость въ такомъ спискѣ для разнаго рода справокъ не только по академіи, но и при составленіи различныхъ біографическихъ изслѣдованій постоянно ощущалась. Это побудило непремѣннаго секретаря академіи наукъ С. Θ. Ольденбурга внести въ конференцію предложеніе объ изданіи вновь списка членовъ академіи, которое было одобрено конференціей и осуществлено Б. Л. Модзалевскимъ. Списокъ этотъ, составленный по свѣдѣніямъ, собраннымъ по 1 января 1908 года, распадается на два главныхъ отдѣла. Въ первомъ указаны президенты, директора и вице-президенты, секретари, конференцъ-секретари и непремѣнные секретари, дѣйствительные члены академіи, почетные академики по разряду изящной словесности, также почетные члены отечественные и иностранные и отдѣленія русскаго языка и словесности и члены-корреспонденты отечественные и иностранные. Во второмъ же отдѣлѣ (или приложеніи) показаны президенты императорской російской академіи, учрежденной 30 сентября 1783 и закрытой 19 октября 1841 гг. (или, точнѣе, включенной въ составъ академіи наукъ въ видѣ ея отдѣленія русскаго языка и словесности), въ числѣ коихъ первое мѣсто занимаетъ княгиня Екатерина Романовна Дашкова; затѣмъ, тутъ же указаны непремѣнные секретари, казначей, дѣйствительные и почетные члены. При каждой фамліи лица указанъ не только годъ занятія имъ той или другой должности по академіи, но и сообщаются также самыя краткія о немъ біографическія указанія, какъ-то: годъ рожденія, годъ смерти, родъ занятій, и т. д. Въ концѣ списка имѣется алфавитный указатель именъ, встрѣчающихся въ спискѣ, и приложены силуэты нѣкоторыхъ академикомъ съ поргретовъ, находящихся въ кабинетѣ непремѣннаго

секретаря академіи и исполненныхъ, повидимому, силуэтистомъ Фридрихомъ Антингомъ.

Означенная справочная книга, бесспорно, весьма полезна и нельзя не пожелать, чтобы и другія учрежденія и ученые общества обзавелись бы ей подобными. Можно было бы пожелать, чтобы сообщаемыя біографическія свѣдѣнія со временемъ составлялись бы полнѣе и заключали бы въ себѣ свѣдѣнія также о научныхъ и литературныхъ трудахъ лицъ, почему-либо причисленныхъ къ академіи наукъ и имѣющихъ къ ней отношеніе.

П. Майковъ.

А. С. Пругавинъ. Въ казематахъ. Спб. 1909. Стр. 365. Цѣна 1 руб.

Послѣ записокъ о политическихъ тюрьмахъ въ Россіи американца Дж. Кеннана и личныхъ воспоминаній о нихъ множества лицъ, проведенныхъ въ казематахъ долгіе годы своей жизни, какъ-то: Б. Шварце, П. Кропоткина, И. Ювачева, Л. Волкенштейнъ, Дебагорія-Мокрѣевича, Е. Брешковской, Дейча, А. Фаресова и т. д.—А. Пругавину, по необходимости, приходится нерѣдко повторять старыя свѣдѣнія о тяжелой жизни узниковъ въ казематахъ Петропавловской, Шлиссельбургской и Суздальской крѣпостей.

Тѣмъ не менѣе это повтореніе исторіи русскихъ тюремъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дополнено новыми матеріалами, добытыми личными усиліями автора.

Таинственная исторія пожизненнаго заточенія въ Петропавловскую крѣпость гвардейскаго офицера Николая Шевича за его рыцарское заступничество за честь своей сестры въ институтѣ въ царствованіе Александра II, загадочное самосожженіе въ той же крѣпости студентки М. В. Вѣтровой и злослуженія узниковъ суздальской тюрьмы за свободное христіанское исповѣданіе религіи—освѣщено г. Пругавинымъ въ значительной степени заново.

Во всякомъ случаѣ очерки Пругавина о пребываніи русскихъ «отщепенцевъ» въ казематахъ русскихъ тюремъ дѣйствительно воскрешаютъ въ памяти читателей условія, среди которыхъ протекала наша культурная, религіозная и политическая жизнь при господствѣ бюрократическаго строя.

Историческіе казематы «Свѣтличной башни» въ Шлиссельбургской крѣпости нерѣдко были переполнены членами царской фамиліи, временщиками и вельможами. Одно время въ Шлиссельбургской крѣпости находилась въ заточеніи первая жена Петра Великаго—Евдокія Ѳедоровна Лопухина. Въ томъ же заточеніи находился императоръ Іоаннъ Антоновичъ. Сюда же предполагала императрица Екатерина II заточить и Петра III.

Однако, не одна знать попадала въ казематы Шлиссельбурга.

Представители религіознаго движенія и раскола, особенно безпоповщины, замуровывались въ крѣпость и гибли тамъ. А въ 1792 г. туда же попадетъ и Н. И. Новиковъ.

Убѣжденный поборникъ просвѣщенія, пишетъ г. Пругавинъ, онъ много и горячо работалъ надъ развитіемъ общественной мысли, основалъ цѣлый рядъ журналовъ, учредилъ «Дружеское ученое общество» и «Типографическую компанію», съ широкими просвѣдательными и филантропическими задачами. открылъ нѣсколько школъ и первую безилатную читальню въ Москвѣ, всюду

заходилъ книжные склады, издалъ огромное количество книгъ, въ которыхъ выяснялъ темныя стороны современнаго ему общественнаго строя, особенно же ратовалъ противъ крѣпостнаго права. Между прочимъ Новиковъ впервые задался цѣлью силовити и организовать прогрессивные элементы, имѣвшіеся въ русскомъ обществѣ. Когда-то либеральная, императрица Екатерина II не только не оказала Новикову какой-либо поддержки въ его благородной, полезной дѣятельности, а, наоборотъ, отнеслась къ нему съ явнымъ предубѣжденіемъ и всецѣло отдала его въ руки извѣстнаго розыскныхъ дѣлъ мастера того времени Шешковскаго, именемъ котораго пугали дѣтей. Послѣ строгихъ, придирчивыхъ допросовъ Новикова заключаютъ въ Шлиссельбургскую крѣпость и запираютъ въ тотъ самый казематъ, въ которомъ нѣкогда томился Іоаннъ Антоновичъ. Цѣлые четыре года провелъ онъ въ этомъ заточеніи и только въ 1796 году, уже при императорѣ Павлѣ, освобожденъ былъ изъ крѣпости и получилъ возможность поселиться въ своемъ имѣніи.

Въ той же Шлиссельбургской крѣпости побывали въ заточеніи многіе декабристы, В. Н. Каразинъ, основатель университета въ Харьковѣ, М. А. Бакунинъ, польскій повстанецъ Брониславъ Шварце и, наконецъ, съ 1880 г. дѣятели «Народной воли».

Но, кромѣ Шлиссельбургской крѣпости, самой большой государственной тюрьмой въ Россіи считается Петропавловская крѣпость. Здѣсь Петръ I пыталъ своего сына Алексѣя; здѣсь въ казематѣ, куда проникла вода во время наводненія, была заключена княжна Тараканова; здѣсь томился Посошковъ, авторъ книги «О скудости и богатствѣ».

Въ своихъ писаніяхъ Посошковъ впервые въ Россіи указывалъ на отрицательныя стороны самодержавія, доказывалъ необходимость участія всего народа чрезъ особыхъ выборныхъ представителей въ выработкѣ и составленіи новаго уложенія, прозрачно намекалъ на необходимость земскаго собора, который бы «вольнымъ голосомъ» заявилъ царю о нуждахъ и желаніяхъ «земли», т. е. народа. Конечно, эти идеи были признаны опасными. Однако, Петръ Великій щадилъ Посошкова, цѣня въ немъ его практическій умъ и литературный талантъ. Но при Екатеринѣ I условія измѣнились. 26 августа 1725 года Посошковъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и умеръ 1 февраля 1726.

«Это былъ, — говоритъ г. Пругавинъ — первый идейный борецъ за права и счастье народа, погнѣбшій въ казематѣ Алексѣевского рavelина. Его смерть открываетъ собою длинный, безконечный мартирологъ лицъ, которыхъ слуги русскаго абсолютизма запирали въ Петропавловскую крѣпость».

Сюда въ 1790 г. попадаетъ Радищевъ, авторъ книги «Путешествіе отъ Петербурга до Москвы», въ которой онъ заявилъ о вредѣ крѣпостнаго права.

«Это хуже Пугачева», сказала Екатерина Великая и приказала автора книги посадить въ крѣпость.

Впоследствии узниками Петропавловской крѣпости стали декабристы, петрашевцы, каракозовцы, нечаевцы, долгушинцы «семидесятники», «земле-вольцы», «чернопередѣльцы», «народовольцы» и современные террористы-бомбисты.

Что касается «монастырских казематовъ» въ Суздальской тюрьмѣ, еще болѣе ужасныхъ, чѣмъ казематы политическихъ тюремъ, то надо было бы надѣяться на то, что послѣ законовъ 17 апрѣля и 17 октября 1905 года релігіозныя преслѣдованія за свободу совѣсти станутъ невозможны въ русской жизни. Однако въ смѣтѣ доходовъ и расходовъ святѣйшаго правительствующаго синода на 1907 годъ значится: «на наемъ стражи при арестантскомъ отдѣленіи суздальскаго Снасо-Евфиміева монастыря—1020 рублей». Г. Пругавинъ замѣчаетъ при этомъ, что подъ именемъ «арестантскаго отдѣленія Снасо-Евфиміевскаго монастыря» известна та самая знаменитая суздальская крѣпость, куда въ теченіе долгаго времени безъ всякаго суда заточалось множество людей, единственная вина которыхъ состояла въ томъ, что они желали вѣрить и молиться такъ, какъ подсказывала имъ ихъ совѣсть, ихъ внутреннее убѣжденіе, а не такъ, какъ требуютъ духовныя консисторіи и отцы-миссіонеры.

Слѣдуетъ сказать, что знакомство съ порядками въ суздальской тюрьмѣ было всегда недоступно для представителей печати; но расколовѣду Пругавину посчастливилось впервые и болѣе полно познакомиться съ условіями содержанія въ ней заключенныхъ, числомъ ихъ и даже причинами ихъ заточенія. Книга его снабжена также и рисунками нашихъ «Василій».

А. Фаресовъ.

Андрѣ Барръ. Боснія и Герцеговина подъ австрійскимъ владычествомъ. М. 1909 г., 212 стр. Ц. 1 р.

Есть книги, при чтеніи которыхъ въ груди самаго спокойнаго человѣка невольно поднимается чувство глубочайшаго негодованія и растетъ неудержимо. Такова книга французскаго публициста А. Барра о Босніи и Герцеговинѣ. Авторъ былъ когда-то самаго наилучшаго мнѣнія о результатахъ австрійской оккупации, но, благодаря счастливой встрѣчѣ съ однимъ свѣдущимъ лицомъ, онъ получилъ возможность узнать, что творится въ Босніи и Герцеговинѣ, увидѣть картину австрійскаго хозяйничанья собственными глазами, проникнуть во всѣ его тайны,—и вотъ предъ нами развертывается въ его книгѣ ужасающее зрѣлище медленнаго, постепеннаго, заранѣе холодно разсчитаннаго убійства, жертвою котораго является не отдѣльное лицо, а цѣлый славянскій народъ въ самомъ центрѣ своемъ, ибо Боснія и Герцеговина такое же сердце Сербіи, какъ Москва—Россіи.

Много столѣтій страдалъ сербскій народъ подъ турецкимъ игомъ, но, убивъ политическую мощь Сербіи, турки не коснулись духа народнаго. Его спасла маленькая, приземистая, изъ простаго сѣраго камня сложенная сербская церковь, о которой и доселѣ поетъ сербскій народъ въ знаменитой пѣснѣ, переведенной у насъ Майковымъ. Не было въ ней ни золота, ни драгоценныхъ камней, и не на что было позариться турецкимъ завоевателямъ. Но Австрія, получивъ на Берлинскомъ конгрессѣ мандатъ на управленіе Босніей и Герцеговиной, поняла сразу значеніе церковной организаціи для сербскаго народнаго дѣла и, задавшись цѣлью погубить послѣднее, немедленно запасла свою руку надъ православной церковью, а съ нею тѣснѣйшими узами было связано

и группировавшееся около церкви народное просвѣщеніе. Широкая церковная автономія подверглась постепенно стѣсненію. Митрополиты изъ народныхъ избранныхъ сдѣлались ставленниками австрійскаго правительства и, состоя у него на жалованьи, вмѣсто того, чтобъ быть заступниками за народъ, стали послушнымъ орудіемъ въ рукахъ его враговъ и дѣло дошло до того, что въ Мостарѣ, когда служить митрополитъ, церковь пустуетъ, а на улицахъ встрѣчные отъ него отворачиваются и свистятъ ему вслѣдъ. Ни одинъ вѣрный народу своему священникъ не удержится на мѣстѣ: его или переводятъ на худшій приходъ, или вовсе устраняютъ. Когда вы проѣзжаете черезъ Сараево, вамъ на самомъ видномъ мѣстѣ покажутъ новую, построенную во время оккупации православную церковь, но, стараясь для обмана глазъ показать свое безпристрастіе, австрійское правительство на самомъ дѣлѣ не останавливается даже передъ вмѣшательствомъ въ чисто внутреннія дѣла церкви. Стараясь всячески воспрепятствовать празднованію національнаго сербскаго святого, покровителя школъ и церквей Саввы, оно воспретило псаломъ св. Саввы, хотя онъ чисто молитвеннаго содержанія, воспретило искони вѣковъ существовавшій сербскій праздникъ Славы, этотъ символъ утѣшенія и надежды для серба, когда онъ молится за родину и славянство. Воспретило даже гусли, потому что подъ ихъ звуки сербы слагали свои народныя пѣсни о независимости. Самое имя сербъ звучитъ для австрійскаго уха непріятно, и оно на официальномъ языкѣ вытѣсняется названіемъ территоріальнымъ — боснякъ. Подавляя все народное въ церкви, правительство старается обезличить и школу. Во время турецкаго владычества у сербовъ были семинарія и реальное училище въ Сараевѣ, богословскій и учительскій институтъ въ Мостарѣ и Житомишличѣ; теперь у нихъ остались только начальныя школы. Нѣкто Вучковичъ давно уже пожертвовалъ 60,000 флориновъ для открытія сербской гимназіи въ Сараевѣ, но правительство не позволило общинѣ принять этотъ даръ и деньги такъ и лежатъ безъ употребленія, а рядомъ съ этимъ даются щедрыя субсидіи іезуитамъ для открытія школъ католическихъ, и католики, которые до Берлинскаго трактата, составляя меньшинство населенія, владѣли только одной школой, теперь имѣютъ уже, помимо 72 начальныхъ школъ, 7 или даже болѣе среднихъ. Преслѣдуя всѣми возможными способами православіе, правительство открыто поощряетъ католическую пропаганду, и при архіепископѣ Штадлерѣ бывали случаи, что іезуиты покупали у матери ея дѣтей, чтобы обратить ихъ въ католичество.

При такомъ положеніи церкви и народнаго просвѣщенія важной опорой для народнаго дѣла могла бы служить крупно силоченная, сознательная интеллигенція. Но помѣшать ея образованію одна изъ первыхъ задачъ Австріи. Мы видѣли, какъ она сумѣла внести тлетворный духъ разложенія въ сербское духовенство. Что касается до чиновничества, то здѣсь дѣло пошло еще легче: туземцы — сербы, мусульмане и православные вмѣстѣ — составляютъ лишь 8% всего чиновничества, занимая при этомъ мѣста, на которыхъ нѣтъ возможности проявить хоть сколько-нибудь свою самостоятельность: ихъ сила ничтожна. Нѣкоторую долю независимости по самому положенію своему имѣютъ богатые торговцы, но Австрія постаралась убить въ Босніи и Герцеговинѣ всякую свободу торговли и промышленности, сведя частную промыш-

ленность на нѣтъ благодаря цѣлой системѣ монополій—пивной и водочной, сольной, угольной, лѣсной и табачной—и отдачѣ цѣлаго ряда предпріятій въ руки вѣнскихъ евреевъ и нѣмцевъ. Въ цѣляхъ наживы этихъ послѣднихъ запрещенъ ввозъ товаровъ даже изъ сосѣдней австрійской провинціи Далмаціи, и жители должны покупать на заводахъ этихъ иностранцевъ втридорога тѣ продукты, которые прежде выдѣлывались мѣстными силами. При такой конкуренціи трудно удержаться частному торговцу или промышленному предпріятію, а кто удерживается и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшается выступать открыто въ защиту родного народа, съ тѣмъ боснійская администрація расправляется, какъ расправлась съ богатымъ торговцемъ изъ Сараева Ефтановичемъ. Не успѣлъ онъ вернуться изъ Вѣны, куда отвозилъ сербскій меморандумъ съ жалобой на мѣстную администрацію, какъ въ содержимую имъ гостиницу явились отъ имени властей врачъ и инженеръ и, найдя, что она содержитя антисанитарно, закрыли ее. У Ефтановича былъ ресторанъ; закрыли и его. Было 3 дома; найдя, что они не соответствуютъ современнымъ требованіямъ гігіены, санитарная комиссія приказала ихъ сравнять съ землей. Былъ участокъ земли у вокзала; его предназначили къ отчужденію. Съ людьми менѣе зажиточными расправа еще короче. Жаловаться некому: судъ зависитъ отъ администраціи, да и не найдется адвоката, который бы взялся вести дѣло. Его вышлютъ, какъ выслали въ Вѣну Бертольда Крассоча, осмѣливавшагося составить нѣсколько жалобъ на злоупотребленія полиціи. «Вы знаете,—говорилъ намъ въ Цетиньѣ одинъ боснійскій сербъ:—вотъ я сейчасъ здѣсь и свободно разговариваю съ вами, но я не поручусь, что по пріѣздѣ домой меня за пребываніе мое въ Цетиньѣ не посадятъ въ тюрьму». Вотъ условія, въ которыхъ живетъ подъ австрійскимъ владычествомъ боснійская интеллигенція.

Но еще печальнѣе положеніе народа. Оккупируя Боснію и Герцеговину, Австрія взяла на себя задачу урегулировать наконецъ аграрный вопросъ, изъ-за котораго въ значительной мѣрѣ вспыхнуло и самое возстаніе 1876 г. Она не сдѣлала шагу для этого. Напротивъ, она значительно ухудшила положеніе сербскаго крестьянства. Она разорила и разоряетъ его неустанно. Какъ извѣстно, во время турецкаго владычества главнымъ земельнымъ налогомъ была десятина: крестьяне должны были десятую часть урожая платить въ казну, а затѣмъ за вычетомъ зерна, идущаго на обѣмненіе полей, остальное дѣлили на три части и третину уплачивали помѣщику—агѣ. Австрія сохранила этотъ порядокъ, но культурное варварство и прикрывающееся фразами объ общей пользѣ передовое безчеловѣчіе во всеоружіи нѣмецкой точности и аккуратности сдѣлали все, чтобы выжать изъ крестьянина послѣдніе соки. При туркахъ десятина платилась натурой; теперь она взимается деньгами. При туркахъ расцѣнка урожая производилась послѣ жатвы; теперь она происходитъ весною, когда хлѣбъ еще на корню и тысячи случайностей могутъ помѣшать урожаю. Опѣнивается урожай по высокимъ весевнимъ цѣнамъ, а уплачивать налогъ приходится осенью, когда цѣны низки. Турки позволяли выплачивать десятину въ нѣсколько сроковъ; теперь деньги должны быть неукоснительно доставлены въ одинъ извѣстный срокъ подъ угрозой немел-

ленной распродажи имущества. Общая сумма налога заранее опредѣляется въ австрійскихъ канцеляріяхъ не по годовому сбору хлѣбовъ, а сообразно съ суммой, необходимой для бюджета данного года. Дѣло уже оцѣнщиковъ въѣми правдами и неправдами увеличить до опредѣленнаго заранее размѣра доходность налога. И они не стѣсняются ничѣмъ! Когда въ 1897—1899 г. былъ голодъ, и люди, болѣя и изнемогая отъ голода, стали вырывать изъ земли корни, которыми питались свиньи, и съѣдали ихъ, правительство посѣщило обложить и эти корни налогомъ въ 3 кроны съ центнера. Можно ли послѣ того удивляться, что народъ, за свой безуставный трудъ не получая никакого дохода и не находя себѣ заработка на фабрикахъ, гдѣ работаютъ иностранцы, бѣжитъ въ Америку, а на его мѣсто являются колонисты изъ Австріи и Венгрии и устраниваются, получая отъ правительства тысячи льготъ. Хорошо еще, когда это чехи или словаки. Но большинство ихъ нѣмцы: такъ постепенно и упорно прокладывается германская дорожка на югъ, къ бѣлому Эгейскому морю, и тамъ, гдѣ нѣкогда безиримѣно жило чистое славянское племя, теперь все чаще и чаще мелькаютъ поселки съ характерными названіями Юзефеталь, Рудольфеталь и т. п. А уже о самомъ Сараевѣ и говорить нечего. Сербская жизнь ютится тамъ только въ чаршии да на окраинахъ. Главная часть Сараева за 30 лѣтъ успѣла принять видъ настоящаго нѣмецкаго города: нѣмецкія гостиницы, нѣмецкіе рестораны и кофейни, нѣмецкія вывѣски, и даже слова сербскаго на главной улицѣ почти не услышишь. Боснія и Герцеговина стала Эльдорадо для нѣмцевъ, а исконный сербскій народъ гибнетъ въ австрійскихъ тискахъ.

И кто же является пособникомъ Австріи въ этомъ заранее обдуманномъ убійствѣ цѣлаго народа? Сами же славяне! Польскіе полки 30 лѣтъ тому назадъ заняли Боснію. Теперь большинство боснійскихъ чиновниковъ набирается изъ тѣхъ же поляковъ (25%) и хорватовъ (42%). Несчастная распря сербовъ и хорватовъ, этихъ двухъ дѣтей одинаго сербо-хорватскаго народа, въ Босніи и Герцеговинѣ приноситъ особенно печальные плоды. Пока славяне губятъ другъ друга, торжествуютъ нѣмцы и мадьяры. Славяне въ Австріи большинство даже въ парламентѣ, но они до сихъ поръ, какъ привыкли играть, такъ и играютъ роль нѣмецкихъ рабовъ, и мечта о славянской Австріи, которая и у насъ мало-по-малу прививается, едва ли не иллюзія. Разсказанное Барромъ положеніе Босніи и Герцеговины служитъ тому доказательствомъ. Аннексія, безъ сомнѣнія, еще болѣе ухудшитъ положеніе сербскаго народа. Помышлять этому теперь, повидимому, поздно, но знать, въ какомъ положеніи находится родственнѣй и единообранный намъ народъ подъ владычествомъ Австріи, русскому обществу нужно. Книга Барра всего болѣе пригодна для такого ознакомленія: она написана живо и занимательно и даетъ множество фактическихъ свѣдѣній. Стоитъ она дешево и переведена удовлетворительно. Жаль только, что славянскія названія ищутся на нѣмецкій ладъ: кроаты вмѣсто хорваты, Аграмъ вмѣсто Загребъ. Для обозначенія земель, лежащихъ по Савѣ, явилась даже Позавина вмѣсто Посавина.

Андрей Сиротининъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЕДИЦИОНСКОЕ изслѣдованіе мумій фараоновъ. — Недавно были произведены медицинскія изслѣдованія надъ муміями фараоновъ XIX и XX династій, и по этому поводу Масперо помѣстилъ статью въ «Hebdo-Débats»¹⁾. Большинство найденныхъ мумій оказались въ плачевномъ положеніи, искалѣченными и часто лишенными рукъ или ушей. Грабители, посягавшіе на ихъ драгоцѣнности, не очень церемонились съ ними, несмотря на ихъ высокое положеніе при жизни, и, чтобы достать добычу, прибѣгали къ помощи ножей, лопатъ и топоровъ. Зная, что драгоцѣнности находятся подъ неленами, они такъ грубо ихъ перерубали, что захватывали попутно и части тѣла. Обыкновенно записья и ожерелья надѣвались на мумію, пока ея тѣло еще было мягко, послѣ ваннъ изъ натровыхъ солей, и они какъ бы врѣзывались въ него подъ давленіемъ перевязокъ и снять ихъ было впослѣдствіи очень затруднительно. Поэтому грабителямъ приходилось вырывать ихъ вмѣстѣ съ частями тѣла. Напримѣръ, у Сифтаха была сломана кисть правой руки и сама рука, правая щека изуродована, зубы сломаны, нижняя челюсть обнажена, уши разорваны, брюшная полость выше пупка разсѣчена на протяженіи 15 сантиметровъ. У Сетуя II голова отдѣлена отъ туловища, руки сломаны и пальцы на лѣвой рукѣ оторваны въ то время, когда грабители вырывали у него изъ рукъ скипетръ. На животѣ и на груди также зіяла широкая рана. Рамзесъ VI оказался положительно растерзанъ ударами лопаты и топора. Его голова и туловище раздроблены на куски, и очевидно, когда сторожъ хотѣлъ исправить какъ-нибудь эту бѣду,

¹⁾ Les Pharaon à l'inspection médicale. Par Maspero. 8 Janvier 1909. «Hebdo-Débats».

то прибѣгнулъ къ помощи доски, чтобы дать какую-нибудь опору несчастнымъ обломкамъ. Согласно тогдашнимъ религіознымъ вѣрованіямъ египтянъ, трупъ человѣческаго существа долженъ быть весь цѣль, чтобы его душа могла вести нормальную жизнь въ иномъ мірѣ, и потому къ этой истерзанной муміи сторожамъ пришлось придѣлать вмѣсто правой руки, унесенной грабителями вмѣстѣ съ кольцами, другую руку, взятую у какого-то трупа женщины, что видно изъ сравненія ея съ уцѣлѣвшей лѣвой рукой муміи.

Въ виду такого состоянія мумій, не всегда удавалось точно опредѣлить ростъ этихъ личностей. По предположенію Масперо, Рамзесъ VI и Рамзесъ V достигали 1 метра 72 сантиметровъ вышины; Сифтахъ и Сети I — 1 метра 64 сантиметровъ, а Рамзесъ IV не превышалъ 1 метра 62 сантиметровъ. Гораздо легче опредѣлить, какихъ лѣтъ они умерли. Напримѣръ, Менефтахъ, сынъ преемника Рамзеса II, былъ въ то время старикомъ, такъ какъ щитовидный хрящъ у него совершенно окостенѣлъ. Напротивъ, Сифтахъ и Сети умерли молодыми, но Рамзесъ IV, судя по черепному шву, умеръ лѣтъ пятидесяти, а Рамзесъ V былъ немногимъ моложе его. Сифтахъ, какъ видно изъ изслѣдованія, былъ отъ природы хромымъ, и его лѣвая нога оказалась короче правой. У другихъ фараоновъ не было замѣтныхъ уродствъ.

Очень рѣдко случалась возможность опредѣлить признаки болѣзни, отъ которой умерла фараоны. Впрочемъ, Рамзесъ, повидимому, скончался отъ оспы, оставившей характерные при этой болѣзни слѣды пустулезныхъ прыщиковъ на его лицѣ, бедрахъ и верхней части брюшной полости; болѣе того, на правомъ паху у него оказалась бубонная язва съ толстыми краями, еще покрытая какой-то черной мазью. У всѣхъ мумій на макушкахъ череповъ найдены широкія отверстія, почти треугольныя, которыя у однихъ покойниковъ продѣлывались во время бальзамированія, у другихъ во время послѣднихъ минутъ агоніи или тотчасъ же послѣ смерти. Судя по краямъ раны, по крайней мѣрѣ у Рамзеса V, эта операція произведена, пока ткань еще была мягкая и пластичная. Съ какимъ намѣреніемъ производилась эта операція, неизвѣстно, но Масперо полагаетъ, что не будетъ большой ошибкой объяснить ее религіознымъ обычаемъ. По мнѣнію древнихъ, болѣзнь причиняли людямъ вторгнувшіеся въ больного злые духи: они проскальзывали черезъ ротъ, носъ и уши, и больной, у котораго не хватало силъ ихъ изгнать, неизбѣжно присужденъ былъ къ смерти. Нѣкоторые народы предполагали, что овладѣвшій человѣкомъ злой духъ, послѣ совершеннаго имъ убійства этого человѣка, скрывался у него въ мозгу и изгнать его оттуда не представлялось возможнымъ иначе, какъ приготовивъ ему путь черезъ человѣческій черепъ. Масперо предполагаетъ, что бальзамировщики, просверливая черепъ фараоновъ, какъ бы разрѣшали злему духу удалиться. Впрочемъ, оговаривается Масперо, эта операція при Рамессиддахъ была простой манипуляціей, не имѣющей за собою большого значенія: покойниковъ продолжали хоронить по формулѣ, существовавшей въ первобытные годы, не очень беспокоясь о томъ, для чего была установлена эта формула. На черепахъ у частныхъ лицъ Масперо не замѣтилъ такихъ отверстій, и, быть можетъ, ихъ продѣлывали исключительно у коронованныхъ лицъ, и потому ихъ происхожденіе можетъ быть отнесено къ еще неизвѣстному эпизоду изъ мифа Озириса и Горуса.

По словамъ Масперо, довольно любопытно искать сходства между фараонами на ихъ давно неподвижныхъ лицахъ, однако все-таки сохранившихъ то или другое характерное выраженіе. Муміи, которыхъ онъ изслѣдуетъ, раздѣляются на двѣ группы: къ первой принадлежитъ девятнадцатая династія, къ которой относятся Сети I и Рамзесъ II; ко второй— двадцатая династія— Рамзесъ III. Первый хранитъ на своемъ лицѣ спокойную твердость, а второй надменность. Менефтахъ походитъ болѣе на своего отца, чѣмъ на дѣда. Вообще родственныя черты тѣхъ или другихъ мумій ясно видны. Сравнивая лица мумій со статуями и барельефами, изображающими ихъ, работы современныхъ имъ скульпторовъ, видно, что послѣдніе очень старались вѣрно передать черты ихъ лица. Хотя эти скульптуры были неважныя и исполняли свои работы грубо, но все-таки можно сказать, что это дѣйствительно портреты означенныхъ мумій.

Кромѣ полезныхъ свѣдѣній для исторіи и исторіи искусствъ, эти изслѣдованія дали много другихъ интересныхъ подробностей, какъ, напримѣръ, они выяснили отношенія египтянъ къ своимъ умершимъ фараонамъ. При жизни фараонъ для египтянъ былъ господиномъ, и, по ихъ мнѣнію, вся вселенная простиралась у его ногъ, а такъ какъ человѣческаго почета было для него недостаточно, то создавался культъ боговъ. Но едва онъ умиралъ, остатки этого поклоненія и его авторитетъ сохранялись лишь нѣсколько дней: его украшали драгоценностями, усыпальницу въ изобиліи наполняли принадлежностями его обихода, но и здѣсь уже начинало проглядывать равнодушное отношеніе къ его личности, и цѣнныя вещи, какъ уже не могуція болѣе ему требоваться, отсутствовали. Большая же часть находившихся въ усыпальницѣ предметовъ были не болѣе, не менѣе, какъ декорация для обмана глазъ и состояли изъ нарочно сфабрикованныхъ для этого случая предметовъ, лишенныхъ всякой цѣнности. Послѣ похоронъ склепъ запирали и приставляли къ нему сторожей, оставляя на произволь судьбы бывшего властителя. Отъ времени до времени туда навѣдывались инспекторы для удостовѣренія, въ какомъ положеніи находятся останки, не пострадала ли обстановка и лежитъ ли въ своемъ гробу фараонъ. При этомъ они не замѣчали безпорядка, царившаго тамъ; а между тѣмъ послѣ ихъ предыдущаго посѣщенія воры уже забрались въ усыпальницу, обокрали фараона и выбросили его на порогъ входа, какъ будто имѣли дѣло не съ бывшимъ властителемъ, а простымъ рабомъ. Сторожа же, замѣтивъ эту бѣду, поправляли ее по-своему, т. е. занеживали фараона по-прежнему въ хорошую верхнюю целену, чтобы съ виду мумія была приличной, внутри же она представляла просто свертокъ костей и грязныхъ тряпокъ. Наконецъ оберегать бывшего властителя становилось докучнымъ дѣломъ, но, не желая оставлять его на произволь судьбы, мумію вытаскивали изъ разореннаго склепа и прятали туда, гдѣ она никого уже болѣе не утруждала.

— Возстановленіе «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи. — Недавно не только семья художниковъ всего свѣта, но весь образованный міръ имѣлъ поводъ отпраздновать радостное событіе: итальянскому художнику Луджии Кавенаги удалось благополучно окончить возстановленіе «Тайной Вечери», находящейся въ транезной доминиканскаго монастыря Марія делла

Градіе въ Миланѣ, одно время превращеннаго въ казарму. Последнее обстоятельство пагубно отразилось на этомъ наилучшемъ произведеніи великаго художника и гениальнаго человѣка, созданномъ между 1495—1499 гг. Порча этой фрески началась еще при жизни Леонардо, но обратилъ вниманіе на это досадное явленіе только въ 1568 г. Антоніо Беатисъ, секретарь кардинала Аррагонскаго. Годы, вредное вліяніе пыли и сырости, вмѣстѣ съ неумѣлой реставраціей, при помощи клея и лака, много способствовали дальнѣйшему процессу порчи. Долго искали причину этой порчи и цѣлые вѣка велся споръ о томъ, какой способъ примѣнилъ Леонардо при исполненіи этой стѣнной живописи.

Многіе были убѣждены, что этотъ *chef d'oeuvre* не нарисованъ согласно принятому тогда обычаю *al fresco*, т. е. на смоченной поверхности обмазки изъ негашенной пзвести и мелкаго песку, наложенной на штукатурку. Краски накладывались на еще свѣжую обмазку, совѣмъ сырую, и проникали вглубь, образуя такимъ образомъ нераздѣльную часть стѣны. Последній способъ, какъ извѣстно, чрезвычайно труденъ и требовалъ большого навыка и вѣрнаго глаза, такъ какъ разъ наложенную краску нельзя было уже ни снять, ни соскоблить, какъ масляную съ полотна, поэтому поправки были тутъ немислимы. Художникъ не могъ колебаться въ выборѣ красокъ и вѣрный тонъ приходилось сразу находить. Это — живопись самопроизвольная, быстрая, съ перваго взмаха, и взмахъ долженъ былъ являться воиолнѣ совершеннымъ. Кромѣ того, не всѣ краски могли примѣняться къ этого рода живописи, нѣкоторыя портились отъ известки и отъ нихъ приходилось отказываться. Но зато цвѣта фресокъ были очаровательны и чудесно сохраняли свою свѣжесть, какъ, напримѣръ, фреска Беноццо Гоццолли, которая была нарисована въ XV столѣтіи, но кажется созданной вчера, тогда какъ многія картины масляными красками потпелись и дѣлались неузнаваемыми. Въ виду этого и порчу «Тайной Вечери» приписывали именно масляной краскѣ, которую, какъ предполагали, Леонардо примѣнилъ при исполненіи фрески. Этотъ гениальный человѣкъ, страстно любившій изобрѣтать, на этотъ разъ неудачно придумалъ одинъ довольно сложный известковый растворъ, въ который входило много разнообразныхъ веществъ и между прочимъ пометъ различныхъ животныхъ. По этому-то раствору, какъ установилось въ концѣ концовъ мнѣніе, Леонардо рисовалъ масляными красками. Однако теперь это мнѣніе оспариваетъ Кавенаги, положительно утверждая, что «Тайная Вечера» написана не масляными красками, но *à la detrempe*.

Впрочемъ, какъ бы она ни была написана, Кавенаги блестяще окончилъ ея возстановленіе. Съ помощью одного состава, онъ уничтожилъ пыль, грязь и склеившійся лакъ, а гдѣ образовался родъ мѣшечковъ, въ которыхъ собралась пыль, смѣшанная съ облупившейся краской, онъ освободилъ эти мѣста отъ грязи соломинкой, обмокнутой въ линкое вещество. Только послѣ этой операци онъ снова наложилъ живопись на прежнее мѣсто и такимъ образомъ ему удалось возстановить эту чудную фреску, ничего не прибавляя къ работѣ гениальнаго художника и сохранивъ его творчество во всей красотѣ, конечно, исключая нѣкоторыхъ мѣсть, уже давно стершихся.

Что же касается до души этого произведенія, какъ выражается Андреа Лиши, написавшій въ «Ригаго» прекрасную статью по поводу возстановленія «Тайной Вечери», то картина дышитъ не матеріальной красотой и, несмотря на времена безвѣрія, она невольно производитъ и будетъ производить впечатлѣніе. Здѣсь Леонардо болѣе, чѣмъ въ какой-нибудь изъ своихъ картинъ, выказалъ необыкновенный гений, независимость идей, полную самостоятельность взгляда и то, что онъ ничѣмъ не обязанъ времени, въ которое жилъ, что видно уже начиная съ выбора момента, взятаго изъ столь глубокаго по мысли сюжета. Онъ не выбралъ той торжественной минуты, когда Христосъ, преломляя хлѣбъ и наливая вино, произносилъ: «Примите, ядите: сіе есть тѣло Мое, которое за васъ предается» и т. д., а взялъ исключительный моментъ, полный глубокой психологій и близкій къ реальной жизни, когда Христосъ въ умѣ своемъ смущался и съ грустью произносилъ: «Истинно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ, ядущій со Мною, предастъ Меня!» — и при этихъ словахъ всѣ заволновались, а нѣкоторые съ ужасомъ привстали. Ученики знали, что любятъ, бесконечно любятъ Христа, но въ то же время имъ было извѣстно, что Христосъ все знаетъ и они убоялись только что услышанной фразы: ими овладѣлъ смутный ужасъ. А Христосъ сидѣлъ среди нихъ, болѣе одинокій и болѣе печальный, чѣмъ когда. . . Какъ бы подчеркивая, что это одиночество уже не иллюзія, его любимый ученикъ Іоаннъ не прижимался болѣе головою къ его груди, а поддался назадъ. Это была минута отчаянія, смертельной увѣренности... Обманутой дружбой Христосъ горестно склонилъ свое Божественное чело: безконечная печаль омрачила его, но на немъ не выражалось удивленія: заранѣе зналъ Исусъ, что измѣна будетъ, и не возмущался, потому что такъ было надо, чтобы написанное совершилось. Но вмѣстѣ съ тѣмъ безконечная тоска томила Сына Человѣческаго, одинокаго среди столькихъ людей, одинокаго и въ своемъ сердцѣ и въ мысляхъ.

По мнѣнію Лиши, Христосъ кисти да Винчи представляетъ фигуру, на которой духовное состояніе отпечаталось наиболѣе, чѣмъ когда-нибудь какой-либо художникъ задумалъ это сдѣлать и исполнилъ въ своемъ произведеніи. Для него Леонардо — художникъ души — различалъ души, согласно ихъ предвѣдѣнію, начиная отъ Лукреціи Кривелли, красивой женщины, тонкія губы которой выражаютъ, что она ничего не скажетъ изъ своей тайны и глаза которой говорятъ, что они ничего не знаютъ изъ ея тайны, и кончая Христомъ, который овладѣлъ всей тайной. Между этими двумя противоположными крайностями находятся Монна Лиза и Джіоконда, которыя увѣрены въ себѣ и не выдадутъ своей тайны, св. Анна, угадывающая заранѣе судьбу и улыбающаяся на игру Дѣвы съ Младенцемъ. Изъ всѣхъ этихъ свѣтскихъ людей, святыхъ, легкомысленныхъ или божественныхъ душъ Леонардо сдѣлалъ аналогичные образы человѣческой души, тожественные по своему существу и отгѣняющіеся тысячами отгѣнковъ по своему содержанію. Этотъ удивительный, гениальный человекъ, заключавшій въ себѣ всевозможные таланты, отличался умомъ, въ которомъ въ большомъ порядкѣ укладывались мечты и дѣйствительность, возможное и реальное, временное и постоянное, ясное желаніе жить, давая отчетъ обо всѣхъ данныхъ жизненныхъ задачъ, и совершенная реализація че-

ловѣческаго существа. Его художественныя произведенія передавали только часть его мысли, а потому, по мнѣнію Лиши, чтобъ они имѣли всю свою цѣнность и осуществили все свое значеніе, ихъ надо помѣстить все вмѣстѣ.

Эта черта его ума замѣтно выдѣляется въ двухъ его произведеніяхъ, которыя, казалось, должны были бы служить выраженіемъ совершенно противоположныхъ мыслей,—это его Іоаннъ Креститель и Бахусъ. А между тѣмъ эти его произведенія поражаютъ своей аналогичностью: улыбка Предтечи Христа совершенно тождественна съ улыбкой языческаго божества: оба они указываютъ пальцемъ на мистическое мѣсто. Достаточно надѣть на голову Крестителя вѣнокъ изъ листьевъ, чтобы Предтеча обратился въ Бахуса. Бахусъ толстый, или во всякомъ случаѣ тучный, тяжеловѣсный человѣкъ, сытый пьяница въ тигровой шкурѣ, улыбаясь, указываетъ пальцемъ на сосѣдній лѣсъ, гдѣ, безъ сомнѣнія, онъ слышитъ, какъ кипитъ жизнь, наслаждаются животныя, а если онъ и не слышитъ, то угадываетъ, или только знаетъ, самъ не выдавъ, что эта тайна существуетъ, такъ какъ, по выраженію Лиши, несомнѣнность тайны сама по себѣ—система міра. Креститель, вмѣсто тигровой шкуры прикрытый шкурой ягненка и вмѣсто тирса держащій крестъ, не походитъ на Предтечу, какимъ его обыкновенно изображаютъ — испитымъ аскетомъ, питавшимся акридами и дикимъ медомъ, человѣкомъ суровымъ, хотя съ кроткимъ умомъ. Креститель Леонардо не исхудалый, не испитой, а довольно полный и дышитъ здоровьемъ. Онъ не походитъ ни на традиціоннаго Предтечу, ни на Бахуса, но, какъ и послѣдній, онъ улыбається. Улыбка, губы, щеки, глаза и все лицо одинаковы у того и другого, но у Крестителя они болѣе выдѣляются. Онъ указываетъ пальцемъ не на сосѣдній лѣсъ, а на небеса: для него тайна—тамъ. Оба они кажутся аналогичными символами: — одинъ символъ природы, другой—духовной жизни, одинъ—натуралистъ, другой—христіанинъ.

Но это сходство Предтечи съ Бахусомъ не совсѣмъ служитъ проявленіемъ склонности Леонардо къ язычеству, что было въ его время обычнымъ явленіемъ, и когда изъ исторіи Христа его современники дѣлали нечестивыя представленія. Хотя Леонардо, дѣйствительно, не былъ строгимъ христіаниномъ, но въ этомъ случаѣ онъ не былъ и язычникомъ. Языческому миру онъ придавъ духовный смыслъ, онъ также преобразовалъ и христіанскій міръ. Онъ сдѣлалъ изъ Бахуса и Предтечи открывателей одной первотайны, которая—душа всего, а не двухъ различныхъ тайнъ, небесной и земной, ибо эти двѣ тайны растворяются въ одной глубокой тождественности, въ концѣ концовъ составляющей одну тайну, которая «тренируетъ въ лѣсу и вдохновляетъ самыя идеальныя вѣрованія». Поэтому Леонардо, какъ религіозный живописецъ, не является точнымъ исполнителемъ, какъ Анжелико или Джіотто; для него евангельскія фигуры — выраженія духовной истины, которую постигло его философское размышленіе. Тотъ же идеализмъ, слитый съ реализмомъ, онъ вложилъ и въ фигуру Христа въ своей «Тайной Вечери». Самое знаменательное въ лицѣ Христа, страдающаго, но въ то же время спокойнаго — предвѣдѣніе и все, что заставляетъ переживать безконечная безвадежность, вызванная фактомъ видѣть все въ будущемъ, какъ въ прошедшемъ. Тотъ, кому извѣстенъ законъ угадывать, что сулитъ завтрашній день и болѣе не сомнѣ-

ваться въ немъ, тому нечего болѣе дѣлать среди людей — онъ уже неземное существо: его судьба окончена.

— Испанскія легенды о Робинзонѣ Крузоѣ и Донъ-Жуанѣ. — Въ концѣ прошлаго года французская литература обогатилась двумя любопытными явленіями, касающимися Испаніи: одно изъ нихъ — статья Мориса Мюрэ въ «Hebdo-Débats» о новомъ прототипѣ Робинзона Крузоѣ, героя англійскаго романиста Дефо, а другое — сочиненіе Жоржа Жандармъ-де-Бевотта: «Легенда о Донъ-Жуанѣ: ея эволюція въ литературѣ, отъ ея происхожденія до появленія романтизма» ¹⁾. До сихъ поръ прототипомъ знаменитаго Робинзона Крузоѣ все англійскіе критики считали шотландскаго моряка, Александра Селькирка, который былъ выброшенъ кораблекрушеніемъ на необитаемый островъ Жуанъ Фернандецъ, впоследствии исчезнувшій отъ землетрясенія; Селькиркъ перенесъ множество всякаго рода лишеній и, какъ увѣряли до сихъ поръ, Дефо съ него срисовалъ типъ своего «Робинзона Крузоѣ», который вышелъ въ 1719 г. Теперь же оказывается, что, въ сущности, прототиномъ популярнаго героя, любимца всесвѣтнаго юношества, былъ испанскій морякъ Педро Серрано. Эту новинку открылъ одинъ французскій библиографъ въ англійскомъ переводѣ испанской книги «Commentarios Reales», историка Гарчилазо де-ла-Вега, напечатанной въ 1688 г. Въ этой книгѣ находилъ рассказъ о кораблекрушеніи и трогательныхъ приключеніяхъ этого Педро Серрано на Караибскомъ морѣ, противъ устья рѣки Ориноко. Онъ былъ выброшенъ морскими волнами на необитаемый островъ, или, лучше сказать, песчаную отмель и семь лѣтъ существовалъ одиноко, напоминая своими похождениями точь-въ-точь героя Давіэля Дефо. Поэтому, по всей вѣроятности, онъ и былъ настоящимъ прототиномъ этой сказочной фигуры.

Съ самаго начала своей уединенной жизни Серрано такъ страдалъ отъ голода и жажды, что хотѣлъ уже съ отчаянія убить себя. Но, по счастью, пошелъ дождь, и на берегъ выползла огромная черепаха, которую онъ поймалъ, зарѣзалъ своимъ перочиннымъ ножикомъ и высушилъ на солнцѣ ея нѣжное мясо, а въ ея роговой панцырь набралъ дождевой воды. Потомъ остриемъ ножа онъ высѣкъ изъ камня искры и зажегъ сухія водоросли, а на огнѣ изжарилъ собранные моллюски. Черезъ нѣсколько времени онъ, къ величайшему своему удивленію, нашелъ себѣ товарища, котораго онъ сперва принялъ за медвѣдя или большую обезьяну. Оказалось, что это былъ матросъ, который также попалъ на этотъ необитаемый островъ, благодаря кораблекрушенію. Четыре года оба страдальца дѣлили свои бѣды, но, наконецъ, поссорились, не изъ-за женщины, которой на островѣ не было, а изъ-за раковины, которая была больше другихъ. Такимъ образомъ Серрано прожилъ семь лѣтъ на своемъ дикомъ островѣ, пока, наконецъ, къ берегу не присталъ испанскій корабль, который отвезъ его въ Европу. По дорогѣ его товарищъ умеръ, но самъ онъ прожилъ благополучно нѣсколько лѣтъ, былъ представленъ императору Карлу V и получилъ отъ него значительную пенсію.

¹⁾ La Légende de Don-Juan. Son évolution dans la littérature, des origines au Romantisme. Par G. Gendarme de Bévoitte. Paris. 1909.

Совершенно иная легенда изложена Жан-Поль-де-Бевоттомъ — именно о Донъ-Жуанѣ. По его словамъ, она возникла въ Андалузїи, на мѣстѣ борьбы двухъ расъ и двухъ религій. Но, по увѣренію автора Бевотта, нѣтъ никакого историческаго основанія къ возникновенію этой легенды и она просто создавалась изъ различныхъ исторій, балладъ и драматическихъ пьесъ на латинскомъ языкѣ, представляемыхъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Не только въ Испаніи, но и въ Португаліи была известна эта легенда о приглашеніи на обѣдъ мраморной статуи. Въ 1630 г. поэтъ Габріэль Теллецъ, монахъ ордена Милосердія, болѣе известный подъ именемъ Тирза Малина, впервые написалъ драму «Донъ-Жуанъ». Затѣмъ идутъ нескончаемыя подражанія. Сначала типъ Донъ-Жуана былъ легкомысленнымъ, развратнымъ рубакой, который лишилъ невинности дочь командора и самъ, въ свою очередь, лишился жизни, но, по желанію патеровъ, предъ смертью принялъ причастіе. Таковъ прототипъ знаменитаго гуляки Донъ-Жуана. Перенесясь въ Италію, легенда о Донъ-Жуанѣ нѣсколько измѣнилась: онъ остался прежнимъ развратникомъ, но сталъ скептикомъ и противникомъ церкви. Наконецъ Франція, Англія и Германія создали своего болѣе или менѣе сходнаго другъ съ другомъ Донъ-Жуана. Мольеръ, Моцартъ и Байронъ по-своему воодушевили и гениально очертили фигуру Донъ-Жуана. Какъ бы то ни было, все-таки легенда о немъ останется плодомъ испанскаго генія.

— Дневникъ герцогини Дино. — Въ послѣдніе годы имя герцогини Дино, дочери герцогини Курляндской и жены племянника Талейрана, часто встрѣчалось на страницахъ многихъ французскихъ историческихъ трудовъ, мемуаровъ и монографій. Собственно ей были посвящены «Воспоминанія герцогини Дино», изданныя ея внучкой, графиней Кастелянъ, и въ нихъ было говорено только объ ея молодости, до ея замужества въ 1809 г. — ровно сто лѣтъ тому назадъ. Эта книга вышла въ прошломъ году, и съ тѣхъ поръ въ различныхъ журналахъ появлялись отрывки изъ послѣдующихъ ея мемуаровъ. Теперь же напечатанъ первый томъ «Дневника герцогини Дино отъ 1831—1862 гг.», который изданъ княгиней Радзивилль, урожденной графиней Кастелянъ, внучкой герцогини. Такимъ образомъ, въ этихъ воспоминаніяхъ происходитъ перерывъ въ двадцать два года, полныхъ интересныхъ событій. Существуютъ ли у наслѣдниковъ Дино эти документы, или они совершенно исчезли — неизвѣстно.

Какъ бы то ни было, новые мемуары называются «Хроникой» или «Дневникомъ» и начинаются въ Парижѣ 9 мая 1831 г., когда герцогиня пріѣхала съ Талейраномъ изъ Лондона, гдѣ онъ находился въ качествѣ французскаго посла съ 1830 г. Десятаго же сентября они вернулись опять въ Лондонъ и оставались тамъ безвыѣздно, за исключеніемъ отъѣзда въ Парижъ, до 23 августа 1834 г., когда Талейранъ вышелъ въ отставку и окончательно поселился въ Парижѣ. Лондонскій дневникъ герцогини продолжается изо дня въ день, и она сожалѣетъ, что не начала его ранѣе, тогда, конечно, онъ былъ бы любо-

¹⁾ Duchesse de Dino. Chronique de 1831—1862. Publiée par la princesse Radzivil. Paris 1909. Vol. 1.

нытиѣ, хотя въ то время она еще достаточно не обжила въ Лондонѣ. Съ первыхъ же записей въ своемъ дневникѣ герцогиня упоминаетъ о княгинѣ Ливенъ, съ которой она была очень дружна. Описывая первый королевскій приемъ, drawing-room, она говоритъ: «Княгиня Ливенъ храбро усѣлась на ступенькахъ трона и оттуда перебралась въ кабинетъ короля, гдѣ завтракала. Потомъ она пришла къ намъ сказать, что не устала и не голодна». Впрочемъ, и герцогиня Дино приглашалась на все придворные банкеты, какъ, напримѣръ, на завтракъ, данный въ Вульвичѣ на яхтѣ «Royal Sovereign», гдѣ король, обращаясь къ ней, шлъ за здоровье французскаго короля, а кланяясь Бюлову, предложилъ тостъ за прусскаго короля. Однако онъ забылъ еще о голландскомъ королѣ, и присутствовавшая при этомъ г-жа Фалькъ, фрейлина голландской королевы разрыдалась, такъ что король принужденъ былъ извиниться предъ нею и выпить за здоровье ея короля. Въ день рожденія Вильгельма III онъ пригласилъ княгиню Ливенъ и герцогиню Дино на обѣдъ, какъ представительницъ дипломатическаго корпуса. Во время тостовъ онъ упомянулъ, что княгиня Ливенъ давно была въ Лондонѣ представительницей дружескаго съ Англіей двора, а также лично его другомъ. Потомъ, обернувшись къ герцогинѣ Дино, онъ произнесъ: «Я васъ знаю гораздо меньше, но все же вы оставляете здѣсь очень пріятное воспоминаніе и также вагъ дядя, выказавшій такъ много прямодушія, благородства и искусства вести дѣла, что я съ удовольствіемъ его вижу». Король также предлагалъ тостъ за графиню Воронцову, которая была по своему мужу столько же англичанкой, сколько русской. Княгиня Ливенъ и герцогиня Дино отвѣчали на королевскіе тосты, но графиня Воронцова, желая сказать нѣсколько словъ, такъ спуталась, что король долженъ былъ продолжать свою рѣчь.

Изъ многочисленныхъ лондонскихъ анекдотовъ, рассказываемыхъ герцогиней Дино, очень забавно одно замѣчаніе старой маркизы Сольсбери, матери будущаго перваго министра. Она никогда не ѣздила въ церковь и какъ-то неожиданно туда собралась; услыша проповѣдь, въ которой говорилось, что Адамъ, прося прощенія у Бога за совершенный имъ первородный грѣхъ, сказалъ: «Господи, женщина меня соблазнила!» — она неожиданно вскочила и воскликнула: «Вотъ дрянной-то человекъ!».

Герцогъ Веллингтонъ увѣрялъ представительницу Франціи, что ни одинъ народъ въ свѣтѣ не былъ менѣе кровожаденъ, чѣмъ англійскій. Узнавъ о какомъ-нибудь убійствѣ, онъ тотчасъ бросался отыскивать убійцу и до тѣхъ поръ не успокаивался, пока послѣдній не находился; точно также, по его словамъ авглійскіе солдаты были менѣе всѣхъ жестокосердны: они черзчуръ грабили, но никогда не были кровожадны. Тотъ же Веллингтонъ, говоря о г-жѣ Стааль, уже немолодой и некрасивой, которую онъ очень не любилъ, рассказывалъ, что она считала самымъ пріятнымъ на свѣтѣ — объясненіе въ любви. На это фельдмаршалъ ей однажды отвѣчалъ: «Да, когда можно быть увѣреннымъ, что такое признаніе — правдиво».

Лэди Лондондери славилась своими странностями, и однажды, ожидая рожденія ребенка, вообразила, что у нея непременно будетъ мальчикъ и загла для него мундиръ того полка, въ которомъ служилъ ея мужъ, говоря: «Не

забудьте, что этот мундиръ будетъ для ребенка шести дней». — «Вы хотите сказать шести лѣтъ», поправила ее портной. — «Нѣтъ, — воскликнула лэди Лондондери: — дѣйствительно шести дней: я въ этомъ костюмѣ окрещу ребенка».

Герцогиня Дино съ восторгомъ говорить о Рубини и Гризи, которыхъ она слышала въ «Отелло», причеъ однако прибавляетъ, что послѣдняя хотя была лучше Малибранъ, но вникуда не годилась въ сравненіи съ Пастой, превосходившей всѣхъ, какъ трагическая муза. «Эта женщина съ перваго раза отгадала то, что я искала тридцать лѣтъ», говорилъ о ней великій Тальма.

Въ своемъ дневникѣ герцогиня впервые упоминаетъ о будущей королевѣ Викторіи, какъ о пятнадцатилѣтней маленькой дѣвочкѣ, худенькой, блѣдной, слишкомъ маленькаго роста, съ великолѣпнымъ цвѣтомъ кожи, прекрасными каштановыми волосами и добрымъ, нѣжнымъ выраженіемъ лица. Она отлично говорила на нѣсколькихъ языкахъ, и ея воспитаніемъ занималась ея мать, герцогиня Кентская, которая особенно старалась, чтобы дѣвочка ничего не слышала неприличнаго. Однажды она сказала лорду Грею, что Викторія не должна слышать выраженія «побочный сынъ». — «Въ такомъ случаѣ, — отвѣтилъ лордъ Грей, — не позволяйте принцессѣ чигать исторію своей страны, надъ которою она будетъ впоследствии царствовать, такъ какъ на первыхъ же страницахъ она увидитъ исторію Вильгельма, герцога Нормандскаго, прозваннаго сначала Побочнымъ, а потомъ Завоевателемъ».

Въ 1834 г. Вильгельмъ III сталъ замѣтно сходить съ ума, и всѣ, даже въ клубахъ и на улицахъ, открыто объ этомъ говорили. Дѣйствительно, король часто говорилъ большія странности; такъ, однажды на балу онъ сказалъ княгинѣ Ливенъ: «Мой двоюродный братъ, герцогъ Глостерскій, вѣритъ въ переселеніе душъ и убѣжденъ, что въ него поселились Александръ Великій и Карлъ I». На это княгиня возразила довольно легкомысленно: «Вѣдны покойники, имъ, должно быть, не очень пріятно находиться въ такой головѣ, какъ у герцога». Но король на это отвѣчалъ: «По счастью, онъ не довольно уменъ, чтобы умереть на эшафотѣ».

Весною того же года Ливены были отозваны изъ Лондона. «Это что-нибудь да значить въ политикѣ, — говорила герцогиня Дино: — а въ лондонскомъ обществѣ это важное событіе». Отличный характеръ, здравый смыслъ и образцовыя манеры князя Ливена внушали къ нему всеобщее расположеніе и глубокое уваженіе. А княгиня Ливенъ была самая видная, всѣми окружаемая и наиболѣе избалованная женщина. Ея политическое значеніе, которое объясняется ея умомъ и знаніемъ, идетъ рядомъ съ ея авторитетомъ въ обществѣ. Иногда жаловался на ея тиранію и чрезмѣрно гордое обращеніе; но этимъ, по словамъ герцогини, она ставила полезную преграду между наивысшимъ, напуганнымъ обществомъ и менѣе высокимъ, менѣе утонченнымъ. Ея домомъ наиболѣе дорожили, и всякій добивался быть принятымъ туда. Высокомѣрный тонъ княгини Ливенъ даже, быть можетъ, слишкомъ рѣзкій, былъ совершенно кетати въ важныхъ случаяхъ. «Я не могу себя представить, — говоритъ герцогиня, — королевскаго приѣма безъ нея. За исключеніемъ лорда Пальмерстона, упорное нахальство котораго въ дѣлѣ сэра Страдфорда Канинга побудило русское

правительство отозвать Ливеновъ, — я увѣрена никто не будетъ доволенъ ихъ отъѣздомъ. Ливена назначили наставникомъ молодого русскаго наслѣдника престола. Говорятъ, Ливену дали все, что можетъ ему польстить и его утѣшить, но княгинѣ, проведеней въ Англіи двадцать два года среди всякаго рода политическихъ волненій, будетъ неирѣтно теперь очутиться въ петербургскихъ льдахъ и ничтожествѣ. Я полагаю, что лондонскій кабинетъ очень смущенъ увольненіемъ Ливена, а лорды Грей и Бругамъ лично огорчены».

Княгиня Ливенъ такъ объяснила герцогинѣ причину этого политическаго отозванія. За нѣсколько недѣль предъ тѣмъ лордъ Пальмерстонъ заявилъ Ливену, что онъ намѣренъ назначить посломъ въ Петербургъ сэра Страдфорда Каннинга, и князь Ливенъ тотчасъ объ этомъ донесъ своему двору. Но Нессельроде отвѣчалъ ему, что императоръ не считаетъ возможнымъ принять посломъ человека съ такимъ цѣльнымъ характеромъ, такого вспыльчиваго и тяжелаго. Пальмерстонъ, въ свою очередь, выразилъ Ливену, почему онъ желалъ пасгоятъ на посольствѣ Каннинга, и просилъ Ливена уговорить государя измѣнить свое рѣшеніе. Но прежде, чѣмъ курьеръ русскаго посольства выѣхалъ изъ Лондона, въ официальной газетѣ напечатано было назначеніе Каннинга въ Петербургъ. Это несоблюденіе приличія и упорство лорда Пальмерстона привело въ негодованіе императора Николая, и онъ не только повторилъ свой отказъ, но даже отозвалъ изъ Лондона русскаго посла, а на его мѣсто назначилъ повѣреннаго въ дѣлахъ. Княгиня Ливенъ при этомъ прибавила, что она надѣялась сохранить въ Петербургѣ свое политическое вліяніе, благодаря довѣрію къ ней государя и дружбѣ Нессельроде; но герцогиня Дино полагала, что пребываніе княгини Ливенъ въ Россіи было для нея настоящей политической смертью.

Лэди Кауперъ, чрезвычайно умная, но наивная дама, сказала княгинѣ Ливенъ при герцогинѣ Дино, что она слышала, какъ лордъ Пальмерстонъ выражалъ глубокое сожалѣніе по поводу отъѣзда Ливеновъ, которые представляли Россію самымъ достойнымъ образомъ, а потому Англія не могла не сожалѣть объ ихъ отъѣздѣ. Лэди Кауперъ показала княгинѣ Ливенъ также письмо, полученное ею отъ графини Флао, которая очень сожалѣла объ отозваніи изъ Лондона Ливена и о замѣнѣ его двоюроднымъ братомъ княгини, графомъ Медеомъ, «маленькой ядовитой осой». Черезъ нѣсколько дней княгиня Ливенъ получила письма изъ Петербурга, которыя ее окончательно успокоили: государь велѣлъ ей передать свое желаніе, чтобы его старшій сынъ наслѣдникъ подготовлялся у нея, какъ держать себя въ обществѣ. Особенно утѣшило княгиню Ливенъ письмо императрицы, которая надѣялась, что княгиня будетъ пользоваться въ Россіи большимъ вниманіемъ и независимостью. Княгиня съ гордостью стала воображать, что устроить при дворѣ особое отдѣленіе, напоминающее европейскимъ образованіемъ блестящія времена Екатерины. Такимъ образомъ ей, дѣйствительно, можно было бы играть въ Петербургѣ большую, даже великую роль. Особенно княгиня была довольна тѣмъ, что императрица не разсердилась на нее за выраженное сожалѣніе покинуть Лондонъ. Показавъ герцогинѣ Дино эти петербургскія письма, княгиня Ливенъ чрезвычайно восхваляла императора и увѣряла, что ему суждено быть

величайшей исторической фигурой своего времени. Въ отвѣтъ на это герцогиня передала ей любовишное замѣчаніе Талейрана, что «единственный кабинетъ, который не сдѣлалъ въ продолженіе чегырехъ лѣтъ ни одной ошибки, — былъ русскій и потому, что онъ никогда не торопится».

Герцогиня рассказываетъ, что англійскія аристократки, въ количествѣ тридцати, сошлись у лэди Сутерландъ съ цѣлью собрать по подпискѣ значительную сумму денегъ и поднести княгинѣ Ливень по случаю ея отъѣзда какой-нибудь подарокъ. Было рѣшено подарить ей браслетъ. Но возникъ большой споръ, какіе выбрать драгоценные камни. Опаловъ княгиня не любила; рубины были слишкомъ дороги; бирюза привозилась изъ Россіи; что же касается сапфировъ, то княгиня обладала великолѣпными экземплярами. Наконецъ остановились на изумрудѣ и рѣшили спросить совѣта у самой княгини — и дѣло кончилось большой великолѣпной жемчужиной. Затѣмъ завязался безконечный споръ, какую сдѣлать надпись на подарокъ. Кончилось тѣмъ, что спросили совѣта у герцогини Дино, которая отвѣчала, что она не умѣетъ достаточно хорошо выражаться по-англійски, а по-французски она написала бы: «Въ знакъ уваженія, сожалѣнія и любви къ княгинѣ Ливень по случаю ея отъѣзда отъ нѣкоторыхъ близкихъ къ ней англійскихъ лэди». Послѣ долгихъ преній всѣ согласились на эту надпись.

Лордъ Пальмерстонъ, хотя и большой непріятель Ливеновъ, рѣшился дать имъ прощальный объѣдъ, который былъ, однако, очень печальнымъ. Что же касается ближайшихъ друзей Ливеновъ, то они, между прочимъ и герцогиня Дино, такъ о нихъ сожалѣли, что даже не рѣшались поѣхать къ нимъ проститься.

Сама княгиня Ливень безутѣшно плакала, уѣзжая изъ Лондона, и только немного успокоилась, когда уговорила лорда Альваали проводить ее до Гамбурга. Этимъ и кончилось ея долговременное пребываніе въ Англии.

О дядѣ своего мужа, знаменитомъ Талейранѣ, съ которымъ она вмѣстѣ жила, герцогиня Дино очень мало говоритъ въ дневникѣ. Она только упоминаетъ объ его разсказахъ насчетъ Мирабо, а также объ его «мемуарахъ». По словамъ Талейрана, во время реставраціи онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительное количество очень важныхъ документовъ, касающихся революціи, и между прочимъ квитанцію Мирабо, выданную имъ въ полученіи денегъ отъ королевскаго двора. Эта расписка была мотивирована и въ ней упоминалось, какія услуги онъ обязался оказать правительству. Талейранъ прибавлялъ, что, несмотря на полученіе денегъ, было бы несправедливо обвинять Мирабо въ продажности, потому что онъ не жертвовалъ своими убѣжденіями, а хотѣлъ оказать услугу столько же Франціи, сколько и королю. Такимъ образомъ, не заслуживъ обвиненія въ подлости, которое къ нему предъявлено, Мирабо, по убѣжденію Талейрана, былъ по характеру, однако, далеко не такъ возвышенъ, какъ по уму. Кромѣ того, Мирабо принадлежалъ къ очень дурной расѣ: его отецъ, мать, братъ и сестра — всѣ были или сумасшедшіе, или злые, или люди, предававшіеся различнымъ гнуснымъ страстямъ. И однако, несмотря на это, на самую неблаговидную репутацию, на замѣчательное уродство и постоянное безденежье, Мирабо, по словамъ Талейрана, производилъ магическое впечат-

лѣніе. Что же касается квитанціи Мирабо, то Талейранъ передалъ ее Людовику XVIII, какъ семейную бумагу, и не знаетъ объ ея дальнѣйшей судьбѣ.

Талейрану было уже пятьдесятъ пять лѣтъ, когда онъ началъ писать свои мемуары, или маленькій томъ о герцогѣ Шуазель. Отправляясь на воды въ 1809 г., онъ взялъ у госпожи Ремюза почитать какую-то книгу, которая оказалась «Исторіей XIX вѣка», Лакретеля—сочиненіе чрезвычайно неточное и неполное. Талейрана привели въ негодованіе невѣжество и ошибки Лакретеля, и онъ написалъ живо рассказъ, исправлявшій невѣрнаго историка. Всѣ прочитавшіе его произведеніе были отъ него въ восторгѣ и также находили чрезвычайно интереснымъ написанный имъ отдѣльно эпизодъ о герцогѣ Орлеанскомъ, который впоследствии онъ ввелъ въ свои мемуары. Эти мемуары, по словамъ герцогини Дино, были потомъ увеличены личными воспоминаніями о всѣхъ событіяхъ, въ которыхъ онъ игралъ важную роль. Всего болѣе и всего блестяще онъ писалъ въ продолженіе тѣхъ четырехъ лѣтъ, когда находился въ ослѣ при Наполеонѣ. Отъ 1814 г. до 1816 г. онъ почти ничего не писалъ, а далѣе до 1830 г. онъ пересматривалъ, исправлялъ и увеличивалъ свои мемуары, которые довелъ до реставраціи. Въ эту эпоху у него отобрали всю его переписку во время Вѣнскаго конгресса, и у него такимъ образомъ не оставалось никакихъ документовъ за это время. «Вообще,—говорить герцогиня,—очень жаль, что Талейранъ никогда не велъ дневника и оставлялъ свои бумаги въ самомъ чудовищномъ безпорядкѣ. Поэтому, когда онъ принялся собирать свои воспоминанія, то принужденъ былъ надѣяться только на свою память, дѣйствительно прекрасную, но неизбѣжно имѣвшую пробѣлы. Я часто слыхала отъ Талейрана прекрасные анекдоты, которые не находятся въ его мемуарахъ, потому что въ то время, когда онъ писалъ ихъ, онъ забылъ объ этихъ анекдотахъ. Я слыхала, что многія части его мемуаровъ были чертовски извращены, поэтому, когда они появляются, то будутъ ужасно искажены». Издательница дневника герцогини Дино, княгиня Радзивилль, совершенно соглашается со словами своей бабушки и говоритъ, что когда появились мемуары Талейрана, изданные герцогомъ Брюльи, то многіе удивились и обвиняли Бакура въ извращеніи подлинника. Княгиня увѣряетъ, что самымъ лучшимъ исправленіемъ этихъ неточностей служить настоящій дневникъ.

Въ послѣдніе дни пребыванія въ Лондонѣ княгини Ливенъ герцогиня Дино говорила ей: «Я оплакиваю свой отъѣздъ въ вашемъ!»—и дѣйствительно Талейранъ вмѣстѣ съ герцогиней выѣхалъ изъ Лондона въ августѣ 1834 года. Онъ уѣхалъ, какъ обыкновенно, въ отпускъ, но всемъ говорилъ, что больше не возвратится и, дѣйствительно, очутившись въ Парижѣ, не только не хотѣлъ снова поѣхать въ Англію, но не соглашался принять какое-нибудь официальное мѣсто, хотя бы перваго министра. По выраженію Тьера, «этого не желала г-жа Дино». Конецъ 1834 года и весь слѣдующій годъ, какъ Талейранъ, такъ и герцогиня Дино, провели въ Парижѣ и въ ихъ помѣстьѣ Валансе, а также въ путешествіяхъ по Швейцаріи и Германіи. Надо признаться, что всѣ записи въ дневникѣ за это время не представляютъ большого интереса. Въ концѣ 1835 года, къ большому удовольствію герцогини, въ Парижѣ

прѣхала княгиня Ливень и она съ нею часто видѣлась, а еще чаще о ней упоминаетъ въ дневникѣ, и послѣднія слова перваго тома касаются «хорошаго настроенія княгини Ливень»!

— Незнакомка Проспера Меримэ. — За послѣднее время во Франціи вошло въ моду разоблаченіе анонимныхъ поклонницъ извѣстныхъ композиторовъ и писателей. Одно изъ такихъ разоблаченій появилось въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «La célèbre Inconnue de Prosper Mérimée» — Альфонса Лефевра, съ предисловіемъ Феликса Шамбона. Когда три года спустя послѣ смерти Меримэ, въ 1873 году были напечатаны: «Lettres à l'Inconnue», то всѣ заинтересовались личностью «незнакомки» и никакъ не могли отгадать, кто была эта загадочная женщина. Одни подозрѣвали, что дѣло идетъ о матери императрицы Евгениі, графинѣ Монтихо, съ которой Меримэ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ; другіе называли графиню Шедерскую, сестру маркизы Ноайль, третья г-жу Д... и т. д. Наконецъ въ 1874 году въ «Indépendance Belge» появился фельетонъ Жюля Кларти, гдѣ впервые было названо имя Жюли Дакэнъ, послѣ чего стали печататься различные документы, относящіеся до этой особы, которую всѣ считали англичанкой и о которой рассказывались различные анекдотическія исторіи. Только теперь, благодаря труду Лефевра и Шамбона, можно окончательно установить, что «незнакомка» — не кто иная, какъ Дженни Дакэнъ, она же Жюли Дакэнъ.

Окружавшая таинственность придавала особый интересъ этой женщинѣ и невольно подстрекала любопытство современниковъ. Она сама всячески старалась окутать себя непроницаемой тайной и въ то же время издала «Письма къ незнакомкѣ», но при этомъ умышленно такъ переставила ихъ, переставивъ числа, перемѣшавъ имена и событія, что невозможно было напасть на ея слѣдъ. Судя по ея имени «Дженни», ее принимали за англичанку; на самомъ же дѣлѣ она — дочь императорскаго прокурора въ гражданскомъ судѣ, чистокровная французка, уроженка Булони на морѣ, но только окончившая свое воспитаніе въ Англии. По возвращеніи на родину, она продолжала вращаться въ богатомъ и блестящемъ обществѣ англійской колоніи, довольно образованной и литературной, основавшей свой литературный клубъ, музыкальную и рисовальную школу и т. д. Такимъ образомъ, Дженни, кромѣ того, что съ дѣтства получила тщательное образованіе, но еще продолжала его развивать. Она даже напечатала въ «Annales romantiques» и «Bouloonnaise» нѣсколько поэмъ и новеллъ подъ псевдонимомъ «Леона». Между прочимъ, двадцати двухъ лѣтъ она написала «Le bonheur d'une vieille femme», которая начиналась словами: «Наконецъ я дожила до шестидесяти лѣтъ». Въ то время, когда въ «Annales romantiques» появилась ея «Un charme», то тамъ же Меримэ печаталъ свою повелю въ прозѣ «Federigo», но онъ еще не былъ знакомъ съ Дженни.

Со смертію отца положеніе семьи Дакэнъ перемѣнилось къ худшему, но это не смутило Дженни: она постаралась извлечь пользу изъ своего образова-

¹⁾ La célèbre Inconnue de Prosper Mérimée. Par Alphonse Lefebvre avec une préface de M. Felix Chandon. Paris. 1909.

ня и принялась давать уроки. Одно время она была компаньонкой въ какой-то англійской семьѣ, проживавшей въ Лондонѣ, гдѣ по словамъ Лефевра, состоялось ея знакомство съ Меримэ, который въ одномъ изъ писемъ писалъ ей: «Увижу я васъ, или нѣтъ? Клянусь вамъ, если вы не позволите васъ посѣтить, то я приду къ вамъ отъ имени г-жи Д. за извѣстіями отъ васъ. Почему вы не хотите, чтобы я увидѣлъ васъ, наиримѣръ, на прогулкѣ. или лучше въ «British Museum» или въ галереѣ Ингерштейна. Если эта переписка должна продолжаться безъ того, чтобы мы когда-нибудь увидѣлись, то она сдѣлается самой нелѣпой вещью, какая только существуетъ на свѣтѣ. Предоставляю вамъ обо всемъ этомъ поразмыслить». Изъ этого письма авторъ книги заключилъ, что Меримэ впервые познакомился съ Дженни въ Лондонѣ у лорда Х.

Но авторъ предисловія высказываетъ инья соображенія и въ доказательство приводитъ тоже письмо Меримэ, только не къ незнакомкѣ, а къ его лондонскому другу Суттону Шарпу, помѣченное 29 января 1833 г. Вотъ что въ немъ рассказываетъ Меримэ: «Въ декабрѣ 1832 г. онъ отправился въ Лондонъ, а въ концѣ января 1833 г. возвращался обратно въ Парижъ черезъ Калэ. Здѣсь какая-то дама передала ему письмо, повидимому, написанное въ сильно возбужденномъ настроеніи. Это письмо было отъ «незнакомки», и въ то время Меримэ совѣтъ не зналъ, кто была эта личность. Дама объявила ему, что хочетъ съ нимъ говорить. Первымъ движеніемъ Меримэ былъ испугъ: «не сама ли незнакомка эта дама?» Это его раздосадовало бы въ виду уже немолодого возраста дамы. Однако послѣдняя скоро объяснила, что «незнакомка» личность вполнѣ добродѣтельная и съ хорошими наклонностями, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ экзалтированной головой. Сначала она пожелала получить автографъ, затѣмъ она захотѣла переписываться съ великимъ человѣкомъ и теперь она любитъ самого великаго человѣка. Короче сказать, она «съ ума сходила» по Меримэ. Ея мать была въ отчаяніи, эта дама—тоже. «Что же мнѣ дѣлать?» спросилъ Меримэ и объявилъ, что не разсчитываетъ жениться и умываетъ руки во всемъ этомъ приключеніи. Онъ признавался своему другу, что былъ въ довольно дурномъ настроеніи. На его отвѣтъ дама объявила, что дѣло идетъ не о бракѣ, но такъ какъ Меримэ вскружилъ молодой дѣвушкѣ голову, то его умоляютъ поставить ее на мѣсто. «Тогда дама, г-жа Л.,— пишетъ онъ другу, —показала мнѣ три-четыре письма этой барышни, которую я назову Ж.» Онъ узналъ письма, и они его смягчили: онъ сталъ таять, какъ воскъ. Наконецъ въ это дѣло вмѣшалась мать незнакомки и спрашивала въ письмѣ г-жу Л., не пріѣдетъ ли Меримэ въ Булонь и не согласенъ ли онъ видѣться съ ея дочерью? «Прочитавъ все эти письма,—говоритъ Меримэ,—я очень серьезнымъ тономъ отвѣтилъ, что если эта молодая особа такъ увлеклась мною, то я не думаю, что долженъ ее видѣть, такъ какъ это было бы поощреніемъ страсти, результата которой быть не можетъ. Однако я сумѣлъ заставить такъ себя упрямивать, что согласился ее видѣть. Я былъ радъ казаться принужденнымъ исполнить то, что я имѣлъ большое желаніе сдѣлать...»

Все хорошо обдумавъ и разсчитавъ, Меримэ отправляется въ Булонь и посылаетъ съ посыльнымъ письмо по адресу, переданному ему въ Калэ г-жею Л. Въ немъ онъ просилъ у незнакомки свиданія съ глазу на глазъ. Въ отвѣтъ

ему сказали, что согласны на все. Тотчасъ же Меримэ надѣлъ свой лучший галстукъ, съ тщательнымъ кокетствомъ его повязалъ и отправился. Все-таки онъ опасался ловушки и захватилъ съ собою трость съ стилетомъ. Домъ на взглядъ былъ приличный; прислуга провела его въ маленькую комнату, освѣщенную единственной свѣчой, стоявшей очень далеко отъ камина. Здѣсь сидѣла молодая женщина въ такой позѣ, что разсмотрѣть ея черты было почти невозможно. При его входѣ она встала, какъ бы движимая какой-то силой. Потомъ снова упала въ кресло, закрывъ лицо носовымъ платкомъ. Вскорѣ Меримэ протянулъ ей руку. Молодая женщина подала свою. Меримэ съѣлъ. Свѣтъ прямо падалъ на него, но своей собесѣдницы онъ совсѣмъ не видѣлъ, или почти не видѣлъ, благодаря искусно поставленной свѣчѣ. Наконецъ она заговорила, и Меримэ убѣдился, что у «незнакомки» очень пріятный голосъ, но она нѣсколько застѣнчива. Поговоривъ съ четверть часа, Меримэ попросилъ поставить свѣчу между нимъ и ею. «Незнакомка» отказалась, сказавъ, что тогда она не посмѣетъ произнести ни одного слова. Прошло еще четверть часа; Меримэ повторилъ свою просьбу, которая на этотъ разъ была исполнена; Меримэ увидѣлъ очень красивую молодую женщину лѣтъ около двадцати, почти смуглую, съ красными черными глазами, по его выраженію, «à la French», съ великолѣпными рѣсницами и черными волосами; ея нога «не шире пальца» была обута въ черные шелковые полусапожки восхитительнаго покроя.

Такое восторженное описаніе наружности «незнакомки» не сходится съ мнѣніемъ одного изъ ея современниковъ, Вейса, написавшаго, правда, черезъ много лѣтъ, а именно въ 1873 г., что «незнакомка» «некрасива, несмотря на прекрасные глаза, съ громаднымъ носомъ, страшно худая и чрезвычайная педантка». Судя по приложенному въ настоящей книгѣ портрету, эта особа имѣла громадный ротъ и толстый носъ, но Меримэ въ 1833 г. нашелъ ее очень пріятной и послѣ получасовой бесѣды на половину сдѣлался любезнѣе. Оба они сидѣли, склонившись къ огню, и Дженни выставила ногу такъ, что видно было немного икры. При этомъ произошла слѣдующая сцена между Меримэ и его собесѣдницей. «Я такъ давно не видѣлъ красивыхъ ногъ,—замѣтилъ Меримэ:—что безъ усталости бы смотрѣлъ на вашу».—«Правда, что вы находите ее красивой!» и съ дѣтскимъ кокетствомъ она протянула ему ногу, которую онъ взялъ въ свою руку. «Продолжая бесѣдовать о высшей морали,—пишетъ Меримэ,—не знаю, какой бѣсъ меня-искусилъ, и я, принудивъ ея ногу, приблизилъ ее къ моимъ губамъ и вѣжно поцѣловалъ. Она вырвала свою ногу, ея голова упала на грудь, и она сдѣлалась малиновой. Я совсѣмъ не тигръ,—продолжалъ Меримэ,—и мы заговорили о другомъ; послѣ двухчасовой цѣломудренной бесѣды, хотя довольно нѣжной, я ушелъ». Дженни должна пріѣхать въ Парижъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и моей добродѣтели придется тогда дѣлать много усилій, чтобы устоять. Теперь же ея письма быстро приходятъ одно за другимъ, и я начинаю догадываться, что немного влюбленъ; впрочемъ, я даю ей совѣты, какъ вы должны предположить».

Послѣ этого свиданія ихъ встрѣчи были настолько рѣдки, что Меримэ писалъ: «Если я не ошибаюсь, мы видѣлись шесть или семь разъ въ шесть лѣтъ. Сложивъ всѣ мнугты, мы провели вмѣстѣ три или четыре часа, въ половину

которыхъ мы ничего не сказали другъ другу». Въ 1842 г. Дженни получила большое наслѣдство; съ этихъ поръ она сдѣлалась свободна и независима. Черезъ нѣсколько времени она переселилась съ матерью въ Парижъ, и Меримэ видѣлся съ нею, но рѣже, чѣмъ хотѣлъ бы и чѣмъ хотѣла Дженни, но она не смѣла себя компрометировать—и къ тому же она была боязливая, застѣнчивая дѣвушка. Съ 1857 г. Дженни часто отправлялась путешествовать; съ своей стороны, и Меримэ бывалъ въ разъѣздахъ; но они переписывались, вслѣдствіе чего накопилось такое большое количество писемъ. Когда вспыхнула война, Дженни уѣхала сначала въ Неверь, а потомъ въ Пуатье. 29 августа 1870 г. Меримэ написалъ ей послѣднее письмо, въ которомъ сообщалъ, что «очень страдаетъ», что «боленъ», такъ боленъ, что съ трудомъ пишетъ. «Онъ просилъ взять у него письма г-жи Севинье и Шекспира. Онъ уѣзжалъ на югъ и его послѣдними словами были: «Прощайте, обнимаю васъ...» Черезъ два часа онъ умеръ. Дженни посвятила всю свою жизнь одной цѣли — не компрометировать себя и поэтому она не пошла къ Меримэ, даже съ цѣлью, чтобы утѣшить его въ послѣднюю минуту его жизни. На сочувственное письмо одного родственника, знавшаго тайну ея сердца, она отвѣтила: «Дѣйствительно, я очень опечалена смертью дорогого мнѣ друга, наполнявшаго мою жизнь...» И это все, что она сказала о своемъ горѣ, но прибавила о Меримэ: «Его высшая философія не засушила ему сердце; невозможно быть лучше и сострадательнѣе къ горю другихъ. Нравственная сила поддерживала его до конца... Я храню о немъ восхитительныя воспоминанія; время никогда не нарушило этой неподобной близости. Такъ рѣдко бываетъ, чтобы человѣческія отношенія продолжались безъ примѣси горечи, и я благодарна ему за то, что пользовалась его дружбой безъ сожалѣнія или задней мысли...» Эта дружба длилась почти сорокъ лѣтъ, и слова Дженни имѣютъ большое значеніе для памяти Меримэ, котораго многие считали сухимъ, безсердечнымъ философомъ.

Послѣ его смерти, Дженни, которая уже подвигалась къ шестидесяти годамъ, все время, пока длилась война, переѣзжала изъ города въ городъ съ невѣсткой и племянницей. Затѣмъ она поселилась въ Парижѣ, но часто уѣзжала на родину, въ Булонь, и по временамъ продолжала путешествовать. Сохраненіе своей женской репутаціи для Дженни было главное и ради этого она уничтожила оригиналы писемъ Меримэ. Послѣ ея смерти наслѣдовавшая ей племянница сожгла какіе-то пакеты, согласно распоряженію Дженни, но были ли это письма Меримэ—она не знаетъ. Очевидно только, что письма напечатаны не полностью; многое изъ нихъ выброшено и замѣнено другимъ. Щепетильность Дженни была сильно возбуждена, когда въ Англіи появились ея отвѣты Меримэ, сначала по-англійски, а затѣмъ по-французски. Но это были апокрифы. потому что ея письма, какъ предполагають, сгорѣли въ 1871 году во время пожара дома, гдѣ жилъ Меримэ. Англійскія же письма, озаглавленныя «An author's love» были только сочиненіемъ одной англичанки задумавшей написать отвѣты на письма Меримэ. Фагъ очень понравилась такая красивая любовь, и онъ анализировалъ эти письма, комментировалъ и воспользовался ими, чтобы начертить сентиментальный портретъ «незнакомки» и ея біографію. Онъ рѣшилъ, что она родилась въ Англіи отъ роди-

телей французовъ въ 1820 году, встрѣтила Меримэ въ 1839 году, вышла замужъ въ 1840 году въ Лондонѣ, безъ любви, и овдовѣла въ 1842 году.

Тождественность Дженни и Жанны дѣлается очевидной, во-первыхъ, изъ нѣсколькихъ строкъ Меримэ въ письмѣ отъ 4 февраля 1860 г., гдѣ онъ спрашиваетъ, когда бываетъ день ея ангела и прежде всего какъ ее зовутъ? «Мнѣ казалось, что у васъ лютеранское или еретическое имя. Вашъ святой евангелическій или баптистскій? и когда справляютъ его праздникъ?» Такое колебаніе указываетъ, что ее звали Дженни и Жанна: первымъ именемъ ее звали съ дѣтства въ семьѣ, и оно за нею такъ и осталось. Доказательствомъ, что незнакомка именно Дженни Дакэнъ, служить еще слѣдующее обстоятельство. Дженни иногда въ письмахъ къ своему родственнику пользовалась нѣкоторыми отрывками изъ писемъ къ ней Меримэ, совершая такимъ образомъ, неизвѣстно для чего, плагиатъ.

— Письма Тургенева къ нѣмецкимъ друзьямъ. — Въ первомъ февральскомъ номерѣ «Revue Bleue» ¹⁾ съ разрѣшенія г-жи Віардо напечатаны письма Тургенева къ его близкому другу Пичу, извѣстному нѣмецкому художественному критику и рисовальщику. Знакомство нашего романиста съ нѣмецкимъ критикомъ произошло въ 1864 г. въ Берлинѣ, гдѣ Тургеневъ находился по случаю представленія Полины Віардо. Это было за годъ до появленія его «Записокъ охотника», когда Иванъ Сергѣевичъ былъ еще только русскимъ молодымъ дворяниномъ, не стяжавшимъ славы. Однако знакомство не повело его тотчасъ же къ близости съ Пичемъ, которая совершилась только въ 1864 году, когда семья Віардо и Тургеневъ поселились въ Ваденъ-Ваденъ на собственной виллѣ. Съ тѣхъ поръ дружба Ивана Сергѣевича съ Пичемъ не нарушалась до самой смерти автора «Записокъ охотника», и когда онъ на смертномъ одрѣ уже не могъ самъ ему писать, то диктовалъ свои письма. Тотъ нѣмецкій критикъ чаще другихъ былъ посредникомъ между русскимъ романистомъ и нѣмецкими художниками; онъ представилъ Ивану Сергѣевичу въ 1868 году критика Шмидта, извѣстнаго своими замѣчательными трудами по исторіи литературы. Черезъ него нѣмцы познакомились съ твореніями Тургенева, котораго онъ охарактеризовалъ «величайшей поэтической силой нашего времени». Послѣ Пича наибольшее количество писемъ Тургеневъ написалъ ему; съ другими же лицами онъ велъ случайную переписку. Въ числѣ нихъ находятся Людвигъ Фридендеръ, профессоръ кенигсбергскаго, а потомъ страсбургскаго университетовъ, труды котораго относятся къ филологіи и римской археологіи, докторъ Юліусъ Розенбергъ, основатель и директоръ «Deutsche Rundschau», Бартольдъ Ауэрбахъ, авторъ «Дачи на Рейнѣ», переведенной на русскій языкъ съ предисловіемъ самого Тургенева, и молодой писатель Евгений Цабель. Кромѣ названныхъ лицъ, Иванъ Сергѣевичъ переписывался также съ крупными художественными силами его поколѣнія: романистомъ Паулемъ Гейзе, Густавомъ Фрейтагомъ, Фридрихомъ Шильгагеномъ, скульпторомъ Рейнгольдомъ Бегасомъ, знаменитымъ живописцемъ

¹⁾ Tourgueneff, Lettres à ses amis d'Allemagne. Annotées par Galperin Kaminsky. «Revue Bleue». 16 Février 1909.

Адольфомъ Менцелемъ, своими переводчиками Боденштедтомъ, Видертомъ и Вальцомъ (оба переводчика «Записокъ охотника»), Фуксомъ, Гевкелемъ, Веттерманомъ, Зоннеталемъ и, наконецъ, Рейнгольдомъ Линдау, нѣмецкимъ консуломъ въ Константинополѣ. Но, исключая послѣдняго, у котораго сохранилось нѣсколько писемъ Тургенева, хотя онъ не можетъ ихъ напечатать, какъ онъ писалъ Гальперину-Каминскому, послѣднія поименованныя лица не могли отыскать его писемъ, или же не сохранили ихъ.

Лица, непріязненно относившіяся къ памяти Тургенева, утверждали, что существуетъ много его писемъ къ Захеръ-Мазоху, въ которыхъ первый недоброжелательно отзывался о своихъ французскихъ друзьяхъ—Додэ, Зола и Гонкуръ. Гальперинъ-Каминскій уже отвергалъ ихъ существованіе въ своей книгѣ «Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français», но съ тѣхъ поръ у него имѣются еще доказательства въ письмѣ Тургенева къ Пичу, гдѣ онъ ясно говорилъ, что не только не зналъ Захеръ-Мазоха, но даже не желалъ его никогда знать.

Но если ложно, что Тургеневъ злорѣчилъ своихъ французскихъ друзей, въ письмахъ, никогда не существовавшихъ, то слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ къ Пичу, Шмидту и Фридендеру Тургеневъ не всегда безпристрастно относится къ французской второй имперіи. Какъ убѣжденный демократъ, онъ гнушался имперіализма, а какъ импульсивная натура въ извѣстные моменты подводилъ подъ одинъ приговоръ французскую буржуазію и власти, которымъ она подчинялась. Въ дѣйствительности же, всѣ французскіе друзья «добраго русскаго великана» знали, насколько онъ былъ привязанъ къ родиנѣ революціи и сами его нѣмецкіе друзья, какъ, напри- мѣръ, Пичъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ говорятъ объ его глубокомъ обожаніи той Франціи, которая его усыновила.

Въ первомъ письмѣ изъ Бадена отъ 30 апрѣля 1864 г. Тургеневъ тепло выражаетъ свое сочувствіе по поводу смерти младшей дочери Пича и говорить, что смерть дѣйствовала въ этомъ случаѣ, какъ колесо, которое раздавливаешь цвѣты на своемъ пути и, какъ лучшее, хотя старое, но испытанное средство, совѣтуетъ ему усиленно работать, чтобы забыться. Затѣмъ онъ говорить, что г-жа Віардо, вѣроятно, ему писала, сколько нравственнаго безпокойства она испытала и какъ она была озабочена во время болѣзни ея дочери Луизы: «Мои дѣла, — оканчиваетъ онъ письмо, — устроились, какъ нельзя лучше было ожидать, и вотъ поэтому я свободенъ, какъ можетъ быть свободенъ русскій».

Во второмъ письмѣ, тоже изъ Бадена, отъ 27 января 1865 г. Тургеневъ болѣе всего говорить о г-жѣ Віардо: «Я давно долженъ былъ отвѣчать вамъ на ваше доброе письмо, — пишетъ онъ— но на этотъ разъ не одна охота мнѣ въ этомъ помѣшала. Я долженъ ѣхать въ Парижъ, откуда скоро возвращусь. Я выдаю замужъ свою дочь за молодого француза. Свадьба будетъ 20 февраля. Это очень радостное событіе, однако оно ново и непривычно для меня въ качествѣ псевдо-отца семейства; оно требуетъ если не всей моей дѣятельности, то по крайней мѣрѣ мысли. Придется вамъ удовольствоваться еще и на этотъ разъ лаконическимъ и сухимъ письмомъ. Не знаю, лучшій ли поварь

голодѣ, но знаю, что лѣвъ стоить лучшаго врача. Только такія избранныя натуры, какъ г-жа Віардо, могутъ быть дѣятельны и здоровы. Въ послѣднее время она переложила на музыку шесть поэмъ Мерика. Это лучшее, что она сочинила въ этомъ родѣ. Она также пѣла «Пророка» въ Карлсруэ. Музыка мнѣ очень не нравится, но пѣвица въ ней показала себя во всемъ величїи. 3-го этого мѣсяца она будетъ пѣть въ своемъ концертѣ въ Штутгартѣ на празднованїи памяти Шуберта. Съ 5 февраля до 25-е я буду въ Парижѣ, Пассе, улица Бассъ, 10, и безконечно обрадуюсь образцу вашего почерка, который теперь становится менѣ неразборчивъ. Поклонъ вашей женѣ и семьѣ».

Въ третьемъ письмѣ, тоже изъ Бадена, отъ 22 сентября 1865 г., Тургеневъ между прочимъ сообщаетъ, что Пичу приготовлена комната и онъ ожидаетъ его. Письмо оканчивается слѣдующими словами: «Ауэрбахъ здѣсь нѣсколько дней, и я много съ нимъ разговаривалъ. Остроумный и интересный человекъ, но какая самонадѣянность».

Четвертое письмо, 21 апрѣля 1866 г., касается большею частью г-жи Віардо. «Прочиталъ ваше письмо съ чувствомъ довольства и истинной радости. Въ дѣйствительности вы ничего не говорите мнѣ новаго о г-жѣ Віардо, но я радъ узнать, что вы такъ хорошо поняли эту избранную женщину и такъ чудесно ее описали по поводу ея дебюта въ театрѣ и берлинскихъ кружкахъ. Этотъ счастливый расцвѣтъ дѣйствительно необыкновенной натуры долженъ представлять прекрасное зрѣлище. Мы всѣ обязаны Берлину, что она возвратилась такая веселая и полная жизни. Она много намъ рассказывала о своей жизни въ Берлинѣ и ваше имя у нея часто на устахъ. Теперь надо намъ всемъ много работать, чтобы имѣть досугъ снова собраться будущимъ лѣтомъ въ Баденъ-Баденѣ. Я упорно принялся за большой романъ «Дымъ», но еще не знаю, могу ли его довести до конца. Давно я не писалъ; чувствую въ себя не то что отвращенїе, но ослабленїе, которое очень медленно исчезаетъ. Можетъ быть, дѣло пойдетъ. Моментами я считаю себя способнымъ что-нибудь написать. Эта вѣра, хотя и глухая, необходима намъ».

Въ пятомъ письмѣ отъ 12 декабря 1865 г. Тургеневъ сообщаетъ, что, возвратясь съ охоты на глухарей, очень скучной, онъ нашелъ письмо Пича, которое «заставило меня покраснѣть отъ стыда и признаться, что я животное, если не забывчивое, то по крайней мѣрѣ самое лѣнивое». «Чѣмъ болѣе старѣешься,—продолжаетъ Тургеневъ,—тѣмъ болѣе жизнь ускользаетъ между пальцами и не находишь времени что-нибудь сдѣлать. Но подобныя философскія размышленїя обыкновенно только извиненїя и потому я не хочу заходить далѣе въ этомъ порядкѣ идей, но скорѣе хочу исправить и написать вамъ. Благодаря вашей мазни, я довольно хорошо себя чувствую и не ощущаю болѣе боли въ рукахъ. Но всего важнѣе, что г-жа Віардо теперь здоровѣе. Послѣ долгихъ колебанїй она могла пѣть сегодня первый разъ на музыкальномъ утрѣ, наиболѣе удачномъ въ присутствїи принцессы и другихъ знатныхъ особъ. Она была великолѣпна, особенно въ пѣснѣ Шуберта. Ощущенїе смертельной дрожи проникло до самаго мозга и чувствовалась необходимость проливать слезы. Надо вамъ это послушать». Затѣмъ Тургеневъ извѣщалъ, что постройка дачи быстро подвигается и онъ предполагаетъ поселиться въ ней 1 октября. Вмѣстѣ съ

тѣмъ онъ приглашаетъ къ себѣ Пича, для котораго отведена комната, которую дѣти прозвали «комнатой Пича». «Сожалѣю, что у васъ столько тревожь, — прибавляетъ Тургеневъ: — но думаю, что не можетъ быть вопроса о войнѣ. Опасность этого событія скоро разсѣется и не поведетъ къ досаднымъ послѣдствіямъ, о которыхъ вы говорите. Но все же останется великій планъ Бисмарка (нѣмецкой конституціи съ парламентомъ, составленнымъ общими выборами); если ему удадутся всѣ его планы, то потому, что онъ Аристофанъ, усугубленный Маккиавелли. Это дастъ знатную оплеуху столь прославленной всеобщей подачѣ голосовъ. Я говорилъ: будемъ надѣяться. Увы, люди желали этихъ оплеухъ; единственно чрезъ нихъ у нихъ явится сознаніе дѣйствительности. Что скажете вы о происходящемъ въ Петербургѣ. Тамъ идетъ все вверхъ дномъ. Большое счастье для нашей страны, что императоръ обязанъ своимъ спасеніемъ крестьянину. Ну, теперь до свиданія. Привѣтъ всѣмъ милымъ знакомымъ изъ вашей семьи отъ преданнаго вамъ П. Тургенева».

Р. S. Романъ отложенъ, но я началъ маленькую новеллу, которая идетъ очень хорошо».

Въ шестомъ письмѣ изъ Ваденъ-Бадена отъ 26 октября 1867 г. онъ между прочимъ говоритъ: «Рижская Газета» помѣстила полный переводъ «Дыма», и, насколько я могу судить по нѣсколькимъ фельетонамъ, только что мною прочитаннымъ, этотъ переводъ кажется довольно удачнымъ. Вы совѣтъ скверный человѣкъ, если думаете, что я долженъ презирать ваши статьи. Если вы мнѣ сейчасъ же не пришлите всего, что только напечатано вашего, то я подумаю, что вы фатъ, который щетъ комплиментовъ, — и не прощу вамъ. Абекенъ вамъ говорилъ о моей игрѣ. Значитъ, нѣтъ необходимости подробно ее описывать. Надо только признаться, что я почувствовалъ содроганіе, когда, смѣшавшись въ своей роли наши, я увидѣлъ на неподвижныхъ губахъ вашихъ надменныхъ принцессъ выраженіе презрѣнія. Несмотря на то, что я испытывалъ къ себѣ мало уваженія, я нашелъ, что это было все-таки слишкомъ. За исключеніемъ этого, представленіе было прелестно».

Въ седьмомъ письмѣ изъ Бадена, 2 сентября 1867 г., Тургеневъ благодаритъ Пича за присланный подарокъ (книги послѣдняго). Онъ нашелъ его слогъ колоритнымъ, сужденія тонкими и только находилъ, что не слишкомъ ли они строги. Затѣмъ Тургеневъ жалуется, что съ нимъ случилось на охотѣ несчастье: онъ оступился и послѣдствіемъ была опухоль колѣна, которая заставило его сидѣть неподвижно съ вытянутой ногою. «Каждую зиму у меня такого рода подарокъ, — замѣчаетъ онъ. — Право, слишкомъ много несчастій, какъ сказалъ однажды на охотѣ принцъ Гессенскій, когда въ продолженіе цѣлаго утра показался одинъ только заяцъ — да и то издали. Я попробовалъ читать, но не ладится. «Дымъ» скоро появится у Гетцеля въ Парижѣ. Конечно, я вамъ пришлю одинъ экземпляръ, также какъ и Юліану Шмидту».

Въ восьмомъ письмѣ отъ 27 мая 1868 г. онъ сообщаетъ объ успѣхѣ оперетки «Людофдъ», слова къ которой по-французски написалъ онъ, а музыку г-жа Виардо. Эта оперетка давалась на ея виллѣ. «Дорогой другъ! — писалъ Тургеневъ. — Побѣда! Представленіе новой оперы «Людофдъ» состоялось три дня тому назадъ въ присутствіи прусской королевы. Успѣхъ былъ блестящій:

музыка очаровательна, поэтична и возвышенна, аккомпанировалъ Эккертъ; г-жа Виардо великолѣпно пѣла, все было къ лучшему. Во второмъ дѣйстви у насъ было поставлено восточное на подѣ руководствомъ г-жи Боваль, первой танцовщицы велико-герцогскаго театра. Такова была программа. Не взыщите. Зачѣмъ вы не были? Черезъ двѣ недѣли самое большее я приѣду въ Берлинъ на два дня. Тамъ мы поговоримъ. Мнѣ доставило такое удовольствіе узнать, что «Дымъ» и мой бѣсенокъ лейтенантъ («Исторія лейтенанта Ергунова») понравились вамъ. Переводъ «Дыма» Гартмана въ «Allgemeine Zeitung» великолѣпенъ. Но въ Миланѣ только что напечатали специальное изданіе, которое я, къ несчастію, разрѣшилъ. Съ моей стороны, это была страшная глупость. Добившись моего разрѣшенія, они исказили это произведеніе. Какая обида! Впрочемъ, мнѣ все равно. Надѣюсь видѣть васъ скоро. Вѣрный вашъ П. Тургеневъ».

Въ девятомъ письмѣ, отъ 15 сентября 1868 г., Тургеневъ восторженно расхваливаетъ любимую ученицу г-жи Виардо г-жу Аглаю Рожени, пѣвшую въ «Гугенотахъ» партію Валентины, и говоритъ, что послѣ г-жи Виардо онъ ничего подобнаго не видѣлъ. «Ея страстная игра, талантъ трагической актрисы, благородство въ пѣніи и въ каждомъ ея движеніи привели меня въ восторгъ, — нишегъ онъ. — Шарлэ (извѣстный художественный критикъ), который былъ со мною, объявилъ, что такой актрисы не встрѣчалось нигдѣ на сценѣ и это онъ скажетъ всѣмъ. Ничего не остается, какъ снять шляпу, такъ я и сдѣлалъ, тѣмъ болѣе охотно, что я этого не совсѣмъ не ожидалъ. Это настоящая артистка, которая играетъ нервами, а не разсудкомъ. Кланяйтесь всѣмъ друзьямъ и попросите Шмидта прислать мнѣ Ергунова, который мнѣ необходимъ. Пришлите мнѣ въ то же время отрывки изъ «Gazette Voss». Прощайте. Вашъ П. Тургеневъ».

Послѣднее письмо написано 8 апрѣля 1868 г., и въ немъ Тургеневъ, сообщая о смерти своего хозяина дома, Анштедта, говоритъ: «Третьяго дня его похоронили, и г-жа Мина Анштедтъ разгуливаетъ въ траурѣ. Она мнѣ рассказала очень спокойно, какъ ея мужъ отдалъ Богу душу, подробно изобразивъ, какъ онъ хрипѣлъ въ агоніи, какъ вытягивались его члены и даже шумъ пилы во время вскрытія его черепа (отъ этого у нея застыла кровь въ жилахъ). Теперь она думаетъ только о предьявленіи правъ на духовную, въ чемъ я ей буду помогать, какъ человѣкъ чести. Все это между нами. Другое событіе — присутствіе Ауэрбаха въ Баденѣ. Я долженъ былъ перевести ему мое предисловіе, относительно котораго онъ сдѣлалъ умныя и глубокия замѣчаніе. Это предисловіе появится въ одномъ журналѣ. (Я просто списалъ вашъ нѣмецкій оригиналъ). (Нѣмецкій переводъ Пича, предисловіе которое Тургеневъ написалъ для русскаго изданія романа Ауэрбаха). Были такого рода замѣчанія: «Вы хорошо почувствовали, что я хотѣлъ сказать» и «вы одинъ могли это сдѣлать». Читая это, я былъ ошеломленъ. Ахъ! если бы ты зналъ!! Но молчаніе... Что касается остальнаго, все хорошо. Либретто къ новой оперѣ почти окончено; хоръ законченъ. Мы часто охотимся съ Виардо. Моя подагра исчезла. Король и королева прусскіе здѣсь: они очень любезны. Г-жа Виардо пѣла роль Альцесты, какъ богиня. Привѣтствуйте семью и друзей. Жму вамъ руку. П. Тургеневъ».

Въ письмѣ находится приписка относительно г-жи Бюессъ, молодой особы, талантъ которой развернулся внезапно, обладавшей великолѣпнымъ голосомъ и сдѣлавшейся любимицей на музыкальныхъ утреннихъ концертахъ. По выраженію Тургенева, она поетъ нѣсевку Фецки въ та такъ, что надо ее слушать на колѣняхъ.

— Политическіе клубы въ Константинополѣ. — Въ январскомъ номерѣ «Hebdo Débats» Жоржъ Голи, лично побывавшій въ Константинополѣ и осмотрѣвшій различные политическіе клубы, описываетъ ихъ характеръ. По его словамъ, количествомъ они не отстаютъ отъ европейскихъ столицъ; въ Стамбургѣ существуютъ: клубъ депутатовъ, отдѣлъ союза и прогресса, союзъ либераловъ, клубы албанцевъ, арабовъ, черкесовъ, курдовъ, конституціоналистовъ, армянъ и оттомановъ. Вскорѣ у Абдуль-Гамида, замѣчаетъ авторъ, не окажется ни одного подданнаго въ самой отдаленной провинціи, который избѣжалъ бы рамокъ своей націи или партіи. Клубъ депутатовъ — изобрѣтеніе комитета союза и прогресса — основанъ въ періодъ выборовъ. Едва лишь народные представители узнали о своихъ выборахъ, они отважно пустились въ путь къ ближайшему порту и на пароходѣ отплыли въ Константинополь. Половина представителей находилась въ стѣнахъ столицы уже за нѣсколько недѣль до выборовъ; другой половиной приходилось оберегать весь этотъ людъ, еще не привыкшій справляться съ окружающими его интригами Византіи. Комитетъ заботился объ ихъ помѣщеніи и питаніи, а чтобы занять ихъ досугъ, былъ основанъ клубъ, который играетъ нѣкоторую роль въ предпарламентскіе дни.

Въ настоящее время клубъ депутатовъ находится главнымъ образомъ въ кулуарахъ палаты. Тамъ существуютъ и европейскіе pas-perdus, гдѣ можно наблюдать уже послѣ третьяго или четвертаго сеанса обычные парламентскіе нравы; каждый разъ тѣ же самыя депутаты пожимаютъ другъ другу руку или проходятъ, озабоченные дѣлами. Въ данный моментъ, увѣренный въ своемъ большинствѣ ста пятидесяти голосовъ въ палатѣ, комитетъ союза и прогресса имѣетъ свободное время всецѣло заняться своей главной задачей — распространеніемъ гражданскаго образованія въ оттоманскихъ странахъ. Кромѣ константинопольскаго клуба, комитетъ основалъ въ провинціяхъ столько же клубовъ, сколько подкомитетовъ, т. е. одинъ на каждый саза. Въ Константинополѣ ихъ двадцать въ различныхъ кварталахъ. Они расположены какъ понало и гдѣ понало, представляя собою скромныя пункты собраній, гдѣ бесѣдуютъ депутаты, покуривая кальянъ и попивая кофе, но одинъ только кофе, въ виду того, что алкоголь здѣсь запрещенъ, хотя въ Константинополѣ довольно много пьютъ раки. Очевидно, въ Турціи будутъ подражать европейскимъ народнымъ университетамъ, такъ какъ часть молодежи Абдуль-Гамида послалъ въ европейскія школы; но все это не для того, чтобы предоставить имъ карьеру пропагандистовъ, которая теперь предъ ними широко открыта. Всѣмъ этимъ клубамъ предназначено быть гражданскими образовательными учрежденіями, съ читальнями, бібліотеками, вечерними курсами, лекціями и т. д. Зародыши всего этого тамъ существуютъ: они разовьются, и чрезъ нѣкоторое время всѣ удивятся, открывъ уголки Турціи, гдѣ уже работаетъ человѣчество надъ социальными вопросами. Пока эти клубы занимаются только филантропическими

и школьными задачами: комитеты поручили имъ слѣдить за помощью бѣднотѣ и наблюдать за школами ихъ кварталовъ.

Съ своей стороны, союзъ либераловъ, побитый на выборахъ, пытается сдѣлаться большимъ клубомъ. Уже всѣ его члены собираются ежедневно въ полдень въ одинъ скромный съ виду домъ, недалеко отъ рѣшетки блестящей Порты. По большей части его члены очень молодые люди, пріятные въ обращеніи, такъ какъ, по словамъ автора, чистый либерализмъ не что иное, какъ ученіе о добромъ товариществѣ. Въ скоромъ времени союзъ приобрететъ собственный домъ и будетъ издавать, какъ всѣ остальные клубы, свою газету. И все, что можетъ напоминать старинное раздѣленіе вѣроисповѣданій, ему будетъ враждебно; съ настоящаго времени въ его центральномъ комитетѣ изъ двадцати одного члена рядомъ съ мусульманами засѣдаютъ греки, армяне и болгары, и среди нихъ имѣются представители всѣхъ главныхъ расъ имперіи. Либеральный клубъ, предполагая, что провинціи могутъ раздѣлять его направление, назначилъ четыре комитета для распространенія своихъ идей въ странѣ. «Мы всѣ думали, — говоритъ Голи, — что вдохновителемъ и истиннымъ главою либеральнаго союза былъ принцъ Шахеддинъ, но, повидимому, ошиблись и онъ лишь философъ партіи, рѣшившійся жить въ данный моментъ мирно, въ своемъ яли на Босфорѣ, въ обществѣ своихъ книгъ.

Эта партійная жизнь сосредоточивается въ ограниченномъ пространствѣ, вокругъ блестящей Порты, гдѣ находятся редакціи всѣхъ журналовъ и газетъ. Надо проникнуть поглубже въ Стамбуль, самое сердце турецкаго города, чтобы попасть въ національные клубы. Совсѣмъ близко отъ Турбѣ султановъ Махмуда и Азиса находится новый клубъ албанцевъ. Войдя на дворъ за высокія стѣны, чувствуешь, что будто перенесся куда-то далеко отъ Оттоманской имперіи. Комитетъ клуба состоитъ изъ высокопоставленныхъ членовъ. Абдуль-Гамидъ, по словамъ автора статьи, относится къ албанцамъ, какъ къ избалованнымъ дѣтямъ, и привлекаетъ ихъ въ свою столицу всевозможными милостями; онъ это дѣлаетъ съ цѣлью уничтожить ихъ національность. Нѣкоторые изъ крупныхъ нашей стараго режима выразили готовность руководить преобразовательнымъ движеніемъ; другіе, возвратившіеся изъ ссылки, присоединились къ нимъ. Албанцы — очень способный народъ; крупныя и мелкія всѣ вступили на стезю обновленія съ удивительнымъ пыломъ. «Надо слышать, съ какимъ юношескимъ довѣріемъ говорятъ они о своемъ великомъ планѣ», замѣчаетъ Голи; въ ноябрѣ мѣсяцѣ стамбульскій клубъ послалъ три миссіи, состоящія изъ офицеровъ, ходжасовъ и знатныхъ людей — въ Шнекъ, Скутари и Монастырь. Эти миссіи по дорогѣ объявляли всѣмъ о намѣреніи національнаго комитета: албанцы поняли его, и были открыты десять клубовъ въ главныхъ центрахъ. Цѣлью ихъ было возстановленіе Албаніи, не независимой, но албанской. Для этого они открыто заняли свою позицію относительно турокъ, которые чрезъ органъ союза и прогресса враждебно высказались противъ основанія національных клубовъ. Албанцы сказали имъ: «Мы съ вами будемъ всегда и повсюду защищать цѣлость Оттоманской имперіи. Противъ васъ мы будемъ каждый разъ, когда вы снова станете повторять неосторожную формулу: «Турція для турокъ», каждый разъ, какъ вы поны-

таетесь давить насъ закономъ побѣдителя. Мы будемъ противъ васъ со всеѣми національностями каждый разъ, когда одна изъ нихъ станетъ бороться за собственное сохраненіе!» И тотчасъ же албанцы принялись за поднятіе албанской культуры. Подъ угрозой изгнанія или тюремнаго заключенія султанъ запрещалъ имъ примѣнять языкъ скипетаръ. Теперь онъ воскресъ: послѣ нѣкоторой борьбы съ этой цѣлью собрался конгрессъ въ Монастырѣ и было рѣшено принять латинскія буквы съ прибавленіемъ къ нимъ греческихъ и кириллицы; такимъ образомъ составила албанская азбука изъ тридцати пяти буквъ, а затѣмъ, разумется, появилась и газета.

Главной работой комитета были школы. Прежде всего поднялся вопросъ объ открытіи повсюду новыхъ школъ; но затѣмъ предложили туркамъ преобразовать первоначальныя турецкія школы въ албанскія. Взамѣнъ этого албанцы признали турецкій языкъ—административнымъ. Однако они все-таки поставили условіемъ, чтобы всѣ чиновники, посылаемые изъ Константинополя въ Албанію, умѣли говорить по-албански. Безъ сомнѣнія, такія тенденціи могутъ заключать въ себѣ зародыши большихъ затрудненій въ будущемъ, но въ настоящій моментъ надо видѣть у албанцевъ особенно большое стремленіе къ культурѣ, которая можетъ довольно быстро преобразовать Албанію и научить ее въ извѣстной мѣрѣ уважать другой законъ, а не законъ герцога Іоанна дука Чини, слышнаго въ Албаніи за француза и оставившаго горнымъ жителямъ Пинда законы кровавой мести, достойные самаго мрачнаго средневѣковья.

«Роль, какую мы должны играть въ европейской Турціи,—сказалъ Голи одинъ имѣющій значеніе албанецъ,—арабы должны играть въ Азіи». На дняхъ состоялся торжественный визитъ албанскаго клуба арабскому, и турки на это смотрѣли уныло: для нихъ слишкомъ очевидно, что сближеніе крупныхъ мусульманскихъ націй придумано, какъ предосторожность противъ гегемоніи расы побѣдителей. Нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что нѣкоторые наши и великіе беи въ арабскомъ и армянскомъ мірѣ мечтаютъ о федераціи.

Арабскій клубъ, или лига арабско-оттоманская, помѣщается въ большомъ только что выкрашенномъ домѣ, двери котораго широко раскрыты на улицу, что рѣдко встрѣчается въ Стамбулѣ. Здѣсь уже не чувствуется живописной Албаніи, а царствуютъ владѣтельные князья Дамаска, и если это не дворецъ подобно дворцу Эссид-паши, тѣмъ не менѣе арабскій клубъ достоинъ своихъ могущественныхъ основателей. Въ громадной залѣ посѣтителей прививаетъ который-нибудь изъ 16 членовъ комитета. Главный изъ нихъ Шефикъ-Мюйадъ, житель Дамаска, происходящій изъ извѣстной семьи, котораго родной городъ избралъ депутатомъ, а члены союза и прогресса отвергли, какъ друга Пззета-паши. Юридическаго мотива для этого не имѣется, и арабы слишкомъ хитры, чтобы отнестись къ этому серьезно; они будутъ поддерживать своего выбораго до конца, и турецкіе націоналисты не стануть слишкомъ упрямыми. Пораздумавъ хорошенько, говоритъ авторъ, станетъ ясно, что арабы-националисты организовались въ лигу или клубъ, чтобы защищаться противъ нихъ.

При старомъ режимѣ арабы имѣли все, а теперь они жалуются, что съ ними обращаются, какъ съ паріями. Противъ милостиваго съ ними обращенія ихъ соотечественника Иззета-паши и Аббула-Худи реагируютъ младо-турки.

сначала изгнавъ ихъ изъ императорскаго дворца, а затѣмъ устроивъ такъ, что больше не будетъ ни одного министра, посланника, губернатора провинціи или командира корпуса — араба. «И все-таки, — сказалъ автору одинъ изъ членовъ клуба, — мы гораздо способнѣе турокъ». Албанцы повторяютъ тѣ же слова.

Въ арабскомъ клубѣ почетнымъ президентомъ состоитъ великій шерифъ Мекки, что не мѣшаетъ ему принимать христіанъ и евреевъ, такъ какъ прежде всего онъ хочетъ быть національнымъ. Онъ не сенаратистъ, и первыми его словами, обращенными къ Голи, были: «Мы болѣе союзники, чѣмъ союзъ и прогрессъ, самые оттоманы изъ оттомановъ». И, по словамъ Голи, дѣйствительно, весь интересъ арабовъ заключается въ томъ, чтобы оставаться вполнѣ привязанными къ турецкой имперіи. Разумѣется, это относится только къ тѣмъ изъ нихъ, которые въ настоящее время составляютъ партію. Комитетъ клуба хотѣлъ увѣрить насъ, настаивая на томъ, говоритъ Голи, что его дѣятельность никогда не перейдетъ настоящую границу Оттоманской имперіи. Не имѣя болѣе династіи, арабы очень привязаны къ Осману, но еще болѣе къ калифату. Между тѣмъ они клянутся, что ихъ либерализмъ искрененъ: «Вы больше не найдете среди насъ реакціонеровъ!» говорятъ они. Онъ очень хочетъ, чтобы арабское дѣло было представлено какъ союзное и либеральное.

Однако они не желаютъ заходить такъ далеко, какъ армяне, которые свою привязанность къ принципу оттоманскаго единства ставятъ въ зависимость отъ основательности конституціи и отъ поддержки своей партіи. Если произойдетъ что-нибудь въ родѣ военной диктатуры, арабскій клубъ не будетъ стоять за кончину Турціи, а покорится судьбѣ. Между тѣмъ, по словамъ Голи, у арабовъ сердце менѣе простое, чѣмъ у армянъ: они требуютъ охраненія жизни, имущества и чести и ничего больше. Но, по его замѣчанію, страшно трудно заставить ихъ высказать то, что они именно требуютъ. Они много говорятъ о правахъ ихъ священнаго языка и жалуются, что турецкіе чиновники плохо на немъ говорятъ. Впрочемъ, турецкимъ чиновникамъ трудно постичь арабскій умъ, который превосходитъ ихъ ума. Арабскому клубу внушаютъ требовать основанія большихъ административныхъ школъ по образцу константинопольскихъ въ Дамаскѣ, Вагдадѣ, Меккѣ и Моссулѣ. Движеніе арабовъ направлено не къ сенаратизму, а къ федерализму.

Клубъ черкесовъ находится въ верхней части Стамбула, на главной его улицѣ. По словамъ Голи, въ клубѣ черкесовъ, быть можетъ, наиболѣе встрѣчается реальная склонность къ культурѣ и прогрессу, а также и наиболѣе безкорыстія, такъ какъ, по его мнѣнію, какую могутъ имѣть надежду эмигрировавшіе изъ Россіи грузины и черкесы съ національной точки зрѣнія. Самое большое, что они могутъ, — призвать въ свободную Турцію тѣхъ изъ своихъ братьевъ, которые находятся еще подъ скипетромъ христіанскаго царя, и, усердые сектанты оттоманскаго калифата, они ему предложатъ вѣрность своего племени, болѣе многочисленнаго. Но прежній режимъ, свободно принимая черкесовъ, разсѣялъ ихъ, какъ ниль, по всей азіатской территоріи. отъ Бруссы до Дамаска.

Черкесскій клубъ переполненъ студентами, и одной изъ его главныхъ цѣлей было составить центръ для сбора учащихся въ правительственныхъ школахъ. Однако ихъ газета не появлялась, когда постигъ ихъ Голи; они еще не выбрали для нея азбуки. Одинъ ученый предложилъ имъ восточную азбуку, примененную къ ихъ языку; но молодежь отказалась и хотеть писать по западному, отъ лѣвой руки къ правой. Такимъ образомъ опять восторжествовала латинская азбука, но, въ виду ея бѣдности буквами, черкесы прибавили ихъ до сорока четырехъ. Теперь уже выходитъ ихъ газета.

Курды впервые устроили собраніе на дворѣ мечети св. Софій, затѣмъ они переехали въ домъ одного паши и тамъ устраивали свои совѣщанія и споры. Въ концѣ концовъ представители высшаго класса курдовъ вышли оттуда разсерженные. Теперь Бедръ-ханъ, самый изъ вліятельныхъ князей Курдистана, имѣетъ свою газету, а клубъ курдовъ свою. Причины ихъ несогласія Голи не объясняетъ, но главная ихъ общая идея—примиреніе съ армянами. Въ Константинополѣ это легко сдѣлать, и курдскій клубъ составилъ съ армянской федераціей Дашнакцутюкъ смѣшанную комиссію; въ Курдистанѣ же это является трудной задачей. Стамбульскіе курды не осмѣлятся взять армянъ въ свой клубъ изъ страха потерять все свое вліяніе на дикія племена. Они также не осмѣлились принять латинскую азбуку, чтобы не прослыть ренегатами. Они хотятъ открыть школы и отправить миссіи. Полные надежды, курды успокаиваютъ себя тѣмъ, что все устроится, только надо потерпѣть, а пока они подымали вопросъ объ основаніи въ Константинополѣ курдскаго банка.

Съ своей стороны, армяне основали конституціонный клубъ, объединяющій революціонные элементы съ консервативными вокругъ ихъ національнаго собранія. Болгары открыли клубъ въ Македоніи, тогда какъ греки въ окрестностяхъ Константинополя.

— Смерть братьевъ Коклэновъ, Катюля Мендеса, маркиза Коста де-Борегаара. — Почти въ одно время французская сцена лишилась двухъ замѣчательныхъ актеровъ-братьевъ Бенуа Констана и Эрнеста Коклэновъ. Старшій изъ нихъ былъ «первымъ комикомъ», а младшій «вторымъ комикомъ»: дѣло одного играть первыя роли въ комедіяхъ и въ драмахъ, а другого—только смѣшить. Въ томъ и другомъ отношеніяхъ оба Коклэва были первоклассными актерами. Констанъ, или, какъ его всегда называли, «Коклэвъ старшій», родился въ 1841 г. и былъ сыномъ булочника изъ Булоня на морѣ. Чувствуя съ молодости призваніе къ театру, онъ поступилъ въ 1859 г. въ консерваторію и на слѣдующій же годъ вышелъ изъ класса знаменитаго актера Ренье со второй преміей по комическимъ ролямъ. Черезъ годъ онъ поступилъ въ театръ «Французской Комедіи», гдѣ дебютировалъ съ большимъ успѣхомъ въ «Dépit Amoureux», а черезъ четыре года получилъ званіе *sociétaire*. Въ короткое время его замѣчательный талантъ въ старинномъ и новомъ репертуарѣ сдѣлалъ его первокласснымъ актеромъ. Особенно онъ отличался въ заглавной роли «Mariage de Figaro». Ему было только двадцать одинъ годъ, когда онъ уже считался первымъ актеромъ въ классическихъ лакеяхъ мольеровскихъ произведеній. Съ одинаковымъ успѣхомъ онъ игралъ въ «Etrangère», «Rantzau» и «Gringoire».

Вскорѣ онъ нашель, что его голосъ былъ слишкомъ великъ для этой сцены, и въ 1886 г. вышелъ изъ «Французской Комедіи». Сначала онъ игралъ въ различныхъ городахъ Европы и Америки; вездѣ его успѣхъ былъ колоссальный. Но въ 1890 г. онъ опять вернулся въ «Французскую Комедію», уже съ титуломъ *pensionnaire* и прославился во «*Thermidor*», «*Mégère apprivoisée*». Однако ему недолго пришлось оставаться на своей родной сценѣ и въ 1891 г. онъ рѣшительно распростился съ «Французской Комедіей». Нѣсколько лѣтъ онъ опять странствовалъ по различнымъ странамъ, а когда въ 1895 г. принялъ ангажементъ въ парижскій театръ «*Renaissance*», то «Французская Комедія» затѣяла съ нимъ шумный процессъ, который окончился присужденіемъ съ него по 1000 франковъ за каждое представленіе въ Парижѣ или французской провинціи. Это, однако, не помѣшало ему попрежнему играть на разныхъ сценахъ, такъ какъ, благодаря его дружескимъ отношеніямъ съ Гамбетой и многими другими государственными людьми, онъ выхлопоталъ, чтобы съ него сняли штрафъ. Затѣмъ продолжался его успѣхъ, какъ за границей, такъ и во Франціи, гдѣ особенный успѣхъ онъ имѣлъ въ роли Спрано де-Бержеракъ, въ пьесѣ того же имени Ростана, а также въ роли Наполеона въ «*Plus que Reine*». Въ послѣднее время онъ отличался въ «*Aiglon*» вмѣстѣ съ Саррой Бернаръ и предъ своей смертью репетировалъ новую пьесу Ростана «*Chantecler*» въ театрѣ «*Porte Saint Martin*». Заболѣвъ инфлуэнцой, онъ переехалъ въ основанную имъ близъ Парижа лечебницу для актеровъ и неожиданно умеръ отъ болѣзни сердца 27 января вслѣдствіе отчаянія, что его младшій братъ серьезно занемогъ. Кромѣ своей великолѣпной игры, Коклэнъ еще былъ извѣстенъ публичными чтеніями и литературными произведеніями: «*L'art et le Comédien*», «*Le comédien par un comédien*» и т. д.

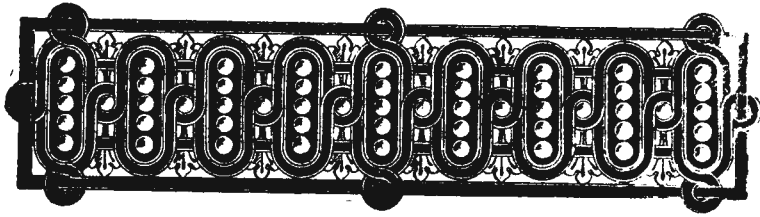
Скончавшійся 8 февраля Эрнестъ Коклэнъ, или «Коклэнъ младшій», былъ моложе своего высокоталантливаго брата на семь лѣтъ и, пройдя курсъ консерваторіи, получилъ первую премію. Въ 1868 г. онъ поступилъ на сцену театра «*Одеонъ*», а затѣмъ во «Французскую Комедію». За небольшимъ перерывомъ, во время котораго Коклэнъ игралъ въ «*Варьетэ*», онъ по настоящес время былъ въ званіи *sociétaire* актеромъ «Французской Комедіи». «Коклэнъ младшій» игралъ безчисленныя комическія и даже буфонныя роли. Кромѣ того, онъ имѣлъ большой успѣхъ въ исполненіи комическихъ монологовъ, большею частью написанныхъ имъ самимъ. Наконецъ, онъ напечаталъ подъ псевдонимомъ «*Пируэтъ*» нѣсколько забавныхъ книгъ подъ заглавіемъ «*Les livres des convalescents*», «*Le monologue moderne*», «*Le rire*» и т. д. Нѣсколько времени онъ страдалъ шизохондріей, а въ послѣднее время даже занемогъ душевною болѣзнию. Въ продолженіе десяти дней Франція потеряла такимъ образомъ славу и радости своего національнаго театра.

8 февраля скоропостижно скончался извѣстный французскій поэтъ, романистъ, театральный критикъ и драматургъ, Катюль Мендесъ. Онъ былъ еврейскаго происхожденія и родился въ Бордо 22 мая 1841 г. Восемнадцати лѣтъ Катюль Мендесъ отправился въ Парижъ и предался литературѣ. Черезъ два года онъ началъ издавать журналъ «*La Revue Fantaisiste*» вмѣстѣ съ своими товарищами по Парнасу Кошэ и Вильеромъ де Пль-Адамъ. Сразу

заслужилъ себѣ громкую славу поэмой «Le Roman d'une vie», за которую онъ заплатился штрафомъ въ 500 франковъ и мѣсяцемъ тюремнаго заключенія. Послѣ этого онъ издалъ первый томъ своихъ стиховъ подѣ заглавіемъ «Philoméla». Въ послѣдующія сорокъ пять лѣтъ онъ неустанно издавалъ разѣ въ годъ и чаще свои литературныя произведенія въ стихахъ и прозѣ. Кромѣ того, онъ сдѣлался классическимъ театральнымъ критикомъ газеты «Le Journal» и въ послѣднее время его считали первымъ образцовымъ сценическимъ критикомъ. Наконецъ онъ былъ замѣчательнымъ драматургомъ, и его пьесы имѣли большой успѣхъ, а именно «La femme de Tabarin», «Fiamette», «Le docteur Blanc». Передъ смертью онъ только что окончилъ драму подѣ заглавіемъ «Императрица», изъ жизни Наполеона, героиней которой была графиня Валевская во время ея пребыванія на островѣ Эльбѣ. Главная роль предназначалась для госпожи Режанъ. Что касается его неожиданной смерти, то она «является очень драматичной и даже загадочной. Возвращаясь ночью изъ Парижа по желѣзной дорогѣ въ Пасси, гдѣ критикъ жилъ на своей виллѣ, онъ какимъ-то образомъ попалъ на рельсы. Его нашли мертвымъ уже подѣ утро. Предполагали, что Катюль Мендесъ заснулъ и такъ какъ при входѣ въ туннель поѣздъ идетъ типе, то онъ принялъ его за станцію и, распахнувъ дверь, выскочилъ на рельсы. Но затѣмъ анонимное письмо извѣстило власти, что здѣсь скрывалось преступленіе, хотя, очевидно, не съ цѣлью грабежа въ виду того, что при немъ найдены деньги. Катюля Мендеса оштрафиваютъ не только во Франціи, но и въ Италіи, гдѣ его считаютъ представителемъ современной мысли и классическимъ поэтомъ. Мендесъ былъ женатъ первый разъ на дочери Теофиля Готье Жюдитѣ, которая также извѣстная писательница, но давно съ нею разошелся. Послѣ того онъ вторично женился и также разстался со второю женою, чтобы жениться въ третій разъ. Вообще Катюль Мендесъ былъ увлекающійся человекъ и широкая натура.

15 февраля скончался еще одинъ французскій академикъ, маркизъ Коста де Борегаръ. Родившійся въ 1835 г. и по происхожденію савоецъ, онъ былъ сыномъ извѣстнаго сардинскаго патріота. Послѣ присоединенія Савойи къ Франціи онъ сдѣлался пламеннымъ французомъ, участвовалъ въ войнѣ съ Германіей и вступилъ потомъ во французскій парламентъ; ультрамонтанецъ и легитимистъ, онъ вышелъ изъ парламента въ 1876 г. и съ тѣхъ поръ былъ историкомъ. Изъ его сочиненій наиболѣе замѣчательны «Le Roman d'un royaliste sous la Révolution» «Les dernières années du roi Charles-Albert». Въ 1896 г. онъ былъ избранъ въ безсмертные и продолжалъ писать біографіи герцоговъ и герцогинь савойскихъ.

С М Ъ С Ъ.

ОДОВОЕ собрание литературнаго фонда. Въ залѣ географическаго общества 2 февраля состоялось въ 2 часа дня подъ предсѣдательствомъ профессора Н. И. Карѣва годовое собраніе литературнаго фонда, открытое рѣчью предсѣдателя, посвященной памяти скончавшихся въ 1908 году членовъ фонда. Въ ихъ длинномъ списокѣ числятся имена: Альмедингена, Вейнберга, Жемчужникова, Острогорскаго, Плевако, Потѣхина, Султанова и Чушрова. Особенно подчеркнул ораторъ заслуги передъ фондомъ покойныхъ Потѣхина и Вейнберга, послѣдній изъ которыхъ состоялъ чуть ли не старѣйшимъ членомъ, начавъ въ немъ свою дѣятельность еще въ 1859 году. Въ память его учрежденъ при фондѣ особый капиталъ, въ который отчисляется по 5 процентовъ съ прибыли отъ устраиваемыхъ литературныхъ вечеровъ и лекцій. Память почившихъ была почтена вставаніемъ. Въ текущемъ году исполняется полувѣковой юбилей фонда, который въ свое время и будетъ отпразднованъ. Съ цѣлью выработать порядокъ этого празднованія избрана особая коммисія, состоящая изъ Н. А. Котляревскаго, С. А. Венгерова, Н. И. Карѣва и А. С. Пругавина; но предсѣдатель въ своей рѣчи предложилъ начать празднованіе сегодня же посылкою отъ имени комитета фонда привѣтственныхъ телеграммъ двумъ, нынѣ единственнымъ, учредителямъ фонда — В. И. Ламанскому и М. М. Стасколевичу. Предложеніе было встрѣчено общимъ одобреніемъ. Затѣмъ было выражено пожеланіе, чтобы празднованіе юбилея фонда было обставлено по возможности такимъ образомъ, чтобы на дѣятельность этого учрежденія было привлечено вниманіе общества и писателей. Послѣ чтенія протокола прошлаго общаго собранія былъ прочитанъ секретаремъ годовой отчетъ, изъ котораго видно, что

съ 1 января 1908 г. по 1 января 1909 г. комитетъ имѣлъ 27 засѣданій, на которыхъ состоялось 834 рѣшенія по разнымъ дѣламъ. Прошеній о выдачѣ денежныхъ пособій и ссудъ было подано 639. Изъ нихъ удовлетворено 502 просьбы и отклонено 137. Денежныхъ пособій назначено: единовременныхъ пособій 335 лицамъ на сумму 9,403 р. 40 к.; на погребеніе 8 лицамъ 315 р.; продолжено пособій 41 лицу на 9,165 р., назначено вновь пособій 17 лицамъ на сумму 2,515 р.; пенсій 2 лицамъ на 600 р.; безсрочныхъ ссудъ 36 лицамъ на 3,110 р.; срочныхъ ссудъ 15 лицамъ на 1,705 р.; на воспитаніе и обученіе 48 лицамъ на 5,135 р. 50 к. Всего денежныхъ пособій въ 1908 г. назначено на 31,948 р. 50 к., болѣе прошлаго года на 4,849 р. 40 к. По призыву прошлыхъ лѣтъ Его Императорское Величество Государь Императоръ изволилъ пожаловать 1,000 р. и особы Императорской Фамиліи 450 р. Для увеличенія средствъ фонда были устрѣены: а) вечеръ въ память Н. А. Некрасова, который далъ чистой прибылью 476 р.; б) лекція П. Д. Боборыкина, давшая 126 р. 30 к. прибыли; в) вечеръ въ память В. Гаршина, съ прибылью 558 р. и г) вечеръ въ честь графа Л. Н. Толстого съ прибылью 623 р. 55 к. В. Ф. Лушнинъ пожертвовалъ въ пользу фонда 2,000 экземпляровъ книги Гумбольдта, переведенной А. Н. Паевской. Отъ редакціи газеты «Русскія Вѣдомости» получено: въ память скончавшагося А. И. Петровскаго 327 р. 40 к. и въ фондъ имени Юлоса 62 р. 23 к. Отъ редакціи той же газеты получено пожертвованіе 300 р.; отъ московскаго литературно-художественнаго кружка получено на нужды фонда 500 р. и въ качествѣ пособія М. А. Протопопову 120 р. Л. Ф. Пантелѣевъ пожертвовалъ 2 облигаціи Сиб. городского кредитнаго общества, по 100 р. каждая. Е. С. Кавось подарила фонду портретъ Н. А. Добролюбова (офортъ) своей работы. Директоръ коммерческаго училища 2-го товарищества с.-петербургскихъ преподавателей А. И. Дарияскій предоставилъ комитету одну безплатную вакансію для сына литератора или ученаго. Комитетъ привѣтствовалъ профессора Сергѣевича по случаю его юбилея, А. М. Скабичевскаго — въ виду 70-лѣтія со дня его рожденія, графа Л. Н. Толстого — въ 80-лѣтнюю годовщину дня его рожденія, московскій Художественный театръ въ день его юбилея. На первомъ всероссійскомъ съѣздѣ временной печати по поводу 80-лѣтія дня рожденія графа Л. Н. Толстого представителемъ отъ фонда былъ С. А. Венгеровъ. Отпечатано новое 23-е изданіе стихотвореній Надсона со включеніемъ въ него вновь найденнаго стихотворенія. При комитетѣ организована комиссія изъ В. Д. Кузьмина-Караваева, Н. А. Котляревскаго, С. А. Венгерова и Н. И. Карѣева, которой поручено устроить въ пользу фонда литературное утро въ память Н. В. Гоголя 19 марта 1909 г. и вообще взять на себя инициативу въ дѣлѣ организациі Гоголевскихъ празднествъ въ С.-Петербурѣ. Затѣмъ былъ прочитанъ казначеемъ Н. Ѳ. Анненскимъ слѣдующій годовой отчетъ о движеніи суммъ и капиталовъ фонда. Къ 1 января 1908 г. состояло процентныхъ бумагъ 694,425 р. и наличными 16,261 р. Поступило: процентныхъ бумагъ 12,200 р. и наличными 55,979 р. 94 к. Всего: процентныхъ бумагъ 706,625 р. и наличными 72,240 р. 68 к. Въ теченіе года израсходовано на: пенсіи 6,980 р., продолжительныя пособія 10,298 р., единовременныя пособія 10,275 р. 90 к., ссуды: безсрочныя

2,781 р., срочныя 1,910 р., пособія на воспитаніе и обученіе 2,783 р. 50 к., стипендіи фонда 1,115 р., изъ капитала Н. Θ. Бунакова 1,176 р., изъ капитала Н. Ф. Дамича 1,360 р., по завѣщанію Г. З. Елисева 472 р., изъ капитала В. Н. Михневича 2,565 р., по изданіямъ фонда 6,060 р., разные расходы 817 р. 50 к., оборотные расходы (авансы и ссуды) 657 р. 39 к., расходы изъ переходящихъ суммъ 1,410 р. покунка процентныхъ бумагъ 10,012 р. 74 к., текущій кушонъ 199 р. 50 к. Всего 60,801 р. 54 к. На 1-е января 1909 г. въ остаткѣ процентныхъ бумагъ 706 р. 625 р. и наличными 11,439 р. 15 к. Обороты по отдѣльнымъ капиталамъ выразились такъ: капиталъ неприкосновенный на 1-е января 1909 г. возросъ до 45,447 р. 71 к., капиталы именные съ 613,490 р. 21 к. увеличились до 625,011 р. 20 к., капиталъ фонда Дамича возросъ до 42,075 р. 38 к. Расходный капиталъ былъ законченъ съ перерасходомъ въ 5,608 р. 77 к., ссудный капиталъ къ 1 января 1909 г. состоитъ всего лишь изъ 48 р. 20 к. Переходящія суммы составили 11,090 р. 43 к. Итакъ, къ 1 января 1909 г. литературный фондъ располагаетъ процентными бумагами и наличнымъ капиталомъ въ 718,064 р. 15 к. По установившемуся обычаю ревизіонная коммиссія, ревизовавшая дѣятельность комитета и отчетность, прочла свои замѣчанія и между прочимъ отмѣтила желательность въ будущемъ болѣе правильнаго и справедливаго распредѣленія пособій фонда его клиентамъ. Наиболѣе настойчивые клиенты добиваются полученія мелкими, но неоднократными суммами пособій выше средней нормы, иногда даже при неполной достаточности литературныхъ правъ. Другіе же, болѣе достойные, но скромные писатели получаютъ урѣзанныя суммы. Въ члены комитета фонда на 1909 годъ взамѣнъ выбывающихъ избраны: Ф. Д. Батюшковъ, В. Г. Котельниковъ, В. Д. Набоковъ, Л. Ф. Пантелѣевъ и Э. Л. Радловъ. Въ члены избраны: С. Г. Бередниковъ, А. А. Калантаръ, С. А. Касаткинъ, К. М. Паткановъ и Д. М. Герценштейнъ.

Годовое собраніе и присужденіе наградъ въ императорскомъ географическомъ обществѣ. Въ переполненномъ залѣ географическаго общества, 28 января, подъ предсѣдательствомъ В. О. Струве, состоялось торжественное годовое собраніе общества. Собраніе открылось чтеніемъ годового отчета общества, который, благодаря секретарю общества А. А. Достоевскому, въ настоящемъ году вышелъ къ годовому собранію въ видѣ отдѣльной книги. Какъ видно изъ отчета, въ настоящее время общество насчитываетъ въ спискахъ своихъ членовъ 15 августѣйшихъ особъ, 24 почетныхъ членовъ (13 отечественныхъ и 11 иностранныхъ), 20 членовъ-соревнователей, 38 иностранныхъ членовъ-корреспондентовъ, 993 дѣйствительныхъ члена 202 члена-сотрудника. Всего 1,183 лица. Дѣятельность общества, какъ и въ прежніе годы, выразилась въ цѣломъ рядѣ экспедицій, снаряженныхъ имъ съ научной цѣлью. И. С. Абрамовымъ была совершена поѣздка въ сѣверные уѣзды Черниговской губерніи съ цѣлью собранія этнографическихъ данныхъ о бытѣ старообрядцевъ и сектантовъ даннаго района. Н. Н. Виноградовымъ была совершена экскурсія по Костромской губерніи съ цѣлью собранія матеріаловъ по диалектологіи, народной словесности и этнографіи въ Костромской губерніи, очень мало обследованной въ указанныхъ отношеніяхъ. М. В. Эдем-

скій совершилъ поѣздки въ Вологодскую и Архангельскую губервіи съ цѣлью собиранія матеріаловъ изъ народной словесности и быта жителей Сѣвернаго края, а также для выясненія вопроса о движеніи заселенія этихъ губервій. А. А. Макаренко былъ командированъ въ поѣздки къ тунгусамъ рѣки Катонги для исполненія лексическаго матеріала по языку тунгусовъ и изученія образа жизни ихъ. При обществѣ функционировала картографическая коммисія, съ подкоммисіей при ней по трансфикціи географическихъ наименованій, гипсометрическая, ледниковая и географо-педагогическая коммисіи, а также попережнему дѣятельно работали отдѣленія статистики и этнографіи. Вслѣдъ за прочтеніемъ отчета состоялось торжественное присужденіе и раздача почетныхъ наградъ отъ общества. Константиновская медаль не присуждена никому. Медаль имени графа Ө. П. Литке присуждена С. И. Савинову за всю совокуиность его дѣятельности по метеорологіи. Золотая медаль имени П. П. Семенова присуждена Г. И. Шанфильеву за его работы по физической географіи. Денежная премія имени Н. М. Пржевальскаго—Б. М. Житкову за его работы по географіи. Большая золотая медаль за труды по этнографіи и статистикѣ—Н. Е. Ончукову. Медаль имени Н. М. Пржевальскаго за работы по изученію Азии присуждена А. К. Мейстеру. Малыя золотыя медали—С. П. Неретолчину за 12-лѣтнія работы по изученію Саянъ и озера Косогола и А. К. Сержпутовскому за предоставленную въ распоряженіе общества рукопись: «Бѣлорусскія послѣдствія» со словаремъ. Серебряная медаль имени П. П. Семенова—І. Д. Лукашевичу за его работу: «Неорганическая жизнь земли». Малыя серебряныя медали: Н. К. Вислоуху, Г. И. Раеву, М. С. Мартемьянову и А. А. Атманскиху. Бронзовыя медали присуждены казаку М. Е. Богданову за долготѣтнія услуги цѣлому ряду изслѣдователей Киргизскаго края и пастухамъ-самоѣдамъ, служившимъ при экспедиціи на Яль-Малъ. По состоявшимся выборамъ въ вице-президенты избранъ П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, въ члены совѣта: Г. Е. Грумъ-Гржимайло и А. И. Вилькицкий, казначеемъ избранъ М. Е. Огородниковъ. Въ заключеніе В. Л. Комаровымъ было сдѣлано сообщеніе: «Отчетъ ботаническаго отдѣла экспедиціи Ө. П. Рязушинскаго въ Камчатку».

25-лѣтній юбилей с.-петербургскаго родительскаго кружка. Юбилейное собраніе с.-петербургскаго родительскаго кружка, по случаю 25-лѣтнія его существованія, привлекло 18 января въ помѣщеніе географическаго общества многочисленную публику. На праздникъ явились члены кружка, председатели многихъ петербургскихъ родительскихъ комитетовъ, представители педагогическихъ обществъ, учреждений и др. Собраніе было открыто рѣчью председателя совѣта кружка, Н. С. Карцова, сообщившаго краткую исторію всего пережитаго кружкомъ за минувшія двадцать пять лѣтъ. Возникновеніе родительскаго кружка относится къ началу 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, т. е. къ тому времени, когда основная идея его дѣятельности—единеніе родителей, педагоговъ и врачей въ разработкѣ вопросовъ воспитанія—была для русской жизни совершенно новою. Проведеніе ея въ жизнь было тѣмъ труднѣе, что тогда только что сошли со сцены лучшія педагогическія и литературныя силы Россіи. Однако идея эта нашла поддержку въ лицѣ представителей пе-

дагогическаго міра военнаго министерства и, въ частности, тогдашняго директора музея военно-учебныхъ заведеній В. П. Коховскаго, который и открылъ 25 лѣтъ назадъ первое собраніе с.-петербургскаго родительскаго кружка. Вскорѣ къ новой организаціи присоединились видные педагогическіе дѣятели того времени П. Ф. Каптеревъ, А. Н. Альмедингенъ, А. С. Виреніусъ и др., и кружокъ сталъ на твердую почву, войдя въ число учрежденій педагогическаго музея въ видѣ особаго отдѣла. Совершенно самостоятельное существованіе кружокъ получилъ подѣ нынѣшнимъ его названіемъ сравнительно въ недавнее время, именно съ марта мѣсяца 1905 года, Всѣ главныя силы свои до самаго послѣдняго времени кружокъ полагалъ на теоретическую разработку вопросовъ семейнаго воспитанія ребенка, руководствуясь при этомъ постоянно собираемыми наблюденіями надъ дѣтьми и ихъ жизнью. Этими наблюденіями члены кружка дѣлались на общихъ собраніяхъ другъ съ другомъ и дѣлали соотвѣтствующіе выводы по интересовавшимъ ихъ вопросамъ. Постепенное накопленіе матеріаловъ путемъ коллективной работы привело къ тому, что явилась потребность подѣлиться цѣнными свѣдѣніями со всѣми интересующимися педагогическимъ дѣломъ, что и было исполнено, когда вышелъ въ свѣтъ большой коллективный трудъ членовъ кружка «Энциклопедія семейнаго воспитанія и обученія», достигшій въ настоящее время 57 вышусковъ и являющійся единственнымъ трудомъ подобнаго рода не только въ русской, но и въ европейской педагогической литературѣ. На педагогической выставкѣ въ Льежѣ кружокъ былъ удостоенъ за этотъ трудъ серебряной медали. Съ недавняго времени родительскій кружокъ началъ переходить къ дѣятельности практической, съ одной стороны, разрабатывая въ своихъ собраніяхъ вопросы, имѣющіе широкое значеніе не только въ семейномъ воспитаніи, но и въ жизни средней школы, какъ, напр., о религіозномъ воспитаніи, о поднятіи продуктивности въ работѣ учащихся и т. д. и съ другой — открывъ школу для бѣдныхъ дѣтей и консультацію для родителей по вопросамъ воспитанія дѣтей, особенно уклоняющихся въ своемъ развитіи отъ нормы. Н. С. закончилъ свое сообщеніе пожеланіемъ кружку дальнѣйшаго развитія и оживленія его дѣятельности. Въ заключеніе онъ предложилъ всѣмъ собравшимся почтить память умершихъ членовъ кружка. Затѣмъ былъ прочитанъ списокъ лицъ, избранныхъ въ почетные члены кружка. Избраны: Н. С. Карцовъ, д-ръ Виреніусъ, П. Ф. Каптеревъ и П. А. Литвинскій. Собраніе выслушало далѣе рядъ привѣтствій отъ разныхъ лицъ и учреждений. Привѣтствовали родительскій кружокъ: П. Ф. Каптеревъ отъ имени женскаго педагогическаго института, В. М. Левшинъ отъ имени педагогической академіи при лигѣ образованія, представители родительскихъ комитетовъ при 4-й и 1-й гимназіяхъ, с.-петербургскаго педагогическаго общества взаимной помощи, общества содѣйствія воспитанію и защиты дѣтей въ провинціи, общества тѣлеснаго воспитанія «Богатырь», родительскаго комитета новгородскаго реальнаго училища и др. Въ заключеніе привѣтствовали кружокъ А. Н. Острогорскій отъ имени «Педагогическаго Сборника» и группы слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ и женскаго педагогическаго института. Привѣтственныя телеграммы прислали: директоръ педагогическаго музея военно-учебныхъ за-

веденій генераль Макшеевъ, предсѣдатель общества охраненія народнаго здравія профессоръ Губертъ, общество народныхъ университетовъ, учительскій персоналъ женскаго педагогическаго института и константиновской гимназій, предсѣдатель родительскаго комитета 1-й гимназій Г. В. Ключковъ, московскій кружокъ совмѣстнаго обученія и родительскій кружокъ при немъ, новгородскій родительскій кружокъ, майскій дѣтскій союзъ и родительскіе комитеты многихъ петербургскихъ учебныхъ заведеній. Собраніе закончилось докладомъ д-ра С. А. Острогорскаго на тему: «Семья и школа». Мысль о необходимости единенія между ними нынѣ стала общепризнанной. Если при возникновеніи родительскаго кружка между ними была глубокая непреходимая пропасть, то нынѣ и общее сознаніе и практика жизни подвинули вопросъ къ его разрѣшенію. Правда, въ бурные годы, пережитые школой, и въ непосредственно слѣдовавшее за ними время выяснились многіе недостатки педагогической опытности родителей, но нынѣ часть родителей, наименѣе подготовленная къ дѣятельности въ родительскихъ комитетахъ, отошла отъ нихъ, такъ что, при усиленной работѣ семьи надъ собой, она можетъ внести много хорошаго въ школьную жизнь. Родительскій кружокъ всегда преслѣдовалъ дружное единеніе въ дѣятельности семьи и школы на пользу дѣтей, сглаживалъ совершенно ту враждебность, до которой доходили отношенія между школой и семьей въ жизни, и нынѣ остается пожелать, чтобы это начало широко вошло въ нашу жизнь, проникло за предѣлы кружка, чтобы идеи с.-петербургскаго кружка проникали какъ можно дальше и глубже во все русское общество.

Пушкинское лицейское общество. Годовое общее собраніе Пушкинскаго лицейскаго общества состоялось 30 января въ домѣ министра финансовъ подъ предсѣдательствомъ попечителя лицея статсъ-секретаря А. С. Ермолова. Послѣдній открылъ засѣданіе теплою рѣчью, посвященной памяти скончавшихся въ минувшемъ году членовъ общества: А. П. Саломона, В. В. Веселовскаго и О. О. Петерсена, предложивъ въ заключеніе почтить память ихъ вставаніемъ. П. Е. Рейнбогъ сообщилъ о пожертвованіяхъ и цѣнныхъ приобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ Пушкинскимъ музеемъ за послѣднее время. Художникъ К. Я. Крыжицкій пожертвовалъ музею свою картину, изображающую Пушкинскій домъ въ селѣ Михайловскомъ. Въ музей поступило нѣсколько рисунковъ Микѣшина къ сочиненіямъ Пушкина, два автографа поэта, подлинный рапортъ с.-петербургскаго городского врача о дуэли Пушкина, около ста фотографическихъ снимковъ съ автографовъ поэта изъ Румянцовскаго и калужскаго музеевъ и друг. Собраніе единогласно избрало К. Я. Крыжицкаго въ члены-сотрудники общества. Н. В. Чарыковъ сдѣлалъ собранію интересный докладъ о найденномъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ письмѣ гр. Воронцова къ гр. Нессельроде, въ которомъ онъ проситъ «избавить его отъ Пушкина». Собраніе закончилось докладомъ члена общества А. А. Баумгаргена о драмѣ «Борисъ Годуновъ». Къ этому же дню издано было обществомъ изданіе «Бахчисарайскаго фонтана» съ гелиографіями съ подлинныхъ рисунковъ С. Галактионова (принадлежащихъ Пушкинскому музею). Въ виду предстоящаго въ этомъ году 10-лѣтія существованія общества, общее со-

браніе постановило поручить комитету издать избранныя сочиненія Пушкина для безплатной раздачи во всѣ начальныя училища Псковской губ., гдѣ такъ долго жилъ и похороненъ великій поэтъ. Въ маѣ, въ день исполняющагося 10-лѣтія общества, предложено созвать чрезвычайное собраніе общества въ Александровскомъ лицѣѣ, гдѣ предполагается устроить выставку автографовъ, рисунковъ, картинъ, рѣдкихъ книгъ и вещей, принадлежащихъ Пушкинскому музею и библіотекѣ.

Въ генеалогическомъ обществѣ. Въ собраніи членовъ генеалогическаго общества подъ предѣтельствомъ его императорскаго высочества великаго князя Георгія Михайловича, происходившемъ въ одномъ изъ залъ Дворянскаго собранія, былъ доложенъ секретаремъ С. И. Бурнашевымъ отчетъ о дѣятельности общества за минувшій годъ, причемъ память почившихъ членовъ Н. В. Муравьева (посла въ Италию), И. А. Вахрамѣева, Н. Н. Неплюева и В. А. Коркунова была почтена вставаніемъ. Сообщено было, что исполняющій должность итербургскаго губернскаго предводителя дворянства Е. В. Шубинъ-Поздѣвъ временно предоставилъ обществу помѣщеніе для его собраній и архива. Въ виду оказанныхъ обществу услугъ, Е. В. единогласно избранъ въ пожизненные члены общества; произведено избраніе въ члены еще четырехъ лицъ. По порученію вдовы генералъ-лейтенанта Томановской, рожденной Ладыгиной, князь М. С. Путятинъ передалъ собранію двѣ жалованныя грамоты царей Иоанна и Петра Алексѣевичу стольнику Ладыгину. Отлично сохранившіяся грамоты съ поколѣнною росписью фамиліи Ладыгиныхъ принесены г-жей Томановской въ даръ обществу. Членъ общества С. Л. Италицкій сдѣлалъ сообщеніе о возникшемъ въ 1907 г. во Львовѣ новомъ геральдическомъ обществѣ, имѣющемъ, безъ сомнѣнія, интересъ и для русскаго генеалогическаго общества, такъ какъ польская геральдика находится въ связи съ нашею; безъ нея нельзя изучать исторію русско-литовскихъ родовъ. Изданный обществомъ польскій гербовникъ доведенъ до XI тома, буквы К. Общество занимается исторіей мѣщанскихъ гербовъ, а также сфрагстикой. Оно ежемѣсячно издаетъ маленькій журналъ и ежегодникъ съ болѣе крупными изслѣдованіями по первоисточникамъ. Работа общества идетъ по обдуманному, строго опредѣленному плану, и имъ намѣчены описанія общественныхъ и публичныхъ библіотекъ и частныхъ архивовъ и церковныхъ книгъ. Въ вышедшихъ девяти нумерахъ идетъ обзоръ метрическихъ книгъ. Референтъ выяснилъ значеніе работъ львовскаго общества для русско-польской исторіографіи и, какъ примѣръ, привелъ опредѣленія слова «князь». Ежегодникъ общества выйдетъ въ апрѣлѣ въ размѣрѣ 15 листовъ. Къ сообщенію этому докторъ исторіи Лихачевъ присодинилъ свои нѣкоторыя дополненія о значеніи работъ геральдическаго общества для русско-польской сфрагистики. Наши русскіе гербы поздняго происхожденія и составлены по образцу польскихъ, но у насъ есть древніе родовые и личные знаки, древнѣе польскихъ гербовъ, судя по тѣмъ пломбама, которыя находятъ въ Новгородской, Киевской и Тверской губерніяхъ и которыя относятся къ домонгольскому періоду. Эти знаки на монетахъ имѣютъ большое значеніе для нашей исторіи. Напримѣръ, въ описаніи великокняжеской грамоты Юрьевскому монастырю, которой занималось много лицъ, между ними и Карамзинъ

и академикъ Срезневскій, всѣ, разбирая печать ея, находили, что на одной сторонѣ ликъ Спасителя есть знакъ верховнаго властнаго лица, а на другой— видѣли изображеніе св. архангела Михаила, поражающаго змія, и дѣлали разныя соображенія, почему оно явилось тутъ на печати. Найденныя пломбы разъяснили эту печать въ томъ смыслѣ, что это не архангелъ Михаилъ, а Феодоръ Стратилатъ, въ чудѣ со зміемъ (собственно Феодоръ Тиронъ), и изображеніе это — есть анонимный типъ княжеской печати. Грамота монастырю была дана Мстиславомъ Владимировичемъ и его сыномъ, и на печати ея одна сторона — ликъ Спасителя—знакъ царскій, а другая—изображеніе Феодора, знакъ именной, тезоименный, такъ какъ православное имя князя было Феодоръ. Попутно г. Лихачевъ, говоря о древнихъ печатяхъ, сдѣлалъ любопытныя замѣчанія о разныхъ свойствахъ географическихъ мѣстностей. Такъ, въ благодатномъ для храненія древностей Египтѣ свинецъ, пролежавъ 1000 лѣтъ, блеститъ, какъ новый, и вызываетъ недоувѣріе къ своей древности со стороны знателей, а Парижъ свинецъ совсѣмъ не терпитъ: онъ въ нѣсколько лѣтъ прямо обращается въ бѣлый порошокъ; поэтому тамъ имъ и не дорожатъ и охотно продаютъ и передаютъ свинцовыя древности, ибо въ музеяхъ онъ все равно пропадетъ. Въ Лондонѣ снимаютъ съ пломбъ гальванопластику, въ Петербургѣ, сырѣйшемъ, чѣмъ Парижъ, въ отчаянномъ мѣстѣ для древностей, каковъ нашъ Эрмитажъ съ его отопленіемъ (лѣтомъ—подвалъ, а зимой—сушилка) и гдѣ все скоро портится, свинецъ милостивѣе и печати свинцовыя сохраняются пока хорошо.

Смоленская ученая архивная комиссія. Въ прошломъ 1908 г. въ городѣ Смоленскѣ возникла ученая архивная комиссія, имѣвшая уже четыре общихъ собранія, помимо учредительнаго. Предсѣдателемъ этой комиссіи избранъ гражданскій инженеръ А. Т. Богдановичъ; товарищемъ предсѣдателя преподаватель мѣстнаго епархіальнаго училища, авторъ многихъ статей и брошюръ по исторіи и археологіи Смоленска, душа и инициаторъ всего дѣла И. И. Орловскій; казначеемъ—завѣдующій губернской типографіей А. О. Турцевичъ; секретаремъ—сперва чиновникъ губернскаго правленія Яблоновскій, а затѣмъ преподаватель мѣстнаго реальнаго училища П. В. Михайловъ; бібліотекаремъ преподаватель епархіальнаго училища Н. Н. Рѣдковъ. Первые собранія были посвящены почти исключительно выбору должностныхъ лицъ, обсужденію различныхъ хозяйственныхъ вопросовъ и ходатайствъ; приглашенію желательныхъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ; обращенію къ различнымъ ученымъ обществамъ о высылкѣ изданій и матеріаловъ, особенно касающихся Смоленской губерніи. Слѣдствіемъ этихъ ходатайствъ является теперь уже довольнообширная историко-археологическая бібліотека, свыше 500 томовъ книгъ и брошюръ, среди коихъ есть очень цѣнные изданія. Къ сожалѣнію, мѣстная администрація до сихъ поръ не можетъ уважить неоднократныя ходатайства архивной комиссіи о какомъ-либо помѣщеніи, гдѣ было бы возможно хранить свою бібліотеку и предполагаемый музей, а также заняться разборкой и приведеніемъ въ порядокъ драгоцѣнныхъ смоленскихъ архивовъ, гниющихъ теперь безъ призора въ сырыхъ, не отопленныхъ и не провѣтриваемыхъ смоленскихъ башняхъ. Матеріальныя средства комиссіи

«истор. вѣств.», мартъ, 1909 г., т. схv.

очень ограничены и состоятъ пока всего лишь изъ правительственной субсидіи въ 500 рублей, каковая преимущественно должна пойти на изданіе «Сборника Смоленской Старины», для котораго уже собрано достаточное количество интереснаго матеріала, какъ сырого, такъ и обработаннаго. Изъ первому относятся столбцы XVII вѣка и подлинное дѣло священника Н. А. Мурзакевича—смоленскаго первоисторика, личности въ высшей степени свѣтлой, сумѣвшей отстоять передъ Наполеономъ цѣлость роднаго собора и тѣмъ не менѣе навлекшаго на себя самую грязную клевету завистниковъ, которая, хотя въ концѣ концовъ и не увѣнчалась успѣхомъ, но свела въ могилу почтеннаго пастыря. Изъ обработаннаго матеріала предложено напечатать статьи: Г. К. Богуславскаго: «О раскопкахъ Гигздовецкихъ кургановъ»; П. П. Орловскаго: «О раскопкахъ древняго Борисоглѣбскаго храма на Смядыни»; Н. Н. Рѣдкова: «Житіе преподобнаго Авраамія Смоленскаго»; А. В. Жиркевича: «Изъ архивовъ 1812-го года». На послѣднемъ засѣданіи, собравшемъ около 16 членовъ, была избрана редакціонная комиссія для вышеупомянутаго изданія въ лицѣ присутствующихъ въ Смоленскѣ авторовъ статей и казначея. Въ архивную комиссію начали уже поступать казенныя порученія, какъ, напримѣръ, разсмотрѣніе описей книгъ (на нѣмецкомъ языкѣ) митавскаго казначейства, предложенныхъ къ уничтоженію. Поступилъ также запросъ, весьма интересный и важный, отъ комитета устройства музея 1812-го года, съ просьбой прислать всѣ имѣющіяся въ архивахъ рукописи, относящіяся до Отечественной войны. Но это порученіе комиссія, конечно, не скоро будетъ въ состояніи исполнить, такъ какъ, во-первыхъ, всѣ архивы не разобраны, а главное, зимой нѣтъ никакой возможности ихъ разобрать, ибо они, какъ уже упомянуто, помѣщаются въ холодныхъ башняхъ. Былъ также запросъ отъ с.-петербургской археологической комиссіи о камнѣ съ загадочной рунической надписью, найденномъ въ деревнѣ Пневичахъ, Могилевской губерніи, который былъ перевезенъ въ городъ Смоленскъ, въ домъ Дондуковыхъ-Корсаковыхъ; но теперь никто изъ мѣстныхъ старожиловъ не можетъ указать, гдѣ именно находится этотъ камень, такъ какъ есть предположеніе, что онъ разрушился во время пожара этого дома, бывшаго въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Однако по этому дѣлу предприняты усердные розыски. Словомъ, архивная комиссія, несмотря на свое еще очень кратковременное существованіе, проявила весьма живую дѣятельность, хотя со стороны мѣстныхъ органовъ управленія она встрѣчаетъ слишкомъ мало поддержки. Между прочимъ губернская управа отклонила ходатайство о субсидіи «за неизмѣнимъ средствъ», а мѣстная дума, владѣющая небольшимъ музеемъ, собраннымъ частными лицами и любителями, отказала архивной комиссіи въ просьбѣ заниматься въ музеѣ или брать имѣющіяся въ немъ рукописи на домъ, даже въ сосѣдную съ музеемъ бібліотеку, которая открыта ежедневно до шести часовъ вечера, тогда какъ музей благоволяетъ открывать для обозрѣнія публики и въ томъ числѣ также для членовъ архивной комиссіи всего лишь на три часа (отъ 12 до 3-хъ часовъ) два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и средамъ—дни весьма неудобные для занятій, первый по случаю большой толкотни, такъ какъ музей состоитъ всего изъ одной не-

большой комнаты, а второй— потому, что въ эти часы большинство лицъ находятся на различныхъ служебныхъ занятіяхъ. Изъ вышеописаннаго видно, съ какими неблагоприятными условіями приходится имѣть дѣло архивной комиссіи на самой зарѣ своего существованія и остается только надѣяться на стойкость ея дѣятельныхъ членовъ, несущихъ ей свои заботы, знанья и труды, да на отзывчивость какъ правительственныхъ учреждений, такъ и частныхъ обществъ и лицъ, которымъ близки и дороги интересы нашей родной старины.

Юбилей картографическаго заведенія А. А. Ильина. 23 января картографическое заведеніе А. А. Ильина справляло свой полувѣковой юбилей. На торжествѣ присутствовали князь Іоаннъ Константиновичъ, многіе члены г. совѣта, министръ торговли, сиб. губернаторъ, представители разныхъ вѣдомствъ, военные, художники, представители торговаго, промышленнаго и финансоваго міра, предѣдатель о-ва востоковѣдѣнія ген. Шведовъ и члены другихъ ученыхъ обществъ. Послѣ молебна, совершеннаго въ большой мастерской, нынѣшняго хозяина привѣтствовали адресомъ и подношеніями его рабочіе, затѣмъ министръ торговли и промышленности т. с. Тимирязевъ въ своей рѣчи высказалъ, что едва ли есть другое такое заведеніе, которое имѣло бы столько правъ на признательность министерства торговли и промышленности. Заведеніе это дорого вѣдомству, какъ крупное образцово поставленное промышленное предпріятіе, заслуживающее признательности именно своимъ прекраснымъ оборудованіемъ; во-вторыхъ, оно дорого и прекрасными отношеніями хозяевъ къ своимъ рабочимъ, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ горячій адресъ; въ-третьихъ, оно дорого примѣненіемъ художества къ промышленности (излишне говорить о художественномъ исполненіи работъ заведенія); наконецъ оно дорого намъ потому, что служитъ русскому дѣлу, русскимъ торговымъ и промышленнымъ интересамъ и сосредоточиваетъ въ себѣ много художественныхъ и промышленныхъ силъ, поставившихъ дѣло на высоту своей славы. Послѣ министра читались адреса: отъ императорскаго русскаго географическаго общества, сиб. почительнаго комитета о сестрахъ Краснаго Креста (община св. Евгенія печатаетъ здѣсь свои художественныя открытки; адресъ читалъ ген. Юрьевъ, а въ депутаціи были графиня Канкринна и графиня Гейденъ). Русское общество книгопродавцевъ и издателей свой адресъ оригинально изобразило на глобусѣ. Привѣтствовала старѣйшая типографія Бенке и т. д. Для гостей былъ сервированъ завтракъ, а для служащихъ и рабочихъ вечеромъ устроенъ былъ спектакль.

Чествованіе Ѳ. Ф. Зѣлинскаго. 1 февраля въ университетѣ состоялось чествованіе профессорами и студентами профессора Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, по поводу исполнившагося 21 января 25-лѣтія его научной и литературной дѣятельности. Въ аудиторіи классической филологіи (музей древности), гдѣ обыкновенно читаетъ профессоръ Зѣлинскій, собралась профессора университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, студенты филологическаго факультета, депутаціи отъ ученыхъ обществъ, слушателей и слушательницъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаетъ профессоръ Зѣлинскій. Изъ профессоровъ университета присутствовали ректоръ П. П. Боргманъ, про-

ректоръ Э. Д. Гриммъ, деканъ историко-филологическаго факультета Ѳ. А. Браунъ, секретарь факультета С. А. Жебелевъ, профессора Н. И. Карѣевъ, П. М. Гревсъ, М. П. Ростовцевъ, Ал. И. Введенскій и многіе другіе. Юбиларъ встрѣченъ аплодисментами. Ѳ. А. Браунъ отъ имени историко-филологическаго факультета указаль на заслуги юбиляра передъ наукой и, въ частности, передъ петербургскимъ университетомъ, которому юбиларъ посвятиль всѣ 25 лѣтъ своей дѣятельности. Заслуги профессора Зѣлинскаго признаются не только всѣми профессорами петербургскаго университета, но и за его стѣнами. Доказательствомъ этого служить высокая честь, оказанная юбиляру московскимъ университетомъ, избравшимъ его своимъ почетнымъ членомъ. Послѣ г. Брауна привѣтствовали юбиляра: П. М. Гревсъ и Н. И. Карѣевъ, въ своихъ рѣчахъ указавшіе, что профессоръ Зѣлинскій является рѣдкимъ ученымъ, соединяющимъ съ глубокою ученостію въ области классической филологіи способность возбуждать въ каждомъ живой интересъ къ классическому міру своимъ умѣниемъ подчеркнуть преемственную связь современнаго духовнаго міра съ идеями классической древности, далѣе профессоръ Раевъ привѣтствовалъ юбиляра отъ имени женскихъ курсовъ, академикъ Никитинъ — отъ академіи наукъ и рядъ деуатацій — отъ учебныхъ обществъ: историческаго, философскаго, нефилологическаго, общества классической филологіи и другихъ; рядъ студенческихъ деуатацій — отъ студентовъ филологическаго факультета, отъ кружка классической филологіи, отъ слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ, слушательницъ женскихъ курсовъ и проч. Получено много телеграммъ изъ разныхъ городовъ Россіи: привѣтствовали юбиляра почти всѣ провинціальныя университеты, вѣжинскій филологическій институтъ и много отдѣльных лицъ — учениковъ и почитателей юбиляра. Юбиларъ благодариль за привѣтствія длинной рѣчью, произнесенной на латинскомъ языкѣ. 1 февраля происходило чествованіе Ѳ. Ф. Зѣлинскаго также и на высшихъ женскихъ (бестужевскихъ) курсахъ, соединенное съ курсами Раева. Кромѣ профессоровъ женскихъ курсовъ, присутствовали профессора университета: Браунъ, Гриммъ, Ростовцевъ, Погодинъ и др. За ужиномъ, который былъ данъ профессорами въ честь маститаго юбиляра, было произнесено много рѣчей. Директоръ историко-литературныхъ курсовъ Н. В. Раевъ, говорившій отъ лица курсовъ, благодариль профессора Ѳ. Ф. Зѣлинскаго за сердечное отношеніе къ курсамъ, и закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ юбиляру еще многихъ лѣтъ для работы на избранномъ имъ высокомъ, научномъ поприщѣ. Профессора Браунъ, Погодинъ, Ростовцевъ и др. въ своихъ, посвященныхъ юбиляру, рѣчахъ говорили о научныхъ заслугахъ профессора Ѳ. Ф. Зѣлинскаго и о тѣхъ цѣнныхъ трудахъ, которые онъ внесъ въ исторію эллинской культуры. Благодарственную рѣчь отъ лица общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ произнесла О. К. Нечаева. Прочувствованную и трогательную рѣчь сказаль на пѣмецкомъ языкѣ г. Кенигъ, директоръ Аннинской гимназіи, въ которой Ѳ. Ф. Зѣлинскій получиль свое первоначальное образованіе. Онъ охарактеризоваль его, какъ прилежнаго и даровитаго ученика, уже въ то время подававшаго большія надежды. Въ отвѣтной рѣчи юбиларъ благодариль своихъ товарищей и каждому изъ ораторовъ посвятиль по нѣскольку словъ, причемъ отвѣтъ на рѣчь своего учителя

г. Кенига профессоръ Ч. Ф. Зѣлинскій произнесъ также на нѣмецкомъ языкѣ. Во время ужина было получено много поздравительныхъ телеграммъ: отъ казанскаго и одесскаго университетовъ и отъ многочисленныхъ учениковъ юбиляра. Чествованіе носило весьма сердечный характеръ и затянулось до четырехъ часовъ утра.

Юбилей іерарха-миссіонера. 2 февраля Томскъ съ рѣдкой торжественностью праздновалъ 25-лѣтній юбилей служенія въ епископскомъ санѣ одного изъ виднѣйшихъ современныхъ іерарховъ, извѣстнаго миссіонера, распространявшаго свѣтъ Христова ученія среди полудикихъ инородческихъ племенъ прекраснаго Алтая, высокопреосвященнѣйшаго Макарія, архіепископа томскаго и алтайскаго. Въ чествованіи маститаго юбиляра приняли участіе всѣ слои томскаго населенія, всѣ учрежденія, начиная съ городской думы, и чествованіе это въ мѣстной жизни явилось положительно выдающимся явленіемъ. Юбиляръ—сынъ бѣднаго понамаря, уроженецъ села Шапкина, Ковровскаго уѣзда Владимирской губерніи, въ мѣрѣ Михаилъ Андреевичъ Невскій, родился 1 октября 1835 года. Окончивъ на 19-мъ году однимъ изъ первыхъ учениковъ курсъ тобольской духовной семинаріи, Михаилъ Андреевичъ Невскій вступилъ въ 1855 году на службу въ алтайскую духовную миссію и вскорѣ принялъ монашество. По собственному его выраженію, онъ «первые годы употребилъ на изученіе языковъ туземцевъ, этой азбуки миссіонерства». Школой для него были здѣсь не мертвыя книги, а сама жизнь съ ея назрѣвшими потребностями, съ сложившимися на мѣстѣ нравами и бытомъ туземцевъ. Тѣмъ не менѣе, молодой іеромонахъ Макарій, полный силъ и кипучей энергіи, въ видахъ расширенія круга своихъ теоретическихъ познаній, поѣхалъ въ Казань и полтора года работалъ въ этомъ ученomъ центрѣ распространенія христіанской и русскаго культуры между инородцами Восточнаго края и изученія инородческихъ языковъ. Здѣсь онъ участвовалъ, въ качествѣ сотрудника извѣстнаго Н. И. Ильминскаго, въ составленіи грамматики алтайскаго языка, работалъ надъ переводомъ на этотъ языкъ богослужебныхъ книгъ. Въ Казани же іеромонахъ Макарій былъ возведенъ въ санъ игумена за весьма успѣшное обученіе воспитанниковъ казанской татарской школы церковному ипнію и за приученіе ихъ къ отпавленію православнаго богослуженія на татарскомъ языкѣ. Возвратясь изъ Казани на Алтай, игуменъ Макарій съ еще большимъ рвеніемъ принялся за временно прерванные труды просвѣщенія алтайцевъ. «Мышленіе народа и все его міросозерцаніе выражается на его родномъ языкѣ. Кто владѣетъ языкомъ инородцевъ, тотъ понимаетъ, хотя бы только инстинктивно, міросозерцаніе ихъ. Кто говоритъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ, того они легко понимаютъ». Эти слова Ильминскаго о Макаріи положили въ основу всей своей дальнѣйшей миссіонерской дѣятельности. Онъ быстро овладѣлъ алтайскимъ языкомъ и началъ говорить на немъ, по признанію самихъ инородцевъ, какъ природный алтаецъ. Много труда удѣлилъ онъ составленію и переводамъ на языкъ туземцевъ различныхъ книгъ. Такъ, онъ составилъ на алтайскомъ языкѣ переведенныя потомъ на русскій и пользующіяся большою извѣстностью въ миссіонерскомъ мѣрѣ «Бесѣды къ язычникамъ», переложилъ на тотъ же языкъ Божественную литургію и всенощное бдѣніе, перевелъ житія святыхъ и мн. др. Многочисленные

переводы на алтайскій языкъ высокопреосвященнаго Макарія имѣютъ высокое достоинство, такъ какъ, отличаясь чистотою и правильностью языка, они въ то же время вполне сохраняютъ вѣрность подлиннику. Въ алтайской миссіи маститый юбиляръ прослужилъ 35 лѣтъ, начиная съ самой низшей степени простого клирика и кончая высшей священной степенью епископа. Въ теченіе столь долгаго времени преосвященный лично ознакомился со всѣми самыми отдаленными уголками Алтая, глубоко и основательно изучивъ бытъ алтайскихъ инородцевъ. По словамъ самого архіепископа Макарія, онъ во время своей долготѣней службы на Алтаѣ настолько свыкъ съ нимъ, что онъ сдѣлался для него второй родиной, и настолько полюбилъ миссіонерское дѣло, что оно стало для него второй природой. Выѣстъ съ миссіонерскимъ дѣломъ высокопреосвященнѣйшему юбиляру немало приходилось заниматься также воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей, и онъ приобрѣлъ въ этомъ дѣлѣ не меньшую опытность, чѣмъ и въ миссіонерскомъ дѣлѣ. Трудами владыки былъ составленъ первый алтайскій букварь для обученія алтайской грамотѣ по звуковому методу. Но больше всего и главнымъ образомъ миссіонерскія школы обязаны владыкѣ своимъ христіанскимъ воспитательнымъ и миссіонерскимъ значеніемъ. Въ февралѣ 1884 года архимандритъ Макарій былъ хиротонисанъ въ санъ епископа бійскаго, викарія томской епархіи, а 26 мая 1891 года назначенъ на должность томскаго епархіальнаго архіерея, а года три тому назадъ возведенъ въ санъ архіепископа. Высокопреосвященнѣйшій архіепископъ Макарій является выдающимся духовнымъ ораторомъ. Его проповѣди, чуждыя обычнаго схоластически-напыщеннаго тона нашихъ церковныхъ проповѣдей, исходящія изъ глубины вѣрующаго сердца, изложенныя простымъ, понятнымъ, искреннимъ языкомъ, проникающія въ глубины человѣческой души,—производятъ сильное впечатлѣніе.

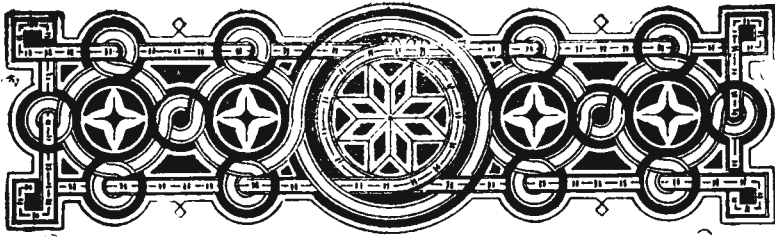
Завѣщаніе И. Е. Забѣлина. Единственная наслѣдница скончавшагося историка И. Е. Забѣлина, его вторая дочь¹⁾, Марія Ивановна, являвшаяся при жизни отца его помощницей въ научныхъ занятіяхъ, «секретаремъ» и ведшая вѣ его издательскія дѣла, представила управленію императорскаго историческаго музея слѣдующее заявленіе: «Исполняя словесно завѣщанную мнѣ волю моего покойнаго родителя, Ивана Егоровича Забѣлина, почтительнѣйше прошу императорскій русскій историческій музей имени императора Александра III принять въ даръ оставшуюся послѣ него бібліотеку въ полномъ составѣ, состоящую изъ собранія цѣнныхъ древнихъ рукописей, иконныхъ прописей, лубочныхъ картинокъ, географическихъ и топографическихъ картъ, эстамповъ и т. п. При чемъ, по желанію покойнаго родителя моего, покорнѣйше прошу управленіе музея, еще до принятія, произвести оцѣнку собранія рукописей, пригласивъ и стороннихъ экспертовъ. Всю большую переписку моего покойнаго отца съ болѣе или менѣе извѣстными лицами, представляющую поэтому рѣдкое собраніе автографовъ, также передаю, по желанію отца, въ собственность музея. Изъ переданнаго мнѣ еще при жизни моимъ покойнымъ стцомъ денежнаго капитала въ 127,000 рублей въ процентныхъ бумагахъ, желая выполнить его завѣты, приношу въ даръ импера-

¹⁾ Смерть его скончалась уже давно, старшая дочь—двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.

торскому историческому музею 70,000 рублей, какъ неприкосновенный капиталъ, на проценты съ котораго музей долженъ приобретать древніе памятники и, особенно, древнія рукописи, съ обозначеніемъ о купленныхъ предметахъ, что они приобретены на капиталъ, оставленный П. Е. Забѣлинымъ. Въ назначеніи суммы 70,000 рублей отецъ мой желалъ, по его словамъ, возвратить все жалованье, которое получилъ за все время службы своей въ музей. Остальную сумму капитала въ 60,000 рублей (недостающую сумму 3,000 рублей прошу управленіе музея дополнить изъ первыхъ процентовъ со всего капитала) передаю императорскому историческому музею имени императора Александра III и прошу распределить ее согласно желаньямъ моего покойнаго отца слѣдующимъ образомъ: 30,000 рублей должны остаться въ музей въ неприкосновенный капиталъ, на проценты съ котораго должны будутъ производиться работы по составленію и изданію подробной описи (по образцу строевскихъ описей) рукописей, принадлежащихъ бібліотекъ моего покойнаго отца, а также каталогъ печатныхъ книгъ его бібліотеки и другія подобныя работы по моему личному указанію. По выполненіи этихъ работъ капиталъ этотъ должно присоединить къ неприкосновенному капиталу въ 70,000 рублей, на проценты съ котораго будутъ приобретаться древніе памятники. Остальные 30,000 рублей должно передать въ академію наукъ, какъ неприкосновенный капиталъ. % съ котораго должны быть употребляемы на переводы древнихъ греческихъ и латинскихъ, а также средневѣковыхъ географовъ и лѣтописцевъ, особенно которые пишутъ о русской странѣ и о Балтійскомъ поморѣ, и изданія этихъ переводовъ. Но передать этотъ капиталъ въ академію наукъ не прежде того, какъ мною будетъ выработанъ ясный планъ этихъ работъ и планъ этотъ будетъ принятъ академіею. Семь выигранныхъ билетовъ, находящихся въ числѣ 70,000 рублей, принесенныхъ мною въ даръ музею на приобретение процентами древнихъ памятниковъ, если бы когда-нибудь пали на нихъ выигрыши, прошу управленіе императорскаго историческаго музея удѣлять въ мою собственность четвертую часть этихъ выигрышей, остальные же части выигрышей присоединять къ тому же неприкосновенному капиталу, увеличивая, такимъ образомъ, капиталъ и проценты съ него на приобретение древнихъ памятниковъ. Весь передаваемый мною капиталъ въ облигаціяхъ московскаго кредитнаго общества и въ разныхъ государственныхъ бумагахъ, я, по волѣ родителя моего, прошу управленіе музея хранить въ этихъ же цѣнностяхъ, но по мѣрѣ выхода въ тиражъ облигацій кредитнаго общества замѣнять ихъ государственными бумагами 2-го или 3-го 5% внутренняго займа 1905 года; со временемъ, когда 2-й или 3-й займы будутъ, въ свою очередь погашены, то хранить капиталъ въ соответствующихъ симъ послѣднимъ государственныхъ бумагахъ, на что испросить высочайшее соизволеніе. Выражая въ семъ заявленіи желанія моего покойнаго родителя, а также и мои, почтительнѣйше прошу управленіе императорскаго историческаго музея имени императора Александра III не отказать принять сіи наши дары и выполнить въ возможной точности волю почившаго отца моего».

«Дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Марія Ивановна Забѣлина».

22 января 1909 г.

НЕКРОЛОГИ.

ВЕРЕЩАГИНЪ, А. В. Покончившій собою 28 января генераль-майоръ въ отставкѣ Александръ Васильевичъ Верещагинъ былъ родной братъ извѣстнаго художника В. В. Верещагина, погибшаго на «Петропавловскѣ», и общественнаго дѣятеля-сыровара Н. В. Верещагина. А. В. посвятилъ большую часть своей жизни военной службѣ, былъ участникомъ русско-турецкой войны 1877—78 гг., ахаль-текинской экспедиціи и китайской кампаніи 1900—901 гг., а также не былъ чуждъ литературнымъ занятіямъ. Онъ родился 10 мая 1850 года, образованіе получилъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Службу началъ корнетомъ въ 9-мъ уланскомъ полку, но вскорѣ оставилъ ее. Когда началась русско-турецкая война, покойный вновь опредѣлился на службу, отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ составъ Владикавказскаго казачьяго полка Терскаго войска и участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ: былъ въ бояхъ у деревни Самовидъ подъ Ловчей, въ осадѣ Плевны, подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ и другихъ. Особенно памятно его участіе въ сраженіяхъ подъ Плевной, гдѣ ему пришлось быть ординарцемъ генерала М. Д. Скобелева. На его долю выпало исполненіе многихъ распоряженій Бѣлаго генерала, часто подъ жестокимъ непріятельскимъ огнемъ, и онъ всегда являлся смѣлымъ и безстрашнымъ ихъ исполнителемъ. Въ дѣлѣ подъ Плевной 30 августа 1877 г. А. В. былъ тяжело раненъ ружейной пулей въ правую ногу (вносѣдствіи былъ причисленъ ко второму классу раненыхъ). За боевыя заслуги былъ награжденъ золотымъ оружіемъ съ надписью «за храбрость», орденомъ св. Станислава третьей степени и Владимира четвертой степени, оба съ мечами, и производствомъ сперва въ есаулы, потомъ въ войсковые старшины. Послѣ войны онъ командовалъ въ

полку сотней и былъ председателемъ полкового суда. Командированный въ 1880 г. въ распоряженіе временно-командующаго войсками Закаспійскаго края М. Д. Скобелева, А. В. принялъ участіе въ ахаль-текинскои экспедиціи. За отличіе въ дѣлахъ съ текинцами въ 1880 г. и за взятіе штурмомъ въ 1881 г. Геокъ-Тепе награжденъ орденомъ св. Станислава второй степени съ мечами. Въ 1882 г. покойный покинулъ военную службу и опредѣлился въ министерство финансовъ членомъ-оцѣнщикомъ с.-петербургскаго отдѣленія государственнаго дворянскаго земельного банка, но въ 1894 г. вновь вернулся на военную службу, будучи назначенъ штабъ-офицеромъ для особыхъ порученій при военномъ министрѣ. Въ это время онъ былъ командированъ въ Терскую область для ознакомленія съ вопросомъ о размещеніи жителей безноконныхъ ауловъ въ города Тургай и Златоустъ. Въ 1900 г. покойный отправился въ Хабаровскъ въ распоряженіе командующаго войсками генерала Н. П. Гродекова. То было время боксерскаго возстанія въ Китаѣ, и на русско-китайской границѣ было далеко не спокойно. Покойному пришлось выполнить рядъ порученій хозяйственнаго характера и съ этою цѣлью объѣхать главнѣйшіе города Манчжуріи, посѣтить Поргъ-Артуръ. Вернувшись въ Петербургъ въ 1901 г., онъ въ томъ же году вновь отправился, но уже въ Китаѣ. Въ 1906 г. А. В. вышелъ въ отставку. Въ досуги своей службы онъ много помогаль своему брату-художнику по устройству его картинныхъ выставокъ и съ особенной любовью занимался литературной дѣятельностью. Онъ написалъ и издалъ цѣлый рядъ своихъ рассказовъ: «Дома и на войнѣ», «У болгаръ и за границей», «Воспоминанія и рассказы», «Новые рассказы», «По Манчжуріи», «Въ Китаѣ», «На войнѣ», «Рассказы очевидцевъ 1900—1901 гг.» и др. Въ его рассказахъ много автобіографическаго, они интересны по сюжету и изложенію, изящно изданы и иллюстрированы характерными снимками. Разнообразная талантливость покойнаго сказалась между прочимъ въ его любви ко всему родному и изящному. Какъ любитель-антикварій, онъ собралъ цѣлый рядъ интересныхъ коллекцій. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11813).

† **Верещагинъ, А. С.** ¹⁾ 5 декабря 1908 г. скончался, 73 лѣтъ отъ роду, въ Вяткѣ одинъ изъ выдающихся мѣстныхъ историковъ, статскій совѣтникъ Александръ Степановичъ Верещагинъ. Уроженецъ Вятской губерніи, воспитанникъ вятской духовной семинаріи и казанской духовной академіи, покойный около 30 первыхъ лѣтъ своей службы посвятилъ педагогической дѣятельности, состоя преподавателемъ разныхъ предметовъ (исторіи, патристики, латинскаго и французскаго языковъ и др.) въ семинаріяхъ: самарской, пермской и вятской, въ которой пробылъ долѣе всего. Последніе 5 лѣтъ состоялъ смотрителемъ вятско-духовнаго училища. Учено-литературная дѣятельность А. С. открывается въ 1863 г. и сосредоточивается въ теченіе всей его жизни, главнымъ образомъ, на исторіи Вятскаго края, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Матеріалъ для своихъ работъ онъ черпалъ преимущественно въ архивахъ, первоначально мѣстныхъ, а потомъ и

¹⁾ Некрологъ А. С. Верещагина сообщенъ В. Е. Рудаковымъ.

столичныхъ: въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и петербургскомъ св. синода; кромѣ того, онъ много работалъ и въ рукописномъ отдѣленіи императорской публичной бібліотеки и въ Румянцовскомъ музее въ Москвѣ. Рядомъ съ новизнѣй матеріала, изслѣдованія покойнаго обваруживали въ ихъ авторѣ большое критическое чутье, умѣнье разрѣшать сложные, запутанные вопросы, предъ которыми не находили выхода наши крупнѣйшіе историки, напр., въ вопросѣ о первоначальномъ заселеніи Вятскаго края, громадную начитанность въ исторической литературѣ и искусство выразительнаго и въ то же время простаго литературнаго изложенія. Первыми учено-литературными работами А. С. были статьи: «Исторія обращенія Вотьяковъ въ христіанство», «Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта» и «Краткія свѣдѣнія о начальникахъ и наставникахъ вятской семинаріи до 1818 года», печатавшіяся въ «Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1863 и 1864 г. Здѣсь же печатались и всѣ послѣдующія его изслѣдованія вплоть до открытія имъ въ Вяткѣ вятской ученой архивной комиссіи, въ концѣ 1904 г. «Труды» послѣдней, редактируемые А. С., состоявшіимъ въ то же время товарищемъ предѣдателя комиссіи, можно смѣло сказать, были почти исключительно наполнены его статьями и матеріалами. «Трудовъ» этихъ за три года ихъ изданія (1905—1908) вышло 13 выпусковъ, всякій разъ вызывавшихъ въ исторической критикѣ сочувственные отзывы. Невольно при этомъ навязывается невеселая мысль, скоро ли найдется въ вятской архивной комиссіи болѣе или менѣе достойный замѣститель покойнаго, и будутъ ли непрежнему содержательны выпуски «Трудовъ» комиссіи... Изъ весьма многочисленныхъ статей А. С. мы назовемъ только болѣе крупныя и появившіяся въ отдѣльныхъ оттискахъ. Таковы: 1) «Заселена ли Вятка новгородскими выходцами въ XII вѣкѣ. — Насколько достовѣрны показанія «Повѣсти о странѣ Вятской» (это—два реферата, читанные на VII археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ и названные предѣдателемъ съѣзда, нынѣ покойнымъ П. Е. Забѣлинымъ, «образцовыми трудами, составляющими нашу жатву»); 2) «Изъ исторіи древне-русской Вятки»; 3) «Къ исторіи древняго Хлынова: Хлыновъ старше или Хлыново. — Одинъ ли былъ Хлыновъ»; 4) «Суздальско-нижегородскіе князья въ исторіи древней Вятки»; 5) «Сказанія русскихъ лѣтописцевъ о Вяткѣ» (съ указателемъ); 6) «Повѣсть о странѣ Вятской» (текстъ съ обширнымъ введеніемъ и примѣчаніями); 7) «Вятскій Временникъ» (текстъ съ обширнымъ введеніемъ и примѣчаніями); 8) «Повѣсти о Великоурѣцкой иконѣ святителя Николая»; 9) «Успенскій монастырь при преподобномъ Трифонѣ»; 10) «Замѣчательные вятчане XV и XVI вѣковъ»; 11) «Алексій Титовъ, архіепископъ вятскій»; 12) «Эпизоды изъ жизни основателя вятской семинаріи (Лаврентія Горки)», два выпуска; 13) «Вятскіе стихотворцы XVIII вѣка (Е. И. Костровъ, его предшественники и эпигоны», два выпуска; 14) «В. Я. Колокольниковъ (вятскій масонъ XVIII вѣка изъ Новиковскаго кружка)»; 15) «Рѣдкій масонъ на Вяткѣ тридцатыхъ годовъ (сенаторъ А. Н. Муравьевъ въ перепискѣ съ прот. А. Т. Шиллегодскимъ)», и др. Кромѣ указаннаго, заслуживаютъ особаго вниманія напечатанные покойнымъ въ «Трудахъ» комиссіи за послѣдніе два года— «Грамоты и акты вятскаго архіерейскаго дома 1551—1699 гт.», въ количе-

ствѣ 223 документовъ, п «Грамоты и акты Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря 1580—1764 гг.», въ количествѣ 90 документовъ, съ послѣсловіемъ издателя и съ объясненіемъ старинныхъ словъ. Всѣ эти грамоты и акты, представляющіе собою цѣнный источникъ даже и для общей исторіи, собраны и приведены въ порядокъ личнымъ трудомъ А. С. и на его средства. (Болѣе подробныя свѣдѣнія объ А. С. Верецагинѣ напечатаны А. Шубинымъ въ «Вягскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1909 г., № 1).

† **Колоколовъ, Г. Е.** 21-го января въ городѣ Ялтѣ послѣ тяжелой болѣзни скончался бывшій профессоръ московскаго университета Георгій Евграфовичъ Колоколовъ. Г. Е. родился въ Москвѣ въ 1851 г., среднее образованіе получилъ во второй московской гимназій, а высшее—на юридическомъ факультетѣ московскаго университета. По окончаніи курса юридическихъ наукъ Г. Е., по предложенію профессора Баршева, былъ оставленъ факультетомъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ уголовного права. Въ 1878 г. Г. Е. былъ командированъ за границу, а въ 1879 г. былъ приглашенъ въ качествѣ преподавателя въ московскій университетъ, гдѣ и прошла вся его педагогическая дѣятельность до 1905 г., когда онъ вышелъ въ отставку. Научными трудами послѣ покойнаго остались его магистерская и докторская диссертации, первая на тему «О соучастіи въ преступленіи», М. 1881 г., и вторая—«Къ ученію о покушеніи», М. 1884 г., а также нѣсколько изданій его лекцій по общей и особенной части уголовного права. По своему научному направленію Г. Е. принадлежалъ къ классической школѣ, но въ отличіе отъ нѣкоторыхъ сторонниковъ этой школы онъ придавалъ большое значеніе въ качествѣ вспомоgetельныхъ дисциплинъ для науки уголовного права психологій и уголовной социологій. Въ обѣихъ своихъ диссертацияхъ и въ своихъ лекціяхъ Г. Е. проявилъ въ высшей степени развитыя критическія способности и умѣніе чрезвычайно ясно и сжато излагать труднѣйшіе вопросы науки уголовного права. Педагогическая дѣятельность Г. Е. началась въ концѣ 70-хъ годовъ, когда реакція все выше и выше поднимала свою голову, и эта дѣятельность окончилась передъ самымъ наступленіемъ короткихъ мѣсяцевъ свободъ въ 1905 г. Такимъ образомъ вся работа Г. Е. въ университетѣ прошла въ тяжелые для высшаго образованія въ Россіи годы, но Г. Е. остался вѣрнымъ своимъ гуманнымъ началамъ, проводникомъ которыхъ былъ съ профессорскою кафедрой. Онъ боролся со смертною казнью, съ тѣлесными наказаніями, за религіозную свободу, за расширение института крайней необходимости... По выходѣ въ отставку онъ перерабатывалъ на этихъ же дорогахъ ему началахъ свой курсъ и подготавливалъ къ печати новое изданіе своихъ лекцій, но болѣзнь и смерть не дали возможности закончить эту работу. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1909 г., № 21).

† **Крейсбергъ, А. Р.** 27-го января скончался отъ хроническаго воспаления легкихъ на 59 году жизни бібліотекаръ императорскаго с.-петербургскаго университета д. ст. сов. Александръ Романовичъ Крейсбергъ, прослужившій 31 годъ въ любимой имъ бібліотекѣ, которой онъ посвящалъ все свое время до послѣдняго дня своей жизни. Онъ много содѣйствовалъ ей

росту и установленію въ ней по возможности образцоваго порядка, и всѣ, кто любить и понимаетъ библіотечное дѣло, искренно сожалѣютъ сравнительно равно умершаго въ высшей степени честнаго, безукоризненнаго, справедливаго и неутомимаго труженика, какимъ былъ покойный А. Р. Для библіотеки университета утрата его очень чувствительна; трудно найти такого работника, который, *progrio motu*, никѣмъ не понукаемый, единственно изъ любви къ дѣлу, проводилъ бы за писаніемъ карточекъ для каталога даже свободные отъ службы вечера и праздники, не ожидая за это никакихъ наградъ или особыхъ вознагражденій. Да объ этомъ и знали только ближайшіе изъ его подчиненныхъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г., № 11811).

† **Оливъ, С. В.** Послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался, на 65 году жизни, главноуправляющій собственной Его Величества канцеляріею по учрежденіямъ императрицы Маріи, генераль-отъ-кавалеріи Сергѣй Вильгельмовичъ Оливъ—одинъ изъ боевыхъ участниковъ русско-турецкой войны. За боевыя отличія онъ былъ награжденъ золотымъ оружіемъ и орденомъ св. Владимира четвертой степени съ мечами и бантомъ. Происходя изъ дворянъ, С. В. Оливъ родился въ 1844 г., образованіе получилъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ и въ 1864 году былъ вышущенъ корнетомъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій Его Величества полкъ. Во время войны въ чинѣ полковника и въ званіи флигель-адъютанта онъ находился въ рядахъ этого полка. Въ 1878 г. былъ назначенъ командиромъ 8-го драгунскаго Астраханскаго его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича полка. Въ 1884 году въ чинѣ генераль-майора С. В. вышелъ въ запасъ. Въ 1890 году, вступивъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, былъ назначенъ херсонскимъ губернаторомъ, а въ 1893 г. былъ назначенъ помощникомъ начальника главнаго управленія удѣловъ. Въ 1900 году онъ былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ совѣта учрежденій императрицы Маріи по сиротскому присутствію, и въ томъ же году былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты. Въ 1907 году онъ былъ назначенъ товарищемъ главноуправляющаго собственною Его Величества канцеляріею по учрежденіямъ императрицы Маріи, а по смерти главноуправляющаго генераль-адъютанта графа Протасова-Бахметева, занялъ постъ главноуправляющаго вѣдомствомъ. Въ 1907 году онъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи. Покойный имѣлъ много отличій до ордена св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1909 г., № 24).

† **Пане, Н. Н.** 11 февраля въ Петербургѣ скончалась на 72 году Надежда Николаевна Пане, рожденная Павлицева, дочь Н. И. Павлицева и О. С. Пушкиной, сестры поэта. Родилась она въ маѣ 1837 г. въ Петербургѣ и здѣсь же умерла вдовой въ семьѣ второй своей дочери. Въ домѣ родителей Н. Н. нашла пріютъ и скончалась няня Пушкина, извѣстная Арина Родионовна. Замужемъ Н. Н. была за итальянскимъ подданнымъ Юсифомъ Рафаиловичемъ Пане и потому сама состояла въ итальянскомъ подданствѣ. Умершая была въ свое время извѣстна какъ художница. Въ 1882 г. она получила въ Москвѣ на выставкѣ за свои картины серебряную медаль. Долгое время она состояла

членомъ 1-го дамскаго художественнаго кружка. Произведенія ея кисти, главнымъ образомъ пейзажи любимой ею Италиі, имѣются въ картинныхъ галереяхъ нѣсколькихъ любителей искусствъ въ Варшавѣ, гдѣ покойная жила продолжительное время. Выросшая и воспитанная въ эпоху расцвѣта романтизма, Н. Н. до конца своихъ дней и въ личной жизни и въ искусствѣ оставалась вѣрною выразительницей влеченія «въ туманную даль» и къ «романтическимъ розамъ», добродушно сторонясь отъ новыхъ вѣяній и незлобиво уступая мѣсто новымъ идеаламъ. До самой смерти покойная сохранила и любовь и вѣру въ жизнь и людей, не смотря на то, что на земномъ своемъ пути ей пришлось испытать много горя. Ея отношеніе къ немилостивой для нея судьбѣ было проникнуто насквозь тѣмъ чувствомъ примиренія, которое составляетъ такую характерную особенность поэзіи ея великаго дяди. (Некрологъ ее: «Новое Время» 1909 г., № 11828.

† **Пуарэ, Э. Я. (Карандашъ).** Умеръ блестящій карикатуристъ, вдохновенный пересмѣшникъ всего «слишкомъ человѣческаго», пріобрѣвшій себѣ славу подъ псевдонимомъ «Карандашъ (Caran d' Ache)», Эмануилъ Яковлевичъ Пуарэ. Рѣдкій талантъ его расцвѣлъ во Франціи, гражданиномъ которой покойный сталъ съ 1877 г. Но зародился и объявился этотъ талантъ въ Россіи, унеся въ себѣ на чужбину глубокую, невытравимую никакими «Европами» любовь ко всему русскому, особенно рѣзко сказавшуюся въ посвященныхъ русско-японской войнѣ рисункахъ Карандаша. Эта любовь къ родинѣ питала, такъ сказать, самый корень его художественнаго дарованія, основной чертой котораго было не французское, игривое, но поверхностное остроуміе, а скорѣй нѣчто отъ Гоголевскаго юмора. Родился Э. Я. въ Москвѣ, въ 1858 г., въ семьѣ учителя гимнастики и окончилъ курсъ въ 1-ой московской гимназіи. Любовь къ рисованію заговорила въ мальчикѣ рано и съ большой силой, несмотря на неблагопріятную для юнаго таланта обстановку. Пришлось пополнять собственными силами скудные свѣдѣнія о любимомъ искусствѣ, которому юноша отдался всей душой. Немудрено, что, помогая отцу въ урокахъ гимнастики, Э. Я. зачастую развивалъ въ своихъ ученикахъ не физическую силу, а вкусъ къ рисованію, просиживая учебные часы съ карандашомъ въ рукахъ. Ко времени отбыванія воинской повинности, Э. Я. былъ уже во Франціи, гдѣ причислился къ военному министерству и всецѣло отдался своему любимому дѣлу. Учителемъ его и руководителемъ его таланта былъ извѣстный художникъ-баталистъ Детайль. Первые его рисунки появились въ «Chronique Parisienne», затѣмъ въ «Tout Paris», «Vie Parisienne», «Vie Militaire», «Chat Noir», «La Caricature» и прочее. Замѣчательная «Comédie politique» Карандаша съ текстомъ Альбера Мильо (Millaud) создала своего рода эпоху въ области политической карикатуры и почти міровое имя своему автору. Не меньшій успѣхъ имѣли двѣ его «пантомимы»: «L'Épopée» — карикатурная исторія походовъ Наполеона I и «La Tentation de Saint Antoine», по поводу извѣстнаго произведенія Густава Флобера. Во времена пресловутой «Панамы» произвели сенсацию карикатурныя «чековыя книжки» Карандаша, по заслугамъ «оцѣнившаго» героевъ легкой наживы. Его карикатуры на злобу дня появлялись еженедѣльно въ «Journal» и другихъ французскихъ изданіяхъ, съ текстомъ его

самого или Люсьена Декава. Въ послѣдніе годы знаменитый карикатуристъ страдалъ склерозомъ артерій, отъ котораго онъ лечился въ клиникѣ профессора Ривьера. Этотъ же тяжкій недугъ прервалъ дни Карандаша въ расцвѣтѣ силъ и таланта, едва пятидесяти лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время» 1909 г. № 11827).

† **Совѣтовъ, Н. Г.** 3-го февраля въ Преображенской больницѣ скончался скромный литературный работникъ Иванъ Гавриловичъ Совѣтовъ. По окончаніи курса въ саратовской духовной семинаріи покойный поступилъ въ концѣ 70-хъ годовъ въ Петровскую земледѣльческую и лѣсную академію, а съ 1880 года сотрудничалъ въ ежедневной московской газетѣ «Русскій Курьеръ», издававшейся Н. П. Ланинымъ. Въ 1885 г. онъ нѣкоторое время былъ неофициальнымъ редакторомъ этой газеты. Затѣмъ въ концѣ 80-хъ и въ 90-хъ годахъ Н. Г. сотрудничалъ въ нѣсколькихъ провинціальныхъ изданіяхъ и въ разное время завѣдывалъ редакціями газетъ: «Орловскій Вѣстникъ», «Саратовскій Дневникъ», «Самарскій Вѣстникъ». Работалъ онъ также въ херсонской газетѣ «Югъ». Съ 90-хъ годовъ его замѣтки по московскому и театральному отдѣлу помѣщались въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Покойнымъ были изданы краткая грамматика итальянскаго языка и русско-итальянскій словарь. Имъ также въ теченіе 2—3-хъ лѣтъ издавался «Календарь для дѣятелей печати». Много лѣтъ Н. Г. занимался также педагогической дѣятельностью, имѣя частные уроки. Покойному пришлось долгое время вести тяжелую борьбу за существованіе, отразившуюся настолько сильно на его физическомъ и духовномъ здоровьѣ, что три года тому назадъ у него началась тяжелая психическая болѣзнь, вслѣдствіе которой въ концѣ 1907 года онъ былъ помѣщенъ въ Преображенскую больницу и скончался въ Котовскомъ ея отдѣленіи. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости» 1909 г., № 27).

† **Шенелевичъ, Л. Ю.** Въ Петербургѣ скончался талантливый профессоръ харьковскаго университета, историкъ литературы Левъ Юліановичъ Лазаревичъ-Шенелевичъ. Покойный родился въ 1863 г. и высшее образованіе получилъ сначала въ харьковскомъ, затѣмъ въ новороссійскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ былъ командированъ въ 1887 году за границу, гдѣ занимался германскими и римскими надписями и литературами. Въ 1892 году Л. Ю. получилъ степень магистра всеобщей литературы по защитѣ диссертациа на тему: «Видѣніе св. Павла», а въ 1896 году—докторскую степень за диссертацию «Кудруна». Съ 1889 г. Л. Ю. читалъ лекціи по исторіи западныхъ литературъ въ харьковскомъ университетѣ, а въ 1893 г. занялъ тамъ же кафедру западныхъ литературъ въ качествѣ экстраординарнаго профессора. Покойный сотрудничалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ: «Сѣверномъ Вѣстникѣ», «Космополитѣ», «Недѣлѣ», «Новостяхъ», «Образованіи», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (Линцей) и др., помѣщалъ также статьи въ польскихъ, нѣмецкихъ и испанскихъ журналахъ. Профессоръ Л. Ю. оставилъ богатое литературное наслѣдіе въ видѣ ряда цѣнныхъ статей, брошюръ и монографій по исторіи европейскіхъ литературъ. Въ частности, онъ считался выдающимся знатокомъ Сервантеса и испанской литературы. Сервантесу посвящено нѣсколько капитальныхъ трудовъ покой-

наго: «Жизнь Сервантеса» (1901 г.), «Донъ-Кихотъ» (1903 г.) и др. Ему принадлежатъ также работы: «Очерки средневѣковой литературы и культуры», «Нѣмецкая повѣсть на славянской почвѣ», «Лекція о Фаустѣ», сборникъ «Наши современники» и вводныя статьи къ отдѣльнымъ произведениямъ Шекспира въ изданіи Венгерова. Покойный, вообще, не отличался здоровьемъ, а съ 1908 г. силы его окончательно упали, и извѣстіе о его смерти (умеръ на 46 году отъ рожденія) не явилось ни для кого неожиданностью. (Некрологъ его: «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1909 г., № 30).

† **Юницкая, Н. А.** Лишила себя жизни 25 лѣтъ Н. А. Юницкая. Самоубійство это явилось полной неожиданностью какъ для родныхъ, такъ и для ближайшихъ товарищей и друзей покойной. По окончаніи курса высшихъ женскихъ курсовъ по физико-математическому отдѣленію, Н. А. Юницкая была оставлена при курсахъ и продолжала свою научную дѣятельность, специализируясь по ботаникѣ. Ея работы въ этой области были напечатаны въ «Трудахъ императорскаго сиб. общества естествоиспытателей», въ «Ботаническомъ журналѣ» и во французскомъ «Journal de Botanique». Последнее время Н. А. была ассистенткой на высшихъ женскихъ и на сельско-хозяйственныхъ курсахъ, а также преподавала естественныя науки въ гимназій Гедда. Н. А. состояла дѣйствительнымъ членомъ сиб. общества естествоиспытателей. (Некрологъ ея: «Рѣчь» 1909 г., № 40).

† **Федотовъ, А. А.** 8 февраля, въ 9 часовъ вечера, скончался отъ грудной жабы артистъ московскаго императорскаго театра Александръ Александровичъ Федотовъ. Въ лицѣ покойнаго лучшая русская сцена лишилась одного изъ выдающихся своихъ представителей. Не будучи особенно яркимъ природнымъ талантомъ, благодаря искренней любви къ сценѣ, серьезному взгляду на задачи искусства и широкому разностороннему общему и специальному образованію, А. А. стоялъ въ первыхъ рядахъ современныхъ дѣятелей отечественнаго драматическаго искусства. Своѣ почетное мѣсто на сценѣ Малаго театра онъ занималъ съ достоинствомъ, отличаясь рѣдкой выдержанностью въ отношеніяхъ къ окружающему міру товарищей по искусству и сослуживцевъ. Всѣ хоть немного знавшіе покойнаго искренно и сердечно пожелаютъ, узнать объ его кончинѣ. Покойнаго П. П. Киселевскаго характеризовали словами: «Это баринъ на сценѣ, баринъ и въ жизни». Такимъ же бариномъ являлся всегда А. А.: до такой степени ему было неизмѣнно чуждо все пошлое, низменное, недостойное артиста-художника, претящее человѣку-джентльмену. Репертуаръ его состоялъ преимущественно изъ характерныхъ и бытовыхъ ролей. А. А. былъ также однимъ изъ лучшихъ режиссеровъ: его постановки на сценѣ Малаго театра встрѣчали неизмѣнно одобрительное отношеніе со стороны серьезной художественной критики. На высотѣ призванія оказывался покойный и въ роли преподавателя сценическаго искусства: и въ филармоническомъ, и въ императорскомъ театральномъ училищѣ онъ оставялъ по себѣ почетныя свѣтлую память. Болѣзнь, сведшая А. А. въ могилу, уже нѣсколько лѣтъ мучила его, даруя сравнительно непродолжительныя промежутки облегченія и приступая затѣмъ къ своей жертвѣ съ еще большимъ ожесточеніемъ. А. А. скончался 45 лѣтъ отъ роду. Въ императорской драма-

тической группѣ состоялъ съ 1893 г. Онъ происходилъ изъ извѣстной артистической семьи: отецъ А. А. много поработалъ на пользу народнаго театра: мать—знаменитая артистка Гликерія Николаевна Федотова. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости» 1909 г., № 32.

~~~~~

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

—————

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ М. І. К. «Военная вспышка» на стр. 614 авторомъ допущена неточность въ отношеніи мѣста смерти харьковскаго губернатора Старынкевича. Авторъ говоритъ: «въ Саратовѣ Старынкевича постигла участь многихъ ни въ чемъ неповинныхъ представителей власти».

Покойный Старынкевичъ въ Саратовѣ никогда и никакимъ представителемъ власти не былъ; лѣтомъ 1906 г. онъ былъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, гдѣ и былъ убитъ революціонерами, саратовскимъ же губернаторомъ былъ и въ то время и теперь состоитъ графъ С. С. Татищевъ.

Съ почтеніемъ М. Бурлаковъ.

И нищету, и тяжкій римскій гнетъ
 За то, что вы ругаетесь Ему,
 Давая жить межъ васъ людямъ, какъ этотъ.
 Или въ конецъ хотите вы погибнуть?
 Убейте же его скорѣе!

НАРОДЪ [бросая камни].

Бей!

Бей крѣпче, на смерть! Чтобы мѣсто наше
 Во гнѣвъ Богъ не обратилъ въ пустыню.
 О Боже грозный нашъ! о гнѣвный мститель!
 Взгляни, сраженъ теперь противникъ Твой
 Руками нашими. Помилуй насъ!

ТОРГОВЕЦЪ ГОЛУВЯМИ [падая раненый].

О городъ злыхъ убійцъ!

[Со стовомъ Іоакиму].

Священникъ хитрый!

Пророка словомъ смерть ты мнѣ принесъ.
 О-о! На части рвется мое сердце!
 Дрожать всѣ кости! Изъ открытыхъ ранъ
 Струится жизнь горячею струей.

[Приподнимаясь].

О горе мнѣ! Отъ боли я умру!
 Но пусть предъ вами, мужи Назарета,
 Раздастся умирающаго голосъ.
 Презрѣнный, бѣдный, вами здѣсь убитый,
 Почти мертвецъ, я все же говорю
 И исповѣдую, что Иисусъ
 Есть Божій Сынъ, явившійся во плоти!
 И все жъ... О, если бы глаза мои
 Источниками слезъ могли пролиться!
 О если бы моря въ нихъ накопились,
 Чтобъ смыть проклятіе съ сердца! Но нѣтъ:
 Познать Его вы все жъ не въ состоянны!
 Ты раздробилъ мнѣ кости, Назаретъ,
 Изъ-за словесъ пророка. Горе! горе!
 Другія словеса его я вспомнилъ.
 Они проклятьемъ тяжкимъ могутъ лечь
 На васъ, мужи, и на дѣтей на вашихъ.
 Часъ смертный наступилъ! Остатокъ силъ
 Послѣдній отдаю. Внимайте жъ мнѣ.
 Сказалъ Іеремія: «О страна,
 Страна, страна! Такъ говоритъ Господь:
 «Несчастьемъ накажу я твой народъ;

«Ни во единомъ царствѣ на землѣ
 «Не дамъ ему я прочно поселиться.
 «Для всѣхъ позоромъ будетъ тотъ народъ,
 «Онъ будетъ басней, притчей во языкахъ.
 «Проклятьемъ станетъ онъ во всѣхъ мѣстахъ,
 «Куда его я въ гнѣвъ расточу!»
 Я расточу... Конецъ! Конецъ... насталъ.

[Умираеть. Народъ въ трепетѣ стоитъ вокругъ него].

священникъ [подходя].

Оставьте страхъ! Несчастіе такое
 Не можетъ совершиться никогда.
 Господь вѣдь самъ Іакову поклялся,
 Что будетъ съ нимъ вовѣкъ, и Аврааму
 Онъ, также съ клятвой, милость общалъ.
 Ужли же Онъ свою нарушить клятву?

[Ходить, успокаивая, въ толпѣ].

Іуда [въ сторонѣ].

И все-то, все — выводятъ изъ Писанья.
 Въ своихъ видахъ имъ пользуется каждый,
 И каждый правъ. Я рѣдко ужасаюсь,
 Но эта неопредѣленность въ книгѣ,
 Въ которой люди, какъ безцѣнный кладъ,
 Хранять свою завѣтную святыню,
 Поистинѣ меня приводитъ въ ужась!

[Подходить къ трупу].

И ты, старикъ, замолкъ теперь навѣки.
 Ты самъ убилъ себя, безъ всякой пользы!
 А я... Что я-то? Гдѣ жъ моя побѣда!

[Уходить].

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Виванія, Домъ Лазаря.

Вокругъ расположены лежатъ дѣти, старики, женщины и мужчины изъ простого народа.

Магдалина сидитъ за дверью, на порогѣ; въ колѣняхъ у нея много цвѣтовъ.

МАРѢА [выходить].

Ну, Магдалина, радостный денекъ
 Насталъ для насъ сегодня. Ожидаемъ
 Съ сосѣдами мы Господа къ себѣ.

Не правда ли? Да не сиди такъ, молча;
Вмѣшайся въ нашъ веселый разговоръ.

[Мужчинамъ].

Да укрѣпить васъ Богъ въ покоѣ вашемъ
И финики да будутъ въ здравье вамъ!
Не сбѣгать ли на ключъ мнѣ за водою?

мужчины.

Будь такъ добра, любезная хозяйка.

женщины.

Здѣсь можно пить спокойно, безъ боязни:
У ней кувшины чисто и опрятно
Содержатся всегда, а это можно
Далеко не про каждую сказать.

МАГДАЛИНА.

О, сладкій видъ спокойствія и мира!
Пріятно, какъ сосѣди, въ ожиданьи,
Расположились тамъ въ тѣни прохладной
Зеленаго дворца, а съ неба солнце
Привѣтливо надъ головами ихъ
Единодушья нити золотыя
Сплетаетъ межъ вѣтвей, и пѣсни тихо
Щебечутъ птички имъ на этомъ пирѣ
Подъ кровлею зеленой.

МАРѢА [возвращается съ полными кувши-
нами].

Вотъ вода.

Но пейте тише: холодна, какъ ледъ.

[Оборачивается].

А загляни-ка въ кухню, Магдалина,
На тучнаго козленка полюбуйся!
Онъ только что заколотъ, алый, сочный.
Вертитъ прилежно вертелъ Гохеба
И лижетъ пламя весело его.
Ты чувствуешь пріятный, нѣжный запахъ?
Давно ужъ я объ этомъ днѣ мечтала,
Когда откормленнаго мной козленка
Подамъ я Господу.

[Уходитъ въ домъ].

МАГДАЛИНА.

Когда вѣнки
Надѣлаю изъ этихъ я цвѣтовъ,
Красиво уберется наша кровля;
По праздничному домъ разубранъ будетъ,
Чтобы его достойно намъ принять.

МАРѠА [возвращается, держа въ рукѣхъ со-
судъ для помазанія].

Быть можетъ, и Іуда съ нимъ придетъ?
Кувшинчикъ этотъ съ миррой ты вѣдь знаешь?
Хотѣлъ онъ взять его съ собой.

МАГДАЛИНА.

Зачѣмъ?

МАРѠА.

Тутъ нашимъ кошелькамъ была бы прибыль.

МАГДАЛИНА.

Когда его мнѣ дали,—отъ стыда
Краснѣть должна я это вспоминая,—
Когда мнѣ дали, я тогда еще
Значенія его не понимала.
Сосудъ, приобрѣтенный для грѣха,
Быль драгоценнымъ полонъ содержаніемъ:
Въ немъ миро для помазанья царей.

МАРѠА.

Ты, кажется, обдумываешь что-то?

МАГДАЛИНА.

Мнѣ нечего обдумывать, а сердце
Сжимается однимъ вопросомъ только:
Осмѣлюсь ли?

МАРѠА.

Да, цѣненъ этотъ наркъ.

МАГДАЛИНА.

А кто жъ его достойнѣй, какъ не Онъ?

МАРѠА.

Іуда хорошо бы заработалъ.

МАГДАЛИНА.

Молчи, молчи! Ни слова мнѣ о немъ!
Поддай сосудъ. Къ прошедшему вернуться
Ничто меня теперь ужъ не принудить.

МАРФА.

Ты, какъ царя, его помазать хочешь?

МАГДАЛИНА.

Я миро благородное спасу!

[Береть сосудъ отъ Марфы].

Ликуйте, люди, въ этотъ день веселья;
Спѣши, Израиль, Господа встрѣчать!

[лежащему народу].

Вставайте и весь путь его сюда
Одеждами своими устелите.
И въ самомъ морѣ пурпура нѣтъ ярче,
Чѣмъ пламя нашихъ любящихъ сердець,
Возженное къ нему его любовью!

НАРОДЪ [машетъ зелеными вѣтвями].

Осанна Эмануилу! Осанна!
Царь мира, сынъ Давида, слава! слава!
Лазарь и Иохеба спѣшно выходятъ изъ дома.

ЛАЗАРЬ.

Подходитъ онъ? Да! Я ужъ будто слышу
Знакомый, тихій звукъ его шаговъ.
То другъ мой,—другъ, меня отъ смерти спасшій!
Мнѣ костыля не надо, Иохеба;
Сегодня самъ тебя я провожу.

[Уходитъ съ Иохебою, остальные поспѣшно слѣдуютъ за нимъ].

МАРФА [качая головою].

Не каждый день богатаго купца,
Да и влюбленнаго еще, найдешь ты.
Когда бъ Иуда продалъ тотъ сосудецъ,
Хватило бъ денегъ болѣе, чѣмъ на годъ!
[Уходитъ за другими].

КЛИКИ НАРОДА [за сценой].

Осанна Эмануилу! Осанна!
Царь мира, сынъ Давида слава! слава!

Иуда входитъ раздраженный. Ученики, Иисусъ, Марія Магдалина, Марѳа,
Иохеба, Лазарь, народъ.

ИУДА.

И борода еще на подбородкѣ
Моемъ растеть! Надъ головой его
Она сосудъ разбила не жалѣя.
Такъ, значитъ, вѣрить и она въ него!
Она, она,—воспитанная мною!
Пустыня вкругъ меня, одна пустыня,
А я еще могу мечтать о чемъ-то!..

Приходя въ ярость, грубо хватаетъ ее.
Къ чему была та трата? Непохвальна
Такая расточительность!

Магдалина спасается отъ него къ ногамъ Иисуса.

ИИСУСЪ [простирая надъ нею руку].

Она

Мнѣ добрую услугу оказала,
Помазавши меня для погребенья

МАРѲА И МНОГІЕ.

Для погребенья? А не какъ царя?

ИИСУСЪ.

Не сѣгуй, Марѳа.

[Иудѣ].

Прибыль ты взамѣну
Получишь отъ другихъ. Иди туда.

ИУДА.

Какъ? Прибыль, прибыль, прибыль? Но, да будетъ!
Дѣйствительно, въ простого торгаша
Я обращенъ проклятой этой жизнью!

[Уходитъ].

ИИСУСЪ [кротко Магдалинѣ, которая съ пла-
чемъ припала къ нему].

Тебѣ же въ память, добрый твой поступокъ
Въ устахъ людей навѣки сохранится.

[Обращается къ народу].

Блажены кроткіе, они наслѣдятъ землю.
Блажены тѣ, кто сердцемъ чистъ предъ Богомъ!
Блажены миротворцы—нарекутся
Они сынами Божьими. Блаженны

И тѣ, кто сердцемъ милостивъ къ другимъ,—
Они за то помилованы будутъ!
Блаженны тѣ, кто алчетъ, жаждетъ правды,—
Они насытятся! Блаженъ, кто плачетъ,—
Утѣшенъ будетъ онъ! Блаженъ и тотъ,
Кто духомъ нищъ и простъ! Блаженны всѣ
Гонимые за правду,—ихъ награда
Въ небесномъ царствіи!

МАГДАЛИНА.

Мой страхъ прошелъ.

МАРѢА.

Боюсь я лишь твоихъ воспоминаній.

МАГДАЛИНА.

Исчезли всѣ они,—и безъ слѣда!

МАРѢА.

Неужли? Удивляюсь я тебѣ!

МАГДАЛИНА

Или тебя, быть можетъ, удивляетъ,
Что власть я надъ собой приобрѣла?
Да. Это мнѣ досталось не легко.
Труднѣй всего была борьба мнѣ эта!
Сто разъ какъ бы невидимыя руки
Хватали сзади за плечи меня
И съ силою влекли назадъ въ погибель.
Съ привѣтливой улыбкою пороки
Ко мнѣ свои объятія простирали,—
Но трудъ, тяжелый и упорный трудъ
Помогъ мнѣ побѣдить желанья злыя.
Я честно поработала, сестра!

Долина Бенъ Хинномъ ¹⁾.

ИУДА [подавленный происшедшимъ, идетъ
медленно, поворачивая съ юга въ
западу].

А! Бенъ Хинномъ? Вотъ гдѣ я очутился!
Въ мозгу моемъ носились бурей мысли,

¹⁾ Расположенная на югъ отъ Іерусалима, долина эта получила свое название отъ молитвенныхъ пѣснопѣній жрецовъ и воплей приносимыхъ ими жертвъ. Впослѣдствіи евреи обратили это названіе въ «Гехинномъ» — геенну, долину осужденныхъ на муку грѣшниковъ. (Примѣчаніе автора).

А ноги шли невѣдомо куда.
 Здѣсь хорошо душѣ, покрытой мракомъ
 И жаждущей отъ всѣхъ уединенья.
 Стопа людей сюда не проникаетъ,
 И лишь орелъ въ проклятомъ этомъ мѣстѣ
 Тревожитъ воздухъ крыльями своими.
 Какъ медленно, печально здѣсь вода
 Сочится по скалѣ зеленоватой
 И каплетъ, каплетъ внизъ, какъ будто плачетъ
 О временахъ Молоха, миновавшихъ.
 Здѣсь даже солнце силы не имѣетъ;
 Приземисты здѣсь самыя деревья,
 Понурия, бесплодныя отъ вѣка,
 И длинныя ползучія растенья
 Опутываютъ корни ихъ собою,
 Какъ злая мысль—униженное сердце.
 Я хорошо здѣсь чувствую себя!
 На той скалѣ, надъ пропастью нависшей,
 Присяду я и стану внизъ смотрѣть,
 Пока мои не углубятся мысли
 И не найду покоя отъ себя.

Подходить къ скалѣ и садится.

[Послѣ нѣкотораго молчанія].

А странное ты мѣсто, Бенъ Хинномъ!
 Болѣзненнымъ желаньемъ полно,
 Томишься ты о временахъ величья,
 Когда стенанія и вопли жертвъ,
 Здѣсь мучимыхъ, въ одно сливались съ пѣньемъ
 Служителей роскошнаго Молоха,
 Которому они дѣтей народа
 Во всеожженья жертву приносили.
 Земля твоя еще сыра, быть можетъ,
 Отъ слезъ, что въ страхѣ смертномъ здѣсь лились.
 Твои каменья—алтари когда-то—
 Хранятъ еще царянины отъ пальцевъ
 Цѣплявшихся за нихъ среди мученій.
 Не тѣ ли это камни, что съ презрѣньемъ
 Отгалкиваю я теперь ногою?
 Я потому людей и презираю,
 Что вѣчно ихъ хваленая премудрость
 Имъ служить помочами, на которыхъ
 Одни другихъ таскаютъ, какъ ребятъ,—
 Что то, что было для отцовъ святыней,
 Становится посмѣшищемъ для внуковъ,

А для дѣтей ихъ снова свято станеть,—
 Что дьявола и Бога представляютъ
 Они себѣ во образѣ какихъ-то
 Двухъ страшныхъ и огромныхъ человѣковъ,
 Которые, столонъ имѣя миръ,
 Костями жъ—добродѣтель и пороки,
 Играютъ межъ собой на души ихъ.
 Охъ, эти мнѣ великіе пророки!
 Охъ, эти вдохновенные творцы
 Людскихъ законовъ, вѣры, убѣжденій!
 Они свои же собственныя мысли
 Въ кумира превращали для людей,
 Его своимъ дыханьемъ наполняли
 И надували щеки, чтобъ народы
 Благоговѣнно въ прахъ предъ нимъ склонялись.
 О Моисей, о Самуиль, Илья!
 Отъ васъ узналъ великую я тайну,
 Какъ сѣмя мысли сѣять въ борозду
 Тысячелѣтій цѣлыхъ! Но какая
 Отъ этого всего была вамъ польза?
 Вы умерли, скудельные сосуды,
 И всѣ давно ужъ обратились въ прахъ,
 Вернулись снова всѣ во мракъ, въ ничто,
 Изъ коего когда-то вы возникли;
 Вѣдь что же можетъ быть мрачнѣй утробы,
 Родившей насъ, и что еще ничтожнѣй
 Того, едва замѣтнаго, зерна,
 Которому довольно капли квитты,
 Чтобъ умереть?!

[Помолчавъ].

Какъ душень воздухъ здѣсь!

Изъ пропасти ползеть сюда по скаламъ
 Удушливая сырость испареній
 И крадется къ живущему коварно,
 Неся съ собою смерти! Мнѣ стоитъ лишь
 Остаться здѣсь на камнѣ и вдыхать
 Тлетворный этотъ ядовитый воздухъ;
 На третій день лежалъ бы здѣсь я трупомъ,
 И все, все было бъ кончено тогда!
 Раввины учатъ, что самоубійство
 Есть самый тяжкій грѣхъ и утверждаютъ,
 Что за него казнить Іегова
 Проклятьемъ вѣчнымъ и огнемъ геенны.
 Смѣюсь я надъ глупцами съ ихъ ученьемъ,

Я презираю вьючный скотъ людской
 Съ его привязанностью къ благамъ жизни.
 Тебѣ, Иегова, высокій Богъ,
 А также и тебѣ, верховный дьяволъ,
 Бросаю смѣлый вызовъ: разможжу
 Я голову себѣ объ эти камни
 И ринусь внизъ не закрывая глазъ!!
 Вы слышите, какъ я глумлюсь надъ вами?
 Я—персть и прахъ! Но гдѣ же, гдѣ же вы,
 Что терпите такое поношенье?
 Да, прахъ рѣшилъ свое уничтоженъе,
 И вы его не въ силахъ удержать!!

Отступаетъ нѣсколько шаговъ для разбѣга, чтобы кинуться въ пропасть. Изъ
 чащи на вершинѣ противоположной скалы появляется Иисусъ.

ИСУСЪ [громко].

Иуда!!!

ИУДА [невольно останавливаясь].

Кто здѣсь именемъ моимъ
 Десятикратный громъ въ ущельѣ поднялъ?

ИСУСЪ.

То я.

ИУДА.

Сойди! сойди! Вокругъ вершины
 Нависли облака, и ими ты
 Окутанъ, какъ одеждою туманной.
 Или ты Богъ?

ИСУСЪ [подходя ближе].

Теперь узналъ меня?

ИУДА.

Такъ это ты? Чего же здѣсь ты ищешь?

ИСУСЪ.

Ищу тебя я.

ИУДА.

Горе тебѣ, горе!
 Ты мысль мою исполнить помѣшалъ!
 Я бросился бы въ бездну и на части
 Себя бы тамъ о камни раздробилъ.
 О, горе тебѣ, горе, что лишилъ
 Меня ты смерти окликомъ своимъ.

ИСУСЪ.

Ты умереть пока еще не долженъ.

ИУДА.

Но кто же ты, что говоришь: не долженъ,
Когда я самъ того хочу?!

[Молчаніе].

О, горе!

Ты прежде страхъ внушалъ мнѣ, а теперь
Могу тебя я только ненавидѣть

ИСУСЪ.

Отнынѣ на землѣ любовь лишь будетъ,
А страхъ исчезнуть долженъ навсегда.

ИУДА.

Проклятiе любви! Она меня
Отталкивала вѣчно, съ юныхъ дней.
Еще нагимъ и слабымъ червякомъ
Любовь меня на улицу швырнула,
Гдѣ свиньи съѣсть могли меня, иль кони
Копытами своими растоптать.
Проклятiе, проклятiе любви,
Которая родительской завется!!
Нашелъ меня одинъ изъ сильныхъ міра
И, тронувшись моимъ ребячьимъ пискомъ,
Меня онъ взялъ и въ домъ къ себѣ отнесъ.
Здѣсь положилъ къ сосцамъ своей собаки
И подъ столомъ своимъ меня, какъ пса,
Онъ сталъ воспитывать. Врагами мнѣ
Такіе жъ псы голодные бывали.
Они хватили у меня тѣ крохи,
Что падали съ трапезы богача.
О, къ ближнему хваленая любовь,
Проклятiе отъ меня тебѣ, проклятiе!!
Потомъ ребенка вытолкнули въ жизнь,
И жилъ я, всѣмъ чужой и одинокій.
Со мной сношеній избѣгали люди,
Они меня глубоко презирали,
Глумились надо мной, и все за то лишь,
Что былъ я бѣденъ и немного значилъ
Въ глазахъ толпы. Проклятiе, проклятiе
Любви высокой вашей къ человѣку!!
Прекраснѣйшую женщину на свѣтѣ

Поработилъ себѣ я, противъ воли
Ея родни и всѣхъ ея домашнихъ,
И съ нею вмѣстѣ разрѣшилъ я тайну
Возникновенья человѣка, далъ ей
Испробовать всѣ наслажденья міра;
Но лишь она увидѣла тебя,
Какъ я былъ ею брошенъ и отвергнутъ.
Проклятiе любви коварной женской!
Но главное тысячекратное проклятiе—
Божественной любви, что допускаетъ
Расти и вновь плодиться здѣсь людей,
Двуполый родъ несчастныхъ бѣдняковъ,
Которымъ нѣтъ въ ея владѣньяхъ дома,
Ни на землѣ, ни тамъ, на небесахъ.
Безъ родины блуждаемъ мы вокругъ
Игрушкою вѣтровъ и прихоти того,
Кого отъ всей души я проклинаяю!

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ [взглядываетъ на него].

ИУДА [вспыхнувъ]

Чего тебѣ? Зачѣмъ твои глаза
Такъ смотрять на меня?

[Отворачивая лицо].

Увы, какъ цѣпью,
Сковалъ меня онъ взглядомъ. Какъ ни рвусь я,
Не разорвать той цѣпи мнѣ.

ИСУСЪ [кладетъ руку ему на голову].

Иуда!

ИУДА [въ ужасѣ].

А!!!

ИСУСЪ.

Мужемъ будь, крѣпись, теперь съ тобою
Я говорить хочу.

ИУДА.

Молчи, молчи!

Твой голосъ, какъ потокъ, меня объемлетъ.
Оставь меня! Иль, Богу вопреки,
Который ввергъ меня въ юдоль людскую,
Я не стоялъ доселѣ, какъ утесъ,
Дробившій волны въ пыль? Иль развѣ не былъ
Свободенъ я, какъ левъ пустыни, бившій

О землю такъ, что вся она стонала,—
Пока ты не пришелъ?! О горе, горе!
Подъ корень подрубилъ ты кедръ могучій,
Но, падая, онъ и тебя убьетъ!

ИСУСЪ.

Зачѣмъ же медлишь ты?

ИУДА.

О Иисусъ!
Къ людямъ, которыхъ ты училъ, пойду я,
Чтобы предать тебя. А люди тѣ,
Которымъ, какъ и мнѣ, ты ненавистенъ,
Тобою овладѣютъ, схватятъ, свяжутъ...
Твой свѣтлый ликъ, который до земли
Меня передъ тобой теперь склоняетъ,
Померкнетъ, умирая, и для насъ
Другой, какъ ты, Мессія не возстанетъ.
Но горе, горе этому народу,
Который умертвить тебя. Мой гнѣвъ
Его навѣки съ корнемъ уничтожить.

ИСУСЪ [протягиваетъ руку къ Іерусалиму].

Вставай же и иди!

ИУДА [невольно повинуется; при выходѣ
изъ долины онъ останавливается и
смотреть назадъ].

Его тамъ нѣтъ.

Въ туманѣ скрылся онъ. Но вотъ теперь
Его я снова вижу на вершинѣ;
Надъ нимъ сіяетъ солнца свѣтлый лучъ!
А тамъ внизу клубятся испаренья,
И тучи черныя къ горѣ ползутъ.
Иди, Иуда, отомсти евреямъ
За день, когда родился ты на свѣтъ.
Иди! иди! Ужъ молніи, какъ стрѣлы,
Несутся на меня, и вѣтеръ ночи
Черезъ нивы сжатые летитъ со свистомъ
Вослѣдъ за мной. Иди, иди, Иуда!

[Спѣшитъ къ Іерусалиму].

ОТДѢЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Геосиманскій садъ.

Стражники [входятъ].

Приказъ намъ данъ, чтобъ связаннымъ доставить
Его къ игемону.

главный стражникъ.

И также Иродъ
Четверовластникъ выразилъ желанье
Его увидѣть.

одинъ изъ стражниковъ.

Чѣмъ-то только это
Окончится, когда его мы схватимъ?

главный стражникъ.

Клянусь Юпитеромъ, не мудрено
Предвидѣть и развязку. Непокорство
Должно быть сломлено. Вѣдь называетъ
Его народъ «царемъ надъ Иудеей».
А что же это, какъ не бунтъ прямой?
И потому, выходитъ, онъ — измѣнникъ —
И бунтовщикъ, -- не первый, не послѣднй, —
А всѣмъ такимъ иль петля, или крестъ.

другой стражникъ.

Тебѣ-то лучше знать, Аристодемъ,
Вѣдь прежде-то и самъ ты былъ изъ ихнихъ,
А нынче сталъ еще построже ихъ.

главный стражникъ.

Я обращенъ, и чтобы доказать,
Что обращенъ недаромъ, самъ его
Прибью я ко кресту. Подайте цѣпи!

[Передъ нимъ владуть связку цѣпей].

Тотъ, на кого я цѣпи наложу,
Не вырвется навѣрно, и никто
Изъ Назарейской секты ихъ не сможетъ
Освободить его отъ этихъ путъ,
Пока лучъ солнца жгучйй не пошлетъ
Ему освобожденья въ высотъ.

А высотой я называю крестъ,
И эта высота поспорить можетъ
Съ князьями изъ-за первенства во власти!
А станете жалѣть вы Иисуса
За то, что онъ больныхъ вамъ исцѣлялъ
И денегъ не просилъ, что съ вами хлѣбъ
Онъ преломлялъ по дружбѣ,—не забудьте,
Что висѣлицъ найдется и для васъ.

СТРАЖНИКЪ.

Пророкъ великій онъ и происходитъ
Отъ Вѣчнаго.

ДРУГОЙ.

И грѣхъ тяжелый будетъ,
Когда надъ нимъ насилье совершатъ.

ГЛАВНЫЙ СТРАЖНИКЪ.

Что?! Рабское отродье! Жалкій трусъ!

[Ударяетъ его].

Да будь онъ хоть и Богъ, какъ говорите,
Онъ высшаго изъ всѣхъ боговъ прогнѣвалъ,
А этотъ высшій богъ зовется Понтій!
Не только самому, коню его
Еще сегодня всѣ вы поклонились!
Такъ развѣ онъ не высшій Богъ надъ всѣми?
Нѣтъ, видно, мнѣ придется самому
По лѣстницѣ взбираться съ осужденнымъ,
А на другихъ надѣяться нельзя.
Къ тому жъ и пѣсню спѣть умѣю,
Она подходитъ къ стуку молотка.
Не одному преступнику я ею
Послѣдній часъ предсмертный усладилъ.
Пока возьмите цѣпь. А тамъ глядите,
Насколько ваши утѣшенья смогутъ
Ему въ тотъ часъ страданья облегчить.

[Уходитъ со смѣхомъ.]

Входятъ военачальникъ въ сопровожденіи воиновъ, знатные іудей, фарисей
и книжники.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Занять всѣ выходы! Довольны ль вы?
Вѣдь предъ нами нѣтъ вины на немъ.
Онъ подать кесарю платилъ исправно,
Какъ за себя, такъ и за всѣхъ своихъ.

одинъ изъ толпы.

Откуда только деньги онъ беретъ?

Другой.

Ему ихъ, говорятъ, приносятъ рыбы.

Ученики ихъ ловятъ и во рту

Берутъ у нихъ статыры.

ПЕРВЫЙ.

Пустяки!

Хотѣлось бы мнѣ знать, откуда деньги?

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Откуда бы ни шли, но запахъ денегъ

Пріятнаго въ себѣ содержитъ мало!

Насъ этотъ человѣкъ не оскорбилъ.

ФАРИСЕИ И КНИЖНИКИ.

По нашему совѣту, Іоанна

Казнилъ въ темницѣ Иродъ, и боимся

Народа мы, когда въ живыхъ оставимъ

И этого.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Но никакой вины

Не знаемъ мы за нимъ.

ФАРИСЕИ И КНИЖНИКИ.

Хулилъ онъ Бога.

Субботу осквернялъ. Въ поляхъ колосья

Ученики его срывали въ день субботній

И ѣли ихъ!

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Такъ что жъ? Я полагаю,

Что и въ субботу каждый хочетъ ѣсть.

ДРУГІЕ ФАРИСЕИ.

Держалъ себя высокомерно, гордо.

Да много, много есть за нимъ грѣховъ.

ТРЕТЬИ.

О насъ дурное говорилъ.

ЧЕТВЕРТЫЕ.

Постановленій

Не исполнялъ и за однимъ столомъ

Ѣдалъ онъ съ грѣшниками, съ мытарями.

[Тѣснятся вокругъ военачальника.]

Мы много бы тебѣ поразказали,
Что было тутъ, что было тамъ...

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ [отстраняя ихъ].

Однако

Вы, фарисеи, вѣрно вездѣсущи,
Что знаете про всѣ его дѣла.

ЗНАТНЫЙ ЕВРЕЙ.

Общественное дѣло здѣсь,

ДРУГОЙ [перекрививая его].

Соблазнъ!

Всѣ.

Соблазнъ! соблазнъ!

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ.

Ну, будетъ! Вы добились
Приказа, чтобы взять его подъ стражу, —
И для того мы здѣсь

ФАРИСЕИ И ЕВРЕИ.

Мы подтверждаемъ,
Что требуемъ схватить его немедленно.

[Всѣ уходятъ].

[Розоватое вечернее освѣщеніе. Входятъ Марія Магдалина и Марѳа].

МАГДАЛИНА.

Садовникъ гдѣ?!

МАРѢА.

Не замѣчаешь ты,
Какое здѣсь обиліе цвѣтовъ,
Какъ сладко всѣ они благоухаютъ!
Взгляни, какъ золотисто крокъ цвѣтеть;
Какъ маслины въ вечерній этотъ часъ
Голубоватой дымкою одѣты,
А въ тѣхъ роскошныхъ розовыхъ кустахъ
Поютъ перекликаясь соловьи.

МАГДАЛИНА.

Мнѣ не до нихъ!

МАРѢА.

А если намъ теперь,
По-твоему, не время наслаждаться
Красою розъ и пѣньемъ соловьевъ,

Пойдемъ скорѣй домой. Тогда и мнѣ
 Здѣсь въ Геесиманіи, по правдѣ, жутко,
 И пѣсни соловьевъ не веселятъ.
 Пойдемъ, пойдемъ! Но что же это значить,
 Что думаешь о немъ ты объ одномъ,
 Его лишь одного повсюду ищешь?
 Смотри, не заслужи опять упрека,
 Какъ въ тотъ послѣдній разъ, когда его
 Помазала ты миромъ драгоценнымъ.
 И что, скажи, подумаетъ садовникъ,
 Замѣтивши навязчивость твою?

МАГДАЛИНА.

Я знаю, что садовникъ ему преданъ.
 Его святые, дивныя слова
 Давно садовнику проникли въ сердце,
 И онъ навѣрно защититъ его.
 Сжимается душа моя тоскою,
 Пока я не найду его. Идемъ!

[Увлекаетъ Марю за собою].

[Входитъ Иисусъ съ учениками безъ Іуды].

ПЕТРЪ [съ горячностью].

Вотъ, Господи, вотъ два меча нашлось!

ИСУСЪ.

Оставь мечи въ покоѣ. Если бъ думалъ
 Отъ нихъ я защищаться, неужели
 Не могъ бы попросить о томъ Отца?
 Онъ легіоны ангеловъ послалъ бы.
 Но сказано въ Писаньи: поражу
 Я пастыря, и разбѣгутся овцы.
 По истинѣ, скажу вамъ, въ эту ночь
 Вы обо мнѣ всѣ скоро соблазнитесь.

ПЕТРЪ.

Хотя бъ и всѣ другіе соблазнились,
 Но я тебѣ останусь вѣренъ.

ИСУСЪ.

Жаль

Горячности сердечной мнѣ твоей.
 О Петръ, не далѣе, какъ нынче ночью,
 И еще прежде пѣвня пѣтуха
 Ты отречешься отъ меня.

ПЕТРЪ.

Когда бы

И умереть пришлось мнѣ съ тобой,
Не отрекусь

ученики.

Мы за тебя, учитель,

Готовы всѣ на смерть, и ни одинъ
Изъ насъ не отречется.

ИСУСЪ.

Эта ночь

Мнѣ тяжела. Душа моя прискорбна
До смерти. О когда бъ возможно было,
Чтобы меня минула эта чаша.

Такъ бодрствуйте и бдите; неизвѣстно,
Когда вернется дома господинъ, —
Придетъ ли онъ къ вамъ вечеромъ, иль въ полночь,
Или при пѣньи пѣтуха, иль утромъ.
Смотрите же, чтобы, явившись къ вамъ,
Онъ не засталъ васъ спящими. И то,
Что вамъ сказалъ я, говорю и всѣмъ:
Мужайтесь, бодрствуйте!

[Уходитъ. Ученики остаются; нѣкоторые изъ нихъ садятся].

ИСУСЪ [возвращаясь]

Не спишь ты, Симонъ?

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, Господи.

ИСУСЪ.

Оставьте ночи тьму

И силѣ власти! Написано въ писаньи:
Какъ на разбойника они съ мечами,
Съ дрекольемъ на него пошли толпой,
А между тѣмъ я каждый день сидѣлъ
Межъ ними въ синагогѣ. Спишь ты, Симонъ?

ПЕТРЪ.

Нѣтъ, Господи.

ИСУСЪ.

Ты спишь. Стоятъ и дремлютъ
Плотская слабость въ нихъ взяла свое,
А надо бы имъ бодрствовать, молиться.

[Уходитъ].

Магдалина и Марѳа [возвращаются].

МАГДАЛИНА.

Напрасны наши поиски, напрасны!
Мы не нашли его! Ученики
Лежать и спать.

[Ломаетъ руки].

Христа здѣсь нѣтъ межъ ними!
Но гдѣ же онъ? Его мы всюду ищемъ.
Въ гробницѣ той его легко бѣ садовникъ
Укрылъ на это время.

ІИСУСЪ [появляясь].

Я садовникъ!

МАРІА МАГДАЛИНА.

О если ты его увидишь, другъ,
Скажи, чтобы спѣшилъ! Въ саду мечи,
Мы видѣли, сверкаютъ, а изъ рощи
Доносятся и шумъ, и голоса.
Укрой его въ гробницѣ отъ враговъ;
Пусть тамъ, хоть годъ, живетъ, отъ всѣхъ сокрытый,
А мы съ сестрой беремъся приносить
И пищу и питье.

ІИСУСЪ [благословляетъ ее].

Любила много ты

И многое за то тебѣ простилось.

[Удаляется].

МАРІА МАГДАЛИНА [потрясенная опускается на
колѣни].

Кто это былъ?! Не вспыхнуло ли пламя
На мѣстѣ, гдѣ стоялъ онъ? Самый воздухъ
Не содрогнулся ль весь, какъ бы отъ грома?
То голосъ былъ — его!

МАРѲА.

То былъ садовникъ?!

МАРІА МАГДАЛИНА.

Его мы не узнали. Гдѣ же были
Глаза мои? Сокрыла ли его
Ночная мгла, иль заслонилъ мой страхъ,
Ужасныя рисующій картины?

Горячій потъ струится по ланитамъ,
 Волнуется, кипитъ, по жиламъ кровь...
 Бѣги за нимъ, моли и заклинай!
 Скажи, что мы, мы — вѣрныя ему...
 Сама я не могу, — дрожу отъ страха,
 Отъ слабости не въ силахъ я бѣжать.

МАРѢА.

Я побѣгу къ нему. И то ужъ польза,
 Когда его предупредю я.

[Убѣгаетъ въ сторону, куда скрылся Иисусъ].

МАГДАЛИНА [съ трудомъ поднявшись съ ко-
 лѣнъ, указываетъ на учениковъ].

Спать!

И могутъ спать они! Но и сама,
 Увы, слабѣю я!

[Шатаясь приближается къ ученикамъ].

Лежатъ мечи.

Ихъ только два, — и все-таки довольно!
 Одинъ изъ нихъ не взять ли въ руку мнѣ?

[Беретъ мечъ].

Я разбужу народъ! Я дочь народа,
 И грудь моя отвагою горитъ.
 Вокругъ него, какъ вокругъ царя Сіона,
 Мы соберемъ дружною толпой,
 Прогонимъ смѣло римскія когорты
 И свергнемъ иго рабства своего.
 Мессія онъ — посланникъ свѣтлый Божій!
 Мессія онъ и любимъ мы его!
 Я разбужу учениковъ, я бодрость
 Вдохну опять въ ихъ робкія сердца.
 Вставайте, други! Искушеніе близко!
 Взгляните, ужъ они идутъ! Идутъ!
 Торопятся сюда на злое дѣло!

[Въ глубинѣ сада показываются Иуда съ воинами, священники, іудеи, фарисеи
 книжники и стражники съ факелами, свѣтильниками и дреколемъ].

ІУДА.

Заглохни, звукъ, погасни, свѣтъ творенья,
 Пади, природа, въ прежнее ничто,
 Погибни, міръ, и навсегда изгладь
 И память о своемъ возникновенъи.

МАРӨА [вбѣгаетъ, внѣ себя].

Я видѣла его въ борьбѣ жестокой,
Съ лица катился потъ, и плакалъ онъ
Горячими, кровавыми слезами.
Два мужа свѣтлые стояли подлѣ,
И ангелъ утѣшалъ его. Какое
Ужасное видѣнье это было!
Всего отсюда на верженъе камня.

ПЕТРЪ.

Пусть женщина меня не посрамить!

[Вырываетъ мечъ у Магдалины; Иаковъ также вооружается мечомъ. Появляется
Иисусъ и направляется къ толпѣ вооруженныхъ.]

ІУДА.

Сладчайшій изъ ядовъ, причина зла,
Смертельнѣйшая сила тайныхъ силъ,
Пришло и для расплаты время,—
Умри навѣки на его устахъ.

[Идетъ къ Иисусу и цѣлуетъ его].

Привѣтъ мой, равви!

ИСУСУЪ.

Поцѣлуй любви
Избралъ ты знакомъ для преданья друга?
О жалкій врагъ! За кѣмъ сюда пришли вы?

ВСЪ.

За Иисусомъ, что изъ Назарета;
Его въ саду мы ищемъ.

ИСУСУЪ [выступая навстрѣчу толпѣ].

Это я!

[Толпа отступаетъ, нѣкоторые падаютъ на землю].

Я—Иисусъ! Зачѣмъ вы отступили?

[Слуги приходятъ въ себя; впереди ихъ рабъ Малхъ съ обнаженнымъ мечомъ].

ПЕТРЪ.

Ты, Малхъ, изъ первыхъ долженъ умереть!

[Онъ и Иаковъ ударяютъ на вооруженныхъ. Схватка. Женщины убѣгаютъ, моля
жестами о помощи].

ИСУСУЪ.

Ужели откажусь я выпить чашу,
Которую отецъ мнѣ посылаетъ?
Оставь оружье, Петръ, и успокойся!

ПЕТРЪ.

Но, Господи, ужъ я сразилъ его!

[Указываетъ на упавшаго на землю Малха, который молить съ крикомъ: «Спаситель, исцѣли меня! Помилуй!»]

ИСУСЪ [ученикамъ въ то время, какъ его связываютъ].

Не унывайте! Миръ я побѣдилъ.

[Военачальнику].

Оставьте ихъ идти.

[Военачальникъ знакомъ выражаетъ согласіе].

ІОАННЪ [съ плачемъ бросается на грудь Иисуса].

Учитель! Нѣтъ,

Тебя я не покину!

ИСУСЪ.

На меня

Ты положишься. Надѣйся, вѣрь, люби
И страхъ откинь.

ПЕТРЪ И ДРУГІЕ УЧЕНИКИ.

Надѣялись мы всѣ,

Что ты спасешь Израиля отъ плѣна.
Теперь они убить тебя хотятъ,
А ты молчишь.

ИСУСЪ.

И вы покойны будьте!

Кто разрѣшитъ великую загадку,
Какъ не Господь одинъ, властитель мира?
Я въ васъ, а вы во мнѣ! И потому
Не надо плакать вамъ. Я возвращусь!
Какъ молнія сверкаетъ отъ востока,
Такъ будетъ и пришествіе мое.
Теперь иду, вамъ приготовить мѣсто
Въ дому Отца, а послѣ возвращусь
И васъ къ себѣ возьму, чтобъ тамъ, гдѣ я,
И вы со мною были, какъ сказалъ вамъ:
Гдѣ буду я, тамъ будете и вы,
И станете двѣнадцатю судьями
Двѣнадцати Израиля колѣнъ.

УЧЕНИКИ [между собою].

Двѣнадцатю? Двѣнадцатю?! Неужли
Искаріота принялъ ты въ число?

ИСУСЪ [указывая на Иуду, который стоитъ скорчась, въ сторонѣ].

Когда въ себя придетъ, и покаяньемъ
Омоетъ грѣхъ, и онъ лишентъ не будетъ
Всей славы той, которую ему
Предуготовалъ я.

[Удаляется, связанный слугами].

ИУДА [съ судорожнымъ смѣхомъ].

Ха-ха! Ха-ха!

Въ тотъ же часъ.

Иисусъ передъ совѣтомъ книжниковъ въ залѣ Газифъ¹⁾.

КАІАФА.

Ты обвиненъ въ кощунствѣ, такъ какъ ты
Моленье совершалъ не въ храмѣ Божьемъ—
Да будетъ славенъ Онъ!—а межъ нечистыхъ
И въ полѣ, посреди звѣрей.

ИСУСЪ.

По правдѣ,
Первосвященникъ, я скажу тебѣ:
Тотъ храмъ, гдѣ я молился,—Божій храмъ.

РАВВИНЪ.

Я, равви Аши, Левіемъ рожденный,
Свидѣтелемъ встаю противъ тебя.
Я видывалъ не разъ, какъ ты молился
За синогою въ любое время
И, отвернувши въ сторону лицо,
Подобно беззаконникамъ, о коихъ
Упоминаетъ мудрый равви Хуна,
Какъ сказано въ Писаніи: «окрестъ
Блуждаютъ беззаконники».

КНИЖНИКЪ.

Вина

Достойна смерти. Мы объ этомъ
Находимъ случай у Абайе равви.

¹⁾ Одна половина этого зала была священна, другая, гдѣ ставили обвиняемыхъ, но считалась священной. Отсюда исходили законы для Израиля. На постановленія этого суда для приговореннаго уже не было апелляціи.

Онъ говоритъ: «Однажды человекъ
 Молитъся началъ сзади синагоги
 И отвернувшись отъ нея лицомъ.
 Помимо проходилъ Эліахунъ.
 Увидѣвъ это, онъ извлекъ свой мечъ
 И умертвилъ мечомъ онъ человека».

ИСУСЪ.

О горе вамъ! Годами вы сидите
 Въ дому Отца и внѣшность блюдетъ и чашъ
 Вы очищаете, не замѣчая,
 Какой нечистоты они полны!
 Послушайте, что я сказать хочу вамъ.
 Вы на талмудъ свою кладете руку
 И думаете Богу угодить,
 Когда постановленія людскія
 Вы въ точности начнете соблюдать.
 Возьму и я теперь одно въ немъ мѣсто
 И васъ спрошу, а вы отвѣтите мнѣ.
 Когда Давидъ царемъ былъ въ Іудеѣ,
 Напала на него однажды скорбь,
 Что сосчитать не можетъ онъ часовъ
 Межъ первою зарею и второю,
 Чему причиною былъ крѣпкій сонъ,
 Въ часъ полночи его одолѣвавшій.
 И ночью Богъ во снѣ ему явился
 И повелѣлъ на слѣдующій день
 Повѣсить арфу въ головахъ постели.
 Давидъ исполнилъ это повелѣнье,
 На каждой же изъ стѣнъ опочивальни,
 Другъ противъ друга, сдѣлалъ онъ отверстія.
 Когда настала ночь и часъ пришелъ,
 Въ который кони ноздри раздуваютъ
 И, сдѣлавъ ими вздохомъ шестьдесятъ,
 Встаютъ отъ сна,—въ тотъ часъ повѣялъ вѣтеръ
 Отъ сѣвера къ востоку, и, проникнувъ
 Въ отверстія, онъ такъ подулъ на арфу,
 Что струны зазвенѣли и Давидъ
 Отъ сна воспрянулъ въ самый часъ полночный,
 И въ первый разъ нашелъ онъ для часовъ
 И правильную мѣру и дѣленье.
 И Бога возблагодарилъ Давидъ
 И прожилъ жизнь, Писанье изучая,
 Свои владѣнія объѣзжая часто
 И судъ творя народу своему.

Теперь посмотримъ душу человѣка:
 Подобна и она Давида арфѣ.
 Дыханіе Предвѣчнаго надъ ней
 Проносится, и колы охватитъ струны,
 Онѣ въ восторгѣ пѣть должны Творца.
 И человѣкъ, гдѣ бѣ онѣ ни находился,
 Спѣшитъ къ землѣ склониться въ умиленіи,
 Среди ли храма, въ полѣ ль, повернувшись
 На полночь ли, къ востоку ль,---безразлично:
 Вездѣ къ нему благоволитъ Господь,
 Вездѣ его молитвѣ Онѣ внимаетъ.
 Какъ вѣтерокъ въ свое явился время,
 Чтобъ звуками Давида разбудить,
 Такъ и Господь ужъ вѣрно время знаетъ,
 Когда Ему коснуться струнъ души.
 Иль отрицать хотите вы, раввины,
 Что часъ, когда Господь насъ призываетъ,
 Есть истинное время для молитвы?

[Они не рѣшаются дать отвѣтъ и молчать].

НИКОДИМЪ [плача приближается къ Іисусу].

О свѣтлый мужъ, исполненный величья,
 И ты стоять здѣсь долженъ, какъ преступникъ,
 На мѣстѣ, предназначенномъ злодѣямъ!
 Они молчатъ, передъ тобой—и все жъ,
 И все жъ? Ахъ, лучше бѣ здѣсь хотѣлъ я видѣть
 Ликъ божества, окаменѣвшій въ гнѣвъ,
 Чѣмъ ихъ подвижныя, живыя лица,—
 Въ чертахъ ихъ смерть написана твоя!

ІИСУСЪ [подаетъ ему руку].

Ужъ если плакать, Никодимъ, плачь лучше
 Объ Іерусалимѣ, о себѣ,
 О томъ, что ты родился Іудеемъ.
 Настанетъ скоро ваше горе. Плачь.

КАТАФА [гнѣвно своимъ].

Смотрите, Никодимъ, ужъ за него,
 А тамъ и остальные. Нѣтъ, ужъ лучше
 Пусть этотъ человѣкъ одинъ умретъ,
 Чѣмъ весь народъ изъ-за него погибнетъ.

[Совѣтуются].

НИКОДИМЪ.

О Господи, когда бы захотѣлъ ты,
 Ты не стоялъ бы здѣсь. Вѣдь весь народъ
 Вылъ за тебя. Ты могъ бы быть царемъ.

ИСУСЪ.

Не въ этомъ мѣрѣ царствіе мое.
Я царь,—ты не ошибся,—и рожденъ,
Чтобъ истину свидѣтельствовать людямъ.

КАІАФА.

Верховный судъ Израиля, внемли!
Всѣ мною здѣсь испробованы средства,
Чтобъ обратить его, но въ немъ упорство
Еще сильнѣй и непреборимѣй,
Чѣмъ солнца свѣтъ. Законы наши всѣ
Нарушилъ онъ, его жъ происхожденье
Ни для кого не составляетъ тайны.
Но все жъ по заповѣди, данной Богомъ,—
Да будетъ славенъ Онъ!—оберегая
Простой народъ, который ему вѣрять,—
Еще разъ я спрошу его при всѣхъ.

[Торжественно, обращаясь къ Иисусу.

Тебя я заклинаю Богомъ вышнимъ!
Свободенъ ты. Отвѣтъ же намъ свободно,
Воистину ли ты провозвѣщенный
И всѣми ожидаемый Мессія?

ИСУСЪ.

О лицемѣръ! Какая же свобода
Въ оковахъ и цѣпяхъ? Да и къ чему?
Когда на твой вопросъ отвѣчу:—да,
То, все равно, ты мнѣ вѣдь не повѣришь;
Когда жъ спрошу я: отчего не вѣришь?
Отвѣта на вопросъ ты мнѣ не дашь.
Услышать истину ты не желаешь
И хочешь только обвинить меня.
О, горе человѣку, надъ которымъ
Такой творится судъ. Его погибель
Заранѣе уже предрѣшена. Кончайте!

КАІАФА.

Тебя живымъ я Богомъ заклинаю,
Отвѣтъ предъ нами: истинно ль Христосъ
И Божій Сынъ ты?!

ИСУСЪ.

Да.

КАГАФА [разрываетъ мантию и закрываетъ голову.

О богохульство!

СУДЬИ [выступая].

Изъ устъ его слышали мы слово,
Которое одно достойно казни.
Повиненъ смерти онъ.

ВСЪ.

Повиненъ смерти.

[Покрываютъ головы].

[Никодимъ и немногіе другіе отворачиваются отъ судей и подходятъ къ Іисусу.
Іоаннъ проталкивается сквозь стражу и народъ къ своему учителю].

НИКОДИМЪ.

О равви! На устахъ твоихъ улыбка?

ІИСУСЪ.

Зерно сначала умереть должно,
Чтобъ принести плоды. Моя кончина
Въ васъ вѣру укрѣпить
[По знаку первосвященника слуги окружаютъ Іисуса].

ІИСУСЪ.

Насилья власть

Ужъ начинается дѣлать свое дѣло.
Не много мнѣ осталось говорить,
Но еще разъ опять вамъ повторяю
Я заповѣдь мою: живите дружно
Въ единомушью и въ любви другъ къ другу.
Вѣдь гдѣ жъ еще любовь съ единомушьемъ
Найдете, кромѣ какъ межъ васъ самихъ?
Іоаннъ рыдая падаетъ предъ нимъ и цѣлуетъ его руки.

ІИСУСЪ.

Не плачь такъ горько о разлукѣ нашей.
Я только первый въ длинномъ рядѣ тѣхъ,
Которые послѣдуютъ за мною,
И много ихъ въ вѣнцахъ своихъ терновыхъ
Пройдетъ за мной по этому пути,
Пока страданьемъ міръ освободится.

ІОАННЪ.

Останься, Господи, останься съ нами!

ИСУСЪ [поднимая его].

Вѣдь я всегда при васъ. На мнѣ познайте,
Какой свободы можетъ человѣкъ
Въ душѣ своей достигнуть и къ какому
Высокому служенію онъ призванъ.
Я посланъ въ міръ, чтобъ возвѣститъ объ этомъ.

[Никодиму и Іоанну].

Прочувствовали ль вы мои слова?

ІОАННЪ.

Я не забуду ихъ и послѣ смерти!

ИСУСЪ [воинамъ].

Ведите же меня, куда вамъ должно.

[Воины уводятъ его].

НИКОДИМЪ.

О Боже, Боже,—что за человѣкъ!

[Стоитъ потрясенный, прислонясь къ столбу. На дворѣ поетъ пѣтухъ].

Скалистая мѣстность вблизи Голгофы.

ИУДА [поднимается изъ ущелья].

Покоя нѣтъ! Мнѣ не найти покоя
Ни здѣсь, ни тутъ, ни тамъ!— Нигдѣ, нигдѣ!
Я точно звѣрь, травимый на охотѣ,—
Чуть лишь слышу крикъ, я встрепенусь
И далѣе бѣгу, все дальше, дальше.
Вчера меня невидимое что-то
Схватило за спину и повлекло
Назадъ полями къ Іерусалиму,
Пока не сталъ я предъ его темницей.
Здѣсь притаился въ дальнемъ я углу
И заглянулъ къ нему черезъ рѣшетку,
О скалы, вы, не знающія боли,
И даже ненависть такая, какъ моя
Невольно поблѣднѣла передъ мукой,
Какую тамъ страдальцу причиняли.
Я сталъ къ нему спиной, глаза зажмурилъ,
И все жъ его я видѣлъ предъ собой.
Онъ связанный стоялъ и въ то же время
Какъ будто бы царилъ надъ всей свободой
Земли и неба; ясный взоръ его

Какъ мечъ, огнемъ палящій, херувима
 Сверкнулъ во тьмѣ и мнѣ вонзился въ грудь.
 И тутъ, земная персть, я только понялъ,
 Какъ близки мы съ тобой! Лицо свое
 Окуталъ я плащомъ, какъ будто этимъ
 Укрыться могъ отъ самого себя.
 «Онъ завтра будетъ распятъ», говорили
 Мучители. Я бросился бѣжать
 Межъ стѣнъ, черезъ поля, черезъ предмѣстья.
 А ликъ его горитъ во мнѣ, какъ пламя,
 И жжетъ, и опалаетъ онъ Іуду.
 Взреви, Левіаѳанъ изъ глубины!
 Свои оковы, бури, разорвите!
 Дрожи, волнуйся и трясись, земля,
 Чтобъ я средь силъ бушующихъ природы
 Могъ снова отыскать частицу жизни,
 Которую онъ взглядомъ растопилъ!
 О если бы не эта тишина!
 О если бы стада кругомъ ревѣли,
 Бѣснись кони, топали о землю
 Иль вспыхнулъ бы кругомъ пожаръ, который
 Весь міръ испепелилъ бы, чтобы мнѣ
 Найти въ себѣ опять покой желанный!
 А эта тишина терзаетъ болью,
 Она взрываетъ грудь, какъ ураганъ
 Въ меня впускаетъ когти, какъ чума,
 Преслѣдуетъ меня, какъ ангелъ смерти
 Своимъ разящимъ, поднятымъ копьемъ!
 Какъ холодно смѣешься ты, природа!
 Съ насмѣшкою глядишь на мой позоръ,
 Но отъ тебя я убѣгу далеко,
 Хотя бъ до тѣхъ невѣдомыхъ предѣловъ,
 Гдѣ утромъ занимается заря!
 Какъ крылья ворона, мои одежды
 По вѣтру, раздѣлившись, поднялись.
 Куда жъ меня теперь вы понесете?
 Подъ облака иль въ пропасть мрачной бездны?
 Куда? Куда?

[Схватываетъ края одежды, раскинувъ руки наподобіе крыльевъ, и скрывается
 гонимый вѣтромъ].

Куда жъ? Куда, скажите?

[На томъ же мѣстѣ сходятся три человѣка].

одинъ.

Откуда вы?

ДРУГІЕ.

Спускаемся съ Голгофы.

ОДИНЪ.

А я еще туда.

ДРУГІЕ.

Смотрѣли мы,
Какъ ко кресту его тамъ прибывали,
И плакали невольно.

ИУДА [возвращаясь].

Умеръ онъ?!

ВСѢ ТРОЕ [сторонятся].

Кто этотъ человѣкъ?

ИУДА.

Кричите громче!

Пробейте скалы этимъ словомъ страшнымъ,
Заставьте треснуть ихъ. Скажите только,
Что умеръ онъ!

[Они молчатъ].

Но нѣтъ! Еще не могъ,
Не могъ онъ умереть, я это вижу
По вашимъ лицамъ,—свѣтъ еще на нихъ!
А если бъ это уже совершилось,
Они бъ у васъ ночью тьмой покрылись
И смерть сковала бъ ихъ рукой костлявой,
Отбросило бъ тупыя стрѣлы солнце,—
А мнѣ, мнѣ было бъ хорошо!

ОДИНЪ ИЗЪ ЛЮДЕЙ.

Признаться,

Когда бы тотъ, который распять ими,
Пророкомъ былъ, какъ люди говорятъ,
Иль сыномъ Божиимъ, то неужели
Не въ силахъ былъ бы онъ спасти себя
Отъ муки на крестѣ и смерти?

ИУДА [хватаетъ его].

Жидъ!

Будь проклятъ всякъ, кто думаетъ, какъ ты.
Весь Иерусалимъ, что надо мною
Теперь смѣется, издѣваясь,—весь онъ,
Съ своими золочеными верхами,

Падеть во прахъ за то, что въ ослѣпленнѣ
Съ тобой одни онъ мысли раздѣляетъ.

[Трясетъ его].

О если бѣ былъ ты всею Іудеей!
Схватилъ бы я тебя и съ крутизны
Швырнулъ бы внизъ, чтобъ сердце ты о камни
Разбилъ себѣ, и знай, что для тебя
Такъ лучше было бы—погибнуть сразу,
Чѣмъ вѣчное проклятіе носить!!

ВСѢ ТРОЕ.

О горе намъ,—онъ, вѣрно, бѣсноватый!
[Мгновенно настааетъ глубокая тѣма. Востъ буря. Обломки скалъ проносятся
въ воздухъ. Девятый часъ].

Что съ нами? Иль колеблется скала?
Не движется ль земля? О скорби день!

ІУДА.

День радости, скажите! Кто посмѣлъ
Ножомъ ударить небо прямо въ сердце?
Я, я пронзилъ его! И солнце никнетъ,
Подобное огромной каплѣ крови,
И гаснетъ помертвѣвшая земля!

ВСѢ ТРОЕ [убѣгая].

О горе намъ! День судный наступаетъ!
Послѣдній часъ! Послѣдній часъ пришелъ!

ІУДА.

Теперь, когда готовъ весь міръ распасться,
Мнѣ снова хорошо! О протяни жъ
Мнѣ, дерево, свой сукъ изъ состраданья;
Я не хочу случайно быть раздавленъ
Осколками земной планеты нашей.
Хочу разстаться съ жизнью я, какъ богъ,
Свободный даже и въ послѣднемъ вдохѣ!
[Дерево раскачивается изъ стороны въ сторону].
Какъ жалкій пруть, ты гнешься, гордый стволъ,
Невидимыми силами влекомый
За волосы зеленые. Бери
Съ меня примѣръ, будь стоекъ, будь силенъ!

[Начинается землетрясеніе].

А! Рвутся ужъ внизъ долины закрѣпы,
И горы движутся одна къ другой.
Голгоѳа показалась, и на ней

Мнѣ виденъ онъ, прибитый ко кресту,
 На головѣ его вѣнецъ терновый
 И сердце прободенное открыто
 Предъ пораженными глазами міра!
 Я вижу это все и не дрожу.
 Мнѣ это зрѣлище—благодѣянье,
 И исцѣленье мнѣ оно даетъ.
 Ты для меня былъ дивнымъ содержаньемъ,
 Но, какъ вино, ты вылить весь теперь
 И опьянилъ вселенную собою!
 Пустымъ сосудомъ сталъ я безъ тебя.
 Куда онъ годенъ? Для кого онъ нуженъ?
 Я уничтожу жалкій тотъ сосудъ!

[Вѣшается на своемъ поясѣ].

[Налетаетъ буря, срываетъ его, вырываетъ съ корнемъ дерево и разбиваетъ скалу. Глубокая тьма. Виденъ Распятый].

МОЛИТВА МАРИИ У КРЕСТА.

О Господи, стояла у креста я,
 Теперь простерта ницъ передъ Тобой:
 Спаси людей отъ тяжкаго страданья,
 Пошли имъ свѣтъ, разсѣй ночную мглу!

Хижина Лазаря.

Мирія Магдалина. Марса. Гохеба. Лазарь. Два незнакомца. Гуда безъ призна
 ковъ живни лежитъ на ложѣ Магдалины.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Хотите знать, какъ мы его нашли?
 Вамъ, женщинамъ, пожалуй, стало бѣ жутко,
 Когда бы все, какъ было, рассказать!
 Изъ Іерусалима вышли съ братомъ
 Еще до свѣта мы. Пройти хотѣлось
 Намъ прежде въ Эфраимъ, а тамъ въ Дамаскъ.
 Вѣдь мы торговцы оба, а торгуемъ
 Съ нимъ аравійской розовой водой
 И время все проводимъ мы въ дорогѣ.
 По зорькѣ предъ Великою субботой
 Пошли мы въ путь, чтобъ къ вечеру дойти
 До Эфраима намъ и ѣсть тамъ агнца,
 А оставаться въ Іерусалимѣ
 На праздникъ было намъ обоимъ страшно.

Вѣдь наканунѣ тамъ несправедливость
Великая должна была свершиться:
Сбирались кровь пролить они того,
Кто былъ всего Израиля надеждой.
Глубоко насъ все это огорчало,
Но оба мы вѣдь маленькіе люди;
Хоть чувствуемъ, а говорить не станемъ.
Такъ, молча, и собрались мы въ дорогу.
Мой братъ сходилъ верблюдовъ нагрузить,
Я заперъ двери, опоясалъ сумку
Съ динаріями свѣтлыми и вмѣстѣ
Пошли мы съ нимъ къ Дамаскимъ воротамъ,
Гдѣ ждали верблюды со слугами.
Вдали за нами раздавались крики,
Мы слышали проклятья, богохульство,
Мы видѣли шумящую толпу,
Но не оглядываясь шли все дальше
Своимъ путемъ. А день былъ очень жаркій,
Какъ точно раскаленными иглами,
Лучами солнце жгло все наше тѣло,—
Верблюды даже отъ жары томились,
И мы, до трехъ добравшись пирамидъ,
Стоящихъ предъ гробницами царей,
Тамъ, гдѣ глубоко, въ вѣчномъ полумракѣ,
Течетъ ручей Силоа, гдѣ согласно
Преданью древнему и страшный судъ
Произойти надъ міромъ долженъ, тамъ
Мы поневолѣ сдѣлали привалъ.
Знакома, вѣроятно, вамъ пещера,
Въ которой сиживалъ Іеремія
И плакалъ о гибели Салима?
Укрылись въ ней мы отъ жары несносной,
А предъ пещерою въ тѣни на отдыхъ
Легли верблюды подъ присмотромъ слугъ.
Когда вы знаете пещеру эту,
То вамъ, навѣрное, извѣстно также,
Что Адонаи, всевышній нашъ Господь,
Для своего ужъ дряхлаго раба
Велѣлъ холоднымъ камнямъ той пещеры
Покрыться теплымъ мохомъ, и что тамъ
На каждомъ стебелькѣ еще висятъ,
Какъ свѣтлая роса, пророка слезы,
Которыя онъ выплакалъ тогда.
На камень гдѣ когда-то онъ сидѣлъ,
Присѣлъ и я, а братъ у ногъ моихъ
На землю легъ, обнявъ меня рукою.

И жутко стало тамъ обоемъ намъ.
Въ стѣнахъ кругомъ, въ холодномъ, мертвомъ камнѣ
Намъ непрерывно слышались удары
Незримыхъ водъ, какъ бы биенье сердца,
Которое устало жить и хочетъ
Разбить грудной костью своей темницы.
И оба мы заплакали невольно.
О чемъ мы съ братомъ плакали тогда,
Я не берусь вамъ точно объяснить,
Но только не могли мы съ нимъ не плакать.
Вдругъ почва вся подъ нашими ногами
Зашевелилась; скалы задрожали;
Мы ринулись на воздухъ изъ пещеры.
Тамъ,—помните?—напротивъ есть скала,
Похожая на обликъ человѣка,
Задумчиво смотрящій въ небеса.
Хотѣли тамъ спастись мы, такъ какъ бурно
Земля кругомъ зелеными волнами,
Какъ глубина морская, колебалась.
Но ужасъ намъ оковываетъ ноги:
Скалистая глава стоитъ живая,
Бровь движется у ней, глаза сверкаютъ!
И медленно склоняется лицо.
Отъ облаковъ къ землѣ, все ниже, ниже.
А мы все это видимъ и стоимъ,—
Бѣжать намъ некуда. И вотъ внезапно
Какъ будто мечъ ту гордую главу
Отъ туловища разомъ отсѣкаетъ,
Она летитъ съ ужаснымъ громомъ въ пропасть,
И пыль, поднявшись облакомъ высокимъ,
Скрываетъ душу леденящій видъ.
И ницъ мы оба падаемъ на землю,
Пытаемся молиться, но отъ страха
Не въ силахъ мы ни слова произнестъ.
Густая тьма охватываетъ землю,
Надъ нами бурный вихрь несется съ ревомъ,
Отъ ужаса не смѣемъ мы дышать.
Когда же, много времени спустя,
Открыть глаза мы наконецъ рѣшились,
Надъ всей природой, окружавшей насъ,
Лежала тишина изнеможенья.
Отъ нашихъ слугъ и отъ верблюдовъ нашихъ
Не видно было даже и слѣда.
Тамъ, гдѣ подъ пальмами они лежали,
Теперь зіяла бездна. Намъ самимъ

Не меньшая опасность угрожала:
 Подъ глыбой, на которой мы ютились,
 Уже съ горы шумя бѣжалъ потокъ
 И подмывалъ ее. А подлѣ насъ
 Деревья, бурей вырванныя съ корнемъ,
 Безпомощно протягивали руки
 Въ пустую высь. Обломки скалъ громадныхъ,
 Какъ головы, отрубленныя въ битвѣ,
 Катились внизъ, и точно волоса,
 Раскинувшись отъ пыла боевого,
 Растенья блѣдно сѣрыя космами
 Еще трепались вокругъ ихъ черныхъ лицъ.
 То, что мы видѣли, ужасно было,
 Но предстоялъ намъ видъ еще ужаснѣй!
 Царей гробницы вскрыты были всѣ
 И въ нихъ, между вѣнцовъ скривленныхъ, ржавыхъ
 И скипетровъ полустлѣвшихъ, кости,
 Лишенныя своихъ одеждъ висонныхъ,
 Лежали, ужасая наготою.
 А средь костей, которыя когда-то
 Руками и ногами назывались,
 Въ ужасныхъ судорогахъ билось, корчась,
 Живое существо, изъ плоти съ кровью, —
 Такой же человѣкъ, какъ сами мы!
 Его мертвецъ костлявый придавилъ
 И черепомъ разѣденнымъ своимъ
 Ему уперся въ самое лицо.
 Тотъ человѣкъ и былъ вотъ этотъ самый,
 Котораго сюда мы принесли.
 Его мы высвободили изъ страшныхъ
 Объятій костяка. Открылъ глаза онъ,
 Взглянулъ безсмысленно на насъ, и снова
 Закрылъ онъ ихъ. Но намъ не показалось,
 Чтобъ умеръ онъ. Въ груди его еще,
 Едва замѣтно, чуялось дыханье.
 И вотъ, чтобъ въ немъ спасти остатокъ жизни,
 Его и принесли мы.

[Кладеть руку на грудь Иуды]

Но теперь

Затихло все. Недвижна грудь его.

МАГДАЛИНА.

Затихло все. Предъ нами только трупъ.

ЛАЗАРЬ.

Накинъ мой плащъ на тѣло, Магдалина,
А Марѳа разведи скорѣй огонь.
Я домъ поджечь хочу, чтобъ онъ могилу
Нашелъ себѣ въ огнѣ; а мы всѣ вмѣстѣ
Пойдемъ отсюда прочь!

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Пойдемъ и мы.

[Указываетъ на Марѳу].

Отдай-ка эту смуглую дѣвицу
Мнѣ въ жены и пойдѣте вмѣстѣ съ нами.

ЛАЗАРЬ [отдаетъ ему Марѳу].

Да снизойдетъ на васъ благословенье!

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Приму крещенье я; и братъ мой также,
Тогда оно пребудетъ съ нами вѣчно.

МАРѲА.

А какъ же ты, сестрица Магдалина?

МАГДАЛИНА.

Въ пустыню удалюсь я

МАРѲА.

Какъ? Одна?

Одна, и безъ защиты?!

МАГДАЛИНА.

Посмотри

На водяную лилію! Она
Качается въ челнѣ своемъ зеленомъ
Надъ водной быстриною, не заботясь,
Что эта быстрина, разбушевавшись,
Ее всецѣло можетъ поглотить.
И самъ потокъ довѣріе такое
Въ цвѣточкѣ беззащитномъ уважаетъ,
И съ лаской кроткой бурная стихія
Охватываетъ слабыя коренья
И бережно цвѣтокъ она качаетъ
И пѣсни колыбельныя журчить.
А я освящена Творца рукою
И неужели меньше я ея?

МАРѲА.

Сестра, сестра, не покидай насъ!

МАГДАЛИНА.

Марѳа,

Оставь меня. Ничьи слова другія
Здѣсь больше раздаваться не должны,
Гдѣ скоплено сокровище такое
Его рѣчей. Вся жизнь моя отнынѣ
Молитвой благодарственною будетъ!
Какъ чистый звукъ, изъятый изъ напѣва
Разстроенаго—жизни человѣка.

ЛАЗАРЬ [преклоняется предъ нею].

Сестра, благослови насъ—и иди.

[Зажигаетъ хижину].

Марія Магдалина выходитъ; остальные слѣдуютъ за нею.

ЛАЗАРЬ [Ихобѣ, въ то время, какъ хижина
охвачена огнемъ.]

Покрой лицо отъ пламени, старуха,
Посыпши перстью голову, какъ я,
И плачь со мною о народѣ нашемъ.

МАРѲА.

Взгляните,—Магдалина разстается!
Взошла на высоту, остановилась
И намъ рукой привѣтъ прощальный шлетъ.
Одежда желтоватая ея
Сверкает издали, какъ золотая,
А ликъ подобенъ лику серафима;
Глаза какъ два сіяющихъ топаза
И пряди дивныя волосъ горятъ
Въ лучахъ зари вечерней, какъ огонь,
Который грѣетъ лишь, не сожигая.
Теперь съ привѣтомъ руку поднимаетъ
Она къ небесной вышинѣ, какъ будто
Туда желаетъ путь направить свой.
Взгляните же, взгляните! Не сидите
Недвижно такъ, подобно, изваяньямъ
Изъ камня сѣраго, иль чугуна,
Обросшимъ мохомъ и покрытымъ пылью.
Взгляните, какъ, на посохъ опираясь,
Она отъ насъ уходитъ, дальше, дальше...
Ахъ, гдѣ же наша, наша-то отчизна?

[Незнакомецъ подходит и привлекаетъ ее къ себѣ].

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, МОСКВА, ХАРЬКОВЪ, ОДЕССА, САРАТОВЪ
И РОСТОВЪ НА ДОНУ)

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО.

Пятое изданіе, дополненное и исправленное,
съ 89 портретами и иллюстраціями.

Настоящее пятое изданіе историческихъ очерковъ и рассказовъ С. Н. Шубинскаго существенно отличается отъ первыхъ четырехъ (первое изданіе напечатано въ 1869 году, второе въ 1871 году, третье въ 1893 г. и четвертое въ 1903 г.). Въ него включены десять новыхъ статей, а прежнія тщательно пересмотрѣны. Кромѣ того, число портретовъ и рисунковъ увеличено до 89; всѣ они воспроизведены, большею частью, съ рѣдкихъ оригиналовъ.

Книга заключаетъ въ себѣ 45 печатныхъ листовъ убористаго шрифта; кромѣ того, къ ней приложенъ „Указатель личныхъ именъ и рисунковъ“.

Цѣна 4 руб.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дептфордѣ. — Петръ Великій въ Гаагѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. — Вѣдненосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полицеймейстеръ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Барона. — Убійство Синклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два статъ-секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія Мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское гѣсто. — Потемкинскіе проценты. — Столѣтіе кончинъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генераль-прокуроръ. — Жена Суворова. — Пѣвица Габриелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый филантропъ. — Последний графъ Головкинъ. — Одинъ изъ Грибоѣдовскихъ типовъ. — Общество танцоровъ повенолѣ. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Княгиня Ловичъ. — Кирияново, дача княгини Дашковой. — Александра дача — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мѣрное завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ. — Указатель портретовъ и рисунковъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

Новая книга

Б. Б. ГЛИНСКАГО

**Борьба
за
Конституцію**

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

Съ 22 портретами и иллюстраціей

Цѣна 3 р. 50 к.

Изданіе Н. П. Карбасникова.

Складъ изданія въ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 19, въ
Москвѣ—Моховая, д. Баженова, въ Варшавѣ —
«Новый свѣтъ», № 49, въ Вильнѣ—Большая ул.,
д. Г'ордона.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.)

«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1909 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

Богословіе.

Левашевъ, П. Зачѣмъ такъ много у насъ браженій лика и тѣла Христа Спасителя на обрядовъ? Спб. Ц. 20 к.
Пахарнаевъ, А. Погребальная плащаница Туринской плащаницы. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 30 к.
Господня. Изслѣдованіе о подлинности изо-

Философія, психологія, логика.

Аткинсонъ, В. Культура памяти. Наука о возстановленіи и укрѣпленіи запоминаній. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
Бэло, Г. Этюды позитивной морали. 1. Самоубійство. 2. Роскошь. 3. Милосердіе и естественный подборъ. Спб. 1909. Ц. 75 к.
Вейнинггеръ, О. Поль и характеръ. Теоретическое изслѣдованіе. Спб. 1909. Ц. 1 р.
Исторія религій съ приложеніемъ статьи: О противорѣчивости современнаго безрелигіознаго міровоззрѣнія. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
Мондорезъ, М. Прогрессъ человѣческаго разума. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50.
Лазурскій, А. Программа изслѣдованія личности. Спб. 1908. Ц. 20 к.
Полное руководство къ индусскому гипнотизму. Приемы: гипнотизма, левитаціи, дыханія, ясновидѣнія, развитія силы воли и памяти, лѣченіе болѣзней и индусскія чудеса. М. 1908. Ц. 1 р.
Рейнке, І. Натурфилософія. В. І. Наше міровоззрѣніе. Истина въ теоріи развитія. Геккель какъ біологъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
Тормазовъ, С. Счастье и прогрессъ съ точки зрѣнія естественнаго подбора. Спб. 1909. Ц. 1 р.
Гіаух, І. Какъ достигнуть успѣха въ жизни. Спб. 1909. Ц. 50.
Фриче, В. Торжество пола и гибель цивилизаціи. М. 1909. Ц. 55 к.

«ИСТОК. ВЪСТН.», МАРТЪ, 1908 г., т. СХУ.

1/2

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

- Бобровъ, В. Русскія народныя сказки о животныхъ. Исследование. Варшава. 1909. Ц. 1 р.
- Брандесъ, Г. Собрание сочинений. Т. 11-й. Молодая Германія (начало). Спб. 1909. Ц. 75 к. Т. 12-й. Тоже. (окончание). Ц. 75 к.
- Варнене, Б. Новыя комедіи Менандра. Казань. 1909. Ц. 1 р.
- Засуличъ, В. Вольтеръ—жизнь и литературная дѣятельность. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Моганъ, П. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Томъ 3. Часть 1. М. 1909. Ц. 1 р. 25.
- Лазурскій, В. Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона. Изъ исторіи англійской журналистики 18 в. Т. I. Одесса. 1909. Ц. 2 р.
- Мантель, А. О Кнуть Гамсунъ. Казань. 1909. Ц. 50 к.
- Международный Толстовскій альманахъ, составленный П. Сергѣенко. О Толстомъ. М. 1909. Ц. 2 р.
- Михайловскій, Н. Полное собраніе сочинений. Томъ 4-й. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Овэйтъ, А. Исторія итальянской литературы. Спб. 1909. Ц. 1 р. 75 к.
- Сержпутовскій, И. Справочникъ о русскихъ книгахъ гражданской печати, изданныхъ въ свѣтъ съ 1708 по 1855 годъ. Вып. 1-й. А.—Аллеръ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Философовъ, Д. Слова и жизнь. Литературные споры новѣйшаго времени. 1901—1908 г. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

- Андреевъ, Л. Рассказъ о семи новѣщеныхъ. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Аннуцио, Г. Сонъ въ весеннее утро. Драма. Одесса. М. 1909. Ц. 10 к.
- Барбз д'Оревильи. Дьявольскія маски. Рассказы. М. 1909. Ц. 10 к.
- Бъжнецкій, А. Ольгинъ день. Комедія въ 3 д. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Вербицкая, А. Ключи счастья. Современный романъ. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Вилье де-Лиль-Аданъ. Тайны эшафота. Рассказы. М. 1909. Ц. 10 к.
- Витбергъ, Ф. Поэма человѣческой жизни въ 4 картинахъ. Х. 1908. Ц. 25 к.
- Гамсунъ, К. Вечерняя заря. Эпизодъ. М. 1909. Ц. 10 к.
- Гиршбейнъ, П. Земля. Пьеса въ трехъ актахъ. Одесса. 1909. Ц. 10 к.
- Гриневская, И. Суровые дни. Драматическая поэма изъ времени Пугачевщины въ 5 д. въ стихахъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Гурвичъ, И. Облачныя тзани. Стихи. Книга первая. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Дрейеръ, Д. Новеллы. Кн. 2-я. М. 1909. Ц. 30 к.
- Земля. Сборникъ второй. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Зудерманъ, Г. Пѣсня Нѣспей. Романъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Ивановъ, А. Стереоскопъ. Сумеречный рассказъ. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Моновцовъ, Д. Сны на Сѣверѣ. Сборникъ стиховъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Котеневъ, А. Правда его Бога. Въ 3-хъ частяхъ съ прологомъ. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Лагерлефъ, С. Герон Кунгахеллы. М. 1909. Ц. 50 к.
- Ли, Г. Собрание сочинений. Томъ I. Вракъ. Романъ. М. 1909. Ц. 1 р.
- «Леда». Литературно-художественный сборникъ. Книга 1-я. М. 1909. Ц. 1 р.
- Мельниковъ, Н. (Сибирякъ). Божественная премудрость. Рассказъ въ афоризмахъ и афоризмы въ рассказѣ. Спб. 1909. Ц. 90 к.
- де-Молассанъ, Гюи. Полное собраніе сочинений. Т. 3-й. Исторія одной жизни. Романъ. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- Нотари. Три вора. М. 1909. Ц. 50 к.
- Пуришневичъ, В. Законодатели. Пьеса въ стихахъ и въ картинахъ. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Роденбахъ, Ж. Мистическія лиги. М. 1909. Ц. 50 к.
- Саловъ, И. Полное собраніе сочинений. Т. I-й. Мертвое тѣло. Повѣсти и рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Семеновъ, С. Крестьянскіе рассказы. Т. I. Хорошее житье и др. рассказы. М. 1909. Ц. 90 к.
- Смирновъ, А. Братъ. На закатѣ. Повѣсти. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Изъ сумрака былого. Рассказы. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- * Стивенсонъ, Р. Странная исторія доктора Дживилы и мистера Хайда. Изд. 2-е. А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Стримдбергъ, А. Полное собраніе сочинений. Т. 3-й. Повѣсти и драмы. М. 1908. Ц. 1 р.
- Франсъ, А. Собрание сочинений. Т. 8. Театральная исторія. Лесли Вудъ. М. 1909. Ц. 1 р.
- Хиченсъ. Черный пудель. Рассказъ. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Шагинянь, М. Первые встрѣчи. Стихи. М. 1909. Ц. 1 р.
- Шекспиръ, В. Макбетъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Переводъ А. И. Кроненберга. Изд. 7-е, иллюстриров., А. С. Суворина. Спб. 1909. Ц. 25 к., въ папкѣ 3-й, въ перел. 40 к.
- Шницлеръ, А. Крикъ жизни. Драма въ 3 дѣйств. М. 1909. Ц. 10 к.
- Хороводъ. Одесса. 1909. Ц. 15 к.
- Шоу, В. Полководецъ. Комедія въ 1 д. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Якобсенъ, I. Могенсъ. Выстрѣлъ въ туманѣ. Одесса. 1909. Ц. 10 к.

Исторія, біографія и археологія.

- Аленсѣвъ, В.** Борьба за идею законности въ Московской Руси. М. 1908. Ц. 40 к.
- Афанасьевъ, Н.** Современник. Альбомъ біографій, Томъ I. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Бузескулъ, В.** Исторія аицкской демократіи. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Вишняновъ, Е. и Пичета, В.** Очерки русской исторіи. М. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Вязигинъ, А.** Папа Григорій Великій, какъ церковно-общественный дѣятель. Харьковъ. 1908. Ц. 20 к.
- Котовичъ, А.** Духовная цензура въ Россіи. 1799—1855 гг. Спб. 1909. Ц. 2 р. 75 к.
- Очеркъ исторіи С.-Петербургскаго коммерческаго суда 1833—1903 гг. и его современные дѣятели.** Юбилейное изданіе Спб. 1903. Ц. въ переплетъ 20 р.
- Павловскій, И.** Полтавская битва 27 июня 1709 года. Съ рисунками. Полтава. 1908. Ц. 25 к.
- Памяти графа П. П. Игнатъева.** Рѣчи, произнесенныя на торжественномъ собраніи Спб. Славянскаго Вѣдомственнаго общества 30 ноября 1908 г. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Пругавинъ, А.** Въ казематахъ. Очерки и матеріалы по исторіи русскихъ тюремъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Ротъ, К.** Негорія славянъ. Ч. 1-я. Исторія Византийскаго Имперіи. Спб. 1908. Ц. 40 к.
- Ч. 2-я. Исторія христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова. Ц. 40 к.
- Самонясовъ, Д.** Могила русской земли. Съ 78 рис. Москва. 1908. Ц. 3 р.
- Происхожденіе Русскаго народа. Москва. 1908. Ц. 10 к.
- Расколки древнихъ могилъ и описаніе, храненіе и изданіе могильныхъ древностей. Москва. 1908. Ц. 15 к.
- Сѣверянская земля и сѣверяне по городищамъ и могиламъ. Съ картиною городища Черниговской губ. Москва. 1908. Ц. 1 р.
- Сборникъ Новгородскаго общества любителей древности.** Вып. I. Новгородъ. 1908. Ц. 50 к.
- Серобрянскій, Н.** Очеркъ по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ съ критико-біографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ по исторіи Псковскаго монашества. М. 1908. Ц. 3 р.
- Соденъ, фонъ.** Палестина и ея исторія. М. 1909. Ц. 60 к.
- Успенскій, А.** Писаніе о зачинаніи знакъ и знаменъ или прапоровъ. М. Ц. 1 р.
- Фирсовъ, Н.** Пугачевщина. Опытъ соціологическаго-психологическаго характеристики. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- Анисимовъ, А.** Уставъ о гербовомъ сборѣ (т. V, изд. 1903 г. и прѣд. 1906 г.) съ мотивами, разъясненіями Сената, циркулярами министерствъ, инструкціями министра финансовъ, предметнымъ указателемъ и алфавитнымъ перечнемъ бумагъ, актовъ и документовъ. Изд. 18-е, испр. и дополн. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Билимовичъ, А.** Германское землеустроительное законодательство. Томъ I. Раздѣлъ общинныхъ земель. Кіевъ. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Брюль, Н.** Общій уставъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ. Часть 2-я. Спеціальныя узаконенія о тарифахъ и производствѣ желѣзными дорогами особаго рода перевозокъ и операцій по 1 января 1909. Спб. Ц. 3 р. 50 к.
- Вацура, Г. А.** Лекціи по наукѣ публичныхъ финансовъ. Казань. 1908. Ц. 2 р. 50 к.
- Волова, Е.** Пророкъ «Разумнаго Общества». Робертъ Оуэнъ, его жизнь и дѣятельность. М. 1909. Ц. 40 к.
- Грозмани, С.** Конспектъ по политической экономіи. (Составленъ по курсамъ Тутанъ-Барановскаго, Желѣзнова, Псаева и Чурирова). Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Дювский, Р.** Германія, Россія и польскій вопросъ. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Дополненіе къ своду законовъ Россійской Имперіи и къ продолженію 1906 г. Дѣйствующія статьи уголовного уложенія.** Спб. 08. Ц. 50 к.
- Д. Х.** Народность. X. 1908. Ц. 30 к.
- Дюрингъ, Е.** Соціальное спасеніе въ дѣйствительномъ правѣ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 30 к.
- Есиповъ, В.** Очеркъ жизни и быта Привислинскаго края. Варшава. 1909. Ц. 50 к.
- Конспектъ по исторіи римскаго права съ переводомъ латинскихъ терминовъ и выраженій по лекціямъ проф. Г. А. Покровскаго.** Спб. 1909. Ц. 90 к.
- Лазаревъ, Г.** Развитие государственной власти въ древнемъ мірѣ. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Новгородцевъ, П.** Введеніе въ философію права. II. Кризисъ современнаго правосознанія. М. 1909. Ц. 2 р.
- Пюнтковский, А.** Смертная казнь въ Европѣ. Казань. 1908. Ц. 1 р.
- Пръсняковъ, А.** Княжеское право въ древней Руси. Очерки по исторіи X—XII столѣтій. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Самаринъ, Ф.** Еще о юридическихъ послѣдствіяхъ отъѣмны выкупныхъ платежей. Отвѣтъ А. П. Никольскому. М. 1909. Ц. 20 к.
- Сухановъ, Н.** Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства. Соціальныя отношенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ Россіи. М. 1909. Ц. 2 р. 50 к.
- Утевскій, Б.** Что такое право? Теорія позитивнаго права и теорія нравственности. Спб. 1909. Ц. 50 к.
- Фриде, I.** Законы о правѣ жительства евреевъ въ чергѣ ихъ осѣдлости и вѣв оной. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Шендзиновскій, Г.** О преобразованіи военнаго совѣта. Спб. 1909. Ц. 15 к.

Искусство.

Генина, Р. Фортепианное творчество П. И. Чайковского. Спб. 1909. Ц. 75 к.

Коптяевъ, А. Исторія новой русской музыки въ характеристикахъ. Вып. 1-й. П. Чайковский. Спб. 1909. Ц. 1 р.

— «Эвтерпа». Второй сборник музыкально-критическихъ статей. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Соколовъ, Н. Воспоминанія о Н. А. Римскомъ-Корсаковѣ. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Естествознаніе и математика.

Большев, В. Любовь въ природѣ. Исторія развитія любви. Ч. 2-я. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Бобылевъ, Д. Курсъ аналитической механики (теоретической механики). II часть кинетическая, отдѣлъ 1-й. Механика материальной точки. Спб. 1909. Ц. 2 р. 50 к.

Вейнбергъ, Б. Снѣгъ, иней, градъ, ледъ и ледники. Одесса. 1909. Ц. 1 р.

Гейбертъ, I. Новое сочиненіе Архимеда. Посланіе Архимеда съ Эратосмену о нѣкоторыхъ теоремахъ механики. Одесса. 1909. Ц. 40 к.

Геннель, Э. Борьба за эволюционную идею. Спб. 1909. Ц. 1 р.

— Происхождение человека. Спб. 1909. Ц. 50 к.

Инауеръ, Ф. Муравьи. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.

Левинсонъ-Лессингъ, Ф. Руководство для оптическаго изслѣдованія кристалловъ подъ микроскопомъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Махъ, Э. Принципъ сохраненія энергии. М. 1909. Ц. 30 к.

Научный сборникъ. Новое въ области науки и прикладныхъ знаній. Книга 1-я. Спб. 1909. Ц. 1 р.

Оствальдъ, В. Эволюціи основныхъ проблемъ химіи. М. 1909. Ц. 1 р. 25 к.

Русскій астрономическій календарь-ежегодникъ на 1909 годъ. Перевѣнная часть. Н.-Новгородъ. 1908. Цѣна съ приложеніемъ статьи проф. Г. В. Вульфа 60 к.

Томпсонъ, С. Добываніе свѣта. Одесса. 1909. Ц. 50 к.

Янобсонъ, А., и Малисъ, Л. Астрономическая обсерваторія Лиговскаго Народнаго дома. Описаніе обсерваторіи, ея инструментовъ и небесныхъ предметовъ, видимыхъ съ помощью ея рефрактора въ С.-Петербургѣ. Спб. 1908. Ц. 40 к.

Языковѣдѣніе.

Хашабы, А. Образцы современной арабской письменности. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

Ежегодникъ Главнаго Управленія землеустройства и земледѣлія по Департаменту Земледѣлія и Лѣсному Департаменту за 1907 г. Спб. 1908. Ц. 3 р. 50 к.

Козляниновъ, М. Земледѣліе въ Манчжуріи и его продукты. Спб. 1909. Ц. 30 к.

Кольсинковъ, Г. Культурное хозяйство въ некультурномъ краѣ, хозяйство менонитовъ

параллельно съ очеркомъ хозяйственно-бытовыхъ картинъ Новоузенскаго уѣзда. Саратовъ. 1908. Ц. 40 к.

Лоске, Э. Сельско-хозяйственная метеорологіи. Юрьевъ. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

Штейертъ, Л. О хорошемъ уходѣ за коровой, теленкомъ и быкомъ. М. 1909. Ц. 40 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

Суронъ, I. Лѣса, хозяйство въ нихъ и лѣсная промышленность. В. 1, 2, 3. Варшава. 1908. Ц. 3 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство.**Ремесла.**

Александровъ, В. Практическія работы по электротехникѣ. Доступное руководство по прикладной электротехникѣ для учащихся, электротехниковъ, монтеровъ, руководителей работъ и приѣмщиковъ. М. 1909. Ц. 2 р. 25 к.

Астафьевъ, А. Инженерный календарь на 1909 г. Карманная справочная книга. Спб.

1909. Ц. въ коленк. перепл. 2 р., тоже въ кож. пер. 2 р. 50 к.

Берловъ, М. Детали машинъ. Вып. 9-й. Детали подъемныхъ машинъ. Спб. 1909. Ц. 8 р.

Бетцъ, Ф. Химическій календарь на 1909 г. Цѣна календаря въ коленкоромъ переплетѣ 75 к., съ приложеніемъ 1 р. 75 к. Приложеніе отдѣльно 1 р. 25 к.

- Бихеле, Н.** Технический календарь на 1909 г. Ц. съ приложениемъ 2 р. 50 к.
- Богушевский, А.** Къ вопросу о затопленіи водой бакинскихъ нефтяныхъ промыслов. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Бодри-де-Сонье, Л.** Какъ устроенъ моторъ и какъ обращаться съ нимъ. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Блотноловъ, А.** О постройкахъ изъ искусственныхъ бетонныхъ камней въ связи съ обязательными постановленіями по строительной части. М. 1909. Ц. 15 к.
- Ватсонъ, Т.** Руководство по разбивкѣ судовъ на плазѣ. Спб. 1909. Ц. 4 р. 50 к.
- Гюлле, Ф.** Станки для обработки металловъ и ихъ конструктивныя детали. Руководство для приступающихъ къ изученію этой области машиностроенія. Съ 590 фигурами въ текстѣ и 2 таблицами. Разрѣшенный авторомъ переводъ со 2 нѣмецкаго изданія. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1909. Ц. въ перепл. 5 р.
- Емишь, П.** Практическое руководство по гальванопластикѣ и гальваностегіи, никелированію, золоченію, серебрению, луженію, бродированію и пр. Спб. 1909. Ц. 75 к.
- Ефимовичъ, М.** Справочная книга и календарь для инженеровъ и техниковъ путей сообщенія и инженеровъ-строителей на 1909 г. Спб. 1909. Ц. съ календаремъ 6 р.
- Ивановъ, В.** Водоснабженіе города Нанси грунтовой водой. Кіевъ. 1907. Ц. 50 к.
- Исслѣдованіе вліянія экономическихъ условій на начертаніе въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ водопроводной сѣти. Ц. 1 р.
- Ивановскій, А.** Укладка кривыхъ и узловъ с.-петербургскаго трамвая. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Козловскій, С.** Устройство электрической сигнализации и громоотвода. Спб. 1909. Ц. 15 к.
- Иминтинъ, А.** Постройка и эксплуатація узкоколейныхъ подъездныхъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1909. Ц. 3 р. 50 к.
- Розенталя, В.** Новый способъ производства барометрическихъ рекогносцировокъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- Бентовинъ, Б.** Торгующія тѣломъ. Очерки современной прституціи. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 1 р. 25 к.
- Гедонъ, Е.** Учебникъ физиологіи. Изд. 5-е. Кіевъ. 1909. Ц. 3 р. 20 к.
- Звѣриковскій, Ф.** Основы дентіатріи. Руководство для врачей и студентовъ. Вып. 3-й. Воспаленіе пульпы. Омертвѣніе пульпы. Спб. 1909. Ц. 1 р. 80 к.
- Марксъ, Э.** Экспериментальная діагностика, серотерапія и профилактика заразныхъ болѣзней. Спб. 1908. Ц. 2 р.
- Медицинскій календарь «Эскулапъ» для фельдшеровъ всѣхъ вѣдомствъ и фельдшерницъ-акушерокъ на 1909 годъ. 2 части. Спб. Ц. 1 р. 25 к.**
- Полный курсъ гипнотизма и терапевтическаго внушенія. Т. 1-й. М. 1908. Ц. 3 р. 50 к. Томъ 2-й. Ц. 2 р. 50 к.**
- Поляновъ, П.** Атласъ рисунковъ къ «Сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ» и пояснительный рисунокъ къ атласу. Юрьевъ. 1908. Ц. 3 р.
- Солье, П.** Истерія и ея леченіе. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Филипповъ, А.** Гигиена дѣтей. Изд. 4-е. М. 1909. Ц. 2 р.
- Холодковскій, А.** На помощь женщинѣ. Воронежъ. 1908. Ц. 30 к.
- Хорошко, В.** Клиническая форма проф. Кожевникова. Epilepsia partialis continua. М. 1907. Ц. 1 р. 50 к.
- Цигенъ, Т.** Физиологическая психологія въ 15 лекціяхъ. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Цольцверъ, Г.** Химическая и микроскопическая діагностика. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Шантырь, И.** Основы частной хирургіи домашнихъ животныхъ. Изд. 2-е. Юрьевъ. 1909. Ц. 3 р. 50 к.
- Шибновъ, А.** Первая помощь при отравленіяхъ до прихода врача. Казань. 1908. Ц. 12 к.
- Щетининъ, Д.** Сомнительная прочность нѣкоторыхъ современныхъ вѣшаній въ медицинѣ. Пенза. 1908. Ц. 25 к.

Военное и морское дѣло.

- Альтенъ, фонъ, Г.** Военное искусство въ задачахъ. Спб. 1909. Ц. 2 р.
- Бругъ.** На судъ общества. Отвѣты морскому министерству. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Карманнъ** справочникъ-календарь офицера на 1909 г. Спб. Ц. въ переплетѣ 1 р. 25 к.
- Королевъ, А.** Справочная книга для военныхъ врачей и лицъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ военно-санитарною частью арміи. Изд. 2-е. Кіевъ. 1908. Ц. 5 р.
- Оберучевъ, Н.** Наши военные вожди. М. 1909. Ц. 30 к.
- Сигаевъ, А.** Критика военной литературы. Одесса. 1908. Ц. 60 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- Antonoff, S.** Lectures graduées pour l'année scolaire. Petite chrestomathie destinée aux élèves des cours de troisième année de français. Спб. 1908. Ц. 60 к.
- Бобровъ, С.** Сборникъ разработанныхъ тежъ съ планами литературнаго, историческаго и отвлеченнаго содержанія по курсу средне-учебныхъ заведеній и для конкурса

- ныхъ испытаній. Спб. 1909. Ц. 1 р. 30 к.
- Борсунъ, Н.** Конспектъ новой исторіи. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Дюнькинъ, Н. и Новиковъ, А. Д. В. Григоровичъ.** Біографія и разборъ его главныхъ произведеній. Спб. 1909. Ц. 30 к.
- **Ө. М. Достоевскій.** Ц. 40 к.
- **Н. М. Карамзинъ.** Ц. 30 к.
- **И. С. Тургеневъ.** Ц. 30 к.
- Вегенеръ, Г.** Грядущее покаяніе. Половая проблема въ воспитаніи дѣтей. М. 1909. Ц. 75 к.
- Ветуховъ, А.** Начатки русской грамматики. Синтаксисъ и этимологія. Харьковъ. 1909. Ц. 30 к.
- Глазеналъ, С.** Таблицы логариановъ съ пятью десятичными знаками, съ приложеніемъ другихъ таблицъ, упрощающихъ вычисленія. Изд. 2-е. Спб. 1909. Ц. 85 к., въ перепл. 1 р.
- Звягинцевъ, Е.** Попечительства при народныхъ школахъ, зачѣмъ и какъ ихъ устраивать. М. 1909. Ц. 15 к.
- Лебедевъ, А.** Школьное дѣло. В.лп. 1-й. Школа. Какъ правильно построить и оборудовать школу въ санитарно-техническомъ и педагогическомъ отношеніяхъ. М. 1909. Ц. 90 к.
- Лишевская, М.** Половое воспитаніе дѣтей. Изд. 2-е. М. 1909. Ц. 30 к.
- Майновъ, Б. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.** Подробный разборъ его главнѣйшихъ произведеній для учащихся и біографическій очеркъ. Спб. 1909. Ц. 1 р.
- Мартель, Ф.** Пріемы быстрого счета. Спб. 1909. Ц. 80 к.
- Методы работъ въ начальной школѣ Сѣв. Америки и Зап. Европы въ примѣненіи къ русской начальной школѣ.** М. 1909. Ц. 40 к.
- Миньновскій, М.** Ключъ ко всѣмъ статьямъ 2 части учебника нѣмецкаго языка П. Глезера и Э. Пецольда. Одесса. 1909. Ц. 25 к.
- Овсянниковъ, В.** Геометрическое черченіе. Пособіе для низшихъ техническихъ и профессиональныхъ школъ и для самообразованія. Спб. 1909. Ц. 70 к.
- Педагогическая психологія.** Кн. X. Подъ редакціей А. П. Нечаева. Т. 2-й. Ч. 2-я. Вып. 2-й. Спб. 1908. Ц. 70 к.
- Полный ключъ къ французской хрестоматіи L. Feuille & L. Martin.** Ч. 1-я. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Runge, E.** Fremdes und Eigenes über den fremdsprachlichen Unterricht mit besonderer Berücksichtigung der deutschen Sprache. St. Petersburg. 1908. Ц. 60 к.
- Сахаровъ, И.** Разказы изъ исторіи. Краткая историческая хрестоматія-учебникъ для городскихъ и сельскихъ народныхъ училищъ. М. 1909. Ц. 30 к.
- Разказы изъ отечественной исторіи. Ц. 30 к.
- Сидоровичъ, К.** Дѣти и половой вопросъ. Систематическія указанія родителямъ, какъ охранить нравственную чистоту дѣтей отъ развращающихъ вліяній нашего времени, современной литературы и окружающей среды. Спб. 1909. Ц. 1 р. 50 к.
- Симоновъ, В.** Дѣйствія надъ несоизмѣримыми числами. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія. Омскъ. 1909. Ц. 20 к.
- Ульяновъ, И.** Классы ручного труда и ремесленные отдѣленія въ домѣ министерства народнаго просвѣщенія. Спб. 1908. Ц. 1 р.
- «Юный художникъ». Новѣйшая школа рисованія для дома и школы. Часть 1-я. Одесса. 1909. Ц. 60 к.

Книги для дѣтей и юношества.

- Альманахъ «Журнала-Школы».** Любимѣйшіе дѣтскіе разказы, стихотворенія, шутки, Очерки изъ жизни природы. Упраженія для развитія дѣтей. Вып. I. Спб. 1909. Ц. 60 к.
- Верениковъ, А.** Золотые сны. Разказъ изъ жизни въ тайгѣ, для дѣтей старшаго возраста. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Вовчскъ, Маркъ.** Маруся. М. 1909. Ц. 20 к.
- Золотая царевна и собраніе сказокъ для дѣтей.** М. 1909. Ц. 35 к.
- Коринфскій, А.** За далью вѣковъ. Историческіе разказы, очерки и стихотворенія. М. 1909. Ц. въ перепл. 1 р. 40 к.
- Нибуръ, в.** Исторія греческихъ героевъ. Спб. 1909. Ц. 25 к.
- Толстой, Л.** Разказы и сказки. М. 1909. Ц. 75 к.
- Фурманъ, П.** Князь Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій. Историческая повѣсть. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Тавричскій. Историческая повѣсть. Спб. 1909. Ц. 40 к.
- Хитрово, Т.** Европейская Турція. М. 1909. Ц. 40 к.

Справочныя книги.

- Аріанъ, П.** Первый женскій календарь на 1909 годъ. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- Всеобщій путеводитель по Москвѣ и окрестностямъ.** М. 1909. Ц. 25 к.
- Евсѣевъ, В.** Таблицы для вычисленія заработной платы мастеровъ и рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ во время отъ 15 мин. до 45 дней при платѣ въ день отъ 25 к. до 3 р. Тамбовъ. 1908. Ц. 1 р.
- Литературный ежегодникъ.** Календарь-альманахъ на 1909 г. Спб. Ц. 1 р. 25 к.
- Русскій ежегодникъ на 1909 годъ.** М. Ц. 60 к.
- Святковскій, Л.** Настольная справочная книга по перевозкамъ пассажировъ, багажа и грузовъ, съ пассажирскими и товарными повѣздами, исправленная и дополненная по официальнымъ даннымъ д-та желѣзнодорожныхъ дѣлъ. Спб. Ц. 3 р.

Списокъ должностямъ по государственной гражданской службѣ, исполненіе коихъ освобождаетъ офицерскихъ и нижнихъ чиновъ отъ призыва изъ запаса въ армию и въ дѣйствующія команды флота и отъ службы въ государственномъ ооолченіи, съ дополненіями по 1 января 1909 г. Спб. 1909. Ц. 60 к.
Филипповъ, С. Ривьера. Спутникъ туриста. М. 1909. Ц. 1 р. 75 к.

Періодическія изданія.

«Аэромобиль». Журналъ студенческаго кружка для изученія воздухоплаванія при Институтѣ инженеровъ путей сообщенія. № 2. Спб. 1909. Ц. 50 к.
«Воздухоплаватель». Органъ Всероссийскаго аэро-клуба. № 1. 1909. Ц. 50 к.
«Всемирное техническое обозрѣніе», № 3, декабрь. Ц. 1 р. 20 к.
«Вѣстникъ теософіи», № 1. 1909. Ц. 50 к.
«Гермесъ». Научно-популярный вѣстникъ античнаго міра, №№ 1 и 2. 1909. Ц. кажд. № 30 к.
«Гормозаводчикъ и фабрикантъ». Еженедѣльная газета №№ 1, 2 и 3. 1909 г. Ц. кажд. № 15 к.
«Городское дѣло», журналъ, №№ 1, 2 и 3. 1909. Ц. кажд. № 40 к.
«Журналъ Театра Литературно - Художественнаго общества» № 6. Ц. 15 к.
«Золотое дѣтство». Журналъ для дѣтей. № 6 и 7. 1909. Ц. кажд. № 20 к.
«Московскій Еженедѣльникъ» №№ 2, 3, 4, 5 и 6. 1909. Ц. кажд. № 15 к.
«Окраины Россіи». Еженедѣльная газета. №№ 2, 3, 4 и 5. 1909 года. Ц. кажд. № 10 к.
«Свидѣтель». Личный органъ С. Шаранова. № 18. 1908. Ц. 30 к.
«Свободное воспитаніе». № 3. 1909. Ц. 25 к.
«Сибирскіе вопросы». №№ 1, 2, 3 и 4. Ц. кажд. № 15 к.
«Театръ и Искусство». №№ 2, 3, 4 и 5. 1909. Ц. кажд. № 20 к.
«Хуторъ», ежемѣсячный сельско-хозяйственный журналъ, № 1. 1909. Ц. 30 к.
«Юридическая библиографія», издаваемая Дежидовскимъ Юридическимъ Лицеємъ. № 3. Ц. 40 к.

* Изданія А. С. Суворина.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“
продаются новыя книги:

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

Переводъ съ подлинника, изданнаго Императорской Академіей Наукъ.
 Съ 12 портретами и 5-ю автографами. Изданіе А. С. Суворина. Ц. 4 р.

ЗАПИСКИ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ

Переводъ съ французскаго по изданію, сдѣланному съ подлинной рукописи.
 Съ приложеніемъ четырехъ портретовъ, разныхъ документовъ, писемъ
 и указателя.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. Д. Чечулина.
 Изданіе А. С. Суворина. Ц. 2 р. 50 к.

Н. К. ШИЛЬДЕРЪ.
ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Съ 450 иллюстраціями. 4 тома. Изданіе 2-е. Ц. 30 р., въ перепл. 36 р.

Н. К. ШИЛЬДЕРЪ.
ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Съ 252 иллюстраціями. 2 тома. Ц. 25 р., въ перепл. 30 р.

Типографія А. С. Суворина. Спб. Эртелевъ, 13.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческія матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

